Карлос Кастанеда, книги 1-11 (изд-во «София»)
Карлос Кастанеда

Собранные здесь тексты соответствуют софийскому изданию 1995-2013 гг. Букмейкеры исходных файлов: тома 1-7 — Валерий Чугреев; тома 8,9 — Sergej Chumakov; тома 10-11 — WERX. Все опечатки исходной версии сохранены. Подробнее о текстах софийской серии в статье «Об истории перевода» в файле Castaneda1-2_Maksimov-Pelevin-carlitoska.fb2.zip, который можно скачать тут: http://yadi.sk/d/LcYYoU5nN9udb

КАРЛОС КАСТАНЕДА (изд-во «София»)

кн.1 (1968) «УЧЕНИЕ ДОНА ХУАНА: ПУТЬ ЗНАНИЯ ИНДЕЙЦЕВ ЯКИ»

Перевод М.А.Добровольского

Дону Хуану

и еще двоим,

разделявшим со мной

его чувство магического времени

Введение

Летом 1960 года я, в ту пору студент факультета антропологии при Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе, предпринял несколько поездок на Юго-Запад с целью сбора информации о лекарственных растениях используемых местными индейцами. К одной из этих поездок относится начало описываемых здесь событий.

Я ожидал автобуса на станции в приграничном городишке, болтая с приятелем, который сопровождал меня в качестве гида и помощника. Вдруг он наклонился ко мне и прошептал, что вон тот старый седой индеец, который сидит у окна, здорово разбирается в растениях, а в пейоте особенно. Я попросил нас познакомить.

Приятель окликнул старика, потом подошел к нему и пожал руку. Поговорив с минуту, он жестом подозвал меня и исчез, предоставив мне самому выпутываться из положения. Старик остался невозмутимым. Я представился; он сказал, что зовут его Хуан и что он к моим услугам. По-испански это было сказано с отменной учтивостью. Мы обменялись по моей инициативе рукопожатием и оба замолчали. Это молчание, однако, нельзя было назвать

натянутым, оно было спокойным и естественным.

Хотя морщины, покрывавшие его смуглое лицо и шею, свидетельствовали о почтенном возрасте, меня поразило его тело — поджарое и мускулистое. Я сообщил ему, что собираю сведения о лекарственных растениях. По совести, я почти ничего не знал о пейоте, однако получилось так, будто я дал понять, что в пейоте я просто дока и что ему вообще стоит сойтись со мной поближе.

Пока я нес эту ахинею, он медленно кивнул и взглянул на меня, не говоря ни слова. Я невольно отвел глаза, и сцена закончилась гробовым молчанием. Наконец, после нестерпимо затянувшейся паузы, дон Хуан поднялся и выглянул в окно. Подошел его автобус. Он попрощался и уехал.

Я был раздражен своей дурацкой болтовней под его необычным взглядом, который, казалось, читал меня насквозь.

Вернувшийся приятель, узнав о моей неудачной попытке выведать что-нибудь от дона Хуана, постарался меня утешить, — старик, мол, вообще неразговорчив и замкнут. Однако тягостное впечатление от этой первой встречи было не так-то легко рассеять.

Я приложил усилия, чтобы разузнать, где живет дон Хуан, и после не раз приезжал к нему в гости. При каждой встрече я пытался навести разговор на тему пейота, но безуспешно. Мы, тем не менее, стали хорошими друзьями, и со временем мои научные изыскания были позабыты или, во всяком случае, приобрели совершенно новое направление, о котором я вначале не мог и подозревать.

Приятель, который нас познакомил, после разъяснил, что дон Хуан не был уроженцем Аризоны, где мы встретились: он родился в мексиканском штате Сонора, в племени индейцев яки.

Поначалу дон Хуан был для меня попросту занятным стариком, который очень хорошо говорит по-испански и превосходно разбирается в пейоте. Однако знавшие его утверждали, что он «брухо» — целитель, знахарь, колдун, маг.

Прошел целый год, прежде чем он начал мне доверять. В один прекрасный день он сообщил, что обладает особыми знаниями, которые передал ему

«бенефактор», — так он называл своего учителя. Теперь дон Хуан, в свою очередь, избрал меня своим учеником и предупредил, что мне предстоит сделать очень серьезный выбор, так как обучение будет долгим и трудным.

Рассказывая о своем учителе, дон Хуан часто употреблял слово «диаблеро». Этим словом, которым, кстати, пользуются только индейцы Соноры, называют оборотня, который занимается черной магией и способен превращаться в животных — птицу, собаку, койота или любое другое существо.

Как-то раз, во время очередной поездки в Сонору, со мной произошло любопытное приключение, иллюстрирующее отношение индейцев к «диаблеро». Я вел машину ночью, в компании двух друзей-индейцев. Вдруг дорогу пересекло животное, похожее на собаку. Один из моих попутчиков предположил, что это громадный койот. Я притормозил и свернул к обочине, чтобы получше рассмотреть странное существо. Еще несколько секунд оно стояло в лучах фар, а затем скрылось в кустарнике. Это был без сомнения койот, только вдвое больше обычного. Под конец возбужденной перепалки мои друзья сошлись на том, что животное было во всяком случае очень необычное, а один из них высказал предположение, что это был диаблеро. Я решил воспользоваться этим случаем и расспросить местных индейцев об их поверьях, связанных с диаблеро. Я рассказывал эту историю многим, выспрашивая, что они об этом думают. Привожу три разговора, которые иллюстрируют их мнение на этот счет.

— Как ты думаешь, Чой, это был койот? — спросил я выслушавшего историю молодого индейца.

— Кто его знает. Да нет, собака, конечно. Койот поменьше.

— А может, это был диаблеро?

— Ну вот еще. Такого не бывает.

— А почему ты так считаешь, Чой?

— Люди воображают всякое. Бьюсь об заклад, поймай ты это животное — и оказалась бы простая собака. Были у меня как-то дела в другом городе, встал я до рассвета, лошадь оседлал. Выезжаю — вижу, на дороге черная тень,

точно большая зверюга. Лошадь встала на дыбы, выбросила меня из седла, да и сам я порядком струхнул. А оказалось — это соседка, тоже в город направилась.

— Ты хочешь сказать, Чой, что не веришь в существование диаблеро?

— Диаблеро? А что это такое? Скажи-ка мне, что такое диаблеро!

— Да не знаю, Чой. Мануэль, который с нами тогда ехал, сказал, что это мог быть диаблеро, а не койот. Может, ты мне скажешь, что такое диаблеро?

— Ну, говорят, что диаблеро — это брухо, который во что захочет, в то и превратится. Так ведь каждый знает, что это враки. Старики здесь напичканы историями про диаблеро. Но от нас, от молодых, ты этих глупостей не услышишь.

— Что это было за животное, как ты думаешь, донья Лус? — спросил я женщину преклонных лет.

— Точно все знает один Господь, но я так думаю, что это был не койот. Бывает такое, что посмотришь — койот, а на самом деле вовсе не койот. Скажи, бежал он просто или что-нибудь нес в зубах?

— По большей части стоял на месте, но в тот момент, когда я его увидел, мне показалось, что он что-то ест.

— А ты уверен, что он ничего не нес в зубах?

— Трудно сказать. А что, тут есть какая-то разница?

— Да, разница есть. Если он что-то нес в зубах, то это был не койот.

— Тогда что же?

— Мужчина или женщина.

— А как они у вас называются, донья Лус? Она не ответила. Я выспрашивал и так и сяк, но безуспешно. Наконец она сказала: «Не знаю». Я спросил, не их

ли называют диаблеро. Да, ответила она, есть и такое название.

— А ты сама не знаешь какого-нибудь диаблеро?

— Знала я одну женщину. Ее убили. Я тогда была еще ребенком. Женщина, говорили, превращалась в суку, и как-то ночью забежала в дом белого, хотела стащить сыр. Белый ее застрелил из двустволки, и как раз тогда, когда сука сдохла в доме белого, женщина умерла у себя в хижине. Собрались ее родственники, пришли к белому и потребовали выкуп. За ее убийство белый выложил много денег.

— Как же они могли требовать выкуп, если белый убил всего лишь собаку?

— А они сказали, что белый знал, что это не собака, ведь с ним были еще люди, и все они видели, как собака встала на задние лапы и, совсем как человек, потянулась к сыру, который лежал на подносе, а поднос был подвешен к кровле. Они тогда ждали вора, потому что сыр того белого каждую ночь исчезал. Так что белый убил вора, зная, что это не собака.

— А теперь есть диаблеро, донья Лус?

— Такие вещи под большим секретом. Говорят, что их уже нет, но я сомневаюсь, потому что кто-то из семьи диаблеро должен получить его знание. У них свои законы, и один из них в том и состоит, что диаблеро должен кому-то из своего рода передать свои тайны.

— Как ты думаешь, Хенаро, что это было за животное? — задал я вопрос древнему старику.

— Собака с какого-нибудь местного ранчо, что же еще?

— А мог это быть диаблеро?

— Диаблеро? Ты ненормальный. Они не существуют.

— Ты хочешь сказать, что теперь не существуют или вообще не существуют?

— Когда-то существовали, это да. Это всем известно. Кто ж этого не знает. Но

люди их очень боялись и всех поубивали.

— Кто же их убил, Хенаро?

— Да все племя. Последний диаблеро, которого я знал, был С-. Он своим колдовством извел десятки, если не сотни людей. Терпение наше кончилось, как-то ночью мы собрались все вместе и взяли его врасплох, да и сожгли живьем.

— А давно это было?

— Году в сорок втором.

— Ты что, сам это видел?

— Да нет, но люди до сих пор об этом говорят. Говорят, от него даже золы не осталось, а ведь дрова для костра специально были сырые. Все, что осталось под конец, так это большая лужа жира.

Хотя дон Хуан сказал, что его учитель был диаблеро, он никогда не говорил, где получил от него знания и никогда не упоминал его имени. О себе самом дон Хуан не рассказывал почти ничего. Все, что я смог из него вытянуть, это то, что он родился на Юго-Западе в 1891-м, почти всю жизнь прожил в Мексике; в 1900-м его семью вместе с тысячами других индейцев Соноры мексиканские власти выселили в Центральную Мексику; в общей сложности в Центральной и Южной Мексике он прожил до 1940-го. Таким образом, поскольку он много путешествовал, его знания сложились в результате многих влияний. И хотя сам он считал себя индейцем Соноры, я сомневаюсь, укладываются ли его познания в круг традиционных представлений сонорских индейцев. Впрочем, здесь я не собираюсь заниматься определением истоков его культуры.

Мое ученичество у дона Хуана началось в июне 1961-го. До этих пор, как бы ни проходили наши встречи, я неизменно воспринимал его с позиции наблюдателя-антрополога. Во время этих первых бесед я втайне делал заметки, чтобы потом с их помощью восстановить по памяти весь разговор. Но когда началось обучение, этот метод оказался малопродуктивным, поскольку разговор всякий раз касался слишком многих вещей, зачастую самых

неожиданных. Со временем, после упорных протестов, дон Хуан все же разрешил мне вести записи в открытую. Я хотел вообще все что можно фотографировать и записывать на диктофон, но тут уж пришлось отступиться.

Вначале ученичество проходило в Аризоне, а потом, когда дон Хуан перебрался в Мексику, у него в Соноре. Распорядок встреч установился сам собой — я попросту приезжал на несколько дней при каждом удобном случае. Летом 1963 и 1964 гг. мои посещения были особенно частыми и продолжительными. Теперь я вынужден признать, что такой режим был малоэффективным, поскольку уводил меня из-под безраздельного контроля со стороны учителя, а ведь в магии это главное условие успеха. С другой стороны, я думаю, в этом было и определенное преимущество, поскольку я оставался сравнительно свободным, а это, в свою очередь, стимулировало критичность оценки, что было бы невозможно в случае безусловного и всепоглощающего подчинения. В сентябре 1965 г. от дальнейшего обучения я отказался.

Спустя несколько месяцев я вернулся к своим записям и оказался перед проблемой, как их упорядочить и свести в какое-то внятное целое. Поскольку собранный материал был почти необозрим и перегружен всяким хламом, я для начала попытался выработать какую-то систему классификации. Я разделил материал по темам и расположил по иерархии субъективной значимости, а именно по степени воздействия лично на меня. Постепенно вырисовалась следующая структура: использование галлюциногенных растений; используемые в магии рецепты и процедуры; приобретение «предметов силы» и обращение с ними; использование лекарственных растений; песни и легенды (фольклор).

Однако общий критический обзор зафиксированного мной опыта привел меня к выводу, что всякие попытки классификации не дают ничего, кроме измышления новых категорий, поэтому любые усилия рационализировать эту схему закончатся лишь еще более доморощенным изобретательством. Мне это было совершенно ни к чему. Попытка уяснить все, что я испытал, означала необходимость осмыслить стройную систему подтвержденных опытом конкретных представлений. Уже после первой пейотной церемонии («сессии»), в которой я принимал участие, для меня стало очевидным, что в учении дона Хуана есть внутренняя логика. Решившись однажды меня обучать, он затем передавал мне свои знания в неукоснительном порядке, в строгой

последовательности. Именно этот порядок был для меня непостижим.

Этим, по-моему, объясняется то, что даже через четыре года обучения я все еще оставался начинающим. Я понимал только, что знание дона Хуана и метод его передачи были те же, что у его «бенефактора», поэтому и трудности в моем понимании учения были, по всей вероятности, те же, с которыми в свое время столкнулся дон Хуан. Он сам отметил однажды наше сходство в качестве начинающих и несколько раз проронил, что тоже был не в состоянии понять своего учителя. Поэтому я пришел к выводу, что для любого начинающего, будь он индеец или кто угодно, магическое знание представляется непостижимым благодаря необычайному характеру испытываемых явлений. Лично для меня, как для человека западной культуры, они были столь ошеломляющими, что истолковать их в привычных терминах повседневной жизни было заведомо невозможно, и это означало, что обреченной будет также любая попытка их классификации.

Так для меня стало очевидным, что знание дона Хуана имеет смысл рассматривать лишь с его собственной точки зрения; лишь в этом случае будет достоверным и убедительным. В попытках согласовать наши представления я пришел к выводу, что всякий раз, пытаясь разъяснить мне свое знание, он с необходимостью использовал собственные понятия. Поскольку для меня эти понятия и концепции были изначально чуждыми, усилия увидеть его мир его глазами ставили меня в нелепое положение. Поэтому первой задачей было определить его систему концептуализации. Работая в этом направлении, я заметил, что сам дон Хуан особую роль отводил использованию галлюциногенных растений. Именно это я положил в основание собственной систематизации магического опыта.

Дон Хуан использовал три вида галлюциногенных растений, каждый в отдельности и в зависимости от обстоятельств: пейот (lophophora willamsii), дурман (datura inoxia, или d. meteloides) и гриб (по всей вероятности, psilocybe mexicana). Галлюциногенные свойства этих растений были известны индейцам задолго до появления европейцев. У индейцев они находят, сообразно свойствам, различное применение: их используют при лечении, при колдовстве, для достижения экстатических состоянии или, скажем, просто ради удовольствия. В контексте же учения дона Хуана употребление дурмана и гриба связывается с приобретением особой силы, мудрости, или, проще говоря, знания того, как следует жить.

Для дона Хуана ценность растений определялась их способностью вызывать поток необычного восприятия. С их помощью он вводил меня в переживание этого потока с целью раскрытия мира магии, удостоверения его реальности и адекватной его оценки. Я назвал этот поток переживаний «состояниями необычной реальности», т. е. такой реальности, которая отличается от повседневной. Их различие определяется самой природой этих состояний, которые в контексте учения дона Хуана расцениваются как соответствующие реальности, хотя их реальность крайне далека от обычной.

Дон Хуан считал, что переживание необычной реальности — единственный способ практического освоения магии и приобретения силы. По его убеждению, именно этой главной цели подчинены все прочие компоненты учения.

Этим, кстати, определялось его отношение ко всему, что не было с нею непосредственно связано. В моих записях полно его замечаний по самому разному поводу. К примеру, как-то он заметил, что некоторые предметы несут в себе определенное количество силы. Сам он не испытывал к предметам силы особого почтения, но сказал, что к их помощи нередко прибегают слабые брухо. Я то и дело выспрашивал его о таких вещах, но его они, казалось, совершенно не интересуют. Однако на этот раз он неожиданно разговорился.

— Существуют определенные предметы, которые наделены силой, — сказал он. — Таких предметов, которыми с помощью дружественных духов пользуются маги, множество. Эти предметы — орудия, не просто орудия, а орудия смерти. И все же это только орудия. От них нельзя чему-либо научиться. Собственно говоря, они относятся к разряду предметов войны и предназначены для сражения. Ими орудуют для убийства.

— Что это за предметы, дон Хуан?

— Это не предметы в обычном смысле слова, скорее разновидности силы.

— А как заполучить эти разновидности силы?

— Это зависит от того, какого рода предмет тебе нужен.

— А какие имеются?

— Я уже сказал — множество. Предметом силы может быть что угодно.

— Ну, а какие в таком случае обладают наибольшей силой?

— Сила предмета зависит от его хозяина, от того, кто он на самом деле такой. Предмет силы, которым пользуется слабый брухо, — почти шутка; и наоборот, орудия сильного брухо получают от него свою силу.

— Ну хорошо, а какие предметы силы самые простые? Какие обычно предпочитают брухо?

— Тут не может быть «предпочтения». Все это предметы силы, все до одного.

— А у тебя самого есть какие-нибудь, дон Хуан?

Он не ответил, только взглянул на меня и рассмеялся. Потом надолго замолчал, и я подумал, что мои вопросы, должно быть, его раздражают.

— Для этих разновидностей силы существуют ограничения, — вновь заговорил он. — Но мое уточнение, я уверен, для тебя пустой звук. У меня самого, можно сказать, жизнь ушла на то, чтобы понять, что один «союзник» стоит всех предметов силы с их детскими тайнами. Такие штуки я имел, когда был мальчишкой.

— Что же они из себя представляли?

— «Маис-пинто», кристаллы и перья.

— Что такое «маис-пинто», дон Хуан?

— Маисовое зерно с красной прожилкой посредине.

— Всего лишь одно зерно?

— Нет, у брухо их сорок восемь.

— Ну, и что же это зерно?

— Каждое может убить человека, если попадет ему внутрь.

— Ну и что тогда?

— Зерно погружается в тело, а потом оседает в груди или в кишках. Человек заболевает и, если только брухо, который взялся его лечить, не окажется сильней его врага, через три месяца умрет.

— А можно его как-нибудь вылечить?

— Единственный способ — высосать зерно, но редкий брухо на это отважится. Конечно, брухо может в конце концов высосать зерно, но если у него не хватит силы его извергнуть, оно убьет его самого.

— Но каким вообще образом зерно умудряется проникнуть в тело?

— Ты не поймешь этого, если не знаешь колдовства с маисом, которое одно из самых сильных, какие мне известны. Его делают при помощи двух вроде разных зерен. Сначала зерно прячут в чашечке только что срезанного желтого цветка, затем, чтобы оно вошло в контакт с врагом, нужно приладить его где-нибудь, где тот бывает, — скажем, на тропинке, где он ходит каждый день. Как только жертва наступит на зерно или как-нибудь его коснется — колдовство совершилось. Зерно погружается в тело.

— А что с этим зерном потом происходит?

— Вся его сила уходит в человека, и зерно свободно. Теперь это совсем другое зерно. Оно может оставаться там же, где произошло колдовство, или попасть куда угодно, — это уже не имеет значения. Лучше замести его под кусты, где его склюет какая-нибудь птица.

— А может птица склевать зерно прежде, чем его коснется человек?

— Таких глупых птиц нет, уверяю тебя. Птицы держатся от него подальше.

Затем дон Хуан описал довольно сложную процедуру, посредством которой

получаются такие зерна.

— Запомни одно: «маис-пинто» — это всего лишь орудие, это не «союзник», — сказал он. — Уясни себе эту разницу — и твои дурацкие проблемы исчезнут. Но если ты думаешь достичь совершенства посредством таких штуковин, ты просто дурак.

— Что, «союзник» такой же сильный, как предметы силы?

Он презрительно фыркнул. Я видел, что испытываю его терпение.

— «Маис-пинто», кристаллы, перья — все это игрушки по сравнению с «союзником», — сказал он. — Они нужны лишь тогда, когда нет «союзника». Искать их — пустая трата времени, для тебя особенно. Что для тебя действительно необходимо — это постараться заполучить «союзника». И вот когда это тебе удастся, тогда ты поймешь то, что я говорю сейчас. Предметы силы — это детские забавы.

— Пойми меня правильно, дон Хуан, — запротестовал я. — Конечно, я не прочь заполучить «союзника», но мне хотелось бы вообще знать побольше. Ты ведь сам говорил, что знание — это сила.

— Нет, — отрезал он. — Сила зависит от знания, которым ты владеешь. Какой смысл знать то, что бесполезно?

В системе представлений дона Хуана процесс приобретения «союзника» означал главным образом использование состояний необычной реальности, которые он во мне вызывал с помощью галлюциногенных растений. Он считал, что, фокусируя внимание на этих состояниях и подчиняя этому прочие аспекты знания, которое я от него получал, я приду к адекватному восприятию магической реальности.

Книга, таким образом, содержит наиболее важные фрагменты моих полевых записей, где речь идет об испытываемых мною в процессе обучения состояниях необычной реальности. Порядок подачи фрагментов не всегда хронологический, поскольку я следовал логике развертывания учения. Я никогда не записывал свои впечатления прежде, чем они улягутся и я смогу осмыслить их сравнительно беспристрастно. Однако комментарии дона Хуана

к испытанному мною в очередной раз я записывал немедленно, поэтому подчас они опережают описание самого опыта.

Мои полевые записи представляют субъективную интерпретацию того, что я испытывал непосредственно во время опыта. Эта интерпретация воспроизводится здесь в точном соответствии с моим изложением испытанного дону Хуану, который требовал исчерпывающего и точного воспроизведения каждой детали и подробнейшего пересказа каждого переживания.

При записи я добавлял для полноты картины некоторые бытовые детали. Кроме того, в записках содержатся также попытки толкования мировоззрения дона Хуана.

Чтобы избежать повторений, я упростил наши диалоги и убрал все второстепенное. Однако, чтобы передать все же общую атмосферу, мои правки коснулись лишь тех диалогов, в которых не содержалось ничего нового, что способствовало бы моему постижению этого пути. Информация от дона Хуана всегда была спорадической, и подчас малейшее его замечание вызывало целую лавину расспросов, которые длились часами. С другой стороны, было множество случаев, когда он все рассказывал сам.

Глава 1

Мои заметки о встречах с доном Хуаном начинаются 23 июня 1961 года. С этого дня началось мое обучение. До этого я встречался с ним лишь в качестве наблюдателя. При всяком удобном случае я просил рассказать мне, что он знает о пейоте. Каждый раз это кончалось ничем, и все же, судя по его колебаниям, какая-то надежда оставалась.

И вот на этот раз он дал понять, что может снизойти к моим просьбам — при условии, что я обрету ясность мышления, буду точно знать, о чем прошу. Это условие было для меня непонятным, поскольку моя просьба относительно

пейота была, собственно, предлогом установить с ним более тесный контакт. Я рассчитывал, что моя ссылка на его особые знания вызовет его на большую откровенность — и я, таким образом, смогу без особых препятствий узнать все, что он вообще знает о растениях. Однако он истолковал мою просьбу банально — а именно как желание получить знания о пейоте.

Пятница, 23 июня 1961

— Ты научишь меня тому, что знаешь о пейоте, дон Хуан?

— Это зачем еще тебе понадобилось?

— Ну, хотелось бы на этот счет знать побольше. Разве сама по себе тяга к познанию — не достаточная причина?

— Нет! Ты должен спросить в самом своем сердце, чего ради тебе, зеленому юнцу, вздумалось связываться со столь серьезными вещами.

— А сам ты чего ради этому учился?

— Ты почему об этом спрашиваешь?

— А может, у меня такая же причина.

— Сомневаюсь! Я — индеец. У нас разные пути.

— Если серьезно, моя причина — просто сильное желание этому учиться, просто я хочу знать чтобы знать. Но у меня нет плохих намерений, честное слово.

— Верю. Я курил тебя.

— А?..

— Неважно. Мне известны твои намерения.

— Ты что, хочешь сказать, что видел меня насквозь?

— Назови как угодно.

— Так, может, ты все-таки будешь меня учить?

— Нет!

— Потому что я не индеец?

— Нет. Потому что ты не знаешь своего сердца. Что по-настоящему важно — это чтобы ты точно знал, почему тебе так позарез этого хочется. Учение о Мескалито — вещь крайне серьезная. Будь ты индейцем — одного твоего желания в самом деле было бы достаточно. Но лишь у очень немногих индейцев может появиться такое желание.

Воскресенье, 25 июня 1961

В пятницу я весь день был у дона Хуана. Я рассчитывал уехать часов в семь вечера. Мы сидели у него на веранде, и я решился еще раз спросить насчет обучения. Затея казалась безнадежной, и я заранее смирился с отказом. На этот раз я спросил его — может быть, существует способ, при котором мое желание выглядело бы так, как если бы я был индейцем. Он долго молчал, а я все ждал ответа, поскольку казалось, он что-то мысленно взвешивает.

Наконец он сказал — есть вообще один способ, собственно вот какой. Прежде всего он обратил внимание на тот факт, что я очень устаю, сидя на полу, и для начала следует найти на полу «пятно», как он выразился, где я мог бы сидеть без устали сколько угодно.

До этого я сидел обхватив руками щиколотки и прижав колени к подбородку. Едва он сказал это, как я почувствовал, что совершенно выдохся и спину у меня ломит от усталости.

Я ожидал объяснений, что это за «пятно», но он и не подумал ничего объяснять. Я решил, что, может быть, он имеет в виду, что мне надо пересесть, поэтому поднялся и сел к нему поближе. Он возмутился и принялся втолковывать, упирая на каждом слове, что «пятно» — это место, где ты чувствуешь себя самим собой — сильным и счастливым. Он похлопал рукой по тому месту на веранде, где сидел, и сказал — вот, к примеру, мое собственное

место: затем добавил, что эту задачу я должен решить самостоятельно, причем не откладывая.

Для меня такая задача была попросту загадкой. Я понятия не имел, с чего начать, да и вообще — что именно. Несколько раз я просил дать мне какой-нибудь ключ или хотя бы подсказку насчет того, как приступить к поискам этого самого места, где я буду чувствовать себя сильным и счастливым. Я стоял на своем и доказывал, что совершенно не представляю себе, что же имеется в виду, да и как подойти к решению этой задачи. Он предложил мне походить по веранде, — может статься, я найду «пятно».

Я встал и начал выхаживать взад-вперед; наконец почувствовал, до чего это глупо, и сел перед ним.

Его охватил гнев, и он заявил, что я ничего не желаю слушать и вообще, похоже, не собираюсь учиться. Потом успокоился и вновь начал втолковывать, что отнюдь не на каждом месте можно сидеть или вообще на нем находиться, и что в пределах веранды есть одно особое место, «пятно», на котором мне будет лучше всего. Моя задача — найти его среди всех остальных. Если угодно, это можно понимать так, что я должен «прочувствовать» все здесь пятна, пока без всяких сомнений смогу определить то, которое мне подходит.

Я возразил, что хотя веранда и не очень велика (восемь футов на двенадцать), возможных пятен на ней множество, и понадобится уйма времени, чтобы проверить каждое; а кроме того, если учесть, что он не указал мне размеров пятна, их количество вообще возрастает до бесконечности. Но спорить было бесполезно. Он встал и очень жестко предупредил, что на поиски у меня может уйти хоть неделя, и если это меня не устраивает, то я могу уезжать хоть сейчас, говорить больше не о чем. Он подчеркнул, что самому-то ему отлично известно, где мое пятно, поэтому я не смогу его обмануть. Это единственный способ, сказал дон Хуан, засчитать в качестве достаточной причины одно лишь мое желание учиться знанию о Мескалито. В его мире, добавил он напоследок, ничто не дается даром, а уж знание и подавно.

Он пошел в кусты за домом помочиться, а потом прямо оттуда вернулся в дом.

Я подумал, что задание найти это самое пятно счастья — попросту предлог,

чтобы от меня отделаться, но все же встал и вновь принялся выхаживать по веранде. Небо было безоблачным, и на веранде и вокруг было хорошо видно. Расхаживал я, должно быть, примерно час или больше, но не произошло ничего такого, что указало бы местонахождение пятна. Я устал и сел на пол; через несколько минут пересел на другое место, пока с помощью такой, с позволения сказать, системы не проверил всю веранду. Я честно старался «почувствовать» между местами разницу, но ее критерий был для меня недостижим. Я чувствовал только, до чего это безнадежно, и все же не уходил. В конце концов, не для того я за тридевять земель сюда тащился, чтобы уехать ни с чем.

Я лег на спину и заложил руки под голову. Затем перевернулся и немного полежал на животе. Такой маневр я повторил по всему полу. Впервые, похоже, я наткнулся хоть на какой-то критерий. Лежать на спине было теплее.

Я снова начал кататься по полу, теперь в обратную сторону, и снова проверил весь пол. На этот раз укладываясь ничком там, где прежде ложился навзничь. Ощущения тепла или холода были неизменными — в зависимости от моего положения, но разницы между местами не было.

Тут меня осенило: место дона Хуана! Я сел на его место, потом лег, сначала на живот, потом на спину, но и здесь не было ровно ничего примечательного. Я встал: я был сыт по горло. Нужно попрощаться с доном Хуаном, вот только не хотелось его будить. Я взглянул на часы. Два часа ночи! Я прокатался по полу шесть часов.

В этот момент на веранду вышел дон Хуан и снова направился вокруг дома в кусты. Потом вернулся и остановился в двери. Я чувствовал отчаяние, мне хотелось сказать ему напоследок что-нибудь оскорбительное и уехать. Но тут я подумал, что это ведь не его вина: в конце концов я сам напросился на эту комедию. Я сказал — сдаюсь: я как идиот всю ночь катался по полу, и все еще не вижу никакого смысла в его загадке.

Он рассмеялся и сказал, что ничего удивительного, ведь я не пользовался глазами. И в самом деле, этого я не сообразил, поскольку сразу понял с его слов именно так, что разницу нужно «почувствовать». Я начал было опять спорить, но он меня прервал, заявив, что глазами тоже можно чувствовать, если не смотреть на вещи в упор. Если уж я за это взялся, то, может быть,

стоит попробовать то, что у меня осталось, — мои глаза.

Он закрыл за собой дверь. Я был уверен, что все это время он исподтишка наблюдал за мной, — потому что как иначе он мог знать, что я не пользовался глазами.

Я снова начал валяться по полу, поскольку это было проще всего. Теперь, однако, лежа на животе, я клал на руки подбородок и всматривался в каждую деталь.

Немного погодя темнота вокруг изменилась. Стоило мне уставиться прямо перед собой, как вся периферия поля зрения приобретала яркий однородный зеленовато-желтый цвет. Эффект был поразительным. По-прежнему уставясь перед собой и стараясь не сбить фокус, я пополз боком, передвигаясь каждый раз на фут.

Вдруг в точке примерно посреди веранды я заметил смену оттенка. Справа на периферии поля зрения зеленовато-желтый цвет превратился в ярко-пурпурный. Я сконцентрировал на нем внимание. Пурпурный цвет посветлел, не убывая в яркости, и таким и оставался, пока я удерживал его боковым зрением.

Я накрыл это место курткой и позвал дона Хуана. Он вышел на веранду. Про себя я торжествовал: я в самом деле видел смену оттенков. На него это, однако, не произвело особого впечатления, но он предложил мне сесть на это место и описать свои ощущения.

Я сел на пол; потом лег на спину. Он стоял рядом и то и дело спрашивал, как я себя чувствую; но я не чувствовал в себе каких-то изменений. Минут пятнадцать я старался почувствовать или увидеть, что ли, какую-то разницу, а рядом терпеливо ждал дон Хуан. Наконец я почувствовал, до чего мне все это опротивело. Во рту был металлический привкус. Неожиданно разболелась голова. Похоже было, я вот-вот заболею. Мысль о бесплодности любых моих усилий привела меня в ярость. Я встал.

Дон Хуан, должно быть, заметил, как я расстроен. На этот раз он был очень серьезен и внушительным тоном сказал, что если я в самом деле хочу учиться, то мне придется в отношении самого себя быть непреклонным. Для тебя,

сказал он, существует лишь один выбор: либо сдаться и уехать, распрощавшись со своей мечтой, либо разгадать загадку.

Он скрылся за дверью. Я хотел уехать немедленно, но слишком устал. К тому же смена оттенков была столь очевидной, что здесь попросту не мог не скрываться какой-то критерий, а кроме того, не исключено ведь, что существуют еще какие-то признаки. Да и уезжать сейчас было уже поздно. Я сел, вытянул ноги и начал все сначала.

На этот раз, миновав пятно дона Хуана, я быстро добрался с места на место до конца пола, затем развернулся, чтобы захватить внешний край веранды. Дойдя до центра, я зафиксировал еще одно изменение в окраске, опять на периферии поля зрения. Разлитый повсюду однородный зеленовато-желтый цвет в одном месте, справа от меня, превратился в яркий серо-зеленый. Какое-то время этот оттенок держался, затем вдруг перешел в новый, не тот, который был раньше. Я снял ботинок, отметил эту точку и вновь начал кататься, пока не покрыл пол во всех возможных направлениях. Больше никаких изменений в оттенках не было.

Я вернулся к точке, отмеченной ботинком, и тщательно ее осмотрел. Она находилась в шести футах на юго-восток от той, что была отмечена курткой. Рядом лежал валун. Я присед на него передохнуть, пытаясь найти ключ и всматриваясь в каждую деталь, но по-прежнему не чувствовал никакой разницы.

Я решил попробовать с другой точкой. Опустившись на колени, я собрался уже лечь на куртку, когда вдруг почувствовал что-то совершенно необычное. Более всего это напоминало физическое ощущение, как будто что-то буквально давит на мой желудок. Я моментально отскочил. Волосы на затылке встали дыбом. Ноги согнулись, туловище наклонилось, а руки со скрюченными как когти пальцами были выброшены вперед на уровне груди. Я поймал себя на этой странной позе и еще больше испугался.

Я невольно попятился и, наткнувшись на валун, сполз на пол рядом с ботинком. Я пытался сообразить, что же меня так напутало. Может быть, я перестарался и слишком устал. Уже давно рассвело. Я чувствовал, что ум заходит за разум и что я совершенно разбит. Но это еще не объясняло мой внезапный страх; кроме того, я по-прежнему не мог понять, чего в конце

концов хочет от меня дон Хуан.

Я решил сделать последнюю попытку. Я поднялся и медленно приблизился к месту, отмеченному курткой, и вновь почувствовал невыносимое давление в области желудка. На этот раз я решил ни за что не отступать. Я уселся, потом встал на колени, чтобы лечь на живот, но никак не мог этого сделать, несмотря на отчаянные усилия. Я уперся ладонями перед собой в пол веранды. Дыхание участилось, желудок забунтовал. Меня охватила неодолимая паника, я изо всех сил боролся с желанием удрать. Тут я вспомнил, что дон Хуан, наверное, за мной наблюдает. Я медленно отполз к ботинку и прислонился спиной к валуну. Я хотел передохнуть и собраться с мыслями, но заснул.

Я услышал над собой голос и смех дона Хуана и проснулся.

— Ты нашел его, — говорил он.

Я не сразу понял, и он вновь подтвердил, что мое пятно и есть то самое место, где я заснул. Он опять спросил, как я себя на нем чувствую. Я ответил, что вроде никакой разницы.

Он предложил мне сравнить свои нынешние ощущения с тем, что я испытывал на прежнем пятне. Впервые до меня дошло, что я, пожалуй, не смогу объяснить все свои ощущения этой ночью. Он с вызовом приказал мне сесть на прежнее пятно. Но это место по какой-то необъяснимой причине наводило на меня страх, и я решительно отказался. Он заключил, что только дурак не увидит разницы.

Я спросил, имеется ли у этих двух пятен название. Хорошее пятно, сказал он, называется «sitio», плохое — «врагом». Эти два пятна — ключ к самочувствию человека, в особенности того, кто ищет знание. Просто сидеть на своем месте значит уже создавать в себе высшую силу; и наоборот, «враг»

ослабляет человека и может даже быть причиной его смерти. Он сказал, что всю свою энергию, которую я столь щедро растратил за ночь, я восполнил только тем, что задремал на собственном месте.

Еще он сказал, что разные цвета, которые я видел на разных пятнах,

обладают таким же неизменным эффектом, умножая или отбирая силу.

Я спросил, нет ли еще каких-нибудь касающихся меня пятен, и как их разыскать. Он ответил, что мест, сходных с этими, в мире множество, и находить их проще всего по соответствующим цветам.

Для меня все-таки оставалось неясным, решил ли я в конце концов эту проблему и вообще — существовала ли она на самом деле. Я был уверен, что дон Хуан всю ночь за мной подсматривал, а потом решил меня подбодрить и свел все к шутке, объявив, что я, мол, уснул как раз где надо. И все же это было как-то малоубедительно, а когда он потребовал для пробы сесть на другое пятно, я ни за что не мог себя заставить. Существовало странное несоответствие между моими логическими выкладками и несомненным опытом страха перед этим другим пятном.

Дон Хуан, в свою очередь, был совершенно убежден в моем успехе и, выполняя уговор, заявил, что теперь будет учить меня тому, что знает о пейоте.

— Ты просил меня научить тебя тому, что я знаю о Мескалито, — сказал он. — Я хотел проверить, устоишь ли ты, когда встретишься с ним лицом к лицу. Мескалито — дело более чем серьезное. Тебе придется взвесить и призвать все свои силы. Теперь я вправе засчитать одно лишь твое желание учиться в качестве достаточной причины, чтобы взять тебя в ученики.

— Ты в самом деле будешь учить меня тому, что знаешь о пейоте?

— Я зову его Мескалито, и тебе очень советую.

— Когда мы приступим?

— Угомонись. Сначала ты должен быть готов.

— А я готов!

— Шутки свои оставь при себе. Тебе придется подождать, пока у тебя не останется сомнений, и тогда ты с ним, может быть, встретишься. — Мне что, нужно подготовиться?

— Нет. Просто ждать. Ты еще очень даже можешь передумать. Ты быстро устаешь. Этой ночью ты готов был все бросить, едва лишь столкнулся с первыми трудностями. Мескалито требует твердости несравненно большей.

Глава 2

Понедельник, 7 августа 1961

Я прибыл в дом дона Хуана в Аризоне в пятницу, часам к семи вечера. С ним на веранде сидело еще пятеро индейцев. Я поздоровался с доном Хуаном и в ожидании сел. После солидной паузы один из них встал, подошел ко мне и сказал по-испански: «Buenas noches». Я тоже встал и сказал: «Buenas noches». Потом все они по очереди повторили церемонию, пробормотав «Buenas noches» и обменявшись со мной рукопожатием, точнее, просто коснувшись пальцами моих и тотчас отдернув руку.

Мы опять уселись. Казалось, они просто стесняются, точно не знают что сказать, хотя все говорили по-испански.

Было, наверное, около половины восьмого, когда вдруг все встали и, по-прежнему не произнося ни звука, направились за дом. Дон Хуан сделал мне знак следовать за ними, и мы забрались в стоявший за домом старенький грузовик-пикап. Я сел сзади с доном Хуаном и двумя индейцами помоложе. Никаких сидений или скамеек не было, и пришлось усесться прямо на металлический пол, который оказался ужасно твердым, особенно когда машина свернула с шоссе на грунтовую дорогу. Дон Хуан сказал мне на ухо, что мы едем к одному из его друзей, у которого имеется для меня семь Мескалито.

— А у тебя самого разве нет, дон Хуан? — спросил я.

— Найдется. Да только не для тебя. Видишь ли, свести тебя с Мескалито должен кто-то другой.

— Можно узнать почему?

— Может быть, ты ему не понравишься и он тебя отвергнет, тогда ты никогда не сможешь познакомиться с ним как следует и полюбить его, и значит придет конец нашей дружбе.

— Почему это я ему не понравлюсь? Я же ему ничего такого не сделал.

— А вовсе не обязательно что-нибудь «делать», чтобы понравиться или не понравиться. Он либо принимает тебя, либо сметает прочь.

— Но если я ему, положим, не понравлюсь, так, может, я могу сделать что-нибудь, чтобы понравиться?

Двое индейцев, наверное, услышали мой вопрос и засмеялись.

— Нет! — сказал дон Хуан, — Тогда уж никто ничего не сможет сделать.

Он отвернулся и, казалось, забыл обо мне.

Мы добирались, наверное, не меньше часа, пока остановились наконец у небольшого дома. Уже совсем стемнело, и когда водитель выключил фары, я смог разобрать лишь смутный контур постройки.

Молодая женщина — судя по акценту, мексиканка — пыталась успокоить без конца лаявшую собаку. Мы вылезли из машины и пошли к дому. Мужчины вполголоса поздоровались с мексиканкой и вошли внутрь дома, а она все пыталась криком унять собаку.

Комната была просторная, но вся забита рухлядью. Маленькая тусклая лампочка едва рассеивала полумрак. У стены стояло несколько стульев со сломанными ножками и продавленными сиденьями. Трое индейцев уселись на красный диван, продавленный почти до самого пола, старый и грязный, который однако среди прочего хлама выглядел наиболее респектабельно. Остальным достались стулья. Долгое время все сидели молча.

Вдруг один из мужчин встал и вышел в соседнюю комнату. Это был индеец лет пятидесяти, высокий и смуглый. Через минуту он вернулся с жестянкой из-под кофе. Он снял крышку и вручил банку мне. В ней было семь каких-то странных предметов, разных по форме и размеру — одни почти круглые, другие продолговатые. На ощупь они напоминали ядро ореха или поверхность пробки, на вид — темную ореховую скорлупу. Довольно долго я вертел их в руках, потирая и поглаживая.

— Это жуют, — сказал дон Хуан вполголоса. До этого я не замечал, что он сидит рядом. Я взглянул на остальных, но никто не смотрел в мою сторону, они о чем-то очень тихо переговаривались. Тут меня охватила тревога и сильный страх. Я почти потерял над собой контроль.

— Мне нужно выйти в туалет, — сказал я дону Хуану. — Я немного пройдусь.

Он протянул мне банку, и я положил бутоны пейота обратно. Я направился к двери, когда мужчина, вручивший мне банку, встал, подошел ко мне и сказал, что туалет в соседней комнате.

Дверь туалета оказалась почти напротив. Рядом, вплотную к двери, стояла большая кровать, занимавшая едва не всю комнату. На ней спала молодая мексиканка. Я постоял у двери, а потом вернулся.

Хозяин дома обратился ко мне по-английски.

— Дон Хуан говорит, что ты из Южной Америки. Водится у вас там Мескалито?

Нет, сказал я, такого я что-то не слышал.

Их вроде заинтересовала тема Южной Америки, и мы немного поговорили об индейцах. Потом один из них спросил, зачем я собираюсь есть пейот. Я ответил — хотелось бы узнать, что это такое. Они сдержанно засмеялись.

Дон Хуан мягко подтолкнул меня: «Давай жуй, жуй».

Ладони у меня вспотели, желудок свело. Банка с бутонами пейота стояла на полу возле стула. Я нагнулся, взял первый попавшийся и положил в рот.

Привкус был затхлый. Я откусил половину и принялся жевать. Рот наполнился сильной вяжущей горечью и моментально онемел. По мере того, как я жевал, горечь усиливалась, вызывая невероятное обилие слюны. Ощущение в деснах и небе было такое, точно я ем солонину или воблу, от чего жевать приходилось еще усердней. Потом я сжевал вторую половину, и рот настолько онемел, что я уже не чувствовал горечи. То, что я жевал, было теперь комком волокон, вроде сахарного тростника или пережеванных долек апельсина, и я не знал, проглотить их или выплюнуть. В эту минуту хозяин встал и пригласил всех на веранду.

Мы вышли и расселись на темной веранде. Сидеть здесь было очень удобно, и хозяин принес бутылку текильи.

Мужчины сидели в ряд, прислонившись к стене. Я сидел крайним справа. Дон Хуан, сидевший рядом, поставил банку с пейотом у меня между ног. Потом он вручил мне бутылку, которую пустили по кругу, и велел отхлебнуть немного, чтобы смыть горечь.

Я выплюнул то, что осталось от первого бутона, и отхлебнул. Он приказал не глотать, а только прополоскать рот текильей, чтобы остановить слюну. Со слюной это мало помогло, но хоть убавило горечь.

Дон Хуан дал мне сушеный абрикос или смокву — в темноте я не разобрал, как, впрочем, и самого вкуса, — и велел жевать не спеша и как можно тщательней. Проглотить то, что я жевал, было заведомо невозможно — я был уверен, что оно сразу застрянет в пищеводе.

Немного погодя бутылка вновь пошла по кругу. Дон Хуан сунул мне кусок жесткого вяленого мяса. Я сказал, что не хочу есть.

— Это не еда, — веско произнес он.

Процедура повторилась шесть раз. Я помню, что сжевал уже шестой бутон, когда разговор стал очень оживленным; хотя я не мог понять, на каком языке говорят, сама тема разговора, в котором участвовали все сидевшие на веранде, была чрезвычайно интересной, и я старался не пропустить ни слова, чтобы при случае и самому что-нибудь вставить. Но когда я попытался что-то сказать, то обнаружил, что это невозможно; слова бесцельно кружились у

меня в голове.

Я сидел, прислонившись к стене, и слушал, что говорят мужчины. Они говорили по-итальянски, и без конца повторялась фраза о том, до чего глупы акулы. Как-то я говорил дону Хуану, что первые попавшие в Америку испанцы называли реку Колорадо в Аризоне «El rio de los tizones (река головешек)», а потом кто-то переврал «tizones», и получилось «El rio de los tiburones (река акул)». Я был уверен, что именно эту историю обсуждают сейчас, и мне и в голову не приходило, что никто из присутствующих не знает итальянского.

У меня начались сильные позывы к рвоте, но не помню, рвало ли меня на самом деле. Я попросил кого-нибудь принести воды; меня мучила невыносимая жажда. Дон Хуан принес и поставил у стены большую кастрюлю, а с ней приспособленную из жестянки маленькую кружку. Он зачерпнул из кастрюли, протянул мне кружку и сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот.

Вода выглядела странно — она была сверкающей и глянцевой, как глазурь. Я хотел спросить дона Хуана, что бы это значило, и собрался с силами, чтобы выговорить свои мысли по-английски, но тут вспомнил, что он не знает английского. Я испытал настоящий шок, а затем окончательно понял, что хотя мысли совершенно ясные, говорить не получается. Я хотел рассказать об этом странном превращении с водой, но то, что последовало, не было речью; это было такое ощущение, как будто мои не поддающиеся выговариванию мысли свободно, как жидкость, выливаются изо рта. Это было как непосредственное ощущение рвоты без усилий и без спазмов диафрагмы. Это был приятный поток жидких слов.

Я выпил воды. Чувство рвоты прекратилось. К этому времени исчезли все звуки, и я обнаружил, что мне трудно фокусировать глаза. Я хотел найти дона Хуана, и когда повернул голову, заметил, что поле зрения сократилось до круглого участка перед глазами. Ощущение не было пугающим или неприятным, — напротив, это было что-то новое: я мог буквально, так сказать, подметать землю, фокусируя глаза на узком участке и затем медленно поворачивая голову в любом направлении. Когда я вышел со всеми на веранду, уже совсем стемнело, виднелось только далекое зарево от городских огней. И все же в кругу моего зрения все было прекрасно видно. Я совершенно забыл про дона Хуана, про всех остальных, вообще зачем здесь

нахожусь, и с головой ушел в обследование всего, что попадется, своим сузившимся и обострившимся зрением.

Мой взор упал на шов между полом веранды и стеной дома. Следуя взглядом за поверхностью стены, я медленно повернул голову и увидел сидевшего у стены дона Хуана. Я сдвинул голову влево, чтобы взглянуть на воду. Я увидел дно кастрюли; я медленно поднял голову и увидел приближавшегося к воде обычного черного пса. Он приблизился и начал лакать воду. Я поднял руку, чтобы его отогнать; для этого пришлось сфокусировать на нем глаза, и тут я увидел, что он прозрачный. Вода была сверкающей тягучей жидкостью. Я увидел, как она входит в тело собаки по ее горлу; я видел, как вода разливается равномерно по всему телу и затем истекает через каждый волосок. Я видел, как светящаяся жидкость движется по каждому волоску и затем изливается наружу, образуя длинную светящуюся шелковистую гриву.

В этот момент я ощутил сильные судороги, и через пару секунд вокруг меня образовался очень низкий и узкий туннель, твердый и удивительно холодный. На ощупь он был как из толстой фольги. Я обнаружил, что сижу на полу туннеля.

Я попытался встать, но ушибся головой о железный потолок, а туннель стал сжиматься, пока не начал душить меня. Я помню, что пополз к круглому отверстию, где кончался туннель: когда я добрался до выхода (если вообще добрался), то уже все забыл — собаку, дона Хуана, себя самого. Я задыхался от усталости; одежда вся была пропитана холодной липкой жидкостью. Я катался взад-вперед, пытаясь найти положение, в котором можно отдохнуть, в котором хоть не так страшно будет колотиться сердце. При одном из этих движений я вновь увидел собаку.

Я сразу все вспомнил, и в голове прояснилось. Я обернулся, чтобы найти дона Хуана, но не увидел никого и ничего. Видеть я мог только собаку, которая светилась все ярче. Ее тело испускало сияние. Я вновь увидел, как по нему течет вода, озаряя все изнутри, как костер. Я добрался до воды, погрузил лицо в кастрюлю и пил вместе с собакой. Руками я упирался в землю перед собой, и когда я пил, я видел, как жидкость течет по моим венам, переливаясь красным, желтым и зеленым. Я пил без конца. Я пил, пока не начал полыхать; я весь горел и светился. Я пил, пока жидкость не начала изливаться из моего тела через каждую пору и через каждый волосок, подобно шелковым

волокнам, так что теперь и у меня был большой светящийся радужный ореол. Я взглянул на собаку — у нее был такой же. Все мое тело наполнилось высшей радостью, и мы вдвоем побежали в направлении какого-то желтого тепла, исходившего из какого-то непонятного источника. И там мы стали играть. Мы играли и боролись, пока я не узнал все его желания, а он все мои. Мы по очереди манипулировали друг другом, как в кукольном театре. Я двигал его ногами, вращая носками своих, и каждый раз, когда он кивал головой, мне неудержимо хотелось скакать от счастья. Но самый коронный номер был у него, когда он заставлял меня сидя чесать ногой голову, — делал он это, мотнув головой и хлопая ушами. Это был просто верх совершенства, это было что-то невыносимо забавное. Такой штрих грации и иронии, думал я, такое мастерство. Меня охватила неописуемая эйфория. Я смеялся до тех пор, пока из легких не ушел весь воздух.

У меня было ясное ощущение, что я не могу открыть глаза. Я глядел сквозь толщу воды. Это было длительное, очень болезненное и тревожное состояние, будто уже проснулся, но никак не можешь пробудиться окончательно. Затем постепенно мир приобрел ясность и вошел в фокус. Поле зрения вновь стало круглым и широким, и первым пришло обычное сознательное действие — оглянуться и отыскать это чудесное существо. И здесь я испытал самую трудную фазу. Переход от моего нормального состояния прошел почти незаметно: я оставался в сознании, чувства и мысли были его результатом и критерием, и сам переход был гладким и ясным. Но эта вторая фаза — пробуждение к привычному трезвому сознанию — была поистине потрясающей. Я забыл, что я человек! От безнадежности меня охватила такая печаль, что я заплакал.

Суббота, 5 августа 1961

Позже утром, после завтрака, хозяин дома, дон Хуан и я поехали обратно. Хотя я валился с ног от усталости, но в машине уснуть не мог. Я уснул на веранде у дона Хуана только когда отъехал пикап.

Когда я проснулся, было темно; дон Хуан накрыл меня одеялом. В доме его не было. Он пришел позже и принес горшок тушеных бобов и стопку лепешек. Я невероятно проголодался. После ужина, когда мы легли отдыхать, он велел рассказать все, что со мной было минувшей ночью. Я пересказал, что помнил, со всеми подробностями и как можно тщательней. Когда я закончил, он кивнул

и сказал:

— Ну что ж, похоже, все в порядке. Сейчас мне это трудно объяснить. Но я думаю, у тебя все обошлось благополучно. Понимаешь, подчас он игрив как ребенок, а бывает попросту ужасен, устрашающ. Он либо резвится, либо предельно серьезен. Невозможно предугадать, каким он будет с тем или иным человеком, — хотя, впрочем, иногда, если хорошо знаешь этого человека, предсказать можно. Этой ночью ты с ним играл. Из всех, кого я знаю, ты единственный, у кого получилась такая встреча.

— Чем же то, что я испытал, отличается от того, что испытали другие?

— Ты не индеец, поэтому мне трудно тебе растолковать, что к чему: но я знаю точно, что если он не принимает человека, то его отвергает, будь то индеец или кто угодно. Это мне известно. Таких я видел множество. Мне известно также, что он шутник и многих заставляет смеяться, но чтобы он с кем-нибудь играл — такого я еще не видел.

— Не скажешь ли ты мне теперь, каким образом пейот защищает…

Он тут же толкнул меня в плечо:

— Я тебе что говорил — не смей его так называть. Ты ещё недостаточно с ним знаком, чтобы быть запанибрата.

— … каким образом Мескалито защищает людей?

— Он советует. Он отвечает на любой вопрос.

— Значит, Мескалито реален? Я имею в виду — он что-то такое, что можно видеть?

Похоже было, мой вопрос его просто ошарашил. Он растерянно посмотрел на меня, в его взгляде было искреннее недоумение.

— Я хочу сказать, что Мескалито…

— Я слышал. Разве ты не видел его прошлой ночью?

Я хотел сказать, что видел только собаку, но меня остановил его озадаченный взгляд.

— Так ты думаешь, что то, что я видел прошлой ночью, это и был он?

В его взгляде отразилось участие, потом он усмехнулся, точно не мог поверить, и очень проникновенным тоном сказал.

— Не хочешь же ты сказать, что это была… твоя мать?

Перед словом «мать» он сделал паузу, как будто хотел сказать «tu chingada madre» — идиома, которая содержит оскорбительный для собеседника намек. Слово «мать» было настолько неожиданным, что оба мы долго смеялись. Затем я обнаружил, что он уже спит и ничего не слышит.

Воскресенье, 6 августа 1961

Я поехал с доном Хуаном в тот дом, где принимал пейот. По дороге он сказал мне, что человека, который «представил меня Мескалито», зовут Джон. Подъехав к дому, мы увидели Джона на веранде с двумя молодыми людьми. Все они были в прекрасном настроении. Они смеялись и непринужденно болтали. Все трое хорошо говорили по-английски. Я сказал Джону, что приехал поблагодарить за оказанную помощь.

Мне хотелось узнать от них, что я делал во время галлюциногенного опыта, и я сказал, что как ни пытаюсь вспомнить, что вытворял, ничего не получается. Они смеялись и отвечать отказывались. Похоже, их сдерживало присутствие дона Хуана: они все поглядывали на него, как бы ожидая сигнала, разрешающего говорить. Видимо, дон Хуан дал такой сигнал, хотя я ничего не заметил, и Джон начал рассказывать.

Я понял, что ты «готов», сказал он, когда услышал, как ты пукнул. По словам Джона, пухнул я раз тридцать. Да нет, заметил дон Хуан, не больше десяти.

Джон продолжал:

— Ну, мы все тогда к тебе подвинулись. Ты застыл, и у тебя начались

конвульсии. Очень долго ты лежал на спине и двигал ртом, как будто говоришь. Затем начал биться головой об пол, тогда дон Хуан напялил на тебя старую шляпу, и ты это прекратил. Ты трясся и вздрагивал, лежа на полу, и так очень долго. Помню, все уже заснули, я только слышал сквозь сон, как ты пыхтишь и стонешь. Потом ты заорал, и я проснулся. Вижу — ты орешь и подпрыгиваешь. Ты бросился к воде, перевернул посудину и стал барахтаться в луже. Дон Хуан принес тебе еще воды. Ты сидел спокойно перед кастрюлей, когда вдруг вскочил и стащил с себя всю одежду, встал перед кастрюлей на четвереньки и начал пить как не в себя. Потом уселся и просто сидел, уставясь в пространство. Похоже было, что ты собрался так сидеть до самой смерти. Ну, мы все опять заснули, и дон Хуан тоже, когда ты опять вскочил, завыл и погнался за собакой. Собака перепугалась, тоже завыла и рванула вокруг дома. Тут уж всем стало не до сна. Мы вскочили, видим — ты возвращаешься с другой стороны дома, собака мчится перед тобой, лает и воет, а ты за ней гонишься. Ты, я думаю, раз двадцать обежал вокруг дома, лая по-собачьи. Я боялся, ты разбудишь всю округу.

Вблизи здесь соседей нет, но твой вой можно было услышать за мили отсюда.

Один из молодых людей вставил:

— Ты поймал собаку и на руках притащил ее на веранду.

— Ага, и начал с ней играть. Ты с ней боролся, вы скакали и кусались. Да уж, было на что посмотреть. Моя собака вообще-то не очень игривая, но тогда вы просто катались и ездили друг на друге как ненормальные.

— Потом вы побежали к кастрюле и принялись лакать, — сказал молодой человек. — Ты вообще бегал с собакой к воде раз пять или шесть.

— Сколько это продолжалось? — спросил я.

— Без конца, — сказал Джон. — Один раз мы потеряли вас из виду. Наверное, вы побежали за дом. Слышно было только, как вы там лаете и рычите. Лаял ты до того похоже на собаку, что вас невозможно было различить.

— Может, это была одна собака? — сказал я.

Они засмеялись, и Джон сказал: — Да нет, парень, ты лаял, и еще как.

— А потом что было?

Все трое посмотрели друг на друга как бы в замешательстве. Наконец ответил, глядя на Джона, молодой человек, который до этого все время молчал:

— Он поперхнулся.

— Ага, точно, ты вроде задохнулся и начал очень странно плакать, а потом упал на пол. Мы боялись, что ты откусишь себе язык; дон Хуан разжал тебе челюсти и плеснул в лицо воды. Тогда ты начал дрожать, и по всему телу у тебя опять пошли конвульсии. Потом ты затих. Дон Хуан сказал, что все закончилось. Было уже утро. Мы укрыли тебя одеялом и оставили спать на веранде.

Тут он взглянул на остальных, которые, видно было, удерживаются от смеха. Он повернулся к дону Хуану и что-то спросил. Дон Хуан усмехнулся и что-то ответил. Джон повернулся ко мне и сказал:

— На веранде мы тебя оставили потому, что боялись, как бы ты мне весь дом не обписял.

Все разразились хохотом.

— Что такое? — сказал я. — Неужели я...

— «Неужели ты»? — передразнил Джон. — Мы не хотели тебе говорить, но дон Хуан сказал, что можно. Ты обписял мою собаку с ног до головы!

— Что-что?

— Ну ты же не думаешь, что собака удирала от тебя потому, что тебя боялась? Собака удирала потому, что ты ее поливал.

Все покатились со смеху. Я попытался задать вопрос одному из молодых людей, но за общим хохотом ничего не было слышно.

Джон продолжал:

— Ну, мой пес в долгу не остался. Он тебя тоже обписял как мог.

Тут уж все просто завыли от смеха, засмеялся и дон Хуан. Когда они как-то успокоились, я растерянно спросил:

— Что, неужели это правда? Все это в самом деле было?

Джон ответил, все еще посмеиваясь:

— Клянусь: моя собака в самом деле на тебя мочилась.

На обратном пути я спросил дона Хуана:

— Неужели все, что они рассказывали, правда?

— Правда, — ответил дон Хуан. — Только они не видели того, что видел ты. Они не понимают, что ты играл с ним. Поэтому я не вмешивался.

— Но неужели весь этот спектакль со мной и собакой и как мы мочились друг на друга — правда?

— Это была не собака! Сколько тебе повторять? Только так можно понять то, что с тобой было. Только так! С тобой играл именно он.

— А ты знал о том, что со мной было, до того, как я тебе рассказал?

Он на секунду задумался.

— Нет, просто я вспомнил после твоего рассказа, какой у тебя был странный вид. По тому, что ты не был испуган, я понял, что с тобой все в порядке.

— И что, все это в самом деле выглядело так, как они рассказывали, — что я играл с собакой и все такое?

— Проклятье! Это была не собака!

Четверг, 17 августа 1961

Я сказал дону Хуану, что я думаю по поводу моего опыта. По сравнению с тем, как я себе рисовал обучение, событие было катастрофическим. Я сказал, что с меня хватит одной встречи. Я признал, что все это, конечно, более чем интересно, но вновь искать подобных встреч я не намерен. Для меня совершенно ясно, что такие истории не по мне. Одним из побочных следствий употребления пейота было странное недомогание — какой-то непонятный страх, какая-то тревога или меланхолия, не поддающаяся точному определению. И я в этом не находил ничего замечательного.

Дон Хуан рассмеялся и сказал:

— Ну вот, ты начинаешь учиться.

— Хорошенькое обучение! Пусть себе учится кто-нибудь другой.

— Любишь ты преувеличивать.

— Да ничего я не преувеличиваю!

— А то как же. Плохо только, что преувеличиваешь ты одно плохое.

— Для меня, я так понимаю, здесь вообще нет ничего хорошего. Мне страшно, а остальное меня не интересует.

— Ну и что, что тебе страшно. Когда тебе страшно, ты видишь все по-новому.

— А мне это безразлично. Оставлю-ка я лучше Мескалито в покое. Он меня просто подавляет, что уж тут хорошего.

— Хорошего, положим, в самом деле мало, для меня в том числе. Не ты один сбит с толку.

— Ты-то здесь при чем?

— Я думал о том, что ты видел прошлой ночью. Без сомнения, Мескалито играл с тобой, вот в чем штука. Это был явный знак.

— Что еще за знак, дон Хуан?

— Мескалито указывал мне на тебя.

— Указывал что?

— Поначалу мне было неясно, а теперь я, кажется, понимаю. Он сказал, что ты «избранный» (escogido). Мескалито указал мне на тебя и дал знать, что ты избранный.

— Я что, избран для какой-то цели, или как это понимать?

— Это нужно так понимать, что Мескалито сказал мне, что ты можешь оказаться тем человеком, которого я ищу.

— Когда же он тебе это сказал, дон Хуан?

— Он сказал мне это тем, что играл с тобой. Это и значит, что ты избранный; ты избран для меня.

— А что это значит — быть избранным?

— Я знаю некоторые тайны (tengo secretos). Среди них есть такие, которые я могу открыть только избранному. И вот я вижу, как ты играешь с Мескалито: той самой ночью мне стало ясно, что ты и есть такой человек. Но при этом ты не индеец. Вот история!

— Ну а для меня — что это значит, дон Хуан! Что мне надо делать?

— Я принял решение и буду учить тебя тем тайным вещам, которые составляют судьбу человека знания.

— Ты имеешь в виду тайны, связанные с Мескалито?

— Да. Но это еще не все, что я знаю. Есть тайны иного рода, которые мне нужно кому-нибудь передать. У меня у самого был учитель, бенефактор, и я также после определенных испытаний стал его избранным учеником. Всему,

что я знаю, я научился от него.

Я опять спросил, что же потребуется от меня в этой роли: он сказал, что потребуется только одно — учиться, учиться в том смысле, который мне начал открываться с недавнего времени.

Дело, таким образом, поворачивалось неожиданной стороной. Только я собрался известить дона Хуана о своем решении оставить затею с пейотом, как он сам предложил мне у него по-настоящему учиться — учиться его знанию. Я не вполне понимал, что он имеет в виду, но ясно было, что нечто достаточно серьезное.

Я принялся отпираться, ссылаясь на то, что к этому совершенно не готов — понятно ведь, что для такой задачи потребуется редкое мужество, которого у меня нет и в помине. Я говорил ему, что в таких делах предпочитаю уступать другим и просто наблюдать со стороны. Я хотел бы просто выслушивать его оценки и высказывания по разному поводу. Я сказал — как я был бы счастлив просто сидеть здесь и без конца его слушать. Вот это обучение, я понимаю.

Он терпеливо ждал, когда я закончу. Когда я наконец выдохся, он сказал:

— Ну, все понятно. Страх — первый неизбежный враг, которого человек долен победить на пути к знанию. А ты, помимо прочего, любопытен. Это и значит, что ты будешь учиться вопреки себе самому; таков закон.

Я еще немного потрепыхался, пытаясь его разубедить, но он, похоже, и не представлял себе иного для меня выхода.

— Ты думаешь не о том и вообще не так, как следует, — сказал он. — Мескалито в самом деле играл с тобой. Вот об этом бы тебе следовало подумать, а не цепляться за свой страх.

— Неужели это было так необычно?

— Сколько я себя помню, я видел лишь одного человека с которым Мескалито играл, — это тебя. Понятно, что такая жизнь для тебя полнейшая неожиданность; потому от тебя и ускользают совершенно ясные знаки. Ты в общем человек серьезный, только твоя серьезность направлена на то, что

тебя занимает, а не на то, что стоит внимания. Ты слишком занят собой. В этом вся беда. Отсюда твоя ужасная усталость.

— А как же должно быть иначе, дон Хуан?

— Нужно искать и видеть чудеса, которых полно вокруг тебя. Ты умрешь от усталости, не интересуясь ничем, кроме себя самого; от этой-то усталости ты глух и слеп ко всему остальному.

— Это, пожалуй, точно, дон Хуан. Но как мне перемениться?

— Подумай хотя бы о том, какое это чудо — Мескалито играл с тобой. О чем тут еще думать? Остальное само придет.

Воскресенье, 20 августа 1961

Вчера вечером дон Хуан приступил к моему обучению. Мы сидели в темноте на веранде. Он сказал, что собирается дать мне некое наставление — в том же виде, в котором сам его получил от своего бенефактора в первый день ученичества. Дон Хуан, видимо, запомнил формулу наизусть, поскольку повторил ее несколько раз для полной уверенности, что я не пропущу ни слова.

— Человек идет к знанию так же, как он идет на войну — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершает, непременно доживет до того дня, когда горько пожалеет об этом.

На мой вопрос, почему так, он ответил, что только выполняющий эти условия застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наобум. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

Затем он сказал, что будет давать мне знание о «союзнике» в точности так же, как его самого учил бенефактор. Слова «в точности так же» он особенно подчеркнул, повторив их несколько раз.

Союзник, сказал он, это сила, которую человек может ввести в свою жизнь как

советника, как источник помощи и сил, необходимых для совершения разных поступков — больших или малых, правильных или неправильных. Союзник необходим, чтобы улучшить и укрепить жизнь человека, чтобы направлять его действия и пополнять его знания. Союзник, в сущности, — неоценимая помощь в познании. Все это дон Хуан сказал с силой абсолютной убежденности. Видно было, что он тщательно взвешивает слова. Следующую фразу он повторил четырежды:

— С помощью союзника ты увидишь и поймешь такие вещи, о которых вряд ли еще от кого-нибудь узнаешь.

— Союзник — это что-то вроде сторожевого духа?

— Нет, это не сторож и не дух. Это помощь.

— Твой союзник — Мескалито?

— Нет. Мескалито — совсем иная сила. Несравненная сила! Он — защитник. Он — учитель.

— Чем же он отличается от союзника?

— Союзника можно приручить и использовать. Мескалито — нет. Он вне кого угодно и ни от кого не зависит. Он по собственному желанию являет себя в каком захочет виде тому, кто предстал пред ним, будь это кто угодно — брухо или обыкновенный пастух.

Дон Хуан с большим пылом заговорил о Мескалито как о наставнике, учителе того, как следует жить. Я спросил, каким же образом учит Мескалито «как следует жить», и дон Хуан ответил — он показывает как жить.

— Как показывает?

— Способов множество. Он может показать это у себя на ладони, или на скалах, или на деревьях, или просто прямо перед тобой.

— Это что — картина перед тобой?

— Нет. Это учение перед тобой.

— Он что-то говорит?

— Говорит. Но не словами.

— А как же тогда?

— Каждому по-разному.

Я почувствовал, что мои расспросы опять его раздражают, и больше не прерывал. Он вновь принялся разъяснять, что для познания Мескалито не существует общеобязательных предписаний: учить знанию о Мескалито не может никто, кроме него самого. Потому он особая сила; для каждого он неповторим.

Напротив, чтобы заполучить союзника, в обучении требуется строжайшая последовательность, не допускающая ни малейших отклонений. В мире много таких союзных сил, сказал дон Хуан, но сам он знаком лишь с двумя из них. Именно с ними и с их тайнами он намеревался меня познакомить; однако выбирать между союзниками придется мне самому, поскольку я могу иметь лишь одного. У его бенефактора союзником была «трава дьявола» (la yerba del diablo). Но самому дону Хуану она пришлась не очень по душе, хотя он и узнал от бенефактора все ее тайны. Мой личный союзник — «дымок» (humito), сказал дон Хуан, но в дальнейшие детали не вдавался.

Я все же спросил его, что это такое. Он не ответил. После долгой паузы я спросил:

— Какого рода сила союзника?

— Я уже говорил — это помощь.

— В чем она состоит?

— Союзник — это сила, которая способна увести человека за его границы. Именно таким образом союзник открывает то, что никому не известно.

— Но и Мескалито тоже уводит тебя за твои границы. Разве это не делает его союзником?

— Нет. Мескалито уводит тебя за твои границы для того, чтобы учить: союзник — для того, чтобы дать тебе силу.

Я попросил остановиться на этом более детально или хотя бы растолковать разницу в их действии. Он только посмотрел на меня, потом расхохотался и сказал, что обучение посредством разговоров не только пустая трата времени, но и редкая глупость, потому что обучение — труднейшая из всех задач, с которыми человек может столкнуться. Он спросил, помню ли я, как пытался найти свое пятно, желая при этом обойтись без всяких усилий и втайне рассчитывая, что он подаст мне на тарелочке всю информацию. Если бы я так поступил, сказал он, ты бы никогда ничему не научился. Напротив, именно узнав на своей шкуре, как трудно найти пятно, а самое главное — убедившись, что оно в самом деле существует, я получил такое чувство уверенности, какое невозможно получить никаким иным образом. Он сказал, что пока я сижу, прикипев к своему «благоприятному пятну», никакая сила в мире не способна нанести мне вред именно по причине моей уверенности, что на этом месте это невозможно. На этом месте я могу отразить нападение любого врага. Если же, допустим, он открыл бы мне, где находится это место, я никогда бы не имел той уверенности, которая является единственным критерием моего знания как подлинного. Это и значит: знание — сила.

Затем дон Хуан сказал, что любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться совершенно так же, как выкладывался я в поисках своего «пятна», и что границы обучения определяются самой природой ученика. Именно поэтому разговоры на предмет обучения лишены всякого смысла. Некоторые виды знания попросту не по моим силам и способны меня уничтожить. Он поднялся, явно давая знать, что тема исчерпана, и направился к двери. Я сказал, что все это просто пугающе и совсем не то, что я себе представлял.

В ответ он сказал, что страхи — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет союзника и нет знания.

Глава 3

Прошло два года с тех пор, как дон Хуан принялся обучать меня насчет союзных сил, пока наконец однажды, видимо, решил, что я созрел к их освоению в той практической форме непосредственной вовлеченности, которую он единственную признавал как настоящее обучение. За два года он подвел меня к неизбежному результату всех бесед и к завершающей интеграции всего учения — к состояниям необычной реальности. Вначале он говорил о союзных силах очень редко и лишь при случае. В моих записях первые упоминания о них разбросаны среди бесед на другие темы.

Среда, 23 августа 1961

— «Трава дьявола» была союзником моего бенефактора. Я мог бы и себе выбрать ее в союзники, но мне она не понравилась.

— Почему же она тебе не понравилась?

— Есть у нее один серьезный недостаток.

— Она что, уступает другим союзникам?

— Не передергивай. Она могущественна не менее, чем самые могущественные союзники, но в ней есть нечто, что лично мне не по душе.

— Что именно, можно узнать?

— Она ослепляет людей. Она дает человеку вкус к силе слишком рано, не укрепив его сердце, и делает его одержимым. Благодаря ей он уязвим в самом центре полученной от нее невероятной силы.

— А можно этого как-нибудь избежать?

— Можно преодолеть, избежать нельзя. Всякий, кто берет ее себе в союзники, должен заплатить эту цену.

— Как же это преодолеть, дон Хуан?

— У «травы дьявола» четыре головы: корень, стебель с листьями, цветы и семена. Каждая голова особенная, и именно в этом порядке должен узнавать ее каждый, чьим союзником она становится. Самая важная голова — это корни.

Через корни покоряется сила «травы дьявола». Стебель и листья — это голова, которая лечит болезни; если знать, как ею пользоваться, это будет просто подарок человечеству. Третья голова — цветы; с ее помощью можно сводить людей с ума, или делать их рабами, или убивать их. Тот, у кого в союзниках «трава дьявола», сам никогда не пользуется ее цветами; по этой же причине он не употребляет стебель и листья, разве что в тех случаях, когда сам чем-нибудь болен: но вот корни и семена идут в дело всегда, семена особенно: они — ее четвертая голова и самая могущественная.

Мой бенефактор говорил, что семена — это «трезвая голова», единственная часть, которая укрепляет человеческое сердце. Тот, кому покровительствует «трава дьявола», говорил он, должен быть с нею постоянно начеку, иначе она убьет его прежде, чем он доберется до секретов «трезвой головы», что ей обычно и удается. Существуют, впрочем, рассказы о таких, которые выведали у «трезвой головы» все ее тайны. Достойный вызов человеку знания!

— Твой бенефактор разгадал эти тайны?

— Нет.

— А ты сам кого-нибудь встречал, у кого это получалось?

— Нет. Но такие люди были в те времена, когда ценилось такое знание.

— Может, ты знаешь тех, кто встречал таких людей?

— Нет, не знаю.

— Может, твой бенефактор знал из них кого-нибудь?

— Да, бенефактор знал.

— Почему же сам он не добрался до секретов «трезвой головы»?

— Приручить «траву дьявола» и сделать своим союзником — задача из труднейших. Со мной, например, она никогда не становилась одним целым, — возможно, потому, что я никогда не был особым ее поклонником.

— И все же, хотя она тебе не нравится, ты до сих пор можешь использовать ее как союзника?

— Могу. Но лучше этого не делать. Возможно, у тебя будет иначе.

— Почему ее так называют?

Дон Хуан сделал неопределенный жест и пожал плечами; потом сказал, что это ее временное имя (su nombre de leche). Есть и другие, но они под запретом, потому что в данном случае произнести имя — значит идти на серьезный риск, особенно если речь идет ни много ни мало о приручении союзника. Я спросил, почему произнесение имени — дело столь серьезное. Он сказал, что имена хранятся в тайне, на тот крайний случай, когда придется призывать помощь, в минуты крайнего потрясения или жестокой нужды, и кстати заверил меня, что рано или поздно такое случается в жизни каждого, кто ищет знание.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Сегодня во второй половине дня дон Хуан принес домой два свежевыкопанных растения datura.

Началось все с того, что он неожиданно перевел разговор на «траву дьявола» и заявил, что мы отправляемся в горы на ее поиски.

Мы поехали в ближние горы. Там я достал из багажника лопату и отправился за доном Хуаном в один из каньонов. Довольно долго мы пробирались сквозь кустарник, густо разросшийся на мягком песчаном грунте. Дон Хуан

остановился у небольшого растения с темно-зелеными листьями и цветами в виде больших белесоватых колокольчиков.

— Вот, — сказал дон Хуан.

Он сразу же принялся копать. Я хотел помочь, но он яростно мотнул головой, чтобы я не мешал, и продолжал окапывать растение по кругу, так что получилась яма в виде конуса, отвесная по внешнему краю и горкой поднимающаяся к центру. Выкопав яму, он опустился перед стеблем на колени и пальцами обмел у комля мягкую землю, обнажив примерно четыре дюйма большого раздвоенного корневого клубня, по сравнению с которым стебель был значительно тоньше.

Дон Хуан взглянул на меня и сказал, что растение — мужская особь, так как корень раздваивается как раз в том месте, где соединяется со стеблем. Затем он поднялся и пошел что-то искать.

— Что ты ищешь, дон Хуан?

— Нужно найти палку.

Я начал осматриваться, но он меня остановил.

— Не ты! Ты садись вон там, — он указал на груду камней футах в двадцати отсюда. — Я сам найду.

Вскоре он вернулся с длинной сухой веткой и, пользуясь ею как палкой, осторожно расчистил землю вокруг раздвоенного корня, обнажив его на глубину примерно двух футов. По мере того, как он копал, почва становилась все плотнее так что под конец уже не поддавалась.

Он сел передохнуть. Я подошел к нему. Мы долго молчали.

— Почему ты не выкопаешь лопатой? — спросил я.

— Лопатой можно поранить растение. Пришлось поискать здесь палку, чтобы в случае, если я ударю корень, вред не был бы таким, как от лопаты или вообще чужого предмета.

— А что это за палка?

— Годится любая сухая ветка дерева паловерд (paloverde). Если не найдется сухой, придется срезать свежую.

— Другие деревья не подходят?

— Я ясно сказал — только паловерд и никакое другое.

— Почему, дон Хуан?

— Потому что у «травы дьявола» очень мало друзей, и в этой местности паловерд — единственное дерево, которое с ней в согласии. Если она с кем и уживается, так это разве с ним одним. Случись тебе поранить корень лопатой — и «трава дьявола» для тебя не вырастет, сколько ее ни сажай, но если ты ударишь корень такой палкой, то вполне возможно, что растение ничего не заметит.

— А что теперь с корнем?

— Его нужно срезать. И делать я это буду без тебя. Ступай разыщи другое растение и жди, когда я тебя позову.

— Моя помощь не требуется?

— Помогать будешь, когда я велю.

Я отошел и стал высматривать другое такое растение, борясь с искушением тихонько вернуться и подсмотреть. Немного погодя он пришел ко мне.

— Теперь поищем даму, — сказал он.

— Как ты их различаешь?

— Женская особь выше и больше выдается над землей, так что похожа на небольшое деревцо. Мужская шире, разрастается у самой земли и напоминает куст с густой листвой. Когда мы выкопаем даму, ты увидишь, что у нее

корневище раздваивается довольно далеко от стебля — в отличие от мужской особи, где вилка начинается сразу.

Мы довольно долго искали, пока он наконец сказал:

— Вот она.

Затем он повторил всю процедуру выкапывания, и когда очистил корень, я убедился, что все так и есть. Пока он резал корень, пришлось снова куда-нибудь отойти.

Когда мы вернулись домой, он развязал узел и достал то, что выкопал. Сначала он взял растение более крупное — мужское — и обмыл его в железном лотке. С крайней осторожностью он очистил от грязи корень, стебель и листья, а потом отделил корень от стебля, разломив их там, где они соединялись, по круговому надрезу, сделанному ножом с зубчатым лезвием. Он взял стебель и разложил на отдельные кучки все его части — листья, цветы и усеянные шипами семенные коробочки. Все, что было засохшим или испорченным червями, он отбрасывал. Связав двумя бечевками две ветви корня в одну, он сломал их пополам, сделав сперва такой же надрез в месте соединения, и получилось два куска корня одинаковой длины.

Потом он взял кусок дерюги и положил на него сначала два связанных вместе куска корня, сверху — аккуратно сложенные листья, потом цветы, потом семена, потом стебель. Он сложил дерюгу и концы связал узлом.

Ту же процедуру он повторил со вторым растением, женским, только на этот раз, когда черед дошел до корня, он не разломил его пополам, а оставил целой вилку, напоминавшую перевернутую букву игрек. Потом он сложил все части в другой кусок дерюги. Когда он закончил, было уже темно.

Среда, 6 сентября 1961

Сегодня к вечеру мы вернулись к теме «травы дьявола».

— Я думаю, пора нам за нее взяться, — вдруг сказал дон Хуан.

После вежливой паузы я спросил:

— Что ты намерен с ней делать?

— Растения, которые я выкопал и срезал, — мои, — сказал он, — Это все равно как если бы они были мной; вот с их-то помощью я и буду учить тебя, как приручить «траву дьявола».

— Ну и как же это будет?

— Ее делят на порции; каждая порция различна; у каждой свое особое действие, поэтому каждая требует особого подхода.

Раскрытой левой ладонью он отмерил на полу расстояние между большим пальцем и безымянным.

— Это моя порция. Твоя порция — то, что ты отмеришь собственной рукой. Теперь, приступая к завоеванию травы, ты должен начать с первой порции корня. Однако поскольку к траве привел тебя я, первая порция будет от моего растения. Отмерена она для тебя мной, поэтому порцию ты будешь вначале принимать именно мою.

Он вошел внутрь дома, принес один из свертков, сел и его развязал. Я заметил, что это мужская особь. Еще я заметил, что там только один кусок корня вместо тех двух, которые были вначале. Он взял его и поднес его к моим глазам.

— Вот твоя первая порция, — сказал он. — Я — даю — ее — тебе. Я для тебя ее отрезал: я отмерил ее как мою собственную; теперь даю ее тебе.

У меня мелькнула было мысль, что вот сейчас придется грызть этот кусок корня как морковку, но он упаковал его в белый хлопчатобумажный мешочек.

Он пошел на задний двор, там сел по-турецки и круглым камнем принялся толочь корень в мешочке. Вместо ступки был приспособлен плоский камень. Время от времени он мыл оба камня, а воду собирал в небольшую деревянную миску. Размалывая корень, он непрестанно что-то напевал, тихо и монотонно. Когда корень в мешочке был истолчен в однородную массу, он положил мешочек в миску с водой, туда же положил каменные ступку и пестик, долил

воды и отнес к забору, где оставил в деревянном корыте.

Он сказал, что корень должен мокнуть всю ночь, оставаясь снаружи, чтобы напитаться воздухом ночи (el sereno).

— Если завтра будет ясный солнечный день, — сказал он, — это будет превосходный знак.

Воскресенье, 10 сентября 1961

Четверг 7 сентября выдался очень ясным и солнечным. Дон Хуан был очень доволен хорошим знаком; несколько раз он повторил, что «траве дьявола» я, видно, понравился. Корень мок всю ночь, и около десяти утра мы пошли на задний двор. Он взял миску из корыта, поставил ее на землю и сел перед ней. Взявшись за мешочек, он потер его о дно миски, потом вытащил из воды, отжал все содержимое и вновь сунул в воду. Процедура повторилась еще трижды. Затем он в последний раз тщательно отжал мешочек, отряхнул его и оставил миску в корыте на солнцепеке.

Мы вернулись через два часа. Он принес с собой кухонный чайник с кипятком желтоватого цвета. Осторожно наклонив миску, он слил верхнюю воду с оставшегося на дне густого осадка, залил его кипятком и вновь выставил на солнце.

Эта процедура повторилась тоже трижды, с интервалами больше часа. Наконец он слил всю воду и поставил миску под таким углом, чтобы дно освещалось вечерним солнцем.

Когда через несколько часов мы вернулись, уже стемнело. На дне миски был слой клейкой субстанции, напоминавшей недоваренный крахмал, белесый или светло-серый. Ее набралось бы с чайную ложку. Я выбрал крупицы земли, которые ветер набросал на осадок. Он засмеялся:

— Земля здесь не может повредить.

Когда вода закипела, он налил около стакана в миску. Это была та же вода с желтоватым оттенком. Из осадка образовался похожий на молоко раствор.

— Что это за вода, дон Хуан?

— Отвар плодов и цветов из каньона.

Он вылил то, что было в миске, в старую глиняную чашку, похожую на цветочный горшок. Питье было еще очень горячим, поэтому он сперва на него подул и попробовал на вкус, а затем протянул мне:

— Теперь пей.

Я механически взял чашку и залпом выпил. На вкус питье слегка отдавало горечью. Примечательным был запах: пахло тараканами.

Почти сразу я начал потеть. По телу разлился жар, кровь прилила к ушам. Перед глазами появилось красное пятно, и мышцы живота стали судорожно сокращаться. Немного погодя, хотя я уже совсем не чувствовал боли, стало холодно, и я буквально обливался потом.

Дон Хуан спросил, нет ли у меня перед глазами черноты или черных пятен. Я ответил, что вижу все красным.

Я стучал зубами от приступов накатывавшей волнами неконтролируемой нервной дрожи, исходившей откуда-то из центра груди.

Потом он спросил, не страшно ли мне. Его вопросы показались мне бессмысленными. Я сказал, что конечно страшно. Но он опять спросил, боюсь ли я «травы дьявола». Я не понял, о чем он говорит, и ответил «да». Он засмеялся и сказал, что ничего я не боюсь. Он спросил, все ли еще я вижу красное. Я только и видел стоявшее перед глазами громадное красное пятно.

Немного погодя мне стало лучше. Нервные судороги постепенно прошли, оставив лишь чувство приятной разбитости и невероятную сонливость. Глаза слипались, хотя издалека все еще доносился голос дона Хуана. Я заснул, но всю ночь чувствовал себя погруженным в глубокий красный цвет. Даже сны были красные.

Проснулся я в субботу около трех пополудни. Я проспал почти двое суток. Все было как при обычном пробуждении, если не считать того, что слегка болела

голова, был расстроен желудок и я чувствовал острые мигрирующие боли в кишечнике. Дон Хуан дремал на веранде, и я его разбудил. Он мне улыбнулся.

— Все в порядке, — сказал он. — Единственное, что имеет значение, это то, что ты видел все в красном.

— А если бы не в красном?

— Тогда ты бы видел черное, а это плохой знак.

— Почему плохой?

— Когда человек видит черное, это значит, что он не создан для «травы дьявола». Его будет рвать зеленым и черным, пока не вывернет наизнанку.

— Он умрет?

— Не обязательно, но болеть будет долго.

— А что с теми, кто видит красное?

— Их не рвет, и корень дает им ощущение удовольствия, а это означает, что они сильны и вообще их натура склонна к насилию — как раз то, что любит «трава дьявола». Именно этим она соблазняет и увлекает. Плохо только то, что под конец, в обмен на силу, которую она дает, они становятся ее рабами. Но это уже не в нашей власти. Человек живет только затем, чтобы учиться, а уж учится ли он хорошему или плохому — зависит лишь от природы его судьбы.

— А теперь что я должен делать, дон Хуан?

— Ты должен посадить саженец (brote) из второй половины первой порции корня. Половину ты принял в прошлый раз, и теперь вторую нужно посадить в землю, чтобы она выросла и созрела прежде, чем ты всерьез возьмешься приручать «траву дьявола».

— Как именно?

— Ее приручают через корень. Тебе нужно будет шаг за шагом изучить все тайны корня, каждой его порции. Эти порции ты и будешь принимать, чтобы изучить тайны «травы дьявола» и завоевать ее силу.

— Что, каждая порция готовится так же, как ты готовил первую?

— Нет, каждая по-своему.

— Как действуют порции?

Я уже говорил, каждая учит особому виду силы. То, что ты принял позавчера, еще ничего не значит. Это может каждый. Но только брухо готов к порциям более серьезным. Я не могу сказать тебе, как они действуют и что при этом происходит, потому что еще не знаю, примет ли она тебя. Нужно подождать.

— А когда я об этом узнаю?

— Как только вырастет и созреет твое растение.

— Если первую порцию может принимать кто угодно, то для чего же она используется?

— В разбавленном виде она годится для всяких человеческих дел: для стариков, которые совсем обессилели, для молодых людей, которые ищут приключений, или, скажем, для женщин, которые хотят страсти.

— Ты ведь говорил, что корень используется только для обретения силы, а выходит, что и для других целей. Или как?

Он пристально посмотрел на меня, и под этим взглядом мне стало неуютно. Ясно было, что он рассердился, но я не понимал почему.

— «Трава дьявола» используется только для обретения силы, — сухо сказал он наконец. — Старик, который хочет вернуть себе молодость, человек, который хочет убить другого человека, молодежь, которая ищет испытаний, голода и усталости, женщина, которая хочет разгореться страстью, — все они мечтают о силе. И эту силу им даст «трава дьявола». Ну как, нравится она тебе? — спросил он после паузы.

— У меня странный прилив сил, — сказал я. Я заметил это еще при пробуждении, и до сих пор ничего не изменилось. Это было очень необычное ощущение неудобства, какой-то неусидчивости: все тело двигалось и вытягивалось с необычной легкостью и силой. Руки и ноги чесались, плечи вроде раздались, мышцы спины и шеи распирало, хотелось потереться или потолкаться о деревья. Я чувствовал, что если ударю в стену, она обвалится.

Мы больше ни о чем не говорили, просто сидели на веранде. Я заметил, что дон Хуан засыпает. Он пару раз клюнул носом, затем просто вытянул ноги, лег на пол, подложил руки под голову и заснул. Я встал и пошел за дом, где сжег избыток энергии, очистив двор от мусора. Когда-то дон Хуан вскользь заметил, что неплохо бы убрать мусор за домом.

Позже, когда он проснулся и пришел на задний двор, я был уже в сравнительной норме.

Мы сели ужинать, и за столом он раза три спросил меня, как я себя чувствую. Поскольку это было редкостью, я наконец не выдержал:

— С чего это тебя так волнует мое самочувствие, дон Хуан? Может быть, ты ждешь, когда же я от твоего питья наконец подохну?

Он засмеялся и стал еще больше похож на зловредного мальчишку, который подстроил какой-то подвох и про себя ждет не дождется, когда он сработает. Со смехом он сказал:

— Да нет, не очень-то ты похож на больного. Ты вон мне даже хамишь.

— Ничего подобного, — возмутился я. — Я вообще не помню случая, чтобы я с тобой говорил грубо.

Я возмутился совершенно искренне, потому что в самом деле и в мыслях себе никогда такого не мог позволить.

— Ну вот, ты уже ее защищаешь, — сказал он.

— Кого это?

— «Траву дьявола», кого же еще. Ты говоришь как влюбленный.

Я хотел вообще встать из-за стола, но тут опомнился.

— Смотри-ка, я и не заметил, что в самом деле ее защищал.

— Ясное дело. Ты даже не помнишь того, что говорил, верно?

— Д-да, признаться...

— Вот такая она и есть — «трава дьявола». Она подкрадывается к тебе как женщина, а ты ничего не замечаешь. Ты весь поглощен только тем, что благодаря ей чувствуешь себя прекрасно и полон сил: мышцы налиты энергией, кулаки чешутся, подошвы горят желанием кого-нибудь растоптать. Когда человек становится с нею близок, его действительно переполняют неистовые желания. Мой бенефактор говорил, что «трава дьявола» опутывает тех, которые ищут силы, и губит тех, кто не умеет совладать с нею. Однако в те времена сила была всем известна; ее искали куда упорней. Мой бенефактор был могущественным человеком, а его бенефактор был, по его словам, еще более одержим поиском и накоплением силы. Но в те дни это имело смысл.

— А сегодня, по-твоему, смысла нет?

— Сила — это как раз то, что тебе сейчас нужно. Ты молод; ты не индеец: стало быть, «трава дьявола», возможно, попадет в хорошие руки. Да и тебе самому она как будто по вкусу. Ты буквально чувствуешь, как она наполняет тебя силой. Все это я испытал на себе. И все же она пришлась мне не по нутру.

— Можно узнать почему, дон Хуан?

— Не нравится мне ее сила! От нее мало проку. Раньше, положим, как мне рассказывал бенефактор, в самом деле имело смысл ее искать. Люди совершали неслыханные дела, их почитали за их силу, боялись и уважали за их знание. От бенефактора я слышал о делах поистине невероятных, которые случались в старину. Но теперь мы, индейцы, больше ее не ищем. В наше время индейцы используют «траву дьявола» разве что для притираний. Листья и цветы идут вообще неизвестно на что. Говорят, к примеру,

прекрасное средство от нарывов. Самой же силы больше не ищут — той самой силы, которая действует как магнит, тем более мощный и опасный в обращении, чем глубже ее корень уходит в землю. Когда доходишь до глубины в четыре ярда — а говорят, такое случалось, — то находишь основание и источник силы неисчерпаемой, бесконечной. Очень немногим это удавалось в прошлом, сегодня — никому. Видишь ли, сила «травы дьявола» больше не нужна нам, индейцам. Незаметно мы потеряли к ней интерес, и теперь сила больше не имеет значения. Я и сам не ищу ее, но когда-то, когда я был молод как ты, я тоже чувствовал, как меня от нее просто распирает. Я чувствовал себя как ты сегодня, только в пятьсот раз сильнее. Ударом руки я убил человека. Я мог швырять валуны, огромные валуны, которые двадцать человек не могли сдвинуть с места. Однажды я подпрыгнул так высоко, что сорвал верхние листья с верхушек самых высоких деревьев. Но все это было ни к чему. Разве что на индейцев страх наводить. Остальные, которые ничего про это не знали, отказывались верить. Они видели только сумасшедшего индейца или как что-то скачет по верхушкам деревьев.

Мы долго молчали. Нужно было что-то ему сказать.

— Было совсем иначе, когда в мире еще были люди, — заговорил он, — люди, для которых не было ничего удивительного в том, что человек может превратиться в горного льва или птицу, или просто летать. Так что я больше не пользуюсь «травой дьявола». Зачем? Чтобы пугать индейцев?

И я увидел его печаль, и почувствовал глубокое сострадание. Мне хотелось что-нибудь сказать ему, пусть даже банальность.

— Может быть, дон Хуан, это участь всех, кто ищет знание.

— Может быть, — спокойно сказал он.

Четверг, 23 ноября 1961

Подъехав к дому дона Хуана, я не увидел его на веранде. Это было странно. Я громко кликнул его, и из дому вышла его невестка.

— Заходи, — сказала он.

Оказалось, что две-три недели назад он вывихнул лодыжку. Он сам сделал себе гипсовую повязку, пропитав полосы из тряпок в кашице, изготовленной из кактусов и толченой кости. Материя, туго обернутая вокруг щиколотки, высохнув, превратилась в легкий и гладкий панцирь. Повязка получилась твердой как гипсовая, но гораздо удобнее и не такая громоздкая.

— Как это произошло? — спросил я.

Ответила его невестка, мексиканка из Юкатана, которая за ним ухаживала:

— Да просто случайность. Он упал и чуть не сломал себе ногу.

Дон Хуан засмеялся, затем подождал, пока она ушла, и сказал:

— Случайность, как бы не так! У меня есть враг поблизости. Женщина, зовут Ла Каталина. Она улучила мгновение и меня толкнула. Я и упал.

— Зачем это ей понадобилось?

— Убить меня хотела, вот и все.

— Она была у тебя в доме?

— Ага.

— Как же ты ей позволил войти?

— Ничего я ей не позволял. Она сама влетела.

— Как это?

— Она — черный дрозд. И надо признать, у нее это здорово получается.

Я опешил.

— Она уже давно и не раз пыталась со мной покончить. И на этот раз едва не получилось.

— Ты сказал, она — черный дрозд? То есть она что птица?

— Опять ты со своими вопросами. Она — черный дрозд. Точно так же, как я — ворона. Кто я — человек или птица? Я — человек, который знает, как становиться птицей. Касательно же Ла Каталины, так это просто исчадие ада. До того ей не терпится меня убить, что все труднее от нее отбиваться. Птица ворвалась прямо в дом, и я ничего не мог поделать.

— Ты можешь становиться птицей, дон Хуан?

— Могу. Но об этом как-нибудь в другой раз.

— Почему она хочет тебя убить?

— Это старая история. Теперь она подошла к развязке, и похоже, придется с нею покончить, пока она меня не прикончила.

— Ты собираешься прибегнуть к колдовству? — спросил я с надеждой.

— Тьфу, дурень. Какое тут колдовство поможет? У меня другие планы. Когда-нибудь, может, я ими с тобой поделюсь.

— А что, твой союзник не может тебя от нее защитить?

— Нет, дымок только говорит мне, что делать. Защищать себя я должен сам.

— Ну, а Мескалито? Может быть, прибегнуть к его защите?

— Нет. Мескалито — учитель, а не сила, которую можно использовать как заблагорассудится.

— А «трава дьявола»?

— Говорю тебе, я должен защищать себя сам, следуя при этом лишь указаниям дымка, моего союзника. И в этом смысле, насколько мне известно, дымок может многое. Какие бы проблемы ни возникли, дымок тебе все расскажет, и при этом укажет не только что делать, но и как. Из всех доступных человеку это самый замечательный союзник.

Лучший союзник для каждого?

— С каждым у него по-своему. Многие его боятся и ни за что не станут к нему прикасаться, и вообще предпочитают не связываться. Дымок не для всех, как и все остальное.

— Что же он такое?

Дымок — это дым предсказателей!

В его голосе явственно прозвучало благоговение, чего я до сих пор за ним не замечал.

— Для начала приведу слова моего бенефактора, когда он начал учить меня этим вещам, — хотя в то время я, так же как ты сейчас, не мог его понять по-настоящему. «Трава дьявола» — для тех, кто жаждет обладания силой. Дымок — для тех, кто стремится прежде всего наблюдать и видеть. И я считаю, что в этом дымок не знает себе равных. Как только человек вошел в его владения, ему подвластна любая другая сила. Это великолепно! Разумеется, за это нужно по-настоящему платить. Годы потребуются только на то, чтобы узнать как следует две его главные части: трубку и курительную смесь. Трубку я получил от моего бенефактора, и за долгие годы общения с трубкой я с нею сросся. Она вросла в мои руки. Вручить ее, например, тебе, будет серьезной задачей для меня и большим достижением для тебя — если, конечно, у нас что-то получится. Трубка будет в напряжении от того, что ее держит кто-то другой; и если один из нас сделает ошибку, то она с роковой неизбежностью сама расколется, или, скажем, случайно выскользнет из рук и разобьется, даже если упадет на кучу соломы. Если это когда-нибудь случится, то, значит, конец нам обоим, о себе не говорю. Непостижимым образом дымок обратится против меня.

— Как он может обратиться против тебя, если он твой союзник?

Мой вопрос, видимо, прервал поток его мыслей. Он долго молчал.

— Благодаря сложности состава курительная смесь — опаснейшее вещество из всех, которые мне известны. Без нужной подготовки ее не может сделать

никто. Она смертельно опасна для всякого, кроме того, кому покровительствует дымок. Трубка и смесь требуют любовнейшего отношения, и тот, кто намерен с ними учиться, должен подготовить себя, ведя строгую и скромную жизнь. Действие дымка столь устрашающе, что лишь очень сильный человек способен устоять даже против слабой затяжки. Вначале все представляется пугающим и запутанным, зато каждая следующая затяжка проясняет все вокруг и вносит все большую ясность. И внезапно мир открывается заново. Это поразительно! Когда это происходит, дымок становится союзником этого человека и открывает путь в незримые чудесные миры. Это главное в дымке, его величайший подарок. И делает он это, не принося ни малейшего вреда. Вот это — настоящий союзник.

Мы, как обычно, сидели на веранде, на хорошо утрамбованном и тщательно подметенном земляном полу. Вдруг он встал и направился в дом. Вскоре он вернулся с узким свертком и вновь уселся.

— Это моя трубка, — сказал он. Он наклонился ко мне и показал трубку, которую вытащил из чехла зеленой парусины. Длиной она была дюймов девять-десять. Черенок был из красноватого дерева, гладкий, без резьбы. Чубук был тоже из дерева, но в сравнении с черенком выглядел значительно более массивным — отполированный до блеска, темно-серого цвета, почти как кусок угля.

Он поднес трубку к моим глазам. Я подумал, что он протягивает ее мне, и хотел было ее взять, но он мгновенно отдернул руку.

— Эту трубку дал мне мой бенефактор, — сказал он. — В свою очередь я передам ее тебе. Но сначала ты должен сойтись с нею поближе. Каждый раз, как ты будешь сюда приезжать, я буду давать ее тебе. Начнешь с прикосновения к ней. Держать ее будешь вначале очень недолго, пока вы не привыкнете друг к другу. Затем ты положишь ее к себе в карман или, скажем, за пазуху, и только со временем можно будет поднести ее ко рту. Все это нужно делать постепенно, очень медленно и осторожно. Когда между вами установится более прочная связь, ты начнешь ее курить. Если ты последуешь моему совету и не будешь торопиться, то дымок, возможно, станет и твоим любимым союзником.

Он подал мне трубку, не выпуская из рук. Я протянул к ней правую руку.

— Обеими, — сказал он.

Я обеими руками на очень короткое мгновение коснулся трубки. Он ее не выпускал, так что я не мог ее ухватить, а мог лишь коснуться трубки. Затем он сунул трубку в чехол.

— Первый шаг — полюбить трубку. На это нужно время.

— А она — может меня невзлюбить?

— Нет, трубка не может тебя невзлюбить, но ты должен научиться любить ее, чтобы к тому времени, когда начнешь курить, трубка вселяла в тебя бесстрашие.

— Что ты куришь, дон Хуан?

— Вот это.

Он расстегнул воротник и показал скрытый за пазухой небольшой мешочек, висевший на шее на манер медальона. Он вынул кисет, развязал и очень осторожно отсыпал себе на ладонь немного содержимого.

Смесь по виду напоминала мелко истертые чайные листья разной окраски — от темно-коричневой до светло-зеленой, с несколькими крупицами ярко-желтого цвета.

Он всыпал смесь в кисет, завязал его, затянул ремешком и спрятал за пазуху.

— Что это за смесь?

— Там много всякого. Добыть все составляющие — предприятие очень нелегкое. Приходится отправляться очень далеко. Грибочки (los honguitos), необходимые для приготовления смеси, растут только в определенное время года и только в определенных местах.

— Эти смеси разные в зависимости от того, какая нужна помощь?

— Нет, существует только один дымок, и нет никакого другого.

Он ткнул пальцем в мешочек за пазухой и поднял трубку, которая была зажата у него между колен:

— Эти двое — одно. Одного нет без другого. Трубку и секрет смеси я получил от моего бенефактора. Они были переданы ему точно так же, как он передал их мне. Смесь трудно приготовить, но легко восполнить. Ее секрет — в ее составляющих, в способе их сбора, обработки и самого смешивания. Трубка же — на всю жизнь. Она требует самого тщательного ухода. Она прочная и крепкая, но ее следует всегда беречь от малейшего удара и сотрясения. Держать трубку надо только в сухих руках и никогда не браться потными, а курить лишь в совершенном одиночестве. И никто, ни один человек на свете никогда не должен ее видеть, разве что ты сам намерен ему ее передать. Вот чему учил меня мой бенефактор. И именно так, сколько себя помню, я обращаюсь с трубкой.

— А что случилось бы, если бы ты ее потерял или сломал?

Он очень медленно покачал головой и взглянул на меня:

— Я бы умер.

— У всех магов такие трубки?

— Не у всех такие, как у меня, но я знаю некоторых, у кого не хуже.

— А ты сам можешь сделать такую же, дон Хуан? — допытывался я. — Предположим, у тебя бы ее не было. Как бы тогда ты передал мне трубку, если бы в этом возникла необходимость?

— Если бы у меня не было трубки, то я не мог бы ее тебе передать, даже если, положим, захотел бы. Я дал бы тебе что-нибудь другое.

Видно было, что он чем-то недоволен. Он очень осторожно положил трубку в чехол, внутри которого, вероятно, был вкладыш из мягкой материи, потому что трубка, едва его коснувшись, мгновенно скользнула внутрь. Он направился в дом ее спрятать.

— Ты на меня не сердишься, а, дон Хуан? — спросил я, когда он вернулся. Он, казалось, удивился.

— Нет. Я никогда ни на кого не сержусь. Ни один человек не может сделать ничего, что этого бы заслуживало. На людей сердишься, когда чувствуешь, что их поступки важны. Ничего подобного я давно не чувствую.

Вторник, 26 декабря 1961

Пересадка «саженца», как называл корень дон Хуан, не требовала специальной даты, хотя предполагалось, что в освоении «травы дьявола» это будет следующий этап.

Я прибыл к дону Хуану в субботу, 23 декабря, сразу после обеда. Как обычно, мы некоторое время сидели в молчании. День был теплый и пасмурный. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как он дал мне первую порцию.

— Время вернуть «траву дьявола» земле, — вдруг сказал он. — Но сначала нужно установить для тебя защиту. Ты будешь хранить и защищать ее. И никто, кроме тебя, не должен ее видеть. Поскольку устанавливать защиту буду я, я тоже буду видеть твою «траву дьявола». Хорошего в этом мало, поскольку, я уже говорил, я не поклонник «травы дьявола». Не получается у нас идиллии. Но моя память проживет недолго, я слишком стар. А вот ты должен беречь ее от чужих глаз, поскольку до тех пор, пока кто-то будет помнить об увиденном, сила защиты сомнительна.

Он пошел к себе в комнату и вытащил из-под старой циновки три узла из дерюги. Потом вернулся и сел на веранде.

После долгого молчания он развязал один узел. Это была женская особь datura из тех, которые он тогда выкопал. Все сложенные им листья, цветы и семенные коробочки высохли. Он взял длинный кусок корня в виде буквы игрек и завязал узел.

Корень высох и сморщился, резко обозначились складки коры. Он положил его на колени, открыл свою кожаную сумку, вытащил нож и поднес корень к моим глазам.

— Эта часть — для головы, — сказал он и сделал первый надрез на нижнем конце «игрека», который в перевернутом виде напоминал человечка с расставленными ногами.

— Эта — для сердца, — Сказал он и сделал надрез в развилке. Затем он обрезал концы корня, оставив примерно по три дюйма на каждом. Потом медленно и кропотливо он вырезал фигурку человека.

Корень был сухой и волокнистый. Прежде чем приступить к самой резьбе, дон Хуан сделал два предварительных надреза, для чего ему пришлось растеребить и вдавить волокна вглубь канавок. Однако когда он перешел к деталям, то орудовал ножом прямо по дереву, как при отделке рук и ног. Под конец получилась фигурка человека со сложенными на груди руками и сплетенными в замок кистями рук.

Дон Хуан встал и направился к синей агаве, росшей рядом с верандой. Ухватившись за твердый шип одного из самых мясистых листьев, он нагнул его и несколько раз повернул вокруг оси. Шип почти отделился от листа и повис; дон Хуан ухватился за него зубами и выдернул. Шип вышел из мякоти листа, за ним тащился хвост белых нитевидных волокон длиною в два фута. Все еще держа шип в зубах, дон Хуан скрутил из волокон шнур, которым обвил ноги фигурки, словно для того, чтобы свести их вместе. Он обмотал всю нижнюю часть фигурки; на это ушел весь шнур. Затем он искусно приделал шип в виде копья к передней части фигурки, под сложенными руками, так что оно торчало острием из-под сцепленных ладоней. Он вновь ухватился за шип зубами и, осторожно потянув, вытащил почти до конца. Теперь шип выглядел как длинное копье, выступающее из груди человечка. Закончив с фигуркой, дон Хуан сунул ее в кожаную сумку. Я видел, что он сильно устал. Он лег на пол веранды и уснул.

Когда он проснулся, было уже темно. Мы поели из тех консервов, которые я ему привез, и еще немного посидели на веранде. Затем дон Хуан взял три узла и пошел за дом. Там он нарубил веток и сухих сучьев и развел костер. Мы уселись у костра поудобнее, и он развязал все три узла. В первом были сухие части женского растения, во втором все, что осталось от мужского, а из третьего, самого внушительного, он вытащил зеленые свежесрезанные части datura.

Дон Хуан пошел к корыту и вернулся с каменной ступкой, очень глубокой, напоминавшей скорее горшок с закругленным дном. Он сделал в земле ямку и в ней прочно установил ступку. Он подбросил сучьев в костер, затем взял два узла с сухими частями мужской и женской особи и все это высыпал в ступку, напоследок встряхнув дерюгу, чтобы убедиться, что там ничего не осталось. Из третьего узла он вытащил два свежих куска корня.

— Я буду готовить их специально для тебя, — сказал он.

— Как именно готовить, дон Хуан?

— Этот кусок — от женской особи, этот — от мужской. Сейчас тот редкий случай, когда кавалер и дама кладутся вместе. Оба куска с глубины в один ярд.

Он принялся толочь их в ступке равномерными ударами пестика, тихо напевая при этом что-то, звучавшее как лишенный ритма монотонный гул. Слов я не мог разобрать. Он весь ушел в работу.

Когда корни были истерты в порошок, он вынул из свертка несколько листьев, чистых и свежесрезанных, без единой червоточины или следа гусеницы, и неторопливо по одному бросил их в ступку. Потом взял горсть цветов и по одному бросил туда же. Всего я их насчитал четырнадцать. Затем он достал зеленые семенные коробочки, усеянные шипами и еще не раскрывшиеся. Их я сосчитать не мог — он бросил в ступку всю горсть, — но кажется, их тоже было четырнадцать. Он добавил три стебля без листьев — темно-красного цвета, тоже без червоточин. Судя по многочисленным на них срезам, это были стебли больших растений.

Положив в ступку, он мерными ударами растолок все это в кашу, наконец опрокинул ступку на ладонь и переложил смесь в старый горшок. Он протянул мне руку, и я подумал, что ее нужно вытереть. Но он, схватив мою левую руку и молниеносным движением растопырив средний и безымянный пальцы, воткнул, не успел я опомниться, между ними острие ножа и разрезал кожу вниз по безымянному пальцу. Действовал он с такой быстротой и ловкостью, что когда я отдернул руку, кровь уже лилась ручьем из глубокого пореза. Он опять схватил мою руку, поднес к горшку и выжал в него побольше крови.

Рука онемела. Я был в состоянии шока, в странном холодном жестком напряжении, с ощущением давления в груди и в ушах. Я чувствовал, что куда-то соскальзываю. Я был близок к обмороку. Он отпустил мою руку и помешал в горшке. Когда я очнулся, то был здорово на него сердит. Понадобилось довольно много времени, чтобы я полностью пришел в себя.

Он разложил вокруг костра три камня и поставил на них горшок. Ко всей смеси в горшке он добавил еще что-то вроде большого куска столярного клея, влил большой ковш воды и оставил все это кипеть. Дурман сам по себе пахнет весьма специфически, в соединении же со столярным клеем, который, угодив в закипавшую смесь, тотчас дал о себе знать, получилась такая вонь, что я с трудом удерживался от рвоты.

Смесь долго кипела, а мы все это время неподвижно сидели у костра. Время от времени, когда ветер гнал испарения в мою сторону, меня обволакивало вонью, и я старался не дышать.

Открыв кожаную сумку, дон Хуан вытащил человечка, бережно передал фигурку мне и велел сунуть в горшок, только осторожно, чтобы не обжечься. Фигурка беззвучно скользнула в кипящее варево. Он вынул нож, и у меня мелькнула мысль, что сейчас он опять будет меня резать, но он просто подтолкнул острием фигурку и утопил ее окончательно.

Он еще немного понаблюдал, как кипит варево, а затем принялся чистить ступку. Я помогал. Когда мы закончили, он сложил ступку и пестик у забора. Мы вошли в дом, а горшок оставался на камнях всю ночь.

На рассвете дон Хуан велел мне вытащить фигурку из клея и подвесить к кровле, лицом на восток, сохнуть на солнце. К полудню она стала твердой как проволока. Клей затвердел и стал зеленым от брошенных в варево листьев. Фигурка отливала сверхъестественным глянцем.

Дон Хуан велел снять фигурку и дал мне сумку из старой замшевой куртки, которую я ему когда-то привез. Выглядела сумка точно так же, как его собственная, разве что та была из мягкой желтой кожи.

— Положи свой «портрет» в сумку и закрой ее, — сказал он.

Он демонстративно отвернулся и на меня не смотрел. Когда я спрятал фигурку, он дал мне сетку и велел положить в нее глиняный горшок.

Он подошел к моей машине, взял у меня из рук сетку и прицепил ее к открытой дверце бардачка.

— Ступай-ка за мной, — приказал он.

Он обошел вокруг дома, сделав полный оборот по часовой стрелке. Постояв на веранде, он еще раз обошел вокруг дома, на этот раз против часовой стрелки, и опять вернулся на веранду. Какое-то время он стоял неподвижно, потом сел.

Я уже привык считать, что во всем, что бы он ни делал, есть какой-то особый смысл. Я гадал о том, что бы означали эти эволюции вокруг дома, когда он воскликнул:

— Вот те на! Куда ж я его девал?

Я спросил, что он ищет. Оказалось — саженец, который я должен пересадить. Мы еще раз обошли вокруг дома, пока он наконец вспомнил.

Он подвел меня к полочке под крышей; на полочке стояла небольшая стеклянная банка, в ней была вторая половина первой порции корня. Сверху уже пробились ростки. На дне оставалось немного воды, но земли не было.

— А почему там нет земли? — спросил я.

— Каждая почва своеобразна, а «трава дьявола» должна знать только ту землю, на которой будет расти. Сейчас самое время вернуть ее земле, пока не завелись черви.

— Мы посадим ее здесь, возле дома? — спросил я.

— Ни в косм случае! Вернуть земле ее нужно только в том месте, которое тебе нравится.

— А где же оно, это место, которое мне нравится?

— Нужна тебе сила — придется попотеть. Другого выхода нет.

— Может, ты за ней присмотришь, пока я буду отсутствовать, а, дон Хуан?

— Ты издеваешься! Каждый должен сам растить свой саженец. У меня есть свой. Теперь ты должен иметь свой. И считать себя готовым к учению можешь не ранее, чем получишь семена от своего саженца.

— А ты мне не подскажешь, где его сажать?

— Это уж ты сам решай. Но место это не открывай никому, даже мне. Только так сажают «траву дьявола». Никто, ни одна душа не должна знать твое место. Если за тобой шел и видел тебя незнакомец, хватай саженец и беги в другое место. Тот, кто тебя видел, может нанести тебе невообразимый вред, манипулируя твоим растением. Он может искалечить или убить тебя. Вот почему даже я не должен знать, где оно находится.

Он протянул мне банку с куском корня:

— Теперь возьми его.

Я взял банку, и он почти потащил меня к машине.

— Теперь уезжай. Ступай и подбери место, где ты его посадишь. Вырой яму в мягкой почве, невдалеке от воды. Помни — чтобы вырасти как следует, вода должна быть где-нибудь рядом. Яму копай только руками, пусть хоть поранишь их до крови. Корень посадишь в центре ямы, и сделай вокруг него насыпь. Затем польешь водой. Когда вода впитается, засыпь яму мягкой землей. Потом выберешь место в двух шагах на юго-восток от саженца. Там выкопаешь еще одну яму поглубже, тоже собственными руками, и выльешь в нее все, что осталось в горшке. Затем разбей горшок и черепки закопай поглубже где-нибудь подальше от саженца. Когда закопаешь черепки, вернешься к своему саженцу и еще раз его польешь. Затем достань свой «портрет», сунь его между пальцами там, где порез, и, стоя на том месте, где ты закопал варево, слегка дотронься до саженца иглой. Обойди его четырежды, при обходе останавливаясь всякий раз на том же месте, чтобы коснуться саженца.

— В каком направлении двигаться, обходя саженец?

— В каком хочешь. Но ты должен постоянно помнить, где закопал месиво из горшка и в каком направлении ты двигался вокруг саженца. При обходе всякий раз касайся его острием лишь слегка, и только напоследок уколешь поглубже. Делай это осторожно: стань на колени, чтобы рука случайно не дрогнула, потому что ни в коем случае нельзя сломать острие, чтобы оно не осталось в растении. Сломаешь острие — все пропало; корень тебе больше не понадобится.

— Нужно ли при обходе что-нибудь говорить?

— Нет. Я сделаю это вместо тебя.

Суббота. 27 января 1962

Сегодня утром, как только я приехал, дон Хуан сказал, что покажет приготовление курительной смеси. Мы отправились в горы, далеко в глубь одного из каньонов. Дон Хуан остановился у высокого стройного куста, который по цвету заметно выделялся на фоне прочей растительности. Заросли вокруг куста были желтоватыми, тогда как сам куст — ярко-зеленым.

— Ты должен собрать с него листья и цветы, — сказал он. — Сегодня как раз подходящее время: День Всех Душ (El Dia De Las Animas).

Он вынул нож и срезал конец тонкой ветки, выбрал другую такую же и тоже срезал у нее верхушку, — и так до тех пор, пока в руках у него не оказалась горсть срезанных верхушек тонких веточек. Затем он сел на землю.

— Смотри сюда, — сказал он, — все эти ветки я срезал выше развилки между стеблем и двумя или более листьями. Видишь? Они все одинаковы. От каждой ветки я взял только верхушку, где листья свежие и нежные. Теперь нужно найти тенистое место.

Шли мы довольно долго, пока он нашел то, что искал. Он вытащил из кармана длинный шнурок и привязал его одним концом к стволу, другим — к нижним ветвям двух кустов, протянув между ними таким образом что-то вроде

бельевой веревки, на которой развесил вверх ногами срезанные веточки. Он равномерно расположил их вдоль шнурка; подвешенные за развилки, они напоминали кавалькаду всадников в зеленых плащах.

— Нужно следить, чтобы листья сохли в тени, — сказал он. — Место должно быть укромным и труднодоступным. Это для них защита. Сушить нужно в таком месте, где их почти невозможно найти. Когда листья высохнут, их нужно сложить в пакет и запечатать.

Он снял веточки со шнурка и забросил в кустарник. Очевидно, он хотел только показать мне процедуру.

По пути он сорвал три разных цветка, сказав, что они также входят в смесь и собирать их следует в то же время, но складывать в отдельные глиняные горшки и сушить в темноте. Каждый горшок должен быть запечатан и плотно закрыт, чтобы цветы покрылись плесенью. Листья и цветы добавляют в смесь, чтобы ее смягчить.

Из каньона мы вышли по руслу реки и, сделав большой крюк, вернулись к его дому. Поздно вечером мы уселись в его комнате, что было редкостью, и он рассказал о последней составляющей — грибах.

— В грибах — подлинная тайна смеси, — сказал он. — Их труднее всего раздобыть. Путешествие к местам, где они растут, трудное и небезопасное, а собрать именно те грибы, которые годятся, еще более рискованно. Помимо прочего, их можно спутать с другими, которые там растут и от которых больше вреда, чем пользы. Они только испортят хорошие грибы, если будут сушиться вместе. Чтобы не натворить ошибок и как научиться разбираться в грибах, требуется время. Использование не тех грибов может нанести серьезный вред — и человеку, и трубке. Я знал людей, которые умерли на месте от того лишь, что были небрежны со смесью.

Когда грибы собраны, их укладывают в бутыль из тыквы, поэтому их после нельзя перебрать. Дело в том, что грибы приходится вначале искрошить, чтобы протолкнуть через узкое горлышко бутыли.

— Сколько им там находиться?

— Год. Все остальные составляющие также запечатываются на год. Затем их отмеряют в нужной пропорции и по очереди размалывают в мелкий порошок. Грибочки размалывать нет нужды, потому что за год они сами превратятся в пыль; достаточно лишь раздавить комья. К четырем частям грибов добавляют одну часть смеси из прочих составляющих. Все это хорошенько перемешивают и ссыпают в мешочек вроде моего.

Он ткнул пальцем в кисет под рубашкой.

— Потом все составляющие опять собираются вместе, и только после того, как они убраны сушиться, смесь, которую ты приготовил, можно курить. В твоем случае это будет в следующем году. А еще через год смесь будет в твоем полном распоряжении, потому что будет собрана тобой. Когда будешь курить в первый раз, я сам зажгу для тебя трубку. Ты выкуришь всю трубку и будешь ждать. Дымок придет, ты его почувствуешь. Он даст тебе свободу видеть все, что ты захочешь. Это в самом деле непревзойденный союзник. Но всякий, кто его ищет, должен обладать непреклонной волей и устремленностью, во-первых, потому, что он должен рассчитывать вернуться и желать возвращения, иначе дымок его не отпустит; во-вторых, он должен рассчитывать и стремиться запомнить все, что даст ему увидеть дымок, иначе в голове останутся просто обрывки тумана.

Суббота, 8 апреля 1962

В беседах дон Хуан периодически использовал выражение «человек знания», но ни разу не объяснил, что это значит. Я попросил его объяснить.

— Человек знания — это тот, кто добросовестно и с верой переносит лишения и тяготы обучения, — сказал он. — Тот, кто без спешки, но и без промедления отправился в полный опасностей путь, чтобы разгадать, насколько это ему удастся, тайны знания и силы.

— Может ли быть человеком знания каждый?

— Нет, далеко не каждый.

— Что же тогда для этого нужно?

— Человек должен бросить вызов своим четырем извечным врагам и сразить их.

— И после победи над ними он будет человеком знания?

— Да, человек имеет право назвать себя человеком знания лишь если победит всех четырех.

— Тогда может ли любой, кто победит этих врагов, быть человеком знания?

— Любой, кто победит их, становится человеком знания.

— Но существуют ли какие-то особые требования, которым должен соответствовать человек прежде, чем начать битву со своими врагами?

— Нет. Стать человеком знания может пытаться любой, хотя очень немногие преуспевают в этом; но это естественно. Враги, которых встречает человек на пути к знанию, — в самом деле грозные враги. Большинство людей перед ними отступают и сдаются.

— Что же это за враги, дон Хуан?

На этот вопрос он отвечать оказался, сказав лишь, что должно пройти много времени прежде, чем эта тема будет иметь для меня какой-то смысл. Я все же попытался ее удержать и спросил, могу ли стать человеком знания, например, я. Он ответил, что этого, пожалуй, никто не может сказать наверняка. Но мне хотелось точно знать, нет ли какого-нибудь способа определить, есть ли у меня шанс. Он сказал, что это решит моя битва против четырех врагов: я выйду либо победителем, либо побежденным, но исход битвы предсказать невозможно.

Я спросил, не может ли он прибегнуть к колдовству или гаданию, чтобы увидеть исход. Он ответил совершенно безапелляционно, что результат битвы нельзя предвидеть никоим образом, поскольку быть человеком знания — вещь преходящая. Когда я попросил это растолковать, он ответил:

— Быть человеком знания — не навсегда: это непостоянно. Никто в действительности не является безусловно человеком знания. Скорее,

человеком знания становятся лишь на краткое время после победы.

— Скажи мне, что это за враги.

Он не ответил. Я пытался настаивать, но он оборвал эту тему и заговорил о другом.

Воскресенье, 15 апреля 1962

Готовясь к отъезду, я решил еще раз спросить его насчет врагов человека знания. Я всячески отстаивал свои доводы, убеждая его, что меня здесь долго не будет, и потому неплохо бы записать все, что он мне скажет, чтобы потом на досуге над этим поразмыслить.

Поколебавшись, он все же заговорил.

— Когда человек начинает учиться, он никогда не имеет четкого представления о препятствиях. Его цель расплывчата и иллюзорна; его устремленность неустойчива. Он ожидает вознаграждения, которого никогда не получит, потому что еще не подозревает о предстоящих испытаниях.

Постепенно он начинает учиться — сначала понемногу, затем все успешней. И вскоре он приходит в смятение. То, что он узнает, никогда не совпадает с тем, что он себе рисовал, и его охватывает страх. Учение оказывается всегда не тем, что от него ожидают. Каждый шаг — это новая задача, и страх, который человек испытывает, растет безжалостно и неуклонно. Его цель оказывается полем битвы.

И таким образом перед ним появляется его первый извечный враг: Страх! Ужасный враг, коварный и неумолимый. Он таится за каждым поворотом, подкрадываясь и выжидая. И если человек, дрогнув перед его лицом, обратится в бегство, его враг положит конец его поискам.

— Что же с этим человеком происходит?

— Ничего особенного, кроме разве того, что он никогда не научится. Он никогда не станет человеком знания. Он может стать пустомелей или безвредным напуганным человечком: но во всяком случае он будет

побежденным. Первый враг поставил его на место.

— А что нужно делать, чтобы одолеть страх?

— Ответ очень прост: не убегать. Человек должен победить свой страх и вопреки ему сделать следующий шаг в обучении, и еще шаг, и еще. Он должен быть полностью устрашенным, и однако не должен останавливаться. Таков закон. И наступит день, когда его первый враг отступит. Человек почувствует уверенность в себе. Его устремленность крепнет. Обучение больше не будет пугающей задачей. Когда придет этот счастливый день, человек может сказать не колеблясь, что победил своего первого извечного врага.

— Это происходит сразу или постепенно?

— Постепенно, и все же страх исчезает внезапно и тотчас.

— А может человек вновь испытать его, если с ним случится что-нибудь непредвиденное?

— Нет. Тот, кто однажды преодолел страх, свободен от него до конца своих дней, потому что вместо страха приходит ясность, которая рассеивает страх. К этому времени человек знает все свои желания и знает, что с ними делать; он может открывать для себя или предпринимать новые шаги в обучении, и все пронизывает острая ясность. Человек чувствует что для него не существует тайн.

И так он встречает второго врага: Ясность! Эта ясность, столь труднодостижимая, рассеивает страх, но она же и ослепляет.

Она заставляет человека никогда не сомневаться в себе. Она дает уверенность, что он ясно видит все насквозь. Да он и мужествен благодаря ясности и не остановится ни перед чем. Но все это — заблуждение: здесь что-то не то... Если человек поддастся своему мнимому могуществу, значит, он побежден вторым врагом и будет в обучении топтаться на месте. Он будет бросаться вперед, когда надо выжидать, или он будет выжидать, когда нельзя медлить. И так он будет топтаться, пока не выдохнется и потеряет способность еще чему-либо научиться.

— Что случается с ним после такого поражения? Он что, в результате умрет?

— Нет, не умрет. Просто второй враг перекрыл ему путь; и вместо человека знания он может стать веселым и отважным воином или, скажем, скоморохом. Однако ясность, за которую он так дорого заплатил, никогда не сменится вновь тьмой и страхом. Все будет навсегда для него ясным, только он никогда больше ничему не научится и ни к чему не будет стремиться.

— Что же ему делать, чтобы избежать поражения?

— То же, что со страхом: победить ясность и пользоваться ею лишь для того, чтобы видеть, и терпеливо ждать, и перед каждым новым шагом тщательно все взвешивать; а прежде всего — знать, что его ясность в сущности иллюзорна. И однажды он увидит, что ясность была лишь точкой перед глазами. Только так он сможет одолеть своего второго извечного врага и достичь такого положения, в котором ему уже ничего не сможет повредить. И это не будет заблуждением, всего лишь точкой перед глазами. Это будет подлинная сила.

На этом этапе ему станет ясно, что сила, за которой он так долго гонялся, наконец принадлежит ему. Он может делать с нею все что захочет. Его союзник в его распоряжении. Его желание — закон. Он видит насквозь все вокруг. Это и значит, что перед ним третий враг: Сила!

Это — самый грозный враг. И конечно, легче всего — просто сдаться: ведь в конце концов ее обладатель действительно непобедим. Он хозяин, который вначале идет на обдуманный риск, а кончает тем, что устанавливает закон, потому что он — хозяин.

Здесь человек редко замечает третьего врага, который уже навис над ним. И он не подозревает, что битва уже проиграна. Он превращен своим врагом в жестокого, капризного человека.

— Он потеряет свою силу?

— Нет; ни ясности, ни силы он не потеряет никогда.

— Чем же он тогда будет отличаться от человека знания?

— Человек, побежденный собственной силой, умирает, так и не узнав в действительности, что с нею делать. Сила — лишь бремя в его судьбе. Такой человек не властен над самим собой и не может сказать, когда и как использовать свою силу.

— Является ли поражение от какого-нибудь из этих врагов окончательным?

— Разумеется. Раз уж человек однажды побежден, он ничего не может поделать.

— А может ли, например, тот, кто побежден силой, увидеть свою ошибку и ее исправить?

— Нет. Если человек сдался, с ним покончено.

— Но что если он лишь временно был ослеплен силой, а тут от нее откажется?

— Ну, значит не все потеряно; значит он все еще пытается стать человеком знания. Человек побежден лишь тогда, когда он оставил всякие попытки и отрекся от самого себя.

— Но в таком случае получается, что человек может отречься от себя и испытывать страх целые годы, но в конце концов победит его.

— Нет, это не так. Если он поддался страху, то никогда его не победит, потому что будет избегать учения и никогда не отважится на новую попытку. Но если в течение многих лет он даже в центре своего страха не оставит попыток учиться, тогда он рано или поздно победит страх, потому что фактически никогда ему не поддавался.

— Как победить третьего врага, дон Хуан?

— Попросту победить, во что бы то ни стало. Человек должен прийти к пониманию того, что сила, которую он якобы покорил, в действительности ему не принадлежит и принадлежать никогда не может. Он должен утвердиться в неизменном самообладании, трезво и бескорыстно пользуясь всем, что узнал. Если он способен увидеть, что без самообладания ясность и сила хуже

иллюзии, он достигнет такой точки, где все будет в его подчинении. Тогда он узнает, когда и как использовать свою силу. Это и будет означать, что он победил третьего врага и пришел к концу своего странствия в обучении.

И вот тут без всякого предупреждения его настигает последний враг: Старость! Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

Это пора, когда человек избавился от страхов, от безудержной и ненасытной ясности, пора, когда вся его сила в его распоряжении, но и пора, когда им овладевает неодолимое желание отдохнуть, лечь, забыться. Если он даст ему волю, если он убаюкает себя усталостью, то упустит свою последнюю схватку, и подкравшийся враг сразит его, превратив в старое ничтожное существо. Желание отступить затмит его ясность, перечеркнет всю его силу и все его знание.

Но если человек стряхнет усталость и проживет свою судьбу до конца, тогда его в самом деле можно назвать человеком знания, пусть ненадолго, пусть лишь на тот краткий миг, когда ему удастся отогнать последнего и непобедимого врага. Одного лишь этого мгновения ясности, силы и знания уже достаточно.

Глава 4

В разговорах о Мескалито дон Хуан редко пускался в откровенность. Всякий раз, как я затрагивал эту тему, я спрашивал, почему он ее избегает. Отвечать он отказывался, но всегда говорил о Мескалито как раз достаточно, чтобы укрепить во мне впечатление его антропоморфности. В передаче дона Хуана Мескалито был мужского рода не только благодаря соответствующему окончанию, которое свойственно словам мужского рода в испанском языке, но и благодаря его неизменному статусу «защитника и учителя». Такие характеристики лишь подтверждались при всяком новом разговоре.

Воскресенье, 24 декабря 1961

— «Трава дьявола» никогда никого не защищала. Ее назначение — давать силу, и не более того. Мескалито, напротив, великодушен как дитя.

— Но ты же говорил, что он бывает устрашающ.

— Конечно, устрашающ; но с тем, кто ему вверяется, он благороден и добр.

— Из чего это видно, что он добр?

— Он — защитник и учитель.

— Каким же образом он защищает?

— Его можно держать при себе, а он будет следить, чтобы с тобой ничего не случилось плохого.

— Как это — держать при себе?

— В мешочке под рукой или на шее.

— Ты носишь его с собой?

— Нет, потому что у меня есть союзник. Но другие обычно носят.

— Чему же он учит?

— Правильно жить.

— А как он учит?

— Он показывает разные вещи и говорит что есть что (enzena las cosas y te dice lo que son).

— Как?

— Сам увидишь.

Вторник, 30 января 1962

— Что ты видишь, когда Мескалито берет тебя с собой, дон Хуан?

— Такие вещи так просто не рассказывают. Этого я не могу тебе рассказать.

— Если ты расскажешь, с тобой что-нибудь приключится?

— Мескалито — защитник: добрый, благородный защитник; но это не значит, что с ним можно шутить. Именно потому, что он добрый защитник, он может быть воплощением ужаса для тех, кто ему не нравится.

— Я и не думаю шутить. Я просто хотел бы знать, что он показывает другим и что с ними делает. Я ведь описал тебе все, что со мной было.

— С тобой другое дело, возможно потому, что тебе не известны его пути. Приходится учить тебя этому совершенно так же, как учат ходить ребенка.

— Сколько еще мне предстоит учиться?

— Пока он сам по себе не начнет приобретать для тебя смысл.

— А потом?

— Потом сам все поймешь. Тебе больше не понадобится ничего мне рассказывать.

— Можешь ли ты мне внятно растолковать, куда тебя берет Мескалито?

— Тебе я этого не могу сказать.

— Я хочу только знать, существует ли какой-то другой мир, куда он берет людей.

— Существует.

— Это рай? («Рай» по-испански cielo, но это также «небо».)

— Он берет тебя сквозь небо (cielo).

— То есть, я хочу сказать, это то небо (cielo), где Бог?

— Ты говоришь чушь. Я не знаю, где Бог.

— Мескалито — это Бог, единый Бог? Или один из богов?

— Он просто защитник и учитель. Он — сила.

— Он что, сила внутри нас?

— Нет, Мескалито не имеет с нами ничего общего. Он вне нас.

— Но тогда каждый, кто принимает Мескалито, должен видеть его так же, как остальные.

— Ничего подобного. Для каждого он другой.

Четверг, 12 апреля 1962

— Почему ты не расскажешь мне побольше о Мескалито, дон Хуан?

— Нечего рассказывать.

— Но существует же, наверное, тысяча вещей, которые не мешало бы узнать прежде, чем я снова с ним встречусь.

— Нет. Я думаю, что в твоем случае нет ничего такого, что тебе следовало бы знать. Я говорил уже — он с каждым другой.

— Я понял. Но все же хотелось бы знать, что обычно при встрече с ним испытывают.

— Суждения тех, кто о нем болтает, не многого стоят. Сам увидишь. Может статься, какое-то время и ты будешь молоть о нем языком, но вскоре тебе это

опротивеет.

— А ты не мог бы все-таки рассказать мне о своем первом опыте?

— Зачем?

— Тогда я знал бы, как себя вести с Мескалито.

— Ты уже знаешь больше меня. Ты в самом деле играл с ним, как ни трудно в это поверить. Когда-нибудь ты убедишься, сколь добр был к тебе защитник. В тот первый раз, не сомневаюсь, он сказал тебе великое множество вещей, но ты был глух и слеп.

Суббота, 14 апреля 1962

— Когда Мескалито показывает себя, он может принимать любую форму?

— Да, любую.

— В таком случае, какие, по-твоему, наиболее обычны?

— Обычных нет.

— Ты хочешь сказать, что он является в любой форме даже тем, кто хорошо с ним знаком?

— Нет. В любой форме он является тем, которые с ним знакомы лишь недавно, но для тех, кто давно его знает, он всегда постоянен.

— Каким образом постоянен?

— Он является им иногда как человек, вроде нас с тобой, иногда как свет.

— Мескалито когда-нибудь изменяет свою постоянную форму с теми, кто хорошо его знает?

— Это не по моей части.

Пятница, 6 июля 1962

К вечеру 23 июня мы отправились в поход — как сказал дон Хуан, поискать «грибочки» (honguitos) в штате Чиуаua. Он предупредил, что поход будет длительным и нелегким; так оно и вышло.

В десять вечера мы прибыли в небольшой шахтерский городок на севере штата. От улицы, где я поставил машину, мы прошли на окраину, к дому его друзей, индейца племени тараумара и его жены, и там заночевали.

Часов в пять утра нас разбудил хозяин, который принес кашу и бобы. Пока мы ели, он говорил с доном Хуаном, но о нашем путешествии не сказал ни слова.

После завтрака хозяин наполнил водой мою флягу и положил мне в рюкзак пару булок. Дон Хуан флягу сунул мне, рюкзак приладил поудобней у себя на спине, поблагодарил хозяина и, повернувшись ко мне, сказал:

— Ну, пошли.

Около мили мы шли по грунтовой дороге, потом свернули в поле и через два часа были у подножья гор к югу от города. Мы начали подниматься по пологому склону, двигаясь на запад; когда склоны стали круче, дон Хуан сменил направление, и мы пошли по плато на восток. Несмотря на преклонный возраст, дон Хуан шагал с такой скоростью, что к полудню я полностью выдохся. Мы сделали привал, и он достал провизию.

— Если хочешь, можешь все съесть, — сказал он.

— А ты?

— Я не голоден, а позже эта еда не понадобится.

Я очень устал и проголодался, поэтому не спорил. Я решил, что сейчас самое время узнать наконец о цели путешествия, и как бы невзначай спросил:

— Мы как, по твоим расчетам здесь надолго?

— Мы пришли сюда, чтобы собрать немного Мескалито, и будем здесь до

завтра.

— Где это Мескалито?

— Да кругом.

Вокруг было полно кактусов разных видов, но пейота я среди них не заметил.

Мы снова отправились в путь и к трем пополудни оказались в длинной узкой долине среди крутых склонов. Мысль о том, что я, может, вот-вот найду пейот, который я никогда не видел в его природной среде, вызывала во мне необычное возбуждение. Мы вошли в долину и прошли около четырехсот футов, когда вдруг я заметил три несомненных пейота — целое семейство слева от тропы, поднимавшееся над землей на несколько дюймов. Выглядели они как круглые мясистые зеленые розы. Я бросился к ним, крикнув дону Хуану.

Он точно не слышал и продолжал шагать, уходя все дальше. Я понял, что допустил оплошность, и весь остаток дня мы шли в молчании, медленно передвигаясь по плоской равнине, усеянной мелкими острыми камнями. Шли среди кактусов, вспугивая полчища ящериц, подчас одинокую птицу. Я без звука миновал дюжину кактусов пейота.

К шести вечера мы были у подножья гор на краю долины. Мы взобрались на скалистый уступ. Дон Хуан сбросил рюкзак и сел.

Я опять проголодался, но еды больше не было. Я предложил собрать Мескалито и вернуться. Он поморщился и неодобрительно щелкнул языком, потом сказал, что здесь мы останемся на ночь.

Мы спокойно сидели. Слева была скала, а справа оставшаяся позади нас долина. Она тянулась довольно далеко, и отсюда видно было, что она шире и не такая плоская, как я думал, а кроме того, оказалось, что в ней полно небольших холмов и впадин.

— Завтра двинемся обратно, — сказал дон Хуан, не глядя на меня и указывая на долину. — На обратном пути и будем его собирать. То есть подбирать его мы будем только когда он окажется прямо на нашем пути. Это он будет

находить нас, и никак иначе. Если захочет, он нас найдет.

Дон Хуан прислонился к скале и, отвернувшись, продолжал говорить так, будто кроме нас здесь был еще кто-то.

— Еще одно. Брать его буду только я. Ты будешь нести рюкзак или, может быть, просто идти впереди, пока не знаю. Но только на этот раз ты не будешь вопить и мне на него указывать, как это устроил сегодня.

— Прости, дон Хуан.

— Ладно. Ты не знал.

— Твой бенефактор учил тебя всему этому про Мескалито?

— Нет. Про него никто меня не учил. Меня учил сам защитник.

— Так что, Мескалито — это что-то вроде человека, с которым можно поговорить?

— Нет.

— Как же он тогда учит?

Некоторое время он молчал.

— Помнишь, что было, когда ты с ним играл? Ты ведь понимал его, верно?

— Да, понимал.

— Вот так он и учит. Тогда ты этого не знал, но если бы ты был к нему внимательней, он говорил бы тебе.

— Когда?

— Когда ты впервые его увидел.

Его явно раздражали мои расспросы. Я сказал, что мне приходится

расспрашивать, так как я хочу знать по возможности все.

— Спрашивай не меня, — мрачно улыбнулся он. — Спрашивай его. В следующий раз, как его увидишь, спроси обо всем, о чем пожелаешь.

— Так что, все-таки Мескалито — в самом деле кто-то вроде собеседника...

Но не дав мне закончить, он отвернулся, взял флягу, спустился со скалы и скрылся. Мне не хотелось оставаться здесь одному, и, хотя он меня не звал, я отправился следом. Мы прошли около пятисот футов к небольшому ручью. Он умылся и наполнил флягу, потом прополоскал рот, но не пил. Я зачерпнул воды и хотел напиться, но он меня остановил, сказав, что пить не обязательно.

Он сунул мне флягу и пошел обратно. Вернувшись на место, мы опять уселись лицом к долине, спиной к скале. Я спросил, не развести ли костер. Его реакция была как на вопрос совершенно нелепый; этой ночью, сказал он, мы в гостях у Мескалито, и уж защитник позаботится, чтобы нам было тепло.

Уже совсем стемнело. Дон Хуан достал два тонких хлопчатобумажных одеяла, одно из них бросил мне на колени и сел, скрестив ноги и накинув другое себе на плечи. Долина внизу скрывалась во тьме, и края ее тоже таяли в сумерках.

Дон Хуан сидел неподвижно, лицом к долине. Ровный ветер дул мне в лицо.

— Сумерки — трещина между мирами, — не поворачиваясь ко мне, тихо сказал он.

Я не переспрашивал. У меня устали глаза. Настроение вдруг стало приподнятым; почему-то неудержимо хотелось плакать.

Я лег ничком; лежать на твердом камне было страшно неудобно, и каждые несколько минут приходилось менять положение. Наконец я сел, тоже скрестил ноги и накинул одеяло на плечи. Как ни странно, эта поза оказалась чрезвычайно удобной, и я заснул.

Проснулся я оттого, что дон Хуан мне что-то говорит. Было очень темно, и я едва мог различить его силуэт. Я не разобрал, что он говорит, но последовал

за ним, когда он начал спускаться с уступа. В темноте мы (я во всяком случае) двигались очень осторожно, пока не остановились у подножья скалистого склона. Дон Хуан сел и знаком велел сесть слева от него. Он расстегнул рубашку, достал кожаный мешочек и, открыв его, положил перед собой. В мешочке было несколько сушеных бутонов пейота.

После долгой паузы он взял один бутон. Он держал его в правой руке, потирая между большим и указательным пальцами, и тихо пел, когда вдруг, совершенно внезапно, издал оглушительный крик:

— АЙ-Й-И-И-И-И-И-И!!!..

Это было до того неожиданно и жутко, что я оторопел от страха. В полумраке я видел, как он поднес бутон ко рту и начал его жевать. Через минуту он поднял мешочек, протянул мне и шепотом велел взять Мескалито, затем положить мешочек на прежнее место и делать все в точности как он.

Я взял бутон и потер его так, как это делал дон Хуан. Он тем временем пел, раскачиваясь взад-вперед. Несколько раз я подносил бутон ко рту, но меня как-то останавливала эта необходимость вопить. Затем, словно во сне, из меня вырвался неистовый вопль:

— АЙ-Й-И-И-И-И-И-И!!!..

На мгновение мне показалось, что это крикнул кто-то другой. Нервное потрясение опять отозвалось спазмами в желудке. Я падал назад, теряя сознание. Я положил бутон в рот и начал его жевать. Через какое-то время дон Хуан достал из мешочка другой бутон. Я с облегчением увидел, как после короткой песни он отправил его себе в рот. Он передал мешочек мне, и я, взяв следующий бутон, вернул мешочек на место. Это повторилось пять раз, пока я заметил признаки жажды. Я поднял флягу, чтобы напиться, но дон Хуан сказал, чтобы я не пил, а только прополоскал рот, иначе меня вырвет.

Я несколько раз тщательно прополоскал рот. В какое-то мгновение жажда стала ужасным искушением, и я проглотил немного воды. В желудке тотчас начались спазмы. Я ожидал безболезненного и свободного извержения, как при первом опыте с пейотом, но, к моему удивлению, сопровождавшие рвоту ощущения были обычными. Скоро она прекратилась.

Дон Хуан, взяв еще бутон, сунул мешочек мне, и цикл повторился, пока я не сжевал четырнадцать бутонов. К этому времени исчезло всякое ощущение жажды, холода и неудобства. Напротив, я ощущал необычное тепло и возбуждение. Я взял флягу, чтобы прополоскать рот, но она была пустой.

— Может, сходим к ручью, дон Хуан?

Звук голоса не вышел изо рта, а отразился от неба в гортань и эхом катался туда и обратно. Эхо было тихим и музыкальным, казалось, его крылья ласкающими прикосновениями шелестят у меня в горле. Я следил за ними, пока все не стихло.

Я повторил вопрос. Голос был как из погреба.

Дон Хуан не ответил. Я встал и направился к ручью. Я обернулся к дону Хуану, не идет ли он со мной, но он, казалось, к чему-то внимательно прислушивался.

Он сделал рукой повелительный жест — замри.

— Абутол (так мне послышалось) здесь! — сказал он.

Раньше я ни разу не слышал этого слова и хотел переспросить, что он сказал, когда заметил звук, похожий на звон в ушах. Звук становился все громче, пока не превратился в рев. На несколько мгновений рев стал нестерпимым, а затем постепенно стих, и наступила полная тишина. Мощь и глубина звука устрашили меня до полусмерти. Я так трясся, что едва держался на ногах, и все же мысли оставались совершенно ясными. Если еще недавно хотелось спать, то теперь весь сон как ветром сдуло, и пришла абсолютная ясность. Звук напомнил мне научно-фантастический фильм, в котором гигантская пчела, издавая гул крыльями, вылетает из зоны атомной радиации. От этой мысли я засмеялся. Я увидел дона Хуана, который вновь откинулся спиной к скале. Тут опять вернулся образ гигантской пчелы. Образ был более реальным, чем обычные мысли. Он был совершенно самостоятельным и осязаемым. Все остальное исчезло. Это беспрецедентное состояние ясности вызвало новый приступ страха.

Меня прошиб пот. Я наклонился к дону Хуану сказать ему, что мне страшно. Его лицо было от моего в нескольких дюймах. Он смотрел на меня, но его глаза были глазами пчелы — круглыми очками, светящимися во тьме собственным светом, а его вытянутые хоботком губы издавали прерывистый звук: «Пету-пе-ту-пет-ту». Я отпрянул, едва не разбившись о скалу за спиной. Невыносимый ужас, который я испытал, длился, казалось, вечность. Я задыхался и скулил. Пот жестким панцирем замерзал на коже. Затем до меня дошел голос дона Хуана:

— Очнись! Шевелись! Да очнись же!

Все рассеялось, и я вновь видел его знакомое лицо.

— Я принесу воды, — после очередной бесконечной паузы сказал я. Голос сорвался. Я с трудом выговаривал слова. Он кивнул. По пути я поймал себя на том, что страх исчез так же быстро и загадочно, как появился.

Приближаясь к ручью, я заметил, что вижу на пути каждый камешек. До меня дошло, что только что я ведь ясно видел дона Хуана, тогда как совсем недавно с трудом различал его силуэт. Я остановился и посмотрел вдаль, — я мог видеть даже по ту сторону долины. Там совершенно отчетливо виднелись отдельные валуны. Я подумал, что, наверное, уже светает и, стало быть, я выпал из времени. Я взглянул на часы. Десять минут двенадцатого! Я поднес часы к уху — они шли. Сейчас не мог быть полдень; значит, сейчас полночь! Я решил зачерпнуть из ручья воды и вернуться к дону Хуану, но увидел, что он спускается, и подождал его. Я сообщил ему, что вижу в темноте.

Он долго молча смотрел на меня, хотя, может быть, мне просто показалось, что он молчит. Я был поглощен своей чудесной способностью видеть в темноте. Я мог различить мельчайшие песчинки. Временами все было так ясно, что казалось, сейчас утренняя или вечерняя заря. Потом вновь темнело, вновь светлело. Вскоре я понял, что яркость совпадает с расширением сердца, а темнота — с сокращением. В соответствии с каждым ударом сердца мир становился ярче или темнее.

Меня полностью захватило это открытие, когда вновь появился прежний странный звук. Я сразу весь напрягся.

— Ануктал (так мне послышалось на этот раз) здесь, — сказал дон Хуан. Звук был таким громоподобным, таким всепоглощающим, что все остальное потеряло значение. Когда он стих; я заметил, что уровень воды в ручье значительно поднялся. Ручей, который минуту назад был шириною в ладонь, превратился в громадное озеро. Откуда-то сверху на его поверхность лился свет, как бы сверкавший сквозь густую листву. Время от времени вода на мгновение вспыхивала золотыми и черными искрами и вновь погружалась во тьму, но и во тьме ощущалось ее таинственное присутствие.

Не помню, как долго я оставался на берегу черного озера, сидя на корточках и наблюдая. Рев, должно быть, на то время утих, потому что именно он вернул меня к реальности. Я оглянулся в поисках дона Хуана и увидел, как он вскарабкался и исчез за уступом. Однако одиночество меня совсем не испугало; я остался сидеть на корточках, предоставленный самому себе и не испытывая никакой тревоги. Вновь послышался рев — мощный, как гул ураганного ветра. Хорошенько к нему прислушавшись, можно было уловить определенную мелодию. Она состояла из высоких звуков, напоминавших человеческие голоса в сопровождении басового барабана. Я весь ушел в мелодию, и вновь заметил, что ритм барабана и рисунок мелодии совпадают с сокращениями сердца.

Я встал, и музыка прекратилась. Я попытался различить удары сердца, но ничего не услышал. Я снова сел на корточки, думая, что, может быть, именно поэтому возникали звуки. Но ничего не случилось. Ни звука! Даже звука сердца! Я решил, что хватит, но когда поднялся уходить, то почувствовал толчки под ногами. Земля тряслась. Я терял равновесие. Я упал на спину и лежал навзничь, пока земля уходила в тартарары. Я попытался ухватиться за какой-нибудь куст, но подо мной все скользило. Я вскочил, секунду стоял и опять свалился. Земля подо мной двигалась, съезжая в воду, как плот. Я оставался без движения, парализованный абсолютным ужасом, столь же беспрецедентным, как все происходившее.

Я двигался через воды черного озера, вцепившись в клочок почвы, похожий на земляное бревно. Я смутно чувствовал, что течение увлекает меня на юг. Я видел, как вокруг струятся и взвихриваются потоки обтекавшей островок воды. На ощупь вода была холодной и странно тяжелой. Казалось, она живая.

Не было даже признаков берега или чего-нибудь в этом роде, и я не помню,

что думал и испытывал во время этого путешествия. Прошли, казалось, долгие часы, когда плот подо мной сделал под прямым углом поворот налево. Скольжение длилось очень недолго, и неожиданно плот на что-то наткнулся. Инерция швырнула меня вперед. Я закрыл глаза и почувствовал от удара об землю острую боль в коленях и вытянутых руках. Через секунду я открыл глаза. Я лежал на земле. Похоже было, что мое земляное бревно врезалось в берег и слилось с землей. Я сел и оглянулся. Вода отступала! Она двигалась назад, как откатывающаяся волна, пока не исчезла.

Я долго сидел, пытаясь собраться с мыслями и как-то сообразить, что же произошло. Все тело ныло; горло стало открытой раной: когда я «приземлялся», то прокусил себе губы. Я встал. Ветер напомнил, что я замерз. Одежда была мокрой насквозь. Руки, челюсти и колени так тряслись, что пришлось снова лечь. Капли пота затекли в глаза и жгли их, пока я не взвыл от боли.

Со временем я как-то восстановил внутреннее равновесие и поднялся. В густых сумерках был ясно виден пейзаж. Я сделал пару шагов. До меня донесся отчетливый звук множества человеческих голосов. Казалось, они о чем-то громко спорят. Я пошел на звук. Я прошел примерно 50 ярдов и вдруг остановился. Впереди был тупик. Место, где я оказался напоминало загон для скота, образованный из огромных валунов. За ними виднелся еще ряд валунов, затем еще и еще и так вплоть до отвесного склона. Это откуда-то оттуда доносилась удивительная музыка — непрерывный жуткий поток сверхъестественных звуков.

Под одним из валунов я увидел в профиль человека, сидевшего на земле. Я приблизился к нему до расстояния в десять футов; туг он повернул голову и взглянул на меня. Я замер: его глаза были водой, которую я только что видел! Они были так же необъятны и сверкали теми же золотыми и черными искрами. Его голова была заостренной, как ягода клубники, кожа зеленой, усеянной множеством бородавок. За исключением заостренной формы, голова была в точности как поверхность пейота. Я стоял перед ним, не в силах отвести глаза. Было такое чувство, будто он умышленно давит мне на грудь своим взглядом. Я задыхался. Я потерял равновесие и упал. Его глаза отвернулись. Я услышал, что он говорит со мной. Сначала голос был как тихий шелест ветра. Затем он превратился в музыку — в мелодию голосов, и я «знал», что сама мелодия говорит: «Чего ты хочешь?»

Я упал перед ним на колени и стал рассказывать о своей жизни, потом заплакал. Он вновь взглянул на меня. Я почувствовал, что его глаза меня отталкивают, и подумал, что пришла смерть. Он сделал знак подойти поближе. Заколебавшись на мгновение, я сделал шаг вперед. Когда я приблизился, он отвел взгляд и показал тыльную сторону ладони. Мелодия сказала: «Смотри!» Посреди ладони было круглое отверстие. «Смотри!» — вновь сказала мелодия. Я посмотрел в отверстие и увидел самого себя. Я был очень старым и слабым и бежал от настигавшей меня погони, а вокруг носились яркие искры. Затем три попали в меня, две — в голову и одна — в левое плечо. Фигурка в круглом отверстии секунду стояла, потом выпрямилась совершенно вертикально и исчезла вместе с отверстием.

— Мескалито вновь обратил на меня свой взгляд. Его глаза были так близко, что я «услышал», как они тихо гремят тем самым непонятным звуком, которого я наслышался за эту ночь. Постепенно глаза стали спокойными, пока не превратились в озерную гладь, мерцающую золотыми и черными искрами.

Он опять отвел глаза и вдруг отпрыгнул легко как сверчок на добрых пятьдесят ярдов. Он прыгнул еще раз и еще раз и исчез.

Потом, помню, я пошел. Напрягая сознание, я пытался распознать ориентиры, — к примеру, горы вдали. Все, что я пережил, совершенно исчерпало мои умственные силы, но я смутно соображал, что север должен быть где-то слева. Я долго шел, пока спохватился, что уже день и что я уже не использую свое «ночное видение». Я вспомнил, что у меня есть часы, и посмотрел на циферблат — часы показывали восемь утра. Было около десяти, когда я добрался до уступа с нашей стоянкой. Дон Хуан лежал на земле и спал.

— Ты где был? — спросил он.

Я сел перевести дыхание. После долгого молчания он спросил:

— Видел его?

Я начал рассказывать ему все с самого начала, но он меня прервал и сказал: важно лишь одно — видел ли я его. Он спросил, как близко от меня был Мескалито. Я сказал, что почти его касался. Дон Хуан сразу оживился и на

этот раз внимательно выслушал все в деталях, уточняя мой рассказ лишь вопросами насчет формы существа, которое я видел, его характера и прочего.

Было уже около полудня, когда он, видимо, узнал наконец от меня все что нужно. Он поднялся и привязал мне на грудь холщовый мешок. Он велел идти за ним и сказал, что будет срезать Мескалито и передавать мне, а я должен буду осторожно укладывать их в сумку.

Мы попили немного воды и двинулись в путь. Когда мы достигли края долины, он, похоже, секунду раздумывал, в каком направлении идти, а затем мы уже шли все время по прямой.

Каждый раз, как мы подходили к побегам пейота, он склонялся перед ним и с крайней осторожностью срезал верхушку своим коротким ножом с зубчатым лезвием. Срез он делал вровень с землей и затем посыпал «рану», как он ее называл, очищенной серой, которую нес в кожаном мешке. Бутон кактуса он держал в левой руке, а срез посыпал правой. Потом поднимался и передавал мне бутон, который я, по его указанию, брал обеими руками и клал в мешок.

— Стой прямо и следи, чтобы мешок не коснулся земли или кустов, или еще чего-нибудь, — то и дело повторял он, словно опасаясь, что я забуду.

Мы собрали шестьдесят пять бутонов. Когда мешок был полон, дон Хуан закинул его мне на спину, а на грудь повесил другой. Под конец, когда мы пересекли долину, у нас было уже два полных мешка, а в них сто десять бутонов пейота. Мешки были такие тяжелые и громоздкие, что я едва плелся. Дон Хуан прошептал мне на ухо — мешки потому такие тяжелые, что Мескалито хочет вернуться к земле. Мескалито такой тяжелый от печали при расставании со своей родиной; моя задача — чтобы мешки ни в коем случае не коснулись земли, иначе Мескалито уже никогда мне не дастся в руки.

В какое-то мгновение давление лямок на плечи стало невыносимым. Что-то с чудовищной силой гнуло меня к земле. Меня охватило страшное предчувствие. Я заметил, что ускоряю шаг, почти бегу: можно сказать, я трусцой несся за доном Хуаном.

Вдруг тяжесть на спине и груди исчезла, ноша стала легкой, точно в мешках была губка. Я едва не налетел на дона Хуана и сказал ему, что больше не

чувствую тяжести. Ясное дело, обронил он, мы ведь вышли из владений Мескалито.

Вторник, 3 июля 1962

— Ну, кажется, Мескалито тебя почти принял, — сказал дон Хуан.

— Почему «почти»?

— Он тебя не убил и не нанес тебе никакого вреда. Положим, он тебя порядком напугал, так ведь в этом ничего плохого. Если бы он вообще тебя не принял, то явился бы тебе полным ярости чудовищем. Некоторым довелось испытать всю глубину ужаса при встрече с ним, когда он их отверг.

— Если он так устрашающ, то почему ты мне ничего об этом не сказал прежде, чем повести туда к нему?

— У тебя нет мужества для намеренной встречи с ним. Я решил, что тебе лучше не знать.

— Но я же мог умереть!

— Мог. Но я был уверен, что все обойдется. Он ведь уже играл с тобой — и не сделал тебе ничего плохого. Я решил, что и на этот раз он будет к тебе расположен.

Я спросил его, почему он так уверен в том, что Мескалито ко мне расположен. Мой опыт был устрашающим; не понимаю, как я не умер от страха.

Дон Хуан ответил, что Мескалито был со мною сама доброта: он показал мне картинку, которая была ответом на вопрос. Мескалито, сказал дон Хуан, дал тебе урок. Я спросил, что это за урок и что он означает. На такой вопрос, сказал дон Хуан, ответить невозможно, потому что ты был слишком испуган, чтобы точно знать, о чем спрашиваешь у Мескалито.

Дон Хуан велел мне вспомнить хорошенько, что я сказал Мескалито перед тем, как он показал мне картинку в ладони. Но я не мог вспомнить. Я помнил только, как упал на колени и начал ему исповедоваться.

Дону Хуану, похоже, этот разговор надоел. Я спросил:

— Можешь ты меня научить словам песни, которую пел?

— Нет, не могу. Это мои собственные слова, им меня обучил сам защитник. Песни — мои песни. Я не могу рассказать тебе, что они такое.

— Почему не можешь?

— Потому что эти песни — связь между мной и защитником. Я уверен, когда-нибудь он научит тебя твоим собственным песням. Подожди до тех пор; и никогда не копируй песни, которые принадлежат другому, и не спрашивай о них.

— А что это за имя, которое ты называл? Хоть это ты можешь мне сказать?

— Нет. Его имя никогда не должно упоминаться, его произносят только когда зовут его. — А если я сам захочу позвать его?

— Если когда-нибудь он примет тебя, то скажет тебе свое имя. Это имя будет только для тебя одного — чтобы громко звать его или спокойно произносить про себя. Как знать, может, он скажет, что его зовут Хосе?

— Почему нельзя упоминать его имени?

— Ты что, не видел его глаза? С защитником шутки плохи. А я тебе никак не втолкую, что это значит — что он с тобой играл!

— Какой же он защитник, если может кому-то причинить вред?

— Ответ очень прост. Мескалито — защитник, потому что доступен каждому, кто его ищет.

— Но ведь все в мире доступно каждому, кто ищет, разве не так?

— Нет, не так. Союзные силы доступны только брухо, а к Мескалито может приобщиться каждый.

— Но почему же тогда он некоторым приносит вред?

— Те, кому он приносит вред, не любят Мескалито, и однако ищут его в надежде что-нибудь получить без особых трудов. Естественно, что для таких людей встреча всегда ужасна.

— Что происходит, когда он полностью принимает человека?

— Он является ему как человек или как свет. Когда человек наконец заслужит это, Мескалито становится постоянным. Он больше не меняется. Может быть, когда ты вновь встретишься с ним, он будет светом, и однажды даже возьмет тебя в полет и откроет тебе все свои тайны.

— Что мне нужно делать, чтобы достичь этого, дон Хуан?

— Тебе надо быть сильным человеком, и твоя жизнь должна быть правдивой.

— Что такое «правдивая жизнь»?

— Жизнь, прожитая в полном сознании и с полной ответственностью, хорошая, сильная жизнь.

Глава 5

Время от времени дон Хуан словно мимоходом спрашивал, как там посаженный мной дурман. За прошедший год саженец вырос в большой куст, принес семена, и семенные коробочки высохли. Наконец дон Хуан, вероятно, решил, что пришло для меня время узнать о «траве дьявола» побольше.

Воскресенье, 27 января 1963

Сегодня я получил от дона Хуана предварительную информацию насчет «второй порции», которая составляет следующий этап в традиционном обучении. По его словам, только с этой порции начинается настоящее обучение; в сравнении с ней первая порция — для детей. Вторая порция должна быть освоена в совершенстве, ее надлежит принять, сказал дон Хуан, по крайней мере раз двадцать, прежде чем приступать к третьей. Я спросил:

— Что дает вторая порция?

— Ее используют для виденья. С ее помощью человек может переноситься по воздуху и увидеть все, что пожелает.

— Что, в самом деле можно летать по воздуху, дон Хуан?

— Почему же нет? Я уже говорил тебе, «трава дьявола» для тех, кто ищет силы. Освоивший вторую порцию может с помощью «травы дьявола» делать невообразимые вещи, чтобы получить еще больше силы.

— Ну а например, какие вещи, дон Хуан?

— Этого я не могу сказать. У каждого по-разному.

Понедельник, 28 января 1963

Дон Хуан сказал:

— Если у тебя на втором этапе все пройдет успешно, мне останется только показать следующий. Лично я в процессе обучения понял, что «трава дьявола» не для меня, и решил оставить ее путь.

— Что привело тебя к этому решению?

— Несколько раз она меня чуть не убила. Однажды было так плохо, что под конец я думал — от боли мне крышка. Но все же выкарабкался.

— Что, был какой-то особый способ этого избежать?

— Да, есть один способ.

— Это что, заклинание, процедура или еще что-нибудь?

— Это способ схватывания вещей. Например, когда я учился «траве дьявола», я был слишком жаден и нетерпелив.

Я хватался за вещи, как дети хватаются за сладости. «Трава дьявола» — это лишь один из миллиона путей. Да и все что угодно — лишь один путь из миллиона (un camino centre cantidades de aminos). Поэтому ты всегда должен помнить, что путь — это только путь; если ты чувствуешь, что он не по тебе, то должен оставить его любой ценой. Чтобы обладать такой ясностью, ты должен вести дисциплинированную жизнь. Только при этом условии ты будешь знать, что любой путь — это всего лишь путь, и ничто не мешает ни тебе самому, ни кому угодно оставить его, если это велит тебе твое сердце. Но предупреждаю: твое решение должно быть свободно от страха или честолюбия. Смотри на любой путь прямо и без колебаний. Испытай его столько раз, сколько найдешь нужным. Затем задай себе, и только себе самому, один вопрос. Этот вопрос задают лишь очень старые люди. Мой бенефактор задал мне его однажды, когда я был молод, но понять его мне тогда помешала слишком горячая кровь. Теперь я его понимаю. Я задам этот вопрос тебе: имеет ли твой путь сердце? Все пути одинаковы: они ведут никуда. Они ведут через кусты или в кусты. Я могу сказать, что в своей жизни прошел длинные-длинные пути, но я не нахожусь нигде. Таков смысл вопроса, который задал мой бенефактор.

Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь: если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут никуда, но у одного есть сердце, а у другого — нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствовать, ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой — уничтожает тебя.

Воскресенье, 21 апреля 1963

Пополудни во вторник 16 апреля я отправился с доном Хуаном в горы, туда, где рос его дурман. Он велел подождать в машине. Вернулся дон Хуан почти через три часа с завернутым в красную тряпку свертком.

Когда мы поехали назад, он сказал, указывая на сверток, что это его

последний мне подарок.

Я спросил, не значит ли это, что он больше не будет меня учить. Он объяснил, что имел в виду тот факт, что у меня теперь есть свое созревшее растение, и в его растениях я больше не нуждаюсь.

Вечером мы уселись в его комнате. Он вытащил хорошо обработанную каменную ступку и пестик. Чаша ступки была примерно шесть дюймов в диаметре. Развернув большой сверток, полный мешочков поменьше, он отобрал из них два и положил рядом со мной на циновку: затем добавил к ним еще четыре такого же размера из свертка, который мы привезли. Он сказал, что это семена и что я должен растереть их в мелкий порошок. Дон Хуан сам развернул первый мешочек и часть его содержимого отсыпал в ступку. Семена были сухие и круглые, по цвету напоминающие желтую карамель.

Я начал работать пестиком; спустя несколько минут он меня поправил, сказав, что нужно не толочь по дну, а орудовать пестиком от одного края к другому, по всему диаметру. Я спросил, что он собирается делать с тем, что получится, но он не ответил.

Семена первой порции оказались ужасно твердыми. Чтобы их размолоть, мне понадобилось часа четыре. От позы, в которой я сидел, болела спина. Я лег и хотел тут же уснуть, но дон Хуан открыл следующий мешочек и отсыпал из него в ступку. Эти семена были темнее и точно слиплись между собой. То, что осталось в пакете, напоминало порошок из крохотных круглых темных зерен.

Я хотел перекусить, но дон Хуан сказал, что если я хочу учиться, то должен следовать правилу. А правило таково, что, узнавая секреты второй порции, я могу лишь выпить немного воды.

В третьем мешочке была горсть живых черных зернистых жучков. Содержимое последнего мешочка составляли свежие белые семена, мягкие как каша, но волокнистые и трудно поддающиеся растиранию в тонкую пасту, как он от меня требовал.

После того, как я кончил растирать содержимое четырех мешочков, дон Хуан отмерил две чашки зеленоватой воды, вылил ее в глиняный горшок и поставил горшок на огонь. В закипевшую воду он добавил первую порцию

растертых семян. Дон Хуан помешивал в горшке длинной острой щепкой или костью, которую вытащил из своей кожаной сумки. Как только вода вновь закипела, он добавил одну за другой остальные субстанции, следуя той же процедуре. Затем он добавил еще одну чашку зеленоватой воды и оставил смесь на малом огне.

— Теперь очередь за корнем, — сказал дон Хуан и осторожно извлек из свертка, который мы привезли, длинный кусок корня дурмана. Корень был примерно шестнадцать дюймов длиной и толщиной около полутора дюймов. Это и есть вторая порция, сказал дон Хуан и снова отмерил ее сам, поскольку это был пока что его корень. Он сказал, что для следующего моего опыта с «травой дьявола» я сам буду отмерять корень.

Он подтолкнул ко мне ступку, и я принялся толочь корень совершенно так же, как толок первую порцию дон Хуан. Под его руководством я выполнил всю последовательность в том же порядке, и истолченный корень мы оставили на ночь вымачиваться под открытым небом. К тому времени кипевшая в глиняном горшке смесь загустела. Дон Хуан снял горшок с огня, положил его в сетку и подвесил к потолочной балке посреди комнаты.

Утром 17 апреля, часов примерно в восемь, мы принялись выщелачивать экстракт корня отваром. Вновь был ясный солнечный день, и дон Хуан вновь сказал — это признак того, что «трава дьявола» ко мне благосклонна. По контрасту с тобой, сказал дон Хуан, я только вспоминаю, до чего все было скверно у меня самого.

Процедура выщелачивания экстракта была в точности такой же, какую я наблюдал при изготовлении первой порции. К вечеру, когда мы слили воду в восьмой раз, на дне чашки осталась ложка желтоватой субстанции.

Мы вернулись к нему в комнату, где еще оставались два мешочка, которые дон Хуан пока не трогал.

Он открыл один из них, сунул в него руку, а другой рукой обернут края мешочка вокруг запястья. Он, похоже, ухватил что-то, судя по тому, как двигалась его рука в мешке. Внезапно он быстрым движением стянул мешок с руки, вывернув его как перчатку, и поднес руку к самым моим глазам. В руке была ящерица. Ее голова была от моих глаз всего в нескольких дюймах. С

пастью ящерицы было что-то странное. Секунду я глядел, и тут же невольно отпрянул. Пасть была зашита грубыми стежками. Дон Хуан приказал мне взять ящерицу левой рукой и держать покрепче. Я сжал се; хвост обвился вокруг ладоней. Я почувствовал тошноту. Ладони сразу вспотели.

Он взял последний мешочек и, повторив те же движения, извлек другую ящерицу. У этой были сшиты веки. Ее он велел мне держать в правой руке.

Когда обе ящерицы оказались у меня в руках, я был близок к обмороку. Я чувствовал непреодолимое желание бросить ящериц и бежать отсюда.

— Смотри не задави, — приказал он, и его голос вернул меня к действительности.

Он спросил, что со мной такое. Хотя лицо его оставалось серьезным, видно было, что он с трудом удерживается от смеха. Я хотел было облегчить хватку, но ладони так вспотели, что ящерицы начали выскальзывать. Их острые коготки царапали кожу, вызывая омерзение и тошноту. Я зажмурился и стиснул зубы. Одна из ящериц уже почти выползла мне на запястье; чтобы удрать, ей оставалось только протиснуть голову сквозь пальцы. Я чувствовал непередаваемое физическое отвращение, близкое к отчаянию. Я прорычал сквозь зубы, чтобы он убрал от меня мерзких тварей. У меня начала трястись голова. Он посмотрел на меня с невинным любопытством. Я рычал и топтался как медведь. Наконец он выхватил ящериц, сунул их обратно и принялся хохотать. Я хотел было тоже засмеяться, но желудок у меня свело, и я лег.

Я начал оправдываться, что, мол, все это из-за острых коготков ящериц, царапавших ладони. Он сказал, что существует множество вещей, способных свести с ума, в особенности если у тебя нет решимости, нет устремленности, необходимой для обучения; но если у человека непоколебимая устремленность, никакие эмоции не могут быть препятствием, потому что он способен держать их в узде.

Дон Хуан переждал, а затем в той же последовательности вновь вручил мне ящериц. Он приказал держать их головами вверх и мягко поглаживать ими виски, точно спрашивая у них все, что я хотел бы узнать.

Сначала я не понял, чего он от меня хочет. Он вновь велел задать ящерицам

любой вопрос, на который сам я не могу ответить. Он привел целый ряд примеров: узнать что нужно о людях, которых я обычно не вижу, или о пропавших вещах, или о местах, где я не бывал. Тут я понял, что он говорит о ясновидении. Меня охватило сильное возбуждение, сердце заколотилось. Я почувствовал, что у меня перехватывает дыхание.

Он предупредил, что на первый раз нельзя спрашивать ни о чем личном: лучше думать о чем-нибудь, что не имеет ко мне отношения. Думать нужно быстро и отчетливо, потому что эти мысли потом не будет возможности исправить.

Я стал лихорадочно придумывать, что бы такое узнать. Дон Хуан торопил меня, и я в растерянности обнаружил, что в голову не приходит ничего стоящего.

После мучительно долгого поиска я все же нашел один вопрос. Когда-то из читального зала кто-то украл кучу книг. Это не был личный вопрос, но он меня интересовал. У меня не было никаких догадок или предположений относительно того или тех, кто взял книги. Я погладил ящерицами виски, спрашивая, кто был вором.

Немного погодя дон Хуан убрал ящериц в мешки и объяснил, что с корнем и пастой никаких особых секретов нет Паста изготовляется, чтобы дать направление; корень приносит ясность. Настоящая тайна — это ящерицы. Они и есть самое главное во всем колдовстве со второй порцией. Я спросил — они что, какие-то особенные? Да, ответил он, они должны быть из той местности, где растет твое собственное растение; они должны быть твоими друзьями, а чтобы подружиться, нужно сначала долго за ними ухаживать, приносить им пищу и говорить добрые слова.

Я спросил, почему так важна их дружба. Ящерицы позволяют себя поймать только тому, кого они знают, и любой, кто всерьез воспринимает траву дьявола, ящериц тоже должен воспринимать всерьез. Ловить их, как правило, следует только тогда, когда паста и корень уже готовы, и обязательно в конце дня. Если ты не очень дружен с ящерицами, сказал он, то на попытки поймать их, причем безуспешные, может уйти несколько дней, а паста хранится только один день. Затем он дал мне подробные инструкции относительно того, что делать с пойманными ящерицами.

— Когда поймаешь ящериц, посади их в отдельные мешочки. Потом возьми первую и поговори с ней. Попроси прощения, что причиняешь ей боль, и попроси тебе помочь. И деревянной иглой зашей ей пасть. Для этого используй шип растения чойа и волокно агавы. Стежки стягивай туго. Потом то же самое скажи второй ящерице и зашей ей веки. К ночи все должно быть готово. Возьми ящерицу с зашитой пастью и объясни ей, что ты хочешь узнать. Попроси ее пойти и посмотреть за тебя; скажи ей, что ты был вынужден зашить ей пасть, чтобы она спешила назад к тебе и по дороге ничего никому не рассказала. Окуни ее в пасту после того, как помажешь ей голову, и опусти на землю. Если она побежит в сторону твоей удачи, то колдовство будет успешным и легким. Если она побежит в противоположную сторону, то колдовство не получится. Если ящерица пойдет к тебе (на юг), то можно ожидать особой удачи; но если будет убегать от тебя (на север), то колдовство будет ужасно трудным. Ты можешь даже погибнуть. Поэтому если ящерица бежит прочь от тебя, это удобный момент, чтобы отступить. В этот момент можешь принять именно такое решение. В этом случае ты потеряешь возможность командовать ящерицами, но это лучше, чем потерять жизнь. Однако ты можешь решиться все же продолжать колдовство вопреки моему предупреждению. Тогда следующий шаг — взять вторую ящерицу и попросить ее выслушать рассказ сестры и пересказать его тебе.

— Но как может ящерица с зашитой пастью рассказать мне, что она видела? Разве ее пасть зашита не для того, чтобы она молчала?

— Пасть ей зашивают для того, чтобы она не болтала первому встречному. Говорят, что ящерицы болтливы: они повсюду останавливаются поболтать. Как бы там ни было, следующий шаг — смазать ей пастой позади головы, потом потри ее головой свой правый висок, только смотри, чтобы паста не попала на середину твоего лба. В самом начале обучения неплохо привязывать ящерицу за середину туловища к правому плечу. Тогда ты не потеряешь ее и не покалечишь. Но в дальнейшем, когда ты познакомишься с силой «травы дьявола» поближе, ящерицы научатся повиноваться тебе и сами будут крепко держаться у тебя на плече. После того, как ты ящерицей нанес себе пасту на правый висок, опусти пальцы обеих рук в горшок и разотри пасту сначала на обоих висках, а затем смажь ею голову с обеих сторон. Паста быстро высыхает, и ее можно накладывать столько раз, сколько понадобится. При нанесении пасты каждый раз сначала используй голову

ящерицы, а затем уже свои пальцы. Рано или поздно та ящерица, что убежала смотреть, вернется и расскажет все о путешествии своей сестре, а слепая ящерица все это передаст тебе, как будто вы одной крови. Когда колдовство будет закончено, отпусти ящерицу, но не смотри, куда она побежит. Выкопай глубокую яму голыми руками и зарой туда все, чем пользовался.

Около шести вечера дон Хуан выскреб из горшка экстракт корня на плоскую сланцевую плиту. Получилось меньше чайной ложки желтоватого крахмала. Половину его он положил в чашку и долил немного желтоватой воды. Взболтав чашку, чтобы растворить смесь, он вручил ее мне и велел выпить. Смесь была безвкусной, но оставила во рту горьковатый привкус. Вода оказалась слишком горячей, и пить было неприятно. Сердце стало колотиться, но скоро все прошло.

Дон Хуан взял другую чашку с пастой. У пасты была глянцевитая поверхность, она казалась застывшей. Я попробовал проткнуть корку пальцем, но дон Хуан мгновенно ко мне подскочил и отшвырнул мою руку. Он был в ярости; он процедил, что такая попытка с моей стороны — чистейшее безумие, и что если я его ученик, то это еще не значит, что я могу вести себя как идиот и делать что в голову взбредет. Это — сила, отчеканил он, указав на пасту, и никто не может сказать, что она такое в действительности. Уже в том, что мы ею манипулируем в собственных интересах, мало хорошего, но тут ничего не поделаешь, мы — люди: однако мы по крайней мере обязаны обращаться с нею с должным почтением.

Смесь выглядела как овсянка — вероятно, благодаря содержащемуся в ней крахмалу. Дон Хуан велел мне достать мешочки с ящерицами. Он вынул ящерицу с зашитой пастью и осторожно передал мне, приказав взять левой рукой, зачерпнуть немного пасты на палец и растереть у ящерицы на лбу, затем опустить ящерицу в горшок и держать там, пока паста всю ее не покроет.

Затем он велел вынуть ящерицу из горшка. Взяв горшок, он повел меня к скалам неподалеку от дома. Дон Хуан указал на большую скалу и велел сесть перед ней, как если бы это было мое растение дурмана. Держа ящерицу перед глазами, я должен был вновь объяснить ей, что я хочу узнать, и попросить ее пойти и найти для меня ответ.

Он посоветовал извиниться перед ящерицей за то, что я причиняю ей неудобство, и пообещать ей, что взамен я буду добрым ко всем ящерицам. Потом он велел взять ящерицу между средним и безымянным пальцами левой руки — там, где он когда-то сделал порез, — и танцевать вокруг скалы точно так же, как я делал, когда пересаживал корень травы дьявола; он спросил, помню ли я все, что делал в тот раз. Я сказал, что помню. Он подчеркнул, что делать все нужно в точности так же, и если я что-то забыл, необходимо подождать, пока все станет на место. Он особенно предупредил меня, что если я буду спешить и действовать необдуманно, то могу здорово себе навредить. Напоследок я должен был положить ящерицу с зашитой пастью на землю и следить, куда она побежит, чтобы предугадать исход колдовства. Он сказал, что я ни на секунду не должен отрывать глаз от ящерицы, потому что у ящериц обычный трюк — усыпить внимание и юркнуть неизвестно куда.

Еще не совсем стемнело. Дон Хуан взглянул на небо.

— Ну, оставайся, — сказал он и ушел.

Я выполнил все его указания, а затем положил ящерицу на землю. Ящерица неподвижно стояла там, где я ее оставил, затем посмотрела на меня, побежала к скалам на востоке и скрылась.

Я сел на землю перед скалой, как перед своим растением дурмана. Меня охватила глубокая печаль. Я думал о ящерице с зашитой пастью, о ее странном путешествии и о том, как она взглянула на меня перед тем, как убежать. Это была болезненная и неотвязная проекция. В определенном смысле я тоже был ящерицей, совершающей странное путешествие. Может быть, моя судьба состояла единственно в том, чтобы видеть, и о том, что я вижу, мне, возможно, никогда никому не удастся рассказать.

Уже совсем стемнело. Я с трудом различал скалы перед собой. Мне вспомнились слова дона Хуана: «Сумерки — это трещина между мирами».

После долгих колебаний я приступил к выполнению предписаний. Паста, хоть и выглядела как овсянка, на ощупь была очень скользкой и холодной, с необычным острым запахом. Она быстро высыхала на холодеющей коже. Я натер виски одиннадцать раз, не заметив никакого эффекта. Я тщательнейшим образом старался не пропустить ни малейшего изменения в

восприятии или, скажем, в своем настроении, потому что даже не знал, чего ждать. К слову сказать, я до сих пор не понимал, в чем суть этого опыта.

Паста высохла и стянула виски. Я собирался нанести на них еще пасты и вдруг обнаружил, что сижу на пятках, по-японски. До этого я сидел скрестив ноги и, хорошо помню, не менял положения. Прошло какое-то время, прежде чем я сообразил, что сижу на полу под чем-то вроде свода с высокими арками. Мне показалось, что арки кирпичные, но присмотревшись, я увидел, что они из камня.

Этот переход был очень трудным, и произошел он так внезапно, что застал меня врасплох. Восприятие элементов видения было рассеянным, как во сне, однако компоненты не изменялись, они оставались постоянными. Я мог остановиться взглядом на любом из них и буквально его обследовать. В отличие от пейотного виденье не было слишком ясным и реальным. Оно было как бы затуманенным, благодаря чрезвычайно приятным пастельным тонам.

Я попытался встать и тут же обнаружил, что уже куда-то перенесся. Это была лестница. На самом ее верху стоял я, а внизу — одна моя знакомая. Ее глаза лихорадочно блестели. В них светилось безумие. Она так громко смеялась, что, казалось, сама была этим испугана. Она начала подниматься по лестнице. Мне хотелось убежать, скрыться, потому что, я знал, недавно она разбилась на мотоцикле. Я укрылся за колонной, и моя знакомая, не заметив меня, прошла мимо. «Сейчас она отправляется в далекое путешествие», — подумал я. Последней мыслью, которую я запомнил, было: «Она смеется всякий раз, когда должна разбиться».

Внезапно картина стала очень ясной и совершенно не похожей на сон. Это была как бы обычная сцена из жизни, но я видел ее словно через оконное стекло. Я попробовал коснуться колонны, однако ощутил только то, что не могу пошевелиться. В тот миг я точно знал, что могу оставаться здесь и наблюдать за происходящим сколько захочу. Я был внутри этой картины, и все же не был ее частью.

На меня нахлынул поток противоречивых мыслей и логических доводов. Насколько я мог судить, я был в обычном трезвом сознании, каждый элемент восприятия был на своем месте. И все же я знал, что это не обычное состояние.

Картина резко изменилась. Ночь. Я в холле какого-то здания. Темнота внутри здания дала мне понять, что предыдущая сцена была залита ярким солнечным светом. Однако ранее солнечное освещение было так естественно, что я его не заметил. Всмотревшись, я увидел молодого человека, который выходил из комнаты, неся на плечах большой рюкзак. Я не знал, кто он такой, хотя где-то его видел. Он прошел мимо и стал спускаться по лестнице. К этому времени я забыл о своем первоначальном намерении и логическом тупике. «Кто этот парень? — подумал я. — Почему я его вижу?»

Картина вновь изменилась, и я увидел, как молодой человек выкладывает книги. Он склеивал некоторые страницы, стирал надписи и т. п. Затем я увидел, как он аккуратно расставляет книги в шкафу. В комнате было много полок и шкафов. Происходило это, видимо, в хранилище. Другие картины приходили мне в голову, но не такие ясные. Сцена затуманилась. Я ощутил вращение и очнулся.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Потом он помог мне встать, и мы пошли к его дому.

С того момента, как я начал растирать пасту на висках, прошло три с половиной часа, но видения могли длиться не более десяти минут Я не испытывал никаких неприятных ощущений, просто был голоден и хотел спать.

Четверг 18 апреля 1963

Вчера ночью дон Хуан потребовал, чтобы я рассказал ему все, что видел. Но я слишком хотел спать и не мог сосредоточиться. Сегодня, как только я проснулся, он вновь приступил к расспросам.

— Кто тебе сказал, что эта твоя знакомая разбилась на мотоцикле? — спросил он, когда я закончил свой рассказ.

— Да никто, просто эта мысль почему-то пришла мне в голову.

— Ты полагаешь, это были твои мысли?

— Конечно, мои, — сказал я, хотя у меня не было оснований для

предчувствия, что с моей знакомой несчастье. Мысли вообще были странные. Казалось, они возникали ниоткуда. Он пытливо смотрел на меня. Я спросил его — может, он мне не верит; он рассмеялся и сказал, что рассеянность и беспечность — мое обычное уязвимое место.

— Я что-то делал не так, дон Хуан?

— Ты должен был слушать ящериц.

— Как именно?

— Ящерка у тебя на плече описывала тебе все, что видела ее сестра. Она говорила с тобой и все тебе рассказывала, а ты не слушал, полагая, что слова ящерицы — твои собственные мысли.

Но это и были мои собственные мысли!

— Ничего подобного. В этом суть колдовства. Собственно говоря, видение следует скорее слушать, чем смотреть. Со мною было то же самое. Я хотел предупредить тебя, но вспомнил, что меня мой бенефактор не предупреждал.

— Был твой опыт похож на мой, дон Хуан?

— Нет. Я пережил адское путешествие. Я едва не умер.

— Почему адское?

— Наверное, потому, что «траве дьявола» я был не по нраву, а может потому, что я сам не знал толком, о чем хочу спросить, вот как ты вчера. Ты, должно быть, когда спрашивал о книгах, на самом деле думал о той девушке.

— Что-то я такого не припоминаю.

— Ящерицы никогда не ошибаются; каждую мысль они воспринимают как вопрос. Ящерица вернулась и рассказала тебе о твоей знакомой то, чего никто никогда не поймет, потому что даже ты не знаешь, каковы были твои мысли.

— Ну, а второе видение?

— Должно быть, когда ты задавал этот вопрос, твои мысли были устойчивы. Именно так следует совершать это колдовство: все должно быть предельно ясным.

— Ты хочешь сказать, что видение с девушкой не следует воспринимать всерьез?

— Как можно воспринимать его всерьез, если ты не знаешь, на какой именно вопрос отвечали ящерки?

— Наверное, ящерица лучше поймет, если задавать только один вопрос?

— Да, так для нее будет яснее, но только если ты сможешь твердо удержать одну мысль.

— Но что будет, если этот вопрос окажется сложным?

— Пока твоя мысль устойчива и не отвлекается на посторонние предметы, она ясна ящеркам, а значит, и тебе будет ясен их ответ.

— Можно ли задавать ящерицам другие вопросы по ходу видения?

— Нет. Виденье состоит в том, чтобы смотреть на то, что тебе рассказывают ящерицы. Вот почему я сказал, что его следует скорее слушать, чем смотреть. Вот почему я велел не задавать лишних вопросов. Как правило, когда ты спрашиваешь о близких людях, искушение дотронуться до них или заговорить с ними слишком велико. Тогда ящерицы прекратят свой рассказ, и колдовство рассеется. Чтобы увидеть вещи, которые касаются лично тебя, ты должен знать много больше, чем сейчас. В следующий раз слушай внимательно. Я уверен, ящерицы рассказали тебе множество вещей, но ты не слушал.

Пятница, 19 апреля 1963

— Что я перетирал для пасты, дон Хуан?

— Семена «травы дьявола» и жучков, которые заводятся в семенных коробочках. Мерка — по одной горсти того и другого. — Он сложил ладонь

лодочкой, показывая сколько.

Я спросил, что получится, если один из компонентов будет отсутствовать. Дон Хуан ответил, что такой эксперимент только оттолкнет «траву дьявола» и ящериц.

— С ящерицами нельзя ссориться, — сказал он, — поэтому на следующий день, к вечеру, ты должен вернуться к тому месту, где растет твое растение. Говори со всеми ящерицами и проси тех двух, что помогли тебе в колдовстве, выйти снова. Ищи до самой ночи. Если ничего не получится, значит нужно постараться найти их на следующий день. Если ты сильный, то найдешь обеих; как только нашел — съешь их на месте, и ты навсегда получишь способность видеть неизвестное. Тебе больше не понадобится вновь ловить ящериц, чтобы повторить это колдовство. С этих пор они будут жить внутри тебя.

— А как быть, если я найду только одну из них?

— Если ты найдешь только одну из них, то должен в конце концов ее отпустить. Если ты поймаешь ее в первый день, то не держи ее в надежде, что завтра поймаешь другую. Это только испортит вашу дружбу.

— А что будет, если я не найду ни одной?

— Так для тебя, я думаю, будет лучше всего. Это будет означать, что тебе придется ловить их заново всякий раз, когда понадобится их помощь, а кроме того, это означает, что ты свободен.

— Что значит — свободен?

— Свободен от рабства у «травы дьявола». Если ящерицы будут жить внутри тебя, «трава дьявола» уже никогда тебя не отпустит.

— Это плохо?

— Конечно, плохо. Она отрежет тебя от всего остального, и тебе придется всю жизнь ее ублажать, как своего союзника. «Трава дьявола» — собственница. Как только она завоюет тебя и станет твоей госпожой, тебе останется лишь

один путь — ее путь.

— А что если я найду ящериц мертвыми?

— Если ты найдешь одну из ящериц или обеих мертвыми, то должен надолго оставить это колдовство. Пусть себе подождет. Вот, кажется, все, что я должен был тебе сказать; то, что я тебе рассказал, — это правило. Когда бы ты сам ни взялся за это колдовство, ты должен исполнять его строжайшим образом в той последовательности, которую я тебе изложил, когда ты сидел перед своим растением. Еще одно. Пока колдовство не закончено, нельзя ни есть, ни пить.

Глава 6

В учении дона Хуана следующий этап был связан с новым аспектом освоения второй порции корня datura. В период между двумя этапами в обучении дон Хуан интересовался только состоянием моего саженца.

Четверг, 27 июня 1963

— Прежде чем отправиться по пути «травы дьявола», неплохо ее вначале проверить, — сказал дон Хуан.

— Как проверить?

— Проделай еще одно колдовство с ящерицами. У тебя есть все необходимое, чтобы задать ящерицам еще один вопрос, на этот раз без моей помощи.

— А нельзя обойтись без этого колдовства?

— Это самый верный способ узнать, что она чувствует по отношению к тебе. Она непрерывно тебя испытывает, поэтому будет вполне справедливо испытать и ее, и если где-нибудь на ее пути ты почувствуешь, что по

какой-либо причине дальше идти не следует, то должен будешь просто остановиться.

Суббота. 29 июня 1963

Я вновь заговорил о «траве дьявола». Мне хотелось узнать о ней побольше, хотя не очень хотелось с нею связываться.

— Вторую порцию используют только для ясновидения или еще для чего, а, дон Хуан?

— Нет, не только. Помимо того, что с ее помощью учатся колдовству с ящерицами и заодно проверяют «траву дьявола», в действительности вторая порция используется для других целей. Колдовство с ящерицами — только начало.

— Тогда для чего же она используется? Вместо ответа он спросил, какой величины теперь побеги дурмана вокруг того, который я посадил. Я рукой показал размеры.

Дон Хуан сказал:

— Я учил тебя, как отличать мужскую особь дурмана, от женской. Теперь ступай к тому, что посадил, и принеси мне то и другое. Сначала пойдешь к тому, что посадил, и тщательно проследишь на земле следы дождевых потоков. К настоящему времени дождь, должно быть, далеко разнес семена. Проследи промоинки (zanjitas) от дождя и по ним определи направление потока. Затем разыщи тот дурман, который пророс дальше всех от твоего саженца. Все побеги дурмана, выросшие между ними, твои. Позже, когда осыплются семена, ты сможешь расширить свою территорию, следуя дождевым промоинкам от одного растения к другому.

Он дал мне подробные указания, как изготовить нож для этой работы. Сам корень срезают следующим образом; во-первых, нужно выбрать растение и расчистить землю вокруг того места, где корень соединяется со стеблем. Во-вторых, я должен повторить в точности тот танец, который исполнял, когда пересаживал корень. В-третьих, я должен отрезать стебель, а корень оставить в земле. После этого следует выкопать шестнадцать дюймов корня.

Он предостерег, чтобы на протяжении всего этого времени я не проронил ни слова и ничем не выдал свои чувства.

— Возьми с собой два куска материи, — сказал он, — расстели на земле и положи на них растения. Затем разрежь растения на части и сложи их. Последовательность — на твое усмотрение, но только хорошенько ее запомни, потому что должен будешь ее соблюдать и в дальнейшем. Как только все закончишь, принесешь мне.

Суббота, 6 июля 1963

В понедельник 1 июля я срезал растения datura, о которых говорил дон Хуан. Я подождал до полных сумерек, прежде чем вокруг них танцевать, поскольку не хотел, чтобы меня кто-нибудь увидел. Мне было здорово не по себе. Я был уверен, что кто-нибудь наверняка за мной подсматривает. Я заранее выбрал мужскую и женскую особь дурмана. От каждого растения нужно было отрезать по шестнадцать дюймов корня. Копать так глубоко палкой было нелегкой работой. Закончил я в полной темноте, потому, чтобы срезать корень, пришлось вытащить фонарик. Первоначальное опасение, что за мной будут подсматривать, было ничтожным против страха, что кто-нибудь заметит свет фонарика в кустах.

Во вторник 2 июля я принес растения дону Хуану. Он развязал узлы и, рассмотрев то, что я принес, сказал, что покамест все же даст мне семена от своих растений. Он поставил передо мной ступку и высыпал в нее из стеклянной банки сбившиеся в ком сухие семена.

Я спросил, что это такое. Он ответил, что это семена, подпорченные жучками. В семенах я действительно заметил нескольких жучков. Он сказал, что это — особые жучки, их надо выбрать и положить в отдельную банку. Он дал мне другую банку, на треть полную таких же жучков. Банка была заткнута бумагой, чтобы они не расползлись.

— В следующий раз будешь использовать жучков со своих собственных растений, — сказал дон Хуан; — Срезать надо семенные коробочки, в которых маленькие дырочки, — они полны жучков. Откроешь коробочку и выскребешь из нее все содержимое в кружку. Соберешь горсть жучков и положишь их в другую посудину. С ними не церемонься. Отмеришь горсть семян,

прогрызенных жучками, и горсть жучков, все остальное закопаешь на юго-восток от своего растения. Таких семян можешь собрать сколько захочешь: они всегда пригодятся. Неплохо семена из коробочек выбрать там же, чтобы на месте закопать все остатки.

Он велел мне растолочь вначале ком семян, потом личинки, потом жучков, и под конец хорошие сухие семена.

Когда все это было по очереди растерто в мелкий порошок, дон Хуан взял нарезанные мной куски datura. Он отделил мужской корень и осторожно завернул его в тряпицу. Остальное он вручил мне, велев все это мелко нарезать и хорошенько раздробить, а весь сок собрать в горшок до капли. Он сказал, что размалывать кусочки нарезанного корня нужно в том же порядке, в каком я их складывал.

Когда я все это закончил, он велел отмерить одну чашку кипящей воды, смешать ее с содержимым горшка и добавить еще две кружки кипятку. Он вручил мне отшлифованную костяную палочку. Я помешал ею в горшке и поставил его на огонь. Затем он сказал, что надо приготовить корень, а для этого нужна ступка побольше, потому что мужской корень вообще не разрезают. Мы пошли на задний двор. Ступка была у него наготове, и я начал толочь корень так же, как делал это раньше. Мы замочили корень в воде, оставив его на ночь под открытым небом, и пошли в дом.

Когда я проснулся, дон Хуан уже встал. В чистом небе сияло солнце. Был сухой жаркий день. Дон Хуан вновь не преминул заметить, что у «травы дьявола» я определенно любимчик.

Мы взялись за обработку корня и к концу дня получили желтоватый осадок на дне миски. Дон Хуан осторожно слил воду. Я думал, что это конец процедуры, но он вновь наполнил миску кипящей водой.

Он снял из-под крыши горшок со вчерашним варевом. Оно, похоже, совсем загустело. Дон Хуан занес горшок в дом, осторожно поставил на пол и сел. Потом заговорил.

— Мой бенефактор учил меня, что неплохо смешивать растение с нутряным жиром. Вот этим ты сейчас и займешься. Такую смесь для меня делал мой

бенефактор, но, как я уже говорил, «трава дьявола» мне всегда не очень-то нравилась, и я не слишком стремился слиться с нею воедино. Мой бенефактор говорил мне, что для тех, кто хочет стать господином силы, лучше всего смешивать растение с салом кабана. Больше всего подходит сало с кишок. Но это уже на твой вкус. Может быть, все повернется так, что именно «траву дьявола» ты решишь взять себе в союзники: в таком случае советую тебе, как мне советовал мой бенефактор, поймать дикого кабана и снять у него сало с кишок (sebo de tripa). В старые времена, когда «трава дьявола» была в почете и стоила того, брухо, бывало, отправлялись в специальные охотничьи экспедиции за салом диких кабанов. Они искали самых крупных и самых свирепых. Против диких кабанов применялось специальное колдовство; брухо получали от них особую силу. Но теперь она утеряна. Я ничего не знаю об этой силе. И не знаю никого, кто бы знал. Может быть, сама «трава дьявола» тебя научит.

Дон Хуан отмерил горсть жира, бросил в горшок с загустевшей и высохшей смесью, и оставшийся на ладони жир соскоблил о край горшка. Он велел мне растирать содержимое, пока оно не превратится в однородную воздушную массу.

Я взбивал смесь почти три часа. Время от времени дон Хуан подходил взглянуть. Наконец он сказал, что хватит. От воздуха, с которым смешалась взбитая паста, она стала светлосерой и напоминала желе. Он повесил горшок под крышей, рядом с другим, сказав, что оставит его здесь до завтра, потому что эта вторая порция готовится в течение двух дней. Все это время я не должен ничего есть. Можно пить воду, но никакой пищи.

На следующий день, в четверг 4 июля, я по его указанию четырежды выщелачивал корень горячей водой. Под конец, когда я сливал воду в четвертый раз, было уже почти темно. Мы сели на веранде. Он поставил перед собой оба горшка. Экстракта корня получилось с чайную ложку. Он напоминал беловатый крахмал. Дон Хуан положил его в чашку и добавил воды. Он осторожно взболтал чашку, чтобы экстракт получше растворился, а затем сунул ее мне и приказал выпить до дна. Я выпил залпом, поставил чашку на пол и откинулся назад. Сердце начало колотиться. Я почувствовал, что у меня спирает дыхание. Дон Хуан приказал, как само собой разумеющееся, чтобы я снял с себя всю одежду. Я спросил зачем, и он нетерпеливо объяснил, что надо натереться пастой. Я колебался, раздеваться

было как-то странно. Дон Хуан со сдержанной яростью сказал, что нет времени валять дурака. Я снял с себя всю одежду.

Взяв свою костяную палочку, он начертил на поверхности пасты две горизонтальные линии, разделив таким образом содержимое сосуда на три равные части, затем от центра верхней линии провел вертикальную линию вниз, разделив содержимое уже на пять частей. Он указал на нижнюю правую и сказал, что это для левой стопы. Сектор над ней — для левой ноги. Верхняя, самая большая часть — для гениталий. Сектор под нею слева — для правой ноги, а нижний левый — для правой стопы. Он велел наложить пасту, предназначенную для левой стопы, на подошву и хорошенько ее втереть. Затем нужно в указанной последовательности наложить пасту на всю внутреннюю сторону левой ноги, на гениталии, вниз по внутренней стороне правой ноги и, наконец, на правую подошву.

Я сделал как он говорил. Паста была холодная и обладала исключительно сильным запахом. Кончив ее накладывать, я выпрямился. Запах мази ударил мне в нос. Он был удушающим, напоминавшим какой-то газ. От острого запаха мутилось сознание. Я попытался дышать ртом и хотел заговорить с доном Хуаном, но не мог.

Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Я сделал к нему шаг. Ноги были резиновые и длинные, ужасно длинные. Я сделал еще шаг. Колени пружинили, как ходули; они эластично сжимались, вздрагивали и вибрировали. Я двинулся вперед.

Движение тела было медленным и трясущимся, это больше походило на толчки по направлению вперед и вверх. Я взглянул под ноги и бесконечно далеко внизу увидел дома Хуана. Инерция пронесла меня вперед еще на один шаг, еще эластичней и длинней предыдущего. И тут я взлетел.

Я помню, что один раз опустился, затем, оттолкнувшись обеими ногами, прыгнул назад и заскользил на спине. Я увидел над собой темное небо и несущиеся облака. Я извернулся телом так, чтобы можно было смотреть вниз. Я увидел темную массу гор. Скорость, с которой я двигался, была поразительной. Руки были прижаты к туловищу. Голова служила чем-то вроде руля. Откидывая голову назад, я описывал вертикальные круги: поворачивая ее в сторону, я изменял направление. Я наслаждался совершенно мне прежде

неведомыми скоростью и свободой. Сказочная темнота внушала чувство непонятной печали, или, может быть, страстного стремления, как если бы я нашел свою родину — ночную тьму. Я пытался осмотреться как следует, но ощущал лишь покой безмолвной ночи, в которой таилось столько могущества.

Наконец я спохватился, что пора спускаться: я словно получил откуда-то приказ, которому обязан повиноваться. И я начал спускаться, парящим перышком качаясь как маятник. От этих движений меня замутило. Я качался и дергался, словно кто-то внизу дергал меня за веревочку. Мне стало совсем плохо. Голова раскалывалась от боли. Меня окутала какая-то чернота. Я ясно чувствовал, как в нее погружаюсь.

Следующее, что я помню, — это ощущение пробуждения. Я был в своей постели, у себя в комнате. Я сел. Комната исчезла. Я встал. Я был голый. От того, что я встал, меня опять замутило.

Понемногу я начал распознавать, где нахожусь. Я был примерно в полумиле от дома дона Хуана, возле того участка, где рос его дурман. Внезапно все стало на свои места, и до меня дошло, что всю дорогу до дома дона Хуана придется идти голым. Без одежды я чувствовал себя чрезвычайно неудобно и понятия не имел, как выйти из положения. Я подумал, не соорудить ли себе из веток что-нибудь вроде юбки, но это было бы нелепо; да и близился восход солнца, потому что сумерки уже рассеялись. Я забыл о своем неудобстве и физическом расстройстве и направился по дороге к дому дона Хуана. Я был охвачен страхом, что меня заметят. Я высматривал, нет ли впереди людей или собак. Я попробовал бежать, но сразу поранил ноги об острые камешки. Пришлось идти медленно. Было уже совсем светло. Затем я увидел, что кто-то идет по дороге навстречу, и прыгнул в кусты. Положение было совершенно идиотским. Совсем недавно я испытывал невероятную радость полета — и вот уже приходится красться и прятаться, изнывая от собственной наготы. Я прикидывал, не выскочить ли опять на дорогу и изо всех сил промчаться мимо подходившего человека. Он ведь будет так поражен, рассчитывал я, что к тому времени, когда поймет, что это был голый мужчина, я уже оставлю его далеко позади. Все это проносилось у меня в голове, но я не смел пошевелиться.

Человек, который шел по дороге, поравнялся с кустами и остановился. Я услышал, что он зовет меня по имени. Это был дон Хуан с моей одеждой в руках. Пока я одевался, он смотрел на меня и хохотал. Он так хохотал, что мне

вновь стало не до смеха.

К вечеру того же дня, в пятницу 5 июля, дон Хуан велел подробно рассказать, что со мной было. Я по возможности тщательно все ему описал.

— Вторая порция «травы дьявола» используется для полета, — сказал он, когда я закончил. — Сама по себе мазь — дело второстепенное. Мой бенефактор говорил, что направление и мудрость дает сам корень, именно благодаря корню происходит полет. Когда ты научишься большему и полет станет для тебя обычным делом, ты начнешь видеть все очень ясно. Ты сможешь летать по воздуху за сотни миль, чтобы увидеть, что там происходит, или, скажем, чтобы нанести сокрушительный удар врагу, который от тебя очень далеко. Всему этому тебя научит «трава дьявола», когда ты сойдешься с нею поближе. К примеру, она уже научила тебя, как менять направление. Точно так же она обучит тебя невообразимым вещам.

— Например?

— Этого я не могу сказать. У каждого по-разному. Мои бенефактор никогда не говорил мне, чему он научился. Он говорил, что делать и как поступать, но никогда не посвящал меня в то, что он видел. Это личное дело каждого.

— Но я ведь тебе рассказываю все, что вижу, дон Хуан.

— Это покамест. Со временем ничего не потребуется рассказывать. В следующий раз, когда будешь брать «траву дьявола», то будешь делать это сам, совсем один, вблизи растений, которые вырастил, потому что именно там ты приземлишься, возле своих растений. Запомни это. Вот почему я пошел искать тебя к своим растениям.

Больше он ничего не говорил, и я заснул. Проснувшись поздно вечером, я чувствовал себя обновленным. Почему-то меня наполняло чувство физического удовлетворения. Я был доволен и счастлив.

Дон Хуан спросил:

— Понравилось тебе ночью? Или было страшно?

Я сказал, что было восхитительно.

— А как голова? Сильно болела?

— Головная боль была такая же, как все остальные ощущения. В жизни такой не было.

— Так, может, ты не захочешь больше пробовать силу «травы дьявола»?

— Не знаю. Сейчас не хочется; может быть, позже. В самом деле не знаю, дон Хуан.

Был у меня к нему один вопрос, от ответа на который, я знал, он уйдет, поэтому я ждал, когда он сам коснется этой темы; ждал до вечера. Наконец, перед самым отъездом, я все же не утерпел:

— Неужели я в самом деле летал, дон Хуан?

— Так ты мне сам сказал. Разве нет?

— Да нет, сказать-то сказал. Но я имею в виду, летало ли мое тело? Я что, взлетел как птица?

— Ты не можешь без своих вопросов, на которые я не знаю как ответить. Ты — летал. Для того и существует вторая порция «травы дьявола». Будешь принимать ее больше — научишься летать в совершенстве. Дело это не простое. С помощью второй порции человек летает. Вот все, что я могу тебе сказать. А то, что ты хочешь узнать, лишено смысла. Птицы летают как птицы, а человек, который принял «траву дьявола», летает как человек, который принял «траву дьявола» (el enyerbado vuela asi).

— Так же, как птицы? (asi como los pajaros?)

— Нет, так же, как человек, который принял «траву дьявола» (no, asi como los anyerbados).

— Значит, ничего я на самом деле не летал. Все это было только в моем воображении, только у меня в голове. Где было мое тело?

— В кустах, — отрезал он, но тут же вновь разразился смехом. — Беда с тобой в том, что ты понимаешь все только с одной стороны. Ты не можешь представить, что человек летает: и однако брухо способен в одну секунду перенестись за тысячу миль, чтобы посмотреть, что там происходит. Он может нанести удар своему врагу, который за тридевять земель. Так летает он или нет?

— Понимаешь, дон Хуан, у нас с тобой разный подход. Предположим, ради спора, что когда я принял «траву дьявола», здесь был бы кто-нибудь из моих друзей по университету. Увидел бы он меня летящим?

— Ну вот, опять ты со своими вопросами, что было бы, если бы да кабы... Все это бессмысленная болтовня. Если твой друг или еще кто бы там ни был примет вторую порцию «травы дьявола», то все, что ему останется, — это летать. Ну, а если он будет просто наблюдать за тобой, то может увидеть тебя летящим, а может и не увидеть. Это зависит от человека.

— Но я хочу сказать, дон Хуан, что если мы с тобой смотрим на птицу и видим ее летящей, то мы согласимся, что она летит, а вот если бы двое моих друзей видели меня летящим прошлой ночью, то согласились ли бы они с тем, что я летал?

— Ну, а почему бы им не согласиться. Ты ведь согласен с тем, что птицы летают, потому что видишь, как они летают. Для птиц полет — дело обычное. Но ты не согласишься с тем, что птицы делают еще и другие вещи, потому что ты никогда не видел, как они их делают. Если бы твои друзья знали, что есть люди, которые летают с помощью «травы дьявола», тогда они согласились бы.

— Хорошо, я скажу иначе. Я имею в виду, если я тяжелой цепью привяжу себя к скале, то все равно буду точно так же летать, потому что мое тело не имеет с этим полетом ничего общего?

Дон Хуан скептически взглянул на меня.

— Если ты привяжешь себя к скале, — сказал он, — то боюсь, что тебе придется летать вместе со скалой с ее тяжелой цепью.

Глава 7

Сбор и подготовка ингредиентов для курительной смеси составили годичный цикл. В первый год дон Хуан учил меня всей процедуре. На второй год, когда с декабря 1962 начался новый цикл, он просто руководил мной; я сам собрал ингредиенты, приготовил их и отложил до следующего года.

В декабре 1963 начался новый, третий цикл. Дон Хуан сказал мне, как делать самому смесь из высушенных составных частей, собранных и приготовленных мною годом раньше. То, что я собрал, он положил в небольшой кожаный мешочек. Мы опять принялись собирать разные ингредиенты на следующий год.

В течение года, который на это ушел, дон Хуан редко упоминал о «дымке». Однако всякий раз, как я к нему приезжал, он давал мне подержать свою трубку, и вся процедура знакомства с трубкой развивалась неукоснительно по его сценарию. Давал он мне трубку в руки очень постепенно, требуя при этом тщательнейшей и предельной концентрации и сопровождая мои действия по возможности точными указаниями. Любая оплошность с трубкой, говорил он, неизбежно повлечет за собой его или мою смерть.

Только по окончании третьего цикла сбора и приготовления смеси дон Хуан впервые заговорил о дымке как о союзнике.

Понедельник, 23 декабря 1963

Мы возвращались на машине к нему домой после сбора одного из необходимых составляющих смеси — желтых цветов. Я заметил вслух, что в этом году мы не следуем тому порядку в сборе составных частей, которого придерживались ранее. Он засмеялся и сказал, что дымок не такой капризный и обидчивый, как «трава дьявола». Для дымка неважен порядок сбора

составляющих: от того, кто готовит смесь, требуется только аккуратность и точность.

Я спросил, что мы будем делать с той смесью, которую он приготовил и передал мне на хранение. Дон Хуан ответил, что она моя, и добавил, чтобы я с нею не тянул. Я спросил, какова обычная доза. В мешочке, который он мне дал, было примерно втрое больше, чем в обычной пачке табаку. Он сказал, что содержимое мешочка рассчитано на год, а сколько понадобится каждый раз для трубки — мое личное дело.

Мне хотелось узнать, что будет, если я использую не весь запас. Дон Хуан сказал, что ничего не случится, дымок ничего не требует. Ему самому больше нет нужды курить, и все же каждый год он вновь готовит смесь, — точнее, поправился он, ему редко приходится курить. Я спросил, что он делает с неиспользованной смесью, но он мне не ответил, а сказал, что если смесь в течение года не использована, то уже не годится.

Здесь мы ввязались в долгий спор. Я, очевидно, неточно сформулировал вопрос, и его ответы казались неясными. Как я понял, смесь по истечении года теряет галлюциногенные свойства, и в таком случае необходим новый годовой цикл: но он твердил, что смесь никогда не теряет своих свойств. Происходит только то, сказал он, что человеку она больше не нужна, поскольку он сделал новый запас, и следует распорядиться неиспользованной старой смесью особым образом. Каким именно — я не мог дознаться.

Вторник, 24 декабря 1963

— Ты говорил, дон Хуан, что тебе больше нет надобности курить.

— Да, мне больше не нужно курить, потому что дымок — мой союзник. Я могу его вызвать когда и где захочу.

— Ты хочешь сказать, что он приходит к тебе, даже если ты не куришь?

— Я хочу сказать, что я прихожу к нему свободно.

— А у меня тоже так получится?

— Да, если тебе удастся сделать его своим союзником.

Вторник, 31 декабря 1963

Во вторник 24 декабря у меня был первый опыт встречи с союзником дона Хуана — дымком. Весь день я мыкался вокруг дона Хуана и делал, что прикажет. К вечеру мы вернулись к нему домой. Я напомнил, что мы весь день ничего не ели, но он точно не слышал и заговорил о назревшей для меня необходимости наконец познакомиться с дымком. По его словам, я сам должен был его испытать, чтобы понять, насколько это важный союзник.

Не дав мне опомниться, дон Хуан заявил, что раскурит для меня свою трубку прямо сейчас. Я начал отнекиваться, возражая, что еще не готов и слишком давно не держал трубку в руках. Но он сказал, что больше некогда учиться, пора к ней приступать. Он вынул трубку из чехла и любовно ее погладил. Я сел на пол рядом с ним и лихорадочно искал какой-нибудь предлог, чтобы отвертеться.

В комнате было почти темно. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и поставил ее в угол. Обычно желтоватый свет лампы создавал в комнате успокаивающий полумрак. На этот раз, однако, свет казался тусклым и необычно красным; он действовал на нервы. Дон Хуан развязал, не снимая со шнурка на шее, свой мешочек со смесью. Он поднес трубку к распахнутому воротнику и зачерпнул чашечкой немного смеси. Он велел, чтобы я следил за его движениями, сказав, что если часть смеси просыплется, то она все равно попадет к нему за пазуху.

Дон Хуан наполнил трубку на три четверти, затем, держа трубку в одной руке, другой завязал мешочек. Он поднял с полу небольшую глиняную миску, дал ее мне и велел принести со двора несколько угольков. Я пошел за дом и, взяв несколько углей из печки, сложенной из кирпича-сырца, вернулся назад. Мне было здорово не по себе.

Подав миску дону Хуану, я сел рядом. Он бросил на нее взгляд и спокойно заметил, что угли слишком большие. Нужны помельче, чтобы вошли внутрь чашечки. Я вновь сходил к печке и принес что требовалось. Он взял блюдо с углями и поставил перед собой. Сидел он по-турецки. Взглянув на меня краем глаза, он наклонился вперед, так что почти коснулся углей подбородком, и,

держа трубку в левой руке, неуловимым движением правой схватил пылающий уголек, положил его в чашечку трубки и выпрямился. Держа трубку обеими руками, поднес ее к губам и трижды пыхнул. Он обеими руками протянул мне трубку и шепотом приказал, чтобы я таким же образом взял ее и курил.

У меня мелькнула отчаянная мысль — отказаться и удрать. Но дон Хуан вновь шепотом приказал взять трубку и курить. Я взглянул на него. Его глаза не отрывались от моих, но взгляд был дружеским, понимающим. Я с обреченностью вспомнил, что выбор ведь сделан давным-давно, и сейчас, стало быть, остается лишь одно — делать все, что он прикажет.

Я взял трубку и едва не выронил — она была раскаленной! Я поднес ее к губам с крайней осторожностью, поскольку опасался обжечься. Но жара я почему-то совсем не почувствовал.

Дон Хуан велел затянуться. Струя дыма наполнила рот, и казалось, что он там циркулирует. Дым был тяжелым! Чувство было такое, будто рот забит сырым тестом. Именно это сравнение пришло мне на ум, хотя я никогда не держал теста во рту. Дым напоминал также ментол, во рту вдруг стало холодно. Я почувствовал свежесть. «Еще! Еще!» — слышал я шепот дона Хуана. Дым свободно просачивался внутрь меня. Дон Хуан мог меня больше не подстегивать — я затягивался уже механически.

Наконец дон Хуан наклонился и взял у меня из рук трубку. Он осторожно вытряс золу в миску с углями, затем послюнил палец и покрутил им в чашечке, чтобы очистить внутреннюю поверхность. Несколько раз он продул мундштук. Я с любопытством следил, как он прячет трубку в чехол.

Закончив чистить и убрав трубку, он пристально взглянул на меня. И тут я спохватился, что все мое тело онемело. Оно словно стало сплошь ментоловым. Лицо отяжелело, болели челюсти. Я не мог удержать рот закрытым, но слюны не было. Во рту было так сухо, что он горел, и однако я не чувствовал жажды. В голове разлилось странное тепло. Холодный жар! При каждом выдохе дыхание, казалось, резало ноздри и верхнюю губу, но оно не обжигало огнем, а жгло как кусок льда.

Дон Хуан сидел справа от меня и, словно окаменев, прижимал чехол с трубкой

к полу, как бы удерживая его силой. Мои ладони отяжелели, руки ломило. Они оттягивали плечи. Из носу текло. Я вытер нос тыльной стороной ладони — и стер верхнюю губу! Я вытер ладонью лицо — и стер его! Я таял! Чувство было такое, словно тает все тело. Я вскочил и попытался ухватиться за что-нибудь, за что угодно — лишь бы опереться. Меня охватил нестерпимый ужас. Я схватился за вкопанный в центре комнаты столб. Стоя у столба, я повернулся взглянуть на дона Хуана. Он сидел по-прежнему неподвижно, прижимая к полу трубку и глядя на меня.

Дыхание было болезненно горячим (или холодным?). Оно душило меня. Я наклонил голову, чтобы опереться ею о столб, но, видимо, промахнулся, потому что голова продолжала наклоняться, миновав то место, где был столб. Я остановился, когда уже чуть не упал на пол, и выпрямился. Столб был на месте, у меня перед глазами. Я снова попробовал прислониться к нему головой. Я старался контролировать себя и не отвлекаться. Держа глаза открытыми, я наклонялся вперед, чтобы лбом коснуться столба. Он был в нескольких дюймах от моих глаз, но когда я его коснулся, у меня было совершенно дикое ощущение, что голова прошла прямо сквозь столб.

В отчаянных поисках разумного объяснения я решил, что это глаза искажают расстояние, и что столб, должно быть, от меня где-нибудь в 10 футах, хотя я и вижу его прямо перед собой. Тогда я решил определить местонахождение столба с помощью логического, рационального метода. Шаг за шагом я начал обходить его вокруг. Логически я рассчитывал, двигаясь таким образом вокруг столба, сделать круг футов 5 в диаметре; если столб был действительно в 10 футах от меня, то есть дальше вытянутой руки, то в конечном итоге я окажусь к нему спиной. Я предполагал, что в этот момент столб должен исчезнуть, поскольку в действительности оказался бы позади меня.

Я начал обходить столб по кругу, но он по-прежнему оставался у меня перед глазами. В приступе отчаяния и замешательства я схватился за него обеими руками, но руки прошли насквозь; я схватил воздух. Я тщательно рассчитал расстояние до столба. Получалось приблизительно три фута. Некоторое время я играл с восприятием пространственной глубины, поворачивая голову так и этак, поочередно фокусируя глаза то на столбе, то на заднем плане. Согласно моему пространственному восприятию, столб, несомненно, был передо мною примерно в трех футах. Вытянув перед собой руки, чтобы не удариться головой, я ринулся на него. Ощущение было неизменным: я прошел сквозь

столб. На этот раз я грохнулся на пол. Я опять поднялся, и этот подъем был, пожалуй, наиболее необычным из всех моих действий этой ночью. Я поднял себя мыслью! В моем движении не участвовали ни мышцы, ни скелет. Я больше не имел над ними контроля, — это я понял в тот момент, когда упал на пол. Но незадача со столбом вызвала во мне такое любопытство, что я чем-то вроде рефлексивного действия «мыслью поднял себя». И прежде, чем до меня дошло, что я ведь не могу двигаться, я уже стоял.

Я позвал дона Хуана на помощь. Голос сорвался в крик, но дон Хуан не пошевелился. Он по-прежнему искоса на меня смотрел, как если бы ему лень было повернуть голову, чтобы взглянуть на меня прямо. Я сделал к нему шаг, но вместо того, чтобы двинуться вперед, меня бросило назад, и я налетел на стену. Я знал, что столкнулся с нею спиной, но не почувствовал удара; я был полностью погружен в мягкую губкообразную субстанцию, — это и была стена. Руки были разбросаны в стороны, и казалось, что все мое тело медленно тонет в стене. Я мог только смотреть вперед, в комнату. Дон Хуан все так же смотрел на меня, но не делал никаких попыток мне помочь. Я сделал отчаянное усилие вырваться из стены, но тело лишь тонуло все глубже и глубже. В неописуемом ужасе я чувствовал, что губкообразная стена смыкается на моем лице. Я попытался закрыть глаза, но они не закрывались.

Не помню, что было дальше, но вот передо мною совсем близко оказался дон Хуан. Мы были в соседней комнате. Я видел стол и огонь в очаге. Краем глаза я различал в окне изгородь возле дома. Видел я все очень ясно. Дон Хуан принес керосиновую лампу и подвесил ее к потолочной балке. Я попробовал взглянуть в другую сторону, но глаза были устремлены только вперед. Отсутствовало всякое различение или ощущение хоть какой-либо части тела. Своего дыхания я не чувствовал, но мысли были исключительно ясными, и я ясно сознавал все, что со мной происходит. Дон Хуан подошел ко мне, и из головы все исчезло. Казалось, что-то остановилось во мне, мыслей больше не было. Я видел, как ко мне подходит дон Хуан, и ненавидел его. Я хотел разодрать его в клочья. Я убил бы его, если бы мог пошевелиться. Появилось неясное давление на голову, но оно также исчезло. Осталось лишь одно — безудержный гнев на дона Хуана.

Он был от меня всего в нескольких дюймах. Я хотел разорвать его. Я слышал свое рычание. Что-то во мне начало содрогаться. Я услышал, что дон Хуан говорит со мной. Голос был тихим и успокаивающим, и удивительно приятным.

Он подошел почти вплотную и стал напевать испанскую колыбельную:

— Senora Santa Ana, porque llora el nino? Por una manzana que se la ha perdido. Yo ie dare una. Yo ie dare dos. Una para el nino? otra para vos.

Меня охватило тепло. Это была сердечная теплота, теплота чувств. Слова дона Хуана звучали как далекое эхо. Они будили далекие воспоминания детства.

Ярость, которую я только что чувствовал, исчезла. Ненависть и обиду сменила тоска — меня охватила глубокая любовь к дону Хуану. Он сказал, чтобы я не спал, что у меня больше нет тела и я могу превратиться во что пожелаю. Он сделал шаг назад. Глаза дона Хуана находились на обычном уровне, как если бы я стоял рядом с ним. Он протянул ко мне руки и велел войти в них.

То ли я двигался вперед, то ли он подошел ко мне ближе. Его руки были почти у меня на лице — на глазах, хотя я их не чувствовал. «Войди мне в грудь», — услышал я его голос. Я почувствовал, что он растворяется во мне. Ощущение было такое же, как со стеной из губки.

Его я уже не различал. Глаза были, очевидно, открыты, потому что я видел вспышки света на красном фоне, точно я смотрел на свет сквозь сомкнутые веки. Затем опять включились мысли. Они вернулись бурным потоком картин: лица, пейзажи. Картины хаотически появлялись и исчезали. Это было похоже на стремительный сон, где картины с сумасшедшей скоростью перебивают друг друга. Затем поток мыслей начал убывать и вскоре исчез совсем. Осталось лишь чувство любви и счастья. Я не мог различить никаких очертаний или градаций в освещении. Внезапно я был точно вытолкнут. Это было отчетливое ощущение, будто меня откуда-то подняли. И я был свободен, я двигался с невероятной легкостью и скоростью то ли в воде, то ли в воздухе. Я плавал как угорь. Я извивался и крутился, и взмывал, и опускался, как пожелаю. Я почувствовал, что подхвачен мощным холодным ветром, и начал скользить как перышко, качаясь вперед-назад, как маятник, вниз, и вниз, и вниз.

Суббота, 28 декабря, 1963

Я проснулся вчера к вечеру. По словам дона Хуана, я беспробудно проспал

почти двое суток. Голова была тяжелая. Я выпил воды, и мне стало нехорошо. Навалилась усталость, невероятная усталость, и после ужина я снова лег спать.

Сегодня я уже чувствовал себя полностью отдохнувшим и принялся обсуждать с доном Хуаном свой опыт. Полагая, что ему вновь требуется подробный пересказ, я начал описывать свои впечатления, но он меня остановил и сказал, что в этом нет нужды. Он сказал, что в действительности я ничего такого не совершил и почти сразу заснул, потому и говорить не о чем.

— А как же с тем, что я пережил? Разве это совсем не важно?

— Нет. Если с дымком, то не важно. Со временем, когда ты научишься путешествовать, тогда и поговорим. Сначала ты должен научиться проникать внутрь вещей.

— Как это — «проникать внутрь вещей»?

— Ты что, забыл? Ты вошел в стену и прошел сквозь нее.

— А по-моему, в действительности я сошел с ума.

— Нет, ты не сошел с ума.

— А когда ты курил впервые, дон Хуан, с тобой происходило то же самое?

— Нет, у меня было по-другому. Мы с тобой разные.

— А что с тобой было?

Дон Хуан не ответил. Я задал этот вопрос в другой формулировке. Но он сказал, что не помнит, что испытывал и что при этом делал: это все равно что спрашивать у старого рыбака, что он чувствовал, когда в первый раз был на рыбной ловле. Он сказал, что дымок это несравненный союзник, и тут я ему напомнил, что то же самое он говорил о Мескалито. Он возразил, что и тот и другой — несравненный союзник, но каждый по-своему.

— Мескалито — это защитник, потому что он говорит с тобой и показывает,

что делать, — сказал он. — Мескалито учит, как правильно жить, его можно видеть, потому что он вне тебя. Напротив, дымок — это союзник. Он преобразует тебя и дает тебе силу, ничем при этом себя не обнаруживая. С ним не говорят. Но у тебя не остается сомнений, что он существует, потому что он убирает твое тело и делает тебя легким как воздух. Однако ты никогда не увидишь его. И все же он присутствует и дает тебе силу для осуществления казалось бы невозможных вещей, например, убирая твое тело.

— Я в самом деле чувствовал, что тела больше нет.

— Так оно и было.

— Ты имеешь в виду, что у меня действительно не было тела?

— А ты сам что думаешь?

— Да откуда я знаю. Я могу сказать тебе только то, что я чувствовал.

— Вот так оно и есть в действительности: то, что ты чувствовал.

— Но каким видел меня ты, дон Хуан? В каком я был виде?

— Каким я тебя видел — это неважно. Это похоже на то, как ты ловил столб. Ты чувствовал, что столб не здесь, но все же ходил вокруг него, чтобы убедиться, что столб здесь. Но когда ты прыгнул на него, то вновь почувствовал, что в действительности его здесь нет.

— Но ты меня видел таким как сейчас, или как?

— Нет, не таким как сейчас.

— Ладно! Допустим. Но у меня ведь было мое тело, пусть я — лично я — его и не чувствовал, а?

— Нет! Проклятье! Не было у тебя такого тела, как сейчас! — А что же тогда с ним было?

— Неужели не ясно! Его взял дымок.

— Но куда же оно девалось?

— Откуда же, по-твоему, мне это знать, черт побери?

Бесполезны были все мои упорные попытки получить рациональное объяснение. Я сказал, что вовсе не желаю спорить и задавать дурацкие вопросы, но если я соглашусь с мыслью, что можно терять свое тело, то я попросту потеряю рассудок.

Он сказал, что я как всегда преувеличиваю и что от дымка я не теряю и не потеряю ничего.

Вторник, 28 января 1964

Я спросил, что будет, если дать дымок кому-нибудь, кто захочет его попробовать. Он безапелляционно сказал, что дать дымок кому угодно — все равно что убить его, потому что у него не будет руководителя. Я попросил объяснить, что он имеет в виду. Он обронил, что я нахожусь здесь, живой и здоровый, только потому, что он меня вытащил, восстановив мое тело. Иначе мне бы никогда не вернуться.

— Как же ты все-таки восстановил мое тело?

— Об этом как-нибудь потом, когда ты научишься все это делать самостоятельно. Вот почему я хочу, чтобы ты научился как можно большему, пока я рядом с тобой. Ты потерял достаточно много времени на свои дурацкие вопросы о всякой чепухе. Хотя, может быть, это в самом деле не твоя судьба — научиться всему, что дает дымок.

— Ну, и что же я тогда буду делать?

— Пусть дымок даст тебе столько знания, сколько ты сможешь взять.

— Выходит, дымок тоже учит?

— А что же еще!

— Учит так же, как Мескалито?

— Нет, дымок не такой учитель, как Мескалито. Он показывает другое.

— Что именно?

— Он показывает, как управлять его силой и как научиться принимать его столько, сколько понадобится.

— Твой союзник, дон Хуан, уж очень устрашающий. То, что я испытал, уж вовсе из ряду вон.

Почему-то я не мог отвязаться от этой мысли, от мучительного воспоминания. Сравнивая дымок с предыдущими галлюциногенными опытами, я вновь и вновь приходил к выводу, что дымок просто сводит с ума.

Дон Хуан раскритиковал мое сравнение, сказав, что то, что я испытал, было его невообразимой силой. И для того, чтобы ею управлять, сказал он, нужно жить сильной жизнью. Такая жизнь предполагает не только подготовительный период, но и общую позицию человека по отношению ко всем вещам после того, как он удостоверился в ее реальности и необходимости. Сила дымка, сказал он, такова, что человек может сравняться с ним только своей стойкостью, иначе его жизнь будет разбита вдребезги.

Я спросил, одинаково ли действие дымка на каждого. Он сказал, что дымок преобразует, но не каждого.

— Тогда с какой стати он сделал это со мной?

— Это, я думаю, совершенно дурацкий вопрос. Ты послушно исполнял в должной последовательности все, что нужно, и в том, что дымок тебя преобразовал, нет никакого такого чуда.

Я еще раз попросил рассказать, как я выглядел. Мне хотелось это знать потому, что мысль о бестелесном существе, для него совершенно естественная, была для меня, разумеется, невыносимой. Он сказал, что, по правде говоря, смотреть на меня боялся: он чувствовал то же самое, что чувствовал, должно быть, его бенефактор, когда впервые курил сам дон Хуан.

— Почему ты боялся? Я был таким страшным? — спросил я.

— Мне никогда раньше не приходилось видеть кого-нибудь курящим.

— Ты не видел, как курил твой бенефактор?

— Нет.

— Ты никогда не видел даже себя самого?

— Как это, интересно знать?

— Ну, скажем, если бы курил перед зеркалом.

Он молча на меня вытаращился и замотал головой. Я опять спросил, можно ли смотреть при этом в зеркало. Если бы это и было возможно, сказал он, то совершенно бесполезно, потому что попросту, наверно, умрешь от страха, если не еще от чего-нибудь. Я сказал:

— Значит, тогда в самом деле выглядишь устрашающе.

— Я сам всю жизнь гадал об этом, — сказал он, — и все же ничего такого не спрашивал и в зеркало не глядел. Мне это и в голову не приходило.

— Но как же мне тогда узнать?

— Надо ждать, вот как ждал я, пока не передашь кому-нибудь дымок, — конечно, если когда-нибудь его освоишь.

Тогда и увидишь, как при этом выглядит человек. Таково правило.

— А если я, скажем, буду курить перед фотоаппаратом и сам себя сфотографирую?

— Не знаю. Но думаю, дымок обратится против тебя. А ты, похоже, считаешь его столь безобидным, что полагаешь, будто с ним можно играть.

Я сказал, что не собираюсь играть, но ведь, помнится, он сам говорил, что дымок не слишком строгий, вот я и подумал, что не будет большого греха поинтересоваться, как от него выглядишь. Он возразил, что имел в виду отсутствие необходимости соблюдать, в отличие от «травы дьявола», определенный порядок действий: однако дымок, разумеется, требует должного к себе отношения. В этом смысле правило не знает исключений. Например, не имеет значения, какой ингредиент собран в первую очередь, если вся смесь составлена правильно.

Я спросил, не будет ли вреда, если я расскажу кому-нибудь то, что пережил. Он ответил, что разглашению не подлежит следующее: как готовить и использовать курительную смесь, как себя вести и как возвращаться; все остальное неважно.

Глава 8

Моя последняя встреча с Мескалито длилась четыре дня и состояла соответственно из четырех сессий. На языке дона Хуана это называлось «митота». В пейотной церемонии принимали участие ученики и peyoteros (т. е. люди, имеющие опыт в обращении с пейотом) — двое мужчин в возрасте примерно дона Хуана, один из которых был ведущим. Кроме меня, было еще четверо молодых людей.

Церемония происходила в мексиканском штате Чиуауа, вблизи техасской границы. Это было угощение пейотом и песнопения ночи напролет. Днем приходили женщины и приносили воду: ежедневно мы съедали в качестве ритуала лишь чисто символическое количество специальной пищи.

Суббота. 12 сентября 1964

В первую ночь церемонии, в четверг 3 сентября, я сжевал восемь бутонов пейота. Результата я не заметил — возможно, он был очень слабым. Всю ночь

я сидел с открытыми глазами — так было легче. Я не спал и не чувствовал усталости. К самому концу сессии пение стало совершенно необычным. На какое-то мгновение я ощутил такой подъем, что захотелось плакать. Но песня закончилась, и все прошло.

Мы все встали, вышли во двор. Женщины дали нам воды. Одни прополоскали горло, другие пили. Мужчины не говорили ни слова, зато женщины без умолку болтали и хихикали. В полдень нам приготовили ритуальную пищу — вареный маис.

На закате солнца четвертого сентября началась вторая сессия. Ведущий запел пейотную песню, и вновь начался цикл пения и принятия пейота. К утру, под конец цикла, все песни слились в унисон.

Я вышел во двор; женщин на этот раз было меньше. Кто-то дал мне воды, но я этого не заметил. Я опять сжевал 8 бутонов и снова безрезультатно. Должно быть, шло уже к концу сессии, когда пение стало гораздо быстрее, и все пели хором. Я почувствовал, что кто-то или что-то снаружи дома хочет войти, причем нельзя было понять, имеет ли пение целью помешать или помочь ему ворваться.

Я единственный не пел, потому что только у меня не было собственной песни. Все, казалось, поглядывали на меня с недоумением, особенно молодежь. Это меня смущало, и я закрыл глаза. Тут я обнаружил, что с закрытыми глазами могу гораздо лучше воспринимать все происходящее. Меня полностью захватило это открытие. Я закрыл глаза — и увидел людей перед собой, открыл глаза — картина не изменилась. Сидел ли я с открытыми или с закрытыми глазами — на зрительное восприятие это нисколько не влияло.

Внезапно все исчезло, словно распалось, и перед глазами возникла та самая в виде человека фигура Мескалито, с которой я встретился два года назад. Он сидел немного поодаль, ко мне в профиль. Я смотрел на него не отрываясь, но он на меня ни разу не взглянул и ни разу ко мне не повернулся.

Я подумал, что делаю что-то неправильно, оттого он и держится в стороне. Я встал и сделал к нему шаг, чтобы у него самого об этом узнать. Но от моего движения картина рассеялась, она начала таять, а из нее выплыли фигуры людей, с которыми я находился. Я вновь услышал громкое исступленное

пение.

Я направился к кустарнику возле дома и немного прошелся. Все вокруг было совершенно отчетливым. Я заметил, что опять вижу в темноте, но на этот раз это почти не имело значения. Я хотел знать только одно — почему Мескалито меня избегает?

Повернув назад, чтобы присоединиться к группе, я у самого дома вдруг услышал сильный грохот и почувствовал, как подо мной содрогается земля. Звук был совершенно таким, как два года тому назад в пейотной долине.

Я побежал назад, в кусты. Я знал, что Мескалито здесь и я должен его найти. Но в кустах его не было. Я ждал до утра и вернулся под самый конец сессии.

На третий день «митоты» повторилась та же процедура. После обеда я поспал, хотя не чувствовал усталости.

Вечером в субботу, 5 сентября, ведущий затянул свою песню — цикл начался заново. За эту сессию я разжевал только один бутон, не прислушиваясь к песням и не интересуясь ничем вокруг. С самого начала я полностью сосредоточился лишь на одном. Я знал, что не хватает чего-то страшно важного для того, чтобы все было хорошо. Под нескончаемое пение я во весь голос попросил Мескалито научить меня песне. Моя просьба утонула в громком пении. Тотчас в ушах зазвенела песня. Я повернулся, пересел спиной к остальным и начал слушать. Я вновь и вновь слышал слова и мотив, и повторял их, пока не выучил всю песню. Это была длинная песня на испанском. Затем я несколько раз пропел ее остальным, а вскоре в ушах послышалась новая песня. К утру я бесчисленное множество раз пропел их обе. Я чувствовал себя обновленным и окрепшим.

После того, как нам принесли воду, дон Хуан дал мне сумку, и мы все вместе отправились в горы. Это был долгий и трудный путь на низкое плоскогорье. Там я увидел несколько растений пейота, но почему-то не хотелось на них смотреть. Когда мы пересекли плоскогорье, группа разделилась. Мы с доном Хуаном пошли назад, собирая по пути бутоны пейота, как в прошлый раз, когда я ему помогал.

Вернулись мы к концу дня, в субботу шестого сентября. Вечером ведущий

вновь начал цикл. Никто не произнес ни слова, но я был совершенно уверен, что это последняя сессия. Песня ведущего была на этот раз новой. По кругу пошел мешок со свежими бутонами. Впервые я попробовал их свежими. Бутон был сочный, но жевать его было трудно. Он напоминал твердый зеленый плод, но вкус был более острым и горьким, чем у высушенных бутонов.

Я сжевал четырнадцать бутонов, старательно их считая. Не успел Я дожевать последний, как послышалось знакомое громыхание, которое отмечало присутствие Мескалито. Все исступленно запели, и я понял, что грохот услышали дон Хуан и все остальные. Мысль, что это было попросту их реакцией на знак, поданный кем-то, чтобы меня обмануть, я отверг. В то же мгновение я почувствовал, как меня поглощает огромная волна мудрости. Предположения, с которыми я играл три года, уступили место несомненной достоверности. Три года потребовалось мне для того, чтобы понять или, скорее, убедиться, что что бы там ни содержалось в кактусе lophophora williamsii, его существование ничуть от меня не зависит — оно свободно существовать где угодно, везде. Теперь все было ясно.

Я лихорадочно пел до тех пор, пока хватало сил произносить слова. Потом пришло ощущение, что песни находятся внутри моего тела и самопроизвольно его сотрясают. Я должен был выйти и найти Мескалито, иначе взорвусь. Я пошел в сторону пейотного поля, продолжая петь свои песни. Я знал, что они только мои — неоспоримое доказательство моей единственности. Я ощущал каждый свой шаг. Шаги эхом отдавались от земли; это эхо вызывало неописуемую эйфорию оттого, что я человек.

От каждого пейотного кактуса на поле исходил голубоватый мерцающий свет. Один кактус светился особенно ярко. Я сел перед ним и начал петь ему свои песни. Тут из растения вышел Мескалито — та же фигура в виде человека, которую я видел раньше. Он взглянул на меня. С большим чувством (совершенно необычным для человека моего темперамента) я пел ему свои песни. К ним примешивалась уже знакомая мне музыка — звуки флейт или ветра. Как и два года назад, он беззвучно спросил: «Чего ты хочешь»? Я заговорил очень громко. Я сказал — я знаю, что в моей жизни и в моих поступках чего-то не хватает, но не могу обнаружить, чего же именно. Я смиренно просил его сказать мне, что у меня неладно, и еще сказать свое имя, чтобы я мог позвать его, когда буду в нем нуждаться. Он взглянул на меня. Его рот вытянулся, как тромбон, до самого моего уха. И он сказал мне свое

имя.

Внезапно я увидел отца. Он стоял посреди пейотного поля, но поле исчезло, и вся сцена переместилась в старый дом, где прошло мое детство. Я стоял с отцом у смоковницы. Я обнял его и стал торопливо говорить ему все, чего никогда не мог ему сказать. Каждая мысль была законченной и исчерпывающей. Было так, словно у нас в самом деле нет времени и нужно сказать все сразу. Я говорил что-то совершенно потрясающее, говорил о чувствах, которые к нему испытывал, — что-то такое, о чем при обычных обстоятельствах никогда бы не посмел заикнуться.

Отец не отвечал. Он просто слушал, а потом исчез. И я снова был один, я плакал от печали и раскаяния.

Я пошел через пейотное поле, выкликая имя, которому меня научил Мескалито. Что-то появилось из странного, похожего на звездный, света на кактусе. Это был длинный светящийся предмет — что-то вроде палки из света, величиной с человека. На мгновение он осветил все поле ярким светом, желтоватым или янтарным; затем озарил все небо, от чего получилось необычайное, чудесное зрелище. Я подумал, что если буду смотреть, то ослепну. Я зажмурился и спрятал лицо в ладонях.

Я безошибочно знал, что Мескалито велит мне съесть еще один бутон. Но как же это сделать, подумал я, у меня ведь нет ножа, чтобы его срезать. «Съешь прямо с земли», — сказал он мне тем же необычным образом. Я лег на живот и стал жевать верхушку растения. Оно согрело и ободрило меня. Все мое тело, каждая его клетка согрелась и выпрямилась. Все ожило. Все состояло из сложных и тонких деталей, и в то же время все было таким простым. Я был повсюду; я мог видеть все, что вверху, и все, что внизу, и все вокруг одновременно.

Это непередаваемое чувство я испытывал как раз столько времени, чтобы успеть его осознать. Затем его вытеснил гнетущий страх, который пусть не мгновенно, но все же достаточно быстро и неумолимо овладел мной. Сначала в мой чудесный мир безмолвия ворвались острые звуки, но я не обратил на это внимания. Затем звуки стали громче и назойливей, как будто надвигались на меня. И постепенно исчезло недавнее чувство, когда я плавал в мире целостном, безразличном и прекрасном. Звуки выросли в гигантские шаги.

Что-то громадное дышало и двигалось вокруг меня. Я понял, что оно за мной охотится. Я побежал и спрятался под валуном, пытаясь оттуда определить, что же меня преследует. На мгновение я выглянул из своего убежища, и тут преследователь, кто бы он ни был, на меня бросился. Он был похож на морскую водоросль. Водоросль бросилась на меня. Я думал, что буду раздавлен ее весом, но оказался в какой-то выбоине или впадине. Я видел, что водоросль покрыла не всю поверхность земли вокруг камня. Под валуном остался клочок свободного пространства. Я старался вжаться под камень. Я видел капающие с водоросли огромные капли слизи. Я «знал», что это секреторная жидкость — пищеварительная кислота, чтобы меня растворить. Капля упала мне на руку; я пытался стереть кислоту землей и смачивал ожог слюной, продолжая закапываться. В какое-то мгновение я почти растаял.

Меня вытаскивали на свет. Я решил, что уже растворен водорослью. Я смутно заметил свет, который становился все ярче. Свет шел из-под земли, пока наконец не прорвался в то, в чем я узнал встающее из-за гор солнце.

Ко мне медленно возвращалось обычное восприятие. Я лег на живот, уткнувшись подбородком в согнутый локоть. Кактус передо мной вновь начал светиться, и не успел я глазом моргнуть, как из него снова вырвался длинный сноп света и простерся надо мной. Я сел. Свет спокойной силой коснулся моего тела, а затем откатился и скрылся из виду.

Я бежал, пока не нашел остальных. Вместе мы вернулись в город. Я остался с доном Хуаном еще на один день у Роберто, — так звали ведущего. Весь этот день я проспал. Когда мы стали собираться, ко мне начали подходить участвовавшие в митоте молодые люди. Они по очереди меня обнимали и стыдливо смеялись. Я познакомился с каждым. Я говорил с ними без конца обо всем на свете, кроме митоты.

Дон Хуан сказал, что пора ехать. Я вновь обнялся с каждым. «Возвращайся», — сказал один из них. «Мы уже ждем тебя», — добавил другой. Я отъезжал медленно, стараясь различить где-нибудь стариков, но никого не увидел.

Четверг, 10 сентября 1964

Всякий раз изложение дону Хуану того, что я пережил, невольно понуждало меня к предельной точности. Похоже, это был наилучший способ все как

следует вспомнить.

Сегодня я пересказал ему в подробностях свою последнюю встречу с Мескалито. Он внимательно меня слушал, пока я не добрался до того места, где Мескалито назвал свое имя. Тут он меня остановил.

— Теперь ты сам по себе, — сказал дон Хуан. — Защитник принял тебя. Отныне моя помощь будет крайне незначительной. Тебе не надо больше ничего мне рассказывать о ваших с ним отношениях. Теперь ты знаешь его имя. Ни это имя, ни о ваших с ним делах не должна знать ни одна живая душа.

Я продолжал настаивать на том, что хочу ведь рассказать ему все детали того, что испытал, потому что ничего не понимаю. Я сказал, что мне нужна его помощь, чтобы уяснить и упорядочить то, что я видел. Он сказал, что я и сам могу это сделать, и вообще пора уже думать своей головой. Я возразил, что для меня его мнение много значит, потому что самому мне понадобится слишком много времени, чтобы все понять, да и вообще я не знаю, как подступиться.

Я сказал:

— Вот песни, например. Что они значат?

— Это уж ты сам решай, — сказал он. — Откуда я знаю, что они значат? Сказать тебе это может только защитник, так же как только он один может научить тебя своим песням. Возьмись я объяснять тебе, что они значат, это было бы все равно, как если бы ты выучил чьи-то чужие песни.

— То есть как это?

— Слушая песни защитника, можно узнать, кто притворяется. Только те песни, которые поются с душой, — его песни и получены от него самого. Остальные — в лучшем случае копии. Люди зачастую легко обманываются. Они поют чужие песни, даже не зная, о чем поют.

Я сказал, что собственно хотел узнать, для чего поются эти песни. Он ответил, что те песни, которые я узнал, служат для вызова защитника, и что я всегда должен пользоваться ими в сочетании с его именем, чтобы его вызвать. Со

временем, сказал дон Хуан, Мескалито, вероятно, научит тебя другим песням для других целей.

Тогда я спросил, как по его мнению, полностью ли меня принял защитник. Это был, наверное, глупый вопрос, потому что дон Хуан рассмеялся и сказал, что защитник конечно принял меня, а чтобы я это понял, еще и подтвердил это, дважды показавшись как свет. То, что я увидел свет дважды, похоже, произвело на дона Хуана большое впечатление, потому что он это особенно подчеркнул.

Я сказал, что не понимаю, зачем Мескалито так пугает человека, если его принимает.

Он молчал так долго, что я подумал, что этим вопросом привел его в замешательство. Но он наконец сказал.

— Но это же так ясно. То, что он хотел сказать, до того ясно, что я не вижу, что здесь может быть непонятного.

Да мне вообще все до сих пор непонятно, дон Хуан.

— Чтобы по-настоящему увидеть и понять то, что имеет в виду Мескалито, нужно время; вот и думай над его уроками, пока тебе не станет все совершенно ясно.

Пятница, 11 сентября 1964

Я вновь принялся уговаривать дона Хуана растолковать мне то, что я видел. Уговаривать пришлось долго. Наконец он заговорил с таким видом, будто мы все давно уже выяснили.

— Убедился теперь, до чего глупо задаваться вопросом, похож ли он на человека, с которым можно говорить? — сказал дон Хуан. — Он не похож ни на что из когда-либо виденного тобой. Он вроде человек, но в то же время совершенно не похож ни на какого человека. Это трудно объяснить тем, которые о нем ничего не знают, а хотят сразу узнать все. И потом, его уроки так же чудесны, как сам Мескалито. Насколько мне известно, его действия никто не может предсказать. Ты задаешь ему вопрос, и он показывает тебе

путь, но не говорит о нем таким же образом, как вот сейчас мы с тобой. Теперь понятно, что именно он делает?

— Ну, это, положим, я еще как-то могу понять. Но мне совершенно непонятно, что же он хотел сказать.

— Ты просил его сказать тебе, что у тебя не в порядке, и он дал тебе полную картину. Здесь не может быть никакой ошибки! Ты же не будешь утверждать, что не понял. Это не был разговор — хотя в собственном смысле это был разговор. Потом ты задал ему другой вопрос, и он ответил тебе точно таким же образом. А насчет того, что он хотел сказать, — этого я не могу знать в точности, поскольку мне ты предпочел не говорить о том, что спрашивал.

Я повторил, насколько помнил, свои вопросы Мескалито по возможности буквально и в том же порядке: «Правильно ли я поступаю? На правильном ли я пути? Что мне делать со своей жизнью?» Дон Хуан сказал, что эти вопросы — только слова. Вопросы не произносят, а задают изнутри. Защитник дал мне урок, а вовсе меня не отпугивал, и в доказательство этому дважды явился как свет.

Я сказал, что все еще не понимаю, зачем Мескалито устрашал меня, если принял. Я напомнил дону Хуану, что, по его собственным словам, быть принятым Мескалито означает, что он принимает постоянную форму, а не превращается из радости в кошмар. Дон Хуан вновь рассмеялся и сказал, что стоит мне разобраться как следует в своем заданном Мескалито вопросе, который был у меня в сердце, — и я сам пойму урок.

Разобраться в вопросе, который «был у меня в сердце», оказалось задачей нелегкой. Я сказал дону Хуану, что во мне тогда было много чего. Когда я задавал вопрос, на правильном ли я пути, то имел в виду — какой мир мне выбрать — этот или тот? Не подвешен ли я между обоими мирами? С которым из них мне связать свою жизнь?

Дон Хуан все это выслушал и заключил, что у меня отсутствует отчетливое видение мира и что защитник дал мне превосходный и совершенно ясный урок. Он сказал:

— Ты думаешь, что для тебя имеется два мира, два пути. Но есть лишь один.

Защитник показал тебе это с исключительной ясностью. Единственный доступный тебе мир — это мир людей, и этот мир ты не можешь покинуть по собственной воле. Ты — человек! Защитник показал тебе мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Защитник вытряхнул тебя оттуда и показал, как человек думает и борется. Вот это — мир людей! И быть человеком — значит быть обреченным на этот мир. Ты имеешь нахальство полагать, что можешь выбирать между мирами, но это только твоя самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы — люди, и должны безропотно следовать миру людей. Именно в этом, я думаю, состоял урок.

Глава 9

Дон Хуан явно ожидал, что я буду пользоваться «травой дьявола» как можно чаще. Это как-то плохо вязалось с его органической неприязнью к ее силе. Сам он объяснял свое требование тем, что вскоре мне опять придется курить, и к тому времени я должен по возможности ближе познакомиться с силой «травы дьявола».

Он то и дело предлагал мне по крайней мере попробовать еще одно гадание с ящерицами. Я долго колебался. Между тем напоминания дона Хуана становились все настойчивей, так что под конец я просто почувствовал себя обязанным ему уступить, и однажды решился погадать насчет кое-каких пропавших вещей.

Понедельник, 28 декабря 1964

В субботу 19 декабря я срезал корень datura. Я подождал, пока стемнеет, и проделал свой танец вокруг растения. За ночь я приготовил экстракт корня. В воскресенье, часам к 6 утра, вернулся туда, где рос мой дурман, и сел перед ним. Я прихватил с собой тщательно записанные указания дона Хуана относительно этой процедуры. Перечитав свои записи, я сообразил, что в

данном случае нет необходимости размалывать семена. Почему-то уже одно то, что я просто сижу перед своим растением, давало мне непривычное чувство эмоционального равновесия, ясности мышления, т. е. силы концентрации на том, что делаю, чего я вообще напрочь лишен.

Я в точности исполнил все предписания, так рассчитав время, чтобы к концу дня паста и корень были готовы. В пять часов я занялся ловлей ящериц. За полтора часа я перепробовал все способы, какие только мог придумать, но все впустую.

Я сидел перед растением дурмана, теряясь в догадках, как же выйти из положения, когда вдруг вспомнил указание дона Хуана, что вначале с ящерицами нужно поговорить. Поначалу я испытывал неловкость — все равно как при выступлении перед аудиторией. Вскоре однако это чувство прошло, и я продолжал говорить. Была уже почти ночь, когда я, подняв камень, увидел под ним ящерицу. Она казалась застывшей. Я взял ее в руки, и тут же увидел под соседним камнем другую ящерицу, тоже застывшую. Они даже не пытались вырваться.

Труднее всего оказалось зашить пасть и веки. Я заметил, что благодаря дону Хуану в моих поступках появилась обязательность. Позиция дона Хуана заключалась в том, что если уж взялся за что-либо, то отступать нельзя. Впрочем, если бы я захотел остановиться, то к этому не было никаких препятствий. Возможно, я просто не хотел останавливаться. Я отпустил одну ящерицу, и она побежала на северо-восток — хороший знак, предвещавший, впрочем, что колдовство будет не из легких. Другую ящерицу я привязал к своему плечу и по инструкции смазал себе виски. Ящерица была неподвижна. На мгновение я испугался, что она умерла, а дон Хуан мне ничего не говорил, что делать в таком случае. Но ящерица была живой, только оцепеневшей.

Я выпил снадобье и немного подождал. Не почувствовав ничего необычного, я начал растирать пасту у себя на висках. Пасту я наложил двадцать пять раз. И тут, совершенно механически и бездумно, как во сне, я несколько раз коснулся ею лба. Я с ужасом спохватился и поспешно стер пасту Лоб покрылся испариной. Меня бросило в дрожь. Я почувствовал отчаяние, потому что дон Хуан всячески от этого предостерегал. Страх сменился чувством абсолютной покинутости и обреченности. Я был оставлен тут на произвол судьбы. Если со мною что-нибудь случится, здесь нет никого, кто бы мне помог. Хотелось

удрать. Я испытывал предельную тревогу и растерянность, потому что не представлял, что же теперь делать. В голову хлынул поток мыслей, сменявшихся с необычайной скоростью. Это были странные мысли, возникавшие непонятно откуда. Мне известен мой способ мышления, определяемый моей индивидуальностью, поэтому я замечу любое отклонение.

Одна из таких чужих мыслей была высказыванием какого-то автора. Это было похоже, как я смутно помню, на чьи-то слова у меня за спиной. Произошло это так быстро, что я испугался. Я замер, чтобы зафиксировать эту неизвестно откуда взявшуюся мысль, но ее сменили обычные мысли. Я был уверен, что где-то прочел это высказывание, только забыл, кто автор. Вдруг я вспомнил: Альфред Кребер. Тут же возникла новая чужая мысль и «сказала», что не Кребер, а Георг Зиммель. Я настаивал на том, что Кребер, когда спохватился, что уже втянут в гущу спора с самим собой, забыв о недавнем чувстве обреченности.

Веки отяжелели, как от снотворного. Именно такое сравнение пришло мне в голову, хотя я никогда никакого снотворного не принимал. Неудержимо клонило в сон. Я хотел добраться до своей машины и там уснуть, но не мог пошевелиться.

Потом, совершенно неожиданно, я проснулся, вернее, ясно почувствовал, что проснулся. Первое, что пришло в голову, — который час. Я огляделся. Растения дурмана передо мной не было. Я с безразличием воспринял, как должное, что прохожу через очередное колдовство. Часы у меня над головой показывали 12:35. Значит, сейчас полдень.

Я увидел молодого человека, несущего пачку бумаг. Я едва его не касался. Я видел прожилки, пульсирующие у него на шее, и слышал ускоренное биение сердца. Меня так увлекло то, что я видел, что я забыл о моих странных мыслях. Затем я услышал у себя в голове сопровождавший сцену «голос», который ее описывал, и понял, что этот «голос» и был источником чужих мыслей.

Меня так захватило вслушивание, что зрительная сторона происходившего отошла на задний план. Я слышал голос у самого уха, над правым плечом. Голос, собственно, и создавал сцену. Но он подчинялся моей воле. Я чувствовал, что в любой момент могу его остановить и разобрать в

подробностях то, о чем он говорит. Я «видел-слышал» действия молодого человека во всей их последовательности. Голос продолжал описывать их в малейших деталях, но в сущности описываемое было само по себе не столь важно. По-настоящему загадочным был источник голоса над ухом. Я трижды пытался повернуться, чтобы увидеть наконец того, кто говорит. Я пытался повернуть голову направо или же просто неожиданно обернуться назад, чтобы наконец увидеть, кто это. Но при каждой такой попытке виденье расплывалось. Я подумал: «Я не могу повернуться потому, что я не нахожусь в сфере обычной реальности». Вот эта мысль была моей собственной.

С этого момента я сосредоточил все внимание на одном лишь голосе. Он, казалось, исходил от моего плеча — совершенно отчетливый, хотя и тоненький голосок, причем не детский голос и не фальцет, а мужской голос в миниатюре.

Это был и не мой голос. Говорил он, надо думать, на английском. При каждой моей попытке исхитриться его поймать он тут же умолкал или удалялся, и сцена мутнела. Удачнее всего было бы сравнение со зрительной формой, создаваемой частичками пыли на ресницах, или же с «мухами» на сетчатке — червеобразной формой, которую видишь до тех пор, пока не смотришь на нее прямо, но как только пытаешься, на нее взглянуть, она с движением глазного яблока моментально ускользает.

Я потерял к происходившему всякий интерес. По мере того, как я слушал, голос становился более сложным. То, что я воспринимал как голос, все более походило на то, как если бы кто-то нашептывал мысли мне в ухо — или, точнее, что-то думало за меня. Мысли были вне меня. Что это так, я не сомневался, потому что мог одновременно фиксировать свои собственные мысли и мысли «другого».

В какое-то мгновение голос создал сцены, автором которых был молодой человек и которые не имели никакого прямого отношения к моему первоначальному вопросу о пропавших вещах. Молодой человек выполнял очень сложные действия. Эти действия вновь приобрели значение, и я больше не обращал внимания на голос. Я начал терять терпение; я хотел остановится. «Но как это сделать?» — подумал я. Голос в ухе сказал, что нужно вернуться в каньон. Я спросил, как это сделать, и голос ответил — подумать о своем растении.

Я подумал о своем растении. Обычно я сидел перед ним, и делал это так часто, что визуализировать его не составило никакого труда. Увидев растение, я решил, что это очередная галлюцинация, но голос сказал, что я вернулся! Я напряг слух. Была только тишина. Растение datura передо мной было не более реальным, чем все, что я только что видел, но я мог его коснуться, мог двигаться вокруг него.

Я поднялся и пошел к машине, но почти сразу выдохся, сел и закрыл глаза. Меня подташнивало, кружилась голова. В ушах звенело. Что-то скользнуло мне на грудь. Это была ящерица. Я вспомнил предостережение дона Хуана, что ее нужно отпустить. Мне было все равно, мертвая она или живая. Я разбил горшок с пастой и набросал на него ногой земли. Потом еле добрался до машины и провалился в беспамятство.

Четверг, 24 декабря 1964

Сегодня я пересказал свое приключение дону Хуану. Внимательно меня выслушав, он сказал:

— Ты сделал опаснейшую ошибку.

— Знаю. Это была страшная глупость. Случайность.

— Никаких случайностей, когда имеешь дело с «травой дьявола». Говорил я тебе, что она все время будет тебя испытывать. Я так понимаю, что ты или очень силен, или же в самом деле у нее любимчик. Центр лба — только для великих брухо, которые в совершенстве освоили обращение с силой.

— А что обычно происходит, когда человек смажет себе пастой лоб, дон Хуан?

— Если только он не великий брухо, то попросту никогда не вернется.

— Ты сам когда-нибудь мазал себе пастой лоб, дол Хуан?

— Никогда. Мой бенефактор говорил мне, что из такого путешествия возвращаются лишь очень немногие. Человек может отсутствовать в течение многих месяцев, и другим приходится за ним все это время ухаживать. Мой

бенефактор говорил, что ящерицы могут взять человека хоть на край света и показать по его заказу самые немыслимые тайны и чудеса.

— А ты знаешь кого-нибудь, с кем такое было?

— Да. С моим бенефактором. Но он никогда не говорил мне, как оттуда возвращаться.

— Неужели возвращение такое трудное?

— Безусловно. Вот почему то, что с тобой было, для меня в самом деле поразительно. Ты делал все совершенно вслепую, а мы обязаны соблюдать строжайшую последовательность, потому что только так приобретают силу. Иначе мы ничто.

Воцарилось долгое молчание. Я видел, что он о чем-то глубоко задумался.

Суббота, 26 декабря 1964

Дон Хуан спросил, искал ли я ящериц. Я сказал, что искал, но не смог найти. Я спросил, что было бы, если бы одна из них умерла у меня в руках. Он сказал, что смерть ящерицы — плохой знак. Если ящерица с зашитой пастью умрет, то нет смысла продолжать колдовство. Кроме того, это будет означать, что ящерицы порвали со мной дружбу, и дальнейшее обучение с «травой дьявола» нужно надолго отложить.

— Как надолго, дон Хуан? — спросил я.

— Года на два или больше.

— А что было бы, если бы и вторая умерла?

— Со смертью второй тебе уже грозит серьезная опасность. Ты остаешься один, без проводника. Ничего еще, если она умерла до начала колдовства, — его еще можно оставить, заодно распрощавшись с «травой дьявола». Но вот если бы ящерица умерла у тебя на плече, когда колдовство уже началось, тогда пришлось бы его продолжать, а это уж действительно безумие.

— Почему безумие?

— Потому что в этом случае все теряет смысл. Ты один, без проводника, и видишь устрашающие и бессмысленные вещи.

— Что значит — бессмысленные?

— То, что мы видим сами по себе. Вещи, которые мы видим, когда лишены направления. Это значит, что «трава дьявола» хочет от тебя отделаться, отшвырнуть наконец прочь.

— А ты знаешь кого-нибудь, с кем было такое?

— Да. Со мной. Без мудрости ящериц я бы сошел с ума.

— Что же ты видел, дон Хуан?

— Кучу чепухи. Что я еще мог видеть без направления?

Понедельник, 28 декабря 1964

— Ты говорил, дон Хуан, что «трава дьявола» испытывает людей. Как это понимать?

— «Трава дьявола» — как женщина, и, совершенно как женщина, она льстит мужчинам. Она ставит ловушки на каждом шагу. Ты, например, попался, когда она заставила тебя помазать пастой лоб. На этом не кончится, и ты, скорее всего, опять попадешься. Смотри в оба. Не увлекайся ею; «трава дьявола» — лишь один из путей к тайнам человека знания. Существуют и другие пути. Главная ее ловушка — заставить тебя поверить, что этот путь — единственный. Запомни: глупо ухлопать жизнь на один-единственный путь, особенно если у него нет сердца.

— А как узнать, дон Хуан, что этот путь не имеет сердца?

— Прежде чем ты решишься на этот путь, спроси себя: имеет ли он сердце? Если ответ будет — нет, значит так оно и есть, и нужно искать другой путь.

— Но как я смогу наверняка узнать, имеет ли этот путь сердце?

— Это может любой. Беда в том, что никто не задает себе этот вопрос; обычно человек слишком поздно понимает, что выбрал путь без сердца, когда уже стоит на краю гибели. В этой точке лишь очень немногие имеют силы оставить свою устремленность и отойти.

— Как правильно задать себе этот вопрос?

— Просто задай его.

— Я имею в виду, существует ли какой-нибудь специальный метод, чтобы я не обманулся и не принял отрицательный ответ за положительный?

— Почему это ты обманешься?

— Ну, скажем, потому, что в этот момент путь будет казаться приятным и радостным.

— Чушь. Путь без сердца никогда не бывает радостным. Уже для того, чтобы на него выйти, приходится тяжело работать. Напротив, путь, у которого есть сердце, всегда легкий: чтобы его полюбить, не нужно особых усилий.

Тут он вдруг заявил, что «трава дьявола» мне очень нравится, и я был вынужден признать, что во всяком случае испытываю к ней предпочтение. А как я отношусь к его союзнику — дымку, спросил он, и мне пришлось сказать наконец, что сама мысль о нем наводит на меня дикий страх.

— Что я говорил: когда выбираешь путь, надо быть свободным от страха и честолюбия; но дымок ослепляет тебя страхом, а «трава дьявола» — честолюбием.

Я возразил, что честолюбие необходимо даже для того, чтобы выйти на какой угодно путь, и что его утверждение, будто следует быть свободным от честолюбия, не имеет смысла. Чтобы учиться, уже необходимо честолюбие.

— Желание учиться — это не честолюбие, — сказал дон Хуан. — Стремление к познанию — наша судьба, потому что мы люди; но искать «траву дьявола» —

значит стремиться к силе, а не к познанию. А это и есть честолюбие. Смотри, чтобы «трава дьявола» тебя не ослепила. Она завлекает мужчин и дает им ощущение силы, с нею они уверены, что могут совершать такие вещи, которые обычному человеку не снились. Но в этом ее ловушка. А потом путь без сердца обернется против человека и его уничтожит. Немногое нужно, чтобы умереть, и искать смерти — значит ничего не искать.

Глава 10

В декабре 1964 года я отправился с доном Хуаном собирать разные растения, необходимые для приготовления курительной смеси. Это был четвертый цикл. Собирал я, а дон Хуан просто следил, как я выполняю его требования, которые заключались в точном выборе времени сбора и полной при этом сосредоточенности. Как только все ингредиенты были собраны и уложены на хранение, он стал требовать, чтобы я вновь встретился с дымком.

Четверг, 31 декабря 1964

— Теперь, когда ты уже кое-что знаешь про дымок и «траву дьявола», ты можешь сказать с большей определенностью, кого из них предпочитаешь.

— Дымок здорово меня пугает, дон Хуан, честное слово. Не знаю, в чем тут дело, но что-то нет у меня к нему особой симпатии.

— Ты любишь лесть, а «трава дьявола» тебя ублажает. Она приносит тебе удовольствие, точно женщина. Дымок — напротив, сила куда более благородная; у него безупречно чистое сердце. Он не завлекает мужчин и не делает их пленниками, точно так же он свободен от любви и от ненависти. Единственное, чего он требует, — это силы. «Трава дьявола» тоже требует силы, но другой — вроде той, которая нужна, чтобы нравиться женщинам и их удовлетворять. Сила же, которую требует дымок, — это сила сердца. У тебя ее нет, как, впрочем, и у очень многих. Вот почему я настоятельно тебе советую

сойтись с ним поближе. Дымок оживляет сердце и вливает в него силы. Это тебе не «трава дьявола», полная страстей, ревности и насилия. Дымок постоянен. С ним ты можешь не беспокоиться — а вдруг его чем-то нечаянно обидел.

Среда, 27 января 1965

19 января я вновь курил галлюциногенную смесь. Я говорил дону Хуану, что с дымком мне здорово не по себе и вообще я его боюсь; но дон Хуан сказал — чтобы оценить дымок по достоинству, нужно еще раз попробовать.

Мы вошли к нему в комнату. Было где-то часа два пополудни. Он достал свою трубку. Я принес угли, и мы уселись лицом к лицу. Дон Хуан сказал, что сейчас согреет и разбудит трубку, и если я буду смотреть внимательно, то увижу, как она засветится. Раза три-четыре он поднес трубку к губам и пососал ее, с нежностью потирая. Вдруг он почти неуловимым движением кивнул мне на трубку — мол, смотри, пробуждается. Я внимательно смотрел, но ничего такого не заметил.

Он вручил трубку мне. Я наполнил ее своей собственной смесью, потом подхватил горящий уголек чем-то вроде пинцета, который приспособил из деревянной прищепки и припас специально к такому случаю. Дон Хуан взглянул на пинцет и покатился со смеху. Я на секунду зазевался, и уголек пригорел к щипцам. Я побоялся стучать пинцетом о трубку, и пришлось плюнуть на уголек, чтобы его стряхнуть.

Дон Хуан отвернулся и спрятал лицо в ладонях. Он сотрясался всем телом. На мгновение мне показалось, что он плачет, но он беззвучно трясся от смеха.

Процедура оказалась надолго прерванной; наконец он сам взял уголек, положил его в трубку и велел курить. Понадобилось немалое усилие, чтобы раскурить смесь; вероятно, трубка была слишком плотно набита. При первой же затяжке в рот, кажется, попала пыль из смеси, и он сразу онемел. Я видел, как периодически разгорается трубка, но дыма совсем не чувствовал, как, скажем, чувствуешь дым сигареты. Однако я ощущал, что вдыхаю что-то, что сначала затопило легкие, а затем хлынуло вниз, заполняя все тело.

Я насчитал двадцать затяжек, а потом счет потерял значение. Я начал потеть;

дон Хуан пристально на меня смотрел и приговаривал, чтобы я не боялся и делал все, как он меня учил. Я хотел сказать «ладно», но вместо этого вырвался жуткий вой, продолжавший звучать и после того, как я закрыл рот. Дон Хуан опешил, но тут же вновь покатился со смеху. Я хотел утвердительно кивнуть, что ли, но не мог двинуться.

Дон Хуан мягко разжал мои руки и забрал трубку. Он приказал мне лечь на пол, но только не засыпать. Я ждал, что он поможет мне лечь, но он просто неотрывно на меня смотрел. Вдруг комната полетела вверх тормашками, и я уже смотрел на него, лежа на полу. С этой минуты зрительный ряд стал странно расплывчатым, как во сне. Я только смутно помню, что пока лежал колодой, дон Хуан без конца мне что-то говорил.

Я не испытывал ни страха, ни каких-либо неприятных ощущений во время всего этого состояния, и по пробуждении был совершенно здоров. Необычным было разве лишь то, что, проснувшись, я довольно долго не мог собраться с мыслями, но за четыре или пять часов окончательно пришел в себя.

Среда. 20 января 1965

Дон Хуан ничего мне не говорил и не расспрашивал о моих впечатлениях. Он заметил только, что я слишком быстро уснул.

— Единственный способ не заснуть — это стать птицей, или сверчком, или еще чем-нибудь в таком роде, — сказал он.

— Как ты это делаешь, дон Хуан?

— Чему же еще я тебя учу? Ты что, не помнишь, что я говорил вчера, когда ты был без тела?

— Что-то смутно.

— Я — ворона. Я учу тебя, как стать вороной. Когда ты этому научишься, то будешь оставаться при ясном сознании и получишь свободу передвигаться куда угодно; иначе ты всегда будешь приклеен к земле там, где свалился.

Воскресенье, 7 февраля 1965

Следующая встреча с дымком состоялась около полудня 31 января. Я проснулся на следующий день под вечер. Каким-то непонятным, но отчетливейшим образом я помнил все, что в течение опыта говорил мне дон Хуан. Его слова были словно впечатаны мне в память; я слышал их с необычайной ясностью. В течение опыта я разобрался еще с одним явлением: все мое тело онемело вскоре после того, как я начал глотать пыль, попадавшую в рот при каждой затяжке. Получалось, что я не только вдыхал дым, но и поглощал смесь.

Я хотел подробней рассказать обо всем этом дону Хуану, но он бросил, что это ерунда. Мне хотелось обратить его внимание на то, что я могу вспомнить все до мельчайших деталей, но его это не интересовало. Каждое воспоминание было точным и безошибочным. Сама процедура ничем не отличалась от предыдущего опыта. Казалось, один опыт переходил в другой, и я мог все воспроизвести по памяти с того момента, когда закончился первый. Я отчетливо помнил, что после того, как свалился на пол, исчезли все чувства и мысли, однако голова оставалась ясной. Я помню, что последняя мысль, возникшая, когда комната перевернулась и стала стоймя, была: «Я, наверно, стукнулся головой об пол, а не чувствую никакой боли».

С этого момента я мог только смотреть и слушать. Я помню каждое слово, которое мне сказал дон Хуан. Все его указания я выполнял буквально. Они казались ясными, логичными и вполне осуществимыми. Он сказал, что мое тело исчезает и останется только голова, и потому единственная сейчас возможность не уснуть и быть способным к передвижению это стать вороной. Он скомандовал мне старательно мигать, добавив, что раз уж я могу мигать, то значит готов выполнять дальнейшее. Затем он сказал, что мое тело уже полностью исчезло, осталась одна голова, голова не может исчезнуть потому, что именно голова превращается в ворону.

Он приказал мигать неотступно. Эту команду и прочие он, должно быть, повторял множество раз, потому что я помню каждую с исключительной ясностью. Должно быть, я послушно мигал, потому что он наконец сказал, что я готов, и приказал вытянуть голову и опереться на подбородок. Подбородок, сказал он, это лапы вороны. Он скомандовал почувствовать эти лапы там, где подбородок, и наблюдать за их появлением. Потом он сказал, что я еще не полностью сгустился, и сейчас мне нужно вырастить хвост; хвост появится из

затылка. Он приказал распустить хвост как веер и почувствовать, как он подметает пол.

Потом он заговорил о крыльях: крылья вырастут из скул. Он сказал, что они твердые и жесткие и причиняют боль. Он скомандовал раскрыть крылья. Он сказал, что они должны быть как можно шире, я должен расправить их во всю длину, иначе не смогу летать. Он сказал, что крылья уже появляются — широкие и красивые, и велел ими махать, пока они не станут настоящими крыльями.

Затем он заговорил о темени и сказал, что оно еще очень большое и тяжелое, в полете его вес будет мешать. Он сказал, что его можно уменьшить мигая; с каждым движением век голова будет уменьшаться. Он приказал мигать до тех пор, пока тяжесть совсем не исчезнет и я смогу прыгать легко и свободно. Потом он сказал, что я уменьшил голову до размеров вороньей, и теперь нужно пройтись и поскакать, чтобы освоиться.

Теперь, сказал он, для полета осталось еще одно. Это изменение самое трудное, нужно быть особенно внимательным и постараться исполнить в точности все, что он скажет. Осталось научиться видеть как ворона. Твой рот и нос, сказал он, уже вытягиваются между глазами и вот-вот превратятся в сильный клюв. Вороны видят в обе стороны, сказал он и скомандовал повернуть голову и посмотреть на него одним глазом. Чтобы взглянуть другим глазом, нужно просто тряхнуть клювом вниз — это движение позволит уже другим глазом смотреть в том же направлении. Он приказал поупражняться в переключении с одного глаза на другой. Наконец он заявил, что я готов к полету, и для этого осталось единственное — сейчас он подбросит меня в воздух.

Мои ощущения в точности откликались на каждую команду. Я ясно чувствовал, как растут лапы, поначалу слабые и шаткие. Я чувствовал, как из затылка появляется хвост, а из скул крылья. Крылья были сложены глубоко внутри: я чувствовал, как постепенно они выпрямляются наружу. Процесс был трудным, но не очень болезненным. Потом я мигая уменьшил голову до размеров вороньей. Но самое поразительное превращение произошло с глазами. Взгляд стал птичьим!

Когда я по указаниям дона Хуана отращивал клюв, было раздражающее

ощущение нехватки воздуха. Затем что-то выпятилось, и передо мной возникло некое приспособление вроде массивной болванки. Но вначале дон Хуан велел мне убедиться, что мои глаза способны схватить в поле зрения все вокруг. Поочередно закрывая глаза, я мог перебрасывать фокус из одного глаза в другой. Необычным стал сам вид комнаты и все то, что в ней находилось, хотя трудно было сказать, в чем именно состояло это изменение. Возможно, сам угол зрения изменился и стал наклонным, а может быть, предметы ушли из фокуса. Дон Хуан стал очень большим и светящимся. От него исходило что-то успокаивающее и надежное. Затем зрительные образы расплылись; они потеряли очертания и превратились в болезненно-отчетливые абстрактные формы, охваченные мимолетным мерцанием.

Воскресенье, 28 марта 1965

Во вторник 18 марта я вновь курил галлюциногенную смесь. На этот раз процедура отличалась в некоторых деталях. Трубку пришлось набивать дважды. Когда я выкурил первую, дон Хуан велел прочистить трубку, но новую порцию положил в нее сам, потому что у меня была расстроена координация движений. Чтобы двигать руками, требовалось невероятное усилие. В моем кисете оставалось достаточно смеси для еще одной трубки. Дон Хуан взглянул на кисет и сказал, что до следующего года это мой последний опыт с дымком, потому что я использовал все свои запасы.

Он вывернул кисет наизнанку и вытряхнул пыль в миску с углями. То, что осталось от смеси, вспыхнуло оранжевым пламенем, как если бы он положил на угли какой-то прозрачный лист. Лист загорелся и рассыпался на линии со сложным контуром. Что-то с огромной скоростью пронеслось внутри этих линий. Дон Хуан приказал следить за движением линий. Я увидел что-то вроде маленького шарика, который перекатывался по вспыхнувшему контуру. Дон Хуан наклонился, выхватил шарик, положил его в трубку и велел мне затянуться. Я был уверен, что он положил мне этот шарик именно для того, чтобы я его вдохнул. Комната моментально встала на дыбы, я почувствовал, что весь онемел и стал точно свинцовый.

Когда я очнулся, я обнаружил, что лежу на дне неглубокой канавы с проточной водой, погруженный в воду до подбородка. Кто-то мне поддерживал голову. Это был дон Хуан. Первое, на что я обратил внимание,

это что вода была какой-то необычной — холодной и тяжелой. Она плавно накатывалась на меня, и с каждой волной в голове прояснялось. Вначале у воды был ярко-зеленый отблеск или отсвет, что ли, который вскоре рассеялся, остался лишь поток обычной воды.

Я спросил, который час. Дон Хуан сказал — раннее утро. Немного погодя я полностью очнулся и вылез из воды.

— Ну, давай рассказывай все, что видел, — сказал дон Хуан, когда мы вошли к нему в дом. От него я узнал, что он три дня возился со мной, пытаясь меня вернуть, и пришлось здорово потрудиться. Только к вечеру я почувствовал, что способен наконец говорить нормально, и начал рассказывать ему все, что запомнил прямо с той минуты, как свалился на пол. Но это его не интересовало; он сказал, чтобы я все это пропустил, начав прямо с того, как он метнул меня ввысь и я полетел.

Но я мог вспомнить только серию бессвязных, похожих на сон картин или образов. Впечатление было такое, что каждая из этих картин — как отдельный пузырек, вплывающий в фокус и уплывающий из поля зрения. Однако они не были, скажем, какими-то сценами для созерцания. Я находился внутри них. Я принимал участие в том, что видел. Поначалу, когда я пытался их вспомнить, у меня было ощущение смутных смазанных вспышек; но по мере усилий вспомнить как следует я чувствовал, что каждая из них обладает исключительной ясностью, хотя совершенно несоотносима с обычным видением, — собственно этим объясняется ощущение их смутности. Картин было всего несколько, и они были очень простые.

Как только дон Хуан упомянул вскользь, что бросил меня в воздух, у меня возникло, как вспышка, воспоминание абсолютно ясной сцены, в которой я с определенного расстояния смотрел прямо на него. Я видел только его лицо. Оно поражало монументальностью. Оно было плоским и ярко светилось. Волосы были желтоватыми, и они двигались. Каждая часть лица двигалась сама по себе, излучая своеобразный янтарный свет.

В следующей картине дон Хуан уже подбросил, точнее прямо от себя швырнул меня в воздух. Я помню, что распластал крылья и полетел. Вспарывая воздух в болезненном подъеме, я чувствовал одиночество. Я словно не летел, а шел, с усилием взбираясь ввысь. От трудного подъема болело тело. Ощущения

свободного полета, восторга от избытка сил не было.

Затем я вспомнил сцену, в которой неподвижно смотрел на массу острых темных краев, расположенных где-то, откуда исходил смутный, болезненный свет: затем я увидел поле с неисчислимым множеством разных огней. Огни двигались и мерцали, разгораясь и потухая. Они были почти как краски; меня поразила их яркость.

В следующей картине прямо у самых глаз появился какой-то предмет, толстый и заостренный; свечение от него исходило определенно розовое. Я ощутил в своем теле внезапную дрожь и увидел множество таких же розовых форм, которые двигались в мою сторону. Они бросились на меня, и я отпрянул.

Последнее, что я помню, — это трех серебристых птиц. Они сияли металлическим отблеском, почти как нержавеющая сталь, только ярче, интенсивней и подвижней: отблеск был словно живой. Они мне понравились, и я полетел вместе с ними.

В течение всего моего повествования дон Хуан не проронил ни слова.

Вторник, 23 марта 1965

На другой день произошел следующий разговор. Дон Хуан сказал:

— Вороной стать вообще несложно. Ты проделал это, и теперь будешь вороной всегда.

— Что было после того, как я стал вороной, дон Хуан? Неужели я целых три дня летал?

— Нет. Ты вернулся с заходом солнца, как я тебе велел.

— Как же я вернулся?

— Ты очень устал и сразу уснул. Вот и все.

— То есть как я прилетел обратно?

— Я ведь уже сказал. Ты послушался меня и вернулся ко мне домой. Да выбрось это из головы. Это совершенно неважно.

— А что важно?

— Единственное, что по-настоящему ценно в твоем путешествии, — это серебристые птицы.

— Что же в них было такого особенного? Просто птицы.

— Не «просто птицы», а вороны.

— Какие — белые?

— Черные вороньи перья в действительности серебристые. Вороны так сверкают, что другие птицы держатся от них подальше.

— Но почему их перья выглядят серебристыми?

— Потому что ты видел так, как видит ворона. Птицу, которая для нас выглядит темной, ворона видит белой. Белые голуби, например, для вороны розовые или голубые; чайки желтые. Теперь попытайся вспомнить, как ты к ним присоединился.

Я попытался, но птицы оставались вырванной из контекста смутной картиной. Я сказал ему, что помню только, точнее чувствую, что с ними летал. Он спросил, где я к ним присоединился — в воздухе или на земле. Но я никак не мог ответить, и это его начало раздражать. Он требовал, чтобы я вспомнил.

— Иначе, — настаивал он, — если ты не вспомнишь хорошенько, все это не будет стоить и гроша, а так и останется скучным бредовым сном.

Я всячески старался вспомнить, но ничего не получалось.

Суббота, 3 апреля 1965

Сегодня мне вспомнилась еще одна картина из моего «сна» с серебристыми птицами. Я вспомнил, что смотрел на темную массу с мириадами булавочных

отверстий. Собственно, сама масса была темным скоплением крохотных дырочек. Почему-то мне казалось, что она мягкая. Пока я смотрел на нее появились три птицы, которые летели прямо на меня. Одна из них издала какой-то звук, а потом все трое уже были на земле рядом со мной.

Я описал картину дону Хуану. Он спросил, откуда они прилетели. Я сказал, что, пожалуй, этого не смогу определить. Его охватило сильное нетерпение, и он сказал, что у меня, похоже, вообще деревянная голова, а все оттого, что я боюсь дать себе волю; если я постараюсь, то очень даже могу все вспомнить. Он сказал, что я думаю и как человек и как ворона, но в то время, которое нужно вспомнить, я не был ни тем, ни другим. Он приказал вспомнить, что мне сказали вороны. Я честно пытался вспомнить, но мысли перескакивали с одного на другое. Я не мог сосредоточиться.

Воскресенье, 4 апреля 1965

Сегодня я отправился в далекую прогулку. Когда я возвращался к дому дона Хуана, была уже ночь. Я все думал о воронах, и тут в голове мелькнула очень странная «мысль» — или, точнее, некое впечатление или чувство. Издавшая звук птица, кажется, сказала, что они направляются с севера на юг, и когда мы вновь встретимся, то полетим в том же направлении.

Об этой своей странной фантазии я сообщил дону Хуану. Он сказал:

— Пусть тебя не занимает, выдумал ты это или вспомнил. Так думают только люди. Вороны так не думают, особенно те, которых ты видел, поскольку видел ты посланцев твоей судьбы. Ты уже ворона, и это навсегда. Отныне вороны будут говорить тебе своим полетом о каждом повороте твоей судьбы. В каком направлении вы полетели?

— Да откуда мне знать!

— Если подумаешь как следует, вспомнишь. Сядь на пол и покажи положение, в котором ты находился, когда к тебе прилетели птицы. Закрой глаза и проведи линию на полу.

Я сделал, как он велел, и определил точку.

— Глаз не открывай, — прикрикнул он. — Куда вы полетели относительно этой точки?

Я сделал на полу другую отметку.

Взяв обе за исходную ориентацию, дон Хуан растолковал мне, каким направлением полета какой поворот судьбы мне предвещают вороны. Он установил четыре точки по сторонам света, как оси полета ворон.

Я спросил, всегда ли при предсказании судьбы вороны следуют этим осям. Он сказал, что они касаются меня одного;

абсолютно все, что делали вороны при нашей встрече, было чрезвычайно важным. Он требовал, чтобы я вспомнил все до мельчайших подробностей, поскольку послание или же характер посланцев — дело сугубо индивидуальное, и потому исключительно важное.

В особенности он требовал вспомнить, в какое время суток я с ними расстался. Он велел вспомнить разницу в освещении между началом моего полета и началом полета с воронами. При первом ощущении, которое я помню, — ощущении болезненного подъема, — было темно. Но когда я увидел птиц, все было красноватым, светло-красным или, пожалуй, оранжевым.

Он сказал:

— Это означает, что был конец дня: солнце еще не зашло. Когда наступает ночь, ворона ослеплена белизной, а не тьмой, как люди. Таким образом, это указание на то, что твои посланцы являются на исходе дня. Они позовут тебя, и когда пролетят над твоей головой, то станут серебристо-белыми: ты увидишь, как они сверкают в небе, и это будет означать, что пришла твоя пора. Это будет означать, что ты умираешь, ты умрешь и превратишься в ворону.

— А если я увижу их утром?

— Утром ты их не увидишь.

— Так ведь вороны летают весь день...

— Но не твои посланцы, дурень!

— А что твои посланцы, дон Хуан?

— Мои появятся утром. Их тоже будет трое. Мой бенефактор говорил, что если не хочешь умирать, можно криком отогнать их и превратить в черных. Но теперь я знаю, что этого делать не следует. У моего бенефактора страсть была кричать, здорово получалось, и вообще он любил всякий грохот и неистовство, как это водится у «травы дьявола». Дымок, я считаю, другой именно потому, что бесстрастен. С ним все честно. Когда твои серебряные посланцы придут за тобой, то глупо на них кричать, — просто лети вместе с ними, как ты это уже делал. Взяв тебя с собой, они изменят направление, и вас будет четверо, улетающих прочь.

Суббота, 10 апреля 1965

У меня случались короткие приступы смутных наплывов необычной реальности.

То и дело всплывало одно неотвязное воспоминание из галлюциногенного опыта с грибами: мягкая темная масса булавочных отверстий. Дальше она визуализировалась как масляный или нефтяной пузырь, который меня затягивал. Было так, как будто пузырь раскрывается и заглатывает меня, и на короткие мгновения я испытывал что-то напоминающее состояния необычной реальности. Последствием было сильное возбуждение, тревога и беспокойство, и я всячески с этими наплывами боролся, чтобы поскорее от них избавиться.

Сегодня я решил спросить у дона Хуана, что он об этом думает и как мне быть. Он выслушал вполуха и посоветовал на всякие рецидивы не обращать внимания, поскольку они бессмысленны, точнее, не имеют никакой ценности. Внимания заслуживают только те «виденья», в которых будет ворона: все прочие — просто результат моих страхов. Он вновь мне напомнил, что дымок требует жить сильной, бесстрастной жизнью. Мне же казалось, что я достиг опасного порога. Я сказал ему, что, как чувствую, я не в силах продолжать: с грибами в самом деле было связано что-то устрашающее.

Перебирая картины, которые запомнились из моего галлюциногенного опыта,

я с неизбежностью пришел к выводу, что видел мир таким образом, который в структурном отношении отличается от обычного видения. Сами по себе формы и картины, которые я видел в этих состояниях необычной реальности, всегда оставались в границах обычного визуального восприятия; совсем иным было то, как я видел. Все, что я видел, располагалось в горизонтальной плоскости зрения; не было ничего выше или ниже этого горизонта.

Каждая картина была раздражающе плоской, и в то же время обладала какой-то необычной глубиной. Точнее, вероятно, было бы сказать, что каждая картина представляла собой совокупность невероятно ясных деталей, расположенных в поле различного освещения; свет в этих полях двигался, создавая эффект вращения.

После всех моих попыток и усилий как следует все вспомнить я решил прибегнуть к серии аналогий, чтобы «понять» то, что «видел». Лицо дона Хуана, например, выглядело так, точно он смотрел на меня из-под воды. Казалось, вода течет непрерывным потоком, омывая его волосы и лицо: при этом они так увеличивались, что стоило присмотреться — и становилась видна каждая пора, каждый волосок. Вместе с тем то, что я видел, было просто массами материи, плоскими и угловатыми, и к тому же неподвижными, потому что исходивший от них свет был лишен пульсации.

Я спросил дона Хуана, что бы это все значило. Он сказал, что поскольку я впервые видел как ворона, предметы были неясными или незначительными, но со временем, когда придет опыт, все будет понятно.

Мне хотелось знать о причине той разницы, которую я заметил в движении света.

— В том, что живое, — сказал он, — происходит внутреннее движение, и когда что-либо мертво или близко к смерти, ворона сразу это видит, потому что движение останавливается или угасает, пока не исчезнет совсем. Ворона также видит, когда что-либо движется слишком быстро, и по тому же признаку может сказать, когда что-либо движется не так как надо.

— А как это понимать — «слишком быстро или не так как надо»?

— Это означает, что ворона может точно сказать, чего следует избегать, а к

чему стремиться. Когда что-нибудь движется внутри слишком быстро, это означает, что оно вот-вот взорвется или ринется в атаку, и ворона будет всегда начеку и на расстоянии достаточно безопасном. Когда же внутреннее движение нормальное, это приятное зрелище, и оно будет притягивать ворону.

— В камнях есть внутреннее движение?

— Нет, ни в камнях, ни в мертвых животных, ни в засохших деревьях; но они красивые, на них приятно смотреть. Вот почему вороны крутятся возле падали. Они ею любуются. Внутри нее отсутствует малейшее движение света.

— Но когда плоть разлагается, разве в ней не происходит движение?

— Происходит, но это совсем другое движение. То, что видит ворона, это миллионы движущихся внутри плоти крохотных светящихся штучек, причем каждая светится по-своему, вот почему воронам так нравится на это смотреть. Это в самом деле незабываемое зрелище.

— Ты сам это видел, дон Хуан?

— Это может видеть каждый, кто научится превращаться в ворону. Увидишь и ты.

Тут я наконец задал мучивший меня вопрос:

— Я в самом деле стал вороной? Я имею в виду — для любого, кто меня увидит, я буду обычной вороной?

— Нет. Глупо так думать, когда имеешь дело с союзными силами. Такие вопросы бессмысленны; и в то же время стать вороной — дело обычное. Почти как фокус; пользы в этом мало. Я уже говорил — дымок не для тех, кто охотится за силой. Он только для тех, кому прежде всего нужно видеть. Я научился становиться вороной, потому что из всех птиц эти самые подходящие. Их не беспокоят никакие другие птицы, кроме разве орлов, потому что они гораздо крупнее и агрессивны, когда голодны. Но вороны летают стаями и могут за себя постоять, люди не тревожат ворон, а это немалое преимущество. Любой человек заметит большого орла, особенно если

тот необычного вида, или вообще любую большую и странную птицу, но кого интересуют вороны? Ворона в безопасности. Она идеальна по размеру и по самой природе. Она может безопасно проникать куда угодно, не привлекая внимания. Можно, конечно, стать еще львом или медведем, но это довольно рискованно. Такие существа слишком большие: чтобы во что-нибудь такое превратиться, требуется слишком много энергии. Можно еще стать сверчком, или ящерицей, или хоть муравьем, но это еще опаснее, поскольку большие звери охотятся за маленькими.

Я принялся спорить и сказал, что в таком случае это и означает возможность реального превращения в ворону, или в сверчка, или во что там еще. Но он твердил, что я не понимаю.

— Чтобы научиться быть настоящей вороной, нужно много времени, — сказал он. — Ты вот, например, не изменился, и не перестал быть человеком. Необходимо кое-что еще.

— Что же именно, могу я узнать?

— А ты, может быть, и так уже знаешь. Вот если бы ты не трясся так над своим рассудком и над своим телом, то понял бы эту чудесную тайну. А так, похоже, тебе придется ждать до тех пор, пока в тебе исчезнет страх, который мешает понять, что я имею в виду.

Глава 11

Последняя запись в моих полевых тетрадях относится к событию, которое произошло в сентябре 1965 года. Это был последний урок дона Хуана, который я обозначил как «особое состояние необычной реальности», поскольку оно не имело отношения к ранее мною используемым растениям. Я думаю, дон Хуан вызвал его посредством искусного манипулирования намеками относительно себя самого; иными словами, его поведение было

рассчитано на мое восприятие таким неуловимым образом, что создавало отчетливое и несомненное впечатление, будто в действительности это не он, а кто-то другой в его обличье. В результате я испытал глубокое психическое расстройство; я видел вроде бы дона Хуана, но что-то говорило о непонятной и жуткой подмене. Этому сопутствовал испытываемый сознанием невыносимый ужас, настолько острый, что совершенно вышиб меня из колеи; и я решил, пока не поздно, отказаться от дальнейшего обучения, и больше к нему не возвращался, хотя дон Хуан не изменил своего отношения ко мне как к ученику. В его оценке мой уход был лишь очередным этапом обучения, который может длиться неопределенное время. С тех пор, впрочем, он больше не делился со мной своим знанием.

Обстоятельный отчет об этом последнем опыте написан мною по истечении месяца после самого события, хотя самые важные моменты были зафиксированы в лихорадочных заметках уже на следующий день, в период сильнейшего волнения и тревоги, на смену которым пришел пик испытанного мной ужаса.

Пятница, 29 октября 1965

В четверг 30 сентября я приехал повидаться с доном Хуаном. Со мною продолжались наплывы состояний необычной реальности, несмотря на маниакальные усилия от них отделаться или, по совету дона Хуана, хоть как-то их обуздать. Я чувствовал себя все хуже, поскольку наплывы становились все более длительными. У меня обострился слух на самолеты. Когда они пролетали, рев двигателей против моей воли захватывал и поглощал внимание, полностью его парализуя, вплоть до того, что я буквально чувствовал, как улетаю вслед, как если бы находился внутри самолета или летел рядом. Ощущение было крайне неприятное, а более всего тревожило то, что я не могу от него избавиться.

Дон Хуан на этот раз очень внимательно меня выслушал и пришел к выводу, что дело серьезное — эта болезнь не что иное, как потеря души. Я сказал, что такие вот галлюцинации появились с тех самых пор, как я курю грибы, но он это отверг и сказал, что описываемые мной симптомы — что-то новенькое. Он сказал, что я и раньше боялся и воображал всякую чепуху, но сейчас я действительно околдован. Доказательство этому — то, что меня уносит гул пролетающих самолетов. Как правило, сказал он, околдованного человека, у

которого утащили душу, может поймать шум ручья или реки и унести его к смерти. Затем он заставил меня описать все, что я делал до того, как появились такие галлюцинации. Я перечислил, что мог вспомнить. Исходя из моего отчета он определил место, где я потерял душу.

Я видел, что его все это сильно заинтересовало — что вообще крайне для него необычно. Разумеется, я еще больше встревожился. Он сказал, что пока не может точно определить, кто поймал мою душу, но кто бы это ни был, цель, вне всякого сомнения, меня убить или по крайней мере навести порчу. Затем он детально проинструктировал меня на предмет «боевой формы» — особой стойки, которую следует принимать и оставаться в ней, пока я нахожусь на своем благоприятном пятне. Эту стойку, которую он назвал формой для битвы, я должен был удерживать во что бы то ни стало.

Я спросил, для чего все это и с кем мне придется воевать. Он ответил, что отправляется на поиски того, кто взял мою душу, и посмотрит, нельзя ли ее вернуть обратно: я же должен до его возвращения оставаться на своем пятне. Боевая форма, сказал он, это собственно предосторожность на тот случай, если со мной во время его отсутствия что-нибудь приключится. Используется она как защита во время атаки. Для этого нужно ударять голенью о ляжку правой ноги, топая левой на манер танца, которым я должен лицом к лицу встречать атакующего.

Он предупредил, что эту форму следует принимать лишь в самые критические моменты; в остальное время, пока нет видимой опасности, я должен просто сидеть скрестив ноги на своем пятне. В случае же крайней угрозы, сказал он, остается прибегнуть к последнему средству защиты: чем-нибудь швырнуть во врага. Обычно, сказал он, швыряют предмет силы, но поскольку у меня ничего такого нет, придется использовать любой небольшой камень, который уляжется в правую ладонь так, чтобы его обхватил большой палец. Он сказал, что это средство используется лишь перед явной и несомненной угрозой смерти. Швырнуть предмет необходимо в сопровождении боевого крика — такого крика, который направит предмет прямо в цель. Он особенно подчеркнул, что с этим криком я должен быть не только предельно решителен, но и предельно бережлив, чтобы он не пропал вхолостую, потому что пользоваться им следует лишь «в условиях крайней серьезности».

Я спросил, что это значит — «условия крайней серьезности». Он сказал, что

издаваемый боевой крик — нечто такое, что остается с человеком на всю жизнь, поэтому тут с самого начала нельзя ошибиться: единственная же возможность избежать ошибки — обуздание естественного страха и нерешительности, пока не будешь абсолютно наполнен силой. Только тогда крик вырвется в нужном направлении и с должной силой. Вот что такое, сказал он, условия крайней серьезности, которая необходима для того, чтобы издать крик.

Я попросил объяснить, в чем будет выражаться сила, которая, как он говорит, должна наполнить меня перед криком. Такая сила, сказал он, это то, что ринется в тело из земли, на которой стоишь: точнее говоря, это тот род силы, который исходит из благоприятного пятна. Вот она-то и производит боевой крик, и от умения управлять ею зависит его совершенство.

Я вновь спросил — неужели он так уверен, что со мной что-нибудь случится. Он ответил, что ничего не может сказать определенного, но предостерегает со всей серьезностью, чтобы я под страхом смерти не покидал своего места, пока будет хоть малейшая опасность, потому что оно — моя единственная защита против всего, что бы ни случилось.

Я почувствовал, что в меня закрадывается страх, и попросил дать более подробные объяснения. Он подчеркнул, что может сказать только, чтобы я не сходил с места ни при каких обстоятельствах. Я не должен уходить в дом или в кусты, а самое главное — я не должен издавать ни единого звука, не проронить ни слова, даже ему. Если, сказал он, будет очень уж страшно — можно петь свои песни Мескалито, и под конец добавил, что я уже знаю обо всех этих вещах достаточно, чтобы мне напоминать, как ребенку, насколько важно все исполнять в точности и ни в коем случае не ошибиться.

Его предостережения лишь усилили мою тревогу. Теперь я не сомневался, что он ждет какой-то беды. Я спросил, почему он советует петь песни Мескалито и что же, по его мнению, может меня так напугать. Он лишь рассмеялся и сказал, что я могу испугаться одиночества. Затем вошел в дом и закрыл дверь.

Я взглянул на часы: семь вечера. Долгое время я сидел без движения. В доме стояла мертвая тишина. Дул ветер, а так все было спокойно. Я подумал, не сбегать ли к машине, чтобы принести сюда ветровое стекло, но я не смел

нарушить указания дона Хуана. Спать не хотелось, но я чувствовал усталость; холодный ветер не давал покоя.

Часа через четыре я услышал шаги дона Хуана вокруг дома. Я подумал, что он, наверно, вышел через заднюю дверь в кусты помочиться. Затем он громко позвал меня:

— Эй, парень! Парень, иди-ка сюда!

Я едва не вскочил, чтобы побежать к нему. Голос был его, но не его интонации и не его обычные слова. Дон Хуан никогда не называл меня «парень». Поэтому я остался на месте. По спине пробежал мороз.

Он вновь принялся кричать, используя те же выражения или вроде того.

Я услышал, как он обходит дом. Споткнувшись о поленницу, точно не зная, что она там, он вышел на веранду и уселся возле двери спиной к стене. Он казался более грузным, чем обычно. Движения не были медленными или неуклюжими, просто более тяжелыми. Вместо того, чтобы легко и проворно, как всегда, сесть на пол, он на него просто плюхнулся. Кроме того, место было не его, а дон Хуан никогда и ни при каких обстоятельствах не садился ни на какое другое.

Тут он вновь заговорил со мной. Он спросил, почему я не пришел, когда он звал меня. Говорил он очень громко. Я боялся на него смотреть, и все же что-то подталкивало следить за ним. Он начал медленно раскачиваться со стороны в сторону. Я изменил свое положение, приняв боевую форму, которой он меня научил, и повернулся к нему лицом. Мускулы свело от странного напряжения. Не знаю, что подсказало мне принять боевую форму, — может быть, я был просто уверен, что дон Хуан старается нарочно меня напугать, создавая впечатление, что человек, которого я вижу, на самом деле не он. Впечатление было такое, что он очень тщательно дозирует в своем поведении какие-то странности, чтобы сбить меня с толку и напугать. Я почувствовал страх, но одернул себя — ведь я пока что способен к самоконтролю и критической оценке происходящего.

В этот момент дон Хуан поднялся. Его движения были совершенно чужими. Он протянул перед собой руки и, нагнувшись, оттолкнулся от пола; затем

выпрямился, ухватившись за дверной косяк. Я поразился, до чего хорошо успел изучить все его движения и какое ужасное чувство он вызывал, представляясь доном Хуаном с чужими движениями. Он сделал ко мне пару шагов, держась руками за поясницу, как будто выпрямиться окончательно ему не давала боль в спине. Он пыхтел и отдувался, словно у него насморк. Он сказал, что забирает меня с собой, и велел подниматься и следовать за ним. Он пошел к западной половине дома. Я повернулся на месте, чтобы оставаться к нему лицом. Он обернулся. Я не тронулся со своего места. Я к нему точно прирос. Он заревел:

— Эй, парень, я кому сказал? Ты идешь со мной! Не пойдешь — силком потащу!

Он направился ко мне. Я начал колотить голенью о ляжку и быстро пританцовывать. Он подошел к краю веранды почти вплотную ко мне, едва меня не коснувшись. В неистовом страхе я приготовился к метательной позиции, но он изменил направление и пошел к кустам слева. На мгновение, когда он уже уходил, он вдруг повернулся, но я оставался лицом к нему. Он скрылся из виду. Какое-то время я еще сохранял боевую позицию, но поскольку его больше не было видно, вновь уселся, скрестив ноги и опираясь на валун. Теперь было действительно страшно. Я хотел убежать, но мысль об этом путала еще больше. Я знал, что если он схватит меня по дороге к машине, все пропало. Я начал распевать свои пейотные песни, но каким-то образом чувствовал, что здесь это бесполезно. Песни, впрочем действовали успокаивающе, и я немного пришел в себя. Я пел их без конца.

Около 2:45 ночи в доме раздался шум. Я тотчас изменил положение. Дверь распахнулась, и вывалился дон Хуан. Он хватал ртом воздух и держался за горло. Он упал передо мной на колени и застонал. Он сорванным фальцетом попросил меня подойти к нему и помочь. Затем он вновь заревел, требуя, чтобы я подошел. В горле у него хрипело. Он умолял меня подойти и помочь ему, потому что его что-то душит. Он полз на четвереньках, пока не оказался едва не в четырех от меня футах. Он протянул ко мне руки и прохрипел. «Подойди же!» Затем он поднялся протянутыми ко мне руками. Я увидел, что сейчас он меня схватит. Я подпрыгнул и заколотил голенью о ляжку. Я был вне себя от страха.

Он остановился и пошел к углу дома и оттуда в кусты. Я повернулся, чтобы

оставаться лицом к нему. Затем я вновь уселся. Было уже не до песен. Казалось, из меня ушли все силы. Все тело болело. Мускулы одеревенели от напряжения. В голове был полный хаос. Я не знал, сердиться ли на дона Хуана и вообще как быть. Я прикидывал, не броситься ли на него, но чутье подсказывало, что он растопчет меня как букашку. Хотелось разреветься. От мысли, что дон Хуан намерен без конца меня пугать, к горлу подступали рыдания. Я терялся в догадках, к чему эта ужасная игра, этот нелепый розыгрыш. Его имитирующие чужака движения были столь искусны, что я был в полном замешательстве. Это было не так, как если бы он подражал женским движениям, но так, как если бы женщина пыталась двигаться как дон Хуан. Впечатление было такое, что она усердно старается ходить и двигаться с точностью дона Хуана, но ее движениям недоставало его упругости, она была слишком грузной. Кто бы это ни был передо мной, он создавал впечатление, как будто грузная женщина помоложе пытается имитировать скупые движения еще полного сил старика. Эти мысли окончательно повергли меня в панику. Совсем рядом громко запел сверчок. Я машинально отметил богатство его тонов — совсем как баритон. Звук начал стихать и удаляться. Вдруг я вздрогнул всем телом и принял боевую позицию в направлении, откуда только что доносился голос сверчка. Звук уносил меня с собой; он уже почти захватил меня, прежде чем я понял, что он только похож на песню сверчка. Звук вновь приблизился и стал ужасно громким. Я начал петь во весь голос свою пейотную песню. Сверчок вдруг умолк. Я сразу уселся, но продолжал петь. Спустя мгновение я увидел фигуру человека, бегущего ко мне со стороны, противоположной той, откуда только что пел сверчок. Я хлопнул себя по бедру и отчаянно затопал. Фигура в мгновение ока пронеслась мимо, почти коснувшись меня. Это было что-то вроде собаки. Я ощутил такой дикий страх, что онемел. Не помню, что я тогда думал или чувствовал.

Под утро, когда выпала роса, мне стало немного лучше. Что бы это ни было, похоже, все закончилось. Было без десяти шесть, когда дверь неслышно открылась, и вышел дон Хуан. Он потянулся, зевнул и посмотрел на меня. Он сделал ко мне пару шагов, все так же зевая. Я увидел его глаза, глядящие из-под полуприкрытых век. Я вскочил. Я знал одно — передо мной кто угодно, но не дон Хуан.

Правой рукой я схватил с земли подвернувшийся небольшой камень с острыми краями, даже не взглянув на него, я просто схватил и стиснул его в ладони. Я принял ту стойку, которой меня научил дон Хуан. Я почувствовал, как в

считанные секунды меня пронизала странная мощь. Тут я издал вопль и швырнул в него камень. Крик, по-моему, получился просто замечательный. В тот момент мне не было дела, жив я или мертв, я чувствовал только устрашающую силу крика. Он был длинный и пронзительный, и, собственно, это он поразил цель. Фигура передо мной дрогнула, издала сдавленный возглас и, шатаясь, метнулась от дома в кусты.

Потребовалось несколько часов, чтобы я как-то успокоился. Я продолжал топтаться на том же месте. Мне не хватало воздуха, и дышать приходилось через рот.

В одиннадцать утра вновь вышел дон Хуан. Я подскочил, но его движения могли принадлежать только дону Хуану. Он подошел к своему месту и уселся своим манером в сталь хорошо мне знакомую позу. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я подошел к нему: вся моя обида исчезла, и я поцеловал ему руку. Откуда-то я знал, что это не он проделывал все эти ужасные штуки, а кто-то в его обличье хотел нанести мне серьезный вред или убить меня.

Он начал разговор с изложения цепи умозаключений, которыми пользовался, чтобы установить личность женщины, которая, судя по всему, охотилась за моей душой. Затем дон Хуан велел подробно пересказать все, что я пережил.

Пока я, стараясь ничего не упустить, рассказывал все, что было, он посмеивался, точно слушал что-то очень забавное. Когда я закончил, он сказал:

— Ну, молодец. Ты выиграл битву за свою душу. Но дело оказалось серьезней, чем я предполагал. Этой ночью твоя жизнь не стоила и гроша. Большая удача, что ты успел чему-то научиться. Если бы у тебя не было хоть какого-то практического опыта, то сейчас ты был бы уже мертв, потому что кто бы ни был тот, кого ты видел этой ночью, он намеревался с тобой покончить.

— Но как возможно, дон Хуан, чтобы эта женщина смогла принять твое обличье?

— Очень просто. Она диаблеро, и у нее есть хороший помощник с той стороны. Но перевоплощение было не слишком мастерским, и ты разгадал ее уловку.

— Помощник с той стороны — это то же самое, что союзник?

— Нет, помощник — это помощь диаблеро. Помощник — это дух, который живет на той стороне мира и помогает диаблеро вызывать болезнь или боль. Он помогает убивать.

— А может ли диаблеро иметь еще и союзника?

— Только диаблеро и имеют союзника, но для того, чтобы приручить союзника, диаблеро нужно вначале заполучить помощника, который бы ему помогал.

— А что эта женщина, которая перевоплотилась в тебя, дон Хуан? У нее только помощник, а союзника нет?

Я не знаю, есть ли у нее союзник. Некоторым людям не нравится сила союзника, и они предпочитают помощника. Приручить союзника — работа трудная. Куда легче достать себе помощника с той стороны.

— А вот я, как по-твоему, могу получить помощника?

— Чтобы это узнать, ты должен еще многому научиться. Мы опять у самого начала. Почти как в первый день, когда ты появился и попросил меня рассказать о Мескалито, не понимая, о чем просишь. Та, другая сторона — это мир диаблеро. Думаю, лучше будет рассказать тебе свои собственные впечатления — так же, как это делал мой бенефактор. Он был диаблеро и воин; его жизнь была под знаком силы и насилия мира. Но я чужд и того, и другого — такова уж моя натура. Ты видел мой мир с самого начала. Поэтому, чтобы показать тебе мир моего бенефактора, я могу лишь подвести тебя к двери, а там решай сам. Тебе придется учиться на свой страх и риск. Нужно вообще признать, что я сделал ошибку. Намного лучше, как я сейчас вижу. Начинать путь так, как это делал я, — самостоятельно. Тогда легче понять, как проста и вместе с тем как глубока разница. Диаблеро — это диаблеро, а воин — это воин. Человек, впрочем, может быть и тем, и другим: такие встречаются. Но тот, кто лишь проходит по пути жизни, тот действительно является всем. Сегодня я не воин и не диаблеро. Для меня существует только путь, которым я странствую, — любой путь, который имеет сердце или может иметь сердце. Тогда я следую ему, и единственный достойный вызов — пройти

его до последней пяди. И я странствую и гляжу без конца, бездыханный.

Он умолк. В его лице появилось особое выражение; он стал как-то необычайно серьезен. Я не знал, что еще спросить или сказать. Он вновь заговорил:

— Особая часть учения — как добраться до трещины между мирами и как войти в другой мир. Существует трещина между двумя мирами: миром диаблеро и миром живых. Есть место, где оба мира пересекаются. Вот там трещина. Она открывается и закрывается, как дверь на ветру. Чтобы туда попасть, человек должен развить и испытать свою волю, т. е. это должно стать его неодолимой и всепоглощающей страстью. Но делать это он должен без чьей-либо помощи — силы или человека. Человек должен самостоятельно все взвешивать и стремиться к тому мгновению, когда его тело будет готово испытать путешествие. Этот момент дает знать о себе беспрерывным содроганием всего тела и сильной рвотой. Обычно человек не может ни спать, ни есть и вконец ослабевает. Если судороги не прекращаются, человек готов к путешествию, и прямо перед его глазами открывается трещина между мирами, подобная громадной двери, трещина сверху донизу. Когда трещина открывается, нужно сквозь нее проникнуть. На другой стороне границы трудно видеть. Ветер такой, как в песчаную бурю. Кругом носятся смерчи. Попав туда, человек должен идти в любом направлении. Коротким или длинным будет путешествие — зависит только от его силы воли. У того, у кого сильная воля, путешествие короткое; у человека слабого и нерешительного — долгое и опасное. Кончается путешествие у своеобразного плато. Его легко узнать по некоторым признакам. Это плоская возвышенность. Один из признаков — это ветер, который здесь особенно яростный, удары ветра сбивают с ног, и все тонет в его реве. Наверху этого плато есть вход в другой мир, и там протянута шкура, разделяющая миры; мертвые проходят сквозь нее без звука, а мы должны разорвать ее криком. Тот дикий ветер, который дует на плато, время от времени крепчает, и когда он наберет достаточно силы, человек должен издать крик, и ветер протолкнет его сквозь шкуру. Справиться с этим ветром можно только обладая той же несгибаемой волей — только ей подчинится ветер. Все, что нужно, — это небольшой толчок, а не чтобы пронесло на самый край того света.

Оказавшись на той стороне, нужно побродить вокруг. Большая удача — найти помощника сразу же, не слишком далеко от входа. Его нужно попросить о помощи. Человек должен своими собственными словами попросить помощника

научить его и сделать из него диаблеро. Если помощник согласится, он убивает человека на месте и, когда тот мертв, учит его. Когда ты сам проделаешь такое путешествие, то, если повезет, можешь найти себе в помощники великого диаблеро, который убьет тебя и обучит. Но, как правило, все же попадаются более мелкие брухо, которые могут обучить очень немногому. Однако ни у тебя, ни у них нет силы отказаться. Лучше всего найти в помощники мужскую особь, а то как бы не стать жертвой диаблеро, которая заставит тебя невероятно страдать. Женщины всегда таковы. Но тут уж как повезет, разве что у человека сам бенефактор великий диаблеро, у которого в другом мире много помощников. Тогда он так направит ученика, что тот встретится с тем помощником, который требуется. Таким был мой бенефактор. Он меня так направил, что я встретился как раз с его собственным духом-помощником. После возвращения ты уже будешь другим. Ты будешь обречен то и дело отправляться туда на встречу с помощником, и будешь забредать все дальше от входа, пока наконец когда-нибудь не зайдешь слишком далеко и не сможешь вернуться. Иногда диаблеро может схватить чью-нибудь душу и забросить ее через вход, а там оставить в плену у своего помощника до тех пор, пока тот не вытащит из нее последние остатки воли. Но бывает, как, например, с тобой, что душа принадлежит человеку с сильной волей, и тогда диаблеро будет держать ее у себя в мешке, потому что ее не так легко куда-нибудь запроторить. В таких случаях, вот как в твоем, все решает битва — битва, в которой диаблеро либо все выигрывает, либо все теряет. На этот раз та, с которой ты сражался, потерпела поражение и вынуждена отпустить твою душу. Если бы она победила, то отдала бы ее своему помощнику, а там ты бы потихоньку растворился и угас, и с концами.

— Но как же я победил?

— Ты не сдвинулся с места. Если бы ты сдвинулся хоть на дюйм, то был бы уничтожен. Она поступила умно, выбрав для удара как раз тот момент, когда я отсутствовал, и все проделала как следует, но проиграла потому, что не учла твою собственную натуру, которая склонна к насилию, а также потому, что ты не сдвинулся со своего места, на котором ты неуязвим.

— А если бы я сдвинулся, то был бы убит?

— Она поразила бы тебя как молния. Но самое главное твоя душа была бы в ее полной власти, и ты бы потихоньку испарился.

— А что теперь, дон Хуан?

— Да ничего. Ты отвоевал свою душу. Это была хорошая битва. Прошлой ночью ты многому научился.

После этого мы принялись искать камень, который я швырнул. Дон Хуан сказал, что если мы его найдем, то можем быть совершенно уверены, что делу конец. Искали мы почти три часа. Я чувствовал, что узнаю его из всех камней, но мы так ничего и не нашли.

К вечеру дон Хуан повел меня в горы неподалеку. Там он дал мне обширные и подробные указания насчет особых боевых методов и процедур. Заучивая все эти предписания, я вдруг обнаружил, что один. Задыхаясь, я взбежал по склону. Я обливался потом, но стучал зубами от холода. Я звал дона Хуана, но он не откликался, и меня охватили самые мрачные предчувствия. Я услышал шорох в зарослях, словно кто-то сюда крался. Я напряг слух — шорох прекратился. Затем он послышался вновь — ближе и громче. В этот момент мне пришло в голову, что вновь повторятся ужасы минувшей ночи. Моментально мой страх вырос до бесконечности. Шум в кустарнике стал ближе, и силы оставили меня. Я хотел завизжать или зарыдать, удрать или упасть в обморок. Ноги подкосились, и я с воем повалился на землю. Я даже не мог закрыть глаза. Потом я помню только, как дон Хуан развел костер и растирал мне руки и ноги, сведенные судорогой.

Мне было невероятно плохо в течение нескольких часов. После дон Хуан объяснил, что моя неадекватная реакция — явление вполне обычное. Я сказал, что не могу себе логически уяснить причину моей паники, и он заметил, что это не был страх смерти, а скорее страх потерять свою душу страх обычный для людей, у которых отсутствует непреклонная устремленность.

Это переживание было последним в моем обучении. С тех пор я начал избегать его. И хотя дон Хуан не изменил своего ко мне отношения как к ученику, сам я считаю себя побежденным первым врагом человека знания.

кн.2 (1971) «ОТДЕЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Перевод А.В.Сидерского

Введение

Десять лет назад мне посчастливилось познакомиться с индейцем племени яки из северо-западной Мексики. Я называл его «дон Хуан». В испанском языке обращение «дон» выражает уважение. Мое знакомство с доном Хуаном произошло при обстоятельствах, в общем-то, случайных. Мы с моим приятелем Биллом сидели на автобусной остановке пограничного городка в Аризоне. Мы молчали. Была вторая половина дня, и летняя жара казалась просто нестерпимой. Вдруг Билл наклонился и тронул меня за плечо.

— Смотри, вот человек, о котором я тебе говорил, — шепотом произнес он и многозначительно кивнул в сторону входа. Я проследил за его взглядом и увидел старика, только что вошедшего в помещение станции.

— Что ты мне о нем говорил? — спросил я.

— Это тот самый индеец, помнишь? Который разбирается в пейоте.

Я вспомнил. Однажды мы с Биллом целый день мотались на машине в поисках «эксцентричного» мексиканского индейца, который якобы жил где-то неподалеку. Тогда мы так и не нашли его, причем мне казалось, что местные индейцы, которых мы расспрашивали, попросту водили нас за нос. Билл рассказывал, что этот человек — «йерберо», так в Мексике называют собирателей и продавцов лекарственных растений, и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе пейоте. Дело в том, что я в то время занимался сбором информации о лекарственных растениях, используемых индейцами Юго-Запада США, а Билл исполнял роль моего гида, так как неплохо знал те места.

Билл поднялся, подошел к старику и поздоровался. Индеец был среднего роста. Его седые короткие волосы слегка прикрывали уши, как бы подчеркивая округлость головы. Множество глубоких резких морщин на очень смуглом лице говорило о преклонном возрасте. Однако тело индейца выглядело подтянутым и хорошо тренированным. Некоторое время я наблюдал за ним. Меня изумила легкость его движений — она никак не вязалась с его возрастом. Билл знаком подозвал меня.

— Он славный парень, однако понять я ничего не могу, — сказал мой приятель, когда я подошел. — Такое впечатление, что его испанский здорово исковеркан и полон деревенского сленга.

Старик взглянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански всего несколько слов, соорудил какую-то совершенно бредовую фразу. Он с надеждой посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли сказанное им хоть какой-то смысл, но я так и не понял, что он хотел сказать. Билл смущенно улыбнулся и отошел. Старик посмотрел на меня и засмеялся. Я объяснил, что мой приятель иногда забывает, что не говорит по-испански.

— Кажется, он к тому же забыл нас познакомить, — заметил я и представился.

— А я — Хуан Матус, к вашим услугам, — сказал старик.

Мы пожали друг другу руки и некоторое время молчали. Я первым нарушил молчание и стал рассказывать о своей работе. Я говорил, что интересуюсь любого рода информацией о растениях, в особенности о пейоте, и что уже довольно много знаю в этой области. По правде говоря, я был во всем этом полнейшим невеждой, особенно в части, касающейся пейота. Но мне почему-то казалось, что чем больше я буду хвастать, тем с большим уважением он станет ко мне относиться. Однако старик молчал, терпеливо слушая чушь, которую я нес. Затем он медленно кивнул и посмотрел мне в глаза. Я запнулся на полуслове. Его глаза сияли собственным светом. На мгновение я почувствовал, что он видит меня насквозь. Мне стало не по себе, и я отвел взгляд.

— Лучше заходи как-нибудь ко мне домой, — сказал он наконец. — Возможно, там проще будет разговаривать.

Произошла некоторая заминка. Я не знал, что ответить, и чувствовал себя не в своей тарелке. Вскоре вернулся Билл. Он, видимо, почувствовал мое состояние, но не сказал ни слова. Какое-то время все напряженно молчали. Затем старик поднялся — подошел его автобус. Он попрощался и вышел.

— Что, не вышло? — спросил Билл.

— Нет. — А ты спрашивал его насчет растений?

— Спрашивал. Но, похоже, свалял дурака.

— Я же тебя предупреждал, что он очень странный. Местные индейцы его знают, но никогда о нем не говорят. А это что-нибудь да значит.

— Тем не менее, он пригласил меня к себе домой.

— Он надувает тебя. Конечно, ты можешь приехать к нему домой, а дальше что? Он никогда тебе ничего не скажет. А если ты начнешь его расспрашивать, он посмеется над тобой, как над идиотом, несущим околесицу.

Билл убежденно сказал, что уже сталкивался с подобными людьми, которые поначалу производят впечатление очень знающих. Однако на них не стоит тратить время, считал он, потому что в конце концов оказывается, что ту же информацию можно получить от кого-то другого, кто не строит из себя

недоступного. Лично у него, добавил Билл, нет ни времени, ни терпения разбираться в старческих причудах, и что старик скорее всего просто пускает пыль в глаза, а на деле знает о травах не больше любого другого.

Билли говорил что-то еще, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я блефую. Я помнил его глаза. Они действительно сияли. Я приехал к нему через пару месяцев, но уже не столько как студент-антрополог, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек, охваченный неизъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня на автостанции, было беспрецедентным явлением в моей жизни, и желание знать, что крылось за этим взглядом, стало для меня чуть ли не навязчивой идеей. И чем больше я думал, тем более необычный смысл все это приобретало.

Мы с доном Хуаном подружились, и в течение года я приезжал к нему множество раз. Вел он себя очень уверенно и обладал превосходным чувством юмора. Но во всем, что он делал, чувствовался какой-то скрытый смысл, неизменно от меня ускользавший. В его присутствии меня охватывало ощущение странного удовольствия, и вместе с тем — не менее странного беспокойства. Он мог не делать ничего особенного, но даже просто находясь рядом с ним, я неизбежно вовлекался в фундаментальную переоценку всех своих моделей поведения. Вследствие воспитания я, как и любой другой, был склонен рассматривать человека как существо по сути своей слабое и подверженное ошибкам. В доне Хуане поражало то, что он ни в коей мере не производил такого впечатления. Более того, находясь в его обществе, я не мог не сравнивать его образ жизни со своим. И сравнение это всегда оказывалось отнюдь не в мою пользу. Пожалуй, более всего в тот период наших отношений меня поразило одно его заявление о нашем внутреннем принципиальном отличии. Однажды я ехал к дону Хуану, чувствуя себя глубоко несчастным. Вся моя жизнь тогда складывалась как-то не так, и на меня постоянно давил груз целого ряда внутренних психологических конфликтов и неувязок. Подъезжая к его дому, я чувствовал подавленность и раздражение.

Мы беседовали о моем интересе к знанию, но, как обычно, подходили к вопросу с разных сторон. Я имел в виду академическое знание, основанное на передаче чужого опыта, а он — прямое знание мира.

— Ты что-нибудь знаешь об окружающем тебя мире? — спросил он.

— Ну, я знаю многое... — Нет, я имею в виду другое. Ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг себя?

— Насколько могу.

— Этого недостаточно. Необходимо чувствовать все, иначе мир теряет смысл.

Я привел классический довод — что не обязательно пробовать суп, если хочешь узнать его рецепт, и вовсе уж ни к чему совать пальцы в розетку, чтобы познакомиться с электричеством.

— Ты заставляешь это звучать глупо, — сказал дон Хуан, — Насколько я понимаю, ты намерен цепляться за свои доводы, хотя они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться прежним даже ценой своего благополучия.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том, что в тебе нет целостности. В тебе нет покоя. Его слова вызвали у меня раздражение. Я почувствовал себя оскорбленным. В конце концов, кто он такой, чтобы судить о моих поступках или о моей личности?

— Ты измучен проблемами, — сказал он. — Почему? — Я всего лишь человек, дон Хуан, — сказал я.

Я придал этой фразе интонацию, с которой ее произносил мой отец. Он говорил так в тех случаях, когда хотел сказать, что слаб и беспомощен. Поэтому в его словах, как и в моих сейчас, всегда звучали отчаяние и безысходность.

Дон Хуан посмотрел на меня так же, как тогда на автостанции.

— Ты слишком много думаешь о своей персоне, — сказал он и улыбнулся. — А из-за этого возникает та странная усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому кроме проблем у тебя не остается ничего. Я тоже всего лишь человек, но когда я это говорю, то имею в виду совсем не то, что ты.

— Тогда что же?

— Я разделался со своими проблемами. Очень плохо, что жизнь коротка, и я не успею прикоснуться ко всему, что мне нравится. Но это не проблема; это просто сожаление. В 1961, спустя год после нашей первой встречи, дон Хуан сказал мне, что обладает тайными знаниями о лекарственных травах. Он назвал себя «брухо». С испанского это слово переводится как «маг, знахарь, целитель». С этого момента наши отношения изменились. Я стал его учеником, и в течение последующих четырех лет он пытался обучать меня тайнам магии. Этот процесс я описал в книге «Учение дона Хуана. Путь знания индейцев яки».

Говорили мы по-испански. Дон Хуан в совершенстве владел этим языком, что позволило ему очень подобно изложить мне свою систему описания мира. Я называл эту сложную и четко систематизированную ветвь знания магией, а его самого — магом, потому что именно такими категориями пользовался он сам в неофициальном разговоре. Однако в более серьезных и глубоких беседах он говорил о магии как о «знании» и о маге как о «человеке знания». В процессе обучения дон Хуан использовал три достаточно известных психотропных растения: пейот, дурман обыкновенный и один из видов грибов, обладающих галлюциногенным действием. Комбинируя эти средства в определенной последовательности, дон Хуан вводил меня, своего ученика, в специфические состояния искаженного восприятия или измененного сознания. Я назвал их «состояниями необычной реальности». «Реальности» — потому что согласно описанию мира, на котором была основана практическая система дона Хуана, все, что воспринималось в этих состояниях, было не галлюцинациями, а конкретными, хотя и необычными, аспектами повседневной реальности. Дон Хуан рассматривал события, происходившие в необычной реальности, не как якобы реальные, но как вполне реальные.

Классифицировать растения, которые применялись в процессе обучения, как галлюциногены, а вызываемые ими состояния — как необычную реальность, является, конечно, моей собственной инициативой. Дон Хуан говорил об этих растениях как о транспортных средствах, предназначенных для «доставки» человека к неким безличным «силам». Состояния, которые возникали вследствие приема растений, дон Хуан интерпретировал как «встречи» с «силами». Такие встречи были необходимы магу для того, чтобы научиться этими «силами» управлять.

Силу, заключенную в пейоте, дон Хуан называл «Мескалито». Мескалито является добровольным учителем и защитником людей. Он учит, как «правильно жить». Пейот обычно принимается на собраниях магов, называемых «митоты», участники которых собираются специально для того, чтобы получить урок «правильной жизни».

Дурман и грибы дон Хуан считал силами несколько иного рода. Он называл их «союзниками» и утверждал, что ими можно управлять. Фактически, взаимодействие с союзниками было главным источником могущества мага. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он говорил, что сила грибов — его персональный союзник, и называл ее «дым» или «дымок». Процедура подготовки грибов к употреблению была достаточно сложной. Дон Хуан складывал собранные грибы в небольшой кувшин, который особым образом запечатывал и оставлял на год. За это время грибы в кувшине высыхали и рассыпались в пыль. Дон Хуан смешивал ее с порошком из пяти других растений и в итоге получал смесь для курительной трубки. Чтобы стать человеком знания, необходимо было «встречаться с союзником» неоднократно — с ним следовало хорошо «познакомиться». Поэтому курить галлюциногенную смесь требовалось как можно чаще. Грибная пыль в процессе курения не сгорала. Ее нужно было втягивать вместе с дымом от пяти других растений, составлявших смесь, и проглатывать. Мощное воздействие, которое грибы оказывали на восприятие человека, дон Хуан объяснял довольно своеобразно. Он говорил, что «союзник устраняет тело».

Обучение по методу дона Хуана требовало огромных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и связана с таким напряжением, что в конце 1965 года мне пришлось отказаться от ученичества. Лишь теперь, по прошествии пяти лет, я могу сформулировать причину — к тому моменту учение дона Хуана представляло собой серьезную угрозу моей «картине мира». Я начал терять уверенность, которая свойственна каждому из нас: реальность повседневной жизни перестала казаться мне чем-то незыблемым, само собой разумеющимся и гарантированным.

К моменту ухода я был убежден, что мое решение окончательно: я больше не хотел встречаться с доном Хуаном. Однако в апреле 1968 я получил сигнальный экземпляр своей первой книги и почему-то решил, что должен

показать ее дону Хуану. Я приехал к нему, и наша связь «учитель-ученик» загадочным образом возобновилась. Так начался второй цикл моего ученичества, разительно отличавшийся от первого. Мой страх был теперь уже не таким острым, как раньше. Да и дон Хуан вел себя гораздо мягче. Он много смеялся сам и смешил меня, как бы специально стараясь свести на нет всю серьезность процесса обучения. Он шутил даже в наиболее критические моменты второго цикла, и это помогло мне пройти через исключительно жесткие ситуации, которые при неблагоприятном исходе вполне могли бы вылиться в серьезные психические расстройства. Такой подход диктовался жизненной необходимостью находиться в легком и спокойном расположении духа, иначе я не смог бы выдержать напор и чужеродность нового знания.

— Ты испугался и удрал потому, что чувствовал себя чертовски важным, — так дон Хуан объяснил мой уход. — Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Человек знания должен быть легким и текучим.

Во втором цикле дон Хуан сосредоточил основные усилия на том, чтобы научить меня «видеть». В его системе знания существовало семантическое различие между понятиями «видеть» и «смотреть». Тогда как второе обозначало обычный для всех нас способ восприятия, под первым понимался некий сложный процесс, позволявший человеку знания непосредственно воспринимать глубинную сущность явлений.

Чтобы привести свои полевые записи в удобочитаемый вид, я сократил диалоги и убрал все второстепенное. Надеюсь, что это не отразилось на степени соответствия моего изложения истинной сути учения дона Хуана. Моя редакция была направлена на то, чтобы, сохраняя естественность живой беседы и максимально отражая внутреннее психологическое содержание событий, средствами репортажа донести до читателя весь драматизм и напряженность процесса обучения. Каждая глава посвящена одному «уроку» дона Хуана. Как правило, он всегда заканчивал свои уроки на оборванной ноте; таким образом, драматический тон окончания каждой главы — отнюдь не мое литературное изобретение: это было свойственно манере дона Хуана вести обучение как мнемонический прием, помогавший мне удержать драматическое качество и важность уроков.

Однако многое в этой книге останется неясным, если я предварительно не

остановлюсь на некоторых важных моментах. Я имею в виду набор ключевых концепций. Их выбор, равно как и расстановка акцентов определяются моим интересом к социальным наукам. Вполне возможно, что человек с иными целевыми установками в качестве ключевых выделил бы понятия, совершенно отличные от выбранных мной.

Во втором цикле дон Хуан приложил значительные усилия, чтобы убедить меня в невозможности научиться видеть без курения смеси. Поэтому мне приходилось делать это довольно часто.

— Только дым может дать тебе необходимую скорость, чтобы уловить отблеск того текучего мира, — говорил дон Хуан.

С помощью психотропной смеси он вводил меня в определенные состояния необычной реальности. Основной их характеристикой было то, что я мог бы назвать «несоответствием», так как воспринимаемое мной в этих состояниях не поддавалось никакой адекватной интерпретации в рамках нашего привычного мироописания. Другими словами, именно это несоответствие повлекло за собой разрушение цельности моего мировоззрения.

Дон Хуан использовал свойство «несоответствия» состояний необычной реальности для ознакомления меня с новыми «смысловыми блоками» или отдельными элементами той системы знания, которой он меня обучал. Я назвал их так, потому что это были базовые комплексы сенсорных данных и их интерпретаций, на основе которых строились более сложные понятийные структуры. В качестве примера смыслового блока можно взять интерпретацию физиологического действия психотропной курительной смеси. Она вызывает онемение и потерю двигательного контроля: в системе дона Хуана это объяснялось как действие дыма, — вернее, содержащейся в нем силы-союзника, — направленное на «устранение тела практикующего».

Смысловые блоки особым образом объединялись в группы, которые я назвал «чувственными интерпретациями». Очевидно, что в магии существует бесконечное количество вариантов чувственных интерпретаций, которым должен обучиться маг. Ему необходимо уметь на основе магических смысловых блоков адекватно интерпретировать все воспринимаемое. В своей повседневной жизни мы также сталкиваемся с бесконечным количеством чувственных интерпретаций, свойственных нашему описанию мира. Простой

пример: понятие «комната», используемое ежедневно и многократно. В силу многолетней практики нам не нужно каждый раз специально интерпретировать структуру, понимаемую под комнатой. Мы привыкли воспринимать ее как нечто цельное и само собой разумеющееся. Но так или иначе комната остается чувственной интерпретацией, так как упоминая о ней, мы каждый раз в каком-то виде осознаем все элементы, которые дают то, что называется в нашем понимании комнатой. Таким образом, чувственная интерпретация — это процесс, посредством которого практикующий осознает смысловые блоки, необходимые для того, чтобы выносить суждения, делать выводы и предсказания во всех ситуациях, связанных с его деятельностью.

Под практикующим я понимаю всякого, кто обладает адекватным знанием всех или почти всех смысловых блоков, входящих в его систему чувственной интерпретации. Дон Хуан был практикующим, то есть магом, знающим все шаги своей магической практики. Как практикующий, он стремился сделать доступной мне свою систему чувственной интерпретации. В данном случае это было равносильно введению меня в новую социальную среду с присущими ей новыми способами интерпретации сенсорных данных. Именно эти способы мне и предстояло освоить.

Я был здесь «чужим», то есть не умел составлять разумные и адекватные интерпретации из магических смысловых блоков.

Чтобы сделать свою систему понятной, дон Хуан как практикующий должен был сначала разрушить во мне определенную уверенность. Речь идет о свойственной подавляющему большинству людей уверенности в том, что наше основанное на «здравом смысле» описание мира окончательно и однозначно. Используя психотропные растения и точно рассчитанные контакты между мной и чуждой системой, он добился своего — я убедился, что мое описание мира не может быть окончательным, поскольку является лишь одной из множества возможных интерпретаций. В течение тысячелетий то смутное и неопределенное явление, которое мы называем магией, было для американских индейцев серьезной и достоверной практикой, сравнимой по значению с нашей наукой. Понять ее нам сложно, вне всякого сомнения именно потому, что она основана на чуждых смысловых блоках.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человеку знания свойственна предрасположенность. Я попросил объяснить.

— Я предрасположен к видению, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне нравится видеть, — пояснил он, — потому что видение позволяет человеку знания знать.

— И что же ты видишь?

— Все.

— Но я тоже все вижу, а ведь я — не человек знания.

— Нет, ты не видишь.

— Мне кажется, что вижу.

— А я тебе говорю, что нет.

— Что заставляет тебя так говорить?

— Ты только смотришь на поверхность вещей.

— То есть ты хочешь сказать, что человек знания видит насквозь все, на что он смотрит?

— Нет. Я не это имел в виду. Я говорил о том, что каждому человеку знания свойственна его собственная предрасположенность. Я — вижу и знаю, другие делают что-нибудь свое.

— Например?

— Возьмем, например, Сакатеку. Он — человек знания, и он предрасположен к танцу. Он танцует и знает.

— Насколько я понял, предрасположенность относится к чему-то, что человек знания делает» чтобы знать?

— Верно.

— Но как танец может помочь Сакатеке знать?

— Можно сказать, что Сакатека танцует со всем, что его окружает и со всем, что у него есть.

— Он танцует так же, как я? Я хочу сказать — как вообще танцуют?

— Скажем так: он танцует так, как я вижу, а не так, как мог бы танцевать ты.
— А он видит так же, как ты?

— Да, но он еще и танцует.

— И как танцует Сакатека?

— Трудно объяснить... Своего рода танец, особые движения, которые он выполняет, когда хочет знать. Невозможно говорить о танце или о видении, не зная путей и способов действия человека знания. Это все, что я могу сказать тебе сейчас.

— Ты видел его, когда он танцует?

— Да. Но тот, кто просто смотрит на него, когда он это делает, не в состоянии видеть, что это — его способ знать.

Я знал Сакатеку, по крайней мере, мне было известно, кто это. Мы встречались, и однажды я даже покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу останавливаться в его доме, если захочу. Я давно уже хотел к нему заехать, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

Днем 14 мая 1962 года я подъехал к дому Сакатеки. Найти его было несложно, потому что Сакатека мне все подробно объяснил. Дом стоял на углу и был окружен забором. Я подергал запертые ворота и обошел вокруг, пытаясь заглянуть внутрь дома. Похоже было на то, что там никого нет.

— Дон Элиас! — громко крикнул я. Испуганные куры с диким кудахтаньем

разбежались по двору. К забору подошла собачка. Я подумал, что сейчас поднимется лай. Но собачка молча уселась на землю и стала меня разглядывать. Я позвал еще раз, и куры опять раскудахтались.

Из дома вышла пожилая женщина. Я попросил ее позвать дона Элиаса.

— Его нет дома, — сказала она.

— А где его можно найти?

— Он в поле.

— Где именно?

— Не знаю. Зайдите попозже, ближе к вечеру. Он будет дома около пяти.

— А вы — жена дона Элиаса?

— Да, я его жена, — ответила она и улыбнулась. Я попытался было расспросить ее о Сакатеке, но она извинилась и сказала, что неважно говорит по-испански. Тогда я сел в машину и уехал.

Около шести я вернулся, подъехал к двери, вылез из машины и окликнул Сакатеку. На этот раз из дома вышел он сам. Я включил магнитофон, висевший у меня через плечо. В коричневом кожаном футляре он был похож на кинокамеру. Сакатека вроде бы узнал меня.

— А, это ты, — сказал он, улыбаясь. — Как там Хуан?

— Нормально. А как ваше здоровье, дон Элиас?

Сакатека промолчал. Мне показалось, что он нервничает. Внешне он вроде был в порядке, но я чувствовал, что с ним что-то происходит.

— У тебя поручение от Хуана? — Нет, я сам приехал.

— С чего это вдруг?

В его вопросе сквозило искреннее удивление.

— Ну, просто хотел с вами поговорить... — сказал я, стараясь говорить как можно естественнее. — Дон Хуан рассказывал мне о вас удивительные вещи, я заинтересовался и хотел бы задать несколько вопросов. Сакатека стоял передо мной. Худое жилистое тело, рубашка и штаны цвета хаки. Глаза полузакрыты. Он выглядел то ли сонным, то ли пьяным. Рот был слегка приоткрыт, нижняя губа отвисла. Я заметил, что он глубоко дышит и едва не похрапывает. Спятил, что ли? Однако мысль эта казалась совершенно неуместной, так как минуту назад, выйдя из дома, он был не только очень бодр, но и вполне осознавал мое присутствие.

— О чем ты хочешь говорить? — спросил он наконец.

Голос его был усталым, казалось, он с трудом выдавливает из себя слова. Мне стало не по себе, словно усталость эта была заразной и перешла на меня.

— Ни о чем особенном. Просто приехал побеседовать с вами по-дружески, вы же меня сами приглашали.

— Да, но это — другое.

— Почему же другое?

— Разве ты не говорил с Хуаном? — Говорил.

— Тогда чего ты хочешь от меня?

— Я думал, может... Ну, я хотел задать вам несколько вопросов...

— Задай Хуану. Разве он тебя не учит?

— Он-то учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит, и узнать еще и ваше мнение. Тогда бы я лучше знал, как мне быть.

— Зачем это тебе? Ты не веришь Хуану?

— Верю.

— Тогда почему не спрашиваешь о том, что тебя интересует, у него?

— Я так и делаю, и он отвечает. Но если бы вы тоже рассказали мне о том, чему он меня учит, может быть, мне было бы понятнее.

— Хуан может рассказать тебе все. И никто, кроме него, это сделать не может. Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю. Но мне хотелось бы поговорить и с такими людьми, как вы. В конце-то концов, не каждый же день встречаешься с человеком знания.

— Хуан — человек знания.

— Я знаю это.

— Тогда зачем тебе говорить со мной? — Я же сказал — приехал просто так, по-приятельски, что ли...

— Ты приехал не за этим. Сегодня в тебе есть что-то другое.

Я еще раз попытался объясниться, но вышло только невнятное бормотание. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушает. Глаза его снова были полузакрыты, но я чувствовал, что он пристально на меня смотрит. Он едва заметно кивнул, затем веки его приподнялись, и я увидел глаза. Взгляд их был направлен куда-то вдаль. Как бы машинально он постукивал по земле носком правой ноги позади левой пятки, слегка согнув ноги в коленях и расслабленно опустив руки вдоль туловища. Он медленно поднял правую руку, повернув раскрытую ладонь к земле. Выпрямив пальцы, он вытянул руку в моем направлении. Она пару раз качнулась, а затем поднялась на уровень моего лица. На мгновение Сакатека застыл в этой позе, а затем что-то мне сказал. Слова он произносил очень четко, но я ничего не понял. Через секунду Сакатека расслабленно уронил руку вдоль туловища и застыл в странной позе: вес тела он перенес на носок левой ступни, а правую поставил за левой крест-накрест, мягко и ритмично постукивая ее носком по земле.

Меня охватило какое-то странное чувство, своего рода беспокойство. Мысли начали как бы распадаться на части. В голову лезла какая-то бессмыслица,

обрывки чего-то, никак не связанного с происходящим.

В общем-то отдавая себе отчет, что со мной творится что-то неладное, я попытался вернуть мысли к реальности, но безуспешно, несмотря на напряженную борьбу. Ощущение было такое, что какая-то сила не позволяет мне сосредоточиться и мешает связно мыслить.

Сакатека упорно молчал, и я не знал, что делать дальше. Совершенно автоматически я повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал, что непременно должен рассказать об этой истории дону Хуану. Он смеялся от души.

— Что это было? Что происходило на самом деле? — спросил я. — Сакатека танцевал, — ответил дон Хуан. — Он увидел тебя, и потом танцевал.

— Что он делал? Я ощущал холод и дрожь.

— Ты ему явно не понравился, и он остановил тебя, бросив в тебя слово.

— Как он мог это сделать? — недоверчиво спросил я.

— Очень просто. Он остановил тебя своей волей.

Объяснение меня не удовлетворило, потому что показалось бессмысленным. Я попытался расспрашивать еще, но он так и не сказал ничего вразумительного.

Очевидно, что все случившееся, как и любое другое явление, происходящее в рамках чужой системы чувственной интерпретации, можно объяснить или понять только используя смысловые блоки этой системы. Поэтому читать эту книгу следует как репортаж, поскольку именно таковым она и является. Я не владел системой, которую описывал, и потому претензия на что-то большее была бы несостоятельной и вводила бы читателя в заблуждение. В этом смысле я старался придерживаться феноменологического метода, относясь к магии сугубо как к явлению, с которым мне довелось столкнуться. Я воспринимал нечто и описывал то, что воспринимал, воздерживаясь от каких бы то ни было суждений.

Часть первая. Подготовка к видению

Глава 1

2 апреля 1968

Какое-то мгновение дон Хуан глядел на меня. Казалось, он совсем не удивился моему появлению, хотя со времени нашей последней встречи прошло уже более двух лет. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился — потолстел и стал мягче.

Я привез ему экземпляр своей книги. Без предисловий я вынул ее из портфеля и вручил ему.

— Это книга о тебе, дон Хуан, — сказал я.

Он пробежал большим пальцем по страницам, как пролистывают игральные карты, вскрывая новую колоду. Ему понравился зеленый цвет переплета и формат книги. Он погладил ее, повертел в руках и вернул мне. Я ощутил прилив гордости.

— Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, — сказал я. Дон Хуан молча засмеялся и покрутил головой.

— Лучше не надо, — сказал он и с широкой улыбкой добавил: — Ты же знаешь, на что в Мексике идет бумага.

Я засмеялся. Его ирония показалась мне забавной.

Мы сидели на скамейке в парке небольшого городка в Центральной Мексике. Я не мог заранее сообщить дону Хуану о своем приезде, но был уверен, что встречу его. Так и случилось.

Когда я приехал сюда, дон Хуан был в горах, но ждать его мне пришлось недолго. Я встретил его на рынке, он стоял возле прилавка одного из своих приятелей.

Дон Хуан нисколько не удивился и как бы между прочим сказал, что я появился как раз вовремя, чтобы отвезти его обратно в Сонору. Мы пошли в парк и сели на скамейку в ожидании его друга — индейца-масатека, у которого он гостил.

Мы прождали около трех часов, разговаривая о всяких мелочах. В конце дня, как раз перед приходом его друга, я рассказал о случае, очевидцем которого я был несколько дней назад.

По дороге сюда на окраине одного города у меня сломалась машина, и мне пришлось задержаться на три дня, пока ее ремонтировали. Напротив автомастерской был мотель, но окраины всегда действуют на меня угнетающе, и я снял номер в современном восьмиэтажном отеле в центре.

Посыльный сказал, что в отеле есть ресторан. Спустившись туда, я увидел, что часть столиков вынесена на свежий воздух под красивые кирпичные арки современной архитектуры на углу улицы. Было довольно прохладно, и некоторые столики стояли свободными. Однако я предпочел остаться в душном помещении, так как сквозь раскрытую входную дверь заметил мальчишек — чистильщиков обуви. Они сидели на бордюре перед рестораном, и я был уверен, что стоит мне выйти и занять один из наружных столиков, как они тут же начнут приставать со своими щетками. Я сидел у окна и прекрасно видел мальчишек. Подошли двое молодых людей и сели за один из столиков. Мальчишки тут же окружили их, предлагая почистить обувь. Те отказались и, к моему удивлению, мальчишки не стали настаивать и молча уселись обратно на бордюр. Немного погодя встали и ушли трое мужчин в деловых костюмах. Мальчишки подбежали к их столику и стали жадно доедать объедки.

Несколько секунд — и тарелки были чистыми. То же повторилось с объедками на остальных столиках.

Я заметил, что дети были весьма аккуратны. Если они проливали воду, то промокали ее своими фланельками для чистки обуви. Я также отметил тотальность поглощения ими объедков, — они съедали все вчистую, даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, ломтики лимона из чая и кожуру от фруктов.

За время, пока я жил в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана существует нечто вроде соглашения. Детям было позволено околачиваться у заведения, подзарабатывать чисткой обуви посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках, но при условии, что они никого не рассердят и ничего не разобьют. Всего их было одиннадцать в возрасте от пяти до двенадцати лет. Однако самый старший держался немного особняком от остальных. А те, в свою очередь, всячески третировали его и распевали дразнилку про то, что он слишком стар для их компании и что у него в известном месте уже растут волосы.

В течение трех дней я наблюдал, как они, словно стервятники, набрасываются на самые непривлекательные объедки, и в конце концов искренне расстроился. Покидал я город с тяжелым чувством горечи по поводу того, что у этих детей нет никакой надежды — их мир уже изуродован ежедневной борьбой за кусок хлеба.

— Ты их жалеешь? — удивленно воскликнул дон Хуан.

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что мне небезразлична судьба моих ближних. Эти мальчики — совсем еще дети, а их мир так уродлив и мелок. — Постой, постой! С чего это ты взял, что их мир уродлив и мелок? — спросил дон Хуан, передразнивая меня, — Или ты считаешь, что твой — лучше?

Я ответил, что именно так и считаю. Он поинтересовался, на основании чего. Тогда я сказал, что по сравнению с миром этих детей мой — бесконечно

разнообразнее и богаче событиями и возможностями для личного удовлетворения и совершенствования. Смех дона Хуана был искренним и дружелюбным. Он сказал, что я неосторожен в суждениях, так как ничего не знаю и не могу знать о богатстве и возможностях мира этих детей.

Я решил, что дон Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он встал на противоположную точку зрения только затем, чтобы меня позлить, и совершенно искренне считал, что у этих детей нет ни малейших шансов на интеллектуальное развитие. Еще некоторое время я отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан резко спросил:

— Разве не ты говорил мне как-то, что стать человеком знания — высшее из всех достижений, доступных человеческому существу?

Я действительно говорил это, и повторил вновь, что стать человеком знания — высочайшее интеллектуальное достижение.

Ты полагаешь, что твой очень богатый мир способен тебе в этом хоть чем-нибудь помочь? — спросил дон Хуан с некоторым сарказмом.

Я не ответил, и тогда он сформулировал тот же вопрос другими словами — прием, которым я всегда пользовался сам, когда думал, что он не понимает.

— Иначе говоря, — продолжал он, широко улыбаясь и, видимо, понимая, что я уловил намек, — помогут ли тебе твоя свобода и твои возможности стать человеком знания?

— Нет! — твердо ответил я.

— Тогда с какой стати ты жалеешь этих ребят? — спросил он серьезно. — Любой из них может стать человеком знания. Все известные мне люди знания были такими же детьми и так же поедали объедки и вылизывали тарелки. Я почувствовал неудобство. Моя жалость к этим детям была обусловлена вовсе не тем, что им нечего есть, а тем, что, по моему мнению, они были обречены своим миром на умственную неполноценность. И тут дон Хуан заявляет, что каждому из них доступно то, что я считаю высочайшим из всех возможных человеческих достижений, — любой из них может стать человеком знания. Дон Хуан поддел меня очень точно.

Видимо, ты прав, — произнес я. — Но как быть с искренним желанием помочь ближним?

Каким же, интересно, образом можно им помочь?

Облегчая их ношу. Самое малое, что мы можем сделать для них, — это попытаться их изменить. Сам-то ты разве не этим занимаешься?

— Ничего подобного. Я понятия не имею, зачем и что можно изменить в моих ближних. — Как насчет меня, дон Хуан? Разве ты учишь меня не для того, чтобы я смог измениться?

— Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Возможно, что когда-нибудь ты станешь человеком знания, — этого нельзя узнать заранее, — но это никак не изменит тебя. Может быть, однажды ты научишься видеть, и тогда, увидев людей на другом плане, ты поймешь, что в них невозможно ничего изменить.

— Что это за другой план восприятия людей, дон Хуан?

— Люди выглядят иначе, когда их видишь. Дымок поможет тебе увидеть их как волокна света.

— Волокна света?

— Да. Похожие на белую паутину. Очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

— И так выглядит каждый?

— Каждый. Кроме того, любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем в мире, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость. Так что и ты сам это когда-нибудь увидишь. Человек — это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

Глава 2

С этого приезда к дону Хуану начался новый цикл обучения. Без труда вернувшись к своему прежнему ощущению удовольствия от его чувства юмора и драматизма, я оценил его терпеливость в отношении меня и понял, что непременно должен приезжать почаще. Не видеть дона Хуана было поистине огромной потерей для меня; кроме того, я хотел поговорить с ним об одной вещи, которая представляла для меня определенный интерес. Закончив книгу о его учении, я стал просматривать те полевые записи, которые в нее не вошли. Их было немало, так как раньше меня интересовали в основном состояния необычной реальности. Перебирая записи, я пришел к выводу, что маг, мастерски владеющий своей практикой, за счет одних только «манипуляций социальными ключами» способен сформировать у своего ученика в высшей степени необычный и специализированный диапазон восприятия. В основе моих рассуждений относительно природы этих манипуляций лежало предположение о том, что для создания требуемого диапазона восприятия необходим ведущий.

В качестве примера я рассмотрел пейотное собрание магов. Я был согласен с тем, что в ходе этого собрания маги приходят к некоторому общему для всех заключению о природе реальности, не прибегая при этом к явному обмену знаками или словами. Из этого следовал вывод — чтобы прийти к такому соглашению, участники должны были пользоваться каким-то очень мудреным кодом.

Я построил сложную систему объяснения такого кода и процедуры его использования. Отправляясь к дону Хуану, я намеревался узнать его мнение по этому вопросу и спросить совета относительно моей дальнейшей работы.

21 мая 1968

По пути ничего особенного не случилось. В пустыне было очень жарко, поэтому дорога оказалась довольно утомительной. Но к вечеру жара спала, и когда я подъехал к дому дона Хуана, дул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его комнате и разговаривали. Я чувствовал себя очень хорошо и непринужденно, и мы просидели допоздна. Это был не тот разговор, который стоило бы записывать. В общем-то я и не пытался говорить о чем-то значительном. Речь шла о погоде, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве, перспективах на урожай. Я сказал дону Хуану, что мне нравится то острое ощущение, которое возникает от беседы в темноте. Он ответил, что это вполне соответствует моей болтливой натуре и что мне легко любить разговоры в темноте, потому что ни на что другое в подобной ситуации я попросту не способен. Я возразил, что мне нравится нечто большее, чем сам разговор, и сказал, что мне доставляет удовольствие чувство убаюкивающего тепла окружающей темноты. Он спросил, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что включаю свет или выхожу побродить по освещенным улицам до тех пор, пока не придет время ложиться спать.

— О-о-о... — протянул он с недоверием. А я-то думал, что ты уже научился использовать темноту.

— А для чего ее можно использовать?

Он ответил, что темнота (он сказал «темнота дня») — это лучшее время для того, чтобы видеть. «Видеть» он выделил особой интонацией. Я попытался выяснить, что он имеет в виду, однако он сказал, что уже слишком поздно, чтобы начинать разбираться с этим вопросом.

22 мая 1968

Едва проснувшись утром, я напрямик сказал дону Хуану, что разработал систему, которая объясняет происходящее во время митоты — пейотного собрания магов. Я взял подготовленные дома заметки и зачитал ему свою версию. Я старался как можно доходчивей объяснить разработанную мною схему, а он терпеливо слушал.

Чтобы все участники настроились на некоторое заданное соглашение, их нужно определенным образом подготовить, рассуждал я, а для этого

необходим скрытый лидер — ведущий. Участники митоты собираются для того «чтобы встретиться с Мескалито и получить урок «правильной жизни». При этом они, не обмениваясь ни единым словом и ни единым жестом, приходят к общему заключению относительно присутствия Мескалито и содержания его конкретного урока. Во всяком случае, на тех митотах, в которых я участвовал, дело обстояло именно так — Мескалито являлся каждому и давал урок. На своем личном опыте я убедился, что индивидуальное восприятие формы визита Мескалито и его урока было поразительно одинаковым для всех, хотя содержание урока от человека к человеку менялось. Я не мог объяснить высокую степень совпадения ничем иным, кроме наличия какой-то тонкой и очень сложной системы настройки.

На чтение и объяснение всей схемы у меня ушло часа два. В конце я попросил дона Хуана объяснить, какова в действительности система настройки.

Когда я замолчал, он скривился. Я подумал, что мое объяснение показалось ему вызывающим. Казалось, он о чем-то напряженно размышляет. Выдержав паузу, я спросил, что же он все-таки думает по поводу моих соображений.

Тут его гримасу сменила улыбка, перешедшая в гомерический хохот. Я тоже попытался было смеяться, а потом нервно спросил, что же в этом смешного.

— Ты спятил! — воскликнул он. — С какой стати кто-то будет заниматься чьей-то там настройкой в такой важный момент, как митота? Или ты думаешь, что все, связанное с Мескалито — сплошное надувательство?

Какое-то мгновение мне казалось, что он уходит от прямого ответа на вопрос — сказанное им ответом не являлось.

— С какой стати кому-то заниматься настройкой? — упрямо продолжал дон Хуан. — Ведь ты же там был. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, что следует чувствовать или делать. Никто, кроме самого Мескалито. Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать, каким образом достигается соглашение.

— Теперь я понял, зачем ты приехал, — с таинственным видом произнес дон Хуан. — Но вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, потому что никакой системы настройки не существует.

— Но тогда почему все эти люди приходят к единому соглашению относительно присутствия Мескалито?

— Да потому, что они видят! — драматическим тоном сказал дон Хуан, а потом, как бы между прочим, добавил: — А почему бы тебе еще разок не побывать на митоте и не увидеть все самому?

Я понял, что это — ловушка, и, ни слова не говоря, спрятал все свои бумаги. Он не настаивал. Спустя какое-то время дон Хуан попросил меня съездить с ним к одному из его друзей. Мы поехали и провели там несколько часов. В разговоре Джон — так звали хозяина дома — спросил, что вышло из моего интереса к пейоту. Джон был тем самым человеком, у которого восемь лет назад мы брали пейотные бутоны для моего первого опыта. Я не знал, что ответить. Дон Хуан пришел ко мне на помощь и сказал, что со мной все в порядке.

На обратном пути я почувствовал, что должен как-то объясниться по поводу вопроса, заданного Джоном. Среди прочего я сказал, что пейот меня более не интересует, так как связанная с ним практика требует особой отваги, а ее у меня нет, и что когда я говорил, что больше пробовать не намерен, то имел в виду именно то, что говорил. Дон Хуан молча улыбался, а я продолжал болтать, пока мы не приехали.

Мы уселись на чистой площадке перед домом. Был тёплый ясный день. Довольно сильный вечерний ветерок обвевал нас приятной прохладой. — Что заставляет тебя так яростно сопротивляться? — неожиданно спросил дон Хуан. — Сколько лет уже ты твердишь, что не намерен больше учиться?

— Три года.

— Почему ты всегда говоришь об этом с такой страстью?

— У меня такое чувство, что я предаю тебя, дон Хуан. Наверное, потому я так часто все это повторяю.

— Ты меня не предаешь.

— Я тебя подвел. Я бежал. Я чувствую, что потерпел поражение.

— Ты делаешь все, что можешь, и никакого поражения ты не потерпел. То, чему я должен тебя научить, дается с огромным трудом. Мне, например, было еще тяжелее, чем тебе.

— Но ты не бросил, дон Хуан. Со мной все иначе. Я сдался. А приехал к тебе не потому, что собрался учиться. Просто хотел кое-что спросить по работе…

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

— Ты снова должен позволить дымку вести себя, — сказал он с нажимом.

— Нет, дон Хуан, я больше не могу. Похоже, я выдохся. — Ты еще и не начал.

— Я очень боюсь.

— Ну и бойся на здоровье. Это не ново. Ты думай не о страхе. Думай о чудесах видения.

— Честное слово, я хотел бы думать об этих самых чудесах, да не могу… Когда я вспоминаю о твоем дымке, то чувствую, что на меня наваливается какая-то тьма. Так, словно на всей земле нет больше ни единого человека, никого, с кем можно перекинуться словом. Твой дымок показал мне безысходность одиночества.

— Это неправда. Возьми меня, к примеру. Дымок — мой союзник, а я не ощущаю одиночества.

— Но ты другой. Ты победил страх. Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу.

— Ты не боишься, — сказал он. В его голосе слышалось странное обвинение.

— Но разве я лгу насчет страха, дон Хуан?

— Лжешь, не лжешь — меня это не интересует, произнес он сурово. — Меня волнует другое. Ты не хочешь учиться вовсе не потому, что боишься. Причина в другом. Мне страшно хотелось узнать, в чем же дело. Я пытался выудить из

него ответ, но он только молча покачал головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю этого сам.

Я сказал ему, что всему виной, должно быть, моя инерция. Он поинтересовался значением слова «инерция». Я взял в машине словарь и прочитал: «Тенденция материального объекта, не подверженного воздействию внешних сил, к сохранению состояния покоя, если оно находится в покое, либо движения в неизменном направлении, если оно движется».

— Не подверженного воздействию внешних сил, — повторил он. — Лучше, пожалуй, и не скажешь... Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего нужно затягивать на путь хитростью. Я уже говорил тебе об этом.

— Но я уверен, что найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, — сказал я. — Да, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутыль из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь, как только в нее наливают воду и появляется давление. Когда-то я втянул тебя в учение хитростью, и то же самое в свое время сделал со мною мой бенефактор. Если бы не мой трюк, ты бы никогда не сумел столь многому научиться. Пожалуй, пора повторить этот прием.

Говоря о хитрости, он напоминал мне об одном из самых критических моментов моего ученичества. С тех пор прошло уже несколько лет, но я помнил все так, словно это было только вчера. Дон Хуан мастерски втянул меня в совершенно жуткое прямое противостояние с одной женщиной, имевшей репутацию колдуньи, что привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан использовал мой страх перед этой женщиной как мотивировку. Он говорил, что мне ничего не остается, кроме как продолжать обучение, иначе я не смогу устоять против ее магического нападения. Результат его «хитрости» был достаточно убедительным — я искренне поверил, что если хочу остаться в живых, то должен срочно учиться магии, причем как можно эффективнее, и другого выхода у меня нет.

— Если ты намерен снова пугать меня этой дамой, то ноги моей здесь больше не будет, — сказал я. Дон Хуан развеселился.

— Не волнуйся, — успокоил он меня. — Трюки со страхом в твоем случае уже

не проходят. Ты больше не боишься, но что касается хитрости вообще, то тебя можно подловить, где бы ты ни был, и для этого тебе вовсе не требуется сюда приезжать.

Он заложил руки за голову и задремал. Я взялся за свои записи и работал часа два — пока он не проснулся. К тому времени уже почти совсем стемнело. Заметив, что я пишу, он сел, выпрямился и с улыбкой спросил, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968

Мы говорили об Оахаке. Я рассказал дону Хуану, как однажды попал в этот город в базарный день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются на рынок торговать продуктами и разными мелочами. Особенно меня заинтересовал продавец лекарственных растений. У него был деревянный лоток, а на лотке — баночки с высушенными и размолотыми травами. Одну баночку он держал в руке и, стоя посреди улицы, громко распевал речитативом довольно занятную песенку:

Составы против мух, блох, клещей и комаров

Средства для свиней, коз, коней и для коров

И для людей лекарства — не нужно докторов

Корь, свинка и подагра с ревматизмом не страшны

Лекарства для желудка, сердца, печени, спины

Подходите, леди и джентльмены

Имеем лекарства от любых болезней

Составы против мух, блох, клещей и комаров…

Я слушал довольно долго. Его реклама состояла из длинного перечня болезней, от которых, как он утверждал, у него имеются лекарства. Для того, чтобы песенка была ритмичной, он выдерживал небольшую паузу после

каждых четырех названий. Дон Хуан сказал, что в молодости тоже торговал лекарственными травами на Оахакском базаре. Он еще не забыл свою рекламную песенку и пропел ее мне, и добавил, что часто пел дуэтом со своим другом Висенте.

Я сказал, что познакомился с Висенте во время одной из поездок в Мексику. Дон Хуан, казалось, был искренне удивлен и попросил меня рассказать об этом подробнее.

В тот раз я ехал через Дуранго и вспомнил, что в этом городе живет один из друзей дона Хуана, с которым он советовал мне когда-нибудь обязательно познакомиться. Я разыскал этого человека, и мы немного поговорили. На прощанье он дал мне мешочек с несколькими растениями и подробно объяснил, как нужно посадить одно из них.

По пути в Агуас Калентес я остановился, вышел из машины и внимательно осмотрелся, желая убедиться в том, что поблизости никого нет. Я стоял на вершине невысокого холма, с которого дорога просматривалась на несколько километров в обоих направлениях. Местность была абсолютно пустынной. Несколько секунд я помешкал, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висенте. Потом взял одно из растений, зашел в кактусы к востоку от дороги и посадил его, в точности следуя всем указаниям. Для поливки растения я прихватил из машины бутылку минеральной воды. Я попытался сбить пробку железкой, которой копал ямку для растения, но неудачно — бутылка разбилась и отлетевший осколок зацепил верхнюю губу. Пошла кровь.

Я вернулся к машине за второй бутылкой. Когда я вынимал ее из багажника, рядом остановился почтовый фургон «фольксваген», и водитель спросил, что случилось. Я ответил, что все нормально, и он уехал. Я пошел к растению, полил его и направился обратно к машине. Когда до дороги оставалось метров тридцать, неожиданно послышались голоса. Я быстро спустился к шоссе и увидел трех мексиканцев — двух мужчин и одну женщину. Один из мужчин сидел на переднем бампере моей машины. На вид — лет сорок, среднего роста, с черными курчавыми волосами. На нем были старые потертые джинсы и выгоревшая, когда-то розовая рубашка, за спиной болтался какой-то сверток. Ботинки с незавязанными шнурками были ему, похоже, велики и казались очень неудобными. Он обливался потом. Другой мужчина стоял

шагах в десяти от машины. Он выглядел хрупким и ростом был ниже первого. Прямые волосы были зачесаны назад. На вид ему было лет пятьдесят. Одет он был немного лучше: темно-синий пиджак, светло-голубые джинсы, черные туфли. В руках у него был сверток поменьше. Он ничуть не вспотел, и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине было за сорок. Толстая и очень смуглая, в черной юбке, белом свитере и остроносых туфлях. Свертка у нее не было, зато был транзистор. Она выглядела очень усталой, лицо покрывали большие капли пота.

Когда я подошел, женщина и мужчина помоложе попросили меня подвезти их. Я показал на полностью загруженное заднее сиденье и сказал, что в машине нет места. Тогда мужчина сказал, что если я поеду не слишком быстро, то их вполне устроит задний бампер. Кроме того, они могли бы устроиться на капоте. Я сказал, что это несерьезно. Однако по их тону чувствовалось, что для них это очень важно. Мне стало неловко, и я дал им денег на автобус.

Мужчина помоложе взял деньги и поблагодарил, однако второй неприязненно отвернулся.

— Я хочу, чтобы он нас подвез, — сказал он, — деньги меня не интересуют. Потом он обратился ко мне:

— У тебя есть вода или что-нибудь поесть?

Но у меня не было продуктов, а воды больше не осталось, и предложить им было действительно нечего. Они еще немного постояли, глядя на меня, потом повернулись и пошли по дороге.

Я сел в машину и попытался запустить двигатель. Но он не работал — была страшная жара, и я, должно быть, перекачал бензин. Услышав жужжание стартера, мужчина помоложе остановился, а потом вернулся к машине и встал сзади, готовый ее подтолкнуть. Я почувствовал себя страшно неуютно и даже вздохнул с неподдельным отчаянием. Наконец, двигатель заработал, и я укатил прочь.

После того, как я закончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал. — Почему ты не говорил мне об этом раньше? — спросил он, не глядя на меня.

Пожав плечами, я ответил, что никогда не считал этот случай чем-то важным.

— Это чертовски важно, — сказал он. — Висенте — первоклассный маг. Он дал тебе что-то посадить потому, что у него были на то основания. И если ты встретил трех человек, которые выскочили из ниоткуда сразу после того, как ты посадил растение, то этому тоже была своя причина. И только такой непроходимый тупица, как ты, мог не обратить на это внимания и считать, что ничего особенного не произошло.

Он велел как можно подробнее рассказать обо всем, что происходило в тот день, когда я был у Висенте.

Я начал рассказывать, как, проезжая через город, оказался возле рынка. Мне пришла в голову мысль поискать дона Висенте. Я остановился, вылез из машины и пошел через рынок туда, где торговали лекарственными травами. В ряду было три прилавка, но за ними сидели толстые матроны. Я дошел до конца прохода и за поворотом обнаружил еще один прилавок. За ним сидел хрупкий седой человек. Когда я его увидел, он как раз продавал какой-то женщине клетку для птиц.

Я подождал, пока он освободится, а затем поинтересовался, не знает ли он дона Висенте Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая.

— Что вам нужно от Висенте Медрано? — спросил он наконец.

Я сказал, что пришел навестить его от лица моего друга, и назвал ему имя дона Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем сказал, что он и есть Висенте Медрано и что он к моим услугам. Потом предложил мне сесть. Он казался очень довольным, вел себя свободно и дружелюбно. Я рассказал ему о своей дружбе с доном Хуаном. Чувствовалось, что между нами сразу же возникла взаимная симпатия. Дон Висенте сказал, что знаком с доном Хуаном с тех пор, как им обоим было по двадцать лет. Он исключительно хорошо отзывался о доне Хуане, а в самом конце разговора произнес с дробью в голосе: — Хуан — истинный человек знания. Сам я очень мало занимался силами растений. Меня всегда больше интересовали их лечебные свойства. Я даже собирал книги по ботанике, которые продал лишь недавно.

Он немного помолчал, потирая подбородок и как бы подбирая подходящее слово.

— Можно сказать, что я — человек лирического знания, — сказал он. — Другое дело Хуан — мой индейский брат...

Дон Висенте помолчал еще с минуту. Застывшим взглядом он уставился в землю слева от меня. Потом повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

— О, как высоко парит мой индейский брат!

Дон Висенте поднялся. Разговор, казалось, был окончен. Если бы кто-то другой заявил нечто подобное насчет «парящего индейского брата», я счел бы это штампом, сентиментальной дешевкой. Однако дон Висенте сказал это так искренне и с таким ясным взглядом, что я был прямо-таки заворожен образом индейского брата, который парит так высоко... Я был уверен, что он говорит совершенно серьезно.

— Лирическое знание. Как же! — воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. — Висенте — брухо. Какого черта ты к нему пошел?

Я напомнил, что он сам советовал мне побывать у дона Висенте.

— Какая чушь! — очень выразительно сказал он. — Я тебе говорил, что когда-нибудь, после того, как ты научишься видеть, тебе полезно будет познакомиться с моим другом Висенте. Вот что я говорил. А ты пропустил это мимо ушей.

Я пытался возражать, говоря, что дон Висенте не сделал мне ничего дурного и что я был просто очарован его манерами и добротой.

Дон Хуан покрутил головой и полушутливым тоном выразил свое крайнее изумление по поводу того, что он назвал «хранящим меня везением». Он сказал, что мой «поход» к дону Висенте выглядит примерно так же, как если б я забрался в клетку со львами, вооружившись хворостинкой. Дон Хуан казался возбужденным, хотя я не видел никаких причин для беспокойства. Дон Висенте прекрасный человек. Он выглядел таким хрупким, даже почти эфемерным, наверное из-за странно призрачных глаз. Я спросил дона Хуана,

каким образом такой замечательный человек мог быть опасным.

— Ты чертовски глуп! — сказал он, жестко взглянув на меня. — Конечно, сам он не сделает тебе ничего плохого. Но знание — это сила. И если человек встал на путь знания, то он больше не отвечает за то, что может случиться с теми, кто вступает с ним в контакт. Отправляться к Висенте тебе следовало только после того, как ты будешь знать достаточно, чтобы обезопасить себя. Обезопасить не от него, а от той силы, которая на него работает и которая, кстати, не принадлежит ни ему, ни кому-либо другому. Узнав, что ты — мой друг, и решив, что ты знаешь достаточно, чтобы защитить себя, он сделал тебе подарок. Ты явно ему понравился, и он сделал тебе великолепный подарок, на который ты наплевал. Какая жалость!

24 мая 1968

Весь день я надоедал дону Хуану, упрашивая рассказать о подарке дона Висенте. Я доказывал, что он должен учитывать разницу между нами — ведь то, что для него очевидно, мне может быть совершенно непонятным. В конце концов он уступил.

— Сколько растений он тебе дал?

Я сказал, что четыре, хотя в действительности точно не помнил. Тогда дон Хуан попросил меня как можно подробнее рассказать, что происходило после того, как я ушел от дона Висенте. — вплоть до момента, когда я остановился на шоссе. Но я почти ничего не помнил.

— Количество растений и порядок событий имеют огромное значение, — сказал он. — Откуда мне знать, что это был за подарок, если ты сам ничего не помнишь?

Я безуспешно пытался восстановить последовательность событий.

— Если бы ты вспомнил детали, я мог бы, по крайней мере, сказать тебе, каким образом ты упустил подарок. Дон Хуан был заметно взволнован и настойчиво пытался заставить меня вспомнить, но на этом месте в моей памяти был провал.

— Как ты думаешь, что именно я сделал неправильно, дон Хуан? — спросил я просто чтобы не молчать.

— Все.

— Но ведь я буквально следовал всем инструкциям дона Висенте!

— Ну и что? Неужели тебе не ясно, что это было бессмысленно?

— Почему?

— Потому что инструкции были даны тому, кто умеет видеть, а не идиоту, который только благодаря везению выпутался из этой истории живым. Ты отправился к Висенте неподготовленным. Он подарил тебе нечто, потому что ты ему понравился. Но этот подарок вполне мог стоить тебе жизни. — Но зачем же тогда он дал мне что-то столь серьезное? Если он маг, то должен был понять, что я ничего не знаю.

— Нет, он не мог этого увидеть. Ты выглядишь знающим, хотя в действительности знаешь очень мало.

Я мог бы поклясться, что ничего из себя не строил, по крайней мере, сознательно.

— Я не это имею в виду, — сказал он. — Если бы ты что-то из себя строил, Висенте увидел бы это. Когда я вижу тебя, то для меня ты выглядишь так, словно знаешь очень многое, хотя сам я уверен, что это не так.

— О каком знании ты говоришь, дон Хуан? Что именно я будто бы знаю?

— Секреты силы, конечно, знание брухо. Поэтому когда Висенте увидел тебя, он сделал тебе подарок, а ты поступил с этим подарком, как собака поступает с едой, когда у нее набито брюхо. Наевшись вдоволь, она мочится на пищу, чтобы ее не съели другие собаки. И теперь мы никогда не узнаем, что же это было на самом деле. Ты многое потерял. Какая жалость!

Он помолчал немного, пожал плечами и усмехнулся. — Жаловаться бесполезно, — сказал он. — Но от этого трудно отучиться. Подарки силы

встречаются в жизни крайне редко, они уникальны и драгоценны. Мне, например, никогда не делали таких подарков. Я знаю лишь очень немногих людей, которые получали нечто подобное. Стыдно разбрасываться столь уникальными вещами.

— Я тебя понял, дон Хуан, — сказал я. — Что я могу сделать, чтобы спасти подарок?

Он засмеялся и несколько раз повторил «спасти подарок».

— Звучит здорово, — сказал он. — Мне нравится. Но все же спасти твой подарок ничто не в силах.

25 мая 1968

Сегодня дон Хуан показывал мне, как собираются ловушки для мелкой дичи. Почти все утро мы срезали и очищали ветки. У меня в голове вертелось множество вопросов. Я пытался заговорить с ним во время работы, но он отшутился, сказав, что из нас двоих лишь мне одному под силу одновременно работать и руками и языком. Наконец мы присели отдохнуть, и я тут же выпалил вопрос:

— Дон Хуан, на что похоже видение?

— Чтобы это узнать, необходимо самому научиться видеть. Я не могу объяснить тебе.

— Это что — секрет, который ты мне пока не можешь раскрыть?

— Нет. Просто это нельзя описать словами.

— Почему?

— Ты не поймешь.

— А ты попробуй. Вдруг пойму?

— Нет. Ты должен сделать это самостоятельно. Научившись видеть, ты будешь

воспринимать мир по-другому.

— Так значит ты, дон Хуан, больше не воспринимаешь мир обычным способом?

— Я воспринимаю обоими способами. Если мне нужно смотреть на мир, я вижу его как обычный человек, как ты, например. Когда мне нужно видеть, я изменяю способ восприятия и вижу иначе.

— Вещи выглядят одинаковыми каждый раз, когда ты их видишь?

— Изменяются не вещи, а способ, которым ты их воспринимаешь. — Ты не понял. Возьмем, к примеру, дерево. Оно изменяется или остается одним и тем же каждый раз, когда ты его видишь?

— Изменяется, и в то же время остается таким же.

— Но если одно и то же дерево выглядит иначе всякий раз, когда ты его видишь, то не означает ли это, что все твое видение — сплошная иллюзия?

Улыбнувшись, он некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями. Наконец он сказал:

— Когда ты на что-нибудь смотришь, ты не видишь. Ты просто констатируешь наличие чего-то определенного. Поскольку тебя не интересует видение, вещи, на которые ты смотришь, каждый раз выглядят для тебя более или менее одинаковыми. Но когда ты видишь, вещи никогда не бывают одними и теми же, и в то же время это те же самые вещи. Например, я говорил тебе, что человек выглядит, как яйцо. Каждый раз, когда я вижу одного и того же человека, я вижу яйцо. Но это не то же самое яйцо.

— Да, но если вещи никогда не бывают одними и теми же, то они неузнаваемы. Какой тогда смысл учиться видению?

— Чтобы различать. Видение — это восприятие истинной сущности. Когда видишь, воспринимаешь то, что есть в действительности.

— Значит ли это, что я не воспринимаю то, что есть в действительности?

— Не воспринимаешь. Твои глаза приучены только смотреть. Вот, к примеру, те трое мексиканцев, которых ты встретил на дороге. Ты запомнил их очень хорошо, даже описал мне их одежду, но это лишний раз подтверждает, что ты их не видел. Если бы ты мог видеть, ты бы сразу понял, что это — не люди.

— Что значит не люди? А кто же тогда?

— Не люди и все.

— Но этого не может быть. Это были такие же люди, как мы с тобой.

— Нет. И я в этом абсолютно уверен. — Что призраки, духи или, может, души умерших? Он ответил, что не знает, кто такие призраки, духи и души. Я взял в машине Вэбстеровский словарь современного английского языка и перевел ему то, что там по этому поводу говорилось: «Призрак — предполагаемый бестелесный дух умершего человека. Считается, что П. является живым людям в виде бледного полупрозрачного видения».

И насчет духов:

«Дух — сверхъестественное существо..., под духами обычно понимаются призраки или подобного рода существа, обитающие в определенной местности и обладающие определенным (добрым или злым) характером».

Дон Хуан сказал, что тех троих можно было бы, пожалуй, назвать духами, хотя прочитанное мной определение не совсем им подходит.

— Может, это что-то типа хранителей? — спросил я.

— Хранителей? Нет, они ничего не хранят. — Тогда наблюдателей? Ну, которые наблюдают за нами и нас контролируют.

— Это просто силы, ни плохие, ни хорошие, просто силы, которых брухо стремится заставить работать на себя.

— Это союзники, дон Хуан?

— Да, это — союзники человека знания.

Впервые за восемь лет нашего знакомства дон Хуан вплотную подошел к тому, чтобы дать определение союзника. Я просил его об этом десятки раз. Обычно он игнорировал мой вопрос, говоря, что мне и без того отлично известно, что такое союзники, и что глупо спрашивать о том, что и так знаешь. Прямое заявление о природе союзников было чем-то новым, и я решил не упускать случая как следует разобраться в этом вопросе.

— Ты говорил, что союзники содержатся в растениях — в дурмане и в грибах, — сказал я.

— Ничего подобного я не говорил, — убежденно возразил он. — Ты всегда переиначиваешь мои слова на свой лад.

— Постой, но в своей книге я именно так и написал.

— Ты можешь писать все, что хочешь, только не надо мне рассказывать, что якобы я такое говорил. Я напомнил ему: когда-то он рассказывал мне о дурмане как о союзнике своего бенефактора и говорил, что его собственный союзник — это дымок, а несколько позже уточнил, что в каждом растении содержится союзник.

— Нет. Это неверно, — хмуро заявил он. — Дымок — действительно мой союзник, но это не означает, что союзник содержится в курительной смеси, грибах или трубке. Просто все это вместе позволяет мне до него добраться, а почему я называю его дымком — мое личное дело.

Дон Хуан сказал, что те трое, которых я встретил на шоссе, были союзниками дона Висенте.

Тогда я напомнил ему его слова о том, что в отличие от Мескалито, увидеть которого достаточно легко, увидеть союзника невозможно.

После этого мы долго спорили. Дон Хуан утверждал, что, говоря о невозможности видеть союзников, он имел в виду их способность принимать любую форму. Когда я возразил, что о Мескалито он говорил то же самое, он прервал дискуссию, заявив, что «видение», о котором говорит он — это не

обычное «смотрение», и что путаница возникает из-за моего стремления все облечь в слова.

Через несколько часов дон Хуан сам вернулся к теме союзников, хотя я молчал, чувствуя, что мои вопросы его раздражают. Он как раз показывал мне, как собирать ловушку для кроликов. Я держал длинную палку, согнув ее как можно больше, а он связывал ее концы прочной бечевкой. Палка была довольно тонкой, но чтобы удерживать ее в согнутом положении все равно требовались значительные усилия. Когда он, наконец, закончил, у меня дрожали руки, шея затекла и мышцы свело от напряжения.

Мы сели передохнуть, и дон Хуан сказал, что пришел к выводу, что мне ничего не удастся понять, если я как следует об этом не поговорю. Поэтому он не возражает против того, чтобы я задавал вопросы, и попытается рассказать мне о союзниках все, что сможет. — Союзник не содержится в дыме. Дым доставляет тебя к союзнику, а когда ты становишься с ним одним целым, тебе уже больше не нужно использовать дым. С этого момента ты можешь управлять своим союзником при помощи воли и заставлять его делать все, что тебе потребуется. Союзники не бывают ни плохими, ни хорошими, это просто силы, которыми маги пользуются по своему усмотрению. Дымок нравится мне за верность и честность и еще за то, что не требует от меня слишком многого.

— Какими ты воспринимаешь союзников, дон Хуан? Для меня они выглядели обыкновенными людьми, по крайней мере, так я их воспринял. Как бы они выглядели для тебя?

— Как обыкновенные люди.

— Но как же тогда их отличить от настоящих людей?

— Люди, когда их видишь, имеют форму светящихся яиц. Союзник в образе человека всегда имеет форму человеческого тела. Именно это я имел в виду, когда говорил, что союзника невозможно увидеть. Союзников невозможно увидеть потому, что они всегда принимают чью-то форму — собак, койотов, птиц, даже перекати-поля. Разница в том, что когда их видишь, они сохраняют форму того, чем прикидываются. Понимаешь? Каждое существо и каждый предмет имеет свойственную ему специфическую форму когда его видишь. Человек, например — форму светящегося яйца, другие существа — какие-то

свои формы. Только союзники, — и когда их воспринимаешь в обычном режиме, и когда их видишь, — сохраняют одну и ту же форму, которую копируют. Эта форма достаточно совершенна, чтобы обмануть глаза. Я имею в виду глаза человека. Собаку или, скажем, ворону не проведешь.

— Получается, что они нас попросту дурачат. Но зачем?

— Я думаю, мы сами себя одурачиваем. Союзник всего лишь принимает форму чего-то, что есть в окружающем нас мире, а мы, в свою очередь, принимаем его за то, чем он не является. Разве он виноват в том, что мы не умеем видеть, а способны только смотреть на поверхность вещей?

— Мне непонятно их назначение, дон Хуан. Что союзники делают в мире?

— А что люди делают в мире? Я, например, не знаю. Мы существуем и все. Союзники — тоже существуют. Вполне возможно, что они были здесь и до нас.

— А что значит «до нас», дон Хуан?

— Люди не всегда были здесь. — Где это здесь — в этой стране или в этом мире?

Завязалась длинная дискуссия по этому поводу. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир — та земля, по которой он ходит. Я спросил, откуда он знает, что мы не всегда присутствовали в этом мире.

— Очень просто, — сказал он. — Люди знают о мире слишком мало. Койоты знают намного больше. Видимость вещей никогда не вводит их в заблуждение.

— Хорошо, а как же тогда людям удается их ловить и убивать? — спросил я. — Если их не вводит в заблуждение видимость, почему они так легко умирают?

Дон Хуан молча смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал смущение.

— Мы можем поймать, отравить или пристрелить койота, — сказал он, — Как бы мы ни убили его, он будет легкой добычей, потому что не знаком с нашими хитростями. Но если койот останется жив, можешь быть уверен, что он так

просто уже не попадется. Хороший охотник это знает и никогда не ставит свои ловушки дважды на одном месте. Если койот погиб в капкане, то другие койоты видят его смерть, которая всегда бродит поблизости, и обходят капкан, а возможно и всю эту местность, десятой дорогой. Люди не видят смерти своих собратьев, которая остается там, где они умерли. Человек может что-то смутно чувствовать, однако не видит.

— Койоты видят союзников?

— Конечно.

— А как они выглядят для койотов?

— Чтобы это знать, мне нужно было бы побыть койотом. Но я могу сказать, как выглядят союзники для ворон — нечто вроде колпака, широкое и круглое внизу и острое вверху. Некоторые светятся, но в большинстве случаев они очень тусклые и выглядят тяжелыми. Как мокрая тряпка. Неприятное зрелище.

— А какими видишь их ты, дон Хуан?

— Я же говорил — они сохраняют форму того, чем прикидываются. А принимать они могут любые формы каких угодно размеров — от булыжника до горы.

— Они говорят, смеются, издают какие-то звуки? — Среди людей они ведут себя как люди, среди животных — как животные. Животные обычно их боятся. Однако если они привыкают к союзнику, то реагируют довольно спокойно. Люди поступают примерно так же. Ведь среди нас — масса союзников, но мы можем только смотреть, и потому просто не замечаем их.

— Ты хочешь сказать, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, не являются людьми? — в замешательстве спросил я.

— Некоторые не являются, — выразительно ответил он. Его заявление показалось мне полнейшим абсурдом, и в то же время я не мог допустить, что он сделал его только ради эффекта. Я сказал, что это похоже на научно-фантастические истории о пришельцах с других планет. Он заявил,

что его мало волнует, на что это похоже, но в уличной толпе иногда попадаются союзники в человеческом облике.

— Почему ты считаешь, что все в толпе обязательно должны быть людьми? — спросил он очень серьезным тоном.

Я не мог объяснить этого ничем иным, кроме привычки, основанной на вере.

Он сказал, что ему очень нравится разглядывать толпу и видеть ее как скопление яйцеобразных существ. Но иногда среди множества светящихся яиц нет-нет да промелькнет фигура в форме человеческого тела.

— Весьма занятно, во всяком случае для меня, — со смехом сказал он. — Мне нравится сидеть в парках или на автостанциях и наблюдать. Иногда сразу же замечаешь союзника, иногда их нет, и повсюду только настоящие люди. Однажды я даже видел двух союзников сразу. Они сидели рядышком в автобусе. Но это был единственный такой случай.

— Этот случай имел для тебя какое-то особое значение? — спросил я. — Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий маг иногда может извлечь силу. Даже если у брухо нет «своего» союзника, он может управлять силой, если умеет видеть. Для этого он должен следить за действиями союзников. Задолго до того, как я обзавелся своим, мой бенефактор научил меня извлекать силу из действий других союзников. Я разглядывал толпы людей и каждый раз, когда видел союзника, тот меня чему-нибудь учил. Ты встретился сразу с тремя. Какой великолепный урок ты упустил!

Он замолчал и не говорил больше ничего до тех пор, пока мы не закончили собирать ловушку. Потом он повернулся ко мне и неожиданно, как бы вспомнив, сказал, что, если встречаешь двух союзников вместе, то они обычно относятся к одному типу и имитируют существ одного пола. В его случае оба были мужчинами. Я встретил двух мужчин и женщину, так что мой случай был вообще из ряда вон выходящим.

Я спросил, могут ли они копировать детей, и если могут, то какого пола; могут ли они принимать формы людей разных рас или, скажем, семьи из трех человек — мамы, папы и ребенка. И, наконец, я спросил, не видел ли он

союзника за рулем автомобиля или автобуса.

Дон Хуан молча слушал мою болтовню, но в ответ на последний вопрос весело рассмеялся. Он сказал, что я неточно формулирую вопросы. Надо было спросить, не видел ли он когда-нибудь союзника за рулем транспортного средства.

— Разве мотоциклы тебя не интересуют? — ехидно прищурившись, спросил он.

Его насмешка была добродушной, и я засмеялся вместе с ним.

Затем он объяснил, что союзники не в состоянии ни на что воздействовать и ничем управлять непосредственно, однако могут действовать косвенно, влияя на людей. Соприкасаться с союзниками опасно, потому что они способны вывести на поверхность все худшее в человеке. Путь ученичества так долог и тернист, потому что прежде чем входить в контакт с этими силами, человек должен исключить из своей жизни все лишнее, все, что не является жизненно необходимым, иначе ему не выдержать столкновения с ними. Дон Хуан сказал, что союзник при первой встрече заставил его бенефактора сильно обжечься, причем шрамы остались такие, словно тот побывал в лапах у горного льва. Самого дона Хуана союзник загнал в тлеющий костер, и он обжег себе колено и спину возле лопатки. Но после того, как он стал одним целым с союзником, шрамы постепенно исчезли.

Глава 3

10 июня 1968 года мы с доном Хуаном отправились на митоту. Ехать нужно было довольно далеко.

Я ждал этой возможности не первый месяц, но уверенности в том, что я хочу ехать, у меня все же не было. Я опасался, что на пейотном собрании мне

придется принимать пейот, а это никак не входило в мои планы, о чем я не раз говорил дону Хуану. Поначалу он только посмеивался, но в конце концов твердо заявил, что ни о каких страхах слышать больше не желает. Я считал, что митота была идеальным случаем для проверки составленной мною схемы. Я так полностью и не отбросил идею о наличии на подобных мероприятиях скрытого лидера, функцией которого было приведение участников к некоторому общему соглашению. Мне казалось, что дон Хуан раскритиковал ее из каких-то своих соображений, считая более целесообразным объяснять все с точки зрения видения. Поэтому я думал, что мои попытки найти объяснение с собственных позиций просто не соответствовали его намерениям, что он ждал от меня чего-то другого. Отсюда и критика, которой он подверг мой рационализм. Для него это было достаточно характерно — он всегда отбрасывал то, что не укладывалось в его систему.

Лишь перед самым отъездом дон Хуан сказал, что берет меня на митоту в качестве наблюдателя, так что принимать пейот мне не потребуется. Я успокоился и даже ощутил некоторый подъем. Я был почти уверен, что на этот раз мне удастся раскрыть процедуру, при помощи которой участники митоты приходят к соглашению.

Мы выехали вечером, когда солнце уже клонилось к горизонту. Я чувствовал его лучи сбоку на затылке и жалел, что на заднем стекле моей машины нет жалюзи. Машина взобралась на вершину высокого холма. Дорога черной лентой стелилась по земле, волнами распластываясь посреди безлюдной огромной холмистой равнины, залитой золотом предзакатного солнца. Какое-то мгновение я смотрел, как она тянется строго на юг и возле самого горизонта скрывается за цепью невысоких гор. Потом мы начали спускаться.

Дон Хуан смотрел вперед и молчал. Мы ехали уже довольно долго, не произнося ни слова. В машине было очень жарко. Я опустил все стекла, но это не спасало, так как день был исключительно знойным. Меня это раздражало, и я высказался по поводу жары.

Дон Хуан нахмурился и насмешливо взглянул на меня.

— Во всей Мексике в это время жарко, сказал он. — Тут уж ничего не поделаешь. Я не смотрел на него, но знал, что он меня разглядывает. Набирая скорость, машина катилась вниз по склону. Краем глаза я заметил

мелькнувший знак «vado» — «выбоина». Когда показалась сама выбоина, скорость была слишком большой и, хотя я успел немного притормозить, нас основательно тряхнуло. Я заметно сбавил скорость — в этих краях домашний скот свободно разгуливает и пасется у дороги, и скелет сбитой машиной коровы или лошади — явление довольно частое. Один раз даже пришлось остановиться, чтобы пропустить нескольких лошадей, переходивших шоссе. Мое раздражение все нарастало. Я сказал дону Хуану, что всему виной проклятая жара. С детства я обостренно реагировал на духоту — в жаркие дни мне буквально нечем было дышать.

— Но ты уже не маленький, — сказал он.

— Но жара остается жарой, и мне по-прежнему душно.

— Знаешь, когда я был ребенком, меня постоянно душил голод, — произнес он мягко. — Я не знал ничего, кроме постоянного жуткого чувства голода. Когда мне удавалось поесть, я набивал брюхо так, что не мог дышать. Но это было тогда. Теперь я уже не способен ни задыхаться от голода, ни обжираться как головастик. Мне нечего было сказать. Спорить было бессмысленно, потому что еще немного — и мне пришлось бы отстаивать совершенно нелепую точку зрения. Да и жара была не настолько страшной. На самом деле меня больше беспокоила перспектива тысячу километров без отдыха просидеть за рулем. Мысль о предстоящей усталости действовала на нервы.

— Давай остановимся и что-нибудь съедим, — сказал я. — Тем временем солнце зайдет; и будет уже не так жарко.

Дон Хуан с улыбкой посмотрел на меня и сказал, что на расстоянии нескольких сотен миль нет ни одного приличного городка, а я, насколько он понял, предпочитаю не питаться в придорожных забегаловках.

— Тебя что, уже не пугает дизентерия? — спросил он.

Я знал, что он издевается, хотя его тон и выражение лица не выдавали ничего, кроме искреннего любопытства. — На тебя поглядеть, — сказал он, — так дизентерия просто рыщет вокруг, подкарауливая, когда же, наконец, ты выйдешь из машины. Вот тут-то она и совершит свой коварный прыжок. Да, нечего сказать, плохи твои дела — если и улизнешь от жары, то непременно

попадешь в лапы дизентерии.

Дон Хуан сказал это таким серьезным тоном, что я не выдержал и засмеялся. После этого мы долго ехали молча. К стоянке трейлеров Лос Виридос мы подъезжали уже в темноте. Мы остановились у двери кафе, и дон Хуан крикнул из машины:

— Эй, что у вас там сегодня на ужин?

— Свинина, — откликнулся женский голос.

— Надеюсь, что свинья попала под машину сегодня, иначе тебе несдобровать, — смеясь сказал мне дон Хуан.

Мы вылезли из машины. Дорога в этом месте была зажата между двумя цепями низких скалистых гор, напоминавших застывшую лаву, выброшенную каким-то гигантским вулканом. Черные зубчатые пики угрожающе вздымались в темноте и на фоне неба были похожи на стену стеклянных осколков. За ужином я сказал дону Хуану, что понял, почему это место называется Лос Виридос — «Стекла». Совершенно очевидно, что оно обязано этим названием остроконечным скалам, похожим на осколки стекла.

Дон Хуан убежденно сказал, что место назвали Лос Виридос потому, что здесь когда-то перевернулся грузовик со стеклом, осколки которого много лет валялись потом вдоль дороги.

— Что, серьезно? — спросил я, чувствуя, что он шутит.

— Почему бы тебе не спросить кого-нибудь из местных? — сказал дон Хуан.

Я спросил человека, который сидел за соседним столиком. Он извиняющимся тоном сказал, что не знает. Я прошел на кухню и спросил у женщин, которые там работали. Никто из них не знал. Стекла, и все. Просто так называется.

— Думаю, что я прав, — сказал дон Хуан. — Мексиканцы не одарены способностью замечать вещи вокруг себя. «Стеклянные» горы — это не для них. Зато вполне в их стиле оставить гору битого стекла валяться у дороги и не убирать его в течение нескольких лет.

Мы оба рассмеялись, потому что все это было действительно забавно.

После еды дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, что нормально, хотя на самом деле мне было немного не по себе. Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я понял, что он что-то заметил.

— Собираясь в Мексику, тебе следовало распрощаться со всеми своими страхами, к которым ты так неравнодушен, — очень жестко сказал он. — Твое решение должно было уничтожить их. Ты приехал, потому что хотел приехать. Так поступают на пути воина. Я много раз тебе говорил: быть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и размышления. Впереди — еще миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина.

— Да я вроде так и делаю, дон Хуан, во всяком случае время от времени. Все-таки трудно следить за собой непрерывно.

— Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти.

— Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть — это что-то неясное и далекое. Мы никогда всерьез не думаем о ней.

— Почему?

— А зачем?

— Зачем? Потому что идея смерти — единственное, что способно закалить наш дух.

Когда мы покидали Лос Виридос, было уже настолько темно, что зубчатые силуэты гор полностью растворились в небе. Больше часа мы ехали молча. Я устал. Говорить не хотелось, да и разговаривать было в общем-то не о чем. За все это время только несколько машин проехало по пустынной дороге нам навстречу. Казалось, что на юг по этому ночному шоссе, кроме нас, не ехал никто. Это было странно, и время от времени я поглядывал на зеркало

заднего обзора, надеясь увидеть в нем хотя бы одну машину. Однако трасса позади нас была совершенно пустынной.

Спустя некоторое время я оставил это занятие и вернулся к размышлениям о перспективах нашей поездки. Вдруг я заметил, что свет моих фар стал каким-то слишком ярким на фоне окружающей тьмы. Я взглянул в зеркало и увидел яркое сияние. Затем словно из-под земли вырвались два снопа света. Это были фары машины на вершине холма позади нас. Некоторое время они были видны, а затем исчезли в темноте, будто их выключили. Через секунду они появились на другом бугре и снова исчезли. Так они то появлялись, то исчезали, а я следил за ними почти неотрывно, и это продолжалось довольно долго. В какой-то миг мне стало ясно, что та машина позади догоняет нас. Огни стали больше и ярче. Я до упора выжал педаль газа. Мне почему-то было не по себе. Дон Хуан, казалось, заметил мою озабоченность, а может, его внимание привлекло то, что я увеличил скорость. Он взглянул на меня, потом повернулся и посмотрел на фары позади нас.

Он спросил, все ли со мной в порядке. Я ответил, что на протяжении несколько часов позади не было ни одной машины, а потом я неожиданно заметил свет фар машины, которая, похоже, все время нас догоняет. Дон Хуан кивнул и спросил:

— А ты уверен, что нас догоняет машина?

— Разумеется.

Дон Хуан сказал, что по моему тону и моему озабоченному виду он понял, что я чувствую — нас догоняет не просто машина. Я настаивал на том, что ничего такого не чувствую, а догоняет нас просто машина или трейлер.

— Ну что это еще может быть? — нервно спросил я.

Его намеки вывели меня из себя.

Он повернулся и посмотрел прямо не меня, потом медленно кивнул, как бы взвешивая то, что собирался сказать.

— Это огни на голове смерти, — сказал он мягко. — Она надевает их

наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. То, что ты видишь позади — это огни на голове смерти, которые она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе.

У меня по спине пробежал озноб. Какое-то время я не смотрел назад, а когда снова взглянул в зеркало, огней нигде не было видно.

Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула в сторону. Он не глянул назад, а лишь потянулся и зевнул.

— Нет. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

13 июня мы добрались до северо-восточной Мексики. Две очень похожие друг на друга старые индеанки, видимо, сестры, и четыре девушки стояли у двери небольшого дома. За домом виднелась какая-то хибара и разрушенный коровник, от которого осталась только одна стена и часть крыши. Женщины явно нас поджидали. Наверное, они заметили хвост пыли, тянувшийся за моей машиной. К дому от шоссе вела грунтовая дорога, на которую мы съехали за несколько миль от него. Дом стоял в глубокой долине, и от двери шоссе казалось длинным рубцом, прорезавшим склон зеленого холма. Дон Хуан вышел из машины и немного поговорил с женщинами. Они указали ему на деревянные табуретки, стоявшие у двери. Дон Хуан подозвал меня, и мы сели. Одна из старух осталась с нами, все остальные вошли в дом. Две девушки остались стоять в дверях, с любопытством изучая меня. Я помахал им, они захихикали и убежали в дом. Через несколько минут из дома вышли два молодых человека и поздоровались с доном Хуаном. Со мной они не говорили и даже не взглянули в мою сторону. Они немного посовещались о чем-то с доном Хуаном, потом он поднялся, и все мы, включая женщин, отправились к другому дому, до которого было примерно полмили. Там было еще несколько человек. Дон Хуан вошел внутрь, велев мне оставаться на улице. Я заглянул в дом и увидел сидящего на табуретке старика-индейца, примерно такого же возраста, как дон Хуан.

Было не очень темно. Перед домом стоял старый грузовик, вокруг него расположилась группа молодых индейцев — мужчин и женщин. Я обратился к ним по-испански, но они явно не намерены были со мной общаться. Женщины

хихикали после каждого моего слова, а мужчины вежливо улыбались и отводили глаза. Они делали вид, что не понимают меня, но я был уверен, что испанский они знают, — я слышал, как они говорили между собой на этом языке.

Через некоторое время дон Хуан и второй старик вышли из дома, подошли к грузовику и сели в кабину рядом с водителем. Это послужило сигналом, по которому все остальные забрались на платформу, заменявшую грузовику кузов. Платформа была без ограждения, и когда грузовик тронулся, все вцепились в длинную веревку, привязанную к каким-то крючкам на раме.

Грузовик медленно тащился по грунтовой дороге. В одном месте, где она слишком круто поднималась по склону холма, все спрыгнули и пошли за грузовиком. Два парня снова запрыгнули на платформу и сели с краю, не держась за веревку. Женщины смеялись и подзадоривали их. Дон Хуан и старик, которого все называли Сильвио, шли рядом и не обращали на молодежь никакого внимания. Когда дорога снова вышла на ровное место, все забрались обратно. Мы ехали около часа. Поверхность платформы была очень твердой и неудобной, поэтому я поднялся и всю дорогу ехал стоя, держась за крышу кабины. Наконец, машина остановилась возле группы строений. Там были еще какие-то люди, но уже совсем стемнело, и в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы, висевшей над дверью одного из домов, я видел только трех-четырех человек.

Все слезли с платформы и разошлись по домам, но мне дон Хуан снова велел оставаться снаружи. Я стоял, облокотившись о крыло грузовика. Через пару минут подошли три молодых человека. С одним из них я был знаком — мы встречались, когда я был на митоте в прошлый раз. Он поздоровался со мной, пожав мои запястья, и прошептал по-испански:

— Ты молодец.

Мы тихо стояли возле грузовика. Было тепло. Мягко шелестел ночной ветер. Мой знакомый спросил, нет ли у меня сигарет. Я вытащил пачку, и все закурили. Присветив сигаретой, я посмотрел на часы: девять.

Вскоре из дома вышло несколько человек, и молодые люди, стоявшие рядом со мной у грузовика, ушли. Подошел дон Хуан и сказал, что объяснил

собравшимся цель моего приезда, и что его объяснение всех устроило. Меня пригласили участвовать в митоте в качестве хранителя воды. Дон Хуан сказал, что отправляться нужно прямо сейчас.

Группа из десяти женщин и одиннадцати мужчин вышла из дома. Впереди шел крепкий мужчина лет сорока пяти. Его называли «Мочо» — прозвище, которое переводится как «резаный». Он двигался быстрым уверенным шагом. У него была керосиновая лампа, которой он время от времени помахивал из стороны в сторону. Сначала я думал, что эти движения получаются у него случайно, однако через некоторое время понял, что так он указывает идущим сзади на препятствия и трудные участки дороги. Мы шли больше часа. Женщины болтали и время от времени негромко смеялись. Дон Хуан и второй старик шли где-то впереди, а я плелся в самом хвосте, уставившись в землю и каждый раз тщетно пытаясь разглядеть, куда лучше поставить ногу. Прошло уже четыре года с тех пор, как мы с доном Хуаном ночью ходили в горах, я потерял форму и все время спотыкался. Из-под ног у меня летели камни, колени не гнулись, а когда я наступал на бугорок, то казалось, что дорога прыгает на меня, а если под ногу попадалась выбоина, то чувство было таким, словно дорога предательски ныряет в какую-то пропасть. Я производил шума больше, чем любой из остальных, и поневоле сделался шутом. Каждый раз, когда я спотыкался, кто-то говорил «ух», и все смеялись. Когда в очередной раз я пнул камень и он угодил в пятку шедшей впереди женщине, она, к всеобщему удовольствию, громко сказала:

— Дайте бедняжке свечку!

Но и это было еще не все. Окончательно я опозорился немного погодя, когда, споткнувшись, начал падать и инстинктивно ухватился за кого-то впереди. Я повис на нем всем своим весом, и он тоже чуть не упал, издевательски заорав при этом не своим голосом. Все хохотали так, что пришлось остановиться.

Ведущий взмахнул фонарем вверх-вниз. Это означало, что мы пришли. Неподалеку справа маячил темный силуэт какого-то дома. Все разбрелись по сторонам. Я поискал дона Хуана. В темноте это было не так-то просто. Я шумно слонялся из стороны в сторону, пока не наткнулся на него. Он сидел на камне.

Дон Хуан еще раз напомнил мне, что моей задачей будет подавать воду

участникам митоты. Несколько лет назад он учил меня, как это делается. Я все прекрасно помнил до мельчайших подробностей, но он настоял на том, чтобы я освежил процедуру в памяти, и еще раз показал мне как и что я должен делать.

Потом мы направились за дом, где собрались все мужчины. Там уже горел костер. Метрах в пяти от огня на чистой ровной площадке была сделана подстилка из соломенных циновок. Мочо — наш проводник — первым сел на подстилку. Я обратил внимание на то, что верхушка левого уха у него отсутствует. Видимо, этому он был обязан своим прозвищем. Дон Сильвио сел справа от него, дон Хуан — слева. Мочо сидел лицом к огню. Подошел молодой человек и поставил перед ним плоскую корзинку с пейотными бутонами, а сам сел между ним и доном Сильвио. Другой молодой человек принес еще две плоские корзинки и поставил их рядом с первой, а сам сел между Мочо и доном Хуаном. Еще два молодых человека сели между доном Сильвио и доном Хуаном, замкнув круг из семи человек. Все женщины оставались в доме. Два парня должны были всю ночь поддерживать огонь, а мальчик-подросток и я — следить за водой, которую нужно было дать участникам после окончания ритуала, который должен был длиться всю ночь. Мы с мальчиком сели возле камня. Огонь и сосуд с водой находились напротив друг друга на равном расстоянии от круга участников.

Мочо — ведущий — пропел свою пейотную песню, глаза его были закрыты, тело покачивалось. Песня была очень длинной. Языка я не понимал. Затем все по очереди пропели свои пейотные песни. Я не заметил, чтобы они следовали какому-то заранее установленному порядку. Было совершенно очевидно, что каждый поет тогда, когда чувствует, что пришла его очередь. Затем Мочо взял корзинку, вынул два пейотных бутона и поставил ее на место. Дон Сильвио, а за ним дон Хуан сделали то же самое. Потом по два бутона взяли четверо молодых людей. У меня сложилось впечатление, что они вчетвером составляли как бы отдельную группу. Пейотные бутоны они тоже брали по очереди, против часовой стрелки.

Съев бутоны, все еще раз пропели свои пейотные песни и снова съели по два бутона. В общей сложности вся процедура повторилась четыре раза. Потом они пустили по кругу две другие корзинки, в которых были сушеные фрукты и мясо.

Весь этот цикл повторился в течение ночи еще несколько раз, но никакой системы в действиях каждого из них я не обнаружил. Они не разговаривали, более того, каждый был как бы наедине с собой. Я не заметил, чтобы хоть один из них обращал внимание на то, что делают остальные. Перед рассветом они встали, и мы с мальчиком дали им воды. Потом я пошел прогуляться и осмотреть местность. Дом оказался низкой саманной хижиной с крышей из хвороста. Пейзаж был довольно угнетающим — суровая равнина, поросшая кустами и кактусами. Деревьев не было вообще. Мне совершенно не хотелось бродить по округе.

Утром женщины ушли. Мужчины молча слонялись возле дома. Примерно в полдень все снова заняли свои места, и по кругу пошла корзинка с сушеным мясом, разрезанным на кусочки такого же размера, как бутоны пейота. Некоторые из мужчин пели свои пейотные песни. Примерно через час все встали и опять разбрелись в разные стороны.

Уходя, женщины оставили горшок каши для тех, кто следит за огнем и водой. Я немного поел и улегся спать.

Когда стемнело, мужчины, отвечавшие за огонь, разожгли костер, и начался новый цикл приема пейотных бутонов. В общих чертах в эту ночь все происходило в том же порядке, что и в предыдущую, и закончилось на рассвете.

В течение всей ночи я внимательно наблюдал за происходящим и тщательно записывал каждое движение каждого из семи участников в надежде наткнуться хоть на что-то, указывающее на существование вербальной или невербальной системы обмена информацией, но не заметил даже намека на подобное.

Вечером следующего дня все началось сначала. К утру я был уверен, что моя попытка обнаружить какие-то ключи окончилась полнейшим провалом. Никакого скрытого лидера, никакого обмена информацией, никакой системы соглашения. Весь день я провел в одиночестве, разбирая свои записи.

Когда вечером все собрались на четвертый цикл принятия пейоте, я вдруг понял, что эта ночь — последняя. Никто мне об этом не говорил, но каким-то образом я знал, что на следующий день все разъедутся. Я занял свое место

возле воды. Остальные тоже расположились в прежнем порядке.

Поведение семерых участников, сидевших кружком на подстилке, было в точности таким же, как раньше. Как и в предыдущие ночи, я был полностью поглощен наблюдением за их действиями. Мне хотелось записать каждое движение, каждый звук, каждый жест.

В какой-то момент я услышал гудение, похожее на обыкновенный звон в ушах, и поначалу я не обратил на него особого внимания. Он усилился, все же не выходя за пределы обычных телесных ощущений. Я помню, что внимание как бы разделилось между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который слышал. Это был переломный момент. Лица людей вдруг стали ярче, как будто включили свет. В то же время это не было похоже ни на электрический свет, ни на свет керосиновой лампы или вспыхнувшего костра. То, что я видел, скорее напоминало люминесценцию, розовое свечение, очень размытое, но, тем не менее, заметное с того места, где я сидел. Звон в ушах, казалось, усиливался. Я взглянул на паренька, который был рядом со мной, но тот спал. К тому времени розовое свечение стало еще заметней. Я посмотрел на дона Хуана. Он сидел с закрытыми глазами. Мочо и дон Сильвио — тоже. Глаза молодых людей мне не были видны, потому что двое из них наклонились вперед, а двое сидели ко мне спиной.

Я еще глубже ушел в наблюдение, все еще не осознавая, что действительно слышу звон и вижу розовое свечение вокруг людей. Через минуту, однако, до меня дошло, что явления эти очень устойчивы. На мгновение я пришел в сильное замешательство, а потом вдруг возникла мысль, не имевшая ничего общего ни с происходящим, ни с целью моего приезда сюда. Я вспомнил слова, услышанные мною в детстве от матери. Воспоминание немного отвлекло меня, так как было совершенно неуместным, я попытался отбросить его и вновь сосредоточиться на наблюдении, но безуспешно. Мысль-воспоминание упорно возвращалась, становясь все более ярко выраженной. Она требовала от меня все большего внимания, и я вдруг ясно услышал голос матери, она звала меня. Послышалось шлепанье ее тапочек и смех. Я оглянулся, думая, что это какой-то мираж или галлюцинация и что сейчас я перенесусь во времени и пространстве и увижу мать. Но увидел только мальчика, мирно спящего рядом. Это встряхнуло меня и на какое-то мгновение отрезвило.

Я взглянул на мужчин. Они неподвижно сидели в прежних позах. Однако свечения уже не было. Отсутствовал и звон в ушах. Я облегченно вздохнул, решив, что галлюцинация с голосом моей матери закончилась. Ее голос был таким ясным и живым, что я чуть было не попался на него. Я мельком заметил, что дон Хуан смотрит на меня, но это не имело значения.

Я находился под гипнозом воспоминания о голосе зовущей меня матери и отчаянно пытался думать о чем-то другом. И вдруг снова раздался ее голос. Казалось, она стоит у меня за спиной. Она звала меня по имени. Я резко обернулся, но увидел только темный силуэт хижины и смутные пятна кустарника.

Звук моего имени полностью вывел меня из равновесия. Я невольно застонал. Мне стало очень холодно и одиноко. Я заплакал. Внезапно так захотелось, чтобы рядом был хоть кто-нибудь, кому я небезразличен. Я повернул голову, чтобы взглянуть на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я не желал его видеть и закрыл глаза. Тогда мне явилась мать. Я не думал о ней как обычно — я отчетливо ее видел. Она стояла рядом. Я задрожал. Меня захлестнула волна отчаяния, хотелось убежать, исчезнуть. Видение матери болезненно не вязалось с тем, что я искал здесь, на этом пейотном собрании. Несоответствие было кошмарным, и не было никакой возможности сознательно от этого избавиться. Наверно, если бы мне действительно хотелось рассеять видение, то я бы открыл глаза, но почему-то продолжал внимательно его разглядывать, причем с особой тщательностью и скрупулезностью. Меня охватило необъяснимое чувство. Оно было очень странным и действительно охватывало меня, словно какая-то внешняя сила. Я вдруг почувствовал на себе ужасающую тяжесть материнской любви. Звуком своего имени я был вырван из реальности, воспоминание о матери захлестнуло меня грустью и болью, но разглядывая ее, я вдруг понял, что никогда ее не любил. Никогда. Осознание этого меня потрясло. На меня вдруг обрушилась лавина мыслей и образов. Тем временем видение матери исчезло — оно больше не имело значения. И меня совершенно не интересовало, чем занимаются эти индейцы — я попросту забыл о митоте, погрузившись в поток необычных мыслей. Необычных потому, что это были, в общем-то, даже не мысли, а нечто большее — некие завершенные и целостные, эмоционально определенные и бесспорные в своей очевидности откровения относительно истинной природы моих взаимоотношений с матерью.

Неожиданно поток прервался. Мысли утратили текучесть и потеряли свойство целостного переживания. Я начал думать о чем-то другом, бессвязно и неопределенно, что-то о других членах семьи, но уже без видений. Открыв глаза, я посмотрел на дона Хуана. Он стоял. Остальные — тоже. Они направились к воде. Я подвинулся и толкнул паренька, который все еще спал.

Как только мы сели в машину, я рассказал дону Хуану о своих поразительных видениях. Удовлетворенно засмеявшись, он сказал, что эти видения — знак, такой же важный, как и моя первая встреча с Мескалито. Я вспомнил, как дон Хуан объяснял происходившее со мной, когда я впервые принимал пейот. Тогда он посчитал это указанием на необходимость обучения меня своему знанию. Дон Хуан сказал, что в последнюю ночь митоты Мескалито указал на меня, причем настолько явно и с такой силой, что все вынуждены были повернуться в мою сторону. Поэтому они и смотрели на меня, когда я открыл глаза.

Я спросил его о своих нынешних видениях, но он сказал, что все это ерунда по сравнению со знаком.

Дон Хуан продолжал говорить о свете Мескалито, снизошедшем на меня, и о том, как это видели остальные.

— Это было что-то! — восхищенно произнес он. — Невозможно желать лучшего указания.

Наши мысли явно текли в разных направлениях. Его занимали явления, которые он считал знаком, меня — интерпретация деталей моих видений.

— Да не волнуют меня твои знаки! — сказал я. — Мне важно знать, что случилось со мной.

Дона Хуана, казалось, огорчили мои слова. Нахмурившись, он некоторое время сидел молча и неподвижно. Потом он сказал, что единственно важной была благосклонность ко мне Мескалито, который накрыл меня светом своей силы и преподнес мне урок, хотя я ничего для этого не сделал, а всего лишь находился рядом.

Глава 4

4 сентября 1968 года я вновь отправился в Сонору. По просьбе дона Хуана я остановился в Эрмосильо и купил ему агавовой самогонки — разновидности текилы, которую в Мексике называют «баканора». Просьба показалась мне странной, потому что дон Хуан не пил, тем не менее я купил четыре бутылки и сунул их в ящик к другим вещам, которые вез для него.

— Четыре бутылки. Ну ты даешь! — со смехом сказал дон Хуан, заглянув в ящик. — Я же просил одну. Ты решил, наверное, что это — для меня. Но я имел в виду Лусио. Отдай ему ее сам, ладно? Не говори, что от меня.

Лусио был внуком дона Хуана. Я познакомился с ним года два назад. Тогда ему было двадцать восемь. Он был высокого роста, где-то метр девяносто, и всегда не по средствам хорошо одет, чем выделялся среди окружающих. Большинство индейцев яки носят штаны цвета хаки или джинсы, соломенные шляпы и самодельные сандалии — «гуарачос». Лусио же обычно носил дорогой кожаный пиджак с черепаховыми пуговицами, шляпу «стетсон» и ковбойские сапожки, разукрашенные монограммами и ручной вышивкой.

Лусио был очень доволен подарком. Он сразу же унес бутылки в дом, видимо, собираясь их спрятать. Дон Хуан по этому поводу сказал, что не стоит прятать спиртное и пить потом в одиночку. На это Лусио ответил, что вовсе не собирался этого делать, а просто положил бутылки в надежное место — пусть полежат, пока он не пригласит друзей и не выпьет вместе с ними.

Вечером того же дня я снова приехал к дому Лусио. Было темно, и я едва разглядел под деревом два смутных силуэта. Это были Лусио и один из его приятелей. Они поджидали меня и проводили в дом, присвечивая карманным фонариком. Дом Лусио был неуклюжим саманным строением с двумя комнатами и земляным полом. Плоскую, как у всех домов индейцев яки, соломенную крышу поддерживали две довольно тонкие на вид балки из мескитового дерева. Дом был около семи метров длиной. Вдоль всего фасада

тянулась «рамада» — типичное для домов яки сооружение, что-то типа навеса с крышей из неплотно уложенных прутьев и сухих веток. Рамаду никогда не кроют соломой, чтобы крыша не препятствовала свободному доступу воздуха. В то же время кровля из прутьев дает достаточно тени.

На пороге я тихонько включил магнитофон, который лежал в портфеле. Лусио представил меня приятелям. Всего в доме было восемь человек, включая дона Хуана. Они сидели кто на чем вдоль стен передней комнаты, под потолком которой к балке была прицеплена бензиновая лампа, заливавшая все ярким резким светом. Дон Хуан сидел на ящике. Я устроился прямо напротив него на краю скамейки из длинной балки, приколоченной гвоздями к двум вкопанным в пол чурбанам. Шляпа дона Хуана лежала на полу рядом с ящиком. Свет бензиновой лампы придавал его седым волосам жемчужно-белый оттенок и делал лицо темнее и старше, резко очерчивая и без того глубокие морщины на лбу и шее.

Я посмотрел на остальных. В зеленовато-белом свете лампы все они казались старыми и усталыми.

Лусио по-испански объяснил собравшимся, что пригласил их распить бутылку баканоры, которую я привез ему из Эрмосильо. Он сходил в другую комнату, принес бутылку, откупорил ее и протянул мне вместе с маленькой жестяной кружкой. Я налил пол-глотка, выпил и передал бутылку и кружку дальше. Баканора оказалась более ароматной и густой, чем обычная текила, но и более крепкой. Я закашлялся. Каждый налил себе и выпил, кроме дона Хуана. Он просто взял бутылку и поставил ее перед Лусио, который оказался крайним.

Все оживленно заговорили по поводу богатого букета именно этой баканоры и сошлись на том, что напиток, несомненно, был изготовлен в высокогорье Чиуауа.

Бутылка обошла круг по второму разу. Все причмокивали губами, расхваливая ее содержимое. Завязалась оживленная дискуссия относительно заметного различия между текилой из Гвадалахары и баканорой с высокогорья Чиуауа. Дон Хуан опять не пил, я выпил очень мало, буквально несколько капель, остальные наливали по полной. Бутылка обошла третий круг и опустела.

— Принеси остальные, Лусио, — сказал дон Хуан. Лусио замер в нерешительности, а дон Хуан с простодушным видом похвастал, что я привез для Лусио не одну, а целых четыре бутылки баканоры.

Бениньо, молодой человек примерно одних лет с Лусио, взглянув на портфель, который я как бы невзначай поставил позади себя, спросил, не продавец ли я баканоры. Дон Хуан ответил, что нет, что я приехал в Сонору в действительности для того, чтобы повидаться с ним.

— Карлос изучает Мескалито, и я учу его, — сказал дон Хуан.

Все посмотрели на меня и вежливо улыбнулись. Бахеа, дровосек, — маленький худой человек с резкими чертами лица — пристально взглянул на меня и сказал, что лавочник утверждает, будто бы я — шпион американской компании, которая собирается открыть в Сонорской пустыне на землях яки какие-то рудники. Все дружно возмутились по поводу такого подозрения в мой адрес. Кроме того, они недолюбливали лавочника, который был мексиканцем — «йори», как говорят индейцы.

Лусио сходил в другую комнату и принес еще одну бутылку. Открыв ее, он налил себе до краев, выпил, а потом передал бутылку дальше. Разговор вертелся вокруг вероятности того, что американцы откроют в Соноре свои рудники. Рассуждали, чем это чревато для индейцев яки. Бутылка вернулась к Лусио. Он приподнял ее и посмотрел на свет, много ли осталось.

— Успокой его, — прошептал мне дон Хуан. — Скажи, что в следующий раз привезешь больше.

Я наклонился к Лусио и шепотом заверил, что в следующий мой приезд он получит никак не меньше полудюжины бутылок.

В конце концов наступил момент, когда все темы были исчерпаны.

Тогда, обращаясь ко мне, дон Хуан громко сказал:

— Почему бы тебе не рассказать о своих встречах с Мескалито? По-моему, это будет намного интереснее, чем нудная болтовня про американцев и рудники в Соноре. — Мескалито — это что, пейот? Да, дед? — с любопытством спросил

Лусио.

— Некоторые называют его так, — сухо ответил дон Хуан. — Я предпочитаю говорить «Мескалито».

— Эта дьявольская штука сводит с ума, — сказал Хенаро, высокий угловатый человек средних лет.

— Я думаю, глупо утверждать, что Мескалито сводит с ума, — мягко произнес дон Хуан. — Если бы это было так, вряд ли Карлос был бы сейчас здесь. Скорее всего, он сидел бы где-нибудь в смирительной рубашке, ведь ему доводилось встречаться с Мескалито. И вообще, Карлос — молодец.

Бахеа улыбнулся и скромно заметил:

— Кто знает?

Все засмеялись. — Ну хорошо, тогда возьмем меня, — сказал дон Хуан. — Я знаком с Мескалито почти всю жизнь, и ни разу он не причинил мне вреда.

Никто не смеялся, но было видно, что они не принимают это всерьез.

— С другой стороны, — продолжал дон Хуан, — он действительно сводит людей с ума, тут вы правы, но только тех, которые приходят к нему, не ведая, что творят.

Эскере, старик, по виду примерно ровесник дона Хуана, покачал головой и негромко хмыкнул.

— Что ты имеешь в виду под этим «не ведают, что творят», Хуан? — спросил он. — В прошлый раз я слышал от тебя то же самое.

— Люди в самом деле дуреют, когда нажрутся этого пейотного зелья, — снова вмешался Хенаро. — Однажды я видел, как индейцы-хиколо жрали его. Как будто с ними белая горячка приключилась. Они харкали, рыгали и ссали где попало. Если хавать эту дрянь, то можно заработать эпилепсию. Это мне как-то говорил сеньор Салас, инженер. А ведь эпилепсия — на всю жизнь, сами знаете.

— Да, это значит — быть хуже скотины, — грустно добавил Бахеа. — В случае с теми хиколо ты видел только то, что хотел видеть, Хенаро, — сказал дон Хуан. — Ты же не спросил у них самих, что это такое — встреча с Мескалито. Насколько я знаю, он еще никого не сделал эпилептиком. Что касается твоего инженера, так ведь он — «йори». Я не думаю, чтобы ему что-то было известно о Мескалито. Или, может, ты и вправду думаешь, что все те тысячи людей, которые с ним знакомы — психи?

— Ну, если не психи, то где-то около того. Надо быть психом, чтобы заниматься такими вещами.

— Хорошо, но если бы все эти люди были психами, кто бы за них работал? Как бы они умудрялись прожить? — спросил дон Хуан.

— Макарио, ну, тот, который «оттуда» — из Штатов, говорит, что каждый, кто хоть раз принимал эту штуку, отмечен на всю жизнь, — сказал Эскере. — Макарио врет, — отрезал дон Хуан. — Я уверен: он понятия обо всем этом не имеет.

— Вообще-то Макарио — трепло изрядное, этого у него не отнимешь… — сказал Бениньо.

— Макарио — это кто? — поинтересовался я.

— Один индеец-яки. Живет здесь, — сказал Лусио. — Он говорит, что родом из Аризоны и что во время войны был в Европе. Большой любитель потрепаться.

— Хвастается, что был полковником, — вставил Бениньо. Все засмеялись. Некоторое время обсуждали невероятные россказни Макарио. Но дон Хуан вернул разговор к теме Мескалито:

— Если всем известно, что Макарио — трепло, то с какой стати вы верите его болтовне о Мескалито?

— Это пейот, что ли, да, дед? — спросил Лусио с таким видом, будто бы с отчаянными усилиями продирался сквозь терминологические дебри.

— Вот черт! Да, — грубо и резко ответил дон Хуан.

Лусио непроизвольно выпрямился, и на мгновение я ощутил, что все они не на шутку испугались. Но дон Хуан широко улыбнулся и продолжал мягко и спокойно: — Неужто непонятно, что Макарио сам не знает, что плетет? Ведь это же очевидно — чтобы говорить о Мескалито, нужно знать.

— Снова ты за свое, — сказал Эскере. — Ты, между прочим, — еще похлеще Макарио. У него хоть что на уме — то и на языке, не важно, знает он это или нет. А от тебя годами я только и слышу — нужно знать, нужно знать... Что знать, скажи на милость?

— Дон Хуан говорит, что в пейоте есть дух, — сказал Бениньо.

— Я видел пейот — он растет в поле — но ни духов, ни чего-нибудь похожего не встречал никогда, — сказал Бахеа.

— Пожалуй, Мескалито и правда похож на дух, — объяснил дон Хуан. — Тем не менее ясности в этом вопросе не бывает, пока не узнаешь его сам. Эскере жалуется, что я годами твержу одно и то же. Он прав. Но разве моя вина в том, что вы не хотите понять? Бахеа говорит, что тот, кто принимает зелье, становится похожим на скотину. Мне так не кажется. Но зато я думаю, что те, кто считает себя выше животных, на самом деле — хуже них. Вот мой внук. Он же вкалывает без отдыха. Я бы даже сказал, что он живет лишь затем, чтобы пахать, как мул. Из того, на что не способны животные, он занимается только одним — пьянствует.

Все рассмеялись. Звонче всех хохотал Виктор — совсем еще молодой парень, почти юноша.

Элихио, молодой фермер, до сих пор не проронил ни слова. Он сидел на полу справа от меня, прислонившись спиной к мешкам с удобрениями, сложенным в доме, чтобы их не намочил дождь. Элихио дружил с Лусио с детства. Ростом он был чуть пониже своего друга, но отличался атлетическим телосложением и выглядел очень сильным. Казалось, он заинтересовался тем, о чем говорил дон Хуан. Бахеа пытался что-то сказать, но Элихио опередил его.

— Каким образом пейот может все это изменить? — спросил он. — Мне

кажется, человек рождается для того, чтобы всю жизнь работать. Мул — тоже.
— Мескалито изменяет все, — сказал дон Хуан, — хотя бы мы и продолжали работать как все, как мулы. Я сказал, что в Мескалито есть дух, потому что изменения в человеке производит нечто, действительно похожее на дух. Дух, который можно увидеть, до которого можно дотронуться, дух, изменяющий нас, иногда не считаясь при этом с нашими желаниями.

— Конечно, для начала пейот делает тебя психом, — сказал Хенаро. — А после этого ты, разумеется, начинаешь воображать, что изменился. Верно?

— Каким образом он может нас изменить? — настаивал Элихио.

— Он учит нас правильному образу жизни, — ответил дон Хуан. — Он помогает тому, кто с ним знаком и защищает его. Ваша жизнь — это не жизнь вовсе. Ни один из вас понятия не имеет о радости сознательного действия. У вас нет защитника.

— Что ты хочешь этим сказать? — обиженно воскликнул Хенаро. — Есть у нас защитники. Господь наш Иисус Христос, Святая Дева Мария, маленькая Дева Гваделупская... Разве это не защитники?

— Ого, целый букет, — усмехнулся дон Хуан. — Ну и как, научили они тебя жить лучше?

— Это потому что люди их не слушаются, — возразил Хенаро. — Люди обращают внимание только на дьявола.

— Если бы они действительно были защитниками, то заставили бы себя слушаться, — сказал дон Хуан. — Когда Мескалито становится твоим защитником, его слушаешься, как миленький, и деться никуда не можешь. Ты видишь его, и не в твоих силах не следовать его указаниям. Он заставляет относиться к нему с уважением. Не так, как вы привыкли обращаться со своими защитниками.

— Ты о чем это, Хуан? — спросил Эскере.

— О чем? Да о том, как вы с ними общаетесь. Один пиликает на скрипке, танцор напяливает маску и разные побрякушки, а остальные напиваются до

бесчувствия. Бениньо, ну-ка расскажи? Ты же был танцором.

— Я бросил через три года, — сказал Бениньо. — Это слишком тяжелая работа.

— Спроси вон у Лусио, — ехидно вставил Эскере, — Он бросил через неделю. Все, кроме дона Хуана, засмеялись. Лусио натянуто улыбнулся и отхлебнул два больших глотка баканоры. Замечание явно пришлось ему не по вкусу.

— Это не тяжелая работа, а идиотизм, — сказал дон Хуан. — Ты бы спросил у Валенсио, танцора, нравится ли ему танцевать? Нет. Я не раз видел, как он это делает, и всегда он повторяет одни и те же скверно исполненные движения. Он не гордится своим искусством. Разве что когда надо потрепаться... Он не любит свое дело, поэтому из года в год нудно повторяет одно и то же. Все, что было в его танце бездарного, с годами только закрепилось. А теперь он считает, что так и должно быть.

— Просто его так научили, — сказал Элихио, — Я тоже когда-то был танцором вТориме. Танцевать приходится так, как тебя учат. — В конце концов, Валенсио — далеко не лучший, — сказал Эскуэре, — Есть и другие. Вот Сакатека...

— Сакатека — человек знания, он вам не чета — совсем другой класс, — резко сказал дон Хуан. — Он танцует потому, что такова склонность его натуры. Я имел в виду не это. Вы — не танцоры и не можете наслаждаться танцем. Если кто-то будет танцевать красиво, вы, возможно, получите удовольствие. Правда, для этого нужно довольно много знать о танце. Я сомневаюсь в том, чтобы кто-то из вас знал достаточно. Поэтому все вы — просто пьяницы. Взгляните хотя бы на моего внука!

— Перестань, дед, — запротестовал Лусио.

— Не ленив и не глуп, — продолжал дон Хуан, — но чем он занимается, кроме пьянства?

— Покупает кожаные пиджаки, — сказал Хенаро, и все расхохотались.

Лусио глотнул еще баканоры.

— Ну и как пейот может все это изменить? — настаивал Элихио.

— Если бы Лусио начал искать защитника, — сказал дон Хуан, — вся бы его жизнь изменилась. Я не знаю, как именно, но в том, что она стала бы другой, не сомневаюсь ни минуты.

— Он что, бросил бы пить, да? — не отставал Элихио. — Да, наверно. Чтобы жизнь удовлетворяла его, ему понадобилось бы что-то, кроме текилы. Это что-то, чем бы оно ни было, даст ему защитник.

— Но тогда пейот должен быть очень вкусным, — сказал Элихио.

— Я этого не говорил, — возразил дон Хуан.

— Черт возьми, тогда я не понимаю. Как можно получать от него удовольствие, если он противный? — недоумевал Элихио.

— Он позволяет более полно наслаждаться жизнью, — объяснил дон Хуан.

— Какое может быть наслаждение, если вкус у него дерьмовый? — не унимался Элихио. Бред какой-то.

— Ничего подобного, все правильно, — убежденно вставил Хенаро. — Ты становишься психом и автоматически наслаждаешься жизнью. Неважно, чем ты при этом занимаешься.

Все опять засмеялись.

— Все правильно, — невозмутимо продолжал дон Хуан. — Вы прикиньте, как мало мы знаем и как много могли бы увидеть. Пьянство — вот что делает людей психами. Оно затуманивает мозги, путая все на свете, Мескалито — наоборот, все обостряет. Человек начинает видеть ясно и четко. Очень ясно и очень четко.

Лусио и Бениньо насмешливо переглянулись. Все это они слышали уже не раз. Хенаро и Эскере вдруг заговорили одновременно. Виктор ржал, заглушая всех остальных. Единственным заинтересовавшимся казался Элихио.

— Как пейот все это делает? — спросил он.

— Прежде всего, человек должен хотеть познакомиться с Мескалито. Я даже склоняюсь к мысли, что это — едва ли не самое главное. Затем нужно, чтобы этого человека представили Мескалито. Ну а потом должно быть еще много встреч, прежде чем он сможет с уверенностью утверждать, что знает Мескалито.

— А потом? — спросил Элихио.

— Потом он лезет на крышу, а задница остается на земле, — вставил Хенаро. Все взревели от хохота.

— То, что происходит потом, полностью зависит от человека, — не теряя самообладания, продолжал дон Хуан. — С Мескалито следует общаться без страха, тогда постепенно он научит, как изменить жизнь в лучшую сторону.

Пауза была довольно долгой. Все порядком устали, бутылка опустела. Лусио, явно превозмогая себя, принес и откупорил еще одну.

— Что, пейот и Карлоса тоже защищает? — спросил Элихио как бы в шутку.

— Откуда мне знать? — сказал дон Хуан. — Спроси его самого, он принимал его трижды.

Все с интересом повернулись ко мне, а Элихио спросил:

— Что, правда?

— Да. Создалось впечатление, что дон Хуан добился своего. То ли они в самом деле заинтересовались, то ли были слишком вежливы, чтобы рассмеяться мне в лицо.

— Ну и как, во рту пекло? — спросил Лусио.

— Очень! И вкус у него отвратительный.

— Зачем же тогда ты его ел? — изумился Бениньо.

Путано и сложно я начал объяснять, что для западного человека познания дона Хуана в пейоте — чуть ли не самая изумительная вещь на свете. Еще я говорил, что все, сказанное доном Хуаном — истинная правда, и каждый может легко проверить это на себе.

Я заметил, что они слегка усмехаются, как бы пытаясь скрыть легкое презрение, и разозлился, осознавая всю неуклюжесть своих потуг и неспособность убедительно изложить то, что было у меня на уме. Я сделал еще попытку, но вдохновения больше не было, и получилось только пережевывание того, что уже сказал дон Хуан.

Он пришел мне на помощь, ободряюще спросив:

— Правда ведь, что ты не искал защитника, когда впервые пришел к Мескалито? Я сказал, что не знал тогда об этом качестве Мескалито и что мною двигало только любопытство и страстное желание с ним познакомиться.

Дон Хуан сказал, что Мескалито очень хорошо со мной обошелся, потому что мое намерение было безупречным.

— Но все равно ты рыгал и ссал где попало, да? — гнул свою линию Хенаро.

Я сказал, пейот обладает и таким действием, и что я тоже испытал его на себе. Все сдержанно засмеялись. Я почувствовал, что их презрение ко мне не только не уменьшилось, но даже несколько возросло. Все, кроме Элихио, потеряли к этой теме всякий интерес; он же внимательно меня разглядывал.

— Что ты видел? — спросил он.

Дон Хуан потребовал, чтобы я вспомнил все или хотя бы почти все подробности моих опытов с пейотом. Я полностью описал формы и последовательность переживаний. Когда я закончил, Лусио заявил: — Ну, если в пейоте сидит такой дьявол, то я рад, что не имел с ним дела.

— Ага, я же говорил, — заметил Хенаро, обращаясь к Бахеа, — это штука точно делает людей психами.

— Но сейчас-то Карлос в своем уме. Как насчет этого? — возразил дон Хуан.

— А откуда нам знать? — парировал Хенаро.

Все, включая дона Хуана, засмеялись.

— Страшно было? — спросил у меня Бениньо.

— Конечно.

— Зачем же ты тогда ввязался в это дело? — поинтересовался Элихио.

— Так ведь он сказал — хотел знать, — ответил за меня Лусио. — Похоже, Карлос намерен сделаться таким, как мой дед. И тот, и другой твердят, что хотят знать, но какого черта они хотят знать — не имеет понятия никто.

— Объяснить это знание невозможно, — сказал дон Хуан, обращаясь к Элихио, — Оно индивидуально. Общее — только в том, что Мескалито раскрывает свои тайны каждому лично, один на один. Тому, кто настроен подобно Хенаро, я бы не советовал с ним знакомиться. Однако вполне возможно, что, несмотря на его настрой, Мескалито мог бы ему здорово помочь. Но узнать об этом не дано никому, кроме самого Хенаро. Это и есть то знание, о котором я говорил. Дон Хуан поднялся.

— Пора по домам, — сказал он. — Лусио напился, а Виктор уже спит.

Через два дня, 6 сентября, Лусио, Бениньо и Элихио зашли в дом, где я остановился. Мы собирались сходить в чаппараль поохотиться. Какое-то время они сидели молча, а я дописывал что-то в своем блокноте. Потом Бениньо вежливо засмеялся, как бы предупреждая, что сейчас сообщит нечто очень важное.

После предварительного интригующего молчания он снова хихикнул и сказал:

— Вот тут Лусио говорит, что не прочь попробовать пейот...

— Что, серьезно? — Да, — отозвался Лусио, — я не возражаю.

Бениньо сдавленно хихикал.

— Лусио говорит, что будет жрать пейот, если ты купишь ему мотоцикл.

Лусио и Бениньо переглянулись и оглушительно захохотали.

— Сколько в Штатах стоит мотоцикл? — спросил Лусио.

— Думаю, долларов за сто можно найти, — ответил я.

— Там ведь это не очень много, да? Ты вполне мог бы ему привезти, правда? — спросил Бениньо.

— Ладно, только сначала спросим у твоего деда, — сказал я, обращаясь к Лусио.

— Э, нет, — протянул он. — Деду — ни слова, он все испортит. Он — дьявол. Да к тому же стар и малость не в себе, поэтому не соображает, что делает.

— Когда-то он был настоящим магом, — добавил Бениньо. — Это правда… Мои старики говорят, что он был самым сильным из всех магов. Но потом пристрастился к пейоту и превратился в тряпку. Теперь он уже слишком стар.

— Только и знает, что несет всякие дурацкие байки о пейоте, — присоединился Лусио, — Только это все — брехня, — сказал Бениньо. — Мы как-то раз попробовали. Лусио спер у него целый мешок. Вечером по дороге в город мы эту гадость зажевали. Дерьмо редкостное. Чуть не разодрал мне всю пасть на куски. Сукин сын! Как будто черта жуешь… Прямо с рогами.

— А вы его глотали? — спросил я.

— Выплюнули, — сказал Лусио, — и весь чертов мешок выкинули.

Им обоим этот случай казался очень смешным. Элихио тем временем молчал. Он сидел с отсутствующим видом и даже не смеялся.

— А ты не хочешь попробовать, Элихио? — спросил я.

— Нет. Только не я. Даже за мотоцикл.

Лусио и Бениньо снова дико захохотали — их развеселил ответ Элихио.

— Но, по правде говоря, — продолжал он, — дон Хуан меня порядком озадачил. — Дед уже слишком стар, чтобы что-то знать, — убежденно заявил Лусио.

— Да, слишком стар, — словно эхо отозвался Бениньо. Я подумал, что их мнение о доне Хуане было инфантильным и необоснованным, и счел своим долгом вступиться. Я сказал, что дон Хуан, как и прежде, остается великим магом, может быть, величайшим из всех. В нем есть что-то необыкновенное, и я это чувствую. Я предложил им вспомнить, что ему уже далеко за семьдесят, но он энергичнее и сильнее всех нас вместе взятых, и сказал, что они сами могут в этом убедиться, проследив за ним.

— За дедом невозможно следить, — гордо объявил Лусио. — Ведь он — брухо.

Тогда я напомнил, как только что они заявляли, что он слишком стар и выжил из ума. Я сказал, что, если человек не в себе, то ему не под силу контролировать ситуацию, а собранность и четкость действий дона Хуана меня каждый раз поражают.

— Никто не способен шпионить за брухо, даже если тот стар, — авторитетно заявил Бениньо. — Хотя, когда он спит, на него все же можно напасть. Так поступили с Сэвикасом. Все устали от его черной магии и потому убили. Я попросил рассказать об этом подробнее, но они сказали, что это случилось давно, когда их еще не было на свете, или когда они были совсем маленькими. Элихио добавил, что многие до сих пор считают, что Сэвикас был просто дураком, потому что настоящему магу никто ничего сделать не в силах. Я попытался вытянуть из них еще что-нибудь о магах и магии, но эта тема была им не интересна. Вдобавок, им не терпелось отправиться пострелять из моего ружья двадцать второго калибра.

Мы молча продирались сквозь густой чаппараль. Спустя некоторое время Элихио, шедший первым, обернулся и сказал мне:

— Может, и правда, это мы — психи? И дон Хуан прав? Посмотри, как мы живем...

Лусио и Бениньо это не понравилось. Я стал на сторону Элихио, заявив, что тоже чувствую ущербность своего образа жизни. Бениньо заметил, что мне жаловаться — грех: у меня есть деньги и машина. Я возразил, что у каждого из них есть хотя бы клочок земли, а у меня — нет. Они в один голос заявили, что земля принадлежит не им, а федеральному банку. Я сказал, что и машина — не моя, я только арендую ее у Калифорнийского банка, так что живу ничуть не лучше их, просто иначе. К тому времени мы уже забрались в самую чащобу.

Ни олени, ни дикие свиньи нам в этот раз так и не попались. Зато мы подстрелили трех кроликов. На обратном пути зашли к Лусио, и он объявил, что его жена собирается сделать из них жаркое. Бениньо отправился в лавку за бутылкой текилы и лимонадом. Вернулся он вместе с доном Хуаном.

— Где это ты встретил деда? Он что, зашел в лавку за пивом? — со смехом спросил Лусио.

— Поскольку я не приглашен на вашу сходку, — сказал дон Хуан, — я только на минутку — узнать, собирается ли Карлос в Эрмосильо. Я сказал, что планирую выехать завтра. Пока мы говорили, Бениньо раздал бутылки с лимонадом. Элихио отдал свою бутылку дону Хуану. У индейцев яки считается верхом невежества отказываться от того, что тебе дают. Даже из самых благородных побуждений. Поэтому дон Хуан спокойно взял бутылку. Я отдал свою Элихио, он тоже не мот отказаться. Бениньо, в свою очередь, отдал мне свою. Но Лусио, который заранее прикинул всю схему хороших манер индейцев яки, свой лимонад к этому моменту уже прикончил. Он повернулся к Бениньо, на лице которого застыло выражение сознания выполненного долга, и со смехом сказал:

— Тебя надули на бутылку!

Дон Хуан заявил, что вообще-то никогда не пьет лимонад, и сунул свою бутылку в руки Бениньо. Все уселись в тени рамады и замолчали.

Чувствовалось, что Элихио нервничает. Он теребил поля своей шляпы, а потом обратился к дону Хуану:

— Я думал о том, что ты рассказывал тогда вечером. Но как же все-таки может пейот изменить нашу жизнь? За счет чего? Дон Хуан не ответил. Какое-то мгновение он пристально смотрел на Элихио, а потом запел на языке яки. Это была даже не песня, а короткий речитатив. Все долго молчали. Я попросил дона Хуана перевести мне слова песни.

— Это — только для яки, — ответил он тоном, исключавшим всякую возможность дальнейших расспросов.

Мне стало досадно — он пел о чем-то очень важном, я чувствовал это, но поделать ничего не мог.

— Элихио — индеец. Как у всякого индейца, у него нет ничего. Ни у кого из нас нет ничего. Все, что ты видишь вокруг, принадлежит «йори». У яки есть только их гнев и то, что бесплатно дает им земля.

Какое-то время все молчали, а потом дон Хуан встал, и, попрощавшись, ушел. Мы смотрели ему вслед, пока он не свернул за угол. Всем было явно не по себе. Лусио растерянно объяснил, что дед ушел, потому что терпеть не может жаркое из кроликов. Элихио был погружен в какие-то свои мысли. Бениньо повернулся ко мне и громко сказал:

— Я думаю, Бог еще покарает и тебя, и дона Хуана за все ваши фокусы.

Лусио засмеялся. Бениньо — тоже, — Ты паясничаешь, Бениньо, — угрюмо произнес Элихио. — несешь бред, который ни черта не стоит.

15 сентября 1968

Была суббота, девять вечера. Дон Хуан сидел напротив Элихио посреди рамады дома Лусио. Между ними лежал мешок с пейотом. Дон Хуан раскачивался и пел. Лусио, Бениньо и я сидели метрах в трех позади Элихио, спинами прислонившись к стене. Сначала было совсем темно, так как до этого мы ждали дона Хуана в доме, освещенном керосиновой лампой. Потом он появился, велел нам выйти на рамаду и показал каждому, где разместиться. Спустя некоторое время глаза привыкли к темноте, и я смог как следует всех рассмотреть. Элихио был охвачен диким ужасом. Тело его тряслось, он стучал

зубами и никак не мог взять себя в руки. Голова подергивалась, спина то и дело спазматически выпрямлялась. Дон Хуан заговорил с ним. Он сказал, что бояться нечего, нужно довериться защитнику и ни о чем другом не думать. Спокойным, даже слегка небрежным движением он вытащил из мешка один бутон, протянул его Элихио и велел медленно жевать. Элихио по-щенячьи заскулил и выпрямился. Его дыхание участилось, грудная клетка заходила ходуном, как кузнечный мех. Он снял шляпу, вытер лоб и закрыл лицо ладонями. Мне показалось, что он плачет. Наступила длинная напряженная пауза, а потом он в какой-то степени овладел собой. Выпрямившись и продолжая держать одну руку возле лица, он протянул вторую за бутоном, взял его, положил в рот и начал медленно жевать.

Я почувствовал огромное облегчение. До этого момента я как-то не отдавал себе отчета, что боюсь, пожалуй, не меньше Элихио. Во рту появилась характерная сухость, вроде той, которую дает пейот. Я почувствовал напряжение. Дыхание участилось. По мере того, как ритм его возрастал, я начал непроизвольно постанывать.

Дон Хуан стал напевать громче. Потом он дал Элихио еще один бутон, а когда тот его прожевал, протянул ему какой-то сушеный плод и велел жевать так же медленно, как пейот. Несколько раз Элихио вставал и ходил в кусты. Один раз — попросил воды. Дон Хуан сказал, чтобы он не пил, а только прополоскал рот.

Элихио сжевал еще два бутона, а потом дон Хуан дал ему сушеного мяса.

К тому времени я уже почти заболел от нетерпения. Вдруг Элихио опрокинулся вперед, ударившись о землю лбом. Он перекатился на левый бок и судорожно дернулся. Я посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого. Больше часа Элихио катался по земле, дергался и стонал.

Дон Хуан неподвижно сидел напротив. Его пейотные песни перешли в неясное бормотание. Бениньо, сидевший справа от меня, без особого внимания следил за происходящим. Лусио склонился на бок и храпел.

Элихио лежал на правом боку, свернувшись калачиком и зажав руки между ног. Неожиданно мощным рывком он перевернулся на спину и застыл со слегка согнутыми ногами. Левая рука начала очень свободно и грациозно

двигаться вверх-вниз. Затем такие же движения стала совершать правая, и, наконец, обе руки вошли в единый ритм, поочередно мягко, медленно и плавно взлетая и опускаясь так, словно Элихио играл на невидимой арфе. Постепенно движения ускорились. Предплечья заметно вибрировали, поднимаясь и опускаясь наподобие поршней. При этом кисти совершали плавные круговые движения в лучезапястных суставах, а пальцы сгибались и разгибались. Это было прекрасное, гармоничное и даже какое-то гипнотизирующее зрелище. Никогда до этого мне не приходилось сталкиваться со столь идеальным ритмом и несравненным мышечным контролем.

Затем Элихио медленно поднялся, как бы цепляясь за некую обволакивающую его трясущееся тело силу. Он покачнулся, а потом рывком встал и выпрямился. Руки, туловище и ноги вздрагивали, как будто через них проходили импульсы электрического тока. Казалось, что ими движет какая-то сила, неподвластная воле Элихио.

Бормотание дона Хуана стало очень громким. Лусио и Бениньо проснулись и какое-то время равнодушно за всем этим наблюдали. Потом они снова заснули. Элихио, казалось, поднимается все выше и выше. Он явно куда-то взбирался. Он перебирал руками, как бы цепляясь за что-то, для меня невидимое, останавливался, чтобы перевести дух, и вновь пускался в путь.

Я хотел рассмотреть его глаза и попытался придвинуться поближе, но свирепый взгляд дона Хуана вернул меня на место.

Вдруг Элихио прыгнул. Это был решающий, грандиозный прыжок. Элихио достиг цели. Он всхлипывал, пытаясь отдышаться. Казалось, что он повис, вцепившись в какой-то выступ. Но что-то отталкивало его, и оно было сильнее. Элихио боролся изо всех сил и отчаянно цеплялся, но в конце концов хватка его ослабла, и он начал падать. Тело выгнулось назад, от головы до кончиков пальцев ног по нему пробежала волна, движение было конвульсивным, но очень координированным и красивым. Оно повторилось раз сто, прежде чем Элихио мешком рухнул навзничь. Спустя некоторое время он вытянул руки перед собой, как бы от чего-то заслоняясь. Он лежал на животе, выпрямив ноги и приподняв их сантиметров на пятнадцать над полом. Поза была такой, словно он скользил или летел вперед с немыслимой скоростью. Голова до предела откинулась назад, сцепленными в замок руками

он прикрывал глаза. Я почувствовал, как вокруг него свистит ветер, ахнул и невольно вскрикнул. Лусио и Бениньо проснулись и с любопытством посмотрели на Элихио.

— Если ты пообещаешь, что привезешь мотоцикл, я буду жевать эту штуку прямо сейчас, — громко заявил Лусио.

Я посмотрел на дона Хуана. Тот отрицательно покачал головой.

— Сукин сын! — буркнул Лусио и опять уснул.

Элихио встал и, сделав пару шагов по направлению ко мне, остановился. Он счастливо улыбался. Потом он начал насвистывать какую-то мелодию. Простую, всего лишь с парой повторявшихся переходов. Чистого звука не получалось, но гармония была. Спустя какое-то время свист стал отчетливей, а потом ясно вырисовалась и сама мелодия. Похоже было, что Элихио невнятно бормотал слова песни. Он повторял их несколько часов. Песня была очень простая, монотонная, с бесконечными повторами, но в то же время странно красивая.

Пока Элихио пел, он словно на что-то внимательно смотрел. Когда он оказался рядом со мной, я разглядел в полумраке его глаза — застывшие, как бы остекленевшие. Он улыбался, посмеивался, садился, снова вставал и начинал бродить вокруг со стонами и тяжкими вздохами.

Вдруг что-то толкнуло его в спину. Сила горизонтального толчка была такой огромной, что он колесом изогнулся назад. В какой-то момент его тело образовало почти замкнутое кольцо — он стоял на носках и касался руками земли. Потом мягко упал на спину и вытянулся во весь рост в странном оцепенении.

С минуту он стонал, что-то бормоча, а потом захрапел. Дон Хуан укрыл его пустыми мешками. Было уже утро — без двадцати шесть. Лусио и Бениньо спали, сидя у стены и склонившись головами друг к другу. Мы с доном Хуаном долго молчали. Он выглядел очень уставшим. Я нарушил молчание и спросил об Элихио. Он ответил, что свидание Элихио с Мескалито было исключительно удачным; Мескалито при первой же встрече научил его песне, а это — редчайший случай.

Я спросил, почему он не разрешил Лусио попробовать за мотоцикл. Он сказал, что Мескалито мог убить Лусио, если бы тот осмелился приблизиться к нему с таким мотивом. Дон Хуан признался, что очень тщательно все подготовил, рассчитывая убедить своего внука. Решающее значение он придавал моей дружбе с Лусио. Дон Хуан сказал, что очень любит Лусио и беспокоится о его судьбе. Когда-то они жили вместе, и у него с внуком были очень теплые отношения. Но в семь лет Лусио смертельно заболел, и сын дона Хуана, ревностный католик, пообещал Святой Деве Гваделупской отдать мальчика в школу обрядовых танцев, если тот поправится. Лусио не умер, и его заставили выполнить обет отца. Проучившись всего неделю, мальчик решил нарушить клятву. Он думал, что в результате должен умереть, всячески изводил себя и целыми днями ждал смерти. Все смеялись над ним, и случай этот не забылся. Дон Хуан долго молчал, погрузившись в свои мысли.

— Я рассчитывал на Лусио, — сказал он, — а вместо него нашел Элихио. Я знал, что это — бесполезно, но если кого-то любишь, ты должен действовать настойчиво, с верой в то, что человека можно изменить. В детстве Лусио обладал мужеством, но с годами растерял его.

— А если его заколдовать?

— Заколдовать? Зачем?

— Чтобы вернуть ему мужество.

— Нет. Человека нельзя сделать мужественным. Можно сделать безвредным, больным, немым. Но никакая магия и никакие ухищрения не в силах превратить человека в воина. Чтобы стать воином, нужно быть кристально чистым. Как Элихио. Вот — человек мужества.

Элихио мирно похрапывал под мешками. Уже совсем рассвело. В пронзительной голубизне неба не было ни облачка.

— Что угодно отдам, только бы узнать, где был Элихио, — сказал я. — Ты не возражаешь, если я расспрошу его о ночном путешествии?

— Ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах ты не должен этого

делать.

— Но почему? Я же рассказываю тебе обо всех своих переживаниях.

— Это — совсем другое. Ты не склонен держать все при себе. Элихио — индеец. Это путешествие — единственное, что у него есть. Жаль, конечно, что не Лусио…

— И что, ничего нельзя сделать, дон Хуан?

— Ничего. Невозможно вставить в медузу кости. Я поступал глупо.

Появилось солнце, розово-оранжевым светом резанув по утомленным глазам.

— Тысячу раз ты говорил мне, дон Хуан, что маг не может делать глупостей. Вот уж не думал, что ты на это способен. Дон Хуан пронзительно взглянул на меня, встал и посмотрел на Элихио, потом перевел взгляд на Лусио и с улыбкой сказал:

— Можно проявлять настойчивость только для того, чтобы проявить ее должным образом. И действовать с полной отдачей, заведомо зная, что твои действия бесполезны. Это — контролируемая глупость мага.

Глава 5

3 октября 1968 года я приехал к дону Хуану с одной-единственной целью — как можно подробнее расспросить его о посвящении Элихио. Чтобы ничего не упустить, я заранее составил список вопросов, постаравшись сформулировать их как можно тщательнее.

Начал я так:

— Дон Хуан, в ту ночь я видел?

— Почти.

— А ты видел, что я вижу движения Элихио?

— Да. Я видел, что Мескалито позволил тебе увидеть часть урока, предназначенного Элихио. Иначе ты просто смотрел бы на человека, который сидит или лежит без движения. Ведь на последней митоте ты не заметил, чтобы кто-то из участников делал что-то особенное, правда?

Это было действительно так. Я сказал дону Хуану, что с уверенностью могу констатировать только одно — некоторые отлучались в кусты чаще остальных.

— Ты почти видел весь урок Элихио, — продолжал он. — Подумай об этом. Понимаешь, насколько благосклонен к тебе Мескалито? Я не знаю ни единого человека, с кем бы он так возился. Ни единого. А ты не обращаешь на его великодушие никакого внимания, более того — просто грубо отворачиваешься. Как так можно? За что ты его игнорируешь, демонстрируя ему свой зад?

Я почувствовал, что дон Хуан опять загоняет меня в угол. Мне все время казалось, что я бросил учиться, чтобы спастись. Не зная, что ответить и пытаясь изменить направление разговора, я пропустил все промежуточные вопросы и задал главный:

— Ты не мог бы подробнее остановиться на своей контролируемой глупости?
— Что именно тебя интересует?

— Расскажи, пожалуйста, что это вообще такое — контролируемая глупость.

Дон Хуан громко рассмеялся и звучно хлопнул себя по ляжке сложенной лодочкой ладонью.

— Вот это и есть контролируемая глупость, — со смехом воскликнул он, и хлопнул еще раз.

— Не понял…

— Я рад, что через столько лет ты, наконец, созрел и удосужился задать этот вопрос. В то же время, если б ты никогда этого не сделал, мне было бы все равно. Тем не менее, я выбрал радость, как будто меня в самом деле волнует, спросишь ты или нет. Словно для меня это важнее всего на свете. Понимаешь? Это и есть контролируемая глупость.

Мы оба расхохотались. Я обнял его за плечи. Объяснение показалось мне замечательным, хотя я так ничего и не понял.

Как обычно, мы сидели на площадке возле дома. Солнце поднялось уже довольно высоко. На подстилке перед доном Хуаном лежала кучка каких-то семян, из которой он выбирал мусор. Я хотел помочь, но он не позволил, сказав, что эти семена — подарок для его друга, живущего в Центральной Мексике, и что я не обладаю достаточной силой, чтобы к ним прикасаться.

— По отношению к кому ты практикуешь контролируемую глупость, дон Хуан? — спросил я после продолжительной паузы.

Он усмехнулся.

— По отношению ко всем.

— Хорошо, тогда давай иначе. Как ты выбираешь, когда следует практиковать контролируемую глупость, а когда — нет?

— Я практикую ее все время.

Тогда я спросил, значит ли это, что он никогда не действует искренне, и что все его поступки — лишь актерская игра.

— Мои поступки всегда искренни, — ответил дон Хуан. — И все же они — не более, чем актерская игра. — Но тогда все, что ты делаешь, должно быть контролируемой глупостью, — изумился я.

— Так и есть, — подтвердил он.

— Но этого не может быть! — возразил я. — Не могут все твои действия быть контролируемой глупостью.

— А почему бы и нет? — с загадочным видом спросил он.

— Это означало бы, что в действительности тебе ни до чего и ни до кого нет дела. Вот, я, например. Уж не хочешь ли ты сказать, что тебе безразлично, стану я человеком знания или нет, жив я или умер, и что вообще со мной происходит?

— Совершенно верно. Меня это абсолютно не интересует. И ты, и Лусио, и любой другой в моей жизни — не более, чем объекты для практики контролируемой глупости.

На меня нахлынуло какое-то особое ощущение пустоты. Было ясно, что у дона Хуана действительно нет никаких причин заботиться обо мне. С другой стороны, я почти не сомневался, что его интересую я лично. Иначе он не уделял бы мне столько внимания. А может быть, он сказал так потому, что я действую ему на нервы? В конце концов, у него были на то основания: я же отказался у него учиться.

— Я подозреваю, что мы говорим о разных вещах, — сказал я. — Не следовало брать меня в качестве примера. Я хотел сказать — должно же быть в мире хоть что-то, тебе небезразличное, что не было бы объектом для контролируемой глупости. Не представляю, как можно жить, когда ничто не имеет значения.

— Это было бы верно, если бы речь шла о тебе, — сказал он. — Происходящее в мире людей имеет значение для тебя. Но ты спрашивал обо мне, о моей контролируемой глупости. Я и ответил, что все мои действия по отношению к самому себе и к остальным людям — не более, чем контролируемая глупость, поскольку нет ничего, что имело бы для меня значение.

— Хорошо, но если для тебя больше ничто не имеет значения, то как же ты живешь, дон Хуан? Ведь это не жизнь.

Он засмеялся и какое-то время молчал, как бы прикидывая, стоит ли отвечать. Потом встал и направился за дом. Я поспешил за ним. — Постой, но ведь я

действительно хочу понять! Объясни мне, что ты имеешь в виду.

— Пожалуй, объяснения тут бесполезны. Это невозможно объяснить, — сказал он. — В твоей жизни есть важные вещи, которые имеют для тебя большое значение. Это относится и к большинству твоих действий. У меня — все иначе. Для меня больше нет ничего важного — ни вещей, ни событий, ни людей, ни явлений, ни действий — ничего. Но все-таки я продолжаю жить, потому что обладаю волей. Эта воля закалена всей моей жизнью и в результате стала целостной и совершенной. И теперь для меня не важно, имеет что-то значение или нет. Глупость моей жизни контролируется волей.

Он опустился на корточки и потрогал растения, которые сушились под солнцем на куске мешковины. Я был совершенно сбит с толку. После длительной паузы я сказал, что некоторые поступки наших ближних все же имеют решающее значение. Например, ядерная война. Трудно представить более яркий пример. Стереть с лица земли жизнь — что может быть страшнее?

— Для тебя это так. Потому что ты думаешь, — сверкнув глазами, сказал дон Хуан. — Ты думаешь о жизни. Но не видишь.

— А если б видел — относился бы иначе? — осведомился я.

— Научившись видеть, человек обнаруживает, что одинок в мире. Больше нет никого и ничего, кроме той глупости, о которой мы говорим, — загадочно произнес дон Хуан.

Он помолчал, глядя на меня и как бы оценивая эффект своих слов.

— Твои действия, равно как и действия твоих ближних, имеют значение лишь постольку, поскольку ты научился думать, что они важны.

Слово «научился» он выделил какой-то странной интонацией. Я не мог не спросить, что он имеет в виду.

Дон Хуан перестал перебирать растения и посмотрел на меня. — Сначала мы учимся обо всем думать, — сказал он, — А потом приучаем глаза смотреть на то, о чем думаем. Человек смотрит на себя и думает, что он очень важен. И начинает чувствовать себя важным. Но потом, научившись видеть, он

осознает, что не может больше думать о том, на что смотрит. А когда он перестает думать о том, на что смотрит, все становится неважным.

Дон Хуан заметил выражение полнейшего недоумения на моем лице и повторил последнее утверждение трижды, как бы пытаясь заставить меня понять. Несмотря на это, сказанное им поначалу произвело на меня впечатление абсолютной бессмыслицы. Но после обдумывания я решил, что это была очень сложная формула, имеющая отношение к каким-то аспектам восприятия.

Я попытался сочинить вопрос, который внес бы ясность, но не мог собраться с мыслями. Внезапно я почувствовал полное изнеможение, и от четкости мышления не осталось и следа.

Дон Хуан, похоже, это заметил и мягко похлопал меня по плечу.

— Почистишь вот эти растения, а потом аккуратно покрошишь их сюда, — сказал он, протянув мне большой кувшин, и куда-то ушел.

Вернулся он через несколько часов. Уже наступил вечер. Давно справившись с растениями, я занимался своими записями, благо времени на это у меня было предостаточно. Я хотел задать ему несколько вопросов, но вместо ответа он сказал, что проголодался, развел огонь в глиняном очаге и поставил на него кастрюлю с бульоном. Пошарив по сумкам с продуктами, которые я привез, дон Хуан вытащил оттуда немного овощей, порезал их на мелкие кусочки и бросил в кастрюлю. После этого он улегся на свою циновку, сбросил сандалии и попросил меня сесть поближе к очагу и следить за огнем.

Уже почти совсем стемнело. С места, где я сидел, была видна западная часть неба. Края некоторых плотных и почти черных посередине облаков были сильно изрезаны и подсвечены невидимым солнцем. Я хотел сказать дону Хуану, какое красивое сегодня небо, но он меня опередил.

— Рыхлые края и плотная середина, — сказал он, указывая на облака.

Его замечание до того совпадало с фразой, которую я намеревался произнести, что я подскочил.

— Я как раз собирался тебе об этом сказать, — проговорил я.

— Один-ноль в мою пользу, — объявил он и засмеялся с детской непосредственностью.

Я спросил, как насчет того, чтобы ответить на вопросы.

— Что тебя интересует?

— Наша сегодняшняя беседа о контролируемой глупости сбила меня с толку, — сказал я, — Я действительно не могу понять, что ты имеешь в виду. — И не сможешь. Потому что ты пытаешься об этом думать, а мои слова никак не вяжутся с твоими мыслями.

— Я пытаюсь думать, — сказал я, — потому что для меня это единственная возможность понять. И все-таки, хочешь ли ты сказать, что как только человек начинает видеть, все в мире разом теряет ценность?

— Разве я говорил «теряет ценность»? Становится неважным, вот что я говорил. Все вещи и явления в мире равнозначны в том смысле, что они одинаково неважны. Вот, скажем, мои действия. Я не могу утверждать, что они — важнее, чем твои. Так же, как ни одна вещь не может быть важнее другой. Все явления, вещи, действия имеют одинаковое значение и поэтому не являются чем-то важным.

Тогда я спросил, не считает ли он, что видение «лучше», чем простое «смотрение на вещи». Он ответил, что глаза человека могут выполнять обе функции, и ни одна из них не лучше другой. Приучать же себя только к одному из этих способов восприятия — значит безосновательно ограничивать свои возможности. — Ага! Тогда твой смех — настоящий. Получается, что смех — это уже не контролируемая глупость.

Какое-то время он пристально смотрел на меня.

— Знаешь, я с тобой разговариваю отчасти потому, что ты даешь мне повод посмеяться, — произнес он. — В пустыне живут грызуны — крысы такие с пушистыми хвостами. Чтобы похозяйничать в запасах других грызунов, они засовывают в их норки свои хвосты. Те пугаются и убегают. Но в тот момент,

когда крыса сидит, засунув в чужую норку хвост, ее очень легко поймать. Так и ты — ловишься на своих же вопросах. Не пора ли выбираться? Ведь эти крысы иногда остаются без хвоста, спасая свою шкуру.

Его сравнение рассмешило меня. Когда-то дон Хуан показывал мне этих зверьков с пушистыми хвостами. Они были похожи на маленьких жирных белок. Я представил себе одну из таких крыс с оторванным хвостом. Картинка получилась грустной и в то же время очень забавной.

— Мой смех — самый что ни на есть настоящий, — сказал дон Хуан. — Впрочем, как и все, что я делаю. Но он же — контролируемая глупость, поскольку бесполезен. Он ничего не меняет, но, тем не менее, я смеюсь.

— Но, насколько я понимаю, дон Хуан, твой смех не бесполезен. Он делает тебя счастливым. — Нет. Я счастлив оттого, что смотрю на вещи, делающие меня счастливым, а потом уже глаза схватывают их забавные стороны, и я смеюсь. Я говорил тебе это много раз. Чтобы быть на высоте, всегда нужно выбирать путь, подсказанный сердцем. Может быть, для кого-то это будет означать всегда смеяться.

Я решил, что он имеет в виду противоположность смеха и плача, или хотя бы то, что плач — это действие, которое нас ослабляет. Но дон Хуан заявил, что никакого принципиального различия нет. Просто ему лично больше подходит смех, потому что когда он смеется, тело его чувствует себя лучше, чем когда он плачет.

Тогда я заметил, что равнозначности здесь все же нет, поскольку есть предпочтение. Если он предпочитает смеяться, а не плакать, то смех — важнее. Но он упрямо твердил, что его предпочтение ничего не значит; они равноценны. Я заявил, что, доводя наш спор до логического конца, можно сказать: «Если все равнозначно, то почему бы не выбрать смерть?»

— Иногда человек знания так и поступает, — сказал дон Хуан. — И однажды он может просто исчезнуть. В таких случаях люди обычно думают, что его за что-то убили. А он просто выбрал смерть, потому что для него это не имело значения. Я выбрал жизнь. И смех. Причем вовсе не оттого, что это важно, а потому, что такова склонность моей натуры. Я говорю «выбрал», потому что вижу. Но на самом деле выбрал не я. Моя воля заставляет меня жить вопреки

тому, что я вижу в мире. Ты сейчас не можешь меня понять из-за своей привычки думать так, как ты смотришь.

Последняя фраза меня заинтриговала. Я спросил, что он имеет в виду.

Дон Хуан несколько раз дословно повторил ее, а потом объяснил, что, говоря «думать», имеет в виду устойчивые постоянные понятия, которые есть у нас обо всем в мире. Он сказал, что видение избавляет от привычки к ним. Но пока я не научусь видеть, мне не удастся понять, о чем идет речь. — Но если ничто не имеет значения, дон Хуан, то с какой стати должно иметь значение — научусь я видеть или нет?

— Я уже говорил тебе, что наша судьба как людей — учиться, для добра или зла. Я научился видеть, и говорю, что нет ничего, что имело бы значение. Теперь — твоя очередь. Вполне вероятно, что в один прекрасный день ты научишься видеть, и тогда сам узнаешь, что имеет значение, а что — нет. Для меня нет ничего, имеющего значение, но для тебя, возможно, значительным будет все. Сейчас ты должен понять: человек знания живет действием, а не мыслью о действии. Он выбирает путь сердца и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он видит, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро: он знает, что он, как любой другой, не идет никуда: и он знает, что все равнозначно. У него нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость — единственное, что может связывать его с ближними. Поэтому он действует, потеет и отдувается. И взглянув на него, любой увидит обычного человека, живущего так же, как все. Разница лишь в том, что глупость его жизни находится под контролем. Ничто не имеет особого значения, поэтому человек знания просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, человек знания возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить — до этого ему нет никакого дела.

С другой стороны, человек знания может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта отстраненность имеет для него значение. Так тоже можно, потому что и это будет контролируемая глупость.

В длинных и путаных выражениях я попытался объяснить дону Хуану, что меня интересуют мотивы, заставляющие человека знания действовать определенным образом вопреки пониманию того, что ничто не имеет значения. Усмехнувшись, он ответил:

— Ты думаешь о своих действиях, поэтому тебе необходимо верить, что действия эти важны настолько, насколько ты их таковыми считаешь. Но в действительности из всего, что человек делает, нет ничего, что имело бы значение. Ничего! Но как тогда я могу жить? Ведь ты об этом спрашивал? Проще было бы умереть; ты так говоришь и считаешь, потому что думаешь о жизни. Как, например, думаешь сейчас, на что похоже видение. Ты требуешь от меня описания. Такого, которое позволило бы тебе об этом думать, как ты думаешь обо всем остальном. Но в случае видения думать вообще невозможно. Поэтому мне никогда не удастся объяснить тебе, что это такое. Теперь по поводу моей контролируемой глупости. Ты хочешь услышать о причинах, которые побуждают меня действовать именно так, но я могу сказать лишь одно — контролируемая глупость очень похожа на видение. Ни о том, ни о другом думать невозможно.

Дон Хуан зевнул, лег на спину и потянулся, хрустнув суставами.

— Ты слишком долго отсутствовал, — сказал он, — и ты слишком много думаешь.

Он встал и направился в густой чаппараль за домом. Я остался сидеть у огня, подбрасывая хворост, чтобы варево в кастрюле кипело. Хотел было зажечь керосиновую лампу, но сумерки были очень успокаивающими. Света от огня в очаге было достаточно, чтобы писать. Красноватые отблески ложились повсюду. Я положил блокнот на землю и лег рядом. Я устал. Из всего нашего разговора в голове осталось только одно — дону Хуану нет до меня никакого дела. Это не давало мне покоя. Столько лет я ему верил! Если б не эта вера, меня давно бы уже парализовало от страха при встрече с тем, чему он меня учил. В основе этой веры была твердая убежденность в том, что дон Хуан заботится лично обо мне. По большому счету я всегда его побаивался, но страх этот мне удавалось подавлять благодаря глубокой вере. Теперь он сам полностью разрушил основу, на которой строилось мое к нему отношение. Мне не на что было опереться. Я чувствовал себя совершенно беспомощным.

Меня охватило какое-то странное беспокойство. Я вскочил и начал возбужденно ходить возле очага. Дон Хуан все не приходил, и я с нетерпением ожидал его возвращения.

Наконец он появился и уселся возле огня. Я выложил ему все о своих страхах: и то, что не могу менять направление, добравшись до середины потока: и то, что вера в него для меня неотделима от уважения к его образу жизни, который по своей сути рациональнее, вернее, целесообразнее моего; и то, что он загнал меня в угол, ввергнув в ужасающий конфликт, потому что его слова заставляют в корне изменить мое отношение и к нему, и ко всему, что с ним связано. В качестве примера я рассказал дону Хуану одну историю о старом американце, очень образованном и богатом юристе, консерваторе по убеждениям. Этот человек всю жизнь свято верил, что борется за правое дело. В тридцатые годы, когда администрацией Рузвельта были разработаны и начали претворяться в жизнь кардинальные меры по оздоровлению американской экономики, так называемый «новый подход», он оказался полностью втянутым в политическое противостояние. Он был убежден, что перемены приведут к развалу государства. Отстаивая привычный образ жизни и будучи убежденным в своей правоте, этот человек яростно ринулся в самую гущу борьбы с тем, что он считал политическим злом. Однако время перемен уже наступило, и волна новых политических и экономических реалий опрокинула его. Десять лет он боролся как на политической арене, так и в личной жизни, но вторая мировая война добила его окончательно и в политическом, и в идеологическом отношении. С чувством горечи он ушел от дел и забрался в глушь, добровольно обрекая себя на ссылку. Когда я познакомился с ним, ему было уже восемьдесят четыре, он вернулся в родной город, чтобы дожить оставшиеся годы в доме престарелых. Мне было непонятно, что он жил так долго, учитывая испытываемые на протяжении десятилетий горечь и жалость к себе. Я ему чем-то понравился, и мы часто и подолгу беседовали.

Заканчивая разговор, который состоялся у нас перед моим отъездом в Мексику, он сказал: — У меня было достаточно времени, чтобы оглянуться назад и разобраться в происходившем. Главные события моей жизни уже давно стали историей, причем далеко не лучшими ее эпизодами. И возможно, что я потратил годы своей жизни в погоне за тем, чего просто не существовало. В последнее время я чувствую, что верил в какой-то фарс. Ради

этого не стоило жить. Теперь-то я это знаю. Но потерянных сорока лет уже не вернуть...

о Я сказал дону Хуану, что причиной моего внутреннего конфликта были его слова о контролируемой глупости.

— Если нет ничего, что имело бы значение, — рассуждал я, — то тогда, став человеком знания, неизбежно придешь к такой же опустошенности, как этот старик, и окажешься не в лучшем положении.

— Это не так, — возразил дон Хуан. — Твой знакомый одинок, потому что так и умрет, не умея видеть. В своей жизни он просто состарился, и сейчас у него больше оснований для жалости к себе, чем когда бы то ни было. Он чувствует, что потеряно сорок лет, потому что он жаждал побед, но потерпел поражение. Он так никогда и не узнает, что быть победителем и быть побежденным — одно и то же.

Теперь ты боишься меня, потому что я сказал тебе, что ты равнозначен всему остальному. Ты впадаешь в детство. Наша судьба как людей — учиться, и идти к знанию следует так, как идут на войну. Я говорил тебе об этом много раз. К знанию или на войну идут со страхом, с уважением, с осознанием того, куда идут, и с абсолютной уверенностью в себе. В себя ты должен верить, а не в меня!

Ты боишься пустоты, в которую превратилась жизнь твоего знакомого? Но в жизни человека знания не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев.

Дон Хуан встал и вытянул перед собой руки, как бы ощупывая что-то в воздухе.

— Все заполнено до краев, — повторил он, — и все равнозначно. Я не похож на твоего знакомого, который просто состарился. И, утверждая, что ничто не имеет значения, я говорю совсем не о том, что имеет в виду он. Для него его борьба не стоила усилий, потому что он потерпел поражение. Для меня нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и моя борьба стоила моих усилий.

Чтобы стать человеком знания, нужно быть воином, а не ноющим ребенком.

Бороться не сдаваясь, не жалуясь, не отступая, бороться до тех пор, пока не увидишь. И все это лишь для того, чтобы понять, что в мире нет ничего, что имело бы значение.

Дон Хуан помешал содержимое кастрюли деревянной ложкой. Суп был готов. Он снял кастрюлю с огня и поставил на прямоугольное кирпичное сооружение возле стены, которым пользовался как столом и полкой, и ногой придвинул к столу два низких ящика, служивших стульями. Сидеть на них было довольно удобно, особенно если прислониться спиной к вертикальным брусьям стены. Налив мне полную миску, дон Хуан знаком пригласил меня к столу. Он улыбался, глаза его сияли, словно мое присутствие доставляло ему море радости. Аккуратным движением он пододвинул мне миску. В том, как он это сделал, было столько тепла и доброты, что я воспринял этот жест как предложение восстановить свою веру в него. Я почувствовал себя идиотом и, чтобы как-то развеять это ощущение, начал разыскивать свою ложку. Ее нигде не было. Суп был слишком горячим, чтобы пить прямо из миски, и, пока он остывал, я спросил у дона Хуана, означает ли контролируемая глупость то, что человек знания никого не может любить.

Дон Хуан перестал есть и расхохотался.

— Ты слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы тебя любили. Человек знания любит, и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не заботиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем сейчас занимаешься ты. Любить людей или быть любимым ими — это еще далеко не все, что доступно человеку.

Он посмотрел на меня, слегка склонив голову набок, и добавил:

— Подумай об этом. — Дон Хуан, есть еще один момент, о котором я хотел бы спросить. По твоим словам, для того, чтобы смеяться, нужно смотреть глазами; но мне кажется, что мы смеемся потому, что думаем. Возьми слепого — он тоже смеется.

— Нет. Слепые не смеются. Они могут производить звуки, похожие на смех, и тела их при этом будут вздрагивать, как при смехе. Но они никогда не смотрели на смешные стороны мира, им приходится их воображать. Поэтому

по-настоящему хохотать слепые не могут.

Больше мы не разговаривали. Я чувствовал себя счастливым. Сначала мы ели молча; а потом дон Хуан начал смеяться — я использовал сухой прутик, чтобы подносить овощи ко рту.

4 октября 1968

Сегодня днем, выбрав время, я спросил дона Хуана, не будет ли он возражать, если мы немного поговорим о видении. Он сначала вроде согласился, но потом, усмехнувшись, сказал, что я вновь взялся за свое — пытаюсь подменить разговорами действие.

— Если ты хочешь видеть, ты должен позволить дымку вести себя, — сказал он с ударением. — Разговаривать же об этом я не желаю.

Я помогал ему очищать какие-то сухие растения. Довольно долго мы работали в полном молчании. От долгого молчания мне всегда становилось не по себе, особенно в присутствии дона Хуана. Наконец я не выдержал и задал вопрос, вырвавшийся у меня чуть ли не самопроизвольно:

— Как человек знания применяет контролируемую глупость, если умирает тот, кого он любит?

Вопрос застал дона Хуана врасплох. Он удивленно взглянул на меня.

— Возьмем Лусио, — развил я свою мысль. — Если он будет умирать, останутся ли твои действия контролируемой глупостью? — Давай лучше возьмем моего сына Эулалио. Это — более подходящий пример, — спокойно ответил дон Хуан. — На него свалился обломок скалы, когда мы работали на строительстве Панамериканской магистрали. То, что я делал, когда он умирал, было контролируемой глупостью. Подойдя к месту обвала, я понял, что он уже практически мертв. Но он был очень силен, поэтому тело еще продолжало двигаться и биться в конвульсиях. Я остановился перед ним и сказал парням из дорожной бригады, чтобы они его не трогали. Они послушались и стояли вокруг, глядя на изуродованное тело. Я стоял рядом, но не смотрел, а сдвинул восприятие в положение видения. Я видел, как распадается его жизнь, расползаясь во все стороны подобно туману из мерцающих кристаллов.

Именно так она обычно разрушается и испаряется, смешиваясь со смертью. Вот что я сделал, когда умирал мой сын. Это — единственное, что вообще можно сделать в подобном случае. Если бы я смотрел на то, как становится неподвижным его тело, то меня бы изнутри раздирал горестный крик, поскольку я бы чувствовал, что никогда больше не буду смотреть, как он, красивый и сильный, ступает по этой земле.

Но я выбрал видение. Я видел его смерть, и в этом не было печали, не было вообще никакого чувства. Его смерть была равнозначна всему остальному.

Дон Хуан замолчал: он казался печальным. Вдруг он улыбнулся и потрепал меня по затылку.

— Другими словами, когда умирает тот, кого я люблю, моя контролируемая глупость заключается в смещении восприятия, — сказал он.

Я вспомнил тех, кого любил сам, и сердце защемило от приступа жалости к себе.

— Счастливый ты, дон Хуан. Умеешь сдвигать восприятие. А я могу только смотреть...

Мои слова его рассмешили.

— Счастливый... Осел! — произнес он. — Это — тяжкий труд.

Мы засмеялись. После длительной паузы я снова начал его расспрашивать, видимо для того, чтобы развеять собственную печаль.

— Дон Хуан, если я правильно понимаю, в жизни человека знания контролируемой глупостью не являются только действия в отношении союзников и Мескалито? Верно?

— Верно, — кивнул он. — Союзники и Мескалито — существа совершенно иного плана. Моя контролируемая глупость распространяется только на меня и на мои действия по отношению к людям.

— Да, но логически можно предположить, что человек знания мог бы

рассматривать как контролируемую глупость также и свои действия в отношении союзников и Мескалито, не так ли?

Какое-то время он молча смотрел на меня.

— Снова ты начинаешь думать. Человек знания не думает, поэтому возможность такого логического предположения для него исключена. Возьмем, к примеру, меня. Я говорю, что практикую контролируемую глупость по отношению к людям, и говорю так потому, что способен их видеть. Однако я не могу увидеть, что скрывается за союзником, поэтому он для меня непостижим. Как, скажи на милость, могу я контролировать свою глупость, сталкиваясь с тем, чего не понимаю? По отношению к союзнику и Мескалито я всего лишь человек, который знает как видеть, человек, который поражен тем, что он видит; человек, которому никогда не будет дано постичь все, что его окружает.

Теперь возьмем, к примеру, тебя. Мне безразлично, станешь ты человеком знания или нет, а Мескалито это почему-то не безразлично. Ясно, что для него это имеет какое-то значение, иначе он не стал бы столько раз и так явно демонстрировать свою заинтересованность в тебе. Он позволил мне это заметить, и я иду ему навстречу хотя причины, заставляющие Мескалито действовать таким образом, для меня непостижимы.

Глава 6

5 октября 1968

Мы с доном Хуаном садились в машину, собираясь ехать в Центральную Мексику. Неожиданно он меня остановил.

— Я уже не раз говорил тебе, что нельзя раскрывать настоящих имен магов и рассказывать, где они живут. Думаю, ты понял, что мое истинное имя и место,

в котором находится мое тело, всегда должны оставаться в тайне. Сейчас я хочу попросить тебя о том же в отношении моего друга. Ты будешь называть его Хенаро. Сейчас мы поедем к нему и немного у него погостим.

Я заверил дона Хуана, что никогда не нарушал этого условия.

— Я знаю, — сказал он по-прежнему серьезно. — Но меня беспокоит то, что временами ты становишься рассеянным и очень уж беспечным.

Я было запротестовал, но дон Хуан сказал, что хотел только напомнить мне о том, что неосторожность в магии — это игра со смертью, бесчувственной и готовой в любой момент стереть с лица земли совершившего ошибку. Но внимательность и осознание каждого шага могут предотвратить такой исход.

— Больше мы к этому возвращаться не будем, — сказал он. — Как только мы отъедем от моего дома — ни слови о Хенаро, более того — ни одной мысли о нем. А сейчас — приведи, пожалуйста, свои мысли в порядок. Когда ты с ним встретишься, тебе нужно будет отбросить все сомнения и стать чистым.

— О каких сомнениях ты говоришь, дон Хуан?

— О любых. К моменту встречи ты должен быть кристально чист. Он увидит тебя.

Его странные предостережения сильно меня обеспокоили. Я заметил, что, может быть, мне вообще не стоит знакомиться с его другом. Я мог бы просто отвезти дона Хуана туда и высадить где-то неподалеку от его дома.

— Я лишь предупредил тебя, — сказал дон Хуан. — Ты уже однажды познакомился с магом, и он чуть не убил тебя. Я имею в виду Висенте. Так что в этот раз будь осторожней. Приехав в один из городков Центральной Мексики, мы оставили машину на стоянке и пешком отправились в горы, туда, где жил друг дона Хуана. Переход занял два дня. Наконец, показалась маленькая хижина, прилепившаяся к склону горы. Хозяин стоял в дверях, словно ожидая нас. Я сразу же его узнал — мы, оказывается, уже встречались, правда, мимоходом, в тот день, когда я привез дону Хуану свою книгу. Тогда я не обратил на него особого внимания. Мне казалось, что он примерно одного возраста с доном Хуаном. Однако сейчас, когда он стоял в дверях, я заметил,

что он значительно моложе — где-то чуть больше шестидесяти. Он был ниже дона Хуана ростом, тоньше, очень жилистый и темнокожий. Довольно длинные и очень густые черные с проседью волосы закрывали уши и лоб. Выражение округлого лица было жестким. Длинный нос и маленькие темные глаза придавали ему сходство с какой-то хищной птицей.

Сначала он обратился к дону Хуану. Тот утвердительно кивнул. Они перекинулись несколькими фразами, но говорили не по-испански, так что я ничего не понял. Потом дон Хенаро обратился ко мне. — Добро пожаловать в мою скромную маленькую лачугу, — извиняющимся тоном произнес он по-испански.

Это была стандартная вежливая формула, которую мне неоднократно доводилось слышать в сельских районах Мексики. Но произнося ее, он без видимой причины засмеялся так радостно, что я понял — это его контролируемая глупость. Ему было в высшей степени безразлично, что дом его — лачуга. Мне дон Хенаро очень понравился.

Первых два дня мы бродили по горам, собирая растения. Отправлялись мы на рассвете. Старики уходили вдвоем — у них в горах было какое-то особое место, — а меня оставляли в лесу. Чувствовал я себя там замечательно. Время пробегало незаметно, одиночество меня ничуть не угнетало. Оба дня я находился в состоянии удивительной собранности. Мне удалось добиться необычайной для себя сосредоточенности на поиске определенных видов растений, которые поручил мне собирать дон Хуан.

Возвращались мы поздно вечером. Я так уставал, что засыпал практически мгновенно.

Но на третий день мы работали вместе. Дон Хуан попросил дона Хенаро научить меня собирать некоторые растения. Вернулись мы к полудню; оба старика уселись перед домом и неподвижно просидели несколько часов, словно в трансе. Но они не спали. Я дважды проходил перед ними, и оба раза они провожали меня глазами.

— Прежде чем сорвать растение, с ним нужно поговорить, — сказал дон Хуан. Он произнес это очень размеренно и трижды повторил, как будто пытаясь завладеть моим вниманием. До этого никто не произнес ни слова.

— Чтобы увидеть растения, с ними нужно разговаривать, — продолжал он. — И с каждым из них необходимо познакомиться. Тогда они расскажут все, что ты захочешь о них узнать.

Вечерело. Дон Хуан сидел на плоском камне, лицом на запад — в сторону гор, дон Хенаро — рядом с ним на соломенной циновке, лицом на север. В первый же день после нашего приезда дон Хуан объяснил мне, что это — «их положения», и что мне следует садиться на землю в любом месте напротив них. Еще он добавил, что когда мы втроем сидим в «своих положениях», я должен располагаться лицом на юго-восток, и на них не смотреть, а только изредка поглядывать.

— Да, именно так обстоит дело с растениями, верно я говорю? — дон Хуан повернулся к дону Хенаро, и тот ответил утвердительным кивком.

Я сказал, что не выполняю его указаний насчет разговоров с растениями, так как, занимаясь этим, я чувствую себя глупо.

— Ты не понял. Маги не шутят, — сурово произнес дон Хуан. — Попытка мага видеть — это попытка овладеть силой.

Дон Хенаро с недоумением уставился на меня: его, видимо, сбивало с толку то, что я непрерывно пишу. Улыбнувшись мне, он тряхнул головой и что-то сказал дону Хуану. Дон Хуан пожал плечами. Дону Хенаро непрерывно пишущий ученик мага, должно быть, казался явлением весьма странным, по крайней мере, смотреть на это без смеха он не мог. Дон Хуан уже давно привык к тому, что я постоянно что-то записываю, и не обращал на это никакого внимания, продолжая говорить как ни в чем не бывало. Однако реакция дона Хенаро несколько нарушала общий настрой беседы, поэтому я отложил блокнот. Дон Хуан еще раз подчеркнул, что маги не шутят, поскольку для них каждый поворот пути — это игра со смертью. Потом он рассказал дону Хенаро об огнях смерти, которые я видел ночью за спиной на шоссе среди пустынных холмов. В этой истории, видимо, было что-то очень смешное — дон Хенаро от хохота буквально катался по земле.

Дон Хуан извинился передо мной, сказав, что его друг бывает подвержен приступам смеха. Я взглянул на дона Хенаро, ожидая увидеть его все еще

катающимся по земле, но взору моему предстало нечто такое, что я невольно подскочил от изумления. Это было немыслимо и даже противоестественно — он стоял на голове без помощи рук. Ноги его при этом были спокойно сложены крест-накрест, как он их складывал, сидя на своей циновке. Но когда до меня, наконец, дошло, что с точки зрения законов механики человеческого тела дон Хенаро проделал нечто попросту невозможное, тот уже снова как ни в чем не бывало сидел в исходном положении. Дон Хуан, похоже, был в курсе происходящего, потому что приветствовал поразительный трюк своего друга взрывом раскатистого хохота.

Дон Хенаро вроде бы заметил, что я потрясен. Он похлопал в ладоши, приглашая меня следить за тем, что делает, и снова начал кататься по земле. Теперь я заметил, что в действительности он не катался по земле, а раскачивался из стороны в сторону, постепенно увеличивая амплитуду этих маятникообразных движений. В конце концов крутящий момент становишься достаточным для того, чтобы тело, перевернувшись, оказывалось в том противоестественном положении, которое я видел, и несколько мгновений дон Хенаро «сидел на собственной голове».

Когда они успокоились и перестали хохотать, дон Хуан продолжил. Тон его был очень суровым. Я немного подвинулся, сев поудобнее, чтобы не отвлекаться и полностью сосредоточиться на его словах. Обычно он говорил с улыбкой, особенно тогда, когда я слушал очень внимательно. Но сейчас улыбки не было. Дон Хенаро смотрел на меня, как бы ожидая, что я вот-вот возьмусь за карандаш. Но я решил больше не записывать. Дон Хуан устроил мне форменный разнос за то, что я не разговариваю с растениями, которые собираю, хотя он и велел мне это делать. Он говорил, что убитые мною растения вполне могли бы прикончить меня и что рано или поздно я неизбежно заболею из-за того, что обошелся с ними без должного уважения.

— Правда, ты никогда не согласишься с тем, что твоя болезнь — следствие неправильного обращения с растениями, — сказал дон Хуан, — и наверняка предпочтешь считать ее гриппом.

Они снова засмеялись, а потом дон Хуан очень серьезно и очень жестко добавил, что если не думать о своей смерти, то жизнь так и останется не более, чем личным хаосом.

— Что вообще может быть у человека, кроме его жизни и смерти? — задал он мне риторический вопрос.

Я почувствовал, что нужно записывать, и снова взялся за блокнот. Дон Хенаро уставился на меня, улыбаясь во весь рот. Потом он склонил голову набок и раздул ноздри. Мимикой он владел в совершенстве — ноздри увеличились в диаметре чуть ли не вдвое.

Но комичнее всего были не жесты дона Хенаро, а его собственная реакция на них. Раздув ноздри, он наклонился и снова встал в свою фантастическую стойку на голове.

Дон Хуан хохотал до слез. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся.

— Хенаро не любит, когда пишут, — объяснил дон Хуан.

Я отложил блокнот, но дон Хенаро заверил меня, что все нормально и он нисколько не возражает. Я снова взял блокнот и начал писать. Дон Хенаро повторил представление, и они опять хохотали до упаду.

Все еще смеясь, дон Хуан сказал, что его друг изображает меня — когда я пишу, то раздуваю ноздри. А по мнению дона Хенаро, пытаться стать магом, записывая поучения, — такое же трудное и нелепое занятие, как сидение на голове.

— Как это ни смешно, но вы с Хенаро очень похожи, — сказал дон Хуан. — Кроме него, никто не умеет так «сидеть на голове», а ты единственный, кто думает, что можно стать магом, записывая в блокнот поучения. Они снова засмеялись, и дон Хенаро опять повторил свой невероятный трюк: Этот человек мне определенно нравился. В его движениях были непревзойденная грация и точность.

— Прошу прощения, дон Хенаро, — сказал я, указывая на блокнот.

— Все о'кей, — усмехнулся он.

Больше записывать я не решался. Они долго говорили о способности растений убивать и об использовании магами этого свойства. Все время оба пристально

смотрели на меня, как бы ожидая, что я начну записывать.

— Карлос у нас — как необъезженная лошадка. С ним нужно обращаться деликатно. Видишь, Хенаро, ты испугал его, и теперь он не может писать.

Дон Хенаро раздул ноздри, вытянул губы и сказал: — Ну что ты, Карлитос, пиши. Пиши, дорогой! Пока пальцы не отвалятся.

Дон Хуан встал и потянулся всем телом, подняв руки и выгнув спину. Несмотря на возраст, тело его выглядело очень сильным и гибким. Он ушел в кусты за дом, и я остался наедине с доном Хенаро. Тот посмотрел на меня. Я почувствовал смущение и отвел взгляд.

— Ах, и глядеть в мою сторону не хочет, — сказал он шутовским тоном.

Он снова раздул ноздри и сделал так, что они задрожали. Потом встал и, повторяя движение дона Хуана, потянулся, выгнув спину и подняв руки. Тело его при этом невероятным образом изогнулось и приняло совершенно немыслимое положение. В этом движении странным образом сочетались грация, гармония и какая-то шутовская нелепость — это была мастерски исполненная пародия на дона Хуана.

Как раз в этот момент дон Хуан появился из-за дома, заметил эту сцену, явно уловив ее значение, и с усмешкой сел на свое место.

— Куда дует ветер? — многозначительно спросил дон Хенаро.

Дон Хуан кивнул в сторону запада. — Ага... Схожу-ка я туда, куда ветер дует, — очень серьезно произнес дон Хенаро. Повернувшись, он погрозил мне пальцем:

— Не пугайся, если вдруг услышишь странные звуки. Запомни, Хенаро срет — земля дрожит!

Одним прыжком он скрылся в кустах, и спустя несколько мгновений я услышал странный звук — глубокий неземной грохот. Не зная что и думать, я взглянул на дона Хуана. Но тот катался по земле, корчась от хохота.

17 октября 1968

Не помню уже, по какому поводу дон Хенаро пустился в объяснение устройства того, что он называл «другим миром». Он сказал, что по-настоящему великий маг — это орел, вернее, он может превращаться в орла. Черный маг — «теколот», то есть сова. Он — порождение ночи, поэтому ему наиболее подходят горный лев и другие дикие кошки, а также ночные птицы, и в особенности — сова. «Брухос лирикос» — лирические маги, то есть маги-дилетанты, предпочитают других животных, например, ворону. Дон Хуан засмеялся.

Дон Хенаро повернулся к нему и сказал:

— Правда, Хуан, ты же сам знаешь…

Потом он объяснил, что маг может взять своего ученика с собой в путешествие сквозь десять слоев другого мира. Маг, если он действительно орел, начинает с самого нижнего слоя и последовательно проходит все десять до самого верха. Черные маги и дилетанты способны с огромным трудом добраться лишь до третьего снизу.

Дон Хенаро описал прохождение слоев другого мира так:

— Ты — в самом низу. Вот учитель берет тебя в полет, и скоро — бах — пролетаешь первый слой. Потом — бах — пролетаешь второй. Бах — третий…

Он методически «бахнул» десять раз, проведя меня таким образом сквозь все слои. Когда он закончил, дон Хуан посмотрел на меня и сочувственно улыбнулся.

— Разговоры не являются предрасположенностью Хенаро, но, если ты не против, он может преподать тебе практический урок равновесия. Дон Хенаро важно кивнул, подтверждая его слова. При этом он слегка выпятил губы и прикрыл глаза. Мне его жест показался замечательным.

Дон Хенаро встал, дон Хуан — тоже.

— Ладно, — сказал дон Хенаро. — Тогда поехали. Заскочим только за

Нестором и Паблито. Они уже дома. По вторникам они освобождаются рано.

Они сели в машину, дон Хуан — на переднее сиденье. Ничего не спрашивая, я завел мотор. Дон Хуан показывал дорогу к дому Нестора. Когда мы приехали, дон Хенаро зашел в дом и через несколько минут вышел с Нестором и Паблито — своими молодыми учениками. Все сели в машину, и дон Хуан велел ехать на запад — в горы.

Я оставил машину на обочине грунтовой дороги. С этого места был виден водопад; к нему мы и направились вдоль речушки шириной метров пять-семь. Близился вечер. Окрестности впечатляли. Прямо над нами висела огромная, темная с синевой туча. Она была похожа на подвешенную в пространстве крышу с четко очерченным полукруглым краем. На западе — над склонами высоких гор Центральных Кордильер — шел дождь. Он был подобен белесому занавесу, ниспадавшему на сине-зеленые вершины. К востоку от нас лежала глубокая длинная долина, освещенная солнцем. Над ней виднелись только рваные клочья облаков. Резкий контраст поражал воображение. Мы остановились у подножия водопада. Высотой он был метров пятьдесят. Рев воды был оглушительный.

В руках у дона Хенаро откуда-то взялся пояс, на котором висело не меньше семи каких-то вещиц, похожих на маленькие кувшинчики. Его он надел на талию. Сняв шляпу, дон Хенаро сбросил ее за спину, и она повисла на шнурке. Вытащив кошелек, сделанный из плотной шерстяной ткани, он достал оттуда головную ленту, связанную из разноцветных ниток, на которой особо выделялся ярко-желтый цвет. В нее он воткнул три пера, похожих на орлиные. Я заметил, что расположил он их асимметрично: одно — над кончиком правого уха, второе — на несколько сантиметров ближе ко лбу, третье — возле левого виска. Он снял сандалии, привязал их к брючному ремню и заправил под пояс пончо. Мне не было видно, застегивается пояс или завязывается, но сделан он был вроде из переплетенных полосок кожи.

Дон Хуан сел на круглый камень, предварительно придав ему устойчивое положение. Нестор и Паблито тоже выбрали себе по камню и сели слева от него. Дон Хуан показал мне место справа от себя и сказал, что я должен принести камень и сесть.

— Нам нужно образовать прямую, — объяснил он, показывая, что втроем они

уже сели в ряд.

К этому времени дон Хенаро приблизился к водопаду и начал взбираться по тропе справа от него. С места, где мы сидели, обрыв выглядел очень крутым, практически отвесным. Вдоль тропы росло довольно много кустов, хватаясь за которые, дон Хенаро подтягивался. В какой-то миг он оступился и чуть не свалился вниз. Мне показалось, что он поскользнулся на мокрой глине. Через мгновение он снова чуть не упал, и я подумал, что дон Хенаро, пожалуй, уже староват для скалолазания. Прежде, чем добраться до конца тропы, он оступился еще несколько раз.

Когда дон Хенаро начал взбираться дальше прямо по скале, я даже растерялся, не представляя, что он собирается делать.

— Что он делает? — шепотом спросил я.

Дон Хуан даже не взглянул на меня.

— Насколько я понимаю — карабкается, — ответил он, не отрывая неподвижного взгляда полуприкрытых глаз от дона Хенаро. Выпрямившись, дон Хуан сидел на краю камня, зажав ладони между ног

Я слегка подался вперед, желая взглянуть, что делают Нестор и Паблито, но дон Хуан жестом велел мне сидеть смирно и не нарушать линию. Я тут же выпрямился, вернувшись в первоначальное положение. Судя по тому, что я успел заметить краем глаза, молодые люди были так же напряженно-внимательны, как дон Хуан.

Дон Хуан указал на водопад. Я вновь стал наблюдать за доном Хенаро. Он медленно пробирался вдоль выступа, чтобы обойти огромный нависший козырек. Руки его были расставлены в стороны, словно он хотел обнять скалу. С предельной осторожностью он двигался вправо. Вдруг ноги его сорвались. Я невольно ахнул. В какой-то момент все его тело повисло в воздухе. Я был уверен, что он падает, но он не упал, уцепившись за что-то правой рукой. Быстро и четко он снова поймал ногами опору. Прежде, чем двинуться дальше, он повернулся к нам. Это был мимолетный взгляд. Но движение было настолько точным и отработанным, что я невольно обратил на это внимание, вспомнив, что так повторялось всякий раз, когда дон Хенаро делал ошибку.

Может быть, его раздражала собственная неуклюжесть, и он смотрел, не наблюдаем ли мы за ним в этот момент?

Поднявшись чуть выше, он снова потерял опору, повиснув на каменном выступе. На этот раз он уцепился левой рукой. Восстановив равновесие, он опять взглянул на нас. Прежде, чем дону Хенаро удалось добраться до вершины, он оступился еще дважды.

Ширина потока на кромке водопада была метров шесть-семь. По крайней мере, так казалось снизу, оттуда, где мы сидели.

Дон Хенаро на какое-то время замер. Я хотел было спросить у дона Хуана, что будет дальше, но он был настолько увлечен наблюдением, что я не решился его беспокоить.

Внезапно дон Хенаро прыгнул в воду. Это был до того неожиданный поступок, что у меня перехватило дыхание. Это был великолепный, неземной прыжок. На мгновение мне показалось, что я вижу серию наложенных друг на друга снимков его тела, совершающего эллиптический полет на середину реки.

Придя в себя, я заметил, что дон Хенаро приземлился на камень, едва видневшийся возле кромки водопаду. Он стоял на нем довольно долго. Казалось, он борется с потоком. Дважды он зависал над обрывом, и это было немыслимо, я не мог понять, как ему удается устоять на ногах. Наконец, он добился равновесия и присел на корточки. Потом он прыгнул снова. Этот прыжок был похож на прыжок тигра. Камень, на который он приземлился, я едва мог разглядеть — крохотный конический выступ на краю водопада. Там дон Хенаро неподвижно простоял почти десять минут. Это была настолько впечатляющая картина, что меня начала бить дрожь. Хотелось вскочить и куда-то бежать. Заметив, что я нервничаю, дон Хуан велел мне успокоиться. Тем временем неподвижность дона Хенаро, стоявшего посреди потока на краю водопада, ввергла меня в состояние дикого мистического ужаса. Останься он там еще несколько мгновений — и я бы утратил контроль над собой.

Но дон Хенаро опять прыгнул, на этот раз — на противоположный берег потока. Приземлившись на четыре точки, как кошка, он немного посидел на корточках, встал, взглянул на другую сторону потока, потом — на нас. Он стоял, не двигаясь, и смотрел вниз. Руки его были сжаты в кулаки, как будто

он держался за невидимые поручни. В его стойке было что-то необычайное, какая-то странная грация и тонкая гармония. Мне даже подумалось, что босой дон Хенаро в своем темном пончо, с лентой и перьями на голове был самым красивым человеческим существом из всех, кого я когда-либо видел.

Вдруг он поднял руки, запрокинул голову и сделал боковое сальто влево, скрывшись за круглым валуном.

В этот момент упали первые крупные капли дождя. Дон Хуан, Нестор и Паблито встали. Их движение было таким порывистым и внезапным, что я замешкался. Мастерский трюк дона Хенаро привел меня в состояние необычайного эмоционального возбуждения. Его искусство было непревзойденным, мне хотелось сейчас же увидеть его и выразить свое восхищение.

Я напряженно всматривался в скалы слева от водопада, думая, что дон Хенаро спускается вниз, но его не было. Я настаивал, чтобы мне сказали, что с ним. Дон Хуан не отвечал.

— Нужно спешить, — сказал он, — Сейчас начнется ливень. Нам пора возвращаться на Северо-Запад, но прежде нужно завезти домой Нестора и Паблито.

— Да, но я даже не попрощался с доном Хенаро, — пожаловался я. — Зато он попрощался с тобой, — резко ответил дон Хуан.

Секунду он сверлил меня глазами, потом взгляд его смягчился, и он улыбнулся.

— Он даже пожелал тебе всего самого лучшего, — добавил он. — Ему было приятно с тобой общаться.

— Что, мы не будем его ждать?

— Нет. Пусть он останется там, где он есть. Может, в это мгновение он орлом парит в другом мире, а может — просто умер там наверху. Сейчас это уже не имеет значения.

23 октября 1968

Как бы невзначай дон Хуан заметил, что скоро опять собирается в Центральную Мексику.

— К дону Хенаро? — спросил я.

— Возможно... — сказал он, не глядя на меня. — С ним все в порядке, не так ли, дон Хуан? Я хочу сказать; с ним ведь ничего не случилось там, над водопадом?

— Ничего с ним не случилось. Он крепок.

Мы немного поговорили о деталях предстоящей поездки, а потом я сказал, что мне очень понравился дон Хенаро, особенно — его шутки. Я все пытался придумать, как бы поделикатнее расспросить об уроке на водопаде.

Дон Хуан взглянул на меня и довольно ехидно спросил:

— Тебе, небось, до смерти любопытно, что за урок Хенаро устроил на водопаде, да?

Я напряженно засмеялся. Любопытно? Да для меня все, что тогда произошло, стало прямо-таки наваждением! Снова и снова перебирая в памяти детали этого события, я уже в который раз приходил к выводу, что стал свидетелем демонстрации фантастического физического совершенства. Я считал, что дон Хенаро, вне всякого сомнения, — выдающийся мастер эквилибристики, настолько отработанным и даже ритуализированным было каждое движение этого невероятно сложного представления.

— Да, — сказал я, — мне до смерти хочется узнать, что это был за урок. — Тогда, пожалуй, я должен тебе кое-что рассказать. Для тебя это была пустая трата времени. Урок был предназначен тем, кто видит. Паблито и Нестор кое-что уловили, некий отблеск, хотя они видят еще плохо. Но ты — ты только смотрел. Я говорил Хенаро, что ты очень странный набитый дурак, и что такой урок мог бы вытрясти многое из того, чем ты набит. Но у нас, похоже, ничего не вышло. Впрочем, это не имеет значения. Научиться видению очень трудно.

Я не хотел, чтобы ты разговаривал с Хенаро, когда все закончилось, поэтому мы уехали так быстро. Это плохо. Но если бы мы остались, было бы еще хуже. Хенаро сильно рисковал, чтобы показать тебе настоящее чудо. Но ты не видел. И это очень плохо.

— Дон Хуан, а ты сам не мог бы мне рассказать, в чем заключался урок? Вдруг окажется, что я все-таки что-то видел.

От смеха он согнулся пополам. — Привычка задавать вопросы — твое самое лучшее качество, — сказал он, явно закрывая тему.

Он поднялся и направился в дом. Я последовал за ним, требуя, чтобы он выслушал мой рассказ о том, что я видел. Он согласился. Подробно, стараясь ничего не упустить, я рассказал ему все, что помнил. Улыбаясь, он меня внимательно выслушал, а потом покачал головой и сказал:

— Научиться видеть очень тяжело.

Я просил его объяснить, о чем идет речь, но он безапелляционно заявил:

— О видении не говорят.

Было ясно, что дон Хуан не собирался мне ничего рассказывать, и я ушел выполнять разные мелкие поручения, которые он дал мне раньше.

Вернулся я уже затемно. Мы поужинали и вышли под рамаду. Как только мы сели, дон Хуан сам заговорил об уроке дона Хенаро. Он не дал мне ни минуты на подготовку. Блокнот был у меня с собой, но было уже темно, а перебивать его мне не хотелось, поэтому я не пошел за керосиновой лампой. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро — мастер равновесия и может выполнять очень сложные и требующие огромных энергетических затрат действия. Его способ стоять на голове — одно из них. Так дон Хенаро пытался показать мне, что невозможно и видеть, и писать одновременно. Стойка на голове без помощи рук — всего лишь шутовской трюк, который может длиться мгновения. По мнению дона Хенаро, одновременное записывание и видение — это такой же странный, сложный и ненужный маневр, как его «сидение на голове».

Дон Хуан в темноте пристально посмотрел на меня и драматическим тоном сказал, что когда дон Хенаро «обрабатывал» меня с помощью своих фокусов, я был на грани видения. Дон Хенаро заметил это и попытался развить достигнутый успех многократным повторением своих манипуляций. Но тщетно — я уже потерял нить.

По словам дона Хуана, я очень понравился дону Хенаро, и тот решил еще раз попытаться сдвинуть меня на грань видения. Тщательно все взвесив и обдумав, он решил показать мне чудо равновесия в потоке на кромке водопада. Он усматривал сходство между потоком и той гранью, перед которой остановился я, и был уверен, что, пересекая водопад столь невероятным способом, он сдвинет меня и заставит пересечь эту грань.

Потом дон Хуан объяснил, как дон Хенаро смог совершить свой немыслимый трюк. Для того, кто видит, люди выглядят как светящиеся существа, состоящие из чего-то, похожего на волокна света, которые, заворачиваясь спереди назад, образуют пространственную структуру, по форме напоминающую яйцо. Дон Хуан напомнил, что уже рассказывал мне об этом, а также о том, что самой удивительной частью яйцеобразных существ является пучок длинных волокон, исходящих из области пупка и играющих ключевую роль в жизни людей. В использовании этих «щупальцеобразных» волокон и заключался секрет чуда равновесия дона Хенаро. С акробатическими этюдами его действия не имели ничего общего.

Так же внезапно, как он начал говорить об уроке дона Хенаро, дон Хуан перевел разговор на другую тему.

24 октября 1968

Мне удалось загнать дона Хуана в угол. Сославшись на интуицию, я сказал ему, что второго такого урока равновесия в моей жизни не будет и что если он не объяснит мне все сейчас, то шанс извлечь из этого урока хоть что-то будет упущен навсегда. Дон Хуан сказал, что здесь я прав — дон Хенаро никогда больше не повторит для меня свой урок. Потом он спросил:

— Ладно, давай — что тебя интересует?

— Расскажи о щупальцеобразных волокнах.

— Это щупальца, исходящие из середины человеческого тела. Они хорошо заметны любому магу-видящему. По виду этих щупалец он определяет, что из себя представляет тот или иной человек и как следует с ним себя вести. У слабых людей волокна-щупальца короткие, их почти не видно. У людей сильных они яркие и длинные. У Хенаро, например, они светятся так ярко, что кажется, будто это — не отдельные волокна, а массивное утолщение на оболочке. По этим волокнам видно, здоров человек или болен, злой он или добрый, подлый или какой-нибудь еще. По ним можно также сказать, способен человек видеть или нет. Но с этим бывают сложности. Когда Хенаро увидел тебя, он, как в свое время Висенте, решил, что ты можешь видеть. Я тоже вижу тебя как видящего, но тем не менее знаю, что это не так — ты пока не способен видеть. Хенаро так и не смог в этом разобраться. Я говорил ему, что ты очень странный, но он захотел сам в этом убедиться. Поэтому и взял тебя к водопаду.

— Как ты думаешь, почему я произвожу впечатление видящего?

Дон Хуан не ответил. Он молчал довольно долго. Мне не хотелось беспокоить его вопросами. В конце концов он ответил, что знает причину, но не может объяснить это словами.

— Все твои действия легко понять, потому что в них нет ничего необычного. Отсюда и твоя уверенность в том, что понять можно все в мире. Там, возле водопада, ты смотрел, как Хенаро пересекает поток, и был уверен, что он — мастер эквилибристики, потому что ничего другого предположить ты не мог. Теперь для тебя все это таким и останется навсегда. Но Хенаро никогда не прыгал через поток. Если бы он прыгнул, он бы неминуемо разбился. Хенаро удерживал равновесие, цепляясь своими мощными яркими волокнами-щупальцами, вытягивая их настолько, что смог как бы перекатиться по ним через поток. Он продемонстрировал нам искусство управления щупальцеобразными волокнами, сознательно заставляя их удлиняться и двигаться с поразительной точностью.

Паблито видел почти все, Нестор — только основные моменты, детали от него ускользнули, а ты не видел ничего.

— Но, может, если бы ты сказал мне заранее...

Он резко перебил меня, сказав, что, если бы он меня проинструктировал, то я бы только мешал дону Хенаро своими волокнами-щупальцами.

— Если бы ты видел, то с первого же шага Хенаро понял бы, что он не делал ошибок, поднимаясь вверх по скале рядом с водопадом, а просто отпускал волокна, чтобы перехватиться ими. Дважды он цеплялся ими за круглые выступы, буквально приклеиваясь к скале, как муха. Наверху он зацепился волокнами за маленький камень посреди потока и, как следует зафиксировав их там, позволил им сократиться и притянуть его к этому камню. Хенаро не прыгал, только это позволяло ему точно приземляться на скользкие мокрые поверхности маленьких камней на самой кромке водопада. Каждый раз он плотно обматывал волокна вокруг камней, которые использовал.

На первом камне он стоял недолго, потому что часть его волокон была зацеплена за другой камень, поменьше, там, где поток был сильнее. Он позволил своим щупальцам перетянуть его туда. Это было самым потрясающим действием Хенаро, ведь форма поверхности камня была такой, что человек в принципе не мог бы на нем устоять. Но если бы Хенаро не оставил часть волокон на первом камне, то неизбежно был бы смыт потоком в пропасть.

На втором камне он стоял долго. Ему нужно было время для того, чтобы постепенно отцепить все волокна и перекинуть их на левый берег потока. Сделав это, он отцепил волокна, которыми цеплялся за первый камень. Это был сложнейший трюк. Хенаро — единственный человек, способный на такое. Он проделал этот смертельный номер специально для нас, но лично я думаю, что он действительно едва не сорвался. Дело в том, что в тот момент он мгновенно «выстрелил» лучом света через поток, зацепившись за левый берег, и только это, наверное, его и спасло. Я подозреваю, что на берег он перетянул себя только силой этого единственного луча. Перебравшись туда, он выпрямился, собрал все свои волокна-щупальца и заставил их сверкать подобно гирлянде огней. Это предназначалось только тебе. Если бы ты мог видеть, ты бы увидел.

Хенаро стоял там, глядя на тебя. И он понял тогда, что ты не видел ничего.

Часть вторая. Задача видения

Глава 7

Дона Хуана не было дома, когда я приехал к нему в полдень 8 ноября 1968 года. Не зная, где он может быть, я вошел в дом, сел и стал ждать. Почему-то я был уверен, что он скоро придет. Так и случилось. Вскоре дон Хуан действительно появился и, заметив меня, кивнул. Мы поздоровались. Вид у него был утомленный, он лег на циновку и несколько раз зевнул.

Я приехал, потому что меня преследовала мысль о необходимости научиться видеть. Я готов был даже использовать галлюциногенную курительную смесь. Решиться на это было ужасно трудно, и мне хотелось лишний раз убедиться, что другого выхода нет.

— Я хочу научиться видеть, дон Хуан, — сказал я без обиняков. — Но при этом я не хочу ничего принимать и не хочу курить твою смесь. Можно ли без этого обойтись? Дон Хуан сел, посмотрел на меня и снова улегся.

— Нет, — отрезал он. — Тебе придется использовать дымок.

— Но ведь ты сам говорил, что тогда, у дона Хенаро, я был на грани видения.

— Я имел в виду, что твое свечение было таким, будто ты в самом деле осознаешь, что делает Хенаро. Но ты не видел, ты все равно продолжал только смотреть. Совершенно очевидно: в тебе есть что-то, что делает тебя похожим на видящего. Но все-таки ты не видишь, потому что доверху набит

всякой ерундой. Тебе может помочь только дым.

— Зачем обязательно курить? Почему нельзя научиться видеть самостоятельно, без помощи дыма? Разве одного моего желания недостаточно? — Недостаточно. Видеть не так-то просто. Мир текуч. Чтобы уловить его отблеск, нужна огромная скорость восприятия. Тебе ее способен дать только дым. Иначе ты будешь по-прежнему лишь смотреть.

— Что значит «текучий мир»?

— Когда видишь, мир становится иным. Это — текучий мир, в котором все непрерывно движется, изменяется, течет. Я допускаю, что можно научиться воспринимать этот текучий мир самостоятельно, но к добру это не приведет: тело не выдержит напряжения и начнет разрушаться. Используя дым, человек избегает переистощения. Дым дает необходимую быстроту восприятия; он позволяет уловить отблеск текучего мира, сохранив незатронутым тело.

— Ладно, — решился я. — Довольно колебаний. Я готов курить.

Пафос моего заявления рассмешил его.

— Брось, — сказал он. — Вечно ты хватаешься не за то, что нужно. Воображаешь, что, позволив дыму себя направлять, ты достигнешь видения. Нет, дорогой, это требует еще очень и очень многого. И так всегда, что бы мы ни делали.

Лицо его стало серьезным. — Я был осторожен по отношению к тебе, действуя обдуманно и тщательно, — сказал он, — потому что это Мескалито велел мне тебя учить: это он захотел, чтобы ты узнал то, что знаю я. Но я не успею научить тебя всему. У меня хватит времени лишь на то, чтобы вывести тебя на путь, и я верю, что ты будешь искать, как искал я. Правда, ты ленивее и упрямее меня. Но ты — другой, и я не могу предвидеть, как повернется твоя жизнь.

Его рассудительный тон и его поведение вызвали во мне странное чувство — смесь страха, одиночества и ожидания.

— Но ничего, скоро мы узнаем, где ты стоишь, — произнес он.

Больше дон Хуан не сказал ничего. Немного погодя он вышел из дома. Я вышел следом и остановился перед ним в нерешительности, не зная — то ли сесть, то ли пойти и выгрузить из машины свертки, которые я ему привез. — Это будет опасно? — спросил я просто чтобы не молчать.

— Все опасно, — ответил он.

Похоже, дон Хуан ничего мне не собирался рассказывать. Он вошел в дом и сложил в сетку какие-то маленькие пакетики, кучей валявшиеся в углу. Я не предлагал ему свою помощь, потому что знал — если будет нужно, он сам позовет меня. Потом он улегся на свою соломенную циновку, велев мне тоже расслабиться и отдохнуть. Я лег на свою циновку и попытался уснуть, но не смог. Вчера, остановившись в мотеле, я спал почти до полудня, зная, что доеду за пару часов. Поэтому я не устал.

Дон Хуан тоже не спал. Он лежал с закрытыми глазами, едва заметно покачивая головой. Мне показалось, что он напевает про себя.

— Давай поедим, — сказал он.

Это было так неожиданно, что я вздрогнул. Он добавил:

— Тебе нужно собраться с силами и быть в хорошей форме.

Он сварил суп, но я не был голоден. На следующий день, 9 ноября, дон Хуан разрешил мне съесть только самую малость и велел отдыхать. Все утро я пролежал, но расслабиться так и не смог, потому что не знал, что у дона Хуана на уме. И что хуже всего, я не был уверен, что на уме у меня самого.

Было около трех часов дня. Мы сидели в тени рамады. Я был ужасно голоден и уже несколько раз намекал дону Хуану, что неплохо было бы подкрепиться. Но он не соглашался.

— Ты уже три года не готовил смесь, — неожиданно сказал он, — и тебе придется курить мою. Поэтому будем считать, что я сделал ее специально для тебя. Тебе понадобится ее совсем немного. Я набью трубку всего один раз. Ты выкуришь ее и будешь отдыхать. Затем придет страж другого мира. Тебе

нужно будет только наблюдать за ним. Внимательно наблюдай за всеми его движениями, запоминай каждое его действие. От того, насколько ты будешь внимателен, может зависеть твоя жизнь. Все это было сказано без всякой подготовки. Я не знал что сказать, даже что и подумать. Какое-то время я бормотал что-то невразумительное, пытаясь привести в порядок свои мысли. Наконец я спросил первое, что пришло в голову:

— Кто такой этот страж?

Дон Хуан наотрез отказался от пояснений, но я так нервничал, что не мог молчать, и отчаянно требовал, чтобы он рассказал мне об этом страже.

— Сам увидишь, — небрежно бросил он. — Он охраняет вход в другой мир.

— Какой мир? Мир мертвых?

— Нет. Не мир мертвых и не мир кого-либо еще. Просто другой мир. Об этом не имеет смысла говорить. Ты сам все увидишь.

С этими словами дон Хуан ушел в дом. Я поплелся за ним в его комнату.

— Постой, дон Хуан, постой. Что ты собираешься делать?

Не отвечая, он достал свою трубку, уселся на соломенную циновку посреди комнаты и уставился на меня с инквизиторским блеском в глазах. Казалось, он ждет моего согласия.

— Дурак ты, — мягко произнес он. — Ты же не боишься. Ты только говоришь, что боишься. Он медленно покачал головой из стороны в сторону, достал мешочек с курительной смесью и набил трубку.

— Дон Хуан, я боюсь. Я действительно боюсь.

— Нет, это — не страх.

Я отчаянно пытался оттянуть время и завел длинный разговор о природе своих ощущений, совершенно искренне утверждая, что по-настоящему боюсь. Но он сказал, что я дышу нормально и сердце бьется размеренно, так что это

— не страх.

Я на секунду задумался над его утверждениями. Он ошибся: в моем состоянии были некоторые явные физические изменения, как правило, сопровождающие чувство страха, и я действительно был в отчаянии. В воздухе словно витала неотвратимость судьбы, с желудком творилось что-то невообразимое, я был уверен, что сильно побледнел, ладони вспотели, и все же я вынужден был признать, что действительно не боюсь. Привычное и хорошо знакомое чувство страха, того страха, который был одной из черт моего характера, отсутствовало. Но я продолжал что-то говорить, расхаживая перед доном Хуаном, а он сидел на полу, держа в руках набитую трубку, и смотрел на меня все с тем же инквизиторским выражением лица. Немного подумав, я пришел к выводу, что чувство, заменившее сейчас мой обычный страх, является ощущением глубокого дискомфорта. Такой дискомфорт я испытывал всякий раз при одной только мысли о путанице, возникающей после приема галлюциногенов.

Некоторое время дон Хуан разглядывал меня, потом отвел взгляд в сторону и прищурился, как бы стараясь разглядеть что-то на очень большом расстоянии.

Я все ходил и ходил перед ним до тех пор, пока он наконец не велел мне сесть и расслабиться. Несколько минут мы сидели молча.

— Не хочется расставаться с ясностью, да? — неожиданно спросил он.

— Ты абсолютно прав, дон Хуан, — ответил я.

Он засмеялся с явным удовлетворением. — Ясность — второй враг человека знания. Она довлеет над тобой. Ты не боишься, но не хочешь ее терять. А так как ты — дурак, то называешь то, что с тобой происходит, страхом.

Он усмехнулся и попросил:

— Принеси-ка мне углей.

Сказано это было успокаивающим тоном и как-то по-доброму. Я автоматически поднялся, пошел в заднюю часть дома, вынул из очага немного тлеющих

угольков, насыпал их на керамическую плитку и принес в комнату.

— Иди сюда, — громко позвал дон Хуан снаружи.

Он расстелил соломенную циновку на том месте, где я обычно сидел. Я положил плитку с углями рядом с ним, и он подул на них, чтобы они немного разгорелись. Я сел было на землю, но он остановил меня и усадил на правый край циновки. Потом положил один уголек в трубку и протянул ее мне. Я взял ее. Я был поражен безмолвной силой, с которой дон Хуан мною управлял. Я не мог ни думать, ни говорить. Не имея больше никаких аргументов, я был убежден, что не боюсь, а просто не хочу терять ясности.

— Давай, давай, — мягко приказал он. — В этот раз — только одну трубку.

Я сделал затяжку. Смесь в трубке начала тлеть и зашипела. Мгновенно я почувствовал, как внутренняя поверхность гортани и носоглотки покрывается слоем льда. Сделал еще одну затяжку, и ледяная корка поползла в грудную клетку. К тому времени, как была сделана последняя затяжка, у меня появилось такое ощущение, что все тело от головы до пят наполнилось изнутри странным холодным огнем.

Дон Хуан взял у меня трубку и постучал ею о ладонь, вытряхивая пепел. Поплевав на палец, протер внутреннюю поверхность чашечки. Так он делал каждый раз после того, как пользовался трубкой.

Мое тело онемело, но тем не менее я мог шевелиться и сел поудобнее.

— Что дальше? — спросил я.

Говорить было трудно. Дон Хуан спрятал трубку в чехол и замотал в длинную тряпку. После этого сел напротив меня и выпрямился. У меня закружилась голова, глаза непроизвольно закрылись. Дон Хуан энергично встряхнул меня и велел не спать. Он сказал, что мне очень хорошо известно, что заснуть в таком состоянии — это смерть. Это подействовало, хотя мне и пришло в голову, что таким способом он просто хочет заставить меня бодрствовать. Но в следующее мгновение я подумал, что это вполне может быть правдой, и вытаращил глаза, стараясь открыть их как можно шире. Дона Хуана это рассмешило.

— Подожди немного, но глаза не закрывай. Скоро появится страж другого мира, — сказал он.

Во всем теле появился неприятный жар. Я хотел изменить позу, но уже не мог двигаться. Попытался что-то сказать дону Хуану, но слова увязли где-то в глубине меня и извлечь их оттуда не удалось. Я опрокинулся на левый бок. Теперь, лежа на циновке, я смотрел на дона Хуана откуда-то снизу.

Он наклонился ко мне и велел не смотреть на него, а выбрать точку на циновке прямо перед глазами и хорошенько на ней сосредоточиться. Он сказал, что смотреть нужно одним глазом — левым, — и тогда я рано или поздно увижу стража.

Я сосредоточился на указанной им точке, но там ничего не было. Однако в какое-то мгновение я заметил мошку, которая кружилась перед глазами. Она села на циновку. Я следил за ней. Мошка подползла настолько близко, что в глазах все поплыло. Затем, совершенно неожиданно, я почувствовал, что стою на ногах. Ощущение было странное, оно сбило меня с толку, но времени на объяснения не было. Казалось, что я стою и смотрю перед собой, и глаза находятся на обычной высоте, но то, что я увидел, потрясло меня до глубины души. Передать другими словами силу эмоциональной встряски, пережитую в тот момент, пожалуй, невозможно. Прямо передо мной, совсем близко, сидело гигантское животное чудовищного вида. Это был настоящий живой совершенно жуткий монстр. Никогда, даже в самых диких вымыслах наиболее изощренной фантастики, я не встречал ничего подобного. Я смотрел на это чудовище с неописуемым замешательством и недоумением. Первое, что бросилось мне в глаза, были его размеры. Ростом эта штука должна была быть никак не меньше тридцати метров. По крайней мере, так мне показалось. Стояло оно вроде бы прямо, но точно сказать, как именно, я не могу. Потом я заметил крылья — два коротких широких крыла. В этот миг я осознал, что пытаюсь изучать его как обыкновенное животное, то есть — смотреть на него. Однако делать это привычным для меня способом было невозможно. Я не столько смотрел на животное, сколько замечал все новые детали по мере того, как картинка прояснялась с добавлением каждой новой подробности. Тело существа было покрыто пучками черных волос, с его длинного рыла все время что-то сочилось и капало. Круглые выпуклые глаза были похожи на два огромных белесых шара. Потом животное начало размахивать крыльями. Но

это не походило на взмахи птичьих крыльев, скорее напоминало вибрирующую дрожь. Существо начало кружиться передо мной. Однако оно не летало в полном смысле слова, а как бы скользило, почти касаясь земли, двигаясь с поразительной скоростью и проворством. Я даже обнаружил, что увлекся созерцанием этой картины. Все движени я чудовища имели совершенно жуткий вид, но их быстрота и легкость не могли не восхищать.

Вибрируя крыльями и брызгая во все стороны выделениями со своего рыла, существо сделало два круга. Потом оно развернулось и улетело прочь, исчезнув вдали. Мне оставалось лишь сосредоточенно смотреть в направлении, куда оно скрылось. Я чувствовал странную тяжесть, мысли потеряли всякую связность, и мне не удавалось привести их в порядок. Было такое впечатление, что меня приклеили к месту.

Потом вдалеке показалось облачко, и через мгновение зверь снова на полной скорости кружился передо мной. Его крыло проносилось все ближе и ближе, почти перед самыми глазами, пока, наконец, не задело меня. Я не знаю, какая часть моего существа находилась в том пространстве, где кружилось чудовище, но как бы там ни было, его крыло действительно ударило меня. Боль пронизала меня всего. Она была едва ли не самой жестокой в моей жизни, и, собрав все силы, я дико заорал. После какого-то провала я осознал, что сижу, а дон Хуан растирает мне лоб. Листьями он растер мне руки и ноги, а потом оттащил к оросительной канаве, которая была у него за домом. Там он раздел меня и с головой окунул в воду. Потом вытащил и вновь окунул, затем — еще раз, еще и еще...

После этого он положил меня поперек канавы, так, чтобы голова лежала на берегу, взял в руки мою левую ступню и начал время от времени мягко похлопывать по подошве ладонью. Через некоторое время я ощутил щекотку. Заметив это, он сказал, что со мной все в порядке. Одевшись, я вошел в дом и сел на свою циновку. Я хотел что-то сказать, но обнаружил, что не могу сосредоточиться на словах, хотя мысли были ясными и четкими. Меня поразило, насколько глубокая концентрация внимания требуется, чтобы говорить. Оказалось, что сказать что-то мне удается только в том случае, когда я перестаю смотреть на окружающие предметы. Я чувствовал себя ныряльщиком, погрузившимся глубоко в бездну. Чтобы что-то сказать, требовалось всплыть на поверхность с какого-то очень глубокого уровня, я как бы вытягивал себя оттуда при помощи слов. Дважды мне удавалось

добраться до того, чтобы прочистить глотку совершенно обычным способом. В эти моменты, пожалуй, я мог бы что-нибудь из себя выдавить, но по какой-то причине я молчал, предпочитая оставаться на странном уровне глубокого молчания, где была возможность только созерцать. Ощущение, что я стою на пороге того, что дон Хуан называет видением, возникло во мне и наполнило мое сознание радостью.

Дон Хуан дал мне супа и кукурузных лепешек и настоял на том, чтобы я поел. Это мне вполне удалось сделать, не утратив того, что я принимал за способность видеть. Я пристально вглядывался в каждый предмет, попадавшийся на глаза, будучи убежденным, что вижу. Но мир при этом, насколько я мог судить, заметно не изменился. Я напряженно старался увидеть, пока совсем не стемнело. В конце концов меня свалила усталость, и я заснул.

Когда дон Хуан укрывал меня одеялом, я ненадолго проснулся. Болела голова, и я чувствовал тошноту. Потом стало лучше, и я крепко проспал до утра.

Утром я обнаружил, что полностью пришел в себя, и с нетерпением спросил у дона Хуана: — Что со мной было?

Дон Хуан сдержанно засмеялся и ответил:

— Ты ходил знакомиться со стражем. И ты с ним познакомился.

— Но что это было?

— Страж, хранитель, часовой другого мира.

Я хотел было подробно рассказать ему об этом зловещем и жутком звере, но он не обратил на мою попытку никакого внимания, сказав, что в этом нет ничего особенного и что такой опыт доступен любому человеку.

Тогда я сказал, что страж вогнал меня в такой шок, что до сих пор мне становится не по себе при одном лишь воспоминании о нем. Дон Хуан рассмеялся и прошелся по поводу того, что он назвал моей склонностью к сверхдраматизации.

— Но эта штука, чем бы она ни была, ударила меня, сказал я. — И это было так же реально, как мы с тобой...

— Конечно, все было реально. Что, очень больно ударила, да?

По мере того, как я восстанавливал в памяти все новые и новые детали, меня охватывало все более сильное возбуждение. Дон Хуан велел успокоиться, а потом спросил, действительно ли я боялся. Слово «действительно» он выделил.

— Да я просто оцепенел! Никогда в жизни не испытывал такого дикого ужаса.

— Ну-ну, — сказал он со смехом. — Не так уж тебе было страшно.

— Да я клянусь тебе! — сказал я с жаром, — Если бы я мог пошевелиться, то в истерике сбежал бы.

Дон Хуан разразился хохотом. Мои эмоции показались ему весьма забавными.

— Зачем нужно было встречаться с этим кошмаром, дон Хуан?

Он уставился на меня с серьезным выражением лица.

— Это был страж. Если ты хочешь видеть, ты должен его победить. — Но как можно победить такую громадину?

Дон Хуан хохотал до слез.

— Дон Хуан, почему бы тебе ни выслушать меня? Я расскажу тебе обо всем, что видел, и тогда не будет двусмысленности.

— Ну, если тебе этого не хватает для полного счастья — вперед. Я слушаю.

Я подробно изложил все, что смог вспомнить, но на его настроении это никак не отразилось.

— Ничего нового, — прокомментировал он с улыбкой.

— Да, но как, по-твоему, я могу одолеть такую громадину? Чем?

Он немного помолчал, потом повернулся ко мне и сказал:

— Ты же не боялся. В действительности тебе не было страшно. Больно — да, но не страшно. Он откинулся на кучу каких-то мешков и заложил руки за голову. Я решил, что тема закрыта.

— Знаешь, — неожиданно произнес он, глядя куда-то на крышу рамады, — стража может увидеть любой. Некоторым он является в виде гигантского неописуемо жуткого монстра ростом до неба. Тебе повезло — всего-то тридцать метров! Совсем крошка. Однако тайна стража до смешного проста.

Он минуту помолчал, мурлыкая какую-то мексиканскую песню.

— Страж другого мира — это мошка, — с расстановкой произнес он, как бы оценивая эффект, произведенный этим заявлением.

— Прости, не понял...

— Страж другого мира — мошка, — повторил он. — Вчера ты встретился с мошкой. Она будет стоять на твоем пути до тех пор, пока ты ее не победишь.

Мгновение я не хотел верить словам дона Хуана, но вспомнив все с самого начала, вынужден был признать, что сначала действительно смотрел на мошку, а потом возникло что-то вроде миража, и явился ужасный зверь.

— Но каким образом мошка могла так сильно меня ударить? — спросил я с искренним недоумением. — ?-? когда она тебя ударила, она не была мошкой. Тебя ударил страж. Возможно, когда-нибудь ты наберешься сил и победишь его. Но не сейчас. Сегодня это — тридцатиметровый летающий монстр, вибрирующий и плюющийся. Но говорить о нем бесполезно, и никакого подвига в том, чтобы стоять перед ним, нет. Так что если ты намерен узнать его получше, тебе придется снова с ним встретиться.

Через два дня, 11 ноября, я снова курил смесь дона Хуана.

Я сам попросил об этом, тщательно взвесив все «за» и «против». Я снова

хотел увидеть стража, потому что интерес к нему был гораздо сильнее страха или нежелания утратить ясность.

Процедура была той же. Дон Хуан один раз набил трубку, а когда я выкурил ее, — протер и спрятал. Эффект наступил гораздо позже, чем в прошлый раз. Когда начала кружиться голова, дон Хуан подошел ко мне и, придерживая голову, помог лечь на левый бок. Он велел мне вытянуть ноги и расслабиться; повернув мою правую руку ладонью вниз, он слегка подвинул меня, перенеся на нее часть веса. Я не пытался ни помочь ему, ни помешать, так как не знал, к чему это все.

Он сел напротив меня и велел ни о чем не думать. Он сказал, что страж придет, но чтобы увидеть его, мне нужно иметь круговой обзор. Как бы невзначай, он прибавил, что страж может причинить очень сильную боль и что предотвратить ее можно единственным способом. В прошлый раз, когда дон Хуан понял, что с меня довольно, он поднял меня в сидячее положение. В этот раз он указал на мою правую руку и объяснил, что специально положил ее именно таким образом, чтобы я мог пользоваться ею как рычагом, отталкиваясь, когда захочу подняться.

К тому времени, когда он закончил говорить, тело мое уже совсем онемело. Я хотел обратить его внимание на то, что не смогу оттолкнуться, так как не владею мышцами. Но, несмотря на яростные попытки, мне не удалось произнести ни слова. Он, казалось, предвидел это, и объяснил, что весь фокус — в использовании воли, и потребовал, чтобы я вспомнил свой первый опыт курения смеси несколько лет назад. Тогда я упал, но снова встал на ноги за счет того, что он назвал «волей» — я «поднялся с помощью мысли». Он сказал, что это — единственный способ.

Но все было бесполезно: я не мог вспомнить ничего, что тогда делал. Всепоглощающее отчаяние охватило меня, и глаза закрылись.

Дон Хуан схватил меня за волосы, резко встряхнул и приказал не закрывать глаза. После этого я не только открыл глаза, но и совершил нечто совсем уж неожиданное: я заговорил.

— Я не знаю, как вставал тогда.

Я изумился. Ритм был каким-то монотонным, но голос был явно моим. В то же время я искренне верил, что не мог этого сказать, поскольку минутой раньше был не в состоянии произнести ни слова. Я взглянул на дона Хуана. Он смеялся, склонив голову набок.

— Я этого не говорил, — сказал я.

Я снова удивился звуку своего голоса. Но почувствовал некоторый подъем. Говорить в таком состоянии было приятно и даже как-то интересно. Я хотел попросить дона Хуана, чтобы он объяснил, за счет чего я могу говорить, но снова не смог выдавить из себя ни слова. Я старался изо всех сил, но бесполезно — мне не удавалось выразить свои мысли. Отказавшись от этой затеи, я тут же произнес;

— Кто говорит? Кто говорит?

Этот вопрос заставил дона Хуана так расхохотаться, что он даже опрокинулся набок.

Я определенно мог говорить, но только тогда, когда совершенно точно знал, что хочу сказать.

— Это я говорю? Это я говорю? — спросил я.

Дон Хуан сказал, что, если я не перестану заниматься ерундой, то он пойдет отдохнуть под рамаду, а меня оставит здесь разбираться со своим шутовством.

— Это не шутовство, — произнес я. Я говорил вполне серьезно. Мысли были очень ясными и четкими, но тела я не чувствовал. Я не задыхался, как было однажды, когда я находился в подобном состоянии; мне было хорошо, потому что я ничего не чувствовал. У меня не было контроля над своим сознанием, и все же я мог говорить. В голову пришло, что раз я могу говорить, то, наверное, могу и встать.

— Встать! — сказал я по-английски, и в мгновение ока был на ногах.

Дон Хуан недоверчиво покачал головой и вышел из дома.

— Дон Хуан! — трижды позвал я.

Он вернулся.

— Уложи меня, — попросил я.

— Уложи себя сам, — сказал он. — Похоже, ты на правильном пути.

Я сказал:

— Лечь! Неожиданно все исчезло. Я не видел ничего. Через мгновение комната и фигура дона Хуана снова появились в поле зрения. Я подумал, что, очевидно, лежал, уткнувшись лицом в циновку и что дон Хуан приподнял мою голову за волосы.

— Спасибо! — очень медленно и монотонно произнес я.

— Пожалуйста, — сказал он, передразнивая меня, и снова захохотал.

Потом он взял какие-то листья и начал растирать ими мои кисти и ступни.

— Что ты делаешь?

— Растираю тебя, — произнес он, подражая моему болезненному заунывному тону.

Его тело затряслось от смеха, глаза светились добротой и дружелюбием. Он мне нравился. Я почувствовал, что дон Хуан — хороший, веселый и сострадательный. На душе стало тепло-тепло, и я засмеялся. Звук получился такой жуткий, что дон Хуан отшатнулся.

— Отведу-ка я тебя лучше к канаве, а то, чего доброго, еще угробишь себя своим шутовством.

Он поставил меня на ноги и заставил походить по комнате. Понемногу я начал чувствовать ступни, ноги и, наконец, все тело. Уши буквально лопались от странного давления. Это было похоже на ощущение, возникающее в затекшей части тела. Макушкой головы и затылком я ощущал навалившуюся сзади

огромную тяжесть.

Дон Хуан затолкал меня в канаву прямо в одежде. Холодная вода постепенно сняла боль и давление.

Я пошел в дом и переоделся. Потом сел, охваченный какой-то прострацией, жаждой покоя и неподвижности. Однако на этот раз ясности и четкости сознания не было, скорее — что-то вроде меланхолии и физической усталости. Наконец я заснул.

12 ноября 1968

Утром мы с доном Хуаном отправились в окрестные холмы собирать растения. Около шести миль мы шли по сильно пересеченной местности. Я очень устал и предложил отдохнуть. Мы сели, и дон Хуан заговорил о том, что он доволен моими успехами.

— Теперь я знаю, что действительно разговаривал, — сказал я, — но тогда мог бы поклясться, что говорит кто-то другой.

— Разумеется, разговаривал ты, — подтвердил дон Хуан.

— Как же вышло, что я не мог себя узнать?

— Это сделал дымок. Можно говорить и не замечать этого, можно перенестись на многие тысячи километров в пространстве и тоже не заметить. Можно проходить сквозь все что угодно. Дымок устраняет тело, и человек становится свободным как ветер, даже свободнее ветра. Его не могут остановить ни скалы, ни стены, ни горы. Воздух может застояться в подземелье и стать затхлым, но ничто не может удержать человека, если дымок даст ему силу.

Слова дона Хуана вызвали во мне странное чувство — смесь эйфории и сомнения. Все мое существо наполнилось непонятным беспокойством и неопределенным чувством вины.

— Это что — правда? Такое действительно возможно, дон Хуан?

— А ты как думал? Или ты скорее согласишься с тем, что ты сошел с ума, да?

— язвительно сказал он, — Тебе легко все это принять, дон Хуан. А для меня — почти невозможно.

— Мне тоже не так просто. Я — такой же, как ты, и не имею никаких привилегий. И принять все это мне так же трудно, как и любому другому.

— Но ты же чувствуешь себя во всех этих вещах, как рыба в воде, дон Хуан.

— Верно, однако мне пришлось дорого заплатить. Я должен был сражаться, причем, наверно, больше, чем придется сражаться тебе. Ты каким-то непостижимым образом заставляешь обстоятельства, ситуации и силы работать на тебя. Ты представить себе не можешь, ценой каких усилий мне досталось то, чего ты шутя добился вчера. Что-то помогает тебе на каждом дюйме пути. Иначе объяснить твои успехи в овладении силами невозможно. Сначала — Мескалито, теперь — дымок. Тебе следует полностью сосредоточиться на осознании того факта, что ты — талантлив, и не обращать внимания ни на что другое.

— Ты так говоришь, будто сделать это — раз плюнуть. Но на деле-то все иначе. Меня буквально разрывает на части.

— Ничего, скоро цельность к тебе вернется. Но следует подумать о теле. Ты слишком разжирел. До сих пор я не хотел ничего тебе говорить по этому поводу. Каждый должен иметь возможность поступать так, как считает нужным. Ты не появлялся два года. Но я говорил когда-то, что ты вернешься, и вот — ты здесь. То же было со мной. Я бросал на пять с половиной лет.

— Почему ты ушел, дон Хуан?

— По той же причине, что и ты. Мне это не понравилось.

— А почему вернулся?

— Опять-таки, потому же, почему и ты. Другого пути нет.

Это утверждение произвело на меня глубокое впечатление. Мысль о том, что другого пути нет, уже приходила мне в голову и раньше. Я никогда никому о ней не говорил, но дон Хуан сформулировал ее очень точно.

После очень долгой паузы я спросил:

— Дон Хуан, чего я добился вчера? — Ты встал, когда захотел встать.

— Но я не знаю, как это вышло.

— На отработку этого приема требуется время. Но важно, что ты в принципе знаешь, как это делается.

— Так ведь я же не знаю. В том-то и дело, что не знаю.

— Ну как же не знаешь, если знаешь.

— Дон Хуан, ну вот ей-богу, клянусь тебе!

Он не дал мне договорить, он просто встал и ушел.

Потом мы еще раз вернулись к разговору о страже другого мира.

— Если я верю в то, что испытанное мной — реальность, то я должен признать, что страж — это гигантское чудище, способное причинить невероятную физическую боль, — сказал я, — и если я верю, что усилием воли действительно можно переноситься на громадные расстояния, то логично было бы заключить, что усилием воли я могу заставить чудовище исчезнуть. Правильно?

— Не совсем. Ты не можешь заставить стража исчезнуть. Но можешь сделать так, что он не причинит тебе никакого вреда. И, сделав это, без осложнений миновать стража, как бы бешено он ни метался.

— И каким образом я могу этого добиться?

— Ты сам прекрасно знаешь, каким. Задержка лишь за тренировкой.

Я сказал, что вечно у нас с ним возникает путаница из-за различного восприятия мира. По-моему, знать что-либо — значит в полной мере осознавать, что делаешь, и быть в состоянии сознательно повторить. В данном

случае я не только не отдавал себе отчета в том, что делал под действием дыма, но и не смог бы повторить сделанного мной, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

На лице дона Хуана появилась знакомая уже мне инквизиторская улыбочка. Он изобразил удивление, даже снял шляпу и потер виски — характерный жест, которым он выражал недоумение, — Зато ты точно знаешь, как говорить и ничего не сказать, правда? Я предупреждал тебя, что стать человеком знания можно только имея несгибаемое намерение. Но пока что, похоже, у тебя есть только несгибаемое намерение водить самого себя за нос. Ты настаиваешь на разжевывании всего, словно весь мир состоит только из вещей и явлений, поддающихся объяснению. Ты столкнулся со стражем и с проблемой передвижения волевым усилием. Неужели тебе никогда не приходило в голову, что лишь очень немногое в мире может быть объяснено тем способом, к которому ты привык? Когда я заявляю, что страж действительно стоит на твоем пути и что он способен вышибить из тебя дух, то я знаю, о чем говорю. Когда речь идет о перемещении при помощи воли, я тоже знаю, что имею в виду. Я хотел очень постепенно, шаг за шагом научить тебя этому искусству, но потом понял, что ты им прекрасно владеешь, хотя и утверждаешь, что не имеешь об этом понятия.

— Но я действительно не знаю! — возразил я. — Ты знаешь, что ты дурак, — сказал он неумолимо, а потом улыбнулся. — У нас тут как-то мальчика по имени Хулио посадили на уборочный комбайн. Оказалось, что он знает, как управлять машиной, хотя никогда раньше этого не делал.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, дон Хуан. Однако чувствую, что не смогу повторить того, что сделал, потому что не уверен в том, что именно делал.

— Шарлатан пытается объяснить все в мире с помощью объяснений, в которых сам не уверен, тем самым превращая все, что делает, в шарлатанство. Но ты — не лучше. Ты тоже хочешь объяснить все своим способом, и так же не уверен в своих объяснениях.

Глава 8

Неожиданно дон Хуан спросил, не собираюсь ли я в выходные дни уехать домой. Я ответил, что думаю ехать в понедельник утром. Мы сидели под рамадой его дома. Была суббота, 18 января 1969 года, время близилось к полудню. Мы отдыхали после долгой прогулки по окрестным холмам. Дон Хуан встал и вошел в дом. Через несколько секунд он позвал меня. Когда я вошел, он сидел на полу посреди комнаты, а моя циновка лежала перед ним. Он усадил меня и, не говоря ни слова, достал сверток с трубкой, развернул тряпку, вытащил трубку из чехла, набил ее и раскурил. Он даже сам принес для этого в комнату глиняное блюдце с углями.

Дон Хуан не спрашивал, хочу ли я курить, просто вручил мне трубку и велел приступать. Я не колебался. Он очень точно вычислял мое настроение, заметив, наверное, что интерес к стражу не дает мне покоя. Меня не нужно было упрашивать, я нетерпеливо выкурил всю трубку разом.

Последовательность моих реакций была в основном такой же, как раньше. Дон Хуан вел себя, как прежде. Правда, в этот раз он не стал меня трогать, а только напомнил, что правую руку следует положить перед собой. Чтобы мне удобнее было на нее опираться, он посоветовал сжать кисть в кулак.

Я сжал правую руку в кулак, так как обнаружил, что таким образом лежать легче, чем опираясь на раскрытую ладонь. Очень хотелось спать, на какое-то время стало тепло, а потом все ощущения исчезли.

Дон Хуан улегся на пол напротив меня, подперев голову правой рукой. Все шло очень тихо и мирно, тактильная чувствительность исчезла, меня охватило умиротворение.

— Как хорошо! — сказал я.

Дон Хуан вскочил:

— Не смей начинать с этой чепухи! Прекрати болтать. Ты потратишь на это всю свою энергию, и страж прихлопнет тебя, как ты прихлопнул бы мошку.

Ему, видимо, показалось, что он сказал что-то смешное, потому что он засмеялся, но смех внезапно прекратился.

— Не болтай, прошу тебя, не болтай, — сказал он очень серьезно.

— Да вроде и не собирался болтать, — сказал я. Причем я действительно не хотел этого говорить. Я увидел, как дон Хуан уходит в заднюю часть дома. Через мгновение на циновку передо мной села мошка. Это наполнило меня такой тревогой, какой я раньше никогда не испытывал. Это была странная смесь воодушевления, страдания и страха. Я осознавал, что вот-вот стану свидетелем трансцендентального явления — увижу мошку, охраняющую вход в другой мир. Мысль была настолько нелепой, что я едва не рассмеялся вслух, но потом понял, что из-за приподнятого настроения отвлекаюсь и могу пропустить момент перехода, который интересовал меня больше всего. В прошлый раз я сначала левым глазом смотрел на мошку, а потом сразу почувствовал, что стою и созерцаю стража. Но как именно осуществился переход, я не осознал.

Я наблюдал за тем, как мошка ползает по циновке, и тут до меня вдруг дошло — я смотрю на нее обоими глазами. Вот она подползла совсем близко, и в конце концов наступил момент, когда она ушла из поля зрения правого глаза. Я больше не видел ее обоими глазами, поэтому «перебросил» сосредоточение целиком на то, что видел левым, который находился почти на уровне поверхности циновки. В момент этого изменения фокусировки я почувствовал, что тело поднимается в вертикальное положение, и оказался лицом к лицу с гигантским животным. Оно было глянцево-черным. Спереди его тело было усеяно длинными черными коварно отточенными волосами, вернее, это были даже не волосы, а скорее — иглы, торчащие из трещин гладкой сверкающей чешуи. Росли они как бы пучками. У чудовища были крылья, широкие и короткие по сравнению с длиной его туловища — толстого, массивною и округлого. Между двумя выпуклыми глазами торчало рыло. На этот раз монстр чем-то напоминал крокодила. У него были длинные уши, а может, рога, и, так же, как и в прошлый раз, с его рыла все время что-то текло.

Я напрягся, чтобы как следует зафиксировать взгляд на страже, и почувствовал, что не могу смотреть на него так, как обычно смотрю на предметы. Странно подумать, но, созерцая стража, я ощущал, что каждая

часть этого существа живет как бы независимой жизнью, вернее, является живой сама по себе, как, например, глаза человека. Я впервые в жизни осознал, что глаза — это единственное в человеческом теле, по чему можно сразу же наверняка узнать — жив человек или нет. Проведя аналогию, я бы сказал, что страж состоял из «миллионов глаз».

Я подумал, что это — замечательная находка. До этого я пытался проводить какие-то частные параллели, основанные на принципе подобия, пытаясь отыскать и описать «искажения», в результате которых мошка представала в виде гигантского зверя. Я думал, что достаточно близким было бы сравнение «как насекомое под микроскопом». Но в действительности дело обстояло иначе. Созерцание стража было действием намного более замысловатым и сложным, чем разглядывание насекомого сквозь микроскоп.

Страж начал кружиться передо мной. В какое-то мгновение монстр остановился. Я почувствовал, что он меня изучает. Внимание мое привлек тот факт, что он был совершенно безмолвным. Страж танцевал в абсолютной тишине. Все в его виде призвано было внушать ужас — выпуклые глаза, грозная пасть, коварные, острые как иглы волосы, брызги и сопли, летевшие вовсе стороны с его рыла, и, конечно, его немыслимые размеры. Он был совсем рядом. Я смотрел, как он без единого звука вибрирует крыльями, скользя над землей подобно огромному фантастическому конькобежцу.

Глядя на это кошмарное создание, я вдруг почувствовал что-то вроде ликования. Мне показалось, что я разгадал тайну победы над стражем — его не нужно побеждать, потому что он — лишь картинка, немое изображение на экране, он не в состоянии ничего мне сделать и может лишь пугать.

Тем временем страж остановился рылом ко мне, а потом, взмахнув крыльями, повернулся задом. Его спина была похожа на цветной блестящий панцирь, она сверкала и переливалась, но оттенок раздражал меня — это был мой самый нелюбимый цвет. Страж еще немного постоял, демонстрируя мне свой зад, а потом взмахнул крыльями и рванул куда-то вдаль, скрывшись из виду.

Я остался в одиночестве перед странной дилеммой, искренне веря, что одолел-таки стража пониманием того, что он был не монстром, но лишь изображением ярости. Возможно, что эта вера основывалась на утверждении дона Хуана о моем знании, в котором я не хотел себе признаваться. Как бы то

ни было, а страж ретировался, путь был свободен. Но я не знал, как быть дальше. Дон Хуан ничего не говорил мне о том, что делать в подобной ситуации. Я попытался осмотрелся, но не смог шевельнуться. Однако все, что происходило в ставосьмидесятиградусном секторе передо мной, я видел довольно хорошо. Далеко впереди была размытая линия горизонта, а все до нее заполнял какой-то бледно-желтый то ли дым, то ли туман. Пространство вокруг было равномерно окрашено в лимонный оттенок. Впечатление было таким, словно я стою на бескрайней равнине, по которой стелятся испарения серы.

Вдруг точкой на горизонте снова объявился страж. Он сделал большой круг и застыл передо мной, разинув беззубую пасть, похожую на огромную пещеру. Потом затряс крыльями и ринулся на меня, как разъяренный бык, и огромные крылья замелькали перед моими глазами. Я заорал от боли и взлетел, вернее, почувствовал, что поднимаюсь, а потом планирую куда-то за стража и несусь над желтоватой равниной прямо за горизонт, в другой мир — мир людей, а потом обнаружил, что стою посреди комнаты в доме дона Хуана.

19 января 1968

— Я, честное слово, думал, что одолел стража, — сказал я дону Хуану.

— Ты, должно быть, ошибся.

Со вчерашнего дня дон Хуан не произнес ни слова. Впрочем, меня это не беспокоило и даже было где-то на руку. Я пребывал в некой задумчивости и снова чувствовал, что начну видеть, если буду смотреть с определенным намерением, хотя ничего специфического или неординарного так и не заметил. Но молчание в любом случае действовало на меня успокаивающе.

Дон Хуан попросил подробно вспомнить обо всем, что происходило «там», и в особенности — какой цвет я видел на спине стража. Когда я закончил рассказ, он вздохнул с явно обеспокоенным видом. — Тебе крупно повезло — цвет был у него на заду, — очень серьезно сказал он, — Если бы он оказался на передней части туловища или, что еще хуже, на голове стража, тебя бы уже не было в живых. Ты больше никогда не должен пытаться увидеть стража. Видно, не с твоим характером пересекать эту равнину, впрочем, я был уверен, что тебе там не пройти. Но не будем об этом; эта дорога — далеко не

единственная, есть и другие.

В тоне дона Хуана чувствовалось что-то непривычное — какая-то тяжесть.

— Что произойдет, если я снова попытаюсь увидеть стража?

— Он тебя утащит. Возьмет в пасть, занесет куда-нибудь на ту равнину и бросит там навсегда. Очевидно, он знает, что тебе нельзя идти по этой дороге, и потому предупредил, чтобы ты не совался.

— Как ты думаешь, откуда он может об этом знать? Дон Хуан устремил на меня долгий пристальный взгляд. Он попытался было что-то сказать, но передумал, видимо, не подобрав подходящих слов.

— Вопросы у тебя — хоть стой, хоть падай, — с улыбкой сказал он. — Ты ведь спросил не подумав, правда?

Я возразил, сказав, что удивлен тем, что стражу известен мой характер.

— Поразительно! Но интереснее всего то, что ты о своем характере не обмолвился ни единым словом. Ведь ты ничего ему не говорил, не так ли? — сказал дон Хуан немного погодя со странным издевательским блеском в глазах.

Тон его был настолько комичен, что мы оба захохотали. Однако потом он объяснил, что страж, будучи хранителем и наблюдателем другого мира, владеет многими тайнами, знать которые имеет право брухо и которыми страж может с ним поделиться.

— Для брухо это один из способов научиться видеть, — сказал дон Хуан. — Однако тебе он не подходит, поэтому нет смысла о нем говорить.

— Курение — единственный способ увидеть стража? — спросил я. — Нет, можно и без этого. Многие умеют вызывать стража просто так. Но я предпочитаю использовать дым, потому что с ним эффективнее и безопаснее. Тот, кто пытается встретиться со стражем без помощи дыма, имеет шанс не убраться вовремя с его пути. Ты, например, получил предупреждение — страж повернулся к тебе задом и показал враждебный цвет. Потом он ушел, а когда

вернулся, то обнаружил, что ты все еще не убрался. Тогда он на тебя напал. Но ты был готов и прыгнул. Дымок обеспечил тебя необходимой защитой. Если бы ты подался в тот мир, не заручившись поддержкой дымка, тебе не удалось бы избежать пасти стража.

— Почему?

— Твои движения были бы слишком медленными. В том мире, чтобы выжить, нужно двигаться с быстротой молнии. Я совершил ошибку, уйдя из комнаты, но нужно было, чтобы ты перестал болтать. У тебя язык без костей, и ты болтаешь даже когда не хочешь. Оставшись в комнате, я вовремя приподнял бы тебе голову. Но ты вскочил сам, и это намного лучше. Но, я думаю, больше рисковать мы не будем: со стражем шутки плохи.

Глава 9

Три месяца дон Хуан упорно избегал разговоров о страже. За это время я побывал у него четыре раза. Каждый раз он давал мне какие-нибудь поручения, а когда я все выполнял, попросту отправлял домой. 24 апреля 1969 года, в четвертый приезд, мне наконец-то удалось поговорить с ним. Пообедав, мы сели возле очага, и я сказал, что он сбивает меня с толку: ведь я готов учиться, а он вроде и видеть меня не желает. Мне пришлось наступать себе на горло, чтобы преодолеть отвращение к его курительной смеси, и я чувствовал, что, по его словам, времени слишком мало.

Дон Хуан спокойно выслушал мои жалобы.

— Ты еще слишком слаб, — сказал он, — Когда нужно выждать, ты торопишься, а когда нужно спешить — чего-то ждешь. Ты слишком много думаешь. Теперь ты думаешь, что нельзя терять время. Недавно ты думал, что больше никогда не будешь курить. Твоя жизнь — сплошное разгильдяйство, ты недостаточно собран, чтобы вновь встретиться с дымком. Я отвечаю за

тебя и не хочу, чтобы ты умер, как проклятый дурак.

Я смутился.

— Что делать, дон Хуан? Я испытываю сильное нетерпение.

— Живи как воин. Я уже говорил тебе, что воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Но ты занят своими мыслями, и это неправильно. Из-за этого ты потерпел неудачу со стражем.

— Как я потерпел неудачу, дон Хуан?

— Ты думаешь обо всем. Ты думал о страже, и поэтому не смог победить его. В первую очередь ты должен жить как воин. Полагаю, ты понял это очень хорошо. Я хотел вставить что-нибудь в свою защиту, но он сделал мне знак молчать.

— Твоя жизнь довольно трудна, — продолжал он. — В сущности, твоя жизнь труднее, чем жизнь Хенаро, Паблито или Нестора, и все же они видят, а ты нет. Твоя жизнь труднее, чем у Элихио, а он, вероятно, увидит раньше тебя. Это меня огорчает. Даже Хенаро не может смириться с этим. Ты честно выполнил все то, что я говорил тебе делать. И все, чему мой бенефактор научил меня на первой ступени обучения, я передал тебе. Правило верное, шаги не могут быть изменены. Ты сделал все, что нужно было сделать, и все же ты не видишь. Но тем, кто видит, подобно Хенаро, кажется все же, что ты видишь. Я тоже иногда полагаюсь на это, и я обманываюсь. Ты суетишься и ведешь себя как идиот, который не видит, но именно так все и обстоит в твоем случае.

Слова дона Хуана причинили мне глубокую боль. Не знаю почему, но я был близок к слезам. Я начал рассказывать ему о своем детстве, и волна жалости к самому себе охватила меня. Дон Хуан пристально взглянул на меня и отвел глаза. В них был пронзительный блеск. Я почувствовал, что он захватил меня своими глазами. Было такое чувство, что две руки ласково сжали меня, и я ощутил непонятное волнение, нетерпеливое желание, приятное отчаяние в области солнечного сплетения. Я стал сознавать свою брюшную полость, ощущая там жар. Я не мог больше говорить связно и забормотал, а затем умолк.

— Возможно, что это — обещание, — сказал дон Хуан после долгой паузы.

— Извини, я не понял.

— Обещание, которое ты дал давным-давно.

— Какое обещание?

— Постарайся сказать мне сам. Ты помнишь это?

— Нет.

— Однажды ты обещал что-то очень важное. Не исключено, что ты обещал охранять себя от видения.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о данном тобой обещании! Ты должен помнить это. — Если ты знаешь, что это за обещание, то скажи мне, дон Хуан!

— Нет. Не будет никакой пользы сказать тебе это.

— Было ли это обещанием, которое я дал себе?

Я подумал, что он намекает на мой отказ от ученичества.

— Нет. Это было давно.

Я решил, что он меня разыгрывает, и засмеялся при мысли, что тоже могу подшутить над доном Хуаном. Я не сомневался, что он знает о предполагаемом обещании не больше меня самого и пытается импровизировать. Мысль потакать ему в этом доставляла удовольствие.

— Я что-то обещал своему дедушке?

— Нет, — ответил он, и глаза его заблестели. — И даже не бабушке.

Смешная интонация, которую он придал слову «бабушка», заставила меня рассмеяться. Я подумал, что дон Хуан ставит мне ловушку, но хотел доиграть до конца. Я начал перечислять своих знакомых, кому мог бы пообещать что-то важное. О каждом он сказал «нет», а затем перевел разговор на мое детство.

— Почему твое детство было печальным? — спросил он с серьезным выражением. Я сказал ему, что мое детство было не то чтобы печальным, а, пожалуй, немного трудным.

— Так чувствует каждый, — сказал он, глядя на меня. — В детстве я тоже был несчастным и все время боялся. Трудно быть индейским ребенком, очень трудно. Но память о том времени не имеет значения для меня, хотя оно и было тяжелым. Я перестал думать о трудностях жизни еще до того, как научился видеть.

— Но я тоже не думаю о своем детстве, — сказал я.

— Тогда почему воспоминания о нем вызывают у тебя печаль? Почему ты чуть не плачешь?

— Я не знаю. Наверное потому, что когда я вспоминаю себя ребенком, то испытываю жалость к самому себе и ко всем своим близким. Я чувствую беспомощность и грусть.

Он пристально посмотрел на меня, и опять в области живота я отметил необычное ощущение двух рук, сжимающих его. Я отвел глаза, в потом снова взглянул на него. Он смотрел мимо меня куда-то вдаль затуманившимся взглядом.

— Это — обещание, данное тобой в детстве, — сказал он после паузы.

— Но что я пообещал?

Он не ответил. Его глаза были закрыты. Я невольно улыбнулся, зная, что он нащупывает путь во тьме, но первоначальное желание разыграть его немного поостыло.

— В детстве я был очень худым, — сказал он, — и всегда боялся.

— Я тоже, — произнес я.

— Больше всего мне запомнился ужас и печаль, охватившие меня, когда мексиканские солдаты убили мою мать, — сказал он мягко, словно воспоминание причиняло боль. — Она была бедной и застенчивой индеанкой. Наверное, даже лучше, что ее жизнь оборвалась тогда. Я был совсем маленьким и хотел, чтобы меня убили вместе с ней. Но солдаты подняли меня и избили. Когда я цеплялся за тело матери, меня ударили по рукам плетью и перебили пальцы. Я не чувствовал боли, но цепляться больше не мог, и они утащили меня.

Он замолчал. Глаза его все еще были закрыты, губы едва заметно дрожали. Глубокая печаль начала охватывать меня. Перед глазами мелькали образы моего детства. — Сколько лет тебе было тогда, дон Хуан? — спросил я, чтобы как-то отвлечься.

— Лет семь. Это происходило во время великой войны племени яки. Мексиканцы напали неожиданно, мать как раз готовила какую-то еду. Она была слабой и беззащитной женщиной, и ее убили просто так, без причины. То, что она умерла именно так, в общем-то не имеет особого значения. Но для меня — имеет. Я не могу объяснить почему, но имеет. Я думал, что отца тоже убили, но оказалось, что он ранен. Нас загрузили в товарные вагоны, как скот, и заперли. Несколько дней мы сидели в темноте. Время от времени солдаты бросали нам немного еды.

В этом вагоне отец умер от ран. От боли и лихорадки у него начался бред, но и в бреду он твердил, что я должен выжить. Так он и умер, требуя, чтобы я не сдавался и выжил. Люди позаботились обо мне — накормили, старая знахарка вправила пальцы. Ну, и, как видишь, я выжил. Жизнь моя не была ни хорошей, ни плохой, она была трудной. Жизнь — вообще штука тяжелая, а для ребенка зачастую — ужасна сама по себе.

Мы очень долго молчали. Наверное, около часа. Я никак не мог разобраться в себе, чувствуя, что удручен, но не понимая, чем и почему. Кроме того, я испытывал угрызения совести — совсем недавно я собирался подшутить над доном Хуаном, но он повернул ситуацию в свою пользу. Все было так просто и выразительно. У меня появилось странное ощущение. Страдания детей всегда

задевали меня за живое, и сочувствие к дону Хуану в мгновение ока вызвало во мне отвращение к самому себе. Я сидел и записывал рассказ дона Хуана, как будто это был просто, так сказать, «клинический случай». Но на сердце кошки скребли, и вообще — внутри у меня творилось такое, что я готов был уже разорвать к черту блокнот. Тут дон Хуан постучал пальцем по моей ноге. Он сказал, что видит свечение насилия вокруг меня, и спросил, уж не собираюсь ли я его поколотить. Он засмеялся, и это несколько разрядило обстановку. Он сказал, что у меня есть склонность к вспышкам насилия, но, поскольку на деле я нерешителен, насилие это чаще всего оборачивается против меня самого. — Ты прав, дон Хуан.

— Еще бы, — сказал он со смехом.

Он попросил меня рассказать ему о своем детстве. Я заговорил о годах страха и одиночества и постепенно перешел к тому, что считал своей борьбой за выживание и укрепление духа. Дон Хуан засмеялся, когда я употребил метафору «укрепление духа».

Я говорил долго. Он очень серьезно слушал. Потом в какой-то момент снова «сжал» меня глазами, и я замолчал. После короткой паузы он сказал, что никто по-настоящему не унижал меня, и это было причиной моей нерешительности.

— Ты никогда не испытывал поражения, — сказал он.

Он повторил это четыре раза, и в итоге я не мог не спросить, что он имеет в виду. Он объяснил, что «быть побежденным» — это состояние, образ жизни, от которого побежденный не может уйти. Люди делятся на две категории — победители и побежденные: в зависимости от этого они становятся гонителями или гонимыми. Человек попеременно находится то в одном, то в другом из этих состояний до тех пор, пока не научится видеть. Видение рассеивает иллюзии побед, поражений, страданий.

Он добавил, что мне следовало бы научиться видеть тогда, когда я буду победителем, чтобы у меня не осталось даже тени воспоминаний о чувстве унижения.

Я возразил, сказав, что никогда и ни в чем не был победителем и что жизнь

моя — одно сплошное поражение.

— Если твоя жизнь является таким поражением, наступи на мою шляпу, — вызвал он меня в шутку.

Я чистосердечно доказывал свое. Дон Хуан стал серьезным, его глаза сузились до тонких щелок. Он сказал, что я считаю свою жизнь поражением не потому, что она таковым является, но совсем по другим причинам. Вдруг он быстрым и совершенно неожиданным движением сжал ладонями мои виски и пристально посмотрел мне в глаза. От испуга я непроизвольно сделал глубокий вдох ртом. Он отпустил мою голову, и она откинулась к стене. Все это было проделано так быстро, что когда он расслабился и сел, прислонившись спиной к стене, я был еще на середине глубокого вдоха. Я почувствовал головокружение, нервозность.

— Я вижу маленького плачущего мальчика, — сказал дон Хуан после паузы.

Он повторил это несколько раз, но я не обращал на его слова особого внимания, поскольку думал, что речь идет обо мне в детстве.

— Эй, — сказал он, требуя моего полного внимания. — Я вижу маленького плачущего мальчика.

— Это — я?

— Нет.

— Это — видение из моей жизни или твои воспоминания?

Дон Хуан не ответил.

— Я вижу маленького мальчика, — снова сказал он. — Он плачет и плачет. — Я знаю этого мальчика? — спросил я.

— Да.

— Это — мой сынишка?

— Нет.

— Он плачет сейчас?

— Он плачет сейчас, — сказал он убежденно.

Я подумал, что дон Хуан видел ребенка, которого я знаю и который где-то плачет именно в это время. Я начал перечислять имена знакомых детей, но дон Хуан сказал, что все они не имеют к моему обещанию никакого отношения, а этот плачущий мальчик — имеет, причем самое непосредственное.

Утверждение дона Хуана показалось мне нелепым. Он сказал, что в детстве я кому-то что-то обещал, и в то же время — что ребенок, который плачет в данный момент, имеет к этому непосредственное отношение. Я уверял его, что в этом нет смысла. Он спокойно повторил, что видит маленького мальчика, который плачет сейчас, и что мальчику больно.

Какое-то время я вполне серьезно старался придать его утверждениям хоть какой-то смысл.

— Хватит, — сказал я наконец. — Я не помню, чтобы давал кому-то важное обещание, а тем более — ребенку. Он опять прищурил глаза и сказал, что это — ребенок из моего детства, который плачет сейчас.

— Он — ребенок из моего детства, и плачет сейчас?

— Да.

— Ты понимаешь, о чем ты говоришь, дон Хуан?

— Понимаю.

— Это не имеет смысла. Как сейчас он может быть ребенком, если был им во время моего детства?

— Это ребенок. Он плачет сейчас, — упрямо повторил он.

— Объясни мне это, дон Хуан.

— Нет, ты должен объяснить мне это.

Хоть убей, но я не мог понять, о чем он говорил.

— Он плачет, он кричит, — продолжал говорить дон Хуан гипнотизирующим тоном. — Он держит тебя. Он крепко сжимает. Он обнимает. Он смотрит на тебя. Ты чувствуешь его глаза? Он становится на колени и обнимает тебя. Он моложе тебя. Он подбегает к тебе. Но его рука сломана. Ты чувствуешь его руку? У этого маленького мальчика нос выглядит подобно пуговке. Да. Это нос-пуговица!

В ушах появился гул, и я потерял чувство реальности происходящего. Слова дона Хуана «нос пуговицей» бросили меня в сцену из моего детства. Я знал мальчика с носом-пуговицей! Дон Хуан незаметно проник в одно из наиболее темных мест моей жизни. Я вспомнил обещание, о котором он говорил. В тот момент мое состояние было смесью экзальтации, отчаяния и благоговения перед доном Хуаном и его великолепным маневром. Откуда, черт возьми, он знает о существовании мальчика с носом-пуговицей из моего детства? Воспоминание до того взволновало меня, что я перенесся в далекое прошлое, когда мне было восемь лет. Моя мать умерла два года назад, и наиболее мучительные годы своей жизни я провел среди ее сестер, которые по очереди брали меня в свои семьи, меняясь раз в два месяца. У каждой из теток была большая семья, и как бы предупредительно и нежно они ко мне ни относились, конкуренция со стороны двадцати двух кузенов и кузин давала себя знать. Их бессердечие было иногда действительно странным. Я почувствовал, что меня окружают враги, и потянулись годы отчаянной и неприглядной войны. В конце концов мне удалось подчинить себе всех своих многочисленных двоюродных братьев и сестер. Мне до сих пор непонятно, за счет чего я вышел в этой войне победителем. У меня больше не было достойных соперников. Однако я не знал этого, и не знал, как прекратить свою войну, которая вскоре перенеслась и на школьную почву.

Классы сельской школы, которую я посещал, были смешанными, и первый класс отделялся от третьего только расстоянием между партами. Там я и познакомился с курносым малышом, которого из-за носа дразнили «Пуговкой». Он был первоклассником. Время от времени я дразнил и

третировал его, правда, не злостно, а просто так, от нечего делать. Но, несмотря ни на что, он, казалось, меня любил и всюду за мной таскался хвостиком. Он даже знал, что на моей совести — несколько проделок, расследование которых завело в тупик самого директора школы, однако никому не говорил об этом ни слова. Но я все равно донимал его. Однажды я нарочно опрокинул тяжелую классную доску, и она упала на Пуговку. Парта, за которой он сидел, отчасти задержала ее, но все равно удар получился сильный и сломал ему ключицу. Он упал. Я помог ему встать и, когда он уцепился за меня и обнял, увидел в его глазах испуг и боль. Это было слишком, я не мог вынести вида малыша с изуродованной рукой, который, плача, обнимал меня. Годами я сражался с родственниками и победил, покорив всех своих противников, но в миг, когда я увидел страдания этого маленького курносого мальчика, все мои победы были уничтожены. Не сходя с места, я проиграл все битвы сразу. Я думал, что ему отрежут руку, и пообещал, что если малыша вылечат, я никогда в жизни не буду победителем. Ради него я отказался от всех своих побед. По крайней мере, так я понимал это тогда.

Дон Хуан вскрыл гнойную рану моей жизни, затянувшуюся многими слоями последовавших событий. Я был ошеломлен, голова кружилась. Передо мной разверзлась пропасть бесконечной печали, и я с головой в нее погрузился. Мои поступки тяжким грузом легли на душу. Воспоминание о курносом малыше по имени Хоакин заставило меня страдать настолько живо, что я начал плакать. У этого мальчика никогда ничего не было, его родители не могли даже обратиться к врачу, так как у них не хватало денег на лечение, и рука Хоакина так и сраслась неправильно. Я заплатил за это всего лишь своими детскими победами. Мне было невыносимо стыдно.

— Успокойся, чудак, — сказал дон Хуан. — Ты отдал достаточно. Теперь ты можешь изменить свое обещание.

— Изменить? Но как? Произнести соответствующие слова?

— Нет, такого рода обещание словами не изменишь. Но очень скоро ты, возможно, поймешь как это сделать. Тогда, наверное, ты даже начнешь видеть.

— Можешь ты мне хотя бы подсказать, дон Хуан? Чуть-чуть? — Ты должен

терпеливо ждать, зная о своем ожидании и зная, чего ты ждешь. Это — путь воина. Если дело в том, чтобы выполнить обещание, то ты должен делать это сознательно. Рано или поздно ожидание закончится, и ты будешь свободен от обязательств. Теперь ты уже никак не сможешь изменить жизнь того мальчика. Только он сам может вычеркнуть из своей жизни то, что тогда произошло.

— Как?

— Научившись уничтожать желания. Пока он считает себя жертвой, его жизнь останется адом. Пока ты считаешь его жертвой, твое обещание останется в силе. Желание — вот что заставляет нас страдать, но как только мы научимся уничтожать свои желания, любая полученная нами мелочь превратится в бесценный дар. Будь спокоен, ты сделал Хоакину царский подарок. Бедность и нужда — это только мысли; то же касается ненависти, голода, боли.

— Я не могу в это поверить, дон Хуан. Как голод и боль могут быть только мыслями?

— Для меня сейчас они являются только мыслями. Это все, что я знаю, это мое достижение. Запомни: понимание этого — единственное, что позволяет нам противостоять силам жизни. Без него мы — мусор, пыль на ветру. — Я не сомневаюсь, дон Хуан, что ты это сделал. Но разве такое под силу обыкновенному человеку — мне, скажем, или маленькому Хоакину?

— Наша судьба как людей — противостоять силам жизни. Я много раз говорил тебе: только воин может выжить. Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то найдет путь, потому что не голоден. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что сила голода или боли уничтожает тебя.

Я хотел было отстаивать свое мнение, но остановился, потому что понял, что таким образом пытаюсь защититься от разрушительной силы великолепной победы дона Хуана, которая затронула меня так глубоко и с такой силой. Как он знает? Я подумал, что мог рассказать ему историю о курносом мальчике во время одного из моих состояний необычной реальности. Но мне все равно

казалось, что я никогда не говорил ему об этом. Впрочем, то, что я не помнил, предполагалось с самого начала.

— Как ты узнал о моем обещании, дон Хуан?

— Я видел его.

— Ты видел его, когда я принимал Мескалито или когда я курил твою смесь?

— Я видел его сейчас, сегодня.

— Ты видел все событие?

— Снова ты за свое. Я же говорил тебе, что нет смысла обсуждать, на что похоже видение.

Я больше не настаивал. Эмоционально я был убежден.

— Я также дал клятву однажды, — неожиданно сказал дон Хуан.

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть.

— Я обещал отцу, что я буду жить, чтобы уничтожить его убийц. Я носил в себе это обещание долгие годы. Теперь обещание изменено. Я не интересуюсь больше уничтожением кого-либо. Я не ненавижу мексиканцев. У меня нет ненависти ни к кому. Я знаю, что бесчисленные пути каждого пересекаются в его жизни. Все равны. Угнетатель и угнетенный в конце встречаются, и единственное, что преобладает, — это то, что жизнь была слишком короткой для них обоих. Сегодня я чувствую печаль не потому, что мой отец или моя мать умерли так, как они умерли, а потому, что они были индейцами. Они жили как индейцы и умерли как индейцы, и никогда не знали, что они были прежде всего людьми.

Глава 10

30 мая 1969 года я вновь приехал к дону Хуану и с порога заявил, что хочу еще раз попытаться «увидеть». Он отрицательно покачал головой, засмеялся и сказал, что придется потерпеть, потому что еще не время. Но я упорно твердил, что уже готов. Похоже, мои навязчивые просьбы не особенно его раздражали. Тем не менее он попытался сменить тему. Я не поддался и попросил его посоветовать, как мне справиться со своим нетерпением.

— Ты должен действовать, как воин, — сказал он.

— Как?

— Чтобы научиться действовать как воин, нужно действовать, а не болтать.

— Ты говорил, что воин думает о своей смерти. Я все время это делаю, но, очевидно, этого недостаточно.

Он вроде начал сердиться и даже чмокнул губами. Я поспешно сказал, что не хотел его злить, и что если я сейчас не нужен, то готов уехать обратно в Лос-Анжелес. Дон Хуан мягко погладил меня по спине и сказал, что мне хорошо известно, что значит «быть воином».

— Что я должен делать, чтобы жить как воин? — спросил я.

Он снял шляпу и почесал виски. Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты любишь все, выраженное в словах, не так ли?

— Так работает мое сознание.

— Оно не должно так работать. — Я не знаю, как измениться. Вот почему я прошу тебя рассказать мне, что именно я должен делать, чтобы жить как воин. А я попытаюсь к этому приспособиться.

Почему-то мое заявление показалось ему забавным, и он долго хохотал,

хлопая меня по спине.

У меня было чувство, что он с минуту на минуту собирается отправить меня домой, поэтому я быстро уселся напротив него на свою циновку и стал задавать вопросы. Меня интересовало, почему мне следует выжидать.

Он объяснил, что если я попытаюсь видеть, не «залечив» предварительно «раны», полученные в битве со стражем, то могу опять столкнуться с этим монстром, даже если не буду искать встречи с ним. Дон Хуан заверил меня, что выжить в такой ситуации не способен никто.

— Ты должен полностью забыть стража, и только после этого пытаться видеть снова. — Забыть стража?! Да разве такое можно забыть?

— Для того, чтобы забыть, воин использует волю и терпение. В действительности это все, что у него есть. При помощи воли и терпения воин добивается всего, чего хочет.

— Но я же — не воин.

— Ты встал на путь магии. У тебя нет больше времени ни на отступление, ни на сожаления. Время есть лишь на то, чтобы жить, как подобает воину, вырабатывая терпение и волю. Нравится тебе это или нет.

— Как воин их вырабатывает?

Прежде, чем ответить, дон Хуан долго думал. В конце концов он произнес:

— Мне кажется, об этом невозможно рассказать. Особенно о воле, потому что воля — это нечто очень специфическое. Проявления ее таинственны. Нет никакой возможности объяснить, как ее использовать, можно только увидеть результаты. Они ошеломляют. Наверное, прежде всего нужно осознать, что волю можно развить. Воин знает об этом и терпеливо ждет. Ты не отдаешь себе отчета в том, что твое ожидание — ожидание воли. И это твоя ошибка. Мой бенефактор говорил мне, что воин знает, чего он ждет, и знает чего ждет. Ты знаешь, что ждешь. Но хотя ты и околачиваешься здесь годами, ты так до сих пор и не понял, чего именно ждешь.

Среднему, обычному человеку очень трудно, практически невозможно узнать, чего он ждет. Для воина, однако, такой проблемы не существует. Он знает, что его ожидание — это ожидание воли.

— Ты можешь мне четко сказать, что такое воля? Это что — устремление, вроде мечты Лусио заполучить мотоцикл?

— Нет, — мягко произнес дон Хуан и усмехнулся. — Это — не воля. Лусио просто потакает своим желаниям и своей слабости. Воля — это другое. Воля — это нечто предельно чистое, мощное, что направляет наши действия. Воля — это то, что позволяет человеку победить в битве, будучи обреченным на поражение. — Тогда, может быть, воля — это то, что мы называем мужеством?

— Нет, мужество — это другое. Мужественные люди зависимы. Они благородны, из года в год окружены толпой людей, которые превозносят их и восхищаются ими. Но волей из мужественных людей не обладает почти никто. Они бесстрашны, способны на действия очень смелые, однако обычные, не выходящие за рамки здравого смысла. Большинство мужественных людей внушают страх, их боятся. Но проявления воли относятся к достижениям, которые не укладываются ни в какие рамки нашей обычной реальности, поразительным действиям, выходящим за пределы здравого смысла.

— Воля — это владение собой?

— Можно сказать, что это один из видов контроля.

— Как ты думаешь, я могу тренировать волю, например, отказываясь от чего-то?

— Например, от того, чтобы задавать вопросы, — съязвил дон Хуан.

Тон его при этом был настолько въедлив, что я даже перестал писать и поднял на него глаза. Мы оба рассмеялись. — Нет. Отказывая себе в чем-либо, человек потакает себе, идя на поводу самолюбия или даже самовлюбленности. Я не советую заниматься подобными глупостями. Поэтому и позволяю тебе спрашивать — все, что ты пожелаешь. Если бы я потребовал от тебя прекратить задавать вопросы, ты мог бы поранить свою волю, пытаясь выполнить мое требование. Самоограничение — самый худший и самый

злостный вид потакания себе. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности. Отказаться от чего-то или заставить себя перестать что-то делать — это еще не проявление воли. Если ты, например, заставишь себя перестать задавать вопросы, это действие не будет иметь с волей ничего общего. Воля — это энергия, сила, самостоятельная действующая единица. Она требует должного управления и настройки, на что требуется время. Мне это известно, поэтому в отношении тебя я спокоен. Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, я был не менее импульсивен, чем ты. Но это прошло. Воле нет дела до наших слабостей, она работает несмотря ни на что. Твоя, например, уже начинает приоткрывать просвет.

— О каком просвете ты говоришь?

— У нас есть просвет, как родничок на голове младенца. Только родничок со временем закрывается, а этот просвет — наоборот, по мере того, как у человека развивается воля, становится все больше.

— Где он находится?

— Там, откуда исходят светящиеся волокна, — сказал он, показывая на мою брюшную полость.

— Для чего он?

— Через это отверстие, подобно стреле, выстреливается воля.

— Воля материальна?

— Нет. Я просто сказал так, чтобы тебе было понятнее. То, что маг называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Прекратить задавать вопросы — не значит использовать волю, потому что для этого нужно думать и хотеть. Воля — это то, что заставляет тебя побеждать, когда твой рассудок говорит тебе, что ты повержен. Воля — это то, что делает тебя неуязвимым. Воля — это то, что позволяет магу пройти сквозь стену, преодолеть огромное расстояние, попасть на Луну, если он того пожелает.

Больше я ни о чем не хотел спрашивать. Я устал и вдобавок нервничал, потому что боялся, что дон Хуан попросит меня уехать.

— Пойдем на холмы, — сказал он неожиданно и встал. По пути он снова начал говорить о воле, посмеиваясь над тем, что я не мог записывать на ходу.

Он описал волю как силу, которая была истинным звеном между миром и людьми. К определению мира дон Хуан подошел очень тщательно, сказав что мир — это то, что мы воспринимаем, независимо от избранного нами способа восприятия. Дон Хуан считал, что «восприятию мира» сопутствует процесс «схватывания», то есть глубокого осознания того, что перед нами предстало и было воспринято. Такое «комплексное» восприятие осуществляется органами чувств и волей.

Я спросил его, не является ли воля тем, что иногда называют «шестое чувство». Он ответил, что она, скорее, является связью между нами и воспринимаемым миром.

Я предложил остановиться, чтобы все это записать. Но он засмеялся и продолжал идти.

В тот вечер он так и не отправил меня в Лос-Анжелес. А на следующее утро, за завтраком, сам продолжил разговор о воле.

— То, что среди людей принято называть волей, — не более чем упорство и твердость характера, — сказал он, — То, что маг называет волей, — есть сила, которая исходит изнутри него и привязывается к внешнему миру. Она выходит через живот, прямо отсюда, где находятся светящиеся волокна.

Он потер свой пупок, указывая место.

— Я говорю, что она выходит отсюда, потому что так это чувствуешь.

— Почему ты называешь это волей?

— Я вообще это никак не называю. Но мой бенефактор называл это волей, и все люди знания называют это так. — Вчера ты сказал, что мир можно

воспринимать как чувствами, так и волей. Что это означает?

— Обычный человек «схватывает» то, что есть в мире с помощью рук, глаз или ушей. Маг может «схватывать» также и с помощью воли. Я не могу описать тебе, как это делается, но ты сам, к примеру, не можешь описать мне, как ты слышишь. Так случилось, что я тоже могу слышать, поэтому мы можем говорить о том, что мы слышим, но не о том, как мы слышим. Маг использует свою волю для того, чтобы ощущать мир. Но это ощущение не похоже на слуховое восприятие. Когда мы смотрим на мир или когда мы прислушиваемся к нему, у нас создается ощущение, что он вне нас и что он реален. Ощущая мир нашей волей, мы узнаем, что он не настолько «вне нас» и не так «реален», как мы думаем.

— Воля — это то же самое, что и видение? — Нет. Воля — это сила, энергия. Видение — это не сила, а способ проникновения в суть вещей. Маг может иметь очень сильную волю, но он все же может не видеть, что означает, что только человек знания ощущает мир своими чувствами, своей волей и своим видением.

Я сказал ему, что нахожусь в еще большем замешательстве, чем при разговоре о том, как использовать свою волю, чтобы забыть стража. Это заявление и мое недоумение, казалось, развеселили его.

— Я предупреждал, что слова только запутывают, — сказал он и засмеялся. — Теперь ты знаешь, что ждешь свою волю. Но ты все еще не знаешь, ни что это такое, ни как это может с тобой произойти. Поэтому тщательно следи за всем, что делаешь. В ежедневных мелочах, которыми ты занимаешься, кроется то, что поможет тебе развить волю.

Дон Хуан отсутствовал все утро. Вернулся он после полудня с охапкой сухих растений. Кивком он попросил меня помочь, и несколько часов мы молча разбирали то, что он принес. Закончив, мы присели отдохнуть, и дон Хуан благосклонно улыбнулся. Я очень серьезно заявил, что внимательно перечитал свои позавчерашние и вчерашние заметки, но так и не понял, что значит «быть воином» и в чем суть понятия воли.

— Воля — не понятие, — сказал дон Хуан.

Это были первые его слова, обращенные ко мне тот день.

Он довольно долго молчал, а потом продолжил:

— Мы с тобой очень разные. Наши характеры непохожи. Ты по природе в большей степени склонен к насилию, чем я. В твоем возрасте я не был агрессивен, более того — я был робок. Ты же — наоборот, и в этом похож на моего бенефактора. Он бы идеально подошел тебе в качестве учителя. Это был великий маг, но он не видел. Ни так, как я, ни так, как Хенаро. Я ориентируюсь в мире и живу, опираясь на видение. Мой бенефактор должен был жить как воин. Видящий не должен жить как воин или как кто-то еще, ему это ни к чему. Он видит, следовательно, для него все в мире предстает в обличье своей истинной сущности, должным образом направляя его жизнь. Но, учитывая твой характер, я должен сказать тебе, что, возможно, ты так никогда и не научишься видеть. В этом случае тебе придется всю жизнь быть воином.

Мой бенефактор говорил: встав на путь знания, человек постепенно осознает, что обычная жизнь для него навсегда осталась позади, что знание — страшная вещь, и средства обычного мира уже не могут его защитить. Поэтому, чтобы уцелеть, нужно жить по-новому. И первое, что необходимо сделать на этом пути, — захотеть стать воином. Важное решение и важный шаг. Путь знания не оставляет выбора — идти по нему может только воин.

К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути — верный попутчик, незаменимый партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится силой.

На каждом повороте этого пути человек сталкивается с угрозой полного уничтожения, поэтому неизбежно начинает осознавать свою смерть. Без осознания смерти он останется только обычным человеком, совершающим заученные действия. Он не будет обладать мощью и способностью к концентрации, чтобы отведенное ему на этой земле время превратить в магическую силу. Поэтому, чтобы стать воином, человек прежде всего должен полностью осознать свою собственную смерть. Но простое беспокойство в связи с возможностью умереть ничего не дает, лишь заставляет замкнуться на

себе. Поэтому необходима отрешенность. Тогда идея неизбежности смерти не превращается в манию, а становится безразличной.

Дон Хуан замолчал и посмотрел на меня, словно ждал каких-то слов.

— Ты все понял? — спросил он.

Я понял, что он сказал. Но представить себе, каким образом достигается отрешенность, не мог. Я сказал, что, судя по всему, уже добрался до той точки пути, в которой знание проявляет свою устрашающую природу. С уверенностью могу утверждать, что более не нахожу поддержки в обычной жизни, что хочу стать воином, вернее, не хочу, а остро в этом нуждаюсь.

— Тогда тебе нужно отречься, — сказал он.

— Отречься от чего?

— Отречься от всего.

— Но это невозможно. Я не намерен становиться отшельником.

— Я не об этом. Стать отшельником — значит потакать себе, своей слабости. Отшельник не отрекается, он насильно загоняет себя в пустыню, принуждая к затворничеству, или бежит от женщины, трудностей, полагая, что это спасет его от разрушительного действия сил жизни и судьбы. Но это — самообман. Только мысль о смерти может дать человеку отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Но это — не страстная жажда, а молчаливая страсть, которую воин испытывает к жизни и ко всему, что в ней есть. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь. Отрешенный воин знает, что невозможно отвести смерть, и знает, что у него есть только одна поддержка — сила его решений. Он должен быть, так сказать, мастером своего выбора. Он должен полностью понимать, что он сам целиком отвечает за свой выбор и что если он однажды сделал его, то у него нет больше времени для сожалений или упреков в свой адрес. Его решения окончательны просто потому, что его смерть не дает ему времени привязаться к чему-либо.

И, таким образом, с осознанием своей смерти, своей отрешенности и силы своих решений воин размечает свою жизнь стратегически. Знание о своей смерти ведет его, делает его отрешенным и молчаливо страждущим, и сила его окончательных решений делает его способным выбирать без сожалений, и то, что он выбирает, стратегически всегда самое лучшее. Поэтому он выполняет все со вкусом и страстной эффективностью.

Когда человек ведет себя таким образом, то можно смело сказать, что он — воин, и что он достиг своего терпения. Дон Хуан спросил меня, не хочу ли я что-нибудь сказать, и я заметил, что задача, которую он только что описал, отнимет всю жизнь. Он сказал, что, хотя я слишком часто перечил ему, он знает, что в повседневной жизни я во многом вел себя как воин.

— У тебя достаточно хорошие когти, — сказал он, смеясь. — Показывай их мне время от времени. Это хорошая практика.

Он сделал жест, изображая когти, и зарычал, а потом засмеялся. Затем он откашлялся и продолжал:

— Когда воин достиг терпения, он на пути к своей воле. Он знает, как ждать. Его смерть сидит рядом с ним на его циновке. Они друзья. Смерть загадочным образом советует ему, как варьировать обстоятельства и как жить стратегически. И воин ждет. Я бы сказал, что воин учится без всякой спешки, потому что он знает, что он ждет свою волю. Однажды он добьется успеха в свершении чего-то, что обычно совершенно невозможно выполнить. Он может даже не заметить своего необычного поступка. Но по мере того, как он продолжает совершать необычные поступки, или по мере того, как необычные вещи продолжают случаться с ним, он начинает сознавать проявление какой-то силы, исходящей из его тела. Сначала она подобна зуду на животе или жжению, которое нельзя успокоить. Затем это становится болью, большим неудобством. Иногда боль и неудобство так велики, что у воина бывают конвульсии в течение месяца. Чем сильнее конвульсии, тем лучше для него. Отличной воле всегда предшествует сильная боль.

Когда конвульсии исчезают, воин замечает, что у него появляется странное чувство относительно вещей. Он замечает, что может, фактически, трогать все, что он хочет тем чувством, которое исходит из его тела — из точки, находящейся в районе пупка. Это чувство есть воля, и когда он способен

охватываться им, можно смело сказать, что воин — маг, и что он достиг воли.

Дон Хуан остановился и, казалось, ждал моих замечаний или вопросов. Я был слишком занят мыслью, что маг должен испытывать боль и конвульсии, и мне было неудобно спрашивать его, должен ли я также пройти через это. Наконец, после долгого молчания, я спросил его об этом, и он рассмеялся, как будто ждал этого вопроса. Он сказал, что боль не является абсолютно необходимой и что он, например, никогда не испытывал ее, и воля просто пришла к нему.

— Однажды я был в горах, — начал он, — и натолкнулся на пуму, самку. Она была большая и голодная. Я побежал, и она погналась за мной. Я влез на скалу, а она остановилась в нескольких футах, готовая к нападению. Я стал бросать в нее камни. Она зарычала и собралась атаковать меня. И тогда моя воля полностью вышла; я остановил пуму до того, как она прыгнула. Я поласкал ее своей волей. Я действительно потрогал ею ее соски. Она посмотрела на меня сонными глазами и легла. А я побежал как сукин сын, не дожидаясь, пока она оправится.

Дон Хуан сделал очень комичный жест, изображая человека, которому дорога жизнь, бегущего и придерживающего свою шляпу.

Я сказал ему, что мне неловко думать, что меня ожидают только самки горных львов или конвульсии. Я хотел волю. — Мой бенефактор был магом с большими силами, — продолжал он. — Он был воин до мозга костей. Его воля была действительно его самым чудесным достижением. Но человек может пойти еще дальше. Человек может научиться видеть. После того, как он научился видеть, ему не нужно больше быть ни воином, ни магом. Став видящим, человек становится всем, сделавшись ничем. Он как бы исчезает, и в то же время он остается. В принципе он может заполучить все, что только пожелает, и достичь всего, к чему бы ни устремился. Но он не желает ничего, и вместо того, чтобы забавляться, играя обычными людьми, как безмозглыми игрушками, он растворяется среди них, разделяя их глупость. Единственная разница состоит в том, что видящий контролирует свою глупость, а обычный человек — нет. Став видящим, человек теряет интерес к своим ближним. Видение позволяет ему отрешиться от всего, что он знал раньше.

— Меня бросает в дрожь при одной только мысли об отрешении от всего, что я знаю, — сказал я. — Ты, должно быть, шутишь! Тебя должно бросать в дрожь

не от этой мысли, а оттого, что впереди у тебя нет ничего, кроме рутинного повторения одних и тех же действий в течение всей жизни. Представь человека, который из года в год выращивает зерно, и так до тех пор, пока силы не покидают его, и он не падает, подобно старому облезлому псу. Все его мысли и чувства, все, что в нем есть самого лучшего, принесено в жертву одному — добыче еды, производству пропитания. Бессмысленная жертва, пустая трата времени — жить, чтобы питаться, и питаться ради жизни, и снова жить, чтобы питаться, и так — до самой смерти. Развлечения, придуманные людьми, как бы они при этом ни изощрялись, — всего лишь жалкие потуги забыться, не выходя за пределы порочного круга — питаться, чтобы жить, и жить, чтобы питаться… Как по мне, то не может быть страшнее потери!

Мы — люди, и наша судьба, наше предназначение — учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров.

— Что, новые миры — это реальность? — спросил я недоверчиво.

— Глупый ты! Мы еще только в самом начале пути. Видение доступно лишь безупречному воину. Закали свой дух и стань таковым. Тогда, научившись видеть, ты узнаешь, что непознанным мирам нет числа и что все они — здесь, перед ними.

Глава 11

Я выполнил все поручения дона Хуана и думал, что он опять отправит меня домой, как делал последние несколько раз. Но он сказал, чтобы я остался, а на следующий день. 28 июня 1969 года, около полудня, предложил снова выкурить смесь.

— Что, опять в гости к стражу?

— Ни в коем случае. На этот раз — кое-что совсем другое.

Дон Хуан спокойно набил трубку, раскурил и протянул мне. У меня не было никаких предчувствий или опасений. После того, как я выкурил трубку, дон Хуан забрал ее у меня и помог мне встать. До этого мы с ним сидели напротив друг друга на двух циновках, которые он положил посреди комнаты. Он сказал, что мы идем немного прогуляться, и слегка подтолкнул меня к двери. Я шагнул, ноги подкосились, и я рухнул на колени. Дон Хуан взял меня под руку и снова поставил на ноги.

— Ты должен идти. Вспомни, как ты встал прошлый раз. Иди тем же способом. Используй волю.

Но я словно врос в землю. Попытавшись сделать шаг правой ногой, я чуть было не потерял равновесие. Слегка поддерживая под правую подмышку, дон Хуан подтолкнул меня к двери, но ноги не держали, и я непременно расквасил бы физиономию, если бы он вовремя не схватил меня за руку, смягчив падение. Он крепко взял меня под правую руку и прислонил к себе. Я ничего не чувствовал, но был уверен, что моя голова лежит у него на плече, потому что видел все под наклоном. Он вывел меня на веранду и начал водить по ней. Дважды мы с трудом обошли ее, но в конце концов я отяжелел настолько, что он уронил меня на пол. Я знал, что теперь ему не под силу сдвинуть меня с места. Я чувствовал, как что-то во мне вполне целенаправленно словно наливалось свинцом. Дон Хуан даже не пытался меня поднять. Какое-то время он смотрел на меня; я лежал на спине к нему лицом. Когда я попытался ему улыбнуться, он засмеялся, а потом наклонился и хлопнул меня по животу. Ощущение было очень странное — не боль, не что-то приятное, а что-то, о чем я не знал даже как подумать. Что-то типа толчка. Сразу же после этого дон Хуан принялся меня катать. Я все также ничего не чувствовал, но увидел, как вся веранда вдруг пришла во вращательное движение. Установив, наконец, меня в требуемое положение, он отошел на пару шагов.

— Вставай! — приказал он. — Вставай так, как в прошлый раз, не морочь мне голову, ты знаешь как нужно вставать. Встал! Ну!

Я настойчиво пытался вспомнить те действия, которые выполнял в таких случаях. Но я не мог ясно думать. Было так, как будто мои мысли хотели своего, как бы сильно я ни старался контролировать их. Наконец, мне пришла мысль, что если я скажу: «Встаю», как я это делал раньше, то непременно

встану. Я сказал «Встаю», громко и отчетливо, но ничего не случилось.

Дон Хуан посмотрел на меня с явным неудовольствием, обошел вокруг и направился к двери комнаты. Я лежал на левом боку, лицом к входной двери, через которую был виден двор перед домом. Когда дон Хуан скрылся из виду, я тотчас же решил, что он ушел в комнату, и громко позвал:

— Дон Хуан!

Он не отвечал.

Мною овладело непреодолимое чувство бессилия и отчаяния. Я хотел встать. Я говорил «Встать» снова и снова, как будто это было магическим словом, которое могло заставить меня сдвинуться. Но ничего не случилось. Я расстроился и испытал раздражение. Мне хотелось биться головой о дверь и плакать. Я проводил мучительные моменты, в которые мне хотелось двигаться или говорить, но я не мог ни того, ни другого. Я был действительно неподвижен, парализован. Наконец, мне удалось промычать:

— Дон Хуан, помоги! Дон Хуан вернулся и уселся передо мной. Он засмеялся и сказал, что я впадаю в истерику и что все мои переживания не имеют никакого значения. Подняв мне голову и глядя в глаза, он сказал, что я поддался постыдному страху, и велел прекратить панику.

— Не усложняй себе жизнь, — сказал он, — выбрось из головы все, что лишает тебя душевного равновесия. Успокойся и приведи себя в порядок.

Он опустил мою голову на землю, перешагнул через меня, и я услышал шарканье его сандалий; больше я ничего не мог воспринимать. Опять он ушел.

Первым мои побуждением было снова начать беситься. Но энергии на это не хватало. Вместо этого я обнаружил, что вхожу в состояние редкостной ясности, и испытал чувство огромного облегчения. Я понял, в чем заключается сложность моей жизни, которую имел в виду дон Хуан. Это — мой маленький сын. Больше всего мне хотелось быть ему настоящим отцом. Я представлял, как я буду выковывать его характер, гулять с ним, вообще — «учить его жизни». Но мысль о том, что мне придется принуждать его вести образ жизни,

подобный моему, была мне отвратительна. Тем не менее, став «примерным отцом», я неизбежно вынужден буду заниматься именно этим — заставлять его жить так, как удобно мне — либо силой, либо хитрым сочетанием аргументов, которое у нас принято называть «пониманием».

— Надо оставить его в покое, — подумал я, — и не цепляться к нему. Я должен предоставить ему свободу.

Мысли о сыне ввергли меня в депрессивное состояние. Я начал всхлипывать, глаза наполнились слезами, и изображение веранды поплыло. Вдруг очень захотелось встать и найти дона Хуана, рассказать ему о малыше и все объяснить. В следующее мгновение я уже смотрел на то, что меня окружало, из нормального положения — я стоял на ногах! Повернувшись к двери, ведущей в комнату, я увидел дона Хуана. Он стоял прямо передо мной. Я понял, что он стоял здесь все время и никуда не уходил.

Я чувствовал, что иду, и, видимо, сделал несколько шагов, так как явно приблизился к дону Хуану. Дон Хуан подошел ко мне и взял меня под руки. Его лицо находилось совсем рядом.

— Молодец, очень хорошо! — похвалил он.

В то же мгновение я вдруг осознал, что происходит нечто совершенно необыкновенное. Сначала показалось, что я просто вспоминаю случай многолетней давности. Тогда я тоже смотрел на лицо дона Хуана с очень близкого расстояния после курения смеси. В тот раз мне казалось, что я вижу его лицо так, словно оно находится в прозрачном сосуде с водой. Оно было огромным, светящимся и состояло из чего-то текучего и непрерывно двигавшегося. Но тогда эта картинка исчезла, едва мелькнув перед глазами, и я ничего не успел запомнить. Сейчас, однако, дон Хуан держал меня, чтобы я не упал, и времени на то, чтобы разглядеть его лицо, было предостаточно. После того как я смог встать и повернуться, я ясно увидел дона Хуана — знакомого мне дона Хуана. Он подошел ко мне и взял меня под руки. Это я тоже мог утверждать с полной определенностью. Но, сфокусировав взгляд на его лице, я не увидел того дона Хуана, которого привык видеть. Вместо него перед моими глазами предстало нечто большое и странное. Я знал, что это нечто — лицо дона Хуана, но знал не благодаря своему восприятию, а скорее как результат логического умозаключения — в конце концов, ведь за

мгновение до этого «знакомый мне дон Хуан» держал меня под руки. Следовательно, странный светящийся предмет у меня перед глазами должен быть его лицом. Кроме того, в нем было что-то очень знакомое и свойственное лицу дона Хуана, но в то же время какое бы то ни было сходство с его «реальным» лицом в этом светящемся объекте отсутствовало. То, на что я смотрел, было круглым предметом, излучавшим свой собственный свет. Каждая его точка находилась в непрерывном движении. Это было сдержанное, волнообразное и ритмичное течение замкнутого в самом себе потока, никогда не выходящего за определенные границы. В то же время каждая точка на поверхности объекта переливалась каким-то собственным движением. В голову пришло, что именно так, должно быть, переливается жизнь. Действительно, движение было настолько живым и текучим, что захватило и даже загипнотизировало меня. Чем дольше я его созерцал, тем тр уднее было оторваться, и в конце концов я перестал отдавать себе отчет в том, что за явление у меня перед глазами.

Вдруг я почувствовал толчок, светящийся предмет запрыгал, словно его трясли, потускнел, стал плотным и неподвижным и, наконец, превратился в знакомое смуглое лицо дона Хуана. Он спокойно улыбался. Но изображение его «настоящего» лица сохранялось буквально мгновения, а потом оно вновь начало излучать свечение. Правда, это не был свет в том виде, как мы привыкли его воспринимать. Его нельзя было также назвать сиянием. Я бы сказал, что это было собственно движение, какое-то невероятно быстрое мерцание, движение в движении. Светящийся предмет опять запрыгал вверх-вниз и утратил волнообразную текучесть. Яркость стала уменьшаться, снова появилось «плотное» лицо дона Хуана — то, к которому я привык. В этот момент до моего сознания слабо дошло, что дон Хуан трясет меня. Он что-то говорил. Я ничего не понимал, но он тряс меня до тех пор, пока я не начал слышать.

— Не смотри на меня! Не смотри на меня!

Он тряс меня, видимо, для того, чтобы нарушить устойчивую фиксацию взгляда. Я определенно не видел светящегося объекта до тех пор, пока не начинал пристально вглядываться в его лицо. Отведя взгляд от его лица, боковым зрением я видел «плотного» дона Хуана, то есть вполне нормальное трехмерное изображение его тела. Правда, не совсем обычным было то, что, практически не глядя на него, я воспринимал не только лицо, но и все тело.

Однако стоило мне лишь на миг сфокусировать взгляд, как тут же лицо дона Хуана превращалось в светящийся объект.

— Вообще на меня не смотри, — зловеще сказал дон Хуан.

Я отвел глаза и уставился в пол.

— В принципе не фиксируй взгляд. Ни на чем, — приказал дон Хуан и отступил в сторону, чтобы помочь мне идти.

Я не чувствовал шагов, и сейчас мне трудно судить, насколько уверенно мне удавалось переставлять ноги, однако с помощью дона Хуана — он держал меня под руку — я умудрился пройти за дом и добраться до оросительной канавы. — Теперь созерцай воду, — велел дон Хуан.

Я посмотрел на воду, но созерцание у меня не выходило — отвлекало течение. Дон Хуан шутливо призывал меня потренировать «силу созерцания», но я не мог сосредоточиться и снова уставился на его лицо. Свечение больше не появлялось.

Во всем теле возник зуд, похожий на ощущение, которое бывает в руке или ноге, которая затекла во время сна. Появились подергивания в мышцах ног. Дон Хуан затолкал меня в воду, и я пошел на дно. Канава была мелкой, и когда я лег на дно, он тут же вытащил меня обратно за правую руку, которую не отпускал с самого начала.

Приходил в себя я довольно долго. Когда через несколько часов мы вернулись в дом, я попросил его объяснить, что со мной происходило. Переодеваясь, я с воодушевлением описывал ему свои видения, но он поставил на них большой жирный крест, заявив, что они не стоят и выеденного яйца. — Подумаешь, большое дело, — говорил он, поддразнивая меня. — Сияние он видел! Тоже мне...

Я требовал объяснений. Тогда он встал и сказал, что ему нужно кое-куда сходить. Было пять часов вечера.

На следующий день я снова пристал к нему, требуя объяснить странные вещи, которые со мной происходили накануне.

— Дон Хуан, это было видение?

Он молчал, загадочно улыбаясь, а я все настойчивее требовал ответа.

— Скажем так: видение — это нечто подобное, — наконец, произнес он. — Ты созерцал мое лицо и видел его как светящийся объект. Дымок иногда позволяет наблюдать такие вещи. Ничего особенного в этом нет.

— А чем отличается видение?

— Когда видишь, мир теряет привычные черты. Все, что ты видишь, ты видишь впервые, оно ни на что не похоже. Мир невероятен!

— Почему невероятен? — Потому что не остается ничего знакомого, ничего узнаваемого. Все, что ты созерцаешь, превращается в ничто! Вчера ты не видел. Ты созерцал мое лицо и, поскольку ты меня любишь, видел мое свечение. Я не был ужасен, как страж, наоборот — красив и интересен. Однако это было не видение, так как я не превратился для тебя в ничто. Но это был первый реальный шаг к видению. Твоя единственная ошибка была в том, что ты сосредоточился на мне, «зацепился» за мою личность. И в этом смысле я для тебя ничуть не лучше стража. В обоих случаях ты не справился и не видел.

— Ты говоришь, что все превращается в ничто. Как понять это? Вещи исчезают?

— Нет, не исчезают. Они не пропадают, если ты это имеешь в виду. Все остается на своих местах, но в то же время превращается в ничто.

— Я не понимаю тебя, дон Хуан!

— Ты чертовски настойчив, когда дело доходит до болтовни! — с серьезным видом воскликнул дон Хуан. — Слушай, а может, мы неправильно вычислили твое обещание, а? На самом деле ты, наверное, обещал никогда не прекращать болтовню.

Дон Хуан говорил довольно сурово. На лице его было выражение

озабоченности. Я хотел рассмеяться, но не решился, поверив, что он и в самом деле серьезен. Но он засмеялся. Я сказал, что начинаю нервничать, если долго не разговариваю.

— Давай пройдемся, — предложил он.

Он повел меня к выходу из каньона, тянувшегося между холмами. Мы шли около часа. Добравшись, мы немного отдохнули, а потом дон Хуан повел меня сквозь густой колючий кустарник к источнику, вернее, к тому месту, где когда-то был источник. Но сейчас там было так же сухо, как и везде вокруг.

— Сядь в центре источника, — велел он.

Я повиновался и сел.

— А ты что, не собираешься здесь садиться? — спросил я, заметив, что он присматривает место возле камня у подножия холма, метрах в двадцати от источника. Он ответил, что понаблюдает за мной оттуда. Я сидел, подтянув колени к груди. Он велел мне поджать под себя левую ногу, а правую оставить согнутой с поднятой коленкой. Сжатой в кулак правой рукой я должен был опереться о землю, а левую руку согнуть в локте на уровне груди. Дон Хуан сказал, чтобы я сел в такой позе лицом к нему и расслабился, но, как он выразился, «не распускался». Когда я таким образом приготовился, он вытащил из сумочки какую-то беловатую веревочку, связанную в петлю. Надев петлю на шею, он сильно натянул ее левой рукой. Получились две струны, одну из которых он натянул правой рукой. Она издала протяжный вибрирующий звук.

Он немного ослабил натяжение своего «инструмента» и сказал мне особое слово, которое я должен был выкрикивать, если вдруг почувствую, что на меня кто-то набросился.

Я спросил, кто может на меня наброситься. Он велел мне молчать. Потом рукой подал знак, что начинает, но не начал, а сказал, что, если нападение примет очень уж угрожающий характер, то мне следует применить боевой прием, которому он научил меня несколько лет назад. Этот прием является частью техники магической защиты. Он используется в особо опасных и критических ситуациях и представляет собой нечто вроде танца, во время которого носком

левой ноги ритмично ударяют по земле, хлопая при этом себя изо всех сил по правой ляжке.

Я почувствовал себя очень неуютно и хотел спросить, чего ради он меня сюда затащил, но дон Хуан не дал мне даже рта раскрыть, начав дергать струну. Он дернул ее несколько раз с промежутками секунд двадцать. Я обратил внимание на то, что каждый раз он изо всех сил натягивает петлю, так что рука и шея дрожали от напряжения. Звук получался очень чистый, и я заметил, что, дергая струну, он, кроме того, особым образом вскрикивает. Сочетание звука струны и этого выкрика порождало какие-то невероятные, ни на что не похожие вибрации.

На меня пока никто не нападал, но глядя на напряженное тело дона Хуана и вслушиваясь в зловещие сверхъестественные звуки, я почти вошел в транс.

Дон Хуан немного расслабился и оглянулся на меня. Пока он играл, я видел только его спину — он стоял, повернувшись лицом в том же направлении, что и я, то есть на юго-восток. — Когда я играю, не смотри на меня, но ни в коем случае не закрывай глаза. Смотри в землю перед собой и слушай.

Он снова натянул струну и заиграл. Я смотрел в землю и слушал, сосредоточившись на звуке. Ничего подобного мне в жизни слышать не доводилось.

Меня охватил страх. Раскаты потустороннего звука заполнили каньон и «высекли» из скал эхо. Я отчетливо слышал, как звук, издаваемый доном Хуаном, возвращается ко мне со всех сторон, отражаясь от стен каньона. Дон Хуан натянул струну сильнее, и звук стал выше, а тон эха — ниже. Потом эхо сконцентрировалось в одной точке — на юго-востоке.

Дон Хуан начал постепенно ослаблять натяжение струны, тон звука понижался до тех пор, пока не послышался последний низкий тупой удар. Он свернул веревочку, спрятал ее в сумку, подошел ко мне и помог подняться на ноги. Я обнаружил что мышцы рук и ног у меня окаменели, одежда буквально пропиталась потом. Я и понятия не имел, что так сильно потел, когда он играл. Резало глаза, которые воспалились оттого, что в них затекли струйки пота.

Дон Хуан практически оттащил меня от места, где я сидел. Я хотел что-то сказать, но он закрыл мне рот ладонью.

Обратно мы пошли не той дорогой, по которой пришли. Дон Хуан повел меня в обход. Мы вскарабкались наверх по склону каньона, по холмам ушли довольно далеко в сторону от его устья, и только потом повернули к дому.

Весь обратный путь мы проделали молча и пришли, когда уже совсем стемнело. Я снова попытался что-то сказать, и опять дон Хуан зажал мне рот.

Мы ничего не ели и не зажигали керосиновую лампу. Дон Хуан перенес мою циновку в свою комнату и кивнул на нее. Я решил, что он предлагает мне ложиться спать.

— У меня есть для тебя хорошее занятие, — сказал дон Хуан на следующее утро, едва я протер глаза. — Как раз то, что тебе нужно. Начнешь сегодня же. У нас нет времени, ты ведь знаешь.

После долгой неловкой паузы я почувствовал, что нужно расспросить его о вчерашнем:

— Дон Хуан, что ты делал со мной вчера? Он хихикнул совсем как ребенок.

— Стучался к духу источника. К такого типа духам нужно стучаться, потому что если источник высыхает, то дух забирается внутрь горы. Дух этого источника дремал, но вчера мне удалось его разбудить, скажем так. Впрочем, он ничего не имел против и даже указал нам «твое» направление, — и дон Хуан кивнул на юго-восток.

— Что это за штука — струна, на которой ты играл?

— Духоловка.

— Можно посмотреть?

— Нет. Я тебе когда-нибудь сделаю. Или, пожалуй, лучше ты сам себе сделаешь, когда научишься видеть.

— А из чего она?

— Моя — это дикий вепрь. Когда у тебя будет своя духоловка, ты поймешь, что она — живая и может научить тебя издавать различные звуки, которые ей нравятся. По мере тренировки ты как следует освоишь свою духоловку, и вместе вы сможете издавать звуки, полные силы.

— Зачем ты водил меня на поиски духа источника?

— Скоро узнаешь.

Было утро — половина двенадцатого. Мы сидели в тени рамады. Я только что выкурил трубку смеси.

Когда тело полностью «отключилось», дон Хуан велел мне встать, что я и проделал поразительно легко. Он немного помог мне сделать первый шаг. Легкость, с которой я управлял телом, меня удивила — практически самостоятельно я дважды обошел рамаду. Дон Хуан все время шел рядом, но не направлял меня и не поддерживал. Затем он взял меня под руку, повел за дом к канаве и велел созерцать воду, ни о чем не думая.

Я попытался сфокусировать взгляд на воде, но ее движение отвлекало. Мысли начали блуждать, цепляясь за детали окружающей обстановки, взгляд — тоже. Дон Хуан взял меня за голову, встряхнул и еще раз велел смотреть на воду и ни о чем не думать. Он сказал, что созерцание движущейся воды — дело сложное, но следует проявить настойчивость. Я трижды пытался, и каждый раз меня что-нибудь отвлекало. Каждый раз дон Хуан терпеливо меня встряхивал. Наконец я обнаружил, что сознание и взгляд зафиксировались-таки на воде — я не видел движения, погрузившись в созерцание ее текучести. Вода стала выглядеть по-другому. Она как бы потяжелела и приобрела серовато-зеленый оттенок. Рябь, образованная течением, была чрезвычайно отчетливой. Вдруг я почувствовал, что смотрю не на массу текущей воды, а на ее изображение — то, что было у меня перед глазами, напоминало застывший сегмент, словно вырезанный из потока воды. Рябь была неподвижной. Я мог разглядеть каждый ее изгиб. Потом она начала светиться зеленым светом, испуская что-то вроде зеленого тумана. Его становилось все больше, он светился все ярче, пока не превратился в ослепительно яркое сияние, которым было залито все.

Сейчас я не могу сказать, сколько времени я так просидел, созерцая туман. Дон Хуан меня не трогал, я полностью превратился в зеленое мерцание, которое окутывало и успокаивало меня. Не было ни мыслей, ни ощущений — только исполненное покоя осознание растворения в зеленом умиротворяющем сиянии.

Следующее, что я осознал, было ощущение холода и сырости. Постепенно придя в себя, я понял, что лежу на дне канавы. В носоглотку попала вода, я проглотил ее и закашлялся. В носу начало жечь. Я несколько раз чихнул, встал и снова чихнул с такой силой, что изрядная порция газов с характерным звуком вышла из анального отверстия. Дон Хуан хлопнул в ладоши и засмеялся.

— Тело пердит — стало быть, живое! — прокомментировал он.

Он знаком велел следовать за ним, и мы отправились в дом. Хотелось покоя. Мне почему-то казалось, что настроение мое будет угрюмо-отрешенным. Однако ни усталости, ни меланхолии не было. Наоборот, я чувствовал себя прекрасно и, быстро переодевшись, даже начал насвистывать. Дон Хуан с интересом взглянул на меня и изобразил на лице удивление; вытаращил глаза и раскрыл рот. Мне стало очень смешно — я смеялся гораздо дольше, чем это соответствовало ситуации.

— Да ты и впрямь шутник! — заметил он и сам расхохотался. Я объяснил, что приобретение привычки становиться мрачным после курения смеси не входит в мои планы. Потом я вспомнил встречи со стражем и сказал дону Хуану, что каждый раз после того, как он вытаскивал меня из оросительной канавы, я чувствовал, что видение — где-то рядом, стоит только внимательно смотреть на что-нибудь достаточно долго.

— Это не то. Смотреть, сохраняя покой, и видеть — это разные вещи, и второе вовсе не обязательно вытекает из первого, — сказал он. — Видение — это технический прием, которым некоторые из нас заведомо не владеют.

Он уставился на меня, как бы давая понять, что я отношусь именно к этой категории людей.

— Ты в силах идти? — спросил он.

Я ответил, что чувствую себя прекрасно, и это вполне соответствовало истине. Я не был голоден, хотя с самого утра ничего не ел. Дон Хуан кинул в рюкзак немного хлеба и несколько кусков сушеного мяса, отдал рюкзак мне и кивнул головой, предлагая следовать за ним.

— Куда мы идем? — спросил я.

Он кивком указал в сторону холмов и повел меня к тому каньону, где был источник. Но в самом каньоне мы не остались, а свернули направо, по скалистому склону взобрались наверх и пошли к вершине одного из холмов. Солнце уже почти коснулось горизонта. Несмотря на прохладу, мне было жарко. Я запыхался и хватал воздух ртом.

Дон Хуан ушел далеко вперед и вынужден был остановиться, поджидая меня. Он сказал, что я в отвратительной форме, и мы вряд ли поступим мудро, если пойдем дальше. Я отдыхал около часа. Дон Хуан выбрал большой гладкий валун почти идеально круглой формы и велел мне лечь на него животом вниз. Он велел мне свесить руки и ноги и полностью их расслабить. Полностью расслабившись, я свободно лежал на камне, а руки, ноги и голова свисали вниз. Спина изогнулась, так что поясница была вверху. В этой позе я провел примерно пятнадцать минут. Потом дон Хуан велел мне перевернуться на спину и расстегнуть одежду, обнажив живот. Он тщательно выбрал немного листьев и кучкой насыпал их на него. Сразу же по всему телу разлилось тепло. После этого дон Хуан взял меня за ноги и развернул головой на юго-восток. — Теперь позовем дух источника, — сказал он.

Я попытался повернуть голову, чтобы взглянуть на него, но он с силой удержал меня за волосы и объяснил, что из-за плохой физической формы я сейчас очень уязвим, поэтому должен лежать спокойно и неподвижно. Ветки и листья, которые он положил мне на живот, — особенные, они будут меня защищать. Сам он останется рядом, чтобы в случае чего помочь — вдруг я не справлюсь.

Дон Хуан встал надо мной, прямо за моей головой, так что, поднимая глаза, я мог его видеть. Он вытащил свою «духоловку» и натянул ее, но тут заметил, что я за ним наблюдаю. Тогда он легонько щелкнул меня по макушке

костяшками пальцев и велел смотреть в небо, не закрывать глаза и сосредоточиться на звуке. Затем, как бы между прочим, добавил, что если вдруг на меня кто-то нападет, нужно, не колеблясь, выкрикивать то слово, которое он сказал мне вчера.

Дон Хуан и «духоловка» начали с низкого звука. Постепенно натяжение струны увеличивалось, и я услышал что-то похожее на реверберацию, а потом — четкое эхо, отозвавшееся с юго-востока. Натяжение все увеличивалось. Дуэт «дон Хуан — духоловка» был безупречен. Дон Хуан усиливал низкий звук струны, превращая его в пронзительный вопль, завывание, от которого в жилах стыла кровь. В пределе это переходило в жуткий потусторонний визг, с точки зрения всего моего жизненного опыта совершенно невероятный.

Звук метался между горами и вновь возвращался к нам. Я вообразил, что звук возвращается прямо ко мне. Вдруг со мной начало твориться что-то странное — непонятным образом изменилась температура тела. До того, как дон Хуан приступил к извлечению своих диких звуков, мне было тепло и уютно, но когда его завывания достигли пика, меня затрясло, зубы начали стучать, и возникло явственное ощущение, что на меня и впрямь что-то набросилось. В какое-то мгновение я заметил, что небо потемнело — я смотрел вверх, но не осознавал его. Жуткая паника охватила меня, и я что было сил заорал заветное слово. Дон Хуан сразу же начал сбавлять интенсивность, звуки сделались менее душераздирающими, но легче мне от этого не стало.

— Заткни уши, — буркнул дон Хуан.

Я зажал уши ладонями. Через несколько минут дон Хуан прекратил издавать звуки и подошел ко мне. Убрав листья и ветки с моего живота, он помог мне встать и аккуратно сложил их на тот камень, где я отдыхал. Из своей сумки он достал другие листья и натер мне ими живот, а те, что лежали на камне, поджег.

Когда я хотел сообщить ему, что страшно болит голова, он зажал мне рот ладонью.

Мы сидели там, пока все листья не догорели. К тому времени совсем стемнело. Мы начали спускаться с холма, и меня вырвало. Когда мы шли вдоль оросительной канавы, дон Хуан сказал, что я сделал достаточно и должен

уехать. Я спросил, что такое дух источника, но он жестом велел мне молчать.

— Об этом — в другой раз, — сказал он.

Потом он сменил тему и пустился в длинные объяснения по поводу видения. Я заметил, что не могу писать в темноте, и это досадно. Но он сказал, что стремление все записывать не позволяет мне сосредоточиться на смысле его слов.

Он говорил, что видение не имеет отношения к союзникам и магическим приемам. Маг — это человек, способный управлять союзником и манипулировать им в своих целях. Но сам факт управления союзником вовсе не означает, что маг умеет видеть. Я напомнил дону Хуану его слова о том, что не имея союзника, невозможно видеть. Дон Хуан очень спокойно ответил, что пришел к выводу о возможности видеть не управляя союзником.

— Собственно, почему бы и нет? Ведь видение не имеет никакого отношения к технике магических манипуляций, — сказал он. — Цель всех магических приемов — воздействие на других людей. А видение на других никак не влияет.

В голове у меня все встало на свои места. Пока мы шли, я не испытывал ни сонливости, ни усталости, но ужасно хотел есть, и, когда мы пришли, объелся. Потом я попросил дона Хуана рассказать мне еще что-нибудь о видении. Он широко улыбнулся и сказал, что я, похоже, окончательно пришел в себя.

Я спросил:

— Что значит «видение не влияет на других людей»?

— Я уже рассказывал тебе об этом. Видение — это не магия. Правда, его легко спутать с магией, потому что видящий без труда может научится управлять союзником и стать магом. С другой стороны, можно освоить приемы управления союзником и сделаться магом, но так никогда и не научиться видеть.

Кроме того, видение по сути своей противоположно магии, потому что показывает неважность всего этого.

— Неважность чего, дон Хуан?

— Неважность всего. На этом разговор закончился. Я был в состоянии глубокого расслабления, говорить не хотелось. Положив под голову свернутую штормовку, я удобно устроился на своей циновке, поставил рядом керосиновую лампу и в течение нескольких часов писал.

Вдруг дон Хуан снова заговорил:

— У тебя сегодня здорово получилось с водой. Ты понравился духу источника, и он тебе помогает.

Я вспомнил, что ничего не рассказал ему, и начал было говорить о том, как воспринял воду, но он прервал меня:

— Я знаю. Ты воспринимал светящийся зеленый туман.

— Откуда ты знаешь? — не удержался я от вопроса.

— Видел тебя.

— И что я делал?

— Ничего. Просто сидел, созерцал воду и в конце концов начал воспринимать зеленый туман.

— Это было видение?

— Не совсем, но ты подобрался почти вплотную. Я заметно воодушевился. Хотелось узнать об этом как можно больше. Он засмеялся и прошелся по поводу моего нетерпения, заявив, что зеленый туман может воспринять любой дурак — это явление такого же типа, как страж, оно неизбежно возникает при восприятии воды, и в том, что я этот туман увидел, ничего особенного нет.

— Говоря, что у тебя здорово получилось, я имел в виду, что ты не дергался, как тогда со стражем. Если бы ты завелся, мне бы пришлось трясти тебя за голову, чтобы оттуда выдернуть. Бенефактор того, кто погружается в зеленый

туман, должен все время быть начеку на случай, если туман поймает ученика. От стража можно улизнуть самостоятельно, но уйти из зеленого тумана без посторонней помощи нельзя. По крайней мере вначале. Потом ты научишься выбираться без меня. А пока мы займемся другим вопросом.

— Каким?

— Посмотрим, сможешь ли ты увидеть воду.

— Как я узнаю, что вижу или видел ее?

— Узнаешь. Неразбериха бывает только когда болтаешь.

Глава 12

Разбираясь в своих полевых записях, я натолкнулся на несколько любопытных вопросов. Это было 8 августа 1969 года. Мы с доном Хуаном сидели в тени рамады его дома. Я спросил:

— Зеленый туман — это что-то вроде стража? В том смысле, что его тоже нужно преодолеть, чтобы видеть?

— Да. Преодолевать приходится все.

— А как мне преодолеть зеленый туман?

— Так же, как и стража, заставив его превратиться в ничто.

— Что для этого следует делать?

— Ничего. Тебе намного легче справиться с зеленым туманом, чем со стражем. Ты нравишься духу источника, а страж был явно не для твоего характера. Его

ты по-настоящему не видел.

— Наверное потому, что он мне не понравился. А если бы понравился? Ведь некоторым тот страж, которого я видел, наверняка показался бы красивым. Они смогли бы одолеть его? — Нет. Никак ты не поймешь. Совершенно не важно — нравится тебе страж или нет. Пока ты будешь испытывать к нему хоть какое-то чувство, он останется неизменным — чудовищным, красивым или каким-то там еще. Но если ты будешь бесстрастным, он превратится в ничто. Нет, он никуда не денется, но превратится в ничто.

В утверждении, что столь грандиозное явление, как страж, может превратиться в ничто, оставаясь тем не менее перед глазами, не было никакого смысла. Я подумал, что это — одна из алогичных предпосылок системы знания дона Хуана. В то же время я не сомневался, что он сможет объяснить мне это, если захочет. Поэтому я спросил:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты думал о его омерзительности. Он был жутких размеров. Он плевался. Он был чудовищем. Ты знаешь, что подразумевается под всеми этими понятиями. Поэтому для тебя страж все время является чем-то таким, что ты знаешь, что тебе известно, и пока это так, увидеть его невозможно. Я уже говорил тебе — страж должен превратиться в ничто, оставаясь неизменным перед тобой. Он должен оставаться на месте и в то же время быть ничем.

— Ну как это? Дон Хуан, это же — абсурд.

— Да. Но таково видение. О нем невозможно говорить. Чтобы научиться видению, нужно видеть. С водой у тебя явно нет проблем. Тогда ты ее почти видел. Вода — твой «конек». Тебе осталось только отработать технику. Кроме того, у тебя есть могучий помощник — дух источника.

— Кстати, о духе источника. Этот вопрос меня очень интересует.

— Тебя может интересовать все что угодно, но говорить о духе источника, находясь на его территории, не стоит. Здесь о нем лучше даже не думать. Иначе он схватит тебя, и никто уже не сможет тебе помочь. Так что помалкивай и думай о чем-нибудь другом.

На следующий день около десяти часов утра дон Хуан вытащил из чехла трубку, набил ее смесью, дал мне и велел отнести на берег канавы. Держа обеими руками трубку, я умудрился расстегнуть рубашку и засунуть трубку за пазуху. Дон Хуан нес две циновки и поднос с тлеющими углями. Мы сели на циновки в тени деревьев бреа на берегу у самой воды. Дон Хуан положил в трубку уголек и протянул ее мне. Я не испытывал ни опасений, ни особого энтузиазма. Почему-то вспомнилось редкостное чувство интереса и благоговения, возникшее у меня во время второй попытки увидеть стража, уже после того, как дон Хуан объяснил, кем страж является на самом деле. Но сейчас не было никаких эмоций, кроме любопытства, хотя дон Хуан и предупредил меня, что на этот раз я, возможно, по-настоящему увижу воду.

Дон Хуан заставил меня выкурить не одну, а две трубки подряд. В какой-то момент он наклонился ко мне и в самое ухо прошептал, что собирается научить меня использовать воду для перемещения в пространстве. Он наклонился так близко, что почти касался губами моего уха, и велел смотреть не вглубь воды, а сосредотачивать внимание на ее поверхности до тех пор, пока не появится зеленый туман. Снова и снова он повторял:

— Все внимание сосредотачивай на тумане, пока не перестанешь различать что бы то ни было еще.

Потом я услышал его слова:

— Смотри на воду прямо перед собой, но не позволяй ее журчанию увести тебя. Если ты уйдешь со звуком воды, я не смогу найти тебя и вернуть. Теперь — вперед, в зеленый туман, и слушай мой голос.

Я все слышал и понимал чрезвычайно ясно. Сосредоточенно глядя на воду, я ощутил нечто вроде физического удовольствия, какое-то неопределенное наслаждение, похожее на внутренний зуд. Я долго всматривался, но зеленого тумана все не было.

Неожиданно я потерял контроль над глазами. Может, я моргнул, а может, закрыл глаза на чуть более длительное время — где-то на секунду, или просто не смог уследить за фокусировкой, но, как бы то ни было, вода остановилась. Движение полностью прекратилось; я словно смотрел на

изображение неподвижной ряби, мастерски написанное маслом. Потом вода зашипела, словно в ней мгновенно образовалась масса пузырьков углекислого газа. Через мгновение я увидел, что шипением сопровождался процесс медленного распространения зеленой материи, своего рода постепенный беззвучный взрыв, превративший воду в зеленый туман, который распространялся, пока полностью не окутал меня, заполнив собою все пространство.

Я был погружен в него до тех пор, пока острый, протяжный и резкий звук не всколыхнул все вокруг. Обычные черты водной поверхности снова появились перед глазами, и я как бы «влился» в них. Звук оказался не чем иным, как диким воплем дона Хуана: «Ээээээээй!» Он орал у самого моего уха. Потом велел мне внимательно следить за его голосом и, снова погрузившись в туман, ждать, когда он меня позовет. Я по-английски ответил «О'кей» и услышал его хохот, похожий на гусиное гоготанье.

— Пожалуйста, не разговаривай. — сказал дон Хуан. — давай впредь обойдемся без твоих «О'кей». Я слышал его очень хорошо. Звук голоса был мелодичным и, прежде всего, дружелюбным. Я знал это, не думая. Уверенность в том, что он именно таков, возникла и промелькнула в сознании без каких бы то ни было формулировок.

Голос дона Хуана приказал мне сосредоточить все внимание на тумане, но не поддаваться ему. Он несколько раз повторил, что воин не должен поддаваться ничему, даже собственной смерти. Я снова погрузился в туман и обнаружил, что это, оказывается, вовсе даже и не туман. По крайней мере, он не соответствовал моему представлению о тумане. Туманоподобное явление было составлено из мельчайших пузырьков, которые мягко вплывали в мое поле зрения, пересекали его и уплывали прочь. Какое-то время я — их созерцал, но потом громкий далекий звук «оторвал» мое внимание от концентрации на них, и я снова видел только зеленое аморфное туманоподобное свечение. Звук повторился и рассеял туман. Я сидел на берегу оросительной канавы и смотрел на воду. Звук повторился еще раз, гораздо ближе. Это был голос дона Хуана. Дон Хуан говорил, что мне следует следить за его голосом, потому что тугого проводника у меня нет. Он велел смотреть на берег и на растительность прямо перед собой. Я увидел тростник и небольшое пространство, где тростника не было, — маленький заливчик, из которого дон Хуан обычно набирал ведром воду. Через несколько секунд дон Хуан велел

мне возвращаться в туман и снова попросил внимательно следить за голосом, потому что он будет указывать мне, как научиться перемещаться. Он сказал, что, едва увидев пузырьки, я должен буду взобраться на один из них и позволить ему меня нести.

Я подчинился и сразу же провалился в зеленый туман. Потом появились пузырьки. Голос дона Хуана воспринимался как очень странный и пугающий грохот. Услышав его, я тут же перестал видеть пузырьки.

— Заберись на один из пузырьков, — услышал я.

Я изо всех сил старался одновременно сохранять восприятие пузырьков и слышать голос. Не знаю, сколько времени я боролся, однако в какой-то момент осознал, что могу-таки слушать дона Хуана, не теряя из виду пузырьки, которые все плыли и плыли, пересекая поле моего зрения. Дон Хуан настойчиво требовал, чтобы я зацепился за один из них.

Мне стало интересно, каким образом это можно осуществить, и я автоматически спросил: «Как»? Слово было похоже на буй, на котором я всплыл из глубин своего существа. Я услышал свой голос. Он звучал как собачий вой. Дон Хуан взвыл по-собачьи в ответ, а потом добавил несколько завываний койота, после чего рассмеялся. Я подумал, что это действительно смешно и засмеялся тоже.

Дон Хуан очень спокойно сказал, чтобы я цеплялся за пузырек.

— Погружайся в туман, — велел он. — В туман!

Я вернулся в туман и обнаружил, что движение пузырьков замедлилось и они стали величиной с баскетбольные мячи. Теперь они были такими большими и двигались так медленно, что их можно было как следует рассмотреть. Это не были пузырьки, они не походили ни на мыльные пузыри, ни на воздушные шары, ни на какие-либо сферические емкости. В них ничего не содержалось, они не имели границ и в то же время сохраняли форму и двигались. Не были они также и круглыми, хотя в самом начале, только начав их различать, я был уверен, что они круглые, и пузырьки были первым образом, возникшим в сознании. Я смотрел на них как через окно, рама которого мешала мне проследить весь их путь: они вплывали в поле зрения, пересекали его и

уплывали прочь.

Однако стоило мне перестать считать их пузырьками, как я тут же смог следить за ними, что в свою очередь позволило мне зацепиться за один из них и поплыть вместе с ним. Я действительно чувствовал, что двигаюсь. Фактически я сам был пузырьком или чем-то напоминающим его.

Затем я услышал голос дона Хуана. Его звук настойчиво толкал меня, и я утратил это ощущение. Звук был ужасно пугающим, он слышался откуда-то очень издалека. Впечатление было таким, словно он выкован из металла и произносит его какой-то жуткий громкоговоритель.

— Посмотри на берег!

Я увидел большую массу воды и слышал ее шум.

— Посмотри на берег! — снова велел дон Хуан.

Я увидел бетонную стену. Шум воды стал ужасающе громким. Он поглотил меня и внезапно прекратился, как будто его отключили или обрезали. Я провалился в ощущение черноты, сна.

Я осознал, что лежу в канаве. Дон Хуан что-то бормотал и брызгал водой мне в лицо. Потом с головой окунул меня в воду, вытащил, за шиворот подтянул к берегу и оставил лежать в воде, уложив голову на край канавы. Рукам и ногам было очень приятно. Я вытянул их. Глаза болели от усталости. Я поднял руку, чтобы их потереть. Это оказалось очень трудно — рука была тяжелой, мне едва удалось приподнять ее над водой, но сделав это, я обнаружил, что она вся покрыта зеленым туманом. Сама рука выглядела темным пятном в массе тумана, окруженным интенсивным зеленоватым свечением. Я поспешно вскочил на ноги и, стоя по колено в воде посреди канавы, посмотрел на свое тело — оно было глубокого зеленого цвета. Цвет был настолько интенсивным, что вызывал ощущение вязкости и текучести. Я был похож на фигурку из корня дурмана, которую дон Хуан сделал мне несколько лет назад.

Дон Хуан велел мне выйти из воды. Я обратил внимание на его тон — это был приказ. — Я зеленый, — сказал я.

— Прекрати! — приказал он. — У тебя нет времени. Вода уже почти поймала тебя. Убирайся оттуда! Быстро!

Я в панике выскочил на берег.

— На этот раз ты должен подробно рассказать мне обо всем, — сказал дон Хуан таким тоном, словно это разумелось само собой.

Последовательность событий, однако, его не интересовала. Он хотел детально знать только одно — что я видел после указания смотреть на берег. Я описал стену. Он спросил;

— Стена была справа или слева от тебя?

— Она была прямо передо мной.

— Нет, она должна была быть либо справа, либо слева. В то мгновение, когда ты только заметил ее, где она была? Закрой глаза и не открывай, пока не вспомнишь. Он встал и, пока я вспоминал с закрытыми глазами, развернул меня лицом на восток — так я сидел на берегу. Потом он спросил, в каком направлении я двигался.

Я ответил, что вперед. Тогда он потребовал, чтобы я вернулся к тому моменту, когда увидел пузырьки.

— Как они двигались? — спросил он.

Дон Хуан требовал, чтобы я вспомнил, и наконец я признал, что пузырьки вроде бы двигались вправо. Но я был не настолько в этом уверен, как ему хотелось бы. В результате учиненного мне допроса я осознал, что неспособен классифицировать свои переживания. Сначала пузырьки двигались вправо, но потом, когда их размеры увеличились, они стали появляться отовсюду. Некоторые наплывали прямо на меня, остальные двигались во всевозможных направлениях. Были пузырьки, которые проплывали над и подо мною. Они были везде, со всех сторон. Я вспомнил их шипение; вероятно, восприятие пузырьков осуществлялось не только визуально, но и на слух.

Когда пузырьки выросли до такой степени, что я смог «взобраться» на один

из них, стало «видно», как они трутся друг о друга, подобно детским воздушным шарам, связанным в гроздь. Мое волнение усилилось, когда я вспомнил подробности моего восприятия. Но дона Хуана, однако, это не интересовало. Я сказал ему, что видел шипение пузырьков. Это было не чисто слуховым или визуальным эффектом, а чем-то неопределенным, но, тем не менее, кристально ясным. Пузырьки терлись друг о друга. Я не видел и не слышал их движения, я чувствовал его; я сам был частью этого движения и звука.

Воспоминание потрясло меня. Я нервно схватил дона Хуана за руку. Я понял, что у пузырьков отсутствовала внешняя граница, и в то же время они находились в какой-то среде; контуры их непрерывно менялись и выглядели какими-то неровными, зазубренными. Пузырьки сливались и разделялись с огромной скоростью, но их движение не слепило. Они двигались быстро и в то же время медленно. Рассказывая о своем переживании, я вспомнил еще одно — окраску пузырьков. Они были прозрачными, очень яркими и казались почти зелеными, хотя это и не было оттенком в привычном смысле.

— Ты отклонился от темы, — сказал дон Хуан. — Это все неважно. Ты цепляешься за мелочи. Единственное, что имеет значение, — это направление твоего движения.

Я мог вспомнить только то, что в моем перемещении не было точки отсчета. Но дон Хуан решил, что если сначала пузырьки двигались в основном вправо, то есть на юг, значит следует обратить внимание именно на это направление.

Я вновь попытался вспомнить подробности.

Когда дон Хуан меня позвал и я, так сказать, «вынырнул», стена была слева. Она поднималась из воды совсем рядом, и я мог различить отпечатки опалубки, в которую заливался бетон, и которая, похоже, была сделана из узких плотно сбитых досок. Стена была очень высокой, я видел один ее конец со сглаженным углом.

Какое-то время дон Хуан сидел молча, как бы задумавшись о смысле моего переживания. Наконец он сказал, что ожидал от меня большего.

— Чего большего?

Он не ответил, а только выпятил губы. — Ну ладно, все равно ты молодец. Сегодня ты узнал, как брухо используют воду для перемещения.

— Но я видел?

Он с интересом взглянул на меня, и сказал, что я сам смогу ответить на этот вопрос, но только после того, как еще много раз побываю в зеленом тумане. Он немного изменил тему разговора, пояснив, что мне все же не удалось в полной мере научиться использовать воду, а удалось только узнать, как это делается в принципе, и что он специально велел мне посмотреть на берег потока, чтобы я мог убедиться в реальности перемещения.

— Ты перемещался очень быстро, — сказал он. — Прямо как маг, хорошо владеющий этим приемом. Мне было тяжеловато за тобой угнаться. — Ты не мог бы мне объяснить все с начала? — попросил я.

Он засмеялся, медленно и как бы с недоверием покачав головой.

— Вечно ты все хочешь знать с начала. Но начала не бывает вообще. Любое начало существует лишь в нашем воображении.

— А мне кажется, все началось когда я курил, сидя на берегу, — сказал я.

— Но перед тем, как дать тебе курить, я знал, что с тобой нужно сделать. Может, мне и следовало объяснить тебе это, но я не могу, потому что это уведет меня совсем в другую сторону. Поэтому лучше не думай ни о каких началах — тебе будет легче.

— Ладно, пусть так. Тогда расскажи, что происходило после того, как я сел на берегу и выкурил трубку.

— Но ведь ты там уже об этом все рассказал, — со смехом заявил он.

— То, что я сделал, — важно, дон Хуан?

Он пожал плечами. — Ты очень хорошо выполнял все мои команды, без осложнений входя в туман и выходя из него. Потом ты слушал мой голос и

выбирался всякий раз, когда я тебя звал. Это была тренировка. Дальше — все очень просто. Ты позволил туману себя унести, действуя при этом так, словно отлично знал, что делаешь. Когда ты забрался очень далеко, я позвал тебя и заставил взглянуть на берег, чтобы ты понял, как далеко тебя занесло. А потом я вытащил тебя оттуда.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что я и в самом деле путешествовал с водой?

— Да. И притом — очень далеко.

— Насколько далеко?

— Ты вряд ли поверишь.

Я упрашивал, чтобы он ответил, но он заявил, что должен ненадолго уйти. Я настаивал, требуя хотя бы намека.

— Мне не нравится, когда меня держат в неведении, — сказал я. — Ты сам себя держишь в неведении. Вспомни стену, которую видел. Сядь сюда, на циновку, и вспомни все до мельчайших подробностей. Тогда, может быть, до тебя дойдет, где ты был. Я знаю только одно — ты забрался ужасно далеко, потому что мне стоило огромного труда вытащить тебя оттуда. Если бы меня не было рядом, ты мог бы уйти навсегда. Тогда от тебя остался бы только холодный труп на берегу канавы. Тебе не удалось бы вернуться самостоятельно. Хотя кто знает — с тобой ни в чем нельзя быть уверенным. Так что, судя по тем усилиям, которые от меня потребовались, чтобы тебя вернуть, ты был уже где-то...

Он помолчал, дружелюбно меня разглядывая.

— Ну, если я добрался до гор Центральной Мексики, то мне даже трудно представить, куда занесло тебя. Наверное, в Лос-Анжелес, а может — и в Бразилию.

На следующий день дон Хуан вернулся только под вечер. Пока его не было, я записал все, что смог вспомнить о вчерашнем путешествии. Занимаясь этим, я тщательно осмотрел берега оросительной канавы выше и ниже по течению от того места, где сидел. Меня интересовало, нет ли поблизости чего-нибудь

такого, что могло бы вызвать в моем сознании образ бетонной стены. Я подозревал, что пока я был в трансе, дон Хуан вполне мог заставить меня прогуляться вдоль канавы и по пути «зацепить» мое внимание за что-то, напоминающее виденную мною стену. За время, прошедшее между первым появлением зеленого тумана и моментом, когда я выскочил из канавы, можно было проделать путь максимум в три с половиной — четыре километра. Вряд ли он мог заставить меня передвигаться быстрее. Поэтому я тщательно исследовал берег в пределах четырех километров вверх и вниз по течению. Но это была обычная прямая оросительная канава шириной около полутора метров на всем своем протяжении, и нигде не было ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего бетонную стену.

Когда дон Хуан появился, я схватил его за руку, усадил и потребовал, чтобы он выслушал все, что я написал. Он слушал без улыбки, глядя вдаль. Судя по всему, он думал. — Надеюсь, ты уже понял, — слова его звучали сурово, — что смертельно опасно все. Вода ничуть не меньше, чем страж. Если не следить за собой и не контролировать свои действия, она вполне может поймать и не отпустить. Вчера с тобой это едва не случилось. Но чтобы попасться, человек должен этого желать. В этом твоя проблема. Ты хочешь поддаться.

Я не понимал, о чем он говорит. Неожиданным разносом он полностью сбил меня с толку. Я очень мягко попросил объяснить, что произошло. Он нехотя сказал, что ходил в водный каньон, видел дух источника и теперь убежден, что свой шанс увидеть воду я прохлопал.

— Как? — спросил я с искренним недоумением.

— Дух — это сила, которая считается только с силой. В ее присутствии нельзя быть слабым. Ты снова потакал себе.

— Когда?

— Вчера, когда позеленел, сидя в воде.

— Я не потакал. Я считал это важным моментом, и потому рассказал тебе.

— Кто ты такой, чтобы думать или решать, что важно, а что — нет? Ты ничего не знаешь о силах, с которыми входишь в контакт. Дух источника существует,

и он мог бы тебе помочь. Более того, он тебе помогал до тех пор, пока ты не свалял дурака. А теперь я даже не знаю, что из всего этого получится. Ты уступил силе хозяина источника, и теперь он в любой момент может завладеть тобой.

— Что, мне не нужно было смотреть на себя, когда я позеленел?

— Ты отказался от себя. Это было неправильно. Я уже говорил тебе и повторяю вновь — в мире брухо может выжить только воин. Воин относится ко всему с уважением; он не идет напролом без необходимости. Вчера ты отнесся к воде без должного уважения. Обычно ты ведешь себя очень хорошо. Но вчера ты отказался от себя в пользу смерти; ты поддался ей, как последний болван. Воин никогда не сдается, даже перед лицом смерти. Воин ни у кого не идет на поводу; он сам по себе и всегда недоступен. Вовлекаясь во что-то, он всегда полностью осознает, что делает. Я не знал, что сказать. Дон Хуан казался рассерженным. Меня это очень обеспокоило, потому что таким он был со мной крайне редко. Я сказал, что понятия не имел, что делаю что-то не так. После нескольких минут напряженной тишины он снял шляпу и с улыбкой сказал, что мне нельзя больше здесь оставаться. Я должен уехать и не появляться в его доме до тех пор, пока не обрету контроль над своей слабостью и не перестану ей потакать. Он особо обратил внимание на то, что в течение трех-четырех месяцев вода не должна касаться моего тела.

— Но я не могу обойтись без душа!

Дон Хуан смеялся до слез.

— Ах, он не может без душа! Временами ты настолько слаб, что мне начинает казаться, что ты меня разыгрываешь. Но это не шутка. Иногда ты теряешь контроль, и силы твоей жизни легко захватывают тебя.

Я возразил, что человек не может постоянно себя контролировать. Он сказал, что для воина не существует ничего вне контроля. Тогда я заговорил о роли случайностей в нашей жизни. Я сказал, что все, происшедшее со мной в воде, можно расценивать именно как случайность, поскольку я не знал о своем неправильном поведении и не осознавал его. Я говорил о различных несчастьях, происходящих с людьми, которые можно было объяснить случайностью. В частности, я упомянул о Лукасе, симпатичном старом

индейце-яки, который сильно пострадал, перевернувшись на грузовике.

— Мне кажется, невозможно избежать случайностей, — сказал я. — Никто не в силах полностью контролировать ситуацию и управлять всем, что вокруг него происходит.

— Верно, — согласился дон Хуан. — Но далеко не всякая случайность неизбежна. Лукас не воин. Если бы он был воином, знающим о своем ожидании и о его цели, он ни за что бы не сел за руль пьяным. В скалу он врезался только потому, что был пьян, и ни за грош покалечил свое тело.

Воин всю жизнь отрабатывает стратегию — а ты хочешь найти смысл жизни. Воин не заботится о смысле. Если бы Лукас жил как воин — а у него такая возможность была, как, впрочем, она есть и у любого другого, — он организовал бы свою жизнь стратегически. И если бы он даже не мог предотвратить аварию, в которой ему раздробило ребра, он смог бы смягчить удар, или избежать последствий, или же преодолеть их. Если бы Лукас был воином, он не сидел бы сейчас в своей полуразвалившейся лачуге, медленно умирая от недоедания. Воин сражается до конца.

Я предложил взять в качестве примера самого дона Хуана. Я спросил, что бы он делал, если бы попал в аварию и лишился, скажем, ног.

— Если бы я ничего не смог сделать и потерял бы ноги, я больше бы не оставался полноценным человеком. Поэтому я ушел бы к тому, что ждет меня там.

Он обвел рукой все вокруг.

Я сказал ему, что он неправильно меня понял. Я имел в виду, что никто не может предвидеть все случайности, подстерегающие его в повседневной жизни.

— Я могу сказать тебе только одно — воин недоступен. Он никогда не стоит посреди дороги, ожидая, пока что-нибудь его пришибет. Он сводит к минимуму возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Того, что люди называют случайностями, почти всегда можно легко избежать. Обычно такие вещи происходят с дураками, вся жизнь которых — сплошное разгильдяйство.

— Но ведь невозможно двадцать четыре часа в сутки думать и жить стратегически, — сказал я. — Представь, например, что кто-то поджидает тебя с мощной винтовкой, снабженной оптическим прицелом. Он может уложить тебя с расстояния в полкилометра. Что ты сделаешь в подобной ситуации?

Дон Хуан недоверчиво взглянул на меня и расхохотался.

— Так все-таки, что ты сделаешь? — настаивал я.

— Если кто-то ждет меня с винтовкой?

— Да, если кто-то спрятался и ждет тебя. У тебя не будет ни единого шанса. Ты ведь не сможешь остановить пулю.

— Нет, не смогу. Но я все равно не понимаю, к чему ты клонишь.

— Да к тому, что в подобной ситуации никакая стратегия не поможет. — О, еще как поможет! Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то меня просто там не окажется.

Глава 13

Очередную попытку видеть я сделал 3 сентября 1969 года. Дон Хуан дал мне выкурить две трубки смеси. Начальный эффект был таким же, как и во всех предыдущих случаях. Когда тело полностью онемело, дон Хуан взял меня под руку и повел в густой чаппараль, заросли которого простирались в пустыне вокруг его дома на многие километры. Я не могу вспомнить ни того, что происходило, когда мы вошли в чаппараль, ни того, как долго мы шли. В какой-то момент я обнаружил, что сижу на вершине небольшого холма. Дон Хуан сидел слева от меня, совсем рядом, он даже слегка касался меня плечом. Онемевшее тело ничего не ощущало, но краем глаза я его видел. Мне показалось, что он говорит, но зафиксировать и запомнить слова я не мог. В

то же время я чувствовал, что точно знаю, о чем он говорит, несмотря на неспособность восстановить в памяти слова. Это было похоже на уходящий вдаль поезд, и я видел только квадратную заднюю стенку последнего вагона. Я знал, каким было последнее слово, но ни выговорить его ясно, ни ясно о нем думать не мог. Состояние напоминало полудрему с видением поезда из слов.

Вдруг я четко услышал голос дона Хуана.

— Теперь смотри на меня, — сказал он и повернул мою голову лицом к себе. Он повторил эту фразу три или четыре раза.

Я посмотрел и сразу же увидел сияние, которое уже дважды воспринимал, глядя на его лицо, — гипнотизирующее движение, волнообразное течение света в некотором объеме. Этот объем вроде и не был ничем ограничен, однако текучий свет никогда не выходил за какой-то невидимый контур. Я попытался рассмотреть светящийся объект по частям, как бы сканируя его глазами; он сразу потускнел, яркость свечения уменьшилась, и из него проступили знакомые черты лица дона Хуана — вернее, изображение его лица оказалось как бы наложенным на объект. Должно быть, я снова неподвижно сфокусировал глаза, потому что черты лица дона Хуана поблекли, а сияние опять стало ярким. Я сосредоточил внимание на той части объекта, где должен был находиться левый глаз дона Хуана. Я заметил, что там сияние выходило за пределы объекта. Это выглядело как ритмично повторявшиеся вспышки, из которых выбрасывались частицы света. Они с силой вылетали в мою сторону и снова возвращались, как на резинке.

Должно быть, дон Хуан повернул мою голову на сто восемьдесят градусов, потому что я вдруг обнаружил, что смотрю на вспаханное поле.

— Смотри прямо перед собой, — услышал я голос дона Хуана.

Передо мной, метрах в ста пятидесяти, находился длинный большой холм, весь склон которого был распахан. Борозды располагались строго параллельно друг другу от подножия до самой вершины холма. На вспаханном участке я заметил множество мелких камней и три большие каменные глыбы, нарушавшие геометрию рисунка борозд. У подножия холма был то ли овраг, то ли водный каньон, однако рассмотреть его подробно мешали ближние кусты. Я видел только глубокую расселину, зеленая растительность которой

контрастировала с голой поверхностью холма. Мне казалось, что я вижу верхушки деревьев, растущих на дне каньона. В глаза дул легкий ветерок. Мир, полный покой и абсолютная тишина — ни птиц, ни насекомых.

Дон Хуан снова заговорил. Я понял его не сразу. Он настойчиво спрашивал:

— Ты видишь человека на том поле?

Я хотел ответить, что никого не вижу, но не мог вымолвить ни слова. Дон Хуан сзади обхватил руками мою голову — я видел его пальцы на бровях и щеках — и, поворачивая ее, дал мне возможность осмотреть все поле справа налево и обратно.

— Смотри внимательно, замечай все детали. От этого может зависеть твоя жизнь, — повторял он. Еще четыре раза он «провел» меня по всему ставосьмидесятиградусному полю зрения. Вдруг, когда голова была до предела повернута влево, мне показалось, что краем правого глаза я что-то заметил — на поле кто-то двигался. Дон Хуан начал поворачивать мою голову обратно, и я смог рассмотреть, что какой-то человек шел вдоль борозд. Одет он был как обычный мексиканский крестьянин — в сандалии, светло-серые джинсы, бежевую рубашку с длинными рукавами и соломенную шляпу. На правом плече у него висела светло-коричневая сумка.

Должно быть, дон Хуан заметил, что я увидел человека, потому что несколько раз спросил, куда тот смотрит — на меня или нет, и куда идет — ко мне или нет. Я хотел сказать, что вижу человека со спины, так как он идет от меня к вершине холма. Он сказал, чтобы я крикнул, как только человек повернется и пойдет в мою сторону. Тогда дон Хуан повернет мою голову, чтобы меня защитить. Я не ощущал ни страха, ни опасения, ни замешательства и спокойно наблюдал. Вот человек остановился посреди поля. Поставил ногу на камень, как бы поправляя сандалию. Потом выпрямился, вытащил из сумки веревочку и намотал ее на кисть левой руки. Повернувшись спиной ко мне и лицом к вершине холма, начал осматривать окрестности. По крайней мере, мне так показалось, потому что он медленно поворачивал голову вправо, как бы обводя взглядом горизонт. Вот я увидел его профиль, вот он начал поворачиваться в мою сторону всем телом, пока не повернулся ко мне лицом. Он сделал резкое движение головой, вернее, повернул ее как-то так, что я однозначно понял — он меня увидел. Вытянув левую руку вперед и вниз, как

бы указывая ею на землю, он направился ко мне.

— Идет, — закричал я, и крик этот дался мне на удивление легко.

Дон Хуан, должно быть, снова развернул мою голову, потому что спустя мгновение перед моими глазами уже был густой чаппараль. Он велел ни во что не всматриваться, а смотреть «слегка», как бы пробегая глазами. Потом он сказал, что сейчас отойдет немного, встанет передо мной и начнет ко мне подходить, а я в это время должен буду всматриваться в него, пока не увижу свечение.

Я увидел, как дон Хуан отошел метров на пятнадцать. Он двигался с такой невероятной скоростью и легкостью, что я с трудом верил в то, что вижу дона Хуана. Повернувшись ко мне лицом, он велел мне пристально на него смотреть.

Лицо его светилось, оно было похоже на световое пятно. Свет как бы развеивался через всю его грудь к середине тела. Ощущение было таким, какое возникает, когда смотришь на свет полуприкрытыми глазами. Свечение как бы распространялось и становилось все гуще. Должно быть, дон Хуан начал ко мне приближаться, потому что интенсивность света усилилась и он стал более отчетливым.

Дон Хуан что-то сказал. Напрягаясь, чтобы понять, я перестал видеть свечение. Дон Хуан стоял меньше чем в метре от меня. Он опустился на землю и сел, повернувшись ко мне лицом.

Сосредоточив внимание на его лице, я снова увидел свечение. Потом картинка немного изменилась — его лицо оказалось как бы исчерченным тонкими лучами света, словно кто-то пускал на него зайчики множеством зеркал. Интенсивность света увеличивалась, наконец контуры лица растаяли, и передо мной снова был аморфный светящийся объект. И опять в области левого глаза я воспринимал пульсирующее излучение. Однако я специально не фокусировал внимание на этом месте, а сосредоточился на прилегающей зоне, которая, по логике, соответствовала правому глазу. В ней я мгновенно заметил чистое прозрачное озерцо света. Жидкого света.

Восприятие света не было чистым созерцанием, в нем было что-то от

ощущения. Темноватое озерцо жидкого света имело немыслимую глубину. Оно было дружелюбным, добрым. Излучаемый им свет не вспыхивал и не «взрывался», а медленно и мягко закручивался внутрь, играя дивной красоты бликами. Свечение как-то очень мягко и нежно касалось меня, успокаивая и рождая ощущение чего-то прекрасного.

Потом я увидел, что в этой области периодически появляется вертикально расположенное правильное кольцо из мелких, мерцающих подобно бриллиантовой пыли вспышек. Оно ритмично расширялось и сжималось, то охватывая всю область жидкого света, то обращаясь в едва заметную точку в самой ее середине. Я разглядывал кольцо, оно сжалось и расширилось несколько раз. Потом я немного отодвинулся, чтобы рассмотреть оба глаза одновременно. Левый излучал вспышки света, вырывавшиеся вперед из вертикальной плоскости, правый — радиальные вспышки, не выходившие за пределы этой плоскости. Ритм излучения обоих глаз был строго согласован — когда левый «выстреливал» вспышкой, свет правого сжимался и закручивался внутрь. Потом в правом расширялось кольцо, охватывая огоньками всю область жидкого света, а левый — замирал.

Дон Хуан, должно быть, еще раз повернул мне голову, потому что я снова увидел вспаханное поле и услышал, что он велит мне наблюдать за человеком.

Тот стоял возле камня и смотрел на меня. Я не мог различить черты его лица, потому что он низко надвинул на глаза шляпу. Через мгновение он зажал свою сумку под правой рукой и направился вправо от меня. Дойдя до края вспаханного участка, он изменил направление движения и делал несколько шагов в сторону оврага. В этот момент я потерял управление фокусировкой взгляда, и человек исчез вместе со всем пейзажем, из которого как бы выступили заросли пустынного чаппараля.

Я не помню дороги к дому, как не помню и того, что делал дон Хуан, чтобы меня «вернуть». Проснулся я на своей циновке в его комнате. Он подошел и помог мне подняться. Я чувствовал головокружение и тошноту. Дон Хуан быстро и уверенно вытащил меня из дома и подвел к кустам. Меня вырвало. Он засмеялся.

Мне стало легче. Я посмотрел на часы — было одиннадцать вечера. Я снова

лег спать и только около часа следующего дня почувствовал, что пришел в себя.

Дон Хуан все время спрашивал, как я себя чувствую. Я чувствовал какую-то общую рассеянность, никак не мог сосредоточиться и тенью слонялся по дому под наблюдением дона Хуана, не отходившего от меня ни на шаг. Я понял, что заняться мне нечем, потому что делать я ничего не в состоянии, и снова лег спать. Проснулся я вечером, чувствуя себя гораздо лучше. Вокруг валялось множество измятых листьев, а сам я лежал на животе, и подо мной их была целая куча. Листья очень сильно пахли, я даже помню, что сначала осознал запах, и лишь потом окончательно проснулся.

Я пошел за дом и увидел там дона Хуана. Он сидел на берегу канавы. Увидев меня, он замахал руками и закричал:

— Уходи! Беги в дом!

Я вбежал в дом. Войдя через несколько минут, он сказал:

— Никогда не ходи меня искать. Если я тебе нужен — жди здесь.

Я извинился. Он сказал, что свои дурацкие извинения я могу оставить при себе, потому что они никак не влияют на совершенные действия. Он сообщил мне, что ему с огромным трудом удалось «вернуть» меня и что он ходил к воде за меня ходатайствовать.

— Теперь можно попробовать отмыть тебя водой, — сказал он.

Я заверил его, что со мной все в порядке. Он долго пристально смотрел мне в глаза, а потом сказал:

— Идем — выкупаешься. — Но я в порядке, — возразил я. — Смотри — я даже могу писать.

Он с трудом оторвал меня от циновки и заставил встать.

— Не раскисай, ты опять потакаешь своей слабости, — сказал он. — Еще немного — и ты опять заснешь, и неизвестно, удастся ли мне вытащить тебя

на этот раз.

Мы побежали за дом. На ходу он велел мне зажмурить глаза и не открывать до тех пор, пока он не разрешит, потому что, взглянув на воду, даже на мгновение, я могу умереть. Он взял меня за руку, подвел к канаве и окунул в воду, начиная с головы.

В течение нескольких часов он вновь и вновь окунал меня в воду и вытаскивал из нее. Все это время мои глаза были плотно закрыты. Изменения, которые претерпело мое состояние вследствие такого «купания», были разительны. То, что во мне было не так, оказалось настолько тонким, что я смог это заметить только сравнив с ощущением комфорта и бодрости, возникшим во время купания.

В нос попала вода, и я чихнул. Дон Хуан вытащил меня из воды, и повел в дом. Глаза мои были по-прежнему закрыты. Он помог мне переодеться, отвел в свою комнату, усадил на мою циновку и повернул лицом в нужную сторону, а затем велел открыть глаза. То, что я увидел, заставило меня отскочить и схватиться обеими руками за ногу дона Хуана. Дон Хуан стукнул меня по самой макушке костяшками пальцев. Удар вышел быстрый и какой-то слегка шокирующий, но не жесткий и не болезненный.

— Что с тобой? Что ты увидел? — спросил он.

Открыв глаза, я увидел вчерашний пейзаж и того же человека. Но на этот раз он был совсем рядом. Я видел его лицо. Оно показалось мне знакомым. После удара по голове видение исчезло.

Я поднял глаза на дона Хуана. Смеясь, он спросил, не хочу ли я получить по голове еще разок-другой. Я отпустил его ногу и снова сел на свою циновку, приняв удобную позу. Он приказал мне сесть прямо и ни при каких обстоятельствах не поворачиваться в направлении текущей за домом воды. Тут я заметил, что в комнате было совершенно темно. Я даже засомневался в том, что открыл глаза, и потрогал их руками. Они были открыты. Я громко позвал дона Хуана и сказал ему, что с глазами что-то не то — я ничего не вижу, хотя за секунду до этого видел, как он готовится меня ударить. Он засмеялся где-то у меня над головой и зажег керосиновую лампу. В считанные секунды глаза привыкли к свету, и я увидел, что все вроде бы находится на

своих местах — обмазанные глиной деревянные стены, развешенные на них причудливые изогнутые коренья, пучки растений, тростниковая крыша, свисающая с балки керосиновая лампа. Я сотни раз все это видел, но сейчас и в этой обстановке, и в себе самом я чувствовал нечто особенное. Впервые я действительно не верил в однозначность и окончательность «реальности» того, что воспринимал. Я много раз уже был на грани этого ощущения и даже иногда соглашался с ним на интеллектуальном уровне, но никогда еще не подбирался вплотную к столь серьезным сомнениям. На этот раз я, однако, не верил в «реальность» этой комнаты, и на мгновение почувствовал уверенность, что все растает, стоит дону Хуану еще раз стукнуть меня по голове.

Меня затрясло, хоть было не холодно. По спине пробежали нервные спазмы. В голове появилась тяжесть, особенно в затылке.

Я пожаловался на то, что плохо себя чувствую, и рассказал о том, что увидел. Дон Хуан поднял меня на смех, сказав, что поддаваться страху — недостойное потакание себе.

— Тебе страшно, хотя тебя никто не пугал. Подумаешь, увидел смотрящего на тебя союзника. Ты подожди, вот встретишься с ним лицом к лицу — тогда можно будет и в штаны наложить.

Он велел мне идти к машине, не оборачиваясь к воде, и подождать там, пока он достанет веревку и лопату. Потом мы поехали к тому месту, где когда-то нашли пень, и начали в темноте выкапывать его. Несколько часов я трудился изо всех сил. Выкопать пень нам не удалось, зато чувствовать себя я стал гораздо лучше. Вернувшись домой, мы поели, и все встало на свои места, сделавшись привычно «реальным».

— Что со мной было? — спросил я. — Что я вчера делал?

— Сначала ты курил меня, потом — курил союзника, — То есть?

— Теперь ты собираешься потребовать, чтобы я рассказал все с самого начала, — со смехом сказал дон Хуан.

— Ты курил меня, — повторил он. — Ты смотрел на мое лицо, в мои глаза. Ты

видел свечение, соответствующее человеческому лицу. Я — маг, ты видел это в моих глазах. Но ты не знал этого, потому что делал все впервые. У людей бывают самые разные глаза, ты через некоторое время это поймешь. Ну, а потом ты курил союзника.

— Ты говоришь о том человеке на вспаханном поле?

— Это был не человек, это был союзник, и он подавал тебе знаки.

— Куда мы ходили? Где мы были, когда я увидел этого человека, то есть этого союзника? Дон Хуан кивнул на кусты перед домом и сказал, что водил меня на небольшой холмик. Я усомнился, потому что пейзаж, который я видел, не имел ничего общего с пустыней и зарослями чаппараля возле дома. Дон Хуан сказал, что союзник, делавший мне знаки, — не из этих мест.

— А откуда?

— Мы в скором времени туда съездим.

— В чем смысл того, что я видел?

— Ни в чем. Ты просто учился видеть, и все. Но сейчас ты идешь на поводу у своей слабости и готов со страху потерять штаны. Ты поддался страху. Может, опишешь все, что видел?

— Я начал рассказывать о том, как выглядело его лицо, но он прервал меня, сказав, что все это не важно. Тогда я сказал, что почти видел его как светящееся яйцо. Он возразил, что «почти» не считается, и что мне придется еще здорово попотеть и потратить немало времени, прежде чем я действительно научусь видеть.

— Но сейчас меня интересует то, что происходило на вспаханном, поле, и особенно — все, что делал союзник, — сказал дон Хуан. — Он дал тебе знак. Когда он пошел к тебе, я повернул твою голову не потому, что этот союзник был для тебя опасен. Просто лучше подождать. Ты ведь никуда не торопится. Встречаться же с союзником без должной подготовки подобно встрече нападающего льва своим пуканьем.

Метафора мне понравилась. Мы оба от души рассмеялись.

— Что случилось бы, если бы ты не повернул мою голову?

— Тебе пришлось бы сделать это самостоятельно.

— А если бы я не сделал?

— Союзник подошел бы к тебе и напугал бы тебя до полусмерти. Если б ты был один, он мог бы тебя убить. Тебе не следует бродить в одиночку по горам или пустыне до тех пор, пока ты не научиться защищаться. Если союзник поймает тебя одного, то вполне может сделать из тебя отбивную.

— А что означали его действия? — Взгляд означал приглашение. Потом он показал, что тебе нужна духоловка и нужна сумка, но не из этой местности — его сумка была из другой части страны. Три больших глыбы — это три камня преткновения на твоем пути. Тебе, определенно, в наибольшей степени должны способствовать овраги и водные каньоны — союзник показал тебе подходящий овраг. Все остальное было подсказками, чтобы ты смог его найти. Я знаю, где находится это место, и в скором времени мы туда съездим.

— Ты хочешь сказать, что пейзаж, который я видел, реально существует?

— Разумеется.

— Где?

— Этого я тебе сказать не могу.

— А как мне найти это место?

— Этого я тебе не скажу. Но не потому, что не хочу, я просто не знаю, как тебе объяснить.

Я спросил, что означало появление того же самого пейзажа перед моими глазами потом, в комнате. Он засмеялся и изобразил, как я хватался за его ногу.

— Это было подтверждением того, что союзник ждет тебя. Он хотел убедиться в том, что хотя бы один из нас — ты или я — знает, что он тебя приглашает.
— А как насчет его лица?

— Оно знакомо тебе, потому что ты знаешь этого союзника. Ты уже видел его. Возможно, это — лицо твоей смерти. Ты испугался, и это было ошибкой. Он ждал тебя, но когда он появился, ты поддался страху. Хорошо, что я был рядом и успел тебя ударить, иначе он обратился бы против тебя. И это было бы вполне справедливо, потому что союзник — это сила, а для того, чтобы встретиться с силой, человек должен быть безупречным воином, иначе сила может обернуться против него и разрушить его.

Дон Хуан отговорил меня возвращаться в Лос-Анжелес на следующее утро. Видимо, он считал, что я еще не совсем восстановился, и настоял на том, чтобы я сел в комнате лицом на юго-восток, чтобы сохранить силу. Сам он уселся слева от меня, дал мне мой блокнот и сказал, что на этот раз я его поймал: он должен быть не только рядом, но и разговаривать со мной.

— Когда настанут сумерки, я еще раз должен устроить тебе «водную процедуру», — сказал он. — Ты еще недостаточно тверд, поэтому сегодня тебе нельзя оставаться в одиночестве. Я посижу с тобой до обеда, и к вечеру твоя форма заметно улучшится.

Его озабоченность меня обеспокоила. Я спросил:

— Что со мной?

— Ты постучался в дверь к союзнику.

— То есть?

— Сегодня нам нельзя говорить о союзниках. Давай сменим тему.

Если честно, то мне не хотелось разговаривать. Меня охватывало все возрастающее беспокойство. Дону Хуану ситуация явно казалась комичной — он хохотал до слез.

— Только не говори мне, что как только возникает необходимость в разговоре,

тут же выясняется, что тебе нечего сказать, — заявил он с веселым блеском в глазах.

Его настроение подействовало на меня успокаивающе. Однако интересовало меня сейчас лишь одно — союзник. Его лицо было очень знакомым, но я не знал его и никогда до этого не видел. Тут было что-то другое. И как только я начинал думать о его лице, на меня обрушивалась лавина посторонних мыслей. Казалось, что-то во мне знало секрет, но не позволяло остальным частям моего существа подобраться к его осознанию. Странно знакомое лицо союзника… Ощущение было настолько жутким, что вогнало меня в состояние ужасающей меланхолии. А дон Хуан подлил масла в огонь, сказав, что это, возможно, — лицо моей смерти. Это добило меня окончательно. Я отчаянно хотел задать вопрос на эту тему, однако явственно ощущал, что дон Хуан каким-то образом меня сдерживает. Я сделал пару глубоких вздохов и выпалил:

— А что такое смерть, дон Хуан?

— Я не знаю, — ответил он с улыбкой. — Я имею в виду — как бы ты описал смерть? Твое мнение. Я думаю, у каждого есть определенное мнение по поводу смерти.

— Не имею понятия, о чем ты говоришь.

У меня в багажнике лежала «Тибетская Книга Мертвых». Я решил использовать ее в качестве предмета обсуждения, поскольку в ней речь идет как раз о смерти. Я сказал, что хочу почитать ему оттуда, и встал, чтобы сходить за ней. Но дон Хуан велел мне сидеть и сам принес книгу из машины.

— Утро — плохое время для мага, — объяснил он свой поступок. — Ты еще слишком слаб, чтобы выходить из моей комнаты. Здесь ты защищен. Если ты выйдешь отсюда, то вполне можешь столкнуться с чем-нибудь ужасным. Союзник может убить тебя на дороге или где-нибудь в кустах, а когда твое тело найдут, то решат, что ты погиб в автокатастрофе или умер при невыясненных обстоятельствах.

У меня не было ни настроения, ни желания с ним спорить, поэтому все утро я просидел, читая и разъясняя ему главы из «Книги Мертвых». Он внимательно

слушал, не перебивая. Дважды я ненадолго прекращая чтение, пока дон Хуан ходил за водой и продуктами, но как только он освобождался, мы продолжали свое занятие. Казалось, что ему очень интересно. — Я не понимаю, почему эти люди говорят о смерти так, словно она похожа на жизнь, — мягко сказал он.

— Может, так они ее понимают? Как ты думаешь, тибетцы, писавшие эту книгу, были видящими?

— Вряд ли. Если человек видит, то для него все равнозначно. Если бы тибетцы могли видеть, они понимали бы, что ничто не остается прежним. Когда мы видим, нет ничего известного, ничего, что осталось бы в том виде, к какому мы привыкли, когда не видели.

— Но видение, наверно, не одинаково для всех?

— Не одинаково. Но это все равно не означает, что жизнь имеет какое-то особое значение. Для видящего ничто не остается прежним, ему приходится пересматривать все ценности без исключения. — Тибетцы, очевидно, считали, что смерть похожа на жизнь. А что по этому поводу думаешь ты?

— Я не думаю, что смерть вообще на что-то похожа. Тибетцы, наверное, говорили о чем-то другом. В любом случае то, о чем идет речь в этой книге, смертью не является.

— Тогда, как ты думаешь, о чем идет речь?

— Может, ты мне это скажешь? Ты же у нас читатель.

Я пытался что-то сказать, но он рассмеялся.

— Наверно, тибетцы действительно были видящими, — продолжал дон Хуан. — Если так, то они должны были понять, что то, что они видят, не имеет никакого значения, поэтому совершенно не важно, что они напишут. Вот они и написали всю эту чушь, потому что им все это было безразлично, однако в таком случае то, что они написали — вовсе не чушь.

— В конце концов, мне плевать, что говорят тибетцы, — сказал я, — мне важно, что скажешь ты. Я бы хотел знать твое мнение о смерти.

Он секунду смотрел на меня, а затем усмехнулся, широко раскрыл глаза и поднял брови, изобразив удивление. — Смерть? Смерть — это кольцо листьев на стебле, смерть — это лицо союзника, смерть — это шепот Мескалито у твоего уха, смерть — это беззубая пасть стража, смерть — это Хенаро, сидящий на собственной голове, смерть — это мои слова и твой блокнот, смерть — это ничто. Смерть всегда рядом, и в то же время ее не существует.

Дон Хуан удовлетворенно рассмеялся. Его смех напоминал пение, в нем даже был какой-то танцевальный ритм.

— Бред, верно? — спросил он. — Яне могу рассказать тебе, что такое смерть. Но, вероятно, мог бы рассказать тебе о твоей смерти. Невозможно узнать наверняка, какой будет твоя смерть, однако, пожалуй, я расскажу тебе, какой она может быть.

Испугавшись, я сказал, что меня интересует его мнение о смерти вообще, а до подробностей чьей-либо конкретной смерти, в особенности моей собственной, мне нет никакого дела. — Не существует смерти вообще, поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти, — сказал дон Хуан. — Ты просил меня рассказать тебе о смерти? Пожалуйста. Но тогда не бойся послушать о своей собственной.

Я заметил, что слишком нервничаю для такого разговора, что имел в виду некую абстрактную информацию вроде той истории, которую он мне рассказывал о смерти своего сына Эулалио. В тот раз он говорил, что жизнь смешивалась со смертью подобно рассеивающемуся туману из мерцающих кристаллов.

— Тогда я говорил о своем сыне, о том, как его жизнь рассеивалась во время его смерти, — сказал дон Хуан. — Я говорил не об абстрактной смерти, а о смерти моего сына. Смерть, чем бы она ни была, заставила его жизнь рассеяться.

Мне, однако, хотелось увести разговор от частностей, и я сказал, что читал рассказы людей, переживших клиническую смерть, то есть умерших на несколько минут, а затем возвращенных к жизни с помощью средств реанимации. Во всех описанных случаях люди ничего не могли вспомнить.

Умирание у них было сопряжено с полным отключением восприятия, с ощущением абсолютной тьмы. — Это вполне естественно, — сказал дон Хуан. — У смерти две стадии. Первая — отключение, провал в черноту. Она не имеет особого значения и сильно напоминает первую фазу воздействия Мескалито. Человек ощущает легкость. Она дает иллюзию счастья, целостности и ощущение тотального спокойствия всего мирового бытия. Но эта стадия весьма поверхностна. Скоро она проходит, и человек попадает в другую сферу — сферу жесткости и силы. Это вторая стадия, подобная встрече с Мескалито. Смерть вообще очень похожа на общение с ним. Первая стадия — поверхностное отключение. Вторая — стадия собственно смерти — мгновение, следующее за ним. В это мгновение мы снова становимся в каком-то смысле самими собой. И смерть с силой бьет нас снова и снова, яростно и спокойно, пока наша жизнь не растворяется, превратившись в ничто.

— Почему ты так уверен, что говоришь о смерти? — У меня есть союзник. Дымок показал мне мою смерть безошибочно и очень четко. Именно поэтому я могу говорить только о чьей-то конкретной смерти.

Слова дона Хуана обеспокоили меня. Возникло какое-то жуткое двойственное чувство. Мне казалось, что сейчас он со всеми подробностями расскажет, где, когда и как я умру. Эта мысль вызывала у меня отчаяние и в то же время со страшной силой разжигала любопытство. Конечно, можно было бы попросить, чтобы он рассказал о своей смерти, но этот прием отпадал как некорректный.

Казалось, что дону Хуану мой внутренний конфликт даже доставил удовольствие. Тело его от хохота буквально билось в судорогах.

— Ну что, тебе интересно, как может выглядеть твоя смерть? — спросил он с совершенно детским выражением удовольствия на лице.

Его веселье меня успокоило. Оно почти развеяло мои опасения.

— Ладно, рассказывай, — сказал я дрогнувшим голосом.

Он словно взбесился от смеха, схватившись за живот, опрокинулся набок и. пародируя меня, дрогнувшим голосом повторил:

— Ладно, рассказывай. Дон Хуан сел, выпрямив спину, и, напустив на себя

замогильную важность, дрожащим голосом, каким дети рассказывают друг другу страшные истории, произнес:

— Итак, вторая стадия твоей смерти может быть такой...

Изучающим взглядом он с любопытством меня разглядывал. Я засмеялся, осознавая, что его шутливый тон — единственное средство притупить остроту мысли о собственной смерти.

— Ты много времени проводишь за рулем, — продолжал он. — Поэтому в момент наступления второй стадии ты можешь обнаружить, что ведешь машину. Ощущение будет мгновенным, времени на размышление у тебя не останется. Итак, ты неожиданно окажешься за рулем. Ведь ты провел за ним множество часов, проехав сотни тысяч километров. Но прежде, чем ты успеешь что-то понять, перед ветровым стеклом появится странное образование, эдакая круглая штучка, похожая на розетку блестящих листьев вокруг стебля. Она может напоминать также и чье-то лицо на фоне неба перед тобой. Потом ты увидишь, как эта штука удаляется, превращаясь в точку, сверкающую вдали. Затем она начнет приближаться, и в мгновение ока ветровое стекло твоей машины разлетится вдребезги. Ты сильный, поэтому я уверен, что смерти понадобится никак не меньше двух ударов, прежде чем она до тебя доберется.

В этот момент ты поймешь, где ты и что с тобой происходит. Лицо снова отступит, превратившись в точку у горизонта и, набрав скорость, опять обрушится на тебя. Оно войдет внутрь тебя, и тогда ты узнаешь, было ли это лицо союзника или мое, когда я говорю, или твое собственное, когда ты пишешь. А до этого смерть — ничто. Ее нет. Так, маленькая точка, затерявшаяся где-то на листках твоего блокнота. Но, тем не менее, она войдет в тебя с бешеной неуправляемой силой и заставит тебя рассеяться. Ты станешь плоским и рассеешься по всей земле, по всему небу и за его пределами. И ты будешь похож на туман из мельчайших кристаллов, которые будут уплывать, уплывать и уплывать.

В такой интерпретации описание смерти выглядело захватывающим. Я ожидал услышать нечто иное и долго ничего не мог сказать. — Смерть входит через живот, — продолжал дон Хуан, — Она проникает прямо через просвет воли — наиболее уязвимую часть человеческого существа. Это — область, из которой

излучается воля и через которую входит смерть. Мой союзник подводил меня ко второй стадии смерти, поэтому я знаю, как это бывает. Маг тренирует волю, открываясь смерти. Смерть одолевает его, но когда он становится плоским и начинает рассеиваться, его безупречная воля берет верх и собирает человека снова, не дав кристаллическому туману рассеяться.

Дон Хуан сделал странный жест. Он растопырил пальцы наподобие двух вееров, поднял кисти на уровень локтей, развернул так, чтобы большие пальцы касались боков туловища, и потом медленно сложил вместе на уровне середины тела, чуть выше пупка. В этом положении он ненадолго замер. Руки дрожали от напряжения. Потом он поднял их, коснувшись лба кончиками средних пальцев, и опустил в то же положение, на уровень живота.

В этом жесте было что-то устрашающее. Сила и красота, с которыми дон Хуан его выполнил, буквально околдовали меня.

Воля — вот что собирает мага, — сказал он. — Но с возрастом маг слабеет, и неизбежно наступает миг, когда он теряет способность управлять волей. И тогда у него не остается ничего, что можно было бы противопоставить безмолвной силе смерти, и жизнь его, подобно жизни любого обычного человека, рассеивается, исчезая в пространстве.

Дон Хуан посмотрел на меня и встал.

— Сходи в кусты, уже можно — скоро вечер, — сказал он.

Мне давно уже нужно было бы сходить, но я не решался, потому что чувствовал себя даже хуже, чем раньше. Однако союзник больше не внушал мне беспокойства. Дон Хуан сказал, что не важно, как я себя чувствую, потому что я уже достаточно «отвердел». Он заверил меня, что я в прекрасной форме и могу сколько угодно спокойно разгуливать в кустах, если, конечно, не стану приближаться к воде.

— Вода — другое дело, — объяснил он. — Мне нужно еще разок устроить тебе «водную процедуру», так что сам лучше к воде не подходи.

Чуть позже дон Хуан попросил меня отвезти его в соседний городок. Я заметил, что поездка меня несколько отвлечет, а то я чувствую себя как-то

неуверенно — меня ужасает мысль о том, что маг все время играет со смертью.

— Быть магом очень тяжело, — убедительно сказал он. — Я же говорил — видеть намного лучше, чем быть магом. Видящий всемогущ, по сравнению с ним маг — просто мальчишка.

— Что такое магия, дон Хуан?

Он долго смотрел на меня, едва заметно покачивая головой, а потом сказал: — Магия — это приложение воли к ключевому звену. Маг отыскивает в том, на что он намерен повлиять, ключевое звено и воздействует на него своей волей. Чтобы быть магом, не обязательно видеть. Нужно только уметь манипулировать волей.

Я попросил объяснить, что он понимает под ключевым звеном. Он немного подумал и ответил:

— Ну, например, я знаю, чем является твоя машина.

— Вроде бы — машиной, — сказал я.

— Нет. Я имею в виду, что твоя машина — это свечи зажигания. Я рассматриваю свечи как ключевое звено явления, именуемого машиной. Подействовав на них своей волей, я могу сделать так, что твоя машина не будет работать.

Дон Хуан сел в машину. Сделав мне знак последовать его примеру, он поудобнее устроился на переднем сидении.

— Теперь смотри, — сказал он. — Я — ворона. Поэтому прежде всего должен распушить перья.

Он встряхнулся всем телом. Движение напомнило мне купающегося в луже воробья. Он опустил голову, как птица, которая пьет воду.

— Вот так, — сказал он и засмеялся. Смех был очень странный, он обладал каким-то непонятным гипнотическим действием. Я вспомнил, что слышал этот смех много раз. Но раньше не замечал, чтобы он гипнотизировал, может быть,

потому, что при мне дон Хуан впервые смеялся так долго.

— Потом ворона расслабляет шею, — сказал дон Хуан, вращая шеей и потирая щеки о плечи. — Потом смотрит на мир. Сначала — одним глазом, потом — вторым.

Он закрутил головой, поочередно «взглядывая на мир» то одним, то другим глазом. Тон его смеха стал выше. У меня появилось дурацкое ощущение, что он вот-вот прямо на моих глазах превратится в ворону. Я хотел смехом отогнать это наваждение, но был почти парализован. Я самым натуральным образом чувствовал, что меня как бы обволакивает какая-то сила. Но я не был испуган и не ощущал ни головокружения, ни сонливости. По-моему, никакие из моих способностей затронуты не были, — Ну все, теперь заводи, — сказал дон Хуан.

Я включил стартер и автоматически нажал на газ. Стартер завизжал, но двигатель не запускался. Смех дона Хуана был похож на мягкое ритмичное карканье. Я снова попытался завести мотор, потом еще, и еще. Минут десять я крутил стартер. Безрезультатно. А дон Хуан все каркал. Тогда я плюнул на это дело и уселся неподвижно.

Дон Хуан внимательно меня разглядывал и я знал, что своим смехом он вогнал меня в некое подобие гипнотического транса. Я вполне отдавал себе отчет в происходящем, но в то же время не был самим собой. Все время, пока я тщетно пытался завести машину, состояние мое было смесью покорности и немоты. Складывалось такое впечатление, что дон Хуан делал что-то не только с машиной, но и со мной тоже. Когда он прекратил каркать, я решил, что уже все, решительно крутанул ключ и нажал на газ. Я был уверен, что весь фокус заключается в том, что дон Хуан загипнотизировал меня своим карканьем, заставив поверить в то, что мотор не заводится. Краем глаза я видел, что он с интересом наблюдает за тем, как я с остервенением жму на педаль газа. Дон Хуан мягко похлопал меня по плечу и сказал, что ярость делает меня «тверже», так что, может быть, ему даже не придется вечером меня купать. Чем больше я буду себя накручивать, тем скорее окончательно оправлюсь от встречи с союзником.

— Не смущайся, — подзадоривал дон Хуан. — Дай еще газу! Жми, жми сильнее!

Я услышал обычные раскаты его гомерического хохота, почувствовал, что смешон, и издал дурацкий блеющий смешок.

Через некоторое время дон Хуан сказал, что отпустил машину.

И мотор завелся!

Глава 14

28 сентября 1969

Я стоял перед домом дона Хуана и не решался войти — что-то жуткое было и в самом доме, и в окружавшем его пейзаже. Мне вдруг показалось, что дон Хуан прячется где-то поблизости и наблюдает за мной. Я позвал его, а потом, набравшись решимости, вошел-таки в дом. Дона Хуана там не было. Я поставил две сумки с продуктами на кучу дров и сел. Все вроде как обычно, я десятки раз приезжал, когда его не было дома. Но впервые за все годы знакомства с доном Хуаном мне было страшно одному в его доме. Я чувствовал присутствие чего-то, словно здесь, рядом со мной был кто-то еще, кто-то невидимый. Я вспомнил, что однажды, несколько лет назад, уже испытывал подобное чувство, смутное ощущение, что нечто неизвестное бродит вокруг меня, когда я один. Я вскочил на ноги и пулей вылетел из дома.

Приехал я в этот раз для того, чтобы сказать дону Хуану, что накапливающийся эффект установки «видеть» стал сказываться на моем состоянии. Мне все чаще становилось не по себе, я почти постоянно ощущал беспричинное смутное беспокойство, уставал, не утомляясь. Ощущение, которое я испытал, сидя только что в доме дона Хуана, разбудило во мне воспоминания о том, как впервые у меня появился подобный страх.

Все началось несколько лет назад, когда дон Хуан втянул меня в очень

странное противостояние с женщиной-колдуньей, которую он называл «Ла Каталина». 23 ноября 1961 года я приехал к дону Хуану. Он сидел дома с вывихом голеностопного сустава. Мне он объяснил, что это дело рук его врага — ведьмы, которая могла обернуться черным дроздом. Она уже неоднократно делала попытки его убить.

— Я покажу ее тебе, как только смогу ходить, — сказал дон Хуан. — Ты должен знать, кто это.

— А зачем ей тебя убивать?

Он нервно пожал плечами и ничего не сказал. Когда я приехал через десять дней, он уже был в полном порядке. Он покрутил ступней, демонстрируя мне совсем здоровую ногу, и сказал, что все так быстро прошло благодаря хитроумной жесткой повязке, которую он сам себе сделал.

— Хорошо, что ты приехал, — сказал он. — Сегодня я хочу предложить тебе небольшое путешествие.

Он сел в машину рядом со мной, и мы отправились в безлюдный район. Дон Хуан указывал дорогу. Когда мы приехали и остановились, дон Хуан поудобнее устроился на сидении, вытянув ноги и откинувшись на спинку, словно собирался вздремнуть. Мне он велел расслабиться и сохранять спокойствие, потому что вечер — очень опасное время для того дела, которым мы заняты, и до наступления темноты нам нужно сидеть как можно тише и незаметнее.

— Чем это мы таким заняты? — поинтересовался я.

— Мы приехали, чтобы отметить Ла Каталину, — ответил он.

Когда совсем стемнело, мы потихоньку вышли из машины и очень медленно и бесшумно углубились в чаппараль.

С того места, где мы остановились, были видны черные силуэты холмов, возвышавшихся по обе стороны. Мы находились на дне довольно широкого каньона с плоским дном. Дон Хуан подробно объяснил мне, что нужно делать, чтобы сливаться с чаппаралем, и научил сидеть, как он выразился, «в

готовности». Нужно было сесть, подогнув левую ногу под правое бедро и поставить ступню полностью согнутой правой ноги на землю, подняв колено вертикально вверх. Дон Хуан сказал, что подогнутая нога должна выполнять роль пружины, которая подбросит тело, когда потребуется мгновенно встать. Потом он велел мне сесть лицом на запад, потому что в том направлении находился дом Ла Каталины. Сам он сел рядом, справа от меня, и шепотом сказал, чтобы я сфокусировал взгляд на земле перед собой, и выслеживал, вернее, выжидал волну ветра, от которой зашевелятся кусты. Когда ветер коснется низких кустов над самой поверхностью земли, на которых сосредоточен мой взгляд, я должен мгновенно вскинуть голову и посмотреть вверх. Там я увижу колдунью «во всем блеске ее зловещего великолепия». Он именно так и выразился, слово в слово. Когда я попросил объяснить, что он имеет в виду, дон Хуан сказал, что, увидев шевеление кустов и взглянув вверх, я сам все пойму. «Маг в полете», сказал он, это нечто невообразимое, не поддающееся никакому описанию.

Дул довольно устойчивый ветерок, и «шевеление» кустов обнаруживалось не раз и не два. Я то и дело вскидывал голову в полной готовности узреть что-нибудь жуткое и трансцендентальное, однако в небе было пусто. Каждый раз, когда порыв ветра раскачивал кусты, дон Хуан стоя яростно ударял ногой по земле, осматривался и взмахивал руками, как крыльями. Сила его движений была необычайной.

После нескольких неудачных попыток увидеть «колдунью в полете» я понял, что никакого трансцендентального явления не предвидится. Но дон Хуан так истово «демонстрировал силу», что я безропотно проторчал там всю ночь.

На рассвете дон Хуан присел рядом со мной. Казалось, он почти в изнеможении и едва двигается. Он прилег на спину и пробормотал, что ему не удалось «пронзить эту женщину». Он повторил эти слова несколько раз, и с каждым разом в них звучало все более глубокое отчаяние. Я с легкостью поддался его настроению. Потом в течение нескольких месяцев дон Хуан ни словом не упоминал ни об этом событии, ни о самой колдунье. Я решил, что он либо забыл об этом, либо разобрался со своими проблемами сам. Но, приехав однажды, я застал его, что называется, «на взводе». От его обычного спокойствия не осталось и следа, когда он начал рассказывать мне, как прошлой ночью «черный дрозд» стоял прямо перед ним, почти его касаясь, и он даже не сразу проснулся. Искусство колдуньи было настолько изощренным,

что он вообще не почувствовал ее присутствия. Ему просто повезло, проснись он на мгновение позже, и он уже не успел бы вступить в чудовищную битву за свою жизнь. Он говорил взволнованно, почти с пафосом. Меня охватило сострадание и беспокойство. Мрачным драматическим тоном он еще раз подтвердил, что не в состоянии остановить Ла Каталину, и следующий ее визит к нему станет последним, потому что этот день будет его последним днем на земле. Еще немного — и я бы разрыдался. Дон Хуан заметил мое состояние и засмеялся, как мне показалось, храбро. Похлопав меня по спине, он сказал, что, впрочем, еще не все потеряно. У него осталось еще одна карта, последняя козырная карта в этой смертельной игре.

— Воин живет стратегически, — сказал он, — и никогда не берет на себя груз, который не в силах нести.

Улыбка дона Хуана разогнала роковые тучи. Я почувствовал неожиданный подъем, и мы оба засмеялись.

— Знаешь, из всего, что есть на свете, только ты — моя козырная карта, — отрывисто сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Что?

— Ты и есть моя козырная карта в схватке с этой ведьмой.

Я не понял, что он имел в виду, и он объяснил. Оказывается, у меня был реальный шанс ее «пронзить», потому что она меня не знала. Для этого я должен был действовать так, как скажет дон Хуан.

— Что значит «пронзить»? — Убить ее тебе не под силу, пронзить, как протыкают воздушный шар, — вполне. Если тебе удастся это сделать, она оставит меня в покое. Но сейчас об этом не думай. Когда придет время, я скажу тебе, что делать.

Прошли месяцы. Я и думать забыл об этом разговоре и потому был весьма удивлен, когда приехал к нему в очередной раз, а он выскочил из дома и, не дав мне вылезти из машины, быстро встревожено зашептал:

— Немедленно уезжай. Слушай внимательно: купи ружье, или достань

где-нибудь, главное — чтобы оно не было твоим, понял? Достань любое ружье, кроме своего, и сразу же вези его сюда.

— Зачем тебе ружье?

— Езжай. Возвратился я уже с ружьем. На новое у меня не хватило денег, поэтому я одолжил у одного из приятелей его старую двустволку. Дон Хуан даже не взглянул на ружье. Со смехом он объяснил, что черный дрозд сидел на крыше его дома, и нужно было сделать так, чтобы он меня не увидел.

— Когда я увидел на крыше колдунью, принявшую образ этой черной птицы, то подумал, что ее можно пронзить из ружья, которое ты мог бы достать, — выразительно сказал дон Хуан, — Поскольку мне не хочется, чтобы с тобой что-то случилось, я велел тебе достать где-нибудь чужое ружье или купить новое. Видишь ли, после того, как ты выполнишь задачу, ружье должно быть уничтожено.

— Какую такую задачу?

— Ты должен попытаться поразить эту женщину из ружья.

Дон Хуан заставил меня протереть все ружье листьями какого-то специфически пахнущего растения. Сам он протер два патрона и собственноручно вложил их в стволы. Потом дон Хуан велел мне спрятаться в кустах напротив двери его лома и ждать. Как только черный дрозд сядет на крышу, нужно тщательно в него прицелиться и выстрелить из обоих стволов дуплетом. Конечно, вряд ли дробь сможет причинить колдунье какой-нибудь вред, ее скорее пронзит эффект удивления. Если я буду собран и силен, то мое действие достигнет цели, и она отстанет от дона Хуана. Таким образом, как прицел, так и мое намерение поразить ее должны быть безупречны.

— В момент выстрела ты должен закричать. Вернее, издать боевой клич — мощный, пронзительный, — сказал дон Хуан.

Затем из охапок тростника и дров он соорудил кучу, метрах в трех-четырех от рамады, и велел мне лечь на нее спиной. Положение оказалось достаточно удобным — как в кресле. Я полулежал, и крыша была мне очень хорошо видна.

Дон Хуан сказал, что еще есть время — так рано ведьмы не летают, и мы успеем подготовиться. Потом он закроется в доме, чтобы привлечь ее и спровоцировать нападение. Мне он велел сесть поудобнее и полностью расслабиться, так, чтобы я мог выстрелить, не пошевелившись перед этим. Он заставил меня пару раз прицелиться, из чего сделал вывод, что я поднимаю и навожу ружье слишком медленно и неуклюже. Ломом он проковырял в земле две глубокие дырки, в которые вставил две рогатины, а на них положил длинную жердь, крепко привязав ее веревкой. Положив ружье стволами на эту конструкцию, я мог без усилий держать его непрерывно нацеленным на крышу.

Дон Хуан взглянул на небо и сказал, что пора занимать позицию в доме. Он встал и спокойно ушел в дом, напоследок напомнив мне, что дело предстоит нешуточное, и птицу надо уложить с первого же выстрела.

Через несколько минут сумерки сгустились, и стало совсем темно. Казалось, темнота специально выжидала, когда я останусь один. Я пытался сфокусировать взгляд на крыше, которая темным силуэтом вырисовывалась на фоне неба. Вначале горизонт был довольно светлым, но потом небо окончательно потемнело, и я с трудом различал дом вообще. Несколько часов я сидел, неотрывно глядя на крышу, но ничего не замечал. Пару раз пролетали совы, но их невозможно было спутать с черным дроздом из-за большого размаха крыльев. Вдруг я четко различил темный силуэт небольшой птицы, которая села на крышу. Черный дрозд! Сердце бешено заколотилось, в ушах зазвенело, я прицелился в темноту и нажал на оба спусковых крючка. Грохнул выстрел. Приклад сильно толкнул меня в плечо, и одновременно раздался пронзительный человеческий вопль. Он был громким и жутким и донесся, как мне показалось, с крыши. Я был в полном замешательстве, и вдруг вспомнил, что дон Хуан велел мне кричать во время выстрела. Я забыл это сделать. Я собрался было перезарядить ружье, но тут из дома выскочил дон Хуан с керосиновой лампой. Он явно очень нервничал.

— Похоже, ты попал, — сказал он. — Мы сейчас найдем мертвую птицу.

Он приволок лестницу и заставил меня взобраться на рамаду. Но там я ничего не нашел. Тогда он сам забрался наверх, но тоже безрезультатно. — Наверно, птицу разнесло на куски, — сказал дон Хуан. — Тогда мы найдем хотя бы

перо.

Мы начали искать. Сначала вокруг рамады, потом вокруг всего дома. Так мы и бродили с керосиновой лампой по двору до самого утра. Когда рассвело, мы еще раз все обследовали. Около одиннадцати дон Хуан сказал, что дальше искать бессмысленно. Он сел с удрученным видом, как-то глуповато улыбнулся и произнес:

— Ничего не вышло. Тебе не удалось ее остановить. Теперь моя жизнь не стоит и ломаного гроша. Она наверняка разозлилась и жаждет мести. Но тебе ничего не грозит, эта женщина не знает тебя.

Я направился к машине, чтобы уехать домой, и, обернувшись на ходу, спросил:

— Ружье ломать?

— Зачем? Оно ничего не сделало, можешь вернуть его своему приятелю.

В его глазах таилось глубокое отчаяние. Я был настолько тронут, что, едва удерживаясь от рыданий, спросил:

— Я хоть что-нибудь могу для тебя сделать?

— Ничего, — ответил дон Хуан.

Мы помолчали. Я хотел уехать сейчас же. Мне было не по себе, щемящая тоска буквально съедала меня. — Ты и вправду хотел бы мне помочь? — спросил дон Хуан как-то по-детски.

Я еще раз сказал, что всецело в его распоряжении, потому что очень к нему привязан и готов на все ради того, чтобы ему помочь.

Дон Хуан улыбнулся и снова спросил, искренне ли я все это говорю. Я страстно подтвердил, что просто жажду ему помочь.

— Ну что ж, если ты действительно искренен… Есть еще один шанс.

Похоже, дон Хуан был доволен. Он широко улыбнулся и несколько раз хлопнул в ладоши. Этим жестом он имел обыкновение выражать удовлетворение. Перемена его настроения была настолько разительной, что я поддался. Подавленность и тоска мгновенно улетучились. Жизнь снова была прекрасна. Дон Хуан сел на землю, я — рядом с ним. Он посмотрел на меня долгим изучающим взглядом и сказал, что я — единственный человек, который может помочь ему в сложившейся ситуации. Он говорил очень спокойно и с расстановкой. По его словам выходило, что шанс есть, но для того, чтобы реализовать его, мне предстоит выполнить какое-то сложное, очень специфическое и опасное действие.

— Я дам тебе оружие, которым ее можно пронзить.

Из своей сумки он вытащил что-то продолговатое и протянул мне. Я сначала взял эту вещь, а потом глянул на нее и чуть не выронил.

— Это — дикий вепрь, — продолжал дон Хуан. — С его помощью ты сможешь ее пронзить.

Предмет, который я держал в руке, оказался засушенной передней ногой дикого кабана. Шкура на ней была мерзкой на ощупь, от прикосновения к щетине передергивало. Копыто было раздвоенным, и его половинки торчали вперед, как будто кабан вытягивал ногу. Вид у этой штуки был, что и говорить, ужасный. Меня чуть не стошнило. Он быстро забрал ее у меня.

— Тебе придется воткнуть дикого вепря ведьме в живот, — сказал дон Хуан. — Что? — слабеющим голосом переспросил я.

— Ты должен взять вепря в левую руку и пырнуть им ведьму. Она — колдунья, поэтому вепрь войдет в ее живот, и никто, кроме другого мага, не увидит, что он там торчит. Это не обычная схватка, а выяснение отношений между магами. Опасность заключается в том, что, если ты промахнешься, она может уложить тебя на месте одним ударом. Или тебя пристрелят либо зарежут ее родственники или компаньоны. Однако ты можешь выпутаться из этой истории без последствий.

Если у тебя получится, она будет так маяться с этим вепрем в своем теле, что ей станет не до меня.

Меня снова охватила гнетущая тоска. Я был глубоко привязан к дону Хуану. Я им восхищался. Я научился считать его образ жизни и его знания высшими достижениями. А тут вдруг — такая дикая, жуткая просьба. Но как можно позволить умереть такому выдающемуся человеку? С другой стороны — ведь он сам говорит, что от меня требуется сознательно рисковать своей жизнью… Я настолько углубился в анализ своих истинных мотивов, что не заметил, как дон Хуан поднялся на ноги и стоял надо мной, пока, наконец, не сказал со снисходительной улыбкой, похлопав меня по плечу:

— Когда почувствуешь, что действительно готов мне помочь, — возвращайся. Но не раньше. Если ты вернешься, я буду знать, что делать. Теперь — иди. Если ты не захочешь вернуться, я все пойму.

Я автоматически поднялся, сел в машину и уехал. Дон Хуан определенно снял меня с крючка. Я мог уехать и никогда больше не возвращаться, но мысль об этом почему-то не успокаивала. Я проехал еще немного, потом резко развернулся и поехал обратно.

Дон Хуан сидел под рамадой и, похоже, совсем не удивился, увидев меня.

— Садись, — сказал он. — Смотри, как красивы облака на западе. Скоро стемнеет. Сиди спокойно, и пусть сумерки наполнят тебя. Сейчас делай что хочешь, но когда я скажу, посмотришь на эти яркие облака и попросишь у сумерек силы и спокойствия. Часа два я просидел лицом к облакам на западе. Дон Хуан ушел в дом и сидел внутри. Когда начало темнеть, он вышел и сказал:

— Вставай. Не закрывай глаза. Смотри прямо на облака. Подними руки, растопырив пальцы, и беги на месте.

Я последовал его инструкциям — встал, поднял над головой руки с растопыренными пальцами и побежал на месте. Дон Хуан зашел сбоку и стал корректировать движения. Ногу дикого вепря он сунул мне в левую руку, велев придерживать ее большим пальцем, прижимая к ладони. Потом он слегка опустил мои руки, установив их в таком положении, чтобы пальцы были направлены на запад, прямо к облакам — оранжевым, серым и почти черным. Все пальцы он тщательно выпрямил и велел ни в коем случае их не

сгибать. Скрюченные пальцы — это не просьба о силе и спокойствии, а угроза. Кроме того, дон Хуан подправил и сам бег, чтобы он был ровным и спокойным, словно я и в самом деле, вытянув руки, бегу навстречу сумеркам.

В ту ночь я так и не смог заснуть. Было так, будто сумерки привели меня в бешенство, вместо того, чтобы успокоить.

— В моей жизни еще так много всего, что ждет своего решения, — сказал я. — Так много неразрешенных задач...

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал:

— Ничто в мире не ожидает своего решения. Нет ничего законченного, но нет и ничего нерешенного. Спи.

Слова дона Хуана странным образом меня успокоили.

На следующее утро, где-то около десяти, дон Хуан накормил меня, и мы двинулись в путь. Он прошептал, что добраться до ведьмы было бы неплохо в полдень, а если удастся — то и еще пораньше. Идеальное время для нападения — самые первые часы дня, потому что утром маги всегда наименее сильны и наименее внимательны. Но ведьма в таком состоянии ни за что не выйдет из дому, а в своем доме она хорошо защищена. Я ничего не спрашивал. Дон Хуан сказал, чтобы я выехал на шоссе, а потом в определенном месте велел съехать на обочину и остановиться.

— Здесь мы будем ждать, — сказал он. Я взглянул на часы. Было пять минут одиннадцатого. Меня одолевала сонливость, мысли бесцельно блуждали, внимание рассеялось.

Вдруг дон Хуан выпрямился и толкнул меня. Я подскочил на сидении.

— Вот она! — сказал он.

По краю распаханного поля в направлении шоссе шла женщина. На руке у нее висела корзина. Только сейчас я заметил, что мы остановились у перекрестка. Две узкие грунтовые дороги тянулись по обеим сторонам трассы, и еще одна, пошире, пересекала ее. Те, кто пользовался этой дорогой, должны были

переходить мощеное полотно трассы.

Когда женщина была еще на грунтовой дороге, дон Хуан велел мне выйти из машины.

— Вперед! — твердо скомандовал он.

Я подчинился. Женщина уже почти поднялась на шоссе. Я побежал, чтобы перехватить ее. Она была совсем близко, я почти касался ее одежды. Выдернув из-за пазухи кабанью ногу, я ткнул ею женщине в живот. Я не почувствовал никакого сопротивления тупому предмету, который держал в руке. В воздухе промелькнула тень, как будто кто-то взмахнул портьерой. Я повернул голову направо и увидел, что женщина стоит метрах в пятнадцати-двадцати от меня на другой стороне трассы. Ла Каталина выглядела очень молодо, у нее было красивое смуглое лицо и крепкое сильное тело. Она стояла и преспокойно улыбалась мне, слегка прищурившись от ветра и сверкая крупными белоснежными зубами. На правой руке по-прежнему висела корзинка.

На мгновение я впал в какое-то отупение. Повернулся к дону Хуану. Он звал меня, отчаянно размахивая руками. Заметив, что трое или четверо мужчин уже спешат в моем направлении, я побежал к машине, прыгнул в нее, и мы уехали.

Я попытался спросить у дона Хуана, что произошло, но не смог — уши буквально лопались от внутреннего давления. Мне казалось, что меня вот-вот разорвет на куски. Дон Хуан казался довольным. Он засмеялся, как будто мое поражение ничуть его не обескуражило. Мои ладони словно приросли к рулевому колесу, я не мог пошевелить пальцами, они как будто насквозь промерзли. Руки до плеч буквально окаменели, то же самое творилось с ногами. Я самым натуральным образом не мог снять ногу с педали газа.

Дон Хуан похлопал меня по спине и велел расслабиться. Мало-помалу давление в ушах ослабло.

— Что там происходило? — наконец смог я выдавить из себя вопрос.

Он по-детски хихикнул, но ничего не ответил. Потом он спросил, заметил ли я, каким образом эта женщина ушла от удара. Он был в восхищении от ее

реакции и быстроты. Слова дона Хуана показались мне довольно неуместными, я перестал понимать, что происходит. Он хвалил колдунью. Он сказал, что она — воистину безжалостный враг, и сила ее безупречна.

Я спросил:

— На тебя что, нисколько не подействовала моя неудача? Перемена его настроения сильно меня удивила. Я даже чувствовал некоторую досаду. Он определенно чему-то радовался.

Дон Хуан велел мне остановиться. Я поставил машину на обочине. Он положил мне руку на плечо, проникновенно заглянул в глаза и без обиняков заявил:

— Все, что я сегодня с тобой проделал, было хитростью. Таково правило — человек знания должен заманить своего ученика в ловушку. Сегодня я поймал тебя, хитростью поставив перед лицом жесткой необходимости учиться.

Я был ошарашен. Я не мог собраться с мыслями. Дон Хуан тем временем объяснил, что вся история с ведьмой — ловушка. Эта женщина никогда не представляла для него реальной угрозы. Его задачей было заставить меня столкнуться с ней, когда я буду находиться в особом состоянии отрешенности и силы. Я вошел именно в это состояние, пытаясь ее «пронзить». Он похвалил мою решимость и назвал ее действием силы, которое продемонстрировало колдунье, что я способен на мощные энергетические выплески и проявления силы. Дон Хуан сказал, что, хотя я этого и не осознавал, единственное, чего я достиг, — это покрасовался перед ней, — Ты не в силах даже пальцем до нее дотронуться, — сказал он, — но когти ты ей показал. Теперь она знает, что ты не боишься и бросаешь ей вызов. Я выбрал эту женщину для своей хитрости потому, что она безжалостна, сильна и ничего не забывает. Мужчины обычно слишком заняты делами, отвлекающими их от безжалостной вражды.

Я ужасно разозлился и сказал, что это низко — играть самыми глубокими чувствами и преданностью людей.

Дон Хуан хохотал до слез. В эти мгновения я его ненавидел. Так и хотелось съездить ему по физиономии и укатить восвояси. Но в его смехе обнаружился странный ритм, который почти парализовал меня.

— Ну-ну, зачем же так злиться? — произнес дон Хуан успокаивающим тоном.

Потом он сказал, что ни одно из его действий не было фарсом и что он сам когда-то точно так же рисковал жизнью. Это было очень давно. Его бенефактор хитростью втянул его в суровую переделку, то же самое дон Хуан сегодня проделал со мной. Но бенефактор дона Хуана был человеком жестоким и не возился с ним так, как он со мной. Еще дон Хуан довольно резко добавил, что Ла Каталина действительно пробовала на нем свою силу, пытаясь сжить со свету.

— Но теперь ей известно, что все ее фокусы для меня — детские игрушки. И она возненавидит за это тебя. Со мной ей ничего не под силу сделать, зато на тебе она попытается выместить все. Сейчас она, однако, не знает, чего ты в действительности стоишь, поэтому будет вести разведку, понемногу тебя испытывая. Так что выбора нет. Ты должен учиться, хочешь ты этого или нет, иначе окажешься в лапах этой дамы. А она шутить не любит.

И дон Хуан напомнил мне, как она перемахнула через дорогу.

— Не злись, пожалуйста, — сказал он. — То, что я сделал, не было обычной хитростью. Таково правило.

Действительно, прыжок этой леди через шоссе был явлением умопомрачительным. Причем я видел это своими собственными глазами — в мгновение ока она перелетела на другую сторону довольно широкой трассы. Деться от этого факта было некуда. Начиная с этого момента вся история с ведьмой крепко засела в моей памяти, и мало-помалу у меня накопились доказательства того, что она и впрямь меня преследует. В итоге все это вылилось в то, что под давлением трансцендентального страха я удрал от дона Хуана, бросив ученичество.

Через несколько часов, сразу после полудня, я вернулся к дому дона Хуана. Тот явно уже поджидал меня. Когда я вышел из машины, он подошел и начал с любопытством меня рассматривать. Обойдя вокруг меня пару раз и не дав мне раскрыть рта, он спросил:

— Откуда нервозность?

Я объяснил, что утром меня что-то испугало, и я уехал, так как чувствовал невидимое присутствие. Что-то бродило вокруг, как это бывало и в прошлом. Дон Хуан сел и, казалось, погрузился в свои мысли. Лицо его было необычайно серьезно. Он вроде бы даже устал. Я сел рядом и стал разбирать свои записи.

После длинной паузы лицо его просветлело, и он улыбнулся.

— Утром к тебе приходил дух источника. Это его ты почувствовал. Но я же предупреждал тебя, что нужно быть готовым к неожиданным встречам с силами. Мне казалось, ты понял.

— Я понял.

— Тогда почему боишься?

Я не мог ответить.

— Дух источника стоит на твоем пути. Он уже коснулся тебя в воде. И, уверяю тебя, коснется еще. И если ты не будешь готов к этой встрече, тебе настанет конец.

Слова дона Хуана весьма меня обеспокоили, однако ощущение было довольно странным: я был встревожен, но не напуган. Слепой страх, который охватывал меня раньше, теперь уже не возникал, что бы ни происходило. Я спросил:

— Что же делать? — Ты очень легко все забываешь, — сказал он. — Мы не по своей воле становимся на путь знания — нас на него загоняют и постоянно пришпоривают. На этом пути нам постоянно приходится с чем-то бороться, чего-то избегать, быть к чему-то готовыми. И это что-то всегда непостижимо, всегда мощнее нас, всегда нас превосходит. Поэтому нужно готовиться к борьбе. Иного выхода нет. Ты встречаешься с непостижимыми силами. Сейчас это — дух источника, потом будет твой собственный союзник. Несколько лет назад тебя пришпорила Ла Каталина, но она — всего лишь колдунья, это фокус для новичков.

В мире действительно множество устрашающих вещей, а мы — беспомощные создания, окруженные непостижимыми и неумолимыми силами. Обычный

человек по невежеству своему полагает, что их можно объяснить или изменить. На самом деле он не знает, как это сделать, однако надеется, что человечество рано или поздно сумеет объяснить их или изменить. Маг, с другой стороны, думает не об объяснениях и не о переменах. Вместо этого он использует эти непостижимые силы для того, чтобы перенаправить себя, приспособившись к направлению их действия. В этом заключается его хитрость. В магии нет ничего особенного, достаточно лишь эту хитрость узнать. Маг ничем не лучше обычного человека. Магия не избавляет его от проблем. В действительности она ему даже мешает, потому что усложняет жизнь и делает ее опасной. Открываясь знанию, маг становится уязвимее обычного человека. С одной стороны, его ненавидят и боятся люди. Естественно, они стараются всяческими способами сократить ему жизнь. С другой — непостижимые и неумолимые силы. Они окружают нас, и нам никуда от них не деться уже только по той причине, что мы живем в этом мире. Для мага они представляют собой даже более серьезную опасность, чем люди. Если мага пронзит человек, ему больно, по-настоящему больно. Но это ничто по сравнению с тем, что бывает, если его заденет союзник. Открываясь знанию, маг попадает в лапы сил. Единственное средство, позволяющее ему уравновесить себя и сдержать их напор, — это воля. Поэтому он должен воспринимать и действовать как воин. Я еще раз повторяю; только воин выживает на пути знания. В образе жизни воина кроется сила. Именно эта сила позволяет ему жить лучшей жизнью. Я обязан научить тебя видеть. Не потому, что мне этого хочется, а потому, что ты избран, на тебя указал мне Мескалито. Однако научить тебя действовать и чувствовать как подобает воину — лично мое стремление, потому что я уверен, что быть воином — это наиболее подходящий способ жить. Поэтому я постарался показать тебе те силы, с которыми сталкивается маг. Только под их ужасающим воздействие м человек может стать воином. Если бы ты научился видеть, не став предварительно воином, это ослабило бы тебя ложным смирением и желанием отступить. Тело твое разрушилось бы, потому что тебе стало бы все равно. Так что сделать тебя воином — мое собственное намерение. Тогда ты не сломаешься.

Ты неоднократно повторял, что всегда готов к смерти. Я считаю, что чувствовать себя всегда готовым к смерти не обязательно. Это бесполезное потакание собственной слабости. Воин должен быть готов только к битве. Ты говорил, что родители искалечили твой дух. Я думаю, что дух человека не так-то легко искалечить. По крайней мере, теми действиями, которые ты

считаешь калечащими дух. Но можно сделать человека мягким и хлипким, приучить его потакать себе, жалеть себя, поддаваться прозябанию. И, должен отметить, в этом твои родители, безусловно, преуспели.

Дух воина не привязан ни к потаканию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина — битва, и каждая битва, которую он ведет, — его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется.

Я перестал писать и поднял глаза. Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и улыбнулся:

— Ты что, и правда все это записываешь? Хенаро говорит, что не может серьезно вести себя с тобой, потому что ты все время пишешь. Он прав — ну как можно быть серьезным, если ты все время пишешь?

Он опять улыбнулся, а я попытался защищаться. — Да ладно, брось, это не важно, — сказал он. — Я полагаю, что если ты когда-нибудь научишься видеть, то сделаешь это каким-то собственным невообразимым способом.

Он встал и взглянул на небо. Было около полудня. Он сказал, что пора отправляться в горы на охоту.

— На кого?

— На особого зверя — скажем, на оленя, или на дикого кабана, а может, и на горного льва.

Он помолчал и добавил:

— Или даже на орла.

Я встал и пошел за ним к машине. Он сказал, что в этот раз мы будем только наблюдать, чтобы обнаружить, на кого следует охотиться. Он уже почти залез в машину, как вдруг остановился, как бы что-то неожиданно вспомнив, улыбнулся и сказал, что охоту придется отложить. Сначала мне следует

изучить кое-что, без чего наша охота невозможна.

Мы вернулись и снова уселись под рамадой. Я хотел о многом его расспросить, но он не дал, сразу же начав говорить.

— Теперь мы подобрались к последнему, что ты должен знать о воине. Воин отбирает то, что составляет его мир. Ты знаешь, что с тобой случилось в тот день, когда ты видел союзника и мне дважды пришлось тебя купать?

— Нет.

— Ты растерял свои щиты.

— Какие щиты? О чем ты?

— Я сказал, что воин отбирает то, что составляет его мир, отбирает осознанно, потому что каждая вещь, которую он отбирает, становится его щитом, защищающим от нападения сил, тех сил, которые он старается использовать. Щиты, например, используются воином для защиты от собственного союзника.

Обычный средний человек точно так же, как и воин, живет в окружении тех же самых непостижимых сил. Но он им недоступен, так как защищен особыми щитами другого типа.

Он замолчал и вопросительно взглянул на меня. Я не понимал, что он имеет в виду. — Что это за щиты?

— Все, что люди делают.

— А что они делают?

— Ты посмотри вокруг. Все обычные люди непрерывно чем-то заняты. Они делают то, что они делают. Это — их щиты. Когда маг встречается с какими-то из непостижимых и неумолимых сил, его просвет открывается. Маг становится в большей степени подверженным смерти, чем обычно. Я говорил тебе, что смерть входит в нас через этот просвет. Поэтому тот, у кого он открыт, должен быть готов в любой момент заполнить его своей волей. Конечно, если он —

воин. Но ты пока что не воин. А если человек не является воином, то ему не остается ничего другого, кроме как использовать житейские проблемы для отвлечения сознания от устрашающих встреч с непостижимыми и неумолимыми силами. Тем самым человек закрывает свой просвет. В тот день, когда ты увидел союзника, ты разозлился на меня. Своим экспериментом с твоим автомобилем я специально сделал так, чтобы ты пришел в ярость. Купал я тебя так долго для того, чтобы ты основательно замерз. Ты купался в одежде и замерз еще сильнее. Закрыв твой просвет, холод и ярость стали в тот день твоей защитой. Однако использовать подобного рода «житейские щиты» так же эффективно, как их использует обычный человек, ты уже не способен — слишком много знаешь о силах. Поэтому сейчас ты вплотную приблизился к тому, чтобы чувствовать и действовать, как воин. Твои старые щиты разбиты.

— И что мне следует делать?

— Действовать, как подобает воину. Отбирать то, что составляет твой мир. Ты больше не можешь обращаться с вещами как попало. Я говорю тебе это самым серьезным образом. Теперь ты впервые не в безопасности при твоем старом образе жизни.

— Что ты имеешь в виду под отбором частиц моего мира? — Воин встречает эти необъяснимые и непреклонные силы, потому что он намеренно ищет их. Поэтому он всегда готов к встрече с ними. Ты, например, никогда не готов к ней. Фактически, если эти силы явятся к тебе, они захватят тебя врасплох. Испуг откроет твой просвет, и твоя жизнь беспрепятственно ускользнет через него. Первое, что ты должен делать, — это быть готовым. Думай, что союзник собирается выскочить перед твоими глазами в любую минуту. Ты должен быть готов к этому. Встреча с союзником — не воскресный пикник. Воин принимает на себя ответственность по защите своей жизни. Поэтому если какая-либо из этих сил стучится к тебе и открывает твой просвет, ты должен намеренно бороться за то, чтобы закрыть его самому. Для этой цели ты должен иметь избранный ряд вещей, которые дают тебе спокойствие и удовольствие. Вещей, которые ты можешь намеренно использовать для того, чтобы убрать свои мысли от испуга, закрыть свой просвет и сделать себя цельным.

— Что это за вещи? — Несколько лет назад я говорил тебе, что в своей повседневной жизни воин выбирает себе путь сердца. Именно это отличает

его от обычного человека. Воин знает, что он на пути сердца, когда един с этим путем, когда переживает огромное спокойствие и удовольствие, идя по нему. Вещи, которые выбирает воин, чтобы сделать свои щиты, — это частицы пути сердца.

— Но ты сказал, что я не воин, как же я могу выбрать путь сердца?

— Это твоя поворотная точка. Можно сказать, что раньше у тебя не было действительной необходимости жить как воин. Теперь иначе. Теперь ты должен окружать себя частицами пути сердца и должен отказаться от остального. Или же ты погибнешь при следующей встрече. Я могу добавить, что ты больше можешь не просить о встрече. Теперь союзник может прийти к тебе во сне, во время твоего разговора с друзьями или когда ты пишешь.

— Я уже годами искренне старался жить в соответствии с твоими поучениями. Очевидно, я делал это недостаточно хорошо. Как я теперь могу делать это лучше?

— Ты слишком много думаешь и разговариваешь. Ты должен прекратить разговор с самим собой.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слишком много разговариваешь сам с собой. Ты в этом не исключение. Каждый из нас делает это. Мы ведем внутренний разговор. Подумай об этом. Что ты делаешь, когда остаешься один?

— Я разговариваю сам с собой.

— О чем ты разговариваешь с собой?

— Я не знаю. Я полагаю, о чем угодно.

— Я скажу тебе, о чем мы разговариваем сами с собой. Мы разговариваем о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир нашим внутренним разговором.

— Как мы это делаем?

— Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним разговором. Не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний разговор.

Воин осознает это и стремится остановить этот разговор. Это последнее, что ты должен знать, если хочешь жить, как воин.

— Как я могу перестать говорить сам с собой?

— Прежде всего, ты должен использовать уши, чтобы снять часть нагрузки с глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой главным образом о том, что мы видим. Воин сознает это и прислушивается к звукам мира.

Я отложил свои записи. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он не собирался навязывать мне результат. Что прислушивание к звукам мира должно быть гармоничным и терпеливым.

— Воин сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить сам с собой, — сказал он. — Он должен быть готов к этому необычайному толчку.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Мир такой-то и такой-то только потому, что мы сказали себе, что он такой. Если мы перестанем говорить себе, что он такой, то он перестанет быть таким. Я не думаю, что ты в этот момент готов к такому внезапному удару, поэтому ты должен начать переставать создавать мир.

— Я действительно не понимаю тебя!

— Твоя беда в том, что смешиваешь мир с тем, что делают люди. Но ты не одинок в этом — каждый из нас делает это. Вещи, которые делают люди, являются щитами против сил, которые нас окружают. То, что мы делаем как люди, дает нам удобство и чувство безопасности. То, что делают люди, по праву очень важно, но только как щит. Мы никогда не знаем, что все, что мы

делаем как люди, — это только щиты, и мы позволяем им господствовать и попирать нашу жизнь. Фактически, я должен сказать, что для человечества то, что делают люди, более важно и значимо, чем сам мир.

— Что ты называешь миром?

— Мир — это все, что заключено здесь, — сказал он и топнул по земле, — Жизнь, смерть, союзники и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть — чудесной загадкой. Обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и когда он приближается к старости, он убеждается, что он не имеет больше ничего, для чего жить. Старик не исчерпал мира. Он исчерпал только то, что делают люди. В своем глупом замешательстве он верит, что мир не имеет больше загадок для него. Вот ужасная цена, которую приходится платить за наши щиты. Воин осознает эту путаницу и учится относится к вещам правильно. Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости.

Глава 15

Я начал упражняться в «слушании звуков мира». Дон Хуан велел мне практиковать это в течение двух месяцев. Слушать и не смотреть было мучительно трудно, но куда более тяжелым делом оказалась борьба с внутренним разговором. Тем не менее, к концу второго месяца я научился его останавливать, правда, на очень короткие промежутки времени, а также обращать внимание на звуки.

Я приехал к дону Хуану 9 ноября 1969 года.

— Прямо сейчас и отправимся в дорогу, — сказал он.

Я немного отдохнул, и мы поехали на восток — к горам. Оставив машину на попечении одного из его друзей, жившего неподалеку, мы пешком отправились в горы. Дон Хуан положил в рюкзак галеты и несколько сладких булочек для меня, так, чтобы еды хватило на пару дней. Я спросил, не взять ли еще чего-нибудь из продуктов, но он отрицательно покачал головой.

Всю первую половину дня мы шли. День выдался очень теплый. У нас была только одна фляжка воды, из которой пил в основном я. Дон Хуан только дважды немного глотнул. Когда вода закончилась, он сказал, что здесь смело можно пить прямо из ручьев, постоянно попадавшихся на пути, и посмеялся над моими сомнениями, отбросить которые вскоре меня заставила жажда.

После полудня мы остановились в небольшой долине у подножия холмов, покрытых сочной зеленью. За ними, на востоке, на фоне облачного неба возвышались силуэты высоких гор.

— Ты можешь записывать все наши разговоры и все свои впечатления, но никогда не должен упоминать места, где мы находимся, — сказал дон Хуан.

Мы немного отдохнули, а потом он достал из-за пазухи сверток и показал мне свою трубку. Набив ее курительной смесью, он спичкой зажег сухую хворостинку, которую засунул в трубку. Трубку он протянул мне. Раскурить ее без уголька оказалось достаточно сложно, и нам пришлось не один раз поджигать палочки, прежде чем смесь разгорелась.

Когда я докурил, он сказал, что мы пришли сюда выяснить, на какую дичь мне предстоит охотиться. Очень внятно он три или четыре раза повторил, что главная моя задача — найти дыры. Дон Хуан так и говорил — «дыры», и даже особо выделял это слово. Он сказал, что в таких «дырах» маг может найти самые разные послания, указания и инструкции. Я хотел спросить, что это за дыры, но дон Хуан, как бы предугадав мой вопрос, объяснил, что их невозможно описать, так как они относятся уже к области видения. Несколько раз он повторил, что все внимание нужно сосредоточить на звуках и постараться отыскать дыры между ними. Он сказал, что четыре раза сыграет на своей духоловке. Моей задачей было воспользоваться этими жуткими звуками для того, чтобы добраться до приглашавшего союзника. Если это мне

удастся, я получу от него очень важное для меня послание. Дон Хуан сказал, что я должен быть в абсолютной готовности, поскольку неизвестно, как появится союзник на этот раз.

Я внимательно слушал, сидя возле каменного склона холма и прислонившись к нему спиной. Чувствовалось легкое онемение. Дон Хуан напомнил, что закрывать глаза нельзя. Начав прислушиваться, я смог различить пение птиц, шум ветра в листве, жужжание насекомых. Сосредоточиваясь на каждой из этих категорий звуков, я различил четыре типа птичьего пения. Можно было различить шум ветра, дующего с различной скоростью, большой и маленькой, и три типа шелеста листьев. Жужжание насекомых просто поражало. Их было так много, что я не мог их ни сосчитать, ни даже различить.

Я погрузился в странный мир звуков. Такого со мной еще никогда не было. Я начал медленно сползать вправо. Дон Хуан сделал было движение, чтобы не дать мне упасть, но я опередил его, выпрямившись самостоятельно. Дон Хуан передвинул меня, усадив так, чтобы спина устойчиво покоилась во впадине скалы, вымел мелкие камни у меня из-под ног и аккуратно прислонил к скале мою голову.

Затем он велел смотреть на юго-восточные горы. Я зафиксировал взгляд на далеких горах, но он поправил меня, сказав, что нужно смотреть не на них и не фиксировать взгляд, а переводить его от точки к точке, как бы осматривая возвышающиеся напротив холмы и растительность на их склонах. Вновь и вновь он повторял, что внимание должно быть сосредоточено на слуховом восприятии. Опять на первый план вышел мир звуков. Причем не то чтобы я намеренно их слушал, скорее они сами заставляли меня вслушиваться в них. Ветер шуршал листьями. Он взлетал высоко в самые кроны деревьев на холмах и обрушивался в долину, где мы сидели. Падая, он сначала пробегал по листве высоких деревьев. Они издавали интересный звук. Я бы сказал, что это был богатый, сочный и даже звенящий шорох. Потом звучали кусты — мелодично, завораживающе и в то же время требовательно. Он, казалось, мог заглушить все остальное. Мне показался он крайне неприятным. Звук был настолько близко от меня, что я почувствовал тревогу. И, наконец, ветер прокатывался по земле, издавая звук, мало похожий на шорох. Скорее, это было что-то вроде свиста или даже низкого монотонного плоского жужжания. Вслушиваясь в шум ветра, я понял, что в нем одновременно смешиваются звуки всех трех типов. Было интересно, как мне удалось их разделить. Но тут

я начал различать пение птиц и жужжание насекомых, словно в течение шума ветра в поле моего сознания ворвался мощный поток всех остальных звуков. Хотя, по логике вещей, эти звуки никуда не девались и тогда, когда я слышал один лишь ветер.

Пересчитать все птичьи посвисты и жужжания насекомых я не мог, однако был абсолютно уверен, что слышу каждый отдельный звук. Сочетание звуков было исключительно упорядоченным. Я действительно не мог бы найти более подходящего слова для описания характера всей звуковой гаммы, чем «упорядоченность». Звучание имело структуру: звуки возникали в строго определенной последовательности.

Затем я услышал ни на что не похожий продолжительный вой. От него меня бросило в дрожь. На какое-то время все другие звуки умолкли, и долина погрузилась в мертвое молчание. Когда реверберация этого воя достигла внешних границ долины и растаяла, звуки появились вновь. Я снова уловил структуру и внимательно в нее вслушался. Спустя мгновение мне стало ясно, что имел в виду дон Хуан, говоря о дырах между звуками. В шумовой структуре звуки были отделены друг от друга паузами! Например, особые посвисты птиц следовали через строго определенные интервалы. То же самое можно было сказать обо всех без исключения воспринимаемых мною звуках. Шорох листьев служил чем-то вроде тягучего вязкого клея, придававшего всей структуре характер однородного шума. Но главным было то, что продолжительность каждого звука являлась как бы единицей в общей шумовой структуре.

Промежутки или паузы между звуками, когда я обращал на них внимание, оказывались дырами в ней.

Снова раздался продолжительный вой духоловки дона Хуана. Я не почувствовал толчка, но звуки опять смолкли, и я воспринял их перерыв как очень большую дыру. В это мгновение внимание сместилось от слуха к зрению. Я смотрел на гряду низких холмов, покрытых сочной зеленой растительностью. В силуэте гряды был разрыв, как раз в том месте, на которое я смотрел. Он воспринимался как дыра в одном из холмов. Это был промежуток между холмами, сквозь который мне был виден темно-серый цвет далеких гор. В течение короткого промежутка времени я не понимал, что это такое. Казалось, что просвет, на который я смотрю, — это «дыра» между

звуками. Затем звуки появились вновь, но визуальное изображение дыры осталось. Спустя мгновение я с еще большей ясностью начал осознавать шумовую структуру и расстановку в ней пауз. Сознание обрело способность четко различать и выделять каждый отдельный звук из огромного их количества. Я мог проследить за возникновением и исчезновением каждого звука, и все паузы, таким образом, воспринимались как вполне определенные дыры. В какой-то момент паузы как бы кристаллизовались, образовав в моем сознании некое подобие решетчатой структуры. Я не видел ее и не слышал. Я ощущал ее какой-то непонятной частью своего существа.

Дон Хуан опять заиграл на своей струне, и вновь звуки смолкли, образовав гигантскую звуковую дыру. Однако на этот раз пауза в шумовой структуре была как бы окаймлена дырой между холмами, на которую я смотрел. Эти две дыры наложились друг на друга. Эффект наложения сохранялся достаточно долго. Я успел «увидеть-услышать» совпадение их контуров. Снова восстановился шум, и структура пауз превратилась в гармоничную и почти визуально воспринимаемую картину. Я увидел, как звуки образуют структуру и как структуры всех звуков накладываются на окружающий пейзаж. Это было похоже на совмещение дыр, которое я только что наблюдал. Мое восприятие принципиально отличалось и от слухового, и от зрительного, но сочетало в себе свойства обоих. Внимание почему-то было сосредоточено на огромной дыре в холмах. Я чувствовал, что одновременно вижу и слышу ее. В ней было что-то притягательное, даже соблазнительное. Она занимала все поле моего восприятия, и каждая отдельная звуковая структура, совмещенная с характеристикой пейзажа, каким-то образом определялась этой дырой и от нее зависела.

Еще раз я услышал жуткий вопль духоловки дона Хуана. Все остальные звуки смолкли, две большие дыры как бы начали светиться, и через мгновение я увидел вспаханное поле. Союзник стоял на том же месте, где я видел его впервые. Вся сцена выглядела очень четкой. Союзника я видел так хорошо, словно до него было метров сорок-сорок пять. Но лица видно не было — по-прежнему мешала шляпа. Потом он пошел ко мне, медленно поднимая голову. Вот уже почти все лицо союзника открылось мне, я был в ужасе и знал, что должен непременно его остановить. Странная волна прокатилась по телу, я почувствовал, как излучается «сила». Я хотел повернуть голову в сторону, чтобы прервать видение, но не смог. В этот критический момент меня осенила одна мысль. Я понял, что имел в виду дон Хуан, говоря о пути сердца

и о щитах на этом пути. В моей жизни было что-то, что я хотел сделать, что-то очень нужное и увлекательное, что могло наполнить меня всепроникающими радостью и покоем. Теперь я знал, что союзнику не под силу меня одолеть. Без всякого труда я повернул голову, прежде чем все его лицо открылось мне полностью.

И тогда вновь стали слышны все звуки, которые вдруг стали громкими и пронзительными, словно обозлились на меня. Утратив структурность, они превратились в аморфный сгусток острых воплей, причинявших мне боль. От их давления в ушах зазвенело. Ощущение было таким, будто голова вот-вот разорвется на куски. Я встал и закрыл ладонями уши. Дон Хуан помог мне дойти до ручья, заставил раздеться, лечь, и «вкатил» в него. Я лежал в почти пересохшем русле, а он черпал моей шляпой воду и обливал меня.

Давление в ушах быстро упало. На «отмывку» меня ушло всего несколько минут. Осмотрев меня, дон Хуан одобрительно кивнул и сказал, что я сделался «твердым» почти сразу.

Я оделся, и он велел мне сесть на прежнее место. Я чувствовал необыкновенный подъем. Сознание работало ясно и четко.

Дона Хуана интересовали все подробности моего видения. Он сказал, что маги используют звуковые дыры для получения особой информации. Через эти дыры союзник мага показывает ему очень сложные взаимоотношения явлений мира. Подробнее говорить о дырах дон Хуан отказался. Попытку задавать вопросы на эту тему он немедленно пресек, сказав, что, пока у меня нет собственного союзника, такая информация мне только навредит. — Для мага все наполнено смыслом, — сказал он. — В звуках, как и во всем окружающем, имеются дыры. Обычный человек не замечает их из-за низкой скорости восприятия. Поэтому он беззащитен перед жизнью. Черви, птицы, деревья, все существа могут рассказывать нам удивительные, невообразимые вещи. От нас требуется только быстрота, достаточная, чтобы уловить их послания. Мы можем ее добиться. В частности, дым дает человеку такую скорость. Но для этого нам нужно состоять в хороших отношениях со всем миром. Именно поэтому мы должны беседовать с растениями, которых собираемся убить, и просить прощения за причиняемый им вред. Это касается и животных, на которых мы охотимся. Мы всегда должны брать ровно столько, сколько нам нужно. Иначе убитые нами растения, животные и черви обернутся против нас

и станут причиной наших болезней и несчастий. Понимая это, воин старается их успокоить. Поэтому, когда он заглядывает в дыры, и деревья, и птицы, и черви посылают ему нужные сообщения. Но сейчас все это не так уж важно. Существенно лишь то, что ты видел союзника. Это и есть твоя дичь. Я говорил тебе, что мы отправляемся на охоту. На кого — я не знал, но предполагал, что на какого-то зверя. Я решил, что ты должен увидеть зверя, на которого мы будем охотиться. Я в свое время увидел вепря, и поэтому моя духоловка — вепрь.

— Ты хочешь сказать, что она сделана из дикого кабана?

— Нет. В магии этого не бывает. Моя духоловка не сделана из вепря, она является им.

— Почему мы пришли сюда охотиться?

— Союзник показывал тебе духоловку, которую вытащил из своей сумки. Тебе нужна духоловка, только с ней ты сможешь его призвать.

— Что представляет из себя духоловка?

— Это веревочка. С ее помощью я могу призывать союзников, в том числе — своего собственного, или духов источников, рек, гор. Моя духоловка — вепрь, поэтому она и звучит подобно ему. С тобой я использовал ее дважды, когда призывал духа источника тебе помочь. И он являлся, так же, как явился сегодня союзник. Но ты не видел его, потому что тебе не хватало быстроты. Однако в тот день, когда ты лежал на камне в водном каньоне, ты знал, что дух почти одолел тебя, хотя и не видел его. Такого рода духи являются помощниками. Но управлять ими сложно, и в каком-то смысле они очень опасны. Чтобы справиться с ними, нужно иметь безупречную волю.

— На что они похожи?

— Каждый человек воспринимает их по-своему. Впрочем, как и союзников. Видишь, тебе, например, союзник является в образе человека, которого ты когда-то знал или всегда будешь стремиться узнать. Такова склонность твоей натуры. Тебе свойственна таинственность. В этом я на тебя не похож, поэтому союзник является мне в образе чего-то вполне определенного.

Духи источников соответствуют особым местам. С тем, которого я призывал тебе на помощь, я хорошо знаком лично. Он обитает в том каньоне. Когда я в тот раз его вызывал, ты был недостаточно силен, и он обошелся с тобой довольно сурово. Это не было его намерением — у них вообще не бывает намерений, — просто ты лежал там и был слаб, слабее, чем я предполагал. В другой раз, в оросительной канаве, он чуть не убил тебя. Тогда, когда ты начал светиться зеленым светом. Он застал тебя врасплох, и ты едва не поддался. В таких случаях дух всегда возвращается за своей жертвой. Так что, я уверен, ты с ним еще встретишься. К сожалению, после использования дымка тебе нужна вода, чтобы снова стать «твердым». Это ставит тебя в трудное положение. Если ты не воспользуешься водой, то, вероятно, умрешь, а если воспользуешься, то тебя захватит дух.

— Но в других местах мне можно пользоваться водой?

— Это не имеет значения. Пока у тебя нет духоловки, дух источника, обитающий возле моего дома, может достать тебя где угодно. Поэтому союзник и показывал тебе духоловку. Она тебе необходима — вот что он имел в виду. Помнишь, он намотал ее на руку и указал тебе на водный каньон? Сегодня он снова собирался показать тебе духоловку. Но ты прервал видение и поступил мудро — союзник двигался слишком быстро для твоей силы, и столкновение с ним имело бы для тебя очень серьезные последствия.

— Ну хорошо, а где же мне теперь взять духоловку?

— Как я понял, союзник собирался тебе ее дать.

— Каким образом?

— Откуда я знаю? Тебе придется сходить к нему. Он уже сказал, где его искать.

— Где же?

— На тех холмах, где ты видел дыру.

— Я что, должен найти самого союзника?

— Нет. Но он уже приветствует тебя. Дымок открыл тебе путь к нему. Позже ты встретишься с ним самим. Лицом к лицу. Но это случится только после того, когда ты хорошо с ним познакомишься.

Глава 16

Вечером 15 декабря 1969 года мы опять пришли в ту же долину. Пока мы пробирались сквозь кустарник, дон Хуан то и дело повторял, что направления и ориентиры имеют решающее значение в той задаче, которую мне предстоит выполнить.

— Ты должен определить верное направление сразу после того, как поднимешься на вершину холма, — сказал он, — И тут же повернуться в этом направлении лицом. Он указал на юго-восток;

— Запомни, это — твое направление, особенно когда у тебя трудности.

Мы остановились у подножия холмов, в которых была дыра. Дон Хуан указал мне, где сесть. Сам он сел рядом и подробно меня проинструктировал. Он сказал, что, как только я достигну вершины холма, я должен вытянуть перед собой правую руку, повернув ее ладонью к земле и растопырив прямые пальцы. Большой палец, однако, должен быть прижат к ладони. Потом нужно повернуть голову на север и согнуть руку перед грудью, так, чтобы кисть тоже указывала на север, и танцевать, поставив левую ступню позади правой и ударяя ее носком по земле. Дон Хуан сказал, что когда в левой ноге появится ощущение поднимающегося тепла, нужно медленно взмахнуть рукой с севера на юг и обратно.

— Над какой-то точкой ладонь почувствует тепло. Направление на эту точку будет направлением, в котором следует повернуться лицом, а сама эта точка обозначает место, на которое тебе необходимо сесть, — объяснил он. —

Восточное и юго-восточное направления означают, что результат будет исключительно удачным. Север означает, что тебе здорово достанется, но есть шанс повернуть ход событий в свою пользу. Юг — плохо, он означает тяжелую борьбу.

В первый раз тебе придется сделать взмаха три-четыре. Впоследствии, когда движение будет как следует отработано, ты с первого взмаха сможешь определить — будет рука нагреваться или нет.

Найдя место, над которым нагревается рука, сядешь на него. Это — твоя первая точка. Если окажется, что ты сидишь лицом на север или на юг, хорошенько подумай, достаточно ли ты силен, чтобы продолжать. Если сомневаешься в себе — вставай и уходи, потому что при отсутствии уверенности продолжать бессмысленно. Если решишь остаться — расчисти место для костра в полутора метрах от себя. Это место должно находиться от тебя строго в том направлении, куда обращено твое лицо. Потом собери весь хворост между первой точкой и расчищенным местом и разведи на нем огонь. Место для костра — твоя вторая точка. Сидя в первой точке, смотри на огонь, то есть — на вторую.

Если, сделав четыре взмаха, ты не почувствуешь тепла, медленно махни с севера на юг, а потом повернись кругом и махни на запад. Если рука начнет нагреваться в любой точке западного сектора — бросай все и беги со всех ног вниз, в долину и, что бы ты ни слышал и ни чувствовал сзади, не оборачивайся. Как только достигнешь ровного места — падай, независимо от того, насколько ты напуган. Ни в коем случае не продолжай бежать — падай сразу же, сними куртку, скомкай ее и прижми к животу. Подтяни ноги к себе и лежи, свернувшись калачиком лицом вниз. Руками крепко обхвати ноги, ладонями закрой глаза. Так лежи до утра. Если ты точно выполнишь мои указания, все будет хорошо, и никто вреда тебе не причинит.

Если же ты вдруг почувствуешь, что не успеваешь добежать до ровного места, — падай сразу же. Тогда тебе придется очень туго. На тебя нападут, но если ты будешь лежать тихо и спокойно, не шевелясь и не оглядываясь, то и в этой переделке останешься цел.

Если рука не начнет нагреваться и в западном секторе — тоже беги что есть духу, но на восток. Беги, пока хватает дыхания. Когда почувствуешь, что

дальше бежать не в силах, остановись и в этой точке повтори все с самого начала. Ты должен бежать на восток, останавливаясь и выполняя весь набор манипуляций, до тех пор, пока не найдешь место, в котором рука будет нагреваться.

Дон Хуан заставил меня несколько раз повторить все его инструкции, пока я их досконально не запомнил. После этого мы долго сидели молча. Пару раз я порывался заговорить, но он повелительным жестом приказывал молчать.

Темнело. Дон Хуан все так же молча встал и начал взбираться на холм. Я последовал за ним. Наверху я сделал все так, как он сказал. Дон Хуан стоял рядом и внимательно следил за мной. Я специально делал все очень медленно и аккуратно, пытаясь почувствовать малейшее изменение температуры. Но ничего не ощущал. Было уже довольно темно, но я все же мог бежать на восток, не цепляясь за низкий кустарник. Совсем запыхавшись, я остановился. Далеко отбежать от первого места не удалось — я очень устал и чувствовал огромное напряжение. Предплечья и голени болели.

Я вновь повторил все движения. Безрезультатно. Тогда я опять побежал на восток. Так повторялось дважды. На третий раз, когда я махал рукой, ладонь сильно нагрелась над точкой, лежавшей к востоку от меня. Меня поразило, насколько ощутимым было изменение температуры. Я сел, подождал дона Хуана и сказал ему, что почувствовал тепло. Он велел продолжать и развести костер. Сам он сел слева в метре от меня. Языки огня танцевали, рисуя странные фантастические силуэты. Иногда пламя вдруг становилось радужным, иногда — голубоватым, а иногда — ослепительно белым. Я объяснял себе такое необычное поведение огня особым химическим составом хвороста, который собрал для костра. У огня было еще одно странное свойство — в центре пламени время от времени мелькали вспышки. А каждый раз, когда я подкладывал хворост, в огне что-то вспыхивало, как будто взрывался теннисный мяч.

Я пристально смотрел на огонь, считая, что именно это имел в виду дон Хуан. У меня закружилась голова. Дон Хуан дал мне свою тыквенную фляжку и велел выпить воды. Вода расслабила и приятно освежила меня.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал, что не нужно так пристально смотреть на огонь. Я должен просто смотреть в этом направлении. После часа

наблюдения я сильно замерз и почувствовал сырость. Неожиданно, когда я собрался наклониться, чтобы в очередной раз собрать хворост, что-то напоминающее мотылька метнулось справа налево между мной и огнем. Я немедленно выпрямился и взглянул на дона Хуана. Тот движением подбородка велел мне смотреть в сторону огня. Через мгновение эта же тень мелькнула в обратном направлении. Дон Хуан поспешно вскочил и начал засыпать костер землей, пока полностью не сбил пламя. Он делал все очень быстро. Я успел только пододвинуться, чтобы помочь ему, как огня уже не было. Он затоптал тлеющие ветки и чуть ли не силой потащил меня вниз, а потом — прочь из долины. Он шел очень быстро, не оборачиваясь и не позволяя мне говорить.

Через несколько часов мы добрались до места стоянки машины. Я спросил, что это было. Дон Хуан только мотнул головой, и мы молча уехали.

Как только мы подъехали к дому, он сразу же вошел внутрь, жестом запретив мне разговаривать.

Дон Хуан сидел во дворе за домом и, похоже, ожидал, когда я проснусь. Как только я вышел из дома, он заговорил. Мне он сказал, что тень, которую я видел прошлой ночью, была духом, силой, обитающей в том месте. Он сказал, что это существо совершенно бесполезно и безвредно.

— Оно просто существует в том месте, но не владеет секретами силы, так что оставаться там было бессмысленно. Ты бы всю ночь так и просидел, глядя, как перед глазами мельтешит тень. Однако есть существа, которые могут поделиться секретами силы. Если, конечно, тебе повезет с ними встретиться.

Мы позавтракали и молча сидели перед домом. Неожиданно дон Хуан заговорил:

— Существует три типа существ. Существа первого типа совершенно бесполезны, они ничего не могут дать, потому что ничего не имеют. Существа второго типа — устрашающие, эти способны только пугать. И третьего типа — владеющие дарами. Вчерашнее существо относилось к первому типу, оно безмолвно, у него ничего нет, это — всего лишь тень. Правда, в большинстве случаев с безмолвными силами связаны существа второго типа — отвратительные духи, которые вечно болтаются в местах, где обитают безмолвные. Поэтому я и решил, что оттуда нужно поскорее убраться. Эти

мерзкие существа обычно увязываются за людьми, забираются в их дома и делают жизнь невыносимой. Я знаю несколько случаев, когда людям приходилось из-за них покидать свои жилища.

Впрочем, всегда находятся люди, полагающие, что из существ этого типа можно извлечь какую-то выгоду, но само по себе то, что в доме живет дух, еще ничего не значит.

Его можно приманивать, за ним можно следить, но он способен только на то, чтобы выкинуть какой-нибудь жуткий фокус, получить же что-либо путное от него невозможно. Был такой случай: люди даже установили дежурство и несколько месяцев караулили одно из таких пакостных существ, которое забралось к ним в дом. В конце концов вмешались соседи и вытащили их из дома, иначе все это закончилось бы плохо. Они и так уже едва не валились с ног от истощения и усталости. Поэтому единственно мудрое решение при встрече с духом второго типа — не трогать его. Я спросил, как заманивают духов. Дон Хуан ответил, что сначала люди пытаются найти наиболее вероятные места появления духа, а потом раскладывают на его пути оружие, в надежде, что дух до него дотронется. Духи любят оружие и прочие военные принадлежности. Любой предмет, которого коснулся дух, непременно становится предметом силы. Однако существа отвратительного типа никогда ничего не трогают, а только производят иллюзию шума.

Я спросил, каким образом такие духи могут пугать людей. Он ответил, что чаще всего они появляются в образе темной тени человекоподобной формы, которая бродит по дому, производя жуткий стук или бормоча разными голосами. Бывают еще темные тени, неожиданно выскакивающие из углов.

Дон Хуан сказал, что духи третьего типа — это и есть настоящие союзники. Они одаривают тайнами. Обитают они в безлюдных труднодоступных местах. Тому, кто хочет встретится с таким существом, приходится далеко путешествовать и ходить в одиночку. Находясь в одиночестве в подобном месте, человек должен выполнить все необходимые действия. Если, сидя перед огнем, он увидит промелькнувшую тень, ему следует сразу же уходить. Однако в случае других проявлений, таких, например, как сильный ветер, который задувает огонь и не дает его зажечь не менее четырех раз подряд, или падение ветки, отломавшейся от ближайшего дерева, необходимо остаться. Нужно только убедиться в том, что это действительно отломалась

ветка.

Также необходимо обращать внимание на перекатывающиеся камни, мелкие камушки, падающие в костер, а также любой устойчивый непрерывный шум. Нужно идти в том направлении, где произошло подобное явление, до тех пор, пока дух не явится сам.

Существа третьего типа испытывают воина и действуют при этом по-разному. Скажем, союзник может вырасти перед человеком как из-под земли, приняв невообразимо жуткий вид, может схватить в темноте сзади и, не давая пошевелиться, продержать несколько часов. Может опрокинуть на него дерево. Дон Хуан сказал, что силы эти по-настоящему опасны. И хотя они сами не могут убить человека, им вполне под силу до смерти его испугать, сделать так, чтобы что-то тяжелое рухнуло ему на голову; или, выскочив перед самым его носом, заставить от неожиданности оступиться и сорваться с обрыва.

Он сказал, что если мне придется когда-нибудь столкнуться с таким существом при неблагоприятных обстоятельствах, ни в коем случае нельзя бороться, потому что тогда я наверняка погибну. У того, кто начинает сопротивляться, союзник отнимает душу. Поэтому нужно броситься на землю и терпеть до утра.

— Встречаясь с союзником — владельцем тайн, — говорил дон Хуан, — нужно собрать в кулак все свое мужество и схватить его прежде, чем он схватит тебя, или начать его преследовать раньше, чем он погонится за тобой. Преследование должно быть неотступным. Затем будет схватка. Нужно бороться с духом до тех пор, пока не удастся прижать его к земле, а добившись этого, держать, пока он не отдаст тебе свою силу.

Я спросил его, насколько материальны эти силы, если их можно потрогать. У меня слово «дух» всегда ассоциировалось с понятием чего-то эфемерного.

— Так не называй их духами, — ответил он. — Называй союзниками или непостижимыми силами. Какое-то время он молчал, потом лег на спину и положил руки под голову.

Я настаивал на том, чтобы он вернулся к теме о степени материальности союзников.

— Черт возьми, да материальны они, — сказал он, помолчав. — Когда с ними борешься, они даже становятся твердыми. Эти существа рассчитывают на испуг человека, поэтому если борешься с одним из них как подобает воину, оно быстро теряет напряжение, а ты становишься сильным. Их напряжение можно самым натуральным образом поглощать.

— Какого рода это напряжение?

— Сила, мощь, энергия. Когда к ним прикасаешься, они вибрируют, словно собираются тебя разорвать. Но это только видимость. Напряжение иссякает, если ты их продолжаешь держать. — А что происходит, когда они теряют напряжение? Растворяются в воздухе?

— Нет. Они просто теряют силу, сохраняя тем не менее материальность. Но это ощущение, когда их держишь, невозможно передать словами. Оно ни на что не похоже.

Вечером я сказал дону Хуану, что, скорее всего, тогда ночью я видел ночную бабочку. Он засмеялся и терпеливо объяснил, что мотыльки порхают только возле ламп. Лампы не обжигают крыльев. Огонь сжигает их сразу, как только мотыльки к нему подлетают. Кроме того, тень заслоняла собой весь костер, то есть была явно велика для мотылька. Тут я вспомнил, что тень и в самом деле на какое-то мгновение полностью закрыла костер. Однако все произошло так быстро, что я не успел обратить на это внимания. Затем он напомнил, что вспышки были очень большими и улетали влево, хотя ветра не было вообще. Это была правда, та ночь была на удивление тихой.

Я упустил из виду еще один момент — зеленоватое свечение в пламени. Я заметил его, когда дон Хуан велел мне смотреть на огонь после первого явления тени. Он напомнил мне и об этом. Кроме того, ему не нравилось, что я называю эту штуку тенью. Он сказал, что она, скорее, напоминала пузырь.

Спустя два дня, 17 декабря 1969 года, дон Хуан как бы между прочим заметил, что я знаю все необходимые детали и приемы, чтобы пойти в холмы самостоятельно и добыть предмет силы — духоловку. Он велел мне отправляться в одиночку, уверяя, что его общество мне только помешает.

Но когда я уже был готов отправиться, он, похоже, передумал и сказал:

— Пожалуй, ты еще недостаточно силен. Я пойду с тобой, но останусь внизу.

Когда мы пришли в небольшую долину, где я видел союзника, дон Хуан издали внимательно изучил впадину между холмами, которую я воспринял как дыру, и сказал, что нужно идти дальше, в горы. Союзник обитал в самой дальней точке местности, которая просматривалась сквозь дыру. Я посмотрел на дыру, но смог различить только голубоватый массив далеких гор. Дон Хуан повел меня на юго-восток, и после долгого перехода мы пришли к месту, которое находилось, по его словам, «достаточно глубоко во владениях союзника».

Был уже вечер. Мы присели на камни. Я устал и проголодался, потому что за весь день съел только несколько кукурузных лепешек. Неожиданно дон Хуан встал, посмотрел на небо и велел мне немедленно отправляться в «своем направлении», предварительно запомнив место, где мы остановились. Он сказал, что будет ждать меня здесь, хотя бы на это потребовалась вечность.

— Добывание духоловки может затянуться? — встревожено спросил я.

— Кто знает... — ответил он с загадочной улыбкой.

Я пошел на юго-восток, несколько раз оглянувшись на дона Хуана. Он очень медленно шел в противоположном направлении. Я взобрался на вершину крутого холма и еще раз оглянулся. До дона Хуана было метров двести. Он не оборачивался. Я сбежал вниз, в чашеобразное углубление между холмами, и вдруг почувствовал одиночество. Я присел и задумался над тем, что, собственно, я здесь делаю. Ищу духоловку? Какая нелепость! Я бегом вернулся на тот холм, с которого в последний раз видел дона Хуана, но его нигде не было. Я побежал вниз в том направлении, где его видел. Хотелось все бросить и уехать домой. Я очень устал и чувствовал себя ужасно глупо.

— Дон Хуан! — кричал я. — Дон Хуан!

Но его и след простыл. Я взбежал на вершину другого холма. Дона Хуана не было. Так я бегал довольно долго, но дон Хуан как сквозь землю провалился. Тогда я пошел к тому месту, где мы расстались. На миг у меня появилась иррациональная уверенность, что дон Хуан сидит там и потешается над моей

непоследовательностью.

— Какого черта я здесь делаю? — громко спросил я.

Но потом понял, что мне остается только одно — продолжать. Я действительно не знал, как вернуться к машине. Дон Хуан так часто менял направление, что общей ориентации по сторонам света было явно недостаточно. Я боялся заблудиться в горах.

Я сел на землю и впервые в жизни испытал странное ощущение — вернуться к исходной точке, откуда все началось, не было никакой возможности. Дон Хуан говорил, что я всегда хочу иметь точку отсчета, которую можно было бы назвать началом, хотя на самом деле начала никогда и нигде не существует. Там, в горах, я понял, что он имел в виду — точкой отсчета всегда был я сам, дона Хуана как бы не было вообще, и когда я смотрел на него в последний раз, он был тем, чем являлся на самом деле, — мимолетным видением, таявшим среди холмов.

Я услышал мягкий шелест листьев, и меня окутал странный аромат. Ветер ощущался, как давление на глаза, своего рода осторожное жужжание. Солнце почти коснулось плотных облаков над горизонтом, похожих на ленту густо-оранжевого цвета, и исчезло за покрывалом низких туч. Спустя мгновение оно появилось под ними — малиновый шар, плывущий в тумане. Казалось, что солнце борется, стараясь добраться до клочка голубого неба, но тучи не дают ему на это времени. Потом оранжевая лента облаков и горы поглотили его окончательно. Я лег на спину. Мир вокруг меня был настолько неподвижным и безмятежным, и в то же время настолько чужим, что я почувствовал какую-то подавленность. Плакать не хотелось, но слезы потекли сами собой. Несколько часов я лежал, не в силах подняться. Подо мной были твердые камни, в том месте, где я лежал, не было почти никакой растительности, хотя повсюду вокруг росли кусты и сочная трава. Я видел кроны высоких деревьев на холмах к юго-востоку от меня.

Темнело. Неожиданно я почувствовал себя почти счастливым. Полумрак мне как-то ближе, чем безжалостный дневной свет. Темнота защищает, и в ней всегда присутствует какая-то поучительность.

Я встал, взобрался на вершину небольшого холма и начал повторять

движения, которым научил меня дон Хуан. Мне пришлось семь раз бегать на восток, прежде чем я почувствовал изменение температуры. Соорудив костер, я стал внимательно наблюдать, как советовал дон Хуан, обращая внимание на каждую деталь. Проходили часы. Мне стало холодно, чувствовалась усталость. Я подбросил в костер большую охапку хвороста и придвинулся к огню. Слишком напряженное бодрствование измотало меня, я начал клевать носом. Дважды я засыпал, просыпаясь только когда голова сваливалась набок. Так хотелось спать, что я больше не мог смотреть на огонь. Я выпил воды и побрызгал себе на лицо, чтобы взбодриться. Это помогло, но ненадолго. Я сделался угрюмо-раздраженным. Вся эта затея стала казаться мне идиотизмом, и я впал в состояние подавленности и какой-то иррациональной прострации. Я хотел есть, устал и вообще был раздражен собой. В конце концов я прекратил бороться со сном, подбросил в огонь побольше хвороста и лег спать. В тот момент поиски союзника с духоловкой казались мне чем-то совершенно дурацким и абсолютно ненужным. Так хотелось спать, что не было сил даже думать. Я уснул.

Меня разбудил громкий треск. Я лежал на правом боку, и мне почудилось, что звук раздался прямо над моим левым ухом. Мгновенно проснувшись, я сел. В левом ухе звенело, я даже немного оглох, настолько громким и близким был звук. Судя по количеству несгоревшего хвороста, спал я недолго. Больше не было никаких звуков, но я держался настороже и сидел, подбрасывая сучья в огонь.

Я подумал, что меня, видимо, разбудил выстрел. Наверное, кто-то прятался неподалеку, собираясь меня застрелить. Мысль эта была мучительной, и меня захлестнула волна вполне рационального страха. Я был уверен, что эта земля является чьей-то собственностью, и что владелец может принять меня за вора и убить. Или, может, кто-то хочет меня убить, чтобы ограбить, не зная, что у меня ничего нет. Какое-то время я сильно беспокоился за свою безопасность. Шея и плечи напряглись. Я поднял и опустил голову. Шейные позвонки хрустнули. Я по-прежнему смотрел на огонь, но в нем не было ничего необычного. Шума тоже не было слышно.

Через некоторое время я немного расслабился и решил, что это, должно быть, проделки дона Хуана. Очень скоро я пришел к глубокому убеждению, что так оно и есть, и даже засмеялся от этой мысли. Затем на меня обрушилась лавина рациональных соображений и выводов, на этот раз приятных. Дон Хуан,

видимо, догадался, что мое отношение ко всей этой затее изменится, и я не захочу оставаться в горах. Не исключено, что он, спрятавшись в укромной пещерке или в кустах, видел, как я носился по холмам, пытаясь его отыскать. Потом он следил за мной, а когда я уснул, — подошел и сломал сухую ветку над самым моим ухом. Я подбросил в огонь еще хвороста и начал как бы невзначай поглядывать по сторонам в надежде заметить дона Хуана, хотя и знал, что если уж он прячется, то отыскать его в принципе невозможно.

Все было спокойно — сверчки, ветер в листве деревьев на склонах холмов вокруг, потрескивание хвороста в огне... Летали искры, но они были самыми обычными.

Вдруг я услышал громкий треск сломанной ветки. Он донесся слева. Затаив дыхание, я прислушался. Через мгновение сломалась еще одна ветка, но уже справа. Потом послышался слабый далекий треск ломающихся веток, словно кто-то шагал по ним, приближаясь ко мне. Моя реакция была какой-то замедленной, я не знал — слушать дальше или вставать. Пока я раздумывал, треск ломающихся веток стал доноситься отовсюду. Звуки окружили меня настолько быстро, что я едва успел вскочить на ноги и затоптать костер.

Я помчался вниз. На бегу мелькнула мысль, что там, внизу, не было ровного места. Но я продолжал бежать, вытянув руки перед собой, чтобы защитить глаза от веток. Примерно на полпути к подножию холма я вдруг почувствовал присутствие чего-то за спиной. Это что-то почти касалось меня, но определенно не было веткой. Интуитивно я чувствовал, что оно гонится за мной и явно догоняет. Я похолодел, внутри все сжалось. Я сорвал с себя куртку, скомкал ее, и рухнул на землю, подогнув нот, прижав куртку к животу и зажав ладонями глаза, как учил дон Хуан. Какое-то время я лежал так, не шевелясь, а потом обнаружил, что вокруг — мертвая тишина. Не было слышно вообще никаких звуков. Меня охватила жуткая тревога. Брюшной пресс стал твердым от напряжения и судорожно подергивался. Послышался треск. Как будто очень далекий, но, тем не менее, чрезвычайно отчетливый. Потом еще — ближе. Пауза полной тишины, и — буквально взрыв над самой моей головой. Я непроизвольно подскочил от неожиданности и чуть было не опрокинулся набок. Звук явно был громким треском сломанной пополам толстой ветки. Он раздался так близко, что я услышал шелест листьев на ней, когда она сломалась.

Затем на меня обрушилась лавина звуков: кто-то с остервенением ломал толстенные ветки повсюду вокруг меня. Но вместо того, чтобы испытать мистический ужас, я начал хохотать. Это было совершенно неуместно, однако мне показалось, что я понял, где собака зарыта. Ряд логических умозаключений подкрепил мою уверенность. Я даже воодушевился. Разумеется, это был дон Хуан! Я был почти уверен, что вот-вот поймаю этого хитрющего старика за руку. Он бродит вокруг, ломает ветки и, зная, что я не осмелюсь поднять голову, делает все, что хочет. Я вычислил, что он должен быть один, потому что у него не было времени сходить за помощниками. На этот раз мы зашли довольно далеко в горы и за несколько дней никого не встретили. Итак, если он прячется в одиночку, то, стало быть, способен производить довольно ограниченное количество звуков. Кроме того, между звуками должны быть более-менее продолжительные паузы, так что подряд может следовать не больше двух-трех тресков. Ну и наконец — разнообразие шумов тоже должно быть ограничено возможностями одного человека. Скрючившись на земле, я думал, что все испытание — наверняка игра, и единственный способ выйти из него с честью — эмоциональная отрешенность. Мне это даже нравилось. Я поймал себя на том, что усмехаюсь при мысли, что могу предвидеть следующий ход дона Хуана, и попытался представить себе, что стал бы делать на его месте.

Из моих интеллектуальных упражнений меня вытряхнуло громкое чмоканье. Я внимательно слушал. Вот звук повторился, причем совсем рядом. Словно какой-то зверь хлюпнул по воде лапой. Еще раз, и снова совсем близко. Звук раздражал меня, потому что напоминал девочку-подростка, которая с упоением чавкает жевательной резинкой. Мне стало интересно, как дону Хуану удается издавать такой звук, но тут звук раздался справа. Сначала послышался одиночный всплеск, а потом — целый каскад чмокающих звуков, словно кто-то прошелся по грязи. Я чуть ли не кожей чувствовал это раздражающее чмоканье. На какое-то время все стихло, а потом звуки раздались опять, на этот раз — слева, и очень близко — метрах в трех, не больше. Теперь было похоже на то, что кто-то толстый и тяжелый в резиновых сапогах бегает трусцой по глубокой грязи. Я был удивлен и даже восхищен богатством звука, и не представлял себе, каким образом его можно было произвести с помощью элементарных приспособлений. Вот протопали сзади, а потом начали топать со всех сторон сразу. Казалось, вокруг меня кто-то с наслаждением топает, скачет и бегает по грязи.

У меня появились вполне закономерные сомнения. В самом деле, если это — дон Хуан, то он должен носиться вокруг меня кругами с абсолютно немыслимой скоростью. Иначе было бы невозможно производить такое количество звуков и с такой частотой. Но даже дон Хуан не способен развить такую скорость, да и вообще, наверное, никто. Я начал было прикидывать, кого он мог подключить к этому делу, но тут интенсивность звуков возросла до такой степени, что поглотила все мое внимание. Я даже думать не мог, но это был не испуг. Меня, скорее, ошеломило странное качество звуков. Они вибрировали! Это были какие-то колебания, направленные на мой живот. Или, может быть, я воспринимал вибрацию звуков нижней частью живота.

Стоило мне это осознать, как от всей моей объективности и равнодушия не осталось и следа. Звуки нападали на мой живот! А что если это — не дон Хуан? Меня охватила паника. Я напряг живот и посильнее прижал к нему куртку.

Частота и интенсивность звуков резко возросли, словно они почуяли мою неуверенность. Вибрация стала настолько сильной, что я почувствовал — сейчас меня вырвет. Отчаянно борясь с тошнотой, я несколько раз глубоко вздохнул и запел свои пейотные песни. Меня вырвало, и чмоканье сразу же прекратилось. Стали слышны стрекот сверчков, шум ветра и далекий отрывистый лай койотов. Внезапный перерыв позволил мне немного перевести дух и разобраться в своем состоянии. Еще совсем недавно я был в отличном расположении духа, чувствовал уверенность и отрешенность. Однако вполне очевидно, что в своих попытках оценить ситуацию я потерпел досадную неудачу. Даже если бы у дона Хуана были помощники, им все равно было бы не под силу произвести звуки такой интенсивности, чтобы они могли подействовать на мой живот. Для этого нужна специальная аппаратура, которая им явно не по средствам и о которой, скорее всего, они не имеют ни малейшего понятия. То, что со мной происходило, явно не было игрой, и объяснение типа «очередная хитрость дона Хуана» оказывалось неадекватным и грубым.

Меня скрутила судорога. Появилось непреодолимое желание выпрямиться и вытянуть ноги. Я решил переползти вправо, чтобы отодвинуть лицо от того места, где меня вырвало. Но стоило мне пошевелиться, как над самым моим левым ухом раздался очень мягкий скрип. Я застыл на месте. Скрип повторился с другой стороны. Звук был одиночным. Мне показалось, что он

похож на скрип плохо смазанной двери. Я выждал, но было тихо. Тогда я решил снова попытаться. Но стоило мне шевельнуть головой, как я чуть не вскочил от неожиданности — на меня обрушился целый каскад скрипов. Они то напоминали скрип дверей, то были похожи на писк крыс или морских свинок, не были ни громкими, ни интенсивными, но в них присутствовала какая-то мягкость и предательская вкрадчивость. Каждый наплыв этих звуков вызывал у меня приступ тошноты. Наконец, они начали постепенно утихать. Поток сделался менее плотным и постепенно перешел в одиночные поскрипывания.

Вдруг над кустами послышались взмахи крыльев огромной птицы. Казалось, она кружится надо мной. Количество скрипов снова начало возрастать. То же самое произошло и со взмахами крыльев. Через некоторое время целая стая гигантских птиц махала мягкими крыльями у меня над головой. Потом и те, и другие звуки как бы слились, образовав мощную обволакивающую волну. Я ощутил, как гигантское пульсирующее нечто окутало меня со всех сторон, подхватило и, волнообразно подбрасывая, понесло. Скрипы и хлопанье были гладкими и длинно прокатывались сквозь меня — я ощущал их всем телом. Хлопанье крыльев стаи птиц как бы тянуло меня снизу вверх, а писк полчищ крыс пытался снизу повернуть меня вокруг оси, чтобы перекинуть на спину.

У меня уже не было никаких сомнений в том, что из-за своей дурацкой глупости я навлек на себя нечто совершенно ужасное. Я сжал зубы и, глубоко дыша, начал петь свои пейотные песни.

Так продолжалось довольно долго. Я сопротивлялся изо всех сил. Потом снова настало неожиданное «безмолвие». Так я теперь воспринимал тишину, нарушаемую лишь естественными звуками — стрекотом сверчков и шумом ветра. Период тишины оказался для меня более вредным, чем «звуковая атака» — я взялся обдумывать свое положение, и от этого запаниковал. Я знал, что погиб — у меня не было ни знаний, ни выносливости, ни сил, чтобы отразить то, что на меня обрушилось. Скрючившись над собственной блевотиной, совершенно беспомощный, я решил, что настал мой конец, и заплакал. Хотелось подумать о прожитой жизни, но я не знал, с чего начать. Ничто из того, чем я занимался в жизни, не было достойно этого последнего решающего момента, так что мне не о чем было думать. Осознание этого было очень острым. Да, я сильно изменился с тех пор, как в последний раз испытывал настоящий страх. Теперь я был пуст. Пуст в гораздо большей

степени, чем тогда. Личных чувств, которые я готов был унести с собой, было намного меньше.

Как поступил бы воин, попав в мое положение? Я задавал себе этот вопрос и приходил к различным заключениям. С моим животом в области пупка происходило что-то очень важное, в этой части моего тела находился ключ к чему-то, я только не мог понять — к чему. В звуках было что-то сверхъестественное — они целились в мой живот, и шутки дона Хуана были тут ни при чем.

Брюшной пресс все время оставался напряженным, хотя судорог больше не было. Я продолжал петь и глубоко дышать. По телу потекло успокаивающее тепло. Я понял, что если хочу выжить, то должен продолжать действовать так, как учил дон Хуан. В уме я повторил все его инструкции. Я точно помнил, где зашло солнце и как расположены относительно этой точки вершина холма, на которой я сидел, и место, где, скрючившись, лежал сейчас. Прикинув положение своего тела в пространстве и сориентировавшись по сторонам света, я начал переползать так, чтобы в итоге повернуться головой в «своем направлении», то есть на юго-восток. Сначала я медленно, дюйм за дюймом, повернул влево ступни, подвернув их под лодыжки. Затем, отталкиваясь ими, начал передвигать все тело. Но стоило ему немного переместиться в горизонтальной плоскости, как до моей шеи что-то дотронулось. Прикосновение было особенным, я физически ощутил его открытой задней частью шеи. Это произошло настолько быстро, что я невольно вскрикнул и замер. Напрягая мышцы живота и глубоко дыша, я снова запел пейотные песни. Через секунду прикосновение повторилось. Это был мягкий удар или, скорее, толчок. Я съежился. Шея была открыта, и защитить ее не было возможности. Меня снова хлопнули по ней каким-то мягким, почти шелковистым предметом, на ощупь напоминавшим гигантскую кроличью лапу. Еще раз эта штука прикоснулась ко мне, а потом она начала хлопать меня по шее из стороны в сторону. Ощущение было таким, словно стадо безмолвных, гладких и невесомых кенгуру скачет через меня, отталкиваясь от шеи ногами. Каждый раз, когда лапа касалась моей шеи, я даже слышал глухой мягкий звук. Ощущение не было болезненным, но все равно оно сводило с ума. Я знал, что если ничего не сделаю, то свихнусь, вскочу и побегу. Поэтому снова начал переползать, чтобы развернуть тело головой на юго-восток. Хлопанье по шее усилилось и участилось. В конце концов оно достигло такого бешеного темпа, что я не выдержал и рывком развернулся. Я понятия не имел, что за

этим последует, а просто пытался защититься от нео твратимого и необратимого буйного помешательства.

Как только я развернулся, похлопывание по шее прекратилось. После долгой мучительной паузы я услышал треск ломающихся в отдалении веток. Шумы больше не приближались. Казалось, они сосредоточились в определенном месте, расположенном довольно далеко от меня. Через некоторое время хруст веток слился с громким шелестом громадного количества листьев, словно сильный ветер пронесся по всему холму. Казалось, все кусты вокруг меня затрепетали. Шелестящий звук и треск веток вызывали чувство, что весь холм был в огне. Мое тело было твердым как камень. Я сильно вспотел. Мне становилось все теплее и теплее. Я был совершенно уверен, что холм горит. Я не вскочил и не побежал только потому, что так оцепенел, что был практически парализован и даже не мог открыть глаза. В тот момент для меня имело значение только одно — вскочить и убежать от огня. В животе были ужасные спазмы, которые начали отрезать для меня поглощение воздуха. Мне стало трудно дышать. После долгой борьбы я восстановил дыхание и заметил, что шелест утих; лишь время от времени доносилось одиночное потрескивание. Звуки ломающихся веток становились все более и более отдаленными и редкими, пока совершенно не прекратились.

Мне удалось открыть глаза. Сквозь полуприкрытые веки я взглянул на землю перед собой. Светало. Долгое время я ждал, не двигаясь, а затем начал выпрямляться. Я перевернулся на спину. На востоке над холмами взошло солнце.

Только через несколько часов я смог, наконец, выпрямить ноги, встать и потащиться вниз по склону. Я пошел к месту, где меня оставил дон Хуан. До него было, по моим соображениям, километра два, не больше. К полудню я добрался до опушки леса, но пройти оставалось еще не меньше, чем полкилометра.

Я остановился. Не было, наверное, на свете силы, которая могла бы заставить меня идти дальше. Ноги подкашивались. Я подумал о горных львах и попытался взобраться на дерево, но руки не могли удержать вес тела. Я прислонился к скале и примирился с мыслью умереть здесь. Я был убежден, что стану пищей для горных львов или других хищников. У меня не было сил даже бросить камень. Я не был голоден и не хотел пить. Вскоре я нашел

маленький ручеек и выпил немного воды, но вода не помогла мне восстановить силы. Так я и сидел там, совершенно беспомощный, и чувствовал себя больше подавленным, чем испуганным. Я настолько устал, что не заботился больше о своей судьбе и заснул.

Я проснулся от какой-то тряски. Надо мной склонился дон Хуан. Он помог мне сесть и дал воды и жидкой каши. Засмеявшись, он сказал, что я выгляжу жалко. Я попытался рассказать ему о случившемся, но он знаком велел мне замолчать и сказал, что я прошел то место, которое должен был вчера запомнить, — оно находилось отсюда примерно в сотне метров. Потом наполовину повел, наполовину понес меня вниз, сказав, что отведет к реке и выкупает в ней. По дороге он заткнул мне уши какими-то листьями, которые были у него в сумке, а затем завязал мне глаза, положив по листу на каждый глаз и примотав кусочками ткани. Заставив меня снять одежду, он велел мне закрыть руками глаза и уши, чтобы быть уверенным, что я ничего не смогу видеть и слышать.

Дон Хуан растер все мое тело листьями, а затем погрузил меня в реку. Река была большая и глубокая — я стоял в воде вертикально, но дна не доставал. Дон Хуан поддерживал меня за правый локоть. Сначала я не ощущал, что вода холодная, но постепенно начал замерзать, и в конце концов холод сделался невыносимым. Дон Хуан вытащил меня и обтер какими-то листьями, имевшими специфический запах. Он одел меня и повел прочь. Мы шли довольно долго, прежде чем он снял с моих глаз повязку и вытащил листья из ушей. Он спросил, хватит ли у меня сил дойти до машины. Произошла странная вещь — я чувствовал себя очень сильным. Я даже взбежал на крутой холм, чтобы доказать это.

По пути к машине я множество раз спотыкался, а он смеялся. Я заметил, что его смех действует на меня укрепляюще, и чем больше он смеялся, тем лучше я себя чувствовал.

На следующий день я рассказал дону Хуану последовательность событий, начиная с того момента, когда он оставил меня. Он все время смеялся, особенно когда я сказал, что думал, что это была одна из его хитростей.

— Ты всегда думаешь, что над тобой шутят, — сказал он. — Ты слишком веришь себе. Ты действуешь так, словно знаешь все ответы. Но ты не знаешь

ничего, мой маленький друг, ничего.

В первый раз дон Хуан назвал меня «маленьким другом». Это застало меня врасплох. Он заметил это и улыбнулся. В его голосе было столько теплоты, что меня охватила глубокая печаль. Я сказал ему, что от природы беспечен и глуп и что я никогда не пойму его мира. Я чувствовал себя глубоко взволнованным. Но он был очень доволен и заявил, что я сделал все очень хорошо.

Я спросил его о значении моего переживания.

— Оно не имело значения, — ответил он. — Это могло случиться с кем угодно, особенно с человеком, просвет которого открыт, как у тебя. Любой воин, который когда-либо отправлялся на поиски союзников, мог бы многое рассказать тебе о том, что они вытворяют. Тебе еще повезло — с тобой обошлись довольно мягко. Однако просвет твой открыт, и именно это заставляет тебя так нервничать. Но невозможно сделаться воином за одну ночь. Так что возвращайся домой и не возвращайся до тех пор, пока не придешь в себя и пока просвет твой не закроется.

Глава 17

Я не был в Мексике несколько месяцев. Все это время я работал над своими записками, и впервые за десять лет учение дона Хуана начало обретать для меня реальный смысл. Я почувствовал, что вынужденные длительные перерывы в обучении шли мне на пользу, давая возможность осмыслить свои находки и расположить их в порядке, соответствующем моему восприятию и моим интересам. Однако события, происшедшие за время последнего визита к дону Хуану, указали на преждевременность моего оптимизма в отношении понимания его системы знаний.

Последняя запись в моем блокноте датирована 16 октября 1970 года. События

этого дня стали для меня поворотными. Они ознаменовали начало нового цикла обучения, который так сильно отличался от предыдущего, что на этом должна закончиться моя книга.

Когда я подъехал к дому дона Хуана, он сидел на обычном своем месте у двери под рамадой. Я поставил машину в тени дерева, взял портфель и чемодан с продуктами, подошел к нему и громко поздоровался. И тут выяснилось, что он не один. Незнакомый мне человек сидел за кучей дров и смотрел на меня. Дон Хуан приветливо помахал мне рукой, его гость — тоже. Судя по одежде, он был не индейцем, а мексиканцем с юго-запада: на нем были голубые джинсы, бежевая рубашка, стетсоновская шляпа и ковбойские сапоги.

Я заговорил с доном Хуаном, и затем взглянул на мексиканца. Тот улыбнулся мне. Какое-то время я пристально смотрел на него.

— Наш маленький Карлос совсем не хочет со мной разговаривать, — сказал он дону Хуану. — Только не говори мне, что он сердит на меня!

Прежде, чем я смог что-то сказать, они оба расхохотались. Только тогда я понял, что незнакомец был доном Хенаро.

— Ты не узнал меня, да? — спросил он, все еще смеясь.

Я вынужден был признаться, что его наряд сбил меня с толку.

— Что ты делаешь в этих краях, дон Хенаро?

— Он приехал насладиться горячим ветром, — сказал дон Хуан. — Не правда ли? — Верно, — сказал дон Хенаро. — Ты не представляешь, что может сделать горячий ветер для тела такого старика, как я.

Я сел между ними.

— И что же он делает с твоим телом? — спросил я.

— Ветер рассказывает моему телу исключительные вещи, — ответил дон Хенаро.

Он повернулся к дону Хуану, и глаза его заблестели.

— Не так ли?

Дон Хуан утвердительно кивнул.

Я сказал им, что сезон горячих ветров Санта Анна был худшим временем года для меня, и поэтому очень странно, что дон Хенаро приезжал искать ветер, тогда как я убегал от него. — Карлос не переносит жары, — сказал дон Хуан дону Хенаро. — Когда становится жарко, он задыхается, как ребенок.

— За...что?

— За...дыхается.

— Боже мой! — сказал дон Хенаро, изображая беспокойство, и неописуемо смешным жестом выразил крайнее отчаяние.

Потом дон Хуан объяснил ему, что я так долго не приезжал из-за неприятного приключения с союзниками.

— О, так ты наконец встретил союзника! — сказал дон Хенаро.

— Кажется, да, — с напускной небрежностью ответил я.

Они расхохотались. Дон Хенаро два или три раза легонько похлопал меня по спине. Я расценил этот жест как выражение сочувствия. Задержав руку на моем плече, он посмотрел мне в глаза, и я почувствовал спокойную удовлетворенность. Но это длилось лишь мгновение, а потом дон Хенаро произвел со мной какую-то невообразимую манипуляцию, и на меня вдруг навалилась такая тяжесть, будто на плечи мне взвалили валун. Ощущение было таким, словно вес его руки увеличился в десятки раз. В конце концов я не удержался и под этим грузом начал сгибаться вперед, пока не стукнулся головой о землю.

— Малютке Карлосу нужна помощь, — сказал дон Хенаро, бросив на дона Хуана заговорщицкий взгляд.

Я выпрямился и посмотрел на дона Хуана, но он глядел куда-то вдаль. Я с досадой подумал, что дон Хуан ведет себя так, словно не имеет ко мне никакого отношения. Дон Хенаро засмеялся. Похоже, что он ждал моей реакции.

Я попросил его еще разок положить руку мне на плечо, но он не захотел. Я потребовал, чтобы он хотя бы объяснил, что это было. Он усмехнулся. Я снова обратился к дону Хуану:

— Рука дона Хенаро была такой тяжелой, что у меня чуть не сломался позвоночник.

— Ничего по этому поводу не могу сказать, — произнес дон Хуан в своей комической манере. — Он никогда не клал руку мне на плечо. И они оба расхохотались.

— Что ты со мной сделал, дон Хенаро? — спросил я.

— Положил руку тебе на плечо, только и всего, — ответил он простодушно.

— Положи еще раз.

Он отказался. Тут вмешался дон Хуан и попросил меня рассказать дону Хенаро о том, что со мной происходило в ту ночь в горах. Я решил, что от меня требуется подробный отчет, и принялся рассказывать с полной серьезностью. Но чем серьезнее я становился, тем сильнее они хохотали. Я даже пару раз останавливался, но они просили продолжать. Когда я закончил, дон Хуан сказал:

— Теперь союзник непременно придет к тебе, независимо от твоего отношения к нему. Ты можешь сидеть без дела или думать о женщинах и вдруг — хлоп! — кто-то похлопает тебя по плечу. Обернешься — а сзади стоит союзник.

— Что я могу сделать, если такое произойдет?

— ?-? минуточку, — сказал дон Хенаро. — Вопрос некорректен. Надо спрашивать не о том, что ты можешь сделать, — ты не можешь сделать

ничего, и это вполне очевидно, — а следует спросить: что может сделать воин?

Прищурившись, он смотрел на меня, склонив голову вправо и скривив рот. Я посмотрел на дона Хуана, пытаясь по его виду понять, шутит дон Хенаро или нет, но дон Хуан сидел с каменным выражением лица.

— Ладно, — сказал я. — Что делает в таком случае воин?

Дон Хенаро подмигнул и почмокал губами, как бы подбирая подходящее слово. Он неотрывно смотрел на меня, потирая подбородок.

— Воин делает в штаны, — произнес он с величественной невозмутимостью, доступной только индейцу.

Дон Хуан закрыл лицо руками, а дон Хенаро хлопнул ладонью по земле, и оба разразились хохотом.

— Страх — это сильное чувство, — сказал дон Хуан, отсмеявшись. — Когда воин не уверен в победе, он не раздумывая показывает союзнику спину. Воин не может, потакая себе, помереть от страха, и поэтому позволяет союзнику прийти только тогда, когда находится в хорошей форме. Когда воин достаточно силен для схватки, он открывает свой просвет, выманивает союзника, хватает, прижимает к себе и неотрывно смотрит на него столько, сколько нужно, а потом отводит глаза и отпускает союзника на все четыре стороны. Воин, дружок, он воин и есть. В любой ситуации он — мастер.

— Что будет, если долго смотреть на союзника? — спросил я.

Дон Хенаро посмотрел на меня и изобразил пронзительный взгляд.

— Кто знает? — сказал дон Хуан. — Может, Хенаро расскажет тебе, что было с ним...

— Может, и расскажу, — промолвил дон Хенаро и усмехнулся.

Дон Хенаро встал, потянулся, хрустнув суставами, и вытаращил глаза, так что они округлились и стали совершенно безумными.

— Хенаро собрался пустыню встряхнуть, — продекламировал он и направился в чаппараль. — Хенаро хочет тебе помочь, — сказал дон Хуан доверительным тоном. — Когда мы были у него, он сделал с тобой такую же штуку, и ты почти видел.

Я подумал, что речь идет об уроке у водопада, но он, оказывается, имел в виду неземной грохот, который я слышал возле дома дона Хенаро.

— Кстати, что это было? — спросил я. — Мы тогда посмеялись, но ты так ничего и не объяснил.

— Но ты так ничего и не спросил.

— Я спрашивал.

— Нет, ты спрашивал о чем угодно, только не об этом. Во взгляде дона Хуана было обвинение.

— Это — искусство Хенаро. Кроме него, никто на такое не способен. Ты тогда почти видел.

Я сказал, что мне и в голову не приходило, что между видением и этим странными звуками может быть какая-то связь.

— А почему бы и нет? — спросил он решительно, — Я думал, что видение связано с глазами, — настаивал я.

— Я никогда не говорил, что видение связано только с глазами, — сказал он, недоуменно покачивая головой.

— Как он это делает? — не отставал я.

— Он же говорил тебе, — резко ответил дон Хуан.

В этот момент раздался странный грохот.

Я подскочил, а дон Хуан рассмеялся. Звук был похож на грохочущую лавину.

Слушая его, я осознал довольно смешной момент — большинство моих представлений о звуках почерпнуто из кинофильмов. Грохот, который я слышал, был похож на тот звук, которым в кино сопровождается мощная лавина, когда снег со всего склона горы обрушивается в долину.

Дон Хуан схватился за бока, словно они болели от хохота. Громоподобный раскат потряс землю подо мной. Как будто откуда-то свалился огромный валун. Звучало это так, словно валун катился прямо на меня. Я пришел в замешательство. Мышцы напряглись, все тело приготовилось к бегству.

Я взглянул на дона Хуана. Он смотрел на меня. И тут я услышал самый страшный удар в своей жизни. Сила звука была необычайной, словно огромный обломок скалы рухнул прямо за домом. Все задрожало, и в этот миг я испытал странное ощущение: в течение какого-то мгновения я действительно «видел» за домом огромный валун величиной с гору. Но это не было изображением валуна, наложенным на пейзаж, окружавший дом. Не было это также и видением реального валуна. Скорее всего, это можно было описать как образ гигантского валуна, рожденный звуком. Я «видел» звук! Ощущение было настолько непостижимым, что я пришел в отчаяние и невыразимое замешательство. Я никогда не подозревал, что мои органы чувств способны воспринимать таким странным образом. Меня охватил рациональный страх, и я рванулся бежать, но дон Хуан схватил меня за локоть и сказал, чтобы я никуда не убегал и не вертел головой, а смотрел в том направлении, куда ушел дон Хенаро.

Последовала еще целая серия звуков, как будто несколько камней кучей свалились, стуча друг о друга. Потом все стихло. Через несколько минут дон Хенаро вернулся и сел под рамадой. Он спросил, видел ли я. Я не знал, что отвечать. Я взглянул на дона Хуана. Тот смотрел на меня.

— Я думаю, да, — сказал он и усмехнулся.

Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем идет речь. Я сильно расстроился и чуть ли не физически ощущал злость и крайнее неудобство.

— Думаю, что ему нужно побыть здесь одному, — сказал дон Хуан.

Они встали и прошли мимо меня.

— Карлос потакает своему замешательству, — громко проговорил дон Хуан.

Несколько часов я оставался в одиночестве, занимаясь своими записями. Мне стало ясно, что ситуация была абсурдной с самого начала — с того момента, как я увидел дона Хенаро, сидевшего под рамадой. И чем больше я об этом думал, тем очевиднее становилось: дон Хуан передал дону Хенаро «бразды правления». Это наполнило меня зловещим предчувствием.

Они вернулись в сумерках и сели рядом со мной. Придвинувшись, дон Хенаро почти на меня навалился. Его тонкое хрупкое плечо коснулось меня, и возникло то же ощущение, что и тогда, когда он положил мне на плечо ладонь. Меня согнуло под весом сокрушительного груза, и я повалился на бедро дона Хуана. Он помог мне подняться и участливо спросил, не собирался ли я вздремнуть у него на коленях.

Дон Хенаро, похоже, был удовлетворен. Глаза его сияли. Мне хотелось плакать. Было такое чувство, словно я зверь, которого посадили в клетку.

— Я тебя пугаю, да, Карлитос? — спросил дон Хенаро с видом искренней озабоченности. — Ты похож на дикую лошадь.

— Расскажи ему какую-нибудь историю, — сказал дон Хуан. — Это единственное, от чего он успокаивается.

Они отодвинулись и сели напротив, с любопытством меня разглядывая. Глаза их мерцали в темноте подобно темным озерам. Это не были человеческие глаза, они внушали суеверный ужас. Некоторое время мы смотрели друг на друга, потом я не выдержал и отвел взгляд. Я обнаружил, что их самих я не боюсь. Но глаза их пугали до такой степени, что меня начала бить дрожь. Я был в полном недоумении и чувствовал себя крайне неуютно.

После непродолжительной паузы дон Хуан потребовал, чтобы дон Хенаро рассказал мне о том, что произошло, когда он пытался переглядеть своего союзника. Дон Хенаро сидел в полутора метрах от меня. Он ничего не сказал. Я взглянул на него. Мне показалось, что его глаза раз в пять больше, чем нормальные глаза обычного человека. Они сияли и неодолимо втягивали. То, что казалось светом его глаз, заливало все вокруг. Тело дона Хенаро как бы

сжалось и было похоже на кошачье. Я заметил, что это кошкообразное тело шевельнулось, и испугался. Совершенно автоматически я принял «боевую позу», ритмично ударяя ладонью по лодыжке. Это случилось непроизвольно, словно всю жизнь я только тем и занимался, что отрабатывал технику магической защиты. Опомнившись, я почувствовал неловкость и взглянул на дона Хуана. Его глаза были добрыми, они успокаивали. Он громко засмеялся. Дон Хенаро издал звук, похожий на мурлыканье, встал и ушел в дом. Дон Хуан объяснил, что Хенаро очень силен и не любит заниматься пустяками. Глазами он меня только дразнил. И снова выяснилось, что я знаю гораздо больше, чем мне кажется. Еще дон Хуан упомянул о том, что в сумерках маги очень опасны, а такие мастера, как Хенаро, могут творить невообразимые чудеса.

Несколько минут прошли в молчании. Мне стало лучше. Разговаривая с доном Хуаном, я расслабился, ко мне вернулась уверенность. Затем он сказал, что неплохо бы перекусить, потому что вскоре мы отправимся на прогулку. Дон Хенаро собирается показать мне приемы маскировки.

Я спросил, что такое «приемы маскировки». Он ответил, что больше не будет мне ничего объяснять, так как объяснения только усиливают мою склонность к потаканию себе.

Мы вошли в дом. Дон Хенаро сидел в свете керосиновой лампы с набитым ртом и жевал.

После еды мы втроем направились в густой чаппараль. Дон Хуан шел рядом со мной, дон Хенаро — немного впереди. Ночь была довольно светлой. Несмотря на плотную облачность, я все хорошо видел. В какой-то момент дон Хуан остановился и велел мне идти за доном Хенаро. Я заколебался. Легонько подтолкнув меня, он сказал, что все нормально, и добавил, что я всегда должен находиться в состоянии готовности и верить в собственные силы.

Я пошел за доном Хенаро. В течение двух часов я пытался его догнать, но, как ни старался, расстояние между нами не сокращалось. Его силуэт все время маячил впереди. Иногда он исчезал, словно отпрыгнув с тропы в сторону, но лишь затем, чтобы спустя мгновение вновь появиться все на том же расстоянии. Что же касается меня, то мне эта прогулка казалась бессмысленной, было непонятно, к чему это все вообще. За доном Хенаро я шел только потому, что не знал обратной дороги. Я не мог понять, что он

делает, и думал, что мы идем к какому-то неизвестному мне месту в гуще чаппараля, где дон Хенаро покажет мне приемы маскировки, о которых говорил дон Хуан. В какой-то момент я вдруг почувствовал, что дон Хенаро находится где-то позади меня. Я оглянулся и на некотором расстоянии заметил фигуру человека. Эффект был поразительный. Я изо всех сил вглядывался в темноту, пытаясь рассмотреть, кто там стоит. От него меня отделяло метров пятнадцать. Фигура почти сливалась с кустами, она словно бы пряталась среди теней. Логически рассуждая, я пришел к заключению, что это должен быть дон Хуан. Видимо, все это время он следовал за нами. В то же мгновение, когда я сделал этот вывод, человек исчез. Я больше не мог различить его среди кустов.

Я пошел туда, где он стоял, но никого не нашел. Дона Хенаро тоже нигде не было видно, и, поскольку я не знал дороги, пришлось сесть на землю и ждать. Через полчаса подошли дон Хуан и дон Хенаро и позвали меня по имени. Я встал и подошел к ним.

Возвращались мы в полном молчании. Мне это пошло на пользу, так как я был совершенно сбит с толку и чувствовал себя не в своей тарелке. Во мне проявилось что-то, о чем я не имел понятия. Манипуляции дона Хенаро изменили характер моего мышления — я не формулировал мысли так, как привык это делать. Это обнаружилось, когда я сидел на тропинке. Садясь, я машинально глянул на часы. После этого мышление как бы выключилось, в сознании воцарилась полная неподвижность. Тем не менее, состояние было как никогда бодрым, восприятие — ясным и четким. Это было безмыслие, сравнимое с полной беззаботностью. Казалось, что мир странно уравновешен, в нем ничего нельзя было добавить или убавить.

Когда мы пришли, дон Хенаро расстелил циновку и лег спать. Мне очень хотелось обсудить с доном Хуаном сегодняшние события, но он запретил мне разговаривать.

18 октября 1970

— Кажется, я понимаю, что Хенаро пытался со мной сделать прошлой ночью, — обратился я к дону Хуану.

Я сказал это, чтобы как-то его зацепить. Его упорное нежелание со мной

разговаривать действовало на нервы.

Дон Хуан улыбнулся и покачал головой, как бы соглашаясь со мной. Но глаза его при этом насмешливо блестели.

— Что, думаешь, нет? — выдавил я из себя. — Ну почему же нет? Конечно, да! Ты действительно понял, что Хенаро все время шел сзади. Однако понимание — это совсем не то.

Его утверждение о том, что Хенаро все время шел сзади, меня поразило. Я попросил объяснить.

— Твое сознание настроено так, что рассматривает все только с одной стороны, — сказал он.

Он взял хворостинку и начал двигать ею в воздухе. Он не рисовал в пространстве, а, скорее, делал движения, похожие на движения его пальцев, когда он выгребает мусор из кучи семян. Он как бы царапал и мягко колол воздух.

Дон Хуан повернулся и взглянул на меня, но я недоуменно пожал плечами. Он придвинулся поближе и повторил движения, нарисовав на земле восемь точек. Обведя первую из них кружком, он сказал:

— Ты здесь. Все мы здесь. Это — чувственное восприятие. Отсюда мы начинаем. Он обвел кружком еще одну точку, расположенную непосредственно над первой. Затем он несколько раз прочертил линию, соединявшую первую точку со второй, как бы изображая устойчивую связь.

— Есть, однако, еще шесть точек, с которыми человек в принципе может иметь дело. Но в большинстве своем люди о них даже не подозревают.

Он ткнул хворостинкой в линию на земле, соединявшую первые две точки.

— Движение между этими двумя точками ты называешь пониманием. Это то, чем ты занят всю свою жизнь. И если ты скажешь, что понимаешь мое знание, то не сделаешь ничего нового.

Потом он соединил некоторые из восьми точек между собой. Получилась вытянутая трапециевидная фигура, в которой было восемь центров с неодинаковым числом лучей.

— Каждая из оставшихся шести точек — целый мир, подобно тому как сенсорное восприятие и понимание образуют для тебя два взаимосвязанных и взаимообусловленных мира.

— А почему их всего восемь? — осведомился я. — Почему не бесчисленное количество, как в окружности? Я нарисовал на земле окружность. Дон Хуан улыбнулся.

— Мне известно только восемь точек, с которыми человек может иметь дело. Наверное, на большее люди не способны. Причем я говорю «иметь дело», а не «понимать». Чувствуешь разницу?

Он сказал это таким шутовским тоном, что я засмеялся. Намек на мою манеру настаивать на точном определении слов был весьма определенным.

— Твоя проблема в том, что ты непременно хочешь все понять, а это — невозможно. Сводя все к пониманию, ты ограничиваешь свои возможности как человеческого существа. Твой камень преткновения остался там же, где был всегда. Поэтому за все эти годы ты по сути так ничего и не сделал. Безусловно, тебя удалось вытряхнуть из тотальной дремоты, но этого можно было добиться и другими способами при других обстоятельствах. После небольшой паузы дон Хуан сказал мне, что нужно съездить к водному каньону. Когда мы садились в машину, дон Хенаро вышел из дома и забрался на заднее сидение. Мы проехали часть пути, а потом пешком спустились в глубокое ущелье. Дон Хуан выбрал место для отдыха в тени большого дерева. Мы сели, и он сказал:

— Ты когда-то рассказывал, как вы с приятелем сидели и смотрели на высокий клен, с которого медленно падал лист. И твой приятель сказал, что никогда больше этот лист не упадет с этого дерева. Помнишь?

Я помнил. Он сказал:

— Мы — у подножия высокого дерева. Напротив — еще деревья. Давайте

посмотрим, как с верхушки вон того упадет лист.

Он кивнул головой, предлагая мне смотреть. На другой стороне каньона стояло высокое дерево. Листья на нем высохли и были желтовато-бежевыми. Еще одним кивком головы дон Хуан дал мне понять, что смотреть следует не отрываясь. Через несколько минут на самой верхушке дерева от ветки оторвался лист. Он медленно падал вниз, трижды ударившись о другие листья и ветки, прежде чем достиг земли.

— Ты видел?

— Да.

— Этот лист никогда уже больше не упадет с этого дерева, не так ли?

— Верно.

— С точки зрения твоего понимания это — неоспоримая истина. Но только с точки зрения понимания. Смотри.

Я машинально поднял глаза и увидел падающий лист. Он в точности повторил траекторию предыдущего. Казалось, я вижу телевизионный повтор. Проследив за волнообразным движением листа до того момента, как он коснулся земли, я привстал в надежде увидеть, сколько листьев лежит в месте его падения — один или два. Но густая трава не позволяла разглядеть, куда он упал. Дон Хуан засмеялся и велел мне сесть. — Смотри, — он кивнул головой на верхушку дерева, — опять падает, и снова — тот же самый.

Третий лист падал точно так же, как и первые два.

Когда лист скрылся в траве, я уже знал, что сейчас дон Хуан опять покажет на верхушку дерева. Не дожидаясь указания, я поднял глаза. Лист падал. Я осознал, что только в первый раз видел, как лист отрывался от ветки. Потом он только падал.

Я сказал об этом дону Хуану и попросил объяснить:

— Я не понимаю, каким образом ты заставляешь меня видеть повтор того, что

уже было. Что ты со мной делаешь?

Он засмеялся и не ответил. Я настаивал на том, что он должен рассказать мне, как это делается, поскольку с точки зрения моего здравого смысла такого не может быть. Он ответил:

— С точки зрения моего здравого смысла — тоже. Но он падает. Снова и снова...

Потом он обратился к дону Хенаро:

— Что, разве не так?

Дон Хенаро не отвечал, пристально глядя на меня.

— Но это невозможно! — произнес я. — Ты прикован! — воскликнул дон Хуан. — Ты прикован к своему здравому смыслу. Один и тот же лист падает снова и снова с одного и того же дерева только для того, чтобы ты отказался от попыток понять.

Доверительным тоном он сказал мне, что с самого начала все складывалось как нельзя более удачно, однако, как всегда, в самом конце моя мания все испортила, и я словно ослеп.

— Понимать тут нечего. Понимание — это лишь крохотная частичка. Совсем крохотная.

Дон Хенаро встал. Они с доном Хуаном обменялись быстрыми взглядами. Потом дон Хуан уставился в землю перед собой. Дон Хенаро подошел ко мне, встал напротив и начал синхронно взмахивать обеими руками — вперед-назад, вперед-назад.

— Смотри, Карлитос! — сказал он. — Смотри! Смотри! Он издал странный резкий звук, словно что-то оборвалось. В то же мгновение в животе моем возникло ощущение пустоты. Это было ужасно мучительное чувство падения, не болезненное, но очень неприятное и изнурительное. Через несколько секунд оно исчезло. Остался только странный зуд в коленях. Но за эти секунды произошло еще одно непонятное явление — я увидел, что дон Хенаро

стоит на вершине одной из высоких гор, до которых было никак не меньше полутора десятков километров. Это продолжалось не более десяти секунд и случилось настолько неожиданно, что я не смог разглядеть деталей. Это была то ли фигура в рост человека на вершине горы, то ли уменьшенное изображение дона Хенаро, наложенное на перспективу. Я даже толком не понял, он ли это вообще. Хотя, пока длилось это видение, я был совершенно уверен, что вижу именно дона Хенаро, стоящего на вершине горы. Но в то мгновение, когда я подумал, что невозможно увидеть человека с расстояния почти в двадцать километров, видение исчезло.

Я повернулся, чтобы посмотреть на дона Хенаро, но его не было.

Мое недоумение было невообразимым — вполне под стать происходящему. Я был совершенно сбит с толку. Дон Хуан велел мне сесть на корточки и прижать колени к груди, а руки — к нижней части живота. Мы сидели молча, а потом он сказал;

— Я ничего не буду тебе объяснять. Чтобы стать магом, нужно действовать. Все остальное — ни к чему.

Он посоветовал мне немедленно уехать, потому что Хенаро, чего доброго, еще прикончит меня своими попытками мне помочь.

— Ты собираешься изменить направление, — сказал он, — и вот-вот разобьешь свои оковы.

Он сказал, что нечего было понимать в действиях его и дона Хенаро, и что маги вполне способны совершать такие необыкновенные вещи.

— Хенаро и я действуем отсюда, — сказал он и указал на один из центров на своей диаграмме. — А это — не центр понимания. И все же ты знаешь, что это такое. Я хотел сказать, что понятия не имею, о чем он говорит, но он не дал мне на это времени, встал и сделал знак следовать за ним. Он пошел необыкновенно быстро, и я, пыхтя и потея, старался не отставать от него.

Когда мы сели в машину, я огляделся в поисках дона Хенаро.

— Где он? — спросил я.

— Ты знаешь, где он, — резко ответил дон Хуан.

Прежде чем уехать, я посидел с ним, как делал это всегда. Мне непреодолимо хотелось попросить разъяснений. Как говорит дон Хуан, объяснение — это в действительности мое потакание себе.

— Где дон Хенаро? — осторожно спросил я.

— Сам знаешь, — сказал дон Хуан. — Ты терпишь неудачу за неудачей именно потому, что пытаешься понять. Прошлой ночью, например, ты с самого начала знал, что дон Хенаро позади тебя. Ты даже обернулся, чтобы его разглядеть.

— Да нет же, вовсе я этого не знал! — запротестовал я. Я говорил совершенно искренне. Мое сознание отказывалось принимать воздействие такого рода как «реальность». Но в то же время, после десяти лет обучения у дона Хуана, я не мог больше полагаться на свои привычные критерии «реальности». Однако все мои изыскания относительно природы реальности до сих пор оставались чисто интеллектуальными манипуляциями. Доказательством тому служили тупики, в которые своими действиями то и дело загоняли меня дон Хуан и дон Хенаро.

Дон Хуан взглянул на меня, и во взгляде его было столько печали, что я невольно заплакал. Слезы сами катились из глаз. Впервые в жизни я ощутил всю тяжесть и обременительность здравого смысла. На меня накатила какая-то неописуемая мука. Я непроизвольно застонал и обнял его. Он быстро ударил меня костяшками пальцев по макушке. Я почувствовал, как вниз по позвоночнику пробежала волна. Это немного меня отрезвило.

— Ты слишком сильно себя жалеешь. И потакаешь своей слабости, — мягко сказал он.

Эпилог

Дон Хуан медленно ходил вокруг меня, как бы раздумывая, говорить или нет. Дважды он останавливался, но, казалось, передумывал. Наконец, он остановился и сказал:

— Вернешься ты или нет — совершенно неважно. Однако теперь ты должен жить как воин. Ты и раньше об этом знал. Но в твоем нынешнем положении ты уже обязан использовать нечто, на что раньше не обращал внимание. Но за это знание тебе пришлось бороться. Оно не свалилось на тебя с неба. И его не преподнесли тебе просто так. Тебе пришлось с силой добывать его из самого себя. Но все равно ты остался тем же, чем был, — светящимся существом. И так же, как и всякий человек, ты по-прежнему подвержен смерти. Когда-то я говорил тебе, что в светящемся яйце невозможно изменить ничего.

Он немного помолчал. Я знал, что он на меня смотрит, но избегал его взгляда.

— И в тебе действительно не изменилось ничего, — сказал он.

кн.3 (1972) «ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН»

Перевод А.В.Сидерского

Введение

В субботу, 22 мая 1971 года, я вновь отправился в мексиканский штат Сонора на очередную встречу с доном Хуаном Матусом — магом из племени яки. Мы были знакомы с 1961 года. Я думал, что эта встреча ничем не будет отличаться, от множества предыдущих визитов за десять лет моего ученичества. Однако события, последовавшие за ней, оказались для меня в каком-то смысле решающими, поскольку ознаменовали окончание учебы. Причем это не было ни капризом с моей стороны, ни бегством, но вполне закономерным и естественным окончанием исчерпавшего себя этапа.

Описанию процесса обучения посвящены две предыдущие книги — «Учение дона Хуана» и «Отдельная реальность».

При их написании я исходил из предположения, что ключевыми пунктами в обучении магии являются состояния ощущения необычной реальности, вызванные употреблением психотропных растений.

Дон Хуан был специалистом в использовании трех таких растений: дурмана обыкновенного, кактуса пейота и галлюциногенного гриба.

Под их воздействием восприятие мира становилось настолько необыкновенным и впечатляющим, что я поневоле пришел к выводу: состояния необычной реальности — единственный путь к постижению и освоению того знания, которое пытался мне передать дон Хуан.

Однако я ошибался.

Чтобы исключить возможность какой-либо путаницы относительно моей работы с доном Хуаном, я хотел бы сказать, что я никогда не предпринимал никаких попыток соотнести дона Хуана с какой-либо социально-культурной

средой. Себя он считает индейцем яки, однако это отнюдь не означает, что система известных ему знаний является достоянием всего племени яки или только ими практикуется.

Говорили мы по-испански, и только благодаря тому, что он в совершенстве владел этим языком, мне удалось получить исчерпывающее толкование его практической системы.

Я называл эту систему магией, а дона Хуана — магом, поскольку именно такими категориями пользовался он сам.

В начале ученичества мне удавалось записывать большую часть того, что говорил дон Хуан, а потом уже, на более поздних этапах, — вообще практически все. Поэтому за годы обучения у меня накопились целые кипы блокнотов, заполненных полевыми записями. При их обработке и редактировании мне, естественно, пришлось кое-что исключить. Но в любом случае это были моменты, с моей точки зрения, не существенные и не принципиальные.

Работая с доном Хуаном, я относился к нему только как к магу. Соответственно, мои усилия сводились лишь к тому, чтобы приобщиться к его системе магических знаний.

Здесь следует особо остановиться на одном моменте, лежащем в основе системы магического знания. В передаче дона Хуана маг, в отличие от обычного человека, не считает мир повседневной жизни чем-то устойчивым и однозначно реальным. Для мага реальность, то есть мир как мы его знаем, — не более чем описание.

В попытках убедить меня в правомерности такого подхода дон Хуан приложил все усилия, чтобы я убедился на собственном опыте: мир, который я привык считать реальным и основательным, — всего лишь описание мира, программа восприятия, которую закладывали в мое сознание с самого рождения.

В его объяснении каждый человек, который вступает в общение с ребенком, непрерывно разворачивает перед ним свое описание мира. Таким образом все, кого ребенок встречает в своей жизни, становятся для него учителями. Они учат его определенным образом описывать мир, и в какое-то мгновение

ребенок начинает воспринимать мир в соответствии со сформированным в его сознании описанием. Этот момент имеет огромное значение, поскольку, ни много ни мало, определяет всю нашу судьбу. Дон Хуан утверждал, что мы не помним об этом моменте попросту потому, что нам не с чем сравнивать. Однако именно в этот миг человек «входит в мир». Ребенок становится полноправным членом группы людей, использующих определенное описание мира. Он владеет этим описанием и способен в его рамках соответствующим образом интерпретировать то, что воспринимает. Интерпретации же, в свою очередь, подтверждают описание, которое в результате становится еще более устойчивым.

Таким образом, с точки зрения дона Хуана, реальность нашей повседневности состоит из бесконечного потока чувственных интерпретаций. Являясь членами группы лиц, использующих одно и то же описание мира, мы просто научились одинаково интерпретировать явления, воспринимаемые нашими органами чувств.

Впечатление цельности картины мира, составленной из чувственных интерпретаций, обусловлено тем, что последние следуют нескончаемым слитным потоком и, за ничтожными исключениями, практически никогда не подвергаются сомнению. В самом деле, мы давно привыкли к гарантированной однозначности того, что считаем реальностью, и вряд ли способны сколько-нибудь серьезно отнестись к основной предпосылке магического знания, по которой эта реальность — всего лишь одно из множества возможных описаний мира.

К счастью, дона Хуана вообще не интересовало, могу ли я серьезно воспринимать то, что он говорит. Он просто излагал положения своей системы, не обращая внимания ни на мое неприятие, ни на мое неверие, ни даже на мою неспособность его понять. Таким образом, с самой первой нашей встречи дон Хуан был для меня в роли учителя магического знания, неуклонно внедряя в мое сознание свое описание мира. Смысловые блоки этого нового описания настолько не соответствовали основам привычной для меня картины реальности и были до такой степени чужды моему восприятию, что осознание каждого понятия, входившего в систему дона Хуана, требовало от меня чрезвычайных усилий.

Он заявлял, что учит меня «видеть», подразумевая под этим способ

восприятия, принципиально отличающийся от обычного зрительного восприятия, которое дон Хуан определял словом «смотреть». Первым шагом на пути к «видению» была, по его словам, «остановка мира».

Все эти годы я считал «остановку мира» лишь загадочной метафорой, лишенной точного смысла. И только недавно, в самом конце своего ученичества, во время разговора, не имевшего, казалось бы, прямого отношения к процессу обучения, я неожиданно осознал всю глубину и значимость этого понятия. Оно оказалось одним из краеугольных камней, лежащих в основе всего учения.

Мы с доном Хуаном просто сидели и болтали о том о сем, и я рассказал ему об одном из своих приятелей, у которого были серьезные проблемы с девятилетним сыном. Последние четыре года мальчик жил с матерью, а потом отец забрал его к себе и сразу же столкнулся с вопросом: что делать с ребенком? По словам моего друга, тот совершенно не мог учиться в школе, потому что его ничто не интересовало, и, кроме того, у мальчика совершенно отсутствовала способность к сосредоточению. Часто ребенок без видимых причин раздражался, вел себя агрессивно и даже несколько раз пытался сбежать из дома.

— Да, — и впрямь — проблема, — усмехнулся дон Хуан.

Я хотел было еще кое-что рассказать ему о «фокусах» ребенка, но дон Хуан меня оборвал.

— Достаточно. Не нам судить о его поступках. Бедный малыш!

Сказано это было довольно резко и твердо. Но затем дон Хуан улыбнулся.

— Но что же все-таки делать моему приятелю? — спросил я.

— Худшее, что он может сделать, — это заставить ребенка согласиться, — сказал дон Хуан.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец ни в коем случае не должен ругать или шлепать мальчика, когда тот

поступает не так, как от него требуется, или плохо себя ведет.

— Да, но если не проявить твердость, как же тогда хоть чему-нибудь научить ребенка?

— Пусть твой приятель сделает так, чтобы ребенка отшлепал кто-то другой.

Предложение дона Хуана меня удивило.

— Да ведь он не позволит никому даже пальцем до него дотронуться!

Моя же реакция ему определенно понравилась. Он усмехнулся и сказал:

— Твой друг — не воин. Будь он воином, ему было бы известно, что в отношениях с человеческими существами не может быть ничего хуже и бесполезнее прямого противостояния.

— А что в таких случаях делает воин, дон Хуан?

— Воин действует стратегически.

— Все равно я не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— А вот что: если бы твой друг был воином, он помог бы сыну остановить мир.

— Каким образом?

— Для этого ему потребовалась бы личная сила. Он должен быть магом.

— Но он ведь не маг.

— В таком случае нужно, чтобы изменилась картина мира, к которой привык мальчик. А в этом ему можно помочь и обычными средствами. Это еще не остановка мира, но сработают они, пожалуй, не хуже.

Я попросил объяснить. Дон Хуан сказал:

— На месте твоего друга я бы нанял кого-нибудь, чтобы тот отшлепал

парнишку. Порыскал бы хорошенько по трущобам и нашел бы там мужчину как можно более жуткой наружности.

— Чтобы тот испугал малыша?

— Глупый ты, просто испугать в этом случае — мало. Ребенка необходимо остановить, но отец ничего не добьется, если сам будет ругать его или бить. Чтобы остановить человека, необходимо сильно на него «нажать». Однако самому при этом нужно оставаться вне видимой связи с факторами и обстоятельствами, непосредственно связанными с этим давлением. Только тогда давлением можно управлять.

Идея показалась мне нелепой, но что-то в ней было.

Дон Хуан сидел, облокотившись левой рукой на ящик и подпирая ладонью подбородок. Глаза его были закрыты, но под веками двигались глазные яблоки, словно он по-прежнему меня разглядывал. Мне стало не по себе, и я сказал:

— Может, ты все же объяснишь подробнее, что делать моему приятелю?

— Пусть отправится в трущобы и найдет самого жуткого ублюдка, только помоложе и покрепче.

Затем дон Хуан изложил довольно странный план, которому должен последовать мой приятель. Нужно сделать так, чтобы во время очередной прогулки с ребенком нанятый тип следовал за ними или поджидал их в условленном месте.

При первом же проступке сына отец подаст знак, бродяга выскочит из засады, схватит мальчика и отлупит как следует.

— А потом пусть отец как сможет успокоит мальчика и поможет прийти в себя. Я думаю, трех-четырех раз будет достаточно, чтобы круто изменить отношение мальчика ко всему, что его окружает. Картина мира станет для него иной.

— А испуг не повредит ему? Не искалечит психику?

— Испуг никому не вредит. Если что и калечит наш дух — то это как раз постоянные придирки, оплеухи и указания, что нужно делать, а что нет.

Когда мальчик станет достаточно управляемым, скажешь своему другу еще одно, последнее; пусть найдет способ показать сыну мертвого ребенка. Где-нибудь в больнице или морге. И пускай мальчик потрогает труп. Левой рукой, в любом месте, кроме живота. После этого он станет другим человеком и никогда уже не сможет воспринимать мир так же, как раньше.

И тут я понял, что все эти годы дон Хуан применял подобную тактику в отношении меня самого. В других масштабах, при иных обстоятельствах, но с тем же самым принципом в основе. Я спросил, так ли это, и он подтвердил, сказав, что с самого начала старался научить меня «останавливать мир».

— Но пока безуспешно, — сказал он с улыбкой. — Ты непробиваем. Наверно, потому, что слишком упрям. Если бы не твое потрясающее упрямство, ты бы уже, наверно, мог останавливать мир любым из приемов, которым я тебя учил.

— Каких приемов, дон Хуан?

— Все, что я заставлял тебя делать, — это и есть приемы, с помощью которых останавливают мир.

Несколько месяцев спустя дон Хуан все же добился своего. Я остановил мир.

Это событие было одним из поворотных в моей жизни. Оно заставило меня тщательно пересмотреть все, что имело место в течение десяти лет обучения. С полной очевидностью я осознал: мое первоначальное предположение относительно принципиального значения психотропных растений — ошибка. Они вовсе не являются важным аспектом магического описания мира, они лишь помогают свести воедино разрозненные части этого описания. Просто в силу особенностей характера я был не в состоянии воспринимать эти части без помощи растений. Упорно цепляясь за привычную версию реальности, я был глух и слеп к тому, что дон Хуан пытался внедрить в мое сознание. И только эта моя нечувствительность заставляла его использовать в моем обучении психотропные средства.

Просматривая полевые записи, я пришел к заключению, что основы нового для меня магического описания мира дон Хуан дал мне еще в самом начале нашего знакомства, обучая тому, что он называл приемами останавливания мира. Но это не было связано с применением психотропных растений и поэтому осталось за рамками моего внимания. Теперь пришло время вернуть целостность учению дона Хуана, расставив все по своим местам. Этому посвящены первые семнадцать глав настоящей книги. В остальных трех речь идет о событиях, в результате которых мне удалось наконец «остановить мир».

Подводя итог, я могу сказать, что в начале ученичества у дона Хуана я столкнулся с иной реальностью; то есть, кроме привычного, знакомого мне описания мира, имело место описание магическое, которым я не владел.

Маг и учитель, дон Хуан на протяжении десяти лет последовательно разворачивал передо мной новое описание мира, добавляя по мере моего продвижения все новые и новые его аспекты.

Окончание ученичества означало, что я в полной мере усвоил новое описание, научившись тем самым воспринимать мир в соответствии с этим описанием. Другими словами, я окончательно «вошел в новый мир», сделавшись полноправным членом группы, использующей магическое его описание.

Дон Хуан утверждал, что на пути к «видению» сначала нужно «остановить мир». Термин «остановка мира», пожалуй, действительно наиболее удачен для обозначения определенных состояний сознания, в которых осознаваемая повседневная реальность кардинальным образом изменяется благодаря остановке обычно непрерывного потока чувственных интерпретаций некоторой совокупностью обстоятельств и фактов, никоим образом в этот поток не вписывающихся. В моем случае роль такой совокупности сыграло магическое описание мира. По мнению дона Хуан, необходимым условием «остановки мира» является убежденность. Иначе говоря, необходимо прочно усвоить новое описание. Это нужно для того, чтобы затем, противопоставив его старому, разрушить догматическую уверенность, свойственную подавляющему большинству человечества, — уверенность в том, что однозначность и обоснованность нашего восприятия, то есть картины мира, которую мы считаем реальностью, не подлежит сомнению.

Следующим этапом после «остановки мира» является «видение». То, что под этим понимал дон Хуан, я определил бы как «способность воспринимать аспекты мира, выходящие за рамки описания, которое мы приучены считать реальностью».

Я твердо уверен: понять этапы магической практики можно только на основе соответствующего описания мира. С самого начала обучения именно дон Хуан последовательно знакомил меня с этим описанием. Поэтому для меня его учение остается единственным источником, приоткрывающим доступ к реальности, скрытой за магическим описанием мира, и пусть слова дона Хуана говорят сами за себя.

Часть первая. «Остановка Мира»

Глава 1. Мир соглашается

Передо мной стоял старик-индеец.

— Мне говорили, сэр, что вы большой знаток растений, — сказал я.

Буквально за минуту до этого мой приятель, который нас свел, куда-то ушел, и нам не оставалось ничего другого, кроме как представиться. Старик сказал, что его зовут Хуан Матус.

— Кто говорил, твой приятель, что ли? — небрежно поинтересовался он.

— Да.

— Что ж, я в самом деле собираю растения, вернее, они мне позволяют себя собирать, — мягко произнес он.

Мы стояли в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил по-испански, не согласится ли он ответить на некоторые вопросы. Сказано это было очень официально и звучало так:

— Не позволит ли благородный господин (кабальеро) задать ему несколько вопросов?

Слово «кабальеро» происходит от испанского «кабальо» — лошадь — и буквально переводится как «всадник-дворянин».

Старик ехидно посмотрел на меня и с широкой улыбкой произнес:

— Всадник без коня. Я же тебе сказал: меня зовут Хуан Матус.

Его улыбка мне понравилась. Я подумал, что он, должно быть, умеет ценить прямоту, и решил без обиняков изложить свою просьбу. Я сказал, что меня интересует все, что связано со сбором и изучением лекарственных растений, в особенности — все то, что касается использования галлюциногенного кактуса пейота, которым я довольно долго занимался в Лос-Анжелесском университете.

Сказано это было довольно сдержанно, с достоинством и, как мне показалось, весьма убедительно. Я решил, что представился достаточно солидно и впечатление произвел внушительное.

Старик медленно кивнул. Его молчание меня ободрило, и я добавил, что для нас обоих, вне всякого сомнения, было бы полезно как-нибудь встретиться и потолковать о пейоте.

Но тут он поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Это был жуткий, устрашающий взгляд, хотя в нем не было ни гнева, ни угрозы. И все же этот взгляд буквально пронзил меня насквозь. Я словно онемел, моя болтовня мгновенно оборвалась. На этом мы расстались. Однако перед уходом старик

все же несколько меня обнадежил, сказав, что я могу как-нибудь заехать к нему в гости.

Чтобы оценить должным образом, насколько сильно подействовал на меня взгляд дона Хуана, нужно представить себе всю его уникальность в контексте моего жизненного опыта. Дело в том, что к тому времени, когда я взялся за изучение антропологии и встретился с доном Хуаном, мне уже довелось как следует «покрутиться» в жизни, и в этом плане я чувствовал себя достаточно искушенным. С тех пор, как я покинул дом, прошло много лет, и я считал, что вполне могу о себе позаботиться. Всякий раз, когда мне приходилось сталкиваться с какими-либо препятствиями или чьим-то противодействием, я неизменно умудрялся то ли найти обходные пути, то ли добиться своего лестью, обманом, хитростью. Иногда я шел на компромиссы, иногда — спорил, иногда — злился. Если ничто не помогало, можно было прибегнуть к жалобам и нытью — часто это срабатывало. Другими словами, в любых обстоятельствах у меня в запасе всегда был какой-нибудь ход, и никогда ни одному человеку не удавалось осадить меня так быстро и основательно, как это сделал в тот день дон Хуан одним только взглядом. Причем дело было не только в том, что я замолчал — мне не раз доводилось, не проронив ни единого слова, выслушивать уважаемых мною оппонентов, вступать в пререкания с которыми я не мог себе позволить. Но мысли мои в таких случаях все равно были исполнены гнева и раздражения. Взгляд же дона Хуана подействовал на меня настолько оглушающе, что я на какое-то время утратил даже способность к сколько-нибудь связному мышлению.

Я был настолько заинтригован необычайной силой этого взгляда, что решил во что бы то ни стало встретиться со стариком еще раз.

Полгода я готовился, перечитывая все, что смог найти, об использовании пейота американскими индейцами, обращая особое внимание на материалы, касавшиеся пейотного культа индейцев Великих Равнин. В итоге мне удалось познакомиться практически со всем, что когда-либо было написано на эту тему. Почувствовав, что готов, я снова отправился в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960

Чтобы отыскать дом дона Хуана, мне пришлось буквально провести опрос местного индейского населения, на что ушел не один час и не один доллар. В

конце концов, где-то к полудню, я все же добрался до него и остановил машину перед дверью. Дон Хуан сидел на деревянном ящике из-под молочных бутылок. Он вроде бы узнал меня и помахал рукой, пока я вылезал из машины.

Мы обменялись любезностями, а потом я осторожно перевел разговор на цель своего приезда, сказав, что в прошлый раз был здорово сбит с толку. Я покаялся в том, что блефовал тогда, хвастая своими познаниями относительно пейота, на самом деле не зная ровным счетом ничего. Дон Хуан неотрывно смотрел на меня. Его глаза излучали доброту.

Потом я рассказал, как полгода готовился к этой встрече, изучая специальную литературу.

— И теперь я действительно довольно много знаю о пейоте, — заключил я.

Дон Хуан рассмеялся, усмотрев, очевидно, в моих словах что-то забавное, а я смущенно замолчал, чувствуя нарастающее раздражение.

Дон Хуан явно заметил мою реакцию и заверил меня, что, несмотря на самые лучшие побуждения, подготовиться к нашей встрече у меня не было никакой возможности.

Я прикинул, не спросить ли о скрытом смысле этого утверждения, если таковой имеется, но решил воздержаться. Однако дон Хуан, словно уловив мое настроение, сам объяснил, что имеет в виду. Он сказал, что я напомнил ему историю об одном правителе некоторого государства, который преследовал людей, относившихся к определенной категории. Эти люди ничем не отличались от своих преследователей, кроме одного — отдельные слова они произносили по-своему. И это их, естественно, выдавало. Правитель расставил на всех дорогах и перекрестках посты, которые должны были требовать от каждого прохожего произнести контрольное слово. Тех, кто выговаривал его как положено, отпускали, а тех, кто произносил иначе, убивали на месте. И вот однажды один молодой человек из числа преследуемых решил подготовиться к тому, чтобы миновать посты. Для этого он начал учиться нужному произношению контрольного слова.

С широкой улыбкой дон Хуан сказал, что на это у молодого человека ушло как

раз «полгода». И вот настал день великого испытания. Молодой человек уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока часовой задаст ему вопрос.

Тут дон Хуан выразительно умолк и взглянул на меня. Пауза была явно наигранной и показалась мне приемом довольно банальным, но я не подал виду, поддерживая игру. Что будет дальше, мне было хорошо известно — это был старый анекдот о евреях в Германии. Чтобы выявить еврея, человека заставляли произносить определенные слова. В этом анекдоте молодой человек попадался, потому что часовой забыл контрольное слово и попросил произнести другое, похожее, но которое тот выговаривать не умел.

Дон Хуан, казалось, ожидал, пока я спрошу, что было дальше. Что я и сделал, притворяясь, что меня в самом деле интересует продолжение истории:

— Что же с ним случилось?

— Молодой человек был очень хитер, — ответил дон Хуан, — он понял, что контрольное слово вылетело у часового из головы, и прежде, чем тот успел что-либо сказать, признался, что готовился целых полгода.

Он снова замолчал, глядя на меня с озорным блеском в глазах. На этот раз перевес явно был на его стороне. Признание молодого человека было чем-то новеньким, и теперь уже я действительно не знал, чем закончится история.

— Так что же все-таки с ним случилось? — спросил я, теперь уже с неподдельным интересом.

— Как что? Разумеется, его тут же убили, — ответил дон Хуан и залился раскатистым хохотом.

Мне понравился этот новый ход, а еще больше понравилось, как лихо он связал старый анекдот с моим собственным поведением. Похоже, дон Хуан специально все это придумал. Конечно, он надо мной потешался, но как тонко и артистично! Я тоже засмеялся.

Потом я заявил, что, наверное, в самом деле глупо выгляжу, но мне действительно очень хочется знать все, что касается растений.

— Я люблю ходить пешком, — сказал он.

Я решил, что он не хочет отвечать и потому меняет тему. Мне не хотелось быть назойливым.

Он спросил, не хочу ли я отправиться с ним в небольшой поход по пустыне. Я с готовностью заявил, что такая прогулка, безусловно, доставит мне удовольствие.

— Только это будет не прогулка, — предупредил он. Тогда я сказал, что в отношении работы с ним настроен весьма серьезно. Мне нужна любая информация об использовании лекарственных растений, и я готов заплатить ему за то время и усилия, которые он на меня затратит.

— И сколько ты собираешься мне платить?

В его голосе проскользнула нотка алчности.

— Сколько ты сочтешь нужным.

— Тогда за мое время ты будешь платить мне своим временем, — произнес он.

Я подумал, что он — явно со странностями, и ответил, что не понимаю. Он объяснил, что о растениях вообще нечего рассказывать, поэтому брать с меня за это деньги для него немыслимо.

Он пронзительно посмотрел на меня, нахмурился и спросил:

— Слушай, чем это ты все время занимаешься в кармане? Уж не ласкаешь ли своего бобика?

В необъятном кармане моей штормовки лежал блокнот, и я вслепую непрерывно записывал в него наш разговор. Когда я объяснил дону Хуану, в чем дело, он от души расхохотался.

Я сказал, что просто не хотел действовать ему на нервы.

— Пиши, если хочешь, — разрешил он, — ты не действуешь мне на нервы.

Мы бродили по окрестной пустыне, пока почти совсем не стемнело. Дон Хуан не показал мне ни одного растения и вообще не сказал ни слова на эту тему. Наконец мы остановились передохнуть возле каких-то больших кустов.

— Растения — очень занятные существа, — сказал дон Хуан, не глядя на меня, — они живые и все чувствуют.

Едва он это произнес, как сильный порыв ветра пронесся по пустынному чапаралю. Кусты громко зашелестели.

— Слышишь? — спросил дон Хуан. — Листья и ветер со мной соглашаются.

Он сложил правую ладонь лодочкой и приставил к уху, как бы для того, чтобы лучше слышать.

Я засмеялся. Прежде чем познакомить меня с доном Хуаном, мой приятель предупредил, что старик со странностями. И теперь я решил, что «соглашение с листьями» — одна из его эксцентричных шуток.

Мы прошли еще немного, но дон Хуан по-прежнему не показывал мне и не собирал никаких растений. Он просто скользил сквозь кустарник, слегка прикасаясь к ветвям. Затем он остановился, присел на камень и велел мне отдохнуть и осмотреться.

Но я был настроен на беседу и еще раз напомнил ему, что меня очень интересуют растения, особенно пейот. Я снова предложил ему плату за информацию.

— Не нужна мне никакая плата, — сказал он, — Спрашивай о чем угодно. Я расскажу тебе то, что мне известно, а после объясню, что со всем этим делать.

Дон Хуан поинтересовался, устраивает ли меня такой вариант. Я был доволен. Но потом он добавил загадочную фразу:

— Только вряд ли о растениях можно что-то узнать, ведь о них нечего сказать.

Я не понял, что он сказал, или что он имел в виду.

— Что ты сказал?

Он трижды повторил ту же самую фразу. Как только дон Хуан замолчал, из-за холмов вынырнул военный самолет. Он пронесся над нами на бреющем полете, сотрясая всю округу ревом двигателей.

— О! Слышишь, как мир со мной соглашается? — сказал дон Хуан, приставив к уху левую ладонь.

Дон Хуан казался мне весьма занятным человеком. К тому же он так заразительно смеялся.

— Дон Хуан, ты родом из Аризоны? — спросил я, чтобы вновь навести разговор на возможность получить от него интересующую меня информацию.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. В его глазах появилась усталость. Между нижними веками и зрачками блеснули белки.

— Ты родился в этих местах?

Он снова молча кивнул. Жест был вроде бы утвердительным, и в то же время рассеянным, как у человека, глубоко погруженного в свои мысли.

— А ты-то сам откуда? — спросил дон Хуан.

— Из Южной Америки.

— Южная Америка большая. Ты что, родился во всей сразу?

Он вновь посмотрел на меня, блеснув глазами.

Я начал было объяснять ему обстоятельства своего рождения, но он перебил меня:

— В этом смысле мы с тобой похожи. Вообще-то я — яки из Соноры. Но сейчас живу здесь.

— Правда? А я родом из...

Он не дал мне договорить.

— Знаю, знаю. Ты — тот, кто ты есть, родом оттуда, откуда ты родом, так же, как я — яки из Соноры.

Меня вновь поразил его ясный взгляд, а от смеха я почему-то почувствовал неудобство, словно дон Хуан уличил меня во лжи. Это было какое-то неопределенное чувство вины. Как будто дон Хуан знал обо мне нечто такое, чего не знал я сам или в чем не хотел признаваться.

Мне становилось все более не по себе. Дон Хуан, видимо, это заметил, и спросил:

— Как насчет того, чтобы поужинать в ресторане?

Мы вернулись к его дому, а потом поехали в город. По дороге я почувствовал некоторое облегчение, но полностью расслабиться мне все же не удалось. Я ощущал как бы нависшую надо мной угрозу, но никак не мог понять, в чем дело.

В ресторане я хотел угостить дона Хуана пивом, но он отказался, сказав, что вообще не пьет, даже пива. Я не поверил и внутренне усмехнулся: мой друг, который нас познакомил, говорил мне, что «старик, как правило, обычно малость не в себе». Но даже если дон Хуан лгал насчет того, что не пьет, это меня ничуть не беспокоило. Все равно он мне нравился, в нем было что-то, что меня успокаивало.

На моем лице, видимо, было написано недоверие, так как дон Хуан объяснил, что в молодости пил довольно много, но однажды взял и бросил.

— Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все, что угодно. Вот так.

И дон Хуан щелкнул пальцами, как бы демонстрируя, насколько просто это делается.

— Ты думаешь, так легко бросить пить или, скажем, курить? — спросил я.

— Ну конечно! — убежденно воскликнул он. — Бросить пить или курить — вообще дело плевое. Эти привычки — ерунда, ничто, если мы намерены от них отказаться.

В это мгновение кипяток в кофеварке весело забулькал.

— Слышишь? — воскликнул дон Хуан, блеснув глазами. — Кипяток со мной согласен.

И, помолчав немного, добавил:

— Человек может получать подтверждение от всего, что его окружает.

Тут кофеварка издала булькающий звук, напоминающий нечто не совсем приличное.

Дон Хуан взглянул на кофеварку и мягко произнес:

— Спасибо.

Потом он кивнул и оглушительно захохотал.

Я был буквально ошеломлен. Смеялся он, пожалуй, слишком громко, но вся ситуация в целом меня чрезвычайно озадачила.

На этом наша первая встреча закончилась. У дверей ресторана я попрощался со своим «информатором». Я сказал, что мне еще нужно заехать к друзьям и что хотел бы снова встретится с ним в конце следующей недели.

— Когда ты будешь дома? — спросил я.

Он окинул меня оценивающим взглядом и ответил:

— Тогда, когда ты приедешь.

— Но я не знаю точно, когда смогу приехать.

— Приезжай, когда сможешь, и не беспокойся.

— А если тебя не будет дома?

— Буду, — с улыбкой ответил он, повернулся и зашагал прочь.

Я догнал его и спросил, не возражает ли он против того, чтобы я взял с собой фотоаппарат и сфотографировал его самого и его дом.

— Исключено, — ответил дон Хуан, нахмурившись.

— А магнитофон хоть можно?

— Боюсь, что с магнитофоном дело обстоит точно так же.

Мне стало досадно. Я разозлился и заявил, что не нахожу в его отказе никакой логики.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

— Забудь об этом, — властно сказал он. — И, если хочешь иметь со мной дело, никогда больше не вспоминай.

Я сделал слабую попытку настаивать, объясняя, что фотографии и магнитофонные записи необходимы мне в работе. Дон Хуан сказал, что во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно — «дух».

— Без духа человек ни на что не годен, — заявил он, — А у тебя его нет. Вот это должно тебя беспокоить, а вовсе не фотографии.

— Что ты име...

Он не дал мне договорить, взмахом руки прервав на полуслове, но, отойдя на несколько шагов, обернулся.

— Приезжай обязательно, — сказал он вполголоса и помахал рукой на прощанье.

Глава 2. Стирание личной истории

Вторник, 22 декабря 1960

Дон Хуан сидел на земле возле двери своего дома, прислонясь к стене. Перевернув деревянный ящик из-под молочных бутылок, он предложил мне присесть и чувствовать себя как дома. Я привез с собой блок сигарет. Вытащив несколько пачек, я предложил их дону Хуану. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы поговорили о том, что ночи в пустыне стоят холодные, и еще о разных мелочах.

Я спросил, не нарушает ли мое появление его привычный распорядок. Он взглянул на меня, слегка нахмурившись, и ответил, что у него нет никаких распорядков и что если мне хочется, я могу провести у него хоть целый день.

Я заранее заготовил несколько опросных генеалогических карт, которые собирался заполнить со слов дона Хуана. Кроме того, порывшись в литературе по этнографии, я составил обширный перечень особенностей культуры местных индейцев. Я собирался просмотреть его с доном Хуаном и отметить то, что покажется ему знакомым.

Начал я с генеалогии.

Как звали твоего отца? — спросил я.

— Я звал его «папа», — ответил дон Хуан совершенно серьезно.

С некоторым раздражением я подумал, что он не понял и надо ему втолковать. Показав опросную карту, я разъяснил, что одна пустая графа там оставлена для имени и фамилии отца, другая — для имени и фамилии матери. Потом я решил, что, наверное, следовало начать с матери, и спросил:

— Как звали твою мать?

— Я звал ее «мама», — ответил он с обезоруживающей наивностью.

Сдерживаясь и стараясь быть вежливым, я сформулировал вопрос иначе:

— А как ее звали другие? Как вообще к ней обращались?

С глуповатой улыбкой старик взглянул на меня и почесал за ухом:

— Ага... Вот тут ты меня поймал. Надо подумать...

После минутного замешательства он, казалось, что-то вспомнил.

Я приготовился записывать. С глубокомысленным видом дон Хуан произнес:

— Другие? Другие обращались к ней так: «Эй, послушай-ка!»

Я невольно рассмеялся. Все это выглядело действительно комично, и я не мог понять, то ли передо мной хитрый старый индеец, который намеренно морочит мне голову, то ли и вправду простодушный дурачок. Набравшись терпения, я постарался разъяснить ему, что этот вопрос — весьма серьезен и что заполнение опросных карт является очень важным моментом в моей работе. Я приложил максимум стараний к тому, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории. Закончив, я спросил:

— Так можешь ты назвать мне имена своих родителей?

Он взглянул на меня. Взгляд его был ясным и добрым.

— Ты зря тратишь время. Давай не будем заниматься ерундой.

Я не нашелся что сказать. Только что я разговаривал с растерявшимся глуповатым индейцем, который озадаченно чесал в затылке, и вот, спустя какое-то мгновение, роли переменились: теперь уже я сам чувствовал себя дураком, а он смотрел на меня совершенно неописуемым взглядом. В его взгляде не было ни раздражения, ни презрения, ни торжества или

самодовольства, а лишь ясность, проникновенность и доброта.

— У меня нет личной истории, — сказал дон Хуан после продолжительной паузы. — В один прекрасный день я обнаружил, что в ней нет никакой нужды, и разом избавился от нее. Так же, как от привычки выпивать.

Я ничего не понял. У меня возникло ощущение смутной тревоги. Я напомнил ему, что он сам разрешил мне задавать вопросы. Он опять сказал, что против вопросов не возражает.

— Но личной истории у меня больше нет, — сказал он и испытующе взглянул на меня. — Когда она стала лишней, я от нее избавился.

Я уставился на него, пытаясь вникнуть в скрытый смысл его слов.

— Но как можно избавиться от личной истории?

— Сначала нужно этого захотеть, а потом, действуя последовательно и гармонично, в конце концов просто отсечь ее.

— Но зачем?! — воскликнул я.

Моя личная история была мне ужасно дорога. Я совершенно искренне чувствовал, что без глубоких семейных корней в моей жизни не было бы ни преемственности, ни цели.

— Нельзя ли уточнить, что имеется в виду, когда ты говоришь «избавиться от личной истории»? — спросил я.

— Уничтожить ее. Стереть — вот что, — жестко ответил дон Хуан.

— Ну ладно. Возьмем, например, тебя. Ты — яки. Как можно это стереть? Ведь ты не можешь этого изменить.

— Я — яки? — с улыбкой спросил он. — С чего ты взял?

— Верно! — сказал я. — Я не могу этого знать наверняка, но сам-то ты знаешь, и это единственное, что имеет значение и что делает этот факт

личной историей.

Я почувствовал, что попал в точку. Но он ответил;

— То, что мне известно, — яки я или нет, еще не является личной историей. Личной историей становится лишь то, что знаю не только я, но и кто-нибудь другой. Что же касается моего происхождения, то уверяю тебя; никто не может сказать с уверенностью, что ему что-нибудь об этом известно.

Я торопливо записывал за ним все, что он говорил. Затем, прекратив писать, взглянул на него. Я никак не мог понять, с кем имею дело. В уме промелькнул весь набор впечатлений, которые он на меня производил: таинственный жуткий взгляд, с которого началось наше знакомство, обаяние его утверждений о том, что все в мире соглашается с ним, его остроумие, собранность и динамичность, и тут же — выражение полнейшей тупости на лице, когда я спросил о родителях, а сразу после этого — совершенно неожиданная сила его ответов, которыми он поставил меня на место.

— Ты недоумеваешь, кто же я такой? — спросил он, словно читая мои мысли. — Тебе никогда не узнать, кто я и что из себя представляю. Потому что у меня нет личной истории.

Он спросил, есть ли у меня отец. Я ответил, что есть. Дон Хуан сказал, что мой отец — пример того, о чем идет речь. Он велел вспомнить, что думает обо мне отец, а потом сказал.

— Отец знает о тебе все. Поэтому ты для него — как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Дон Хуан сказал, что у каждого, кто меня знает, сформировался определенный образ моей личности. И любым своим действием я как бы подпитываю и еще больше фиксирую этот образ.

— Неужели тебе не ясно? — драматически сказал он. — Твоя личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. А если бы у тебя не было личной истории, надобность в объяснениях тут же отпала

бы. Твои действия не могли бы никого рассердить или разочаровать, а самое главное — ты не был бы связан ничьими мыслями.

Неожиданно до меня дошло, что он имеет в виду. Я и раньше, можно сказать, знал это, но никогда не пытался это осознать. Свобода от личной истории казалась вещью довольно заманчивой, по крайней мере на интеллектуальном уровне. Но от нее веяло грозным и неуютным одиночеством. Я хотел было поделиться с ним своими ощущениями, но спохватился, поскольку во всей этой ситуации было что-то ужасно нелепое. Мне казалось, что просто смешно ввязываться в философский спор с невежественным старым индейцем, который в плане «интеллектуальной изощренности» явно уступает студенту университета. Однако он все же каким-то образом увел меня в сторону от первоначального намерения расспросить его о генеалогии. Чтобы вернуть разговор в нужное мне русло, я сказал:

— Почему мы вообще обо всем этом заговорили? Мне ведь, собственно, только нужно было заполнить опросную карту.

— Как почему? — ответил он. — Мы заговорили об этом, потому что я сказал: задавать вопросы о прошлом — занятие совершенно никчемное.

Говорил он очень твердо. Я понял, что ничего не добьюсь, и решил изменить тактику.

— Освобождение от личной истории присуще всем индейцам яки? — спросил я.

— Оно присуще мне.

— А как ты этому научился?

— Жизнь научила.

— Тебя учил отец?

— Нет. Скажем так, я научился этому сам. И сегодня я открою тебе эту тайну, так что ты уедешь отсюда не с пустыми руками.

Его голос перешел в торжественный шепот. Это актерство меня рассмешило. Я

не мог не признать, что в этом он — большой мастер. Мне даже пришло в голову, что я имею дело с прирожденным артистом.

— Давай, — покровительственным тоном сказал дон Хуан, — Записывай. Ты ведь без этого жить не можешь.

Я взглянул на него, и в моих глазах, должно быть, мелькнуло скрытое замешательство. Он хлопнул себя по ляжкам и с довольным видом рассмеялся.

— Всю личную историю следует стереть для того... — медленно, как бы диктуя, произнес он.

Я лихорадочно записывал.

— ... чтобы освободиться от ограничений, которые накладывают на нас своими мыслями другие люди.

Я не верил своим ушам. Он не мог этого сказать. Я был буквально подавлен, что, должно быть, отразилось на моем лице. Он не преминул этим воспользоваться.

— Вот ты, например, — продолжал он. — В данный момент ты недоумеваешь, гадая, кто же я такой. Почему? Потому что я стер личную историю, постепенно окутав туманом свою личность и всю свою жизнь. И теперь никто не может с уверенностью сказать, кто я такой и что делаю.

— Но ты-то сам знаешь, разве не так? — вставил я.

— Я-то, будь уверен... тоже нет! — воскликнул он и затрясся от смеха.

Прежде чем сказать «тоже нет» он выдержал довольно длинную паузу, и я был уверен, что он скажет «знаю». В его неожиданном ответе было что-то угрожающее, и я вновь почувствовал страх.

— Это и есть та маленькая тайна, которую я намерен тебе сегодня открыть, — тихо произнес дон Хуан. — Никто не знает моей личной истории. Никому не известно, кто я такой и что делаю. Даже мне самому.

Прищурившись, он смотрел в пространство за моим правым плечом. Он сидел, скрестив ноги и выпрямившись, однако его тело казалось полностью расслабленным. В этот миг он был сама суровость: ни дать ни взять — могучий вождь, «краснокожий воин» из книг моего детства. Я поддался романтическому воображению и вдруг отчетливо ощутил противоречивость своего отношения к этому человеку: он очень меня притягивал и в то же время до смерти путал.

Так он сидел, глядя в пространство перед собой довольно долго.

— Откуда мне знать, кто я такой, если все это — я? — спросил он, движением головы указывая на все, что нас окружало: потом он взглянул на меня и улыбнулся.

— Ты должен постепенно создать вокруг себя туман, шаг за шагом стирая все вокруг себя до тех пор, пока не останется ничего гарантированного, однозначного или очевидного. Сейчас твоя проблема в том, что ты слишком реален. Реальны все твои намерения и начинания, все твои действия, все твои настроения и побуждения. Но все не так однозначно и определенно, как ты привык считать. Тебе нужно взяться за стирание своей личности.

— Но зачем? — ошеломленно спросил я.

До меня вдруг дошло, что он мне указывает, как себя вести. Сколько себя помню, я всегда терпеть не мог, когда кто-либо пытался учить меня жить. Сама мысль о том, что мне собираются указывать, что я должен делать, немедленно вызывала во мне защитную реакцию.

— Ты говорил, что тебя интересует информация о растениях, — спокойно сказал он. — Ты что же, думаешь получить ее даром? Как это, по-твоему, называется? Мы ведь условились — ты задаешь вопросы, а я рассказываю тебе то, что знаю. Если тебя это не устраивает, то нам больше не о чем говорить.

Меня раздражала его ужасная прямота, но я поневоле был вынужден признать, что он прав.

— Скажем так: если ты хочешь изучать растения, то должен, кроме всего

прочего, стереть свою личную историю.

— Но каким образом? — спросил я.

— Начни с простого — никому не рассказывай о том, что в действительности делаешь. Потом расстанься со всеми, кто хорошо тебя знает. В итоге вокруг тебя постепенно возникнет туман.

— Но это же полный абсурд! — воскликнул я. — Почему меня никто не должен знать? Что в этом плохого?

— Плохо то, что те, кто хорошо тебя знают, воспринимают твою личность как вполне определенное явление. И как только с их стороны формируется такое к тебе отношение, ты уже не в силах разорвать путы их представлений о тебе. Мне же нравится полная свобода неизвестности. Никто не знает меня с полной определенностью, как, например, многие знают тебя.

— Но в этом уже присутствует ложь.

— Ложь или правда — мне до этого дела нет, — жестко произнес он. — Ложь существует только для тех, у кого есть личная история.

Я возразил, что мне не нравится намеренно мистифицировать людей или вводить их в заблуждение. Он ответил, что я и так ввожу в заблуждение всех, с кем имею дело.

Старик затронул больной вопрос. Я даже не спросил, что он имеет в виду или почему он решил, что я постоянно всех мистифицирую. Вместо этого я тут же пустился в объяснения — все мои родственники и друзья почему-то считают меня человеком ненадежным, и это причиняет мне боль, так как за всю жизнь я ни разу не солгал.

— Но ты всегда знал, как это делается, — заметил он. — Тебе не хватало одного — ты не знал, зачем следует лгать. Теперь знаешь.

Я запротестовал:

— Неужели ты не понимаешь — я сыт по горло тем, что меня считают

ненадежным?

— Но ведь это так, — убежденно сказал он.

— Да нет же, черт возьми! — воскликнул я.

Вместо того, чтобы отнестись к этой моей вспышке серьезно, он захохотал как безумный. Я чувствовал, что ненавижу его. Но к сожалению, он снова был прав.

Угомонившись, он продолжил:

— Если у человека нет личной истории, то все, что бы он ни сказал, ложью не будет. Твоя беда в том, что ты вынужден всем все объяснять, и в то же время ты хочешь сохранить ощущение свежести и новизны от того, что делаешь. Но оно исчезает после того, как ты рассказал кому-нибудь обо всем, что сделал, поэтому чтобы продлить его, тебе необходимо выдумывать.

Я был ошеломлен таким оборотом нашей беседы, и старался как можно точнее все записывать. Для этого мне пришлось полностью сосредоточиться на его словах, оставив в стороне свои собственные возражения и возможный скрытый смысл того, о чем он говорил.

— Отныне, — сказал он, — ты просто должен показывать людям то, что считаешь нужным, но никогда не говори, как достиг этого.

— Но я не умею хранить тайны! — воскликнул я. — Поэтому то, что ты говоришь, для меня бесполезно.

— Ну так изменись! — резко бросил он, яростно сверкнув глазами.

Он напоминал странного дикого зверя, но в то же время был очень последователен и мыслил исключительно точно. Мое раздражение сменилось состоянием замешательства.

— Видишь ли, — продолжал он, — наш выбор ограничен: либо мы принимаем, что все — реально и определенно, либо — нет. Если мы выбираем первое, то в конце концов смертельно устаем и от себя самих, и от всего, что нас окружает.

Если же мы выбираем второе и стираем личную историю, то все вокруг нас погружается в туман. Это восхитительное и таинственное состояние, когда никто, даже ты сам, не знает, откуда выскочит кролик.

Я возразил, что стирание личной истории лишь усугубит чувство неуверенности и незащищенности.

— Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время начеку, мы постоянно готовы к прыжку, — сказал он. — Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

Он замолчал и, кажется, целый час не говорил ни слова. Я не знал, что спросить. Наконец он встал и попросил подвезти его в соседний городок.

Почему-то от этой беседы я так устал, что хотелось спать. Он попросил меня остановить машину и сказал, что если мне нужно отдохнуть, я должен взобраться на плоскую вершину холма у дороги и полежать на ней ничком, головой на восток.

В его голосе была настойчивость. Я не хотел спорить, а может, просто настолько устал, что был не в силах даже говорить. Взобравшись на холм, я сделал все так, как он сказал.

Я заснул всего на две-три минуты, но этого оказалось достаточно, чтобы мои силы полностью восстановились.

Мы доехали до центра городка, где он попросил его высадить.

— Возвращайся, — сказал он, выходя из машины. — Обязательно возвращайся.

Глава 3. Отказ от чувства собственной важности

Я рассказал о своих поездках к дону Хуану познакомившему нас приятелю. Он заключил, что я только зря трачу время. Я передал ему свои беседы с доном Хуаном во всех подробностях. Он же полагал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол вокруг выживающего из ума старика.

Но я был весьма далек от романтической идеализации. Напротив, мою симпатию к дону Хуану основательно поколебала его постоянная критика в мой адрес. Тем не менее я не мог не признать, что во всех случаях критика была уместной, точной и вполне справедливой.

Таким образом, я оказался перед дилеммой: с одной стороны, я не мог примириться с мыслью, что дон Хуан способен разрушить мои взгляды на мир, а с другой — мне не хотелось соглашаться с моим приятелем, утверждавшим, что старик просто ненормальный.

Поэтому, чтобы составить окончательное мнение, я поехал к нему еще раз.

Среда, 28 декабря 1960

Едва я приехал, дон Хуан повел меня в пустынный чаппараль, даже не взглянув на сумку с продуктами, которые я ему привез. Похоже, он ждал меня.

Мы шли несколько часов. Растений он не собирал и мне не показывал, зато научил меня «правильно ходить». Он сказал, что удерживать внимание на траве и окружающей обстановке легче, если при ходьбе слегка подогнуть пальцы рук. Он заявил, что моя обычная походка ослабляет внимание и лишает сил, кроме того, никогда ничего нельзя носить в руках. Для поклажи следует пользоваться рюкзаком или заплечным мешком. Особое положение рук, сказал дон Хуан, повышает выносливость и обостряет внимание.

Я решил не спорить и на ходу подогнул пальцы, как он велел. Ни на моем внимании, ни на моей выносливости это никак не отразилось.

Мы вышли утром, а первый привал сделали только около полудня. Я сильно вспотел и хотел напиться из своей фляги, но дон Хуан остановил меня, сказав что лучше сделать только маленький глоток. Потом он срезал несколько

листьев с невысокого желтоватого кустика и принялся их жевать. Несколько штук он дал мне и сказал, что это — замечательные листья; если их медленно жевать, жажда исчезнет. Пить хотелось по-прежнему, но неудобства я не ощущал.

Он словно прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал ни преимуществ «правильной ходьбы», ни положительного действия листьев, которые жевал, потому что я молод и силен, а тело мое ничего этого не заметило из-за некоторой своей тупости. Он засмеялся. Однако я не был склонен веселиться, и это как будто позабавило его еще больше. Он уточнил свое предыдущее заявление, сказал, что мое тело не то чтобы действительно тупое, но как бы спит.

В это мгновение прямо над нами с карканьем пролетела огромная ворона. Это меня испугало, и я засмеялся. Я думал, что это — как раз тот случай, когда смех вполне уместен, но он, к моему удивлению, энергично дернул меня за рукав и с самым серьезным видом велел замолчать.

— Это — не шутка, — сурово произнес он с таким видом, словно я знал, о чем идет речь.

Я попросил объяснить, сказав, что не понимаю, почему его так разозлил мой смех по поводу вороны, ведь мы же смеялись, когда в кофеварке булькал кипяток.

— То, что ты видел, не было просто вороной! — воскликнул он.

— Но я видел, что это была ворона, — настаивал я.

— Ничего ты, дурак, не видел, — оборвал он.

Я не видел причин для грубости с его стороны и сказал, что не люблю действовать людям на нервы и что мне лучше уехать, поскольку он явно не расположен к общению.

Он громко расхохотался, словно я разыграл перед ним клоунаду. Я буквально рассвирепел.

— Ну ты горяч, — небрежно прокомментировал он. — Ты слишком серьезно к себе относишься.

— Можно подумать, ты относился к себе по-другому, когда на меня разозлился! — вставил я.

Он сказал, что ему даже в голову не приходило на меня злиться, и пронзительно взглянул на меня.

— То, что ты видел, не было согласием со стороны мира. Летящая, да еще и каркающая ворона никогда не выражает согласие мира. Это был знак!

— Знак чего?

— Очень важный знак. Он касается тебя, — ответил он загадочно.

В это мгновение прямо к нашим ногам упала сухая ветка, сорванная ветром с куста.

— А вот это — согласие! — дон Хуан взглянул на меня сияющими глазами и рассмеялся грудным смехом.

У меня возникло ощущение, что он просто дразнит меня, на ходу выдумывая правила своей странной игры так, чтобы ему можно было смеяться, а мне — нет. Раздражение мое вспыхнуло с новой силой, и я все это ему выложил.

Но он не рассердился и не обиделся. Он снова засмеялся, и смех этот привел меня в негодование. Я подумал, что он попросту надо мной издевается, и тут же решил, что сыт по горло подобного рода «полевыми исследованиями».

Я встал и сказал, что хотел бы прямо сейчас отправиться в обратный путь к его дому, потому что мне нужно возвращаться в Лос-Анжелес.

— Сядь! — приказал он, — Ты обидчив, как старая дама. Ты не уедешь сейчас, потому что мы еще не договорили.

Я ненавидел его. Самодовольный, высокомерный тип!

Он запел идиотскую мексиканскую песенку, имитируя манеру исполнения одного популярного певца. Он растягивал одни слоги и проглатывал другие, превращая песню в такую смешную пародию, что в конце концов я не выдержал и начал посмеиваться.

— Видишь, ты смеешься над глупой песенкой, — сказал он. — А ведь тот, кто ее таким образом исполняет, равно как и те, кто платит деньги за то, чтобы его послушать, не смеются. Они считают, что это — очень серьезно.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я.

Я подумал, что этим примером он решил мне показать, что я смеялся по поводу вороны потому, что не воспринял ее всерьез, как не воспринимаю всерьез дурацкую песенку. Но дон Хуан снова сбил меня с толку. Он сказал, что своим невыносимым чванством и слишком серьезным отношением ко всякой чепухе, которая с точки зрения человека, находящегося в здравом рассудке, не стоит выеденного яйца, я напоминаю исполнителя этой песенки и его почитателей.

Затем он вернулся к тому, что говорил раньше об «изучении растений», как бы для того, чтобы освежить эту информацию в моей памяти. Он особо подчеркнул, что если я действительно хочу учиться, то мне необходимо изменить подавляющее большинство своих моделей поведения.

Я снова начал злиться, и взвинтил себя до такой степени, что лишь ценой огромных усилий мог продолжать записывать.

— Ты слишком серьезно к себе относишься, — медленно проговорил он. — И воспринимаешь себя как чертовски важную персону. Это нужно изменить! Ведь ты настолько важен, что считаешь себя вправе раздражаться по любому поводу. Настолько важен, что можешь позволить себе развернуться и уйти, когда ситуация складывается не так, как тебе этого хочется. Возможно, ты полагаешь, что тем самым демонстрируешь силу своего характера. Но это же чушь! Ты — слабый, чванливый и самовлюбленный тип!

Я попытался было возразить, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что из-за непомерно раздутого чувства собственной важности я за всю свою жизнь не довел до конца ни единого дела.

Я был поражен уверенностью, с которой он говорит. Но все его слова, разумеется, в полной мере соответствовали истине, и это меня не только разозлило, но и здорово напугало.

— Чувство собственной важности, так же, как личная история, относится к тому, от чего следует избавиться, — веско произнес он.

У меня пропало всякое желание с ним спорить. Было вполне очевидно, что положение мое крайне невыгодно: он не собирался возвращаться домой, пока не сочтет нужным, я же попросту не знал дороги и был вынужден оставаться с ним.

Вдруг он сделал странное движение, как бы принюхиваясь и ритмично подергивая головой. Он весь как-то странно подобрался, словно перед прыжком, повернулся и с любопытством изумленно оглядел меня с головы до ног, словно высматривая что-то особенное, а потом рывком вскочил и быстро зашагал прочь. Он почти бежал. Я поспешил за ним. Примерно с час он шел очень быстро.

Наконец он остановился у скалистого холма, и мы присели в тени под кустом. Я был полностью истощен быстрой ходьбой, но настроение мое несколько улучшилось. Со мной произошли странные изменения. Если в начале перехода дон Хуан меня почти бесил, то теперь я испытывал чуть ли не душевный подъем.

— Непостижимо, — удивился я, — мне в самом деле очень хорошо.

Вдалеке каркнула ворона.

— Знак, — отметил дон Хуан.

Со скалы скатился небольшой камень и с треском упал в чаппараль.

Дон Хуан громко засмеялся и указал пальцем в ту сторону, откуда донесся звук:

— А это — согласие.

Затем он спросил, готов ли я продолжить разговор о своем чувстве собственной важности. Я рассмеялся: недавний приступ гнева казался мне теперь чем-то столь далеким, что было непонятно, каким образом я вообще умудрился рассердиться на дона Хуана.

— Не понимаю, что со мной происходит, — недоумевал я, — то злился, то вдруг почему-то успокоился.

— Нас окружает очень таинственный мир, — сказал он. — И он не так-то просто расстается со своими секретами.

Мне нравились его загадочные утверждения. В них была тайна, и в них был вызов. Я не мог понять: то ли они содержат некий глубоко скрытый смысл, то ли являются полной бессмыслицей.

— Если будешь когда-нибудь в этих местах, — сказал он, — держись подальше от места нашей первой стоянки. Беги от него, как от чумы.

— Почему? В чем дело?

— Не время это объяснять, — ответил дон Хуан. — Сейчас нам нужно разобраться с чувством собственной важности. Пока ты чувствуешь, что наиболее важное и значительное явление в мире — это твоя персона, ты никогда не сможешь по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, ты не видишь в нем ничего, кроме самого себя.

Какое-то время он разглядывал меня, словно изучая, а потом сказал, указывая на небольшое растение:

— Поговорю-ка я со своим маленьким другом.

Он встал на колени, погладил кустик и заговорил с ним. Я сперва ничего не понял, но потом дон Хуан перешел на испанский, и я услышал, что он бормочет какой-то вздор. Потом он поднялся.

— Неважно, что говорить растению, — сказал он. — Говори что угодно, хоть собственные слова выдумывай. Важно только, чтобы в душе ты относился к

растению с любовью и обращался к нему, как равный к равному.

Собирая растения, объяснил он, нужно извиняться перед ними за причиняемый вред и заверять их в том, что однажды и твое собственное тело послужит им пищей.

— Так что в итоге мы с ними равны, — заключил дон Хуан. — Мы не важнее их, они — не важнее нас.

— Ну-ка, поговори с растением сам, — предложил он. — Скажи ему, что ты больше не чувствуешь себя важным.

Я заставил себя опуститься перед растением на колени, но заговорить с ним так и не смог. Я почувствовал себя глупо и рассмеялся. Однако злости не было.

Дон Хуан похлопал меня по плечу и сказал, что все нормально, мне удалось не рассердиться, и это уже хорошо.

— Теперь всегда говори с растениями, — сказал он. — Пока полностью не избавишься от чувства собственной важности. В конце концов тебе должно стать безразлично, смотрит на тебя кто-то в этот момент или нет. Ступай-ка вон туда, в холмы, и потренируйся сам.

Я спросил, можно ли беседовать с растениями молча, в уме.

Он засмеялся и потрепал меня по затылку.

— Нет! С ними нужно разговаривать громко и четко, так, словно ты ждешь от них ответа.

Я направился туда, про себя посмеиваясь над его странностями. Я даже честно пытался поговорить с растениями, но ощущения нелепости этого занятия побороть не смог.

Выждав, как мне показалось, достаточно долго, я вернулся к дону Хуану, чувствуя, что он знает о моей неудаче.

Он даже не взглянул на меня, только жестом велел сесть и сказал:

— Смотри внимательно. Сейчас я снова буду беседовать со своим маленьким другом.

Он опустился на колени перед кустиком и примерно с минуту, улыбаясь, что-то говорил, причудливо раскачиваясь и изгибаясь всем телом.

Мне показалось, что он спятил.

— Кустик велел сообщить тебе, что он весьма съедобен, — сказал дон Хуан, поднявшись с земли. — Горсть его листьев способна сохранить человеку здоровье. Еще он сказал, что вон там такие кусты растут во множестве.

И дон Хуан кивнул на склон холма ярдах в двухстах отсюда.

— Идем поищем, — предложил он.

Меня рассмешила эта клоунада. Конечно, мы их там найдем, ведь дон Хуан прекрасно знает пустыню, и ему наверняка хорошо известно, где что растет.

По пути он велел мне запомнить это растение, потому что оно является не только съедобным, но и лекарственным.

Я спросил его, наполовину в шутку, не от кустика ли он все это сейчас узнал. Он остановился, окинул меня недоверчивым взглядом, покачал головой и со смехом воскликнул:

— Ну и ну! Ты умник, и оттого глуп — глупее, чем я думал. Ну как растение могло поведать мне о том, что я и так знаю?

Потом он объяснил, что все свойства растений этого вида были ему хорошо известны и раньше, а этот кустик только открыл ему, где в изобилии произрастают его собратья, сказав, что не возражает против того, чтобы дон Хуан рассказал об этом мне.

На склоне мы обнаружили целые заросли таких кустов. Я едва не расхохотался, но он тотчас велел мне поблагодарить растения. Я чувствовал

себя мучительно скованным, и так и не смог этого сделать.

Он снисходительно улыбнулся и произнес еще одну из своих загадочных фраз, повторив ее три или четыре раза:

— Мы находимся в таинственном мире. И люди значат здесь ничуть не больше всего прочего. И если растение поступает благородно по отношению к нам, мы должны его поблагодарить, иначе оно вполне может не дать нам уйти отсюда.

При этом он взглянул на меня так, что я похолодел. Я поспешно наклонился к растениям и громко сказал:

— Спасибо!

Он удовлетворенно засмеялся.

Побродив по пустыне еще час, мы повернули к его дому. Вскоре я отстал, и дону Хуану пришлось меня подождать. Он проверил мои руки; пальцев я не подгибал. Он сказал, что либо я буду за ним наблюдать и во всем подражать ему, либо он вообще никогда не возьмет меня с собой.

— Ты не маленький, и я не собираюсь всякий раз тебя дожидаться, — отчитал он меня.

Эта фраза смутила меня и повергла в недоумение. Как могло получиться, что старик ходит быстрее меня? Мне всегда казалось, что я сложен атлетически и достаточно силен, однако я действительно не мог за ним угнаться.

Я согнул пальцы и с удивлением обнаружил, что без особых усилий могу выдерживать тот бешеный темп, который задавал дон Хуан. Я даже почувствовал, что руки сами тянут меня вперед.

Настроение поднялось, и я беззаботно шагал рядом с этим странным старым индейцем, чувствуя себя почти счастливым.

Я попросил его показать мне, где здесь растет пейот. Взглянув на меня, он не сказал ни слова.

Глава 4. Смерть-советчик

Среда, 25 января 1961

— Ты когда-нибудь расскажешь мне о пейоте? — спросил я.

Вместо ответа он снова взглянул на меня как на ненормального.

Я уже не раз заговаривал с ним на эту тему, но он только хмурился и качал головой. В этом жесте не было прямого отказа, скорее саркастичное недоумение.

Дон Хуан резко встал. Мы сидели на земле у порога. Едва заметно кивнув, он предложил мне идти за ним.

Мы направились на юг и углубились в пустынный чаппараль. По пути он повторял, что я должен ясно понять бесполезность чувства собственной важности и личной истории.

— Твои друзья, — сказал он, резко повернувшись ко мне. — Которые давно тебя знают — от них нужно уйти, причем как можно скорее.

Я подумал, что он до идиотизма настойчивый псих, но промолчал. Он пристально посмотрел на меня и начал смеяться.

Наконец мы остановились. Только я собрался присесть, как дон Хуан велел мне пройти еще ярдов двадцать и громко поговорить с растениями на полянке. Я почувствовал неловкость и внутреннее сопротивление. Я был сыт по горло его странными требованиями и заявил, что не могу разговаривать с растениями, так как чувствую себя при этом ужасно глупо. На это он сказал только одно: мое чувство собственной важности поистине не имеет границ. Вдруг ему что-то пришло в голову, и он, видимо, принял решение. Он сказал,

что мне не следует пытаться разговаривать с растениями до тех пор, пока это не станет у меня получаться легко и естественно.

— Ты хочешь изучать их, и в то же время не желаешь ничего для этого сделать, — произнес он с укором. — Так что же тебе на самом деле нужно?

Я объяснил, что меня интересует любая информация об использовании растений, поэтому я и попросил его быть моим информатором, предложив даже плату за труды и за потраченное на меня время.

— Ты должен согласиться брать с меня деньги, — сказал я, — Так будет лучше для нас обоих — я смогу расспрашивать тебя о том, что мне нужно, а ты будешь на меня работать и за это получать деньги. Что ты об этом думаешь?

Дон Хуан взглянул на меня презрительно и, сложив губы трубочкой, издал громкий непристойный звук.

— Вот что я об этом думаю, — сказал он и истерически захохотал при виде крайнего изумления, написанного, должно быть, на моем лице.

Мне было совершенно ясно, что это — не тот человек, с которым я мог бы легко совладать. Несмотря на возраст, он был полон энергии и невероятно силен. Раньше я полагал, что он станет для меня идеальным «информатором», поскольку он очень стар. Я всегда считал, что старики являются наилучшими информаторами, поскольку не способны ни на что, кроме разговоров. Но дон Хуан не был жалким типом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Мой друг, который нас познакомил, был прав. Дон Хуан — странный старый индеец, и, хотя он не был малость не в себе, как говорил мой приятель, дело с ним обстояло еще хуже — он был сумасшедшим. На меня снова нахлынула волна прежних сомнений и опасений, от которых я, как мне казалось, уже избавился. В самом деле, мне не составило никакого труда убедить себя, что я хочу съездить к дону Хуану. Я подумал, что сам был слегка не в себе, когда чувствовал, что мне нравится с ним общаться. Тогда на меня сильно подействовала его идея относительно того, что мне очень мешает чувство собственной важности. Но, видимо, все это было не более чем интеллектуальными упражнениями с моей стороны, и едва лишь мне вновь довелось столкнуться с его непостижимым поведением, как опасения охватили меня с новой силой, и мне захотелось уехать.

Я сказал, что, по моему мнению, мы с ним — совершенно разные люди, и это делает наше общение невозможным.

— Один из нас должен измениться, — произнес он, глядя в землю. — И ты знаешь, кто.

Он начал напевать мексиканскую песню, а потом резко вскинул голову и взглянул мне прямо в лицо. В глазах его были ярость и огонь. Я хотел было отвести глаза или закрыть их, но, к своему великому изумлению, оторваться от его взгляда не смог.

Он спросил, что я увидел в его глазах. Я ответил, что ничего, но он настаивал на том, чтобы я рассказал, осознание чего вызвал во мне его взгляд. Я постарался дать ему понять, что его глаза заставили меня осознать только собственное смущение, и что я чувствовал себя под его взглядом весьма и весьма неуютно.

Он не отступал. Он продолжал смотреть. В его взгляде отсутствовала прямая угроза или злость, он был скорее таинственным и беспокоящим.

Дон Хуан спросил, не напоминает ли он мне птицу.

— Птицу?! — воскликнул я.

Он по-детски хихикнул, отвел глаза и мягко сказал:

— Да. Очень необычную птицу!

Он снова зафиксировал на мне взгляд и приказал вспоминать. С чрезвычайной убежденностью он утверждал, что «знает» — я уже когда-то видел этот взгляд.

У меня возникло ощущение, что каждый раз, когда старик раскрывает рот, он меня просто провоцирует. Я уставился на него с откровенным пренебрежением. Вместо того, чтобы разозлиться, он захохотал. Хлопнув себя по ляжкам, он заорал так, словно объезжал дикую лошадь. Потом дон Хуан снова стал серьезным и сказал, что сейчас для меня очень важно перестать с

ним бороться и вспомнить ту необычную птицу, о которой он говорит.

— Смотри мне в глаза, — велел он.

В его глазах была дикая ярость. Мне показалось, что они и впрямь о чем-то мне напомнили, но я не мог с уверенностью сказать, о чем именно. Некоторое время я об этом размышлял, а потом вдруг осознал: не форма глаз или головы, но холодная ярость этого взгляда напомнила мне о том, как выглядят глаза сокола. В этот самый миг он искоса смотрел на меня, и в течение короткого мгновения в моем уме царил полный хаос. Мне казалось, что вместо дона Хуана я вижу сокола. Однако образ был слишком мимолетным, а я находился в чересчур подавленном состоянии, и это помешало мне в достаточной степени на нем сосредоточиться.

Очень возбужденно я сказал дону Хуану, что готов поклясться — я видел черты сокола в его лице. Дон Хуан снова расхохотался.

Мне доводилось видеть глаза соколов. Когда-то в детстве я охотился на них, и, по мнению моего деда, это у меня хорошо получалось. У него была ферма по разведению леггорнских кур, и соколы представляли угрозу для этого бизнеса. Их отстрел считался делом не только целесообразным, но и «правильным». До этого самого момента я не вспоминал, что ярость соколиных глаз годами преследовала меня. Все это было где-то далеко в прошлом, и я думал, что в памяти моей не осталось и следа тех воспоминаний.

— Я охотился на соколов, — сказал я.

— Я знаю, — сказал дон Хуан таким тоном, словно это было нечто само собой разумеющееся.

В его голосе звучала такая уверенность, что я рассмеялся. Что за нелепость, в конце концов! У него хватило наглости сделать вид, будто бы он знал, что я охотился на соколов! Я почувствовал к нему безграничное презрение.

— А почему ты так злишься? — спросил он с видом крайней озабоченности.

Я не знал, почему. Дон Хуан принялся «прощупывать» меня очень необычным способом. Он попросил меня снова посмотреть на него и рассказать об «очень

необычной птице», которую он мне напомнил. Я воспротивился и презрительно заявил, что рассказывать здесь нечего. А потом почувствовал: следует спросить, откуда ему известно о том, что я охотился на соколов. Но вместо того, чтобы ответить, он в очередной раз прокомментировал мое поведение. Он сказал, что я — горячий парень и начинаю «брызгать слюной» из-за каждого пустяка. Я возразил, заявив, что это неправда. Мне всегда казалось, что я весьма терпим и добродушен. Я сказал, что он сам виноват, поскольку своими неожиданными словами и действиями вывел меня из себя.

— Почему ты злишься? — спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Причины для того, чтобы злиться, действительно не было.

Он вновь настоятельно потребовал, чтобы я посмотрел ему в глаза и рассказал о «необыкновенном соколе». Теперь он выразился иначе: раньше он говорил «очень необычная птица», а в этот раз сказал «необыкновенный сокол». Это соответствовало изменению, происшедшему в моем собственном настроении. Меня внезапно охватила печаль.

Он прищурился, так что его глаза превратились в узенькие щелки, и сказал, что «видит» очень необычного сокола. Слова его звучали с каким-то особенным драматизмом. Он трижды повторил их, словно в самом деле видел перед собой эту птицу и спросил;

— Ты его помнишь?

Ничего подобного я не помнил.

— А что в этом соколе необыкновенного? — спросил я.

— Это ты должен мне сказать, — ответил дон Хуан.

Я настаивал на том, что понятия не имею, о чем идет речь, и, соответственно, рассказывать мне нечего.

— Не нужно со мной бороться! — сказал дон Хуан. — Борись с собственной вялостью и вспоминай.

Какое-то время я совершенно серьезно старался его раскусить. Но мне пришло в голову, что точно так же можно было бы попытаться вспомнить.

— Когда-то ты видел множество птиц, — намекнул дон Хуан, как бы давая мне ключ.

Я сказал, что в детстве жил на ферме и подстрелил не одну сотню птиц.

Дон Хуан заявил, что в этом случае мне будет несложно вспомнить всех необычных птиц, на которых я охотился.

Он вопросительно смотрел на меня, словно это была решающая подсказка.

— Птиц было столько, и я охотился так много, — сказал я, — что ничего не могу о них вспомнить.

— Это — особенная птица, — произнес он почти шепотом. — Эта птица — сокол.

Я снова начал вычислять, к чему он ведет. Дразнит? Или говорит серьезно? После длинной паузы он снова велел мне вспоминать. Я почувствовал, что и мне не остается ничего другого, кроме как вступить в игру.

— Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? — спросил я.

— Да, — прошептал он, закрыв глаза.

— То есть это произошло, когда я был мальчишкой?

— Да.

— Но ты говоришь, что видишь сокола перед собой сейчас.

— Вижу.

— Что ты пытаешься со мной сделать?

— Пытаюсь заставить тебя вспомнить.

— Что вспомнить? Ради Бога!

— Сокола, быстрого как свет, — сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что сердце мое замерло.

— Теперь смотри на меня, — велел он.

Но я не смотрел. Его голос едва до меня доносился. Я был ошеломлен воспоминанием, которое полностью овладело моим существом. Белый сокол!

Началось все с того, что, подсчитывая своих леггорнских цыплят, дед приходил в бешенство. Цыплята регулярно исчезали самым досадным образом. Дед лично организовал и осуществлял тщательнейшее дежурство, и после нескольких дней наблюдения мы, наконец, заметили, как большая белая птица уносит в когтях молоденькую курочку. Птица действовала очень быстро и четко знала, что делает. Она выскользнула из-за деревьев, схватила курочку и скрылась сквозь просвет между ветвями. Все произошло настолько быстро, что дед едва успел заметить, но я рассмотрел, что это был сокол. Дед сказал, что если это действительно так, то сокол должен быть альбиносом.

Началась кампания по охоте на сокола-альбиноса, и дважды я думал, что он у меня в руках. Он даже выпускал из когтей добычу, но каждый раз уходил. Он был слишком быстр для меня. И очень умен, потому что на ферму моего деда охотиться больше не прилетал.

Я бы забыл о нем, если бы дед постоянно не подзуживал меня. Два месяца я преследовал белого сокола по всей долине, в которой мы жили. Я изучил все его повадки и был способен чуть ли не интуитивно предвидеть траекторию его полета. Но скорость и внезапность его появления неизменно сбивали меня с толку. Я мог похвастаться, что практически каждый раз, когда мы с ним встречались, я не давал ему ухватить жертву, но добыть его мне все-таки никак не удавалось.

Только однажды за два месяца войны с белым соколом мне удалось подобраться к нему близко. Целый день я его выслеживал и очень устал.

Присев отдохнуть под эвкалиптом, я заснул. Разбудил меня внезапно раздавшийся над головой соколиный крик. Не двигаясь, я открыл глаза и увидел высоко в ветвях эвкалипта белую птицу. Это был сокол-альбинос. Преследование закончилось. Выстрел предстоял трудный: я лежал на спине, а сокол сидел, повернувшись ко мне хвостом. Я воспользовался внезапным порывом ветра, чтобы поднять свое длинное ружье двадцать второго калибра и прицелиться.

Я хотел дождаться, пока птица повернется или взлетит, тогда бы я не промахнулся. Но сокол не шевелился. Чтобы подстрелить сокола в том положении, в котором он сидел, нужно было прицелиться получше, а для этого я должен был подвинуться, но в этом случае сокол наверняка бы ушел, потому что был слишком быстрым. Я решил, что правильнее будет ждать. И я ждал бесконечно долго. Может быть, на меня подействовала длительность ожидания, а может — уединенность места, где, кроме меня и сокола, не было никого, но вдруг вверх по моему позвоночнику пробежал холодок, я встал и совершил совершенно неожиданный поступок — я ушел. Ушел, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть — улетела птица или по-прежнему сидит на ветке.

Я никогда не придавал особого значения своему заключительному поступку в этой истории с белым соколом. Однако то, что я не выстрелил, было очень странным. Ведь я убил десятки соколов. На ферме, где я рос, охота на птиц и самых различных животных была делом совершенно естественным.

Дон Хуан внимательно выслушал мой рассказ о белом соколе.

— Откуда ты о нем узнал? — спросил я.

— Я увидел его, — ответил он.

— Где?

— Прямо здесь, перед тобой.

Я не был настроен спорить и спросил:

— Что все это значит?

Он ответил, что белая птица вроде этой — знак, и отказ от того, чтобы в нее выстрелить, был единственным правильным решением.

— Смерть ненавязчиво предупредила тебя, — с таинственным видом произнес дон Хуан. — Она всегда приходит как холод в позвоночнике.

— О чем ты говоришь? — нервно спросил я.

Он в самом деле действовал мне на нервы своей мистической болтовней.

— Ты много знаешь о птицах, — сказал он. — Ты убил их слишком много. Ты знаешь, как нужно ждать. Ты часами неподвижно ждал. Я знаю. Я вижу.

От его слов все мои мысли и чувства пришли в полнейший беспорядок. Я подумал, что больше всего меня раздражает та уверенность, с которой он делает свои заявления. Эта догматическая однозначность была для меня невыносимой, тем более что речь шла о том, что касалось только меня и моей жизни, и в чем я сам не был уверен. Дон Хуан наклонился ко мне, но я был настолько подавлен, что не замечал этого, пока он что-то не прошептал мне в самое ухо. Сперва я не понял, и ему пришлось повторить. Он велел мне как бы невзначай обернуться и взглянуть на камень слева от себя. Он сказал, что моя смерть сидит там и смотрит на меня, и, если я по его сигналу поверну голову, то, возможно, смогу ее заметить.

Он сделал знак глазами. Я оглянулся, и мне показалось, что я заметил, как над камнем что-то мелькнуло. По спине прокатилась холодная волна, мышцы живота непроизвольно напряглись, и все тело судорожно дернулось. Мгновение спустя я совладал с собой, и тут же уверил себя в том, что движение, которое я заметил над камнем, — это оптическая иллюзия, вызванная резким поворотом головы.

— Смерть — наш вечный попутчик, — сказал дон Хуан предельно серьезным тоном. — Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Когда ты ждал, глядя на белого сокола, она наблюдала за тобой и что-то шепнула тебе на ухо, и ты ощутил ее холод, так же, как ощутил его сегодня. Она всегда за тобой наблюдала. И будет наблюдать, пока не настанет день, когда она похлопает тебя по плечу.

Дон Хуан вытянул руку и слегка коснулся моего плеча, громко щелкнув языком. Эффект был поистине сокрушительный: меня почти вывернуло наизнанку.

— Ты принял правила игры и выжидал терпеливо, как выжидает смерть, и так же, как она, ты находился слева от белого сокола.

Странная сила его слов ввергла меня в состояние дикого неуправляемого ужаса, и я принялся лихорадочно записывать все, что он сказал, потому что другого способа защиты у меня не было.

— Как можно чувствовать себя настолько важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу? — спросил дон Хуан.

Я чувствовал, что ответа не требуется. Впрочем, в любом случае я был не в состоянии что-либо произнести. Совершенно новое настроение охватило меня.

А дон Хуан продолжал:

— Когда ты в нетерпении или раздражен — оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак, или если краем глаза ты уловишь ее движение, или просто почувствуешь, что твой попутчик — всегда рядом и все время внимательно за тобой наблюдает.

Он снова наклонился ко мне и прошептал в самое ухо, что, резко оглянувшись налево по его знаку, я опять увижу на камне свою смерть.

Он едва заметно мигнул, но оглянуться я не отважился. Я сказал, что верю, и что в этом плане ему больше нет нужды на меня давить, потому что я и так в ужасе. Дон Хуан разразился своим раскатистым грудным хохотом.

Он ответил, что в вопросах, касающихся наших взаимоотношений со своей смертью, просто невозможно нажать на психику человека так сильно, как следовало бы. Но я возразил, сказав, что в моем случае бессмысленно столь углубленно это рассматривать, потому что ничего, кроме ощущения страха и дискомфорта, мысль о смерти мне не дает.

— Ты просто доверху набит всяким вздором! — воскликнул он. — Единственный по-настоящему мудрый советчик, который у нас есть, — это смерть. Каждый раз, когда ты чувствуешь, как это часто с тобой бывает, что все складывается из рук вон плохо и ты на грани полного краха, повернись налево и спроси у своей смерти, так ли это. И твоя смерть ответит, что ты ошибаешься, и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Твоя смерть скажет: «Но я же еще не коснулась тебя!»

Дон Хуан покачал головой, как бы ожидая моей реакции. Но мне нечего было сказать. Мысли в бешеном темпе сменяли одна другую. По моему самомнению был нанесен сокрушительный удар. В свете моей смерти раздражение по адресу дона Хуана выглядело настолько мелочным!

Я чувствовал, что дон Хуан в полной мере осознает все изменения, которые произошли в моем настроении. Он выиграл, и теперь все складывалось в его пользу. Он начал напевать мексиканскую песенку.

— Да, — мягко произнес он после длинной паузы. — Один из нас должен снова осознать, что смерть охотится за каждым из нас, что она всегда рядом, за нашим левым плечом. Один из нас должен обратиться к смерти за советом, чтобы избавиться от бездарной мелочности, свойственной людям, которые живут так, словно смерть никогда их не коснется.

Больше часа мы молчали, а потом пошли обратно. Несколько часов мы петляли по пустынному чапаралю. Я не спрашивал, для чего это нужно, — это не имело значения. Каким-то образом дону Хуану удалось вернуть мне давно забытое чувство огромной радости просто оттого, что я есть, что я иду, не придавая этому никакого глубокомысленного значения и не ставя перед собой никаких интеллектуальных целей. Я захотел еще раз взглянуть на то, что видел там, на камне.

— Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть тень, — попросил я.

— Ты говоришь о своей смерти, да? — уточнил дон Хуан с оттенком иронии в голосе.

Мгновение я боролся с внутренним сопротивлением, но в конце концов

решился:

— Да. Сделай так, чтобы я смог еще раз увидеть свою смерть.

— Не сейчас, — сказал он. — Сейчас ты слишком тверд.

— Не понимаю…

Дон Хуан засмеялся, и смех его почему-то не был обидным и предательским, как раньше. Я бы не сказал, что теперь он смеялся не так, как прежде, — тон, громкость и дух этого смеха остались неизменными. Но новый элемент все же присутствовал, и элементом этим было мое настроение. С точки зрения неотступности смерти мое раздражение и все мои страхи становились совершенно бессмысленной ерундой.

— Тогда позволь мне поговорить с растениями, — попросил я.

Дон Хуан разразился хохотом.

— Сейчас ты слишком хорош, — сказал он, не переставая смеяться. — Но тебя бросает из крайности в крайность. Успокойся. Ни к чему разговаривать с растениями, если тебе не нужно узнать их секреты, а для того, чтобы это понадобилось, необходимо обладать несгибаемым намерением. Так что прибереги свои наилучшие побуждения для другого случая. Точно так же нет необходимости в том, чтобы встречаться со смертью. Достаточно чувствовать, что она всегда рядом.

Глава 5. Принять ответственность

Вторник. 11 апреля 1961

Ранним утром 9 апреля я приехал к дому дона Хуана. Было воскресенье.

— Доброе утро, дон Хуан! — поздоровался я. — Рад тебя видеть!

Взглянув на меня, он мягко рассмеялся. Он подошел к машине, открыл дверцу и держал ее, пока я вытаскивал пакеты с продуктами, которые привез ему.

Мы пошли к дому и уселись возле двери.

Впервые я по-настоящему осознал, что делаю здесь. Три месяца я буквально с нетерпением ждал очередного выезда «в поле». Словно мина замедленного действия разорвалась внутри меня и заставила внезапно вспомнить нечто, имевшее для меня трансцендентальное значение. Однажды я уже был очень терпелив и действовал исключительно эффективно.

Прежде чем дон Хуан смог что-либо сказать, я задал ему вопрос, который не давал мне покоя. Все три месяца меня одолевали воспоминания о белом соколе. Как мог дон Хуан о нем узнать, если сам я об этом давно забыл?

Он засмеялся, но не ответил. Я умолял его объяснить.

— Это все — ерунда, — сказал он со своей обычной убежденностью. — Любой тебе скажет, что ты странный. Просто ты все время находишься в каком-то оцепенении и потому нечувствителен. И всего-то.

Я почувствовал, что он опять заговаривает мне зубы и загоняет в угол, куда мне не очень-то хотелось.

— Разве можно увидеть собственную смерть? — спросил я, пытаясь не дать разговору отклониться от темы.

— Конечно, — со смехом ответил он. — Она всегда рядом с нами.

— Откуда ты это знаешь?

— Я уже стар. С годами человек многое узнает.

— Я знаком со многими стариками, но они ничего подобного не знают. Как вышло, что ты — знаешь?

— Скажем так: я много чего знаю потому, что у меня нет личной истории, потому, что не чувствую себя более важным, чем любое другое явление в этом мире, и потому, что моя смерть всегда находится рядом со мной, вот здесь.

Он вытянул левую руку и пошевелил пальцами, словно что-то поглаживая.

Я засмеялся. Я знал, к чему он клонит. Старый черт снова собрался меня зацепить скорее всего на тему чувства собственной важности, но на этот раз я был не против. Воспоминание о бесконечной терпеливости переполнило меня ощущением странной, спокойной эйфории, рассеявшим практически всю мою нервозность и нетерпимость в отношении дона Хуана. Вместо этого я чувствовал, что каждое его действие в каком-то смысле было чудом.

— Но все-таки, кто ты на самом деле? — поинтересовался я.

Казалось, он удивился. Он выпучил глаза до немыслимых размеров и мигнул, как птица. Его веки сомкнулись и разомкнулись подобно шторкам, не меняя фокусировки глаз. Неожиданный маневр дона Хуана меня испугал, я даже слегка отпрянул, а он рассмеялся по-детски непринужденно.

— Для тебя я — Хуан Матус, и я — к твоим услугам, — сказал он с подчеркнутой учтивостью.

Тогда я задал ему еще один вопрос, не дававший мне покоя;

— Что ты сделал со мной в тот день, когда мы встретились впервые?

— Я? Ничего, — ответил он невинным тоном.

Я описал ему, что чувствовал, когда в тот раз он на меня взглянул, и насколько немыслимо для меня было буквально онеметь от одного только взгляда.

Дон Хуан хохотал, пока по щекам его не потекли слезы. Я снова почувствовал прилив злости по отношению к нему. Я подумал, что веду себя так серьезно и так осмысленно, а он в ответ — настолько «по-индейски» в самом худшем смысле слова.

Очевидно, он тут же уловил мое настроение и мгновенно прекратил смеяться.

После довольно длительных колебаний, я все же сказал ему, что его смех разозлил меня потому, что я самым серьезным образом пытался понять, что со мной тогда произошло.

— А тут нечего понимать, — невозмутимо заявил он.

Я напомнил ему всю цепочку необычных событий, произошедших после моего с ним знакомства, начиная с того, как он таинственным способом меня затормозил, и заканчивая воспоминанием о белом соколе и тенью над камнем, которая, по его словам, была моей смертью.

— Зачем ты все это делаешь со мной? — спросил я.

В моем вопросе не было и тени враждебности. Мне просто было любопытно, почему именно я.

— Ты попросил меня рассказать все, что я знаю о растениях, — ответил дон Хуан.

В его голосе я уловил оттенок сарказма. Это звучало так, словно он меня разыгрывал.

— Но все, что ты до сих пор мне рассказал, не имеет с растениями ничего общего, — возразил я.

Он ответил, что изучение растений требует времени.

Я почувствовал: препираться с ним бесполезно. Я осознал полный идиотизм простых и абсурдных решений, которые принимал. Пока я находился дома, я обещал себе, что, общаясь с доном Хуаном, никогда больше не стану нервничать и раздражаться. Но на деле, однако, я мгновенно выходил из себя, стоило ему в очередной раз меня отшить. Я чувствовал, что никак не могу нащупать путей взаимодействия с ним, и это меня злило.

— А сейчас подумай о своей смерти, — неожиданно велел дон Хуан. — Она —

на расстоянии вытянутой руки. И в любое мгновение может похлопать тебя по плечу, так что в действительности у тебя нет времени на вздорные мысли и настроения. Времени на это нет ни у кого из нас. Ты хочешь знать, что я сделал с тобой в тот день, когда мы впервые встретились? Я видел тебя. И я видел, что ты думаешь, что врешь мне. Но ты не врал, ты действительно не врал.

Я сказал, что его объяснение только еще больше меня запутало. Он ответил, что именно по этой причине не хотел мне ничего объяснять, и что в зачет идет только одно — действие. Действие, а не разговоры.

Он вытащил соломенную циновку и улегся на нее, подложив под голову какой-то сверток. Устроившись поудобнее, он сказал, что мне предстоит еще кое-что сделать, если я действительно хочу изучать растения.

— Я увидел в тебе тогда один существенный недостаток — ты не любишь принимать ответственность за свои действия, — медленно произнес дон Хуан, как бы давая мне время понять, о чем он говорит. — Когда ты говорил мне все это на автостанции, ты прекрасно отдавал себе отчет в том, что врешь. Почему ты врал?

Я объяснил, что делал это, чтобы заполучить «главного информатора» для своей работы.

Дон Хуан улыбнулся и затянул мексиканскую мелодию.

— Если ты что-то решил, нужно идти до конца, — сказал он, — но при этом необходимо принять на себя ответственность за то, что делаешь. Что именно человек делает, значения не имеет, но он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

Он смотрел на меня изучающе. Я не знал, что сказать. Наконец, у меня сформировалось мнение, почти протест. Я воскликнул:

— Но это же невозможно!

Он спросил, почему, а я ответил, что, наверно, было бы идеально, если бы люди обдумывали все, что собираются сделать. Но на практике, однако, такое

невозможно, и невозможно избежать сомнений и сожалений.

— Еще как возможно! — убежденно возразил дон Хуан, — Взгляни на меня. У меня не бывает ни сомнений, ни сожалений. Все, что я делаю, я делаю по собственному решению, и принимаю на себя всю полноту ответственности за это. Самое простое действие, например, прогулка с тобой по пустыне, может означать для меня смерть. Смерть неуклонно идет по моему следу. Поэтому места для сомнений и сожалений я оставить не могу. И если во время нашей с тобой прогулки мне предстоит умереть в пустыне, то я должен там умереть. Ты же, в отличие от меня, ведешь себя так, словно ты бессмертен, а бессмертный человек может позволить себе отменять свои решения, сожалеть о том, что он их принял, и в них сомневаться. В мире, где за каждым охотится смерть, приятель, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения.

Я совершенно искренне возразил, что, по моему мнению, мир, о котором он говорит, нереален, что он произвольно создает этот мир, взяв идеальную модель поведения и утверждая, что следует действовать именно таким образом.

И я рассказал дону Хуану о своем отце, который любил читать мне бесконечные проповеди о чуде здравого ума в здоровом теле, о том, что молодым людям следует закалять и укреплять свое тело, преодолевая трудности и участвуя в спортивных состязаниях. Отец был молод; когда мне было восемь, ему едва исполнилось двадцать семь. Летом он, как правило, уезжал из города, где работал учителем в школе, чтобы хоть месяц провести на ферме моего деда, где я жил. Этот месяц был для меня сущим адом. Я привел дону Хуану один из типичных примеров поведения отца. Пример этот, как мне казалось, вполне соответствовал теме нашего разговора.

Едва приехав на ферму, отец тут же тащил меня с собой на длинную прогулку, во время которой мы обсуждали дальнейшие действия. Отец строил планы насчет того, как мы будем ходить плавать каждое утро в шесть часов. Вечером он заводил будильник на полшестого, чтобы утром у нас было достаточно времени: ведь ровно в шесть мы уже должны быть в воде. Утром будильник звонил, отец выбирался из постели, надевал очки и выглядывал в окно.

Я даже дословно вспомнил монолог, который он при этом произносил:

— М-м-м... Что-то сегодня как-то облачно. Слушай, я полежу еще минут пять. О'кей? Только пять! Просто нужно хорошенько потянуться, чтобы сон окончательно прошел.

И он неизменно засыпал, и спал до десяти, а иногда и до полудня.

Я сказал дону Хуану, что особенно меня раздражало то, что он упорно не желал отказываться от своих невыполнимых решений. Ритуал повторялся каждое утро, до тех пор, пока я, в конце концов, не отказывался заводить будильник, чем страшно обижал отца.

— Это вовсе не были невыполнимые решения, — возразил дон Хуан, явно принимая сторону моего отца. — Он просто не знал, как ему проснуться и встать, вот и все.

— Как бы там ни было, — сказал я, — я не терплю неосуществимых решений.

— А какое решение было бы в данном случае осуществимым? — застенчиво улыбаясь, спросил дон Хуан.

— Отец должен был признаться себе, что не в силах пойти купаться в шесть, и решить, что купаться мы отправимся, скажем, в три часа пополудни.

— Твои решения ранят дух, — сказал дон Хуан исключительно серьезным тоном.

Мне показалось, что в голосе его даже прозвучали печальные нотки. Довольно долго мы молчали. Мое раздражение улеглось. Я думал о своем отце.

— Он не хотел идти купаться в три часа пополудни. Неужели ты не понимаешь? — сказал дон Хуан.

Его слова заставили меня взвиться.

Я сказал, что отец был слаб, и таким же был его мир идеальных поступков, которые он никогда не осуществлял. Я почти кричал.

Дон Хуан не произнес ни слова. Он медленно и ритмично покачал головой. Я чувствовал ужасную печаль. Всякий раз, когда я вспоминал об отце, меня охватывало какое-то опустошающее чувство.

— Думаешь, ты был сильнее, да? — как бы между прочим спросил дон Хуан.

Я ответил, что именно так и думаю, и начал было рассказывать о состоянии эмоциональной сумятицы, в которое отец неизменно меня приводил, но дон Хуан перебил;

— Он поступал с тобой нечестно?

— Нет.

— Может, он был мелочен по отношению к тебе?

— Нет.

— И он делал для тебя все, что было в его силах?

— Да.

— Так что тебе не нравится?

Я снова начал кричать, что он был слаб, но спохватился и понизил голос. На допросе у дона Хуана я чувствовал себя как-то нелепо.

— Зачем ты все это делаешь? — спросил я, — Предполагалось, что мы будем говорить о растениях.

Я был раздражен и подавлен больше, чем когда-либо до этого. Я сказал, что мое поведение — не его дело, и что не с его познаниями об этом судить, а он разразился грудным хохотом.

— Когда ты злишься, ты всегда чувствуешь, что прав, да? — спросил он и по-птичьи моргнул.

Это было действительно так. Мне была свойственна тенденция всегда

чувствовать праведность своего гнева.

— Давай не будем говорить о моем отце, — сказал я, изображая хорошее настроение, — поговорим лучше о растениях.

— Нет уж, давай поговорим о твоем отце, — настаивал дон Хуан. — Это как раз то, с чего нам сегодня следовало бы начать. Если ты думаешь, что был настолько сильнее его, то скажи, почему ты сам не ходил купаться в шесть утра и не вытаскивал его с собой?

Я ответил, что не мог поверить в то, что отец просил меня об этом всерьез. Я всегда считал, что купание в шесть утра — это дело моего отца, а не мое.

— С того момента, как ты принял его идею, это стало также и твоим делом, — резко сказал дон Хуан.

Я сказал, что никогда ее не принимал, потому что знал, что отец склонен к самообману. Таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, дон Хуан спросил, почему я тогда же не сказал отцу все, что по этому поводу думал.

— Отцу таких вещей не говорят, — неуверенно попытался я объяснить.

— А, собственно, почему?

— В моем доме это было не принято, вот и все.

— Ты совершал гораздо более неприглядные поступки в своем доме, — провозгласил он, как судья, выносящий приговор. — Единственное, чего ты так и не совершил — ты не возжег огонь собственного духа!

Сила этих его слов была столь сокрушительной, что они, словно эхо, отозвались в моем сознании. Он опрокинул все мои щиты. Я был не в состоянии с ним спорить. Чтобы как-то защититься, я кинулся записывать.

В последней слабой попытке объясниться я сказал, что всю жизнь мне почему-то приходится иметь дело с людьми вроде моего отца, которые, подобно ему, бросали мне наживку в виде своих заманчивых планов, а в итоге

я всегда оказывался не у дел.

— Ты жалуешься, — мягко произнес дон Хуан. — Ты жаловался всю свою жизнь, потому что не привык принимать ответственность за свои решения. Если бы ты согласился с решением твоего отца каждое утро в шесть часов ходить купаться, ты пошел бы самостоятельно, если бы понадобилось, или послал бы отца к черту, едва он заикнулся бы на эту тему после того, как ты понял, чего стоят все эти разговоры. Но ты ничего ему не сказал. Так что ты был так же слаб, как твой отец. Принять на себя ответственность за свои решения — это значит быть готовым умереть за них.

— Постой, постой! — воскликнул я. — Ты передергиваешь!

Но он не дал мне закончить. А сказать я собирался, что привел своего отца лишь в качестве примера нереалистического образа действия, и что ни один здравомыслящий человек не согласится умирать за такую идиотскую вещь.

— Не имеет значения, каким именно является решение, — сказал дон Хуан. — В этом мире нет ничего более серьезного, чем что-либо другое. Разве ты не понимаешь? В мире, где за каждым охотится смерть, не может быть маленьких или больших решений. Здесь есть лишь решения, которые мы принимаем перед лицом своей неминуемой смерти.

Я не мог сказать ничего. Прошло не менее часа. Дон Хуан совершенно неподвижно лежал на своей циновке. Но он не спал.

— Почему ты мне все это рассказываешь, дон Хуан? — спросил я. — Почему ты делаешь все это со мной?

— Ты пришел ко мне, — ответил он. — Вернее, ты был ко мне приведен. И я за тебя взялся.

— Прошу прощения?..

— Ты мог бы взяться за своего отца, если бы стал ради него купаться по утрам. Но ты не сделал этого, наверно, потому, что был слишком молод. Я прожил больше тебя. Надо мной ничего не висит. В моей жизни нет спешки, поэтому я могу как следует за тебя взяться.

Во второй половине дня мы отправились в поход. Я легко выдерживал темп, который задавал дон Хуан, и опять восхищался его поразительной тренированностью. Он шел настолько легко и шаги его были настолько уверенными, что рядом с ним я выглядел ребенком. Я заметил, что он не любит разговаривать во время ходьбы. Если я заговаривал с ним, он останавливался, чтобы ответить.

Через пару часов мы подошли к холму. Дон Хуан сел и указал мне на место рядом с собой. Напыщенно-торжественным тоном он заявил, что собирается рассказать мне сказку.

Жил некогда молодой человек — очень бедный индеец. Он жил в большом городе, и окружали его только белые люди. У него не было ни дома, ни родных, ни друзей. Он пришел в город за счастьем, но нашел лишь нищету и боль. Время от времени он, работая как мул, добывал несколько центов на кусок хлеба. Если бы не это, ему пришлось бы просить милостыню или воровать.

Однажды молодой человек отправился на рынок. Бредя как в тумане, он диким взглядом рассматривал изобилие прекрасных товаров. Он был в таком шоке, что не видел, куда идет и, в конце концов, налетев на стоявшие корзины, свалился на какого-то старика.

Старик нес четыре большущих кувшина и только что остановился и присел, чтобы перекусить. Дон Хуан многозначительно улыбнулся и сказал, что старику показалось довольно странным то, что на него свалился молодой человек. Он не рассердился из-за того, что его потревожили, но лишь удивился, почему это оказался именно этот конкретный молодой человек. Парень же, наоборот, разозлился и обругал старика за то, что тот расселся у него на дороге. Его совершенно не интересовала скрытая причина их встречи. Он не заметил, что это было пересечением их путей.

Дон Хуан изобразил движение человека, который пытается схватить нечто перевернувшееся и покатившееся. Он сказал, что кувшины старика опрокинулись и покатились. Увидев это, молодой человек решил, что на сегодня ему удалось найти для себя пропитание.

Он помог старику и взялся нести тяжелые кувшины. Старик сказал, что идет домой в горы, и молодой человек настоял на том, чтобы сопровождать его хотя бы часть пути.

Старик повернул в горы и по дороге накормил молодого человека, отдав ему часть купленных на рынке продуктов. Молодой человек набил брюхо под самую завязку и, почувствовав, что сыт, начал замечать, насколько тяжелы сосуды, которые он нес. И он покрепче прижал их к себе.

Дон Хуан вытаращил глаза и с дьявольской усмешкой сказал, что молодой человек спросил у старика: «Что у тебя в этих кувшинах?» Старик не ответил, но сказал, что собирается показать молодому человеку друга, который развеет его горести, даст ему совет и научит мудрости, необходимой для того, чтобы разобраться в неисповедимых путях этого мира.

Дон Хуан изобразил обеими руками величественный жест и сказал, что после этого старик призвал к себе оленя. Ничего красивее этого оленя молодому человеку в своей жизни видеть не доводилось. Олень был настолько ручным, что подошел совсем близко и бродил вокруг. Он сиял и переливался всеми цветами радуги. Молодой человек был очарован и тут же догадался, что это — «олень духа». Старик сказал ему, что, если молодой человек хочет, чтобы олень стал его другом и подарил ему свою мудрость, он должен всего-навсего отказаться от кувшинов.

Дон Хуан изобразил честолюбивую усмешку и сказал, что все мелочные желания и страсти молодого человека всколыхнулись в ответ на это предложение. Глазки дона Хуана стали маленькими и дьявольски колючими. Имитируя молодого человека, он вкрадчиво спросил: «Так что же все-таки в твоих кувшинах?»

Дон Хуан сказал, что ответ старика был очень искренним: в кувшинах — пища. «Пинола» и вода. Он прервал рассказ и пару раз прошелся по кругу. Я не знал, что он делает. Но сказка еще явно не закончилась. Я решил, что хождение по кругу изображает мучительные раздумья, в которые погрузился молодой человек.

Дон Хуан сказал, что, разумеется, молодой человек не поверил ни единому слову старика. Он прикинул, что старик — наверняка колдун, и если за свои

кувшины он готов отдать «оленя духа», то какое невероятное могущество, какую фантастическую силу они должны содержать!

Лицо дона Хуана снова исказила дьявольская усмешка и он сказал, что молодой человек заявил: он выбирает кувшины. Последовала длинная пауза, вроде бы означавшая конец сказки. Дон Хуан молчал, но я был уверен, что он ждет от меня вопросов, и спросил:

— И что же произошло с молодым человеком?

— Он взял кувшины, — ответил дон Хуан с улыбкой, выражавшей удовлетворение.

Последовала еще одна длительная пауза. Я засмеялся. Я подумал, что это — настоящая «индейская сказка».

Сияя глазами, дон Хуан улыбнулся с видом простачка, а потом засмеялся мягкими раскатами и спросил:

— Разве тебе не интересно, что было в кувшинах?

— Интересно, конечно. Просто я думал, что сказка закончилась.

— Ну что ты! — сказал он с озорным блеском в глазах. — Молодой человек схватил свои кувшины, убежал, забрался в укромное место и там их открыл.

— И что он увидел? — спросил я.

Дон Хуан взглянул на меня, и я почувствовал, что он в полной мере осознает все упражнения, которые в этот момент проделывал мой интеллект. Он тряхнул головой и усмехнулся.

— Ну ладно, — сказал я. — Кувшины оказались пустыми?

— В кувшинах оказались только пища и вода, — ответил он. — И молодой человек в припадке гнева разбил их о камни.

Я сказал, что его реакция совершенно естественна — любой на его месте

сделал бы то же самое.

На что дон Хуан заявил, что молодой человек был дураком, который сам не знает, что ищет. Он не знал, что такое «сила», поэтому не мог судить о том, нашел он ее или нет. Он не принял на себя ответственности за свое решение, поэтому так разозлился из-за своего просчета. Он рассчитывал что-то приобрести, а вместо этого не получил ничего. Дон Хуан сказал, что, окажись я на месте того молодого человека и последуй я своим склонностям, я точно так же закончил бы припадком гнева и разочарованием, и остаток своей жизни, несомненно, провел бы, жалея себя и стеная о том, что потерял.

Потом он объяснил мне поведение старика. Тот поступил очень умно, предварительно до отвала накормив молодого человека. В результате тот обрел «отвагу сытого желудка» и, обнаружив в кувшинах только пищу, пришел в ярость и разбил их о камни.

— Если бы решение молодого человека было осознанным и если бы он готов был за него ответить, — сказал дон Хуан, — он оставил бы еду, которая была в кувшинах, себе и был бы этим более чем доволен. А может, ему бы даже удалось понять, что эта еда тоже была силой.

Глава 6. Стать охотником

Пятница, 23 июня 1961

Едва присев, я принялся в буквальном смысле слова бомбардировать дона Хуана вопросами. Он не отвечал. В конце концов нетерпеливым жестом он велел мне замолчать. Похоже было, что настроен он весьма серьезно.

— Я думал о том, что ты ни на йоту не изменился за это время, а еще пытаешься изучать растения, — произнес он. В тоне его звучал укор.

Громким голосом он принялся перечислять все личностные изменения, которые мне следовало произвести в себе, руководствуясь его указаниями. Я сказал ему, что отношусь к ним с полной серьезностью, но вряд ли способен осуществить их на практике, так как уж очень они противоречат тому, что составляет основу моей личности. Он ответил, что как бы я к ним ни относился, одного только отношения недостаточно, и что все сказанное им говорилось не ради красного словца. Я в очередной раз принялся твердить о своем страстном желании изучать растения, которое отнюдь не ослабевало от того, что я не предпринимаю почти ничего для приведения своей личной жизни в соответствие с провозглашаемыми им идеалами.

После длительной неловкой паузы я отважно спросил:

— Я намерен изучать пейот. Ты будешь меня учить, дон Хуан?

Он ответил, что одного только моего намерения недостаточно и что знания о пейоте — тут он впервые назвал его «Мескалито» — дело очень и очень серьезное. Больше говорить было вроде как не о чем.

Однако вечером дон Хуан дал мне контрольное задание. Без каких бы то ни было подсказок с его стороны мне предлагалось найти благоприятное для меня место на площадке перед домом, где мы обычно с доном Хуаном сидели. Это должно было быть место, на котором я определенно чувствовал бы себя совершенно счастливым и ощущал бы прилив сил. Почти всю ночь я провел, катаясь по земле на этой площадке в поисках благоприятного места. За это время мне удалось дважды заметить изменение цвета на фоне однородного темного грязного пола.

Наконец, в полном изнеможении я заснул на одном из мест, в которых менялся цвет. Утром дон Хуан разбудил меня и сказал, что я справился с заданием наилучшим образом: мне удалось отыскать не только благоприятное место, но и противоположное ему по воздействию, так сказать, враждебное или отрицательное, а также определить цвета, соответствующие обоим местам.

Суббота, 24 июня 1961

Ранним утром мы отправились в пустынный чаппараль. По пути дон Хуан объяснил, что поиск «благоприятных» и «враждебных» мест имеет огромное

значение для тех, кому приходится жить среди дикой природы. Я попытался перевести разговор на тему пейота, но об этом он говорить наотрез отказался, сказав, что сам вернется к теме пейота, когда придет время, и предупредив, что до этого я не должен даже вспоминать о ней.

Мы присели отдохнуть на густо заросшей площадке под какими-то высокими кустами. Чаппараль вокруг нас еще не совсем высох от солнца, и среди растительности обитало огромное количество мух, которые постоянно мне докучали. Но дона Хуана мухи как будто не беспокоили. Мне стало интересно, каким образом ему удается их не замечать, но потом я увидел, что они попросту вообще не садятся на его лицо.

— Иногда может возникнуть необходимость в том, чтобы очень быстро найти благоприятное место прямо в чистом поле, — продолжил дон Хуан. — Или определить, не является ли враждебным то, на котором ты как раз собираешься отдохнуть. Когда-то мы сделали привал возле холма, и настроение у тебя тут же упало; помнишь, как ты тогда взбесился? Место, на котором мы сидели, было тебе враждебно. Ворона тебя об этом предупреждала, помнишь?

Я вспомнил, что в тот раз дон Хуан посоветовал мне в будущем избегать этого места. И вспомнил, как действительно пришел в бешенство оттого, что он не разрешил мне смеяться.

— Я думал тогда, что ворона, которая пролетела над нами, была знаком только для меня, — сказал он, — поскольку не знал, что вороны благоволят и к тебе тоже.

— Не понимаю, о чем ты…

— Ворона была знаком, — продолжал он. — Если бы ты разбирался в повадках ворон, ты бы немедленно убежал с того места, словно оно заражено чумой. Но не всегда поблизости оказывается ворона, которая может тебя предупредить, поэтому необходимо научиться самостоятельно находить место для лагеря или отдыха.

После довольно длительной паузы дон Хуан неожиданно повернулся ко мне и сказал, что найти подходящее место для отдыха просто: нужно всего лишь

свести к переносице глаза. Он заговорщицки подмигнул мне и доверительным тоном сказал, что именно так я и поступил, когда катался ночью по земле, и благодаря этому смог найти оба места и увидеть соответствующие им цвета. Дон Хуан признался в том, что моя удача произвела на него сильное впечатление.

— Но я, честное слово, не знаю, как это у меня получилось, — сказал я.

— Ты свел глаза, — выразительно произнес он. — Это — технический прием, ты должен был его применить, хотя можешь об этом и не помнить.

Затем дон Хуан подробно описал этот прием. Он сказал, что на его отработку могут уйти годы. Заключается он в том, чтобы постепенно, сводя глаза к переносице, заставить их воспринимать одно и то же изображение по отдельности. Из-за несовпадения изображений возникает раздвоение зрительного восприятия мира, благодаря которому, по словам дона Хуана, человек может отмечать изменения в окружающей обстановке, которых в обычном режиме восприятия глаза попросту не замечают.

Дон Хуан предложил мне попробовать, заверив, что зрению это не повредит. Он сказал, что начинать следует с коротких взглядов почти самыми уголками глаз, а затем показал мне как это делается, выбрав большой куст. Когда я смотрел на глаза дона Хуана, бросавшие непостижимо быстрые взгляды на куст, у меня возникло странное ощущение. Они напомнили мне бегающие глазки животного, которое не может постоянно смотреть прямо перед собой.

Мы шли еще примерно час, в течение которого я пытался ни на чем не фокусировать взгляд. Затем дон Хуан велел мне смотреть раздельно, изолированно воспринимая изображения, видимые каждым глазом. Еще через час у меня ужасно разболелась голова, и нам пришлось остановиться.

— Как думаешь, сможешь ты сам найти подходящее место для привала? — спросил дон Хуан.

Я не имел понятия, по какому критерию судить о том, является место «подходящим» или нет. Он терпеливо объяснил, что, бросая на окружающий мир быстрые взгляды, можно увидеть необыкновенные явления.

— Какого типа? — спросил я.

— Это явления, которые мы не столько видим, сколько чувствуем, — уточнил дон Хуан. — Они больше похожи на ощущения, чем на зрительные образы. Если ты посмотришь таким способом на дерево или скалу, под которыми тебе хотелось бы отдохнуть, глаза помогут тебе ощутить, является ли выбранное место наиболее удачным для привала.

Я снова потребовал, чтобы дон Хуан объяснил, на что похожи ощущения, о которых он говорит, но он либо не мог их описать, либо просто не хотел, и сказал, что мне самому нужно попробовать выбрать подходящее место, и тогда он скажет, работают мои глаза в этом плане или нет.

В какое-то мгновение я заметил что-то похожее на точки света, отраженного прожилками кварца. Когда я прямо смотрел на то место, где они мелькнули, их не было видно, но стоило мне быстрым взглядом вскользь пробежать по окружающему пейзажу, как что-то вроде слабого сияния вновь обнаруживалось на том же самом месте. Я показал это место дону Хуану. Оно находилось как раз посредине открытого прямым лучам солнца участка голой земли. Дон Хуан раскатисто захохотал, а потом спросил, почему я выбрал именно это место. Я сказал, что увидел там сияние.

— Не имеет значение, что ты видишь, — объяснил он. — Ты можешь увидеть все, что угодно, хоть слона. Важно, что ты при этом чувствуешь.

Но я не чувствовал ничего. Дон Хуан загадочно взглянул на меня и сказал, что хотел бы доставить мне удовольствие и посидеть вместе со мной на выбранном мною пятачке, но предпочитает, чтобы я проверил свой выбор самостоятельно, а он тем временем посидит где-нибудь в другом месте.

Я опустился на землю. Дон Хуан отошел метров на десять-двенадцать и стал наблюдать за мной оттуда. Через несколько минут он начал громко смеяться. Его смех почему-то действовал мне на нервы. Он вывел меня из себя. Я почувствовал, что дон Хуан надо мной издевается, и буквально взбесился. Я спрашивал себя, что мне вообще здесь нужно. Во всей этой ситуации с учебой у дона Хуана с самого начала определенно был какой-то изъян. Я чувствовал, что, попав к нему в лапы, стал пешкой в неведомой мне игре.

Внезапно дон Хуан со всех ног бросился ко мне, схватил за руку и волоком оттащил меня по земле метров на пять от того места, где я сидел. Он помог мне встать на ноги и отер пот со своего лба. Я заметил, что на этом действии он выдохся чуть ли не до последнего предела. Он похлопал меня по спине и сказал, что я выбрал плохое место, и что ему пришлось в спешном порядке спасать меня, пока оно не сожрало все мои чувства. Я рассмеялся. Образ дона Хуана, бросающегося вызволять меня из «проклятого места», выглядел довольно занятно. Он несся так, словно ему было двадцать лет. Ступнями он словно цеплялся за мягкую красноватую пыль пустыни, как будто собирался с ходу через меня перемахнуть. Все произошло почти мгновенно: только что дон Хуан смеялся надо мной, а буквально через секунду-другую уже волок меня за руку по земле.

Немного погодя он велел мне снова попытаться найти подходящее место. Мы шли не останавливаясь, но как я ни старался, что-либо заметить или «почувствовать» мне не удавалось. Наверно, у меня получилось бы, если б я сильнее расслабился. Но злиться на него я, тем не менее, перестал. В конце концов он указал на группу камней, мы подошли к ним и сделали привал.

— Не расстраивайся, — сказал дон Хуан. — На то, чтобы как следует натренировать глаза, требуется немало времени.

Я ничего не сказал. Мне и в голову не приходило расстраиваться из-за того, чего я совершенно не понимал. Тем не менее я не мог не признать, что с тех пор, как мы с доном Хуаном познакомились и я начал к нему приезжать, я уже трижды приходил в неистовство и накручивал себя чуть ли не до болезненного состояния, когда сидел на тех местах, которые дон Хуан называл плохими.

— Весь фокус в том, чтобы научиться чувствовать глазами, — объяснил дон Хуан. — Ты не знаешь, что именно чувствовать, и в этом — твоя проблема. Но с практикой это придет.

— Может быть, ты расскажешь мне, что я должен чувствовать? — спросил я.

— Это невозможно.

— Почему?

— Никто не сможет тебе сказать, что в этом случае человек чувствует. Это — не тепло, не свет, не сверкание, не цвет... Это ни на что не похоже.

— И ты не можешь этого описать?

— Нет. Я могу только обучить тебя техническим приемам. Когда ты научишься разделять изображения и воспринимать все в раздвоенном виде, ты должен будешь сосредоточить внимание на пространстве между этими двумя изображениями. Любое заслуживающее внимания изменение произойдет именно в этой области.

— Об изменениях какого типа ты говоришь?

— Это не важно. Важно ощущение, которое у тебя при этом возникнет. Сегодня ты увидел сверкание, но это ничего не значило, потому что отсутствовало ощущение. Что и как ощущать, я тебе объяснить не могу. Ты должен узнать это сам.

Некоторое время мы молча отдыхали. Дон Хуан лежал, прикрыв лицо шляпой, и не двигался, как будто спал. Я полностью погрузился в свои записи. Вдруг он сделал резкое движение. От неожиданности я вздрогнул. Дон Хуан рывком сел и, нахмурившись, повернулся ко мне:

— Ты обладаешь склонностью к охоте. Охота — именно то, чему тебе следует учиться. Так что мы больше не будем говорить о растениях.

Он на секунду выдвинул челюсть, а потом бесстрастно добавил:

— Впрочем, этим, как мне кажется, мы никогда и не занимались, верно?

И засмеялся.

Остаток дня мы бродили по чапаралю, и дон Хуан невероятно подробно и обстоятельно рассказывал мне о гремучих змеях. Где они гнездятся, как двигаются, каковы их сезонные повадки, их уловки и прочее. В конце концов он поймал и убил большую змею. Он отрезал ей голову, вычистил внутренности, содрал кожу и поджарил мясо на костре. Наблюдение за всем

этим доставило мне истинное удовольствие, потому что действовал дон Хуан мастерски, и каждое движение его было точным и грациозным. Я зачарованно следил за ним и слушал все, что он говорил. Сосредоточение мое было настолько полным, что весь остальной мир практически перестал для меня существовать.

Змеиное мясо пришлось съесть, и это довольно грубо вернуло меня в обычный мир. Когда я начал жевать первый кусочек, меня затошнило. Объективных причин для этого не было никаких, так как мясо оказалось прекрасным, но я ничего не мог поделать, словно мой желудок был сам по себе и от меня никак не зависел. Глотать мне удавалось лишь с огромным трудом. Я думал, что дона Хуана от смеха хватит сердечный приступ.

Потом мы присели отдохнуть в тени каких-то камней. Я начал обрабатывать свои заметки, и по их количеству понял, насколько громадным объемом информации о гремучих змеях снабдил меня дон Хуан.

— К тебе вернулся дух охотника, — неожиданно произнес дон Хуан с очень серьезным выражением лица, — Теперь ты попался.

— Прошу прощения?..

Я хотел, чтобы он развил свое утверждение относительно того, что я попался, но он только засмеялся и повторил его.

— На чем я попался? — не унимался я.

— Охотники всегда будут охотиться, — сказал он. — Я и сам охотник.

— Ты хочешь сказать, что охотишься для того, чтобы жить?

— Я охочусь, чтобы жить. Я могу жить где угодно на земле.

Дон Хуан движением головы обвел все вокруг.

— Чтобы быть охотником, надо очень много знать, — продолжал он. — Это означает, что человек может смотреть на вещи с разных сторон. Чтобы быть охотником, необходимо находиться в совершенном равновесии со всем-всем в

мире. Без этого охота превратится в бессмысленное занятие. Сегодня, например, мы добыли змейку. Мне пришлось извиниться перед ней за то, что я оборвал ее жизнь так внезапно и так окончательно. Я сделал это, зная, что моя собственная жизнь однажды будет оборвана точно так же внезапно и окончательно. Так что, в конечном счете, мы и змеи равны. Одна из них сегодня нас накормила.

— Я никогда не находился в таком равновесии, когда охотился, — сказал я.

— Неправда. Ты не просто убивал животных. И ты, и вся твоя семья ели дичь.

Он говорил с такой убежденностью, словно видел это собственными глазами. И, разумеется, был прав. Были времена, когда вся семья питалась мясом, которое мне удавалось добыть на охоте.

После минутного колебания я спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Есть вещи, которые я просто знаю. Но не могу сказать, откуда.

Я рассказал, как мои тети и дяди совершенно серьезно именовали «фазанами» всех птиц, которых я приносил.

Дон Хуан сказал, что вполне может себе представить, как они говорят на скворца «маленький фазанчик», и очень смешно изобразил, как кто-то из них жует птичку. Следя за неподражаемыми движениями его челюстей, я буквально ощущал, что во рту у него — птичка, которую он жует прямо с костями.

— Я в самом деле думаю, что у тебя есть способности к охоте, — сказал дон Хуан, уставившись на меня, — Мы начали не с того конца. Возможно, ты захочешь изменить свой образ жизни для того, чтобы стать охотником.

Он напомнил мне, что я не только без особого труда понял, что в мире есть благоприятные и неблагоприятные места, но еще и обнаружил соответствующие им цвета.

— Все это говорит о том, что у тебя есть склонность к охоте, — объявил он. — Далеко не каждый способен одновременно определить и то и другое.

«Стать охотником» звучало заманчиво и романтично, но с моей точки зрения это было абсурдным, потому что охота лично меня ни в коей мере не интересовала. Я сказал ему об этом.

— Вовсе не обязательно, чтобы охота тебя интересовала или нравилась тебе, — сказал он. — Ты обладаешь естественной склонностью. Я думаю, что настоящие охотники никогда не любят охотиться. Они просто хорошо это делают, вот и все.

У меня возникло ощущение, что дон Хуан готов спорить по любому вопросу и способен переспорить кого угодно. Но он утверждал, что вообще не любит разговаривать.

— Это — как охота, — сказал он. — Мне вовсе ни к чему любить разговаривать. Просто у меня есть способности к тому, чтобы говорить, и я делаю это хорошо. Вот и все. Гибкость его ума меня произвела на меня впечатление.

— Охотник должен быть очень жестким, — продолжил дон Хуан, — Он практически ничего не предоставляет случаю. Все время я пытаюсь убедить тебя в том, что ты должен изменить свой образ жизни. Но до сих пор все попытки оказывались безуспешными. Тебе не за что было ухватиться. Теперь ситуация изменилась. Я вернул тебе твой старый охотничий дух. Может быть, он поможет тебе измениться.

Я возразил, что вовсе не желаю становиться охотником.

Я напомнил ему, что изначально всего лишь хотел, чтобы он рассказал мне о лекарственных растениях, но он так далеко увел меня от исходной цели, что теперь я и сам не знаю, действительно ли мне хотелось изучать растения.

— Хорошо! — сказал он. — В самом деле хорошо! Если у тебя нет ясной картины того, чего ты хочешь, ты можешь стать более смирным. Давай сделаем так. Для тебя не имеет особого значения, будешь ты изучать растения или что-нибудь еще. Ты сам мне об этом говорил. Тебя интересует все, что

кто-либо может тебе рассказать. Так?

Я действительно однажды сказал ему это, чтобы разъяснить задачи антропологии и привлечь его в качестве информатора.

Дон Хуан усмехнулся, явно сознавая, что полностью контролирует ситуацию.

— Я — охотник, — сказал он, словно читая мои мысли. — Я почти ничего не предоставляю случаю. Наверно, мне следует объяснить тебе, что охотником я стал. Я не всегда жил так, как живу сейчас. В какой-то момент своей жизни я вынужден был измениться. Теперь я указываю направление тебе. Я веду тебя. Я знаю, о чем говорю, меня всему этому научили. Я не сам все это понял.

— Ты хочешь сказать, что у тебя был учитель, дон Хуан?

— Скажем так: некто научил меня охотиться так, как я хочу научить тебя, — сказал он и быстро сменил тему.

— Я думаю, что были времена, когда охота была самым почетным делом, которым мог заниматься человек, — сказал он. — Все охотники были могущественными людьми. Действительно, чтобы выдержать всю суровость той жизни, охотнику нужно было прежде всего быть могущественным.

Мне стало любопытно — уж не говорит ли дон Хуан о временах, предшествовавших Конкисте? Я начал его прощупывать:

— Когда это было?

— Давным-давно.

— Когда именно? Что означает твое «давным-давно»?

— «Давным-давно» означает давным-давно, а может быть — сейчас, сегодня. Это не имеет значения. Было время, когда все знали, что охотник — лучший из людей. Сейчас об этом известно далеко не каждому, но есть люди, которые это знают. Я знаю, и ты когда-нибудь узнаешь. Понимаешь, о чем я говорю?

— Скажи мне, это индейцы яки так относятся к охотникам?

— Не обязательно.

— Индейцы пима?

— Не все. Но некоторые — да.

Я назвал еще несколько племен. Мне хотелось привести его к утверждению о том, что культ охоты является верованием и практикой определенной группы людей. Но он избегал прямого ответа, поэтому я сменил тему:

— Зачем ты со мной все это проделываешь, дон Хуан?

Он снял шляпу и с наигранным недоумением почесал виски.

— Я тобой занимаюсь, — мягко ответил он. — Раньше подобным образом мною занимались другие, и когда-нибудь ты сам кем-то займешься. Скажем так: сейчас — моя очередь. Однажды я обнаружил, что если я хочу быть охотником, который мог бы уважать себя, мне необходимо изменить свой образ жизни. До этого я все время жаловался и распускал нюни. У меня были веские причины, чтобы чувствовать себя обделенным и обманутым жизнью. Я — индеец, а с индейцами обращаются хуже, чем с собаками. Я не мог этого изменить, и поэтому мне не оставалось ничего, кроме печали. Но удача повернулась ко мне лицом, и однажды в моей жизни появился тот, кто научил меня охотиться. И я осознал, что жизнь, которую я вел, не стоит того, чтобы жить. Поэтому я изменил ее.

— Но моя жизнь меня вполне устраивает, дон Хуан. С какой стати я должен ее изменять?

Он принялся напевать мексиканскую песню, очень мягко, а потом просто замурлыкал мелодию, кивая в такт головой.

— Как ты думаешь, мы с тобой равны? — резко спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. В ушах зазвенело, как будто он громко выкрикнул эти слова, хотя он не кричал. Однако в его голосе был какой-то металлический звук, который завибрировал в моих ушах.

Я почесал мизинцем внутри левого уха. Уши чесались, и в конце концов я принялся ритмично почесывать их мизинцами обеих рук, движения мои при этом скорее напоминали подергивания рук от плеч до кончиков мизинцев.

Дон Хуан с явным удовольствием наблюдал за моими действиями.

— Ну, равны мы? — переспросил он.

— Конечно, мы равны, дон Хуан, — ответил я.

Естественно, я оказывал ему некоторое снисхождение. Я относился к нему очень тепло, даже несмотря на то, что порою не знал, что с ним делать. Но все же в глубине души я считал, хотя никогда и не говорил об этом вслух, что я — студент университета, человек из цивилизованного западного мира — стою выше старого индейца.

— Нет, — спокойно сказал он, — мы не равны.

— Ну почему же, равны, — возразил я.

— Нет, — произнес он мягко. — Мы не равны. Я — охотник и воин, а ты — паразит.

У меня отвисла челюсть. Я не мог поверить в то, что дон Хуан действительно это сказал. Блокнот выпал у меня из рук, я тупо уставился на дона Хуана, а потом, конечно, пришел в ярость.

Дон Хуан спокойно и собранно смотрел на меня. Я избегал его взгляда. А потом он заговорил. Он произносил слова очень четко. Речь его лилась гладко и металлически бесстрастно. Он сказал, что я жалко и лицемерно веду себя по отношению ко всем. Что я отказываюсь вести собственные битвы, а вместо этого копаюсь в чужих проблемах и занимаюсь чужими битвами. Что я ничему не желаю учиться — ни знанию растений, ни охоте, ничему вообще. И что его мир точных действий, чувств и решений неизмеримо более эффективен, чем тот бездарный разгильдяйский идиотизм, который я называю «моя жизнь».

Когда он закончил, я онемел. Он говорил без враждебности и без презрения,

но с такой мощью и в то же время с таким спокойствием, что даже гнев мой как рукой сняло.

Мы молчали. Я был подавлен и не мог найти подходящих слов. Я ждал, что он первым нарушит молчание. Проходили часы. Дон Хуан постепенно становился все более и более неподвижным, пока, наконец, его тело не сделалось странно, почти пугающе застывшим. Темнело, и силуэт его становился все менее различимым и в конце концов полностью слился с чернотой окружающих скал в кромешной тьме опустившейся ночи. Дон Хуан был настолько неподвижен, что его как бы вовсе не существовало.

Была уже полночь, когда я, наконец, осознал, что, если понадобится, он может вечно сохранять неподвижность среди камней в этой дикой ночной пустыне. Его мир точных действий, чувств и решений был действительно неизмеримо выше.

Я прикоснулся к его руке, и слезы хлынули у меня из глаз.

Глава 7. Стать недоступным

Вторник, 29 июня 1961

Всю неделю дон Хуан рассказывал мне о повадках диких животных, чем совершенно меня очаровал. Он объяснил мне, а потом продемонстрировал несколько тактических приемов охоты, основанных на том, что он назвал «перепелиные причуды». Я был настолько поглощен его объяснениями, что совершенно не замечал течения времени. Я даже забыл об обеде. Дон Хуан в шутку заметил, что это совсем на меня не похоже.

К концу дня он поймал пятерых перепелов в простейшую ловушку, устанавливать которую он меня научил.

— Двух будет достаточно, — сказал он и остальных выпустил.

Затем он научил меня жарить перепелов на костре. Я хотел было нарезать с кустов веток, чтобы запечь перепелов на костре целиком, как это делал мой дед. Он готовил дичь на углях, обложив ее листьями и зелеными ветками и обмазав мокрой землей. Но дон Хуан сказал, что нет никакой нужды в том, чтобы причинять вред кустам, тем более, что мы уже причинили его перепелам.

Поев, мы не спеша направились к скалам, видневшимся в отдалении. Мы уселись на склоне песчаникового холма, и я в шутку сказал, что как по мне, то я приготовил бы всех пятерых перепелов и что приготовленные мной, они по вкусовым качествам заметно превзошли бы жаркое, которое приготовил он.

— В этом я не сомневаюсь, — с готовностью согласился дон Хуан, — Но если бы ты все это проделал, то, возможно, нам не удалось бы уйти отсюда целыми и невредимыми.

— Что ты хочешь сказать? — спросил я. — Что могло бы нам помешать?

— Кусты, перепела, все вокруг восстало бы против нас.

— Никогда я не могу понять, всерьез ты говоришь или нет, — сказал я.

Он изобразил нетерпение и причмокнул губами:

— У тебя какое-то странное представление о том, что значит говорить всерьез. Я много смеюсь, потому что мне нравится смеяться, но все, что я говорю, это совершенно серьезно, даже если ты не понимаешь, о чем идет речь. Почему мир должен быть таким, каким ты его считаешь? Кто дал тебе право так думать?

— Но ведь нет доказательств того, что он — не такой, — возразил я.

Темнело. Мне было интересно, собирается ли он поворачивать к дому, но он, похоже, не торопился, а я был настроен довольно благодушно.

Дул холодный ветер. Вдруг дон Хуан встал и сказал, что нам нужно подняться

на вершину холма и встать там на свободной от кустов площадке.

— Не бойся, — подбодрил он меня, — Я — твой друг и прослежу за тем, чтобы с тобой ничего плохого не случилось.

— Что ты имеешь в виду? — встревожился я.

Дон Хуан обладал коварной способностью из состояния полнейшей удовлетворенности и даже радости мгновенно загонять меня в состояние дикого страха.

— В это время суток мир очень странен, — сказал он. — Вот что я имею в виду. Но что бы ты ни увидел, не пугайся.

— А что я могу увидеть?

— Пока не знаю, — ответил он, внимательно всматриваясь во что-то, находящееся к югу от нас.

Дон Хуан вроде не был ничем обеспокоен. Я смотрел в том же направлении, что и он.

Вдруг он оживился и левой рукой указал на темное пятно среди кустарника внизу.

— Вот оно, — сказал он, словно ждал появления чего-то, и это что-то неожиданно появилось.

— Что это? — спросил я.

— Вон оно, — повторил он. — Смотри! Смотри!

Но я не видел ничего, кроме кустов.

— А теперь оно здесь, — настойчиво сказал он. — Оно здесь.

В это мгновение меня ударил порыв ветра, в глазах появилась резь. Я смотрел на то место, куда показывал дон Хуан. Там не было абсолютно ничего

необычного.

— Я ничего не вижу, — сказал я.

— Ты только что это почувствовал. Только что. Оно попало тебе в глаза и мешает смотреть.

— Что — «оно»? О чем ты говоришь?

— Я специально привел тебя на вершину холма, — ответил он. — Здесь мы заметны, и нечто пришло к нам.

— Что «нечто»? Ветер?

— Не просто ветер, — сурово произнес он. — Тебе может казаться, что это ветер, потому что ветер — это все, что тебе известно.

Я напряг глаза, вглядываясь в кустарник, покрывавший окружающую пустыню. Дон Хуан немного постоял рядом со мной, а потом вошел в чаппараль и начал обрывать большие ветки с каких-то кустов. Сорвав восемь веток, он сложил их в пучок. Мне он велел проделать то же самое и громко извиниться перед кустами за причиненный им вред.

Когда у каждого из нас оказалось по охапке веток, дон Хуан велел мне бегом вернуться на свободную от растительности вершину холма и там лечь между двумя большими камнями. С молниеносной быстротой он разложил ветки из моей охапки так, что они укрыли меня с головы до ног. Потом он улегся сам и точно так же укрылся ветками из своей охапки. Потом сквозь листья он прошептал, чтобы я следил, как так называемый ветер перестанет дуть, едва мы сделаемся незаметными.

В какой-то момент ветер, как и предсказывал дон Хуан, действительно утих, что весьма меня изумило. Переход был настолько плавным, что я вряд ли заметил бы перемену, если бы специально за этим не следил. Какое-то время после того, как мы спрятались, ветер еще шуршал листьями над моим лицом, а потом все вокруг нас постепенно стихло.

Я прошептал дону Хуану, что ветер стих, и он шепотом ответил, что нужно

лежать неподвижно и не шуметь, поскольку то, что я называю ветром — не ветер вовсе, а нечто обладающее собственной волей и самым натуральным образом способное нас узнать.

От нервного напряжения я засмеялся.

Приглушенным голосом дон Хуан обратил мое внимание на застывшую вокруг нас тишину. Потом он прошептал, что собирается встать, и велел мне сделать то же самое, левой рукой аккуратно отодвинув ветки.

Встали мы одновременно. Дон Хуан какое-то время всматривался в южном направлении, а потом вдруг резко повернулся на запад.

— Змея. Настоящая змея, — пробормотал он, указывая на юго-запад.

— Смотри! Смотри! — подтолкнул он меня.

Я смотрел со всей внимательностью, на какую только был способен. Мне очень хотелось увидеть то, о чем он говорит, но я ничего не замечал. Вернее, я не замечал ничего такого, чего не было до этого. Передо мной простиралась пустыня, поросшая кустами, которые, вроде бы, шевелит мягкий ветерок. Они шелестели.

— Оно здесь, — сказал дон Хуан.

И в это мгновение ветер ударил мне в лицо. Казалось, что он и в самом деле начал дуть после того, как мы встали. Это было невероятно, я решил, что всему этому обязательно должно быть какое-либо вполне логичное объяснение.

Дон Хуан мягко усмехнулся и посоветовал мне не перегружать мозги поисками причины.

— Давай-ка еще раз наломаем веток, — сказал он. — Я очень не люблю так поступать с маленькими растениями, но мы должны тебя остановить.

Он собрал те ветки, которыми мы укрывались, сложил их в кучу и забросал землей и камнями. Затем так же, как и в первый раз, мы сорвали по восемь

больших раскидистых ветвей. Все это время ветер дул безостановочно. Я чувствовал, как он треплет волосы у меня над ушами. Дон Хуан прошептал, что после того, как он меня укроет, я должен лежать молча и без малейшего движения. Он очень быстро укрыл меня с ног до головы, потом лег рядом и укрылся сам.

Мы лежали так минут двадцать. За это время произошло совершенно необъяснимое явление: ветер опять стих. Его жесткий непрерывный напор сменился едва заметными вибрациями.

Я затаил дыхание в ожидании сигнала. Вот дон Хуан осторожно отодвинул ветки. Я сделал то же, и мы встали. Над вершиной холма опять нависла неподвижная тишина. Чаппараль под нами еле-еле вздрагивал листьями.

Дон Хуан неотрывно смотрел на юг.

— Опять идет! — громко воскликнул он.

Я непроизвольно подпрыгнул от неожиданности, едва не потеряв равновесие, а он громко приказал мне смотреть.

— Но что я должен увидеть? — в отчаянии спросил я.

Он ответил, что оно — чем бы там оно ни было — ветром или чем-то другим — похоже на облако, на вихрь вдалеке над кустами, который подбирается к вершине холма, на которой мы стоим.

Я увидел волну, пробежавшую по кустарнику на некотором расстоянии от нас.

— Вот оно, — сказал дон Хуан, — смотри, как оно нас ищет.

Сразу вслед за его словами мне в лицо в очередной раз ударил устойчивый поток ветра. Но реакция моя теперь была иной — я пришел в ужас. Я не видел того, о чем говорил дон Хуан, однако видел таинственную волну, пробежавшую по поверхности кустарника. Не желая поддаваться страху, я спешно выискивал какое-нибудь приемлемое объяснение. Я уверял себя в том, что в тех местах, должно быть, имеются устойчивые воздушные потоки, и дон Хуан, отлично зная эту местность, не только хорошо в них разбирается, но и

умеет рассчитывать их поведение. Поэтому все, что от него требовалось, — это лежать, считать и поджидать, пока ветер прекратится. Поднявшись же на ноги, ему нужно было только дождаться следующего порыва.

Из моих умственных упражнений меня вытряхнул голос дона Хуана. Он говорил, что пора уходить. Я заупрямился, мне хотелось остаться и убедиться в том, что ветер перестанет дуть сам по себе.

— Я ничего не видел, дон Хуан, — сказал я.

— Но нечто необычное ты все же заметил.

— Может, еще раз расскажешь, что я должен быть видеть?

— Я уже все тебе рассказал, — ответил он. — Нечто, скрывающееся в потоках ветра. Оно похоже на вихрь, на облако, на туман, на лицо, которое кружит вокруг.

И дон Хуан рукой изобразил горизонтальное и вертикальное движение:

— Оно движется в определенном направлении либо перекатываясь, либо вращаясь, как смерч. Чтобы правильно действовать, охотник должен все это знать.

Я собрался было пошутить по этому поводу, но дон Хуан так упорно и серьезно отстаивал свою точку зрения, что я не посмел. Он бросил на меня короткий взгляд, и я отвел глаза.

— Глупо верить в то, что мир именно таков, каким считаешь его ты, — сказал он. — Этот мир — место, исполненное тайн. Особенно в сумерках.

Он кивнул в том направлении, откуда дул ветер:

— Это может преследовать нас. Оно способно нас вымотать и даже убить.

— Ветер?

— В это время суток, в сумерках, ветра не бывает. В это время существует

только сила.

Мы оставались на вершине холма еще около часа. Все это время, не переставая, дул сильный ветер.

Пятница, 30 июня 1961

Вечером после еды мы с доном Хуаном устроились на площадке перед домом. Я уселся на «своем месте» и занялся заметками. Дон Хуан улегся на спину, сложив на животе руки. Из-за «ветра» мы целый день не отходили от дома. Дон Хуан объяснил, что вчера мы намеренно побеспокоили силу, с которой лучше не шутить. Он даже заставил меня спать, укрывшись ветками.

Неожиданный порыв ветра заставил дона Хуана вскочить одним невероятно мощным прыжком.

— Вот черт! — воскликнул он. — Ветер ищет тебя.

— Не морочь голову, дон Хуан, — со смехом сказал я. — Меня на такое не купишь. В самом деле, нет.

Я не упрямился. Просто я никак не мог согласиться с тем, что ветер обладает собственной волей и может меня искать, равно как и с тем, что он на самом деле выслеживал нас и бросался к нам на вершину холма. Я сказал, что идея «ветра, обладающего волей» относится к очень примитивному мировоззрению.

— Хорошо, тогда что такое ветер? — вызывающе спросил дон Хуан.

Я терпеливо объяснил ему, что массы горячего и холодного воздуха создают различные давления, и, вследствие их разницы, воздух перемещается в горизонтальном и вертикальном направлениях. Я довольно долго посвящал дона Хуана в основы метеорологии.

— То есть ты хочешь сказать, что ветер — это лишь результат взаимодействия холодного и горячего воздуха? — спросил дон Хуан с заметным замешательством.

— Боюсь, что так, — ответил я, молча наслаждаясь своим триумфом.

Дон Хуан, казалось, был ошарашен. Но потом он взглянул на меня и расхохотался.

— Все твои мнения — окончательны, — сказал он с ноткой сарказма в голосе. — Все они — последнее слово, верно? Но для охотника, однако, твое мнение по поводу ветра — чистейший вздор. Нет никакой разницы, каким будет давление — единица, две или десять. Если бы ты жил среди дикой природы, ты бы знал: в сумерках ветер становится силой. Настоящий охотник знает это и действует соответственно.

— Как именно?

— Он использует сумерки и силу, скрытую в ветре.

— Как?

— Если ему нужно, охотник прячется от силы, укрываясь ветками и лежа неподвижно до тех пор, пока не кончатся сумерки. И сила окутывает его своей защитой.

Движениями рук дон Хуан изобразил, как именно сила окутывает охотника.

— Это похоже на ...

Дон Хуан замолчал, подыскивая соответствующее слово.

— Кокон, — подсказал я.

— Точно, — согласился он. — Защита силы окутывает тебя подобно кокону. Охотник может спокойно оставаться на открытом месте, и ни пума, ни койот, ни ядовитый клоп его не потревожат. Горный лев может подойти к самому носу охотника и обнюхать его, но если охотник останется неподвижным, лев уйдет. Я могу тебе это гарантировать.

Если же охотник хочет стать заметным, ему нужно всего лишь подняться в сумерках на вершину холма. Сила зацепится за него и будет следовать за ним

всю ночь. Поэтому, если охотник хочет совершить ночной переход, или если ему необходимо всю ночь бодрствовать, он должен стать доступным ветру. В этом состоит секрет великих охотников — в смене доступности и недоступности точно на соответствующих поворотах пути.

Чувствуя, что несколько сбит с толку, я попросил его вкратце повторить все, что он сказал.

— Ты должен научиться сознательно становиться доступным и недоступным, — сказал он. — Хочешь ты этого или нет, но при твоем нынешнем образе жизни ты все время остаешься доступным. Ты всегда открыт.

Я запротестовал. Я чувствовал, что моя жизнь становится все более и более скрытной. Он сказал, что я его не понял. Быть недоступным вовсе не значит прятаться или быть скрытным. Это значит — быть недостижимым, то есть закрытым и защищенным.

— Давай скажем иначе, — терпеливо продолжал он. — Нет никакой разницы в том, прячешься ты или нет, если каждый знает, что ты прячешься. Из этого вытекают все твои нынешние проблемы. Когда ты прячешься, то об этом знают все; ты открыт и доступен, и каждый может в тебя чем угодно ткнуть.

Я почувствовал какую-то угрозу и поспешно попытался защититься.

— Не нужно оправдываться, — сухо сказал дон Хуан. — В этом нет никакой нужды. Все мы — дураки, и ты не можешь быть другим. Когда-то я тоже, подобно тебе, был доступен и раскрывался снова и снова до тех пор, пока от меня почти ничего не осталось. А то, что осталось, могло только ныть. Что я и делал, так же, как ты.

Дон Хуан смерил меня взглядом и громко вздохнул.

— Я, правда, был тогда моложе тебя, — продолжал он, — но в один прекрасный день я почувствовал, что с меня довольно, и изменился. Скажем так: однажды, когда я сделался охотником, я постиг секрет смены доступности и недоступности.

Я сказал, что до меня все равно не доходит то, что он хочет сказать. Я

действительно никак не мог понять, что он имеет в виду, говоря «быть доступным». Он использовал испанские идиоматические выражения «ponerse al alcance»? «ponerse en el medio del camino» — «быть в пределах досягаемости» и «находиться посреди оживленной улицы».

— Ты должен оттуда убраться, — объяснил он. — Уйти с середины улицы, на которой полно машин и прохожих. Ты весь — там, всем своим существом, поэтому не имеет никакого значения, прячешься ты или нет. Прятаться там бессмысленно, ты только можешь воображать, что спрятался. Ты находишься посреди улицы; это значит, что каждый, кто по ней проходит или проезжает, видит, как ты бродишь там туда-сюда.

Метафора была интересной и в то же время весьма туманной.

— Ты говоришь загадками, — сказал я.

Он довольно долго не мигая смотрел на меня, а потом замурлыкал мексиканскую мелодию. Я выпрямил спину и насторожился, потому что уже знал — эта мелодия означает, что сейчас он меня снова на чем-нибудь поймает.

— Эй, — сказал он, улыбнувшись и вытаращившись на меня. — Слушай, а что с той блондинкой, твоей подружкой? Ну, той, которая тебе по-настоящему нравилась.

Я уставился на него. Должно быть, у меня был вид полнейшего идиота. Он засмеялся с явным удовольствием. У меня не было слов.

— Ты мне сам о ней рассказывал, — сказал дон Хуан, словно затем, чтобы несколько меня подбодрить.

Но я не помнил, чтобы когда-либо рассказывал ему о ком-то из своих друзей, тем более о белокурой девушке.

— Никогда ни о чем подобном я тебе не рассказывал, — сказал я.

— Ну как же не рассказывал, если рассказывал, — возразил он, как бы подводя итог спору.

Я хотел было возразить, но он не дал, сказав, что то, откуда он о ней узнал, не имеет значения, а важно лишь то, что я действительно ее любил.

На меня накатила волна враждебности к нему из-за того, что он лезет мне в самую душу.

— Только не надо хорохориться, — сказал дон Хуан сухо. — С чувством собственной важности уже давно пора покончить. У тебя была женщина, очень дорогой тебе человек. И ты ее потерял.

Я начал вспоминать, действительно ли я когда-нибудь говорил с доном Хуаном об этом. В конце концов я пришел к выводу, что это было вряд ли возможно. Хотя все же я мог что-то рассказать ему, когда мы ехали в машине. Я не помнил всего, о чем мы говорили во время совместных поездок, потому что, сидя за рулем, не мог записывать. Эта мысль в какой-то степени меня успокоила. Я сказал ему, что он прав. В моей жизни действительно была белокурая девушка, и отношения с ней действительно имели для меня огромное значение.

— Почему сейчас она не с тобой? — спросил дон Хуан.

— Она ушла от меня.

— Почему?

— По многим причинам.

— Причин было не так уж много. Причина была одна — ты сделался слишком доступным.

Я искренне хотел понять, что он имеет в виду. Ему в очередной раз удалось меня здорово зацепить. Он, похоже, отлично отдавал себе в этом отчет и, чтобы скрыть предательскую улыбку, выпятил губы.

— О ваших отношениях знали все вокруг, — сказал он с непоколебимой уверенностью.

— А что в этом плохого?

— Это очень плохо, просто ужасно. Ведь она была прекрасным человеком.

Я искренне заявил, что его манера гадать о том, о чем он не может иметь ни малейшего понятия, мне отвратительна, и что самое неприятное в этом то, что он говорит с такой уверенностью, словно видел все собственными глазами.

— Но все, что я говорю, — правда, — сказал дон Хуан с обезоруживающей прямотой. — Я видел все это. Она была очень тонкой личностью.

Я знал, что спорить не имеет смысла, но очень разозлился на него за то, что он разбередил самую глубокую из моих ран. Поэтому я сказал, что, в конце концов, та девушка была не такой уж тонкой личностью, и что, по моему мнению, она была личностью довольно слабой.

— Как и ты, — спокойно произнес дон Хуан. — Но это — не важно. Значение имеет лишь то, что ты ее повсюду искал. Это делает ее особым человеком в твоей жизни. А для особых людей у нас должны быть только хорошие слова.

Я был подавлен. Глубокая печаль начала охватывать меня.

— Что ты со мной делаешь, дон Хуан? — спросил я. — Тебе каждый раз удается вогнать меня в печаль. Почему?

— А сейчас ты потворствуешь своей сентиментальности, — с укором сказал он.

— Но в чем тут дело, дон Хуан?

— Дело в доступности, — провозгласил он. — Я напомнил тебе о той девушке только затем, чтобы непосредственно показать то, чего не смог показать посредством ветра. Ты потерял ее, потому что был доступен; ты всегда находился в пределах ее досягаемости, и твоя жизнь была подчинена строгому распорядку.

— Нет! — возразил я. — Ты не прав. В моей жизни никогда не было распорядка.

— Был и есть, — с догматической убежденностью заявил он. — Это — распорядок необычный, поэтому складывается впечатление, что его нет. Но я уверяю тебя, он есть.

Я собрался было надуться и погрузиться в мрачное расположение духа, но что-то в его глазах не давало мне покоя, его взгляд словно бы все время куда-то меня подталкивал.

— Искусство охотника заключается в том, чтобы сделаться недостижимым, — сказал дон Хуан. — В случае с белокурой девушкой это означало бы, что ты должен был стать охотником и встречаться с ней осторожно, бережно. А не так, как ты это делал. Ты оставался с ней изо дня в день до тех пор, пока не истощились все чувства, кроме одного — скуки. Верно?

Я не ответил. Да ответа и не требовалось. Он был прав.

— Быть недостижимым — значит бережно прикасаться к окружающему миру. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. Не пользоваться людьми, не выжимать из них все до последней капли, особенно из тех, кого любишь.

— Но я никогда никем не пользовался, — вставил я.

Но дон Хуан сказал, что пользовался, и потому теперь могу только тупо твердить, что устал от них и что они нагоняют на меня тоску.

— Быть недоступным — значит сознательно избегать истощения, бережно относясь и к себе, и к другим, — продолжал он. — Это значит, что ты не поддаешься голоду и отчаянию, как несчастный дегенерат, который боится, что не сможет поесть больше никогда в жизни, и потому пожирает без остатка все, что попадается на пути, всех пятерых перепелов!

Дон Хуан определенно бил ниже пояса. Я засмеялся, и это, похоже, ему понравилось. Он слегка дотронулся до моей спины.

— Охотник знает, что в его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокойство неизбежно делает человека доступным, он

непроизвольно раскрывается. Тревога заставляет его в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, ты уже обязан истощить либо себя, либо то, за что зацепился.

Я сказал, что в моей жизни быть недостижимым невозможно, потому что мне постоянно приходится иметь дело с множеством людей и быть в пределах досягаемости каждого из них.

— Я уже тебе говорил, — спокойно продолжал дон Хуан, — что быть недостижимым — вовсе не означает прятаться или скрытничать. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник обращается со своим миром очень осторожно и нежно, и не важно, мир ли это вещей, растений, животных, людей или мир силы. Охотник находится в очень тесном контакте со своим миром и, тем не менее, он для этого мира недоступен.

— Но тут у тебя явное противоречие, — возразил я. — Невозможно быть недоступным для мира, в котором находишься постоянно, час за часом, день за днем.

— Ты не понял, — терпеливо объяснил дон Хуан. — Он недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов.

Глава 8. Разрушение распорядков

Воскресенье, 16 июля 1961

Все утро мы наблюдали за грызунами, похожими на жирных белок. Дон Хуан называл их водяными крысами. Он рассказывал, что, спасаясь от опасности, эти животные могут развивать огромную скорость. Но у них есть пагубная привычка: стоит животному оторваться от погони, независимо от того, кто его

преследует, как оно останавливается, а иногда даже взбирается на камень и садится на задние лапки, чтобы осмотреться и почиститься.

— У них исключительное зрение, — сказал дон Хуан. — Двигаться можно, только пока животное бежит. Поэтому ты должен научиться предугадывать момент, в который оно остановится, чтобы тоже остановиться и замереть в неподвижности.

Я полностью погрузился в наблюдение за животными, устроив себе то, что охотники называют «днем в поле», так много я выследил этих грызунов. В конце концов я научился предвидеть практически каждое их движение.

Потом дон Хуан научил меня делать ловушки. Он объяснил, что время у охотника уходит в основном на то, чтобы выследить места кормежки грызунов или их обитания. Зная это, он может за ночь соответствующим образом расставить ловушки. А на следующий день ему останется только спугнуть зверьков, и они со всех ног бросятся прямо в западню.

Мы набрали палочек и прутьев и взялись за сооружение ловушек. Я уже почти закончил свою и с нетерпением прикидывал, будет ли она действовать, как вдруг дон Хуан прекратил работу и, взглянув на свое левое запястье, как бы на часы, которых у него не было, сказал, что по его хронометру уже пришло время ленча. Я как раз мастерил обруч из длинного прута, скручивая его в кольцо. Автоматически я положил прут на землю рядом с остальными своими охотничьими приспособлениями.

Дон Хуан смотрел на меня с любопытством. Потом он издал воющий сигнал фабричной сирены, означающий начало перерыва на ленч. Я засмеялся. Звук он скопировал в совершенстве. Я направился к нему и заметил, что он внимательно на меня смотрит. Он покачал головой из стороны в сторону и произнес:

— Будь я проклят...

— В чем дело? — поинтересовался я.

Он снова издал протяжный воющий звук фабричного гудка и сказал:

— Ленч закончен. Приступаем к работе.

Я на мгновение смутился, но потом подумал, что это он решил таким образом пошутить, так как еды у нас с собой никакой не было. Я настолько увлекся грызунами, что совсем об этом забыл. Я поднял прут и снова попытался его согнуть. Через несколько секунд «сирена» дона Хуана опять взвыла.

— Пора идти домой, — пояснил он.

Он взглянул на воображаемые часы, а потом посмотрел на меня и подмигнул.

— Пять часов, — сказал он, словно раскрывая большой секрет.

Я подумал, что ему, должно быть, надоела сегодняшняя охота, и он предлагает все бросить и идти домой. Я положил все на землю и начал собираться домой. На дона Хуана я не смотрел, полагая, что он делает то же самое. Когда у меня все было готово, я поднял глаза. Скрестив ноги, дон Хуан сидел в нескольких метрах от меня.

— Я готов, — сказал я. — Можем отправляться в любой момент.

Он встал и взобрался на камень высотой около двух метров. Посмотрев на меня оттуда, он приложил руки ко рту и, делая полный оборот вокруг своей оси, издал очень длинный пронзительный звук, похожий на усиленный вой фабричного гудка.

— Что ты делаешь, дон Хуан? — спросил я.

Он ответил, что дает всему миру сигнал идти домой. Я был полностью сбит с толку, не понимая, шутит он или просто рехнулся. Я внимательно наблюдал за ним, пытаясь как-то связать его действия с чем-нибудь, что он перед этим говорил. Но мы почти ни о чем не разговаривали с самого утра, по крайней мере, я не мог вспомнить ничего, заслуживающего внимания.

Дон Хуан по-прежнему стоял на камне. Он взглянул на меня и еще раз подмигнул. И тут меня охватила тревога. Дон Хуан приставил ладони ко рту и снова издал длинный гудок.

Потом он сказал, что уже восемь утра и что я снова должен взяться за свою работу, потому что впереди у нас — целый день.

К этому моменту я был уже в замешательстве. За считанные минуты страх мой вырос до совершенно непреодолимого желания куда-нибудь удрать. Я думал, что дон Хуан — псих. Я уже совсем готов был броситься наутек, как вдруг дон Хуан соскочил с камня и с улыбкой подошел ко мне.

— Думаешь, я — псих, да? — спросил он.

Я ответил, что своей неожиданной выходкой он напугал меня до потери сознания.

Он сказал, что мы находимся примерно в одинаковом состоянии. Я не понял, что он имеет в виду, так как был погружен в мысли о том, насколько по-настоящему безумными казались его действия. Он объяснил, что специально старался напугать меня до потери сознания безумностью своего непредсказуемого поведения, потому что у него самого голова идет кругом от предсказуемости моего. И добавил, что моя приверженность распорядкам не менее безумна, чем его вой.

Я был в шоке и принялся доказывать, что у меня нет никаких распорядков. Я сказал ему, что считаю свою жизнь сплошной кашей именно из-за того, что в ней нет здоровой упорядоченности.

Дон Хуан засмеялся и знаком велел мне сесть рядом с собой. Вся ситуация разом таинственно изменилась. Стоило дону Хуану начать говорить, как мой страх тут же растаял.

— О каких распорядках ты говоришь? — спросил я.

— Обо всем, что ты делаешь. Ты действуешь в соответствии с распорядком.

— А разве другие действуют не так?

— Не все. Я ничего не делаю в соответствии с распорядком.

— Что подсказало тебе такой ход, дон Хуан? Что я такого сделал, что

заставило тебя действовать именно таким образом?

— Ты беспокоился по поводу ленча.

— Но я же ничего тебе не сказал, откуда ты узнал, что я беспокоюсь о ленче?

— Вопрос о еде возникает у тебя ежедневно около полудня, в шесть вечера и в восемь утра, — произнес он со зловещей усмешкой. — В это время ты начинаешь беспокоиться о еде, даже если не голоден. И чтобы продемонстрировать тебе запрограммированность твоего духа, мне нужно было только завыть сиреной. Твой дух выдрессирован работать по сигналу.

Он вопросительно уставился на меня. Мне нечего было сказать в свою защиту.

— А теперь ты готов превратить в распорядок охоту, — продолжал он. — Ты уже установил в этом деле свой ритм: в определенное время ты разговариваешь, в определенное время — ешь, в определенное время — ложишься спать.

Мне нечего было сказать. Дон Хуан очень точно описал мою привычку есть в одно и то же время. Похожая структура была во всем, чем я занимался. Тем не менее я чувствовал, что моя жизнь все же протекает по менее строгой программе, чем жизнь большинства моих друзей и знакомых.

— Теперь ты довольно много знаешь об охоте, — продолжал дон Хуан, — и тебе легко осознать, что хороший охотник прежде всего знает одно — распорядок своей жертвы. Именно это и делает его хорошим охотником. Если ты вспомнишь, как я учил тебя охотиться, ты поймешь, о чем я говорю. Сначала я научил тебя делать и устанавливать ловушки, потом рассказал о жизненных распорядках дичи, которую предстоит ловить, и наконец мы на практике испытали, как ловушки работают с учетом этих распорядков. Это — элементы охотничьего искусства, образующие его внешнюю структуру. А сейчас я обучу тебя последней и самой сложной части этого искусства. По сложности она, пожалуй, намного превосходит все остальные, вместе взятые. Наверное, пройдут годы, прежде чем ты сможешь сказать, что понял ее и стал охотником.

Дон Хуан умолк, как бы давая мне время собраться с мыслями. Он снял шляпу

и изобразил, как чистятся грызуны, за которыми мы весь день наблюдали. Получилось очень забавно. Круглая голова дона Хуана делала его похожим на одного из этих зверьков.

— Быть охотником — значит не просто ставить ловушки, — продолжал он. — Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом — его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем.

Слова дона Хуана я воспринял как произвольную иррациональную идеализацию. Я не мог себе представить жизнь без распорядков. Мне хотелось быть с ним предельно честным, поэтому дело было вовсе не в том, чтобы согласиться или не согласиться. Я чувствовал, что то, о чем он говорил, было невыполнимо. Ни для меня, ни для кого бы то ни было другого.

— Мне нет ровным счетом никакого дела до того, что ты по этому поводу чувствуешь, — сказал дон Хуан. — Чтобы стать охотником, ты должен разрушить все свои распорядки, стереть все программы. Ты уже здорово преуспел в изучении охоты. Ты — способный ученик и схватываешь все на лету. Так что тебе уже должно быть ясно: ты подобен тем, на кого охотишься, ты — легко предсказуем.

Я попросил уточнить на конкретных примерах.

— Я говорю об охоте, — принялся спокойно объяснять дон Хуан. — Поэтому я так подробно останавливаюсь на том, что свойственно животным: где они кормятся; где, как и в какое время спят; где живут; как передвигаются. Все это — программы, распорядки, на которые я обращаю твое внимание, с тем, чтобы ты провел параллели с самим собой и осознал, что ты сам живешь точно так же. Ты внимательно наблюдал за жизнью и повадками обитателей пустыни. Они едят и пьют в строго определенных местах, они гнездятся на строго определенных участках, они оставляют следы строго определенным образом. То есть всему, что они делают, присуща строгая определенность, поэтому хорошему охотнику ничего не стоит предвидеть и точно рассчитать любое их действие. Я уже говорил, что с моей точки зрения ты ведешь себя

точно так же, как те, на кого ты охотишься. И в этом ты отнюдь не уникален. Когда-то в моей жизни появился некто, указавший мне на то же самое в отношении меня самого. Всем нам свойственно вести себя подобно тем, на кого мы охотимся. И это, разумеется, в свою очередь делает нас чьей-то добычей. Таким образом, задача охотника, который отдает себе в этом отчет — прекратить быть добычей. Понимаешь, что я хочу сказать?

Я снова высказал мнение, что его установка невыполнима.

— На это требуется время, — сказал он. — Можешь начать с того, чтобы отказаться от ежедневного ленча в одно и то же время.

Дон Хуан взглянул на меня и снисходительно улыбнулся, состроив такую забавную мину, что я не смог удержаться от смеха.

— Однако существуют животные, выследить которых невозможно, — продолжал он. — Например, — особый вид оленя. Очень удачливый охотник может встретиться с таким животным только благодаря редкостному везению, и едва ли ни единственный раз в жизни.

Дон Хуан выдержал драматическую паузу, взглянув на меня пронзительно. Он, похоже, ждал вопроса, но у меня вопросов не было. Тогда он сам спросил:

— Как ты думаешь, почему этих животных так трудно отыскать, и встреча с ними — столь уникальное явление?

Не зная, что сказать, я лишь пожал плечами.

— У них нет распорядков, — произнес он таким тоном, словно это было великое откровение. — И это делает их волшебными животными.

— Но олень должен спать по ночам, — возразил я. — Разве это не распорядок?

— Распорядок, если олень спит каждую ночь в строго определенное время и во вполне определенном месте. Но волшебные животные так себя не ведут. Ты сам когда-нибудь, возможно, в этом убедишься. Наверное, весь остаток жизни ты будешь выслеживать одно из таких животных. Это станет твоей судьбой.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Тебе нравится охотиться, и, вероятно, в один из дней пути твои и волшебного существа пересекутся, и ты, вполне возможно, последуешь за ним. Волшебные животные являют собой зрелище воистину дивное. Мне посчастливилось, и мой путь однажды пересекся с тропой одного из них. Это случилось после того, как я очень многое узнал об охоте и долго отрабатывал это искусство. Как-то я бродил по густому лесу в безлюдных горах Центральной Мексики. Вдруг послышался очень мягкий и благозвучный свист. Я никогда не слышал этого звука, ни разу за многие годы странствований среди дикой природы. Я не мог определить, где находится источник этого свиста; казалось, он доносится сразу со многих сторон. Я решил, что нахожусь в самой середине стада или стаи каких-то неведомых зверей. Дразнящий свист повторился, на этот раз он доносился как будто отовсюду. И я понял, что мне несказанно повезло. Я знал, что это свистит чудесное существо — волшебный олень. Я знал также, что волшебный олень отлично разбирается как в распорядках обычных людей, так и в распорядках охотников. Вычислить, что в такой ситуации будет делать обычный человек, очень легко. Прежде всего страх превратит его в добычу. А добыча может действовать только двумя способами: либо бросается наутек, либо прячется. Если у человека нет оружия, он, вероятнее всего, бросится к открытому месту, чтобы там спастись бегством. Если он вооружен, он приготовит оружие к бою и устроит засаду, либо застыв неподвижно в зарослях, либо рухнув на землю. Охотник же, выслеживающий дичь среди дикой природы, никогда никуда не пойдет, не прикинув прежде, как ему защититься. Поэтому он немедленно спрячется. Он либо бросит свое пончо на землю, либо зацепит его за ветку, а сам спрячется поблизости и станет ждать, пока зверь опять не подаст голос или не шевельнется. Зная все это, я повел себя совершенно иначе. Я быстро встал на голову и начал тихонько подвывать. Я так долго самым натуральным образом лил слезы и всхлипывал, что едва не потерял сознание. Вдруг я ощутил мягкое дыхание, кто-то обнюхивал м ою голову как раз за правым ухом. Я попытался повернуться, чтобы взглянуть, кто это, но не удержал равновесия и перекувырнулся через голову. Я сел и увидел, что на меня смотрит светящееся существо. Олень внимательно меня разглядывал, и я сказал, что не причиню ему вреда. И он заговорил со мной.

Дон Хуан умолк и посмотрел на меня. Я непроизвольно улыбнулся. Говорящий олень — это было, мягко говоря, маловероятно.

— Он заговорил со мной, — с усмешкой повторил дон Хуан.

— Олень заговорил?

— Олень.

Дон Хуан встал и собрал свои охотничьи принадлежности.

— Что, правда заговорил? — переспросил я еще раз с растерянностью в голосе.

Дон Хуан разразился хохотом.

— И что он сказал? — спросил я наполовину в шутку.

Я думал, он меня разыгрывает. Дон Хуан немного помолчал, как бы припоминая. Потом глаза его просветлели, он вспомнил:

— Олень сказал мне: «Здорово, приятель!» А я ответил: «Привет!» Тогда он спросил: «Отчего ты плачешь?» Я сказал: «Оттого, что мне грустно». Тогда волшебное существо наклонилось к самому моему уху и произнесло так же ясно, как говорю сейчас я: «Не грусти».

Дон Хуан посмотрел мне в глаза. Вид у него был озорной до невозможности. Он раскатисто рассмеялся.

Я сказал, что беседа у них с оленем вышла несколько туповатой.

— А чего ты ожидал? — не переставая смеяться, спросил он. — Я же — индеец.

Его чувство юмора показалось мне настолько потрясающим, что я смог только рассмеяться вместе с ним.

— Ты не поверил в то, что волшебные олени разговаривают, да?

— К сожалению, я не могу поверить в то, что такие вещи вообще возможны, — ответил я.

— Я не виню тебя в этом, — сказал он ободряющим тоном. — Ведь эта штука — из самых заковыристых.

Глава 9. Последняя битва на земле

Понедельник, 24 июля 1961

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по пустыне. Около полудня он выбрал тенистое место для отдыха. Едва мы сели на землю, дон Хуан заговорил. Он сказал, что я уже довольно много знаю об охоте, но изменился не в такой степени, как ему бы хотелось.

— Недостаточно знать, как делаются и устанавливаются ловушки, — сказал он. — Чтобы извлечь из жизни максимум, охотник должен жить так, как подобает охотнику. К сожалению, человек изменяется с большим трудом, и изменения эти происходят очень медленно. Иногда только на то, чтобы человек убедился в необходимости измениться, уходят годы. Я, в частности, потратил на это годы. Но, возможно, у меня не было способностей к охоте. Я думаю, что самым трудным для меня было по-настоящему захотеть измениться.

Я заверил его в том, что понял, о чем он говорит. Действительно, с того времени, как он взялся обучать меня охоте, я провел переоценку всех своих действий. Наверное, самым драматическим открытием для меня стало то, что мне нравился образ жизни дона Хуана. Мне нравился сам дон Хуан как личность. В его поведении было что-то несокрушимое. В том, как он действовал, чувствовалось истинное мастерство, но он никогда не пользовался своим превосходством, чтобы что-либо от меня потребовать. Его стремление изменить мой образ жизни выливалось в безличные поручения, либо в авторитетную констатацию и разъяснение моих слабых сторон. Он заставил меня в полной мере осознать все мои недостатки, но я все же не мог

представить себе, каким образом его путь может что-нибудь во мне исправить. Я искренне полагал, что в свете того, чего я хотел достичь в своей жизни, его путь может привести меня только к нужде и трудностям. Отсюда и тупик, в который зашло мое обучение. Однако я научился уважать мастерство дона Хуана, неизменно восхищавшее меня своей красотой и точностью.

— Я решил изменить тактику, — заявил он.

Я попросил объяснить, потому что его заявление показалось мне весьма туманным, я даже не был уверен в том, что оно касается именно меня.

— Хороший охотник меняет свой образ действия настолько часто, насколько это необходимо, — ответил он. — Да ты сам знаешь.

— Дон Хуан, что ты задумал?

— Охотник должен не только разбираться в повадках тех, на кого он охотится. Кроме этого, ему необходимо знать, что на этой земле существуют силы, которые направляют и ведут людей, животных и вообще все живое, что здесь есть.

Он замолчал. Я ждал, но он, похоже, сказал все, что хотел.

— О каких силах ты говоришь? — спросил я после длительной паузы.

— О силах, которые руководят нашей жизнью и нашей смертью.

Дон Хуан снова умолк, словно столкнувшись с огромными затруднениями относительно того, что сказать дальше. Он потирал руки и, двигая нижней челюстью, качал головой. Дважды он знаком просил меня помолчать, когда я начинал просить его объяснить эти загадочные утверждения.

— Тебе непросто будет остановиться, — сказал он наконец. — Ты упрям, я знаю, но это не имеет значения. Когда тебе, в конце концов, удастся себя изменить, упрямство будет тебе на руку.

— Я стараюсь, как только могу, — сказал я.

— Нет. Я не согласен. Ты не стараешься, как только можешь. Ты сказал так, потому что для тебя это звучит красиво. Ты говоришь так обо всем, что бы ты ни делал. Ты годами стараешься, как только можешь, и все без толку. Что-то нужно сделать, чтобы с этим покончить.

Как обычно, я почувствовал было, что должен защищаться. Но дон Хуан, как правило, находил мои самые слабые места. Поэтому каждый раз, начав защищаться от его критики, я неизменно оказывался в дураках. Поэтому на середине длинного выступления в свою защиту я умолк.

Дон Хуан с любопытством оглядел меня и засмеялся. Очень добродушно он напомнил, что уже говорил мне, что все мы — дураки. И что я — не исключение.

— Ты каждый раз чувствуешь себя обязанным объяснить свои поступки, как будто ты — единственный на всей земле, кто живет неправильно. Это — все то же чувство собственной важности. У тебя его все еще слишком много, так же, как слишком много личной истории. И в то же время ты так и не научился принимать на себя ответственность за свои действия, не используешь свою смерть в качестве советчика и, прежде всего, ты слишком доступен, ты полностью открыт. Другими словами, жизнь твоя по-прежнему настолько же бездарна и запутана, насколько была до того, как мы с тобой встретились.

Чувство уязвленного самолюбия захлестнуло меня, и я снова собрался было спорить. Но он сделал мне знак помолчать.

— Человек должен отвечать за то, что живет в этом странном мире, — сказал он. — Ведь ты же знаешь, это — действительно странный мир.

Я утвердительно кивнул.

— Ты соглашаешься, но мы с тобой имеем в виду различные вещи. Для тебя мир странен своим свойством либо нагонять на тебя скуку, либо быть с тобой не в ладах. Для меня мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинственен, непостижим. Ты должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь — в этом чудесном мире, здесь — в этой чудесной пустыне, сейчас — в это чудесное время. Моя задача — убедить тебя в этом. И я все время старался ее выполнить. Я хотел убедить тебя в том, что

необходимо научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое действие осознанным. Ведь ты пришел сюда ненадолго, и времени, которое тебе отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого странного мира.

Я настаивал на том, что испытывать тоску или находиться с миром не в ладах — нормальное человеческое состояние.

— Так измени его! — ответил он сухо. — Это — вызов, и если ты его не принимаешь, значит ты — практически мертв.

Он предложил мне вспомнить хоть что-нибудь из своей жизни, что я делал бы с полной самоотдачей. Я назвал искусство. Мне всегда хотелось стать художником, и в течение нескольких лет я пытался реализовать свое желание. Иногда я все еще с болью вспоминал о постигшей меня неудаче.

— Ты никогда не относился с ответственностью к тому, что находишься в этом непостижимом мире, — сказал он таким тоном, словно выносил приговор. — Поэтому ты так и не стал художником, и, наверное, так и не станешь охотником.

— Значит, на большее я не способен, дон Хуан.

— Неправда. Ты не знаешь, на что ты способен.

— Но я делаю все, что могу.

— И снова ты ошибаешься. Ты можешь сделать гораздо больше и действовать гораздо лучше. Ты допускаешь только одну-единственную ошибку — ты думаешь, что в твоем распоряжении уйма времени.

Он помолчал, глядя на меня как бы в ожидании реакции с моей стороны.

— Ты думаешь, что в твоем распоряжении — уйма времени, — повторил он.

— Уйма времени на что, дон Хуан?

— Ты считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно.

— Вовсе я так не считаю.

— Тогда, если ты не считаешь, что твоя жизнь будет длиться вечно, чего же ты ждешь? Почему ты колеблешься вместо того, чтобы решительно измениться?

— А тебе не приходило в голову, дон Хуан, что я не хочу меняться?

— Приходило. Так же, как и ты, я когда-то не хотел изменяться. Однако мне не нравилась моя жизнь. Я устал от нее, так же как ты сейчас устал от своей. Зато теперь я чувствую, что на все мне ее не хватит.

Я начал неистово доказывать, что его настойчивое стремление изменить мой образ жизни — это произвол, и что оно меня пугает. Я сказал, что на определенном уровне я с ним согласен, но лишь один тот факт, что он неизменно остается хозяином положения, делает всю ситуацию неприемлемой для меня.

— Дурак, у тебя нет времени на то, чтобы становиться в позу, — сурово произнес он. — То, что ты делаешь в данный момент, вполне может оказаться твоим последним поступком на земле, твоей последней битвой. В мире нет силы, которая могла бы гарантировать тебе, что ты проживешь еще хотя бы минуту.

— Я знаю, — сказал я, сдерживая гнев.

— Нет. Ты не знаешь. Если бы ты это знал, ты был бы охотником.

Я заявил, что осознаю неотвратимость своей смерти, но говорить или думать об этом бесполезно, потому что я ничего не могу сделать, чтобы ее избежать. Дон Хуан засмеялся и, сказал, что я похож на балаганного актера, механически твердящего заученную роль.

— Если бы это была твоя последняя битва на земле, я бы сказал, что ты — идиот, — спокойно проговорил он. — Свой последний поступок на земле ты совершаешь, находясь в совершенно дурацком состоянии.

Некоторое время мы оба молчали. Мысли у меня в голове перепутались и устроили бешеную свистопляску. Он, разумеется, был прав.

— Друг мой, у тебя же нет времени. Нет времени. Его нет ни у кого из нас.

— Я согласен с тобой, дон Хуан, но…

— Просто соглашаться ни к чему, — перебил он. — Вместо того, чтобы так легко соглашаться на словах, ты должен соответствующим образом действовать. Прими вызов. Изменись.

— Что, вот так взять и измениться?

— Именно так. Изменение, о котором я говорю, никогда не бывает постепенным. Оно происходит внезапно. А ты даже не думаешь готовиться к неожиданному действию, от которого изменится абсолютно все.

Мне показалось, что он сам себе противоречит. Я объяснил ему, что если бы я готовился к изменению, то тем самым постепенно изменялся бы.

— Ты не изменился ни на йоту, — сказал он. — И поэтому веришь, что меняешься очень постепенно, понемногу. Но однажды ты, возможно, очень удивишься, обнаружив, что внезапно, без каких бы то ни было предупреждений изменился. Я знаю, что так оно и бывает, и поэтому не оставляю попыток тебя убедить.

Я не мог продолжать спорить, потому что не был уверен в том, что действительно хочу что-то сказать. Немного помолчав, дон Хуан продолжил объяснения:

— Наверное, мне следовало бы сказать иначе. Я вот что тебе советую: обрати внимание на то, что ни у одного из нас не может быть уверенности в том, что его жизнь будет продолжаться неопределенно долго. Я только что сказал, что изменение происходит внезапно. Точно так же приходит смерть. Как ты думаешь, что можно с этим поделать?

Я решил, что его вопрос — чисто риторический. Но он приподнял брови, требуя ответа.

— Жить как можно счастливее, — ответил я.

— Верно! А ты знаешь хоть одного человека, который был бы по-настоящему счастлив?

Моим первым побуждением было ответить «да». Мне показалось, что я знаком с довольно многими людьми, которые могли бы послужить примером. Однако затем я понял, что с моей стороны это будет лишь пустая попытка оправдаться. И я ответил:

— Нет. Действительно не знаю.

— А я — знаю, — сказал дон Хуан. — Есть люди, которые очень аккуратно и осторожно относятся к природе своих поступков. Их счастье — в том, что они действуют с полным осознанием того, что у них нет времени. Поэтому во всех их действиях присутствует особая сила, в каждом их поступке есть чувство.

Дон Хуан замолчал, как бы подбирая соответствующее слово. Он потер виски и улыбнулся. Потом внезапно встал, словно давая понять, что разговор окончен. Я принялся умолять его закончить то, что он мне говорил. Он сел и выпятил губы.

— Поступки обладают силой, — сказал он. — Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что это — его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последним на земле, есть особое всепоглощающее счастье. Мой тебе совет: пересмотри свою жизнь и рассматривай свои поступки именно в таком свете.

Я не согласился с ним. Я сказал, что для меня счастье состоит в том, что моим действиям свойственна определенная протяженность во времени, и я могу по своему желанию продолжать делать то, что делаю в данный момент, особенно если это мне нравится. Я объяснил ему, что мое несогласие — отнюдь не банальная фраза, но утверждение, которое вытекает из глубокой убежденности в том, что и мир, и я сам обладаем свойством существовать в течение промежутка времени, вполне поддающегося оценке.

Все мои усилия доходчиво изъясниться дона Хуана, похоже, весьма забавляли.

Он все время посмеивался, качал головой, а когда я выдал фразу насчет «свойства существовать в течение промежутка времени, вполне поддающегося оценке», он сорвал с головы шляпу, швырнул ее на землю и принялся топтать.

Закончилось это тем, что мы оба хохотали над его уморительной выходкой.

— У тебя нет времени, приятель, — сказал он. — В этом — беда всех человеческих существ. Времени нет ни у кого из нас, и твой «поддающийся оценке промежуток времени» ничего не значит в этом жутком таинственном мире.

— Надежда на этот самый «промежуток времени» делает тебя робким, лишает решительности, — продолжал он. — И в твоих действиях не может быть того духа, той мощи, той неодолимой силы, которая присутствует в действиях того, кто знает, что сражается в своей последней битве на этой земле. Другими словами, расчет на «промежуток времени» не делает тебя ни счастливым, ни могущественным.

Я признался, что боюсь мыслей о предстоящей смерти, и обвинил дона Хуана в том, что он своими постоянными разговорами о смерти лишает меня душевного равновесия.

— Но ведь нам всем действительно предстоит умереть, — сказал он.

Дон Хуан указал на далекие холмы.

— Есть нечто, что ждет меня где-то там. Это — несомненно. И когда-нибудь оно меня дождется. Это — тоже несомненно. Но ты, наверное, — совсем не такой, и смерть вовсе тебя не ждет.

Я в отчаянии развел руками, и он рассмеялся.

— Дон Хуан, я не желаю об этом думать.

— Почему?

— Это бессмысленно. Ведь она так или иначе где-то меня ждет, тогда какой

смысл по этому поводу тревожиться?

— Разве я сказал, что ты должен по этому поводу тревожиться?

— Тогда что я должен делать?

— Использовать ее. Сосредоточить внимание на связующем звене между тобой и твоей смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у тебя нет времени. И пусть действия твои текут соответственно. Пусть каждое из них станет твоей последней битвой на земле. Только в этом случае каждый твой поступок будет обладать законной силой. А иначе все, что ты будешь делать в своей жизни, так и останется действиями робкого и нерешительного человека.

— А что, это так ужасно — быть робким и нерешительным человеком?

— Нет, если ты намерен жить вечно. Но если тебе предстоит умереть, то у тебя просто нет времени на проявления робости и нерешительности. Нерешительность заставляет тебя цепляться за то, что существует только в твоем воображении. Пока в мире — затишье, это успокаивает. Но потом этот жуткий таинственный мир разевает пасть, намереваясь тебя проглотить, и ты с полной очевидностью осознаешь, что все твои проверенные и надежные пути вовсе такими не были. Нерешительность мешает нам испытать и полноценно использовать свою судьбу — судьбу людей.

— Но, дон Хуан, это же противоестественно — все время жить с мыслью о смерти.

— Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле, — очень серьезно, почти торжественно произнес он. — Я называю это битвой, потому что это — борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мысли. Охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие — последняя битва. Только дурак может не заметить, настолько охотник превосходит своих ближних — обычных людей. Охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть

самым лучшим. Это доставляет удовольствие. И притупляет страх.

— Ты прав, — признал я. — Просто это трудно принять.

— Да. Чтобы убедиться в том, что дело обстоит именно так, тебе понадобятся годы. И годы — на то, чтобы научиться действовать сообразно этому убеждению. Мне остается лишь надеяться, что ты успеешь.

— Ты пугаешь меня, когда так говоришь, — сказал я.

Дон Хуан окинул меня взглядом. Лицо его было необычайно серьезно.

— Я уже говорил тебе, это — очень странный мир. Силы, которые руководят людьми, непредсказуемы и ужасны, но в то же время их великолепие стоит того, чтобы стать его свидетелем.

Он замолчал и снова взглянул на меня. Казалось, он вот-вот раскроет мне что-то очень важное. Но он передумал и улыбнулся.

— Что, в самом деле существует нечто, что нами руководит?

— Конечно. Существуют силы, которые нас направляют.

— Ты можешь их описать?

— Нет. Действительно — нет. Я могу только назвать их разными словами: сила, дух, ветер или как-нибудь еще.

Я собрался было расспросить его подробнее, но не успел задать ни одного вопроса. Он встал. Я изумленно уставился на него. Он встал одним движением: его тело просто дернулось вверх, и в мгновение ока он уже стоял на ногах.

Я все еще размышлял о необыкновенном мастерстве, которое требуется для того, чтобы двигаться с такой скоростью, когда дон Хуан сухим приказным тоном велел мне поймать кролика, убить, освежевать и зажарить до того, как закончатся сумерки.

Он взглянул на небо и сообщил, что времени у меня, пожалуй, достаточно.

Я автоматически начал действовать так, как действовал уже много раз. Дон Хуан шел рядом и оценивающим взглядом следил за каждым моим движением. Я был очень спокоен и двигался с большой осторожностью, поэтому без особого труда в скором времени поймал кролика-самца.

— Теперь убей его, — сухо велел дон Хуан.

Я засунул руку в ловушку, схватил кролика за уши и начал тянуть к себе. И тут вдруг меня охватил дикий ужас. Впервые за все время, в течение которого дон Хуан обучал меня охоте, до меня дошло: он никогда не учил меня убивать дичь! Множество раз мы с ним бродили по пустыне, и до сих пор он убил только одного кролика, двух перепелов и одну гремучую змею.

Я отпустил кролика и взглянул на дона Хуана:

— Я не могу его убить.

— Почему?

— Я никогда этого не делал.

— Но ты же убил сотни птиц и других животных.

— Из ружья, а не голыми руками.

— Какая разница? Время этого кролика подошло к концу.

Тон дона Хуана потряс меня. Он говорил настолько уверенно, с такой убежденностью, что в сознании моем не осталось и тени сомнения. Он действительно знал, что время этого кролика закончилось.

— Убей его! — с яростным блеском в глазах приказал он.

— Не могу.

Дон Хуан закричал, что кролик должен умереть, потому что закончил свои скитания по этой прекрасной пустыне, и что мне нечего увиливать, так как

сила, которая направляет пути кроликов, привела в мою ловушку именно этого кролика, и сделала это как раз на границе сумерек.

На меня нахлынул целый поток бессвязных мыслей и ощущений. Они словно только и ждали возможности меня одолеть, и, явившись, привели меня в состояние глубокой подавленности. Со смертельной ясностью я почувствовал, какая это трагедия для кролика — попасть в мою западню. За считанные секунды в сознании пронеслись воспоминания о наиболее критических моментах моей жизни, когда я сам был в положении, подобном положению этого кролика.

Я смотрел на кролика, а кролик — на меня. Он прижался к задней стенке клетки. Он сидел, свернувшись почти калачиком, очень тихо и неподвижно. Мы с ним обменялись мрачными взглядами. В его взгляде я прочел молчаливое отчаяние, и это еще больше усилило во мне ощущение полного сходства с этим кроликом. Я живо представил себя на его месте.

— Черт с ним, — громко сказал я. — Я никого не буду убивать. Я его отпускаю.

От избытка чувств меня затрясло. Дрожащими руками я полез в ловушку, пытаясь схватить кролика за уши. Он быстро увернулся, и я промазал. Я попытался еще раз и снова неудачно. Я пришел в отчаяние. Меня стало тошнить, и я быстро ударил по ловушке ногой, чтобы разбить ее и таким образом освободить кролика. Но клетка оказалась неожиданно прочной и не разваливалась. Мое отчаяние переросло в невыносимую муку. Изо всех сил я правой ногой топнул по клетке. Прутья с треском сломались. Я вытащил кролика, на мгновение испытав облегчение, от которого в следующий момент не осталось и следа. Кролик без движения висел у меня в руке. Он был мертв.

Я не знал, что делать. В голове начали роиться мысли о том, отчего мог умереть кролик. Я оглянулся на дона Хуана. Он смотрел на меня. Я ощутил ужас, от которого по всему телу прошла холодная волна.

Я сел на землю возле каких-то камней. Ужасно болела голова. Дон Хуан положил на нее ладонь и прошептал мне в самое ухо, что я должен освежевать кролика и зажарить мясо до того, как закончатся сумерки.

Меня тошнило. Дон Хуан разговаривал со мной очень терпеливо, как с

ребенком. Он сказал, что силы, руководящие людьми и животными, привели именно этого кролика ко мне. Точно так же когда-нибудь они приведут меня к моей собственной смерти. Он сказал, что смерть кролика была даром мне, точно так же, как моя смерть станет даром кому-то другому.

Мне было плохо. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но простые события этого дня что-то надломили во мне. Я пытался думать, что это — всего-навсего кролик, но однако не мог отделаться от ощущения какой-то жуткой своей с ним тождественности.

Дон Хуан сказал, что я должен поесть мяса этого кролика. Хоть кусочек. Это закрепит то, что я сделал сегодня.

— Я не могу, — кротко попытался я отказаться.

— В руках этих сил мы — мусор, ничто, — жестко произнес он. — Так что прекрати потакать своему чувству собственной важности и воспользуйся подарком силы как подобает.

Я поднял кролика. Он был еще теплый.

Дон Хуан наклонился ко мне и прошептал:

— Твоя ловушка стала для него последней битвой. Я же тебе говорил: время его скитаний по этой чудесной пустыне закончилось.

Глава 10. Открыться силе

Четверг, 17 августа 1961 года

Едва выйдя из своего автомобиля, я пожаловался дону Хуану на плохое самочувствие.

— Присядь, присядь, — мягко сказал он и чуть ли не под руку проводил меня к своему крыльцу. Улыбнувшись, он похлопал меня по спине.

Двумя неделями раньше, 4 августа, дон Хуан, как он выразился, изменил тактику своего поведения со мной, позволив мне сжевать несколько батончиков пейота. Достигнув высшей точки своих галлюцинаторных ощущений, я играл с собакой в доме, где проходил пейотный ритуал. Мое общение с собакой дон Хуан истолковал как событие весьма неординарное. Он был готов поспорить, что в моменты силы, подобные тому, который я тогда пережил, когда мир обычных отношений не существует и ничто нельзя воспринимать как данность, собака является не просто собакой, но воплощением Мескалито — той удивительно силы, которая заключена в пейоте.

Последствия моего пейотного ритуала проявлялись в ощущении общей усталости и меланхолии. К тому же меня посещали невероятно яркие сны и ночные кошмары.

— Где твои письменные принадлежности? — спросил меня дон Хуан, когда я присел на крыльце веранды.

Я оставил свои тетради в багажнике. Дон Хуан вернулся к машине, аккуратно извлек из нее мой портфель и принес его мне. Он спросил, ношу ли я портфель, когда хожу пешком. Я ответил утвердительно.

— Это просто безумие, — заметил он. — Я же просил тебя ничего не носить в руках, когда ходишь пешком. Взял бы лучше рюкзак.

Я рассмеялся. Настолько курьезной мне показалась его идея носить мои записи в рюкзаке. Я сообщил ему, что обычно ношу костюм и если рискну надеть рюкзак поверх своей строгой тройки, то буду выглядеть весьма нелепо.

— Так надень пиджак поверх рюкзака, — советовал он. — Уж лучше позволить людям считать себя горбуном, чем таскать в руках кипу бумаг.

Он потребовал, чтобы я достал свой блокнот и начал писать. Похоже, он намеренно пытался привести меня в чувство.

Я снова пожаловался на физическое недомогание и странное уныние.

Дон Хуан усмехнулся и сообщил:

— Ты начинаешь учиться.

Потом мы долго беседовали. Дон Хуан сказал, что, позволив мне поиграть с собой, Мескалито указал на меня, как на «избранного» человека. И хотя его озадачило то, что я не был индейцем — он все же решил передать мне кое-что из своих тайных познаний. Дон Хуан также сказал, что и у него был «бенефактор», который учил его тому, как стать «человеком знания».

У меня возникло плохое предчувствие. Его откровение о том, что Мескалито сделал меня своим избранным, а также странность его поведения и разрушительное действие пейота на мой организм вызвали во мне невыносимо мрачные предчувствия и нерешительность. Но дон Хуан остался равнодушен к моим чувствам и посоветовал мне думать лишь о том чудесном факте, что Мескалито решил поиграть со мной.

— Не думай ни о чем другом, — сказал он. — Все остальное придет к тебе само.

Он встал, мягко погладил меня по голове и очень тихим голосом произнес:

— Я научу тебя быть воином. Точно так же, как научил охотиться. Но должен тебя предупредить — как умение охотиться не сделало тебя охотником, так и овладение искусством воина не сделает тебя воином.

Я испытал сильнейшее замешательство, физический дискомфорт, граничащий с истинной мукой. Я пожаловался на одолевавшие меня яркие сны и кошмары. Казалось, он минуту раздумывал, затем снова сел рядом.

— Это какие-то заколдованные сны, — сказал я.

— Ты всегда видел волшебные сны, — возразил он.

— Поверь, то, что мне снится теперь не похоже на то, что я видел прежде.

— Не волнуйся, ведь это всего лишь сновидения. Какие свойственны обычному человеку — у них нет силы. Так стоит ли беспокоиться либо говорить о них.

— Они меня тревожат, дон Хуан. Неужто их нельзя остановить?

— Нельзя. Они должны пройти сами по себе, — ответил он. Пришла пора стать доступным силе, и ты начнешь со сновидения.

Тон, которым он произнес это слово «сновидение» указывал на то, что он придает ему какой-то свой особый смысл. Я стал обдумывать вопрос, который хотел бы задать ему, но он заговорил опять.

— Я никогда не рассказывал тебе о сновидении, поскольку до сих пор учил тебя одному лишь искусству охоты, — промолвил он. — Охотнику не нужно уметь обращаться с силой, поэтому его сны — это просто сны. Они могут вызвать сильные чувства, но это не сновидения.

А вот воин, напротив, ищет силу и сновидения — один из путей ее достижения. Можно сказать, что разница между охотником и воином заключается в том, что воин идет по пути к силе, тогда как охотник ничего или почти ничего о ней не знает.

Нам не дано решать, кто может быть воином, а кто — всего лишь охотником. Это вправе решать лишь те силы, которые движут людьми. Вот почему твоя игра с Мескалито была столь важным знамением. Это сила привела тебя ко мне. Она доставила тебя на автобусную остановку, ты помнишь? Некий клоун привел тебя ко мне. Это верный знак, когда на тебя указывает какой-то клоун. Поэтому я сделал из тебя охотника. А потом был еще один верный знак — сам Мескалито играл с тобой. Понятно, что я имею в виду?

Жуткая логика его рассуждений ошеломляла. Из его слов возникал образ меня самого, уступающего чему-то ужасному и неведомому, к встрече с чем я не был готов и в существовании чего не мог бы поверить, обладая я даже самой бурной фантазией.

— Что же, по-твоему, я должен делать, — спросил я его.

— Стань доступным силе. Ухватись за свои сновидения, — сказал он в ответ. — Ты называешь их снами, поскольку не властен над ними. Воин — тот, кто ищет силу, и он не зовет это сном. Сновидения для него — реальность.

— Ты полагаешь, он принимает сны за реальность?

— Он никогда не принимает одно за другое. То, что ты называешь сном — воин зовет реальностью. Ты должен понять, что воин не глуп. Воин — безупречный охотник, охотник за силой. Он не пьяница и не наркоман, у него нет ни времени, ни желания блефовать, лгать себе самому либо делать неправильные ходы. Слишком высоки его ставки. На кону стоит его устоявшаяся организованная жизнь, на которую у него ушло так много времени, чтобы сделать ее совершенной. Он не намерен швырять эту жизнь на ветер вследствие нелепого просчета либо случайно приняв что-то одно за нечто другое.

Сновидение для воина реально, поскольку в нем он может действовать сознательно, принимая и отвергая лишения. Здесь он может выбирать между массой вещей, способных привести его к силе, здесь он может манипулировать ими и использовать их, тогда как в обычном сне он не в силах действовать намеренно.

— То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что сновидение реально?

— Да, это так.

— Столь же реально, как то, что мы делаем сейчас?

— Если ты склонен к сравнениям, то могу сказать, что сновидение куда более реально. Благодаря ему ты получаешь силу, посредством которой можешь менять ход вещей и событий. Ты можешь обнаружить бессчетное множество таинственных фактов. Ты можешь управлять всем, чем пожелаешь.

Подобные умозаключения дона Хуана никогда не доходили до меня с первого раза, поскольку требовали определенной подготовки. Я легко мог бы понять его приверженность мысли о том, будто во сне можно делать все, что угодно. Но мне было трудно принимать это всерьез. Между нами лежала огромная пропасть.

С минуту мы смотрели друг на друга. Его суждения были абсурдны, и все же это был самый здравомыслящий человек из всех, кого мне приходилось знать.

Я сказал ему, что не могу поверить, будто он может принимать свои сны за реальность. При этом он тихонечко хихикнул, как будто видел всю уязвимость моих позиций. Затем он встал и, не говоря ни слова, вошел в дом. Долгое время я сидел, оцепенев, пока он не позвал меня откуда-то из глубины своего дома. Он приготовил кукурузную похлебку и подал мне миску.

Я спросил его о том времени, когда человек бодрствует. Мне хотелось бы знать, имеет ли это время у него какое-то особое название. Но он не понял меня или не захотел ответить.

— Как ты называешь то, что мы делаем сейчас, — спросил я его, подразумевая действие, противоположное сну.

— Я называю это едой, — ответил он, сдерживая смех.

— Я называю это реальностью, — промолвил я. — Поскольку мы едим на самом деле.

— Сновидение тоже происходит на самом деле, — с ухмылкой заметил он. — Как охота, ходьба, смех.

Я не стал спорить, но, даже вывернувшись наизнанку, я не смог бы с ним согласиться. Казалось, ему очень нравилось мое отчаяние.

Как только мы покончили с едой, он как бы между прочим сообщил, что намерен пойти со мной в пеший поход. Но не затем, чтобы блуждать по пустыне, как мы делали прежде.

— На этот раз все будет иначе, — пообещал он мне. — Теперь мы отправимся в места силы. Ты должен научиться быть доступным ей.

И тут я снова выказал свое смущение. Я сказал ему, что не имею опыта для данного предприятия.

— Оставь свои страхи, — сказал он низким тихим голосом, похлопав меня по спине и благосклонно улыбаясь. — Я всегда ублажал в тебе дух охотника. Тебе нравится бродить со мной по этой живописной пустыне. Теперь уже поздно выходить из игры.

Он шагнул в пустынный чапараль. Кивнув головой, он подал мне знак, чтобы я следовал за ним. Я мог бы направиться к своей машине и уехать, однако мне очень нравилось бродить с ним по этой дивной пустыне, мне нравилось то чувство, которое я испытывал, только находясь в его компании. Чувствовал, что вокруг меня был пугающий, таинственный, но такой прекрасный мир. Как он верно подметил — я пристрастился к этому миру.

Дон Хуан вел меня к холмам, что простирались к востоку. Идти пришлось долго. День выдался жарким. Хотя жара, которая раньше казалась невыносимой, теперь почти не ощущалась.

Мы долго шли, пробираясь через каньон, пока, наконец, дон Хуан решил устроить привал и присел в тени под грудой камней. Я достал из рюкзачка несколько галет, но он отсоветовал мне с ними возиться.

Он сказал, что я должен сидеть на каком-нибудь видном месте, указав на одинокий округлый валун, который находился метрах в трех-пяти от меня и помог мне на него забраться. Я думал, дон Хуан тоже усядется рядом, но он вскарабкался только на половину высоты валуна лишь для того, чтобы передать мне несколько кусочков вяленого мяса. С совершенно серьезным видом он утверждал, что это мясо силы, которое нужно жевать очень медленно и которое не следует смешивать с какой-либо другой пищей. Потом он снова отступил в тень и сел, опершись спиной о скалу. Похоже, он был полностью расслаблен, почти спал. Он оставался в той же позе, пока я не доел все мясо. Затем он сел ровно и наклонил голову вправо. Казалось, он к чему-то чутко прислушивается. Дважды или трижды он бросил на меня взгляд, после чего резко встал и начал изучать окрестности так, как это делал бы охотник. Я автоматически застыл на месте и только следовал взглядом за его движением. Очень осторожно он отступил за скалу, как будто ожидал, что поблизости вот-вот появится тигр. И тут я понял, что мы находимся в овальном пещерообразном расширении пересохшего водного каньона, окруженном валунами песчаника.

Внезапно дон Хуан вышел из-за скал и улыбнулся мне. Он потянулся, зевнул и направился к моему валуну. Я расслабил свое напряженное тело и сел.

— Что случилось? — спросил я шепотом.

В ответ он пронзительно крикнул, что вокруг никакой опасности нет. У меня вдруг защемило под ложечкой. Его ответ никак не подходил к данной ситуации и к тому же я не мог поверить, что он станет вопить безо всякой причины.

Я уже начал сползать с валуна, но он крикнул, чтобы я оставался на месте.

— Что ты делаешь? — спросил я его.

Он присел и скрылся меж двух камней, лежавших у подножья моего валуна, а потом очень громко сказал, что просто озирался вокруг, потому что ему как будто что-то послышалось.

Я спросил, не послышалось ли ему, что поблизости есть какое-то крупное животное. Он приложил ладонь к уху и крикнул, что не расслышал меня и что я должен прокричать ему свой вопрос. Я постеснялся кричать, но он настоял, чтобы я повторил свой вопрос громко и отчетливо. Я крикнул, что хотел бы знать, что происходит, и он закричал мне в ответ, что вокруг все спокойно. Но вопил, вопрошая, видно ли мне что-нибудь с вершины валуна. Я отвечал ему, что не вижу ничего необычного и тогда он попросил меня описать ему местность по направлению к югу.

Так мы перекрикивались какое-то время, пока он не подал мне знак спускаться. Когда я предстал перед ним, он прошептал мне на ухо, что этот крик нужен был нам для того, чтобы заявить о своем присутствии, поскольку мне предстояло сделать доступным себя силе, что сосредоточена в этой самой водяной дыре.

Я оглянулся вокруг, но нигде не смог найти водяной дыры. Дон Хуан показал рукой вниз, пояснив, что мы стоим на ней.

— Вода здесь, — прошептал он. — И здесь же сила. Здесь находится дух, и нам предстоит выманить его наружу. Быть может он пойдет за тобой.

Мне хотелось больше узнать о якобы обитавшем здесь духе, но дон Хуан потребовал, чтобы я соблюдал тишину. Он посоветовал мне замереть, чтобы ни движением, ни шепотом не выдать нашего с ним присутствия.

Очевидно, сам он мог часами пребывать в полной неподвижности. Но для меня это была сущая пытка. Ноги мои онемели, ныла спина, напряжение сковало шею и плечи. Все мое тело окоченело и сделалось холодным. Мне казалось, я больше уже не могу оставаться в таком положении, как вдруг дон Хуан, наконец, поднялся. Он легко вскочил на ноги и подал руку, помогая мне встать.

Стараясь размять затекшие ноги, я удивлялся той невиданной легкости, с которой дон Хуан смог вскочить после часов неподвижности. Прошло немало времени, прежде чем мои мышцы восстановили необходимую для ходьбы эластичность.

Дон Хуан повернул назад к дому. Он шел очень медленно. При этом он требовал, чтобы я держался на расстоянии трех шагов от него. Он петлял, то и дело уходя с прямого пути и пересек его четыре или пять раз в разных направлениях. Когда мы, наконец, подошли к его дому — уже было далеко за полдень.

Я попытался расспросить его о событиях этого дня. Он пояснил, что разговор сейчас не важен. До поры мне пришлось воздержаться от расспросов, пока мы находились в месте средоточия силы.

Мне до смерти хотелось узнать, что означали его поступки, и я шепотом пытался его расспросить, но своим холодным и строгим взглядом он убеждал меня в серьезности своих намерений.

Много часов мы просидели на веранде. Я работал над своими заметками. Время от времени он угощал меня кусочком вяленого мяса. Наконец, уже настолько стемнело, что стало невозможно писать. Я пытался осмыслить все, что со мной приключилось за день, но какая-то часть меня противилась этому и, в конце концов, я заснул.

Суббота, 19 августа 1961

Накануне утром мы с доном Хуаном были в городе и завтракали в ресторане. Он посоветовал мне изменять свой привычный рацион и распорядок питания не слишком резко.

— Твое тело не привыкло к мясу силы, — сказал он. — Если ты не будешь есть привычную пищу, ты заболеешь.

Сам он ел с удовольствием. Когда я по этому поводу пошутил, он просто сказал:

— Моему телу нравится все.

Около полудня мы снова пришли в водный каньон. Мы опять старались сделать свое присутствие заметным для духа. Для этого мы, как и в прошлый раз, сначала «громко разговаривали», а потом несколько часов сидели в напряженном молчании.

Когда мы оттуда ушли, дон Хуан, вместо того, чтобы идти домой, повернул в сторону гор. Дойдя до каких-то отрогов, мы поднялись на вершину высокого холма. Там дон Хуан выбрал для отдыха пятачок на открытом незатененном месте. Он сказал, что нам нужно дождаться сумерек, а потом мне следует вести себя как можно естественнее, в том числе задавать любые вопросы.

— Я знаю, что там прячется дух, — очень тихо сообщил он мне.

— Где?

— Вон там, в кустах.

— Какой именно дух?

Он с ехидцей взглянул на меня и спросил:

— А какие бывают?

Мы оба рассмеялись. Я задавал вопросы из-за того, что нервничал.

— Когда наступят сумерки, он выйдет, — сказал дон Хуан. — Нужно просто подождать.

Я молчал. Все мои вопросы куда-то улетучились.

— Сейчас нам нужно разговаривать без перерывов, — сказал он. — Человеческие голоса привлекают духов. Сейчас там в кустах прячется один из них. Мы должны дать ему знать о своем присутствии, так что не молчи.

Меня охватило идиотское чувство пустоты. Я был не в состоянии отыскать какую-либо тему для разговора. Дон Хуан засмеялся и похлопал меня по спине.

— Ну ты и тип! Как нужно потрепаться, так ты словно язык проглотил. Ну-ка, пошлепай губами!

И он шумно зашлепал губами, быстро открывая и закрывая рот.

— С этого момента о целом ряде вещей мы будем разговаривать только в местах силы, — продолжал дон Хуан. — Сегодня у тебя первая попытка, что-то вроде испытания. Мы находимся сейчас в одном из этих мест, и говорить здесь можно только о силе.

— Но я и в самом деле понятия не имею, что такое сила, — сказал я.

— Сила — это нечто, с чем имеет дело воин, — объяснил он. — Вначале она кажется человеку чем-то совершенно невероятным, противоестественным, в существование чего невозможно поверить, о чем даже думать трудно, не то чтобы ее себе представить. Сейчас ты находишься с ней именно в таких отношениях. Но потом она превращается в нечто серьезное, и отношение к ней соответственно изменяется. Человек может ею не обладать, он может даже в полной мере не осознавать ее существования, но он уже чувствует, он уже знает — в мире присутствует что-то, чего до этого он не замечал. А затем сила дает о себе знать, она приходит к человеку, и он не может ничего с этим поделать, так как сила для него пока остается неуправляемой. Не существует слов, которыми можно было бы описать, как она приходит и чем в действительности является. Она — ничто, и в то же время ей подвластны чудеса, и чудеса эти человек видит собственными глазами. И, наконец, сила

становится чем-то, присущим самому человеку, превращается в нечто, что изнутри управляет его действиями и в то же время подчиняется его командам, подвластно его решениям.

После короткой паузы дон Хуан спросил, понял ли я. Я сказал, что понял, чувствуя себя при этом довольно по-дурацки. Он, похоже, заметил, что настроение у меня заметно упало, усмехнулся и отчетливо, словно диктуя мне письмо, проговорил:

— На этом самом месте я научу тебя формировать сновидение.

Он опять взглянул на меня и спросил, знаю ли я, о чем идет речь. Я не знал. Я вообще почти ничего не понимал. Он объяснил, что формировать сновидение — значит точно и жестко управлять общим ходом сна, целенаправленно формируя возникающую в нем ситуацию, подобно тому, как человек управляет своими действиями, например, идя по пустыне и решая, скажем, взобраться на холм или укрыться в тени скал водного каньона.

— Начинать следует с какого-нибудь простого действия, — сказал дон Хуан. — Сегодня ночью во сне посмотри на свои руки.

Я громко рассмеялся. В его интерпретации это звучало так, словно речь шла о чем-то обычном, что я делаю изо дня в день.

— Почему ты смеешься? — удивился он.

— Как, интересно, во сне можно посмотреть на собственные руки?

— Очень просто: перевести на них взгляд. Вот так.

И он наклонил голову и, разинув рот, уставился на свои руки. Выглядело это настолько комично, что я расхохотался.

— Нет, серьезно, как это делается? — переспросил я.

— Я же тебе показал, — отрезал дон Хуан. — В принципе можешь смотреть на что хочешь — на свои ноги, на свой живот, хоть на свой нос, в конце концов. Я советую смотреть на руки только потому, что мне лично так было легче всего.

Только не думай, что это шуточки. Сновидение — это так же серьезно, как видение, как смерть, как все, что происходит в этом жутком таинственном мире. Пускай для тебя это будет увлекательной тренировкой. Представь себе все самые невероятные вещи, которые ты мог бы совершить. Ведь возможности того, кто охотится за силой, в сновидении почти безграничны.

Я попросил как-то уточнить задание.

— Уточнять тут нечего. Просто смотри на собственные руки.

— Не может быть, чтобы тебе нечего было добавить, — настаивал я.

Он покачал головой и, сведя глаза, несколько раз быстро на меня взглянул.

— Все мы разные, — наконец произнес он. — Ты просишь, чтобы я уточнил, однако я могу рассказать тебе лишь о том, как и что делал я сам, когда учился. Но мы с тобой непохожи. В нас нет даже намека на сходство.

— Но, может быть, твой рассказ в чем-то мне поможет.

— Проще будет, если ты просто начнешь смотреть на свои руки. Тебе же проще.

Дон Хуан задумался, словно что-то для себя формулируя и время от времени кивая головой.

— Каждый раз, когда ты смотришь во сне на какой-нибудь объект, он меняет форму, — произнес он после долгой паузы. — Когда учишься формировать сновидение, весь фокус заключается в том, чтобы не просто посмотреть на объект, а удержать его изображение. Сновидение становится реальностью тогда, когда человек обретает способность фокусировать глаза на любом объекте. Тогда нет разницы между тем, что делаешь, когда спишь, и тем, что делаешь, когда бодрствуешь. Понимаешь?

Я ответил, что слова его мне понятны, но принять то, что он сказал, я не в состоянии. В цивилизованном мире масса людей страдает разными маниями. Такие люди не в состоянии провести грань между реальными событиями и тем,

что происходит в их болезненных фантазиях. Я сказал, что все они, вне всякого сомнения, больны, и с каждым разом, когда он советует мне действовать подобно сумасшедшему, мне становится все более и более не по себе.

После моей тирады дон Хуан обхватил щеки ладонями и тяжело вздохнул, изображая отчаяние. Получилось довольно смешно.

— Слушай, оставь ты в покое свой цивилизованный мир. Ну его! Никто тебя не просит уподобляться психу. Я же говорил тебе: воин охотится за силами, и он не справится с ними, если не будет безупречно совершенен. Разве воин не в состоянии разобраться, что есть что? А с другой стороны, ты, приятель, в мгновение ока запутаешься и погибнешь, если жизнь твоя окажется в зависимости от твоей способности отличить реальное от нереального. Хотя ты и уверен, что знаешь, что такое есть этот твой реальный мир.

Очевидно, мне не удалось точно выразить свою мысль. Просто каждый раз, когда я начинал возражать, во мне говорило ощущение невыносимого внутреннего разлада из-за понимания несостоятельности моей позиции.

— Я же вовсе не пытаюсь сделать тебя больным, помешанным, — продолжал дон Хуан. — Этого ты с успехом можешь добиться и без моей помощи. Но силы, которые ведут по миру каждого из нас, привели тебя ко мне, и я пытался тебя научить способу действия, с помощью которого ты смог бы изменить свой дурацкий образ жизни, и начать жить, как подобает охотнику — жизнью твердой и чистой. Потом силы еще раз направили тебя и дали мне понять, что я должен учить тебя дальше, чтобы ты научился жить безупречной жизнью воина. Похоже, ты на это не способен. Но кто может сказать наверняка? Мы так же таинственны и так же страшны, как этот непостижимый мир. И кто сможет с уверенностью сказать, на что ты способен, а на что — нет?

В тоне дона Хуана явственно сквозила печаль. Я хотел было извиниться, но он снова заговорил:

— Вовсе не обязательно смотреть именно на руки. Выбери что-нибудь другое, но выбери заранее, а потом, когда уснешь, — найди во сне то, что выбрал. Я посоветовал выбирать руки, потому что они всегда при тебе. Когда они начнут терять форму, отведи от них взгляд и посмотри на что-нибудь другое, а потом

опять — на руки. На то, чтобы в совершенстве освоить этот прием, требуется время, много времени.

Я настолько увлекся своими записями, что не заметил как начало темнеть. Солнце уже скрылось за горизонтом. Небо затянулось облаками. Становилось все темнее. Дон Хуан встал и несколько раз украдкой взглянул на юг.

— Идем, — сказал он. — Нам нужно идти на юг до тех пор, пока не покажется дух источника.

Мы шли примерно полчаса. Вдруг характер местности резко переменился, и мы оказались на открытом пространстве. Впереди виднелся большой круглый холм, весь чаппараль на котором сгорел. Холм напоминал гигантскую лысую голову. Мы направились к нему. Я думал, что дон Хуан намерен подняться вверх по пологому склону, но он остановился и весь буквально превратился во внимание. Тело его словно окаменело. Потом он задрожал, и через мгновение полностью расслабился. Было непонятно, как ему вообще удается сохранять вертикальное положение при настолько расслабленных мышцах.

В это мгновение сильнейший порыв ветра встряхнул все мое тело. Тело дона Хуана повернулось лицом на запад — туда, откуда этот ветер пришел. Это движение не было произвольным: по крайней мере, для того, чтобы повернуться, дон Хуан не воспользовался мышцами так, как это сделал бы я. Впечатление было такое, что его развернула некая внешняя сила.

Я смотрел на дона Хуана. Краем глаза он взглянул на меня. На лице его была написана решимость, целеустремленность. Он снова был весь внимание. Я разглядывал его с удивлением: на моей памяти мы ни разу еще не оказывались в ситуациях, требующих от него столь странной концентрации.

Вдруг по его телу прошла дрожь, словно на него вылили ведро ледяной воды. Потом он еще раз вздрогнул и, как ни в чем ни бывало, пошел дальше.

Я последовал за ним. Он начал подниматься на голый холм с востока и, когда мы дошли примерно до середины склона, остановился и повернулся лицом на запад.

С того места, где мы теперь стояли, вершина холма уже не выглядела такой

круглой и гладкой, какой она казалась издалека. Возле самой макушки холма была дыра, похожая на вход в пещеру. Я принялся пристально смотреть на нее, потому что дон Хуан делал то же самое. Налетел еще один сильный порыв ветра, от которого вверх по моему позвоночнику побежал холодок. Дон Хуан повернулся на юг и принялся обшаривать глазами местность.

— Вон там! — шепотом сказал он и указал на что-то, лежавшее на земле.

Я напряг зрение. Метрах в шести от нас что-то лежало на земле. Оно было светло-коричневого цвета. Когда я на него посмотрел, оно задрожало. Я сосредоточил на нем все свое внимание. «Это» было почти круглым, словно кто-то лежал, свернувшись калачиком. Совсем как собака.

— Что это? — шепотом спросил я у дона Хуана.

— Не знаю, — точно так же шепотом ответил он, всматриваясь в «это». — Как ты думаешь, на что оно похоже?

— На собаку.

— Великовато для собаки.

Я сделал к «этому» пару шагов, но дон Хуан слегка дернул меня за рукав. Я снова принялся всматриваться в «это». Определенно — какое-то животное. То ли спит, то ли умерло. Я почти различал голову с острыми, как у волка, ушами. К тому моменту я уже был в полной уверенности, что перед нами — какое-то животное, которое лежит, свернувшись калачиком. Я решил, что это, возможно, бурый теленок, и шепотом сообщил об этом дону Хуану. Он ответил, что животное слишком невелико для теленка, и, кроме того, у него острые уши.

Животное еще раз вздрогнуло, и я понял, что оно живое. Я видел, как оно дышит, хотя дыхание это не было ритмичным. Оно делало вздохи, скорее походившие на неравномерные спазмы. И тут меня осенило.

— Это животное умирает, — прошептал я дону Хуану.

— Ты прав, — шепотом ответил он. — Но что это за животное?

Я не мог различить никаких характерных признаков. Дон Хуан сделал в направлении него пару осторожных шагов. Я — за ним. Было уже довольно темно, и мы сделали еще два шага, чтобы рассмотреть животное.

— Осторожно! — прошептал дон Хуан мне на ухо. — Если оно умирает, то может броситься на одного из нас из последних сил.

Но зверь, казалось, находился на последнем издыхании. Дыхание его было неравномерным, тело спазматически вздрагивало. Но лежал он по-прежнему свернувшись. Однако в какой-то момент страшный спазм потряс все его тело, буквально подбросив зверя на месте. Я услышал дикий вопль, и зверь вытянул лапы с устрашающими когтями. От этого зрелища меня затошнило. Дернувшись еще раз, зверь завалился набок, а затем опрокинулся на спину.

Я услышал душераздирающий стон зверя и крик дона Хуана:

— Беги! Спасайся!

Что я и исполнил незамедлительно. С невероятной быстротой и ловкостью я кинулся взбираться на макушку холма. На полпути оглянувшись, увидел, что дон Хуан стоит там же, где стоял. Знаком он позвал меня. Я бегом бросился вниз.

— Что случилось? — спросил я, подбежав к нему.

— Похоже, зверь умер, — ответил он.

Мы осторожно приблизились к зверю. Он, вытянувшись, лежал на спине. Подойдя поближе, я чуть не заорал от страха. Зверь был еще жив. Тело все еще вздрагивало, торчавшие вверх лапы дико дергались. Это явно была агония.

Я шел впереди дона Хуана. Еще один спазм встряхнул тело зверя, и я увидел его голову. В диком ужасе я оглянулся на дона Хуана. Судя по телу, животное явно было млекопитающим. Но у него был огромный птичий клюв!

Я смотрел на зверя в полнейшем ужасе. Ум отказывался верить тому, что

видели глаза. Я был оглушен, подавлен. Я не мог вымолвить ни слова. Никогда в жизни мне не приходилось встречаться ни с чем подобным. Перед моими глазами находилось нечто абсолютно невозможное. Я хотел попросить дона Хуана объяснить мне, что за невероятное явление — этот зверь, но получилось лишь нечленораздельное мычание. Дон Хуан смотрел на меня. Я взглянул на него, потом на зверя, и вдруг что-то во мне переключилось и перестроило мир. Я сразу понял, что это за зверь. Я подошел к нему и подобрал его. Это была большая ветка. Она обгорела, и в ней запуталась сухая трава и всякий мусор, что сделало ее похожей на крупного зверя с округлым телом. На фоне зелени цвет обгоревшего мусора воспринимался как светло-бурый.

Я засмеялся по поводу своего идиотизма и возбужденно объяснил дону Хуану, что ветер шевелил то, что запуталось в этой ветке и что делало ее похожей на живого зверя. Я думал, что ему понравится моя разгадка природы таинственного зверя, но он резко повернулся и пошел к вершине холма. Я последовал за ним. Он заполз в углубление, которое снизу казалось пещерой. Это была всего лишь неглубокая ниша в песчанике.

Дон Хуан набрал мелких веточек и вымел из углубления мусор.

— Нужно избавиться от клещей, — объяснил он.

Знаком он предложил мне сесть и велел устраиваться поудобнее, потому что нам предстояло провести там всю ночь.

Я заговорил было о ветке, но он сделал мне знак замолчать.

— То, что ты сделал, — отнюдь не триумф, — сказал он. — Ты зря растратил прекрасную силу — силу, вдохнувшую жизнь в сухой хворост.

Он сказал, что истинной победой для меня был бы отказ от сопротивления. Мне нужно было довериться силе и следовать за ней до тех пор, пока мир не прекратил бы свое существование. Дон Хуан, похоже, вовсе на меня не сердился и не был расстроен моей неудачей. Он несколько раз повторил, что это — только начало, что управлять силой сразу не научишься. Он потрепал меня по плечу и пошутил, что еще сегодня я был человеком, знавшим, что реально, а что — нет.

Я был подавлен. Я принялся извиняться за свою склонность быть всегда уверенным в правильности своего подхода.

— Брось, — сказал дон Хуан. — Это неважно. Ветка действительно была зверем, реальным зверем, и этот зверь был жив, когда сила коснулась ветки. И поскольку сила делала его живым, весь фокус состоял в том, чтобы, как в сновидении, сохранять образ зверя как можно дольше. Понял?

Я хотел его еще о чем-то спросить, но он снова велел мне молчать. Я должен молчать всю ночь. Но не спать. А говорить сегодня будет только он, и то — недолго.

Дух знает его голос и может оставить нас в покое, если говорить будет только он. Открыться силе — это очень серьезно. Это действие, которое может повлечь за собой далеко идущие последствия. Сила способна разрушать, и мощь ее всесокрушающа, поэтому она может запросто уничтожить того, кто бездумно ей откроется. Обращаться с силой нужно предельно аккуратно. Открываться ей следует постепенно, систематически и всегда очень осторожно.

Нужно заявить о своем присутствии, изображая громкий разговор или делая что-то другое, производящее много шума. А потом нужно долго сохранять молчание и неподвижность. Если шумное активное действие сознательно сменяется безмолвной неподвижностью, и если и то, и другое находится под полным контролем, сила знает — она имеет дело с воином, ибо это — его признаки. Я должен был еще хотя бы некоторое время сохранять образ живого чудовища. Спокойно, полностью себя контролируя, не теряя головы и не сходя с ума от возбуждения и страха, я должен был постараться «остановить мир». После того, как я бежал на холм, искренне веря, что спасаю свою жизнь, состояние мое было идеальным — как раз таким, в котором «останавливают мир». В нем соединились страх, благоговение, сила и смерть. Дон Хуан сказал, что еще раз ввести меня в это состояние будет до невозможного трудно.

Я прошептал ему в самое ухо:

— Дон Хуан, что ты имеешь в виду, говоря «остановить мир»?

Прежде чем ответить, дон Хуан яростно взглянул на меня. Но потом объяснил, что «остановка мира» — это прием, которым пользуется тот, кто охотится за силой. Прием, результатом применения которого становится крушение мира. Мир в том виде, в каком мы его знаем, рушится и прекращает свое существование.

Глава 11. Настроение воина

В четверг, 11 августа 1961 года, едва я остановился перед домом, дон Хуан заглянул в открытое окно машины и, не дав мне даже поздороваться, сообщил:

— Мы поедем к месту силы, которое находится довольно далеко. А уже, кстати, почти полдень.

Он открыл дверцу, устроился рядом со мной и велел ехать по шоссе на юг. Километров через сто двадцать он показал мне грунтовую дорогу, на которую нужно было свернуть. Она вела на восток. По ней мы доехали до отрогов гор. Я поставил машину в углублении, которое выбрал дон Хуан. Углубление было довольно большим, и машину в нем не было видно с дороги. Прямо оттуда мы начали подниматься на цепь высоких холмов, пересекавших обширную плоскую пустынную равнину.

Когда стемнело, дон Хуан выбрал место для сна. Он потребовал абсолютного молчания.

На следующий день мы наспех позавтракали и двинулись на восток. Растительность пустыни сменилась сочной зеленью горных кустов и деревьев.

Около полудня мы вскарабкались на вершину гигантского монолитного утеса, склон которого был похож на каменную стену. Дон Хуан сел и знаком велел мне сделать то же самое.

— Это — место силы, — после долгой паузы объяснил дон Хуан. — Когда-то очень давно здесь были захоронены воины.

В это мгновение каркнула пролетавшая над нами ворона. Дон Хуан проводил ее пристальным взглядом.

Я принялся разглядывать скалу и прикидывать, каким образом и где именно в ней могли быть захоронены воины. Дон Хуан с улыбкой похлопал меня по плечу:

— Не здесь, дурень. Там, внизу.

Он указал на поле, которое расстилалось прямо под нами к востоку от подножия утеса. Он объяснил, что на этом поле есть участок, окруженный естественной изгородью из больших валунов. Оттуда, где я сидел, мне был виден этот участок — идеально круглой формы, метров сто в диаметре. Он весь порос густым кустарником, скрывавшим валуны. Я бы даже не заметил, что участок представляет собой идеальный круг, если бы дон Хуан не обратил на это моего внимания.

Дон Хуан сказал, что по старому индейскому миру разбросано множество таких мест. Они не являются в полном смысле местами силы, как некоторые холмы или геологические образования, где обитают духи. Это, скорее, — места просветления, в которых человек может многому научиться и отыскать решения мучающих его проблем.

— Для этого нужно просто сюда прийти, — сказал дон Хуан. — Или провести ночь на этой скале. Это приводит в порядок чувства.

— Мы остановимся здесь на ночь?

— Я думал, что да, но ворона только что, сказала мне что делать этого не нужно.

Я попытался было подробнее расспросить его о вороне, но он нетерпеливым движением головы велел мне молчать.

— Посмотри на этот круг из валунов, — сказал он. — Хорошенько зафиксируй его в памяти, и когда-нибудь ворона приведет тебя к другому такому месту. Чем правильнее круг, тем больше в нем силы.

— А кости воинов до сих пор здесь находятся?

Дон Хуан очень комично изобразил изумление, а потом широко улыбнулся:

— Это — не кладбище. Здесь нет ничьих могил. Я сказал, что здесь были захоронены воины. Они приходили сюда и хоронили себя на ночь, на два дня или на столько, на сколько считали нужным для каких-то своих целей. Кладбища меня не интересуют. В них нет силы. Правда, в костях воина сила есть всегда, но кости воина никогда не бывают закопаны на кладбище. И еще больше силы — в костях человека знания, но его кости отыскать практически невозможно.

— Кто такой человек знания, дон Хуан?

— Любой воин может стать человеком знания. Я уже говорил тебе, что воин — это безупречный охотник, который охотится за силой. Если охота его будет успешной, он может стать человеком знания.

— Что ты...

Движением руки дон Хуан прервал меня. Он встал и знаком велел следовать за ним. Потом он начал спускаться по крутому восточному склону утеса. На его почти вертикальной поверхности была хорошо заметна тропа, которая вела прямо к окруженному валунами участку.

Мы медленно спускались по опасной тропе. Достигнув основания утеса, дон Хуан, не останавливаясь, повел меня сквозь густые заросли сочного чаппараля в самый центр круга. Там он набрал сухих веток и подмел ими заросший пятачок, на котором мы и расположились. Пятачок оказался тоже идеально круглым.

— Я собирался захоронить тебя здесь на всю ночь, — сообщил мне дон Хуан. — Но теперь знаю, что время для этого еще не пришло. У тебя нет для этого силы. Я захороню тебя совсем ненадолго.

Я занервничал от мысли о том, что он собирается меня закопать, и спросил, что он имеет в виду, говоря о захоронении. Он по-детски хихикнул и принялся собирать сухие ветки. Помогать он не позволил, сказав, что мое дело — сидеть и ждать.

Собранные ветки он бросал в центр очищенного круга. Затем он заставил меня лечь головой на восток, сложил мою куртку, засунул ее мне под голову и соорудил вокруг моего тела клетку. Для этого он воткнул в мягкий грунт палки длиной около метра. Некоторые из них вверху оканчивались развилками. В эти развилки он положил длинные продольные прутья, в результате чего вся конструкция приобрела вид открытого гроба. Потом дон Хуан сделал крышку и нижнюю торцевую стенку, закрыв всю конструкцию, начиная от моих плеч, короткими поперечными палками, поверх которых он выложил мелкие ветки и листья. В итоге я оказался лежащим в закрытой со всех сторон клетке, из которой торчала только голова со сложенной курткой под ней в качестве подушки.

Потом он взял толстую сухую палку и, пользуясь ею как лопатой, разрыхлил грунт вокруг меня и забросал клетку землей.

Конструкция оказалась настолько жесткой, а листья — уложенными настолько тщательно, что ни одна песчинка не упала внутрь клетки. Я свободно мог двигать ногами, в случае необходимости — вылезти из клетки и забраться обратно.

Дон Хуан сказал, что обычно воин сперва сооружает клетку, а потом залезает в нее и заделывает лаз изнутри.

— А звери? — поинтересовался я. — Они тоже могут разгрести землю, забраться в клетку и поранить, а то и вовсе загрызть человека.

— Нет. Для воина звери — не проблема. Это проблема для тебя, потому что у тебя нет силы. Воин же руководим несгибаемым намерением. Он способен отогнать кого угодно и отвести от себя любую напасть. Ни крыса, ни змея, ни горный лев не в силах побеспокоить воина.

— А ради чего воины хоронят себя, дон Хуан?

— Ради просветления и силы.

У меня появилось исключительно приятное ощущение умиротворенности. Весь мир наполнился покоем. Тишина стояла редкостная. Но на нервы она мне не действовала. Я не привык к такого рода безмолвию и попытался что-то сказать, но дон Хуан не дал. Спустя некоторое время неподвижное безмолвие и спокойствие, царившие в этом месте, начали действовать на мое настроение. Я начал думать о своей жизни и личной истории, и, как всегда, на меня нахлынуло знакомое чувство печали, и вслед за ним — поток смутных сожалений и угрызений совести. Я сказал дону Хуану, что недостоин этого места и не заслуживаю того, чтобы здесь находиться, ведь его мир — это мир силы, справедливости и чистоты, а я — слаб, и дух мой искорежен обстоятельствами моей жизни.

Дон Хуан засмеялся и пригрозил засыпать мою голову землей, если я буду продолжать в том же ключе. Он сказал, что я человек. И, как любой человек, заслуживаю всего, что составляет человеческую судьбу — радости, боли, печали и борьбы. Но природа поступков человека не имеет значения, если он действует как подобает воину.

Понизив голос почти до шепота, дон Хуан сказал, что если я действительно чувствую, что дух мой искорежен, мне нужно просто укрепить его — очистить и сделать совершенным. Укрепление духа — единственное, ради чего действительно стоит жить. Не действовать ради укрепления духа — значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти — значит не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы каждый из нас попадает независимо ни от чего.

После долгого молчания дон Хуан с глубоким убеждением произнес:

— Стремление к совершенствованию духа воина — единственная задача, достойная человека.

Его слова подействовали, как катализатор. Я вдруг разом ощутил груз всех своих прошлых поступков. Тяжесть его была невыносима. Непреодолимым препятствием они лежали на моем пути, и я чувствовал, что это — безнадежно. Всхлипывая, я заговорил о своей жизни. Я так долго скитался без

цели, что сделался нечувствительным к боли и печали, и что меня пронимает лишь в редких случаях, когда я осознаю свое одиночество и свою беспомощность.

Дон Хуан не сказал ничего. Он схватил меня под мышки и выволок из клетки. Когда он меня отпустил, я сел. Он опустился рядом. Установилось неловкое молчание. Я решил, что он дает мне время на то, чтобы прийти в себя. Я достал блокнот и принялся лихорадочно строчить.

— Одинокий лист на ветру… Да? — произнес он, наконец неподвижно глядя на меня.

Он очень точно выразил мое состояние. Я чувствовал себя именно так. И дон Хуан, похоже, тоже проникся этим ощущением. Он сказал, что мое настроение напомнило ему одну песню, и начал тихонько напевать. Он пел очень приятным голосом. Слова песни унесли меня куда-то далеко-далеко:

Рожден в небесах,

Но сегодня я

Так далеко от них.

И мысли мои

Полны безграничной тоской.

Одинок и печален,

Как лист на ветру,

Я порою готов рыдать,

А порой — смеяться,

Забыв обо всем,

От стремления

Что-то искать.

Мы долго молчали. Наконец, он заговорил:

— С того самого дня, когда ты родился, каждый, с кем сталкивала тебя жизнь, так или иначе что-то с тобой делал.

— Это верно, — согласился я.

— И делали это с тобой против твоей воли.

— Да.

— А теперь ты беспомощен, как лист на ветру.

— Да. Так и есть.

Я сказал, что обстоятельства моей жизни иногда складывались поистине невыносимо жестоко. Дон Хуан выслушал меня очень внимательно, однако я не мог понять, то ли он делает это просто от сочувствия, то ли что-то его действительно весьма заинтересовало. Я терялся в догадках, пока не заметил, что он пытается спрятать улыбку.

— Тебе очень нравится себя жалеть. Я понимаю. Но, как бы тебя это ни тешило, от этой привычки придется избавиться, — мягко сказал он. — В жизни воина нет места для жалости к себе.

Он засмеялся и еще раз пропел песню, слегка изменив интонацию. В результате получился нелепый плаксиво-сентиментальный куплет. Дон Хуан сказал, что мне эта песня понравилась именно потому, что всю свою жизнь я только тем и занимался, что выискивал во всем недостатки, жаловался и ныл. Спорить с ним я не мог. Он был прав. Но, тем не менее, я полагал, что у меня все же достаточно оснований к тому, чтобы чувствовать себя подобно сорванному ветром одинокому листу.

— Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина, — сказал дон Хуан. — Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе

этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и особенно — с воином. Сейчас ты здесь, со мной. Почему? Потому что ты этого хочешь. Тебе пора было бы уже принять на себя всю полноту ответственности за свои действия. В свете этого идея относительно одинокого листа и воли ветра не имеет права на существование.

Он встал и принялся разбирать клетку. Землю он тщательно ссыпал туда, откуда ее брал, а все ветки аккуратно засунул в чаппараль. Потом, забросав очищенную площадку мусором, он придал ей такой вид, как будто никто к ней даже не притрагивался.

Я отметил мастерство, с которым это было сделано. Дон Хуан сказал, что хороший охотник все равно узнает, что мы здесь были, потому что следы человека полностью уничтожить невозможно.

Он сел, скрестив ноги, велел мне сделать то же самое и, как можно удобнее расположившись лицом к тому месту, на котором он меня хоронил, сохранять неподвижность до тех пор, пока полностью не развеется моя печаль.

— Воин хоронит себя, чтобы обрести силу, а вовсе не для того, чтобы хлюпать носом от жалости к себе, — сказал он.

Я попытался было объясниться, но он не дал, резким кивком велев мне молчать. Он сказал, что ему пришлось вытащить меня из клетки, так как настроение мое стало недопустимым и он побоялся, что место возмутится моей безобразной мягкостью и накажет меня.

— Жалость к себе несовместима с силой, — продолжал он. — В настроении воина полный самоконтроль и абсолютное самообладание соединяются с отрешенностью, то есть с полным самоотречением.

— Как это? — недоуменно поинтересовался я. — Как самоконтроль, заключающийся в концентрации на себе, может совмещаться с самоотречением, то есть отказом от себя?

— Это — сложный прием, — ответил он.

Он остановился, как бы раздумывая — продолжать или нет. Дважды он готов

был что-то сказать, но потом передумывал и улыбался.

— Ты еще не преодолел печаль, — проговорил он наконец. — Ты все еще чувствуешь себя слабым, так что сейчас нет смысла толковать о настроении воина.

Почти час прошел в абсолютном молчании. Потом дон Хуан отрывисто спросил, как у меня обстоят дела с техникой сновидения, которой он меня обучил. Я тренировался весьма усердно, и ценой невообразимых усилий мне в конце концов удалось обрести некоторый контроль над своими снами. Дон Хуан был прав, утверждая, что эту практику можно рассматривать как увлекательную тренировку и даже как развлечение. Теперь я чуть ли не с нетерпением ожидал наступления вечера и времени, когда придет пора ложиться спать. Раньше со мной такого не случалось.

И в ответ на вопрос дона Хуана я представил ему подробный отчет о своих успехах.

После того, как я научился давать себе команду смотреть на руки, мне уже было легко удерживать их изображение в течение довольно длительного времени. Мои контролируемые ночные видения, в которых, правда, не всегда присутствовали мои руки, занимали уже, как мне казалось, значительную часть общей длительности сна. Но в конце концов я каждый раз проваливался в непредсказуемые коллизии обычных снов. Команда смотреть во сне на руки или на что-то еще не была связана у меня ни с какими волевыми усилиями. Все получалось как-то само собой. В какой-то момент вдруг в памяти всплывало, что нужно смотреть на руки, а потом на то, что меня окружает. Однако были ночи, в которые я ни о чем этом не вспоминал.

Дон Хуан, похоже, был удовлетворен. Он спросил, какие еще объекты, кроме своих рук, я обычно воспринимаю в контролируемых ночных видениях. Я, не сумев вспомнить ничего конкретного, принялся копаться в кошмаре, который посетил меня предыдущей ночью.

— Не заводись, не заводись, — сухо остановил он меня.

Тогда я рассказал ему, что подробно конспектирую все свои сны. С тех пор, как я начал практиковать фиксацию рук во сне, сны мои сделались очень

живыми и богатыми, а способность к их запоминанию возросла до такой степени, что я с легкостью мог восстанавливать их вплоть до самых незначительных деталей. Дон Хуан сказал, что следить за этими снами — пустая трата времени, потому что ни подробности снов, ни их живость не имеют ровным счетом никакого значения.

— Обычные сны всегда становятся очень живыми, стоит лишь человеку начать учиться формированию сновидений, — объяснил он. — Более того, их живость и ясность становятся серьезными препятствиями на пути, и с тобой в этом плане дело обстоит гораздо хуже, чем с кем бы то ни было из тех, кого я знаю. У тебя — самая настоящая мания, причем совершенно ужасная. Ты записываешь все, что только можешь.

А я-то искренне считал, что поступаю правильно. Благодаря подробнейшим конспектам своих снов я в какой-то степени уяснил себе природу видений, проходивших передо мною во сне.

— Брось это! — приказал он. — Это ни в чем тебе не поможет. Ты только отклоняешься от цели — сновидения, в котором присутствует контроль и сила.

Он улегся на спину, накрыл лицо шляпой и заговорил, не глядя на меня:

— Я хочу напомнить тебе все приемы, которые ты должен практиковать. Сначала фокусируешь взгляд на руках. Это — отправная точка. Затем начинаешь переводить взгляд на другие объекты, на очень короткое время фиксируя его на них. Постарайся бросить такой короткий взгляд на максимальное количество объектов. Помни: если ты будешь только коротко взглядывать на объекты, они не начнут сдвигаться. Потом снова вернись к своим рукам. Каждый раз, когда ты возвращаешься к своим рукам, ты восстанавливаешь силу, необходимую для продолжения сновидения. Поэтому вначале не нужно смотреть сразу на множество объектов. На первый раз четырех будет достаточно. Потом ты постепенно сможешь увеличить их количество, и в конце концов будешь в состоянии разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только начинаешь терять контроль, — возвращайся к рукам.

Когда ты почувствуешь, что можешь смотреть на что угодно сколько захочешь, знай — ты готов к освоению следующего шага. Вторым шагом

является прием, которому я научу тебя сейчас. Но применять его, я надеюсь, ты станешь только тогда, когда будешь готов.

Минут пятнадцать он лежал молча. Наконец, он сел и посмотрел на меня.

— Следующим шагом в формировании сновидения является обучение перемещению в пространстве, — продолжал он. — Тем же способом, каким ты научился смотреть на руки, ты заставляешь себя двигаться, перемещаться в пространстве. Сначала определи место, в которое ты хотел бы попасть. Выбирай места, которые хорошо знаешь, — университет, соседний парк, дом кого-нибудь из твоих друзей, а потом пожелай попасть в выбранное место. Этот прием очень сложный. Он состоит из двух частей. Первая: волевым усилием заставить себя переместиться туда, куда наметил. Вторая: проконтролировать точное время своего путешествия.

Записывая его слова, я почувствовал, что определенно рехнулся, поскольку совершенно серьезно конспектировал инструкции, представлявшие собой натуральный бред сумасшедшего. Чтобы их выполнить, мне пришлось бы каким-то немыслимым способом выбраться из самого себя. Меня в очередной раз охватило замешательство и сожаление о том, что я во все это ввязался.

— Что ты со мной делаешь, дон Хуан? — невольно вырвалось у меня.

Он, похоже, удивился. Некоторое время он пристально смотрел на меня, а потом улыбнулся.

— Слушай, сколько раз можно задавать один и тот же вопрос? Ничего я с тобой не делаю. Ты открываешься силе, ты за ней охотишься. А я только помогаю тебе, задаю, так сказать, направление.

Он склонил голову на бок и принялся меня разглядывать. Одной рукой он взял меня за подбородок, второй — за затылок и подергал меня за голову взад-вперед. От этого движения мышцы, которые были скованы сильным напряжением, расслабились.

Дон Хуан посмотрел на небо и некоторое время что-то на нем изучал.

— Нам пора, — сухо сообщил он и встал.

Мы направились на восток и к пяти часам вечера пришли к рощице из невысоких деревьев в долине между двумя большими холмами. Дон Хуан небрежно заметил, что нам, возможно, придется провести там ночь. Он указал на деревья и сказал, что там есть вода.

Он весь напрягся и начал по-звериному принюхиваться. Я видел, как быстро вздрагивают мышцы его живота, расслабляясь и напрягаясь в такт частым коротким вдохам-выдохам. Он велел мне сделать то же и самому определить, где именно находится вода. Я без особой охоты начал подражать его манере дыхания. Минут через пять-шесть у меня уже кружилась голова. Но ноздри странным образом прочистились, и я почувствовал запах речных ив. Однако установить, где они находятся, мне так и не удалось.

Дон Хуан велел мне несколько минут отдохнуть, а потом снова заставил принюхиваться. Второй раунд был более интенсивным. Я ощутил слабый запах речных ив, исходивший откуда-то справа. Мы свернули туда и примерно через полкилометра вышли к болотцу со стоячей водой. Мы обошли его и подошли к немного возвышавшейся над ним плоской горизонтальной площадке. Дальше над площадкой и вокруг нее все заросло непроходимым сочным чаппаралем.

— Это место кишит горными львами и другими кошками поменьше, — как бы между прочим заметил дон Хуан таким тоном, словно речь шла о какой-то самой обычной мелочи.

Я мигом подбежал к нему. Он засмеялся.

— Обычно я стараюсь вообще сюда не заходить, — сказал он. — Но ворона показала именно это направление. Здесь мы должны найти что-то особенное.

— Дон Хуан, нам действительно необходимо здесь находиться?

— Да. Иначе я ни за что не пошел бы в это место.

Я начал заметно нервничать. Он велел мне слушать внимательно и заговорил:

— Охота на горных львов — единственное, ради чего человек может забраться

в это место. Поэтому я должен научить тебя тому, как это делается. Сначала делают ловушку для водяных крыс, которые служат приманкой. Но изготавливают ее особым образом: боковины делают подвижными, а вдоль них вертикально устанавливают очень остро отточенные шипы. Когда клетка стоит, их острия спрятаны. Но когда на клетку падает что-нибудь увесистое, боковины не выдерживают, клетка снимается, а шипы высовываются и пронзают то, что упало на клетку.

Я не мог понять, как это делается, но он нарисовал на земле схему и объяснил, как закрепить на раме вертикальные прутья стенок таким образом, чтобы при возникновении вертикальной нагрузки на ее крышу клетка заваливалась бы в одну из сторон.

Шипами в такой конструкции служат остро отточенные прутья из твердого дерева, жестко укрепленные на раме.

Дон Хуан сказал, что во время охоты на горного льва высоко над ловушкой подвешивают большую сетку с тяжелыми камнями. Над клеткой протягивают веревку. Вся система устроена так, что стоит только задеть эту веревку, как все камни из сетки рухнут вниз. Учуяв водяных крыс в клетке, горный лев подходит к ловушке. Обычно он пытается разрушить препятствие ударом передних лап сверху вниз. Вот и в этом случае, чтобы добраться до крыс, он изо всех сил ударяет обеими лапами по крышке клетки. Клетка сминается, и шипы вонзаются ему в лапы. От боли и неожиданности огромная кошка подпрыгивает и цепляет веревку, обрушивая на себя лавину камней.

— Когда-нибудь тебе может понадобится поймать горного льва, — продолжал дон Хуан. — Они очень сообразительны, и поймать их можно только одним способом — обманув при помощи боли и запаха речных ив.

С поразительной быстротой и сноровкой дон Хуан соорудил ловушку и после довольно долгого ожидания поймал трех щекастых грызунов, похожих на жирных белок.

Он велел мне нарвать охапку веток речных ив на краю болотца и заставил натереть ими одежду. Сам он сделал то же самое. Потом очень быстро и ловко сплел из тростника две сетки, одну из которых набил водорослями и грязью, которые набрал в болоте. Он принес ее на площадку и спрятался.

Пока он этим занимался, грызуны в клетке начали громко пищать.

Из своего укрытия дон Хуан велел мне взять вторую сетку, набрать в нее побольше грязи и растений из болота и вместе с ней взобраться на нижние ветви дерева, под которым стояла ловушка с грызунами.

Дон Хуан объяснил, что не хочет калечить ни кошку, ни зверьков, поэтому собирается отпугнуть зверя, окатив грязью, когда тот только подойдет к ловушке. Я должен быть готов сделать то же самое. Он посоветовал мне вести себя как можно внимательнее, чтобы не свалиться с дерева. И напоследок велел мне замереть, буквально слиться с ветвями.

Дона Хуана я не видел. Грызуны визжали все громче. Постепенно стемнело настолько, что я едва угадывал общие очертания местности. Вдруг послышались мягкие шаги и приглушенное кошачье дыхание, а потом раздался очень мягкий рык. Грызуны замолкли. И тут прямо под деревом я заметил темную массу звериного тела. Прежде, чем я смог рассмотреть зверя и убедиться в том, что это — горный лев, он бросился на ловушку. Но добежать до нее не успел: что-то обрушилось на него сверху, и он отскочил. Я швырнул свою сетку, как велел дон Хуан, но не попал. Однако шума наделал много. Тут дон Хуан издал несколько жутких пронзительных воплей, от которых по спине у меня побежали мурашки. Кошка с невообразимой ловкостью метнулась через площадку и скрылась.

Дон Хуан еще некоторое время продолжал вопить, а потом велел мне как можно быстрее слезть с дерева, взять клетку со зверьками и бежать к нему на площадку.

Через невероятно краткий промежуток времени я уже стоял рядом с доном Хуаном. Он велел мне кричать, как можно точнее имитируя звуки, которые издавал он сам. Это нужно было для того, чтобы держать на расстоянии льва, пока дон Хуан разбирал ловушку и выпускал зверьков.

Я начал было кричать, но получалось плохо. Голос от возбуждения сделался хриплым.

Дон Хуан сказал, что нужно отрешиться от себя и кричать по-настоящему, с

чувством, потому что лев все еще рядом. И тут я в полной мере оценил ситуацию. Лев-то был вполне реален! И я издал восхитительнейший каскад душераздирающих пронзительных воплей.

Дон Хуан буквально взревел от хохота.

Он дал мне еще немного покричать, а потом сказал, что теперь нужно как можно тише покинуть это место, потому что лев — не дурак и уже, вероятно, возвращается.

— Он наверняка пойдет за нами, — сказал дон Хуан. — Как бы аккуратно мы себя ни вели, позади нас все равно останется след шириной с Панамериканское шоссе.

Я шел совсем рядом с доном Хуаном. Время от времени он на мгновение замирал и прислушивался. Потом в какой-то момент он бросился бежать в темноту. Я — за ним, вытянув перед собой руки, чтобы защитить глаза от веток.

Наконец мы добрались до подножия утеса, на котором сидели днем. Дон Хуан сказал, что если лев не разорвет нас до того, как мы доберемся до вершины, то мы спасены. Он начал взбираться первым, показывая путь. Было совсем темно. Непонятно, каким образом мне это удавалось, но я следовал за доном Хуаном очень уверенно. Когда мы были уже недалеко от вершины, я услышал странный звериный крик. Он напоминал коровье мычание, но был более продолжительным и хриплым.

— Быстрее! Быстрее наверх! — заорал дон Хуан. И я в кромешной тьме рванулся к вершине, оставив дона Хуана позади. Когда он добрался до плоской площадки на макушке утеса, я уже сидел там, восстанавливая дыхание.

Дон Хуан рухнул на землю. Я решил было, что напряжение оказалось для него слишком сильным, однако оказалось, что он просто катается по земле от хохота. Его рассмешил мой бросок к вершине.

Мы молча просидели там еще часа два, потом отправились в обратный путь.

Воскресенье, 3 сентября 1961

Когда я проснулся, дона Хуана дома не было. До его прихода я успел поработать над своими записями и насобирать хвороста для очага в чаппарале вокруг дома. Когда дон Хуан вошел, я как раз ел. Он прошелся по поводу того, что он называл моей запрограммированностью на принятие пищи в полдень, но от пары бутербродов не отказался.

Я сказал ему, что история с горным львом сбила меня с толку. Теперь ситуация казалась нереальной, словно дон Хуан подстроил все это специально для меня. События сменяли друг Друга с такой бешеной скоростью, что у меня просто не было времени на то, чтобы испугаться. Времени было достаточно только на действия, но не на раздумья о складывающихся обстоятельствах. Когда я писал заметки, у меня вдруг возникли сомнения — а действительно ли я видел горного льва? В моей памяти еще свежа была сухая ветка.

— Это был горный лев, — сказал дон Хуан тоном, отметающим всякие сомнения.

— Что, живой зверь из плоти и крови?

— Разумеется.

Я объяснил, что подозрения возникли у меня из-за того, что все прошло как-то слишком уж гладко. Лев явился как по заказу, словно он специально нас ожидал и был подготовлен в соответствии со сценарием дона Хуана.

Однако на дона Хуана залп моих скептических замечаний не произвел ни малейшего впечатления. Он только посмеялся надо мной.

— Смешной ты парень, — сказал он. — Ты же видел кошку собственными глазами. Прямо под деревом, на котором сидел. Она не унюхала тебя и на тебя не бросилась только из-за запаха речной ивы. Он заглушает любой другой запах, а у тебя на коленях лежала целая куча ивовых веток.

Я сказал, что дело не в том, что я сомневаюсь в его честности, а в том, что все происходившее в ту ночь никоим образом не умещается в рамки обычного течения моей жизни. Когда я писал заметки, у меня даже ненадолго возникло

подозрение, что это дон Хуан изображал горного льва. Однако эту идею пришлось отбросить, потому что уж слишком явственно я видел темное тело четвероногого зверя, который бросился на клетку, а потом перемахнул через площадку.

— Чего ты мечешься? — спросил дон Хуан. — Это была обыкновенная большая кошка. Тысячи их рыщут в тех горах. Большое дело! Ты, как всегда, обращаешь внимание не на то, на что следует. Не важно, что это было — лев или мои штаны. Имеют значение только твое состояние и твои чувства в тот момент.

Я никогда в жизни не видел и не слышал большой кошки на воле. И тот факт, что я находился всего в какой-то паре метров от зверя, никак не укладывался у меня в голове.

Дон Хуан терпеливо выслушал все мои соображения по поводу истории с горным львом.

— Слушай, а почему эта большая кошка внушает тебе такой страх? Ты прямо трепещешь перед ней, — довольно ехидно спросил он. — Ведь с такого же расстояния тебе приходилось наблюдать практически всех животных, которые здесь водятся. Но они тебя в такое состояние не приводили. Тебе нравятся кошки?

— Нет.

— А-а-а… Ну тогда забудь о ней. Собственно, урок состоял вовсе не в том, чтобы научиться охотиться на львов.

— А в чем?

— Ворона указала мне на то место возле болота, и там я увидел, каким способом можно заставить тебя понять, что значит «действовать в настроении воина». Вчера ночью, например, ты действовал, находясь в соответствующем настроении. Ты четко себя контролировал, и в то же время был полностью отрешен, особенно в тот момент, когда спрыгнул с дерева и подбежал ко мне. Ты не был парализован страхом. А потом, на утесе, ты действовал вообще превосходно. Я уверен, что ты не поверил бы в то, что совершил, если бы

взглянул на тот склон днем. Большая степень отрешенности сочеталась в твоем состоянии с не меньшей степенью самоконтроля. Ты не бросил все и не наделал в штаны, и в то же время ты на все плюнул и взобрался в кромешной темноте на ту стену. Если бы ты случайно сошел с тропы, ты бы погиб. Чтобы в темноте подняться наверх, тебе необходимо было одновременно себя контролировать и от себя отказаться, бросив самого себя на произвол судьбы. Такое состояние я и называю настроением воина.

Я возразил, что все, что я совершил прошлой ночью, было результатом моего страха, а вовсе не настроения, соединившего в себе самоконтроль и отрешенность.

— Я знаю, — произнес он с улыбкой. — И именно поэтому я хотел показать тебе, что ты способен превзойти самого себя, если будешь находиться в нужном настроении. Воин сам формирует свое настроение. Ты об этом не знаешь. В этот раз настроение воина возникло у тебя благодаря страху. Но теперь тебе известно состояние, соответствующее настроению воина, и ты можешь воспользоваться чем угодно, чтобы в него войти.

Я хотел начать спорить, но для этого моим мыслям не хватало четкости. Непонятно почему, мне вдруг стало досадно.

— Очень удобно действовать, всегда находясь в настроении воина, — продолжал дон Хуан. — Оно не дает цепляться за всякий вздор и позволяет оставаться чистым. Помнишь свое особенное ощущение там, на вершине? Это было здорово, а?

Я сказал, что понимаю, о чем он говорит, однако чувствую, что попытки применить то, чему он меня учит, в повседневной жизни, были бы полным идиотизмом.

— Каждый из поступков следует совершать в настроении воина, — объяснил дон Хуан. — Иначе человек уродует себя и делается безобразным. В жизни, которой не хватает настроения воина, отсутствует сила. Посмотри на себя. Практически все мешает тебе жить, обижает и выводит из состояния душевного равновесия. Ты распускаешь нюни и ноешь, жалуясь на то, что каждый встречный заставляет тебя плясать под свою дудку. Сорванный лист на ветру! В твоей жизни отсутствует сила. Какое, должно быть, мерзкое

чувство! Воин же, с другой стороны, прежде всего охотник. Он учитывает все. Это называется контролем. Но закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает поводья рассчитанного действия. И оно совершается как бы само собой. Это — отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения — окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия.

Мне понравилась его установка, хотя она и была идеалистической. С точки зрения того мира, в котором я жил, она выглядела слишком упрощенной.

Дон Хуан только посмеялся над моими аргументами. Я же продолжал настаивать на том, что настроение воина никак не сможет помочь мне преодолеть обиду и боль, вызванные неблаговидными поступками моих ближних. Я предложил рассмотреть гипотетический случай: меня преследует и по-настоящему изводит, вплоть до физического воздействия, жестокий и злобный негодяй, облеченный властью.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что пример вполне удачный.

— Воина можно ранить, но обидеть его — невозможно, — сказал он. — Пока воин находится в соответствующем настроении, никакой поступок кого бы то ни было из людей не может его обидеть. Прошлой ночью лев тебя совсем не обидел, правда? И то, что он преследовал нас, ни капельки тебя не разозлило. Я не слышал от тебя ругательств в его адрес. И ты не возмущался, вопя, что он не имеет права нас преследовать. А ведь этот лев вполне мог оказаться самым жестоким и злобным во всей округе. Однако вовсе не его характер явился причиной того, что ты действовал так, а не иначе, изо всех сил стараясь избежать встречи с ним. Причина была в тебе самом, и причина была одна — ты хотел выжить. В чем вполне и преуспел. Если бы ты был один и льву удалось бы до тебя добраться и насмерть тебя задрать, тебе бы и в голову не пришло пожаловаться на него, обидеться или почувствовать себя оскорбленным столь неблаговидным поступком с его стороны. Так что настроение воина не так уж чуждо твоему или чьему бы то ни было еще миру. Оно необходимо тебе для того, чтобы прорваться сквозь пустопорожний треп.

Я принялся излагать свои соображения по этому поводу. Льва и людей с моей

точки зрения нельзя ставить на одну доску. Ведь о ближних своих я знаю очень много, мне знакомы их типичные уловки, мотивы, мелкие ухищрения. О льве же я не знаю практически ничего. Ведь в действиях моих ближних самым обидным является то, что они злобствуют и делают подлости сознательно.

— Знаю, — терпеливо проговорил дон Хуан. — Достичь состояния воина — очень и очень непросто. Это — революция, переворот в сознании. Одинаковое отношение ко всему, будь то лев, водяные крысы или люди — одно из величайших достижений духа воина. Для этого необходима сила.

Глава 12. Битва силы

Вторник, 28 декабря 1961

Мы отправились рано утром и сначала ехали на юг, а затем повернули на восток, в горы. Дон Хуан взял с собой две тыквенные фляги с едой и водой. Мы перекусили в машине, а потом оставили ее и двинулись в путь пешком.

— Держись поближе ко мне, — проинструктировал меня дон Хуан прежде чем мы отправились. — Эта местность тебе незнакома, поэтому не стоит рисковать. Ты вышел на поиски силы, и в зачет идет каждый твой шаг. Следи за ветром, в особенности — ближе к концу дня. Следи за тем, как он меняет направление, и всегда занимай такое положение, чтобы я заслонял тебя от него.

— Что мы будем делать в этих горах, дон Хуан?

— Ты охотишься за силой.

— Я хотел спросить, чем конкретно мы будем заниматься?

— За силой невозможно охотиться по какому-либо плану. Впрочем, как и за дичью. Охотник охотится на то, что ему попадается. Поэтому он все время

должен находиться в состоянии готовности. Ты уже кое-что знаешь о ветре и самостоятельно можешь охотиться на силу, в нем заключенную. Но существует много других вещей, о которых ты не знаешь, но которые, подобно ветру, в определенное время и в определенных местах становятся центрами силы. Сила — штука очень любопытная. Ее невозможно взять и к чему-нибудь пригвоздить, как-то зафиксировать или сказать, что же это в действительности такое. Она сродни чувству, ощущению, которое возникает у человека в отношении определенных вещей. Сила всегда бывает личной, она принадлежит только кому-то одному. Мой бенефактор, например, одним лишь взглядом мог заставить человека смертельно заболеть. Стоило ему бросить на женщину такой взгляд, как она увядала и становилась некрасивой. Но это вовсе не значит, что заболевали все, на кого он смотрел. Его взгляд действовал лишь тогда, когда в этом участвовала его личная сила.

— А как он решал, кого сделать больным?

— Не знаю. Он и сам не знал. С силой всегда так. Она командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Охотник за силой ловит ее, а затем накапливает как свою личную находку. Его личная сила таким образом растет, и может наступить момент, когда воин, накопив огромную личную силу, станет человеком знания.

— Как накапливают силу, дон Хуан?

— Это тоже что-то вроде ощущения. Характер его определяется типом личности воина. Мой бенефактор был человеком яростным. Он пользовался чувством ярости для накапливания силы. Все, что он делал, он делал прямо, резко и жестко. Он оставил в моей памяти ощущение чего-то проламывающегося сквозь, сокрушающего все, что оказывалось на пути. И все, что с ним происходило, происходило именно в таком ключе.

Я сказал, что не понимаю, как можно накапливать силу с помощью чувства. Дон Хуан долго молчал.

— Это невозможно объяснить, — сказал он, наконец. — Ты должен сделать это сам.

Он взял свои тыквенные фляги и повесил их себе на спину. Мне он дал

веревочку, на которую были нанизаны куски сушеного мяса. Восемь штук. Веревочку он велел надеть мне на шею.

— Это — пища, обладающая силой, — объяснил он.

— За счет чего она обладает силой, дон Хуан?

— Это — мясо животного, обладавшего силой. Оленя, редкостного, уникального оленя. Меня вывела на него моя личная сила. Этого мяса хватит для того, чтобы поддерживать нас в течение недель, а если потребуется, то и месяцев. Каждый раз откусывай маленький кусочек и жуй очень медленно и тщательно. Пусть сила входит в твое тело постепенно.

И мы пошли. Было около одиннадцати часов утра. Дон Хуан еще раз напомнил мне, как нужно идти:

— Следи за ветром. Не позволяй ему сбивать с шага и утомлять тебя. Жуй мясо силы и прячься от ветра за моей спиной. Мне ветер не причинит никакого вреда, мы с ним давно и очень хорошо знакомы.

Дон Хуан повел меня по тропе, которая шла прямо к высоким горам. День был пасмурным, собирался дождь. Я видел, как с гор на нас ползут низкие дождевые тучи и туман.

Часов до трех пополудни мы шли, не произнося ни слова. Я жевал сушеное мясо. Это действительно придавало мне силы. А наблюдение за изменениями ветра вылилось в итоге в весьма загадочное явление: я до такой степени в это дело втянулся, что буквально всем телом ощущал каждое изменение еще до того, как оно происходило. У меня было такое чувство, что я могу воспринимать волны ветра как какое-то давление на верхнюю часть грудной клетки и бронхи. Каждый раз, когда я вот-вот должен был ощутить порыв ветра, в груди и в гортани появлялся зуд.

Дон Хуан на минутку остановился и осмотрелся. Казалось, он ориентируется. Потом он повернул направо. Я заметил, что он тоже жует сушеное мясо. Я чувствовал себя очень свежим и совсем не уставшим. Наблюдение за изменениями направления ветра требовало настолько полного сосредоточения, что я потерял счет времени.

Мы вошли в глубокое ущелье и по одному из склонов поднялись на маленькую площадку почти у вершины гигантской горы.

Дон Хуан взобрался на громадную скалу, под которой заканчивалась площадка, и помог мне сделать то же самое. Скала была похожа на купол, возвышавшийся над отвесными стенами. Мы начали медленно ее обходить. В конце концов мне пришлось ползти на ягодицах, цепляясь за скалу руками и упираясь пятками. Я весь покрылся потом и был вынужден то и дело вытирать руки.

Обойдя скалу, я увидел очень большую неглубокую пещеру. Она находилась под самой вершиной горы и была похожа на зал в виде балкона с двумя колоннами, возникший вследствие выветривания песчаника.

Дон Хуан сказал, что в этой пещере мы остановимся. Он объяснил, что она безопасна, так как недостаточно глубока для того, чтобы стать логовом горных львов или других хищников, чересчур открыта для того, чтобы быть крысиным гнездом, и слишком сильно продувается ветром для того, чтобы в ней водились опасные насекомые. Дон Хуан засмеялся и сказал, что она — идеальное место для человека, потому что никто другой просто не выдержит в ней долго.

И он, словно горный козел, метнулся к ней. Мне оставалось только восхищаться его фантастической ловкостью.

Я медленно сполз на ягодицах вниз по скале, а затем по склону горы, и побежал вверх по уступу. Последние несколько метров буквально лишили меня сил. Я в шутку спросил дона Хуана, сколько же ему на самом деле лет. Я имел в виду, что для того, чтобы добраться до уступа так, как это сделал дон Хуан, нужно было быть очень молодым и отлично тренированным.

— Я молод настолько, насколько хочу, — ответил он. — Это, кстати, тоже связано с личной силой. Если ты накапливаешь силу, тело твое становится способным на невероятные действия. А если, наоборот, ее рассеиваешь, то на глазах превращаешься в жирного слабого старика.

Выступ протянулся с запада на восток. Открытая сторона пещеры была

обращена на юг. Я подошел к западному краю площадки. Вид оттуда открывался просто потрясающий. Со всех сторон нас окружал дождь, полупрозрачным занавесом ниспадавший на расстилавшуюся внизу холмистую равнину.

Дон Хуан сказал, что у нас вполне достаточно времени на то, чтобы построить укрытие. Он велел мне принести на уступ как можно больше камней, а сам занялся сбором палок для крыши.

За час он соорудил на восточном конце уступа стену толщиной чуть меньше полуметра. Длина ее была сантиметров семьдесят, а высота — примерно метр. Он сплел и связал несколько пучков веток, а потом соорудил из них крышу и установил ее на двух длинных палках с развилками на конце. Еще одна такая же палка была прикреплена к самой крыше и поддерживала ее с другой стороны напротив стены. Вся конструкция получилась похожей на высокий трехногий стол.

Дон Хуан уселся, скрестив ноги, под крышей на самом краю площадки. Мне он велел сесть рядом, справа от него. Некоторое время мы молчали.

Нарушил молчание дон Хуан. Шепотом он сообщил, что нам следует вести себя так, будто ничего необычного не происходит. Я спросил, что именно мне следует делать. Он ответил, что мне следует заняться своими записями и писать так, словно я сижу дома за столом и кроме этой работы меня больше ничто в мире не интересует и не беспокоит. В какой-то миг он меня слегка подтолкнет и глазами укажет, куда смотреть. Он предупредил, что я не должен произносить ни слова, что бы ни увидел. Свободно разговаривать может только он, потому что его знают все силы в этих горах.

Следуя его инструкциям, я около часа прилежно писал. Вдруг я ощутил мягкое похлопывание по руке и увидел, что глазами и кивком головы дон Хуан указывает мне на полосу тумана метрах в двухстах от нас, спускавшуюся с вершины горы. Дон Хуан зашептал мне на ухо голосом, едва слышным даже на таком близком расстоянии:

— Поводи глазами туда-сюда по этой полосе тумана. Но не смотри на нее прямо. Моргай почаще и не фокусируй глаза на тумане. Когда заметишь на нем зеленое пятно, покажи мне глазами, где оно находится.

Я начал водить глазами туда-сюда вдоль полосы тумана, которая медленно к нам приближалась. Прошло, наверное, полчаса. Темнело. Туман полз очень и очень медленно. В какое-то мгновение мне вдруг показалось, что справа от себя я заметил слабое зеленоватое свечение. Сперва я даже подумал было, что вижу просто пятно зеленой растительности, проглядывающее сквозь туман. Когда я взглянул прямо в том направлении, там ничего не оказалось. Но стоило мне снова начать смотреть не фокусируя взгляда, как размытое зеленоватое пятно снова сделалось заметным.

Я показал его дону Хуану. Он прищурился и начал пристально на него смотреть.

— Теперь сфокусируй глаза на пятне, — прошептал он мне на ухо. — И смотри, не моргая, пока не начнешь видеть.

Я хотел было спросить, что именно я должен видеть, но дон Хуан бросил на меня выразительный взгляд, как бы напоминая о том, что мне нельзя разговаривать.

Я снова принялся смотреть на туман, но теперь уже прямо. Клок тумана спустился откуда-то сверху и завис, похожий на кусок чего-то плотного и твердого. Он находился как раз в том месте, где я видел зеленое пятно. Через некоторое время глаза у меня устали, и я прищурился. Сначала я увидел клок тумана, наложенный на туманную полосу, а потом — узкую полосу тумана, похожую на мост, который тянулся откуда-то сверху, как бы соединяя склон горы позади надо мной с туманом, висевшим впереди. На мгновение я даже вроде бы увидел, как по этому мосту, не изменяя его очертаний, тянется прозрачный туман, который течет сверху с горы. Казалось, что мост действительно образован чем-то твердым. В какой-то момент мираж сделался настолько полным, что приобрел объемность, прорисованную темными тенями под мостом и его светлой боковой поверхностью цвета песчаника.

Совершенно ошарашенный, я смотрел на этот мост. А потом то ли я поднялся до его уровня, то ли он опустился до моего, но внезапно я обнаружил, что смотрю на прямую дорожку, начинающуюся прямо у моих ног. Это была невообразимо длинная твердая дорога, узкая и без перил, но достаточно широкая для того, чтобы по ней можно было идти…

Дон Хуан энергично дергал меня за руку. Я почувствовал, как дергается вверх-вниз голова, а потом ощутил жуткую резь в глазах. Совершенно непроизвольно я потер их. Дон Хуан тряс меня не переставая до тех пор, пока я снова не открыл глаза. Он налил в ладонь немного воды из своей фляги и плеснул ее мне в лицо. Было очень неприятно. Вода показалась мне настолько холодной, что я ощутил каждую каплю как язву на коже. И только после этого я обратил внимание на то, что тело мое было очень теплым. Я был как в жару.

Дон Хуан торопливо заставил меня попить воды, и затем побрызгал мне на уши и шею.

Я услышал очень громкий, длинный неземной крик какой-то птицы. Дон Хуан прислушался, а потом ногой разрушил стену. Крышу он разломал и закинул в кусты, а все камни один за другим сбросил вниз.

Потом он шепнул мне на ухо:

— Выпей воды и жуй свое сушеное мясо. Нам нельзя здесь оставаться. Этот крик был не птичьим.

Мы спустились с уступа и двинулись на восток. За считанные минуты стемнело настолько, что у меня появилось ощущение, будто перед моими глазами повесили плотный черный занавес. Туман был похож на непроницаемую стену. До этого я даже не подозревал, насколько опасен ночной туман. Я не мог себе представить, каким образом дону Хуану удается находить дорогу. Я держался за его руку, как слепой за руку поводыря.

Каким-то образом я почувствовал, что мы идем по самому краю пропасти. Ноги отказывались двигаться. Мой рассудок верил дону Хуану, и умом я хотел идти вперед, но тело не желало слушаться, и дону Хуану приходилось в полной темноте тащить меня за собой.

Он, должно быть, в совершенстве знал местность. Вот он остановился и заставил меня сесть. Но руку его я все равно не отпустил. Мое тело без тени сомнения чувствовало, что я сижу на голой куполообразной горе, и стоит мне сдвинуться вправо хоть на пару сантиметров, как я скачусь в бездну. Я был абсолютно уверен, что сижу на округлом склоне, потому что тело все время

непроизвольно сползало вправо. Я решил, что таким образом оно пытается сохранить вертикальное положение, поэтому, чтобы как-то компенсировать это, отклонился, насколько мог, влево, к дону Хуану.

Дон Хуан неожиданно резко отклонился от меня и, потеряв опору, я опрокинулся на землю. Прикосновение к ней восстановило мое чувство равновесия. Я лежал на ровном месте. Я тут же принялся на ощупь обследовать окружающее пространство. Земля была усыпана сухими листьями и хворостом.

Вдруг все вокруг осветила вспышка молнии, и раздался чудовищный раскат грома. Дон Хуан стоял слева от меня. В метре-другом за ним была пещера, а вокруг росли огромные деревья.

Дон Хуан велел мне залезть в пещеру. Я вполз в нее и прижался спиной к камню.

Я почувствовал, как дон Хуан наклонился ко мне, а потом услышал, как он шепотом напоминает, что я должен сохранять абсолютное молчание.

Одна за другой последовали три вспышки молнии. Краем глаза я увидел, что дон Хуан сидит со скрещенными ногами слева от меня. Пещера оказалась совсем небольшим углублением, в котором сидя могли бы разместиться два-три человека. Было такое впечатление, что углубление образовано вогнутой поверхностью большого валуна. Я понял, что поступил мудро, когда вползал сюда на четвереньках. Если бы я попытался войти в нее во весь рост, то стукнулся бы головой о камень.

Свет молний позволил мне оценить плотность тумана. Я заметил стволы гигантских деревьев. Они выглядели как темные силуэты на фоне матовой светло-серой массы тумана.

Дон Хуан прошептал, что туман и молния в сговоре друг с другом и что как бы ни одолевала меня усталость, я ни в коем случае не должен засыпать, потому что вовлечен в битву силы. В свете сверкнувшей в это мгновение молнии перед моими глазами предстала настоящая фантасмагория. Туман был подобен белому матовому фильтру, он равномерно рассеивал свет и напоминал плотную белесую субстанцию, висящую в пространстве между

высокими деревьями. Но прямо передо мной, над самой землей, туман был менее плотным, и я мог различить очертания местности. Мы находились в сосновом лесу. Нас окружали высоченные деревья. Они были настолько огромны, что я мог бы поклясться, что мы — среди секвой, если бы не знал, где мы на самом деле.

Целый каскад молний осветил дорогу. Он длился несколько минут, и с каждой вспышкой окружающий пейзаж проступал все яснее. Прямо перед собой я увидел тропу. На ней ничего не росло. Похоже было, что впереди, там, где она заканчивалась, начиналось свободное от деревьев пространство.

Молнии сверкали в таком количестве, что определить, с какой они стороны, я не мог. Однако пейзаж был освещен настолько хорошо, что я почувствовал себя заметно лучше. Страх и неуверенность исчезли, едва лишь света стало достаточно для того, чтобы немного приподнялся занавес тьмы. И теперь, когда между вспышками наступала длительная пауза, окружающая чернота уже больше не сбивала меня с толку.

Дон Хуан прошептал, что я, наверное, уже наблюдал достаточно, и теперь следует сосредоточиться на звуке грома. Тут я, к своему удивлению, осознал, что до этого не обращал на гром никакого внимания вообще, хотя раскаты его были действительно грандиозны. Дон Хуан добавил, что нужно следить за звуком и смотреть в том направлении, откуда он идет.

Каскадов молний и грома больше не было. Только время от времени тьму разгоняли яркие одиночные вспышки и тишину раскалывали короткие мощные громовые раскаты. Мне показалось, что раскаты грома слышатся справа. Туман постепенно приподнимался, и, привыкнув к кромешной тьме, я начал различать массивы зарослей. Молнии продолжали сверкать, сопровождаемые громом, и неожиданно я обнаружил, что справа от меня ничего нет. Я увидел небо.

Буря сдвигалась, как мне показалось, вправо. Опять сверкнула молния, и вдалеке справа от себя я увидел гору. Свет молнии осветил фон за ней и выхватил из тьмы ее массивный округлый силуэт. Мне были видны деревья на вершине горы, похожие на изящную черную аппликацию на фоне сверкающего белого неба. Я даже видел кучевые облака над горами.

Туман вокруг нас полностью рассеялся. Дул устойчивый ветер, и я слышал шелест листьев в кронах больших деревьев слева от себя. Буря полыхала молниями слишком далеко для того, чтобы осветить деревья, но их темный массив был вполне различим. Однако света молний было достаточно, чтобы я смог разглядеть цепь далеких гор справа. Лес был слева от меня, я находился как раз на его границе. Внизу подо мной вроде бы расстилалась темная долина, которой не было видно вовсе. Электрическая буря бушевала на другой ее стороне.

Потом пошел дождь. Я вжался спиной в скалу. Шляпа прикрывала туловище и поджатые ноги. Намокли только голени и ботинки.

Дождь шел долго. Он был теплым. Я чувствовал, как вода течет по ступням. А потом я заснул.

Меня разбудили голоса птиц. Я осмотрелся в поисках дона Хуана. Его не было. В обычной ситуации мне стало бы интересно; отошел он ненадолго или ушел вообще, оставив меня одного. Но в этот раз я был буквально парализован, до такой степени меня потрясло то, что я увидел вокруг.

Я встал. В ботинках хлюпала вода. Шляпа насквозь промокла и с ее полей на меня пролились остатки воды. Я находился вовсе ни в какой не в пещере, а под густыми кустами. Замешательство, меня охватившее, было ни с чем не сравнимо. Я стоял на плоском участке земли между двумя невысокими земляными холмами, покрытыми кустарником. Ни деревьев слева, ни долины справа не было в помине. Прямо передо мной, там, где я видел тропу в лесу, рос громадный куст.

Я не верил своим глазам. Несовместимость двух версий реальности, свидетелем которых я был, заставила меня сразу же углубиться в поиски какого-то объяснения. Может, я спал настолько беспробудно, что дон Хуан перетащил меня на спине в другое место, не разбудив при этом?

Я осмотрел место, на котором проснулся. Земля там, где я сидел, была сухой. Такой же сухой была и земля на пятачке рядом, там, где сидел дон Хуан.

Я пару раз позвал его, а потом меня охватила тревога, и я заорал как можно громче:

— Дон Хуан!

Он вышел из-за кустов. Я мгновенно понял, что он отлично знает, что происходит. Он улыбался настолько ехидно, что я не выдержал и улыбнулся сам.

У меня не было желания играть с ним в какие бы то ни было игры, и я выложил ему все, что творилось у меня внутри. Как можно точнее и последовательнее я во всех подробностях описал ему свои ночные видения. Он слушал, не прерывая. Сохранять серьезное выражение лица ему, однако, удавалось с трудом, пару раз он даже начинал посмеиваться, но сдерживался и тут же брал себя в руки.

Три или четыре раза я по ходу дела задавал вопросы, но дон Хуан только качал головой с таким видом, словно ничего не понимает.

Когда я завершил свой отчет, он взглянул на меня и сказал.

— Вид у тебя, конечно, ужасный. Может, сходишь в кустики?

Он усмехнулся и посоветовал мне раздеться и выкрутить вещи, чтобы они быстрее высохли.

Ярко светило солнце. Облаков почти не было. Стоял ясный солнечный день.

Дон Хуан повернулся и, уходя, сказал, что пойдет поищет кое-какие растения. Мне он велел привести себя в порядок и что-нибудь поесть и не звать его до тех пор, пока я не почувствую, что полностью успокоился и собрался с силами.

Вся одежда на мне промокла. Я уселся на солнцепеке, чтобы просохнуть. Я чувствовал, что могу расслабиться единственным способом — достав блокнот и взявшись за свои записи. Я принялся писать и заодно, не отрываясь от этого занятия, поел.

Через пару часов я почувствовал, что расслабился в достаточной степени, и позвал дона Хуана. Он отозвался откуда-то с вершины холма. Он велел мне взять его фляги и подниматься к нему. Взобравшись на холм, я увидел, что

дон Хуан сидит на плоском камне и поджидает меня. Он открыл фляги и достал немного еды для себя. Мне он дал два больших куска мяса.

Я не знал, с чего начать, потому что вопросы буквально толпой теснились в моей голове. Дон Хуан, похоже, был в курсе моего настроения и с явным удовлетворением рассмеялся.

— Как ты себя чувствуешь? — с оттенком иронии спросил он.

Я не хотел отвечать. Я все еще был не в себе.

Дон Хуан велел мне сесть на плоскую каменную плиту. Он сказал, что этот камень — объект силы, и что если я немного на нем посижу, силы мои восстановятся.

— Садись! — сухо приказал он.

На лице его не было улыбки. Глаза его были яростными и пронзительными. Я автоматически сел.

Он сказал, что, допуская уныние и плохое настроение, я поступаю неосмотрительно. С силой так вести себя нельзя, и этому необходимо положить конец, иначе сила обернется против нас, и мы никогда не уйдем живыми из этих безлюдных холмов.

После короткой паузы он как бы между прочим спросил:

— Как у тебя обстоят дела со сновидением?

Я рассказал, как сложно мне стало давать себе команду смотреть на свои руки. Сначала все шло относительно гладко. Может быть, это было обусловлено новизной. Без каких бы то ни было затруднений я вспоминал о том, что нужно приказать себе смотреть на руки. Однако восторг прошел, и вот уже в течение целого ряда ночей я вообще не мог этого сделать.

— Нужно на ночь надевать головную повязку, — сказал дон Хуан. — Но добыть ее не так-то просто. Я не могу тебе ее дать, ты должен сделать повязку сам. Из грубой ткани. Но только после того, как увидишь ее в сновидении.

Понимаешь? Головную повязку нужно изготовить в строгом соответствии с особым видением. И у нее должна быть поперечная лента, проходящая четко через макушку головы. Конечно, ты мог бы ложиться спать в шляпе или, как бенедиктинец, надевать на ночь колпак, но это только интенсифицирует обычные сны, а сновидению способствовать не будет.

Он немного помолчал, а потом быстро и многословно начал объяснять, что видение головной повязки может явиться не только в «сновидении», но и в бодрствующем состоянии в результате какого-нибудь события, не имеющего к ней, казалось бы, никакого отношения. Например, наблюдения полета птиц, течения воды, облаков или чего-то в таком роде.

— Охотник за силой наблюдает за всем, — продолжал он.

— И все, за чем он наблюдает, раскрывает ему какие-нибудь тайны.

— Но как убедиться в том, что наблюдаемый тобой объект раскрывает тебе тайну? — спросил я.

Я рассчитывал, что он выдаст мне какую-нибудь формулу, позволяющую делать «правильные» интерпретации.

— Единственный способ убедиться — неукоснительно следовать всем тем инструкциям, которые я давал тебе, начиная с самой первой нашей встречи, — ответил он. — Чтобы обладать силой, нужно вести жизнь, наполненную силой.

Он снисходительно улыбнулся. Его ярость вроде прошла, он даже слегка подтолкнул меня под локоть:

— Жуй свою пищу, обладающую силой.

Я принялся жевать сушеное мясо, и тут до меня дошло: наверное, в нем содержатся какие-то психотропные вещества. Этим и объясняются мои ночные галлюцинации. На какое-то время я почувствовал облегчение. Если Дон Хуан действительно добавил что-то в мясо, то все миражи, которые я наблюдал, становятся вполне понятным явлением. Я спросил его, добавлялось ли что-то в «мясо силы».

Он засмеялся, но прямо не ответил. Я настаивал, уверяя его в том, что вовсе не сержусь, и даже не чувствую раздражения, а просто хочу это знать, чтобы как-то удовлетворительно с моей точки зрения объяснить события предыдущей ночи. Я требовал, просил и в конце концов начал умолять его сказать мне правду.

— А ты точно — с трещиной, — произнес он, недоверчиво качая головой. — У тебя есть коварная тенденция. Ты настаиваешь на объяснениях, которые удовлетворяли бы именно тебя. В этом мясе нет ничего, кроме силы. И силу туда не добавлял ни я, ни кто-либо другой. Силой мясо наполнила сама сила. Это — мясо оленя, который был дан мне в качестве дара. Не так давно таким же даром для тебя явился кролик. К тому кролику ни ты, ни я ничего не добавляли. Я не говорил тебе засушить его мясо, потому что для этого тебе потребовалось бы гораздо больше силы, чем у тебя есть. Но я велел тебе поесть кроличьего мяса. По собственной глупости ты съел тогда слишком мало. То, что произошло с тобой сегодня ночью, не было ни шуткой, ни чьими-то проделками. У тебя была встреча с силой. Туман, тьма, молнии, гром и дождь были частями великой битвы силы. Дуракам везет. Воин многое бы отдал за такую битву.

Я возразил, что все событие в целом не могло быть битвой силы, потому что оно не было реальным.

— А что реально? — очень спокойно спросил дон Хуан.

— Вот это, то, на что мы смотрим, — реально, — ответил я, обведя рукой окружавший нас пейзаж.

— Но мост, который ты видел ночью, и лес, и все остальное — все было таким же.

— Тогда куда оно все делось? Если все это реально, где оно сейчас?

— Здесь. Если бы ты обладал достаточной силой, ты мог бы вызвать все, что видел ночью. Вызвать прямо сейчас. Но сейчас ты на это не способен, потому что находишь большую пользу в том, чтобы сомневаться и цепляться за свою реальность. Однако в этом нет никакой пользы, приятель. Никакой. Прямо здесь, перед нами, расстилаются неисчислимые миры. Они наложены друг на

друга, друг друга пронизывают, их множество, и они абсолютно реальны. Если бы ночью я не схватил тебя за руку, ты пошел бы по мосту, независимо от своего желания. А до этого мне приходилось защищать тебя от ветра, который тебя искал.

— А что бы случилось, если б ты меня не защищал?

— Ты не обладаешь достаточной силой. Поэтому ветер заставил бы тебя заблудиться, и, вероятно, даже убил бы, столкнув в пропасть. Но туман был вполне реален. В нем с тобой могли бы случиться две вещи. Либо ты перешел бы по мосту на другую сторону, либо ты упал бы и разбился насмерть. Все зависит от силы. Но в одном я уверен — если бы я тебя не защищал, ты пошел бы по мосту. Несмотря ни на что. Такова природа силы. Как я тебе уже говорил, сила командует тобой и в то же время тебе подчиняется. Этой ночью, например, она заставила бы тебя взойти на мост. Но потом, подчиняясь тебе, она поддерживала тебя на твоем пути по мосту. Я остановил тебя, так как знаю, что ты не умеешь использовать силу, а без ее помощи мост бы разрушился.

— Ты тоже видел этот мост, дон Хуан?

— Нет. Я видел просто силу. Она может быть чем угодно. Например, для тебя в этот раз она была мостом. Почему именно мостом, я не знаю. Мы — таинственные существа.

— А вообще ты когда-нибудь видел мост в тумане, дон Хуан?

— Никогда. Но это объясняется лишь тем, что я — не такой, как ты. Я видел другое. Мои битвы силы совсем не были похожи на твои.

— А что видел ты, дон Хуан? Можешь рассказать?

— В своей первой битве силы я встретился в тумане со своими врагами. Но у тебя врагов нет. Тебе не свойственно ненавидеть людей. А во мне это было. Моя ненависть к людям была для меня способом потакать своей слабости. Теперь этого нет. Я победил в себе ненависть, но в той первой битве силы она меня почти разрушила. Твоя же битва силы была, наоборот, очень тонкой и почти тебя не затронула. Но зато теперь ты пожираешь себя своими

собственными вздорными мыслями и сомнениями. Это — твой способ потакать себе. Туман повел себя с тобой безупречно. Чем-то ты ему близок. Он подарил тебе дивный мост, и мост этот теперь всегда будет ждать тебя там, в тумане. И будет являться тебе снова и снова, пока не настанет день, когда ты по нему пройдешь. Поэтому я настоятельно тебе советую с сегодняшнего дня не ходить в одиночку в места, где бывают туманы. До тех пор, пока ты не будешь готов сделать это сознательно. Сила — штука очень странная, волшебная. Чтобы в полной мере ею обладать и повелевать, нужно сперва обзавестись некоторым количеством силы, достаточным для начала. Можно однако, сделать и по другому: понемногу накапливать силу, никак ее не используя до тех пор, пока не наберется достаточно, чтобы выстоять в битве силы.

— Что такое битва силы?

— Происходившее с тобой этой ночью было ее началом. Картины, которые разворачивались перед твоими глазами, были вместилищем силы. Когда-нибудь ты разберешься в их смысле, ведь они имеют огромное значение.

— А ты не мог бы рассказать, что они означают, дон Хуан?

— Нет. Эти картины — твое личное завоевание. Его нельзя ни с кем разделить. Но то, что произошло этой ночью, — лишь начало, только первая стычка. Настоящая битва ждет тебя за мостом. Что там? Об этом узнаешь только ты. И только ты узнаешь, куда ведет та тропа в лесу. Но все это может произойти, а может и не произойти. Чтобы пускаться в путешествие по этим неведомым тропам и мостам, нужно иметь достаточное количество своей собственной силы.

— А если силы у человека недостаточно, что тогда?

— Смерть ждет, она ждет всегда, и едва сила воина подходит к концу, смерть просто дотрагивается до него. Так что просто глупо пускаться в путь к неизвестному, не имея силы. Он приведет только к смерти.

Я почти не слушал его. Я со всех сторон обсасывал идею относительно галлюциногенных свойств мяса силы. Мне нравилось это занятие, оно успокаивало и умиротворяло, несмотря на то, что было явным потаканием

себе.

— Не утруждай себя, ты все равно ничего не вычислишь, — произнес дон Хуан, словно прочитав мои мысли. — Мир — это тайна. И то, что ты видишь перед собой в данный момент, — еще далеко не все, что здесь есть. В мире есть еще столько всего… Он воистину бесконечен в каждой своей точке. Поэтому попытки что-то для себя прояснить — это на самом деле всего лишь попытки сделать какой-то аспект мира чем-то знакомым, привычным. Мы с тобой находимся здесь, в мире, который ты называешь реальным, только потому, что оба мы его знаем. Ты не знаешь мира силы, и поэтому не способен превратить его в знакомую картину.

— Ты знаешь, что я не могу с тобой спорить, — сказал я. — Но в то же время принять все это мой разум не в состоянии.

Он засмеялся и легонько дотронулся до моей головы.

— Ты — псих. Честное слово, — улыбнулся он. — Но это — нормально. Я знаю: жить, как подобает воину, необычайно трудно. Если бы ты выполнял все мои инструкции и действовал в точности так, как я тебя все время учил, ты к сегодняшнему дню обладал бы силой, достаточной, чтобы пройти по мосту. Достаточной для того, чтобы видеть и остановить мир.

— Но с какой стати, дон Хуан, я должен хотеть обладать силой?

— Вряд ли можно сейчас размышлять о причинах. Но если бы ты накопил достаточное количество силы, она сама подсказала бы тебе ответ на этот вопрос. Бред сумасшедшего, верно?

— Хорошо, а тебе самому сила зачем?

— Я в этом похож на тебя. Я тоже не хотел обладать силой. И не видел причин для того, чтобы ее накапливать. И никогда не выполнял инструкций, которые мне давались, или, по крайней мере, никогда не думал, что их выполняю. И однако, несмотря на свою глупость, я накопил достаточное количество силы, и в один прекрасный день моя личная сила заставила мир рухнуть.

— Но почему кто-то должен хотеть остановить мир?

— Так ведь никто и не хочет, в том-то и дело. Это просто происходит. А когда ты узнаешь, что это такое — остановка мира, ты осознаешь, что на то есть свои веские причины. Видишь ли, одним из аспектов искусства воина является умение сначала по некоторой особой причине разрушить мир, а затем — снова восстановить его для того, чтобы продолжать жить.

Я сказал, что, наверное, было бы убедительнее всего, если бы он на примере разъяснил мне эти особые причины для разрушения мира.

Он какое-то время молчал, как бы обдумывая, что мне ответить.

— Ничего не могу тебе по этому поводу сказать, — проговорил он наконец. — Для того, чтобы это знать, нужна сила, много силы. Может быть, когда-нибудь ты, несмотря на собственное сопротивление, начнешь жить, как подобает воину. Это произойдет, вероятнее всего, тогда, когда ты накопишь достаточно силы и сможешь ответить на свой вопрос самостоятельно. Я научил тебя практически всему, что необходимо воину для того, чтобы начать должным образом действовать в мире, самостоятельно накапливая силу. Но мне, в то же время, известно, что ты еще не можешь этого сделать и что я должен проявить терпение. Чтобы попасть в мир силы, необходимо пройти путь длиною в жизнь. Это — непреложный факт, и мне он известен.

Дон Хуан взглянул на небо, а потом — на горы. Солнце уже повернуло к западу, а на горах клубились и быстро росли дождевые тучи. Я забыл завести часы и не знал, который час. Я спросил дона Хуана о времени, и у него начался такой приступ хохота, что он скатился с плиты, на которой мы сидели, прямо в кусты.

Потом он встал, потянулся, зевнул и сказал:

— Еще рано. Подождем, пока на вершине нашего холма соберется туман. Ты должен остаться один на этой плите и поблагодарить туман за все, что он для тебя сделал. А я буду где-нибудь поблизости, чтобы помочь тебе в случае необходимости.

Перспектива один на один встретиться с туманом почему-то привела меня в ужас. Я подумал, что такая иррациональная реакция с моей стороны — просто

идиотизм.

— Ты не можешь, не поблагодарив, уйти из этих безлюдных гор, — твердо произнес дон Хуан. — Воин никогда не поворачивается к силе спиной, не заплатив за проявленную к нему благосклонность.

Он лег на спину, накрыл шляпой лицо и сложил руки под головой.

— Как я должен вести себя в ожидании тумана? — спросил я. — Что мне делать?

— Пиши! — сказал он из-под шляпы. — Только не закрывай глаза и не поворачивайся к туману спиной, когда он появится.

Я попытался было записывать, но никак не мог сосредоточиться. Я встал и начал беспокойно расхаживать туда-сюда. Дон Хуан приподнял шляпу и взглянул на меня с некоторым раздражением.

— Сядь! — приказал он.

Он сказал, что битва силы еще не окончена и что мне нужно приучить свой дух к безмятежности. Ничто из того, что я делаю, не должно выдавать моих чувств. Если, конечно, я не хочу, чтобы эти горы стали для меня ловушкой.

Дон Хуан сел и движением руки дал мне понять, что сейчас будет говорить о чем-то очень важном. Он сказал, что мне следует вести себя так, как будто ничего происходит, потому что места силы, а в одном из них мы в тот момент находились, способны «втянуть» человека, который чем-то обеспокоен. Тогда между человеком и местом силы могут образоваться странные и болезненные узы.

— Эти узы — как тяжелый якорь. Они не дают человеку оторваться от места силы иногда в течение всей жизни, — продолжал он. — А это место — не для тебя. Ты не нашел его сам. Так что возьми себя в руки, а то еще, чего доброго, штаны со страху потеряешь.

Его предостережение подействовало на меня подобно заклинанию. Несколько часов я работал без перерыва.

Дон Хуан заснул и проснулся только когда туман, спускавшийся с вершины холма, был уже в сотне метров от нас. Он встал и осмотрелся. Я тоже посмотрел вокруг, не поворачиваясь спиной к туману. Спустившийся с гор, которые были справа от нас, туман уже окутал все вокруг. Слева тумана не было, однако ветер, который вроде бы дул справа, гнал туман в долину. Туман неуклонно нас окружал.

Дон Хуан прошептал мне, что я должен в полном спокойствии стоять на месте, не закрывая глаз. Повернуться и начать спускаться вниз мне можно будет лишь тогда, когда туман полностью нас окружит.

И дон Хуан спрятался среди камней метрах в двух позади меня.

Горы были погружены в величественное и одновременно жуткое безмолвие. Мягкий ветер шуршал, подгоняя туман, и мне показалось, что это сам туман шипит, скатываясь на меня с вершины холма большими клочьями, похожими на комки плотного белесого вещества. Я понюхал туман. Запах чего-то острого странным образом смешивался с какими-то свежими мягкими ароматами. И туман окутал меня.

У меня возникло ощущение, что туман действует на веки. Они отяжелели. Захотелось закрыть глаза. Стало холодно. В горле запершило, захотелось кашлянуть, но я не решился. Чтобы не кашлянуть, я запрокинул голову и вытянул шею. Взглянув вверх, я почувствовал, что вижу плотность тумана, будто взгляд мой проникает сквозь него. Глаза начали закрываться, я не в силах был бороться со сном. Я почувствовал, что через мгновение рухну на землю. Тут откуда-то выскочил дон Хуан и, схватив меня за руки, сильно встряхнул. Этого было достаточно, чтобы я пришел в себя.

Он шепнул мне на ухо, что теперь я должен что есть духу бежать вниз по склону. Он будет следовать за мной, потому что ему вовсе не хочется, чтобы на него катились камни, которые я на бегу столкну вниз. Он сказал, что это — моя битва силы, поэтому я должен быть впереди, и моя задача — сохранять ясность ума и отрешенность, чтобы выбрать правильный путь.

— Это — как раз тот случай, — громко произнес он. — Мы спустимся только если твое настроение будет настроением воина. Иначе нам не уйти из тумана.

Мгновение я колебался. У меня не было уверенности в том, что я найду дорогу, которая выведет нас отсюда, из этих гор, на равнину.

— Ну! Беги, кролик, беги!!! — завопил дон Хуан и подтолкнул меня вниз.

Глава 13. Последняя остановка воина

Воскресенье, 28 января 1962

Около 10 часов утра дон Хуан вошел в дом. Уходил он, когда едва занимался рассвет. Я поздоровался. Он усмехнулся и в шутку пожал мне руку, приветствуя меня с подчеркнутой церемонностью.

— Нам предстоит, небольшая прогулка, — сказал он. — Садись в машину, поедем в одно очень интересное место, и там ты поищешь силу.

Он расстелил две сетки и на каждую из них поставил по две тыквенные фляги: одну — с едой, вторую — с водой. Потом он стянул сетки тонкой веревкой и одну из них вручил мне.

Мы неспешно поехали на север. Километров через сто пятьдесят свернули с Панамериканского шоссе на запад и поехали по мощеной гравием дороге. Мы ехали несколько часов, и за все это время никого не встретили. Мне казалось, что моя машина — единственная на всей этой дороге. Лобовое стекло постепенно покрывалось разбившимися об него насекомыми и пылью. В конце концов наступил момент, когда стало почти невозможно различать дорогу. К тому же был уже вечер, и довольно сильно стемнело. Я отчаянно напрягал зрение, стараясь разглядеть дорогу и очертания впереди, но мне это не удавалось.

Я сказал дону Хуану, что нужно остановиться и протереть лобовое стекло. Он

велел ехать не останавливаясь, даже если придется тащиться со скоростью пешехода, высунув голову в окно, чтобы смотреть вперед. Он сказал, что, пока мы не прибудем на место, нам вообще нельзя останавливаться.

В каком-то месте он велел мне свернуть направо. Было так темно и мы поднимали такую тучу пыли, что даже фары не особенно помогали. С содроганием я съехал с дороги. Я боялся, что на обочине — глубокий песок, но она оказалась глинистой и хорошо утрамбованной.

Метров сто я ехал с самой низкой скоростью, на какую только способна машина, высунувшись наружу и рукой придерживая открытую дверцу. Наконец дон Хуан велел остановиться. Он сказал, что мы приехали и что машина как раз стоит за огромным камнем, где ее не видно с дороги.

Я выбрался из машины и пошел вперед, чтобы в свете фар хоть немного осмотреть местность. Я не имел ни малейшего представления о том, где мы находимся. Но дон Хуан выключил фары. Он громко сказал, что у нас нет времени, поэтому нужно запереть машину и немедленно отправляться дальше.

Он дал мне мою сетку с флягами. Было темно, я споткнулся и чуть их не уронил. Дон Хуан мягко, но непреклонно потребовал, чтобы я сел и подождал, пока глаза привыкнут к темноте. Однако с глазами все было в порядке, проблема заключалась не в этом. После того, как я вылез из машины, они быстро привыкли к темноте, и теперь я видел все достаточно хорошо. А мешала мне какая-то непонятная нервозность, заставлявшая меня вести себя так, словно я был слегка невменяем. Я жаждал ясности и принялся с пристрастием допрашивать дона Хуана:

— Куда мы идем?

— Мы должны в полной темноте пешком добраться до одного особенного места.

— Зачем?

— Чтобы точно узнать, способен ты продолжить охоту за силой или нет.

— Это что — тест? Экзамен? Но ведь я могу его завалить, дон Хуан. Что будет

тогда? Ты не перестанешь со мной общаться? А учить меня своему знанию?

Он выслушал все вопросы, не перебивая. Но сказал, что то, что мы делаем, — вовсе не тест и не экзамен. Мы ожидаем знака. Если его не будет, значит моя охота за силой оказалась неудачной. В этом случае я буду свободен от каких бы то ни было обязательств, и мне будет предоставлена возможность оставаться настолько глупым, насколько я захочу. Но в любом случае дон Хуан останется моим другом и будет всегда рад возможности видеть меня и со мной общаться.

Мне почему-то стало ясно, что я не справлюсь.

— Знака не будет, — как бы в шутку сказал я, — Я знаю. У меня мало силы.

Дон Хуан засмеялся и мягко похлопал меня по спине:

— Ты не волнуйся, — парировал он. — Знак будет. Я знаю. У меня силы намного больше, чем у тебя.

Он решил, что сказал что-то забавное. Он хлопнул себя по ляжкам, хлопнул в ладоши и расхохотался.

Дон Хуан закрепил мою сетку у меня на спине и объяснил, что я должен идти сзади на расстоянии одного шага и стараться как можно точнее ступать за ним след в след.

Очень драматическим тоном он прошептал:

— Это поход за силой, так что в зачет идет абсолютно все.

Он объяснил также, что, ступая за ним след в след, я буду поглощать силу, рассеиваемую им при ходьбе.

Я взглянул на часы. Было одиннадцать вечера.

Дон Хуан поставил меня по стойке смирно. Потом он взял меня за правую ступню и передвинул ее вперед на расстояние одного шага. Потом сам встал на шаг впереди меня в точно такой же позе и пошел вперед, повторив

предварительно свои инструкции относительно того, что я должен пытаться идти за ним след в след. Очень разборчиво он прошептал, что ни на что другое внимание обращать не нужно. Только ступать след в след. Не смотреть ни вперед, ни по сторонам, только вниз, на его ноги.

Начал он очень спокойно и расслабленно. Я без труда следовал за ним, мы шли по относительно твердой земле. Метров тридцать я прошел, следуя шагу дона Хуана и точно попадая след в след, но потом украдкой глянул в сторону и тут же наступил ему на ногу.

Он хихикнул и сказал, что я совсем не повредил ему лодыжку, наступив ботинком на ногу, но если я и дальше буду продолжать в том же духе, то к утру один из нас станет калекой. Очень тихо, но твердо он со смехом сказал, что не собирается из-за моей глупости и невнимательности становиться хромым и что если я еще раз наступлю ему на ногу, он заставит меня разуться и идти босиком.

— Но я не могу идти без ботинок! — громко и хрипло заявил я.

Дон Хуан снова расхохотался, и нам пришлось остановиться и ждать, пока он отсмеется.

Он сказал, что насчет ботинок говорил совершенно серьезно. Мы идем на встречу с силой и мне предстоит к ней прикоснуться, поэтому в каждом шаге должно присутствовать совершенство.

Перспектива прогуляться по пустыне без ботинок напугала меня невероятно. Дон Хуан пошутил, что моя семья, должно быть, относилась к тем фермерским семьям, в которых в обуви чуть ли не в постель ложатся. Разумеется, он был прав. Я никогда не ходил босиком, и прогулка без ботинок по пустыне была в моем понимании чем-то подобным самоубийству.

— Эта пустыня буквально сочится силой, — прошептал дон Хуан. — Не время и не место для боязливости.

И мы снова двинулись в путь. Дон Хуан шел неторопливо, и мне было легко. Через некоторое время я заметил, что мы прошли участок с твердым грунтом и теперь идем по песку. Ноги дона Хуана увязали в нем и оставляли глубокие

следы.

Мы долго шли, прежде чем дон Хуан решил остановиться. Он не сделал это неожиданно, а сперва предупредил меня, что сейчас остановится, чтобы я на него не налетел. Почва к тому моменту уже опять стала плотной. Было такое впечатление, что мы поднимаемся вверх по склону.

Дон Хуан сказал, что если мне нужно сходить в кусты, то это следует сделать сейчас. Дальше нам предстоит тяжелый переход, который нужно совершить без единой остановки. Я взглянул на часы. Был час ночи.

После десяти-пятнадцатиминутного отдыха дон Хуан велел мне встать и приготовиться. И мы снова двинулись в путь. Он был прав — переход оказался сущим кошмаром. Мне в жизни не приходилось делать ничего, что требовало бы такой полной концентрации. Дон Хуан шел так быстро и напряжение от сосредоточенности на каждом его шаге было столь огромным, что в какой-то момент я вообще перестал ощущать, что иду. Я шагал словно по воздуху, не чувствуя ни ног, ни земли, и какая-то сила несла меня вперед и вперед. Я был настолько сконцентрирован на своем движении, что даже не заметил, как постепенно начало светать. Просто неожиданно обнаружилось, что мне виден дон Хуан, идущий впереди, и видны его ноги, движения которых мне приходилось всю ночь наполовину угадывать.

В какое-то мгновение дон Хуан неожиданно отпрянул в сторону. Инерция пронесла меня еще метров двадцать. Постепенно шаг мой замедлился, ноги ослабели и начали дрожать. В конце концов я рухнул на землю.

Я поднял глаза. Дон Хуан стоял надо мной и спокойно меня разглядывал. Он совсем не выглядел уставшим. Я же хватал ртом воздух, весь покрывшись холодным потом.

Дон Хуан взял меня за руку и развернул. Он сказал, что восстановить силы можно только лежа головой на восток.

Мало-помалу я расслабился. Все тело ныло, однако постепенно я отдохнул и пришел в себя. Наконец у меня появилось достаточно энергии, чтобы встать. Я хотел взглянуть на часы, но дон Хуан не позволил, прикрыв ладонью мое запястье. Очень мягко, почти нежно, он развернул меня лицом на восток и

сказал, что в моем дурацком хронометре нет никакой надобности, потому что мы находимся в магическом времени, и нам предстоит узнать наверняка, способен ли я преследовать силу.

Я огляделся. Мы стояли на плоской вершине очень большого высокого холма. Я хотел было подойти к чему-то, что показалось мне краем площадки или трещиной в скале, но дон Хуан подскочил ко мне и удержал на месте.

Он приказал мне оставаться там, где я упал, пока из-за далеких темных вершин не появится солнце.

Дон Хуан указал на восток и обратил мое внимание на плотную гряду туч над горизонтом. Он сказал, что ветер может вовремя их разогнать, и тогда первые лучи солнца коснутся моего тела. Это будет знак.

Он велел мне стоять лицом на восток, выставив вперед правую ногу, и смотреть в сторону солнца, не фокусируя глаз.

Скоро ноги одеревенели, икры начали болеть. Поза оказалась мучительной, ноги подкашивались, все мышцы ныли. Я держался, сколько мог. Я уже почти упал. Ноги дрожали, когда дон Хуан сказал:

— Хватит!

Он помог мне сесть.

Гряда туч не сдвинулась с места, и солнца, которое уже наверняка взошло над горизонтом, мы не видели.

По этому поводу дон Хуан произнес только два слова:

— Очень плохо.

Я не хотел тут же спрашивать, в чем именно дело, но, зная дона Хуана, был уверен, что он будет в точности следовать указаниям знаков. А в это утро знака не было. Боль в икроножных мышцах улеглась, и я ощутил прилив сил. Самочувствие заметно улучшилось. Я попрыгал, чтобы снять закрепощенность мышц. Дон Хуан очень ненавязчиво посоветовал сбегать на соседний холм,

нарвать листьев особого вида кустарника и растереть ими мышцы ног, чтобы снять боль.

С того места, где я стоял, мне хорошо был виден большой пышный зеленый куст. Листья выглядели очень сочными. Когда-то я такими уже пользовался. Мне они, как правило, не особенно помогали, но дон Хуан всегда утверждал, что по-настоящему дружественные растения действуют очень тонко, почти незаметно.

Я сбежал с нашего холма и быстро поднялся на соседний. Добравшись до вершины, я почувствовал, что напряжение было для меня слишком большим. Я пережил несколько весьма неприятных минут, пока ценой огромных усилий пытался восстановить дыхание. У меня заболел живот, я присел на корточки, а потом, скрючившись, опустился на колени и оставался в этом положении, пока не расслабился. Потом я встал и направился к кусту, чтобы нарвать листьев. Но не смог его найти. Я огляделся. Я был уверен, что стою точно на том месте, где видел куст, но ни там, ни где-либо поблизости не было ничего, сколько-нибудь напоминающего именно это растение. Но я в самом деле стоял на том месте, где его видел! Это было единственное место на поверхности холма, которое хорошо просматривалось оттуда, где стоял сейчас дон Хуан.

Я прекратил поиски и вернулся на другой холм. Когда я рассказал, в чем дело, дон Хуан снисходительно улыбнулся.

— Почему ты называешь это ошибкой? — спросил он.

— Потому что там нет никакого куста, — ответил я.

— Но ведь ты же его видел! Верно?

— Мне казалось, что вижу.

— А что ты теперь видишь на том месте?

— Ничего.

На том месте, где я, как мне казалось, видел куст, никакой растительности не было вообще. Я попытался объяснить то, что видел, оптическим обманом,

чем-то вроде миража. Ведь я был буквально на грани полного изнеможения и вполне мог поверить, что вижу ожидаемое там, где ничего подобного нет в помине.

Дон Хуан мягко усмехнулся и коротко, но пристально на меня взглянул.

— Не вижу никакой ошибки, — сказал он. — Растение там, на вершине холма.

Теперь наступила моя очередь посмеяться. Я внимательно осмотрел весь противоположный склон. В поле зрения подобных растений не было. То, что происходило со мной, когда я видел куст, было, насколько я понимал, настоящей галлюцинацией.

С невозмутимым видом дон Хуан начал спускаться с холма, сделав мне знак следовать за ним. Вместе мы взобрались почти на вершину соседнего холма и подошли прямо к тому месту, где я видел куст.

Я усмехнулся, поскольку был уверен, что прав. Дон Хуан тоже усмехнулся.

— Сходи на другую сторону холма, — сказал он. — Куст — там.

Я заявил, что склон с противоположной стороны холма не был мне виден, и там вполне может расти такой куст, но это ничего не значит.

Дон Хуан снова кивнул мне, приглашая следовать за ним. Вместо того, чтобы подняться на вершину холма, а затем спуститься на склон, он повел меня в обход и с многозначительным видом остановился возле зеленого куста, не глядя на него.

Он повернулся ко мне, как-то странно пронзительно на меня взглянув.

— В округе, должно быть, сотни таких растений, — пробормотал я.

Дон Хуан, по-прежнему невозмутимо, принялся спускаться по той стороне холма, на которой мы теперь стояли. Мы попытались отыскать еще хотя бы один такой же куст. Но в пределах видимости ничего подобного не было, и только примерно через полкилометра мы наткнулись на второе такое растение.

Ни слова не говоря, дон Хуан повел меня на первый холм. Мы немного там постояли, а потом отправились на поиски растений этого вида в противоположном направлении. Довольно тщательно прочесав местность, мы наткнулись еще на два куста примерно в миле от того места, с которого мы начали поиск. Они росли вместе, одним пятном зелени, более сочной, чем окружающая сухая растительность.

Дон Хуан взглянул на меня с серьезным выражением лица. Я не знал, что думать по этому поводу.

— Очень странный знак, — сказал он.

Мы вернулись на вершину первого холма, сделав большой круг, чтобы приблизиться к ней с другой стороны. Казалось, дон Хуан специально отклонялся от прямого пути, чтобы я убедился — вокруг не так уж мало растений такого вида. По дороге к вершине мы не встретили больше ни одного. Наверху мы молча сели, и дон Хуан развязал свою сетку с флягами.

— Поешь, тебе станет лучше, — сказал он.

Он не мог скрыть удовлетворения. С лучистой улыбкой он потрепал меня по затылку. Я чувствовал, что полностью сбит с толку. Меня беспокоило то, как разворачивались события, но я слишком устал и был голоден, поэтому не пытался по-настоящему все это обдумывать.

После еды я почувствовал, что очень хочу спать. Дон Хуан предложил мне использовать технику сведения глаз и выбрать подходящее для сна место на вершине холма, где я видел куст.

Я выбрал. Дон Хуан собрал на этом месте хворост и выложил им круг, диаметр которого равнялся длине моего тела. Очень аккуратно он сорвал несколько веток и подмел площадку внутри круга. Он только делал метущие движения над поверхностью земли, в действительности ее не касаясь. Потом он собрал все камни внутри круга и сложил их в центре, тщательно рассортировав по размеру на две кучки с равным количеством камней в каждой.

— Что ты делаешь с этими камнями? — спросил я.

— Это не камни, — ответил он. — Это — струны. На них будет подвешено твое место.

Он взял камни из кучи поменьше и выложил их по границе круга. Действуя как каменщик, дон Хуан палкой прочно закрепил в земле каждый камень.

Меня он внутрь круга не пустил, а велел ходить вокруг и наблюдать за тем, что он делает. Я насчитал восемнадцать камней, которые он укладывал по очереди против часовой стрелки.

— Теперь беги вниз и жди у подножия холма, — велел он. — А я подойду к краю и гляну, в подходящем ли ты месте стоишь.

— Что ты собираешься делать?

— Собираюсь бросить тебе каждую из этих струн, — ответил он, указывая на кучку более крупных камней. — А ты должен выложить их на земле, там, где я покажу, таким же образом, как я здесь выложил маленькие. Ты должен действовать крайне аккуратно. Когда имеешь дело с силой, в каждом движении должно быть совершенство. Ошибки здесь смертельны. Каждый из этих камней — это струна, которая может убить нас, если мы оставим ее незакрепленной. Поэтому у тебя нет ни малейшей возможности ошибиться. Твой взгляд должен бить прикован к струне, когда я буду ее бросать и когда она упадет на землю. Если ты отвлечешься хотя бы на мгновение, ты потеряешь струну и не сможешь отличить ее от множества обычных камней, разбросанных вокруг.

Я предположил, что будет проще, если я сам по одному отнесу все камни вниз.

Дон Хуан засмеялся и отрицательно покачал головой:

— Это — струны. Я должен их бросить, а ты — подобрать.

На выполнение этого задания ушло несколько часов. Концентрация, которая для этого требовалось, стала для меня настоящей пыткой. Каждый раз, бросая камень, дон Хуан напоминал мне, что нужно быть внимательным и сфокусировать взгляд. И он поступал очень правильно. Было безумно трудно

проследить за камнем, который катился с горы, цепляясь по пути за другие камни и сталкивая их вниз.

Когда круг, наконец, замкнулся и я поднялся наверх, мне казалось, что я вот-вот упаду замертво. Дон Хуан набрал мелких веток и устлал ими землю внутри круга. Он дал мне немного листьев и велел засунуть их под штаны и приложить к коже в области пупка. Он сказал, что они согреют меня и мне будет тепло спать без одеяла. Я вошел в круг и повалился на землю. Подстилка из веток оказалась очень мягкой, и я мгновенно уснул.

Когда я проснулся, был уже почти вечер. Дул ветер, и небо было в тучах. Надо мной висели плотные кучевые облака, но к западу они сменялись тонким покрывалом перистых облаков, и солнце время от времени освещало землю.

Сон освежил меня. Я чувствовал себя обновленным и счастливым. Ветер меня не беспокоил. Мне не было холодно. Подперев голову руками, я осмотрелся. Раньше я не обращал внимания на то, что вершина холма находилась на довольно большой высоте. На западе открывался впечатляющий вид. Я видел огромное пространство: низкие холмы, постепенно переходившие в плоскую поверхность пустыни, протянувшейся до самого горизонта. С севера на восток протянулись хребты коричневых горных вершин. На юге лежали бесконечные цепи холмов и низин, а вдали виднелся синеватый горный массив.

Я сел. Дона Хуана нигде не было видно. Мною овладел внезапный страх; я подумал, что он мог уйти, оставив меня в одиночестве, а обратного пути к машине я не знал. Я снова улегся на подстилку из веток. Меня опять охватил покой, я испытал изумительное ощущение прекрасного самочувствия и совершенно новое для себя состояние: мышление словно отключилось. Я был счастлив. Я чувствовал себя здоровым. Меня буквально затопило странное спокойное возбуждение. С запада дул мягкий ветерок. Он волной пробегал вдоль тела, но холодно от этого не становилось. Я чувствовал его дуновение на лице и за ушами. Это было похоже на мягкие волны теплого прибоя, который окатывал меня, отступал, снова окатывал… Я пребывал в странном состоянии. Оно не походило ни на одно из состояний, знакомых мне по моей занятой, суетливой и неустроенной жизни. Я заплакал. Но не от печали. И не от жалости к себе. Я заплакал от радости, от какой-то неизъяснимой и невыразимой радости.

Мне хотелось остаться на этом месте навсегда. Я, наверное, так бы и поступил, но откуда-то явился дон Хуан и выдернул меня из круга.

— Ну, хватит, ты достаточно отдохнул, — сказал он, за руку поднимая меня с земли.

Очень спокойно он повел меня прогуляться вокруг вершины холма. Мы шли медленно и молча. Позже он захотел, чтобы я осмотрел окружающий пейзаж. Глазами и движением подбородка он указал на небо и горы.

Был вечер, и панорама, открывавшаяся с вершины холма, выглядела потрясающе. Вид ее пробудил во мне ощущения величественного страха и отчаяния. И воспоминание о картинах, которые я видел в детстве.

Мы взобрались на самую высокую точку холма — вершину заостренной скалы, вздымавшейся над площадкой. Там мы сели лицом к югу и устроились поудобнее, прислонившись к камню. Перед нами простиралась поистине величественная картина: холмы, холмы без конца и края.

— Запечатлей все это в памяти, — прошептал мне на ухо дон Хуан. — Здесь — твое место. Утром ты видел, и это был знак. Ты нашел это место с помощью видения. Знак оказался неожиданным, но он явился. Так что тебе придется охотиться за силой, нравится это тебе или нет. Право принятия такого решения не принадлежит людям. Ни тебе, ни мне. Отныне вершина этого холма — твое место, твое любимое место. Все, что ты видишь вокруг, находится на твоем попечении. Ты должен заботиться обо всем, что здесь есть, и все это, в свою очередь, будет заботиться о тебе.

В шутку я спросил, является ли все здесь моим. Он очень серьезно ответил, что да. Я засмеялся и сказал, что это напоминает мне историю завоевания испанцами Нового Света и то, как они делили открытые земли во имя своего короля. Они поднимались на вершину горы и объявляли принадлежащими испанской короне все земли в округе.

— Хорошая идея! — сказал дон Хуан. — Я подарю тебе всю землю, которую может охватить твой взгляд.

Он встал и обвел рукой все, повернувшись всем телом, чтобы замкнуть круг.

— Вся эта земля — твоя!

Я громко рассмеялся.

Он хихикнул и спросил:

— А почему бы и нет? Почему я не могу подарить тебе эту землю!

— Но ты же не владеешь этой землей, — сказал я.

— Ну и что? Испанцы тоже не владели землей, но делили ее и раздавали. Почему ты не можешь получить землю таким же способом?

Я пристально его разглядывал, пытаясь определить, что скрывается за его улыбкой. Он расхохотался и чуть не свалился со скалы.

— Вся эта земля — твоя. Вся, сколько видит глаз, — продолжал он, по-прежнему улыбаясь, — Не для того, чтобы использовать, но чтобы запомнить. Однако вершина этого холма, на которой мы находимся, — твоя. Ею ты можешь пользоваться всю оставшуюся жизнь. Я отдаю ее тебе, потому что ты сам ее нашел. Она — твоя. Бери!

Я засмеялся, однако дон Хуан, казалось, был очень серьезен. Он улыбался, но, похоже, действительно верил, что дарит мне всю эту землю.

— Действительно, почему бы и нет? — спросил он, словно читая мысли.

— Я принимаю подарок! — сказал я наполовину в шутку.

Улыбка исчезла с его лица. Прищурившись, он смотрел на меня.

— Каждый камень и каждый куст на этом холме, особенно на его вершине, находится под твоей опекой. Каждый живущий здесь червяк — твой друг. Ты можешь пользоваться ими, а они — тобой.

Несколько минут мы молчали. Мыслей было необычно мало. Я смутно чувствовал, что неожиданное изменение его настроения является чем-то

вроде предупреждения, но не испугался и не встревожился. Просто мне больше не хотелось разговаривать. Слова почему-то казались мне неточными, а их значения — слишком расплывчатыми. Никогда прежде у меня не возникало подобного чувства, но стоило мне осознать необычность своего настроения, как я поспешно заговорил.

— Но что мне делать с этим холмом, дон Хуан?

— Запечатлей каждую деталь в своей памяти. Сюда ты будешь приходить в сновидениях. Здесь ты встретишься со своими силами, здесь однажды тебе будут открыты тайны. Ты охотишься за силой; это — твое место, и здесь ты будешь черпать энергию. Сейчас то, что я говорю, лишено для тебя смысла. Так что пусть пока это останется бессмыслицей.

Мы спустились со скалы, и дон Хуан повел меня к небольшому чашеобразному углублению на западной стороне вершины. Там мы сели и перекусили.

Несомненно, было на вершине этого холма что-то неописуемо приятное для меня. И во время еды, как и во время отдыха, я испытывал неизвестное прежде тонкое наслаждение.

Медные отсветы заходящего солнца ложились на все вокруг. Камни, трава, кусты — все было словно залито золотом. Я полностью предался созерцанию. Думать не хотелось.

Дон Хуан заговорил. Тихо, почти шепотом. Он велел мне запомнить все, каждую деталь, независимо от того, насколько мелкой или незначительной она кажется. Особенно пейзаж, наиболее впечатляющие виды которого открывались в западном направлении. Он сказал, что сейчас я должен смотреть на солнце, не фокусируя взгляда. До тех пор, пока оно не скроется за горизонтом.

Последние минуты перед тем, как солнце коснулось покрывала низких туманных облаков, были поистине фантастическими, в полном смысле слова. Словно солнце подожгло землю, подобно искре, упавшей в сухой хворост, вспыхнувший почти мгновенно ярким пламенем. Кожей лица я буквально ощущал красноту солнечного света.

— Встань! — закричал дон Хуан, с силой потянув меня за руку.

Он отскочил от меня и очень требовательным тоном велел бежать на месте.

Я побежал. По телу поплыло тепло. Тепло было медно-розовым. Я ощущал, как оно струится по небу и собирается над глазами. Вся верхняя часть головы словно пылала холодным огнем, излучая медно-розовое сияние.

По мере того, как исчезало за облаками солнце, что-то во мне заставляло меня бежать все быстрее и быстрее. В какое-то мгновение я ощутил необычайную легкость, я почувствовал, что вот-вот взлечу и унесусь прочь. Дон Хуан крепко схватил меня за запястье. Почувствовав давление его пальцев, я вернулся в состояние уравновешенной собранности. Я плюхнулся на землю. Дон Хуан сел рядом.

Он дал мне отдохнуть несколько минут. Потом встал, похлопал по плечу и знаком пригласил следовать за ним. Мы слезли с заостренной скалы, на которой сидели. Скала прикрывала нас от холодного ветра. Дон Хуан нарушил молчание:

— Хороший знак. Как странно! Он явился в конце дня. Насколько все же мы с тобой разные… Ты в гораздо большей степени, чем я, — создание ночи. Мне больше нравится юное сияние утра. Вернее, сияние утреннего солнца ищет меня. А от тебя — скрывается. А умирающее солнце, наоборот, к тебе благосклонно. Оно омыло тебя своим светом. Оно опалило тебя своим огнем, но не сожгло. Как странно!

— Почему странно?

— Я никогда такого не видел. Знак, если он является вообще, всегда приходит ко мне из обители восходящего солнца.

— А почему так, дон Хуан?

— Сейчас не время об этом говорить, — отрезал он. — Знание — сила. Для того, чтобы о нем говорить, нужно уметь управлять силой. А чтобы этому научиться, необходимо время. Много времени.

Я пытался настаивать, но он резко сменил тему. Он спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

К тому времени я уже начал наблюдать во сне конкретные места — университет и квартиры своих друзей.

— Когда ты бываешь в этих местах — днем или ночью? — спросил дон Хуан.

Мои сны соответствовали тому времени дня, в которое я обычно бываю в соответствующих местах. В университете — днем, в домах своих друзей — вечером.

Дон Хуан предложил мне практиковать «сновидение» во время дневного сна и посмотреть, удастся ли мне визуализировать выбранное место в том виде, который оно имеет в тот самый момент, когда я сплю. Если я практикую «сновидение» ночью, то и видения выбранных мест должны быть ночными. Переживаемое в «сновидении» должно соответствовать тому времени суток, в которое «сновидение» практикуется. В противном случае это будет не «сновидение», а обычный сон.

— Чтобы облегчить себе задачу, тебе следует избрать вполне определенный объект, который должен находиться в том месте, куда ты хочешь попасть. На этом объекте необходимо сосредоточить внимание, — продолжал дон Хуан. — Например, ты можешь выбрать на этой вершине какой-нибудь вполне конкретный куст и смотреть на него до тех пор, пока он прочно не отпечатается в твоей памяти. И впоследствии ты сможешь попадать сюда в сновидении, просто вызвав образ этого куста. Или, скажем, камня, на котором мы сидели. Или чего угодно другого, что здесь присутствует: Задача путешествий в сновидениях значительно упрощается, если вызываешь образ места силы. Например, такого, как то, где мы сейчас находимся. Но если тебе по каким-либо причинам не хочется попадать именно сюда, можешь воспользоваться любым другим местом. Вероятнее всего, университет тоже является для тебя местом силы. Используй его.

Сначала сосредоточься на любом объекте, который там есть, а потом отыщи этот объект в сновидении. С объекта, который тебя интересует, переводи взгляд на руки. Потом — на любой другой объект и так далее. Но сейчас тебе необходимо полностью сосредоточиться на том, что присутствует здесь, на

этой вершине, поскольку это — самое важное место в твоей жизни.

Он взглянул на меня, как бы оценивая впечатление от своих слов.

Я нервно задвигался, меняя позу, а он улыбнулся:

— Мне придется еще не раз приходить с тобой сюда. А потом ты будешь снова и снова приходить сюда сам. До тех пор, пока не насытишься этой вершиной, пока она буквально не затопит все твое существо. Ты сам узнаешь, когда это произойдет. И тогда эта вершина станет местом твоего последнего танца.

— Что означают твои слова, дон Хуан? Что за последний танец?

— Это — место твоей последней остановки. Где бы ни застала тебя смерть, умирать ты будешь здесь. У каждого воина есть место смерти. Избранное место, насквозь пропитанное незабываемыми, исполненными силы событиями, каждое из которых оставило неизгладимый след; место, на котором воин становился свидетелем великих чудес, в котором ему были поведаны тайны; место, где воин запасает свою личную силу. Долг воина — возвращаться туда после каждого контакта с силой, чтобы в этом месте сделать ее запас. Он либо просто приходит туда, либо попадает в сновидении. А в итоге, когда заканчивается время, отведенное ему здесь, на этой земле, и он чувствует на левом плече прикосновение смерти, дух его, который всегда готов, летит в избранное место, и там воин совершает свой последний танец. Он танцует, и единственным зрителем является смерть. У каждого воина своя особая последовательность движений и поз. Они несут в себе силу. Этому своеобразному танцу воин учится в течение всей жизни. Танцу, который воин исполняет под воздействием своей личной смерти. Если сила умирающего воина ограничена, танец его короток. Но если сила воина грандиозна, то его танец исполнен фантастического великолепия. Однако независимо от того, мала его сила или неизмерима, смерть должна остановиться. Смерть не может не стать свидетелем последнего танца воина на этой земле. Этот танец есть рассказ воина о том тяжелом труде, каким была его жизнь, и смерть должна ждать, ибо ей не под силу одолеть воина, пока танец его не будет завершен.

От слов дона Хуана меня бросило в дрожь. Покой, сумерки, величественные суровые картины окружающей природы — все было словно отдельными чертами, соединение которых рождало в воображении фантастические образы

последнего танца воина — танца силы.

— Можешь ли ты научить меня этому танцу, невзирая на то, что я — не воин? — спросил я.

— Тот, кто охотится за силой, должен научиться этому сам, — ответил он. — И сейчас я ничем не могу тебе помочь. В скором времени у тебя, возможно, появится достойный противник. Тогда я покажу тебе первое движение твоего танца силы. А все остальные его элементы тебе придется находить самостоятельно, и это станет делом всей твоей жизни. Каждое новое движение ты будешь добывать в борьбе за силу. Так что, собственно говоря, танец воина — это история его жизни, история его личной борьбы, которая растет по мере того, как растет его личная сила.

— И что, смерть действительно останавливается, чтобы посмотреть на танец воина?

— Воин — всего лишь человек. Простой человек. И ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который обрел силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это — сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен.

Меня одолело любопытство, и я задал вопрос, который, по правде говоря, был праздным. Я спросил дон Хуана, знал ли он воинов, которые умерли, и известно ли ему, как последний танец повлиял на процесс их умирания.

— Прекрати, — сухо ответил он. — Смерть — это слишком серьезно и фундаментально. Умереть — не просто подрыгать ногами и задубеть.

— А я тоже буду исполнять свой последний танец перед лицом смерти?

— Непременно. Ты охотишься за личной силой, хотя пока что и не живешь как воин. Сегодня солнце явило тебе знак. Все лучшее, что ты сделаешь в своей жизни, будет сделано в конце дня. Очевидно, тебе не по нраву юное сияние раннего света. Путешествия по утрам тебя не привлекают. Но умирающее солнце — темно-желтое слепое солнце — твое. Ты не любишь жару, ты

любишь закатное сияние. И поэтому твой последний танец будет совершен на этой вершине в конце дня. И в танце этом будет твой рассказ о борьбе, о битвах, в которых ты победил, и о тех, которые проиграл, о радостях и разочарованиях, обо всем, что было встречено тобой в походе за личной силой. Твой танец поведает об открывшихся тебе тайнах и о чудесах, ставших твоим достоянием. Так же, как сегодня, умирающее солнце опалит тебя, но не обожжет. Будет дуть мягкий теплый ветер, и вершина холма задрожит. И когда танец твой подойдет к концу, ты посмотришь на солнце, посмотришь в последний раз, потому что больше ты не увидишь его никогда — ни наяву, ни в сновидении. А потом — потом смерть позовет тебя, указав на юг. В бесконечность.

Глава 14. Походка силы

Суббота, 8 апреля 1962

— Смерть — это личность, дон Хуан? — спросил я, усаживаясь на крыльце.

Во взгляде дона Хуана отразилось замешательство. Он держал сумку с продуктами, которые я ему привез. Осторожно поставив ее на землю, он сел напротив меня. Я почувствовал воодушевление и объяснил, что меня интересует, является ли смерть личностью, или выглядит как некое существо, когда наблюдает за воином во время его последнего танца.

— Какая разница? — спросил дон Хуан.

Я сказал, что меня впечатлял этот образ. Поэтому мне интересно, каким образом дон Хуан к нему пришел. Откуда он знает, что дело со смертью и последним танцем воина обстоит именно так.

— Все очень просто, — ответил дон Хуан. — Человек знания видит, и поэтому знает, что последний свидетель — смерть.

— Ты имеешь в виду, что сам видел последний танец воина?

— Нет. Человек не может быть его свидетелем. Только смерть. Но я видел собственную смерть. Она наблюдала за мной, и я танцевал перед ней, как будто умирая. В конце моего танца смерть не позвала меня и не указала ни в каком направлении, а избранное место не вздрогнуло, со мной прощаясь. То есть мое время на земле еще не было исчерпано, и я не умер. Просто тогда, когда это происходило, я обладал небольшим количеством силы, поэтому мне не дано было понять предначертаний моей смерти. И я верил в то, что умираю.

— Она была похожа на личность?

— Смешной ты человек. Полагаешь, что, задавая вопросы, сможешь все понять. Я не думаю, что это тебе удастся, но кто я такой, чтобы говорить наверняка? Смерть не похожа на личность. Скорее, это — некое присутствие, присутствие чего-то неопределенного. Можно выбрать разные способы говорить о ней. Можно сказать, что смерть — ничто. И в то же время смерть — это все. И то, и другое утверждения — верны. Смерть становится тем, что ты хочешь в ней увидеть. Мне легко иметь дело с людьми. Поэтому для меня смерть — это личность. Кроме того, я склонен к мистификации. Поэтому смерть является мне с пустыми глазницами. Я могу смотреть сквозь них, как сквозь два окна. И в то же время они двигаются, как обычные глаза. Поэтому я могу сказать, что смерть пустыми глазницами смотрит на воина, исполняющего свой последний танец на земле.

— Но все это — именно так только для тебя, дон Хуан, или для любого воина?

— Для любого воина, у которого есть танец силы, это именно так. И в то же время не так. Смерть становится свидетелем последнего танца воина, но каждый воин видит смерть по-своему. Она может быть чем угодно — птицей, светом, человеком, кустом, камнем, туманом или присутствием чего-то неизвестного.

Образы смерти, созданные доном Хуаном, растревожили меня. Я не мог подобрать слов для вопросов. Я даже начал заикаться. Дон Хуан с улыбкой смотрел на меня.

— Ну-ну, давай, давай, — подбодрил он.

Я спросил, зависит ли то, в каком виде воин воспринимает смерть, от его воспитания. В качестве примера я привел индейцев юма и индейцев яки. Сам я полагал, что именно воспитанием в значительной степени определяется то, как человек видит свою смерть.

— Воспитание не имеет никакого значения, — ответил он.

— Все зависит от личной силы. Личность человека — это суммарный объем его личной силы. И только этим суммарным объемом определяется то, как он умирает.

— Что такое личная сила?

— Личная сила — это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Личная сила человека и ее накопление никак не связаны с его происхождением. Я уже говорил, что воин — это охотник за силой. И я учу тебя тому, как на нее охотиться и как ее накапливать. И ты столкнулся с общей для всех нас проблемой — проблемой убежденности. Тебе необходимо твердо верить в то, что личная сила существует, что ее можно использовать и накапливать. Но убежденности в том, что все это — именно так, у тебя до сих пор нет.

Я сказал, что он все же своего добился и что ему удалось убедить меня настолько, насколько это вообще возможно. Он засмеялся:

— Это — не та убежденность, которую я имею в виду. Два-три раза он мягко ударил меня кулаком по плечу и со смешком добавил:

— Мне не нужны твои комплименты, ты же знаешь.

Я почувствовал, что должен заверить его в своей абсолютной серьезности.

— Не сомневаюсь, — сказал он. — Но под убежденностью подразумевается способность к самостоятельным действиям. А для того, чтобы этого добиться, тебе предстоит еще предпринять усилия. Ты должен сделать еще очень и

очень много. Ведь ты же только начал.

Он немного помолчал. На лице его отразилась безмятежность.

— Ты иногда до смешного напоминаешь мне меня самого, — продолжал он. — Я тоже не хотел становиться на путь воина. Я считал, что вся эта работа никому не нужна. Если нам все равно предстоит умереть, какая разница — умереть воином или не воином. Но я ошибался. Однако к этому заключению я должен был прийти самостоятельно. Только когда человек сам убеждается в том, что не прав и что разница — невообразимо огромна, тогда он — убежден. И дальше может продолжать самостоятельно. И даже самостоятельно стать человеком знания.

Я спросил, кого он называет человеком знания. Он ответил:

— Того, кто должным образом неуклонно преодолевает все трудности обучения. Все. Того, кто без спешки и медлительности идет как можно дальше по пути раскрытия тайн личной силы.

Потом дон Хуан сказал, что это — не тема для обсуждения. Он сказал, что единственное, чем я должен интересоваться, — это накопление личной силы.

— Но я не понимаю! — возразил я. — Мне действительно непонятно, к чему ты ведешь.

— Охота за силой — дело очень занятное и странное. Сначала — идея, потом — настройка, а потом — бац! Случилось!

— Что случилось? Как именно?

Дон Хуан встал и потянулся. Как обычно, все его суставы захрустели.

— Идем, — сказал он. — Впереди — далекий путь.

— Но я о многом хочу еще тебя спросить, — попытался задержать его я.

— Мы идем к месту силы, — сказал он, входя в дом. — Почему бы тебе не приберечь вопросы до того времени, когда мы туда придем? Там у нас,

вероятно, будет возможность поговорить.

Я думал, что мы поедем на машине, поэтому встал и направился к ней. Но дон Хуан позвал меня в дом и велел взять сетку с флягами. Пока я собирал сетку, он вышел, и стоял, ожидая меня, на краю зарослей чаппараля за домом.

— Нужно торопиться, — сказал он.

Мы шли на запад и около трех часов дня добрались до отрогов гор Сьерра Мадре. День стоял теплый, но во второй его половине задул прохладный ветер. Дон Хуан сел на камень и пригласил меня сделать то же самое.

— Чем мы займемся на этот раз, дон Хуан?

— Ты прекрасно знаешь — мы будем охотиться за силой.

— Да, я знаю. Но что конкретно мы будем делать?

— Ты знаешь, что я не имею ни малейшего представления.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что никогда не имеешь никакого плана действий?

— Охота за силой — непонятная штука, — сказал он. — В ней не может быть никакого предварительного плана. В принципе не может быть. И это делает ее особенно захватывающей. Но действует воин так, словно у него есть план. Потому что доверяет своей личной силе. Он твердо уверен в том, что она направит его действия в правильное русло.

Я отметил, что его утверждения в некотором смысле противоречивы. Если воин уже обладает личной силой, к чему ему еще на нее охотиться.

Дон Хуан с притворным недоумением поднял брови.

— Ты охотишься за личной силой, — объяснил он, — а я воин, который ею уже обладает. Ты спросил, есть ли у меня план, а я ответил, что доверяю своей личной силе и что она направит меня, поэтому никакой план мне не нужен.

Немного посидев молча, мы отправились дальше. Склоны были очень крутыми. Подъем давался мне с трудом. Я устал. А выносливости дона Хуана, казалось, не было предела. Он не бежал и не торопился. Он шел ровно и неутомимо. Я заметил, что он совсем не потел. Он не вспотел даже после подъема на особенно высокий и почти отвесный склон. Когда я взобрался наверх, он уже сидел там, ожидая меня. Я сел рядом, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из груди. Я лег на спину, и пот буквально ручьями заструился у меня со лба.

Дон Хуан рассмеялся и принялся катать меня по земле туда-сюда. Это помогло мне восстановить дыхание.

Я сказал, что его тренированность буквально внушает мне благоговение.

— Я все время стараюсь привлечь к ней твое внимание, — сказал он.

— Ты совсем не стар, дон Хуан.

— Конечно нет. И все время стараюсь, чтобы ты это заметил.

— Как ты это делаешь?

— Я ничего не делаю. Мое тело хорошо себя чувствует только и всего. Я очень хорошо к себе отношусь, и поэтому не вижу причин чувствовать, что устал или что мне не по себе. Секрет заключается не в том, что ты с собой делаешь, а в том, чего не делаешь.

Я ждал разъяснений. Он вроде бы отдавал себе отчет в моей неспособности понять это его заявление. Он улыбнулся и встал.

— Это — место силы, — сообщил он, — Найди площадку для стоянки на этой вершине.

Я принялся протестовать. Я хотел, чтобы он объяснил, чего мне не следует делать со своим телом. Он оборвал меня повелительным жестом и мягко произнес:

— Кончай базар. На этот раз от тебя требуются действия. Действия,

направленные на то, чтобы измениться. Так что — ищи место. Не важно, сколько времени тебе на это потребуется. Хоть всю ночь. Не имеет значения даже то, найдешь ты его или нет. Важно то, что ты будешь пытаться его найти.

Я отложил письменные принадлежности и встал. Дон Хуан напомнил мне, как он обычно делал, когда просил найти место для отдыха, что нужно смотреть, не фокусируя взгляда ни на чем и прищурившись так, чтобы изображение было размытым.

Я начал ходить по вершине холма, просматривая землю полуприкрытыми глазами. Дон Хуан шел в полутора-двух метрах справа от меня и на пару шагов позади.

Сперва я обошел вершину по периметру, намереваясь постепенно по спирали приблизиться к ее центру. Но как только я замкнул периметр, дон Хуан меня остановил.

Он сказал, что я иду на поводу у своего пристрастия к распорядкам и программам. Он добавил, что мне, конечно, удастся систематически покрыть всю площадь вершины, но при таком тупом методе подходящего места мне не отыскать ни за что. И еще он добавил, что отлично знает, где находится это место, поэтому никакие импровизации с моей стороны не пройдут.

— Как же мне быть? — спросил я.

Дон Хуан заставил меня сесть. Потом сорвал с нескольких кустов по одному листу и дал листья мне. Он сказал, что я должен лечь на спину, расстегнуть ремень и положить листья на кожу в области пупка. Он следил за каждым моим движением и велел обеими руками прижать листья к телу. Затем велел закрыть глаза, предупредив, что если я хочу получить совершенный результат, то не должен ни отпускать листья, ни открывать глаза, ни пытаться сесть, когда он приведет мое тело в положение силы.

Он схватил меня за правую подмышку и резко крутнул. У меня возникло непреодолимое желание посмотреть сквозь полуприкрытые веки, но дон Хуан прикрыл мне глаза ладонью. Он приказал мне сосредоточиться только на ощущении тепла, которое будет исходить от листьев.

Я немного полежал неподвижно. От листьев начало идти странное тепло. Сначала я почувствовал его ладонями. Потом тепло растеклось по животу, и, в конце концов, залило все тело. Через несколько минут ступни буквально горели. Все это напомнило мне случаи, когда я болел с высокой температурой.

Я сообщил дону Хуану о неприятных ощущениях и о том, что хочу снять ботинки. Он сказал, что собирается помочь мне встать, и что я не должен открывать глаза до тех пор, пока он не скажет. А перестать прижимать листья к животу можно будет только после того, как я найду подходящее место.

Когда я уже стоял на ногах, он прошептал мне на ухо, чтобы я открыл глаза и начинал идти, но не по какому-либо плану, а позволив силе тянуть и направлять меня.

Я принялся бесцельно ходить. Жар вызывал дискомфортное ощущение. Я решил, что у меня — высокая температура, и принялся гадать, как дону Хуану удалось этого добиться.

Дон Хуан шел за мной. Вдруг он издал крик, который почти парализовал меня. Он со смехом объяснил, что резкие звуки отпугивают неприятных духов. Я прищурился и около получаса ходил туда-сюда. За это время дискомфорт сменился качеством приятного тепла. Расхаживая вверх-вниз по холму у вершины, я ощутил легкость. Но в то же время я был несколько разочарован. Я почему-то ожидал, что обнаружу какой-либо визуальный феномен, но на периферии моего поля зрения ничего не происходило — не было ни необычных цветов, ни сверкания, ни темных масс.

Наконец я устал бродить, прищурившись, и открыл глаза. Я стоял перед небольшим выступом из песчаника. Это был один из скальных выходов на вершине холма. Остальная поверхность была покрыта землей и утыкана редкими кустиками. Похоже, растительность здесь когда-то сгорела и еще не вполне восстановилась. По какой-то непонятной причине песчаниковый выступ показался мне красивым. Я долго стоял перед ним а потом просто на него сел.

— Хорошо! Молодец! — сказал дон Хуан, похлопав меня по плечу.

Он велел мне аккуратно вытащить листья из-под одежды и положить их на камень.

Как только я убрал от кожи листья, тело начало остывать. Я пощупал пульс. Вроде нормальный.

Дон Хуан засмеялся и, обратившись ко мне «доктор Карлос», спросил, не хочу ли я подсчитать и его пульс. Он сказал, что то, что я чувствовал, было силой листьев, которая меня очистила, позволив тем самым выполнить задачу.

Со всей искренностью я принялся его уверять, что ничего особенного не делал, а сел на это место просто потому, что устал, и еще потому, что мне понравился цвет песчаника.

Дон Хуан ничего не сказал. Он стоял в паре метров от меня. Вдруг он отпрыгнул и с невероятной ловкостью отбежал к высокому каменному гребешку поодаль, по пути перемахивая через кусты.

Я встревожился:

— Что случилось?

— Будешь следить, в каком направлении ветер понесет твои листья. А сейчас быстро их пересчитай и половину опять прижми к животу. Ветер идет!

Я насчитал двадцать штук. Едва я успел засунуть десять под рубашку, как сильный порыв ветра понес остальные на запад. Я смотрел, как они летят, скрываясь в бесформенной зеленой массе кустарника, и не мог отделаться от жуткого ощущения, что их целенаправленно сметает воля какого-то сверхъестественного существа.

Вернулся дон Хуан и сел слева от меня лицом на юг.

Мы долго сидели, не произнося ни слова. Я не знал, что сказать. Я чувствовал, что измотан до крайности. Я хотел закрыть глаза. Но не решился. Дон Хуан, должно быть, заметил мое состояние. Он велел мне лечь, положить ладони на живот поверх листьев и попытаться почувствовать себя подвешенным на ложе из «струн», которое он сделал для меня на моем

«избранном месте». Я закрыл глаза, и меня охватило то ощущение мира, покоя и самодостаточности, которое я испытывал тогда там, на вершине совсем другого холма. Хотелось выяснить, смогу ли я действительно ощутить, что взвешен в пространстве. Но я уснул.

Я проснулся перед закатом. Сон освежил меня и восстановил силы. Дон Хуан тоже спал. Он открыл глаза одновременно со мной. Было ветрено, но холода я не чувствовал. От листьев исходило тепло, словно на животе у меня горела печка или работал какой-то электрообогреватель.

Я осмотрелся. Место, выбранное мною для отдыха, находилось как бы в небольшой ложбине. На выступе можно было сидеть, как на длинном диване, спинкой которого служила довольно высокая каменная стенка. Я обнаружил, что, прежде чем лечь спать, дон Хуан принес мои письменные принадлежности и положил их мне под голову.

— Ты правильно определил место, — с улыбкой произнес он. — И произошло все именно так, как я говорил. Сила направила тебя к нему без каких-либо планомерных действий с твоей стороны.

— Что это были за листья? — спросил я.

Тепло, которое от них исходило, было для меня явлением загадочным и крайне любопытным. Я спал на ветру без одеяла, без толстой одежды, и мне было хорошо и удобно.

— Листья? Просто листья, — ответил дон Хуан.

— Ты хочешь сказать, что я могу нарвать любых листьев с какого угодно куста и их действие будет таким же?

— Нет. Я не хочу сказать, что ты можешь сделать это сам. Ты не обладаешь личной силой. Я хочу сказать, что такой эффект могут произвести любые листья в случае, если даст их тебе человек, обладающий силой. Сегодня тебе помогли не листья. Сегодня тебе помогла сила.

— Твоя сила, дон Хуан?

— Думаю, ты вправе говорить, что моя. Но на самом деле это не совсем точно. Сила не может принадлежать никому. Она никогда не бывает ни моей, ни твоей, ни чьей бы то ни было еще. Некоторые из нас умеют собирать ее и накапливать, и могут различными способами передавать другим. Видишь ли, ключевой момент в использовании накопленной силы заключается в том, что ее можно применять только для помощи кому-то другому в накоплении силы.

Я спросил, означает ли это, что его сила ограничена только помощью другим. Дон Хуан терпеливо объяснил, что сам для себя он может пользоваться своей личной силой как ему заблагорассудится, в любых делах, в любом направлении. Но когда дело доходит до прямой передачи силы другому человеку, положение изменяется. Переданная сила бесполезна, если человек, ее получивший, применяет ее для чего бы то ни было, кроме одного — поиска собственной личной силы. Чужая личная сила может быть использована только в поиске своей.

— Все, что совершает человек, определяется уровнем его личной силы, — продолжал дон Хуан. — Поэтому тому, кто ею не обладает, свершения человека могущественного кажутся невероятными. Обычный человек, как правило, не способен не только поверить в то, что совершает могущественный маг или человек знания, но даже просто уместить в сознании саму возможность этих свершений. Ведь для того, чтобы хотя бы как-то представить себе, что такое сила, ею нужно обладать. Именно об этом я тебе всю дорогу толкую. Но ты не понимаешь. И я об этом знаю. Ты не понимаешь не потому, что не хочешь, а потому, что не можешь. У тебя очень низкий уровень личной силы.

— Что же мне делать, дон Хуан?

— Ничего. Действуй так, как действуешь. Живи, как живешь. Сила найдет способ к тебе пробиться.

Он встал и повернулся кругом, внимательно осмотрев окрестность. Он не двигал глазами. Тело его описало полный круг одновременно с поворотом взгляда. Дон Хуан напомнил мне фигурку святого из старинных механических часов, которая делает полный оборот одним равномерным непрерывным движением.

Разинув рот, я смотрел на него в безмолвном изумлении. Он попытался скрыть улыбку, выдававшую, что он в полной мере сознает впечатление, произведенное на меня этим его маневром.

— Сегодня ты будешь охотиться за силой в темноте дня, — проговорил он и сел.

— Что?..

— Ночью ты отправишься в эти неизведанные холмы. Ночью они перестают быть холмами.

— А чем становятся?

— Чем-то другим. Чем-то, о чем ты не можешь даже думать, потому что никогда не был свидетелем их существования.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? Вечно ты пугаешь меня своими мистическими разглагольствованиями.

Он засмеялся и слегка пнул мою икру.

— Мир — это тайна, — в очередной раз сообщил он. — И он вовсе не таков, каким ты его себе рисуешь.

Он на минутку словно задумался, ритмично покачивая головой, а потом улыбнулся и добавил:

— Впрочем, таким, каким его рисуешь себе ты, он тоже является. Но это — далеко не все. В нем присутствует еще очень и очень многое. И ты все время с этим сталкиваешься. А сегодня ночью обнаружишь кое-что новенькое.

От его тона мурашки побежали по моему телу.

— Что ты задумал? — спросил я.

— Я — ничего. Все, что задумано, — задумано силой, которая позволила тебе отыскать это место. Здесь все решает только сила.

Дон Хуан встал и указал куда-то вдаль. Я решил, что он хочет, чтобы я встал и взглянул туда. Я попытался вскочить на ноги, но не успел их выпрямить: дон Хуан с огромной силой толкнул меня вниз.

— Я не предлагал тебе делать то, что делаю сам, — сурово произнес он.

Потом смягчился и добавил:

— Тебе предстоит тяжелая ночь. Тебе потребуется вся личная сила, которую ты способен собрать. Так что сиди, где сидишь, и побереги себя для ночи. Я ни на что тебе не указывал, просто хотел убедиться в том, что они там есть.

Потом он сказал, что все нормально, и велел сидеть спокойно и чем-нибудь заняться, потому что до наступления полной темноты еще много времени, которое я могу использовать, например, для работы над записями. Он улыбнулся, и улыбка его меня успокоила. Мне тоже захотелось улыбнуться.

— Но что мы будем делать, дон Хуан?

Он покрутил головой с подчеркнутым недоверием:

— Пиши!

И повернулся ко мне спиной.

Ничего другого мне не оставалось. Я работал над своими заметками, пока не стало слишком темно, чтобы писать.

В течение всего времени, пока я работал, дон Хуан сидел в одной и той же позе. Казалось, он полностью поглощен наблюдением за чем-то, находившемся на западе. Но едва я прекратил писать, он повернулся ко мне и шутливо сообщил, что существует только три способа заставить меня заткнуться: дать чего-нибудь поесть, заставить писать или уложить спать.

Он добыл из своего рюкзака небольшой сверток и развернул его с видом шамана, совершающего ритуал. В свертке было сушеное мясо. Один кусок он дал мне, второй взял сам и принялся жевать. Как бы между прочим он в

очередной раз сообщил мне, что это — мясо силы. И добавил, что в данном случае оно необходимо и мне, и ему. Я слишком сильно хотел есть для того, чтобы задумываться о возможности наличия в сушеном мясе психотропных веществ. Мы молча жевали, пока не съели все мясо. К тому времени совсем стемнело.

Дон Хуан встал и потянулся. Мне он предложил сделать то же самое. Он сказал, что растягивание всего тела после сна, сидения и ходьбы — очень хорошая практика.

Потом дон Хуан подошел ко мне вплотную и прошептал в правое ухо:

— Иди за мной. Держись как можно ближе. И копируй каждое мое действие.

Он сказал также, что на том месте, где мы стоим, мы в безопасности, потому что оно находится как раз на границе ночи.

— Здесь — не ночь, — он топнул по камню, на котором мы стояли. — Ночь — там.

И он указал в темноту, нас окружавшую.

Потом он проверил, хорошо ли закреплена у меня на спине сетка с тыквенными флягами, и мягко объяснил, что воин всегда проверяет, все ли в порядке. Не потому, что надеется выжить в предстоящем испытании, но потому, что это — неотъемлемая часть его безупречного поведения.

Вместо того, чтобы принести мне облегчение, его приготовления породили во мне уверенность в приближении чего-то неотвратимо рокового. Захотелось плакать. Я был уверен, что дон Хуан полностью осознает действие своих слов.

— Верь своей личной силе, — сказал он мне на ухо. — Это — единственное, что есть у человека в этом таинственном мире.

Он слегка подтолкнул меня, и мы двинулись. Он шел на пару шагов впереди. Я шел следом, взглядом уткнувшись в землю. Почему-то я не решался смотреть по сторонам. Сфокусировав взгляд на земле, я почувствовал странное спокойствие. Земля почти меня загипнотизировала.

Скоро дон Хуан остановился. Он прошептал, что абсолютная тьма — рядом, и что он пройдет вперед. Но о своем местоположении будет давать мне знать, имитируя крик особой маленькой совы. Он напомнил мне, что я уже знаю — его имитация этого звука начинается хрипло и к концу становится мягкой и мелодичной, как крик настоящей совы. И предупредил, чтобы я ни в коем случае не спутал его крик с другими совиными криками, потому что это — смертельно опасно.

К тому моменту, когда дон Хуан закончил меня инструктировать, я был практически в панике. Я вцепился в его локоть железной хваткой. Две-три минуты у меня ушло на то, чтобы вернуть себе дар речи. Нервные судороги пробегали по мышцам живота, не давая мне внятно говорить.

Спокойно и мягко дон Хуан сказал, чтобы я взял себя в руки. Темнота — существо для меня почти полностью неизвестное, и, если я не буду предельно внимателен и осторожен, она может легко меня перехитрить. Чтобы иметь с ней дело, необходимо быть совершенно спокойным.

— Ты должен «отпустить» себя. Тогда твоя личная сила сможет слиться с силой ночи, — проговорил он мне на ухо.

Он еще раз повторил, что пойдет вперед, и на меня снова накатила волна иррационального страха.

— Но это же безумие! — запротестовал я.

Дон Хуан не разозлился и не проявил нетерпения. Он спокойно засмеялся и что-то сказал мне на ухо. Я не совсем понял.

Дон Хуан закрыл мне рот рукой и прошептал, что воин действует так, словно знает в точности, что делает, тогда как в действительности не знает ничего. Он повторил это трижды или четырежды, как будто хотел, чтобы я как следует запомнил. Потом он сказал;

— Воин безупречен, если он доверяет своей личной силе, независимо от того, мала она или огромна.

Немного погодя он спросил, все ли со мной в порядке. Я кивнул, и он шагнул во тьму, исчезнув почти мгновенно и совершенно беззвучно.

Я попытался осмотреться. Под ногами у меня была густая растительность. Я смог различить только темную массу кустов или низкорослых деревьев. Я сосредоточился на звуках, но не заметил ничего особенного. Шум ветра заглушал все звуки, кроме редких пронзительных вскрикиваний больших сов и посвистывания других птиц.

Я ждал, буквально превратившись во внимание. И тут раздался хриплый длинный крик маленькой совы. Я был уверен, что кричит дон Хуан. Звук донесся откуда-то сзади. Я развернулся и пошел в его направлении. Двигался я очень медленно, чувствуя, сколь непреодолимо препятствует мне тьма.

Я шел примерно десять минут. Вдруг прямо передо мной как из-под земли выросла темная масса. Я вскрикнул и упал на пятую точку. В ушах зазвенело. Испуг был так велик, что у меня перехватило дыхание. Чтобы вздохнуть, пришлось открыть рот.

— Вставай? — мягко сказал дон Хуан. — Я не хотел тебя напугать. Я просто вышел навстречу.

Он сказал, что наблюдал за моей корявой походкой. Я напомнил ему хромую старую даму на грязной улице после дождя, которая брезгливо на цыпочках обходит лужи. Он, видимо, живо представил себе эту картинку и рассмеялся.

Затем он показал мне способ передвижения в темноте — способ, который он назвал «походкой силы». Сначала он слегка склонился вперед и заставил меня потрогать его спину и колени, чтобы я понял, в каком положении находится его тело. Туловище было слегка наклонено вперед, но позвоночник оставался прямым. Ноги были чуть согнуты в коленях.

Он медленно прошелся передо мной, чтобы я увидел: при каждом шаге колено его поднимается почти до груди. А затем он буквально побежал таким способом, быстро скрывшись из виду. Через несколько секунд дон Хуан вернулся. Я не мог понять, как ему удается бегать в темноте.

— Походка силы специально предназначена для того, чтобы быстро

передвигаться в темноте, — прошептал он мне на ухо.

Он предложил мне попробовать. Я был уверен в том, что непременно сломаю себе ноги, наступив на камень или оступившись на какой-нибудь ямке. Но дон Хуан твердил, что «походка силы» совершенно безопасна.

Я заявил, что он, должно быть, знает каждый камень и каждую ямку на этих холмах. Иначе его действия для меня непостижимы.

Дон Хуан сжал ладонями мою голову и с силой прошептал:

— Это — ночь! И это — сила!

Он отпустил мою голову и мягко добавил, что ночью мир совсем не такой, как днем, и что его способность бежать во тьме никак не связана с тем, что он знает эти холмы. Он сказал, что ключ ко всему — в свободном течении личной силы. Ее нужно «отпустить», и тогда она сольется с силой ночи. И если это произойдет, оступиться будет уже невозможно. И он очень серьезно предложил мне задуматься на минутку о том, что происходит. Это рассеет мои сомнения. Для человека его возраста попытка бегать по этим холмам в это время суток — верный способ покончить с собой. Если, конечно, его не ведет сила ночи.

— Смотри! — сказал дон Хуан, умчался куда-то в темноту и вернулся обратно.

Способ его передвижения выглядел настолько необычно, что я не поверил собственным глазам. Некоторое время он словно бежал на месте. Это напомнило мне разминку спринтера перед забегом.

Затем дон Хуан велел мне бежать за ним. Я попробовал, очень скованно и неловко. С предельной тщательностью я пытался высматривать место, на которое станет нога, но оценить расстояние было невозможно. Дон Хуан вернулся и гарцевал рядом. Он прошептал, что нужно отрешиться от себя, отдавшись силе ночи, и верить той крохотной личной силе, которой я обладаю. Иначе я никогда не смогу двигаться свободно. Тьма препятствует мне только потому, что я во всем, что делаю, полагаюсь на зрение, не зная, что другой способ движения заключается в том, чтобы предоставить силе возможность вести меня.

Я несколько раз попробовал, но безуспешно. Я просто, не мог себя «отпустить», не мог преодолеть боязнь покалечить ноги. Тогда дон Хуан приказал мне бежать на месте, стараясь почувствовать себя так, словно я бегу, используя «походку силы».

Потом он сказал, что побежит вперед, а мне велел оставаться и ждать условного сигнала — крика маленькой совы. И растаял во тьме прежде, чем я успел что-либо произнести. Я закрыл глаза и принялся бежать на месте. Прошел примерно час. За это время я несколько раз бегал на месте с закрытыми глазами. Напряжение понемногу прошло, и к концу этого часа я уже чувствовал себя вполне нормально. И тут раздался крик дона Хуана.

Я побежал метров пять в том направлении, откуда послышался крик, стараясь, как предлагал дон Хуан, «отрешиться от себя». Однако налетел на куст. Это происшествие мигом возродило все мои страхи и мою неуверенность.

Дон Хуан ждал меня. Он немного подправил положение моего тела, заставив слегка согнуть к ладоням мизинцы, безымянные и средние пальцы, и выпрямить указательные и большие. Потом он сказал, что, по его мнению, я просто потворствую своему чувству собственной неполноценности, потому что отлично знаю: как бы ни была темна ночь, я увижу все наилучшим образом, если не буду ни на чем фокусировать взгляд, а просто стану смотреть в землю прямо перед собой. «Походка силы» аналогична методике поиска благоприятного места в том смысле, что и то, и другое требует отрешенности и веры. При передвижении «походкой силы» глаза должны быть неотрывно прикованы к земле прямо перед бегущим. Любой, даже мимолетный взгляд куда-нибудь в сторону разрывает поток движения. Дон Хуан объяснил, что наклон туловища как раз и призван привести глаза в положение, удобное для того, чтобы смотреть в землю. А колени нужно подымать так высоко, чтобы шаги были очень короткими. Тогда бег безопасен. Дон Хуан предупредил, что мне предстоит спотыкаться и оступаться еще не раз. Но с практикой придет уверенность, и я смогу бегать настолько же быстро и так же легко, как днем.

В течение нескольких часов я пытался копировать его движения и старался привести себя в то состояние, которое он мне рекомендовал. Каким-то необъяснимым образом мне удалось добиться совершенной степени уверенности в себе. Насколько я чувствовал, ничего такого, что давало бы мне

основание испытывать подобное ощущение, я не совершал. Но тело, казалось, само знало, что ему делать. Мне, например, не были видны выступы и впадины, но тело неизменно умудрялось поставить ногу на подходящее место. Я совсем не спотыкался и не оступался, попав ногой во впадину, если не считать нескольких случаев, когда я отвлекался. Для того, чтобы неотрывно смотреть в землю перед собой, требовалось полное сосредоточение. Как предупреждал дон Хуан, малейшая попытка взглянуть в сторону влекла за собой нарушение потока.

Дона Хуана я нашел после долгих поисков. Он сидел возле каких-то темных силуэтов. Мне показалось, что это — деревья. Он подошел и сказал, что у меня хорошо получается, но пора закругляться, потому что он уже довольно долго пользуется своим криком-сигналом, и крик этот вполне могли научиться имитировать другие.

Я был полностью согласен с тем, что закругляться действительно пора, потому что мои попытки измотали меня почти до бесчувствия. Я ощутил облегчение и спросил, кому может понадобиться имитировать его крик.

— Мало ли кому: силам, союзникам, духам… Кто знает? — ответил он шепотом.

Он объяснил, что эти «сущности ночи» обычно издают очень мелодичные звуки. Им очень трудно изобразить хриплые человеческие голоса или скрипучие голоса птиц. Он советовал каждый раз, когда я услышу подобный звук, остановиться и вспомнить его слова, так как иногда бывает необходимо разобраться. Очень убедительным тоном он сказал, что я вполне освоил «походку силы». Теперь, чтобы в совершенстве овладеть этим способом бега, мне нужен лишь небольшой толчок, который я вполне могу получить, когда мы с ним в очередной раз выберемся ночью в горы. Он похлопал меня по плечу и объявил, что он, пожалуй, готов отправиться домой.

— Давай будем отсюда выбираться, — сказал он и побежал.

— Эй-эй! Постой! Подожди! — диким голосом завопил я.

— Давай пойдем!

Дон Хуан остановился и снял шляпу.

— Вот тебе раз! — растерянно проговорил он. — В крутой оборот мы угодили. Я ведь не могу идти в темноте. Ты ведь знаешь. Я себе все ноги переломаю. Я могу только бежать!

Я чувствовал, что он ехидно улыбается, хотя и не видел его лица.

Доверительным тоном он добавил, что слишком стар для ходьбы, да и мне не помешает немного потренироваться в беге «походкой силы». И случай как раз подходящий.

— И потом, если мы не воспользуемся «походкой силы», нас просто скосят, как траву, — шепнул он мне на ухо.

— Кто?

— В ночи присутствует нечто, действующее на людей, — прошептал он тоном, от которого по телу моему побежали мурашки.

Он сказал, что мне вовсе не обязательно за ним поспевать, поскольку он периодически будет подавать мне сигнал — четыре крика маленькой совы подряд. Так что я смогу без труда за ним следовать.

Я предложил остаться среди холмов до утра, и возвращаться, когда будет светло. Очень драматическим тоном он ответил, что это равносильно самоубийству. Даже если мы останемся в живых, ночь вытянет из нас личную силу, и мы попадем в какое-нибудь происшествие уже днем.

— Не будем тратить времени, — сказал он с ноткой настойчивости в голосе. — Давай отсюда выбираться.

Он заверил меня в том, что попытается бежать как можно тише и, что бы ни случилось, нельзя издавать ни звука, даже дышать следует как можно тише. Потом он сказал мне, в какой стороне находится дом, и побежал. Довольно медленно. Он почти шел «походкой силы». Но, несмотря на это, мне не удавалось за ним угнаться, и в скором времени он растворился во тьме впереди меня.

Оставшись наедине с собой, я обнаружил, что, сам того не замечая, набрал весьма высокий темп. Это меня поразило. Я решил попытаться как можно дольше его сохранять. Тут немного справа раздался сигнал — четыре совиных крика подряд.

Еще через несколько минут я опять услышал крик совы, теперь уже намного правее. Я повернул на сорок пять градусов вправо, и начал двигаться в новом направлении, надеясь, что остальные три крика этой серии позволят мне его уточнить.

Новый крик раздался почти в направлении того места, откуда мы начали бежать. Я остановился и прислушался. Совсем недалеко от меня послышался резкий звук, словно ударились друг о друга два камня. Я напряг слух. Послышалась целая серия тихих-тихих постукиваний. Потом раздался еще один крик совы, и я понял, что имел в виду дон Хуан, когда меня предупреждал. Этот звук был очень мелодичным. Он определенно звучал дольше и был мягче, чем настоящий крик совы.

У меня возникло странное чувство испуга. Живот сжало, как будто какая-то сила потянула меня вниз из средней части тела. Я повернул на сто восемьдесят градусов и начал полубежать-полуидти в противоположном направлении.

Послышался далекий слабый крик совы. За ним последовали еще три. Это был дон Хуан. Я побежал в их направлении. Судя по звуку, он находился от меня на расстоянии метров триста, не меньше. Если он будет продолжать нестись в том же темпе, я очень скоро останусь безнадежно один среди этих холмов. Мне было непонятно, почему дон Хуан побежал вперед вместо того, чтобы кругами бегать вокруг меня, если ему так уж необходимо выдерживать этот темп.

Я обратил внимание, что слева от меня вроде бы тоже что-то двигается. Я почти видел нечто на периферии своего зрения. Я был готов удариться в панику, но в мозгу молнией мелькнула отрезвляющая мысль: я не могу ничего видеть в темноте. Я хотел было прямо взглянуть в том направлении, но не сделал этого, опасаясь потерять набранный темп.

Из размышлений меня вытряхнул крик совы, донесшийся слева. Я не повернул на него, потому что это был, вне всякого сомнения, самый приятный и

мелодичный крик, какой мне доводилось когда-либо слышать. И он меня испугал. В нем было что-то призывное, или даже призрачно-печальное.

Потом слева направо передо мной очень быстро промелькнуло темное пятно. От неожиданности я поднял голову, оступился и с шумом налетел на какие-то кусты. Я упал на бок, и тут же в нескольких шагах слева от меня раздался мелодичный крик. Я встал, но прежде чем я успел двинуться дальше, раздался новый крик, более требовательный, чем первый, и неодолимо зовущий. Словно что-то требовало, чтобы я остановился и прислушался. Звук совиных криков был настолько протяжным и мелодичным, что все мои страхи прошли. Я уже почти остановился, как вдруг послышалась серия хриплых криков дона Хуана. Они, казалось, были ближе, чем в прошлый раз. Я подпрыгнул и побежал на них.

Через некоторое время слева в темноте снова появилось какое-то мелькание или пульсация. Это было нечто не столько видимое, сколько ощущаемое. Но в то же время я был уверен, что воспринимаю это нечто именно глазами. Двигалось оно быстрее, чем я, и снова промелькнуло слева направо, пытаясь сбить меня с ритма и заставить оступиться. Но на этот раз я не упал, и это, как ни странно, вывело меня из состояния внутреннего равновесия. Я неожиданно разозлился, и эта неадекватность реакции повергла меня в панику. Я попытался повысить темп бега и хотел было крикнуть совой, чтобы дать дону Хуану знать, где я нахожусь. Но, вспомнив его предупреждение относительно молчания, не решился.

И тут мое внимание привлекло нечто неописуемо жуткое. Слева от себя я почувствовал что-то похожее на животное. Оно меня почти касалось. Я непроизвольно отпрыгнул и рванулся вправо. Ужас буквально душил меня. Я мчался сквозь тьму без единой мысли в голове. Я просто не мог ни о чем думать, страх охватил все мое существо, и я несся вперед и вперед со скоростью, которая в нормальном состоянии показалась бы мне немыслимой. Я чувствовал страх телом, он действительно был телесным ощущением, не имевшим никакого отношения к моим мыслям. Это показалось мне весьма необычным. В моей жизни страх всегда строился на некоторой интеллектуальной основе и был обусловлен угрожающими социальными ситуациями или опасным для меня поведением людей. На этот раз, однако, страх имел совершенно новые свойства. Причина его относилась к неизвестной мне части мира, и возникал он, соответственно, в неизвестной

мне части моего существа.

Я услышал крик совы очень близко и немного слева. Точно его тона я не расслышал, но мне показалось, что это — дон Хуан. Крик не был мелодичным. Я побежал медленнее. Еще крик. С хриплым призвуком. Дон Хуан! Я побежал на звук немного быстрее. Третий крик раздался совсем рядом. Я различал перед собой темный массив то ли камней, то ли деревьев. Еще один крик. Я решил, что дон Хуан ждет меня, потому что мы находимся уже за пределами опасной зоны. Я подбежал почти вплотную к темной массе, как вдруг кровь застыла у меня в жилах, и я буквально прирос к месту. Пятый крик! Я изо всех сил вглядывался в темную массу. Вдруг слева что-то зашуршало. Я повернулся и вовремя успел заметить какой-то черный предмет, который катился или скользил сбоку. Я отскочил. Раздалось чмоканье, словно кто-то пошлепал влажными губами, а потом от темного массива то ли деревьев, то ли скал отделилось что-то большое, черное и прямоугольное, похожее на трехметровой высоты дверной проем.

От неожиданности я вскрикнул. В течение секунды мой испуг был безграничным. Но потом я вдруг обнаружил в себе жуткую мистическую невозмутимость и абсолютное спокойствие. Я созерцал черный прямоугольник.

Насколько я мог отдавать себе отчет в своих реакциях, они были чем-то совершенно для меня новым. Что-то во мне тянуло меня к черному объекту, а что-то — наоборот, отчаянно сопротивлялось. Было так, словно я хочу подойти поближе и как следует во всем разобраться, и в то же время — истерически вопя, уносить ноги куда глаза глядят.

Я едва разобрал совиные крики дона Хуана. Казалось, он кричит где-то совсем близко и как-то странно: крики были продолжительнее и грубее, чем раньше, словно дон Хуан бежал ко мне навстречу.

Неожиданно для самого себя я вдруг обрел самоконтроль. Некоторое время я бежал в точности так, как предписывал дон Хуан.

— Дон Хуан! — выкрикнул я, налетев на него.

Он ладонью прикрыл мне рот и знаком велел бежать за ним. Мы двигались в среднем темпе и вскоре прибежали на тот выступ из песчаника, от которого

стартовали.

Примерно час мы молча сидели на выступе. Начало светать. Открыв тыквенные фляги с провизией, мы поели. Дон Хуан сказал, что нам необходимо оставаться здесь до полудня, но ни в коем случае не спать. Лучше всего сидеть как ни в чем не бывало и разговаривать.

Он попросил меня подробно рассказать обо всем, что со мной происходило после того, как он от меня убежал. Когда я закончил, он долго молчал. Казалось, он глубоко ушел в свои мысли.

— Дело дрянь, — проговорил он наконец. — Все, что произошло с тобой этой ночью, — очень серьезно. Настолько серьезно, что тебе нельзя больше в одиночку ходить по ночам. Отныне сущности ночи не оставят тебя в покое.

— А что именно произошло со мной, дон Хуан?

— Ты столкнулся с некоторыми сущностями, обитающими в этом мире. Сущности этого типа могут воздействовать на людей. И, как правило, не упускают возможности этим заняться. Ты о них ничего не знаешь, потому что никогда раньше с ними не сталкивался. Было бы правильнее назвать их сущностями гор, поскольку по большому счету они не относятся к ночи. Я называю их сущностями ночи лишь потому, что в темноте их легче воспринимать. Но в принципе они все время здесь, вокруг нас. Однако днем нам сложнее почувствовать их присутствие, так как дневной мир нам хорошо знаком, и в нем воспринимается преимущественно то, что мы хорошо знаем. Ночью же все одинаково странно, и нет ничего, что имело бы предпочтение в плане восприятия, поэтому мы более восприимчивы к незнакомым аспектам мира, и в частности — к сущностям ночи.

— Они реальны, дон Хуан?

— Разумеется! Они настолько реальны, что обычно при встрече с ними человек погибает, особенно тот, кто решился отправиться в дикие места, не имея личной силы.

— Но если ты знал, что они так опасны, почему же ты оставил меня одного?

— Существует один способ учиться — реальное действие. Праздные разговоры о силе бесполезны. С их помощью можно лишь призвать силу. Но только тогда, когда ты станешь на путь самостоятельного действия, ты действительно узнаешь, что такое сила, ощутишь ее в полной мере. Причем действие это должно быть полноценным, со всем, что ему присуще. Путь к знанию и силе очень труден и очень долог. Ты, наверное, заметил, что до сегодняшней ночи я тебя одного во тьму не отпускал. У тебя для этого не было силы. Теперь ты обладаешь достаточной силой для того, чтобы провести неплохую битву, но выстоять во тьме до конца ты в одиночку не сможешь.

— А если я попытаюсь?

— Ты умрешь. Сущности ночи раздавят тебя как клопа.

— Получается, что мне теперь нельзя проводить ночь в одиночестве?

— В собственной постели — сколько угодно. Но не в горах.

— А на равнинах?

— Это касается только диких мест, где совсем нет людей, и в особенности — диких мест высоко в горах. Естественные места обитания сущностей ночи — скалы и ущелья. Поэтому с сегодняшнего дня тебе нельзя в одиночку ходить в горы. До тех пор, пока не накопишь достаточно личной силы.

— Но как мне накопить личную силу?

— Ты накопишь ее, если будешь жить так, как я советую. Мало-помалу ты заткнешь дыры и подберешь хвосты. Причем тебе не придется делать для этого что-то особенное. Сила всегда находит путь сама. Возьми, к примеру, меня. Когда я начал учиться, я не знал, что встал на путь воина, и понятия не имел о том, что накапливаю силу. Подобно тебе, я считал, что ничего особенного не делаю. Но это было не так. Сила имеет одно любопытное свойство: ее не замечаешь, когда она накапливается, и накапливается она незаметно.

Я попросил объяснить, почему он решил, что мне опасно оставаться в темноте одному.

— Сущности ночи двигались слева от тебя. Это значит, что они старались слиться с твоей смертью. Особенно опасна та «дверь», которую ты видел. Это — отверстие, ты знаешь. И оно втягивало бы тебя до тех пор, пока бы ты в него не вошел. И это было бы твоим концом.

Как можно корректнее я заметил, что разные непонятные вещи случаются со мной только в его присутствии. И это мне странно. Ведь я много раз в своей жизни проводил ночи в диких местах, в том числе — в горах, и никогда ничего подобного не происходило. Все было тихо, спокойно и вполне в рамках объяснимых событий. Ни теней, ни мистических звуков… Действительно, меня ничто никогда в таких случаях не пугало.

Дон Хуан мягко усмехнулся и сказал, что это служит лишь подтверждением его большой личной силы, которая позволяет ему призывать на помощь массу различных вещей.

Уж не намекает ли он на то, что позвал кого-то из знакомых людей в качестве помощников?

Дон Хуан вроде бы угадал ход моих мыслей, громко рассмеялся и сказал:

— Не ломай себе голову. Мои слова не имеют для тебя никакого смысла. Все по той же причине: у тебя слишком мало личной силы. Но больше, чем было в самом начале. Поэтому с тобой начали случаться разные вещи. У тебя уже была очень мощная встреча с туманом и молнией. И не важно, понимаешь ты, что именно происходило тогда с тобой, или нет. Важно то, что это запечатлелось в твоей памяти. Мост и все, что ты видел в ту ночь, непременно явится тебе еще раз. Когда у тебя будет достаточно личной силы.

— Дон Хуан, а какова будет цель такого повтора?

— Не знаю. Я — не ты. Это вопрос, на который, кроме тебя, не ответит никто. А мы с тобой очень разные. Кстати, именно по этой причине сегодня ночью я оставил тебя одного, хоть и знал, что это — смертельно опасно. Ты должен был сам испытать себя, узнать, насколько ты способен выдержать встречу с сущностями ночи, действуя так, как свойственно действовать именно тебе. И крик совы я выбрал в качестве сигнала как раз потому, что совы являются

вестниками сущностей ночи, и криком совы пользуются для выманивания этих существ. Этой ночью они стали для тебя опасными вовсе не потому, что они зловредны по природе. Они не зловредны и не добры, они — никакие. Просто ты не был безупречен. В тебе есть нечто дешевое, и я знаю — что именно. Ты оказываешь мне снисхождение, ты потакаешь мне: ладно, мол, сделаю, как он хочет. И ты всю жизнь был точно так же снисходителен ко всем подряд. А это автоматически ставило тебя выше других. Но тебе отлично известно, что так не бывает. Ты — всего лишь человек, и жизнь твоя слишком коротка для того, чтобы охватить все чудеса и весь ужас этого изумительного непостижимого мира. Поэтому снисходительность твоя — дешевая, она делает тебя мелким и никчемным.

Мне хотелось протестовать. Дон Хуан опять попал в точку, как это было уже десятки раз. На какое-то время я даже разозлился. Но потом необходимость записывать отвлекла меня, и, как это обычно бывало, я успокоился.

— Однако мне, кажется, известно, как тебя от этого избавить, — продолжил дон Хуан после длинной паузы. — Я думаю, даже ты согласишься с тем, что это — единственный способ, если вспомнишь сегодняшнюю ночь. Ты побежал хорошо и быстро, как бежал бы настоящий маг, только когда запахло жареным. Когда противник сделался невыносимым, и ты почувствовал, что это — вполне серьезно. Это известно нам обоим, тут уж ничего не попишешь. Думаю, я нашел тебе достойного противника.

— Дон Хуан, что ты собрался со мной делать? Вместо ответа он встал и потянулся всем телом, растянув буквально каждую мышцу. Мне он велел сделать то же самое.

— В течение дня нужно многократно растягивать все мышцы. Чем чаще, тем лучше. Но только после достаточно продолжительных периодов непрерывной работы либо довольно длительного покоя или отдыха.

— Дон Хуан, что это за противник? — не унимался я.

— К несчастью, только наши ближние могут стать достойными противниками. Да, только люди. Другие существа не обладают собственной волей, поэтому, чтобы с ними столкнуться, необходимо идти и цеплять их, выманивать. А люди — наоборот, неотступны и безжалостны.

Он замолчал, а потом отрывисто проговорил:

— Ладно. Похоже, мы достаточно потолковали. Прежде чем уйти отсюда, тебе необходимо сделать еще одно, последнее. Сейчас я кое-что расскажу тебе, чтобы ты уяснил, почему и для чего находишься здесь. Заметь, ты все время приезжаешь ко мне. Что бы ни случилось, как бы я тебя в очередной раз ни обидел, ты возвращаешься. Причина предельно проста. При каждой нашей встрече твое тело учится определенным вещам. Даже вопреки твоему желанию. Так было с самого начала. И теперь твое тело постоянно нуждается в освоении новых и новых знаний и каждый раз требует возвращения ко мне. Скажем так: твое тело знает, что его смерть неизбежна, хотя ты об этом никогда не задумываешься. И я рассказал твоему телу, что моя смерть так же неизбежна, и что прежде чем я умру, я хотел бы показать ему кое-что такое, чего сам ты дать ему не можешь. Ну, например, твоему телу нужен испуг. Ему нравится пугаться. Твоему телу нужна тьма, и ему нужен ветер. Теперь оно узнало походку силы и ждет не дождется случая как следует испытать этот способ передвижения. То есть твое тело возвращается меня навестить, потому что я — его друг.

Дон Хуан молчал довольно долго, словно собираясь с мыслями.

— Я говорил тебе; секрет сильного тела не в том, что ты делаешь, а в том, чего не делаешь, — проговорил он наконец.

— И теперь пришло время не делать то, что ты привык делать всегда. Так что до нашего ухода сиди здесь и не-делай.

— Я не понимаю, дон Хуан.

Он забрал у меня блокнот, аккуратно закрыл его и перетянул резинкой, а потом запустил его, как диск, куда-то в колючки. Блокнот скрылся в кустах.

Я был в шоке и начал было возмущаться, но он закрыл мне рот ладонью. Потом указал на большой густой куст и велел сосредоточиться на нем. Но не на самих листьях, а на их тенях. Он сказал, что бег во тьме не обязательно должен быть действием гонимого страхом человека. Это может быть самая естественная реакция ликующего тела, которому ведомо искусство

«неделания». Снова и снова дон Хуан шептал мне в правое ухо:

— Не-делать то, что ты хорошо умеешь делать, — ключ к силе. Ты знаешь, как делать то, что умеешь делать. И это нужно не-делать.

В случае созерцания дерева я знал, что смотреть нужно на листья, и, естественно, немедленно фокусировал на них взгляд. При этом тени и промежутки между листвой никогда меня не интересовали. Последнее, что сказал дон Хуан, была инструкция начать созерцать тени от листьев на одной ветке и постепенно перейти к такого рода созерцанию всего дерева, не давая глазам возвратиться в привычный для них режим созерцания листьев. Первый сознательный шаг в накоплении личной силы — позволить телу «не-делать».

Наверное, причиной тому явилась моя усталость или нервное перевозбуждение, но я настолько погрузился в созерцание теней, что к тому моменту, когда дон Хуан поднялся на ноги, я мог формировать тени в зрительно воспринимаемые массивы настолько же свободно, насколько обычно в массивы формируется листва. Эффект был поразительный. Я сказал дон Хуану, что хочу посидеть так еще. Он засмеялся и похлопал по моей шляпе:

— Я же говорил. Тело любит такие штучки.

Потом он велел мне позволить накопленной за время созерцания силе вывести меня к блокноту, и легонько подтолкнул меня к чапаралю. Некоторое время я шел бездумно и бесцельно, а потом обнаружил, что стою перед блокнотом. Я решил, что подсознательно запомнил направление, в котором дон Хуан его метнул. Но дон Хуан объяснил случившееся иначе. Он сказал, что я вышел прямо на блокнот потому, что мое тело в течение нескольких часов пребывало погруженным в «неделание».

Глава 15. «Неделание»

Среда, 11 апреля 1962

Когда мы вернулись, дон Хуан посоветовал мне заняться моими записями, и делать это так, словно со мной ничего не случилось, не упоминая и даже не думая о том, что произошло ночью.

После однодневного отдыха дон Хуан сообщил мне, что нам необходимо на несколько дней уехать подальше от его дома, так как желательно отделить себя от «сущностей» некоторым расстоянием. Он сказал, что их воздействие на меня оказалось весьма глубоким, хотя я пока что этого не замечаю, так как тело мое еще недостаточно чувствительно. Однако если сейчас я не отправлюсь на свое «избранное место», чтобы очиститься и восстановиться, то очень скоро серьезно заболею.

Мы выехали перед рассветом и направились на север. Вечером, после изнурительной езды и очень быстрого перехода, мы добрались до вершины холма.

Как и в прошлый раз, дон Хуан выложил место, на котором я спал, ветками и листьями. Затем он дал мне горсть листьев, чтобы я положил их на кожу живота, и велел лечь и отдыхать. Для себя он очистил и подготовил второй пятачок на расстоянии полутора метров за моей головой и немного слева, на котором и улегся.

Буквально через считанные минуты я почувствовал очень приятное тепло. Мне стало хорошо. Я ощущал себя словно бы подвешенным в воздухе в состоянии какого-то небывалого физического комфорта. Теперь я в полной мере мог согласиться с утверждением дона Хуана относительно того, что «постель из струн» удерживает мое тело в подвешенном состоянии. Я поделился с доном Хуаном своим удивлением по поводу невероятного качества моего чувственного восприятия собственного состояния. Дон Хуан спокойно сказал, что это нормально и что «постель» для того и делалась.

— Невероятно! Не могу поверить, что такое возможно! — изумленно воскликнул я.

Дон Хуан воспринял мои слова буквально и выругал меня. Он сказал, что его

утомляет моя привычка потакать своему чувству собственной важности, снова и снова требуя доказательств того, что мир непостижим и прекрасен.

Я попытался объяснить ему, что мои восклицания были чисто риторическими и не имели ровным счетом никакого значения. Он возразил, что в этом случае мне следовало бы выразиться как-нибудь по-другому. Казалось, он в самом деле серьезно раздражен. Я приподнялся на локтях и принялся было извиняться, но он рассмеялся и, передразнивая мою манеру говорить, предложил несколько забавных вариантов восклицания, которыми я мог бы воспользоваться. В конце концов я рассмеялся, настолько нарочито абсурдными были некоторые из них.

Дон Хуан мягко напомнил мне о том, что я должен полностью погрузиться в ощущение парения.

Успокаивающее чувство умиротворенности и самодостаточности пробудило эмоции, скрытые где-то в глубинах моего существа. Я заговорил о своей жизни. Я покаялся, что никогда не уважал и не любил даже самого себя, и что от рождения порочен. Отсюда налет бравады и дерзости в моем отношении ко всем окружающим.

— Верно, — согласился дон Хуан. — Ты совсем себя не любишь.

Он усмехнулся и сообщил, что «видел» меня в то время, когда я говорил. Он посоветовал не сожалеть ни о чем когда-либо сделанном. Рассматривать чьи-то действия как низкие, подлые, отвратительные или порочные — значит придавать неоправданное значение личности их совершившего, то есть — потакать его чувству собственной важности.

Я нервно задвигался, и постель из веток и листьев зашуршала. Дон Хуан сказал, что если я хочу отдохнуть, то должен лежать абсолютно неподвижно, как он, а не ерзать и не приводить листья своей подстилки в состояние возбуждения. Только что он «видел» одно их моих настроений. Он некоторое время помолчал, подбирая подходящую формулировку, а потом сказал, что это настроение — некоторое ограниченное состояние сознания, в которое меня постоянно заносит. Он описал его как дверцу ловушки. Она открывается в самые неожиданные моменты и меня заглатывает.

Я попросил уточнить. Он ответил, что невозможно уточнять то, что «видишь».

Прежде чем я успел произнести что-либо еще, он сказал, что мне нужно расслабиться, но не засыпать. И постараться как можно дольше оставаться в полностью сознательном состоянии. Он объяснил, что «постель из струн» делается исключительно для того, чтобы воин мог войти в особое состояние умиротворенности и внутреннего благополучия.

Драматическим тоном дон Хуан заявил, что внутреннее благополучие — это состояние, которое нужно взлелеять и тщательно за ним ухаживать. Чтобы его искать, необходимо сначала его познать.

— Ты никогда не испытывал состояния внутреннего благополучия, поэтому понятия не имеешь, что это такое, — сказал дон Хуан.

Я позволил себе с ним не согласиться. Но он стоял на своем, говоря, что внутреннее благополучие — это не просто состояние. Это — достижение, к которому нужно стремиться, которое нужно искать. Он сказал, что я знаю только как сбивать себя с толку в поисках внутреннего неблагополучия, смятения и неразберихи.

Дон Хуан насмешливо улыбнулся и заверил меня, что напряженный и самоотверженный труд моей жизни не прошел даром — мне вполне удалось сделать себя несчастным. Но самое смешное и абсурдное в этом то, что с теми же затратами я мог настолько же успешно сделать себя целостным и сильным.

— Весь фокус в том, на что ориентироваться, — сказал он. — Каждый из нас либо сам делает себя несчастным, либо сам делает себя сильным. Объем работы, необходимой и в первом, и во втором случае — один и тот же.

Я закрыл глаза и снова расслабился, почувствовав, что плыву в пространстве. Я даже ощущал свое движение сквозь это пространство, словно я был листом, отданным на волю ветра. Ощущение было очень приятным. Однако оно напоминало мне чувство вращения в пространстве, которое я испытывал при головокружениях во время болезни. Я решил, что, наверное, съел что-нибудь не то.

Дон Хуан что-то говорил. Но я не слышал и не особенно напрягался, чтобы

услышать. Я усердно перебирал в памяти все, что в тот день ел. Но делал это как-то незаинтересованно. Похоже, для меня это не имело значения.

— Следи за тем, как изменяется солнечный свет, — проговорил дон Хуан.

Чистое звучание его голоса напомнило мне воду — текущую и теплую.

Абсолютно безоблачное на западе небо было ровно залито фантастическим желтовато-оранжевым сиянием склонявшегося к горизонту солнца. Тот факт, что дон Хуан обратил на солнечный свет мое внимание, делал картину в моем восприятии еще более величественной.

— Пусть сияние солнца зажжет тебя, — сказал дон Хуан.

— Когда солнце коснется горизонта, ты должен быть абсолютно спокоен и полон сил, потому что завтра или послезавтра тебе предстоит учиться не-делать.

— Не делать что? — спросил я.

— Сейчас это не важно. Подожди, пока мы доберемся вон до тех лавовых гор.

Он указал на далекие темные и грозные остроконечные пики на севере.

Четверг, 12 апреля 1962

Вечером мы добрались до пустынного плоскогорья, на котором возвышались горы вулканического происхождения. На расстоянии темно-коричневые нагромождения застывшей лавы производили почти зловещее впечатление. Низкое солнце косыми лучами освещало западные склоны пиков, рассекая казавшуюся монолитной стену темного камня слепящей сеткой золотистых отражений.

Я не мог отвести глаз от этого поистине гипнотизирующего зрелища.

К началу сумерек показались подножия гор. Растительности на плоскогорье почти не было, до самого горизонта повсюду торчали только кактусы, отдельные кустики да редкие пучки какой-то высокой сухой травы.

Дон Хуан остановился и сел, аккуратно прислонив к камню тыквенные фляги с провизией. Он сказал, что на этом месте мы устроимся на ночлег. Мы находились на возвышенности. Оттуда, где я стоял, окружающая местность просматривалась довольно далеко во всех направлениях.

День был облачный, и все быстро погружалось в сумерки. Я увлекся созерцанием того, с какой скоростью малиново-пурпурные облака на западе становились равномерно-серыми.

Дон Хуан встал и пошел в сторону кактусов. Когда он вернулся, массив лавовых гор уже превратился а однородный темный силуэт. Дон Хуан сел рядом со мной и обратил мое внимание на что-то, показавшееся мне естественным образованием на склонах лавовых гор на северо-востоке от того места, где мы сидели. Это было пятно, значительно более светлое, чем фон. В сумерках горный массив был одноцветным темно-коричневым, а пятно — желтовато-коричневым или темно-бежевым. Я не мог понять, что это такое. Я смотрел на него долго и неотрывно. Казалось, оно шевелилось, я бы даже сказал, что оно пульсировало. Сощурив глаза, я увидел, что оно как бы трепещет.

— Смотри неотрывно! — приказал дон Хуан.

В какое-то мгновение я вдруг почувствовал, что весь горный массив двинулся на меня. Этому сопутствовало странное ощущение под ложечкой. Дискомфорт стал настолько острым, что я встал.

— Сядь! — рявкнул дон Хуан, но я уже стоял на ногах.

Когда я поднялся, перспектива несколько изменилась. Пятно сползло вниз по склону горного массива. Я снова сел, не сводя глаз. Пятно поднялось. Я смотрел на него еще несколько секунд, а потом все стало на свои места. Я осознал, что пятно находится не в горах, а рядом, что это — всего-навсего кусок желтовато-зеленой ткани, висящей на высоком кактусе прямо напротив меня.

Я громко рассмеялся и объяснил дон Хуану, что оптический обман возник из-за сумеречного освещения.

Он встал, подошел к кактусу, снял с него ткань, сложил ее и засунул в сумку.

— Зачем ты это сделал? — спросил я.

— Затем, что эта тряпка обладает силой, — как ни в чем не бывало ответил он. — В какое-то мгновение у тебя получилось хорошо, и неизвестно, что было бы дальше, если бы ты не встал.

Пятница. 13 апреля 1962

Мы двинулись к горам, едва начало светлеть небо на востоке. Оказалось, до них на удивление далеко. Около полудня мы вошли в один из каньонов. В неглубоких озерцах там была вода. Мы присели отдохнуть в тени нависающего выступа.

Горы оказались сложенными гигантскими глыбами застывшего потока вулканической лавы. За тысячелетия отвердевшая лава выветрилась, превратившись в пористый коричневый камень. Растительности на скалах не было, если не считать отдельных чахлых кустиков, торчавших из трещин.

Я взглянул вверх на почти вертикальные стены каньона, высота которых достигала многих десятков метров, и под ложечкой у меня странно засосало. У меня возникло чувство, что стены каньона наползают на меня и вот-вот сомкнутся. Солнце стояло практически в зените, чуть отклонившись к юго-западу.

— Стой вот здесь, — велел дон Хуан и развернул меня лицом в сторону солнца.

Потом он сказал, чтобы я неподвижно смотрел на стены каньона над собой.

Зрелище меня потрясло. Огромная высота потока лавы поражала воображение. Какими же должны были быть масштабы извержения, чтобы образовалось такое? Я несколько раз прошелся взглядом вверх-вниз по стенам каньона и полностью погрузился в созерцание богатейшей цветовой гаммы камня. Там были вкрапления всех мыслимых оттенков. Все камни были покрыты пятнами светло-серого лишайника. Я взглянул прямо вверх, на

стены, причудливо сверкающие бесчисленным количеством каких-то вкраплений, фантастически разбивавшими солнечный свет на множество невыносимо ярких точек.

Я смотрел туда, где точки отраженного света сливались в гигантское сияющее пятно. По мере того, как солнце сползало к западу, яркость постепенно уменьшалась. Потом пятно совсем поблекло.

Я взглянул на другую сторону каньона и увидел там еще одно такое же пятно. Я объяснил дон Хуану, что происходит.

Потом я заметил еще одно пятно света, за ним — еще... В конце концов весь каньон покрылся огромными пятнами света.

У меня закружилась голова. Я закрыл глаза, но пятна, составленные мириадами сверкающих точек, все равно остались перед глазами. Я схватился за голову и попытался заползти под нависающий выступ. Но дон Хуан крепко схватил меня за руку и приказал продолжать созерцание стен и попытаться увидеть темные зоны в середине пятен света.

Я не хотел смотреть, мерцание раздражало глаза. Я сказал, что это похоже на то, как темный силуэт окна стоит перед глазами после того, как посмотришь сквозь него на залитую полуденным солнцем улицу.

Дон Хуан покачал, головой из стороны в сторону и начал посмеиваться. Он отпустил мою руку, и мы сели под нависающей скалой.

Я кратко записывал свои впечатления от окружающего пейзажа, когда дон Хуан после длительной паузы вдруг заговорил драматическим тоном:

— Я привел тебя сюда, чтобы обучить одной вещи, — сказал он и помолчал. — Тебе предстоит научиться неделанию. Сейчас мы можем об этом поговорить. Без объяснений у тебя ничего не получится. Я надеялся, что ты сразу сможешь действовать, без каких-либо разговоров. Я ошибся.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, дон Хуан.

— Это неважно. Я расскажу тебе о вещах очень простых, но

трудновыполнимых. Я расскажу тебе о неделании. Несмотря на тот факт, что рассказать о нем невозможно, поскольку неделание — это действие тела.

Он бросил на меня несколько коротких взглядов, а потом сказал, что мне нужно отнестись к его рассказу с максимальным вниманием.

Я закрыл блокнот, но, к моему удивлению, он потребовал, чтобы я все записал.

— Неделание — это очень трудно. И оно обладает такой силой, что тебе нельзя будет о нем упоминать, — продолжал он. — До тех пор, пока ты не остановишь мир. Только после этого тебе можно будет свободно разговаривать о неделании. Если тебе это еще будет нужно.

Дон Хуан посмотрел вокруг и ткнул пальцем в большой камень неподалеку от нас:

— Делание делает вон тот камень камнем.

Мы переглянулись, и он улыбнулся. Я ждал объяснений, но он молчал. В конце концов я вынужден был сказать, что не понял.

— Вот, это — делание! — воскликнул он.

— Извини, я...

— И это — делание.

— О чем ты, дон Хуан?

— Делание — это то, что делает тот камень камнем, а куст кустом. Делание делает тебя тобой, а меня мной.

Я сказал, что его объяснение ничего не объясняет. Он засмеялся и почесал виски.

— Вот-вот... В этом — главная проблема с разговорами. Они всегда создают путаницу. Начиная говорить о делании, вечно приходишь к чему-то другому.

Взять, к примеру, скалу. Смотреть на нее — это делание. Видеть ее — неделание.

Я вынужден был признаться, что его слова лишены для меня какого-либо смысла.

— Ничего подобного! — воскликнул дон Хуан. — В них присутствует глубокий смысл. Но ты убежден, что его в них нет, потому что это — твое делание. Это — твой способ поддерживать взаимоотношения со мной и с миром.

Он снова указал на скалу.

— Это скала является скалой только лишь потому, что ты знаешь, как с ней обращаться и что с ней можно делать. Я называю это деланием. Человек знания, например, осознает, что скала является скалой только вследствие делания. Поэтому если он хочет, чтобы она перестала быть скалой, ему достаточно начать практиковать неделание. Понимаешь?

Я не понимал ничего. Он засмеялся и предпринял еще одну попытку:

— Мир есть мир потому, что ты знаешь делание, которое делает его таковым. Если бы ты не знал делания, свойственного миру, он был бы другим.

Он с любопытством принялся меня разглядывать. Я прекратил писать. Мне хотелось послушать. Он продолжал объяснять, что без определенного «делания» в том, что нас окружает, не было бы ничего знакомого.

Он наклонился и поднял маленький камушек. Взяв его между большим и указательным пальцами левой руки, он поднес камушек к самым моим глазам.

— Смотри: вот камушек. Он является камушком вследствие делания, которое делает его камушком.

— Что? — спросил я, совершенно сбитый с толку.

Дон Хуан улыбнулся, пытаясь скрыть ехидное удовлетворение.

— Не знаю, с чего это ты вдруг запутался, — сказал он.

— Ведь ты предрасположен к разговорам и должен сейчас чувствовать себя на седьмом небе.

Он загадочно взглянул на меня и три-четыре раза повел бровями. Потом снова указал на камушек, который по-прежнему держал у меня перед носом.

— Я тебе говорю, что ты превращаешь это в камушек, зная делание, которое для этого необходимо. И теперь, чтобы остановить мир, ты должен прекратить это делание.

Я по-прежнему ничего не понимал. Дон Хуан, казалось, в полной мере отдавал себе в этом отчет. Он улыбнулся и покачал головой. Потом взял хворостинку и провел ею по неровному краю камушка.

— В случае с этим маленьким камнем, — продолжал он, — первое, что делание с ним осуществляет, — это жесткая привязка к вот такому размеру. Поэтому воин, который стремится остановить мир, первым делом уничтожает этот аспект фиксации — он увеличивает маленький камень или что-либо другое в размере. Посредством неделания.

Дон Хуан встал и положил камушек на крупный валун, а потом предложил подойти и хорошенько его изучить. Он велел внимательно разглядывать отверстия, впадины и трещины на камушке, стараясь рассмотреть все до мельчайших деталей. Он сказал, что, если мне удастся выделить все детали, отверстия, углубления и трещинки исчезнут, и я пойму, что такое «неделание».

— Этот проклятый камушек сведет тебя сегодня с ума, — пообещал дон Хуан.

Наверное, на лице моем отразилось полнейшее недоумение. Он взглянул на меня и раскатисто захохотал. Потом он изобразил гнев, словно камушек его разозлил, и несколько раз стукнул по камушку шляпой.

Я потребовал, чтобы дон Хуан объяснил свое последнее утверждение. Я заявил, что когда он хочет, он может объяснить все что угодно в лучшем виде. Стоит лишь постараться.

Дон Хуан хитро взглянул на меня и покачал головой, словно признавая безнадежность ситуации.

— Безусловно, я могу объяснить все что угодно, — согласился он. — Но сможешь ли ты понять? Вот вопрос.

Я несколько опешил от такого его намека.

— Деланием разделяются этот камушек и этот валун, — продолжил он. — Чтобы научиться неделанию, тебе, скажем так, нужно слить их воедино.

Он указал на небольшое пятнышко тени, которую камушек отбрасывал на валун:

— Это — тень? Это — не тень. Это — клей, их соединяющий.

Потом он повернулся и пошел прочь, сказав, что вернется попозже, чтобы взглянуть, как я тут себя чувствую.

Я долго неотрывно вглядывался в камушек. Сосредоточиться на мельчайших деталях отверстий на его поверхности мне так и не удалось, но крохотная тень, которую он отбрасывал на булыжник, стала явлением весьма интересным. Дон Хуан оказался прав. Она была подобна клею. Она двигалась. У меня возникло впечатление, что тень как бы выдавливается из-под камушка.

Когда дон Хуан вернулся, я поделился с ним результатами своих наблюдений.

— Неплохо для начала, — сказал он. — Тени могут рассказать воину обо всем.

Затем он предложил мне взять камушек и где-нибудь его захоронить.

— Зачем? И почему захоронить, а не просто закопать?

— Ты очень долго его созерцал. Теперь в нем есть частица тебя. Воин всегда старается повлиять на силу делания, обращая его в неделание. Оставить камушек лежать на этом месте, считая, что это — просто кусочек камня — это делание. Неделание предусматривает иное отношение к нему, в котором

учитывается, что это — отнюдь не просто кусочек камня. В нашем случае этот камушек был надолго погружен в твое внимание и потому пропитался тобой, тем самым став частицей тебя. И ты не можешь оставить его просто так здесь валяться. Его необходимо захоронить. И сделать это должен именно ты.

Если бы ты обладал личной силой, твое неделание превратило бы этот камушек в предмет силы.

— А сейчас?

— Сейчас твоя жизнь слишком разболтана для того, чтобы ты мог это совершить. Если бы ты мог видеть, тебе стало бы ясно, что твое воздействие на этот камушек было очень тяжелым. Оно превратило его в нечто настолько неприглядное, что невозможно придумать ничего лучше, чем вырыть ямку и захоронить камушек. Пусть земля поглотит всю эту тяжесть.

— Это все правда, дон Хуан?

— Если я отвечу «да» или «нет», я совершу делание. Но поскольку ты учишься неделанию, я должен ответить, что не имеет никакого значения — правда это или нет. И в этом — преимущество воина по отношению к обычному человеку. Вопросы истины и лжи беспокоят обычного человека, ему важно знать, что правда, а что нет. Воину до этого ровным счетом нет никакого дела. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Ему говорят о чем-то: «Это правда». И он действует с верой в то, что делает. Ему говорят: «Это неправда». И он опускает руки, он не действует; или, если даже и действует, не верит в то, что делает, что не меняет сути. Воин действует в обоих случаях. Ему говорят: «Это правда». И он действует с полной ответственностью, и это — его делание. Ему говорят: «Это неправда». И он действует с полной ответственностью, и это — его неделание. Понимаешь?

Туманные изъяснения дона Хуана вызвали во мне всплеск раздражения. Я не видел в них абсолютно никакого смысла. Я заявил, что все это — сплошной бред, а он высмеял меня, сказав, что я неспособен сохранить безупречность духа даже в том, что мне больше всего нравится, — в болтовне. Он поднял на смех мою болтовню, назвав ее ущербной и бестолковой.

— Взялся быть одним большим сплошным языком — так уж будь языком-воином, — сказал он и покатился со смеху.

Я был удручен. В ушах звенело. К голове прилил неприятный жар. От раздражения я, наверное, даже покраснел.

Я встал, зашел в колючки и закопал камушек.

Когда я вернулся и сел, дон Хуан сказал:

— Я позволил себе немного тебя подразнить. Но все равно отлично знаю — ты ничего не поймешь, пока не поговоришь. Для тебя разговоры — это делание. Но для понимания того, что есть неделание, такое делание, как разговор, не подходит. Сейчас я покажу тебе простое упражнение. Оно поможет тебе понять, что такое неделание. И, поскольку речь идет о неделании, не имеет никакого значения, попробуешь ты выполнить это упражнение сейчас или через десять лет.

Он заставил меня лечь на спину, взял мою правую руку и согнул в локте под прямым углом. Кисть ее он развернул ладонью вперед, а пальцы согнул к ладони, придав кисти такое положение, словно я держусь за ручку дверного замка. Потом он начал двигать мою руку круговым движением вперед-назад, как будто вращая рукоять колодезного колеса.

Дон Хуан объяснил, что воин выполняет это движение каждый раз, когда хочет вытолкнуть что-либо из своего тела. Например, болезнь или непрошеное чувство. Идея упражнения состояла в том, чтобы тянуть и толкать воображаемую противодействующую силу до тех пор, пока не появится ощущение чего-то тяжелого и плотного, препятствующего свободному движению руки. «Неделание» здесь заключалось в повторении движения до возникновения противодействия при полной очевидности того факта, что взяться этому противодействию попросту неоткуда, и потому поверить в то, что оно возникает, невозможно.

Я начал двигать рукой, и очень скоро кисть сделалась холодной, как лед. Вокруг нее я почувствовал что-то мягкое, словно она двигалась в плотной вязкой жидкости.

Неожиданно дон Хуан схватил меня за руку и остановил движение. Все мое тело вздрогнуло, словно некая невидимая сила встряхнула его изнутри. Дон Хуан придирчиво осмотрел меня. Я сел. Он обошел вокруг меня, а потом опять уселся на свое место.

— Достаточно, — сказал он. — Будешь делать это упражнение потом, когда у тебя накопится побольше личной силы.

— Я что-то сделал не так?

— Все так. Просто неделание — для очень сильных воинов. У тебя еще недостаточно личной силы, чтобы браться за практику этого рода. Сейчас ты можешь только нагрести в себя рукой какую-нибудь жуткую пакость. Поэтому тренируйся очень-очень постепенно, понемногу. Кисть не должна остывать. Если она остается теплой, ты сможешь зацепить и ощутить ею линии мира.

Он замолчал, как бы предоставляя мне возможность спросить о линиях мира. Но я не успел. Он начал рассказывать о существовании неисчислимого количества линий, которые связывают нас с объектами, имеющимися в мире. Он сказал, что с помощью упражнения в «неделании», которому он только что меня обучил, любой человек может ощутить линию, исходящую из движущейся кисти. Этой линией можно дотронуться до чего угодно в мире. Дон Хуан сказал, что это — не более чем упражнение, потому что длина линий, формируемых рукой, относительно невелика, и линии эти на практике мало на что годятся.

— Для формирования более длинных линий человек знания использует другие части тела.

— Какие, дон Хуан?

— Самые протяженные линии исходят из середины тела. Но такие же можно формировать глазами.

— Эти линии реальны?

— Конечно.

— Их можно увидеть? Или дотронуться до них?

— Скажем так: их можно почувствовать. Самое сложное на пути воина — осознать, что мир есть ощущение, мир воспринимается посредством ощущений. Практикуя неделание, воин чувствует мир. Ощущается же мир посредством линий мира.

Он замолчал, с любопытством меня изучая. Он приподнял брови, выпучил глаза и мигнул. Это напомнило мне птицу. Почти мгновенно я ощутил неудобство и подташнивание, словно что-то сжало меня в области желудка.

— Понимаешь, что я имею в виду? — спросил дон Хуан и отвел глаза.

Я отметил, что меня тошнило, а он сказал, что знает об этом, причем сказал таким тоном, как будто иначе и быть не могло. Он объяснил, что пытался глазами сделать так, чтобы я животом ощутил линии мира. Но я не мог согласиться с утверждением, что это он заставил мое самочувствие измениться. Я высказал сомнения по этому поводу. Он никак на меня не воздействовал физически. Поэтому то, что именно он вызвал у меня тошноту, казалось мне, мягко говоря, крайне маловероятным.

— Неделание — это очень просто, но для тебя это — очень сложно, — сказал он. — И дело тут не в понимании, а в практическом освоении и совершенствовании. Конечно, окончательным достижением человека знания является видение. Но оно приходит лишь после того, как посредством неделания остановлен мир.

Я невольно улыбнулся, потому что не понял ничего.

— Когда делаешь что-то с людьми, — сказал он, — задача состоит лишь в том, чтобы предоставить возможность действовать их телам. И с тобой я поступаю именно таким образом — я предоставляю твоему телу узнавать определенные вещи. А понимаешь ты или не понимаешь — кого это волнует?

— Но это же нечестно, дон Хуан! Я хочу все понять, иначе все мое общение с тобой превращается в пустую трату моего времени.

— Ах, в пустую трату его времени! Его драгоценного времени! Ты —

самовлюбленный самодовольный тип.

Он встал и сказал, что нам нужно подняться на вершину лавового пика, вздымавшегося справа от нас.

Задача эта оказалась поистине головоломной. Самый настоящий альпинизм, с той лишь разницей, что у нас не было ни крючьев, ни веревок, ни ледорубов. Дон Хуан все время повторял, чтобы я не смотрел вниз, а пару раз даже подтягивал меня вверх, когда я, не удержавшись, начинал сползать в пропасть. Меня ужасно угнетало то, что такой глубокий старик, как дон Хуан, должен мне помогать. Я сказал ему, что нахожусь в отвратительной форме, так как слишком ленив для того, чтобы каким-то образом тренироваться. Он ответил, что по достижении некоторого уровня личной силы надобность в физических упражнениях и обычной тренировке отпадает, поскольку единственное, что требуется для поддержания безупречной формы, — это «неделание».

Когда мы добрались до вершины, я упал на камень в полном изнеможении. Меня почти тошнило от слабости. Дон Хуан ногой покатал меня туда-сюда, как он уже однажды делал. Постепенно это движение привело меня в чувство. Но я нервничал, словно ожидая внезапного появления чего-то. Несколько раз я непроизвольно оглядывался. Дон Хуан ничего не говорил, но когда я смотрел по сторонам, он смотрел туда же, куда и я.

Дон Хуан сказал, что мое тело заметило преследователя, несмотря на упрямое сопротивление моего интеллекта. Он заверил меня в том, что ничего необычного в этом нет, и быть преследуемым тенью — дело вполне нормальное.

— Это — просто сила, — сказал он. — Тут, в этих горах, таких существ полным-полно. Они подобны тем сущностям, которые напугали тебя тогда ночью.

Я поинтересовался, действительно ли я могу сам воспринимать это существо. Дон Хуан ответил, что днем я могу его только ощущать.

Я попросил объяснить, почему он называет это существо тенью. Ведь его не видно, и оно явно не похоже на тень от камня. Он ответил, что и то, и другое

имеют сходные очертания, поэтому и то, и другое — тени.

Он указал на высокий вытянутый валун, стоявший вертикально прямо перед нами.

— Взгляни на тень этого валуна. Тень — это валун, но она — не валун. Наблюдать валун с тем, чтобы узнать, что такое есть валун — это делание. Наблюдать его тень — это неделание. Тени подобны дверям. Дверям в неделание. Человек знания, например, наблюдая за тенями людей, может сказать о самых сокровенных чувствах тех, за чьими тенями он наблюдает.

— В их тенях присутствует какое-то движение? — спросил я.

— Можно сказать, что в них присутствует движение, можно также сказать, что в них отпечатываются линии мира, или можно сказать, что из них исходят ощущения.

— Но как из тени могут исходить ощущения, дон Хуан?

— Считать, что тени суть всего лишь тени — это делание, — объяснил он. — Но это глупо. Подумай сам: если во всем, что есть в мире, присутствует огромное количество чего-то еще, то вполне очевидно, что тени не являются исключением. В конце концов, только наше делание делает их тенями.

Мы долго молчали. Я не знал, что сказать.

— Приближается вечер, — проговорил дон Хуан, взглянув на небо. — Еще одно последнее упражнение. Чтобы вспомнить его, тебе нужно будет воспользоваться этим дивным светом золотисто-желтого солнца.

Он подвел меня к двум вертикальным выдвинутым скалам, стоявшим рядом на вершине неподалеку от нас. Расстояние между ними составляло примерно полтора метра. Дон Хуан остановился метрах в трех от них, повернувшись к ним лицом. Он показал, где должен был стоять я. Потом он велел мне смотреть на параллельные друг другу тени этих скал. Он сказал, что мне следует свести глаза. Так же, как я это делал, выбирая место для отдыха. Но, в отличие от несфокусированного взгляда при созерцании земли в случае поиска места, сейчас нужно было сохранить максимальную четкость

изображения. Задача заключалась в том, чтобы, сводя глаза, совместить изображения теней. Дон Хуан объяснил, что тогда тени начнут излучать некоторое ощущение. Я сказал, что объяснения его весьма туманны, но он заявил, что описать то, что он имеет в виду, говоря об излучаемом тенями ощущении, в действительности нет никакой возможности.

Я попытался выполнить упражнение. Тщетно. Я не отступал. В конце концов разболелась голова. Но дона Хуана моя неудача ни в малейшей степени не обескуражила. Он взобрался на куполообразную скалу и крикнул, чтобы я поискал два небольших продолговатых камня. Руками он показал мне, какой они должны быть величины.

Я нашел два подходящих камня и отнес их ему. Дон Хуан воткнул их в трещину на расстоянии тридцати сантиметров друг от друга. Меня он поставил лицом к западу, так, что торчащие из скалы камни оказались между мной и солнцем. Потом он велел мне повторить упражнение с тенями этих камней.

На этот раз все было иначе. Почти сразу же мне удалось свести глаза так, что тени как бы наложились друг на друга, слившись в одну. Она обладала невероятной глубиной и даже своего рода прозрачностью. Я был ошеломлен. Я мог четко различать каждую точку, каждую трещину и песчинку на том месте, куда смотрел. И на все это ложилась тень, словно сверхтонкая неописуемо прозрачная пленка.

Моргать не хотелось. Я боялся потерять изображение, фиксация которого, я чувствовал это, была такой непрочной. Но в конце концов жжение в глазах сделалось невыносимым, и я моргнул. Однако изображение никуда не делось. Более того, оно даже стало более четким, видимо, вследствие смачивания роговицы. Я обнаружил, что как бы смотрю с неизмеримой высоты на совершенно новый, доселе невиданный мир. Я также заметил, что могу просматривать окрестности тени, не теряя фокусировки визуального восприятия. Затем, на мгновение, я утратил ощущение, что смотрю на поверхность камня. Я спустился в странный бесконечный мир, простиравшийся за все мыслимые и не мыслимые пределы. Но это дивное восприятие продолжалось лишь миг, а потом все вдруг разом выключилось. Я поднял глаза. Дон Хуан стоял прямо передо мной, заслонив спиной солнечный свет, падавший на камни.

Я описал ему свое необычное ощущение. Он объяснил, что вынужден был все это прервать, поскольку увидел, что я уже почти затерялся в безбрежных пространствах того странного мира. Дон Хуан сказал, что тенденция потворствовать себе вполне естественна для человеческих существ, когда речь идет об ощущениях такого рода. Он объяснил, что, потакая своей слабости и тем самым отказываясь от контроля, я почти превратил «неделание» в старое знакомое «делание». Еще он сказал, что мне нужно было только сохранять изображение, не поддаваясь искушению втянуться в него, потому что привычка поддаваться — это «делание».

Я пожаловался на то, что не был готов. Дону Хуану следовало предварительно объяснить мне, чего можно ожидать и как действовать. Но он ответил, что не мог заранее знать, удастся мне слить тени воедино или нет.

Я вынужден был признаться, что теперь «неделание» стало для меня еще более загадочным, чем прежде. Дон Хуан сказал, что я и так должен быть вполне удовлетворен. Мне с первого раза удалось очень многое выполнить правильно. Уменьшая мир, я увеличил его и, несмотря на то, что до ощущения линий мира мне было еще далеко, я правильно использовал тень от камней в качестве двери в «неделание».

Утверждение о том, что «уменьшая мир, я увеличил его», бесконечно меня заинтересовало. Подробности пористой поверхности камня, на небольшом участке которой был сфокусирован мой взгляд, воспринимались настолько живо и вырисовывались с такой точностью, что поверхность куполообразной скалы превратилась для меня в бескрайний мир. И в то же время это было уменьшенное изображение камня. Когда дон Хуан заслонил свет и я обнаружил, что смотрю самым обычным образом, мельчайшие подробности изображения стали неясными, крохотные отверстия в пористой поверхности камня увеличились, коричневый цвет застывшей лавы сделался матовым, и все утратило сияющую прозрачность, превращавшую камень в целый мир.

Дон Хуан взял оба камня и аккуратно опустил их в глубокую трещину, а потом сел, скрестив ноги, на том месте, где стояли камни. Он похлопал ладонью по камню слева от себя и предложил мне сесть.

Мы долго сидели молча. Затем так же молча поели. И только после захода

солнца дон Хуан неожиданно спросил, как у меня обстоят дела со «сновидением».

Я ответил, что раньше все шло хорошо и просто, но что к этому моменту я перестал находить во сне свои руки.

— Когда ты начинал, ты пользовался моей личной силой. Поэтому сперва все шло хорошо и просто, — объяснил дон Хуан, — Теперь ты пуст. Но тебе не следует оставлять попыток. До тех пор, пока в достатке не накопишь собственной силы. Видишь ли, сновидение — это неделание снов. По мере того, как ты будешь прогрессировать в неделании, тебе все лучше будет удаваться не-делать сны, и ты будешь прогрессировать также в сновидении. Весь фокус состоит в том, чтобы не прекращать поиски рук во сне, даже если не веришь в то, что это имеет какой-то смысл. В самом деле, я же тебе говорил: воину нет нужды верить, потому что когда он действует без веры, он практикует неделание.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Мне больше нечего сказать о сновидении, — продолжал он. — Все, что бы я ни сказал, будет неделанием. Но стоит тебе непосредственно соприкоснуться с неделанием, как ты тут же будешь знать, что делать в сновидениях. Однако сейчас важно находить руки, и я уверен, что у тебя получится.

— Я не знаю, дон Хуан. Я в себя не верю.

— Веришь ты в кого бы то ни было или нет — не имеет значения. Дело не в этом. Дело в том, что это — борьба воина. И ты будешь продолжать бороться. Если не под воздействием своей собственной силы, то под нажимом достойного противника, или с помощью каких-нибудь союзников, вроде того, который уже преследует тебя.

Непроизвольно я резко дернул правой рукой. Дон Хуан сказал, что мое тело знает гораздо больше, чем я подозреваю, поскольку сила, нас преследующая, находится справа от меня. Очень тихо он сообщил мне, что уже дважды за сегодняшний день союзник подходил ко мне так близко, что приходилось вмешиваться.

— Днем дверями в неделание являются тени, — сказал дон Хуан. — Однако ночью, во тьме, мало что остается от делания. И все, включая союзников, становится тенями. Я уже рассказывал тебе об этом, когда говорил о походке силы.

Я громко рассмеялся и испугался собственного смеха.

— Все, чему я тебя до сих пор учил, — это аспекты неделания, — продолжал он. — Воин применяет неделание ко всему в мире, но рассказать тебе об этом больше, чем рассказал сегодня, я не могу. Ты должен позволять своему телу самостоятельно открыть силу и ощутить неделание.

У меня начался еще один приступ нервного смеха.

— С твоей стороны глупо презирать тайны мира лишь потому, что ты знаешь делание презрения, — сказал он с очень серьезным выражением лица.

Я заверил его, что никогда никого и ничего не презирал, но что я просто нервничаю гораздо сильнее и чувствую себя гораздо более невежественным, чем он полагает.

— Со мной всегда так было, — сказал я. — Но я хочу измениться, однако не знаю как. Я такой бестолковый.

— Я уже знаю, что ты считаешь себя порочным, — произнес дон Хуан. — И это — твое делание. Теперь я предлагаю тебе подействовать на это делание другим деланием. С этого момента в течение восьми дней тебе следует себя обманывать. Вместо того, чтобы говорить себе, что ты отвратителен, порочен и бестолков, ты будешь убеждать себя в том, что ты — полная этому противоположность. Зная, что это — ложь и что ты абсолютно безнадежен.

— Но какой смысл в этом самообмане, дон Хуан?

— Он может зацепить тебя и привести к другому деланию. А потом ты осознаешь, что и то, и другое — ложь, иллюзия, что они нереальны, и вовлекаться в какое то ни было из них, превращая его в основу своего бытия, — нелепо, что это — пустая трата времени, и что единственной реальностью является существо, которое живет в тебе и удел которого — смерть.

Достижение этого существа, отождествление себя с ним и его самосознание есть неделание самого себя.

Глава 16. Кольцо силы

Суббота, 14 апреля 1962

Дон Хуан взвесил на руке наши тыквенные фляги с провизией и сказал, что пора возвращаться домой, поскольку запасы на исходе. Как бы между прочим я заметил, что добраться до его дома мы сможем не раньше, чем через пару дней. Он сказал, что собирается не к себе домой, в Сонору, а в один приграничный городок, где у него есть дела.

Я думал, что мы отправимся вниз по каньону, но дон Хуан повел меня по высокому вулканическому плато на северо-запад. Примерно через час мы пришли в глубокое ущелье, которое заканчивалось у основания двух высоченных пиков. Там был склон, очень странный склон. Он поднимался вверх очень круто, закрывая почти все поле зрения и образуя некое подобие вогнутого моста между двумя пиками.

Дон Хуан указал мне участок на поверхности склона:

— Смотри туда неотрывно. Солнце почти в нужном месте.

Он объяснил, что свет полуденного солнца может помочь мне в плане «неделания». Затем он велел мне сделать следующее: ослабить ремень и все тугие и облегающие детали одежды, сесть скрестив ноги и напряженно созерцать место, которое он мне указал.

Облаков на небе было очень мало, а на западе — вообще ни одного. Стояла жара, и прямые лучи солнца раскаляли отвердевшую лаву. Я внимательно созерцал.

Прошло довольно много времени. Наконец я не выдержал и спросил:

— Собственно говоря, а что именно я созерцаю? То есть — что предполагается увидеть?

Дон Хуан нетерпеливым жестом велел мне замолчать.

Я устал. Хотелось спать, и я прикрыл глаза. Они чесались, и я потер их. Но руки плохо слушались и были мокрыми. От пота глаза начало жечь. Я посмотрел сквозь полуопущенные веки на лавовые пики, и вдруг все горы вспыхнули.

Я сказал дону Хуану, что, когда глаза мои сведены, я вижу окружающие горы как хитросплетение световых волокон.

Дон Хуан велел мне дышать как можно реже и мельче, чтобы сохранить видение световых волокон и ни на чем не фиксировать взгляд, а время от времени посматривать на определенную точку горизонта над самым склоном. Я так и сделал. Я увидел бесконечную даль, покрытую паутиной света. Картина была довольно устойчивой.

Очень мягко дон Хуан велел мне попытаться выделить в поле световых волокон темные пятна. Как только я увижу такое пятно, я должен открыть глаза и посмотреть, в каком месте склона оно расположено.

Я не воспринимал никаких темных областей. Я свел глаза, несколько раз широко открыл их и снова прищурил. Дон Хуан подошел ко мне и указал на область справа от меня, а потом — еще на одну, прямо передо мной. Я попытался немного изменить позу. Мне казалось, что, изменив перспективу, я увижу предполагаемые темные области, на которые указывал дон Хуан. Но он дернул меня за рукав и сурово приказал не двигаться и проявить терпение.

Я свел глаза и опять увидел паутину световых волокон. Некоторое время я смотрел на нее, а потом открыл глаза шире. В это мгновение послышался гул — его легко можно было принять за гудение пролетавшего вдалеке реактивного самолета — а потом широко открытыми глазами я увидел, что все горы передо мной превратились в поле, составленное бесчисленными точками

света. Словно множество сверкающих вкраплений в отвердевшей лаве вдруг разом отразило свет солнца в мою сторону. Потом солнечный свет потускнел и как бы выключился, а горы снова превратились в массу однородного коричневого камня. Одновременно подул ветер, и стало прохладно.

Я решил, что солнце скрылось за облаком, и попытался было оглянуться, чтобы убедиться в этом. Но дон Хуан схватил меня сзади за голову и не дал ее повернуть. Он сказал, что, обернувшись, я могу увидеть одну из сущностей гор — того союзника, который за нами увязался, а сил у меня явно недостаточно, чтобы выдержать напряжение зрелища такого рода. Затем он многозначительно добавил, что гул, который я слышал, — это особый сигнал — таким сигналом союзник извещает о своем присутствии.

Затем дон Хуан встал и объявил, что нам предстоит взобраться вверх по склону.

— Куда мы направляемся? — спросил я.

Он ткнул пальцем в сторону одной из областей, выделенных им ранее в качестве темных пятен. Он объяснил, что «неделание» позволило ему определить это место как возможный центр силы или, что тоже вполне вероятно, как место, на котором находится предмет силы.

После очень трудного восхождения мы, наконец, туда добрались. Дон Хуан некоторое время неподвижно стоял в двух метрах передо мной. Я двинулся было, чтобы шагнуть к нему, но он рукой сделал мне знак стоять на месте. Казалось, он пытался сориентироваться. Я видел, как двигается его затылок, когда он осматривал склон сверху вниз и обратно. Потом он уверенным шагом подошел к небольшому карнизу, сел и рукой смахнул с него песок. Затем пальцем провел канавку вокруг небольшого камня, торчавшего из земли, и велел мне его выкопать.

Когда я добыл камень, он приказал тут же засунуть его за пазуху, потому что камень этот — предмет силы и принадлежит он теперь мне. Дон Хуан сказал, что отдает его мне на хранение, и что я должен отполировать его и всячески за ним ухаживать.

Сразу после этого мы начали спускаться в каньон, а через пару часов были

уже на пустынном плоскогорье у подножья лавовых гор. Дон Хуан в хорошем темпе шел метрах в трех впереди меня. Мы двигались на юг, пока солнце не опустилось совсем низко. За сплошной пеленой облаков мы не видели заката, однако подождали, пока солнце наверняка не скрылось за горизонтом. Потом мы отправились дальше, но теперь дон Хуан изменил направление и вел меня на юго-восток. Мы поднялись на холм, и я заметил четырех человек, которые приближались к нам с юга.

Я взглянул на дона Хуана. За все время наших с ним совместных путешествий мы ни разу не встречали ни единого человека. Я не знал, как вести себя в подобных случаях, но дон Хуан, казалось, ничуть не был обеспокоен. Он продолжал идти, как шел, словно ничего не произошло.

Те четверо приближались к нам с юга. Они явно никуда не спешили и шли медленно, почему-то петляя по пустыне. Когда мы подошли к ним поближе, я рассмотрел, что это — четверо молодых индейцев. Они узнали дона Хуана. Он заговорил с ними по-испански. Они отвечали очень вежливо и мягко и явно относились к дону Хуану с огромным почтением. Из них лишь один, самый смелый, заговорил со мной. Я шепотом спросил у дона Хуана, можно ли мне с ними разговаривать. Он кивнул.

Когда мы с ними разговорились, оказалось, что они очень приветливы и общительны, в особенности — тот, который заговорил со мной первым. Они рассказали мне, что ищут кристаллы кварца, обладающие силой, и что бродят в окрестностях лавовых гор уже много дней, но удача так ни разу и не улыбнулась им.

Дон Хуан осмотрелся и указал на каменистый участок пустыни метрах в двухстах от того места, где мы стояли.

— Там есть хорошее место для ночевки, — сказал он и направился туда.

Мы пошли за ним следом.

Место, куда он нас привел, было очень неровным и лишенным какой бы то ни было растительности. Все уселись на камни. Дон Хуан сказал, что вернется обратно — туда, где были отдельные колючие кусты, — чтобы набрать хвороста на костер. Я поднялся было, чтобы ему помочь, но он шепнул мне на

ухо, что намерен сложить особый костер специально для этих юношей, и я ничем не могу ему в этом помочь.

Юноши расселись вокруг меня тесной кучкой, причем один из них сел со мной спина к спине. Я почувствовал по этому поводу некоторое раздражение.

Вернулся дон Хуан с охапкой хвороста. Он похвалил юношей за осторожность и предусмотрительность. Мне он объяснил, что все четверо — ученики мага, и что есть такое правило: во время охоты за предметами силы необходимо располагаться кольцом, в центре которого два человека должны сесть спина к спине.

Один из юношей спросил, доводилось ли мне самому когда-либо находить кристаллы. Я ответил, что дон Хуан никогда не давал мне задания их искать.

Дон Хуан выбрал место рядом с большим валуном и принялся сооружать костер. Ни один из юношей не пошевелился, чтобы помочь ему. Но все четверо с пристальным вниманием наблюдали за каждым его жестом. Когда огонь разгорелся, дон Хуан сел, прислонившись спиной к валуну. Костер находился от него по правую руку.

Юноши определенно знали, что происходит. Но я не имел ни малейшего понятия о том, что следует делать при встрече с учениками мага.

Я наблюдал за юношами. Они расположились правильным полукругом, лицом к дону Хуану. Я обратил внимание на то, что дон Хуан сидит лицом ко мне, а юноши — по бокам от меня, двое — справа, двое — слева.

Дон Хуан заговорил. Он рассказал им о том, что я был в лавовых горах, где учился «неделанию», и что нас преследовал союзник. Начало показалось мне весьма драматичным. И я не ошибся. Все юноши изменили позу, сев на ступню левой ноги.

До этого я не обращал внимания на их позы, считая, что они сидят так же, как и я — скрестив ноги. Мельком взглянув на дона Хуана, я обнаружил, что он тоже сидит, подогнув левую ногу. Я незаметно подогнул под себя левую ногу.

Дон Хуан говорил мне однажды, что такую позу маг принимает, когда

обстоятельства складываются каким-то непредвиденным образом. Однако меня эта поза всегда очень сильно утомляла. Я чувствовал, что просидеть в ней все время, пока он не закончит говорить, будет довольно трудно. Дон Хуан, казалось, отлично осознавал всю невыгодность положения, в котором я находился, и потому был краток. Он объяснил юношам, что кристаллы кварца на этом плоскогорье можно найти только в неких особых местах. Найдя кристаллы, нужно убедить их согласиться покинуть свое место. Для этого существуют специальные приемы. Если это удается сделать, то кристаллы сливаются с человеком, и сила их превосходит все мыслимые пределы.

Дон Хуан сказал, что кристаллы обычно собраны в гроздь. Тот, кто нашел такую гроздь, имеет право выбрать из нее пять самых больших и красивых кристаллов и отделить их от основания. Его задача — обработать и отполировать их, заострив и придав им размеры и форму, соответствующие пальцам его правой руки.

Затем дон Хуан рассказал, что в оружие кристаллы превращает дух — союзник, и объяснил, как его искать. Прежде всего нужно выбрать место, подходящее для того, чтобы приманить союзника. Это место следует искать на вершине холма, взмахивая из стороны в сторону рукой с обращенной вниз ладонью до тех пор, пока ладонь не ощутит тепло. На том месте, над которым рука начала нагреваться, нужно развести костер. Дон Хуан объяснил, что костер привлечет союзника, и тот обнаружит себя серией последовательных звуков. Человек, который ищет союзника, должен отправиться в том направлении, откуда эти звуки донесутся, и идти до тех пор, пока союзник не появится прямо перед ним.

Затем необходимо вступить с союзником в борьбу и одолеть его, прижав к земле. Именно в этот момент можно заставить союзника прикоснуться к кристаллам, чтобы они наполнились силой.

Дон Хуан предупредил, что в лавовых горах обитает множество духов другого типа, которые не относятся к союзникам. Они не шумят и появляются только в виде мелькающих теней, которые никакой силой не обладают.

Дон Хуан сказал, что внимание союзника можно привлечь ярко раскрашенным пером или хорошо отполированными кристаллами кварца, но, в конце концов, годится любой предмет, поскольку значение имеет не то, что именно

становится предметом силы, а то, удастся ли найти силу, которая его таковым сделает.

— Какой смысл таскать с собой красиво отполированный кристалл, если не можешь найти союзника, чтобы тот наполнил твой кристалл силой? — сказал дон Хуан. — Однако, если у тебя нет кристаллов, а ты нашел и поборол союзника, ты можешь подсунуть ему что угодно, лишь бы он прикоснулся. Подсунь ему хоть собственные яйца, если под рукой не окажется ничего более подходящего.

Юноши сдержанно засмеялись. Самый смелый из них, тот, который первым заговорил со мной, смеялся громче всех.

Я заметил, что дон Хуан расслабился и снова сидит со скрещенными ногами. Все юноши сделали то же самое. Я хотел незаметно пересесть в более удобную позу, но в колене то ли что-то защемило, то ли судорога свела какую-то мелкую мышцу, и мне пришлось встать и несколько минут побегать на месте.

Дон Хуан не преминул пройтись по этому поводу. Он сказал, что я, видать, давно не тренировался в преклонении колен, поскольку не заходил в церковь с тех пор, как с ним снюхался.

Это замечание вызвало оживление. Все четверо начали нервно посмеиваться, некоторые при этом закрыли лица ладонями.

— А теперь, парни, я вам кое-что покажу, — сообщил дон Хуан, когда смех прекратился.

Я решил, что он собирается показать нам некоторые из предметов силы, которые всегда носил в своей сумке. Я думал, что юноши сейчас подойдут и сгрудятся вокруг него, но они синхронно наклонились слегка вперед, подтянули левую ногу и сели в мистическую позу, столь неблагоприятно отражавшуюся на моем колене.

Я тоже подтянул ногу, стараясь при этом выглядеть как можно естественнее. Я обнаружил, что если не садиться на ступню, а оставаться как бы в полуколенопреклоненном положении, то колено болит не так сильно.

Дон Хуан встал и зашел за валун.

Должно быть, пока я разбирался со своими коленями, он подбросил в огонь хвороста, потому что там что-то затрещало, и языки пламени выросли чуть ли не вдвое. Это каким-то образом накалило обстановку. Вдруг дон Хуан вышел из-за валуна и встал на том месте, где перед этим сидел. Я был ошарашен. На голове у него красовалась настоящая пиратская треуголка с круглым верхом и торчащими по бокам сложенными полями. Одет он был в длинный сюртук с фалдами, застегнутый на одну-единственную блестящую пуговицу, и у него была деревянная нога!

Вид у него был на редкость дурацкий, я даже про себя рассмеялся. Интересно, откуда он все это взял здесь, в дикой пустыне? Наверное, заранее припрятал за камнем. Я подумал, что ему бы еще черную повязку на глаз да попугая на плечо — и будет точь-в-точь вылитый пират из детской книжки.

Дон Хуан медленно обвел всех взглядом слева направо. Потом посмотрел вверх и уставился во тьму за нашими спинами. Немного постояв, он снова начал обходить валун и скрылся за ним.

Я не заметил, как он шел. Чтобы изобразить человека на деревянной ноге, ему, конечно, пришлось согнуть ногу в коленке, и когда он повернулся спиной, я должен был бы это заметить. Но я, видимо, был настолько впечатлен всей этой мистификацией, что не обратил внимания на детали.

Как только дон Хуан повернулся и пошел вокруг валуна, огонь утратил яркость. Я отдал должное точности расчета дона Хуана. Это же надо было так четко вычислить, сколько будет гореть свежеподброшенный хворост, и организовать выход в строгом соответствии с поведением огня!

На четырех молодых индейцев изменения интенсивности пламени произвели очень сильное впечатление — по их телам даже пробежала нервная дрожь. Когда огонь уменьшился, все четверо вернулись в позу со скрещенными ногами.

Я надеялся, что дон Хуан вот-вот выйдет из-за валуна и займет свое место, но он не появлялся. Я с нетерпением ждал. Его все не было. Индейцы сидели с бесстрастными лицами. Дона Хуана не было.

А я никак не мог понять, чего он этим представлением хотел добиться. После долгого ожидания я обратился к юноше, сидевшему справа от меня, и спросил, не усмотрел ли он какого-либо скрытого значения в странных атрибутах, которые надел на себя дон Хуан, — смешной шляпе и длинном сюртуке с фалдами, — а также в том, что он вышел на деревянной ноге.

Юноша взглянул на меня с довольно смешным выражением озадаченности на лице. Казалось, что-то его смутило. Я спросил то же самое у другого юноши, который сидел рядом с первым и внимательно на меня смотрел.

Они переглянулись с видом полнейшего недоумения. Я сказал, что в этой шляпе и в сюртуке дон Хуан на своей деревяшке превратился в форменного пирата.

К этому времени все четверо уже придвинулись ко мне и сидели совсем рядом. Они мягко посмеивались и нервно ежились. Казалось, они хотят что-то сказать, но не знают как начать. Наконец, самый решительный из них заговорил. Он сказал, что на доне Хуане не было шляпы и сюртука, и уж наверняка — никакой деревяшки. А была на нем черная сутана с капюшоном, как у монаха, и сутана эта ниспадала до самой земли.

— Нет! — негромко воскликнул другой юноша. — Не было никакой сутаны.

— Это верно, — согласились остальные.

Тот, который первым со мной заговорил, смотрел на меня с недоверием.

Я сказал, что нам нужно тщательно и спокойно во всем разобраться, и что я уверен — дон Хуан специально не появляется, давая нам на это время.

Молодой человек, сидевший вторым справа от меня, сообщил, что дон Хуан был одет в лохмотья. На нем было поношенное пончо или какая-то похожая индейская одежда и обвисшее сомбреро. В руках он держал корзину, в которой лежали какие-то странные предметы. Что именно было в корзине, юноша сказать не мог. Он добавил только, что дон Хуан был похож не на нищего бродягу, но скорее на человека, возвращающегося из далекого путешествия с какими-то непонятными вещами.

Юноша, видевший дона Хуана в черной сутане, заявил, что у того в руках не было ничего, а волосы были длинными и спутанными, словно это был страшный дикарь, только что убивший монаха и надевший его сутану. Даже монашеское одеяние не могло скрыть его дикости.

Молодой человек, сидевший слева от меня, мягко усмехнулся и сказал, что все это — очень странная мистика, потому что дон Хуан был одет, как солидный господин, только что сошедший с лошади. На нем были кожаные краги для верховой езды, большие шпоры, в руках — плеть, которой он постукивал по левой ладони, на голове — чиуауанская шляпа с конической тульей, а за поясом — два автоматических пистолета сорок пятого калибра. Дон Хуан выглядел точь-в-точь как преуспевающий ранчеро.

Юноша, сидевший вторым слева от меня, застенчиво засмеялся и не захотел рассказать, что видел он. Я пытался было его упрашивать, но остальным, похоже, это было неинтересно. Казалось, он слишком застенчив, чтобы поддерживать беседу.

Дон Хуан вышел из-за валуна, когда огонь уже совсем погас.

— Нам пора, — сказал он. — Этим парням нужно разобраться в своем делании самим. Попрощайся с ними.

И он пошел прочь. Медленно, чтобы дать мне возможность попрощаться. На них он даже не взглянул.

Индейцы по очереди обняли меня.

Пламя угасло, но мерцающие угли еще давали немного света. Темная фигура дона Хуана маячила в нескольких шагах. Индейцы расселись в кружок и замерли иссиня-черными силуэтами на фоне окружающей тьмы.

И в этот миг все происшедшее как-то разом вдруг на меня подействовало. Холодок пробежал по позвоночнику. Я поспешил догнать дон Хуана. Тоном настоятельного требования он сказал, что мне не следует оглядываться на индейцев, потому что они уже превратились в кольцо теней.

Животом я ощутил какую-то внешнюю силу, словно невидимая рука сдавила меня. Я непроизвольно вскрикнул. Дон Хуан шепнул, что в этих краях так много силы, что мне легко будет воспользоваться «походкой силы».

Мы бежали несколько часов. Пять раз я упал. Дон Хуан громко отсчитывал все мои падения. Потом он остановился.

— Сядь, забейся в щель между камнями, свернись калачиком и закрой руками живот, — шепнул он мне на ухо.

Воскресенье, 15 апреля 1962 года.

Утром мы отправились в путь, едва стало достаточно светло для того, чтобы идти. Дон Хуан привел меня к месту, где я оставил машину. Я был голоден, но чувствовал себя свежим и хорошо отдохнувшим.

Мы позавтракали галетами и запили их минеральной водой, которая была у меня в машине. Я хотел задать дону Хуану несколько вопросов, не дававших мне покоя, но он приставил палец к губам.

В полдень мы были уже в приграничном городке, где дон Хуан намеревался со мной расстаться. Мы зашли в ресторан пообедать. Зал был пуст. Мы сели за столик у окна, выходившего на людную, заполненную транспортом главную улицу городка.

Дон Хуан вроде бы расслабился, глаза его задорно поблескивали. Я почувствовал воодушевление и забросал его вопросами. В основном мне хотелось знать, что означало его пере одевание.

— Просто я показал тебе частичку своего неделания, — сказал он, и глаза его как бы вспыхнули.

— Но все мы видели тебя по-разному, — сказал я, — Как ты это сделал?

— Все очень просто, — ответил он. — Это была лишь маскировка. В известном смысле все, что мы обычно делаем, — это маскировка. И все, что мы обычно делаем, как я уже тебе говорил, относится к области делания. Человек знания может зацепиться за делание любого человека и явить тому разного рода

мистику. Но на самом деле это — не мистика вовсе. Вернее, мистика, но лишь для того, кто увяз в делании. Те четверо, как и ты, пока еще не осознали, что такое неделание, поэтому одурачить вас — проще простого.

— Но каким образом ты нас одурачил?

— Я могу объяснить, но для тебя мое объяснение будет полной бессмыслицей. Пока что для тебя нет никакой возможности это понять.

— А ты попробуй. Ну пожалуйста, дон Хуан…

— Ладно. Скажем так: когда человек рождается, он приносит с собой в мир маленькое кольцо силы. Это кольцо почти мгновенно начинает использоваться. Поэтому каждый из нас с самого рождения уже сидит на крючке делания, наши кольца силы сцеплены с кольцами силы всех окружающих. Другими словами, наши кольца силы нанизаны на крючок делания мира. Тем самым и создается мир.

— Приведи пример, может быть тогда я пойму, — попросил я.

— Например, кольца силы — твое и мое — в данный конкретный момент зацеплены за делание этой комнаты. Мы ее создаем. Наши кольца силы в данный момент вызывают к жизни вот эту самую комнату, в которой мы находимся.

— Постой, постой, — перебил я. — Эта комната существует сама по себе. Я не создаю ее, у меня нет с ней ничего общего.

Мое возражение, достаточно основательное с моей точки зрения, не произвело на дона Хуана никакого впечатления. Он очень спокойно повторил, что эта комната вызвана к жизни и существует для каждого человека лишь благодаря силе, заключенной в его кольце.

— Видишь ли, — продолжал он, — каждый из нас владеет деланием комнаты, поскольку значительную часть своей жизни мы так или иначе проводим в комнатах. А человек знания развивает другое кольцо силы — второе. Я назвал бы его кольцом неделания, потому что неделание есть тот крючок, на который оно нанизано. И это кольцо позволяет нам вызвать к жизни другой мир.

Девушка-официантка принесла то, что мы заказывали. На лице ее было написано подозрение. Дон Хуан шепнул, чтобы я заплатил сразу, потому что она сомневается в моей платежеспособности.

— Она не верит тебе, но ее вины в этом нет, — сказал он и разразился хохотом. — После нашей прогулки ты на черта похож.

Я заплатил по счету и дал чаевые, после чего официантка ушла. Я уставился на дона Хуана, пытаясь снова ухватить нить нашей беседы. Он пришел мне на помощь:

— Твоя проблема заключается в том, что ты еще не развил дополнительного кольца силы, и тело твое не знает неделания.

Я не понял. Мое сознание было замкнуто на довольно прозаическом вопросе: мне только хотелось знать, надевал он пиратский костюм или не надевал. Я спросил.

Дон Хуан не ответил. Вместо этого он забился в приступе хохота. Я умолял его все мне объяснить.

— Да я же объяснил! Только что все объяснил!

— То есть ты хочешь сказать, что не переодевался?

— Я только зацепил свое кольцо силы за твое делание. А все остальное сделал ты сам.

— Невероятно!

— Нас всех учат вступать в некое общее соглашение относительно всего, что связано с деланием, — мягко произнес он. — Ты даже понятия не имеешь, какую мощь, какую силу несет в себе это соглашение. Но, к счастью, неделание настолько же иллюзорно и несет в себе не меньшую силу.

Я ощутил, как по животу пробежала неконтролируемая волна напряжения. Между тем, что я видел вчера, и его объяснением лежала такая пропасть,

преодолеть которую я был не в силах. И, как всегда, в качестве последнего средства защиты я избрал сомнения и неверие. В сознании возник вопрос: а что, если дон Хуан все подстроил, предварительно договорившись с той четверкой?

Я сменил тему и спросил его о четырех учениках мага:

— Ты говорил, что они были тенями, да?

— Да.

— Это были союзники?

— Нет, это были ученики одного моего хорошего знакомого.

— Почему же ты сказал, что они — тени?

— Потому что в тот миг к ним прикоснулась сила неделания. А поскольку они не так тупы, как ты, они сдвинули себя в положение, совершенно отличное от всего, что тебе известно. И я не хотел, чтобы ты это видел. Это только травмировало бы тебя.

Вопросов у меня больше не было. И я не был голоден. Дон Хуан ел с большим аппетитом, и настроение у него было отличное. Но я чувствовал себя подавленным. Неожиданно я ощутил какую-то всепоглощающую усталость. Я осознал, что путь дона Хуана для меня недоступен. У меня нет качеств, необходимых для того, чтобы стать магом.

— Вероятно, тебе поможет еще одна встреча с Мескалито, — сказал дон Хуан.

Я заверил его, что вот об этом уж как раз я и не думал. Более того, мне не хотелось даже допускать мысли о возможности такого шага.

— Да-а, с тобой непременно должно будет произойти что-то сногсшибательное. Иначе ты так и не позволишь своему телу извлечь пользу из того, чему научился, — сказал он.

— Наверно, если б я мог как-то развязать все узлы своих дел и проблем,

каким-то образом абстрагироваться от тех условий, в которых живу и действую, мне было бы легче проникнуть в твой мир, — задумчиво проговорил я. — Или, может, если бы я отправился к тебе жить в дикую пустыню. А сейчас я одной ногой стою в одном мире, второй — в другом, и в итоге от меня нет никакого проку ни здесь, ни там.

Дон Хуан долго на меня смотрел.

— Вот он — твой мир, — произнес он, кивнув на людную улицу за окном. — Ты — человек этого мира. И там, в этом мире — твои охотничьи угодья. Невозможно уйти от делания своего мира. И воину остается только одно — превратить свой мир в свои охотничьи угодья. Воин — охотник, и как охотник он знает: мир создан для того, чтобы его использовали. И воин использует каждую частицу мира. Воин подобен пирату — он берет все, что хочет, и использует так, как считает нужным, и в этом он не признает никаких запретов и ограничений. Но, в отличие от пирата, воин не чувствует себя оскорбленным и не возражает, если кто-то или что-то берет и использует его самого.

Глава 17. Достойный противник

Вторник, 11 декабря 1962

Мои ловушки были совершенны. Я устанавливал их по всем правилам. Я видел кроликов, белок и других грызунов, а также птиц. Но за целый день так никого и не поймал.

Рано утром, прежде чем мы вышли из его дома, дон Хуан сказал мне, что сегодня мне следует ожидать «подарка силы». В мои ловушки должно попасть некое особенное, исключительное животное, мясо которого я смогу засушить в качестве «мяса силы».

Теперь же дон Хуан пребывал в задумчивости. По поводу моих охотничьих манипуляций и неудач он не сказал ни слова и не дал мне ни единого совета. В конце концов он медленно произнес:

— Некто вмешивается в твою охоту.

— Кто? — спросил я с неподдельным изумлением.

Он взглянул на меня, улыбнулся и недоверчиво покачал головой:

— Ты ведешь себя так, словно не знаешь — кто. А между тем тебе это прекрасно известно, ты знал об этом с самого начала и знал в течение всего дня.

Я собрался было возразить, но потом понял, что это ни к чему. Я знал, что на вопрос «кто?» он в конце концов ответит: «Ла Каталина». И если это было то, что, по его словам, я должен знать, то он прав. Я действительно знал об этом с самого начала.

— Мы можем поступить двояко, — сказал он. — Либо сейчас же отправиться домой, либо дождаться сумерек и в сумерках ее изловить.

Он явно ждал моего решения. Я хотел уйти и начал сматывать бечевку, которой что-то в этот момент привязывал. Но сказать ему о своем решении не успел. Дон Хуан опередил меня, резко приказав:

— Сядь! Уйти — проще, и это, пожалуй, самое трезвое решение, которое мы можем сейчас принять. Но сегодняшний случай — особый, и поэтому мне кажется, что мы должны остаться. Это представление устроено специально для тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Некто вмешивается в твои дела. Это — своего рода демонстрация силы. Я знаю, чьих это рук дело. И ты тоже знаешь.

— Ты меня пугаешь, — сказал я.

— Не я, — со смехом отвечал он. — Тебя пугает та женщина. Она подбирается к тебе.

Он замолчал, как бы ожидая, какой эффект произведут на меня его слова. Пришлось признаться, что я — в ужасе.

Чуть больше месяца назад у меня было жуткое столкновение с колдуньей по прозвищу Ла Каталина. Рискуя жизнью, я тогда нападал на нее. Дело в том, что дону Хуану удалось убедить меня, что она охотится за ним и вот-вот лишит его жизни, и что он не в состоянии защититься самостоятельно. После того, как я попытался на нее напасть, дон Хуан открыл мне, что она никогда не представляла для него сколько-нибудь реальной опасности. Вся же эта затея была организована им специально, чтобы меня перехитрить. Но не в качестве коварного розыгрыша, а для того, чтобы загнать меня в незавидное положение, выход из которого был один — срочно учиться магической практике.

Метод его был воспринят мною как крайне неэтичный по отношению ко мне. Я был буквально взбешен.

В ответ на мою бурную реакцию дон Хуан принялся напевать мексиканские песенки. Он так комично пародировал популярных исполнителей, что в конце я хохотал, как ребенок. До этого я понятия не имел о богатстве его репертуара идиотских шлягеров.

— Давай-ка я тебе кое-что расскажу, — сказал он наконец по поводу всей этой истории с колдуньей. — Хитрость — единственный способ заставить нас учиться. То же самое было со мной. То же происходит с каждым. В том и состоит искусство бенефактора, чтобы загнать нас в угол, из которого нет другого выхода. Показывать путь и хитростью заставлять учиться — вот все, что под силу бенефактору. И я занимался этим все время. Помнишь, каким способом я зацепил твой охотничий дух? Ты сам сказал мне, что охота заставляет тебя забыть об изучении растений. Ради того, чтобы стать охотником, ты был готов на многое, на что никогда не согласился бы ради изучения растений. А теперь, чтобы выжить, тебе придется сделать гораздо больше.

Он пристально взглянул на меня и рассмеялся.

— Но это все — какой-то бред сумасшедшего! — воскликнул я. — В конце концов, ведь мы же разумные существа!

— Ты — разумное, а я нет.

— И ты — тоже, — настаивал я. — Ты — чуть ли не самый разумный человек из всех, с кем мне доводилось иметь дело.

— Ладно, не будем спорить. Я — разумен. И что?

Я вовлек его в спор о том, пристало ли нам — двум разумным людям — вести себя столь идиотским и безумным образом, как мы поступаем в отношении этой колдовской леди.

— Ты — разумен. Хорошо, допустим, — яростно заявил он. — И поэтому полагаешь, что очень много знаешь о мире. Но так ли это? Много ли ты знаешь о нем на самом деле? Ведь ты видел только действия людей. И весь твой опыт ограничен лишь тем, что люди делают по отношению к тебе и друг другу. И больше ты не знаешь ничего. Ничего о тайнах этого неизведанного мира.

Он направился к машине. Мы сели в нее и поехали в небольшой мексиканский городок неподалеку.

Я не спрашивал, куда мы едем. Он велел поставить машину перед рестораном. Потом мы обошли автостанцию и универмаг. Дон Хуан шел справа от меня, показывая дорогу. Вдруг я осознал, что кто-то идет со мной бок о бок слева. Но, прежде, чем я успел повернуться и взглянуть, дон Хуан резко наклонился, словно хотел что-то поднять с земли, а когда я споткнулся об него и начал падать, подхватил меня за подмышку и поволок к машине. Он не отпускал меня, даже когда я возился с ключами и открывал дверь. Потом мягко впихнул меня в машину и только после этого сел в нее сам.

— Поезжай медленно и остановись перед универмагом, — сказал он.

Когда я остановил машину, дон Хуан кивнул головой. Я посмотрел туда, куда он указывал и увидел, что Ла Каталина стоит на том месте, где он схватил

меня за руку. Я непроизвольно отпрянул. Женщина сделала пару шагов в направлении машины и остановилась с вызывающим видом. Я внимательно оглядел ее и пришел к выводу, что она красива. У нее была очень темная кожа и плотное тело, но не из-за жира, а из-за хорошо развитых мускулов. Она выглядела очень сильной. Круглое скуластое лицо и две длинные черные косы. Но больше всего поразила меня ее молодость. Ей было от силы лет тридцать.

— Пусть подойдет поближе, если хочет, — шепнул дон Хуан.

Она сделала три-четыре шага по направлению к машине и остановилась метрах в трех от нас. Мы смотрели друг на друга. В этот миг я почувствовал, что в ней нет ничего угрожающего. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она хихикнула в ладошку, словно застенчивая девчонка. Мне почему-то было приятно. Я повернулся к дону Хуану, чтобы поделиться с ним своими соображениями относительно ее внешности и поведения, но он до полусмерти напугал меня, яростно крикнув:

— Вот черт, да не поворачивайся же ты к ней спиной!

Я мгновенно повернулся обратно и взглянул на нее. За это время она подошла еще на два шага и стояла совсем рядом, почти в метре от дверцы машины. Она улыбалась, показывая белые и очень чистые зубы. Однако в улыбке этой было что-то мистически жуткое. Это была не дружелюбная улыбка, а скорее какая-то сдержанная ухмылка. Ла Каталина улыбалась одними губами. Ее большие черные глаза смотрели холодно и неподвижно.

По моему телу пробежали мурашки. Дон Хуан принялся ритмично смеяться. Постояв еще немного, Ла Каталина, пятясь, начала отступать, пока не затерялась в толпе.

Мы поехали прочь, и по пути дон Хуан с удовлетворением прошелся по поводу того, что теперь мне придется срочно подбирать хвосты, устраняя из своей жизни расхлябанность и разгильдяйство, и как можно эффективнее учиться, иначе Ла Каталина раздавит меня как беспомощного клопа.

— Я же обещал тебе достойного противника! Она и есть этот самый противник, — сказал он в заключение.

Дон Хуан сказал, что нужно дождаться знака. Тогда будет ясно, что нам делать с ведьмой, вмешавшейся в мою охоту.

— Если покажется ворона или послышится карканье, мы будем знать наверняка, что нужно ждать. И где именно ждать, — сказал он и медленно обвел взглядом окружающий пейзаж.

— Здесь мы ждать не будем, — шепотом сообщил он.

Мы пошли на восток. Было уже довольно темно. Вдруг откуда-то сзади из-за высоких кустов вылетели две вороны, пролетели над нами и скрылись за холмом. Дон Хуан сказал, что нас интересует именно этот холм.

Когда мы подошли к холму, дон Хуан обошел его вокруг и выбрал место у подножия. Он очистил от хвороста, листьев и прочего мусора круглый пятачок диаметром около двух метров. Я пытался помогать, но дон Хуан с силой отодвинул меня решительным движением руки. Он прижал палец к губам, призывая к молчанию. Закончив готовить место, он втянул меня в центр круга, поставил лицом на юг и спиной к холму и шепнул на ухо, чтобы я повторял его движения. Потом он принялся как бы пританцовывать, ударяя подошвой правой ступни по земле. Серии из семи ровных ударов перемежались короткими сериями из трех быстрых постукиваний.

Я попробовал приспособиться к его ритму, и после нескольких неуклюжих попыток мне это более или менее удалось.

— Для чего это? — спросил я.

Он сказал, что это — кроличий бой. В конце концов тот, кто ко мне подбирается, не выдержит и придет взглянуть, в чем дело и что за шум.

Когда я полностью перенял его ритм, дон Хуан прекратил топать, велев мне продолжать, и стал дирижировать рукой, чтобы я не сбился с ритма.

Время от времени он внимательно прислушивался, слегка склонив голову набок и как бы пытаясь разобраться в шумах, доносившихся из чаппараля. В какой-то момент он сделал мне знак остановиться и застыл в позе полной

готовности, словно собирался прыгнуть на неизвестного и невидимого врага.

Потом он дал мне знак продолжать топать. Через некоторое время снова остановил. Каждый раз, когда я останавливался, он прислушивался с таким сосредоточением, что, казалось, каждая клетка его тела готова была взорваться от напряжения.

Я осмотрелся. Нас окружала темная масса кустарника, холмов и скал. Облака на темно-синем небе уже не были видны. Весь мир казался скоплением однородной массы темных размытых силуэтов.

Я услышал далекий жуткий крик какого-то животного — то ли койота, то ли ночной птицы. Он прозвучал настолько неожиданно, что я даже не обратил на него внимания. Но дон Хуан слегка вздрогнул всем телом. Он подошел и встал рядом, и я почувствовал, что его тело слегка вибрирует.

— Вот и она, — прошептал он. — Топай и будь готов. Она идет.

Я принялся яростно топать. Дон Хуан слегка наступил мне на ногу и знаком велел топать мягче и ритмичнее.

— Прекрати дергаться — отпугнешь! — сказал он.

Дон Хуан снова принялся отсчитывать ритм взмахами руки. После того, как он остановил меня вторично, я снова услышал тот же крик, но теперь уже заметно ближе. Теперь он был похож на крик птицы, пролетавшей над холмом.

Дон Хуан опять велел мне топать. Когда он остановил меня, слева послышался шорох, словно какой-то тяжелый зверь ходил в кустах по сухой траве. Медведь! Нет, медведи в пустыне не водятся… Я схватил дона Хуана за руку, он улыбнулся и снова поднес палец к губам, призывая к молчанию. Я всматривался во тьму слева от себя, но дон Хуан знаком велел мне этого не делать. Он несколько раз показал на небо над моей головой, а потом велел повернуться кругом и пальцем указал на какую-то точку на холме. Я уставился туда и вдруг, как в ночном кошмаре, оттуда на меня метнулась тень. Я вскрикнул и упал на спину. Мгновение я видел черный силуэт на фоне темно-синего неба. Потом он поплыл по воздуху и приземлился в кустах позади нас. Я услышал треск, словно тяжелое тело проламывалось сквозь

кусты, а потом раздался жуткий крик, от которого в жилах стыла кровь.

Дон Хуан поднялся и повел меня сквозь тьму к тому месту, где остались мои ловушки. Он заставил меня снять и разобрать их, а потом разбросал их детали. Все это он делал без единого слова. Мы молчали всю дорогу до его дома.

— Что ты хочешь от меня услышать? — спросил дон Хуан в ответ на мои настойчивые просьбы объяснить события, свидетелем которых я стал несколько часов назад.

— Что это было? — спросил я.

— Вот черт, ну ты же прекрасно знаешь кто это был! — воскликнул он. — И не надо замыливать себе глаза нейтральным вопросом «что это было?». Кто это был — вот что важно.

У меня уже было некое подобие объяснения, которое в принципе вполне меня устраивало. Фигура надо мной была очень похожа на воздушного змея, которого выпустил на холме и тянул за веревочку кто-то, прятавшийся за нами в кустах. Видимо тот, в кустах, в конце быстро потянул змея к себе, отсюда и впечатление, что силуэт пролетел над нами и скрылся в чаппарале метрах в пятнадцати-двадцати за нашей спиной.

Дон Хуан внимательно выслушал мое объяснение, а потом долго хохотал, пока по щекам не потекли слезы.

— Слушай, хватит тебе топтаться вокруг да около. Давай ближе к сути. По-твоему, это была не она?

Мне пришлось признать, что, упав и взглянув вверх, я заметил силуэт женщины в длинной юбке, пролетавший надо мной в замедленном прыжке. Потом что-то словно дернуло этот силуэт вперед, и он с большой скоростью рухнул в кусты. Именно такой характер движения силуэта создал у меня впечатление, что это был воздушный змей.

Дон Хуан отказался дальше обсуждать происшествие.

Утром следующего дня дон Хуан ушел по каким-то своим загадочным делам, а я сел в машину и отправился в соседний поселок навестить своих знакомых индейцев яки.

Среда, 12 декабря

Как только я приехал в поселок яки, тамошний лавочник-мексиканец сказал мне, что в выездной лавке из Сьюдад Обрегона взял напрокат проигрыватель и два десятка пластинок для «фиесты», которую планировал устроить вечером в честь Девы Гваделупской. Он уже всем рассказал, что достал все через Хулио — продавца выездной лавки, который дважды в месяц приезжал в поселок собирать очередные взносы за дешевую одежду, которую он иногда умудрялся продавать индейцам в рассрочку.

Хулио привез проигрыватель утром и подключил его к генератору, от которого питалась электросеть лавки. Он убедился в том, что все работает, потом включил максимальную громкость, напомнил лавочнику, чтобы тот не трогал никаких кнопок и принялся раскладывать пластинки.

— Я знаю, сколько царапин на каждой из них, — сказал Хулио лавочнику.

— Скажи это моей дочке.

— Отвечаешь ты, а не твоя дочка.

— Это все равно. Кроме нее, к пластинкам никто не притронется.

Хулио сказал, что его мало волнует, будет притрагиваться к пластинкам только она или кто-то еще, потому что платить за поврежденные пластинки все-таки придется лавочнику. Тот начал спорить с Хулио. Хулио покраснел. Время от времени он обращался к большой группе индейцев, собравшихся перед лавкой. Он разводил руками, изображая отчаяние, делал расстроенное лицо и соответствующим образом гримасничал. В конце концов он потребовал залог. Это вызвало новый каскад препирательств о том, сколько платить за поврежденную пластинку. Хулио авторитетно заявлял, что платить нужно полную цену, как за новую. Лавочник злился все сильнее и начал собирать свой удлинитель. Похоже было, что он склонен был отменить все мероприятие и собирался отключить проигрыватель. Своим клиентам, собравшимся перед

лавкой, он дал понять, что сделал все, от него зависящее, и если соглашение не достигнуто, то лишь из-за несговорчивости Хулио. Похоже было, что вечеринка провалилась, еще не начавшись.

Блас — старый индеец, в доме которого я остановился, — вслух принялся униженно жаловаться на бедственное положение индейцев яки, которые не могут позволить себе даже отпраздновать свой самый почитаемый религиозный праздник — день Девы Гваделупской.

Я хотел было вмешаться и предложить свою помощь, но Блас меня остановил. Он сказал, что если я внесу залог, то лавочник собственноручно из вредности перебьет все пластинки.

— Подонок редкостный, — объяснил Блас. — Пусть платит. Обдирает нас, как липку, почему бы ему не заплатить?

После долгой дискуссии, в которой все присутствовавшие, как это ни странно, выступали на стороне Хулио, лавочник добился-таки обоюдоприемлемого решения. Он не внес залог, но согласился принять на себя ответственность за пластинки и проигрыватель.

Хулио сел на мотоцикл и, оставляя за собой пыльный шлейф, укатил к клиентам, жившим в домиках, разбросанных по пустыне вдалеке от поселка. Блас объяснил, что Хулио спешит потому, что хочет добраться до них раньше, чем те успеют прийти в лавку и пропить все свои денежки в честь праздника. Едва он это сказал, как из-за лавки вышла группа индейцев. Блас взглянул на них и засмеялся. Смеялись и все остальные.

Блас объяснил, что эти индейцы — те самые клиенты Хулио. Они ждали, спрятавшись за лавкой, пока он уедет.

Вечеринка началась относительно рано. Дочь лавочника поставила пластинку и опустила иглу. Послышался жуткий скрежет высокочастотное шипение, а потом — дребезжание гитар, скрипучие голоса труб.

Вечеринка заключалась в прокручивании пластинок на полную громкость. Четыре молодых мексиканца танцевали с двумя дочерьми лавочника и тремя другими женщинами-мексиканками. Яки не танцевали, зато с явным

удовольствием следили за каждым движением танцующих. Казалось, для наслаждения им не нужно ничего другого — просто сидеть и, наблюдая за танцующими, прихлебывать дешевую текилу.

Я заказал выпивку для каждого, с кем был знаком. Чтобы не вызвать ничьих обид, я сновал между индейцами, разговаривал с ними и предлагал выпивку. Все шло хорошо, пока они не подзарядились достаточно и не обратили внимание, что сам я не пью. Тогда они все разом на меня обозлились, словно осознав, что я их не уважаю и не принадлежу к их среде. Они надулись и молча сидели, время от времени ехидно на меня поглядывая.

До мексиканцев, которые напились уже примерно до такой же степени, в тот же самый момент дошло, что я не только не пью, но и не танцую. Эти тоже обозлились. Однако вели они себя увереннее и агрессивнее, чем индейцы. Один из парней схватил меня за рукав, подтянул к самому проигрывателю, налил полную кружку и потребовал, чтобы я выпил все залпом, доказав тем самым, что я — «macho».

Я попытался их утихомирить, выдавив из себя идиотский смешок, призванный означать, что все это мне нравится. Я сказал, что лучше сперва потанцую, а выпью потом. Один из парней назвал песню. Девушка принялась рыться в груде пластинок. Она тоже была заметно навеселе, несмотря на то, что женщины вроде бы открыто не пили, и с попаданием пластинки на диск у нее возникли осложнения.

— Это — неправильная пластинка, — поводя заметно помутневшими глазами заявил парень. — Это вовсе не твист!

Девушка снова принялась неуклюже перебирать пластинки непослушными пальцами. Все сгрудились вокруг проигрывателя и приняли деятельное участие в поисках подходящей музыки. Я воспользовался моментом и сбежал с освещенной площадки в темноту за лавкой.

Я стоял метрах в тридцати от них в темноте среди кустов, пытаясь сообразить, как быть дальше. Я устал и склонялся к тому, что пора садиться в машину и отправляться домой. Я направился к дому Бласа, где стояла машина, прикинув, что если ехать медленно с потушенными фарами, то никто моего побега не заметит.

Возле проигрывателя все еще продолжались поиски пластинки: слышно было, как шипят динамики. Потом грянул твист. Я рассмеялся, представив себе, как они оглянулись и обнаружили, что меня и след простыл.

На дороге показались темные силуэты нескольких человек, направлявшихся в сторону лавки. Разминувшись со мной, они пробормотали: «Buenas noches». Я узнал их и сообщил, что вечеринка удалась на славу.

Подходя к крутому повороту дороги, я встретил еще двоих. Их я не знал, но на всякий случай все равно поздоровался. Здесь, на дороге, визг проигрывателя был слышен так же хорошо, как перед лавкой. Была темная беззвездная ночь, но света фонарей возле лавки было достаточно, чтобы видеть дорогу. До дома Бласа было уже совсем недалеко, и я прибавил шагу. На повороте дороги с левой стороны я заметил темный силуэт сидевшего на корточках человека. Сначала я подумал, что это — кто-то, ушедший с вечеринки раньше меня. Человек сидел так, словно испражнялся на обочине. Это показалось мне странным. Жители поселка обычно ходили в кусты. Я решил, что человек, кем бы он ни был, пьян в дымину, раз не решился отойти от дороги, чтобы справить большую нужду.

Проходя мимо, я сказал: «Buenas noches». Ответом мне послужил жуткий хриплый совершенно нечеловеческий вой. Волосы мои самым натуральным образом встали дыбом. Секунду я был парализован. А потом пошел дальше, шагая все быстрее и быстрее. Темный силуэт приподнялся. Это была женщина. Согнувшись и наклонившись вперед, она прошла насколько метров, а потом прыгнула. Я побежал. Женщина подобно гигантской птице прыгала рядом, отталкиваясь от земли обеими ногами и не отставая от меня. Когда я уже подбегал к дому Бласа, она бросилась мне наперерез, почти до меня дотронувшись.

Я перескочил через неглубокую сухую канаву и ввалился в дом, толкнув плечом хлипкую дверь.

Блас был дома. Я рассказал ему о случившемся, но он не придал этому значения.

— Здорово тебя разыграли! — прокомментировал он мой рассказ, — Индейцы

любят выделывать всякие такие фокусы с иностранцами.

Вечерняя история настолько выбила меня из колеи, что наутро вместо того, чтобы отправиться домой, я поехал прямиком к дону Хуану.

Его дома не оказалось. Появился он только ближе к вечеру. Я не дал ему сказать ни слова и выложил все, не забыв упомянуть и комментарий Бласа. Возможно, это было лишь игрой воображения, но мне показалось, что дон Хуан обеспокоен.

— То, что сказал Блас, ерунда, — очень серьезно произнес он. — Бласу ничего не известно о битвах между магами. Ты должен был понять, что происходит нечто серьезное, уже в тот момент, когда заметил, что тень — слева от тебя. Но в любом случае бежать было нельзя.

— А что же мне было делать? Стоять на месте?

— Да. Встречаясь с противником, который не является обычным человеческим существом, воин должен принять свою стойку. Это — единственное, что в таком случае делает его неуязвимым.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Я говорю о том, что это было твое третье столкновение с достойным противником. Она всюду преследует тебя, выжидая момент, когда ты проявишь слабость. В этот раз ты почти оказался у нее в руках.

На меня нахлынуло раздражение. Я обвинил его в том, что он подвергает меня бессмысленной опасности. Я сказал, что он ведет жестокую игру.

— Это было бы жестоко в отношении обычного человека, — возразил он. — Но человек перестает быть обычным, едва вступив на путь воина. И, кроме того, я нашел тебе достойного противника вовсе не затем, чтобы с тобой поиграть или тебе досадить. Достойным противник подстегнет тебя. Под влиянием такого достойного противника, как Ла Каталина, ты можешь научиться использовать все то, чему я тебя научил. Я не вижу другого способа.

Мы немного помолчали. От его слов у меня возникло тяжелое мрачное

предчувствие.

Потом дон Хуан попросил меня как можно точнее воспроизвести крик, который я услышал после того, как произнес: «Buenas noches».

Я попытался, и получившийся жуткий вой испугал меня самого. Дону Хуану моя интерпретация показалась, видимо, смешной. Он хохотал без удержу.

После этого он предложил мне восстановить всю последовательность событий: расстояние, которое я пробежал; расстояние, на котором женщина была от меня, когда я ее заметил; расстояние, бывшее между нами, когда я подбегал к дому и момент, в который она начала прыгать.

— Ни одна жирная индеанка не способна этак скакать, — сказал дон Хуан, выслушав все подробности. — Ни одна из них столько даже просто не пробежит.

Он заставил меня попрыгать. Мне удавалось за каждый прыжок покрывать не больше полутора метров. А та женщина, если я не ошибся, прыгала, самое малое, — на три метра с лишним!

— Я думаю, ты уже понял, что должен с этой самой минуты постоянно быть в тонусе и держаться настороже, — очень серьезно сказал дон Хуан. — Она пыталась хлопнуть тебя по левому плечу в момент твоей слабости, когда ты неспособен осознавать.

— Что мне делать? — спросил я.

— Жаловаться, во всяком случае, бессмысленно. С этого момента самым важным фактором в твоей жизни становится стратегия. Стратегическая линия жизни.

Я не мог сосредоточиться на том, что он говорил, и записывал чисто автоматически. После длительного молчания он спросил, не ощущаю ли я боли за ушами или в затылочной части шеи. Я ответил, что не ощущаю, а он сказал, что боль в любом из этих мест означала бы, что я действовал неуклюже и Ла Каталина сумела причинить мне вред.

— Впрочем, все твои действия вчера вечером были неуклюжи, — заявил он. — Прежде всего, ты отправился на вечеринку, чтобы убить время. Как будто есть время на то, чтобы его убивать. Это тебя ослабило.

— Мне что, нельзя ходить на вечеринки?

— Тебе можно ходить, куда угодно, но при этом ты должен отвечать за каждое свое действие. Воин живет стратегически. И на вечеринку или что-то этом роде он отправляется лишь в том случае, если этого требует стратегическая линия его жизни. И это само собой подразумевает, что он находится в состоянии абсолютного самоконтроля и осознанно совершает все действия, которые считает необходимыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня, потом закрыл лицо руками и мягко усмехнулся.

— Ты попал в ужасно крутой оборот, — сказал он. — На твоем пути оказался достойный противник, и впервые в жизни ты не можешь позволить себе разгильдяйства. На этот раз тебе придется освоить совершенно новое для тебя делание — делание стратегии. Если ты выстоишь в схватке с Ла Каталиной, то настанет день, когда тебе нужно будет поблагодарить ее за то, что она заставила тебя изменить твое делание.

— Боже, какой ужас! А если не выстою?

— Воин никогда не потворствует таким мыслям. На той вечеринке, например, ты был шутом, потому, что задача быть шутом вытекает из твоей стратегии, но потому, что ты сам отдался во власть этих людей, никогда не утруждал себя контролем поэтому в конце концов был вынужден от них убегать.

— Что же мне следовало делать?

— Не ходить туда вообще, если идти, то только для того, чтобы совершить какой-либо особенный поступок. После дурацкой ситуации с пьяными мексиканцами ты был ослаблен. И Ла Каталина не преминула этим воспользоваться. Потому она и устроилась у тебя на пути. Тело почувствовало, что тут что-то не то, но ты все равно с ней заговорил. И это было ужасно. Во время столкновения с противником ты не должен произносить ни слова. А

потом ты повернулся к ней спиной. И это было еще хуже. Но вслед за этим ты побежал. И вот хуже этого ты уже ничего не мог придумать. Если бы на месте этой ведьмы оказался настоящий магический воин, он уложил бы тебя на месте уже в тот момент, когда ты повернулся спиной. Единственная защита мага — не двигаться с места и исполнять свой танец.

— О каком танце ты говоришь? — спросил я.

Он ответил, что «кроличий бой», которому он меня научил на днях — первое движение танца воина. Того самого танца, который воин оттачивает и развивает всю свою жизнь, а потом исполняет во время своей последней остановки на этой земле.

Тут в сознании моем что-то, наконец, прояснилось, и возникли кое-какие соображения. С одной стороны, я не мог не признавать реальности всего, что происходило во время моей первой стычки с Ла Каталиной, и, безусловно, существовала возможность того, что она меня действительно преследует. Но, с другой стороны, я не мог понять, каким образом она это делает, и потому у меня возникло подозрение, что дон Хуан просто меня разыгрывает и сам производит многие из тех жутких эффектов, которые я наблюдал.

Вдруг дон Хуан посмотрел на небо и сообщил, что теперь — самое время съездить взглянуть на ведьму. Он заверил меня, что это почти совсем не опасно, поскольку мы всего лишь просто проедем мимо ее дома.

— Тебе нужно только на нее взглянуть, — объяснил он.

— Тогда все сомнения так или иначе отпадут.

Руки мои начали обильно потеть, и мне пришлось несколько раз вытереть их полотенцем. Мы сели в машину. Дон Хуан велел мне ехать сначала по трассе, а затем свернуть на широкую немощеную дорогу. Я вел машину по самой ее середине, потому что тяжелые грузовики и тракторы выдавили в земле довольно глубокие колеи, и моя машина оказалась слишком низкой для того, чтобы ехать по правой или левой стороне. Мы медленно продвигались вперед, окруженные густым облаком пыли. Грубый гравий, которым когда-то были засыпаны выбоины, во время дождей смешался с грязью, и теперь сухие комья из камней и глины с грохотом колотили по металлическому днищу автомобиля.

Когда мы подъехали к небольшому мостику, дон Хуан велел притормозить. Возле моста сидели четверо индейцев. Они приветливо нам помахали. Я не был уверен, что знаком с ними. Мы проехали мост, и дорога слегка повернула.

— Вот ее дом, — шепнул мне дон Хуан, указывая глазами на белый дом за высокой изгородью.

Он велел мне развернуться, остановиться напротив дома и наблюдать, ожидая, пока подозрения колдуньи не разыграются настолько, что она решится выглянуть на улицу.

Мы простояли там минут, наверное, десять. Мне это время показалось бесконечностью. Дон Хуан не произносил ни слова. Он неподвижно сидел и смотрел на дом.

— Вот она, — сказал он, и тело его неожиданно вздрогнуло.

Я заметил внутри дома зловещий темный силуэт женщины.

Еще через несколько минут она вышла из темноты комнаты и остановилась в дверях, глядя на нас. Мы некоторое время смотрели на нее, а потом дон Хуан велел мне ехать. Я буквально потерял дар речи. Я мог поклясться, что это была та самая женщина, которая скакала за мной по темной дороге.

Примерно через полчаса, когда мы уже ехали по шоссе, дон Хуан заговорил.

— Ну, что скажешь? — спросил он, — Ты узнал ее фигуру?

Я долго колебался, прежде, чем ответить. Я боялся окончательности, которая неизбежно была сопряжена с утвердительным ответом. Я тщательно сформулировал фразу и сказал, что, пожалуй, было слишком темно, чтобы судить наверняка.

Он засмеялся и погладил меня по голове.

— Она это была. Она. Правда?

Он не дал мне возможность ответить. Он приставил палец к губам, а потом прошептал, что говорить бессмысленно, и что выжить в противостоянии с Ла Каталиной я смогу только воспользовавшись всем тем, чему он меня научил.

Часть вторая. Путешествие в Икстлан

Глава 18. Магическое кольцо силы

В мае 1971 года я приехал к дону Хуану в последний раз. Я ехал к нему с тем же настроением, с которым ездил все десять лет своего ученичества. Можно сказать, что мне просто приятно было проводить время в его обществе. Именно за этим я и ехал.

Оказалось, что у дона Хуана гостит его друг — индеец племени масатеков, которого я называл доном Хенаро. Когда я приезжал к дону Хуану полгода назад, дон Хенаро тоже у него гостил. Я хотел спросить, уезжал ли он домой или так и жил здесь все это время. Но дон Хенаро опередил меня, объяснив, что ему так нравится североамериканская пустыня, что он решил приехать еще раз. И как раз удачно, потому что я тоже появился, и он рад со мной встретиться. Оба они засмеялись, словно им был известен некий секрет.

— Но ты больше не будешь пытаться мне помогать, правда, дон Хенаро? — спросил я.

Они хохотали до судорог. Дон Хенаро сперва катался по земле, а потом улегся на живот и поплыл. Увидев это, я понял, что пропал. В этот момент тело мое

каким-то образом ощутило, что конец близок. Я не знал, какой именно конец и чего, но, вследствие своей личной склонности к драматизации и памятуя предыдущий опыт общения с доном Хенаро, я вообразил, что конец этот вполне может быть концом моей жизни.

Когда я приезжал сюда в прошлый раз, дон Хенаро предпринял попытку столкнуть меня на грань «остановки мира». Действия его были настолько эксцентричны и безусловно непостижимы, и воздействие их на меня оказалось настолько прямолинейным и жестким, что дон Хуан сам велел мне уехать. Демонстрация «силы», к которой прибегнул тогда дон Хенаро, была такой поразительной и до такой степени сбила меня с толку, что в результате я полностью пересмотрел все свои представления. Я отправился домой, засел за свои записи всего периода ученичества, и в глубине моего существа таинственным образом возникло странное чувство, хотя и в полной мере мною не осознаваемое. Но не осознавалось оно лишь до того момента, пока я не увидел, как дон Хенаро поплыл по полу.

Плавание это было вполне в стиле всех прочих странных и непостижимых действий, которые дон Хенаро совершал у меня на глазах. В этот раз он начал с того, что улегся на пол лицом вниз. Сперва он хохотал, причем до того самозабвенно, что тело его дергалось, словно в судорогах, потом он принялся дрыгать ногами и, наконец, движения его ног сделались согласованными и к ним подключились гребковые движения рук, после чего дон Хенаро заскользил по полу, словно лежал на доске с колесиками из шарикоподшипников. Несколько раз он менял направление, лавируя между мной и доном Хуаном на площадке перед домом.

Это было уже не первое клоунское представление, которое разыгрывал в моем присутствии дон Хенаро. После каждого такого случая дон Хуан утверждал, что я был на грани «видения». То, что мне так и не удавалось «видеть», было якобы следствием моих попыток объяснить каждое действие дона Хенаро с рациональных позиций. В этот раз я был начеку, и увидев, что он поплыл, не стал пытаться найти объяснение этому, а просто стоял и смотрел. Но избежать состояния полной ошарашенности мне все же не удалось. Он самым натуральным образом скользил на животе и груди, как на санках по льду. Мои глаза начали сходиться к переносице, и появилось нехорошее предчувствие. Я был убежден: если удастся не скатиться к попыткам рационально объяснить происходящее, я непременно «увижу». Эта уверенность наполнила меня

сильнейшей тревогой. Предчувствие переросло в нервное ожидание, и в какой-то миг я вновь очутился в исходной точке. Я обнаружил, что вновь цепляюсь за какие-то соображения рационального характера.

Должно быть, дон Хуан все это время за мной наблюдал. Он неожиданно хлопнул меня по спине. Я автоматически повернул голову в его сторону и на мгновение потерял из виду дона Хенаро. Когда я снова на него взглянул, он стоял совсем рядом, слегка склонив голову и почти положив подбородок на мое правое плечо. Я на секунду остолбенел, а потом отскочил в сторону.

Дон Хенаро состроил уморительную рожу, изображавшую изумление по поводу моей запоздалой реакции. Я не смог удержаться от смеха и забился в припадке истерического хохота. Однако я осознавал, что смех мой несколько необычен. Тело встряхивали судорожные нервные спазмы, исходившие откуда-то из центра живота. Дон Хенаро дотронулся до моего живота ладонью, и волнообразные спазмы прекратились.

— Ах, наш малютка Карлос так впечатлителен! — воскликнул он тоном светской дамы, склонной по каждому поводу хлопаться в обморок.

А потом добавил, пародируя наставления дона Хуана:

— Разве тебе не известно, что воин никогда не смеется таким образом?

Он изобразил дона Хуана настолько точно, что я захохотал еще сильнее.

Потом они вдвоем куда-то ушли и вернулись часа через два.

Они уселись со скрещенными ногами на площадке перед домом, не произнося ни слова. Казалось, они ужасно хотят спать и устали до потери сознания. Они долго сидели так неподвижно. Чувствовалось, что тела их расслаблены и это сидение не доставляет им неудобства. Дон Хуан словно спал, слегка приоткрыв рот, но большие пальцы его сложенных на коленях рук непрерывно ритмично шевелились.

Я немного забеспокоился и на некоторое время принял позу ожидания. Но потом почувствовал успокаивающую самодостаточность. Должно быть, даже задремал. Разбудил меня смешок дона Хуана. Я открыл глаза. Оба они

пристально на меня смотрели.

— Я чувствую, что если ты не поговоришь, то непременно и окончательно заснешь, — сказал дон Хуан со смехом.

— Боюсь, что да, — согласился я.

Дон Хенаро улегся на спину и принялся дрыгать ногами в воздухе. Я решил было, что он собрался выкинуть еще какой-либо из своих номеров, но он тут же вернулся в положение со скрещенными ногами.

— Я должен тебе сейчас кое о чем рассказать, — сообщил мне дон Хуан. — Назовем это маленьким кусочком удачи. Объемом, скажем, в один кубический сантиметр. Кубический сантиметр удачи. Он появляется время от времени перед носом каждого из нас, независимо от того, ведем мы жизнь воина или нет. Различие между обычным человеком и воином состоит лишь в том, что воин знает о кубическом сантиметре удачи, и знает, что одна из задач воина — быть всегда наготове, всегда ждать. Поэтому когда кубический сантиметр удачи появляется в пределах его досягаемости, воин хватает его, так как ждал этого момента и готовился к нему, развивая необходимую быстроту и ловкость. Удача, везение, личная сила — не имеет значения, как мы это назовем, — штука занятная. Вернее, это даже не то чтобы какая-то штука, а скорее — некое положение вещей, что-то вроде такого маленького абстрактного хвостика, который возникает перед самым нашим носом и принимается призывно вилять, как бы приглашая его схватить. Но обычно мы слишком заняты делами, или слишком глубоко погружены в очень умные мысли, или попросту слишком тупы и ленивы для того, чтобы осознать: этот хвостик — хвостик удачи. Воин же все время собран и находится в состоянии полной готовности, у него внутри — словно сжатая пружина, и ум его всегда готов проявить максимум сообразительности, чтобы в мгновенном броске ухватить этот хвостик удачи.

— Как у тебя обстоят дела с собранностью? — спросил дон Хенаро.

— Полагаю, что нормально, — ответил я убежденно.

— А полагаешь ли ты, что сумеешь ухватить свою удачу за хвостик? — с выражением некоторого недоверия спросил дон Хуан.

— Мне кажется, все время только этим и занимаюсь.

— Я думаю, ты готов только к тому, что знаешь, заявил дон Хуан.

— Может быть, это — самообман, но у меня есть уверенность, что в последнее время я гораздо четче осознаю происходящее, чем когда бы то ни было в своей жизни, — сказал я.

Я действительно так думал.

Дон Хенаро одобрительно кивнул.

— М-да, — мягко произнес он, как бы беседуя с самим собой, — малютка Карлос и правда в порядке. И готов абсолютно ко всему.

Я чувствовал, что они потешаются надо мной. Наверное, мое заявление о якобы присущей мне собранности вызвало у них раздражение.

— Я не хвастаюсь, — заверил я их.

Дон Хенаро поднял брови и раздул ноздри. Взглянув на мой блокнот, он сделал вид, что пишет.

— Думаю, Карлос очень собран. Собраннее, чем когда-либо, — сказал дон Хуан, обращаясь к дону Хенаро.

— Может, даже слишком, — отозвался дон Хенаро.

— На него похоже, — заключил дон Хуан.

Я не знал, что можно вставить в их диалог, и потому молчал.

— Помнишь тот случай, когда я заглушил мотор твоей машины? — спросил дон Хуан.

Вопрос был задан резко и довольно неожиданно и вроде бы не имел никакого отношения к тому, о чем шла речь. Дон Хуан имел в виду случай, когда я не

мог завести машину до тех пор, пока он не разрешил ей завестись.

Я заметил, что такое вряд ли забудешь.

— Но это было так, ерунда, — как бы между прочим сообщил дон Хуан. — Мелочь. Верно, Хенаро?

— Верно, — с безразличным видом подтвердил тот.

— Что ты хочешь сказать? — взвился я. — Да то, что ты тогда сделал, ни в какие рамки не укладывается. Это — нечто, выходящее за пределы моего понимания.

— Ну, это еще ни о чем не говорит, — парировал дон Хенаро.

Оба они громко засмеялись, а потом дон Хуан похлопал меня по спине.

— Хенаро способен на гораздо большее, чем просто заглушить двигатель твоего автомобиля, — продолжал он. — Верно, Хенаро?

— Верно, — ответил дон Хенаро, по-детски выпятив губы.

— На что именно? — спросил я, стараясь выглядеть спокойным.

— Хенаро может убрать всю твою машину целиком! — многозначительно воскликнул дон Хуан, а потом добавил в том же тоне: — верно, Хенаро?

— Верно! — рявкнул дон Хенаро самым громким голосом, какой мне доводилось слышать.

От неожиданности я вздрогнул. По телу пробежали три-четыре нервных спазма.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «убрать всю мою машину целиком»?

— Хенаро, что это значит? — переспросил дон Хуан.

— Это значит, что я сяду в машину, заведу мотор и уеду, — совершенно

серьезно ответил дон Хенаро.

Правда, его серьезный вид был довольно неубедительным.

— Хенаро, убери прочь его машину! — кривляясь, повелел дон Хуан.

— Сделано! — в тон ему ответил дон Хенаро, нахмурился и посмотрел на меня.

Я заметил, что его брови, когда он нахмурился, вздрогнули, от чего в его пронзительном взгляде появилось что-то озорное.

— Ладно, — сказал дон Хуан. — Пошли, проверим.

— Да, — отозвался дон Хенаро, — Пошли, проверим.

Они очень медленно поднялись на ноги. Я на мгновение растерялся, не зная, что делать, но дон Хуан сделал мне знак встать и идти за ними.

Мы начали подниматься на небольшой холм перед самым домом дона Хуана. Они шли по бокам, дон Хуан — справа, дон Хенаро — слева, и метра на полтора-два впереди меня.

— Поглядим, как там поживает машина, — сказал дон Хенаро.

Дон Хуан сделал вид, что держит в руках клубок, и принялся наматывать на этот клубок невидимую нить. Дон Хенаро сделал то же самое и повторил:

— Посмотрим, как там поживает машина.

Они шли, слегка подпрыгивая, более широкими, чем обычно, шагами. Руками они при этом совершали такие движения, словно отмахивались и отбивались от каких-то невидимых предметов. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан таким образом кривлялся. Я чувствовал даже своего рода смущение, глядя на него.

Когда мы поднялись на вершину холма, я глянул вниз, туда, где метрах в сорока от нас должна была стоять машина. Внутри у меня все оборвалось. Машины не было! Я сбежал с холма. Машины нигде не было видно. Я был полностью сбит с толку.

Приехав рано утром, я поставил машину на этом самом месте. А полчаса назад приходил сюда, чтобы взять чистую пачку писчей бумаги. Я подумал, не оставить ли мне открытыми окна, потому что было очень жарко, но решил не делать этого из-за обилия насекомых, и оставил машину запертой, как обычно.

Я еще раз осмотрел все вокруг. Я не мог поверить в то, что моей машины нет. Я подошел к самому краю свободной от чаппараля площадки. Дон Хуан и дон Хенаро ходили вслед за мной и в точности повторяли каждое мое движение, пристально вглядываясь вдаль, словно высматривая притаившуюся в кустах машину. На меня вдруг нахлынул короткий приступ эйфории, сменившийся чувством разлагающего раздражения. Они, похоже, заметили это и принялись ходить вокруг меня, делая руками такие движения, словно месили тесто.

— Слушай, Хенаро, что же все-таки могло случиться с автомобилем? — кротко спросил дон Хуан.

— Как что? Я его угнал! — сказал дон Хенаро и с поразительным сходством изобразил движения человека, который переключает скорости и крутит руль.

Он согнул ноги, как будто сидел на сидении, и оставался в этом положении несколько секунд, удерживая его, очевидно, только с помощью мускулатуры ног. Потом он перенес вес тела на правую ногу, а левую вытянул, как бы нажимая на педаль газа. Губами он издал звук работающего мотора и в довершение изобразил, что наткнулся на выбоину и подпрыгнул на сидении, не отрывая рук от руля.

Пантомима дона Хенаро в совершенстве изображала повадки незадачливого водителя-дилетанта и выглядела изумительно. Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться. Я тоже хотел было присоединиться к их веселью, но не тут-то было. Я не мог расслабиться. Мне было не по себе от ощущения нависшей надо мной неведомой угрозы. Меня охватило совершенно беспрецедентное беспокойство. Я почувствовал, что завожусь, и принялся со злостью пинать мелкие камни. Закончилось это тем, что я окончательно взбесился и начал швырять камни в кусты в дикой неконтролируемой и неописуемой ярости. Ощущение было, словно бешенство пришло извне, окутало меня, а затем проникло внутрь моего существа. Потом раздражение

исчезло так же внезапно, как появилось. Я глубоко вздохнул. Стало легче.

Я не решался взглянуть на дона Хуана. Буйное проявление приступа гнева смутило меня, но в то же время мне было смешно. Дон Хуан подошел ко мне и похлопал по спине. Дон Хенаро обнял меня за плечи и сказал:

— Нормально, нормально! Ну, чего же ты остановился? Теперь самое время заехать кулаком себе в нос, так, чтоб кровь пошла. Потом откроешь рот и булыжником вышибешь все зубы. Вот это кайф! А если и это не поможет, положишь яйца на камень, а вторым зарядишь по ним сверху!

Дон Хуан хихикнул. Я сказал, что вел себя плохо, осознал и стыжусь. Я сообщил им, что в меня словно что-то вселилось, но я не знаю, что. Дон Хуан заявил, что мне отлично известно, в чем дело, но я делаю вид, что ничего не знаю. И взбесился я именно от этого притворства.

Дон Хенаро сделался вдруг каким-то очень хорошим и ласково похлопал меня по спине.

— Это бывает с каждым из нас, — сказал дон Хуан.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан? — спросил дон Хенаро, пародируя мою манеру задавать вопросы.

Дон Хуан начал с важным видом изрекать какую-то белиберду типа:

— Когда мир переворачивается вверх ногами, мы находимся в нормальном положении, но когда мир приобретает нормальное положение, мы становимся с ног на голову. И в то же время, когда и мы, и мир находимся в нормальном положении, нам кажется, что с ног на голову встало вообще все…

Дон Хуан говорил и говорил, неся какую-то околесицу, а дон Хенаро судорожно писал воображаемой ручкой в воображаемом блокноте, раздув ноздри и выпучив глаза, неподвижный взгляд которых был неотрывно прикован к лицу дона Хуана. Дон Хенаро изображал мои попытки писать, не глядя в блокнот. Я делал это, чтобы не нарушать естественного хода беседы. Пародистом, нужно признать, он был гениальным.

Неожиданно мне стало хорошо и легко. Я был почти счастлив. На миг я отпустил себя и рассмеялся. И тут же на меня накатила новая волна тревоги, недоумения и разложения. Я подумал, что все это просто невозможно. В самом деле, ситуация казалась совершенно непостижимой с точки зрения здравого смысла и логического мышления, с помощью которого я привык судить о мире. Но объективность моего восприятия вынуждала признать: машина исчезла. Естественно, как и всякий раз, когда дон Хуан сталкивал меня нос носу с непостижимым, в голову пришла мысль, что меня попросту водят за нос при помощи самых обычных человеческих средств. Так было всегда — стоило моему сознанию столкнуться с каким-либо стрессовым фактором подобного рода, как оно неизменно и непроизвольно хваталось за одни и те же логические построения.

Я принялся подсчитывать, сколько помощников понадобилось бы дону Хуану и дону Хенаро для того, чтобы поднять мою машину и на руках унести куда-нибудь с глаз долой. Я был абсолютно уверен в том, что запирал двери. Машина стояла на ручном тормозе. Сцепление было выключено, а рулевое колесо — заблокировано. Так что сдвинуть машину можно было, только оторвав колеса от земли. Для этого требовалось довольно много работников. Я был уверен, что дону Хуану и дону Хенаро не удалось бы собрать такое количество помощников в одном месте сразу. Оставалась еще одна версия: они подговорили кого-то открыть машину, замкнуть зажигание и угнать ее. Но для осуществления этого требовалась довольно высокая квалификация, которой не могло быть ни у кого из числа их знакомых. Таким образом, само собой напрашивалось единственное правдоподобное объяснение: они меня гипнотизируют. Движения, которые они все время совершали, были для меня настолько новыми и выглядели так подозрительно, что это вывело меня на новый виток соображений рационального характера. Если они меня гипнотизируют, то состояние моего сознания должно было измениться. Из опыта я знал, что состояния измененного сознания характеризуются разрушением связности мышления и неспособностью оценки временных интервалов. Ни в одном из состояний необычной реальности, которые я испытывал ранее, события никогда не следовали друг за другом связно, а наоборот, сменялись самым непредвиденным образом. Например, я мог смотреть на гору, а в следующий осознаваемый миг — на долину, к которой стоял спиной. Когда и как я повернулся к ней лицом, я не фиксировал и вспомнить был не в состоянии. Я решил, что если и сейчас происходит нечто подобное, то происшествие с машиной легко объяснимо. Поэтому

единственное, что можно сделать, — это внимательно следить за происходящим, с предельной тщательностью фиксируя каждую деталь.

— Где мой автомобиль? — спросил я, обращаясь к ним обоим.

— Хенаро, где его автомобиль? — с исключительно серьезным видом переадресовал вопрос дон Хуан.

Дон Хенаро начал переворачивать мелкие булыжники и внимательно разглядывать то, что было под ними. Он лихорадочно обшаривал всю площадку, на которой я оставил машину. Он перевернул все камни до единого. Время от времени он изображал раздражение и злобно швырял очередной камень в кусты.

Дон Хуан был в восторге. Он посмеивался, ухмылялся и даже вроде бы забыл о моем присутствии.

Дон Хенаро с притворным негодованием запустил в кусты очередной камень. Остался только один камень, который он не перевернул — единственный относительно крупный валун на всей площадке. Дон Хенаро, пыхтя и сопя, принялся его переворачивать. Но камень был слишком велик и глубоко врос в землю. Дон Хенаро старался изо всех сил, но тщетно. В конце концов он сел на камень и, обливаясь потом, попросил дона Хуана помочь.

Дон Хуан повернулся ко мне и с лучезарной улыбкой предложил:

— Ты бы пошел, помог Хенаро, а?

— А что он делает?

— Как что? Он ищет твой автомобиль! — ответил дон Хуан, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

— О, Боже! Автомобиль? Под камнем?

— О, Боже! А почему бы и нет? — отозвался дон Хенаро и они оба разразились неудержимым хохотом.

Камень не поддавался. Дон Хуан предложил сходить к дому и поискать какую-нибудь толстую жердь, которая могла бы послужить рычагом.

По пути к дому я заявил, что они занимаются каким-то абсурдным делом, и что то, что они со мной делают, чем бы оно ни было — совершенно ни к чему.

Дон Хенаро уставился на меня.

С предельно серьезным выражением лица дон Хуан сообщил:

— Хенаро у нас — педант. Он очень тщателен и дотошен. Совсем как ты. Ведь ты же сам говорил, что во всем любишь доскональность. Вот он не может ни одного камня оставить не перевернутым.

Дон Хенаро сказал, что ему в самом деле очень хочется быть на меня похожим, и тут дон Хуан попал в точку. Дон Хенаро взглянул на меня, безумно сверкнув глазами и раздув ноздри.

Дон Хуан хлопнул в ладоши и швырнул на землю шляпу. После долгих поисков среди разного хлама, валявшегося вокруг дома, дон Хенаро нашел длинное толстое бревно — кусок балки, поддерживавшей когда-то крышу дома. Он взвалил бревно на плечо, и мы отправились обратно — искать машину.

Когда мы поднимались на холм, меня осенило: нужно увидеть машину раньше, чем ее увидят они! Я рванулся к вершине, но, взглянув вниз, обнаружил, что машина под холмом все равно отсутствует.

Дон Хуан и дон Хенаро, очевидно, поняли, что у меня на уме. Когда я припустил на холм, они с безумным хохотом ринулись следом за мной.

Спустившись с холма, они немедленно принялись за работу. Я некоторое время за ними наблюдал. Их действия были воистину непостижимы. Они не просто делали вид, что работают, они самым настоящим образом трудились в поте лица, стараясь перевернуть валун, чтобы взглянуть, не прячется ли под ним злосчастный автомобиль! Я не выдержал и присоединился к ним. Они пыхтели, сопели и кричали, а дон Хенаро время от времени взвывал койотом. Они обливались потом. Я обратил внимание на их громадную физическую силу. По сравнению с ними я выглядел хлипким юношей.

В скором времени я уже обливался потом так же, как и они. Наконец, валун поддался и откатился в сторону. Дон Хенаро со сводящей с ума тщательностью обследовал каждый квадратный сантиметр открывшейся под валуном поверхности, что-то там поковырял и объявил:

— Нет. Автомобиль отсутствует.

От хохота они согнулись пополам, а дон Хуан не выдержал и рухнул на землю. Было похоже, что истерический смех сотрясает его тело самыми настоящими и довольно болезненными судорогами. Я нервно хихикнул.

— Итак, куда мы теперь направимся? — спросил дон Хенаро после длительной передышки.

Дон Хуан кивком головы указал направление.

— Куда мы идем? — спросил я.

— Как куда? Автомобиль твой искать! — без тени улыбки ответил дон Хуан.

Они снова встали по бокам и повели меня в кусты. Пройдя всего лишь несколько метров, дон Хенаро знаком велел нам остановиться. Он на цыпочках подкрался к большому густому кусту, раздвинул ветки и заглянул внутрь, а потом сообщил, что машины там нет.

Мы прошли еще немного, и снова дон Хенаро подал нам знак застыть. Он изогнул спину, вытянув над головой руки с согнутыми наподобие когтей пальцами. Тело его приняло форму латинской буквы «S «. Вдруг он прыгнул головой вперед и вцепился руками в длинную ветку с сухими листьями, лежавшую на земле. Потом он аккуратно поднял ее и обследовал место, на котором она лежала, и снова отметил, что автомобиль отсутствует.

Мы углублялись все дальше и дальше в чаппараль. Дон Хенаро то и дело заглядывал в кусты, карабкался на низкие корявые деревья и высматривал в их листве машину, а потом громогласно заявлял, что ее нигде нет.

Я же все это время старался как можно четче фиксировать в уме все что видел

и чего касался. Последовательность и упорядоченность восприятия мира ничем не отличались от нормальных. Я дотрагивался до камней, кустов, деревьев. Я изменял фокусировку глаз, то рассматривая ближний план, то переводя взгляд на дальний. Я по очереди закрывал и открывал глаза, проводя эксперименты по их раздельной фокусировке. Но никакой специфики, свойственной состояниям необычной реальности, не обнаружилось. По всем признакам я шагал сквозь чаппараль, как шагал десятки раз до этого, будучи в совершенно нормальном состоянии.

Потом дон Хенаро вдруг улегся на живот и велел нам сделать то же самое. Подбородок он положил на сложенные в замок кисти рук. Дон Хуан — тоже. Они внимательно разглядывали крохотные холмики на поверхности земли. Вдруг дон Хенаро быстрым взмахом руки что-то поймал. Он знаком подозвал нас поближе. Потом начал медленно разжимать кулак. Когда ладонь до половины раскрылась, оттуда вылетело что-то довольно крупное и черное и быстро скрылось. Это произошло настолько быстро, и это черное было таким большим, что я отскочил и едва не свалился. Дон Хуан поддержал меня.

— Это был не автомобиль, — с сожалением констатировал дон Хенаро. — А была всего лишь задрипанная муха. Простите! А жаль...

Потом они принялись меня изучать. Они стояли прямо передо мной и довольно долго разглядывали меня уголками глаз.

— Это была муха, да? — спросил у меня дон Хенаро.

— Я думаю — да, — ответил я.

— А ты не думай, ты скажи, что видел, — приказал дон Хуан.

— Я видел что-то величиной с ворону. Оно вылетело у него из кулака, — я кивнул на дона Хенаро.

Я только говорил о том, что воспринял и вовсе не собирался шутить. Но им, похоже, показалось, что ничего более смешного в тот день не произносилось. Они хохотали, корчились и подпрыгивали, пока не начали задыхаться.

— Я думаю, на сегодня с Карлоса достаточно, произнес дон Хуан охрипшим от

смеха голосом.

Дон Хенаро сказал, что почти нашел машину, что он чувствует: становится все горячее, горячее... Дон Хуан предупредил, что мы забрались в очень уж пересеченную местность и что найти машину прямо здесь было бы весьма нежелательно. Дон Хенаро снял шляпу привязал к ней за шейный шнурок длинную веревочку, которую достал из сумки. Свой вязаный шерстяной пояс он прикрепил к желтой кисточке на полях.

— Змея делаю... сообщил он.

Я следил за его действиями, зная наверняка, что он шутит. Я всегда считал себя крупным специалистом по части воздушных змеев. В детстве я изготовил массу змеев самых разнообразных конструкций, вплоть до самых замысловатых, поэтому видел, что поля шляпы слишком мягкие и не смогут сопротивляться потоку, тулья — слишком высока, — будут образовываться завихрения. Так что змей, сделанный из шляпы, не полетит ни за что.

Думаешь, не полетит? — поинтересовался дон Хуан.

Знаю — не полетит.

Дон Хенаро оставил наши реплики без внимания. Он как раз заканчивал цеплять к своему шляпному змею длинную бечевку.

День стоял ветреный. Дон Хенаро побежал вниз по склону холма. Дон Хуан держал шляпу. Потом веревочка натянулась, и это чертово сооружение взмыло в небо.

— Смотри! Смотри на змея! — завопил дон Хенаро.

Змей пару раз нырнул, но продолжал держаться в воздухе.

— Не отрывай взгляд от змея, — твердо приказал дон Хуан.

У меня закружилась голова. Глядя на змея, я вспомнил детство, и себя, и змеев, которых запускал среди холмов в своем родном городке.

На какое-то мгновение воспоминания затопили меня, и я утратил чувство времени.

Вдруг я услышал, как дон Хенаро что-то кричит, потом увидел, что змей, несколько раз подпрыгнув, упал туда, где стояла моя машина. Все произошло так быстро, что я не понял толком, что же все-таки случилось. У меня кружилась голова. Сознание судорожно пыталось справиться с дилеммой: я видел то ли как шляпный змей дона Хенаро превратился в мою машину, то ли как дон Хенаро шляпным змеем показал мне место, на котором она стояла. И дело было не в том, что и тот, и другой варианты были одинаково немыслимы. Мое сознание изо всех сил цеплялось за эту проблему, чтобы как-то сохранить исходное равновесное состояние.

— Не сопротивляйся, — услышал я голос дона Хуана.

Я чувствовал, что сознание вот-вот куда-то съедет, и из глубин моего существа выплывет нечто. Мысли и образы пульсировали неуправляемыми волнами, словно я находился на грани сна. Я ошарашено уставился на автомобиль. Он стоял на ровной каменистой площадке метрах в ста от меня. Все это выглядело так, словно кто-то только что взял его и аккуратненько туда поставил. Я подбежал к машине и принялся внимательно ее осматривать.

— Вот черт! Да не пялься ты на свою тачку! Останови мир!

Потом, как во сне, я услышал его вопль:

— Шляпа! Шляпа Хенаро!

Я взглянул на них. Они смотрели прямо на меня. Глаза их сверкали и взгляд проникал куда-то внутрь моего существа. Резко разболелась голова. Заболел живот. Мне сделалось плохо.

Дон Хуан и дон Хенаро разглядывали меня с любопытством. Я сел на землю рядом с машиной, а потом, совершенно автоматически, отпер дверцу и впустил на заднее сиденье дона Хенаро. Дон Хуан уселся рядом с ним, вместо того, чтобы занять свое обычное место возле меня.

Как в тумане я поехал к дому дона Хуана. Я был сам не свой. Живот болел,

тошнило ужасно, и все мое трезвомыслие от этого напрочь куда-то улетучилось. Я вел машину чисто механически.

Я слышал, как дон Хуан и дон Хенаро по-детски веселятся на заднем сидении. Потом услышал голос дона Хуана:

— Карлос, мы уже подъезжаем, да?

Тут я начал осознавать дорогу. Мы были возле самого дома.

— Уже почти приехали, — промямлил я.

Они взвыли от хохота. Они колотили в ладоши и хлопали себя по ляжкам.

Когда мы приехали, я автоматически выпрыгнул из машины и отворил перед ними дверь. Первым из машины степенно выбрался дон Хенаро. Он церемонно поздравил меня с тем, что назвал самой приятной и гладкой поездкой в его жизни. Дон Хуан сказал то же самое. Я не обращал внимания.

Я запер машину и, едва переставляя ноги, вполз в дом. Засыпая, я слышал раскатистый хохот обоих донов.

Глава 19. Мир останавливается

На следующий день, едва проснувшись, я принялся расспрашивать дона Хуана. Он рубил дрова за домом. Дона Хенаро нигде не было видно. Дон Хуан сказал, что говорить в общем-то не о чем. Я отметил, что мне удалось достичь отрешенности. Ведь когда дон Хенаро «плавал» по полу, я просто наблюдал за ним, не желая и не требуя никаких объяснений. Но такая моя сдержанность ни в малейшей степени не помогла мне понять, что же в действительности происходило. Потом, когда пропала машина, я автоматически включился в режим поиска логического объяснения. Но и это не помогло. Я сказал дону

Хуану, что моя настойчивость в поиске объяснений не является чем-то произвольно мною выдуманным ради усложнения его и моей собственной жизни, но есть некая потребность, сидящая глубоко в недрах моей натуры и потому пересиливающая любые иные побуждения.

— Это — как болезнь, — сказал я.

— Болезней не бывает. Бывает лишь потворство своей слабости, — спокойно ответил дон Хуан. — И, пытаясь все подряд объяснить, ты всего лишь потакаешь себе. Объяснения тебе больше не нужны.

Я настаивал, утверждая, что могу адекватно функционировать только при наличии условий упорядоченности и понимания. Я напомнил ему о тех глубочайших изменениях, которые мне удалось произвести в своем характере за годы нашего с ним общения, равно как и о том, что изменения эти стали возможны исключительно благодаря тому, что мне удавалось находить объяснения, доказывающие их необходимость.

Дон Хуан мягко засмеялся. Потом долго молчал.

— Ты очень умен, — произнес он наконец. — И каждый раз находишь способ возвратиться к исходной точке. Но теперь этому настал конец. Тебе некуда возвращаться. И я больше ничего не намерен тебе объяснять. То, что Хенаро сделал с тобой вчера, было сделано с твоим телом, так что позволь телу самому решать, что есть что.

Дон Хуан говорил по-дружески, но в тоне его сквозила необычная отрешенность, и это заставило меня ощутить всепроникающее одиночество. Я сказал дон Хуану, что чувствую печаль. Он улыбнулся, слегка похлопал меня по плечу и мягко произнес:

— Мы с тобой — существа, уделом которых является смерть. У нас больше нет времени на то, чтобы действовать так, как мы привыкли. Пришло время использовать неделание, которому я тебя обучил, и остановить мир.

Он еще раз похлопал меня по руке. Я ощутил дружелюбную непреклонность касания его ладони. Он словно подтверждал, что по-прежнему остается моим другом и заботится обо мне, но было в этом жесте и несгибаемое намерение

воина.

— Помнишь, я говорил когда-то, что должен тобой заняться? Это было что-то вроде договора, который мы с тобой заключили. Я сделал все, что мог, и теперь наступил твой черед. Сегодня ты отправишься вон в те дружелюбные горы один.

И движением подбородка он указал на далекую горную цепь на юго-востоке.

Он сказал, что там мне предстоит оставаться до тех пор, пока мое тело не скажет «довольно». И тогда я должен вернуться в его дом. Дон Хуан слегка подтолкнул меня к машине, тем самым давая понять, что больше не собирается ни что-либо мне объяснять, ни откладывать выполнение этого решения.

— Что я должен делать в горах? — спросил я.

Он не ответил, а только покачал головой и произнес:

— Все. Слов больше не будет.

А потом указал пальцем на юго-восток и коротко сказал:

— Иди.

Мы много раз ездили по этим дорогам. Сначала — на юг, потом — на восток. Там, где заканчивалась грунтовая дорога, я оставил машину и по знакомой тропе поднялся на высокое плато. У меня не было ни малейшего понятия относительно того, что делать дальше. Я начал петлять в поисках места для отдыха. Вдруг я обратил внимание на маленький участок слева. Он отличался от остальной поверхности земли цветом. Видимо, химический состав верхнего слоя почвы там имел какую-то особенность. Я заметил его краем глаза, а когда посмотрел туда прямо, не обнаружил никаких отличий. Тогда я попытался «ощутить» его, как советовал дон Хуан.

Я остановился в паре метров от пятачка и простоял неподвижно почти целый час. Мысли постепенно исчезали, и наконец внутренний разговор с самим собой полностью прекратился. Потом возникло раздражение. Оно исходило

откуда-то из середины живота. Особенно остро оно ощущалось, когда я поворачивался лицом прямо к тому участку, который пытался почувствовать. Появилось ощущение какого-то отталкивания, я почувствовал, что нужно уйти. Я пошел, осматривая землю сведенными к переносице глазами. Через некоторое время я наткнулся на большой плоский камень. Я остановился перед ним. В нем вроде бы не было ничего особенного, но почему-то он казался мне привлекательным. Ни какого-либо цвета, ни свечения. Но он мне нравился. Телу было хорошо и удобно. Я присел на камень и немного отдохнул.

Я бродил по плоскогорью и окружающим горам весь день, а в сумерках вернулся к плоскому камню. Откуда-то я знал, что ночью буду на нем в полной безопасности.

На следующий день я зашел подальше в высокие горы на восток от плато. К вечеру я вышел на другое плато, еще более высокое, чем первое. Мне показалось, что я уже бывал в этих местах. Я осмотрелся, пытаясь сориентироваться, но не узнал ни одной из окружавших меня вершин. Тщательно выбрав подходящее место, я присел отдохнуть на краю голой каменистой площадки. Я чувствовал себя очень спокойно, все внутри было заполнено приятным теплом. Я попытался вытряхнуть из тыквенной фляги немного еды, но там было пусто. Тогда я решил попить из второй фляги. Но вода оказалась затхлой; Ну что ж, делать нечего — придется возвращаться к дону Хуану. Я начал прикидывать, целесообразно ли отправляться в обратный путь прямо сейчас. Я улегся на живот и положил подбородок на руки. Было как-то неудобно. Я принялся крутиться и в конце концов оказался лежащим лицом на запад. Солнце клонилось к горизонту. Глаза устали. Я посмотрел на землю и заметил большого черного жука. Он выполз из-за камня, толкая перед собой шарик, вдвое превосходивший по размеру его самого. Я долго следил за жуком. Он игнорировал мое присутствие и упорно тащил свой груз через камни, корни, ямки, трещины, холмики. Насколько я понимал, жук вообще не осознавал моего присутствия. Эта мысль повлекла за собой целую цепочку соображений относительно различий мира жука и моего мира. Мы с жуком существовали в одном и том же мире, но вполне очевидно, что мир для нас не одинаков. Я углубился в созерцание жука, восхищаясь огромной силой этого существа, позволявшей ему тащить свой груз по камням и трещинам.

Я наблюдал за жуком очень долго. А потом вдруг обратил внимание на

безмолвие, царившее вокруг. Только ветер шелестел листьями чаппараля. Я взглянул вверх и, непроизвольно повернув голову налево, краем глаза заметил бледную тень, мелькавшую на камне в полутора метрах от меня. Сперва я не обратил на нее внимания, но потом до меня дошло, что тень была слева. Я еще раз резко обернулся и четко воспринял тень на камне. Я ощутил, как тень каким-то диковинным образом скользнула по камню вниз и впиталась в землю, подобно тому, как впитывается в промокашку чернильная клякса. По спине пробежал холодок. В сознании мелькнула мысль: это — смерть, она наблюдает за мной и за жуком.

Я поискал насекомое взглядом, но его нигде не было видно. Наверно, пополз туда, куда направлялся, и бросил свою ношу в норку. Я прижался щекой к гладкой поверхности камня.

Жук вылез из глубокой трещины и замер в нескольких сантиметрах от моего лица. Некоторое время он, казалось, внимательно меня рассматривал. Я почувствовал, что жук осознал мое присутствие подобно тому, как я осознал присутствие своей смерти. По телу пробежала дрожь. Мы с жуком ничем друг от друга не отличаемся. Смерть, как тень, караулит за камнем и меня, и его. Я ощутил необычайный душевный подъем. Жук и я — мы стоим на одной доске! И ни один из нас не может быть лучше другого. Нас уравнивает смерть.

Меня охватила радость, и все это настолько ошеломляло, что я заплакал. Дон Хуан прав. Он прав во всем. Я живу в таинственном мире. И как любой другой, я — существо таинственное, и в то же время я — не важнее, чем жук. Тыльной стороной кисти я вытер глаза и краем глаза заметил человека или что-то, по форме напоминавшее силуэт человека. Справа, метрах в сорока. Я сел и попытался рассмотреть, кто это. Но мешало золотисто-желтое сияние висевшего над самым горизонтом солнца. В этот миг послышался странный гул, похожий на далекое гудение реактивного самолета. По мере того, как я все полнее сосредотачивал свое внимание на этом звуке, он делался все громче и пронзительнее, и постепенно перешел в резкое металлическое жужжание, а потом смягчился и стал странным и гипнотически мелодичным, похожим на вибрации электрического тока. В воображении возник образ двух сближавшихся заряженных сфер или двух трущихся друг о друга заряженных металлических кубов, которые замирают, когда стороны их точно совпадают, издавая при этом глухой звук. Я еще раз напрягся, пытаясь разглядеть человека, который словно прятался от меня. Но увидел только что-то темное

среди кустов. Я прикрыл глаза от солнца рукой и понял, что там никого не было, только игра света и тени в ветвях чаппараля.

Я отвел глаза и увидел койота. Он спокойно трусил по каменистому плато. До него было метров пятьдесят. Он бежал на юг, но потом остановился, повернулся и пошел ко мне. Я пару раз крикнул, надеясь его отпугнуть. Безрезультатно. Я забеспокоился. А вдруг он — бешеный? Койот приближался. Я даже подобрал несколько камней на случай, если он вздумает напасть. Когда койот был метрах в трех от меня, я заметил, что он нисколько не возбужден и даже наоборот — совершенно спокоен и ни капельки меня не боится. Он замедлил шаг и в полутора метрах от меня остановился. Мы молча смотрели друг на друга, а потом койот подошел еще ближе. Его карие глаза смотрели ясно и дружелюбно. Я сел на камень. Койот стоял совсем близко, почти касаясь меня. Мне никогда не доводилось видеть дикого койота так близко. Единственное, что пришло мне в этот момент в голову — с ним поговорить. Я заговорил так, как разговаривают со знакомой собакой. А потом мне показалось, что койот отвечает. Я даже был абсолютно уверен: койот что-то сказал. Я был в недоумении, но времени на то, чтобы разбираться, у меня не было, потому что койот «заговорил» опять. Он не произносил слова в том виде, как человек. Это было скорее «ощущением» того, что он говорит. А он на самом деле говорил, он сформулировал вполне определенную мысль и выразил ее в виде чего-то, весьма напоминающего законченную фразу. Выглядело это примерно следующим образом:

— Ну что, как поживаешь, койотик? — спросил я.

Мне показалось, что я услышал ответ:

— Нормально. А ты?

Я оторопел. Койот повторил. Я от удивления вскочил на ноги. Койот не шевелился. Даже мой внезапный прыжок не произвел на него никакого впечатления, он по-прежнему дружелюбно смотрел на меня ясными глазами. Потом он улегся на живот, склонил голову набок и спросил:

— Чего ты боишься?

Я опустился на камень и между нами состоялась беседа — самая

невообразимая и странная, из всех, какие мне когда-либо доводилось вести. В конце он спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Я ответил, что пришел в эти горы, чтобы «остановить мир».

Койот сказал:

— Qua bueno!

Тут я осознал, что это — какой-то двуязычный койот. Существительные и глаголы в его фразах были английскими, а союзы, междометия и некоторые другие части речи — испанскими. В голову пришло, что это — койот Чикано. Я засмеялся — уж очень абсурдной была вся ситуация в целом. Я хохотал все сильнее и довел себя почти до истерики. Вся тяжесть и несуразность происходящего вдруг разом обрушилась на меня, и разум мой сник. Койот встал на ноги. Глаза наши встретились. Я неподвижным взглядом смотрел ему прямо в глаза и чувствовал, что они словно притягивают меня. Вдруг койот засветился. От него исходило мягкое сияние. Словно в сознании всплыли события десятилетней давности, когда под действием пейота я наблюдал превращение обыкновенной собаки в дивное светящееся существо. Как будто койот пробудил во мне воспоминания, и образы прошлого возникли перед глазами и наложились на фигуру койота. Я смотрел на него и видел мерцающее текучее светящееся существо. Его свечение ослепляло. Я хотел прикрыть глаза руками, но не мог пошевелиться. Светящееся существо прикоснулось к чему-то во мне, и тело мое наполнилось неописуемым теплом. Я не мог пошевелить ни одной частью тела, но что-то не давало мне упасть.

Я не имею понятия, сколько прошло времени. И светящийся койот, и вершина холма, на которой я стоял, уже давно куда-то исчезли. Не было ни ощущений, ни мыслей. Все отключилось, и я свободно парил в бесконечности некоего неопределенного пространства.

Вдруг я ощутил удар. Что-то охватило все мое тело и зажгло его. Тогда я осознал, что на меня падают лучи солнца. Я слабо различал далекие горы на западе. Солнце было уже над самым горизонтом. Я смотрел прямо на него и видел «линии мира». Я действительно видел белые светящиеся линии, в

невообразимом изобилии протянувшиеся вокруг во всех направлениях. Я подумал было, что это солнечный свет так рассеивается ресницами. Я моргнул и взглянул еще раз. Линии были очень устойчивы и непрерывны. Они лежали на всем и проходили сквозь все. Я повернулся, разглядывая новый мир. Картина линий устойчиво сохранялась, даже когда я не смотрел в сторону солнца.

В экстазе я стоял на вершине холма целую вечность. Может быть, объективно все событие продолжалось всего лишь несколько минут, в течение которых солнце опускалось к горизонту, но мне казалось, что прошла вечность. Из всего мира, в том числе из моего собственного тела, истекало тепло.

Я знал, что раскрыл тайну. Все так просто. Поток неведомых ранее чувств переполнил меня. Никогда в жизни не испытывал я такой эйфории, такой умиротворенности, такого всеохватывающего понимания. Но в то же время тайна, которую я постиг, была невыразимой, ее невозможно было облечь в слова. И даже в мысли. Это было знание, доступное лишь телу.

Потом я либо заснул, либо потерял сознание. Придя в себя, я обнаружил, что лежу на камнях. Мир был таким, каким я привык его видеть. Темнело. Я отправился к машине.

Я приехал к дому дона Хуана на следующее утро. Я спросил, где дон Хенаро, и дон Хуан ответил, что тот отправился куда-то недалеко по своим делам. Я сразу же рассказал дону Хуану о том, что со мной приключилось. Он слушал с неподдельным интересом, а когда я закончил, сказал:

— Ну что ж, ты просто остановил мир.

Мы немного помолчали, а потом дон Хуан сказал, что я должен поблагодарить дона Хенаро за помощь. Казалось, дон Хуан очень мною доволен, что было не совсем обычным. Он похлопывал меня по спине и улыбался.

— Но говорящий койот — это же непостижимо! — сказал я.

— А он и не был говорящим. Вы не разговаривали.

— Как не разговаривали? А что же тогда все это означает?

— Это означает, что впервые твое тело смогло понять. Но тебе не удалось осознать, что, прежде всего, это был не койот, и что он, разумеется, не говорил с тобой так, как разговариваем между собой мы.

— Но я видел — это был койот, и он действительно говорил, дон Хуан!

— Говоришь ты. И делаешь это сейчас в своей обычной идиотской манере. После стольких лет мог бы соображать получше. Вчера ты остановил мир. И, может быть, даже увидел. Волшебное существо общалось с твоим телом, и тело понимало его язык, потому что мир разрушился.

— Мир был таким же, как сегодня.

— Нет. Сегодня койоты ничего тебе не рассказывают, и ты не видишь линий мира. Вчера это происходило потому, что просто нечто разрушилось в тебе.

— Что разрушилось во мне?

— Описание мира. Шаблон, который формируется в восприятии человека навязчивыми объяснениями людей. Видишь ли, нам объясняют с самого рождения: мир такой-то и такой-то. И у нас нет выбора. Мы вынуждены принять, что мир именно таков, каким его нам описывают.

Мы переглянулись.

— Вчера мир стал для тебя таким, каким его описывают маги, — продолжал он. — И там, в этом мире, живут говорящие койоты. И олени, и гремучие змеи, и деревья… Но я хочу, чтобы ты научился видеть. Наверно, ты уже понял, что видение появляется только тогда, когда тебе удается проскользнуть в щель между двумя мирами — миром людей и миром магов. Сейчас ты увяз в этой щели, в некой промежуточной точке. Вчера ты поверил в то, что койот с тобой говорил. Точно так же в это поверил бы маг. Но видящий знает: поверить в это — значит увязнуть в магическом мире. Но не поверить — значить увязнуть в мире обычных людей.

— Ты хочешь сказать, что ни мир магов, ни мир обычных людей не являются реальными?

— Они реальны. Они могут на тебя воздействовать. Вчера, например, ты вполне мог спросить того койота о чем угодно, и он обязан был тебе отвечать. Единственное, что грустно, — койоты ненадежны. Они все — жулики. Видно, такова твоя судьба — не иметь надежного друга среди животных.

Дон Хуан объяснил, что койот теперь станет моим приятелем на всю жизнь и что в мире магов иметь койота в качестве друга и помощника крайне нежелательно, потому что на него нельзя ни в чем положиться.

Он сказал, что было бы идеально, если бы я вчера беседовал с гремучей змеей. Змеи — самые надежные друзья.

— На твоем месте, — сказал он, — я бы ни за что не доверился койоту. Но ты — не такой, как я. Ты даже можешь стать койотным магом.

— Койотный маг — это что такое?

— Тот, кто извлекает много полезного из общения со своими братьями-койотами.

Я хотел задать ему несколько вопросов, но он жестом прервал меня.

— Ты видел линии мира. Ты видел светящееся существо. Ты уже почти готов к встрече с союзником. И ты, разумеется, знаешь, что именно союзник прятался в кустах, когда тебе казалось, что там прячется человек. Ты слышал звук, похожий на рев самолета. Союзник ждет тебя на краю равнины. Туда я отведу тебя сам.

Мы долго молчали. Дон Хуан сидел, сложив руки на животе и едва заметно шевеля большими пальцами.

— Хенаро тоже должен будет пойти с нами туда, — неожиданно произнес он. — Хенаро помог тебе остановить мир.

И дон Хуан пронзительно на меня взглянул.

— И еще кое-что я тебе скажу, — он засмеялся. — Сейчас это имеет значение.

В тот день Хенаро никуда не прятал твою машину. В обычном человеческом мире автомобиль все время стоял там, где ты его оставил. Хенаро заставил тебя воспринимать мир так, как воспринимают маги. А в магическом мире места для твоего автомобиля не было. Хенаро хотел разбить твою определенность, то есть смягчить жесткую фиксированность твоего восприятия. Целью всех его выходок было дать твоему телу возможность почувствовать абсурдность попыток понять абсолютно все. А когда он запустил своего шляпного змея, ты уже почти видел. Ты нашел свою машину, находясь одновременно в двух мирах. А хохотали мы с ним так, что чуть не полопались, из-за того, что ты на полном серьёзе думал, что везешь нас к дому с того места, где, как тебе казалось, нашел свой автомобиль.

— Но как ему удалось сместить меня в область магического восприятия мира?

— Я ему помогал. И он, и я очень хорошо знаем мир магов. А тому, кто его знает, достаточно лишь задействовать дополнительное кольцо силы, которым владеют маги. Я уже говорил тебе о нем. Для Хенаро это — раз плюнуть. А после он зацепил тебя переворачиванием камней, чтобы отвлечь твои мысли и дать телу возможность увидеть.

Я сказал дону Хуану, что события последних трех дней необратимо разрушили мое прежнее мировоззрение. Никогда за все десять лет обучения психика моя не подвергалась таким глубоким сдвигам, даже когда я принимал психотропные растения.

— Растения силы — только средства, — сказал дон Хуан. — Значение имеет только одно — тело должно осознать, что оно способно видеть. Лишь в этом случае человеку становится ясно, что мир, на который он смотрит ежедневно, — не мир вовсе, а всего лишь описание. Это — именно то, что я старался тебе показать. К сожалению, до встречи с союзником у тебя осталось слишком мало времени. Очень скоро союзник встретит тебя.

— А что, это так обязательно?

— Иначе невозможно. Чтобы увидеть, нужно научиться смотреть на мир так, как смотрят маги. Для этого необходимо вызвать союзника. А коль скоро вызов брошен, союзник явится непременно.

— Слушай, а может, обойдемся как-нибудь без союзника?

— Не обойдемся. Чтобы увидеть, нужно научиться смотреть на мир каким-нибудь иным способом, а другого способа, кроме магического, я не знаю.

Глава 20. Путешествие в Икстлан

Дон Хенаро вернулся около полудня. По настоянию дона Хуана мы все втроем сели в машину и отправились к горам, в которых я был накануне. Мы прошли по той же тропе, но не остановились на высоком плато, как сделал я, а двинулись дальше в горы. Мы поднимались все выше и выше, пока наконец не достигли одной из вершин первой, низкой цепи гор. Потом мы начали спускаться в долину.

На вершине высокого холма мы остановились отдохнуть. Дон Хенаро выбрал место для привала, и я автоматически уселся лицом к ним. Дон Хуан сел справа от меня, дон Хенаро — слева. Таким треугольником мы располагались всегда.

После короткого весеннего ливня чаппараль изумительно поблескивал свежей зеленью.

— Хенаро собирается кое-что рассказать тебе, — неожиданно сказал мне дон Хуан. — Он расскажет тебе о том, как впервые встретился со своим союзником. А, Хенаро?

В тоне, которым это было сказано, звучала просьба. Дон Хенаро посмотрел на меня и сложил губы трубочкой. Он завернул язык и принялся открывать и закрывать рот, словно у него были спазмы.

Дон Хуан засмеялся. Я не мог взять в толк, что это означает.

— Что он делает? — спросил я у дона Хуана.

— Он — курица, — ответил тот.

— Курица?

— Смотри на его рот. Это куриная задница, сейчас яйцо вылезет.

Спазматические движения рта дона Хенаро усиливались. Он приоткрывался, словно спазмы расширяли круглое отверстие. В горле у дона Хенаро захрипело и забулькало, он скрестил руки на груди, спрятав под мышками кисти, и довольно беспардонно сплюнул мокроту.

— Черт возьми! Это, оказывается, было не яйцо, — сказал он с озабоченным видом.

Его поза и выражение лица были так комичны, что я не мог удержаться от смеха.

— Теперь, после того, как Хенаро чуть не снес яйцо, он, возможно, расскажет о своем первом свидании с союзником, — настаивал дон Хуан.

— Возможно, расскажет, — равнодушно отозвался дон Хенаро. Я принялся упрашивать его рассказать.

Он встал, потянулся, хрустнув суставами, снова сел и заговорил:

— Когда я впервые заполучил союзника, я был очень молод. Я помню, что была вторая половина дня. С рассвета я работал в поле, и в тот момент возвращался домой. Вдруг из-за куста вышел союзник и преградил мне путь. Он поджидал меня специально для того, чтобы предложить побороться. Я начал было поворачиваться, чтобы уйти, но тут мне пришло в голову, что я достаточно силен и вполне могу завладеть им.

Однако было все равно страшно. По спине пробежали мурашки, шея одеревенела. Кстати, это признак того, что тело готово к борьбе. Я имею в виду шею, которая затвердевает.

Дон Хенаро расстегнул рубашку и показал мне спину. Он напряг мышцы спины и рук. Такой великолепной мускулатуры я никогда не видел. Казалось, что воспоминание о встрече с союзником привело в тонус каждую мышцу торса дона Хенаро.

— В такой ситуации всегда необходимо закрыть рот, — продолжал он.

Потом он спросил у дона Хуана:

— Правда?

— Да, — ответил тот. — Когда хватаешь союзника, встряска бывает такой сильной, что можно откусить себе язык или вышибить зубы. Спина должна быть прямой, стоять нужно прочно, буквально вцепившись ступнями в землю.

Дон Хенаро встал и показал правильную стойку: колени слегка согнуты, руки с немного скрюченными пальцами свободно висят по бокам. Казалось, он полностью расслабился, и в то же время стоял он очень устойчиво. Пробыв в такой позе пару секунд, он мощным прыжком неожиданно бросился вперед, словно к пяткам его были приделаны пружины. Движение его было настолько внезапным, что я опрокинулся на спину. Однако в падении я успел заметить, или даже, скорее, почувствовать, что дон Хенаро вроде бы схватил какого-то человека либо нечто, по форме напоминавшее человеческое тело.

Я поднялся и сел. Тело дона Хенаро все еще сохраняло чудовищное напряжение. Потом он расслабился и опустился на свое место.

— Карлос только что видел твоего союзника, — как бы между прочим отметил дон Хуан, — но упал, потому что все еще слаб.

— Правда, видел? — с наигранным простодушием спросил дон Хенаро и раздул ноздри.

Дон Хуан заверил его, что я действительно «видел» союзника.

Дон Хенаро еще раз прыгнул вперед с такой силой, что я опрокинулся набок. Было совершенно непонятно, каким образом он умудрился совершить свой

прыжок из положения сидя.

Они оба рассмеялись. Смех дона Хенаро перешел в вой, неотличимый от завывания койота.

— Ты не думай, что тебе придется прыгать так, как прыгает Хенаро. Ты сможешь схватить союзника и без этого, — предупредил дон Хуан. — Хенаро способен на такие прыжки потому, что ему союзник уже помогает. Тебе же потребуется только прочно стоять на ногах, чтобы выдержать столкновение. Нужно будет принять позу, в которой стоял Хенаро, прежде чем прыгнул первый раз. Если потом понадобится прыгнуть, чтобы схватить союзника, — прыгай как сумеешь.

— Но сперва пусть поцелует крестик, — вставил дон Хенаро.

Дон Хуан с притворной суровостью сообщил, что я не ношу никаких крестиков.

— Тогда блокнот, — не унимался дон Хенаро, — Пусть сделает что-нибудь ритуальное со своим блокнотом. Засунет его в какое-нибудь место... Или нет, пусть блокнотом хорошенько отлупит союзника!

— Черт побери! — изумленно воскликнул дон Хуан. — Я как-то даже об этом не подумал! Наверняка еще никому никогда не приходило в голову повергнуть союзника при помощи блокнота. Да-а, блокнотами союзников еще не били... Карлос будет первопроходцем!

Когда дон Хуан прекратил, наконец, хохотать, а дон Хенаро — завывать, настроение у всех нас было прекрасное.

— А что случилось, когда ты схватил своего союзника, дон Хенаро? — спросил я.

— Меня мощно встряхнуло, — после некоторого колебания ответил он.

Казалось, он пытается привести в порядок мысли.

— Я и представить себе не мог, что такое бывает, — продолжал дон Хенаро. — Это было такое, что-то такое... Я даже не могу выразить — какое. Я схватил

союзника. Он начал вращаться и закрутил меня. Но я его не отпускал. Мы неслись сквозь пространство, вращаясь с такой скоростью и силой, что я перестал вообще что-либо видеть. Вдруг я почувствовал, что снова стою на твердой земле. Я осмотрел себя. Союзник меня не убил. Я был цел. Я был самим собой! Я понял, что победил, и что теперь у меня есть собственный союзник! Я запрыгал от радости. Какое это было чувство! Потом я осмотрелся, пытаясь сообразить, где я. Все вокруг было мне незнакомо. Я подумал, что союзник, должно быть, унес меня по воздуху далеко от того места, где я его схватил. Я сориентировался по сторонам горизонта и решил, что дом мой — где-то на востоке. И я пошел на восток. Было еще очень рано, свидание с союзником длилось недолго. В скором времени я вышел на тропу, а немного погодя встретил группу мужчин и женщин. Они шли навстречу. Это были индейцы. Я решил, что они из племени масатеков. Они окружили меня и спросили, куда я иду. Я ответил: «Домой, в Икстлан». Один из них спросил: «Ты что, заблудился?» Я спросил в ответ: «Почему ты так решил?» Кто-то из них объяснил: «Потому что Икстлан — в другой стороне. Мы сами туда идем». Потом все заговорили разом; «Пойдем с нами! У нас есть продукты. Много!»

Дон Хенаро замолчал и посмотрел на меня, как бы ожидая вопроса.

— Ну, и что было дальше? Ты с ними пошел? — спросил я.

— Нет. Не пошел. Потому что они не были настоящими. Я понял это сразу, едва лишь они ко мне подошли. В их голосах, в их дружелюбном отношении и особенно в том, как они звали меня с собой, было что-то, что их выдало. И я убежал. Они звали меня, просили вернуться. Их мольбы преследовали меня неотступно, но я не поддавался и убегал все дальше.

— Кем они были?

— Людьми. Но они не были настоящими.

— Они были подобны призракам, — объяснил дон Хуан. — Подобны фантомам.

— Пройдя еще немного, — продолжал дон Хенаро, — я почувствовал некоторую уверенность в себе. Я знал, что Икстлан находится именно там, куда я иду. А потом увидел еще двоих. Они тоже шли навстречу и тоже были вроде бы индейцами-масатеками. Они вели осла, нагруженного дровами.

Они прошли мимо, пробубнив: «Добрый вечер». Они не обратили на меня никакого внимания и пошли дальше. Не останавливаясь, я ответил: «Добрый вечер». Я замедлил шаг и как бы случайно оглянулся. Они шли, не оборачиваясь. Эти вроде бы были настоящими. Я побежал за ними вдогонку, крича: «Постойте! Погодите!» Они придержали осла и остановились по бокам от него, словно готовились защищать свои дрова от посягательств. Я сказал: «Я заблудился в горах, Вы не могли бы подсказать мне, как пройти в Икстлан?» Они махнули в том направлении, куда шли сами. Один из них сказал: «Ты сейчас очень далеко от Икстлана. Быстрее, чем за четыре-пять дней, не дойдешь». Они повернулись и пошли своей дорогой. Я подумал, что они на самом деле — настоящие индейцы, и попросился к ним в компанию. Мы немного прошли вместе, а потом один из них достал пакет с продуктами и предложил мне немного поесть. Я застыл на месте. В том, как он это сделал, было что-то очень-очень странное. Мое тело испугалось, я отскочил и побежал прочь. Они закричали, что я умру один в горах, если не пойду с ними. Они умоляли меня вернуться. Их мольбы тоже навязчиво преследовали меня, но я бежал со всех ног не оборачиваясь. И я пошел дальше. Я знал, что нахожусь на пути в Икстлан, знал, что иду верно, и что призраки просто стараются сбить меня с пути. Я встретил еще восьмерых. Но эти, должно быть, сразу поняли, что намерение мое несгибаемо. Они просто молча стояли вдоль дороги, смотрели на меня, и глаза их были наполнены мольбой. Некоторые из них даже показывали мне продукты и разные товары, прикидываясь обычными торговцами. Я не остановился. Я даже на них не взглянул. Вечером я пришел в долину, которая показалась мне знакомой. Я решил, что уже, видимо, когда-то в ней бывал. Но если так, то я находился к югу от Икстлана. Я начал искать какие-либо указатели, чтобы сориентироваться, и встретил маленького индейского мальчика. Он пас двух коз. Ему было лет семь, и он был одет в точности так, как я одевался в его возрасте. Он действительно очень напоминал меня самого. Ведь я тоже пас двух отцовских коз. Я некоторое время наблюдал за ним.

Мальчик разговаривал сам с собой, совсем как я в детстве. Потом он заговорил со своими козами. Я понял, что он хорошо пасет коз. Он был аккуратен и осторожен. Он не баловал своих коз, но и не был с ними жесток. Я решил окликнуть мальчика. Когда я заговорил, он вскочил и спрятался от меня за камнями. Он готов был в любой момент броситься наутек, спасая свою жизнь. Он понравился мне. Несмотря на то, что он явно меня испугался, он

успел загнать коз за камни, где они не были мне видны. Я долго с ним беседовал. Я рассказал, что заблудился в горах, и что не знаю, как добраться до Икстлана. Я спросил, как называется то место, в котором мы находились. Он ответил, и я обрадовался, потому что это было именно то место, которое я думал. Я понял, что мои блуждания закончились, и подивился силе своего союзника, который в мгновение ока занес меня так далеко. Я поблагодарил мальчика и пошел прочь. Он вышел из-за камней и погнал своих коз по едва заметной тропинке куда-то вниз, в долину. Я еще раз окликнул его, и он не стал убегать. Я пошел к нему. Когда я подошел слишком близко, он отпрыгнул в кусты. Я похвалил его за бдительность и начал расспрашивать. Я спросил: «Куда ведет эта тропинка?» Он ответил: «Вниз». Я спросил: «Где ты живешь?» Он ответил: «Там, внизу». Я спросил: «Там много домов?» Он ответил: «Нет, только один». Я спросил: «А где остальные дома?» Мальчик с безразличием, свойственным ему возрасту, указал пальцем в другую сторону долины. Потом он начал спускаться, гоня коз перед собой. «Подожди, — сказал я ему, — я очень устал и хочу есть. Отведи меня к своим родителям». «У меня нет родителей», — ответил маленький мальчик, и от этого меня передернуло. Не знаю, но что-то в его голосе меня насторожило. Заметив, что я колеблюсь, мальчик остановился и повернулся ко мне: «Дома никого нет. Дядя уехал, тетка работает в поле. А в доме полно еды. Полным-полно». Я почувствовал почти печаль. Мальчик тоже оказался призраком. Тон его голоса и заинтересованность, с которой он меня заманивал, выдали его. Меня окружали одни приз ра ки, и они жаждали до меня добраться. Но я не боялся. И в то же время был все еще не в себе после столкновения с союзником. Я хотел было помешаться на призраках или на союзнике, но мне почему-то не удавалось накрутить себя, как я обычно это делал. Я бросил эту затею. Потом я решил опечалиться, поскольку мальчик мне понравился, но это мне не удалось. И эту затею я тоже бросил. И тут до меня дошло, что у меня есть союзник, и призраки ничего не в силах со мной сделать. И я пошел вслед за мальчиком по тропинке вниз, в долину. Со всех сторон выскакивали другие призраки, пытаясь заманить меня в пропасть, но моя воля была сильнее, чем они. Они, должно быть, это чувствовали, потому что перестали меня дергать. Они просто стояли вдоль моего пути. Я проходил, а они оставались позади стоять так, как стояли. Тех из них, кто все-таки пытались ко мне броситься, я останавливал своей волей. А потом они и вовсе оставили меня в покое.

Дон Хенаро надолго замолчал.

Дон Хуан смотрел на меня.

— А что было потом, дон Хенаро? — спросил я.

— Я продолжил путь, — ответил он.

Казалось, рассказ его окончен, и ему нечего добавить.

Я спросил, говорило ли то, что они предлагали ему пищу, о том, что это — призраки.

Он не ответил. Я допытывался, нет ли у индейцев-масатеков обычая прятать еду или сильно беспокоиться по этому поводу.

Он ответил, что дело не в этом. Тон их голоса, их настойчивость в попытках его заманить и то, как они говорили о еде, выдавало их. Ему помогал союзник, поэтому он смог увидеть, что это — призраки. Он сказал, что самостоятельно никогда не заметил бы этих особенностей.

— Призраки были союзниками, дон Хенаро? — спросил я.

— Нет, они были людьми.

— Людьми? Но ты же сказал, что они были призраками…

— Я сказал, что они более не были настоящими. После встречи с союзником не осталось ничего настоящего.

Мы долго молчали.

— И каким же был конечный результат твоего опыта, дон Хенаро? — спросил я.

— Конечный результат?

— Я хотел сказать: когда и как ты наконец добрался до Икстлана?

Они оба расхохотались.

— То есть для тебя это был бы конечный результат… — произнес дон Хуан. — Пусть так. В таком случае путешествие Хенаро не имело конечного результата. И не имеет до сих пор. И не будет иметь никогда. Потому что Хенаро все еще находится на пути в Икстлан…

Дон Хенаро пронзительно взглянул на меня, а потом отвернулся и стал смотреть на юг.

— Я никогда не дойду до Икстлана, — твердо, но очень-очень тихо, едва слышно проговорил он. — Иногда бывает — я чувствую, что вот-вот, еще немного, еще один шаг — и я дойду. Но этого не будет никогда. На моем пути не попадается даже ни одного знакомого знака или указателя, который был бы мне привычен. Ничто больше не бывает прежним, ничто не остается тем же самым.

Дон Хуан и дон Хенаро переглянулись. Глубокая печаль была в их взглядах.

— И только призрачные путники встречаются мне по пути в Икстлан, — мягко сказал дон Хенаро.

— Все, кого встречает Хенаро по пути в Икстлан — лишь эфемерные существа, — объяснил дон Хуан. — Взять, например, тебя. Ты тоже — лишь призрак. Твои чувства и желания — это преходящие чувства и желания человека. Они эфемерны, и, заставляя тебя суетиться и запутываться во все новых и новых проблемах, исчезают, рассеиваясь как дым. Вот он и говорит, что по пути в Икстлан встречает лишь призрачных путников.

Я вдруг понял, что рассказ дона Хенаро о путешествии в Икстлан — сплошная метафора от начала и до конца.

— То есть твое путешествие в Икстлан — не настоящее? — спросил я.

— Путешествие-то — настоящее! — возразил дон Хенаро. — Путники — не настоящие.

Он кивнул в сторону дона Хуана и выразительно произнес;

— Вот он — настоящий. Только он один. Только когда я с ним, мир становится реальным.

Дон Хуан улыбнулся:

— Хенаро рассказал тебе свою историю, потому что вчера ты остановил мир. Он думает, что ты также и видел. Но ты такой лопух, что этого не заметил. А я говорю ему, что ты очень странный, но все равно рано или поздно научишься видеть по-настоящему. В любом случае, в следующий раз, когда ты увидишь союзника, если такое, конечно, случится, ты должен будешь вступить с ним в борьбу и его покорить. Если ты выстоишь, а я в этом ни минуты не сомневаюсь, так как ты силен и живешь жизнью воина, так вот, если ты выстоишь, ты останешься в живых, но окажешься на совершенно незнакомой земле. И тогда тебе захочется вернуться домой, в Лос-Анжелес. Это естественно. Первая реакция любого из нас в этом случае — поскорее вернуться домой. Но обратной дороги нет, и домой нам не дано вернуться уже никогда. И ты вернешься в Лос-Анжелес. То, что осталось там, позади, — потеряно навсегда. К тому времени ты, несомненно, уже станешь магом. Но это тебе не поможет. В той ситуации для любого из нас имеет значение лишь один-единственный непреложный факт: все, что мы любили и что ненавидели, все, чего желали и за что цеплялись, все это осталось далеко-далеко позади. Но чувства человека не умирают и не меняются. Поэтому маг отправляется в долгий путь домой, зная, что никогда не дойдет и что на земле нет силы, способной возвратить его в те места и к тем людям, которые им любимы. Этого не может сделать даже смерть. Вот о чем Хенаро тебе рассказал.

Объяснение дона Хуана сработало наподобие катализатора. Я соотнес сказку дона Хенаро со своей жизнью, и тут меня проняло.

— А как же те люди, которых я люблю? — спросил я у дона Хуана. — Что будет с ними?

— Они останутся позади.

— Есть ли способ их вернуть? Может, я могу спасти их и взять с собой?

— Нет. Союзник швырнет тебя в неведомые миры. Только тебя одного.

— Но я же могу поехать в Лос-Анжелес! Могу ведь, да? Купить билет на автобус или на самолет и вернуться. Ведь Лос-Анжелес останется там же, где был, верно?

— Безусловно, — засмеялся дон Хуан. — И Мантека, и Темекула, и Туксон.

— И Тэкатэ, — очень серьезно добавил дон Хенаро.

— И Пьедрас Нэграс, и Транкитас, — с улыбкой сказал дон Хуан.

Дон Хенаро добавил еще несколько названий, дон Хуан — еще, и так они все перечисляли и перечисляли замысловатые и смешные названия городов и поселков.

— Когда союзник закружит тебя, изменится твое восприятие мира, — сказал дон Хуан. — А восприятие — это все. Изменится оно — изменится сам мир.

Он напомнил мне стихотворение Хуана Рамона Хименеса, которое я когда-то ему читал, и попросил прочесть его еще раз. Он имел в виду «Решающее путешествие». Я прочел:

…И я уйду. А птица будет петь,

Как пела,

И будет сад, и дерево в саду,

И мой колодец белый.

На склоне дня, прозрачен и спокоен,

Замрет закат, и вспомнят про меня

Колокола окрестных колоколен.

С годами будет улица иной;

Кого любил я, тех уже не станет,

И в сад мой за беленою стеной,

Тоскуя, только тень моя заглянет.

И я уйду; один — без никого,

Без вечеров, без утренней капели

И белого колодца моего…

А птицы будут петь и петь, как пели.

— Это — то ощущение, о котором говорил Хенаро, — сказал дон Хуан. — Только страстный человек может быть магом. А у страстного человека всегда есть земные чувства и то, что ему дорого; и если нет ничего другого, то хотя бы путь, по которому он идет. Рассказ Хенаро — о том, что все любимое им осталось в Икстлане. Дом, люди, все, о чем он заботился. И теперь он скитается в своих чувствах. Иногда, как он говорит, ему почти удается добраться до Икстлана. И это — общее для всех нас. У Хенаро — Икстлан, у тебя — Лос-Анжелес, у меня…

Мне не хотелось, чтобы дон Хуан рассказывал о себе. Он замолчал, словно читая мои мысли.

Хенаро вздохнул и перефразировал первые строки стихотворения:

…И я ушел. А птица все поет,

Как пела,

И сад стоит, и дерево в саду…

На мгновение страдание охватило меня, и на всех нас снизошло чувство невыразимого одиночества. Я смотрел на дона Хенаро и знал, что у него, как у человека страстной натуры, должно было быть так много сердечных связей, привязанностей, так много того, что он оставил позади. Я ясно ощущал, что

сила его воспоминаний вот-вот вырвется из-под контроля, и что он с трудом сдерживает рыдания.

Я поспешно отвел глаза. Страстность дона Хенаро, абсолютность его одиночества довели меня до слез.

Я взглянул на дона Хуана. Он пристально смотрел на меня.

— Только воин способен выстоять на пути знания, — сказал он. — Ибо искусство воина состоит в нахождении и сохранении гармонии и равновесия между всем ужасом человеческого бытия и сказочным чудом того, что мы зовем «быть человеком».

Я внимательно посмотрел на них; сначала — на одного, потом — на второго. Их глаза светились ясностью и умиротворением. Они вызвали волну всепоглощающей ностальгии, но когда, казалось, от того, чтобы расплакаться, их отделяло какое-то мгновение, они остановили эту волну. На мгновение мне показалось, что я вижу. Я видел одиночество человека. Оно было гигантской волной, замершей передо мной, словно натолкнувшись на невидимую стену фразы дона Хуана.

Печаль моя была настолько безгранично всеобъемлющей, что меня охватило какое-то эйфорическое возбуждение. Я обнял их.

Дон Хенаро улыбнулся и встал. Дон Хуан тоже встал и мягко положил руку мне на плечо.

— Ты остаешься здесь, — сказал он. — А мы уйдем. Поступай как знаешь. Союзник ждет тебя на краю вон той равнины.

И он указал на темную долину, простиравшуюся вдалеке.

— Но если ты почувствуешь, что твое время еще не пришло, — не ходи к нему, — продолжал он. — Ни к чему торопить события, это ничего не даст. Чтобы выжить, нужна кристальная чистота и абсолютная уверенность в себе.

И дон Хуан, не оглядываясь, пошел прочь. Дон Хенаро пару раз обернулся и, подмигивая, кивнул мне: иди. Я смотрел, как они исчезают вдали, а потом

пошел к машине, сел в нее и уехал. Ибо знал, что время для меня еще не настало.

кн.4 (1974) «СКАЗКИ О СИЛЕ»

Неназванный перевод под общей редакцией И.Л.Старых

Часть первая. Свидетель действий силы

Глава 1. Свидание со знанием

Пять условий для одинокой птицы:

Первое: до высшей точки она долетает;

Второе: по компании она не страдает,

даже таких птиц, как она;

Третье: клюв ее направлен в небо;

Четвертое: нет у ней окраски определенной;

Пятое: и поет она очень тихо.

Сан-Хуан де ла Крус,
«Беседы о свете и любви»

Я не видел дона Хуана несколько месяцев. Была осень 1971 года. Я был уверен, что он гостит у дона Хенаро в Центральной Мексике, и выехал туда, приготовившись к неделе пути. Но проезжая через Сонору к концу второго дня путешествия, я свернул к его дому и вышел из машины. Как ни странно, меня встретил сам хозяин.

— Дон Хуан! — воскликнул я. — Не ожидал тебя здесь найти.

Дон Хуан рассмеялся. Похоже, мое удивление доставило ему удовольствие. Он сидел у двери верхом на пустом молочном бидоне, как будто давно меня поджидая. Сняв шляпу, он с шутовской галантностью раскланялся, затем снова надел ее и отдал мне честь по-военному.

— Ну, присаживайся, — весело сказал он. — Рад тебя видеть снова.

— А я собирался впустую проделать весь путь до Центральной Мексики, потом мне пришлось бы возвращаться назад в Лос-Анжелес. То, что я нашел тебя здесь, сэкономило мне столько дней пути!

— Так или иначе, ты бы нашел меня, — загадочно произнес он. — Сойдемся на том, что ты должен мне эти шесть дней пути до Центральной Мексики, и ты используешь их на кое-что более интересное, чем нажимать педаль газа в своей машине.

Было что-то необыкновенно привлекательное в его теплой улыбке.

— Где же твой блокнот? — спросил он.

Я сказал, что оставил его в машине, и он велел мне вернуться за ним, поскольку без него я выгляжу сиротливо.

— Я закончил работу над книгой, — сообщил я.

Он пристально посмотрел на меня, так что у меня заныло под ложечкой, словно он чем-то мягким толкал меня в живот. Мне едва не стало дурно, но тут он отвернулся, и все прошло.

Я хотел поговорить о своей новой книге, но он сделал знак, что ему это не интересно, потом заулыбался и тут же втянул меня в беседу о каких-то незначительных вещах. Наконец мне все же удалось перевести разговор на интересующую меня тему. Я упомянул, что просмотрел свои ранние записи и пришел к выводу, что с первого дня нашей встречи получал от него подробное описание мира магов, только мне не совсем понятна роль галлюциногенных растений.

— Почему ты так часто заставлял меня принимать эти растения силы? — спросил я.

Он рассмеялся и еле слышно произнес:

— Потому что ты тупой.

Ответил он достаточно внятно, но я на всякий случай переспросил, будто не расслышал:

— Что-что?

— Сам знаешь что, — оборвал он и встал. — Ты слишком заторможенный, — пояснил он, потрепав меня то голове. — И не было другого способа расшевелить тебя.

— Выходит, в этих растениях не было абсолютной необходимости?

— В твоем случае была. Хотя, конечно, есть и такие, кто в них не нуждается.

Он постоял, вглядываясь в кустарник слева от дома, затем снова сел и заговорил об Элихио, другом своем ученике. Он сказал, что Элихио растения силы понадобились всего один раз, в самом начале обучения, но преуспел он гораздо больше меня.

— Вообще восприимчивость — состояние для некоторых вполне обычное, — сказал дон Хуан. — Но не для тебя. Как, впрочем, и не для меня. В конце концов, восприимчивость — не самое главное.

— А что главное?

Казалось, он подыскивает ответ.

— Главное — это безупречность воина, — сказал он наконец. — Но все это лишь способ говорить, способ ходить вокруг да около. Ты уже выполнил ряд магических задач и, я думаю, достаточно созрел для того, чтобы указать тебе на источник самого главного. Я сказал бы, что для воина самое главное — обрести целостность самого себя.

— Что это значит?

— Я же сказал, что только упомяну о главном. В твоей жизни еще слишком много свободных концов, которые тебе предстоит свести воедино, прежде чем

мы сможем поговорить о целостности.

Он жестом оборвал разговор. Кто-то или что-то явно находилось поблизости. Дон Хуан внимательно прислушивался, скосив глаза влево так, что стали видны одни белки. Через несколько секунд он встал и, наклонившись ко мне, прошептал на ухо, что нам нужно пойти на прогулку.

— Что-то не так? — спросил я тоже шепотом.

— Нет, все так. Все о'кей.

Мы направились в пустынный чапарраль и примерно через полчаса вышли на небольшой, футов двенадцати в диаметре участок ссохшейся красноватой почвы, идеально утрамбованной и плоской, причем без каких-либо следов механической обработки. В центре этого круга, лицом на юго-восток сел дон Хуан, велев мне сесть напротив, лицом к нему.

— Что мы здесь будем делать? — спросил я.

— Здесь у нас сегодня вечером свидание, — ответил дон Хуан. Он окинул взглядом окрестности и вновь стал смотреть на юго-восток. Его действия встревожили меня. Я спросил, с кем будет свидание.

— Со знанием, — ответил он. — Можно сказать, что знание кружит вокруг нас.

Не дав мне ухватиться за столь загадочный ответ, он быстро сменил тему и весело предложил мне быть естественным, то есть писать и говорить так, словно мы находимся у него дома. В то время меня особо занимало яркое переживание, испытанное мною полгода назад, — «разговор с койотом». Тогда я впервые сумел самостоятельно визуализировать магическое описание мира, в котором разговор с животными был в порядке вещей.

— Мы не будем рассуждать о подобных опытах, — сказал дон Хуан, когда я закончил. — Не стоит индульгировать, фокусируя внимание на прошедших событиях. Мы можем касаться их, но только для примера.

— Почему, дон Хуан?

— У тебя еще недостаточно личной силы для поиска объяснения магов.

— Значит, существует объяснение магов?

— Конечно. Маги тоже люди. Мы — создания мысли. Мы ищем разъяснений.

— А я-то был уверен, что поиск объяснений — это и есть мой главный недостаток.

— Нет. Твой недостаток в поиске подходящих объяснений, которые вписывались бы в твой мир. Я возражаю именно против твоей рассудочности. Маг тоже объясняет вещи в своем мире, но он не такой твердолобый, как ты.

— Как могу прийти к объяснению магов я?

— Накапливая личную силу, ты придешь к нему естественным образом. Но объяснение магов — это не то, что понимаешь под объяснением ты. И все же оно делает мир и его чудеса если не ясными, то, по крайней мере, не столь устрашающими. Именно это должно быть сущностью объяснения. Но это не то, что ты ищешь. Ты ищешь только отражения собственных идей.

Я устал от своих же вопросов. Однако улыбка дона Хуана подталкивала к продолжению разговора. Для меня была очень важна еще одна тема — его друг дон Хенаро и то странное воздействие, которое оказывали на меня его поступки. Каждая встреча с ним сопровождалась совершенно неописуемым расстройством всех моих органов чувств. Услышав мой вопрос, дон Хуан рассмеялся.

— Хенаро поразителен, — сказал он. — Но пока нет смысла говорить о нем или о его воздействии на тебя. Для этой темы у тебя еще недостаточно личной силы. Подожди, когда она у тебя будет, тогда и поговорим об этом.

— А если у меня ее не будет никогда?

— Если ее у тебя никогда не будет, значит мы никогда и не поговорим.

— Но когда же она у меня появится при моих-то темпах продвижения?

— Это зависит от тебя. Я дал тебе все необходимые знания. Теперь ты сам отвечаешь за накопление достаточной личной силы, чтобы суметь потрогать чешуйки.

— Ты говоришь метафорами, — сказал я. — Скажи лучше прямо, что мне делать. А если ты мне это уже говорил, тогда давай предположим, что я забыл.

Дон Хуан усмехнулся и лег, заложив руки за голову.

— Ты прекрасно знаешь, что тебе нужно, — сказал он. Я ответил, что и мне порой так кажется, но обычно я не уверен в себе.

— Боюсь, что ты путаешь понятия, — сказал он. — Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека — это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин рассчитывает только на себя. Похоже, что ты гоняешься за радугой вместо того, чтобы стремиться к смирению воина. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина — это безупречность в поступках и чувствах.

— Я все время пытаюсь жить по твоим советам, — сказал я. — Может быть, у меня не всегда это получается, но я делаю все, что могу. Можно ли назвать это безупречностью?

— Нет. Ты должен делать нечто большее. Ты должен постоянно превосходить самого себя.

— Но ведь это безумие, дон Хуан. На это никто не способен.

— Есть масса естественных для тебя вещей, которые лет десять назад показались бы тебе безумием. Эти вещи не изменились. Изменилось твое представлением о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас. Не исключено, что твой полный успех в изменении себя — всего лишь вопрос времени. В этом отношении единственно возможный для воина курс — это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Ты достаточно

знаешь о пути воина, чтобы поступать должным образом, но тебе мешают старые привычки и нелепый распорядок жизни.

Мне показалось, что я понял его.

— Ты считаешь, что записывание — это одна из моих старых привычек, от которых я должен избавиться? Может, мне уничтожить мою новую рукопись?

Вместо ответа он поднялся и посмотрел на край чапарраля. Я сказал, что получил много писем от читателей, которые уверяли меня, что нельзя писать о своем ученичестве. Они ссылались на то, что учителя восточных эзотерических учений требуют соблюдения абсолютной тайны.

— Может, эти учителя просто индульгируют в том, что они учителя? — сказал дон Хуан, не глядя на меня. — Я не учитель. Я всего лишь воин. Поэтому я понятия не имею, что чувствует учитель.

— Дон Хуан, может быть, я действительно напрасно раскрываю некоторые вещи?

— Неважно, что именно человек раскрывает или удерживает при себе, — ответил он. — Что бы мы ни делали и кем бы ни являлись — все это основывается на нашей личной силе. Если ее достаточно, то всего одно сказанное нам слово может изменить нашу жизнь. А если ее мало, то пусть даже будут раскрыты все сокровища мудрости — это ничего нам не даст.

Он понизил голос, словно собираясь поведать мне нечто сокровенное.

— Я хочу доверить тебе величайшее знание, — сказал он. — Посмотрим, сумеешь ли ты им распорядиться. Знаешь ли ты, что в это мгновение ты окружен вечностью? И что этой вечностью ты можешь воспользоваться, если пожелаешь?

Он выжидающе посмотрел на меня, едва заметными движениями глаз подталкивая к ответу. После длинной паузы я сказал, что не понимаю, о чем идет речь. — Вон там! Вечность — там! — произнес он, указывая на горизонт. Затем — прямо вверх: — Или там. А можно сказать и так: вечность — это нечто здесь и здесь... — И он раскинул руки в стороны, указывая на запад и

восток.

Мы посмотрели друг на друга. В его глазах был вопрос.

— Что ты на это скажешь? — требовательно спросил дон Хуан.

Я не знал, что ответить.

— Знаешь ли ты, что можешь навечно расширить свои границы в любом из указанных мною направлений? — продолжал он. — Знаешь ли ты, что одно мгновение может быть вечностью? Это не загадка; это факт, но только если ты оседлаешь это мгновение и используешь его, чтобы унести с собой свою целостность навсегда и в любом направлении.

Он смотрел на меня.

— У тебя раньше не было этого знания, — сказал он, улыбнувшись. — Теперь я открыл его тебе, но что это изменило? Пока у тебя все равно недостаточно личной силы, чтобы им воспользоваться. Иначе моих слов хватило бы тебе, чтобы собрать свою целостность и направить ее на прорыв собственных границ.

Он подошел ко мне и постучал костяшками пальцев по моей груди.

— Вот границы, о которых я говорю, — сказал он. — Можно выйти за них. Мы — это чувство, осознание, заключенное здесь.

Он хлопнул меня по плечам обеими руками, да так, что мои блокнот и карандаш полетели на землю. Дон Хуан наступил на блокнот и, смеясь, смотрел на меня.

Я спросил его, не возражает ли он против моих заметок. Он сказал, что нет, и убрал ногу.

— Мы — светящиеся существа, — сказал он, ритмично покачивая головой. — А для светящихся существ значение имеет только личная сила. Но если ты спросишь меня, что такое личная сила, я отвечу, что этого мои объяснения тебе не объяснят.

Дон Хуан взглянул на запад и сказал, что до заката еще несколько часов.

— Мы пробудем здесь долго, — объяснил он. — Можно сидеть тихо или разговаривать. Для тебя неестественно молчать, поэтому продолжим беседу. Это место является местом силы, и поэтому мы должны воспользоваться им до наступления ночи. Сиди как можно естественней, не напрягайся и не бойся. Похоже, что тебе легче всего расслабиться, делая заметки. Поэтому пиши, сколько душе угодно. А теперь расскажи мне о своем сновидении.

Этот внезапный переход застал меня врасплох. Дон Хуан повторил свою просьбу.

На эту тему можно было говорить долго. «Сновидения» предполагали культивирование контроля над снами до такой степени, что опыт, приобретенный в них, становился равнозначным опыту бодрствования. По мнению магов, при практике «сновидения» обычный критерий различия между сном и реальностью становится недействительным. Эта практика, как учил дон Хуан, сводилась к упражнению, в котором требовалось найти свои руки во сне.

После нескольких лет тренировок я сумел, наконец, сделать это. Теперь я понимаю, что добился успеха лишь потому, что научился в какой-то степени контролировать мир своей повседневной жизни. Дон Хуан хотел знать все детали. Я рассказал ему, как часто бывает непреодолимо трудно дать самому себе команду смотреть на руки. Он предупредил меня, что даже начальный этап подготовительной работы, называемый им «настройка сновидения», — это смертельная игра, в которую разум человека играет сам с собой, и какая-то часть меня будет делать все возможное, чтобы воспрепятствовать выполнению этой задачи.

По словам дона Хуана, это могли быть размышления о бессмысленности такого занятия, меланхолия или даже депрессия с суицидальными тенденциями. Я, однако, так далеко не зашел. В моем опыте преобладала комическая сторона. И все же результат был неизменно отрицательным. Всякий раз, когда я собирался взглянуть во сне на свои руки, случалось что-то необычное. То я начинал летать, то мой сон переходил в кошмар, а то и просто появлялось чувство очень приятного телесного возбуждения. Все это своей живостью

выходило за рамки «нормального» сна, поэтому вырваться было очень трудно. В таких ситуациях мое первоначальное намерение увидеть свои руки обычно забывалось.

И вот однажды ночью я совершенно неожиданно нашел свои руки во сне. Мне снилось, что я иду по улице какого-то города и вдруг поднимаю руки к лицу. Казалось, что-то внутри меня сдалось и позволило мне увидеть тыльную сторону своих ладоней. Дон Хуан предупреждал меня, что как только образ моих рук станет расплываться или меняться на что-то другое, я должен перевести взгляд с них на любой другой предмет. В этом сне я перенес внимание на здание в конце улицы. Когда вид этого здания тоже начал туманиться, я сфокусировал внимание на других элементах сна. В результате получилась ясная и четкая картина пустынной улицы в каком-то неизвестном городе.

Дон Хуан расспрашивал меня о других опытах «сновидения». Мы беседовали довольно долго. Под конец моего отчета он встал и направился к кустам. Поднялся и я. Я нервничал. Это было ничем не обоснованное чувство, так как для страха или тревоги не было никаких оснований. Вскоре дон Хуан вернулся. Он заметил мое возбуждение.

— Успокойся, — сказал он, мягко сжав мою руку.

Усадив меня, он положил мне на колени блокнот и велел писать. Он сказал, что я не должен беспокоить место силы ненужными вибрациями страха или нерешительности.

— Почему я так разнервничался? — спросил я.

— Это естественно, — сказал он. — Твоя деятельность в сновидениях угрожает чему-то в тебе самом. Пока ты о ней не думал, с тобой было все в порядке. Но теперь, раскрыв свои действия, ты готов упасть в обморок. У каждого воина свой собственный способ сновидения. Все они различны. Объединяют нас только уловки, направленные на то, чтобы заставить себя отступиться. Единственный выход — это продолжение опытов, несмотря на все преграды и разочарования.

Затем он спросил, могу ли я выбирать тему для «сновидения». Я ответил, что

даже не представляю, как это делается.

— Объяснение магов относительно выбора темы для сновидения заключается в следующем, — сказал дон Хуан. — Воин выбирает тему сознательно, прервав внутренний диалог и удерживая образ в голове. Иными словами, если он сможет на какое-то время прервать беседу с самим собой, а затем, пусть даже на мгновение, удержать мысль о желаемом в сновидении образе, он увидит то, что ему нужно. Я уверен, что ты это сделал, хотя и неосознанно.

После длинной паузы дон Хуан начал принюхиваться. Похоже было, что он прочищает нос. Несколько раз он с силой выдохнул, при этом мышцы его живота сокращались рывками, в такт коротким, отрывистым вдохам.

— Хватит говорить о сновидениях, — сказал он. — Это может стать у тебя манией. Если в чем-то и можно добиться успеха, то он должен приходить легко, пусть даже с какими-то усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

Он встал, подошел к кустарнику и начал всматриваться в листву. Было похоже, что он пытается что-то увидеть там, стараясь не подходить слишком близко.

— Что ты там делаешь? — спросил я, не в силах сдержать любопытство.

Он повернулся ко мне и с улыбкой поднял брови.

— В кустах много странных вещей, — сказал он и снова сел.

Его спокойный тон испугал меня больше, чем если бы он внезапно закричал. Я выронил блокнот и карандаш. Он засмеялся, повторив мои движения, и сказал, что преувеличенные реакции являются одним из свободных концов, все еще существующих в моей жизни. Я хотел поговорить на эту тему, но он не позволил.

— Осталось совсем немного дневного времени, — сказал он. — Есть более важные вещи, которые мы должны обсудить до наступления сумерек.

Он добавил, что, судя по моим успехам в «сновидении», я, видимо, научился

останавливать внутренний диалог по своему желанию. Я подтвердил это.

В начале нашего знакомства дон Хуан предлагал мне для этого другую технику: подолгу ходить с расфокусированными глазами, пользуясь только боковым зрением. Он утверждал, что если удерживать расфокусированные глаза на точке чуть выше горизонта, то получаешь почти полный 180-градусный обзор. Он настаивал, что это упражнение является единственным способом остановки внутреннего диалога. Поначалу он расспрашивал меня о моих успехах, но вскоре перестал интересоваться этим.

Я сказал ему, что применял эту технику в течение нескольких лет, но без особого эффекта. Впрочем, я и не ожидал никаких изменений. Каково же было мое потрясение, когда однажды я понял, что за последние десять минут не сказал самому себе ни единого слова!

Тогда же я понял, что остановка внутреннего диалога — это не просто удерживание слов, произносимых самому себе. Весь процесс моего мышления остановился, и я ощутил себя как бы парящим.

Чувство паники, вызванное этим состоянием, заставило меня в качестве противоядия восстановить свой внутренний диалог.

— Я говорил тебе, что именно внутренний диалог и прижимает нас к земле, — сказал дон Хуан. — Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий.

Дон Хуан объяснил, что вход в мир магов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

— Ключом к магии является изменение нашей идеи мира, — сказал он. — Остановка внутреннего диалога — единственный путь к этому. Все остальное — просто разговоры. Пойми, — все, что ты видел или сделал, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не смогло изменить ни в тебе самом, ни в твоей идее мира. Суть в том, что такое изменение не может быть вызвано силой. Вот поэтому учитель и не обрушивается на своих учеников. Это привело бы их лишь к депрессии и навязчивым идеям.

Он попросил подробно рассказать и о других случаях остановки внутреннего диалога, которые у меня были. Я рассказал все, что смог вспомнить.

Мы беседовали долго. Стемнело, и я не мог больше говорить и записывать одновременно. Заметив это, дон Хуан рассмеялся. Он сказал, что я выполнил еще одну задачу магии — писал, не концентрируя на этом внимания. В этот момент я осознал, что до сих пор совершенно не уделял никакого внимания процессу записывания. Казалось, это была отдельная деятельность, с которой я не имел ничего общего. Я был озадачен. Дон Хуан попросил меня сесть рядом с ним в центре круга. Он сказал, что наступили сумерки и мне опасно сидеть так близко к кустам. Я невольно вздрогнул и рванулся к нему.

Он велел мне сесть лицом к востоку, успокоиться и остановить внутренний диалог. Но я был слишком возбужден, чтобы сделать это. Дон Хуан повернулся ко мне спиной, предложив опереться на его плечо. Он сказал, что я должен остановить свои мысли, а затем повернуть лицо к кустам на юго-востоке и не закрывать глаза. Загадочным тоном он добавил, что от решения поставленной передо мной задачи зависит, буду ли я готов к восприятию новой грани мира магов.

Я робко спросил о природе этой задачи. Он мягко усмехнулся. Я ждал его ответа, но затем что-то во мне как бы переключилось, и я почувствовал себя парящим. Казалось, из моих ушей вынули затычки, и сразу же стали слышны бесчисленные шумы чапарраля. Их было так много, что они сливались в сплошной гул. Я почти задремал, как внезапно что-то привлекло мое внимание. Мой мыслительный процесс при этом был отключен. Я как будто не заметил ничего особенного вокруг, но мое осознание было явно чем-то захвачено. Я проснулся окончательно. Мои глаза были сфокусированы на пятне у края чапарраля, но я не смотрел, не думал и не говорил сам с собой. Это было чисто телесным ощущением. Слов не требовалось. Я чувствовал, что прорываюсь через что-то неопределенное. Может быть, прорывалось то, что в обычном состоянии было моими мыслями. Во всяком случае, в моих ощущениях было что-то вроде снежного обвала — что-то, центром чего был я, рушилось. Я почувствовал жжение в животе. Что-то тянуло меня в чапарраль. Я видел темную массу кустов перед собой. Но это не было сплошным темным пятном. Я мог видеть каждый куст, как если бы смотрел на них в ранних сумерках. Казалось, что они двигаются. Их листва напоминала черные юбки, которые нес ко мне ветер. Но ветра не было. Я погрузился в их

гипнотизирующее движение. Какая-то пульсирующая сила подтягивала их все ближе и ближе ко мне. Потом на фоне темных очертаний кустов появился более светлый силуэт. Я сфокусировал глаза сбоку от него и смог различить в нем слабое сияние. Не фокусируясь, я взглянул прямо на него. Появилась уверенность, что светлый силуэт — это человек, прячущийся под кустами.

В этот момент я находился в крайне необычном состоянии. Я осознавал и окружающее, и процесс мышления, который оно во мне вызывало. Но я не мог думать так, как обычно. Например, когда я понял, что силуэт, наложенный на кусты, — человек, я вспомнил другой случай. Однажды во время ночной прогулки с доном Хенаро я заметил, что позади нас в кустах прячется человек. Но как только я попытался рационально объяснить это явление, человек исчез из виду. Однако в этот раз я чувствовал себя хозяином положения и отказался не только объяснять что-либо, но и думать вообще. В какой-то момент у меня появилось чувство, что я могу удержать человека и заставить его оставаться на месте. Затем я ощутил странную боль в центре живота. Казалось, что-то вырывается из меня, и я уже не мог держать напряженными мышцы брюшного пресса. Как только я сдался, темный силуэт громадной птицы или какого-то летающего существа бросился на меня из чапарраля. Было похоже, что человек превратился в птицу. У меня появилось ясно осознанное восприятие страха. Я ахнул и с громким криком опрокинулся на спину. Дон Хуан помог мне подняться. Его лицо было вровень с моим. Он смеялся.

— Что это было? — закричал я.

Он прикрыл мне рот рукой и прошептал в самое ухо, что нам нужно покинуть это место спокойно и собранно, словно ничего не произошло. Мы шли бок о бок. Его походка была спокойной и размеренной. Пару раз он быстро оглянулся. Я сделал то же самое и дважды уловил какую-то темную массу, которая, казалось, следовала за нами. Позади я услышал громкий и какой-то неземной крик. На мгновение меня охватил ужас. По мышцам живота прошли судороги. Они начались спазматически, и их интенсивность росла до тех пор, пока они буквально не заставили мое тело бежать.

Применяя терминологию дона Хуана, о моей реакции можно сказать, что мое тело под воздействием испуга выполнило «бег силы» — особую технику передвижения в темноте, которой он обучал меня несколькими годами ранее.

Я действовал почти бессознательно и внезапно обнаружил себя в доме дона Хуана. Очевидно, он следовал за мной, и мы прибежали одновременно. Он зажег керосиновую лампу, поставил ее на потолочную балку и спокойно сказал, чтобы я сел и расслабился.

Некоторое время я бежал на месте, пока немного не успокоился. Затем я сел. Он подчеркнуто потребовал, чтобы я вел себя так, словно ничего не случилось, и вручил мне мой блокнот. В спешке я и не заметил, что обронил его.

— Что там произошло, дон Хуан?

— У тебя было свидание со знанием, — сказал он, указывая движением подбородка на темный край чапарраля. — Я повел тебя туда потому, что еще раньше уловил отблеск знания, бродившего вокруг дома. Ты можешь считать, что знание знало о твоем приезде и ждало тебя здесь. Но я предпочел встретиться с ним не здесь, а на месте силы. Затем я проверил, достаточно ли у тебя личной силы, чтобы отличить знание от остальных вещей вокруг нас. Ты сделал все прекрасно.

— Минуточку! — запротестовал я. — Я видел силуэт человека, прячущегося за кустами, а затем видел огромную птицу.

— Ты не видел человека! — сказал он с ударением.

— Не видел ты и птицу. И силуэт в кустах, и то, что полетело к нам, — это была бабочка. Если ты хочешь быть точным в терминологии магов и не боишься оказаться смешным в своей собственной, то можешь сказать, что сегодня у тебя было свидание с бабочкой. Знание — это бабочка.

Он пристально посмотрел на меня. Свет лампы отбрасывал причудливые тени на его лицо. Я отвел глаза.

— Возможно, сегодня ночью у тебя будет достаточно личной силы для решения этой загадки, — сказал он, — если не сегодня, то, может быть, завтра. Не забывай — ты должен мне еще шесть дней.

Дон Хуан поднялся и прошел на кухню в задней части дома. Он взял лампу и

поставил ее у стены на короткий круглый чурбан, который использовал как табурет. Мы сели на пол друг против друга и поели бобов с мясом из горшка, который он поставил между нами. Ели мы молча.

Время от времени он искоса поглядывал на меня, и, казалось, готов был рассмеяться. Его глаза были прищурены. Когда он смотрел на меня, то слегка приоткрывал их, и влага в уголках отражала свет. Казалось, он использовал свет лампы для того, чтобы создавать зеркальные отражения. Он играл с этим, почти незаметно покачивая головой всякий раз, когда останавливал на мне взгляд. В результате возникала захватывающая игра света. Я осознал его маневры лишь после того, как он использовал их пару раз. Я был убежден, что он делает это с определенной целью, и мне показалось важным спросить об этом.

— Для этого у меня есть веская причина, — заверил он меня. — Я успокаиваю тебя своими глазами. Ты ведь уже больше не нервничаешь, правда?

Я должен был признать, что чувствую себя очень хорошо. Мелькание света в его глазах не было угрожающим и ни в коем случае не раздражало и не пугало.

— Как ты успокаиваешь меня глазами? — спросил я. Он повторил незаметное покачивание головой. Его глаза на самом деле отражали свет лампы.

— Попробуй сделать это сам, — небрежно сказал он и положил мне еще еды. — Ты сможешь успокаивать себя без моей помощи.

Я попробовал покачивать головой, но мои движения были неестественными и неуклюжими.

— Просто болтая головой ты себя не успокоишь. Скорее заработаешь головную боль. Секрет состоит не в качании головой, а в том чувстве, которое приходит к глазам из области внизу живота. Именно оно заставляет голову качаться.

Он потер свой живот.

После еды я прислонился к куче дров, накрытых пустыми мешками, и

попытался имитировать его качания головой. Дон Хуан от души забавлялся, смеясь и хлопая себя по ляжкам.

Затем его смех прервался. Я услышал странный глубокий звук, похожий на постукивание по дереву. Он исходил из чапарраля. Дон Хуан вскинул голову, сделав мне знак быть внимательным.

— Это бабочка зовет тебя, — сказал он бесстрастно. Я вскочил. Звук тотчас прекратился. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений, но он сделал комический жест беспомощности, пожав плечами.

— Ты еще не закончил своего свидания, — добавил он. Я сказал, что не чувствую себя достойным, что лучше уеду домой и вернусь, когда буду сильнее.

— Ты говоришь ерунду, — сказал он. — Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожалений, а как живой вызов.

Каждому из нас требуется время, чтобы понять это и сделать своим достоянием. Я когда-то ненавидел само слово «смирение». Я — индеец, а мы, индейцы, всегда были смиренны и только и делали, что опускали головы. Я думал, что смирению не по пути с воином. Я ошибался. Сейчас я знаю, что смирение воина и смирение нищего — невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволит опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

Вот почему я сегодня сказал тебе, что не знаю, что чувствуют учителя. Я знаю только смирение воина. А оно никогда не позволит мне быть чьим-то учителем.

Мы некоторое время молчали. Его слова глубоко взволновали меня. Я был тронут ими, но в то же время мне не давало покоя увиденное в чапаррале. Про себя я решил, что дон Хуан явно что-то скрывает и на самом деле вполне осведомлен о происходящем. Я ушел в эти размышления, но тот же странный звук вдруг вывел меня из задумчивости. Дон Хуан усмехнулся.

— Ты любишь смирение нищего, — тихо сказал он. — Ты склоняешь голову перед разумом.

— Мне вечно кажется, что меня разыгрывают, — сказал я. — Это моя основная проблема.

— Ты прав, тебя разыгрывают, — заметил он с обезоруживающей улыбкой. — Но твоя проблема не в этом. На самом деле ты считаешь, будто я сознательно тебя обманываю. Так ведь?

— Да, что-то во мне не позволяет поверить в реальность происходящего.

— Ты опять прав. Ничто из происходящего не является реальным.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Вещи становятся реальными лишь тогда, когда ты научился соглашаться с их реальностью. Например то, что произошло сегодня ночью, вряд ли может быть для тебя реальным, потому что никто тебя в этом не поддержит.

— Ты хочешь сказать, что ничего не видел?

— Конечно видел, но я не в счет. Вспомни — я тот, кто тебя обманывает.

Дон Хуан смеялся, пока не закашлялся. Его смех был дружеским, хотя смеялся он явно надо мной.

— Не принимай близко к сердцу чушь, которую я несу, — сказал он ободряюще. — Я просто стараюсь расслабить тебя, зная, что ты чувствуешь себя в своей тарелке только когда выбит из колеи.

Его выражение было рассчитано комичным, так что мы оба расхохотались. После некоторой паузы я вдруг понял, что эти слова только еще больше испугали меня.

— Ты боишься меня? — спросил он.

— Не тебя, а того, что ты приносишь с собой.

— Я приношу с собой свободу воина. Ты этого боишься?

— Нет, но твое знание слишком устрашающе. В нем нет для меня утешения. Нет гавани для приюта.

— Ты опять все путаешь. Утешение, гавань, страх — все это настроения, которым ты научился, даже не спрашивая об их ценности. Как видно, черные маги уже завладели всей твоей преданностью.

— Кто такие черные маги?

— Окружающие нас люди являются черными магами. А поскольку ты с ними, то ты тоже черный маг. Задумайся на секунду, можешь ли ты уклониться от тропы, которую они для тебя проложили? Нет. Твои мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. А вот я принес тебе свободу. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойся своих тюремщиков, своих учителей. Не трать времени и сил, боясь меня.

Я знал, что он был прав. Но, несмотря на мое искреннее согласие с ним, я знал, что привычки моей жизни обязательно заставят меня тянуться к моей старой тропе. Я и в самом деле был рабом.

После долгого молчания дон Хуан спросил меня, достаточно ли у меня силы, чтобы еще раз столкнуться со знанием.

— Ты хочешь сказать — с бабочкой? — спросил я шутя. Он согнулся от смеха, словно я только что сказал самую смешную вещь в мире.

— Что ты в действительности имеешь в виду, когда говоришь, что знание — это бабочка? — спросил я.

— Я ничего другого не имею в виду, — ответил он. — Бабочка есть бабочка. Я думал, что к настоящему времени у тебя со всеми твоими достижениями будет достаточно силы, чтобы видеть. Вместо этого ты всего лишь мельком заметил человека, а это не было истинным видением.

В самом начале моего ученичества дон Хуан ввел концепцию видения как особой способности, которая позволяет воспринимать истинную природу вещей и которую можно развить.

За годы нашего общения у меня сложилось впечатление, что так, называемое «видение» является интуитивным восприятием или же способностью понимать что-то целиком и мгновенно, или, возможно, способностью насквозь видеть человеческие поступки и выявлять скрытые значения и мотивы.

— Сегодня вечером, когда ты впервые встретился с бабочкой, ты наполовину смотрел, наполовину видел, — сказал дон Хуан. — В этом состоянии, хотя ты и не был обычным самим собой, но, тем не менее, смог вполне сознательно управлять своим знанием мира.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня. Сначала я не знал, что сказать.

— Как я управлял своим знанием мира? — спросил я наконец.

— Твое знание мира сказало тебе, что в кустах можно найти только подкрадывающихся животных или людей, прячущихся за листвой. Ты удержал эту мысль. Естественно, что тебе пришлось найти способ удержать мир таким, чтобы он отвечал этой мысли.

— Но я вообще не думал, дон Хуан.

— Тогда не будем называть это думаньем. Скорее, это привычка видеть мир соответствующим нашему представлению о нем. Когда это не так, мы просто делаем его соответствующим. Бабочки, большие, как человек, не могут быть даже мыслью. Поэтому для тебя то, что находилось в кустах, должно было быть человеком.

То же самое случилось с койотом. Твои старые привычки определили природу и этой встречи. Что-то произошло между тобой и койотом, но это был не разговор. Я сам бывал в такой переделке. Я тебе рассказывал, как однажды говорил с оленем. Но ни ты, ни я никогда уже не узнаем, что происходило в этих случаях на самом деле.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Когда мне стало понятным объяснение магов, было уже слишком поздно узнавать, что именно сделал для меня олень. Я сказал, что мы разговаривали, но это было не так. Сказать, что между нами состоялась беседа, — лишь способ расставить все по местам так, чтобы я мог рассказать об этом. Олень и я что-то делали, но в это время мне нужно было заставить мир соответствовать моим идеям совершенно так же, как это сделал ты. Как и ты, я всю жизнь разговаривал. Поэтому мои привычки взяли верх и распространились на оленя. Когда олень подошел ко мне и сделал то, что он сделал, я был вынужден понимать это как разговор.

— Это объяснение магов?

— Нет, это мое объяснение тебе. Но оно не противоречит объяснению магов.

Его объяснение вызвало у меня состояние огромного умственного возбуждения. На некоторое время я не только забыл о крадущейся бабочке, но даже перестал записывать. Я попытался перефразировать его заявление, и мы ушли в длинные рассуждения относительно рефлексивной природы нашего мира. Мир, по словам дона Хуана, должен соответствовать его описанию. Это описание отражает само себя.

Еще одним аспектом его объяснения была идея, что мы научились соотносить себя с нашим описанием мира в соответствии с тем, что он называл «привычками». Я привел более обширный термин «преднамеренность» — как свойство человеческого осознания, посредством которого соотносятся с объектом или его истолковывают.

В ходе разговора мы пришли к интересному выводу. После объяснений дона Хуана наш «разговор» с койотом приобретал новые черты. Я действительно намеренно вызвал диалог, поскольку никогда не знал другого пути намеренной коммуникации. Я преуспел в том, чтобы заставить и его отвечать описанию, соответственно которому общение происходит через диалог. Таким образом я заставил описание отразиться.

Я чувствовал огромный подъем. Дон Хуан засмеялся и сказал, что быть до такой степени тронутым словами — это другой аспект моей глупости. Он забавными жестами изобразил немой разговор.

— Мы все проходим через одну и ту же ерунду, — сказал он после длительной паузы. — Единственный способ преодолеть ее — это продолжать действовать как воин. Остальное придет само собой и через себя самого.

— А что остальное, дон Хуан?

— Знание и сила. Люди знания обладают и тем и другим. Но как они их приобрели, не сможет сказать никто. Единственное, что можно утверждать, — они неуклонно действовали как воины, и в какой-то момент все изменилось.

Он посмотрел на меня. Казалось, он был в нерешительности. Затем он встал и сказал, что у меня нет иного выхода, как только продолжить свое свидание со знанием.

Я ощутил озноб. Сердце начало колотиться. Я поднялся. Дон Хуан обошел вокруг меня, как бы рассматривая мое тело под всеми возможными углами. Он сделал мне знак сесть и продолжать писать.

— Если будешь слишком испуган, ты не сможешь провести свое свидание. Воин должен быть спокоен и собран и никогда не должен ослаблять своей хватки.

— Я Действительно испуган, — сказал я. — Бабочка или не бабочка, но что-то там ползает по кустам.

— Конечно это она! — воскликнул он. — Я возражаю против того, что ты настаиваешь на восприятии ее как человека, точно так же, как ты настаивал на восприятии разговора с койотом.

Какая-то часть меня полностью поняла, что он хочет сказать. Но был и другой аспект меня самого, который не желал отступить и, вопреки очевидному, накрепко вцепился в рассудок.

Я сказал дону Хуану, что его объяснения не удовлетворяют мои чувства, хотя интеллектуально я полностью согласен с ним.

— В этом слабая сторона слов, — сказал он ободряюще. — Они заставляют

нас: чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления. Поэтому маг предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

Он сел рядом, посмотрел мне в глаза и попросил рассказать о том, что я действительно «видел» в чапаррале.

На секунду меня охватило чувство полной неопределенности. Я видел темную фигуру человека, но видел и то, как эта фигура превратилась в птицу. Таким образом я видел больше, чем мой разум позволял мне считать вероятным. Но что-то во мне сопротивлялось возможности совершенно отбросить разум. Я предпочел выбрать отдельные детали моего опыта, такие как размеры и общие очертания темной фигуры, и, удерживая их как разумную возможность, предпочел проигнорировать другие. Например, то, что темная фигура превратилась в птицу. Таким образом я убедил себя, что видел человека.

Когда я рассказал о своем затруднении, дон Хуан расхохотался. Он сказал, что рано или поздно объяснение магов придет мне на помощь. И тогда все станет совершенно ясным без необходимости быть разумным или неразумным.

— А пока все, что я могу для тебя сделать, — гарантировать, что это был не человек.

Взгляд дона Хуана стал беспокоящим. Я почувствовал себя неуютно и занервничал.

— Я ищу отметки на твоем теле, — объяснил он. — Может, ты этого и не знаешь, но сегодня вечером мы побывали в хорошей переделке.

— Что за отметки ты ищешь?

— Не физические отметки, а знаки, указания на твоих светящихся волокнах, области особого свечения. Мы — светящиеся существа, и все, что мы делаем и чувствуем, бывает видно в наших волокнах. У людей есть яркость, свойственная только им. Это единственный способ отличить их от других светящихся существ.

Если бы ты видел сегодня вечером, то заметил бы, что фигура в кустах не была светящимся живым существом.

Я хотел продолжить расспросы, но он приложил руку к моим губам и прошептал, чтобы я прислушался и попытался услышать тихое шуршание, мягкие приглушенные шаги бабочки по сухим листьям и веткам на земле.

Я ничего не слышал. Дон Хуан резко встал, взял лампу и сказал, что мы перейдем под рамаду. Он вывел меня через черный ход и обвел вокруг дома по краю чапарраля вместо того, чтобы просто пройти через комнату и выйти через переднюю дверь. Он объяснил, что нам важно дать знать о своем присутствии. Мы наполовину обошли дом с левой стороны. Дон Хуан шел очень медленно, с трудом передвигая ноги. Трясущимися руками он держал лампу, освещая путь.

Я спросил, что с ним случилось. Подмигнув мне, он прошептал, что большая бабочка, рыскающая вокруг, ожидает свидания с молодым человеком, и что шаркающая походка немощного старика была явным способом показать, с кем из нас она должна встретиться.

Когда мы, наконец, подошли к крыльцу, дон Хуан повесил лампу на балку, усадил меня спиной к стене, а сам сел справа.

— Мы будем сидеть здесь, — сказал он. — Пиши и говори со мной как обычно. Бабочка, которая бросилась на тебя сегодня ночью, прячется в кустах неподалеку. Через некоторое время она подойдет, чтобы взглянуть на тебя. Вот почему я повесил лампу над твоей головой. Свет поможет бабочке найти тебя. Когда она подойдет к краю кустов, то позовет тебя. Это очень специфический звук. Он сам по себе может помочь тебе.

— Что за звук, дон Хуан?

— Это песня, навязчивый зов, который производит бабочка. Обычно его нельзя услышать, но бабочка, которая находится там, в кустах — редкая бабочка. Ты будешь явно слышать ее зов, и, при условии, что ты будешь неуязвим, он останется с тобой до конца твоей жизни.

— Чем он мне поможет?

— Сегодня ночью ты попытаешься закончить начатое раньше. Видение приходит только тогда, когда воин способен остановить внутренний диалог. Сегодня ты своей волей остановил его там, в кустах. И ты видел. То, что ты видел, не было ясным. Ты думал, что это был человек. Я говорю, что это была бабочка. Мы оба не правы, но это потому, что нам приходится говорить. Я, однако же, взял верх, потому что я вижу лучше тебя и потому что я знаком с объяснением магов. Поэтому я знаю, хотя и не абсолютно точно, что фигура, которую ты видел, была бабочкой. А сейчас молчи, ни о чем не думай и дай возможность той бабочке прийти к тебе опять.

Я едва был способен записывать. Дон Хуан засмеялся и попросил меня продолжать, как ни в чем не бывало. Он взял меня за руку и сказал, что ведение записей является моим самым лучшим щитом.

— Мы никогда не говорили о бабочках, — сказал он. — Но сейчас пришло время. Как ты уже знаешь, твой дух воина не уравновешен. Чтобы уравновесить его, я научил тебя жить, как подобает воину. Воин начинает с уверенности, что его дух неуравновешен, а затем, с полным осознанием, но без спешки и медлительности, он делает все лучшее для достижения этого равновесия.

В твоем случае, как и в случае с каждым человеком, твоя неуравновешенность вызвана общей суммой всех твоих поступков. К настоящему времени твой дух, кажется, готов к разговору о бабочках.

— Откуда ты это знаешь?

— Я заметил отблеск бабочки, рыскающей вокруг, когда ты приехал. Впервые она была так дружелюбна и открыта. Я видел ее и прежде в горах возле дома Хенаро, но тогда она была угрожающей фигурой, отражающей отсутствие порядка в тебе.

В этот момент я услышал странный звук. Он был похож на приглушенный треск ветвей, трущихся друг о друга, или на работу небольшого моторчика, находящегося в отдалении. Он менял тональность, создавая неуловимый ритм. Неожиданно он прекратился.

— Это была бабочка, — сказал дон Хуан. — Возможно ты уже заметил, что хотя свет лампы достаточно яркий, чтобы привлекать насекомых, ни одно из них не прилетело.

Я не обращал на это внимания и только сейчас заметил невероятную тишину в пустыне вокруг дома.

— Не становись непоседливым, — сказал он. — В мире нет ничего такого, чего воин не должен принимать в расчет. Видишь ли, воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

Слова дона Хуана, а еще больше — его настроение, подействовали на меня успокаивающе. Я сказал ему, что в своей повседневной жизни уже больше не испытываю прежнего захлестывающего страха, но теперь мое тело содрогается от испуга при одной мысли о том, что находится там, в темноте.

— Там есть только знание, — сказал он как само собой разумеющееся. — Знание пугающе, это правда. Но если воин принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает его возможность ужасать.

Странный воркующий звук раздался снова. Он казался ближе и громче. Я внимательно слушал. Чем больше внимания я ему уделял, тем труднее было определить его природу. Оттенок каждого звука был богатым и глубоким, он не походил на крик птицы или животного. Одни звуки производились в низком ключе, другие — в высоком. Они имели особую длительность. Некоторые были протяжными. Я слышал их отдельные ноты. Другие были короткими, они сливались вместе, как звук пулеметной очереди.

— Бабочки являются глашатаями, или, лучше сказать, стражами вечности, — сказал дон Хуан после того, как звук прекратился. — По какой-то причине, или, может быть, вообще без всякой причины, они являются хранителями золотой пыли вечности.

Эта метафора была мне незнакома. Я попросил объяснить ее.

— Бабочки несут пыльцу на своих крыльях, — сказал он. — Темно-золотую пыль. Эта пыль является пыльцой знания.

Его объяснение сделало метафору еще более смутной. Какое-то время я раздумывал, пытаясь получше сформулировать вопрос, но он заговорил вновь.

— Знание — это особая вещь, — сказал он. — Специально для воина. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

— Но какая связь между знанием и пылью на крыльях бабочки? — спросил я после длинной паузы.

— Знание приходит, летя как крупицы золотой пыли, той самой пыльцы, которая покрывает крылья бабочек, поэтому для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупиц темно-золотой пыли.

Как можно вежливее я заметил, что его объяснения смутили меня еще больше. Он засмеялся и заверил меня, что говорит вполне осмысленные вещи, вот только мой разум не позволяет мне чувствовать себя хорошо.

— Бабочки были близкими друзьями и помощниками магов с давних времен. Я не касался этой темы раньше, потому что ты не был к ней готов.

— Но как может пыльца на их крыльях быть знанием?

— Ты увидишь.

Положив руку на мой блокнот, он велел закрыть глаза и умолкнуть, ни о чем не думая. Он сказал, что зов бабочки из чапарраля поможет мне. Если я буду внимателен к нему, то он расскажет мне о необычных вещах. Он подчеркнул, что не знает, как будет установлена связь между мной и бабочкой. Так же как не знает, каковы будут условия этой связи. Он велел мне чувствовать себя легко и уверенно и доверять своей личной силе.

Хотя вначале я беспокоился и нервничал, я добился того, что начал отключать свой внутренний диалог. Мыслей постепенно становилось все меньше, пока

мой ум не стал совершенно чистым. Когда я стал более спокоен, звуки в чапаррале, казалось, исчезли.

Странный звук, который, по словам дона Хуана, производила бабочка, возобновился вновь. Он воспринимался как ощущение в моем теле, а не как мысль. Я понял, что он не был угрожающим. Он был милым и простым. Он почему-то напоминал ребенка и вызывал воспоминание о маленьком мальчике, которого я знал когда-то. Длинные звуки напомнили мне о его круглой белой голове, короткое стаккато звуков — о его смехе. Очень сильное чувство охватило меня, но мыслей все же не было. Я чувствовал сильную боль во всем теле. Сидеть я больше не мог и завалился на бок. Моя печаль была так велика, что я начал думать. Я взвесил свою боль и печаль и внезапно оказался в самой гуще внутренних споров о маленьком мальчике. Воркующий звук исчез. Мои глаза были закрыты. Я услышал, как дон Хуан поднялся, а затем почувствовал, что он помогает мне сесть. Говорить не хотелось. Он тоже молчал. Я услышал, что он двигается рядом со мной, и открыл глаза. Он стоял возле меня на коленях и рассматривал мое лицо, держа возле него лампу. Он велел мне положить руку на живот, поднялся, пошел на кухню и принес воды. Он плеснул мне немного в лицо, а остальное дал выпить.

Он сел рядом и подал мне мои записи. Я рассказал ему, что звук вызвал у меня очень болезненные воспоминания.

— Ты индульгируешь сверх всякой меры, — сухо сказал он. Казалось, он задумался, как бы подыскивав подходящую фразу.

— Твоя задача на сегодняшнюю ночь — видение людей, — сказал он наконец. — Сначала ты должен остановить свой внутренний диалог. Затем ты должен вызвать образ лица, которое ты захочешь увидеть. Любая мысль, которую ты удерживаешь в уме в состоянии внутреннего молчания, равносильна команде, поскольку там нет других мыслей, способных соперничать с ней. Сегодня ночью бабочка в кустах хочет помочь тебе, поэтому она будет петь для тебя. Эта песня принесет тебе золотую пыль, и ты увидишь выбранного тобой человека.

Я хотел узнать подробности, но он жестом прервал меня и велел продолжать.

После нескольких минут борьбы я смог остановить внутренний диалог. Затем я

произвольно задержал мысль о своем друге. Мне показалось, я закрыл глаза всего лишь на мгновение и вдруг понял, что кто-то трясет меня за плечи. Я медленно приходил в себя. Открыв глаза, я увидел, что лежу на левом боку. Очевидно, я заснул так глубоко, что даже не заметил, как упал на землю. Дон Хуан помог мне сесть. Засмеявшись, он изобразил мое храпение, и сказал, что если бы он своими глазами не видел, как это произошло, он никогда бы не поверил, что можно так быстро заснуть. Добавив, что забавно наблюдать за мной, когда я делаю что-нибудь, выходящее за рамки моего понимания, он забрал у меня блокнот и сказал, что мы должны начать все сначала.

Я прошел необходимые ступени. Вновь я услышал странный воркующий звук. На этот раз он исходил не из чапарраля. Он шел как бы изнутри меня, словно его издавали мои губы, руки или ноги. Звук, казалось, поглотил меня. Я чувствовал, словно какие-то мягкие шарики летели не то в меня, не то от меня. Это было успокаивающее, захватывающее ощущение, как будто тебя бомбардируют тяжелыми ватными шариками. Внезапно я услышал, как ветер распахнул дверь, и опять начал думать. Я думал о том, что испортил еще один шанс. Я открыл глаза и увидел, что нахожусь в своей комнате. Все предметы на письменном столе лежали так же, как я их оставил. Дверь была открыта, снаружи дул сильный ветер. Мне пришла в голову мысль, что нужно проверить кипятильник. Затем я услышал постукивание по окну, которое я сам закрыл и которое плохо прилегало к раме. Это был отчаянный стук, как будто кто-то хотел войти. Я ощутил приступ страха. Поднявшись с кресла, я вдруг почувствовал, что что-то тащит меня. Я закричал.

Дон Хуан тряс меня за плечи. Я возбужденно пересказал ему свое видение. Оно было таким живым, что я все еще дрожал. Я ощущал себя так, словно только что перенесся из-за своего письменного стола в плоти и крови.

Дон Хуан с недоверием покачал головой и сказал, что я просто гений в том, как я себя дурачу. Его, казалось, не впечатлило то, что я сделал. Он просто отказался обсуждать это и велел мне смотреть вновь.

Опять я слышал мистический звук. Он приходил ко мне, как сказал дон Хуан, в виде дождя золотых крупинок. Я не ощущал, чтобы это были плоские пластинки или чешуйки, как он их описывал, а, скорее, как сферические пузырьки, и они плыли ко мне. Один из них разорвался перед моими глазами и раскрылся, открывая странный предмет. Он был похож на гриб. Я смотрел

на него, и это явно не было сном. Грибовидный предмет оставался неизменным в поле моего «зрения», а затем подскочил, как если бы свет, который заливал его, был выключен. Наступила темнота. Я ощутил дрожь, очень неприятный толчок, а затем внезапно понял, что меня трясут. Чувства мои сразу же включились. Дон Хуан сильно тряс меня, а я смотрел на него. Должно быть, в этот момент я только что открыл глаза.

Он брызнул мне в лицо водой. Ощущение холода было очень резким. После секундной паузы он захотел узнать, что случилось.

Я пересказал ему каждую деталь моего видения.

— Но что я видел? — спросил я.

— Своего друга, — съехидничал он.

Я засмеялся и терпеливо объяснил, что «видел» грибовидную фигуру, и хотя у меня не было никаких критериев, чтобы судить о ее размерах, но думаю, что она была около фута длиной.

Дон Хуан подчеркнул, что только чувства тут идут в счет. Он сказал, что это мои чувства вызвали то состояние существа предмета, которое я видел.

— По твоему описанию и по твоим чувствам я могу заключить, что твой друг должен быть очень красивым человеком, — сказал он.

Я был озадачен его словами.

Он сказал, что грибовидные образования были основной формой человеческих существ, когда маг видел их на большом расстоянии. Но когда он прямо смотрит на человека, которого видит, то человеческие качества проявляются как яйцевидное образование светящихся волокон.

— Ты не был лицом к лицу со своим другом, — сказал он. — Поэтому он показался тебе грибом.

— Почему это так, дон Хуан?

— Никто не знает. Просто таким способом люди являются в этом особом типе видения.

Он добавил, что каждая черта в грибовидном образовании имеет особое значение и что для начинающего невозможно точно истолковать, что означает тот или иной признак.

Затем ко мне пришло воспоминание, озадачившее меня. Несколькими годами ранее в состоянии необычной реальности, вызванном приемом психотропных растений, я испытал или ощутил, глядя на водный поток, как ко мне плыли пузырьки, которые поглощали меня. Те золотые пузырьки, которые я только что видел, летели ко мне и захватывали меня точно таким же образом. Фактически я мог бы сказать, что и те, и другие пузырьки имели одинаковую структуру и одинаковый паттерн.

Дон Хуан выслушал мои комментарии без интереса.

— Не трать свою силу на мелочи, — сказал он, — когда имеешь дело с бесконечностью.

Движением руки он указал на чапарраль.

— Если ты превратишь это величие в разумность, то ничего этим не добьешься. Окружающее нас здесь — сама вечность. И заниматься тем, чтобы уменьшать ее до уровня управляемой чепухи не только глупо, но и крайне вредно.

Затем он настоял на том, чтобы я попытался «увидеть» еще кого-нибудь из круга моих знакомых. Он сказал, что когда видение закончится, я должен постараться раскрыть глаза и сам пробиться на поверхность до полного осознания окружающего.

Я добился успеха в том, чтобы удержать картинку другой грибообразной структуры, но если первая была желтоватая и небольшая, то вторая была белесой, крупнее и плотнее первой. К тому времени, когда мы закончили разговор о двух только что увиденных мною формах, я позабыл о «бабочке в кустах», которая так занимала меня недавно. Я сказал дону Хуану, что меня удивляет, с какой легкостью я оказался способен отбросить то, что так

недавно потрясло меня. Казалось, я стал не тем лицом, которого знал всегда.

— Не понимаю, почему ты поднимаешь из-за этого такой шум, — сказал дон Хуан. — Всегда, когда прекращается диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов. Ты такой, какой ты есть, потому что ты говоришь это себе.

После короткого отдыха дон Хуан попросил меня продолжать «вызывать» друзей. Он сказал, что здесь важно постараться «видеть» так много, насколько это возможно, чтобы установить мостик для чувства.

Я вызвал по очереди тридцать два человека. После каждой попытки он требовал детального описания всего, что я ощущал в своем видении. Однако он изменил эту процедуру, когда я стал осуществлять ее более успешно. Он судил по тому, что я стал останавливать внутренний диалог за несколько секунд, стал способен открывать глаза сам в конце каждого опыта и восстанавливал обычную деятельность без всякого перехода. Я заметил эту перемену, когда мы обсуждали окраску грибовидных образований. Он указал, что это была не окраска, но сияние переменной интенсивности. Я уже собирался описать желтоватое сияние, которое только что «видел», как вдруг он прервал меня и точно описал сам, что именно я «видел». Начиная с этого момента он описывал содержание каждого видения, но не так, как если бы ориентировался с моих слов, но как если бы «видел» это сам. Когда я попросил его прокомментировать это, он просто отказался говорить на эту тему.

К тому времени, когда я вызвал уже тридцать два человека, я сообразил, что видел большое разнообразие грибовидных форм и сияний, и испытал по отношению к ним целую гамму чувств, начиная от тихого восхищения, кончая откровенным отвращением. Дон Хуан объяснил, что светимости людей наполнены образованиями, которые могут быть желаниями, проблемами, печалями, заботами и так далее. Он сказал, что только очень могучий маг может расшифровать значение этих образований и что я должен быть доволен тем, что просто вижу общие очертания людей.

Я устал. Созерцание этих странных форм вызывало у меня довольно неприятное чувство обреченности. Казалось, они поймали меня в ловушку.

Дон Хуан велел мне писать, чтобы рассеять мрачное настроение. После некоторой паузы, во время которой я так и не смог ничего написать, он попросил меня вызывать тех людей, которых он сам будет выбирать.

Появилась новая серия форм. Они были похожи не на грибы, а скорее на японские чашечки для саке, перевернутые вверх дном. У некоторых было образование, похожее на голову, как ножка у чашки для саке, другие были округлыми. Их очертания были спокойными и приятными. Я чувствовал, что в них заключалось какое-то врожденное чувство счастья или что-то вроде этого. Они парили, как бы не связанные земным тяготением, которое приковывало к себе предыдущие формы. Каким-то образом один этот факт ослабил мою усталость.

Среди тех людей, которых он выбрал, был и его ученик Элихио. Когда я вызвал видение Элихио, то ощутил толчок, который выбил меня из состояния наблюдения. Элихио был длинной белой формой, которая качнулась, дернулась и, казалось, прыгнула на меня. Дон Хуан объяснил, что Элихио — очень талантливый ученик, и что он, без сомнения, заметил, что кто-то видит его.

Другим был Паблито, ученик дона Хенаро. Видение Паблито привело меня в еще большее потрясение, чем видение Элихио.

Дон Хуан так смеялся, что слезы потекли у него по щекам.

— Почему эти люди имеют другую форму? — спросил я.

— У них больше личной силы, — заметил он. — Как ты мог заметить, они не привязаны к земле.

— Что дало им такую легкость? Они что, такими родились?

— Все мы рождаемся легкими и парящими, по постепенно наша форма становится фиксированной и прикованной к земле. Мы сами себя такими делаем. Пожалуй, можно сказать, что эти люди имеют другую форму, потому что живут как воины. Однако важно не это. Сейчас важно то, что ты подошел к грани. Ты вызвал сорок семь человек, и теперь тебе осталось вызвать только одного.

Тут я вспомнил, что несколько лет назад в разговоре о магии зерна он сообщил мне, что количество зернышек для этого колдовства — сорок восемь, но так и не сказал, почему. Я снова спросил его об этом.

— Сорок восемь — это наше число, — сказал он. Именно оно делает нас людьми. Я не знаю, почему. Не трать свою силу на идиотские вопросы.

Он поднялся, потянулся всем телом и велел мне сделать то же. Я заметил, что на востоке появилась светлая полоска неба. Затем мы сели, и он приложил губы к моему уху.

— Последний человек, которого ты собираешься вызвать, это Хенаро — настоящая звезда, — прошептал он.

Я почувствовал волну возбуждения и любопытства. Я вновь прошел через все требуемые ступени. Странный звук, доносящийся из чапарраля, стал живым и приобрел новую силу. Я почти забыл о нем. Золотые пузырьки охватили меня, а затем в одном из них я увидел самого дона Хенаро. Он стоял передо мной улыбаясь, держа шляпу в руке. Я поспешно раскрыл глаза, собираясь заговорить, с доном Хуаном, но застыл в полной растерянности, не в силах вымолвить ни слова. По телу у меня пробежал озноб. Сам дон Хенаро стоял передо мной!

Я повернулся к дону Хуану. Он улыбался. Потом оба громко расхохотались. Я тоже попытался смеяться, но не смог и вскочил.

Дон Хуан подал мне чашку воды. Автоматически я выпил ее.

Дон Хенаро почесал голову, скрывая усмешку.

— Разве ты не собираешься поздороваться с Хенаро? — спросил дон Хуан.

Мне стоило огромных усилий привести в порядок свои мысли и чувства, пока я смог, наконец, выдавить какие-то приветствия. Дон Хенаро поклонился.

— Ты звал меня, верно? — спросил он, улыбаясь.

Я пробормотал, что просто поражен его появлением.

— Он звал тебя, — вставил дон Хуан.

— Что ж, вот и я, — сказал дон Хенаро. — Что вам угодно, сударь?

Я медленно приходил в себя. И, наконец, ко мне пришло внезапное озарение. С необыкновенной ясностью я понял, что в действительности произошло. Дон Хенаро гостил у дона Хуана. Увидев мою машину, он спрятался в кустах и оставался там до наступления темноты. Я считал доказательства убедительными. Время от времени дон Хуан подталкивал меня в нужном направлении, и таким образом управлял развитием событий.

В нужный момент дон Хенаро позволил мне заметить свое присутствие, а когда мы с доном Хуаном бежали обратно к дому, он следовал за нами самым очевидным образом, чтобы увеличить мой страх. Затем он скрывался в чапаррале, время от времени издавая те странные звуки по знаку дона Хуана. Последний знак выйти из кустов дон Хуан, должно быть, дал, когда мои глаза были закрыты — как раз тогда, когда он попросил меня вызвать Дона Хенаро. Очевидно, тогда дон Хенаро поднялся на веранду и ждал, пока я не открою глаза, чтобы испугать меня до потери сознания.

Единственное несоответствие в моей логической схеме было связано с тем, что я действительно видел, как человек, прятавшийся в кустах, превратился в птицу и что в первый раз дон Хенаро предстал передо мной как видение в золотом пузырьке. В моем видении он был одет точно так же, как и в действительности. Не найдя убедительного способа объяснить эти несоответствия, я, как обычно в подобных случаях, заключил, что эмоциональный стресс мог сыграть важную роль в том, что я считал своим «видением».

При мысли о том, что все происшедшее было всего лишь розыгрышем, мною овладел истерический смех. Я рассказал им о моих умозаключениях. Оба раскатисто захохотали. Мне казалось, что этот смех их выдает.

— Ты прятался в кустах, не так ли? — спросил я дона Хенаро.

Дон Хуан сел, схватившись за голову обеими руками.

— Нет, я не прятался, — сказал дон Хенаро терпеливо. — Я был далеко отсюда, но ты позвал меня — и я пришел повидаться с тобой.

— А где ты был, дон Хенаро?

— Далеко.

— Как далеко?

Дон Хуан, прервав меня, сказал, что дон Хенаро оказал мне любезность, и я не должен спрашивать, где он был, потому что он был нигде.

Дон Хенаро стал меня защищать и сказал, что все в порядке и что я могу спрашивать о чем угодно.

— Но если ты не прятался около дома, то где же ты был, дон Хенаро? — спросил я.

— Я был у себя дома, — сказал он с большой важностью.

— В Центральной Мексике?

— Да, это единственный дом, который у меня есть.

Они взглянули друг на друга и опять расхохотались. Я знал, что они дурачат меня, но предпочел не копаться в этом вопросе дальше, решив, что у них должны быть причины для таких сложных трюков.

Я сел. Вдруг у меня появилось весьма странное ощущение раздвоения. Одна часть меня совсем не была шокирована и могла принять любые поступки дона Хенаро или дона Хуана за чистую монету. Но была и другая, которая совершенно отказывалась сделать это. Это была моя самая сильная часть. В итоге я пришел к выводу, что только на интеллектуальном уровне принял описание мира магии, которое дал мне дон Хуан, тогда как мое тело как целостность отказывалось от него. В этом и была моя дилемма. Но затем, с годами моей связи с доном Хуаном и доном Хенаро я испытал необычайные вещи, и это уже был не интеллектуальный опыт, а опыт тела. Немногим ранее,

этой же ночью я выполнил бег силы, который с точки зрения моего интеллекта являлся невообразимым достижением. И более того, сегодня у меня были невероятные видения, являвшиеся по моему желанию без каких-либо вспомогательных средств.

Я объяснил им природу своей мучительной и в то же время оправданной растерянности.

— Этот парень — гений! — сказал дон Хуан дону Хенаро, недоверчиво качая головой.

— Ты ужасный гений, Карлитос! — сказал дон Хенаро, как бы передавая сообщение.

Они уселись по сторонам от меня, дон Хуан справа, а дон Хенаро слева. Дон Хуан заметил, что скоро наступит утро. В этот момент я опять услышал зов бабочки. Он шел теперь с другой стороны. Я посмотрел на них обоих, выдерживая их взгляд. Моя логическая схема начала распадаться. Звук обладал гипнотизирующей глубиной и силой, богатством оттенков.

Затем я услышал мягкие, приглушенные шаги, словно кто-то осторожно наступал на сухую подстилку. Воркующий звук раздался ближе, и я прижался к дону Хуану. Он сухо велел мне видеть это. Я сделал громадное усилие.

До сих пор я был уверен, что «бабочка» — это дон Хенаро. но дон Хенаро сидел рядом со мной. Но что же тогда было в кустах? Бабочка? Воркующий звук эхом отдавался у меня в ушах. Мне никак не удавалось прекратить внутренний диалог. Хотя я и слышал звук, но не мог почувствовать его в своем теле, как делал это раньше. Я слышал отчетливые шаги. Что-то пробиралось в темноте. Послышался громкий треск, словно кто-то наступил на сухую ветку, и внезапно меня охватило пугающее воспоминание. Несколько лет назад я провел ужасную ночь. В диких горах и подвергся нападению чего-то огромного, но очень легкого и мягкого, что вновь и вновь наступало мне на шею, пока я скорчившись лежал на земле. Дон Хуан объяснил мне то событие, как встречу с «союзником», мистической силой, которую маг выучивается воспринимать как существо.

Я плотнее прижался к дону Хуану и шепотом рассказал ему о своем

воспоминании. Дон Хенаро на четвереньках подполз к нам, чтобы быть поближе.

— Что он сказал? — спросил он дона Хуана шепотом.

— Он сказал, что там в кустах союзник, — ответил тот тихо.

Дон Хенаро отполз назад я сел. Затем он повернулся ко мне и сказал громким шепотом:

— Ты гений!

Они тихонько засмеялись. Движением подбородка дон Хенаро показал на чапарраль.

— Пойди туда, схвати его, только смотри, не забудь перед этим раздеться, и изгони из этого союзника дьявола!

Они затряслись от смеха. Звук тем временем исчез. Дон Хуан приказал, мне прекратить думать, но оставить глаза открытыми, сфокусированными на краю чапарраля передо мной. Он сказал, что бабочка меняет свое положение из-за того, что здесь находится дон Хенаро, и если она собирается показаться мне, то выберет место прямо передо мной.

После секундной борьбы за успокоение своих мыслей я опять услышал звук. Он был богаче, чем когда-либо. Сначала я слышал приглушенные шаги по сухим веткам, а затем ощутил их на своем теле. В этот момент я различил темную массу прямо перед собой на краю чапарраля.

Я чувствовал, что меня трясут. Дон Хуан и дон Хенаро наклонились надо мной, а я стоял на коленях, как если бы заснул в скрюченном положении. Дон Хуан дал мне воды, ия сел, прислонившись спиной к стене. Вскоре рассвело. Чапарраль, казалось, проснулся. Утренняя прохлада освежила меня.

Это не дон Хенаро был «бабочкой». Мое разумное построение распадалось. Я больше не хотел задавать вопросов, но и молчать мне не хотелось. В конце концов мне пришлось заговорить.

— Но если ты был в Центральной Мексике, дон Хенаро, то как же ты попал сюда?

Хенаро сделал какой-то непонятный и невероятно смешной жест.

— Прости, — сказал он мне. — Мой рот не хочет разговаривать.

Затем он повернулся к дону Хуану и сказал, улыбаясь:

— Почему ты не расскажешь ему?

Дон Хуан поколебался, а затем сказал, что дон Хенаро как потрясающий мастер магии способен на невероятные дела.

Грудь дона Хенаро выпятилась, как будто слова дона Хуана надували его. Он как будто вдохнул так много воздуха, что его грудная клетка стала в три раза больше. Казалось, он вот-вот взлетит. Он подпрыгнул. У меня было ощущение, что это воздух внутри его легких заставил его подпрыгнуть. Он прохаживался взад-вперед по земляному полу до тех пор, пока, видимо, не совладал со своей грудной клеткой. Он погладил ее и с большой силой пробежал ладонями от грудных мышц к животу, как если бы выжимал воздух через грудную клетку. Наконец он уселся. Дон Хуан улыбнулся. Его глаза светились откровенным удовольствием.

— Пиши свои заметки, — сказал он мягко. — Пиши, пиши, или ты умрешь!

Затем он заметил, что даже дон Хенаро воспринимает мое записывание как нечто неземное.

— Это верно, — сказал Хенаро. — Я даже подумываю о том, чтобы начать писать самому.

— Хенаро — человек знания, — сказал дон Хуан сухо. — И, как человек знания, он вполне способен переносить себя на большие расстояния.

Он напомнил мне, что однажды, несколько лет назад, мы все трое были в горах, и дон Хенаро, пытаясь помочь мне преодолеть свой глупый рассудок, совершил огромный прыжок на вершины гор, находившихся в десяти милях от

нас. Я помнил это событие, но помнил и то, что не смог поверить в его прыжок.

Дон Хуан добавил, что иногда Хенаро способен выполнять необычайные задачи.

— В определенное время Хенаро — это не Хенаро, а его дубль, — сказал он.

Он повторил это три или четыре раза. Затем оба они стали следить за мной, как бы ожидая запоздалой реакции. Я не понял, что он имел в виду под словами «его дубль». Он никогда не упоминал этого раньше. Я попросил разъяснений.

— Есть другой Хенаро, — объяснил он.

Мы все трое посмотрели друг на друга. Я очень встревожился. Движением глаз дон Хуан приказал мне продолжать разговор.

— У тебя что, есть брат-близнец? — спросил я, поворачиваясь к дону Хенаро.

— Конечно, — сказал он. — У меня есть двойник.

Я не мог понять, шутят они или нет. Оба смеялись как два ребенка, празднующих шалость.

— Можно сказать, — продолжал дон Хуан, — что в настоящий момент Хенаро — это его двойник.

Это заявление повергло их обоих на землю от хохота. Но я не мог примкнуть к их веселью. Мое тело невольно задрожало. Дон Хуан сказал жестким тоном, что я слишком ощущаю собственную важность.

— Отпустись, — приказал он. — Ты знаешь, что Хенаро — маг и неуязвимый воин, поэтому он способен выполнять дела, которые были бы немыслимы для обычного человека. Его двойник — другой Хенаро — одно из этих дел.

Я онемел. Воспринять все это просто как шутку я уже не мог.

— Для воина, подобного Хенаро, — продолжал он, — произвести Другого — не такая уж невероятная задача.

После долгих колебаний я наконец спросил:

— А этот «другой» похож на него самого?

— Другой и есть он сам, — ответил дон Хуан. Его объяснение было невероятным, но не более невероятным, чем все, что они делали.

— А из чего сделан «другой»? — спросил япосле минутной нерешительности.

— Этого нельзя узнать, — сказал он.

— Но если он такой же реальный, как я…

— Такой же реальный, как ты? — вставили в унисон дон Хуан и дон Хенаро.

Они переглянулись и так смеялись, что им чуть не стало дурно. Дон Хенаро бросил свою шляпу на пол и танцевал вокруг нее. Его танец был сложным, грациозным и по какой-то совершенно непонятной причине очень смешным. Наверное, юмор был в его исключительно отточенных движениях. Несоответствие было таким тонким, и в то же время столь заметным, что я скорчился от смеха.

— Твоя беда, Карлитос, — сказал он, после того, как сел, — состоит в том, что ты гений.

— Я должен узнать о дубле, — сказал я.

— Невозможно узнать, состоит ли он из плоти и крови, — сказал дон Хуан, — потому что он такой же реальный, как и ты. Дубль Хенаро такой же реальный, как Хенаро, понимаешь, что я имею в виду?

— Ты должен признать, дон Хуан, что существует способ узнать.

— Дубль — это он сам. Это объяснение должно удовлетворять тебя. Если бы ты, однако, видел, ты бы знал, что есть очень большая разница между Хенаро

и дублем. Для мага, который видит, дубль ярче.

Я чувствовал себя слишком слабым, чтобы продолжать задавать вопросы. Я положил блокнот, и на мгновение мне показалось, что я сейчас потеряю сознание. Поле зрения сузилось, став как бы туннелем. Все вокруг было темным, кроме круглого пятна ясной видимости прямо перед глазами.

Дон Хуан сказал, что мне надо поесть. Я не был голоден. Дон Хенаро заявил, что он умирает от голода, встал и отправился в заднюю часть дома. Дон Хуан тоже поднялся и сделал мне знак идти следом. На кухне дон Хенаро положил себе еды, а затем невероятно комично начал изображать человека, который страшно хочет есть, но не может проглотить пищу. Я думал, что дон Хуан сейчас умрет. Он рычал, брыкал ногами, кричал, кашлял и задыхался от смеха. Мне казалось, что я сейчас надорву себе бока. Игра дона Хенаро была бесценной.

Наконец он отказался от своих попыток и взглянул на нас по очереди. Его блестящие глаза излучали улыбку.

— Не помогает, — сказал он и пожал плечами.

Я съел огромное количество пищи, как и дон Хуан. Затем все мы вышли на веранду перед домом. Солнечный свет был очень ярким, небо — чистым, утренний ветерок освежал. Я чувствовал себя сильным и счастливым. Мы сели треугольником лицом друг к другу. После вежливого молчания я решил попросить их прояснить мою проблему. Я опять чувствовал себя в отличной форме и хотел использовать свою силу.

— Расскажи мне еще о дубле, дон Хуан, — попросил я. Дон Хуан указал на дона Хенаро, и тот поклонился.

— Вот он, — сказал дон Хуан. — Тут нечего говорить. Он здесь, ты можешь смотреть на него.

— Но он — дон Хенаро, — сказал я в слабой попытке направить разговор.

— Конечно, я — Хенаро, — сказал он и пожал плечами.

— Что же тогда такое дубль, дон Хенаро? — спросил я.

— Спроси его, — сказал он, указывая на дона Хуана. — Он тот, кто разговаривает, а я немой.

— Дубль — это сам маг, развившийся через свои сновидения, — объяснил дон Хуан. — Дубль для мага — это действие силы, но лишь сказка о силе — для тебя. В случае с Хенаро его дубль неотличим от оригинала. Он воин, и его безупречность — выше всяких похвал. Поэтому сам ты никогда не замечал разницы. Но за те годы, что ты его знаешь, ты встречался с оригиналом Хенаро только дважды. Все остальное время ты был с его дублем.

— Но это противоестественно! — воскликнул я.

Я чувствовал нарастающую тревогу. Я был так возбужден, что уронил свой блокнот, и мой карандаш куда-то закатился. Дон Хуан и дон Хенаро буквально нырнули на землю и начали разыгрывать его поиски. Я никогда не видел более поразительного представления театрального фокусника с ассистентом. Разве что здесь не было сцены или декораций, и, скорее всего, исполнители не применяли при этом ловкость рук.

Хенаро, главный фокусник, и его ассистент дон Хуан в несколько секунд извлекли поразительное разнообразие самых невероятных предметов, которые они находили под, или за, или над любым объектом, находившимся на веранде.

В стиле эстрадного артиста ассистент раскладывал предметы прямо на грязном полу: камни, мешки, куски дерева, молочную флягу и мой пиджак. Затем фокусник дон Хенаро приступал к обследованию предмета, который он выбрасывал, как только убеждался, что это не мой карандаш. Коллекция найденных предметов включала одежду, парики, очки, игрушку, поварешки, шестерни, мешки, женское нижнее белье, человеческие зубы, сандвичи и предметы религиозного культа. Один из найденных предметов был совершенно отвратителен. Это был кусок высохшего дерьма, который дон Хуан извлек из-под моего пиджака. Наконец, дон Хенаро нашел мой карандаш и вручил его мне после того, как обтер с него пыль полой своей рубашки. Они отметили свою клоунаду криками и смехом. Я оказался зрителем, который никак не мог присоединиться к их веселью.

— Не принимай все так серьезно, Карлитос, — сказал дон Хенаро с оттенком участия. — Иначе ты сделаешь…

Он сделал смешной жест, который мог означать что угодно. После того, как их смех утих, я спросил у дона Хенаро, что делает дубль, или что маг делает со своим дублем. Отвечал дон Хуан. Он сказал, что у дубля есть сила, и ее можно использовать для задач, которые были бы невообразимы в обычных условиях.

— Я уже неоднократно говорил тебе, что мир неизмерим, — сказал он мне. — Как и мы, как и каждое существо, которое есть в этом мире. Поэтому невозможно постичь дубля разумом, однако тебе было позволено смотреть на него, и этого должно быть более чем достаточно.

— Но есть же хоть какой-нибудь способ говорить о нем? — спросил я.

— Ты сам говорил мне, что ты объяснял свой разговор с оленем, чтобы иметь возможность говорить со мной. Не можешь ли ты сделать то же самое с дублем?

Он молчал. Я упрашивал. Нетерпение, которое я испытывал, было ни с чем не сравнимо.

— Что ж, маг может раздвоиться, — сказал дон Хуан. — Это все, что можно сказать.

— Но осознает ли он, что раздвоился?

— Конечно, он это осознает.

— Знает ли он, что находится одновременно в двух местах?

Оба посмотрели на меня и обменялись взглядами.

— Где сейчас другой Хенаро? — спросил я.

Дон Хенаро наклонился ко мне и уставился мне в глаза.

— Я не знаю, — сказал он мягко. — Ни один маг не знает, где находится его другой.

— Хенаро прав, — сказал дон Хуан. — У мага нет данных о том, что он находится в двух местах сразу. Ощущать это было бы равносильно тому, чтобы встретиться со своим дублем лицом к лицу, а маг, который сталкивается лицом к лицу с самим собой, — мертвый маг. Таков закон, таким образом сила расположила вещи. И никто не знает почему.

Дон Хуан пояснил, что к тому времени, как воин, овладев сновидением и видением, разовьет дубля, он должен также преуспеть в стирании личной истории, чувства собственной важности и распорядка жизни.

Он сказал, что в свое время обучил меня некоторым техникам, которым я умудрился не придать особого значения. На самом деле они и были, в сущности, средством устранить непрактичность обладания дублем в обычном мире. Они были направлены на то, чтобы сделать меня самого и мир текучими, поместив все это за границы обусловленности.

— Текучий воин не может больше принимать мир в хронологическом порядке, — объяснил дон Хуан. — Для него мир и он сам не являются больше предметными и плотными. Он — светящееся существо в светящемся мире. Дубль — это простое дело для мага, который знает, что он делает. Записывание — это простое дело для тебя, но ты все еще пугаешь Хенаро своим карандашом.

— Может ли сторонний наблюдатель, глядя на мага, видеть, что он находится в двух местах одновременно? — спросил я дона Хуана.

— Конечно. Это было бы единственным способом узнать истину.

— Но разве нельзя логически заключить, что маг тоже может заметить, что находится в двух местах?

— Ага! — воскликнул дон Хуан. — На этот раз ты прав. Маг, конечно, может заметить впоследствии, что он был в двух местах сразу. Но это только регистрация, и она никак не соотносится с фактом, что пока он действует, он этой двойственности не ощущает.

Мои мысли путались. Я чувствовал, что если перестану писать, то взорвусь.

— Подумай вот о чем, — продолжал он. — Мир не отдается нам прямо. Между нами и ним находится описание мира. Поэтому, правильно говоря, мы всегда на один шаг позади, и наше восприятие мира всегда только воспоминание о его восприятии. Мы вечно вспоминаем тот момент, который только что прошел. Мы вспоминаем, вспоминаем, вспоминаем.

Он покрутил рукой, как бы давая мне почувствовать, что он имеет в виду.

Но если весь наш опыт восприятия мира — воспоминание, тогда вполне естественно заключить, что маг может быть в двух местах сразу. Это происходит не с точки зрения его собственного восприятия, потому что и маг должен вспоминать только что совершенный поступок, только что пережитый опыт и события, свидетелем которых он был. В его осознании это является одним единственным воспоминанием. Но сторонний наблюдатель, смотрящий на мага, может решить, что маг действует одновременно в двух различных эпизодах. Маг, однако, вспоминает два отдельных мгновения, потому что клей описания времени больше не связывает его.

Когда дон Хуан закончил говорить, я был уверен, что у меня поднимается температура.

Дон Хенаро смотрел на меня любопытными глазами.

— Он прав, — сказал он. — Мы всегда на один прыжок позади.

Он стал двигать руками, как перед этим делал дон Хуан. Его тело начало дергаться и раскачиваться, и он отпрыгнул назад сидя. Казалось, у него была икота, и при каждом спазме его тело конвульсивно отпрыгивало назад. Он начал двигаться назад, прыгая на заду, и доскакал так до конца веранды и обратно.

Вид дона Хенаро, прыгающего на ягодицах, вместо того чтобы быть забавным, привел меня в такой ужас, что дону Хуану пришлось несколько раз ударить меня костяшками пальцев по лбу.

— Я просто не могу ухватить всего этого, — сказал я.

— Я тоже не могу, — сказал дон Хуан и пожал плечами.

— И я тоже не могу, дорогой Карлитос, — сказал дон Хенаро.

Вся эта смесь из моей усталости, невероятного объема чувственных восприятий и того настроения легкости и юмора, которым была наполнена клоунада дона Хенаро, были слишком большой нагрузкой для моих нервов. Я никак не мог утихомирить возбуждение в мышцах живота.

Дон Хуан заставил меня покататься по земле на животе до тех пор, пока я не восстановил свое спокойствие. Затем я опять сел, глядя на них.

— Дубль материален? — спросил я дона Хуана после долгого молчания.

Они посмотрели на меня.

— Есть ли у дубля материальное тело? — повторил я.

— Определенно, — сказал дон Хуан. — Плотность, материальность — это воспоминания. Поэтому, как и все, что мы ощущаем в мире, они являются только накапливаемой нами памятью. Памятью об описании. Ты помнишь о моей материальности точно таким же способом, как и о коммуникации посредством слов. Поэтому ты разговаривал с койотом, и именно поэтому ты воспринимаешь меня сейчас как плотное тело.

Придвинувшись, он слегка толкнул меня плечом и предложил дотронуться до него. Я взял его за руку, а затем обнял со слезами на глазах.

Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне. Он был похож на маленького ребенка с блестящими озорными глазами. Надув губы, он долго смотрел на меня.

— А как же я? — спросил он, пряча улыбку. — Неужели ты не хочешь обнять меня?

Поднявшись, я протянул к нему руки, но мое тело, казалось, застыло на месте. Я был не в силах двинуться. Как я ни пытался дотянуться до него, ничего не

получалось.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом, внимательно наблюдая за мной. Я чувствовал, как тело сотрясается под неведомой тяжестью.

Дон Хенаро сел и притворился обиженным тем, что я его так и не обнял. Он скреб землю пятками и пинал ее ногами, а затем оба они покатились со смеху.

Я весь дрожал, мышцы живота свело от напряжения. Дон Хуан заметил, что я двигаю головой так, как он учил меня, отражая луч света уголками глаз. Он выволок меня из-под крыши веранды на открытое место и повернул лицом на восток, к солнцу. Но к тому времени дрожь прекратилась. Я заметил, что сжимаю в руке свой блокнот, только когда дон Хенаро сказал, что я дрожал под тяжестью бумаги.

Я сказал дону Хуану, что тело заставляет меня уехать, и, не давая им времени на уговоры, помахал рукой дону Хенаро.

— До свидания, дон Хенаро, — крикнул я. — Я уезжаю. — Он помахал мне в ответ. Дон Хуан проводил меня к машине. — А у тебя тоже есть дубль, дон Хуан?

— Конечно! — воскликнул он.

И тут мне пришла в голову одна весьма пугающая мысль. Я хотел было отмахнуться от нее и побыстрее уехать, но что-то изнутри так и подмывало задать вопрос. За много лет нашего знакомства для меня стало привычным, что всякий раз, когда я хотел видеть дона Хуана, мне достаточно было приехать в Сонору или в Центральную Мексику, и он всегда был там, ожидая меня. До сих пор я не придавал этому особого значения, принимая как само собой разумеющееся.

— Скажи мне, дон Хуан, — спросил я полушутя, — ты сам-то настоящий, или ты — твой дубль?

Он наклонился ко мне, улыбаясь.

— Мой дубль, — прошептал он.

Я подскочил как ужаленный и помчался к своей машине.

— Я просто пошутил, — крикнул мне вдогонку дон Хуан громовым голосом. — Ты не имеешь права уезжать ты должен мне еще пять дней!

Смеясь и гримасничая, они вприпрыжку бежали за моей машиной, пока я выруливал.

— Карлитос, вызывай меня в любое время! — закричал дон Хенаро.

Глава 2. Видящий сон и видимый во сне

Я подъехал к дому дона Хуана на рассвете. По дороге я переночевал в мотеле с таким расчетом, чтобы приехать пораньше и не разбивать день.

Дон Хуан был где-то за домом и вышел ко мне, когда я его окликнул. Он тепло приветствовал меня и сказал, что рад меня видеть. Затем он сделал замечание, которое должно было заставить меня почувствовать себя легко, но произвело противоположное действие.

— Я услышал шум мотора, — сказал он с улыбкой. — И поэтому спрятался за домом, чтобы ты, чего доброго, не испугался, увидев меня на пороге.

Отметив мой мрачный вид и подавленность, дон Хуан сказал, что я напоминаю ему Элихио, который достаточно угрюм, чтобы быть хорошим магом, но слишком угрюм, чтобы стать человеком знания. Он добавил, что единственный способ противостоять разрушительному воздействию мира магов — это смеяться над ним.

Он не ошибся в оценке моего настроения. Я действительно нервничал и чувствовал себя неважно. Мы отправились побродить по пустыне, и мне

понадобилось немало времени, чтобы развеяться.

Эта простая прогулка с ним вернула мне душевное равновесие лучше любых разговоров.

Мы гуляли долго и вернулись лишь к вечеру. Я основательно проголодался. После еды мы устроились на веранде. День был ясным и солнечным. Я чувствовал себя обновленным и хотел поговорить.

— Вот уже несколько месяцев я чувствую себя не в своей тарелке, — сказал я. — Я был очень испуган тем, что вы говорили и делали в мой последним приезд.

Дон Хуан ничего не сказал. Он встал и несколько раз прошелся по веранде.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал я. — Я окончательно зашел в тупик и не могу не думать об этом постоянно.

— Ты боишься? — спросил он.

Я не боялся. Скорее, я был ошеломлен, перегружен тем, что увидел и услышал. Бреши в моем разуме были такими гигантскими, что я должен был или чинить их, или вообще отбросить свой проклятый рассудок. Мои замечания рассмешили его.

— Не выбрасывай пока свой разум, — сказал он. — Еще не время. Хотя это когда-нибудь и произойдет, но я не думаю, что сейчас именно тот случай.

— Нужно ли мне самому пытаться найти объяснение случившемуся?

— Конечно, — сказал он. — Это твой долг — успокоить ум. Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены. Они не преуменьшают их.

— Как же мне перепрыгнуть через эту? — спросил я.

— Прежде всего, я думаю, смертельно неправильно для тебя относиться ко всему так серьезно, — сказал он, садясь рядом со мной. — Есть три рода

плохих привычек, которыми мы пользуемся вновь и вновь, сталкиваясь с необычными жизненными ситуациями. Во-первых, мы можем отрицать очевидное и чувствовать себя при этом так, словно ничего не случилось. Это — путь фанатика. Второе — мы можем все принимать за чистую монету, как если бы мы знали, что происходит. Это — путь набожного человека. И третье — мы можем приходить в замешательство перед событием, когда мы или не можем ни искренне отбросить его, ни искренне принять. Это путь дурака. Не твой ли? Есть четвертый, правильный — путь воина. Воин действует так, как если бы никогда ничего не случалось, потому что он ни во что не верит. И, однако же, он все принимает за чистую монету. Он принимает, не принимая, и отбрасывает, не отбрасывая. Он никогда не чувствует себя знающим, и в то же время никогда не чувствует себя так, как если бы ничего не случалось. Он действует так, как будто он в полном контроле, даже если у него, может быть, сердце в пятки ушло. Если действуешь таким образом, то замешательство рассеивается.

Мы долгое время молчали. Слова дона Хуана были для меня подобны бальзаму.

— Могу ли я говорить о доне Хенаро и его дубле? — спросил я.

— Это зависит от того, что ты хочешь сказать о нем, — ответил он. — Ты собираешься индульгировать в своем замешательстве?

— Я собираюсь индульгировать в объяснениях, — сказал я. — Я в замешательстве потому, что не осмеливался приехать к тебе, а больше мне не с кем поговорить о своих затруднениях и сомнениях.

— Разве ты не говоришь со своими друзьями?

— Я-то говорю, но чем они могут мне помочь?

— Никогда не думал, что тебе нужна помощь. Ты должен культивировать чувство, что воин ни в чем не нуждается. Помощь в чем? У тебя есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является твоя жизнь. Я пытался научить тебя тому, что реальным опытом должен быть сам человек, и все, что для этого нужно — быть живым. Жизнь — это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна,

сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов — это быть воином.

Он выжидающе посмотрел на меня, но я медлил, тщательно подбирая слова.

— Если воин нуждается в утешении, — продолжал дон Хуан, — он просто выбирает любого человека и рассказывает ему о своих трудностях. В конечном счете, воин не ищет ни понимания, ни помощи. Говоря, он просто облегчает свою ношу. Но это при условии, что у воина есть талант к разговору. Если у него нет такого таланта, то он не говорит ни с кем. Но ты живешь не совсем как воин, во всяком случае, пока что. И провалы, которые ты встречаешь на своем пути, обязательно должны быть для тебя громадными. Я тебе сочувствую.

Казалось, он говорил серьезно. Судя по выражению участия в его глазах, это был он сам, а не его дубль. Он встал, погладил меня по голове и прошелся взад-вперед по веранде, поглядывая на чапарраль вокруг дома. Его движения встревожили меня.

Чтобы расслабиться, я заговорил о своей дилемме. Я чувствовал, что мне уже абсолютно поздно притворяться простодушным наблюдателем. Под его руководством я научился достигать удивительных состояний, таких как «остановка внутреннего диалога» и контролирование своих снов. Это были такие вещи, которые нельзя было подстроить или сбросить со счетов. Я следовал его советам, хотя и не всегда буквально, и частично преуспел в разрушении распорядка дня, принятии ответственности за свои поступки, стирании личной истории. И наконец я пришел к тому, что еще несколько лет назад приводило меня в ужас. Отныне я мог оставаться в одиночестве без нарушения физического или эмоционального комфорта. Пожалуй, это было моим самым впечатляющим достижением. С точки зрения моего прежнего «я», долго находиться в одиночестве и «не сойти с ума» было немыслимым. Я остро чувствовал изменения, которые происходили в моем образе жизни и мировоззрении. И поэтому я понимал, что моя реакция на откровения дона Хуана и дона Хенаро о дубле была несколько преувеличенной и неадекватной.

— Что со мной не так, дон Хуан? — спросил я.

— Ты индульгируешь, — бросил он. — Ты считаешь, что индульгировать в сомнениях и размышлениях — это признак чувствительного человека. Ну так я тебе скажу правду: ты очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Поэтому зачем же притворяться? Однажды я говорил тебе, что воин в смирении принимает себя таким, каков он есть.

— Ты так говоришь, словно я намеренно обманываю самого себя, — сказал я.

— Мы обманываем самих себя намеренно, — сказал он. — Мы осознаем свои действия, но наш маленький ум превращает себя в монстра, каковым он себя воображает. Однако, он слишком мал для такой большой формы.

Я объяснил ему, что моя дилемма, пожалуй, еще более сложна, чем ему кажется. Я сказал, что до тех пор, пока он и дон Хенаро были для меня людьми, подобными мне, их высший контроль делал их образцом для моего собственного поведения. Но если они являются людьми, совершенно отличными от меня по сути, то я не могу больше воспринимать их как пример, а только как нечто чуждое и странное, подражать чему невозможно при всем желании.

— Хенаро — человек, — сказал дон Хуан ободряющим тоном. — Правда, он уже больше не такой человек, как ты, но это его достижение, и это не должно возбуждать в тебе страх. Если он другой, то тем больше причин восхищаться им.

— Но его отличие — это не человеческое отличие, — сказал я.

— А что же это, по твоему, такое? Разница между человеком и лошадью?

— Не знаю, но он не такой, как я.

— Однако когда-то он был таким.

— Но могу ли я понять его изменения?

— Конечно, ты и сам меняешься.

— Ты хочешь сказать, что я разовью дубля?

— Никто не развивает дубля. Это просто способ говорить. Из-за своей любви к разговорам ты являешься мешком слов. Ты — в сетях их значений. Сейчас ты думаешь, что дубля развивают какими-нибудь злыми чарами. Но все мы, светящиеся существа, имеем дубля. Все мы! Воин учится осознавать это, только и всего. Есть, видимо, почти непроходимые барьеры, охраняющие это осознание, но этого можно было ожидать. Эти барьеры и делают такую задачу уникальной.

— Почему я так боюсь этого, дон Хуан?

— Потому что ты думаешь, что дубль — это то, что означают слова. Двойник, или какой-то другой ты. Я выбрал это слово только для описания. Дубль — это ты сам. И к нему нельзя подходить никаким другим образом.

— Что если я не хочу его иметь?

— Дубль — это не дело личного выбора. И точно так же не нам решать, будем ли мы учиться знанию магов, которое ведет к такому осознанию. Ты никогда не задавал себе вопрос, почему именно ты?

— Все время. Я сотни раз задавал этот вопрос и себе, и тебе тоже, но ты так и не ответил.

— Я имею в виду, что ты должен задавать себе этот вопрос не как требующий ответа, а в смысле размышления воина над его огромной удачей. Удачей оттого, что он нашел вызов.

Превратить это в обыкновенный вопрос — средство обычных рассудительных людей, которые хотят, чтобы ими восхищались или жалели их. Меня не интересует такого рода вопрос, потому что нет способа ответить на него. Избрать тебя было решением силы. Никто не может изменить планов силы. Теперь, когда ты выбран, ты уже ничего не сможешь сделать, чтобы остановить выполнение этого плана.

— Но ты сам говорил мне, дон Хуан, что всегда можно потерпеть поражение.

— Это верно. Каждый может потерпеть поражение. Но я думаю, ты имеешь в виду что-то другое. Ты хочешь иметь свободу потерпеть поражение и закончить все на своих собственных условиях. Слишком поздно. Воин находится в руках силы, и его единственная свобода заключается в том, чтобы вести безупречную жизнь. Нет никакого способа разыграть победу или поражение. Твой рассудок, для того, чтобы отказаться от целостности самого себя, может захотеть, чтобы ты проиграл битву и упал. Но есть контрмера, которая не позволит тебе провозгласить ложную победу или ложное поражение. Если ты думаешь, что можешь отступить в гавань поражения, то ты не в своем уме. Твое тело будет стоять на страже и не позволит тебе пойти этим путем.

Он тихонько засмеялся.

— Почему ты смеешься? — спросил я.

— Ты в ужасном положении, — сказал он. — Тебе слишком поздно возвращаться, но слишком рано действовать. Все, что ты можешь — это только наблюдать. Ты похож на младенца, который уже не может вернуться в материнское лоно, но еще не может ни резвиться, ни тем более действовать самостоятельно. Все, что может ребенок — это наблюдать и слушать рассказы о действиях. Ты сейчас как раз в таком положении. Ты не можешь вернуться в лоно своего прежнего мира, но в то же время не можешь действовать с силой. Ты можешь лишь наблюдать за поступками силы и слушать сказки — сказки о силе.

Дубль — одна из таких сказок. Ты это знаешь, и именно потому твой разум настолько этим захвачен. Притворяясь понимающим, ты лишь бьешься головой о стену. Могу сказать тебе только то, что дубль, хоть к нему и приходят через сновидение, реален настолько, насколько это возможно.

— Согласно тому, что ты мне рассказал, дон Хуан, дубль может совершать поступки. Может ли в таком случае дубль...

Он прервал меня, напомнив, что неуместно ссылаться на его рассказы, так как я видел дубля собственными глазами.

— Конечно, дубль может совершать поступки, — сказал я.

— Конечно! — ответил он.

— Но может ли дубль действовать от самого себя?

— Это он сам, черт возьми!

Мне было трудно пояснить свою мысль. Я хотел сказать, что если маг может совершать два поступка одновременно, то его способность к утилитарным действиям удваивается. Он может работать на двух работах, бывать в двух местах, видеть двух людей и так далее, одновременно.

— Позволь мне выразиться так, — продолжал я. — Гипотетически, может ли дон Хенаро убить кого-нибудь за сотни километров от себя, поручив сделать это своему дублю?

Дон Хуан смотрел на меня. Он покачал головой и отвел глаза в сторону.

— Ты просто набит сказками о насилии, — сказал он. Хенаро никого не может убить просто потому, что у него больше не осталось заинтересованности в других людях. К тому времени, когда воин способен превзойти видение и сновидение и осознает свое свечение, в нем не остается подобных интересов.

Я указал на то, что в самом начале моего ученичества он заявил, что маг, управляющий своим союзником, может быть перенесен за сотни километров для того, чтобы нанести удар своему врагу.

— Даа, — протянул он, — на сей раз я ответственен за твое замешательство. Я уже говорил тебе, что с тобой я не всегда следую системе, которую предписал мне мой собственный учитель. Он был магом. Мне следовало и тебя толкнуть в тот мир. Я этого не сделал, потому что меня больше не заботят подъемы и падения окружающих меня людей. Однако слова моего учителя запали мне в душу. И я неоднократно разговаривал с тобой так, как он сам говорил со мной. Видишь ли, Хенаро — человек знания. Самый чистый из всех. Его поступки безупречны. Он вне обычных людей и магов. Его дубль — это выражение его радости и юмора. Так что он, пожалуй, не сможет использовать его для создания или разрешения ординарных ситуаций. Насколько я знаю, дубль — это осознание нашего состояния как светящихся существ. Хенаро как дубль

может делать все что угодно, и тем не менее он предпочитает быть ненавязчивым и мягким.

Моей ошибкой было ввести тебя в заблуждение заимствованными словами. Мой учитель был неспособен производить те эффекты, которые создает Хенаро. Для моего учителя, к несчастью, очень многие вещи остались, как для тебя, только сказками о силе.

Я почувствовал себя обязанным отстаивать свою точку зрения. Я сказал, что говорил в гипотетическом смысле.

— Не существует гипотетического смысла, когда ты говоришь о мире людей знания. Человек знания не может причинять вред окружающим людям. Гипотетически или как угодно еще.

— Но что, если окружающие люди замышляют что-то против его здоровья или безопасности? Может ли он тогда использовать свой дубль для защиты?

Он неодобрительно прищелкнул языком.

— Что за невероятное насилие в твоих мыслях? — сказал он. — Никто ничего не может замышлять против безопасности и здоровья человека знания. Он видит, и поэтому всегда сумеет избежать подобных вещей.

Хенаро, например, намеренно пошел на риск, встречаясь, с тобой. Однако ты не можешь сделать ничего, что угрожало бы его здоровью или безопасности. В противном случае его видение дало бы ему об этом знать. Наконец, если в тебе есть что-либо врожденно-вредное для него, и его видение не сможет до этого добраться, тогда это — его судьба, и ни Хенаро, ни кто бы то ни было другой не смогут избежать этого. Так что, как видишь, человек знания все контролирует, не контролируя ничего.

Мы помолчали. Солнце почти коснулось верхушек густых высоких кустов с западной стороны дома. До захода солнца еще оставалось около двух часов.

— Почему бы тебе не позвать Хенаро? — спросил дон Хуан как бы невзначай.

Мое тело подпрыгнуло. Первым моим побуждением было бросить все и бежать

к машине. Дон Хуан расхохотался. Я сказал ему, что не нуждаюсь в том, чтобы доказывать что-либо самому себе, и что я вполне удовлетворен тем, что разговариваю с ним. Дон Хуан никак не мог перестать смеяться. Наконец, он сказал, что это позор, что дон Хенаро не сможет насладиться такой великолепной сценой.

— Видишь ли, если тебе неинтересно позвать Хенаро, то мне интересно, — сказал он решительным тоном. — Мне нравится его компания.

У меня появился ужасно кислый привкус во рту. Лицо покрылось испариной. Я хотел что-нибудь сказать, но сказать мне было, в сущности, нечего. Дон Хуан бросил на меня долгий изучающий взгляд.

— Давай, — сказал он. — Воин всегда готов. Быть воином — это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается воином. Точно так же никто не рождается разумным существом. Мы сами себя делаем тем и другим. Подтянись, я не хочу, чтобы Хенаро видел тебя таким дрожащим.

Он поднялся и прошелся взад и вперед по чистому полу веранды. Моя нервозность была настолько интенсивной, что я не мог больше писать и вскочил на ноги.

Дон Хуан заставил меня бежать на месте, обратясь лицом к западу. Он уже заставлял меня проделывать это ранее в различных обстоятельствах. Сутью этого бега было извлечь силу из сгущающихся сумерек. Подняв руки кверху с расставленными веером пальцами надо было с силой сжать их, когда руки находились в средней точке между горизонтом и зенитом.

Упражнение подействовало, я почти сразу же успокоился и собрался. Я не мог не удивляться тому, что случилось со старым «мной», который никогда раньше не мог расслабиться, выполняя эти движения, казавшиеся столь простыми и идиотскими.

Я хотел сконцентрировать внимание на той процедуре, которой дон Хуан, без сомнения, воспользуется для вызова дона Хенаро. Я предвидел какие-то невероятные действия. Но дон Хуан встал на краю веранды, приложил руки ко рту и закричал: «Хенаро! Иди сюда!»

Через секунду дон Хенаро вышел из чапарраля. Оба они сияли. Они практически танцевали передо мной. Дон Хенаро очень приветливо поздоровался со мной, а затем уселся на молочный бидон.

Со мной было что-то не так. Я не был озадачен, был как будто спокоен, но какое-то невероятное состояние безразличия и оцепенения охватило меня. Казалось, я наблюдал за сценой со стороны. Без всяких церемоний я стал рассказывать дону Хенаро, что за время своего последнего визита он напугал меня чуть ли не до смерти, и что даже во время моих опытов с психотропными растениями я не бывал в состояниях такого полного хаоса. Оба они приветствовали мои заявления, как будто я делал их специально для того, чтобы их рассмешить. Я засмеялся вместе с ними.

Они смеялись над моим ошеломленным видом, тыча в меня пальцами и подшучивая, как над пьяным.

Что-то во мне отчаянно боролось, пытаясь превратить все это в знакомую ситуацию. Мне явно хотелось быть озабоченным и испуганным.

В конце концов, плеснув мне в лицо водой, дон Хуан велел сесть и записывать. Он в очередной раз повторил, что если я не буду писать, то умру. Действительно, стоило мне записать первых несколько слов, как я начал приходить в себя. Казалось, что-то вновь становилось кристально ясным. Что-то, мгновение назад бывшее мутным и немым.

Я пришел в себя, и ко мне вернулись все мои обычные страхи. Как ни странно, меня это устраивало больше, чем не быть испуганным. Узнаваемость моих прежних реакций, даже не слишком приятных, была восхитительным лекарством.

Наконец я понял, что дон Хенаро просто вышел из чапарраля. На этот раз я решил отказаться от анализа и ни о чем не спрашивать, а просто быть молчаливым свидетелем.

— Хенаро прибыл вновь только ради тебя, — сказал дон Хуан.

Дон Хенаро сидел на старом молочном бидоне, прислонившись спиной к стене.

Он изображал всадника, покачиваясь и держа перед собой воображаемую уздечку.

— Это правда, Карлитос, — сказал он, и «придержал лошадь».

Он «спешился», перекинув ногу через воображаемую шею лошади. Его движения были столь совершенны, что на секунду у меня возникла полная иллюзия, что он прибыл верхом.

— Хенаро пришел, потому что он хочет рассказать тебе о дубле, — сказал дон Хуан, делая вид, что уступает дону Хенаро трибуну. Дон Хенаро поклонился, повернувшись лицом ко мне.

— Что ты хочешь знать, Карлитос? — спросил он неестественно высоким голосом.

— Ладно, раз уж ты хочешь рассказать мне о дубле, то рассказывай все, — сказал я с наигранной небрежностью.

Оба они покачали головой и посмотрели друг на друга.

— Хенаро хочет рассказать тебе о видящем сон и о видимом во сне, — сказал дон Хуан.

— Как ты знаешь, Карлитос, — сказал дон Хенаро тоном оратора, начинающего речь, — дубль начинается в сновидении.

Он пристально посмотрел на меня, улыбнулся и перевел взгляд на мою записную книжку и карандаш.

— Дубль — это сон, — сказал он, потянувшись.

Дон Хенаро встал, прошел к краю веранды и вошел в чапарраль. Он стоял у куста, повернувшись к нам в профиль. Казалось, он мочился. Через секунду я заметил, что с ним что-то неладно. Было похоже, что он изо всех сил пытается помочиться, но не может. По смеху дона Хуана я понял, что это очередная шутка. Дон Хенаро изгибался так комично, что вызвал у нас настоящую истерику.

Дон Хенаро вернулся на веранду и сел с лучезарной улыбкой.

— Когда не можешь, то уж не можешь, — сказал он и пожал плечами. Затем, после секундной паузы он добавил, вздохнув: — Да, Карлитос, дубль — это сон.

— Ты хочешь сказать, что он нереален? — спросил я.

— Нет, я хочу сказать, что он сон, — ответил он.

Тут вмешался дон Хуан и сказал, что дон Хенаро говорит о начальной стадии осознания нашей природы как светящихся существ.

— Все мы различны, и потому различны детали нашей борьбы, — сказал дон Хуан. — Однако ступени, ведущие к дублю, одинаковы для всех. Особенно первые ступени, которые еще так шатки и непрочны.

Дон Хенаро согласно кивнул и сделал замечание о неопределенности, существующей у мага на этой стадии.

— Когда это случилось со мной впервые, я не знал, что происходит. Однажды, собирая растения в горах, я добрался до места, на котором явно уже побывали другие травники. У меня уже было два огромных мешка лекарственных трав, и я собрался возвращаться домой. Решив отдохнуть перед обратной дорогой, я прилег у тропы в тени дерева и заснул. Вдруг я проснулся от какого-то шума и увидел, что с холма спускаются люди. Я быстро отбежал на несколько шагов и спрятался в кустах. Вдруг у меня возникло чувство, что я что-то забыл. Я глянул на то место у дороги, где я спал, и от испуга чуть не потерял штаны. Я все еще спал там! Это был я! Я потрогал свое тело. Это был я сам! Люди уже подходили к тому мне, который спал. В то время как я, который не спал, беспомощно выглядывал из укрытия. «Черт возьми! — подумал я. — Сейчас они увидят меня и заберут мешки». Но они прошли мимо, словно меня там и не было.

Мое видение было настолько живым, что я совсем взбесился. Я закричал и тогда проснулся вновь. Черт побери! Это был сон!

Дон Хенаро замолчал и взглянул на меня, как бы ожидая вопроса или замечания.

— Расскажи о том, как ты проснулся во второй раз, — сказал дон Хуан.

— Я проснулся на том же месте, где и заснул. Какое-то мгновение я смотрел на себя просыпающегося, а затем что-то дернуло меня к краю дороги, и я очнулся, протирая глаза.

Последовала длинная пауза. Я не знал, что сказать.

— Что ты сделал потом? — спросил дон Хуан.

Они засмеялись, и я понял, что дон Хуан поддразнивает меня. Это была пародия на мою манеру задавать вопросы.

Дон Хенаро продолжил. Он сказал, что на секунду застыл, а затем пошел все проверить.

— Место, где я прятался, было в точности таким, каким я его видел, — сказал он. — И люди, которые прошли мимо меня, удалялись по дороге. Я сбежал с холма и убедился, что это были те самые люди, которых я видел. Я шел с ними до самого города. Должно быть, они посчитали меня ненормальным. Я расспрашивал их, не видели ли они моего друга, спящего у дороги. Все они сказали, что не видели.

— Как видишь, — сказал дон Хуан, — все мы проходим через одни и те же сомнения. Мы боимся сойти с ума. Но, к несчастью для нас, мы все уже и так сумасшедшие.

— Однако ты чуть больше сумасшедший, чем все мы, — сказал мне дон Хенаро и подмигнул. — И более подозрительный.

Они посмеялись над моей подозрительностью, и дон Хенаро стал рассказывать дальше.

— Все мы изрядные тупицы, — сказал он. — Так что не ты один такой, Карлитос. Пару дней я был выбит из колеи этим сном, но затем мне пришлось

зарабатывать себе на жизнь и заботиться о множестве других вещей. И у меня действительно не было времени раздумывать над загадкой своих снов. Так что скоро я вообще забыл об этом. Я был очень похож на тебя.

Но однажды, несколько месяцев спустя, после ужасно утомительного дня, я заснул после обеда, как бревно. Как раз пошел дождь, и течь в крыше разбудила меня. Я вскочил с постели и забрался на крышу дома, чтобы починить ее прежде, чем натечет много воды. Я чувствовал себя таким бодрым и сильным, что закончил работу в одну минуту, даже не вымокнув. Я подумал, что мой короткий сон подействовал на меня очень хорошо. Когда я все закончил, я вернулся в дом, чтобы поесть что-нибудь, но обнаружил, что не могу глотать. Я подумал, что заболел. Я собрал корней и листьев и привязал их к шее, а затем отправился в постель. И, когда я подошел к своей постели, я опять чуть не уронил штаны. Я был там, в постели, и спал! Я хотел было потрясти самого себя и разбудить, но чувствовал, что это сильно не та вещь, которую я должен сделать. Поэтому я выбежал из дому Охваченный паникой, я бесцельно бродил среди холмов. У меня не было ни малейшего представления, куда я иду, и, хотя я жил там всю жизнь, я заблудился. Я шел под дождем и даже не замечал его. Похоже было на то, что я не мог думать. А затем молния и гром стали настолько интенсивными, что я проснулся опять.

На секунду он сделал паузу.

— Ты хочешь узнать, где я проснулся?

— Конечно, хочет, — ответил дон Хуан.

— Я проснулся в холмах под дождем.

— Но как ты знал, что ты проснулся? — спросил я.

— Мое тело знало это, — ответил он.

— Это был глупый вопрос, — вставил дон Хуан. — Ты ведь и сам знаешь, что что-то в воине всегда осознает каждое изменение. И целью пути воина как раз является усиление и поддержание этого осознания. Воин заботится о нем, очищает и полирует до блеска.

Он был прав. Я вынужден был признать, что какая-то часть меня действительно всегда осознает и регистрирует все, что бы я ни делал.

Однако же это не имело ничего общего с моим обыденным осознанием самого себя. Это было что-то другое, чего я не мог обозначить. Я сказал им, что, возможно, дон Хенаро сможет описать это лучше меня.

— Ты отлично все делаешь и сам, — сказал дон Хенаро. — Это внутренний голос, который говорит тебе, что есть что. И в тот раз он сказал мне, что я проснулся вторично. Проснувшись, я вначале решил, что нахожусь в сновидении. Затем я понял, что это не было настоящим сновидением, хотя и не было обычным сном. Поэтому я остановился на другой версии: что я ходил во сне полупроснувшись. Может быть, я не мог тогда понять этого иначе.

Дон Хенаро сказал, что его бенефактор объяснил ему, что испытанное им совсем не было сном, и он не должен настаивать на том, чтобы рассматривать это как хождение во сне.

— Он сказал тебе, что это было? — спросил я.

— Он сказал, что это была бука, — ответил Хенаро голосом маленького ребенка.

Я поинтересовался, совпадало ли объяснение бенефактора дона Хенаро с их собственным объяснением.

— Конечно, совпадало, — сказал дон Хуан.

— Мой бенефактор сказал, что тот сон, в котором человек смотрит на себя спящего, — продолжал дон Хенаро, — является временем дубля. Он рекомендовал мне не растрачивать свою силу на удивление или попытки объяснять происходящее, а быть готовым к действию.

Следующий случай произошел в доме моего бенефактора. Дом моего бенефактора был большим. Он был богатым человеком, на него работало много людей.

В тот день я помогал ему в работе по дому. Затем я лег отдохнуть и, по

обыкновению, крепко заснул. Его дом определенно был местом силы и помог мне. Внезапно я проснулся от громкого шума. Звук походил на шум от лопаты, которой копают гравий. Я сел, прислушиваясь, а затем поднялся. Звук был очень беспокоящим, и я не мог понять почему. Я подумал, не пойти ли мне посмотреть что там такое, и вдруг увидел самого себя спящим на полу. На этот раз, однако, я знал, чего мне ожидать и что делать, и последовал за звуком. Я прошел вглубь дома. Там никого не было. Звук, казалось, доносился извне. Я продолжал следовать за ним. Чем дальше я шел, тем быстрее мог двигаться. В конце концов, я оказался в отдаленном месте, где стал свидетелем невероятных вещей.

Он объяснил, что хотя в то время он был начинающим и в области сновидения сделал еще очень мало, но при этом у него с легкостью получалось видеть во сне самого себя спящим.

— И куда же ты пришел, дон Хенаро? — спросил я.

— Тогда я в первый раз действительно двигался в сновидении, — сказал он. — Однако я уже знал о нем достаточно, чтобы вести себя правильно. Я ни на что не смотрел прямо, и в конце концов оказался в глубоком овраге, где у моего бенефактора росли некоторые из его растений силы.

— Так ты думаешь, что в этом случае лучше знать о сновидении не слишком много? — спросил я.

— Нет, — вставил дон Хуан. — У каждого из нас есть способность что-нибудь делать с особой легкостью. У Хенаро — талант к сновидению.

— Что ты видел в овраге, дон Хенаро? — спросил я.

— Я видел, как мой бенефактор выполняет некоторые опасные маневры с людьми. Я думал, что нахожусь здесь, чтобы помочь ему, и спрятался за деревьями. Однако я не знал, чем помочь. Но вскоре догадался, что эта сцена для того, чтобы я наблюдал за ней, а не участвовал.

— Где, как и когда ты проснулся?

— Я не знаю, когда я проснулся. Должно быть, прошло несколько часов. Я

знаю только, что последовал за моим бенефактором и другими людьми. По пути они громко спорили, и когда вошли в дом, шум их голосов разбудил меня. Я был на том же месте, где видел себя спящим.

Проснувшись, я понял, что все, что я видел или делал, не было сном. Я действительно уходил на какое-то расстояние, ведомый звуком.

— Знал ли твой бенефактор, что ты делаешь?

— Конечно. Он специально производил этот звук лопатой, чтобы помочь мне выполнить свою задачу. Войдя в дом, он сделал вид, что недоволен тем, что я заснул. Я знал, что он видел меня. Позднее, когда его друзья ушли, он рассказал мне, что заметил мое свечение, скрывающееся за деревьями.

Дон Хенаро считал, что эти три случая поставили его на тропу сновидения, и добавил, что у него ушло пятнадцать лет на то, чтобы дождаться следующего раза.

— Четвертое видение было еще более странным и сложным, — сказал он. — Я оказался посреди распаханного поля, обнаружив себя спящим на боку в борозде. Я знал, что нахожусь в сновидении, потому что каждую ночь занимался настройкой сновидения. Обычно каждый раз, когда я видел себя спящим, я был на том месте, где заснул. На этот раз я не был у себя в постели, хотя и знал, что вечером уснул там. В этом сновидении был день. Поэтому я начал исследовать. Я отошел от того места, где лежал, и сориентировался. На самом деле я находился не так уж далеко от дома — милях в двух, не больше. Я прошелся вокруг, обращая внимание на каждую деталь, встал в тени большого дерева, росшего поблизости, и посмотрел через небольшую равнину на кукурузные поля, расположенные по склону холма. И тут меня поразило нечто совершенно необычное: детали окружающего не менялись и не исчезали, как бы долго я на них не смотрел. Испугавшись, я побежал обратно к тому месту, где спал. Другой я был еще там, как и прежде. Я стал рассматривать себя. У меня было странное ощущение безразличия по отношению к телу, на которое я смотрел.

Затем я услышал, что приближаются люди. Люди, казалось, всегда крутились вокруг меня. Я взбежал на небольшой холм и осторожно посмотрел оттуда. Десять человек приближались к тому полю, где я находился. Все они были

молодыми людьми. Я бегом вернулся к борозде, и пережил ужаснейшие моменты в своей жизни, пока смотрел на самого себя, лежащего и храпящего, как свинья. Я знал, что должен разбудить себя, но не имел представления, как это сделать. Я знал также, что смерти подобно для меня разбудить себя самого. Но неизвестно, что будет, если эти юноши найдут меня здесь. Все эти соображения, пронесшиеся у меня в голове, на самом деле не были мыслями. Они, скорее, были сценами у меня перед глазами. Моя озабоченность была, например, сценой, в которой я смотрел на самого себя, ощущая при этом, как меня лупят кулаками. Я называю это обеспокоенностью. После этого первого раза такое бывало со мной неоднократно.

Что же, поскольку я не знал, что предпринять, то стоял, глядя на самого себя в ожидании самого худшего. Калейдоскоп мелькающих картин пронесся у меня перед глазами. В особенности я уцепился за вид моего дома и моей постели. Картина была очень ясной. О, как я хотел оказаться опять в своей постели! Тут вдруг я дернулся, как от удара, и проснулся. Я был у себя в постели! Очевидно, я был в сновидении.

Я выскочил из постели и побежал к месту моего сновидения. Все было в точности таким, как я видел. Молодые люди работали там. Я долгое время наблюдал за ними. Это были те же самые молодые люди.

Я вернулся туда к вечеру, когда все ушли, и остановился на том месте, где видел себя спящим. Да, кто-то лежал здесь. Земля была примята!

Дон Хуан и дон Хенаро наблюдали за мной. Они были похожи на двух странных животных. По спине у меня пробежал озноб. Я был на грани индульгирования в очень рациональном страхе, что они не были в действительности людьми, подобными мне, но тут дон Хенаро рассмеялся.

— В те дни, — сказал он, — я был совершенно таким же, как ты, Карлитос. Я хотел все проверить. Я был таким же подозрительным, как и ты.

Он остановился, поднял палец и погрозил мне, а затем повернулся к дону Хуану.

— Ты не был таким подозрительным, как этот парень? — спросил он.

— Нисколько, — сказал дон Хуан. Он — чемпион.

Дон Хенаро повернулся ко мне и изобразил жест извинения. — Кажется, я ошибся, — сказал он. — Я не был таким подозрительным, как ты.

Они тихо засмеялись, как бы не желая шуметь. Тело дона Хуана сотрясалось от приглушенного смеха.

— Это твое место силы, — сказал дон Хенаро шепотом. — Ты уже списал до костей все пальцы на том месте, где сидишь. Ты когда-нибудь делал здесь какое-нибудь могучее сновидение?

— Нет, он не делал, — сказал дон Хуан тихим голосом. — Но зато он делал могучее писание.

Казалось, они не хотели громко смеяться. Их тела сотрясались. Тихий смех был похож на ритмическое покашливание.

Дон Хенаро выпрямился и подсел ко мне поближе. Он несколько раз похлопал меня по плечу, говоря, что я негодяй, а затем с огромной силой рванул меня за левую руку к себе. Потеряв равновесие, я упал вперед, едва не ударившись лицом о твердый грунт. Я успел лишь выбросить перед собой правую руку и смягчить падение. Кто-то из них схватил меня за шею и прижал к земле. Я не был уверен, кто именно. Державшая меня рука была похожа на руку дона Хенаро, и я испытал момент опустошительной паники. Я чувствовал, что теряю сознание. Возможно, это и произошло. Давление в животе было настолько интенсивным, что меня вырвало. Следующим ясным ощущением было, что кто-то помогает мне сесть.

Я повернулся в поисках дона Хуана, но его нигде не было видно. Передо мной на корточках с сияющей улыбкой сидел дон Хенаро. Его глаза блестели. Он пристально посмотрел на меня. Я спросил его, что он со мной сделал, и он сказал, что я разбит на части. Судя по его тону, он был то ли недоволен, то ли раздражен мной. Дон Хенаро несколько раз повторил, что я разбит на части и что я должен собраться вновь. Он попытался разыграть суровый тон, но засмеялся на середине фразы. Он сказал, что это совершенно ужасно — я рассыпан по всему этому месту, и ему, пожалуй, понадобится метла, чтобы смести все части в одну кучу. Потом он добавил, что какие-нибудь части могут

оказаться у меня не на тех местах, и все кончится тем, что мой пенис окажется на месте большого пальца. Здесь он снова засмеялся. Я тоже хотел было засмеяться, но вдруг испытал совершенно необычное ощущение. Мое тело развалилось! Казалось, что я был заводной механической игрушкой, которая попросту рассыпалась на части. У меня не было никаких физических ощущений, и точно так же я не чувствовал ни страха, ни озабоченности. Распад на части был сценой, которую я наблюдал с точки зрения постороннего, и при этом не испытывал никаких чувств.

Дальше я осознал, что дон Хенаро манипулирует моим телом. Тут у меня уже были физические ощущения — вибрация настолько интенсивная, что заставила меня потерять из виду все окружающее.

Тут я почувствовал, что меня трясут. Передо мной на корточках сидел дон Хенаро. Он поднял меня и помог мне идти. Я не мог понять, где нахожусь. Мне казалось, что все происходит во сне, но при этом было полное ощущение непрерывности времени. Я остро осознавал, что только что находился вместе с доном Хенаро на веранде дома дона Хуана. Дон Хенаро шел рядом, поддерживая меня под левую руку. Я не мог определить природу того, что я наблюдал. То, что находилось перед моими глазами, более походило на чувство или настроение, и центром этих изменений была область в середине моего живота. Я определил эту связь не как мысль или соображение, но как телесное ощущение, которое внезапно стало фиксированным и подавляющим. Изменения вокруг меня исходили из моего живота. Я создавал мир, бесконечный поток ощущений и картин. Тут было все, что я знал. Это само по себе было не мыслью и не сознательным заключением, но скорее чувством.

С минуту еще из-за своей почти неискоренимой привычки все отмечать я попытался что-нибудь регистрировать, но в определенный момент процесс регистрирования исчез, и что-то безымянное обволокло меня со всеми моими чувствами и картинами.

Когда в какой-то момент что-то внутри меня опять принялось за регистрацию, я заметил, что одна картина все время повторяется: дон Хуан и дон Хенаро, которые пытаются пробраться ко мне. Картина была мимолетной, как если бы я видел ее из окна мчащейся машины. Казалось, они пытались поймать меня, когда я проходил мимо.

По мере того, как эта картина возвращалась, она становилось более ясной и длительной. В какой-то момент я понял, что намеренно выделяю ее из бесчисленного множества других картин. Я словно проносился через все остальное именно к этой картине. Наконец, я смог удерживать ее, думая о ней. Как только я начал думать, мои обычные процессы взяли верх, и в конце концов выделенная мною сцена стала совершенно определенной: дон Хуан и дон Хенаро поддерживали меня подмышки на веранде дома дона Хуана. Я хотел продолжать смотреть на другие картины, но они мне мешали. Секунду я боролся, чувствуя себя легким и счастливым. Оба они мне очень нравились. Я не боялся и даже хотел пошутить с ними, но не знал как, и продолжал смеяться, похлопывая их по плечам. У меня было и другое любопытное осознание. Я был уверен, что я в сновидении, потому что все, на чем я фокусировал взгляд, немедленно начинало расплываться.

Дон Хуан и дон Хенаро обращались ко мне, но я не мог удержать смысл их слов и не различал, кто именно из них говорит. Дон Хуан развернул меня и указал на какую-то фигуру, лежащую на земле. Дон Хенаро подтащил меня к ней поближе и заставил обойти вокруг. Это был человек, который лежал на животе, повернув голову вправо. Снова и снова они показывали мне на него и что-то говорили. Они перемещали меня и поворачивали так, чтобы я мог рассмотреть человека с разных сторон. Я никак не мог сфокусировать глаза, но в конце концов успокоился и взглянул на него. Медленно пришло осознание, что человек, лежавший на земле, — это я сам. Страха не было. Я просто понял это без всяких эмоций. В тот момент я был на грани между сном и бодрствованием. Я стал лучше понимать дона Хуана и дона Хенаро и смог разобрать их слова. Дон Хуан сказал, что мы пойдем к месту силы — круглой площадке в чапаррале, и перед моими глазами тут же возникла картина этого места. Я увидел темную массу кустов вокруг него. Я повернулся вправо. Дон Хуан и дон Хенаро тоже были тут. Тело мое вздрогнуло, и я почувствовал, что боюсь их, — они выглядели как две угрожающие тени. Но страх исчез, стоило мне различить их черты. Я снова любил их. Я был как пьяный и не мог ни за что ухватиться. Они схватили меня под руки и стали трясти, приказывая проснуться. Я слышал их голоса ясно и раздельно. Затем произошло нечто уникальное: я увидел сразу две картины, два сна. Я почувствовал, как что-то, прежде глубоко спавшее во мне, пробуждается, и обнаружил себя лежащим на полу веранды, где дон Хуан и дон Хенаро трясли меня. Но в то же время я находился на месте силы, и дон Хуан и дон Хенаро трясли меня и там. В один критический момент я не находился ни там, ни здесь, а был скорее

одновременно в двух местах, наблюдая обе сцены. У меня было невероятное ощущение, что в тот момент я мог перейти на любую сторону. Все, что мне нужно было сделать — это изменить перспективу, и вместо того, чтобы наблюдать сцену извне, почувствовать ее с точки зрения субъекта.

Было что-то очень притягательное в доме дона Хуана, и я предпочел эту сцену.

Затем я испытал ужасающий спазм, настолько потрясший меня, что ко мне мгновенно вернулось мое обычное сознание. Дон Хуан и дон Хенаро ведрами лили на меня воду. Я был на веранде дома дона Хуана.

Спустя несколько часов мы сидели на кухне. Дон Хуан велел мне вести себя так, словно ничего не случилось. Он дал мне какой-то еды и посоветовал есть побольше, чтобы компенсировать расход энергии.

Когда мы принялись за еду, я взглянул на часы. Был десятый час вечера. Мой опыт длился несколько часов, но у меня было такое чувство, что я заснул лишь ненадолго.

Я полностью пришел в себя, хотя все еще был каким-то оцепеневшим. Обычное сознание вернулось ко мне только тогда, когда я начал делать записи. Я был очередной раз поражен, насколько мгновенно это занятие возвращает мне трезвость. Как только я стал «самим собой», немедленно хлынул поток разумных объяснений всего происшедшего. Например, я тут же «знал», что дон Хенаро загипнотизировал меня в тот момент, когда прижал к земле. Правда, я не пытался понять, как он это сделал.

Оба они истерически хохотали, когда я поделился с ними своим «открытием». Дон Хенаро внимательно осмотрел мой карандаш и сказал, что он является тем ключиком, которым заводится моя основная пружина. Я почувствовал замешательство, сменившееся усталостью и раздражением. В конце концов я сорвался на крик, а они смеялись надо мной до упаду.

Дон Хуан сказал, что позволительно ступить мимо лодки, но уж не настолько далеко и что дон Хенаро прибыл исключительно для того, чтобы помочь мне открыть тайну видящего сон и видимого во сне.

Моя раздражительность достигла предела. Дон Хуан движением головы сделал знак дону Хенаро. Оба они поднялись и повели меня за дом. Там дон Хенаро продемонстрировал свой огромный репертуар рычания и криков различных животных и сказал, что я могу выбрать любой из них, и он научит меня его воспроизводить.

После длительной практики я научился подражать ему довольно хорошо. Кончилось тем, что они смеялись до слез, наслаждаясь моим нелепым видом, а я избавился от своего напряжения, имитируя громкий крик животного. Я в шутку сказал им, что вошел в роль и начинаю бояться самого себя. Спокойная расслабленность моего тела была ни с чем не сравнима. Дон Хуан сказал, что если я усовершенствую этот крик, то смогу превратить его в действие силы или просто использовать для разрядки всегда, когда мне это будет нужно. Он предложил мне отдохнуть, но я боялся спать. Еще некоторое время я сидел рядом с ними у кухонного очага, а затем незаметно погрузился в глубокий сон.

Проснулся я на рассвете. Дон Хенаро спал у двери. Казалось, он открыл глаза одновременно со мной. Я был укрыт, под головой вместо подушки лежал свернутый пиджак. Я чувствовал себя очень спокойным и хорошо отдохнувшим. Я заметил дону Хенаро. что прошлая ночь совсем обессилила меня. Он сказал, что его тоже, а затем прошептал, как бы доверяясь мне, что дон Хуан устал еще больше, потому что он старше.

— Мы с тобой молоды, — сказал он с блеском в глазах, — а он стар. Сейчас ему, наверное, уже около трехсот.

Я поспешно сел. Дон Хенаро прикрыл лицо одеялом и захохотал. В этот момент в комнату вошел дон Хуан. Я чувствовал мир и покой. Хоть однажды ничто действительно не имело значения. Мне было так легко, что хотелось плакать.

Дон Хуан сказал, что прошлой ночью я начал осознавать свое свечение. Он предупредил меня, чтобы я не индульгировал в своем хорошем самочувствии, как я это делаю сейчас, иначе оно снова обратится в недовольство.

— В данный момент, — сказал я, — я ничего не хочу объяснять. Не имеет никакого значения, что дон Хенаро сделал со мной прошлой ночью.

— Я ничего с тобой не делал, — бросил дон Хенаро. — Смотри, это я, Хенаро. Твой Хенаро! Потрогай меня!

Я обнял дона Хенаро, и мы смеялись, как два ребенка. Он спросил меня, не кажется ли мне странным, что я могу обнять его, тогда как в прошлый раз, когда мы виделись, я был не способен к нему даже прикоснуться. Я заверил, что эти вопросы меня больше не волнуют.

Дон Хуан заметил, что я индульгирую в широкомыслии и хорошем самочувствии.

— Берегись, — сказал он. — Воин всегда настороже. Если ты будешь продолжать быть таким же счастливым, то выпустишь последнюю маленькую силу, которая в тебе еще осталась.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Быть самим собой, — сказал он. — Сомневаться во всем, быть подозрительным.

— Но мне не нравится быть таким, дон Хуан.

— Не имеет никакого значения, нравится тебе это или нет. Значение имеет то, что ты можешь использовать как щит. Воин должен использовать все доступные ему средства, чтобы прикрыть свой смертельный просвет, когда он открывается. Поэтому неважно, что тебе на самом деле не нравится быть подозрительным или задавать вопросы. Сейчас это — твой единственный щит.

— Пиши, пиши. Иначе ты умрешь, — сказал он. — Умереть в восторженном состоянии — не лучший способ умирания.

— Тогда как должен умирать воин? — спросил дон Хенаро, в совершенстве имитируя мою интонацию.

— Воин умирает трудно, — сказал дон Хуан. — Смерть должна бороться с ним. Воин не отдается ей.

Дон Хенаро раскрыл глаза до огромных размеров, а затем мигнул.

— То, что Хенаро показал тебе вчера — крайне важно, — продолжил дон Хуан. — Ты не должен утопить это в слепом доверии. Вчера ты сказал мне, что тебя сводит с ума идея дубля. Но взгляни на себя сейчас. Тебе больше нет до этого дела. В том-то и беда с людьми, которые сходят с ума. Они сходят с ума в обе стороны. Вчера ты весь был вопросом, сегодня ты весь — приятие.

Я сказал, что он всегда находит изъян в том, что я делаю, вне зависимости от того, как я это делаю.

— Это неправда! — воскликнул он. — В пути воина нет изъянов. Следуй ему, и никто не сможет тебя упрекнуть. Возьми, например, вчерашний день. Путем воина было бы, во-первых, задавать вопросы без страха и подозрений, а затем позволить Хенаро открыть тебе тайну видящего сон, вместо того, чтобы сопротивляться ему, опустошая себя. Сегодня путем воина было бы собрать все, чему ты научился, без предвзятости и без восторженности. Делай так, и никто не найдет в этом никаких изъянов.

Судя по его тону, я подумал, что дон Хуан и вправду раздражен моей неуклюжестью, но он улыбнулся мне, а затем расхохотался, как если бы его рассмешили его собственные слова.

Я сказал ему, что просто сдерживаюсь, потому что не хочу нагружать их своими вопросами. Я действительно был переполнен впечатлениями от того, что дон Хенаро сделал со мной. Я был убежден, хотя это больше и не имело значения, что дон Хенаро ожидал в кустах, пока дон Хуан не позвал его. Затем, позднее, он воспользовался моим испугом, чтобы ошеломить меня. После того, как я был прижат к земле, я, без сомнения, потерял сознание, и тогда дон Хенаро, должно быть, загипнотизировал меня.

Дон Хуан возразил, что я слишком силен, чтобы поддаться так легко.

— Что же тогда произошло на самом деле? — спросил я.

— Хенаро пришел навестить тебя, чтобы рассказать тебе нечто исключительное, — сказал он. — Когда он вышел из кустов, он был Хенаро-дубль. Есть способ объяснить это понятнее, но сейчас я не могу им воспользоваться.

— Почему, дон Хуан?

— Потому что ты еще не готов говорить о целостности самого себя. Пока что я скажу лишь, что сейчас Хенаро — не дубль. Он кивнул в сторону дона Хенаро. Тот пару раз моргнул.

— Прошлой ночью Хенаро был дублем, а дубль, как я уже тебе говорил, имеет невообразимую силу. Он показал тебе очень важную вещь. Чтобы сделать это, ему пришлось коснуться тебя. Дубль просто коснулся твоей шеи в том месте, где союзник наступил на тебя несколько лет назад. И, естественно, ты выключился, как свет. Естественно также, что ты индульгировал, как сукин сын. Нам понадобилось несколько часов, чтобы раскрутить тебя. Таким образом, ты рассеял свою силу, и когда пришло время выполнить задачу воина, в твоем мешке ее не хватило.

— Что это была за задача, дон Хуан?

— Я говорил, что Хенаро пришел показать тебе нечто, тайну светящихся существ как видящих сны. Ты хотел узнать о дубле. Он начинается в снах. Но затем ты спросил: «Что такое дубль?» Я сказал, что дубль — это ты сам. Человек сам видит во сне дубля. Это должно быть простым, разве что нет ничего простого относительно нас. Может быть, обычные сны для тебя очень просты, но это не значит, что сам ты прост. Когда ты научишься видеть во сне дубля, то прибудешь на этот колдовской перекресток, и настанет момент, когда ты осознаешь, что дубль видит во сне себя самого.

Я тщательно записал все, что он сказал, но мало что понял.

Дон Хуан повторил свою формулировку.

— Урок прошлой ночи, как я сказал тебе, был о видящем сон и видимом во сне, или о том, кто кого видит во сне.

— Извини, я не понял, — сказал я. Оба они покатились со смеху.

— Прошлой ночью, — продолжал дон Хуан, — ты почти выбрал проснуться на месте силы.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— Это был бы поступок. Если бы ты не индульгировал в своей обычной дурацкой манере, у тебя было бы достаточно силы, чтобы потрогать чешуйки, и ты, без сомнения, перепугался бы до смерти. К счастью или к несчастью, но как бы там ни было, силы у тебя было недостаточно. На деле ты до такой степени растратил свою силу в бесполезном замешательстве, что тебе ее едва хватило, чтобы выжить.

Поэтому, как ты можешь теперь понять, индульгировать в своих мелких уловках не только глупо и невыгодно, но и вредно.

Воин, который опустошает себя, не способен выжить. Тело имеет пределы выносливости. Ты мог тяжело заболеть, и этого не случилось просто потому, что мы с Хенаро отклонили часть твоей чепухи. До меня начал полностью доходить смысл его слов.

— Прошлой ночью Хенаро провел тебя через сложности дубля, — продолжал дон Хуан. — Только он мог сделать это для тебя. И когда ты увидел себя, лежащего на земле, это не было ни видением, ни галлюцинацией. Ты мог бы понять это очень ясно, если бы не заблудился в своем индульгировании. И ты знал бы тогда, что сам ты являешься сном, что твой дубль видит тебя во сне точно так же, как ты его видел во сне прошлой ночью.

— Но как это может быть?

— Никто не знает, как это происходит. Мы знаем лишь то, что это случается. В этом — наша тайна как светящихся существ. Прошлой ночью у тебя было два сна, и ты мог проснуться в любом из них. Но у тебя было недостаточно силы, чтобы понять это.

Секунду они пристально смотрели на меня.

— Я думаю, он понимает, — сказал дон Хенаро.

Глава 3. Секрет светящихся существ

Дон Хенаро долгое время развлекал меня какими-то абсурдными инструкциями относительно того, как я должен управляться со своим повседневным миром. Дон Хуан посоветовал мне самым серьезным образом отнестись к рекомендациям дона Хенаро, потому что, хоть они и забавны, но ни в коем случае не являются шутками.

Около полудня дон Хенаро поднялся и, не сказав ни слова, пошел в кусты. Я тоже начал вставать, но дон Хуан придержал меня и бесстрастным голосом заявил, что Хенаро попытается сделать со мной еще одну вещь.

— Что он задумал? — спросил я. — Что еще он собирается делать со мной?

Дон Хуан заверил меня, что мне не нужно беспокоиться.

— Ты приближаешься к перекрестку, — сказал он. — Определенному перекрестку, к которому подходит каждый воин.

У меня мелькнула мысль, что он говорит о моей смерти. Он, казалось, предвидел мой вопрос и сделал мне знак помолчать.

— Мы не будем обсуждать этот предмет, — сказал он. — Удовлетворись тем, что перекресток, о котором я говорю, является объяснением магов. Хенаро считает, что ты к нему готов.

— Когда ты собираешься рассказать мне о нем?

— Я не знаю. Это зависит от тебя. Ты сам должен решить, когда.

— А чем плохо, если сейчас?

— Решить — это не значит выбрать время наугад.

Решить — означает, что ты настроил свой дух и сделал его неуязвимым и что ты сделал все возможное, чтобы быть достойным знания и силы.

Сегодня, однако, по просьбе Хенаро ты должен будешь решить одну маленькую задачку. Он ушел раньше и будет ожидать нас где-то в чапаррале. Мы не знаем ни места, где он будет находиться, ни времени, когда нужно будет отправиться к нему. Если ты сумеешь правильно определить время для нашего выхода из дома, то ты сможешь также и привести нас туда, где он ждет нас.

Я сказал, что и представить не могу, как решить такую задачу.

— Какая связь между временем нашего ухода и местом, где будет ждать нас дон Хенаро? — спросил я.

Дон Хуан улыбнулся и начал напевать какую-то мелодию. Казалось, мое возбуждение доставляло ему удовольствие.

— Это и есть та проблема, которую Хенаро поставил перед тобой, — сказал он. — Если у тебя достаточно личной силы, то ты абсолютно точно определишь правильное время для выхода из дома. Как именно точное время будет вести тебя, не знает никто. Но если у тебя хватит личной силы, то ты убедишься, что так оно и будет.

— Но что значит «будет вести», дон Хуан?

— Этого тоже никто не знает.

— Мне кажется, дон Хенаро просто надувает меня.

— Тогда лучше поберегись: если Хенаро тебя надувает, то ты можешь лопнуть.

Дон Хуан рассмеялся над своей собственной шуткой. Я никак не мог к нему присоединиться. Мой страх перед возможной опасностью, связанной с манипуляциями дона Хенаро, был слишком реален.

— Может, ты поможешь мне хотя бы намеком? — спросил я.

— Здесь нет места для намеков, — сказал он отрывисто.

— Почему дон Хенаро затеял все это?

— Он хочет испытать тебя, — сказал он. — Скажем так, ему очень важно узнать, сможешь ли ты понять объяснение магов. Если ты решишь задачу, из этого будет следовать, что ты накопил достаточно личной силы и что ты готов. Но если ты провалишься, то это произойдет потому, что личной силы у тебя недостаточно. В таком случае объяснение магов не будет иметь для тебя никакого смысла. Лично я думаю, что мы должны дать тебе это объяснение независимо от того, поймешь ты его или нет. Но, в отличие от меня, Хенаро более консервативный воин. Он любит, чтобы все было в должном порядке, и не хочет давать тебе его до тех пор, пока не сочтет, что ты готов.

— Почему бы тебе самому не дать мне объяснение магов?

— Потому что тем, кто помогает тебе, должен быть Хенаро.

— Почему, дон Хуан?

— Потому что Хенаро не хочет, чтобы я рассказывал тебе, почему.

— Разве мне повредит, если я узнаю объяснение магов?

— Я так не думаю.

— Тогда прошу тебя, дон Хуан, расскажи мне.

— Ты, должно быть, шутишь. У Хенаро есть свои соображения по этому поводу, и мы должны уважать их.

Он сделал повелительный жест, чтобы утихомирить меня. После долгой успокаивающей паузы я спросил:

— Но как же я смогу решить эту задачу, дон Хуан?

— Я действительно не знаю этого, поэтому ничего не могу тебе посоветовать, — сказал он. — Хенаро бесконечно эффективен в своих поступках. И

поскольку он делает это ради твоего же блага, то он настроен только на тебя одного. Поэтому только ты один можешь выбрать точное время, чтобы выйти из дому. Он сам позовет тебя и будет вести тебя посредством своего зова.

— Каким будет его зов?

— Я не знаю, его зов для тебя, а не для меня. Он будет касаться непосредственно твоей воли. Иными словами, ты должен использовать свою волю, превратив ее в действующее начало.

«Воля» была еще одной концепцией дона Хуана, которую он тщательно обосновал, отчего, правда, она не стала для меня более ясной. Я понял из его объяснений лишь то, что «воля» является какой-то силой, исходящей из живота через невидимое отверстие чуть ниже пупка, которое он называл «просвет». «Воля» намеренно культивировалась только магами. Она приходила к практикующим таинственным образом и якобы давала им возможность совершать необычайные поступки.

Я заметил дону Хуану, что не вижу для себя ни малейшего шанса сделать действующим началом в своей жизни нечто столь неопределенное.

— Здесь ты ошибаешься, — сказал он, — воля развивается в воине, несмотря на любое сопротивление разума.

— Разве не мог дон Хенаро, будучи магом, узнать, готов ли я, не проверяя меня? — спросил я.

— Конечно, мог, — сказал он. — Но такое знание не имело бы никакой ценности или последствий, потому что оно было бы изолировано от тебя. Ты — тот, кто учится. Поэтому ты сам должен провозгласить знание силой, а не Хенаро. Хенаро интересует не его знание, а твое. Ты сам должен обнаружить, работает или нет твоя воля. Это очень трудно сделать. Несмотря на все то, что мы с Хенаро знаем о тебе, ты должен доказать самому себе, что способен провозгласить знание силой. Другими словами, ты должен убедиться сам, что можешь использовать свою волю. Если это не так, значит ты должен убедиться в этом сегодня. Если ты не сможешь выполнить эту задачу, тогда дон Хенаро решит, что несмотря на все, что он видит относительно тебя, ты еще не готов.

Меня переполняло волнение.

— Это действительно необходимо? — спросил я.

— Это — просьба Хенаро, и она должна быть выполнена, — сказал он твердо, но дружелюбно.

— Но какое отношение ко мне имеет дон Хенаро?

— Может быть, сегодня ты это обнаружишь.

Я упрашивал дона Хуана, чтобы он не мучил меня своими недомолвками. Он засмеялся, хлопнул меня по груди и пошутил насчет мексиканского грузчика, у которого огромные грудные мускулы, но он не может выполнять тяжелой физической работы, потому что у него слабая спина.

— Следи за теми мышцами, — сказал он. — Они должны быть не только для вида.

— Мои мышцы не имеют отношения к тому, что ты говоришь, — проворчал я.

— Имеют, — ответил он. — Чтобы воля стала действующим началом, тело должно быть совершенным.

Я с раздражением отметил про себя, что дон Хуан опять увел меня в сторону. Поднявшись, я пошел на кухню выпить воды. Дон Хуан последовал за мной и предложил мне потренироваться в воспроизведении крика животного, которому дон Хенаро обучил меня. Мы отошли от дома, я сел на поленницу дров и сосредоточился на имитации этого крика. Пару раз дон Хуан поправил меня и показал, как правильно дышать. Конечным результатом было состояние полной релаксации. Мы вернулись на веранду и снова сели. Я сказал, что моя беспомощность иногда раздражает меня самого.

— Нет ничего неправильного в чувстве собственной беспомощности, — сказал дон Хуан. — Все мы хорошо знакомы с ним. Вспомни, что мы провели целую вечность как беспомощные младенцы. Я уже говорил тебе, что сейчас ты похож на младенца, который не может выбраться сам из колыбели, а тем

более — действовать самостоятельно. Хенаро вынимает тебя из колыбели, скажем, берет тебя на руки. Но ребенок хочет действовать, а поскольку он не может, он жалуется на жизнь. В этом нет ничего плохого, но совсем другое дело — индульгировать, протестуя и жалуясь.

Он велел мне расслабиться и предложил задавать вопросы до тех пор, пока мой ум не успокоится.

От неожиданности я не сразу нашелся, что спросить. Дон Хуан развернул соломенную циновку и сказал, чтобы я сел на нее. Затем он наполнил водой большую тыквенную флягу и положил ее в сумку. Казалось, он готовился к путешествию. Он снова сел и выжидательно поднял брови, как бы приглашая задавать вопросы.

Я попросил его еще раз рассказать мне о бабочке. Он бросил на меня изучающий взгляд и усмехнулся.

— Это союзник, — сказал он. — Ты знаешь это.

— Что такое в действительности союзник? — спросил я.

— Невозможно сказать, чем в действительности является союзник. Точно так же, как невозможно сказать, чем является дерево.

— Дерево — это живой организм, — сказал я.

— Мне это мало о чем говорит, — сказал он. — Я могу сказать также, что союзник — это сила, напряжение, и я уже говорил тебе это, но это мало что сказало тебе о союзнике.

Так же как и в случае с деревом, узнать, что такое союзник, — значит воспринять его. Ты, возможно, не понимаешь этого, но тебе потребовалось несколько лет подготовки для того, чтобы встретиться с деревом. Встреча с союзником — это то же самое. Учитель должен знакомить своего ученика с союзником мало-помалу, шаг за шагом. С годами ты накопил достаточно знаний об этом, и теперь ты способен собрать эти знания воедино и ввести в свой опыт союзника так же, как ты ввел в свой опыт дерево.

— Я и понятия не имел, что делаю это.

— Твой разум не осознает этого прежде всего потому, что он не может принять саму возможность существования союзника. К счастью, совсем не разум собирает союзника вместе. Это делает тело. Ты воспринимал союзника много раз и в значительной степени. Каждое из этих восприятий откладывалось в твоем теле. Суммой всех этих кусочков и является союзник. Я не знаю никакого другого способа описать его.

Я сказал, что не могу взять в толк, как это тело может действовать само по себе, словно отдельное существо, независимое от моего рассудка.

— Они не разделены, это мы их сделали такими, — сказал он. — Наш мелочный разум всегда в разногласии с телом. Это, конечно, только способ говорить, но достижение человека знания как раз и состоит в том, что он объединяет эти две части воедино. Поскольку ты не являешься человеком знания, то твое тело сейчас делает странные вещи, которые твой разум не способен воспринять. Союзник — одна из таких вещей. Ты не был безумен и не спал, когда ты воспринимал союзника в ту ночь прямо здесь,

Я спросил о той пугающей мысли, которую они с доном Хенаро зачем-то внушили мне, что союзник является существом, ожидающим меня на краю маленькой долины в горах северной Мексики. Они сказали мне, что рано или поздно я должен буду пойти на это свидание с союзником, чтобы бороться с ним.

— Все это лишь способы говорить о тех тайнах, для которых не существует слов. Мы с Хенаро сказали, что на краю той долины тебя ожидал союзник. Это заявление было правильным, но не в том смысле, который ты ему придаешь. Союзник ждет тебя, это совершенно верно. Но не на краю какой-либо долины, а прямо здесь, или вон там, или в любом другом месте. Союзник ждет тебя точно так же, как ждет тебя смерть — повсюду и нигде.

— Зачем он меня ждет?

— Затем же, зачем тебя ждет смерть, — сказал он. — Потому что ты был рожден. В данный момент невозможно объяснить, какой смысл кроется за всем этим. Сначала ты должен ввести союзника в свой опыт. Тогда объяснение

магов сможет пролить на него свет. Пока что у тебя было достаточно силы, чтобы прояснить по крайней мере один момент, что союзник — это бабочка.

Несколько лет назад мы ходили в горы, и там ты столкнулся с чем-то неизвестным. Тогда я не мог рассказать тебе, что именно происходит. Ты видел странную тень, летающую взад и вперед над костром. Ты сам сказал, что она выглядела как бабочка. Хотя ты не знал, о чем говоришь, ты был абсолютно прав. Тень была бабочкой. Затем при других обстоятельствах что-то очень сильно испугало тебя после того, как ты заснул опять-таки перед огнем. Я предупреждал тебя, чтобы ты не спал, но ты не обратил внимания на мои слова. Ты заснул, и это отдало тебя во власть союзника, и бабочка наступила тебе на шею. Почему ты остался жив, навсегда останется для меня загадкой. Тогда ты этого не знал, но я уже считал тебя мертвым. Настолько серьезной была твоя оплошность.

С тех пор каждый раз, когда мы бывали в горах или в пустыне, ты даже не замечал, что бабочка всегда следовала за тобой. Так что в общем мы можем сказать, что для тебя союзник — это бабочка. Но я не имею в виду, что это бабочка в обычном смысле этого слова. Называть союзника бабочкой — опять-таки только способ говорить, способ сделать эту безбрежность вокруг нас понятной.

— А для тебя союзник тоже бабочка? — спросил я.

— Нет, то, как каждый понимает союзника — это его личное дело.

Я заметил, что мы опять вернулись к тому, с чего начали. Он так и не рассказал мне, чем в действительности является союзник.

— Не стоит приходить в замешательство, — сказал он. — Замешательство — это настроение, в него можно войти, но точно так же и выйти. В данный момент нет возможности прояснить что-либо. Может быть, еще сегодня мы сможем рассмотреть эти вещи более детально. Все зависит от тебя. Или, скорее, от твоей личной силы.

Больше он не проронил ни слова. Я стал очень нервничать от страха, что провалю испытание. Дон Хуан отвел меня за дом и усадил на циновку возле оросительной канавы. Вода текла так медленно, что казалась почти

застывшей. Он приказал мне сесть спокойно, остановить внутренний диалог и смотреть на воду. Несколько лет назад я узнал от него, что у меня есть какая-то особая привязанность к воде, что было весьма кстати для тех испытаний, в которые я был вовлечен. Я заметил ему тогда, что у меня нет никакой особой любви к водоемам, хотя и неприязни тоже нет. Он сказал, что как раз потому вода так благоприятна для меня, что я был безразличен к ней. В условиях стресса вода не может схватить меня, но не может и оттолкнуть.

Он сел чуть позади меня справа и велел мне не бояться, потому что он рядом и поможет, если возникнет необходимость.

На мгновение я испугался. Я посмотрел на него, ожидая дальнейших инструкций. Он с силой повернул мою голову в направлении воды и приказал мне начинать. У меня не было ни малейшего представления о том, чего он хочет от меня, и я просто расслабился. Когда я смотрел на воду, то краем глаза заметил камышинки на противоположной стороне. Бессознательно я остановил на них несфокусированные глаза. Медленное течение заставляло их дрожать. Вода имела окраску пустынной почвы. Я заметил, что завихрения воды вокруг камышинок были похожи на развилки или овраги на гладкой поверхности. В какой-то момент эти складки стали гигантскими, и вода превратилась в гладкую охристую поверхность, а затем через доли секунды я крепко спал, или, может быть, впал в состояние, для которого у меня нет другого названия. Больше всего это было похоже на то, что я заснул и увидел очень ясный сон.

Я чувствовал, что могу оставаться в этом состоянии бесконечно, если захочу. Но я намеренно прервал его, включив свой внутренний диалог. Я раскрыл глаза. Я лежал на соломенной циновке, а дон Хуан был в нескольких футах от меня. Мой сон был настолько великолепен, что я тут же начал пересказывать его. Дон Хуан знаком велел мне молчать. Взяв прутик, он указал им на две длинные тени от сухих веток чапарраля и очертил по земле сначала одну из них, а затем другую. Тени были около фута длиной и дюйма шириной на расстоянии шести-семи дюймов друг от друга. Движения прутика нарушили мою фокусировку, и я обнаружил, что смотрю раскошенными глазами на четыре тени. Внезапно две тени в середине слились в одну и создали необычайное ощущение глубины. В тени, образовавшейся таким образом, была какая-то необъяснимая округлость и объем. Она почти походила на прозрачную трубу, круглую балку из какой-то неизвестной субстанции. Я знал,

что мои глаза раскошены, и, тем не менее, они казались сфокусированными на одном месте. Поле моего зрения в этом месте было кристально ясным. Я мог двигать глазами, не нарушая общей картины.

Я продолжал наблюдать, стараясь не терять контроля. Я ощутил любопытный порыв отступиться и погрузиться в наблюдаемую сцену. Что-то в том, что я наблюдал, казалось, тянуло меня. Но что-то внутри меня пробилось на поверхность, я начал полусознательный диалог с самим собой и почти мгновенно осознал окружающее в мире повседневной жизни.

Дон Хуан наблюдал за мной. Он, казалось, был озадачен. Я спросил его, все ли в порядке. Не отвечая, он помог мне сесть. Только тогда я сообразил, что лежал на спине, глядя в небо, а дон Хуан склонился надо мной.

Моим первым порывом было рассказать ему, что я в действительности видел тени на земле, в то время как смотрел в небо, но он приложил мне руку ко рту. Некоторое время мы сидели молча. У меня не было мыслей. Я испытывал ощущение мира и покоя, а затем совершенно внезапно почувствовал непреодолимое желание встать и пойти в чапарраль на поиски дона Хенаро,

Я сделал попытку заговорить с доном Хуаном, но он вздернул подбородок и сжал губы, молчаливо приказывая мне не разговаривать. Я попытался организовать свои ощущения разумным образом, но моя внутренняя тишина мне настолько нравилась, что не было никакого желания утруждать себя логическими соображениями.

После минутной паузы я опять почувствовал настоятельную необходимость идти в чапарраль. Я пошел по тропинке. Дон Хуан шел позади меня, как если бы я был лидером.

Мы шли около часа. Мне по-прежнему удавалось оставаться без всяких мыслей. Наконец мы пришли к склону холма. Дон Хенаро сидел у гребня скалы. Он с большим воодушевлением приветствовал меня, но ему приходилось почти кричать, так как он находился примерно в пятидесяти футах над землей. Дон Хуан усадил меня и сел рядом. Дон Хенаро объяснил, что я нашел то место, где он прятался, потому что меня вел звук, который он издавал. Тут я понял, что действительно слышал какой-то звук, который до сих пор считал звоном в ушах. Казалось, он имел внутреннее происхождение,

зависел от состояния тела и был настолько неопределенным, что я никак не оценивал и не интерпретировал его. Мне показалось, что в левой руке у дона Хенаро был какой-то маленький инструмент. С того места, где я сидел, я не мог его рассмотреть. Инструмент был похож на варган. С его помощью он производил мягкий неземной звук, который был практически неразличим. Он продолжал играть на нем некоторое время, как бы давая мне возможность осознать то, что он мне сказал. Затем он раскрыл ладонь. Никакого инструмента там не было. Меня ввело в заблуждение то, как он прикладывал руку ко рту. В действительности он издавал звук при помощи губ и края ладони между большим и указательным пальцами,

Я повернулся к дону Хуану, собираясь объяснить ему, что дон Хенаро одурачил меня своими движениями. Дон Хуан быстрым жестом велел мне не разговаривать, а наблюдать за действиями дона Хенаро. Я повернулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро, но его не было. Я подумал, что он уже спустился вниз. Несколько секунд я ждал, пока он появится из-за кустов. Скала, на которой он стоял, была любопытным образованием. Она больше походила на огромный карниз сбоку от еще большей скалы. Я, должно быть, отвел от него глаза всего на пару секунд. Если бы он забрался наверх, то я успел бы заметить его, прежде чем он достиг бы верха каменной стены. Если бы он спустился вниз, то его тоже можно было бы видеть с того места, где я сидел.

Я спросил, куда делся дон Хенаро. Дон Хуан ответил, что тот все еще стоит на выступе. Насколько я видел, там никого не было, но он настойчиво утверждал, что дон Хенаро все еще стоит на скале. Казалось, он не шутил. Его глаза были жесткими и смотрели в упор. Он отрывисто сказал, что моих органов чувств недостаточно, чтобы уследить за действиями дона Хенаро, и приказал остановить внутренний диалог. Я сразу попытался это сделать и закрыл глаза, но он бросился ко мне, встряхнул за плечи и прошептал, чтобы я смотрел на каменный карниз.

Его слова донеслись до меня как сквозь сон. Совершенно автоматически я взглянул на карниз и снова увидел там дона Хенаро, но это почему-то оставило меня равнодушным. Почти бессознательно я отметил, что мне очень трудно дышать, но не успел я подумать об этом, как дон Хенаро прыгнул вниз со скалы. Это не произвело на меня никакого впечатления. Они взяли меня под руки и поставили на ноги. Затем дон Хенаро помог мне сделать несколько шагов. Он прошептал мне на ухо что-то непонятное, и внезапно тело мое

рванулось вверх каким-то невероятным образом. Ощущение было таким, словно он вцепился в кожу моего живота и швырнул на карниз или, возможно, на другую скалу. Я знал только, что мгновенно оказался на скале. Картина была мимолетной, и я не успел разобрать деталей, но тем не менее мог бы поклясться, что это был тот самый каменный карниз. Затем что-то во мне сдалось, и я полетел назад, проваливаясь в обволакивающую дурноту. Через какое-то время я осознал, что дон Хуан обращается ко мне. Я был как во сне, пытаясь пробиться изнутри через окутавшую меня завесу, тогда как дон Хуан пробивался через нее снаружи. Наконец она действительно лопнула, и я отчетливо услышал слова дона Хуана. Он приказывал мне выбираться на поверхность. Я отчаянно пытался совладать со своим состоянием, но безуспешно, невольно удивляясь тому, как это трудно.

Я старался заговорить с самим собой. Дон Хуан, казалось, понимал, что со мной происходит. Он настойчиво приказывал приложить больше усилий. Что-то извне не давало мне начать привычный внутренний диалог. Казалось, какая-то неведомая сила делала меня сонным и безучастным. Я продолжал бороться с ней, пока не начал задыхаться. Я слышал, как дон Хуан что-то сказал мне. Мое тело непроизвольно задрожало от напряжения. Я почувствовал себя так, как будто меня захватило и втянуло в смертельную битву что-то не дающее мне дышать. У меня не было даже страха. Скорее, какая-то неконтролируемая ярость овладела мной и достигла такой степени, что я рычал и визжал, как животное. Затем мое тело испытало толчок, который мгновенно остановил меня. Я опять мог нормально дышать и понял, что дон Хуан льет воду из фляги мне на живот и шею.

Он помог мне сесть. Дон Хенаро стоял на карнизе. Он позвал меня по имени, а затем спрыгнул на землю. Я увидел его падение с высоты около пятидесяти футов и испытал непереносимое ощущение в области пупка. Такое же ощущение у меня бывало, когда я падал во сне.

Дон Хенаро подошел ко мне и улыбаясь спросил, понравился ли мне его прыжок. Я безуспешно пытался что-нибудь сказать. Он опять позвал меня по имени.

— Карлитос! Следи за мной!

Он взмахнул руками в стороны четыре или пять раз, как бы набирая инерцию,

а затем прыгнул и исчез из виду или сделал что-то такое, чего я не смог бы описать. Он был в пяти-шести футах от меня, а затем исчез, как будто его втянула какая-то неконтролируемая сила.

Я чувствовал себя утомленным и безучастным. Было ощущение безразличия, и я не хотел ни думать, ни говорить с самим собой. Я чувствовал не испуг, а необъяснимую печаль. Мне хотелось плакать. Дон Хуан несколько раз ударил меня костяшками пальцев по голове и засмеялся, как если бы все, что случилось, было шуткой. Затем он потребовал, чтобы я разговаривал с собой, потому что на этот раз внутренний диалог был отчаянно нужен. Я слышал, как он приказывает мне: «Разговаривай! Разговаривай!»

Губы сводила судорога. Мой рот двигался без единого звука. Я вспомнил, как дон Хенаро двигал ртом подобным же образом, когда устраивал клоунаду, и хотел бы сказать, как сказал он: «Мой рот не хочет разговаривать». Я попытался произнести что-нибудь, и мои губы болезненно искривились. Дон Хуан, казалось, вот-вот свалится от смеха. Его радость была так заразительна, что я тоже засмеялся. Наконец он помог мне подняться. Я спросил, собирается ли дон Хенаро вернуться. Он сказал, что на сегодня с меня достаточно.

— Ты почти сделал это, — сказал дон Хуан. Мы сидели на кухне у горящего очага. Дон Хуан настаивал, чтобы я поел, но я не чувствовал ни голода, ни усталости. Мною овладела необычайная меланхолия; я чувствовал себя отстраненным от событий дня. Дон Хуан вручил мне мой блокнот. Я через силу выдавил из себя несколько замечаний, пытаясь вернуться в свое обычное состояние. В конце концов это мне удалось. Казалось, с меня внезапно спала какая-то пелена, и я вновь оказался в привычном состоянии заинтересованности и ошеломленности.

— Хорошо, хорошо, — сказал дон Хуан, погладив меня по голове, — Я говорил тебе, что подлинным искусством воина является умение уравновешивать ужас и удивление.

Настроение дона Хуана было необычным. Он выглядел каким-то нервным, встревоженным. Казалось, он о чем-то хотел поговорить со мной. Я решил, что он готовит меня к объяснению магов и сам встревожился. В его глазах был странный блеск, который прежде я видел лишь несколько раз. Я спросил, что с ним. Дон Хуан ответил, что рад за меня и что как воин он разделяет радость

побед окружающих его людей, если только это победы духа. Он добавил, что я, к сожалению, еще не готов к объяснению магов, потому что, хотя я и успешно решил задачу дона Хенаро, но не смог отразить его последнюю атаку и был почти мертв, когда дон Хуан лил на меня воду.

— Сила Хенаро была подобна приливу, который поглотил тебя, — сказал он.

— Разве дон Хенаро желает мне вреда? — спросил я.

— Нет, — сказал он. — Хенаро хочет помочь тебе, но сила может быть встречена только силой. Он испытывал тебя, и ты не выдержал испытания.

— Но ведь я решил его задачу, не так ли?

— Это ты сделал прекрасно, — сказал он. — Настолько прекрасно, что Хенаро решил, что ты способен к настоящей задаче воина. И ты почти выполнил ее. Но на этот раз тебя подкосило не индульгирование.

— А что же?

— Ты слишком нетерпелив и в тебе слишком много насилия. Вместо того чтобы расслабиться и идти вместе с Хенаро, ты стал сопротивляться ему. Ты не можешь победить его. Он сильнее тебя.

Затем дон Хуан дал мне несколько советов относительно моих отношений с людьми вообще. Его замечания, в сущности, были переложением на серьезный лад недавних шутливых поучений дона Хенаро. Он был благодушно настроен и без всяких уговоров с моей стороны стал объяснять, что происходило во время двух моих последних приездов.

— Как ты знаешь, — сказал он, — главная помеха в магии — внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми. Ключом ко всякому колдовству и магическому опыту, который ты пережил недавно, был тот факт, что ты смог остановить внутренний разговор с самим собой. В трезвом уме ты видел союзника, дубля Хенаро, видящего сон и видимого во сне, а сегодня был близок к тому, чтобы узнать о целостности самого себя. Это было задачей воина, и Хенаро считал, что ты ее

выполнишь, потому что к тому времени ты уже накопил достаточно личной силы. В прошлый твой визит я увидел очень важный знак. Когда ты приехал, я заметил, что союзник бродит вокруг. Я услышал его мягкие шаги, а потом увидел бабочку, которая смотрела, как ты выходил из машины. Союзник был неподвижен, наблюдая за тобой. Это было для меня наилучшим знаком. Если бы он возбужденно двигался вокруг, как это бывало раньше, словно недовольный твоим присутствием, то ход событий был бы совсем другим. Много раз я замечал союзника, недружелюбно настроенного по отношению к тебе, но в этот раз знак был верный, и я знал, что у него есть для тебя кусочек знания. Вот почему я сказал тебе, что у тебя назначено свидание со знанием, свидание с бабочкой, которое долго откладывалось. По какой-то непонятной для нас причине союзник предпочел явиться тебе в форме бабочки.

— Но ты говорил, что союзник бесформенный и что о нем можно судить только по его проявлениям, — сказал я.

— Верно, — ответил он. — Но союзник является бабочкой и для связанных с тобой наблюдателей — Хенаро и меня. Для тебя союзник — только проявление, ощущение в твоем теле, или звук, или золотые крупинки знания. Тем не менее, это остается фактом: избрав форму бабочки, союзник говорит мне и Хенаро что-то очень важное. Бабочки дают знание, они друзья и помощники магов. Именно потому, что союзник предпочел быть рядом с тобой бабочкой, Хенаро поставил на тебя так много.

В ту ночь твоя встреча с бабочкой, как я и предвидел, была для тебя истинным свиданием со знанием. Ты узнал зов бабочки, почувствовал золотую пыльцу на ее крыльях, но главное, в ту ночь ты впервые осознал, что видел, а твое тело узнало, что мы — светящиеся существа. Ты еще не полностью оценил это поразительное событие в твоей жизни. Хенаро продемонстрировал тебе со страшной силой и ясностью, что мы являемся чувством, ощущением, а то, что мы называем своим телом — это пучок светящихся волокон, наделенных осознанием.

Прошлой ночью ты вновь находился под покровительством союзника. Когда ты приехал, я посмотрел на тебя и понял, что нужно позвать Хенаро, чтобы он смог объяснить тебе тайну видимого во сне и видящего сон. Как обычно, ты считал тогда, что я тебя разыгрываю, но Хенаро вовсе не прятался в кустах,

как ты полагал. Он действительно появился ради тебя, даже если твой разум отказывается в это поверить.

Эта часть разъяснений дона Хуана была действительно слишком трудной, чтобы принять ее на веру. Я не мог ее признать и сказал, что дон Хенаро был реальным и относился к этому миру.

— Все, что ты видел и чему до сих пор был свидетелем, было реальным и относилось этому миру, — сказал он. — Другого мира нет. Твой камень преткновения — это особая настойчивость с твоей стороны, и эту твою особенность нельзя вылечить объяснениями, поэтому сегодня Хенаро обращался непосредственно к твоему телу. Тщательный анализ того, что ты сделал сегодня, покажет тебе, что твое тело превосходно смогло объединить отдельные части мозаики. Каким-то образом ты воздержался от индульгирования в своих видениях у оросительной канавы. Ты удерживал редкостный контроль и отрешенность, как это и должен делать воин; ты ничего не принимал на веру, и все же действовал эффективно и поэтому смог последовать зову Хенаро. Ты действительно нашел его без всякой помощи с моей стороны.

Когда мы подошли к каменному выступу, ты был пропитан силой, и ты увидел Хенаро стоящим там, где с той же целью стояли другие маги. Он подошел к тебе после того, как спрыгнул с выступа. Он сам был силой. Если бы ты продолжал действовать так же, как у оросительной канавы, то ты бы увидел его таким, каким он является в действительности — светящимся существом. Вместо этого ты испугался, особенно когда Хенаро заставил тебя прыгнуть. Одного этого прыжка было бы достаточно, чтобы вывести тебя из твоих собственных границ. Но у тебя не было сил, и ты вновь рухнул в мир своего разума. После этого ты, конечно, вступил в смертельную битву с самим собой. Что-то в тебе — твоя воля — хотело идти с Хенаро, тогда как твой разум противился этому. Если бы я тебе не помог, ты бы лежал сейчас мертвый и был похоронен на месте силы. Но был момент, когда исход был сомнительным даже несмотря на мою помощь.

Несколько минут мы молчали. Я ждал, что он заговорит. В конце концов я спросил:

— Дон Хенаро действительно заставил меня прыгнуть на каменный выступ?

— Это не был прыжок в том смысле, в каком ты привык его понимать. Повторяю тебе еще раз, что это только способ говорить. До тех пор, пока ты думаешь, что ты твердое тело, ты не способен воспринять моего объяснения.

Он насыпал на землю пепел возле лампы, покрыв участок примерно в два квадратных фута, и пальцем нарисовал диаграмму, состоящую из восьми точек, соединенных между собой линиями. Это была геометрическая фигура. Такую же фигуру он рисовал мне год назад, пытаясь объяснить, что когда я наблюдал четыре раза подряд падение одного и того же листа с одного и того же дерева, это не было иллюзией.

Диаграмма на пепле имела два центра. Один он назвал «разумом», а второй — «волей». «Разум» был непосредственно соединен с точкой, названной им «разговор». Через «разговор» «разум» косвенно был соединен с тремя точками: «ощущение», «сновидение» и «видение». Другой центр, «воля», был непосредственно связан с «ощущением», «сновидением» и «видением», но только косвенно с «разумом» и «разговором».

Я отметил, что диаграмма отличалась от той, которую я зарисовал в своем блокноте год назад,

— Внешняя форма не имеет значения, — сказал он.

— Эти точки представляют человека и могут быть нарисованы как угодно.

— Они представляют тело? — спросил я.

— Не называй это телом, — сказал он. — На волокнах светящегося существа есть восемь точек. На диаграмме ты видишь, что главное в человеке — это воля, ведь она непосредственно связана с тремя точками: ощущением, сновидением и видением. И лишь во вторую очередь человек — это разум. Центр разум играет гораздо меньшую роль, так как соединен только с разговором.

— А что значат две другие точки, дон Хуан?

Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Сейчас ты намного сильнее, чем тогда, когда мы впервые говорили об этой диаграмме, но еще недостаточно силен, чтобы понять значение всех восьми точек. Со временем Хенаро покажет тебе оставшиеся две.

— У каждого ли есть все 8 точек, или только у магов?

— Можно сказать, что у каждого. Две из них — разум и разговор — известны всем. Так или иначе мы знакомы и с чувством, хотя и смутно. Но лишь в мире магов достигается знакомство со сновидением, видением и волей. Наконец на краю этого мира встречаешься еще с двумя. Осознание всех восьми точек — это именно то, что приводит нас к целостности самих себя.

Он показал на диаграмме, что все точки могут косвенно соединяться друг с другом.

Я снова спросил о двух таинственных точках. Он сказал, что они соединяются только с «волей», удалены от «чувства», «сновидения» и «видения» и еще дальше — от «разговора» и «разума», показав пальцем, что они изолированы не только от остальных точек, но и друг от друга.

— Эти две точки недоступны ни разговору, ни разуму, — сказал он. — Только воля может иметь с ними дело, разум настолько удален от них, что пытаться понять их совершенно бессмысленно. Этот момент — один из труднейших, так как природа разума заставляет его стремиться понять даже то, что не имеет ничего общего с пониманием.

Я спросил его, соответствуют ли эти восемь точек участкам тела или отдельным органам.

— Соответствуют, — сухо ответил он и стер диаграмму.

Он стал показывать центры, прикасаясь к соответствующим местам на моем теле. Голова была центром «разума» и «разговора», верхняя часть груди — центром «чувства», место чуть ниже пупка — «воли». Центр «сновидения» был с правой стороны против ребер, а «видения» — с левой. Он сказал, что у некоторых воинов центры «видения» и «сновидения» расположены на одной стороне.

— А где остальные две точки? — спросил я.

Он дал мне совершенно непристойный ответ и расхохотался.

— Ты очень хитрый, — сказал он, — Думаешь, что я сонный старый козел, не так ли?

Я объяснил, что спросил скорее по инерции,

— Не торопись, — сказал он. — В свое время ты это узнаешь, но с той поры будешь предоставлен самому себе.

— Ты хочешь сказать, что я никогда больше не увижу тебя?

— Никогда, — сказал он. — Мы с Хенаро станем тем, чем были всегда — пылью на дороге.

У меня перехватило дыхание.

— О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Я говорю о том, что все мы — непостижимые существа, светящиеся и безграничные. Ты, Хенаро и я связаны одной целью, которая не является нашим личным выбором.

— Что это за цель?

— Это цель пути воина. Ты не можешь сойти с него, и мы тоже. До тех пор, пока наше главное достижение впереди, ты будешь находить меня или Хенаро. Но когда мы с ним достигнем своей цели, ты полетишь свободно, и никому не известно, куда понесет тебя сила твоей жизни.

— Какую роль играет в этом дон Хенаро?

— Пока что эта тема не для тебя. Сегодня я должен углубить зацепку Хенаро и помочь тебе лучше осознать тот факт, что все мы — светящиеся существа, что мы не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ.

Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более. Однако наш разум забывает об этом, и мы сами себя заключаем в заколдованный круг, из которого редко вырываемся в течение жизни.

Сейчас, например, ты пытаешься высвободиться из пут разума. Появление дона Хенаро на краю чапарраля кажется тебе невероятным и немыслимым; тем не менее, ты не можешь отрицать, что был свидетелем этого. Ты видел это своими глазами.

Дон Хуан усмехнулся и тщательно нарисовал на пепле другую диаграмму, но не позволил ее скопировать, прикрыв шляпой.

— Мы — воспринимающие существа, — продолжал он. — Однако воспринимаемый нами мир является иллюзией. Он создан описанием, которое нам внушали с рождения.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть разум и его компаньон, разговор. Именно они и состряпали этот мир, столковавшись между собой, а теперь поддерживают его.

Так что твой мир, охраняемый разумом, создан описанием и его неизменными законами, которые разум научился принимать и отстаивать.

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть второе кольцо силы, которое почти никогда не используется — воля. Уловка мага — это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание, но только обычный человек поддерживает свое при помощи разума, а маг — при помощи воли. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но воля по сравнению с разумом более всеобъемлюща, и в этом преимущество мага.

Сейчас я хочу тебе предложить, чтобы, начиная с этой минуты, ты позволил себе воспринимать и поддерживать оба описания — мира разума и мира воли. Чувствую, что для тебя это единственный способ использовать твой повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

И тогда, быть может, тебе ее хватит уже в следующий твой приезд. Но жди до тех пор, пока не почувствуешь, как сегодня у оросительной канавы, что внутренний голос подсказывает тебе поступить именно так, а не иначе. Помни, что приезжать в любом другом настроении для тебя не только бесполезно, но и опасно.

Я заметил, что если мне следует ждать такого голоса, то мы, вероятно, больше никогда не увидимся.

— Ты не представляешь себе, насколько хорошо можно действовать, когда тебя прижмут к стенке, — сказал он.

Дон Хуан поднялся, взял охапку дров и подбросил в глиняную печь несколько сухих палок: разгоревшееся пламя отбрасывало на землю желтоватые отблески. Потушив лампу, он сел на корточки перед своей шляпой, которая накрывала рисунок, сделанный им на пепле.

Он велел мне расслабиться, выключить внутренний диалог и смотреть на шляпу. С минуту я боролся с собой, а затем возникло ощущение парения или падения с высоты. Казалось, меня ничто не поддерживало, я как бы не имел тела.

Дон Хуан поднял шляпу. Под ней были спирали пепла. Я смотрел на них, не думая. Я видел, что спирали двигаются и ощущал их своим животом. Пепел, казалось, собрался в кучу, а затем взметнулся, развеялся, и внезапно я увидел дона Хенаро, сидящего передо мной.

Это зрелище мгновенно вернуло мой внутренний диалог. Думая, что это сон, я начал прерывисто дышать и попытался открыть глаза, но они и так были открыты.

Я слышал, как дон Хуан велит мне вставать и двигаться. Вскочив, я побежал на веранду. Дон Хуан и дон Хенаро бросились за мной. Дон Хуан пошел в дом, вынес лампу и повесил ее на балку. Я никак не мог перевести дыхание и пытался успокоиться, как делал это раньше, повернувшись к западу и выполняя бег на месте с поднятыми руками. Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал, что эти движения делаются только в сумерках.

Дон Хенаро закричал, что для меня это сумерки, и оба они рассмеялись. Дон Хенаро побежал к кустам, а затем прыгнул обратно на веранду, как если бы он был привязан к огромной резиновой ленте, которая растянулась, а затем дернула его обратно. Он повторил это движение три-четыре раза, а затем подошел ко мне. Дон Хуан пристально смотрел на меня, хихикая, как ребенок. Они незаметно переглянулись, и дон Хуан громким голосом сказал дону Хенаро, что мой разум опасен и что он может убить меня, если его не усмирить.

— Бога ради! — взревел дон Хенаро. — Усмири его разум!

Они подпрыгивали и смеялись, как дети. Дон Хуан усадил меня на освещенное лампой место и вручил блокнот.

— Сегодня мы действительно разыграли тебя, — сказал он тоном заговорщика. — Не бойся. Хенаро просто прятался под моей шляпой.

Часть вторая. Тональ и Нагваль

Глава 1. Должен верить

Я шел к центру города по улице Пасео да ла Реформа. Я был утомлен; высота города Мехико над уровнем моря несомненно имела к этому отношение. Можно было сесть на автобус или взять такси, но почему-то хотелось пройтись, несмотря на усталость. Был воскресный день. Движение было незначительным, и все же выхлопные газы автобусов и машин с дизельными

двигателями делали узкие улочки центрального района города похожими на каньоны, наполненные смогом.

Дойдя до Зокало, я заметил что кафедральный собор Мехико еще больше обветшал со времени моего последнего приезда. Я вошел под огромные своды, но в голову полезли циничные мысли, и я сразу же вышел.

Быстрым шагом я направился на базар Лагунилья. Какое-то время я бесцельно бродил там, ни к чему особенно не приглядываясь, пока не остановился у лотка со старыми монетами и книгами.

— Привет, привет! Кого я вижу! — сказал кто-то, хлопнув меня по плечу.

Подскочив от неожиданности, я быстро обернулся и разинул рот от удивления. Передо мной стоял дон Хуан.

— Господи, дон Хуан! — воскликнул я с дрожью в голосе, — Что ты здесь делаешь? — Что ты здесь делаешь? — эхом откликнулся он. Я сказал, что остановился в городе на пару дней, собираясь затем отправится к нему в горы Центральной Мексики.

— Ну что ж, можно сказать, что я спустился с этих гор, чтобы найти тебя, — сказал он, улыбаясь.

Он вновь похлопал меня по плечу и, казалось, был рад меня видеть. Подбоченившись, он выпятил грудь и спросил, нравится ли мне его вид. Только сейчас я заметил, что он был в костюме, и вся тяжесть подобной несообразности обрушилась на меня. Я был ошарашен.

— Тебе нравится мой такуче? — спросил он, сияя. Он употребил жаргонное слово «такуче» вместо испанского «трахе» — костюм.

— Да, сегодня я в костюме, — сказал он, как бы объясняясь, и добавил, указывая на мой рот: — Закрой, закрой.

Я недоверчиво засмеялся. Он заметил мое смущение и затрясся от смеха, поворачиваясь, чтобы я мог рассмотреть его со всех сторон. Невероятно! На нем был идеально отутюженный светло-коричневый костюм, коричневые

ботинки и белая рубашка. И галстук! Интересно, подумал я, есть ли на нем носки, или же он просто надел туфли на босу ногу?

Мое ошеломление усугублялось тем безумным чувством, что когда я обернулся к хлопнувшему меня по плечу дону Хуану, то мне показалось, что я вижу его в штанах цвета хаки, рубашке и соломенной шляпе. А когда он заставил меня осознать каждую деталь своего наряда, его новая внешность стала фиксированной, как если бы я мысленно создал ее. Мой рот, казалось, был частью тела, наиболее пораженной удивлением. Он открывался непроизвольно. Как бы помогая закрыть его, дон Хуан коснулся моего подбородка.

— Ты определенно развиваешь второй подбородок, — сказал он с коротким смешком.

Лишь теперь я понял, что он без шляпы, и его коротко подстриженные седые волосы расчесаны на пробор. Он выглядел типичным горожанином, этаким пожилым мексиканским джентльменом.

Я сказал, что разнервничался, увидев его здесь, и хотел бы где-нибудь присесть. Он отнесся к этому с пониманием и предложил пойти в ближайший парк.

Мы молча прошли несколько кварталов к площади Гарибальди, своеобразной бирже труда для музыкантов. Там мы смешались с толпой зевак и туристов и прошли в парк. Вскоре он остановился, оперевшись на стену, и слегка поддернул брюки на коленях. На нем были светло-коричневые носки. Я попросил объяснить, к чему весь этот загадочный вид. Он уклончиво ответил, что сегодня ему необходимо быть в костюме по причинам, которые будут мне ясны позже.

Вид дона Хуана, одетого в костюм, был настолько неземным, что моя нервозность стала почти неконтролируемой. Мы не виделись несколько месяцев, и больше всего на свете я хотел поговорить с ним, но обстановка не располагала к этому, и мое внимание рассеивалось. Заметив мое состояние, дон Хуан предложил пойти в парк Ла Аламеда, более тихое место в нескольких кварталах отсюда.

Здесь было меньше людей, и мы быстро нашли пустую скамейку. Мы сели, и моя нервозность сменилась чувством неловкости. Я не смел поднять глаза на дона Хуана.

После длинной напряженной паузы, все еще не глядя на него, я сказал, что внутренний голос в конце концов погнал меня искать его, что поразительные события, свидетелем которых я был в его доме, глубоко повлияли на мою жизнь и что мне необходимо поговорить о них.

Он сделал нетерпеливый жест и сказал, что никогда не учил меня жить событиями прошлого.

— Главное, что ты выполнил мое требование и принял свой повседневный мир как вызов, — сказал он, — И то, что ты так легко нашел меня здесь, лишний раз доказывает, что ты накопил достаточно личной силы.

— Что-то не верится, — сказал я.

— Я знаю только одно — я ждал тебя, и ты появился, — сказал он. — Воину этого достаточно.

— И что теперь, когда я нашел тебя? — спросил я.

— Во-первых, мы не будем обсуждать проблемы, которые мучают сейчас твой разум, так как они относятся к другому времени и к другому настроению. Собственно это лишь ступени бесконечной лестницы, и делать на них ударение означало бы уходить от действительности текущего момента. Воин не может себе этого позволить.

У меня было почти неодолимое желание жаловаться, но не потому, что я сожалел о чем-то случившемся. Просто я искал утешения и сочувствия. Казалось, дон Хуан видел меня насквозь и говорил так, словно я действительно произнес вслух то, что думал.

— Только воин может выстоять на пути знания, — сказал он. — Воин не жалуется и ни о чем не сожалеет. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

Он говорил сухо и сурово, но улыбка была теплой и обезоруживающей.

— Теперь, когда ты здесь, мы будем ждать знак, — сказал он.

— Какой знак?

— Мы должны узнать, насколько устойчива твоя сила, — сказал он. — В прошлый раз она иссякла совершенно, но сейчас, похоже, ты действительно готов к объяснению магов.

— Так ты сможешь рассказать мне о нем?

— Это зависит от твоей личной силы. Ты знаешь, что во всем, что касается делания и неделания воинов, значение имеет только личная сила. Но я могу сказать, что пока ты действовал неплохо.

После секундной паузы он поднялся и, как бы желая сменить тему, указал мне на свой костюм.

— Я надел свой костюм ради тебя, — таинственно сказал он. — Этот костюм — мой вызов. Смотри, как хорошо я выгляжу в нем! Как легко! А? Не правда ли?

Дон Хуан действительно выглядел прекрасно. Для сравнения я вспомнил о своем дедушке, когда он надевал свой тяжелый английский фланелевый костюм. Мне всегда казалось, что он чувствует себя в нем неестественно. Дон Хуан же, напротив, смотрелся очень непринужденно.

— Думаешь, мне легко выглядеть естественно в костюме? — спросил он.

Я не знал, что ответить, но про себя подумал, что судя но его виду и поведению, для него это самая легкая вещь в мире.

— Носить костюм — это вызов для меня, — сказал он. — Вызов такой же трудный, как для тебя — носить сандалии и пончо. Однако у тебя никогда не было необходимости принимать это как вызов. Мой случай другой. Я — индеец.

Мы посмотрели друг на друга. Он вопросительно поднял брови, как бы ожидая

моих замечаний.

— Воин тем и отличается от обычного человека, что он все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие. Факт, что сегодня ты здесь, указывает на то, что ты потрогал чешуйки в пользу пути воина.

Его пристальный взгляд беспокоил меня. Я хотел было встать и пройтись, но он удержал меня.

— Ты будешь сидеть и ерзать здесь до тех пор, пока мы не закончим. Мы ждем знака; мы не можем продолжать без него, так как только одного того, что ты нашел меня здесь, — недостаточно, как недостаточно было и только найти в тот день Хенаро в пустыне. Твоя сила должна накрутиться здесь и дать нам указание.

— Не понимаю, к чему все это.

— Я видел как что-то кружилось вокруг парка, — сказал он.

— Это был союзник?

— Нет, не союзник. Поэтому мы должны оставаться здесь и выяснить, что за знак накручивает твоя сила.

Он попросил подробно рассказать о том, как я следовал его рекомендациям в отношении моей повседневной жизни и взаимоотношений с окружающими. Я не знал, с чего начать, но он предложил мне быть смелее, так как мои личные дела не были личными в обычном смысле. Они входили в поставленную передо мной магическую задачу. Я шутя заметил, что из-за этой магической задачи моя жизнь разрушилась, и рассказал, как трудно мне теперь поддерживать мир своей повседневной жизни.

Я говорил долго. Дон Хуан смеялся до слез. Пару раз он хлопал себя по ляжкам, и этот жест, который я видел в его исполнении сотни раз, был не слишком уместен для человека, одетого в костюм.

— Твой костюм пугает меня больше всего того, что ты делал со мной, —

сказал я.

— Ты привыкнешь к нему, — сказал он. — Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли.

Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир — это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации — продолжать действовать так, как если бы ты верил. Другими словами, секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору, как выражение своего внутреннего предрасположения. Воин не верит, воин должен верить.

Несколько секунд он молча наблюдал за тем, как я записываю. Я так и не уловил разницы, но мне не хотелось ни спорить, ни задавать вопросов. Мне хотелось обдумать сказанное им, но меня отвлекало происходящее вокруг. На улице позади нас стояла длинная вереница непрерывно сигналящих автомобилей и автобусов, а на краю парка, метрах в сорока от нашей скамейки, стояла группа из семи или восьми человек, включая трех полицейских в светло-серой форме. Они склонились над каким-то мужчиной, неподвижно лежащим на траве. Вероятно он был или пьян, или серьезно болен. Взглянув на дона Хуана, я заметил, что он тоже смотрел на этого человека. Я пожаловался, что почему-то никак не могу разобраться в том, что он только что сказал мне.

— Я бы не спрашивал, — сказал я, — Но если я не попрошу тебя объяснить, то сам не пойму. Не задавать вопросов — очень ненормально для меня.

— Прошу тебя быть нормальным любыми средствами, — сказал он с наигранной серьезностью.

Я сказал, что не понимаю разницы между тем, когда веришь и когда должен верить. Для меня это — одно и то же.

— Помнишь историю, которую ты рассказывал мне о своей подруге и ее

кошках? — спросил он спокойно.

Взглянув на небо, он откинулся на скамейке, вытянул ноги и, заложив руки за голову, потянулся всем телом. Как обычно, при этом его суставы громко хрустнули.

Он имел в виду историю, которую я как-то ему рассказал. Моя подруга нашла однажды в сушилке прачечной двух почти мертвых котят. Она взяла их домой, выходила, и со временем котята выросли в двух огромных котов — черного и рыжего. Через два года она продала свой дом. Поскольку взять котов с собой не было возможности, а новых хозяев для них не нашлось, оставалось единственное — отнести их в ветеринарную больницу, чтобы там их усыпили.

Я помогал ей отвозить котов в больницу. Коты никогда раньше не бывали в машине, и она старалась их успокоить. Они царапались и кусались, особенно рыжий, по кличке Макс. Когда мы, наконец, подъехали к больнице, она взяла черного кота на руки и, ни слова не говоря, вышла из машины. Кот играл с ней, слегка трогая ее лапкой, когда она толкнула тяжелую входную дверь.

Я взглянул на Макса. Он сидел на заднем сидении. Мое движение, должно быть, испугало его, потому что он нырнул под сидение водителя. Я откинул сидение, так как не хотел лезть за ним, опасаясь, что он исцарапает мне руки. Кот лежал в углублении пола машины. Он казался сильно возбужденным и учащенно дышал. Он смотрел на меня. Наши глаза встретились, и мною овладела какая-то тревога, неясное предчувствие или, может быть, раздражение из-за того, что я участвую в таком деле.

Мне захотелось объяснить Максу, что это было решением моей подруги, а я только помогаю ей. Кот продолжал смотреть на меня, как бы понимая мои слова.

Я посмотрел, не идет ли она. Через стеклянную дверь я видел, как она разговаривает с приемщицей. Тело мое ощутило странный толчок, и я автоматически открыл дверь.

— Беги, Макс, беги! — сказал я коту. Он выпрыгнул из машины и помчался через улицу, стелясь над землей, как настоящая дикая кошка. Противоположная сторона улицы была пустой. Машины там не стояли, и я

видел, как Макс бежит по улице вдоль тротуара. Он добежал до угла бульвара, а затем нырнул в канализационный люк.

Моя подруга вернулась. Я сказал ей, что Макс убежал. Она села в машину, и мы уехали, не проронив ни слова.

В последующие месяцы этот инцидент стал для меня символом. Я видел, а может и вообразил, отчаянный блеск в глазах Макса, когда он взглянул на меня, прежде чем выпрыгнуть из машины. И я верил в то, что на какое-то мгновение это кастрированное, перекормленное и бесполезное животное-игрушка стало настоящим котом.

Я убежден, сказал я дону Хуану, что Макс перебежал улицу и нырнул в канализационный люк, когда его «кошачий дух» был безупречен, и, возможно, не было другого времени в его жизни, когда его «кошачесть» была столь очевидной. Этот случай произвел на меня неизгладимое впечатление.

Я рассказывал эту историю всем своим друзьям, и все больше удовольствия доставляло мне отождествление себя с этим котом.

Я считал себя похожим на Макса, чересчур разбалованного, одомашненного всеми возможными способами, и все же я надеялся, что однажды человеческий дух сможет овладеть всем моим существом точно так же, как дух «кошачести» овладел разжиревшим и бесполезным телом Макса.

Дону Хуану история понравилась, и он сделал несколько замечаний на этот счет. Он сказал, что человеческий дух временами овладевает каждым из нас, но удержать его может только воин.

— Так что об истории с кошками? — спросил я.

— Ты, кажется, веришь, что сумеешь воспользоваться своим шансом, как это сделал Макс?

— Да, я надеюсь.

— Я пытался рассказать тебе, что воин не просто верит, что он должен верить. Например, в случае с Максом, ты должен верить, что его побег не был

бесполезным порывом. Да, он мог нырнуть в канализационный люк и погибнуть. Он мог утонуть или умереть от голода, или же его могли съесть крысы. Воин учитывает все эти возможности, а затем выбирает ту из них, которая соответствует его внутреннему предрасположению.

Как воин ты должен верить, что Макс сделал это — то есть, что он не только убежал, но и сохранил свою силу. Ты должен верить в это. Скажем так, без этой веры ты не имеешь ничего.

Различие стало ясным. Я подумал, что действительно избрал верить, что Макс выжил, зная, что он избалован жизнью на мягких подушках.

— Просто верить — легко и спокойно, — продолжал дон Хуан. — Должен верить — нечто совершенно иное, — и в этом случае, например, сила дала тебе великолепный урок. Но ты предпочел использовать лишь часть его. Однако, если ты должен верить, то должен использовать все событие.

— Я понял, что ты имеешь в виду, — сказал я. Мне действительно казалось, что я понимаю его с необыкновенной ясностью.

— Боюсь, что ты все еще не понял, — сказал он почти шепотом и пристально посмотрел на меня. Секунду я выдерживал его взгляд.

— Как насчет другого кота? — спросил он.

— А? Другого кота? — повторил я невольно.

Я забыл о нем. Мой символ касался только Макса. Другой кот не имел ко мне никакого отношения.

— Но он имеет! — воскликнул дон Хуан после того, как я сказал ему об этом.

— Должен верить означает, что ты должен знать и принимать в расчет обстоятельства, связанные с другим котом, который игриво лизал руки, несущие его к року. Это был тот кот, который пошел к своей смерти доверчиво, полный своих кошачих суждений.

Ты думаешь, что похож на Макса, и поэтому ты забыл о другом коте. Ты даже

не знаешь его имени. Должен верить означает, что ты обязан учитывать все, и прежде чем решить, что ты похож на Макса, ты должен принять в расчет, что ты можешь быть похож и на другого кота. Вместо того чтобы бежать, спасая свою жизнь, и использовать каждый шанс, ты, быть может, так же идешь навстречу року, наполненный своими суждениями.

В его словах была непонятная печаль, а может быть печаль была моей. Долгое время мы молчали. Мне действительно никогда не приходило в голову, что я могу быть похожим и на второго кота. Мысль об этом была для меня очень неприятной.

Из состояния задумчивости меня вывел внезапный беспокойный шум голосов. Полицейские разгоняли людей, столпившихся вокруг человека, лежащего на траве. Кто-то положил ему под голову свернутый пиджак. Человек лежал параллельно улице лицом к востоку. С того места, где я сидел, я почти наверняка мог сказать, что его глаза были открыты.

Дон Хуан вздохнул.

— Какой чудесный день, — сказал он, глядя на небо.

— Я не люблю Мехико, — сказал я.

— Почему?

— Я ненавижу смог.

Он слегка покачал головой, как бы соглашаясь со мной.

— Лучше бы мы были с тобой в горах или в пустыне, — сказал я.

— На твоем месте я бы так не говорил, — ответил он.

— Но я не имел в виду ничего предосудительного, дон Хуан.

— Мы оба знаем это. Однако имеет значение не то, что ты хотел сказать в данном случае, а сам принцип. Ни воин, ни обычный человек не могут заведомо что-либо предпочесть, потому что воин живет по вызову, а обычный

человек не знает, где найдет его смерть. Взгляни на того мужчину, который лежит сейчас на траве. Как ты думаешь, что с ним?

— Пьян, наверное, или болен.

— Он умирает! — с абсолютной уверенностью сказал дон Хуан. — Как только мы сели здесь, я сразу же увидел отблеск смерти, которая кружилась вокруг него. Вот почему я запретил тебе вставать. Что бы там ни было — дождь или солнце — но ты не должен вставать с этой скамейки, пока все не выяснится. Это и есть тот знак, которого мы ожидали. Сейчас конец дня, и солнце уже коснулось горизонта. Это твой час силы. Взгляни! Картина умирающего человека — только для нас.

И он указал мне, что с того места, где мы сидели, ничто не мешало нам видеть этого человека. Толпа зевак собралась возле него полукругом с противоположной от нас стороны.

С каким-то тревожным чувством я посмотрел на человека, лежащего на траве. Он был худощавый, темнокожий, еще молодой. Его черные волосы были короткими и вились. Рубашка была расстегнута, грудь открыта. На нем была оранжевая кофта с дырами на локтях и стоптанные серые сандалии. Он был напряжен. Я не мог сказать, дышит он или нет. Я раздумывал над тем, действительно ли этот человек умирает или же дон Хуан намеренно драматизировал ситуацию для очередного урока. Я не раз уже обращал внимание, что каким-то образом ему всегда удавалось любое событие подгонять под свои таинственные схемы.

После долгого молчания я повернулся к дону Хуану. Его глаза были закрыты.

— Этот человек сейчас умрет, — сказал он не поднимая век. — Хотя ты и не веришь этому, правда? — Он открыл глаза, и я на мгновение замер под его пристальным взглядом.

— Не верю, — сказал я.

Мне действительно казалось, что все было слишком уж просто, словно кем-то подстроено. Не успели мы прийти в парк и сразу же наткнулись на умирающего человека.

— Обстоятельства выстраиваются сами собой, — сказал он в ответ на мои сомнения. — Это не спектакль, а знак, действие силы.

Мир разума превращает это событие в нечто заурядное, в незначительный случай на пути к более важным делам. И тогда мы мельком замечаем, что какой-то человек просто лежит на траве, наверное, пьяный.

Но мир воли превращает это зрелище в действие силы. И тогда мы можем видеть смерть, кружащую вокруг человека. Она все глубже и глубже погружает свои когти в его светящиеся волокна, и они, медленно теряя свое натяжение, исчезают одно за другим.

Вот две возможности, открытые для нас как светящихся существ. Ты — где-то посередине, все еще желая, чтобы мир был под рубрикой разума. И все-таки ты не можешь отрицать факт, что твоя личная сила дала тебе знак. Мы пришли в этот парк после того, как ты нашел меня именно там, где я тебя ждал. В какой-то момент ты просто наткнулся на меня, не думая, ничего не планируя, не используя намеренно свой разум. А затем мы садимся здесь и ждем знака. Оба мы обращаем внимание на этого человека, но каждый замечает его по-своему. Ты — своим разумом, я — своей волей.

Этот умирающий — и есть тот кубический сантиметр шанса, который сила всегда открывает воину. Искусство воина состоит в том, чтобы быть непрерывно текучим, иначе он не успеет ухватиться за этот шанс. Я-то успел, а как насчет тебя?

Я не отвечал, начиная осознавать бесконечную пропасть внутри себя, и на какое-то мгновение действительно ощутил те два мира, о которых он говорил.

— Какой это исчерпывающий знак! — продолжал дон Хуан. — И все для тебя. Сила показала тебе, что смерть — это необходимая добавка к долгу верить. Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой загадкой, что смерть постоянно выслеживает нас. Что касается меня, то я лишь развернул детали этого знака, чтобы указать тебе направление. Попутно я показал тебе и еще одно: сказанное мною сегодня — это как раз то, во что я должен верить сам, потому что таково предрасположение моего духа.

Мгновение мы смотрели друг другу в глаза.

— Помнишь, ты читал мне стихотворение, — сказал он, отводя глаза. — О человеке, который дал обет умереть в Париже. Как там?

Это было стихотворение Сесара Вальехо «Черный камень на белом камне». Я не раз читал ему по его просьбе первые две строфы.

Я умру в Париже, когда идет дождь,

В день, который я уже помню.

Я умру в Париже — и не убегу прочь

Может быть, осенью, в среду, как сегодня.

Это будет среда, потому что сегодня,

Когда я пишу эти строки — среда.

Я костями чувствую Поворот,

И никогда как сегодня за весь мой путь

Я не видел себя настолько одиноким.

Почему-то всегда эти строки вызывали у меня чувство невыразимой печали.

Дон Хуан сказал, что я должен верить, что у умирающего было достаточно личной силы, чтобы самому избрать улицы Мехико местом своей смерти.

— Мы снова возвращаемся к истории о двух котах, — сказал он. — Мы должны верить, что у Макса было достаточно личной силы, чтобы понять нависшую над ним опасность и, подобно этому человеку на траве, сознательно выбрать, по крайней мере, место своего конца. Но был и другой кот, как есть и другие люди, которые встретят свою смерть в одиночестве, не осознавая ее, глядя на унылые стены своей опостылевшей комнаты.

С другой стороны, этот человек умирает там, где он всегда жил — на улице. Трое полицейских — его почетный караул. И когда он потерял сознание, его глаза уловили последний отблеск огней в магазинах на противоположной стороне улицы, машины, деревья и вереницы людей, снующих вокруг, а его уши были наполнены в последний раз звуками транспорта и голосами проходящих мимо мужчин и женщин.

Так что, как видишь, без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны.

Я долго смотрел на человека. Он не двигался. Возможно, он был действительно мертв. Но мое неверие не имело больше никакого значения. Дон Хуан был прав. Долг верить, что мир таинственен и непостижим, был выражением самого глубокого предрасположения воина, без которого он не имел ничего.

Глава 2. Остров тоналя

Мы встретились на следующий день в том же парке около полудня. Он и сегодня был в своем коричневом костюме. Сняв пиджак, он тщательно, но с изящной небрежностью сложил его и положил на скамейку. Его небрежность казалась одновременно и рассчитанной и совершенно естественной. Я поймал себя на том, что попросту глазею на него. Он, казалось, осознавал парадокс, перед которым меня поставил, и улыбался. Он поправил галстук. Бежевая рубашка с длинными рукавами шла ему чрезвычайно.

— На мне все еще этот костюм, потому что я хочу сказать тебе одну очень важную вещь, — сказал он, похлопав меня по плечу. — Вчера для тебя был хороший спектакль, а сейчас самое время прийти к некоторому окончательному соглашению.

Он сделал долгую паузу. Казалось, он готовится к важному заявлению. У меня появилось странное ощущение в животе. Я немедленно заключил, что он собирается открыть мне объяснение магов. Он пару раз поднимался и начинал прохаживаться, как будто ему трудно было подобрать слова.

— Пойдем в ресторан напротив и перекусим, — сказал он наконец.

Он развернул свой пиджак и, прежде чем надеть его, показал мне, как тот превосходно сшит.

— Сделано на заказ, — сказал он и улыбнулся, довольный, как будто это имело какое-то особое значение.

— Я должен был обратить на это твое внимания, а то бы ты просто не заметил. Сейчас очень важно, чтобы ты это осознал. Ты привык осознавать только то, что считаешь важным для себя. Но настоящий воин должен осознавать все и всегда.

Мой костюм и все эти мелочи важны, потому что по ним можно судить о моем положении в жизни, или, скорее, об одной из двух частей моей целостности. Этот разговор давно назрел. Я чувствую, что сейчас для него пришло время. Но он должен быть проведен как следует, или это совсем не будет иметь для тебя смысла. Я хотел при помощи костюма дать тебе первый намек. Я считаю, что ты его получил. Теперь время поговорить, потому что для понимания этой темы нужна серьезная беседа.

— Что это за тема, дон Хуан?

— Целостность самого себя.

Он резко поднялся и повел меня в ресторан в большом отеле напротив. Хозяйка довольно недружелюбно показала нам столик в дальнем углу. Очевидно, места для избранных были вдоль окон.

Я сказал дону Хуану, что эта женщина напомнила мне другую хозяйку в Аризоне, где мы с ним когда-то ели. Прежде чем вручить нам меню, та спросила, хватит ли у нас денег, чтобы расплатиться.

— Я не виню этих бедных женщин, — сказал дон Хуан, словно сочувствуя ей. — Эта так же, как и та, другая, боится мексиканцев.

Он добродушно засмеялся. Несколько посетителей ресторана обернулись и посмотрели на нас.

Дон Хуан сказал, что, сама того не зная, а то и вопреки своему желанию, хозяйка отвела нам самый лучший столик в зале. Здесь мы можем свободно разговаривать, а я могу писать сколько душе угодно.

Как только я вынул блокнот из кармана и положил его на стол, к нам внезапно подлетел официант. Казалось, он тоже был в плохом настроении. Он стоял над нами с вызывающим видом.

Дон Хуан начал заказывать для себя весьма сложный обед. Он заказывал, не глядя в меню, как если бы знал его наизусть. Я растерялся. Официант появился неожиданно и я не успел даже заглянуть в меню, поэтому сказал, что хочу то же самое.

Дон Хуан пошептал мне на ухо: — Держу пари, у них нет ничего из того, что я заказал.

Он уютно устроился в кресле и предложил мне расслабиться и сесть поудобнее, потому что пройдет целая вечность, пока нам приготовят обед.

— Ты на очень примечательном перекрестке, — сказал он. — Может быть, на последнем и самом трудном для понимания. Наверное, некоторые вещи из того, что я скажу тебе, полностью ясными не станут никогда. Но так и должно быть. Поэтому не беспокойся, не раздражайся и не разочаровывайся. Все мы — изрядные тупицы, когда вступаем в мир магии. Да и это не гарантирует нам перемен к лучшему. Некоторые из нас остаются идиотами до самого конца.

Мне понравилось, что он включил и себя в число идиотов. Я знал, что он сделал это не по доброте душевной, но чтобы я лучше усвоил сказанное.

— Не теряйся, если ты не уловишь чего-нибудь из моих объяснений, — продолжал он. — Учитывая твой темперамент, я боюсь, что ты можешь выбиться из сил, стремясь понять. Не надо! То, что я собираюсь сказать, лишь

укажет тебе направление.

Внезапно меня охватила тревога. Предупреждение дона Хуана вызвало у меня в уме настоящий хаос. Он и раньше предупреждал меня точно таким же образом, и всякий раз это оборачивалось каким-нибудь разрушительным событием.

— Я начинаю очень нервничать, когда ты так разговариваешь со мной, — сказал я.

— Знаю, — сказал он спокойно. — Я специально заставляю тебя подняться на цыпочки. Мне нужно твое нераздельное внимание.

Он сделал паузу и взглянул на меня. У меня вырвался нервный смешок. Я знал, что он нарочно усиливает драматические возможности ситуации.

— Я говорю тебе все это не для эффекта, — сказал он, как бы прочитав мои мысли. — Я просто даю тебе время для правильной настройки.

В этот момент к нашему столу подошел официант и заявил, что у них нет ничего из заказанного нами. Дон Хуан громко рассмеялся и заказал тортильи с мясом и бобы. Официант снисходительно усмехнулся и сказав, что они такого не готовят, предложил бифштекс и цыпленка. Мы выбрали суп. Ели мы молча. Мне суп не понравился, и я его так и не доел, но дон Хуан съел свой полностью.

— Я надел свой пиджак, — сказал он внезапно, — для того, чтобы рассказать уже известные тебе вещи. Но чтобы это знание стало эффективным, оно нуждается в разъяснении. Я откладывал это до сих пор, потому что Хенаро считает, что недостаточно одного твоего желания пойти по пути знания. Твои действия должны быть безупречны, чтобы ты стал достойным этого знания. Ты действовал хорошо. Теперь я расскажу тебе объяснение магов.

Он опять сделал паузу, потер щеки и подвигал языком внутри рта, как бы ощупывая зубы.

— Я собираюсь рассказать тебе о тонале и нагвале, — сказал он наконец и пронзительно посмотрел на меня.

Мне впервые за время нашего знакомства довелось услышать от него эти два термина. Я смутно помнил их из антропологической литературы о культурах центральной Мексики. Я знал, что «тональ» (произносится как тох-на'хл) был своего рода охранительным духом, обычно животным, которого ребенок получал при рождении и с которым он был связан глубокими узами до конца своей жизни.

«Нагваль» (произносится как нах-уа'хл) — название, дававшееся или животному, в которое маг мог превращаться, или тому магу, который практиковал такие превращения.

— Это мой тональ, — сказал дон Хуан, потерев руками грудь.

— Твой костюм?

— Нет, моя личность.

Он похлопал себя по груди, по ногам и по ребрам.

— Мой тональ — все это.

Он объяснил, что каждое человеческое существо имеет две стороны, две отдельных сущности, две противоположности, начинающие функционировать в момент рождения. Одна называется «тональ», другая — «нагваль».

Я рассказал ему о мнении антропологов об этих двух понятиях.

Он позволил мне говорить, не перебивая.

— Ну, все что ты о них знаешь или думаешь — сплошная ерунда, — сказал он наконец. — Я могу заявить это с полной уверенностью, потому что ты ни в коем случае не мог знать того, что я скажу о тонале и нагвале. Дураку ясно, что ты ничего об этом не знаешь: для того, чтобы познакомиться с этим, следует быть магом. А ты — не маг. Ты мог поговорить об этом с другим магом, но этого не было. Поэтому отбрось то, что ты слышал об этом раньше, потому что это никому не нужно.

— Это было только замечание, — сказал я.

Он комически поднял брови.

— Сейчас твои замечания неуместны, — сказал он, — На этот раз мне нужно твое нераздельное внимание. Я собираюсь познакомить тебя с тоналем и нагвалем. У магов к этому знанию интерес особый и уникальный. Я бы сказал, что тональ и нагваль находятся исключительно в сфере людей знания. Для тебя это пока та заслонка, которая закрывает все то, чему я тебя обучал. Поэтому я и ждал до сих пор, чтобы рассказать тебе о них.

Тональ — это не животное, которое охраняет человека. Я бы сказал, пожалуй, что это хранитель, который может быть представлен и как животное, но это не главное.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

— Теперь я использую твои собственные слова, — сказал он, — тональ — это социальное лицо.

Он засмеялся и подмигнул мне.

— Тональ является по праву защитником, хранителем. Хранителем, который чаще всего превращается в охранника.

Я схватился за блокнот. Он засмеялся и передразнил мои нервные движения.

— Тональ — это организатор мира, — продолжал он, — Может быть, лучше всего его огромную работу было бы определить так: на его плечах покоится задача создания мирового порядка из хаоса. Не будет преувеличением сказать, что все, что мы знаем и делаем как люди, — работа тоналя. Так говорят маги.

В данный момент, например, все, что участвует в твоей попытке найти смысл в нашем разговоре, является тоналем. Без него были бы только бессмысленные звуки и гримасы, и из моих слов ты не понял бы ничего.

Скажу далее, тональ — это хранитель, который охраняет нечто бесценное —

само наше существование. Поэтому врожденными качествами тоналя являются консерватизм и ревнивость относительно своих действий. А поскольку его деяния являются самой что ни на есть важнейшей частью нашей жизни, то не удивительно, что он постепенно в каждом из нас превращается из хранителя в охранника.

Он остановился и спросил, понял ли я. Я машинально кивнул головой, и он недоверчиво улыбнулся.

— Хранитель мыслит широко и все понимает, — объяснил он. — Но охранник — бдительный, косный и чаще всего деспот. Следовательно, тональ во всех нас превратился в мелочного и деспотичного охранника, тогда как он должен быть широко мыслящим хранителем.

Я явно не улавливал нити его объяснения. Хотя я расслышал и записал каждое слово, но мне мешал какой-то мой собственный, непрерывный и запутанный внутренний диалог.

— Мне очень трудно следить за тобой, — пожаловался я.

— Если бы ты не цеплялся за разговоры с самим собой, то у тебя не было бы этих трудностей, — отрезал он.

Я начал долго и нудно объяснять что-то в свою защиту, но в конце концов спохватился и извинился за свою привычку постоянно оправдываться.

Он улыбнулся и жестом дал понять, что совсем не сердится.

— Тональ — это все, что мы есть, — продолжал он. — Назови его! Все, для чего у нас есть слово — это тональ. А поскольку тональ и есть его собственные деяния, то в его сферу попадает все.

Я напомнил ему, что он сказал, будто бы «тональ» является «социальным лицом». Этим термином в разговорах с ним пользовался я сам, чтобы определить человека как конечный результат процесса социализации. Я указал, что если «тональ» был продуктом этого явления, то он не может быть «всем», потому что мир вокруг нас не является результатом социальных процессов.

Дон Хуан возразил, что мой аргумент не имеет никаких оснований, ведь он уже говорил мне, что никакого мира в широком смысле не существует, а есть только описание мира, которое мы научились визуализировать и принимать как само собой разумеющееся.

— Тональ — это все, что мы знаем, — сказал он, — Я думаю, что это само по себе уже достаточная причина, чтобы считать тональ могущественной вещью.

Он на секунду остановился, как будто ожидая вопросов или замечаний, но у меня их не было. Но я почему-то чувствовал себя обязанным задать вопрос и пытался сформулировать подходящий. Мне это не удалось. После всех предупреждений, которыми он начал наш разговор, мне как-то не хотелось задавать вопросы. Меня охватило непонятное оцепенение, и я был неспособен сосредоточится и привести в порядок свои мысли. Фактически, я чувствовал и знал без тени сомнения, что не способен думать, но знал это не разумом, если только такое возможно.

Я взглянул на дона Хуана. Он смотрел на среднюю часть моего тела. Но вот он поднял глаза, и ко мне мгновенно вернулась ясность мысли.

— Тональ — это все, что мы знаем, — медленно повторил он. — И это включает не только нас как личности, но и все в нашем мире. Можно сказать, что тональ — это все, что мы способны видеть глазами.

Мы начинаем взращивать его с момента рождения. Как только мы делаем первый вдох, с ним мы вдыхаем и силу для тоналя. Поэтому правильным будет сказать, что тональ человеческого существа сокровенно связан с его рождением.

Ты должен запомнить это. Понимание всего этого очень важно. Тональ начинается с рождения и заканчивается смертью.

Мне хотелось, чтобы он повторил все это еще раз, и уже открыл было рот, чтобы попросить его об этом, но к своему изумлению не смог произнести ни слова. Это было очень любопытное состояние. Слова мои были тяжелыми, и у меня совершенно не было возможности контролировать свои ощущения.

Я взглянул на дона Хуана, пытаясь показать ему, что я не могу говорить. Он опять смотрел на мой живот. Потом он поднял глаза и спросил, как я себя чувствую.

Слова полились из меня, словно прорвало плотину. Я рассказал ему, что испытывал любопытное ощущение, будто я не могу ни говорить, ни думать, и в то же время мои мысли были кристально ясными.

— Твои мысли были кристально ясными? — переспросил он.

И тут я понял, что ясность относилась не к моим мыслям, а только к моему восприятию мира.

— Ты что-нибудь делаешь со мной, дон Хуан? — спросил я.

— Я пытаюсь убедить тебя в том, что твои замечания не нужны, — сказал он и засмеялся.

— Значит, ты не хочешь, чтобы я задавал вопросы?

— Нет, нет, спрашивай все, что хочешь, только не позволяй отвлекаться твоему вниманию.

Я вынужден был признать, что растерялся из-за безбрежности темы.

— Я все еще не могу понять, дон Хуан, что ты подразумеваешь под утверждением, что тональ — это все? — спросил я после секундной паузы.

— Тональ — это то, что творит мир.

— Тональ является создателем мира?

Дон Хуан почесал виски.

— Тональ создает мир только образно говоря. Он не может ничего создать или изменить, и, тем не менее, он творит мир, потому что его функция — судить, оценивать и свидетельствовать. Я говорю, что тональ творит мир, потому что он свидетельствует и оценивает его согласно своим правилам, правилам

тоналя. Очень странным образом тональ является творцом, который не творит ни единой вещи. Другими словами, тональ создает законы, по которым он воспринимает мир, значит, в каком-то смысле он творит мир.

Дон Хуан мурлыкал популярную мелодию, отбивая ритм пальцами на краю стула. Его глаза сияли. Казалось, они искрятся. Он усмехнулся и покачал головой.

— Ты не слушаешь меня, — сказал он и улыбнулся.

— Я слушаю, нет проблем, — сказал я не очень убежденно.

— Тональ — это остров, — объяснил он. — Лучшим способом описать его будет сравнение вот с этим.

Он очертил рукой край стола.

— Мы можем сказать, что тональ, как поверхность этого стола, остров, и на этом острове мы имеем все. Этот остров — фактически весь наш мир.

У каждого из нас есть личные тонали и есть коллективный тональ для нас всех в любое данное время, и его мы можем назвать тоналем времени.

Он показал на ряд столов в ресторане.

— Взгляни, все столы одинаковы, на каждом из них есть одни и те же предметы. Но каждый из них имеет и свои собственные индивидуальные отличия. За одним столом больше людей, чем за другим. На них разная пища, разная посуда, различная атмосфера. Но мы должны согласиться, что все столы в ресторане очень похожи. То же происходит и с тоналем. Можно сказать, что тональ времени — это то, что делает нас похожими, как похожи все столы в ресторане. В то же время каждый стол существует сам по себе, как и личный тональ каждого из нас. Однако следует помнить очень важную вещь: все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, находится на острове тоналя. Понимаешь, о чем я?

— Если тональ — это все, что мы знаем о нас самих и о нашем мире, то что же такое нагваль?

— Нагваль — это та часть нас, с которой мы вообще не имеем никакого дела.

— Прости, я не понял.

— Нагваль — это та часть нас, для которой нет никакого описания — ни слов, ни названий, ни чувств, ни знаний.

— Но это противоречие, дон Хуан. Мне кажется, если это нельзя почувствовать, описать или назвать, то оно просто не существует.

— Это противоречие существует только в твоем разуме. Я предупреждал тебя ранее, что ты выбьешься из сил, стараясь понять это.

— Не хочешь ли ты сказать, что нагваль — это ум?

— Нет, ум — это предмет на столе, ум — это часть тоналя. Скажем так, ум — это чилийский соус. Он взял бутылку соуса и поставил ее передо мной.

— Может быть, нагваль — это душа?

— Нет, душа тоже на столе. Скажем, душа — это пепельница.

— Может, это мысли людей?

— Нет, мысли тоже на столе. Мысли — столовое серебро.

Он взял вилку и положил ее рядом с бутылкой соуса и пепельницей.

— Может, это состояние блаженства, небеса?

— И не это тоже. Это, чем бы оно ни было, часть тоналя. Это, скажем, — бумажная салфетка.

Я продолжал перечислять всевозможные способы описания того, о чем он говорит: чистый интеллект, психика, энергия, жизненная сила, бессмертие, принцип жизни. Для всего, что я назвал, он находил на столе что-нибудь для сравнения и ставил это напротив меня, пока все предметы на столе не были

собраны в одну кучу.

Дон Хуан, казалось, наслаждался бесконечно. Он посмеивался, потирая руки каждый раз, когда я высказывал очередное предположение.

— Может быть, нагваль — это Высшая Сущность, Всемогущий, Господь Бог? — спросил я.

— Нет, Бог тоже на столе. Скажем так, Бог — это скатерть.

Он сделал шутливый жест, как бы скомкав скатерть и положив ее передо мной к другим предметам.

— Но значит, по-твоему, Бога не существует?

— Нет, я не сказал этого. Я сказал только, что нагваль — не Бог, потому что Бог принадлежит нашему личному тоналю и тоналю времени. Итак, тональ — это все то, из чего, как мы думаем, состоит мир, включая и Бога, конечно. Бог не более важен, чем все остальное, будучи тоналем нашего времени.

— В моем понимании, дон Хуан, Бог — это все. Разве мы не говорим об одной и той же вещи?

— Нет, Бог — это все-таки то, о чем мы можем думать, поэтому, правильно говоря, он только один из предметов на этом острове. Нельзя увидеть Бога по собственному желанию, о нем можно только говорить. Нагваль же всегда к услугам воина и его можно наблюдать, но о нем невозможно сказать словами.

— Если нагваль не является ни одной из тех вещей, которые я перечислил, то, может быть, ты сможешь сказать мне о его местоположении. Где он?

Дон Хуан сделал широкий жест и показал на пространство вокруг стола. Он провел рукой, как если бы ее тыльной стороной очистил воображаемую поверхность за краями стола.

— Нагваль — там, — сказал он. — Там, вокруг острова. Нагваль там, где обитает сила. Мы чувствуем с самого момента рождения, что есть две части нас самих. В момент рождения и некоторое время спустя мы являемся целиком

нагвалем. Затем мы чувствуем, что для нормальной деятельности нам необходима противоположная часть того, что мы имеем. Тональ отсутствует, и это дает нам с самого начала ощущение неполноты. Затем тональ начинает развиваться и становится совершенно необходимым для нашего существования. Настолько необходимым, что затеняет сияние нагваля, захлестывает его. С момента, когда мы целиком становимся тоналем, в нас все возрастает наше старое ощущение неполноты, которое сопровождало нас с момента рождения. Оно постоянно напоминает нам, что есть еще и другая часть, которая дала бы нам целостность.

С того момента, как мы становимся целиком тоналем, мы начинаем составлять пары. Мы ощущаем две наши стороны, но всегда представляем их предметами тоналя. Мы говорим, что две наши части — душа и тело, или мысль и материя, или добро и зло, Бог и дьявол. Мы никогда не осознаем, что просто объединяем в пары вещи на одном и том же острове, как кофе и чай, хлеб и лепешки или чилийский соус и горчицу. Скажу я тебе, мы — странные животные. Нас унесло в сторону, но в своем безумии мы уверили себя, что все понимаем правильно.

Дон Хуан поднялся и обратился ко мне с видом оратора. Он ткнул в меня указательным пальцем и затряс головой.

— Человек мечется не между добром и злом, — сказал он патетически, схватив солонку и перечницу и потрясая ими, — его истинное движение — между отрицательным и положительным.

Он уронил солонку и перечницу и схватил нож и вилку.

— Вы не правы! Никакого движения тут нет, — продолжал он, как бы возражая сам себе. — Человек — это только разум.

Он взял бутылку соуса и поднял ее. Затем опустил.

— Как видишь, — сказал он мягко, — мы легко можем заменить разум чилийским соусом и договориться до того, что «человек — это только чилийский соус». Это не сделает нас более ненормальными, чем мы уже есть.

— Боюсь, я задал не тот вопрос, — сказал я, — Может быть, мне правильнее

было бы спросить, что особенного можно найти в области за островом.

— Нет возможности ответить на это. Если я скажу — «ничего», то я только сделаю нагваль частью тоналя. Могу сказать только, что за границами острова находится нагваль.

— Но когда ты называешь его нагвалем, разве ты не помещаешь его на остров?

— Нет, я назвал его только затем, чтобы дать тебе возможность осознать его существование.

— Хорошо! Но разве мое осознание не превращает нагваль в новый предмет моего тоналя?

— Боюсь, что ты не понимаешь. Я назвал нагваль и тональ как истинную пару. Это все, что я сделал.

Он напомнил мне, как однажды, пытаясь объяснить ему свою настойчивую потребность во всем улавливать смысл, я говорил, что дети, может быть, не способны воспринимать разницу между «отцом» и «матерью», пока не научатся достаточно разбираться в терминологии. И что они, возможно, верят, что отец — это тот, кто носит брюки, а мать — юбки, или учитывают какие-нибудь другие различия в прическе, сложении или предметах одежды.

— Мы явно делаем то же самое с нашими двумя частями, — сказал он, — Мы чувствуем, что есть еще одна часть нас, но когда стараемся определить эту другую сторону, тональ захватывает рычаги управления, а как директор он крайне мелочен и ревнив. Он ослепляет своими хитростями и заставляет нас забыть малейшие намеки на другую часть истинной пары — нагваль.

Глава 3. День тоналя

Когда мы выходили из ресторана, я сказал дону Хуану, что он был прав, предупреждая меня о трудности темы. Всей моей хваленой интеллектуальности явно не хватало для восприятия объяснений его концепции. Я спросил, не лучше ли мне сейчас пойти в гостиницу, прочитать свои записи и еще раз все обдумать. Он ответил, что не стоит придавать такое большое значение словам.

В это мгновение я с замиранием сердца почувствовал в себе присутствие чего-то неизведанного.

Я сказал об этом. Он посмотрел на меня с нескрываемым любопытством. Я объяснил, что подобное со мной бывало и раньше — какие-то странные провалы, перерывы в потоке сознания. Обычно они начинались с ощущения толчка в теле, после чего я чувствовал себя как бы парящим.

Мы не спеша пошли к центру города. Дон Хуан попросил подробнее рассказать об этих «провалах», но мне было крайне трудно подобрать слова. Я начал было описывать их в терминах «забывчивость», «рассеянность», «невнимательность», но он напомнил мне, что в действительности я человек очень обязательный и осторожный, с отличной памятью.

Сначала я связывал эти странные провалы с остановкой внутреннего диалога, но затем вспомнил, что они случались со мной и тогда, когда я вовсю разговаривал сам с собой. Казалось, они исходили из области, независимой от всего того, что я знаю.

Дон Хуан похлопал меня по спине, удовлетворенно улыбаясь.

— Наконец-то ты начинаешь устанавливать реальные связи, — сказал он.

Я попросил его объяснить это загадочное явление, но он резко оборвал разговор и сделал знак следовать за ним. Мы пришли в небольшой парк перед собором.

— Здесь мы и остановимся, — сказал он, садясь на скамейку. — Это идеальное место для наблюдения за людьми. Отсюда мы сможем видеть как прохожих на улице, так и прихожан, идущих в церковь.

Он указал на широкую людную улицу и на дорожку, усыпанную гравием, ведущую к церкви. Наша скамья находилась как раз посредине между церковью и улицей.

— Это моя любимая скамейка, — сказал он, поглаживая ее.

Он подмигнул мне и добавил с улыбкой:

— Она любит меня, вот почему на ней никто не сидит. Она знала, что я приду.

— Скамейка знала?

— Нет, не скамейка — мой нагваль.

— Разве нагваль имеет сознание? Он осознает предметы?

— Конечно, он осознает все. Вот почему меня интересует твой отчет. То, что ты называешь провалами и ощущениями — это нагваль. Чтобы говорить об этом, мы должны заимствовать понятия с острова тональ, поэтому лучше ничего не объяснять, а просто перечислять его проявления.

Мне хотелось поговорить об этих странных ощущениях, но он велел мне замолчать.

— Хватит, сегодня не день нагваля. Сегодня — день тоналя. Я надел костюм, потому что сегодня я — целиком тональ.

Он смотрел на меня. Я хотел сказать ему, что эта тема, похоже, оказалась для меня труднее всего, что он когда-либо объяснял. Он, казалось, предвидел мои слова.

— Это трудно, — продолжал он. — Я знаю это. Но поскольку эта тема является твоим последним барьером и заключительным этапом моего учения, можно без преувеличения сказать, что она охватывает все, о чем я говорил тебе с первого дня нашей встречи.

Мы долго молчали. Я чувствовал, что мне нужно подождать, пока он не

закончит своего объяснения, но ощутил внезапный приступ тревоги и поспешно спросил:

— Нагваль и тональ внутри нас?

Он пристально посмотрел на меня.

— Очень трудный вопрос, — сказал он. — Сам ты сказал бы, что они внутри нас. Я бы сказал, что это не так, но мы оба были бы неправы. Тональ твоего времени призывает тебя утверждать, что все, имеющее отношение к твоим мыслям и чувствам, находится внутри тебя. Тональ магов говорит противоположное — все снаружи. Кто прав? Никто. Внутри ли, снаружи — это совершенно не имеет значения.

Я не отступал. Я сказал, что когда он говорит о «тонале» и «нагвале», то это звучит так, словно существует еще и третья часть. Он сказал, что «тональ» «заставляет нас» совершать поступки. Я поинтересовался; кого это «нас»?

Он уклонился от прямого ответа.

— Все это не так просто объяснить, — сказал он. — Какой бы умной ни была защита тоналя, нагваль всегда прорывается на поверхность. Однако его проявления всегда ненамеренны. Величайшее искусство тоналя — это подавление любых проявлений нагваля таким образом, что даже если его присутствие будет самой очевидной вещью в мире, оно останется незамеченным.

— Незамеченным для кого?

Он усмехнулся, покачав головой. Я настаивал на ответе.

— Для тоналя, — ответил он, — Речь идет исключительно о нем. Я могу ходить кругами, но пусть это тебя не удивляет и не раздражает. Ведь я предупреждал — понять то, о чем я говорю, очень трудно. Мне приходится погружаться вместе с тобой во все это пустозвонство, потому что мой тональ осознает, что это разговор о нем самом. Другими словами, мой тональ использует себя самого, чтобы понять ту информацию, которую я хочу сделать ясной для твоего тоналя. Скажем так, когда тональ обнаруживает, насколько приятно

говорить о себе, он создает термины «я», «меня» и им подобные, чтобы говорить о себе не только с самим собой, но и с другими тоналями.

Далее, когда я говорю, что тональ заставляет нас делать что-либо, я не имею в виду, что есть какая-то третья часть. Очевидно, он заставляет самого себя следовать своим суждениям.

При определенных обстоятельствах тональ начинает осознавать, что кроме него есть еще нечто. Это что-то вроде голоса, который приходит из глубин, голоса нагваля. Видишь ли, целостность является нашим естественным состоянием, и тональ не может полностью отбросить этот факт. Поэтому бывают моменты, особенно в жизни воинов, когда целостность становится явной. Именно в эти моменты мы получаем возможность осознать, чем мы являемся в действительности.

Меня заинтересовали толчки, о которых ты говорил, потому что именно так нагваль и выходит на поверхность. В эти моменты тональ начинает осознавать целостность самого себя. Такое осознание — это всегда потрясение, потому что оно разрывает пелену нашей умиротворенности. Я называю его целостностью существа, которое умрет. Суть в том, что в момент смерти другой член истинной пары — нагваль — становится полностью действенным. Все осознание, воспоминания, восприятие, накопившиеся в наших икрах и бедрах, в нашей спине, плечах и шее, начинают расширяться и распадаться. Как бусинки бесконечного разорванного ожерелья, они раскатываются без связующей нити жизни.

Он посмотрел на меня. Его глаза были мирными. Я чувствовал себя глупо и неловко.

— Целостность самого себя очень тягучее дело, — сказал он. — Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Маг задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?

Он сделал мне знак головой, чтобы я следил за вереницей проходивших мимо людей.

— Все они — тональ, — сказал он. — Я буду указывать тебе на некоторых из

них, чтобы твой тональ, оценивая этих людей, смог оценить самого себя.

Он обратил мое внимание на двух пожилых дам, только что вышедших из церкви. С минуту они постояли наверху гранитной лестницы, а затем начали осторожно спускаться, отдыхая на каждой ступеньке.

— Внимательно следи за этими женщинами, — сказал он. — Но рассматривай их не как людей, а как тонали. Женщины, держась друг за друга, дошли наконец до конца лестницы и опасливо пошли по гравийной дорожке, как по льду, на котором они в любой момент могли поскользнуться.

— Смотри на них, — тихо сказал дон Хуан, — трудно найти тональ более жалкий.

Обе женщины были тонкокостными, но очень толстыми. Им было, пожалуй, за пятьдесят. Вид у них был такой измученный, словно идти по ступенькам церкви было выше их сил.

Поравнявшись с нами, они в нерешительности остановились — на дорожке была еще одна ступенька.

— Смотрите под ноги, дамы! — драматически воскликнул дон Хуан, поднимаясь с места. Они взглянули на него, явно смущенные этим выпадом.

— Моя мать однажды сломала здесь правое бедро, — сказал он и галантно подскочил к ним, помогая преодолеть ступеньку.

Они многословно поблагодарили его, а он участливо посоветовал им в случае падения лежать неподвижно, пока не приедет скорая помощь. Женщины перекрестились.

Дон Хуан вернулся и сел. Его глаза сияли. Он тихо заговорил:

— Эти женщины не настолько стары и слабы, однако же они — инвалиды. Все в них пропитано опасением — одежда, запах, отношение к жизни. Как ты думаешь, почему?

— Может, они такими родились?

— Нет, такими не рождаются — такими становятся. Тональ этих женщин слаб и боязлив.

Я сказал, что сегодня день тоналя, потому что сегодня я хочу иметь дело только с ним. При помощи своего костюма я хотел показать, что воин обращается со своим тоналем особым образом. Как видишь, костюм сшит по последней моде, прекрасно на мне сидит, и я выгляжу в нем очень естественно. Но тщеславие здесь ни при чем — я надел его только затем, чтобы показать тебе свой дух воина, свой тональ воина.

Сегодня эти женщины дали тебе первый урок тоналя. Если ты будешь небрежен со своим тоналем, жизнь обойдется с тобой так же безжалостно. Им я противопоставляю себя. Думаю, ты уже все понял, и можно не продолжать.

Неожиданно я почувствовал, что теряю почву под ногами и с отчаянием попросил его объяснить, что же я должен понять. Дон Хуан громко рассмеялся.

— Взгляни-ка лучше на этого парня в зеленых штанах и розовой рубашке, — прошептал он, указывая на тощего молодого человека с острыми чертами лица, стоявшего почти перед нами. Казалось, он не знал, куда пойти — к церкви или к улице. Дважды он поднимал руку в направлении церкви, как бы уговаривая себя идти туда. Затем он уставился на меня отсутствующим взглядом.

— Посмотри, как он одет. Посмотри на его ботинки, — шепотом сказал дон Хуан.

Одежда молодого человека была мятой и грязной, а его ботинки пора было выбрасывать на помойку.

— Вероятно, он очень беден, — сказал я.

— И это все, что ты можешь сказать о нем? — спросил он.

Я перечислил возможные причины бедственного положения молодого человека: плохое здоровье, невезение, безразличие к своей внешности, и в конце концов предположил, что он только что вышел из тюрьмы.

Дон Хуан сказал, что я просто строю догадки, и его не интересуют мои попытки оправдывать других на том основании, что они — жертвы неблагоприятных обстоятельств.

— А может быть он — секретный агент, который должен выглядеть оборванцем, — сказал я шутя.

Молодой человек нетвердой походкой пошел в направлении улицы.

— Он и есть самый настоящий оборванец, — сказал дон Хуан. — Посмотри на его слабое тело, тонкие руки и ноги. Он же еле ходит. Невозможно притворяться до такой степени. С ним явно что-то неладно, но дело тут не в обстоятельствах. Еще раз повторяю, что сегодня ты должен смотреть на людей как на тонали.

— Что значит видеть человека как тональ?

— Это значит перестать судить его в моральном плане и оправдывать на том лишь основании, что он похож на лист, отданный на волю ветра. Другими словами, что означает видеть человека, не думая о его безнадежности и беспомощности. Ты абсолютно точно знаешь, что я имею в виду. Ты можешь оценить этого человека, не обвиняя его и не оправдывая.

— Он слишком много пьет, — вдруг сказал я. Эти слова вырвались у меня непроизвольно, на мгновение мне даже показалось, что их произнес кто-то другой. Мне захотелось объяснить, что это заявление было очередной моей спекуляцией.

— Это не так, — сказал дон Хуан. — На этот раз в твоем голосе была уверенность. Ты ведь не сказал: «Может быть, он пьяница».

Я почувствовал необъяснимое раздражение. Дон Хуан рассмеялся.

— Ты видел этого человека, — сказал он. — В таком случае заявления делаются без обдумывания и с большой уверенностью. Это было видение. Внезапно ты понял, что тональ этого парня никуда не годится, не зная сам, как это у тебя получилось.

Я признался, что именно это и почувствовал.

— Ты прав, — сказал дон Хуан. — Его молодость не имеет никакого значения. Он калека, как и те две женщины. Молодость никоим образом не является барьером против разрушения тоналя. Пытаясь объяснить состояние этого человека, ты придумывал множество причин. Я считаю, что причина только одна — его тональ. И его тональ слаб вовсе не потому, что он пьет. Как раз наоборот — он пьет из-за слабости своего тоналя. Именно эта слабость делает его таким, каков он есть. Но что-то подобное в той или иной форме происходит со всеми нами.

— Но разве, характеризуя его тональ, ты не судишь о его поведении?

— Я даю тебе объяснение, с: которым ты раньше никогда не встречался. Однако это не оправдание и не осуждение. Тональ этого молодого человека слаб и боязлив, но он не одинок в этом. Все мы более или менее в той же лодке.

В этот момент мимо нас прошел в направлении церкви какой-то грузный мужчина в дорогом темно-сером костюме. Пиджак он нес в руке, воротник рубашки у него был расстегнут, галстук расслаблен. Он обливался потом. Он был очень бледен, и это делало пот еще более заметным.

— Следи за ним, — приказал мне дон Хуан.

Человек шел короткими тяжелыми шагами, раскачиваясь при ходьбе. Он не стал подниматься к церкви, обошел ее и исчез за углом.

— Нет никакой необходимости обращаться с телом таким ужасным образом, — сказал дон Хуан с ноткой укора. — Но как ни печально, все мы в совершенстве умеем делать наш тональ слабым. Я называю это индульгированием.

Положив руку на блокнот, он сказал, чтобы я перестал писать, так как это нарушает мою концентрацию. Он предложил расслабиться, остановить внутренний диалог и «сливаться» с людьми, за которыми я буду наблюдать.

Я спросил, что он имеет в виду под слиянием. Он ответил, что объяснить это

невозможно. Это нечто такое, что тело ощущает или делает при визуальном контакте с другими телами. Затем он добавил, что в прошлый раз он называл этот процесс «видением» и что он состоял в установлении истинной внутренней тишины, за которой следует внешнее удлинение чего-то изнутри нас. Удлинение, которое встречается и сливается с другим телом или с чем-либо еще в поле нашего осознания.

Очень хотелось записать все это, но он остановил меня и начал выбирать отдельных людей из проходящей мимо толпы. Он обратил мое внимание на десятки людей, составивших широкий диапазон типов мужчин, женщин и детей различного возраста. Дон Хуан выбирал лиц, чей слабый тональ, по его словам, может подойти к некоторой классификационной схеме, и таким способом он познакомил меня с большим разнообразием форм индульгирования.

Невозможно было запомнить всех людей, на которых он мне указывал и которых мы обсуждали. Я пожаловался на то, что если бы я делал записи, то, по крайней мере, смог бы набросать заметки к его схеме индульгирования. Однако он не захотел повторять, а может быть, и сам всего не запомнил.

Он засмеялся и сказал, что не помнит ее, потому что в жизни мага за творчество отвечает «нагваль». Он взглянул на небо и сказал, что уже поздно, и что с этого момента мы должны изменить направление. Вместо слабых тоналей мы станем ждать появления «правильного» тоналя. Он добавил, что только воин может иметь «правильный тональ» и что у обычного человека может быть в лучшем случае «хороший тональ».

После нескольких минут ожидания он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

— Ты посмотри, кто идет, — сказал он, указывая на улицу движением подбородка. — Они как будто встали в очередь.

К нам приближались трое индейцев. Все они были в коротких шерстяных пончо, белых штанах, доходящих до середины икр, белых рубашках с длинными рукавами, грязных изношенных сандалиях и старых соломенных шляпах: у каждого был заплечный мешок.

Дон Хуан поднялся и пошел к ним навстречу. Он окликнул их. Индейцы были

удивлены и с улыбками окружили его. Видимо, он рассказывал им что-то обо мне. Все трое повернулись в мою сторону и улыбнулись. Они были в трех-четырех метрах. Я слушал внимательно, но не мог понять, о чем они говорили.

Дон Хуан достал из кармана несколько ассигнаций и отдал им. Индейцы казались очень довольными. Они смущенно переминались с ноги на ногу. Мне они очень понравились. Они напоминали детей. У всех были белые мелкие зубы и очень приятные мягкие черты лица. Старший носил усы. Его глаза были усталыми и очень добрыми. Он снял шляпу и подошел ближе к скамейке. Остальные последовали за ним. Все трое в один голос приветствовали меня. Мы пожали друг другу руки. Дон Хуан сказал мне, чтобы я дал им денег. Они поблагодарили меня и после вежливого молчания попрощались. Дон Хуан сел на скамейку, и мы проводили их взглядом, пока они не исчезли в толпе.

Я сказал дону Хуану, что почему-то они мне очень понравились.

— Ничего удивительного, — сказал он. — Ты должен был почувствовать, что их тональ очень хороший. Это правильно, но не для нашего времени. Наверное ты заметил, что они похожи на детей. Они и есть дети. И это очень грустно. Я понимаю их лучше тебя, поэтому не мог не почувствовать привкус печали. Индейцы — как собаки, у них ничего нет. Но такова их судьба, и я не должен был чувствовать печаль. Моя печаль — это мой собственный способ индульгировать.

— Откуда они, дон Хуан?

— С гор. Сюда они пришли в поисках счастья. Они братья и хотят стать торговцами. Я сказал им, что тоже пришел с гор и что я сам торговец. Тебя я представил как своего компаньона. Деньги, которые мы дали им, были амулетом. Воин должен давать подобные амулеты всегда. Им, без сомнения, нужны деньги, но необходимость не должна быть существенным соображением в случае с амулетом. Обращать внимание следует на чувства. Лично меня тронули эти трое.

Индейцы в наше время — это те, кто теряют. Их падение началось с испанцами, а теперь, под владычеством их потомков, индейцы потеряли все. Не будет преувеличением сказать, что индейцы потеряли свой тональ.

— Это метафора, дон Хуан?

— Нет, это факт. Тональ очень уязвим, он не выдерживает плохого обращения. С того дня, как белые ступили на эту землю, они постоянно разрушали не только индейский тональ времени, но и личный тональ каждого индейца. Легко можно представить, что для бедного среднего индейца владычество белого человека было настоящим адом. И, однако же, ирония в том, что для Других индейцев оно было чистым благом.

— О ком ты говоришь? Что это за другие индейцы?

— Маги. Для магов Конкиста была вызовом жизни. Они — единственные, кто не был уничтожен ею, не примирился с ней, а использовал ее с полной выгодой для себя.

— Как это было возможно, дон Хуан? Мне казалось, что испанцы не оставили камня на камне.

— Скажем так, они перевернули все камни, которые находились в границах их собственного тоналя. Но в жизни индейцев были вещи, недоступные восприятию белого человека, и он их просто не заметил. Может быть магам просто повезло, а может быть, их спасло знание. После того, как тональ времени и личный тональ каждого индейца были разрушены, маги обнаружили, что удерживаются за единственную вещь, оставшуюся незатронутой, нагваль. Другими словами, их тональ нашел убежище в их нагвале. Этого не могло бы произойти, если бы не мучительное положение побежденных людей.

Люди знания сегодняшнего дня — это продукт таких условий. И единственные знатоки нагваля, потому что они оставались там совершенно одни. Туда белый человек никогда не заглядывал. Фактически, он даже не подозревал о его существовании.

Здесь я вмешался, искренне утверждая, что европейская мысль знакома с тем, что он называл «нагвалем» и привел концепцию Трансцендентного Эго или ненаблюдаемого Наблюдателя, незримо присутствующего во всех наших мыслях, восприятиях и ощущениях. Я объяснил дону Хуану, что именно через

это Эго индивидуум и воспринимает себя самого, потому что это единственное в нас, не подверженное изменениям, способное раскрыть реальность в сфере нашего осознания.

На дона Хуана это не произвело впечатления. Он засмеялся.

— Раскрытие реальности, — сказал он, подражая мне, — это тональ.

Я настаивал, что тоналем может быть названо Эмпирическое Эго, существующее лишь в преходящем потоке сознания или опыта человека, тогда как Трансцендентное Эго пребывает вне этого потока.

— Наблюдая, я полагаю, — сказал он насмешливо.

— Правильно, наблюдая самого себя, — сказал я.

— Я слышу твои слова, — сказал он. — Но ты не говоришь ничего. Нагваль — это не опыт, не интуиция и не сознание. Эти термины и все остальное, что бы ты ни сказал, являются только предметами острова тоналя. С другой стороны, нагваль — это только эффект. Тональ начинается с рождением и кончается со смертью, но нагваль не кончается никогда. Нагваль — беспределен. Я сказал, что нагваль это нечто, где обитает Сила — но это только способ упомянуть о нем. Из-за его проявлений нагваль лучше всего понимать в терминах силы. Сегодня утром, например, когда ты почувствовал себя онемевшим и потерял дар речи, я, в сущности, успокаивал тебя при помощи своего нагваля.

— Как это, дон Хуан?

— Ты не поверишь, но узнать это невозможно. Я знаю только, что хотел целиком захватить твое внимание. Затем мой нагваль приступил к работе над тобой. Я видел его проявления, но я не знаю, как он работает.

Он замолчал. Я хотел продолжить разговор и попытался задать вопрос, но он остановил меня.

— Можно сказать, что нагваль ответственен за творчество, — сказал он наконец и пристально посмотрел на меня. — Нагваль — единственное в нас, что способно творить.

Дон Хуан спокойно смотрел на меня. Эта тема чрезвычайно заинтересовала меня, и я попросил раскрыть ее подробнее. Он сказал, что тональ — это лишь свидетель и регистратор. Я спросил, как он объясняет тот факт, что мы конструируем великолепные здания и сложнейшие механизмы.

— Это не творчество, — сказал он, — это только формовка. Объединившись с другими тоналями, мы можем сформировать что угодно. Великолепные здания, как ты сказал.

— Но тогда что же такое творчество, дон Хуан?

Он искоса посмотрел на меня, усмехнулся, поднял правую руку над головой и резко двинул кистью, как бы поворачивая дверную ручку.

— Творчество вот, — сказал он и поднес ладонь к моим глазам.

Мучительно долго я не мог сфокусировать взгляд на его руке. Как уже было однажды, невидимая оболочка сковала все мое тело так, что не разорвав ее, я не мог перевести глаза на его ладонь.

Я боролся, пока капли пота не попали в глаза. Наконец я услышал или ощутил хлопок, и голова дернулась, освободившись.

На его правой ладони находился любопытнейший грызун, похожий на белку. Однако хвост у него был как у дикобраза, покрытый жесткими иглами.

— Потрогай его, — сказал дон Хуан тихо.

Я машинально повиновался и погладил пальцем по мягкой спинке. Дон Хуан поднес руку ближе, и тогда я заметил нечто, из-за чего у меня начались нервные спазмы: у белки были очки и очень большие зубы.

— Он похож на японца, — сказал я и истерически засмеялся.

Грызун стал расти на руке дона Хуана, и, пока мои глаза были еще полны слез от смеха, грызун стал таким большим, что буквально исчез из моего поля зрения. Это произошло так быстро, что я даже не успел перестать смеяться.

Когда я протер глаза и снова посмотрел на дона Хуана, он сидел на скамейке, а я стоял перед ним, хотя и не помнил, как встал.

На мгновенье моя нервозность стала неконтролируемой. Дон Хуан спокойно поднялся, усадил меня, зажал мой подбородок между бицепсом и локтем левой руки и ударил меня по макушке костяшками правой. Эффект был подобен удару электрическим током, и я тут же успокоился.

Я хотел спросить его о многом. Но мои слова не могли пробиться через эти вопросы. До меня вдруг дошло, что я потерял контроль над голосовыми связками. Но мне не хотелось бороться с этим, и я просто откинулся на скамейку. Дон Хуан велел мне собраться и перестать индульгировать. У меня слегка закружилась голова. Он приказал мне писать и вручил блокнот и карандаш, подобрав их из-под скамейки.

Я сделал усилие, пытаясь выдавить из себя хоть слово, и ясно ощутил, что меня вновь сковывает какая-то прозрачная оболочка. Дон Хуан хохотал, глядя на меня, а я пыхтел и стонал, пока не услышал или ощутил еще один хлопок.

Я тут же бросился записывать. Дон Хуан заговорил, как бы диктуя мне.

— Один из принципов воина заключается в том, чтобы никому и ничему не давать воздействовать на себя, — сказал он, — и поэтому воин может видеть хоть самого дьявола, но по нему этого никогда не скажешь. Контроль воина должен быть безупречным.

Он подождал, пока я не закончу писать, и спросил меня, смеясь:

— Ты все уловил?

Я проголодался и предложил пойти в ресторан поужинать. Он сказал, что мы должны оставаться здесь до появления «правильного тоналя». Он серьезно добавил, что если даже этого не произойдет сегодня, то мы все равно будем сидеть на этой скамейке до тех пор, пока «правильный тональ» не вздумает появиться.

— Что такое правильный тональ? — спросил я.

— Тональ, который совершенно правилен, уравновешен и гармоничен. Предполагается, что один такой ты сегодня найдешь, или, вернее, — что твоя сила приведет его к нам.

— Но как я смогу отличить его от других тоналей?

— Об этом не думай, пока я не покажу его тебе.

— На что он похож, дон Хуан?

— Трудно сказать, это зависит от тебя. Это представление — для тебя, поэтому ты сам и поставишь эти условия.

— Как?

— Я не знаю. Твоя сила, твой нагваль сделают это. Грубо говоря, у каждого тоналя есть две стороны. Одна — внешняя сторона, бахрома, поверхность острова. Эта часть связана с действием и действованием — беспорядочная сторона. Другая часть — это решения и суждения, внутренний тональ — более мягкий, более нежный, более сложный.

Правильный тональ — это такой тональ, где оба уровня находятся в гармонии и равновесии.

Дон Хуан замолчал. К тому времени стало довольно темно, и мне трудно было записывать. Он велел мне вытянуться и расслабиться и сказал, что день сегодня был очень утомительным, но очень полезным. И что он уверен в том, что правильный тональ появится.

Десятки людей прошли мимо. Расслабившись, минут десять-пятнадцать мы сидели молча. Затем дон Хуан резко поднялся.

— Ей-Богу, ты это сделал! Посмотри, кто там идет. Девушка!

Кивком головы он указал на молодую девушку, которая пересекала парк и приближалась к нашей скамейке. Дон Хуан сказал, что эта молодая женщина была правильным тоналем и что если она остановится и заговорит с кем-то из нас, то это будет необычайным знаком и мы должны будем сделать все, что

она захочет.

Я не мог рассмотреть черт лица молодой женщины, хотя было еще довольно светло. Она прошла мимо в двух шагах от нас, но не оглянулась. Дон Хуан велел мне догнать ее и заговорить с ней.

Я побежал за ней и спросил о каком-то направлении. Я подошел к ней очень близко. Она была молода, наверное, лет двадцати пяти, среднего роста, очень привлекательная и хорошо одетая. Ее глаза были ясными и спокойными. Она улыбалась мне. В ней было какое-то очарование. Мне она очень понравилась, так же, как и те три индейца.

Я вернулся к скамейке и сел.

— Она воин? — спросил я.

— Не совсем, — ответил дон Хуан, — Твоя сила еще не настолько отточена, чтобы привести воина. Но у нее очень хороший тональ. Такой, который может стать правильным тоналем. Воины получаются из такого теста.

Его заявление очень заинтересовало меня. Я спросил, могут ли женщины быть воинами. Он посмотрел на меня, явно пораженный моим вопросом.

— Конечно могут, — ответил он. — И они даже лучше мужчин экипированы для пути знания. Мужчины, правда, немного устойчивей, но все же у женщин явно есть небольшое преимущество.

Я удивился, что мы никогда не говорили о женщинах в связи с его знанием.

— Ты мужчина, — сказал он, — поэтому я использовал мужской род, когда говорил с тобой. Только и всего. Остальное все то же.

Я хотел продолжить расспросы, но он махнул рукой, как бы закрывая эту тему. Он посмотрел наверх. Небо было почти черным, но оставались еще участки, где облака были слегка оранжевыми.

— Конец дня — твое лучшее время, — сказал дон Хуан. — Появление этой молодой женщины на самом краю дня является знаком. Мы разговаривали о

тонале, поэтому этот знак относится к твоему тоналю.

— Что он означает, дон Хуан?

— Он означает, что у тебя очень мало времени, чтобы организовать свою жизнь. Все твои планы должны быть жизненно важными, потому что у тебя не будет времени построить другие. Твои идеи должны воплощаться сейчас, иначе они — не идеи вообще.

Я предлагаю тебе, вернувшись домой, подтянуть свои нити и убедиться в их крепости. Они тебе пригодятся.

— Что со мной произойдет, дон Хуан?

— Однажды ты сделал ставку на силу. Ты прошел через трудности учения как подобает — без суеты, спешки и медлительности. И сейчас ты на краю дня.

— Что это значит?

— Для правильного тоналя все, что есть на острове тональ, является вызовом. Иными словами, для воина все в мире является вызовом. И, разумеется, величайшим вызовом из всех является его ставка на силу. Но сила приходит из нагваля. И когда воин оказывается на краю дня, это означает, что нагваль уже близок. Час силы воина приближается.

— Я все еще не понимаю, дон Хуан. Значит ли это, что я скоро умру?

— Если ты глуп, то умрешь, — отрезал он. — Но если говорить более мягко, то ты скоро наложишь в штаны. Однажды ты поставил на силу, и эта ставка необратима. Я не могу сказать, что ты вот-вот выполнишь свое предназначение, потому что нет никакого предназначения. Единственное, что можно сказать, — это что ты близок к обретению своей силы. Знак был ясным. Эта молодая женщина пришла к тебе на краю дня. У тебя осталось мало времени и совсем не осталось времени для ерунды. Превосходное состояние! Я бы сказал, что лучшее, на что мы способны, проявляется, когда нас прижимают к стене. Когда мы ощущаем рок, нависший над нами. Лично я не хотел бы, чтобы было иначе.

Глава 4. Сжатие тоналя

В среду, около десяти утра я вышел из отеля минут за пятнадцать до встречи, назначенной доном Хуаном. Мы договорились встретиться возле авиакасс на Пасео де Ла Реформа, в пяти-шести кварталах отсюда.

Я только что позавтракал с одним из своих приятелей. Он хотел пройтись со мной, но я сделал вид, что иду на свидание с девушкой. Я намеренно пошел по противоположной стороне улицы, а не по той, где находились кассы авиакомпании. Меня не покидало неприятное ощущение, что мой приятель, который давно уже просил меня познакомить его с доном Хуаном, догадывается, что я иду на встречу с ним, и может увязаться следом.

Я увидел дона Хуана у журнального киоска на другой стороне. Переходя дорогу, я остановился посередине, пережидая машины. Осторожно оглянувшись, я увидел, что мой приятель следует за мной. Он стоял на углу, ухмыляясь, и разводил руками, как бы говоря, что не смог удержаться. Я бросился через улицу, не давая ему времени догнать меня.

Дон Хуан, видимо, понимал мое положение. Когда я подбежал к нему, он бросил беглый взгляд через мое плечо.

— Он подходит, — сказал он. — Нам лучше свернуть на боковую улицу.

Он указал на улицу, которая по диагонали сливалась с Пасео де ла Реформа в том месте, где мы стояли. Я быстро сориентировался. На этой улице я никогда не был, но два дня назад я был в авиакассах и примерно помнил план этого здания. Контора находилась на узком углу, образованном этими улицами. Она имела по двери, выходящей на каждую из этих улиц, и расстояние между ними было три-четыре метра. В конторе имелся проход от одной двери к другой, и можно было легко перейти с одной улицы на другую. В тот день, когда я туда заглядывал, в ней было полно народу.

Мне хотелось немедленно бежать туда, но шаги дона Хуана были размеренными. Когда мы достигли дверей конторы на диагональной улице, я спиной почувствовал, что мой приятель тоже перебежал через бульвар и вот-вот перейдет на улицу, по которой мы идем. Я взглянул на дона Хуана в надежде, что у него есть какое-то решение. Он пожал плечами. Я чувствовал раздражение и ничего не мог придумать сам, разве что стукнуть моего приятеля по носу.

Должно быть, в этот момент я то ли вдохнул, то ли выдохнул, потому что в следующее мгновение ощутил внезапную потерю воздуха от сильного и резкого толчка, который дал мне дон Хуан и от которого я волчком влетел через дверь конторы. Дон Хуан до такой степени застал меня врасплох, что мое тело не оказало никакого сопротивления. Мой испуг слился с настоящим потрясением от его чудовищного толчка.

Я непроизвольно выставил руки перед собой, защищая лицо. Толчок был такой сильный, что, когда я ворвался в комнату, в глазах у меня потемнело и слюна брызнула изо рта. Я едва не потерял равновесие и с огромным трудом удержался на ногах, несколько раз крутнувшись вокруг своей оси. Сцена была неясной, видимо, из-за скорости моего движения. Я смутно различил толпу посетителей, занимающихся своими делами, и почувствовал сильное раздражение в уверенности, что все смотрят, как я тут кручусь по комнате. Мысль о том, что я выгляжу дураком, была очень неприятной.

Ряд опасений промелькнул у меня в голове. Я боялся упасть лицом вниз или налететь на одного из посетителей: может быть — на пожилую даму, которая покалечится при столкновении. Или, того хуже — стеклянная дверь на другой стороне будет закрыта, и я разобью себе голову.

В помутненном сознании я достиг двери, ведущей на Пасео де ла Реформа. Она была открыта, и я вылетел из нее. Все произошло настолько быстро, что направленность моих мыслей не успела измениться, и я продолжал думать о своем приятеле и о доне Хуане. Не открывая глаз, я автоматически повернул направо и пошел по бульвару к центру города в уверенности, что дон Хуан вот-вот присоединится ко мне, и что мой друг остался на соседней улице.

Открыв глаза, я в ошеломлении не сразу сообразил, что же произошло. Я был

не на Пасео де ла Реформа, как думал, а на базаре Лагунилья в полутора милях от касс.

Не веря своим глазам, я ошарашенно смотрел по сторонам.

Я оглянулся, пытаясь сориентироваться, и понял, что нахожусь неподалеку от места, где впервые встретился с доном Хуаном в Мехико. Возможно даже, что это было то же самое место. Прилавки нумизматов были в полутора метрах от меня. С огромным усилием я взял себя в руки. Видимо, я галлюцинировал. Иначе объяснить это было невозможно. Я быстро повернулся, чтобы вернуться в контору, но за мной были только прилавки со старыми книгами и журналами. Дон Хуан, улыбаясь, стоял справа от меня.

В голове появилась тяжесть и в носу защипало, словно у меня через нос выходил газ от содовой. Слов не было. Я попытался что-нибудь произнести, но безуспешно.

Я отчетливо расслышал, как дон Хуан велит мне ни о чем не думать и ничего не говорить, но хотелось сказать хоть что-нибудь, все равно что. Ужасная нервозность росла во мне. Я чувствовал, что слезы катятся у меня по щекам.

Дон Хуан не встряхнул меня, как обычно, когда я поддавался неконтролируемому страху. Вместо этого он погладил меня по голове.

— Ну, ну, маленький Карлос, — сказал он, — не теряй своих шариков.

Мгновение он держал мое лицо в своих ладонях.

— Не пытайся разговаривать, — сказал он. Он отпустил мое лицо и указал на окружающее.

— Это не для разговоров, — сказал он. — Это только для наблюдения. Следи! Следи за всем!

Я в самом деле плакал, но моя реакция на это была очень странной. Я продолжал плакать, не заботясь об этом. В этот момент для меня не имело значения, кажусь я дураком или нет.

Я оглянулся. Прямо передо мной стоял мужчина средних лет в розовой рубашке и темно-серых брюках, по виду американец. Коренастая женщина, похоже, его жена, держала его за руку. Мужчина перебирал монеты, в то время как мальчик тринадцати или четырнадцати лет, очевидно, сын продавца, смотрел на него. Мальчик следил за каждым движением мужчины. Наконец тот положил монеты обратно на стол, и мальчик немедленно расслабился.

— Следи за всем, — опять потребовал дон Хуан. Вокруг не было ничего настолько необычного, что привлекло бы мое внимание. Люди проходили мимо в различных направлениях. Я повернулся. Мужчина, который, казалось, был владельцем журнального киоска, смотрел на меня, то и дело щурясь, как бы спросонья. Он выглядел обмякшим и казался утомленным или больным.

У меня было такое впечатление, что следить здесь не за чем — по крайней мере, ничего стоящего я не видел. Я смотрел по сторонам, но ни на чем не мог сконцентрироваться. Дон Хуан обошел вокруг меня. Казалось, он что-то во мне оценивает. Он покачал головой и выпятил губы.

— Идем, идем! — сказал он, беря меня за руку. — Время пройтись.

Как только мы двинулись, я почувствовал, что мое тело было необычайно легким. У меня было любопытное ощущение, что мои подошвы подпрыгивают, словно резиновые мячики.

Дон Хуан, должно быть, осознавал мои ощущения. Он крепко держал меня, как бы не давая убежать. Он прижимал меня книзу, словно боясь, что я взлечу, как воздушный шарик, и он не сможет меня поймать.

Прогулка принесла мне облегчение. Мое самочувствие улучшилось, нервозность сменилась приятной легкостью.

Дон Хуан продолжал настаивать, чтобы я наблюдал за всем происходящим. Я сказал ему, что наблюдать тут не за чем и что меня совершенно не интересует, что люди делают на базаре, и что мне не хочется чувствовать себя идиотом, старательно наблюдая за какими-то покупателями монет и старых книг, тогда как гораздо более важные вещи проходят мимо меня.

— Что такое «более важная вещь»? — спросил он.

Остановившись, я убежденно сказал, что, по моему мнению, важно то, что он заставил меня ощутить, будто я мгновенно покрыл расстояние между авиакассами и рынком. При этих словах меня пробрала дрожь, и я почувствовал, что мне сейчас станет плохо. Дон Хуан заставил меня прижать ладони к животу.

Он обвел рукой вокруг и уверенно сказал, что окружающая нас повседневная деятельность является единственно важной вещью.

Я почувствовал раздражение. У меня появилось физическое ощущение вращения, и я глубоко вздохнул.

— Что это ты такое сделал, дон Хуан? — спросил я с деланной небрежностью.

Успокаивающим голосом он сказал, что может объяснить мне это в любое время, но вот то, что происходит вокруг меня, никогда не повторится. С этим я не спорил. Понятно, что сцены, которые я наблюдал, никогда больше не повторятся во всех деталях. Однако же я считал, что подобные вещи я смогу увидеть в любое время. Куда более важным мне казалось то, что я каким-то образом был перенесен через пространство.

Когда я сказал это, дон Хуан скривился, словно мои слова и вправду причинили ему боль.

Некоторое время мы шли молча. Меня лихорадило. Я почувствовал жар в ладонях и ступнях. Такой же необычный жар появился в ноздрях и на веках.

— Что ты сделал, дон Хуан? — жалобно спросил я. Вместо ответа он похлопал меня по груди и рассмеялся. Он сказал, что люди очень хрупкие существа и своим индульгированием делают себя еще более хрупкими. Очень серьезным тоном он призвал меня прекратить чувствовать себя страдальцем, вытолкнуть себя за собственные границы и просто остановить внимание на окружающем меня мире.

Мы продолжали идти очень медленно. Я был совершенно выбит из колеи и ничему не мог уделять внимание. Дон Хуан остановился и открыл было рот,

чтобы что-то сказать, но видимо передумал, и мы опять пошли.

— Случилось то, что ты вновь пришел сюда, — сказал он, резко повернувшись и глядя на меня.

— Как это произошло?

Он сказал, что знает только то, что я выбрал это место сам.

Когда мы продолжили разговор, я вообще перестал что-либо понимать. Мне хотелось разложить все по полочкам, а он настаивал, что выбор места — это единственная вещь, которую мы можем обсуждать. А поскольку я не знаю, почему я его выбрал, то и говорить здесь, в сущности, не о чем. Он критиковал меня без всякого раздражения и назвал ненужным индульгированием мое желание рассматривать все разумно. Он сказал, что проще и эффективнее действовать, не подыскивая объяснений и что говоря о своем опыте или думая о нем, я его рассеиваю.

Через какое-то время он сказал, что нам нужно покинуть это место, потому что я испортил его, и оно становится все более и более вредным для меня.

Мы покинули рынок и прошли до парка Ла Аламеда. Я так устал, что плюхнулся на скамейку. Только теперь мне пришло в голову взглянуть на часы. Было двадцать минут одиннадцатого. Мне пришлось сделать изрядное усилие, чтобы сконцентрировать внимание. Я не помнил точно, когда встретился с доном Хуаном, но подсчитал, что это было около десяти. И никак не более десяти минут заняло у нас пройти от рынка до парка. Неучтенными оставались только десять минут.

Я рассказал дону Хуану о своих подсчетах. Он улыбнулся. Я был уверен, что за его улыбкой скрывалось недовольство мною, однако по его лицу этого не было видно.

— Ты считаешь меня безнадежным идиотом, правда, дон Хуан?

— Ага! — сказал он и вскочил на ноги. Его реакция была такой неожиданной, что я вскочил вместе с ним.

— Расскажи мне, пожалуйста, какие, по-твоему, я сейчас испытываю чувства? — сказал он с ударением.

Я ощущал, что знаю его чувства. Казалось, я их чувствую сам. Но когда я попытался высказать их, я понял, что не могу говорить. Разговор требовал громадных усилий.

Дон Хуан сказал, что у меня еще недостаточно сил для того, чтобы «видеть» его. Но что я могу «видеть» достаточно, чтобы самому найти подходящее объяснение всему происшедшему.

— Не смущайся, — сказал он. — Расскажи мне в точности, что ты видишь.

Внезапно у меня возникла странная мысль, очень похожая на мысли, которые обычно приходят в голову перед тем, как заснуть. Это была более чем мысль, скорее это можно было бы описать как целостный образ. Я видел экран, на котором были различные персонажи. Прямо напротив меня на подоконнике сидел человек. Пространство позади подоконника было расплывчатым, но сам мужчина и подоконник были видны абсолютно четко. Он смотрел на меня. Его голова была слегка повернута влево, так что он смотрел на меня искоса. Я видел, как двигались его глаза, чтобы удерживать меня в фокусе. Правым локтем он опирался на подоконник. Рука его была сжата в кулак, мышцы напряжены.

Слева от мужчины на экране был другой образ. Это был летающий лев. То есть, голова и грива были львиными, а нижняя часть тела принадлежала курчавому белому французскому пуделю.

Я уже готов был остановить свое внимание на нем, когда вдруг мужчина издал губами чмокающий звук и наполовину высунулся из окна. Появилось все его тело, как будто его что-то выталкивало. Секунду он висел, цепляясь за раму кончиками пальцев и раскачиваясь, как маятник, а затем разжал пальцы.

Я испытал ощущение падения в своем собственном теле. Это было не тяжелым падением, а мягким снижением, переходящим в плавный полет. Человек этот был невесом. Некоторое время он оставался на месте, а затем исчез из виду, словно неконтролируемая сила всосала его через трещинку в экране. Секунду спустя он снова появился в окне, искоса глядя на меня. Правой рукой он все

так же опирался на раму, только на этот раз он помахал мне рукой, прощаясь.

Дон Хуан заметил, что мое «видение» было слишком усложненным.

— Ты можешь действовать лучше, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я объяснил тебе то, что случилось, но я предпочел бы, чтобы ты использовал для этого свое собственное видение. Ты видел, но видел ты ерунду. Информация подобного рода бесполезна для воина. Слишком много времени уйдет на то, чтобы разобраться, что есть что. Видение должно быть прямым, потому что воин не может тратить своего времени на распутывание увиденного им. Видение потому и называется видением, что оно прорывается сквозь всю эту бессмыслицу.

Я спросил его, не думает ли он, что мое видение в действительности было только галлюцинацией. Но из-за сложности деталей он был убежден, что это было видением, которое, однако, к данному случаю не подходило.

— Как ты думаешь, мое видение объясняет что-нибудь?

— Безусловно. Но я не стал бы на твоем месте пытаться распутать все это. На первых порах видение смущает, и в нем легко потеряться. По мере того, как воин становится жестче, его видение становится тем, чем оно должно быть — прямым знанием.

Пока дон Хуан говорил, у меня произошел один из тех любопытных провалов в ощущениях, и я ясно почувствовал, что вот-вот сниму завесу с чего-то такого, что я уже знал. Но мне это не удалось, потому что все стало очень туманным. Я осознал, что втянут в какую-то борьбу. Чем больше я старался достичь этого ускользающего кусочка знания, тем глубже оно тонуло.

— Это видение было слишком… непрактичным, — сказал дон Хуан.

Звук его голоса встряхнул меня.

— Воин задает вопрос и через свое видение получает ответ. Но ответ прост. Он никогда не осложняется до степени летающих французских пуделей.

Мы посмеялись над этой картиной, и я полушутя сказал ему, что он слишком

строг, что любой, прошедший через то, что прошел я этим утром, заслуживает хоть капельки снисхождения.

— Это легкий выход, — сказал он. — Это путь индульгирования. Твой мир основан на чувстве, что для тебя все — слишком. Ты не живешь как воин.

Я сказал ему, что у того, что он называет путем воина, слишком много граней и что невозможно понять их все. И что значение всего этого становится ясным для меня только тогда, когда я должен применять его на практике.

— Для воина правилом большого пальца является выполнять свои решения так тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить, и уж тем более — истощить его силы.

Быть воином означает быть смиренным и алертным. Сегодня от тебя требовалось следить за сценой, которая разворачивалась у тебя перед глазами, а не размышлять о том, каким образом это возможно. Ты сконцентрировал свое внимание не на том. Если бы я хотел быть с тобой снисходительным, то я легко мог бы сказать, что, поскольку это произошло с тобой впервые, ты не был готов. Но это недопустимо, потому что ты пришел сюда как воин, готовый к смерти. Поэтому происходящее не должно было застать тебя со спущенными штанами.

Я сделал вывод, что моей тенденцией было индульгировать в страхе и замешательстве.

— Скажем так, правилом большого пальца для тебя должна быть готовность к смерти, когда ты приходишь встречаться со мной, — сказал он. — Если ты приходишь сюда, готовый умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что ты не ожидаешь ничего.

— Это легко сказать, дон Хуан. Мне приходится жить со всем этим.

— Это не означает, что ты должен жить со всем этим. Ты являешься всем этим, а не просто смирился на какое-то время. Твое решение объединить силы с этим злым миром магии должно было сжечь все тянущиеся чувства замешательства и дать тебе силы, чтобы провозгласить это своим миром.

Я почувствовал смесь раздражения и печали. Действия дона Хуана, вне зависимости от того, насколько я был подготовлен, срабатывали таким образом, что каждый контакт с ним не оставлял для меня возможности отступления. Он заставлял меня действовать и чувствовать подобно полуразумному придирчивому и ворчливому существу. На меня нахлынула волна ярости, и я больше не хотел писать. В этот момент я хотел разорвать свои записки и бросить все это в урну. И я сделал бы это, если бы не дон Хуан, который засмеялся и остановил меня за руку.

Насмешливым тоном он сказал, что мой тональ опять собирается сам себя одурачить. Он порекомендовал мне пойти к фонтану и плеснуть воды на шею и уши.

Вода успокоила меня. Долгое время мы молчали.

— Пиши, пиши, — дружески подтолкнул меня дон Хуан. — Скажем, твоя записная книжка — это единственная магия, которая у тебя есть. Разорвать ее — это еще один способ открыть себя навстречу твоей смерти. Это будет еще одним взрывом гнева, в лучшем случае, шикарным взрывом, но не изменением. Воин никогда не покидает острова тональ. Он использует его.

Он указал вокруг меня быстрым движением руки, а затем коснулся моей записной книжки.

— Это твой мир, и ты не можешь этого отрицать. Бесполезно сердиться или разочаровываться в самом себе. Все, что в данном случае происходит — это то, что твой тональ ушел в свою внутреннюю битву. Битва внутри собственного тоналя — это одно из самых нежелательных состояний, какие только можно представить. Безупречная жизнь воина предназначается для того, чтобы закончить эту битву. Для начала я обучил тебя, как избегать опустошенности и измотанности. Теперь в тебе больше нет войны. Нет в том смысле, в каком она была, потому что путь воина — это сначала гармония между действиями и решениями, а затем гармония между тоналем и нагвалем.

В течение всего времени, что я тебя знаю, я говорил, обращаясь как к твоему тоналю, так и к твоему нагвалю. Именно таким способом должны даваться инструкции.

Сначала следует разговаривать с тоналем, потому что именно тональ должен уступить контроль. Но он должен сделать это с радостью. Например, твой тональ без особой борьбы уступил часть своего контроля, потому что ему стало ясно, что в противном случае твоя целостность была бы разрушена. Иными словами, тональ должен отказаться от таких ненужных вещей, как чувство собственной важности и потакание себе, которые лишь погружают его в скуку. Но проблема в том, что тональ цепляется за все это, хотя он должен был бы радостно избавиться от подобной мути. Необходимо сначала убедить тональ стать свободным и текучим. Прежде всего магу необходим сильный, свободный тональ. Чем сильнее он становится, тем меньше привязывается к своим действиям и тем легче его сжать. В сущности, сегодня утром произошло вот что. Я увидел возможность сжать твой тональ — ты был рассеян, торопился, не думал, и я воспользовался этим моментом, чтобы тебя толкнуть.

Время от времени тональ как бы съеживается, особенно когда он потревожен. Вообще осторожность и подозрительность характерны для тоналя. В тех случаях, когда тональ застигнут врасплох, боязливость неминуемо заставляет его сворачиваться.

Сегодня я схватил свой кубический сантиметр шанса. Я заметил открытую дверь той конторы и толкнул тебя. Этот толчок был техникой для сжатия тоналя. Толкнуть следует в строго определенный момент, но для этого нужно видеть.

Когда человека толкнули, и его тональ сжался, его нагваль, если он хоть сколько-нибудь, пробужден, берет верх и совершает необычайные вещи. Этим утром твой нагваль пришел в движение, и ты оказался на рынке.

Дон Хуан замолчал, словно ожидая вопроса. Мы посмотрели друг на друга.

— Я не знаю, как это произошло, — сказал он, словно читая мои мысли. — Нагваль способен на невероятные вещи — вот все, что я знаю.

Сегодня утром я просил тебя быть внимательным. Сцена, которую ты наблюдал, имела большое значение. Но ты не внял моему совету, индульгируя в бесполезном замешательстве.

Какое-то время ты был целиком нагвалем и не мог говорить. В это время ты должен был только наблюдать. Затем твой тональ снова взял верх. Чтобы избежать смертельной борьбы между твоим тоналем и нагвалем, я и привел тебя сюда.

— Что особенного было в той сцене, дон Хуан?

— Я не знаю. Это случилось не со мной.

— Что ты имеешь в виду?

— Это был твой опыт, а не мой.

— Но ты же был со мной, правда?

— Нет. Ты был один. Я повторял тебе, чтобы ты следил за всем, потому что сцена была только для тебя.

— Дон Хуан, ты ведь был рядом со мной.

— Нет, не был. Но бесполезно говорить об этом. Что бы я ни сказал, это не будет иметь для тебя смысла, потому что мы оба находились тогда во времени нагваля. Действия нагваля можно воспринимать только телом, но не разумом.

— Но если тебя со мной не было, то кто же тогда был тот, кого я считал тобой!?

— Это был я, и в то же время — меня там не было.

— Где же ты тогда был?

— Я был с тобой, но не там. Скажем так, я был рядом с тобой, но не в том месте, куда нагваль тебя перенес.

— Ты хочешь сказать, что не знал, что мы находились на базаре?

— Не знал. Я просто следовал за тобой, чтобы не потерять тебя из виду.

— Но это действительно страшно, дон Хуан!

— Мы были во времени нагваля, и в этом нет ничего страшного. Мы способны на гораздо большее. Такова наша природа как светящихся существ. Наш изъян — в упорном стремлении оставаться на своем монотонном скучном и удобном острове. Наш тональ — это обыватель, а он не должен быть таким.

Я рассказал ему все, что помнил. Он поинтересовался, не запомнились ли мне какие-нибудь особенности неба — дневной свет, например, облака или солнце, не слышал ли я каких-нибудь странных звуков, не заметил ли необычных людей или сцен. Он хотел узнать, не было ли там драк, не кричали ли люди, а если кричали, то что именно.

Я так и не смог ответить ни на один из его вопросов. Я искренне принял все событие за чистую монету, решив, что благодаря знанию дона Хуана, каким бы оно ни было, я за несколько секунд «пролетел» значительное расстояние и приземлился посреди базара в своем материальном теле.

Мои реакции были прямым следствием такой интерпретации. Я хотел узнать процедуру, членское знание «как это сделать». Поэтому я и не следил за тем, что считал ординарными событиями, не имеющими никакого значения.

— Как ты думаешь, люди на базаре видели меня? — спросил я.

Дон Хуан не ответил. Засмеявшись, он легонько ткнул меня кулаком.

Я пытался вспомнить, были ли у меня какие-нибудь физические контакты с людьми, но безуспешно.

— Что видели люди в конторе авиакасс, когда я ворвался туда?

— Вероятно, они видели, что какой-то человек пробежал от одной двери к другой.

— Но они видели, как я растаял в воздухе?

— Об этом позаботился нагваль. Это уж его дело. Мы — текучие светящиеся существа, сотканные из волокон. Только благодаря тоналю мы считаем себя

плотными объектами. Когда тональ сжимается, могут происходить необыкновенные вещи. Но они необыкновенны только для тоналя.

Для нагваля двигаться таким образом, как ты двигался сегодня утром — ничто. Особенно для твоего нагваля, который уже способен к трудным действиям. На этот раз он действительно погрузился во что-то ужасно загадочное. Ты не ощущаешь, что это?

На меня мгновенно нахлынул миллион вопросов и ощущений; все мое кажущееся самообладание как ветром сдуло. Я задрожал, всем телом ощутив себя на краю бездны. Я боролся с таинственным, но конкретным куском знания. Казалось, мне вот-вот что-то покажут, но в то же время какая-то часть меня упрямо настаивала на том, чтобы прикрыть все облаком. Борьба постепенно заставила меня онеметь до такой степени, что я перестал ощущать свое тело. Рот мой непроизвольно открылся, глаза закатились. У меня было ощущение, что я могу видеть, как лицо у меня становится все тверже и тверже, пока оно не стало лицом трупа с желтоватой кожей, накрепко приросшей к черепу.

В следующее мгновение я почувствовал толчок. Дон Хуан стоял рядом со мной, держа пустое ведро. Он облил меня с головы до ног. Я кашлял и вытирал воду с лица, меня знобило. Я вскочил со скамейки. Дон Хуан выплеснул остатки воды мне на шею.

Группа детей смотрела на меня и хохотала. Дон Хуан улыбнулся мне. Он держал мою записную книжку, и сказал, что мне лучше пойти в отель переодеться. Он вывел меня из парка. С минуту мы стояли у тротуара, пока не подъехало такси.

Несколько часов спустя, после ленча и отдыха мы сели на его любимую скамейку в парке у церкви. Обходным путем мы подошли к теме моей странной реакции. Казалось, он был очень осторожен. Он не ставил меня прямо перед ней.

— Известно, что подобные вещи происходят, — сказал он. — Нагваль, научившись однажды выходить на поверхность, может причинить большой вред тоналю выходя наружу без всякого контроля. Однако твой случай — особый. У тебя талант индульгировать в такой преувеличенной манере, что ты

бы умер и даже не сопротивлялся бы этому. Или, еще хуже — ты бы даже не осознал, что умираешь.

Я сказал ему, что моя реакция началась, когда он спросил, чувствую ли я, что сделал мой нагваль. И я подумал, что в точности знаю, о чем он говорит. Но когда я попытался описать это, то оказалось, что я не в состоянии мыслить ясно. Как если бы на самом деле мне ни до чего не было дела. Затем это ощущение перешло в гипнотизирующую концентрацию. Казалось, я был мысленно высосан. Мое внимание привлекло и захватило ощущение, что передо мной вот-вот раскроется огромный секрет, и что я не хочу, чтобы что-то мешало такому раскрытию.

— Что собиралось быть раскрыто тебе, так это твоя смерть, — сказал дон Хуан, — В этом опасность индульгирования. Особенно для тебя. Потому, естественно, что ты настолько все преувеличиваешь. Твой тональ настолько талантлив в индульгировании, что он угрожает целостности самого себя. Это ужасное состояние существа.

— Что я могу сделать?

— Твой тональ должен быть убежден разумом, твой нагваль — действиями, пока они не сравняются друг с другом, как я тебе говорил. Тональ правит, и, тем не менее, он очень уязвим. Нагваль, с другой стороны, никогда или почти никогда не действует, но когда он действует, он ужасает тональ.

Этим утром твой тональ испугался и стал сжиматься сам собой, и тогда твой нагваль начал брать верх.

Мне пришлось одолжить ведро у фотографов в парке, чтобы загнать твой нагваль, как плохую собаку, назад на его место. Тональ должен быть защищен любой ценой. Корона должна быть с него снята, однако он должен оставаться как защищенный поверхностный наблюдатель.

Любая угроза тоналю обычно заканчивается его смертью. А если умирает тональ, то умирает и весь человек. Тональ легко уничтожить из-за его врожденной слабости, и потому одним из искусств равновесия воина является вывести на поверхность нагваль, чтобы уравновесить тональ. Я говорю, что это искусство; и маги знают, что только путем усиления тоналя может

появиться нагваль. Понятно, что я имею в виду? Это усиление называется личной силой.

Дон Хуан поднялся, потянулся и выгнул спину. Я начал подниматься тоже, но он мягко толкнул меня обратно.

— Ты должен оставаться на этой скамейке до сумерек, — сказал он. — Мне нужно сейчас уйти. Хенаро ждет меня в горах. Поэтому приезжай к его дому дня через три, и мы встретимся там.

— Что мы будем делать у дона Хенаро? — спросил я.

— В зависимости от того, будет ли у тебя достаточно личной силы, Хенаро может показать тебе нагваль.

Мне хотелось услышать от него еще одну вещь. Я хотел знать, был ли его костюм потрясающим представлением для меня одного, или же он действительно был частью его жизни. Ни один из его поступков никогда не приводил меня в такое смятение. Но не столько сам факт, что он носит костюм, был таким пугающим для меня, сколько то, что дон Хуан был при этом действительно элегантным. Его ноги были юношески стройными. Казалось, что ботинки сместили точку его равновесия, и его шаги стали более длинными и твердыми, чем обычно.

— Ты носишь костюм всегда? — спросил я.

— Да, — ответил он с очаровательной улыбкой. — У меня есть и другие, но я не стал сегодня надевать другой костюм, потому что это испугало бы тебя еще больше.

Я не знал, что и думать. Я чувствовал, что прибыл к концу своей тропы. Если дон Хуан может носить костюмы и быть в них элегантным, то все возможно.

Ему, казалось, понравилось мое смущение, и он засмеялся.

— Я владелец мануфактурной базы, — сказал он таинственным, но безразличным тоном, и пошел прочь.

На следующее утро, в четверг, я попросил своего друга проводить меня от дверей той конторы, где дон Хуан толкнул меня, до базара Лагунилья. Мы выбрали самый прямой маршрут. Это заняло у нас тридцать пять минут. Когда мы пришли, я попытался сориентироваться. Мне это не удалось. Я вошел в магазин одежды на самом углу широкой улицы, где мы тогда стояли.

— Простите меня, — сказал я молодой женщине, которая осторожно чистила щеткой шляпу. — Где прилавки с монетами и подержанными книгами?

— У нас таких нет, — сказала она мерзким тоном.

— Но я видел их где-то на этом базаре вчера.

— Не хулиганьте, — сказала она и вошла за конторку.

Я побежал за ней, умоляя сказать мне, где они находятся. Она осмотрела меня с головы до ног.

— Вы не могли видеть их вчера, — сказала она. Эти прилавки устанавливаются только по воскресеньям прямо здесь, вдоль этой стены. В другие дни их у нас нет.

— Только по воскресеньям? — переспросил я механически.

— Да, только по воскресеньям. Таков порядок. В остальные дни они мешали бы движению.

Она указала на широкий проспект, заполненный машинами.

Глава 5. Во времени нагваля

Я взбежал на склон перед домом дона Хенаро и увидел, что дон Хуан и дон

Хенаро сидят на открытом участке перед дверью. Они улыбнулись мне. В их улыбках были такое тепло и простодушие, что мое тело немедленно испытало чувство тревоги. Я автоматически перешел на шаг и поздоровался с ними.

— Как поживаешь? — спросил дон Хенаро таким участливым голосом, что все мы засмеялись.

— Он в хорошей форме, — вставил дон Хуан прежде чем я успел что-либо сказать.

— Оно и видно, — сказал дон Хенаро. — Взгляни на этот двойной подбородок! И посмотри на эти бугры окорочного жира на его ягодицах! Дон Хуан засмеялся, держась за живот.

— У тебя лицо стало круглым, — продолжал дон Хенаро. — Что ты делал все это время? Ел?

Дон Хуан шутливо заверил его, что стиль моей жизни требует, чтобы я ел очень много. Самым дружеским образом они дразнили меня по поводу моей жизни, а затем дон Хуан попросил меня подойти и сесть между ними. Солнце уже скрылось за высоким гребнем гор на западе.

— Где же твоя знаменитая записная книжка? — спросил дон Хенаро. А когда я вытащил ее из кармана, он воскликнул: «Йиппии!», — и выхватил ее у меня из рук.

Очевидно, он очень внимательно наблюдал за мной и великолепно знал все мои привычки. Он держал блокнот обеими руками и нервно поигрывал им, как бы не зная что с ним делать. Дважды, казалось, он был готов его выбросить, но каждый раз сдерживался. Затем он положил его на колени и притворился, что пишет в нем, как это делал я.

Дон Хуан смеялся так, что чуть не задохнулся.

— Что ты делал после того, как мы расстались? — спросил дон Хуан, когда они успокоились.

— В четверг я пошел на базар, — сказал я.

— Что же ты там делал? Повторял свои шаги?

Дон Хенаро повалился на спину и губами воспроизвел сухой звук, как будто ударился головой о твердую землю. Он искоса взглянул на меня и подмигнул.

— Я должен был это сделать, — ответил я дону Хуану. — И я обнаружил, что по будним дням нет прилавков, на которых продают монеты и подержанные книги.

Оба они рассмеялись. Затем дон Хуан заметил, что задавание вопросов вряд ли может открыть что-то новое.

— Что же в действительности произошло, дон Хуан? — спросил я.

— Поверь мне, что нет способа узнать это, — ответил он сухо. — В этих делах мы с тобой на равных. В данный момент мое преимущество перед тобой состоит в том, что я знаю, как пробираться к нагвалю, а ты — нет. Но как только я попадаю туда, я имею там не больше преимуществ и знания, чем ты.

— Но я действительно приземлился на базаре, дон Хуан?

— Конечно, я рассказывал тебе, что нагваль подчиняется воину. Разве это не так, Хенаро?

— Правильно, — воскликнул дон Хенаро громовым голосом и поднялся одним единым движением. Это произошло так, словно это голос поднял его из лежачего положения в вертикальное.

Дон Хуан от смеха буквально катался по земле. Дон Хенаро с недружелюбным видом комически поклонился и попрощался.

— Вы с Хенаро увидитесь завтра утром, — сказал дон Хуан. Сейчас ты должен сидеть здесь в полном молчании.

Мы не сказали больше ни слова. Через несколько часов молчания я заснул.

Я взглянул на свои часы. Было около шести утра. Дон Хуан осмотрел могучую

массу темных облаков над восточным горизонтом, и заключил, что день будет сумрачным. Дон Хенаро понюхал воздух и добавил, что он будет еще и жарким и безветренным.

— Мы далеко пойдем? — спросил я.

— Вон к тем эвкалиптам, — ответил дон Хенаро, указывая на то, что казалось рощей на расстоянии примерно одной мили.

Когда мы достигли деревьев, я сообразил, что это была не роща. Эвкалипты были посажены прямыми линиями для того, чтобы отметить границы поля, засаженного различными культурами. Мы прошли по краю кукурузного поля вдоль линии огромных деревьев, тонких и прямых — около тридцати метров высотой, и пришли к пустому полю. Я подумал, что урожай, должно быть, уже собран. Там были только сухие стебли и листья каких-то растений, которых я не узнал. Я нагнулся, чтобы поднять листик, но дон Хенаро остановил меня. Он удержал мою руку с огромной силой. Я взвился от боли, и только тут заметил, что он лишь едва коснулся меня пальцами.

Он определенно сознавал, что именно он сделал и что испытал при этом я. Быстро подняв руку, он опять коснулся пальцами моей руки. Он повторил это еще раз и рассмеялся, как довольный ребенок, видя мою гримасу. Его горбатый нос делал его похожим на птицу. Птицу со странными длинными белыми зубами.

Тихим голосом дон Хуан сказал мне, чтобы я ничего не трогал. Я спросил его, не знает ли он, какие культуры здесь выращивались. Казалось, он собирается мне ответить, но дон Хенаро вмешался и сказал, что это было поле червей.

Дон Хуан посмотрел на меня пристально и неулыбчиво. Бессмысленный ответ дона Хенаро, казалось, был шуткой. Я подождал какого-нибудь намека, чтобы начать смеяться, но они выжидающе смотрели на меня.

— Поле гигантских червей, — сказал дон Хенаро. — Да, то, что здесь росло, было самыми очаровательными червями, которых ты когда-либо видел.

Он повернулся к дону Хуану. Секунду они смотрели друг на друга.

— Разве не так? — спросил он.

— Совершенно верно, — сказал дон Хуан и, повернувшись ко мне, добавил, что сегодня Хенаро держит бразды правления.

— Только он может сказать, что есть что. Поэтому делай в точности все, что он говорит.

Мысль, что Хенаро держит бразды правления, наполнила меня ужасом. Я повернулся к дону Хуану, чтобы сказать ему об этом, но, прежде чем я успел произнести свои слова, дон Хенаро издал громкий пронзительный крик. Крик был настолько громким и пугающим, что я упал на спину. У меня судорогой свело шею, волосы мои взлетели вверх, как будто их вздуло ветром. Я испытал момент полной бессвязности, и остался бы приклеенным к месту, если бы не дон Хуан. Он с невероятной скоростью и хладнокровием перевернул мое тело таким образом, чтобы мои глаза стали свидетелями невообразимого поступка. Дон Хенаро стоял горизонтально примерно в сотне футах над землей на стволе эвкалипта, который находился в пятидесяти ярдах от нас. То есть, он стоял, расставив ноги примерно на метр, перпендикулярно дереву. Казалось, у него были крючки на подошвах, и с их помощью он смог обмануть гравитацию. Он стоял, со скрещенными на груди руками, спиной ко мне.

Я смотрел на него и боялся моргнуть из страха потерять его из виду. Я сделал быстрый подсчет и заключил, что если я смогу удержать его в поле зрения, то смогу заметить намек, движение или что-нибудь еще, что поможет мне понять происходящее.

Я ощутил губы дона Хуана у своего правого уха и услышал его шепот о том, что всякая попытка найти объяснение бесполезна и идиотична. Я услышал, как он повторяет:

— Втяни живот! Глубже, глубже!

Это была техника, которой он обучил меня несколькими годами ранее для использования ее в минуты большой опасности, страха или стресса. Она состояла в том, чтобы толкнуть диафрагму вниз, делая четыре глубоких дыхания через рот, за которыми следовали четыре вдоха и выдоха через нос. Он объяснял, что короткие резкие вдохи воздуха через рот должны

ощущаться как толчки в средней части живота, и что плотно прижатые сцепленные над пупком руки дают силу брюшному прессу и помогают контролировать короткие и глубокие вдохи. Глубокие вдохи должны были продолжаться в течение счета до восьми при толкаемой вниз диафрагме. Выдохи делались дважды через нос и дважды через рот, медленно или быстро — в зависимости от предпочтения.

Я автоматически повиновался дону Хуану. Однако я не осмеливался отвести глаза от дона Хенаро. Пока я продолжал так дышать, мое тело расслабилось, и я мог сознавать, что дон Хуан поворачивает мои ноги. Очевидно, когда он повернул меня вокруг, моя правая нога вывернулась и была неудобно подогнута. Когда он выпрямил меня, я сообразил, что мое потрясение от зрелища дона Хенаро, стоящего на стволе дерева, заставило меня забыть об этом неудобстве.

Дон Хуан прошептал мне на ухо, чтобы я не смотрел на дона Хенаро пристально. Я услышал, как он говорит; «Моргай! моргай!» Несколько мгновений я не слушался. Он снова велел мне моргать. Я был убежден, что все это дело было как-то связано со мной как со зрителем, и если я как единственный свидетель поступка дона Хенаро, перестану на него смотреть, то он упадет на землю, или эта сцена исчезнет.

После мучительно долгого периода неподвижности дон Хенаро повернулся на пятках на 45° вправо и пошел по стволу. Его тело дрожало. Я видел, как он медленно делал один маленький шаг за другим, пока не сделал восемь. Он даже обогнул ветку. Затем, все еще со скрещенными на груди руками он сел на ствол спиной ко мне. Его ноги болтались, как если бы он сидел на стуле, словно гравитация не имела для него никакого значения. Затем он как бы проехался на заду немного вниз. Он достиг ветки, которая была параллельна его телу и на несколько секунд облокотился на нее. Видимо, он опирался не столько для поддержки, сколько для драматического эффекта. Затем он продолжал движение на заду, переместившись со ствола на ветку, пока не изменил своего положения и не оказался сидящим на ней в нормальном положении, как можно сидеть на ветке.

Дон Хуан тихо посмеивался за моей спиной. У меня появился ужасный привкус во рту. Я хотел было оглянуться, но боялся упустить что-либо из действий дона Хенаро.

Еще с минуту дон Хенаро сидел на ветке, болтая ногами, а затем снова скользнул вперед, на ствол.

Дон Хуан обеими руками взял меня за голову и осторожно начал сгибать ее влево, пока линия зрения не стала параллельной дереву, а не перпендикулярной ему, как раньше. С этой перспективы дон Хенаро уже не нарушал законов гравитации, а просто сидел на стволе дерева. Я заметил, что если смотреть пристально и не мигать, то его фигура постепенно становится доминантой на размытом фоне.

Дон Хенаро быстро спустился обратно на ветку и отжался на ней, как гимнаст на трапеции. Новая перспектива позволяла мне теперь видеть оба положения его тела, особенно «сидение» на стволе дерева, как одинаково возможные.

В это время дон Хуан повернул мою голову направо, пока подбородок не уткнулся в плечо. Поза дона Хенаро опять казалась мне совершенно нормальной, но когда он в очередной раз поднялся на ствол, я не смог сделать необходимого уточнения в восприятии и увидел его в перевернутом ракурсе вверх ногами.

Дон Хенаро еще несколько раз повторил свои перемещения, а дон Хуан при этом поворачивал мою голову из стороны в сторону. В результате я полностью утратил чувство нормальной перспективы, а без нее движения дона Хенаро были не такими пугающими.

Дон Хенаро оставался на ветке долгое время. Дон Хуан выпрямил мою шею и прошептал, что дон Хенаро сейчас спустится. Я услышал повелительные нотки в его шепоте: «Втяни живот глубже, глубже!»

Я затаил дыхание, но в это мгновение тело дона Хенаро как бы вспыхнуло в ореоле электрического свечения, затем потускнело, и он, откинувшись назад и на мгновение повиснув на коленях, мешком рухнул вниз.

Пока он падал, у меня самого было ощущение падения через бесконечное пространство — какое-то болезненное и в то же время очень приятное внутреннее томление, столь интенсивное и длительное, что ноги мои подкосились, и я повалился на землю, с трудом вытянув руки, чтобы смягчить

падение. Я так тяжело дышал, что мягкая земля попадала в ноздри, вызывая зуд. Я попытался подняться, но мышцы не повиновались.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне. Я отдаленно слышал их голоса и в то же время чувствовал, как они поднимают меня за руки и ноги и куда-то несут. Моя голова безвольно болталась, тело было совершенно расслабленным. Глаза были открыты, я видел землю и пучки травы, проплывавшие подо мной. Затем я ощутил холод, судорожно дернулся и закашлялся оттого, что вода попала мне в рот и нос. Я инстинктивно сделал несколько плавательных движений, но нащупал дно и только тогда осознал, что стою на четвереньках в мелкой речке, куда они меня забросили.

Дон Хуан и дон Хенаро глупо смеялись. Закатав штанины, дон Хуан подошел, заглянул мне в глаза и сказал, что я еще не готов, после чего пихнул меня обратно в воду. Мое тело не оказало никакого сопротивления. Мне совершенно не хотелось окунаться вновь, но мышцы были как чужие, и я плюхнулся в воду спиной вниз. На этот раз холод был почти нестерпимым. Я быстро вскочил и вылетел по ошибке на противоположный берег. Дон Хуан и дон Хенаро улюлюкали и свистели, бросая камни в кусты передо мной, словно загоняли бычка. Я пересек речку обратно и уселся на камне рядом с ними. Дон Хенаро вручил мне мою одежду, и только тогда я заметил, что был наг, хотя я и не помнил, когда и как раздевался. С меня стекала вода, и я не хотел одеваться мокрым. Дон Хуан повернулся к дону Хенаро, и громовым голосом сказал.

— Бога ради, дай человеку полотенце!

Через пару секунд и до меня самого, наконец, дошла вся абсурдность происходящего.

У меня было прекрасное состояние. Я чувствовал себя настолько счастливым, что даже не хотелось разговаривать. Но я был уверен, что если они заметят мою эйфорию, то снова окунут меня в воду.

Дон Хенаро следил за мной. Его глаза блестели, как у дикого животного, пронизывая меня насквозь.

— Прекрасно, — внезапно сказал дон Хуан. — Теперь ты собран. Но под

эвкалиптами ты индульгировал, как сукин сын.

Я хотел было истерически захохотать. Слова дона Хуана почему-то показались мне необычайно забавными, и я удержался лишь с огромным трудом. А затем что-то во мне словно подало команду. Неконтролируемое раздражение в средней части тела заставило меня снова снять одежду и погрузиться в воду. Я оставался в реке около пяти минут. Холод отрезвил меня. Когда я вышел, то снова был самим собой.

— Хорошо исполнено, — сказал дон Хуан, похлопывая меня по плечу.

Они повели меня назад, к эвкалиптам. По дороге дон Хуан объяснил, что мой «тональ» был опасно уязвимым, и что несообразность поступков дона Хенаро оказалась для него слишком большим испытанием. Он сказал, что они решили было не трогать его больше и возвращаться к дому дона Хенаро. Но факт, что я знал, что мне нужно снова забраться в речку, изменил все. Однако он не сказал мне, что они собираются делать.

Мы остановились посреди поля на том самом месте, где были раньше. Дон Хуан был справа от меня, а дон Хенаро слева. Оба они были напряжены и минут десять стояли, подобравшись, словно чего-то ожидая. Я переводил взгляд с одного на другого в надежде, что дон Хуан даст мне намек относительно моих действий. Я оказался прав. В какой-то момент он расслабился и пнул ногой твердые комочки земли. Не глядя на меня, он сказал:

— Я думаю, нам лучше пойти.

Я автоматически решил, что дон Хенаро, должно быть, намеревался дать мне еще одну демонстрацию нагваля, но почему-то передумал. Я почувствовал облегчение. Я ждал еще чего-нибудь для полного подтверждения. Дон Хенаро тоже расслабился, а затем они оба сделали шаг вперед. Тогда я понял, что на этом мы все закончили. Но в тот момент, когда я расслабился, дон Хенаро опять издал свой невероятный вопль.

Я начал неистово дышать. Я оглянулся: дон Хенаро исчез. Дон Хуан стоял передо мной. Его тело тряслось от смеха. Он повернулся ко мне.

— Я прошу прощения, — сказал он шепотом, — но другого способа нет.

Я хотел спросить насчет дона Хенаро, но почувствовал, что если я не буду продолжать дышать и отжимать вниз диафрагму, то умру. Дон Хуан указал подбородком на какое-то место позади меня. Не сдвигая ног, я начал поворачивать голову через левое плечо. Но прежде, чем я смог увидеть, на что он указывает, дон Хуан прыгнул и остановил меня. Сила его прыжка и скорость, с которой он меня схватил, заставили меня потерять равновесие. Когда я падал на спину, у меня было ощущение, что я вцепился в дона Хуана и увлекаю его за собой на землю, но когда я взглянул вверх, мои осязательные и зрительные впечатления оказались в полном несоответствии. Я увидел, что дон Хуан стоит надо мной и смеется, хотя мое тело в этот же момент несомненно ощущало тяжесть другого тела, придавившего меня к земле.

Дон Хуан протянул мне руку и помог подняться. На телесном уровне я ощущал, что он поднимает два тела. Он понимающе улыбнулся и прошептал, что никогда нельзя поворачиваться налево, когда смотришь на «нагваль». Он сказал, что нагваль смертельно опасен, и что нет необходимости увеличивать риск, который и так велик. Затем он осторожно перевернул меня и обратил лицом к огромному эвкалипту. Наверное, это было самое старое дерево в округе. Его ствол был почти вдвое толще, чем у любого другого. Он указал глазами на вершину. Дон Хенаро сидел на ветке, лицом ко мне. Я видел его глаза как два огромных зеркала, отражающих свет. Я хотел отвернуться, но дон Хуан настаивал, чтобы я не отводил глаз. Повелительным шепотом он приказал мне моргать, не поддаваться испугу и не потакать себе.

Я заметил, что если все время моргать, то глаза дона Хенаро не кажутся такими пугающими. Взгляд его становился сводящим с ума только тогда, когда я смотрел пристально.

Он сидел на корточках на ветке долгое время. Затем, без каких-либо видимых усилий он спрыгнул на землю и приземлился ярдах в двух от меня все в той же позе. Наблюдая последовательность его прыжка, я знал, что воспринял больше, чем увидел глазами. Это не был прыжок в обычном смысле. Казалось, что-то толкнуло его сзади и заставило скользить по параболической кривой. Ветка, с которой он спрыгнул, была, пожалуй, футах в ста над землей, а дерево находилось в ста пятидесяти футах от меня. Таким образом, его тело

должно было описать параболу, чтобы приземлиться там, где оно это сделало. Но дон Хенаро преодолел это расстояние не за счет силы мышц. Его тело было «сдуто» с ветки на землю. Мгновение я видел подошвы его ботинок и контуры тела, описывающего параболу. Затем он мягко приземлился, хотя вес его разбил мягкие сухие комочки почвы и даже поднял немного пыли.

Дон Хуан засмеялся позади меня. Дон Хенаро поднялся, как ни в чем не бывало и потянул меня за рукав рубашки, давая знать, что мы уходим.

На пути к дому дона Хенаро никто из нас не произнес ни слова. Пару раз дон Хуан останавливался и осматривал мои глаза. Он казался удовлетворенным. Как только мы добрались, дон Хенаро ушел за дом. День только начинался. Дон Хуан сел на пол у двери и указал на место для меня. Утомленный, я лег и выключился, как свет.

Проснулся я оттого, что дон Хуан тряс меня. Я хотел узнать, который час, но моих часов не было. Дон Хуан вынул их из кармана рубашки и вручил мне. Был час дня. Я взглянул на него. Наши глаза встретились.

— Здесь не может быть никакого объяснения, — сказал он, отворачиваясь от меня. — Можно быть только свидетелем нагваля.

Я вышел на улицу и обошел дом, разыскивая дона Хенаро. Его нигде не было. Вернувшись, я обнаружил, что дон Хуан приготовил мне завтрак. Когда я поел, он начал говорить.

— Когда имеешь дело с нагвалем, никогда не следует смотреть на него прямо, — сказал он. — Этим утром ты смотрел на него пристально, и поэтому из тебя ушли все соки. Единственный способ — смотреть на нагваль как на обычное явление. Следует моргать, чтобы прервать пристальный взгляд. Наши глаза — это глаза тоналя или, точнее, — наши глаза выдрессированы тоналем. Поэтому тональ считает их своими. Одним из источников твоего замешательства и неудобства является то, что твой тональ не отступается от твоих глаз. В день, когда он это сделает, твой нагваль выиграет великую битву. Твоей помехой, или, лучше сказать, помехой каждого является стремление настроить мир согласно правилам тоналя. Поэтому каждый раз, когда мы сталкиваемся с нагвалем, мы сходим с дороги, чтобы сделать наши глаза застывшими и бескомпромиссными. Я должен взывать к той части твоего

тоналя, которая понимает эту дилемму, а ты должен сделать усилие, чтобы освободить глаза. Тут нужно убедить тональ, что есть другие миры, которые могут проходить перед теми же самыми окнами. Нагваль показал тебе это сегодня утром. Поэтому отпусти свои глаза на свободу. Пусть они будут настоящими окнами. Глаза могут быть окнами, чтобы заглядывать в хаос или заглядывать в эту бесконечность.

Дон Хуан сделал метущее движение левой рукой, показывая на все окружающее. Глаза у него блестели, улыбка была одновременно и пугающей и обезоруживающей.

— Как я могу это сделать? — спросил я.

— Скажу тебе, что это очень просто. Может быть, я говорю так потому, что давно уже делаю это сам. Нужно только установить намерение как таможню. Когда находишься в мире тоналя, ты должен быть безупречным тоналем; никакого времени для иррациональной ерунды. Но в мире нагваля ты также должен быть безупречен — никакого времени для разумной ерунды. Для воина намерение — это дверь в промежуточное положение. Она полностью закрывается за ним, когда он выходит на тот или иной путь.

Второе, что тебе следует делать при встрече с нагвалем — время от времени менять направление взгляда, чтобы нагваль не околдовал тебя. Смена положения глаз всегда облегчает ношу тоналя. Сегодня утром я заметил, что ты был исключительно уязвимым, и поэтому изменил положение твоей головы. В подобных случаях ты должен научиться делать это самостоятельно — но только для передышки, а не для того, чтобы снова оградить себя, сохранив распорядок тоналя. Я могу дать честное слово, что ты попытаешься использовать эту технику, чтобы спрятать за ней рациональность своего тоналя, считая при этом, что спасаешь ее от уничтожения. Но дело в том, никто не собирается уничтожать рациональность тоналя. Так что твой страх совсем не обоснован.

Больше мне нечего сказать тебе, кроме того, что ты должен наблюдать за каждым движением Хенаро, не истощая себя. Сейчас ты проверяешь, загружен ли твой тональ несущественными деталями. Если на твоем острове слишком много ненужных вещей, то ты не сможешь выстоять во время встречи с нагвалем.

— Что же тогда случиться со мной?

— Ты можешь умереть. Никто не способен выжить в намеренной встрече с нагвалем без длительной тренировки. Требуются годы, чтобы подготовить тональ к такой встрече. Сталкиваясь лицом к лицу с нагвалем, обычный человек обычно умирает от шока. Цель тренировки воина вовсе не в обучении каким-то злым чарам, а в том, чтобы научить тональ не отвлекаться на ерунду. Это очень трудное достижение. Воин должен стать безупречным и совершенно пустым, иначе о встрече с нагвалем лучше и не думать.

Возьмем твой случай. Тебе следует перестать рассчитывать. То, что ты делал этим утром, было абсурдом. Ты называешь это объяснениями. Я называю это бесплодной и назойливой настойчивостью тоналя удерживать все под своим контролем. Когда ему это не удается, наступает момент замешательства, и тогда тональ открывается своей смерти. Что за самодовольный глупец! Он скорее готов убить самого себя, чем уступить контроль, и, тем не менее, мы очень немного можем сделать, чтобы изменить такое положение вещей.

— А ты сам как это меняешь, дон Хуан?

— Остров тоналя должен быть тщательно выметен и содержаться в чистоте. Это единственная альтернатива, которая есть у воина. Чистый остров не оказывает сопротивления, ему нечем сопротивляться.

Он прошелся по двору и уселся на большой гладкий камень. Оттуда можно было заглянуть в глубокий овраг. Он сделал мне знак сесть рядом.

— Не можешь ли ты мне сказать, дон Хуан, что мы еще собираемся делать сегодня? — спросил я.

— Мы ничего не собираемся делать. То есть, мы с тобой будем только свидетелями. Твой бенефактор — Хенаро.

Я подумал, что недопонял из-за своего поспешного записывания. На начальных ступенях моего ученичества дон Хуан ввел термин «бенефактор». Мне всегда казалось, что сам он и был моим бенефактором.

Дон Хуан молча смотрел на меня. Я сделал быструю прикидку и заключил, что дон Хенаро является для меня чем-то вроде звезды-исполнителя для таких случаев. Дон Хуан усмехнулся, как бы читая мои мысли.

— Хенаро — твой бенефактор, — повторил он.

— Но ты, разве не ты? — спросил я отчаянным голосом.

— Я тот, кто помогает тебе подмести твой остров тональ, — сказал он. — У Хенаро есть два ученика — Паблито и Нестор. Он помогает им подметать остров. Но я буду показывать им нагваль. Я буду их бенефактором. Хенаро только их учитель. В этих делах можно или говорить, или действовать. Нельзя делать и то и другое с одним и тем же человеком. Берешь или остров тональ, или нагваль. В случае с тобой я должен работать с твоим тоналем.

По мере того, как дон Хуан это говорил, я почувствовал такой ужас, что мне чуть не стало плохо. Я боялся, что он собирается оставить меня с доном Хенаро, а для меня ничего не могло быть хуже этого.

Дон Хуан смеялся до слез, когда я высказал ему свои страхи.

— То же самое происходит и с Паблито, — сказал он. — Ему становится плохо от одного взгляда на меня. Однажды он пришел в отсутствие Хенаро. В доме был только я один, и когда Паблито увидел у двери мое сомбреро, то его тональ был настолько испуган, что он попросту наложил в штаны.

Я легко мог понять чувства Паблито. При более тщательном рассмотрении я вынужден был признать, что дон Хуан может быть устрашающим. Я научился, однако, чувствовать себя с ним удобно. В его присутствии я испытывал чувство близости, рожденной нашей долгой с ним связью.

— Я не собираюсь оставлять тебя с Хенаро, — сказал он, все еще смеясь. — Я тот, кто заботится о твоем тонале. Без него ты мертв.

— Каждый ли ученик имеет учителя и бенефактора? — спросил я, чтобы унять свое беспокойство.

— Нет, но некоторые имеют.

— Почему только некоторые?

— Когда обычный человек готов, сила предоставляет ему учителя, и он становится учеником. Когда ученик готов, сила предоставляет ему бенефактора, и он становится магом.

— Что значит быть готовым к тому, чтобы сила предоставила бенефактора?

— Никто не знает этого. Мы только люди. Некоторые из нас — люди, научившиеся видеть и использовать нагваль, но никакие наши достижения не помогут раскрыть нам планов силы. Поэтому не у каждого ученика есть бенефактор. Сила решает все.

Я спросил его, был ли у него самого и учитель, и бенефактор, и впервые за тринадцать лет он открыто заговорил о них. Он сказал, что как его учитель, так и его бенефактор были из Центральной Мексики. Я всегда считал, что любая информация о доне Хуане будет ценной для моих антропологических исследований. Но в момент его откровения это как-то не имело значения.

Дон Хуан взглянул на меня, как мне показалось, участливо. Затем он резко сменил тему и попросил подробно рассказать ему о моих утренних переживаниях.

— Внезапный испуг всегда сжимает тональ, — сказал он, комментируя мое описание того, что я ощутил от вопля дона Хенаро. — Проблема здесь в том, чтобы не позволить тоналю сжаться совсем в ничто. Серьезный вопрос для воина — знать в точности, когда позволить своему тоналю сжаться, а когда остановить его. Это великое искусство. Воин должен бороться, как демон, для того чтобы сжать свой тональ. Но в тот самый момент, когда его тональ сжимается, воин должен повернуть всю эту битву и направить ее на прекращение сжатия.

— Но, делая это, разве он не возвращается назад к первоначальному состоянию? — спросил я.

— Нет, после того, как тональ сжимается, воин закрывает ворота с другой стороны. До тех пор, пока его тональ не под угрозой, воин с безопасной

стороны ограды. Он на знакомой почве и знает все законы. Но когда тональ сжимается — он на ветреной стороне, и это отверстие должно быть накрепко закрыто немедленно, иначе он будет унесен прочь. И это не просто способ говорить. За воротами тоналя бушует ветер, я имею в виду реальный ветер. Ветер, который может унести твою жизнь. Это не метафора. Фактически, это тот ветер, который несет все живые существа на земле. Несколько лет назад я познакомил тебя с этим ветром. Однако ты воспринял это как шутку.

Он напоминал о том времени, когда он взял меня в горы и объяснил мне некоторые особенности ветра. Однако я никогда не думал, что это была шутка.

— Не имеет значения, воспринял ты это всерьез, или нет, — сказал он, выслушав мои протесты. — Как закон, тональ должен защищать себя любой ценой всякий раз, когда ему угрожают.

Не имеет никакого значения, как именно реагирует тональ, защищая себя. Тем не менее важно, чтобы тональ был знаком со всеми возможными альтернативами. Поэтому учитель направляет свои усилия на то, чтобы развить вес этих возможностей. Именно вес новых возможностей помогает сжать тональ, как и остановить его, чтобы он не сжался совсем в ничто.

Он сделал мне знак продолжить пересказ утренних событий и прервал меня, когда я подошел к тому, как дон Хенаро скользил взад и вперед между стволом дерева и веткой.

— Нагваль может выполнять необычные вещи, — сказал он. — Вещи, которые кажутся невозможными, немыслимыми для тоналя. Но что удивительнее всего — человек, который их выполняет, не знает, как он это делает. Иными словами, Хенаро не знает, как он делает эти вещи. Он знает только, что делает их. Секрет мага в том, что он знает, как добраться до нагваля, но когда он туда попадает, то его догадки относительно происходящего там ничуть не лучше твоих собственных.

— Но что чувствуешь, когда делаешь все это?

— Чувствуешь, как будто что-то делаешь.

— Чувствует ли дон Хенаро, что он ходит по стволу дерева?

Дон Хуан секунду осмотрел на меня, а затем отвернулся.

— Нет, — сказал он громким шепотом. — Не в том смысле, как ты это понимаешь.

Больше он ничего не сказал. Я буквально затаил дыхание, ожидая его объяснений. Наконец, я спросил:

— Что же он чувствует?

— Я не могу сказать тебе, и не потому, что это — его личное дело, а потому что нет способа описать это.

— Ну, пожалуйста, — уговаривал я его. — Нет ничего такого, чего нельзя было бы объяснить словами. Я уверен, что даже если и невозможно описать что-нибудь прямо, то всегда можно хоть как-то намекнуть на это.

Дон Хуан рассмеялся. Его смех был дружеским и добрым. Однако, в нем был оттенок насмешки и какой-то явный подвох.

— Я должен сменить тему, — сказал он. — Удовлетворись тем, что нагваль был нацелен на тебя утром. Что бы Хенаро ни делал, это была смесь его и тебя. Его нагваль был оттенен твоим тоналем.

Я продолжал свои попытки.

— Когда ты показываешь твой нагваль Паблито, чтоты чувствуешь?

— Я не могу тебе этого объяснить, — сказал он тихо. — И не потому, что не хочу, — просто мой тональ здесь останавливается.

Я не хотел больше нажимать на него. Некоторое время мы молчали, а затем он снова заговорил.

— Можно сказать, что воин учится настраивать свою волю, направлять ее с точностью иголки, фокусировать ее, где захочет. Как если бы его воля,

которая выходит из средней части тела, была единственным светящимся волокном. Нитью, которую он может направить в любое вообразимое место. Эта нить — дорога к нагвалю. Можно сказать также, что воин погружается в нагваль с помощью этой единственной нити. Как только он погрузился, способ выражения нагваля — дело его личного темперамента. Если воин забавен, то его нагваль забавен. Если он мрачен, то его нагваль мрачен. Если он зол, его нагваль зол.

Хенаро всегда смешит меня до упаду, потому что он — одно из самых приятных живых существ. Я никогда не знаю, с чем он приходит. Для меня это — абсолютная сущность магии. Хенаро такой подвижный воин, что малейшее фокусирование его воли заставляет его нагваль действовать невероятным образом.

— А сам ты видел, что именно делал дон Хенаро?

— Нет, я просто видел, что его нагваль находился на деревьях.

— То есть, ты хочешь сказать, что, как и в случае с базаром, тебя со мной не было?

— Похоже на это. Когда встречаешься с нагвалем, то всегда остаешься с ним один на один. Я был поблизости, но только для того, чтобы защитить твой тональ. Это моя обязанность.

Дон Хуан сказал, что мой нагваль едва не разлетелся на куски, когда дон Хенаро спустился с дерева. Это произошло не потому, что нагваль сам по себе опасен, а потому, что мой тональ индульгировал в своем замешательстве. Он сказал, что воин должен устранять замешательство тоналя, пока не станет настолько текучим, что сможет принять все, не принимая ничего.

Когда я описал прыжки дона Хенаро на дерево и обратно, дон Хуан сказал, что крик воина является одним из важнейших моментов магии и что дон Хенаро, фокусируя свой крик, использует его как движущую силу.

— Ты прав, — сказал он. — Хенаро взлетел, частично притянутый своим криком и частично деревом. С твоей стороны это было настоящим видением подлинной картины нагваля. Воля Хенаро сфокусировалась в этом крике, а его

личное прикосновение заставило дерево притянуть нагваль. Линии протянулись в обе стороны — от Хенаро к дереву и от дерева к Хенаро. Когда Хенаро спрыгнул с дерева, ты должен был увидеть, что вначале он сфокусировался на участке земли перед тобой, а потом дерево толкнуло его. Но толчок этот был лишь кажущимся. В сущности, это было больше похоже на освобождение от дерева. Дерево отпустило нагваль, и он вернулся обратно в мир тоналя, на то место, где он сфокусировался. Когда Хенаро спустился с дерева во второй раз, твой тональ был уже не настолько потрясен. Ты индульгировал меньше, и поэтому не потерял столько энергии, как в первый раз.

Около четырех часов дня дон Хуан прервал нашу беседу.

— Мы идем назад к эвкалиптам. Нагваль ждет нас там, — сказал он.

— Не рискуем ли мы, что нас увидят люди? — спросил я.

— Нет, нагваль все держит под контролем, — ответил он.

Глава 6. Шепот нагваля

Когда мы приблизились к эвкалиптам, я увидел дона Хенаро, который сидел на пне и улыбался нам. Он приветственно помахал рукой. Мы подошли к нему. На деревьях устроилась стая ворон. Они громко каркали, словно были чем-то встревожены. Дон Хенаро сказал, что мы должны переждать, пока не успокоятся вороны.

Дон Хуан прислонился спиной к дереву и велел мне сделать то же, указав на соседнее дерево в двух шагах слева от него. Мы стояли лицом к дону Хенаро, который был от нас на расстоянии двух или трех ярдов.

Едва заметным движением глаз дон Хуан сделал мне знак изменить положение

ног. Сам он стоял твердо, слегка расставив ступни и касаясь ствола только верхней частью лопаток и затылком. Его руки свободно свисали по бокам.

Мы стояли так, наверное, около часа. Я внимательно наблюдал за обоими, особенно за доном Хуаном. В какой-то момент он медленно опустился по стволу дерева на землю и сел, обхватив руками приподнятые колени и сохраняя прежний контакт с деревом. Я сделал то же самое. Ноги устали, и перемена позы принесла облегчение.

К тому времени вороны уже перестали каркать, и на поле воцарилось безмолвие. Наступившая тишина была еще более тревожной, чем крики ворон.

Дон Хуан вполголоса сказал, что сумерки — мое лучшее время. Он взглянул на небо. Должно быть, было уже больше шести. День был сумрачный, и я не мог определить положение солнца. Я слышал далекие крики уток, но на поле, где росли эвкалипты, было совершенно тихо.

Очень долгое время не слышно было ни свиста птиц, ни жужжания насекомых.

Насколько я мог судить, дон Хуан и дон Хенаро сохраняли полную неподвижность, кроме тех нескольких секунд, когда они меняли позу чтобы отдохнуть.

После того, как мы с доном Хуаном соскользнули на землю, дон Хенаро сделал внезапное движение. Он поднял ноги и поместил ступни на пень. Потом он повернулся на сорок пять градусов, и я увидел его профиль слева. Я посмотрел на дона Хуана в поисках объяснений. Он лишь вздернул подбородок — это был приказ смотреть на дона Хенаро.

Меня начало охватывать чудовищное возбуждение. Я был не в силах совладать с собой: мои кишки судорожно задвигались, и теперь-то я точно знал, что ощущал Паблито, когда увидел сомбреро дона Хуана. Расстройство желудка заставило меня вскочить и помчаться в кусты. Я слышал, как они завыли от смеха.

Обескураженный, я не смел вернуться, кляня себя за то, что своей внезапной выходкой разрушил очарование момента. Через минуту дон Хуан и дон Хенаро пришли ко мне сами. Они стали по сторонам, как конвоиры, и повели меня на

другое поле. Мы остановились в самом центре, и я узнал то место, на котором мы были утром.

Дон Хуан заговорил со мной. Он сказал, что мне следует остановить внутренний диалог и оставаться текучим и безмолвным. Я внимательно слушал. Дон Хенаро, должно быть, осознавал, что все мое внимание было приковано к объяснениям дона Хуана, и воспользовался этим моментом, чтобы сделать то же, что сделал утром. Он издал свой сводящий с ума вопль. Это опять застало меня врасплох, но на этот раз я был подготовлен и почти сразу восстановил равновесие при помощи дыхания. Потрясение было ужасным, но кратким, так что я успел проследить за его движениями и видел, как дон Хенаро прыгнул на нижнюю ветку дерева футах в восьмидесяти-девяноста от того места, где он стоял. Я испытал странное зрительное расстройство: он не то чтобы прыгнул, оттолкнувшись ногами от земли, а скорее скользнул по воздуху, частично катапультированный своим ужасным воплем и частично притянутый какими-то смутными линиями, эманировавшими из дерева. Казалось, дерево втянуло его своими линиями.

Мгновение дон Хенаро оставался на ветке, повернувшись ко мне в профиль, а затем стал выполнять какие-то странные движения. Его голова болталась, тело дрожало. Несколько раз он засовывал голову между колен. Чем больше он двигался и елозил, тем труднее мне было сфокусировать глаза на его теле. Казалось, что он растворяется в воздухе. Я мигнул в отчаянии, а затем стал менять направление взгляда, поворачивая голову из стороны в сторону, как учил меня дон Хуан. Из левой перспективы я увидел тело дона Хенаро таким, каким я его никогда раньше не видел. Казалось, что он, переодевшись, изменил свою внешность. На нем был меховой костюм. Окраска меха была как у сиамской кошки: светло-дымчато-коричневая со слегка более темным шоколадно-коричневым на ногах и спине. У него был длинный толстый хвост. Костюм Хенаро делал его похожим на мохнатого коричневого длинноногого крокодила. Я не мог различить ни его головы, ни черт лица. Когда я выпрямил голову в нормальное положение, вид переодетого дона Хенаро остался неизменным.

Вдруг его руки задрожали. Дон Хенаро встал на ветке, наклонился и прыгнул вниз с четырехметровой высоты. Насколько я мог судить, это был обычный прыжок человека, одетого в причудливый костюм. Я видел, как тело дона Хенаро почти коснулось земли, а затем его толстый хвост слегка

завибрировал, и, вместо того, чтобы приземлиться, он взлетел вверх, словно под действием беззвучного реактивного двигателя. Пролетев над деревьями, он спланировал к земле и снова взмыл. Он делал это снова и снова. Временами он хватался за ветку и кружился вокруг дерева, или как угорь извивался между ветвей. А затем он скользил вниз и кружился вокруг нас. Или хлопал в ладоши, касаясь животом верхушек деревьев.

Пилотаж дона Хенаро наполнил меня благоговейным страхом. Наблюдая за ним, я два или три раза ясно различил, что он пользуется, словно тяжами, какими-то сверкающими нитями. Затем он промчался над вершинами деревьев к югу и исчез за ними. Я пытался предугадать место, откуда он появится вновь, но он исчез.

Только сейчас я заметил, что лежу на спине, хотя мне все время казалось, что я смотрю на дона Хенаро из положения стоя.

Дон Хуан помог мне сесть, а затем я увидел дона Хенаро, который шел к нам с беспечным видом. Он игриво улыбнулся и спросил меня, как мне понравились его полеты. Я силился что-то сказать, но не мог.

Они обменялись странными взглядами, после чего дон Хенаро опять сел на корточки. Он наклонился и зашептал что-то в мое левое ухо. Я услышал, как он говорит. «Почему бы тебе не полетать вместе со мной?» Он повторил это пять или шесть раз.

Дон Хуан подошел ко мне и прошептал в правое ухо. «Не разговаривай, просто следуй за Хенаро».

Дон Хенаро заставил меня сесть на корточки и зашептал опять. Я слышал его с необыкновенной ясностью. Он повторил свои слова раз десять. Он сказал «Доверься нагвалю. Нагваль возьмет тебя».

Затем дон Хуан зашептал мне в правое ухо. Он сказал: «Измени свои чувства».

Они говорили одновременно, но я слышал каждого из них в отдельности. Все, что говорил дон Хенаро, имело отношение к общему контексту скольжения по воздуху. Фразы, которые он повторял десятки раз, казалось, выгравировались

в моей памяти. Слова дона Хуана, звучавшие с другой стороны, были особыми командами, которые он повторял множество раз. Эффект такого двойного нашептывания был совершенно необычным. Казалось, звучание их индивидуальных слов расщепляли меня пополам. В конце концов, бездна между моими ушами стала такой, что я потерял всякое чувство единства. Оставалось, несомненно, и что-то мое, но оно не было твердым. Оно было скорее светящимся туманом, темно-желтой дымкой, которая имела ощущения.

Дон Хуан сказал мне, что он собирается склеить меня для летания. При этом у меня возникло ощущение, что эти слова были подобны щипцам, которые закручивали и скрепляли мои «чувства».

Слова дона Хенаро были приглашением следовать за ним. Я почувствовал, что хочу сделать это, но не могу. Расщепление было настолько полным, что я был лишен возможности действовать. Затем я услышал одно и то же короткое заявление, бесконечно повторяемое ими обоими:

«Взгляни на эту прекрасную летающую форму». «Прыгай, прыгай!». «Твои ноги достигнут вершин деревьев». «Эвкалипты похожи на зеленые точки». «Черви — это свет».

В какой-то момент что-то во мне прекратилось — быть может, мое осознание их слов. Я чувствовал, что дон Хенаро все еще со мной, но не видел ничего, кроме гигантского скопления совершенно необычных источников света. Временами их сияние уменьшалось, а временами достигало поразительной интенсивности. Ощущал я также и движение. Было такое впечатление, что меня безостановочно втягивает какой-то вакуум. Стоило мне замедлить свое движение и сфокусировать осознание на источниках света, как вакуум снова уносил меня прочь.

В какой-то момент между двумя перепадами скорости я почувствовал крайнее замешательство. Мир вокруг меня, чем бы он ни был, приближался и удалялся в одно и то же время, отсюда и следовал вакуумоподобный эффект. Я видел два отдельных мира — один, который уходил от меня, и другой, который надвигался. Я осознал это не обычным путем, у меня не было ощущения понимания чего-то раньше скрытого. Скорее, у меня было два независимых осознания без объединяющего заключения.

После этого картины моего восприятия стали какими-то тусклыми. Им недоставало точности, или же восприятий было слишком много, и я не мог их рассортировать. Следующим набором различимых восприятий была серия звуков в конце длинного трубообразного образования. «Трубой» был я сам, а звуки были словами дона Хуана и дона Хенаро, снова шептавших мне в уши. Чем дольше они говорили, тем короче становилась труба, пока звуки не оказались в границах моего понимания. Иначе говоря, звуки слов дона Хуана и дона Хенаро достигли моего нормального диапазона восприятия. Сначала эти звуки осознавались как шумы, затем как слова, которые выкрикивают, и, наконец, как слова, которые мне шепчут в уши.

Затем я различил предметы знакомого мне мира. Очевидно, я лежал лицом вниз. Я мог видеть маленькие камешки, комочки почвы и сухие листья, а затем я вспомнил поле с эвкалиптами.

Дон Хуан и дон Хенаро стояли рядом со мной. Было еще светло. У меня возникло желание забраться в воду. Я дошел до реки, разделся и оставался в холодной воде, пока полностью не пришел в себя.

Дон Хенаро ушел, как только мы добрались до его дома. Уходя, он небрежно потрепал меня по плечу. Я рефлекторно отскочил, думая, что его прикосновение будет болезненным. К моему изумлению, это было просто мягкое похлопывание по плечу.

Дон Хуан и дон Хенаро смеялись как два ребенка, празднующих шалость.

— Не будь таким прыгучим, — сказал дон Хенаро. — Нагваль не все время преследует тебя.

Он почмокал губами, как бы не одобряя мою преувеличенную реакцию, и протянул ко мне руки с дружелюбным видом. Я обнял его. Он похлопал меня по спине. Это был очень дружеский и теплый жест.

— Твое внимание должно быть на нагвале только в определенные моменты. Все остальное время мы такие же люди, как и все на этой земле.

Он повернулся к дону Хуану и улыбнулся ему.

— Разве это не так, Хуанчо? — спросил он, подчеркивая слово «Хуанчо» — забавное уменьшительное от имени «Хуан».

— Это так, Хенарчо, — ответил дон Хуан, тут же создав такое же уменьшительное от имени «Хенаро».

Оба они расхохотались.

— Должен предупредить тебя, — сказал мне дон Хуан. — Тебе нужно научиться уверенно определять, когда человек — нагваль, а когда человек — это просто человек. Ты можешь умереть, если придешь в прямой физический контакт с нагвалем.

Дон Хуан повернулся к дону Хенаро и с сияющей улыбкой спросил:

— Разве не так, Хенарчо?

— Это абсолютно так, Хуанчо, — ответил дон Хенаро, и они снова расхохотались.

Их ребячество очень трогало меня. События дня были утомительными, и я стал очень эмоционален. Волна жалости к самому себе охватила меня. Я готов был заплакать, повторяя самому себе, что все то, что они сделали со мной, было необратимым и, скорее всего, вредным. Дон Хуан, казалось, читал мои мысли. Усмехнувшись, он недоверчиво покачал головой. Я попытался остановить внутренний диалог, и вся моя жалость к себе исчезла.

— Хенаро очень теплый, — заметил дон Хуан, когда дон Хенаро ушел. — Планом силы было, чтобы ты нашел мягкого бенефактора.

Я не знал, что сказать. Мысль о том, что дон Хенаро является моим бенефактором, интриговала меня до бесконечности. Я хотел, чтобы дон Хуан побольше рассказал мне об этом, но он, казалось, не был расположен к разговорам. Он посмотрел на небо и на вершины темных силуэтов деревьев сбоку от дома. Он уселся, прислонившись спиной к толстому раздвоенному столбу, вкопанному почти перед дверью, и сказал, чтобы я сел рядом с ним слева.

Я сел. Он сказал, что это время ночи опасно для меня, особенно в данном случае. Очень спокойным голосом он дал мне ряд наставлений: мы не должны были продолжать разговор без перерывов, и я должен дышать и моргать, как если бы я видел перед собой нагваль.

— Разве нагваль поблизости? — спросил я.

— Конечно, — сказал он и усмехнулся.

Я практически навалился на дона Хуана. Он начал говорить и фактически вытягивал из меня каждый вопрос. Он даже вручил мне блокнот и карандаш, как если бы я мог писать в темноте. Он заметил, что я должен быть настолько спокоен и нормален, насколько это возможно, и нет лучшего для меня способа укрепить свой тональ, чем мои записи. Все это дело он представил в особом свете. Он сказал, что записывание — мое предрасположение, а раз так, то я должен быть способен делать заметки в любых обстоятельствах, даже в полной темноте. В его голосе был оттенок вызова, когда он сказал, что я могу превратить делание заметок в задачу воина, а в этом случае темнота никак не будет препятствием.

Он, должно быть, убедил меня каким-то образом, потому что я ухитрился записать часть разговора. Основной темой был дон Хенаро как мой бенефактор. Мне было любопытно узнать, когда дон Хенаро стал им. И дон Хуан предложил мне вспомнить необычное событие, которое произошло в тот день, когда я впервые встретил дона Хенаро, и которое послужило правильным знаком. Я ничего подобного вспомнить не мог. Я начал пересказывать события. Насколько я помнил, это была ничем не примечательная и случайная встреча, которая произошла весной 1968 года. Дон Хуан прервал меня.

— Если ты слишком туп и не можешь вспомнить, то лучше оставим это. Воин следует указаниям силы. Ты вспомнишь все по мере надобности.

Дон Хуан сказал, что иметь бенефактора — это очень трудное дело. В качестве примера он взял своего ученика, Элихио, который был с ним много лет. Он сказал, что Элихио не смог найти бенефактора. Я спросил, найдет ли Элихио его когда-нибудь, и он ответил, что нет возможности предсказывать поворот силы. Он напомнил мне, как однажды, несколькими годами ранее, мы

встретились с группой молодых индейцев, бродивших по пустыне северной Мексики. Он сказал, что видел, что никто из них не имел бенефактора, и что общая обстановка и настроение момента были совершенно правильными для того, чтобы протянуть им руку и показать нагваль. Он говорил об одной ночи, когда четверо юношей сидели у огня, и дон Хуан, по моему мнению, показал интересное представление, в котором он явно виделся каждому из нас в разной одежде.

— Эти парни знали очень многое. Ты был единственный новичок среди них, — сказал он.

— Что случилось с ними впоследствии?

— Некоторые из них нашли бенефакторов, — ответил он.

Дон Хуан сказал, что обязанностью бенефактора является отдать долг силе и что бенефактор передает новичку свое личное прикосновение не меньше, а то и больше, чем учитель.

Во время короткой паузы я услышал странный шуршащий звук позади дома. Среагировав на него, я почти встал, но дон Хуан прижал меня вниз. До того, как раздался этот шум, разговор наш казался мне обычным. Но когда наступила пауза и последовал момент молчания, странный звук прорвался сквозь него. В этот момент у меня возникла уверенность, что наш разговор является необычайным событием. У меня было ощущение, что звук моих и дона Хуана слов был подобен разорвавшемуся листу и что шуршащий звук намеренно ожидал удобного шанса, чтобы прорваться сквозь этот лист.

Дон Хуан велел мне сидеть неподвижно и не обращать внимания на окружающее. Шуршание показалось мне похожим на звук, который производит суслик, копая сухую землю. Как только я подумал о сходстве, у меня сразу возникло зрительное изображение грызуна вроде того, что дон Хуан показал мне на ладони. Это было, как если бы я заснул, и мои мысли превратились в видения или сны.

Я начал дыхательные упражнения. Дон Хуан продолжал говорить, но я его уже не слушал. Мое внимание было приковано к мягкому шуршанию чего-то змееподобного, скользящего по сухой листве. Я испытал момент паники и

физического отвращения при мысли, что ко мне подкрадывается змея. Невольно я запихнул свои ступни под ноги дона Хуана и начал отчаянно дышать и моргать.

Я услышал звук так близко, что казалось, он находился в двух футах от меня. Моя паника нарастала. Дон Хуан спокойно сказал, что единственный способ отразить нагваль — это остаться неизменным. Он приказал мне сесть как прежде и не концентрировать внимание на звуке. Он повелительно потребовал, чтобы я или писал или задавал вопросы и не вздумал поддаться страху.

После большой внутренней борьбы я спросил его, не дон ли Хенаро производит эти звуки. Он сказал, что это нагваль и что я не должен их смешивать. «Хенаро» — имя тоналя. Затем он сказал что-то еще, но я не понял его. Что-то кружило вокруг дома, и я не мог концентрироваться на нашем разговоре. Он велел мне сделать максимальное усилие. Через некоторое время я обнаружил, что бормочу какие-то идиотские фразы о своей непригодности. Я ощутил толчок страха и вырвался в состояние огромной ясности. Затем дон Хуан сказал мне, что теперь можно слушать. Но звуков больше не было.

— Нагваль ушел, — сказал дон Хуан и, поднявшись, вошел внутрь дома. Он зажег керосиновую лампу и приготовил еду. Мы молча поели. Я спросил его, не вернется ли нагваль.

— Нет, — сказал он с серьезным выражением. — Он просто испытывал тебя. В это время ночи, сразу после сумерек, ты всегда должен вовлекать себя в какое-нибудь занятие. Подойдет все, что угодно. Это только короткий период, один час, может быть. Но для тебя это — смертельно опасный час.

Сегодня нагваль пытался заставить тебя споткнуться, но ты был достаточно силен, чтобы отразить его нападение. Однажды ты поддался ему, и я вынужден был лить воду на твое тело. На этот раз ты прошел хорошо.

Я заметил, что слово «нападение» придает этому событию очень опасное звучание.

— «Опасное звучание»? Это неправильный способ выражаться, — сказал он.

— Я не собираюсь пугать тебя. Действия нагваля смертельно опасны. Я уже говорил тебе об этом, и это не означает, что дон Хенаро старается повредить тебе. Наоборот — его забота о тебе неуязвима. Но если у тебя недостаточно силы, чтобы отразить нападение нагваля, ты умрешь, несмотря на мою помощь или заботу Хенаро.

После еды дон Хуан сел рядом и заглянул в мой блокнот. Я заметил, что события этого дня были настолько ошеломляющими, что мне, пожалуй, понадобятся годы, чтобы разобраться во всем.

— Если тебе непонятно, то ты в прекрасной форме, — сказал он. — Вот когда ты понимаешь, ты находишься в каше. Конечно, это точка зрения мага. С точки зрения среднего человека, если ты не можешь понять, то ты идешь ко дну. В твоем случае средний человек подумал бы, что ты распался или начинаешь распадаться.

Я засмеялся над его выбором слов. Это была ирония — однажды я упоминал о концепции распада в связи со своими страхами. Я заверил его, что на этот раз вообще ни о чем не намерен спрашивать.

— Я никогда не возражал против разговоров, — сказал он. — Мы можем с тобой говорить о нагвале, сколько угодно, но с одной маленькой поправкой: если ты помнишь, я сказал, что можно быть лишь свидетелем проявлений нагваля. И поэтому мы можем говорить только о том, чему были свидетелями. Но ты ищешь объяснений, а это печально. Ты хочешь объяснить нагваль при помощи тоналя, а это глупо, особенно в твоем случае, так как ты больше не прячешься за своим невежеством. Ты очень хорошо знаешь, что наш разговор имеет смысл лишь в определенных границах, а эти границы неприложимы к нагвалю.

Я пояснил, что дело не в желании объяснить все с разумной точки зрения — просто мне нужно поддерживать хоть какой-то порядок, чтобы выдержать натиск всех этих потрясающих переживаний и состояний. Дон Хуан заметил, что я пытаюсь отстаивать точку зрения, с которой сам не согласен.

— Ты чертовски хорошо знаешь, что индульгируешь, сказал он. — Поддерживать порядок — значит быть совершенным тоналем, то есть осознавать все, что происходит на острове тоналя. Ты им не являешься, и

поэтому твое возражение насчет поддерживания порядка безосновательно. Ты пользуешься им только для самооправдания.

Я не знал, что и ответить. Дон Хуан успокоил меня, что очистка тоналя достигается лишь ценой длительной борьбы, а затем попросил рассказать о второй встрече с «нагвалем». Когда я закончил, он прокомментировал, что мохнатый крокодил был, пожалуй, вершиной чувства юмора дона Хенаро.

— Жаль, что ты все еще такой тяжелый, — сказал он. Тебя всегда останавливает ошеломление, и поэтому ты не видишь настоящего искусства Хенаро.

— А ты осознавал его внешний вид, дон Хуан?

— Нет, представление было только для тебя.

— Что ты видел?

— Сегодня я видел лишь движения нагваля, скользящего между деревьями и кружащего вокруг нас. Любой, кто видит, может свидетельствовать это.

— А как же насчет того, кто не видит?

— Он не заметит ничего. Может быть только, что деревья сотрясаются бешеным ветром, или даже какой-то странный свет, возможно, светлячок неизвестного вида. Если настаивать, то человек, который не видит, скажет, что хотя и видел что-то, но не может вспомнить что. Это совершенно естественно. Человек всегда будет цепляться за смысл. В конце концов, его глаза и не могут заметить ничего необычного. Будучи глазами тоналя, они должны быть ограничены миром тоналя, а в этом мире нет ничего поразительно нового. Ничего такого, что глаза не могли бы воспринять, а тональ не мог бы объяснить.

Я спросил его о тех непонятных явлениях, которые были результатом их двойного нашептывания.

— Это было лучшей частью всего события, — сказал он. Остальное можно опустить, но это было венцом дня. Закон требует, чтобы бенефактор и

учитель произвели окончательную настройку, которая является труднейшим искусством. Оба они, — и учитель, и бенефактор, — должны быть безупречными воинами даже только для того, чтобы лишь попытаться расщепить человека. Ты поймешь это позже, но сила опять была благосклонна к тебе. Хенаро — самый безупречный воин из всех, кого я знаю.

— Почему расщепление человека считается таким трудным?

— Потому что это опасно. Ты можешь умереть, как букашка. Или, — что еще хуже, — мы не сумели бы собрать тебя снова, и ты так бы и остался на том же уровне чувств.

— Зачем это нужно было делать со мной, дон Хуан?

— В определенный момент шепот нагваля должен расщепить ученика.

— Что это значит, дон Хуан?

— Чтобы быть средним тоналем, человеку необходимо единство — все его существо должно принадлежать острову тональ. Без этого единства человек полезет на стенку. Магу необходимо разорвать это единство, не подвергая опасности свою жизнь. Важно научиться ждать, чтобы избежать ненужного риска, и поэтому маг годами выметает свой остров, пока не представится случай сбежать с него. Расщепление надвое как раз и является вратами для такого побега. Это расщепление — наиболее опасная вещь из всего, что с тобой происходило, осуществилось гладко и просто. Нагваль мастерски руководил тобой. Поверь мне, нужно быть безупречным воином, чтобы сделать это. Я очень рад за тебя.

Дон Хуан положил мне руку на плечо, и у меня появилось огромное желание заплакать.

— Наступает ли тот момент, когда я больше не увижу тебя? — спросил я.

Он засмеялся и покачал головой.

— Ты индульгируешь, как сукин сын. Однако все мы делаем это, только каждый по-своему. Иногда я и сам индульгирую — чувствую, например, что

избаловал тебя и сделал слабым. Я знаю, что Хенаро точно так же думает о Паблито. Он балует его, как ребенка. Но так все разметила сила. Хенаро дает Паблито все, что способен дать. И нельзя требовать от него большего. Нельзя критиковать воина за то, что он безупречно делает лучшее, что может.

С минуту он молчал. Я слишком нервничал, чтобы вынести молчание.

— Что, по-твоему, происходило со мной, когда я ощущал, что меня засасывает вакуум? — спросил я.

— Ты летал, — сказал он как само собой разумеющееся.

— По воздуху?

— Для нагваля нет ни земли, ни воздуха, ни воды. С этим ты можешь согласиться сам. Дважды ты был в этом состоянии, а ведь это было только преддверие. Ты сказал мне, что все, с чем ты встретился, нельзя нанести на карту. Нагваль скользит, кружится и летает в своем времени, которое не имеет ничего общего со временем тоналя. Эти две вещи не пересекаются.

Пока он говорил, я чувствовал дрожь в теле. Челюсть у меня отвисла, и рот невольно открылся. Из ушей словно вынули вату, так что я различал даже едва уловимые оттенки вибрации. Я стал рассказывать ему об этом, и вдруг заметил, что говорю как бы в паре с кем-то невидимым. Это было сложное ощущение, связанное со слухом. Я как бы слышал то, что собирался сказать, прежде чем произносил это.

Мое левое ухо было источником необыкновенных ощущений. Я чувствовал, что воспринимаю им намного интенсивнее и точней. В этом потоке ощущений было что-то, прежде мне совершенно неведомое. Когда я повернулся направо, чтобы взглянуть на дона Хуана, то понял, что с левым ухом связано некое физическое пространство — коридор ясного слухового восприятия, в котором я слышал все с невероятной отчетливостью. Таким образом, поворачивая голову, я мог использовать ухо в качестве локатора.

— Это сделал с тобой шепот нагваля, — сказал дон Хуан, когда я описал ему свои ощущения. Временами это приходит, а затем исчезает. Не бойся этого, а также любых других необычных ощущений, которые могут появиться у тебя с

этого времени, но главное — не индульгируй в объяснениях и не становись в тупик. Я знаю, ты добьешься успеха. Время для твоего расщепления было выбрано правильно. Так постановила сила. Теперь все зависит от тебя. Если ты достаточно силен, то выстоишь перед огромным потрясением от того, что ты был расщеплен. Но если ты не сможешь выстоять, то пропадешь. Ты начнешь сохнуть, худеть, бледнеть, становиться рассеянным, раздражительным, застывшим.

— Может быть, если бы ты рассказал мне об этом несколько лет назад, — начал я, — то у меня было бы достаточно...

Он поднял руку и не дал мне закончить.

— Это заявление бессмысленно, — сказал он. — Ты как-то сказал, что если бы ты не был так упрям и не цеплялся за разумные объяснения, то к этому времени стал бы уже магом. Но стать магом в твоем случае означает преодолеть упрямство и необходимость в разумных объяснениях, которые стоят на твоем пути. Более того — именно эти недостатки и являются твоей дорогой к силе. Ты не можешь сказать, что сила потечет к тебе, если твоя жизнь изменится.

Мы с Хенаро должны действовать точно так же, как ты, — в определенных границах. Устанавливает эти границы сила, и воин является, скажем так, пленником силы. Пленником, у которого есть только один свободный выбор — действовать как безупречный воин, или действовать как осел. В конечном счете, воин не пленник, а раб силы, так как у него нет даже этого выбора. Хенаро может действовать только безупречно, потому что действовать как осел для него будет равносильно смерти. Это вызовет опустошение и конец.

Ты боишься Хенаро, потому что он должен использовать страх, чтобы сжимать твой тональ. Твое тело знает это, хотя твой разум, может быть, и не знает. Вот поэтому твое тело и хочет каждый раз убежать, когда Хенаро поблизости. Я полюбопытствовал, намеренно ли дон Хенаро взялся пугать меня. Он ответил, что действия нагваля иногда очень необычны, и предвидеть их невозможно. В качестве примера он напомнил мне случай, когда однажды утром он не дал мне повернуться налево и посмотреть на дона Хенаро на дереве. Дон Хуан сказал, что хотя он и осознавал тогда все действия своего нагваля, но не знал заранее, что произойдет. Он объяснил, что мой внезапный поворот налево

был шагом к смерти, который мой тональ сделал намеренно, как рывок к самоубийству. Это движение выпустило нагваль дона Хуана, в результате чего какая-то часть его самого упала на меня.

Я сделал невольный жест замешательства.

— Твой разум опять говорит тебе, что ты бессмертен.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан?

— У бессмертного существа есть время для сомнений, замешательства и страха. Но воин, не может цепляться за смысл, найденный во владениях тоналя. Он знает, что целостность самого себя — лишь преходящий эпизод на этой земле.

Я возразил, что мои страхи, сомнения и замешательство были, скорее, бессознательными. И как я ни старался их контролировать, но при встрече с доном Хуаном и доном Хенаро я всякий раз чувствовал себя беспомощным.

— Воин не может быть ни беспомощным, ни испуганным, — сказал он, — ни при каких обстоятельствах. У воина есть время только для безупречности. Все остальное истощает его силу. Безупречность восполняет ее.

— Мы возвращаемся к моему старому вопросу, дон Хуан. — Что такое «безупречность»?

— Да, мы вернулись к твоему старому вопросу, а значит — и к моему старому ответу. Безупречность — это делать лучшее, что можешь во всем, во что ты вовлечен.

— Но дон Хуан, я считаю, что всегда делаю лучшее, что могу. Но очевидно — это не так.

— Это не так сложно, как выглядит с твоих слов. Ключом к безупречности является чувство времени. Запомни: когда чувствуешь и действуешь как бессмертное существо, — ты не безупречен. Оглянись вокруг. Твое представление о том, что у тебя есть время, — идиотизм. Нет бессмертных на этой земле.

Глава 7. Крылья восприятия

Весь день мы бродили с доном Хуаном в горах. Мы ушли на рассвете. Он провел меня по четырем местам силы, и на каждом из них давал мне особую инструкцию относительно конкретной задачи, которую он наметил для меня несколько лет назад как жизненную ситуацию. Вернулись мы в конце дня. Поев, дон Хуан ушел из дома дона Хенаро. Он сказал, что мне следует подождать Паблито, который принесет керосин для лампы, и поговорить с ним.

Я погрузился в работу над своими заметками и не слышал, как пришел Паблито, пока вдруг не обнаружил его стоящим рядом со мной. Паблито заметил, что он практиковал походку силы, потому, конечно, я и не слышал его, да и не мог услышать, разве что мог увидеть.

Мне всегда нравился Паблито. Однако в прошлом у меня не было возможности побыть с ним наедине, хотя мы и были хорошими друзьями. Паблито всегда поражал меня своим особым очарованием. Его звали, конечно, Пабло, но уменьшительное «Паблито» подходило к нему как нельзя лучше. Он был тонкокостным, но жилистым. Подобно дону Хенаро, он был поджарым, неожиданно мускулистым и сильным. Ему, было около тридцати, но выглядел он, пожалуй, лет на восемнадцать. Он был темным, среднего роста, с чистыми и ясными карими глазами. И так же, как у дона Хенаро, на лице его сияла покоряющая улыбка с примесью какой-то неуловимой чертовщинки.

Я спросил его о его друге Несторе, еще одном ученике дона Хенаро. В прошлом я всегда видел их вместе, и у меня возникло впечатление, что они отлично понимают друг друга даже без слов. Однако по внешнему виду и характеру они были противоположностями. В то время как Паблито был веселым и прямым, Нестор был мрачным и себе на уме. Он был выше, тяжелее и темнее товарища.

Паблито сказал, что Нестор, наконец, вовлекся в его работу с доном Хенаро, и что он превратился в совершенно другую личность по сравнению с тем, каким я видел его в последний раз. Он не хотел углубляться дальше в разговор о работе Нестора или об изменениях его личности и резко сменил тему разговора.

— Как я понимаю, нагваль кусает тебя за пятки, — сказал он.

Я был удивлен, что он это знает, и спросил, как он догадался.

— Хенаро мне все рассказывает, — сказал он. Я заметил, что он не говорит о доне Хенаро в той же учтивой форме, что и я. Он просто звал его фамильярно Хенаро. Он сказал, что дон Хенаро был ему как брат, и что им очень легко друг с другом, как если бы они были из одной семьи. Он открыто признался, что очень любит дона Хенаро. Я был глубоко тронут его простотой. Разговаривая с ним, я понял, насколько я был близок по темпераменту к дону Хуану, поэтому наши отношения были формальными и строгими по сравнению с отношениями между доном Хенаро и Паблито.

Я спросил у Паблито, почему он боится дона Хуана. Его глаза сверкнули. Казалось, уже одна мысль о доне Хуане испугала его. Похоже, он каким-то таинственным способом оценивает меня.

— Ты не боишься его? — спросил он.

Я сказал ему, что боюсь дона Хенаро, и он рассмеялся, как будто меньше всего мог ожидать этого. Он сказал, что разница между доном Хуаном и доном Хенаро подобна разнице между днем и ночью. Дон Хенаро был день, а дон Хуан — ночь, и как таковой, он был самым пугающим существом на земле. Описание своего страха перед доном Хуаном заставило Паблито сделать некоторые замечания относительно своего собственного состояния как ученика.

— Я в самом жалком состоянии, — сказал он. — Если бы ты мог видеть, что делается в моем доме, ты бы решил, что я знаю слишком много для обычного человека, но если бы ты увидел меня с нагвалем, ты бы понял, что я не знаю ничего.

Он быстро сменил тему и стал смеяться над тем, что я делаю заметки. Он сказал, что дон Хенаро доставлял ему массу удовольствия, имитируя меня. Он сказал, что дону Хенаро я очень нравлюсь, несмотря на странности моей личности. И что он выразил это в том, что я являюсь его «протехидо».

Я впервые услышал такой термин. Он соответствовал другому термину, введенному доном Хуаном в начале нашей связи. Он сказал, что я являюсь его «эскохидо» — избранным. Слово «протехидо» означало «защищаемый».

Я спросил Паблито о его встрече с нагвалем, и он рассказал мне историю своей первой встречи с ним. Он сказал, что однажды дон Хуан дал ему корзину, которую он посчитал подарком доброй воли. Он повесил ее на крюк над дверью своей комнаты и, поскольку не мог придумать для нее в то время никакого применения, то и не вспоминал о ней весь день. Он думал, что корзина была даром силы и должна была быть использована для чего-нибудь особого.

В начале вечера, который, по словам Паблито, был для него самым опасным часом, он вошел в комнату, чтобы надеть пиджак. Он был один в доме, и собирался идти в гости. В комнате было темно. Он схватил пиджак и, когда уже подходил к двери, корзина упала перед ним и подкатилась к его ногам. Паблито сказал, что он смехом прогнал свой испуг, как только увидел, что это просто корзина, которая упала с крючка. Он нагнулся, чтобы поднять ее, и все его существо содрогнулось. Корзина отпрыгнула от него и начала трястись и визжать, как если бы кто-нибудь крутил и давил ее. Паблито сказал, что из кухни в комнату попадало достаточно света, чтобы все вокруг можно было достаточно хорошо различить. Мгновение он смотрел на корзину, хотя чувствовал, что этого делать не нужно. По корзине прошла конвульсия, как будто она тяжело дышала. Паблито утверждал, что он действительно слышал и видел, как корзина дышала, и что она была живой и гонялась за ним по всей комнате, загораживая ему выход. Он сказал, что затем корзина начала расти, раздуваясь. Все кольца бамбука разошлись, и корзина превратилась в гигантский шар, похожий на сухой куст перекати-поля, который покатился к нему. Он упал назад на пол, а шар начал взбираться по его ногам. Паблито сказал, что к этому мгновению он был уже без ума и истерически визжал. Шар пригвоздил его и двигался по ногам, как бы пронзая их иглами. Он попытался оттолкнуть его, и только тогда заметил, что шар — это лицо дона Хуана с

открытым ртом, готовым пожрать его. В этом месте он не смог выдержать ужаса и потерял сознание.

Паблито очень прямо и открыто пересказал мне серию устрашающих встреч, которые он и члены его семьи имели с нагвалем. Мы провели несколько часов, разговаривая. Казалось, что он находится в таком же положении, как и я. Однако он определенно был более чувствителен, чем я в обращении с терминологией магов.

Вдруг он поднялся и сказал, что чувствует приближение дона Хуана и не хочет оказаться тут. Он исчез с невероятной скоростью. Казалось, что-то выбросило его из комнаты. Я не успел закончить «До свидания».

Вскоре пришли дон Хуан и дон Хенаро. Они смеялись.

— Паблито бежал по дороге как душа, преследуемая дьяволом, — сказал дон Хуан.

— Почему?

— Я полагаю, он испугался, когда увидел, как Карлитос срабатывает пальцы до кости, — ответил Хенаро, насмехаясь над моим писанием.

Он подошел ко мне поближе.

— Эй! У меня есть идея, — сказал он почти шепотом. — Поскольку ты любишь так много писать, почему бы тебе не научиться писать пальцем вместо карандаша? Вот это было бы да!

Они сели у меня по бокам и смеялись, обсуждая возможность писать пальцем. Дон Хуан серьезным тоном сделал странное замечание. Он сказал:

— Нет сомнения, что он может писать пальцем, только вот сможет ли он прочесть это?

Дон Хенаро согнулся от смеха и добавил:

— Я уверен, что он может прочесть что угодно.

А затем он начал рассказывать совершенно не связанную с предыдущим историю о деревенском простачке, который стал важным чиновником во время политического переворота. Дон Хенаро сказал, что герой его истории стал полномочным министром, губернатором или даже президентом, — точно сказать он не может, потому что не знает, что именно люди делают по своей глупости. Из-за этого назначения он поверил в то, что он действительно важное лицо и научился определенному действию.

Дон Хенаро сделал паузу и посмотрел на меня с видом драматического актера, переигрывающего свою роль. Он подмигнул мне и двинул бровями вверх и вниз. Он сказал, что герой его рассказа был очень хорош на публичных сборищах и мог выдать длинную речь без всяких затруднений, но его положение обязывало, чтобы он читал свои речи по бумажке. А этот человек был неграмотный. Поэтому он использовал свои мозги, чтобы перемудрить всех. У него был лист бумаги, на котором было что-то написано, и он размахивал им, когда произносил речь. И, таким образом, его эффективность и хорошие качества были несомненными для всех простачков страны. Но однажды грамотный иностранец проходил мимо и заметил, что наш герой читает речь, держа бумажку вверх ногами. Он засмеялся и указал всем на ложь.

Дон Хенаро снова сделал паузу, искоса посмотрел на меня и продолжил: — Ты думаешь, герой попался? Нисколько. Он спокойно всех осмотрел и спросил: «Вверх ногами? О, какое значение может иметь положение бумаги, если знаешь, как читать?» И все простачки с ним согласились.

Они расхохотались. Дон Хенаро мягко похлопал меня по спине. Казалось, это я был героем его рассказа. Я почувствовал раздражение и нервно засмеялся. Я подумал, что, наверное, в этом есть скрытый смысл, но не посмел спросить.

Придвинувшись, дон Хуан наклонился и прошептал мне на правое ухо: «Не думаешь ли ты, что это забавно?»

Дон Хенаро одновременно прошептал мне на левое ухо: «Что он сказал?» Я автоматически среагировал на оба вопроса и сделал невольный синтез:

— Да. Я думаю, он сказал, что это забавно.

Очевидно они сознавали эффект своего маневра, так как смеялись до слез. Как обычно, реакция дона Хенаро была более преувеличенной. Он упал навзничь, несколько метров прополз на спине, брыкая ногами, а затем распластался на животе и стал вращаться на полу, как юла, с каждым витком приближаясь ко мне. Задев меня ногой, он рывком сел и глупо улыбнулся.

Дон Хуан держался за бока, словно от смеха у него начались колики.

Через минуту они опять наклонились надо мной и стали шептать мне в уши. Я хотел запомнить их слова, но после тщетной попытки сдался. Там было слишком много всего.

Так продолжалось, пока я снова не почувствовал, что расщеплен надвое. Как вчера, я стал дымкой, желтым туманом, который ощущал все непосредственно. Я мог «знать» вещи. Мысли здесь не участвовали. Была только уверенность. И когда у меня возникло ощущение чего-то мягкого, губчатого и пружинистого, что было вне меня и, в то же время, было частью меня, я «знал», что это дерево. Я ощущал, что это дерево, по его аромату. Оно не пахло, как какое-либо из тех конкретных деревьев, которые я мог вспомнить. Тем не менее, что-то во мне «знало», что этот особый запах был «сущностью» дерева.

У меня не было ни точного чувства знания, ни того, что мое знание от разума, ни того, что оно пришло извне. Я просто знал, что есть что-то в контакте со мной, повсюду вокруг меня. Дружественный, теплый, всеохватывающий запах, исходящий от чего-то, что не было ни твёрдым, ни жидким, ни чем-то еще. И все это, как я «знал», было деревом. Я чувствовал, что, «зная» его таким образом, я касаюсь его сущности. Это нечто не отталкивало меня, а скорее манило, приглашая к слиянию. Оно захлестывало меня или, может быть, это я захлестывал его. Между нами существовала связь, которая не была ни натянутой, ни неприятной.

А затем меня охватила волна удивления и экзальтации. Все мое существо вибрировало, словно под действием электрического тока. Это необычное ощущение было приятным, но столь неопределенным, что его невозможно было классифицировать. Тем не менее, я знал, что нахожусь в контакте с землей: какая-то часть меня признала это с совершенной уверенностью. Но

когда я сознательно попытался разобраться в потоке прямых восприятий, то немедленно потерял всякую способность дифференцировать свои ощущения.

И вдруг я снова стал самим собой. Я думал. Переход был настолько резким, что мне показалось, будто я проснулся. Но в моих ощущениях чего-то недоставало, и я понял это раньше, чем открыл глаза. Я оглянулся. Я все еще был во сне или во власти какого-то видения. Но мои мысли были необычайно ясными. У меня не было сомнений, что дон Хуан и дон Хенаро вызвали мое сноподобное состояние для какой-то определенной цели. Казалось, я вот-вот пойму, что это за цель, но в этот момент что-то заставило меня уделить внимание окружающему. Мне понадобилось долгое время, чтобы сориентироваться. Я лежал на полу на животе, и то, на чем я лежал, было совершенно непостижимым полом. Рассмотрев его, я не мог преодолеть чувства испуга и удивления. Я не мог сообразить, из чего он сделан. Нерегулярные полосы какой-то неизвестной субстанции были уложены сложнейшим, и в то же время простым образом. Они были собраны вместе, не примыкая ни к полу, ни одна к другой. Они были эластичными и поддавались, когда я пытался раздвинуть их пальцами, но как только я отпустил пальцы, они снова вернулись в свое первоначальное положение.

Я попытался встать и был охвачен совершенно невероятным расстройством органов чувств. У меня не было контроля над телом. Фактически, тело не было моим. Оно было инертным. У меня не было связи ни с одной из его частей, и когда я попытался подняться, то не смог даже двинуть руками и лишь беспомощно ворочался на животе с боку на бок. Наконец я перевалился на спину, мельком заметив две странной формы ноги и самые неправильные ступни, которые я когда-либо видел. И это было мое тело! Я, казалось, был завернут в какую-то тунику. Мне пришла в голову мысль, что я переживаю видение самого себя как калеки или какого-то инвалида. Я попытался вытянуть шею и взглянуть на свои ноги, но смог только дернуться всем телом. Я смотрел прямо на желтое небо, глубокое ярко-желто-лимонное небо. На нем были борозды или канавы более темного желтого тона и бесчисленное количество протуберанцев, которые свисали подобно каплям воды. Общий эффект от зрелища этого невероятного неба был потрясающим. Я не мог определить, были ли эти протуберанцы облаками. Там были также и районы теней разных тонов желтого цвета, которые я обнаружил, двигая головой из стороны в сторону.

Затем что-то еще привлекло мое внимание. Солнце в зените этого желтого неба висело прямо у меня над головой. Слабое солнце, судя по тому, что я мог смотреть на него. Оно излучало спокойный, однообразный белесоватый свет. Прежде, чем я успел поразмыслить над всеми этими неземными картинами, я был жестоко потрясен. Моя голова дернулась и закачалась из стороны в сторону. Я почувствовал, что меня поднимают. Я услышал резкий голос и смех и увидел потрясающее зрелище — гигантскую босоногую женщину. Ее лицо было круглым и огромным, волосы были причесаны, как у мальчика, руки и ноги были огромными. Она подняла меня и положила к себе на плечи, словно куклу. Мое тело безвольно свесилось. Я смотрел вниз на ее сильную спину, покрытую сетью мелких волокон. С высоты ее роста я снова увидел великолепный пол. Я слышал, как он эластично поддается под ее громадным весом и видел вмятины, которые оставались на нем от ее ног.

Она положила меня на живот перед каким-то огромным сооружением, своего рода зданием. Тут я заметил, что у меня было что-то не так с пространственным восприятием. Глядя на здание, я никак не мог определить его размеров. Оно то казалось мне до смешного маленьким, то, после настройки восприятия, поражало своими монументальными пропорциями.

Гигантская девица уселась рядом со мной на пол. Я прикасался к ее огромному колену. Она пахла не то конфетами, не то земляникой. Она заговорила со мной, указывая на сооружение, и я понял все, что она сказала. Она сказала, что я буду здесь жить.

Вскоре я оправился от первоначального потрясения, и моя способность к наблюдению возросла. На крыше здания я заметил четыре громадных бутафорских колонны, необыкновенно простых по форме: длинные грациозные выступы, достигавшие этого невероятного желтого неба. Эти перевернутые колонны показались мне воплощением красоты. От чувства эстетического наслаждения у меня перехватило дыхание.

Колонны казались цельными. Я не мог понять, как они сделаны. Две передние колонны соединялись тонкой перекладиной, длинной полосой, которая, как я подумал, может служить каким-нибудь проходом или верандой, выходящей с фасада.

Гигантская девица заставила меня скользнуть на спине в это сооружение.

Крыша была черной и плоской, она была покрыта симметричными дырками, которые пропускали желтоватый свет неба, образуя очень сложный рисунок. Я был поражен совершенной красотой и простотой, которая достигалась за счет этих точек желтого неба, видных сквозь точные дырки в крыше, а также рисунком тени, которые они создавали на этом великолепном сборном полу. Структура была квадратной, и. помимо ее выдающейся красоты, все было непонятно мне.

Мое состояние экзальтации было таким интенсивным, что на мгновение мне захотелось заплакать или остаться здесь навсегда. Но какая-то сила, нечто непреодолимое, начало тащить меня. Внезапно я оказался вне структуры, все еще лежа на спине. Гигантская девица была тут, но тут же находилось и другое существо — женщина, такая большая, что достигала неба, и головой была на уровне солнца. По сравнению с ней гигантская девица была маленькой девочкой. Большая женщина была сердита. Она ухватила сооружение за одну из колонн, подняла его, перевернула и поставила на пол. Это был стул!

Это соображение явилось как бы катализатором. Оно выпустило какие-то другие захлестывающие восприятия. Я прошел через серию картин, которые были разъединены, но могли быть приведены в порядок. Последовательными вспышками я увидел или понял, что непостижимый в своем великолепии пол был соломенной циновкой, желтое небо — потолком комнаты, солнце — электрической лампочкой, а сооружение, столь поразившее мое воображение — стулом, который ребенок перевернул вверх ногами, чтобы поиграть в домик.

Передо мной мелькнуло еще одно последовательное и осмысленное видение другого загадочного архитектурного сооружения монументальных размеров. Оно стояло само по себе. Оно было похоже на раковину улитки, которая стоит вверх хвостом. Стены ее были сделаны из выпуклых и вогнутых плиток какого-то странного материала. Каждая плитка имела бороздки, которые были скорее функциональными, чем просто украшениями.

Я пристально рассмотрел сооружение и обнаружил, что оно было, как и в предыдущем случае, совершенно необъяснимым. Я ожидал, что внезапно настрою свое восприятие, чтобы раскрыть истинную природу сооружения. Ничего подобного не произошло. Затем у меня последовал ряд перепутанных и

необъяснимых «осознаний» или «находок» о сооружении и его функции, которые не имели смысла, поскольку мне не с чем было его сравнивать.

Внезапно ко мне полностью вернулось мое обычное осознание. Дон Хуан и дон Хенаро были рядом со мной. Я устал. Я взглянул на свои часы — их не было. Дон Хуан и дон Хенаро прыснули в унисон. Дон Хуан сказал, что мне не следует беспокоиться о времени и что я должен сконцентрировать все свое внимание на том, чтобы следовать данным мне доном Хенаро определенным рекомендациям.

Я повернулся к дону Хенаро, и он сказал шутя, что самая важная рекомендация состояла в том, что мне следует научиться писать пальцем, чтобы сэкономить карандаши и показать себя.

Они еще некоторое время дразнили меня моими заметками, а затем я пошел спать.

Когда я проснулся на следующий день, дон Хуан и дон Хенаро выслушали детали сделанного мною по просьбе дона Хуана отчета о моем опыте.

— Хенаро чувствует, что на этот раз с тебя достаточно, — сказал дон Хуан, когда я закончил свой рассказ.

Дон Хенаро отозвался кивком.

— Какое значение имеет то, что я испытал прошлой ночью?

— Ты бросил взгляд на важнейшую проблему магии, — сказал дон Хуан. — Прошлой ночью ты заглянул в целостность самого себя. Но это, конечно, бессмысленное заявление для тебя в настоящий момент. Прибытие к целостности самого себя, очевидно, не является делом собственного решения или согласия, или собственного желания учиться. Хенаро считает, что твоему телу нужно время для того, чтобы шепот нагваля погрузился в него.

Дон Хенаро опять кивнул.

— Массу времени, — сказал он, качая головой. — Двадцать или тридцать лет, может быть.

Я не знал, как реагировать и взглянул на дона Хуана в поисках объяснений. Оба они казались серьезными.

— У меня действительно есть двадцать или тридцать лет? — спросил я.

— Конечно, нет! — закричал дон Хенаро, и они оба расхохотались.

Дон Хуан сказал, что мне следует вернуться, как только мне подскажет это внутренний голос и что до тех пор я должен «смонтировать» все те внушения, которые они делали, пока я был расщеплен.

— Как я могу это сделать? — спросил я.

— Выключая свой внутренний диалог и позволяя чему-то в себе вытекать и расширяться, — сказал дон Хуан.

— Это что-то — твое восприятие, и не пытайся разобраться, что я имею в виду. Просто позволь шепоту нагваля вести себя.

Затем он сказал, что прошлой ночью у меня было два набора совершенно различных взглядов. Один был необъяснимым, другой — совершенно естественным, и последовательность, в которой они проходили, указывает на условие, свойственное всем нам.

— Один взгляд был нагваль, другой — тональ, — добавил дон Хенаро.

Я захотел, чтобы он прокомментировал свое заявление. Он посмотрел на меня и похлопал по спине.

Дон Хуан вмешался и сказал, что первые два моих переживания были связаны с нагвалем, и что дон Хенаро выбрал дерево и землю как отправные точки. Другие два были видами тоналя, которые выбрал он сам. Одно из них было моим восприятием мира как ребенка.

— Он показался тебе чужим миром, потому что твое восприятие еще не было отшлифовано настолько, чтобы перетекать в желаемые формы, — сказал он.

— Именно таким образом я действительно видел когда-то мир? — спросил я.

— Конечно, — сказал он. — Это была твоя память.

Я спросил дона Хуана, было ли чувство эстетического восхищения, которое захватило меня, тоже частью моей памяти.

— Мы входим в эти точки зрения такими, каковы мы сегодня, — сказал он. — Ты видел эти сцены так, как ты видел бы их сегодня, но упражнение это было упражнением восприятия. Это было сценой времени, когда мир стал для тебя тем, что он есть сейчас. Временем, когда стул стал стулом.

Он не захотел обсуждать другую сцену.

— Это не было воспоминанием моего детства, — сказал я.

— Правильно, — сказал он. — Это было нечто иное.

— Было ли это чем-то таким, что я увижу в будущем?

— Будущего нет, — воскликнул он отрывисто. — Будущее — это только способ разговаривать. Для мага есть только здесь и сейчас.

Он сказал, что об этом, в сущности, нечего сказать, потому что целью упражнения было развернуть крылья моего восприятия. И что хотя я и не полетал на этих крыльях, тем не менее, коснулся четырех точек, которых было бы немыслимо достичь с точки зрения обычного восприятия.

Я начал собирать вещи к отъезду. Дон Хенаро устроил клоунаду, помогая мне упаковывать блокнот. Он положил его на дно моего саквояжа.

— Ему будет там тепло и удобно, — сказал он и подмигнул. — Во всяком случае, ты можешь быть уверен, что он не простудится.

Затем дон Хуан, казалось, изменил свое намерение относительно моего отъезда и начал говорить о моем опыте. Я автоматически попытался выхватить свой саквояж из рук дона Хенаро, но он уронил его на пол прежде, чем я к нему прикоснулся. Дон Хуан говорил, повернувшись ко мне спиной. Я

расстегнул саквояж и начал поспешно рыться в поисках своего блокнота. Дон Хенаро действительно запаковал его так туго, что было страшно трудно добраться до него. Наконец, я вынул его и начал писать. Они смотрели на меня.

— Ты в ужасном положении, — сказал дон Хуан. — Ты тянешься к своему блокноту, как пьяница к бутылке.

— Как любящая мать тянется к своему ребенку, — бросил дон Хенаро.

— Как священник хватается за свое Распятие, — добавил дон Хуан.

— Как женщина хватается за свои трусы, — закричал дон Хенаро.

Они продолжали и продолжали, приводя сравнения и, завывая от смеха, пока провожали меня к машине.

Часть третья. Объяснение магов

Глава 1. Три свидетеля нагваля

По возвращении домой я опять столкнулся с необходимостью привести в порядок свои полевые записки. То, что заставили меня испытать дон Хуан и дон Хенаро, стало еще более явным, когда я пересмотрел прошедшие события. Однако я заметил и нечто новое. Моя обычная реакция, прежде проявляющаяся в месяцах испуга и ошеломления после таких поездок, на этот

раз не была такой интенсивной. Несколько раз я нарочно попытался вызвать обычные ранее спекуляции или даже жалость к самому себе, но всему этому чего-то недоставало. Я намеревался также записать ряд вопросов, чтобы задать их дону Хуану, дону Хенаро или даже Паблито. Проект отпал сам собой, прежде чем я за него принялся. Что-то во мне противилось желанию впасть в настроение усложнения и расследования.

Я не стремился вернуться назад к дону Хуану и дону Хенаро, но и не боялся такой возможности. Но вот однажды я просто почувствовал, совершенно непредвиденно для самого себя, что пришло время их повидать.

Прежде каждый раз, когда я собирался поехать в Мексику, у меня всегда была необходимость задать дону Хуану тысячу важных и неотложных вопросов. На этот раз ничего такого не было. Обработав свои заметки, я как бы освободил себя от прошлого и стал готов для «здесь и сейчас» мира дона Хуана и дона Хенаро.

Мне пришлось ждать лишь несколько часов, пока дон Хуан «нашел» меня на базаре маленького городка в центральной Мексике. Он очень тепло приветствовал меня и, как бы невзначай, сказал, что до поездки к дому дона Хенаро ему хотелось бы навестить учеников дона Хенаро — Паблито и Нестора. Когда я свернул с шоссе, он сказал, чтобы я пристально следил за любым необычным явлением или предметом у дороги или на самой дороге. Я попросил его уточнить, что он имеет виду.

Не могу, — сказал он. — Нагваль не нуждается в точных объяснениях.

Я затормозил, автоматически среагировав на его ответ. Он громко засмеялся и сделал мне знак рукой, чтобы я продолжал ехать. Когда мы приблизились к городу, где жили Паблито и Нестор, дон Хуан сказал, чтобы я остановил машину. Он незаметно указал движением подбородка в сторону средних размеров валунов у края дороги.

— Там нагваль, — сказал он шепотом.

Я ожидал увидеть дона Хенаро, но вокруг никого не было. Я снова взглянул на валуны, а затем осмотрел весь участок вокруг них. В поле зрения ничего такого не было. Я напрягал глаза, чтобы различить хоть что-нибудь —

маленькое животное, насекомое, тень, странное образование камней — хоть что-нибудь необычное. Через минуту я сдался и обернулся к дону Хуану. Он выдержал мой вопросительный взгляд без улыбки, а затем мягко толкнул мою руку тыльной стороной ладони, чтобы я опять взглянул на валуны. Я уставился на них. Потом дон Хуан вышел из машины и сказал, чтобы я шел следом и осмотрел их.

Мы медленно поднялись по пологому склону до подножия скал. На секунду остановившись, он прошептал мне в правое ухо, что нагваль ждет меня прямо на этом месте. Я сказал ему, что, несмотря на все мои старания, я могу различить только камни, несколько пучков травы и кактус. Однако он настаивал, что нагваль тут и ждет меня.

Он приказал мне сесть, выключить внутренний диалог и удерживать несфокусированные глаза на вершине валуна. Он сел рядом со мной и, приложив губы к моему правому уху, прошептал, что нагваль видит меня, что он здесь, хотя я и не могу его визуализировать. Он сказал, что все дело лишь в том, что я не могу полностью выключить свой внутренний диалог. Я слышал каждое слово, произносимое им в полной тишине. Все было понятно, тем не менее, ответить я не мог. Было невозможно сделать усилие, чтобы говорить и думать. Моей реакцией на его замечания были не мысли в прямом смысле слова, но скорее законченные единицы ощущений. Они имели все оттенки значения, которое я обычно связывал с мышлением.

Он прошептал, что очень трудно самому нащупать путь к нагвалю и что мне просто повезло встретиться с бабочкой и ее песней. Он сказал, что если я вспомню зов бабочки, то смогу вернуть ее назад, чтобы она помогла мне.

То ли его слова были сверхсильным внушением, то ли, может быть, я вспомнил то перцептивное явление, которое он называл «зов бабочки», но как только он прошептал это, стали слышны необычные воркующие звуки. Богатство оттенков этого звука создавало впечатление, что я нахожусь в огромном пустом зале. По мере приближения или нарастания звука я обнаружил в состоянии какого-то полусна, что над вершинами валунов что-то движется. Движение испугало меня так сильно, что я немедленно восстановил свое кристально чистое сознание. Мои глаза остановились на валунах. На одном из них сидел дон Хенаро! Пятками своих ботинок он стучал по камню, производя ритмичный звук, который был синхронизирован с «зовом

бабочки». Он улыбнулся и помахал мне рукой. Я пытался думать разумно. Мне хотелось понять, каким образом он там оказался, или каким образом я вижу его там. Но полностью включить разум мне не удавалось. В данных обстоятельствах я мог только смотреть на него. Он сидел, улыбаясь и помахивая рукой.

Через секунду он, казалось, приготовился соскользнуть по валуну. Я увидел, как он напряг ноги, подготовив ступни к приземлению на твердую почву, и выгнул спину, почти коснувшись поверхности камня, чтобы развить скользящую инерцию. Но посреди спуска его тело остановилось. Мне показалось, что оно прилипло. Он пару раз брыкнул обеими ногами, как бы плавая в воде. Казалось, он пытается освободиться от чего-то, что поймало его сзади за штаны. Он отчаянно тер свои ягодицы обеими руками. У меня действительно возникло впечатление, что он схвачен очень болезненно. Я хотел подбежать к нему и помочь, но дон Хуан схватил меня за руку. Я услышал, как он говорит мне, задыхаясь от смеха:

— Следи за ним, следи!

Дон Хенаро брыкался, извивался всем телом и раскачивался из стороны в сторону, как бы пытаясь освободиться от гвоздя. Затем я услышал громкий хлопок, и он скользнул или был брошен туда, где стояли мы с доном Хуаном. Он приземлился на ноги в четырех-пяти футах от меня. Он тер свои ягодицы и танцевал от боли, выкрикивая ругательства.

— Скала не хотела меня отпускать и схватила за жопу, — сказал он ноющим тоном.

Я испытал ощущение ни с чем не сравнимой радости и громко засмеялся. Мое веселье, как я заметил, было равно моей ясности мысли. В этот момент я был охвачен общим чувством огромного осознания. Все вокруг для меня было совершенно ясным. До этого я был сонным или рассеянным из-за своего внутреннего молчания, но затем что-то в облике дона Хенаро создало ощущение, что все освещено.

Дон Хенаро продолжал тереть ягодицы и прыгать еще некоторое время. Затем он бросился к моей машине, открыл дверцу и забрался на заднее сидение. Я автоматически повернулся, чтобы заговорить с доном Хуаном, но его нигде не

было видно. Я начал громко звать его. Дон Хенаро вышел из машины, начал бегать вокруг нее кругами и тоже выкрикивать имя дона Хуана высоким отчаянным голосом. Только увидев это, я сообразил, что он подражает мне. Я так испугался, обнаружив, что оказался наедине с доном Хенаро, что совершенно бессознательно обежал вокруг машины, выкрикивая имя дона Хуана.

Дон Хенаро сказал, что мы захватим Паблито и Нестора, и что дон Хуан будет ждать нас где-нибудь по пути. Оправившись от первоначального испуга, я сказал, что рад его видеть. Дон Хенаро прошелся по поводу моей реакции. Он съязвил, что дон Хуан для меня скорее не как отец, а как мать, после чего отпустил несколько забавных шуточек насчет «матерей». Я так смеялся, что даже не заметил, как мы подъехали к дому Паблито. Дон Хенаро велел мне остановиться и выйти из машины. Паблито стоял у двери. Он подбежал и забрался на переднее сидение.

— Поехали к дому Нестора, — сказал он, как если бы мы очень спешили.

Я оглянулся, чтобы взглянуть на дона Хенаро. Его нигде не было. Паблито умоляющим тоном просил меня поторопиться.

Мы подъехали к дому Нестора. Он тоже ждал у дверей. Мы вышли из машины. У меня было ощущение, что они знают, что происходит.

— Куда мы едем? — спросил я.

— Разве Хенаро не сказал тебе? — спросил Паблито с оттенком недоверия.

Я заверил их, что мне никто ничего не говорил.

— Мы едем к месту силы, — сказал Паблито.

— Что мы собираемся там делать? — спросил я.

Они оба в один голос сказали, что не знают. Нестор добавил, что дон Хенаро велел им проводить меня к тому месту.

— Ты едешь из дома Хенаро? — спросил меня Паблито.

Я заметил, что был с доном Хуаном и доном Хенаро и что дон Хуан оставил меня с доном Хенаро на дороге.

— Куда делся дон Хенаро? — спросил я Паблито.

Но Паблито не знал, о чем я говорю. Он не видел дона Хенаро в моей машине.

— Я думаю, у тебя в машине был нагваль, — сказал Нестор испуганно.

Он не захотел сесть сзади и вместе с Паблито втиснулся на переднее сиденье.

Мы ехали в молчании, за исключением нескольких коротких указаний Нестора относительно направления.

Я хотел подумать о событиях сегодняшнего утра, но каким-то образом знал, что любая попытка объяснить их была бы с моей стороны бесплодным индульгированием. Я постарался вовлечь в разговор Паблито и Нестора. Они сказали, что очень нервничают внутри машины и не могут говорить. Я довольствовался этим чистосердечным ответом и больше не трогал их.

После полуторачасовой езды я остановил машину у дороги. Мы взобрались по крутому склону большой горы. Около часа мы шли в молчании с Нестором во главе, а затем остановились у подножия огромного утеса, который был, вероятно, свыше двухсот футов высотой и почти совершенно отвесным. Нестор сканировал землю полуприкрытыми глазами, отыскивая подходящее место для привала. Я болезненно сознавал, что он неуклюж в выполнении этой техники. Паблито, который находился рядом со мной, несколько раз был на грани того, чтобы выступить вперед и поправить его, но удержался и расслабился.

Затем, после минутного колебания Нестор выбрал место. Паблито с облегчением вздохнул. Я тоже знал, что место, выбранное Нестором, было правильным. Но я не мог понять, откуда я знаю это. Таким образом, я вовлек себя в псевдопроблему, воображая, какое бы место я выбрал сам, если бы вел их. Однако я не успел даже начать спекулировать по поводу этой проблемы, так как Паблито явно осознавал мое занятие.

— Ты не должен этого делать, — прошептал он мне.

Я засмеялся с некоторым раздражением, как будто меня поймали на чем-то неприличном. Паблито засмеялся тоже и сказал, что дон Хенаро всегда ходил с ними обоими по горам, и время от времени давал кому-нибудь из них возможность вести. Поэтому он знал, что нет никакого способа сделать так, как я хотел.

— Дело в том, что есть или плохой, или хороший выбор, — сказал он. — Когда ты сделал неправильный выбор, твое тело знает это точно, как и тело каждого другого. Но если ты сделал правильный выбор, то тело это знает и расслабляется, вообще забывая о том, что здесь был выбор. Видишь ли, ты перезарядил свое тело, как ружье для следующего выбора. Если ты хочешь использовать его вновь, чтобы оно сделало тот же самый выбор, то оно не сработает.

Нестор посмотрел на меня. Он явно любопытствовал насчет моих заметок. Он утвердительно кивнул, как бы соглашаясь с Паблито, а затем впервые за все время улыбнулся. Два его передних зуба были кривыми. Паблито объяснил, что Нестор не был ни злым, ни мрачным. Он просто стыдился своих зубов, и по этой причине он никогда не улыбался. Нестор засмеялся, прикрывая свой рот. Я сказал ему, что могу направить его к дантисту, который выправит ему зубы. Он принял мое предложение за шутку, и они засмеялись, как два ребенка.

— Хенаро говорит, что он должен преодолеть чувство стыда сам, — сказал Паблито. — Кроме того, Хенаро говорит, что ему повезло. Ведь тогда как все кусают одинаково, Нестор может расщеплять кости вдоль своими сильными кривыми зубами, и он может прокусить дырку в твоем пальце, как гвоздем.

Нестор раскрыл рот и показал мне свои зубы. Левый резец и клык росли боком. Он заклацал зубами и завыл по-собачьи, сделав два или три смешных выпада в мою сторону. Паблито смеялся.

Я никогда не видел Нестора таким легким. За те несколько раз, что я бывал с ним в прошлом, он произвел на меня впечатление человека среднего возраста. Когда же сейчас он сидел здесь, улыбаясь своими кривыми зубами, я поразился тому, как молодо он выглядит. Он казался юношей, которому

только что за двадцать.

Паблито и на этот раз безошибочно прочел мои мысли.

— Он теряет чувство собственной важности, — сказал он. — Вот почему он моложе.

Нестор утвердительно кивнул, не говоря ни слова, и вдруг очень громко выпустил газы. От неожиданности я выронил свой карандаш.

Паблито и Нестор чуть не умерли от смеха. Когда они успокоились, Нестор подошел ко мне и показал самодельную игрушку, которая издавала особый звук, когда ее сдавливали рукой. Он объяснил, что Хенаро показал ему, как ее сделать. Она имела небольшие меха, а вибратор изготавливался из любого листика, который помещался в щелку между двумя кусочками дерева, служившими зажимом. Нестор сказал, что звук, который он производит, зависит от типа листа, используемого как вибратор. Предложив мне испытать ее, он показал, как нажимать на компрессор, чтобы производить звук определенного типа, и как открывать ее, чтобы менять листик для воспроизведения другого звука.

— Для чего ты это используешь? — спросил я.

Они переглянулись.

— Это ловец духов, дурень, — сказал Паблито отрывисто. Его тон был резким, но улыбка — дружеской. Оба они сочетали в себе очень странную нервирующую смесь дона Хенаро с доном Хуаном.

Мной овладела страшная мысль. А что, если дон Хенаро и дон Хуан разыгрывают меня? Я пережил момент неподдельного ужаса. Но что-то щелкнуло у меня в животе, и я мгновенно успокоился. Я знал, что Паблито и Нестор используют дона Хенаро и дона Хуана как модели поведения. Я также обнаружил, что веду себя во все большей и большей степени подобно им.

Паблито сказал, что Нестору повезло, что у него есть ловец духов. У него самого такого нет.

— Что мы будем здесь сейчас делать? — спросил я Паблито. Ответил Нестор, как если бы я обращался к нему.

— Хенаро сказал, что нам нужно ждать здесь, и пока мы будем ждать, мы должны смеяться и развлекать друг друга.

— Как долго, по-твоему, нам придется здесь ждать? — спросил я.

Он не ответил. Покачав головой, он взглянул на Паблито, как бы спрашивая его.

— Понятия не имею, — ответил Паблито.

Затем мы оживленно заговорили о сестрах Паблито. Нестор дразнил его, что у его старшей сестры такой злой взгляд, что она способна им убивать клопов. Он сказал, что Паблито боится ее: она так сильна, что однажды в порыве злости вырвала клок волос у него на голове, как будто это были куриные перья.

Паблито заключил, что его старшая сестра была зверем, но что «нагваль» остановил ее и привел в норму. После, того, как он рассказал мне, как ее заставили вести себя хорошо, я сообразил, что Паблито и Нестор ни разу не упомянули имя дона Хуана, упоминая о нем как о «нагвале». Очевидно, дон Хуан вмешался в жизнь Паблито и привел всех его сестер к более гармоничной жизни. Паблито сказал, что после того, как «нагваль» поработал с ними, они стали как святые.

Нестор пожелал узнать, что я делаю со своими заметками. Я объяснил ему суть своей работы. Как ни странно, но мне казалось, что они искренне заинтересованы. В конце концов, я стал говорить об антропологии и философии. Я чувствовал себя смешным и хотел остановиться, но втянулся в свои просветительские речи и не мог сразу оборвать их. У меня было неприятное ощущение, что оба они вместе каким-то образом заставили меня давать им все эти длинные объяснения. Их глаза были сфокусированы на мне. Казалось, это их не утомляло и не раздражало.

Посреди фразы я вдруг услышал слабый звук «зова бабочки». Мое тело напряглось, и я сразу же переключился.

— Нагваль здесь, — сказал я автоматически.

Паблито и Нестор обменялись взглядами, которые, как мне показалось, были чистым ужасом. Они прыгнули ко мне, прижавшись с обеих сторон боками. Их рты были открыты, они казались испуганными детьми.

Затем я испытал невообразимое ощущение. Мое левое ухо начало двигаться. У меня было такое чувство, что оно крутится само по себе. Оно практически повернуло мою голову на пол-оборота до тех пор, пока я не оказался лицом к востоку. Голова дернулась слегка вправо. В этой позе я был способен замечать богатство рокочущего звука «зова бабочки». Он звучал, как если бы был где-то далеко, доносясь с северо-востока. Как только я уловил это направление, мое ухо различило невероятное количество звуков, однако я не знал, было ли это лишь воспоминанием о звуках, которые я слышал ранее, или же действительно существующими звуками.

Место, где мы находились, было пересеченным западным склоном горного хребта. К северо-востоку находились рощи деревьев и пятна горного кустарника. Мое ухо, казалось, улавливало звук чего-то тяжелого, движущегося по камням и идущего с того направления. Нестор и Паблито то ли реагировали на мои действия, то ли сами слышали эти звуки. Мне хотелось спросить их об этом, но я не смел, или, может быть, был не в состоянии нарушить концентрацию.

Нестор и Паблито прижимались ко мне по бокам. Звук становился все громче и громче. На Нестора он, казалось, влиял больше всего. Его тело непроизвольно дрожало. В какой-то момент моя левая рука начала подергиваться. Она поднималась помимо моей воли до тех пор, пока не оказалась на уровне лица, а затем указала в сторону кустов. Я услышал вибрирующий звук или рев. Он был мне знаком, этот звук. Я слышал его много лет назад под воздействием психотропного растения. В кустах я различил гигантскую черную форму. Казалось, что сами кусты постепенно становились все темнее, пока не превратились в сплошную черноту. Эта чернота не имела определенных очертаний, но она двигалась. Она, казалось, дышала. Я услышал потрясающий вопль, который смешался с криками ужаса Паблито и Нестора, и кусты — или черная форма, в которую они превратились, — полетели прямо на нас.

Я не смог удержать равновесия. Каким-то образом что-то во мне сдало. Темная фигура накрыла нас, а затем поглотила. Все вокруг сразу же потускнело, как если бы вдруг наступили сумерки. Я чувствовал головы Паблито и Нестора у себя подмышками. Я опустил руки на их головы бессознательным защитным жестом и, переворачиваясь, полетел на землю.

Однако я не достиг каменистой земли, потому что через мгновение каким-то образом оказался вновь стоящим с Паблито и Нестором по бокам. Оба они, казалось, сжались, несмотря на то, что были выше меня, согнув ноги и спины так, что их головы были у меня подмышками.

Перед нами стояли Дон Хуан и дон Хенаро. Глаза дона Хенаро сверкали, как глаза кошки ночью. Глаза дона Хуана светились точно так же. Я никогда не видел, чтобы дон Хуан выглядел подобным образом. Он был действительно устрашающим. Еще более пугающим, чем дон Хенаро. Он казался моложе и сильнее, чем обычно. Глядя на них, я испытывал безумное чувство, что они не были людьми, как я.

Паблито и Нестор тихо скулили. Тогда дон Хенаро сказал, что мы представляем собой картину святой троицы. Я был Отец, Паблито — Сын, а Нестор — Дух Святой. Дон Хуан и дон Хенаро рассмеялись гулкими голосами. Паблито и Нестор жалко улыбнулись.

Дон Хенаро сказал, что мы должны разорвать свои объятия, потому что объятия позволительны только между мужчиной и женщиной или между мужчиной и его осликом.

Тут я сообразил, что стою на том же месте, где и раньше, и что я, очевидно, вовсе не падал назад, как мне показалось. Нестор и Паблито тоже были там же, где и раньше.

Дон Хенаро сделал знак Паблито и Нестору движением головы, и дон Хуан велел мне следовать за ними. Нестор пошел вперед и указал место, где сидеть мне, и другое — для Паблито. Мы сели на одной линии, примерно в пятидесяти ярдах от подножья утеса, где стояли дон Хуан и дон Хенаро. Пока я продолжал на них смотреть, мои глаза невольно вышли из фокуса. Я определенно знал, что раскосил их, потому что увидел их как четверых. Затем

картина дона Хуана в левом глазу наложилась на картину дона Хенаро в правом. Результатом такого смешения было то, что я увидел радужное светящееся существо, стоящее между доном Хуаном и доном Хенаро. Это не был человек, какими я обычно видел людей. Скорее, это был шар белого огня. Что-то вроде волокон света покрывало его. Я встряхнул головой. Двойное изображение рассеялось, и все же вид дона Хуана и дона Хенаро как светящихся существ остался. Я видел два странных удлиненных светящихся предмета. Они походили на два радужных мяча для регби с нитями, которые обладали собственным свечением.

Два светящихся существа встряхнулись. Я действительно видел, как встряхнулись их нити, а затем они исчезли из виду. Они были втянуты наверх длинной нитью паутины, которая, казалось, вылетела с вершины утеса. У меня было такое ощущение, что длинный луч света или сверкающая нить упала со скалы и подняла их. Я воспринял событие своими глазами и всем своим телом. Я смог также наметить огромные противоречия в своем способе восприятия. Но я не был способен рассуждать, об этом, как сделал бы обычно. Таким образом, я осознавал, что смотрю прямо на основание утеса, и в то же время видел дона Хуана и дона Хенаро на вершине, как если бы задрал голову на 45°.

Я хотел было испугаться, закрыть лицо руками и заплакать, или сделать еще что-нибудь из круга моих обычных реакций, но, казалось, был заперт. Мои желания не были мыслями в обычном понимании этого слова. Поэтому они не могли пробудить эмоциональный отклик, который я привык вызывать в себе.

Дон Хуан и дон Хенаро прыгнули на землю. Я знал, что они это сделали, судя по всепоглощающему чувству падения, которое я ощутил в своем животе.

Дон Хенаро остался на месте их приземления, а дон Хуан подошел к нам и сел позади и справа от меня. Нестор сидел скорчившись. Его ноги были подтянуты к животу, подбородок он положил на сцепленные ладони. Его локти служили поддержкой, опираясь на колени. Паблито сидел, слегка наклонившись вперед всем телом, прижав руки к животу. Тут я заметил, что тоже прижал руки к животу и держу себя за кожу на боках. Я схватил себя так сильно, что бока болели.

Дон Хуан заговорил сухим шепотом, обращаясь ко всем.

— Вы должны фиксировать свой взгляд на нагвале, — сказал он. — Все мысли и слова должны быть смыты прочь.

Он повторил это пять или шесть раз. Его голос был странным, чужим. Он вызывал у меня реальное ощущение чешуек на коже ящерицы. Это сходство было чувством, а не сознательной мыслью. Каждое его слово отделялось, как чешуйка. В том, как он произносил слова, был какой-то волшебный ритм. Они были приглушенными, сухими, как тихое покашливание. Ритмичный шепот, превращенный в приказ.

Дон Хенаро стоял неподвижно. Когда я смотрел на него прямо, я не мог удерживать превращенный образ, и мои глаза невольно скосились. В этом состоянии я опять заметил странное свечение в теле дона Хенаро. Мои глаза начали закрываться. Дон Хуан пришел ко мне на помощь. Я услышал, как он приказывает мне не скашивать глаза. Я почувствовал мягкий удар по голове. Очевидно, он бросил в меня камнем. Я увидел, как камешек качнулся пару раз на скале около меня. Точно так же, должно быть, он стукнул Паблито и Нестора. Я слышал звук двух других камешков, упавших в траву. Дон Хенаро принял странную танцевальную позу. Его колени были подогнуты, руки расставлены по бокам, пальцы растопырены. Казалось, он собирается вертеться. И действительно, он крутнулся пару раз вокруг себя, а затем поднялся вверх. У меня было отчетливое восприятие, что он был прикреплен к нити какой-то гигантской гусеницы, и эта нить подняла его тело на самую вершину утеса.

Мое восприятие движения вверх было сложной смесью зрительных и телесных ощущений. Я наполовину видел, наполовину чувствовал его полет на скалу. Было что-то, что выглядело и ощущалось подобно почти незаметной линии света, которая тащила его. Я не видел его полета вверх в том смысле, в каком бы я мог наблюдать за полетом птицы. В его движениях не было линейной последовательности. Мне не нужно было поднимать голову, чтобы удерживать его в поле зрения. Я увидел, как нить поднимает его. Затем я ощутил движение в своем теле или своим телом, и в следующее мгновение он уже был на вершине утеса в сотнях футов над землей.

Через несколько минут он спикировал вниз. Я чувствовал его падение и невольно застонал.

Дон Хенаро повторил свое действие три или четыре раза. С каждым разом мое восприятие настраивалось. Во время его последнего прыжка вверх я мог реально различить серию линий, выходящих из средней части его тела. Когда он собирался прыгнуть вверх, линии изгибались вверх. Обратное происходило, когда он собирался спрыгнуть вниз.

После своего четвертого прыжка дон Хенаро подошел к нам и уселся позади Паблито и Нестора. Затем дон Хуан вышел вперед и остановился там, где раньше был дон Хенаро. Некоторое время он стоял неподвижно. Дон Хенаро дал несколько коротких указаний Паблито и Нестору. Я не понял, что он им сказал. Взглянув на них, я увидел, что он заставил каждого взять камень и приложить к телу в районе пупка. Я не знал, нужно ли мне делать то же, но он сказал, что предупреждение ко мне не относится, но следует приготовить камень и мне на случай, если я почувствую себя плохо. Дон Хенаро выставил подбородок вперед, показывая, что я должен смотреть на дона Хуана. Затем он сказал что-то неразборчивое. Он опять повторил это, и хотя я и не понял его слов, я понял, что это та самая формула, которую говорил дон Хуан. Слова действительно не имели значения. Значения имели ритм, сухость тона, покашливающий характер фразы. У меня была убежденность, что какой бы там язык Хенаро ни использовал, но он был более подходящим, чем испанский, из-за его отрывистого ритма.

Дон Хуан сделал все так же, как вначале делал дон Хенаро, но затем, вместо того, чтобы прыгнуть вверх, он стал вращаться, как гимнаст. Полусознательно я ожидал, что он приземлится на ноги, но он этого не сделал. Его тело продолжало раскачиваться в нескольких футах над землей. Вначале круги были быстрыми, но затем они замедлились. С того места, где я находился, я мог видеть, что тело дона Хуана висит подобно телу дона Хенаро, на нитевидном волокне света. Он медленно вращался, как бы давая всем нам хорошенько рассмотреть его. Затем он начал подъем. Он набирал высоту до тех пор, пока не достиг вершины утеса. Дон Хуан действительно парил, как если бы не имел веса. Его повороты были медленными и напоминали движения космонавта, вращающегося в космосе в состоянии невесомости.

Пока я следил за ним, у меня закружилась голова. Это мое чувство, казалось, подхлестнуло его, и он начал кружить на большой скорости. Он отлетел от утеса, и когда он набрал скорость, я почувствовал себя совершенно ужасно. Я

схватил камень, прижал его к животу и вжимал его в тело так сильно, как только мог. Это чуточку улучшило мое состояние. Действие прижимания камня к животу дало мне секундную паузу, и хотя я не отводил глаз от дона Хуана, но каким-то образом нарушил свою концентрацию. Перед тем как потянуться за камнем, я почувствовал, что скорость, которую набрало его парящее тело, размыла его очертания. Он был похож на вращающийся диск, а затем на кружащийся огонь. После того, как я прижал камень к животу, его скорость уменьшилась. Он походил на шляпу, порхающую в воздухе, на воздушного змея, ныряющего вверх и вниз.

Движения воздушного змея были особенно беспокоящими. Мне стало неконтролируемо плохо. Я услышал, как птица захлопала крыльями, и после секундной неуверенности понял, что событие закончилось.

Мне было настолько плохо и я так устал, что лег на спину и закрыл глаза. Должно быть, на минуту я задремал и очнулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Это был Паблито. Он отчаянным голосом умолял меня не спать, потому что если я засну, то все мы погибнем, и настаивал, чтобы мы немедленно покинули это место, даже если нам придется тащиться на четвереньках. Вид у него тоже был крайне измученный. Перспектива идти в темноте к машине казалась мне ужасающей, и я попытался убедить Паблито, что будет лучше, если мы проведем ночь здесь. От этого он пришел в еще большее отчаяние. Нестору было так плохо, что он был ко всему безразличен.

Паблито опустился на землю в состоянии полнейшего отчаяния. Я попытался собраться с мыслями. К этому времени стало совсем темно, хотя света было еще достаточно, чтобы различать камни вокруг нас. Полная тишина вокруг нас была в одно и то же время и успокаивающей и тревожной. Я почти наслаждался моментом, но вдруг мое тело непроизвольно подскочило: послышался отдаленный звук сломанной ветки. Я машинально повернулся к Паблито — казалось, он знал, что произошло. Мы подхватили Нестора подмышки, практически взвалили на себя и побежали. Нестор, похоже, был единственным, кто знал дорогу. Время от времени он слабым голосом давал нам короткие команды.

Мое внимание, однако, было сосредоточено не на том, что мы делаем, а на моем левом ухе, которое казалось независимой единицей. Какое-то внутреннее чувство заставляло меня время от времени останавливаться и сканировать

окружающее этим своим ухом. Я знал, что нас преследует что-то массивное: приближаясь, оно дробило мелкие камни.

Нестор до какой-то степени пришел в себя и шагал самостоятельно, лишь иногда держась за руку Паблито. Мы добрались до группы деревьев. К этому времени стало совершенно темно. Я услышал громкий, исключительно резкий треск: словно щелкнул гигантский бич, обрушившийся на вершины деревьев. Я почувствовал нечто вроде упругой волны, разрывающей воздух над головой.

Паблито и Нестор взвизгнули и помчались прочь, что есть мочи. Я хотел остановить их, так как не был уверен, что сам смогу бежать в темноте. Но тут вдруг я услышал серию тяжелых вздохов справа от себя. Мой испуг был неописуемым. Мы все втроем побежали и достигли машины. Нестор вел нас каким-то неизвестным путем.

Я думал, что сначала развезу их по домам, а затем вернусь в город, в гостиницу, так как ни за что на свете я не поехал бы сейчас к дому дона Хенаро. Но Нестор не хотел вылезать из машины, не хотел и Паблито, да и я тоже не хотел оставаться один, и поэтому все кончилось тем, что мы остановились у дома Паблито. Он послал Нестора купить пива и содовой, пока его мать и сестры готовили нам еду. Нестор пошутил, не сможет ли его сопровождать старшая сестра Паблито на случай нападения на него собак или пьяниц. Паблито засмеялся и сказал мне, что Нестор был ему доверен.

— Кем он был тебе доверен?

— Силой, конечно, — ответил он. — Одно время Нестор был старше меня, но Хенаро с ним что-то сделал, и теперь он намного моложе. Ты заметил это, не так ли?

— Что сделал дон Хенаро?

— Ты знаешь, он опять сделал его ребенком. Нестор был слишком важным и тяжелым. Он бы умер, если бы снова не стал молодым.

В Паблито действительно было что-то милое и приятное. Простота его объяснения поразила меня. Нестор, на самом деле, не только выглядел

моложе, но и вел себя как невинный ребенок. Я знал без тени сомнения, что он искренне чувствует себя таким.

— Я забочусь о нем, — продолжал Паблито. — Хенаро сказал, что почетно заботиться о воине. Нестор — прекрасный воин.

Его глаза сияли, как у Хенаро. Он энергично похлопал меня по спине и засмеялся.

— Пожелай ему всего хорошего, Карлитос, — сказал он. — Пожелай ему.

Я очень устал. Меня затопила волна странной счастливой печали. Я сказал ему, что прибыл из такого места, где люди редко, если вообще когда-нибудь, желают друг другу всего хорошего.

— Я знаю, — сказал он. — Так было и со мной. Но сейчас я воин, и могу позволить себе желать ему хорошего.

Глава 2. Стратегия мага

Когда ранним утром я добрался до дома дона Хенаро, дон Хуан был там.

— Послушай, что с тобой произошло? Мы с Хенаро ждали тебя всю ночь, — сказал он.

Я знал, что он шутит. Я чувствовал себя легко и счастливо. До сих пор я упорно отказывался размышлять о вчерашних событиях, однако на этот раз любопытство оказалось сильнее меня, и я спросил его об этом.

— А! Это была простая демонстрация того, что тебе следует знать до того, как ты получишь объяснение магов, — сказал он. — Вчера ты действовал хорошо. Поэтому Хенаро почувствовал, что ты накопил достаточно силы, чтобы

взяться за настоящую вещь. Очевидно, ты последовал его рекомендациям. Вчера ты дал крыльям своего восприятия развернуться. Хотя ты и был застывшим, но зато воспринял все приходы и уходы нагваля. Другими словами, ты видел. Кроме того, тебе удалось нечто, в настоящее время даже более важное, чем видение, — ты сумел удерживать непоколебимое внимание на нагвале. Именно это и решит исход последней проблемы — объяснения магов.

Паблито и ты пройдете через него в одно мгновение. Находиться в сопровождении такого прекрасного воина — подарок силы.

Казалось, это все, что он хотел сказать. Через некоторое время я спросил его о доне Хенаро.

— Он поблизости, — сказал дон Хуан. — Он пошел в кусты, чтобы потрясти горы.

В этот момент я услышал отдаленный грохот, как бы приглушенный гром.

Дон Хуан посмотрел на меня и засмеялся. Он усадил меня и спросил, ел ли я. Я уже поел, и поэтому он вручил мне мой блокнот и отвел к любимому месту дона Хенаро — к большому камню с западной стороны дома, с которого открывался вид на глубокий овраг.

— Сейчас пришел момент, когда мне необходимо твое полное внимание. Внимание в том смысле, в каком воины понимают внимание: настоящая пауза, чтобы позволить объяснению магов полностью впитаться в тебя. Мы близки к завершению своей задачи. Все необходимые инструкции ты уже получил, и сейчас тебе нужно остановиться, оглянуться назад и пересмотреть свои шаги. Маги говорят, что это единственный способ утвердить свои достижения. Я определенно предпочел бы тебе рассказать все это на твоем собственном месте силы, но Хенаро является твоим бенефактором, и его место в подобном случае может оказаться для тебя более благоприятным.

Мое «место силы», о котором он говорил, было вершиной холма в пустыне северной Мексики, которую он мне не раз показывал, и которую однажды «отдал» мне во владение.

— Должен ли я слушать, не записывая?

— Это действительно хитрый маневр, — сказал он. С одной стороны — мне необходимо твое полное внимание, а с другой — тебе необходимо быть спокойным и уверенным в себе. У тебя есть единственный способ достичь этого легко — это писать. Поэтому пришло время собрать всю твою личную силу и выполнить непосильную задачу: быть самим собой, не будучи самим собой.

Он хлопнул себя по ляжкам и засмеялся.

— Как ты уже знаешь, я отвечаю за твой тональ, а Хенаро — за твой нагваль, — продолжал он. — Моей обязанностью было помогать тебе во всем, что относится к твоему тоналю. И все мои действия в отношении тебя служили одной-единственной цели — чистке и приведению в порядок твоего острова тональ. Это была моя работа как твоего учителя. Задача Хенаро как твоего бенефактора состояла в том, чтобы дать тебе бесспорные демонстрации нагваля и показать, как в него входить.

— Что ты имеешь в виду под чисткой и приведением в порядок острова тональ?

— Я имею в виду полное изменение, о котором твержу с первого дня нашей встречи, — сказал он. — Я много раз говорил тебе, что необходимо измениться самым решительным образом, если мы хотим добиться успеха на пути к знанию. Я имею в виду не изменение настроения, отношения или взглядов, а полную трансформацию острова тональ. Ты выполнил эту задачу.

— Ты думаешь, я действительно изменился? — спросил я.

Он помедлил, а затем громко рассмеялся.

— Ты такой же идиот, как всегда, — сказал он. — И все же ты — другой. Понимаешь, что я имею в виду?

Он посмеялся над моим записыванием и пожалел, что нет дона Хенаро. Вот кто порадовался бы абсурдности записывания объяснения магов!

— В таких случаях учитель обычно говорит своему ученику, что они прибыли на последний перекресток, — продолжал он. — Но говорить так — значит вводить в заблуждение. На мой взгляд, нет никакого последнего перекрестка и никакого последнего шага к чему-либо. А раз так, то не должно быть и никаких секретов относительно нашей судьбы как светящихся существ. Личная сила решает, кто может, а кто не может извлечь пользу из объяснения. Я убедился на собственном опыте, что очень немногие хотят даже слушать, а тем более — действовать в соответствии с тем, что они услышали. А из горстки тех, кто хочет действовать, лишь единицы имеют достаточно личной силы, чтобы извлечь пользу из своих действий. Так что в итоге вся секретность объяснения магов выкипает в рутину — такую же пустую рутину, как и любая другая.

Во всяком случае, теперь ты знаешь о нагвале и тонале, которые являются вершиной объяснения магов. Сейчас это знание кажется тебе совершенно безопасным и безвредным. Мы сидим здесь и мирно беседуем о них, как о чем-то вполне обычном. Ты деловито записываешь, как делал это не раз за прошедшие годы. Пейзаж вокруг нас — картина спокойствия. Сейчас утро, день обещает быть прекрасным, горы окутывают нас своей защитой, и не нужно быть магом, чтобы понять — это место, говорящее о силе и безупречности Хенаро, является самым подходящим фоном для того, чтобы отворить дверь. Потому что именно это я делаю для тебя сегодня — открываю для тебя дверь. Но прежде, чем мы переступим эту черту, необходимо честное предупреждение. Предполагается, что учитель должен как можно убедительнее предупредить своего ученика, что безопасность и спокойствие этого момента — мираж. Что перед ним находится бездонная пропасть, и что если дверь открыта, то нет никакого способа закрыть ее вновь.

Он на мгновение замолчал.

Я чувствовал себя легко и счастливо. С места предрасположения дона Хенаро передо мной открывался захватывающий вид. Дон Хуан был прав — и день, и пейзаж были более чем прекрасными. Я хотел ощутить озабоченность его предупреждениями и увещеваниями, но каким-то образом спокойствие вокруг меня оттесняло все мои попытки, и я стал надеяться, что он говорит только о метафорических опасностях.

Внезапно дон Хуан заговорил опять.

— Годы тяжелого учения — только подготовка к опустошительной встрече воина с...

Он опять сделал паузу, скосив глаза и усмехнувшись.

— ... с тем, что лежит там, за этой чертой, — сказал он.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду.

— Объяснение магов, которое совсем не похоже на объяснение, является смертельным, — сказал он. — Оно кажется безвредным и очаровательным, но как только воин откроется ему, оно наносит удар, который никто не может отразить.

Он громко рассмеялся.

— Поэтому будь готов к худшему, но не торопись и не паникуй, — продолжал он. — У тебя совсем нет времени, и в то же время ты окружен вечностью. Что за парадокс для твоего разума!

Дон Хуан поднялся. Он смахнул пыль и мусор с гладкого чашеобразного углубления и очень удобно уселся спиной к камню и лицом к северо-западу. Он указал на другое место, где мог удобно сесть и я. Я был слева от него, тоже лицом к северо-западу. Камень был теплым и вызывал ощущение спокойствия и защищенности. Было тепло. Мягкий ветер смягчал жару полуденного солнца и делал ее приятной. Я снял шляпу, но дон Хуан велел мне снова надеть ее.

— Сейчас ты обращен лицом в сторону твоего собственного места силы, — сказал он. — Это может защитить тебя. Сегодня тебе нужны все зацепки, какие ты только сможешь использовать. Твоя шляпа может быть одной из них.

— Почему ты предупреждаешь меня? Что же на самом деле произойдет?

— То, что произойдет сегодня, будет зависеть от количества твоей личной силы. Ее должно хватить, чтобы сконцентрировать непоколебимое внимание на крыльях твоего восприятия, — сказал он.

Его глаза блеснули. Он казался более возбужденным, чем когда-либо прежде. Я подумал, что в его голосе есть что-то необычное, похожее на непривычную нервозность.

Он сказал, что обстоятельства требуют, чтобы прямо здесь, на месте предрасположения моего бенефактора, он пересказал мне шаг за шагом все то, что он предпринял в своей борьбе за приведение в порядок моего острова тональ. Его пересказ был подробным и занял у него пять часов. Блестящим и ясным образом он дал мне детальнейший отчет обо всем, что он делал со мной со времени нашей первой встречи. Казалось, была разрушена плотина. Его откровения застали меня совершенно врасплох. Я приучил себя быть агрессивным исследователем, и то, что дон Хуан, который всегда был отвечающей стороной, описал все точки своего учения в такой академической манере, было не менее поразительно, чем его костюмы в Мехико Сити. Его владение языком, его драматические паузы и выбор слов были так необычны, что это просто не укладывалось у меня в голове. Он сказал, что в этот момент учитель должен говорить с конкретным воином в очень определенных терминах. Что та манера, в которой он со мной говорит, и ясность его объяснения являются частью его последнего трюка. И что только в конце все, что он делал со мной, приобретет для меня смысл. Он говорил, не останавливаясь, пока не закончил весь свой пересказ, и я записал все, не прикладывая к этому ни малейших усилий и не уделяя записям никакого внимания.

— Позволь мне начать с того, что учитель никогда не ищет учеников, и что никто не может распространять учение, — сказал он. — Только знак всегда указывает на ученика. Тот воин, который может оказаться в положении учителя, должен быть алертным, чтобы схватить свой кубический сантиметр шанса. Я видел тебя еще перед тем, как мы встретились. У тебя был хороший тональ, как у той девушки, которую мы встретили в Мехико. После того, как я увидел тебя, я подождал, точно так же, как мы сделали в случае с той девушкой в парке. Девушка прошла мимо, не обратив на нас внимания. Но тебя подвел ко мне человек, который убежал, пробормотав что-то бессвязное. Ты остался лицом к лицу со мной, бормоча какую-то чушь. Я знал, что должен действовать быстро и зацепить тебя. Тебе самому тоже пришлось бы делать что-либо подобное, если бы та девушка заговорила с тобой. То, что я сделал тогда, было схватыванием тебя своей волей.

Дон Хуан вспоминал о том необычном способе, каким он взглянул на меня в день нашей первой встречи. Он фиксировал на мне свой взгляд, и у меня было необъяснимое ощущение пустоты и онемения. Я не мог найти никакого логического объяснения своей реакции, и всегда считал, что после первой нашей встречи я отправился его разыскивать только потому, что меня озадачил его взгляд.

— Для меня это был самый быстрый способ зацепить тебя. Это был прямой удар по твоему тоналю. Я сковал его, сфокусировав на нем свою волю.

— Как ты это сделал?

— Пристальный взгляд воина устремляется в правый глаз другого человека, — сказал он. — И он заставляет того остановить свой внутренний диалог. Тогда выходит на поверхность нагваль, отсюда опасность этого маневра. Когда нагваль даже на короткое мгновение берет верх, тело испытывает совершенно неописуемое ощущение. Я знаю, что ты потратил бесконечные часы, пытаясь подобрать объяснение тому, что тогда почувствовал. И ты до сего дня так и не смог этого сделать. Однако я добился своего. Я зацепил тебя.

Я сказал, что до сих пор помню, как он посмотрел на меня.

— Пристальный взгляд в правый глаз — это не обычный взгляд — сказал он. — Скорее, это насильственный захват другого человека через его глаз. Другими словами, хватаешь нечто, находящееся за глазом. При этом возникает физическое ощущение удерживания чего-то своей волей.

Он почесал голову, надвинув шляпу на глаза.

— Естественно, что это только способ говорить, — продолжал он. — Способ объяснить непостижимые физические ощущения.

Он велел мне перестать писать и посмотреть на него. Он сказал, что собирается слегка схватить мой «тональ» своей «волей». Я снова испытал то потрясающее ощущение, уже знакомое мне по первой встрече и другим случаям, когда дон Хуан заставлял меня чувствовать, что его глаза касаются меня, действительно в физическом смысле.

— Но как ты заставляешь меня чувствовать это прикосновение, дон Хуан? Что ты на самом деле при этом делаешь?

— Нет способа в точности описать, что тут делаешь. Что-то вырывается вперед из какого-то места в области живота. Это нечто имеет направление и может быть сфокусировано на чем угодно.

Я опять ощутил что-то похожее на мягкие щупальца, схватившие какую-то неопределенную часть меня.

— Это работает только тогда, когда воин научится фокусировать свою волю, — объяснил дон Хуан после того, как отвел глаза. — Это невозможно практиковать, поэтому я не рекомендовал и не поощрял его использование. Эта сила приходит в определенный момент жизни воина. Никто не знает как.

Некоторое время он молчал. Я был крайне взволнован. Внезапно он начал говорить снова.

— Секрет заключается в левом глазе. По мере того, как воин продвигается по тропе знания, левый глаз обретает способность схватывать все. Обычно левый глаз воина имеет странный вид. Иногда он остается постоянно скошенным или становится меньше другого, или больше, или еще как-то отличается.

Он насмешливо посмотрел на меня, притворяясь, что рассматривает мой левый глаз. Покачав головой с шутливым неодобрением, он улыбнулся.

— После того, как ученик зацеплен, начинаются инструкции, — продолжал он. — Первым действием учителя является внушить ему идею, что знакомый нам мир является только видимостью, описанием мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказать это своему ученику. Но принять эту идею является самой трудной вещью на свете. Мы полностью захвачены своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как если бы мы знали о мире все Учитель с самого первого своего действия направлен на то, чтобы остановить этот взгляд. Маги называют это остановкой внутреннего диалога, и они убеждены, что это — единственная важнейшая техника, которой ученик должен овладеть.

Для того, чтобы остановить способ видения мира, который поддерживаешь с колыбели, недостаточно просто желать или просто принять решение. Необходима практическая задача. Эта практическая задача называется правильным способом ходьбы. Она кажется безобидной и бессмысленной. Как и все остальное, что имеет силу в себе или вокруг себя, правильный способ ходьбы не привлекает внимания. Ты не понял этого, и по крайней мере, в течение нескольких лет рассматривал просто как любопытный способ поведения. До самого последнего времени тебе не приходило в голову, что это было самым эффективным средством для остановки твоего внутреннего диалога.

— Как правильный способ ходьбы может остановить внутренний диалог?

— Ходьба в этой специфической манере насыщает тональ, — сказал он. — Она переполняет его. Видишь ли, внимание тоналя должно удерживаться на его творениях.

В действительности, именно это внимание в первую очередь и создает порядок в мире. Поэтому тональ должен быть наблюдателем этого мира, чтобы поддерживать его. И превыше всего он должен поддерживать наше восприятие мира как внутренний диалог.

Он сказал, что правильный способ ходьбы является обманным ходом. Воин сначала, поджимая пальцы, привлекает свое внимание к рукам, а затем, глядя без фиксации глаз на любую точку прямо перед собой на линии, которая начинается у концов его ступней и заканчивается над горизонтом, он буквально затопляет свой тональ информацией. Тональ без своих отношений с глазу на глаз с элементами собственного описания не способен разговаривать сам с собой, и таким образом он становится тихим.

Дон Хуан объяснил, что положение пальцев никакого значения не имеет, и что нужно просто привлечь внимание к рукам, сжимая пальцы непривычными способами. И что важным здесь является то, что несфокусированные глаза замечают огромное количество штрихов мира, не получая о них ясного представления. Он добавил, что глаза в этом состоянии способны замечать такие детали, которые были бы слишком мимолетными для нормального зрения.

— Наряду с правильным способом ходьбы, — продолжал дон Хуан, — учитель должен обучить своего ученика еще одной возможности, которая является еще более тонкой, — способности действовать не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия. Я не преувеличу, если скажу тебе, что успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

Я сказал дону Хуану, что не помню, чтобы он когда-нибудь обсуждал действие ради самого действия как особую технику. Я могу вспомнить только его постоянные, но ни с чем не связанные замечания об этом.

Он засмеялся и сказал, что его маневр был таким тонким, что прошел мимо моего внимания до сего дня. Затем он напомнил мне обо всех тех «бессмысленных»

шутливых задачах, которые он обычно давал мне всякий раз, когда я бывал у него дома. Абсурдные работы, типа укладки дров особым образом, окружение его дома непрерывной цепью концентрических кругов, нарисованных моим пальцем, переметание мусора из одного угла в другой и тому подобное. В эти задачи входили также и «домашние задания», например, носить белую шапку или всегда в первую очередь завязывать свой левый ботинок, или застегивать пояс всегда справа налево.

Я не воспринимал ни одно из этих заявлений иначе, как шутку, по той причине, что он всегда велел мне забыть о них после введения их в регулярный распорядок.

После того, как он напомнил мне все те задания, которые давал мне, я сообразил, что заставляя меня придерживаться бессмысленных распорядков, он действительно воплотил во мне идею действовать, не ожидая ничего взамен.

— Остановка внутреннего диалога является ключом к миру магов, — сказал он. — Вся остальная деятельность — только зацепки. Все это направлено лишь на ускорение эффекта остановки внутреннего диалога.

Он сказал, что существуют два основных вида деятельности, используемых для ускорения эффекта остановки внутреннего диалога: стирание личной

истории и сновидение. Он напомнил мне, что на первых этапах моего ученичества дал мне целый ряд особых рекомендаций для изменения моей личности. Я внес их в свои заметки и забыл о них на несколько лет, пока не понял их важности. На первый взгляд, эти методы были весьма мало приятным способом наставить меня изменить свое поведение.

Он объяснил, что искусство учителя состоит в том, чтобы увести в сторону внимание ученика от наиболее важных моментов учения. Вот наглядный пример такого искусства: я до сегодняшнего дня не понимал, что он трюком привлек меня к усвоению важнейшего правила — «действовать, не ожидая наград». Он сказал, что параллельно с этим переключил мой интерес на идею видения. При правильном понимании она была действием, непосредственно связанным с «нагвалем». Это действие, являющееся неизбежным результатом и окончанием учения, в то же время было абсолютно невыполнимым как задача сама по себе.

— Каков был смысл этого трюка в моем случае? — спросил я.

— Маги убеждены, что все мы являемся грудой никчемности, — сказал он. — Мы никогда не способны по своей воле отказаться от своего бесплодного контроля. Поэтому с нами нужно действовать путем трюков.

Он рассказал мне, что. заставив меня действовать, концентрируя свое внимание на псевдозадаче учиться «видеть», он успешно достиг двух вещей. Во-первых, он наметил прямое столкновение с «нагвалем», не упоминая о нем, а во-вторых, с помощью трюка он заставил меня рассматривать важнейшие моменты его учения как несущественные. Стирание личной истории и сновидение никогда не были для меня столь же важными, как видение. Мне они казались очень увлекательной деятельностью. Я даже считал, что это такая практика, которая дается мне легче всего.

— Легче всего, — сказал он насмешливо, когда услышал мое замечание.

— Учитель ничего не должен оставлять случаю. Я тебе уже говорил, ты правильно чувствовал, что тебя надувают. Проблема состояла в способе убедить тебя, что надувательство было применено для одурачивания твоего разума. Для меня этот трюк означал — отвлечь твое внимание и сориентировать его в нужном направлении.

Он взглянул на меня, скосив глаза, и повел рукой вокруг нас.

— Секрет всего этого — наше внимание, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Все это существует только из-за нашего внимания. Тот самый камень, на котором мы сидим, является камнем только потому, что мы были вынуждены уделить ему внимание как камню.

Я хотел, чтобы он объяснил эту мысль. Он засмеялся и погрозил мне пальцем.

Это выводы, — сказал он. — Мы вернемся к этому позже.

Он убедительно объяснил, что благодаря его обходному маневру я заинтересовался стиранием личной истории и сновидением. Эффект этих двух техник был бы совершенно разрушительным, если бы они практиковались во всей их полноте. И главной заботой каждого учителя является не дать своему ученику сделать что-либо такое, что швырнет его к помрачению разума и истощению.

— Стирание личной истории и сновидение должны были только помочь, — сказал он. — Каждому ученику для страховки необходимы умеренность и сила. Вот почему учитель знакомит ученика с путем воина или способом жить как воин. Это клей, который соединяет все в мире мага. Мало-помалу учитель должен выковывать и развивать его. Без устойчивости и способности держаться на плаву воину невозможно выстоять на пути знания.

Дон Хуан сказал, что при обучении пути воина внимание ученика скорее улавливалось, чем отклонялось. И он уловил мое внимание тем, что выбивал меня из привычных обстоятельств жизни каждый раз, когда я навещал его.

Например, мы с ним часто ходили в пустыню или горы. Но это были отнюдь не прогулки, а своего рода прием для изменения контекста моего обычного мира. Мне это, конечно, даже в голову не приходило. Такая перестановка в моем мире означала, что я, не подозревая об этом, сконцентрировал внимание на действиях дона Хуана.

— Каков трюк, а? — сказал он и засмеялся.

Я тоже засмеялся, но несколько испуганно. Я никогда не представлял, насколько он все осознает.

Затем он перечислил свои шаги в руководстве моим вниманием и улавливании его. Закончив отчет, он добавил, что учитель должен быть сориентирован на личность ученика. Со мной ему пришлось быть осторожным, поскольку в моей природе было много насилия и отчаяния, а в отчаянии я мог бы не придумать ничего лучшего, чем покончить с собой.

— Ну и непостижимый же ты парень, дон Хуан, — сказал я шутя, и он расхохотался.

Он объяснил, что в помощь стиранию личной истории нужно было обучить меня еще трем техникам. Они заключались в избавлении от чувства собственной важности, принятия ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории могло вызвать в ученике неустойчивость, ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

Дон Хуан попросил меня вспомнить, какой у меня была наиболее естественная реакция в моменты стресса и замешательства до того, как я стал его учеником. Он сказал, что его собственной реакцией была ярость. Я ответил, что моей была жалость к самому себе.

— Хотя ты не можешь помнить этого, но тебе нужно было хорошо поработать для отключения своей головы, чтобы это чувство стало естественным, — сказал он. — Сейчас ты и представить себе не можешь, какие бесконечные усилия тебе потребовались, чтобы утвердить жалость к самому себе как отличительную черту на твоем острове. Жалость к себе была постоянным свидетелем всего, что ты делал. Она была прямо на кончиках твоих пальцев, готовая давать тебе советы. Воин рассматривает смерть как более подходящего советчика и свидетеля всего, что ты делаешь, вместо жалости к себе или ярости.

После невероятной борьбы ты научился чувствовать жалость к самому себе. Но точно так же ты можешь научиться чувствовать свой неизбежный конец, и теперь уже иметь на кончиках пальцев идею своей смерти. Как советчик жалость к себе ничто по сравнению со смертью.

Затем дон Хуан указал на кажущеюся противоречие в идее изменения. С одной стороны, мир магов призывал к полной трансформации, с другой — объяснение магов говорит, что остров тоналя является цельным, и ни один из его элементов не может быть перемещен. В таком случае изменение не означает уничтожения чего бы то ни было, а скорее замещение значения, которое мы придаем этим элементам.

— Жалость к самому себе, например, — сказал он. — Нет никакого способа избавиться от нее, освободиться от нее с пользой. Она имеет определенное место и определенный характер на твоем острове, — определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. У нее есть история. Если ты сменишь фасад жалости к самому себе, то ты уберешь и ее выдающееся положение.

Я попросил его объяснить значение этих метафор, особенно идею смены фасадов. Я понял это как возможность играть несколько ролей одновременно.

— Фасады изменяешь, изменяя использование элементов острова, — сказал он. Возьмем опять жалость к себе. Она была полезной для тебя, потому что ты чувствовал свою важность, и считал, что ты заслуживаешь лучших условий, лучшего обращения. Она, может быть, еще и потому имела значение, что ты не хотел принимать ответственности за поступки, которые побуждали тебя жалеть самого себя, или потому, что ты не был способен принять идею своей нависшей смерти как свидетеля твоих поступков и советчика. Стирание личной истории и три сопутствующие ей техники являются средствами магов для изменения фасадов элементов острова. Например, стиранием личной истории ты отрицал использование жалости к самому себе. Для того, чтобы жалость к себе сработала, тебе необходимо быть важным, безответственным и бессмертным. Когда эти чувства каким-либо образом изменены, ты уже не можешь жалеть самого себя.

То же справедливо и в отношении всех других элементов, которые ты изменил

на своем острове. Без использования этих четырех техник ты бы никогда не добился успеха в перемене их. Смена фасадов означает только то, что ты отводишь второстепенное место первоначально важным элементам. Твоя жалость к себе все еще предмет на твоем острове. Она будет там, на заднем плане, точно так же, как идеи нависшей смерти, или смиренности, или твоей ответственности за свои поступки уже находились там раньше без всякого использования.

Дон Хуан сказал, что после освоения всех этих техник ученик прибывает на перекресток, и в зависимости от своей чувствительности, он делает одну из двух вещей. Он или принимает рекомендации и предложения, сделанные его учителем, за чистую монету, действуя без ожидания наград, или считает, что ему морочат голову.

Я заметил, что в своем собственном случае я путаюсь со словом «техника». Я всегда ожидал ряда точных указаний, но он давал мне только неопределенные предложения, которые я не был способен принять всерьез и действовать в соответствии с его условиями.

— В этом и была твоя ошибка, — сказал он. — Вот тогда мне и пришлось решать, использовать ли растения силы. Ты мог бы воспользоваться только этими четырьмя техниками, чтобы очистить и реорганизовать свой тональ. Они привели бы тебя к нагвалю. Но не все мы способны реагировать на простые рекомендации. И ты, и я в этом отношении нуждаемся еще и в каком-нибудь потрясении. Нам нужны были эти растения силы.

Мне действительно потребовались годы, чтобы понять важность советов, предложенных доном Хуаном в начале моего обучения. Тот необычайный эффект, который оказали на меня психотропные растения, стал основой моего вывода, что их использование является ключевым моментом в учении. Я держался за это убеждение, и лишь в последние годы своего обучения сообразил, что все осмысленные трансформации и находки магов делаются только в состоянии трезвого осознания.

— Что произошло бы, если бы тогда я принял твои рекомендации всерьез? — спросил я.

— Ты бы достиг нагваля, — ответил он.

— Но разве я смог бы достичь нагваля без бенефактора?

— Сила дается нам в соответствии с нашей неуязвимостью, — сказал он, — и если бы ты серьезно использовал эти техники, то накопил бы достаточно личной силы, чтобы найти бенефактора. Ты был бы неуязвимым, и сила открыла бы тебе все нужные пути для установления контактов. Это закон.

— Почему ты не дал мне больше времени? — спросил я.

— У тебя было столько времени, сколько нужно, — сказал он. — Так показала мне сила. Помнишь, когда-то ты должен был найти благоприятное для себя место у двери моего дома. Той ночью ты действовал под давлением обстоятельств безупречно, и утром заснул на том самом месте, на камне, который я поставил туда для тебя. Сила показала мне, что тебя следует безжалостно подталкивать, иначе ты и пальцем не пошевелишь.

— Помогли ли мне растения силы? — спросил я.

— Конечно, — сказал он. — Они раскрыли тебя, остановив твой взгляд на мир. В этом растения силы оказывают такое же воздействие на тональ, как и правильный способ ходьбы. И то, и другое переполняет его информацией, и сила внутреннего диалога приходит к концу. Растения силы превосходно подходят для этой цели, но их применение оплачивается слишком дорого. Они наносят слишком большой вред телу. Это их недостаток, особенно дурмана.

— Но если ты знал, что они так опасны, зачем ты давал их мне в таких количествах и так много раз?

Он заверил меня, что детали этой процедуры определялись самой силой. Он сказал, что несмотря на то, что учение предоставляет всем ученикам одинаковые методы, порядок их различен для каждого. И у него было множество знаков, что меня нужно принуждать и принуждать, чтобы заставить принять что-либо во внимание.

— Я имел дело с изнеженным бессмертным существом, которому не было никакого дела до его жизни или смерти, — сказал он, смеясь.

Я напомнил, что он описывал и обсуждал эти растения в антропоморфических терминах. Он всегда обращался к ним так, как если бы растение было персонажем. Он ответил, что это были предписанные средства для отвлечения внимания ученика в сторону от истины, которая заключалась в остановке внутреннего диалога.

— Но если они используются только для остановки внутреннего диалога, то какую связь они имеют с союзниками? — спросил я.

— Это трудно объяснить, — сказал он. — Растения подводят ученика непосредственно к нагвалю, а союзник является одним из его аспектов. Мы действуем исключительно в центре разума вне зависимости от того, кем мы являемся, и откуда мы пришли. Разум способен естественно так или иначе брать в расчет все, что происходит в рамках его идеи мира. Союзник — это нечто такое, что находится вне его обозрения, вне царства разума. Это может наблюдаться только в центре воли в те моменты, когда наш обычный взгляд остановлен. Поэтому правильно было бы сказать, что это — нагваль. Маги, однако, могут научиться воспринимать союзников крайне необычным образом, и, поступая так, они оказываются слишком глубоко погруженными в новую точку зрения. Чтобы защитить тебя от такой судьбы, я не представлял тебе союзников так, как обычно это делают маги. Маги научились после многих поколений использования растений силы отдавать себе отчет о своем взгляде на мир во всем, что происходит с ними. Я сказал бы, что маги, используя свою волю, добились расширения своих взглядов на мир. Мой учитель и мой бенефактор были ярчайшими примерами этого. Они были людьми огромной силы, но не были людьми знания. Они так и не разорвали границ своего огромного мира, и поэтому никогда не прибыли к целостности самих себя. Тем не менее, они знали об этом. Не то, чтобы они жили, отклонившись от правильного пути и претендуя на что-то выше своих возможностей; они знали, что шагнули мимо лодки, и что только в момент их смерти вся загадка будет полностью раскрыта им. Магия дала им только мимолетный взгляд, но не реальное средство для достижения целостности самих себя.

— Я дал тебе достаточно из описания мира магов, не позволив тебе зацепиться за это. Я говорил, что только когда помещаешь одно видение напротив другого, можно прибыть к реальному миру. Я хочу сказать, что целостности самих себя возможно достичь только если полностью понимаешь, что мир — это просто точка зрения, вне зависимости от того, принадлежит ли

эта точка зрения обычному человеку или магу.

Именно здесь я уклонился от традиции. После целой жизни борьбы я знаю, что действительно важным является не просто научиться новому описанию, но прибыть к целостности самого себя. Следует прибыть к нагвалю, не покалечив тоналя и, превыше всего, не покалечив своего тела. Ты принимал эти растения, следуя точным этапам, через которые прошел я сам. Единственным отличием было то, что я остановился, когда решил, что ты накопил достаточно взглядов на нагваль. Именно по этой причине я никогда не хотел обсуждать с тобой твои встречи с растениями силы и не позволял тебе иметь навязчивую идею относительно них. Не было смысла строить схемы того, о чем нельзя говорить. Это были настоящие экскурсии в нагваль, в неизвестное.

Я заметил, что моя потребность говорить о переживаниях, вызванных влиянием психотропных растений, была связана с желанием подтвердить собственные гипотезы на этот счет. Я был убежден, что при помощи таких растений он снабжал меня воспоминаниями о невообразимых способах восприятия. Эти воспоминания могли казаться отвлеченными и не связанными с чем-то осмысленным, но через какое-то время собрались в единицы смысла. Я знал, что дон Хуан искусно руководит мною в каждом случае, и что все эти единицы смысла собирались под его руководством.

— Я не хочу подчеркивать эти события, чтобы объяснять их, — сказал он сухо. — Застревание в объяснениях вернет нас назад, туда, где мы быть не хотим. Это отбросит нас назад в восприятие мира, но на этот раз — в более широкое восприятие, и только.

Дон Хуан сказал, что после остановки внутреннего диалога действием растений силы появлялся неизбежный тупик. У ученика начинали возникать сомнения относительно смысла всего ученичества. По мнению дона Хуана, даже самые большие энтузиасты в этой точке ощутят серьезную потерю заинтересованности.

— Растения силы потрясают тональ и угрожают прочности всего острова, — сказал он. — Именно в этот момент ученик отступает, и мудро делает. Он хочет выбраться из всей этой каши. Так вот, именно в этот момент учитель устанавливает свою наиболее искусную ловушку — стоящего противника. Без помощи стоящего противника, который в действительности является не

врагом, а совершенно преданным помощником, ученик не имеет возможности продолжать путь знания. Ловушка имеет две цели. Во-первых, она позволяет учителю удерживать своего ученика, а во-вторых, она дает ученику точку соотнесения, чтобы пользоваться ею в дальнейшем. Ловушка — это маневр, который выводит на арену стоящего противника. Лучшие из людей сдались бы на этой черте, если бы они могли решать сами. Я привел к тебе стоящего противника, прекраснейшего воина, какого только можно было найти — ла Каталину.

Дон Хуан вспоминал о том времени несколькими годами раньше, когда он ввел меня в эту затяжную битву с колдуньей-индеанкой.

— Я привел тебя в непосредственный контакт с ней, и я выбрал женщину, потому что ты доверяешь женщинам. Разрушить это доверие было для нее очень трудным делом. Через несколько лет она мне призналась, что ей хотелось отступить, потому что ты ей нравился, но она — великий воин, и, несмотря на свои чувства, она чуть не стерла тебя с лица планеты. Она нарушила твой тональ так интенсивно, что он уже никогда больше не был тем же самым. Она нарушила порядок на твоем острове настолько глубоко, что ее действия послали тебя в другую реальность. Она сама могла бы быть твоим бенефактором, если бы твоим предназначением было стать магом ее типа. Но ты другой. Что-то было не так между вами двумя. Ты не был способен бояться ее. Однажды ночью ты чуть было не растерял свои шарики, когда она напала на тебя, и все же тебя влекло к ней. Для тебя она была желанной женщиной, вне зависимости от того, насколько ты ее боялся. Она знала это. Однажды в городе я заметил, как ты смотрел на нее, трясясь до подошв от страха и пуская слюни одновременно.

Далее, под действием стоящего противника ученик может или разлететься на куски, или радикально измениться. Действия ла Каталины в отношении тебя, поскольку она тебя не убила, — не потому, что недостаточно хорошо пыталась, а потому, что ты оказался достаточно стойким, — дали положительный эффект и снабдили тебя решением.

Учитель использует стоящего противника для того, чтобы заставить ученика сделать выбор в своей жизни. Ученик должен выбрать между миром воина и своим обычным миром. Но никакое решение невозможно до тех пор, пока ученик не поймет свой выбор. Поэтому учитель должен быть потрясающе

терпеливым и уверенной рукой, с позиции понимания вести своего ученика к такому выбору. А превыше всего он должен быть уверен, что его ученик выберет мир и жизнь воина. Я добился этого, попросив тебя помочь мне победить ла Каталину. Я сказал тебе, что она собирается меня убить, и что мне нужна твоя помощь, чтобы освободиться от нее. Я честно предупредил тебя относительно твоего последнего выбора и дал тебе массу времени, чтобы решить, принимать его или нет.

Я ясно помню, что дон Хуан отпустил меня в тот день. Он сказал мне, что если я не захочу ему помочь, то свободен уехать и никогда не возвращаться назад. В тот момент я знал, что свободен выбрать свой собственный путь и не имею по отношению к нему никаких обязательств.

Я покинул его дом и уехал со смесью печали и радости. Мне было жаль, что я покидаю дона Хуана, и все же я был счастлив, что разделался со всей этой деятельностью, которая приводила меня в такое расстройство. Я подумал о Лос-Анжелесе, о своих друзьях, обо всем том порядке обычной жизни, который ожидал меня. О той маленькой повседневности, которая всегда давала мне так много приятного. На некоторое время я ощутил эйфорию. Сверхъестественные тайны дона Хуана и его жизни были позади, и я был свободен.

Однако мое счастливое настроение длилось недолго. Желание покинуть мир дона Хуана оказалось нестойким. Моя рутина потеряла свою прелесть. Я попытался подумать о чем-нибудь, что мне хотелось бы делать в Лос-Анжелесе, но там не было ничего. Дон Хуан однажды говорил мне, что я боюсь людей, и научился защищаться тем, что ничего не желаю. Он сказал, что ничего не желать — прекраснейшее достижение воина. Но я по своей глупости расширил это чувство нежелания и заставил его перейти в противоположное — что мне нравится все. Поэтому моя жизнь стала пустой и нудной.

Он был прав. И пока я катил на север по шоссе, весь груз моего безумия, совершенно неожиданного, в конце концов свалился на меня. Передо мной открылся масштаб моего выбора. Я в действительности променял волшебный мир непрерывного обновления на свою тихую и нудную жизнь в Лос-Анжелесе. Я начал вспоминать свои пустые дни. Особенно ясно вспомнилось мне одно воскресенье. Весь день тогда я чувствовал беспокойство от того, что мне нечем заняться. Никто из моих друзей не пришел ко мне в гости, никто не

пригласил меня на вечеринку. Тех людей, к которым мне хотелось пойти, не оказалось дома, и, что совсем уж плохо, я успел пересмотреть все фильмы, которые шли в городе. К концу дня, в полном отчаянии, я еще раз взялся за список кинофильмов и нашел один, который раньше совсем меня не интересовал. Он шел в городишке, находившемся в тридцати пяти милях отсюда. Я поехал туда. Фильм мне совершенно не понравился, но даже это было лучше, чем полное ничегонеделание.

Под давлением мира дона Хуана я изменился. С тех пор, как я встретился с ним, у меня не было времени скучать. Одного этого было для меня достаточно. Дон Хуан прав был в своей уверенности. Он знал, какой выбор я сделаю. Я развернулся, и поехал назад к его дому.

— Что случилось бы, если бы я выбрал ехать назад в Лос-Анжелес?

— Это было невозможно, — сказал он. — Такого выбора для тебя не существовало. Все, что тогда от тебя требовалось, — это позволить своему тоналю осознать, что он решил вступить в мир магов. Тональ не знал, что решение находится в царстве нагваля. Принимая решение, мы только признаем, что нечто вне нашего понимания установило рамки нашего так называемого решения, и мы просто идем туда.

В жизни воина есть только одна вещь, один-единственный вопрос, который действительно не решен: насколько далеко можно пройти по тропе знания и силы. Этот вопрос остается открытым, и никто не может предсказать его исход. Я однажды говорил тебе, что свобода воина состоит в том, чтобы или действовать неуязвимо, или действовать как ничтожество. А поскольку неуязвимость — единственное, что дает свободу, то именно она является мерой духа воина.

Дон Хуан сказал, что после принятия учеником решения вступить в мир магов учитель дает ему практическую задачу — задание, которое он должен выполнять в своей повседневной жизни. Он объяснил, что задача должна подходить к личности ученика. Это своего рода растянутая жизненная ситуация, в которую попадает ученик, и которая будет являться средством, постоянно воздействующим на его взгляд на мир. В моем случае я понимал эту задачу скорее как шутку, чем как серьезную жизненную ситуацию. Однако со временем мне, наконец, стало ясно, что я должен относиться к ней серьезно и

внимательно.

— После того, как ученик получил свою магическую задачу, он готов к другого типа наставлениям. — продолжал он. — Здесь он уже воин. В твоем случае, поскольку ты уже не был учеником, я обучил тебя трем техникам, помогающим сновидению: разрушению распорядка жизни, бегу силы и неделанию. Ты был очень инертный, глупый как ученик, и глупый как воин. Ты старательно записывал все, что я тебе говорил, и все, что с тобой происходило, но действовал ты далеко не совершенно. Поэтому мне все еще приходилось подстегивать тебя растениями силы.

Затем дон Хуан шаг за шагом описал, как он отвлек мое внимание от сновидения, заставив поверить в важность очень трудной деятельности, называемой им неделанием, и представляющей собой перцептуальную игру фокусирования внимания на тех чертах мира, которые обычно остаются незамеченными, например, тени предметов. Дон Хуан сказал, что его стратегией было оставить неделание в стороне, окружив его самой строгой секретностью.

— Неделание, как и все остальное — очень важная техника. Но она не была основным моментом, — сказал он. Ты попался на секретности. Ты — балаболка, и вдруг тебе доверили секрет.

Он засмеялся и сказал, что может вообразить те трудности, через которые я прошел, чтобы держать рот закрытым.

Он объяснил, что разрушение рутины, бег силы и неделание были путем к обучению новым способам восприятия мира, и что они давали воину намек на невероятные возможности действия. По идее дона Хуана знание отдельного практического мира сновидения делалось возможным при помощи использования этих трех техник.

— Сновидение — это практическая помощь, разработанная магами. Они не были дураками, они знали, что делают, и искали полезности нагваля, обучая свой тональ, так сказать, отходить на секунду в сторону, а затем возвращаться назад. Это утверждение не имеет для тебя смысла. Но этим ты и занимался все время. Обучал себя отпускаться, не теряя при этом своих шариков. Сновидение, конечно, является венцом усилия магов, полным

использованием нагваля.

Он прошелся по всем упражнениям неделания, которые заставлял меня выполнять, по всей рутине моей повседневной жизни, которую нужно было разрушить, и по всем тем случаям, когда он вынуждал меня пользоваться бегом силы.

— Мы подходим к концу моего пересказа, — сказал он. — Теперь нам нужно поговорить о Хенаро.

Дон Хуан сказал, что в день моей встречи с Хенаро был очень важный знак. Я ответил, что не могу вспомнить ничего необычного. Он напомнил, что в тот день мы сидели на скамейке в парке. Перед этим он говорил мне, что собирается встретиться с другом, которого раньше я никогда не видел. И когда этот друг появился, я узнал его без всяких колебаний среди большой толпы. Это и был тот знак, который заставил их понять, что Хенаро — мой бенефактор.

Когда он сказал это, я вспомнил, что мы сидели и разговаривали, а затем я обернулся и увидел небольшого поджарого человека, который излучал необыкновенную жизненную силу, грацию и просто самобытность. Он только что свернул из-за угла в парк. В шутку я сказал дону Хуану, что его друг приближается к нам, и что, судя по его виду, он наверняка является магом.

— С того дня и далее Хенаро советовал, что мне с тобой делать. Как твой гид в нагвале, он предоставил тебе безукоризненные демонстрации. Каждый раз, когда он действовал как нагваль, ты получал знание, которое игнорировало и обходило твой разум. Он разрушил твою картину мира, хотя ты и не осознаешь этого. В этом случае ты вел себя так же, как и в случае с растениями силы, тебе было нужно больше, чем это необходимо. Нескольких атак нагваля было бы достаточно, чтобы разрушить картину мира. Но даже до сего дня, после всех наступлений нагваля твоя картина кажется неуязвимой. Как ни странно, но это твоя лучшая черта.

В конце концов, действия Хенаро должны были ввести тебя в нагваль. Но здесь мы встречаемся со странным вопросом: что должно было быть введено в нагваль?

Он движением бровей предложил мне ответить на этот вопрос.

— Мой разум? — спросил я.

— Нет, разум здесь не при чем. Разум выключается в ту же секунду, как только оказывается за своими узкими границами.

— Тогда это был мой тональ, — сказал я.

— Нет, тональ и нагваль являются двумя естественными частями нас самих, — сказал он сухо. Они не могут быть введены одна в другую.

— Мое восприятие? — спросил я.

— Вот тут ты попал, — закричал он, как если бы я был ребенком, который дал правильный ответ. — Теперь мы подходим к объяснению магов. Я уже предупреждал тебя, что оно ничего не объяснит, и все же...

Он остановился и взглянул на меня сияющими глазами.

— Это еще один из трюков магов, — сказал он.

— О чем ты говоришь? Какой еще трюк? — спросил я, тут же испугавшись.

— Объяснение магов, конечно. Ты увидишь это сам. Но давай продолжим. Маги говорят, что мы находимся внутри пузыря. Это тот пузырь, в который мы были помещены с момента своего рождения. Сначала пузырь открыт, но затем он начинает закрываться, пока не запирает нас внутри себя. Этот пузырь является нашим восприятием. Мы живем внутри него всю свою жизнь. А то, что мы видим на его круглых стенках, является нашим собственным отражением.

Он наклонил голову и взглянул на меня искоса, потом усмехнулся.

— Ты с ума сошел, — сказал он. — Здесь тебе полагается задавать вопрос.

Я засмеялся. Так или иначе, его предупреждения об объяснении магов, плюс представление внушающих благоговейный ужас масштабов его осознания

начали, наконец, оказывать на меня свое воздействие.

— Что за вопрос мне полагалось задать?

— Если то, что мы видим на стенках, является нашим отражением, значит то, что отражается, должно быть реальной вещью, — сказал он, улыбаясь.

— Это хороший довод, — сказал я шутливым тоном.

Мой разум мог легко принять этот аргумент.

— Это отражение является нашей картиной мира, — сказал он. — Эта картина — описание, которое давалось нам с момента нашего рождения, пока все наше внимание не оказывалось захваченным ею, и описание не стало взглядом на мир.

Задачей учителя является перестроить этот взгляд, подготовить светящееся существо к тому времени, когда бенефактор откроет пузырь снаружи.

Он сделал еще одну рассчитанную паузу и еще одно замечание относительно отсутствия у меня внимания, судя по моей неспособности вставить подходящее замечание или вопрос.

— Каким должен быть мой вопрос?

— «Почему пузырь должен быть открыт?» — ответил он.

Он громко рассмеялся и похлопал меня по спине, когда я сказал: — Это хороший вопрос.

— Конечно! — воскликнул он. — Он должен быть хорошим для тебя, потому что он — один из твоих собственных.

Пузырь открывается для того, чтобы позволить светящемуся существу увидеть свою целостность, — продолжал он. — Естественно, что назвать это «пузырем» — только способ говорить. Но в данном случае это очень точный способ.

Деликатный маневр введения светящегося существа в его собственную целостность требует, чтобы учитель работал внутри пузыря, а бенефактор — снаружи. Учитель перестраивает картину мира. Я назвал эту картину островом тональ. Я сказал, что все, чем мы являемся, находится на этом острове. Объяснение магов говорит, что остров тональ создан нашим восприятием, выученным концентрироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они, вместе взятые, образуют нашу картину мира. Работа учителя относительно восприятия ученика состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. К настоящему времени ты, должно быть, понял, что чистка и перестройка острова тональ означает перегруппировку всех этих элементов на сторону разума. Моей задачей было разделить твою обычную картину мира; не уничтожить ее, а заставить ее перекатиться на сторону разума. Ты сделал это лучше чем любой, кого я знаю.

Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вертикальным диаметром. Он сказал, что учитель с помощью своего искусства заставляет ученика сгруппировать всю свою картину мира на правой стороне пузыря.

— Почему правая половина? — спросил я.

— Это сторона тоналя, — сказал он. — Учитель всегда обращается к ней и, с одной стороны, познакомив своего ученика с путем воина, он заставляет его быть разумным, трезвым и сильным душой и телом. А с другой — он сталкивает его с немыслимыми, но реальными ситуациями, с которыми ученик не может справиться. Таким образом он заставляет его понять, что его разум, хотя и является чудеснейшей вещью, может охватить лишь очень небольшую поверхность. Как только воин столкнулся с невозможностью все охватить разумом, он сходит со своей дороги, чтобы поддержать и защитить свой поверженный разум. Чтобы добиться этого, он соберет все, что у него есть, вокруг него. Учитель следит за этим, безжалостно подхлестывая его, пока вся его картина мира не окажутся на одной стороне пузыря. Другая половина пузыря — та, что очистилась, теперь может быть заполнена тем, что маги называют волей.

Очевидно, яснее будет сказать, что задача учителя — начисто отмыть одну половину пузыря и заново сгруппировать все на другой половине. Потом задачей бенефактора будет открыть пузырь на той стороне, которая была

очищена. После того, как печать сорвана, воин уже никогда не бывает тем же самым. Он теперь может управлять своей целостностью. Половина пузыря является абсолютным центром разума, тоналем. Другая половина — абсолютным центром воли, нагвалем. Вот какой порядок должен превалировать, любая другая аранжировка бессмысленна и мелочна, потому что она идет против нашей природы. Она крадет у нас наше магическое наследие и превращает нас в ничто.

Дон Хуан поднялся, потянулся и прошелся, чтобы расправить мускулы. К этому времени слегка похолодало. Я спросил его, закончили ли мы.

— Ну, представление еще даже не начиналось, — воскликнул он и засмеялся. — Это было только вступление.

Он взглянул на небо и указал на запад небрежным движением руки.

— Примерно через час нагваль будет здесь, — сказал он, улыбнулся и снова сел.

— У нас осталось еще кое-что, — продолжал он. — Маги называют это секретом светящихся существ, и вот этот секрет: мы — воспринимающие. Мы, люди, и другие светящиеся существа на Земле являемся воспринимающими. Это наша беда — пузырь восприятия. Мы ошибаемся, считая, что единственное достойное признания восприятие приходит к нам через разум. Маги считают, что разум — это только один из центров, и он не должен столь многое принимать как само собой разумеющееся.

Хенаро и я рассказывали тебе о восьми точках, которые составляют целостность нашего пузыря восприятия. Ты знаком с шестью из них. Сегодня мы с Хенаро еще раз прочистим твой пузырь восприятия, и после этого ты познакомишься с оставшимися двумя точками.

Он резко сменил тему и попросил меня дать ему подробный отчет о моих впечатлениях предыдущего дня, начиная с момента, когда я увидел камни у дороги. Он не делал никаких замечаний и ни разу не прервал меня. Закончив отчет, я добавил свое собственное наблюдение. Утром я говорил с Нестором и Паблито, и они рассказали мне о своих собственных наблюдениях, очень похожих на мои. Я исходил из того, что нагваль, как говорил мне сам дон Хуан,

был индивидуальным опытом, свидетелем которого может быть только наблюдатель. В предыдущий день там было три наблюдателя, и все мы были свидетелями более или менее одной и той же вещи. Различие выражалось только в разном способе чувствовать и реагировать на отдельные детали общего явления.

— То, что случилось вчера, было демонстрацией нагваля для тебя, Нестора и Паблито. Я их бенефактор. Мы с Хенаро выключили центр разума у всех троих. У нас двоих достаточно силы, чтобы заставить вас согласиться между собой относительно события, свидетелями которого вы были. Несколько лет назад мы с тобой встретились с группой учеников однажды ночью. Однако у одного меня не хватило силы, чтобы заставить вас видеть одну и ту же вещь.

Судя по моему рассказу о восприятии предыдущего дня и из того, что он увидел во мне, он заключил, что я готов к объяснению магов. Он добавил, что готов и Паблито, но не был уверен относительно Нестора.

— Быть готовым к объяснению магов — очень трудное достижение, — сказал он. — Оно не должно быть таковым, но все мы цепляемся за индульгирование в наших привычных взглядах на мир. В этом отношении ты, Нестор и Паблито одинаковы. Нестор прячется за своим смущением и застенчивостью, Паблито — за своим обезоруживающим очарованием, а ты — за своим упрямством и словами. Все это черты, которые не кажутся угрожающими, но до тех пор, пока вы трое настаиваете на их использовании, ваши пузыри восприятия еще не очищены и объяснение магов не будет иметь смысла.

Я пошутил, что это знаменитое объяснение магов преследует меня уже давным-давно. Однако чем ближе я к нему подхожу, тем оно сильнее удаляется. Я собирался добавить еще одно шутливое замечание, но вдруг он выхватил эти слова прямо у меня изо рта.

— Не окажется ли в конце концов, что объяснение магов — это просто липа? — спросил он, смеясь.

Он похлопал меня по спине, и, казалось, был доволен, как ребенок, радующийся празднику.

— Хенаро цепляется за закон, — сказал он доверительным тоном. — Ничего не

поделаешь с этим пресловутым объяснением. Моя бы воля, так я бы дал его тебе давным-давно. Не делай на него слишком большую ставку.

Он поднял голову и посмотрел в небо.

— Теперь ты готов, — сказал он драматическим и мрачным тоном. — Пора идти, но прежде, чем мы покинем это место, я должен сказать тебе одну последнюю вещь. Тайна или секрет объяснения магов состоит в том, что оно имеет дело с развертыванием крыльев восприятия.

Он положил руки на мою записную книжку и сказал, что мне следует пойти в кусты и позаботиться о своих телесных функциях. После этого я должен снять свою одежду и оставить ее в узле прямо тут, где мы находимся. Я посмотрел на него вопросительно, и он объяснил, что мне следует быть обнаженным, но я могу оставить свои ботинки и шляпу.

Я настаивал на том, чтобы узнать, почему я должен быть голым. Дон Хуан засмеялся и сказал, что причина эта довольно личного характера и связана она с моим собственным удобством, и это я сам должен был сказать ему, что хочу раздеться. Его объяснение озадачило меня. Мне казалось, что он разыгрывает со мной какую-то шутку, или просто отвлекает мое внимание. Я хотел знать, зачем он делает это.

Он напомнил мне об инциденте, который произошел со мной несколько лет назад, когда мы находились в горах Северной Мексики с доном Хенаро. В тот день они объясняли мне, что «разум» явно не может охватить всего происходящего в мире. Чтобы дать мне убедительную демонстрацию этого, дон Хенаро выполнил великолепный прыжок как «нагваль» и «удлинил» себя так, что достиг пиков гор в пятнадцати милях от нас. Дон Хуан сказал, что я прозевал самое главное, и в том, что касалось моего «разума», демонстрация дона Хенаро была неудачей, но с точки зрения моей телесной реакции — это было событие.

Я хорошо помнил ту телесную реакцию, о которой говорил дон Хуан. Я видел, как дон Хенаро исчез у меня перед глазами, словно его сдул ветер. Его прыжок произвел на меня такое сильное впечатление, что я почувствовал себя так, как будто его движение прорвало что-то у меня в кишечнике. Мне пришлось раздеться. Мое неудобство и раздражение были беспредельны. Пока

я добрался до своей машины, мне пришлось идти голым, надев только шляпу, по дороге, где было довольно большое движение. Дон Хуан напомнил мне, что именно тогда я сказал ему, чтобы он не позволял мне больше портить свою одежду.

После того, как я разделся, мы пошли к большой скале в нескольких сотнях футов впереди. Скала нависла над ущельем. Он заставил меня заглянуть вниз. Там была глубина не менее ста футов. Затем он сказал мне, чтобы я выключил свой внутренний диалог и прислушался к звукам вокруг нас.

Через несколько мгновений я услышал звук камешка, задевающего скалу по пути на дно ущелья. Я слышал каждый удар гальки с невероятной ясностью. Затем я услышал, как еще один камешек был брошен вниз, затем еще один. Я поднял голову, чтобы направить свое левое ухо сторону, откуда исходил звук, и увидел дона Хенаро, сидящего на вершине скалы в пятнадцати футах от нас. Он небрежно бросал камешки в ущелье.

Он закричал и засмеялся, когда понял, что я его вижу, и сказал, что прятался здесь и ожидал, когда я его найду. Я испытал момент замешательства. Дон Хуан несколько раз прошептал мне на ухо, что мой разум не приглашен на это событие и что я должен отбросить несносное желание все контролировать. Он сказал, что нагваль был восприятием только для меня и что именно по этой причине Паблито не видел нагваль в моей машине. Как бы читая мои мысли, он добавил, что хотя только я один мог быть свидетелем нагваля, но все же это был сам дон Хенаро.

Дон Хуан взял меня за руку и, как бы играя, подвел к месту, где сидел дон Хенаро. Дон Хенаро поднялся и подошел ко мне поближе. Его тело излучало жар, который я мог видеть. От его сияния у меня закружилась голова. Он подошел ко мне сбоку, приблизил губы к моему уху, не касаясь его, и начал шептать. Дон Хуан тоже начал шептать мне в другое ухо. Их голоса слились. Оба они стали повторять одни и те же слова. Они говорили, что я не должен бояться, и что у меня есть длинные мощные нити, которые существуют не для того, чтобы защищать меня, потому что защищать нечего, и не для того, чтобы обороняться, они здесь для того, чтобы вести меня в моем восприятии нагваля, как мои глаза ведут меня в моем нормальном восприятии тоналя. Они сказали, что мои нити находятся повсюду вокруг меня, что благодаря им я могу воспринимать все сразу и что одной-единственной нити достаточно,

чтобы прыгнуть в ущелье или чтобы прыгнуть со дна ущелья на скалу.

Я слышал все, что они шептали. Каждое слово, казалось, имело для меня свое особое значение. Я мог ухватить каждый его оттенок, как если бы я был записывающим устройством. Они оба уговаривали меня прыгнуть на дно ущелья. Они сказали, что я должен вначале ощутить свои нити, затем изолировать одну, которая ведет вниз на дно ущелья, и следовать ей. Когда они произносили свои инструкции, их слова вдруг действительно стали соответствовать моим ощущением. Во всем моем теле появилось какое-то крайне интересное состояние, которое само по себе невыразимо, но приближалось к ощущению «длинного почесывания». Мое тело действительно могло ощущать дно ущелья, и я чувствовал это как щекотку в каком-то неопределенном месте тела.

Дон Хуан и дон Хенаро продолжали убеждать меня скользнуть по этому чувству, но я не знал, как это сделать. Затем я стал слышать голос только одного дона Хенаро.

Он сказал, что собирается прыгнуть вместе со мной. Он схватил меня, или толкнул, или обнял, и бросился вместе со мной в бездну. У меня появилось чувство сильной физической боли. Мой живот как будто пережевывали и пожирали. Это была смесь боли и удовольствия такой интенсивности и длительности, что я мог только кричать, кричать и кричать, насколько у меня хватало воздуха в легких. Когда это чувство уменьшилось, я увидел невероятно перепутанную смесь искр и темных масс, лучей света и облакоподобных образований. Я не мог сказать, открыты мои глаза или закрыты, и вообще где находится мое тело. Затем появилось то же физическое чувство, хотя и не столь выраженное, как в первый раз, потом мне показалось, что я проснулся и оказался стоящим на скале вместе с доном Хуаном и доном Хенаро.

Дон Хуан сказал, что я опять валял дурака, что бесполезно, было прыгать, если мое восприятие прыжка собиралось быть таким хаотическим. Они оба бесчисленное количество раз шептали мне в уши, что нагваль сам по себе бесполезен, что он должен умеряться тоналем. Они сказали, что я должен прыгнуть охотно и осознать свой поступок.

Я колебался не столько потому, что боялся, сколько из-за того, что мне ужасно

не хотелось этого. Я ощущал свои колебания, как если бы мое тело болталось из стороны в сторону, как маятник. Затем какое-то странное настроение овладело мной, и я прыгнул всем своим физическим телом. Думать во время прыжка я не мог. Я видел как бы сквозь туман стены узкого ущелья и острые камни на дне. У меня не было последовательного восприятия моего спуска. Вместо этого возникло ощущение, что я действительно нахожусь на земле на дне ущелья. Я различал каждую деталь камней в небольшом кругу вокруг себя. Мой обзор был не направленным и стереоскопичным с уровня глаз, но плоским и круговым. Через секунду меня охватила паника, и что-то дернуло меня вверх, как йо-йо (мячик на резинке). Дон Хуан и дон Хенаро заставили меня выполнять прыжок вновь и вновь. После каждого прыжка дон Хуан уговаривал меня, чтобы я не напрягался и меньше сопротивлялся. Он повторял вновь и вновь, что секрет магов при использовании нагваля заключается в нашем восприятии. Что прыжки были просто упражнением в восприятии и что упражнение закончится только тогда, когда я смогу воспринимать как совершенный тональ то, что находится на дне ущелья.

В какой-то момент у меня возникло невообразимое состояние. Я полностью и трезво осознавал, что стою на краю скалы, а дон Хуан и дон Хенаро шепчут мне в уши. А затем, в следующее мгновение, я смотрел на дно ущелья. Все было совершенно нормальным. К тому времени уже почти совсем стемнело, но света было еще достаточно, чтобы можно было абсолютно все различать, как в мире моей повседневной жизни. Я рассматривал какие-то кусты, когда услышал внезапный звук — камень, падающий вниз. Мгновенно я увидел хороших размеров камень, несущийся вниз по скале прямо на меня. Как при вспышке был виден и дон Хенаро, сбрасывавший его.

Я испытал чувство паники, и мгновение спустя был втянут обратно на вершину скалы. Я оглянулся в поисках дона Хенаро. Его нигде не было. Дон Хуан со смехом сказал, что дон Хенаро нас покинул, так как он не мог больше выносить моей вони. Тут я с отвращением понял, что действительно нахожусь в весьма неприглядном виде. Дон Хуан был прав, когда заставил меня снять одежду. Он повел меня к ручью и отмывал, набирая моей шляпой воду и бросая ее на меня, как моют лошадей. Одновременно он отпускал смешные замечания относительно того, что спас мои штаны.

Глава 3. Пузырь восприятия

Я провел целый день один в доме дона Хенаро. Большую часть дня я спал. Дон Хуан вернулся к концу дня, и мы в полном молчании прогулялись до ближайшей горной гряды. В сумерках мы остановились и сели на краю глубокого провала. Мы оставались там, пока не стемнело, и тогда дон Хуан повел меня к другому месту поблизости — громадному обрыву — утесу с совершенно отвесной каменной стеной. Утес нельзя было заметить с той тропинки, которая к нему вела, однако дон Хуан показывал мне его несколько раз раньше. Он заставил меня взглянуть через край и сказал, что весь утес был местом силы, особенно его основание, расположенное в каньоне на несколько сот футов ниже. Каждый раз, когда я смотрел на него, я испытывал неприятный озноб. Каньон всегда был темным и угрожающим. Прежде чем мы достигли этого места, дон Хуан сказал, что дальше мне следует идти одному и встретиться с Паблито на краю утеса. Он рекомендовал, чтобы я расслабился и выполнил бег силы, чтобы смыть свою нервную усталость.

Дон Хуан шагнул в сторону влево от тропы, и темнота просто поглотила его. Я хотел остановиться и посмотреть, куда он делся, но тело мне не повиновалось. Я побежал, хотя устал настолько, что едва мог держаться на ногах. Добравшись до утеса, я никого там не увидел и продолжал бежать на месте, тяжело дыша. Через некоторое время я немного расслабился. Я стоял неподвижно, прислонившись спиной к камню, и тут заметил фигуру человека в нескольких футах от меня. Казалось, он прятал лицо в ладонях. Я вначале очень испугался и дернулся, как пружина, но затем решил, что это, должно быть, Паблито, и без всяких колебаний подошел к нему. Я громко позвал Паблито по имени, полагая, что он не узнал меня и так испугался, что прикрыл голову, чтобы ничего не видеть. Но прежде чем я коснулся его, какой-то необъяснимый страх овладел мною. Мое тело застыло на месте с протянутой рукой, уже готовой к прикосновению. Человек поднял голову. Это был не Паблито! Его глаза сверкали, как два огромных зеркала, как глаза тигра. Мое тело отскочило назад. Мышцы напряглись, а затем сняли оцепенение без малейшего вмешательства со стороны моей воли. Я выполнил прыжок назад, такой быстрый и сильный и такой огромный, что в нормальных

обстоятельствах я бы непременно погрузился в грандиозную спекуляцию по этому поводу. Как бы там ни было, но мой страх был настолько вне всяких пределов, что у меня не было ни малейшей склонности к размышлению. Я убежал бы отсюда со скоростью звука, если бы кто-то не схватил меня за руку. Это ощущение швырнуло меня в состояние полнейшей паники. Я закричал. Мой крик вместо того, чтобы быть визгом, как я ожидал, прозвучал длинным, захватывающим дух воплем.

Я повернулся к своему противнику. Это был Паблито, который трясся еще больше, чем я. Моя нервозность достигла предела. Я не мог разговаривать, зубы стучали, по спине бегали мурашки, заставляя меня непроизвольно дергаться. Я вынужден был дышать через рот. Паблито сказал между щелканьем зубов, что «нагваль» поджидал его и что он едва спасся от его клыков, когда наткнулся на меня, а я чуть не убил его своим воплем. Пытаясь засмеяться, я издал самые жуткие звуки, какие только можно вообразить. Немного успокоившись, я рассказал Паблито, что, очевидно, то же самое произошло и со мной. Неожиданным для меня итогом происшедшего явилось полное исчезновение усталости. Вместо этого я ощущал невероятный прилив сил и хорошего самочувствия. Паблито, казалось, испытывал то же ощущение. Мы начали глупо и нервно посмеиваться.

Я услышал в отдалении шорох мягких и осторожных шагов. Паблито, очевидно, еще не слышал их и отреагировал на то, что я застыл. Я был уверен, что кто-то приближался к месту, где мы стояли. Мы повернулись в направлении звука. Секунду спустя появились силуэты дона Хуана и дона Хенаро. Они шли медленно и остановились в четырех-пяти футах от нас. Дон Хуан стал лицом ко мне, а дон Хенаро — к Паблито. Я хотел рассказать дону Хуану, как что-то испугало меня до безумия, но Паблито схватил меня за руку. Я знал, что он имеет в виду. Что-то странное было в донах Хуане и Хенаро. Когда я посмотрел на них, мои глаза начали выходить из фокуса.

Дон Хенаро сказал что-то резко и повелительно. Я не понял, что он сказал, но «знал», что он приказывает нам не скашивать глаза.

— Темнота опустилась на мир, — сказал дон Хуан, глядя на небо.

Дон Хенаро начертил на земле ущербный месяц. Мгновение мне казалось, что он использовал какой-то светящийся мел, но затем я сообразил, что в руках у

него ничего нет. Я воспринимал воображаемый полумесяц, который он нарисовал своим пальцем. Он велел мне и Паблито сесть на внутреннюю кривую выпуклого края, в то время как дон Хуан и он сели на концы полумесяца, скрестив ноги, в четырех-пяти футах от нас.

Первым заговорил дон Хуан. Они собирались показать нам своих союзников. Он сказал, что если мы посмотрим внимательно, то у каждого из них сбоку у пояса сможем увидеть что-то вроде тряпки или носового платка, подвешенного к поясу. Дон Хенаро добавил, что помимо тряпочек у них на поясах были две круглые, похожие на пуговицы штуковины, и что мы должны смотреть на их пояса до тех пор, пока не увидим и «тряпочки», и «пуговицы».

Прежде чем дон Хенаро договорил, я уже заметил какие-то плоские предметы, подобные кускам ткани, и по одному круглому камешку, которые висели у каждого из них на поясе. Союзники дона Хуана были более темными и каким-то образом более угрожающими, чем у дона Хенаро. Моей реакцией была смесь любопытства и страха. Я реагировал животом, поскольку ни о чем не мог судить разумным образом.

Дон Хуан и дон Хенаро коснулись своих поясов, и, казалось, отцепили темные кусочки ткани. Они взяли их левыми руками. Дон Хуан подбросил свой в воздух у себя над головой, но дон Хенаро позволил своему мягко опуститься на землю. Кусочки ткани распахнулись, как будто хозяева, подбросив, заставили их расстелиться, как совершенно гладкие носовые платки. Они опускались, медленно ныряя, как воздушные змеи. Движение союзника дона Хуана было точно таким же, как несколько дней назад, когда он кружил возле меня. Когда «кусочки ткани» приблизились к земле, они стали твердыми, круглыми и массивными, но сначала они свернулись, как бы упав на дверную ручку, а затем расправились.

Платок дона Хуана вырос в объемную тень. Она выступила вперед и двинулась к нам, дробя мелкие камни и твердые куски земли. Она подошла к нам на три-четыре фута до самого углубления полумесяца между доном Хуаном и доном Хенаро. В какой-то момент мне показалось, что она собирается прокатиться через нас и растереть нас в пыль. Мой ужас в этот миг был подобен пылающему огню. Тень передо мной была гигантской, наверное, около четырнадцати футов высотой и шести — в ширину, и она двигалась, как бы чувствуя дорогу без всяких глаз. Она дергалась и раскачивалась. Я знал,

что она разыскивает меня. Паблито в этот момент прижал голову к моей груди. Ощущение, которое вызвало его движение, рассеяло часть пугающего внимания, которое я сфокусировал на тени. Тень, казалось, стала рассыпаться, судя по ее беспорядочным рывкам, а затем скрылась из виду, слившись с окружающей темнотой. Я потряс Паблито. Он поднял голову и издал сдавленный крик. Я взглянул вверх. На меня смотрел незнакомый человек. Он, видимо, был раньше позади тени, может быть, прятался за ней. Он был довольно высоким и стройным, совсем без волос. У него было длинное лицо, и вся левая сторона его головы была покрыта какой-то болячкой или экземой. Его глаза дико горели, рот был полуоткрыт. На нем был какой-то странный костюм, похожий на пижаму со слишком короткими штанами. Я не мог различить, был ли он обут. Он долгое время стоял, глядя на нас и как бы ожидая просвета, чтобы броситься на нас и разорвать в клочья. Такая ярость была в его глазах... Это была не ненависть или жестокость, скорее — животное желание растерзать. Я больше не мог выдерживать напряжения и хотел принять боевую позицию, которой дон Хуан обучил меня несколько лет назад. И я бы так и сделал, если бы Паблито не зашептал, что союзник не может пересечь линию, которую дон Хенаро нарисовал на земле. До меня дошло, что там действительно была яркая линия, которая, казалось, отделяла все, что было перед нами.

Через секунду человек двинулся влево и исчез, как и тень перед ним. У меня было ощущение, что дон Хуан и дон Хенаро отозвали их назад.

Последовала короткая спокойная пауза. Я больше не видел на концах полумесяца дона Хуана и дона Хенаро. Внезапно раздался звук падения двух маленьких камешков на твердую каменистую почву рядом с нами, и мгновенно весь участок перед нами был освещен расплывчатым желтоватым светом. Прямо перед нами находилось огромное хищное животное — тошнотворно выглядевший койот или волк. Все его тело было покрыто чем-то белесым, словно пот или слюна. Его шерсть была мокрой и взлохмаченной, глаза — дикими. Он взвыл со слепой яростью, которая бросила меня в дрожь. Его челюсти дрожали, и клочья слюны разлетались вокруг. Он загребал лапами землю, как бешеная собака, пытающаяся сорваться с цепи. Затем он поднялся на задние лапы и стал быстро перебирать передними, щелкая челюстями. Вся его ярость, казалось, была сконцентрирована на том, чтобы сломать какой-то барьер перед нами.

Я осознал, что мой страх перед этим бешеным животным был другого сорта, чем страх перед теми двумя привидениями. К этому животному я испытывал отвращение и ужас. Я в полном бессилии смотрел на его ярость. Внезапно оно, казалось, потеряло свою дикость и скрылось из виду.

Затем я услышал или почувствовал, как еще что-то приближается к нам. Совершенно внезапно перед нами появилась фигура колоссального зверя из семейства кошачьих. Сначала я видел только ее глаза в темноте. Они были огромными и неподвижными, как два озера, отражающие свет. Она всхрапнула и зарычала тихо и грозно, потом выдохнула воздух и стала метаться взад-вперед перед нами, не отрывая от нас глаз. Она не обладала тем электрическим свечением, какое было у койота, и я не мог четко рассмотреть ее контуров, но знал, что ее присутствие было бесконечно более опасным, чем присутствие другого зверя. Она как будто копила силу для нападения. Я чувствовал, что этот зверь настолько смел, что может превзойти свои границы. Паблито, должно быть, был такого же мнения, потому что он прошептал, что мне следует пригнуть голову и лечь почти вплотную к земле. Через секунду кошка атаковала. Она побежала прямо на нас, а затем прыгнула, вытянув лапы вперед. Я закрыл глаза и обхватил голову руками, прижавшись к земле. Животное разорвало защитную линию, которую дон Хенаро начертил вокруг нас, и уже находилось прямо над нами. Я чувствовал ее вес, прижимающий меня к земле. Мех ее живота терся о мою шею. Казалось, ее передние лапы в чем-то завязли, и она дергалась, чтобы освободиться. Я ощущал ее рывки и дерганья, слышал ее дьявольское шипение. Тут я понял, что пропал. У меня появилось неопределенное чувство разумного выбора, и я хотел спокойно отдаться своей судьбе и умереть здесь, но я боялся физической боли умирания при таких ужасных обстоятельствах. Затем какая-то странная сила вырвалась из моего тела. Казалось, тело отказывалось умирать и собрало всю свою силу в левое плечо и руку. Я почувствовал мощную волну, прошедшую по ним. Что-то неконтролируемое охватило мое тело. Нечто такое, что заставило меня столкнуть с нас массивный и опасный груз зверя. Паблито реагировал точно так же, и мы оба поднялись сразу. Так много энергии было высвобождено нами обоими, что животное отлетело, как тряпичная кукла.

Напряжение было огромным. Я свалился на землю, хватая воздух ртом. Мышцы моего живота были так напряжены, что я не мог дышать. Я не обращал внимания на Паблито и на то, что он делает. Наконец я заметил, что

дон Хуан и дон Хенаро помогают мне сесть. Я увидел Паблито, распростертого на земле лицом вниз. Казалось, он потерял сознание. Усадив меня, они взялись за Паблито. Они растирали его живот и спину, и через некоторое время он мог сесть сам.

Дон Хуан и дон Хенаро уселись на концах полумесяца и начали двигаться перед нами, как по какому-то невидимому рельсу, который они использовали, чтобы менять свое положение туда и сюда с одного конца полумесяца на другой. От их движения у меня закружилась голова. Наконец они остановились рядом с Паблито и начали шептать ему в уши. Через секунду они поднялись все трое сразу и пошли к краю утеса. Дон Хенаро поднял Паблито, как ребенка. Тело Паблито было твердым, как доска. Дон Хуан взял его за щиколотки. Они раскрутили его, чтобы набрать инерцию и силу, а затем отпустили, забросив его тело через край утеса в бездну.

Я видел тело Паблито на фоне темного западного неба. Оно описывало круги, точно так же, как раньше это делал дон Хуан. Круги были медленными. Паблито, казалось, набирал высоту, вместо того, чтобы падать. Затем круги стали ускоряться. На секунду тело Паблито зависло, завертелось, как диск, а затем растаяло. Мне показалось, что он исчез в воздухе. Дон Хуан и дон Хенаро подошли ко мне, опустились на корточки и стали шептать мне в уши. Каждый из них говорил разное, но у меня не было затруднений в том, чтобы выполнять их команды. Казалось, я был «расщеплен» в тот же момент, когда они сказали свои первые слова. Я почувствовал, что они делают со мной то же самое, что и с Паблито. Дон Хенаро раскрутил меня, и потом у меня на какой-то момент появилось совершенно сознательное ощущение вращения в воздухе или парения. Затем я несся сквозь воздух, падая вниз на землю с огромной скоростью. Падая, я чувствовал, что моя одежда срывается с меня, затем испарилось мое тело, и, наконец, осталась только голова.

У меня было очень ясное ощущение, что мое тело расчленилось. Исчез мой чрезмерный вес, и падение потеряло инерцию, а скорость уменьшилась. Мое снижение не было больше пикированием. Я начал парить взад-вперед, как падающий лист, затем голова тоже лишилась веса, и все, что осталось от «меня», было квадратным сантиметром, комочком, тонкой линзой. Все мои чувства были сконцентрированы в этом комочке. Затем это оставшееся нечто как будто взорвалось и разлетелось на тысячу кусков. Я знал, или что-то знало, что я осознаю тысячью кусков сразу. Я был самим осознанием. Затем

какая-то часть моего осознания начала собираться. Она росла, увеличивалась. Она стала локализованной, и мало-помалу я обрел чувство границ осознания или что-то вроде этого. И внезапно тот «я», который был мне знаком, превратился в захватывающий дух калейдоскоп всех вообразимых комбинаций «прекрасных» сцен. Я как будто смотрел на тысячи картин мира, людей и вещей.

Затем картина стала туманной. У меня было ощущение, что сцены проносятся перед моими глазами на все более высокой скорости, пока ни одну из них я уже не мог выделить. Наконец передо мной словно предстало все устройство мира, несущегося перед моими глазами, как неразрывная бесконечная цепь.

Внезапно я увидел себя стоящим на скале рядом с доном Хуаном и доном Хенаро. Они прошептали, что выдернули меня назад, и что я был свидетелем неизвестного, о котором никто не может говорить. Они сказали, что собираются швырнуть меня в него еще раз и что я должен позволить крыльям своего восприятия развернуться так, чтобы они коснулись одновременно и тоналя, и нагваля, а не бросались от одного к другому.

У меня опять было ощущение, что меня развернули, бросили, ощущение падения, вращения на большой скорости. Затем я взорвался, распался. Что-то во мне поддалось. Тут я полностью осознал, что во мне затронут некий секретный резервуар, и что его содержимое неудержимо хлынуло наружу. Освободилось нечто такое, что я всю жизнь держал замкнутым. Больше не существовало того сладкого единства, которое я называл «я». Не было ничего, и, тем не менее, это ничто было наполнено до краев. Это не была темнота или свет. Это не был холод или жара. Это не было приятно или неприятно. Не то чтобы я двигался, или парил, или был неподвижен. И не был я также единой частицей, самим собой, каким я привык быть. Я был мириадами частиц, которые все были мной. Колонии разделенных частиц, которые имели особую связь друг с другом и могли объединиться, чтобы неизбежно сформировать единое осознание, мое человеческое осознание. Не то чтобы я знал все это без тени сомнения, потому что мне нечем было «знать», но все мое единое осознание «знало», что «я» и «меня» знакомого мира было колонией, конгломератом раздельных и независимых ощущений, неразрывно связанных между собой. Именно эта неразрывная связь моих бесчисленных осознаний, то отношение, которые эти части имели друг к другу, и была моей жизненной силой.

Для описания этого объединенного ощущения можно было бы сказать, что крупинки осознания были рассеяны. Каждая из них осознавала себя, и ни одна не была более важной, чем другая. Затем что-то согнало их, и они объединились, и оказались в области, где все должны были слиться в одно облако, в «меня», которого я знал. Когда «я», «я сам» оказывался таким, то я мог быть свидетелем связных сцен деятельности мира, сцен, которые относились к другим мирам, и таких, которые, как я полагал, были чистым воображением, или сцеп, которые относились к «чистому мышлению», то есть я видел интеллектуальные системы или идеи, стянутые вместе для словесного выражения. В некоторых сценах я от души разговаривал сам с собой. После каждой из этих связных картин «я» распадался в ничто опять.

Во время одной из таких экскурсий в связную картинку я оказался на скале с доном Хуаном. Я мгновенно сообразил, что я — это тот «я», с которым я знаком. Я физически ощутил себя как реального. Я, скорее, был в мире, чем смотрел на него.

Дон Хуан обнял меня, как ребенка. Я мог видеть его глаза в темноте. Они были добрыми. Казалось, в них был вопрос. Я знал, что это за вопрос. Невыразимое действительно было невыразимым.

— Ну? — сказал он тихо, как если бы ему нужно было мое подтверждение.

Я был бессловесен. Слова «онемелый», «ошеломленный», «смущенный» и так далее ни в коей мере не могли описать моих чувств в данный момент. Я не был плотным. Я знал, что дону Хуану пришлось схватить и удерживать меня силой на земле, иначе бы я взлетел в воздух и исчез. Я не боялся исчезнуть. Меня страстно тянуло в «неизвестное», где мое осознание не было объединенным.

Надавливая на мои плечи, дон Хуан медленно привел меня к тому месту, где находился дон Хенаро. Он заставил меня лечь, а затем покрыл мягкой землей из кучи, приготовленной заранее. Он засыпал меня до шеи. Из листьев он сделал мягкую подушку, на которой могла лежать моя голова, и велел мне не двигаться и ни в коем случае не спать. Он сказал, что собирается сидеть рядом, и составлять мне компанию до тех пор, пока земля вновь не сделает твердой мою форму.

Я чувствовал себя очень удобно, только невыносимо хотел спать. Дон Хуан не позволял. Он требовал, чтобы я разговаривал о чем угодно, только не о том, что я испытал. Сначала я не знал, что сказать, а затем спросил о доне Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро забрал Паблито и зарыл поблизости, делая с ним то же, что он со мной.

Я как будто и хотел поддержать разговор, но что-то во мне не было цельным. Мне все было необыкновенно безразлично; моя усталость больше походила на скуку. Похоже, дон Хуан знал, что я испытываю. Он заговорил о Паблито и о связи наших судеб. Он сказал, что стал бенефактором Паблито в то же время, когда дон Хенаро стал его учителем, и что сила сводила меня с Паблито шаг за шагом. Он заметил, что единственным различием между Паблито и мною было то, что мир Паблито как воина находился в царстве страха и давления, а мой управлялся любовью и свободой. Дон Хуан объяснил, что это вызвано различием в личностях бенефакторов. Дон Хенаро был мягким, привлекательным, забавным, тогда как он сам был строгим, сухим и прямым. Он отметил, что моя индивидуальность требовала сильного учителя и нежного бенефактора. Паблито же, напротив, нужен был добрый учитель и суровый бенефактор.

Мы продолжали говорить еще некоторое время, пока не настало утро. Когда над восточными пиками гор появилось солнце, он помог мне выбраться из-под земли.

Я проснулся во второй половине дня, и мы с доном Хуаном сидели у дверей дома дона Хенаро. Дон Хуан сказал, что дон Хенаро все еще с Паблито и что он подготавливает его к последней встрече.

— Завтра ты и Паблито отправитесь в неизвестное, — сказал он. — Я должен подготовить тебя к этому сейчас. Вы пойдете туда самостоятельно. Прошлой ночью вы оба были как мячики на резинке, а мы дергали вас туда и сюда. Завтра же вы будете предоставлены самим себе.

Меня одолел зуд любопытства, и вопросы о том, что происходило со мной прошлой ночью, хлынули из меня. Мой поток не затронул его.

— Сегодня я должен выполнить самый критический маневр, — сказал он. — Я

должен разыграть тебя в последний раз. И ты должен клюнуть на мой трюк.

Он засмеялся и хлопнул себя по ляжкам.

— Первое упражнение, которое Хенаро хотел показать вам прошлой ночью — как маги используют нагваль, — продолжал он. — Нет возможности подобраться к объяснению магов, если по своей воле не используешь нагваль или, скорее, по собственной воле не используешь тональ для того, чтобы твои действия в нагвале обрели смысл. Еще один способ объяснить все это — сказать, что внимание тоналя должно превалировать, если собираешься использовать нагваль так, как это делают маги.

Я сказал ему, что вижу противоречие в его утверждениях. С одной стороны, два дня назад он дал мне невероятнейшее объяснение своих поразительных действий в течение ряда лет, действий, нацеленных на изменение моей картины мира. А теперь он хочет, чтобы эта самая картина превалировала.

— Одно к другому не относится, — сказал он. — Порядок в нашем восприятии является исключительно царством тоналя. Только там наши действия могут иметь последовательность, только там они являются лесенкой, на которой можно считать ступеньки. В нагвале ничего подобного нет. Поэтому картина тоналя — это инструмент. Но он не только лучший инструмент, но и единственный, который мы имеем.

Прошлой ночью пузырь твоего восприятия раскрылся, и его крылья развернулись. Больше мне нечего сказать об этом. Невозможно объяснить, что с тобой произошло. Я не пытаюсь, и тебе не советую. Достаточно сказать, что крылья твоего восприятия были созданы для осознания твоей целостности. Прошлой ночью ты вновь и вновь двигался между нагвалем и тоналем. Тебя швыряли дважды для того, чтобы не осталось возможности ошибок. Второй раз ты испытал полный удар путешествия в неизвестное. И тогда твое восприятие развернуло свои крылья. Что-то внутри тебя поняло свою истинную природу. Ты — пучок.

Это объяснение магов. Нагваль невыразим. Все возможные ощущения, и существа, и личности плавают в нем, как баржи — мирно, неизменно, всегда. Это идея жизни связывает их вместе. Ты сам обнаружил это прошлой ночью. То же с Паблито. И то же было с Хенаро, когда он впервые путешествовал в

неизвестное, и со мной. Когда клей жизни связывает все эти чувства воедино, возникает существо, теряющее ощущение своей истинной природы, ослепленное суетой и сиянием места, где оно оказалось — тоналем. Тональ — это то, где существует всякий объединенный организм. Существо впрыскивается в тональ, как только сила жизни связывает все необходимые ощущения. Я однажды говорил тебе, что тональ начинается с рождения и кончается смертью. Я говорил это потому, что знаю: как только сила жизни оставляет тело, все эти единые осознания распадаются и возвращаются назад туда, откуда они пришли — в нагваль. То, что делает воин, путешествуя в неизвестном, очень похоже на умирание, только вот его пучок единых ощущений не распадается, а лишь немного расширяется, не теряя своей целостности. В смерти, однако, они тонут глубоко и двигаются независимо, как если бы они никогда не были единым целым.

Я хотел сказать ему, насколько точно он описал мой опыт, но он не дал мне договорить.

— Нет способа говорить о неизвестном, — сказал он. — Можно быть только свидетелем его. Объяснение магов гласит, что у каждого из нас есть центр, из которого можно быть свидетелем нагваля, — это воля. Поэтому воин может отправляться в нагваль и позволять своему пучку складываться и перестраиваться всевозможными способами. Я уже говорил тебе, что способ выражения нагваля — это личное дело. Я имел в виду, что от самого воина зависит направление изменения этого пучка. Исходной позицией являются человеческая форма или человеческое существо. Быть может, она нам просто всего милее. Однако есть бесчисленное количество других форм, которые может принять пучок. Я говорил тебе, что маг может принять любую форму, какую хочет. Это правда. Воин, владеющий целостностью самого себя, может перераспределить частицы своего пучка любым вообразимым способом. Сила жизни — вот что делает такие объединения возможными. Когда сила жизни иссякнет — не будет никакого способа вновь собрать пучок. Я назвал этот пучок пузырем восприятия. Я также говорил, что он упакован, закрыт накрепко, и никогда не открывается до момента нашей смерти. И все же его возможно открыть. Маги явно раскрыли этот секрет, и хотя не все они достигли целостности самих себя, но знали о возможности этого. Они знали, что пузырь открывается только тогда, когда погружаешься в нагваль. Вчера я рассказал тебе обо всех тех шагах, которые ты сделал, чтобы достичь этой точки.

Он пристально посмотрел на меня, как бы ожидая замечаний или вопросов. То, что он сказал мне, было вне замечаний. Я понял, что если бы он сообщил мне все это четырнадцать лет назад, до меня это просто не дошло бы. Так же, как и в любой другой момент моего ученичества. Важным был опыт, полученный мною теперь и ставший фундаментом для объяснения.

— Я жду обычного вопроса, — сказал он, медленно выговаривая каждое слово.

— Какого вопроса? — спросил я.

— Того, который не терпится задать твоему разуму.

— Сегодня я устраняюсь от всех вопросов. У меня действительно нет ни одного, дон Хуан.

— Это нечестно, — сказал он смеясь. — Есть особый вопрос, и мне нужно, чтобы ты его задал.

Он сказал, что если я выключу внутренний диалог хоть на мгновение, то смогу понять, что это за вопрос.

У меня появилась внезапная мысль, мгновенное озарение, и я уже знал, чего он хочет.

— «Где находилось мое тело, когда все это происходило со мной?» — выпалил я, и он схватился за живот от смеха.

— И это последний трюк мага, — сказал он. — Скажем так: то, что я собираюсь тебе раскрыть, является последней крупинкой объяснения. До этого момента твой разум готов был принять идею, что мир не соответствует обычному описанию, и что в мире есть намного больше всего, чем способен увидеть глаз. Разум почти хочет и готов признать, что твое восприятие действительно скакало вверх и вниз по тому утесу. И какая-то часть тебя или даже весь ты прыгал на дно ущелья и осматривал глазами тоналя то, что там находится, как если бы ты спускался туда по веревке или по лестнице. Акт осмотра дна ущелья был венцом всех этих лет тренировки. Ты сделал это хорошо. Хенаро увидел кубический сантиметр шанса, бросая камень в тебя, который был на

дне ущелья. Ты видел все. Мы с Хенаро поняли тогда без тени сомнения, что ты готов к броску в неизвестное. В тот миг ты не только видел, но и знал все о дубле, о другом.

Я прервал его, сказав, что он оказывает мне незаслуженное доверие в чем-то таком, что находится вне моего понимания. Он отвечал, что нужно время, чтобы впечатления осели, и как только это произойдет, ответы польются из меня таким же потоком, как в прошлом — вопросы.

— Секрет дубля в пузыре восприятия, который той ночью у тебя был одновременно и на вершине скалы и на дне ущелья, — сказал он. — Пучок чувств можно воспринимать здесь и там одновременно.

Он уговаривал меня подумать и вспомнить последовательность событий, которые, как он сказал, были столь обычны, что я почти забыл их. Я не мог понять, о чем он говорит. Он уговаривал меня попытаться еще.

— Подумай о своей шляпе, — сказал он. — И подумай о том, что Хенаро с ней сделал.

Я испытал потрясающий момент вспоминания. Я вспомнил, что Хенаро действительно хотел, чтобы я снял свою шляпу, потому что она все время спадала, сдуваемая ветром. Но я не хотел с ней расставаться. Просто я чувствовал себя ужасно глупо, будучи голым. То, что на мне была шляпа, которую я не имел обыкновения носить, дарило странное ощущение: я уже не был реально самим собой. А в таком случае пребывать без одежды не казалось столь уж неловким. Дон Хенаро пытался поменяться со мной, но его шляпа была слишком мала для моей головы. Он отпускал шуточки по поводу размеров моей головы и пропорций моего тела и, в конце концов, снял с меня шляпу и обмотал мою голову старым пончо, как тюрбаном.

Я сказал дону Хуану, что забыл о шляпе, но уверен, что это происходило где-то между так называемыми прыжками. Но ведь мое воспоминание об этих «прыжках» составляло единое, непрерывное целое!

— Они действительно были непрерывным целым. Но таким же целым было шутовство Хенаро с твоей шляпой, — сказал он. — Два этих воспоминания нельзя уложить одно за другим, потому что они происходили одновременно.

Он заставил пальцы своей левой руки двигаться так, будто они не могли пройти между пальцами правой руки.

— Эти прыжки были только началом, — продолжал он. — Затем пришла твоя настоящая экскурсия в неизвестное. Прошлой ночью ты испытывал невыразимое — нагваль. Твой разум не может бороться с физическим знанием о тебе как безымянном пучке ощущений. В этой точке твой разум даже может признать, что есть другой центр — воля, которым можно судить, или оценивать, или использовать необычные эффекты нагваля. Наконец-то твоему разуму стало ясно, что нагваль можно отражать через волю, хотя объяснить его нельзя никогда.

Но затем приходит твой вопрос: «Где я находился, когда все это происходило? Где было мое тело?» Убеждение, что ты есть реальный «ты» — следствие того, что ты перекатил все, что у тебя было, поближе к разуму. В данный момент твой разум признает, что твой нагваль невыразим не потому, что его в этом убедили доказательства, но потому, что для него безопаснее признать это. Твой разум на безопасной почве, все элементы тоналя на его стороне.

Дон Хуан сделал паузу и внимательно посмотрел на меня. Его улыбка была доброй.

— Пойдем к месту предрасположения дона Хенаро, — сказал он отрывисто.

Он поднялся, и мы пошли к той скале, на которой разговаривали два дня назад. Мы удобно уселись на тех же местах, прислонившись спиной к камню.

— Постоянной задачей учителя является делать все, чтобы разум чувствовал себя в безопасности, — сказал он. — Я трюком подвел твой разум к вере в то, что тональ объясним и предсказуем. Мы с Хенаро очень потрудились, и у тебя создалось впечатление, что только нагваль находится за границами объяснения. Доказательством успеха наших маневров служит твоя уверенность в существовании какого-то центра, который ты можешь назвать своим собственным, своим разумом. И это несмотря на все, что ты уже прошел. Это мираж. Твой драгоценный разум является только центром сборки, зеркалом, которое отражает нечто, находящееся вне его. Прошлой ночью ты был свидетелем не только неописуемого нагваля, но и неописуемого тоналя.

В последнем кусочке объяснения магов говорится, что разум только отражает внешний порядок, ничего не зная об этом порядке, и он не может объяснить его точно так же, как не может объяснить нагваль. Разум может только свидетельствовать эффекты тоналя, но никогда не сможет понять его или разобраться в нем. Уже то, что мы думаем и говорим, указывает на какой-то порядок, которому мы следуем, даже не зная, ни как мы это делаем, ни того, чем является этот порядок.

Тут я привел концепцию исследований западного человека о работе мозга и о возможности объяснения природы этого порядка. Он заметил, что все эти исследования сводятся лишь к признанию, что что-то происходит.

— Маги делают то же самое своей волей, — сказал он. — Они говорят, что через волю они могут быть свидетелями эффектов нагваля. Я добавлю только, что через разум, вне зависимости от того, что мы делаем и как мы это делаем, мы просто свидетельствуем эффекты тоналя. В обоих случаях равно нет никакой надежды понять или объяснить, чему именно мы являемся свидетелями.

Прошлой ночью ты в первый раз взлетел на крыльях своего восприятия. Пока ты еще очень боязлив и отважился только на полосу человеческого восприятия. Маг использует эти крылья, чтобы коснуться и иных ощущений. Например, вороны, койота, сверчка, или порядка других миров в этом бесконечном пространстве.

— Ты имеешь в виду другие планеты, дон Хуан?

— Конечно. Крылья восприятия могут унести нас в отдаленнейшие пространства нагваля или невообразимые миры тоналя.

— И что, маг может, например, отправиться на Луну?

— Конечно может, — ответил он. — Но он не сможет принести оттуда мешок камней.

Мы посмеялись и пошутили об этом, но его заявление было сделано совершенно серьезно.

— Мы прибыли к окончанию объяснения магов, — сказал он. — Прошлой ночью мы с Хенаро показали тебе две последние точки, образующие целостность человека, — нагваль и тональ. Однажды я говорил тебе, что эти две точки находятся вне нас, и в то же время это не так. Это парадокс светящегося существа. Тональ каждого из нас является просто отражением неописуемого неизвестного, наполненного порядком, а нагваль каждого из нас является только отражением неописуемой пустоты, которая содержит все.

Теперь ты должен сидеть на месте предрасположения Хенаро до сумерек. К тому времени ты камня на камне не оставишь от объяснения магов.

Теперь у тебя нет ничего, кроме силы жизни, которая связывает пучок ощущений.

Он поднялся.

— Задача завтрашнего дня в том, чтобы броситься в неизвестное тебе самому, а мы с Хенаро проследим за тобой, не вмешиваясь, — сказал он. — Сядь здесь и выключи свой внутренний диалог. Ты можешь собрать силу, необходимую для того, чтобы развернуть крылья восприятия и полететь в эту бесконечность.

Глава 4. Предрасположение двух воинов

Дон Хуан разбудил меня на рассвете. Он вручил мне флягу с водой и сумку с сухим мясом. Около двух миль до места, где я два дня назад оставил машину, мы прошли молча.

— Это путешествие — наше последнее путешествие вместе, — спокойно сказал он, когда мы подошли к машине.

Я ощутил в животе сильный толчок. Я знал, что он имеет в виду.

Пока я открывал дверцу, он стоял, прислонившись к переднему бамперу, и смотрел на меня с таким чувством, какого я в нем еще не знал. Мы сели в машину, но прежде, чем я завел мотор, он сделал несколько замечаний, которые я прекрасно понял. Он сказал, что есть еще пара минут, чтобы посидеть в машине и коснуться некоторых чувств очень личного характера.

Я сидел спокойно, но мне было не по себе. Мне хотелось сказать что-нибудь такое, что помогло бы мне хоть немного успокоиться. Но напрасно я искал подходящие слова, формулировку, которая выразила бы то, что я «знал» без слов.

Дон Хуан заговорил о маленьком мальчике, которого я знал когда-то, и о моих чувствах к нему, которые не менялись со временем и расстоянием. Дон Хуан сказал, что он уверен, что всегда, когда я думаю об этом мальчике, моя душа радостно вздрагивает, и я без следа эгоизма и мелочности желаю ему всего самого лучшего.

Он напомнил мне о той истории, что я рассказывал ему когда-то. Истории, так понравившейся ему, и в которой он находил глубокий смысл. Во время одной из наших прогулок в горах близ Лос-Анжелеса маленький мальчик устал идти, и я взял его на плечи. Волна бесконечного счастья охватила нас тогда, и мальчик кричал во все горло слова благодарности солнцу и горам.

— Это был его способ прощания с тобой, — сказал дон Хуан.

У меня болезненно сжалось горло.

— Есть много способов прощания, — сказал он. — Наилучший способ — это удержать конкретное воспоминание радости. Если ты живешь как воин, то тепло, которое ты ощущал, когда мальчик был на твоих плечах, будет свежим и неизменным все время, пока ты живешь. Это способ прощания воина.

Я поспешно включил мотор и поехал быстрее, чем обычно. Мы ехали по каменистой дороге до тех пор, пока не попали на грунтовую.

Небольшое расстояние мы проехали, а остальной путь прошли пешком.

Примерно через час мы пришли к роще. Дон Хенаро, Паблито и Нестор уже ждали нас там. Я поздоровался. Казалось, все они были счастливы и полны энергии. Я посмотрел на них и на дона Хуана, и меня охватило чувство глубокой привязанности к ним всем. Дон Хенаро обнял меня и ласково похлопал по спине. Он сказал Нестору и Паблито, что я прекрасно выполнил прыжки на дно ущелья. Держа руку на моем плече, он обратился к ним громким голосом.

— Да, господа, — сказал он, глядя на них. — Я его бенефактор и знаю, что это было истинным достижением. Это было венцом многих лет жизни воина.

Он повернулся ко мне, положив мне на плечо и другую руку. Глаза его были сияющими и спокойными.

— Мне нечего сказать тебе, Карлитос, — сказал он, медленно произнося каждое слово. — За исключением того, что у тебя необычайное количество экскрементов в кишках.

После чего он и дон Хуан взвыли от смеха так, что, казалось, они вот-вот потеряют сознание. Паблито и Нестор нервно посмеивались, не зная, как себя вести.

Когда они успокоились, Паблито сказал мне, что он не уверен в своей способности пойти в неизвестное самому.

— Я на самом деле я не имею понятия, как это сделать, — сказал он. — Хенаро говорит, что ничего не нужно, кроме неуязвимости. А ты как думаешь?

Я сказал, что знаю еще меньше, чем он. Нестор озабоченно вздохнул. Потом нервно задвигал руками и ртом, как будто собирался сказать что-то важное, но не знал, как это сделать.

— Хенаро говорит, что вы оба сделаете это, — наконец сказал он.

Дон Хенаро взмахом руки показал, что мы уходим. Они с доном Хуаном шли впереди в нескольких ярдах от нас. В полном молчании мы шли горной тропой почти целый день и ни разу не останавливались. Все мы несли с собой сухое мясо и фляги с водой, значит, в этом путешествии мы должны были есть. В

каком-то месте тропа явно стала дорогой. Она обогнула горы, и внезапно перед нами открылся вид долины. Это было захватывающее дух зрелище, — длинная зеленая долина, отсвечивающая под лучами солнца. Над ней повисли две великолепные радуги, и повсюду над холмами были видны полосы дождя.

Дон Хуан остановился и вздернул подбородок, указывая на что-то внизу дону Хенаро. Дон Хенаро покачал головой. Это не было отрицанием или согласием, простой кивок. Оба они стояли неподвижно, долго глядя в долину.

Мы сошли с дороги, пойдя напрямик, пока не спустились до более узкой и неровной тропы, ведущей в северную часть долины. Равнины мы достигли в полдень. Резко запахло ивами и влажной речной землей. На мгновение дождь на деревьях слева от меня был похож на мягкий зеленый шорох, потом под ним затрепетал только тростник. Я слышал журчание ручья. На секунду я остановился, прислушиваясь, и взглянул на вершины деревьев. Высокие слоистые облака на западном горизонте плыли, как клочья ваты, рассеянные по небу. Я стоял там, наблюдая за облаками довольно долго, так что все остальные успели уйти далеко вперед. Я побежал за ними.

Дон Хуан и дон Хенаро остановились и повернулись одновременно. Их глаза двигались и застыли на мне с та-

кой синхронностью и единством, как если бы они были одним существом. Это был короткий пронзительный взгляд, от которого озноб прошел у меня по спине. Затем дон Хенаро засмеялся и сказал, что я бегу, топая, как трехсотфунтовый плоскостопный мексиканец.

— Почему плоскостопый мексиканец? — спросил дон Хуан.

— Плоскостопый трехсотфунтовый индеец не бегает, — «объяснил» дон Хенаро.

— А, — протянул дон Хуан, как если бы Хенаро действительно что-то объяснил.

Мы пересекли сочную зеленую долину и взобрались на гору с востока. В конце дня мы, наконец, сделали привал на вершине плоского, загроможденного камнями утеса, нависшего над долиной с юга. Растительность полностью

изменилась. Всюду вокруг нас находились выветренные горы. Земля в долине и по склонам была размежевана и обработана, но от всего здесь веяло отдаленностью и одиночеством. Солнце уже было низко над юго-западным горизонтом. Дон Хуан и дон Хенаро повели нас к северному краю утеса. С этого места ландшафт был более гористым. На севере виднелись бесконечные долины и горы, а на западе — высокий горный хребет. Солнечный свет, отражаясь в далеких северных горах, делал их оранжевыми, похожими на облака на западе. Пейзаж, несмотря на свою красоту, вызывал чувства печали и одиночества.

Дон Хуан вручил мне мой блокнот. У меня не было никакого желания делать заметки. Мы сели полукругом, с доном Хуаном и доном Хенаро по краям.

— Ты начал путь знания записывая, и ты закончишь его так же, — сказал дон Хуан.

Они так уговаривали меня писать, словно только это и было важно.

— Ты на самом краю, Карлитос, сказал дон Хенаро. И ты Паблито. Вы оба.

Его голос был мягким, добрым и озабоченным. Не было привычной клоунады.

— Другие воины, путешествуя в неизвестное, останавливались на этом самом месте, — сказал он. — И все они желают вам добра.

Я услышал какой-то треск, словно воздух был полутвердым, и какая-то волна вдруг прорвалась сквозь него.

— Все мы здесь желаем вам двоим всего хорошего, — сказал он.

Нестор обнял Паблито и меня, а затем сел в стороне от нас.

— Еще есть время, — сказал дон Хенаро, глядя на небо. А затем, повернувшись к Нестору, он добавил: — Чем займемся?

— Мы должны смеяться и развлекать друг друга, — ответил Нестор быстро.

Я сказал дону Хуану, что боюсь того, что меня ожидает, и что я определенно

лишь трюком вовлечен во все это. Я, который даже не воображал ситуации, подобной той, в которой мы с Паблито теперь оказались. Я сказал, что мною овладевает нечто пугающее и мало-помалу подталкивает меня, пока я не окажусь лицом к лицу с чем-то похуже смерти.

— Ты жалуешься, — сказал дон Хуан сухо. — Ты чувствуешь жалость к самому себе до последней минуты.

Тут они все рассмеялись. Он был прав. Что за непобедимая штука! А я-то думал, что изгнал ее из своей жизни. Я попросил их всех извинить меня за мой идиотизм.

— Не извиняйся, — сказал мне дон Хуан. — Извинение — это чепуха. Что сейчас важно на самом деле — это быть неуязвимым воином в этом уникальном месте силы. Это место давало приют наилучшим воинам. Будь таким же, какими были они.

Затем он обратился к нам с Паблито.

— Вы уже знаете, что это последняя задача, в которой мы будем вместе, — сказал он. — Вы войдете в нагваль и тональ при помощи только своей личной силы. Хенаро и я находимся здесь только для того, чтобы попрощаться с вами. Сила определила, чтобы Нестор был свидетелем. Так будет.

Это также будет последним перекрестком для вас, свидетелями которого будем мы с Хенаро. Как только вы войдете в неизвестное сами, вы уже не будете зависеть от нас в своем возвращении, поэтому решение обязательно: вы сами должны будете решить, возвращаться вам или нет. Мы уверены, что у вас двоих хватит силы вернуться, если вы решите это сделать. Прошлой ночью вы смогли и вместе и по отдельности в совершенстве отшвырнуть союзника, который иначе сокрушил бы вас до смерти. Это было испытанием вашей силы.

Я могу добавить также, что немногие из воинов остаются в живых после встречи с неизвестным, которая ждет вас. Не столько потому, что это трудно, сколько потому, что нагваль привлекателен свыше всякой меры, и воины, которые отправляются в него, находят, что возвращение к тоналю или к миру порядка, шума и боли — неприятнейшее дело.

Решение остаться или вернуться принимается чем-то внутри нас, чем-то, что не является ни нашим разумом, ни нашим желанием, ни даже нашей волей. Поэтому невозможно заранее узнать исход.

Если вы выберете не возвращаться, то вы исчезнете, как если бы земля поглотила вас. Но если вы выберете вернуться, — вернуться на эту Землю, то вы должны будете ждать как истинные воины, пока ваши частные задачи не будут закончены. После того, как они будут завершены, неважно, успехом или неудачей, вы обретете власть над целостностью самих себя.

Дон Хуан на секунду остановился. Дон Хенаро посмотрел на меня и подмигнул.

— Карлитос хочет узнать, что это значит — обрести власть над целостностью самого себя? — сказал он, и все засмеялись.

Он был прав. При любых других обстоятельствах яспросил бы об этом, однако ситуация была слишком мрачной для таких вопросов.

— Это значит, что воин в конце концов встретился с силой, — сказал дон Хуан. — Никто не может сказать, что именно каждый воин станет с ней делать. Может, вы двое будете бродить мирно и незаметно по лицу Земли, а может, вы вернетесь, чтобы стать ненавидимыми людьми, или, может быть, знаменитыми, или добрыми. Все это зависит от неуязвимости и свободы вашего духа. Важной вещью, однако, является ваша задача. Это дар, который дают учитель и бенефактор своим ученикам. Я надеюсь, что оба вы успешно доведете свои задачи до их завершения.

— Ждать начала выполнения этой задачи — весьма особое ожидание, — сказал дон Хенаро совершенно внезапно. — И я собираюсь рассказать вам историю о племени воинов, которое жило в другие времена в горах где-то в том направлении, — он небрежно указал на восток, но затем, после секундного колебания изменил решение, поднялся и указал на далекие северные горы.

— Нет, они жили в том направлении, — сказал он, глядя на меня и улыбаясь со знающим видом. — В точности в ста тридцати пяти милях отсюда.

Дон Хенаро, должно быть, изображал меня. Он наморщил лоб и нос, плотно

прижал руки к груди, как бы удерживая какой-то воображаемый предмет, который, надо полагать, был записной книжкой. Он принял очень смешную позу. Я однажды встречался с одним немецким студентом-китаистом, который выглядел в точности так же. Мысль о том, что все это время я, может быть, бессознательно подражал гримасам немецкого синолога, позабавила меня. Я засмеялся. Казалось, эта шутка была специально для меня.

Дон Хенаро уселся опять и продолжал свой рассказ.

— В тех случаях, когда член племени воинов совершал поступок, который, как считалось, шел вразрез с их законами, то его судьба решалась ими всеми. Обвиняемый должен был объяснить причины, по которым он сделал то, что сделал. Его товарищи должны были выслушать его, а затем они расходились, если находили причины убедительными, или же выстраивались со своим оружием на самом краю плоской горы, очень похожей на ту гору, где мы стоим сейчас, готовые привести в исполнение смертный приговор — если они находили его оправдания неприемлемыми. В этом случае приговоренный воин должен был попрощаться со своими старыми товарищами, и его казнь начиналась.

Дон Хенаро взглянул на меня и на Паблито, как бы ожидая от нас знака. Затем он повернулся к Нестору.

— Может быть, Свидетель может сказать нам, что общего эта история имеет с этими двумя? — спросил он у Нестора.

Нестор застенчиво улыбнулся и, казалось, на секунду погрузился в глубокое раздумье.

— Свидетель понятия не имеет, — сказал он с нервным смешком.

Дон Хенаро попросил всех подняться и пойти с ним взглянуть через западный край утеса.

Там был пологий склон до дна равнинного образования. Затем там была узкая полоска земли, заканчивающаяся расщелиной, которая, казалось, была естественным каналом для стока дождевой воды.

— Как раз там, где находится эта расщелина, рос ряд деревьев в тех горах, о которых идет речь, — сказал он. — За этой чертой был густой лес. Попрощавшись со своими товарищами, приговоренный воин должен был начать спускаться по склону к деревьям. Затем его товарищи брали свое оружие и прицеливались в него. Если никто не стрелял, или если воин, несмотря на свои ранения, достигал края деревьев, он был свободен.

Мы вернулись назад к тому месту, где сидели.

— Как теперь, Свидетель? — спросил он Нестора. — Можешь сказать?

Нестор страшно нервничал. Он снял шляпу и почесал голову. Потом он закрыл лицо руками.

— Откуда бедный Свидетель может знать? — бросил он наконец вызывающим тоном и засмеялся вместе со всеми.

— Говорили, что там были люди, которые прорывались без ранения, — продолжал дон Хенаро. — Скажем так, их личная сила влияла на их товарищей. Волна проходила по ним, когда они целились, и никто не смел использовать, своего оружия. Или, может быть, они боялись, его смелости и не могли причинить ему вреда.

Дон Хенаро взглянул на меня, а затем на Паблито.

— Там было одно условие для этой ходьбы к деревьям, — продолжал он. — Воин должен был идти спокойно и собранно, ни на что не обращая внимания. Его шаги должны были быть уверенными и твердыми, он должен был смотреть перед собой спокойно. Он должен был спускаться, не спотыкаясь и не оборачиваясь чтобы посмотреть назад и, главное, не пускаться бежать.

Дон Хенаро сделал паузу. Паблито отозвался на его слона кивком.

— Если вы двое решите вернуться на Землю, — сказал он, — то вы должны будете ждать как истинные воины до тех пор, пока не будут выполнены ваши задачи. Это ожидание очень похоже на спуск воина в этом рассказе. Понимаете, воин покидал время человеческой жизни, — то же и с вами. Единственная разница заключается в том, кто целится в вас. Те, кто целились

в воина, были его товарищами-воинами. Но то, что целится в вас двоих, — это неизвестное. Единственным вашим шансом является ваша неуязвимость. Вы должны ждать, не оглядываясь назад. И вы должны направить всю вашу личную силу на выполнение ваших задач.

Если вы не будете действовать неуязвимо, если вы начнете психовать и станете нетерпеливыми или отчаетесь, то вы будете безжалостно застрелены меткими стрелками из неизвестного.

С другой стороны, ваша неуязвимость и ваша личная сила таковы, что вы способны выполнить ваши задачи. Тогда вы достигнете обещания силы. Вы можете спросить, что это за обещание. Это обещание, которое личная сила дает людям как светящимся существам. У каждого воина — своя судьба, поэтому невозможно сказать, чем именно будет это обещание для каждого из вас.

Солнце почти село. Светло-оранжевая окраска на далеких северных горах потемнела. Пейзаж создавал ощущение выметенного ветром одинокого мира.

— Вы узнали, что сущностью воина является быть смиренным и эффективным, — сказал дон Хенаро, и его голос заставил меня подскочить.

— Вы научились действовать, не ожидая ничего в награду. Теперь я скажу вам, что вам понадобится вся ваша выдержка, чтобы выстоять перед лицом того, что лежит за границами этого дня.

Я испытал спазм в животе. Паблито начал тихонько дрожать.

— Воин всегда должен быть готовым, — продолжал Хенаро. — Судьбой всех нас явилось узнать, что мы являемся пленниками силы. Никто не может сказать, почему именно мы. Но какая великая удача!

Дон Хенаро замолчал и опустил голову, как бы утомившись. В первый раз я слышал, чтобы он говорил подобными словами.

— Здесь принято, чтобы воин попрощался со всеми присутствующими и со всеми теми, кого он оставляет позади себя, — сказал дон Хуан. Он должен сделать это своими словами и громко; так, чтобы его голос навсегда остался

на этом месте силы.

Голос дона Хуана вызвал еще одно изменение в моем осознании данного момента. Наша беседа в машине стала еще мучительней.

Как прав он был, когда сказал, что умиротворенность окружавшего нас пейзажа была только миражом и что объяснение магов наносит такой удар, парировать который не в состоянии никто. Я слышал объяснение магов, и я испытал его основные предпосылки, и теперь я был тут более обнаженным и более беспомощным, чем за всю свою жизнь. Ничто из того, что я когда-либо сделал, что я когда-либо воображал, не могло сравниться с болью и одиночеством этого момента.

Объяснение магов содрало с меня даже мой «разум». Дон Хуан опять был прав, когда говорил, что воин не может избежать боли и печали, а избегает только индульгирования в них. В этот момент моя печаль была выше всех пределов. Я не мог вынести прощания с теми, кто разделял со мной повороты моей судьбы. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что когда-то я обещал одному человеку умереть вместе, и что дух мой не может вынести того, что остается один.

— Мы все одиноки, Карлитос, — сказал дон Хенаро мягко, — и это наше условие.

Я ощутил в горле боль привязанности к жизни и к тем, кто был близок мне. Я не хотел прощаться с ними.

— Мы одиноки, — сказал дон Хуан. — Но умереть одному — это не значит умереть в одиночестве.

Его голос звучал приглушенно и сухо, как покашливание.

Паблито тихо плакал. Затем он поднялся и заговорил. Это не было речью или исповедью. Чистым голосом он поблагодарил дона Хуана и дона Хенаро за их доброту. Он повернулся к Нестору и поблагодарил его за то, что тот давал ему возможность заботиться о себе. Он вытер глаза рукавом.

— Что за прекрасной вещью было — жить в этом прекрасном мире! В это

чудесное время! — воскликнул он и вздохнул. Его настроение было ошеломляющим.

— Если я не вернусь, то я прошу вас как о высшем благодеянии помочь тем, кто делил мою судьбу, — сказал он дону Хенаро.

Затем он повернулся к западу в направлении своего дома. Его поджарое тело сотрясалось от слез. Он подбежал к краю утеса с вытянутыми руками, как бы собираясь обнять кого-то. Его губы двигались, казалось, он что-то говорил тихим голосом.

Я отвернулся. Я не хотел слышать, что говорит Паблито.

Он вернулся туда, где мы сидели, плюхнулся рядом со мной и повесил голову.

Я не мог сказать ничего. Но затем какая-то внешняя сила овладела мной, заставила меня встать, и я тоже высказал свою благодарность и свою печаль.

Мы снова затихли. Северный ветер, тихо посвистывая, дул мне в лицо. Дон Хуан посмотрел на меня. Я никогда не видел в его глазах столько доброты. Он сказал мне, что воин прощается, благодаря всех тех, кто сделал ему что-то доброе или проявил участие. И что я должен выразить свою благодарность не только им, но также и тем, кто заботился обо мне и помогал мне на моем пути. Я повернулся на северо-запад, к Лос-Анжелесу, и вся сентиментальность моей души выплеснулась наружу. Каким очистительным облегчением было произнести мою благодарность!

Я опять сел. Никто не смотрел на меня.

— Воин признает свою боль, но не индульгирует в ней, — сказал дон Хуан. — Поэтому настроение воина, который входит в неизвестность — это не печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

Последовала долгая пауза. Моя печаль была чрезмерной. Я хотел что-нибудь сделать, чтобы вырваться из этой подавленности.

— Свидетель, пожалуйста, сдави свой ловец духов, — сказал дон Хенаро Нестору. Я услышал громкий и очень смешной звук, который вырвался из маленькой игрушки Нестора. Паблито истерически рассмеялся, рассмеялись и дон Хуан с доном Хенаро. Тогда я заметил характерный запах и сообразил, что Нестор выпустил газы. Ужасно смешным было выражение совершенной серьезности на его лице. Он сделал это не для шутки, а потому, что у него не было при себе его ловца духов. Он помогал нам наилучшим образом, как только мог.

Все они непринужденно смеялись. Что за легкость была в этом переходе из грустной ситуации в совершенно смешную!

Паблито внезапно повернулся ко мне. Он хотел узнать, не поэт ли я. Но прежде чем я успел ответить, Хенаро составил строфу:

— Карлитос поэт. Он спокоен: хоть псих и дурак, но воин.

Все они опять расхохотались.

— Вот это настроение лучше, — сказал дон Хуан. — А сейчас, прежде чем мы с Хенаро попрощаемся с вами, вы двое можете сказать все, что угодно. Может быть, это последний раз, когда вы сможете что-нибудь сказать.

Паблито отрицательно покачал головой, но у меня кое-что оставалось.

Я хотел выразить свое восхищение, свое благоговение перед исключительностью духа воина дона Хуана и дона Хенаро, но я запутался в словах, и в конце концов ничего не сказал, или, хуже того — я издал какие-то жалостливые звуки.

Дон Хуан покачал головой и чмокнул губами в насмешливом неодобрении. Я невольно засмеялся; было неважно, что я не сумел выразить им своего восхищения. Очень любопытное ощущение начало овладевать мною. У меня было чувство радости и веселья, абсолютной свободы, которое заставляло меня смеяться. Я сказал дону Хуану и дону Хенаро, что мне наплевать на исход моей встречи с неизвестным, что я счастлив и собран, и что буду ли я жив, или умру — совершено неважно для меня в данный момент.

Они порадовались моим словам еще больше, чем я. Дон Хуан похлопал себя по ляжкам и засмеялся. Дон Хенаро бросил свою шляпу на землю и завопил, как будто объезжал дикую лошадь.

Внезапно дон Хенаро сказал:

— Мы развлекались и смеялись во время ожидания совершенно так, как рекомендовал Свидетель. Но естественным условием порядка является то, что это всегда приходит к концу.

Он посмотрел на небо.

— Уже почти пришло время нам разойтись, как делали воины в том рассказе, — сказал он. — Но прежде, чем мы пойдем нашими различными путями, я должен сказать вам двоим одну последнюю вещь: я хочу раскрыть вам секрет воина. Возможно, вы назовете его предрасположением воина.

Адресуя свои слова в основном мне, он сказал, что я говорил им когда-то, будто жизнь воина холодна, одинока, лишена чувств. Он еще добавил, что как раз теперь я особенно убежден, что это так.

— Жизнь воина ни в коем случае не может быть холодной, одинокой или лишенной чувств, — сказал он. — Потому что она основывается на любви, преданности и посвящении тому, кого он любит. И кто, можете вы спросить, те, кого он любит? Я покажу вам сейчас.

Дон Хенаро поднялся и отошел на совершено плоский участок в десяти-двенадцати футах в стороне. Там он сделал странный жест. Он двигал руками, как бы счищая пыль со своей груди и живота. Затем произошла удивительная вещь. Поток почти неощутимого света прошел сквозь него. Он исходил из земли, и, казалось, обнял все его тело. Он сделал что-то вроде заднего пируэта, нырок назад, и приземлился на грудь и руки. Его движение было выполнено с такой точностью и легкостью, что он казался невесомым существом, вспыхнувшей саламандрой. Оказавшись на земле, он исполнил ряд неземных движений. Он скользил всего в нескольких дюймах над землей или катался по ней, как если бы лежал на шарикоподшипниках, или плавал, описывая круги и поворачиваясь с быстротой и легкостью угря, плывущего в

океане.

В какой-то момент мои глаза расфокусировались, и я уже следил без всякого перехода за шаром света, скользящим взад и вперед по чему-то похожему на поверхность катка с тысячами лучей света, сияющих над ней.

Картина была грандиозной. Затем шар огня остановился и остался неподвижным. Голос встряхнул меня и рассеял мое внимание. Говорил дон Хуан. Сначала я не мог понять, что он говорит. Я опять взглянул на огненный шар, но увидел только дона Хенаро, лежащего на земле с разбросанными руками и ногами.

Голос дона Хуана был очень ясным. Я, казалось, нажал на какой-то переключатель в себе, и начал писать.

— Любовь Хенаро — этот мир, — сказал он. — Он только что обнимал эту огромную Землю, но поскольку он такой маленький, то все, что он может сделать — это только плавать в ней. Но Земля знает, что он любит ее, и заботится о нем. Именно поэтому жизнь Хенаро наполнена до краев, и его состояние, где бы он ни был, будет изобильным. Хенаро бродит по тропам своей любви и, где бы он ни находился, он полный.

Дон Хуан присел перед нами на корточки. Он нежно гладил землю.

— Это предрасположение двух воинов, — сказал он. Эта земля, этот мир. Для воина не может быть большей любви.

Дон Хенаро поднялся и минуту сидел на корточках рядом с доном Хуаном, пока оба они пристально смотрели на нас. Затем оба сели, скрестив ноги.

— Только если любишь эту землю с несгибаемой страстью, можно освободиться от печали, — сказал дон Хуан. — Воин всегда весел, потому что его любовь неизменна. И его возлюбленная — Земля — обнимает его и осыпает его невообразимыми дарами. Печаль — удел лишь тех, кто ненавидит эту землю, дающую укрытие всем живым существам.

Дон Хуан опять с нежностью погладил землю.

— Это милое существо, которое является живым до самой последней пылинки и понимает каждое чувство, успокоило меня. Оно излечило мою боль и, наконец, когда я полностью понял мою любовь к нему, оно научило меня свободе.

Он сделал паузу. Тишина вокруг нас была пугающей. Мягко свистел ветер, а затем я услышал далекий лай одинокой собаки.

— Прислушайтесь к этому лаю, — сказал дон Хуан. — Именно так моя любимая земля помогает мне привести вас к этой последней точке. Этот лай — самая печальная вещь, которую может услышать человек.

С минуту мы молчали. Лай одинокой собаки был настолько печален, а тишина вокруг настолько интенсивной, что я ощутил щемящую боль. Она заставила меня думать о моей собственной жизни и о моей собственной печали, о моем собственном незнании, куда идти и что делать.

— Лай этой собаки — это ночной голос человека, — сказал дон Хуан. — Он слышится из дома в той долине внизу. Человек кричит через свою собаку, поскольку они являются компаньонами по рабству на всю жизнь, выкрикивая свою печаль и свою запутанность. Он молит свою смерть прийти и освободить его от тусклых и унылых цепей его жизни.

Слова дона Хана затронули во мне самую беспокойную струну. Я почувствовал, что он говорит, обращаясь прямо ко мне.

— Этот лай и то одиночество, которое он создает, говорят о чувствах всех людей, — продолжал он. — Людей, для которых вся жизнь была как один воскресный вечер. Вечер, который не был абсолютно жалким, но довольно душным, унылым и неуютным. Они потели, суетились. Они не знали, куда пойти и что делать. Этот вечер оставил им воспоминания только о мелочном раздражении и скуке. А затем все внезапно кончилось, уже наступила ночь.

Он пересказал историю, которую я когда-то рассказал ему о семидесятидвухлетнем старике, который жаловался, что его жизнь была слишком короткой. Ему казалось, что всего день назад он был еще мальчиком. Этот человек сказал мне:

— Я помню ту пижамку, которую я обычно носил, когда мне было десять лет от роду. Кажется, прошел всего один день. Куда ушло время?

— Противоядие, которое убивает этот яд, здесь, — сказал дон Хуан, лаская землю. — Объяснение магов совершенно не может освободить дух. Взгляните на вас двоих. Вы добрались до объяснения магов, но что вам от того, что вы знаете его? Вы более одиноки, чем когда-либо, потому что без неизменной любви к тому существу, которое дает нам укрытие, уединенность является одиночеством. Только любовь к этому великолепному существу может дать свободу духу воина. А свобода — это радость, эффективность и отрешенность перед лицом любых препятствий. Это последний урок. Его всегда оставляют на самый последний момент, на момент полного уединения, когда человек остается лицом к лицу со своей смертью и своим одиночеством. Только тогда делать это имеет смысл.

Дон Хуан и дон Хенаро поднялись и потянулись, как будто от сидения их тела онемели. У меня лихорадочно забилось сердце. Они заставили меня и Паблито встать.

— Закат — это трещина между мирами, — сказал дон Хуан. — Это дверь в неизвестное.

Широким движением руки он указал на столообразную вершину, где мы стояли.

— Это плато находится перед дверью.

Он указал на северный край вершины.

— Это дверь. За ней — бездна, а за бездной — неизвестность.

Затем дон Хуан и дон Хенаро повернулись к Паблито и попрощались с ним. Глаза Паблито были расширенными и застывшими, по щекам текли слезы.

Я услышал голос дона Хенаро, прощавшегося со мной, но не слышал голоса дона Хуана.

Дон Хуан и дон Хенаро подошли к Паблито и что-то коротко прошептали ему

на ухо. Затем они подошли ко мне. Но еще до того, как они успели начать, я ощутил знакомое чувство расщепленности.

— Мы теперь будем как пыль на дороге, — сказал дон Хенаро. — Может, когда-нибудь она снова попадет и на твои глаза.

Дон Хуан и дон Хенаро ступили в сторону и, казалось, слились с темнотой. Паблито взял меня за руку, и мы попрощались друг с другом. Затем странный порыв, сила заставила меня бежать вместе с ним к северному краю плато. Я ощутил его руку в своей, когда мы прыгнули, а затем я был один.

кн.5 (1977) «ВТОРОЕ КОЛЬЦО СИЛЫ»

Неназванный перевод под общей редакцией И.Л.Старых

Предисловие

Местом моей последней встречи с доном Хуаном, доном Хенаро и еще двумя их учениками — Паблито и Нестором стала плоская безжизненная вершина горы на западных склонах Сьерра-Мадре в Центральной Мексике. Торжественность и масштабы происшедшего там не оставляли сомнений, что мое ученичество подошло к концу, и что я действительно видел дона Хуана и дона Хенаро в последний раз. Встреча завершилась тем, что мы все попрощались друг с другом, а затем мы с Паблито прыгнули вместе с вершины горы в пропасть.

Перед этим прыжком дон Хуан дал мне принципиальное объяснение для предстоящих во время прыжка событий. Прыгнув в пропасть, я должен был стать чистым восприятием и двигаться взад и вперед между тоналем и нагвалем, двумя внутренне присущими всем существам формами.

Во время прыжка мое восприятие семнадцать раз перескакивало от тоналя к нагвалю и обратно. При переходах в нагваль тело воспринималось как распавшееся. Мыслить и чувствовать связно я не мог, хотя что-то думал и как-то чувствовал. При возвращении в тональ я прорывался в единство. Я был целостным, и восприятие обретало связность. У меня были упорядоченные видения. Их интенсивность была столь сильной, их живость — такой реальной, а сложность — такой огромной, что не было способа удовлетворительно объяснить их природу. Сказать, что они были видениями, живыми грезами или даже галлюцинациями — значит не сказать ничего.

После самого тщательного и внимательного исследования и анализа своих ощущений, восприятий и интерпретаций этого прыжка я окончательно убедился, что мой разум отказывается верить в реальность происшедшего. И все же какая-то часть меня сохраняла убежденность в том, что это случилось, что я действительно прыгнул.

Дон Хуан и дон Хенаро были теперь недосягаемы. Их отсутствие вызывало у меня настоятельную потребность пробиться сквозь гущу совершенно неразрешимых противоречий.

Я вернулся в Мексику, чтобы повидать Паблито и Нестора и искать у них помощи в решении моих внутренних конфликтов. Но то, с чем я столкнулся во время своей поездки, нельзя охарактеризовать иначе чем мощную атаку, финальное нападение на мой разум, запланированное самим доном Хуаном.

Направляемые им ученики самым методичным и точным образом за несколько дней разрушили последний бастион моего разума. В течение этих дней мне был продемонстрирован один из двух практических аспектов магии — искусство сновидения, являющееся на сегодняшний день ядром всей работы.

Искусство сталкинга, еще один практический аспект их магии и венец фундамента учения дона Хуана и дона Хенаро, было продемонстрировано мне во время следующих встреч. Оно являлось наиболее сложной стороной их существования как магов в мире повседневной жизни.

Глава 1. Преображение доньи Соледад

У меня возникло внезапное предчувствие, что Паблито и Нестора дома нет. Моя уверенность в этом была настолько глубокой, что я остановил машину. Дальше кончался асфальт, и я раздумывал, стоит ли продолжать в этот день долгую и трудную езду по крутой, покрытой крупной щебенкой дороге в их городок, затерянный в горах Центральной Мексики.

Я опустил боковое стекло. Было довольно ветрено и холодно. Я вышел, чтобы размять одеревеневшее от напряжения многочасовой езды тело, и прошелся по обочине мощеной дороги. Земля была сырой после недавнего ливня. Сильный дождь все еще шел на склонах гор к югу, совсем недалеко от места моей остановки. Однако прямо напротив, на севере и на востоке небо было чистым. Еще по дороге сюда при поворотах извилистой дороги иногда можно было видеть там голубоватые пики горных вершин, сияющие на солнце.

После минутного раздумья я решил вернуться назад и поехать в город, так как у меня было своеобразное предчувствие, что я найду дона Хуана на рынке. Собственно говоря, я обычно поступал именно так, всегда находя его на рыночной площади с самого начала нашей с ним связи. Как правило, если я не находил его в Соноре, то ехал в Центральную Мексику, шел на базар в этом городе и, рано или поздно, дон Хуан объявлялся. В таких случаях мне ни разу

не пришлось ожидать его более двух дней. Я настолько привык встречаться с ним таким образом, что не сомневался — так будет и на этот раз.

Я ждал на рынке всю вторую половину дня. Прохаживаясь туда и сюда по рядам, я изображал человека, желающего сделать покупку. Потом я пошел побродить в парке. С наступлением сумерек я уже знал, что он не придет. У меня было ясное ощущение, что он был здесь, но уже ушел. Я опустился на скамейку в парке, где мы сидели с ним столько раз, и попытался проанализировать свои ощущения.

В город я приехал в приподнятом настроении, твердо зная, что дон Хуан где-то тут, на улицах. То, что я ощущал, не было просто памятью о бесчисленных прежних встречах; мое тело знало, что он ищет меня. Но потом, когда я сидел на скамейке, у меня появилась странная уверенность другого рода. Я знал, что его тут больше не было. Я упустил его.

Спустя некоторое время я прекратил свои спекуляции. Я подумал, что на меня начинает действовать окружающая обстановка. Моя рассудительность и в прошлом покидала меня после нескольких дней, проведенных в этой местности.

Я пошел в свой номер в отеле, чтобы пару часов отдохнуть, а потом вышел побродить по улицам. Предчувствие встречи с доном Хуаном улетучилось. Я сдался и вернулся обратно в отель, чтобы хоть выспаться как следует.

Утром, перед отъездом в горы, я на всякий случай объехал главные улицы города, хотя совершенно точно знал, что напрасно теряю время: дона Хуана здесь не было.

Я потратил все утро, чтобы добраться до маленького городка, где жили Паблито и Нестор. Я прибыл около полудня. Дон Хуан учил меня никогда не заезжать прямо в город, чтобы не привлекать любопытства зевак. Всякий раз, бывая здесь, я перед самым городом всегда съезжал с дороги на ровное поле, где подростки обычно играли в футбол. Почва на поле была хорошо утрамбованной до самой тропы, проходящей мимо домов Паблито и Нестора и достаточно широкой для проезда. Они жили в предгорьях к югу от городка. Когда я достиг края поля, то вдруг обнаружил, что пешеходная тропа превратилась за время моего отсутствия в очень неплохую гравийную дорогу.

Я размышлял, куда направиться — к дому Нестора или Паблито. Ощущение, что их там нет, упорно сохранялось. Я решил ехать к дому Паблито. Нестор жил один, тогда как у Паблито была мать и четыре сестры. Если нет его самого, я смогу узнать у женщин, где его искать. Приближаясь к дому, я заметил, что грунтовая тропа у дома расширена. Грунт казался твердым, места для машины было достаточно, поэтому я подъехал почти к передней двери. К дому из необожженного кирпича была пристроена новая веранда, покрытая черепичной крышей. Почему-то не было слышно привычного собачьего лая, но из-за загородки за мной спокойно и внимательно наблюдал громадный пес. Выводок цыплят, кормившихся у дома, с писком рассыпался в стороны. Я выключил мотор и потянулся всем уставшим телом, вытянув руки над головой.

Дом казался опустевшим. У меня мелькнула мысль, что Паблито и его семья выехали, и в доме живет кто-то другой. Внезапно передняя дверь с шумом распахнулась, и оттуда так стремительно выскочила мать Паблито, будто ее кто-то вытолкнул. Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Когда я вышел из машины, она, казалось, узнала меня. Она как-то очень грациозно вздрогнула всем телом и бросилась ко мне. Должно быть, она вздремнула, и шум машины разбудил ее. Потому-то она и не сразу узнала меня, когда вышла посмотреть, в чем дело. Нелепый вид бегущей ко мне старой дамы заставил меня улыбнуться. Но когда она приблизилась, я на мгновение усомнился, что это мать Паблито. Уж слишком проворно она двигалась.

— Боже мой, что за сюрприз! — воскликнула она.

— Донья Соледад? — спросил я недоверчиво.

— Ты меня не узнаешь? — ответила она, смеясь.

Я забормотал какую-то ерунду о ее удивительной живости.

— Ты почему всегда смотришь на меня как на беспомощную старуху? — спросила она, глядя насмешливо и вызывающе.

И тут же, не дав мне опомниться, она резко обвинила меня в том, что я дал ей прозвище «миссис Пирамида». Я вспомнил, что как-то сказал Нестору, что ее

формы напоминают мне пирамиду. У нее была маленькая заостренная голова и широкий массивный зад. Длинные платья, которые она обычно носила, еще усиливали этот эффект.

— Посмотри-ка на меня, — сказала она, — я все еще похожа на пирамиду?

Она улыбнулась, но под ее взглядом я почувствовал себя не слишком уютно. Я попытался отшутиться, но она оборвала меня, заставив признаться, что именно я дал ей это прозвище. Я заверил ее, что ничего дурного не имел в виду, и что как бы там ни было, в данный момент она стала такой стройной, что о пирамиде больше вспоминать не приходится.

— Что с тобой произошло, донья Соледад? — спросил я. — Ты просто преобразилась!

— Ты сам сказал это — мгновенно ответила она. — Да, я преобразилась.

Выразился я фигурально. Однако, приглядевшись повнимательней, я должен был признать, что метафоры тут неуместны. Она действительно совершенно изменилась. Внезапно во рту у меня появился сухой металлический привкус. Я испугался.

Она стояла, подбоченясь и слегка расставив ноги, и смотрела мне в лицо. Она была одета в светло-зеленую юбку в складку и вылинявшую блузку. Ее юбка была гораздо короче тех, которые она обычно носила. Я не мог разглядеть ее волос: она перевязала их широкой повязкой, похожей на тюрбан. Она была босая и ритмично постукивала своей большой ступней по земле, улыбаясь с простодушием юной девушки. Мне еще никогда не приходилось видеть женщину, которая распространяла бы вокруг себя столько силы. Я заметил странный блеск в ее глазах, волнующий, но не пугающий. Я подумал что до сих пор по-настоящему не присматривался к ней. Кроме всего прочего, я чувствовал себя виноватым за поверхностное отношение к людям, жившим здесь. Сила личности дона Хуана делала окружающих серыми и невзрачными по сравнению с ним.

Я сказал ей, что никогда не представлял себе, что она обладает столь значительной жизненной силой, и что только моя невнимательность виной тому, что я не знал ее на самом деле, и что, я надеюсь, теперь у меня будет

возможность узнать ее поближе.

Она подошла ко мне, улыбаясь, и мягко взяла меня под руку своей правой рукой.

— Непременно, — прошептала она мне на ухо.

Ее улыбка застыла и глаза остекленели. Она была так близко, что я ощущал касание ее груди. Мое смятение возрастало, но я попытался убедить себя, что причин для тревоги нет. Снова и снова я повторял себе, что просто никогда не знал матери Паблито и что, возможно, такое поведение было вполне обычным для нее. Но какая-то испуганная часть меня знала, что это было всего лишь самоуспокоением, для которого не было оснований. Вопреки моим нынешним покаянным комплиментам я в действительности не только помнил ее достаточно хорошо, но и совсем неплохо знал ее. Она была для меня архетипом матери. Я думаю, что ей было лет под шестьдесят или даже больше. Ее дряблые мышцы с трудом передвигали старое тело, волосы были почти совсем седыми. Она была, насколько я помнил ее, унылой и печальной женщиной с мягкими и красивыми чертами лица, преданной и страдающей матерью, вечно занятой на кухне, вечно усталой. Я помнил очень добрую бескорыстную женщину, такую робкую, что все ею просто помыкали. Вот таким было мое представление о ней, сложившееся за годы случайных контактов. Но сегодня что-то ужасно изменилось. Женщина, стоявшая передо мной, не укладывалась в мое представление о матери Паблито. Тем не менее это была она, только более стройная и сильная, выглядевшая лет на двадцать моложе, чем при нашей последней встрече. Я заметил, что весь дрожу.

— Дай мне посмотреть на тебя, — сказала она. — Нагваль говорил нам, что ты — дьявол.

Тут я вспомнил, что все они — Паблито, его мать, сестры и Нестор, словно избегая произносить имя дона Хуана, называли его «Нагваль». Привык так называть его и я, разговаривая с ними.

Она смело положила руки мне на плечи — жест, немыслимый для прежней доньи Соледад, матери Паблито. Мое тело напряглось. Я онемел. Наступила долгая пауза, позволившая мне критически взглянуть на себя со стороны. Ее появление и внешность напугали меня до такой степени, что я забыл спросить

о Паблито и Несторе.

— Скажи мне, где Паблито? — спросил я, охваченный волной внезапной тревоги.

— А, он ушел в горы, — ответила она уклончиво и отодвинулась от меня.

— А Нестор?

Она возвела глаза к небу, демонстрируя досаду и безразличие.

— Они вместе в горах, — сказала она тем же тоном.

С сильным облегчением я сказал ей, что уверен — с ними все в порядке.

Она взглянула на меня и улыбнулась. Волна счастья и радостного возбуждения заставила меня обнять ее. Она страстно прижала меня к себе, и это так поразило меня, что у меня перехватило дыхание. Ее тело было твердым и, в ней чувствовалась необычайная сила. Мое сердце заколотилось. Я постарался осторожно отстранить ее и спросил, виделся ли еще Нестор с доном Хуаном и доном Хенаро. Во время нашей последней встречи дон Хуан сомневался, готов ли Нестор к окончанию своего ученичества.

— Хенаро ушел навсегда, — сказала она, позволив мне высвободиться. Она нервно теребила края своей блузы.

— А как насчет дона Хуана?

— Нагваль тоже ушел, — сказала она, поджав губы.

— Куда они ушли?

— Ты хочешь сказать, что ты этого не знаешь?

Я сказал ей, что они попрощались со мной два года назад, и я знаю только, что тогда они ушли. Я не отваживался даже думать о том, куда они ушли. Они и в прошлом никогда не говорили мне о том, где их искать. Я давно смирился с фактом, что если бы они захотели исчезнуть из моей жизни, то им просто

нужно было отказаться от встреч со мной.

— Их нет поблизости, это точно, — сказала она, нахмурившись. — И они не собираются возвращаться обратно — это тоже точно.

Ее голос был холодным и бесстрастным. Она начала раздражать меня. Мне хотелось уехать.

— Но зато ты здесь, — сказала она, улыбнувшись. — Тебе надо подождать Паблито и Нестора. Они очень хотят тебя видеть.

Она схватила меня за руку и потянула прочь от машины. В прошлом такая смелость с ее стороны была просто немыслима.

— Но сначала позволь мне показать тебе моего друга, — сказала она и с силой потащила меня в сторону дома.

Там была отгороженная площадка, похожая на маленький загон. В нем находился огромный кобель. Прежде всего мне бросилась в глаза его великолепная блестящая желтовато-коричневая шерсть. Это была явно не обычная собака. Он не был привязан и легко мог бы перепрыгнуть изгородь. Пес остался безразличным к нашему визиту, он даже не шевельнул хвостом. Донья Соледад указала на большую клетку позади. В ней свернувшись лежал койот.

— Это мой друг, — сказала она. — Пес — нет. Он принадлежит моим девочкам.

Пес посмотрел на меня и зевнул. Мне он очень понравился. У меня возникло нелепое ощущение сродства с ним.

— Теперь пошли в дом, — сказала она и потянула меня за руку.

Я заколебался. Какая-то часть меня была крайне встревожена и хотела немедленно убраться отсюда: но что-то противоположное во мне ни за что на свете уходить не хотело.

— Может, ты боишься меня? — спросила она обвиняющим тоном.

— Конечно, боюсь! — воскликнул я.

Она хихикнула и самым доверительным тоном сообщила, что она — грубая, простая женщина, что очень неуклюже владеет речью и что она совсем не умеет вести себя с людьми. Она посмотрела мне прямо в глаза и сказала, что дон Хуан поручил ей помочь мне, так как очень обо мне заботился.

— Он говорил нам, что ты несерьезный и везде шляешься, причиняя много неприятностей ни в чем не повинным людям.

До сих пор ее утверждения были сравнительно ясными, но я никак не мог представить себе, чтобы дон Хуан говорил обо мне такие вещи.

Мы вошли в дом. Я собрался было сесть на скамейку, где обычно сидели мы с Паблито, но она остановила меня.

— Это место не для нас с тобой, — сказала она. — Пойдем в мою комнату.

— Я лучше буду сидеть здесь, — сказал я твердо. — Я знаю это место и чувствую здесь себя очень удобно.

Она недовольно фыркнула, как разочарованный ребенок. Поджатая верхняя губа у нее при этом была похожа на утиный клюв.

— Что-то здесь ужасно не так, — сказал я. — Я думаю, мне лучше будет уехать, если ты не объяснишь мне, что происходит.

Она пришла в сильное возбуждение и начала доказывать мне, что просто не знает, как разговаривать со мной. Я поставил ее перед фактом ее очевидного преображения и потребовал, чтобы она рассказала мне, что случилось. Я должен был знать, как это произошло.

— Если я расскажу тебе, ты останешься? — спросила она ребячливым голоском.

— Придется остаться.

— В таком случае я все тебе расскажу. Но это должно происходить в моей

комнате.

На мгновенье меня охватила настоящая паника. Чтобы успокоиться, мне пришлось сделать крайнее усилие. Мы направились в ее комнату. Она жила в задней половине дома, где Паблито построил для нее спальню. Я уже был в этой комнате однажды, когда она строилась, и еще раз, когда она была закончена, как раз перед вселением туда доньи Соледад. Комната выглядела такой же пустой, как и раньше, если не считать кровати в самом центре и двух скромных комодов у двери. Побелка на стенах поблекла и приобрела очень успокаивающий желтоватый оттенок. Деревянный потолок тоже потемнел от времени. Глядя на гладкие чистые стены, я подумал, что их каждый день моют губкой. Комната больше всего напоминала монашескую келью, очень скромную и аскетическую. В ней не было никаких украшений. На окнах — массивные ставни с железными засовами. Не было ни стульев, ни вообще чего-нибудь, на чем можно было бы сидеть.

Донья Соледад забрала у меня мой блокнот, прижала его к груди и села на кровать, сделанную из двух толстых матрацев, положенных прямо на доски. Она показала мне, чтобы я сел рядом с ней.

— Ты и я — одно и то же, — сказала она, вручив мне мою записную книжку.

— Прости, я не понял.

— Ты и я — одно, не глядя на меня повторила она.

Я не мог сообразить, что она имеет в виду. Она уставилась на меня, ожидая моей реакции.

— Но что это значит, донья Соледад? — спросил я.

Мой вопрос, казалось, озадачил ее, как если бы я спрашивал о чем-то очевидном. Она вначале засмеялась, но когда я стал настаивать, что действительно не понимаю, она рассердилась. Сидя на кровати, она выпрямилась и, гневно взглянув на меня, обвинила в неискренности. Ее глаза пылали, рот скривился в гримасе ярости, и она сразу опять сделалась старухой.

Я искренне недоумевал, не чувствуя себя лицемером. Казалось, и она тоже была в затруднении. Она пыталась что-то сказать, но только беззвучно шевелила губами. Наконец она пробормотала, что я действовал в такой важный момент не безупречно. Она повернулась ко мне спиной.

— Посмотри на меня, донья Соледад, — сказал я твердо. — Я никоим образом не ввожу тебя в заблуждение. Ты, должно быть, знаешь нечто такое, о чем я сам не имею ни малейшего понятия.

— Ты слишком много разговариваешь, — ответила она. — Нагваль говорил, чтобы я никогда не позволяла тебе разговаривать. Ты все перекручиваешь.

Она соскочила на пол и топнула ногой, как избалованный ребенок. И тут я заметил, что в комнате был совсем другой пол. Я помнил, что раньше пол здесь был темный, земляной. Новый пол был охристо-розового цвета. Я моментально забыл о нашей стычке и обошел комнату. Было непонятно, как я сразу не обратил внимания на это великолепие. Сначала я подумал, что это красная глина, уложенная, как цемент, когда он еще мягкий и влажный, но тут я заметил, что на нем не было трещин. Высохнув, глина должна была изогнуться, растрескаться, распасться на куски. Я наклонился и осторожно провел пальцами по полу. Он был твердым, как кирпич. Глина была обожженной. Я обнаружил, что пол сделан из больших глиняных плиток, образовывающих удивительный и завораживающий узор, совершенно незаметный, если специально не обращать на него внимания. Искусство, с которым были выложены плитки, указывало на очень хорошо продуманный план. Мне захотелось узнать, как такие большие плитки не покоробились при обжиге. Я было обернулся спросить донью Соледад, но спохватился: она, скорее всего, не знала этого. Я снова стал расхаживать по полу. Глина была немного шероховатой, почти как песчаник.

— Это Паблито выложил пол? — спросил я.

Она не ответила.

— Великолепная работа, — сказал я. — Ты должна очень гордиться им.

Я не сомневался, что это сделал Паблито. Ни у кого другого не нашлось бы способностей и воображения задумать такое. Должно быть, он сделал этот

пол, когда меня здесь не было. Но тут же я вспомнил, что никогда не бывал в комнате доньи Соледад с тех пор, как ее пристроили к дому шесть или семь лет тому назад.

— Паблито, Паблито! Вот еще! — воскликнула она сердитым, раздраженным голосом. — По-твоему, он — единственный, кто способен сделать такую вещь?

Мы обменялись долгими и пристальными взглядами, и вдруг я понял, что это она сделала пол и что вдохновил ее на это дон Хуан.

Мы молча стояли, глядя друг на друга, еще некоторое время. Я чувствовал, что было излишним спрашивать ее, прав ли я.

— Я сделала его сама, — сказала она сухо. — Нагваль научил меня, как.

Ее слова привели меня в эйфорическое состояние. Я заключил ее в объятия и закружился с ней по комнате. После этого я буквально забросал ее вопросами. Я хотел знать, как она сделала плитки, что означали узоры, где она брала глину. Но донья Соледад не разделяла моего восторга. Она оставалась безмолвной и безучастной, время от времени искоса поглядывая на меня.

Я снова прошелся по полу. Кровать была расположена точно в эпицентре сходящихся линий. Глиняные плитки были обрезаны под острым углом, создавая сходящиеся линии, которые начинались под кроватью и разбегались по всей комнате.

— У меня нет слов, чтобы передать тебе, как я восхищен, — сказал я.

— Слова. Кому они нужны? — отрезала она.

Внезапно меня озарило. Мой разум опять предал меня. Был только один способ объяснения ее метаморфозы: дон Хуан, должно быть, сделал ее своей ученицей. Как иначе старая женщина могла обратиться в такое таинственное, полное силы существо? Я должен был понять это с первого взгляда. Но я, как обычно, ожидал увидеть то, что соответствовало моим представлениям о ней, а в них такая возможность не входила.

Я подумал, что поразительное превращение, которому способствовал дон

Хуан, произошло с ней в течение тех двух лет, что я не видел ее, хотя непонятно, как можно было уложиться в такой короткий срок.

— Я кажется догадываюсь, что произошло с тобой, — сказал я нарочито небрежно и бодро. — Кое-что прояснилось у меня в голове прямо сейчас.

— Ах, вот как? — равнодушно сказала она.

— Нагваль тебя учит магии, не правда ли?

Она бросила на меня такой свирепый взгляд, как если бы я не мог сказать ничего хуже. Ее лицо выражало только презрение. Она не собиралась отвечать мне.

— Какой же ты ублюдок! — внезапно воскликнула она, сотрясаясь от ярости.

Я не мог понять причины ее гнева. Я присел на край кровати. Она нервно постукивала пяткой об пол. Затем, не глядя на меня, она села на другой край.

— Чего, собственно, ты хочешь от меня? — спросил я твердо и грозно.

— Я уже сказала тебе, — закричала она, — Ты и я — одно!

Я попросил ее объяснить, не допуская ни на мгновение, будто я что-либо знаю. Это разозлило ее еще больше. Она резко вскочила и сбросила на пол свою юбку.

— Вот что я имею в виду! — завопила она, поведя рукой в области лона.

У меня отвисла челюсть. До меня медленно доходило, что я уставился на нее, как идиот.

— Ты и я одно здесь, — опять сказала она.

Я был ошеломлен. Донья Соледад, старая индейская женщина, мать моего друга Паблито стояла полуобнаженной в нескольких футах от меня, демонстрируя свои гениталии. Я уставился на нее, не будучи в силах даже мыслить связно. Но одно я знал точно: ее тело не было телом старухи. У нее

были прекрасные мускулистые бедра, смуглые и гладкие. Костная структура ее таза хоть и была широкой, но жировых отложений на нем не было.

Она, должно быть, заметила мой изучающий взгляд и бросилась на постель.

— Ты знаешь, что делать, — сказала она, указывая на свое лоно. — Мы едины здесь.

Она обнажила свои крепкие груди.

— Донья Соледад, я тебя умоляю! — воскликнул я. — Что с тобой происходит, ведь ты мать Паблито.

— Нет, — отрезала она. — Никому я не мать. — Она села и посмотрела на меня горящими глазами.

— Я, как и ты, частица Нагваля, — сказала она. — Нам предназначено соединиться.

Она раздвинула ноги, и я отскочил.

— Подожди немного, донья Соледад, — сказал я. — Давай поговорим.

На меня нахлынул дикий страх, и вдруг возникла сумасшедшая мысль. А что если дон Хуан спрятался где-нибудь поблизости и хохочет теперь до упаду?

— Дон Хуан! — заорал я.

Мой вопль был таким громким, что донья Соледад поспешно соскочила с постели и натянула на себя юбку. Я увидел, что она одевается и завопил снова:

— Дон Хуан!

Я ринулся через весь дом, выкрикивая имя дона Хуана до тех пор, пока не заболело горло. Донья Соледад тем временем уже выбежала из дома и стояла у моей машины, с недоумением глядя на меня.

Я шагнул к ней и спросил, не дон Хуан ли велел ей проделать все это. Она утвердительно кивнула. Я спросил, нет ли его поблизости, на что она ответила отрицательно.

— Расскажи мне все, — потребовал я.

Она рассказала, что лишь следовала распоряжениям дона Хуана. Он велел ей изменить свое существо в воина, чтобы помочь мне. Она сообщила, что ждала годами, чтобы выполнить это обязательство.

— Я очень сильная сейчас, — сказала она мягко. — Как раз для тебя. Но в спальне я тебе не понравилась, правда?

Я принялся объяснять, что дело вовсе не в этом, что я учитывал лишь свои чувства к Паблито; но потом до меня дошло, что я несу какую-то ужасную чушь.

Донья Соледад, по-видимому, поняла мое замешательство и предложила забыть о случившемся.

— Ты, наверное, голоден, — сказала она оживленно. — Я приготовлю тебе что-нибудь поесть.

— Ты мне еще многого не объяснила, — сказал я. — Я буду откровенен с тобой: я не хотел бы оставаться здесь ни за что на свете. Ты пугаешь меня.

— Ты обязан принять мое гостеприимство, раз речь идет только о чашке кофе, — сказала она спокойно. — Ну давай забудем об этом.

Она сделала жест, приглашая идти в дом. Тут я услышал глубокое рычание. Рядом стоял пес и смотрел на нас, как будто понимая, о чем идет речь.

Я поймал на себе невероятно пугающий взгляд доньи Соледад. Тут она смягчила его и улыбнулась.

— Не допускай, чтобы мои глаза беспокоили тебя, — сказала она. — По правде говоря, я старая. В последнее время у меня бывают головокружения. Я думаю, что мне нужны очки.

Она разразилась смехом и стала дурачиться, глядя через свернутые кольцом пальцы, словно через очки.

— Старая индеанка в очках. Вот смеху будет! — захихикала она.

И тут я решил удрать отсюда без всяких объяснений. Но перед отъездом мне надо было оставить кое-какие вещи для Паблито и его сестер. Я открыл багажник, чтобы достать привезенные им подарки. Я глубоко влез в него, чтобы достать сначала два пакета, уложенные между задним сиденьем и запасной камерой. Нащупав один, я уже собирался взять и другой, как вдруг ощутил на шее мягкую пушистую лапу. Я невольно вскрикнул и рванулся из багажника, врезавшись головой в открытую крышку. Я пытался обернуться, но давление пушистой лапы помешало мне сделать это. Мельком я смог заметить у своего горла серебристую то ли руку, то ли лапу. В панике я судорожно изогнулся, метнулся прочь от багажника и упал на сидение водителя с пакетом в руке. Все мое тело сотрясалось, мускулы ног свело и я непроизвольно вскочил и побежал прочь.

— Я не собиралась пугать тебя, — сказала донья Соледад извиняющимся тоном, когда я был уже футах в десяти от нее.

Она показала мне ладони своих рук в жесте капитуляции, как бы заверяя меня, что она здесь ни при чем, и «это» не было ее рукой.

— Что ты со мной сделала? — спросил я, старясь говорить спокойно и сдержанно.

Она казалась совершенно сбитой с толку. Пробормотав что-то, она тряхнула головой, так, как если бы не понимала, о чем я говорю, или не могла сказать этого вслух.

— Ну, ладно, донья Соледад, — сказал я, приближаясь к ней. — Мне эти шутки не нравятся.

Казалось, она вот-вот расплачется. Я хотел утешить ее, но что-то во мне противилось этому. После короткой паузы я сообщил ей, что произошло у машины.

— Это просто ужасно! — пронзительно воскликнула она.

Она ребячливым жестом закрыла лицо правым предплечьем. Я подумал, что она плачет. Я подошел к ней и попытался было положить ей руку на плечо, но не смог заставить себя сделать это.

— Послушай, донья Соледад, — сказал я, — давай забудем все это. Позволь мне вручить тебе эти пакеты, и я уеду.

Я остановился перед ней, собираясь заглянуть ей в лицо. Я увидел из-за ее руки черные сияющие глаза. Она не плакала. Она смеялась.

Я отскочил назад. Ее улыбка ужасала. Мы долго стояли неподвижно. Она продолжала закрывать лицо, но было видно, что она наблюдает за мной.

Я стоял парализованный страхом и отчаяньем. Положение было безвыходным. Мое тело знало, что донья Соледад — колдунья, и все же я еще не мог поверить в это. Мне отчаянно хотелось верить, что она просто сумасшедшая, и ее держат здесь, как в психиатрической лечебнице.

Я не отваживался двинуться или отвести глаза. Мы, должно быть, стояли так минут пять. Она не опускала руку и оставалась неподвижной. Стояла она у заднего крыла машины, почти прислонившись к нему. Крышка багажника была все еще открыта. Я задумал сделать бросок к правой дверце. Ключ зажигания был на месте.

Я немного расслабился, чтобы собрать энергию для броска. Она, кажется, заметила это. Ее рука двинулась вниз, открывая лицо. Зубы у нее были стиснуты, глаза, полные угрюмой решимости, не отрывались от меня. Внезапно она качнулась ко мне, притопывая правой ногой, как фехтовальщик, и с пронзительным воплем протянула скрюченные пальцы, пытаясь схватить меня за талию.

Мое тело отпрянуло назад, из пределов ее досягаемости. Я рванулся к машине, но она с непостижимой ловкостью бросилась мне в ноги и сделала подсечку. Я упал лицом вниз, и она быстро схватила меня за левую ногу. Я поджал правую ногу и оттолкнул ее лицо подошвой ботинка. Наконец она

отпустила меня и отпрыгнула назад. Я вскочил на ноги и попытался открыть дверцу машины. Она была заперта. Я перелетел через капот и бросился к другой, но каким-то образом донья Соледад опередила меня. Я попытался перекатиться назад над капотом, но по пути я ощутил резкую боль в правой икре. Она вцепилась мне в голень. Я не мог ударить ее левой: она успела прижать обе моих ноги к капоту. Она рванула меня к себе, и я упал на нее сверху. Мы продолжали бороться на земле. Ее сила была поразительной, но еще страшнее были вопли. Я едва барахтался под гигантским давлением ее тела. Дело было не столько в весе, сколько в создаваемом ее телом напряжении. Внезапно я услышал рычание, и огромный пес прыгнул ей на спину, отшвырнув ее от меня. Я встал и хотел броситься в машину, но около дверцы боролись женщина и пес. Единственным спасением был дом. Я оказался там за одну-две секунды. Не оглядываясь, я бросился внутрь и захлопнул за собой дверь, закрыв ее на железную щеколду, потом побежал к черному ходу и проделал то же самое.

Снаружи доносились яростное рычание пса и нечеловеческие вопли женщины. Затем вдруг рычание и лай пса оборвались, и он заскулил, как от страха или боли. Меня словно что-то ударило под ложечку, в ушах зазвенело. Я понял, что попал в ловушку внутри дома. На меня накатила волна полнейшего ужаса. Я клял себя на чем свет стоит за свою идиотскую идею забежать в дом. Атака доньи Соледад настолько ошеломила меня, что отшибла всякую логику и стратегическое чутье. Я вел себя так, словно убегал от обычного противника, которому можно было преградить путь закрытой дверью. Я слышал яростные крики, потом кто-то подошел к двери и налег на нее, пытаясь открыть. Затем послышались громкие удары в дверь.

— Открой дверь, — приказала донья Соледад твердым тоном. — Проклятая собака покалечила меня.

Я колебался. Мне вдруг вспомнилось столкновение с женщиной-магом, которая несколько лет назад, если верить дону Хуану, приняла его обличье, чтобы обмануть меня и нанести смертельный удар. Донья Соледад явно не была той, которую я знал, но мне как-то не верилось, что она была магом. Это противоречило бы самому закону времени. Паблито, Нестор и я находились в контакте с доном Хуаном и доном Хенаро много лет, но все еще не были магами; когда же могла успеть стать магом донья Соледад? Даже при ее поразительном изменении она не могла сымпровизировать нечто такое, для

чего потребовалась бы целая жизнь.

— Почему ты нападаешь на меня? — спросил я громко, чтобы она могла расслышать меня через массивную дверь.

Она ответила, что Нагваль велел ей не позволять мне уйти. Я спросил ее, почему. Она не отозвалась. Вместо этого она стала яростно колотить в дверь, а я в ответ заколотил еще сильнее со своей стороны. Мы продолжали стучать так в течение нескольких минут. Она остановилась и стала умолять меня открыть дверь. Я почувствовал прилив нервной энергии. Меня всего трясло. Я знал, что если я открою щеколду, у меня будет шанс спастись бегством. Я открыл дверь. Она вошла, пошатываясь. Ее блуза была разорвана. Повязка, удерживавшая волосы, свалилась, и ее длинные волосы рассыпались по всему лицу.

— Посмотри, что этот сукин сын сделал со мной, — закричала она. — Смотри! Смотри!

Я с трудом перевел дыхание. Она казалась несколько ошеломленной. Сев на скамейку, она принялась стаскивать порванную блузу. Воспользовавшись этим, я мгновенно выскочил из дома и бросился к машине. С быстротой, порожденной страхом, я вскочил внутрь, захлопнул дверцу, автоматически включил зажигание и перевел машину на задний ход. Я нажал педаль газа и повернул голову, чтобы посмотреть через заднее стекло. Раздалось ужасающее рычание, я ощутил горячее дыхание на своем лице и в то же мгновение увидел рядом демонические глаза пса.

Он стоял на заднем сидении. Его клыки мелькнули возле самых моих глаз. Я быстро наклонил голову, и его зубы вцепились мне в волосы. Я изогнулся всем телом и убрал ногу с педали сцепления. Резкая остановка заставила пса потерять равновесие, и он едва не свалился. Я распахнул дверцу и выскочил наружу. Голова пса протиснулась за мной. Я услышал клацанье его огромных зубов, когда он, захлопнув пасть, промахнулся всего на несколько дюймов от моих каблуков. Машина тронулась и стала медленно катиться обратно, а я снова метнулся к дому. Но остановился я, не успев достичь двери.

Там стояла донья Соледад. Она снова подвязала волосы и накинула на плечи шаль. Она одно мгновение пристально смотрела на меня, а затем начала

смеяться, сначала еле слышно, словно ее раны причиняли ей боль, а потом все громче, указывая на меня пальцем и схватившись за живот от хохота. Она с усилием согнулась пополам, чтобы перевести дыхание. Я мог видеть ее груди, сотрясавшиеся от смеха. Она была обнажена до пояса.

Я понял, что все пропало, и оглянулся. Машина проехала четыре-пять футов и остановилась. Дверца снова захлопнулась, закрыв пса изнутри. Я видел и слышал, как громадная зверюга грызет спинку переднего сидения и яростно скребет окно.

В этот момент я оказался перед весьма своеобразным выбором. Я не знал, кто для меня страшнее — донья Соледад или этот проклятый пес. После краткого раздумья я решил, что собака — всего лишь глупое животное.

Я бегом вернулся к машине и взобрался на крышу. Шум разъярил пса, слышно было, как он рвет клыками обивку. Лежа на крыше, я ухитрился открыть дверцу водителя. У меня была идея — открыть обе дверцы, а затем соскользнуть с крыши в машину через одну из них, когда пес выскочит в другую. Я свесился, чтобы открыть правую, забыв, что она заперта изнутри. В этот момент голова собаки высунулась из открытой дверцы. В дикой панике при одной мысли, что сейчас он выберется и бросится на меня, я соскочил с крыши и опять мгновенно оказался у двери дома.

Донья Соледад, обхватив себя руками, стояла в дверном проеме. Смех, сотрясавший ее, уже походил на конвульсии.

Пес уже снова сидел в машине, все еще исходя пеной от ярости. Очевидно, он был чересчур велик для нее и не мог протиснуться над передним сидением. Я подошел к машине и осторожно закрыл левую дверцу, потом стал искать длинную палку, чтобы открыть замок правой. Поиски на площадке перед домом ни к чему не привели. Вокруг не было видно ни куска дерева. Тем временем донья Соледад ушла внутрь дома. Я оценил свое положение. У меня не было другого выбора, как только обратиться к ее помощи. С крайней опаской я переступил порог дома, озираясь по сторонам на случай, если она, подстерегая меня, прячется где-нибудь за дверью.

— Донья Соледад? — крикнул я.

— Какого черта тебе надо? — донесся крик из ее комнаты.

— Пожалуйста, выйди и забери собаку из машины.

— Ты шутишь? — отвечала она. — Это не моя собака. Я тебе уже говорила, что она принадлежит моим девочкам.

— А где твои девочки?

— Они в горах.

Она вышла из своей комнаты и остановилась передо мной.

— Хочешь увидеть, что этот проклятый пес со мной сделал? — спросила она сухим тоном. — Смотри!

Она сбросила шаль и показала мне свою обнаженную спину.

Никаких заметных следов от клыков или когтей пса на ее спине не было. Только несколько неглубоких царапин, которые она могла заработать, когда каталась по земле или нападала на меня.

— Там ничего нет, — сказал я.

— Пойди и посмотри на свету, — сказала она и подошла к двери.

Она настаивала, чтобы я искал глубокие раны от собачьих зубов. Я чувствовал себя глупо, вокруг глаз, особенно возле бровей, было какое-то неприятное напряжение.

Пес был на месте и начал лаять, как только я вышел из дома.

Я проклинал себя. Мне некого было винить, кроме себя самого. Я попал в эту ловушку, как дурак. Сейчас возьму и уйду пешком в город, решил я. Но мой бумажник, все мои документы, все, что у меня было, лежало в портфеле на полу машины как раз под лапами у собаки. Меня охватил приступ отчаяния. Идти в город было бесполезно. Денег, которые были у меня в кармане, не хватило бы и на чашку кофе. Ни единой живой души в этом городе я не знал.

Мне оставалось только одно — выгнать пса из машины.

— Что ест эта собака? — закричал я, стоя у двери.

— Почему бы тебе не угостить ее своей ногой? — крикнула в ответ донья Соледад из своей комнаты и захихикала.

Я поискал на кухне какой-нибудь еды. Горшки были пустыми. Мне оставалось только вновь обратиться к ней.

Мое отчаяние сменилось гневом. Я ворвался в ее комнату, готовый к борьбе до конца. Она лежала на своей кровати, укрывшись шалью.

— Пожалуйста, прости меня за все, что я тебе сделала, — сказала она, глядя в потолок. Ее прямота погасила мой гнев.

— Ты должен понять мое положение, — продолжала она. — Я не могла позволить тебе уйти.

Она тихо засмеялась и ясным, спокойным и очень приятным голосом сказала, что она была настырной и бестактной настолько, что ей почти удалось до смерти, испугать меня своим шутовством. Но сейчас ситуация внезапно изменилась.

Она сделала паузу и села в постели, прикрыв грудь шалью, а затем добавила, что в ее тело влилась странная уверенность. Она подняла глаза к потолку и стала в каком-то завораживающем ритме размахивать руками, как ветряная мельница.

— Возможности уехать сейчас для тебя не существует, — заявила она.

Она изучающе взглянула на меня без тени улыбки. Мой гнев утих, но отчаяние достигло предела. Я хорошо понимал, что мне не справиться ни с ней, ни с псом.

Она сказала, что наша встреча была предрешена много лет назад, и что ни один из нас не имеет достаточно силы, чтобы ускорить ее или воспрепятствовать ей.

— Не истощай себя, пытаясь уехать, — сказала она. — Твои усилия уехать так же бесполезны, как и мои — удержать тебя здесь. Нечто помимо твоей воли вызволит тебя отсюда, и нечто помимо моей воли удержит тебя здесь.

Каким-то странным образом ее уверенность не только смягчила ее, но и придала ей большую власть над словами. Ее утверждения были неотразимо убедительными и кристально ясными. Дон Хуан сказал когда-то, что я был доверчивой душой, когда дело доходило до слов. Когда она говорила, я поймал себя на мысли, что она в действительности вовсе не столь ужасна, как мне показалось. Она больше не производила впечатления взбесившейся фурии, в любой момент готовой к нападению. Мой разум чувствовал себя почти свободно, но что-то во мне не поддавалось. Все мышцы моего тела были подобны натянутым струнам, однако я вынужден был признаться себе, что хоть она меня и испугала до полусмерти, она все же была очень привлекательна.

— Я покажу тебе, что бесполезно пытаться уехать, — сказала она, соскакивая с постели. — Я собираюсь помочь тебе. Что тебе нужно?

Она следила за мной со странным блеском в глазах. Ее мелкие белые зубы придавали улыбке что-то дьявольское. Круглое лицо было удивительно гладким, совершенно без морщин. Две глубокие линии, сбегающие от крыльев носа к уголкам рта, придавали лицу отпечаток зрелости, но не возраста. Когда она вставала с постели, шаль соскользнула, обнажив ее полные груди. Не дав себе труда вновь накрыться, она еще и выпятила грудную клетку, заставив грудь приподняться.

— О, ты уже заметил, да? — и повернула тело из стороны в сторону, словно любуясь собой. — Я всегда стягиваю волосы на затылке. Нагваль велел мне делать так. Натяжение делает мое лицо моложе.

Я был уверен что она заговорит и о груди. Ее уловка поразила меня.

— Я не имела в виду, что натяжение волос заставляет меня выглядеть моложе, — продолжала она с улыбкой. — Оно делает меня моложе.

Я поинтересовался, как это может быть.

С чарующей улыбкой она поинтересовалась, понял ли я как следует дона Хуана, когда он говорил, что всякая вещь становится возможной, если человек хочет ее с несгибаемым намерением. Я пожелал более точного объяснения. Мне хотелось знать, что еще, кроме стягивания волос она делает, чтобы выглядеть такой молодой. Она сказала, что ложится на свою кровать и опустошает себя от всех мыслей и ощущений, а затем просто позволяет линиям своего пола убрать все морщины прочь. Я добивался от нее более детального ответа о ее ощущениях, чувствах и восприятиях, которые она испытывала, лежа на своей постели. Она настаивала, что не ощущает ничего и не знает, как действуют линии ее пола. И она знает только, что не надо позволять вмешиваться своим мыслям.

Она положила руки мне на грудь и очень мягко оттолкнула. По-видимому, это был жест, показывающий, что с нее довольно моих вопросов. Мы вышли наружу через заднюю дверь. Я сказал ей, что мне нужна длинная палка. Она сразу пошла к куче дров, но среди них не было длинных палок. Я спросил, не сможет ли она дать мне пару гвоздей, чтобы скрепить два куска дерева из поленницы. Мы обшарили весь дом, но гвоздей не нашли. Наконец я вытащил самую длинную палку, какую удалось найти, из курятника, построенного Паблито за домом. Эта жердь, хотя и была немного тонковатой, казалась подходящей для моей цели.

Донья Соледад помогала мне в моих поисках не улыбаясь и без шуточек. Казалось, она была полностью поглощена своей задачей помогать мне. Ее концентрация была такой интенсивной, что я под конец не сомневался в ее искренности. Вооруженный длинной жердью и поленом из дровяной кучи, я подошел к своей машине. Донья Соледад стояла у передней дверцы.

Я стал дразнить собаку короткой палкой, в то же время пытаясь освободить замок жердью. Пес едва не цапнул меня за руку, и я выронил короткую палку. Ярость и сила огромного зверя были такими безмерными, что я чуть не потерял и длинную палку тоже. Пес пытался перекусить ее надвое, как вдруг донья Соледад пришла мне на помощь. Колотя в заднее стекло, она отвлекла внимание пса, и это позволило мне забрать палку.

Воодушевленный ее отвлекающим маневром, я нырнул головой вперед, проскользнул по всей длине сидения и успел-таки освободить замок. Я тут же

ринулся назад, но пес бросился на меня сзади со всей своей мощью, и его массивные плечи и лапы нависли над передним сидением, прежде чем я успел вернуться назад. Я почувствовал его лапы на своем плече и съежился от страха. Я не сомневался, что сейчас он меня прикончит. Пес наклонил голову, собираясь меня растерзать, но ударился о рулевое колесо. Я стремительно рванулся и одним движением взлетел на капот, затем на крышу. Все тело у меня было в синяках.

Я открыл правую дверцу, попросил донью Соледад подать мне длинную палку и нажал на рычаг, освобождающий спинку сиденья, закрепленную вертикально. Я надеялся, что если буду дразнить пса, то он свалит ее вперед и освободит себе путь к выходу, но он не двигался. Он лишь яростно грыз палку.

В этот момент донья Соледад вскочила на крышу и легла рядом со мной. Она хотела помочь мне дразнить собаку. Я сказал, что ей не следует оставаться на крыше, так как когда пес вылезет, я собираюсь соскользнуть в машину и немедленно уехать. Я поблагодарил ее за помощь и сказал, что ей лучше вернуться в дом. Она пожала плечами, спрыгнула вниз и пошла обратно к двери. Я снова нажал на защелку и начал дразнить пса своей кепкой. Я хлопал ею у самых его глаз, прямо перед мордой. Ярость пса была неописуема, однако он не собирался покидать сидение. Наконец его мощные лапы выбили палку из моей руки. Я опустился вниз, чтобы поднять ее из-под машины. Внезапно я услышал пронзительный крик доньи Соледад:

— Осторожно! Он вылезает!

Я рывком обернулся. Пес протискивался над сиденьем. Его задние лапы застряли в рулевом колесе. Он был почти на свободе.

Я бросился к дому и оказался внутри в тот самый момент, когда пес всем телом с размаху ударил в дверь. Заперев дверь на щеколду, донья Соледад сказала, хихикая:

— Я говорила тебе, что это бесполезно.

Она прочистила горло и повернулась ко мне.

— Ты можешь привязать его на веревку? — спросил я.

Я был уверен, что получу ничего не значащий ответ, но, к моему удивлению, она сказала, что мы должны испробовать все, даже заманить собаку в дом и закрыть ее там.

Ее идея привлекла меня. Я осторожно открыл дверь. Пса там больше не было. Я рискнул распахнуть дверь пошире и выглянуть наружу. Его не было видно. Я надеялся, что он убрался наконец в свой загон. На всякий случай я решил подождать еще немного, а затем сделать бросок к машине, как вдруг услышал злобное рычание и увидел массивную голову внутри машины. Он снова забрался на переднее сидение.

Донья Соледад была права — бесполезно было и пытаться сбежать. Волна уныния охватила меня. Каким-то образом я знал, что конец мой близок.

В порыве полного отчаяния я сказал донье Соледад, что собираюсь взять на кухне нож и убить пса или быть убитым им. И я сделал бы это, если бы в доме был хоть один металлический предмет.

— Разве Нагваль не учил тебя принимать свою судьбу? — спросила донья Соледад, следуя за мной по пятам. — Этот пес — не обычная собака. У него есть сила. Он воин. Он сделает то, что должен сделать. Даже убьет тебя, если нужно.

На мгновение я оказался на грани неконтролируемого срыва. Рассвирепев, я схватил ее за плечи и зарычал. На нее это не произвело никакого впечатления. Она повернулась ко мне спиной и сбросила на пол свою шаль. Ее спина была очень сильной и красивой. У меня было жуткое желание ударить ее, но вместо этого я провел рукой по ее плечам. Ее кожа была мягкой и шелковистой. Руки и плечи были мускулистыми, но не массивными. Лишь минимальный слой жира окружал ее мускулы и делал тело гладким на вид, однако пальцами я чувствовал невидимые под кожей твердые мышцы. Мне не хотелось смотреть на ее грудь.

Она пошла на террасу в задней части дома и я последовал за ней. Она села на скамейку и не торопясь помыла ноги в бадье. Когда она обувала сандалии, я в сильной тревоге заглянул зачем-то в новую пристройку в задней части дома.

Когда я выходил оттуда, она встретила меня у двери.

— Ты любишь поговорить, — сказала она мимоходом, ведя меня в свою комнату. — Торопиться некуда. Теперь мы можем говорить вечно.

Она достала мой блокнот с крышки своего комода, куда, должно быть, сама его сунула, и вручила мне с преувеличенной любезностью. Затем она сняла покрывало, аккуратно сложила его и положила туда, где прежде лежал блокнот. Тут я заметил, что оба комода были под цвет стен, желтовато-белыми, а постель без покрывала была охристо-красной, почти под цвет пола. Покрывала же были темно-коричневыми, как дерево потолка и ставней.

— Давай поговорим, — сказала она, сняв сандалии и удобно усаживаясь на постели.

Она обхватила руками колени, касаясь их голой грудью. У нее был вид молодой девушки. Ее агрессивные и властные манеры исчезли, сменившись обаянием. В этот момент она была полной противоположностью недавней донье Соледад. Я невольно рассмеялся над тем, как она убеждала меня писать. Она напоминала мне дона Хуана.

— Теперь у нас есть время, — сказала она. Ветер переменился. Ты заметил это?

Я заметил. Она сказала, что новое направление ветра было ее благоприятным направлением, и теперь ветер превратился в ее помощника.

— Что ты знаешь о ветре, донья Соледад? — спросил я, спокойно усевшись в ногах ее постели.

— Только то, чему учил меня Нагваль, — сказала она. — Каждая из нас, то есть женщин, имеет свое собственное направление, особый ветер. Мужчины не имеют. Я — северный ветер; когда он дует, я становлюсь другой. Нагваль сказал, что женщина-воин может использовать свой особый ветер для всего, что пожелает. Лично я с его помощью привела в порядок свое тело и переделала его. Смори на меня. Я — северный ветер. Чувствуешь, как я вхожу в окно?

Сильный ветер дул через окно, которое стратегически было обращено к северу.

— Почему ты думаешь, что у мужчин нет ветра?

Она на мгновение задумалась, а затем ответила, что Нагваль никогда не упоминал, почему.

— Ты хотел знать кто сделал этот пол, — сказала она, укутывая одеялом плечи. — Я сделала его сама. Я потратила четыре года, чтобы выложить его. Теперь этот пол подобен мне самой.

Когда она говорила, я заметил, что сходящиеся линии на полу были сориентированы так, что начинались с севера. Однако комната не была расположена в полном соответствии со странами света, поэтому ее постель находилась под некоторым углом к стенам, как и линии, образованные глиняными плитками.

— Почему ты сделала пол красным, донья Соледад?

— Это мой цвет. Я красная, подобно красной почве. Я нашла красную глину в горах поблизости отсюда. Нагваль сказал мне, где искать, и он же помогал мне носить ее а с ним и все остальные. Они все мне помогали.

— Как ты обжигала глину?

— Нагваль вырыл мне яму. Мы заполнили ее топливом, а потом положили штабелем глиняные плитки, переложив их плоскими кусочками камня. Я закрыла яму крышей из почвы и проволоки и подожгла дрова. Они горели несколько дней.

— Как ты уберегла плитки от искривления?

— Это не я. Это сделал ветер, северный ветер, который дул все время, пока горел огонь. Нагваль показал мне, как вырыть яму, чтобы она была обращена к северу и северному ветру, и заставил меня оставить четыре дыры для северного ветра, чтобы он дул в яму. Потом он велел мне проделать одну

дыру в центре крышки, чтобы мог выходить дым. Ветер заставил гореть дерево в течение нескольких дней. Когда яма остыла, я открыла ее и начала чистить и выравнивать плитки. Мне потребовалось больше года чтобы сделать достаточно плиток и закончить свой пол.

— Как ты придумала узор?

— Мне дал его ветер. Когда я делала пол, Нагваль уже научил меня не сопротивляться ветру. Он показал мне, как отдаваться своему ветру и позволять ему руководить мной. На это он потратил много времени и сил, годы и годы. Вначале я была очень упрямой и неразумной старухой. Он говорил мне это сам, и он был прав. Но я училась очень быстро. Наверное потому, что я старая, и мне больше нечего терять. В самом начале у меня были громадные трудности из-за моего постоянного страха. Одно присутствие Нагваля заставляло меня заикаться и робеть. Так же чувствовали себя с ним и остальные. Это была его судьба — наводить ужас.

Она перестала говорить и пристально взглянула на меня.

— Нагваль — не человек, — сказала она.

— Почему ты так говоришь?

— Нагваль — дьявол, я не знаю, с каких пор.

От ее слов меня бросило в дрожь. Я ощутил, как заколотилось сердце. Она, безусловно, не могла бы найти лучшего слушателя. Я был бесконечно заинтригован и попросил объяснений.

— Его касание изменяло людей, — проговорила она. — Ты знаешь это сам. Он изменил твое тело. Причем ты, как видно, даже не догадываешься об этом. Но он вошел в твое прежнее тело, он что-то вложил в него. То же самое он проделал со мной. Он оставил что-то во мне, и это нечто взяло вверх. Такое может только дьявол. Теперь я — северный ветер и не боюсь никого и ничего. А до того, как он изменил меня, я была слабой, беззащитной, безобразной старухой, дрожавшей от одного его имени, Паблито, конечно, не мог помочь мне, так как он сам боялся Нагваля до смерти.

Однажды Нагваль и Хенаро пришли в дом, когда я была одна. Я слышала их за дверью, словно крадущихся ягуаров. Я перекрестилась. Для меня они были демонами, однако я вышла, чтобы посмотреть, что я могу сделать для них. Они были голодны, и я охотно приготовила им еду. У них были миски, сделанные из тыквы, и я налила им обоим супа. Нагваль, по-видимому, не был признателен за еду; он не хотел есть пищу, приготовленную такой слабой, неуклюжей женщиной, и он взмахом руки сбросил миску со стола. Но миска, вместо того, чтобы опрокинуться и выплеснуться на пол, от силы удара Нагваля соскользнула и упала на мою ногу, да так и стояла там, пока я не нагнулась и не подняла ее. Ни капли супа не пролилось. Я поставила ее на стол перед ним и сказала, что хотя я и слабая женщина и всегда боюсь его, моя пища приготовлена с добрыми чувствами. С этого момента Нагваль изменился по отношению ко мне. То, что миска упала на мою ногу и не разлилась, было знаком, что сила указывает на меня. Я не знала этого тогда и думала, что он изменился по отношению ко мне потому, что ему стало стыдно за свой отказ от моей пищи. Я не придала значения этой перемене. Я все еще боялась его и не могла даже смотреть ему в глаза. Но он стал все больше обращать на меня внимания. Он даже принес мне подарки: шаль, платье, гребенку и другие вещи. Это привело меня в ужас. Я стыдилась, ибо думала, что он мужчина, который ищет женщину. У Нагваля были молодые девушки; чего он хотел от такой старухи, как я? Сначала я не хотела и смотреть на его подарки, но Паблито уговорил меня, и я начала носить их. После этого я стала еще больше бояться его и не хотела оставаться с ним наедине. Я знала, что он не мужчина, а дьявол. Я знала, что он сделал со своей женщиной.

Тут я не мог не перебить ее. Я сказал, что впервые слышу о женщине в жизни дона Хуана.

— Да ты знаешь, кого я имею в виду.

— Поверь мне, донья Соледад, не знаю.

— Не говори так. Ты хорошо знаешь, что я говорю о Ла Горде.

Единственная «Ла Горда», которую я знал, была сестра Паблито, чрезвычайно тучная девушка по прозвищу Горда, Толстуха. Я догадывался, что на самом деле она не была дочерью доньи Соледад, хотя мне этого никто не говорил. А выспрашивать об этом мне как-то не хотелось. Внезапно я вспомнил, что эта

девушка исчезла из дома, и никто не мог или не смел сказать мне, что с ней.

— Однажды я была одна возле дома, — продолжала донья Соледад. — Я расчесывала волосы на солнце гребнем, подаренным Нагвалем, и не догадывалась, что он пришел и стоит за спиной. Вдруг я почувствовала, как его руки обхватили мою шею. Я услыхала, как он мягко сказал, чтобы я не двигалась, иначе я могу сломать шею. Он повернул мне голову налево, не до упора, а немного. Я была очень испугана и завизжала, пытаясь освободиться от его хватки, но он твердо держал мою голову долгое-долгое время.

Когда он выпустил мой подбородок, я потеряла сознание. Я не помню, что было потом. Когда я пришла в себя, я лежала на земле прямо там, где сидела. Нагваль уже ушел. Мне было так стыдно, что я никого не хотела видеть, особенно Ла Горду. Долгое время я даже думала, что Нагваль никогда не поворачивал мне шею и что мне все это просто привиделось.

Она остановилась. Я ожидал объяснения тому, что случилось. Но она казалась задумчивой и отсутствующей.

— Что же случилось на самом деле, донья Соледад? — спросил я, не сумев сдержаться. — Он действительно что-то сделал с тобой?

— Да! Он повернул мою шею, чтобы изменить направление моих глаз, — сказала она громко и засмеялась, заметив мое удивление.

— Я имею в виду, не сделал ли он...?

— Да. Он изменил мое направление, — продолжала она, не обращая внимания на мои расспросы. — Он сделал это и с тобой и со всеми остальными.

— Действительно, он сделал это и со мной. Но зачем, как ты думаешь, он сделал это?

— Он обязан был. Это самая важная вещь, которую нужно сделать.

Она имела в виду своеобразное действие, которое дон Хуан считал абсолютно необходимым. Я никогда ни с кем не говорил об этом. Фактически я почти забыл о нем. В начале моего ученичества он однажды развел два небольших

костра в горах Северной Мексики. Они находились футах в двадцати друг от друга. Он велел мне стать тоже в двадцати футах от них, удерживая тело и особенно голову в максимально расслабленном положении лицом к костру справа. Зайдя сзади, он повернул мою шею налево и направил мои глаза (но не плечи) в сторону второго огня. Он удерживал в этом положении мою голову несколько часов, пока не погас огонь. «Новое направление» было юго-востоком; точнее, он расположил второй костер в юго-восточном направлении. Я воспринял все это как еще одно из загадочных чудачеств дона Хуана, один из его ничего не значащих ритуалов.

— Нагваль сказал мне, что у всех нас в течение всей жизни развивается одно единственное направление, в котором мы постоянно смотрим, — продолжала она. — Оно становится направлением и для глаз духа. С течением времени это направление от чрезмерного использования становится слабым и неприятным, и поскольку мы слишком привязаны к нему, то мы и сами становимся слабыми и непривлекательными. В день, когда Нагваль повернул мне шею и держал ее, пока я не упала в обморок от страха, он дал мне новое направление.

— Какое именно?

— Зачем ты спрашиваешь? — сказала она с излишней силой. — Ты думаешь, что Нагваль дал мне неправильное?

— Я могу сказать, какое направление он дал мне.

— Не надо, — отрезала она. — Он говорил мне об этом сам.

Она казалась возбужденной. Поменяв позу, она легла на живот. У меня затекла спина, я долго писал согнувшись. Я спросил ее, могу ли я сесть на пол и использовать кровать как стол. Она встала и вручила мне сложенное покрывало в качестве подстилки.

— Что еще делал с тобой Нагваль? — спросил я.

— После изменения моего направления Нагваль начал по-настоящему беседовать со мной о силе, — сказала она, ложась снова. — Сначала он говорил об этих вещах от случая к случаю, так как не знал точно, что со мной делать. Однажды он взял меня на короткую прогулку в горы. Потом, в другой

раз, мы с ним поехали на автобусе в его родные края в пустыню. Понемногу я привыкла к этим путешествиям.

— Он когда-нибудь давал тебе растения силы?

— Однажды, когда мы были в пустыне, он дал мне Мескалито. Но так как я была пустой женщиной, Мескалито не принял меня. Встреча с ним была просто ужасной. Именно тогда Нагваль понял, что вместо этого меня надо познакомить с ветром. Все это было, конечно, лишь после того, как он получил знак. Он снова и снова повторял, что хотя он и был магом, умеющим видеть, но если нет знака, то он не может сказать, какой путь избрать. Он ждал указания обо мне уже несколько дней, но сила не хотела давать его. Не имея выхода, он привел меня к своему гуахе, и я встретилась с Мескалито.

Я перебил ее. Ее употребление слова «гуахе» (тыква-горлянка) привело меня в замешательство. В контексте ее рассказа оно было лишено смысла. Я подумал, что она говорит метафорически, или что слово «горлянка» было эвфемизмом.

— Что такое «гуахе», донья Соледад?

В ее глазах мелькнуло удивление. После паузы она ответила.

— Мескалито — гуахе Нагваля.

Ее ответ смутил меня. Судя по интонации, для нее такое объяснение было очевидным. Когда я попросил дальнейших объяснений, она уверяла, что я все знаю сам. Это был излюбленный прием дона Хуана для пресечения всех расспросов. Я сказал ей, что дон Хуан говорил мне, что Мескалито — это божество или сила, содержащаяся в батонах пейота. Сказать, что Мескалито был тыквой-горлянкой, было явной бессмыслицей.

— Нагваль с помощью своей горлянки может познакомить тебя с чем угодно, — сказала она после паузы. — Тыква — ключ к его силе. Пейот может дать любой, но только маг с помощью своей горлянки может познакомить тебя с Мескалито.

Она замолчала и пристально посмотрела на меня. Взгляд был свирепым.

— Почему ты заставляешь меня повторять то, что ты и так давно знаешь? — спросила она.

Ее перемена застала меня врасплох — только что она была такой мягкой и милой.

— Не обращай внимания на перемены моего настроения, — сказала она, улыбаясь. — Я — северный ветер. Я очень нетерпима. Всю свою жизнь я не смела и слова сказать. Теперь я не боюсь никого. Я говорю то, что чувствую. Чтобы общаться со мной, ты должен быть сильным.

Она подползла на животе поближе ко мне.

— Итак, Нагваль познакомил меня с Мескалито, который вышел из его горлянки, — продолжала она. — Однако он не мог предположить, чем это кончится. Он думал, что моя встреча с Мескалито будет похожа на твою или Элихио. В обоих случаях он был в затруднении и предоставил горлянке решать, что делать дальше. И в обоих случаях горлянка помогала ему. Со мною все было иначе. Мескалито велел ему, чтобы я убиралась, пока цела. Мы с Нагвалем спешно удрали оттуда. Вместо того, чтобы вернуться домой, мы поехали на север. Мы сели в автобус, идущий в Мехикали, но вышли посреди пустыни. Было уже очень поздно. Солнце садилось за горы. Нагваль хотел перейти дорогу и идти пешком на юг. Мы ожидали, пока проедут какие-то быстро мчавшиеся машины, но вдруг он хлопнул меня по плечу и указал на дорогу перед нами. Порыв ветра вздымал спиралью пыль в стороне от дороги. Мы наблюдали, как она движется к нам. Нагваль перебежал дорогу, и ветер схватил меня. Он мягко закружил меня, а потом исчез. Это и был знак, которого ожидал Нагваль.

С тех пор мы ходили в горы или пустыню искать ветер. Сначала ветер не любил меня, потому что это было мое старое «я». Поэтому Нагваль постарался изменить меня. Сначала он велел мне сделать эту комнату и этот пол. Затем он велел мне носить новые платья и спать на матраце вместо соломенной циновки. Он велел мне носить обувь и набить одеждой полные комоды. Он заставлял меня ходить сотни миль и научил быть спокойной. Я училась очень быстро. Еще были всякие странные вещи, не имеющие никакого смысла.

И однажды, когда мы были в горах, в его родных местах, я в первый раз услышала ветер. Он вошел прямо в мою матку. Я лежала на верхушке плоской скалы, и ветер кружил вокруг меня. Я уже видела его в этот день, когда он кружился в кустах, но на этот раз он охватил меня и остановился. Нагваль велел мне снять всю свою одежду. Я была совершенно голая, но мне не было холодно, меня согревал ветер.

— Ты боялась, донья Соледад?

— Боялась? Да я оцепенела от ужаса. Ветер был живой; он ласкал меня с головы до пяток. А затем он вошел внутрь моего тела. Я была как воздушный шар, и ветер выходил из моих ушей, рта и других мест, о которых я упоминать не хочу. Я думала, что сейчас умру, и я бы удрала, если бы Нагваль не прижимал меня к скале. Он говорил мне на ухо, чтобы я не боялась, и успокаивал меня. Я лежала спокойно и позволяла ветру делать со мной все, что ему угодно. Именно тогда он сказал мне, что делать.

— Что делать с чем?

— С моей жизнью, с моими вещами, моей комнатой, моими ощущениями. Сначала это было не ясно. Мне казалось, что это мои мысли. Нагваль сказал мне, что все мы так думаем. Но стоит по-настоящему успокоиться, — и мы понимаем, что есть еще нечто, говорящее нам разные вещи.

— Ты слышала голос?

— Нет. Ветер движется внутри тела женщины. Нагваль говорил, что это потому, что у женщины есть матка. Когда ветер находится внутри матки, он просто пронзает тебя и говорит, что делать. Чем более спокойна и расслаблена женщина, тем лучше результаты. И внезапно ты оказываешься способной делать такие вещи, о которых раньше не могла и мечтать.

С того дня ветер приходил ко мне постоянно. Он говорил в моей матке и рассказывал мне все, что я хотела знать. Нагваль видел с самого начала, что я была северным ветром. Другие ветры никогда не разговаривали со мной, как этот, хотя я научилась различать их.

— А сколько их всего?

— Есть четыре ветра, как и четыре направления. Это, конечно, относится к магам и к тому, что они делают. Четыре — это число силы для нас. Первый — бриз, утренний ветер. Он приносит надежду и подъем; он является вестником дня. Он приходит и уходит, и проникает во все. Иногда он мягкий и незаметный, иногда — назойливый и докучный.

Другой ветер — суровый ветер, холодный или горячий, или и то и другое вместе. Это полуденный ветер. Губительный, полный энергии, он полон и безрассудства. Он вламывается в двери и рушит стены. Маг должен быть очень сильным, чтобы совладать с таким ужасным ветром.

Затем есть холодный послеполуденный ветер. Унылый и утомительный, он никогда не оставит тебя в покое.

Он будет приводить тебя в уныние и заставит плакать. Однако Нагваль сказал, что в нем есть такая глубина, которая заслуживает особого внимания в его поисках.

И, наконец, есть горячий ветер. Он согревает, защищает и окутывает все. Это ночной ветер магов. Его сила приходит вместе с темнотой.

Таковы четыре ветра. Они связаны с четырьмя направлениями. Бриз — это восток. Холодный ветер — запад. Горячий — юг. Суровый — север.

Четыре ветра — это еще и личности. Бриз — игривый, вкрадчивый и переменчивый. Холодный ветер — угрюмый, тоскливый и всегда печальный. Горячий ветер — счастливый, безудержный и хвастливый. Суровый ветер — энергичный, властный и нетерпеливый.

Нагваль сказал мне, что четыре ветра являются женщинами. Именно поэтому воины-женщины ищут их. Ветры и женщины родственны друг другу. По этой причине, кстати, женщины лучше мужчин. Я сказала бы, что женщины потому и учатся быстрее, если только верны своему собственному ветру.

— Как женщине узнать, какой из ветров — ее?

— Если она успокоилась и не разговаривает сама с собой, ее ветер просто

схватит ее вот так.

Она сделала рукой хватающий жест.

— Должна ли она лежать обнаженной?

— Это помогает. Особенно если она стыдливая. Я была толстой старухой. Я никогда не снимала своей одежды. Я спала в ней и всегда купалась в нижнем белье. Для меня показать свое тело ветру было подобно смерти. Нагваль знал это и сделал на это свою главную ставку. Он знал о дружбе женщин с ветром, но я сбила его с толку, и он привел меня к Мескалито.

После того, как Нагваль в тот первый ужасный день повернул мою голову, он почувствовал, что несет за меня ответственность. Он говорил, что не имел понятия, как со мной быть. Одно было несомненно — ему не нужна была толстая старуха, шныряющая вокруг его мира. Нагваль сказал, что он находился со мной в таком же неопределенном положении, как и с тобой. Он был в растерянности. Нам обоим нечего было делать в мире Нагваля. Ты не индеец, а я — старая корова. Если говорить прямо, оба мы никуда не годились. Но посмотри на нас теперь. Кое-что с нами явно произошло.

Женщины, конечно, гораздо податливее мужчин. Женщина изменяется очень легко под воздействием силы мага. Особенно такого мага, как Нагваль. Ученик-мужчина, согласно Нагвалю, крайне упрям. Ты, например, не изменился так сильно, как Ла Горда, а она вступила на свой путь ученичества гораздо позже тебя. Женщина мягче и послушнее, сверх того, женщина подобна горлянке — она восприимчива. Но так или иначе, мужчина имеет больше силы. Хотя Нагваль никогда не соглашался с этим. Он полагал, что женщины несравненно выше. Он также утверждал, что я ставлю себя ниже мужчин, потому что я — пустая женщина. Он, должно быть, был прав. Я так долго была пустой, что забыла, что значит быть полной. Нагваль сказал, что если я когда-нибудь стану полной, мои ощущения на этот счет изменятся. Однако, если бы он был прав, Ла Горда добилась бы таких же успехов, как Элихио, а ты знаешь, что это не так.

Мне трудно было следить за ходом ее повествования, так как она молчаливо подразумевала, что я знаю, о чем она говорит.

— Чем Ла Горда отличалась от Элихио?

Она на миг взглянула на меня, как бы взвешивая что-то. Затем она села, подтянув колени к груди.

— Нагваль рассказывал мне все, — сказала она оживленно. — У Нагваля не было от меня секретов. Элихио был самым лучшим; поэтому его теперь нет в мире. Он не вернулся. На самом деле он был таким хорошим, что у него не было необходимости прыгать с обрыва, когда время его ученичества подошло к концу. Он был подобен Хенаро. Однажды, когда он работал в поле, что-то пришло к нему и забрало его отсюда. Он знал, как позволить унести себя.

У меня возникло желание спросить ее, действительно ли я прыгал с обрыва. Прежде чем задать этот вопрос, я некоторое время колебался. В конце концов, я приехал сюда, чтобы увидеть Паблито и Нестора именно для этого. Любая информация на эту тему от любого вовлеченного в мир дона Хуана человека была бы весьма полезна для меня.

Как я и ожидал, она засмеялась, услышав мой вопрос.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь того, что сам сделал?

— Это слишком необыкновенно, чтобы быть реальным.

— Таков мир Нагваля. Ни одна вещь в нем не является реальной. Он сам советовал мне не верить ничему. Тем не менее, ученики-мужчины должны прыгнуть. Если только они не такие великолепные, как Элихио.

Нагваль взял нас, меня и Ла Горду, на эту гору и велел нам смотреть вниз, на ее подножие. Там он показал нам, как выглядит Нагваль в полете, но уследить за ним могла только Ла Горда. Она тоже хотела прыгнуть в пропасть, но Нагваль сказал ей, что это бесполезно. Он сказал, что женщины должны делать более болезненные и трудные вещи, чем эта. Еще он сказал, что прыжок был предназначен только для вас четверых. Так оно и произошло: вы четверо прыгнули.

По ее рассказу получалось, что дон Хуан и дон Хенаро последовали за нами, тогда как я полагал, что прыгнули только мы с Паблито. Вообще-то я не

удивился, но было приятно и трогательно.

— Ну что ты несешь! — воскликнула она, когда я высказал свою догадку. — Ты что, не знаешь, что я имею в виду тебя и трех учеников Хенаро? Ты, Нестор и Паблито прыгнули вместе в тот день.

— А кто же третий ученик Хенаро? Я знаю только Паблито и Нестора.

— Ты хочешь сказать что не знаешь, что Бениньо был учеником Хенаро?

— Для меня это новость.

— Он был самым старым учеником Хенаро. Он прыгнул до того, как это сделал ты, и он прыгнул сам.

Бениньо был одним из пяти индейских юношей, которых я однажды встретил, когда бродил с доном Хуаном по Сонорской пустыне. Они искали предметы силы. Дон Хуан сказал мне, что все они были учениками мага. Несколько раз после этого я вновь виделся с Бениньо, и очень с ним подружился. Он был из южной Мексики. Мне он очень нравился. Непонятно зачем, но он с видимым наслаждением окутывал свою жизнь непроницаемой тайной. Я никогда не мог выяснить, кем он был и что делал. При каждой нашей встрече он неизменно сбивал меня с толку обезоруживающей прямотой, с которой отклонял все расспросы. Однажды дон Хуан по собственному почину дал мне некоторую информацию о Бениньо, сказав, что тому очень повезло с учителем и бенефактором. Я принял слова дона Хуана как ничего не значащее случайное замечание. Донья Соледад прояснила для меня загадку десятилетней давности.

— Как ты думаешь, почему дон Хуан ничего не рассказывал мне о Бениньо?

— Откуда мне знать? Наверное, причина была. Нагваль никогда ничего не делал просто так.

Чтобы продолжать писать, мне пришлось прислониться ноющей от усталости спиной к ее кровати.

— И что же случилось с Бениньо?

— С ним все в порядке. По-видимому, его положение лучше, чем у кого бы то ни было. Ты увидишь его. Они с Паблито и Нестором неразлучны. На них печать Хенаро. То же и с девочками: они неразлучны, так как на них печать Нагваля.

Я перебил ее снова и спросил, о каких девочках идет речь.

— О моих девочках, — сказала она.

— О твоих дочерях? Я имею в виду — о сестрах Паблито?

— Они не сестры Паблито, они — ученицы Нагваля.

Я был поражен. С тех пор, как я встретил Паблито, я был склонен считать, что четыре девушки в его доме — его сестры. Дон Хуан сам говорил мне это. На меня почему-то вновь нахлынуло отчаяние, которым так богат был сегодняшний день.

Донье Соледад не следовало верить: она явно готовила какую-то очередную ловушку. Я был убежден, что дон Хуан ни при каких обстоятельствах не стал бы так грубо обманывать меня.

Донья Соледад изучала меня с явным любопытством.

— Ветер только что сказал мне, что ты мне не веришь, — сказала она и засмеялась.

— Ветер прав, — отозвался я сухо.

— Девочки, которых ты видел несколько лет, принадлежат Нагвалю. Они были его ученицами. Теперь, когда Нагваль ушел, они являются самим Нагвалем. Но они также и мои девочки. Мои!

— Ты имеешь в виду, что на самом деле ты не мать Паблито, и что именно они — твои дочери?

— Я имею в виду, что они мои. Нагваль оставил их на мое попечение. Ты

всегда ошибаешься, так как ты полагаешься на слова, чтобы непременно объяснить все. Так как я мать Паблито, и ты слышал, что они — мои девочки, ты сделал вывод, что они должны быть братом и сестрами.

Девочки — мои настоящие дети. Паблито, хоть и приходится мне сыном, вышедшим из моей утробы, — мой смертельный враг.

Моей реакцией была смесь отвращения и гнева. Я подумал, что она не только ненормальная, она опасна. Каким-то образом что-то во мне знало это с самого момента моего приезда сюда.

Она долго наблюдала за мной. Чтобы не встречаться с ней глазами, я снова сел на покрывало.

— Нагваль предостерегал меня о твоих причудах, — сказала она внезапно, — но я не могла понять, что он имел в виду. Теперь я знаю. Он говорил мне, чтобы я не сердила тебя и была осторожна, так как ты вспыльчив, и непредсказуем. Извини, что не была так внимательна, какой должна была быть. Еще он говорил, что когда ты пишешь, ты можешь оказаться в самом пекле и не заметить этого. И лучше тебя тогда не трогать. Я и не беспокоила тебя. Затем он сказал мне, что ты недоверчив, так как слова путают тебя. И я не запутывала тебя. Я заговорилась до умопомрачения, пытаясь тебя не запутать.

В ее тоне было молчаливое обвинение. Я был сбит с толку и раздосадован.

— В то, что ты говоришь, очень трудно поверить, — сказал я. — Либо ты, либо дон Хуан, но кто-то из вас двоих ужасно обманул меня.

— Никто из нас не лгал. Ты понимаешь только то, что хочешь понять. Нагваль сказал, что это обусловлено твоей пустотой. Девочки — дети Нагваля, так же как ты и Элихио. Он сделал шестерых детей, четырех женщин и двух мужчин. Хенаро сделал трех мужчин. Всего получается девять. Один из вас, Элихио, уже все закончил, так что вас осталось восемь, пытающихся выполнить то же.

— Куда ушел Элихио?

— Он ушел, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро.

— А куда ушли Нагваль и Хенаро?

— Ты знаешь, куда они ушли. Ты дурачишь меня, что ли?

— В том-то и дело, донья Соледад. Зачем мне притворяться?

— Тогда слушай. Я не могу ни в чем отказать тебе. Нагваль и Хенаро вернулись в то место, откуда пришли — в другой мир. Когда пришло их время, они просто шагнули в окружающую тьму там, вовне, а так как они не собирались возвращаться, тьма ночи поглотила их.

Я понял, что расспрашивать дальше бесполезно. Мне хотелось сменить тему, но она меня опередила.

— Ты ухватил проблеск другого мира, когда прыгнул, — продолжала она. — Но, наверное, прыжок привел тебя в замешательство. Очень плохо. С этим ничего не поделаешь. Это твоя судьба, ты мужчина.

Женщины в этом отношении лучше мужчин. Им прыгать в пропасть нет нужды. У женщин свои собственные пути. У них своя пропасть. У них менструации. Нагваль говорил, что это — дверь для них. Во время своего женского цикла они становятся чем-то еще. Я знаю, что в это время он и учил моих девочек. Мне уже слишком поздно. Я слишком стара, поэтому я на самом деле не знаю, как выглядит эта дверь. Нагваль настаивал, чтобы девочки уделяли внимание всему, что происходит с ними во время этого периода. Он обычно брал их в эти дни в горы и оставался с ними до тех пор, пока для них не открывалась трещина между мирами.

Нагваль был лишен каких-либо страхов и колебаний, он подвергал их безжалостному давлению, чтобы они сами могли обнаружить, что у женщин есть трещина, которую все они отлично маскируют. Во время этого периода, как бы ни хороша была маскировка, она спадает, и женщина оказывается разоблаченной. Нагваль давил на них до полусмерти, чтобы открыть эту трещину. Они сделали это. Он заставил их сделать это, но на это понадобилось несколько лет.

— Как они стали ученицами?

— Лидия была первой. Он нашел ее однажды утром, когда наткнулся как-то на разрушенную хижину в горах. Нагваль говорил мне, что хижина была пуста, но с самого утра были знаки, звавшие его в этом дом. Бриз сильно беспокоил его. Он не мог даже открыть глаза, когда пытался уйти оттуда. Поэтому когда он увидел хижину, он понял, что там кто-то есть. Он заглянул под кучу соломы и хвороста и нашел Лидию. Она была очень больна. Она едва могла говорить, но тем не менее заявила ему, что не нуждается в помощи. Она собиралась спать дальше, и если бы она больше не проснулась, никто бы ее не хватился. Нагвалю понравился ее дух, и он заговорил с нею на ее языке. Он сказал, что собирается вылечить ее и заботиться о ней до тех пор, пока она не станет сильной снова. Она была индеанкой, которая знала лишь одни огорчения и лишения. Она сказала Нагвалю, что родители давали ей всякие лекарства, но ничего не помогло.

Слушая ее, Нагваль все больше убеждался, что знак указал ему на нее самым своеобразным способом. Знак скорее походил на приказание.

Нагваль поднял ее и положил себе на плечи, как ребенка, а потом отнес ее к Хенаро. Хенаро приготовил для нее лекарства. Она больше не могла открыть глаза. Ее веки слиплись. Они распухли и гноились.

Нагваль ухаживал за ней, пока она не почувствовала себя лучше. Он нанял меня смотреть за ней и готовить ей еду. Я поставила ее на ноги. Она — мой первый ребенок. Когда она поправилась, а на это ушел почти целый год, Нагваль собирался вернуть ее к родителям, но девушка отказалась уйти и осталась с ним.

Вскоре после того, как он нашел Лидию, когда она была еще совсем слабой, Нагваль нашел тебя. Тебя привел человек, которого он никогда в жизни не видел. Нагваль видел, что смерть витает над головой этого человека, и ему показалось странным, что он указывает на тебя именно в такой момент. Ты насмешил Нагваля, и он немедленно устроил тебе проверку. Он не взял тебя, но сказал, чтобы ты пришел сам и нашел его. Вообще он никого не испытывал и не проверял. Он говорил, что таков был твой путь.

Три года у него было два ученика — Лидия и ты. Но как-то раз, когда он был в гостях у своего друга Висенте, целителя с Севера, к тому привели помешанную

девочку, которая только и делала, что кричала и плакала без конца.

Люди, приведшие ее, приняли Нагваля за Висенте и передали девочку в его руки. Нагваль говорил мне, что эта девочка подбежала и ухватилась за него, словно знала его давным-давно. Нагваль предложил ее родителям оставить ее у него. Они беспокоились о плате, но Нагваль заверил их, что будет лечить ее даром. Я полагаю, что девочка так осточертела им, что они не знали, как от нее избавиться. Нагваль привел ее ко мне. Это был сущий ад! Она и вправду была помешанной. Это была Хосефина. Нагвалю понадобилось несколько лет, чтобы вылечить ее. Но и по сей день она совершенно сумасшедшая. Она, конечно, помешалась на Нагвале, и на этой почве у нее с Лидией началась смертельная вражда. Они ненавидели друг друга. Но я любила их обеих. Увидев, что они не ладят, Нагваль стал с ними очень жестким. Ты знаешь, Нагваль может приструнить кого угодно. Поэтому он напугал их обеих до полусмерти. Однажды Лидия не выдержала и сбежала. Она решила найти себе молодого мужа. По дороге она нашла крошечного цыпленка. Он только что вылупился и потерялся. Лидия подобрала его, а так как она была одна посреди пустынной местности и вокруг не было никаких домов, то она решила, что цыпленок ничей. Она засунула его под блузу между грудей, чтобы согреть его. Лидия рассказывала мне, что когда она бежала, маленький цыпленочек начал перемещаться набок. Она попыталась вернуть его на место, но никак не могла его схватить. Цыпленок быстро шнырял под блузкой по всему ее телу. Лапки цыпленка вначале щекотали ее, а затем довели до помешательства. Когда она поняла, что не в состоянии вытащить его, она примчалась обратно ко мне, вопя без памяти и упрашивая меня вытащить это проклятое создание. Я раздела ее, но это было бесполезно. Там не оказалось никакого цыпленка, тем не менее она продолжала чувствовать, как его лапы щекочут ей кожу.

Тут к нам пришел Нагваль. Он сказал, что как только она отпустит свое старое «я», бег цыпленка прекратится. Лидия бесновалась три дня и три ночи. Нагваль велел мне связать ее. Я кормила ее, убирала за ней и давала ей воду. На четвертый день она стала очень мирной и тихой. Я развязала ее, и она стала одеваться, а когда она оделась так, как в тот день, когда сбежала, из блузы вышел маленький цыпленок. Она взяла его на руки, целовала и благодарила его. Потом она отнесла его туда, где нашла. Я провожала ее часть пути.

С тех пор Лидия никого не беспокоила. Она приняла свою судьбу. Ее судьба —

Нагваль; без него она уже умерла бы. Какой смысл пытаться изменить или отвергнуть то, что остается только принимать?

Затем пришла очередь Хосефины. Случившееся с Лидией порядочно ее напугало, но вскоре она забыла об этом. Однажды в воскресенье, во второй половине дня, когда она шла домой, сухой лист зацепился за нити ее шали. Эта шаль была связана неплотно. Она попыталась вытащить листик, но побоялась распустить шаль. Поэтому, войдя в дом, она немедленно стала высвобождать его. Но это никак не получалось, листик сильно застрял. В порыве гнева Хосефина стиснула шаль с листом и раскрошила его рукой. Она рассчитывала, что маленькие кусочки легче будет вытряхнуть. Я услышала исступленный вопль, и Хосефина упала на землю. Я подбежала к ней и обнаружила, что она не может разжать руку. Лист исполосовал ей ладонь, как обломками бритвенного лезвия. Мы с Лидией нянчились с ней несколько дней. Она была упрямее всех, и чуть не умерла. В конце концов ей удалось раскрыть свою руку, но только после того, как она решилась оставить старые пути. У нее до сих пор еще время от времени бывают боли в теле, особенно в руке, когда она раскапризничается. Нагваль сказал им обеим, чтобы они не слишком полагались на свою победу, так как каждый из нас всю свою жизнь ведет борьбу против своих старых «я».

Лидия и Хосефина никогда больше не враждовали. Не думаю, что они любят друг друга, но они, безусловно, ладят. Я люблю этих двоих больше всего. Все эти годы они были со мной. Да и они меня тоже любят.

— А откуда взялись две другие?

— Годом позже появилась Елена. Она и есть Ла Горда. Дела ее были совсем плохи. Она весила двести двадцать фунтов и давно уже махнула на себя рукой. Паблито приютил ее в своей мастерской. Чтобы содержать себя, она брала заказы на стирку белья. Однажды утром Нагваль пришел к Паблито и заметил работавшую там толстую девушку, над головой которой кружился рой бабочек. Он рассказал, что мотыльки образовали самый совершенный круг, какой ему когда-либо приходилось видеть. Он видел, что женщина близка к концу своей жизни, но бабочки давали ему несомненный знак. Нагваль не раздумывая взял ее с собой.

Она была хорошей, но ее дурные привычки так глубоко укоренились, что она

никак не могла отказаться от них. Оставалось либо помочь ей, либо убить ее. Поэтому однажды Нагваль обратился за помощью к ветру. Ветер дул так, что выгнал ее из дому. В тот день она была одна, и никто не видел, что происходило. Ветер тащил ее через холмы и овраги, пока она не упала в яму, в точности похожую на могилу. Ветер держал ее там несколько дней. Когда Нагваль наконец нашел ее, она уже сумела остановить ветер, но ослабела так, что не могла идти.

— Как девушкам вообще удавалось выбраться из этих историй?

— Ну, скажем, эти наводившие на них ужас истории содержались в тыкве-горлянке, которую Нагваль носил привязанной к поясу.

— А что было в горлянке?

— Союзники, которых Нагваль носит с собой. Он говорил, что союзники вылетают из его горлянки. Не спрашивай больше, я ничего не знаю о союзниках. Я знаю только, что Нагваль распоряжался двумя, и заставлял их помогать ему. В случаях с моими девочками союзник возвращался в тыкву, когда они были готовы измениться. Для них, конечно, это был выбор — либо измениться, либо умереть. Но это случалось со всеми нами, так или иначе.

И Ла Горда изменилась больше, чем кто-либо. Она была пустой, даже более пустой, чем я, но она работала над своим духом, и теперь она — сама сила. Я не люблю ее. Я боюсь ее. Я для нее открыта. Но никто не может ничего сделать с ней, потому что ее нельзя застать врасплох. Она не испытывает ко мне ненависти, но думает, что я злая женщина. Может быть, она и права. Я думаю, что она знает меня достаточно хорошо, а я не столь безупречна, как следовало бы. Но Нагваль советовал мне не обращать внимания на мои чувства к Ла Горде. Она подобна Элихио; мир больше не затрагивает ее.

— Что же такого особенного Нагваль сделал с ней?

— Он учил ее вещам, каким не учил больше никого. Он никогда не баловал ее или что-нибудь в этом роде. Он доверял ей. Она знает все обо всех. Нагваль рассказывал обо всем и мне, но только не о ней. Может, именно поэтому я не люблю ее. Она знает все, что я делаю. Нагваль велел ей быть моим надзирателем. Куда бы я ни пошла, я нахожу ее. Например, я не удивлюсь,

если она и сейчас заявится.

— Ты думаешь, она придет?

— Сомневаюсь. Сегодня вечером ветер на моей стороне.

— Как ты считаешь, что она собирается делать? Может, у нее какое-нибудь особое задание?

— Я уже достаточно говорила о ней. Боюсь, что если я продолжу, она заметит меня оттуда, где сейчас находится, а мне бы этого очень не хотелось.

— Тогда расскажи мне о других.

— Спустя несколько лет после того, как появилась Горда, Нагваль нашел Элихио. Он рассказал мне, что привез тебя в свои родные места, а Элихио пришел посмотреть на тебя, так как ты заинтересовал его. Нагваль не обратил на него внимания. Он знал его с детских лет. Но как-то утром Нагваль шел к дому, где ты ожидал его, и столкнулся с Элихио. Они прошли вместе совсем небольшое расстояние, и вдруг кусочек чольи упал на носок левого башмака Элихио. Он попытался стряхнуть его, но колючки чольи вцепились в кожу башмака, словно когти. Нагваль предложил Элихио ткнуть пальцем в небо и встряхнуть ногой; чолья сорвалась и пулей взвилась в воздух. Элихио засмеялся, словно это была хорошая шутка, но Нагваль понял, что у него есть сила, о которой он даже не подозревает. Вот почему он без особых забот стал совершенным, безупречным воином.

То, что я с ним познакомилась, было для меня большой удачей. Нагваль считал, что мы с ним кое в чем схожи: если мы за что-то ухватимся, то уже не отпускаем. Я ни с кем не спешила делиться этой своей удачей, даже с Ла Гордой. Она встречала его, но, как и ты, как следует не распознала. Нагваль с самого начала знал, что Элихио уникален, — и от всех его изолировал. Он знал, что ты и девочки — одна сторона монеты, а Элихио, сам по себе, — другая. Нагвалю и Хенаро действительно очень повезло, что они нашли его.

Я впервые встретилась с ним, когда Нагваль привел его в мой дом. Элихио не ладил с моими девочками. Они ненавидели его и боялись. Но ему было все равно, мир не затрагивал его. Особенно Нагваль не хотел, чтобы именно ты

часто встречался с Элихио. Нагваль говорил, что ты маг такого рода, от которого надо держаться подальше. Он говорил, что твое касание не умиротворяет, а наоборот — причиняет вред. Он сказал, что твой дух захватывает в плен. Ты вообще был ему в каком-то смысле противен, но в то же время и нравился. Он говорил, что когда нашел тебя, ты был еще более помешанным, чем Хосефина, да ты и сейчас такой.

Странно и не слишком приятно было слышать от кого-то, что говорил обо мне дон Хуан. Сначала я пытался игнорировать слова доньи Соледад, но потом понял, что это была крайне дурацкая и мелочная попытка защитить свое эго.

— Он возился с тобой потому, что так приказала сила. И он как безупречный воин подчинялся и охотно делал то, что велела делать с тобой сила.

Наступила пауза. Мне ужасно хотелось узнать еще что-нибудь об отношении ко мне дона Хуана. Вместо этого я попросил ее рассказать мне о четвертой девочке.

— Месяц спустя после того, как нашел Элихио, Нагваль нашел Розу. Роза была последней. Теперь Нагваль знал, что число его учеников стало полным.

— Как он нашел ее?

— Он отправился повидать Бениньо к нему домой. Он уже подходил к дому, как вдруг из горного кустарника посреди дороги выбежала Роза, преследуя сорвавшуюся с привязи и убегавшую свинью. Свинья бежала гораздо быстрее Розы. Роза налетела на Нагваля и не смогла поймать свинью. Тогда она повернулась к Нагвалю и стала орать на него. Он сделал жест, словно хватал ее, но она готова была драться с ним. Нагвалю сразу понравился ее дух, но не было знака. Вдруг свинья побежала обратно и остановилась возле него. Это был знак. Роза привязала свинью на веревку, а Нагваль сразу прямо спросил, довольна ли она своей работой. Она сказала, что нет. Она была служанкой, живущей у хозяев. Нагваль спросил ее, не хочет ли она пойти с ним, и она сказала, что если для того, что она предполагает, то нет. Нагваль сказал ей, что приглашает ее работать, и она захотела узнать, сколько он будет платить. Он назвал ей цифру, и она спросила, что это будет за работа. Нагваль сказал ей, что она будет работать вместе с ним на табачных плантациях в Веракрусе. Тогда она призналась, что испытывала его: если бы он пригласил ее работать

горничной, то она знала бы, что он лгун, поскольку он выглядит как человек, который никогда в своей жизни не имел дома.

Нагваль был в восторге и сказал, что если она захочет вырваться из ловушки, в которой находится, то должна прийти в дом Бениньо к полудню. Еще он сказал ей, что будет ждать ее только до двенадцати. Если она придет, то должна быть готова к трудной жизни и тяжелой работе. Она спросила, как далеко находятся табачные плантации, и он ответил, что в трех днях езды на автобусе. Если это в самом деле так далеко, ответила Роза, она, безусловно, готова ехать, как только отведет свинью в хлев. Так она и сделала. Она приехала сюда, и все сразу полюбили ее. Она никогда не была ни вредной, ни надоедливой. Нагвалю не нужно было заставлять ее или трюками вовлекать в работу. Меня она совсем не любит, но заботится обо мне больше всех. Я доверяю ей и все-таки совсем не люблю ее, а когда уезжаю, то скучаю по ней больше всех. Можешь представить себе такое?

Я увидел печальный блеск в ее глазах. Мои подозрения окончательно рассеялись. Она механически вытерла глаза.

Здесь наша беседа сама собой угасла, и наступила естественная пауза. К тому времени уже начало темнеть, и я едва различал то, что пишу. К тому же мне нужно было сходить в туалет. Она настояла, чтобы я воспользовался уборной во дворе прежде нее, как сам Нагваль.

После этого она принесла две круглые бадьи размером с детскую ванночку, до половины налила их теплой водой и добавила немного зеленых листьев, сначала тщательно размяв их руками. Авторитетным тоном она велела мне помыться в одной бадье, а сама она возьмет другую. Вода слабо благоухала. Она вызывала ощущение щекотки, от нее исходил слабый ментольный запах.

Мы вернулись в ее комнату. Она положила на комод мои письменные принадлежности, оставленные на ее постели. Через открытые окна было видно, что еще не стемнело. Очевидно, было около семи.

Донья Соледад, улыбаясь мне, легла на спину. Я подумал, что она — воплощение тепла, только глаза ее, несмотря на улыбку, выдавали безжалостность и несгибаемую силу.

Я спросил ее, как долго она была с доном Хуаном как женщина или ученица. Она посмеялась над моей осторожностью в определениях, и ответила, что семь лет. Потом она сказала мне, что мы не виделись пять лет. До этого я был убежден, что видел ее два года назад. Я попытался вспомнить нашу последнюю встречу, но не смог.

Она предложила мне лечь рядом с ней и очень тихо спросила, боюсь ли я. Я сказал, что не боюсь, и это было правдой. В этот момент в ее комнате я столкнулся со своей старой реакцией, проявлявшейся бесчисленное число раз как смесь любопытства с гибельным безразличием.

Почти шепотом она сказала мне, что должна быть безупречной со мной, и сообщила, что эта встреча была решающей для нас обоих. Она сказала, что Нагваль дал ей прямые указания, что и как делать. Когда она все это говорила, я не мог удержаться от смеха, глядя на ее усилия подражать дону Хуану. Я слушал и мог предугадывать, что она скажет дальше.

Внезапно она села, и ее лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. Я видел ее белые зубы, блестящие в полутьме комнаты. Вдруг она обвила меня руками и повалила на себя.

Мой ум был предельно ясен, но что-то вело меня все глубже и глубже в какую-то трясину. Я ощущал себя как нечто совершенно чуждое. Внезапно я понял, что все время каким-то образом чувствую ее ощущения. Она была очень странной. Она загипнотизировала меня словами. Она была холодной старой женщиной, и ее планы были планами старухи, несмотря на ее молодую энергию и физическую силу. Меня озарило, что дон Хуан повернул ее голову в совершенно ином направлении, чем мою. Эта мысль была бы нелепа в любом другом контексте, но в тот миг я принял ее как ошеломляющее откровение. Все тело охватило чувство опасности. Я бросился из ее постели, но меня держала необычайная сила, она парализовала любое мое движение.

Она, должно быть, почувствовала мою догадку. Молниеносным движением она сорвала повязку с волос и накинула ее вокруг моей шеи. Я чувствовал, что меня душат, но почему-то все казалось нереальным.

Дон Хуан всегда говорил мне, что нашим ужасным врагом является неверие в то, что случающееся с нами происходит всерьез. И в тот момент, когда донья

Соледад накинула мне петлю на шею, я знал, что он имел в виду. Но даже после возникновения этой интеллектуальной рефлексии мое тело все еще не реагировало. Я оставался равнодушным к тому, что, по-видимому, будет моей смертью.

Я чувствовал, с какой силой и ловкостью она затягивала ленту вокруг моей шеи. Я начал задыхаться. Ее глаза блестели исступленным блеском. Тогда я понял, что она хочет прикончить меня.

Дон Хуан часто повторял, что когда мы наконец осознаем происходящее, часто бывает слишком поздно. Именно наш ум оставляет нас в дураках, потому что, первым получив сигнал опасности, начинает с ним забавляться, и вместо того, чтобы немедленно действовать, теряет драгоценное время.

Затем я услышал — или скорее ощутил — звук щелчка в основании шеи, прямо позади трахеи. Я подумал, что она сломала мне шею. В ушах у меня зашумело, потом зазвенело. Все звуки стали невероятно отчетливыми. Я подумал, что умираю. Я ненавидел свою неспособность сделать хоть что-нибудь, чтобы защитить себя. Я и пальцем не мог пошевелить, чтобы ударить ее. Я не мог больше дышать. Мое тело задрожало, и вдруг я обнаружил себя стоящим и свободным от ее смертельной хватки. Я взглянул вниз, на постель. Казалось, я смотрел с потолка. Тут я увидел свое тело, неподвижное и вялое, навалившееся на нее.

Я увидел ужас в ее глазах. Мне хотелось, чтобы она отпустила петлю. Меня охватила ярость из-за своей бестолковости, и я ударил ее кулаком прямо в лоб. Она пронзительно вскрикнула, схватилась за голову, потом потеряла сознание, но до этого передо мной мелькнула призрачная сцена: я увидел, как донья Соледад была выброшена из постели силой моего удара. Я видел, как она бежит к стене и прижимается к ней, точно испуганный ребенок.

Следующей проблемой была затрудненность дыхания. Моя шея ужасно болела. Горло казалось сильно пересохшим, так что я не мог глотать. Мне понадобилось немало времени, чтобы собрать достаточно силы и подняться. Я стал рассматривать донью Соледад. Она лежала на постели без сознания, на лбу у нее вздулась огромная красная шишка. Я сходил за водой и побрызгал ей в лицо, как всегда поступал со мной дон Хуан. Когда она пришла в себя, я заставил ее пройтись, поддерживая подмышки. Она была вся мокрая от пота.

Я положил ей на лоб полотенце, смоченное холодной водой. Ее вырвало. Я был почти уверен, что она получила сотрясение мозга. Ее трясло. Я попробовал укрыть ее одеждой и одеялами, но она сбросила с себя все и повернула лицо в сторону ветра. Она попросила оставить ее одну и сказала, что если ветер изменит направление, это будет знак, что она выздоровеет.

— Я думаю, что одному из нас было предназначено умереть сегодня вечером.

— Не говори глупостей. Ты ведь еще не скончалась, — сказал я, и я действительно это имел в виду.

Что-то убеждало меня, что с ней действительно все обойдется. Я вышел из дому, подобрал палку и пошел к своей машине. Пес зарычал. Он все еще был там и лежал на заднем сидении. Я приказал ему убираться, и он покорно выпрыгнул из машины. В его поведении что-то резко изменилось. Я увидел, как его огромный силуэт затрусил в полутьме в свою загородку.

Я был свободен. Я сел в машину, чтобы все обдумать. Нет, я не был свободен, что-то толкало меня обратно в дом. Там оставалось незаконченное дело. Я больше не боялся доньи Соледад, понимая, что она, намеренно или бессознательно, дала мне исключительно важный урок. Ее ужасающе целенаправленная попытка убить меня заставила меня действовать на уровне, недостижимом для меня при обычных обстоятельствах. Я был почти задушен, что-то в ее проклятой комнате парализовало мою волю, и все же я выбрался. Я не мог понять, что произошло. Видимо, прав был дон Хуан, что все мы имеем в своем распоряжении мощные скрытые силы, которые никогда не используются. Фактически я ударил донью Соледад из положения призрака. Я взял из машины фонарик, вернулся в дом, зажег все керосиновые лампы, какие смог найти, и сел писать у стола в гостиной. Работа привела меня в норму.

На рассвете донья Соледад вышла из своей комнаты, с трудом удерживая равновесие и спотыкаясь. Она была совершенно обнаженной. У двери ей стало дурно, и она упала. Я дал ей воды и попытался укрыть ее одеялом, но она опять отказалась от него. Она пробормотала, что должна быть обнаженной, чтобы ветер мог исцелить ее. Она сделала пластырь из размятых листьев, наложила его себе на лоб и обвязала тюрбаном. Потом она закуталась в одеяло, подошла к столу, где я писал, и села напротив меня. Глаза ее были

красными. Она выглядела больной.

— Я должна рассказать тебе кое-что, — сказала она слабым голосом. — Нагваль оставил меня ждать тебя; я должна была ждать, даже если бы на это понадобилось двадцать лет. Он дал мне подробные инструкции, как за-

влечь тебя и похитить твою силу. Он знал, что рано или поздно, но ты должен приехать, чтобы увидеть Нестора и Паблито, поэтому он велел мне использовать эту возможность, чтобы околдовать тебя и взять у тебя все, что ты имеешь. Нагваль сказал, что если я буду жить безупречной жизнью, моя сила должна привести тебя сюда, когда в доме никого больше не будет. Моя сила сделала это. Ты пришел, когда остальные удалились. Моя безупречная жизнь помогла мне. Мне оставалось только взять твою силу, а потом убить тебя.

— Но зачем было делать такую ужасную вещь?

— Потому что я нуждаюсь в твоей силе для своего собственного путешествия. Нагваль должен был это устроить. В конце концов, я почти не знаю тебя. Ты ничего не значишь для меня. Так почему же мне не взять у тебя то, в чем я так отчаянно нуждаюсь? Это были собственные слова Нагваля.

— Зачем Нагвалю нужно было причинить мне вред? Ведь ты сама сказала, что он заботился обо мне.

— То, что я сделала с тобой прошлой ночью, не имеет отношения к этому. Не имеет никакого значения, что он чувствовал к тебе или ко мне. Это исключительно наше дело. Не было свидетелей тому, что произошло между нами вчера, так как мы оба — часть самого Нагваля. Но ты получил от него что-то такое, чего нет у меня. Ты владеешь тем, в чем я отчаянно нуждаюсь, — специальной силой, которую он дал тебе. Нагваль говорил что он дал что-то каждому из шести детей. Элихио для меня недоступен. Я не могу взять это у своих девочек. Остаешься ты. Ты — единственная подходящая жертва. Я увеличивала силу, которую дал мне Нагваль, и, увеличившись, она изменила мое тело. Ты тоже увеличил свою силу. Мне нужна была твоя сила, поэтому я должна была убить тебя. Нагваль сказал, что даже если ты не умрешь, то ты все равно должен пасть жертвой моих чар и стать моим пленником на всю жизнь, если я этого захочу. В любом случае твоя сила перешла бы ко мне.

— Но какая польза для тебя от моей смерти?

— Не от смерти, но от твоей силы. Я делала это, потому что нуждаюсь в поддержке. Без нее мое путешествие будет адски трудным. Мне недостает стойкости. Поэтому я не люблю Ла Горду. Она молодая и обладает большой стойкостью. Я старая, и у меня есть задние мысли и сомнения. Если хочешь знать правду, то истинная борьба происходит между мной и Паблито. Он — мой смертельный враг. Нагваль сказал мне, что твоя сила могла сделать мое путешествие более легким и помочь мне получить то, что нужно.

— Как может Паблито быть твоим врагом?

— Когда Нагваль изменял меня, он знал, к чему это ведет. Прежде всего он устроил так, чтобы мои глаза смотрели на север. И хотя ты, я и мои девочки — одно и то же, я противоположна вам. Я иду в другом направлении. Паблито, Нестор и Бениньо — с тобой. Направление их глаз — то же. Все вы будете идти в сторону Юкатана.

Паблито — мой враг, но не из-за направления, а потому, что он мой сын. Вот о чем я должна была рассказать тебе, даже если ты и не понимаешь, о чем я говорю. Я должна войти в другой мир. Туда, где сейчас Нагваль, Хенаро и Элихио. Даже если ради этого я должна уничтожить Паблито.

— Что ты несешь, донья Соледад? Ты сошла с ума!

— Нет, не сошла. Нет ничего важнее для нас, чем войти туда. Видишь ли, для меня это — смысл жизни. Чтобы войти в тот мир, я живу так, как учил меня Нагваль. Без надежды на тот мир я — ничто, ничто. Я была старой жирной коровой. Теперь только эта надежда дает мне путеводную нить, направление, и хотя я и не смогла взять твою силу, я не оставила своей цели.

Она положила голову на руки, сложенные на столе. Сила ее речи ошеломила меня. Я не понял, о чем она, но почти сочувствовал ей, хотя это было наиболее страшным из всего, что я узнал этой ночью. Ее цель была, в стиле и духе терминов дона Хуана, целью воина. Однако я и не подозревал, что для ее достижения нужно уничтожать людей.

Она подняла голову и посмотрела на меня сквозь полуприкрытые веки.

— В начале вечера все складывалось благоприятно. Я была несколько испугана, когда ты приехал. Я ждала этого момента долгие годы. Нагваль сказал мне, что ты любишь женщин. Он сказал, что ты — легкая добыча для них, и я сыграла на этом ради быстрейшей развязки. Я рассчитала, что ты попадешься на этом. Нагваль научил меня, как захватить тебя в тот момент, когда ты будешь наиболее слабым. Я вела тебя к этому моменту с помощью моего тела. Но ты заподозрил неладное. Я была слишком нерасторопной. Я привела тебя в свою комнату, где линии моего пола должны были захватить тебя и сделать тебя беспомощным. Но ты одурачил мой пол, так как он тебе понравился, и ты стал рассматривать его линии. Стоило тебе опустить глаза на его линии — и он терял всякую силу. Твое тело знало, что делать. Затем ты окончательно напугал мой пол, завопив так, как ты это сделал. Внезапные шумы вроде этого губительны, особенно голос мага. Сила моего пола умерла, как пламя. Я знала это, а ты — нет.

Потом ты был близок к тому, чтобы сбежать, и я должна была задержать тебя. Нагваль рассказал мне, как использовать свою руку, чтобы ухватить тебя. Я пыталась сделать это, но у меня не хватило силы. Мой пол был напуган. Твои глаза заставили оцепенеть его линии. Никто другой никогда не бросал на них ни единого взгляда.

Поэтому я потерпела неудачу, пытаясь обхватить твою шею. Ты выскользнул из моей хватки прежде, чем я успела прижать тебя. Тогда я поняла, что ты ускользаешь, и предприняла еще одну атаку. Я использовала ключ, который, по словам Нагваля, больше всего действует на тебя — страх. Я напугала тебя своими воплями, и это дало мне достаточно силы, чтобы подчинить тебя. Я думала, что ты у меня в руках, но мой дурацкий пес одурел и сбросил меня с тебя, когда ты почти уже был в моей власти. Теперь я понимаю, он совсем не был таким уж идиотом, вероятно, он заметил твоего дубля и бросился на него, но вместо этого свалил меня.

— Ты говорила, что это не твой пес.

— Я специально обманула тебя. Он был моей козырной картой. Нагваль научил меня, что всегда надо иметь козырь — некий неожиданный трюк. Почему-то я знала, что мой пес может понадобиться мне. Когда я позвала тебя

посмотреть на моего друга, я хотела, чтобы он принюхался к тебе. Как раз койот — друг моих девочек. Когда ты побежал в дом, мне пришлось обойтись с псом довольно круто. Я запихала его внутрь твоей машины, заставив его визжать от боли. Он очень крупный и едва мог протиснуться у тебя над сидением. Я ему велела разорвать тебя в клочья. Я знала, что искусанный псом ты станешь беспомощным, и я легко смогу справиться с тобой.

Ты снова ускользнул, но ты не мог покинуть дом. Я знала, что надо набраться терпения и дождаться темноты. А уж когда ветер изменил направление, я была уверена в успехе.

Нагваль говорил мне, что я непременно понравлюсь тебе как женщина. Нужно было только дождаться подходящего момента. Нагваль сказал, что ты убил бы себя, если бы понял, что я захватила твою силу. Но если бы мне не удалось захватить ее, или если бы ты не убил себя, или мне не захотелось бы оставить тебя в живых как своего пленника, я должна была использовать свою головную повязку, чтобы задушить тебя насмерть. Он даже показал мне место, куда бросить твой труп: бездонную яму, расщелину в горах, где часто пропадают козы. Но Нагваль никогда не упоминал о твоей устрашающей стороне. Я уже говорила, что один из нас должен был умереть этой ночью. Я никак не ждала, что это случится со мной. Нагваль внушил мне уверенность, что я одержу победу. Как жестоко было с его стороны не рассказать мне всю правду о тебе!

— Представь себе, донья Соледад, что я знал еще меньше тебя.

— Это не одно и то же. Нагваль несколько лет готовил меня к тому, что случилось вчера. Я знала каждую деталь. Ты был у меня в ловушке. Нагваль даже показал мне листья, которые я всегда должна была держать под рукой свежими, чтобы ты оцепенел под их воздействием. Я положила их тебе в бадью, будто для аромата. Ты и не заметил, что для своей бадьи я воспользовалась другими листьями. Ты попадался на все, что я приготовила для тебя. И все-таки твоя устрашающая сторона взяла верх.

— О какой устрашающей стороне ты говоришь?

— Я имею в виду того, кто ударил меня и убьет меня сегодня ночью. Твой ужасный дубль, вышедший, чтобы прикончить меня. Я никогда не забуду его.

И если выживу, в чем я сомневаюсь, я никогда уже не буду прежней.

— Он был похож на меня?

— Да, конечно, это был ты, но не такой, каким ты выглядишь сейчас. На самом деле я вообще не могу сказать, на что он был похож. От одной мысли о нем мне становится дурно.

Я рассказал ей о своем мимолетном видении, как она вышла из своего тела после моего удара. Я намеревался выудить у нее еще кое-что. Мне показалось, что подлинной скрытой целью происшедшего с нами было намерение вынудить нас прибегнуть к источникам, обычно нам недоступным. Мой удар, несомненно, был смертельным. Я нанес серьезное повреждение ее телу, но сам я никак не был на такое способен. Я и в самом деле ощущал, что ударил ее своим левым кулаком — об этом свидетельствовала огромная красная шишка у нее на лбу. Но при этом суставы мои не опухли, и в них не было ни малейшей боли или хоть слегка неприятного ощущения, хотя удар такой силы должен был повредить мне руку.

Услышав, что я видел ее прижимающейся к стенке, она пришла в полное отчаяние. Я спросил, соответствовало ли хоть что-нибудь в ее ощущениях тому, что я видел. Например, было ли у нее чувство, что она покидает тело или мимолетное восприятие комнаты в неожиданном ракурсе.

— Я знаю теперь, что обречена, — сказала она. — Очень немногие выживают после касания дубля. Если моя душа уже вышла, мне не остаться в живых. Я буду слабеть, пока не умру.

Ее глаза дико блестели. Она потянулась ко мне и, похоже, хотела ударить меня, но упала обратно на стул.

— Ты забрал мою душу, — прошептала она. — Ты, должно быть, держишь ее у себя в кисете, хотя разве ты скажешь мне об этом?

Я поклялся ей, что не имел намерения причинить ей вред, что я-то в любом случае действовал исключительно ради самозащиты и не держу на нее зла.

— Если моей души нет у тебя в кисете, то это еще хуже. Она, должно быть,

бесцельно бродит где-то поблизости. Тогда я никогда не получу ее обратно, — горестно проговорила она.

Казалось, силы оставили ее. Ее голос почти угас. Я предложил ей пойти прилечь, но она отказалась уйти из-за стола.

— Нагваль сказал, что если уж я потерплю полную неудачу, я должна передать тебе сообщение, — сказала она. — Он велел мне передать тебе, что он давно заменил твое тело. Ты теперь являешься им самим.

— Что он хотел этим сказать?

— Он маг. Он вошел в твое старое тело и изменил его светимость. Ты больше не сын своего отца. Теперь ты сияешь, как сам Нагваль. Ты — сам Нагваль.

Донья Соледад встала. Она нетвердо держалась на ногах. Она хотела сказать что-то еще, но язык ее не слушался. Она пошла в свою комнату. Я помогал ей до двери: она не хотела, чтобы я заходил туда. Она сбросила покрывало, легла на постель и очень мягким голосом попросила меня выйти на дорогу, чтобы посмотреть, не поменялся ли ветер. Она добавила мимоходом, чтобы я взял с собой ее пса. Что-то в этой просьбе мне не понравилось. Я ответил, что лучше влезу на крышу и посмотрю оттуда. Она повернулась ко мне спиной и сказала, что попросила насчет пса как об услуге, чтобы он на холме приманил ветер. Тут я просто разозлился. Ее комната в полумраке оказывала угнетающее воздействие. Я пошел на кухню, взял две лампы и понес их обратно. Завидев свет, она истерически вскрикнула. Я тоже издал вопль, но по другой причине. Когда свет проник в комнату, я увидел, что пол свернулся коконом вокруг ее постели. Это впечатление было столь мимолетным, что в следующее мгновение я готов был поклясться, что эту призрачную сцену создали тени проволочных защитных стенок ламп. Это иллюзорное впечатление привело меня в ярость. Она заплакала как ребенок и обещала больше не устраивать никаких трюков. Я поставил лампы на комод, и она мгновенно уснула.

К середине утра ветер переменился. Я ощутил сильные порывы ветра, буквально врывающегося в северное окно. Около полудня донья Соледад вышла снова. Она еще немного пошатывалась. Краснота ее глаз исчезла и шишка на лбу значительно уменьшилась. Осталась едва заметная

припухлость.

Я почувствовал, что пора уезжать. Я сказал ей, что, хоть я и записал сообщение, переданное ею от дона Хуана, оно ничего не прояснило.

— Ты больше не сын своего отца. Ты — сам Нагваль, — повторила она.

Со мной творилось что-то несообразное. Несколько часов назад я был совершенно беспомощным, и донья Соледад действительно пыталась убить меня; но теперь, в момент, когда она говорила, я забыл весь этот ужас, словно ничего и не было. Кроме того, во мне было еще что-то, готовое без конца возиться с анализом каких-то нелепых столкновений со всеми, кто оказался лично связан со мной или моей работой, тем самым «мной», которого я знал всю жизнь.

Та же часть меня, что прошла схватку со смертью этой ночью, а потом забыла об этом, не была реальной. Она была мною, и все же я ее не знал. В свете такой несообразности заявление дона Хуана казалось не таким уж невероятным, но пока еще я отказывался его понимать.

Донья Соледад казалась отсутствующей. Она мирно улыбалась.

— О, они здесь! — сказала она внезапно. — Какая удача для меня! Мои девочки здесь. Теперь они позаботятся обо мне.

С нею, похоже, опять что-то было не в порядке. Она выглядела такой же сильной, как и прежде, но ее поведение было каким-то странно раздвоенным. Мои страхи выросли опять. Я не знал, оставить ее здесь или взять в больницу, в город за несколько сотен миль отсюда.

Внезапно она вскочила и побежала через переднюю дверь вниз по дороге в направлении шоссе. Я поспешно забрался в машину, чтобы догнать ее. Спускаться приходилось задним ходом, потому что развернуться было негде. Когда я достиг шоссе, я увидел донью Соледад в окружении четырех молодых женщин.

Глава 2. Сестрички

Донья Соледад что-то объясняла четырем женщинам, окружавшим ее. Она то делала драматические жесты руками, то восклицала что-то, хватаясь за голову. Было ясно, что она рассказывала обо мне. Я вернулся по подъездной дороге на место прежней стоянки, собираясь подождать их там. Я прикидывал, остаться ли мне в машине или небрежно сесть на левое крыло. Наконец я решил встать у дверцы, готовый вскочить в нее и уехать, если возникнут намеки на возможность повторения чего-нибудь типа вчерашних событий.

Я страшно устал. Я не смыкал глаз более суток. У меня был план — сообщить молодым женщинам то, что смогу, об инциденте с доньей Соледад, чтобы они могли принять необходимые меры для помощи ей, а затем уехать. Их присутствие произвело некую перемену, все казались заряженными новой энергией. Я ощутил эту перемену, когда увидел донью Соледад, окруженную ими.

Откровение доньи Соледад, что они были ученицами Нагваля, сделало их мучительно притягательными для меня, и я не мог дождаться встречи с ними. Меня мучил вопрос, не были ли они подобны донье Соледад. Она говорила, что они похожи на меня самого, и что мы идем в одном и том же направлении. Это легко интерпретировалось в положительном смысле. Во всяком случае, в это хотелось верить.

Дон Хуан обычно называл их «лас эрманитас» — сестрички, самое подходящее наименование по крайней мере для двух знакомых мне девушек, Лидии и Розы. Это были две легкие, похожие на фей очаровательные молодые девушки. Я прикинул, что им, когда я впервые увидел их, было чуть больше двадцати, хотя Паблито и Нестор всегда отказывались говорить об их возрасте. Две другие, Хосефина и Елена, были полной загадкой для меня. Я слышал, как их имена время от времени упоминались обычно в каком-то неблагоприятном контексте. Из случайных замечаний, сделанных доном Хуаном, я заключил, что они были какими-то чудными — одна была помешанной, а вторая — очень толстой, поэтому их держали в изоляции.

Однажды я столкнулся с Хосефиной, когда пришел с доном Хуаном. Он представил ей меня, но она закрыла лицо и убежала прочь прежде, чем я успел поздороваться. В другой раз я увидел Елену, стиравшую белье. Она была огромных размеров. Я подумал, что у нее не все в порядке с железами. Я приветствовал ее, но она даже не обернулась. Я никогда не видел ее лица.

После рекламы, сделанной им доньей Соледад, мне и ужасно хотелось познакомиться с таинственными «эрманитос», и было как-то не по себе. Я вскользь взглянул на дорогу, собираясь с силами, чтобы встретится с ними, но на дороге было пусто. Никто не приближался, а между тем только минуту назад они были не более чем в тридцати ярдах от дома. Я взобрался на крышу машины, но опять никого не увидел, даже собаки. Я запаниковал. Соскользнув вниз, я уже готов был вскочить в машину и уехать, но вдруг услышал, как кто-то сказал: «Эй, посмотри, кто здесь!»

Я мгновенно обернулся и столкнулся лицом к лицу с двумя девушками, которые только что вышли из дому. Очевидно, они прибежали впереди меня и вошли в дом через заднюю дверь. Я вздохнул с облегчением.

Ко мне подошли две юных девушки. Должен сознаться, что никогда по-настоящему не замечал их. Они были красивые, смуглые и очень стройные, но не худые. Их длинные черные волосы были подобраны. Они были одеты в незатейливые юбки, синие хлопчатобумажные жакеты и коричневые мягкие туфли на низком каблуке. Они были без чулок, ноги у них были стройными и мускулистыми. Ростом они были около пяти футов и трех-четырех дюймов. Они казались очень развитыми физически и двигались необыкновенно изящно. Одна из них была Лидия, другая — Роза.

Я приветствовал их, и тогда они одновременно протянули мне руки для рукопожатия. Они встали по обе стороны от меня. Выглядели они здоровыми и бодрыми. Я попросил их достать пакеты из багажника. Когда мы несли их в дом, я услышал рычание, такое сильное и близкое, что оно было похоже на рычание льва.

— Что это такое? — спросил я Лилию.

— Ты не знаешь? — спросила она недоверчиво.

— Это, должно быть, пес, — сказала Роза, и они побежали в дом, практически волоча меня за собой.

Мы положили пакеты на стол, а затем сели на скамейку. Обе девушки смотрели на меня. Я сказал им, что Донья Соледад больна и что я собираюсь отвезти ее в больницу в город, потому что не знаю, как помочь ей. Тут я понял, что ступил на опасную почву. Я не представлял, какую информацию я должен дать им о подлинном характере моего сражения с доньей Соледад. Я решил наблюдать за ними, пока не отыщу ключ. Я полагал, что если буду внимательно за ними наблюдать, смогу по выражению их лиц понять, как много они знают. Но они продолжали молчать, предоставляя мне самому вести разговор. Я начал сомневаться, надо ли вообще говорить что-либо по своей инициативе. Пытаясь рассчитать, что делать, чтобы не допустить промаха, я кончил тем, что стал нести чепуху. Лидия оборвала меня. Сухим тоном она сообщила мне, что мне нечего беспокоиться насчет здоровья доньи Соледад, потому что они уже приняли меры, чтобы помочь ей. Ее слова заставили меня спросить, знает ли она, что случилось с доньей Соледад.

— Ты забрал ее душу, — бросила она обвиняюще.

Первой моей реакций было желание оправдываться. Я горячо заговорил, но в конце концов запутался в противоречиях. Они пристально смотрели на меня. Я пришел в полное замешательство. Я пытался снова сказать то же самое, но другими словами. Но моя усталость была такой огромной, что я с трудом мог собраться с мыслями. Наконец, я сдался.

— Где Паблито и Нестор? — спросил я после долгой паузы.

— Они скоро будут здесь, — мгновенно ответила Лидия.

— Вы были с ними?

— Нет! — воскликнула она и уставилась на меня.

— Мы никогда не будем вместе, — объяснила Роза. — Мы не имеем ничего общего с этими лодырями.

Лидия сделала повелительный знак ногой, чтобы она замолчала. Она явно

была лидером. Уловив движения ее ног, я вспомнил, как во время наших бесчисленных скитаний дон Хуан без всяких специальных усилий успешно обучил меня системе тайных коммуникаций при помощи закодированных движений ног.

Я заметил, что Лидия дала Розе сигнал опасности. Он употреблялся, если в поле зрения сигнализирующего появлялось что-нибудь нежелательное или опасное. В данном случае — я. Я засмеялся. Я вспомнил, что дон Хуан впервые подал мне этот знак при первом появлении дона Хенаро. Сделав вид, что не понимаю происходящего, я решил посмотреть, не смогу ли расшифровать еще что-нибудь. Роза сделала знак, что собирается напасть на меня. Лидия ответила повелительным знаком запрета. По словам дона Хуана, Лидия была очень талантливой. Он считал ее более чувствительной и алертной, чем Паблито, Нестор или я сам. Мне никогда не удавалось завязать с ней дружбу. Она держалась отчужденно и была очень резкой. У нее были огромные черные живые глаза, никогда ни на кого не смотрящие прямо, широкие скулы и точеный нос, несколько уплощенный и расширенный к переносице. Я вспомнил, что у нее раньше были красные, вечно воспаленные веки, что служило поводом для всеобщих насмешек. Краснота век исчезла, но она продолжала часто тереть глаза и часто моргать. На протяжении всего моего знакомства с доном Хуаном я видел Лидию чаще всех, но при этом мы не обменялись с ней и дюжиной слов. Паблито считал ее очень опасным существом. И все же мне она всегда казалась слишком застенчивой. Роза же была очень бойкой. Я считал ее самой младшей из сестер. Ее глаза были искренними и сияющими. Она была прямой, но несколько раздражительной. Я разговаривал с Розой чаще, чем с остальными. Она была дружелюбной, дерзкой и забавной.

— Где остальные? — спросил я Розу. — Они собираются появиться?

— Они скоро придут, — отвечала Лидия.

Мне было ясно, что, несмотря на внешнее дружелюбие, настроены они совершенно иначе. Судя по их сигналам, они были столь же опасны, как и донья Соледад. И все же, когда я сидел там, глядя на них, они казались мне просто замечательными. Я испытывал к ним самые теплые чувства. И чем дольше они смотрели мне в глаза, тем сильнее становилось это мое чувство. В какой-то момент я почувствовал к ним настоящую любовь. Они были так

привлекательны, что я мог бы сидеть часами и смотреть на них, но вдруг некая отрезвляющая мысль заставила меня вскочить. Я не собирался повторять ошибок прошлой ночи. Я решил, что лучшей защитой будет выложить карты на стол. Спокойно и твердо я заявил, что дон Хуан устроил для меня некоего рода испытание, используя донью Соледад, или, возможно, наоборот. Существовала вероятность, что он и их настроил соответствующим образом, и нам предстоит сражаться друг с другом в некоторого рода битве, которая может плохо кончиться для кого-нибудь из нас. Я воззвал к их воинскому духу. Если они настоящие воины и наследники дона Хуана, то они должны быть безупречными со мной, раскрыть свои карты, а не вести себя как обычные алчные человеческие существа.

Я повернулся к Розе и спросил ее, почему она хотела напасть на меня. Она на мгновение растерялась, а потом рассердилась. Ее глаза пылали гневом, губы сурово сжались.

Лидия очень спокойно и вразумительно объяснила, что мне нечего бояться их, и что Роза сердится из-за моей атаки на донью Соледад. И что это исключительно ее личная реакция.

Тогда я сказал, что мне пора. Я встал. Лидия жестко остановила меня. Она казалась испуганной или сильно обеспокоенной. Она начала возражать, но меня отвлекли какие-то звуки, доносившиеся из-за двери. Девушки отпрянули в сторону. Что-то тяжелое прислонилось к двери или толкало ее. Тут я заметил, что щеколда закрыта. Я почувствовал раздражение. Все начиналось сначала. Я уже устал от всего этого.

Девушки взглянули друг на друга, потом на меня, потом опять друг на друга.

Я слышал поскуливание и тяжелое дыхание какого-то большого животного возле дома. Это мог быть пес.

На этот поступок меня толкнуло изнеможение. Я бросился к двери и стал отпирать ее. Лидия метнулась ко мне и снова закрыла дверь на щеколду.

— Нагваль был прав, — сказала она. — Ты тупее, чем можно было ожидать.

Она толкнула меня обратно к столу. Я приготовился в подходящих

выражениях высказать раз и навсегда, что с меня достаточно. Тут Роза села рядом, касаясь меня: я ощущал ее ногу, нервно касавшуюся моей. Лидия стояла лицом ко мне, глядя на меня в упор. Ее горящие глаза пытались сказать мне нечто такое, чего я не мог понять.

Я начал говорить что-то, но не окончил. Внезапно и на очень глубоком уровне я стал осознавать зеленоватый свет, какую-то фиолетовую флюоресценцию снаружи дома. Я не видел и не слышал ничего. Я просто осознавал свет, как если бы внезапно уснул, и мое тело, мои мысли превратились в образы, наложенные на мир обыденной жизни. Свет двигался с большой скоростью. Я ощущал его своим животом. Я следовал за ним или, скорее, фокусировал свое внимание на нем в мгновения, когда он приближался к нам в своем вращении вокруг дома. В результате фокусирования на этом свете мой ум стал необыкновенно ясным. Теперь я понял, что в этом доме, в присутствии этих девушек было бы неправильно и опасно вести себя, как случайный наивный наблюдатель.

— Ты не боишься? — спросила Роза, указывая на дверь.

Ее голос нарушил мою концентрацию.

Я согласился, что нечто, находившееся за дверью, чем бы оно ни было, испугало меня на очень глубоком уровне, достаточном, чтобы умереть от страха. Я хотел сказать больше, но тут меня охватила ярость и я захотел увидеть донью Соледад и поговорить с ней. Я не верил ей. Я пошел прямо в ее комнату. Ее там не было. Я стал звать ее, выкрикивая ее имя. В доме была еще одна комната. Я распахнул дверь и ворвался туда. Там никого не было. И тогда мой гнев вырос до таких же масштабов, как и мой страх. Я снова сел у стола. Роза не двигалась. Она словно застыла на месте.

— Мы — одно и то же, — сказала она внезапно. — Нагваль сказал нам это.

— Скажи тогда, кто рыскал вокруг дома? — спросил я.

— Союзник, — отвечала она.

— Где он сейчас?

— Он все еще здесь. Он не уйдет. И когда ты будешь слабым, он сомнет тебя. Однако мы ничего не можем рассказать тебе.

— Кто же тогда может?

— Ла Горда! — воскликнула Роза, открывая дверь как можно шире. — Только она может. Она знает все.

Роза спросила меня, можно ли закрыть на всякий случай дверь. Не дожидаясь моего ответа, она медленно пошла к двери и с шумом захлопнула ее.

— Пока мы здесь, нам остается только ждать, — сказала она.

Лидия вернулась в комнату с пакетом, в котором был какой-то предмет, обернутый в кусок темно-желтой ткани. Похоже, она расслабилась. Но я отметил, что она настроена очень решительно. Она каким-то образом передала свое настроение и нам с Розой.

— Ты знаешь, что здесь у меня? — спросила она.

Я не имел ни малейшего представления. Она начала неторопливо разворачивать сверток. Потом остановилась и посмотрела на меня. Она ухмыльнулась, как будто ей было неловко показывать то, что в свертке.

— Этот пакет оставил для тебя Нагваль. Я настаивал, чтобы она развернула его. Она бросила на меня свирепый взгляд и молча вынесла пакет из комнаты.

Я наслаждался игрой Лидии. Она действовала в полном соответствии с уроками дона Хуана и продемонстрировала, как можно наилучшим образом использовать заурядную ситуацию. Она заинтриговала меня, показав мне пакет и сделав вид, что хочет развернуть его. Перед этим она сказала, что он оставлен мне доном Хуаном. Она понимала: я вынужден буду остаться, чтобы узнать о содержимом пакета. Я мог предполагать все что угодно. Это могла быть трубка, которой дон Хуан пользовался при применении психотропных растений. Он как-то говорил мне, что эта трубка будет отдана мне на хранение. Это мог быть его нож, или кожаный кисет, или даже его магические предметы силы. С другой стороны, это могло быть всего лишь уловкой Лидии; дон Хуан был слишком непростым, слишком далеким, чтобы оставлять мне

свои личные вещи.

Я сказал Розе, что еле держусь на ногах от голода Мне хотелось вернуться в город, отдохнуть несколько дней и вернуться для встречи с Паблито и Нестором. Я добавил, что к тому времени смогу встретиться и с двумя другими девушками.

Тут вернулась Лидия, и Роза сказала ей о моем намерении уехать.

— Нагваль приказал нам подчиняться тебе как ему самому, — сказала Лидия. — Мы все являемся самим Нагвалем, но почему-то ты — в большей степени.

Обе заговорили одновременно, уверяя, что, в отличие от доньи Соледад, они ничего не собираются предпринимать против меня. Мое тело было буквально переполнено искренней нежностью, которую излучали их глаза. Я поверил им.

— Ты должен дождаться возвращения Ла Горды, — сказала Лидия.

— Нагваль говорил, что ты будешь спать в его постели, — добавила Роза.

Я зашагал по комнате, раздумывая над странной дилеммой. С одной стороны, мне хотелось остаться и отдохнуть — в их присутствии я чувствовал себя физически легким и счастливым, чего и в помине не было днем раньше с доньей Соледад. Но моя разумная сторона и не собиралась расслабляться. И на этом уровне я был все таким же испуганным. В моменты отчаяния я мог действовать безрассудно смело, но затем становился таким же уязвимым как обычно.

Нервно расхаживая по комнате, я занимался самоанализом. Обе девушки молчали, с тревогой наблюдая за мной. Внезапно задача решилась: я знал, что какая-то часть меня лишь притворялась испуганной.

С этим способом осознания я познакомился еще при доне Хуане. На протяжении нашей многолетней связи я целиком полагался на его защиту и был уверен в том, что он сможет всегда меня успокоить. Моя зависимость от него давала мне утешение и безопасность. Но больше я рассчитывать на это не мог — дона Хуана не было. У его учеников не было ни его терпеливости, ни его искушенности, ни его абсолютной власти. Искать у них утешения было

совершенно бессмысленно.

Девушки отвели меня в другую комнату. Окно в ней выходило на юго-восток, так же была сориентирована и постель, в качестве которой использовалась толстая циновка. Кусок стебля агавы длиной в два фута был разрезан так, что его пористая сердцевина служила подушкой и опорой для шеи. Посредине была мягкая выемка. Поверхность агавы была очень гладкой. Я лег, почувствовав при этом необычайный комфорт. Лежа на постели дона Хуана, я ощущал безопасность и удовольствие.

Несравненный покой охватил мое тело. Подобное чувство я уже испытал однажды, когда дон Хуан сделал мне постель на вершине холма в пустыне северной Мексики. Я заснул.

Проснулся я в конце дня. Роза и Лидия крепко спали, лежа почти на мне. Несколько секунд я лежал неподвижно, а затем обе девушки одновременно проснулись.

Лидия зевнула и сказала, что они должны были спать вместе со мной, чтобы защитить меня и дать мне возможность отдохнуть. Я сильно проголодался. Лидия отправила Розу на кухню приготовить нам поесть, а сама тем временем зажгла все лампы в доме. Мне стало казаться, что я знал их всю жизнь. Мы молча поели.

Когда Роза убрала со стола, я спросил Лидию, спят ли они все в постели Нагваля: это была единственная постель в доме, кроме постели доньи Соледад. Как само собой разумеющееся Лидия сказала, что они выехали из этого дома несколько лет назад в свой собственный дом неподалеку отсюда, и что Паблито уехал одновременно с ними и живет теперь с Нестором и Бениньо.

— Что с вами случилось? Я думал, что вы живете все вместе.

— Больше нет, — ответила Лидия. — С тех пор, как ушел Нагваль, у нас разные задачи. Нагваль соединил нас, он же и разделил.

— А где Нагваль сейчас? — спросил я как можно небрежней.

Они посмотрели на меня и переглянулись.

— Но мы не знаем, — ответила Лидия. — Они с Хенаро покинули нас.

Казалось, она говорит правду, но я настаивал, чтобы они рассказали мне все, что им известно.

— Мы ничего не знаем, — огрызнулась Лидия, явно раздраженная моим вопросом. — Они переместились в другое пространство. Спроси об этом Ла Горду. Она должна тебе кое-что рассказать. Она еще вчера знала, что ты приедешь, и мы спешили всю ночь, чтобы застать тебя.

Мы боялись, что ты уже мертв. Нагваль сказал, что мы должны помогать и верить только тебе. Он сказал, что ты — это он сам.

Она захихикала, закрыв лицо руками, а затем добавила: — Но в это очень трудно поверить.

— Вся беда в том, что мы не знаем тебя, — сказала Роза. — Все мы четверо чувствовали одно и то же. Мы боялись, что ты умрешь, но страшно рассердились, увидев тебя живым. Соледад для нас даже больше, чем мать.

Они обменялись понимающими взглядами. Я мгновенно интерпретировал это как сигнал опасности. В них было что-то недоброе. Лидия заметила внезапное недоверие, должно быть, написанное у меня на лице и начала уверять в своем желании оказывать мне помощь. У меня как будто не было оснований сомневаться в их искренности. Если бы они захотели навредить мне, они могли бы сделать это, когда я спал. Лидия говорила так убедительно, что мне стало стыдно за мои подозрения. Я решил раздать привезенные для них подарки и сказал, что в пакетах есть кое-какие безделушки, и они могут выбрать себе то, что им понравится. Лидия ответила, что предпочла бы, чтобы я разделил их сам. Она деликатно добавила, что все будут признательны мне, если я вылечу донью Соледад.

— Как же, по-твоему, я смогу вылечить ее? — спросил я после долгого молчания.

— Используй свой дубль, — безапелляционным тоном ответила она.

Я мягко попытался объяснить, что донья Соледад едва предательски не убила меня и что я остался в живых только благодаря чему-то такому во мне, что не было ни умением, ни знанием. И то неуловимое, что нанесло ей удар, было реальным, но непостижимым. Иными словами, я мог с таким же успехом помочь донье Соледад, как и слетать на Луну.

Они молча и внимательно слушали меня, оставаясь напряженными.

— А где сейчас донья Соледад? — спросил я Лидию.

— Она с Ла Гордой, — уныло ответила она. — Ла Горда забрала ее и пытается вылечить, но где они — мы не знаем. Это правда.

— А где Хосефина?

— Она пошла искать Свидетеля. Он единственный, кто мог бы вылечить Соледад. Роза считает, что ты знаешь больше Свидетеля, но ты так сердит на Соледад, что желаешь ее смерти. Мы не осуждаем тебя.

Я заверил их, что не сержусь на нее и уж тем более не желаю ее смерти.

— Тогда вылечи ее! — сердито выкрикнула Роза. — Свидетель нам говорил, что ты всегда знаешь, что делать, а Свидетель ошибаться не может.

— Черт возьми, да кто такой этот Свидетель?

— Свидетель — это Нестор, — нехотя объяснила Лидия, как бы не желая произносить его имя. — Ты прекрасно знаешь это сам.

Я вспомнил, что во время нашей последней встречи дон Хенаро называл Нестора Свидетелем. Тогда я подумал, что это имя было шуткой или уловкой для смягчения невыносимого напряжения и боли тех последних нескольких минут.

— Это была не шутка, — казала Лидия твердо, — Хенаро и Нагваль вели Свидетеля по иному пути. Они брали его с собой повсюду, где бывали сами. Я имею в виду — везде и всегда! И Свидетель был свидетелем всего, что следовало засвидетельствовать.

Отсутствие взаимопонимания между нами было просто ужасающим. Я попытался объяснить, что был практически чужим для них, так как Дон Хуан держал меня вдали от всех, в том числе от Паблито и Нестора. Все эти годы между нами не было никаких контактов за исключением случайных приветствий. Я знал их только со слов дона Хуана. Я лишь однажды столкнулся с Хосефиной и даже не помнил, как она выглядит, а все, что я заметил в Ла Горде, — это ее гигантский зад. Я сказал им, что до вчерашнего дня понятия не имел ни об их ученичестве, ни о том, что Бениньо тоже входил в группу.

Они украдкой переглянулись. Роза открыла было рот, собираясь что-то сказать, но Лидия шевельнула ногой, подавая ей тайный знак. Я ожидал, что после моих долгих откровений они прекратят тайное общение друг с другом. Мои нервы были настолько взвинчены, что их секреты привели меня в ярость. Я заорал на них во всю силу легких и грохнул по столу кулаком. Роза вскочила с невероятной быстротой и в ответ на ее внезапное движение мое тело само по себе, без вмешательства разума, отступило назад. Как раз вовремя, чтобы уклониться на несколько дюймов от удара палкой или каким-то другим предметом, который Роза держала в левой руке. Он врезался в стол с оглушительным грохотом.

Как и прошлой ночью, когда донья Соледад душила меня, я услышал у основания шеи своеобразный и таинственный звук, напоминающий треск ломающейся курительной трубки.

Глаза у меня полезли на лоб, и с быстротой молнии моя левая рука опустилась на палку Розы и раздавила ее. Я видел эту сцену словно со стороны.

Роза пронзительно вскрикнула и тут я понял, что наклонился вперед и изо всех сил ударил левым кулаком по тыльной стороне ее ладони. Я был потрясен. Происшедшее казалось нереальным. Роза продолжала вопить. Лидия увела ее в комнату дона Хуана.

Какое-то время до меня еще доносились ее крики, а затем все стихло. Я сел за стол. Мои мысли были бессвязными и хаотичными.

На этот раз я остро осознал специфический звук в основании шеи. Дон Хуан

увязывал этот звук с изменением скорости восприятия, и я смутно припоминал, что уже испытывал нечто подобное в его присутствии. Прошлой ночью я только начал осознавать его, но окончательно понял, что это такое, только после случая с Розой. Я вспомнил также, что этот звук сопровождался необычным ощущением жара во рту и в ушах. Сила и сухость звука напоминали звон большого треснувшего колокола.

Немного погодя вернулась Лидия. Она казалась более спокойной и собранной. Она даже улыбалась. Я попросил ее помочь мне распутать эту загадку и объяснить, что же произошло. После долгих колебаний она сказала мне, что когда я с криком ударил по столу, Роза, испугавшись, подумала, что я собираюсь напасть на нее, и попыталась ударить меня своей «рукой сновидения». Я увернулся от ее удара и стукнул ее по тыльной стороне руки тем же способом, что и донью Соледад. Лидия сказала, что теперь рука Розы будет бездействовать, пока я не найду способа помочь ей.

Затем в комнату вошла Роза. Ее рука была замотана куском ткани. Она взглянула на меня глазами обиженного ребенка. Я уже и не представлял, что я должен чувствовать. Какая-то часть меня чувствовала себя неуютно и виновато, тогда как другая оставалась невозмутимой. Если бы не эта моя часть, я бы не смог остаться в живых после нападения доньи Соледад или сокрушительного удара Розы.

После длительного молчания я сказал им, что с моей стороны было мелочным раздражаться на их секретные сообщения друг другу при помощи ног, но что нельзя же сравнивать мой удар по столу с действиями Розы. Поскольку я не был знаком с их практиками, она могла серьезно повредить мою руку своим ударом.

Угрожающим тоном я потребовал, чтобы Роза показала руку. Она нехотя развернула ее. Рука была опухшей и красной. У меня не осталось никаких сомнений в том, что эти женщины испытывали меня в соответствии с замыслом дона Хуана.

Вступая с ними в конфронтацию, я попадал в непостижимую с рациональной точки зрения область.

Дон Хуан неоднократно повторял, что разум является лишь незначительной

частью «целостности самого себя». При внезапной угрозе реального физического уничтожения мое тело, уходя от смерти, воспользовалось скрытыми ресурсами. Трюк, похоже, заключался в том, чтобы по-настоящему принять возможность существования таких ресурсов и возможность их реального достижения. Годы практики были лишь шагами к такому приятию. Согласно своей установке о невозможности компромиссов, дон Хуан добивался для меня полной победы или полного поражения. Если бы тренировки не позволили мне воспользоваться моими скрытыми ресурсами, испытание выявило бы это и тогда я был бы бессилен. Будучи столь глубоким знатоком человеческой природы, он, вероятно, был прав.

Это был момент для смены направления действий. Лидия сказала, что я мог бы помочь Розе и донье Соледад с помощью той же силы, которая причинила им вред; следовательно, проблема заключалась в воспроизведении правильной последовательности ощущений, мыслей, или чего-то еще, что приводило мое тело к высвобождению этой силы. Я взял руку Розы и начал ее тереть. Мне хотелось ее излечить. Я испытывал к ней наилучшие чувства. Обнимая Розу, я долго гладил ее руку. Я начал гладить ее по голове и она в конце концов задремала на моем плече. Но краснота и опухоль ничуть не изменились.

Улыбаясь, Лидия молча наблюдала за мной. Мне хотелось сказать ей, что я бездарный исцелитель. Казалось, ее глаза поймали мое настроение и держали его до тех пор, пока оно не изменилось.

Роза хотела спать. Она то ли смертельно устала, то ли была больна. Впрочем, это меня не слишком интересовало. Я взял ее на руки: она оказалась невероятно легкой. Я отнес ее к постели дона Хуана и осторожно уложил. Лидия укрыла ее одеялом. В комнате было очень темно. Я выглянул в окно и увидел безоблачное небо, усеянное звездами. До этой минуты я как-то не помнил, что мы находились на довольно большой высоте.

Когда я взглянул на небо, я вдруг ощутил прилив оптимизма. Казалось, звезды каким-то образом рады мне. Смотреть в юго-восточном направлении было очень приятно.

Внезапно у меня возникло острое желание посмотреть, насколько отличается вид неба из комнаты доньи Соледад, обращенной на север. Я взял Лидию за

руку, собираясь повести ее туда, но меня остановило щекочущее ощущение на макушке. Оно прошло, как волна ряби, по спине к пояснице, а оттуда — к подложечной ямке. Я сел на циновку и попытался проанализировать свои чувства. Но все мысли, казалось, вылетели у меня из головы, и как я ни пытался включить тот ментальный процесс, который обычно называю «думанием», ничего не получалось.

Мои ментальные упражнения заставили меня забыть о Лидии. Она опустилась передо мной на колени и пристально смотрела на меня до тех пор, пока я не осознал, что ее огромные глаза внимательно разглядывают меня с расстояния в несколько дюймов. Я снова взял ее за руку и повел в комнату доньи Соледад. Когда мы подходили к двери, я почувствовал, что все ее тело оцепенело. Мне пришлось тащить ее. Я уже собирался переступить порог, как вдруг в глаза мне бросилась какая-то громоздкая, напоминающая человеческое тело масса, лежавшая у стены напротив двери. От неожиданности я ахнул и отпустил Лидию. Это была донья Соледад. Она лежала головой к стене. Я обернулся к Лидии. Та отскочила на пару шагов. Я прошептал, что донья Соледад вернулась, но не услышал звуков своего голоса, хотя был уверен, что произнес эти слова. Я хотел было повторить, но возникло чувство, что этого делать не нужно. Похоже было, что слова требовали слишком много времени, а мне его не хватало. Я вошел в комнату и направился к донье Соледад. Видимо, ей было очень плохо. Прежде чем что-то спросить, я приподнял ей голову и посмотрел на нее. На ее лбу я увидел что-то, напоминавшее самодельный пластырь из листьев, темный и липкий на ощупь. Я почувствовал, что обязательно нужно убрать его. Уверенно откинув назад ее голову, я сорвал пластырь. Он был похож на облезшую резину. За все это время донья Соледад не пошевелилась и не издала ни звука. На лбу осталось желтовато-зеленое пятно. Оно двигалось, словно было живым и насыщенным энергией. Мгновение я смотрел на него, не зная, что делать дальше. Я коснулся пятна пальцем, и оно пристало к нему как клей.

Как ни странно, оно не только не испугало меня, но даже понравилось. Я растер его кончиками пальцев, и пятно перешло на мою руку. Я встал. Эта липкая субстанция давала ощущение тепла. Какое-то мгновение она напоминала клейкую пасту, а затем высохла у меня на ладони. Я вновь почувствовал вспышку понимания и тут же побежал в комнату дона Хуана. Схватив руку Розы, я стер такое же флюоресцирующее желтовато-зеленое вещество с ее руки, как я стер его со лба доньи Соледад.

Мое сердце колотилось так сильно, что я едва мог стоять на ногах. Хотелось лечь на пол, но что-то во мне толкнуло меня к окну и заставило бежать на месте.

Не знаю, как долго это продолжалось. Внезапно я почувствовал, как что-то трется о мою шею и плечи. Я начал осознавать, что был совершенно голым и мокрым от пота. Лидия закутала меня куском ткани и вытирала мне лицо.

Ко мне сразу же вернулся нормальный процесс мышления. Я осмотрел комнату. Роза крепко спала. Я побежал в комнату доньи Соледад, ожидая найти ее там спящей, но в комнате никого не было. Лидия пришла следом за мной. Я рассказал ей о случившемся. Она бросилась к Розе и начала ее будить, а я в это время одевался. Роза все еще не просыпалась. Лидия схватила ее за поврежденную руку и встряхнула. Одним пружинистым движением Роза вскочила, словно и не спала.

Они заметались по дому, гася лампы. Казалось, они собрались бежать отсюда. Я хотел спросить, к чему такая спешка, но вдруг заметил, что и сам одеваюсь с лихорадочной скоростью.

Теперь мы носились все вместе. Более того, они, казалось, ожидали от меня указаний, что делать дальше.

Мы выбежали из дома, захватив с собой все привезенные мною пакеты. Лидия посоветовала не оставлять их. Я не успел распределить их и поэтому они как бы еще принадлежали мне. Я швырнул их на заднее сидение машины, а обе девушки поместились на переднем, прижавшись друг к другу. Я завел машину и стал медленно выруливать задним ходом, угадывая путь в темноте. Когда мы были уже на дороге, я совершенно растерялся, услышав их заявление: они в один голос сказали, что я — их лидер.

Они сказали, что их действия зависят от моих решений. Я — Нагваль. Мы не могли выбежать из дома и уехать беспричинно. Теперь я должен руководить ими.

Я понятия не имел, ни что делать, ни куда ехать. Повернувшись, я взглянул на них. В отблеске фар их глаза были похожи на зеркала. Я вспомнил, что глаза

дона Хуана были такими же: они тоже, казалось, отражали больше света, чем глаза обычного человека.

Я знал: обе девушки осознавали, что я в тупике. Лучше было, наверное, подшутить над собой, чтобы прикрыть свою несостоятельность, но вместо этого я прямолинейно переложил всю ответственность на них.

Я сказал, что еще не привык к роли Нагваля и буду благодарен им за любое предложение или указание, куда нам следует ехать.

Они, похоже, остались недовольны мной. С разочарованным видом они переглянулись и покачали головами. Я быстро прикинул в уме различные варианты действий — отвезти их в город, или в дом к Нестору, или даже взять с собой в Мехико, но ни один из них не был осуществим.

Я остановил машину на пути в город. Больше всего на свете мне хотелось поговорить с ними по душам. Я открыл было рот, но они повернулись лицом друг к другу и положили руки друг другу на плечи. Видимо, это означало, что они замкнулись и не слушают меня.

Я был смертельно расстроен. В это мгновение я страстно желал умения дона Хуана владеть любой ситуацией, его интеллектуальной способности дружеского общения, его юмора. Вместо этого я находился в компании двух дурочек.

Я заметил выражение подавленности на лице Лидии, и моя жалость к самому себе мгновенно исчезла. И тут я со всей очевидностью понял, что нашим взаимным разочарованиям не будет конца. Видимо, они тоже привыкли к мастерству дона Хуана, хоть он и вел себя с ними иначе, чем со мной. Для них переход от самого Нагваля ко мне был катастрофическим.

Я долго сидел, не выключая мотора. Затем у меня опять появилось знакомое щекочущее ощущение на макушке. Теперь я знал, что случилось после того, как я вошел в комнату доньи Соледад. Я не видел ее в обычном смысле. У стены лежала не донья Соледад, а фантом — моя память о том, как ее тело лежало там после удара.

Знал я и то, что, коснувшись той липкой фосфоресцирующей субстанции, я

исцелил ее и что это была специфическая энергия, оставленная мною на ее голове и на руке Розы, когда я ударил каждую из них.

Перед глазами возник образ какой-то лощины. Я был уверен, что донья Соледад и Ла Горда находятся именно там. Это знание было не предположением, а истиной, не нуждавшейся в подтверждениях. Ла Горда привела донью Соледад на дно этого ущелья, и в этот момент пыталась вылечить ее. Я хотел сказать ей, что больше нет необходимости лечить опухоль на лбу доньи Соледад и что нет нужды оставаться там.

Я описал свое видение девушкам. Обе они сказали, чтобы я не индульгировал, как это обычно раньше говорил дон Хуан. Правда, у него эти слова обычно звучали более уместно. Я никогда не чувствовал себя уязвленным его критикой или насмешками, но девушки — это другое дело Я почувствовал себя обиженным.

— Я отвезу вас домой, — сказал я. — Где вы живете?

Лидия повернулась ко мне и с яростью сказала, что они — мои подопечные и что я должен позаботиться об их безопасности, так как по требованию Нагваля они отказались от личной свободы, чтобы помогать мне.

Я страшно рассердился. Мне захотелось отшлепать девушек, но тут я опять ощутил странную дрожь. Она вновь началась как щекочущее раздражение на макушке, прошла вниз по спине и достигла живота. Теперь я знал, где они живут. Щекочущее ощущение было как защита, как мягкая, теплая пелена. Я ощущал физически, как она окутывает мое тело от паха до нижних ребер. Гнев сменился странной твердостью, отрешенностью и одновременно желанием смеяться. Вдруг я испытал нечто трансцендентальное. Под натиском действий доньи Соледад и сестричек мое тело прекратило составление мнений. Выражаясь языком дона Хуана, я остановил мир.

У меня одновременно было два ощущения: щекочущее раздражение на макушке и звук, похожий на сухой треск в основании шеи. Их соединение являлось ключом к этой остановке внутреннего диалога.

Сидя с двумя девушками в машине на обочине пустынной горной дороги, я впервые отчетливо и полностью осознал «остановку мира». Это ощущение

напомнило мне о самом первом телесном осознании, пережитом много лет назад. Оно также имело отношение к щекочущему ощущению на макушке. Дон Хуан говорил, что маги должны культивировать это чувство, и подробно описал его. По его словам, это было нечто вроде зуда, который не был ни приятным, ни болезненным. Чтобы познакомить меня с ним на интеллектуальном уровне, он описал и проанализировал его особенности. Затем, пытаясь на практике вызвать необходимое телесное ощущение, он заставлял меня бегать под ветками или скалами, нависшими в нескольких дюймах над моей головой, для того, чтобы тело как следует запомнило это ощущение.

Многие годы я пытался следовать его указаниям, но безуспешно. Я не понимал, что крылось за его описанием, и никакие практические упражнения не снабжали мое тело адекватной памятью об этом ощущении. Бегая под выбранными им для демонстрации ветками или скалами я никогда не ощущал своей макушкой ничего особенного. Но однажды, когда я заводил высокую грузовую тележку в трехъярусный гараж, мое тело само открыло это ощущение. Я въехал в ворота гаража с той же скоростью, с какой обычно въезжал на своем маленьком двухместном седане. В результате с высокого сидения тележки я почувствовал, как поперечная бетонная балка крыши скользит по моей голове. Я не успел остановить тележку вовремя и чувствовал, что бетонная балка буквально снимает с меня скальп. Я никогда еще не водил такой высокий транспорт, как эта тележка, поэтому не смог соответствующим образом настроить свое восприятие. Мне казалось, что промежуток между крышей и моей макушкой просто отсутствовал. Я ощущал балку кожей своего черепа. В тот день я ездил внутри гаража часами, давая телу возможность накопить нужную память об этом щекочущем ощущении.

Я повернулся лицом к девушкам и хотел сказать им, что уже знаю, где они живут, но промолчал. Я не представлял, как можно описать, что щекочущее чувство заставило меня вспомнить случайное замечание дона Хуана. Однажды по пути к Паблито мы проходили мимо какого-то дома, и, указав на необычное сооружение, он заметил, что это идеальное место для отдыха и расслабления. Я повез их туда.

Дом был довольно велик. Это была такая же постройка из необожженного кирпича с соломенной крышей, как и дом доньи Соледад. Одна длинная комната в передней части дома, крытая кухня — в задней, огромное патио

рядом с кухней и загородка для цыплят рядом с патио. Самой важной частью дома была закрытая комната, одна из дверей которой выходила в переднюю, а другая — в патио. Лидия сказала, что ее построили они сами. Я захотел посмотреть ее, но Лидия не позволила, сказав, что сейчас не время. Без Хосефины и Ла Горды она не могла показать мне принадлежащие им части комнаты.

В углу передней комнаты была сооружена кирпичная платформа около восемнадцати дюймов высотой, одним концом примыкающая к стене. Лидия положила на нее несколько толстых соломенных циновок и предложила мне отдохнуть, сказав, что они будут охранять мой сон. Роза зажгла лампу и повесила ее на гвоздь над постелью. Было достаточно света, чтобы писать. Я объяснил им, что записывание снимает с меня напряжение, и спросил, не помешает ли оно им.

— Почему ты спрашиваешь? — удивилась Лидия. — Делай что хочешь!

Самым небрежным тоном я объяснил, что некоторые мои привычки всегда казались странными дону Хуану и дону Хенаро, и уж тем более могли показаться странными им.

— Все мы со странностями, — сухо сказала Лидия.

Я сел на постели под лампой, прислонившись спиной к стене. Они легли рядом, по обе стороны от меня. Роза укрылась одеялом и тут же заснула, едва коснувшись головой циновки. Лидия сказала, что теперь мы можем спокойно поговорить, и попросила меня потушить свет, так как он слепит ей глаза.

Наша беседа в темноте касалась главным образом местонахождения двух других девушек. Лидия сказала, что не представляет себе, где сейчас Ла Горда, но Хосефина, несомненно, все еще разыскивает Нестора в горах, несмотря на темноту. Она пояснила, что Хосефина лучше других может позаботиться о себе ночью в пустынном месте, поэтому Ла Горда и отправила ее с этим поручением.

Я сказал ей, что из всего услышанного раньше я понял, что Ла Горда — их лидер. Лидия ответила, что Ла Горда действительно была за старшего и что сам Нагваль поставил ее во главе. Она добавила, что если бы даже он этого не

сделал, то рано или поздно Ла Горда все равно взяла бы верх, потому что она лучше их всех.

Тут мне захотелось зажечь лампу и кое-что записать. Лидия недовольно сказала, что свет усыпляет ее, но я настоял на своем.

— Что делает Ла Горду лучшей? — спросил я.

— У нее больше личной силы, — сказала она. — Она знает все, и, кроме того, Нагваль научил ее управлять людьми.

— Ты завидуешь Ла Горде в том, что она самая лучшая?

— Раньше завидовала, а теперь — нет.

— Почему же ты изменилась?

— В конце концов я приняла свою судьбу, как учил меня Нагваль.

— А какова твоя судьба?

— Моя судьба... Моя судьба — быть бризом. Быть сновидящей. Моя судьба — быть воином.

— А Роза или Хосефина завидуют Ла Горде?

— Да нет, что ты. Все мы приняли свою судьбу. Нагваль сказал, что сила придет к нам только после того, как все мы без взаимных упреков примем свою судьбу. Раньше я часто жаловалась и временами приходила в ужас, потому что Нагваль мне нравился. Я все думала, что я — женщина. Но он объяснил мне, что это не так. Он показал мне, что я — воин. Моя жизнь окончилась, когда я встретила его. То же он сделал и с остальными. Может быть, ты и не такой, как мы, но нам Нагваль дал новую жизнь.

Когда он сказал, что собирается покинуть нас, так как ему надо заниматься другими делами, мы думали, что умрем. А посмотри на нас сейчас. Мы живы, и знаешь, почему? Потому что Нагваль показал нам, что мы — это он сам. Он здесь, с нами. Он всегда будет здесь. Мы — его тело и его дух.

— Вы все четверо чувствуете одинаково?

— Нас не четверо. Мы — одно. Это наша судьба. Мы должны поддерживать друг друга. И ты такой же, как мы. Все мы — одно и то же. И донья Соледад такая же, хотя она и идет в другом направлении.

— А Паблито, Нестор и Бениньо? Как с ними?

— Мы не знаем. Мы не любим их. Особенно Паблито. Он трус. Он не принял свою судьбу и хочет увильнуть от нее. Он даже хочет отказаться от своих шансов стать магом и жить обычной жизнью. Это было бы великолепно для Соледад. Но Нагваль приказал нам помогать и ему. Хотя мы уже устали ему помогать. Может быть, совсем скоро Ла Горда отшвырнет его с пути навсегда.

— Неужели она способна это сделать?

— Способна ли она? Конечно да. Она получила от Нагваля больше остальных. Может быть, даже больше тебя.

— Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне, что вы — его ученицы?

— Потому что ты — пустой.

— Это он сказал, что я — пустой?

— Каждый знает, что ты — пустой. Это написано на твоем теле.

— Написано что?

— У тебя в середине есть дыра.

— В середине моего тела? Где?

Она очень мягко коснулась правой стороны моего живота и пальцем очертила круг, словно обозначая границы какой-то невидимой дыры диаметром пять-шесть дюймов.

— А ты сама пустая, Лидия?

— Ты шутишь? Я — полная. Разве ты не видишь этого?

Ее ответы принимали неожиданный оборот. Мне не хотелось раздражать ее своим невежеством, поэтому я утвердительно кивнул.

— Как ты думаешь, почему у меня в середине есть дыра, которая делает меня пустым? — спросил я, считая этот вопрос самым невинным.

Не отвечая, она повернулась ко мне спиной и пожаловалась, что свет лампы режет ей глаза. Я настаивал на ответе. Она вызывающе посмотрела на меня.

— Я не хочу больше разговаривать с тобой. Ты тупой.

Даже Паблито не такой тупой, а он хуже всех.

Я не хотел опять попасть в тупик, делая вид, что знаю, о чем идет речь. Поэтому я опять спросил, что вызвало мою пустоту. Я упрашивал ее сказать, горячо уверяя, что дон Хуан никогда не давал мне разъяснений на эту тему. Он постоянно говорил мне, что я пустой, и я понимал его, как понял бы это любой западный человек. Я считал, что он подразумевает отсутствие у меня воли, решительности, целеустремленности и даже ума. Он никогда не упоминал о дыре в моем теле.

— С правой стороны у тебя дыра, — сказала она как само собой разумеющееся. — Дыра, которую сделала женщина.

— Ты знаешь, кто эта женщина?

— Только ты можешь сказать это. Нагваль говорил, что мужчины часто не знают, кто опустошил их. Женщины удачливее, они точно знают, кто сделал это с ними.

— Твои сестры тоже пустые, как я?

— Не говори глупостей. Как они могут быть пустыми?

— Донья Соледад сказала, что она пустая. Выглядит ли она подобно мне?

— Нет. Дыра в ее животе огромна. Она по обе стороны. Это значит, ее опустошили мужчина и женщина.

— Что произошло между доньей Соледад и этими мужчиной и женщиной?

— Она отдала им свою полноту.

Я заколебался, прежде чем задать следующий вопрос. Мне хотелось взвесить все последствия ее заявления.

— Ла Горда была еще хуже, чем донья Соледад. — продолжала Лидия. — Ее опустошили две женщины. Дыра в ее животе была похожа на пещеру. Но она закрыла ее Она опять полная.

— Расскажи мне про этих двух женщин.

— Я не могу тебе больше ничего сказать, — властно ответила она. — Только Ла Горда может рассказать тебе об этом. Дождись ее прихода.

— Но почему только Ла Горда?

— Потому что она знает все.

— И она — единственная, кто знает все?

— Свидетель знает столько же, может быть, даже больше, но он является самим Хенаро, и с ним очень трудно ладить. Мы не любим его.

— Почему вы его не любите?

— Эти три трутня ужасны. Они такие же ненормальные, как Хенаро. Они постоянно воюют с нами, потому что мстят нам за свой страх перед Нагвалем. Во всяком случае, так говорит Ла Горда.

— Что же заставляет Ла Горду говорить так?

— Нагваль рассказывал ей вещи, которых не говорил остальным. Она видит. Нагваль сказал нам, что ты тоже видишь. Хосефина, Роза и я — не видим, тем не менее мы все пятеро — одно и то же.

Фраза «Мы — одно и то же», которой пользовалась донья Соледад прошлой ночью, вызвала у меня лавину мыслей и опасений. Я быстро убрал свой блокнот и огляделся вокруг. Я пребывал в странном мире, лежа в странной постели между двумя молодыми женщинами, которых я не знал. И все же я чувствовал себя довольно легко. Мое тело испытывало непринужденность и безразличие. Я верил им.

— Ты собираешься спать здесь? — спросил я.

— А где же еще?

— А как насчет твоей собственной комнаты?

— Мы не можем оставлять тебя здесь одного. Мы чувствуем то же, что и ты — ты для нас чужой, если не считать нашей обязанности помогать тебе. Ла Горда сказала, что хотя ты и глуп, мы должны это делать. Она говорила, что мы должны спать с тобой в одной постели, как если бы ты был самим Нагвалем.

Лидия погасила лампу. Я продолжал сидеть спиной к стене. Задумавшись, я закрыл глаза и мгновенно заснул.

Лидия, Роза и я сидели на площадке перед дверью около двух часов, с восьми утра. Я пытался втянуть их в беседу, но они отказались разговаривать. Они выглядели расслабленными, почти сонными. Однако их отрешенность не передавалась мне. Сидя в вынужденном молчании, я ушел в свои мысли. Их дом стоял на вершине небольшого холма; передняя дверь была обращена на восток. С моего места была видна почти вся узкая долина, пролегающая с востока на запад. Городка я не видел, но мне были видны зеленые участки возделанных полей внизу долины. С другой стороны к долине примыкали гигантские круглые обветренные холмы. Высоких гор в окрестности долины не было, только эти огромные холмы, вид которых угнетал меня. Мне казалось, что эти холмы собираются перенести меня в другое время.

Лидия внезапно заговорила, и ее голос нарушил мои грезы. Она потянула меня за рукав.

— Сюда идет Хосефина, — сказала она.

Я посмотрел на извилистую тропинку, ведущую из долины к дому. Ярдах в пятидесяти от нас по ней поднималась женщина. Я сразу же отметил значительную разницу в возрасте между Лидией и Розой и приближавшейся незнакомкой. Я снова посмотрел на нее. Судя по походке и осанке ей было не менее пятидесяти. Длинная темная юбка подчеркивала ее худобу.

Женщина несла на спине вязанку хвороста. К ее поясу был приторочен какой-то узел. Было похоже, что она несла на левом боку ребенка. Казалось, она кормила его грудью во время ходьбы. Ее поступь была почти немощной. Она с трудом одолела последний крутой подъем перед домом. Когда она наконец остановилась в нескольких шагах от нас, то дышала так тяжело, что я попытался помочь ей сесть. Она сделала жест, по-видимому, означавший, что все в порядке. Я слышал, как Лидия и Роза хихикают. Я не посмотрел на них, так как все мое внимание целиком было захвачено этой женщиной.

Я никогда не видел более отвратительного и мерзкого существа, чем она. Отвязав вязанку хвороста, она с грохотом сбросила ее на пол. Я непроизвольно отпрыгнул, как из-за шума, так и потому, что под тяжестью дров женщина чуть не упала мне на колени.

Она бросила на меня взгляд и опустила глаза, смущенная своей неловкостью. Выпрямив спину, она вздохнула с явным облегчением. Видимо, охапка была слишком тяжелой для ее старого тела.

Когда она встряхнула руками, прядь волос выбилась из-под грязной темно-коричневой повязки, завязанной на лбу. У нее были длинные седые волосы, выглядевшие грязными и спутанными.

Она улыбнулась мне и слегка кивнула. Все ее зубы, наверное, выпали. Видна была только черная яма беззубого рта. Она прикрыла лицо рукой и засмеялась. Затем сбросила сандалии и вошла в дом, не дав мне сказать ни слова. Роза направилась следом.

Я был ошарашен. Со слов доньи Соледад я считал, что Хосефина примерно того же возраста, что и Лидия с Розой.

Я повернулся к Лидии. Она внимательно смотрела на меня.

— Я понятия не имел, что она такая старая, — сказал я.

— Да, она старовата, — сказала Лидия, словно это было совершенно естественно.

— Разве у нее есть ребенок? — спросил я.

— Да, она повсюду таскает его за собой и никогда не оставляет его с нами. Она все боится, что мы собираемся его съесть.

— Это мальчик?

— Мальчик.

— Сколько ему лет?

— Он у нее уже довольно давно. Но я не знаю точно сколько ему лет. Мы считали, что в ее возрасте не стоило бы иметь ребенка. Но она не обращает на нас внимания.

— Чей это ребенок?

— Хосефины, конечно.

— Я имел в виду, кто его отец?

— Нагваль, кто же еще?

Ситуация была явно нелепой и неприятно действующей на нервы.

— Я полагаю, что в мире Нагваля возможно все, — сказал я.

Это были скорее мысли вслух, чем комментарий для Лидии.

— Еще бы! — сказала она и засмеялась.

Гнетущая атмосфера этих обветренных холмов стала совершенно невыносимой. В этой местности воистину было что-то вызывающее отвращение, а Хосефина стала последним ударом. Вдобавок к уродливому, старому, зловонному телу и отсутствию зубов, видимо, у нее был еще и паралич каких-то лицевых мышц. Нервы левой стороны ее лица, судя по всему, были повреждены, что очень неприятно деформировало ее левый глаз и левую половину рта.

Мое настроение стало совершенно гнусным. Меня утешала только одна мысль, что я в любой момент могу собраться и уехать.

Я пожаловался Лидии, что плохо себя чувствую. Она засмеялась и заметила, что меня, безусловно, испугала Хосефина.

— Она на всех так действует, — сказала Лидия. — Все ненавидят ее характер. Она противнее таракана.

— Помню, я как-то видел ее, но тогда она казалась молодой.

— Все меняется, — философски произнесла Лидия. — Так или иначе. Посмотри на Соледад. Какая перемена, а? И ты изменился. Я помню тебя менее массивным. Ты все больше становишься похожим на Нагваля.

Мне хотелось сказать, что перемена Хосефины была отвратительной, но испугался, что она услышит меня. Я посмотрел на обветренные холмы на противоположной стороне долины. Мне хотелось немедленно сбежать от них.

— Нагваль дал нам этот дом, — сказала Лидия, — но он не предназначен для отдыха. У нас был другой дом, прежде чем этот стал воистину превосходным. Это место для накопления силы. Эти горы там, наверху, подгоняют, что надо.

Уверенность, с которой она читала мои мысли, выбила меня из колеи. Я не знал, что и сказать.

— Мы все по натуре ленивы и не любим напрягаться, — продолжала она. —

Нагваль знал это, потому и поместил нас сюда, чтобы это место подгоняло нас.

Резко встав, она сказала, что хочет есть. Мы прошли на кухню, отгороженную только двумя стенами. В открытом конце ее, справа от двери, была глиняная печь; в другом конце, где стенки образовывали угол, находилась большая площадка для еды с длинным столом и тремя скамейками. Пол был вымощен галькой. Плоская крыша находилась на высоте около десяти футов и опиралась на обе стены и на толстые брусья с открытой стороны.

Лидия положила мне из горшка миску бобов с мясом, приготовленных на медленном огне, и подогрела несколько небольших лепешек. Вошла Роза, села рядом со мной и попросила Лидию дать еды и ей.

Я внимательно наблюдал за тем, как Лидия большим черпаком набирала бобы и мясо. Создавалось впечатление, что она на глаз отмеряет точную порцию. Она, должно быть, заметила, что я удивлен ее манипуляциями. Отобрав два или три боба из миски Розы, она положила их обратно в горшок и в этот момент я краем глаза заметил входящую Хосефину. Посмотреть на нее я не решился.

Она села напротив меня. Я почувствовал тошноту. Я понимал, что не смогу есть, пока эта женщина смотрит на меня. Пытаясь снять напряжение, я шутливо сказал, что в миске у Розы оказалось еще два лишних боба, а она и не заметила. Лидия отделила два боба с точностью, заставившей меня задохнуться от изумления. Я нервно засмеялся, зная, что как только Лидия сядет, я вынужден буду оторвать взгляд от печки и повернуться к Хосефине.

В конце концов мне пришлось нехотя взглянуть на Хосефину. Наступила мертвая тишина. Я недоверчиво уставился на нее. От удивления я раскрыл рот и услышал громкий смех Лидии и Розы. Мне понадобилось немало времени для приведения своих мыслей и чувств в относительный порядок.

Напротив меня сидела не та Хосефина, которую я видел совсем недавно, а очень хорошенькая девушка. Черты ее лица не были индейскими, как у Лидии и Розы; она скорее походила на женщину латинской расы. У нее был светло-оливковый цвет лица, очень маленький рот и прекрасный точеный нос, мелкие белые зубы и коротко подстриженные вьющиеся черные волосы. Кроме того, у нее на левой щеке была ямочка, делавшая ее улыбку особенно

милой и несколько дерзкой.

Это была та девушка, которую я мельком видел несколько лет назад. Она стерпела мой пристальный осмотр. Выражение ее глаз было дружелюбным. Мною постепенно овладела неконтролируемая нервозность. В конце концов я стал корчить из себя шута, отчаянно изображая неподдельное замешательство.

Они смеялись, как дети. Когда их смех стих, я попросил рассказать о цели маскарада Хосефины.

— Она практикует искусство сталкинга, — сказала Лидия. — Нагваль научил нас вводить людей в заблуждение, чтобы они не обращали на нас внимания. Хосефина очень хорошенькая. И когда она ходит ночью одна, никто к ней не пристанет, если она будет выглядеть безобразной и старой. Но если она становится сама собой, ты и сам знаешь, что может произойти.

Хосефина утвердительно кивнула головой, и вдруг ее лицо исказилось безобразной гримасой.

— Она может ходить с таким лицом целый день, — сказала Лидия.

Я возразил, что если бы жил неподалеку, то скорее обратил бы внимание на Хосефину из-за этих невероятных перемен в ее внешности.

— Этот обман был рассчитана на тебя, — сказала Лидия, и все трое рассмеялись. — Посмотри, как она тебя запутала. Ты обратил больше внимания на ребенка, чем на нее.

Лидия прошла в комнату, вынесла оттуда тряпичный сверток, похожий на запеленатого ребенка и бросила на стол передо мной. Я расхохотался вместе с ними.

— Вы все умеете создавать такие обманчивые внешности?

— Нет, только Хосефина. Никто не знает, какая она на самом деле, — ответила Лидия. Хосефина кивнула мне и молча улыбнулась. Она мне страшно понравилась. В ней было что-то простодушное и милое.

— Скажи что-нибудь, Хосефина, — сказал я, схватив ее за предплечье.

Она смущенно посмотрела на меня и отпрянула. Я решил, что, причинил ей боль. Я отпустил ее. Она выпрямилась, скривила свой маленький ротик и разразилась невероятным ворчанием и визгом. Неожиданно ее черты изменились. Серия безобразных неконтролируемых спазмов исказила лицо, только что бывшее таким спокойным.

Я с ужасом смотрел на нее. Лидия толкнула меня локтем.

— Зачем ты испугал ее, болван? — прошептала она. — Разве ты не знаешь, что она онемела и вообще перестала говорить?

Хосефина, очевидно, поняла ее и, казалось, стала протестовать. Она погрозила Лидии кулаком и вновь разразилась очень громкими и устрашающими воплями, а потом поперхнулась и закашлялась. Роза начала растирать ей спину. Лидия хотела ей помочь, но Хосефина чуть не ударила ее по лицу.

Лидия села рядом со мной и беспомощно пожала плечами.

— Вот так, — шепнула она мне. Хосефина повернулась к ней. Ее лицо было искажено безобразной гневной гримасой. Из открытого рта вновь вырвались какие-то устрашающие гортанные звуки.

Лидия соскользнула со скамейки и незаметно покинула кухню. Хосефина, казалось, была олицетворением ярости. За считанные секунды она потеряла всю прелесть и простодушие, так очаровавшие меня. Я не знал, что делать. Я попытался попросить прощения, но нечеловеческие вопли Хосефины заглушили меня. Наконец Роза увела ее в дом.

Лидия вернулась и села напротив меня.

— У нее здесь что-то не в порядке, — сказала она, прикасаясь к голове.

— Когда это случилось?

— Давно. Нагваль, должно быть, что-то сделал с ней, потому что она внезапно перестала говорить.

Лидия казалась опечаленной. Я подумал даже, что ей вовсе не хотелось, чтобы я это заметил, печаль обнаружилась помимо ее воли. Я готов был сказать ей, что не стоит так бороться с собой, пытаясь скрыть свои эмоции.

— Как Хосефина общается с вами? Пишет?

— Прекрати говорить глупости. Она не пишет. Она — не ты. Она с помощью рук и ног говорит нам все, что хочет.

Хосефина и Роза вернулись на кухню и встали возле меня. Я подумал, что Хосефина опять кажется образцом простодушия и доброжелательности. Ее чарующее спокойствие не давало ни малейшего повода считать, что она могла быть такой безобразной и такой жесткой. Глядя на нее, я вдруг понял, что ее невероятные способности к жестикуляции вызваны потерей речи. Я подумал, что столь искусным в имитации может быть лишь человек, утративший дар словесного общения.

По словам Розы, Хосефине очень хотелось опять заговорить, так как я ей очень понравился.

— Пока ты не появился, она была счастлива и так, — резко сказала Лидия.

Хосефина кротко кивнула, подтверждая слова Лидии, и издала ряд коротких звуков.

— Мне бы хотелось, чтобы здесь была Ла Горда, — сказала Роза. — Лидия всегда раздражает Хосефину.

— Мне этого совсем не хочется, — запротестовала Лидия.

Хосефина улыбнулась ей и протянула руку, пытаясь коснуться ее. Казалось, она хочет примирения. Лидия резко оттолкнула ее руку.

— Да ну тебя, идиотка, — пробормотала она.

Хосефина не рассердилась. Она казалась глубоко погруженной в себя. В ее глазах было столько печали, что было больно смотреть. Я решил вмешаться и помирить их.

— Ей кажется, что она единственная женщина в мире, у которой есть проблемы, — раздраженно бросила Лидия. — Нагваль велел нам обращаться с ней круто и без снисхождения, пока она не перестанет чувствовать жалость к самой себе.

Роза посмотрела на меня и кивком подтвердила сказанное.

Повернувшись к Розе, Лидия велела ей отойти от Хосефины. Роза покорно отошла и села на скамейку рядом со мной.

— Нагваль предсказывал, что в один прекрасный день она снова заговорит, — сказала мне Лидия.

— Эй! — сказала Роза, дергая меня за рукав. — Может, это ты поможешь ей заговорить?

— Да! — отозвалась Лидия, словно у нее мелькнула та же мысль. — Может быть, ради этого мы и должны были ждать тебя.

— Ну конечно же! — воскликнула Роза с выражением истинного озарения.

Они вскочили и стали обнимать Хосефину.

— Ты снова будешь говорить! — кричала Роза, встряхивая Хосефину за плечи.

Хосефина открыла глаза и начала вращать ими. Она издавала приглушенные вздохи, похожие на всхлипы, а потом заметалась из стороны в сторону, крича, как животное. Ее возбуждение было таким сильным, что она не могла разжать челюсти. Они и не пытались успокоить ее.

— Ты снова будешь говорить! — кричали они. — Ты снова будешь говорить!

От криков, стонов и всхлипов Хосефины у меня по коже прошел озноб. Я был совершенно сбит с толку и решил попытаться поговорить с ними спокойно. Я

взывал к их разуму, но вдруг до меня дошло, что его у них — по моим стандартам — было крайне мало. Я расхаживал по кухне взад-вперед, пытаясь сообразить, что же мне делать.

— Поможешь ты ей или нет? — требовала Лидия. — Ну пожалуйста, сэр, пожалуйста, — умоляла меня Роза.

Я сказал им, что они сошли с ума, и я просто не представляю, что надо делать. Но говоря это, я обнаружил вдруг в глубине своего разума странное чувство любопытства и уверенности. Сначала я хотел отбросить его, но оно завладело мною. Однажды у меня уже было подобное переживание, когда одна моя близкая подруга была смертельно больна. Мне казалось, что смогу помочь ей выздороветь и выйти из больницы, где она умирала. Я даже консультировался по этому поводу с доном Хуаном.

— Точно. Ты можешь вылечить ее и вырвать из лап смерти, — сказал он.

— Как? — спросил я.

— Это очень просто, — начал он. — Ты только должен напомнить ей, что она неизлечимо больна. Так как это крайний случай, то у нее есть сила. Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. А ей больше терять нечего. Она уже потеряла все. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

— Но разве одного напоминания достаточно?

— Нет. Но это даст ей необходимую поддержку. Затем она должна оттолкнуть болезнь левой рукой. Она должна толкать вперед свою левую руку, сжатую в кулак, как бы держась за дверную ручку. Она должна с усилием толкать и толкать ее, говоря болезни: «Прочь, прочь, прочь». Скажи, что ей больше ничего не остается, как только посвятить каждую секунду оставшейся жизни выполнению этого движения. Я уверяю тебя, что она сможет выкарабкаться, если захочет.

— Это звучит так просто.

Дон Хуан хмыкнул.

— Это кажется простым, — сказал он. — Но это не так. Чтобы сделать это, твоей подруге необходим безупречный дух.

Он долго смотрел на меня, как будто пытаясь измерить тревогу и печаль, которые я испытывал по отношению к своей подруге.

— Правда, если бы у твоей подруги был безупречный дух, — добавил он, — то она бы там не оказалась.

Я передал ей то, что сказал мне дон Хуан. Но она была уже слишком слаба.

В случае же с Хосефиной моя уверенность основывалась на том, что она была воином с безупречным духом. Я размышлял, нельзя ли и ей применить то же самое движение рукой.

Я сказал Хосефине, что ее неспособность говорить вызвана каким-то зажимом.

— Да, да, это зажим, — повторяли Лидия и Роза вслед за мной.

Я объяснил Хосефине движение рукой и сказал ей, что она должна вытолкнуть этот зажим, двигая рукой таким образом.

Глаза Хосефины застыли. Видимо, она находилась в трансе и шевелила губами, производя едва слышные звуки. Она попыталась двинуть рукой, но была так возбуждена, что размахивала ею без всякой координации. Я попытался скорректировать ее движения, но она, похоже, находилась в состоянии настолько помраченном, что даже не слышала моих слов. Ее глаза расфокусировались и я понял, что она находится на грани потери сознания. Роза, по-видимому, осознавала происходящее: она отпрыгнула в сторону, схватила чашку с водой и плеснула ее Хосефине в лицо. Глаза Хосефины закатились, обнажив белки. Она долго моргала, пока смогла сфокусировать их снова. Она шевелила губами, но не могла произнести ни звука.

— Коснись ее горла! — закричала мне Роза.

— Нет! Нет! — в ответ закричала Лидия. — Коснись ее головы! Это у нее в голове, ты, чучело!

Она схватила меня за руку и заставила положить ее на голову Хосефины.

Хосефина задрожала и с трудом издала серию слабых звуков. Они показались мне более осмысленными, чем те нечеловеческие вопли, которые она производила раньше.

Роза, кажется, тоже заметила разницу.

— Ты слышишь? Ты слышишь это? — шепотом спросила она.

Но тут Хосефина издала серию еще более гротескных звуков, чем раньше. Успокоившись, она коротко всхлипнула и заплакала. В конце концов Лидия и Роза успокоили ее. Совершенно изможденная, она уселась на скамейку, с трудом подняла веки, взглянула на меня и кротко улыбнулась.

— Мне очень жаль, — сказал я, беря ее за руку.

Задрожав всем телом, она опустила голову и снова начала плакать. Я ощутил волну горячего сочувствия к ней. В этот момент я бы отдал жизнь, чтобы помочь ей. Она сдавленно всхлипывала, пытаясь заговорить со мной. Лидия и Роза, по-видимому, были так захвачены ее драмой, что непроизвольно повторяли ее гримасы.

— Ради всего святого, сделай что-нибудь! — воскликнула Роза умоляюще.

Я испытал невыносимую тревогу. Хосефина поднялась и вдруг, неистово вцепившись в меня, рванула прочь от стола. В этот момент Лидия и Роза с удивительным проворством и скоростью обеими руками схватили меня за плечи, одновременно делая мне подсечку. Вес тела Хосефины, повисшей на мне, плюс быстрота маневра Лидии и Розы заставили меня потерять равновесие. Все они двигались одновременно и прежде чем я понял, что произошло, повалили меня на пол так, что Хосефина оказалась сверху. Я чувствовал ее сердцебиение. Она прижалась ко мне с такой силой, что стук ее сердца отдавался у меня в ушах. Я ощущал его биение буквально в собственной груди и попытался оттолкнуть ее, но она держалась крепко. Лидия и Роза придавили к полу мои руки и ноги, навалившись всей тяжестью своих тел. Роза хихикнула, как ненормальная и стала покусывать мой бок. Ее

маленькие острые зубы лязгали, ее рот кусал, открываясь и закрываясь в нервных спазмах.

Я чувствовал смесь боли, физического отвращения и ужаса. Я задыхался. Мои глаза вышли из фокуса. Я знал, что на этот раз мне конец. Внезапно я вновь «услышал» сухой треск в основании шеи, и знакомое щекочущее чувство, появившееся на макушке головы, дрожью пробежало по всему телу.

В следующее мгновение я увидел всю сцену с другой стороны кухни. Девушки, лежа на полу, пристально смотрели на меня.

— Вы что делаете, люди? — сказал кто-то громко и властно.

Тут у меня появилось невероятное ощущение. Я чувствовал, что Хосефина отпустила меня и встала. Я лежал на полу, и в то же время стоял на некотором расстоянии от них, глядя на только что переступившую порог незнакомую женщину. Она пошла по направлению ко мне и остановилась в шести-семи футах. Я мгновенно понял, что это и есть Ла Горда. Она хотела знать, что здесь происходит.

— Мы только что сыграли с ним небольшую шутку, — вдруг сказала Хосефина, прочищая горло. — Я изображала из себя немую.

Трое девушек прижались друг к другу и начали смеяться. Ла Горда бесстрастно смотрела на меня.

Они разыгрывали меня! Моя глупость и доверчивость показались мне настолько непростительными, что у меня начался приступ истерического смеха. Мое тело задрожало.

Я знал, что Хосефина не просто шутила, как она заявила только что. Они явно преследовали какую-то цель. Я физически ощущал тело Хосефины как какую-то силу, стремившуюся проникнуть внутрь моего тела.

То, что Роза покусывала мой бок, было явной уловкой для отвлечения моего внимания — это совпало с ощущением, что сердце Хосефины начинает биться у меня в груди.

Я слышал, как Ла Горда убеждает меня успокоиться.

В средней части тела я почувствовал какую-то нервную вибрацию, а потом нахлынула волна спокойного холодного гнева. Я ненавидел их. С меня было достаточно. Я собирался подобрать куртку и блокнот и уйти из дома, хотя еще не полностью пришел в себя. Мне было немного дурно, чувства были расстроены. У меня сохранилось ощущение, что когда я впервые взглянул на девушек через кухню, я на самом деле смотрел на них с высоты, большей уровня моих глаз, откуда-то из-под крыши.

Но еще больше сбивало с толку то, что я теперь точно знал, что щекочущее ощущение на макушке головы и было тем, что вырвало меня из объятий Хосефины. Это было не так, как если бы что-то вышло из моей макушки, — что-то действительно вышло оттуда.

Несколько лет назад дон Хуан и дон Хенаро манипулировали моим восприятием и у меня появилось невероятное двойственное ощущение: я чувствовал, что дон Хуан навалился на меня и прижимает к земле, и одновременно ощущал, что продолжаю стоять. Я был как будто в двух местах сразу. На языке магов я мог бы сказать, что мое тело сохранило память об этом двойственном восприятии и, по-видимому, воспроизвело его. Однако на этот раз к моей телесной памяти добавились два новых аспекта. Одним из них было щекочущее чувство, которое я начал осознавать во время моих столкновений с этими женщинами. Именно оно и было причиной появления этого двойного восприятия. Вторым — звук в основании шеи, высвобождавший во мне нечто, способное выходить из макушки моей головы.

Спустя несколько минут я ясно почувствовал, что спускаюсь из-под потолка, пока не оказался стоящим на полу. Потребовалось некоторое время, чтобы вернуть глазам нормальный уровень видения. Когда я посмотрел на четырех женщин, я почувствовал себя незащищенным и ранимым. Неожиданно возникло чувство раздвоенности и потери непрерывности восприятия. Было такое впечатление, словно я закрыл глаза и какая-то сила заставила меня обернуться пару раз вокруг своей оси. Когда я открыл глаза, девушки стояли и изумленно смотрели на меня. Каким-то образом я снова был самим собой.

Глава 3. Ла Горда

Прежде всего в облике Ла Горды привлекали внимание глаза — очень темные и спокойные. Она, видимо, изучала меня с головы до пят Ее глаза прошлись по моему телу так, как это обычно делал дон Хуан. Они имели то же спокойствие и силу Я понял, почему она самая лучшая. Мне пришла в голову мысль, что дон Хуан, должно быть, оставил ей свои глаза.

Она была чуть выше остальных девушек. Когда она повернулась к ним, я отметил ее худощавое смуглое тело великолепную спину и изящные линии ее широких плеч.

Она что-то сказала повелительным тоном, и все трое сели на скамейку прямо за ней. Заслонив их своим телом, она снова повернулась лицом ко мне.

Она была очень серьезна, но без капли мрачности или суровости. Хотя она не улыбалась, но явно была дружественной. Я отметил ее приятные черты: лицо хорошей формы, не угловатое и не круглое, маленький рот с тонкими губами, широкий нос, широкие скулы и блестящие черные волосы.

Я не мог не отметить ее прекрасные мускулистые руки, сцепленные перед собой над серединой живота. Тыльной стороной руки были повернуты ко мне. Я видел, как мускулы ритмично сокращались, когда она сжимала свои ладони.

Она была одета в длинное хлопчатобумажное вылинявшее платье оранжевого цвета с длинными рукавами и коричневую шаль. В ней было что-то ужасно успокаивающее и завершенное. Я ощутил присутствие дона Хуана. Мое тело расслабилось.

— Садись, садись. — Убеждающе сказала она.

Я вернулся к столу. Она показала мне куда сесть, но я остался стоять. Она впервые улыбнулась и ее глаза стали мягкими и сияющими. Она была не так хороша, как Хосефина, и все же была прекрасней всех.

Мы немного помолчали. Затем она объяснила мне, что с тех пор как ушел Нагваль, они делали лучшее, на что были способны и что благодаря своей самоотверженности они свыклись с поставленной доном Хуаном задачей.

Я не вполне понимал смысл ее слов, но когда она заговорила, я более чем когда-либо ощутил присутствие дона Хуана. Это не означало, что она копирует манеры дона Хуана или подражает его голосу. Просто она обладала внутренним контролем, благодаря которому действовала так же как дон Хуан. Их сходство было чисто внутренним.

Я сказал ей, что приехал сюда в надежде на помощь Паблито и Нестора, потому что я то ли слишком медлителен, то ли просто глуп в понимании путей магов. Я был искренним, но все обходились со мной почему-то злобно и вероломно.

Она начала оправдываться, но я не дал ей закончить. Взяв свои вещи, я вышел из дома. Она побежала за мной. Не мешая мне собираться, она быстро говорила, как будто должна была до моего отъезда успеть сказать все, что хотела.

Она сказала, что я должен выслушать ее и что она вынуждена ехать со мной до тех пор, пока не передаст все, что Нагваль поручил ей сообщить мне.

— Я еду в Мехико, — сказал я.

— Если будет нужно, я поеду с тобой и в Лос-Анжелес, — ответила она.

Я понял, что это правда.

— Прекрасно, — сказал я, испытывая ее. — Садись в машину. После секундного колебания она молча остановилась и повернулась лицом к дому. Хлопком сведя ладони, она прижала их к низу живота. Затем повернувшись лицом к долине, она проделала то же самое.

Я знал, что она делает. Она прощалась со своим домом и окружающими его величественными круглыми холмами. Несколько лет назад дон Хуан научил меня этому прощальному жесту. Он подчеркивал, что это очень мощный жест

и воин должен использовать его экономно. Я воспользовался им всего дважды.

Прощальное движение Ла Горды несколько отличалось от того, которому учил меня дон Хуан. Он говорил, что руки складывают как при молитве, либо осторожно, либо с большой скоростью, в каждом случае схлопывая ладони. В обоих вариантах хлопок должен был уловить ощущение, которое воин не хотел забыть. Когда сложенные руки захватили это ощущение, их с большой силой направляли к груди на уровне сердца. Там это движение становилось «кинжалом» и воин вонзал его в себя, как бы держа обеими руками.

Дон Хуан говорил мне, что воин так прощается лишь в том случае, когда у него есть основания считать, что он может не вернуться назад.

Прощание Ла Горды захватило меня.

— Ты прощаешься? — спросил я из любопытства.

— Да, — сухо ответила она.

— Ты не прикладываешь руки к груди?

— Это делают мужчины. У женщин есть матка. Они накапливают ощущения там.

— Ты учитываешь, что так прощаются только тогда, когда знают, что могут не вернуться назад?

— Может, я и не вернусь, — ответила она. — Но все равно я еду с тобой.

Я почувствовал прилив непонятной печали, непонятной потому, что я совсем не знал этой женщины. На ее счет у меня было множество сомнений и подозрений. Но, посмотрев в ее чистые глаза, я почувствовал свою родственную близость с ней. Я смягчился. Мой гнев исчез и уступил место странной печали. Оглядевшись я понял, что эти огромные круглые таинственные холмы разрывают меня на части.

— Эти холмы — живые, — сказала она, прочитав мои мысли.

Повернувшись к ней я сказал, что и местность, и женщины повлияли на меня на каком-то очень глубоком уровне, — уровне, которого я в обычных условиях не достигал. Я даже не мог сказать, что действовало более опустошительно — местность или женщины. Атаки женщин были прямыми и ужасающими, но эти холмы вызывали постоянное, неотступное опасение, желание спастись от них бегством. Когда я рассказал об этом Ла Горде, она отметила, что я очень точно определил эффект этого места, и что Нагваль оставил их здесь именно поэтому. Я никого не должен винить в случившемся, так как сам Нагваль приказал этим женщинам попытаться уничтожить меня.

— И тебе тоже он отдал подобный приказ? — спросил я.

— Нет. Я отличаюсь от них, — сказала она. — Они — сестры. Они — одно и то же, в точности одно и то же. Так же как Паблито, Нестор и Бениньо — одно и то же. Только ты и я можем быть одним и тем же. Сейчас это не так, потому что ты еще не полный. Но однажды мы станем одним и тем же, в точности одним и тем же.

— Мне сказали, что ты — единственная, кто знает, где Нагваль и Хенаро сейчас, — сказал я.

Внимательно посмотрев на меня, она утвердительно кивнула.

— Это верно, — сказала она. — Я знаю, где они. Нагваль велел мне взять тебя туда, если я смогу.

Я предложил ей не ходить вокруг да около, а немедленно открыть мне их точное местонахождение. Казалось, мое требование ошеломило ее. Извинившись, она заверила меня, что расскажет все позже, в дороге. Она умоляла не расспрашивать о них, так как получила строгие указания ничего не говорить до наступления подходящего момента.

Лидия и Хосефина подошли к двери и уставились на меня. Я поспешно забрался в машину. Когда Ла Горда садилась следом, было похоже, что она входила в пещеру. Она словно заползала в нее. Дон Хуан обычно поступал так же. Однажды я сказал ему, что разумнее было бы делать это так, как делаю я. Я полагал, что этот странный способ садиться связан с его отношением к автомобилю. Он объяснил мне, что машина является пещерой и что в пещеры

следует входить именно так, если мы намерены пользоваться ими. Пещерам, естественным или искусственным, присущ особый дух и к этому духу следует приближаться с почтением. Вползание — единственный способ показать это почтение.

Я колебался, можно ли спросить Ла Горду о том, не дон Хуан ли рассказал ей о таких деталях, но она заговорила первой. Она сказала, что Нагваль дал ей специальные инструкции на случай, если я останусь в живых после атаки доньи Соледад и трех девушек. Затем она вскользь заметила, что перед поездкой в Мехико мы должны побывать в одном особом месте в горах, куда обычно ходили дон Хуан и дон Хенаро. Там она и сообщит мне информацию, которую Нагваль никогда прежде мне не открывал.

Мгновение я колебался, а затем что-то во мне, не имевшее отношения к разуму, заставило меня согласиться поехать в горы. Мы ехали в полном молчании. Я несколько раз пытался завязать разговор, но она каждый раз останавливала меня энергичным жестом. Наконец она устала от моих попыток и с нажимом сказала: то, что она должна сообщить, будет сказано только на месте силы и мы, пока не доедем туда, должны воздерживаться от опустошающих бесполезных разговоров.

После долгой езды и утомительной ходьбы в сторону от дороги мы, наконец, достигли места силы. Было уже далеко за полдень. Мы очутились в глубоком каньоне. На дне его было уже темно, хотя солнце еще освещало вершины гор над ним. Мы подошли к неглубокой пещере, которая находилась на северной стороне пролегавшего с востока на запад каньона. Я хорошо знал это место. Обычно мы с доном Хуаном проводили здесь много времени.

Перед тем, как войти в пещеру, Ла Горда тщательно подмела пол ветками, как это обычно делал и дон Хуан, очищая камни от клещей. Затем она нарезала большую охапку веточек с мягкими листьями с окружающих кустов и разложила их на каменном полу в качестве подстилки.

Она жестом пригласила меня войти. Из уважения я всегда пропускал вперед дона Хуана. То же я хотел сделать и по отношению к ней, но она отклонила мое предложение, сказав, что Нагваль — я. Я вполз в пещеру так же, как она вползала в машину и засмеялся над своей непоследовательностью. Мне казалось нелепым обращаться с машиной как с пещерой.

Она предложила мне расслабиться и устроиться поудобнее.

— Причина, по которой Нагваль не мог раскрыть тебе все свои секреты, заключается в том, что ты не полный, — внезапно сказала она. — И ты все еще остаешься таким, но сейчас, после схваток с доньей Соледад и сестричками ты стал гораздо сильнее.

— Что значит быть неполным? Все говорят, что только ты можешь объяснить это, — сказал я.

— Это очень просто, — ответила она. — Полный человек — это тот, кто никогда не имел детей.

Она сделала паузу, как бы давая мне время записать сказанное. Я поднял глаза от своих заметок. Она внимательно смотрела на меня, оценивая эффект от своих слов.

— Я знаю, что Нагваль говорил тебе то же, что говорю я, — продолжала она, — но ты не обратил внимания на его слова, как, думаю, не обратишь и теперь.

Я вслух прочел то, что записал, и повторил сказанное. Она хихикнула.

— Нагваль сказал, что неполный человек — это человек, у которого есть дети, — раздельно, словно диктуя, сказала она.

Она внимательно посмотрела на меня, ожидая вопроса или замечания. Я молчал.

— Теперь я рассказала тебе все о том, что значит быть полным и неполным, — продолжила она. — И я рассказала тебе это точно так же, как мне — Нагваль. Это не имело никакого значения для меня тогда, как не имеет никакого значения для тебя сейчас.

Я невольно рассмеялся над тем, как она копирует дона Хуана.

— У неполного человека дыра в животе. Маг может видеть эту дыру так же ясно, как ты видишь мою голову. Когда дыра находится с левой стороны

живота, то ребенок, который произвел эту дыру, имеет тот же пол. Если же она находится справа, то ребенок противоположного пола. Дыра слева — черная, справа — бурая.

— Ты можешь «видеть» эту дыру у имеющих детей?

— Конечно. Есть два способа видеть ее. Маг может видеть или в сновидении, или непосредственно глядя на человека. Маг, который видит, смотрит на светящееся существо и без всякого труда определяет, есть ли дыра в светимости тела. Но даже если маг не знает, как это делать, он может посмотреть и различить темноту дыры через одежду.

Она остановилась. Я уговаривал ее продолжать.

— Нагваль говорил мне, что ты записываешь, но потом не помнишь того, что записал, — сказала она обвиняющим тоном.

Я запутался в словах, пытаясь оправдаться. Но я знал, что сказанное ею было правдой. Слова дона Хуана всегда оказывали двойное воздействие: одно — когда я слушал что-то впервые, и другое — когда я читал дома то, что записал, а потом забыл.

Однако разговор с Ла Гордой был принципиально иным. У учеников дона Хуана не было бесконечной глубины его знания. Их откровения, хотя и необычные, были лишены чего-то существенного и оставались лишь составными частями головоломки. Из-за необычного характера этих фрагментов картина не становилась более ясной, но только сильнее запутывалась.

— У тебя была бурая дыра с правой стороны живота, — продолжала она. — Это значит, что тебя опустошила женщина. У тебя есть ребенок женского пола.

— Ты сказала, «была дыра». У меня ее больше нет?

— Нет. Она была залатана. Нагваль помог тебе залатать ее. Без его помощи ты был бы сейчас еще более пустым.

— Что такое эта заплата?

— Латка в твоей светимости. Я не знаю, как еще объяснить это. Нагваль сказал, что маг его уровня может в любой момент заполнить эту дыру. Но это заполнение — только латка без светимости. Любой, кто видит, или сновидящий может сказать, что это выглядит как заплата свинцового цвета на желтой светимости остального тела.

Нагваль залатал тебя, меня и Соледад. Но он предоставил нам самим восстановить свою светимость.

— Как он залатал нас?

— Он — маг. Он что-то вложил в наши тела. Он изменил нас. Мы больше не такие, как прежде. Заплата — это то, что он вложил туда.

— Как он вложил это туда, и что это такое?

— Его собственная светимость. Он сделал это своей рукой. Он просто проник в наши тела и оставил там свои волокна. Он сделал это со всеми своими шестью детьми и с Соледад. Все мы — одно и то же, кроме Соледад. Она совсем другая.

Ла Горда, казалось, не хотела продолжать. Она заколебалась и начала запинаться.

— Что представляет собой донья Соледад? — настаивал я.

— Это очень трудно объяснить, — сказала она после длительных уговоров. — Она такая как и я, и все-таки другая. Она имеет ту же светимость и все же она не с нами. Она идет в противоположном направлении. Сейчас она больше всего похожа на тебя. Вы оба имеете заплаты, напоминающие свинец. Моя заплата исчезла и я снова — полное светящееся яйцо. Поэтому я и сказала, что ты и я будем совершенно одинаковыми в тот день, когда ты снова станешь полным. Нас делает в данный момент почти одинаковыми светимость Нагваля, одинаковое направление и еще то, что мы оба были пустыми.

— Как выглядит полный человек для мага? — спросил я.

— Как светящееся яйцо, состоящее из волокон, — ответила она. — Все волокна — целые. Тогда они выглядят как струны, туго натянутые струны.

У пустого человека на краях дыры волокна оборваны. Если у него много детей, его волокна вообще не похожи на волокна. Эти люди выглядят как два разделенных чернотой куска светимости. Это ужасное зрелище. Нагваль заставлял меня видеть таких людей, когда мы с ним были в городском парке.

— Как ты думаешь, почему Нагваль никогда не говорил мне об этом?

— Он говорил, но ты никогда не понимал его правильно. Как только он видел, что ты неверно истолковываешь его слова, он менял тему. Твоя пустота препятствует пониманию. Нагваль сказал, что для тебя это совершенно естественно — не понимать, ведь когда человек становится неполным, он действительно опустошается, как тыква-горлянка, из которой вытряхнули содержимое. Ты не обращал внимания на частые напоминания дона Хуана о том, что ты — пустой. Ты никогда не понимал, что он имеет в виду, или, что еще хуже, — не хотел понимать.

Ла Горда ступила на опасную почву. Я попытался отвлечь ее другими вопросами, но она отклонила их.

— Ты любишь маленького мальчика и не хочешь понять, что Нагваль имеет в виду, — сказала она обвиняюще. — Нагваль сказал, что у тебя есть дочь, которую ты никогда не видел, и что ты любишь того маленького мальчика. Одна взяла твое острие, другой — захватил тебя. Ты соединил их вместе.

Мне пришлось прекратить записывать. Я вылез из пещеры, встал и начал спускаться по крутому склону на дно лощины. Ла Горда следовала за мной. Она спросила меня, не расстроился ли я из-за ее прямоты. Мне не хотелось лгать.

— А как ты думаешь?

— Ты прямо кипишь! — воскликнула она и захихикала с такой знакомой мне непринужденностью дона Хуана и дона Хенаро.

Видимо, она едва не потеряла равновесие и схватилась за мою левую руку.

Чтобы помочь ей спуститься на дно лощины, я поднял ее за талию. Я отметил, что она весит не более ста фунтов. Поджав губы, как это обычно делал дон Хуан, она сказала, что весит сто пятнадцать фунтов. Мы одновременно рассмеялись. Это был момент прямого непосредственного общения.

— Почему ты все время пристаешь ко мне с этими разговорами? — спросила она.

Я рассказал ей, что когда-то был маленький мальчик, которого я безмерно любил. Мне казалось что я просто обязан поговорить о нем. Какая-то чрезвычайная необходимость выше моего понимания заставляла меня открыться этой совершенно чужой женщине.

Когда я начал рассказывать о мальчике, меня охватила волна ностальгии; то ли место так повлияло на меня, то ли ситуация, а может, время дня. Для меня как-то слились воедино память о мальчике с памятью о доне Хуане. Впервые за то время, что я не видел его, мне его смертельно не хватало. Лидия говорила, что они не тосковали о нем, так как он всегда был с ними. Он был их телом и духом. В это мгновенье я знал, что она имела в виду. То же чувствовал и я сам. Однако в этой лощине меня охватило неведомое мне прежде ощущение. Я сказал Ла Горде, что до сих пор ни разу не испытывал такой необходимости в доне Хуане. Она не ответила. Она смотрела вдаль.

По-видимому, ощущение тоски по этим двум людям было обусловлено тем катарсисом, которым стала в моей жизни встреча с каждым из них. И оба ушли. Я не осознавал до сих пор, насколько окончательным было это расставание. Я сказал Ла Горде, что этот мальчик был для меня больше чем другом, и в один день его отняли у меня силы, которые я не мог контролировать. Это было, пожалуй, самым сильным ударом который я когда-либо получал. Я поехал к дону Хуану просить о помощи. Это был единственный случай, когда я просил его помочь мне. Он выслушал мою просьбу, а затем разразился громким хохотом. Его реакция была столь неожиданной, что я не мог даже разгневаться. Я смог только сделать критическое замечание о том, что казалось мне бесчувственностью.

— Какого действия ты ждешь от меня? — спросил он.

Я сказал, что он как маг, по-видимому, может помочь мне вернуть моего

маленького друга ради моего утешения.

— Ты не прав. Воин ничего не ищет для утешения, — сказал он тоном, не допускающим возражений.

Затем он занялся разгромом моих аргументов. Он сказал, что воин в любом варианте ничего не должен отдавать на волю случая. Воин действительно влияет на результаты событий силой своего осознания и своего несгибаемого намерения. Он сказал, что если бы у меня было несгибаемое намерение помогать этому ребенку и защищать его, я бы принял меры, предусматривающие его пребывание со мной. Но в своем нынешнем виде моя любовь является всего лишь пустым звуком, бесполезной вспышкой пустого человека. Затем он сказал что-то о пустоте и полноте, но я не хотел слушать его. У меня было только чувство утраты. И я был уверен, что пустота, о которой он говорил, относилась именно к этому чувству.

— Ты любил его, ты чтил его дух, ты желал ему блага, а теперь ты должен забыть его, — сказал он.

Но я был не в состоянии поступить так. В моих эмоциях оставалось что-то ужасно живое, несмотря на время, смягчающее их. Некоторое время мне казалось, что я забыл, но затем одно ночное происшествие произвело во мне глубочайший эмоциональный переворот. Я шел к себе в офис, как вдруг меня окликнула молодая мексиканка. Она сидела на скамье в ожидании автобуса и спросила, не идет ли этот автобус мимо детской больницы. Я не знал. Она объяснила, что у ее малыша давно высокая температура и она очень беспокоится, так как у нее нет денег на лечение. Я подошел к скамейке и увидел стоявшего чуть поодаль маленького мальчика, который прислонился головой к спинке скамейки. Он был одет в курточку, короткие штанишки и шапочку. Увидев меня, он подошел к краю скамейки и прижался головой к моей руке.

— У меня головка болит, — сказал он мне тихо по-испански.

У него был такой тоненький голос и такие печальные глаза, что меня охватила волна бесконечной жалости. Я взял его на руки и отвез его и его мать в ближайшую больницу. Я оставил их там и дал матери достаточно денег, чтобы оплатить счет. Но мне не хотелось ни оставаться, ни узнавать что-либо о них.

Мне хотелось верить, что я чем-то помог ему, и сделав это, я «отплатил человеческому духу». Я научился этому магическому акту у дона Хуана. Однажды я, потрясенный внезапным осознанием, что никогда не смогу отплатить ему за все, что он сделал для меня, спросил его: «Есть ли что-нибудь такое, что я мог бы сделать для тебя, чтобы сравнять счет?» Мы как раз выходили из банка после размена мексиканской валюты.

— Я не нуждаюсь в том, чтобы мне платили, — сказал он, — но если тебе так хочется отплатить, сделай свой вклад в человеческий дух. Это может быть очень немного, но сколько бы ты ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

Помогая этому ребенку, я попытался отплатить человеческому духу за любую помощь, какую мой маленький мальчик сможет получить от других людей на своем пути.

Я говорил Ла Горде, что моя любовь к нему будет жива всю мою жизнь, пусть даже я никогда не увижу его больше. Мне хотелось объяснить ей, что память о нем коренится так глубоко, что ничто не может коснуться ее, но почему-то я промолчал. Становилось темно, а мне хотелось успеть выбраться из этой лощины.

— Давай-ка лучше уедем, — сказал я. — Я отвезу тебя домой. Может, когда-нибудь мы сможем обсудить все это.

Она засмеялась надо мной так, как обычно смеялся дон Хуан, хотя я, кажется, не сказал ничего смешного.

— Почему ты смеешься, Ла Горда? — спросил я.

— Ты прекрасно знаешь, что мы не можем уйти отсюда просто так, — сказала она. — У тебя здесь назначено свидание с силой. Да и у меня тоже.

Она вернулась к пещере и вползла в нее.

— Заходи, — сказала она изнутри. Все равно у тебя нет возможности сейчас покинуть это место.

Моя реакция была совершенно непоследовательной. Я вполз в пещеру и сел рядом с ней. Было ясно, что это опять какая-то уловка, но мне вовсе не хотелось вступать с ней в конфронтацию именно здесь. Мне следовало бы впасть в ярость, но вместо этого мной овладело безразличие. Я не мог лгать самому себе, что просто остановился здесь по пути в Мехико. Что-то свыше моего понимания заставило меня приехать сюда.

Ла Горда вручила мне мой блокнот и предложила записывать. Она сказала, что если я буду писать, то не только сам расслаблюсь, но и успокою ее.

— Что это за свидание с силой? — спросил я.

— Нагваль сказал мне, что мы с тобой должны встретиться с чем-то из этих мест. Сначала у тебя была встреча с Соледад, затем с сестричками. Их целью было уничтожить тебя. Но Нагваль сказал мне, что если после их нападений ты останешься в живых, я должна буду взять тебя сюда, чтобы мы вместе оставались здесь для третьей встречи.

— Что это за встреча?

— Я на самом деле не знаю этого. Как и все остальное, это зависит от нас. Как раз теперь что-то ожидает тебя в этих местах. Я утверждаю, что оно ждет именно тебя, так как я приходила сюда одна много раз, и ничего не случалось. Но сегодня вечером все иначе. Ты здесь и эта штука придет.

— Но почему Нагваль пытается уничтожить меня?

— Да не пытается он никого уничтожать! — протестующе воскликнула Ла Горда. — Ты — его дитя. А теперь он хочет, чтобы ты был им самим. В большей степени, чем любой из нас. Но чтобы быть им самим, настоящим Нагвалем, ты должен проявить свою силу. Иначе он не готовил бы так тщательно нападение на тебя Соледад и сестричек. Он научил Соледад, как изменить свою внешность и стать молодой. Он заставил ее сделать этот дьявольский пол в ее комнате, пол, против которого не смог бы устоять никто. Видишь ли, Соледад пустая, так что Нагваль вдохновил ее сделать нечто грандиозное. Он дал ей самое опасное и трудное задание, уникальное, предназначенное только для нее, и это задание было — прикончить тебя Он объяснил ей, что нет ничего труднее, чем одному магу убить другого.

Обычному человеку нетрудно убить мага, как и магу — обычного человека, но в случае с двумя магами ситуация необозримо трудна. Нагваль сказал, что лучше всего было бы застать тебя врасплох и напугать. Это она сделала. Еще Нагваль подучил ее стать привлекательной и заманить тебя в свою комнату, а уж там ее пол околдовал бы тебя, потому что никто, решительно никто не смог бы противостоять этому полу. Это был шедевр Нагваля и Соледад. Но ты что-то сделал с ее полом! После этого Соледад пришлось изменить тактику, и опять же в соответствии с инструкциями Нагваля. Он сказал ей, что если вдруг что-то не удастся, то она должна говорить с тобой и рассказать тебе все, что бы ты ни захотел узнать. И Нагваль в качестве последнего ресурса научил ее очень хорошо разговаривать. Но и в этом Соледад не смогла тебя пересилить.

— Почему так важно было одолеть меня?

Она сделала паузу и внимательно посмотрела на меня. Потом она прочистила горло и села прямо. Взглянув на низкий потолок, она с шумом выдохнула через нос.

— Соледад — женщина, подобная мне самой. Я расскажу тебе немного о своей жизни, и тогда, может быть, ты лучше поймешь Соледад.

Когда-то у меня был мужчина. Я забеременела от него, когда была еще очень молодой, и у меня появились одна за другой две дочери. Этот человек был пьяницей и бил меня днем и ночью. Моя жизнь была адом. Я ненавидела его, а он — меня. Я стала жирной, как свинья. Как-то раз мимо проходил другой мужчина; он сказал, что я понравилась ему, и он хочет, чтобы я поехала с ним в другой город в качестве платной служанки. Он знал, что я была очень трудолюбивой, и собирался просто использовать меня. Но моя жизнь была настолько убогой, что я попалась на эту удочку и пошла с ним. Он был еще хуже первого — подлый и мерзкий. Через неделю или около того он уже ненавидел меня. Он привык избивать меня так, что ты и представить не смог бы. Я думаю, что он мог бы убить меня, не будучи даже пьяным, только за то, что я не нашла работу. Он послал меня нищенствовать с больным ребенком. Из денег, что я приносила, он что-то платил матери ребенка, а потом бил меня за то, что я мало принесла. Ребенок все слабел и я знала, что когда он умрет, этот тип убьет меня. Поэтому однажды я пришла, к матери этого малыша, дала ей немного денег и вернула ей ее ребенка. Тот день был удачным: маленький сын заграничной леди дал мне пятьдесят песо на покупку лекарства для

ребенка.

Я прожила с этим ужасным человеком три месяца, хотя мне показалось — двадцать лет. Все деньги были потрачены на возвращение домой. Я снова была беременна. Тот мужчина хотел завести своего ребенка, чтобы не платить за чужого.

Вернувшись, я пыталась увидеть своих детей, но их забрала семья отца. Его родственники собрались под предлогом разговора со мной, но на самом деле они отвели меня на пустырь, избили камнями и палками, и оставили умирать.

Ла Горда показала мне множество шрамов на голове. — До сих пор не знаю, как мне удалось вернуться в город. Я потеряла ребенка, которого вынашивала. У меня никого не оставалось, кроме тетки. Мои родители уже умерли. Тетка дала мне кров и позаботилась обо мне. Она выхаживала меня два месяца и я наконец встала на ноги.

Однажды тетка сказала мне, что тот мужчина приехал в город и разыскивает меня. Он обратился в полицию и сказал, что уплатил мне деньги вперед и что я сбежала, украв деньги, после того, как убила ребенка одной женщины. Я знала, что мне пришел конец. Но удача вернулась ко мне, и я убежала на грузовике одного американца. Я увидела грузовик на дороге и в отчаянии подняла руку. Шофер остановился и разрешил мне сесть. Он привез меня в этот район Мексики и высадил в городе. Я никого здесь не знала. Я скиталась по этой местности как бешеная собака, питаясь отбросами на улицах. И тут судьба опять повернулась ко мне лицом.

Я встретила Паблито и перед ним я в неоплатном долгу. Он взял меня в свою плотницкую мастерскую и выделил мне там угол для постели. Он сделал это из жалости ко мне. Мы встретились на базаре, когда он споткнулся и упал на меня. Я сидела там, выпрашивая милостыню. Бабочка или пчела, не знаю что, налетела на него и попала ему в глаз. Он развернулся на пятках, споткнулся и полетел на меня. Я думала, что он разозлится и ударит меня, но вместо этого он дал немного денег. Я спросила, не сможет ли он дать мне работу. Он взял меня в свою мастерскую, дал утюг и гладильную доску, чтобы я могла зарабатывать стиркой.

Мне жилось очень хорошо, не считая того, что я еще больше растолстела,

потому что большинство людей, которых я обстирывала, кормили меня объедками. Иногда я ела по шестнадцать раз в день. Я постоянно что-то ела Уличные дети смеялись надо мной, дразнили и крались следом, пока кто-нибудь из них не толкал меня и я не падала. Они доводили меня до слез своими жестокими шутками, особенно когда пачкали мне белье.

Однажды поздно вечером какой-то странный старик пришел к Паблито. Я не думала, что Паблито может быть связан с таким жутким человеком. Повернувшись к нему спиной, я продолжала работать. Никого больше не было. Внезапно я почувствовала на шее ладони этого человека. Мое сердце замерло. Я не могла крикнуть, не могла даже дышать. Я упала, а этот ужасный старик держал мою голову около часа. Потом он ушел. Я была так напугана, что оставалась на полу до утра. Паблито нашел меня там; засмеявшись, он сказал, что я должна гордиться, так как этот старик — могучий маг и что он — один из учителей Паблито. Я была огорошена и не могла поверить, что Паблито — маг. Он объяснил мне, что его учитель увидел совершенный круг бабочек, летающих над моей головой. Он видел также мою смерть, кружившуюся вокруг меня. Именно поэтому он действовал с быстротой молнии, меняя направление моих глаз. Паблито сказал, что Нагваль возложил руки на меня и проник в мое тело и что скоро я буду другой. Я не понимала, о чем он говорит. Точно так же я не понимала и того, что же сделал этот безумный старик. Для меня это не имело никакого значения. Я была похожа на собаку, которую все пинали. Паблито единственный, кто был дружественным ко мне тогда. Сначала я думала, что он хочет, чтобы я стала его женщиной. Но я была слишком безобразная, толстая и вонючая. Поэтому он действительно был просто добр ко мне.

На следующую ночь тот старик пришел снова и опять схватил меня за шею. Он причинил мне ужасную боль. Я не понимала, что он делает. Он не произносил ни слова. Я смертельно боялась его. Позже он стал разговаривать со мной, объясняя, что делать с моей жизнью. Мне нравилось то, что он говорил. Он постоянно водил меня с собой, но моя пустота была страшным врагом. Я никак не могла принять его путей, и когда ему надоело возиться со мной, он наслал на меня ветер. Я была позади дома Соледад в тот день, когда почувствовала усиливающийся ветер. Он дул через забор и задувал мне глаза. Я хотела спрятаться в доме, но мое тело было напугано, и вместо того, чтобы войти в дверь, вышла через ворота в ограде. Ветер толкал меня и заставлял кружиться. Я пыталась вернуться, но это было невозможно, так как я не могла

одолеть силу ветра. Он гнал меня в сторону от дороги, пока я не упала в глубокую яму, похожую на могилу. Ветер держал меня там много дней, пока я не решила измениться, принять судьбу без сожалений. Когда ветер стих, Нагваль нашел меня и привел обратно. Он сказал мне, что моей задачей будет теперь отдавать то, чего я не имела — любовь и внимание и что я должна заботиться о сестрах — Лидии и Хосефине лучше, чем они сами о себе заботились. Только тогда я поняла то, что Нагваль говорил мне столько лет. Моя жизнь давно окончилась. Он дал мне новую жизнь. Я не должна была вносить в нее свои старые уродливые пути. В ту первую ночь, когда он нашел меня, на меня указали бабочки. Я не должна была восставать против своей судьбы.

Я начала меняться, заботясь о Лидии и Хосефине больше, чем о самой себе. Выполняя все указания Нагваля, однажды ночью, в этой лощине и в этой пещере я обрела свою полноту. Я заснула прямо на этом месте, а потом меня разбудил шум. Подняв глаза, я увидела себя прежней — стройной, цветущей, юной. Это был мой дух, возвращавшийся ко мне. Сначала он не хотел приближаться, ведь я была такой страшной. Но он не смог противиться и подошел ко мне. И внезапно я поняла то, что Нагваль объяснял мне многие годы. Он говорил, что если человек имеет ребенка, то этот ребенок забирает острие его духа. Для женщины — иметь девочку означает конец острия. Иметь двух, как я, означает конец меня Лучшие мои силы и иллюзии ушли к девочкам. Они похитили мое острие, как сказал Нагваль, так же, как я похитила его у своих родителей. Такова наша судьба. Мальчик похищает большую часть острия у отца, а девочка — у матери. Нагваль сказал, что люди, имеющие детей, могли бы сказать о себе (если бы они не были такими упрямыми), что в них чего-то не хватает. Ушли некоторая помешанность, некоторая нервозность, некоторая сила, бывшие раньше. У них всегда это было, но где это теперь? Нагваль сказал, что оно в маленьком ребенке, играющем возле дома, полном энергии, полном иллюзий. Другими словами, — просто полном.

Нагваль сказал, что если бы мы понаблюдали за детьми, то могли бы сказать о них, что они дерзновенные, отважные и вечно скачут. Если же мы понаблюдаем за родителями, то увидим, что они осторожные, пугливые, и больше не прыгают. Нагваль сказал, что мы объясняем это тем, что они взрослые и имеют обязанности. Но это неправда. Дело лишь в том, что они потеряли острие.

Я спросил Ла Горду, что ответил бы Нагваль, если бы я сказал ему, что знаю сколько угодно родителей, у которых гораздо больше и духа и острия, чем у их детей.

Она с наигранным смущением закрыла лицо руками и захихикала.

— Можешь спросить у меня, — сказала она. — Хочешь услышать мое мнение?

— Конечно, хочу.

— У этих людей больше решимости, а не духа, и они, постоянно запугивая своих детей, приучили их к послушанию и смирению.

Тогда я рассказал ей об одном человеке, отце четверых детей, который в пятьдесят три года полностью изменил свою жизнь. Он оставил свою жену и административную службу в большой корпорации — и это после двадцати пяти лет кропотливого продвижения по служебной лестнице и укрепления семьи. Он решительно бросил все и отправился жить на остров в Тихом океане.

— Ты хочешь сказать, что он отправился туда жить один? — удивленно спросила Ла Горда.

Она разрушила мой аргумент. Я вынужден был признать, что он отправился туда со своей двадцатипятилетней невестой.

— Которая, несомненно, была полной, — заметила Ла Горда.

И опять я был вынужден с ней согласиться.

— Пустой мужчина всегда использует полноту женщины, — продолжала Ла Горда. — Полная женщина опасна в своей полноте больше, чем мужчина. Она ненадежная, нервная, изменчивая, но при этом способна на большие перемены. Подобные женщины могут вскочить и отправиться в какое угодно место. Там они ничего не смогут сделать, но прежде всего потому, что они и не собираются ничего делать. Пустые люди не могут больше так прыгать, но зато они более надежны. Нагваль сказал, что пустые люди подобны гусенице,

которая оглядывается вокруг перед тем, как снова немного продвинуться, затем дают задний ход, затем снова немного продвигаются вперед. Полные люди всегда скачут, кувыркаются и почти всегда приземляются на голову, но им на это наплевать.

Нагваль утверждал: для того, чтобы войти в другой мир, надо быть полным. Чтобы быть магом, надо иметь всю свою светимость, — никаких дыр, никаких заплат — и все свое острие. Мужчина ты или женщина, но ты должен восстановить свою полноту, чтобы войти в другой мир там, вовне. В ту вечность, где теперь Нагваль и Хенаро ждут нас.

Она замолчала и длительное время пристально смотрела на меня. Было достаточно светло, чтобы писать.

— Но как ты восстановила свою полноту? — спросил я.

При звуке моего голоса она подскочила. Я повторил свой вопрос. Прежде чем ответить мне, она взглянула на свод пещеры.

— Я вынуждена была отказаться от своих девочек, — сказала она. — Нагваль объяснил мне, как сделать это; он объяснял и тебе, но ты не захотел слушать. Он сказал, что надо похитить острие обратно. Мы его трудным путем получили, похитив его, говорил он, и мы должны восстановить его тем же путем. Это на самом деле очень трудный путь.

Он вел меня к тому, чтобы сделать это; и в первую очередь мне необходимо было отказаться от любви к своим двум детям. Я должна была сделать это в сновидении. Шаг за шагом я училась не любить их, но Нагваль сказал, что это бесполезно. Надо научиться еще и не заботиться о детях. Когда эти девочки перестали что-либо значить для меня, я должна была увидеть их снова. Я должна была, мягко поглаживая их по голове, позволить своей левой стороне вытащить у них острие.

— И что же случилось с ними потом?!

— Ничего. Они ничего не почувствовали и ушли домой. Теперь они похожи на взрослых. Пустые, как и большинство людей вокруг. Они не любят детских компаний, потому что им они не нужны. Я бы сказала, — они стали лучше. Я

отняла их ненормальность. Они не нуждаются в ней, а я нуждаюсь. Я не знала, что делала, когда наградила их ею. Кроме того, в них есть острие отца. Нагваль был прав, никто не заметил потери, я же заметила свое приобретение. Когда я выглянула из пещеры, то увидела все свои иллюзии, выстроенные в ряд, как солдатская шеренга. Мир был ярким и новым. Тяжесть тела и духа исчезла, и я и стала совершенно новым существом.

— Ты знаешь, как ты взяла острие у своих детей?

— Они не мои дети! Я никогда не имела никаких детей. Посмотри на меня.

С этими словами она вылезла из пещеры и задрала юбку, показывая мне свое обнаженное тело. Прежде всего я заметил, какая она стройная и мускулистая.

Она заставила меня подойти поближе и осмотреть ее. Ее тело было худым и твердым, и можно было подумать, что у нее никогда не было детей. Она поставила свою правую ногу на камень и показала мне влагалище.

Она слишком старалась, и мне пришлось рассмеяться, чтобы скрыть нервозность. Я сказал, что я не доктор и не мне судить, но, очевидно, она права.

— Конечно, права, — сказала она, заползая обратно в пещеру. — Никто никогда не выходил из этой матки.

После минутной паузы она вдруг ответила на забытый мною под впечатлением ее демонстрации вопрос.

— Моя левая сторона просто взяла свое острие обратно, — сказала она. — Я всего лишь пошла и навестила своих девочек. Чтобы почувствовать себя с ними легко, я ходила туда пять или шесть раз. Они выросли и уже ходили в школу. Я думала, что придется бороться с собой, чтобы отказаться от любви к ним. Но Нагваль сказал, что это не имеет значения и я могу их любить, если мне так хочется. И я любила. Но моя любовь к ним была любовью постороннего человека. Мой ум был подготовлен, мой замысел — несгибаем. Для того, чтобы осуществить его, мне нужно было все острие моего духа. Мне нужна моя полнота. Ничто не может помешать достичь мне того мира. Ничто!

Она вызывающе уставилась на меня.

— И ты, если стремишься к полноте, должен отказаться от обоих — от женщины, опустошившей тебя, и от маленького мальчика, забравшего твою любовь. От женщины ты можешь отказаться легко. Маленький мальчик — это совсем другое. Неужели ты думаешь, что твоя бесполезная привязанность к этому ребенку настолько важна, что стоит входа в ту сферу?

Мне нечего было сказать. И не потому, что мне надо было обдумать ответ. Просто я был в полном замешательстве.

— Соледад, если она хочет войти в нагваль, должна отнять свое острие у Паблито, — продолжала она. — Как черт возьми, она собирается сделать это? Паблито, как бы ни слаб он был, все-таки маг. Но Нагваль дал Соледад уникальную возможность. Он сказал, что у нее будет единственный шанс сделать это, когда ты войдешь в дом.

Ради этого мгновения он и заставил нас переехать в другой дом. Но сначала мы должны были выровнять тропу к дому, чтобы ты мог беспрепятственно подъехать на машине к самой двери. Он сказал ей, что если она будет жить безупречно, то сможет захватить тебя и высосать светимость, оставленную в твоем теле Нагвалем. Ей совсем не трудно было бы сделать это. Она идет в другом направлении и могла бы выжать тебя досуха. Величайшим искусством для нее было довести тебя до полной беспомощности.

Если бы она убила тебя, твоя светимость увеличила бы ее силу. И тогда она явилась бы за нами. Я была единственной, кто знал об этом. Лидия, Роза и Хосефина любят ее. Я — нет. Я знала ее замыслы. Она взяла бы нас в подходящий момент одну за другой, так как ей нечего было терять, а приобрести она могла все. Нагваль сказал, что для нее нет другого пути. Он вверил мне девушек и объяснил, что делать, если Соледад придет за нашей светимостью. Он рассчитывал, что у меня есть шанс спасти себя и, возможно, одну из трех девушек.

Понимаешь, Соледад совсем неплохая женщина, просто она делает то, что должен делать безупречный воин. Сестрички любят ее больше, чем своих собственных матерей. Она — настоящая мать для них. Нагваль сказал бы, что в этом и состоит ее преимущество. Что бы я ни делала, я не в состоянии

оттолкнуть от нее сестричек. Так что, убив тебя, она бы потом взяла минимум двух из этих доверчивых дурочек. Без тебя Паблито стал бы ничем. Она могла бы раздавить его, как клопа. И тогда со всей полнотой и силой она вошла бы в тот мир. Будь я на ее месте, я бы, наверное, действовала точно так же.

Как видишь, для нее это было все или ничего. Когда ты появился в первый раз, все ушли. Это казалось концом для тебя и кого-то из нас. Но это стало концом для нее и шансом для сестер. Когда я уже знала, что ты одержал верх, я сказала трем девушкам, что теперь — их черед. Нагваль говорил, что они должны ждать утра, чтобы захватить тебя врасплох. Он рассказал, что для тебя утро — самое плохое время. Он приказал мне оставаться в стороне и не мешать сестрам, но явиться, если ты попытаешься причинить вред их светимости.

— Они тоже собирались убить меня?

— Ну да. Ты являешься мужской стороной их светимости. Их полнота временами бывает их недостатком. Нагваль правил ими железной рукой и уравновешивал их. Но теперь, когда он ушел, у них нет уравновешивающего фактора. Твоя светимость могла бы сделать это для них.

— А как насчет тебя, Горда? Ты тоже планируешь прикончить меня?

— Я уже сказала тебе, что я — другая. Я уравновешена. Моя пустота, бывшая раньше недостатком, теперь стала моим преимуществом. Когда маг восстанавливает свою полноту, он уравновешен, тогда как магу, всегда бывшему полным, равновесия явно недостает. Таким был Хенаро. Нагваль был уравновешен, ведь он был пустым, как и ты, но в большей степени, чем ты и я, вместе взятые. У него было три сына и одна дочь. Сестричкам, подобно Хенаро, недостает уравновешенности. Часто настолько сильно, что они не знают меры.

— А как же я, Горда? Я что, тоже должен действовать в этом духе?

— Нет. Отнять твою светимость — это годилось только для них. Тебе не извлечь пользы из чьей-либо смерти. Нагваль оставил тебе особую силу, какого-то особого рода равновесие, которого нет ни у одного из нас.

— Могут ли они научиться такому равновесию?

— Безусловно, могут. Но это не имеет отношения к заданию, которое они должны были выполнить. Им нужно было похитить твою силу. Для этого они стали настолько едиными, что сейчас являются практически одним существом. Они тренировали себя, чтобы выпить твою светимость, как стакан содовой. Нагваль научил их быть обманщиками высшего класса, особенно Хосефину. Она устроила для тебя несравненный спектакль. По сравнению с их искусством игра Соледад была детским лепетом. Она неотесанная женщина, сестрички же — настоящие маги. Две из них завоевали твое доверие, а третья привела в шоковое состояние и сделала тебя беспомощным. Они разыграли свое представление в совершенстве. Ты полностью включился в него — и чуть не погиб. Единственным их слабым местом было то, что ты прошлой ночью повредил, а затем излечил светимость Розы; это сделало ее нервной. Если бы не ее нервозность, из-за чего она и покусывала твой бок так сильно, у тебя сейчас не было бы шансов находиться здесь. Я видела все из-за двери и вошла в тот самый момент, когда ты был готов стереть их в порошок.

— Как я мог уничтожить их?

— Откуда я знаю? Я — не ты.

— Но ты ведь видела, что я делал?

— Я видела дубля, выходящего из тебя.

— Как он выглядит?

— Он выглядит как и ты, как же еще? Но он был очень большой и грозный. Твой дубль убил бы их. Поэтому я вошла и вмешалась. Мне потребовалась вся моя сила, чтобы успокоить тебя. Сестрички были беспомощны. А ты был яростным и неистовым. Ты изменял цвета прямо перед ними. Один цвет был особенно неистовым и устрашающим. Я даже испугалась, что ты заодно убьешь и меня.

— Какой это был цвет, Горда?

— Белый, какой же еще? Дубль — белый, желтовато-белый, как солнце.

Я уставился на нее. Ее улыбка стала какой-то новой.

— Да, — продолжала она. — Мы являемся кусочками солнца. Именно поэтому мы — светящиеся существа. Но наши глаза не могут видеть эту светимость, так как она очень тусклая. Только глаза мага могут видеть ее, а это приходит после целой жизни борьбы.

Ее откровение было для меня полным сюрпризом. Я попытался собраться с мыслями, чтобы задать подходящий вопрос.

— Нагваль говорил тебе что-нибудь о солнце? — спросил я наконец.

— Да. Все мы подобны солнцу, только очень, очень тусклые. Наш свет слишком слаб, но это — свет.

— Но, может быть, он говорил, что солнце является нагвалем? — упорно настаивал я.

Ла Горда не ответила. Она почмокала губами, по-видимому, соображая, как лучше ответить. Я ожидал ответа, готовый записать его. После долгой паузы она выползла из пещеры.

— Я покажу тебе мой тусклый цвет, — сказала она, как само собой разумеющееся.

Она подошла к центру узкой лощины позади пещеры и присела на корточки. С моего места не было видно, что она делает, так что пришлось выбираться из пещеры. Она засунула руки под юбку, по-прежнему сидя на корточках. Внезапно она встала. Ее руки были неплотно сжаты в кулаки. Она подняла их над головой и щелкнула пальцами, открывая их. Я услышал резкий звук, словно что-то лопнуло, и увидел искры, вылетающие из ее пальцев. Я был вынужден запрокинуть голову вверх, чтобы видеть их на фоне тусклого неба. Они выглядели как длинные нити красноватого цвета. Спустя некоторое время они гасли и исчезали.

Она снова присела на корточки, и когда позволила своим пальцам разжаться, из них эманировала удивительная серия огней. Небо заполнилось множеством

лучей света. Это было очаровывающее зрелище. Я был так поглощен им, что не обращая внимания на Ла Горду смотрел на огни. Услышав внезапный выкрик, я взглянул на нее как раз вовремя, чтобы увидеть, как она ухватилась за одну из созданных ею линий и оказалась на самом верху каньона. Мгновение она висела, как темная гигантская тень на фоне неба, а затем рывками или небольшими скачками, как бы скатываясь на животе вниз по лестнице, опустилась по воздуху на дно лощины.

Внезапно я увидел, что она стоит надо мной, и только тогда понял, что сижу. Я встал. Она была мокрой от пота и изо всех сил пыталась восстановить дыхание. Говорить она не могла. Ее трясло. Я не смел прикоснуться к ней. Наконец она успокоилась настолько, что смогла вернуться в пещеру. Несколько минут она отдыхала.

Она действовала так быстро, что я едва успел осознать происходящее. Во время демонстрации я чувствовал невыносимую щекочущую боль чуть ниже пупка. Хоть я и не затратил никаких физических усилий, но тоже задыхался.

— Я думаю, пора идти на свидание, — сказала она, переводя дыхание. — Мой полет открыл нас обоих. Ты почувствовал мой полет своим животом, а значит — ты открыт и готов встретить четыре силы.

— О каких силах ты говоришь?

— О четырех союзниках Нагваля и Хенаро. Ты их видел. Сейчас они освободились от горлянок Нагваля и Хенаро. Одного из них ты слышал прошлой ночью возле дома Соледад. Они ждут тебя. В сумерках они станут неудержимы. Один из них пошел за тобой в дом Соледад даже в дневное время. Эти союзники принадлежат теперь нам обоим. Каждый из нас возьмет по два. Я не знаю как, но Нагваль сказал, что мы должны сделать это сами.

— Погоди-погоди! — воскликнул я.

Она не позволила говорить, мягко прикрыв мне рот рукой. Меня начал охватывать дикий ужас. В прошлом я уже сталкивался с какими-то необъяснимыми феноменами, которых дон Хуан и дон Хенаро называли своими «союзниками». Их было четверо, и все они были сущностями такими же реальными, как и все в этом мире. Их присутствие было настолько

потрясающим, что при каждом столкновении с ними у меня появлялось ощущение безмерного ужаса. В первый раз я встретился с союзником дона Хуана: это была темная прямоугольная масса от восьми до девяти футов высотой и четырех-пяти — в ширину. Она двигалась с сокрушительной тяжестью огромного валуна и дышала так тяжело, что это напоминало шум кузнечных мехов. Я всегда сталкивался с ней ночью, в темноте. Мне она казалась похожей на дверь, которая двигалась, переваливаясь сначала на один угол, а потом на другой.

Второй был союзником дона Хенаро. Это был длиннолицый, лысый, необычайно высокий пылающий человек с толстыми губами и огромными горящими глазами. Он всегда был одет в штаны, слишком короткие для его ног.

Я неоднократно видел этих двоих, находясь вместе с доном Хуаном и доном Хенаро. Вид их неизменно вызывал во мне неприятное разъединение разума и восприятия. С одной стороны, у меня не было никакого разумного основания верить, что происходящее со мной действительно реально, а с другой — никакой возможности отбросить подлинность моего восприятия.

Так как они появлялись только в присутствии дона Хуана и дона Хенаро, я относил их на счет того могучего влияния, которое эти два человека оказывали на меня. Мне казалось, что дело в моей внушаемости, или же в том, что дон Хуан и дон Хенаро владели силами, называемыми ими союзниками, силами, способными показываться мне как эти условные сущности.

Особенностью союзников было то, что они никогда не позволяли мне тщательно исследовать их. Я неоднократно пытался фиксировать на них нераздельное внимание, но всякий раз испытывал головокружение и раздвоение.

Два других союзника были неуловимы. Я видел их только однажды — гигантского черного ягуара с горящими желтыми глазами и громадного хищного койота. Эти звери были невероятно агрессивными и смертельно опасными. Ягуар был союзником дона Хуана, койот — дона Хенаро.

Ла Горда выползла из пещеры. Я последовал за ней. Она повела меня за собой. Мы вышли из лощины и достигли длинной каменистой равнины.

Остановившись, она пропустила меня вперед. Я сказал, что если она мне предоставит возможность вести, то я приведу нас к машине. Она утвердительно кивнула и прижалась ко мне. Я чувствовал ее прохладную кожу. Похоже, она была сильно возбуждена. До места, где мы оставили машину, было около мили и нам предстояло пересечь пустынную каменистую равнину. Дон Хуан как-то показал мне скрытую тропу среди больших валунов. Тропа проходила практически по подножью горы, примыкавшей с востока к равнине. Я направился к ней. Меня вело какое-то непонятное побуждение. Иначе бы я вернулся назад тем же путем, по которому мы пришли сюда.

Ла Горда, казалось, чувствовала что-то угрожающее. Она вцепилась в меня. Глаза ее были дикими.

— Мы правильно идем? — спросил я.

Не отвечая, она стащила шаль и скрутила ее как толстую веревку. Она опоясала ею меня, потом, скрестив концы, обернула их вокруг себя и завязала в узел. Таким образом мы оказались связанными поясом в виде восьмерки.

— Зачем ты это делаешь?

Она встряхнула головой. Зубы ее стучали, она не могла произнести ни слова. Видимо, она была предельно испугана. Она подталкивала меня, чтобы я продолжал идти. С удивлением я обнаружил, что сам перепуган до потери сознания.

Когда мы достигли высоко проходящей тропинки, на мне стало сказываться физическое напряжение. Я запыхался и мне пришлось дышать ртом. Я видел контуры больших валунов. Луны не было, но необыкновенно ясное небо давало достаточно света, чтобы различать тропу. Я слышал тяжелое дыхание Ла Горды.

Я хотел остановиться, чтобы перевести дыхание, но она отрицательно покачала головой и легонько подтолкнула меня. Пытаясь снять напряжение, я хотел как-то пошутить, но вдруг услышал звук странных тяжелых ударов. Голова непроизвольно повернулась вправо, позволяя левому уху пристально вслушиваться в окружающее. На мгновение задержав дыхание я ясно услышал, что кроме меня и Ла Горды кто-то еще тяжело дышит. Я проверил

еще раз, прежде чем сказать ей об этом. Та массивная фигура явно находилась среди валунов. Когда мы продолжили движение, я прикрыл рукой рот Ла Горды и знаком велел ей затаить дыхание. Я бы сказал, что массивная фигура была даже слишком близко. Казалось, она скользила настолько тихо, насколько могла. Она мягко пыхтела возле валунов.

Ла Горда была очень встревожена. Она присела на корточки и потянула меня вниз своей завязанной вокруг пояса шалью. На мгновение она засунула руки под юбку, и встала. Ее ладони были сжаты. Открывая их, она щелкнула пальцами и из них вылетел сноп искр.

— Писяй в свои руки, — прошептала Ла Горда сквозь стиснутые зубы.

— Что-что? — переспросил я, совершенно не понимая чего она хочет.

Она все более настойчивым шепотом повторила приказ три или четыре раза. Видимо, она поняла, что я не могу уловить смысл ее слов, поэтому, присев, показала, как она мочится на свои руки. С изумлением я увидел, что она заставила свою мочу лететь подобно красноватым искрам. Мой разум был опустошен. Я не знал, что захватывало больше: вид Ла Горды, творящей свет из своей мочи, или тяжелое дыхание приближающегося существа. Я не мог решить, на чем фокусировать свое восприятие — оба зрелища были захватывающими.

— Быстро! Делай это в свои руки, — сквозь зубы процедила Ла Горда.

Я слышал ее, но мое внимание было сдвинуто. Умоляющим голосом Ла Горда добавила, что мои искры заставят приближающееся существо отступить. Она начала всхлипывать и я почувствовал отчаяние. Я не только слышал нечто приближающееся, но и всем телом ощущал его. Я хотел послушаться ее, но из-за смущения и нервозности не смог. Мне передалось возбуждение Ла Горды и я делал отчаянные усилия, пытаясь помочиться. Наконец я смог это сделать. Я трижды щелкнул пальцами, но из них ничего не вылетело.

— Делай это снова, — сказала Ла Горда. — Чтобы сделать искры, нужно время.

Я объяснил, что уже израсходовал всю мочу. Она была в полном отчаянии.

В это мгновение я увидел приближающуюся к нам массивную прямоугольную фигуру. Мне она почему-то не казалась угрожающей, хотя Ла Горда падала в обморок от страха.

Внезапно она развязала шаль, вскочила на лежащую за мной небольшую глыбу и крепко вцепилась в меня сзади, положив подбородок мне на голову. Она почти вскарабкалась мне на плечи. В тот момент когда она приняла эту позу, фигура перестала двигаться. Она продолжала тяжело дышать, находясь примерно в двадцати футах от нас.

Я почувствовал колоссальное напряжение, сосредоточенное в средней части тела. Спустя какое-то время я уже не сомневался, что если мы не изменим этого положения, наша энергия истощится и мы станем жертвами нашего преследователя.

Я сказал, что ради спасения наших жизней мы должны бежать. Она отрицательно покачала головой. Казалось, она вновь обрела силу и уверенность. Затем Ла Горда сказала, что мы должны прикрыть головы руками и лечь, поджав ноги к животу. Неожиданно я вспомнил, что как-то ночью несколько лет назад дон Хуан заставил меня сделать то же самое. Тогда, в пустынном поле Северной Мексики, я был настигнут чем-то таким же непонятным, но и столь же реальным для моих чувств. В тот раз дон Хуан сказал, что спасаться бегством бесполезно и единственное, что можно сделать, это оставаться на месте в позе, только что описанной Ла Гордой.

Я готов был опуститься на колени, но у меня неожиданно появилась уверенность, что мы совершили большую ошибку, покинув пещеру. Мы должны были вернуться в нее во что бы то ни стало.

Я закрепил шаль Ла Горды над шеей и под руками и предложил ей взобраться мне на плечи и держаться там, используя концы шали в качестве поводьев. Несколько лет назад дон Хуан говорил мне, что нужно встречать подобные события неожиданными действиями. Он рассказал мне, что однажды сам столкнулся с оленем, который «разговаривал» с ним. Дон Хуан все это время простоял на голове, чтобы спасти свою жизнь и ослабить напряжение этого события.

Мне пришло в голову попытаться обойти фигуру и вернуться к пещере с Ла Гордой, стоящей у меня на плечах.

Она прошептала, что о пещере не может быть и речи. Нагваль говорил ей, что там оставаться нельзя. Я начал доказывать, что мое тело уверено: в пещере с нами будет все в порядке. Она ответила, что это правда. Но это сработало бы только в случае, если бы у нас был способ контролировать эти силы. Для этого необходим был специальный контейнер вроде тех тыквочек-горлянок, которые висели у поясов дона Хуана и дона Хенаро.

Сняв башмаки, она вскарабкалась мне на плечи и встала там. Я держал ее за икры. Когда она натянула концы своей шали, я почувствовал натяжение петли у себя подмышками и подождал, пока она добьется равновесия. Идти в темноте, имея сто пятнадцать фунтов на плечах, было далеко не просто. Я шел очень медленно. Насчитав двадцать три шага, я вынужден был опустить ее вниз. Боль в плечах стала невыносимой. Я сказал ей, что хотя она и очень стройная, но своим весом чуть не переломала мне ключицы.

Но самым главным было то, что прямоугольная фигура исчезла. Наша стратегия сработала! Ла Горда предложила некоторое время нести меня на своих плечах. Я нашел эту идею смешной. Мой вес был слишком большим для ее хрупкого сложения. Мы решили идти еще некоторое время и наблюдать, что будет происходить.

Нас окружала мертвая тишина. Мы шли медленно, привязавшись друг к другу. Но прошли мы не больше нескольких ярдов, как я снова услышал похожий на тяжелое дыхание шум и мягкое долгое шипение, похожее на шипение больших диких кошек. Я поспешно помог Ла Горде взобраться на свои плечи и прошел еще сто десять шагов.

Я знал, что если мы хотим выбраться отсюда, то должны придерживаться тактики неожиданного. Я хотел придумать новую серию неожиданных действий, как вдруг она сдернула с себя свое длинное платье. Одним движением она обнажилась и соскочила на землю, что-то отыскивая. Я услышал треск и появилась Ла Горда, держа ветку от низкого куста. Укутав шалью мои шею и плечи она сделала для себя нечто вроде седла, чтобы сесть, обвив ногами мою талию так, как носят на спине маленьких детей. Затем она нацепила платье на ветку и подняла ее над головой. Ла Горда стала

размахивать веткой, заставляя платье совершать странные скачки. К этому эффекту она добавила своеобразный свист, имитируя крик ночной совы.

Пройдя сто ярдов, я услышал те же странные шаги и звуки, доносящиеся теперь не только сзади, но и со всех сторон. Она переменила свист на птичий зов — пронзительный крик, вроде того, который издают павлины. Через некоторое время павлиньи крики доносились уже отовсюду.

Много лет назад вместе с доном Хуаном я был свидетелем подобного феномена ответных птичьих криков. Тогда я считал, что эти звуки издавал или сам дон Хуан, прятавшийся поблизости, или кто-то тесно связанный с ним, вроде дона Хенаро. Кто-то помогал ему вызвать у меня неудержимый страх, заставлявший меня бежать в полной темноте, не спотыкаясь.

Дон Хуан называл этот особый бег в темноте «бегом силы».

Я спросил Ла Горду, знает ли она, как выполняется бег силы. Она ответила, что знает. Я сказал, что мы должны попробовать его, хотя я не уверен, что вообще смогу сейчас его выполнить. Указав вперед, Ла Горда ответила, что для этого неподходящее время и место. Мое и без того быстро стучащее сердце бешено заколотилось в груди. Прямо передо мной, примерно в десяти футах, стоял один из союзников дона Хенаро, странный пылающий человек с длинным лицом и лысой головой. Я застыл на месте. Словно издали до меня донесся вопль Ла Горды. Она неистово заколотила кулаками по моим бокам.

Ее удары нарушили мою фиксацию на человеке. Она повернула мою голову налево, а затем направо. С левой стороны, почти касаясь моей ноги, находилась черная масса гигантской кошки с яркими желтыми глазами. Справа от себя я увидел громадного фосфоресцирующего койота. За нами, почти касаясь спины Ла Горды, темнела прямоугольная фигура.

«Человек» повернулся к нам спиной и двинулся по тропинке. Я пошел следом. Ла Горда продолжала вопить и скулить. Прямоугольная форма едва не хватала ее за спину. Я слышал, как она двигалась с сокрушительными тяжелыми ударами. Звук ее шагов отдавался в холмах позади нас. На шее чувствовалось ее холодное дыхание. Я знал, что Ла Горда близка к сумасшествию. Я, впрочем, тоже. Ягуар и койот почти соприкасались с моими ногами. Я слышал их нарастающее шипение и рычание. В этот миг у меня возникло

иррациональное побуждение воспроизвести определенный звук, которому научил меня дон Хуан. Союзники ответили мне. Я исступленно повторил его и они ответили вновь. Напряжение постепенно спадало, и когда мы приблизились к дороге, я был участником весьма экстравагантного зрелища. Ла Горда сидела верхом, счастливо размахивая своим платьем над головой, словно ничего не произошло, в ритм со звуком, который я производил, а четыре создания иного мира отвечали мне, шествуя со мной в ногу и примыкая к нам со всех сторон.

В таком виде мы вышли на дорогу. Но мне еще не хотелось уезжать. Казалось, чего-то не хватает. Я остановился с Ла Гордой на спине и воспроизвел еще один весьма специфический, напоминающий постукивание звук, которому меня научил дон Хуан. Он сказал тогда, что это — зов бабочек. Чтобы воспроизвести его, нужно было использовать край левой ладони и губы.

Как только я издал его, все мирно закончилось. Когда четыре существа ответили мне, я уже знал, какие из них будут моими. Я подошел к машине, снял со спины Ла Горду и посадил ее на сидение.

Возвращались мы в полном молчании. Что-то коснулось меня где-то, и все мысли исчезли.

Ла Горда предложила поехать не к ее дому, а к месту где жил дон Хенаро. Она сказала, что Нестор Бениньо и Паблито живут там, но сейчас их нет в городе. Ее идея мне понравилась.

Войдя в дом, Ла Горда зажгла лампу. Со времени моего последнего приезда к дону Хенаро обстановка не изменилась. Мы сели на пол. Придвинув скамейку, я положил на нее блокнот. Я не устал и хотел записывать, но не смог этого сделать.

— Что Нагваль рассказывал тебе о союзниках? Мой вопрос явно застал ее врасплох. Она не знала, что ответить.

— Я не могу думать, — наконец сказала она. Казалось, она никогда не испытывала подобного прежде. Она расхаживала передо мной взад-вперед. Мелкие капли пота выступили у нее на кончике носа и на верхней губе.

Внезапно схватив за руку, она практически вытащила меня из дома и повела в ближайший овраг. Там ее стошнило.

Я тоже почувствовал тошноту. Она сказала, что напряжение от встречи с союзниками было слишком большим и что я должен заставить себя вырвать. Я уставился на нее, ожидая дальнейших объяснений. Ла Горда взяла мою голову в свои руки и сунула мне палец в горло с решительностью няни, имеющей дело с ребенком. Меня действительно стошнило. Она объяснила, что у человеческих существ есть очень деликатного рода свечение в области живота и что это свечение постоянно испытывает напряжение под воздействием всего окружающего. Временами, когда напряжение слишком велико, как в случае контакта с союзниками, или даже просто с сильными людьми свечение становится возбужденным, меняет цвет или даже совсем угасает. В таких случаях можно помочь единственным способом — рвотой.

Я почувствовал себя лучше, но еще не полностью пришел в себя. Я страшно устал, особенно сильным было ощущение тяжести вокруг глаз. Мы пошли в дом. Когда мы подошли к двери, Ла Горда понюхала воздух, как собака и сказала, что ей известно, какие союзники мои. Ее слова, обычно не имевшие никакого подтекста, сейчас обладали каким-то особым катарсическим эффектом. В голову хлынули мысли. Сразу же включились мои обычные интеллектуальные процессы и я подскочил в воздух, как если бы мои мысли сами по себе имели энергию.

Прежде всего я подумал, что союзники — реальные существа. Раньше я не смел сознаться в этом даже самому себе. Я видел их, чувствовал их и даже общался с ними. Меня охватило состояние эйфории. Обняв Ла Горду, я стал объяснять ей свою интеллектуальную дилемму. Я видел союзников без помощи дона Хуана и дона Хенаро, и этот акт все перевернул во мне. Я рассказал Ла Горде. как однажды сообщил дону Хуану, что видел одного из союзников. Он рассмеялся и посоветовал не воспринимать это так серьезно и не придавать увиденному значения.

Мне никогда не хотелось верить в то, что я галлюцинирую, но и допустить, что это действительно был союзник, я не мог. Моя рациональная основа была незыблемой. Я был бессилен заполнить этот пробел. Но в этот раз все было иначе и мысль, что на этой Земле имеются существа другого мира, в то же время ей не чуждые, превосходила все, что я мог выдержать. Полушутя я

сказал Ла Горде, что втайне буду считать все это безумием. Что еще освободило бы меня от сокрушительной ответственности за перестройку моего понимания мира? Ирония заключалась в том, что я и не желал такой перестройки, но — только на интеллектуальном уровне. Но этого было недостаточно, этого никогда не могло быть достаточно. Это было моим вечным непреодолимым препятствием, моим ужасным изъяном. Я заигрывал с миром дона Хуана наполовину; поэтому я был квази-магом. Все мои усилия были не более чем осмысленным стремлением отгородиться интеллектом, словно я находился в академии, где можно заниматься этим с восьми до семнадцати, а потом идти домой отдыхать. Дон Хуан шутил, что после описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере школяр в пять часов уходит домой отдыхать от своих замечательных построений.

Пока Ла Горда готовила еду, я лихорадочно работал над заметками. После еды я расслабился. Ла Горда пребывала в прекрасном расположении духа. Подобно дону Хенаро, она паясничала, подражая моему поведению во время письма.

— Что тебе известно о союзниках, Горда? — спросил я.

— Только то, что говорил мне Нагваль. — ответила она. — Он говорил, что это силы, доступные нашему контролю. У него и Хенаро в горлянках было по два союзника.

— Как они помещали их в горлянки?

— Этого никто не знает. Нагваль говорил, что прежде чем обуздывать союзников, необходимо найти маленькую превосходную горлянку с горлышком.

— Где можно найти такую горлянку?

— Где угодно. Нагваль говорил мне, что если мы останемся в живых после нападения союзников, мы должны будем найти идеальную горлянку величиной с большой палец левой руки. Такого размера была горлянка Нагваля.

— Ты видела его горлянку?

— Нет. Никогда. Нагваль говорил, что горлянка такого рода уже не в мире людей. Она подобна маленькому узелку, притороченному к поясу. На нее нельзя смотреть преднамеренно, — все равно ничего не увидишь.

Горлянку, как только она найдена, следует тщательно вычистить. Обычно маги находят подобные горлянки в лесу на виноградных лозах. Они снимают их и высушивают, а затем выдалбливают, сглаживают и полируют. Как только горлянка готова, маг должен подставить ее союзникам и заманить их туда. Если союзники соглашаются жить в ней, горлянка исчезает из мира людей, а союзники становятся помощниками мага. Нагваль и Хенаро с помощью союзников делали все, что не могли делать сами. Например так ветер гнал меня, а цыпленок бегал в блузе Лидии.

Я услышал за дверью специфическое протяжное шипение. Это был тот же звук, который я слышал двумя днями раньше в доме доньи Соледад. Теперь я уже знал, что это был ягуар. Звук не пугал меня. Я вышел бы посмотреть на ягуара, если бы Ла Горда не остановила меня.

— Ты все еще неполный, — сказала она. — Союзники проглотят тебя, если ты выйдешь сам. Особенно тот красавец, который сейчас там рыщет.

— Мое тело чувствует себя в безопасности, — запротестовал я.

Она похлопала меня по спине и снова усадила возле скамейки, на которой я писал.

— Ты еще неполный маг, — сказала она. — У тебя посредине огромная заплата и сила союзников сорвет ее с места. Они — не шутка.

— Что предполагаешь делать ты, когда к тебе так явятся союзники?

— Мне в любом случае нечего волноваться. Нагваль научил меня уравновешенности и я ничего не ищу страстно. Сегодня вечером я поняла, какие союзники придут к тебе, если ты когда-нибудь сможешь достать горлянку и обработать ее. Ты способен страстно стремиться получить их, я — нет. Возможно, я сама так никогда их и не получу. С ними много хлопот. Они как заноза.

— Почему?

— Потому что это силы и они могут выжать тебя досуха. Нагваль говорил, что лучше пожертвовать всем, кроме своей цели и свободы. Когда ты станешь полным, мы, видимо, должны будем сделать выбор — иметь их или не иметь.

Я сказал ей, что мне лично ягуар понравился, хотя и есть в нем что-то подавляющее.

Она уставилась на меня. В ее глазах сквозило удивление и замешательство.

— Но он мне действительно понравился!

— Расскажи мне, что ты видел, — сказала она.

Тут до меня дошло, что она могла видеть их иначе, чем я. Я подробно описал ей всех четырех союзников как я их видел. Она слушала более чем внимательно. Казалось, она была захвачена моим изложением.

— Союзники не имеют формы, — сказала она, выслушав меня. — Они словно присутствие, словно ветер, словно пылание. Первый — сегодняшний — был чернотой, пытавшейся проникнуть в мое тело. Именно поэтому я и вопила. Я чувствовала, как она поднимается у меня по ногам. Другие были просто цветом. Они так пылали, что на тропинке было светло, как днем.

Ее утверждения потрясли меня. А я-то принял наконец после многих лет борьбы и на основе опыта этой ночи, что союзники имеют консенсуальную форму, субстанцию, одинаково воспринимаемую органами чувств каждого человека.

Я шутя сказал Ла Горде, что уже успел записать в своих заметках, что союзники — это создания, имеющие форму.

— Что же мне после этого делать? — задал я риторический вопрос.

— Это очень просто. Напиши теперь, что они не такие.

Я подумал, что она абсолютно права.

— Но почему же я видел их как монстров?

— В этом нет тайны. Ты все еще не потерял свою человеческую форму. То же происходило и со мной. Но я обычно видела их людьми. Они были индейцами с ужасными лицами и злобными взглядами. Обычно они ожидали меня в пустынных местах. Я думала, что интересую их как женщина. Нагваль всегда смеялся до упаду над моими страхами. Но я бывала смертельно испугана. Один из них приходил, садился на мою постель и тряс ее, пока я не просыпалась. Страх мой был так велик, что и сейчас, когда я изменилась, я не хотела бы еще раз испытать это. Похоже, что сегодня вечером я боялась союзников не меньше, чем боялась их раньше.

— Ты хочешь сказать, что ты больше не видишь их человеческими существами?

— Не вижу. Нагваль говорил тебе, что союзники бесформенны. Он прав. Союзник — только присутствие, помощник, который есть ничто и все же он так же реален, как ты и я.

— Сестрички видели союзников?

— Так или иначе все их видели.

— Союзники для них тоже только сила?

— Нет. Они как ты. Они все еще не потеряли свою человеческую форму. Никто из них. Для них всех — сестричек, Хенарос и Соледад — союзники являются устрашающими фигурами, злобными и ужасными ночными созданиями. Одно упоминание о союзниках сводит с ума Лидию, Хосефину и Паблито. Бениньо и Нестор не так их боятся, но и они не хотят сталкиваться с союзниками. У Бениньо свои планы, так что он не интересуется ими. На самом деле они не беспокоят ни его, ни меня. А вот другие оказываются для них легкой добычей, особенно сейчас, когда союзники вышли из горлянок Нагваля и Хенаро. Вот за тобой они следят все время.

Нагваль сказал мне, что если кто-то цепляется за человеческую форму, то он и отражает только эту форму. А поскольку союзники получают жизненную

силу из середины нашего живота, они обычно делают нас слабыми, и тогда мы видим их как могучих и безобразных существ.

— Что можно сделать, чтобы защитить себя или видеть их в другой форме?

— Единственное, что мы можем сделать — это потерять свою человеческую форму.

— Что ты имеешь в виду?

Мой вопрос, похоже, показался ей бессмысленным. Ла Горда безучастно уставилась на меня, как бы ожидая дальнейших объяснений. Она на мгновение закрыла глаза.

— Ты ведь знаешь о человеческом шаблоне и человеческой форме, правда? — спросила она.

Я изумленно уставился на нее.

— Я только что видела, что ты ничего не знаешь о них, — улыбнувшись, сказала она.

— Ты абсолютно права.

— Нагваль говорил мне, что человеческая форма — это сила, а человеческий шаблон — это... ну... шаблон. Он сказал, что все имеет свой особый шаблон. Растения имеют шаблоны, животные, черви. Ты уверен, что Нагваль никогда не показывал тебе человеческий шаблон?

Я рассказал ей, что он упоминал это понятие, но лишь вкратце, пытаясь объяснить один из моих снов. В этом сне я увидел человека, который, казалось, прятался в темноте узкой лощины. Заметив его там, я испугался. Какое-то время я смотрел на него, а потом человек выступил вперед и стал виден полностью. Он был обнажен и тело его пылало. Выглядел он утонченным, почти хрупким. Мне понравились его глаза. Они были дружескими и глубокими. Я подумал, что они очень доброжелательны. Но затем он отступил назад, в темноту и его глаза стали подобны двум зеркалам, глазам свирепого животного.

Дон Хуан сказал, что я столкнулся в «сновидении» с человеческим шаблоном. Он объяснил, что для вступления в контакт с человеческим шаблоном маги располагают таким средством, как «сновидение». И что шаблон людей является определенной сущностью, которую могут видеть только маги, когда они насыщены силой и, безусловно, все — в момент смерти. Он описал шаблон как источник, начало человека. Без шаблона, группирующего вместе силу жизни, эта сила не имеет возможности собраться в человеческую форму. Он объяснил мой сон как краткий, очень упрощенный и мимолетный взгляд на шаблон. И еще добавил, что мой сон безусловно подтверждает, что я — человек схематичный и приземленный.

Смеясь, Ла Горда заметила, что хотела сказать мне то же самое. Видеть шаблон как обычного земного человека, а затем еще и как животное — действительно очень упрощенное видение.

— Наверное, это был просто обычный бестолковый сон, — сказал я, пытаясь оправдаться.

— Нет, — ответила она с усмешкой. — Видишь ли, человеческий шаблон пылает и всегда находится в водных дырах и водных лощинах.

— Почему именно там?

— Он питается водой. Без воды нет шаблона. Я знаю, что Нагваль регулярно брал тебя к водным дырам в надежде показать тебе шаблон. Но увидеть его не позволяла твоя пустота. То же самое было и со мной. Он обычно заставлял меня ложиться обнаженной на камень в самом центре водной дыры, но я добилась только ощущения чьего-то присутствия, напугавшего меня до потери сознания.

— Почему пустота мешает увидеть шаблон?

— Нагваль сказал, что все в мире — сила, притяжение или отталкивание. Для того, чтобы нас отталкивали или притягивали, мы должны быть похожи на парус или воздушный змей на ветру. Но если в нашей светимости дыра, сила пройдет насквозь и не подействует.

Нагваль говорил мне, что Хенаро очень любил тебя и изо всех сил пытался помочь тебе осознать дыру в середине твоего тела. Он заставил летать свое сомбреро как змея, чтобы расшевелить тебя; он даже вытягивал тебя из этой дыры, доводя тебя до поноса, но ты так никогда и не уловил того, что он делал.

— Но почему они не говорили так понятно, как Ты сейчас?

— Они говорили, но ты не обращал внимания на их слова.

Я не мог ей поверить. Немыслимо было допустить, чтобы они говорили мне об этом, а я не смог осознать.

— Ты когда-нибудь видела шаблон, Горда?

— Конечно, когда я снова стала полной. Я пошла однажды сама к той водной дыре и он был там. Это было лучистое светящееся существо. Я не могла смотреть на него. Оно ослепило меня. Я ощущала счастье и прилив сил. Ничто другое не имело значения. Ничто. Мне просто хотелось быть там. Нагваль сказал, что иногда, когда у нас достаточно личной силы, мы можем схватить проблеск шаблона, даже если мы и не являемся магами. Когда это случается, мы говорим, что видели Бога. Он сказал, что если мы называем его Богом, то это правда. Шаблон — это Бог.

Я пришла в ужас, услышав это от Нагваля, потому что я была очень религиозна. Религия — это все, что у меня было. Поэтому от слов Нагваля меня обычно бросало в дрожь. Но потом я стала полной, силы мира начали толкать меня, и я поняла, что Нагваль бы прав. Шаблон — это Бог. Как ты думаешь?

— Обещаю тебе сказать это в день, когда увижу его.

Она засмеялась и сказала, что Нагваль обычно шутил, что в тот день, когда я увижу шаблон, я стану монахом, потому что в глубине души я очень религиозен.

— Шаблон, который ты видела, кем он был — мужчиной или женщиной? — спросил я.

— Ни то, ни другое. Это был просто светящийся человек. Нагваль сказал, что я могла бы спросить что-нибудь о себе самой. Что это шанс, которого не должен упускать воин. Но я не смогла придумать вопроса. И так было лучше всего. У меня остались самые прекрасные воспоминания об этом. Нагваль сказал, что воин, имеющий достаточно силы, может видеть шаблон много-много раз. Какая это, должно быть, большая удача!

— Но если человеческий шаблон — это то, что скрепляет нас вместе, то что же тогда человеческая форма?

— Нечто клейкое, клейкая сила, которая делает нас такими людьми, какие мы есть. Нагваль говорил мне, что человеческая форма на самом деле бесформенна. Как и союзники, которых он носил в своей горлянке, это может быть чем угодно. Но, несмотря на отсутствие формы, оно владеет нами в течение всей нашей жизни и оставляет только со смертью. Я никогда не видела человеческую форму, но я чувствовала ее в своем теле.

Затем она описала очень сложную серию восприятий, которые были у нее в течение последних нескольких лет. Их кульминацией было серьезное физическое расстройство, напомнившее мне описание тяжелого сердечного приступа. Она сказала, что человеческая форма, являясь силой, покинула ее тело после тяжелой внутренней борьбы. Этот процесс и проявился в виде тяжелого недомогания.

— Похоже, у тебя был сердечный приступ.

— Может быть и так, — сказала она, — но одно я знаю точно. В тот день, когда это произошло, я потеряла человеческую форму. Я так ослабела, что в течение нескольких дней не могла даже вставать с постели. С того дня у меня уже не было энергии оставаться моим прежним «я». Время от времени я пыталась вернуться к своим старым привычкам, но у меня просто не было сил наслаждаться ими, как прежде. В конце концов я бросила эти попытки.

— В чем смысл потери твоей формы?

— Для того, чтобы измениться, воин должен сбросить свою человеческую форму. Иначе это будут только разговоры об изменении, как в твоем случае.

Нагваль сказал, что бесполезно полагать или надеяться, что человек может изменить свои привычки. Человек не может измениться ни на йоту, пока держится за свою человеческую форму. Как говорил Нагваль, воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком. Воин не испытывает разочарования, когда пытаясь измениться, терпит неудачу.

— Но ты остаешься собой, Горда, не так ли?

— Нет. Уже нет. Единственное, что заставляет считать себя собой — это форма. Когда она уходит, ты — ничто.

— Но ведь ты все еще разговариваешь, думаешь и чувствуешь как обычно, или нет?

— Ни в коей мере. Я — новая.

Она засмеялась и крепко обняла меня, словно утешая ребенка.

— Только Элихио и я потеряли свою форму, — продолжала она. — Большой удачей было потерять ее, когда Нагваль еще был с нами. Вам же предстоит ужасное время. Это — ваша судьба. Тот, кто потеряет ее следующим, будет пользоваться только моей поддержкой. Мне жаль его заранее.

— Что ты еще чувствовала, потеряв форму, Горда, кроме недостатка энергии?

— Нагваль сказал, что воин без формы начинает видеть глаз. Закрывая глаза, я постоянно видела его перед собой. Это было так плохо, что я больше не могла отдыхать: глаз следовал за мной повсюду, куда бы я ни пошла. Я чуть не сошла с ума. В конце концов, видимо, я стала привыкать к нему. Сейчас я даже не замечаю его, потому что он стал частью меня.

Бесформенный воин использует этот глаз, чтобы приступить к сновидению. Если ты не имеешь формы, то тебе не нужно засыпать, чтобы делать сновидение. Глаз перед тобой всякий раз тянется туда, куда ты хочешь отправиться.

— Где именно этот глаз. Горда?

Она закрыла глаза и провела рукой из стороны в сторону прямо перед своими глазами, очертив размер, равный ширине своего лица.

— Иногда этот глаз очень маленький, а иной раз — огромный, — продолжала она. — Когда он маленький, то сновидение бывает точным. Когда он большой, то сновидение подобно полету над горами, тогда деталей не увидишь. Я еще не делала достаточно сновидений, однако Нагваль сказал мне, что этот глаз является моей козырной картой. Однажды, когда я стану по-настоящему бесформенной, я больше не буду видеть глаз; он станет ничем, как и я, и все же будет существовать как союзник. Нагваль сказал, что все просеивается через нашу человеческую форму. Если мы не имеем формы, то ничто не имеет формы, но в то же время все присутствует. Тогда я не могла понять, что имелось в виду, но теперь вижу, что он был абсолютно прав. Союзники — это только присутствие, так же, как и глаз. Но сейчас этот глаз для меня все. Теоретически имея его, я способна вызывать свои сновидения даже в состоянии бодрствования. Но пока я не смогла сделать этого. Видимо, как и ты, я немного упряма и ленива.

— Как ты выполнила полет, который показывала мне сегодня вечером?

— Нагваль научил меня, как использовать свое тело для выделения света. Ведь мы так или иначе являемся им, так что я выделяла искры и свет, а они притянули линии мира. Как только я увидела одну, было легко прицепиться к ней.

— И как ты прицепилась?

— Я схватила ее.

Она сделала жест руками. Сложив их клешней, она соединила запястья, образовав нечто вроде чаши с обращенными вверх скрюченными пальцами.

— Ты должен схватить линию, как ягуар, — продолжала она, — и никогда не разделять запястья. Если ты сделаешь это, то упадешь и свернешь себе шею.

Она сделала паузу и это заставило меня взглянуть на нее в ожидании

дальнейших объяснений.

— Ты мне не веришь, что ли? — спросила она.

Не давая мне времени на ответ, она села на корточки и вновь показала свои искры. Я был спокоен и собран и все свое нераздельное внимание сконцентрировал на ее действиях. Когда она щелкала пальцами, раскрывая их, каждое волокно ее мышц сразу же напрягалось. Это напряжение, казалось, фокусировалось на кончиках ее пальцев и проецировалось наружу как лучи света. Влага на них фактически была носителем какой-то энергии, эманировавшей из ее тела.

— Как ты это делаешь, Горда? — с искренним изумлением спросил я.

— Я сама не знаю. Я просто делаю, и все. Я уже делала это много-много раз, и все же не знаю, как это у меня получается. Когда я хватаю один из этих лучей, я чувствую как что-то тянет меня. Я и вправду ничего не делаю, только позволяю линиям, которые схватила, тянуть меня. Когда я хочу вернуться назад, то чувствую, что линии не хотят отпускать меня, и впадаю в панику. Нагваль сказал, что это моя наихудшая черта. Я становлюсь такой перепуганной, что когда-нибудь искалечу свое тело. Но я надеюсь, что скоро стану еще более бесформенной, и тогда не буду пугаться. Так что, если я до того дня продержусь, со мной все будет в порядке.

— Тогда расскажи, Ла Горда, как ты позволяешь линиям тянуть тебя?

— Мы опять вернулись к тому же. Я не знаю. Нагваль предостерегал меня, что ты хочешь знать вещи, которые узнать нельзя.

Я пытался объяснить ей, что меня интересует только порядок действий. Я действительно отказался искать у всех них каких бы то ни было объяснений, так как эти объяснения все равно ничего мне не давали. Совсем другое дело — описание необходимых шагов.

— Как ты научилась позволять своему телу держаться на линиях мира?

— Я научилась этому в сновидении, — сказала она. — Но я действительно не знаю как. Для женщины-воина все начинается в сновидении. Как и всех нас,

Нагваль учил меня, что сначала нужно посмотреть на свои руки во сне. Я не могла найти их вообще. В моих снах у меня не было рук. Несколько лет я безуспешно пыталась найти их Обычно каждую ночь я приказывала себе найти руки но все было напрасно. Я никогда ничего не находила в своих снах. Нагваль был беспощаден со мной. Он сказал, что я должна или найти их, или погибнуть. Поэтому я соврала ему, что нашла руки. Нагваль не сказал тогда ни слова, но Хенаро бросил свою шляпу на пол и начал плясать на ней Он погладил меня по голове и сказал, что я действительно великий воин. Чем больше он расхваливал меня, тем хуже я себя чувствовала. Я была уже готова рассказать им о своей лжи, как вдруг сумасшедший Хенаро направил на меня свой зад и издал такой громкий и долгий звук, какого я никогда не слышала. Он практически оттолкнул меня им. Это было похоже на горячий и вонючий ветер, омерзительный и зловонный, и очень похожий на меня. Нагваль даже трясся от хохота.

Я убежала в дом и спряталась там. Тогда я была очень толстой. Я привыкла есть много, и у меня были обильные газы. Поэтому я решила некоторое время не есть ничего. Лидия и Хосефина помогали мне. Я ничего не ела двадцать три дня и однажды ночью я нашла свои руки во сне. Они были старыми, безобразными и зелеными, но они были моими. Так что начало было положено. Остальное было легко.

— А что было «остальное», Горда?

— Следующее, чего хотел от меня Нагваль — попытаться найти в своих снах дома или постройки и смотреть на них, стараясь не разрушить эти образы. Он сказал, что искусство сновидящего заключается в удержании образов своего сна. Потому что так или иначе мы занимаемся этим всю нашу жизнь.

— Что под этим подразумевалось?

— Мы как обычные люди удерживаем образ того, на что мы смотрим. Нагваль сказал мне, что мы делаем это, но не знаем как. Мы просто делаем; наши тела делают это. В сновидении мы должны делать то же самое, только вот в сновидении мы должны научиться как делать это. Мы должны стараться не смотреть, а только бросать мимолетные взгляды, и все же удерживать образ.

Нагваль велел мне в своих снах найти повязку для моего пупка. На это

потребовалось много времени, потому что я не понимала, что он имеет в виду. Он сказал, что в сновидении мы реагируем пупком, поэтому он должен быть защищен. Нам нужно немного тепла или чувство давления на центр живота, чтобы удерживать образы в своих снах.

Я нашла в своих снах гальку, которая была приложена к моему пупку, и Нагваль заставлял меня искать ее в водяных дырах и каньонах, пока я не нашла ее. Я сделала для нее пояс, и с тех пор днем и ночью ношу его. Это помогает мне удерживать образы в своих снах. Затем Нагваль дал мне задание отправляться в сновидении в определенные места. Я действительно хорошо выполняла эти задания, но в то время я как раз теряла форму и начала видеть перед собой глаз. Нагваль сказал, что он все изменил, и приказал использовать глаз, чтобы тянуть себя.

Он сказал, что у меня нет времени для получения дубля в сновидении и что глаз — это даже лучше. Я почувствовала обман.

Теперь мне все равно. Я использовала глаз, как только могла. Я позволяла ему тянуть меня в сновидение. Я закрывала глаза и засыпала с легкостью даже днем и в любом месте. Глаз тянет меня и я вхожу в другой мир Большую часть времени я просто брожу там.

Нагваль сообщил мне и сестричкам, что во время наших менструальных периодов сновидение становится силой. Для начала я стала слегка сумасшедшей и более отважной. И Нагваль был прав — в эти дни перед нами открывается трещина. Ты не женщина, поэтому для тебя это не имеет никакого смысла, но знай: за два дня до своего периода женщина может открыть для себя эту трещину и вступить в другой мир.

Левой рукой она обвела контуры какой-то невидимой линии, которая, казалось, пролегала вертикально перед ней, на расстоянии вытянутой руки.

— В этот период женщина может, если хочет, позволять проходить через себя образам мира, — продолжало Ла Горда. — Это трещина между мирами и, по словам Нагваля, она находится прямо перед нами, женщинами.

Причина, по которой Нагваль считал, что женщины — лучшие маги, чем мужчины, заключается в том, что перед ними всегда есть трещина, тогда как

мужчина должен сделать ее.

Именно во время своих периодов я научилась летать в сновидении с помощью линий мира. Я научилась делать искры с помощью своего тела, а потом научилась хватать их. И это пока все, чему я научилась в сновидении.

Я засмеялся и сказал, что мне после нескольких лет практики «сновидения» вообще нечем похвастаться...

— Ты научился вызывать союзников в сновидении, — уверенно сказала она.

Я ответил, что эти звуки научил меня издавать дон Хуан. Было похоже, что она мне поверила.

— Его союзники должны приходить к тебе, потому что они видят его светимость, — сказала она. — Светимость он оставил с тобой. Он говорил мне, что каждый маг имеет так много светимости только для того, чтобы отдавать ее. Поэтому он выделил ее всем своим детям в соответствии с повелением, которое приходило к нему откуда-то из этой безбрежности. Тебе он оставил свой собственный зов.

Она щелкнула языком и подмигнула мне.

— Если ты не веришь мне, — продолжала она, — то почему бы тебе не воспроизвести тот звук, которому научил тебя Нагваль и посмотреть, не придут ли к тебе союзники?

Мне не хотелось делать этого. Не потому, что я не верил ей, но не хотелось идти у нее на поводу.

С минуту она ждала, но убедившись, что я не собираюсь пробовать, приложила ладонь ко рту и в совершенстве сымитировала мой «зов бабочки». Она издавала его в течение пяти-шести минут, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание.

— Видишь, что я имею в виду? — спросила она, улыбаясь. — Союзникам наплевать на мой призыв, несмотря на то, что он очень похож на твой. Теперь попробуй сам.

Я попробовал. Через несколько секунд я услышал ответный зов. Ла Горда вскочила. Мне показалось, что она удивлена даже больше меня. Она поспешно остановила меня, погасила лампу и собрала мои заметки.

Вначале она собиралась открыть дверь, но тут же остановилась. Прямо из-за двери донесся пугающий звук Мне показалось, что это рычание. Звук был таким ужасающим и зловещим, что заставил нас отскочить от двери. Моя физическая тревога была столь интенсивной, что если бы было куда бежать, я сбежал бы.

На дверь напирало что-то тяжелое: оно заставляло дверь трещать. Я посмотрел на Ла Горду. Казалось, она была встревожена еще больше. Она все еще стояла с вытянутой рукой, словно собираясь открыть дверь. Ее рот был открыт. Похоже, она застыла в нерешительности. Дверь могла распахнуться в любой момент. Это были не удары, но именно ужасное давление, и не только на дверь, но и со всех сторон дома.

Ла Горда вскочила и велела мне обхватить ее сзади вокруг талии, сомкнув ладони на пупке. Она выполнила странные движения, словно размахивая на уровне глаз полотенцем и повторила это четыре раза. Затем она сделала не менее странное движение. Она прижала руки к середине груди ладонями вверх, одна над другой, без соприкосновения друг с другом. Ее локти были расставлены в стороны. Она сжала руки, словно внезапно схватила два невидимых стержня. Потом медленно повернула руки, пока ладони не оказались направленными вниз, и сделала очень красивое напряженное движение, в котором, казалось, приняли участие все мышцы ее тела. Это выглядело так, словно она открывала тяжелую раздвижную дверь, которая с трудом подавалась. Тело ее дрожало от напряжения. Руки двигались медленно, пока не оказались полностью вытянутыми в стороны.

У меня было абсолютно четкое ощущение, что когда она открыла эту «дверь», через нее ворвался ветер. Этот ветер захватил нас и мы практически пролетели сквозь стену. Или, вернее, стены дома прошли сквозь нас, или же, все трое — Ла Горда, дом и я сам — прошли через дверь, которую она открыла. Внезапно я очутился в поле и мог видеть темные очертания окрестных гор и деревьев. Я больше не держался за пояс Ла Горды. Шум заставил меня посмотреть вверх и я увидел ее, парящую примерно в десяти

футах надо мной подобно черной фигуре гигантского змея. Я почувствовал ужасный зуд в центре живота и вдруг Ла Горда ринулась вниз с предельной скоростью, но, вместо того, чтобы врезаться в землю, мягко остановилась.

В момент приземления Ла Горды зуд в центре моего живота превратился в весьма мучительную нервную боль. Казалось, что от этого приземления все мои внутренности вывернуло наизнанку. Я во весь голос завопил от боли.

Ла Горда стояла возле меня, отчаянно переводя дыхание. Я сидел. Мы снова находились в комнате дома дона Хенаро.

Ла Горда никак не могла отдышаться. Она была мокрой от пота.

— Мы должны убраться отсюда, — пробормотала она. Затем была недолгая поездка к дому сестричек. Ни одной из них поблизости не было. Ла Горда зажгла лампу и повела меня прямо в открытую дверь к задней части дома. Там она разделась и попросила обмыть ее, как лошадь, бросая воду на ее тело. Я взял небольшой ушат, наполненный водой, и начал лить на нее понемногу, но она попросила, чтобы я окатил ее.

Она объяснила, что такой контакт с союзниками вызывает очень вредную испарину, которую необходимо немедленно смыть. Она заставила меня раздеться и облила водой, холодной, как лед. Она дала мне чистый кусок ткани и мы насухо вытерлись, возвращаясь в дом. Она села на небольшую постель в передней комнате, повесив на стену лампу. Ее колени были подняты и я мог видеть каждую часть ее тела. Сжав ее в объятиях, я понял, что имела в виду донья Соледад, когда говорила, что Ла Горда — женщина Нагваля. Она была бесформенной, как и сам Нагваль. О ней, наверное, невозможно было бы думать как о женщине.

Я стал одеваться. Она забрала у меня одежду и сказала, что прежде чем надеть ее снова, ее необходимо высушить на солнце, и дала мне одеяло, чтобы набросить его на плечи, а себе взяла другое.

— Эта атака союзников была действительно жуткой, — сказала она, когда мы сели на постель. — Нам очень повезло, что мы смогли вырваться из их хватки. Я не знала, почему Нагваль велел мне идти с тобой к дому Хенаро. Теперь знаю. Этот дом является местом, где союзники сильнее всего. Нам повезло, что

я знала, как выйти.

— Как ты это сделала, Горда?

— Я действительно не знаю, — сказала она. — Я просто сделала это. Я думаю, что мое тело знало, но когда я хотела обдумать свои действия, у меня ничего не получилось.

Это было серьезным испытанием для нас обоих. Вплоть до сегодняшнего дня я не знала, что смогу открыть глаз, но посмотри что я сделала. Я действительно открыла его, как и говорил мне Нагваль. До твоего приезда это у меня никогда не получалось. Я пыталась, но это никогда не срабатывало. На этот раз страх перед союзниками заставил меня открыть глаз так, как говорил мне Нагваль — встряхнув его четыре раза по всем направлениям. Он сказал мне, что я должна встряхнуть его, как простыню, а затем открыть, как дверь, держа прямо за середину. Остальное было очень просто. Когда дверь была открыта, я почувствовала сильный ветер, тянущий меня, а не уносящий прочь. Нагваль говорил, что трудно вернуться Нужно быть очень сильным, чтобы сделать это. Нагваль, Хенаро и Элихио легко могли входить в этот глаз и выходить из него.

Для них глаз не был глазом; они говорили что это был оранжевый свет, похожий на солнце. И Нагваль и Хенаро летали в этом оранжевом свете. Я очень много тогда весила; Нагваль сказал, что когда я летаю, то распластываюсь и выгляжу как кусок коровьего помета в небе. Я не имею светимости. Поэтому возвращение так опасно для меня. Сегодня вечером ты помог мне и дважды вытащил меня обратно. Причина, по которой я показала тебе свой полет сегодня вечером, — приказ Нагваля позволить тебе увидеть это, как бы после этого ни было трудно и мерзко. Предполагалось, что я помогу тебе своим полетом точно так же, как ты помог мне, показав своего дубля. Я видела весь твой маневр из-за двери. Ты был так поглощен чувством жалости к Хосефине, что твое тело не заметило моего присутствия. Я видела, как твой дубль вышел из макушки. Он выполз, как червь. Я видела дрожь, которая началась в твоих ногах и прошла по всему твоему телу, и твой дубль вышел. Он был похож на тебя, но очень сиял. Он был похож на самого Нагваля. Именно поэтому сестры и оцепенели. Я знаю, они подумали, что это был сам Нагваль. Однако я не смогла увидеть всего. Я пропустила звук, так как не уделила ему внимания.

— Прости, не понял.

— Дубль требует огромного количества внимания. Нагваль дал это внимание тебе, но не мне. Он сказал, что уже исчерпал эту возможность.

Она говорила что-то еще об определенном роде внимания, но я уже слишком устал. Я уснул так внезапно, что не успел отложить в сторону свои заметки.

Глава 4. Хенарос

Я проснулся около восьми утра и обнаружил, что Ла Горда уже высушила на солнце мою одежду и приготовила завтрак. Мы ели на кухне, на обеденной площадке. Закончив завтрак, я спросил о Лидии и Хосефине. Казалось, они исчезли из дома.

— Они помогают Соледад, — сказала Ла Горда. — Она готовится к отъезду.

— Куда она собирается?

— Куда-нибудь подальше отсюда. У нее нет больше причин оставаться здесь. Она ждала тебя и ты уже приехал.

— Сестрички собираются вместе с ней?

— Нет. Они просто не хотят сегодня быть здесь. Похоже, им сегодня здесь находиться не стоит.

— Почему не стоит?

— Сегодня Хенарос приходят повидаться с тобой, а девочки не ладят с ними. Если соберутся все вместе, между ними начнется самая ужасная борьба. В прошлый раз они чуть не поубивали друг друга.

— Они борются физически?

— Можешь не сомневаться. Все они сильные, и никто из них не хочет быть на вторых ролях. Нагваль предупреждал, что так и будет, но я бессильна остановить их. Более того, я вынуждена принимать чью-то сторону, так что получается та еще кутерьма.

— Откуда ты знаешь, что Хенарос придут сегодня?

— Я не виделась с ними. Я просто знаю, что сегодня они будут здесь, вот и все.

— Ты знаешь это, потому что видишь, Горда?

— Правильно. Я вижу их идущими. И один из них идет прямо к тебе, потому что ты тянешь его.

Я заверил ее, что никого персонально не тяну. Я добавил, что никому и не заикался о цели своей поездки, но предпринял ее, чтобы выяснить кое-что у Паблито и Нестора.

Сдержанно улыбнувшись, она сказала, что судьба свела меня с Паблито, так как мы очень похожи, и прежде всего, несомненно, именно он рассчитывает увидеть меня. Ла Горда добавила, что все происходящее с воином можно интерпретировать как знак. Следовательно, мое столкновение с Соледад было знаком о том, что именно мне предстоит выяснить в этот мой приезд. Я попросил ее объяснить, что она хочет этим сказать.

— Сейчас мужчины дадут тебе очень мало, — сказала она. — Это именно женщины разорвут тебя на клочки, как это делала Соледад. Вот что я хотела тебе сказать, если только правильно поняла знак. Ты ждешь Хенарос, но они мужчины, подобные тебе. И обрати внимание на другой знак: они чуть-чуть позади. Я бы сказала — на пару дней позади. Твоя судьба, как и у них, мужчин, — быть на несколько дней позади.

— Позади чего, Горда?

— Позади всего. Позади нас, женщин, например.

Она засмеялась и погладила меня по голове.

— Неважно, что ты упрям, — сказала она. — Ты убедишься в моей правоте. Жди и смотри.

— Разве Нагваль говорил тебе о том, что мужчины позади женщин? — спросил я.

— Конечно, — ответила она. — Все, что ты должен делать, — это смотреть вокруг.

— Я так и делаю, Горда. Но я не вижу ничего подобного. Женщины всегда позади. Они зависят от мужчин.

Она засмеялась. В ее смехе не было ни пренебрежения, ни язвительности. Он скорее был выражением чистого веселья.

— Ты знаешь мир людей лучше, чем я, — твердо сказала она. — Но я уже бесформенная, а ты — нет. Я говорю тебе — женщины как маги лучше, потому что перед нашими глазами есть трещина, а перед вашими нет.

Она не казалась сердитой, но я счел нужным объяснить, что задавал вопросы или делал замечания не потому, что нападал или защищался, а потому, что мне хотелось поговорить с ней.

Она сказала, что только и делает, что говорит со мной с тех пор, как мы встретились, и что Нагваль для этого и научил ее разговаривать.

— Все, что мы говорим, — продолжала она, — является отражением мира людей. Ты поймешь еще до отъезда, что ты говоришь и действуешь так только потому, что цепляешься за свою человеческую форму, как Хенарос и сестрички — за свою, когда стремятся убить друг друга.

— Но разве вы не обязаны сотрудничать с Паблито и Нестором?

— Хенаро и Нагваль сказали всем нам, что мы должны жить в гармонии,

помогать и защищать друг друга — потому что мы одиноки в этом мире. Мы вчетвером оставлены на попечение Паблито, но он трус. Если бы это зависело от него, то он бросил бы нас подыхать, как собак. Впрочем, когда Нагваль был здесь, Паблито был очень любезен с нами и очень о нас заботился. Мы обычно поддразнивали его и шутили, что он заботится о нас так, словно мы его жены. Нагваль и Хенаро сказали ему перед уходом, что у него есть реальный шанс стать Нагвалем, так как мы могли бы стать его четырьмя ветрами, его четырьмя сторонами света. Паблито воспринял это как свое задание и с тех пор изменился. Он просто невыносим и стал вести себя и командовать нами так, словно мы в действительности были его женами.

Я спросила Нагваля о шансах Паблито и он сказал мне, что я должна знать, что в мире воина все зависит от личной силы, а личная сила зависит от безупречности. Если бы Паблито был безупречен, он имел бы шанс. Я засмеялась, услышав это: я знаю Паблито очень хорошо. Но Нагваль объяснил, что нельзя относиться к этому легкомысленно. Он сказал, что у воинов всегда есть шанс, пусть даже и незначительный. Он заставил меня понять, что я воин и не должна препятствовать Паблито своими мыслями. Он сказал также, что я должна устранить их и предоставить Паблито самому себе, что безупречное действие для меня — это помогать Паблито, что бы там ни было мне о нем известно.

Я поняла то, что сказал Нагваль. Кроме того, у меня есть собственный долг перед Паблито, и я всегда при случае помогала ему. Но я знала, что, несмотря на мою помощь, он все равно потерпит неудачу. Я также знала, что у него нет того, что делало бы его подобным Нагвалю. Из-за своей небезупречности он просто жалок, но все еще хочет стать Нагвалем.

— Как он потерпел неудачу?

— Когда Нагваль ушел, у Паблито произошла смертельная схватка с Лидией. Несколько лет тому назад Нагваль дал ему задание стать мужем Лидии, но только для видимости. Местные жители думали, что она его жена. Лидии это было неприятно. Она очень вспыльчивая. Дело в том, что Паблито всегда боялся ее до смерти. Они никогда не могли поладить друг с другом и терпели друг друга только потому, что рядом был Нагваль. Но когда он ушел, Паблито стал еще более ненормальным, чем был, и пришел к убеждению, что у него достаточно личной силы, чтобы сделать нас своими женами. Трое Хенарос

собрались вместе, обсудили дальнейшие действия Паблито и решили, что сначала он должен взяться за самую несговорчивую женщину, Лидию. Дождавшись, когда она останется одна, все трое вошли в дом, схватили ее за руки, повалили на постель, и Паблито взобрался на нее. Сначала она думала, что Хенарос шутят. Но когда она поняла, что у них серьезные намерения, то ударила Паблито головой в середину лба и чуть не убила его. Хенарос убежали, а Нестору пришлось несколько месяцев лечить рану Паблито.

— Могу ли я хоть чем-то помочь им?

— Нет. К несчастью, их проблема заключается не в понимании. Все шестеро очень хорошо все понимают. На самом деле трудность в чем-то ином, очень угрожающем и ничто не может помочь им. Они индульгируют в попытке остаться неизменными. Так как они знают, что сколько бы они ни пытались, нуждались или хотели, но успеха в изменении не добьются, то вообще отказались от всяких попыток. Это так же неправильно, как и чувствовать себя обескураженным своими неудачами при попытке изменения. Нагваль говорил каждому из них, что воины — как мужчины, так и женщины — должны быть безупречными в своих усилиях измениться, чтобы вспугнуть свою человеческую форму и стряхнуть ее. Как сказал Нагваль, после многих лет безупречности наступит момент, когда форма не сможет больше выдержать и уйдет, как она покинула меня. Конечно, при этом она повреждает тело и может даже убить его, но безупречный воин всегда выживет.

Внезапный стук в дверь прервал ее. Ла Горда встала и пошла открывать. Это была Лидия. Она как-то очень официально приветствовала меня и попросила Ла Горду пойти вместе с ней. Они ушли.

Я был рад остаться в одиночестве. Несколько часов я работал над своими заметками. На открытой обеденной площадке было светло и прохладно.

Ла Горда вернулась около полудня. Она спросила меня, хочу ли я есть. Я не был голоден, но по ее настоянию поел. Она сказала, что контакты с союзниками очень изнурительны и что она чувствует себя очень слабой.

После еды я сел вместе с Ла Гордой и собрался расспросить ее о «сновидении», но внезапно дверь отворилась, и вошел Паблито. Он часто и тяжело дышал. Видимо, он бежал и был очень возбужден. С минуту он стоял у

двери, переводя дыхание. Он мало изменился. Пожалуй, он выглядел немного старше, может быть, чуть массивнее или, может быть, только более мускулистым. Однако он все еще оставался таким же худощавым и жилистым. Он был бледен, словно давно не был на солнце. Яркость его глаз контрастировала с едва заметными признаками утомления на лице. Я помнил очаровательную улыбку Паблито, а когда он стоял там, глядя на меня, его улыбка была столь же прекрасной, как и всегда. Он подбежал ко мне и молча схватил за руки. Я встал, а он слегка встряхнул и обнял меня. Я тоже был рад видеть его и подпрыгивал от радости, как ребенок. Я не знал, что сказать. Наконец, он нарушил молчание.

— Маэстро, — сказал он радостно, слегка наклоняя голову как бы в знак преклонения передо мной.

Титул «маэстро» — «учитель», застал меня врасплох. Я обернулся, как бы ища кого-то, кто находился прямо за мной. Я умышленно утрировал свои движения, чтобы показать свое недоумение. Он улыбался, и единственное, что пришло мне в голову, это спросить, как он узнал о моем приезде.

Он сказал, что Нестора и Бениньо заставило спешно вернуться необычайно сильное предчувствие. Оно заставило их бежать сутки без передышки. Нестор пошел домой, чтобы узнать, нет ли там чего-то, объясняющего их ощущения. Бениньо пошел в городок к Соледад, а он сам — к дому девушек.

— Ты попал в точку, Паблито. — сказал Ла Горда и засмеялась.

Паблито не ответил и свирепо посмотрел на нее, — Я уверен, что ты собираешься вывести меня из себя, — сказал он очень гневно.

— Не борись со мной, Паблито, — спокойно ответила Ла Горда.

Паблито повернулся ко мне и извинился, а затем очень громко добавил, словно хотел, чтобы кто-то еще услышал его, что он принес с собой собственный стул, чтобы сидеть на нем и ставить его там, где ему захочется.

— Вокруг никого нет, кроме нас, — мягко сказала Ла Горда и фыркнула.

— В любом случае я внесу свой стул, — сказал Паблито. — Ты не против,

Маэстро?

Я выглянул на Ла Горду. Она подала мне едва заметный знак разрешения кончиком ступни.

— Вноси, вноси все, что хочешь, — сказал я.

Паблито вышел из дому.

— Они такие всегда, — сказала Ла Горда. — Все трое.

Спустя несколько минут Паблито вернулся, неся на плечах необычного вида стул. Форма стула совпадала с очертаниями его спины, так что, когда он нес его на спине в перевернутом виде, стул был похож на рюкзак.

— Можно мне поставить его? — спросил он.

— Конечно, — сказал я, отодвигая скамейку, чтобы освободить место.

Он засмеялся с преувеличенной непринужденностью.

— Разве ты не Нагваль? — спросил он. — Или ты должен ожидать распоряжения?

— Я Нагваль, — шутливо ответил я, чтобы ублажить его.

Я чувствовал, что он ищет повод для ссоры с Ла Гордой. Она, должно быть, тоже почувствовала это, потому что извинилась и вышла в заднюю часть дома.

Паблито положил руки на спинку стула. Затем он взял стул в одну руку, развернул его и сел, заложив руки за спинку, что позволяло ему сидеть на нем с максимальным удобством. Я сел напротив. С уходом Ла Горды его настроение совершенно изменилось.

— Я должен попросить у тебя прощения за свое поведение, — улыбаясь, сказал он. — Но мне нужно были отделаться от этой ведьмы.

— Разве она такая плохая, Паблито?

— Можешь не сомневаться в этом, — ответил он.

Чтобы переменить тему, я сказал, что он выглядит прекрасно.

— Ты сам выглядишь прекрасно, Маэстро, — сказал он.

— Что за бред, какой я тебе Маэстро? — спросил я насмешливо.

— Многое изменилось, — сказал он — Мы находимся в новых условиях и Свидетель говорит, что ты теперь Маэстро, а Свидетель не ошибается. Но он сам расскажет тебе эту историю. Он скоро здесь появится и рад будет видеть тебя снова. Когда мы возвращались обратно, мы все почувствовали, что ты, видимо, уже в пути, но никто из нас не почувствовал, что ты уже прибыл.

Тут я сказал, что приехал с единственной целью — увидеть его и Нестора и что только с ними я могу поговорить о нашей последней встрече с доном Хуаном и доном Хенаро, и рассеять мою неуверенность по поводу этой встречи.

— Мы связаны друг с другом, — сказал он. — Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе. Однако я должен предупредить, что я не такой сильный, как ты думаешь. Лучше бы нам, наверное, не говорить вообще. Но, с другой стороны, если мы не поговорим, то никогда ничего не поймем.

Тщательно подбирая слова, я объяснил, что все мое затруднительное положение заключается в одном-единственном рациональном вопросе.

— Скажи мне, Паблито, — спросил я. — Мы действительно прыгнули в пропасть?

— Я не знаю, — ответил он. — Я действительно не знаю.

— Но ведь ты был рядом со мной?

— В том-то и дело. Был ли я там в самом деле?

Я был раздражен его загадочными ответами. У меня было такое чувство, что если бы я встряхнул его или стиснул, что-то в нем бы освободилось. Мне казалось, что он намеренно утаивает нечто важное. Я сказал, что он, видимо, решил быть скрытным со мной, хотя нас и связывают узы полного доверия.

Паблито качнул головой, как бы молча возражая против моего обвинения.

Я попросил его описать все переживания, начиная с момента, когда дон Хуан и дон Хенаро готовили нас к заключительному прыжку.

Ответ Паблито был невнятным и путаным. Все, что он мог вспомнить о последних минутах перед нашим прыжком в пропасть, — это то, что дон Хуан и дон Хенаро попрощались с нами и скрылись в темноте. В тот момент его сила иссякла и он был на грани срыва, но я взял его за руку и подвел к краю пропасти, и там он отключился.

— Что случилось потом, после того как ты отключился, Паблито?

— Я не знаю.

— Были ли у тебя видения? Что ты видел?

— Что касается меня, то у меня не было никаких видений, а если и были, то я не мог уделить им должного внимания. Мое отсутствие безупречности мешает мне вспомнить их.

— А потом что случилось?

— Я проснулся на старом месте Хенаро. Не знаю, как я туда попал.

Он замолчал, а я лихорадочно подыскивал в уме какой-нибудь вопрос или критическое замечание в надежде разговорить его. Фактически в ответе Паблито не было ничего, что могло бы помочь объяснить случившееся. Я почувствовал себя обманутым и почти рассердился. Мною овладело смешанное чувство разочарования в Паблито и жалости к нам обоим.

— Мне жаль, что я так разочаровал тебя, — сказал Паблито.

Моей мгновенной реакцией на его слова было скрыть свои ощущения и заверить его, что я вовсе не разочарован.

— Я маг, — сказал он, — скверный маг, но этого достаточно, чтобы знать, что мое тело говорит мне. И сейчас оно говорит мне, что ты на меня сердишься.

— Я не сержусь, Паблито! — воскликнул я.

— Это говорит твой разум, но не твое тело, — сказал он. — Твое тело сердится. Твой разум, однако, не находит причины сердиться на меня — так что ты попал под перекрестный огонь. Самое малое, что я могу для тебя сделать — так это распутать все это. Твое тело сердится, так как оно знает, что я небезупречен и что только безупречный воин может помочь тебе. Твое тело сердится потому, что знает, что я опустошаю тебя. Оно поняло это в ту минуту, когда я вошел в эту дверь.

Я не знал, что сказать и почувствовал внезапный приступ раскаяния. По-видимому, он был прав, когда говорил, что мое тело знало все это. Во всяком случае, прямота его тирады притупила остроту моего разочарования. Я спросил себя, не играет ли сейчас Паблито в какую-то игру со мной? Мне показалось, что с его прямотой и уверенностью он, видимо, не мог быть таким слабым, каким изобразил себя. Я сказал ему об этом.

— Моя слабость привела к тому, что у меня даже появилось томление, — сказал он шепотом. — Я томлюсь по жизни обычного человека. Можешь ли ты поверить в это?

— Этого не может быть, Паблито! — воскликнул я.

— Может, — ответил он. — Я тоскую по своей привилегии ходить по земле как обычный человек, без этого ужасного бремени.

Я нашел его позицию просто невозможной и снова и снова восклицал, что этого не может быть. Паблито посмотрел на меня и вздохнул. Внезапно меня осенило. Он, по-видимому, готов был разрыдаться. Мое понимание этого повлекло за собой интенсивное сочувствие. Никто из нас не мог помочь друг другу.

В этот момент на кухню вернулась Ла Горда. Паблито, казалось, мгновенно оживился. Он вскочил на ноги и затопал по полу.

— Какого дьявола тебе надо!? — завопил он визгливым нервным голосом. — Почему ты шныряешь вокруг?

Ла Горда обратилась ко мне, словно его и не существовало. Она вежливо сказала, что собирается пойти в дом к донье Соледад.

— На кой черт нам беспокоиться, куда ты идешь? — взвизгнул он. — Можешь отправляться хоть к чертовой матери.

Он затопал по полу, как капризный ребенок, тогда как Ла Горда стояла улыбаясь.

— Давай уйдем из этого дома, Маэстро, — громко сказал он.

Его внезапный переход от печали к гневу заворожил меня. Я целиком ушел в наблюдение за ним. Одной из его характерных черт, которые меня изумляли, была необыкновенная легкость движений. Даже когда он топал ногами, движения его были грациозны.

Внезапно он протянул руку над столом и чуть не вырвал мой блокнот. Он схватил его большим и указательным пальцами правой руки. Мне пришлось удерживать его изо всех сил обеими руками. В его тяге была огромная сила, так что если бы он действительно хотел забрать блокнот, он сделал бы это без труда. Но он отпустил его и когда он убирал руку, у меня появилось мимолетное впечатление, что она чем-то удлинена. Это случилось так быстро, что я мог объяснить это иллюзией, вызванной внезапностью толчка, произведенного огромной силой его попытки выдернуть блокнот. Но я был уже научен тому, что нельзя объяснять действия этих людей обычным образом, поэтому не стал и пытаться.

— Что у тебя в руке, Паблито? — спросил я.

Он отпрянул и изумленно спрятал руку за спину, смущённо пробормотав, что нам надо поскорее оставить этот дом, так как здесь ему становится дурно.

Ла Горда громко рассмеялась и сказала, что Паблито такой же хороший притворщик, как Хосефина, а может даже и лучше. И если я буду настаивать, чтобы он сказал, что у него в руке, он упадет в обморок и Нестору придется выхаживать его несколько месяцев.

Паблито начал задыхаться. Его лицо побагровело. Ла Горда равнодушно велела ему прекратить представление, потому что у него нет аудитории. Она уходит, а у меня не хватит терпения. Затем она обернулась ко мне и властно сказала, чтобы я не ходил к Хенарос.

— Почему, к дьяволу, нет? — завопил Паблито и подскочил к ней, словно пытаясь помешать ей уйти. — Какое нахальство! Говорить Маэстро, что он должен делать!

— У нас была стычка с союзниками прошлой ночью, — сказала Ла Горда Паблито как само собой разумеющееся. — Нагваль и я еще не пришли в себя после этого. Я бы на твоем месте, Паблито, уделила внимание работе. Ситуация изменилась. Все изменилось после его приезда.

Ла Горда вышла через переднюю дверь. Я начал понимать, что она действительно выглядит очень усталой. То ли ее туфли были ей чересчур тесны, то ли она была настолько слаба, что едва волочила ноги. Она казалась маленькой и хрупкой.

Я подумал, что, должно быть и сам выгляжу усталым. Так как в доме не было зеркал, мне захотелось выйти наружу и посмотреть на себя в боковое зеркальце моей машины. Я, наверное, так бы и сделал, но Паблито помешал мне. Очень искренне он попросил меня не верить ни слову из того, что она сказала о нем как о притворщике. Я предложил ему не беспокоиться об этом.

— Ты страшно не любишь Ла Горду, правда? — спросил я.

— Можешь повторить еще раз, — сказал он с лютым видом. — Ты лучше других знаешь, как опасны эти женщины. Нагваль сказал, что однажды ты приедешь сюда и попадешь к ним в лапы. Он умолял нас быть начеку и предупредить тебя об их замыслах. Нагваль сказал, что у тебя имеется одна из четырех возможностей: если бы наша сила была достаточной, мы могли бы привести тебя к себе предостеречь и спасти тебя; если бы у нас было мало

силы, то мы пришли бы сюда как раз для того, чтобы увидеть твой труп; третьей — было бы найти тебя пленником доньи Соледад или одной из этих омерзительных баб; четвертой и самой неправдоподобной было бы найти тебя живым и здоровым.

Нагваль сказал, что если ты останешься в живых, ты сам станешь Нагвалем и мы должны будем верить тебе, потому что только ты сможешь нам помочь.

— Я сделаю для тебя все что смогу, Паблито. Ты знаешь это.

— Не только для меня. Я не один. Свидетель и Бениньо со мной. Мы вместе, и ты должен помочь всем нам.

— Конечно, Паблито. Об этом не может быть и речи.

— Люди здесь, в округе, никогда не беспокоили нас. Все наши проблемы связаны с этими безобразными мужеподобными уродинами. Мы не знаем, что делать с ними. Нагваль приказал нам оставаться возле них несмотря ни на что. Раньше я был очень счастлив. Теперь я, кажется, больше не смогу наладить свою жизнь.

— Что случилось, Паблито?

— Эти ведьмы выжили меня из дому. Они взяли верх и выбросили меня из дому, как мусор. Теперь я живу в доме Хенаро вместе с Нестором и Бениньо. Нагваль сказал, что такое может случиться, и дал Ла Горде задание быть посредником между нами и этими тремя суками, но Ла Горда все еще остается такой, какой Нагваль обычно называл ее — Двести Двадцать Задниц. Он дал ей это прозвище потому, что она весила двести двадцать фунтов, и она носила его много лет.

При воспоминании о Ла Горде Паблито фыркнул от смеха.

— Она была самой жирной и вонючей недотепой, какую только можно представить, — продолжал он. — Сейчас она весит вдвое меньше, но по своему уму все еще остается такой же толстой и ленивой и ничего не может сделать для нас. Но теперь ты здесь, Маэстро, и наши беды позади. Теперь нас четверо против четверых.

Я хотел вставить замечание, но он остановил меня.

— Позволь мне закончить то, что я хотел сказать, прежде чем эта ведьма вернется обратно, чтобы вышвырнуть меня, — сказал он, нервно поглядывая на дверь. — Я знаю, что они сказали тебе, что вы пятеро — одно и то же, так как вы — дети Нагваля. Это ложь! Ты подобен и нам, Хенарос, потому что Хенаро помогал тебе формировать твою светимость. Ты тоже один из нас. Понимаешь, что я имею в виду? Так что не верь тому, что они говорят. Точно так же ты принадлежишь и нам. Ведь они не знают, что Нагваль рассказал нам все. Они думают, что только они все знают. Нас сделали два толтека. Мы — дети обоих. Эти ведьмы...

— Постой-постой, Паблито, — сказал я, закрыв ему рот рукой.

Он остановился, очевидно испуганный моим внезапным жестом.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что понадобились два толтека для того, чтобы сделать нас?

— Нагваль говорил нам, что мы — толтеки. Он сказал нам, что толтек — это получатель и хранитель тайн. Нагваль и Хенаро — толтеки. Они дали нам свою особую светимость и свои тайны. Мы получили тайны, и теперь храним их.

Использование им слова «толтек» озадачило меня. Я был знаком только с его антропологическим значением. В этом контексте оно относилось к культуре говорящего на языке науатль народа в Центральной и Южной Мексике, которая ко времени Конкисты уже угасала.

— Почему он называл нас толтеками? — спросил я в полном недоумении.

— Потому что мы ими являемся. Вместо того, чтобы называть нас магами или колдунами, он говорил, что мы — толтеки.

— Если это так, то почему ты называешь сестричек ведьмами?

— А, это потому, что я ненавижу их. Это не имеет никакого отношения к тому,

чем мы являемся.

— Нагваль говорил это всем?

— Да, конечно. Все знают это.

— Но он никогда не говорил этого мне.

— Ну, это потому, что ты очень образованный человек и всегда начинаешь обсуждать любую ерунду.

Он пронзительно рассмеялся и похлопал меня по спине.

— Нагваль случайно не говорил тебе, что толтеки были древним народом, который жил в этой части Мексики? — спросил я.

— Видишь, куда тебя заносит. Вот поэтому он и не говорил тебе. Старый ворон, наверное, и не знал, что толтеки были древним народом.

Смеясь, он стал раскачиваться на своем стуле. Смеялся он очень заразительно и с большим удовольствием. Потом встал и прошел к кухонной плите. Изучив содержимое горшка, стоявшего на малом огне, он спросил, кто приготовил эту еду. Я был совершенно уверен, что это дело рук Ла Горды, но ответил, что не знаю. Он несколько раз принюхался к нему короткими вдохами, как собака, и заявил, что нос говорит ему: еду готовила Ла Горда. Он спросил меня, пробовал ли я это, и когда я сказал, что закончил есть как раз перед его приходом, он взял миску с полки и положил себе огромную порцию. Он настоятельно порекомендовал мне есть только пищу, приготовленную Ла Гордой и пользоваться только ее миской, как это делает он сам. Я ответил, что Ла Горда и сестрички подавали мне еду в темной миске, которую держали на полке отдельно от остальной посуды. Он сказал, что она принадлежала самому Нагвалю. Мы вернулись к столу Он ел молча и очень медленно. Его полная сосредоточенность заставила меня осознать, что в полном молчании все они ели всегда.

— Ла Горда — великая повариха, — сказал он, закончив есть, — Она обычно кормила меня. Это было много лет назад, когда она еще не ненавидела меня — до того, как она стала ведьмой, я имею в виду — толтеком.

Он посмотрел на меня с искоркой в глазах и подмигнул.

Я почувствовал себя обязанным ответить ему, что Ла Горда не производит на меня впечатления человека, способного кого-то ненавидеть. Я поинтересовался, знает ли он, что она потеряла свою форму.

— Это сплошной вздор! — воскликнул он.

Он уставился на меня, как бы оценивая мой удивленный взгляд, а затем закрыл лицо рукой и захихикал, как смущенный ребенок.

— Ну, хорошо — она действительно сделала это, — сказал он. — Она просто великолепна.

— Почему же тогда ты не любишь ее?

— Я хочу кое-что рассказать тебе, Маэстро, потому что верю тебе. Неправда, что я совершенно не люблю ее. Она самая лучшая. Она — женщина Нагваля. Просто я веду себя с ней так, потому что мне нравится, когда она балует меня, и она делает это. Она никогда на меня не раздражается. Я могу делать все что угодно. Иногда меня заносит, мною овладевает физическое возбуждение и я хочу отколотить ее. Когда это случается, она просто отходит в сторону, как это обычно делал Нагваль. В следующий момент она даже не помнит, что я сделал. Это настоящий бесформенный воин для тебя. Она ведет себя точно так же со всеми. Но остальные для нас — сущий кошмар. Мы по-настоящему плохие. Те три ведьмы ненавидят нас, а мы ненавидим их.

— Вы — маги, Паблито. Неужели вы не можете прекратить ваши пререкания?

— Конечно же можем, но не хотим. Ты что, ждешь от нас, что мы будем братьями и сестрами?

Я не знал, что сказать.

— Они были женщинами Нагваля, — продолжал он. — И все же все ожидали, что возьму их я. Как, во имя неба, я должен был сделать это! Я сделал попытку с одной, но вместо того, чтобы помочь мне, ублюдочная ведьма чуть

не убила меня. В результате теперь эти бабы остерегаются меня, словно я совершил преступление. Все, что я делал — это выполнял инструкции Нагваля. Он сказал мне, что я должен вступить в интимную связь с каждой из них по-очереди, пока я не смогу владеть всеми вместе. Но я не мог вступить в интимную связь даже с одной.

Я хотел спросить его о его матери, донье Соледад, но не мог придумать предлог, чтобы перевести разговор на эту тему. С минуту мы молчали.

— А ты ненавидишь их за то, что они пытались сделать с тобой, или нет? — внезапно спросил он.

Я увидел свой шанс.

— Нет, ничуть, — сказал я. — Ла Горда объяснила мне их мотивы. Но вот нападение доньи Соледад было очень жутким. Ты часто видишься с ней?

Не отвечая, он смотрел в потолок. Я повторил свой вопрос, но вдруг заметил, что его глаза полны слез. Его тело конвульсивно вздрагивало от тихих рыданий.

Он сказал, что когда-то у него была прекрасная мать, которую я, без сомнения, помню и сам. Ее звали Мануэлита; святая женщина, которая поставила на ноги двух своих детей, работая ради этого, как мул. Он испытывал самое глубокое почтение к женщине, которая любила и растила его. Но однажды его несчастливая судьба привела его к встрече с Хенаро и Нагвалем и они, действуя совместно, разрушили его жизнь. Очень эмоционально Паблито сказал, что эти два дьявола взяли его душу и душу его матери. Они убили его Мануэлиту и оставили вместо нее эту жуткую ведьму Соледад. Он посмотрел на меня глазами, полными слез, и сказал, что эта отвратительная женщина — не его мать. Она никак не могла быть его Мануэлитой.

Он неудержимо рыдал. Я не знал, что сказать. Его эмоциональный взрыв был таким неподдельным, а слова такими правдивыми, что на меня нахлынула волна сентиментальности. Мысля как обычный цивилизованный человек, я должен был согласиться с ним. То, что его путь пересекся с путем дона Хуана и дона Хенаро, безусловно, выглядело как несчастье для Паблито.

Я положил руку ему на плечо и сам едва не заплакал.

После долгого молчания он встал и прошел вглубь дома Я услышал, как он прочищает нос и умывается в бадье. Когда он вернулся, он был спокойнее и даже улыбался.

— Не пойми меня неправильно, Маэстро, — сказал он, — в том, что случилось со мной, я никого не виню. Это была моя судьба. Хенаро и Нагваль действовали как безупречные воины. Я просто слаб, вот и все. Потому я и потерпел неудачу при выполнении своего задания. Нагваль сказал, что мой единственный шанс избежать нападения этой ужасной ведьмы — это овладеть четырьмя ветрами и сделать их четырьмя сторонами света. Но я потерпел неудачу. Эти женщины были в сговоре с Соледад и не захотели помочь мне. Нагваль говорил, что если я потерплю неудачу, у тебя самого не останется никаких шансов. Если бы она убила тебя, то я должен был спасаться и бежать ради спасения своей жизни. Правда, он сомневался, что я успею добраться даже до дороги. Он сказал, что, располагая твоей силой вдобавок к тому, что эта ведьма уже знает, она будет несравненной. Поэтому когда я потерпел неудачу в своей попытке овладеть четырьмя ветрами, я понял, что пропал. И, разумеется, возненавидел этих женщин. Но сегодня Маэстро ты снова дал мне надежду.

Я сказал, что его чувства к матери глубоко тронули меня. Но все происшедшее настолько потрясло и ужаснуло меня, что я сомневаюсь что сейчас могу дать ему хоть какую-то надежду.

— Дал! — убежденно воскликнул он. — Все это время я ужасно себя чувствовал. Любому станет не по себе, если тебя будет преследовать собственная мать с топором к руке. Но теперь она выбыла из игры благодаря тебе и тому, что ты сделал.

Эти женщины убеждены в том что я трус, и поэтому ненавидят меня. В их тупых головах не укладывается, что мы просто разные. Ты и эти четверо женщин отличаетесь от меня, Нестора и Бениньо в одном. Все вы были, можно сказать мертвы до того, как Нагваль нашел вас. Он говорил мне, что вы даже пытались покончить с собой. Мы не такие. Мы были благополучными, жизнерадостными и счастливыми. Мы противоположны вам. Вы —

отчаявшиеся люди. Мы — нет. Если бы Хенаро не встретился на моем пути, я был бы счастливым плотником. А может, уже бы и умер. Это не имеет значения. Я делал бы то, что мог, и это было бы прекрасно.

Его слова вызвали у меня любопытное настроение. Я вынужден был признать, что он прав — и эти женщины и я на самом деле были людьми отчаявшимися. Если бы я не встретил дона Хуана, то, несомненно, был бы мертв. Но я не мог сказать, как Паблито, что в любом случае я чувствовал бы себя прекрасно. Дон Хуан дал жизнь и энергию моему телу и свободу моему духу.

Утверждения Паблито заставили меня вспомнить слова дона Хуана об одном старике, моем друге. Дон Хуан сказал очень выразительно, что жизнь или смерть этого старика не имеют абсолютно никакого значения. Я почувствовал некоторое раздражение, так как подумал, что дон Хуан хватил через край. Я сказал, что конечно, жизнь или смерть этого старика не имеют никакого значения, поскольку все в мире имеет какое-то значение только лично для каждого из нас.

— Ты сказал! — воскликнул он и засмеялся, — Это именно то, что я имею в виду. Жизнь и смерть этого старика не имеют значения для него лично. Он мог бы умереть в 1929, или в 1950, или жить до 1995 года. Это не имеет значения. Все одинаково бестолково для него.

До встречи с доном Хуаном вся моя жизнь протекала по этому руслу. Ничто никогда не было важным для меня. Я действовал так, как если бы определенные вещи волновали меня, но это было только рассчитанной уловкой, чтобы казаться чувствительным человеком.

Заговорив, Паблито прервал мои размышления. Он спросил, не задел ли он моих чувств. Я заверил его, что это пустяки. Продолжая разговор я поинтересовался, как он встретился с доном Хенаро.

— Моя судьба пришла в виде болезни моего хозяина, — сказал он. — Мне пришлось пойти вместо него на городской рынок, чтобы построить там новую секцию мануфактурных киосков. Я работал там два месяца. Там я встретил дочь владельца одного из киосков. Мы влюбились друг в друга. Я сделал прилавок киоска ее отца немного пошире, чтобы мы могли заниматься любовью под стойкой, а ее сестра в это время обслуживала покупателей.

Однажды Хенаро принес торговцу напротив мешок лекарственных трав и во время разговора с ним заметил, что прилавок мануфактурной лавки сотрясается. Он внимательно посмотрел на стойку, но увидел только полусонную сестру, сидящую на стуле. Тот человек сказал Хенаро, что каждый день примерно в это время этот прилавок так трясется. На следующий день Хенаро привел Нагваля посмотреть на трясущийся прилавок, и он действительно в тот день трясся. Они пришли на следующий день и киоск содрогался снова. Тогда они стали ждать, пока я выйду. В тот день я познакомился с ними, а после этого Хенаро сказал мне, что он травник и предложил изготовить снадобье, против которого не устоит ни одна женщина. Я любил женщин и попался на это. Он, конечно, сделал снадобье для меня, но для этого ему понадобилось десять лет. За это время я хорошо узнал его и полюбил, как родного брата. А теперь мне его чертовски не хватает. Так что ты видишь, он поймал меня на крючок. Иногда я рад, что он сделал это, но чаще я негодую.

— Дон Хуан сказал мне, что он должен был получить какой-нибудь знак, прежде чем выбрать кого-то. Было ли в твоем случае что-либо подобное?

— Да. Хенаро сказал, что сначала он с любопытством смотрел, как сотрясается стойка, а потом он увидел, что два человека занимаются любовью под прилавком. Тогда он сел, чтобы посмотреть на людей, которые выйдут оттуда; ему было любопытно узнать, кто там был. Через некоторое время за стойкой появилась девушка, но меня он пропустил. Он подумал, что это очень странно, не мог он пропустить меня, ведь он принял решение обязательно меня увидеть. На следующий день он пришел вместе с Нагвалем. И тот тоже видел, что два человека занимаются любовью под прилавком, но когда они хотели засечь меня, то пропустили снова. Они вновь пришли на следующий день. Хенаро обошел вокруг и стал за стойкой, а Нагваль остался стоять перед ней. Когда я выползал, то наткнулся на Хенаро. Я подумал, что он еще не увидел меня, так как был все еще скрыт куском ткани, прикрывающим маленькое квадратное отверстие, проделанное мною на боковой стенке прилавка. Я начал тявкать, чтобы он подумал, что за занавеской была собачонка. Он неожиданно зарычал и залаял, да так, что я и в правду поверил, что с той стороны меня ждет огромная и свирепая собака. Я так перепугался, что выбежал с другой стороны прилавка и с размаху налетел на Нагваля. Если бы он был обыкновенным человеком, то я бы его опрокинул, так как врезался

прямо в него, но вместо этого он подхватил меня как ребенка. Я был изумлен до предела. Для такого старика он был невероятно силен. Я подумал, что мог бы использовать такого силача для переноски строительных материалов. К тому же мне не хотелось терять лица перед человеком, который видел меня выбегающим из-под прилавка. Я спросил его, не хочет ли он работать на меня. Он согласился. В тот же день он пришел в мастерскую и стал работать моим подручным. Он работал так ежедневно в течение нескольких месяцев. Эти два дьявола не оставили мне ни единого шанса.

Невообразимый образ дона Хуана, работающего на Паблито, страшно развеселил меня. Паблито начал имитировать, как дон Хуан переносил на своих плечах строительные материалы. Я должен был согласиться с Ла Гордой, что Паблито такой же хороший актер, как и Хосефина.

— Почему они пошли на все эти хлопоты, Паблито?

— Они должны были заманить меня. Или ты думаешь, что я повел бы себя с ними, как ты? Я с детства слышал о магах, колдунах и духах. Я, конечно, не верил всему этому ни на грош. Те, кто трепался об этом, были просто ничтожными людьми. Если бы Хенаро сказал мне, что он и его друг — маги, я бы распрощался с ними сразу. Но они были слишком умны для меня. Эти два лиса были весьма хитры. Они не спешили, Хенаро сказал, что он ждал бы меня, даже если бы ему на это понадобилось двадцать лет. Поэтому Нагваль и пошел работать на меня. Я сам попросил его об этом, так что фактически это я сам и дал им ключ.

Нагваль был усердным работником. Я был немного плутоват и думал, что смогу обмануть его. Я верил, что Нагваль — просто глупый старый индеец, поэтому я сказал, что собираюсь представить его своему хозяину как своего дедушку, иначе его не возьмут на работу. Но за это я должен получать какую-то долю его заработка. Нагваль сказал, что его это вполне устраивает. Он отдавал мне кое-что из тех нескольких песо, которые он зарабатывал ежедневно.

Мой хозяин был очень впечатлен тем, что мой дедушка такой выносливый работник. Но другие парни смеялись над ним. Как ты знаешь, у него была привычка время от времени трещать всеми суставами. В мастерской он трещал ими всякий раз, когда что-нибудь нес. Люди, естественно, думали, что у него

от старости уже скрипит тело.

Я выглядел довольно жалко в сравнении с Нагвалем. играющим роль моего дедушки. Но к тому времени Хенаро уже воспользовался моей алчностью. Он сказал, что дает Нагвалю особый состав, изготовленный из растений, делающий его сильным, как бык. Хенаро сказал, что его друг ничего собой не представляет без его стряпни и, чтобы доказать мне это, он не давал ее ему два дня. Без зелени Нагваль был обычным стариком. Хенаро сказал, что я также мог бы воспользоваться его снадобьем, чтобы заставлять женщин любить себя. Я очень заинтересовался этим и сказал, что мы могли бы быть партнерами, если я буду помогать ему готовить состав и давать его Нагвалю. Однажды он показал мне немного американских денег и сказал, что продал первую партию одному американцу. Этим он поймал меня на удочку и я стал его партнером.

Мой партнер Хенаро и я имели большие замыслы. Он сказал, что мне нужно иметь собственную мастерскую, потому что с деньгами, которые мы собираемся заработать на его снадобье, я смогу позволить себе все что угодно. Я купил мастерскую и мой партнер уплатил за нее. Так я ввязался в эту сумасбродную идею. Я знал, что мой партнер предложил мне стоящее дело и начал работать, изготавливая его зеленую смесь.

Тут у меня появилась странная уверенность, что Хенаро, должно быть, использовал психотропные растения для изготовления своего снадобья. Я рассуждал, что он должен был хитростью заставить его принимать их, чтобы добиться его податливости.

— Он давал тебе растения силы, Паблито? — спросил я.

— Разумеется. Он давал мне зеленую массу, и я ел ее тоннами.

Он описал и имитировал, как дон Хуан сидит у дверей дома дона Хенаро в состоянии глубокой апатии, а затем внезапно оживает, как только его губы прикасаются к снадобью. Паблито сказал, что, глядя на такое превращение, он был готов попробовать его сам.

— Что было в этом составе? — спросил я.

— Зеленые листья, — сказал он, — Первые попавшиеся зеленые листья. Вот таким дьяволом был Хенаро. Он обычно говорил о своем составе и заставлял меня так смеяться, что я начинал парить, как воздушный змей. Боже, как я любил те дни!

У меня вырвался нервный смешок. Паблито несколько раз качнул головой и прочистил горло. Он, казалось, еле сдерживался, стараясь не заплакать.

— Как я уже говорил, Маэстро, — продолжал он, — мною двигала жадность. Я тайно планировал скрыться от своего партнера, когда научусь делать зеленую смесь. Хенаро, должно быть, всегда знал о моих замыслах, и перед тем, как уйти он крепко обнял меня и сказал, что настало время выполнить мое желание; самое время отделаться от партнера, ведь я уже научился делать зеленую смесь.

Паблито встал. Глаза его увлажнились слезами.

— Этот негодяй Хенаро, — сказал он тихо. — Этот проклятый дьявол. Я по-настоящему люблю его, и если бы я не был таким трусом, я бы сегодня делал его зеленую смесь.

Мне не хотелось больше писать. Чтобы рассеять свою печаль, я сказал Паблито, что нужно пойти и отыскать Нестора.

Я раскладывал свои заметки но порядку, собираясь уходить, как вдруг передняя дверь с шумом распахнулась. Я непроизвольно вскочил и быстро повернулся. У двери стоял Нестор. Я побежал к нему. Мы встретились посреди прихожей. Он чуть было не запрыгнул на меня, тряся меня за плечи. Он выглядел выше и сильнее, чем в последнюю нашу встречу. Его длинное худощавое тело было по-кошачьему гибким. Каким-то образом человек, стоящий лицом к лицу со мной и смотрящий на меня, не был тем Нестором, которого я знал. Я помнил его очень застенчивым человеком, который стеснялся улыбаться из-за своих кривых зубов, доверенного попечению Паблито. Смотрящий на меня Нестор был смесью дона Хуана и дона Хенаро. Он был жилистым и проворным, как дон Хенаро, и одновременно обладал магнетической властью дона Хуана. Я собирался было индульгировать в своем замешательстве, но в итоге смог только рассмеяться вместе с ним. Он похлопал меня по спине и снял свою шляпу. Тут только я осознал, что у

Паблито шляпы не было. Я заметил также, что Нестор был гораздо темнее и черты его лица были намного грубее. Рядом с ним Паблито выглядел почти хрупким. Оба носили американские джинсы фирмы «Levi's», толстые куртки и ботинки на каучуковой подошве.

В присутствии Нестора в доме мгновенно исчезло подавленное настроение. Я пригласил его присоединиться к нам на кухне.

— Ты пришел как раз вовремя, — сказал Паблито Нестору с широкой улыбкой, когда мы сели. — Маэстро и я здесь прослезились, вспоминая дьяволов-толтеков.

— Ты действительно плакал, Маэстро? — спросил Нестор с ехидной улыбкой.

Очень тихий треск у двери заставил Паблито и Нестора замолчать. Если бы я был один, то не обратил бы на него внимания. Паблито и Нестор встали и я сделал то же самое. Мы посмотрели на переднюю дверь — она очень осторожно открывалась. Я подумал, что, наверное, вернулась Ла Горда и тихо открывает дверь, чтобы не побеспокоить нас. Когда дверь открылась достаточно широко, чтобы через нее мог пройти человек, вошел Бениньо, двигаясь так, словно крался в темную комнату. Его глаза были закрыты и шел он на цыпочках. Он напомнил мне подростка, прокрадывающегося в кинотеатр через незапертую дверь, чтобы посмотреть фильм. Он и нашуметь боится, и в темноте увидеть ничего не может.

Все молча смотрели на Бениньо. Он открыл один глаз ровно настолько чтобы сориентироваться, а затем пошел на цыпочках через переднюю дверь в кухню. С минуту он постоял у стола с закрытыми глазами. Затем Бениньо опустился рядом со мной на скамейку. Он мягко боднул головой мое плечо. Это был легкий толчок, означавший, что мне нужно отодвинуться, освобождая ему место на скамейке. Затем он уселся поудобнее все еще с закрытыми глазами.

Одет он был так же, как Паблито и Нестор. Его лицо слегка располнело после последней нашей встречи, состоявшейся несколько лет назад. Линия его волос изменилась, но я не мог сказать как. У него было более светлое лицо, чем я помнил, очень мелкие зубы, полные губы, широкие скулы, небольшой нос и большие уши. Он всегда казался мне выросшим ребенком, чьи черты так и не стали зрелыми.

Паблито и Нестор, прервавшие разговор, чтобы наблюдать за тем, как вошел Бениньо, возобновили беседу, словно ничего не произошло.

— Разумеется, он плакал вместе со мной, — сказал Паблито.

— Он не плакса, как ты, — сказал Нестор.

Затем он повернулся и обнял меня.

— Я очень рад, что ты жив, — сказал он. — Мы только что разговаривали с Ла Гордой и она сказала нам, что ты — Нагваль, но не рассказала, как ты остался в живых, Маэстро?

Здесь мне предстоял странный выбор. Я мог бы идти по пути своего разума, как делал это обычно, и сказать, что не имею ни малейшего понятия, и был бы прав. Либо я мог сказать, что мой дубль вызволил меня из лап этих женщин. Я взвешивал в уме эффект этих двух возможностей, как вдруг меня отвлек Бениньо. Он слегка приоткрыл один глаз и захихикал, спрятав голову в ладони.

— Бениньо, ты не хочешь разговаривать со мной? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

Я чувствовал себя неловко рядом с ним, и решил узнать, что с ним происходит.

— Что он делает? — спросил я Нестора.

Нестор похлопал Бениньо по голове и встряхнул его.

Бениньо открыл глаза, а затем снова закрыл их.

— Он всегда такой, ты же знаешь, — сказал Нестор. — Он крайне застенчив. Рано или поздно он откроет глаза. Не обращай на него внимания. Если ему надоест, он заснет.

Бениньо утвердительно кивнул головой, не открывая глаз.

— Ну, хорошо — как ты выкарабкался? — настаивал Нестор.

— Ты не хочешь рассказать нам? — спросил Паблито.

Я осторожно рассказал, что мой дубль трижды выходил из макушки моей головы. Потом я дал им подробный отчет о случившемся.

Они нисколько не удивились и восприняли мой рассказ как должное. Паблито стал смаковать мои спекуляции о том, что донья Соледад могла не поправиться и в конце концов умереть. Он хотел знать, стукнул ли я точно так же и Лидию. Нестор решительным жестом велел ему замолчать и Паблито послушно остановился посереди фразы.

— Я извиняюсь, Маэстро, но это был не твой дубль, — сказал Нестор.

— Но все говорили, что это был мой дубль.

— Я знаю наверняка, что ты неправильно понял Ла Горду. Когда мы с Бениньо шли сюда, Ла Горда перехватила нас и сказала, что ты и Паблито находитесь здесь в этом доме. Она назвала тебя Нагвалем. Знаешь, почему?

Я засмеялся и сказал, что это, наверное, потому, что Нагваль передал мне большую часть своей светимости.

— Один из нас дурак! — сказал Бениньо гулким голосом не открывая глаз.

Звук его голоса был таким диковинным, что я отпрыгнул от него. Его совершенно неожиданное заявление плюс моя реакция на него заставили всех рассмеяться. Бениньо открыл один глаз, посмотрел на меня и спрятал свою голову в руки.

— Ты знаешь, почему мы называли дона Хуана Матуса Нагвалем? — спросил меня Нестор.

Я сказал, что всегда думал, что это был осторожный способ называть дона Хуана магом.

Бениньо засмеялся так громко, что звук его голоса заглушил смех остальных. Казалось, он искренне наслаждался. Он опустил голову на мое плечо, словно не мог больше выдерживать ее тяжести.

— Причина, по которой мы называли его Нагвалем, — продолжал Нестор, — в том, что он был расщеплен надвое. Другими словами, когда ему это было нужно, он мог попасть в другую колею. Мы не можем сделать этого. Из него выходило что-то такое, что было не его дублем, а какой-то устрашающей грозной фигурой. Она выглядела точно как он, но была вдвое больше по величине. Мы называли эту фигуру нагвалем, и каждый, у кого она есть, является Нагвалем.

Нагваль сказал нам, что все мы могли бы иметь эту фигуру, выходящую из головы, но обстоятельства складываются так, что никто из нас не хочет этого. Кажется, ты — единственный, кому ее всучили.

Они захохотали и завопили, как будто загоняли стадо скота. Бениньо обнял меня за плечи, не открывая глаз, и смеялся до тех пор, пока по его щекам не покатились слезы.

— Почему ты говоришь, что мне всучили ее? — спросил я Нестора.

— Она требует слишком много энергии, — сказал он. — Слишком много труда. Я не знаю, как ты все еще держишься на ногах. Нагваль и Хенаро однажды расщепили тебя в эвкалиптовой роще. Они взяли тебя туда, потому что эвкалипты — твои деревья. Я присутствовал там и был свидетелем, как они расщепили тебя и вытащили твой нагваль наружу. Они тащили тебя врозь за уши, пока не расщепили твою светимость, и ты больше был не яйцом, а двумя светящимися кусками. Затем они сложили тебя вместе снова, но любой маг, который видит, может сказать, что там, в середине есть огромный пробел.

— В чем преимущество такого расщепления?

— У тебя есть, одно ухо, которое слышит все, и один глаз, который видит все, и ты всегда будешь способен пройти лишнюю милю в случае необходимости. По этой же причине мы называем тебя теперь «Маэстро».

Они пытались расщепить Паблито, но, судя по всему, потерпели неудачу. Он слишком избалован и всегда индульгирует, как ублюдок. Именно поэтому он теперь такой взвинченный.

— Что же тогда такое дубль?

— Дубль — это Другой. Это тело, которое человек получает в сновидении. Он выглядит в точности как сам человек.

— У вас у всех есть дубли?

Нестор удивленно уставился на меня.

— Эй, Паблито! Скажи Маэстро насчет наших дублей, — засмеялся он.

Паблито протянул руку через стол и встряхнул Бениньо.

— Расскажи ему ты, Бениньо. — сказал он, — Или лучше покажи.

Бениньо встал, открыл глаза как можно шире и посмотрел на крышу. Затем он сдернул штаны и показал мне свой пенис.

Хенарос хохотали, как сумасшедшие.

— Когда ты спрашивал меня, ты действительно это имел в виду, Маэстро? — нервно спросил меня Нестор.

Я заверил их, что был предельно серьезен, желая знать все, относящееся к их знанию. Я пустился в длинные объяснения, что дон Хуан держал меня вдали от них и по причинам, которые мне были непонятны, не давал мне возможности знать о них больше.

— Пожалуйста, подумай вот о чем, — сказал я. — Еще три дня назад я не знал, что эти четыре девушки были ученицами Нагваля, или что Бениньо был его учеником. Бениньо открыл глаза.

— Пожалуйста, подумай об этом сам, — сказал он. — Я не знал до сих пор, что ты такой глупый.

Он снова закрыл глаза, и все безумно захохотали.

Мне ничего другого не оставалось как только самому присоединиться.

— Мы сейчас дразним тебя, Маэстро, — сказал Нестор в виде оправдания. — Мы думали, что ты разыгрываешь нас, нарочно растравляя. Нагваль сказал, что ты видишь. Если ты действительно видишь, то ты можешь знать, что мы — жалкая компания. Мы не имеем тела сновидения. Никто из нас не имеет дубля.

Очень серьезным и откровенным тоном Нестор сказал, что что-то пролегло между ними и их желанием иметь дубль. Я понял это высказывание так, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, возник некий барьер. Он считал это результатом поражения Паблито в выполнении своего задания.

Паблито добавил, что с тех пор, как ушли дон Хуан и дон Хенаро, что-то как будто преследует их. И даже вынужден был вернуться Бениньо, живший в то время на юге Мексики. Только когда они трое были вместе, они могли чувствовать себя легко.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил я Нестора.

— Есть что-то в этой безбрежности, что толкает нас, — ответил он, — Паблито думает, что это следствие его неудачной попытки вступить в связь с женщинами.

Паблито повернулся ко мне. Его глаза ярко сияли.

— Они наложили проклятие на меня, Маэстро, — сказал он. — Я знаю, что причина всех неприятностей заключается во мне. Я хотел скрыться из этих мест после своей борьбы с Лидией и спустя несколько месяцев удрал в Веракрус. Я был там на самом деле счастлив с одной девушкой, на которой хотел жениться. Нашел работу, и все было прекрасно до тех пор, пока однажды я пришел домой и увидел, что эти четыре мужеподобные уродки, словно хищные звери, нашли меня по моему следу. Они были в моем доме, мучая мою женщину. Эта сука Роза наложила руку на живот этой женщины и заставила ее нагадить в постель. Их лидер, Двести Двадцать Задниц, сказала

мне, что они прошли всю страну, разыскивая меня. Тут же она схватила меня за пояс и потащила прочь. Я осатанел хуже дьявола, но ничего не мог поделать с Двести Двадцать Задниц. Она посадила меня в автобус. Но по дороге я сбежал. Я бежал через кусты и холмы, пока мои ноги не опухли так, что я не мог снять свои башмаки. Я почти умирал. Я был болен девять месяцев. Если бы Свидетель не нашел меня, я бы уже умер.

— Я не находил его, — сказал мне Нестор, — его нашла Ла Горда. Она взяла меня туда где он был, и мы вдвоем отнесли его к автобусу и привезли сюда. Он был в бреду, и мне пришлось доплатить, чтобы водитель автобуса разрешил нам провезти его.

Невероятно драматическим тоном Паблито сказал, что не изменил своего намерения. Он все еще хочет умереть.

— Но почему?

Вместо него гортанно ответил Бениньо.

— Его член не работает.

Звук его голоса был таким необычным, что на мгновение мне показалось, что он говорит из пещеры. Это было одновременно и пугающе и нелепо. Я невольно рассмеялся.

Нестор сказал, что Паблито пытался выполнить свое задание — установить половые отношения с женщинами согласно инструкции Нагваля. Тот сказал Паблито, что его четыре стороны света уже приведены в нужное положение и что ему нужно только заявить свои права на них. Но когда Паблито пошел, чтобы «заявить право» на свою первую сторону, Лидию, она чуть не убила его. Нестор добавил, что по его личному мнению как свидетеля этого события, Лидия ударила Паблито не потому, что была возмущена происходящим, а потому, что Паблито оказался несостоятельным как мужчина.

— Паблито действительно заработал болезнь в результате этого удара или он только делал вид? — спросил я полушутя.

Бениньо ответил таким же гулким голосом.

— Он просто делал вид! — сказал он. — Все, что он получил, была шишка на голове.

Паблито и Нестор захохотали и завопили.

— Мы не виним Паблито за то, что он боится этих женщин, — сказал Нестор. — Они точно такие же, как Нагваль, — устрашающие воины. Они серьезные и хмурые. Когда Нагваль был рядом, они обычно сидели около него и пристально смотрели вдаль часами, иногда днями.

— Это правда, что Хосефина была когда-то ненормальная?

— Это смешно, — сказал Паблито. — Не когда-то. Она ненормальная сейчас. Она самая сумасшедшая из всей группы.

Я рассказал им о том, что она сделала со мной. Я думал, что они оценят юмор ее великолепного представления, но мой рассказ, похоже, плохо подействовал на них. Казалось, они были сильно испуганы. Даже Бениньо открыл глаза, слушая мой отчет.

— Какая гадость! — воскликнул Паблито. — Эти суки действительно ужасны. И ты знаешь, что их лидер — Двести Двадцать Задниц. Она швырнет в тебя камень, а потом спрячет руку за спину и сделает вид невинной девочки. Будь осторожен с ней, Маэстро.

— Нагваль тренировал Хосефину так, чтобы она могла быть всем, чем угодно. Она может делать все что захочет: визжать, смеяться, сердиться и все что угодно, — сказал Нестор.

— А какая она, когда не прикидывается? — спросил я Нестора.

— Тогда она просто помешанная. Она безумней летучей мыши, — ответил Бениньо мягким голосом. — Я встретился с Хосефиной впервые когда ее привезли. Мне пришлось внести ее в дом. Мы с Нагвалем обычно привязывали ее к постели. Однажды она начала плакать о своей подруге, с которой она обычно играла в детстве. Она плакала три дня. Паблито утешал ее и кормил, как ребенка. Она похожа на него. Оба они, когда что-то начнут, не знают как

остановиться.

Бениньо внезапно начал нюхать воздух. Он встал и подошел к плите.

— Он действительно застенчивый? — спросил я Нестора.

— Он застенчивый и эксцентричный, — отвечал Паблито. — Он будет таким до тех пор, пока не потеряет свою форму, Хенаро говорил, что рано или поздно все мы потеряем свою форму, так что не имеет смысла делать жалкие потуги, пытаясь изменить себя так, как говорил нам Нагваль. Хенаро сказал, чтобы мы наслаждались жизнью и ни о чем не заботились. Ты не знаешь, как наслаждаться вещами, а мы не знаем, как сделать себя ничтожными. Ты и женщины заботитесь и пытаетесь. Мы, с другой стороны, наслаждаемся. Нагваль называл делание себя жалким безупречностью, Мы же называем это глупостью, правда?

— Говори за себя, Паблито, — сказал Нестор. — Бениньо и я думаем иначе.

Бениньо положил мне в миску еды и поставил ее передо мной; потом он обслужил остальных. Паблито изучил миски и спросил Бениньо, где он нашел их. Бениньо сказал, что они были спрятаны в ящике, который показала ему Ла Горда. Паблито доверительно сказал, что миски принадлежали им до разрыва.

— Мы должны быть осторожными, — сказал Паблито нервно. — Миски, несомненно, заколдованы. Эти суки вложили что-то в них. Я буду лучше есть из миски Ла Горды.

Нестор и Бениньо начали есть. Тут я заметил, что Бениньо дал мне коричневую миску. Паблито, судя по всему, очень тревожился. Я хотел успокоить его, но Нестор остановил меня.

— Не принимай его всерьез, — сказал он, — он любит быть таким. Он сядет и будет есть. Тут ни ты, ни женщины ничего не сможете сделать. У тебя нет способа понять Паблито таким, каков он есть. Ты ожидаешь, что все будут похожи на Нагваля. Ла Горда единственная, кто относится к нему спокойно, но не потому, что она понимает, а потому что потеряла форму.

Паблито принялся за еду, и мы вчетвером прикончили горшок с бобами.

Бениньо помыл миски и тщательно спрятал их обратно в ящик, а затем все удобно уселись вокруг стола.

Нестор предложил пойти, когда стемнеет, в близлежащую долину, куда обычно ходили дон Хуан и дон Хенаро. Мне почему-то совсем не хотелось этого. Я чувствовал себя в их компании не очень уверенно. Нестор сказал, что они привыкли ходить в темноте и что искусство мага заключается в том, чтобы остаться незамеченным даже в толпе. Я рассказал им, как дон Хуан однажды оставил меня одного в пустынном месте в горах не слишком далеко отсюда. Он потребовал, чтобы я полностью сконцентрировался на попытке остаться незамеченным. Он сказал, что люди в этой местности знают друг друга в лицо. Там было не очень много людей, но те, кто там жил, постоянно ходили вокруг и могли засечь чужака за несколько миль. Он предупредил, что многие из этих людей имеют огнестрельное оружие и им ничего не стоит подстрелить меня, «Не беспокойся насчет существ из другого мира», сказал тогда дон Хуан, смеясь. «Мексиканцы куда опаснее».

— Так оно и есть. Вот потому Нагваль и Хенаро были такими артистами. Дон Хуан всегда говорил, что не существа другого мира опасны, а опасны-то как раз мексиканцы. Нагваль и Хенаро научились быть незаметными среди всего этого. Они владели искусством сталкинга.

Было еще слишком рано для нашей прогулки в темноте. Я хотел воспользоваться этим временем, чтобы задать Нестору свои критические вопросы. Пока еще я все время избегал этого. Какое-то странное ощущение предостерегало меня не задавать вопросов. Было так, словно моя заинтересованность сместилась после ответа Паблито. Однако Паблито сам пришел мне на помощь и внезапно затронул эту тему, словно прочитав мои мысли.

— Нестор тоже прыгнул в пропасть в тот день, как и мы, — сказал он. — В результате этого он стал Свидетелем, ты стал Маэстро, а я — деревенским идиотом.

Я попросил Нестора рассказать мне о его прыжке в пропасть. Я старался, чтобы вопрос выглядел так, словно это интересовало меня весьма умеренно. Но Паблито осознал подоплеку моего деланного безразличия. Он засмеялся и сказал Нестору, что я так осторожен потому, что остался глубоко разочарован

его собственным рассказом об этом событии.

— Я бросился после того, как вы сделали это, — сказал Нестор. Он взглянул на меня, как бы ожидая нового вопроса.

— Ты прыгнул сразу после нас? — спросил я.

— Нет. Мне потребовалось еще некоторое время для подготовки. Хенаро и Нагваль не сказали мне, что делать. Тот день был самым важным для каждого из нас, — сказал Нестор.

Паблито выглядел подавленным. Он встал со своего стула и прошелся по комнате. Затем он снова сел, качая головой в жесте отчаяния.

— Ты действительно видел, как мы бросились с края? — спросил я Нестора.

— Я — Свидетель, — сказал Нестор. — Быть свидетелем — мой путь знания. Рассказывать вам безупречно то, чему я был свидетелем — мое задание.

— И что же ты на самом деле видел? — спросил я.

— Я видел, как вы оба, держась за руки, подбежали к краю, — сказал Нестор, — а затем я видел вас обоих, как воздушных змеев в небе. Паблито двигался дальше по прямой линии, а затем упал вниз. Ты немного поднялся, а затем продвинулся на небольшое расстояние от края, затем упал.

— Но мы действительно прыгнули вместе с нашим телом?

— Ну да. Я не думаю, чтобы это можно было бы сделать другим способом, — сказал он и засмеялся.

— Может быть, это была иллюзия? — спросил я.

— Что ты хочешь выяснить, Маэстро? — спросил он сухо.

— Я хочу узнать, что в действительности случилось, — ответил я.

— На тебя случайно не нашло помрачение, как на Паблито? — сказал Нестор

со странноватым блеском в глазах.

Я попытался объяснить ему природу моего недоумения в связи с прыжком. Он не выдержал и перебил меня. Паблито вмешался, чтобы призвать его к порядку, и они стали пререкаться. Паблито прекратил спор и проскакал вокруг стола полусидя на своем стуле.

— Нестор не видит дальше своего носа, — сказал он мне. — То же самое с Бениньо. Ты ничего не получишь от них. Так что все мои симпатии на твоей стороне.

Паблито захохотал, трясясь всем телом, и закрыл лицо шляпой Бениньо.

— Что касается меня, то я знаю, что вы оба прыгнули, — внезапно взорвался Нестор. — Нагваль и Хенаро не оставили вам другого выбора. Это было их искусство — сначала загнать вас, а потом отвести к единственным воротам, которые были открыты. Итак, вы двое бросились через край. Я был свидетелем этого. Паблито говорит, что он ничего не ощущал. Это сомнительно. Я знаю, что он прекрасно все осознавал, но избрал ощущать и говорить, что он ничего не помнит.

— Я действительно не осознавал, — сказал мне Паблито тоном оправдания.

— Возможно, — сказал Нестор сухо. — Но я сам ощутил, я сам видел, как ваши тела сделали то, что они должны были сделать — прыгнули.

Утверждения Нестора привели мой разум к весьма странному состоянию. Все это время я искал подтверждения испытанному. Но когда я получил его, вдруг оказалось, что оно ничего не меняет. Одно дело было знать, что я прыгнул, и испугаться того, что я воспринимал, а другое — найти согласованное подтверждение. Я понял тогда, что одно не имеет необходимой корреляции с другим. Я думал все это время, что наличие кого-то, кто подтвердит, что я действительно испытал прыжок, освободит интеллект от его сомнений и страхов. Я ошибался. Вместо этого мое беспокойство только выросло. Моя вовлеченность в эту проблему стала еще сильнее.

Я объяснил Нестору, что хотя и приехал специально для встречи с ними, чтобы получить их подтверждение относительно реальности моего прыжка, но

теперь мое Настроение изменилось. Я не хочу больше разговаривать об этом. Оба они заговорили одновременно и в этот момент мы вступили в трехсторонний спор. Паблито доказывал, что он ничего не сознавал. Нестор кричал, что тот индульгирует, а я говорил, что не хочу больше ничего слышать о прыжке.

Мне впервые стало ясно, что никто из нас не обладает необходимой степенью спокойствия и самоконтроля. Никто из нас не хотел уделить другому свое нераздельное внимание, как это делали Хенаро и Нагваль. А так как я был неспособен поддерживать какой-либо порядок в нашем обмене мнениями, то погрузился в свои собственные размышления. Я всегда думал, что единственным изъяном, который мешал мне войти в мир дона Хуана, было мое вечное желание все объяснить разумно. Но присутствие Паблито и Нестора придало новое направление моим мыслям. Не меньшим изъяном была моя неуверенность. Как только я сходил с надежных рельс здравого смысла, я не мог верить себе и ужасался глобальности того, что раскрывалось передо мной. Поэтому я оказался не в состоянии поверить, что прыгнул в пропасть.

Дон Хуан настаивал на том, что центральной проблемой магии является восприятие. В соответствии с этим он и дон Хенаро во время нашей последней встречи на краю пропасти инсценировали великолепную катарсическую драму. После того, как они заставили меня принести мою благодарность в громких и ясных выражениях каждому, кто помогал мне, меня пронизал невероятный душевный подъем. В этот момент они захватили все мое внимание и повели мое тело к восприятию единственно возможного акта в пределах их системы отношений — прыжка в пропасть. Этот прыжок был практическим свершением моего восприятия не как обычного человека, а как мага.

Я так ушел в записывание своих мыслей, что не заметил, как Нестор и Паблито перестали пререкаться и все трое смотрели на меня. Я объяснил, что не представляю, как понять, что произошло в связи с этим прыжком.

— Здесь нечего понимать, — сказал Нестор. — События просто случаются и никто не может сказать, почему. Спроси Бениньо, хочет ли он понять.

— Ты хочешь понять? — спросил я шутливым тоном.

— Будь уверен, что хочу, — прогудел он глубоким и низким голосом, и все рассмеялись.

— Ты индульгируешь, говоря, что хочешь понять, — продолжал Нестор. — Так же, как индульгирует Паблито, говоря, что он ничего не помнит.

Он взглянул на Паблито и подмигнул мне. Паблито опустил голову.

Нестор спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь особого в настроении Паблито, когда мы собирались прыгать. Я вынужден был признать, что был не в состоянии обращать внимание на такие тонкости, как настроение Паблито.

— Воин должен замечать все, в этом весь трюк и в этом его преимущество, как сказал бы Нагваль.

Он улыбнулся, сделав нарочитый жест смущения и прикрыл лицо шляпой.

— Что именно я упустил в настроении Паблито? — спросил я.

— Паблито прыгнул прежде, чем переступил через край, — сказал он, — Ему уже больше ничего не нужно было делать. Он мог бы с таким же успехом сесть на краю вместо прыжка.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я его.

— Паблито уже распадался, — ответил он, — Именно поэтому он думает, что потерял сознание. Паблито лжет. Он что-то скрывает.

Тут заговорил Паблито. Он бормотал что-то абсолютно невразумительное, затем в отчаянии махнул рукой и плюхнулся обратно на свой стул. Нестор тоже что-то начал говорить. Я остановил его. Я не был уверен, что понял его правильно.

— Тело Паблито распадалось? — спросил я. Он долго всматривался в меня, не говоря ни слова. Он сидел справа от меня, но тут молча пересел на скамейку напротив.

— Ты должен серьезно отнестись к тому, что я тебе говорю, — сказал он. —

Нет способа повернуть колесо времени к тому, чем мы были перед прыжком. Нагваль сказал, что быть воином — это честь и радость и что судьба воина — делать то, что он должен делать. Я должен рассказать тебе безупречно о том, чему я был свидетелем. Паблито распадался. Когда вы двое побежали к краю, только ты был плотным. Паблито был похож на облако. Он думал, что был близок к тому, чтобы упасть ничком, а ты думаешь, что держал его за руку, чтобы помочь добежать до края. Никто из вас не прав. Я сомневаюсь, что для вас обоих было бы хуже, если бы ты не поддерживал Паблито.

Я чувствовал еще большее замешательство чем прежде. Я искренне верил, что он правдиво излагает все, свидетелем чему он был, но помнил только, что держал Паблито за руку.

— Что бы случилось, если бы я не вмешался? — спросил я.

— Я не могу ответить на это, — сказал Нестор, — Вы воздействовали на светимость друг друга. В тот момент, когда ты подал Паблито руку, он стал более плотным, но ты вложил свою драгоценную силу в ничто.

— Что ты делал после того, как мы прыгнули? — спросил я Нестора после долгого молчания.

— Сразу же после того, как вы исчезли, я был так потрясен, что не мог дышать, и потерял сознание, но не знаю на какое время. Я думал, что это длилось один момент. Когда я снова пришел в себя, я оглянулся в поисках Хенаро и Нагваля, но они ушли. Я бегал взад и вперед по вершине горы, зовя их пока не сорвал голос. Тогда я понял, что остался один. Я подошел к краю утеса и попытался отыскать знак, который дает земля, когда воин не собирается возвращаться. Но я уже пропустил его. До этого момента я не осознавал, что они обращались ко мне, когда вы подбежали к краю, — они попрощались со мной.

Обнаружить себя в одиночестве в такое время дня, да еще в таком пустынном месте было больше чем я мог вынести. Одним махом я потерял всех друзей, которые у меня были в мире. Я сел и заплакал. А когда я испугался еще больше, я начал вопить во всю мочь. Я во все горло выкрикивал имя Хенаро. К тому времени стало очень темно и я больше не мог различать окружающих предметов. Я знал, что как воин не должен индульгировать в своей печали.

Чтобы успокоиться, я начал выть, как койот — так, как научил меня Нагваль. Спустя некоторое время после начала воя я почувствовал себя намного лучше, — я забыл свою печаль, забыл о существовании мира. Чем больше я выл, тем легче было ощущать тепло и защиту земли.

Должно быть, прошло несколько часов. Внезапно я ощутил толчок позади своего горла и звон в ушах. Я вспомнил, что Нагваль сказал Элихио и Бениньо перед их прыжком. Он сказал, что ощущение в горле приходит как раз перед тем, как человек готовится изменить свою скорость. И звук колокольчика является средством, которое человек может использовать для выполнения всего что ему требуется. Тогда я захотел стать койотом. Я посмотрел на свои руки, — они были на земле передо мной. Они изменили форму и стали похожи на лапы койота.

Я увидел шерсть койота на своих руках и груди. Я был койотом. Это наполнило меня таким счастьем, что я стал кричать, как должен кричать койот. Я ощущал у себя зубы койота, его длинную заостренную морду и язык. Каким-то образом я знал, что умер, но это не тревожило меня. Для меня не имело значения — умереть, превратиться в койота или остаться в живых. На четырех лапах как койот я пошел к краю обрыва и прыгнул туда. Ничего другого мне не оставалось.

Я ощутил, что падаю, и мое койотное тело перевернулось в воздухе. Затем я снова стал самим собой, кружась высоко над землей. Но прежде чем упасть вниз, я стал таким легким, что больше не падал, а парил. Воздух проходил сквозь меня. Я поверил, что моя смерть наконец-то входит внутрь меня. Что-то размешало мои внутренности, и я распался, как сухой песок. Там, где я был, было мирно и превосходно. Я каким-то образом знал, что я и был там и не был одновременно. Я был ничто. Это все, что я могу сказать об этом. Затем совершенно внезапно то же самое, что сделало меня подобным сухому песку, собрало меня вместе. Я вернулся обратно к жизни и обнаружил, что сижу в хижине старого мексиканского мага. Он сказал, что его зовут Порфирио. Он был рад видеть меня и начал обучать меня некоторым вещам о растениях, которым Хенаро меня не учил. Он взял меня туда, где растут эти растения, и показал мне шаблон растений и особенно — отметины на шаблоне каждого растения. Он сказал, что если я буду наблюдать эти отметины на растениях, то смогу легко сказать на что они годятся, даже если никогда не видел этих растений раньше. Когда я изучил эти растения, он попрощался со мной, но

попросил меня приходить к нему снова. В этот момент я ощутил сильный толчок и распался как раньше. Я стал миллионом кусочков.

Затем я снова был втянут в самого себя и пошел повидать Порфирио. Ведь он приглашал меня. Я знал, что могу пойти, куда захочу, но избрал хижину Порфирио, потому что он был дружелюбен со мной и учил меня. Я не хотел рисковать, встретившись вместо него с чем-то ужасным. На этот раз Порфирио взял меня с собой, чтобы посмотреть на шаблон животных. Там я увидел свое собственное животное-нагваль. Мы узнали друг друга по виду. Порфирио был восхищен, видя такую дружбу. Я видел также нагваль Паблито и твой, но они не захотели разговаривать со мной. Они казались печальными. Я не настаивал на разговоре с ними. Я не знал, что с вами произошло во время прыжка. Я знал, что сам я мертв, но мой нагваль сказал мне, что я не умер и что вы оба тоже живы. Тут я вспомнил, что когда я был свидетелем прыжка Элихио и Бениньо то слышал как Нагваль давал Бениньо инструкции не стремиться к причудливым видениям или мирам за пределами нашего собственного. Нагваль сказал, чтобы он изучал только свой собственный мир, потому что делая так, он найдет доступную только ему форму силы, единственно доступную для него форму. Нагваль специально проинструктировал их, чтобы они дали возможность кусочкам взрываться как можно дольше, чтобы вернуть назад свои силы. Я сам делал то же самое. Я прошел взад и вперед от тоналя к нагвалю одиннадцать раз. Но каждый раз я встречал только Порфирио, который давал мне дальнейшие инструкции. Каждый раз, когда мои силы иссякали, я восстанавливал их в нагвале, пока не восстановился до такой степени, что очутился опять на этой земле.

— Донья Соледад сказала мне, что Элихио не должен был прыгать в пропасть, — сказал я.

— Он прыгнул вместе с Бениньо, — ответил Нестор. — Спроси его, и он скажет тебе это своим излюбленным голосом.

— Будь уверен, что мы прыгнули вместе! — продребезжал тот, — Но я никогда не говорю об этом.

— А что Соледад говорила насчет действий Элихио? — спросил Нестор.

Я рассказал, что донья Соледад говорила, что Элихио закружил ветер, и он

покинул мир, когда работал в поле.

— Она совершенно все перепутала, — сказал Нестор. — Элихио закружили союзники. Их было несколько, но он не захотел ни одного из них, поэтому они оставили его в покое. Это не имеет никакого отношения к прыжку, Ла Горда сказала, что у вас была стычка с союзниками прошлой ночью; я не знаю, что вы делали, но если вы хотели захватить их, завлечь, чтобы они остались с вами, вы должны были кружиться с ними. Иногда они по собственному почину приходят к магу и кружат его. Элихио был наилучшим воином какие только есть, так что союзник пришел к нему сам. Если бы кто-нибудь из нас захотел иметь союзников, мы должны были бы домогаться их много лет, но даже и тогда я сомневаюсь, что союзники согласились бы помогать нам.

Элихио должен был прыгнуть как и все остальные. Я был свидетелем его прыжка. Он был в паре с Бениньо. Многое из того, что случается с нами как магами, зависит от того, что делает твой партнер. У Бениньо немного не хватает винтиков в голове, потому что его партнер не вернулся. Не так ли, Бениньо?

— Будь уверен, что это так! — ответил Бениньо своим любимым голосом.

Тут я не устоял перед сильным любопытством, которое мучило меня с самого начала, как только я услышал голос Бениньо. Я спросил его, как ему удается его гудящий голос. Он повернулся лицом ко мне, сел прямо и указал на свой рот, как будто хотел, чтобы я внимательно посмотрел на него.

— Я не знаю! — прогудел он. — Я просто, открываю рот и этот голос выходит из меня.

Он сократил мышцы лба, скривил губы и издал глубокий гудящий звук. Тут я увидел, что у него на висках были потрясающие мышцы, которые придавали его голове другие очертания. Не только линия волос была другой, но и вся передняя часть головы.

— Хенаро оставил ему свои шумные звуки, — сказал мне Нестор. — Подожди, сейчас он покажет тебе свой главный звук.

Мне показалось, что Бениньо готовится продемонстрировать свои способности.

— Постой-постой, Бениньо, — сказал я, — в этом нет необходимости.

— Вот дьявол! — сказал Бениньо тоном разочарования. — У меня как раз был самый лучший звук для тебя.

Паблито и Нестор засмеялись так сильно, что даже Бениньо утратил свою невозмутимость и захохотал вместе с ними.

— Скажи мне, что случилось с Элихио, — спросил я Нестора, когда все успокоились.

— Когда Элихио и Бениньо прыгнули, — ответил Нестор, — Нагваль заставил меня быстро взглянуть через край и уловить знак, который дает земля при прыжке воина в пропасть. Если там будет что-нибудь вроде облачка или слабого порыва ветра, то время пребывания воина на земле еще не истекло. В тот день, когда прыгнули Бениньо и Элихио, я ощутил дыхание воздуха со стороны Бениньо и знал, что его час еще не пробил. А со стороны Элихио все было безмолвно.

— А как ты думаешь, что случилось с Элихио? Он умер?

Все трое уставились на меня. С минуту они молчали. Нестор почесал виски обеими руками. Бениньо хихикнул и потряс головой. Я попытался объяснить, но Нестор остановил меня жестом руки.

— Ты серьезно задаешь нам эти вопросы? — спросил он меня.

Бениньо ответил за меня. Когда он не паясничал, его голос был глубоким и мелодичным. Он сказал, что Нагваль и Хенаро подстроили все так, что каждый из нас имеет кусочки информации, которых не имеют другие.

— Хорошо, раз так, то мы тебе расскажем, что к чему, — сказал Нестор, словно у него гора свалилась с плеч. — Элихио не умер. Ни в коем случае.

— Где же он теперь? — спросил я.

Они снова переглянулись. У меня было ощущение, что они сдерживались

чтобы не засмеяться. Я рассказал им то, что сообщила мне донья Соледад: Элихио ушел в другой мир, чтобы присоединиться к Нагвалю и Хенаро. Для меня это звучало так, словно все трое умерли.

— Почему ты так говоришь, Маэстро? — спросил Нестор тоном глубокого участия. — Даже Паблито не говорит ничего подобного.

Мне показалось, что Паблито собирается протестовать. Он чуть было не встал, но потом очевидно переменил свое намерение.

— Да, правильно, — сказал он. Даже я не говорю так.

— Ну ладно. Если Элихио жив, то где он?

— Соледад уже сказала тебе, — мягко сказал Нестор. — Элихио ушел, чтобы соединиться с Нагвалем и Хенаро.

Я решил, что будет лучше не задавать им никаких вопросов. Я не собирался быть агрессивным в своих расспросах, но дело почему-то всегда оборачивалось именно так. Кроме того, у меня возникло чувство, что для меня все это больше не имеет никакого значения.

Нестор внезапно встал и начал расхаживать передо мной взад и вперед. Наконец, он потащил меня прочь от стола. Он не хотел, чтобы я писал. Он спросил меня, действительно ли я подобно Паблито выключился в момент прыжка и ничего не помню. Я сказал, что у меня был ряд живых грез или видений, которые я не могу объяснить и что я приехал для того, чтобы увидеть их и добиться ясности. Они захотели услышать обо всех моих видениях.

После того, как они выслушали мой отчет, Нестор сказал, что мои видения были слишком причудливы. Только первые два имели большое значение и относились к Земле, остальные же были видениями чуждых миров. Он объяснил, что особое значение следует придавать первому видению, так как оно было подлинным знаком. Он сказал, что маги всегда рассматривают первое событие из любой серии как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

В этом конкретном видении я обнаружил, что смотрю на диковинный мир. Прямо перед моими глазами была огромная скала, расщепленная надвое. Через широкую щель в ней я мог видеть огромную фосфоресцирующую равнину, залитую зелено-желтым светом. На одной стороне долины, справа и частично скрытое от моего поля зрения огромной скалой, находилось невероятное куполообразное строение. Оно было темное, почти угольно-серое. Если там у меня были почти такие же размеры что и в обыденной жизни, то купол должен был иметь почти пятьдесят тысяч футов в высоту и много миль в ширину.

Такие колоссальные размеры меня просто ошеломили. У меня закружилась голова, и я погрузился в состояние распада.

Я снова вышел из него и оказался на очень неровной и все-таки плоской поверхности. Это была сияющая безграничная поверхность, которой я никогда не видел прежде. Она простиралась до тех пор, пока видел глаз. Вскоре я осознал, что могу поворачивать голову в любом направлении в горизонтальной плоскости, но я не мог взглянуть на себя. Однако я имел возможность исследовать окрестности, поворачивая голову слева направо в любом желаемом направлении. Тем не менее, когда я хотел повернуться направо кругом, чтобы посмотреть вокруг себя, я не смог сдвинуть свой корпус.

Равнина простиралась с монотонным однообразием как налево, так и направо. В поле моего зрения не было ничего другого, кроме безграничного белого сияния. Я хотел посмотреть на почву под ногами, но глаза не могли сдвинуться вниз. Я поднял голову вверх, чтобы посмотреть на небо, но увидел только другую безграничную поверхность, которая казалась связанной с той, на которой я стоял. Тут у меня возник намек на прозрение и я ощутил, что что-то прямо сейчас готово раскрыться мне. Но внезапный опустошающий толчок распада остановил мое откровение. Какая-то сила потянула меня вниз. Было так, словно белесая поверхность поглотила меня.

Нестор сказал, что видение купола имело колоссальное значение, потому что эта особая форма была выделена Нагвалем и Хенаро как видение места, где, как предполагается, все мы когда-нибудь встретимся.

Тут заговорил Бениньо. Он сказал, что слышал, как Элихио инструктировали,

чтобы он нашел этот особый купол. Он сказал, что Нагваль и Хенаро настаивали на том, чтобы Элихио понял их объяснения точно. Они всегда считали Элихио самым лучшим, поэтому всегда посылали его находить этот купол и входить под его белоснежные своды снова и снова.

Паблито сказал, что они все трое получили инструкции найти этот купол если смогут, но он не нашел его. Тут я пожаловался, что дон Хуан и дон Хенаро никогда не упоминали при мне ни о чем подобном. Мне не давали никаких инструкций по поводу купола.

Бениньо, который сидел напротив через стол, внезапно встал и пошел в мою сторону. Он сел слева от меня и очень тихо прошептал мне на ухо, что, по-видимому, старики инструктировали меня, но я ничего не запомнил, или что они ничего не сказали мне, чтобы я не фиксировал на этом своего внимания если найду его.

— Почему этот купол был так важен? — спросил я Нестора.

— Потому что это место, где находятся Нагваль и Хенаро, — ответил он.

— А где находится этот купол? — спросил я.

— Где-то на этой Земле, — ответил он.

Я вынужден был детально объяснить им, что невозможно, чтобы на нашей планете могло существовать, строение такой величины. Я сказал, что мое видение было больше похоже на грезу и что такие строения могут существовать разве что во сне или фантазии. Они засмеялись и мягко похлопали меня по спине, словно ублажали ребенка.

— Ты хочешь знать, где находится Элихио? — спросил внезапно Нестор. — Так вот, он находится под белыми сводами того купола вместе с Нагвалем и Хенаро.

— Но этот купол был видением, — сказал я.

— Тогда Элихио находится в видении, — сказал Нестор. — Вспомни, что Бениньо только что сказал тебе. Нагваль и Хенаро не говорили тебе, чтобы ты

нашел этот купол и приходил к нему снова и снова. Если бы они тебе это сказали, тебя не было бы здесь. Ты был бы, как и Элихио, под куполом того видения. Так что ты видишь, что Элихио не умер, как умирает человек на улице. Он просто не вернулся из своего прыжка.

Его заявление ошеломило меня. Я не мог отрицать воспоминания о живости своих видений, но по какой-то непонятной причине мне хотелось спорить с ними. Нестор, не давая мне времени что-то сказать, продвинул свои утверждения еще на ступень дальше. Он напомнил мне еще одно из моих видений — предпоследнее. Это видение было самым кошмарным из всех. Я обнаружил, что меня преследует какое-то странное невидимое создание. Я знал, что оно находится сзади, но не мог видеть его, и не потому, что оно было невидимым, а потому, что мир, в котором я находился, был таким неправдоподобно чужим, что я совершенно не способен был сориентироваться. Каковы бы ни были элементы этого видения, они, безусловно, были не с этой Земли. Эмоциональное потрясение, которое я испытал, было едва ли не больше того, что я мог выдержать. В какой-то момент поверхность, на которой я стоял, начала сотрясаться. Я ощутил, как она оседает под моими ногами, и ухватился за что-то вроде ветки ли отростка какого-то предмета, напоминавшего мне дерево, который висел как раз над моей головой в горизонтальном положении. В тот момент, когда я коснулся его, отросток обвился вокруг моего запястья, словно он обладал нервной системой и мог чувствовать. Я ощутил, что поднят на огромную высоту. Я посмотрел вниз и увидел невероятное животное. Я знал, что это и была та ужасная тварь, которая преследовала меня. Она вылезала из-под поверхности, которая выглядела как земля. Я мог видеть ее огромный рот, открытый, как пещера. Я услышал леденящий душу и совершенно неземной рев, нечто вроде поразительного звенящего металлического вздоха; щупальца, схватившие меня, разжались, и я упал в пещерообразный рот. Затем он захлопнулся со мною внутри. Я ощутил огромной силы давление, которое расплющило мое тело.

— Ты уже умер, — сказал Нестор, — Это животное съело тебя. Ты отважился выйти за пределы этого мира и нашел сплошной ужас. Наша жизнь и наша смерть не более и не менее реальны, чем твоя короткая жизнь в этом месте и твоя смерть в пасти чудовища. Та жизнь, которую мы ведем сейчас, это всего лишь длительное видение. Разве ты не знаешь этого?

Нервные спазмы пробежали по всему моему телу.

— Я не выходил за пределы этого мира, — продолжал он, — но я знаю, о чем говорю. У меня не было таких ужасных историй, как у тебя. Все, что я сделал — это посетил Порфирио десять раз. Если бы это зависело от меня, я ушел бы туда навсегда, но мой одиннадцатый отскок был таким сильным, что изменил мое направление. Я ощутил, что пролетел мимо хижины Порфирио и вместо того, чтобы очутиться у его двери, я оказался в городе, очень близко от дома, где жил один мой друг. Мне это показалось очень странным. Я знал, что путешествую между нагвалем и тоналем. Никто не говорил мне, что эти путешествия должны быть какого-то особого рода. Поэтому мне стало любопытно и я решил увидеть своего старого друга. Я заинтересовался, увижу ли я его реально. Я подошел к его дому и постучал в дверь так же, как я делал это уже множество раз. Его жена впустила меня, как всегда делала это, и мой друг был действительно дома. Я сказал ему, что прибыл в город по делу, и он вернул мне деньги, которые был должен. Я положил деньги к себе в карман. Я знал, что мой друг, его жена, и эти деньги, и этот город — все это было лишь видением так же, как хижина Порфирио. Я знал, что сила, которая была выше меня, может расщепить меня на части в любой момент.

Поэтому я уселся, чтобы насладиться общением с моим другом в полной мере. Осмелюсь сказать, что я был потешным и очаровательным как никогда. Мы смеялись и шутили. Я долго оставался там, ожидая толчка. Так как он не приходил, я решил уйти. Попрощавшись и поблагодарив его за деньги и дружелюбие, я ушел оттуда. Я хотел увидеть город, прежде чем та сила заберет меня снова, и бродил всю ночь по холмам, возвышающимся над городом. В тот момент, когда взошло солнце, осознание пронизало меня, как вспышка молнии. Я вернулся обратно в мир, и сила, которая когда-нибудь распылит меня, отступила и позволила мне остаться еще в течение некоторого времени. Мне суждено было видеть родные края и эту чудесную землю немного дольше. Какая великая радость, Маэстро! Но я не могу сказать, что не наслаждался дружбой Порфирио. Оба видения равны, но я предпочитаю видение своей формы и своей Земли. Возможно, это мое индульгирование.

Нестор перестал говорить и все трое уставились на меня. Я ощущал угрозу, которой не было никогда прежде. Некоторая часть меня трепетала перед тем, что он сказал, а другая хотела бороться с ним. Мое бессмысленное настроение длилось несколько минут, пока я не начал осознавать, что Бениньо смотрит на

меня с очень неприветливым выражением. Он фиксировал свои глаза на моей груди. Я ощутил, что внезапно что-то зловещее начало давить на мое сердце, и стал потеть, словно перед моим лицом находился обогреватель. У меня зашумело в ушах.

В этот самый момент ко мне подошла Ла Горда. Она появилась самым неожиданным образом. Я был уверен, что Хенарос почувствовали то же. Они прекратили делать то что делали, и посмотрели на нее. Паблито первым опомнился от удивления.

— Почему ты так вошла? — спросил он жалобно, — Ты подслушивала из другой комнаты, да?

Она сказала, что находится в доме всего несколько минут и только что вошла на кухню. И причина, по которой она вошла так тихо, не столько в том, что ей хотелось подслушать, сколько в том, чтобы проверить свою способность быть незаметной.

Ее присутствие вызвало странную передышку. Я хотел опять окунуться в поток откровений Нестора, но прежде чем успел что-нибудь спросить, Ла Горда сказала, что сестрички находятся на пути к дому и могут войти в дверь в любой момент. Хенарос сразу же встали, словно их подбросила одна и та же пружина. Паблито взгромоздил свой стул на плечо.

— Давай отправимся на прогулку в темноте, Маэстро, — сказал он мне.

Ла Горда очень повелительным тоном сказала, что я не могу отправиться вместе с ними, потому что она еще не закончила рассказывать мне то, что Нагваль велел ей рассказать мне.

Паблито повернулся ко мне и подмигнул.

— Я уже говорил тебе, — сказал он. — Эти угрюмые суки вечно командуют. Я искренне надеюсь, что ты не такой, Маэстро.

Нестор и Бениньо пожелали мне спокойной ночи и обняли меня. Паблито как раз выходил, неся свой стул как рюкзак. Они вышли через заднюю часть дома.

Несколько секунд спустя ужасно громкий стук в дверь заставил нас с Ла Гордой вскочить на ноги. Снова вошел Паблито вместе со своим стулом.

— Ты думаешь, что я забыл сказать «спокойной ночи», да? — спросил он и засмеялся.

Глава 5. Искусство сновидения

На следующее утро, предоставленный самому себе я работал над своими записками. В полдень я помогал перевозить на своей машине сестричкам и Ла Горде вещи из дома доньи Соледад в их дом.

Вечером мы с Ла Гордой сидели одни на обеденной площадке. Некоторое время мы молчали. Я очень устал.

Ла Горда первая нарушила молчание. Она сказала, что все они после ухода Нагваля и Хенаро стали очень самонадеянными. Каждый из них был слишком поглощен своей собственной задачей. Ла Горде Нагваль велел быть бесстрастным воином и следовать по тем тропам, которые предложит ей судьба. Если бы Соледад захватила мою силу, Ла Горда должна была спасаться бегством и попытаться спасти сестричек, а затем присоединиться к Бениньо и Нестору, единственным двум Хенарос, которые остались бы в живых. Если бы сестрички убили меня, она бы присоединилась к Хенарос, так как сестрички бы в ней больше не нуждались. В случае, если бы из нас двоих только одна она осталась в живых после нападения союзников, то ей следовало уехать из этих мест и остаться в одиночестве. Ее глаза заблестели, когда он сказала, что была уверена в том, что ни один из нас не выживет, когда прощалась с сестричками, своим домом и холмами.

— Нагваль сказал мне, что в случае, если мы оба выживем после столкновения с союзниками, — продолжала она, — я должна буду во всем помогать тебе,

потому что это и будет моим путем воина. Именно поэтому я и вмешалась в то, что делал с тобой Бениньо вчера вечером.

Он давил глазами на твою грудь. Это было его искусство сталкинга. Перед этим ты вчера видел руку Паблито; и это было частью того же искусства.

— Что это за искусство, Горда?

— Искусство сталкинга. Оно было предрасположением Нагваля, и в этом Хенарос — его дети. Мы, с другой стороны, — сновидящие. Твой дубль является сновидением.

Все это было новостью для меня. Мне хотелось услышать более подробные объяснения и я помолчал минуту, чтобы перечитать записанное и выбрать самый подходящий вопрос. Прежде всего мне хотелось бы выяснить, что она знает о моем дубле, а потом — об искусстве сталкинга.

— Нагваль сказал мне, что твой дубль — это нечто, требующее много силы для выхода, — сказала она. — Он полагал, что у тебя достаточно энергии, чтобы выпустить его дважды. Именно поэтому он настроил Соледад и сестричек, чтобы они или убили тебя, или помогли тебе.

Ла Горда добавила, что у меня оказалось гораздо больше энергии, чем думал Нагваль, и мой дубль выходил трижды. По-видимому, нападение Розы не было бессмысленным действием; напротив, она очень хитро рассчитала, что если она сможет поразить меня, то я стану беспомощным. Такую же уловку пыталась применить донья Соледад со своим псом. Я дал Розе шанс ударить меня, когда заорал на нее, но она потерпела поражение, пытаясь повредить мне. Вместо этого вышел мой дубль и причинил вред ей. Лидия рассказала Ла Горде, как все произошло: Роза не хотела просыпаться, когда они удирали из дома Соледад, и Лидия стиснула ее поврежденную руку. Роза не ощутила никакой боли и мгновенно сообразила, что я исцелил ее. Из этого они сделали вывод, что я истощил свою силу. Ла Горда утверждала, что хитроумные сестрички придумали план, как полностью лишить меня силы: потому они и настаивали, чтобы я исцелил Соледад. Когда Роза поняла, что я исцелил и ее тоже, она решила, что я непоправимо ослабил себя. В итоге им оставалось только подождать Хосефину, чтобы прикончить меня.

— Сестрички не знали, что исцелив Розу и Соледад, ты снова наполнился, — сказала Ла Горда и засмеялась, словно это была шутка, — Именно поэтому у тебя было достаточно энергии, чтобы извлечь свой дубль в третий раз, когда сестрички пытались отнять твою светимость.

Я рассказал ей о видении доньи Соледад, съежившейся у стены своей комнаты, и как это видение было связано с моим осязательным ощущением вязкой субстанции на ее лбу.

— Это было настоящее видение, — сказала Ла Горда. — Ты видел Соледад в ее комнате, хотя она была в это время со мной недалеко от дома Хенаро. А затем ты видел свой нагваль на ее лбу.

Мне вдруг показалось необходимым сообщить ей подробности происшедшего, особенно возникшее у меня осознание, что я действительно исцелил донью Соледад и Розу прикосновением к вязкой субстанции, которую я ощущал как часть самого себя.

— Видеть эту вещь на руке Розы — тоже было истинным видением, — сказала она. — И ты абсолютно прав, что эта субстанция была твоей собственной. Прикоснувшись к ней, ты втянул ее обратно.

Затем словно раскрывая тайну, Ла Горда сообщила, что Нагваль приказал ей не открывать мне следующий факт. Поскольку у всех нас была одна и та же светимость, то прикосновение моего нагваля к одному из них не делало меня слабее, как это произошло бы в случае, если бы мой нагваль коснулся обычного человека.

— Если твой нагваль касается нас, — сказала она, слегка шлепнув меня по голове, — твоя светимость останется на поверхности. Ты можешь забрать ее снова и ничего не будет потеряно.

Я сказал ей, что мне очень трудно уловить суть ее объяснения. Она пожала плечами, словно говоря, что это ее не касается. Тогда я спросил, что она подразумевает под словом «нагваль». Я сказал, что дон Хуан объяснял мне нагваль как неописуемый принцип, источник всего.

— Разумеется, — сказала она, улыбаясь. — Я знаю, что он имел в виду.

Нагваль находится во всем.

Я иронически заметил, что это же можно сказать и о противоположном, — что тональ находится во всем. Она спокойно объяснила, что здесь нет противопоставления, и мое утверждение правильно — тональ тоже находится во всем. Она сказала, что тональ, находящийся во всем, можно легко постигнуть нашими чувствами, в то время как нагваль, находящийся во всем, открывается только глазу мага.

Она добавила, что мы можем натолкнуться на самые диковинные виды тоналя и испугаться их, или испытать потрясение от них, или чувствовать к ним безразличие, потому что все это находится в пределах нашего восприятия. С другой стороны, для восприятия нагваля требуются особые чувства мага. Но как тональ, так и нагваль присутствуют всегда и во всем. Поэтому магу свойственно говорить, что «смотрение» состоит в обозревании тоналя, находящегося во всем, а «видение», с другой стороны, — это наблюдение нагваля, тоже находящегося во всем. Поэтому, если воин наблюдает мир как человеческое существо, он «смотрит», а если он наблюдает его как маг, то он «видит». То, что он «видит», и следует, собственно говоря, называть нагвалем.

Затем она повторила то, что я уже знал от Нестора: причину, по которой дона Хуана называют Нагвалем, и подтвердила, что я также являюсь Нагвалем из-за фигуры, выходящей из моей головы.

Мне хотелось узнать, почему они называют эту фигуру дублем. Она ответила, что они думали, будто разыгрывают со мной персональную шутку. Они всегда называли эту фигуру дублем, потому что она вдвое больше по величине, чем человек, у которого она есть.

— Нестор сказал мне, что эта фигура не настолько хорошая вещь, чтобы стоило иметь ее, — сказал я.

— Она ни хорошая, ни плохая, — ответила она. — У тебя она есть и это делает тебя Нагвалем. Вот и все. Один из нас восьмерых должен быть Нагвалем, и им являешься ты. Это мог быть Паблито, или я, или кто-нибудь другой.

— Расскажи мне теперь, что такое искусство сталкинга, — попросил я.

— Нагваль был сталкером, — сказала она и уставилась на меня. — Ты должен знать это. Он учил тебя сталкингу с самого начала.

Мне показалось, что она имеет в виду то, что дон Хуан называл охотой. Он, безусловно, учил меня, как быть охотником. Я рассказал ей, что дон Хуан показывал мне, как охотиться и делать ловушки. Однако ее употребление слова «выслеживатель» было более точным.

— Охотник просто охотится, — сказала она. — Сталкер же выслеживает все, включая самого себя.

— Как он делает это?

— Безупречный сталкер может все обратить в жертву. Нагваль говорил мне, что мы можем выслеживать даже собственные слабости.

Я прекратил писать и попытался вспомнить, знакомил ли меня когда-либо дон Хуан с такой новой возможностью: выслеживать свои слабости. Я не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь описывал это такими словами.

— Как может человек выслеживать свои слабости, Горда?

— Точно таким же способом, как ты выслеживаешь жертву. Ты разбираешься в своем установившемся распорядке жизни, пока не узнаешь все действия своих слабостей, а затем ты приходишь за ними и ловишь их в клетку, как кроликов.

Дон Хуан учил меня именно так поступать со своим распорядком, но в русле общих принципов, которые должен применять охотник. Но ее понимание и применение этого термина было более прагматическими, чем у меня.

Дон Хуан говорил, что любая привычка является «деланием», и что для функционирования деланию необходимы все его составные части. Если некоторые части отсутствуют, делание расстраивается. Под «деланием» он подразумевал любую связную и осмысленную последовательность действий. Другими словами, привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы быть живой деятельностью.

Затем Ла Горда описала, как она выслеживала свою собственную слабость — чрезмерную любовь к пище. Она сказала, что Нагваль предложил ей сначала заняться главной частью этой привычки, связанной с ее работой. Она была прачкой. Клиенты всегда угощали ее, когда она разносила по домам белье, и она никогда не отказывалась поесть. Она ждала от Нагваля подробных инструкций, но он только высмеял ее и сказал, что стоит ему дать ей какое-нибудь указание, как она тут же станет сопротивляться, лишь бы не делать этого. В результате, как правило, человек вовлекается в ненависть к тому, кто дал ему совет.

В течение многих лет она ничего не могла придумать, чтобы выследить эту свою слабость. Но вот однажды она стала настолько больной и усталой от своего ожиревшего тела, что отказалась принимать пищу в течение двадцати трех дней. Это было начальное действие, которое разрушило ее фиксацию. Затем у нее возникла идея засунуть в рот губку, чтобы клиенты думали, будто у нее болят зубы и она не может есть. Эта уловка сработала не только с ее клиентами, переставшими предлагать ей еду, но и с ней самой, потому что у нее жевание губки вызывало ощущение еды. Ла Горда смеялась, когда рассказывала мне, как она всюду ходила с засунутой в рот губкой — в течение нескольких лет, — пока ее привычка к обжорству не истощилась.

— Тебе нужно было только уничтожить свою привычку?

— Нет, мне нужно было научиться есть как воин.

— А как ест воин?

— Воин ест медленно и понемногу за раз. Я привыкла разговаривать во время еды и ела очень быстро, поглощая огромное количество пищи за один прием. Нагваль сказал мне, что воин делает четыре глотка за один раз. Немного погодя он делает еще четыре глотка, и так далее.

А еще воин в течение дня проходит мили и мили. Моя слабость к еде никогда не позволяла мне много ходить. Я победила ее тем, что делала по четыре глотка пищи каждый час и тем, что ходила пешком. Иногда я ходила весь день и всю ночь. Так я согнала жир со своих ягодиц.

Она засмеялась, вспомнив прозвище, которое дал ей дон Хуан.

Но выследить свои слабости — еще недостаточно для того, чтобы освободиться от них, — сказала она, — Ты можешь выслеживать с сей минуты и до судного дня и это не даст никаких результатов. Именно поэтому Нагваль не хотел давать мне никаких инструкций. Чтобы реально достичь безупречного мастерства в сталкинге, у воина должна быть цель.

Ла Горда рассказала, как она день за днем жила, не имея никакой перспективы, пока не встретила Нагваля. Она не имела ни надежд, ни мечтаний, ни желания чего-либо. Только возможность поесть была всегда доступна ей по какой-то причине, которую она не могла постичь. Каждый день у нее было обилие еды. Так много еды, что одно время она весила двести тридцать шесть фунтов.

— Еда была единственной вещью, которой я наслаждалась в жизни, — сказала Ла Горда. — Кроме того я никогда не считала себя жирной. Я думала, что довольно привлекательна, и люди любят меня именно такой, какая я есть. Все говорили, что я выгляжу цветущей.

Нагваль сказал мне нечто очень странное. Он сказал, что у меня было огромное количество личной силы и благодаря этому мне всегда удавалось получить еду от друзей, тогда как мои домашние оставались голодными. Каждый имеет достаточно личной силы для чего-то. В моем случае фокус состоял в том, чтобы оттолкнуть свою личную силу от еды и направить ее к цели воина.

— Что это за цель, Ла Горда? — спросил я полушутя.

— Войти в другой мир, — сказала она улыбаясь и сделала вид, что собирается ударить меня костяшками пальцев по макушке головы — любимый прием дона Хуана для прекращения моего индульгирования. Стало слишком темно, чтобы писать. Я попросил ее принести лампу, но она объяснила, что очень устала и должна немного поспать перед приходом сестричек. Мы пошли в переднюю комнату. Она дала мне одеяло, сама закуталась в другое и мгновенно заснула. Я сел спиной к стене. Кирпичное ложе было жестким, хотя на нем были постелены четыре соломенных циновки. Удобнее было лечь. Как только я сделал это, я тотчас уснул.

Внезапно я проснулся от невыносимой жажды. Я хотел пойти на кухню, чтобы напиться, но не смог сориентироваться в темноте. Рядом со мной лежала Ла Горда, завернувшаяся в одеяло. Я тряхнул ее два-три раза и попросил, чтобы она помогла мне найти воду. Она пробормотала что-то неразборчивое. Очевидно, она так крепко спала, что не могла проснуться. Я встряхнул ее снова и внезапно она проснулась, — только это была не Ла Горда. Тот, кого я тряс, заорал на меня грубым мужским голосом, посылая меня к черту. На месте Ла Горды был мужчина! Я смертельно испугался. Спрыгнув с постели, я побежал к передней двери. Но я совершенно не способен был сориентироваться и в результате оказался на кухне. Я схватил лампу и поспешно зажег ее. В этот момент из уборной, находившейся в задней части дома, вышла Ла Горда и спросила меня, в чем дело. Я взволнованно рассказал ей что случилось. Казалось, она тоже была сбита с толку. Ее рот приоткрылся, глаза потеряли свой обычный блеск. Она решительно потрясла головой и это, казалось, восстановило ее алертность. Она взяла лампу, и мы пошли в переднюю комнату. В постели никого не было. Ла Горда зажгла еще три маленьких лампы. Она была явно встревожена. Велев мне оставаться на месте, она открыла дверь в их комнату. Я заметил, что оттуда шел свет. Она закрыла дверь снова и очень естественным тоном сказала, что тревожиться нечего, ничего не случилось и что она лучше пойдет и приготовит нам что-нибудь поесть. С быстротой и расторопностью настоящей буфетчицы она приготовила еду и горячий шоколадный напиток с кукурузной мукой. Мы сели друг против друга в полном молчании и начали есть.

Ночь была холодной. Похоже, собирался дождь. Три керосиновые лампы, которые она принесла на обеденную площадку, давали умиротворяющий желтоватый свет. Она взяла несколько досок, сложенных штабелем на полу у стенки, и разместила их вертикально, засунув в глубокий паз на поперечной опорной балке крыши. На полу была параллельная балке длинная щель, которая удерживала доски на месте. В результате получилась передвижная стенка, окружившая обеденную площадку.

— Кто был в постели? — спросил я.

— В постели рядом с тобой была Хосефина, кто же еще? — ответила она, как бы смакуя каждое слово, а затем рассмеялась. — Она мастер на шутки вроде этой. Вначале я подумала, что это кто-то другой, но потом уловила запах. Так пахнет тело Хосефины, когда она устраивает одну из своих проделок.

— Она что, пыталась испугать меня до смерти? — спросил я.

— Ты знаешь, что не являешься их любимцем, — ответила она. — Им не нравится, что их спихивают с привычного пути. И еще они вне себя из-за отъезда Соледад. Они не хотят понимать, что нам всем пора покинуть эту местность. Похоже на то, что наш час пробил. Я поняла это сегодня. Когда я ушла из дому, я ощутила, что эти скудные холмы там, снаружи, делают меня усталой. Я никогда не замечала этого вплоть до сегодняшнего дня.

— Куда вы собираетесь уходить?

— Я не знаю. Похоже, что это зависит от тебя. От твоей силы.

— От меня? Как это понимать, Ла Горда?

— Позволь мне объяснить. За день до твоего приезда мы с сестричками шли в город. Я хотела найти тебя там, потому что у меня было очень странное видение в моем сновидении. В этом видении я была в городе вместе с тобой. Я видела тебя так четко, как вижу сейчас. Ты не знал, кто я такая, но заговорил со мной. Я не могла разобрать, что ты сказал. Я возвращалась к тому же самому видению три раза, но была в этом сновидении не настолько сильной, чтобы понять твои слова. Я сделала вывод, что мое видение означает необходимость пойти в город и довериться своей силе, чтобы найти тебя там. Я была уверена, что ты находишься в пути.

- Сестрички знали, зачем ты взяла их в город? — спросил я.

— Я ничего не сказала им, — ответила она. — Просто взяла их с собой. Мы бродили по улицам все утро.

Ее рассказ вызвал у меня очень странное состояние. Спазмы нервного возбуждения прокатились по всему телу. Я вынужден был встать и пройтись. Затем я снова сел и сказал ей, что в тот самый день я был в городе и всю вторую половину дня бродил по базарной площади, разыскивая дона Хуана. Она уставилась на меня с открытым ртом.

— Должно быть, мы разминулись, — сказала она со вздохом. — Мы были на

базаре и в парке. Большую часть дня мы просидели на ступеньках церкви, чтобы не привлекать к себе внимания.

Отель, в котором я остановился, был рядом с церковью. Я вспомнил, что долго стоял, глядя на людей на ступеньках церкви. Что-то побуждало меня внимательно рассматривать их. При всей абсурдности такого чувства я был уверен, что дон Хуан и дон Хенаро должны быть среди этих людей, изображая попрошаек, чтобы удивить меня.

— Когда вы покинули город? — спросил я.

— Мы ушли около пяти и направились к месту Нагваля в горах, — ответила она.

А я как раз в конце дня вдруг ощутил четкую уверенность в том, что дон Хуан ушел. Теперь было совершенно ясно, что именно я чувствовал в течение всего периода розысков дона Хуана. В свете ее рассказа я должен был в корне пересмотреть свои позиции. Я объяснял свою уверенность в присутствии дона Хуана в городе как иррациональное ожидание, возникшее в результате многократных встреч с ним там в прошлом. Но в городе была Ла Горда, которая искала меня, а она была существом, наиболее близким по характеру к дону Хуану. Я все время ощущал там именно ее присутствие. Рассказ Ла Горды лишь подтвердил то, что мое тело знало без тени сомнения.

Я заметил, что когда я рассказывал ей о своих ощущениях в тот день, ее начала бить нервная дрожь.

— Что произошло бы, если бы ты нашла меня? — спросил я.

— Все было бы по-другому, — ответила она. — Для меня найти тебя означало, что у меня достаточно личной силы, чтобы двигаться вперед. Поэтому я взяла с собой сестричек. Все мы — ты, я и сестрички — уехали бы вместе в тот же день.

— Куда, Горда?

— Кто знает? — задумчиво сказала Ла Горда. — Если бы у меня было достаточно силы, чтобы найти тебя, то была бы и сила узнать это. Теперь —

твоя очередь. Очевидно, у тебя сейчас достаточно силы, чтобы узнать, куда мы должны идти. Понимаешь, что я имею в виду?

В этот момент меня охватила глубокая печаль. Я более остро, чем когда бы то ни было, ощущал отчаяние от своей человеческой бренности и недолговечности. Дон Хуан всегда говорил, что единственным средством, сдерживающим отчаяние, является осознание смерти как ключа к магической схеме существования. Он утверждал, что осознание нашей смерти является единственной вещью, которая дает нам силу вынести тяжесть и боль нашей жизни и боязни неизвестного. Но он никогда не говорил мне, как вывести это осознание на передний план. Каждый раз, когда я просил его об этом, он настаивал, что единственно важным фактором является волевой акт, — иначе говоря, я должен принять решение сделать это осознание свидетелем своих действий. Мне казалось, что я сделал это. Но, столкнувшись с решимостью Ла Горды найти меня и уехать со мной я понял, что если бы она нашла меня в этом городе, я никогда бы не вернулся домой, никогда уже не увидел бы тех, кто мне дорог. Я не был готов к этому. Я приготовился к смерти, но не к тому, чтобы исчезнуть на оставшуюся часть моей жизни, находясь, как должно воину, в полном осознании, без гнева и разочарования, оставив позади свои чувства.

Почти в полном замешательстве я сказал Ла Горде, что не являюсь воином, достойным иметь такую силу, чтобы оставить навсегда мою прежнюю жизнь и знать куда идти и что делать.

— Мы человеческие существа, — сказала она. — Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

Я сказал ей, что моя печаль от такого решения слишком велика. Перемены, которым подвергаются маги, слишком радикальны и слишком окончательны. Я рассказал ей про невыносимую печаль Паблито об утрате своей матери.

— Такими ощущениями питается человеческая форма, — сказала она сухо. — Я жалела своих маленьких детей в течение многих лет. Я не могла понять, как Нагваль может быть таким жестоким, приказывая мне сделать то, что я сделала — оставить своих детей, разрушить и забыть их.

Она сказала, что понадобились годы, чтобы понять, что Нагваль тоже должен

был сделать выбор — оставить свою форму. Он не был жестоким. Просто у него больше не осталось человеческих чувств. Для него все было равно. Он принял свою судьбу. Наша с Паблито проблема в этом отношении состояла в том, что никто из нас не принял свою судьбу. Ла Горда сказала с презрением, что Паблито плакал, вспоминая свою мать, свою Мануэлиту главным образом тогда, когда должен был готовить себе еду. Она предложила мне вспомнить мать Паблито такой, какой она была: старой бестолковой женщиной, которая хотела только одного — быть прислугой для Паблито. Она сказала, что все они считают Паблито трусом, он ведь так несчастлив потому, что его прислуга Мануэлита стала ведьмой Соледад, которая могла бы убить его, раздавив, как клопа.

Ла Горда драматически встала и склонилась над столом так что ее лоб почти коснулся моего.

— Нагваль сказал, что у Паблито необычная судьба, — сказала она. — Мать и сын берутся за одно и то же. Если бы он не был таким трусом, он принял бы свою судьбу и противостоял Соледад как воин, без страха и ненависти. В конце концов лучший победил бы и забрал все. Если бы победителем вышла Соледад, Паблито должен был быть счастлив своей судьбой и желать ей блага. Но только подлинный воин может знать счастье такого рода.

— Как ко всему этому относится донья Соледад?

— Она не индульгирует в своих ощущениях, — сказала Ла Горда и снова села. — Она приняла свою судьбу с большей готовностью, чем любой из нас. Прежде чем Нагваль помог ей, она была еще хуже, чем я. По крайней мере я была молодой; она же была старой коровой, жирной и измученной, и молила о приходе смерти. Теперь смерть должна будет бороться, чтобы заявить свои права на нее.

Меня страшно смущало, как мало времени понадобилось для преображения доньи Соледад. Я сказал Ла Горде, что видел донью Соледад около двух лет назад, и она была все той же старухой, какой я знал ее всегда. Ла Горда рассказала, что в последний раз, когда я был в доме у доньи Соледад, считая, что это всё еще дом Паблито. Нагваль научил их действовать так, словно ничего не изменилось. Донья Соледад приветствовала меня из кухни, как она всегда это делала, и я фактически не видел ее лица. Лидия, Роза и Паблито в

совершенстве играли свои роли, чтобы я не мог раскрыть их подлинную деятельность.

— Зачем Нагваль пошел на все эти хлопоты, Горда?

— Он берег тебя для чего-то пока еще неясного. Он намеренно держал тебя вдали от всех нас. Они с Хенаро велели мне никогда не показывать тебе свое лицо, когда ты был поблизости.

— Велели ли они то же самое и Хосефине?

— Да. Она ненормальная и ничего не может с собой поделать. Ей хотелось разыгрывать с тобой свои шуточки.

Она обычно следовала за тобой неподалеку, а ты никогда не знал об этом. Однажды ночью, когда Нагваль взял тебя в горы, она в темноте чуть не столкнула тебя вниз, в ущелье. Нагваль заметил ее как раз вовремя. Она проделывала все эти «шуточки» не со злобы, а потому, что это доставляет ей удовольствие. Это ее человеческая форма. Хосефина будет такой, пока не потеряет ее. Я уже говорила тебе, что все они шестеро немножко психи. Тебе надо понять это, чтобы не быть пойманным в их сети. А если и поймаешься, не гневайся. Они не могут сдерживать себя.

Некоторое время она молчала. Я уловил, что она еле заметно дрожит. Ее глаза, казалось, вышли из фокуса, рот приоткрылся, словно мышцы перестали держать нижнюю челюсть. Я был поглощен наблюдением за ней. Она несколько раз встряхнула головой.

— Я только что видела кое-что, — сказала она, — Ты в точности такой же, как сестрички и Хенарос.

Она начала тихо смеяться. Я ничего не сказал. Мне хотелось, чтобы она объяснила все сама.

— Они сердятся на тебя, потому что до них до сих пор не дошло, что ты не отличаешься от них. Они смотрят на тебя как на Нагваля. Им не понять, что ты индульгируешь своим способом, точно так же, как они — своим. Она сказала, что Паблито ноет и жалуется, и играет слабовольного человека. Бениньо

играет застенчивого человека, который не может даже поднять глаза. Нестор играет мудреца, — того, кто все знает. Лидия играет крутую женщину, которая может сокрушить взглядом кого угодно. Хосефина была ненормальной, на которую нельзя было положиться. Роза была раздражительной девицей, которая кусала москитов за то, что они кусают ее. А ты был дураком, который приехал из Лос-Анжелеса с блокнотом и кучей нелепых вопросов. И всем нам нравилось вести себя так, как мы привыкли.

— Когда-то я была толстой и вонючей, — продолжала она после паузы. — Я не обращала внимания на то, что других пинают меня ногами, как собаку. Это была моя форма.

Я должна буду рассказать им, что я увидела относительно тебя, чтобы их не раздражали твои действия.

Я не знал что сказать, чувствуя, что она бесконечно права. Самым важным фактором была не столько безошибочность ее утверждений, сколько способ, которым она пришла к своему неоспоримому утверждению, и свидетелем которого был я сам.

— Как ты увидела это? — спросил я.

— Это просто пришло ко мне, — ответила она.

— Как оно пришло к тебе?

— Я испытала ощущение видения, пришедшее на верхушку моей головы, и просто знала все это.

Я настаивал на том, чтобы она описала каждую деталь этого «ощущения видения», о котором она только что упомянула. После минутного колебания она уступила, описав мне точно такое же щекочущее ощущение, что было и у меня во время моих столкновений с Соледад и сестричками. Ла Горда сказала, что оно начинается на макушке, а затем опускается вниз по спине и вокруг талии к матке. Она ощущала его внутри своего тела как поглощающее щекочущее раздражение, которое превратилось в знание, что я цепляюсь за свою человеческую форму подобно всем остальным. Разница между нами лишь в том, что я делаю это непонятным для них способом.

— Ты слышишь голос, который говорит все это? — спросил я.

— Нет. Я просто видела все, что рассказала тебе о тебе самом, — ответила она.

Я хотел спросить, было ли у нее видение меня, цепляющегося за что-то, но передумал. Я не хотел индульгировать в своем обычном поведении. Кроме того я знал, что именно она имеет в виду, когда говорит о видении. То же случилось и со мной, когда я был с Розой и Лидией. Я внезапно «знал», где они жили. У меня не было видения их дома, я просто ощутил, что знаю это.

Я спросил ее, слышала ли и она звук, похожий на треск деревянной палочки, сломавшейся у основания ее шеи.

— Нагваль учил нас, как получить ощущение на макушке головы, — сказала она, — но не каждый из нас может вызвать его. Звук позади горла — еще более трудная вещь. Никто из нас до сих пор не ощущает его. Странно, что у тебя он есть, ведь ты пустой.

— Как действует этот звук? — спросил я. — И что это такое?

— Ты знаешь это лучше, чем я. Что же еще я могу сказать тебе? — ответила она резко.

Тут она явно поймала себя на раздражительности и сконфужено улыбнувшись опустила голову.

— Я чувствую себя глупо, рассказывая тебе то, что ты уже и так знаешь, — сказала она. — Ты задаешь мне эти вопросы чтобы проверить, действительно ли я потеряла форму?

Я сказал ей, что нахожусь в растерянности. Мне кажется, я знаю, что это был за звук; но чтобы знать что-либо на самом деле, мне нужно непременно выразить свое знание в словах. В данном же случае я просто не представлял, где мне взять эти слова и как их соединить в понятия. Поэтому единственное, что я мог сделать, — это задавать вопросы в надежде, что ее ответы могли бы помочь мне.

— Я не могу помочь тебе в случае с твоим звуком, — сказала она.

Я вдруг ощутил невероятный дискомфорт. Я сказал ей, что привык иметь дело с доном Хуаном и что теперь нуждаюсь в нем более чем когда бы то ни было. Он бы разъяснил мне все это.

— Тебе недостает Нагваля? — спросила она. Я сказал, что да и что я не понимал, как сильно мне недостает его, пока не оказался в его родных краях.

— Тебе недостает его потому, что ты все еще цепляешься за свою человеческую форму, — сказала она и захихикала, словно наслаждаясь моей печалью.

— А тебе самой недостает его, Горда?

— Нет. Не мне. Я — его. Вся моя светимость была изменена. Как может мне недоставать чего-то, что есть я сама?

— Чем отличается твоя светимость?

— Человеческое существо или любое другое создание имеет бледно-желтое свечение. Животные — скорее желтое, люди — более белое, но маг — янтарно-желтое, как мед на солнечном свету. Некоторые женщины-маги — зеленые. Нагваль сказал, что они самые могущественные и самые опасные.

— Какой цвет у тебя, Горда?

— Янтарный, такой же, как у тебя и у всех нас. Об этом мне сказали Нагваль и Хенаро. Все мы янтарные. И все мы, за исключением тебя, похожи на надгробный камень. Обычные люди похожи на яйцо. Именно поэтому Нагваль называл их светящимися яйцами. Маги изменяют не только цвет своей светимости, но и свои очертания. Мы похожи на надгробные камни, только закругленные с обоих концов.

— А у меня до сих пор очертания яйца, Горда?

— Нет. У тебя тоже очертание камня, но в твоей светимости имеется уродливая

тусклая заплата. Пока у тебя есть эта латка, ты не сможешь спокойно летать как летают маги. Так, как я летала для тебя прошлой ночью. Ты даже не способен сбросить свою человеческую форму.

Я втянулся в страстный спор не столько с ней, сколько с самим собой. Я настаивал, что их точка зрения на способ обретения этой метафизической полноты была абсурдной. Я сказал, что никто не смог бы убедительно досказать мне, что нужно повернуться спиной к своему ребенку, чтобы осуществить самую неопределенную из целей — войти в мир нагваля. Я был так глубоко убежден в своей правоте, что вышел из себя и стал сердито кричать на нее. Моя вспышка оставила ее равнодушной.

— Это должен делать не каждый, — сказала она, — а только маги, которые хотят войти в другой мир. Есть немало хороших магов, которые видят, но все же остаются неполными. Быть полными — это только для нас, толтеков.

Возьми, например, Соледад. Она наилучшая колдунья, которую ты смог бы отыскать, и она — неполная. У нее было два ребенка, одним из которых была девочка. К счастью для Соледад, ее дочь умерла. Нагваль сказал, что острие духа человека, который умирает, снова возвращается к родителям, то есть к тем, кто отдал его. Если человек умирает, имея детей, то острие переходит к полному ребенку. А если все дети полные, то острие уходит к тому, кто обладает большей силой, причем это не обязательно будет лучший из них. Например, когда мать Хосефины умерла, то острие ушло к самой ненормальной — к Хосефине. Казалось, оно должно было бы пойти к ее брату — работящему и достойному человеку. Но у Хосефины было больше силы, чем у ее брата. Дочь Соледад умерла, не оставив детей, и Соледад получила поддержку, в результате чего закрыла половину своей дыры. Теперь единственная надежда закрыть ее полностью связана для нее со смертью Паблито. В свою очередь для Паблито великая надежда на получение поддержки связана со смертью Соледад.

Я сказал ей в очень сильных выражениях, что все это вызывает у меня отвращение и ужас. Она согласилась. Раньше она и сама считала, что именно эта установка магов — самая мерзкая вещь, какую только можно вообразить. Она взглянула на меня сияющими глазами. В ее усмешке было что-то коварное.

— Нагваль сказал мне, что ты понимаешь все, но ничего не хочешь делать в соответствии с этим, — сказала она мягким голосом.

Я начал спорить снова. Слова Нагваля обо мне не имеют никакого отношения к той части установки, которую мы сейчас обсуждаем. Я объяснил ей, что люблю детей, очень глубоко чту их и сочувствую их беспомощности в окружающем их устрашающем мире. Я не мог и помыслить о причинении вреда ребенку ни в каком смысле и ни по какой причине.

— Это правило придумал не Нагваль. Оно создано не человеком, а где-то там, вовне.

Я защищался, говоря, что не сержусь ни на нее, ни на Нагваля, но спорю потому, что не могу постичь смысла всего этого.

— Смысл в том, что нам нужно наше острие, вся наша сила, чтобы войти в другой мир, — сказала она, — Я была религиозной женщиной и обычно повторяла слова, смысла которых не понимала. Я хотела, чтобы моя душа вошла в Царствие Небесное. Я до сих пор хочу этого, несмотря на то, что нахожусь на другом пути. Мир Нагваля и есть Царствие Небесное.

Из принципиальных соображений я восстал против религиозного аспекта ее утверждений. Дон Хуан приучил меня никогда не рассуждать на эту тему. Она очень спокойно объяснила, что не видит никакой разницы в образе жизни между нами и истинными монахами и священниками. Она указала, что настоящие монахи не только являются как правило полными, но они еще и никогда не ослабляют себя сексуальными отношениями.

— Нагваль сказал, что в этом и заключается причина, почему они никогда не будут искоренены, кто бы ни пытался искоренить их, — сказала она. — Те, кто стоит за этим — всегда пустые. Они не обладают мужеством истинных монахов и священников. Мне нравилось, что Нагваль говорил это. Я всегда буду восхищаться монахами и священниками. Мы похожи. Мы отказались от мира, но мы находимся в гуще него. Священники и монахи сделались бы великими летающими магами, если бы кто-нибудь сказал им, что они могут делать это.

Тут я вспомнил о симпатиях моих отца и деда к мексиканской революции. Больше всего они восхищались попыткой искоренить духовенство. Мой отец

унаследовал это восхищение от своего отца, а я — от них обоих. Это было своего рода членство, которое мы разделяли. Одной из первых вещей, которые дон Хуан разрушил в моей личности, было именно это членство.

Однажды, как бы провозглашая свое собственное мнение, я сказал дону Хуану то, что я слышал всю жизнь, — что излюбленной уловкой церкви было держать нас в невежестве. Лицо дона Хуана стало очень серьезным, как будто мое утверждение затронуло какую-то глубокую струну в его душе. Я немедленно подумал о веках эксплуатации, которой подвергались индейцы.

— Эти грязные ублюдки, — сказал он. — Они держали меня в невежестве, да и тебя тоже.

Я сразу уловил его иронию и мы оба рассмеялись. По правде говоря, мне никогда и в голову не приходило проверить реальность этого положения серьезным исследованием. Я даже не очень-то верил в него, но мне как будто ничего не оставалось, как только принять его. Я рассказал дону Хуану о своих дедушке и отце и об их либеральных взглядах.

— Не имеет значения, что именно кто-то говорит или делает, — сказал дон Хуан. — Ты сам должен быть безупречным человеком. Битва происходит в этой груди, прямо здесь.

Он мягко постучал по моей груди.

— Если бы твой дедушка или твой отец попытались стать безупречными воинами, — продолжал он, — у них не осталось бы времени на пустяковые битвы. Нам требуется наша энергия и наше время целиком и полностью, чтобы победить весь этот идиотизм в себе. Только это и имеет значение. Остальное не важно. Ничто из того, что твой дед или отец говорили о церкви, не принесло им благополучия. Но вот если ты будешь безупречным воином, то это даст тебе мужество, молодость и силу. Так что тебе надлежит сделать мудрый выбор.

Моим выбором были безупречность и простота жизни воина. Вследствие этого выбора я чувствовал, что должен принять слова Ла Горды самым серьезным образом. Но это казалось мне даже более угрожающим, чем действия дона Хенаро. Он обычно пугал меня на очень глубоком уровне. Но его действия,

хотя и ужасающие, были органично вплетены в непрерывную ткань их учения. Слова и действия Ла Горды угрожали мне иным образом, более конкретным и реальным.

Тело Ла Горды вдруг вздрогнуло. По нему пробежала дрожь, заставляя сокращаться мышцы ее рук и плеч. Она схватилась за край стола, неловко пошатнувшись. Затем она расслабилась и приняла свой обычный вид.

Она улыбнулась. Ее глаза и улыбка были ослепительными. Она сказала небрежным тоном, что только что видела мою дилемму.

— Бесполезно закрывать глаза и делать вид, что ты ничего не понимаешь или не знаешь. Ты можешь делать это с людьми, но не со мной, — сказала она. — Я знаю теперь, почему Нагваль поручил мне рассказать тебе все это. Я — никто. Ты восхищаешься великими людьми. Нагваль и Хенаро были величайшими из всех.

Она остановилась и посмотрела на меня. Казалось, она ожидала моей реакции на свои слова.

— Ты все время боролся против того, что тебе говорили Нагваль и Хенаро, — продолжала она. — Именно поэтому ты позади. И боролся с ними ты потому, что они были великими. Это твой способ бытия. Но ты не мог бороться против меня и моего рассказа, потому что ты не хочешь смотреть на меня с уважением. Я — ровня тебе, я нахожусь в твоем кругу. Ты любишь бороться с теми, кто лучше тебя. В борьбе с моей позицией для тебя нет вызова. Бедный Нагвальчик! Ты проиграл игру.

Она приблизилась ко мне и прошептала на ухо, что Нагваль говорил ей, что она никогда не должна пытаться забрать у меня мой блокнот. Это так же опасно, как пытаться выхватить кость из пасти голодной собаки. Она положила голову мне на плечо, обняла и засмеялась тихо и мягко.

Ее видение сразило меня. Я знал, что она была абсолютно права.

Ла Горда долго держала меня в объятиях, склонив голову мне на плечо. Близость ее тела каким-то образом очень успокаивала меня. В этом она была в точности подобна дону Хуану. Она излучала силу, уверенность, твердость.

Она ошибалась считая, что я не восхищаюсь ею.

— Давай оставим все это, — сказала она внезапно. — Поговорим о том, что нам предстоит делать сегодня вечером.

— Что именно мы будем делать сегодня, Горда?

— Нам предстоит последнее свидание с силой.

— Это снова будет ужасная битва с чем-то?

— Нет. Сестрички просто собираются показать тебе нечто такое, что завершит твой визит сюда. Нагваль сказал мне, что после этого ты можешь уехать и никогда не вернуться или предпочтешь остаться с нами. Но в любом случае мы должны показать тебе свое искусство. Искусство сновидения.

— А что это за искусство?

— Хенаро говорил мне, что он терял время опять и опять, чтобы познакомить тебя с искусством сновидящих. Он показал тебе свое другое тело — тело сновидения. Однажды он даже заставил тебя быть в двух местах одновременно. Но твоя пустота помешала тебе видеть то, что он демонстрировал тебе. Это выглядело так, словно все его усилия проваливались через дыру в твоем теле.

Кажется, теперь все обстоит иначе. Хенаро сделал сестричек настоящими сновидящими и сегодня вечером они покажут искусство Хенаро. В этом отношении сестрички являются истинными детьми Хенаро.

Это напомнило мне о словах Паблито, который говорил, что мы являемся детьми обоих и что мы — толтеки. Я спросил ее, что он подразумевал под этим.

— Нагваль говорил мне, что на языке его бенефактора маги обычно назывались толтеками, — ответила она.

— А что это за язык?

— Он никогда не рассказывал. Но они с Хенаро обычно разговаривали на языке, который никто не мог понять. А ведь все мы вместе знаем четыре индейских языка.

— Дон Хенаро тоже говорил, что он толтек?

— У него был тот же бенефактор, так что он говорил то же самое.

Из ответов Ла Горды я начал подозревать, что она то ли сама знает очень мало, то ли не хочет говорить об этом со мной. Я сказал ей о своих выводах. Она призналась, что никогда не уделяла большого внимания этой теме. И удивилась, что это так важно для меня. Я прочел ей настоящую лекцию по этнографии Центральной Мексики.

— Маг становится толтеком только тогда, когда овладеет секретами сталкинга и сновидения, — сказала она небрежно. — Нагваль и Хенаро получили эти секреты от своего бенефактора и потом хранили их в своих телах. Мы делаем то же самое. И потому мы являемся толтеками, подобно Нагвалю и Хенаро.

Нагваль учил тебя и меня быть бесстрастными. Я более бесстрастна чем ты, потому что я бесформенна. У тебя все еще сохранилась твоя форма, и ты пуст. Поэтому ты цепляешься за каждый сучок. Однако однажды ты снова будешь полным. И тогда ты поймешь, что Нагваль был прав. Он сказал, что мир людей поднимается и опускается и что люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Как магам нам нечего следовать за ними в их подъемах и спусках.

Искусство магов состоит в том, чтобы быть вне всего и быть незаметными. И самым главным в искусстве магов является то, чтобы никогда не расточать понапрасну свою силу. Нагваль сказал мне, что твоя проблема — вечно попадать в ловушку идиотских дел вроде того, чем ты занимаешься сейчас. Я уверена, что ты собираешься расспрашивать нас всех о толтеках. но так и не соберешься спросить нас о внимании.

Ее смех был чистым и заразительным. Я вынужден был согласиться, что она права. Мелкие проблемы всегда пленяли меня. Я только сказал ей, что озадачен употреблением слова «внимание».

— Я уже говорила тебе о том, что Нагваль рассказывал нам о внимании, — сказала она. — Мы удерживаем своим вниманием образы мира. Обучать мужчину-мага очень трудно, потому что его внимание всегда закрыто, сфокусировано на чем-нибудь. А вот женщина всегда открыта. Поэтому она большую часть своего времени ни на чем не фокусирует свое внимание, особенно в течение менструального периода. Нагваль рассказал мне, а затем продемонстрировал, что в эти дни я могу полностью отвлечь свое внимание от образов мира. Если я не фиксирую его на мире, то мир рушится.

— Как это делается, Горда?

— Это очень просто. Женщина-маг использует трещину между мирами, о которой я уже упоминала. Когда женщина менструирует, она не способна фокусировать свое внимание. Это и есть та трещина, о которой говорил мне Нагваль. Прекратив бороться за фокусирование, женщина должна отвлечься от образов мира, созерцая отдаленные холмы, воду, например — реку, или облака.

Во время созерцания у тебя начинает кружиться голова и глаза устают, но если ты немного прикроешь их и мигнешь и сместишь их от одной горы к другой или от одного облака к другому, то созерцать можно часами или целыми днями, если это необходимо.

Нагваль обычно заставлял нас сидеть у двери и созерцать те круглые холмы на другой стороне долины. Иногда мы сидели так по несколько дней, пока трещина не открывалась.

Мне хотелось узнать об этом больше, но она замолчала и поспешно села вплотную ко мне. Она сделала мне рукой знак прислушаться. Я услышал слабый шелест и внезапно на кухню вошла Лидия. Я подумал, что она, должно быть, спала и звук наших голосов разбудил ее.

Она сменила западную одежду на длинное платье вроде тех, что обычно носили индейские женщины. На плечи была накинута шаль и она была босая. Длинное платье не делало ее старше, скорее она была похожа на ребенка, одетого в наряд взрослой женщины.

Она подошла и очень официально приветствовала Ла Горду; «Добрый вечер,

Горда». Затем она повернулась ко мне и сказала: «Добрый вечер, Нагваль».

Ее приветствие было таким неожиданным и таким серьезным, что я чуть было не рассмеялся, но уловил предостережение Ла Горды. Она сделала вид, что чешет макушку головы тыльной стороной сжатой в кулак левой руки.

Я повторил следом за Ла Гордой: «Добрый вечер, Лидия».

Она села в конце стола справа от меня. Я не знал, начинать ли мне беседу. Только я собрался что-то сказать, как Ла Горда стукнула меня коленкой по ноге и едва заметным движением бровей дала мне знак слушать. Я снова услышал приглушенный шорох длинного платья, соприкасающегося с полом. Хосефина секунду постояла у двери, прежде чем направиться к столу. Она приветствовала меня, Лидию и Ла Горду точно таким же образом. Я не мог оставаться серьезным, глядя на нее. Она тоже была босая, одета в длинное платье и шаль, но ее платье было на три размера больше и она подложила под него толстую прокладку. Это было чудовищно несовместимо; худое и юное лицо — и гротескно раздутое тело.

Она взяла скамейку, поставила ее с левого конца стола и села. Все трое выглядели чрезвычайно серьезными. Они сидели, сдвинув ноги вместе, и держались очень прямо. Я еще раз услышал шуршание платья и вошла Роза. Она была одета так же, как и другие, и тоже босая. Ее приветствие было таким же официальным и. естественно, включило Хосефину. Все ответили точно таким же тоном. Она села напротив, лицом ко мне. Все мы довольно долго молчали.

Внезапно Ла Горда заговорила, и звук ее голоса заставил подскочить всех остальных. Указав на меня, она сказала, что Нагваль собирается показать им своих союзников и намерен воспользоваться специальным зовом, чтобы вызвать их в комнату.

Попытавшись обратить все это в шутку, я сказал, что Нагваля здесь нет, так что он не может показать никаких союзников. Мне показалось, что они собираются рассмеяться. Ла Горда закрыла лицо рукой, а сестрички уставились на меня. Ла Горда приложила пальцы к моим губам и прошептала на ухо, что мне абсолютно необходимо воздержаться от идиотских высказываний. Она взглянула мне прямо в глаза и сказала, что я должен

познать союзников, воспроизводя «зов бабочек».

Я неохотно послушался. Но не успел я начать, как дух ситуации овладел мною, и через мгновенье я обнаружил, что с максимальной концентрацией отдаюсь воспроизведению этого звука. Я модулировал его звучание и управлял воздухом, выталкиваемым из легких таким образом, чтобы произвести самое длительное постукивание. Оно звучало довольно мелодично.

Я набрал невероятное количество воздуха, чтобы начать новую серию, и внезапно остановился; что-то снаружи дома откликнулось на мой зов. Постукивающие звуки были слышны со всех сторон и шли даже с крыши. Сестрички вскочили и столпились вокруг меня и Ла Горды, как испуганные дети.

— Пожалуйста, Нагваль, не вызывай ничего в дом, — умоляла Лидия.

Даже Ла Горда казалась немного испуганной. Она резко приказала мне остановиться. Я в любом случае не собирался продолжать свой зов. Однако союзники — как бесформенные силы или как существа, которые шныряли за дверью — были уже независимы от моего зова. Я снова ощутил, как и две ночи назад в доме Хенаро, невыносимую тяжесть, навалившуюся на весь дом. Я буквально физически чувствовал ее в середине живота как зуд, нервозность, которая вскоре превратилась в настоящее физическое страдание. Три сестрички были вне себя от страха, особенно Лидия и Хосефина. Обе они скулили, как раненые собаки. Все они окружили меня и уцепились за мою одежду. Роза заползла под стол и засунула голову между моими ногами. Только Ла Горда стояла позади меня, стараясь сохранять спокойствие. Через несколько секунд истерия и страх этих трех девушек возросли до огромных размеров. Ла Горда наклонилась и прошептала, что я должен издать противоположный звук, — звук, который рассеет их. Я был крайне смущен, так как понятия не имел ни о каком другом звуке. Но затем возникло знакомое щекочущее ощущение на макушке, дрожь в теле и я неизвестно почему вдруг вспомнил особый свист, который дон Хуан обычно исполнял ночью, и которому старался научить меня. Он описал мне его как средство удерживать равновесие во время ходьбы, чтобы в темноте не сбиться с пути.

Когда я начал свистеть таким образом, давление в области живота

прекратилось. Ла Горда улыбнулась и вздохнула с облегчением, а сестрички отодвинулись от меня, хихикая так, словно все это было только шуткой.

У меня начали появляться мысли, которые дон Хуан наверняка назвал бы индульгированием в самый неподходящий момент. Уж слишком резкой была перемена от достаточно приятного общения с Ла Гордой до нынешней невероятной ситуации. Например, я думал, а не было ли все это просто розыгрышем с их стороны. Но я был слишком слаб и почти терял сознание. В ушах шумело, а напряжение в области живота было таким сильным, что заставило подумать о серьезном заболевании. Я положил голову на край стола, но через несколько минут уже чувствовал себя настолько неплохо, что смог выпрямиться.

Девушки, казалось, уже забыли, как они были перепуганы. Они смеялись, толкали друг друга, повязывая свои шали вокруг талии. Ла Горда не казалась ни нервной, ни расслабленной.

Вдруг две другие девушки толкнули Розу и она упала со скамейки, где все трое сидели. Она приземлилась на ягодицы. Мне казалось, что она разъярится, но она захихикала. Я взглянул на Ла Горду, ожидая указаний. Она сидела, держа спину очень прямо. Ее глаза были полуприкрыты и фиксированы на Розе. Сестрички смеялись громко, как истеричные школьницы. Лидия толкнула Хосефину и заставила ее упасть рядом с Розой на пол. Когда Хосефина оказалась на полу, их смех немедленно затих. Роза и Хосефина вздрогнули всем телом, проделав непонятные движения ягодицами: они двигали ими из стороны в сторону, как бы растирая что-то на полу. Затем они молча вскочили, как два ягуара, и взяли Лидию за руки. Все трое совершенно бесшумно покружились пару раз по комнате. Роза и Хосефина взяли Лидию подмышки и пронесли ее, идя на цыпочках, два-три раза вокруг стола. Затем все трое рухнули, словно в коленях у них были одновременно сжавшиеся пружины. Их длинные платья вздулись, придав им вид огромных шаров. Очутившись на полу, они стали еще бесшумнее. Не было никаких других звуков, кроме легкого шуршания их платьев, когда они вертелись и ползали. Казалось, я смотрю стереофильм с отключенным звуком.

Ла Горда молча наблюдала за ними, сидя рядом со мной. Внезапно она встала и с акробатическим проворством побежала к двери на углу обеденной площадки, ведущей в их комнату. Прежде чем достигнуть двери, она упала на

правый бок и плечо, сразу перевернулась, встала, увлекаемая инерцией своего вращения, и распахнула дверь. Она проделала все это в абсолютной тишине.

Три девушки вертелись и ползали по полу, как гигантские шарообразные насекомые. Ла Горда подала мне сигнал подойти к ней. Мы вошли в комнату и она усадила меня спиной к дверной раме, прямо на полу. Сама она села справа от меня, также спиной к раме. Она заставила меня переплести пальцы и сложить руки над пупком.

Сначала я пытался делить внимание между Ла Гордой, сестричками и комнатой. Но как только Ла Горда устроила меня в этой позе, мое внимание было целиком захвачено комнатой. Все три девушки лежали в центре большой белой квадратной комнаты с кирпичными полами. Там было четыре керосиновых лампы, по одной на каждой стене, размещенные на встроенных полочках в шести футах над полом. Потолка в комнате но было. Огромные балки крыши были затемнены, и — это создавало впечатление невероятной комнаты, открытой сверху. В самом углу, одна напротив другой находились две двери. Когда я взглянул через комнату на закрытую дверь, я заметил, что стены комнаты были ориентированы по странам света. Дверь, где мы находились, была в северо-западном углу.

Роза, Лидия и Хосефина несколько раз покрутились вокруг комнаты против часовой стрелки. Я напрягался, чтобы услышать шуршание их платьев, но тишина была абсолютной. Я мог слышать только дыхание Ла Горды. Сестрички наконец остановились и сели спиной к стенам, каждая под своей лампой. Лидия села у восточной стены. Роза — у северной, а Хосефина — у западной.

Ла Горда встала, закрыла дверь позади нас и заперла ее на щеколду. Она заставила меня отодвинуться на несколько дюймов, не меняя позы, пока я не оказался спиной к двери. Затем она молча пересекла комнату и села под лампой у южной стены. Это, по-видимому, послужило сигналом. Лидия встала и начала ходить на цыпочках по периметру комнаты вдоль стен. Собственно, это была не ходьба, а скорее беззвучное скольжение. Она увеличила скорость, ступая на стыке пола и стен. Она перепрыгивала через Розу, Хосефину, Ла Горду и меня каждый раз, когда добиралась до мест, где мы сидели. Я ощущал, как ее длинное платье задевало меня при каждом ее обороте. Чем

быстрее она бегала, тем выше оказывалась на стенах. Наступил момент, когда Лидия молча бегала вокруг четырех стен комнаты примерно в семи-восьми футах над полом. Вид девушки, бегающей перпендикулярно стенам, был таким невероятным, что это смахивало на гротеск. Ее длинное облачение делало картину еще более сверхъестественной. Казалось, тяготение не имело никакого отношения к ней самой, но действовало на ее длинную юбку — она свисала вниз. Я ощущал ее всякий раз, когда она, как штора, проносилась по моему лицу.

Она захватила мое внимание на уровне, которого я не мог и вообразить. Напряжение от концентрации на ее движении было таким сильным, что у меня начались конвульсии в животе. Я буквально ощущал животом ее бег. Мои глаза расфокусировались. На последнем крошечном остатке способности к концентрации я увидел, как Лидия сошла вниз по диагонали восточной стены и остановилась посреди комнаты.

Она запыхалась, тяжело дышала и обливалась потом, как Ла Горда после демонстрации своего полета. Ей было трудно сохранять равновесие. Через секунду она пошла к своему месту у восточной стены и повалилась на пол, как мокрая тряпка. Казалось, она потеряла сознание, но затем я увидел, что она уже почти спокойно дышит ртом.

После нескольких минут неподвижности, вполне достаточных для того, чтобы Лидия полностью пришла в себя и села прямо, встала Роза, беззвучно пробежала к центру комнаты, повернулась на пятках и побежала обратно к своему месту. Это дало ей возможность разбежаться для диковинного прыжка. Она подпрыгнула в воздух, как баскетболист, вдоль вертикального пролета стены, и ее руки поднялись над стенами, которые возвышались более чем на десять футов. Мне было видно, как ее тело ударилось о стену, хотя звука удара не было. Я ожидал, что в результате столкновения ее отбросит обратно на пол, но она осталась висеть там, прикрепившись к стене. С моего места это выглядело так, словно она держалась левой рукой за какой-то крючок. Она минуту раскачивалась, как маятник, затем переместилась на три-четыре фута влево, оттолкнувшись правой рукой от стены когда размах ее качания был максимальным. Она повторила эти раскачивания и перемещения три или четыре раза, пролетев таким образом вокруг всей комнаты, а затем перебралась к балкам крыши, где рискованно болталась, вися на невидимом крючке.

Когда она сделала это, я вдруг осознал, что в ее левой руке не было никакого крючка. В действительности это было каким-то свойством ее руки, которое позволяло ей висеть на ней. Той же самой руки, которой она атаковала меня позапрошлой ночью.

Ее демонстрация завершилась свисанием с балок в самом центре комнаты. Внезапно она потеряла сцепление, сорвавшись с высоты пятнадцать-шестнадцать, футов. Ее длинное платье поднялось и собралось вокруг головы. Перед тем, как она беззвучно приземлилась, секунду она выглядела, как вывернутый силой ветра зонт. Ее обнаженное тело казалось ручкой зонтика, прикрепленной к темной массе платья.

Мое тело ощутило толчок от ее падения наверное больше чем она сама. Она приземлилась, присев на корточки, и какое-то время оставалась неподвижной, стараясь перевести дыхание. Я растянулся на полу, испытывая болезненные спазмы в животе.

Ла Горда пересекла комнату, взяла свою шаль и повязала вокруг моего живота, обмотав ее два-три раза как пояс. Она тенью вернулась обратно к южной стороне.

Пока она делала все это, я потерял из виду Розу. Когда я поднял глаза, та снова сидела у южной стены. Теперь уже Хосефина молча направилась в центр комнаты. Она расхаживала взад и вперед между местом, где сидел я, и своим, у западной стены. Она все время была обращена лицом ко мне. Приблизившись к своему месту, она внезапно подняла левое предплечье и поместила его прямо перед лицом, словно хотела заслониться от меня. Она на секунду скрыла за предплечьем половину своего лица. Потом опустила его и подняла снова, на этот раз закрыв все лицо. Она бесчисленное количество раз повторяла этот процесс, беззвучно расхаживая по комнате из одного конца в другой. Каждый раз, когда она поднимала предплечье, все большая часть ее тела исчезала из моего поля зрения. Наступил момент, когда она закрыла все свое тело, раздутое за счет одежды, своим тонким предплечьем. Казалось, словно заслоняя все мое тело, находящееся в десяти-двенадцати футах от нее, от своего взора — задача вполне выполнимая, ее она легко могла решить за счет ширины своего предплечья — она заслоняла от моего взгляда и свое тело — а уж это никак нельзя было сделать за счет ширины ее предплечья.

Когда она закрыла все свое тело, я мог различать только силуэт ее висящего в воздухе предплечья. Он покачиваясь двигался из одного угла комнаты в другой, и только однажды я мог смутно увидеть и саму руку.

Я почувствовал отвращение, невыносимую дурноту. Двигающееся и покачивающееся предплечье истощало мою энергию. Я соскользнул на бок, не в силах сохранить равновесие, и увидел, как рука падает на землю. Хосефина лежала на полу, накрытая одеждами, словно ее вздутое платье взорвалось. Она лежала на спине, раскинув руки.

Мне потребовалось довольно много времени, чтобы восстановить физическое равновесие. Моя одежда промокла от пота. Все это подействовало не только на меня. Все они были измотанными и мокрыми. Ла Горда держалась лучше всех, но и ее контроль был, по-видимому, на грани срыва. Я мог слышать, как все они, включая Ла Горду, дышат ртом.

Когда я снова полностью пришел в себя, все сидели на своих местах. Сестрички пристально смотрели на меня. Краешком глаза я видел, что у Ла Горды глаза были полуприкрыты. Внезапно она бесшумно перекатилась в мою сторону и прошептала мне на ухо, что я должен начать свой зов бабочки, продолжая его до тех пор, пока союзники не вернутся в дом и не будут готовы взять нас.

Я был в нерешительности. Она прошептала, что другого способа изменить направление не существует и что мы должны закончить то, что начали. Сняв свою шаль с моего пояса, она опять перекатилась на свое место и села.

Я поднес руку к губам и попытался издать постукивающий звук. Поначалу это казалось очень трудным. Губы были сухими, а руки потными, но после первой неудачи у меня появилось ощущение бодрости и хорошего тонуса. У меня получился самый великолепный зов, который я когда-либо издавал. Он напоминал мне такой же звук, который я когда-то давным-давно слышал в ответ на свой. Когда я остановился, чтобы передохнуть, то услышал ответное постукивание со всех сторон.

Ла Горда сделала мне знак продолжать. Я выдал еще три серии. Последняя была совершенно гипнотической. Мне даже не пришлось набирать много

воздуха и выпускать его небольшими порциями, как я делал это всегда. На этот раз постукивающий звук свободно лился из моего горла. Мне даже не нужно было использовать край ладони чтобы издать его.

Внезапно Ла Горда бросилась ко мне, подхватила подмышки и потащила на середину комнаты. Ее действие нарушило мою абсолютную концентрацию. Я заметил, что Лидия держит меня за правую руку, Хосефина — за левую, а Роза пятится назад передо мной и поддерживает меня за пояс вытянутыми руками. Ла Горда была позади меня. Она приказала мне протянуть руки назад и схватиться за шаль, которую она повязала вокруг шеи и плеч как упряжь.

Тут я заметил, что в комнате кроме нас было еще что-то, хотя и не мог сказать, что именно. Сестрички дрожали. Я знал, что они видят это, хотя сам ничего различить не мог. Я также знал, что Ла Горда собирается повторить то, что делала в доме дона Хенаро. Внезапно я почувствовал ветер из глаза-двери, втягивающий нас. Я изо всех сил уцепился за край шали Ла Горды, а сестрички схватились за меня. Я ощутил, что мы кружимся, кувыркаемся и раскачиваемся из стороны в сторону, как гигантский невесомый лист.

Я открыл глаза и увидел, что мы похожи на пучок. Мы то ли стояли, то ли горизонтально висели в воздухе, — я не мог разобрать, так как не имел точки опоры для чувств. Затем так же внезапно, как и поднялись, мы стали опускаться. Я чувствовал падение серединой своего живота и завопил от боли. Мои вопли слились с воплями сестричек. Вдруг я ощутил невыносимый толчок в ногах и подумал, что, должно быть, сломал их.

Следующим моим впечатлением было ощущение, что что-то проникло в мой нос. Я лежал на спине в полной темноте. Приподнявшись, я понял, что это Ла Горда щекочет мне ноздри прутиком. Я не чувствовал ни опустошенности, ни даже усталости. Вскочив на ноги, я был потрясен увиденным. Мы находились не в доме, а на бесплодном каменистом холме. Я сделал шаг и едва не упал, споткнувшись о чье-то тело. Я узнал Хосефину. Она была очень горячей. Казалось, у нее был жар. Я попытался заставить ее сесть, но она была совершенно вялой. Рядом с ней лежала Роза. По контрасту ее тело было холодным, как лед. Я положил их одну на другую и потряс. Это движение привело их в себя.

Ла Горда тем временем нашла Лидию и заставила ее идти. Спустя несколько минут все мы были на ногах. Мы находились, по-видимому, в полумиле к востоку от дома.

Несколько лет назад дон Хуан вызвал у меня аналогичное переживание, но с помощью психотропных растений. По всей вероятности, он заставил меня летать, и я приземлился на некотором расстоянии от его дома. В то время я попытался объяснить это событие рациональными причинами. Оснований для такого объяснения у меня не было, и я вынужден был пойти по одному из двух возможных путей: или объяснить происшедшее тем, что дон Хуан перенес меня на удаленное поле, пока я находился в бессознательном состоянии под действием психотропного растения, или утверждать, что под влиянием алкалоидов я поверил в то, что внушил мне дон Хуан. То есть, что я летал.

На этот раз у меня не было другого выхода, как только набраться мужества и признать, что я летал. Я начал индульгировать в сомнениях и сочинять, как четыре девушки перенесли меня на этот холм. Я громко засмеялся, не в силах сдержать непонятный восторг.

Это был рецидив моей старой болезни. Мой разум, который был временно блокирован, опять начал захватывать власть надо мной. Мне хотелось победить его. Или, точнее сказать, — в свете диковинных действий, которые я наблюдал и выполнял со дня моего приезда, — мой разум отстаивал свою независимость от более сложного комплекса, который, кажется, и был «мною». Тем мною, которого я не знал.

С позиции почти незаинтересованного наблюдателя я следил, как мой разум борется, чтобы найти подходящие разумные обоснования, в то время как другая, гораздо большая часть меня могла больше не заботиться об объяснении вообще чего бы то ни было.

Ла Горда выстроила трех девушек в линию, затем потянула меня к себе. Все они сложили руки за спиной. Ла Горда заставила меня сделать то же самое. Она вытянула мои руки как можно дальше назад, велела мне согнуть их и захватить мои предплечья как можно крепче и ближе к локтям. Это создавало большое мышечное напряжение в плечевых суставах. Она давила на мое туловище вперед до тех пор, пока я совсем не согнулся. Затем она издала особый птичий крик. Это был сигнал. Лидия начала двигаться. В темноте ее

движения напоминали мне движения конькобежца. Она шла быстро и молча, и за несколько минут исчезла из виду. Ла Горда издала один за другим еще два птичьих крика, и Роза с Хосефиной удалились тем же способом, что и Лидия. Ла Горда велела мне следовать рядом с ней. Она издала еще один птичий крик, и мы тронулись с места.

Я был удивлен легкостью, с которой шел. Все мое равновесие было сосредоточено в ногах. То, что руки находились за спиной, не только не препятствовало движениям, но помогало мне поддерживать это необычное равновесие. Но больше всего меня удивила плавность моей походки.

Достигнув дороги, мы стали идти нормально. Мы прошли мимо двух человек, идущих в противоположном направлении. Когда мы добрались до дома, сестрички уже стояли у двери, не решаясь войти. Ла Горда сказала им, что хотя я не мог управлять союзниками, но мог и призывать их, и заставить их уйти. Союзники больше не будут беспокоить нас. Девушки поверили ей, чего нельзя было сказать обо мне.

Мы вошли внутрь. Все они очень спокойно и быстро разделись, облились холодной водой и сменили одежду. Я сделал то же самое. Ла Горда принесла мне мою старую одежду, которая хранилась обычно в доме дона Хуана в коробке, и я переоделся.

Все мы были в приподнятом настроении. Я попросил Ла Горду объяснить мне, что мы делали.

— Мы поговорим об этом позже, — сказала она твердо.

Тут я вспомнил, что пакеты, которые я привез им, все еще были в машине. Я подумал, что пока Ла Горда готовит нам еду, можно пойти и вытащить их. Я вышел, взял их, принес в дом и положил на стол. Лидия спросила, распределил ли я подарки. Я сказал, что хочу, чтобы они сами выбрали то, что им понравится. Она отказалась, сказав, что, несомненно, у меня было приготовлено что-то особое для Паблито и Нестора, а для них — груда безделушек, которые я высыпал на стол, чтобы они дрались за них.

— Кроме того, ты ничего не привез для Бениньо, — сказала она, подойдя ко мне сбоку, и взглянула на меня с напускной серьезностью. — Ты не должен

оскорблять чувства Хенарос, давая им два подарка на троих.

Они все засмеялись. Мне было неловко. Она была совершенно права.

— Ты беззаботный. Именно поэтому ты никогда не нравился мне, — сказала Лидия, погасив улыбку и нахмурившись. — Ты никогда не приветствовал меня с симпатией или уважением. Каждый раз ты только делал вид, что рад видеть меня.

Она имитировала мое явно неискреннее приветствие, которым я пользовался много раз в прошлом.

— Почему ты никогда не спрашивал меня, как у меня дела? — спросила Лидия.

Я прекратил писать. Мне просто никогда не приходило в голову спрашивать ее о чем-либо. Я сказал ей, что мне нет оправдания. Вмешалась Ла Горда, сказав, что я никогда не сказал при встрече больше двух слов Лидии и Розе по очень простой причине: я привык разговаривать только с женщинами, которыми увлечен в том или ином смысле. Ла Горда добавила, что Нагваль велел им только отвечать на мои вопросы, а если я к ним не обращаюсь, то они не должны были ничего говорить сами.

Роза сказала, что не любит меня, потому что я всегда смеялся и пытался потешать всех. Хосефина добавила, что я никогда не замечал ее, и она невзлюбила меня как раз за эти невыносимые шутки.

— Я хочу, чтобы ты знал, что я не признаю тебя как Нагваля, — сказала мне Лидия, — Ты очень тупой. Ты ничего не знаешь. Я знаю больше тебя. Как я могу уважать тебя?

Она добавила, что я могу убираться туда, откуда пришел, или хоть провалиться в преисподнюю.

Роза и Хосефина не сказали ни слова. Однако, судя по серьезному и неприветливому выражению их лиц, они были согласны с Лидией.

— Как этот человек может вести нас? — спросила Лидия Ла Горду. — Он не настоящий Нагваль. Он человек. Он собирается делать из нас таких же

идиотов, как он сам.

Когда она говорила это, я видел, как выражение лиц Розы и Хосефины становится все более и более враждебным.

Ла Горда вмешалась и объяснила им то, что она видела обо мне раньше. Она добавила, что она советует мне больше не попадаться в их ловушки, но рекомендует то же самое ним — не попадаться в мои.

После того, как Лидия сначала продемонстрировала мне свою вполне обоснованную неподдельную враждебность, я был изумлен, как легко она поддалась замечаниям Ла Горды. Она даже улыбнулась мне, а потом подошла и села рядом со мной.

— Ты на самом деле такой же как мы, да? — спросила она смущенно.

Я не знал, что сказать. Я боялся допустить промах. Лидия явно была лидером сестричек. В тот момент, когда она улыбнулась мне, две другие тотчас были охвачены тем же настроением.

Ла Горда сказала, чтобы они не обращали внимания на мой карандаш и бумагу и на мои постоянные вопросы и что я, в свою очередь, не должен тревожиться, если они вовлекаются в свое любимое занятие — индульгирование на самих себе.

Все трое сели около меня. Ла Горда подошла к столу, взяла пакеты и отнесла их в мою машину. Я попросил Лидию извинить меня за мои непростительные промахи в прошлом и попросил всех рассказать мне, как они стали ученицами дона Хуана. Чтобы заставить их чувствовать себя непринужденно, я описал свою встречу с доном Хуаном. Их рассказы повторили то, что я уже знал от доньи Соледад.

Лидия сказала, что они вольны были оставить мир дона Хуана, но их выбор был — остаться. Сама она была самой первой ученицей и имела возможность уйти. Когда Нагваль и Хенаро вылечили ее, Нагваль указал ей на дверь и сказал, что если она не уйдет теперь, то дверь закроется и никогда не откроется снова.

— Моя судьба была решена, когда дверь закрылась, — сказала мне Лидия. — В точности то же случилось и с тобой. Нагваль говорил мне, что, когда он наложил на тебя заплату, у тебя была возможность покинуть его. Но ты не сделал этого.

Я помнил о том решении более живо, чем о чем угодно другом. Я рассказал им, как дон Хуан заставил меня поверить, что за ним охотится женщина-маг, а затем предоставил мне выбор — или покинуть его навсегда, или остаться, чтобы помочь ему вести войну против этой ведьмы. Потом оказалось, что мнимым врагом была одна из его сотрудниц. Вступив в борьбу с ней — как я думал, в защиту дона Хуана — я направил ее против себя, и она стала тем, что он назвал моим «стоящим противником».

Я спросил у Лидии, были ли у них такие противники.

— Мы не такие тупые, как ты, — сказала Роза. — Мы никогда не нуждались ни в каком кнуте.

— Паблито как раз такой тупица, — сказала Роза, — Его противником является Соледад. Впрочем, я не знаю, насколько она стоящая. Но, как гласит пословица, нет курицы, так съешь и луковицу.

Они засмеялись и заколотили по столу.

Я спросил у них, знал ли кто-нибудь Ла Каталину, женщину-мага, которую дон Хуан натравил на меня. Они отрицательно покачали головой.

— Я знаю ее, — сказала Ла Горда, стоя у кухонной плиты. — Она из цикла Нагваля, а выглядит так, как будто ей лет тридцать.

— Что такое цикл, Горда? — спросил я. Она подошла к столу, поставила ногу на скамейку и, облокотясь на нее, подперла рукой подбородок.

— Маги, подобные Нагвалю и Хенаро, имеют два цикла. Первый — это когда они еще человеческие существа, подобные нам. Мы находимся в первом цикле. Каждому из нас было дано задание, и это задание вынуждает нас оставить человеческую форму. Элихио, мы пятеро и Хенарос относимся к одному и тому же циклу. Второй цикл наступает тогда, когда маг больше не

является человеческим существом. Такими были Нагваль и Хенаро. Они пришли учить нас. И после того, как они обучили нас, они ушли. Мы являемся вторым циклом для них. Нагваль и Ла Каталина подобны тебе и Лидии. Они находятся в таком же взаимодействии. Она ужасающий маг, в точности как Лидия.

Ла Горда вернулась к кухонной плите. Сестрички, казалось, нервничали.

— Эта женщина, должно быть, знает растения силы, — сказала Лидия Ла Горде.

Ла Горда ответила, что так оно и есть. Я спросил, давали ли им когда-нибудь растения силы.

— Нам троим не давали, — ответила Лидия. — Растения силы дают только пустым людям, таким как ты и Ла Горда.

— Так Нагваль давал тебе их? — спросил я Ла Горду. Ла Горда подняла над головой два пальца.

— Нагваль давал ей свою трубку дважды, — сказала Лидия, — И оба раза у нее ехала крыша.

— Что случалось, Горда? — спросил я.

— Я становилась сумасшедшей, — сказала Ла Горда, подойдя к столу. — Растения силы давали нам потому, что Нагваль накладывал латки на наши тела. Моя пристала быстро, а у тебя это протекало трудно. Нагваль сказал, что ты еще ненормальней Хосефины и такой же невыносимый, как Лидия, и он вынужден был давать тебе растения силы огромное количество раз.

Ла Горда объяснила, что растения использовали только те маги, которые в совершенстве владели этим искусством. Эти растения были таким могущественным средством, что для правильного обращения с ними требовалось самое безупречное внимание со стороны магов. Нужна была целая жизнь, чтобы натренировать свое внимание до необходимого уровня. Ла Горда сказала, что полный человек не нуждается в растениях силы и что ни сестрички, ни Хенарос никогда не принимали их. Но в какой-то момент, когда

они усовершенствуют свое искусство сновидения, им придется воспользоваться растениями силы для получения завершающего тотального толчка. Это будет толчок такой силы, что нам невозможно и представить его.

— А тебе тоже придется принимать их? — спросил я Ла Горду.

— Всем нам, — ответила она. — Нагваль сказал, что ты должен будешь знать об этом моменте раньше, чем любой из нас.

Я некоторое время думал на эту тему. Психотропные растения оказывали на меня ужасающее воздействие. Они, казалось, достигали какого-то обширного резервуара во мне и извлекали из него целый мир. Я боялся принимать их из-за нарушения моего физического тонуса и невозможности управлять их действием. Мир, в который они погружали меня, был неподатлив и хаотичен. Пользуясь терминологией дона Хуана, мне не хватало контроля и силы, чтобы воспользоваться этим миром. Однако, если бы такой контроль у меня был, то я открыл бы в себе потрясающие возможности.

— Я принимала их, — внезапно сказала Хосефина, — Когда я была помешанной, Нагваль дал мне свою трубку, чтобы исцелить или убить меня. И она исцелила меня.

— Нагваль действительно давал Хосефине свой дым, — сказала Ла Горда и подошла к столу. — Он знал, что она притворяется более сумасшедшей, чем есть на самом деле. Она всегда была немного чокнутой, но она еще и индульгирует, как никто другой. Она всегда хотела жить там, где никто бы ей не надоедал и где она смогла бы делать все, что ей захочется. Поэтому Нагваль дал ей свой дым и отправил пожить в мир ее предрасположения на четырнадцать дней, пока она так не пресытилась им, что излечилась. Она пресекла свое индульгирование. В этом и состояло ее излечение.

Ла Горда вернулась к плите. Сестрички смеялись и хлопали друг друга по спинам.

Тут я вспомнил, что в доме доньи Соледад Лидия не только сделала вид, что Нагваль оставил для меня какой-то пакет, но и на самом деле показала сверток, похожий на футляр для трубки дона Хуана. Я напомнил Лидии об их обещании отдать мне этот пакет в присутствии Ла Горды.

Сестрички переглянулись, а затем посмотрели на Ла Горду. Она кивнула. Хосефина встала и пошла в переднюю комнату. Спустя минуту она вернулась со свертком, который показывала мне Лидия.

Мое нетерпение достигло предела. Хосефина аккуратно положила сверток на столе передо мной. Все столпились вокруг. Она стала развязывать его так же, как в первый раз это делала Лидия. Когда пакет был полностью развернут, она вывалила его содержимое на стол. Это было тряпье для менструаций.

Секунду я был в ярости. Но громкий смех Ла Горды был таким веселым, что я и сам был вынужден рассмеяться.

— Это личный сверток Хосефины, — сказала Ла Горда. — Это была блестящая идея — сыграть, на твоем сильном желании получить дар от дона Хуана, чтобы вынудить тебя остаться.

— Ты должен признать, что это была хорошая идея, — сказала мне Лидия.

Она имитировала выражение жадности на моем лице, когда она разворачивала передо мной сверток, и затем мое разочарование, когда она перестала делать это.

Я сказал Хосефине, что ее идея действительно была блестящей, что она сработала, как она и ожидала, и что я хотел заполучить этот пакет больше, чем хотел признаться.

— Ты можешь получить его, — сказала Хосефина, чем вызвала общий смех.

Ла Горда сказала, что Нагваль знал с самого начала, что Хосефина вовсе не была больна на самом деле, но именно по этой причине ему так трудно было вылечить ее. Люди, которые действительно больны, более податливы. Хосефина отдавала себе полный отчет во всем и была очень строптивой, поэтому он должен был курить ее великое множество раз.

Дон Хуан сказал когда-то то же самое и насчет меня — что он «курил» меня. Я всегда считал, что он имеет в виду использование психотропных грибов для того, чтобы составить себе определенное представление обо мне.

— Как он «курил» тебя? — спросил я у Хосефины.

— Так же, как он курил и тебя, — ответила она. — Он вытянул твою светимость и высушил ее дымом от огня, который он развел.

Я был убежден, что дон Хуан никогда не объяснял мне этого. Я попросил Лидию, чтобы она рассказала мне все, что они знали об этом. Она повернулась к Ла Горде.

— Дым имеет очень большое значение для мага, — сказала Ла Горда. — Дым подобен густому туману. Туман, конечно, лучше, но с ним слишком трудно обращаться. Он не так удобен для использования, как дым. Поэтому, если маг хочет видеть и узнать кого-то очень закрытого, своенравного и упрямого, как ты и Хосефина, — он разводит огонь и позволяет дыму окутать этого человека. Все, что они скрывают, выходит с дымом.

Ла Горда сказала, что Нагваль использовал дым не только для того, чтобы узнавать людей, но и для исцеления. Он делал Хосефине дымные ванны. Он заставлял ее сидеть или стоять у огня с той стороны, куда дует ветер. Дым обычно окутывал ее и заставлял ее кашлять и плакать, но это неудобство было лишь временным и не имело последствий. Зато огромным положительным эффектом было очищение светимости.

— Нагваль предписывал нам всем дымные ванны, — сказала Ла Горда. — Ты получил даже больше ванн, чем Хосефина. Он сказал, что ты был невыносим, а ведь ты не притворялся как она.

Теперь я все понял. Она была права. Дон Хуан заставлял меня сидеть у огня сотни раз. Дым обычно раздражал мне горло и глаза до такой степени, что я содрогался, когда видел, что он снова начинает собирать сухие ветки и хворост. Он говорил, что я должен научиться контролировать свое дыхание и ощущать дым с закрытыми глазами, тогда я смогу дышать без удушья.

Ла Горда сказала, что дым помог Хосефине стать легкой и совершенно неуловимой, а мне, несомненно, он помог излечиться от моей ненормальности, в чем бы она ни заключалась.

— Нагваль сказал, что дым забирает из тебя все, — продолжала Ла Горда. — Он делает тебя прямым и чистым.

Я спросил ее, знает ли она, как вместе с дымом вынести из человека скрываемое. Она сказала, что может очень легко сделать это, потому что она потеряла свою форму. Но сестрички и Хенарос сами не могут, хотя они десятки раз видели, как это делали Нагваль и Хенаро. Мне было любопытно узнать, почему дон Хуан никогда при мне не упоминал об этом, хотя он окуривал меня сотни раз, как сухую рыбу.

— Он упоминал, — сказала Ла Горда со своей обычной убежденностью. — Нагваль даже учил тебя пристальному созерцанию тумана. Он говорил нам, что однажды ты курил целое место в горах и видел то, что было скрыто за сценой. Он сказал, что он сам был поражен этим.

Я вспомнил острое нарушение восприятия, особого рода галлюцинацию, которая, как я думал, была результатом взаимодействия между очень густым туманом и случившейся в это самое время грозой. Я рассказал им этот эпизод и добавил, что дон Хуан действительно никогда не учил меня прямо ничему о тумане или о дыме. Он просто брал меня в полосу тумана или разжигал костры. Ла Горда не сказала ни слова. Она встала и пошла к плите. Лидия покачала головой и прищелкнула языком.

— Ты действительно тупой, — сказала она. — Нагваль учил тебя всему. Как, по-твоему, ты видел все, о чем только что рассказывал нам?

Между нашим пониманием принципов обучения была пропасть. Я сказал им, что если бы я учил их чему-то, известному мне, например — вождению машины, то я шел бы шаг за шагом, удостоверяясь, что они поняли каждую грань каждой процедуры.

Ла Горда повернулась к столу.

— Это только в случае, если маг учит чему-нибудь относительно тоналя. Когда маг имеет дело с нагвалем, он обязан дать инструкцию, которая должна показать воину тайну. И это все, что ему нужно делать. Воин, который получает тайну, должен сделать это знание силой, выполнив то, что ему показано. Нагваль показал тебе больше тайн, чем всем нам, вместе взятым. Но

ты ленив, подобно Паблито, и предпочитаешь находиться в состоянии глупости. Тональ и нагваль — два различных мира. В одном ты разговариваешь, в другом — действуешь.

Когда она говорила это, я понимал каждое ее слово с абсолютной ясностью. Я знал все это. Она пошла обратно к плите, помешала что-то в горшке и вернулась.

— Почему ты такой тупой? — бесцеремонно спросила меня Лидия.

— Он пустой, — ответила Роза.

Они заставили меня встать и, глядя искоса, стали сканировать мое тело глазами. Все они коснулись меня в области середины живота.

— Но почему ты все еще пустой? — спросила Лидия.

— Ты ведь знаешь, что делать, правда? — добавила Роза.

— Он ненормальный, — сказала Хосефина. — Он и сейчас, должно быть, ненормальный.

Ла Горда пришла мне на помощь, сказав им, что я все еще пустой по той же причине, по которой все они еще имеют свою форму. Все мы втайне не хотим мира Нагваля. Мы боимся и имеем задние мысли. Короче говоря, никто из нас не лучше Паблито.

Они не сказали ни слова. Все трое, казалось, были в полном замешательстве.

— Бедный Нагвальчик, — сказала Лидия тоном, полным участия. — Он так же напуган, как и мы. Я делаю вид, что я резкая, Хосефина притворяется ненормальной, а ты притворяешься тупым.

Они засмеялись и в первый раз со времени моего приезда проявили ко мне дружеское расположение — обняли меня и прислонили свои головы к моей.

Ла Горда села лицом ко мне, а сестрички расположились вокруг нее. Я был обращен лицом ко всем четырем.

— Теперь мы можем поговорить о том, то случилось сегодня вечером, — сказала Ла Горда, — Нагваль говорил мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, мы не будем теми же самыми. Союзники что-то сделали с нами этой ночью. Они дали нам сильную встряску.

Она мягко коснулась моего блокнота.

— Эта ночь была для нас особой, — продолжала она. — Этой ночью все мы, включая союзников, энергично взялись за то, чтобы помочь тебе. Нагвалю понравилось бы это. Этой ночью ты все время видел.

— Я видел? — переспросил я.

— Опять ты за свое, — сказала Лидия, и все засмеялись.

— Расскажи мне о моем видении, Горда, — настаивал я. — Ты знаешь, что я тупой. Но ведь между нами не должно быть непонимания.

— Ну ладно, — сказала она. — Этой ночью ты видел сестричек.

Я сказал им, что мне приходилось быть свидетелем невероятных действий, выполняемых доном Хуаном и доном Хенаро. Я видел их так же ясно, как видел сестричек, и тем не менее дон Хуан и дон Хенаро всегда приходили к выводу, что я не видел. Так что я не в состоянии определить, чем могли отличаться действия сестричек.

— Ты хочешь сказать, что не видел, как они держались за линии мира? — спросила она.

— Нет, не видел.

— И ты не видел, как они проскользнули в трещину между мирами?

Я изложил им то, чему был свидетелем. Они слушали молча. К концу моего отчета Ла Горда, казалось, готова была расплакаться.

— Какая жалость! — воскликнула она.

Она встала, обошла вокруг стола и обняла меня. Ее глаза были ясными и утешающими. Я знал, что она не питает ко мне неприязни.

— Это наш рок — то, что ты так закупорен, — сказала она. — Но ты все еще остаешься для нас Нагвалем. Я не буду испытывать к тебе недобрых чувств. Ты можешь быть уверен в этом в любом случае.

Я знал, что она говорит искренне. Она говорила со мной с уровня, который я наблюдал только у дона Хуана. Она не раз повторяла, что ее настрой — это следствие потери ее человеческий формы. Она действительно была бесформенным воином. Волна глубокого расположения к ней нахлынула на меня. Я едва не заплакал. Как раз к тот момент, когда я понял, что она была самым превосходным воином, со мной случилось нечто чрезвычайно интригующее. Наиболее точно это можно было бы описать, сказав, что мои уши внезапно лопнули. Вслед за этим я ощутил лопанье в области середины своего тела как раз под пупком, причем еще более резко, чем в ушах. Сразу после этого все стало невероятно отчетливым: звуки, картины, запахи. Затем я услышал интенсивный шум, который, как ни странно, не нарушал моей способности слышать самые тихие звуки. Казалось, я слышал шум какой-то другой частью себя, не имеющей отношения к моим ушам. Через тело прокатилась горячая волна. И туг я вспомнил нечто такое, чего никогда не видел. Было так, словно мною овладела чужая память. Я вспомнил, как Лидия подтягивалась на двух красноватых веревках, когда ходила по стене. Она фактически не ходила, а скользила на толстом пучке линий, которые держала ногами. Я вспомнил, как она часто и тяжело дышала ртом после усилий, затраченных на подтягивание по этим веревкам. В конце ее демонстрации я не мог удержать равновесие потому, что видел ее как свет, который носился вокруг комнаты так быстро, что у меня закружилась голова. Он тянул меня за нечто в области пупка.

Я вспомнил также и действия Розы и Хосефины. Роза держалась левой рукой за длинные красноватые волокна, которые выглядели как лианы, ниспадающие с темной крыши. Правой рукой она держалась еще за какие-то волокна, которые, по-видимому, придавали ей устойчивость. Она держалась за них еще и пальцами ног. В конце своей демонстрации она выглядела как свечение над крышей. Контуры ее тела были стерты.

Хосефина прятала себя за какими-то линиями, которые, казалось, исходили из пола. Своим приподнятым предплечьем она сдвигала линии вместе, располагая их на такой ширине, чтобы они скрывали ее туловище, и ее раздутые одежды были очень важны для опоры. Они каким-то образом сжали ее светимость. Одежды были громоздкими только для глаз, которые «смотрели». В конце демонстрации Хосефина, подобно Лидии и Розе, была просто пятном света. Я мог в уме переключаться с одного воспоминания на другое.

Когда я рассказал им об этих сосуществующих видах памяти, сестрички посмотрели на меня с недоумением. Только одна Ла Горда, по-видимому, поняла, что со мной случилось. Она с неподдельным удовольствием засмеялась и сказала, что Нагваль был прав: я слишком ленив, чтобы помнить, что видел, поэтому заботился только о том, на что «смотрел».

Возможно ли это, спрашивал я себя, чтобы я мог бессознательно отбирать, что мне помнить? Или все это дело рук Ла Горды? Если это было правдой, значит я сначала отобрал свои воспоминания, а затем освободил то, что было подвергнуто цензуре. Значит, тогда правда и то, что и в действиях дона Хуана и дона Хенаро я воспринимал намного больше, чем помнил сейчас. И вот теперь я мог вспоминать только отобранную часть моего целостного восприятия тех событий.

— Трудно поверить, — сказал я Ла Горде, — я могу теперь вспомнить нечто такое, чего совсем недавно вообще не знал.

— Нагваль сказал, что каждый человек может видеть, но почему-то мы предпочитаем не помнить того, что мы видели, — сказала она, — Теперь я понимаю, что он был прав. Все мы можем видеть в большей или меньшей степени.

Я сказал Ла Горде, что некоторая часть меня знала, что я, наконец, нашел трансцендентный ключ. И все они вернули мне его пропавшую часть. Но было трудно разобрать, что же это такое. Она заявила, что только что увидели, что я действительно овладел значительной частью искусства сновидения и развил свое внимание, но предпочитаю сам себя дурачить, делая вид, что ничего не знаю.

— Я уже пыталась рассказать тебе о внимании, — продолжала она. — Но ты знаешь об этом столько же, сколько все мы.

Я заверил ее, что мое знание по сути отличается от их. Их знание было бесконечно более эффективным, чем мое, поэтому все, что они могли сообщить мне в связи со своими практиками, было бы чрезвычайно важным для меня.

— Нагваль велел нам показать тебе, что с помощью своего внимания мы можем удерживать образы сна точно так же, как мы удерживаем образы мира, — сказала Ла Горда. — Искусство сновидения — это искусство внимания.

Мысли нахлынули на меня лавиной. Я вынужден был встать и пройтись по кухне. Мы долго молчали. Я знал, что она имела в виду, когда сказала, что искусство сновидения — это искусство внимания. Я знал также, что дон Хуан рассказал и показал мне все, что мог. Однако когда он был рядом, я не смог осознать предпосылки этого знания в своем теле. Он говорил, что мой разум является демоном, который держит меня в оковах и что я должен победить его, если хочу достичь осознания его учения. Проблема, следовательно, заключалась в том, как победить мой разум. Мне никогда не приходило в голову потребовать от него определения понятия «разум». Я всегда считал, что он подразумевает способность строить умозаключения или мыслить упорядоченным и рациональным образом. Из того, что сказала мне Ла Горда, я понял, что для него «разум» означал «внимание».

Дон Хуан говорил, что ядром нашего существа является акт восприятия, а его тайной — акт осознания. Для него восприятие и осознание было обособленной нерасчленимой функциональной единицей, которая имела две области. Первая — это «внимание тоналя», то есть способность обычных людей воспринимать и помещать свое осознание в обычный мир обыденной жизни. Дон Хуан называл еще эту сферу внимания «первым кольцом силы» и характеризовал ее как нашу ужасную, но принимаемую за нечто само собой разумеющееся способность придавать порядок нашему восприятию повседневного мира.

Второй областью было «внимание нагваля» — способность магов помещать свое осознание в необычный мир. Он называл эту область внимания «вторым кольцом силы» или совершенно необыкновенной способностью, которая есть у всех нас, но которую используют только маги, чтобы придавать, порядок

восприятию необычного мира.

Ла Горда и сестрички демонстрировали мне, как с помощью своего второго внимания можно удерживать образы своих снов. Тем самым они раскрыли практический аспект системы дона Хуана. Они были практиками, которые вышли за пределы теории его учения. Чтобы продемонстрировать это искусство, они должны были воспользоваться «вторым кольцом силы» или «вниманием нагваля». Чтобы стать свидетелем их искусства, мне нужно было сделать то же самое. Было очевидно, что я распределил свое внимание по обеим областям. По-видимому, все мы непрерывно воспринимаем обоими способами, но предпочитаем выделять для запоминания одно и отвергать другое. Или, возможно, мы затушевываем его, как это делал я сам. При определенных условиях стресса или предрасположения подвергнутые цензуре воспоминания выходят на поверхность и тогда у нас может быть два различных воспоминания об одном и том же событии.

То, что дон Хуан пытался победить или, вернее, подавить во мне, было не моим разумом или способностью рационально мыслить, а моим вниманием тоналя или моим осознанием мира здравого смысла. Ла Горда объяснила, почему он так этого добивался. Повседневный мир существует только потому, что мы знаем, как удерживать его образы. Следовательно, если выключить осознание, необходимое для поддерживания этих образов, то мир рухнет.

— Нагваль сказал нам, что в счет идет только практика, — внезапно сказала Ла Горда, — Если постоянно уделять внимание образам своего сна, внимание прогрессирует. В результате ты можешь стать таким, как Хенаро, который мог удерживать образы любого сна.

— У каждой из нас есть еще по пять снов, — сказала Лидия, — но мы показали тебе первый, потому что это сон, который дал нам Нагваль.

— Вы можете сновидеть в любое время, когда захотите? — спросил я.

— Нет, — ответила Ла Горда. — Сновидение отнимает слишком много силы. Никто из нас не владеет ею в таком количестве. Сестрички должны были так много раз кататься по полу потому, что при катании земля дает им энергию. Может быть, ты сможешь вспомнить еще и свое видение их как светящихся существ, получающих энергию от земли. Нагваль говорил, что самый лучший

путь получения энергии — это, конечно, позволить солнцу войти в глаза, особенно в левый.

Я сказал ей, что ничего не знаю об этом, и она описала процедуру, которой обучил их дон Хуан. Пока она говорила, я вспомнил, что он обучал этой процедуре и меня тоже. Она заключалась в том, что я должен был медленно двигать головой из стороны в сторону, пока не поймаю солнечный свет своим полуприкрытым левым глазом. Он сказал, что можно пользоваться не только солнцем, но и любым источником света, который может светить в глаза.

Ла Горда сказала, что Нагваль рекомендовал им повязывать свои шали ниже талии, когда они будут кататься по земле, чтобы предохранить тазовые кости. Я заметил, что дон Хуан никогда не говорил мне о такой процедуре. Она сказала, что это нужно только женщинам, потому что у них есть матка, и энергия Земли поступает прямо в матку. Путем вращения они распределяют эту энергию по остальной части своего тела. Мужчины, чтобы заряжаться энергией, должны лечь на спину, согнув колени так, чтобы подошвы ног соприкасались друг с другом. Руки должны быть вытянуты в стороны, предплечья вертикально подняты, а пальцы согнуты перпендикулярно ладони.

— Мы сновидели эти сны несколько лет, — сказала Лидия, — Эти сны — самые лучшие, потому что наше внимание в них — полное. В остальных наших снах наше внимание еще непрочное.

Ла Горда сказала, что удерживание образов сна является толтекским искусством. После нескольких лет практики каждая из них стала способна выполнять в любом сне по одному действию. Лидия могла ходить по чему угодно, Роза могла висеть на чем угодно, Хосефина могла скрыться за чем угодно, а она сама могла летать. Но они были только начинающими, ученицами в этом искусстве. Они овладели полным вниманием только для одного вида деятельности. Она добавила, что Хенаро был мастером сновидения и мог делать удивительные вещи. Он владел вниманием для любых действий, которые мы способны совершать в нашей повседневной жизни, и для него обе сферы внимания были равнозначны.

Я ощутил потребность задать свой обычный вопрос: мне хотелось знать процедуры, посредством которых они удерживают образы своих снов.

— Ты знаешь это так же хорошо, как и мы, — сказала Ла Горда. — Я могу добавить только, что когда мы приходим в один и тот же сон снова и снова, мы начинаем ощущать линии мира. С их помощью мы и делаем то, что ты видел.

Дон Хуан говорил мне, что наше «первое кольцо силы» включается очень рано. И мы проживаем всю жизнь под впечатлением, что это все, что у нас есть. Наше «второе кольцо силы», внимание нагваля, остается скрытым для подавляющего большинства из нас и только в момент нашей смерти оно оказывается доступным каждому.

Существует, правда, доступный для всех путь к его достижению, но следуют ему только маги, — и это путь через «сновидение». Сновидение, в сущности, является преобразованием обычных снов в процесс, включающий волевой акт. Сновидящие, привлекая свое внимание нагваля и фиксируя его на темах и событиях своих обычных снов, преобразуют эти сны в сновидения. Дон Хуан говорил, что внимания нагваля не достичь никакими процедурами. Он только дал мне указания.

Прежде всего надо было найти свои руки во сне. Затем упражнение по уделению внимания расширялось до поиска предметов и отыскания конкретных вещей, домов, улиц и тому подобного. Отсюда делался прыжок к сновидению о конкретных местах в конкретное время дня.

Заключительной стадией было фокусирование «внимания нагваля» исключительно на самом себе. Дон Хуан говорил, что этой заключительной стадии обычно предшествовал сон, который видели многие из нас в то или иное время и в котором человек смотрит на самого себя, спящего в постели.

К моменту появления такого сна внимание мага развивается до такой степени, что вместо того, чтобы проснуться, как делают многие из нас в этой ситуации, он разворачивается на своих каблуках и приступает к какой-либо деятельности, как если бы это происходило в обычной жизни. С этого момента появляется брешь, разграничение в до сих пор единой личности.

Результатом привлечения «внимания нагваля» и развития его до уровня и усложненности нашего обычного внимания к миру, в системе дона Хуана

является «другое я», существо, подобное самому человеку, но созданное в сновидении.

Дон Хуан говорил мне, что не существует определенных стандартов или точных шагов для обучения этому дублю. Точно так же, как не бывает определенных шагов для достижения нашего обычного осознания. Мы просто делаем это посредством практики. Он утверждал, что в процессе привлечения нашего «внимания нагваля» мы найдем эти шаги сами. Он убеждал меня практиковать сновидение, не позволяя своим страхам совать мне палки в колеса.

Он учил тому же и Ла Горду с сестричками. И очевидно, что-то в них было более восприимчивым к идее другого уровня внимания.

— Хенаро большую часть жизни был в теле сновидения, — сказала Ла Горда. — Ему это больше нравилось. Именно поэтому он мог делать самые невероятные вещи и пугал тебя до полусмерти. Хенаро мог входить и выходить через трещину между мирами, как ты и я можем входить и выходить через дверь.

Дон Хуан подробно рассказал мне о трещине между мирами. Я всегда считал, что он говорит метафорически о тонком различии между миром, который воспринимает обычный человек, и миром, воспринимаемым магом.

Ла Горда и сестрички показали мне, что трещина между мирами — это больше чем метафора. Скорей, это была способность менять уровни внимания. Одна часть меня великолепно понимала Ла Горду, тогда как другая была еще более испуганной, чем прежде.

— Ты спрашиваешь, куда ушли Нагваль и Хенаро, — сказала Ла Горда. — Соледад очень тупая, она сказала тебе, что они покинули этот мир; Лидия сказала, что они ушли в другую местность, а бестолковые Хенарос напугали тебя. Истина заключается в том, что Нагваль и Хенаро прошли через эту трещину.

По какой-то причине, не поддающейся определению, ее утверждения погрузили меня в глубокий хаос. Я все время ощущал, что они ушли в хорошее место. Я знал, что они не «ушли» в обычном смысле, но держал это

утверждение в области метафоры. Хотя я даже сообщил об этом своим близким и друзьям, думаю, что сам я никогда в действительности не верил в это. В глубине души я всегда оставался рациональным человеком. Но Ла Горда и сестрички обратили мои неопределенные метафоры в реальные возможности.

Ла Горда действительно транспортировала меня на полмили с помощью энергии своего сновидения.

Ла Горда поднялась и сказала, что я уже все понял, и что нам пора поесть. Она подала еду, которую только что приготовила. Мне не хотелось есть. После еды она встала и подошла ко мне.

— Я думаю, что тебе пора уезжать, — сказала она мне.

По-видимому, это послужило для сестричек сигналом. Они тоже встали.

— Если ты останешься с нами, с этого момента ты не сможешь больше покинуть нас, — продолжала Ла Горда.

— Нагваль однажды предоставил тебе свободу выбора, но ты выбрал остаться с ним. Он сказал мне, что если мы останемся в живых после последнего контакта с союзниками, то я должна накормить тебя, сделать так, чтобы ты хорошо себя чувствовал, а затем попрощаться с тобой. Я полагаю, что мне и сестричкам некуда идти, так что у нас нет выбора. Но ты — другое дело.

Сестрички окружили меня и попрощались со мной.

В этой ситуации была чудовищная ирония. Я был волен уехать, но ехать мне было некуда. У меня тоже не было выбора. Много лет назад дон Хуан дал мне шанс вернуться обратно, но я остался, потому что уже тогда мне некуда было уйти.

— Мы выбираем только однажды, — сказал он мне тогда. — Мы выбираем либо быть воинами, либо — обычными людьми. Другого выбора у нас нет. Не на этой земле.

Глава 6. Второе внимание

— Ты можешь уехать сегодня попозже, — сказала мне Ла Горда после завтрака. — Поскольку ты решил идти с нами, ты должен помочь нам выполнить наше новое задание. Нагваль оставил меня во главе только до твоего приезда. Как ты знаешь, он поручил мне сообщить тебе некоторые вещи. Большую часть из них я уже тебе рассказала. Но осталось и еще кое-что, о чем я не могла говорить, пока ты не сделал выбор. Сегодня мы займемся этим. Сразу после этого ты должен уехать, чтобы дать нам время подготовиться. Нам нужно несколько дней, чтобы все уладить и приготовиться покинуть эти горы навсегда. Мы находились здесь очень долго. Трудно все ломать. Но все внезапно закончилось. Нагваль предупреждал, что ты принесешь нам полную перемену независимо от исхода своих сражений, но я думаю, что никто не принимал его слова всерьез.

— Я никак не могу понять, почему вам нужно что-то менять? — сказал я.

— Я уже объясняла тебе, — возразила она, — Мы утратили нашу старую цель. Теперь у нас есть новая, и она требует, чтобы мы были такими же легкими, как бриз. Бриз — это наше новое настроение. Он обычно бывает горячим ветром. Ты изменишь наше направление.

— Ты говоришь загадками, Горда.

— Да, но это потому, что ты пустой. Я не могу сделать это более ясным. Когда ты вернешься, Хенарос покажут тебе искусство сталкинга и сразу после этого мы уедем. Нагваль сказал, что если ты решишь быть с нами, то прежде всего ты должен вспомнить свои сражения с доньей Соледад и сестричками и исследовать каждый штрих происшедшего тогда. Все это — знаки о том, что случится с тобой на твоем пути. Если ты будешь внимателен и безупречен, то увидишь, что эти сражения были дарами силы.

— Что теперь собирается делать донья Соледад?

— Она уезжает. Сестрички уже помогли ей снять ее пол. Этот пол помогал ей достигать внимания нагваля. У линий этого пола имелась сила делать это. Каждая из них помогала ей собрать кусочек внимания. Неполнота не является для некоторых воинов препятствием к достижению такого внимания. Соледад преобразилась потому, что достигла его быстрее, чем все мы. Ей больше не нужно пристально созерцать свой пол, чтобы войти в тот другой мир. Поэтому в нем нет больше нужды и она вернула его земле, где и взяла раньше.

— Вы действительно решили уехать, Горда?

— Да, все мы. Именно поэтому я прошу тебя уехать на несколько дней, чтобы дать нам время сбыть все, что мы имеем.

— Должен ли я найти место для всех вас, Горда?

— Если бы ты был безупречным воином, ты бы как раз это и сделал. Но ты не являешься безупречным воином и мы тоже. Тем не менее, мы должны будем сделать лучшее, на что мы способны, чтобы принять наш новый вызов.

Я ощутил тяжесть рока на своих плечах. Я никогда не относился к людям, готовым нести ответственность, и подумал, что обязанность вести их — бремя, с которым мне не справиться.

— Может быть, нам ничего не нужно делать, — сказал я.

— Да. Это правда, — сказала она смеясь. — Почему бы тебе не говорить себе это снова и снова, пока ты не почувствуешь себя в безопасности? Нагваль снова и снова говорил тебе, что свобода для воина — это быть безупречным.

Она рассказала мне, что Нагваль требовал от них понимания того, что безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

Я описал ей, каким способом Нагваль заставил меня понять, что имеется в виду под безупречностью. Мы шли с ним однажды через очень крутое ущелье, как вдруг громадная каменная глыба отделилась от стены, покатилась вниз и с невероятным грохотом упала на дно каньона в двадцати-тридцати ярдах от

места, где мы стояли. Падение этой глыбы было впечатляющим событием. Тут же дон Хуан увидел возможность извлечь драматический урок. Он сказал, что сила, которая правит нашими судьбами, находится вне нас и не обращает внимания на наши действия или волеизъявления. Иногда эта сила заставляет нас на нашем пути наклониться, чтобы завязать шнурки на ботинках, как это только что сделал я. И, заставив нас остановиться, эта сила заставляет нас добраться до точно определенного момента. Если бы мы продолжали идти, этот огромный валун явно раздавил бы нас насмерть. Однако в некоторый день, в другом ущелье, та же самая руководящая сила вновь заставит нас наклониться и завязать шнурки, в то время как другая глыба сорвется в точности над тем местом, где мы будем стоять. Заставив нас остановиться, эта сила заставит нас упустить точно определенный момент. На этот раз, если бы мы продолжали идти, то спаслись бы. Дон Хуан сказал, что поскольку у меня полностью отсутствует контроль над силами, которые решают мою судьбу, моя единственная свобода в этом ущелье состоит в безупречном завязывании своих ботинок.

Ла Горда, по-видимому, была тронута моим отчетом. На минуту она взяла мое лицо в ладони, протянув руки через стол.

— Сейчас для меня безупречность — это рассказать тебе в надлежащее время то, что Нагваль велел мне сообщить тебе, — сказала она. — Но сила должна приурочить это к точному моменту времени, иначе мой рассказ не будет иметь никакого воздействия.

Она сделала драматическую паузу. Ее задержка была обдуманной и невероятно эффективной.

— Что это такое? — спросил я в отчаянии. Она взяла меня за руку и повела на площадку, находящуюся перед дверью. Она усадила меня на плотно утрамбованную землю спиной к толстому деревянному столбу высотой около полутора футов, похожему на пень вкопанный в землю почти рядом со стеной дома. Там был ряд из пяти таких столбов, врытых на расстоянии около двух футов друг от друга. Я собирался спросить Ла Горду об их назначении. Вначале я подумал, что прежний хозяин дома привязывал к ним животных. Однако мое предположение было очевидно нелепым, потому что площадка у входной двери представляла собой род открытого крыльца. Я высказал Ла Горде свою гипотезу, когда она села рядом слева от меня, спиной к другому

столбу. Она засмеялась и сказала, что столбы действительно использовались для привязывания своего рода животных, но не прежним хозяином и что она чуть не сломала себе спину, выкапывая для них ямы.

— Для чего ты их используешь? — спросил я.

— Позволь сказать, что это мы привязываемся к ним, — ответила она. — И как раз это ведет меня к следующей теме, которую Нагваль велел мне обсудить с тобой. Он сказал, что так как ты пустой, ты должен был собирать свое второе внимание нагваля способом, отличным от нашего. Мы собирали его посредством сновидения, а ты сделал это при помощи своих растений силы. Нагваль сказал, что эти растения собрали угрожающую сторону твоего второго внимания в одну глыбу, и что это и есть та фигура, которая выходит из твоей головы. Он сказал, что это случается с магами, которым дают растения силы. Если они не умирают, то растения силы закручивают их второе внимание в ту устрашающую фигуру.

— Теперь мы подошли к тому, что ты должен сделать. Он сказал, что теперь ты должен изменить направление и начать собирать свое второе внимание другим способом, больше похожим на наш. Ты не можешь удержаться на пути знания, пока не уравновесишь свое второе внимание. До сих пор твое второе внимание выезжало на силе Нагваля, но теперь ты один. Именно это я и должна была передать тебе.

— Как мне уравновесить свое второе внимание?

— Ты должен делать сновидение, как это делаем мы. Сновидение — единственный способ собрать второе внимание, не повреждая его и не делая его устрашающим. Твое второе внимание фиксировано на устрашающей стороне мира, наше — на его красоте. Ты должен поменять стороны и идти вместе с нами.

— Может ли эта фигура выходить из меня в любое время?

— Нет. Нагваль сказал, что она больше не выйдет, пока ты не достигнешь его возраста. Твой нагваль уже выходил столько раз, сколько было нужно. Нагваль и Хенаро позаботились об этом. Они обычно выдразнивали его из тебя. Нагваль говорил мне, что иногда ты бывал на волосок от смерти, потому

что твое второе внимание очень любит индульгировать. Он сказал, что однажды ты напугал даже его: твой нагваль напал на него и он должен был ублажать его, чтобы он успокоился. Но самое худшее случилось с тобой в Мехико; там дон Хуан однажды толкнул тебя, ты влетел в один офис и в этом офисе прошел через трещину между мирами. Он намеревался только рассеять твое внимание тоналя: ты терзался какими-то глупыми вещами. Но когда он пихнул тебя, твой тональ сжался и все твое существо прошло через трещину. Ему было чертовски трудно найти тебя. Был момент, когда ему показалось, что ты ушел за пределы его досягаемости. Но затем он увидел тебя, бесцельно слоняющегося поблизости, и забрал назад. Он сказал, что ты прошел через трещину около десяти утра. Так что с того дня десять часов утра стало твоим новым временем.

— Моим новым временем для чего?

— Для чего угодно. Если ты останешься человеком, ты умрешь примерно в это время. Если станешь магом, ты покинешь мир около этого времени.

Элихио также шел по пути, которого никто из нас не знает. Мы встретились с ним как раз перед его уходом. Элихио был самым удивительным сновидящим. Он был таким хорошим, что Нагваль и Хенаро обычно брали его с собой, проходя через трещину, и у него было достаточно силы, чтобы выдержать это так, словно это были пустяки. Нагваль и Хенаро дали ему последний толчок с помощью растений силы. И именно это послало его туда, где он сейчас находится.

— Хенарос сказали мне, что Элихио прыгнул вместе с Бениньо. Верно ли это?

— Конечно. К тому времени, когда Элихио должен был прыгнуть, его второе внимание уже бывало в том другом мире. Нагваль сказал, что твое тоже там побывало, но для тебя это стало кошмаром, потому что у тебя не было контроля. Он сказал, что его растения силы скособочили тебя. Они заставили тебя прорваться сквозь внимание тоналя и доставили прямо в сферу твоего второго внимания без какой бы то ни было власти над ним с твоей стороны. Элихио же Нагваль не давал растения силы вплоть до самого конца.

— Ты думаешь, что мое второе внимание было повреждено, Горда?

— Нагваль никогда не говорил мне этого. Он думал, что ты был просто ненормальным, но это не имеет ничего общего с растениями силы. Он говорил, что оба твоих внимания с трудом поддаются контролю. Но если ты сможешь завоевать их, ты станешь великим воином.

Мне хотелось побольше узнать обо всем этом, но она положила руку на мой блокнот и сказала, чти нам предстоит очень тяжелый день и нужно запастись энергией, чтобы выдержать его. Теперь мы должны были зарядить себя энергией с помощью солнечного света. Ла Горда сказала, что обстоятельства требуют, чтобы мы принимали солнечный свет левым глазом. Она начала медленно двигать из стороны в сторону головой, мельком глядя на солнце сквозь полуприкрытые веки. Через минуту к нам присоединились Лидия, Роза и Хосефина. Хосефина села рядом с Лидией, та села возле меня, а Роза — возле Ла Горды. Я оказался в центре ряда. Все прислонились спиной к столбам. Был ясный день. Солнце стояло как раз над отдаленной цепью гор. Они стали двигать головами из стороны в сторону с совершенной синхронностью. Я присоединился к ним, и у меня возникло ощущение, что я невольно синхронизирую свои движения с ними. Мы продолжали делать это в течение примерно минуты, а затем остановились.

На них были шляпы, которыми они пользовались для защиты лица от солнечного света, когда они не купали в нем глаза. Ла Горда дала мне знак надеть свою старую шляпу.

Мы сидели там около получаса. В течение этого времени мы повторяли упражнение бесчисленное количество раз. Всякий раз во время перерывов я собирался было делать заметки в своем блокноте, но Ла Горда очень небрежно отшвырнула блокнот за пределы досягаемости.

Внезапно Лидия встала, бормоча что-то очень невразумительное. Ла Горда наклонилась ко мне и прошептала, что вверх по дороге идут Хенарос. Я напряг зрение, но никого не увидел. Роза и Хосефина тоже встали, а потом пошли вместе с Лидией внутрь дома.

Я сказал Ла Горде, что не вижу, чтобы кто-нибудь приближался. Она ответила, что Хенарос были видны только в одном месте дороги, и добавила, что она страшится той минуты, когда все должны будут собраться вместе, но уверена, что я сумею совладать с ситуацией. Она посоветовала мне быть чрезвычайно

осторожным с Хосефиной и Паблито, потому что они совсем не контролируют себя. Она сказала, что наиболее разумным с моей стороны было бы забрать Хенарос прочь по истечении часа или около того. Я продолжал смотреть на дорогу, но там не было никаких признаков жизни.

— Ты уверена, что они идут? — спросил я.

Она сказала, что сама не видела их, но Лидия видела.

Хенарос были видны ей, потому что она пристально созерцала, одновременно купая свои глаза. Я не был уверен, что правильно понял Ла Горду, и попросил объяснений.

— Мы — созерцатели, — сказала она, — точно так же как и ты сам. Мы все одинаковые. Не нужно доказывать, что ты не созерцатель. Нагваль рассказывал нам о твоих подвигах пристального созерцания.

— Мои подвиги созерцания! — воскликнул я. — О чем ты говоришь, Ла Горда?

Она поджала губы и, по-видимому, была на грани раздражения. Казалось, она еле сдерживалась. И вдруг она улыбнулась и слегка толкнула меня рукой.

В этот момент у нее по телу прошла дрожь. Она уставилась куда-то мимо меня, затем энергично встряхнула головой. Оказалось, она только что видела, что Хенарос пока не придут. Им было еще рано приходить. Они собираются еще подождать некоторое время, прежде чем появиться. Она улыбнулась, словно эта отсрочка принесла ей облегчение.

— Как бы там ни было, нам еще рано встречаться здесь. И они чувствуют то же самое по отношению к нам, — сказала она.

— Где они сейчас? — спросил я.

— Они, должно быть, сидят где-то в стороне от дороги, — ответила она. — Бениньо, несомненно, пристально созерцал дом, когда они шли сюда, и увидел, что мы сидим — здесь. Поэтому он решил подождать. Это даст нам время.

— Ты пугаешь меня, Ла Горда. Время для чего?

— Ты должен собрать сегодня вместе свое второе внимание именно ради нас четверых.

— Как я могу сделать это?

— Не знаю. Ты очень загадочен для нас. Нагваль сделал кучу вещей для тебя с помощью растений силы, но ты не можешь провозгласить это знанием. Именно это я и пытаюсь тебе объяснить. Если ты овладеешь своим вторым вниманием, ты сможешь пользоваться им. Иначе навсегда останешься на полпути между ними двумя как сейчас. Все происшедшее с тобой со времени твоего приезда было направлено на то, чтобы заставить твое внимание действовать. Я давала тебе инструкции понемногу, точно так, как велел мне это делать Нагваль. Так как у тебя другой путь, ты не знаешь многого из того, что знаем мы, как мы ничего не знаем о растениях силы. Соледад знает намного больше, ведь Нагваль брал ее в свои родные края. О лекарственных растениях кое-что знает Нестор, но никого из нас не обучали таким же способом как тебя. До сих пор мы не нуждались в твоем знании. Но когда-нибудь, когда мы будем готовы, именно ты будешь знать, как дать нам толчок с помощью растений силы. Одна я знаю, где спрятана трубка Нагваля в ожидании этого дня.

По воле Нагваля ты должен изменить свой путь и идти вместе с нами. Это означает, что ты должен заниматься сновидением с нами и сталкингом с Хенарос. Ты не можешь больше позволить себе оставаться там где находишься — на угрожающей стороне своего второго внимания. Если твой нагваль снова выйдет, эта новая встряска может убить тебя. Нагваль сказал, что человеческие существа являются хрупкими созданиями, состоящими из многих слоев светимости. Когда видишь их, кажется, что они состоят из волокон, но эти волокна в действительности являются слоями, как у луковицы. Встряски любого рода разделяют эти слои и даже могут вызывать смерть человеческих существ.

Она встала и повела меня обратно на кухню. Мы сели лицом друг к другу Лидия, Роза и Хосефина были заняты во дворе. Я не мог их видеть, но слышал, как они разговаривают и смеются.

— Нагваль говорил, что когда наши слои разделяются, мы умираем, — сказала Ла Горда. — Встряски всегда разделяют их, но они соединяются снова. Однако иногда встряска бывает такой сильной, что слои высвобождаются и больше не могут соединиться.

— Ты когда-нибудь видела слои. Горда?

— Конечно. Я видела человека, умиравшего на улице.

Нагваль говорил мне, что и ты однажды нашел такого, но ты не видел его смерть. Нагваль заставил меня видеть слои умиравшего человека. Они были подобны шелухе луковицы. Когда человеческие существа здоровы, они похожи на светящиеся яйца, но если они повреждены, то начинают шелушиться, как луковицы.

Нагваль рассказывал мне о твоем втором внимании. Иногда оно было таким сильным, что само выходило наружу. Они с Хенаро вдвоем должны были удерживать тебя, иначе ты бы умер. Именно поэтому он рассчитывал, что твоего запаса энергии достаточно, чтобы извлечь из себя нагваль дважды. Но ты превзошел его ожидания и сделал это трижды. Теперь ты исчерпан. У тебя нет больше энергии, чтобы удержать свои слои вместе в случае новой встряски. Нагваль поручил мне заботиться о каждом. Моя забота о тебе сейчас — помочь тебе затянуть свои слои.

Нагваль говорил, что смерть расслаивает их. Он объяснил мне, что центр нашей светимости, — внимание нагваля. — всегда выступает наружу и именно это распускает наши слои. Поэтому смерть может легко войти между ними и полностью разделить их. Маги должны делать все от них зависящее, чтобы держать свои слои закрытыми. Вот почему Нагваль обучил нас сновидению. Сновидение затягивает слои. Маги, научившиеся ему, связывают вместе два свои внимания, и этому центру больше нет необходимости выступать наружу.

— Ты хочешь сказать, что маги не умирают?

— Верно. Маги не умирают.

— Значит ли это, что никто из нас не умрет?

— Я не имела в виду нас. Мы собой ничего не представляем. Мы — ни то ни се. Я говорила о настоящих магах. Нагваль и Хенаро — маги. У них два внимания так тесно связаны, что, по-видимому, они никогда не умрут.

— Это сказал Нагваль, Горда?

— Да. Оба они — Нагваль и Хенаро, говорили мне об этом. Почти перед самым уходом Нагваль объяснял нам силу внимания. До этого я ничего не знала о нагвале и тонале.

Ла Горда рассказала, каким способом Нагваль объяснял им значение этой решающей дихотомии — нагваль-тональ. Однажды Нагваль собрал их вместе, чтобы взять в горы на длительную прогулку в безлюдную каменистую долину. Он увязал кучу разнообразных предметов в большой узел, положив туда даже радиоприемник Паблито. Затем он вручил этот узел Хосефине, взвалил на плечи Паблито тяжелый стол и все отправились на «прогулку». Он заставил их по очереди нести узел и стол, и они прошли почти сорок миль, добравшись наконец до уединенного места высоко в горах. Когда они прибыли туда, Нагваль велел Паблито поставить стол в самом центре долины. Затем он попросил Хосефину разложить содержимое узла на столе. Когда все было размещено, он объяснил разницу между тоналем и нагвалем в тех же терминах, что и мне в ресторане Мехико, хотя в их случае пример был куда выразительнее.

Он сообщил им, что тональ является порядком, который мы осознаем в нашем повседневном мире, а также и личным порядком, который мы несем всю жизнь на плечах, как они несли стол и узел. Личный тональ каждого из нас подобен столу в этой долине, крошечному островку, заполненному знакомыми нам вещами.

Нагваль, с другой стороны, — это необъяснимый источник, удерживающий стол на месте, и он подобен безбрежности этой пустынной долины.

Он сказал им, что маги обязаны наблюдать свой тональ с некоторой дистанции, чтобы лучше охватить то, что реально находится вокруг них. Он заставил их перейти к хребту, откуда они могли обозревать всю местность. Оттуда стол был едва виден. Затем он заставил всех вернуться к столу и буквально уткнуться в него лицом, чтобы показать, что обычный человек

находится прямо на поверхности своего стола, держась за все предметы на нем.

Затем он заставил их всех мельком взглянуть на вещи, лежащие на столе, и проверил память каждого, записывая что-нибудь и пряча. Все прошли проверку отлично. Он указал, что их способность так хорошо помнить предметы связана с тем, что они успешно развили свое внимание тоналя, внимание в пределах стола. Потом он призвал всех мимолетно взглянуть на землю прямо под столом и проверил их способность к запоминанию камешков, прутиков и всего остального Правильно вспомнить все увиденное под столом не смог никто.

Потом Нагваль все смел со стола и велел каждому из них по очереди лечь на живот поперек стола и изучит, землю внизу. Поскольку немыслимо объять всю безбрежность нагваля, олицетворением которого служила долина, маги принимают в качестве своей области действия участок прямо под столом, — «островом тоналя». Этот участок — модель второго внимания или внимания нагваля. Это внимание достигается только после полной очистки воинами поверхности своих столов. Он сказал, что достижение второго внимания объединяет оба внимания воедино и это единство является целостностью самого себя.

Для Ла Горды демонстрация была настолько ясной что она сразу поняла, почему Нагваль заставил ее очистить свою жизнь Он определил это как «подмести свои остров тоналя» Она понимала, как ей повезло встретиться с таким учителем. Ей было еще далеко до объединения двух видов внимания, но ее старательность привела в результате к безупречной жизни, а это и было, по его уверениям, единственным для нее путем к потере человеческой формы Потеря же человеческой формы являлась важнейшей предпосылкой для объединения двух видов внимания.

— Внимание под столом — ключ ко всему, что делают маги, — продолжала она. — Чтобы достичь этого внимания, Нагваль и Хенаро обучили нас сновидению, как тебя учили растениям силы Я не знаю, что они делали с тобой, когда учили тебя улавливать второе внимание. Нас Нагваль учил пристальному созерцанию. Он никогда не объяснял нам, что же он, в сущности, делает. Он просто учил нас созерцать. Мы никогда не догадывались, что пристальное созерцание — один из способов уловить наше

второе внимание. Мы думали, что это что-то вроде забавы. Но это было не так. Сновидящие вначале должны стать созерцающими.

Вначале Нагваль положил на землю сухой лист и заставил меня смотреть на него часами. Каждый день он приносил лист и клал его передо мной. Сначала я думала, что это один и тот же лист, но потом заметила, что они были разные. Нагваль сказал, что, когда мы осознаем это, мы уже не смотрим, но созерцаем.

Затем он стал класть передо мной кучу сухих листьев. Он велел мне чувствовать их, разбрасывая левой рукой и созерцая их при этом. Сновидец рассматривает листья по спирали, а затем сновидит узоры, образуемые листьями. Нагваль говорил, что если сновидящий вначале видит в сновидении узоры, а назавтра находит их в своей куче листьев, он может считать, что овладел созерцанием листьев. И еще он говорил, что пристальное созерцание листьев укрепляет второе внимание. Если ты созерцаешь груду листьев часами, как он обычно заставлял делать меня, то мысли утихают. Без мыслей затихает и внимание тоналя. Внезапно твое второе внимание цепляется за что-то в листьях и листья становятся чем-то еще. Нагваль назвал момент, когда второе внимание зацепляется, остановкой мира.

И это точно. Мир останавливается. По этой причине рядом всегда кто-то должен быть. Мы ничего не знаем о фокусах второго внимания. А так как мы никогда не использовали его, мы должны воспитать его, прежде чем отважиться на пристальное созерцание в одиночку. Трудность созерцания в том, чтобы научиться утихомиривать мысли. Нагваль говорил, что учит нас этому по куче сухих листьев просто оттого, что они всегда есть под руками. Той же цели может служить и любая другая вещь. Когда ты можешь остановить мир, ты стал созерцателем. А так как единственный способ достичь остановки мира состоит в постоянных попытках, то Нагваль заставлял нас созерцать сухие листья годы и годы. Я думаю, что это наилучший способ достичь второго внимания. Он комбинировал пристальное созерцание сухих листьев с поиском рук во сне. Мне потребовалось около года, чтобы найти свои руки, и четыре года, чтобы остановить мир. Нагваль говорил, что, когда уловишь свое второе внимание с помощью сухих листьев, начинаешь сновидеть, чтобы расширить его. Вот и все, что касается пристального созерцания.

— У тебя это звучит так просто, Горда.

— Все, что делают толтеки — очень просто. Нагваль говорил, что для улавливания нашего второго внимания нужно просто пытаться и пытаться. Все мы остановили мир с помощью пристального наблюдения сухих листьев. Ты и Элихио — другие. Ты сделал это с помощью растений силы. Каким путем следовал Нагваль в случае с Элихио, я не знаю. Он мне никогда не рассказывал. О тебе он рассказал мне потому, что у нас общая задача.

Но ведь в своих заметках я записал, что мне впервые удалось полностью остановить мир только несколько дней назад! Услышав это, она засмеялась.

— Ты остановил мир раньше, чем кто бы то ни было из нас, — сказала она. — Как ты думаешь, что ты делал, когда принимал эти растения силы? Просто ты никогда не пользовался для этой цели пристальным созерцанием, вот и все.

— Нагваль заставлял вас созерцать только кучу сухих листьев?

— Когда сновидящий знает, как остановить мир, он может созерцать и другие вещи. Потеряв в конце концов форму, он может созерцать все что угодно. Я делаю это. Хотя он советовал нам следовать определенному порядку в созерцании, я могу войти во что угодно.

— Вначале мы созерцали маленькие растения. Нагваль предупреждал нас, что такие растения очень опасны. Их сила сконцентрирована, они имеют очень интенсивное свечение и чувствуют, когда сновидящие наблюдают их. Они собирают свой свет и стреляют им в сновидца. Поэтому каждый должен уметь выбрать один вид растения и созерцать только его.

Потом мы созерцали деревья. У каждого сновидящего — свой собственный вид дерева для созерцания. И в этом плане мы с тобой одно и то же — мы оба должны созерцать эвкалипт.

Выглянув на меня, она, должно быть, предугадала мой следующий вопрос.

— Нагваль говорил, что с помощью его дыма ты очень легко достигал своего второго внимания, — продолжала она. — Ты его много раз фокусировал на предрасположении Нагваля, — на воронах. Он вспоминал, что однажды твое

второе внимание так превосходно сфокусировалось на вороне, что ты улетел как ворона к единственному эвкалипту, который рос поблизости.

Об этом опыте я размышлял годами. Я не мог рассматривать его иначе, чем невообразимо глубокое гипнотическое состояние, вызванное психотропными грибами из курительной смеси дона Хуана в сочетании с его искусством манипулирования поведением. Он вызвал у меня перцептуальный катарсис и я как будто превратился в ворону и воспринимал мир как ворона. При этом мое восприятие мира полностью отличалось от того, каким оно было на основании всего моего прошлого опыта. Объяснение Ла Горды каким-то образом упростило все это.

Потом, продолжала она. Нагваль заставил их созерцать движущиеся живые существа. Он говорил, что маленькие насекомые — это наилучшие объекты. Их подвижность делала их безвредными для созерцания в отличие от растений, которые извлекали свой свет прямо из земли.

Следующим шагом было пристальное созерцание камней. Из-за своей древности и силы камни имеют особый свет, скорее зеленоватый, в отличие от белого света растений и желтоватого света подвижных существ. Камни открываются созерцателю весьма непросто, но это стоит усилий — у камней есть свои особые секреты, скрытые в их сердцевине. Эти секреты способны помочь магу в сновидении.

— Что же за секреты открывают камни тебе?

— Когда я пристально смотрю в самую сердцевину камня, — сказала она, — я всегда улавливаю дуновение особого запаха, присущего только этому камню. Когда я странствую в своем сновидении, благодаря этим запахам я знаю, где нахожусь.

Она добавила, что важным фактором при созерцании листьев, камней и растений было время дня. Ранним утром деревья и камни кажутся оцепеневшими и свет у них тусклый. Около полудня они находятся в самой лучшей форме, и созерцание их в это время проводится для заимствования их света и силы. В конце дня и рано вечером деревья и камни тихи и печальны, особенно деревья. Ла Горде казалось иногда, что в этот час они сами созерцают созерцателя.

Второй серией в последовательности пристальных созерцаний является созерцание природных явлений: дождя, тумана. Она сказала, что созерцатели могут фокусировать свое внимание непосредственно на самом дожде и двигаться вместе с ним, или фокусировать его на заднем плане и использовать дождь как своего рода волшебное стекло, чтобы увидеть скрытые особенности мира. Места силы или места, которых следует избегать, находят при помощи пристального созерцания через дождь. Места силы — желтоватого цвета, а неблагоприятные места — интенсивно-зеленые.

Ла Горда отметила, что, несомненно, туман для созерцателя самая таинственная вещь на Земле и что его можно использовать теми же двумя способами, что и дождь. Но он нелегко поддается женщине; даже после того, как она потеряет форму, он все же остается непостижимым для нее. Она рассказала, как однажды Нагваль заставил ее видеть зеленую дымку перед полосой тумана и пояснил, что это было второе внимание старого созерцателя тумана, живущего в горах, где они тогда были, и что он движется вместе с туманом. Она добавила, что туман используется для обнаружения призраков вещей, которых больше нет и что настоящее мастерство созерцателей тумана заключается в умении позволить своему второму вниманию войти во все, что раскроет им их созерцание.

Тут я рассказал ей, как однажды, когда я был вместе с доном Хуаном, я видел мост, образованный из полосы тумана. Для меня он был более чем реален. Картина была настолько интенсивной и живой, что я не мог забыть ее. Дон Хуан предсказал, что когда-нибудь я должен буду перейти этот мост.

— Я знала об этом, — сказала она. — Нагваль говорил мне, что когда ты достигнешь мастерства в овладении своим вторым вниманием, ты должен будешь пересечь при его помощи этот мост тем же способом, каким был осуществлен твой полет в качестве вороны. Он сказал мне, что если ты станешь магом, перед тобой образуется мост из тумана, и ты пересечешь его, чтобы исчезнуть из этого мира навсегда. Точно так же, как однажды сделал он сам.

— А он тоже исчез через мост?

— Нет, но ты был свидетелем, как они с Хенаро прямо на ваших глазах вошли

в трещину между мирами. Нестор сказал, что Хенаро только помахал рукой на прощанье, в последний раз. Нагваль не попрощался, ведь ему нужно было открывать трещину. Нагваль говорил мне, что для этого, собрав второе внимание, нужно только сделать жест открывания этой двери. Это секрет толтеков-сновидцев, и узнают они его, становясь бесформенными.

Мне хотелось расспросить, как Нагваль и Хенаро прошли ту трещину. Но легким прикосновением руки к моим губам она заставила меня молчать.

Следующим этапом был пристальный взгляд вдаль и на облака. В обоих случаях усилия созерцателей были направлены на то, чтобы позволить своему второму вниманию войти в место их пристального созерцания. Таким образом они покрывали любые расстояния или плыли на облаках. При работе с облаками Нагваль никогда не разрешал им созерцать грозовые тучи. Он сказал им, что они сначала должны стать бесформенными, а уж тогда смогут совершать подвиги и поэффектней: они смогут «ездить верхом» не только на грозовой туче, но и на самой молнии.

Ла Горда засмеялась и спросила, кто, по моему мнению, был настолько дерзким и ненормальным, чтобы пытаться созерцать грозовые тучи. Я, естественно, предположил, что Хосефина. Так и было. Ла Горда сказала, что именно Хосефина пробовала созерцать грозовые тучи всякий раз, когда Нагваль отсутствовал, пока ее чуть не убила молния.

— Хенаро был магом молний, — продолжала она. — На двух его первых учеников ему указали дружественные молнии. Он говорил, что искал растения силы в очень удаленной местности, где индейцы замкнуты и не любят посторонних. Они разрешали Хенаро бывать на их землях, ибо он говорил на их языке. Хенаро собирал какие-то растения, как вдруг начался дождь. Там поблизости было несколько домов, но их хозяева были не слишком дружелюбны, и ему не хотелось вступать с ними в контакт. Он уже собирался влезть в какую-то яму, как вдруг увидел юношу на велосипеде, тяжело нагруженном каким-то товаром. Это был Бениньо, посредник из города по торговле с этими индейцами. Он пытался вытащить из грязи свой велосипед, и прямо там в него ударила молния. Хенаро подумал, что он убит. Люди в домах увидели, что случилось, и выбежали наружу Бениньо был сильно испуган, но жив, а вот его велосипед и товары сгорели. Хенаро остался с ним и за неделю вылечил его.

Почти так же все случилось и с Нестором Обычно он покупал у Хенаро лекарственные растения и однажды напросился с ним в горы. Чтобы больше не платить Хенаро, он решил высмотреть, где тот собирает эти растения Хенаро специально зашел далеко в горы. Он хотел, чтобы Нестор заблудился.

Дождя не было, но сверкали молнии. Внезапно одна ударила рядом и заструилась по сухой земле, как змея. Она пробежала прямо между ногами Нестора и ударила в камень в десяти ярдах.

Хенаро рассказал, что молния обуглила ноги Нестора изнутри. Его яички опухли и он очень болел. Хенаро пришлось лечить его прямо там, в горах.

К моменту излечения и Бениньо, и Нестор были уже пойманы на крючок. Женщина не нуждается в этом. Женщины добровольно идут на все. В этом их сила, но и недостаток тоже. Мужчин надо вести, а женщин — сдерживать.

Она захихикала и сказала, что в ней, несомненно, было немало мужского, так как ее надо было вести, а во мне хватало женственности, потому-то меня приходилось сдерживать.

Последней серией было пристальное созерцание огня, дыма и теней. Она сказала, что для созерцателя огонь не яркий, а темный, почти черный, такой же, как и дым. А вот тени имеют цвет и в них есть движение.

Оставались еще две вещи, стоящие особняком — пристальное созерцание звезд и воды. Созерцание звезд выполнялось только магами, уже потерявшими свою человеческую форму. По ее словам, созерцание звезд проходило у нее очень хорошо, но она не могла управляться с созерцанием воды, особенно текущей. Маги использовали ее, чтобы собрать свое второе внимание и переправить его в любое место, где им хотелось бы оказаться.

— Все мы страшимся воды, — продолжала она. — Река собирает второе внимание и уносит его, и нет способа остановиться. О твоих подвигах по части созерцания воды Нагваль мне рассказывал. Однажды ты чуть было не распался в воде одной маленькой речки, так что теперь тебе нельзя даже купаться.

Дон Хуан заставлял меня много раз смотреть на воду в оросительной канаве позади его дома, когда я был под воздействием его курительной смеси. Я испытывал невероятные переживания. Однажды я видел себя зеленым, как будто весь был покрыт водорослями. После этого он рекомендовал мне избегать воды.

— Было ли мое второе внимание повреждено водой? — спросил я.

— Да, было, — ответила она, — Ты очень любишь индульгировать. Нагваль предупреждал тебя соблюдать осторожность, но ты вышел вместе с текущей водой за свои пределы. Нагваль сказал, что ты мог бы пользоваться водой как никто другой, но умеренность, к сожалению, никогда не была твоей положительной чертой.

Она пододвинула свою скамью поближе к моей.

— Это все, что касается пристального созерцания, — сказала она. — Но есть и другие вещи, о которых я должна рассказать тебе до твоего отъезда.

— И что же это, Горда?

— Во-первых, сначала ты должен собрать свое второе внимание для сестричек и для меня.

— Но я не уверен, что смогу сделать это.

Ла Горда встала и пошла в дом. Спустя минуту она вернулась с небольшой круглой подушкой из волокон, которые обычно употребляются для изготовления сетей. Не говоря ни слова, она повела меня к переднему крыльцу. Там она сказала, что сделала эту подушку сама, на ней удобно было сидеть, когда она училась созерцанию. При пристальном созерцании положение тела очень важно.

Сидеть нужно на земле на мягкой подушке из натуральных волокон или на подстилке из листьев. Спину прислоняют к дереву, пню или камню. Тело при этом должно быть совершенно расслабленным. Глаза не фиксируются на объекте, чтобы избежать утомления. Пристальное созерцание заключается в очень медленном сканировании созерцаемого объекта против часовой

стрелки, но без поворота головы. Она добавила, что Нагваль заставил их вкопать эти толстые столбы, чтобы они могли прислоняться к ним.

Ла Горда усадила меня на подушку и прислонила спиной к столбу. Она сказала, что собирается руководить мною при созерцании пятна силы, которое находится на круглых холмах по ту сторону долины. Она надеялась, что созерцая его, я получу энергию, необходимую для собирания своего второго внимания. Она села слева, почти вплотную ко мне, и стала давать указания. Почти шепотом она велела мне держать веки полуприкрытыми и смотреть на то место, где сходились два огромных круглых холма. Там был глубокий узкий водный каньон. Она сказала, что это особое созерцание состоит из четырех отдельных действий. Во-первых, надо было использовать края моей шляпы как козырек, чтобы заслонить излишнее количество света и пропустить к глазам лишь минимальное число лучей, а затем полуприкрыть веки. Дальше надо было удерживать веки в постоянном положении, чтобы обеспечить равномерный приток света. И наконец, нужно было выделить водный каньон на фоне остальной картины через сетку волокон света на своих ресницах.

Сначала я не мог выполнить ее инструкции. Солнце было высоко над нами, и мне пришлось запрокинуть голову назад. Я вертел шляпу так и этак, пока не закрыл большую часть солнечного сияния ее полями. Кажется, это было все, что требовалось. Когда я полуприкрыл глаза, небольшое количество света, словно исходившее из полей моей шляпы, буквально взорвалось у меня на ресницах, которые, как фильтр, создавали светлое кружево. Я держал веки полуприкрытыми и некоторое время играл со светящимся кружевом, пока не смог различить на его фоне темный вертикальный контур водного каньона.

Затем Ла Горда велела мне созерцать среднюю часть каньона, пока я не смогу различить очень темное коричневое пятно. Она сказала, что эта дыра в каньоне не для тех глаз, которые смотрят, но только для глаз, которые видят. Она предупредила, что как только я увижу пятно, мне необходимо проявить свой контроль, чтобы оно не притянуло меня к себе. Я должен скорее «ввинтиться» в него и пристально его созерцать. Она предложила мне нажать на ее плечо в тот момент, когда я найду дыру, чтобы дать знать об этом. Она подвинулась и прислонилась ко мне.

С минуту я боролся, пытаясь скоординировать и сделать устойчивыми все четыре действия. И вдруг в середине каньона оформилось темное пятно. Я

немедленно заметил, что вижу его каким-то иным способом, чем обычно. Темное пятно производило впечатление какого-то дефекта в зрении. В тот момент, когда мой контроль ослаб, оно исчезло. Оно находилось в поле моего восприятия, только если я сохранял контроль над всеми четырьмя действиями. Тут я вспомнил, что дон Хуан множество раз занимал меня такой деятельностью. Он обычно вешал небольшой лоскуток на низкую ветку куста, стратегически размещенную так, чтобы находиться на одной линии с каким-нибудь определенным геологическим образованием, таким, например, как водные каньоны, склоны холмов. Заставляя меня сидеть примерно в пятидесяти футах от этого лоскутка и пристально смотреть через низкие ветки куста, он пользовался этим, чтобы создать во мне определенный перцептуальный эффект. Лоскуток всегда был более темного оттенка, чем то геологическое образование, которое я пристально созерцал, и казался лишь деталью этой картины. Идея заключалась в том, чтобы допустить игру своего восприятия, не анализируя ее. Раз за разом я терпел неудачу, так как был совершенно не способен воздержаться от оценок, и мой ум всегда уходил в какие-то рациональные спекуляции о природе механизма моего иллюзорного восприятия.

На этот раз я не чувствовал необходимости в каких бы то ни было спекуляциях. Ла Горда не была той авторитетной сильной фигурой, с которой я подсознательно пытался бороться, как это было в случае с доном Хуаном.

Темное пятно в поле моего восприятия стало почти черным. Я прислонился к плечу Ла Горды, чтобы дать ей знать. Она прошептала мне на ухо, что я должен изо всех сил удерживать веки в том же положении и тихо дышать животом. Я не должен был позволять пятну подтягивать меня, но постепенно входить в него. Следовало избегать позволить дыре вырасти и поглотить меня. В случае, если это произойдет, я должен немедленно открыть глаза.

Я стал дышать, как она предписала, и таким образом смог удерживать веки сколь угодно долго фиксированными в нужном положении.

Некоторое время я оставался в этой позиции. Затем заметил, что дышу нормально и это не нарушает моего восприятия. Но внезапно черное пятно стало пульсировать, двигаться, и, прежде чем я смог начать правильно дышать, чернота двинулась вперед и обволокла меня. Я ужаснулся и открыл глаза.

Ла Горда сказала, что я выполнял пристальное созерцание вдаль, а для этого нужно было дышать именно таким способом, который она рекомендовала. Она предложила мне начать все сначала.

Нагваль обычно заставлял их сидеть целыми днями и собирать свое второе внимание посредством пристального созерцания. Он неоднократно предупреждал их об опасности быть поглощенными пятном из-за встряски, от которой может пострадать тело.

Мне потребовалось около часа пристального созерцания, чтобы сделать то, что она описала. «Ввинчивание» в коричневое пятно и пристальное всматривание в него привели к тому, что коричневый клочок земли в моем поле зрения неожиданно вспыхнул. Когда картинка стала яснее, я понял, что нечто во мне выполняет неожиданное и невероятное действие. Я ощутил, что действительно приближаюсь к тому пятну. Отсюда у меня и возникло впечатление, что оно прояснилось. Затем я настолько приблизился, что мог различить даже отдельные его детали: камни и растительность. Я приблизился к нему еще, и тут увидел любопытное образование на одном из камней. Оно выглядело как грубо высеченный стул. Мне почему-то оно очень понравилось. По сравнению с ним остальные камни были бледными и неинтересными.

Не знаю, как долго я созерцал его. Я мог рассмотреть каждую его деталь. Мне казалось, что я мог бы потеряться в его деталях — им не было конца. Но что-то рассеяло мое видение: на камень наложился странный образ, затем еще и еще. Мне досаждали эти помехи. Как только я начал беспокоиться, до меня дошло, что Ла Горда, стоя позади меня, поворачивает мою голову из стороны в сторону. За считанные секунды концентрация моего созерцания совершенно рассеялась.

Ла Горда засмеялась и сказала, что она поняла, почему я доставлял Нагвалю столько хлопот. Она убедилась сама, что я индульгирую выше всяких пределов. Она села у столба рядом со мной и сказала, что она и сестрички собираются созерцать место силы Нагваля. Затем она издала пронзительный птичий крик. Спустя минуту сестрички вышли из дома и приступили к созерцанию вместе с ней.

Их мастерство в созерцании было очевидно. Их тела приобрели необычайную жесткость. Казалось, они не дышали вовсе. Эта их неподвижность была столь заразительной, что и я невольно полуприкрыл глаза и уставился на холмы.

Пристальное созерцание было для меня настоящим откровением. Когда я выполнял его, мне стал ясен один важный момент во взглядах дона Хуана. Ла Горда описала задачу весьма смутно. «Ввинтиться в него» было скорее командой, чем описанием процесса. И все же оно было описанием при условии выполнения одного требования. Дон Хуан называл это требование «остановкой внутреннего диалога». Из утверждений Ла Горды относительно пристального созерцания мне стало ясно, что имел в виду дон Хуан, заставляя их созерцать, — именно остановку внутреннего диалога. Ла Горда сформулировала это как «утихание мыслей». Дон Хуан тоже заставлял меня делать это, хотя он вел меня по другому пути: вместо фокусирования взгляда, как это делали созерцатели, он научил меня открывать его, затопляя свое сознание и не фокусируясь ни на чем. Я должен был как бы ощущать своими глазами все 180° перед собой, удерживая глаза несфокусированными чуть выше линии горизонта.

Мне было очень трудно созерцать — это переворачивало с ног на голову всю мою предыдущую практику. Когда я пытался созерцать, у меня возникало стремление раскрыться. Однако необходимость держать это стремление в узде отключила мои мысли. А как только отключился внутренний диалог, уже не трудно было созерцать так, как предписывала Ла Горда.

Дон Хуан утверждал снова и снова, что отключение внутреннего диалога является фундаментальным достижением магии. В терминологии объяснения о двух сферах внимания, данного мне Ла Гордой, остановка внутреннего диалога была рабочим способом описания отвлечения внимания тоналя.

Дон Хуан говорил, что как только мы остановим внутренний диалог, мы остановим и мир. Это было операционное описание непостижимого процесса фокусировки нашего второго внимания. Он говорил, что некоторая часть нас всегда пребывает под замком, так как мы боимся себя.

Эта часть нас с точки зрения разума подобна сумасшедшему родственнику, которого мы держим взаперти в темнице. Эта часть и была, по словам Ла Горды, вторым вниманием. Когда оно сможет в конце концов сфокусироваться

на чем-либо, — мир остановлен. Поскольку мы как обычные люди знаем только внимание тоналя, то не будет большим преувеличением сказать, что как только это внимание гасится, мир действительно останавливается для нас.

Фокусирование нашего необузданного, нетренированного второго внимания неизбежно должно быть ужасной вещью. Дон Хуан был прав, говоря, что единственным способом удержать этого сумасшедшего родственника от нападения на нас и является необходимость защищаться при помощи нескончаемого внутреннего диалога.

Ла Горда и сестрички закончили свое приблизительно получасовое созерцание. Ла Горда сделала мне знак рукой следовать за ними. Они пошли на кухню. Ла Горда предложила мне сесть на скамью. Потом она сказала, что пойдет на дорогу встретить Хенарос и приведет их сюда. Она вышла через переднюю дверь.

Тем временем сестрички сели вокруг меня. Лидия предложила ответить на все вопросы, которые я хотел бы задать ей. Я попросил ее рассказать мне о пристальном созерцании пятна силы дона Хуана, но она мне не ответила.

— Я созерцатель дали и теней, — сказала она. — После того, как я стала созерцателем, Нагваль заставил меня начать все сначала и созерцать тени листьев, деревьев, растений, камней. С тех пор я больше не смотрю на вещи, — я смотрю на их тени. Даже если света нет совсем, — тени существуют, даже ночью есть тени. Так как я — созерцатель теней, то я также и созерцатель вдаль. Я могу созерцать тени даже вдали.

Рано утром они многого не скажут. В это время тени отдыхают. Поэтому бесполезно созерцать в начале дня. Около шести утра тени просыпаются и к наилучшей форме приходят часам к пяти пополудни. Тогда они полностью пробуждены.

— Что же тени говорят тебе?

— Все, что я захочу узнать. Они говорят со мной при помощи того, что они теплые или холодные, двигаются или меняют цвета. Я еще не знаю всего, что означает тепло, цвет или движение. Нагваль предоставил мне изучить это самой.

— Как же ты изучаешь это?

— В сновидении. Сновидящие должны пристально созерцать, а затем — искать свои сны в созерцании. Например, Нагваль велел мне созерцать тени скал, а потом в своем сновидении я обнаружила, что у этих теней имеется свечение, потому с тех пор я начала искать свечение в тени, пока не нашла его. Созерцание и сновидение идут рука об руку. Мне пришлось долго созерцать тени, чтобы получилось сновидение теней. А затем мне нужно было долго сновидеть и созерцать, чтобы соединить их и на самом деле видеть в тенях то, что я вижу в сновидении. Понимаешь, что я имею в виду? Каждая из нас делает то же самое. Сновидение Розы связано с деревьями и она — созерцатель деревьев, а у Хосефины — с облаками и она — созерцатель облаков. Они созерцают деревья и облака, пока не достигают согласованности созерцания и сновидения.

Роза и Хосефина согласно кивнули.

— А как насчет Ла Горды? — спросил я.

— Она — созерцатель блох, — ответила Роза и все засмеялись.

— Просто Ла Горда не любит, когда ее кусают блохи, — объяснила Лидия. — Она бесформенная и может созерцать все, что угодно, но она привыкла быть созерцателем дождя.

— А Паблито?

— Он созерцает женские промежности, — ответила Роза с каменным выражением лица.

Они засмеялись. Роза хлопнула меня по спине:

— Я полагаю, что, как твой партнер, он похож на тебя, — сказала она.

Они захохотали, колотя ладонями по столу и сотрясая скамейки ногами.

— Паблито — созерцатель камней, — сказала Лидия. — Нестор — созерцатель

дождя и растений, а Бениньо — созерцатель дали. Однако не спрашивай больше о созерцании, потому что я потеряю силу, если буду продолжать.

— Почему тогда Ла Горда рассказывает мне все?

— Ла Горда потеряла свою форму, — ответила Лидия. — Когда я потеряю свою, я тоже буду рассказывать тебе все. Но к тому времени тебя это больше не будет беспокоить. Ты беспокоишься, потому что ты такой же глупый, как и мы все. В тот день, когда мы потеряем форму, мы все перестанем быть глупыми.

— Почему ты задаешь так много вопросов, когда ты и так все это знаешь? — спросила Роза.

— Потому что он похож на нас, — ответила ей Лидия. — Он еще не настоящий Нагваль. Он еще человек.

Она повернулась лицом ко мне. Минуту ее лицо было твердым, а глаза — колючими и холодными, но ее лицо смягчилось, когда она заговорила вновь.

— Ты и Паблито — партнеры, — сказала она, — Он тебе действительно нравится?

Я подумал минуту, прежде чем ответить. Я сказал ей, что так или иначе, но я полностью ему доверяю. Безо всякой причины у меня было чувство, что мы похожи.

— Ты любишь его так сильно, что испортил его, — сказала она обвиняюще. — На той вершине горы, где вы все прыгнули, он сам подбирался к своему второму вниманию, но ты вынудил его прыгнуть вместе с тобой.

— Я только держал его за руку, — возразил я.

— Маг не держит другого мага за руку, — сказала она. — Все мы очень способные. Ты не нуждался в том, чтобы кто-нибудь из нас троих помогал тебе. Только маг, который видит и потерял свою человеческую форму, имеет право помогать. На той вершине горы, где вы все прыгнули, ты обязан был идти первым. Теперь Паблито привязан к тебе. Я полагаю, ты собирался

помогать и нам тем же способом. Боже, чем больше я думаю о тебе, тем больше я презираю тебя.

Роза и Хосефина что-то согласно пробормотали. Роза встала и яростно потребовала, чтобы я признался, что я собираюсь делать с ними. Я сказал, что собираюсь очень скоро убраться отсюда. Мое заявление явно возмутило их. Все они заговорили одновременно. Голос Лидии звенел над другими. Она сказала, что время уезжать настало еще предыдущей ночью, и что она ненавидит минуту, когда я решил остаться.

Я ощутил внезапное содрогание, встал и не своим голосом заорал, чтобы они успокоились. Все с ужасом посмотрели на меня. Я попытался напустить на себя небрежный вид, но и сам испугался не меньше.

В этот момент на кухню вошла Ла Горда, словно пряталась в соседней комнате, ожидая момента, когда мы начнем драку. Она сказала, что предупреждала всех, чтобы мы не попадались в сети друг друга. Я был вынужден рассмеяться над тем, что она журит нас, как детей.

Она сказала, что мы обязаны уважать друг друга, что уважение среди воинов является весьма деликатной вещью. И что сестрички знают, как воины должны вести себя друг с другом. Знают это и Хенарос — между собой.

Но стоит мне прийти в одну из этих групп или двум группам сойтись вместе, как все тотчас забывают о своих знаниях воинов и ведут себя как тупицы.

Мы сели. Ла Горда села возле меня. После минутной паузы Лидия пояснила, что она боится, как бы я не сделал с ними того же, что с Паблито. Ла Горда засмеялась и сказала, что она никогда не позволит мне помогать кому-либо из них таким способом. Я сказал ей, что не могу понять, что же такого неправильного я сделал с Паблито. Я совсем не осознавал что делал, и если бы Нестор не рассказал мне, то я никогда бы и не узнал, что фактически подтолкнул Паблито. Я даже спросил, не преувеличивал ли случайно Нестор. Может быть, он просто ошибся?

Ла Горда сказала, что Свидетель не допустил бы такой грубой ошибки. Свидетель является самым совершенным воином среди нас всех.

— Маги не помогают друг другу так, как ты помог Паблито. Ты вел себя как человек с улицы. Нагваль учил всех нас быть воинами. Он говорил нам, что воин не испытывает сочувствия ни к кому. Испытывать сочувствие — означает желать, чтобы другой человек был похож на тебя, был в твоей шкуре. И ты протягиваешь руку помощи именно для этой цели. Ты сделал это с Паблито. Самая трудная вещь в мире для воина — предоставить других самим себе. Когда я была жирной, я беспокоилась, что Лидия и Роза едят недостаточно. Я боялась, что они заболеют и умрут от недоедания. Не щадя сил, я откармливала их, и у меня были самые лучшие намерения.

Безупречный воин предоставляет других самим себе и поддерживает их в том, что для них важнее всего. Если, конечно, ты веришь, что они и сами являются безупречными воинами.

— А что если они не являются безупречными воинами? — спросил я.

— Тогда твой долг — быть безупречным самому и не говорить ни слова. Нагваль сказал, что только маг, который видит и является бесформенным, может позволить себе помогать кому-либо. Вот почему он помогал нам и сделал нас такими, какие мы есть. Не думаешь ли ты, что можешь ходить повсюду, подбирая людей на улице, чтобы помогать им?

Дон Хуан уже ставил меня лицом к лицу с дилеммой, что я никоим образом не мог помогать своим близким существам. По его мнению, каждое наше усилие помочь фактически является произвольным актом, руководимым исключительно нашим своекорыстием.

Как-то в городе я поднял улитку, лежавшую посреди тротуара, и бережно положил ее под какой-то виноградный куст. Я был уверен, что оставь я ее на тротуаре, люди рано или поздно раздавили бы ее. Я считал, что убрав ее в безопасное место, спас ее. Дон Хуан тут же показал мне, что это не так. Я не принял во внимание две важные возможности. Одна из них была такой: улитка избежала верной смерти на виноградных листьях от яда. А другая — улитка имела достаточно личной силы, чтобы пересечь тротуар. Своим вмешательством я не спас улитку, а только заставил ее утратить то, чего она с таким трудом достигла. Когда я захотел положить улитку туда, где нашел ее, он не позволил мне и этого. Он сказал, что такова была судьба улитки — что какой-то идиот пересечет ей путь и прервет ее продвижение. Если я оставлю

ее там, где положил, она, быть может, будет в состоянии собрать Достаточно личной силы и дойти туда, куда собиралась.

Я думал, что понял его мысль. Очевидно, тогда я лишь поверхностно согласился с ним. Самой трудной вещью на свете для меня было предоставить других самим себе.

Я рассказал им эту историю.

Ла Горда погладила меня по спине.

— Мы все очень плохие, — сказала она. — Все мы пятеро — ужасные люди и не хотим ничего понимать. Я освободилась от большей части своей плохой стороны, но не от всей. Мы довольно туповатые и по сравнению с Хенарос ужасно деспотичные. Хенарос, с другой стороны все похожи на Хенаро — в них мало ужасного.

Сестрички согласно кивнули.

— Но ты — самый отвратительный из нас, — сказала мне Лидия. — Я думаю, что мы не такие уж плохие по сравнению с тобой.

Ла Горда захихикала и легонько стукнула меня по ноге, словно веля согласиться с Лидией. Я так и сделал. Все они засмеялись как дети.

Мы долго пребывали в молчании.

— Я подхожу теперь к концу того, что должна была рассказать тебе, — внезапно сказала Ла Горда.

Заставив всех нас встать, она сказала, что собирается показать мне стойку силы воинов-толтеков. Лидия встала справа от меня, лицом ко мне. Она взяла мою руку своей правой рукой, ладонь к ладони, не переплетая пальцев. Затем она просунула мою руку прямо под локтем своей левой руки и плотно прижала меня к своей груди. Хосефина сделала то же самое слева от меня. Роза стала лицом к лицу со мной, просунула свои руки у меня подмышками и захватила меня за плечи. Ла Горда зашла сзади и обхватила меня за талию, переплетя свои пальцы над моим пупком.

Все мы были примерно одного и того же роста и они могли прижать свои головы к моей. Ла Горда очень тихо, хотя и достаточно громко, чтобы все мы слышали ее, заговорила за моим левым ухом. Она сказала, что все мы должны попытаться перенести свое второе внимание в место силы Нагваля без вмешательства кого бы то ни было или чего бы то ни было. На этот раз не было учителя, чтобы помочь нам, или союзников, чтобы пришпорить нас. Мы собираемся отправиться туда просто силой нашего желания.

Тут у меня возникла неодолимая потребность спросить, что я должен делать. Она сказала, что я должен позволить своему второму вниманию сфокусироваться на месте, которое я созерцал.

Она объяснила, что та особая позиция, в которой мы сейчас находимся, является толтекским расположением силы. Я был в этот момент центром и связующей силой четырех сторон света.

Лидия была востоком, оружием, которое воин-толтек держит в своей правой руке. Роза была севером, щитом, который заслоняет воина спереди. Хосефина была западом, ловцом духа, который воин держит в своей левой руке. А Ла Горда была югом, корзиной, которую воин несет на своей спине и в которой он держит свои объекты силы. Она сказала, что естественной позицией для каждого воина будет обратиться лицом к северу и держать оружие-восток в правой руке. Однако нужное нам направление на сей раз находилось на юге, слегка в сторону востока. Таким образом, действие силы, которую Нагваль оставил нам для выполнения задания, заключалось в перемене направления.

Она напомнила мне, что одним из первых действий Нагваля по отношению к нам всем было повернуть наши глаза лицом к юго-востоку. Этим способом он завлек наше второе внимание для выполнения задачи, которую мы сейчас намеревались решить. Было две возможности выполнить это. Первая состояла в том, чтобы мы все развернулись лицом к востоку, используя меня в качестве оси, и таким образом переменили базисное значение и функцию каждого из нас. Лидия стала бы западом, Хосефина — востоком. Роза — югом, а она сама — севером.

Другая возможность состояла в том, чтобы мы изменили свое направление и стали лицом к югу, не поворачиваясь вокруг. Это была альтернатива силы,

связанная с приведением в действие нашего второго лица.

Я сказал Ла Горде, что не понимаю, что такое второе лицо. Она ответила, что Нагваль поручил ей попытаться собрать воедино второе внимание каждого из нас и что каждый воин-толтек имеет два лица и смотрит каждым лицом в двух противоположных направлениях. Второе лицо было вторым вниманием.

Внезапно Ла Горда отпустила свою хватку. Остальные сделали то же самое. Она снова села и жестом показала мне сесть рядом с ней. Сестрички остались стоять. Ла Горда спросила, все ли мне ясно.

Мне было не слишком-то ясно. Прежде чем я успел сформулировать вопрос, она сказала, что Нагваль велел ей передать мне следующее: я должен изменить направление, суммируя свое внимание с их вниманием и включив свое лицо силы, чтобы увидеть то, что находится позади меня.

Ла Горда встала и жестом велела следовать за ней. Она повела меня к двери их комнаты и мягко втолкнула туда. Когда я переступил порог, Лидия Роза и Хосефина присоединились ко мне тем же способом, а затем Ла Горда закрыла дверь.

В комнате было очень темно, и казалось, что в ней не было никаких окон. Ла Горда взяла меня за руку и поместила, как мне показалось, в центре комнаты. Все они окружили меня. Я вообще не мог видеть их и только ощущал, что они расположились с четырех сторон вокруг меня.

Спустя некоторое время глаза начали привыкать к темноте. Я смог увидеть, что в комнате есть два окна, закрытых ставнями. Через них просачивалось немного света и я смог различить их всех. Затем они обхватили меня тем же способом, как и несколькими минутами раньше и совершенно в унисон прислонили свои головы к моей. Я закрыл глаза, чтобы воспроизвести образ своего созерцания, но не смог сделать этого. Я чувствовал себя очень утомленным и сонным. Глаза ужасно зудели. Я хотел потереть их, но Лидия и Роза держали меня за руки. Мы долго находились в такой позиции. Я невыносимо устал и начал терять сознание. У меня было ощущение, что колени не выдерживают моего веса. Я подумал, что сейчас рухну на пол и прямо там усну. Но пола не было.

Подо мной не было ничего. Когда я осознал это я настолько испугался, что мгновенно пришел в себя. Однако сила большая, чем мой страх, толкала меня назад в сонное состояние. Я сдался. Я плыл вместе с ними как воздушный шар. Казалось, что я заснул и видел сон а в этом сне видел серию несвязных образов. Мы более не стояли в темноте их комнаты. Было так много света что он ослепил меня. Временами я мог заметить лицо Розы напротив моего, уголком глаза видел лица Лидии и Хосефины. Я мог видеть их лбы, прижатые к моим ушам. А затем образ менялся, и вместо этого я видел лицо Ла Горды напротив моего. Всякий раз, когда это случалось, она прикладывала рот к моему и дышала. Мне это очень не понравилось. Какая-то сила во мне пыталась высвободиться. Я почувствовал ужас и попытался оттолкнуть их всех от себя. Чем сильнее я пытался, тем сильнее они держали меня. Это убедило меня в том, что Ла Горда вовлекает меня в какой-то трюк и что в конце концов она завлечет меня в смертельную западню. Но в противоположность остальным, Ла Горда была непревзойденным игроком. Мысль, что она направляла меня безупречной рукой, доставила мне облегчение. Я перестал бороться. Мне стало любопытно, когда же наступит смерть, которая казалась мне неизбежной, и я смирился. Появилось чувство невероятной радости, подъема сил и я решил, что это было предвестником моего конца, если не самой смертью.

Я притянул Лидию и Хосефину еще ближе к себе. В этот момент Ла Горда была впереди меня. Меня не беспокоило больше, что она дышала мне в рот; скорее я был удивлен, что она вдруг прекратила это делать. Они начали оглядываться и тем самым освободили мне голову. Я смог двигать ею. Лидия, Ла Горда и Хосефина были так близко от меня, что я мог видеть только через щель между их головами. Я не мог сообразить, где мы находимся. В одном я был уверен — мы не стоим на земле. Мы находились в воздухе. И еще я знал наверняка, что наш порядок изменился. Лидия была слева от меня, а Хосефина справа. Лица Ла Горды, Лидии и Хосефины были покрыты потом. Розу я мог только чувствовать позади себя. Я мог видеть ее руки, выходящие у меня из подмышек и держащие мои плечи.

Ла Горда что-то говорила, но что — я не мог слышать. Она произносила слова очень медленно, словно желая дать мне время прочесть их по губам, но мое внимание было захвачено движениями ее губ, а не смыслом речи. В какой-то момент я понял, что все четверо неторопливо раскачивали меня. Это вынудило меня обратить внимание на беззвучные слова Ла Горды. На этот раз

я отчетливо прочел по ее губам, что она приказывает мне повернуться вокруг. Я попытался, но голова была как будто закреплена. Я ощутил, что кто-то покусывает мне губы. Я взглянул на Ла Горду. Она не кусалась, но внимательно смотрела на меня и четко артикулируя, произносила свой приказ повернуть голову. Пока она говорила, я одновременно чувствовал, как она лижет мое лицо или кусает губы и щеки.

Лицо Ла Горды было как-то искажено. Оно выглядело большим и желтоватым. Я решил, что поскольку все вокруг было желтоватым, то и на ее лице отражалась эта желтизна. Я мог слышать, как она приказывает мне повернуть голову вокруг. В конце концов беспокойство, которое мне причиняло покусывание, заставило меня встряхнуть головой. Внезапно звук голоса Ла Горды стал едва слышен. Она была позади и кричала мне, чтобы я повернул свое внимание вокруг. Это Роза лизала мне лицо. Я оттолкнул ее лбом. Роза плакала. Ее лицо было покрыто потом. Я слышал голос Ла Горды позади: она сказала, что я опустошил их, борясь с ними и что она не знает, что теперь надо сделать, чтобы уловить наше первоначальное внимание. Сестрички поскуливали.

Мои мысли были кристально ясными. Однако рационально мыслить я не был способен. Я знал все быстро и непосредственно, причем в уме у меня не было никаких сомнений. Например, я непосредственно знал, что должен снова заснуть и что это заставит нас опуститься вниз. Знал я и то, что должен позволить им принести нас обратно к дому. Но здесь я был беспомощен. Если я и мог где-то сфокусировать свое второе внимание, то это могло произойти только на одном месте в Северной Мексике, которое дал мне дон Хуан. Я всегда был способен представить его в своем уме, как ничто другое в этом мире. Но я не решался воспроизвести это видение. Я знал, что там нам будет конец.

Я подумал, что надо рассказать Ла Горде то, что я знаю, но не мог говорить. Тем не менее, какая-то часть меня была уверена, что она поняла. Тогда я полностью вверился ей и за считанные секунды впал в сон. В своем сне я смотрел на кухню в их доме. Там были Паблито, Нестор и Бениньо. Они казались огромными и сияющими. Я не мог сфокусировать на них глаза, так как между нами был слой пластичного материала. Потом я осознал, что это выглядело как если бы я смотрел на них через оконное стекло, которое кто-то поливает водой.

Паблито поливал меня водой из бадьи. Нестор и Бениньо стояли рядом. Ла Горда, сестрички и я лежали на земле позади дома. Хенарос облили водой из бадьи нас всех.

Я вскочил на ноги. Либо вода, либо необычное переживание, через которое я только что прошел, придали мне бодрости.

Ла Горда и сестрички сменили одежду, которую кто-то из Хенарос разложил на солнце. Моя одежда также была аккуратно сложена на земле. Я переоделся, не говоря ни слова. Я находился в своеобразном состоянии, которое, по-видимому, сопутствовало фокусированию второго внимания. Говорить я не мог, а может и мог, но мне этого вовсе не хотелось. Желудок был расстроен. Ла Горда, наверное, почувствовала это и мягко потянула меня на площадку в задней части загородки. Тут мне стало плохо. Ла Горда и сестрички испытывали то же самое.

Я вернулся на кухонную площадку и умылся. Холодная вода почти привела меня в чувство. Паблито, Нестор и Бениньо сидели вокруг стола. Паблито принес свой стул. Он встал и пожал мне руку. Затем то же сделали Нестор и Бениньо. К нам присоединились Ла Горда и сестрички.

Кажется, со мной опять было что-то не в порядке. В ушах у меня стоял гул, кружилась голова. Хосефина схватилась за Розу, чтобы не упасть. Я повернулся к Ла Горде, собираясь спросить у нее, что делать. Лидия падала спиной на скамейку. Я подхватил ее, но увлекаемый весом ее тела упал вместе с ней.

Со мной, должно быть, случился обморок. Внезапно я очнулся. Я лежал на соломенном мате в передней комнате. Лидия, Роза и Хосефина лежали рядом со мной. Мне пришлось перелезть через них, чтобы встать. Я задел их, но они не проснулись. Я вышел на кухню. Ла Горда и Хенарос сидели за столом.

— Добро пожаловать обратно, — сказал Паблито.

Он добавил, что Ла Горда проснулась незадолго до меня. Я снова чувствовал себя прежним и был голоден. Ла Горда дала мне миску с едой. Она сказала, что они уже поели. После еды я почувствовал себя превосходно во всех

отношениях, только вот не способен был думать так, как обычно. Мои мыслительные процессы совершенно замедлились. Мне понравилось такое состояние. Тут я заметил, что было уже далеко за полдень. У меня возникло побуждение встать и бежать на месте лицом к солнцу, как меня обычно заставлял делать дон Хуан. Я встал и Ла Горда присоединилась ко мне. Кажется, у нее возникла та же идея одновременно со мной. Это движение заставило меня вспотеть. Я скоро начал задыхаться и вернулся к столу. Ла Горда последовала за мной. Мы сели. Хенарос глазели на нас. Ла Горда вручила мне блокнот.

— Нагваль собирается здесь погибнуть, — сказала она. В момент, когда она говорила, я испытал очень своеобразное чувство. На меня лавиной хлынули мои прежние мысли. Это, должно быть, стало заметно по моему лицу, потому что Паблито обнял меня и то же самое сделали Нестор и Бениньо.

— Нагваль собирается жить! — громко сказал Паблито.

Ла Горда, казалось, тоже обрадовалась. Она с облегчением потерла лоб. Она сказала, что я чуть не убил себя и их из-за своей ужасной склонности к индульгированию.

— Фокусировать второе внимание — не шутка, — сказал Нестор.

— Что с нами случилось, Горда? — спросил я.

— Мы потерялись, — сказала она, — Ты начал индульгировать в своем страхе и мы потерялись в той безбрежности. Мы больше не могли фокусировать свое внимание тоналя. Но мы успешно связали свое второе внимание с твоим и теперь у тебя два лица.

В этот момент на кухню вошли Лидия, Хосефина и Роза. Они улыбались и казались такими же свежими и бодрыми, как и всегда. Они взяли себе еды, и пока они ели, никто не произнес ни слова. Когда все поели, Ла Горда продолжила говорить с того места, на котором остановилась.

— Теперь ты — воин с двумя лицами, — продолжала она, — Нагваль сказал, что все мы должны иметь два лица. Он и Хенаро помогли нам собрать наше второе внимание и повернули нас вокруг, так, чтобы мы могли быть обращены

лицом в двух направлениях. Но тебе они не оказали такой помощи. Чтобы стать настоящим Нагвалем, ты должен был сам утвердить свою силу. Тебе еще далеко до этого, но позволь сказать, что теперь ты уже не ползаешь, я ходишь прямо, а когда ты восстановишь свою полноту и потеряешь форму, ты будешь парить.

Бениньо сделал жест рукой, имитируя летящий самолет и подражая реву двигателя своим гудящим голосом. Звук был поистине оглушительный.

Все засмеялись. Сестрички были в восторге.

До этого момента я не осознавал времени. Я сказал Ла Горде, что мы, должно быть, проспали несколько часов, потому что вошли в их комнату перед полуднем.

Она сказала, что мы спали совсем недолго, а большую часть времени были затеряны в другом мире и что Хенарос были по-настоящему испуганы и подавлены, потому что ничего не могли сделать, чтобы вернуть нас.

Я повернулся к Нестору и спросил его, что они в действительности видели, когда мы отсутствовали. Прежде чем ответить, он внимательно посмотрел на меня.

— Мы принесли много воды во двор, — сказал он, указывая на пустые бочки из-под масла, — Затем вы все притащились сюда и мы вылили воду на вас, вот и все.

— Мы вышли из комнаты? — спросил я.

Бениньо громко засмеялся. Нестор взглянул на Ла Горду, словно спрашивая ее разрешения или совета.

— Нет, — ответил Нестор.

Мне показалось, что Ла Горда жаждала узнать это не меньше меня, и я сильно встревожился. Она даже уговаривала Нестора рассказывать.

— Вы пришли из ниоткуда, — сказал Нестор, — Я должен сказать, что это

выглядело странно. Все вы были похожи на туман. Паблито увидел вас первым. Вы, может быть, были во дворе очень долго, но мы не знали, где искать вас. Затем Паблито завопил и мы увидели вас. Мы никогда не видели ничего подобного.

— На что мы были похожи? — переспросил я.

— Вы были похожи на... — Хенарос взглянули друг на друга. Наступило невыносимое молчание. Сестрички уставились на Нестора, разинув рты.

— Вы были похожи на клочья тумана, зацепившиеся за паутину, — сказал Нестор. — Когда мы вылили на вас воду, вы снова стали твердыми.

Я хотел, чтобы он продолжал рассказывать, но Ла Горда сказала, что осталось слишком мало времени, потому что я должен уехать в конце дня, а у нее есть еще что рассказать мне.

Хенарос встали и пожали руки сестричкам и Ла Горде. Они обняли меня и сказали, что им потребуется всего несколько дней, чтобы подготовиться к отъезду. Паблито положил свой стул в перевернутом виде на спину. Хосефина побежала на площадку возле кухонной плиты, подняла сверток, принесенный ими из дома доньи Соледад, и закрепила его между ножками стула, который оказался идеальным приспособлением для переноски грузов.

— Поскольку ты идешь домой, ты можешь свободно взять это, — сказала она. — Это принадлежит тебе в любом случае.

Паблито пожал плечами и передвинул стул, чтобы уравновесить груз.

Нестор дал сигнал Бениньо взять сверток, но Паблито не позволил ему.

— Все в порядке, — сказал он. Я прекрасно могу быть в роли осла, пока я несу этот проклятый стул.

— Почему ты носишь его, Паблито? — просил я.

— Я должен копить свою силу, — сказал он, — Я не могу везде сидеть на чем попало. Кто знает, какая дрянь сидела там до меня?

Он захохотал и пожал плечами, заставив сверток закачаться.

После ухода Хенарос Ла Горда объяснила мне, что Паблито начал свое выкаблучивание со стулом, чтобы поддразнить Лидию. Он не хотел сидеть там, где сидела она. Но его заносит на поворотах, и так как ему нравится индульгировать, то теперь он везде сидит только на своем стуле.

— Он способен пронести его через всю жизнь, — сказала мне Лидия с большой уверенностью. — Он почти так же плох, как и ты. Он — твой партнер: ты будешь нести свой блокнот через всю жизнь, а он — свой стул. Какая здесь разница? Оба вы индульгируете больше чем любой из нас.

Сестрички окружили меня и засмеялись, хлопая меня по спине.

— Очень трудно войти во второе внимание, — продолжала Ла Горда, — а овладеть им индульгируя, как ты — еще труднее. Нагваль говорил, что ты лучше всех нас должен знать, насколько это трудно. С помощью его растений силы ты научился уходить в тот мир очень далеко. Вот почему сегодня ты тянул нас так сильно, что мы чуть не умерли. Мы хотели собрать наше второе внимание на месте Нагваля, а ты погрузил нас в нечто такое, чего мы не знаем. Мы не готовы для этого, но не готов и ты.

Впрочем, ты ничего не можешь с собой поделать: таким тебя сделали растения силы. Нагваль прав — все мы должны помогать тебе и сдерживать тебя во втором внимании, а ты должен помогать нам подталкивать наше. Твое второе внимание может зайти очень далеко, но бесконтрольно; наше может пройти только маленький кусочек, но над ним мы имеем абсолютный контроль. Ла Горда и сестрички одна за другой рассказали мне, каким пугающим было ощущение потерянности в другом мире.

— Нагваль рассказывал мне, — продолжала Ла Горда, — что когда ты собирал свое второе внимание с помощью его дыма, ты сфокусировал его на комаре, и этот маленький комар стал для тебя стражем другого мира.

Я сказал ей, что это правда. По ее просьбе я описал им переживание, которое дон Хуан дал мне испытать. С помощью его курительной смеси я воспринял комара как ужасное чудовище, высотой в сто футов, двигавшееся с громадной

скоростью и ловкостью. Это создание было невероятно отвратительным, тем не менее в нем было впечатляющее величие.

И этот случай, и ряд других я не мог уложить в свою рациональную схему восприятия мира. Единственной опорой моему интеллекту была глубокая уверенность в способности психотропной смеси вызвать у меня галлюцинации относительно величины комара.

Я представил им, особенно Ла Горде, мое рациональное и причинно обусловленное объяснение того, что произошло тогда.

Они засмеялись.

— Здесь нет места для галлюцинаций, — сказала она. — Если кто-то неожиданна видит что-то такое, чего не было раньше, значит второе внимание человека собралось и фокусируется на этом. Так вот: собирать второе внимание человека может что угодно — это может быть спиртной напиток, наркотики, или сумасшествие, или, наконец, курительная смесь Нагваля.

— Ты увидел комара и он стал для тебя стражем другого мира. Тот другой мир — это мир нашего второго внимания. Нагваль надеялся, что твое второе внимание будет достаточно сильным, чтобы пройти «стража» и войти в другой мир. Но оно не было сильным. Если бы оно было сильным, ты мог бы войти в тот мир и никогда не вернуться. Нагваль сказал мне, что он приготовился следовать за тобой. Он вынужден был заставлять тебя фокусировать твое второе внимание с помощью его растений силы, потому-то ты мог фокусироваться только на устрашающей стороне вещей. Поэтому он и прекратил давать тебе растения силы и заставил тебя делать сновидение, чтобы ты мог собрать свое второе внимание другим способом. Но он был уверен, что твое сновидение также будет устрашающим. С этим он ничего не мог поделать. Ты следовал по его стопам, а у него самого была ужасающая сторона.

Ла Горда вспомнила, что Нагваль однажды показывал мне одно очень специфическое красное насекомое в горах его родины. Она спросила меня, помню ли я это.

Я помнил его. Несколько лет назад дон Хуан взял меня в неизвестную мне местность в горах северной Мексики. С крайней осторожностью он показал мне каких-то красных насекомых размером с божью коровку. Их спинки были глянцево-красными. Я захотел опуститься на землю и рассмотреть их, но он не позволил. Он сказал, что я должен наблюдать их, не устремляя пристального взгляда до тех пор, пока я не запомню их форму. Он добавил, что я обязан помнить их всегда. Затем он объяснил мне некоторые незамысловатые детали их поведения, причем это звучало у него как метафора. Он рассказал мне об условной значительности наших наиболее лелеемых обычаев. В подтверждение он указал на некоторые обычаи этих насекомых и противопоставил их человеческим. Это сравнение высмеивало некоторые наши привычные взгляды.

— Как раз перед тем, как он и Хенаро ушли, — сказала Ла Горда, — Нагваль взял меня с собой на прогулку в то место в горах, где обитают эти жучки. Я уже была там однажды, и другие тоже. Нагваль убедился, что все мы знаем эти маленькие создания, хотя он никогда не позволял нам пристально созерцать их.

— Когда я была вместе с ним, он рассказал мне, что делать с тобой и что я должна сказать тебе. Я уже рассказала тебе почти все из того, что он попросил меня сообщить тебе, кроме этой последней вещи. Ты спрашиваешь у каждого: где Нагваль и Хенаро. Сейчас я расскажу тебе, где они. Нагваль сказал, что ты поймешь это лучше, чем любой из нас. Никто из нас никогда не видел «стража». Никто из нас никогда не был в том зеленоватом мире, где он обитает. Ты единственный среди нас, кто испытал все это. Так вот, Нагваль сказал что он последовал за тобой в тот мир, когда ты сфокусировал свое внимание на страже. Он намеревался уйти туда вместе с тобой, может быть, навсегда, если бы ты был достаточно силен, чтобы пройти. Именно так он впервые узнал о мире тех маленьких красных букашек. Он сказал, что их мир был самой прекрасной и совершенной вещью, какую только можно вообразить. Поэтому, когда пришло время ему и Хенаро покинуть этот мир, они собрали все свое второе внимание и сфокусировали его на том мире. Затем Нагваль открыл трещину, как ты сам свидетельствовал, и они проскользнули через нее в тот мир, чтобы мы присоединились к ним когда-нибудь. Нагваль и Хенаро любили красоту. Они пошли туда исключительно ради своего наслаждения красотой.

Она взглянула на меня. Мне нечего было сказать. Она была права, говоря, что сила должна назначить точное время для откровений, чтобы они стали эффективными. Я ощущал муку, которую не мог выразить. Мне хотелось плакать, хотя я не испытывал ни печали, ни тоски. Я страстно желал чего-то невыразимого, но эта страсть не была моей. Подобно многим ощущениям и чувствованиям, которые были у меня с момента приезда, она была чужда мне.

Мне пришли в голову утверждения Нестора об Элихио. Я пересказал Ла Горде то, что он говорил. Она попросила меня изложить им видения моего путешествия между тоналем и нагвалем, вызванные моим прыжком в пропасть. Когда я закончил, все они казались испуганными. Ла Горда немедленно отметила мое видение купола.

— Нагваль сказал нам, что наше второе внимание когда-нибудь сфокусируется на этом куполе, — сказала она. — В тот день мы будем целиком вторым вниманием, точно так же, как Нагваль и Хенаро, и в тот день мы присоединимся к ним.

— Ты имеешь в виду, Горда, что мы пойдем такими, каковы мы есть? — спросил я.

— Да, мы пойдем такими, каковы мы есть. Тело — это первое внимание, внимание тоналя. Когда оно становится вторым вниманием, оно просто входит в другой мир. Прыжок в пропасть на некоторое время собрал все твое второе внимание. Но Элихио был сильнее и его второе внимание было зафиксировано этим прыжком. Вот что случилось с ним, а он был в точности такой же, как и все мы. Однако нет способа говорить о том, где он находится. Даже сам Нагваль не знал. Но если он где-то и находится, то он в том куполе. Или переходит от одного видения к другому, может быть, на протяжении целой вечности.

Ла Горда сказала, что в своем путешествии между тоналем и нагвалем я подтвердил возможность того, что все наше существо становится целиком вторым вниманием в большом масштабе. В значительно меньших масштабах это происходило когда я сегодня довел их до затерянности в мире второго внимания, а также когда она транспортировала нас на полмили, чтобы удрать от союзников. Она добавила, что Нагваль оставил нам в качестве вызова проблему: способны ли мы развить свою волю или силу своего второго

внимания, чтобы без ограничений фокусироваться на чем угодно.

Мы некоторое время молчали. Кажется, мне было пора уезжать, но я никак не мог двинуться. Мысль о судьбе Элихио парализовала меня. Очутился ли он в куполе нашей встречи или задержался в необъятности — образ его путешествия был сводящим с ума. Мне не составляло никакого труда представить это, потому что у меня был опыт моего собственного путешествия.

Другой мир, на который дон Хуан ссылался практически с момента нашей встречи, всегда был для меня метафорой, смутным способом наклеить ярлык на некоторые перцептуальные искажения или, в лучшем случае, — способом говорить о неопределимых состояниях существования.

Хотя дон Хуан и научил меня воспринимать неописуемые черты мира, я не мог рассматривать мои переживания как нечто, стоящее по ту сторону игры моего восприятия, своего рода управляемого миража, который он ухитрился заставить меня испытать или посредством психотропных растений, или путем средств, которые я не мог рационально проследить. Каждый раз, когда это случалось, я заслонялся, как щитом мыслью, что единство «меня», которого я знал, было лишь временно вытеснено. Когда это единство восстанавливалось, мир неизбежно снова становился убежищем для моего рационального «я». Замысел, который Ла Горда открыла своими откровениями, был ужасающим.

Она встала, стащила меня со скамейки и сказала, что я должен уехать до наступления сумерек. Все они прошли вместе со мной к моей машине и мы попрощались.

Ла Горда дала мне последнее указание. Она сказала, что когда я вернусь, я должен ехать прямо к дому Хенаро.

— Мы не хотим тебя видеть, пока ты не будешь знать, что делать, — сказала она с лучезарной улыбкой. Но не задерживайся слишком долго.

Сестрички кивнули.

— Эти горы вряд ли позволят нам надолго остаться здесь, — сказала она и легким движением подбородка указала на зловещие обветренные холмы по ту

сторону долины.

Я задал ей еще один вопрос. Я хотел знать, знает ли она, куда Нагваль и Хенаро пойдут после того, как состоится наша встреча. Посмотрев на небо, она подняла руки и сделала ими неописуемый жест, чтобы показать, что этой безбрежности нет предела.

кн.6 (1981) «ДАР ОРЛА»

Неназванный перевод под общей редакцией И.Л.Старых

Пролог

Я антрополог, но эта книга не является научной в строгом смысле этого слова, хотя вдохновила ее антропология — ведь именно в этой области много лет назад я начинал свои полевые исследования. Тогда меня интересовало

применение лекарственных растений индейцами Юго-западной и Северной Мексики.

По мере того, как я глубже понимал проблему, исследование лекарственных растений уступало место интересу к системе верований, пограничной по крайней мере для двух культур.

Такое смещение акцентов произошло благодаря индейцу из племени яки (Северная Мексика) по имени дон Хуан Матус, который позднее познакомил меня с доном Хенаро Флоресом, индейцем из племени масатек (Центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии, фактически же оно является традицией практиков, исключительно владеющих собой, и состоит из чрезвычайно сложных методов.

Эти два человека стали моими учителями, а не просто информаторами, хотя я еще долго упорствовал, без всяких на то оснований, считая своей главной задачей антропологические исследования. Я потратил годы, пытаясь разгадать культурную матрицу этой системы верований, причины ее происхождения и распространения, совершенствуя таксономию и классификационные схемы. И все впустую, если принять во внимание, что в конечном итоге непреодолимые силы, заложенные в самой этой системе, направили мой интерес в иное русло и превратили меня из отстраненного наблюдателя в непосредственного участника событий.

Под влиянием этих людей, как бы излучавших древнюю магическую силу, моя работа начала носить автобиографический характер, в том смысле, что я был вынужден писать о происходящем непосредственно со мной. Автобиография эта весьма своеобразна, поскольку я не веду речь, подобно всякому нормальному человеку, о повседневных событиях моей жизни или о своих субъективных состояниях, вызванных этими событиями. Я пишу скорее о тех метаморфозах моей жизни, которые были непосредственным результатом принятия мной чуждой мне системы идей и действий. Иными словами, система верований, которую я намеревался беспристрастно изучать, поглотила меня, и, чтобы продолжать свои исследования, мне пришлось ежедневно расплачиваться собственной жизнью.

Таким образом, передо мной встала особая проблема — объяснить, чем же я,

собственно, занимаюсь. Я очень далеко отошел от того, с чего начинал как антрополог или просто как западный человек, — но должен подчеркнуть еще раз, что все это не плод фантазии. То, что я описываю, для нас совершенно необычно и потому кажется нереальным.

По мере того, как я все дальше проникаю в запутанные лабиринты магии, то, что раньше представлялось примитивной системой верований и ритуалов, оказывается теперь огромным и сложным миром. То, что со мной происходит, не является больше чем-то таким, что известно антропологам о системах верований мексиканских индейцев. В результате я оказался в весьма затруднительном положении. Все, что мне остается делать при подобных обстоятельствах, так это представить все так, как оно происходило на самом деле. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни, и что в своем повседневном существовании следую принципам системы дона Хуана.

После того, как дон Хуан и дон Хенаро, два мага из мексиканских индейцев, сообщили мне то, что сочли нужным или возможным, они простились со мной и исчезли. Я понял, что отныне моя задача — самостоятельно осмыслить и реализовать все, что я от них получил.

В связи с этим я вернулся в Мексику и обнаружил, что у дона Хуана и дона Хенаро было еще девять учеников магии: пятеро женщин и четверо мужчин. Старшую женщину звали Соледад, более молодую — Мария Елена по прозвищу ла Горда, остальные, Лидия, Роза и Хосефина, были совсем юными и их называли «сестричками». Четверых мужчин звали, по старшинству, Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито; трех последних называли «Хенарос», поскольку они были учениками дона Хенаро.

Я уже знал, что Нестор, Паблито и Элихио, которого уже не было, — ученики магов, но мне казалось, что четверо девушек — дочери Соледад и, стало быть, сестры Паблито. С Соледад я был знаком не первый год и обращался к ней уважительно — донья Соледад, поскольку она была по возрасту ближе к дону Хуану. Лидию и Розу я тоже знал, но наши встречи были слишком непродолжительны и случайны, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Хосефину и Ла Горду я знал только по именам. Встречался я и с Бениньо, но не подозревал, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, так или иначе ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что я должен занять место дона Хуана как их лидер, их Нагваль, потому что дон Хуан и дон Хенаро покинули нас, и Элихио тоже. И женщины, и мужчины были убеждены, что все трое не умерли, а перешли в иной, отличный от нашей повседневной жизни, однако столь же реальный мир.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной со времени нашей первой встречи. Тем не менее эти стычки активизировали мою энергию. Общение с ними внесло в мою жизнь мистическое брожение, в моем мышлении стали происходить разительные перемены, однако не на сознательном уровне, — впервые посетив их, я испытал ни с чем не сравнимое смятение, более сильное, чем когда бы то ни было ранее, хотя под всем этим хаосом я неожиданно обнаружил удивительно прочное основание. В столкновениях с ними я открыл в себе такие ресурсы, о которых даже не подозревал.

Ла Горда и сестрички были совершенными сновидящими; они добровольно дали мне указания и продемонстрировали мне свои достижения. Дон Хуан описывал искусство сновидения как способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли вторым вниманием.

Я ожидал, что трое Хенарос обучат меня тому, чего они достигли в другой области учения дона Хуана и дона Хенаро, — «искусству сталкинга». Я понимал это искусство как совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации. Но что бы мне ни рассказывали трое Хенарос об искусстве сталкинга, все это не имело для меня ни того смысла, ни той силы, каких я ожидал. Возможно, они сами не владели этим искусством, а может, просто не захотели мне его передать.

Я прекратил расспросы, чтобы каждый мог чувствовать себя со мной раскованно, но все выжидали и уповали на то, что раз уж я больше не задаю вопросов, значит я наконец-то веду себя как Нагваль. Каждый из них требовал от меня советов и руководства.

Чтобы соответствовать их требованиям, я был вынужден был сделать полный обзор всего, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро, и еще глубже проникнуть в искусство магии.

Часть первая. Другое «Я»

Глава 1. Фиксация второго внимания

Туда, где жили ла Горда и сестрички, я добрался к полудню. Ла Горда была одна, она сидела у двери снаружи и смотрела на далекие горы. Она пояснила, что погрузилась в воспоминания, и как раз в данный момент находилась на грани того, чтобы вспомнить нечто, смутно связанное со мной.

Вечером того же дня после ужина ла Горда, три сестрички и трое Хенарос вместе со мной сидели на полу в комнате ла Горды. Женщины сидели рядом. По какой-то причине я выделил ла Горду как главный объект моего интереса, хотя я знал их одинаковое время. Другие как бы и не существовали для меня. Причиной этого, вероятно, было то, что ла Горда напоминала мне дона Хуана. В ней ощущалась какая-то легкость, хотя эта легкость никак не проявлялась в ее манере поведения, а существовала только в моем восприятии ее.

Все они захотели узнать, что я делал и чем занимался. Я рассказал им, что ездил в Тулу, или Толлан (столицу древних толтеков) в провинции Идальго, чтобы посмотреть развалины древних сооружений. Самое большое впечатление на меня произвел ансамбль из четырех колоссальных каменных фигур, так называемых «атлантов», которые стоят на плоской вершине пирамиды. Эти фигуры были изготовлены из цельных глыб базальта и вырезаны, по мнению археологов, в виде толтекских воинов, облаченных в доспехи. В шести метрах позади каждой из этих фигур на вершине пирамиды

находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн такой же высоты и ширины и также изготовленных из цельных каменных глыб.

Благоговейный страх, внушаемый фигурами этих «атлантов», лишь усилился после рассказа о них одного из моих друзей, который водил меня по этим местам. По его словам, сторож полуразрушенной пирамиды признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам, сотрясая землю.

Я спросил у Хенарос, что они думают об этом. Они застенчиво посмеивались. Я обратился к ла Горде, сидевшей рядом со мной, и прямо попросил ее высказать свое мнение.

— Я никогда не видела этих фигур, — сказала она, — и вообще никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда приводит меня в ужас.

— Почему это тебя так пугает? — спросил я.

— Что-то случилось со мной в развалинах Монте Альбан в Оахаке, — сказала она. — Я обычно бродила по развалинам даже после того, как Нагваль запретил мне и ногой туда ступать. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оахаке, я отправлялась туда. Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, то я обычно шла туда вместе с Паблито, он очень смелый.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он заметил, что на земле что-то поблескивает. Поковырявшись в земле, мы выкопали странный камень, который как бы вливался в мою ладонь. В центре камня было аккуратно просверлено отверстие. Я хотела просунуть в него палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладкий и сильно согревал мою руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, словно это была какая-то живая зверюшка.

Все расхохотались. В том, что рассказывала ла Горда, казалось, была скрыта какая-то шутка.

— Ну и что вы с ним сделали? — спросил я.

— Мы принесли его сюда, в этот дом, — ответила она, и это заявление

вызвало у остальных неудержимый смех. Они буквально задыхались от хохота.

— Мы смеемся над ла Гордой, — сказал Нестор. — Ты должен знать, что она упряма, как никто другой. Нагваль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые она может найти в земле, но за его спиной она подбирала всякую ерунду. Тогда в Оахаке она настояла на том, чтобы взять с собой эту богом проклятую вещь. Мы сели в автобус и привезли камень прямо в эту комнату.

— Нагваль и Хенаро отправились в какую-то поездку, — сказала ла Горда, — я набралась храбрости и просунула палец в отверстие.

Мне сразу же передались чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был камень силы. Мое настроение изменилось. Я стала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то, не имеющее ни формы, ни окраски. Я не могла оставаться одна. Я просыпалась от собственного крика, и уже через пару дней совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию и днем, и ночью.

— Когда вернулись Нагваль и Хенаро, — сказал Нестор, — то Нагваль отправил меня и Хенаро положить камень туда же, откуда мы его выкопали. Хенаро понадобилось три дня, чтобы разыскать точное место. И он его нашел.

— Что с тобой случилось потом, ла Горда?

— Нагваль похоронил меня, — сказала она. — Девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал взрыв всеобщего хохота.

— Нагваль сказал, что ей нельзя выходить оттуда, — объяснил Нестор. — Бедной ла Горде пришлось делать все в свой гроб. Нагваль замуровал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

— Почему он похоронил ее? — спросил я.

— Это был единственный способ поместить ее под защиту, — сказал Нестор. — Она должна была находиться под землей, чтобы земля исцелила ее — нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же Нагваль должен был снять ощущение того камня, который был сфокусирован на ла Горде. Земля — это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагваль знал, что ей не станет хуже от того, что она на девять дней будет похоронена. Ей могло стать только лучше, что и случилось.

— Ла Горда, что это за чувство — быть похороненной? — спросил я.

— Я чуть не сошла с ума, — сказала она, — но это было просто индульгированием. Если бы Нагваль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень крупным мужчиной. Можно сказать, что его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов кто-то убил его. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то находит на меня, чтобы пожрать мою плоть. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был человеком силы, но кто-то еще более сильный одолел его.

Нагваль говорил, что если иметь предмет такого рода, то он принесет несчастье, потому что его сила входит в столкновение с другими предметами такого же рода, и владелец становится или преследователем, или жертвой. Нагваль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, так как та часть нашего внимания, которая фокусируется на них, чтобы придать им силу, является очень опасной и воинственной.

— Ла Горда очень жадная, — сказал Паблито. — Она рассчитывала, что если найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то станет победительницей, так как в наше время уже никто не заинтересован в накоплении силы.

Ла Горда утвердительно кивнула.

— Я не знала, что можно подцепить что-либо еще кроме той силы, которую имеют такие предметы, — сказала она. — Когда я впервые просунула палец в отверстие и зажала камень в ладони, рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя действительно большой и сильной. Я

скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу камень в руке. После того, как я держала его несколько дней, начался настоящий ужас. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и ощущала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Мне стало действительно страшно. Мне следовало немедленно бросить камень, но переживаемое мною чувство было настолько новым, что я вцепилась в него как последняя дура, а когда, наконец, бросила его, было уже поздно. Что-то во мне попалось на крючок. Я стала видеть людей, подступающих ко мне, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они раздирают меня на части, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

— Как эти видения объяснил дон Хуан? — спросил я.

— Он сказал, что она больше не имела защиты, — ответил Нестор, — и поэтому могла воспринимать фиксацию этого человека, его второе внимание, которое было влито в этот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень для того, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагваль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в его камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили его силу, съев его тело. Те, кто убивал его, знали об этом, вот почему они пожирали его живьем, чтобы получить ту силу, которая все еще оставалась в нем. Ну, а ла Горда и я, как два идиота, нашли этот камень и выкопали его.

Ла Горда кивнула с очень серьезным выражением лица.

— Нагваль сказал мне, что второе внимание — самая свирепая вещь на свете, — сказала она. — Если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть хуже.

— Ужаснее всего здесь то, что мы цепляемся, — сказал Нестор. — Тот человек, который владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу, вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как съедают его плоть. Нагваль говорил, что если бы он отказался от своего чувства обладания, то в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил остальных, имеют ли они еще какие-нибудь мнения. Сестрички с удивлением посмотрели на меня. Бениньо хихикнул и прикрыл

лицо шляпой.

— Мы с Паблито были в окрестностях Тулы, — сказал он наконец. — Мы облазили все пирамиды, какие только есть в Мексике. Они нам нравятся.

— Почему именно все пирамиды? — спросил я. — Зачем они вам понадобились?

— Да кто его знает, — ответил он. — Наверное потому, что Нагваль запретил нам это делать.

— А ты, Паблито? — спросил я.

— Я ездил туда учиться, — сказал он вызывающе и засмеялся.

— Я жил когда-то неподалеку от Тулы и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагваль говорил, что он тоже жил там раньше. Он знал о пирамидах все, он сам был из народа толтеков.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало нечто большее, чем простое любопытство. Приглашение друга я принял главным образом потому, что во время моего первого приезда к ла Горде и остальным узнал о доне Хуане нечто такое, чего сам он мне никогда не говорил мне, — что он считал себя потомком толтеков. В древности Тула была центром империи толтеков.

— А что ты думаешь об атлантах, разгуливающих по ночам? — спросил я у Паблито.

— Конечно, по ночам они ходят, — сказал он. — Эти штуковины стоят там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды. Нагваль говорил, что испанцы были не первыми, кто их обнаружил. До них были другие. Бог знает, сколько их было.

— Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? — спросил я.

— Это не мужчины, а женщины, — ответил он. — Пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют четыре ее угла, это четыре

ветра, четыре направления. Они — фундамент и основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами, если хочешь. Как ты сам знаешь, мы, мужчины, не так уж горячи. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но не больше. Нагваль говорил, что загадка пирамиды в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида — мужчина, поддерживаемый своими четырьмя женщинами-воинами. Мужчина, который поднял тех, кто его поддерживает, до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть, на моем лице отразилось замешательство. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

— Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, — сказал я. — Но это наверное потому, что дон Хуан никогда не говорил мне о чем-либо подобном. Пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь.

— Атланты — это нагваль. Они сновидящие. Они представляют собой порядок второго внимания, выведенного вперед. Поэтому они такие пугающие и загадочные. Они — существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн — прямоугольных — представляют собой порядок первого внимания — тональ. Они сталкеры. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от фигур первого ряда.

Паблито замолчал и взглянул на меня почти отчужденно, а затем расплылся в улыбке.

Я думал, он объяснит то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности. Он пристально взглянул на меня и глубоко вздохнул. Он начал говорить снова, но голоса остальных заглушили его шумом протеста.

— Нагваль все это нам уже объяснял, — нетерпеливо сказала ла Горда. — Зачем заставлять его повторять это?

Я попытался объяснить им, что на самом деле не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал, чтобы он продолжал. Опять возникла волна

голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как смотрели на меня сестрички, они сильно сердились, особенно Лидия.

— Мы не можем говорить об этих женщинах, — сказала мне ла Горда. Она была предельно сдержанной. — Одна мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

— Да что с вами творится? — спросил я. — Почему вы так себя ведете?

— Мы не знаем, — ответила ла Горда. — Это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно, пока полчаса назад ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление ла Горды послужило как бы сигналом тревоги. Все вскочили и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос. Мне понадобилось много времени, чтобы их успокоить и усадить. Сестрички были очень взволнованы, и их состояние, казалось, передалось ла Горде. Мужчины вели себя более сдержанно. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины пришли в такое возбуждение. Может быть, я невольно сделал что-то такое, что вывело их из равновесия.

— Я в самом деле ничего не понимаю, — сказал он. — Да и никто здесь, я уверен, не понимает, что с ним творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и расстроенными.

— Потому что мы заговорили о пирамидах?

— Видимо, да, — сказал он. — Я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

— Да конечно же ты знал, тупица, — бросила Лидия.

Нестор, казалось, был разъярен ее выходкой, но тут же расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

— Может, и знал, — сдался он. — Мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто больше ничего не знает наверняка. С тех пор, как ты вошел в нашу жизнь, мы больше не знаем самих себя.

Атмосфера накалилась. Я настаивал на том, что единственным способом разрядить ее может быть разговор об этих загадочных колоннах пирамид. Женщины горячо протестовали. Мужчины помалкивали. У меня было ощущение, что они сочувствуют женщинам, но втайне не прочь, как и я, обсудить этот вопрос.

— Говорил ли дон Хуан что-нибудь о пирамидах, Паблито? — спросил я, желая увести разговор от болезненной темы, но не слишком далеко от атлантов.

— Он сказал, что там, в Туле, есть одна особая пирамида, она является гидом, — охотно ответил Паблито.

По его тону похоже было, что ему действительно хочется поговорить об этом, а то, с каким вниманием нас слушали другие, говорило о том же.

— Нагваль сказал, что эта пирамида — гид ко второму вниманию, — продолжал Паблито, — но ее разграбили, и все там было уничтожено Он сказал мне, что некоторые пирамиды были гигантским «неделанием». Они были не жилищами, а местом, где воины практиковались в сновидении и втором внимании. Все, что они делали, было запечатлено в рисунках и надписях на стенах.

Затем, вероятно, пришли воины другого рода, которым не понравилось то, что делали маги пирамиды со своим вторым вниманием, и они разрушили пирамиду и все связанное с ней.

Нагваль считал, что новые воины, должно быть, были воинами третьего внимания — воинами, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации второго внимания. Маги пирамиды были слишком увлечены своей фиксацией, чтобы вовремя понять, что происходит. Когда до них дошло, было уже слишком поздно.

Все в комнате, и я в том числе, слушали Паблито как загипнотизированные. То, что он говорил, перекликалось с тем, что я слышал раньше от дона Хуана.

По словам дона Хуана, мы состоим как бы из двух сегментов. Первый — это наше знакомое физическое тело, которое мы можем ощущать

непосредственно. Второй — светящееся тело, придающее нам вид огромного светящегося яйца, которое может быть замечено только видящими. Он говорил также, что одной из самых важных задач магии является достижение светящейся оболочки. Это цель, которая достигается путем сложной системы сновидения и жесткой систематической практики неделания. «Неделание» он определил как некое непривычное действие, вовлекающее все наше существо и заставляющее его осознавать свою светящуюся часть.

Поясняя эту идею, дон Хуан изобразил наше сознание разделенным на три неравных части. Самую маленькую часть он назвал первым вниманием и сказал, что это именно то внимание, которое развито в каждом человеке для жизни в повседневном мире; оно охватывает сознание физического тела. Другую, более крупную часть он назвал вторым вниманием и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать нашу светящуюся оболочку и действовать как светящееся существо. Он сказал, что второе внимание в течение всей нашей жизни пребывает на заднем плане, если только оно не выводится вперед благодаря специальной практике или случайной травме, и что оно охватывает осознание светящегося тела. Последнюю, самую большую часть он назвал третьим вниманием. Это то неизмеримое осознание, которое включает в себя неопределимые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам третье внимание. Он ответил, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдет в него полностью, я тотчас узнаю об этом, потому что все в нем мгновенно станет тем, чем оно и является в действительности — взрывом, вспышкой энергии. Он добавил, что второе внимание является чем-то вроде полигона для достижения третьего внимания. Это состояние очень трудно достижимо, но крайне плодотворно.

— Пирамиды вредны, — продолжал Паблито. — Особенно для незащищенных воинов вроде нас. Еще вреднее они для бесформенных воинов, подобных ла Горде. Нагваль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация второго внимания. Когда воины приобретают способность фокусироваться на слабой стороне второго внимания, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся именно такой жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагваль называл их ловушками второго

внимания.

— Он не говорил, что при этом происходит? — спросила ла Горда.

— Нагваль сказал, что мы, пожалуй, сможем выдержать одну поездку на пирамиды, — объяснил Паблито. — При втором посещении мы начнем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который оглушит и утомит нас. Это утомление очень скоро превратится в невезение. Через непродолжительное время мы станем носителями злого рока, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагваль фактически сказал, что все наши неудачи вызваны нашими своевольными посещениями этих развалин, вопреки его рекомендациям.

Элихио, например, всегда слушался Нагваля, и его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал в свое время и этот наш Нагваль. Им всегда везло, тогда как остальные не могли избавиться от своего злого рока, особенно ла Горда и я. Разве нас не кусали всегда одна и те же собаки? И разве не одни и те же потолочные балки на кухне дважды не загорались и не падали на нас?

— Нагваль никогда мне этого не объяснял, — сказала ла Горда.

— Да объяснял же, конечно, — настаивал Паблито.

— В этих проклятых местах ноги бы моей не было, если бы я знала, насколько это опасно, — запротестовала ла Горда.

— Нагваль говорил каждому из нас одни и те же вещи, — сказал Нестор. — Беда в том, что каждый из нас был невнимателен или же воспринимал его слова по-своему и слышал только то, что хотел услышать.

— Нагваль сказал, что фиксация на втором внимании двулика. Первое, самое простое лицо — злое. Так происходит, когда видящие используют искусство сновидения, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах, подобных деньгам и власти над миром. Второе лицо — крайне трудно достижимо. Оно возникает, когда воин фокусирует свое второе внимание на предметах, которых нет в этом мире, подобных путешествию в неизвестное. Чтобы достичь этого лица, воинам требуется предельная безупречность.

Я сказал им, что уверен, что дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие — другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда-либо упоминал при мне о злом лице второго внимания.

Затем я рассказал им все, что помнил из рассказов дона Хуана о фиксации второго внимания. Он подчеркивал, что все археологические развалины в Мексике, особенно пирамиды, были вредны для современного человека. Он описал пирамиды как выражение чуждых нам мыслей и действий. Он сказал, что каждая деталь и каждый рисунок в них были рассчитанным усилием выразить такие аспекты внимания, которые для нас абсолютно чужды. Для дона Хуана это были не просто руины древних культур — они несли в себе опасность. Все, что там было объектом беспокоящего притяжения, обладало вредным потенциалом.

Однажды мы обсуждали это подробнее. Это было вызвано его реакцией на мою озабоченность относительно того, где мне хранить свои записи. Я относился к ним с сильным чувством собственности и был обеспокоен их безопасностью.

— Как мне быть? — спросил я его.

— Хенаро уже предлагал тебе решение, — ответил он. — Ты думал, что он, как всегда, шутит. Хенаро никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком собственного пальца. Ты не понял его, поскольку тебе и в голову не пришло, что это — неделание во время записывания.

Я не соглашался, все же считая совет Хенаро просто шуткой. Я воображал себя ученым-социологом, которому необходимо записать все, что говорится и происходит, чтобы вывести окончательное заключение. Для дона Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, вовсе не обязательно делать записи. Лично я решения не видел. Предложение дона Хенаро казалось мне забавной, но никак не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что обычное записывание является способом вовлечения в задачу запоминания первого внимания. Рекомендация дона Хенаро не была шуткой, так как вождение по

бумаге кончиком пальца, являясь неделанием при записывании, заставило бы сфокусироваться на запоминании мое второе внимание, и тогда мне не пришлось бы накапливать горы листов бумаги. Дон Хуан считал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, этого никто никогда не делал, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время «записывать» подобным образом. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но и успокаивало меня. Это была моя привычная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и уравновешенности.

— Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, — объяснил дон Хуан, — ты фиксируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону. Чем сильнее мы становимся, тем губительнее становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, а фокусироваться на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоем случае такой щит — это твои записи. Они не дают тебе жить спокойно.

Я чувствовал, что нет на земле ничего, что могло бы разлучить меня с моими мыслями и с моими записями. Тогда дон Хуан избрал для меня задачу в русле «правильного неделания» Он сказал, что для того, кто, подобно мне, охвачен таким чувством собственности, подходящим способом освободиться от своих записей было написать книгу, сделав их всеобщим достоянием. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать пальцем.

— Твое стремление обладать и цепляться за вещи не уникально, — сказал он. — Каждый, кто хочет следовать путем воина и мага, должен освободиться от этой фиксации. Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою магию. Это порождало вопрос, чей предмет более сильный и чей самый сильный из всех. Остатки таких предметов все еще имеются в мире — обломки этой гонки за силой. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили все эти предметы. Люди, бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них все свое внимание. Ты пока что просто начал вливать свои мелочные заботы в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней внимания. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще

тащишь на спине тюк с записями. К тому времени твои записи станут живыми, особенно если ты не научишься писать кончиком пальца, и ты все еще будешь вынужден накапливать листы бумаги. В таком случае меня не удивит, если кто-нибудь повстречает твои тюки, идущие сами по себе.

— Теперь понятно, почему Нагваль не хотел, чтобы мы чем-нибудь увлекались, — сказал Нестор, когда я закончил свой рассказ. — Мы все сновидящие. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое тело сновидения на слабой стороне второго внимания. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставлял меня освободиться от всего, что я имел. Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Паблито и Бениньо от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. По сравнению с ними я был богачом. В то время у меня и мысли не было, что он защищает мое тело сновидения.

Дон Хуан определял искусство сновидения по-разному. Наиболее туманное из этих описаний, как мне теперь кажется, является наиболее удачным. Он сказал, что искусство сновидения — это, по сути, неделание сна. Оно дает возможность практикующим его использовать ту часть жизни, которую они обычно проводят в хаосе. Сновидящие как бы не спят вообще, но без всяких болезненных последствий. Это не значит, что у сновидящих вообще отсутствует сон, просто эффект сновидения продлевает состояние бодрствования за счет использования некоего вспомогательного тела — тела сновидения.

Дон Хуан объяснил мне, что тело сновидения — это нечто такое, что иногда называют «дубль», а иногда — «другой», потому что это точная копия тела сновидящего. В сущности, это энергия светящегося существа, белесая, призракоподобная эманация, которая посредством фиксации второго внимания проецируется в трехмерное изображение тела. Дон Хуан объяснил, что тело сновидения — это не привидение, оно настолько же реально, насколько реально все, с чем мы сталкиваемся в повседневном мире.

Он сказал, что второе внимание неизбежно стягивается фокусом на энергетическом поле нашего существа и трансформирует эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое — это, конечно, изображение нашего физического тела, которое мы хорошо знаем по опыту использования первого внимания. То, что маги называют волей, как раз и является проводником

нашей энергии для создания чего бы то ни было в пределах возможного. Невозможно определить, где находятся эти пределы, но на уровне светящихся существ их диапазон настолько велик, что напрасно и пытаться установить их; поэтому можно сказать, что воля способна преобразовать энергию светящегося существа во что угодно.

— Нагваль говорил, что тело сновидения во все вовлекается и цепляется за все, что ему попадается, — сказал Бениньо. — Оно как бы ничего не соображает. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, так как у мужчин тело сновидения больше стремится к обладанию.

Сестрички дружно закивали в знак согласия. Ла Горда взглянула на меня и улыбнулась.

— Нагваль рассказывал мне, что ты из породы собственников, — сказала она. — Хенаро говорил, что ты даже со своим дерьмом прощаешься, прежде чем спустить его в унитаз.

Сестрички покатились со смеху. Хенарос сделали явное усилие, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, хлопнул меня по колену.

— Нагваль и Хенаро рассказывали о тебе потрясающие истории, — сказал он. — Они годами развлекали нас рассказами о том, с каким необыкновенным человеком знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал волну раздражения. Получалось, что дон Хуан и дон Хенаро предали меня, смеясь надо мной в присутствии учеников. Мне стало жаль себя. Возмущенный, я громко сказал, что они были предубеждены, заведомо считая меня недотепой.

— Это неверно, — сказал Бениньо, — мы очень рады, что ты с нами.

— Разве? — бросила Лидия.

Между ними вспыхнул горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Ла Горда держалась особняком. Она молча сидела радом со мной, тогда как остальные вскочили и начали кричать друг на друга.

— Мы переживаем трудное время, — тихо сказала мне ла Горда. — Мы уже очень много занимались сновидениями, но для того, что нам нужно, этого крайне мало.

— Что же вам нужно, ла Горда? — спросил я.

— Мы не знаем, — сказала она. — Мы надеялись, что ты нам скажешь это.

Сестрички и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит ла Горда.

— Нам нужен лидер, — продолжала она. — Ты Нагваль, но ты не лидер.

— Чтобы стать настоящим Нагвалем, нужно время, — сказал Паблито — Нагваль Хуан Матус говорил мне, что сам он был в молодости изрядным тупицей, пока не получил как следует по голове.

— Я этому не верю, — закричала Лидия. — Мне он никогда этого не говорил.

— Он говорил, что был очень большим растяпой, — добавила ла Горда вполголоса.

— Нагваль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, — сказал Паблито. — Его бенефактор тоже говорил ему, чтобы он не совался к пирамидам, но из-за этого он чуть ли не жил там, пока его не выгнала оттуда орда призраков.

Очевидно, никто из присутствующих не знал этой истории. Все встрепенулись.

— Я совсем забыл об этом, — пояснил Паблито. — Я только что это вспомнил. Это получилось так же, как с ла Гордой. Однажды, когда Нагваль наконец сделался бесформенным воином, злые фиксации тех воинов, запечатленные в пирамидах, набросились на него. Они добрались до него в тот момент, когда он работал в поле. Он рассказывал, что увидел руку, высовывавшуюся из свежей борозды. Рука схватила его за штанину. Он подумал, что это, видимо, кто-то из работавших с ним людей, — что его случайно засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу: в нем был погребен человек. Нагваль сказал, что этот человек был очень

худым, темным и безволосым. Нагваль попытался быстро починить земляной гроб, поскольку не хотел, чтобы его видели рабочие, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав гроб против его воли. Он так сосредоточенно работал, что не заметил, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени земляной гроб развалился, и темный человек зашевелился на поверхности, совершенно голый. Нагваль попытался помочь ему подняться и попросил людей подать ему руку. Они засмеялись, решив, что у него началась белая горячка, так как в поле не было ни человека, ни земляного гроба — вообще ничего подобного.

Нагваль говорил, что он был потрясен, но не посмел сказать об этом своему бенефактору. Это, впрочем, уже не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. В дверь постучали, он пошел открывать, и в дом ворвалась орда голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он увидел призраков и уволок Нагваля в безопасное место в глубокую яму за домом, которую он всегда держал наготове. Там он захоронил Нагваля, а призраки сидели вокруг на корточках, поджидая удобного случая. Нагваль рассказывал, что он был тогда так напуган, что даже после того, как призраки окончательно скрылись, он еще долгое время добровольно отправлялся спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, готовы были разойтись. Они нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от долгого сидения.

Тогда я рассказал им, что был очень обеспокоен, когда услышал, что атланты ходят по ночам среди пирамид Тулы. Я недооценивал глубину собственного восприятия того, чему учили меня дон Хуан и дон Хенаро. Умом я ясно понимал, что возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур не достойна какого-нибудь серьезного обсуждения, так что моя реакция была для меня полным сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что идея хождения атлантов по ночам была ясным примером фиксации второго внимания. К такому заключению я пришел на основе следующего: во-первых, мы не являемся тем, чем заставляет нас считать себя наш здравый смысл. В действительности мы — светящиеся существа, способные осознать свою светимость. Во-вторых, как светящиеся существа, осознавшие свою светимость, мы способны раскрыть различные

стороны своего осознания, или нашего внимания, как это называл дон Хуан. В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто или за счет сознательных и намеренных усилий, которые предпринимаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной травмы. В-четвертых, было время, когда маги намеренно направляли различные стороны своего внимания на материальные предметы. В-пятых, атланты, судя по производимому ими впечатлению, были объектами фиксации многих магов прошлого.

Я сказал, что сторож, сообщивший о прогулках атлантов моему другу, несомненно, приоткрыл другую сторону своего внимания. Мне не кажется таким уж невероятным, что он мог неосознанно, хотя бы на мгновение, воспринять и визуализировать проекции второго внимания древних магов.

Если эти маги принадлежали к той же традиции, что и дон Хуан с доном Хенаро, то они должны были быть безупречными практиками, и в этом случае при помощи фиксации своего второго внимания они могли сделать что угодно. И если они пожелали, чтобы атланты ходили по ночам, то атланты будут ходить по ночам.

По мере того, как я говорил, сестрички все больше нервничали и сердились. Когда я замолчал. Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и ушли, даже не попрощавшись. Мужчины последовали за ними, но в дверях остановились и по очереди попрощались со мной за руку.

— С этими женщинами явно что-то неладно, — сказал я.

— Просто они устали от разговоров, — сказала ла Горда. — Они ждут от тебя действий.

— Почему же тогда Хенарос не устали от разговоров?

— Они глупее женщин, — ответила она сухо.

— А ты, Горда? — спросил я. — Ты тоже устала?

— Не знаю, — ответила она бесстрастно. — Когда я с тобой, то не устаю, но когда я с сестричками, то устаю смертельно, так же, как и они.

Я провел с ними еще несколько дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестрички враждебно настроены ко мне. Хенарос, казалось, просто терпели меня. Только ла Горде, похоже, было легко со мной. Я удивлялся — почему? Перед отъездом в Лос-Анжелес я спросил ее об этом.

— Странно, но я привыкла к тебе, — сказала она. — Как будто мы с тобой вместе, а сестрички и Хенарос — это совсем другой мир.

Глава 2. Совместное видение

В течение нескольких дней после возвращения в Лос-Анжелес я ощущал какое-то сильное неудобство, которое объяснял головокружением и внезапной потерей дыхания при физических нагрузках. Однажды ночью это достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе от того, что не мог дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как нервное истощение, вызванное, скорее всего, перенапряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал при повторении приступа дышать в бумажный мешок.

Я решил, вернуться в Мексику, чтобы спросить у ла Горды совета. Когда я рассказал ей о поставленном мне диагнозе, она заверила, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов теряю свои щиты, и что испытываемое мною является «потерей человеческой формы» и вхождением в новое состояние отделенности от всех человеческих дел.

— Не борись с этим, — сказала она, — Сопротивляться этому — наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем то, что должно произойти. Оставь страх и теряй свою человеческую форму шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад человеческой формы начался с невыносимой боли в матке и с необычайного давления, медленно

смещавшегося вниз — к ногам и вверх — к горлу. Она добавила, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый нюанс моего нового состояния. Я приготовился вести детальный дневник обо всем происходящем, но, к моему большому разочарованию, ничего больше не случалось. После нескольких дней напрасного ожидания я отбросил объяснение ла Горды и решил, что доктор был прав в своем диагнозе. Мне это было совершенно понятно. Я взвалил на себя ответственность, порождавшую невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое, по мнению учеников, принадлежало мне, но я не имел никакого представления, как себя вести и что делать.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом. Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, следовательно, я непременно потеряю свою жизнь. Дон Хуан учил меня жить, полагаясь исключительно на личную силу, что я понимал как такое отношение к миру, которое может быть разрушено только со смертью. Поскольку никакой возможности изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что жизнь моя подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и снять их напряжение.

Когда я вернулся, они стояли у дверей дома сестричек, как бы ожидая меня. Нестор бросился к моей машине и, прежде чем я выключил мотор, прокричал, что Паблито сбежал. Он уехал умирать, сказал Нестор, в город Тула, на родину предков. Я был в ужасе и почувствовал себя виновным.

Ла Горда не разделяла моего отношения к случившемуся. Она сияла, светясь удовлетворением.

— Этому красавчику лучше умереть, — сказала она. — Все мы теперь заживем гармонично, как и должны были. Нагваль говорил нам, что ты внесешь перемену в нашу жизнь. Что ж, ты ее принес. Паблито нам больше не досаждает. Ты избавил нас от него. Посмотри, как мы счастливы. Без него нам живется куда лучше.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан учил нас быть воинами. Я подчеркнул, что безупречность воина

требует, чтобы я не позволил Паблито умереть просто так.

— Что же ты собираешься делать? — спросила ла Горда.

— Я собираюсь послать одного из вас, чтобы он жил с ним, — сказал я. — До того дня, пока мы все, включая Паблито, не сможем уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал наиболее близкими к Паблито. Ла Горда смеялась дольше всех, явно провоцируя меня.

Я обратился за поддержкой к Нестору и Бениньо. Они отвели глаза в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию ла Горды. Я умолял ее. Я использовал все доводы, какие мог придумать. Она смотрела на меня совершенно невозмутимо.

— Пойдемте, — сказала она остальным.

Она лучезарно улыбнулась мне, затем передернула плечами и поджала губы.

— Приглашаем тебя идти с нами, — сказала она мне, — при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь упоминать об этом маленьком красавчике.

— Ты, ла Горда, бесформенный воин, — сказал я, — ты сама мне это говорила. Почему же тогда ты судишь Паблито?

Ла Горда не ответила. Удар лопал в цель. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

— Ла Горда с нами! — пронзительно закричала Хосефина.

Сестрички окружили ла Горду и затолкали ее в дом. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли внутрь.

— Что ты собираешься делать, забрать кого-нибудь из нас силой? — спросила ла Горда.

Я сказал им, что считаю своим долгом помочь Паблито и делал бы то же для любого из них.

— Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? — спросила ла Горда, сверля меня злобным взглядом.

Я хотел было яростно заорать, как я уже делал однажды в их присутствии. Но обстоятельства были иными. Я не мог этого сделать.

— Я собираюсь забрать с собой Хосефину, — сказал я. — Я — Нагваль.

Ла Горда сгребла сестричек и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки; что-то во мне знало, что если они это сделают, то их объединенная сила станет ужасной, и все мои усилия забрать Хосефину пойдут прахом. Моим единственным шансом было ударить прежде, чем они успеют образовать группу. Я толкнул Хосефину обеими руками так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде, чем они успели собраться снова, я ударил Лидию и Розу. Они согнулись от боли. Ла Горда бросилась на меня с яростью дикого зверя. Я никогда не видел ее такой разъяренной. Она вложила в этот бросок всю свою концентрацию. Если бы она меня ударила, я бы умер на месте. Она промахнулась лишь на какой-то дюйм. Я схватил ее в охапку, и мы покатились по полу. Мы отчаянно боролись, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани обморока.

Ла Горда смущенно улыбнулась и сказала, что рада тому, что я одолел ее.

Я увез Хосефину к Паблито. Я чувствовал, что она единственная из всех искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, а Паблито меньше всех сторонился ее. Я надеялся, что благородство заставит его прийти на помощь, если она будет в такой помощи нуждаться.

Через месяц я снова приехал в Мексику. Паблито и Хосефина вернулись. Они поселились в доме Хенаро вместе с Бениньо и Розой. Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а ла Горда — одна в доме сестричек.

— Тебя не удивляет наше новое расселение? — спросила ла Горда.

Я действительно был очень удивлен и хотел знать, что стоит за этой новой организацией.

Ла Горда сухо сообщила мне, что за всем этим, насколько ей известно, не кроется ничего особенного. Они избрали жизнь парами, но не парами в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я могу подумать, они были безупречными воинами.

Новая форма отношений была действительно приятной. Все, казалось, полностью расслабились. Не было больше ни подначек, ни вспышек конкуренции. Они стали одеваться в стиле, принятом у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, почти касавшиеся пола. Они надевали темные шали, заплетали волосы в косы, только Хосефина всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове — соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у ла Горды о значении их нового одеяния. Она сказала, что они готовятся к отъезду. Раньше или позже, с моей помощью или без нее, они собираются покинуть эту долину. Они намереваются отправиться в новый мир, в новую жизнь. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем резче будет их переход к новой городской. Она сказала, что их учили быть гибкими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что меня учили тому же. От меня требовалось вести себя с ними непринужденно, вне зависимости от того, как они относятся ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и переселиться куда-нибудь еще, чтобы убедиться, могут ли они быть такими гибкими, как надлежит воину.

Я спросил, каково в действительности было ее мнение о наших шансах на успех. Ла Горда ответила, что на наших лицах лежит печать поражения. Затем она резко сменила тему разговора, сказав, что в своем сновидении она смотрела в гигантскую узкую щель между двумя высокими круглыми горами. Ей казалось, что эти круглые горы ей знакомы, и хотелось, чтобы я отвез ее в город расположенный неподалеку. Она считала, не зная, почему, что эти две горы расположены там и что послание, полученное ею в сновидении, состоит в том, чтобы мы вдвоем отправились туда.

Мы уехали на рассвете. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень маленьким, и я не помнил в его окрестностях ничего похожего на видение ла Горды. Вокруг него были только невысокие холмы. Оказалось, что двух гор там действительно не было, а если они там и были, то мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не покидало ощущение, что мы знали что-то неопределенное, ощущение, которое временами становилось бесспорным, а затем опять отступало во тьму и порождало неуверенность. Посещение этого города странным образом волновало нас, или же, лучше сказать, — по неизвестным причинам мы стали очень беспокойными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помню, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что не только бывал здесь, но даже какое-то время жил. Это не было отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощутил, было необоснованным, но сильным предчувствием, что что-то вот-вот должно проясниться у меня в голове. Я не знал, что именно, может, просто какое-то воспоминание.

Временами это смутное воспоминание было всепоглощающим, особенно когда я увидел один дом. Я остановил машину перед ним. Мы с ла Гордой смотрели на него из машины, около часа, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него.

Мы оба были на грани. Мы стали говорить о ее видении двух гор. Наш разговор вскоре перешел в спор. Она считала, что я не принял ее сновидения всерьез. Мы вошли в раж и кончили тем, что начали орать друг на друга, но не столько от гнева, сколько от нервного напряжения. Я поймал себя на этом и замолчал.

На обратном пути я остановил машину на обочине грунтовой дороги. Мы вышли размять ноги. Ла Горда все еще казалась взволнованной. Мы немного прошлись, но было слишком ветрено, чтобы получить удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

— Если бы ты только привлек свое знание, — сказала ла Горда умоляюще, — ты бы понял, что потеря человеческой формы…

Она запнулась посреди фразы. Должно быть, ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня внутри было какое-то знание, которое я мог бы привлечь, я бы давно это сделал.

— Но ведь мы — светящиеся существа, — сказала она тем же умоляющим тоном. — В нас еще так много всего. Ты — Нагваль, значит, в тебе еще больше.

— Что же, по-твоему, я должен сделать? — спросил я.

— Ты должен оставить свое желание цепляться за все. То же самое происходило со мной. Я цеплялась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, так как я не знаю, за что я цепляюсь. Она настаивала, что где-то, как-то, но я знаю, за что цепляюсь, что я ставлю барьер потере своей человеческой формы.

— Наше внимание натренировано непрерывно быть сфокусированным на чем-то, — продолжила она. — Именно так мы поддерживали свой мир. Твое первое внимание было обучено фокусироваться на чем-то совершенно чуждом мне, но очень знакомом тебе.

Я ответил ей, что мои мысли беспорядочно витают в облаках. Не то чтобы я не мог понять этого, как каких-то тонкостей высшей математики, но скорее я просто терялся в дебрях предположений.

— Сейчас самое время уйти от всего этого, — сказала она. — Для того, чтобы потерять человеческую форму, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравновесил все так основательно; что парализуешь сам себя.

У меня не было настроения спорить. То, что она называла потерей человеческой формы, было слишком смутной концепцией, чтобы тут же размышлять об этом. Я был поглощен тем, что мы испытали в городе. Ла Горда не хотела об этом говорить.

— Единственное, что имеет значение, так это привлечение твоего знания, —

сказала она. — Если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито, и ты затеял драку.

Ла Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения знания. Не отдавая себе в точности отчета в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требуют способности видеть.

— Ты не просто напал на нас, ты видел.

В каком-то смысле она была права. В тот раз имело место нечто, совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, с аргументами личного характера. У меня не было адекватного объяснения всему случившемуся. Я только мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня немыслимым образом.

Когда я вошел в тот дом и увидел четырех женщин, я в долю секунды осознал, что могу изменить свой обычный способ восприятия. Я увидел прямо перед собой четыре аморфных шара, излучавших очень интенсивный желтый свет. Один из них был более спокойным и приятным, остальные выглядели недружелюбными, острыми беловато-желтыми сияниями. Более спокойным желтоватым сиянием была ла Горда. И в этот момент три недружелюбных сияния склонились над ней.

Шар беловатого сияния, ближайший ко мне, которым была Хосефина, выглядел несколько неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я толкнул его и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны.

У меня не было осознанного намерения ударить их в это место. Я просто счел выемку подходящей. Каким-то образом она приглашала меня пнуть туда ногой. Результат был сокрушительным. Лидия и Роза сразу отключились. Я ударил каждую из них в правое бедро. Это не было пинком, который мог бы сломать какую-нибудь кость. Я просто надавил ногой и толкнул пузыри света, находившиеся передо мной. Тем не менее все выглядело так, будто я нанес им по сокрушительному удару в самое уязвимое место их тел.

Ла Горда была права — я привлек знание, об обладании которым никогда не

подозревал. Если это называется видением, то для моего интеллекта видением являлось знание тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами. То, что я испытал, нельзя было назвать чисто зрительными ощущениями. Я видел шары света чем-то помимо моих глаз. Поскольку я сознавал, что в поле моего зрения находятся четыре женщины, я и имел дело все время с ними. Шары света даже не налагались на них. Самым сложным для меня выступал вопрос времени. Все было сжато в несколько секунд. Если бы я переводил взгляд с одной сцены на другую, то этот переход должен был быть таким быстрым, что становился бессмысленным. Поэтому я могу вспомнить только восприятие двух совершенно различных сцен одновременно.

После того, как я пнул два шара света, желтоватый шар, ла Горда, бросился на меня, но не прямо, а целясь в мой левый бок. С того момента, как начался бросок, этот шар имел явное намерение промахнуться. Когда свечение прошло мимо меня, я схватил его. Катаясь с ним по полу, я почувствовал, что вплавляюсь в него. Это был единственный момент, когда я действительно потерял последовательность событий. Я вновь осознал себя, когда ла Горда гладила меня ладонью.

— В наших сновидениях я и сестрички научились сцеплять руки, — сказала ла Горда. — Мы знаем, как образовать цепь. В этот день нашей проблемой было то, что мы никогда не образовывали цепь вне нашей комнаты. Именно поэтому мы потащили тебя в дом. Твое тело знало, что значит для нас сцепить руки. Если бы мы это сделали, то я была бы под их контролем. Они более свирепы, чем я. Их тела плотно закрыты, они не связаны с сексом. Я же связана, что делает меня более слабой. Я уверена, что зависимость от секса затрудняет тебе привлечение твоего знания.

Она продолжала говорить дальше о пагубных последствиях половых особенностей. Я ощутил неудобство и попытался увести разговор от этой темы, но она, казалось, была намерена сознательно возвращаться к ней, хотя видела, что мне не по себе.

— Поедем с тобой в Мехико, — сказал я в отчаянии, думая, что напугаю ее.

Она не отвечала. Она поджала губы, скосив глаза. Мышцы подбородка у нее напряглись, а верхняя губа выпятилась, пока не вывернулась под самым

носом. Ее лицо так исказилось, что я отшатнулся. Увидев мое удивление, она расслабила мышцы лица.

— Ла Горда, — повторил я, — поедем в Мехико.

— Конечно, почему бы и нет, — сказала она. — Что мне для этого надо?

Я не ожидал подобной реакции и сам был шокирован.

— Ничего, — сказал я. — Мы поедем так, как есть.

Ни слова не говоря, она уселась на сидение, и мы поехали в сторону Мехико. Было еще рано. Я спросил, осмелится ли она поехать со мной до Лос-Анжелеса. Минуту она, казалось, размышляла.

— Я только что задала этот вопрос своему светящемуся телу, — сказала она.

— Что же оно ответило?

— Оно сказало: «Если сила это позволит».

В ее голосе было такое богатство чувств, что я остановил машину и обнял ее. Моя привязанность к ней в этот момент была настолько велика и глубока, что я испугался. Она не имела ничего общего с сексом или стремлением к психологической поддержке. Это чувство превосходило все, что я знал.

Это объятие вернуло мне ощущение, которое было у меня раньше, — будто что-то во мне собиралось вырваться наружу. Что-то такое, что было закупорено и упрятано в глубине, так что я не мог сознательно до него добраться. Я почти знал, что это такое, но тут же терял, как только до него добирался.

В город Оахака мы приехали в начале вечера. Я оставил машину на одной из боковых улиц, и мы прошли к площади в центре города. Мы искали скамейку, на которой обычно сидели дон Хуан и дон Хенаро. Она была не занята. Мы уселись там в благоговейном молчании.

В конце концов ла Горда сказала, что она много раз была здесь с доном

Хуаном и еще кем-то, кого она не может вспомнить. Она не была уверена, наяву это происходило или просто снилось ей.

— Что вы с доном Хуаном делали на этой скамейке? — спросил я.

— Ничего, мы просто ждали попутной машины, которая подбросила бы нас в горы, — ответила она.

Я рассказал ей, что когда я сидел с доном Хуаном на этой скамейке, то мы часами болтали. Я сообщил ей о его склонности к поэзии, и как я обычно читал ему стихи, когда нам больше нечего было делать. Он слушал стихи, но считал, что прослушивания достойны только первая и иногда вторая строфы, последующие же он называл индульгированием поэта. Лишь очень немногие из тех сотен стихов, которые я прочитал ему здесь, он выслушал полностью.

Сначала я читал ему то, что мне нравилось, а именно абстрактные, двусмысленные, идущие от ума стихи. Позднее он заставлял меня вновь и вновь читать то, что ему нравилось. По его мнению, стихотворение должно быть компактным, предпочтительно — коротким. Оно должно быть составлено из точных, прямых и очень простых картин. В конце дня на этой скамейке стихотворение Сесара Вальехо, казалось, подвело черту под его особым чувством тоски. Я прочитал его ла Горде по памяти, не столько ради нее, сколько ради себя.

Интересно, что она делает в этот час,

Моя милая Рита, девушка Анд,

Мой легкий тростник, девушка дикой вишни,

Теперь, когда усталость душит меня

И кровь засыпает, как ленивый коньяк.

Интересно, что она делает теми руками,

Которые с постоянной прилежностью

Гладили крахмальное белье

После полудня.

Теперь, когда этот дождь уносит

Мое желание идти дальше,

Интересно, что стало с ее юбкой с каймой,

С ее вечным трудом, с ее походкой,

С ее запахом весеннего сахарного

Тростника, обычного в тех местах.

Она, должно быть, в дверях

Смотрит на быстро несущиеся облака,

Дикая птица на крыше издает свой крик,

И, взглянув, она наконец скажет:

«Господи, как холодно!»

Воспоминания о доне Хуане были невероятно живыми. Это не были воспоминания на уровне мысли, так же, как они не были воспоминаниями на уровне всех моих осознаваемых чувств. Это был неизвестный вид памяти, который заставил меня плакать. Слезы лились из моих глаз, но они совсем не успокаивали меня.

Последний час дня всегда имел особое значение для дона Хуана. Я перенял у него такое отношение к этому часу и его убежденность в том, что если что-нибудь важное должно произойти со мной, то оно произойдет именно в этот час.

Ла Горда положила голову мне на плечо. Какое-то время мы оставались в

таком положении. Я чувствовал себя расслабленным. Возбуждение ушло. Странно, что такое простое действие, как то, что я положил свою голову на голову ла Горды, принесло мне такой покой. Я хотел пошутить, что нам следовало бы связать наши головы вместе. Но тут же я понял, что она переиначит мои слова и посмеется над ними. Тело мое затряслось от смеха, и я понял, что сплю, хотя глаза мои были открыты, и я легко мог бы встать, если бы захотел. Мне не хотелось двигаться, поэтому я остался в том же положении, одновременно и бодрствующим и спящим. Я видел, что прохожие глазеют на нас. Но мне не было до этого никакого дела, хотя обычно мне не нравилось быть объектом внимания.

Затем внезапно все люди в поле моего зрения превратились в большие пузыри белого света. Я смотрел на светящиеся яйца не мельком, а непрерывно, впервые в своей жизни. Дон Хуан говорил мне, что человеческие существа кажутся видящему светящимися яйцами. Я уже испытывал проблески такого восприятия, но никогда еще не фокусировал свое зрение на них так, как я делал в этот день.

Пузыри света вначале были расплывчатыми, как если бы мои глаза не были настроены, но затем в одну секунду мое зрение как бы установилось, и пузыри белого света стали продолговатыми светящимися яйцами. Они были большими, — даже огромными, никак не меньше метра в ширину.

В какой-то момент я вдруг заметил, что одно яйцо перестало двигаться; я увидел плотную массу света перед собой. Яйца следили за мной, угрожающе наклоняясь надо мной. Я намеренно двинулся и сел прямо. Ла Горда крепко спала у меня на плече. Вокруг нас была группа подростков. Должно быть, они думали, что мы пьяны. Они передразнивали нас. Самый смелый из юнцов касался груди ла Горды. Я встряхнул ее и разбудил. Мы поспешно встали и ушли. Они последовали за нами, насмехаясь и выкрикивая оскорбления. Присутствие полицейского на углу помешало им продолжать свое преследование.

В полном молчании мы прошли до того места, где я оставил машину. Сумерки почти сгустились. Внезапно ла Горда схватила меня за руку. Ее глаза были дикими, рот перекошен. Она показала рукой.

— Смотри, смотри! — закричала она. — Там Нагваль и Хенаро!

Я увидел двух людей, поворачивающих за угол впереди нас. Ла Горда быстро побежала. Я пустился за ней и на ходу спросил, уверена ли она. Она была вне себя. Она сказала, что когда подняла глаза, то увидела, как оба, и дон Хуан, и дон Хенаро, в упор смотрят на нее. В тот момент, когда их глаза встретились с ее глазами, они двинулись прочь.

Когда мы достигли угла, два человека были на том же расстоянии от нас. Я не мог различить их черт. Они были в соломенных шляпах и в одежде мексиканских крестьян. Один был плотным, как дон Хуан, другой — стройным, как Хенаро. Оба завернули за угол, и мы опять с шумом помчались за ними. Улица, на которую они повернули, была пустынной и вела к окраине города. Она слегка поворачивала влево. Двое мужчин находились как раз там, где улица делала поворот.

В этот момент произошло нечто, заставившее меня почувствовать, что это действительно могут быть они. Это было движение, которое сделал более стройный человек. Он повернулся к нам на три четверти оборота и кивнул головой, как бы приглашая следовать за собой. Подобный жест дон Хенаро обычно использовал по отношению ко мне, когда мы бывали в лесу. Обычно он смело шел впереди, движением головы приглашая догнать себя.

Ла Горда начала кричать во весь голос:

— Нагваль! Хенаро! Подождите!

Она бежала впереди меня, но они шли очень быстро в сторону каких-то разрушенных бараков, едва видневшихся в темноте. Они, должно быть, вошли в один из них, или повернули в какой-нибудь другой проход, так как внезапно исчезли из виду.

Ла Горда стояла на месте и изо всех сил выкрикивала их имена, безо всякого стыда. Люди выскакивали на улицу, чтобы посмотреть, кто это орет. Я держал ее, пока она не успокоилась.

— Они были прямо передо мной, — сказала она, всхлипывая, — меньше, чем в трех метрах. Когда я закричала, привлекая твое внимание, они мгновенно оказались за квартал от нас.

Я попытался успокоить ее. Она была в состоянии сильного возбуждения, дрожала и цеплялась за меня. По какой-то необъяснимой причине я был абсолютно уверен, что это не были дон Хуан и дон Хенаро, поэтому я не разделял возбуждения ла Горды.

Она сказала, что нам следует возвращаться домой, что сила не позволит ей ехать со мной в Лос-Анжелес и даже в Мехико. Для такого путешествия еще не пришло ее время. Она была убеждена, что встреча с ними была знаком. Они исчезли, указав на восток — по направлению к ее родному городу.

У меня не было никаких возражений против того, чтобы сразу отправиться назад. После всего, что случилось с нами в этот день, я должен был бы быть смертельно уставшим. Вместо этого я ходуном ходил от совершенно непонятного прилива сил. Это напомнило мне времена с доном Хуаном, когда я чувствовал себя способным пробивать стены плечом.

На обратном пути к машине я опять был преисполнен нежной привязанности к ла Горде. Я никогда не смогу отблагодарить ее за помощь. Что бы она там ни сделала для того, чтобы я видел светящиеся оболочки, я их видел — это сработало. Она была такой мужественной, рискуя быть осмеянной, когда сидела на той скамейке. Я выразил ей свою благодарность. Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, а затем расхохоталась.

— Я то же самое думала о тебе, — сказала она. — Я думала, что это ты сделал для меня. Я тоже видела светящиеся оболочки. Со мной такое было впервые. Мы видели вместе, одновременно! Как это обычно делали Нагваль и Хенаро.

Когда я открывал для ла Горды дверцу машины, полное осознание того, что мы сделали, поразило меня. Моя эйфория была такой же интенсивной, как недавнее возбуждение ла Горды. Я хотел выбежать на середину улицы и вопить от восторга. Теперь настала очередь ла Горды сдерживать меня.

Она присела на корточки и помассировала мне икры. Как ни странно, я тотчас успокоился. Я обнаружил, что мне трудно разговаривать. Мои мысли опережали способность выражать их словами. Теперь я не хотел немедленно возвращаться в ее город. Казалось, еще так много надо сделать. Поскольку я не мог внятно объяснить, чего же я хочу, то я просто потащил упиравшуюся ла

Горду назад к площади, но в тот час там не было свободных скамеек. Я был голоден, и поэтому затащил ее в ресторан. Она думала, что не сможет есть, но когда нам принесли еду, оказалось, что она так же проголодалась, как и я. Еда нас полностью расслабила.

Вечером того же дня мы сидели на скамейке. Я воздерживался от разговора о том, что с нами произошло, до тех пор, пока мы не сможем там сесть. Ла Горда вначале не хотела ничего говорить. Мой ум был в странном состоянии опустошенности и брожения. У меня были подобные моменты с доном Хуаном, и, как правило, это вызывалось воздействием галлюциногенов.

Я начал с того, что описал ла Горде то, что я видел. Что больше всего поразило меня в светящихся оболочках, так это их движение. Они не шли, а как бы перекатывались рывками и, тем не менее, перемещались по земле. То, как они двигались, не было приятным. Их движения были скованными, неестественными, порывистыми. Когда они находились в движении, форма яйца становилась меньше и округлее. Они, казалось, прыгали, дергались или встряхивались вверх и вниз с большой скоростью. Это вызывало очень неприятное, нервирующее чувство. Пожалуй, точнее всего я могу описать физическое неудобство, вызываемое их движением, сказав, что изображение на киноэкране давалось с нарастающей скоростью.

Что меня еще заинтересовало — я не заметил никаких ног. Я однажды видел балетную постановку, в которой актеры изображали солдат, катающихся по льду на коньках. С этой целью у них были длинные туники, свисающие до самого пола. Их ног нельзя было увидеть, поэтому создавалась иллюзия, что они скользят по полу. Светящиеся яйца, которые парадом шли мимо меня, производили впечатление скольжения по пересеченной местности. Их светимость встряхивалась вверх-вниз почти незаметно для глаза, тем не менее этого было достаточно, чтобы вызвать у меня болезненное чувство. Когда яйца были в покое, они становились удлиненными. Некоторые из них были такими длинными и застывшими, что невольно возникала ассоциация с лицами на старинных иконах.

Еще более беспокоящей чертой было отсутствие глаз. Я никогда так остро не сознавал, насколько сильно мы привязаны к глазам живых существ. Светящиеся яйца были абсолютно живыми, они наблюдали за мной с большим любопытством. Я мог видеть, как они дергались вверх-вниз, перегибались,

чтобы посмотреть на меня, но без всяких глаз.

Многие из этих светящихся яиц имели на себе темные пятна, огромные темные пятна ниже среднего сечения. Другие их не имели. Ла Горда сказала мне, что половая жизнь воздействует на тела как мужчин, так и женщин, вызывая появление дыры в нижней части живота, но пятна на этих светящихся яйцах не казались мне похожими на дыры. Это были участки без светимости, но в них не ощущалось глубины. Те, что имели темные пятна, казались мягкими и усталыми. Скорлупа их яйца была морщинистой, она выглядела матовой по сравнению с остальной их светимостью. С другой стороны, те, что не имели пятен, были раздражающе яркими. Они казались мне опасными. Они вибрировали, наполненные энергией и белизной.

Ла Горда сказала, что в тот момент, когда я положил свою голову на ее, она тоже впала в состояние, напоминающее сновидение. Она бодрствовала и в то же время не могла двигаться. Она сознавала, что кругом идут люди. Затем она увидела, как они превратились в светящиеся пузыри и, наконец, в яйцевидных существ. Она не знала, что я тоже вижу. Вначале она думала, что я наблюдаю за ней, но в какой-то момент давление моей головы стало таким сильным, что она пришла к выводу, что я тоже вижу. Лишь после того, как я выпрямился и оттолкнул молодого человека, трогавшего ее, пока она спала, я сообразил, что происходило с ней.

То, что мы увидели, различалось, так как она отличала мужчин от женщин по форме каких-то нитей, которые она называла «корнями». У женщин, сказала она, связки нитей напоминают львиный хвост, они растут внутрь от того места, где находятся гениталии. Она объяснила, что эти корни были тем, что дает жизнь. Эмбрион для того, чтобы расти, прикрепляется к одному из этих питающих корней и полностью съедает его, оставляя дыру. Мужчина, с другой стороны, имеет короткие нити, которые живут как бы сами по себе и плавают почти отдельно от светящейся массы самого тела.

Я спросил ее, что, на ее взгляд, было причиной нашего совместного видения. Она уклонилась от каких бы то ни было комментариев, но попросила меня высказать свое мнение. Я сказал, что, по-моему, единственно очевидной причиной являются эмоции.

После того, как мы с ней уселись на излюбленную скамейку дона Хуана в

начале вечера этого дня и я прочитал стихотворение, которое ему нравилось, я был сильно заряжен эмоционально. Мои эмоции, должно быть, приготовили мое тело. Но я также должен был учесть тот факт, что, занимаясь сновидением, я научился входить в состояние совершенного спокойствия. Я мог отключать свой внутренний диалог и оставаться как бы внутри оболочки, выглядывая через дырочку. В таком состоянии я мог или отбросить часть имеющегося контроля и войти в состояние сновидения, или держаться за этот контроль и оставаться пассивным, без мыслей и без желаний.

Однако я не думал, чтобы это было в данном случае таким уж значимым фактором. Я считал катализатором присутствие ла Горды. По моему мнению, именно мои чувства по отношению к ней создали условия для видения.

Ла Горда смущенно засмеялась, когда я рассказал ей, что я думаю.

— Я не согласна с тобой, — сказала она. — Я думаю, случилось то, что твое тело начало вспоминать.

— Что ты имеешь в виду, ла Горда? — спросил я.

Последовала длинная пауза. Казалось, она не то боролась с собой, чтобы сказать то, чего она не хочет говорить, не то пыталась найти подходящие слова.

— Я знаю так много всего, — сказала она, — и в то же время не знаю, что я знаю. Я помню так много, что не могу вспомнить ничего. Я думаю, что ты сам в таком же положении.

Я заверил ее, что я этого не осознаю. Она не поверила мне.

— Временами я действительно верю, что ты не знаешь, — сказала она. — Но иногда мне кажется, что ты играешь с нами. Нагваль рассказывал нам, что он сам тоже не знал. Мне теперь вспоминается многое из того, что говорили о тебе.

— Что это значит, что мое тело стало вспоминать? — настаивал я.

— Не спрашивай об этом, — сказала она с улыбкой. — Я не знаю, что ты

должен вспоминать и что это за воспоминания. Я сама этого никогда не делала. Уж это-то я знаю.

— Есть ли кто-нибудь среди учеников, кто мог бы рассказать мне об этом? — спросил я.

— Никого, — ответила она. — Я думаю, что я курьер к тебе. Курьер, который в этот раз привез только половину послания.

Она поднялась и попросила меня ехать назад в ее город. Я был слишком взволнован, чтобы ехать тут же. Мы погуляли по площади. В конце концов мы сели на другую скамейку.

— Тебе не кажется странным то, с какой легкостью мы можем видеть вместе? — спросила ла Горда.

Я не знал, что она имеет в виду, поэтому медлил с ответом.

— Что бы ты сказал, если я стану утверждать, что, по моему мнению, мы уже раньше видели вместе? — спросила она, осторожно подбирая слова.

Я не мог понять, что она имеет в виду. Она повторила вопрос, но я все еще не видел в нем смысла.

— Когда мы могли видеть вместе раньше? — спросил я. — Твой вопрос не имеет смысла.

— В том-то и беда — он не имеет смысла, и в то же время я чувствую, что мы видели вместе раньше.

Я почувствовал озноб и поднялся. Я опять вспомнил ощущение, которое было у меня в том- городе. Ла Горда открыла рот, но остановилась на полуслове. Она посмотрела на меня ошеломленно, приложила руку к моим губам, а затем буквально потащила меня к машине.

Я вел машину всю ночь. Я хотел разговаривать, анализировать, но она заснула, как если бы намеренно избегала всякого обсуждения. Она была права, конечно, — из нас двоих она была тем, кто понимал опасность,

возникающую при исчезновении настроения из-за чрезмерного анализирования его.

Когда мы вышли из машины, приехав к ее дому, она сказала, что мы вообще не должны разговаривать о происшедшем в Оахаке.

— Но почему, ла Горда? — спросил я.

— Я не хочу тратить нашу силу, — сказала она. — Это путь мага.

Никогда не растрачивай свои достижения.

— Но если мы не будем говорить об этом, мы никогда не узнаем, что в действительности случилось с нами, — запротестовал я.

— Мы должны молчать, по крайней мере девять дней, — сказала она.

— Разве мы не можем поговорить об этом между собой? — спросил я.

— Разговор между собой — это как раз то, чего мы должны избегать. Мы уязвимы. Мы должны дать себе время оправиться.

Глава 3. Квазивоспоминания другого «я»

— Не скажешь ли ты, что происходит? — спросил меня Нестор, когда мы собрались вечером. — Куда вы вдвоем вчера ездили?

Я забыл рекомендации ла Горды не говорить о случившемся, и начал рассказывать, что мы поехали сначала в ближайший городок и обнаружили там заинтересовавший нас дом.

Всех их, казалось, охватила внезапная дрожь. Они встрепенулись, посмотрели

друг на друга, а затем на ла Горду, как бы ожидая, что она сообщит об этом.

— Что это за дом? — спросил Нестор.

Прежде, чем я успел ответить, ла Горда прервала меня. Она начала рассказывать торопливо и почти нечленораздельно. Мне было ясно, что она импровизирует. Она вставляла в речь слова и фразы на языке масатек, украдкой бросая на меня взгляды, в которых содержалась молчаливая просьба ничего не говорить об этом.

— Как насчет твоих сновидений, Нагваль? — спросила она с облегчением человека, выпутавшегося из трудного положения. — Нам хотелось бы знать все, что ты делаешь. Я думаю, очень важно, чтобы ты рассказал нам об этом.

Она наклонилась вперед и еле слышно, как только могла, прошептала мне на ухо, что из-за того, что произошло с нами в Оахаке, я должен рассказать им о своем сновидении.

— Почему это так важно для вас? — спросил я громко.

— Я думаю, мы очень близки к завершению, — бесстрастно сказала ла Горда. — Все, что ты скажешь или сделаешь, представляет для нас сейчас величайшую важность.

Я рассказал им содержание того, что считал своим настоящим сновидением. Дон Хуан говорил мне, что нет смысла останавливаться на деталях. Он дал мне следующее основное правило: я должен уделять чему-либо особое внимание только если увижу его не меньше трех раз. В остальных же случаях все попытки будут простой ступенью в понимании второго внимания.

Однажды во сне я увидел, что проснулся и выскочил из постели, тут же обнаружив самого себя спящим на кровати. Я посмотрел на себя и сохранил достаточно самообладания, чтобы вспомнить, что я нахожусь в сновидении. Тогда я последовал указаниям дона Хуана, состоявшим в том, чтобы избегать внезапных потрясений и воспринимать все спокойно. Сновидящий, говорил дон Хуан, должен быть бесстрастным экспериментатором. Вместо того, чтобы рассматривать свое спящее тело, сновидящий выходит из комнаты.

Непонятно как я внезапно оказался снаружи комнаты. У меня было такое впечатление, что я оказался там мгновенно. Когда я остановился, то холл и лестница показались мне громадными. Если что-то и испугало меня той ночью, так это размеры тех сооружений, которые в реальной жизни были вполне нормальными. Холл был около десяти метров длиной, лестница в 16 ступенек. Я не мог представить себе, как преодолеть те огромные расстояния, которые я воспринимал. Я был неподвижен, а затем что-то заставило меня двигаться. Однако я не шел, я не чувствовал своих шагов. Совершенно неожиданно я оказался держащимся за перила. Я мог видеть кисти и предплечья своих рук, но не чувствовал их. Я удерживался при помощи какой-то силы, никак не связанной с моей мускулатурой. То же самое произошло, когда я попытался спуститься с лестницы. Я не знал, как ходить, я просто не мог сделать ни шагу, будто мои ноги были склеены вместе. Наклоняясь вперед я видел свои ноги, но не мог двинуть ими ни вперед, ни назад, ни вбок, не мог поднять их к груди. Казалось, я прирос к верхней ступеньке. Я чувствовал себя чем-то вроде пластмассовых куколок, которые могут наклоняться в любом направлении до тех пор, пока не примут горизонтального положения, лишь для того, чтобы вес их тяжелого округлого основания вновь вернул их в вертикальное положение.

Я сделал громадное усилие, чтобы идти, и зашлепал со ступеньки на ступеньку, как плохо накачанный мяч. Мне потребовалось невероятное внимание, чтобы добраться до первого этажа. Я никак иначе не мог этого описать. Особенно трудно было сохранить свое поле зрения, не дать ему распасться на мимолетные картины обычного сна.

Когда я, наконец, добрался до входной двери, я не мог ее открыть. Я пытался отчаянно, но безуспешно. Затем я вспомнил, что я выбрался из своей комнаты, выскользнув из нее, как если бы дверь была открыта. Мне понадобилось только вспомнить то чувство выскальзывания, и внезапно я оказался уже на улице. Было темно. Непроницаемый свинцовый мрак не позволял мне воспринимать какие-либо цвета. Весь мой интерес был тотчас прикован к широкому полю яркого света передо мной на уровне глаз. Я скорее вычислил, чем вспомнил, что это уличный фонарь, поскольку сообразил, что такой фонарь находился за углом в шести метрах над землей. Тут я понял, что не могу привести свое восприятие в соответствующий порядок, чтобы правильно судить, где верх, где низ, где здесь, где там. Все казалось необычным. У меня не было никакого критерия, как в обычной жизни, чтобы

настроить свое восприятие. Все находилось на переднем плане, а у меня не было желания заниматься настройкой восприятия.

Ошеломленный, я находился на улице, пока у меня не появилось ощущение, что я левитирую. Я удерживался за металлический столб, на котором висели фонарь и дорожный знак. Сильный ветер поднимал меня наверх. Я скользил вверх по столбу, пока не смог ясно разобрать название улицы: Эштон.

Несколько месяцев спустя, когда я опять оказался в сновидении, созерцая свое спящее тело, я уже знал, что мне нужно сделать. В ходе своих регулярных сновидений я узнал, что здесь значение имеет волевое усилие, а сама реальность тел не существенна. Именно память тормозит сновидящего. Я без колебаний выскользнул из комнаты, так как мне не нужно было ни открывать дверей, ни ходить для того, чтобы двигаться. Холл и лестница уже не казались мне такими огромными, как в первый раз. Я проскользнул с большей легкостью и оказался на улице, где пожелал передвинуться на три квартала дальше. Я воспринимал фонари как очень беспокоящее зрелище. Если я фокусировал на них свое внимание, они разливались неизмеримыми озерами света. Остальные элементы этого сновидения контролировать было легко. Дома казались необыкновенно большими, но их очертания были знакомыми. Я колебался, что делать дальше. Затем я совершенно случайно понял, что если я буду не рассматривать предметы, а только поглядывать на них мельком, как мы это делаем в повседневной жизни, то смогу привести свое восприятие в порядок. Другими словами, если я буквально следовал советам дона Хуана и принимал свое сновидение как само собой разумеющееся, то я мог пользоваться способами восприятия, присущими повседневной жизни. Через несколько секунд окружающее стало контролируемым, хотя и не полностью знакомым.

В следующий раз, когда у меня было подобное сновидение, я отправился в свою любимую кофейню на углу. Причина, по которой я ее выбрал, состояла в том, что каждое утро я ходил туда пить кофе. В своем сновидении я увидел знакомую официантку, обслуживавшую рабочих кладбища. Я разглядел нескольких человек, которые ели за стойкой, а в самом углу заметил любопытное лицо человека, которого видел каждый день бесцельно бродящим по дорожкам между университетских корпусов. Он был единственным, кто действительно взглянул на меня. В ту же секунду, когда я вошел, он почувствовал это, как мне показалось. Он повернулся и уставился на меня.

Несколько дней спустя рано утром я в бодрствующем состоянии в том же кафе встретил этого человека. Он бросил на меня взгляд и, по-видимому, узнав меня, сильно испугался и стремглав убежал, не дав мне возможности заговорить с ним.

Когда я еще раз посетил это кафе в сновидении, характер последнего изменился. Пока я наблюдал за этим ресторанчиком через улицу, вид стал совершенно иным. Я больше не видел знакомых домов, вместо этого перед моими глазами была картина первозданной природы. Стоял погожий день, и я смотрел на заросшую долину. Болотистые темно-зеленые, похожие на тростник растения покрывали все. Рядом со мной находился выступ скалы двух-трех метров высотой. На нем сидел громадный саблезубый тигр. Я окаменел. Долгое время мы пристально смотрели друг на друга.

Размеры хищника были поразительными, однако он не выглядел ни гротескным, ни непропорциональным. У него была великолепная голова, большие глаза цвета темного меда, массивные лапы, широченная грудная клетка. Самое большое впечатление на меня произвела окраска его шкуры. Она была равномерно-темно-коричневая, почти шоколадная. Цвет меха напоминал поджаренные кофейные зерна, только мех еще и блестел, шерсть была длинной, но гладкой и чистой. Она не была похожа на мех пумы, волка или гризли. Мех выглядел похожим на что-то, никогда мною не виданное.

С тех пор для меня стало обычным видеть этого тигра. Временами небо над долиной затягивали облака, накрапывал мелкий дождик, иногда сменявшийся проливным ливнем. Временами же долина была залита солнцем. Довольно часто я замечал там и других саблезубых тигров. Я мог слышать их своеобразный повизгивающий рев — крайне неприятный для меня звук.

Тигр ни разу не тронул меня. Мы смотрели друг на друга с расстояния 3 — 6 метров. Тем не менее я понимал, чего он от меня хочет. Он показывал мне особый способ дыхания. Я уже дошел в своих сновидениях до такой точки, когда мог так хорошо имитировать дыхание тигра, что даже чувствовал, как сам превращаюсь в тигра. Я рассказал другим ученикам, что ощутимым результатом сновидений было то, что мое тело стало более мускулистым.

Выслушав мой отчет, Нестор поразился, насколько их сновидения отличались

от моих. У них были различные задачи сновидения. Его задачей было находить лекарства от болезней человеческого тела. Задача Бениньо — предсказывать, предвидеть и находить решения всего, что касалось человека. Задачей Паблито было учиться строить. Нестор сказал, что именно эти задачи были причиной того, что он занимался лекарственными растениями, Бениньо был оракулом, а Паблито — плотником. Он добавил, что до сих пор они касались только поверхности сновидений и ни о чем существенном говорить пока не могут.

— Ты, может быть, подумаешь, что мы сделали много, — продолжал он, — но это не так. Хенаро и Нагваль сделали все для нас и этих четырех женщин. Самостоятельно же мы еще ничего не сделали.

— Похоже на то, что Нагваль учил тебя иначе, чем нас, — сказал Бениньо очень медленно и значительно. — Ты, должно быть, был тигром, и опять определенно превратишься в него. Именно это произошло с Нагвалем. Он был вороной, и еще в этой жизни опять превратился в нее.

— Проблема в том, что такого вида тигров больше не существует, — сказал Нестор. — Мы никогда не слышали, что бывает в таких случаях. — Он повел головой, как бы говоря от имени всех присутствующих.

— Я знаю, что происходит, — сказала ла Горда. — Я помню, как Нагваль называл это сновидением призрака. Он говорил, что никто из нас еще не совершал сновидения призрака, потому что в нас нет разрушения и насилия. Он сам его никогда не совершал. И он сказал, что тот, кто сделает его, отмечен судьбой иметь помощников среди призраков и союзников.

— Что это значит? — спросил я у ла Горды.

— Это значит, что ты не такой, как мы, — ответила она сухо.

Ла Горда казалась очень возбужденной. Она поднялась и несколько раз прошлась по комнате, прежде чем села рядом со мной.

В разговоре наступил перерыв. Хосефина бормотала что-то невразумительное. Она тоже казалась очень нервной. Ла Горда пыталась успокоить ее, обняв и поглаживая по спине.

— У Хосефины есть кое-что для тебя об Элихио, — сказала она мне.

Все вопросительно посмотрели на Хосефину.

— Несмотря на тот факт, что Элихио исчез с лица земли, — продолжала ла Горда, — он все еще один из нас, и Хосефина все время разговаривает с ним.

Все сразу стали очень внимательными и, переглянувшись, посмотрели на меня.

— Они встречаются в сновидении, — драматическим тоном сказала ла Горда.

Хосефина глубоко вздохнула. Она казалась воплощением нервозности. Ее тело непроизвольно тряслось. Паблито уложил ее на пол, лег на нее и стал энергично дышать диафрагмой, заставляя ее дышать в унисон с ним.

— Что он делает? — спросил я ла Горду.

— Разве ты не видишь? — резко ответила она.

Я прошептал, что понимаю, что он хочет ее расслабить, но эта процедура для меня внове. Она сказала, что Паблито передает Хосефине энергию, поместив среднюю часть тела, где у мужчин ее избыток, напротив матки Хосефины, где женщины хранят энергию.

Хосефина села и улыбнулась мне. Она выглядела совершенно расслабленной.

— Я действительно все время встречаю Элихио, — сказала она. — Он ждет меня каждый день.

— Как получилось, что ты никогда об этом не говорила? — спросил Паблито недовольным тоном.

— Она говорила мне, — вмешалась ла Горда, а затем принялась пространно объяснять, как много значит для всех нас доступность Элихио. Она добавила, что ожидала от меня знака, чтобы передать слова Элихио.

— Не ходи вокруг да около, женщина, — закричал Паблито. Скажи нам, что он говорил.

— Эти слова не для тебя! — воскликнула ла Горда.

— Для кого же они тогда? — спросил Паблито.

— Они для Нагваля, — указала она на меня.

Ла Горда извинилась, что повысила голос. Она сказала, что все, что говорил Элихио, было сложным, загадочным и она не может в этом разобраться.

— Я просто слушала его, это все, что я могла делать — слушать его.

— Ты хочешь сказать, что тоже встречала Элихио? — спросил Паблито голосом, в котором была смесь нетерпения и злости.

— Да, — ответила ла Горда почти шепотом. — Я не могла об этом говорить, потому что я должна была ждать его.

Она указала на меня, а затем толкнула меня обеими руками. Я потерял равновесие и шлепнулся на бок.

— Что это такое? Что ты с ним делаешь? — спросил Паблито очень сердито. — Это что — проявление индейской любви?

Я повернулся к ла Горде. Она сделала знак, чтобы я успокоился.

— Элихио сказал, что ты — Нагваль, но ты не для нас, — сказала Хосефина.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Я не знал, как воспринимать заявление Хосефины. Я ждал, пока заговорит кто-нибудь еще.

— Ты чувствуешь облегчение? — испытующе спросила меня ла Горда.

Я сказал им, что у меня вообще нет никакого мнения. Они выглядели ошеломленными детьми. У ла Горды был вид хозяйки церемонии, которая крайне недовольна.

Нестор поднялся и посмотрел на ла Горду. Он сказал ей что-то на языке масатек. Это звучало как приказание или просьба.

— Расскажи нам все, что ты знаешь, — продолжал он по-испански. — Ты не имеешь права играть с нами и держать при себе нечто столь важное.

Ла Горда запротестовала. Она сказала, что утаила все, что знала, по просьбе Элихио. Хосефина кивком подтвердила ее слова.

— Он говорил все это тебе или Хосефине? — спросил Паблито.

— Мы были вместе, — сказала ла Горда едва слышным шепотом.

— Ты хочешь сказать, что вы с Хосефиной были вместе в сновидении? — У Паблито перехватило дыхание. Удивление в его глазах соответствовало тому потрясению, которое, казалось, прокатилось по остальным.

— Что в точности сказал Элихио вам двоим? — спросил Нестор, когда прошел шок.

— Он сказал, что я должна попытаться помочь Нагвалю вспомнить левую сторону, — сказала ла Горда.

— Ты понимаешь, о чем она говорит? — спросил меня Нестор.

Было бы невероятно, если бы я понимал. Я сказал, чтобы они обратились за ответом к самим себе. Но никто из них не высказал никаких предположений.

— Он говорил Хосефине и другие вещи, которых она не может вспомнить, — сказала ла Горда. — Поэтому мы действительно в затруднении. Элихио сказал, что ты определенно Нагваль и что ты должен нам помочь, но что ты не для нас. Только вспомнив свою левую сторону, ты сможешь взять нас туда, куда мы должны идти.

Нестор заговорил с Хосефиной отеческим тоном, побуждая ее вспомнить, что именно сказал Элихио. Он не настаивал на том, чтобы я вспоминал что-то, что, видимо, было каким-то кодом, поскольку никто из нас не видел в этом

никакого смысла. Хосефина моргала и корчила рожи, как если бы на нее давил тяжелый груз — она и на самом деле выглядела как тряпичная кукла, которую расплющили. Я с тревогой наблюдал.

— Не могу, — сказала она наконец. — Когда он со мной разговаривает, я знаю, что он говорит, но сейчас я не могу вспомнить. Не выходит.

— Не помнишь ли ты каких-нибудь слов? — спросил Нестор. — Просто каких-нибудь отдельных слов?

Она потрясла головой.

— Нет, — сказала она через секунду.

— Какого рода сновидениями ты занимаешься? — спросил я.

— Только теми, которые знаю, — бросила она.

— Я рассказывал тебе, как я делаю свои, — сказал я. — Теперь расскажи мне о своих.

— Я закрываю глаза и вижу стену, похожую на плотный туман; там меня ждет Элихио. Он проводит меня сквозь нее и, наверное, показывает мне всякие вещи. Я не знаю, что мы делаем, но мы что-то делаем вместе, а затем я возвращаюсь и забываю увиденное.

— Как случилось, что ты пошла с ла Гордой? — спросил я.

— Элихио велел мне взять ее, — сказала она. — Мы вдвоем подождали ла Горду и, когда она вошла в сновидение, схватили ее и протолкнули сквозь стену. Мы делали это дважды.

— Как вы схватили ее? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Хосефина. — Но я подожду тебя в твоем сновидении, и тогда ты узнаешь.

— Ты можешь схватить любого? — спросил я.

— Конечно, — ответила она, улыбаясь. — Но я не делаю этого, потому что это не нужно. Я схватила ла Горду, ибо Элихио говорил мне, что ему нужно ей что-то сказать, поскольку она более здравомыслящая, чем я.

— Тогда Элихио говорил тебе то же самое, ла Горда, — сказал Нестор с непривычной твердостью.

Ла Горда сделала необычный жест, пожимая плечами и поднимая руки над головой.

— Хосефина рассказала тебе, что происходило, — сказала она. — Я не могу вспомнить. Элихио изъясняется на другой скорости. Он говорит, но мое тело не понимает его, нет. Мое тело не может вспомнить, вот в чем дело. Я лишь знаю, что он сказал, будто Нагваль, который здесь, вспомнит и возьмет нас туда, куда нужно идти. Он не мог сказать больше, потому что было мало времени. Он сказал, что кто-то, но я не помню, кто именно, ждет меня.

— Это все, что он сказал? — наседал Нестор.

— Когда я увидела его вторично, он сказал, что все мы должны будем вспомнить свою левую сторону, рано или поздно, если мы хотим попасть туда, куда нам надо идти. Но вот он должен вспомнить первым.

Она указала на меня и опять толкнула меня, как и раньше. Сила ее толчка заставила меня покатиться, как мяч.

— Зачем ты это делаешь, ла Горда? — спросил я недовольно.

— Я пытаюсь помочь тебе вспомнить, — сказала она. — Нагваль говорил, что тебя надо время от времени толкать, чтобы ты встряхнулся.

Совершенно внезапно ла Горда обняла меня.

— Помоги нам, Нагваль, — попросила она. — Если ты этого не сделаешь, нам лучше умереть.

Я был близок к слезам, но не столько из-за них, сколько потому, что что-то

боролось внутри меня. Это было что-то такое, что все время прорывалось наружу с тех пор, как мы посетили этот город. Мольба ла Горды разрывала мне сердце. У меня опять начался приступ чего-то похожего на гипервентиляцию. Я весь покрылся холодным потом. Затем мне стало плохо. С исключительной добротой ла Горда ухаживала за мной.

Верная своей тактике выжидания, ла Горда не хотела обсуждать наше совместное видение в Оахаке. Целыми днями она оставалась замкнутой и решительно незаинтересованной. Она не собиралась обсуждать и то, почему мне стало плохо. Так же поступали и остальные женщины. Дон Хуан обычно подчеркивал необходимость дождаться наиболее подходящего времени для того, чтобы выпустить то, что мы держим. Я понял технику действий ла Горды, но был недоволен ее упорством в ожидании. Это не соответствовало нашим интересам. Я не мог надолго остаться в Мексике, и поэтому потребовал, чтобы мы собрались вместе и поделились тем, кто что знает. Она была непреклонна.

— Мы должны ждать, — сказала она. — Мы должны дать нашим телам шанс добраться до решения. Наша задача — вспомнить не умом, а телом. Все понимают это.

Она испытующе посмотрела на меня. Она, казалось, высматривала намек, который подсказал бы ей, что я точно понял задачу. Я признал, что я в полном недоумении с тех пор, как оказался в стороне. Я был один, в то время как все они поддерживали друг друга.

— Это молчание воинов, — сказала она, смеясь, а затем добавила примирительно: — Это молчание не означает, что мы не можем разговаривать о чем-нибудь другом.

— Может, мы вернемся к нашему обсуждению потери человеческой формы? — спросил я.

В ее взгляде было недовольство. Я многословно пояснил, что должен точно понимать значение всего, в особенности, когда применяются незнакомые подходы.

— Что именно ты хочешь узнать? — спросила она.

— Что угодно, что ты только захочешь мне рассказать.

— Нагваль говорил, что потеря человеческой формы приносит свободу, — сказала она. — Я верю этому, но пока не ощущаю этой свободы.

Последовала минута молчания. Она следила за моей реакцией.

— О какой свободе ты говоришь, ла Горда? — спросил я.

— О свободе вспомнить свое «я», — сказала она. — Нагваль говорил, что потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает свободу вспоминать, а это, в свою очередь, делает тебя еще более свободным.

— Почему ты не чувствуешь себя свободной? — поинтересовался я.

Она прищелкнула языком и пожала плечами. Казалось, она была в затруднении, или не желала продолжать наш разговор.

— Я связана с тобой, — сказала она. — До тех пор, пока ты не потеряешь свою человеческую форму, чтобы вспомнить, я не смогу узнать, что эта свобода означает. Но, быть может, ты не сможешь потерять ее до тех пор, пока не вспомнишь. Во всяком случае, нам не следует об этом разговаривать. Почему ты не пойдешь и не поговоришь с Хенарос?

Это прозвучало так, будто мать отправляет своего приставучего ребенка пойти погулять, но я не обиделся. Если бы так сказал кто-нибудь другой, я легко мог бы принять это за враждебность или жалость. Мне нравилось быть с ней, в этим все дело.

Я нашел Паблито, Нестора и Бениньо в доме Хенаро, занятых странной игрой. Паблито болтался в полутора метрах над землей, заключенный во что-то вроде кожаного корсета или сбруи, прикрепленной к его груди и запястьям. Корсет напоминал толстый кожаный жилет.

Посмотрев пристальней, я заметил, что Паблито в действительности стоит на толстых петлях, свисавших с его жилета, подобно стременам. Он был подвешен в центре комнаты на двух веревках, перекинутых через толстую круглую потолочную балку. Каждая веревка была прикреплена к корсету на

груди Паблито с помощью металлического кольца. Натягивая веревку, Нестор и Бениньо держали Паблито в воздухе, стоя лицом к лицу. Паблито изо всех сил держался за два толстых шеста, стоявших на полу и удобно входивших в его стиснутые ладони. Нестор стоял слева от Паблито, а Бениньо справа. Игра походила на трехстороннее перетягивание каната, на отчаянную борьбу между тянувшими и подвешенным.

Когда я вошел в комнату, было слышно только тяжелое дыхание Паблито и Нестора. Мышцы у них на руках вздулись от напряжения. Паблито пристально следил за обоими, попеременно поглядывая на каждого. Все трое настолько ушли в свою игру, что не заметили моего появления. А если и заметили, то были настолько сосредоточенными, что не могли оторваться.

В течение десяти минут Нестор, Бениньо и Паблито пристально смотрели друг на друга в полном молчании. Затем Нестор притворился, что отпускает свою веревку. Бениньо на это не попался, а Паблито поверил. Он усилил свою хватку левой рукой и зацепился ногами за шесты, чтобы укрепить свое положение. Бениньо воспользовался этим моментом и сделал могучий рывок как раз в то мгновение, когда Паблито ослабил свою хватку. Рывок Бениньо застал Паблито и Нестора врасплох. Бениньо всем телом повис на веревке. Нестор был перетянут; Паблито отчаянно пытался уравновеситься, но все было напрасно — Бениньо победил.

Паблито выбрался из корсета и подошел ко мне. Я спросил его об их необычной игре. Ему, по-видимому, не хотелось рассказывать. Нестор и Бениньо присоединились к нам после того, как сняли свои приспособления. Нестор сказал, что игра была изобретением Паблито, который обнаружил такую конструкцию в своем сновидений, а затем построил ее как игру. Сначала устройство было рассчитано на двоих, но впоследствии сновидение Бениньо позволило переделать игру так, чтобы мышцы напрягали все трое. Они также обостряли зрительную реакцию, пребывая в состоянии бдительности иногда целыми днями.

— Теперь Бениньо считает, что это помогает нашим телам вспоминать, — продолжал Нестор. — Ла Горда, например, чертовски здорово играет в эту игру. Она выигрывает всегда, в каком бы положении ни находилась. Бениньо говорит, что это потому, что ее тело помнит.

Я спросил, есть ли у них правило молчания. Они рассмеялись. Паблито сказал, что ла Горда больше всего хочет походить на Нагваля, она намеренно подражает ему вплоть до самых нелепых деталей.

— Вы не будете против, если мы поговорим о том, что произошло прошлой ночью, — спросил я почти в замешательстве, поскольку ла Горда решительно возражала против этого.

— Нам все равно, — сказал Паблито. — Ты — Нагваль.

— Бениньо тут вспомнил кое-что действительно таинственное, — сказал Нестор, не глядя на меня.

— Сам-то я думал, что это сон, просто запутанный сон, — сказал Бениньо, — но Нестор считает иначе.

Я с нетерпением ждал и кивком головы попросил их продолжать.

— Прошлой ночью он вспомнил, как ты учил его искать следы на мягкой почве, — сказал Нестор.

— Должно быть, это был сон, — сказал я. Я хотел рассмеяться, ибо это был абсурд, но все трое умоляюще смотрели на меня.

— Чепуха, — добавил я.

— В любом случае, я лучше расскажу тебе, что у меня тоже были похожие воспоминания, — сказал Нестор. — Ты водил меня к каким-то скалам и показывал, как надо прятаться. У меня это не было сном. Я бодрствовал. Я шел с Бениньо за растениями и внезапно вспомнил, как ты учил меня. Поэтому я спрятался так, как ты мне показывал, и напугал Бениньо до полусмерти. — Я учил тебя! — воскликнул я. — Как это может быть?! Когда?

Я начал нервничать. По-видимому, они не шутили.

— Когда? В том-то и дело, — сказал Нестор. — Мы не можем сказать — когда. Но и я, и Бениньо знаем, что это был ты.

Я чувствовал подавленность, дышать было трудно. Я боялся, что мне опять станет плохо. Я решился тут же сообщить о нашем с ла Гордой совместном видении, и, рассказывая об этом, расслабился. В конце рассказа я уже обрел контроль над собой.

— Нагваль оставил нас чуть приоткрытыми, — сказал Нестор. — Все мы немножко видим. Мы видим дыры у людей, у которых были дети, а также время от времени мы видим небольшое сияние в людях. Поскольку ты не видишь совсем, то похоже, что Нагваль оставил тебя совершенно закрытым для того, чтобы ты сам открылся изнутри. Теперь ты помог ла Горде, и она не то видит изнутри, не то выезжает на тебе.

Я возразил, что происшедшее в Оахаке могло быть случайностью.

Паблито решил, что нам следует пойти на излюбленную скалу дона Хенаро и посидеть там, сблизив головы вместе. Двое остальных нашли его идею блестящей. Я не возражал. Мы сидели там очень долго, но ничего не произошло. Тем не менее мы неплохо отдохнули.

Пока мы сидели на скале, я рассказал им о двух людях, которые, по мнению ла Горды, были доном Хуаном и доном Хенаро. Они соскочили с камня и буквально потащили меня в дом ла Горды. Нестор был возбужден больше всех. Он был почти невменяем. Единственное, чего я смог от него добиться, — что все они ждали такого знака.

Ла Горда ожидала нас у двери. Она знала, что я им все рассказал.

— Я просто хотела дать своему телу время, прежде чем мы успеем что-то сказать. Я должна была быть совершенно уверена, и теперь это так. Это были Нагваль и Хенаро.

— Что находится в тех бараках? — спросил Нестор.

— Они не вошли туда, — сказала ла Горда. — Они ушли в сторону открытых полей, в сторону востока. Именно в этом направлении находится наш город.

Казалось, она хотела их успокоить. Она просила их остаться, но они отказались, извинились и вышли. Я был уверен, что они чувствовали себя

неловко в ее присутствии. Она выглядела очень сердитой. Я наслаждался взрывом ее эмоций, и это было совершенно нетипично для меня. Обычно я чувствовал себя взвинченным в присутствии взволнованного человека, но Ла Горда в данном случае была загадочным исключением.

Вечером мы собрались в комнате ла Горды. Они были задумчивы. Все сидели молча, уставившись в пол. Ла Горда попыталась начать разговор. Она сказала, что не бездельничала, и, сложив два и два, получила ответ.

— Дело не в том, чтобы сложить два и два, — сказал Нестор. — Дело в том, чтобы заставить свое тело вспоминать.

Похоже было, что они переговорили между собой, судя по тем кивкам согласия, которые Нестор получил от остальных. Это поставило меня и ла Горду в положение посторонних.

— Лидия тоже помнит кое-что, — продолжал Нестор. — Она считала это своей глупостью, но, услышав о том, что вспомнил я, она рассказала нам, что вот этот Нагваль отвез ее к лекарю и оставил там, чтобы она вылечила свои глаза.

Мы с ла Гордой повернулись к Лидии. Она опустила голову и как бы в раздражении что-то бормотала. Похоже, что воспоминание было слишком болезненным для нее. Она сказала, что когда дон Хуан впервые нашел ее, ее глаза были так поражены инфекцией, что она не могла видеть. Кто-то отвез ее на машине очень далеко к лекарю, который и вылечил ее. Она всегда была убеждена, что это сделал дон Хуан, но, услышав мой голос, поняла, что именно я возил ее туда. Нелепость таких воспоминаний бросала ее в дрожь уже с первого дня, как она меня встретила.

— Мои уши не лгут мне, — добавила Лидия после молчания. — Именно ты отвез меня туда.

— Невозможно! Невозможно! — закричал я.

Мое тело начало конвульсивно подергиваться. У меня появилось ощущение раздвоенности. Вероятно, то, что я называю рассудком, не могло больше контролировать всего меня, и заняло место зрителя. Какая-то часть меня

наблюдала за тем, как другая часть меня тряслась.

Глава 4. Пересечение границ привязанности

— Что с нами происходит, Горда? — спросил я, когда остальные ушли.

— Наши тела вспоминают, но не могут понять, что именно, — сказала ла Горда.

— Ты веришь в воспоминания Лидии, Нестора и Бениньо?

— Конечно. Они серьезные люди, и ничего не говорят просто так, лишь бы подурачить нас.

— Но то, что они говорят, невероятно. Мне-то ты веришь, ла Горда?

— Я верю, что ты не помнишь, но тогда...

Она не договорила. Она подошла ко мне и зашептала на ухо. Она сказала, что имеется нечто такое, о чем Нагваль взял с нее обещание не говорить, пока не придет нужное время. Козырной картой нужно пользоваться только тогда, когда нет другого выхода. Драматическим шепотом она добавила, что Нагваль предвидел их новый уклад жизни, который явился результатом того, что я взял Хосефину в Тулу, чтобы она поддержала Паблито. Она сказала, что существует ничтожный шанс, что мы добьемся успеха как группа, если последуем естественному ходу такой организации. Ла Горда объяснила, что, поскольку мы разделены на пары, мы образовали живой организм, мы стали змеем, могучим змеем. У змея четыре отдела, и он разделен на две продольные части, мужскую и женскую. Она сказала, что мы с ней образуем первую часть змея — голову. Это холодная, расчетливая, ядовитая голова. Вторая часть образована Нестором и Лидией. Это твердое, чистое сердце змея. Третья — брюхо, подвижное, переменчивое, ненадежное, — оно образовано

Паблито и Хосефиной. И четвертый отдел — хвост, где расположена «погремушка», — он образован парой, которая в реальной жизни может греметь часами до бесконечности на своем цокающем наречии, — Бениньо и Розой.

Ла Горда встала и выпрямилась. Она улыбнулась мне и похлопала меня по спине.

— Элихио сказал еще одно слово, которое сейчас вспомнилось мне, — продолжала она. — Хосефина согласна со мной, что он вновь и вновь повторял слово «след». Мы пойдем по следу.

Не дав мне возможности задать ей какой-нибудь вопрос, она сказала, что собирается немного поспать, а затем собрать всех, чтобы отправиться в путешествие.

Мы вышли в полночь при ярком лунном свете. Сначала никто не хотел идти, но ла Горда очень удачно описала им то, что дон Хуан называл «построением змея». Перед выходом Лидия предложила, чтобы мы позаботились о провизии на случай, если путешествие затянется. Ла Горда возразила, что мы не знаем, какое путешествие ждет нас. Она сообщила, что Нагваль однажды указал ей начало тропы и сказал, что при удобном случае мы должны собраться на этом месте и позволить силе открыться нам. Ла Горда добавила, что это не обычная козья тропа, а естественная линия на земле, которая, по словам Нагваля, может дать нам силу и знание, если мы сможем следовать по ней и стать с ней единым целым.

Мы двигались под смешанным руководством. Ла Горда дала нам толчок, а Нестор знал местность. Ла Горда привела нас к определенному месту в горах. После этого Нестор принял руководство и нашел тропу. Наше построение было очевидным, то есть голова вела, а остальные располагались соответственно анатомическому строению змеи: сердце, брюхо и хвост. Мужчины шли справа от женщин. Каждая пара шла в полутора метрах за предыдущей.

Мы шли так быстро и так неслышно, как только могли. Временами слышался лай собак, а когда мы поднялись выше в гору, осталось только пение сверчков. Мы шли еще какое-то время. Внезапно ла Горда остановилась и, схватив меня за руку, показала вперед.

В 40 — 50 метрах прямо посреди тропы высился силуэт громадного человека, около двух с половиной метров высотой. Он преграждал нам дорогу. Мы столпились гурьбой. Наши глаза были прикованы к темной фигуре. Она не двигалась. Некоторое время спустя Нестор сделал несколько шагов вперед. Лишь после этого фигура сдвинулась — навстречу нам. Каким бы громоздким ни выглядел человек, перемещался он плавно. Нестор бегом вернулся обратно. В тот момент, когда он присоединился к нам, человек остановился. Ла Горда сделала шаг в его направлении, и человек сделал шаг нам навстречу. Было очевидно, что если мы будем продолжать двигаться, мы столкнемся с ним. Мы были не чета гиганту, чем бы он ни был. Я взял на себя инициативу, толкнул всех назад и быстро увел с этого места.

Мы возвращались к дому ла Горды в глубочайшем молчании. Обратный путь занял у нас несколько часов. Мы полностью выдохлись. Когда мы благополучно уселись в комнате ла Горды, она заговорила.

— Мы обречены, — сказала она. — Эта штука, которую мы видели, была одним из твоих союзников: ты не хотел, чтобы мы двигались вперед. Твои союзники выскакивают из своих укромных мест, когда ты подталкиваешь их.

Я не ответил. Протестовать не было смысла. Я вспомнил, как много раз я сам считал, что дон Хуан и дон Хенаро были в сговоре друг с другом. Я думал, что пока дон Хуан разговаривает со мной в темноте, дон Хенаро переодевается для того, чтобы напугать меня, а дон Хуан утверждает потом, что меня пугают союзники. Сама мысль о существовании союзников и тому подобного за пределами нашего повседневного внимания была слишком неприемлемой для меня. Но затем я на своем опыте убедился, что союзники, которых описывает дон Хуан, действительно существуют. В мире, как он говорил, полно всевозможных тварей.

Авторитетным тоном, крайне редким в моей повседневной жизни, я сказал ла Горде и остальным, что у меня есть для них предложение, которое они вольны либо принять, либо нет.

Если они готовы двинуться отсюда, то я могу взять на себя ответственность и увести их в другое место. Если не готовы, я буду чувствовать себя свободным от каких-либо обязательств перед ними.

Я чувствовал прилив оптимизма и уверенности. Никто из них ничего не сказал. Они смотрели на меня молча, как бы взвешивая мое заявление.

— Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать вещи? — спросил я.

— У нас нет вещей, — сказала ла Горда. — Мы поедем как есть. И мы можем ехать прямо сейчас, сию же минуту, если это необходимо. Но если мы можем подождать еще три дня, то это было бы лучше для нас.

— Как насчет ваших домов? — спросил я.

— Об этом позаботится Соледад, — ответила она.

Впервые с тех пор, как я в последний раз видел донью Соледад, было упомянуто ее имя. Я настолько заинтересовался, что моментально забыл о тяжелом положении данного момента. Я сел. Ла Горда колебалась с ответами на вопросы о донье Соледад. Нестор вмешался и сказал, что Соледад где-то поблизости, но они очень мало знают о том, чем она занимается. Она приходит и уходит, ни у кого не спрашивая. Между ними существовало соглашение, чтобы она присматривала за их домами. Донья Соледад знала, что рано или поздно им нужно будет уехать, и тогда она примет на себя ответственность и сделает все необходимое, чтобы они избавились от своей собственности.

— Как вы дадите ей знать? — спросил я.

— Это дело ла Горды, — ответил Нестор. — Она знает, где находится Соледад.

— Где донья Соледад, ла Горда? — спросил я.

— Откуда, черт возьми, я могу знать это? — бросила ла Горда.

— Но ведь именно ты всегда зовешь ее, — сказал Нестор.

Ла Горда посмотрела на меня. Это был мимолетный взгляд, но он поверг меня в дрожь. Я узнал этот взгляд, но откуда? Все мое тело напряглось. Солнечное сплетение стало твердым, как никогда. Моя диафрагма, казалось, давила вверх сама на себя. Я подумывал о том, не прилечь ли, когда внезапно

оказался стоящим.

— Ла Горда не знает, — сказал я. — Только я знаю, где она находится.

Все были потрясены, и я, пожалуй, сильнее всех. Я сделал это заявление без всяких разумных на то оснований. Однако в тот момент, когда я его произносил, у меня была абсолютная уверенность, что я знаю, где она находится. Это было похоже на озарение, промелькнувшее в моем сознании. Я увидел горный район с зазубренными сухими пиками и пустую холодную равнину. Как только я замолчал, следующей осознанной мыслью было, что я, по-видимому, видел этот ландшафт в кино и что нагрузка от пребывания с этими людьми вызвала у меня такой срыв. Я извинился, что ввел их в заблуждение, хотя и ненамеренно, и уселся.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему ты это сказал? — спросил меня Нестор. Он осторожно подбирал слова. Естественнее было бы спросить, по крайней мере для меня: «Значит, ты на самом деле не знаешь, где она находится?». Я сказал им, что на меня нашло что-то неизвестное. Я описал им местность, которую увидел, и ту нахлынувшую на меня уверенность, что донья Соледад находится именно там.

— Это происходит с нами довольно часто, — сказал Нестор.

Я повернулся к ла Горде, и она кивнула головой. Я попросил ее объясниться.

— Эти сумасшедшие запутанные вещи все время приходят нам в голову, — сказала ла Горда. — Спроси Лидию, Розу или Хосефину.

С тех пор, как они поселились парами, Лидия, Роза и Хосефина мало говорили со мной. Они ограничивались приветствиями или случайными репликами о пище или погоде.

Лидия избегала моего взгляда. Она пробормотала, что временами ей кажется, будто она помнит еще и другие вещи.

— Иногда я могу действительно ненавидеть тебя, — сказала она мне. — Я думаю, что ты притворяешься глупым, но потом я вспоминаю, что однажды ты даже заболел из-за нас. Это был ты?

— Конечно, это был он, — вмешалась Роза. — Я тоже вспоминаю разное. Я помню даму, которая была добра ко мне. Она учила меня, как держать себя в чистоте, а этот Нагваль подстриг мне волосы в первый раз, пока она меня держала, потому что я была очень напугана. Эта дама любила меня. — Она была очень высокая. Я помню, что мое лицо прижималось к ее груди, когда она обнимала меня. Она была единственным человеком, который действительно заботился обо мне. Я бы с радостью приняла смерть ради нее.

— Кто была эта дама. Роза? — спросила ла Горда, затаив дыхание.

Роза указала на меня подбородком, жестом, полным отвращения и недовольства.

— Он знает, — сказала она.

Все уставились на меня, ожидая ответа.

Я рассердился и заорал на Розу, что не ее дело лезть с заявлениями, которые в действительности являются обвинениями. Я никоим образом не лгал им.

На Розу не подействовала моя вспышка. Она спокойно объяснила, что помнит, как эта дама говорила ей, что я еще вернусь после того, как оправлюсь от своей болезни. Роза поняла это так, что дама заботится и обо мне, лечит меня, и поэтому я должен знать, кто она такая и где она, поскольку я уже явно выздоровел.

— Что за болезнь была у меня, Роза? — спросил я.

— Ты заболел, потому что не смог удерживать свой мир, — сказала она очень убежденно. — Кто-то говорил мне, я думаю, давным-давно, что ты не создан для нас, точно так же, как Элихио говорил ла Горде в сновидениях. Поэтому ты нас и покинул, и Лидия так и не простила тебе этого. Она будет ненавидеть тебя и за границами этого мира.

Лидия запротестовала, сказав, что ее чувства не имеют ничего общего с тем, что говорит Роза. Она просто очень легко выходит из себя и сердится из-за моей глупости.

Я спросил Хосефину, помнит ли она меня тоже.

— Конечно, помню, — сказала она с улыбкой. — Но ты же знаешь, что я сумасшедшая. Мне нельзя верить. На меня нельзя положиться.

Ла Горда настаивала на том, чтобы Хосефина сказала о том, что она помнит. Хосефина была настроена не говорить ничего, и они спорили, пока, наконец, Хосефина не сказала мне:

— Какой толк от всех этих разговоров о воспоминаниях, они гроша ломаного не стоят.

Хосефина, казалось, высказалась за всех, больше говорить было не о чем. Они собирались уйти после того, как посидели в вежливом молчании еще несколько минут.

— Я помню, как ты покупал мне красивые платья, — внезапно сказала мне Хосефина. — Разве ты не помнишь, как я упала с лестницы в магазине? Я чуть не поломала ноги, и тебе пришлось меня нести.

Все опять сели, уставившись на Хосефину.

— Еще я помню одну сумасшедшую, она хотела побить меня и гонялась за мной, пока ты не рассердился и не остановил ее.

Я был растерян. Все, казалось, уцепились за слова Хосефины, хотя сама она говорила, чтобы ей не верили, так как она сумасшедшая. Она была права. Ее воспоминания не имели для меня никакого смысла.

— Я тоже знаю, почему ты заболел, — сказала она. — Я была там, но не помню, где. Они взяли тебя сквозь стену тумана, чтобы разыскать глупышку ла Горду. Я думаю, она заблудилась. Ты не мог вернуть ее. Когда они принесли тебя назад, ты был почти мертв.

Молчание, последовавшее за ее словами, было гнетущим. Я уже просто боялся что-либо спрашивать.

— Я не могу вспомнить, ради чего она отправилась туда и кто принес тебя оттуда. Глупая ла Горда клянется, что она не знала тебя, пока ты не пришел к нам в этот дом несколько месяцев назад. Я же узнала тебя сразу. Я помнила, что ты был Нагваль, который заболел. Ты хочешь что-то узнать? Я думаю, эти женщины просто индульгируют, как и глупый Паблито. Они-то должны помнить, ведь они были там же.

— А ты помнишь, где мы были? — спросил я.

— Не помню, — сказала Хосефина. — Однако узнала бы, если бы ты меня туда привез. Когда мы были там, нас называли пьяницами, потому что мы блуждали. У меня в голове тумана было меньше, чем у остальных, поэтому я помню довольно отчетливо.

— Кто называл нас пьяницами? — спросил я.

— Не тебя, только нас, — ответила Хосефина. — Я не помню кто. Наверное, Нагваль Хуан Матус.

Я посмотрел на них, и все отвели глаза.

— Мы подходим к концу, — пробормотал Нестор, как бы говоря сам с собой. — Наш конец уже смотрит нам в лицо.

Казалось, он был на грани слез.

— Я должен быть рад и горд, что мы прибыли к концу, и все же я печален. Не можешь ли ты объяснить это, Нагваль?

Внезапно всех охватила печаль. Даже дерзкая Лидия загрустила.

— Что с вами случилось? — спросил я. — О каком конце вы говорите?

— Я думаю, каждый знает, что это за конец, — сказал Нестор. — В последнее время у меня были странные ощущения. Что-то зовет нас, а мы сопротивляемся, цепляясь.

Паблито, как истинный кавалер, отметил, что ла Горда единственная среди

нас, кто ни за что не цепляется. Все остальные, заверил он меня, безнадежные эгоисты.

— Нагваль сказал, что когда придет время, мы получим знак, — сказал Нестор. — Что-то такое, что нам действительно нравится, выйдет на передний план и позовет нас.

— Он сказал, что это не обязательно должно быть что-то большое, — добавил Бениньо. — Может подойти что угодно, что нам нравится.

— Для меня знак придет в виде оловянных солдатиков, которых у меня никогда не было, — добавил Бениньо. — Отряд оловянных солдатиков, конных гусар, явится, чтобы забрать меня. А чем это явится для тебя?

Я вспомнил, как дон Хуан говорил мне однажды, что смерть может стоять позади чего угодно, даже позади точки в моем блокноте. А потом он дал мне определенную метафору моей смерти. Я рассказал ему, что, гуляя однажды по бульвару Голливуда в Лос-Анжелесе, я услышал звуки трубы, играющей старый, идиотский популярный мотив. Музыка доносилась из магазина грампластинок на этой улице. Никогда я не слышал более приятных звуков. Я был захвачен ими. Я был вынужден присесть на бордюр. Медные звуки трубы попадали мне прямо в мозг. Я ощущал их над своим правым виском. Они ласкали меня, пока я не опьянел от них. Когда они смолкли, я знал, что нет способа когда-нибудь повторить это ощущение, и у меня было достаточно отрешенности, чтобы не броситься в магазин и не купить эту пластинку вместе со стереопроигрывателем, чтобы слушать и слушать ее.

Дон Хуан сказал, что это было знаком, который дала мне сила, управляющая судьбой людей. Когда придет мое время покинуть этот мир в какой бы то ни было форме, я услышу те же самые звуки трубы и тот же идиотский мотив, исполняемый тем же трубачом.

Следующий день был для всех суматошным. Казалось, каждому нужно было сделать бесчисленное множество дел. Ла Горда сказала, что их хлопоты носили личный характер и должны были выполняться каждым без посторонней помощи. Я был рад остаться один. У меня тоже имелись свои дела. Я поехал в ближайший городок, который так сильно нарушал мое спокойствие. Я подъехал прямо к дому, имевшему такую притягательную силу

для меня и ла Горды. Я постучал в дверь. Открыла дама. Я сочинил историю, что жил в этом доме ребенком и хотел бы взглянуть на него опять. Она была доброжелательной женщиной и повела меня в дом, многословно извиняясь за несуществующий беспорядок.

Этот дом был переполнен скрытыми воспоминаниями. Они были там, я мог их чувствовать, но вспомнить не мог ничего.

На следующий день ла Горда уехала ранним утром. Я ожидал, что ее не будет весь день, но к обеду она возвратилась. Казалось, она была крайне взволнована.

— Соледад вернулась и хочет тебя видеть, — сказала она напрямик. Без единого слова объяснений она отвела меня к дому Соледад. Донья Соледад стояла у двери. Она выглядела еще более молодой и сильной, чем когда я ее видел в последний раз. У нее осталось лишь отдаленное сходство с той старой женщиной, которую я знал много лет назад.

Ла Горда была на грани слез. То напряжение, через которое мы проходили, делало ее состояние вполне понятным для меня. Она ушла, не сказав ни слова.

Донья Соледад сказала, что у нее очень мало времени для разговора со мной и что она собирается использовать каждую минуту. Она производила странное впечатление отрешенности. В каждом ее слове звучала вежливость.

Я сделал жест, чтобы остановить ее и задать вопрос. Самым деликатным образом она прервала меня. Она сказала, что подбирает слова очень тщательно и что недостаток времени позволит ей сказать лишь то, что существенно. Она секунду пристально смотрела мне в глаза, и эта секунда показалась мне неестественно длинной. Это раздражало меня. Она могла бы и говорить со мной, и в то же время ответить на какие-нибудь вопросы.

Она прервала паузу и заговорила о том, что я воспринял как абсурд. Она сказала, что нападала на меня, поскольку я сам об этом просил в тот день, когда мы впервые пересекли параллельные линии, и что она может лишь надеяться, что ее атака была эффективной и послужила своей цели. Я хотел закричать, что я никогда не просил ее о чем-либо подобном, что ничего не

знаю о параллельных линиях и что то, что она говорит, — бессмыслица. Она зажала мне губы ладонью. Я автоматически расслабился. Она выглядела опечаленной. Она сказала, что нет способа, при помощи которого мы могли бы разговаривать, потому что в данный момент мы находимся на двух параллельных линиях, и ни у кого из нас нет энергии пересечь их. Только ее глаза могли сообщить мне о ее настроении.

Безо всяких причин я почувствовал себя расслабленным. Что-то во мне смягчилось. Я заметил, что по моим щекам катятся слезы, а затем мной на секунду овладело невероятное ощущение. На короткий момент, но достаточно продолжительный, чтобы пошатнуть основание моего сознания или моей личности, или того, что, как я думал и чувствовал, является «мною». В это мгновение я понял, что мы очень близки друг к другу по своим целям и темпераменту. Наши обстоятельства были похожими. Я хотел сказать ей, что это была отчаянная битва, но что она еще не закончена и никогда не закончится. Она прощалась, потому что, будучи безупречным воином, знала, что наши пути никогда не пересекутся. Мы пришли к концу следа. Запоздалая волна чувства общности вырвалась из какого-то темного, непостижимого уголка меня самого. Эта вспышка была подобна электрическому разряду внутри моего тела. Я обнял ее, мои губы двигались, говоря что-то, не имеющее для меня никакого смысла. Ее глаза загорелись. Она тоже говорила что-то, чего я не мог понять. Единственное ощущение, бывшее для меня ясным и состоявшее в том, что я пересек параллельные линии, не имело никакого прагматического значения. Внутри меня вырвался наружу какой-то источник, какая-то необъяснимая сила разрывала меня на части. Я не мог дышать, и все покрылось мглой.

Я почувствовал, как кто-то касается меня и мягко тормошит. В фокусе появилось лицо ла Горды. Я увидел, что лежу на кровати доньи Соледад, около меня сидела ла Горде. Мы были вдвоем.

— Где она? — спросил я.

— Ушла, — ответила ла Горда.

Я хотел все рассказать ла Горде, но она остановила меня и открыла дверь. Все ученики ожидали меня снаружи. Они надели свои лучшие одежды. Ла Горда объяснила, что они порвали все остальное, что у них было. Время клонилось к

вечеру. Я проспал несколько часов. Не разговаривая, мы пошли к дому ла Горды, где стояла моя машина. Они забились внутрь, словно дети, собирающиеся на воскресную прогулку.

Прежде чем сесть в машину, я остановился, глядя на долину. Мое тело медленно поворачивалось, совершая полный круг, как если бы оно имело собственную волю и свои задачи. Я чувствовал, что постигаю сущность этого места. Я хотел удержать ее в себе, потому что я знал совершенно определенно, что никогда больше его не увижу.

Другие, должно быть, уже проделали это. Они были свободны от меланхолии, шутили и смеялись друг над другом.

Я завел машину, и мы поехали. Когда мы достигли последнего поворота дороги, солнце садилось, и ла Горда закричала, чтобы я остановился. Она выбралась наружу и побежала на небольшой холмик сбоку от дороги. Она забралась на него и бросила прощальный взгляд на свою долину. Она потянула к ней руки и вдыхала ее в себя.

Поездка вниз с этих гор была на удивление короткой и совершенно лишенной событий. Все хранили спокойствие. Я пытался втянуть ла Горду в разговор, но она наотрез отказалась. Она сказала, что горы, будучи собственниками, хотят завладеть ими и что если они не сохранят своей энергии, то горы никогда не отпустят их.

Как только мы спустились в долину, все стали очень оживленными, особенно ла Горда. Она, казалось, кипела энергией. Она даже добровольно поделилась информацией, без всяких уговоров с моей стороны. Одним из ее утверждений было то, что Нагваль говорил ей, а Соледад подтвердила, что у нас есть другая сторона. Услышав это, остальные выступили с вопросами и замечаниями. Они были в смущении из-за своих странных воспоминаний о событиях, которые логически не могли иметь места. Так как некоторые из них повстречались со мной несколькими месяцами раньше, то воспоминания обо мне, уходящие в отдаленное прошлое, были чем-то превосходящим границы их понимания.

Тогда я рассказал им о своей встрече с доньей Соледад. Я описал им свое чувство, что я очень близко знал ее раньше, и то чувство, что я, несомненно,

пересек тогда то, что она называла параллельными линиями. В ответ на мое заявление все смутились. Казалось, они слышали этот термин раньше. Но я не был уверен, что все они понимали, что это значит. Для меня это была метафора. Я не мог бы поклясться, что и для них это было так же.

Когда мы приехали в город Оахаку, они изъявили желание посетить то место, где, по словам ла Горды, исчезли дон Хуан и дон Хенаро. Я приехал прямо туда. Они высыпали из машины и, казалось, ориентировались, принюхивались к каким-то признакам. Ла Горда указала направление, в котором они ушли.

— Ты сделала ужасную ошибку, ла Горда, — сказал Нестор. — Это не восток. Это север.

Ла Горда протестовала и отстаивала свое мнение. Женщины и Паблито поддерживали ее. Бениньо не вступал в разговор и молча смотрел на меня, как если бы я должен был дать ответ, что я и сделал.

Я обратился к карте Оахаки, которая была у меня в машине. Направление, указанное ла Гордой, было севером.

Нестор заметил, что наш отъезд из их города, как он все время чувствовал, ни в коей мере не был преждевременным или насильственным. Срок был правильным. У других такого ощущения не было, их колебания были вызваны ошибкой ла Горды. Она считала, что Нагваль указал на их родной город, и это означало, что они должны были остаться там. Я с опозданием признал, что, в конце концов, виноват сам, потому что вовремя не воспользовался картой.

Потом я вспомнил, что забыл им рассказать, как один из тех людей, кого я принял в тот момент за дона Хенаро, позвал нас за собой кивком головы. Глаза ла Горды широко раскрылись от искреннего удивления или даже тревоги. Она этого жеста не заметила. Приглашение касалось только меня.

— Вот он, перст судьбы! — воскликнул Нестор.

Он повернулся к остальным. Все заговорили одновременно. Он отчаянно жестикулировал, чтобы успокоить их.

— Я лишь надеюсь, что вы сделали все как надо в расчете на то, что никогда

не вернетесь, — сказал он, — потому что мы никогда не возвратимся назад.

— Ты говоришь нам правду? — спросила Лидия со свирепым выражением лица, в то время как остальные выжидающе уставились на меня.

Я заверил, что у меня не было причин выдумывать что-либо. И, к тому же, я совершенно не был убежден, что это были дон Хуан и дон Хенаро.

— Ты очень хитрый, — сказала Лидия. — Ты, быть может, говоришь нам это для того, чтобы мы покорно следовали за тобой.

— Подожди минутку, — вмешалась ла Горда. — Этот Нагваль может быть таким хитрым, как ты думаешь, но он никогда не поступит подобным образом.

Они заговорили все сразу. Я попытался вмешаться, и мне пришлось сказать, что виденное мною в любом случае ничего не меняет. Нестор очень вежливо объяснил им, что Хенаро говорил, что когда для них наступит время покинуть долину, он каким-нибудь образом даст им знать об этом кивком головы. Они успокоились, когда я сказал, что если их судьбы предрешены благодаря этому событию, то такое же можно сказать и о моей судьбе. Все мы отправляемся на север.

Затем Нестор отвел нас к месту ночевки — постоялому двору, где он обычно останавливался, когда у него бывали дела в городе. Их настроение было приподнятым, пожалуй, даже слишком приподнятым, чтобы я мог чувствовать себя комфортно. Даже Лидия обняла меня, извинившись за свою несносность. Она объяснила, что верила ла Горде и потому не позаботилась о том, чтобы эффективно разорвать свои связи с долиной. Хосефина и Роза вновь и вновь гладили меня по спине. Я хотел поговорить с ла Гордой. Мне надо было обсудить с ней наши дальнейшие действия. Но в этот вечер никакой возможности остаться с ней наедине так и не представилось.

Нестор, Паблито и Бениньо ушли рано утром, чтобы сделать кое-какие дела. Женщины тоже ушли — за покупками. Ла Горда попросила, чтобы я помог ей купить новое платье. Она хотела, чтобы я выбрал для нее платье, которое дало бы ей полную уверенность в себе, необходимую для того, чтобы быть гибким воином. Я подыскал не только такое платье, но и туфли с чулками. Мы с ней пошли прогуляться. Мы кружили по центру города, глазея на индейцев в

их местных одеяниях. Будучи бесформенным воином, она уже совершенно свободно чувствовала себя в своем новом элегантном одеянии. Выглядела она очаровательно. Казалось, она никогда не одевалась иначе. Не она, а я никак не мог привыкнуть к ее новой одежде.

Мне было очень трудно сформулировать вопросы, которые прямо-таки рвались из меня. Неожиданно оказалось, что я не имею ни малейшего представления, о чем бы ее спросить. Со всей серьезностью я сказал, что ее новый облик очень сильно воздействует на меня. Она весьма рассудительно ответила, что на меня воздействует не это, а пересечение границ.

— Вчера вечером мы пересекли некие границы, — сказала она, — Соледад говорила мне, чего ожидать, поэтому я была подготовлена, а ты — нет.

Она начала медленно и мягко объяснять, что мы пересекли границы привязанности. Она четко выговаривала каждый звук, как если бы говорила с ребенком или иностранцем. Но я не мог сконцентрироваться на ее словах. Мы повернули к нашему жилью. Я нуждался в отдыхе, но кончилось тем, что я опять отправился в город. Лидия, Роза и Хосефина не смогли ничего купить и теперь хотели что-нибудь такое, как у ла Горды.

К полудню я вернулся на постоялый двор, восхищаясь сестричками. Розе было немного трудно идти на высоких каблуках. Мы подшучивали над ее походкой, когда дверь медленно отворилась и вошел Нестор. Он был одет в сшитый на заказ темно-синий костюм, светло-розовую рубашку и синий галстук. Его волосы были тщательно причесаны и слегка вились, как после специальной химической завивки. Он посмотрел на женщин, а те на него. Вошел Паблито, а следом Бениньо. Оба выглядели сногсшибательно. Их туфли были совершенно новыми, а костюмы сшиты по последней моде.

Меня порадовало, как все мгновенно адаптировались к городской одежде. Это очень напоминало дона Хуана. Я, пожалуй, так же был поражен видом трех Хенарос в городской одежде, как когда-то был потрясен, увидев дона Хуана в костюме. Но их новый облик я воспринял сразу. С другой стороны, хотя я и не удивлялся преображению женщин, привыкнуть к их новой внешности я не мог.

Я подумал, что Хенарос, видимо, улыбнулась удача магов, раз им удалось купить такие прекрасные костюмы. Услышав мои рассуждения об удаче, они

расхохотались. Нестор объяснил, что эти костюмы для них сшил портной еще несколько месяцев назад.

— Каждый из нас имеет еще по одному костюму, есть у нас и кожаные чемоданы. Мы знали, что время нашей жизни в горах подходит к концу. Мы готовы к отъезду. Конечно, сначала ты должен сказать нам — куда. А также то, сколько времени мы будем находиться здесь.

Он сказал, что у него есть давние деловые счета, которые надо закрыть, и что это потребует определенного времени. Ла Горда вышла вперед и заявила, что нынче вечером мы отправляемся так далеко, как позволит сила, следовательно — до конца дня все должны уладить свои дела. Нестор и Паблито медлили у дверей. Они смотрели на меня, ожидая подтверждения. Я подумал, что наименьшее, что я могу — это быть с ними честным. Но ла Горда прервала меня как раз в тот момент, когда я собрался сказать, что сам пребываю в затруднении относительно того, куда нам ехать и что нам надлежит делать.

— Мы встретимся на скамейке Нагваля в сумерках, — сказала она. — Оттуда мы и отправимся. Нам следует сделать все, что нужно, или все, что мы хотим, до этого времени, зная, что никогда больше в нашей жизни мы сюда не вернемся.

После того, как все разошлись, мы с ла Гордой остались одни. Резким и неуклюжим движением она села мне на колени. Она была такой легкой, что я мог бы стряхнуть ее тело, пошевелив ногами. Ее волосы слабо пахли какими-то духами. Я пошутил, что запах невыносим. Она затряслась от смеха, и вдруг ко мне пришло ощущение воспоминания. Внезапно я как бы держал на коленях другую ла Горду, полную, в два раза толще той, которую я знал. Лицо ее было круглым, и я дразнил ее, потешаясь над запахом ее волос. У меня было ощущение, что я забочусь о ней.

Действие этого потрясающего воспоминания заставило меня встать. Ла Горда грохнулась на пол. Я описал ей то, что вспомнил. Я сказал, что видел ее полной только один раз, и то так непродолжительно, что не смог бы описать ее черты. И, тем не менее, я только что видел ее, когда она была еще полной.

Она никак этого не комментировала, но сняла свою новую одежду и вновь

надела старое платье.

— Я еще не готова к нему, — сказала она, указывая на свое новое одеяние. — Нам предстоит сделать еще одну вещь, прежде чем мы будем свободны. Согласно инструкциям Нагваля мы все должны посидеть на выбранном им месте силы.

— Где это место?

— Где-то поблизости, в горах. Нагваль говорил, что на этом месте есть естественная трещина. Он сказал, что определенные места силы являются дырами в этом мире. Если быть бесформенным, то можно пройти сквозь такую дыру в неизвестное, в иной мир. Тот мир и этот — где мы живем — находятся на двух параллельных линиях. Вполне возможно, что он всех нас в разное время брал в тот мир через эти линии, но мы этого не помним. Элихио находится в том другом мире. Иногда мы достигаем его при помощи сновидения. Хосефина, конечно, самый лучший сновидящий среди нас. Она пересекает эти линии ежедневно, но то, что она сумасшедшая, делает ее безразличной и туповатой, поэтому Элихио помог мне пересечь эти линии, считая, что я более разумна. Но и я оказалась такой же тупой. Элихио хочет, чтобы мы вспомнили свою левую сторону. Соледад говорила мне, что левая сторона — это линия, параллельная той, на которой мы живем сейчас. Поэтому, если он хочет, чтобы ее вспомнили, значит, мы должны были уже бывать там. И не в сновидении. Вот почему мы все вспоминаем время от времени какую-то чертовщину.

Ее заключения были логичными, учитывая те исходные данные, которыми она располагала. Я знал, о чем она говорит. Эти случайные, необоснованные воспоминания обладали реальностью повседневной жизни. И тем не менее мы были неспособны найти для них ни временной последовательности, ни хоть какого-нибудь промежутка в непрерывной последовательности нашей жизни.

Ла Горда села, откинувшись на кровать. В ее глазах была измученность.

— Но вот вопрос — как найти это место силы? — сказала она. — Без этого места нет возможности для нашего путешествия.

— А меня заботит, куда вас везти и что там с вами делать?

— Соледад говорила мне, что мы поедем на север, до самой границы, — сказала ла Горда. — А некоторые, пожалуй, поедут еще дальше на север. Но ты не будешь все время с нами. У тебя другая судьба.

Ла Горда на минуту задумалась. Лицо ее исказилось от попытки привести мысли в порядок.

— Соледад говорила, что ты возьмешь меня, чтобы я выполнила свое предназначение. Я единственная из всех нас, кто находится на твоем попечении.

Должно быть на моем лице отразилась тревога. Она улыбнулась.

— Соледад сказала мне также, что ты закрыт заглушкой, — продолжала она. — Но иногда ты бываешь Нагвалем. Все остальное время, по словам Соледад, ты подобен тому сумасшедшему, у которого временами проясняется сознание, а затем он вновь впадает в свое безумие.

Донья Соледад нашла очень подходящие слова, чтобы описать меня. Именно те, которые я мог понять. Должно быть, по ее мнению, у меня был проблеск в сознании, когда я знал, что пересек параллельные линии. Однако этот момент, по моим собственным стандартам, был самым абсурдным. Мы с доньей Соледад явно находились на разных линиях мышления.

— Что еще она тебе говорила? — спросил я.

— Она говорила, что я должна заставить тебя вспомнить, она совсем выдохлась, пытаясь поднять на поверхность мою память; именно поэтому она не могла подробнее заняться тобой.

Ла Горда поднялась. Она была готова к выходу. Мы пошли погулять по городу. Она, казалось, была счастлива. Она ходила, наблюдая за всем, насыщая свои глаза миром. Дон Хуан уже давал мне такую картину, говоря, что воин ждет, что он знает, чего ждет, и пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для него окончательное выполнение задачи воина было радостью. В тот день в Оахаке ла Горда буквально следовала учению дона Хуана.

В конце дня на закате солнца мы пришли и сели на скамью дона Хуана. Первыми пришли Паблито, Бениньо и Хосефина, а через несколько минут к ним присоединились и трое остальных. Паблито уселся между Лидией и Хосефиной, положил им руки на плечи. Они опять переоделись в старую одежду.

Ла Горда поднялась и начала рассказывать им о месте силы. Нестор стал смеяться над ней, остальные присоединились к нему.

— Никогда больше ты не заставишь нас попасть под твое влияние, — сказал Нестор. — Мы свободны от тебя. Прошлой ночью мы пересекли границы.

Ла Горду это не затронуло, но остальные рассердились. Я громко сказал, что хочу подробнее узнать о тех границах, которые мы пересекли. Нестор объяснил, что это относится только к ним. Ла Горда не согласилась. Казалось, они были готовы сцепиться. Я отвел Нестора в сторону и велел ему рассказать о границах.

— Наши чувства создают границы вокруг чего угодно, — сказал он. — Чем больше мы любим, тем сильнее границы. В данном случае мы любили свой дом. Прежде чем уехать, нам пришлось забрать свои чувства назад. Наши чувства к своему дому доходили до вершин гор на западе нашей долины. Это была граница. Когда мы пересекли вершины гор, зная, что никогда не вернемся назад, мы эти границы переступили.

— Но я тоже знал, что никогда не вернусь сюда, — сказал я.

— Ты не любил эти горы так, как мы, — сказал Нестор.

— Это еще как сказать, — загадочно бросила ла Горда.

— Мы были под ее влиянием, — сказал Паблито, указывая на ла Горду. — Она держала всех нас за шиворот. Теперь я вижу, насколько мы были тупы в отношении ее. Мы не можем плакать над пролитым молоком, но больше мы не попадемся.

Лидия и Хосефина присоединились к Нестору и Паблито. Бениньо и Роза

смотрели так, словно вся эта стычка совсем их не касается.

В этот момент у меня опять появился проблеск уверенности и авторитетного поведения. Я поднялся и без всякого сознательного желания заявил, что беру все руководство на себя и освобождаю ла Горду от каких бы то ни было дальнейших обязанностей делать замечания и представлять свои идеи как единственно верное решение. Когда я закончил, то был шокирован собственной смелостью. Все, включая ла Горду, были довольны. Сила, стоявшая за моей вспышкой, первоначально была физическим ощущением раскрывания моих лобных пазух, а затем осознанием того, где именно находится место, которое мы должны посетить, прежде чем станем свободными, и о котором говорил дон Хуан. Когда открылись мои лобные пазухи, передо мной предстало видение того дома, который так меня заинтриговал.

Я сказал им, куда мы должны ехать. Они приняли мои указания без каких-либо замечаний. Мы расплатились с хозяином постоялого двора и отправились поужинать. Затем, примерно до 11 часов вечера, мы гуляли вокруг площади по прилегающим улочкам. Я подогнал машину, мы шумно уселись и поехали. Ла Горда бодрствовала, чтобы составить мне компанию. Остальные спали. Затем Нестор вел машину, а мы с ла Гордой спали.

Глава 5. Орда разгневанных магов

Мы добрались до города на рассвете. Тут я занял место за рулем и повел машину прямо к тому дому. Квартала за два до него ла Горда попросила меня остановить машину. Она вышла и пошла по высокому тротуару. Один за другим остальные вышли из машины и последовали за ла Гордой. Паблито сказал, что машину надо оставить на площади за квартал отсюда, что я и сделал.

В тот момент, когда я увидел, как ла Горда поворачивает за угол, я понял, что

с ней что-то не в порядке. Она была необычайно бледна. Она подошла ко мне и сказала, что собирается пойти послушать утреннюю мессу в костеле. Лидия тоже захотела пойти. Они пересекли площадь и вошли в церковь.

У Хенарос было совершенно непроницаемое выражение лиц. Роза была напугана, ее рот приоткрылся, глаза, не мигая, смотрели в сторону дома. Только Хосефина сияла. Она панибратски хлопнула меня по спине.

— Ты все-таки добился своего, негодник! — воскликнула она. — Ты таки снял сургуч с этих сукиных детей.

Она смеялась, пока чуть не задохнулась.

— Это то место, Хосефина? — спросил я.

— Конечно, — ответила она. — Ла Горда в те времена всегда ходила в церковь. Она была заядлой богомолкой.

— Ты помнишь вон тот дом? — спросил я, указывая на него.

— Это дом Сильвио Мануэля, — сказала она.

Мы все вздрогнули, услышав это имя. Я почувствовал что-то похожее на то, как если бы через мои колени прошел электрический ток. Это имя определенно не было мне знакомо, и тем не менее мое тело подскочило, когда я услышал его. Сильвио Мануэль — такое редкое имя, такое текучее звучание! Трое Хенарос и Роза были так же ошеломлены, как и я. Я заметил, что они побледнели. Судя по тому, что я чувствовал, я должен был быть таким же бледным, как и они.

— Кто такой Сильвио Мануэль? — ухитрился я наконец спросить Хосефину.

— Теперь ты поймал меня, — сказала она. — Я не знаю.

Она ретировалась, сказав, что она сумасшедшая и что ничего из того, что она говорит, всерьез принимать нельзя. Нестор попросил ее рассказать все, что она помнит. Хосефина попыталась сообразить, но она была не тем человеком, который может что-либо делать, когда на него давят. Я знал, что она ответит

куда лучше, если к ней не приставать с расспросами. Я предложил найти булочную или какое-нибудь место, где можно перекусить.

— Мне в этом доме многого не позволяли — вот что я помню, — сказала вдруг Хосефина.

Она посмотрела вокруг, как бы что-то ища и ориентируясь.

— Чего-то тут не хватает, — воскликнула она. — Тут было иначе.

Я попытался помочь ей, задавая вопросы, которые считал подходящими, как то: не отсутствуют ли какие-то дома, или, может, изменилась их окраска, или появились новые здания, но Хосефина не могла сообразить, что именно изменилось.

Мы зашли в булочную и купили сладких рогаликов. Когда мы возвращались на площадь, чтобы дожидаться ла Горду и Лидию, Хосефина внезапно хлопнула себя по лбу, как если бы ее осенило.

— Я знаю, чего не хватает! — воскликнула она. — Этой дурацкой стены тумана. Она тогда все время была здесь. Теперь ее нет.

Тут мы заговорили одновременно, расспрашивая ее об этой стене, но Хосефина беззаботно продолжала говорить свое, как будто нас здесь и не было.

— Это была стена тумана, которая тянулась повсюду до самого неба, — сказала она. — Она была прямо здесь, она сводила меня с ума. Правильно, черт возьми. Я не была такой уж чокнутой, пока эта стена не свела меня с ума. Я видела ее хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами. Я думала, что эта стена преследует меня.

На минуту Хосефина потеряла свое естественное оживление. Ее взгляд стал отчаянным. Я видел такой у людей, которые проходят через психический стресс. Я поспешно предложил ей съесть рогалик. Она тотчас же успокоилась и начала жевать.

— Что ты обо всем этом думаешь, Нестор? — спросил я.

— Я боюсь, — сказал он тихо.

— Ты что-нибудь помнишь?

Он отрицательно покачал головой. Паблито и Бениньо повторили это движение.

— А ты, Роза?

Услышав, что я обращаюсь к ней, Роза подскочила. Она, казалось, потеряла дар речи. Она пристально рассматривала сладкий рогалик в своей руке, как бы пытаясь сообразить, что же с ним делать.

— Конечно, она помнит, — сказала Хосефина, смеясь. — Но она до смерти перепугалась. Разве вы не видите, что у нее даже из ушей страх сочится?

Вероятно, Хосефина сочла свою реплику великолепной шуткой. Она согнулась от смеха и уронила на землю свой рогалик, затем подняла его, обтерла и съела.

— Сумасшедшие едят все, — сказала она, похлопывая меня по спине.

Нестору и Бениньо, по-видимому, было неловко за паясничанье Хосефины. Паблито же был доволен. В его глазах светилось восхищение. Он потряс головой и цокнул языком, как бы не в силах поверить в такое великолепие.

— Пойдем к дому, — подталкивала нас Хосефина. — Я расскажу вам там всякие вещи.

Я сказал, что нам надо подождать ла Горду и Лидию. К тому же было еще слишком рано беспокоить очаровательную даму, жившую в этом доме. Паблито сказал, что бывал в этом городе по своим плотничьим делам и знает место, где проезжих кормят обедами. Хосефина не хотела ждать. Ей было все равно — идти к дому или идти есть.

Я высказался за завтрак и попросил Розу зайти в церковь и позвать ла Горду и Лидию, но Бениньо галантно вызвался дождаться их и проводить к месту

завтрака. Очевидно, он тоже знал, где оно находится. Паблито не повел нас прямо туда. Вместо этого он, по моей просьбе, сделал большой круг. На окраине города был большой мост, и мне захотелось его осмотреть. Я видел его из машины в тот день, когда приезжал сюда с ла Гордой. По-видимому, он был колониальной постройки. Мы взошли на мост, но затем внезапно остановились на его середине. Я спросил стоявшего там человека, очень ли это старый мост. Он ответил, что видит его всю свою жизнь, а ему уже за шестьдесят. Я думал, что этот мост имеет притягательную силу исключительно для меня, но, наблюдая за другими, вынужден был заключить, что и на них он воздействует так же. Нестор и Роза тяжело дышали, им не хватало воздуха. Паблито схватился за Хосефину, та же, в свою очередь, спряталась за меня.

— Ты что-нибудь помнишь, Хосефина? — спросил я.

— Этот дьявол, Сильвио Мануэль, находится на той стороне моста, — сказала она, указывая на противоположный берег в каких-то десяти метрах от нас.

Я посмотрел в глаза Розе, и она утвердительно кивнула головой, прошептав, что однажды уже пересекала этот мост в великом страхе, и что на его противоположном конце что-то поджидало ее, чтобы сожрать.

От обоих мужчин было мало толку. Они смотрели на меня в полном замешательстве. Каждый сказал, что он без всяких на то причин сильно боится. Я должен был согласиться с ними. Я чувствовал, что за все золото мира не соглашусь пересечь этот мост. Я не знал почему.

— Что ты еще помнишь, Хосефина?

— Сейчас мое тело очень напугано, — сказала она. — Я больше ничего не могу вспомнить. Этот дьявол, Сильвио Мануэль, всегда находился во мгле. Спроси у Розы.

Движением головы она попросила Розу говорить. Та три-четыре раза утвердительно кивнула, но не смогла выдавить из себя ни одного слова. Напряжение, которое испытывал я сам, было беспричинным, но реальным. Все мы стояли на этом мосту, на самой его середине, не в состоянии сделать ни одного шага в том направлении, в котором указывала Хосефина. Наконец Хосефина взяла на себя инициативу и повернула назад. Мы пошли назад в

центр города. Паблито привел нас к большому дому. Ла Горда, Лидия и Бениньо уже ели. Они даже заказали еду для нас. Я не был голоден. Паблито, Нестор и Роза были в оцепенении, Хосефина же ела с удовольствием. За столом царило мрачное молчание. Каждый избегал моего взгляда, когда я пытался начать разговор. После завтрака мы пошли к тому дому. Никто не произнес ни слова. Я постучал, и когда дама открыла дверь, я объяснил ей, что мне хочется показать дом моим друзьям. Она на секунду заколебалась. Ла Горда дала ей немного денег и извинилась за то, что мы ее беспокоим.

Хосефина повела нас прямо в заднюю половину дома. Я не видел этой части дома, когда был здесь в прошлый раз. Там находился мощеный дворик, с помещениями, расположенными вокруг него. В крытых коридорах хранился громоздкий сельскохозяйственный инвентарь. У меня было такое ощущение, что я уже видел этот дворик, когда тут не было всего этого хлама. С каждой стороны дворика находились по две комнаты. Нестор, Паблито и Бениньо, казалось, были на грани физического заболевания. Ла Горда обливалась потом. Она села с Хосефиной в нишу одной из стен, а Лидия и Роза вошли в одну из комнат. Внезапно Нестор, как будто в поисках чего-то, вошел в другую комнату. Так же сделали и Паблито с Бениньо. Я остался наедине с хозяйкой дома. Я хотел было заговорить с ней и спросить, знавала ли она Сильвио Мануэля, но не мог набраться храбрости для разговора. Мой живот, казалось, завязывался узлами, с лица капал пот. Что-то подавляло меня, невыразимая печаль, тоска по чему-то отсутствующему, непостижимому. Я не мог этого вынести. Я уже собирался попрощаться с дамой и выйти на улицу, когда ко мне подошла ла Горда. Она прошептала, что нам следует посидеть немного в большой комнате, примыкающей к холлу, отделенному от дворика. Комнату было видно с того места, где мы стояли. Мы вошли внутрь. Это была очень большая, пустая комната с высоким сводчатым потолком, темная и хорошо проветриваемая. Ла Горда позвала всех туда. Дама посмотрела на нас, но сама внутрь не вошла. Каждый, казалось, в точности знал, где ему надлежит сидеть. Хенарос уселись справа от двери, у одной из стен комнаты. Сестрички сели слева, у противоположной стены. Они уселись вплотную к стенам. Хотя мне хотелось сесть рядом с ла Гордой, я занял место в центре комнаты, показавшееся мне правильным. Не знаю почему, но наши места, казалось, предопределял какой-то высший порядок. Пока я там сидел, волна странных чувств нахлынула на меня. Я был пассивен и расслаблен. Я казался себе киноэкраном, на который проецировались чужие чувства печали и тоски. Однако не было ничего, что я мог бы узнать, как точные воспоминания.

Мы оставались в этой комнате больше часа. К концу я уже чувствовал, что готов открыть источники неземной печали, заставившие меня почти неконтролируемо плакать. Но затем так же непроизвольно, как уселись, мы встали и покинули дом, даже не поблагодарив его хозяйку и не попрощавшись с ней.

На площади мы сгрудились вместе. Ла Горда сразу заявила, что, поскольку она бесформенная, она все еще несет ответственность. Она сказала, что занимает такую позицию из-за тех выводов, к которым она пришла в доме Сильвио Мануэля. Ла Горда, казалось, ждала замечаний. Молчание остальных было для меня невыносимым. В конце концов, я должен был что-то сказать.

— К каким же выводам ты пришла в этом доме, ла Горда? — спросил я.

— Думаю, все знают, к каким, — высокомерно ответила она.

— Мы этого не знаем, — сказал я. — Никто пока ничего не говорил.

— Мы знаем, что нам и не надо разговаривать, — буркнула ла Горда.

Я настаивал на том, что такие важные вещи я не могу принять так просто, как нечто само собой разумеющееся. Нам необходимо поговорить о наших чувствах. Что касается лично меня, то все, что я оттуда вынес, — это опустошительное чувство печали и отчаяния.

— Нагваль был прав, — сказала ла Горда. — Мы должны были посидеть на том месте, чтобы освободиться. Я теперь свободна. Я не знаю, как это произошло, но что-то было снято с меня, пока я там сидела.

Все женщины согласились с ней. Трое же мужчин — нет. Нестор сказал, что он был на грани того, чтобы вспомнить действительные лица, но, несмотря на его старания очистить свое поле зрения, что-то прерывало его. Все, что он испытал, было чувство тоски и печали оттого, что он все еще находится в этом мире.

— Видишь, ла Горда, что я имею в виду? — сказал я.

Она, казалось, была недовольна. Она надулась, как никогда на моей памяти. Или же я видел ее такой надутой когда-то раньше. Она выступала перед группой. Я не мог сосредоточиться на том, что она говорит. Я углубился в воспоминание, которое было неоформленным, но почти достижимым для меня. Чтобы эти воспоминания продолжались, я, казалось, нуждался в постоянном потоке слов ла Горды. Я был привязан к звуку ее голоса, к ее гневу. В какой-то момент, когда она начала остывать, я заорал на нее, что она строит из себя шишку. Она действительно взволновалась. Я какое-то время следил за ней. Я вспомнил другую ла Горду, в другое время, — сердитую, толстую ла Горду, толкающую меня в грудь кулаками. Я вспомнил, как смеялся над ее гневом, потешаясь над ней, как над ребенком. Воспоминание окончилось в тот момент, когда замолк голос ла Горды. Она как будто поняла, что я делал.

Я обратился ко всем и сказал, что мы находимся в опасном положении, что-то неизвестное нависло над нами.

— Оно не нависло над нами, оно уже ударило нас, — тихо сказала ла Горда. — Я полагаю, ты знаешь, что это.

— Я не знаю, и думаю, что говорю не только за себя, но и за других мужчин, — сказал я.

Трое Хенарос согласно кивнули.

— Мы жили в этом доме, пока мы были на левой стороне, — объяснила ла Горда. — Я любила сидеть в том алькове и плакать, потому что не знала, что делать. Я думаю, что если бы я осталась в этой комнате чуть дольше, я вспомнила бы все, но что-то вытолкнуло меня оттуда. Я сидела обычно в той комнате, когда там находились другие люди. Но я не могу вспомнить их лиц. Однако другие вещи прояснились, пока я сидела там. Я бесформенная, ко мне приходит все, и плохое, и хорошее. Например, я ощутила свое старое раздражение и желание браниться. Но я приобрела и кое-что хорошее.

— Я тоже, — сказала Лидия хриплым голосом.

— Что это за хорошие вещи? — спросил я.

— Я думаю, что не права в своей ненависти к тебе, — сказала Лидия. — Моя

неприязнь не дает мне улететь. Так говорили мне все в этой комнате, и мужчины, и женщины.

— Какие еще мужчины и женщины? — испуганно спросил Нестор.

— Я бывала там, когда они там были. Это все, что я знаю, — сказала Лидия. — И ты там бывал. Все мы там бывали.

— Кто эти люди, Лидия? — спросил я.

— Я бывала там, когда они там были. Это все, что я знаю, — повторила Лидия.

— А ты, ла Горда? — спросил я.

— Я уже говорила тебе, что не могу вспомнить лица или что-либо специфическое. Но я знаю одно — что бы мы ни делали в этом доме, это было на левой стороне. Мы пересекали, или кто-то заставлял нас пересекать параллельные линии. Те непонятные воспоминания, что приходят к нам, идут из того времени, из того мира.

Не сговариваясь, мы покинули площадь и направились к мосту. Ла Горда и Лидия побежали впереди нас. Когда мы догнали их, то обнаружили, что они стоят на том самом месте, где раньше остановились мы.

— Сильвио Мануэль — это мгла, — прошептала мне ла Горда, не отрывая глаз от противоположной стороны моста.

Лидия тряслась. Она попыталась заговорить со мной, но я не мог понять, что она бормочет.

Я подтолкнул всех назад, прочь с моста. Я думал, что если мы сумеем собрать по крупицам все, что каждый знает об этом мосте, то совокупное знание поможет нам решить эту проблему. Мы сели на землю в нескольких метрах от моста. Мимо проходило множество людей, но никто не обращал на нас никакого внимания.

— Кто такой Сильвио Мануэль, ла Горда? — спросил я.

— Никогда раньше не слыхала этого имени. Я не знаю этого человека и в то же время — знаю его. Что-то похожее на волны накатывает на меня, когда я слышу это имя. Хосефина назвала его, когда мы находились в доме. С этой минуты всякая всячина начала лезть мне в голову, сама по себе, как у Хосефины. Никогда не думала, что доживу до того, что стану похожей на Хосефину.

— Почему ты сказала, что Сильвио Мануэль — это мгла? — спросил я ла Горду.

— Понятия не имею, — сказала она. — Однако все мы знаем, что это правда.

Ла Горда подтолкнула женщин, чтобы те заговорили. Никто не произнес ни слова. Я выбрал Розу, которая несколько раз порывалась что-то сказать. Я обвинил ее в том, что она от нас что-то скрывает. Она содрогнулась.

— Мы пересекли этот мост, и Сильвио Мануэль ждал нас на той стороне, — сказала Роза еле слышно. — Я шла последней. Когда он пожирал остальных, я слышала их вопли. Я х-хотела убежать, но этот дьявол, Сильвио Мануэль, б-был с обеих сторон моста. Спастись было невозможно.

Ла Горда, Лидия и Хосефина согласились с ней. Я спросил, было ли это просто ощущением, что все так и произошло, или же прямым и точным воспоминанием о чем-то. Ла Горда ответила, что для нее все представляется точно так, как рассказала Роза, — это совершенно отчетливое воспоминание. Остальные женщины согласились с ней.

Я не мог понять, что же было с людьми, живущими у моста. Если женщины кричали так, как рассказывала Роза, то прохожие должны были это слышать. Вопли вызвали бы тревогу. На секунду я почувствовал, что весь город должен был бы говорить об этом. Дрожь прошла по моему телу. Я повернулся к Нестору и прямо высказал все, что чувствовал. Нестор сказал, что Нагваль и Хенаро — воины высших достижений и, как таковые, они были совершенно особыми существами. Их контакты с людьми носили индивидуальный характер. Совершенно невозможно, чтобы целый город, или хотя бы люди, живущие рядом с мостом, находились с ними в сговоре. Для того, чтобы это стало возможно, сказал Нестор, все эти люди должны быть воинами, вероятность чего крайне ничтожна.

Хосефина с ухмылкой начала расхаживать вокруг меня.

— Ты нахал, — сказала она. — Притворяешься, что ничего не знаешь, а сам был здесь. Это ведь ты привел нас сюда! Это ты толкал нас на этот мост.

В глазах женщин зажглась угроза. Я повернулся за помощью к Нестору.

— Я ничего не помню, — сказал он. — Это место меня пугает — вот все, что я знаю.

С моей стороны обращение к Нестору было блестящим маневром. Женщины набросились на него.

— Конечно, ты помнишь! — визжала Хосефина. — Мы все были здесь. Что ты за глупый осел!

Мои расспросы требовали порядка. Я увел их прочь от моста. Я думал, что они, будучи активными людьми, смогут больше расслабиться, если начнут двигаться и разговаривать на ходу, вместо того, чтобы сидеть на месте, как предпочел бы я.

Когда мы пошли, гнев женщин утих так же внезапно, как и вспыхнул. Лидия и Хосефина стали еще более разговорчивыми. Они вновь и вновь повторяли, что Сильвио Мануэль был пугающей фигурой. Тем не менее никто не помнил, чтобы потерпел какой-нибудь физический урон. Они помнили одно — свою парализованность страхом. Роза не произнесла ни слова, но знаками выражала свое согласие со всем, что говорили остальные. Я спросил, не ночью ли они пытались перейти мост. И Лидия, и Хосефина ответили, что это было средь бела дня. Роза прокашлялась и сказала, что была ночь. Ла Горда уточнила, что это случилось как раз перед рассветом. Мы дошли до конца коротенькой улочки и автоматически повернули назад к мосту.

— Это же так просто! — вырвалось у ла Горды, как будто ее внезапно осенило. — Мы пересекали, или, вернее, Сильвио Мануэль заставлял нас пересекать параллельные линии. Этот мост — место силы. Дыра в этом мире. Вход в иной мир. Мы прошли в эту дверь. Вероятно, проходить было больно, так как мое тело боится. Сильвио Мануэль ждал нас с другой стороны. Никто из нас не

помнит его внешности, потому что Сильвио Мануэль — это мгла, и он никогда не показывает своего лица. Мы могли видеть только его глаза.

— Один глаз, — флегматично уточнила Роза и отвернулась.

— Все здесь, включая тебя, — сказала ла Горда, обращаясь ко мне, — знают, что лицо Сильвио Мануэля пребывает во мгле. Можно только слышать его голос — мягкий, как приглушенное покашливание.

Ла Горда замолчала и начала так пристально рассматривать меня, что я почувствовал себя неловко. В ее глазах мелькала хитринка, что дало мне основания подозревать, что она знает о чем-то, но помалкивает. Я спросил ее. Она отрицала, но признала, что ощущает множество необоснованных чувств, которые даже не старается объяснить. Я подталкивал ее, а затем прямо потребовал, чтобы женщины попробовали вспомнить, что же все-таки случилось с ними на той стороне моста. Каждая могла вспомнить только вопли остальных.

Трое Хенарос остались в стороне и в наш разговор не вступали. Я спросил у Нестора, не имеет ли он хоть какого-нибудь представления о том, что же все-таки произошло. Он бесстрастно ответил, что все это находится где-то вне его понимания.

Тогда я пришел к быстрому решению. Мне показалось, что единственное, что нам остается в этом случае, — пересечь мост. Я предложил вернуться к мосту и перейти через него. Мужчины немедленно согласились, женщины — нет. Исчерпав все свои доводы, я, в конце концов, вынужден был толкать и тащить Лидию, Хосефину и Розу. Ла Горда не была расположена идти, но казалась заинтригованной предстоящим. Она шла рядом, не помогая мне тащить женщин. Хенарос поступали так же. Они нервно посмеивались над моими попытками справиться с сестричками, но и пальцем не пошевельнули, чтобы помочь мне. Так мы дошли до той точки, где останавливались раньше. Там я внезапно почувствовал, что слишком слаб, чтобы удержать трех женщин. Я заорал на ла Горду, чтобы она мне помогла. Она сделала полуискреннюю попытку удержать Лидию, но тут группа распалась и все стали пробираться, спотыкаясь и тяжело дыша, к безопасности улицы. Мы с ла Гордой остались как бы приклеенными к мосту, не в силах двинуться вперед и не желая возвращаться.

Ла Горда прошептала мне на ухо, что мне совсем не следует бояться, потому что именно я и ждал их тогда на той стороне моста. Она добавила, что убеждена, будто я знаю, что являлся помощником Сильвио Мануэля, но не смею признаться в этом остальным.

Тут меня охватила неконтролируемая ярость. Я чувствовал, что ла Горда не должна соваться, делая такие заявления или испытывая подобные чувства. Я схватил ее за волосы и крутанул. В наивысшей точке своего гнева я спохватился и остановился. Я извинился и обнял ее. Меня отрезвила простая мысль. Я сказал, что мне действует на нервы необходимость быть руководителем. Напряжение, по мере нашего продвижения, становилось все более и более сильным.

Она не согласилась со мной. Она твердо держалась своего мнения, будто Сильвио Мануэль и я были чрезвычайно близки и поэтому, когда мне напоминали о моем хозяине, я приходил в ярость. Хорошо, что я должен о ней заботиться, сказала она, не то я сбросил бы ее с моста.

Мы повернули назад. Остальные находились уже на безопасном расстоянии от моста и взирали на нас с откровенным страхом. Казалось, господствовало очень странное состояние безвременья. Словно мы были выброшены из привычного потока времени. Вокруг совсем не было людей. Мы пробыли на мосту никак не менее пяти минут, и ни один человек не только не пересек мост за это время, но и даже не показался в виду. Затем, совершенно внезапно, люди опять стали двигаться вокруг нас, как всегда бывает в это деловое время суток.

Не говоря ни слова, мы пошли назад на площадь. Все ощущали опасную слабость. У меня было смутное желание задержаться в городе еще немного, но мы сели в машину и поехали на восток к атлантическому побережью. Мы с Нестором по очереди вели машину, останавливаясь только для того, чтобы заправиться и перекусить, пока не достигли Вера-Круса. Этот город был для нас нейтральной зоной. Я бывал там только однажды, остальные вообще ни разу. Ла Горда считала, что такой незнакомый город является подходящим местом, чтобы сбросить старую оболочку. Мы остановились в отеле, и там они приступили к разрыванию на куски своих старых одежд. Впечатления нового города творили чудеса с их моралью и самочувствием.

Затем мы приехали в Мехико и остановились в отеле неподалеку от парка Аламеда, там же, где я когда-то останавливался с доном Хуаном. В течение двух дней мы вели себя как обыкновенные туристы. Мы делали покупки и посещали столько туристских мест, сколько могли. Бениньо приобрел фотоаппарат в магазине подержанных товаров. Своим «Полароидом» он сделал 425 снимков. В одном месте, пока мы любовались поразительной мозаикой, служитель, приняв меня за гида, спросил, откуда приехали эти великолепные иностранки. Я ответил, что из Шри-Ланки. Он поверил и поразился тому, насколько они похожи на мексиканок.

На следующий день, в десять утра, мы прибыли в авиаагентство, в которое дон Хуан втолкнул меня однажды. Когда он втолкнул меня, я влетел в одну дверь, а вылетел в другую, но не назад на улицу, с которой входил, а на рынок, находящийся примерно в трех километрах отсюда, прямо в хаотично перемещавшуюся толпу.

Ла Горда рассуждала, что агентство, как и мост, было местом силы, местом пересечения параллельных линий. Нагваль толкнул меня через этот проход, но я застрял посередине между двумя мирами, между линиями, и таким образом смог наблюдать за жизнью базара, не будучи сам ее частью. Она сказала, что Нагваль, конечно, хотел пропихнуть меня сквозь дверь, но мое упрямство помешало ему, и в конце концов я вернулся назад через ту же линию в этот мир.

Мы прошли от авиаагентства до рынка, а оттуда в парк Аламеда, где мы с доном Хуаном сидели после происшествия у агентства. Я много раз бывал в этом парке с доном Хуаном. Я чувствовал, что это место является наиболее благоприятным для того, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

Я намеревался подвести итоги всему, что мы сделали для того, чтобы сила могла решить, какой следующий шаг нам предпринять. После попытки пересечь мост я безуспешно пытался придумать, как удержать моих компаньонов в одной группе. Мы уселись на каменные ступеньки, и я начал с того, что для меня знание приходит обычно вместе со словами. Моя глубочайшая вера состоит в том, что если опыт или событие не вписаны в систему, то они рассеиваются. Поэтому я попросил их представить свои индивидуальные оценки нашего положения.

Паблито заговорил первым. Я нашел это странным, потому что вплоть до настоящего момента он был необыкновенно тихим. Он извинился за то, что собирался сказать мне не что-нибудь из всплывшего в памяти, но просто свое заключение, основанное на том, что он знал. Он сказал, что ему нетрудно понять то, что, по словам женщин, произошло на мосту. Это было, утверждал Паблито, результатом вынужденного перехода с правой стороны — тоналя на левую — нагваль. Всех пугал тот факт, что управлял этим переходом кто-то еще, заставлявший их его совершать. Он не видел проблемы в том, чтобы считать, что именно я помог тогда Сильвио Мануэлю. Он подтвердил свое заключение заявлением, что всего лишь двумя днями ранее он был свидетелем того, как я делал то же самое — заталкивал всех на мост силой. В этот раз, однако, мне никто не мог помочь — не было Сильвио Мануэля, чтобы тащить всех к себе из-за моста.

Я попытался сменить тему разговора, сказав, что такая забывчивость, как у нас, называется амнезией. Я знал об амнезии слишком мало, чтобы пролить свет на наш случай, однако достаточно, чтобы считать, что мы не могли так просто и быстро, как по команде, все забыть. Я сказал, что кто-то — может быть, дон Хуан — сделал с нами нечто невообразимое. Я хотел точно выяснить, что же именно.

Паблито настаивал, что для меня очень важно, чтобы я понял, что именно я был в сговоре с Сильвио Мануэлем. Затем он сказал, что Лидия и Хосефина уже говорили с ним о той роли, которую я играл, силой заставляя их пересечь параллельные линии.

Я не испытывал особого удовольствия, обсуждая эти вопросы. Я заметил, что никогда, вплоть до разговора с Соледад, я не слышал о параллельных линиях. Однако я не мог возражать против того, что идею этих линий я понял мгновенно. Я рассказал им, как словно в озарении я увидел, что она имеет в виду. Я даже поверил, что пересек параллельные линии сам, когда думал, что вспомнил ее. Остальные, за исключением ла Горды, сказали, что впервые услышали о параллельных линиях тогда, когда я заговорил о них. Ла Горда добавила, что она впервые услышала о них от доньи Соледад как раз передо мной.

Паблито сделал попытку завести разговор о моих отношениях с Сильвио

Мануэлем. Я прервал его и сказал, что пока мы были на мосту, пытаясь перейти его, я не заметил, что я, а предположительно и все мы, находились в состоянии необычной реальности. Я осознал перемену, когда заметил, что на мосту совсем нет людей. Лишь мы одни находились там. Стоял погожий день, но внезапно небо затянули облака, а яркий свет позднего утра превратился в сумерки. В то время я был настолько поглощен своими страхами и субъективными интерпретациями, что не заметил пугающей перемены. Когда мы сошли с моста, я обнаружил, что другие люди опять идут вокруг нас. Но что происходило с нами, когда мы пытались перейти мост?

Ла Горда и остальные ничего не заметили. В действительности они ничего не знали о переменах до тех пор, пока я их не описал. Теперь они смотрели на меня с раздражением и страхом. Паблито опять перехватил инициативу и обвинил меня в попытке втравить их во что-то такое, чего они не хотят. Он не уточнил, что это может быть такое. Но его ораторского напора оказалось достаточно, чтобы все встали на его сторону. Внезапно передо мной оказалась целая орда разгневанных магов. От меня потребовалась масса усилий и времени, чтобы объяснить, почему мне необходимо проверить со всех возможных точек зрения наше удивительное и странное приключение на мосту. В конце концов они успокоились, не столько из-за того, что я их убедил, сколько из-за эмоциональной усталости. Все, включая ла Горду, ревностно отстаивали позицию Паблито.

Нестор выдвинул другую линию рассуждений. Он предположил, что я, возможно, был таким невольным соучастником, который полностью не отдавал отчета в своих действиях. Он добавил, что сам он лично не может поверить, как остальные, в то, что я осознавал, будто оставлен с задачей увести их в сторону от желаемого ими. Он чувствовал, что я на самом деле не знал, что веду их к уничтожению, хотя делал именно это. Он думал, что существуют два способа пересечения параллельных линий. Один — при помощи чьей-нибудь силы, другой — своими собственными усилиями. Его конечный вывод состоял в том, что Сильвио Мануэль заставил их когда-то пересечь линии, напугав их так сильно, что некоторые даже вообще не помнят об этом. Их задачей было сделать это своими силами, тогда как моей задачей было помешать им в этом.

Затем заговорил Бениньо. Он сказал, что последнее, что сделал дон Хуан для своих учеников-мужчин, — это помог им пересечь параллельные линии,

заставив прыгнуть в пропасть. Бениньо считал, что мы уже располагаем достаточно большим знанием о пересечении параллельных линий, но еще не пришло время, чтобы повторить это. На мосту они не могли сделать ни одного шага вперед потому, что еще не настало нужное время. Поэтому они правы, думая, что я пытался их уничтожить, заставляя пересекать линии. Он считал, что переход через параллельные линии с полным осознанием явится для них конечным шагом — шагом, который должен быть сделан только тогда, когда они будут готовы исчезнуть с этой земли.

Затем против меня выступила Лидия. Она не давала никаких оценок, но призывала меня вспомнить, как я в первый раз заманил ее на мост. Она нагло утверждала, что я был учеником не Нагваля, а Сильвио Мануэля, и что мы с Сильвио Мануэлем пожрали тела друг друга.

У меня вновь вспыхнул приступ ярости, как на мосту с ла Гордой. Я вовремя взял себя в руки. Успокоила меня логичная мысль. Я повторял себе вновь и вновь, что я заинтересован в таком анализе. Я объяснил Лидии, что бесполезно напирать на меня таким образом. Но она не хотела остановиться. Она кричала, что Сильвио Мануэль — мой хозяин, и что именно в этом причина того, что я не являюсь частью их всех.

Роза добавила, что Сильвио Мануэль дал мне все, чем я сейчас являюсь. Я попросил Розу выбирать выражения. Я сказал, что ей следовало бы говорить, что Сильвио Мануэль дал мне все, что я имею. Она настаивала на своем выборе слов. Сильвио Мануэль дал мне все, чем я являюсь.

Даже ла Горда поддержала ее, сказав, что она помнит то время, когда я был болен — настолько болен, что у меня не оставалось сил для жизни. Все во мне было израсходовано. И именно тогда Сильвио Мануэль взял все в свои руки и вдохнул новую жизнь в мое тело. Ла Горда сказала, что мне лучше было бы узнать свое происхождение, чем продолжать, как я это делал до сих пор, утверждать, что мне помог Нагваль. Она настаивала на том, что я фиксировался на Нагвале, потому что он был предрасположен изъясняться словами. Сильвио же Мануэль, наоборот, был молчаливой мглой. Она объяснила, что для того, чтобы последовать за ним, мне требовалось пересечь параллельные линии. Ну а чтобы следовать за Нагвалем, достаточно было просто говорить о нем.

Все, что они высказывали, было для меня полной бессмыслицей. Я уже собирался сделать то, что считал уместным в отношении подобной чепухи, как внезапно линия моего мышления была буквально смята. Я не мог уже вспомнить, о чем только что думал, хотя лишь секунду назад решение представлялось максимально ясным. Вместо этого на меня нахлынуло крайне любопытное воспоминание. Это было не ощущением чего-то, а ясной и чистой памятью о случившемся.

Я вспомнил, что был однажды с доном Хуаном и еще одним человеком, лица которого вспомнить не мог. Мы втроем беседовали о чем-то, что я воспринимал как одну из черт мира. Оно находилось в пяти — семи метрах справа от меня и выглядело как бесплотная стена желтого тумана, разделявшего, насколько я мог судить, весь мир надвое. Эта стена простиралась от земли до неба, уходя в бесконечность. Пока мы беседовали, половина мира, находившаяся справа от меня, была целиком закрыта этим туманом, левая же половина была видна как на ладони.

Я помню, как сориентировался по ландшафтным признакам и понял, что ось стены тумана идет с востока на запад. Помню, как спросил дона Хуана, что случилось с миром к югу от этой линии. Дон Хуан заставил меня повернуться вправо, и я увидел, что стена тумана передвигается по мере того, как я поворачиваю голову. Мир был разделен на уровне, недоступном моему интеллекту. Разделение казалось реальным, но граница проходила не на физическом уровне. Она была как-то связана со мной самим. Или это не так?

Был еще осколок этого воспоминания. Тот, другой человек сказал, что разделить мир надвое — очень большое достижение. Но еще большее достижение, когда у воина достаточно невозмутимости и контроля для того, чтобы остановить вращение этой стены. Он сказал, что эта стена не находится внутри нас. Она определенно снаружи в мире, разделяя его на две части и вращаясь, когда мы поворачиваем голову, как если бы она была прикреплена к нашим вискам. Успешное удержание стены от поворота дает воину возможность повернуться к ней лицом и силу проходить сквозь нее в любое время, когда он только пожелает.

Когда я рассказал всем то, что только вспомнил, женщины были убеждены, что этот другой человек — Сильвио Мануэль. Хосефина, как знаток тумана, объяснила, что преимущество Элихио перед остальными состояло в его

способности останавливать стену, так что он по желанию мог проходить сквозь нее. Она добавила, что стену тумана легче проходить в сновидении, потому что тогда она не движется.

Ла Горду, казалось, охватила целая серия болезненных воспоминаний. Ее тело конвульсивно подрагивало, наконец она быстро заговорила. Она сказала, что больше не имеет никаких оснований отрицать тот факт, что я был помощником Сильвио Мануэля. Сам Нагваль предупреждал ее, что я порабощу ее, если она не будет осторожна. Даже Соледад просила ее следить за мной, потому что мой дух берет людей в плен и делает их своими рабами. На такое был способен лишь Сильвио Мануэль. Он поработил меня, и теперь я буду порабощать любого, кто приблизится ко мне. Она призналась, что находилась под действием моих чар вплоть до того момента, когда села в комнате Сильвио Мануэля, и что-то вдруг свалилось с ее плеч.

Я поднялся и буквально зашатался под тяжестью слов ла Горды. В животе у меня образовался какой-то вакуум. Я был убежден, что могу рассчитывать на ее поддержку при любых обстоятельствах. Я чувствовал себя преданным. Я подумал, что для них было бы не лишним знать мое чувство, но на помощь пришел здравый смысл. Вместо этого я сказал им, что моим бесстрастным заключением, как воина, является следующее. Дон Хуан изменил ход моей жизни в лучшую сторону. Я оценивал и переоценивал то, что он для меня сделал, и вывод всегда оставался тем же. Он принес мне свободу. Свобода — это все, что я знаю, и это все, что я могу принести кому-либо, пришедшему ко мне.

Нестор поддержал меня. Он убеждал женщин перестать враждебно относиться ко мне. Он смотрел на меня глазами человека непонимающего, но жаждущего понять. Он сказал, что я не принадлежу к ним, потому что в действительности я одинокая птица. Они нуждались во мне на короткий миг, чтобы порвать свои границы привязанности и рутины. Теперь, когда они свободны, только небо является их границей. Оставаться со мной было бы, без сомнения, приятно для них, но убийственно.

Он, казалось, был глубоко растроган. Он подошел ко мне, положил руку мне на плечо и сказал, что, судя по его ощущениям, мы никогда больше не увидимся на Земле. Он очень сожалеет, что мы расстаемся, как мелочные людишки, ропща и обвиняя. Он сказал, что говорит не только от себя, но и от

имени остальных. Он просит меня уехать, так как у нас нет больше возможности оставаться вместе. Он добавил, что посмеялся над ла Гордой по поводу ее слов о змее, которого мы образуем. Он изменил свое мнение и больше не находит эту идею смешной. Это было нашим последним шансом добиться успеха в качестве цельной группы.

Дон Хуан учил меня принимать судьбу смиренно.

— Ход жизни воина неизменяем, — сказал он мне однажды. — Вопрос лишь в том, насколько далеко уйдет он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в нерушимых границах… Если на его пути встречаются препятствия, воин стремится безупречно преодолеть их. Если на своей тропе он встречает невыносимые трудности и боль, он плачет, и все его слезы, вместе взятые, не смогут сдвинуть линию его судьбы даже на толщину волоска.

Мое первоначальное решение — позволить силе этого места определить, куда нам сделать следующий шаг, — было правильным. Я поднялся. Остальные отвернули лица. Ла Горда подошла ко мне и сказала, как ни в чем небывало, что мне следует уехать и что она свяжется со мной потом, позднее. Я хотел отмахнуться, возразить, что не вижу причины, почему она должна ко мне присоединяться — ведь она уже решила примкнуть к другим.

Она, казалось, прочла мое чувство, что меня предали. Она спокойно заверила меня, что мы должны исполнить свое предназначение вместе, как воины, а не как мелочные людишки, которыми мы были.

Часть вторая. Искусство сновидения

Глава 6. Потеря человеческой формы

Несколько месяцев спустя Ла Горда поселилась в Аризоне после того, как помогла всем остальным осесть в разных частях Мексики. Затем мы приступили к разворачиванию самой странной и самой поглощающей части нашего ученичества. Сначала наши отношения были довольно натянутыми. Мне было трудно перешагнуть через свои чувства по поводу того, каким образом мы расстались в парке Аламеда. Хотя Ла Горда и знала местонахождение остальных, мне она ни разу ничего об этом не говорила. Она чувствовала, что мне ни к чему знать об их деятельности.

Внешне между мной и Ла Гордой все было нормально. Тем не менее, я чувствовал горький осадок из-за того, что она в тот раз встала на сторону остальных против меня. Я не подавал виду, но осадок все равно оставался. Я помогал ей и делал для нее все, как если бы ничего не случилось, но это входило в требование безупречности. Это был мой долг; чтобы выполнить его, я с радостью пошел бы на смерть. Я намеренно ушел в руководство ею и в посвящение ее во все тонкости современной городской жизни. Она даже начала изучать английский язык, причем ее успехи были просто поразительны.

Три месяца пролетели почти незаметно. Но однажды, когда я находился в Лос-Анжелесе, я проснулся на рассвете с невыносимой тяжестью в голове. Это не было головной болью. Скорее, это походило на сильное давление в ушах. Я чувствовал тяжесть также на висках и в горле. Я ощущал жар, но только в голове. Я сделал слабую попытку подняться и сесть. Мелькнула мысль, что у меня, должно быть, удар. Поначалу мне хотелось позвать на помощь, но я все же как-то успокоился и попытался преодолеть страх. Через некоторое время давление в голове начало спадать, но усилилось в горле. Я задыхался, хрипел, кашлял. Спустя некоторое время давление постепенно переместилось на грудь, затем на живот, в область паха, пока, наконец, через стопы не ушло из тела.

Происходившее со мной, чем бы оно ни было, длилось примерно два часа. В течение этих мучительных часов казалось, будто что-то внутри моего тела действительно движется вниз, выходя из меня. Мне чудилось, будто это что-то

сворачивается наподобие ковра. Другое сравнение, пришедшее ко мне в голову, — шарообразная масса, передвигающаяся внутри тела. Первый образ все же был точнее, так как более всего это походило на что-то, сворачивающееся внутри самого себя, ну прямо как скатываемый ковер. Оно становилось все тяжелее и тяжелее, а отсюда — нарастающая боль, ставшая совсем нестерпимой к коленям и ступням, особенно в правой ступне, которая оставалась очень горячей еще с полчаса после того, как вся боль и давление исчезли.

Ла Горда, услышав мой рассказ, сказала, что на этот раз я наверняка потерял свою человеческую форму, сбросив все щиты или, по крайней мере, большинство из них. Она была права. Не зная и даже не соображая, что произошло, я оказался в совершенно незнакомом состоянии. Я чувствовал себя отрешенным, не ощущающим воздействий извне. Теперь уже было неважно, как поступила со мной Ла Горда. Это не означало, что я простил ее за предательство; просто чувство было таким, как будто никакого предательства и не было. Во мне не осталось никакой — ни явной, ни скрытой неприязни ни к Ла Горде, ни к кому бы то ни было другому. То, что я ощущал, не было апатией или желанием побыть одному. Скорее, это было незнакомое чувство отстраненности, способности погрузиться в текущий момент, не имея никаких мыслей ни о чем другом. Действия людей больше не влияли на меня, потому что я вообще больше ничего не ждал. Странный покой стал руководящей силой моей жизни. Я чувствовал, что каким-то образом все-таки воспринял одну из концепций жизни воина — отрешенность. Ла Горда сказала, что я сделал больше, чем воспринял ее, — я фактически ее воплотил.

Дон Хуан вел со мной долгие беседы о том, что когда-нибудь я добьюсь этого. Он говорил, что отрешенность не означает автоматически мудрости, но, тем не менее, она является преимуществом, потому что позволяет воину делать моментальную паузу для переоценки ситуации и для пересмотра позиции. Для того, чтобы пользоваться этим дополнительным преимуществом адекватно и правильно, необходимо, однако, говорил он, чтобы воин непрестанно сражался за свою жизнь.

Я не рассчитывал когда-либо испытать это чувство. Насколько я мог судить, не было способа сымпровизировать его. Мне было бесполезно думать о преимуществах этого чувства или рассуждать о возможности его появления. В течение тех лет, что я знал дона Хуана, я явно испытывал постепенное

ослабление внешних связей с миром, но это происходило в интеллектуальном плане. В своей повседневной жизни я не изменился, вплоть до того времени, пока не потерял свою человеческую форму.

Я беседовал с Ла Гордой о том, что концепция потери человеческой формы относится к телесным условиям и овладевается учеником тогда, когда он достигает определенного порога в ходе обучения. Как бы там ни было, конечным результатом потери человеческой формы для меня и Ла Горды было, как это ни странно, не только скрытое чувство отрешенности, но и решение нашей неясной задачи по воспоминанию. И в этом случае интеллект сыграл минимальную роль.

Однажды вечером мы с Ла Гордой обсуждали кинокартину. Она ходила смотреть порнографический фильм, и мне хотелось услышать ее мнение. Фильм ей совершенно не понравился. Она утверждала, что такой опыт расслабляет, так как быть воином означает вести сдержанную жизнь в полном целомудрии, как Нагваль Хуан Матус.

Я сказал ей, что дон Хуан не чуждался женщин и не был затворником, я знаю это наверняка и нахожу это великолепным.

— Ты безумец! — воскликнула она с изумлением в голосе. — Нагваль был совершенным воином. Он не был пойман ни в какие сети чувственности.

Она хотела узнать, почему я считаю, что дон Хуан не был девственником.

Я рассказал ей об одном случае, который произошел в Аризоне еще в начале моего ученичества. Я отдыхал однажды в доме дона Хуана после утомительной прогулки. Дон Хуан выглядел странно нервным. Он часто подходил к двери, чтобы выглянуть на улицу, казалось, он ждал кого-то. Затем он внезапно сказал мне, что из-за поворота дороги показалась машина, которая направляется к его дому. Он пояснил, что это девушка, его друг, везет ему одеяло. Я никогда не видел дона Хуана раздраженным, и меня опечалило то, что он так взволнован, даже не знает, как поступить. По моему мнению, он не хотел моей встречи с этой девушкой. Я предложил ему спрятаться, но в его доме не было такого укромного места. Поэтому он уложил меня на пол и укрыл соломенной циновкой. Я услышал, как подъехала машина, затем через щелку в циновке увидел девушку, стоявшую в дверях. Она была высокой, стройной и

очень молодой. Мне она показалась очень красивой. Дон Хуан что-то говорил ей тихим интимным голосом. Затем он повернулся и показал на меня.

— Карлос прячется под циновкой, — сказал он девушке громко и отчетливо. — Поздоровайся с ним.

Девушка помахала мне рукой и поздоровалась с дружелюбной улыбкой. Я чувствовал себя очень глупо и сердился на дона Хуана за то, что он поставил меня в такое затруднительное положение. Мне казалось очевидным, что таким образом он избавляется от своей нервозности или, того хуже, красуется передо мной.

Когда девушка уехала, я сердито потребовал объяснений. Он ласково сказал, что был вынужден так поступить, потому что мои ноги торчали наружу, и он не знал, что тут еще можно предпринять. Когда я услышал это, его маневр стал мне ясен. Он просто показывал мне свою молодую подружку. Я никак не мог высовывать ноги, так как они у меня были поджаты. Я понимающе рассмеялся, и дон Хуан вынужден был объяснить, что он любит женщин, а особенно — эту девушку.

Я никогда не забывал об этом инциденте. Дон Хуан ни разу не обсуждал его. Когда бы я ни поднимал этот вопрос, он всегда меня останавливал. Я чуть ли не навязчиво думал об этой молодой девушке. Я надеялся, что когда-нибудь она разыщет меня, прочитав мои книги.

Ла Горда разволновалась. Пока я говорил, она ходила по комнате взад-вперед, чуть не плача. Я воображал всякого рода сложные сети взаимоотношений, которые оказались затронутыми здесь. Я думал, что Ла Горда — собственница, и реагирует как всякая женщина, когда ей угрожает другая.

— Ты ревнуешь, Горда? — спросил я.

— Не будь дураком, — сказала она сердито. — Я бесформенный воин. Во мне не осталось ни зависти, ни ревности.

Я спросил о том, что говорили Хенарос, будто бы Ла Горда была женщиной Нагваля. Ее ответ был едва слышен.

— Я думаю, что была, — сказала она с затуманенным взглядом и села на кровать. — У меня такое ощущение, что я была ею, хотя я и не знаю, как это могло случиться. В этой жизни Нагваль Хуан Матус был для меня тем же, чем и для тебя. Он не был мужчиной. Он был Нагвалем. У него не было интереса к сексу.

Я заверил ее, что сам слышал, как дон Хуан выражал свою привязанность к этой девушке.

— Он говорил тебе, что у него с ней интимные отношения?

— Нет, так он не говорил, но это явствовало из того, как он говорил, — сказал я.

— Тебе бы хотелось, чтобы Нагваль походил на тебя, не так ли? — спросила она с издевкой. — Нагваль был безупречным воином.

Я считал, что прав, и не видел необходимости пересматривать свое мнение. Просто чтобы поддеть Ла Горду, я сказал, что, может быть, та девушка была ученицей Нагваля, а не любовницей.

Последовала длинная пауза. То, что я сам сказал, оказало на меня беспокоящее воздействие. До сих пор я никогда не думал о такой вероятности. Я был зашорен своим предвзятым мнением, не оставив себе никакой возможности для его переоценки.

Ла Горда попросила меня описать ту молодую женщину. Я не мог этого сделать. В самом деле, я не присматривался к ней. Я был слишком сердит и раздражен, чтобы разглядывать детали. Она же, казалось, почувствовала неловкость ситуации и поспешила покинуть дом.

Ла Горда сказала, что она, безо всяких на то логических оснований, чувствует, что эта молодая женщина была ключевой фигурой в жизни Нагваля. Ее заявление привело нас к разговору о друзьях дона Хуана. Мы долго пытались собрать по крупицам сведения о людях, связанных с ним. Я рассказал ей о нескольких случаях, когда дон Хуан приглашал меня участвовать в пейотной церемонии. Я описал всех присутствовавших там, кого помнил. Она никого не

узнала. Тогда я сообразил, что знаю, может быть, больше людей, связанных с доном Хуаном, чем она. Однако что-то из сказанного мной вызвало у нее воспоминание о том времени, когда она видела, как молодая женщина подвозила Нагваля и Хенаро в небольшом белом автомобиле. Женщина высадила их обоих у дверей дома Ла Горды и пристально посмотрела на нее перед тем, как уехать. Ла Горда подумала тогда, что молодая женщина просто подбросила Нагваля и Хенаро по их просьбе. Потом я вспомнил, что, выбравшись из-под циновки в доме дона Хуана, успел разглядеть белый Фольксваген, уезжающий прочь.

Я упомянул также о случае с участием еще одного друга дона Хуана — человека, давшего мне несколько растений пейота на городском базаре в северной Мексике. Он тоже годами занимал мое воображение. Звали этого человека Висенте. Услышав это имя, Ла Горда отреагировала так, как будто был задет ее нерв. Ее голос изменился. Она попросила меня повторить имя и описать этого человека. И опять я не мог дать никакого описания. Я видел этого человека только однажды, в течение нескольких минут, десять лет назад.

Мы с Ла Гордой прошли через периоды злости, но злились мы не друг на друга, а на то, что держало нас закрытыми.

Последний инцидент, связанный с вполне законченным воспоминанием, произошел однажды, когда я простудился и оставался в постели с легким насморком и лихорадкой. Мысли бесцельно мелькали в моей голове. Весь день у меня в уме вертелась мелодия старой мексиканской песни. В какой-то момент мне стало чудиться, будто кто-то играет эту мелодию на гитаре. Я пожаловался на ее монотонность, а тот, кто играл и кому я жаловался, толкнул меня гитарой в живот. Я вскочил, уклоняясь, и, стукнувшись головой о стену, проснулся. Это было живым сном, только мотив все еще преследовал меня. Я не мог забыть звука гитары, он продолжал звучать у меня в ушах. Я пребывал в полусонном состоянии, прислушиваясь к музыке. Казалось, я входил в состояние сновидения — полная и продолжительная сцена сновидения появилась перед моими глазами, и в этой сцене рядом со мной сидела молодая женщина. Я мог различить каждую деталь ее внешности. Я не знал, кто она, но то, что я ее вижу, потрясло меня. В один момент я полностью проснулся. Беспокойство, которое вызвало у меня это лицо, было таким интенсивным, что я поднялся и совершенно автоматически начал ходить взад и вперед,

обливаясь потом и боясь выйти из комнаты. Я также не мог позвать на помощь Ла Горду, уехавшую на несколько дней в Мексику, чтобы навестить Хосефину. Чтобы стянуть талию, я обвязался простыней. Это помогло немного утихомирить волны нервной энергии, прокатывавшиеся по мне.

По мере того, как я расхаживал по комнате, картина в моем уме постепенно расплывалась, но не в спокойное забытье, как мне хотелось бы, а в полноценное воспоминание. Я вспомнил, как однажды сидел на каких-то мешках с зерном, наваленных в складе. Молодая женщина пела мексиканскую песню, аккомпанируя себе на гитаре. Это была та самая песня, которая звучала у меня в голове.

Там со мной сидели и другие люди — Ла Горда и трое мужчин. Я очень хорошо знал этих мужчин, но все еще не мог вспомнить, кто была эта молодая женщина. Я старался изо всех сил, но, казалось, это было безнадежно.

Я улегся спать, обливаясь потом. Я хотел немного отдохнуть, прежде чем снять мокрую пижаму. Как только я положил голову на высокую подушку, картина, казалось, еще более прояснилась, и теперь я уже знал, кто играет на гитаре.

Это была женщина-нагваль, самое значительное на земле существо для меня и Ла Горды. Она была женским аналогом Нагваля-мужчины, не жена и не женщина его, а его противоположная часть. Она обладала спокойствием и властью подлинного лидера. Будучи женщиной, она вынянчила нас.

Я не осмеливался слишком далеко подталкивать свою память. Интуитивно я знал, что у меня не хватит сил выстоять перед полным воспоминанием, поэтому остановился на уровне абстрактных чувств. Я знал, что она была воплощением чистейшей, ничем не замутненной и глубокой привязанности. Пожалуй, наиболее подходящим было бы сказать, что мы с Ла Гордой любили женщину-нагваль больше жизни. Что такое могло случиться с нами, что мы забыли ее?

Ночью, лежа в постели, я настолько разволновался, что стал опасаться за свою жизнь. Я начал напевать какие-то слова, ставшие для меня направляющей силой. И лишь когда я успокоился, то вспомнил, что и сами слова, которые я повторял вновь и вновь, были воспоминанием, вернувшимся ко мне той ночью. Воспоминанием о формуле, способной провести меня через

преграду, подобную той, с которой я столкнулся:

Я уже отдан силе, что правит моей судьбой.

Я ни за что не держусь, поэтому мне нечего защищать.

У меня нет мыслей, поэтому я увижу.

Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя.

Эта формула имела еще одну строфу, которая в то время была для меня непонятной:

Отрешенный, с легкой душой,

Я проскочу мимо Орла, чтобы быть свободным.

Моя болезнь и лихорадка, возможно, послужили своего рода буфером; его могло быть достаточно, чтобы отвести часть удара того, что я сделал, или, скорее, того, что нашло на меня, так как сам я намеренно не сделал ничего.

Вплоть до той ночи, если бы существовало поминутное описание моего опыта, я мог бы поручиться за непрерывность своего существования. Отрывочные воспоминания, которые были у меня о Ла Горде или о том, что я жил в том горном домике в южной Мексике, в определенном смысле представляли угрозу моей непрерывности. Однако это не шло ни в какое сравнение с воспоминанием о женщине-нагваль. И не столько из-за тех эмоций, которые принесло это воспоминание, сколько из-за того, что я ее забыл. Забыл не так, как забывают имя или мотив. До момента откровения в уме у меня не было о ней ничего. Ничего! Потом что-то нашло на меня, или что-то с меня свалилось, и я стал вспоминать самого важного для меня человека, которого, с точки зрения «я», образованного опытом моей жизни, предшествующей этому моменту, я никогда не встречал.

Я вынужден был ждать еще два дня до возвращения Ла Горды, прежде чем я смог рассказать ей о моем воспоминании. Ла Горда вспомнила женщину-нагваль в тот же момент, как я ей ее описал; ее осознание каким-то образом зависело от этого.

— Девушка, которую я видела в белом автомобиле, была женщина-нагваль! — воскликнула Ла Горда. — Она возвратилась ко мне, но я не могла тогда ее вспомнить.

Я слышал слова и понимал их значение, но потребовалось долгое время, чтобы мысль сфокусировалась на том, что она говорила. Я не мог сосредоточиться. Казалось, у меня перед глазами поставлен источник света, который медленно угасал. У меня было ощущение, что если я не остановлю это угасание, то умру. Внезапно я ощутил рывок и понял, что сложил вместе две части себя, разделенные прежде. Я понял, что молодая девушка, которую я увидел тогда в доме дона Хуана, была женщина-нагваль.

В этот момент эмоционального подъема Ла Горда ничем не могла помочь мне. Ее настроение было заразительным. Она плакала, не переставая. Эмоциональное потрясение от воспоминания о женщине-нагваль было для нее травмирующим.

— Как я могла ее забыть? — всхлипывала она.

Я уловил оттенок недоверия в ее взгляде.

— Ты не имел представления о ее существовании, ведь так? — спросила она.

При любых других обстоятельствах я счел бы вопрос неуместным, даже оскорбительным, но я точно так же недоумевал по поводу нее. Мне пришло в голову, что она, возможно, знала больше, чем говорила.

— Нет, не знал, — ответил я. — Но как насчет тебя, Ла Горда? Ты знала, что она существует?

На ее лице была такая невинность и такое замешательство, что мои сомнения рассеялись.

— Нет, — ответила она. — До сегодняшнего дня не знала. А теперь совершенно определенно знаю, что я часто сидела с ней и Нагвалем на скамейке, на той площади в Оахаке. Я всегда помнила об этом, помнила ее черты, но считала, что видела все это во сне. Я все знала, и в то же время не

знала. Но почему я думала, что это был сон?

На секунду я поддался панике. Потом у меня появилась полная уверенность в том, что по мере того, как она говорит, в моем теле открывается канал. И вдруг мне стало ясно, что я тоже часто сидел с ней и доном Хуаном на той скамейке. Я вспомнил и ощущение, которое каждый раз посещало меня в таких случаях. Это было такое чувство физической удовлетворенности, счастья и полноты, что его невозможно было вообразить. Я думал о том, что дон Хуан и женщина-нагваль были совершенными существами, и находиться в их обществе — действительно моя большая удача. Сидя на этой скамейке рядом с самыми выдающимися людьми на земле, я испытывал, пожалуй, наивысшую степень своих человеческих чувств. Однажды я сказал дону Хуану это, имея в виду, что хотел бы тут же и умереть, чтобы сохранить данное чувство чистым, незапятнанным, свободным от искажений.

Я рассказал о своем воспоминании Ла Горде. Она ответила, что понимает, что я имел в виду. Секунду мы были спокойны, а затем груз наших воспоминаний опасно повел нас в сторону печали и отчаяния. Мне пришлось удерживать необыкновенно сильный контроль за собой, чтобы, не заплакать. Ла Горда всхлипывала, прикрыв лицо рукой.

Через некоторое время, когда мы немного успокоились, Ла Горда уставилась мне в глаза. Я знал, о чем она думает. Это были те же вопросы, которые и меня донимали целыми сутками. Кто была женщина-нагваль? Где мы ее встретили? Какова ее роль? Знают ли о ней и остальные?

Я как раз хотел сформулировать свои вопросы, но Ла Горда опередила меня.

— Я действительно не знаю, — сказала она, поймав меня на том же вопросе. — Я рассчитывала, что ты скажешь мне все это. Не знаю, почему, но я чувствую, что ты можешь объяснить мне, что к чему.

Она рассчитывала на меня, а я — на нее. Мы рассмеялись над нелепостью нашего положения. Я попросил ее сообщить мне все, что она помнит о женщине-нагваль. Ла Горда сделала три или четыре попытки что-нибудь сказать, но никак не могла собраться с мыслями.

— Я в самом деле не знаю, с чего начать, — сказала она. — Знаю только, что

люблю ее.

Я сказал, что испытываю такие же чувства. Неземная печаль охватывала меня, когда я думал о женщине-нагваль. Пока я говорил, тело мое начало содрогаться.

— Мы с тобой любили ее, — сказала Ла Горда. — Не знаю, почему я это говорю, но знаю, что она владела нами.

Я попросил ее объясниться, но она не могла определить, почему она так сказала. Я больше не мог уделять ей внимание, ибо ощутил пульсацию в солнечном сплетении. Начало формироваться смутное воспоминание о женщине-нагваль. Я попросил Ла Горду продолжать говорить, повторять одно и то же, даже если ей будет нечего сказать, но не замолкать. Звук ее голоса действовал на меня как проводник в иное измерение, в другой вид времени. Как будто кровь бежала по моим жилам под необычайным давлением. Я почувствовал покалывание со всех сторон, а затем возникло странное воспоминание плоти, я знал в своем теле, что женщина-нагваль была существом, делающим комплекс Нагваля цельным. Она принесла Нагвалю мир, полноту, чувство защищенности, освобожденности.

Я сказал Ла Горде, что у меня было такое откровение, будто женщина-нагваль была партнером Нагваля. Ла Горда взглянула на меня с изумлением. Она медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Она никак не связана с Нагвалем Хуаном Матусом, болван, — сказала она чрезвычайно авторитетным тоном. — Она была для тебя. Вот почему мы оба принадлежим ей.

Мы с Ла Гордой уставились друг на друга. Я был уверен, что она непроизвольно высказывает мысли, которые рационально для нее ничего не значат.

— Что ты имеешь в виду, Ла Горда? — спросил я после длительного молчания.

— Она была твоим партнером, — ответила она. — Вдвоем вы составляли единую пару. А я была ее подопечной. И она доверила тебе однажды передать меня ей.

Я просил Ла Горду рассказать мне все, что она знает, но она, казалось, больше ничего не знала. Я чувствовал себя измотанным.

— Куда она делась? — внезапно спросила Ла Горда. — Я просто не могу себе представить. Она была с тобой, а не с Нагвалем. Она должна была бы быть сейчас с нами.

Потом с ней опять случился приступ неверия и страха. Она обвинила меня, что я скрываю женщину-нагваль в Лос-Анжелесе. Я пытался успокоить ее, и вдруг с удивлением обнаружил, что разговариваю с Ла Гордой как с ребенком. Она слушала меня с видимым вниманием, однако глаза ее были пустыми. Тогда мне стало ясно, что она использует звук моего голоса точно так же, как использовал я — как проводник. Я знал, что и она осознает это. Я продолжал говорить, пока не исчерпал все в пределах нашей темы. Тут что-то еще произошло, и я оказался наполовину прислушивающимся к звукам собственного голоса. Я говорил, обращаясь к Ла Горде, но без всякого волевого усилия с моей стороны.

Слова, которые, казалось, были запечатаны внутри меня, а теперь освободились, достигли небывалого уровня абсурдности. Я говорил и говорил, пока что-то не остановило меня. Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне и женщине-нагваль на скамейке в Оахаке об особом человеческом существе, чья сущность объединяет для него все, на что он только мог рассчитывать и чего мог ожидать от сотрудничества с людьми. Эта женщина была для него тем же, чем и женщина-нагваль для меня — партнером, противоположной частью. Она покинула его точно так же, как меня покинула женщина-нагваль. Его чувства по отношению к ней были неизменными и всплывали на поверхность от меланхолии, вызванной некоторыми стихами, которые я ему читал.

Я вспомнил также, что женщина-нагваль обычно снабжала меня книгами стихов. Она держала их целыми пачками в багажнике моей машины. Именно она побудила меня читать стихи дону Хуану. Внезапно физическая память о женщине-нагваль, сидящей рядом со мной на скамейке, стала такой явственной, что я ахнул и задохнулся. Давящее чувство утраты, более сильное, чем любое чувство, которое я когда-либо испытывал, завладело всем моим существом. Я согнулся с разрывающей болью в правой лопатке. Было что-то еще, чего я не знал. Воспоминание, которое какая-то часть меня не

хотела открыть.

Я обратился к тому, что осталось от моего интеллектуального щита, как к единственному средству вернуть здравый смысл. Я повторял себе вновь и вновь, что мы с Ла Гордой действовали в двух совершенно различных планах. Она помнила намного больше, чем я. Но она не была склонна к выяснениям, ее не обучали задавать вопросы другим или себе. Затем до меня дошло, что и сам я не лучше. Я все еще был такой же размазней, как и тогда, когда дан Хуан впервые назвал меня так. Я никогда не забывал, что я читал стихи дону Хуану, и тем не менее мне ни разу не пришло в голову проверить тот факт, что у меня никогда не было книг испанской поэзии и я никогда не возил таких книг в машине.

Ла Горда прервала мои размышления. Она была почти в истерике и кричала, что ей только что стало ясно, будто женщина-нагваль должна быть где-то совсем рядом с нами. Точно так же, как мы были оставлены, чтобы найти друг друга, женщина-нагваль была оставлена, чтобы найти нас. Сила ее уверенности почти убедила меня. Однако что-то во мне знало, что это не так. Это была память, находившаяся внутри меня, которую я не смел вывести на поверхность.

Я хотел затеять с Ла Гордой спор, но не нашел смысла, так как мой путь интеллекта и слов был недостаточен для того, чтобы принять на себя набор воспоминаний о женщине-нагваль. Их эффект был потрясающим для меня, и более опустошающим, чем даже страх смерти.

— Женщина-нагваль где-то потерпела кораблекрушение, — мягко сказала Ла Горда. — Она, вероятно, на необитаемом острове, а мы ничего не делаем, чтобы помочь ей.

— Нет! Нет! — заорал я. — Ее больше здесь нет.

Я не знал в точности, почему я так сказал, но знал, что это правда. На минуту мы погрузились в такие глубины печали, которые невозможно было измерить рассудком. В первый раз на моей памяти я знал, что чувствую искреннюю, безграничную печаль, ужасную незавершенность. Где-то внутри меня пребывала женщина, которая была открыта заново.

На этот раз я не мог спрятаться, как делал это многажды в прошлом, за покровом загадки и незнания. Не знать было бы для меня благословением. Какую-то секунду я безнадежно соскальзывал в растерянность. Ла Горда остановила меня.

— Воин — это тот, кто ищет свободу, — сказала она мне. — Печаль — это не свобода. Мы должны освободиться от нее.

Иметь чувство отрешенности, как говорил дон Хуан, значит располагать на мгновение паузой для переоценки ситуации. В глубинах своей печали я знал, что он имел в виду. У меня была отрешенность. В моей власти было использовать эту паузу правильно.

Я не был уверен, сыграло ли здесь роль какое-нибудь волевое усилие с моей стороны, но моя печаль совершенно исчезла. Казалось, ее больше не существовало. Скорость изменения моего настроения была мгновенной, и полнота этого изменения встревожила меня.

— Вот теперь ты там, где и я, — воскликнула Ла Горда, когда я описал ей то, что произошло. — После стольких лет я еще не научилась бороться с бесформенностью. Я беспомощно перемещаюсь мгновенно от одного чувства к другому. Из-за своей бесформенности я могу помочь сестричкам, но я также и в их власти. Любая из них достаточно сильна, чтобы толкнуть меня из одной крайности в другую. Проблема была в том, что я потеряла человеческую форму раньше тебя. Если бы мы с тобой потеряли ее одновременно, то могли бы помогать друг другу. Ну, а в той ситуации, что была, я переходила то вверх, то вниз быстрее, чем могла запомнить.

Я должен признаться, что ее слова о собственной бесформенности всегда были сомнительны для меня. В моем понимании потеря человеческой формы влекла за собой и необходимые последствия — постоянство характера, что в свете ее постоянных подъемов и спадов было вне ее возможности. Из-за этого я судил ее резко и несправедливо. Потеряв свою человеческую форму, я теперь находился в таком положении, когда можно было понять, что бесформенность является по крайней мере разрушителем здравого смысла. Здесь не действует никакая автоматическая эмоциональная сила. Быть отрешенным, способным погружаться во все, что делаешь, естественно охватывает все, включая непостоянство и даже саму мелочность.

Преимущество бесформенности в том, что она дает нам мгновенную паузу, при условии, что мы имеем необходимые самодисциплину и мужество, чтобы воспользоваться ею.

Наконец-то поведение Ла Горды в прошлом стало понятным мне. Она уже несколько лет была бесформенной, но не имела необходимой самодисциплины. Таким образом, она оказывалась во власти резких перепадов настроения и невероятного несоответствия между ее поступками и ее задачами.

После наших первоначальных воспоминаний о женщине-нагваль мы с Ла Гордой объединили наши усилия и целыми днями пытались вывести на поверхность еще какие-нибудь воспоминания, но их вроде бы больше не было. Я догадывался, что во мне, должно быть, похоронено еще очень многое, но не мог до этого добраться. Мой ум был свободен даже от самых смутных намеков на еще какие-нибудь воспоминания.

Мы с Ла Гордой прошли через период ужасных сомнений и смущения. В нашем случае быть бесформенным означало подвергаться приступам самого глубокого неверия, какое только возможно.

Мы чувствовали себя подопытными морскими свинками в руках дона Хуана, существа, предположительно похожего на нас, о котором в действительности мы ничего не знали. Мы накачивали друг друга сомнениями и страхами. Самой серьезной темой была, конечно, женщина-нагваль. Когда мы фокусировали на ней свое внимание, наша память о ней становилась настолько четкой, что мы не могли представить, как мы умудрились забыть ее. Это вновь и вновь провоцировало рассуждения о том, что же в действительности сделал с нами дон Хуан. Это предположения очень легко приводили нас к чувству, что мы были использованы. Мы приходили в ярость от неизбежного вывода, что он нами манипулировал, оставив затем беспомощными и неизвестными самим себе.

Когда наша ярость выдохлась, нас начал охватывать страх — потому что мы были лицом к лицу с пугающей возможностью того, что дон Хуан мог сделать с нами и еще более разрушительные вещи.

Глава 7. Совместное сновидение

Однажды, чтобы рассеять наше тяжелое настроение, я предложил заняться сновидением. Как только я высказал свою идею, я осознал, что тот мрак, который целыми днями преследовал меня, может быть резко отброшен желанием перемены. Я отчетливо понял: наша с Ла Гордой проблема состояла в том, что мы необдуманно сфокусировали внимание на страхе и недоверии, тогда как все время имели, не осознавая этого, противоположную возможность — сконцентрировать внимание на той загадке, на чуде, которое с нами произошло.

Я рассказал Ла Горде о своих соображениях. Она сразу же согласилась со мной, как-то оживилась, тучи ее хандры рассеялись в долю секунды.

— Какого рода сновидениями ты предлагаешь нам заняться? — спросила она.

— А сколько их есть? — спросил я.

— Мы можем попробовать совместное сновидение, — ответила она. — Мое тело подсказывает мне, что мы уже делали это раньше, уходя в сновидение парой. Это будет для нас страховкой, как в совместном видении.

— Но ведь мы не знаем, что представляет собой процедура совместного сновидения, — сказал я.

— Мы не знали, как видеть совместно, и, однако же, видели, — возразила она. — Я уверена, что мы сможем сделать это, если попробуем. Потому что во всем, что делает воин, нет ступеней. Есть только личная сила. И как раз сейчас она у нас имеется. Мы должны начать наше сновидение в двух различных точках, отстоящих одна от другой настолько далеко, насколько это возможно. Тот, кто войдет в сновидение первым, подождет второго. Как только мы отыщем друг друга, мы возьмемся за руки и отправимся глубже вместе.

Я сказал, что не имею ни малейшего представления, как ждать ее, если я войду в сновидение первым. Она и сама не могла объяснить всего этого, но сказала, что ждать второго сновидящего означает то, что Хосефина называла «схватить» его. Ла Горда была однажды так схвачена Хосефиной.

— Хосефина называла это «схватыванием», потому что один из нас должен схватить второго за руку, — объяснила она.

Затем она продемонстрировала процедуру смыкания своего левого предплечья с моим правым, когда один берет другого за руку пониже локтя.

— Но как мы сможем сделать это в сновидении? — спросил я.

Я всегда считал, что сновидение — это одно из самых интимных состояний, какие только можно вообразить.

— Не знаю, но я тебя схвачу, — пообещала Ла Горда. — Я полагаю, что мое тело знает, как это сделать. Но чем больше мы об этом разговариваем, тем труднее будет это сделать.

Мы начали свое сновидение в разных местах. Мы могли договориться только о времени, когда ляжем в постель, поскольку вход в сновидение был чем-то таким, чего нельзя рассчитать по минутам.

Возможность того, что именно мне придется ждать Ла Горду, а не наоборот, сильно беспокоила меня, и я не мог войти в сновидение с обычной легкостью. Через десять-пятнадцать минут беспокойства мне наконец удалось войти в состояние, которое я называю спокойным бодрствованием.

Несколько лет назад, когда я достиг определенной опытности в сновидениях, я спрашивал дона Хуана, есть ли тут какие-нибудь известные ступени, которые были бы общими для всех нас. Он сказал, что в конечном счете каждый сновидящий отличается от других. Но, разговаривая с Ла Гордой, я обнаружил такое сходство в наших сновидениях, что набросал возможную классификационную схему различных состояний.

Спокойное бодрствование — это предварительное состояние, когда чувства

засыпают, но окружающее еще осознается. В моем случае я всегда воспринимал в этом состоянии поток красноватого света, примерно такого, какой видишь, когда через плотно сомкнутые веки смотришь на солнце.

Второе состояние сновидения я назвал динамическим бодрствованием. В этом случае красноватый свет рассеивается, как туман, и смотришь на какую-нибудь сцену, вроде табло, так как эта сцена неподвижна. Видишь трехмерную картину. Застывший кусочек чего-то, будь то пейзаж, улица, человек, лицо, что угодно.

Третье состояние я определил как пассивное наблюдение. В этом состоянии сновидящий уже не смотрит на застывшие осколки мира, но наблюдает, являясь свидетелем происходящего события. Преобладание у нас зрительных и слуховых ощущений превращает это состояние сновидения главным образом в дело глаз и ушей.

В четвертом состоянии я оказываюсь втянутым в действие. Здесь уже что-то делаешь, предпринимаешь какие-то шаги и используешь свое время полностью. Я назвал это состояние динамической инициативой.

Предложение Ла Горды подождать меня было связано со вторым и третьим состояниями нашего совместного бодрствования. Когда я вошел в состояние динамического бодрствования, я увидел сцену сновидения, где находились дон Хуан и другие люди, включая и полную Ла Горду. Прежде, чем я успел хотя бы разобраться в том, что я вижу, я ощутил сильнейший рывок за руку и сообразил, что рядом со мной «реальная» Ла Горда. Она находилась слева от меня и схватила меня за левое предплечье своей правой рукой. Я ясно почувствовал, как она подняла мою руку к своему предплечью, чтобы мы могли держаться друг за друга. Потом я оказался в третьем состоянии сновидения, в пассивном наблюдении. Дон Хуан говорил мне, чтобы я присматривал за Ла Гордой и заботился о ней самым эгоистичным образом — так, словно она является мною самим.

Его игра словами доставляла мне удовольствие. Я чувствовал неземное блаженство, находясь здесь вместе с ним и другими. Дон Хуан продолжал объяснять, что мой эгоизм может быть прекрасно использован, и что его вполне можно запрячь в работу.

Общее чувство товарищества царило среди собравшихся здесь людей. Они смеялись тому, что говорил дон Хуан, но не высмеивали.

Дон Хуан сказал, что самый верный способ запрячь наш эгоизм в работу — взять за основу деятельность, которой мы занимаемся в повседневной жизни. Он говорил, что я был эффективен во всем, что делал, потому что некому было изгонять из меня беса, и что у меня не вызывало сомнений — взлететь, подобно стреле, самостоятельно. Однако, если дать мне задачу, подобную заботе о Ла Горде, моя независимая эффективность разлетится вдребезги, и для того, чтобы выжить, мне придется расширить эгоистическую заботу настолько, чтобы включить в себя и Ла Горду. Только через помощь ей, подчеркнул дон Хуан, я смогу найти ключи к выполнению своей задачи.

Ла Горда обхватила меня за шею своими толстыми руками. Дон Хуан вынужден был остановиться. Он так смеялся, что не мог продолжать говорить. Все просто с ног падали от хохота.

Я ощущал раздражение и недовольство Ла Гордой. Я попытался освободиться от ее объятий, но ее руки были крепко сомкнуты у меня на шее. Дон Хуан сделал знак рукой, чтобы остановить меня. Он сказал, что испытываемое мною минимальное раздражение — ничто по сравнению с тем, что меня ждет.

Смех утихал. Я чувствовал себя счастливым, хотя и огорчался, что придется иметь дело с Ла Гордой, так как не знал, что это за собой повлечет.

В этот момент в своем сновидении я изменил точку зрения — или, вернее, что-то выдернуло меня из сцены, и я стал смотреть вокруг как зритель.

Мы находились в доме в северной Мексике, как я мог определить по окружающему ландшафту, который был виден с того места, где я стоял.

Я видел отдаленные горы. Я вспомнил также обстановку дома и его расположение. Мы находились позади под навесом на открытой веранде. Некоторые из присутствующих сидели на громоздких стульях. Большинство стояли или сидели на полу. Я узнавал каждого из них. Там было 16 человек. Ла Горда стояла рядом со мной лицом к лицу с доном Хуаном.

Тут я осознал, что могу испытывать одновременно два различных чувства. Я

мог или войти в сцену сновидения и чувствовать, что повторяю давно забытое переживание, или же быть свидетелем этой сцены, сохраняя настроение моей теперешней жизни. Когда я погружался в сцену сновидения, я чувствовал себя в безопасности и под защитой, когда же я был свидетелем, сохраняя актуальное настроение, я чувствовал себя потерянным, беззащитным, встревоженным. Мне это настроение не понравилось, поэтому я погрузился в сцену сновидения.

Полная Ла Горда спросила дона Хуана голосом, перекрывавшим смех всех и каждого, буду ли я ее мужем. Последовала секундная пауза. Дон Хуан, казалось, перебирал варианты ответа. Он погладил ее по голове и сказал, что может поговорить со мной и что я буду в восторге от возможности стать ее мужем. Все присутствующие захохотали. Я смеялся вместе с ними. Мое тело сотрясалось от самого искреннего удовольствия, тем не менее я не чувствовал себя смеющимся над Ла Гордой. Я не считал ее ни клоуном, ни дурой. Она была ребенком. Дон Хуан повернулся ко мне и сказал, что я должен чтить Ла Горду вне зависимости от того, как она станет поступать по отношению ко мне, и что я должен через взаимодействие с ней научить мое тело чувствовать себя легко и свободно в самых трудных обстоятельствах. Дон Хуан обратился к группе и заметил, что намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах, таких, как взаимодействие с кем-нибудь вроде Ла Горды.

Дон Хуан добавил, что ни при каких условиях я не должен сердиться на Ла Горду, потому что она в действительности будет моим бенефактором, так как только через нее я смогу запрячь в работу свой эгоизм.

Я настолько глубоко погрузился в сновидение, что забыл о том, что я сновидящий. Внезапное давление на руку напомнило мне, что я в сновидении. Я почувствовал присутствие Ла Горды рядом со мной, но не видел ее. Она существовала только как прикосновение, тактильное ощущение на моем предплечье. Я перевел на него свое внимание, и это ощущение стало чувствоваться как цепкая хватка, а затем и вся Ла Горда материализовалась целиком, как если бы она была сделана из наложенных друг на друга кадров фотопленки. Это было что-то вроде комбинированной съемки в кино. Сцена сновидения рассеялась. Вместо этого мы с Ла Гордой смотрели друг на друга, взявшись за руки.

Одновременно мы опять повернулись к сцене сновидения, свидетелями которой мы были. В этот момент я знал без тени сомнения, что мы оба видим одно и то же. Теперь дон Хуан говорил что-то Ла Горде, но я не мог слышать. Мое внимание скакало туда-сюда между третьим состоянием сновидения, пассивным наблюдением, и вторым, динамическим бодрствованием. В какой-то момент я оказывался с доном Хуаном, Ла Гордой и остальными шестнадцатью людьми, а уже в следующую секунду — с современной Ла Гордой, наблюдая застывшую сцену. Затем резкий рывок моего тела перевел меня на другой уровень внимания: я ощутил что-то как хруст сухого кусочка дерева. Это был маленький взрыв, он походил на очень громкое щелканье сустава пальца. Я оказался в первом состоянии сновидения — в спокойном бодрствовании. Я спал, но в то же время прекрасно все осознавал. Я хотел подольше остаться на этой мирной стадии, но еще один рывок заставил меня моментально проснуться. Я внезапно осознал, что мы с Ла Гордой были в совместном сновидении.

Мне более чем не терпелось поговорить с ней. Она чувствовала то же самое. Мы начали оживленно разговаривать Друг с другом. Когда мы успокоились, я попросил ее описать мне все, что произошло с ней в нашем совместном сновидении.

— Я тебя долго ждала, — сказала она. — Какая-то часть во мне думала, что я тебя прозевала, но другая знала, что ты нервничаешь и у тебя затруднения, поэтому я ждала.

— Где ты ждала, Ла Горда?

— Я не знаю. Я знаю, что уже вышла из красноватого света, но еще ничего не могла видеть и как бы нащупывала дорогу. А может, я все еще была в красноватом свете. Хотя нет, он не был красноватым. Место, где я находилась, было окрашено в светло-персиковый цвет. Затем я открыла глаза, и там был ты. Ты, казалось, готов был уйти, и поэтому я схватила тебя за руку. Затем я увидела Нагваля, тебя, себя, других людей в доме Висенте. Ты был моложе, а я была полная.

Упоминание о доме Висенте внезапно навело меня на мысль, о которой я рассказал Ла Горде. Однажды, когда я проезжал через Закатекас в северной Мексике, у меня появилось странное желание заехать и навестить одного из

друзей дона Хуана, Висенте. При этом я не понимал, что, поступая так, я необдуманно врываюсь в другую область, так как дон Хуан никогда меня с ним не знакомил. Висенте, как и женщина-нагваль, принадлежали к иному миру. Не удивительно, что Ла Горда была так потрясена, когда я рассказал ей о своем визите. Мы его знали настолько хорошо, и он был так же близок к нам, как дон Хенаро, может, даже еще ближе. И тем не менее мы его забыли, так же, как и женщину-нагваль.

Здесь мы с Ла Гордой сразу сделали огромный шаг вглубь воспоминаний. Мы оба вспомнили, что Висенте, Хенаро и Сильвио Мануэль были друзьями дона Хуана, его соратниками. Они все были связаны своего рода обетом. Мы с Ла Гордой не могли припомнить, в чем именно состояла эта связь. Висенте не был индейцем. В молодости он был фармацевтом. Он был ученым группы и настоящим врачом, который поддерживал их всех всегда здоровыми. Я был уверен, что он знает о растениях больше, чем кто-либо из ныне живущих людей. Мы с Ла Гордой вспомнили, что именно Висенте научил всех нас, включая дона Хуана, пользоваться лекарственными растениями. Он особенно интересовался Нестором, и мы считали, что Нестор будет похож на него.

— Воспоминание о Висенте заставляет меня заботиться о самой себе, — сказала Ла Горда. — Это наводит меня на мысль, какой непереносимой женщиной я была. Самое худшее, что может произойти с женщиной — это родить детей, получить дыры в своем теле и тем не менее вести себя как маленькая девочка. В этом и была моя проблема. Я хотела быть умной, но была пустышкой. И мне позволяли строить из себя дуру, помогали мне быть ишачьим хвостом.

— Кто помогал тебе, Ла Горда? — спросил я.

— Нагваль и Висенте, и все эти люди, бывшие в доме, когда я вела себя с тобой такой ослицей.

Мы с Ла Гордой вспомнили одновременно. Ей позволяли быть несносной только со мной. Больше никто не поддерживал ее чепухи, хотя она и пыталась отыграться на каждом.

— Висенте принимал меня, — сказала Ла Горда. — Он все время играл со мной. Я даже звала его дядей. Когда я попыталась назвать дядей Сильвио

Мануэля, он чуть не сорвал у меня кожу с запястий своими клещеподобными руками.

Мы попытались сфокусировать наше внимание на Сильвио Мануэле, но не могли вспомнить, как он выглядел. Мы могли ощущать его присутствие в своих воспоминаниях, но в них он не был личностью, он был только ощущением.

Насколько это касалось сцены сновидения, мы помнили, что она была точной копией того, что действительно имело место в нашей жизни в определенное время и в определенном месте. Но мы никак не могли вспомнить, когда именно. Я, однако, знал, что принял заботу о Ла Горде как средство самовоспитания и подготовки к преодолению трудностей взаимодействия с людьми.

Совершенно необходимо было воспитать в себе чувство легкости при столкновении с затруднительными социальными ситуациями, и здесь никто не мог быть лучшим тренером, чем Ла Горда. Проблески воспоминаний, появлявшиеся у меня по отношению к полной Ла Горде, проистекали именно из этих обстоятельств, так как я буквально последовал указаниям дона Хуана.

Ла Горда сказала, что ей не нравилось настроение сцены сновидения. Она бы предпочла просто следить за ней, но я втащил ее внутрь сцены, заставив ее переживать ее старые чувства, которые были ей отвратительны. Ее неудобство было так велико, что она намеренно потащила меня за руку, чтобы прервать наше участие в чем-то, столь неприятном для нее.

На следующий день мы договорились о времени нашего следующего сеанса совместного сновидения. Она начала его из своей спальни, а я — из своего кабинета, но ничего не произошло. Мы выдохлись уже от попытки войти в сновидение. Целыми днями после этого мы пытались достичь эффективности нашего первого опыта. С каждой неудачей мы становились все ожесточеннее и упрямее.

Перед лицом наших неудач я решил, что нам следует на некоторое время отказаться от совместного сновидения и проанализировать его концепции и процедуры, подробнее рассмотреть сам процесс сновидения. Ла Горда поначалу не согласилась со мной. Для нее идея того, что необходим обзор

всего, что мы знаем о сновидении, была как бы еще одним способом сложить руки и сдаться. Она предпочитала продолжать попытки, даже если мы не добиваемся успеха. Я настаивал, и она в конце концов приняла мою точку зрения просто из чувства растерянности.

Однажды вечером мы сели и так подробно, как только могли, стали обсуждать все, что мы знали о сновидениях. Вскоре выяснилось, что здесь есть несколько ключевых тем, которым дон Хуан придавал особое значение.

Прежде всего, это сам акт сновидения. Он, видимо, начинается как совершенно особое состояние осознавания, к которому приходишь, фокусируя остаток сознания, который еще имеешь во сне, на отдельных чертах или элементах сна. Этот остаток сознания, который дон Хуан называл «вторым вниманием», вводился в действие или запрягался в работу при помощи упражнения «неделания». Мы считали, что существенной помощью сновидению было состояние умственного покоя, которое дон Хуан называл «остановкой внутреннего диалога» или «неделанием разговора с самим собой». Чтобы научить меня выполнению этого, он обычно заставлял меня усиливать периферическое зрение. Этот метод был эффективен сразу в двух планах. Он позволил мне остановить свой внутренний диалог и он тренировал мое внимание. Заставляя меня концентрировать внимание на периферии поля зрения, дон Хуан усиливал мою способность сосредоточиваться в течение длительного времени на одной единственной деятельности.

Позднее, когда я добился успеха в концентрировании внимания, я мог часами заниматься какой-нибудь нудной работой, не отвлекаясь, на что ранее не был способен. Дон Хуан говорил мне, что наилучший способ войти в сновидение — концентрировать внимание на кончике грудины, на верхней части живота. Он сказал, что энергия, нужная для сновидения, исходит из этой точки. Та же энергия, которая нужна, чтобы перемещаться в сновидениях, исходит из области, расположенной на 2–5 см ниже пупка. Он называл эту энергию «волей», или силой собирать воедино и выбирать. У женщин как внимание, так и энергия для сновидения исходят из матки.

— Сновидение женщины должно исходить из матки, потому что это ее центр, — заметила Ла Горда. — Мне для того, чтобы начать сновидение или прекратить его, нужно всего лишь сконцентрировать внимание на моей матке. Я научилась чувствовать ее внутреннюю поверхность. Я вижу красноватое

сияние и тут же выхожу.

— Сколько времени тебе требуется, чтобы увидеть его?

— Несколько секунд. В то же мгновение, когда мое внимание сосредотачивается на матке, я уже в сновидении, — продолжала она. — Я обычно никогда не имею с этим проблем. У женщин всегда так. Самое трудное для нас — понять, как начать. Мне потребовалось два года, чтобы прервать внутренний диалог и сконцентрироваться на матке. Может, поэтому женщина всегда и нуждается в ком-либо, кто направлял бы ее.

Нагваль клал мне на живот холодные мокрые речные камни, чтобы я почувствовала эту точку, или просто какой-нибудь грузик. У меня было свинцовое грузило, которое он дал мне. Он заставлял меня закрывать глаза и концентрировать внимание на той точке, где находился груз. Каждый раз я засыпала. Но это его не заботило. Фактически не имеет значения, что делаешь, до тех пор, пока внимание сконцентрировано на матке. В конце концов я научилась концентрироваться на этой точке баз всякого грузика.

Однажды я самостоятельно вошла в сновидение. Я чувствовала свой живот в том месте, куда Нагваль так часто клал грузик, когда внезапно заснула, как и обычно, но только при этом что-то толкнуло меня в матку. Я увидела красноватое сияние, а затем совершенно изумительный сон. Но как только я попыталась пересказать его Нагвалю, я поняла, что это не был обычный сон Я не смогла объяснить ему, что это был за сон, просто я чувствовала себя очень сильной и счастливой. Он сказал, что это было сновидение.

С тех пор он никогда не клал на меня грузик. Он позволял мне заниматься сновидением, не вмешиваясь. Время от времени он просил меня рассказать ему об этом и давал указания. Вот так должно осуществляться обучение сновидению.

Ла Горда сказала, что, по словам дона Хуана, облегчить сновидение могло все, что угодно, в качестве «неделания», при условии, что внимание будет удерживался фиксированным. Например, он заставлял ее и других учеников пристально смотреть на камни и листья, и поддержал Паблито, когда тот захотел сконструировать свое собственное устройство для «неделания». Паблито начал с неделания ходьбы задом наперед. Он двигался, бросая

короткие взгляды через плечо, чтобы видеть тропу и избегать, препятствий на ней. Я подал ему идею использовать зеркальце заднего обзора, а он развил ее в целую конструкцию из деревянного шлема с придатками, на которых примерно в 15 см от его лица и на 5 см ниже уровня его глаз были укреплены два маленьких зеркальца. Эти зеркальца не мешали ему смотреть вперед, а благодаря боковому углу, под которым они были установлены, они охватывали все пространство позади него. Паблито хвастал, что имеет полный круговой обзор. При помощи этой конструкции Паблито мог идти задом наперед на любое расстояние и в течение какого угодно времени.

Поза, которую нужно принимать для сновидения, тоже была очень важной темой.

— Не знаю, почему Нагваль не говорил мне с самого начала, — сказала Ла Горда, — что лучшей позой, которая нужна для женщины, чтобы начать сновидение, будет сесть со скрещенными ногами, а затем дать телу упасть, как оно и сделает, если сосредоточить внимание на сновидении. Нагваль сказал мне об этом, наверное, через год после того, как я начала. Теперь я секунду сижу в таком положении, затем ощущаю свою матку, и вот я уже в сновидении.

В самом начале, так же, как и Ла Горда, я входил в сновидение, лежа на спине, пока однажды дон Хуан не сказал мне, что я добьюсь лучших результатов, если буду сидеть на тонкой мягкой циновке, сложив ступни ног одна к другой и положив бедра так, чтобы они касались циновки. Он указал, что поскольку у меня гибкие тазобедренные суставы, то я должен развить их полностью, ставя перед собой задачу, чтобы мои бедра полностью прилегали к циновке. Он добавил, что если я буду входить в сновидение в таком сидячем положении, то мое тело не соскользнет и не упадет в сторону, а туловище наклонится вперед и я лягу лбом на ступни.

Еще одной очень важной темой было время, в которое следует проводить сновидение. Дон Хуан говорил нам, что наиболее благоприятны для этого поздний вечер и раннее утро. Причина, по которой он предпочитал именно эти часы, крылась в том, что он называл практическим применением знания магов. Он сказал, что поскольку заниматься сновидением приходится в окружении людей, следует выбирать наилучшие условия для уединения и отсутствия вмешательства. Вмешательством, которое он имел в виду, было не

физическое присутствие людей, а их внимание. По словам дона Хуана, бессмысленно уходить из мира и прятаться, потому что даже если человек совсем один в уединенном и пустынном месте, вмешательство людей превалирует, потому что невозможно отключить их первое внимание. В зависимости от местности, в часы, когда большинство людей спит, возможно отвести часть этой фиксации на короткий отрезок времени. Именно в эти часы первое внимание окружающих спит.

Это привело его к описанию второго внимания. Дон Хуан объяснял нам, что внимание, необходимое в начале сновидения, должно быть насильственно остановлено на определенной детали сна. Таким путем обездвиживания внимания обычный сон можно превратить в сновидение.

Далее он объяснил, что в сновидении приходится пользоваться теми же механизмами внимания, что и в повседневной жизни. Наше первое внимание приучено с большой силой концентрироваться на деталях мира для того, чтобы превратить аморфную и хаотическую сферу восприятия в упорядоченный мир осознания.

Дон Хуан сказал нам также, что второе внимание выполняло функции приманки, притягивающей шансы. Чем больше им пользуются, тем выше вероятность достичь желаемого результата. Но это была также и функция внимания вообще, функция, принимаемая настолько как само собой разумеющееся в обычной жизни, что ее перестали замечать. Если мы сталкиваемся с удачей, мы говорим о ней как о случае или совпадении, а не в том смысле, что второе внимание указало нам на событие.

Обсуждение второго внимания подготовило почву для второй ключевой темы — тела сновидения. В целях руководства Ла Гордой дон Хуан поставил перед ней задачу — постепенно и неуклонно мобилизовать свое второе внимание на компоненты ощущения полета в сновидении.

— Как ты научилась летать в сновидении? — спросил и ее. — Тебя кто-нибудь учил?

— Нагваль Хуан Матус учил меня здесь, в этом мире, — ответила она. — И в сновидении кто-то, кого я никогда не могла увидеть, учил меня. Это был только голос, говорящий мне, что я должна делать. Затем у меня ушли годы

на то, чтобы научиться переходить из обычного тела, которое можно потрогать, в тело сновидения.

— Ты должна мне это объяснить, Ла Горда, — сказал я.

— Ты учился входить в свое тело сновидения, когда видел в сновидении, что выходишь из своего тела. Но, насколько я могу судить, Нагваль не дал тебе никакой специальной задачи, поэтому ты отправляешься по любой из дорожек, по какой только можешь. Передо мной же стояла задача использовать свое тело сновидения. Такую же задачу имели и сестрички. Дон Хуан сказал, что как только выучиваешься сновидению, любой сон, который ты можешь запомнить, уже не является сном. Это сновидение. В моем сне я однажды видела себя летающей, подобно воздушному змею. Я рассказала об этом Нагвалю, так как мне понравилось ощущение парения. Он воспринял все это очень серьезно и превратил в задачу.

Тогда я стала стараться летать в сновидении. Но я не могла его настроить. Чем больше я старалась воздействовать на свое тело сновидения, тем труднее это становилось. В конце концов Нагваль сказал, чтобы я перестала пытаться и позволила ему прийти самому. Мало-помалу я научилась летать в сновидениях. Именно тогда какой-то голос начал говорить мне, что надо делать. Это был женский голос, как я всегда чувствовала.

Когда я научилась летать в совершенстве, Нагваль сказал, что каждое движение полета, которому я научилась в сновидении, я должна повторить наяву. У тебя была такая же возможность, когда саблезубый тигр учил тебя дышать. Но ты никогда не превращался в тигра в сновидении, поэтому не мог правильно сделать это в состоянии бодрствования. Ну, а я научилась летать в сновидении. Сдвигая свое внимание в тело сновидения, я могла летать как воздушный змей и тогда, когда бодрствовала. Однажды я показала тебе, как я летаю, так как хотела, чтобы ты увидел, как я научилась пользоваться сновидением. Но ты не знал, что происходит.

Она имела в виду тот случай, когда она перепугала меня своим невообразимым имитированием реального колыхания в воздухе, подобно воздушному змею. Событие это настолько далеко выходило за рамки моего понимания, что я едва мог начать его обдумывать хоть сколько-нибудь логично. Как всегда, когда я сталкивался с такими вещами, я относил их к

аморфной категории «ощущения в условиях стресса». Я придерживался мнения, что в условиях сильного стресса восприятие органов чувств очень сильно искажается. Мое объяснение ничего не объясняло, но, казалось, удерживало рассудок в умиротворенном состоянии.

Я сказал Ла Горде, что тут должно быть еще и многое другое, помимо простого повторения летательных движений — в том, что она называла своим переходом в тело сновидения.

Прежде, чем ответить, она немного подумала.

— Я полагаю, Нагваль тебе тоже говорил, — сказала она, — что единственное, на самом деле имеющее значение в таком переходе, — это закрепление второго внимания. Нагваль говорил тебе, что именно внимание создает мир. Он был, конечно, абсолютно прав. У него были причины так говорить. Он был мастером внимания. Я думаю, он сознательно ставил передо мной задачу самой понять, что все, что требуется мне, чтобы переместиться в тело сновидения, это сфокусировать свое внимание на акте полета. Здесь важно прежде всего накапливать внимание в сновидении, чтобы наблюдать за всем, что делаешь во время полета. Это единственный способ культивировать второе внимание. Как только оно окрепло, стоило лишь чуть-чуть сфокусировать его на деталях, и ощущение полета усиливало чувство реальности, пока для меня не стало обычным сновидеть, что я парю в воздухе.

Таким образом, в деле полета мое второе внимание было обострено. Когда Нагваль поставил передо мной задачу перемещаться в тело сновидения, он имел в виду, чтобы я включила свое второе внимание, бодрствуя. Так я это понимаю. Первое внимание, внимание, создающее мир, никогда нельзя преодолеть полностью. Оно лишь на мгновение может быть выключено или замещено вторым вниманием, при условии, что тело уже накопило его в достаточном количестве. Искусство сновидения является естественным путем накопления второго внимания. Поэтому можно сказать, что для перемещения в тело второго внимания в бодрствующем состоянии надо следовать практике сновидения, пока у тебя из ушей дым не пойдет.

— Можешь ли ты в любое время, когда захочешь, попадать в свое тело сновидения? — спросил я.

— Нет, это не так просто, — ответила она. — Я научилась повторять движения и ощущение полета в бодрствующем состоянии, но тем не менее я не могу летать, когда пожелаю. Для моего тела сновидения всегда существует барьер. Иногда я чувствую, что барьер снят. В это время мое тело свободно, и я могу летать, как если бы я была в сновидении.

Я сказал Ла Горде, что в моем случае дон Хуан поставил передо мной три задачи для тренировки второго внимания. Первая состояла в том, что я находил в сновидении свои руки. Затем он рекомендовал мне выбрать место и сфокусировать внимание на нем, а затем продолжать делать сновидение и посмотреть, смогу ли я в действительности туда попасть. Он предложил, чтобы я посещал в таком месте кого-нибудь, кого я знаю, предпочтительно женщину, преследуя две цели. Во-первых, зафиксировать малейшие изменения, которые могут действительно указать на то, что я был там в сновидении; во-вторых, найти какую-нибудь малозаметную деталь, которая окажется как раз тем, на что настраивается мое второе внимание.

Наиболее серьезной проблемой, с которой встретится в этом аспекте сновидящий, является неуклонная фиксация второго внимания на такой детали, всегда остающейся незамеченной вниманием повседневным, создавая тем самым почти непреодолимое препятствие для оценки. То, что ищешь в сновидении, оказывается совсем не тем, чему уделяешь внимание в повседневной жизни.

По словам дона Хуана, только в период обучения необходимо прилагать усилия к тому, чтобы сделать второе внимание неподвижным. После этого приходится выдерживать почти непреодолимое давление второго внимания и лишь мельком бросать взгляды на окружающее. В сновидении следует удовлетворяться самыми краткими видениями всего, так как если на чем-нибудь сфокусируешься, мгновенно теряешь контроль.

Последней обобщенной задачей, которую он передо мной поставил, был выход из тела. Я частично преуспел в этом, и все время считал это своим единственным реальным достижением в сновидении.

Дон Хуан исчез прежде, чем я усовершенствовал ощущение в сновидении, что я могу свободно обращаться с миром повседневных вещей, находясь тем

временем в сновидении. Его уход прервал то, что, по моему мнению, должно было быть неизбежным проникновением сновидения в мир повседневной жизни.

Для того, чтобы объяснить контроль второго внимания, дон Хуан ввел идею воли. Он сказал, что воля может быть представлена в виде максимального контроля свечения тела как энергетического поля, или о ней можно говорить как об уровне профессионализма, или как о таком состоянии бытия, которое внезапно входит в повседневную жизнь воина в определенное время. Она ощущается как сила, излучаемая из средней части тела вслед за моментом абсолютной тишины, или сильного ужаса, или глубокой печали, потому что счастье слишком опустошает и не дает воину концентрации, требуемой, чтобы использовать свечение тела и обратить его в молчание.

— Нагваль говорил мне, что печаль человеческого существа настолько же могущественна, как и испуг, — сказала Ла Горда. — Печаль заставляет воина лить кровавые слезы. И то, и другое может привести к моменту молчания. Или же молчание приходит само по себе из-за того, что воин стремится к нему в течение всей своей жизни.

— Ты сама когда-нибудь испытывала такой момент молчания?

— Испытывала, конечно. Но я не могу припомнить теперь, на что это похоже, — сказала она. — Мы с тобой оба испытывали его, но никто из нас ничего не может об этом вспомнить. Нагваль говорил, что это момент отвлечения сознания, еще более тихий, чем момент выключения внутреннего диалога. Это отключение сознания, эта тишина дают возможность подняться намерению, направить второе внимание, управлять им, заставлять его делать то или другое. Именно потому он называется волей. Нагваль говорил, что они взаимосвязаны. Он говорил мне все это, когда я пыталась научиться летать в сновидении. Намерение летать производит результат полета.

Я сообщил ей, что уже отбросил всякую надежду на возможность когда-либо испытать волю.

— Ты ее испытаешь, — сказала Ла Горда. — Беда в том, что мы не обладаем достаточно острым умом, чтобы знать, что же с нами происходит. Мы не ощущаем своей воли, потому что думаем, будто она должна быть чем-то

таким, о чем мы сможем знать наверняка, например — злостью. Воля очень тиха, незаметна. Воля принадлежит другому «я».

— Какому другому «я»? — спросил я.

— Ты знаешь, о чем я говорю, резко сказала она. — Мы находимся в нашем другом «я», когда совершаем сновидение. К настоящему времени мы уже входили в наше другое «я» бесчисленное количество раз, но мы еще не являемся цельными.

Последовала затяжная пауза. Я признался себе, что она права, утверждая, что мы не цельные. Я понимал это в том смысле, что мы были только учениками неисчерпаемого искусства. Но затем мне пришло на ум, что, возможно, она имела в виду что-то другое. Это не была рационально обоснованная мысль. Сначала я ощутил нечто вроде щекотки в солнечном сплетении, а потом возникла готовая мысль, что она, вероятно, говорит о чем-то совсем другом. Затем я таким же образом ощутил ответ. Он пришел ко мне готовым, своего рода отливкой. Я ощутил его целиком сначала кончиком своей грудины, а затем в уме. Проблема состояла в том, что я не мог распутать то, что знал, чтобы выразить его в словах.

Ла Горда не прерывала моих размышлений ни дальнейшими комментариями, ни жестами. Она, казалось, была внутренне соединена со мной до такой степени, что нам не нужно было говорить словами.

Некоторое время мы еще поддерживали состояние общности друг с другом, а затем оно захлестнуло нас обоих. Постепенно мы успокоились. Наконец, я заговорил. Не то, чтобы у меня была потребность произнести то, что мы оба и так знали. Просто нужно было восстановить опору для нашей дискуссии.

Я сказал ей, что знаю, в каком смысле мы не являемся цельными, но мне трудно перевести это свое знание в слова.

— Есть множество вещей, известных нам, — сказала она. — И все же мы не можем заставить их работать на себя, потому что не имеем представления, как их вытащить из себя на поверхность. Ты только начал ощущать это давление. Я ощущаю его уже несколько лет. Я знаю, и в то же время — не знаю. Я все время странствую по самой себе, и когда пытаюсь высказать то, что знаю, это

звучит по-идиотски.

Я понял, что она имеет в виду. Понял на физическом уровне. Я знал что-то чрезвычайно практичное и очевидное о воле и о том, что Ла Горда называла другим «я», и в то же время я не мог произнести ни одного слова о том, что я знал, и не потому, что был скрытным или смущенным, а просто потому, что не знал, с чего начать или как организовать свое знание.

— Воля является настолько полным контролем второго внимания, что это называется другим «я», — сказала Ла Горда после длинной паузы. — Несмотря на все, что мы сделали, мы знаем лишь ничтожную частичку нашего другого «я». Нагваль предоставил нам самим завершить наше знание. В этом и состоит наша задача воспоминаний.

Она хлопнула себя по лбу ладонями, как если бы ее внезапно осенило.

— Господи! Мы же вспоминаем другое «я», — воскликнула она почти на грани истерики. Затем она успокоилась и продолжала говорить приглушенным голосом. — Очевидно, мы уже были там, и единственный способ вспомнить — тот, которым мы пользуемся, когда выстреливаем наши тела сновидения во время совместного сновидения.

— Что ты имеешь в виду? Что это такое — выстреливание наших тел сновидения? — спросил я.

— Ты сам был свидетелем того, как Хенаро выстреливал свое тело сновидения, — сказала она. — Оно выскакивает, как медленная пуля. Оно фактически приклеивается и отклеивается от физического тела с громким треском. Нагваль говорил мне, что у Хенаро тело сновидения могло делать большинство вещей, которые мы обычно можем делать. Он обычно приходил к тебе в таком виде, чтобы встряхнуть тебя. Я знаю теперь, чего добивались Нагваль и Хенаро. Они хотели, чтобы ты вспомнил, и с этой целью Хенаро совершал невероятные действия перед самыми твоими глазами, выстреливая свое тело сновидения. Однако все было напрасно.

— Но я совсем не знал, что он был в своем теле сновидения, — сказал я.

— Ты не знал, потому что не следил, — сказала она. — Хенаро пытался дать

тебе знать, делая попытки выполнять то, чего тело сновидения выполнить не может. Например, есть, пить и т. д. Нагваль рассказывал мне, что Хенаро обычно подшучивал над тобой, говоря, что он пойдет в кусты и заставит горы трястись.

— Почему тело сновидения не может делать этих вещей? — спросил я.

— Потому что оно не владеет намерением есть и пить, — ответила она.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Великим достижением Хенаро было то, что в своем сновидении он обучился намерению тела, — объяснила она. — Он закончил то, что ты только начал делать. Он мог создавать в сновидении все свое тело настолько совершенным, насколько это вообще возможно. Но у тела сновидения и у тела физического намерения различны. Например, тело сновидения может проходить сквозь стены, потому что оно знает намерения растворяться в воздухе. Физическое тело знает намерение еды и питья, но не исчезновения. Для физического тела Хенаро пройти сквозь стену было столь же невозможно, как для его тела сновидения поесть.

Ла Горда немного помолчала, как бы оценивая то, что она только что сама сказала. Я хотел немного подумать, прежде чем задавать ей вопросы.

— Хенаро довел до мастерства только намерения своего тела сновидения, — сказала она. — Сильвио Мануэль, с другой стороны, был абсолютным хозяином намерения. Теперь я знаю, что причина, по которой мы не можем припомнить его лицо, состоит в том, что он не был таким, как все остальные.

— Что тебя заставляет так говорить, Ла Горда?

Она начала было пояснять, что имела в виду, но оказалась не в состоянии вразумительно выразить свои мысли. Внезапно она улыбнулась. Глаза ее засветились.

— Поймала, — сказала она. — Нагваль говорил мне, что Сильвио Мануэль был мастером намерения, поэтому он постоянно находился в своем другом «я». Он был настоящим руководителем. Он стоял позади всего, что делал Нагваль.

Фактически благодаря ему Нагваль стал заботиться о тебе.

Я испытывал большое физическое неудобство, слушая, как Ла Горда мне это говорит. У меня даже чуть не расстроился живот, и я предпринимал отчаянные усилия, чтобы Ла Горда этого не заметила.

Я отдувался. Она на секунду остановилась, а затем продолжала, как бы приняв решение не обращать внимания на мое состояние. Вместо этого она начала на меня кричать. По ее мнению, сейчас было самое время развеять наши огорчения. Напомнив мне о моих чувствах отстраненности после того, что произошло в Мехико, Ла Горда сказала, что горечь я чувствовал не потому, что она примкнула к другим ученикам, встав против меня, а потому, что приняла участие в срывании с меня маски. Я объяснил ей, что эти чувства у меня уже прошли. Она была непреклонна и настаивала, что если я не встречусь с этими чувствами лицом к лицу, то они все равно вернутся ко мне снова, но только как-нибудь иначе, и что мои близкие отношения с Сильвио Мануэлем были причиной всего этого.

Я сам не мог поверить тем сменам настроения, через которые я прошел, услышав такое заявление. Я как бы стал сразу двумя людьми. Один — разъяренный, с пеной у рта. Другой — спокойный, наблюдающий. Последовал еще один спазм живота, и мне стало плохо. Однако этот спазм вызвала не тошнота, скорее это была неудержимая ярость.

Когда я, наконец, успокоился, я был раздражен своим поведением и переживал в связи с тем, что этот инцидент может случиться со мной вновь и в другое время.

— Как только ты примешь свою истинную природу, — сказала Ла Горда равнодушным тоном, — ты освободишься от ярости.

Я хотел с ней поспорить, но видел тщетность всего этого. Кроме того, мой приступ ярости оставил меня совсем без энергии. Я рассмеялся при мысли, что не буду знать, как поступить, если окажется, что она права. Затем мне пришла в голову мысль, что все возможно, если я умудрился забыть о женщине-нагваль. У меня было странное ощущение не то тепла, не то раздражения в горле, как если бы я поел горячей острой пищи. В теле я ощутил тревогу, как будто знал, что кто-то крадется у меня за спиной, и в тот

же момент я узнал нечто такое, чего не знал мгновением раньше — Ла Горда была права, ответственным за меня был Сильвио Мануэль.

Ла Горда громко рассмеялась, когда я рассказал ей все это. Она ответила, что тоже вспомнила кое-что о Сильвио Мануэле.

— Я не помню его как личность, как я помню женщину-нагваль, — продолжала она, — но я помню, что говорил мне о нем Нагваль.

— Что же он тебе говорил?

— Он говорил, что когда Сильвио Мануэль был на этой земле, он был такой, как Элихио. Он исчез однажды, не оставив следа, и вошел в другой мир. Он отсутствовал много лет, а затем однажды вернулся. Нагваль говорил, что Сильвио Мануэль не помнил, ни где был он сам, ни что он делал, но его тело изменилось. Он вернулся назад в этот мир, но он вернулся в своем другом «я».

— Что еще он говорил, Ла Горда? — спросил я.

— Я не могу больше вспомнить. Это похоже на взгляд сквозь туман.

Я знал, что если мы сосредоточимся сильнее, то вспомним, кто же был Сильвио Мануэль. Я сообщил ей об этом.

— Нагваль говорил, что намерение присутствует всюду, — внезапно сказала она.

— Что это значит? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Ла Горда. — Я просто произношу то, что приходит ко мне в голову. Нагваль сказал также, что намерение создает мир.

Я знал, что уже слышал эти слова раньше. Я подумал что дон Хуан, должно быть, говорил мне это, но я просто забыл.

— Когда дон Хуан говорил тебе это? — спросил я.

— Не могу вспомнить. Но он говорил, что люди, а отсюда все живые существа, являются рабами намерения. Оно заставляет нас действовать в этом мире. Оно даже принуждает нас умирать. Он сказал, что когда мы становимся воинами, намерение тем не менее превращается в нашего друга. Оно позволяет нам на секунду быть свободными, иногда даже приходит к нам, как если бы оно поджидало нас поблизости. Он говорил мне, что сам был только другом намерения. Сильвио же Мануэль был его хозяином.

Целые армады скрытых воспоминаний бились во мне, чтобы вырваться на поверхность. Я испытал на минуту ужасное замешательство, а затем что-то во мне внезапно сдалось. Я успокоился. Я больше не интересовался открытиями о Сильвио Мануэле.

Ла Горда интерпретировала мою смену настроения как признак того, что мы готовы лицом к лицу встретить свои воспоминания о Сильвио Мануэле.

— Нагваль всем нам показывал, что он может делать со своим намерением, — внезапно сказала она. — Он мог заставлять вещи появляться, призывая намерение. Он говорил, что если я захочу летать, то должен буду вызвать намерение полета. Затем он показал мне, как он сам может призывать его, прыгнув в воздух и пролетев круг надо мной, как огромный воздушный змей. Или же он заставлял предметы появляться и исчезать в его руке. Он сказал, что знал намерение многих вещей и мог вызывать эти вещи, направляя намерение на них. Различие между ним и Сильвио Мануэлем состояло в том, что Сильвио Мануэль, будучи хозяином намерения, знал намерение всего.

Я заметил, что ее объяснение требует дальнейших уточнений. Она, казалось, изо всех сил пыталась организовать слова в своем уме.

— Я научилась только намерению летать, — сказала она, — повторяя все чувства, которые у меня были, когда летала в сновидении. Нагваль за свою жизнь научился намерению сотен вещей. Но Сильвио Мануэль пришел к самому источнику. Он коснулся его. Ему не надо было учиться намерению чего бы то ни было. Он составлял с намерением единое целое. Проблема заключалась в том, что у него не осталось больше желаний, потому что намерение не имеет своих собственных желаний. Поэтому Сильвио Мануэль мог сделать все, чего бы Нагваль ни пожелал. Нагваль направлял намерение Сильвио Мануэля.

Но поскольку Нагваль также не имел желаний, большую часть времени они вообще ничего не делали.

Глава 8. Право- и левостороннее осознание

Обсуждение сновидения оказалось очень полезным не только потому, что вывело нас из тупика с нашим совместным сновидением, но и потому, что перевело последнее из смутной концепции на уровень интеллектуального понимания. Разговор о сновидении занимал нас и позволял воспользоваться паузой, чтобы снять нервное возбуждение.

Однажды вечером, когда я был по делам в городе, я позвонил Ла Горде из телефона-автомата. Она сказала, что ходила в супермаркет и там у нее возникло ощущение, будто я прячусь в витрине среди манекенов. Она была уверена, что я специально ее разыгрываю, и так рассердилась, что бросилась через магазин, чтобы поймать меня и задать хорошую взбучку. Затем она сообразила, что в действительности вспоминает нечто такое, что часто делала в моем присутствии, когда сердилась.

Тогда мы оба высказали желание продолжать наше совместное сновидение. Пока мы разговаривали, мы ощутили новый прилив оптимизма. Я немедленно поехал домой.

Я очень легко вошел в первое состояние — состояние спокойного бодрствования. Это было ощущение телесного удовольствия, приятного излучения из солнечного сплетения, которое преобразовалось в мысль, что сейчас мы добьемся прекрасных результатов. Эта мысль превратилась в нервное ожидание. Я обнаружил, что мои мысли идут от точки покалывания в центре груди, однако в тот момент, когда я перевел внимание туда, покалывание прекратилось. Это было похоже на электрический ток, который я мог включать и выключать.

Опять началось покалывание, сильнее прежнего, и внезапно я очутился лицом к лицу с Ла Гордой — точь-в-точь, как если бы я повернул за угол и с нею столкнулся. Я принялся ее рассматривать. Она была настолько реальной, настолько самой собой, что мне хотелось к ней прикоснуться. Предельно чистая, неземная привязанность к ней прорвалась во мне в эту минуту, и я непроизвольно начал всхлипывать.

Ла Горда тотчас, чтобы это прекратить, попыталась сцепить наши руки, но она не могла двинуться. Мы осмотрелись. Вокруг не было никакой застывшей картины и вообще ничего в этом роде. Меня внезапно осенило, и я сказал Ла Горде — мы потому пропустили момент появления сцены сновидения, что смотрели друг на друга.

Только я закончил говорить, как понял, что мы уже в новой ситуации. Звук собственного голоса меня испугал. Это был чужой, резкий и неприятный голос, от которого меня передернуло.

Ла Горда ответила, что мы ничего не пропустили, что наше второе внимание захвачено чем-то еще. Она улыбнулась и меня передразнила, смешно двигая губами с выражением удивления и недовольства звуками собственного голоса.

Я нашел совершенно очаровательным разговаривать в сновидении, так как сцены нашего разговора нам не снились — мы говорили наяву. Это требовало совершенно непривычных усилий, вроде тех, которые потребовались мне, когда я в сновидении спускался с лестницы.

Я спросил ее, смешно ли звучит мой голос. Она кивнула и громко рассмеялась. Звук ее смеха был совершенно потрясающим. Я вспомнил, как Хенаро издавал чрезвычайно странные и пугающие звуки. Таким же был смех Ла Горды. Меня поразило осознание того, что мы с Ла Гордой совершенно спокойно вошли в свои тела сновидения.

Я хотел взять ее за руку, но, несмотря на ряд попыток, не мог пошевельнуться. Поскольку у меня был какой-то опыт в движениях при таком состоянии, я приказал себе придвинуться к Ла Горде. Моим желанием было обнять ее, но вместо этого я придвинулся настолько близко, что наши тела слились в одно. Я сознавал себя как индивидуальное существо, но в то же

время я был частью Ла Горды. Это ощущение мне страшно понравилось.

Мы оставались слитыми, пока что-то не разорвало нашу связь. Я ощутил приказ осмотреть местность. Взглянув вокруг, я ясно вспомнил, что уже видел это раньше. Куда ни глянь, нас окружали небольшие круглые холмики, похожие на дюны. На вид они были из чего-то вроде светло-желтого песчаника или круглых крупинок серы. Небо было того же цвета и выглядело очень низким, давящим. В некоторых местах с неба свисали клочья желтоватого тумана или каких-то испарений.

Я заметил, что дыхание у нас как будто нормальное. Я не мог пощупать свою грудную клетку, но чувствовал, как она мерно вздымается при вдохе. По-видимому, желтые испарения нам не вредили.

Мы начали двигаться — медленно, осторожно, словно прогуливаясь. Но почти сразу я очень устал. Ла Горда тоже. Мы скользили над самой землей и, видимо, подобный способ передвижения был очень утомительным для нашего второго внимания, он требовал необычайной степени концентрации. Мы не подражали намеренно нашей обычной ходьбе, но результат был таков, как будто этим мы и занимались. Движение требовало выбросов энергии, чего-то вроде периодических микровзрывов. У нас не было никакой определенной цели, поэтому вскоре мы остановились.

Ла Горда заговорила со мной таким слабым голосом, что я едва ее расслышал. Она сказала, что нас влечет в сторону большей тяжести и если мы не повернем, то наверняка погибнем.

Автоматически мы повернулись и пошли назад, но чувство усталости нас не оставляло. Мы оба настолько выдохлись, что не могли удерживаться в вертикальном положении. Мы повалились на землю и непроизвольно приняли позу сновидения.

Я мгновенно проснулся у себя в кабинете, а Ла Горда — у себя в спальне. Первое, о чем я сказал ей после пробуждения, — что я уже был в этой местности несколько раз раньше. Я видел ее по крайней мере в двух ракурсах: совершенно плоской — и покрытой маленькими холмиками. Пока я говорил, мне пришло в голову, что я даже не уточнил, одно ли и то же мы видели. Остановившись, я сказал, что позволил себе увлечься. Затем приступил к

описанию того, что видел, как если бы мы сравнивали свои впечатления от совместной воскресной прогулки.

— Сейчас об этом говорить уже не имеет смысла, — сказала она со вздохом. — Но если тебе это доставит удовольствие, то я расскажу тебе, что видела я.

Она терпеливо описала все, что мы видели, говорили или делали. Она сказала, что тоже бывала раньше в этой пустынной пересеченной местности и что знает наверняка — эта земля не принадлежит людям, это — пространство между мирами, между миром, который мы знаем, и иным миром.

— Это пространство между параллельными линиями, — продолжала она. — Мы можем приходить туда в сновидении, но для того, чтобы покинуть этот мир и перейти в тот, надо пройти в эту область целиком, всем своим телом.

Я ощутил озноб при мысли, что надо войти в это странное место в своем физическом теле.

— Мы с тобой уже там бывали в наших телах, — добавила она. — Разве ты не помнишь?

Я сказал, что все, что я могу вспомнить — это то, что я уже дважды под руководством дона Хуана видел этот странный ландшафт, но оба раза отбрасывал этот опыт, потому что он следовал за приемом галлюциногенных растений. Следуя своему рассудку, я рассматривал этот опыт как совершенно субъективные видения, а не как достоверные явления. Я не помнил, чтобы когда-нибудь раньше видел эту местность.

— Когда мы попадали туда в своих телах? — спросил я.

— Не знаю, — сказала она. — Смутное воспоминание об этом просто мелькнуло у меня в голове, когда ты сказал, что видел его раньше. Я полагаю, твоя очередь помочь мне закончить то, что я начала вспоминать. Я не могу на этом сфокусироваться, но припоминаю, что в это пустынное место нас и женщину-нагваль брал с собой Сильвио Мануэль, но не знаю зачем. Мы не были тогда в сновидении.

Я уже не слышал, что она говорила дальше. Мой ум стал настраиваться на

что-то, пока еще невыразимое. Я попытался привести мысли в порядок. Они бесцельно разбрелись. На секунду я почувствовал, будто вновь вернул те годы и то время, когда я не мог останавливать свой внутренний диалог. Затем туман начал рассеиваться. Мысли пришли в порядок без моего сознательного вмешательства, и в результате всплыли законченные воспоминания о событиях, которые я уже частично припомнил в одной из тех бесчисленных вспышек памяти, которые у меня бывали. Ла Горда была права. Нас уже однажды брали в ту область, которую дон Хуан называл «чистилищем», очевидно, заимствовав этот термин из религиозной догмы. Я знал, что Ла Горда права и в том, что мы были там не в сновидении.

В тот раз, по просьбе Сильвио Мануэля, дон Хуан собрал вместе женщину-нагваль, меня и Ла Горду. Дон Хуан объяснил, что причиной нашего сбора послужило то, что я своими собственными средствами, но неосознанно, вошел в особое состояние сознания, представлявшее собой самую тонкую форму внимания. Я уже входил в это состояние, которое дон Хуан называл «левосторонним», но очень ненадолго и всякий раз с его помощью. Одной из основных черт этого состояния, представлявшей наибольшее значение для нас, было то, что в левостороннем сознании мы могли воспринимать необозримую массу желтоватого тумана, которую дон Хуан называл «стеной тумана».

Всегда, когда я мог ее воспринимать, она находилась справа от меня, распространяясь вперед до горизонта и вверх до бесконечности, разделяя мир надвое.

Стена тумана поворачивалась одновременно с движением головы, поэтому я никогда не имел возможности повернуться к ней лицом.

В тот день, о котором идет речь, дон Хуан и Сильвио Мануэль говорили со мной о стене тумана. Я помню, что потом Сильвио Мануэль схватил Ла Горду за загривок, как котенка, и исчез с ней в массе тумана. У меня была доля секунды, чтобы увидеть их исчезновение, потому что дон Хуан каким-то образом добился того, что я оказался повернутым к стене тумана. Он не хватал меня за шкирку, а толкнул в стену тумана, и следующее, что я увидел, была пустынная равнина. Дон Хуан, Сильвио Мануэль, женщина-нагваль и Ла Горда также находились там. Меня не интересовало, что они делают; я был парализован неприятнейшим и угрожающим ощущением придавленности —

усталости, сводящей с ума затрудненностью дыхания. Я ощущал, что стою внутри душной желтой пещеры с низким потолком. Физическое ощущение давления стало таким сильным, что я больше не мог дышать. Казалось, все мои физические функции остановились. Я уже не мог чувствовать ни одной из частей своего тела. Однако я все еще мог двигаться, ходить, поднимать руки, поворачивать голову. Я положил руки на бедра, но ни бедра, ни ладони ничего не чувствовали. Мои руки и ноги зрительно были здесь, но на ощупь отсутствовали.

Движимый безграничным страхом, я схватил женщину-нагваль за руки и сбил ее с ног. Но толкнула меня не моя мускулатура, это была сила, сконцентрированная не в моих мышцах и не в скелете, а в центре моего тела.

Желая опробовать силу еще раз, я схватил Ла Горду. От моего рывка она пошатнулась. Тут я понял, что энергия, с помощью которой я все это делал, исходит из стержневидного протуберанца, действующего как щупальце из центра моего тела.

Все это заняло лишь секунду. В следующий момент я вновь погрузился в состояние дискомфорта и страха. Я посмотрел на Сильвио Мануэля с молчаливой просьбой о помощи. Он взглянул на меня, и я понял, что пропал. Его глаза были холодны и безразличны. Дон Хуан отвернулся от меня, и я внутренне затрясся от невыразимого физического ужаса. Мне казалось, что кровь в моем теле кипит, не потому, что я чувствовал жар, но потому, что внутреннее давление приблизилось к точке взрыва.

Дон Хуан приказал мне расслабиться и отдаться смерти. Он сказал, что я останусь здесь, пока не умру, и что у меня есть шанс умереть мирно, если я сделаю сверхусилие и позволю страху завладеть мной; если же я стану с ним бороться, то умру в агонии.

Со мною заговорил Сильвио Мануэль, что случалось крайне редко. Он сказал, что энергия, необходимая для того, чтобы принять мой ужас, находится в центре моего тела, и что единственным способом добиться успеха будет сдаться, не сдаваясь.

Женщина-нагваль и Ла Горда были совершенно спокойны. Я был здесь единственным, кто умирал. Сильвио Мануэль сказал, что судя по тому, как я

теряю энергию, до моего конца остаются мгновения, и что я могу считать себя уже мертвым. Дон Хуан сделал женщинам знак следовать за ним, и они повернулись ко мне спиной. Я не видел, что они делали. Я почувствовал мощную вибрацию, идущую сквозь меня, и решил, что это мои смертные судороги. Моя борьба окончена. Меня больше ничего не тревожило. Я отдался неумолимому ужасу, убивавшему меня. Мое тело, или образование, которое я считал своим телом, расслабилось, отдав себя смерти. Как только я позволил ужасу войти или, точнее, выйти из меня, я почувствовал и увидел, как тяжелый туман или беловатое испарение на фоне сернисто-желтого тумана покидает мое тело.

Дон Хуан повернулся ко мне и с любопытством посмотрел на мое тело. Сильвио Мануэль отошел в сторону и опять схватил Ла Горду за загривок. Я ясно видел, как он отшвырнул ее, словно огромную тряпичную куклу, в массу тумана. Затем он вошел туда сам и исчез.

Женщина-нагваль сделала мне знак, приглашая войти в туман. Я двинулся к ней, но прежде, чем я подошел, дон Хуан дал мне мощный пинок в спину, который пронес меня сквозь толщу тумана. Я нигде не задержался и, проскочив стену, упал на землю в повседневном мире.

Ла Горда вспомнила это событие, когда я рассказал ей о нем. Затем она кое-что уточнила.

— Мы с женщиной-нагваль не боялись за твою жизнь, — сказала она. — Нагваль говорил нам, что тебя надо заставить отпустить все, за что ты держишься, но в этом нет ничего нового. Каждого воина-мужчину нужно подталкивать страхом.

Сильвио Мануэль уже протаскивал меня через эту стену трижды, чтобы я научилась расслабляться. Он сказал, что если ты увидишь, что я чувствую себя там спокойно, это окажет на тебя влияние. Так и произошло. Ты сдался и расслабился.

— Тебе тоже было трудно научиться расслабляться?

— Нет. У женщин с этим проще. Проблема лишь в том, что нас надо протаскивать через туман. Мы не можем делать этого самостоятельно.

— Почему не можете?

— Надо быть очень тяжелым, чтобы пройти сквозь туман, а женщина легкая, даже слишком, — сказала она.

— А как насчет женщины-нагваль? Я не видел, чтобы ее тоже кто-нибудь протаскивал.

— С женщиной-нагваль особый случай, — сказала Ла Горда. — Она все могла делать самостоятельно. Она могла взять туда тебя или меня. Она могла даже самостоятельно пройти ту долину, что, как говорил Нагваль, обязательно для всех, кто странствует в неизвестное.

— Почему она пошла туда со мной?

— Сильвио Мануэль взял нас, чтобы поддержать тебя. Он считал, что тебе нужна защита двух женских и двух мужских сопровождающих — защита от тех сущностей, которые рыскают там. Из этой пустынной равнины приходят союзники и другие твари, еще более свирепые.

— У тебя тоже была защита? — спросил я.

— Я в ней не нуждаюсь. Я — женщина. Я свободна от всего этого. Но мы считали, что ты находишься в ужасном положении. Ты был Нагваль, но очень глупый Нагваль. Мы считали, что эти свирепые союзники или, если хочешь, называй их демонами, могут разорвать тебя на части. Так сказал нам Сильвио Мануэль. Он взял нас, чтобы охранять тебя с четырех сторон. Но забавным было то, что ни Нагваль, ни Сильвио Мануэль не знали, что ты в нас не нуждаешься. Предполагалось, что пройдет немного времени, пока ты не потеряешь свою энергию. Затем Сильвио Мануэль собирался напугать тебя, показав тебе союзников и натравив их на тебя. Он и Нагваль планировали помогать тебе понемножку. Таково правило. Но что-то нарушилось. В ту же минуту, как ты попал туда, ты взбесился. Ты не сдвинулся ни на дюйм, и уже умирал. Ты был до полусмерти напуган, еще даже не увидев союзников.

Сильвио Мануэль рассказывал мне, что он не знал, что делать, поэтому он сказал тебе на ухо то, что должен был сказать в самую последнюю очередь —

сдаться, не сдаваясь. Ты сразу успокоился, сам по себе, и им не понадобилось делать всего того, что они планировали. Нагвалю и Сильвио Мануэлю ничего не оставалось, как забрать нас оттуда.

Я рассказал Ла Горде, что когда я вернулся назад в этот мир, то кто-то был рядом со мной и помог мне подняться. Это все, что я помнил.

— Мы были в доме Сильвио Мануэля, — сказала она. — Сейчас я могу очень многое вспомнить об этом доме. Кто-то говорил мне, не помню, кто, что Сильвио Мануэль нашел его и купил, потому что дом был построен на месте силы. Но кто-то еще говорил, что ему просто понравился этот дом, он купил его и сделал местом силы. Лично я чувствую, что Сильвио Мануэль принес силу. Я чувствую, что его безупречность делала этот дом местом силы, пока он жил там со своей компанией.

Когда им пришло время уходить, место силы исчезло вместе с ними, и дом стал таким же, каким он был до тех пор, пока Сильвио Мануэль не купил его, — обычным домом.

Пока Ла Горда говорила, мой ум, казалось, еще больше прояснялся, но не настолько, чтобы открыть, что случилось с нами в этом доме и наполняло меня такой печалью. Не зная, почему, я был уверен, что это связано с женщиной-нагваль. Где она?

Ла Горда не ответила, когда я спросил об этом. Наступило длительное молчание. Она извинилась, сказав, что должна приготовить завтрак; было уже утро. Она оставила меня наедине с самим собой, с очень болезненной тяжестью на сердце. Я позвал ее обратно. Она рассердилась и швырнула кастрюли на пол. Я понял почему.

В следующей серии совместного сновидения мы еще более углубились в тонкости второго внимания. Это произошло несколько дней спустя. Мы с Ла Гордой без особых ожиданий и усилий оказались стоящими вместе. Она три-четыре раза пыталась сцепить наши руки, но безрезультатно. Она заговорила со мной, но ее речь была невнятной. Тем не менее я знал: она говорит, что мы опять находимся в своих телах сновидения. Она предупредила меня о том, что все движения должны делаться из средней части наших тел.

Как и при нашей последней попытке, никакого целостного видения не появилось. Однако я, казалось, узнавал местность, которую видел в своих сновидениях почти ежедневно в течение года. Это была долина саблезубого тигра.

Мы прошли несколько метров, и на этот раз наши движения уже не были ни порывистыми, ни толчкообразными. Мы действительно шли, исходя из живота, не напрягая никаких мышц. Трудность состояла только в отсутствии у меня практики. Это походило на первую поездку на велосипеде. Я быстро устал и потерял ритм, стал нерешительным и неуверенным в себе. Мы остановились. Ла Горда тоже потеряла синхронность движений.

Тут мы начали осматривать то, что нас окружало. Все имело неоспоримую реальность, по крайней мере для глаз. Мы находились в пересеченной местности с пышной растительностью. Я не мог определить вид тех странных кустов, которые там росли. Они походили на маленькие деревья, полтора-два метра высотой. На них было немного листьев, плотных и толстых, зеленовато-коричневого цвета, и огромные, темно-коричневые, с золотистыми полосками цветы. Стебли не были древовидными, они выглядели легкими и упругими, как водоросли, и были покрыты длинными устрашающими шипами. Несколько погибших растений упали, и было видно, что они пустотелые.

Почва была очень темной и казалась сырой. Я попытался нагнуться, чтобы потрогать ее, но мне не удалось двинуться. Ла Горда знаком показала, чтобы я использовал среднюю часть тела. Когда я это сделал, мне не понадобилось нагибаться, чтобы коснуться земли. У меня появилось что-то вроде щупальца, которым я мог чувствовать. Однако я не мог разобрать, что именно я чувствую. Не было никаких тактильных ощущений, на основе которых можно было бы воспринимать различия. Земля, которой я коснулся, казалась почвой, но на вид, а не на ощупь. Тут я погрузился в интеллектуальную дилемму. Почему сновидение кажется продуктом моих зрительных способностей? Может быть, потому, что зрение доминирует у нас в повседневной жизни? Вопросы были бессмысленными. Я не был в том состоянии, когда мог бы отвечать на них, и единственным, к чему привели эти размышления, было ослабление моего второго внимания.

Ла Горда прервала мои рассуждения, хорошенько боднув. Я ощутил как бы удар. Дрожь пробежала по всему моему телу. Она показала вперед. Как

обычно, саблезубый тигр лежал на каменистом выступе, где я его видел всегда. Мы приблизились, пока не оказались в двух метрах от камня, так что нам приходилось поднимать голову, чтобы смотреть на тигра. Мы остановились. Он поднялся. Его размеры были поразительны, особенно ширина.

Я знал, что Ла Горда хочет пройти со мной вокруг тигра на другую сторону холма. Я хотел сказать ей, что это может быть опасно, но не знал, как ей это передашь. Тигр казался сердитым, возбужденным. Он присел на задние лапы, как бы собираясь прыгнуть на нас. Я испугался.

Ла Горда повернулась ко мне, улыбаясь. Я понял, что она говорит, чтобы я не поддавался панике, так как тигр был только образом, подобным призраку. Движением головы она подталкивала меня идти вперед. Однако на неизмеримо более глубоком уровне я знал, что тигр является сущностью, может быть не в таком физическом смысле, как в нашем обычном мире, но тем не менее — реальной. А поскольку мы с Ла Гордой были в сновидении, мы потеряли свою повседневную материальность. В этот момент мы были с тигром на равных. Наше существование тоже было призрачным.

Мы сделали еще один шаг по настоянию Ла Горды. Тигр прыгнул. Я видел, как в воздухе взметнулось его огромное тело, направляясь прямо на меня. Я потерял ощущение, что я в сновидении, для меня тигр был реальным и через мгновение должен был меня растерзать. Каскад огней, образов самых интенсивных красок, какие я только видел, замелькал вокруг меня. Я проснулся в своем кабинете.

После того, как мы добились значительных успехов в совместном сновидении, у меня появилась уверенность, что мы ухитрились сохранить свою отрешенность, и торопиться больше некуда. Нас заставляли действовать не результаты наших усилий. Скорее это было какое-то всеохватывающее побуждение, дававшее нам толчок действовать безупречно, без мысли о награде. Наши последующие сеансы были такими же, как и первый, за исключением быстроты и легкости, с которой мы теперь входили во второе состояние сновидения — динамичное бодрствование.

Наше искусство в совместном сновидении дошло до такого уровня, что мы с успехом повторяли его каждую ночь. Без всякого специального намерения с

нашей стороны, наше совместное сновидение фокусировалось наугад на трех областях: на песчаных дюнах, на долине саблезубого тигра и, самое важное, на забытых событиях прошлого.

Когда перед нами предстали сцены, имевшие отношение к забытым событиям, в которых Ла Горда и я играли важную роль, она без всяких затруднений сцепляла свою руку с моей. Это действие давало мне иррациональное ощущение безопасности. Ла Горда объяснила, что этот акт необходим для того, чтобы рассеять абсолютное одиночество, которое является результатом второго внимания. Она сказала, что смыкание рук вызывает чувство объективности, и в результате мы можем следить за действиями, происходящими в каждой сцене. Иногда мы непосредственно вовлекались в эту деятельность, а иногда бывали полностью объективными и наблюдали за сценой, как в кино.

Когда мы посещали песчаные дюны или долину саблезубого тигра, мы не могли сомкнуть руки. В этих случаях наши действия никогда не повторялись, они никогда не были предусмотренными и всегда производили впечатление спонтанных реакций на новую ситуацию.

По мнению Ла Горды, большинство наших совместных сновидений распадались на три категории. Первая, самая большая, состояла из повторного участия в событиях, которые мы уже когда-то пережили. Вторая — когда мы оба наблюдали за действиями, которые я один когда-то совершил, — страна саблезубого тигра относилась к этой категории. Третья — действительное посещение такой области, которая существовала такой же, какой мы видели ее в момент посещения. Ла Горда утверждала, что упомянутые желтые холмы существуют здесь и сейчас и что именно так они выглядят и так расположены для приходящего туда воина.

В одном пункте мне хотелось с ней поспорить. У нас случались загадочные встречи с людьми, которых мы почему-то забыли, но с которыми явно были знакомы. Саблезубый тигр, с другой стороны, был существом из моего сновидения. Я не мог воспринимать его и тех людей как относящихся к одной категории.

Прежде, чем я успел задать свой вопрос, я уже услышал ответ Ла Горды. Казалось, она и впрямь находится у меня в голове, читая как по раскрытой

книге.

— Они все одного класса, — сказала она и нервно рассмеялась. — Мы не можем найти объяснения тому, почему мы забыли или как так получилось, что теперь приходится вспоминать. Мы ничего не можем объяснить. Саблезубый тигр где-то там. Мы никогда не узнаем, где. Но почему мы должны тревожиться из-за каких-то надуманных несоответствий? Сказать, что это — факт, а вот это — сновидение, не имеет ни малейшего смысла для другого «я».

Обычно мы с Ла Гордой занимались совместным сновидением как средством достижения невообразимого мира скрытых воспоминаний. Оно позволяло извлекать на поверхность события, добраться до которых посредством повседневной памяти было невозможно. Когда мы перебирали такого рода события во время бодрствования, это вызывало еще более детальные воспоминания. Подобным образом мы, так сказать, освободили массу воспоминаний, погребенных в нас. Потребовалось почти два года невероятных усилий и концентрации, чтобы начать понимать, что же с нами было на самом деле.

Дон Хуан говорил нам, что человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую он называл тональ, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона — нагваль, — царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, отсюда и его сопротивление построению концепций.

Дон Хуан говорил нам также, что все способности, возможности и достижения магии, от самых простых до самых немыслимых, заключаются в самом человеческом теле.

Исходя из того, что мы разделены надвое и что все вообще заключено в самом теле. Ла Горда предложила объяснение наших воспоминаний. Как она поняла, в течение всего периода нашей связи с Нагвалем Хуаном Матусом наше время было разделено поровну между состояниями нормального осознания, на правой стороне, тонале, где преобладает первое внимание, и состояниями повышенного осознания, на левой стороне, нагвале, или на стороне второго внимания.

Ла Горда считала, что усилия Нагваля были направлены на то, чтобы привести нас к другому «я» при помощи контроля над вторым вниманием посредством сновидения: Однако в непосредственный контакт со вторым, вниманием он вводил нас при помощи манипуляций столом. Ла Горда прибавила, что он заставлял ее переходить от одного края к другому, толкая ее или массируя ей спину, а иногда нанося сильный удар в области правой лопатки. Результатом было вхождение в состояние необычной ясности. Ла Горде казалось, что в этом состоянии и в этом мире все происходит гораздо быстрее, оставаясь при этом неизменным.

Спустя несколько недель после этого рассказа Ла Горды я вспомнил, что точно так же бывало и со мной. В любой момент дон Хуан мог нанести мне сильный удар в спину. Я всегда ощущал этот удар между лопатками и чуть выше. За ударом следовала необычайная ясность. Мир оставался таким же, но становился четче. Все становилось самим собой. Видимо, удар дона Хуана отключал мою способность суждения, и она больше не вмешивалась в непосредственное восприятие.

Я мог оставаться в этом состоянии неопределенно долго или до тех пор, пока дон Хуан не наносил мне второй удар, чтобы вернуть меня в нормальное состояние сознания. Он никогда меня не толкал и не массировал. Это всегда был прямой и сильный удар раскрытой ладонью — удар, от которого у меня на секунду перехватывало дыхание. В таких случаях я обычно начинал задыхаться, дышал мелко и часто, пока не восстанавливал дыхание.

Ла Горда рассказывала о таком же эффекте: удар Нагваля мгновенно опустошал легкие, и чтобы их вновь наполнить, приходилось хватать воздух как не в себя. Это судорожное дыхание, считала Ла Горда, и было здесь основным фактором; именно оно вызывало перемену, но каким образом дыхание воздействовало на восприятие и сознание — этого она не могла объяснить. Она сказала также, что ей никогда не наносился удар, чтобы вернуть ее в нормальное осознание: возвращалась она уже самостоятельно, хотя и не знала как.

Все, что она рассказала, похоже, в равной степени относилось ко мне. Не только в детстве, но уже будучи взрослым, когда мне случалось грохнуться спиной, я испытывал такое ощущение, будто из легких сразу вылетел весь

воздух. Но последствия удара дона Хуана, хотя я тоже моментально становился бездыханным, были совсем иными. Тут не было никакой боли, вместо этого возникало ощущение, описать которое невозможно. Пожалуй, точнее всего было бы сказать, что внутри меня внезапно возникала сухость. Удары в спину, казалось, высушивали мне легкие и затягивали все вокруг туманом. Затем, по наблюдениям Ла Горды, все, что затуманивалось после удара, становилось кристально ясным одновременно с восстановлением дыхания, как если бы дыхание было катализатором, фактором первостепенной важности.

То же самое происходило и со мной на пути к нормальному, повседневному осознанию жизни. Воздух бывал из меня выбит, мир становился затуманенным, а затем он прояснялся, когда я вновь наполнял легкие воздухом.

Еще одной чертой этих состояний повышенного осознания было ни с чем не сравнимое богатство наших личных взаимодействий. Богатство, которое наше тело воспринимало как ощущение ускорения. Наши двухсторонние перемещения между правой и левой сторонами облегчали нам понимание того, что на правой стороне слишком много энергии поглощается поступками и взаимодействиями нашей повседневной жизни. На левой стороне, напротив, существует врожденная потребность в экономии и скорости.

Ла Горда не могла описать, чем в действительности была эта скорость. Не мог и я. Лучше всего я мог бы сказать, что на левой стороне я мог схватывать значение всего с особенной точностью и направленностью.

Любая грань деятельности была свободна от вступлений и введений. Я действовал и отдыхал. Я шел вперед и отступал, без всяких мыслительных процессов, столь обычных для меня. Именно это мы с Ла Гордой понимали как ускорение.

В какой-то момент мы выяснили, что богатство восприятия на левой стороне проявлялось постфактум, то есть наши взаимодействия оказывались такими богатыми в свете нашей возможности запоминать их. Мы понимали, что в этих состояниях повышенного осознания мы воспринимали все одним целым куском, монолитной массой неотделимых деталей. Мы назвали эту способность воспринимать все сразу интенсивностью. Годами мы считали невозможным

использовать отдельные составляющие части этих монолитных кусков опыта. Мы не могли синтезировать эти части в такую последовательность, которая имела бы смысл для интеллекта. Поскольку мы были неспособны на такой синтез, мы не могли и вспомнить, эта наша неспособность вспомнить была фактически нашей неспособностью расположить воспоминания в линейной последовательности. Мы не могли, так сказать, разложить наши переживания перед собой и собрать их последовательно, одно за другим. Полученные переживания были доступны для нас, но в то же время мы не могли до них добраться, так как они были замурованы стеной интенсивности.

Следовательно, задачей воспоминания было соединить наши левые и правые стороны, объединить эти две стороны различных форм восприятия в единое целое. Это была задача по конденсации целостности самого себя путем расположения интенсивности в линейной последовательности.

Для нас стало ясно, что та деятельность, в которой мы принимали участие, могла занимать очень мало времени, если судить по часам. Из-за нашей неспособности воспринимать в терминах интенсивности мы могли иметь только подсознательное восприятие больших отрезков времени. По мнению Ла Горды, если бы мы могли расположить интенсивность в линейной последовательности, мы были бы вправе честно признать, что прожили тысячу лет.

Прагматический шаг, предпринятый доном Хуаном для того, чтобы облегчить нам задачу воспоминания, состоял в том, что он вводил нас в контакт с различными людьми, пока мы находились в состоянии повышенного осознания. Он тщательно следил за тем, чтобы мы не видели этих людей в состоянии обычного осознания. Таким образом, он создал подходящие условия для воспоминания.

Закончив наши воспоминания, мы с Ла Гордой вошли в очень смутное состояние. У нас было детальное знание о социальных взаимодействиях, которые мы разделяли с доном Хуаном и его партнерами. Это не были воспоминания в том смысле, как я мог бы вспомнить эпизод из своего детства. Это были более чем живые, детальные воспоминания о событиях. Мы восстановили разговоры, которые, казалось, еще звучали у нас в ушах, как если бы их слушали. Мы оба чувствовали, что излишним было бы стараться разобраться в том, что с нами произошло. Все то, что мы вспоминали, с точки

зрения нашего опыта происходило непосредственно сейчас. Таков был характер наших воспоминаний.

Наконец-то мы могли ответить на вопросы, так мучавшие нас. Мы вспомнили, кем была женщина-нагваль, какое место она среди нас занимала, какова была ее роль. Мы вспомнили, а точнее — вычислили, что провели одинаковое время с доном Хуаном в состоянии нормального осознания и с доном Хуаном и его сотоварищами в состоянии повышенного осознания. Мы восстановили каждый нюанс этих взаимоотношений, скрытых интенсивностью.

После вдумчивого обзора всего того, что мы обнаружили, мы хоть и минимальным образом, но соединили две свои стороны. Затем мы обратились к другим темам, к новым вопросам, которые встали на место старых. Существовало три предмета, три вопроса, суммировавших все, что нас волновало. Кто был дон Хуан и кем были его сотоварищи? Что они в действительности делали с нами и куда они все ушли?

Часть третья. Дар Орла

Глава 9. Правило Нагваля

Дон Хуан был очень скуп на информацию о своем прошлом и о своей личной жизни. Его сдержанность была главным образом, дидактическим средством. Насколько это касалось его самого, его время началось с того момента, когда он стал воином. Все, что случилось с ним раньше, значения не имело.

Все, что мы с Ла Гордой знали о его прошлом, — это то, что он родился в Аризоне. Его родители были индейцами племен яки и юма. Когда он был еще ребенком, родители перевезли его жить к индейцам яки в северную Мексику. В десятилетнем возрасте его закрутил водоворот войн яки. Мать убили, а отца захватили в плен мексиканские солдаты. Дона Хуана с отцом сослали в резервацию для репатриантов на южной окраине штата Юкатан, где он и вырос.

Он никогда не рассказывал нам о том, что происходило с ним в этот период. Он полагал, что говорить об этом никакой необходимости нет. Я считал иначе. Значение, которое я придавал этому периоду его жизни, было связано с убеждением, что все отличительные черты и характер его лидерства коренятся в опыте, приобретенном им в то время.

Однако не этот опыт, каким бы важным он ни был, сделал дона Хуана столь неизмеримо значимой фигурой в наших глазах и в глазах его сотоварищей. Своим выдающимся положением он был обязан тому случайному происшествию, благодаря которому он вошел в правило.

Быть вовлеченным в правило — все равно, что жить в мифе. Дон Хуан и жил мифом, мифом, поймавшим его и сделавшим Нагвалем.

Дон Хуан говорил, что когда правило поймало его, он был агрессивным и неуправляемым человеком, живущим в изгнании, как жили в то время тысячи других индейцев племен яки. Он работал на табачной плантации в южной Мексике. Однажды в результате роковой стычки из-за денег со своим напарником он получил пулевое ранение в грудь. Когда он пришел в себя, над ним склонился старый индеец, ощупывающий рану в его груди. Пуля застряла в мышцах у ребра, не пробив груди. Дон Хуан два-три раза терял сознание от шока, потери крови и, по его собственным словам, от страха перед смертью. Старик-индеец извлек пулю и, поскольку дону Хуану некуда было идти, взял его к себе домой и выхаживал его в течение месяца.

Старый индеец был добрым, но жестким человеком. Однажды, когда дон Хуан достаточно окреп, старик нанес ему сильный удар в спину и заставил его войти в состояние повышенного осознания. Затем, без лишних церемоний, он открыл дону Хуану часть правила, относящуюся к нагвалю и его роли.

Дон Хуан проделал то же самое со мной и Ла Гордой. Он заставил нас сместить уровни осознания и рассказал нам правило нагваля в следующей форме.

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

Когда видящий смотрит на черноту, являющуюся Орлом, четыре вспышки света освещают его сущность.

Первая вспышка, подобно молнии, помогает видящему охватить контуры тела Орла. Тогда можно видеть белые мазки, выглядящие как перья. Вторая вспышка молнии освещает колышущуюся, создающую ветер черноту, выглядящую как крылья Орла. С третьей вспышкой видящий замечает пронзительный нечеловеческий глаз. — А четвертая, последняя вспышка открывает то, что Орел делает. Орел пожирает осознание всех существ, живших на Земле мгновение назад, а сейчас мертвых, прилетевших к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего Хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

Орел — сила, правящая судьбой живых существ, — видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисходительность. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

Только судя по действиям Орла видящий может сказать, чего Орел хочет. Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть сожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для

того видящего, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

Для того, чтобы к этой лазейке существовал проводник, Орел создал Нагваля. Нагваль — это двойное существо, которому было открыто правило, будь он в форме человека, растения или чего угодно живого. Нагваль уже по самой своей двойной природе стремится искать этот проход.

Нагваль приходит парами, образованными мужчиной и женщиной. Двойной мужчина и двойная женщина становятся Нагвалем только после того, как каждому из них будет открыто правило и каждый из них поймет и примет его полностью.

Глазу видящего Нагваль-мужчина или Нагваль-женщина видятся как светящееся яйцо с четырьмя отделами. В отличие от обычных людей, имеющих только две стороны — правую и левую, у Нагваля левая сторона разделена на две длинных секции, точно так же и правая.

Орел создал первых Нагваля-женщину и Нагваля-мужчину и тотчас пустил их в мир видеть. Он снабдил их четырьмя женщинами-воинами, которые были сталкерами, тремя воинами-мужчинами и одним мужчиной-курьером, которых они должны были вести к свободе и заботиться о них.

Женщины-воины называются направлениями, четырьмя углами квадрата, четырьмя темпераментами, женскими личностями, существующими в человеческом роде.

Первая — Восток. Это порядок. Она оптимистична, беззаботна, обходительна, как устойчивый бриз.

Вторая — Север. Это сила. Она находчива, резка, пряма, несгибаема, как сильный ветер.

Третья — Запад. Это чувство. Она интроспективна, совестлива, артистична, подобна прохладному порыву ветра.

Четвертая — Юг. Это рост. Она питает, она шумна, застенчива, тепла, как

горячий ветер.

Трое мужчин-воинов и курьер представляют собой мужской тип деятельности и темперамента.

Первый тип — любознательный человек, ученый, благородный, на него можно положиться, он спокоен, полностью предан выполнению своей задачи, какова бы она ни была.

Второй тип — человек действия, очень переменчивый, большой весельчак и ненадежный компаньон.

Третий тип — организатор за сценой, загадочный, непознаваемый человек. О нем нельзя ничего сказать, так как сам он никакой информации о себе не сообщает.

Четвертый тип — курьер. Это помощник, неразговорчивый, бесстрастный, действует очень хорошо, если его должным образом направить, но не может действовать полностью самостоятельно.

Для того, чтобы облегчить задачу, Орел показал мужчине и женщине-нагваль, что каждый из этих четырех типов мужчин и женщин имеет особые черты в своем светящемся теле.

Ученый имеет своего рода небольшую зазубрину, яркую вмятину у солнечного сплетения. У некоторых людей она выглядит как лужица интенсивного свечения, иногда гладкая и сияющая, как зеркало без отражения.

У человека действия есть волокна, выходящие из точки воли. Количество волокон варьирует от трех до пяти, их толщина колеблется от толщины струны до толстого кнутовидного щупальца до 2,5 м длиной.

Человека за сценой можно узнать не по его отличительным чертам, а по его способности совершенно непроизвольно создавать вспышки силы, которые эффективно блокируют внимание видящего. Находясь в присутствии такого человека, видящий оказывается погруженным скорее в посторонние детали, чем в видение.

Помощник не имеет явных очертаний, видящему он кажется ясным свечением в безукоризненной оболочке.

В женском царстве Восток узнается по почти непроницаемым участкам в светимости, чем-то похожим на небольшие обесцвеченные пятна.

Север имеет всестороннее излучение красноватого цвета, похожее на жар.

Запад вся окутана как бы тончайшей пленкой, заставляющей ее казаться темнее остальных.

Юг имеет перемежающееся свечение. Она мгновение светится, а затем гаснет, чтобы вспыхнуть вновь.

У Нагваля (и женщины, и мужчины) заметны два различных типа движения в светящихся телах. Их правые стороны колышутся, а левые — вращаются.

В личностном смысле Нагваль-мужчина является опорой, он постоянен и неизменен. Женщина-нагваль всегда воюет и в то же время она расслаблена. Ее осознание постоянно, но не напряжено. Оба они отражают четыре типа их пола как четыре варианта поведения.

Первым приказанием, данным Орлом Нагвалям, было разыскать своими силами другой набор четырех женщин-воинов, четырех направлений, которые были бы точной копией сталкеров, но которые были бы сновидящими.

Сновидящие кажутся видящему как бы с передничком светящихся волокон в средней части тела. У сталкеров тоже имеется похожее на передник образование, но состоит оно не из волокон, а из бесчисленных мелких округлых протуберанцев.

Восемь женских воинов делятся на две группы, называемые правой и левой планетами. Правую планету составляют четыре сталкера, а левую — четыре сновидящих. Воины каждой планеты были обучены Орлом правилу их конкретной задачи: сталкеры обучались искусству сталкинга, сновидящие — искусству сновидения.

Два женских воина каждого направления живут вместе. Они так похожи, что

являются зеркальным отражением друг друга, и лишь через безупречность могут найти утешение и вызов в отражении друг друга.

Четверо сновидящих и четверо сталкеров собираются вместе только тогда, когда им нужно выполнить очень трудную задачу. Но лишь в исключительных обстоятельствах эти четверо могут соединять свои руки, ибо их соприкосновение сливает их в единое существо и должно совершаться только в случае крайней нужды или в момент покидания этого мира.

Два женских воина каждого направления связаны с одним из мужчин в любой требуемой комбинации. Таким образом, они образуют четыре дома, способных включать в себя столько воинов, сколько необходимо.

Мужские воины и курьеры тоже могут образовывать независимую единицу или же действовать как отдельные существа в зависимости от обстоятельств.

Следующий приказ, полученный Нагвалем и его партией, состоял в том, чтобы найти еще трех курьеров. Они могли быть женщинами или мужчинами либо же составлять смешанную группу, но все мужчины должны быть из четвертой группы — помощниками, а все женщины должны представлять Юг.

Чтобы быть уверенным, что мужчина-нагваль поведет свою партию к свободе, а не отклонится от пути и не окажется совращенным, Орел поместил женщину-нагваль в ином мире, чтобы она служила маяком, ведя всю партию к выходу.

Затем Нагвалю и его воинам было приказано забыть. Они были брошены во тьму, и перед ними поставили новую задачу: вспомнить самих себя и вспомнить Орла.

Команда забыть была настолько сильной, что все разделились. В намерение Орла входило, что если они окажутся способными вновь вспомнить самих себя, то они обретут целостность. Только тогда у них появились бы сила и отрешенность, необходимые для того, чтобы искать и встретить лицом к лицу свое последнее путешествие.

Их последней задачей после того, как они восстановят свою целостность, было разыскать пару двойных существ и преобразовать их в нового

Нагваля-мужчину и женщину-нагваль, открыв им правило.

И точно так же, как первый Нагваль, мужчина и женщина были снабжены минимальной партией. Они должны были снабдить новую пару Нагвалей четырьмя женскими воинами, которые представляли бы собой сталкеров, тремя мужскими воинами и одним мужчиной-курьером.

Когда первый Нагваль и его партия были готовы пройти через проход, первая женщина-нагваль ждала, чтобы провести их. Потом им было приказано взять новую женщину-нагваль с собой, в иной мир, чтобы она служила маяком своим людям, оставляя нового Нагваля в мире, чтобы повторить цикл.

В мире минимальное количество воинов под руководством Нагваля равно 16: восемь женских воинов, четыре мужских воина, считая Нагваля, и четыре курьера. В момент покидания мира, когда к ним присоединяется новая женщина-нагваль, число воинов партии Нагваля составляет 17. Если его личная сила позволит ему иметь больше воинов, то может быть добавлено число, кратное четырем.

Я потребовал от дона Хуана объяснить, как правило стало известно человеку. Он растолковал, что правило бесконечно и охватывает каждую грань поведения воина. Интерпретация и накопление правила является работой видящих, чьей единственной задачей из века в век было видеть Орла, наблюдать за его бесконечным потоком. Из своих наблюдений видящие сделали вывод, что если светящаяся оболочка, заключающая человечество, будет сломлена, то появится возможность найти в Орле слабое отражение человека. Невыразимые указания Орла могут быть восприняты видящими, правильно истолкованы ими и накоплены в форме свода правил.

Дон Хуан объяснил, что правило — это не сказка и что перескочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность — как непрерывная бесконечная жизнь. Правило утверждает то, что возможно сохранить осознание, распадающееся в момент умирания. Дон Хуан не мог объяснить, что это значит — сохранить такое осознание, возможно, он даже не представлял себе этого.

Его бенефактор говорил ему, что в момент перехода входишь в третье внимание, и тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка

мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

Его бенефактор говорил также, что это осознание бессмысленно для нашего многокомнатного ума. Поэтому критическая точка борьбы воина состоит не только и не столько в том, чтобы осознать, что переход, о котором говорит правило, означает переход к третьему вниманию, сколько в том, что такое осознание вообще существует.

Дон Хуан сказал, что сначала правило было для него чем-то таким, что находится исключительно в царстве слов. Он не мог вообразить, каким образом правило может входить в фактический мир и его законы. Однако под эффективным руководством его бенефактора и после напряженной работы он в конце концов ухватил истинную природу правила и полностью принял его как ряд прагматических указаний, а не просто как миф. С этого момента у него не было проблем в том, что касалось третьего внимания. Единственная преграда на его пути выросла из-за его полной убежденности, что правило — это карта, с которой он должен сверяться, чтобы в буквальном смысле найти в мире проход. Каким-то образом он, без всякой на то надобности, задержался на первом уровне развития воина.

В результате собственная работа дона Хуана как лидера и учителя была направлена на то, чтобы помочь ученикам, а в особенности мне, избежать повторения его ошибки. Работая с нами, он добился успеха в том, что провел нас через три стадии развития воина, ни на одной не делая чрезмерного акцента. Сначала он вел нас к принятию правила как карты, затем к пониманию того, что можно достичь высшего осознания, раз оно существует, и, наконец, привел нас к фактическому проходу в иной, скрытый мир осознания.

Для того, чтобы провести нас через первую стадию, стадию принятия правила как карты, дон Хуан сообщил нам классификацию Нагваля и его роли и показал, что все в ней соответствует неоспоримым фактам.

Он добился этого, позволив нам, пока мы находились в состоянии повышенного осознания, иметь неограниченные контакты с членами его собственной группы, представлявшими собой живые воплощения восьми типов людей, описанных правилом. В ходе общения с ними нам были открыты еще более сложные и содержательные аспекты правила, пока, наконец, мы не

поняли, что включены в сферу чего-то такого, что мы сначала рассматривали как миф, но что в действительности было картой.

Дон Хуан рассказал нам, что в этом аспекте его случай был идентичен нашему. Его бенефактор помог ему пройти через эту стадию, разрешив ему точно такое же общение. С этой целью он постоянно переводил его то в левое, то в правое осознание, так же, как поступал с нами дон Хуан.

На левой стороне он познакомил его с членами его собственной группы, с восемью женскими и тремя мужскими воинами и четырьмя курьерами, которые были, как и полагается, точнейшими образцами типов, описанных правилом. Эффект знакомства и общения с ними был для дона Хуана потрясающим. Это не только заставило его рассматривать правило как фактическое руководство, но и дало ему возможность понять масштаб неизвестных возможностей.

Он сказал, что к тому времени, когда все члены его собственной группы уже были набраны, он настолько основательно стоял на пути воина, что воспринял как само собой разумеющееся тот факт, что без каких-либо особых усилий с чьей-нибудь стороны они оказались точной копией партии воинов его бенефактора. Сходство их личных вкусов, предпочтений и прочего не было результатом подражания. Дон Хуан считал, что они принадлежали, как отмечено правилом, к особым группам людей, похожих как внешне, так и внутренне. Единственными различиями среди членов одной и той же группы были высота и тембр их голоса, звук их смеха.

Стараясь объяснить мне последствия общения с воинами его бенефактора, дон Хуан обратил особое внимание на существенную разницу между его бенефактором и им самим в том, как они истолковывали правило, а также в том, как они вели и учили других воинов принимать его в качестве карты. Он сказал, что существует два типа интерпретаций — универсальная и индивидуальная. Универсальное толкование принимает установки основного отдела правила такими, какими они есть. Для примера можно было бы сказать, что Орлу нет никакого дела до человеческих действий, и все же он предоставил человеку проход к свободе.

Индивидуальная же интерпретация является тем заключением, к которому приходят видящие, используя универсальные интерпретации как исходные посылки. Например, поскольку Орлу нет до меня никакого дела, я должен

убедиться, что мои шансы достичь свободы возрастают благодаря, быть может, моей решительности.

Согласно дону Хуану, он и его бенефактор были совершенно разными в отношении тех методов, которыми они пользовались, чтобы вести своих подопечных. Дон Хуан говорил, что основной чертой его бенефактора была суровость. Он вел железной рукой и, следуя своему убеждению, что с Орлом ни о каких послаблениях не может быть и речи, ничего никому не давал прямо. Вместо этого он активно помогал каждому действовать самостоятельно. Он считал, что дар свободы, пожалованный Орлом, не ниспосланная благодать, а только шанс получить шанс.

Дон Хуан хотя и признавал достоинства метода его бенефактора, не был с ним согласен. Позднее, когда он уже стал самостоятельным, он сам увидел, что при этом методе тратится драгоценное время. Для него более уместным было поставить каждого перед определенной ситуацией, заставить принять ее, а не дожидаться, пока каждый станет готовым принять ее самостоятельно. В этом и состоял его метод взаимодействия со мной и другими учениками.

Ярким примером такого различия в руководстве была первая встреча дона Хуана с воинами его бенефактора. Заповедь правила состояла в том, что его бенефактор должен был найти для дона Хуана сначала женщину-нагваль, а затем четырех мужчин и четырех женщин, которые составили бы его партию воинов. Его бенефактор видел, что дон Хуан не имеет еще достаточной личной силы, чтобы принять на себя ответственность за женщину-нагваль, поэтому он изменил последовательность и попросил женщин своей собственной партии найти для дона Хуана сначала четырех женщин, а затем четырех мужчин.

Дон Хуан признался, что был захвачен идеей такой перестановки. В его понимании эти женщины предназначались ему, что по его представлению означало сексуальные отношения. Он, однако, необдуманно поделился своими предвкушениями с бенефактором, и тот немедленно познакомил дона Хуана с мужчинами и женщинами своей партии, предоставив ему самому общаться с ними.

Для дона Хуана встреча с этими воинами была настоящим испытанием, и не только потому, что они намеренно жестко контактировали с ним, но и потому, что сама природа такой встречи должна была быть прорывом.

Дон Хуан сказал, что взаимодействие в левостороннем осознании не произойдет, если не все участники разделяют это состояние. Именно поэтому он переводил нас в левостороннее осознание только в тех случаях, когда мы должны были встречаться с его воинами. Этой процедуры придерживался и его бенефактор, взаимодействуя с ним.

Дон Хуан кратко рассказал мне о том, что произошло во время его первой встречи с членами группы его бенефактора. Он считал, что я, возможно, смогу использовать его опыт, хотя бы как пример того, чего можно ожидать. Он сказал, что мир его бенефактора был удивительно завершенным. Членами его партии были индейские воины со всех концов Мексики. В то время, когда он их встретил, они жили в отдаленном горном районе Мексики.

Когда дон Хуан добрался до их дома, его встретили две очень похожие друг на друга особы, самые крупные индейские женщины, каких он когда-либо встречал. Они были угрюмы и мрачны, но все же черты их были не лишены приятности. Когда он попытался пройти мимо них, они зажали его между своими огромными животами, схватили за руки и начали избивать. Они швырнули его на землю и уселись сверху, едва не раздавив ему грудную клетку. Они продержали его без движения почти 12 часов, препираясь с его бенефактором, который должен был без остановки говорить всю ночь напролет, пока, наконец, утром они не отпустили дона Хуана. Больше всего его испугала непреклонность в глазах этих женщин. Он думал, что с ним уже все кончено, что они будут сидеть на нем, пока он не умрет, что, по их словам, они и собирались сделать.

В нормальных условиях после этого должен был последовать перерыв в несколько недель, прежде чем знакомиться с другими воинами, но из-за того, что его бенефактор хотел оставить его в их среде одного, дон Хуан немедленно был отведен на следующую встречу. Его познакомили со всеми в один день, и они отнеслись к нему как к грязи. Они утверждали, что он — неподходящий для работы человек, что он слишком неотесан и глуп, молод годами, но уже одряхлел и поизносился. Его бенефактор блестяще выступал в его защиту. Он говорил им, что они могут изменить эти условия и что как для них, так и для дона Хуана должно быть высшим удовольствием принять такой вызов.

Дон Хуан сказал, что его первое впечатление оказалось правильным. С этих пор для него существовала только работа и бесконечные трудности. Женщины видели, что дон Хуан был ненадежным и что ему нельзя было доверить выполнение такой сложной и деликатной задачи, как вести четырех женщин. Поскольку сами они были видящими, они имели собственную интерпретацию правила и поэтому решили, что дону Хуану сначала будут полезны четверо мужчин, а затем уже четверо женщин. Дон Хуан сказал, что их видение было верным, потому что для того, чтобы иметь дело с четырьмя женскими воинами, Нагвалю надо было находиться в состоянии всепоглощающей силы, безмятежности и контроля, то есть в таком состоянии, которое для него тогда было невообразимым.

Его бенефактор поместил его под непосредственное наблюдение двух своих западных женщин, самых свирепых и бескомпромиссных воинов из всех. Дон Хуан сказал, что все западные женщины, в полном соответствии с правилом, безумствуют и что о них надо заботиться. Под воздействием искусства сновидения и сталкинга они теряют правую сторону, свой рассудок. Их ум легко воспламеняется из-за необыкновенной обостренности левостороннего восприятия. Потеряв рассудочную сторону, они становятся безупречными сновидящими и сталкерами, поскольку их больше не сдерживает никакой рациональный балласт.

Дон Хуан сказал, что эти женщины излечили его от похоти. В течение шести месяцев он большую часть времени проводил в корсете, подвешенный к потолку их сельской кухни, как коптящийся окорок, пока окончательно не очистился от мыслей о достижениях и личном удовлетворении.

Дон Хуан объяснил, что подвешивание в корсете — превосходный способ для излечения от некоторых болезней, не являющихся телесными.

Идея состоит в том, что чем выше человек подвешен и чем дольше он не имеет возможности коснуться земли, болтаясь в воздухе, тем выше вероятность по-настоящему очищающих последствий.

В то время, пока западные воины очищали его, остальные женщины были заняты розыском мужчин и женщин для его партии. Чтобы справиться с этим, потребовавшись годы.

Тем временем дон Хуан был вынужден самостоятельно взаимодействовать с воинами его бенефактора. Присутствие этих воинов и контакт с ними настолько его угнетали, что ему начало казаться, будто он никогда не избавится от этого давления. Результатом явилось полное и безусловное принятие им правила. По словам дона Хуана, он тратил драгоценное время, размышляя о существовании действительного прохода в иной мир. Он считал это ошибкой, которой следует по возможности не допускать. Чтобы уберечь меня от нее, он позволил, чтобы требуемое взаимодействие с членами его группы происходило тогда, когда я защищен присутствием Ла Горды или любого из остальных учеников.

В моем случае встреча с воинами дона Хуана была конечным результатом длительного процесса. О них никогда не упоминалось ранее в случайных беседах с доном Хуаном. Я знал об их существовании единственно из требования правила, открываемого мне доном Хуаном по частям. Позднее он признал, что они существуют, и что в нужное время мне придется встретиться с ними. Он подготовил меня к столкновению с ними, дав общие инструкции и указания.

Он предостерег меня от возможной ошибки — переоценки левостороннего осознания, ослепления его ясностью и силой. Он сказал, что находиться в левостороннем осознании совсем не означает немедленного освобождения от собственной глупости. Это означает только более широкую возможность воспринимать, большую легкость понимания и обучения и, самое главное, большую возможность забывать.

Когда пришло время познакомить меня с воинами своей партии, дон Хуан дал мне общее описание партии его бенефактора, чтобы я мог представить себе ее членов. Он сказал, что для внешнего наблюдателя мир его бенефактора казался как бы состоящим из четырех домов.

Первый был образован южными женщинами и курьером Нагваля; второй — восточными женщинами, ученым и мужчиной-курьером; третий — северными женщинами; четвертый — западными женщинами, человеком за сценой и третьим мужчиной-курьером.

В другое время этот мир мог бы показаться состоящим из нескольких групп. Первую образовывали совершенно непохожие друг на Друга пожилые

мужчины — бенефактор дона Хуана и три его мужских воина. Вторую группу составляли четверо очень похожих друг на друга мужчин-курьеров. Третья и четвертая группа включали по две женские пары: в одной группе южные и восточные, в другой — северные и западные — очень похожие друг на друга, как сестры-близнецы.

Эти женщины не были родственницами — они казались похожими из-за невероятно огромной личной силы, которой обладал бенефактор дона Хуана. Дон Хуан описывал южных женщин как двух мастодонтов устрашающего вида, но очень дружелюбных. Восточные женщины были очень красивы, свежи и забавны, услаждая взор. Северные женщины были исключительно женственными, легкомысленными, кокетливыми, озабоченными своим возрастом, но в то же время ужасно непосредственными и нетерпеливыми. Западные женщины временами были безумны, но в другое время представляли собой воплощение жесткости и целеустремленности. Именно они больше всего беспокоили дона Хуана, потому что у него в голове не укладывалось, как они, будучи столь трезвы, добры и дружелюбны, в любой момент могут потерять свою выдержку и буквально обезуметь. Мужчины же ничем не запомнились дону Хуану. Он не видел в них ничего примечательного. Казалось, они были всецело поглощены потрясающей силой устремленности женщин и всеподавляющей силой его бенефактора.

Что касалось его лично, дон Хуан говорил, что, будучи брошен в мир своего бенефактора, он осознал, насколько легко и удобно ему было идти по миру без всяких самоограничений. Он понял, что заблуждался, считая, будто его цели являются единственно стоящими из всех, какие только может иметь человек. Всю свою жизнь он был марионеткой, и поэтому его всепоглощающая амбиция сводилась к тому, чтобы иметь материальные блага, быть кем-то. Он был настолько занят своим желанием вырваться вперед и отчаянием в предвкушении будущих неудач, что у него не было времени осмотреться и хоть что-нибудь проверить. Он с радостью примкнул к своему бенефактору, ибо понял, что ему предоставляется возможность что-то сделать из самого себя. Уж если не остается ничего иного, думал он, то тут есть возможность научиться быть магом. Он признался, что погружение в мир его бенефактора было для него подобно эффекту испанского завоевания индейской культуры. Оно разрушило все, но в то же время заставило его по-новому взглянуть на самого себя.

Моей реакцией на подготовку к встрече с партией воинов дона Хуана были, как ни странно, не благоговение и страх, а мелочная интеллектуальная озабоченность по двум вопросам. Первое — заявление, что в мире существуют только четыре типа мужчин и женщин. Я возражал дону Хуану, что амплитуда реальной изменчивости людей слишком велика для такой простой схемы. Он не согласился и сказал, что правило окончательно и что для неопределенного числа типов людей в нем нет места.

Вторым вопросом была культурная подоплека знания дона Хуана. Он и сам ее не знал, рассматривая свое знание как продукт своего рода всеиндейский. Его предположение относительно этого знания состояло в том, что когда-то в мире индейцев, задолго до завоевания, ожило искусство управления вторым вниманием. Оно, вероятно, в течение тысячелетий развивалось без помех и достигло той точки, на которой потеряло свою силу. Практики того времени могли не испытывать надобности в контроле, поэтому второе внимание, не имея ограничений, вместо того, чтобы становиться сильнее, ослабло из-за возросшей усложненности. Затем явились испанские завоеватели и своей превосходящей технологией уничтожили индейский мир.

Дон Хуан сказал, что его учитель был убежден, будто лишь горстка тех воинов выжила, смогла вновь собрать свое знание и отыскать свою тропу. Все, что дон Хуан и его бенефактор знали о втором внимании, было лишь реставрированной версией, имеющей встречные ограничения, потому что она оформлялась в условиях жесточайшего угнетения.

Глава 10. Партия воинов Нагваля

Когда дон Хуан решил, что пришло время познакомить меня с его воинами, он изменил мой уровень осознания. Затем ясно дал мне понять, что он сам никоим образом не будет влиять на то, как меня встретят, и предупредил, что если им взбредет в голову меня избить, он не сможет их остановить. Они могут вытворять со мной все, что захотят, но только не убивать. Он вновь и вновь

подчеркивал, что воины его партии являются точной копией воинов его бенефактора, но некоторые женщины еще более свирепы, а все мужчины уникальны и могущественны. Поэтому моя первая встреча с ними может быть похожей на падение вниз головой.

С одной стороны, я был встревожен и нервничал, но с другой — меня разбирало любопытство. Мысли бешено плясали в моей голове. В первую очередь меня интересовало, как выглядят эти воины.

Дон Хуан сказал, что у него есть выбор — или направить меня на запоминание ритуала, как это было сделано с ним самим, или же сделать встречу предельно произвольной. Он ожидал знака, чтобы решить, какой вариант избрать. Его бенефактор делал нечто подобное, только он настоял, чтобы дон Хуан научился ритуалу до того, как появится знак. Когда дон Хуан высказал свои сексуальные мечты о том, как он будет спать с четырьмя женщинами, его учитель истолковал это как знак, отбросил ритуал и кончил тем, что препирался, как торговец свиньями, из-за жизни дона Хуана.

В моем случае дон Хуан хотел получить знак прежде, чем учить меня ритуалу. Этот знак был дан, когда мы с ним проезжали пограничный городок в Аризоне, и полицейский остановил машину. Полицейский решил, что я — незаконно въехавший иностранец. Лишь после того, как я предъявил ему свой паспорт, который он счел вначале поддельным, и другие документы, он разрешил нам ехать дальше. Все это время дон Хуан сидел на переднем сидении рядом со мной, и полицейский как будто не замечал его. Он был занят исключительно мной. Дон Хуан решил, что это и есть тот знак, которого он ждал. Он истолковал его так, что мне будет очень опасно привлекать к себе внимание, и сделал вывод, что мой мир должен быть миром совершенной простоты и открытости. Сложный ритуал и помпезность будут в данном случае неуместными. Он заметил, однако, что минимальное соблюдение ритуала при знакомстве с его воинами будет в порядке вещей. Я должен начать с приближения к ним со стороны юга, потому что именно в этом направлении идет непрекращающийся поток силы. Жизненная сила течет к нам с юга и оставляет нас, уходя на север. Он сказал, что единственный вход в мир Нагваля идет через юг и что ворота образованы двумя женскими воинами, которые будут приветствовать меня и позволят мне пройти, если сочтут это возможным.

Он привез меня в городок центральной Мексики, к дому на окраине. Когда мы пешком со стороны юга приблизились к нему, я увидел двух индеанок, стоявших в полутора метрах друг от друга. Они находились примерно в 10–12 метрах от двери дома, стоя на твердой, спекшейся почве грунтовой дороги.

Женщины выглядели необыкновенно мускулистыми и крепко сбитыми. У обеих были иссиня-черные волосы, заплетенные в длинную косу. Они походили друг на друга, как сестры: одинакового сложения, примерно 160 см ростом и до 70 кг весом. На них была типичная одежда индейских женщин центральной Мексики — длинное свободное платье, шаль и самодельные сандалии.

Дон Хуан остановил меня в метре от них. Он повернулся сам и заставил меня повернуться к женщине слева от нас. Он сказал, что ее зовут Сесилией и что она ясновидящая. Затем он резко повернулся, не дав мне времени что-либо сказать, и заставил меня стать лицом к более темной женщине. Он сообщил, что ее имя Делия и она сталкер. Женщины кивнули мне. Они не улыбнулись, не двинулись пожать мне руку и не сделали ни одного приглашающего жеста.

Дон Хуан прошел между ними, как если бы они были двумя опорными столбами ворот. Он сделал несколько шагов и обернулся, как бы ожидая, что женщины пригласят меня пройти между ними. Секунду женщины спокойно смотрели на меня. Затем Сесилия пригласила меня войти, как если бы я стоял на пороге настоящего дома.

Дон Хуан показывал дорогу к дому. У входной двери мы встретили чрезвычайно тощего мужчину. На первый взгляд он выглядел молодым, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что ему около шестидесяти. Он производил впечатление постаревшего ребенка — небольшого роста, худощавый, с проникновенными темными глазами. Он был подобен эльфу или тени. Дон Хуан представил его мне как Эмилито, сказав, что это его курьер, помощник во всех делах, который будет рад приветствовать меня сам.

Мне показалось, что Эмилито действительно наиболее подходящее существо, чтобы приветствовать кого бы то ни было. Его улыбка излучала радушие. Он пожал мне руку, вернее, скрестил обе свои руки, обхватив ими обе мои. Казалось, он преисполнен удовольствия. И можно было поклясться, что он в экстазе от радости видеть меня. Его голос был очень мягким и теплым, а глаза светились.

Мы прошли в большую комнату. Там находилась еще одна женщина. Дон Хуан сказал, что ее имя Тереза и что она является курьером Сесилии и Делии. Ей было, вероятно, чуть больше двадцати лет и выглядела она как дочь Сесилии. Она была спокойна и молчалива, но очень дружелюбна. Мы прошли за доном Хуаном в заднюю часть дома, где располагалась крытая веранда. Стоял теплый день. Мы сели за стол и после скромного обеда разговаривали, пока не перевалило за полночь.

Эмилито был за хозяина. Он очаровывал и развлекал всех своими экзотическими рассказами. Женщины раскрылись. Слышать их смех доставляло подлинное наслаждение. Они были поразительно мускулистыми и телесно живыми. В одном месте, когда Эмилито сказал, что Сесилия и Делия являются для него как бы двумя матерями, а Тереза — дочкой, они схватили его и подбросили в воздух, как ребенка.

Из двух женщин Делия выглядела более рассудительной, более земной. Сесилия же, наверное, была более «не от мира сего», но она, казалось, обладала большей внутренней силой. Она производила впечатление более нетерпимой и неспокойной. Ее вроде бы раздражали некоторые из рассказов Эмилито.

Тем не менее она настораживалась, когда он рассказывал свои так называемые «легенды вечности». Каждую историю Эмилито начинал словами: «Знаете ли вы, друзья, что...». Рассказ, который произвел на меня наибольшее впечатление, был посвящен неким существам, по его словам, существующим во вселенной и сильно напоминающим людей, но не являющимся ими. Это существа, всецело захваченные движением и способные заметить малейшее колыхание внутри себя или снаружи. Они настолько чувствительны к движению, что это стало их проклятием. Оно причиняет им такую боль, что все их устремления направлены на поиски покоя.

Эмилито пересыпал свои легенды вечности самыми непристойными шутками. Из-за его необычайного дара рассказчика я понимал каждую из его историй как метафору или притчу, при помощи которой он нас чему-нибудь учил.

Дон Хуан сказал, что Эмилито просто докладывает о том, чему он был свидетелем в своих путешествиях по бесконечности. Роль курьера состояла в

том, чтобы путешествовать впереди Нагваля, подобно лазутчику в военных операциях. Эмилито уходил за границы второго внимания, и все, чему он являлся свидетелем, затем сообщал остальным.

Вторая встреча с воинами дона Хуана прошла так же без осложнений, как и первая. Однажды дон Хуан перевел меня в повышенное осознание и сказал, что меня ждет вторая встреча. Он велел мне ехать в город Закатекас в северной Мексике. Мы прибыли туда ранним утром. Дон Хуан сказал, что здесь у нас будет просто остановка и что нам надо передохнуть до завтрашнего дня, когда нам нужно будет прибыть на вторую официальную встречу, чтобы познакомиться с восточными женщинами и воином-ученым из его партии. Потом он растолковал мне тонкий и запутанный момент выбора. Он сказал, что мы встретили Юг и курьера в середине второй половины дня, потому что он сделал индивидуальную интерпретацию правила и выбрал этот час как символизирующий ночь. Юг в действительности был ночью, теплой, дружелюбной, уютной ночью, и по правилам мы должны были бы идти на встречу с теми двумя южными воинами после полуночи. Однако это оказалось бы для меня нежелательным, потому что я имел направленность к свету, к оптимизму — тому оптимизму, который сам гармонично трансформируется в загадку тьмы. Он сказал, что именно это мы и проделали в тот день. Мы наслаждались компанией Друг друга, пока не стало совершенно темно. Я еще удивился тогда, почему никто не зажигает лампу. Дон Хуан сказал, что восток, напротив, является утром, светом и что мы будем встречать восточных женщин завтра в середине утра.

Перед завтраком мы пошли на площадь и сели на скамейку. Дон Хуан сказал мне, что он оставит меня здесь подождать его, пока он сделает кое-какие дела. Он ушел, и вскоре после его ухода подошла женщина и села на противоположном конце скамейки. Я не обратил на нее никакого внимания и стал читать газету. Через минуту еще одна женщина присоединилась к первой. Я хотел пересесть на другую скамейку, но вспомнил, что дон Хуан специально подчеркнул, чтобы я сидел здесь и никуда не уходил. Я отвернулся от женщин и словно забыл об их существовании. Они сидели тихо, и вдруг с ними поздоровался какой-то мужчина, остановившись лицом ко мне. Из их разговора я понял, что женщины ждали его. Мужчина извинился за опоздание. Он явно хотел сесть. Я отодвинулся, освобождая ему место. Он пышно поблагодарил меня и извинился за причиненное беспокойство, а затем сказал, что они, будучи сельскими жителями, совершенно теряются в городе и

что однажды, когда они ездили в Мехико, чуть не попали под машину. Он спросил меня, живу ли я в Закатекасе. Я сказал «нет» и уже хотел было оборвать разговор, но заметил в его взгляде какую-то лукавинку. Он был пожилым человеком, хорошо сохранившимся, для своего возраста. Он не был индейцем, а напоминал благородного фермера из какого-то сельского местечка. На нем были костюм и соломенная шляпа. Черты его лица были утонченными, кожа казалась прозрачной, нос имел высокую переносицу, рот был маленьким, окаймленным тщательно подстриженной бородкой. Здоровье, казалось, переполняло его, и в то же время он выглядел хрупким.

Он поднялся и представился как Висенте Медрано, сказав, что приехал в город по делам только на один день. Затем указал на женщин и сообщил, что это его сестры. Женщины встали и повернулись к нам. Они были очень худенькими, лицом темнее брата и намного моложе его. Одна из них вполне могла быть его дочерью. Я заметил, что кожа у них не такая, как у него, а гораздо суше. Обе женщины имели очень приятную внешность. У них были такие же утонченные черты лица, а глаза светились чистотой и спокойствием. Они были среднего роста, одеты в прекрасно сшитые платья, но со своими шалями, туфлями на низком каблуке и бумажными чулками выглядели зажиточными селянками. Старшей, казалось, было уже за пятьдесят, младшей — лет на десять меньше.

Мужчина представил их мне. Старшую звали Кармела, младшую — Эрмелинда. Я спросил, есть ли у них дети. Обычно этот вопрос был верной завязкой разговора. Женщины рассмеялись и одновременно провели руками по своим животам, показывая, какие они стройные. Мужчина спокойно объяснил, что его сестры — старые девы, а сам он закоренелый холостяк. Полушутливым тоном он поведал мне, что его сестры, к сожалению, чересчур мужественны; не имея женственности, делающей женщин желанными, они не смогли найти себе мужей.

Я сказал, что вряд ли они проиграли, если учесть, что в нашем обществе женщины частенько довольствуются ролью прислуги. Они не согласились со мной, возразив, что ничего не имели бы против того, чтобы быть служанками, если бы только нашлись мужчины, пожелавшие стать их хозяевами. Младшая сказала, что суть проблемы здесь состоит в том, что их отцу не удалось научить их вести себя так, как полагается женщинам. Мужчина со вздохом пожаловался, что их отец был настолько деспотичным, что даже помешал ему

жениться, ибо намеренно не учил его, как стать женихом. Все трое вздохнули и помрачнели. Меня душил хохот.

После некоторого молчания мы опять уселись. Мужчина сказал, что если я еще немного посижу на этой скамейке, у меня появится шанс встретиться с их отцом, который еще достаточно бодр для своего преклонного возраста. Он добавил смущенным тоном, что отец собирался повести их позавтракать, так как у них самих никогда не бывает денег. Тесемки кошелька всегда находились в руках у отца.

Я опешил. Эти старые люди, выглядевшие так бодро, в действительности были подобны слабым зависимым детям. Я попрощался и поднялся, чтобы уйти. Мои собеседники настаивали, чтобы я остался. Они заверяли меня, что их отцу будет приятно, если я составлю им компанию за завтраком. Я не хотел встречаться с их отцом, но в то же время меня одолевало любопытство. Я сказал им, что сам жду кое-кого. При этих словах женщины начали посмеиваться, и затем все трое разразились хохотом. Я почувствовал себя в глупом положении, и мне захотелось убраться оттуда. В этот момент показался дон Хуан, и я понял их маневр. Я не находил его забавным.

Мы все поднялись. Они еще продолжали смеяться, когда дон Хуан сообщил мне, что эти женщины были Востоком, что Кармела — сталкер, а Эрмелинда — сновидящая, а Висенте — воин-ученый и его старейший сотоварищ.

Когда мы покидали площадь, к нам присоединился еще один человек, темный индеец старше сорока лет. Он был одет в джинсы и ковбойскую шляпу. Выглядел он ужасно сильным и мрачным. Дон Хуан представил его мне как Хуана Туму, курьера и помощника в изысканиях Висенте.

Мы прошли несколько кварталов до ресторана. Женщины держали меня под руки с двух сторон. Кармела сказала, что надеется на то, что я не слишком обиделся на их шутку, ибо у них был выбор — прямо представиться или немного подурачить меня. К последнему варианту их склонило мое снобистское отношение к ним и то, что я повернулся к ним спиной и даже хотел пересесть на другую скамейку. Эрмелинда добавила, что следует быть предельно смиренным и не иметь ничего, что следовало бы защищать, даже свою собственную личность. Собственная личность должна быть защищенной, но не защищаемой. Проявляя к ним высокомерие, я не был защищенным, а

просто защищался.

Я пребывал в склочном настроении. Их маскарад выбил меня из колеи. Я начал спорить, но прежде, чем я успел высказать свое мнение, ко мне подошел дон Хуан. Он сказал женщинам, что мне надо простить мою задиристость, потому что нужно очень много времени, чтобы счистить те наслоения, которые прилипают в мире к светящемуся существу.

Хозяин ресторана, в который мы пришли, знал Висенте и приготовил нам изысканный завтрак. Все были в прекрасном настроении, но я никак не мог освободиться от своего недовольства. Тогда по просьбе дона Хуана Хуан Тума начал рассказывать о своих путешествиях. Он был чрезвычайно обстоятелен. Я был загипнотизирован его сухими отчетами о вещах, выходящих за пределы моего понимания. Наиболее захватывающими мне показались его описания неких лучей света или энергии, которые, пересекаясь, постоянно держат Землю в фокусе. Он сказал, что эти лучи не колеблются и не изменяются, как вообще все во вселенной, но фиксированы в определенном порядке. Этот порядок совпадает с сотнями точек светящегося тела. Эрмелинда поняла так, что все эти точки находятся в нашем физическом теле, но Хуан Тума объяснил, что поскольку светящееся тело относительно велико, некоторые точки удалены чуть ли не на метр от физического тела. В каком-то смысле они вне нас, но это не так. Они находятся на периферии нашей светимости и поэтому принадлежат общему телу. Самая важная из этих точек находится в 30 сантиметрах от живота, на 40 градусов правее воображаемой линии, идущей прямо вперед. Хуан Тума сказал нам, что это центр сбора второго внимания и что этим центром можно манипулировать, мягко похлопывая воздух ладонями. Слушая Хуана Туму, я забыл о своем гневе.

Предмет следующей встречи с миром дона Хуана составлял Запад Дон Хуан пространно предупредил меня, что встреча с Западом — очень ответственное событие, потому что именно Западу предстоит так или иначе решать, что я буду делать впоследствии. Он насторожил меня, сказав, что это событие станет для меня испытанием, поскольку я чересчур негибок и считаю себя важной персоной. Он сообщил, что к Западу нужно приближаться в сумерках — во время суток, трудное само по себе, и что воины Запада чрезвычайно могущественны, отважны, но временами впадают в безумие. В то же время я встречусь там с мужским воином, являющимся человеком за сценой. Дон Хуан призвал меня сохранять предельную осторожность и терпение, потому что

женщины не только время от времени безумствовали, но, как и мужчина, являлись самыми могущественными воинами, каких он знал. По его мнению, они были непререкаемыми авторитетами во втором внимании. Дальше эту мысль дон Хуан не развивал.

Однажды, как бы под влиянием внезапного решения, он сказал, что пришло время отправиться на встречу с западными женщинами. Мы доехали до какого-то городка на севере Мексики.

Перед наступлением темноты дон Хуан велел мне остановить машину у небольшого неосвещенного дома на окраине города. Мы вышли, и дон Хуан несколько раз постучал в парадную дверь, но никто не ответил. У меня было ощущение, что мы приехали не вовремя, дом казался пустым.

Дон Хуан продолжал стучать, пока не устал. Он велел мне сменить его и стучать без остановки, потому что хозяева плохо слышат. Я спросил, не будет ли лучше возвратиться попозже или на следующий день. Он велел мне продолжать барабанить в дверь.

После бесконечного ожидания дверь медленно приоткрылась, и какая-то невообразимо мрачная женщина поинтересовалась, не собираюсь ли я проломить дверь или разбудить всех соседей и собак в округе. Дон Хуан сделал шаг вперед, чтобы что-то сказать, но женщина вышла наружу и с силой оттолкнула его в сторону. Она стала грозить мне пальцем, вопя, что я веду себя так, будто весь мир принадлежит мне, будто только я один существую на этой земле. Я запротестовал, что делал только то, что мне велел дон Хуан. Она спросила, велел ли мне дон Хуан выламывать дверь. Дон Хуан попытался вмешаться, но опять был отметен в сторону.

Женщина выглядела так, будто только что встала с постели. Наш стук, наверное, разбудил ее и она надела платье из корзины с грязным бельем. Она была босая, ее волосы с проседью были взлохмачены. У нее были красные, как пуговки, глаза. Она была домашней женщиной, но каким-то образом страшно внушительной, довольно высокой, около 170 см, темной и ненормально мускулистой. Ее голые руки были покрыты буграми мышц. Я заметил, что у нее очень красивой формы колени. Она смерила меня глазами с головы до ног, возвышаясь надо мной, и кричала, что не слышит моих извинений. Дон Хуан прошептал, что мне следует извиниться громко и ясно.

Как только я это сделал, она улыбнулась и, повернувшись к дону Хуану, обняла его, как ребенка. Она укоряла его, что не нужно было позволять мне стучать, так как мои прикосновения к двери очень скользкие и беспокоящие. Она взяла дона Хуана за руку и повела его в дом, помогая переступить высокий порог. Она называла его «миленьким старикашечкой», и дон Хуан смеялся. Мне было дико видеть, что он ведет себя так, как будто ему приятна та чушь, которую несла эта ужасная женщина. Заведя «миленького старикашечку» внутрь дома, она сделала мне знак рукой, как будто отгоняя прочь приблудившуюся собаку, и рассмеялась над моим недоумением. Ее зубы были большими, неровными и темными. Затем она как будто переменила решение и сказала, чтобы я вошел.

Дон Хуан направился к двери, которую было едва видно в конце темного проема. Во всем доме не было света. Женщина открыла дверь в очень большую и практически пустую комнату. Там стояли только два старых кресла в центре под самой тусклой электрической лампочкой, которую я видел в жизни. Это была старомодная длинная лампочка.

Еще одна женщина сидела в одном из кресел. Первая женщина села на пол и прислонилась спиной к другому креслу. Затем она прижала колени к груди, совершенно при этом обнажившись. Я был ошарашен.

Отвратительно грубым голосом женщина спросила меня, почему я так выпучился на нее. Я не знал, что сказать, и потому начал отнекиваться. Она вскочила и, казалось, была готова ударить меня. Я был страшно раздражен и в то же время недоволен тем, что она поймала мой нескромный взгляд.

Женщина спросила дона Хуана, что я за Нагваль, если никогда не видел обнаженной женщины. Она повторяла это вновь и вновь, обежала вокруг комнаты и, остановившись у сидящей женщины, потрясла ее за плечо и сказала, что я — мужчина, никогда не видевший наготы. Она смеялась надо мной и всячески поносила меня.

Я был раздосадован. Я чувствовал, что дон Хуан должен был что-то сделать, чтобы избавить меня от этого посмешища. Я вспомнил, как он говорил мне, что эти женщины бывают совершенно безумными. Он недооценил их, эта фурия была готова стать клиенткой психбольницы. Я взглянул на дона Хуана

в поисках поддержки и совета. Он смотрел в сторону и выглядел таким же растерянным, хотя мне показалось, что я поймал злорадную ухмылку, которую он скрыл, отвернув голову.

Женщина легла на спину, задрала юбку и велела мне смотреть, сколько душе угодно, вместо того, чтобы бросать взгляды украдкой. Я был так раздражен, что чуть не потерял контроль над собой. Мне хотелось проломить ей голову.

Тут сидящая в кресле женщина внезапно поднялась и, схватив первую за волосы, рывком поставила ее на ноги, совершенно без видимых усилий. Она посмотрела на меня сквозь полуприкрытые веки, приблизив лицо почти вплотную к моему. Ее запах был удивительно свежим.

Очень высоким голосом она сказала, что мы должны перейти к делу. Обе женщины стояли теперь рядом со мной под электрической лампочкой. Вторая женщина была старше, ее лицо было покрыто толстым слоем косметической пудры, придававшей ей вид клоуна. Ее волосы были ровно уложены в шиньон. Она казалась спокойной, только у нее постоянно дрожали нижняя губа и подбородок.

Обе женщины были одинаково высокими и сильными на вид. Они угрожающе нависли надо мной и долгое время пристально на меня смотрели. Дон Хуан не прерывал их затянувшегося разглядывания. Старшая женщина кивнула головой, и дон Хуан сказал мне, что ее зовут Зулейка и что она сновидящая. Женщину, открывшую нам дверь, звали Зойла и она была сталкером.

Зулейка повернулась ко мне и спросила, верно ли, что я никогда не видел обнаженной женщины. Дон Хуан не мог больше сдерживаться и начал хохотать. Жестом я показал ему, что не знаю, как отвечать. Он прошептал мне на ухо, что будет лучше, если я отвечу, что не видел, не то от меня потребуют подробного описания.

Я так и ответил. Дон Хуан смеялся и кашлял от хохота. Я попросил его вывести меня из этого сумасшедшего дома. Он опять прошептал мне на ухо, что гораздо лучше для меня будет хорошенько смотреть и казаться внимательным и заинтересованным, потому что иначе нам придется оставаться здесь до второго пришествия.

Зулейка очень тихо повела нас во внутренний дворик. Она сказала, что там есть некто, ожидающий встречи со мной. Во дворике было так темно, что я едва мог различать силуэты остальных. Затем я увидел темные очертания человека, стоящего в нескольких футах от меня. Мое тело ощутило непроизвольный толчок.

Дон Хуан тихо заговорил с этим человеком, сообщая ему, что привел меня для встречи с ним. Он назвал этому человеку мое имя. После секундного молчания дон Хуан сказал мне, что его зовут Сильвио Мануэль и что он — воин темноты и фактический лидер всей партии воинов. Затем Сильвио Мануэль заговорил со мной. Я подумал, что у него какой-то дефект речи, так как его голос был приглушенным и слова вылетали зарядами, как мягкое покашливание.

Он велел мне подойти поближе. Когда я попытался приблизиться к нему, он отдалился так, как будто завис в воздухе. Он провел меня в еще более темный конец зала, неслышно двигаясь спиной вперед. Он пробормотал что-то, но я не разобрал, что именно. Я хотел заговорить, но в горле у меня пересохло и першило. Он два или три раза повторил мне что-то, пока до меня не дошло, что он приказывает мне раздеться. В его голосе и окружающей темноте было что-то завораживающее, и я не смел ослушаться. Сняв с себя одежду, я стоял совершенно голый, трясясь от страха и холода. Было настолько темно, что я не знал, здесь ли еще дон Хуан и двое женщин. Я услышал тихое продолжительное шипение из источника в нескольких футах от меня и, ощутив прохладный ветерок, понял, что Сильвио Мануэль, выдыхая воздух, овевает им все мое тело.

Затем он попросил меня сесть на мою одежду и смотреть на яркую точку, легко различимую в темноте и излучавшую, как мне казалось, слабый желтоватый свет. Я смотрел на эту точку, по-моему, бесконечно долго, пока внезапно не сообразил, что точкой был глаз Сильвио Мануэля. После этого я уже смог различить контуры его лица и тела. В зале было не настолько темно, как казалось сначала. Сильвио Мануэль приблизился ко мне и помог подняться. Мысль о том, что можно с такой ясностью видеть в темноте, захватила меня. Мне даже стало все равно, что я раздет и что, как теперь я видел, женщины наблюдают за мной. Очевидно, они тоже могли видеть в темноте, так как они в упор смотрели на меня. Обе женщины и Сильвио Мануэль долгое время разглядывали меня, затем дон Хуан, возникнув из ниоткуда, вручил мне мои туфли. Зойла повела нас по коридору к открытому

дворику с деревьями. Я различил темный силуэт женщины, стоящей в центре дворика. Дон Хуан заговорил с ней, и она что-то пробормотала в ответ. Она сказала мне, что она южная женщина, зовут ее Марта и что она является курьером двух западных женщин. Марта добавила, что она может поспорить, что я еще никогда не знакомился с женщиной, будучи совершенно голым. Потому что нормальным является сначала знакомиться, а уже потом раздеваться. Она громко рассмеялась. Этот смех был таким приятным, таким чистым и молодым, что по мне пробежала дрожь. Ее смех перекатывался по всему дому, усиливаясь темнотой и тишиной вокруг. Я взглянул на дона Хуана, ища поддержки. Его не было, не было и Сильвио Мануэля. Я остался один с тремя женщинами. Забеспокоившись, я спросил у Марты, не знает ли она, куда ушел дон Хуан. И как раз в этот момент кто-то схватил меня за запястья. Я взвыл от боли. Я знал, что это Сильвио Мануэль. Он поднял меня так, словно я вообще ничего не весил, и стряхнул с меня туфли. Затем он поставил меня в низкий бак с ледяной водой и опустился к моим коленям.

Я оставался в баке довольно долго, пока все они пристально изучали меня. Затем Сильвио Мануэль поднял меня и поставил рядом с туфлями, которые кто-то аккуратно поставил рядом с баком.

Дон Хуан опять вынырнул из ниоткуда и вручил мне мою одежду. Он прошептал, что мне следует одеться и побыть еще некоторое время, чтобы не показаться невежливым. Марта подала мне полотенце. Я оглянулся, разыскивая остальных женщин и Сильвио Мануэля, но их нигде не было видно.

Марта, дон Хуан и я оставались в темноте, продолжая разговор. Марта говорила вроде бы с доном Хуаном, но именно я был ее основным слушателем. Я ждал, когда дон Хуан подаст мне знак, что пора уходить, но он, казалось, наслаждался оживленной беседой с Мартой. Она рассказывала ему, что Зойла и Зулейка в этот день находились в высшей точке своего безумия. Затем она добавила для меня, что почти все время они бывают в здравом уме.

Как бы открывая секрет, Марта рассказала нам, что причиной того, что волосы у Зулейки были в таком растрепанном виде, было то, что по крайней мере треть их была волосами Зойлы. Случилось так, что они прониклись друг к другу исключительно теплыми чувствами и каждая помогала другой делать прическу. Зулейка укладывала волосы Зойлы, как делала это уже сотни раз,

но, находясь вне контроля, вплела в волосы Зойлы и часть своих. Марта сказала, что когда они поднялись, то тут же повалились наземь. Она бросилась им на помощь, но, пока она успела добежать до комнаты, Зулейка уже одержала верх и, будучи в этот день более рассудительной, чем Зойла, решила отрезать ту часть волос Зойлы, которая была сплетена с ее волосами. В суматохе она ошиблась и вместо Зойлиных обрезала свои волосы.

Дон Хуан смеялся так, как если бы это было презабавнейшей вещью на свете. Я слышал мягкий кашель, подобный смеху, из темноты в дальнем конце дворика. Марта добавила, что ей придется сделать для Зулейки шиньон, пока у нее не отрастут волосы.

Я смеялся вместе с доном Хуаном. Марта нравилась мне, а две других женщины были мне отвратительны. Меня просто тошнило от них. Марта же, с другой стороны, казалась проводником спокойной и тихой целенаправленности. Я не мог видеть черты ее лица, но она казалась мне очень красивой. Звук ее голоса увлекал.

Очень вежливо она спросила у дона Хуана, не голоден ли я. Я ответил, что чувствую себя скованно в присутствии Зойлы и Зулейки и у меня может разболеться живот. Марта заверила меня, что обе женщины ушли, взяла меня за руку и провела через абсолютно темный зал в неожиданно хорошо освещенную кухню. Контраст оказался болезненным для глаз. Я остановился в дверях, привыкая к свету.

Кухня имела высокий потолок, была современной и удобной. Мы сели. Марта казалась молодой и очень сильной женщиной, у нее была полная чувственная фигура, круглое лицо, небольшие рот и нос. Ее иссиня-черные волосы были заплетены в косу и уложены вокруг головы.

Я подумал, что ей, наверное, так же любопытно рассмотреть меня, как и мне ее. Мы сидели, ели и беседовали очень долго. Я был очарован ею. Она была необразованной женщиной, но своей беседой околдовала меня. Она развлекала нас подробными описаниями необычайных поступков, совершенных Зойлой и Зулейкой, когда они не были сумасшедшими.

Когда мы отъехали, дон Хуан выразил свое восхищение Мартой. Он сказал, что она, пожалуй, представляет собой наилучший среди всех известных ему

образец того, как целеустремленность может влиять на человеческое существо. Без опыта и без всякой подготовки, за исключением ее несгибаемого намерения, Марта успешно справлялась с самой трудной из всех вообразимых задач, взяв на себя заботу о Зойле, Зулейке и Сильвио Мануэле.

Я спросил у дона Хуана, почему Сильвио Мануэль не пожелал, чтобы я взглянул на него при свете. Он ответил, что Сильвио Мануэль находился в своей среде и что у меня еще будут бесчисленные возможности увидеть его. Во время же первой встречи полагается, чтобы он оставался в границах своей силы — во мгле ночи. Сильвио Мануэль и эти две женщины жили вместе, потому что они были сплоченной группой потрясающих магов.

Дон Хуан посоветовал мне не делать скороспелых выводов о западных женщинах. Я встретился с ними, когда они были вне контроля, но это отсутствие контроля относится только к внешнему поведению.

У них есть внутреннее ядро, которое неизменно. Так, в минуты самого глубокого безумия они способны смеяться над своим собственным поведением, как будто наблюдают представление, разыгрываемое кем-то другим.

С Сильвио Мануэлем все обстоит иначе. Он не был сумасшедшим ни в коей мере. Фактически его глубокая трезвость давала ему возможность эффективно взаимодействовать с этими женщинами, потому что они находились на разных полюсах.

Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль таким родился, и все окружающие признавали его отличие от них. Даже его бенефактор, который был жестким и непреклонным со всеми, уделял Сильвио Мануэлю очень много внимания. Дону Хуану потребовались годы, чтобы понять причину такого предпочтения. Благодаря чему-то необъяснимому в своей природе Сильвио Мануэль, войдя однажды в левостороннее осознание, уже никогда из этого состояния не выходил. Его постоянное пребывание в повышенном осознании вкупе с руководством его бенефактора позволило ему не только прежде, чем кому-либо иному, прийти к заключению, что правило является картой и что действительно существует другой род осознания, но также и к действительному проходу в этот другой мир осознания. Дон Хуан сказал, что Сильвио Мануэль безупречнейшим образом уравновесил свои исключительные достижения тем, что поставил их на службу общей цели. Он стал молчаливой

силой за спиной дона Хуана.

Последняя из серии моих предварительных встреч состоялась с северными воинами дона Хуана. Дон Хуан поехал со мной в город Гвадалахару. Он сказал, что место встречи находится рядом с центром города. Встреча должна состояться в полдень, потому что Север представляет собой середину дня. Мы вышли из гостиницы примерно в 11 часов утра и неторопливо пошли через центр города. Я шел, не глядя по сторонам, озабоченный предстоящей встречей, и с разгона налетел на какую-то даму, выходившую из магазина. Она несла кучу пакетов с покупками, которые рассыпались по всему тротуару. Я извинился и стал помогать ей собирать их. Дон Хуан попросил меня поторопиться, так как мы рискуем опоздать. Дама, казалось, не вполне пришла в себя от моего могучего толчка. Я поддержал ее.

Она была высокой худенькой женщиной, лет шестидесяти, очень элегантно одетой. Она была изысканно вежлива и приняла вину на себя, сказав, что отвлеклась, высматривая своего слугу. Она производила впечатление дамы из общества. Затем она спросила, не могу ли я помочь ей отыскать слугу в толпе. Я повернулся к дону Хуану. Он сказал, что наименьшее, что я могу сделать после того, как чуть не убил ее, это помочь ей.

Я взял ее покупки и мы вернулись в универмаг. Неподалеку я заметил индейца, стоявшего в толпе с растерянным видом, жалкого и неуместного. Дама окликнула его, и он подошел к ней, как побитая собака. У него был такой вид, как будто он собирался лизать ей руки.

Дон Хуан ожидал нас у магазина. Он объяснил даме, что мы торопимся, а затем назвал мое имя. Дама мило улыбнулась и протянула мне руку, здороваясь. Я подумал, что в молодости она, вероятно, была восхитительна, поскольку и сейчас она достаточно красива и привлекательна.

Дон Хуан повернулся ко мне и внезапно сказал, что ее имя Нелида, что она — Север и сновидящая. Затем он повернул меня к слуге и сказал, что его зовут Хенаро Флорес; что он человек действия, воин действия в партии. Мое удивление было полным, и они втроем расхохотались. Чем большим было мое замешательство, тем сильнее, видимо, оно их забавляло.

Дон Хенаро раздал покупки группе детей, сказав им, что эта добрая леди

купила все это им в подарок — это ее добрый поступок сегодняшнего дня. Затем мы молча прошли примерно полквартала. Мой язык совершенно не слушался меня. Внезапно Нелида указала на магазин и попросила минутку подождать, потому что она выбрала там нейлоновые чулки, которые для нее отложили. Улыбаясь, она посмотрела прямо на меня сияющими глазами и сказала, что магия там или не магия, но ей нужно носить нейлоновые чулки. Дон Хуан и дон Хенаро засмеялись как два идиота. Я вытаращился на Нелиду, потому что ничего больше делать не мог. Что-то в ней было чрезвычайно земным, ив то же время она выглядела почти небесным созданием.

Она ребячливо попросила дона Хуана поддержать меня, потому что я собираюсь брякнуться в обморок. Дон Хуан надавил мне на спину, чтобы вывести из ступора. Он сказал, что я встречусь с другой северной женщиной — Флориндой, наедине и в другое время, потому что она будет звеном, соединяющим меня с другим циклом, с другим настроением. Он описал Флоринду как негативную копию Нелиды.

Я заметил, что Нелида настолько изнеженна и выхолена, что я не удивился бы, встретив ее в салоне мод. Тот факт, что она так красива и изящна, вероятно, родом из Франции или северной Италии, удивил меня. Хотя Висенте тоже не был индейцем, его деревенская внешность не так выделялась. Я спросил дона Хуана, почему в его мире есть неиндейцы. Он сказал, что воинов партии нагваля выбирает сила, а ее планы выведать невозможно. Мы торчали у дверей магазина уже более получаса. Дон Хуан, казалось, потерял терпение и попросил меня зайти внутрь и предложить им поторопиться. Я вошел в магазин. Это было небольшое помещение из которого не было второго выхода. И никого нигде не было видно. Я спросил приказчиков, но они ничем не могли мне помочь.

Я бросился к дону Хуану и потребовал объяснений по поводу того, что произошло. Он сказал, что они или испарились в воздухе, или улизнули, пока он похлопывал меня по спине. Я разъярился и сказал ему, что большинство его людей — шуты и паяцы. Он смеялся до слез. Он сказал, что я — идеальный объект для розыгрышей. Моя собственная важность делает из меня презабавнейшего субъекта. Он так хохотал над моим раздражением, что вынужден был прислониться к стене.

Ла Горда описала мне свою первую встречу с воинами дона Хуана. Ее версия

отличалась только конкретными фактами, форма была той же. Пожалуй, воины были с ней чуть жестче, но она поняла это как попытку стряхнуть с нее ее сон, а также как естественную реакцию на то, что она считала своей отвратительной личностью.

Когда мы пересмотрели мир дона Хуана, то поняли, что он был копией мира его бенефактора. Его можно было рассматривать как состоящий из групп или домов. Имелась группа из четырех независимых пар женщин, похожих на сестер, которые жили и работали вместе. Другая группа состояла из трех мужчин одного возраста с доном Хуаном, бывших очень близкими к нему. Группа из двух мужчин помоложе — курьеров Эмилито и Хуана Тумы. И, наконец, группа из молодых женщин, южных воинов Марты и Терезы, которые казались родственницами. С другой стороны мир казался состоящим из четырех отдельных домов, находящихся в отдалении друг от друга в различных районах Мексики. Один был образован двумя западными женщинами, Сильвио Мануэлем и их курьером Мартой. Следующий состоял из восточных женщин, Кармелы и Эрмелинды, а также Висенте и их курьера Хуана Тумы. Еще один — из южных женщин, Сесилии и Делии, курьера дона Хуана — Эмилито и курьера Терезы. Последний — из северных женщин, Нелиды и Флоринды, и дона Хенаро.

Согласно дону Хуану, его мир не имел такой гармонии равновесия, как мир его бенефактора. Единственные две женщины, которые полностью уравновешивали друг друга и выглядели как двойняшки, были его северные воины Нелида и Флоринда. Нелида однажды говорила мне, что и группа крови у них была одинаковая.

Для меня одним из самых приятных сюрпризов явилась трансформация Зулейки и Зойлы, которые показались мне столь отвратительными при первой встрече. Как и говорил дон Хуан, они оказались самыми трезвыми и спокойными, преданными своему делу воинами, каких только можно себе представить, и я не мог поверить своим глазам, когда увидел их вновь. Период их безумия прошел, и они выглядели хорошо одетыми мексиканскими дамами, темными и крепкими, со сверкающими почти черными глазами, подобными осколкам блестящего темного обсидиана. Они смеялись и подшучивали надо мной по поводу нашей первой встречи, как если бы ее участниками были другие, а сами они не имели к случившемуся никакого отношения. Я легко мог представить себе кошмар дона Хуана с западными воинами его бенефактора.

Я абсолютно не мог себе представить, чтобы Зулейка и Зойла могли превращаться в тех невыносимых, тошнотворных существ, которых я встретил в первый раз. После мне неоднократно приходилось быть свидетелем их метаморфоз, но я никогда больше не мог судить о них так сурово, как сделал это после первой встречи. Их выходки потом вызывали у меня главным образом печаль.

Но самым большим сюрпризом оказался для меня Сильвио Мануэль. В темноте нашей первой встречи он представлялся мне сверхсильным гигантом, внушительным мужчиной. На самом же деле он был малюткой, хотя и ширококостным. Его тело было телом жокея, небольшим, но ладно скроенным. Он показался мне похожим на гимнаста. Его физический контроль над телом был таким замечательным, что он мог, раздувшись, как лягушка, стать вдвое толще, чем был на самом деле, напрягая все мышцы своего тела. Он устраивал поразительные демонстрации того, как можно разъединять свои суставы и ставить их затем на место без малейших признаков боли.

Глядя на Сильвио Мануэля, я всегда испытывал глубокое и незнакомое чувство страха. Он казался мне похожим на пришельца из другого времени. Цвет его кожи был палево-темным, как у бронзовой статуи. Черты его лица были острыми, а горбатый нос, толстые губы и широко расставленные щелочки глаз делали его похожим на стилизованную фигуру с фресок майя. Большую часть дня он был дружелюбным и теплым, но как только сгущались сумерки, становился неизмеримо далеким. Его голос менялся. Он садился в темном углу и позволял темноте поглотить себя. Все, что оставалось от него видимым, — это его левый глаз, который не закрывался и приобретал странное сияние, подобно глазам кошек.

Второй темой, затронутой в нашем общении с воинами дона Хуана, был вопрос о контролируемой глупости.

Дон Хуан однажды давал мне краткие объяснения, когда рассказывал о двух категориях, на которые, согласно правилу, делятся все женские воины, — о сновидящих и сталкерах. Он сказал, что все воины его партии применяют искусство сновидения и сталкинга как часть своей повседневной жизни, но женщины, образующие планету сновидящих, и те, что образуют планету сталкеров, являются главными авторитетами в соответствующей деятельности.

Сталкеры — это те, кто взваливает на себя тяготы повседневного мира. Они ведут все дела и именно они имеют дело с людьми. Все, что хоть как-то относится к миру обычных дел, совершается через них. Сталкеры практикуют контролируемую глупость, точно так же, как сновидящие практикуют искусство сновидения. Дон Хуан сказал, что вообще самое большое достижение воина во втором внимании — это искусство сновидения, а самое большое его достижение в первом внимании — это искусство сталкинга.

Я неправильно понял то, что воины дона Хуана делали по отношению ко мне при нашей первой встрече. Я принял их действия за трюкачество, и это мнение так и осталось бы у меня до сего дня, если бы не идея контролируемой глупости. Дон Хуан сказал, что их действия со мной были мастерским уроком в искусстве сталкинга. Он добавил, что его бенефактор обучал его этому искусству прежде всего остального. Для того, чтобы выжить среди воинов своего бенефактора, ему приходилось учиться этому искусству ускоренным темпом. В моем случае, по его словам, мне пришлось сначала учиться сновидению, поскольку мне не довелось постоянно быть одному среди его воинов. Когда настанет нужный момент, появится Флоринда и введет меня в искусство сталкинга. Никто другой не может квалифицированно разговаривать со мной об этом, они могут только давать мне уроки прямой демонстрации, что они и делали при нашей первой встрече.

Дон Хуан подробно объяснил мне, что Флоринда является одним из самых выдающихся практиков искусства сталкинга, поскольку она обучена каждой его тонкости его бенефактором и четырьмя его женскими воинами-сталкерами. Флоринда была первым женским воином, попавшим в мир дона Хуана, и из-за этого она станет моим личным проводником не только в искусстве сталкинга, но в загадке третьего внимания, если я когда-нибудь туда попаду. Дон Хуан не углублялся в этот вопрос дальше. Он сказал, что все это подождет до тех пор, пока я не буду готов сначала учиться искусству сталкинга, а затем войти в третье внимание.

Дон Хуан говорил, что его бенефактор не жалел времени на него и на других воинов во всем, что относилось к овладению мастерством сталкера. Он применял сложные розыгрыши, чтобы создать подходящий контекст для гармонического соответствия между буквой правила и поведением воина в повседневном мире, когда он взаимодействует с людьми. Он считал это

единственным способом убедить их в том, что при отсутствии чувства собственной важности единственный способ, каким воин может взаимодействовать с социальной средой, — это контролируемая глупость. Разрабатывая свои ситуации, бенефактор дона Хуана сталкивал обычно действия людей и действия воинов с требованиями правила, а затем отходил в сторону и предоставлял естественной драме разворачиваться самостоятельно. Глупость людей некоторое время занимает главенствующее положение и вовлекает воинов в свое течение, как и следует из естественного хода событий, но в конце концов обязательно бывает побеждена более широким планом правила.

Дон Хуан рассказывал нам, что сначала он противился контролю бенефактора над участниками игровой ситуации. Он даже высказывал ему это в лицо. Бенефактора это не задело. Он возразил, что его контроль — не более, чем иллюзия, созданная Орлом. Он только безупречный воин, и его действия — не более, чем попытка отразить Орла, как в зеркале.

Дон Хуан сказал, что та сила, с которой его бенефактор приводил свои замыслы в исполнение, исходила из его знания того, что Орел реален и окончателен и что все, что делают люди, является абсолютной глупостью. То и другое вместе создает и составляет источник контролируемой глупости, которую учитель дона Хуана описывал как единственный мостик между глупостью людей и тем окончательным, что диктует Орел.

Глава 11. Женщина-Нагваль

Дон Хуан рассказывал, что когда он находился под надзором двух западных женщин, которые занимались его очищением, он также попал под начало северной женщины, сравнимой с Флориндой, сталкером номер один, обучавшей его основам этого искусства. Она и его бенефактор дали ему действенные средства для того, чтобы взять под свою опеку троих мужчин-воинов, одного курьера и четырех женщин-сталкеров, которые

должны были составить его партию.

Восемь женщин-видящих из группы его бенефактора были брошены на поиски отличительных конфигураций светимости и не встретили никаких затруднений в обнаружении мужчин и женщин-воинов подходящего типа для партии дона Хуана. Однако бенефактор не позволял этим видящим собирать найденных ими воинов. Дону Хуану было предоставлено самостоятельно применить на практике принципы сталкинга и взять их под свою опеку.

Первым воином явился Висенте. У дона Хуана не хватало мастерства в искусстве сталкинга, чтобы завлечь его. Его бенефактор и северные сталкеры вынуждены были проделать основную работу. Затем пришел Сильвио Мануэль, позднее — Хенаро и, наконец, Эмилито — курьер. Флоринда была первым женским воином, за ней последовала Зойла, затем Делия и, наконец, Кармела. Дон Хуан говорил, что его бенефактор непреклонно настаивал, чтобы все взаимодействие с миром проходило исключительно в рамках контролируемой глупости. Конечным результатом явилась потрясающая команда практиков, задумывавших и исполнявших самые сложные планы.

Когда все они достигли определенного мастерства в искусстве сталкинга, его бенефактор решил, что пришло время найти для них женщину-нагваль. Придерживаясь своей политики — помогать каждому действовать самостоятельно, он не спешил вводить ее в их мир до тех пор, пока они не только стали мастерами сталкинга, но и дон Хуан не научился видеть. Хотя дон Хуан и очень сожалел о времени, потраченном на ожидание, он признавал, что их совместные усилия в том, чтобы заполучить ее, укрепили связывающие их узы и как бы вдохнули вторую жизнь в их решение посвятить себя поиску собственной свободы.

Его бенефактор начал свою операцию по вовлечению в группу женщины-нагваль с того, что стал ревностным католиком. Он потребовал, чтобы дон Хуан, будучи наследником его знания, ходил с ним в церковь как его сын. Он водил его к мессе ежедневно и рассказывал, что и его бенефактор, в свое время, будучи очень располагающим к себе и общительным, именно в церкви знакомил его со всеми как своего сына, продолжателя рода.

Дон Хуан, в то время, по его собственным словам, — неотесанная

деревенщина, был подавлен тем, что, попав в общество, оказался вынужденным вести беседы и рассказывать о себе. Он утешался мыслью, что у его бенефактора должны быть высшие причины для всего, что он делает. Он пытался наблюдать за ним и выяснить, какие же это причины. Действия его бенефактора были неизменными и казались совершенно искренними. Как образцовый католик, он завоевал расположение множества людей, и особенно ксендза, оказывавшего ему большое доверие и считавшего его своим другом и доверенным лицом. Дон Хуан не мог представить себе, зачем ему все это нужно. Ему даже приходила в голову мысль, что его бенефактор на самом деле принял католицизм или же спятил. Он еще не понимал того, что воин не теряет рассудка ни при каких обстоятельствах.

Недовольство дона Хуана вынужденными посещениями церкви прошло, когда его бенефактор начал знакомить его с дочерьми тех людей, с которыми он был уже знаком. Это ему нравилось, хотя он и чувствовал себя не в своей тарелке. Дон Хуан решил, что его бенефактор помогает ему улучшить его речь. Он не был ни обаятельным, ни общительным, а его бенефактор говорил ему, что Нагваль должен быть и тем и другим.

Однажды в воскресенье, во время мессы, после почти целого года практически ежедневного посещения церкви, дон Хуан узнал, зачем в действительности он ходил туда. Он стоял на коленях рядом с девушкой по имени Олинда — дочерью одного из знакомых его бенефактора. Он обернулся, чтобы обменяться с ней взглядами, что уже стало обычным после почти месячного знакомства. Их глаза встретились, и внезапно дон Хуан стал видеть, видеть ее как светящееся существо — и тут же сам увидел ее двойное строение. Олинда была двойной женщиной. Его бенефактор знал об этом с самого начала и избрал труднейший путь для того, чтобы ввести дона Хуана в соприкосновение с ней. Дон Хуан признался нам, что этот момент произвел на него ошеломляющее впечатление.

Его бенефактор знал, что дон Хуан увидел. Его миссия по сведению вместе двух двойных существ была закончена успешно и безупречно. Он поднялся и окинул взглядом всю церковь. Затем вышел, не оглядываясь. Ему больше нечего было там делать.

Дон Хуан сказал, что когда его бенефактор вышел посреди мессы, все головы повернулись за ним. Дон Хуан хотел последовать за ним, но Олинда смело

схватила его за руку и удержала на месте. Тогда он понял, что сила видения принадлежит не ему одному. Какая-то искра пробежала между ними, и они оказались связанными. Дон Хуан вдруг сообразил, что месса давно закончилась и что они находятся уже не в церкви. Его бенефактор пытался успокоить мать Олинды, оскорбленную неожиданным и непозволительным проявлением их привязанности.

Дон Хуан понятия не имел, что делать дальше. Он знал, что ему надлежит разработать план. У него были для этого возможности, но важность события заставила его потерять уверенность в своих силах. Он забыл о своей подготовке сталкера и погрузился в интеллектуальные раздумья о том, следует ли обращаться с Олиндой в рамках контролируемой глупости.

Его бенефактор сказал, что ничем помочь ему не может. Его долгом было столкнуть их. На этом его ответственность заканчивалась. Теперь долгом дона Хуана было предпринять необходимые шаги для того, чтобы взять ее под свою опеку. Он предложил, чтобы дон Хуан учел даже возможность жениться на ней, если только это будет именно тем, что здесь поможет. Только после того, как она сама по своей воле придет к нему, он сможет помочь ему, вступив с ней в контакт как Нагваль.

Дон Хуан начал с формальных ухаживаний. Ее родители не приняли его, потому что и подумать не могли о ком-нибудь из другого общественного класса как о паре для своей дочери. Олинда не была индеанкой. Ее родители были среднего достатка горожанами, имеющими небольшое собственное дело. Отец вынашивал другие планы относительно дочери. Он пригрозил отослать ее, если дон Хуан не откажется от своего намерения жениться на ней.

Дон Хуан сказал, что двойные существа, особенно женщины, необычайно консервативны, даже робки. Олинда не была исключением. После внезапной вспышки в церкви она была охвачена осторожностью, даже страхом. Ее собственная реакция испугала ее.

В качестве стратегического маневра его бенефактор посоветовал дону Хуану отступить. Так, чтобы это выглядело уступкой желанию ее отца, которому поведение девушки не понравилось, причем это мнение разделяли все, кто был свидетелем инцидента в церкви. Люди сплетничали, что их выходка была столь неприятна отцу, что тот, будучи таким ревностным католиком, даже

перестал ходить в церковь.

Бенефактор сказал дону Хуану, что воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Тем не менее в битве за собственную жизнь, вроде той, которую вел Нагваль, чтобы заполучить женщину-нагваль, воин должен стратегически использовать все доступные средства.

В полном соответствии с этим дон Хуан, чтобы получить эту девушку, решил использовать известное ему мастерство сталкинга. В конце концов он привлек Сильвио Мануэля, чтобы тот применил в этих целях свое магическое искусство, которое даже на той ранней стадии было поразительным.

Сильвио Мануэль, представлявший вместе с Хенаро пару отчаянных пройдох, пробрался с ним в дом девушки, переодевшись старухами — прачками. Солнце стояло в зените, и все готовили пищу для большой группы родственников и друзей, собравшихся к обеду. Предполагались неофициальные проводы Олинды. Сильвио Мануэль рассчитал, что люди, увидев двух незнакомых прачек, решат, что это связано с отъездом Олинды, и ничего не заподозрят. Дон Хуан предварительно снабдил Сильвио Мануэля и Хенаро подробной информацией относительно расположения комнат в доме. Он рассказал им, что прачки обычно несут свои узлы выстиранного белья внутрь дома и оставляют их в кладовой для глажки. Неся здоровенные тюки белья, Сильвио Мануэль и Хенаро прошли прямо в нужную комнату, зная, что в это время Олинда будет там.

Дон Хуан рассказывал, что Сильвио Мануэль, подойдя к Олинде, гипнотической силой заставил ее потерять сознание. Они положили ее в мешок, обернули простынями с ее постели и вышли, оставив принесенные с собой тюки. В дверях они столкнулись с ее отцом. Тот не обратил на них никакого внимания.

Бенефактор, узнав об этом маневре, совершенно вышел из себя. Он велел дону Хуану немедленно вернуть девушку домой. Совершенно обязательно, сказал он, чтобы двойная женщина пришла в дом бенефактора по своей собственной свободной воле, пусть без намерения присоединиться к нему, но

хотя бы из любопытства.

Дон Хуан считал, что все пропало. Вероятность незаметно доставить ее в дом была слишком мала. Однако Сильвио Мануэль нашел решение. Он предложил, чтобы четыре женщины из партии дона Хуана понесли женщину по пустынной дороге, где дон Хуан спасет ее. Сильвио Мануэль предложил, чтобы женщины притворились, будто похищают ее ради выкупа. Где-нибудь на дороге кто-то увидит их и бросится в погоню. Преследователь догонит их, и они бросят мешок так, чтобы не осталось сомнений в серьезности их намерений. Преследователем же будет, естественно, дон Хуан, который чудесным образом окажется в нужном месте в нужное время.

Сильвио Мануэль требовал действий предельно жизненных. Он велел женщинам завязать девушке рот, так как к тому времени она, конечно, очнется и начнет верещать в мешке. Он велел им бежать несколько миль по дороге, неся мешок, затем спрятаться от своего преследователя и, наконец, после действительно утомительной гонки они должны были бросить мешок так, чтобы девушка могла быть свидетелем отчаянной схватки между доном Хуаном и четырьмя женщинами. Сильвио Мануэль сказал женщинам, что все должно выглядеть предельно реально. Он вооружил их палками и велел побить ими дона Хуана поубедительнее, прежде чем он прогонит их прочь. Среди женщин особенно легко впадала в истерику Зойла. Как только они начали колотить дона Хуана, она вошла в роль, и представление захватывало дух. Она наносила дону Хуану такие могучие удары, что у того на плечах и на спине тело стало сплошной раной. Еще мгновение, и похитители, казалось, одержат победу. Сильвио Мануэль был вынужден выйти из укрытия и, притворившись прохожим, напомнить им, что это лишь розыгрыш и что им пора убегать.

Таким образом дон Хуан оказался спасителем и защитником Олинды. Он сказал ей, что сам не сможет отвезти ее домой, так как сильно избит и изранен. Но он отправит ее туда со своим набожным отцом. Она сама помогла ему дойти до дома его бенефактора. Дон Хуан рассказал, что ему не понадобилось изображать раненого, он весь истекал кровью и с трудом добрался до дверей собственного дома.

Когда Олинда рассказала его бенефактору о происшедшем, то его желание рассмеяться было настолько сильным, что ему пришлось скрыть свой смех,

притворившись рыдающим. Дону Хуану перевязали раны и уложили в постель. Олинда начала было объяснять, почему ее отец не принял его, но не закончила. В комнату вошел бенефактор дона Хуана и сказал ей, что ему кажется, судя по ее походке, будто похитители повредили ей спину. Он предложил выправить ее, пока не возникли осложнения.

Олинда заколебалась. Он напомнил ей, что похитители не шутили — они чуть не убили его сына. Это напоминание подействовало. Она прошла на половину бенефактора и позволила нанести ей хороший удар по лопатке. Лопатка щелкнула, и Олинда вошла в состояние повышенного осознания. Он открыл ей правило, и она, как и дон Хуан, приняла его полностью. Не осталось ни сомнений, ни колебаний.

Женщина-нагваль и дон Хуан нашли друг в друге завершенность и спокойствие. Дон Хуан говорил, что чувство, которое они испытывали каждый к другому, не имело ничего общего с привязанностью или потребностью. Это было скорее разделяемое физическое ощущение, что внутри их сломан некий конечный барьер и они являются как бы одним и тем же существом.

Дон Хуан и его женщина-нагваль, как и предписывало правило, несколько лет работали вместе, чтобы собрать группу из четырех женщин-сновидящих, которыми оказались Нелида, Зулейка. Сесилия и Эрмелинда, и трех курьеров — Хуана Тумы, Терезы и Марты. В который раз подтвердилась прагматическая природа правила: все они были именно такими, какими должны были оказаться согласно правилу. Их приход означал начало нового цикла для каждого, включая бенефактора дона Хуана и его партию. Для дона Хуана и его партии это означало цикл сновидения, и для бенефактора и его партии — период ни с чем не сравнимой безупречности в поступках.

Бенефактор объяснил дону Хуану, что когда его в молодости познакомили с правилом как со средством освобождения, он очутился на седьмом небе от счастья. Свобода для него была реальностью за ближайшим углом. Когда он дорос до понимания природы правила как факта, его надежды и оптимизм удвоились. Позднее же его жизнь затопила трезвость. Чем старше он становился, тем меньше шансов он видел для личного успеха и успеха партии его воинов. В конце концов он убедился, что вне зависимости от того, что они делают, шансы против слишком велики, чтобы их скованное человеческое осознание когда-нибудь полетело свободно. Он смирился со своей судьбой и с

поражением. Он сказал Орлу из самой своей глубины, что он рад и гордится тем, что его осознание будет съедено, и пригласил Орла к этому.

Дон Хуан рассказывал, что такое же настроение разделялось всеми воинами партии его бенефактора. Свобода, о которой говорилось в правиле, была чем-то таким, что он считал недостижимым. Они уловили отблески той уничтожающей силы, которой был Орел, и почувствовали, что у них нет ни одного шанса выстоять против нее. Все они, тем не менее, согласились, что проживут свою жизнь безупречно, без всяких на то причин, кроме самой безупречности.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор со своей партией, несмотря на ощущение своей неадекватности или, может быть, по причине такого ощущения, нашли свою свободу. Они вошли в третье внимание, хотя и не группой, а один за другим. Тот факт, что они нашли проход, был конечным подтверждением истины, содержащейся в правиле. Последним покидал мир осознания повседневной жизни бенефактор. Действуя в соответствии с правилом, он взял с собой женщину-нагваль дона Хуана. Когда они оба растворились в полном осознании, дон Хуан и его воины как бы взорвались изнутри. Он не мог найти другого сравнения, чтобы описать чувство, охватившее их при насильственном забвении всего, чему они были свидетелями в мире его бенефактора.

Кто никогда ничего не забывал, так это Сильвио Мануэль. Именно он привлек дона Хуана к непосильному труду по вторичному сведению вместе всех членов их группы, которые разбрелись, кто куда. Затем он погрузил их в задачу отыскания целостности самих себя. Им понадобились годы, чтобы выполнить обе эти задачи.

Дон Хуан очень много говорил на тему забывания, но только в связи с их огромными трудностями в том, чтобы вновь собраться и начать все сначала, но уже без своего бенефактора. Он никогда не объяснял им, что это значит — забыть или найти целостность самого себя. В этом отношении он был верен учению своего бенефактора — только помогать им действовать самостоятельно.

Для этого он обучил Ла Горду и меня совместному видению и сумел показать нам, что хотя человеческие существа и кажутся видящему светящимися

яйцами, но яйцевидная форма — лишь внешний кокон — оболочка светимости, скрывающая крайне интригующую, захватывающую, гипнотизирующую сердцевину, состоящую из концентрических колец желтоватой светимости цвета пламени свечи. Во время нашего последнего сеанса он позволил нам видеть людей, снующих вокруг церкви. День был на исходе, смеркалось, и существа внутри своих прочных светящихся коконов излучали достаточно света, чтобы ясно освещать все вокруг. Зрелище было чудесным.

Дон Хуан объяснил, что яйцевидная оболочка, казавшаяся такой яркой, на самом деле была тусклой. Светимость исходила из сияющей сердцевины. Оболочка же фактически затемняла это сияние. Дон Хуан сказал нам, что для того, чтобы освободить это существо, оболочка должна быть сломана. Она должна быть сломана изнутри и в нужное время, точно так же, как проламывают скорлупу существа, вылупляющиеся из яиц. Если им не удается этого сделать, они задыхаются и погибают. И так же, как существа, вылупляющиеся из яиц, воин не может проломить оболочку своей светимости раньше положенного срока.

Дон Хуан сказал нам, что потеря человеческой формы является единственным средством освобождения светящейся сердцевины осознания, выступающей пищей Орла. Сломать эту оболочку значит вспомнить свое другое «я» и прийти к целостности самого себя.

Дон Хуан и его воины пришли к целостности самих себя и приступили к своей последней задаче, состоявшей в том, чтобы найти пару светящихся существ. По словам дона Хуана, они считали это простым делом. Все остальное пока удавалось им сравнительно легко. Они не представляли себе, что кажущаяся легкость их достижений как воинов была следствием мастерства и личной силы их бенефактора. Их попытки найти новую пару двойных существ оказались тщетными. В своих поисках они ни разу не натолкнулись на женщину с двойной светимостью. Они нашли нескольких двойных мужчин, но все они были хорошо обеспеченными, занятыми, процветающими и настолько довольными своей жизнью, что подходить к ним было совершенно бесполезно. Им не было нужды искать цель жизни. Они считали, что уже нашли ее. Дон Хуан рассказал, как однажды он понял, что и он сам и его группа старятся и теряют последнюю надежду выполнить свою задачу. Впервые они ощутили жало отчаяния и бессилия.

Сильвио Мануэль настоял на том, что им следует взять себя в руки и жить безупречно, невзирая на отсутствие надежды найти свою свободу. Дон Хуан считал, что это, возможно, окажется ключом. В этом смысле он оказался идущим по стопам своего бенефактора. Он пришел к пониманию того, что неодолимый пессимизм одолевает воина в определенной точке его пути. Чувство поражения или, точнее, чувство своей недостойности находит на него почти незаметно. Дон Хуан говорил, что раньше он, бывало, посмеивался над сомнениями своего бенефактора и никак не мог поверить, что тот говорит всерьез. Несмотря на протесты и предупреждения Сильвио Мануэля, дон Хуан считал все это гигантским розыгрышем, призванным научить его чему-то.

Поскольку он не мог поверить, будто сомнения его бенефактора реальны, то не мог поверить и в то, что решение бенефактора жить безупречно без надежды на свободу было искренним. Когда до него, наконец, дошло, что бенефактор со всей серьезностью признал свое поражение, то ему стало ясно и то, что решение жить безупречно несмотря ни на что нельзя рассматривать как стратегию, направленную на достижение успеха. Дон Хуан и его партия сами подтвердили эту истину, когда поняли как непреложный факт, что шансы против них неимоверны. Дон Хуан сказал, что в такие моменты верх берет тренировка в течение всей жизни, и воин входит в состояние абсолютного смирения.

Когда истинная нищета его человеческих ресурсов становится неоспоримой, воину не остается ничего другого, как отступить назад и склонить голову.

Дон Хуан поражался, что такое заключение не оказало никакого влияния на женских воинов его партии. Это же он заметил и в партии своего бенефактора. Женщины никогда не были так озабочены и так мрачны из-за своей судьбы, как мужчины. Они, казалось, просто присоединились к суждению своего бенефактора и последовали за ним, не испытывая ни эмоциональной усталости, ни измотанности. Если женщины и были затронуты хоть на каком-нибудь уровне, то они остались безразличны к этому. Быть занятыми — вот все, что имело для них значение. Казалось, только мужчины бросили вызов свободе и ощутили ответный удар.

В своей собственной группе дон Хуан наблюдал такой же контраст. Женщины охотно согласились с ним, когда он сообщил, что ресурсов у него недостаточно. Он мог сделать единственный вывод, что женщины, хотя они

никогда и не упоминали об этом, с самого начала никогда не верили, что у них есть какие-либо ресурсы. Как следствие, они никогда не могли испытывать разочарования или отчаяния, обнаружив, что они бессильны. Это было известно им с самого начала.

Дон Хуан рассказал нам, что причина, по которой Орел требовал вдвое больше женских воинов, чем мужских, состояла как раз в этом — в том, что женщинам присуще врожденное равновесие, которого нет у мужчин. В критический момент именно мужчины впадают в истерику и совершают самоубийство, если приходят к выводу, что все потеряно. Женщина же может убить себя из-за отсутствия направления и цели, но не из-за краха той системы, к которой она принадлежит.

После того, как дон Хуан и его воины отказались от надежды или, скорее, как выразился дон Хуан, когда он и мужчины достигли каменистого дна, а женщины нашли подходящие способы успокоить их, дон Хуан, наконец, натолкнулся на двойного мужчину, который мог ему подойти. Этим мужчиной оказался я. Он сказал, что поскольку никто в здравом уме на такое противоестественное дело, как битва за свободу, добровольно не пойдет, ему пришлось последовать принципам своего учителя и в истинном стиле сталкера заманить меня, так же, как когда-то он заманил членов своей собственной партии. Ему нужно было быть со мной наедине в таком месте, где он смог бы оказать физическое давление на мое тело, причем было совершенно необходимо, чтобы я пришел туда по собственной воле. Как он говорил, захватить двойного мужчину никогда не бывает большой проблемой. Трудность состоит в том, чтобы найти именно доступного.

Первый визит в его дом, с моей точки зрения, прошел без особых событий. Дон Хуан был очарователен и шутил со мной. Он подвел разговор к теме усталости, которую испытывает тело водителя за рулем. Тема эта мне, студенту антропологии, казалась совершенно посторонней. Затем он случайно заметил, что моя спина выглядит немного искривленной и, не говоря больше ни слова, положил мне руку на грудь, выпрямил меня и нанес мне мощный шлепок по спине. Он до такой степени застал меня врасплох, что я потерял сознание. Когда я открыл глаза, то чувствовал себя так, как если бы он сломал мне спину, но я знал, что я другой — не тот, которого я знал. С тех пор при каждой встрече он перемещал меня из правостороннего осознания в левостороннее, а затем раскрывал мне правило.

Почти сразу же после встречи со мной Дон Хуан обнаружил и двойную женщину. Он не сводил нас с ней при помощи какого-либо плана, как его бенефактор, а изобрел розыгрыш, настолько же эффективный, как и тот, при помощи которого он сам заманил и увлек двойную женщину. Он взял на себя этот труд, потому что считал обязанностью Нагваля вовлечь обоих двойных существ сразу после их нахождения, а уж затем свести их вместе как партнеров по невообразимому предприятию.

Он рассказал мне, как однажды, живя в Аризоне, он пришел в какое-то правительственное учреждение, чтобы заполнить какую-то бумагу. Дама в справочном окне отправила его к служащей в другом секторе и, не глядя, показала налево. Дон Хуан проследил за ее вытянутой рукой и увидел двойную женщину. Когда он принес к ней свое прошение, то обнаружил, что это еще совсем молоденькая девушка. Она сказала, что к прошению никакого отношения не имеет, но из сочувствия к бедному старому индейцу уделила ему время, чтобы помочь оформить документ.

Требовались определенные юридические документы. Они находились у дона Хуана в кармане, но он изобразил полную беспомощность и невежество. Казалось, бюрократическая организация является для него полнейшей загадкой. Дон Хуан говорил, что изображать полную безмозглость ему было совсем не трудно. Все, что от него требовалось, так это вернуться к тому, что когда-то было его нормальным осознанием. В его задачу входило продлить контакт с девушкой, насколько возможно. Его наставник говорил ему, да и сам он убедился в этом, что двойные женщины крайне редки. Его наставник говорил ему также, что эти женщины обладают внутренними ресурсами, делающими их очень переменчивыми. Дон Хуан опасался, что если он не сумеет провести свою игру мастерски, девушка может сбежать. Он играл на ее сочувствии, чтобы выиграть время. Он создал дальнейшие проволочки, притворившись, что юридические документы потеряны. Почти каждый день он приносил ей разные бумажки. Она читала их и каждый раз с сожалением говорила, что это не та справка, которая нужна. Девушка была настолько тронута его жалким положением, что даже вызвалась заплатить адвокату, чтобы тот оформил удостоверение об утере документов.

Через три месяца таких хождений дон Хуан решил, что пришло время извлечь документы на свет. К этому времени она уже привыкла к нему и чуть ли не

ждала его появления каждый день. Дон Хуан пришел в последний раз, чтобы выразить свою благодарность и попрощаться. Он сказал, что был бы рад преподнести ей подарок, чтобы выразить ей свою признательность, но у него нет денег даже на еду. Она была растрогана его прямотой и пригласила на ленч. Пока они ели, он говорил, что подарок не обязательно должен быть предметом, который покупают. Это может быть нечто такое, что дают только глазам получателя. Нечто, что можно помнить, но не владеть им.

Она была заинтригована. Дон Хуан напомнил ей, что она выразила сочувствие к индейцам и к индейскому существованию. Он спросил, не хочет ли она взглянуть на индейцев не как на нищих, а как на артистов. Он сказал, что знаком с одним стариком, который является последним в династии танцоров силы. Он обещал, что этот человек станцует для нее по его просьбе и что никогда в жизни она не видела ничего подобного и не увидит вновь. Этот танец — нечто такое, чему бывают свидетелями одни лишь индейцы.

Ей понравилась эта идея. Она посадила его в свою машину после работы, и они поехали к холмам, где, по словам дона Хуана, обитал этот индеец. Дон Хуан направил ее к своему собственному дому. Он попросил ее остановить машину неподалеку, и остаток пути они прошли пешком. Прежде, чем они достигли дома, он остановил ее и, начертив на мягком песке дорожки линию, сказал, что эта линия — граница, и начал уговаривать ее перейти эту границу.

Сама она рассказывала мне, что вплоть до этого момента была крайне заинтригована возможностью посмотреть на настоящего индейского танцора, но когда старый индеец начертил на земле линию и назвал ее границей, она стала колебаться. Затем она по-настоящему встревожилась, когда старик сказал что эта граница существует для нее одной и что переступив через нее однажды, теряешь возможность вернуться.

Индеец явно видел ее напряженность и пытался успокоить. Он вежливо погладил ее по руке, заверив, что с ней не может случиться ничего плохого, пока он рядом с ней. Границу можно считать как бы символом, символической платой танцору, так как денег он не берет. Ритуал заменял деньги, и ритуал требовал, чтобы она по своему желанию переступила границу.

Старый индеец весело переступил линию и сказал, что для него это просто индейская чепуха, но танцору, наблюдающему за ними, следует польстить,

если она хочет увидеть его танец.

Женщина-нагваль говорила, что внезапно ощутила такой испуг, что не могла двинуться с места, чтобы переступить линию. Старый индеец сделал попытку убедить ее, говоря, что переступание границы благотворно сказывается на теле. Переступая ее, не только чувствуешь себя моложе, но и реально становиться более молодым, такую силу имеет эта граница. Чтобы продемонстрировать это, он немедленно перешел обратно, и тотчас плечи его поникли, углы рта впали, глаза потеряли свой блеск. Женщина-нагваль не могла отрицать тех изменений, которые вызывал переход линии.

Дон Хуан перешел линию в третий раз. Он глубоко дышал, расправлял грудь, его движения стали уверенными и четкими. Женщина-нагваль сказала, что ей пришла в голову мысль, не скрываются ли за всем этим сексуальные намерения. Ее машина осталась слишком далеко позади, чтобы броситься бежать к ней. Единственное, что она могла сделать, это убеждать себя, что глупо бояться старика-индейца.

Тогда старик еще раз воззвал к ее разуму и чувству юмора. Заговорщицким тоном и как бы с неохотой он сказал, что просто притворяется помолодевшим, чтобы сделать приятное танцору, и что если она не поможет ему, перейдя линию, он в любую минуту может свалиться без сил от того перенапряжения, которое требовалось от него, чтобы ходить не сгорбившись. Он прошел туда и обратно через линию, чтобы показать ей, каких неимоверных усилий требует от него такая пантомима.

Она рассказывала, что в его умоляющих глазах отражалась боль, которую испытывало его старческое тело, подражая молодости. Она перешагнула линию, чтобы помочь ему и покончить со всем этим; она хотела ехать домой.

В тот момент, когда она пересекла линию, дон Хуан сделал невероятный прыжок и заскользил над крышей дома. Женщина-нагваль сказала, что он летал, как огромный бумеранг. Когда он приземлился рядом с ней, она упала на спину. Ее испуг превосходил все, что она до сих пор испытывала, но таким же было ее возбуждение оттого, что она явилась очевидцем такого чуда. Она даже не спрашивала, каким образом он выполнил такой великолепный подвиг. Ей хотелось бежать обратно к своей машине и мчаться домой. Старик помог ей подняться и извинился за то, что так подшутил над ней. В действительности

танцором является он сам, и его полет над домом как раз и был его танцем. Он спросил ее, заметила ли она, в каком направлении совершался его полет. Она провела рукой против часовой стрелки. Он по-отечески погладил ее по голове и сказал, что это очень примечательно — то, что она была так внимательна. Затем он сказал, что она, возможно, при падении повредила себе спину и он не может отпустить ее просто так, не убедившись, что все в порядке. Он смело расправил ей плечи, поднял ее подбородок и затылок, показывая, как распрямить спину. Затем он нанес ей мощный шлепок между лопатками, буквально выбив весь воздух из ее легких. Какое-то мгновение она не могла дышать и потеряла сознание.

Придя в себя, она обнаружила, что находится внутри дома. Из носу у нее шла кровь, дыхание было учащенным, глаза не фокусировались. Он посоветовал ей делать глубокие вдохи на счет восемь. Чем дольше она дышала, тем больше все прояснялось. В какой-то момент вся комната осветилась. Все засияло желтоватым светом. Она застыла и больше не могла дышать глубоко. Желтый свет к тому времени уже так сгустился, что стал напоминать туман, а затем туман трансформировался в желтоватую паутину. В конце концов он рассеялся, но весь мир некоторое время еще оставался однородно желтым.

Затем дон Хуан заговорил с ней. Он вывел ее из дома и показал ей, что весь мир разделен на две половины. Левая сторона была чистой, а правая затянута желтоватым туманом. Он сказал ей, что чудовищно думать, будто весь мир познаваем или что мы сами являемся познаваемыми. Он заявил, что воспринимаемое ею — неразрешимая загадка, которую можно воспринимать только со смирением и почитанием.

Затем он открыл ей правило. Ясность ее мыслей была такой интенсивной, что она поняла все, что он говорил. Правило показалось ей само собой разумеющимся и очевидным. Он объяснил ей, что две стороны человеческого существа полностью отдельны, и для того, чтобы сорвать печать и перейти на другую сторону, требуется огромная дисциплина и целеустремленность. Двойные существа имеют огромное преимущество: состояние двойственности помогает им и позволяет сравнительно легко перемещаться между отделами на правой стороне. Невыгодность положения двойных существ в том, что, имея два отдела, они оседлы, консервативны и боятся перемен. Дон Хуан сказал ей, что его намерением было заставить ее передвинуться из крайнего правого отдела в более светлый и острый отдел правой стороны, но вместо

этого, по какой-то необъяснимой причине, его удар послал ее через всю ее двойственность из ее повседневного крайнего правого отдела в ее крайний левый отдел. Он четыре раза пытался вернуть ее назад в обычное состояние, но безуспешно. Однако его удары помогли ей включать и выключать по своему желанию восприятие стены тумана. Хотя у дона Хуана не было такого намерения, он был прав, говоря, что та линия была для нее односторонней границей. Перейдя ее однажды, она, как и Сильвио Мануэль, уже никогда не вернулась. Когда дон Хуан свел нас с ней лицом к лицу, никто из нас не знал о существовании другого, тем не менее мы немедленно почувствовали, что знакомы друг с другом. Дон Хуан по своему опыту знал, что умиротворенность, которую двойные существа испытывают в компании друг друга, неописуема, но слишком уж непродолжительна. Он сказал нам, что мы были сведены вместе силой, непостижимой для нашего разума, и что единственное, чего мы не имеем, так это времени. Каждая минута может быть последней, поэтому проживать ее надо одухотворенно.

После того, как дон Хуан свел нас вместе, ему и его воинам осталось лишь найти четырех женщин-сталкеров, трех воинов-мужчин и одного мужчину-курьера, чтобы создать нашу партию. Для этого дон Хуан нашел Лидию, Хосефину, Ла Горду, Розу, Бениньо, Нестора, Паблито и курьера Элихио. Каждый из них был несовершенной копией членов собственной партии дона Хуана.

Глава 12. Неделание Сильвио Мануэля

Дон Хуан и его воины самоустранились, предоставив женщине-Нагваль и мне претворять в жизнь правило, то есть опекать, поддерживать и вести восьмерых воинов к свободе. Все, казалось, было в совершенном порядке, но в то же время что-то было не так. Первая группа женских воинов, найдённых доном Хуаном, были сновидящими, тогда как им полагалось быть сталкерами. Он не знал, чем объяснить эту аномалию. Единственный вывод, к которому он мог прийти, заключался в том, что сила поставила его на тропу этих воинов

таким образом, что от них нельзя было отказаться.

Имелась еще одна поразительная аномалия, еще больше озадачивавшая дона Хуана и его партию. Трое женских и трое мужских воинов были неспособны войти в состояние повышенного осознания, несмотря на титанические усилия дона Хуана. У них замутнялось сознание, сбивался фокус зрения, но они не могли сломать оболочку, мембрану, разделяющую две стороны. Их прозвали пьяницами, потому что они начинали качаться, теряя мышечную ориентацию. Только курьер Элихио и Ла Горда достигали необычной степени осознания. Особенно Элихио, который был на равных с любым из воинов дона Хуана.

Три девушки сблизились между собой и образовали устойчивую единицу. Так же поступили и трое мужчин. Группы из трех человек, тогда как правило предписывало четверых, были чем-то зловещим. Число три — символ динамики, изменения, движения и, самое главное, обновления.

Правило больше не служило картой. И тем не менее было совершенно невообразимо, чтобы где-то вкралась ошибка. Дон Хуан и его воины были убеждены, что сила ошибок не допускает. Они пытались решить этот вопрос в своих сновидениях и в своем видении. Они допускали, что, может быть, чересчур поторопились и не видели, что эти три женщины и трое мужчин являются непригодными.

Дон Хуан признался мне, что он усматривал здесь два взаимосвязанных вопроса. Первый — прагматический — проблема нашего присутствия среди них. Второй касался надежности правила. Их бенефактор внушил им уверенность, что правило охватывает все, с чем может столкнуться воин. Он не подготовил их к такому случаю, когда правило может оказаться неработающим.

Ла Горда сказала, что у женщин из партии дона Хуана никогда со мной проблем не было. Мужские же его воины пребывали в растерянности. Для них было непонятным и неприемлемым, что в моей случае правило неприменимо.

Женщины, однако, были уверены, что рано или поздно причина моего появления среди них прояснится. Я наблюдал, как женщины не поддавались эмоциональному замешательству и, казалось, были полностью безразличны к тому, чем все это кончится. Они как будто — без всяких разумных оснований

— заранее знали, что мой случай все-таки подчиняется правилу. В конце концов я помог им тем, что принял свою роль. Благодаря женщине-нагваль и мне Дон Хуан и его воины завершили свой цикл и были почти свободны.

Ответ пришел к ним через Сильвио Мануэля. Его видение открыло, что Хенарос и сестрички не были непригодными, скорее я был не тем Нагвалем, в котором они нуждались. Я был неспособен вести их, потому что имел конфигурацию, не укладывающуюся в схему, данную правилом, — конфигурацию, которую дон Хуан как видящий проглядел. Мое светящееся тело давало видимость четырех отделов, тогда как в действительности их имелось только три; существовало другое правило для того, кто назывался «трехзубчатым Нагвалем». Я подпадал под это правило. Сильвио Мануэль сказал, что я подобен птице, взращенной теплом и заботой других птиц. Все они должны были помочь мне, так же как и я был обязан сделать для них все возможное, хотя и не подходил им.

Ответственность за меня дон Хуан взял на себя, поскольку это он ввел меня в их среду. Но мое присутствие среди них вынудило их максимально выкладываться в поисках ответов на два вопроса: что я среди них делаю и что им в связи с этим нужно делать.

Сильвио Мануэль очень быстро нашел решение, как вывести меня из их среды. Он взял на себя задачу руководить планом, но поскольку у него не было ни терпения, ни желания, чтобы лично иметь дело со мной, он предоставил дону Хуану действовать вместо него. Целью Сильвио Мануэля было подготовить меня к тому моменту, когда у меня появится курьер, несущий правило, применимое к трехзубчатому Нагвалю. Он сказал, что в его задачу не входит раскрывать эту часть правила. Я должен ждать, пока не придет нужное время, и точно так же должны ждать все остальные.

Существовала еще одна серьезная проблема, увеличивавшая путаницу. Она касалась Ла Горды и косвенно меня Ла Горда была принята в партию воинов как южная женщина. Дон Хуан и его воины подтвердили это. Казалось, она принадлежала к той же категории, что и Сесилия, Делия и другие женщины-курьеры. Сходство было неоспоримым. Затем Ла Горда похудела и как бы вдвое уменьшилась. Перемена была столь радикальной и глубокой, что она превратилась во что-то иное.

Долгое время это оставалось незамеченным — просто потому, что остальные воины были слишком заняты моими трудностями, чтобы обращать на нее внимание. Однако ее перемена была настолько разительной, что в конце концов приковала их внимание, и тут они увидели, что она вовсе не является женщиной Юга. Объемы ее тела обманули их предыдущее видение. И тогда они припомнили, что уже с момента появления у них она не смогла близко сойтись с Сесилией, Делией и другими южными женщинами.

С другой стороны, она была просто очарована Нелидой и Флориндой и находилась с ними на короткой ноге, ибо в действительности была подобна им. Это означало, что в моей партии состоят двое северных сновидящих — Ла Горда и Роза, что представляло собой грубое нарушение правила.

Дон Хуан и его воины были более чем озадачены. Они поняли случившееся как знак, как указание на то, что ход событий должен принять какой-то непредсказуемый оборот. Поскольку они не могли принять идею того, что человеческая ошибка могла перечеркнуть правило, то решили, будто были вынуждены ошибиться в результате команды свыше, по причинам трудным для понимания, но тем не менее реальным.

Они рассматривали вопрос, что же делать дальше, но прежде, чем кто-либо из них натолкнулся на ответ, истинно южная женщина, донья Соледад, вышла на сцену с такой силой, что проигнорировать это оказалось совершенно невозможно. Она была сталкером и подпадала под правило.

Ее присутствие на какое-то время сбило нас с толку, потому что выглядело это так, будто она, развив энергичную деятельность, собирается подтолкнуть нас на другую платформу. Флоринда взяла ее под свою опеку, чтобы проинструктировать в искусстве сталкинга. Но какую бы пользу это не приносило, этого было недостаточно, чтобы пресечь ощущаемую мной странную потерю энергии, опустошенность, которая становилась все глубже и глубже.

Затем однажды Сильвио Мануэль сказал, что в своих сновидениях он получил великолепный план. Он оживился и отправился обсуждать его детали с доном Хуаном и другими воинами. Женщина-нагваль была включена в их число, а я — нет. Это заставило меня заподозрить, что они не хотят, чтобы я узнал, что именно Сильвио Мануэль открыл относительно меня.

Я выложил им свои подозрения. Все расхохотались, за исключением женщины-нагваль, сказавшей, что я прав.

Сновидения Сильвио Мануэля открыли причину моего присутствия среди них, но мне придется покориться своей судьбе, а это значит — не знать существа моей задачи, пока я не буду к этому готов.

В ее тоне была такая непререкаемость, что мне оставалось только безоговорочно принять все, что она сказала. Я думаю, что если бы дон Хуан или Сильвио Мануэль сообщили мне то же самое, я не принял бы этого так легко. Она сказала, что не соглашалась с Сильвио Мануэлем, считая, что меня следует проинформировать об общей цели их действий — хотя бы для того, чтобы избежать ненужных трений и разногласий.

Сильвио Мануэль намеревался подготовить меня к моей задаче, введя меня непосредственно во второе внимание. Он планировал ряд смелых действий, которые должны были обострить мое осознание. В присутствии остальных он сказал, что берет на себя руководство мною и что помещает меня в свою область силы — в ночь. Объяснения, данные им, заключались в том, что в его сновидениях ему предстал ряд неделаний. Эти неделания предназначались для меня и Ла Горды как исполнителей и для женщины-нагваль как наблюдателя.

Сильвио Мануэль испытывал благоговейный страх перед женщиной-нагваль и мог говорить о ней только с восхищением. Он сказал, что она обучается сама собой. Во всем она могла действовать на равных с ним или с любым из воинов Нагваля. Ей не хватало опыта, но она могла манипулировать своим вниманием как пожелает. Он признавался, что ее совершенство представляло для него не меньшую загадку, чем мое присутствие среди них, и что ее чувство цели и убежденность были настолько остры, что я был ей не пара. Поэтому он попросил Ла Горду оказывать мне особую поддержку, чтобы я мог выдержать контакт с женщиной-нагвалем.

Для нашего первого неделания Сильвио Мануэль сконструировал деревянную клетку, достаточно большую, чтобы вместить Ла Горду и меня, если мы сядем спина к спине с поджатыми к подбородку коленями. Клетка имела решетчатую крышку для вентиляции. Мы с Ла Гордой должны были забраться внутрь и

сидеть в кромешной тьме и полном молчании, не засыпая. Он начал с того, что запускал нас в ящик на короткое время, а затем, когда мы привыкли к этой процедуре, увеличивал время, пока мы не смогли проводить в ней всю ночь, не двигаясь и не засыпая.

Женщина-нагваль оставалась около нас, следя за тем, чтобы мы не сменили уровень осознания из-за усталости. Сильвио Мануэль сказал, что типичной тенденцией в необычных стрессовых ситуациях является смена повышенного осознания на нормальное и наоборот.

Общим эффектом этого неделания было для меня каждый раз ни с чем не сравнимое чувство отдыха, представлявшее для меня полную загадку, ибо мы ни секунды не спали в течение всего ночного бдения. Я связывал это чувство с пребыванием в состоянии необычного осознания, но Сильвио Мануэль сказал, что дело не в этом — чувство отдыха возникает от сидения с поднятыми коленями.

Второе неделание состояло в том, чтобы лечь на землю, свернувшись по-собачьи, почти в зародышевой позе, лежа не левом боку и упираясь лбом в сложенные руки. Сильвио Мануэль настаивал на том, чтобы мы держали глаза закрытыми как можно дольше, открывая их только для того, чтобы по его приказу сменить позу и лечь на правый бок.

Он говорил, что цель этого неделания состоит в том, чтобы позволить нашему слуху отделиться от зрения. Как и в первом случае, он постепенно увеличивал срок такого лежания, пока мы не смогли проводить так всю ночь в слуховом бодрствовании.

После этого Сильвио Мануэль был готов перевести нас в другую сферу деятельности. Он объяснил, что в первых двух неделаниях мы сломали некие барьеры восприятия, пока были прикованы к земле. Сравнив человеческие существа с растениями, он уподобил нас подвижным деревьям, укорененным в земле. Наши корни способны к передвижению, но это не освобождает нас от грунта. Он сказал, что для установления равновесия мы должны выполнить третье неделание, вися в воздухе. Если мы добьемся успеха в том, чтобы направлять свое намерение, зависнув в воздухе в подвешенных к дереву кожаных корсетах, то сформируем своим намерением треугольник основание которого находится на земле, а вершина — в воздухе. Сильвио Мануэль

считал, что мы до такой степени сконцентрировали свое внимание первыми двумя неделаниями, что сможем в совершенстве выполнить третье с самого начала.

Однажды ночью он подвесил меня и Ла Горду в двух отдельных корсетах, напоминающих плетеные стулья. Мы сели в них, и он поднял нас через блок к самым верхним толстым ветвям высокого дерева. Он хотел, чтобы мы обратили внимание на основание дерева, которое, по его словам, будет давать нам сигналы, поскольку мы у него в гостях. Женщину-нагваль он оставил на земле, чтобы она время от времени окликала нас по именам в течение всей ночи.

Занимаясь неделанием в подвешенном виде бесчисленное число раз, мы испытывали могучий поток физических ощущений, подобных слабым разрядам электрических импульсов.

В течение первых трех-четырех попыток дерево, казалось, сопротивлялось нашему вторжению. Затем, когда это прошло, мы начали ощущать импульсы как сигналы мира и равновесия. Сильвио Мануэль рассказал нам, что основание дерева питается из глубин земли, в то время как осознание подвижных существ — с поверхности. В дереве отсутствует чувство конфликта, тогда как движущиеся существа наполнены им до краев.

Он исходил из того, что наше восприятие испытывает глубокое потрясение, когда мы оказываемся в состоянии покоя в темноте. Ведущее положение при этом занимает слух, но сигналы от всех живущих и существующих тварей могут быть замечены не только при помощи слуха, а и при помощи комбинации слуховых и зрительных ощущений, расположенных в таком порядке. Он сказал, что в темноте, особенно в подвешенном состоянии, глаза занимают подчиненное положение по отношению к ушам.

Как убедились мы с Ла Гордой, он был абсолютно прав. При помощи третьего неделания Сильвио Мануэль сообщил нашему восприятию окружающего мира третье измерение.

Затем он сказал нам, что следующий комплекс из трех упражнений неделания будет значительно более сложным. Они будут иметь отношение к поведению в ином мире. Обязательное требование здесь состоит в доведении до максимума

эффекта упражнений перемещением времени действия на вечерние или предрассветные сумерки. Он рассказывал, что первое неделание второго комплекса включает две стадии. На первой мы должны привести себя в самое обостренное из наших состояний повышенного осознания, чтобы можно было заметить стену тумана. Когда это будет достигнуто, наступит вторая стадия, на которой мы должны заставить стену тумана перестать вращаться для того, чтобы проникнуть в мир между параллельными линиями.

Он предупредил, что его конечной целью является поместить нас во второе внимание без всякой интеллектуальной подготовки. Он хотел, чтобы мы учились его тонкостям без разумного понимания того, что мы делаем. Он исходил из того, что магический олень или магический койот управляют вторым вниманием вообще без интеллекта. Благодаря вынужденной практике путешествий через стену тумана мы рано или поздно подвергаемся стойкому изменению всего нашего существа, изменению, которое заставит нас принять как должное то, что миры между параллельными линиями реальны, потому что они являются частью общего мира, как наше светящееся тело является частью нашего существа.

Сильвио Мануэль сказал также, что использует Ла Горду и меня, чтобы проверить возможность того, сумеем ли мы когда-нибудь помочь другим ученикам, сопровождая их в иной мир, тогда они могли бы сопровождать Нагваля Хуана Матуса и его партию в их последнем путешествии. Он говорил, что поскольку женщина-нагваль должна покинуть этот мир с Нагвалем Хуаном Матусом и его воинами, ученики должны последовать за ней, так как она остается их единственным лидером в отсутствие Нагваля-мужчины. Она сказала мне, что рассчитывает на нас и что именно в этом причина ее наблюдения за нашей работой.

Сильвио Мануэль усадил меня и Ла Горду на пол в задней половине его дома, там, где мы выполняли все предыдущие неделания. Нам не понадобилась помощь дона Хуана, чтобы войти в самое обостренное состояние осознания. Почти сразу я увидел стену тумана. Ла Горда тоже. Однако как мы ни пытались, остановить ось вращения не могли. Каждый раз, когда я поворачивал голову, стена тумана повторяла движение в этом направлении.

Женщина-нагваль могла остановить ее и пройти на ту сторону, но она была не в состоянии протащить за собой нас двоих. В конце концов дон Хуан и

Сильвио Мануэль должны были остановить стену для нас и физически протолкнуть сквозь нее. Ощущение, которое я испытал, входя в эту стену, сравнимо с тем, как если бы мое тело скручивали, как волокна веревки.

На другой стороне находилась ужасная пустыня с небольшими круглыми песчаными дюнами. Над нами зависали низкие желтые облака, но ни неба, ни горизонта видно не было. Клочья бледно-желтого тумана ограничивали видимость. Ходить было очень трудно. Давление, казалось, намного превосходило то, к которому привыкло мое тело. Мы с Ла Гордой шли в никуда, но женщина-нагваль, казалось, знала, куда она идет. Чем дальше мы отходили от стены тумана, тем темнее становилось и тем труднее было двигаться. Мы с Ла Гордой больше не могли идти выпрямившись. Мы были вынуждены ползти. Мы выбились из сил. Женщине-нагваль пришлось тащить нас волоком назад к стене и затем вытаскивать оттуда.

Мы повторили это путешествие бесчисленное множество раз. На первых порах дон Хуан и Сильвио Мануэль помогали нам, останавливая стену тумана, но затем Ла Горда и я добились в этом едва ли не такого же мастерства, как женщина-нагваль. Мы научились останавливать стену тумана, и произошло это для нас совершенно естественно. Что касается меня, то однажды я сообразил, что ключом является мое намерение, особый аспект моего намерения, ибо это не было волевым действием, насколько я его знаю. Это было интенсивное желание, фокусировавшееся в центре моего тела, своеобразная нервозность, от которой по телу пробегала дрожь, превращавшаяся затем в силу, которая стену не остановила, но заставила какую-то часть моего тела непроизвольно повернуться на 90 градусов вправо. В результате на мгновение у меня стало два поля зрения. Я видел мир, разделенный надвое стеной тумана, и в то же время я смотрел прямо на толщу желтоватого испарения. Последнее поле зрения взяло верх, и что-то толкнуло меня в туман и сквозь него.

Кроме этого, мы научились смотреть на окружающую местность как на действительность. Наши путешествия приобрели для нас такую же реальность, как экскурсии в горы или морская прогулка на яхте. Пустынная равнина с подобными песчаным дюнам буграми стала такой же реальной, как и любая другая часть мира.

У нас с Ла Гордой было такое ощущение, будто мы провели между

параллельными линиями уже целую вечность, однако мы не могли припомнить, что же с нами там происходило. Вспоминались только ужасающие моменты, когда нам надо было возвращаться в мир повседневной жизни. Это всегда были мгновения страшной тревоги и неуверенности.

Дон Хуан и его воины с большим любопытством следили за нашими потугами. Единственным, кто не соприкасался с нашей деятельностью, был Элихио. Хотя он и сам был несравненным воином, он не принимал участия в нашей борьбе и не помогал нам. Ла Горда сказала, что Элихио удалось прикрепиться к Эмилито и, таким образом, непосредственно к Нагвалю Хуану Матусу. Его никогда не беспокоили наши проблемы, так что войти во второе внимание и путешествовать там для него было все равно что глазом моргнуть.

Ла Горда напомнила мне день, когда необычайные таланты Элихио позволили ему обнаружить, что я не их человек, задолго до того, как кто-нибудь хотя бы заподозрил истину.

Я сидел на заднем крыльце дома Висенте в северной Мексике, когда внезапно появились Эмилито и Элихио. Все принимали как должное, что Эмилито должен был исчезать на длительное время. Когда же он вновь появлялся, то каждый опять-таки считал само собой разумеющимся, что он вернулся из путешествия. Никто не задавал ему никаких вопросов. Он докладывал о своих находках сначала дону Хуану, а затем любому, кто хотел его послушать.

В тот день все выглядело так, будто Эмилито и Элихио только что вошли через черный ход. Эмилито, как всегда, кипел. Элихио. как обычно, хранил спокойствие и бесстрастность. Я всегда думал, когда видел их вместе, что утонченность личности Эмилито подавляла Элихио и делала его еще более замкнутым.

Эмилито прошел вглубь дома, разыскивая дона Хуана, а Элихио приветствовал меня. Он положил руку мне на плечо и прошептал, что сломал оболочку параллельных линий и теперь может ходить в такое место, которое Эмилито называл великолепием.

Элихио начал мне что-то объяснять насчет этого великолепия, но я никак не мог его понять. Казалось, мой ум способен фокусироваться только на периферии этого события. Окончив свои объяснения, Элихио взял меня за

руку и поставил посреди дворика так, чтобы я смотрел на небо со слегка поднятым подбородком. Он стоял справа от меня в той же позе. Он велел мне расслабиться и падать назад под тяжестью моей макушки. Что-то схватило меня сзади и потянуло вниз. Позади была пропасть. А затем я внезапно оказался в пустынной равнине с дюноподобными холмами.

Элихио хотел, чтобы я следовал за ним. Он сказал, что край великолепия находится за холмами. Я шел с ним, пока не устал так, что больше не мог идти. Он бежал впереди меня безо всяких усилий, как если бы он был невесомым. Остановившись на вершине большого холма, он указал на него, затем сбежал вниз и попросил меня заползти на этот холм, за которым, по его словам, находился край великолепия. Он был, пожалуй, не дальше полуметра от меня, но я не мог продвинуться ни на сантиметр. Он пытался затащить меня на холм, но не мог даже сдвинуть с места Мой вес, казалось, увеличился в сотни раз. В конце концов Элихио пришлось позвать дона Хуана и его партию. Сесилия подняла меня на плечи и вынесла оттуда.

Ла Горда сказала, что Эмилито подтолкнул Элихио к таким действиям со мной. Эмилито действовал в соответствии с правилом — правило требовало, чтобы он показал мне его.

Я мог припомнить, с каким нетерпением и страстью Элихио предпринимал последние усилия, чтобы я смог стать свидетелем великолепия. Я припоминал также его печаль и разочарование, когда ему это не удалось. После этого он никогда со мной не заговаривал.

Мы с Ла Гордой так увлеклись своими путешествиями за стену тумана, что совсем забыли о следующей серии неделаний Сильвио Мануэля, ожидавшей нас. Он сказал, что это неделание может быть опустошительным и что оно состоит из пересечения параллельных линий с Хенарос и сестричками прямо к входу в мир полного осознания. Он не включил донью Соледад, потому что его неделания предназначались для сновидящих, а она была сталкером.

Сильвио Мануэль добавил, что ждет от нас, чтобы мы познакомились с третьим вниманием после того, как он вновь и вновь будет помещать нас к подножию Орла. Приготовив нас к потрясению, он объяснил, что путешествия воина в пустынную равнину с дюнами являются подготовительными, как бы первым шагом для действительного пересечения границ. Чтобы проходить за

стену тумана, находясь в состоянии повышенного осознания, требует небольшая часть нашего полного осознания, тогда как для того, чтобы телесно перейти в иной мир, нужно все наше существо полностью. Сильвио Мануэль решил использовать мост как символ настоящего пересечения. Он говорил, что мост находится рядом с местом силы, а место силы является расщелинами, проходящими в иной мир. Он считал, что мы с Ла Гордой получили достаточно силы, чтобы выдержать взгляд Орла.

Он заявил, что моим личным долгом является собрать этих трех женщин и трех мужчин и помочь им войти в самое обостренное состояние осознания. Это самое малое, что я мог для них сделать, поскольку я, возможно, и являюсь тем фактором, который сводит на нет их шансы на свободу.

Он перенес время нашего действия на предрассветный час, на утренние сумерки. Я старательно пытался заставить их сместить уровни осознания, как это делал со мной дон Хуан. Поскольку я не имел представления, как управлять их телами, или о том, что в действительности должен с ними сделать, то кончил тем, что начал лупить их по спине. После нескольких убийственных попыток наконец вмешался дон Хуан. Он подготовил их, насколько это вообще было возможно, и передал их мне, чтобы я загонял их, как коров, на мост. Моя обязанность состояла в том, чтобы переводить их через мост одного за другим. Место силы находилось южнее нас — очень благоприятный знак. Сильвио Мануэль планировал перейти первым, подождать, пока я передам их ему, а затем толкнуть нас всей группой в неведомое.

Сильвио Мануэль прошел через мост в сопровождении Элихио, который даже не взглянул на меня. Я удерживал шестерых учеников тесной группой на северной стороне моста. Они были перепуганы, вырвались из моей хватки и бросились врассыпную в разные стороны. Мне удалось одна за другой поймать троих женщин и передать их Сильвио Мануэлю. Он удерживал их у входа в трещину между мирами. Троих мужчин поймать не удалось. Гоняясь за ними, я смертельно устал и посмотрел через мост на дона Хуана, спрашивая совета. Он, вся его партия и женщина-нагваль стояли тесной группой, глядя на меня. Они подбадривали меня жестами, чтобы я и дальше гонялся за мужчинами, смеясь над моими неуклюжими действиями. Дон Хуан сделал мне знак головой, чтобы я перестал обращать внимание на мужчин и переходил к Сильвио Мануэлю и Ла Горде.

Мы перешли. Сильвио Мануэль и Элихио, казалось, удерживали стороны вертикальных створок в человеческий рост. Женщины побежали и спрятались позади Ла Горды. Сильвио Мануэль велел всем нам шагнуть в отверстие.

Я повиновался, женщины — нет. За входом ничего не было. Тем не менее все там было до краев заполнено этим ничто. Мои глаза были открыты, все чувства предельно обострены. Я напрягался, пытаясь что-либо увидеть, но передо мной ничего не было, а если и было, то я не мог его различить. Мои чувства не были привычно разделены. Все пришло ко мне сразу, или же это ничто пришло ко мне в такой степени, как никогда раньше или позже. Я почувствовал, как все мое тело разрывается на части. Какая-то часть из середины меня рвалась наружу. Я разрывался, и отнюдь не в переносном смысле. Внезапно я почувствовал, как человеческая рука выхватила меня оттуда прежде, чем я распался.

Женщина-нагваль прошла туда и спасла меня. Элихио не мог двинуться, потому что он удерживал створки входа, а Сильвио Мануэль держал за волосы четверых женщин, по две в каждой руке, готовясь швырнуть их туда.

Я полагал, что все это должно было длиться с четверть часа, но в то время мне ни разу не пришло в голову подумать о людях на мосту. Время, казалось, каким-то образом остановилось, точно так же, как оно остановилось, когда мы вернулись на этот мост по пути в Мехико.

Сильвио Мануэль сказал что хотя попытка и оказалась неудачной, она тем не менее привела к полному успеху, ибо испытанное мной было истинным чувством смерти.

— В смерти нет ничего величественного и спокойного, — сказал он, — потому что только после умирания и начинается настоящий ужас. С той же неизмеримой силой, которую ты испытал. Орел вытянет из тебя последнюю искру осознания, какую ты когда-либо имел.

Сильвио Мануэль подготовил меня и Ла Горду к очередной попытке. Он объяснил, что места силы в действительности являлись своеобразными отверстиями в оболочке, не дающей миру потерять свою форму- Место силы может быть использовано так долго, пока человеку хватает силы, собранной

во втором внимании. Он сказал, что ключом к тому, чтобы выстоять в присутствии Орла, является сила собственного намерения. Без намерения нет ничего. Он сказал мне, поскольку я был единственным, кто входил в иной мир, что меня там чуть не убила моя неспособность изменить свое намерение. Он был уверен, однако, что путем напряженных тренировок все мы придем к тому, что сможем удлинить свое намерение. Однако он не мог объяснить, чем же все-таки это намерение является. Он пошутил, что только Нагваль Хуан Матус мог бы объяснить это, но его-то как раз и нет поблизости.

К сожалению, наша вторая попытка не состоялась, потому что я остался без энергии. Произошла скоропостижная и опустошительная потеря жизненных сил. Внезапно я так ослабел, что потерял сознание в доме Сильвио Мануэля.

Я спросил у Ла Горды, знает ли она, что произошло потом, так как сам я представления об этом не имел. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль сообщил всем присутствующим, что Орел отделил меня от их группы и что я наконец-то готов к тому, чтобы меня подготовили к исполнению предначертанного мне судьбой. В его планы входило взять меня в мир между двумя параллельными линиями, пока я нахожусь без сознания, и позволить иному миру выносить из моего тела всю оставшуюся и бесполезную энергию. Его идея имела смысл, по мнению всех компаньонов, потому что, согласно правилу, туда можно входить только с осознанием. Войти туда без него означало смерть, поскольку при отсутствии осознания жизненная сила растрачивается из-за воздействия иного мира.

Ла Горда добавила, что они не брали ее вместе со мной. Однако Нагваль рассказывал ей, что после, того, как я остался без жизненной энергии, практически мертвым, все они по очереди вдохнули в мое тело новую энергию. В том мире любой, кто обладает жизненной силой, может отдавать ее другим, дуя на них. Они прикладывали дыхание ко всем точкам, где находятся хранилища энергии. Первым дул Сильвио Мануэль, затем женщина-нагваль. Оставшаяся часть меня была восстановлена всеми членами партии Нагваля.

После того, как они вдули в меня свою энергию, женщина-нагваль вынесла меня из тумана в дом Сильвио Мануэля. Она положила меня головой к юго-востоку. Ла Горда сказала, что выглядел я мертвецом. Она, Хенарос и три сестрички были там же. Женщина-нагваль объяснила им, что я заболел, но когда-нибудь вернусь, чтобы помочь им отыскать их свободу, потому что я не

буду свободен сам, пока не сделаю этого. Затем Сильвио Мануэль дал мне свое дыхание и вернул к жизни. Вот почему она и сестрички запомнили, что он — мой хозяин. Он отнес меня в постель и уложил спать, как будто ничего не случилось. По пробуждении я уехал и не вернулся. Дальше она забыла, потому что никто больше не переводил ее на левую сторону. Она уехала жить в тот город, где я нашел ее вместе с остальными. Нагваль Хуан Матус и Хенаро образовали два дома. Хенаро заботился о мужчинах, Нагваль Хуан Матус — о женщинах.

Я отправился спать, чувствуя себя подавленным и слабым. Когда я проснулся, я отлично контролировал себя, был оживленным, полным необычной и незнакомой энергии. Мое прекрасное самочувствие было омрачено только словами дона Хуана о том, что я должен покинуть Ла Горду и стремиться в одиночку совершенствовать свое внимание, вплоть до того дня, когда я смогу вернуться, чтобы помочь ей. Он сказал мне также, чтобы я не боялся и не отчаивался, потому что носитель правила со временем покажется мне для того, чтобы раскрыть мою истинную задачу.

После этого дня я не видел дона Хуана очень долго. Когда я вернулся, он продолжал перемещать меня из правого осознания в левое, преследуя две цели. Во-первых, чтобы я мог продолжать свои отношения с воинами его партии и женщиной-нагваль, во-вторых, чтобы он мог поместить меня под непосредственное наблюдение Зулейки, с которой я постоянно взаимодействовал в течение всех оставшихся лет моей связи с доном Хуаном.

Он говорил мне, что причина, по которой он поручает меня Зулейке, состоит в том, что по искуснейшему плану Сильвио Мануэля я должен был получить два рода инструкций — один для правой стороны, а второй — для левой. Инструкции для правой стороны относились к нормальному состоянию осознания и были направлены на то, чтобы привести меня к интеллектуальному убеждению, что у человеческих существ имеется другой, скрытый тип осознания. Ответственным за этот инструктаж был дон Хуан. Инструктаж для левой стороны был поручен Зулейке. Он был связан с состоянием повышенного осознания и касался исключительно обращения со вторым вниманием. Таким образом, каждый раз, когда я приезжал в Мексику, половину своего времени я проводил с Зулейкой, а другую половину — с доном Хуаном.

Глава 13. Тонкости искусства сновидения

Решение задачи введения меня во второе внимание дон Хуан начал с уведомления о том, что я уже имею большой опыт по вхождению в это состояние. Сильвио Мануэль подвел меня к самому входу. Единственным упущением было то, что мне не дали соответствующих рациональных объяснений. Воинам-мужчинам нужно раскрывать серьезные причины, прежде чем они рискнут отправиться в неизвестное. Воины-женщины не подвержены этому и могут идти без всяких колебаний, при условии, что они полностью доверяют тому, кто их ведет.

Он сказал, что начать я должен с освоения тонкостей сновидения. После этого он поместит меня под наблюдение Зулейки. Он предупредил меня о необходимости быть безупречным и обязательно практиковать все, чему я научусь, а самое главное — быть целенаправленным и осторожным в поступках, чтобы не растратить понапрасну свою жизненную силу. Он сказал, что предварительным требованием для вхождения в любую из трех стадий внимания является обладание жизненной силой, потому что без нее воин не может иметь ни направления, ни цели. Он объяснил, что сразу после смерти осознание обычного человека тоже входит в третье внимание, но только на мгновение, для очищения перед тем, как Орел поглотит его.

Ла Горда сказала, что Нагваль заставил каждого из учеников научиться сновидению. Она считала, что нам всем эта задача была дана одновременно. Инструктаж каждого так же делился на правый и левый. Далее она сообщила, что инструкции для нормального осознания давали Нагваль и Хенаро. Когда они решили, что ученики готовы, Нагваль заставил их изменить осознание на повышенное и оставил каждого с соответствующим напарником. Висенте учил Нестора, Сильвио Мануэль — Бениньо, Хенаро — Паблито, Эрмелинда — Лидию, Нелида — Розу.

Ла Горда добавила, что Хосефина и она сама были поручены заботам Зулейки

для того, чтобы они когда-нибудь смогли вместе прийти мне на помощь.

Более того, Ла Горда сделала собственное заключение, что мужчин отдавали на обучение также и Флоринде, чтобы они постигали искусство сталкинга. Доказательством этого была разительная перемена в их поведении. Она сказала, что знала еще раньше, чем вспомнила, что и ее обучали принципам искусства сталкинга, но как-то поверхностно. Ее не готовили для практики, в то время как мужчинам давали практические задачи и знания. Это доказывала перемена в их поведении. Они стали беззаботными и веселыми, наслаждались жизнью, в то время как она и другие женщины из-за своих занятий сновидением становились все более мрачными и хмурыми.

Ла Горда считала, что мужчины не могли вспомнить свой инструктаж, когда я попросил их рассказать о том, что они знают об искусстве сталкинга, потому что, применяя его, они толком не знали, что именно делают. Их тренированность, однако, бросалась в глаза, когда они общались с людьми. Они были прекрасными актерами, когда требовалось склонить людей к своему желанию. Благодаря своей практике сталкинга они также научились контролируемой глупости. Например, они вели себя так, как если бы Соледад была матерью Паблито. Любому наблюдателю они показались бы матерью и сыном, очень жалеющими друг друга, тогда как они просто играли эти роли. Они убедили всех. Иногда Паблито давал такие представления, что мог бы убедить самого себя.

Ла Горда призналась, что они были сбиты с толку моим поведением. Они не знали, то ли я сошел с ума, то ли являюсь мастером контролируемой глупости. Внешне по моему поведению казалось, будто я поверил в их маскарад. Соледад сказала, чтобы они не поддавались на эту удочку, потому что я действительно сумасшедший. Внешне кажется, будто я контролирую себя, но на самом деле я до такой степени идиот, что не могу вести себя как Нагваль. Она уговорила каждую из женщин нанести мне смертельный удар. Она добавила, что я сам просил ее об этом однажды, когда был в своем уме.

Ла Горда сказала, что ей потребовалось несколько лет, чтобы под руководством Зулейки научиться сновидению. Когда Нагваль Хуан Матус решил, что она достигла мастерства, он, наконец, свел ее с настоящей напарницей, Нелидой. Именно Нелида показала ей, как вести себя в мире людей. Она не только заботилась о том, чтобы Ла Горда естественно

чувствовала себя в западной одежде, но и прививала ей хороший вкус. Таким образом, когда она надела свою одежду в Оахаке и изумила меня своей грацией и очарованием, она была уже опытна в таких превращениях.

В качестве гида Зулейка была очень эффективна, проводя меня ко второму вниманию Она настояла на том, чтобы наши взаимодействия проводились только ночью, в темноте. Для меня Зулейка была только голосом во мгле — голосом, начинавшим все наши контакты с приказания мне фокусировать внимание на звучавших словах и ни на чем больше. Ее голос и был тем женским голосом, который, как думала Ла Горда, она слышала в сновидениях. Зулейка говорила мне, что если сновидение должно проводиться в закрытом помещении, то лучше всего осуществлять его в полной темноте, сидя или лежа на узкой кровати или, еще лучше, сидя в ящике, напоминающем гроб.

Она считала, что все сновидения вне помещений должны проводиться под защитой пещеры в песчаных районах у источников, но никогда не на плоских равнинах радом с реками, озерами морем, потому что плоские равнины, как и вода, противопоказаны второму вниманию.

Каждый из моих сеансов с ней был полон мистических обертонов. Она говорила, что кратчайший путь ко второму вниманию лежит через ритуальные действия, монотонное пение, сложные повторяющиеся движения.

Ее учение не затрагивало предварительных ступеней сновидения, которым меня обучил дон Хуан. Она исходила из того, что каждый, кто к ней приходит, уже знает, как делать сновидение, потому что оно касалось исключительно эзотерических моментов левостороннего осознания.

Инструкции Зулейки начались в тот день, когда дон Хуан привел меня в ее дом. Мы приехали туда вечером. Дом казался пустым, хотя когда мы приблизились, входная дверь открылась. Я ожидал появления Зойлы или Марты, но в дверях никого не было. У меня было ощущение, что открывший дверь сразу же убрался с нашей дороги. Дон Хуан повел меня на крытую веранду и посадил на ящик, к которому была приделана спинка, превратившая его в подобие стула. Сидеть на ящике было очень жестко и неудобно. Я опустил руку под тонкую ткань, покрывавшую ящик, и обнаружил там острые камни. Дон Хуан сказал мне, что моя ситуация необычна, потому что я был вынужден изучать тонкости сновидения в спешке. Сидение на

жесткой поверхности должно было напомнить моему телу, что оно находится в нормальной ситуации. За несколько минут до прибытия к дому дон Хуан изменил уровень моего осознания. Он сказал, что инструкции Зулейки должны проводиться в таком, состоянии для того, чтобы я имел нужную им скорость. Он предупредил меня, чтобы я полностью расслабился и доверился Зулейке. Затем он приказал, чтобы я сфокусировал взгляд с максимальной концентрацией, на какую только способен, и запомнил детали веранды, находящиеся в поле моего зрения. Он настаивал, чтобы я запомнил и такую деталь, как ощущение моего сидения здесь. Чтобы удостовериться, что я все понял, он еще раз повторил свои инструкции, а затем ушел.

Скоро стало совсем темно, и, сидя там, я начал сильно дрожать. У меня было достаточно времени, чтобы сконцентрироваться на деталях веранды. Я услышал какой-то шуршащий звук позади себя, а затем голос Зулейки заставил меня вздрогнуть. Громким шепотом она сказала, чтобы я поднялся и следовал за ней. Автоматически я повиновался. Лица ее я видеть не мог. Она была только темной фигурой, идущей в двух шагах впереди меня. Она привела меня к алькову в самом темном зале ее дома. Хотя мои глаза привыкли к темноте, я все еще не мог что-либо различить. Я споткнулся обо что-то, и она приказала мне сесть внутрь узкого корыта и опереться спиной на что-то, что я принял за жесткую подушку.

Вслед за тем я ощутил, что она отошла на несколько шагов сзади меня, что меня крайне озадачило, потому что я думал, что моя спина находится лишь в нескольких сантиметрах от стены. Находясь за мной, она мягким голосом приказала мне сфокусировать внимание на ее словах и позволить им вести меня. Она сказала, чтобы я держал их открытыми и фиксированными на точке, находившейся прямо передо мной на уровне глаз, добавив, что эта точка превратится в очень приятный и яркий оранжево-красный свет.

Речь Зулейки лилась плавно и монотонно. Я слышал каждое сказанное ею слово. Темнота вокруг меня, казалось, активно подавляла любые отвлекающие внешние факторы. Я слушал слова Зулейки в вакууме, а затем до меня дошло, что внутри меня царит такая же тишина, как и в зале.

Зулейка объяснила, что сновидящий должен начинать с точки цвета; интенсивный же свет или ничем не нарушаемая темнота на первых порах бесполезны. Прекрасными отправными точками являются такие цвета, как

пурпурный, светло-зеленый или насыщенно-желтый. Сама она, однако, отдавала предпочтение оранжево-красному цвету, дававшему ей максимальное ощущение покоя. Она заверила меня, что как только я научусь входить в оранжево-красный цвет, я смогу постоянно вызывать свое второе внимание, при условии, что окажусь в состоянии осознавать последовательность физических событий.

Мне потребовалось несколько сеансов с голосом Зулейки, чтобы мое тело поняло, чего она от меня хочет. Преимущество пребывания в состоянии повышенного осознания состояло в том, что я мог следить за своим переходом из состояния бодрствования в состояние сновидения. В нормальных условиях этот переход замутнен, но в этих особых обстоятельствах я действительно ощутил во время одного из сеансов, как берется под контроль мое второе внимание.

Первым шагом была необычайная затрудненность внимания. Не то чтобы мне было трудно вдыхать и выдыхать, и не то чтобы мне не хватало воздуха — просто мое дыхание внезапно изменило ритм. Моя диафрагма начала сокращаться и вынудила среднюю часть живота двигаться с большой скоростью. В результате получилось самое учащенное дыхание, какое я знал. Я дышал нижней частью легких и ощущал сильное давление на кишечник. Безуспешно пытался я прервать судорожные сокращения диафрагмы. Чем больше я старался, тем меньше из этого было проку. Зулейка приказала мне позволить моему телу делать все, что нужно, и даже не думать о том, чтобы направлять или контролировать его. Я хотел послушаться, но не знал, как. Спазмы, длившиеся минут по десять — пятнадцать, внезапно сменились другим странным, потрясающим ощущением. Я ощутил его вначале как очень странную щекотку, как физическое чувство, которое нельзя было назвать ни приятным, ни неприятным — это походило на нервную дрожь. Дрожь стала настолько интенсивной, что заставила меня сфокусировать на ней свое внимание, чтобы определить, в какой части тела она имеет место. Я был поражен, когда понял, что она отсутствует в моем физическом теле, находясь снаружи его, но тем не менее я ее чувствовал.

Не слушая приказа Зулейки войти в окрашенное пятно, образовавшееся на уровне моих глаз, я полностью отдался исследованию этого странного ощущения, находящегося вне моего тела. Зулейка, должно быть, увидела, что со мной происходит. Она внезапно начала объяснять мне, что второе внимание

принадлежит светящемуся телу, также как первое — телу физическому. Точка, в которой собирается второе внимание, расположена как раз там, где указал Хуан Тума при нашей первой встрече, — приблизительно в полутора футах перед серединной точкой между желудком и пупком в десяти сантиметрах правее.

Зулейка приказала мне массировать это место, двигая пальцами обеих рук по этой точке, как будто я играю на лютне. Она заверила меня, что рано или поздно я почувствую, как мои пальцы проходят через что-то плотное, подобное воде, и как в конце концов я нащупаю свою светящуюся оболочку.

Двигая пальцами, я ощутил, как воздух становится все плотнее и превращается в какую-то густую массу. Неопределенное физическое наслаждение растеклось по телу, и я подумал, что прикасаюсь к нерву своего тела, но тут же понял абсурдность и этой мысли, и всего происходящего. Я остановился.

Зулейка предупредила меня, что если я не буду двигать пальцами, она ударит меня по голове. Чем дольше я продолжал волнообразные движения, тем ближе к телу ощущал почесывание. В конце концов оно оказалось в двенадцати — пятнадцати сантиметрах от моего тела. Как будто что-то во мне осело. Мне действительно казалось, что я могу чувствовать впадину. Затем последовало еще одно неземное ощущение. Я засыпал и тем не менее находился в полном осознании. В ушах у меня зазвенело, а затем я почувствовал, как какая-то сила опрокинула меня на левый бок, не разбудив. Эта же сила скатала меня очень туго, как сигару, и вмяла внутрь щекочущего углубления.

Я вспомнил, что однажды увидел и пнул углубление в светящейся оболочке Лидии и Розы. Я думал, что впадина находилась на высоте верхней наружной части их правого бедра. Ла Горда объяснила, что тогда я пнул в углубление их второго внимания и что я чуть не убил их.

По словам Ла Горды, она с Хосефиной в течение нескольких месяцев жила в доме Зулейки. Нагваль Хуан Матус однажды передал их ей, после того, как сменил уровни их осознания. Он не говорил им, что они будут там делать и чего ожидать, а просто оставил их одних в гостиной ее дома и ушел. Они сидели там, пока не стемнело. Тогда к ним пришла Зулейка. Они никогда не видели ее, только слышали ее голос, как будто она говорила с ними из

какой-то точки на стене.

Зулейка была очень требовательна с того момента, как приняла руководство. Она приказала им раздеться и залезть в толстые ватные пушистые мешки, лежащие на полу. Эти мешки покрывали их от кончиков пальцев на ногах до шеи. Затем она велела им сесть на циновки спиной к спине, в том же алькове, где обычно сидел и я. Она сказала им, что их задача — глядеть в темноту, пока та не начнет окрашиваться. После многих сеансов они действительно начали видеть в темноте цвета. С этого момента Зулейка заставляла их день ото дня сидеть бок о бок и смотреть в одну точку.

Ла Горда сказала, что Хосефина училась очень быстро. Однажды ночью она вошла в оранжево-красное пятно, физически исчезнув из мешка. Ла Горда думала, что или Хосефина дотянулась до пятна света, или оно дотянулось до нее. В результате Хосефина мгновенно исчезла. С этого момента Зулейка разделила их, и Ла Горда начала свое медленное обучение в одиночестве.

Рассказ Ла Горды напомнил мне, что Зулейка и меня заставляла влезать в пушистые одеяния. Команды, которые она применяла, чтобы заставить меня забраться внутрь, открыли мне разумность такого использования мешка. Она говорила, чтобы я почувствовал его пушистость своей кожей, особенно кожей икр. Она вновь и вновь повторяла, что человеческие существа имеют великолепный чувствительный центр на наружной стороне икр, и если кожу на этом месте заставить расслабиться или нежно погладить ее, то объем нашего восприятия увеличивается намного больше, чем это было бы достижимо при помощи рассудка. Мешок был мягким и теплым и производил впечатление необычайно приятного расслабления в ногах. Активность нервных окончаний в моих икрах существенно повысилась.

Ла Горда рассказала о таких же ощущениях физического удовольствия. Она даже добавила, что сила такого мешка помогла ей найти пятно оранжево-красного цвета. Это одеяние произвело на нее такое впечатление, что она сшила такой же мешок, но его эффект был гораздо ниже, хотя и ее самоделка давала ей блаженное спокойствие и хорошее самочувствие. Она сказала, что они с Хосефиной все свое свободное время проводили, как правило, в таких мешках, сшитых ею им обоим.

Лидию и Розу тоже помещали в такое одеяние, но оно им никогда не

нравилось. Точно так же, как и мне.

Ла Горда сказала, что привязанность ее и Хосефины к таким мешкам была прямым следствием того, что они нашли свой цвет, находясь внутри мешков. По ее мнению, причина моего безразличия к нему состояла в том, что я вообще не входил в цветовую точку — скорее, она приходила ко мне. Она была права. Что-то еще помимо голоса Зулейки определяло исход этой подготовительной фазы. По всем данным, Зулейка вела меня по тому же пути, что и Ла Горду с Хосефиной. В течение многих сеансов я смотрел в темноту и был готов визуализировать цветовое пятно. Я даже был свидетелем всей метаморфозы от однородной темноты до четко очерченного пятна интенсивной яркости. А затем меня уносило в сторону появления щекотки, на которой я вынужденно фокусировал внимание, пока не входил в фазу спокойного бодрствования. Именно тогда я впервые погрузился в оранжево-красное пятно.

После того, как я научился оставаться в промежуточном состоянии между бодрствованием и сном, Зулейка, казалось, ослабила свой напор. Я даже решил, что она не торопится выводить меня из этого состояния. Она оставляла меня в нем, не вмешиваясь, и никогда не спрашивала меня о нем, возможно потому, что ее голос предназначался только для руководящих указаний, а не для вопросов. Мы действительно никогда не общались, по крайней мере не общались так, как я беседовал с доном Хуаном.

Находясь в состоянии спокойного бодрствования, я однажды понял, что мне бесполезно оставаться там, поскольку ограничения были очевидными. Затем я почувствовал дрожь в теле и открыл глаза, вернее, мои глаза открылись сами. На меня смотрела Зулейка. Я испытал момент замешательства. Я думал, что проснулся, и вовсе не ожидал увидеть Зулейку во плоти, ибо привык слышать только ее голос. Меня удивило также, что ночь прошла. Я огляделся вокруг. Мы находились не в доме Зулейки. Тут до меня внезапно дошло, что я был в сновидении, в нем же и проснулся.

После этого Зулейка принялась за другую часть своего учения. Она начала учить меня двигаться. Прежде всего она скомандовала, чтобы я поместил свое осознание в среднюю точку тела; у меня эта точка находилась ниже среднего края пупка. Она сказала, чтобы я подметал им пол, то есть делал качающиеся движения, как если бы к животу была прикреплена метла. В течение

бесчисленных сеансов я пытался выполнить то, что приказывал мне ее голос. Она не позволяла мне погружаться в состояние спокойного бодрствования, ее намерением было привести меня к ясному восприятию подметания пола своей средней точкой, пока я нахожусь не в сновидении. Она сказала, что пребывание на левой стороне осознания — достаточное преимущество для того, чтобы хорошо выполнять это упражнение.

Однажды, по непонятной для меня причине, мне удалось почувствовать смутное ощущение в области живота. Это не было чем-то определенным, а когда я сфокусировал на этом свое внимание, то понял, что это мягкое покалывание имеет место не точно в моем животе, а чуть повыше его. Чем внимательнее я это исследовал, тем больше деталей замечал.

Расплывчатость ощущений вскоре сменилась определенностью. Между нервозностью и покалыванием, с одной стороны, и солнечным сплетением и правой икрой, с другой стороны, существовала странная связь.

Когда это ощущение стало более острым, я непроизвольно прижал правое колено к груди. Таким образом, эти две точки сблизились настолько, насколько позволяла анатомия. Секунду меня трясло от необычайной нервозности, а затем я ясно почувствовал, что подметаю пол своей средней точкой. Это было тактильное ощущение, которое возвращалось вновь и вновь, как только я начинал раскачивать свое тело в сидячем положении.

Во время следующего сеанса Зулейка позволила мне войти в состояние спокойного бодрствования. На этот раз оно было не совсем таким, как обычно. Во мне, казалось, присутствовал своего рода контроль, мешавший мне свободно наслаждаться этим состоянием, что я делал прежде, — контроль, заставивший меня сосредоточиться на шагах, предпринятых мною для того, чтобы в это состояние войти. Сначала я ощутил щекотку в точке своего второго внимания на моей светящейся оболочке. Я промассировал эту точку, двигая пальцами так, будто играю на лютне, и точка опустилась к моему животу.

Я ощущал это как прикосновение рук к своей коже. Затем я ощутил мягкое покалывание на наружной части икры. Это была смесь удовольствия и боли. Ощущение распространилось по всей ноге, а затем по нижней части спины. Я чувствовал, как дрожат мои ягодицы. Все тело было охвачено нервной

дрожью. Мне казалось, что мой лоб и кончики пальцев на ногах вошли в соприкосновение. Я был похож на подкову со сведенными вместе концами. Затем я почувствовал, что меня как бы сложили вдвое и закатали в простыню. Нервные спазмы как бы заставляли простыню скатываться в рулон, со мной в его середине. Когда закатывание закончилось, я уже больше не мог ощущать своего тела. Я превратился в простое аморфное осознание, нервный спазм, обернутый вокруг себя. Осознание успокоилось в нише внутри самого себя.

Тут я понял невозможность описать все то, что происходит в сновидении. Зулейка сказала, что правая и левая стороны осознания сворачиваются вместе. И то, и другое успокаивается в едином клубке, вдавленном в центр второго внимания. Для того, чтобы совершить сновидение, нужно манипулировать как светящимся, так и физическим телом. Во-первых, центр концентрации второго внимания должен быть сделан доступным благодаря тому, что он будет вдавлен кем-то снаружи или втянут самим сновидящим. Во-вторых, для того, чтобы отделить первое внимание от второго, центры физического тела, расположенные в средней точке и в икрах, должны быть активизированы и сдвинуты как можно ближе один к другому, пока не окажутся слитыми. Тогда возникает ощущение скатанности в клубок, и автоматически верх берет второе внимание.

Объяснения Зулейки, дававшиеся в виде команд, были наиболее подходящими для описания происходящего, потому что ни одно из сенсорных ощущений, имеющих место в сновидении, не является частью нашего нормального опыта сенсорных ощущений. Все они приводили меня в замешательство. Источник щекочущего, покалывающего ощущения был локализован, поэтому беспокойство от его чувствования было минимальным. С другой стороны, ощущение накручивания на самого себя было гораздо более беспокоящим. Сюда входил целый комплекс ощущений, приводивших тело в шоковое состояние. Я был убежден, что в один из моментов кончики пальцев моих ног касались лба, — но я знал, что принять эту позу я физически не в состоянии. В то же время я знал совершенно несомненно, что находился внутри сетки, вися вниз головой, как груша, с пальцами ног, прижатыми ко лбу, хотя в физическом плане я сидел, прижав колени к груди.

Зулейка сказала также, что ощущение скатанности в сигару и помещения во впадину второго внимания было результатом соединения левого и правого осознания, при котором порядок доминирования переключается и ведущее

положение занимает левая сторона. Она призывала меня быть достаточно внимательным, чтобы заметить обратный переход, когда оба внимания занимают свои старые места и верх берет опять первое.

Я ни разу не уловил того чувства, о котором шла речь, но ее призыв настолько захватил меня, что я, как парализованный, застрял в своих попытках удерживать наблюдение за всем сразу. Она была вынуждена отменить свое распоряжение, велев мне отказаться от этой скрупулезности, так как у меня есть еще много других дел.

Зулейка сказала, что прежде я должен достичь совершенства в движениях по своему желанию, произвольно. Свои инструкции она начинала с того, что вновь и вновь приказывала мне открывать глаза в то время, когда я пребывал в состоянии спокойного бодрствования. Мне потребовалось много усилий, чтобы добиться этого. Однажды мои глаза внезапно открылись, и я увидел склонившуюся надо мной Зулейку. Я лежал, но не мог определить, где именно. Свет был исключительно ярким, как будто я находился прямо под электрической лампочкой, но не бил мне прямо в глаза. Я без всяких усилий мог смотреть на Зулейку.

Она приказала мне встать, применив для движения свою волю. Она сказала, что я должен толкнуть себя вверх средней частью своего тела, что у меня там имеются три толстых щупальца, которые я могу использовать как костыли, чтобы поднять свое тело.

Я всеми способами пытался подняться, но тщетно. У меня было ощущение отчаяния и физической тревоги, напоминающей ночные кошмары детства, в которых я не мог проснуться и в то же время был полностью бодрствующим, безуспешно пытаясь крикнуть.

В конце концов Зулейка заговорила со мной. Она сказала, что я должен придерживаться определенной последовательности и что совершенно глупо и неуместно робеть или приходить в возбуждение, как будто я имею дело с повседневным миром. Робость уместна только тогда, когда находишься в первом внимании. Второе же внимание является воплощением спокойствия. Она хотела, чтобы я повторно вызвал ощущение, которое у меня было, когда я «подметал пол» средней частью своего тела. Я подумал, что для этого мне надо сидеть. Без всяких размышлений я сел и принял ту позу, в которой у

меня впервые получилось такое ощущение. Что-то во мне переключилось, и я уже стоял. Я не мог представить себе, что я сделал, чтобы двинуться. Я подумал, что если начну все сначала, то смогу уловить последовательность. Как только у меня мелькнула мысль об этом, я уже лежал на земле. Встав вторично, я сообразил, что никаких протяженных процессов здесь не происходит и что для того, чтобы двигаться, я должен иметь намерение двигаться на очень глубоком уровне. Иными словами, для этого мне надо быть совершенно уверенным, что я хочу двигаться, или, пожалуй, точнее будет сказать, что я должен быть уверен, что мне нужно двинуться.

Как только я понял этот принцип, Зулейка заставила меня на практике освоить все вообразимые аспекты произвольных передвижений. Чем больше я практиковал их, тем яснее мне становилось, что сновидение фактически является разумным состоянием. Зулейка объяснила это так: во время сновидения правая сторона — разумное осознание — завернуто внутрь левостороннего осознания, для того, чтобы дать сновидящему возможность чувствовать трезвую рациональность, но воздействие рациональности должно быть минимальным и использоваться лишь как сдерживающий механизм, чтобы защитить сновидящего от эксцессов и эксцентричных поступков.

Следующий шаг состоял в необходимости научиться управлять телом сновидения. Еще в самый первый раз, когда я пришел к Зулейке, дон Хуан предложил, чтобы я зрительно запоминал детали веранды, пока сижу на ящике. Я послушно рассматривал веранду, иногда целыми часами. В доме Зулейки я всегда был один. Было такое впечатление, что в те дни, когда я бывал там, все куда-то уезжали или прятались, тишина и одиночество помогали мне, и я добился того, что отчетливо запомнил все детали веранды.

Соответственно Зулейка поставила передо мной задачу открывать глаза, когда я нахожусь в состоянии спокойного бодрствования, и видеть веранду. Чтобы выполнить это, понадобилось много сеансов. Сначала я открывал глаза и видел Зулейку; тогда она рывком отбрасывала меня назад, словно я был мячиком, в состояние спокойного бодрствования. При одним из таких возвращений я ощутил интенсивную дрожь. Что-то из моих ног будто бы пробралось внутрь, и я его выкашлял. Сцена веранды ночью внезапно появилась передо мной, как будто вылетев из моего горла в сопровождении звука, подобного рычанию зверя.

Я услышал, как голос Зулейки долетел до меня, подобно слабому шепоту. Я не мог понять, что она говорит. Мельком я заметил, что сижу на ящике. Я хотел встать, но почувствовал, что во мне нет телесности. Как будто ветер может вот-вот унести меня. Затем я отчетливо услышал, как Зулейка велит мне не двигаться. Я попытался оставаться неподвижным, но какая-то сила толкнула меня. Я проснулся в алькове гостиной. На меня смотрел Сильвио Мануэль.

После каждого сеанса сновидения с Зулейкой дон Хуан ожидал меня в совершенно темном зале. На этот раз там находился Сильвио Мануэль. Не говоря ни слова, он поместил меня в корсет и поднял к притолоке. Я провисел там до полудня, пока дон Хуан не пришел спустить меня на пол. Он сказал, что пребывание в подвешенном состоянии, без соприкосновения с полом, настраивает тело и что это необходимо перед опасными путешествиями, вроде того, что ожидает меня.

Потребовалось много сеансов сновидения, чтобы я научился, открывая глаза, видеть или Зулейку, или неосвещенную веранду. К тому времени я понял, что она и сама бывала только в сновидении. Она никогда не присутствовала лично позади меня в алькове. В ту первую ночь я был прав, когда считал, что моя спина упирается в стену. Зулейка была просто голосом из сновидения.

Во время одного из сеансов сновидения, когда я открыл глаза, ожидая увидеть Зулейку, я был потрясен, увидев рядом с собой Ла Горду с Хосефиной. Затем начался последний этап ее обучения. Зулейка учила нас троих путешествовать вместе с ней. Она сказала, что наше первое внимание привязано к эманациям земли, тогда как второе — к эманациям вселенной. При этом она имела в виду, что сновидящий уже по природе своей находится вне всего, что касается повседневной жизни. Итак, последней задачей Зулейки было так настроить второе внимание Ла Горды, Хосефины и меня, чтобы мы могли следовать за ней в ее путешествие в неизвестное.

Во время последующих сеансов голос Зулейки сказал мне, что ее «одержимость» приведет меня на встречу с ней, что когда дело касается второго внимания, одержимость сновидящего служит проводником, что ее одержимость сфокусирована на определенном месте за пределами этой Земли. Оттуда она собирается позвать меня, а я должен использовать ее голос как путеводную нить, которая поведет меня.

В течение двух сеансов ничего не происходило. Голос Зулейки становился все слабее и слабее, и я беспокоился, что не смогу за ней последовать. Она не сказала мне, что надо делать. Я испытывал необыкновенную тяжесть. Я не мог разорвать окружающую меня связывающую силу, мешавшую мне выйти из спокойного бодрствования.

Во время третьего сеанса я внезапно открыл глаза, не приложив к этому никакого усилия. На меня смотрели Зулейка, Ла Горда и Хосефина. Я стоял рядом с ними. Я сразу же заметил, что мы находимся в каком-то незнакомом месте. Прежде всего в глаза бросился очень яркий непрямой свет. Все вокруг было залито белым мощным «неоновым» светом. Зулейка улыбалась, приглашая нас оглядеться. Ла Горда и Хосефина, казалось, пребывали в таком же замешательстве, как и я. Они украдкой бросали взгляды на меня и Зулейку.

Зулейка сделала нам знак подвигаться. Мы стояли на открытом месте в центре полыхающего огнем круга. Грунт казался твердым, однако он отражал очень много слепящего белого света, лившегося сверху. Странным было то, что я, понимая, что свет слишком ярок и интенсивен для моих глаз, не был ослеплен, когда поднял голову и посмотрел на его источник. Это было солнце. Я смотрел на солнце, которое, может быть, из-за того, что я находился в сновидении, выглядело интенсивно белым.

Ла Горда с Хосефиной тоже смотрели на солнце, очевидно, безо всякого вреда для себя. Внезапно меня охватил испуг. Свет был чужим для меня. Это был безжалостный свет; он, казалось, нападал на нас, создавая ветер, который я мог ощущать. Однако тепла я не чувствовал. Я считал этот свет вредным. Ла Горда, я и Хосефина одновременно бросились к Зулейке и сгрудились возле нее, как перепуганные дети. Она придержала нас, а затем белый пылающий свет постепенно начал терять свою интенсивность, пока не исчез совсем. Вместо него все теперь оказалось залитым очень приятным слабым желтоватым светом.

Тут я осознал, что мы находимся уже в ином мире. Грунт имел цвет мокрой терракоты. Гор не было. Но и равниной местность, в которой мы находились, назвать было нельзя. Все вокруг нас казалось застывшим бурным терракотовым морем. Повсюду я мог видеть одно и то же, как если бы находился в центре этого безбрежья. Я взглянул вверх. Небо уже не было

безумно палящим. Оно было скорее темным, чем синим. На горизонте зависла лучистая звезда. Тут мне стало ясно, что мы находимся в мире с двумя солнцами, двумя звездами. Одна из них была огромной и только что скрылась за горизонтом, вторая — поменьше и, вероятно, более отдаленная.

Я хотел задавать вопросы, пройтись по окрестностям, посмотреть, что тут есть еще. Зулейка сделала нам знак расслабиться и терпеливо ждать. Но что-то, казалось, подталкивало нас. Внезапно Ла Горда и Хосефина исчезли, а затем я проснулся.

С тех пор я больше не ездил в дом Зулейки. Дон Хуан смещал мне уровни осознания у себя дома или там, где мы находились, и я входил в сновидение. Зулейка, Ла Горда и Хосефина всегда ждали меня. Мы вновь и вновь отправлялись в то неземное место, пока хорошенько не познакомились с ним. Мы всегда старались попасть туда не во время дневного слепящего сияния, а ночью, чтобы следить за появлением над горизонтом колоссального небесного светила, столь величественного, что когда оно зависало над горизонтом, то закрывало чуть ли не половину полусферы нашего обзора. Небесное светило было чрезвычайно красивым, и его подъем над горизонтом представлял собой зрелище настолько захватывающее, что я мог оставаться там целую вечность, лишь бы только наблюдать его.

Это огромное светило в зените занимало почти весь небосвод. Чтобы наблюдать его, мы всегда ложились навзничь. Оно имело постоянную конфигурацию, и Зулейка научила нас распознавать ее. Я понял, что это не звезда. Его свет был отраженным, его поверхность скорее всего была матовой, потому что отраженный свет был очень мягким при таких колоссальных размерах. На его оранжево-желтой поверхности проступали громадные неизменяющиеся коричневые пятна.

Зулейка регулярно брала нас в эти сказочные путешествия. Ла Горда сказала, что Зулейка брала Хосефину еще дальше и глубже в неизвестное, потому что Хосефина, как и сама Зулейка, была немного безумной; ни одна из них не имела того ядра рассудительности, которое дает сновидящему трезвость — поэтому они не имели барьеров и интереса в поисках разумных причин чего бы то ни было.

Единственное, что мне сказала Зулейка о наших путешествиях (и это

прозвучало как объяснение), что данная сила сновидения — фокусироваться на своем внимании — превращает их в живые гарпуны. Чем сильнее и безупречнее сновидящий, тем дальше он может проецировать свое второе внимание в неизвестное и тем дольше продлится его проекция сновидения.

Дон Хуан сказал, что мои путешествия с Зулейкой не были иллюзией и что все, что я с ней делал, являлось шагами к контролю над вторым вниманием. Зулейка обучала меня особенностям восприятия иного мира. Он, однако, не мог объяснить точной природы этих путешествий, а может быть, не хотел. Он говорил, что если попытаться объяснить особенности восприятия второго внимания в терминах первого внимания, то лишь безнадежно запутаешься в словах. Он хотел, чтобы я сам пришел к определенному выводу, и чем больше я обо всем этом размышлял, тем яснее мне становилось, что он совершенно прав.

Под руководством Зулейки во время ее инструктажа по второму вниманию я совершал посещения мест, которые были загадками явно за пределами возможностей моего разума, но столь же явно в пределах возможностей моего полного осознания. Я научился путешествовать во что-то непонятное и закончил тем, что мог сам, как Эмилито и Хуан Тума, рассказывать собственные «легенды вечности».

Глава 14. Флоринда

Мы с Ла Гордой пришли к полному согласию относительно того, что, когда Зулейка обучила нас тонкостям сновидения, мы приняли как безоговорочный факт: правило — это карта, в нас скрыто другое осознание и есть возможность входить в это другое осознание. Дон Хуан выполнил предписание правила.

Согласно правилу, на следующем этапе ему следовало познакомить меня с Флориндой, единственной из женщин-воинов, кого я еще не встречал.

Дон Хуан сказал, что в ее дом я должен войти сам, без него, потому что все, что произойдет между мной и Флориндой, никого другого не касается. Он добавил, что Флоринда будет моим личным гидом, как если бы я был таким же Нагвалем, как и он. У него были такие же отношения с женским воином из партии его бенефактора, соответствовавшим Флоринде.

Однажды дон Хуан оставил меня у дверей дома Нелиды, велев мне войти и сказав, что внутри меня ждет Флоринда.

— Горд и счастлив познакомиться с Вами, — сказал я женщине, открывшей дверь.

— Я — Флоринда, — ответила она.

Мы молча смотрели друг на друга. Я был поражен. Мое осознание стало необычайно острым, никогда прежде я не испытывал подобного чувства.

— Красивое имя, — только и смог сказать я, желая сказать больше.

Мягкое и протяженное произношение испанских гласных делало ее имя текучим и звонким, особенно «и». Имя не было редким, просто я никогда не встречал никого, кто был бы самой сущностью своего имени. Стоявшая передо мной женщина подходила к этому имени, как будто его придумали специально для нее, или как если бы она сама подобрала себе личность под это имя.

Внешне она выглядела копией Нелиды, разве что казалась более уверенной в себе, более могущественной. Она была довольно высокой и худощавой, с оливковым оттенком кожи, как у жителей Средиземноморья. Испанка или, может быть, француженка. Она была немолода, но без всяких следов увядания. Ее тело казалось гибким и подтянутым. Длинные ноги, угловатые черты лица, маленький рот, красивой формы нос, темные глаза и светлые волосы. Никаких складок, никаких морщин на лице. Она выглядела так, как будто притворялась старой.

Когда я впоследствии вспоминал об этой встрече, мне пришло в голову нечто совершенно постороннее, но уместное здесь. Однажды я видел в газете двадцатилетней давности фотографию молодой голливудской актрисы, снятой в роли женщины на двадцать лет старше ее. Рядом с этим снимком был

помещен современный, зафиксировавший облик актрисы после двадцати лет нелегкой жизни. Флоринда напоминала первую фотографию этой актрисы — молодую женщину, игравшую роль пожилой.

— Ну и что мы имеем, — сказала она, осматривая меня. — Судя по твоему виду, негусто. Мягкий. Окружил себя самозащитой до мозга костей, вне всякого сомнения.

Ее прямота напомнила мне дона Хуана, так же, как и внутренняя жизнь ее глаз. Вспоминая о встречах с доном Хуаном на протяжении всех этих лет, я не могу вспомнить ни единого случая, когда бы его глаза выглядели напряженными. В них нельзя было заметить никакого возбуждения. Это не значит, что глаза его были красивы внешне. Я видел немало красивых глаз, о которых, тем не менее, нечего было сказать, кроме того, что они красивы. Глаза же Флоринды, как и глаза дона Хуана, вызывали у меня ощущение, что они были свидетелями всего, чему только можно быть свидетелями; они были умиротворенными, но не безразличными. Казалась, что ее природный темперамент был как бы упрятан внутрь, со временем превратившись во что-то такое, что я мог бы назвать только внутренней жизнью.

Флоринда провела меня через жилую комнату и дальше, на крытую веранду. Мы сели в удобные мягкие кресла. Ее глаза, казалось, что-то искали на моем лице.

— Знаешь ли ты, кто я и что я должна для тебя сделать? — спросила она.

Я сказал, что все, что мне известно об этом, не выходит за рамки рассказанного мне доном Хуаном. Обращаясь к ней, я назвал ее доньей Флориндой.

— Не называй меня доньей Флориндой, — сказала она с детским жестом неудовольствия и раздражения. — Я еще не настолько стара и даже не настолько респектабельна.

Я поинтересовался, как же мне к ней обращаться.

— Можно просто Флоринда. Относительно того, кто я такая, могу рассказать тебе прямо сейчас — я женский воин, знающий секреты сталкинга. А

относительно того, что я должна для тебя сделать, могу сказать — я собираюсь научить тебя первым семи принципам сталкинга, первым трем принципам правила для сталкеров и первым трем маневрам сталкинга.

Затем она добавила, что для каждого воина является нормальным все забывать, когда взаимодействия осуществляются на левой стороне, и что требуются годы, чтобы потом возвратиться к тому, чему она собирается меня учить. Она сказала, что ее инструктаж — только начало, но что когда-нибудь она закончит мое обучение, но уже при других обстоятельствах.

Я спросил, не будет ли она возражать, если я начну задавать вопросы.

— Делай что хочешь, — сказала она. — Все, что мне от тебя требуется, — твое согласие на практику. В конце концов тебе известно все, что мы собираемся обсуждать. Твоим недостатком является неуверенность в себе и то, что ты не хочешь признавать свое знание силой. Нагваль, будучи мужчиной, слишком подавлял тебя. Ты не можешь действовать самостоятельно. Только женщина может освободить тебя от этого.

Начну с того, что расскажу тебе историю своей жизни, и по ходу дела тебе многое станет ясно. Мне придется рассказывать по частям, поэтому ты будешь приходить сюда довольно часто.

Ее явное желание поведать мне свою биографию поразило меня как не соответствующее сдержанности всех остальных относительно своей личной жизни. После многих лет общения с ними я безоговорочно перенял у них это правило, и теперь ее добровольное желание поделиться со мной интимными подробностями ее жизненных странствий было совершенно мне непонятно. Такое заявление сразу же насторожило меня.

— Прости, — сказал я, — неужели ты действительно собираешься рассказать мне свою личную историю?

— А почему бы и нет? — ответила она вопросом на вопрос.

Я разразился длинным обстоятельным пояснением на тему того, что дон Хуан говорил мне об обволакивающей силе личной истории и о том, что каждому воину необходимо стереть ее. Сказал и то, что он запретил мне когда-либо

говорить о моей жизни.

Она звонко расхохоталась, как будто я ее чем-то очень обрадовал.

— Это относится только к мужчинам, — сказала она. — Неделание твоей личной жизни состоит в рассказывании бесконечных историй, в которых нет ни единого слова о тебе реальном. Видишь ли, быть мужчиной означает иметь за спиной солидную историю. У тебя есть семья, друзья, знакомые, и у каждого из них есть определенное представление о тебе. Быть мужчиной означает, что ты должен отчитываться, ты не можешь исчезнуть так просто. Для того, чтобы исчезнуть, тебе понадобилась уйма труда. Мой случай иной. Я женщина, и это дает мне замечательное преимущество. Мне не надо отчитываться. Известно ли тебе, что женщинам не надо отчитываться?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду под необходимостью отчитываться.

— Я хочу сказать, что женщина может легко исчезнуть, — сказала она. — Во всяком случае, женщина может выйти замуж, она принадлежит мужу. В семье, где много детей, дочерей очень рано сбрасывают со счетов, никто не рассчитывает на них, и есть шансы, что какая-нибудь из них исчезнет, не оставив следа. Их исчезновение воспринимается легко. Сын же, с другой стороны, — это некто, на кого делается ставка. Сыну не так легко ускользнуть и исчезнуть. И даже если он это сделает, он оставит после себя следы. Сын чувствует вину за свое исчезновение, дочь — нет.

Когда Нагваль учил тебя держать язык за зубами относительно твоей личной жизни, он хотел помочь тебе преодолеть чувство, будто ты плохо поступил по отношению к своей семье и друзьям, которые так или иначе рассчитывали на тебя. После целой жизни борьбы воин-мужчина, конечно, стирает себя. Но эта борьба не проходит для него даром. Он становится скрытным, он всегда на страже самого себя. Женщине же не приходится преодолевать эти трудности. Женщина всегда готова раствориться в воздухе. Более того, именно этого от нее и ожидают.

Поскольку я — женщина, я не склонна к скрытности. Мне до нее нет дела. Скрытность — это та цена, которую вам, мужчинам, приходится платить за то, что вы имеете значение для общества. Это борьба только для мужчин, потому что они не хотят стирать себя и находят разные смешные способы, чтобы

как-нибудь выделиться. Возьми, например, себя. Ты повсюду разъезжаешь и читаешь лекции.

Интереснейшим образом Флоринда заставила меня нервничать. В ее присутствии я чувствовал странное беспокойство. Я без колебаний признавал, что дон Хуан и Сильвио Мануэль вгоняют меня в нервную дрожь, но то было совсем другое чувство. Фактически я боялся их, особенно Сильвио Мануэля. Он ужасал меня, но я научился уживаться со своим ужасом.

Флоринда же меня не пугала. Моя нервозность скорее была следствием моей раздраженности, опаски по отношению к ее духовной живости. Она не смотрела на меня столь пристально, как это делали дон Хуан и Сильвио Мануэль. Те всегда фиксировали на мне свой взгляд, пока я не отводил глаза в знак покорности. Флоринда только поглядывала на меня. Ее взгляд постоянно переходил с одного объекта на другой. Она, казалось, рассматривала не только глаза, но и каждый участок моего лица и тела. Разговаривая, она бросала быстрые взгляды то на мое лицо, то на руки, то на свои ноги, то на потолок.

— Я вызываю у тебя чувство неловкости, да? — спросила она.

Ее вопрос застал меня врасплох. Но ее тон не был угрожающим, и я засмеялся.
— Да, — сказал я.

— О! Это совершенно понятно, — сказала она. — Ты привык быть мужчиной. Женщина для тебя — нечто, созданное для твоего удобства. Женщина для тебя глупа. А тот факт, что ты мужчина и Нагваль, еще больше все осложняет.

Я почувствовал необходимость защищаться. Я подумал, что эта дама слишком скора в своих суждениях, и собрался было высказать ей это. Я начал длинную фразу, но споткнулся почти немедленно, услышав ее смех. Это был веселый молодой смех. Дон Хуан и дон Хенаро все время смеялись надо мной, и их смех был таким же молодым, но у Флоринды была иная вибрация. В ее смехе не было спешки, не было давления.

— Я думаю, нам лучше войти внутрь, — сказала она, — там нас ничто не будет отвлекать. Нагваль Хуан Матус уже водил тебя повсюду, показывая мир. Это было важно для того, что он должен был тебе говорить. Я должна говорить о

вещах, которые требуют иной обстановки.

Мы сели на кожаную кушетку в нише у веранды. В помещении я чувствовал себя лучше. Она сразу начала рассказывать о своей жизни.

Она сказала, что родилась в довольно большом мексиканском городе в богатой семье, и поскольку она была единственным ребенком, родители баловали ее с самого рождения. Без малейшей ложной скромности Флоринда сказала, что всегда осознавала свою красоту, и добавила, что красота — это демон, который множится и процветает при наличии поклонения. Она заверила меня, что может без тени сомнения заявить, что одолеть этого демона труднее всего, и если я посмотрю вокруг на тех, кто красив, то обнаружу самых искалеченных существ, каких только можно вообразить.

Я не хотел с ней спорить, хотя мне очень хотелось сказать ей, что она несколько догматична. Должно быть уловив мое чувство, она подмигнула мне.

— Они искалечены, лучше не спорь, — продолжала она, — испытай их. Не соглашайся с их представлением о себе как о красивых и потому значительных, и сразу увидишь, что я имею в виду:

Она сказала, что вряд ли может винить своих родителей или саму себя за свое поведение. Все вокруг нее, словно сговорившись, с самого младенчества давали ей возможность чувствовать себя значительной и уникальной.

Затем она сообщила, что в отрочестве наслаждалась вниманием и связями с несколькими любовниками. В 18 лет она обстоятельно выбрала наилучшего мужа из одиннадцати серьезных поклонников и вышла замуж за Селестино, человека с большими средствами, старше ее на пятнадцать лет.

Свою замужнюю жизнь Флоринда описывала как рай на земле. К огромному кругу имевшихся у нее друзей добавились друзья Селестино, в результате получился большой непрекращающийся праздник.

Однако ее блаженство длилось только шесть месяцев, пролетевших незаметно. Все пришло к внезапному и жестокому концу, когда она заболела ужасной, загадочной, угрожающей болезнью. Ее левая стопа, икра и колено начали раздуваться, уничтожив прекрасные очертания ноги. Опухоль настолько

разрослась, что на ноге начала лопаться кожа. Вся нога ниже колена покрылась язвами и гнойными выделениями. Кожа отвердела, заболевание было диагностировано как слоновья болезнь. Доктора пытались облегчить ее состояние, но их попытки были неуклюжими и болезненными, и в конце концов решили, что только Европа, где медицинские центры более развиты, может ее исцелить.

Эти три месяца для Флоринды превратились в ад. В отчаянии она думала, что лучше умереть, чем продолжать такие мучения. Ее страдания были так трогательны, что однажды девушка-служанка, будучи не в силах выносить их, призналась ей, что была подкуплена прежней любовницей Селестино, чтобы подложить ей в пищу яд, приготовленный магами. Для искупления своей вины служанка пообещала отвести ее к знахарке, которая, по слухам, является единственным человеком, способным обезвредить яд.

Флоринда усмехнулась, вспомнив свои затруднения. Она была воспитана ревностной католичкой, не верила в колдовство и индейских знахарей. Однако боль была настолько сильна, а положение — так серьезно, что она была готова на все Селестино категорически возражал. Он хотел сдать служанку властям. Флоринда вмешалась — не столько из жалости, сколько из опасения, что в одиночку она не найдет знахарку.

Внезапно Флоринда встала. Она сказала, что мне пора уезжать, взяла за руку и проводила к двери, как если бы я был старым и дорогим другом. Она объяснила, что я выдохся, потому что находиться в левостороннем осознании — значит быть в особом и неустойчивом состоянии, пользоваться которым нужно с перерывами. Это, конечно, не состояние силы. Доказательством было хотя бы то, что я чуть не умер Сильвио Мануэль попытался подстегнуть мое второе внимание, заставляя меня смело входить в него. Она сказала, что на земле не существует такого способа, которым можно было бы кому-либо или самому себе приказать накапливать знания. Дело это медленное, тело в надлежащее время в принадлежащих обстоятельствах безупречности само ускоряет накопление знания, без вмешательства желания.

Некоторое время мы стояли у входной двери, обмениваясь тривиальными любезностями. Внезапно она сказала, что причина, по которой Нагваль Хуан Матус привел меня к ней, состоит в ее осведомленности и подходе к концу времени его пребывания на Земле. Две формы инструктажа, которые я должен

был получить в соответствии с искуснейшим планом Сильвио Мануэля, уже были завершены. Все, что осталось пока не сделанным, — это то, что она собирается мне сказать. Она подчеркнула, что в действительности это не совсем инструктаж, а скорее установление связи между нами.

В следующий раз дон Хуан привел меня к Флоринде и перед тем, как оставить у дверей, повторил мне то, что я уже от нее слышал, — что приближается время, когда он и его партия войдут в третье внимание. Не успел я задать ему вопрос, как он втолкнул меня внутрь дома. Его толчок перенес меня не только в дом, но и в мое самое острое состояние осознания. Я увидел стену тумана. Флоринда стояла в гостиной, как бы ожидая, когда дон Хуан втолкнет меня. Она взяла меня за руку и спокойно провела в жилую комнату. Я хотел начать разговор, но не мог говорить. Она объяснила, что толчок безупречного воина, подобного Нагвалю Хуану Матусу, может вызвать перемещение в другую область осознания. Она сказала, что я все время ошибался, считая, будто эта процедура важна сама по себе. Процедура вталкивания воина в другое состояние осознания применима только тогда, когда оба участника, и особенно толкающий, безупречны и обладают личной силой.

Тот факт, что я видел стену тумана, вызвал своеобразную физическую нервность — мое тело неудержимо дрожало. Флоринда сказала, что мое тело дрожит, потому что оно привыкло к активности во время нахождения в этом состоянии осознания, но что мое тело может научиться также фокусировать все самое острое внимание на том, что говорится, а не на том, что делается.

Она сказала, что введение в левостороннее осознание является своего рода ставкой на будущее. Заставляя меня входить в состояние повышенного осознания и позволяя взаимодействовать со своими воинами только тогда, когда я нахожусь в этом состоянии, Нагваль получает уверенность, что в будущем у меня будет ступенька, на которую я смогу встать. По мнению Флоринды, его стратегия состояла в выращивании небольшой части другого «я» с намеренным наполнением ее воспоминаниями о взаимодействиях. Это забудется, чтобы когда-нибудь впоследствии всплыть на поверхность и послужить отправной точкой для путешествия в неизмеримую безбрежность другого «я».

Поскольку я сильно нервничал, она предложила успокоить меня, продолжив рассказ о своей жизни, который в действительности являлся не историей ее

жизни в мире как женщины, а повествованием о том, как богатой, избалованной никчемности помогли стать воином.

Как только она решила навестить знахарку, остановить ее было уже нельзя. Она отправилась на носилках, которые несли четверо слуг-мужчин в сопровождении служанки в двухдневное путешествие, изменившее весь ход ее жизни. Дороги не было. Они шли по горам, и иногда мужчинам приходилось нести ее на спине.

К дому знахарки они прибыли в сумерках. Место было хорошо освещено, в доме находилось множество людей. Какой-то обходительный старик сообщил ей, что знахарка поехала лечить пациента и вернется через день. Этот человек, казалось, был прекрасно осведомлен о деятельности знахарки, и Флоринде было легко разговаривать с ним. Он был заботлив и признался, что он тоже пациент. Свою болезнь он описал как неизлечимое состояние, заставляющее его забывать весь мир. Они дружески проболтали допоздна. Старик был настолько внимателен, что даже уступил ей свою постель, чтобы она могла отдохнуть и подождать возвращения знахарки.

Наутро она проснулась от острой боли в ноге. Какая-то женщина двигала ее ногу, нажимая на нее кусочком отполированного дерева.

— Знахарка была очень симпатичной женщиной, — продолжала Флоринда. — Она взглянула на мою ногу и покачала головой, сказав: — «Я знаю, кто это сделал. Должно быть, ему хорошо заплатили, или же он убежден, что ты — совсем бесполезное человеческое существо. Как ты думаешь, какое из этих двух мнений вернее?»

Флоринда засмеялась. Она приняла тогда знахарку за сумасшедшую или грубую и невоспитанную бабу. Она представить себе не могла, чтобы кто-нибудь в мире мог поверить, будто она — бесполезное человеческое существо. Несмотря на испытываемую ею жуткую боль, она многословно дала понять этой женщине, что является богатой и важной персоной, посмеяться над которой никому и в голову не придет.

Флоринда сказала, что знахарка сразу изменила свое отношение к ней. Она как будто испугалась и начала обращаться к ней уважительно «мисси», встала со стула и выпроводила всех из комнаты. Когда они остались одни,

знахарка уселась Флоринде на грудь и перегнула ее голову через край кровати. Флоринда отбивалась, думая, что ее хотят убить. Она пыталась закричать, но знахарка, быстро накинула ей на голову одеяло и заткнула нос. Ей пришлось дышать открытым ртом, чтобы не задохнуться. Чем больше Флоринде сдавливали грудь, тем сильнее она открывала рот. Когда она поняла, что знахарка делает на самом деле, она уже выпила всю гадко пахнущую жидкость, содержавшуюся в большой бутылке, которую знахарка сунула ей в рот. Флоринда обратила внимание, что знахарка так хорошо манипулировала ею, что она даже не захлебнулась, хотя ее голова свисала с края кровати.

— Я выпила так много снадобья, что мне чуть не стало плохо. Она усадила меня и, не мигая, смотрела мне в глаза. Я хотела сунуть пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту. Она отхлестала меня по щекам, пока мои губы не стали кровоточить. Индеанка бьет меня по лицу! Разбивает губы в кровь! Ни отец, ни мать никогда меня пальцем не тронули. Мое изумление было так велико, что я забыла о неудобстве в желудке.

Она позвала моих людей и велела им нести меня домой. Затем наклонилась к самому моему уху.

— Если ты не вернешься через девять дней, ты, ишачья задница, раздуешься как жаба, и будешь умолять бога о смерти.

Флоринда сказала, что жидкость вызвала у нее в горле раздражение. Она не могла сказать ни слова. Это, однако, оказалось наименьшим из ее огорчений. Когда она добралась до дома, Селестино был уже вне себя, поджидая ее. Не имея возможности говорить, она могла лишь наблюдать за ним. Она заметила, что его злость никак не связана с огорчением из-за ее здоровья, она связана с высоким положением, которое он занимал в обществе. Он был не в состоянии перенести того, что его друзья могут узнать, что он обращался к индейским знахарям. Он был в ярости, вопя, что собирается подать жалобу армейскому начальству, взять солдат, поймать знахарку и привезти ее в город, чтобы ее отхлестали кнутами и бросили в тюрьму. Это не было пустой угрозой. Он действительно надавил на военное начальство, чтобы за знахаркой выслали отряд. Несколько дней спустя солдаты вернулись, сообщив, что женщина пропала.

Служанка успокоила Флоринду, сказав, что знахарка будет ждать ее, если вернется назад. Хотя воспаление в горле было таким сильным, что она не могла есть твердой пищи. Флоринда не могла дождаться дня, когда ей нужно будет навестить знахарку. Боль в ноге стала меньше!

Когда она сообщила Селестино о своих намерениях, он настолько разъярился, что нанял себе помощников, чтобы самолично положить конец этой чертовщине. С тремя верными людьми он отправься верхом впереди нее.

Когда Флоринда прибыла к дому знахарки, ожидая увидеть ее жертвой, она обнаружила Селестино, сидевшего в одиночестве. Он отправил своих людей в три ближайших селения, приказав привести знахарку силой. Флоринда увидела старика, встреченного ею здесь в прошлый раз. Он пытался успокоить ее мужа, уверяя, что кто-нибудь из ее посыльных обязательно вернется вместе с женщиной.

Как только Флоринду положили на крыльцо в переднем дворике, знахарка сразу вышла из дома. Она начала оскорблять Селестино, выкрикивая всякие обидные вещи, пока он не пришел в такую ярость, что бросился на нее с кулаками. Старик стал удерживать его и просить не трогать женщину. Он встал на колени, говоря, что это старая женщина. Селестино не обращал на это никакого внимания. Он сказал, что собирается отхлестать ее нагайкой, несмотря на ее возраст. Он подошел, чтобы схватить ее, но внезапно замер на месте. Шестеро страшного вида мужчин вышли из кустов, размахивая мачете. Страх приковал Селестино к месту. Он посерел. Знахарка подошла к нему и сказала, что либо он добровольно позволит отхлестать себя нагайкой по ягодицам, либо будет разрублен на куски ее помощниками. Несмотря на свою гордость, он покорно согласился, чтобы его наказали. За несколько секунд знахарка превратила его в беспомощного человека. Она смеялась ему в лицо, зная, что он бессилен. Он попался в ее ловушку, как беспечный дурак, каким он был, потеряв чувство реальности из-за преувеличенного представления о собственной значимости.

Флоринда взглянула на меня и улыбнулась. Немного помолчав, она продолжила:

— Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей

обстановки. Своей битвой с Селестино знахарка продемонстрировала мне первый принцип сталкинга. Затем она подошла к тому месту, где я лежала. Я плакала. Это было единственное, что я могла делать. Она, казалось, сочувствовала мне.

Подоткнув одеяло вокруг моих плеч, она улыбнулась и подмигнула мне.

— Дело еще не окончено, ишачья задница, — сказала она. — Возвращайся так быстро, как только сможешь, если хочешь жить, но не приводи больше с собой своего хозяина, ты, маленькая шлюшка. Приходи только с теми, кто абсолютно необходим.

По молчанию Флоринды я понял, что она ждет моих замечаний.

— Отбросить все, что не является необходимым, — вот второй принцип искусства сталкинга. — изрекла она, не дав мне раскрыть рта.

Ее рассказ так сильно захватил меня, что я не заметил, как исчезла стена тумана. Я просто осознавал, что ее больше нет. Флоринда поднялась со стула и повела меня к двери. Некоторое время мы постояли, как и после нашей первой встречи.

Флоринда сказала, что злость Селестино позволила знахарке указать ее телу, а не рассудку, первых три предписания для сталкера. Несмотря на то, что ее ум был полностью сфокусирован на ней самой, поскольку для нее не существовало ничего, кроме ее физической боли и страха утратить свою красоту, ее тело все же запомнило все случившееся и в дальнейшем нуждалось лишь в напоминании, чтобы расставить все по своим местам.

— Для воина мир не является подушкой, чтобы смягчать толчки, поэтому он должен иметь правила, — продолжала она. — Однако правило сталкеров приложимо ко всем.

Раздражение Селестино стало началом его развенчания и началом моего инструктажа по освобождению. Его собственная значительность, бывшая в такой же степени и моей, заставляла нас обоих верить в то, что мы практически превыше всех в мире. Знахарка же свела нас к тому, чем мы и были в действительности, — к нулю.

Первое предписание правила состоит в том, что все, окружающее нас, является непостижимой тайной.

Второе предписание правила состоит в том, что мы должны пытаться раскрыть эту тайну, даже не надеясь добиться этого.

Третье предписание состоит в том, что воин, зная о непостижимой тайне окружающего мира и о своем долге пытаться раскрыть ее, занимает свое законное место среди тайн и сам себя рассматривает как одну из них. Следовательно, воин не знает конца тайны бытия, будь то тайна бытия камешка, муравья или его самого. В этом заключается смирение воина. Каждый равен всему остальному. Последовало длительное вынужденное молчание. Флоринда улыбнулась, играя кончиком своей косы. Она сказала, что с меня довольно.

Когда мы в третий раз приехали к Флоринде, дон Хуан не оставил меня у дверей, а вошел вместе со мной. Все члены его партии собрались в этом доме и приветствовали меня, как будто я возвратился после долгого путешествия. Это было исключительное событие. Оно соединило Флоринду со всеми нами, поскольку она впервые находилась с ними в моем присутствии.

Когда я на следующий раз пришел к Флоринде, дон Хуан неожиданно толкнул меня, как он делал это раньше. Мое потрясение не знало границ. Флоринда ожидала меня в гостиной. Я мгновенно вошел в то состояние, когда видна стена тумана.

— Я рассказывала тебе, как мне показали принципы искусства сталкинга, — сказала она, как только мы уселись на кушетке в ее жилой комнате. — Теперь ты должен сделать то же самое для меня. Как их тебе показывал дон Хуан Матус?

Я ответил, что сразу вспомнить не могу. Мне нужно подумать, а думать-то я и не могу — мое тело испугано.

— Не усложняй, — сказала она командным голосом, — стремись к тому, чтобы все было простым. Приложи всю свою имеющуюся у тебя сосредоточенность и реши, вступать или не вступать в битву, потому что любая битва — это борьба

за собственную жизнь. Это — третий принцип искусства сталкинга. Воин должен хотеть и быть готовым стоять до конца здесь и сейчас. Но не как попало.

Я просто не мог собраться с мыслями. Я прилег на кушетку, вытянув ноги, и глубоко вздохнул, чтобы расслабить середину тела, которая, казалось, была завязана в узел.

— Хорошо, — сказала Флоринда, — я вижу, ты применяешь четвертый принцип искусства сталкинга. Расслабься, отступись от себя, ничего не бойся. Только тогда силы, ведущие нас, откроют нам дорогу и помогут нам. Только тогда.

Я попытался вспомнить, как дон Хуан показывал мне принципы сталкинга. По какой-то необъяснимой причине мои мысли отказывались сосредоточиться на моем прежнем опыте. Дон Хуан представлялся в очень смутном воспоминании. Я поднялся и стал осматриваться по сторонам.

Комната, в которой мы находились, была хорошо обставлена. Пол покрывали желтые плитки. В их расположении чувствовалась рука мастера. Я собирался осмотреть мебель и пошел в направлении красивого темно-коричневого стола. Флоринда подбежала и сильно встряхнула меня.

— Ты правильно применил пятый принцип искусства сталкинга. — сказала она. — Теперь не давай себе уйти в сторону.

— Что это за пятый принцип? — спросил я.

— Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с ним делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-нибудь другим. Тут годится все, что угодно.

Ты сделал как раз это, а теперь, когда ты это совершил, тебе следует применить шестой принцип: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда — это вечность, вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

Внезапно шквал воспоминаний ворвался в мое сознание. Я возбужденно сказал Флоринде, что, конечно же, могу вспомнить, когда дон Хуан впервые ознакомил меня с этими принципами. Флоринда приложила палец к губам, требуя этим жестом молчания. Она сказала, что была только заинтересована свести меня лицом к лицу с принципами, но не хочет, чтобы я делился с ней своими воспоминаниями.

Флоринда продолжила свое повествование. Она сказала, что знахарка велела ей еще раз прийти к ней без Селестино и дала выпить состав, который почти мгновенно уменьшил ее боль. Затем она прошептала, что Флоринда должна сама принять мгновенное решение, что она должна занять свой ум чем угодно, но как только решение будет принято, ей не следует терять ни секунды.

Дома она заявила о своем желании вернуться назад. Селестино ничего возразить не мог, потому что ее решимость была непоколебима.

— Почти сразу я отправилась к знахарке, — продолжала Флоринда. — На этот раз мы ехали на лошадях. Я взяла с собой своих доверенных слуг: служанку, давшую мне яд, и мужчину, чтобы присматривать за лошадьми. При переходе через эти горы нам пришлось нелегко. Лошади нервничали из-за запаха моей ноги. Сама того не сознавая, я применила третий принцип искусства сталкера.

Я подвела свою жизнь или то, что от нее осталось, к новому рубежу. Я хотела и была готова умереть. Для меня это не было таким уж большим решением, потому что я и так умирала. Правильно говорят, что когда умираешь и уже наполовину мертв, как в моем случае, и когда это приносит скорее неудобство, чем боль, появляется склонность к лени и слабости, исключающим какое бы то ни было усилие.

Я оставалась в доме знахарки в течение шести дней. Уже на второй день я чувствовала себя лучше. Опухоль начала спадать. Выделения из ноги прекратились. Боль стихла, и только когда я пыталась ходить, чувствовалась слабость в коленях.

На шестой день она взяла меня в свою комнату и была очень заботлива со мной. Оказывая всяческое внимание, она усадила меня на постель и подала кофе. Сама она уселась на полу у моих ног лицом ко мне. Сказанное ею я могу вспомнить дословно: «Ты очень больна, и только я могу тебя вылечить. Если я

этого не сделаю, ты умрешь такой смертью, что и представить себе невозможно. Поскольку ты глупа, ты предпочтешь горький конец. С другой стороны, я могу вылечить тебя в один день, но не сделаю этого. Ты будешь приходить сюда до тех пор, пока не поймешь того, что я тебе показываю. Только тогда я излечу тебя полностью. Если я сделаю иначе, то ты, будучи глупой, никогда сюда не придешь».

Знахарка с огромным терпением объяснила ей нюансы своего решения помочь ей, но Флоринда не поняла ни слова. Эти подробности заставили ее еще больше увериться в том, что знахарка несколько не в себе.

Когда знахарка сообразила, что до Флоринды ничего не доходит, она стала более суровой и заставляла ее повторять, как ребенка, что без помощи знахарки ее жизнь закончена и что она, знахарка, может прекратить лечение и оставить ее умирать. В конце концов женщина потеряла терпение, когда Флоринда начала упрашивать ее побыстрее закончить лечение и отослать ее домой к семье. Знахарка подняла бутыль с лекарством, разбила ее о землю и заявила Флоринде, что больше знать ее не хочет.

Тогда Флоринда заплакала — это были единственные настоящие слезы в ее жизни. Она сказала знахарке, что хочет только одного — быть здоровой и что она более чем согласна заплатить за это. Женщина ответила, что оплата деньгами уже опоздала и что единственное, чего она хочет, — это ее внимания, а не денег.

Флоринда призналась мне, что всю жизнь она добивалась того, чего хотела. Она знала, что значит быть упрямой. Поэтому она заговорила о том, что к знахарке обращались тысячи пациентов, таких же полумертвых, как и она, и что знахарка брала их деньги. Почему же ее случай другой? Флоринде ничего не сказало объяснение женщины, что, будучи видящей, она видела светящееся тело Флоринды, и это тело в точности такое, как у знахарки. Флоринда решила, что она наверняка сошла с ума, раз не понимает, что между ними целая пропасть различий. Знахарка была грубой индеанкой.

необразованной и примитивной, в то время как Флоринда была богатой, красивой и белой.

Флоринда поинтересовалась, что та собирается с ней делать. Знахарка

ответила, что ей поручено вылечить ее, а затем обучить чему-то очень важному. Флоринда спросила, кто это поручил. Женщина сказала, что поручил Орел, — этот ответ окончательно убедил Флоринду в том, что женщина окончательно спятила. И все же Флоринда не видела никакого способа противиться требованиям женщины. Она сказала ей, что согласна делать все, что угодно.

Женщина мгновенно изменила свое отношение к ней, дала Флоринде с собой снадобье и велела возвращаться, как только она сможет.

— Как ты знаешь и сам, учитель должен применить к ученику трюк. Она использовала трюк с моей болезнью. Она была права, я представляла собой такую идиотку, что если бы она меня вылечила сразу, то я вернулась бы к своей прежней глупой жизни, как будто со мной ничего не случилось. Разве все мы поступаем не так же?

Флоринда вернулась на следующей неделе. Когда она подъезжала, ее приветствовал старик, которого она встречала раньше. Он заговорил с ней, как будто они были старинными друзьями, и сказал, что знахарка на несколько дней уехала, но оставила для нее лекарство, на тот случай, если она появится. Он сообщил Флоринде дружески, но с металлом в голосе, что у нее есть только два варианта — либо возвратиться домой в состоянии гораздо более худшем из-за утомительного путешествия, либо в точности следовать тщательно разработанным инструкциям знахарки. Он добавил, что если она решить остаться и начать лечение прямо сейчас, то через три — четыре месяца она будет совершенно здоровой. Здесь, однако, есть трудность — если она решит остаться, то ей придется пробыть в доме знахарки восемь следующих дней, а поэтому слуг надо отослать домой.

Флоринда сказала, что решать тут нечего — она остается. Старик немедленно дал ей настой трав, оставленный знахаркой для нее. Он просидел с ней большую часть ночи, поддерживая ее беседой, и его плавная речь пробуждала во Флоринде оптимизм и доверие.

Двое ее слуг уехали на следующее утро. Флоринда совсем не боялась. Она глубоко доверяла старику. Он сказал ей, что должен построить ящик для ее лечения в соответствии с инструкциями знахарки. Он усадил ее на низкий стульчик, установленный в центре открытого места, лишенной всякой

растительности. Пока она сидела там, старик познакомил ее с тремя молодыми людьми, являвшимися, по его словам, его помощниками. Двое были индейцами, третий — белый.

Им четверым понадобилось меньше часа, чтобы соорудить ящик вокруг стула, на котором сидела Флоринда. Когда они закончили, она оказалась замурованной в ящике, крышка которого имела решетку для вентиляции. Одна из его сторон висела на петлях и служила дверью. Старик открыл дверь и помог Флоринде выйти оттуда. Он привел ее в дом и попросил помочь приготовить для нее лекарство, чтобы иметь его под рукой к тому времени, когда вернется знахарка.

Флоринда была поражена тем, как он работал. Сначала он приготовил отвар из растений с затхлым запахом и ведро горячей жидкости. Затем предложил. Чтобы для удобства она погрузила ногу в ведро и, если пожелает, выпила приготовленное им лекарство, пока оно не потеряло силу. Флоринда молча повиновалась. После этого она испытала значительное облегчение.

Затем старик выделил ей комнату и велел молодым людям поставить ящик внутри комнаты. Он сказал, что пройдет несколько дней, прежде чем знахарка вернется, и тем временем ей следует тщательно выполнять все ее инструкции. Она согласилась, и он вытащил список заданий. Туда входило очень много ходьбы для того, чтобы собирать лекарственные растения, необходимые для целительного снадобья для нее, и предусматривалось оказание ею помощи в его приготовлении.

Флоринда сказала, что провела там двенадцать дней вместо восьми, потому что ее слуги задержались из-за проливных дождей. Только на десятый день она обнаружила, что знахарка никуда не уезжала и что подлинным целителем был старик.

Флоринда смеялась, описывая свое потрясение. Старик заманил ее в активное участие в ее излечении. Более того, под предлогом, что этого требует знахарка, он ежедневно держал ее в ящике по крайней мере по шесть часов для того, чтобы выполнять особое задание, которое он называл «пересмотром».

В этом месте своего рассказа Флоринда внимательно осмотрела меня и

заключила, что с меня достаточно и что мне пора уходить. При нашей последующей встрече она объяснила, что старик был ее бенефактором и что она была первым сталкером, которого женщины из партии бенефактора нашли для Нагваля Хуана Матуса.

но тогда ничего этого она не знала. Несмотря на то, что бенефактор сместил ей уровни осознания и открыл смысл происходящего, это оказалось бесполезным. Она была взращена, чтобы быть красивой, и это создавало вокруг нее такой непроницаемый щит, что она не поддавалась переменам.

Ее бенефактор пришел к выводу, что ей нужно время. Он разработал план, чтобы вывести Селестино на поле битвы Флоринды. Он дал ей возможность увидеть в личности Селестино такие вещи, о которых она знала сама, но не имела мужества открыто на них посмотреть. У Селестино было сильное чувство собственности, относящееся ко всему, чем он владел. Среди его владений и богатства Флоринда занимала очень важное место. Его заставили поступиться своей гордостью, унизив, когда он попал в руки знахарки, тем, что знахарка была дешевой, а Флоринда действительно поправлялась. Он ждал своего часа, когда лечение будет закончено, чтобы отомстить.

Флоринда сказала, что ее бенефактор знал об опасности того, что в случае быстрого выздоровления Селестино может решить, коль скоро именно он принимает решения в семье, будто Флоринде больше не нужно видеть своего лекаря Бенефактор дал ей особый настой, чтобы смазывать им другую ногу Настой был очень терпким и вызывал раздражение на коже, напоминавшее распространение болезни. Бенефактор посоветовал ей пользоваться раствором каждый раз, когда ей захочется поехать повидать его, даже если ей не надо будет никакого лечения.

По словам Флоринды, на лечение ушел год. За это время бенефактор познакомил ее с правилом и муштровал, как солдата, в искусстве сталкинга. Он заставил ее применять принципы сталкинга ко всему, чем она занималась ежедневно, начиная с самого малого и не пропуская ничего в жизни.

За этот год ее познакомили с Нагвалем Хуаном Матусом, которого она описала как очень умного и вдумчивого, но все еще самого ненадежного и ужасающего человека, которого она когда-либо встречала. Она сказала, что именно Нагваль помог ей бежать от Селестино. Он и Сильвио Мануэль украдкой

вывезли ее из города через полицейские и военные кордоны. Селестино подал жалобу в суд по поводу ее побега и, будучи человеком влиятельным, использовал все свои ресурсы, чтобы помешать ей покинуть его. Из-за этого ее бенефактор вынужден был переехать в другую часть Мексики, а она, спрятавшись, несколько лет пребывать в его доме. Такое положение устраивало Флоринду, поскольку она должна была выполнить задачу пересмотра, а для этого нуждалась в абсолютной тишине и одиночестве.

Она объяснила, что пересмотр является основной силой сталкера, так же как тело сновидения является основной силой сновидящих. Пересмотр состоит из анализа собственной жизни вплоть до самых незначительных деталей. Таким образом, ее бенефактор дал ей ящик как средство и как символ. Это было средство, которое должно было позволить ей научиться концентрации, потому что ей придется сидеть там долгие годы, пока вся жизнь не пройдет у нее перед глазами, и одновременно это был символ — символ узости границ нашей личности. Ее бенефактор сказал, что когда она закончит свой пересмотр, то разломает ящик, символизируя этим, что она больше не связана ограничениями собственной личности.

Она сказала, что сталкеры пользуются ящиками или земляными гробами для того, чтобы зарываться в них, пока они вновь переживают, а не просто просматривают, каждое мгновение своей жизни. Причина, по которой сталкеры должны просматривать свою жизнь так подробно, состоит в том, что дар Орла человеку включает в себя его согласие принять вместо настоящего осознания суррогат, если такой суррогат окажется совершенной копией. Флоринда объяснила, что поскольку осознание является пищей Орла. Орел может удовлетвориться лишь в совершенстве выполненным пересмотром вместо осознания.

Затем Флоринда сообщила мне основы пересмотра. Она сказала, что первая стадия — это краткий учет всех случаев нашей жизни, которые явным образом подлежат просмотру. Вторая стадия — это более полный просмотр, начинающийся систематически с точки, которой может быть момент, предшествовавший тому, когда сталкер сел в ящик, и теоретически может простираться вплоть до рождения человека.

Она заверила меня, что совершенный пересмотр может изменить воина настолько же, если не больше, как и полный контроль над телом сновидения.

В этом смысле как искусство сновидения, так и искусство сталкинга ведут к одному и тому же — к входу в третье внимание. Для воина, однако, важно знать и практиковать как то, так и другое. Она сказала, что женщинам требуются разные конфигурации светящегося тела для того, чтобы добиться мастерства в одном или в другом. Мужчины же, с другой стороны, могут делать и то, и другое довольно легко, но они никогда не способны достичь такого уровня мастерства, которого в каждом искусстве достигают женщины.

Флоринда объяснила, что ключевым моментом пересмотра является дыхание. Дыхание для нее стало магическим, потому что это функция, поддерживающая жизнь. Она сказала, что пересматривать легко, если уменьшить сферу стимуляции вокруг тела. В этом и состоял смысл ящика. Затем дыхание будет выносить на поверхность все более и более глубокие воспоминания. Теоретически сталкеры могут вспомнить каждое чувство, которое они испытали в своей жизни, а этот процесс у них начинается с дыхания. Она предупредила меня, что те вещи, которым она меня учит, являются лишь предварительными и что в другое время и в другой обстановке она научит меня тонкостям.

Она сказала, что ее бенефактор велел ей написать список тех событий, которые ей надо было пережить повторно. Он сообщил, что процедура начинается с правильного дыхания. Сталкер начинает с того, что его подбородок лежит на правом плече, и по мере медленного вдоха он поворачивает голову по дуге на 180 градусов. Вдох заканчивается, когда подбородок укладывается на левое плечо. После того, как вдох окончен, голова возвращается в первоначальное положение в расслабленном состоянии. Выдыхает же сталкер, глядя прямо перед собой.

Затем сталкер берет событие, стоящее в его списке на первом месте, и вспоминает его до тех пор, пока в памяти не всплывут все чувства, которые это событие вызвало. Когда сталкер вспомнит все эти чувства, он делает медленный вдох, перемещая голову с правого плеча на левое. Смысл этого вдоха состоит в том, чтобы восстановить энергию. Флоринда сказала, что светящееся тело постоянно создает паутинообразные нити, выходящие из светящейся массы под воздействием разного рода эмоций. Поэтому каждая ситуация взаимодействия или ситуация, в которой задействованы чувства, потенциально опустошительна для светящегося тела. Вдыхая справа налево при вспоминании чувства, сталкер, используя энергию дыхания, подбирает

нити, оставленные им позади. Сразу за этим следует выдох слева направо. При помощи него сталкер освобождается от тех нитей, которые оставили в нем другие светящиеся тела, участвовавшие в припоминаемом событии.

Она сказала, что это — обязательная подготовительная ступень сталкинга, через которую прошли все члены ее партии как через введение в более сложные упражнения этого искусства. Если сталкеры не прошли этой подготовительной ступени для того, чтобы вернуть нити, оставленные ими в мире, а в особенности для того, чтобы выбросить нити, оставленные в них другими, нет никакой возможности практиковать контролируемую глупость, потому что эти чужие нити являются основой для безграничного роста чувства собственной значительности. Для того, чтобы практиковать контролируемую глупость, поскольку это не является способом дурачить людей или чувствовать свое превосходство над ними, нужно быть способным смеяться над самим собой. Флоринда сказала, что одним из результатов детального пересмотра является искренний смех при столкновении лицом к лицу с набившим оскомину проявлением самовлюбленности, являющейся сущностью всех человеческих взаимодействий.

Флоринда подчеркнула, что правильно определила искусство сновидения и искусство сталкинга именно как виды искусства, поскольку они являются чем-то таким, что исполняют люди. Она сказала, что дающая жизнь природа дыхания является тем, что дает в то же время и способность очищаться. Именно эта способность превращает пересмотр в практическое дело.

При нашей следующей встрече Флоринда подвела итоги тому, что она назвала последними указаниями. Она сказала, что поскольку общее заключение Хуана Матуса и его воинов состояло в том, что мне не придется иметь дело с миром повседневной жизни, они обучали меня искусству сновидения вместо искусства сталкинга. Она объяснила, что это заключение было радикально пересмотрено и что они оказались в неудобном положении. У них не осталось времени обучать меня искусству сталкинга. Ей придется отстать, задержавшись на периферии третьего внимания для того, чтобы выполнить свою задачу позднее, когда я буду готов. С другой стороны, если я покину мир вместе сними, то эта обязанность будет с нее снята.

Флоринда сказала, что самыми важными задачами, которые может выполнить воин, ее бенефактор считал три основных техники сталкинга — ящик, список

событий для пересмотра и дыхание сталкера. По его мнению, наиболее действенным средством для потери человеческой формы является глубокий пересмотр. После пересмотра своей жизни сталкерам легче использовать все неделания самого себя, такие, как стирание личной истории, потеря чувства собственной значительности, ломка привычек и т. п.

Бенефактор Флоринды дал им всем пример того, о чем он говорил, сначала действуя из собственных предпосылок, а затем дав им разумные основания воина относительно своих поступков. В ее случае он, будучи мастером сталкинга, разыграл представление с ее болезнью и излечением, которое не только совпадало с путем воина, но и было мастерским введением в семь основных принципов искусства сталкинга.

Сначала он затащил Флоринду на свое собственное поле битвы, где она оказалась в его руках. Он заставил ее отбросить то, что не было существенным; он научил ее, как сделать собственную жизнь однонаправленной при помощи решения; он обучил ее расслаблению; для того, чтобы помочь ей заново собрать свои ресурсы, он заставил ее войти в совершенно новое состояние оптимизма и уверенности в себе; он научил ее уплотнять время; и, наконец, он показал ей, что сталкер никогда не выставляет себя вперед.

Наибольшее впечатление на Флоринду произвел последний принцип. По ее мнению, он сводил воедино все то, что она хотела сказать мне в своих последних указаниях.

— Мой бенефактор был вождем, — сказала Флоринда, — и в то же время, глядя на него, никто бы в это не поверил. Он всегда выдвигал вперед кого-нибудь из своих воинов-женщин, притворяясь одним из посторонних или изображая старого дурака, постоянно подметающего сухие листья самодельной метлой.

Флоринда объяснила, что для того, чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать остальные шесть. Поэтому ее бенефактор как бы наблюдал за всем происходящим из-за кулис, благодаря чему он мог избегать конфликтов или отражать их. Возможная угроза всегда была направлена не на него, а на его передовую линию — на женщину-воина.

— Надеюсь, теперь ты понял, — продолжала она, — что только мастер-сталкер может быть мастером контролируемой глупости. Контролируемая глупость не сводится к тому, чтобы просто дурачить людей. Ее смысл в применение воином семи основных принципов сталкинга ко всему, что он делает, начиная от самых тривиальных поступков до ситуаций жизни и смерти. Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый — сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить другого. Второй — сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий — сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизации.

Флоринда поднялась. Как обычно, мы сидели в ее жилой комнате. Я сделал вывод, что наш разговор окончен. Она сказала, что у нее есть еще одна тема, с которой она хочет меня познакомить, прежде чем попрощаться, и привела меня на другую веранду. Никогда раньше я не бывал в этой части ее дома. Она мягко позвала кого-то, и из комнаты вышла женщина. Сначала я не узнал ее. Женщина обратилась ко мне по имени, и только тут я сообразил, что это донья Соледад, но совершенно изменившаяся. Она стала намного моложе и сильнее.

Флоринда сказала, что Соледад провела в ящике для пересмотра пять лет и что Орел принял этот пересмотр вместо осознания и отпустил ее на свободу. Донья Соледад подтвердила это кивком головы. Флоринда резко прервала нашу встречу, сказав, что мне пора уходить, потому что у меня больше не осталось энергии.

После этого я неоднократно бывал в доме Флоринды, но каждый раз видел ее всего несколько секунд. Она сказала, что решила больше не учить меня, потому что для меня лучше иметь дело только с доньей Соледад.

Мы с доньей Соледад встречались несколько раз, но то, что происходило между нами во время этих встреч, оставалось для меня абсолютно непонятным. Каждый раз, когда мы оказывались вдвоем, она усаживала меня у двери ее комнаты лицом к востоку. Сама она садилась справа, касаясь меня. Затем мы останавливали вращение стены тумана и оставались оба в ее комнате лицом к югу.

Я уже научился останавливать вращение стены тумана с Ла Гордой. Донья Соледад, казалось, помогала мне понять другой аспект этой способности восприятия. Мы с Ла Гордой правильно заметили, что лишь какая-то часть меня останавливает стену. Как будто я внезапно делился надвое. Часть моего полного «я» смотрела вперед и видела неподвижную стену справа, тогда как другая, более крупная часть моего полного «я» поворачивалась на 90 градусов вправо и смотрела на стену в упор.

Каждый раз, когда мы с доньей Соледад останавливали стену, мы оставались смотреть на нее, но никогда не входили в пространство между параллельными линиями, как я делал это неоднократно вместе с женщиной-нагваль и Ла Гордой. Донья Соледад заставляла меня каждый раз вглядываться в туман, как если бы он был чем-то вроде зеркала, и всегда я испытывал необычное нарушение ассоциаций. Проносясь как будто бы на необычайной скорости, я мог видеть фрагменты ландшафтов, формирующихся в тумане, и внезапно оказывался в иной физической реальности. Это был горный район, каменистый и неприветливый. Там всегда находилась донья Соледад в обществе милой женщины, громко смеявшейся мне навстречу.

Моя неспособность заметить и запомнить, что мы делали после этого момента, была еще более острой, чем неспособность помнить то, что женщина-нагваль, Ла Горда и я делали в пространстве между параллельными линиями.

Казалось, мы с доньей Соледад входили в другую область осознания, неизвестную мне. Я пребывал уже в том состоянии, которое считал самым острым состоянием своего осознания, и тем не менее было что-то еще более острое. Тот аспект второго внимания, который донья Соледад, очевидно, показывала мне, был более сложным и недоступным, чем все, с чем я встречался до сих пор. Все, что я мог вспомнить, — это ощущение неимоверного множества движений, чисто физическое ощущение, подобное тому, какое испытываешь, пройдя несколько миль пешком или возвратившись с горной прогулки. У меня также была ясная уверенность, хотя я и не мог сказать, почему, что донья Соледад, эта женщина и я обменивались словами, мыслями и чувствами, но я не мог их припомнить.

После каждой встречи с доньей Соледад Флоринда немедленно выпроваживала меня. Словесно донья Соледад передавала минимальную часть информации. Мне показалось, что пребывание в состоянии повышенного

осознания оказывало на нее такое влияние, что она едва могла говорить. Было что-то такое, что мы делали в этой горной местности, помимо той милой женщины, что заставляло нас буквально валиться без сил. Она тоже ничего не могла вспомнить, хотя и пыталась.

Я попросил Флоринду разъяснить природу моих путешествий с доньей Соледад. Она сказала, что часть ее последних инструкций состояла в том, чтобы заставить меня войти в состояние второго внимания так, как это делают сталкеры, и что донья Соледад еще более способна, чем она сама, втягивать меня в пространство сталкеров.

На той нашей встрече, которая должна была стать последней, Флоринда, как обычно, ожидала меня в гостиной. Она взяла меня за руку и проводила в жилую комнату. Мы сели. Она предупредила меня, чтобы я пока не пытался осмысливать свои путешествия с доньей Соледад. Она объяснила, что сталкеры в основе своей отличаются от сновидящих и что донья Соледад занималась тем, что пыталась помочь мне повернуть голову.

Когда дон Хуан описывал концепцию поворота головы воина для того, чтобы увидеть новое измерение, я понял это как метафору, в которой подразумевалось изменение установки. Флоринда сказала, что это сравнение верно, но что это не метафора. Сталкеры действительно поворачивают голову, однако они делают это не для того, чтобы повернуться лицом в новом направлении, а для того, чтобы по-другому взглянуть на время. Сталкеры обращены лицом к времени наступающему. Обычно же мы смотрим на время, уходящее от нас. Только сталкеры могут менять направление и поворачиваться лицом к накатывающемуся на нас времени.

Флоринда объяснила, что поворачивание головы не равносильно взгляду в будущее, а означает, что время видится как нечто конкретное, хотя и непонятное. Поэтому для меня было излишне обдумывать то, что мы делали с доньей Соледад. Все это приобретет смысл, если я смогу воспринять целостность самого себя и в таком случае получу энергию, необходимую для того, чтобы разрешить эту загадку.

Тоном человека, вручающего награду, Флоринда сообщила мне, что донья Соледад является сталкером экстракласса; она назвала ее величайшей из всех. В любой момент донья Соледад может пересекать параллельные линии.

Более того, никто из воинов партии Хуана Матуса не был способен делать то, что делала она. Донья Соледад, благодаря своей безупречной технике сталкера, нашла свое параллельное существо.

Флоринда объяснила, что все, что я испытал с Сильвио Мануэлем, или с Нагвалем Хуаном Матусом, или с Зулейкой, или с Хенаро, было лишь микроскопической долей второго внимания. То, что помогла мне испытать донья Соледад, было еще одной микроскопической долей, но совсем другой.

Донья Соледад не только заставила меня повернуться лицом к накатывающемуся времени, но и привела меня к своему параллельному существу. Флоринда определила параллельное существо как противовес, который имеют все живые твари, благодаря тому, что они являются светящимися существами, наполненными энергией. Параллельное существо любой личности — это другая личность того же пола, очень тесно и нераздельно соединенная с первой. Они существуют в мире в одно и то же время. Двое параллельных существ являются как бы двумя сторонами одной медали.

Воину почти невозможно найти свое параллельное существо, потому что в его жизни слишком много отвлекающих факторов, других вещей, представляющихся первостепенными. Но те, кто способен справиться с этой задачей, найдут в своем параллельном существе, как это сделала донья Соледад, неисчерпаемый источник молодости и энергии.

Флоринда резко поднялась и отвела меня в комнату доньи Соледад. Может быть, потому, что я знал о том, что это наша последняя встреча, меня охватила странная тревога. Донья Соледад улыбнулась мне, когда я рассказал ей о том, что мне только что сообщила Флоринда. Она сказала с истинным смирением воина, что она не учит меня ничему, что она надеялась единственно показать мне свое параллельное существо, потому что именно туда она отступит, когда Нагваль Хуан Матус и его воины покинут этот мир. Однако случилось что-то еще, что было выше ее понимания. Флоринда объяснила ей, что мы увеличивали энергию друг друга и что это заставило нас встретить наступающее время не в малых дозах, как планировала Флоринда, а непроглатываемыми порциями, как хотела того моя беспорядочная натура.

Результат нашей последней встречи был еще более ошеломляющим. Донья Соледад, ее параллельное существо и я оставались вместе в течение необычайно долгого времени. Я видел каждую черточку лица параллельного существа. Я чувствовал, как она пытается сказать мне, кто она такая. Она, казалось, тоже знала, что это наша последняя встреча. В ее глазах проступало непреодолимое ощущение слабости. Затем сила, подобная ветру, унесла нас прочь во что-то такое, что не имело для меня смысла.

Внезапно Флоринда помогла мне встать. Она взяла меня за руку и повела к двери. Донья Соледад пошла с нами. Флоринда сказала, что мне придется трудно, когда я буду вспоминать происшедшее, потому что я самозащищался при помощи своей рассудительности, а это состояние может только ухудшиться, потому что они скоро уйдут и не останется никого, кто помог бы мне сместить уровни осознания. Она добавила, что мы с доньей Соледад встретимся опять в мире повседневной жизни.

Тогда я повернулся к донье Соледад и попросил вывести меня из моего состояния самозащиты. Я сказал, что если ей это не удастся, то пусть лучше она убьет меня. Я не хочу жить в путах своей рассудительности.

— Так говорить неправильно, — сказала Флоринда. — Мы — воины, а у воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным — исключительная доблесть.

Глава 15. Пернатый змей

Совершив все, что было определено правилом, дон Хуан со своей партией воинов были готовы к своей конечной задаче — покинуть мир повседневной жизни. Все, что оставалось Ла Горде, другим ученикам и мне, — быть свидетелями их ухода. Оставалась только одна нерешенная проблема: что делать с учениками. Дон Хуан сказал, что они должны были уйти вместе с

ними, влившись в их собственную группу, однако они не были готовы. То, как они себя вели, пытаясь пересечь мост, показало, ему, в чем состоят их слабости.

Дон Хуан признал, что выбор его бенефактора — ожидать, годами, прежде чем собрать для него партию воинов, — был мудрым выбором и дал положительные результаты, тогда как его собственное решение — побыстрее свести меня с женщиной-нагваль и моей собственной группой воинов — едва не оказалось для нас фатальным.

Я понял, что он говорит это не в знак сожаления, а как подтверждение свободы воина выбирать и принимать свой выбор. Более того, он сказал, что серьезно думал — не последовать ли примеру своего бенефактора, и что если бы он так сделал, то очень скоро обнаружил бы, что я не такой же Нагваль, как он сам, и никто другой, кроме меня, не был бы вовлечен в дальнейшие события. А вышло так, что Лидия, Роза, Бениньо, Нестор и Паблито столкнулись с серьезными трудностями; Ла Горде и Хосефине нужно время, чтобы усовершенствовать себя; только Соледад и Элихио были в порядке, поскольку они, пожалуй, были подготовлены даже лучше, чем воины его собственной группы.

Дон Хуан добавил, что теперь этим девятерым придется принять свои счастливые или несчастливые обстоятельства и без сожаления, без отчаяния и без похлопывания друг друга по плечу превратить свое проклятие или благословение в живой вызов.

Дон Хуан сказал, что не все у них было неудачно — небольшая роль, сыгранная нами среди воинов его группы, принесла полный триумф, поскольку правило подходило к каждому члену моей партии, за исключением меня. Я полностью согласился с ним. Начиная с женщины-нагваль, все полностью соответствовали правилу. Она обладала выдержкой и контролем, была воинственной и в то же время спокойной. Без всякой внешней подготовки она справлялась и вела всех одаренных воинов дона Хуана, несмотря на то, что они были вдвое старше ее. Эти мужчины и женщины признавали, что она была копией другой женщины-нагваль, которую они знали. Она в совершенстве отражала каждую из женщин-воинов, а следовательно, могла отражать также и тех пятерых женщин, которых дон Хуан нашел для моей партии, потому что они были копией старших женщин.

Лидия была как Эрмелинда, Хосефина — как Зулейка, Роза и Ла Горда — как Нелида, а Соледад — как Делия.

Мужчины также представляли собой копии воинов дона Хуана: Нестор был копией Висенте, Паблито — Хенаро, Бениньо — Сильвио Мануэля, а Элихио был подобен Хуану Тума. Правило действительно было голосом всеохватывающей силы, сплотившей всех людей в одно целое. Лишь благодаря странному капризу судьбы они остались беспризорными, без лидера, который нашел бы для них проход в другое осознание.

Дон Хуан сказал, что всем членам моей партии придется войти в другое осознание самостоятельно и что он не знает, каковы их шансы, потому что это зависит от каждого из них в отдельности. Он безупречно помог каждому; в результате его дух освободился от беспокойства и забот, а его разум стал свободен от всяких пустых спекуляций. Ему осталось лишь прагматически показать нам, что это значит — пересечь параллельные линии в своей целостности.

Мне же дон Хуан сказал, что я смогу помочь в лучшем случае только одному из учеников и что он выбрал Ла Горду из-за ее восприимчивости и из-за того, что я уже знаком с ней. По его мнению, у меня не хватит энергии для остальных, поскольку я должен буду выполнять другие обязанности, пройти по другим тропам действия, которые соответствуют моей истинной задаче. Дон Хуан объяснил мне, что каждый из его собственных воинов знал, в чем состоит эта задача, но не открыл ее мне, потому что мне еще предстояло доказать, что я ее достоин. Поскольку они находились в конце своего пути, а я точно следовал его инструкциям, появилась необходимость открыть мне эту задачу, хотя бы только и частично.

Когда дону Хуану пришло время уходить, он дал мне об этом знать, пока я находился в состоянии нормального осознания. Я не понял значения того, что он сказал. Дон Хуан до самого конца учил меня соединять оба моих состояния осознания. Все было бы очень просто, если бы я оказался способен сделать это. Поскольку же мне это не давалось и я лишь интеллектуально был затронут его откровением, он заставил меня сместить уровни осознания для того, чтобы дать мне возможность воспринять события более полно.

Он неоднократно предупреждал меня, что пребывание в левостороннем

состоянии осознания представляет Преимущество только в том смысле, что мы там быстрее все схватываем. В то же время это невыгодно, поскольку позволяет нам с невероятной ясностью фокусироваться каждый раз только на одном предмете: это делает нас зависимыми и уязвимыми. Мы не можем быть сами по себе, пока находимся в левостороннем осознании, поэтому нас должны оберегать воины, достигшие целостности самих себя и знающие, как управлять собой в этом состоянии.

Ла Горда сказала, что однажды Нагваль Хуан Матус и Хенаро собрали всех учеников в ее доме. Нагваль перевел их в левостороннее осознание и сообщил, что время его пребывания на земле подошло к концу. Сначала она не поверила ему. Она решила, что он пытается напугать их, чтобы они действовали как воины. Но затем до нее дошло, что в его глазах было такое сияние, которого она никогда раньше не видела.

Изменив их уровни осознания, он разговаривал с каждым в отдельности и заставил вспомнить все концепции и процедуры, с которыми он их познакомил. То же самое он проделал и со мной. Это произошло за день до того, как я увидел его в последний раз. В моем случае он совершил подобный обзор в обоих моих состояниях осознания. Фактически он перемещал меня туда и назад, как бы желая убедиться, что в обоих случаях я усвоил все полностью.

Сначала я не мог вспомнить, что происходило после этого обзора. Однажды Ла Горде в конце концов удалось сломать барьеры моей памяти. Она сказала, что находилась внутри моего разума, как если бы читала мои мысли. Она утверждала, что моя память держит взаперти страх вспомнить свою боль. То, что произошло в доме Сильвио Мануэля вечером, перед тем, как они ушли, было нераздельно переплетено с моим страхом. Она сказала, что у нее абсолютно ясное ощущение, что я боюсь, но она не знает причины этого страха. Она также не могла вспомнить, что в точности происходило в том доме, а в особенности в той комнате, где мы сидели.

Пока Ла Горда говорила, я почувствовал, что как бы падаю в бездну. Я сообразил, что что-то во мне пытается создать связь между двумя отдельными событиями, свидетелем которых я был в двух своих состояниях осознания. На левой стороне, как под замком, находились воспоминания о доне Хуане и его партии воинов в их последний день на земле. На правой же стороне была

память о том, как в тот день я прыгнул в бездну. Пытаясь соединить эти две стороны, я испытал общее чувство физического падения. Колени мои подогнулись, и я повалился на пол.

Когда я описал Ла Горде свой опыт и его истолкование, она сказала, что в мое правостороннее осознание, вне всякого сомнения, пробивается воспоминание, всплывшее у нее, пока я говорил. Она только что вспомнила, как мы предпринимали еще одну попытку пересечь параллельные линии вместе с Нагвалем Хуаном Матусом и его партией. Она имела в виду тот случай, когда мы с ней вместе с остальными учениками еще раз пытались перейти через мост.

Я не мог сосредоточиться на этом воспоминании. Казалось, существовала какая-то ограничивающая сила, мешавшая мне собрать свои мысли и чувства относительно этого события. Ла Горда сказала, что Сильвио Мануэль велел Нагвалю Хуану Матусу приготовить меня и всех учеников к переходу. Он не хотел оставлять меня в мире, потому что считал, что у меня нет ни одного шанса выполнить свою задачу. Нагваль не был согласен с ним, но независимо от своих чувств подготовил нас.

Ла Горда добавила, что помнит, как я подъехал к ее дому, чтобы отвезти ее и остальных учеников к дому Сильвио Мануэля. Они остались там, а я вернулся назад к Хуану Матусу и Хенаро, чтобы подготовиться к переходу.

Я совершенно не помнил этого. Она настаивала, чтобы я использовал ее, поскольку мы были так тесно связаны, и уверяла меня, что я могу читать у нее в разуме и найти там что-нибудь, что пробудит у меня полное воспоминание.

В моих мыслях царил хаос. Чувство тревоги мешало мне сосредоточиться даже на том, что говорит Ла Горда. Она продолжала говорить, описывая то, что она вспомнила о нашей второй попытке перейти мост. Она напомнила, как Сильвио Мануэль обратился к нам с речью, сказав, что мы достаточно подготовлены, чтобы попытаться еще раз полностью войти в другое «я», что нам необходимо только отбросить намерение своего первого внимания. Как только мы окажемся в осознании другого «я», сила Нагваля Хуана Матуса и его партии возьмет нас и легко поднимет в третье внимание — чего нельзя будет сделать, если мы будем пребывать в нормальном осознании.

В какой-то момент я перестал слушать Ла Горду, но звук ее голоса был для меня действительной помощью. Внезапно я вспомнил это событие — и согнулся под грузом воспоминаний. Ла Горда замолчала, когда я рассказал ей о том, что вспомнил. Она тоже вспомнила все.

Я вспомнил, что дон Хуан и Хенаро подготавливали меня к переходу, пока я пребывал в состоянии нормального осознания. Я не без оснований считал, что они готовят меня к прыжку в бездну.

Ла Горда вспомнила, как Сильвио Мануэль, чтобы подготовить их к переходу, подвешивал каждого к потолочной балке в кожаном корсете. В каждой комнате его дома висело по одному ученику, и это длилось почти целый день. Ла Горда заметила, что иметь такой корсет в комнате — отличная штука. Хенарос, не зная в действительности, что они делают, наткнулись на псевдовоспоминания о тех корсетах, в которых их подвешивали, и создали свою собственную игру, соединявшую в себе лечебные и очищающие эффекты, поскольку она удерживала от соприкосновения с землей, давая возможность упражняться еще и в концентрации, необходимой для перемещения из правой в левую сторону осознания. Кроме этого, их игра была действенным средством, помогавшим им вспоминать.

Ла Горда сказала, что после того, как ученики провисели так почти целый день, Сильвио Мануэль в сумерках опустил их на землю. Они гурьбой пошли с ним к мосту и ждали там вместе с основной партией, пока не показались Нагваль Хуан Матус, Хенаро и я. Дон Хуан объяснил им, что на мою подготовку ему понадобилось больше времени, чем он предполагал.

Я вспомнил, что дон Хуан и его воины пересекли мост прежде нас. Донья Соледад и Элихио автоматически пошли с ними. Последней перешла женщина-нагваль. С другой стороны моста Сильвио Мануэль подал нам знак начинать переход. Не говоря ни слова, мы все пошли сразу. На середине моста Лидия, Роза и Паблито, казалось, не были способны сделать больше ни шагу. Бениньо и Нестор дошли почти до конца и остановились там. Туда же, где стояли дон Хуан и члены его партии, подошли только мы с Ла Гордой и Хосефина.

То, что произошло потом, страшно напоминало первую попытку перехода. Сильвио Мануэль и Элихио держали открытыми какие-то створки. У меня было

достаточно энергии, чтобы сфокусировать на них свое внимание. Это не походило на углубление в холме, находящемся по ту сторону моста, не было это и отверстием в стене тумана, хотя я мог различить туманоподобные испарения вокруг створок. Это была темная таинственная расщелина, стоявшая сама по себе вне всего остального. Она была размером в человеческий рост, но узкой. Дон Хенаро пошутил, назвав ее «космическим влагалищем». Эта реплика вызвала у его друзей гомерический хохот. Ла Горда и Хосефина держались за меня, и мы вошли туда.

Я тут же почувствовал себя раздавленным. Та же неизмеримая сила, которая чуть не разорвала меня в первый раз, вновь овладела мной. Я ощущал, как Ла Горда и Хосефина сливаются со мной. Казалось, я был шире, чем они, и эта сила обволакивала мною их обоих. Затем я оказался лежащим на земле, а Ла Горда и Хосефина были она мне. Сильвио Мануэль помог нам встать и сказал, что на этот раз мы не имеем возможности присоединиться к ним в их путешествии, но, может быть, позднее, когда мы доведем себя до совершенства, Орел позволит нам пройти.

Пока мы возвращались к его дому, Сильвио Мануэль рассказал мне почти шепотом, что этой ночью моя и их тропы разошлись. Они разошлись навсегда, они никогда не сольются вновь, и я остаюсь в одиночестве. Он убеждал меня быть экономным и использовать каждую крупицу моей энергии, ничего не расходуя понапрасну. Он заверил меня, что если я смогу достичь целостности самого себя без чрезмерной утечки энергии, то у меня ее будет достаточно, чтобы выполнить свою задачу. Если же я чрезмерно опустошу себя, прежде чем потеряю человеческую форму, то на мне можно будет поставить крест. Я спросил у него, есть ли способ избежать утечки энергии. Он покачал головой и заметил, что такой способ есть, но он не для меня. То, добьюсь я успеха или нет, никак не связано с моими волевыми усилиями. Затем он сообщил мне о моей задаче, но не сказал, как ее вспомнить. Он был убежден, что когда-нибудь Орел поставит на мою тропу кого-нибудь, кто расскажет мне, как это сделать. И до тех пор, пока я не добьюсь в этом успеха, я не стану свободным.

Когда мы вернулись в дом, все собрались в большой комнате. Дон Хуан сидел в ее центре лицом к юго-востоку. Восемь воинов-женщин окружили его. Они сели парами по сторонам света, тоже лицом к юго-востоку. Затем трое воинов-мужчин образовали треугольник снаружи этого круга, причем Сильвио

Мануэль находился в его вершине, указывающей на юго-восток. Двое женщин-курьеров сели по бокам от него, а двое мужчин-курьеров сели прямо перед ним у стены. Женщина-нагваль усадила учеников-мужчин, против восточной стены, женщин усадила против западной стены, затем провела меня к месту сразу позади дона Хуана. Мы с ней сели там вместе.

Как мне казалось, мы просидели так мгновение, тем не менее я ощутил в своем теле необычайный прилив энергии. Я считал, что мы сели и сразу же поднялись. Когда я спросил у женщины-нагваль, почему мы встали так быстро, она ответила, что мы просидели несколько часов и что когда-нибудь, прежде чем я войду в третье внимание, все это вернется ко мне.

Ла Горда подтвердила, что у нее было такое же ощущение, что мы сидели в этой комнате лишь мгновение, но ей никто не сказал, что все было иначе. Нагваль Хуан Матус сказал ей после этого, что на ней лежит обязанность помогать всем ученикам, в особенности Хосефине, и что когда-нибудь я вернусь, чтобы дать последний толчок, который ей будет нужен, чтобы полностью перейти в другое «я».

Она была связана со мной и Хосефиной.

Во время нашего совместного сновидения под наблюдением Зулейки мы обменялись огромным количеством нашей светимости. Именно поэтому мы смогли вместе выдержать давление другого «я», когда входили в него телесно. Дон Хуан говорил ей также, что только сила воинов его партии сделала в этот раз переход таким легким и что когда ей придется переходить самостоятельно, она должна быть готова сделать это в сновидении.

После того, как мы поднялись, ко мне подошла Флоринда. Она взяла меня за руку и прошлась со мной по комнате, пока дон Хуан и его воины разговаривали с учениками. Она сказала, что я не должен позволять событиям той ночи на мосту смущать меня. Я не должен считать, как считал когда-то Нагваль Хуан Матус, что существует какой-то действительно физический проход в другое «я». Расщелина, которую я видел, была просто воплощением их намерения, обусловленного смесью одержимости Нагваля Хуана Матуса относительно проходов и странного чувства юмора Сильвио Мануэля. Эта смесь и создала «космическое влагалище». Насколько она знает, проход из одного «я» в другое не имеет физической материальности. «Космическое

влагалище» было физическим выражением силы двух людей приводить в движение колесо времени.

Флоринда объяснила, что когда она и ее друзья говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания; эманации Орла состоят из времени, и, по существу, когда входишь в любой аспект другого «я», то знакомишься со временем.

Флоринда заверила меня, что этой ночью, пока мы сидели в комнате, у них был последний шанс помочь мне и ученикам повернуться лицом к колесу времени. Она сказала, что колесо времени подобно состоянию повышенного осознания, являющегося частью другого «я», так же как лево- и правостороннее осознания являются частями нашего повседневного «я», и что его физически можно описать как туннель бесконечной длины и ширины, туннель с отражающими бороздками. Каждая бороздка бесконечно, и бесконечно их число. Живые существа созданы силой жизни так, что смотрят только в одну бороздку. Смотреть же в нее означает быть пойманным ею, жить ею, этой бороздкой. Она сказала, что то, что воины называют волей, относится к колесу времени. Что-то похожее на усик виноградной лозы или на неосязаемое щупальце, которым мы все обладаем. Она сказала, что конечная цель воина — научиться фокусировать волю на колесе времени для того, чтобы заставить его поворачиваться. Воины, сумевшие повернуть колесо времени, могут смотреть в любую бороздку и извлекать оттуда все, что пожелают, вроде этого «космического влагалища». Быть пойманным в бороздку времени означает видеть образы этой бороздки, но только по мере того, как они уходят. Свобода от околдовывающей силы этих бороздок означает возможность смотреть в любом направлении на то, как эти бороздки уходят или приближаются.

Флоринда замолчала и обняла меня, а затем прошептала на ухо, что она когда-нибудь вернется, если я достигну целостности самого себя, чтобы закончить свой инструктаж.

Дон Хуан подозвал всех ко мне. Меня окружили. Сначала дон Хуан обратился ко мне и сказал, что я не могу идти с ними в их путешествие, потому что меня невозможно отделить от моей задачи. В подобных обстоятельствах единственное, что можно сделать, — это пожелать мне всего наилучшего. Он

добавил, что воины не имеют своей собственной жизни. С того момента, как они начинают понимать природу осознания, они перестают быть личностями, и человеческие усилия больше не являются частью их воззрений. У меня есть мой долг как воина, и ничто другое не является важным, потому что я остаюсь позади для того, чтобы выполнить крайне неясную задачу.

Поскольку я уже освободился от своей жизни, им нечего больше сказать, разве что пожелать действовать так хорошо, как я только смогу. Мне тоже нечего было сказать им, кроме того, что я понял и принял свою судьбу.

Следующим ко мне подошел Висенте. Он заговорил очень мягко и сказал, что вызовом для воина является приход к очень тонкому равновесию между положительными и отрицательными силами. Этот вызов не означает, что воин стремится все взять под контроль, а означает лишь, что воин должен стремиться встретить любую вообразимую ситуацию, ожидаемую и внезапную, с равной эффективностью. Быть совершенным в благоприятных обстоятельствах означает быть бумажным воином. Мой вызов состоит в том, что я остаюсь позади. Их вызов — в том, чтобы идти в неизвестное. Оба вызова являются захватывающими. Для воинов восхищение от того, что остаешься, равно восхищению от того, что отправляешься в путь; Оба равны, потому что оба состоят в выполнении священного долга.

Затем ко мне приблизился Сильвио Мануэль. Заботясь о практических моментах, он снабдил меня формулой, своеобразным заклинанием на тот случай, если моя задача окажется для меня непосильной. Это был тот напев, который пришел мне на ум, когда я в первый раз вспомнил женщину-нагваль.

Я уже отдан силе, что правит моей судьбой. Я ни за что не цепляюсь, поэтому мне нечего защищать. У меня нет мыслей, поэтому я буду видеть. Я ничего не боюсь, поэтому я буду помнить себя. Отрешенный, с легким сердцем. Я мимо Орла проскользну, чтобы снова стать свободным.

Он сказал мне, что собирается продемонстрировать практическое маневрирование вторым вниманием, и тут же превратился в светящееся яйцо. Затем вернул себе свою нормальную внешность, и повторил эти превращения три или четыре раза. Я отлично понял, что он делает. Ему не понадобилось объяснять мне это, но тем не менее я не мог выразить словами то, что узнал.

Сильвио Мануэль улыбнулся, понимая мои проблемы. Он сказал, что требуется огромная сила для того, чтобы освободиться от намерения повседневной жизни. Секрет, только что открытый мне, состоит в том, как уходить от такого намерения. Чтобы выполнить то, что он сделал, нужно перенести свое внимание на светящуюся оболочку.

Он еще раз превратился в светящееся яйцо, и тогда мне стало ясно все, что я знал и так. Глаза Сильвио Мануэля на какое-то мгновение сфокусировались на точке второго внимания. Голова его была повернута прямо, но взгляд был несколько скошен в сторону. Он сказал, что воин должен вызвать намерение, а взгляд является ключом. Глаза как бы выманивают намерение.

Меня охватила эйфория.

В конце концов, теперь я получил возможность думать о чем-то таком, что я знал, в действительности не зная. Причина того, что видение является зрительным, состоит в том, что глаза нужны нам, чтобы фокусироваться на намерении. Дон Хуан и партия его воинов знали, как использовать свои глаза для того, чтобы схватить другой аспект намерения. Они называли это действие видением. То, что показал мне Сильвио Мануэль, являлось истинной функцией глаз — ловцов намерения.

Я решил использовать свои глаза, чтобы приманить намерение, и сфокусировал их на точке второго внимания. Внезапно дон Хуан, его воины, донья Соледад и Элихио стали светящимися яйцами, но это не относилось к Ла Горде, трем сестричкам и Хенарос. Я продолжал перемещать глаза туда и назад между шарами света и людьми, пока не услышал щелчок в основании шеи, и тогда все в комнате стали светящимися яйцами. Мгновение мне казалось, что я не смогу их различать, но затем мои глаза как-то приспособились, и я удержал два аспекта намерения, два образа сразу. Я мог видеть и их физические тела, и их светимости. Две сцены не были наложены друг на друга, они существовали отдельно, — и все же я не мог понять — каким образом. У меня как бы сосуществовали два канала зрения, где видение совершалось моими глазами и в то же время было независимо от них. Закрывая глаза, я продолжал видеть светящиеся тела, но уже не видел физических тел.

В какой-то момент у меня возникло острейшее чувство, что я знаю, как

перемещать свое внимание на собственную светимость. Я знал также, что стоит мне сфокусировать свои глаза на своем теле, как я возвращусь на физический уровень.

Затем ко мне подошел дон Хенаро и сказал, что Нагваль Хуан Матус дал мне долг как прощальный подарок, Висенте подарил мне вызов, Сильвио Мануэль — магию, а он хочет подарить мне юмор. Он осмотрел меня с головы до ног и заметил, что на вид я — самый печальный Нагваль, какого он когда-либо видел. Он окинул взглядом учеников и заключил, что нам ничего не остается, как быть оптимистами и смотреть на положительные стороны вещей. После этого он рассказал нам анекдот о деревенской девушке, соблазненной и покинутой городским ухажером. Когда ей в день свадьбы сообщили, что жених сбежал, она взяла себя в руки благодаря трезвой мысли о том, что еще не все потеряно. Да, она лишилась девственности, но, слава богу, еще не успела заколоть поросенка, предназначенного для свадебного пира.

Дон Хенаро сказал, что может помочь нам выбраться из нашей ситуации, похожей на ситуацию брошенной невесты. Единственный выход — держаться за своих поросят, чем бы они ни были, и весело смеяться. Только при помощи смеха мы можем изменить свое положение.

Жестами головы и рук он пригласил нас сказать ему сердечное «ха-ха». Вид учеников, пытающихся рассмеяться, был таким же смешным, как и мои собственные потуги. Внезапно я рассмеялся вместе с доном Хуаном и его воинами.

Дон Хенаро, всегда подшучивавший над моими поэтическими наклонностями, попросил меня громко продекламировать стихотворение. Он сказал, что хочет суммировать свои сантименты и свои рекомендации стихотворением, прославляющим жизнь, смерть и смех. Он имел в виду отрывок из поэму Хосе Горостизы «Смерть без конца».

Женщина-нагваль вручила мне книгу, и я прочел тот отрывок, который всегда нравился дону Хуану и дону Хенаро.

О, какая слепая радость!

Какое огромное желание!

Пользоваться воздухом, которым мы дышим,

Ртом, глазами, рукой.

Какое горячее нетерпение

Потратить всего себя без остатка

В одном-единственном взрыве смеха.

О, эта наглая выскочка смерть,

Добивающая нас издалека,

Дотянувшись до нас через удовольствия,

Которые мы находим

В ничтожной ласке,

В чашке чая...

Обстановка для стихотворения была захватывающей. Я ощутил озноб. Ко мне подошли Эмилито и Хуан Тума. Они не сказали не слова. Их глаза сияли как черные стеклянные бусинки. Казалось, все их чувства были сфокусированы в глазах. Курьер Хуан Тума очень мягко сказал, что когда-то в своем доме он посвятил меня в тайны Мескалито и что это было предшественником другого случая в колесе времени, когда он хотел ввести меня в полную и окончательную тайну.

Эмилито сказал, как если бы его голос был эхом Хуана Тумы, что они оба уверены, что я выполню свою задачу. Курьер Хуан Тума добавил, что Орел свел меня с партией Нагваля Хуана Матуса как со спасательной командой. Они еще раз обняли меня и прошептали вдвоем, что я должен верить в самого себя.

После курьеров ко мне подошли воины-женщины. Каждая обнимала меня и

шептала на ухо наилучшие пожелания.

Последней подошла ко мне женщина-нагваль. Она села и поставила меня между колен, как будто я был ребенком. Она излучала чистоту и привязанность. У меня перехватило дыхание. Мы поднялись и обошли комнату, разговаривая о нашей судьбе. Силы, которые невозможно изменить, привели нас к этому кульминационному моменту. Испытываемое мною преклонение было неизмеримым, и такова же была моя печаль. Затем она открыла мне частичку правила, относящегося к трехзубчатому Нагвалю. Она была крайне возбуждена, и в то же время казалась спокойной. Ее интеллект был безупречен, и в то же время она не пыталась ни о чем рассуждать. Ее последний день на земле поглощал ее. Она затопила меня своим настроением. Казалось, что вплоть до этого момента я не вполне понимал фатальность нашей ситуации. Пребывание на левой стороне приводило к тому, что непосредственно текущий момент заслонял все остальное, и это делало практически невозможным какое бы то ни было предвидение дальше этого момента. Однако воздействие ее настроения захватило значительную часть и моего правостороннего осознания вместе с его способностью предвидеть те чувства, которые придут потом. Я понял, что никогда больше не увижу ее. Это было невыносимо.

Дон Хуан говорил, что на левой стороне нет слов, что воин не может больше плакать и что единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью. Дрожь воина бесконечна. Пока женщина-нагваль разговаривала со мной и держала меня, я ощутил эту дрожь. Женщина-нагваль обвила руками мою шею и прижала свою голову к моей. Я ощущал себя чем-то вроде выкручиваемой тряпки. Затем я почувствовал, как что-то не то выходит из моего тела, не то переходит из ее тела в мое. Боль стала настолько нестерпимой и жгучей, что я обезумел и повалился на пол вместе с женщиной-нагваль, все еще обнимавшей меня. Как во сне, промелькнула мысль, что я, должно быть, ушиб ей голову при падении. Наши лица были залиты кровью.

Дон Хуан и дон Хенаро подняли меня и крепко схватили за руки. По мне проходили неудержимые судороги, подобные схваткам. Женщины-воины окружили женщину-нагваль, выстроившись в ряд посреди комнаты. К ним присоединились мужчины. Через мгновение между ними возникла явная

энергетическая цепь. Этот ряд проходил передо мной. Каждый из них подходил и на секунду останавливался возле меня, не разрывая при этом ряда, как будто они находились на конвейере, который нес их куда-то, двигаясь рывками и замирая возле меня. Первыми ушли мужчины-курьеры, затем женщины-курьеры, затем мужчины-воины, затем сновидящие, сталкеры и, наконец, женщина-нагваль. Они прошли мимо меня и находились в полной видимости еще одну — две секунды — достаточно долго для того, чтобы сказать «прощай», а затем исчезали во тьме таинственной расщелины, появившейся в комнате.

Дон Хуан нажал мне на спину и снял часть невыносимой боли. Он сказал, что понимает мою боль и что та близость, которая связывает Нагваля-мужчину с женщиной-нагваль, является чем-то таким, что нельзя сформулировать. Она существует как результат эманаций Орла. После того, как эти двое людей сведены вместе, а затем разъединены, нет никакого способа заполнить пустоту, потому что это не социальная пустота, а движение этих эманаций. Дон Хуан сказал мне, что он собирается переместить меня в мое крайнее правостороннее осознание. Он добавил что этот маневр — милосердный, хотя и временный, и что он позволит мне на некоторое время забыть, но не успокоит меня, когда я вспомню.

Дон Хуан сказал также, что этот акт воспоминания является абсолютно непознаваемым. Фактически это акт воспоминания самого себя, который не прекращается после того, как вспомнишь все взаимодействия, имевшие место на левой стороне осознания. Напротив, вспоминание самого себя продолжает извлекать на свет каждое воспоминание, хранящееся светящимся телом с момента рождения.

Те систематические взаимодействия, через которые воин проходит в состоянии повышенного осознания, являются лишь средством заставить другое «я» раскрыть себя в воспоминаниях. Этот акт воспоминания, хотя он кажется относящимся только к воинам, в действительности касается каждого человеческого существа. Каждый из нас может идти прямо в память нашего светящегося тела, достигая неимоверных результатов.

Затем дон Хуан сказал, что этим днем, в сумерках, они уйдут, и единственное, что им осталось сделать для меня, так это создать расщелину — разрыв в потоке моего времени. Они собирались заставить меня прыгнуть в бездну для

того, чтобы прервать эманации Орла, из-за которых у меня есть ощущение, что я цельный и непрерывный.

Прыжок должен быть сделан, когда я буду находиться в состоянии нормального осознания.

Идея состояла в том, что мое второе внимание возьмет верх. Вместо того, чтобы умереть на дне бездны, я полностью войду в свое другое «я». Дон Хуан сказал, что через некоторое время я выйду из своего другого «я», после того, как моя энергия будет израсходована. Но выйду я не на той же вершине, с которой мне придется прыгнуть. Он предсказал, что я появлюсь на своем излюбленном месте, где бы оно ни было. Это и будет разрывом в континууме моего времени.

Затем он полностью изъял меня из моего левостороннего осознания, и я забыл свою боль, свою цель и свою задачу.

В сумерках того же вечера Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Удар Нагваля был столь точным и столь милосердным, что ничто из событий их прощания не проникло сквозь границы другого события, когда мы остались живы после прыжка в верную смерть. Каким бы поразительным ни было это событие, оно бледнело по сравнению с тем, что происходило в другой сфере.

Дон Хуан заставил меня прыгнуть как раз в тот момент, когда он и его воины воспламенили свое осознание. Меня посетило подобное сну видение ряда людей, смотрящих на меня. Впоследствии я благоразумно решил, что это одно из длинной серии видений или галлюцинаций, прошедших передо мной во время прыжка. Такова была жалкая интерпретация моего правостороннего осознания, подавленного чудовищностью этого события. На своей левой стороне, однако, я понял, что вошел в свое другое «я», и это вхождение не имело никакого отношения к моей рациональности. Воины партии дона Хуана удержали меня на бесконечный момент, прежде чем исчезнуть во всеобщем свете, прежде чем Орел пропустил их. Я знал, что они находятся в сфере эманаций Орла, которой я достичь не мог. Они ждали дона Хуана и дона Хенаро. Я видел, как дон Хуан занял свое место впереди, а затем все превратилось в кавалькаду ослепительных огней в небе. Что-то подобное ветру, казалось, заставило ряд огней сокращаться и сжиматься. В одном месте, где находился дон Хуан, появилось ослепительное сияние. Я подумал об

оперенном змее из толтекской легенды — о Кецалькоатле, змее с изумрудными перьями. А затем огни исчезли.

кн.7 (1984) «ОГОНЬ ИЗНУТРИ»

Перевод А.В.Сидерского

Предисловие

Мои предыдущие книги были подробными отчетами, в которых я описывал свое ученичество у дона Хуана — индейского мага из Мексики. Дон Хуан хотел, чтобы я понял и усвоил понятия и практические методы, бывшие для меня совершенно чуждыми. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как только представить его учение в виде повествования о том, что происходило, ничего не изменяя и не добавляя от себя.

В основе метода обучения, которым пользовался дон Хуан, лежала концепция двух типов человеческого осознания. Он обозначал их терминами «правая сторона» и «левая сторона». Дон Хуан говорил, что правостороннее осознание — это нормальное состояние человеческого сознания, необходимое для адекватного функционирования в повседневной жизни. В левостороннем же осознании заключено все, что есть в человеческом существе загадочного. Левостороннее осознание — это состояние сознания, в котором человек действует как маг и видящий. Соответственно классификации типов осознания дон Хуан разделял свои методы обучения на две части — методика для обучения правой стороны и методика для обучения левой стороны.

Все инструкции для правой стороны дон Хуан давал мне, когда я находился в состоянии нормального осознания. Описанию именно этой части обучения и посвящены мои предыдущие книги. Дон Хуан сообщил мне, что он маг, когда я был в обычном состоянии осознания. Он также познакомил меня с другим магом — доном Хенаро Флоресом. Из того, какие взаимоотношения установились между нами, логически вытекало, что они взяли меня в ученики.

Это ученичество закончилось непостижимым действием, к выполнению которого подготовили меня дон Хуан и дон Хенаро. Они сделали так, что я смог прыгнуть с вершины плоской горы в пропасть.

Все, что произошло там, на вершине, описано в одной из моих книг. Это был последний акт драмы, которой являлось учение дона Хуана для правой стороны. Он был разыгран доном Хуаном, доном Хенаро, двумя их учениками — Паблито и Нестором, и мною. Паблито, Нестор и я прыгнули тогда с вершины в пропасть.

Прошли годы, в течение которых я был уверен — для подавления рационального страха, возникшего во мне перед лицом реального уничтожения, было достаточно только лишь моей абсолютной веры в дона Хуана и дона Хенаро. Сейчас я знаю, что это не так. Секрет моего непостижимого поступка заключался в учении дона Хуана для левостороннего осознания. Теперь я отдаю себе отчет в том, какая огромная дисциплина и настойчивость требовались для того, чтобы передать мне это учение.

Прошло десять лет, прежде чем мне удалось вспомнить в точности все, что происходило, когда дон Хуан проводил обучение для левой стороны,

результатом которого явилось ощущение настоятельной потребности совершить столь непостижимое действие, как прыжок в пропасть.

Именно в учении для левой стороны заключался основной смысл того, что дон Хуан, дон Хенаро и их помощники делали со мной в действительности. И именно там лежала разгадка того, кем они на самом деле были. Они вовсе не обучали меня магии, но передавали мне учение совершенного владения тремя аспектами древнего знания, которыми обладали сами. Осознание, сталкинг и намерение — так называются эти три аспекта. Сами же дон Хуан, дон Хенаро и их помощники не были магами. Они именовали себя видящими. А дон Хуан, кроме того, был еще и Нагвалем.

Многое из того, что касалось понятий «видение» и «нагваль», дон Хуан объяснил мне еще в учении для правой стороны. Насколько я тогда понял, видение является способностью человеческого существа расширить поле своего восприятия до состояния, в котором воспринимается не только облик и образ, но также внутренняя сущность любого объекта и явления. Дон Хуан также рассказывал мне, что видящие видят человека как поле энергии, образующее светящийся объект яйцеобразной формы. У большинства людей это яйцо разделено на две части. Однако некоторые мужчины и женщины состоят из четырех или трех частей. Эти люди более жизнеспособны, чем обычные. Научившись видеть, они могут стать Нагвалями.

В своем учении для левой стороны дон Хуан развернул передо мной всю сложность понятий «видение» и «нагваль». Быть Нагвалем, говорил он, это нечто гораздо более емкое и значительное, чем просто быть особо жизнеспособным человеком, который научился видеть. Быть Нагвалем — значит быть лидером, учителем, быть тем, кто ведет и указывает путь.

В качестве Нагваля дон Хуан возглавлял группу видящих. Согласно традиции такая группа называется отрядом или партией нагваля. В партию дона Хуана входили восемь женщин-видящих — Сесилия, Делия, Эрмелинда, Кармела, Нелида, Флоринда, Зулейка и Зойла; три видящих-мужчины — Висенте, Сильвио Мануэль и Хенаро; а также четыре курьера или вестника — Эмилито, Джон Тума, Марта и Тереза.

Дон Хуан не только возглавлял свою команду, но также обучал и вел группу видящих-учеников. Это была новая команда следующего Нагваля. Она

состояла из четырех молодых мужчин — Паблито, Нестора, Элихио, Бениньо — и пяти женщин — Соледад, Ла Горды, Лидии, Хосефины и Розы. Номинальным лидером новой команды нагваля являлся я совместно с женщиной-нагвалем Кэрол.

Чтобы быть в состоянии воспринять учение дона Хуана для левой стороны, мне нужно было входить в совершенно особое состояние пронзительной ясности восприятия. Это состояние называется «состоянием повышенного осознания». В это состояние меня вводил дон Хуан. В течение всех лет нашего с ним общения он использовал для этого особый удар ладонью по верхней части моей спины.

Как объяснял дон Хуан, в состоянии повышенной сознательности ученик может вести себя так же естественно, как в обычной жизни, но разум его способен при этом концентрироваться на чем угодно с потрясающей силой и ясностью. Однако неотъемлемым свойством состояния повышенной сознательности является то, что оно не связано с правосторонней памятью. Поэтому, возвратившись в свое обычное состояние, ученик не способен вспомнить ничего из того, что происходило, когда он находился в состоянии повышенного осознания. Для того же, чтобы свойства и силы, обретенные учеником в состоянии повышенного осознания, стали частью его обычного состояния, он должен все вспомнить. А это требует многолетних усилий, связанных с постоянным, зачастую разрушительным напряжением.

То, что происходило между мной и командой нагваля, являет собой наглядный пример трудностей, связанных с восстановлением в памяти информации, полученной в состоянии повышенной сознательности. Только в этом состоянии я контактировал со всеми, кто в нее входил. Исключение составлял лишь дон Хенаро. Поэтому в своей повседневной жизни я не мог вспомнить ни одного из этих людей. Даже тенями во сне они мне не являлись. То, каким образом мы с ними каждый раз встречались, стало своего рода почти ритуалом. Приезжал я неизменно к дому дона Хенаро в небольшом городке на юге Мексики. К нам с доном Хенаро сразу же присоединялся дон Хуан, и втроем мы проходили какую-то часть учения для правой стороны. Затем дон Хуан изменял уровень моего осознания и только после этого мы отправлялись в соседний городок, где жил сам дон Хуан и остальные пятнадцать видящих.

Каждый раз, входя в состояние повышенного осознания, я не переставал

изумляться тому, насколько различны две стороны моего существа. Ощущение всегда было таким, словно занавес поднимался перед моими глазами. Как будто я был полуслеп и вдруг мгновенно становился зрячим. Меня охватывало ни с чем не сравнимое ощущение свободы и всеобъемлющей радости. Это было так не похоже ни на что, когда-либо мною пережитое. И в то же время в этом ощущении присутствовало пугающее чувство глубокой печали и тоски. Они были неотделимы от свободы и радости. Дон Хуан говорил, что без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны, говорил дон Хуан.

В соответствии с построением учения для левой стороны требовалось, чтобы дон Хуан совместно с некоторыми из своих помощников-видящих раскрыл передо мною три грани своего знания: овладение искусством осознания, овладение искусством сталкинга и овладение намерением.

Данная книга посвящена овладению искусством осознания, которое является частью полного комплекса аспектов учения для левой стороны, комплекса, использованного доном Хуаном для того, чтобы подготовить меня к умопомрачительному поступку — прыжку в пропасть.

Все, о чем здесь идет речь, я воспринимал, находясь в состоянии повышенного осознания. Поэтому описанные в книге события как бы выпадают из канвы повседневной жизни. Им не хватает событийного контекста, несмотря даже на то, что я со своей стороны сделал все возможное, пытаясь восполнить пробелы и в то же время ничего не добавлять от себя. Дело в том, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человек в минимальной степени отдает себе отчет в происходящем вокруг него, поскольку все его восприятие целиком сконцентрировано на непосредственных деталях действия, в которое он вовлечен.

В данном случае действием, в которое я был вовлечен, являлось обучение искусству осознания. Термином «искусство осознания» дон Хуан обозначал современную интерпретацию исключительно древней традиции. Эту древнюю традицию он называл «традицией древних видящих-толтеков».

Несмотря на то, что дон Хуан чувствовал свою неразрывную связь с этой древней традицией, себя он относил к числу «видящих нового цикла». Когда

я как-то спросил его, чем же собственно отличаются видящие нового цикла, он ответил, что они — воины свободы. Они довели владение искусством осознания, искусством сталкинга и намерением до такой степени совершенства, что даже смерть не способна выследить и поймать их, как ловит всех остальных людей. Воины полной свободы сами выбирают время и способ своего ухода из этого мира. И когда выбранный миг наступает, приходит огонь изнутри, и они сгорают в нем, исчезая с лица земли, свободные, словно их никогда здесь не было.

Глава 1. Новые видящие

По пути в горы я заехал в поисках дона Хуана в Оахаку — город в южной Мексике. Утром, уезжая из города, я почувствовал, что неплохо было бы проехать через главную площадь. Дон Хуан сидел там на своей любимой скамейке, словно специально меня поджидая.

Я сел рядом. Он сказал, что приехал в город по делам и остановился в маленькой частной гостинице, где найдется место и для меня. Мы немного поговорили о моей работе, о проблемах мира академической науки.

Удар между лопаток я получил, разумеется, в самый неожиданный момент. Дон Хуан всегда использовал этот прием, чтобы сдвинуть мое восприятие в область повышенного осознания.

Мы долго сидели молча. Я с нетерпением ждал, когда же дон Хуан наконец заговорит, и все же первые его слова застали меня врасплох.

— За много веков до того, как в Мексику пришли испанцы, — произнес дон Хуан, — здесь жили необыкновенные люди — видящие-толтеки. Они были способны на невероятные, непостижимые вещи. Эти видящие являлись последним звеном длинной цепи знания, передававшегося в течение тысячелетий.

— Видящие-толтеки воистину были людьми необыкновенными, — продолжал он, — могучими магами, мрачными и скрытными. Им удалось разгадать тайны знания, с помощью которого они преследовали других людей и полностью подчиняли их своей воле. Для этого они фиксировали на чем-нибудь — по своему выбору — осознание своих жертв.

Дон Хуан замолчал и пристально посмотрел на меня. Я чувствовал — он ждет вопроса. Но о чем следует спросить, не знал.

Тогда он продолжил:

— Я должен подчеркнуть важный момент. Эти маги знали, как фиксировать осознание своих жертв. Ты не обратил на это внимания, потому что для тебя мои слова ничего не значили. Это не удивительно, ибо сам факт возможности манипулировать осознанием относится к разряду вещей, которые труднее всего укладываются в сознании.

Я был в замешательстве. Я знал, что он старается к чему-то меня подвести. Появилось неприятное предчувствие — оно уже было мне знакомо, поскольку неизменно возникало в начале каждого нового этапа обучения.

Я сообщил дону Хуану о том, что со мной происходит. Он слегка улыбнулся. Обычно его улыбка излучала радость и веселье, в этот же раз в ней была озабоченность. Какое-то время он, казалось, колебался — продолжать или нет. Он еще раз пристально на меня посмотрел, медленно переводя взгляд вдоль всего моего тела. Затем с явным удовлетворением кивнул и заявил, что я готов к последнему этапу тренировки. Через это должен пройти каждый из воинов, прежде чем принять решение о своей готовности к самостоятельному пути. Я был заинтригован более чем когда-либо.

— Ну что ж, поговорим об осознании, — сказал дон Хуан. — Видящие-толтеки владели искусством овладения осознанием. Практически они были непревзойденными мастерами этого искусства. Когда я говорю о том, что они знали, как фиксировать осознание своих жертв, я имею в виду следующее: их секретные знания и практики позволили им проникнуть в тайну собственно осознания как явления и процесса. Изрядная часть этих практик сохранилась до сих пор, но, к счастью, в модифицированном виде. Я говорю «к счастью»,

поскольку то, что делали древние видящие-толтеки, — почему, я объясню позже, — не привело их к свободе, но, напротив, стало для них роковым.

— А ты сам знаком с этими практиками? — спросил я.

— Ну разумеется, — ответил дон Хуан. — Мы не можем их не знать. Однако это не означает, что мы ими пользуемся. У нас другие взгляды, другой подход. Ведь мы принадлежим к новому циклу.

Я спросил:

— И ты не считаешь себя магом, дон Хуан, правда?

— Не считаю, — ответил он. — Я — воин, который видит. И вообще, все мы — «лос нуэвос видентес» — новые видящие. Магами были древние видящие.

Обычный человек, — продолжал дон Хуан, воспринимает магию как нечто скорее отрицательное, тем не менее она его привлекает.

Именно поэтому, когда ты находился в состоянии нормального осознания, я сделал так, чтобы ты считал нас магами. Так рекомендуется поступать, чтобы пробудить интерес. Но для нас — сделаться на самом деле магами — тупик.

Мне хотелось узнать, что он имеет в виду, но дон Хуан отказался говорить на эту тему. Он сказал, что все встанет на свои места по мере того, как он будет рассказывать об осознании.

Потом я спросил его об истоках толтекского знания.

— Первый шаг по пути знания толтеки сделали, поедая растения силы, — ответил дон Хуан. — То ли из любопытства, то ли от голода, а может быть даже по ошибке, но они их ели. Ну а остальное было лишь вопросом времени. Не могло быть так, чтобы рано или поздно кто-то из них не занялся анализом своих ощущений. Я полагаю, что те, кто первыми встал на этот путь знания, были людьми чрезвычайно отважными, но что они очень сильно ошибались.

— Дон Хуан, а что если все это — твои личные домыслы?

— Нет, это не мои личные домыслы. Ведь я — видящий, и, когда я фокусирую силу своего видения на том далеком времени, я знаю в точности все, что тогда происходило.

— И ты можешь видеть прошлое во всех его подробностях? — спросил я.

— Видение — это особое чувство знания, — ответил дон Хуан. — Знания, что видишь, без тени сомнения. В данном же случае мне доподлинно известно, что именно делали те люди, не только благодаря видению, но также и потому, что между нами и ними существует тесная связь.

Затем дон Хуан объяснил, что термином «толтек» он обозначает вовсе не то, что под этим понимаю я. Для меня это было название представителя определенной культуры — Толтекской Империи. Он же, говоря «толтек», подразумевал «человек знания».

Дон Хуан рассказал мне, что в те далекие времена — за сотни, а может быть и за тысячи лет до Конкисты — завоевания Центральной Америки испанцами — эти люди знания жили в пределах довольно обширной области, простиравшейся на север и на юг от долины Мехико. Они занимались специфическими видами деятельности — целительством, колдовством, сказительством, танцем, гаданием и прорицаниями, приготовлением пищи и напитков. Благодаря такому направлению деятельности у них выработалась особая мудрость, которая отличала их от обычных людей. Однако толтеки не были оторваны от социума, более того, они входили в структуру повседневной жизни людей, в значительной степени подобно тому, как в структуру повседневной жизни современного общества входят врачи, учителя, священники и торговцы. Толтеки практиковали каждый свое профессиональное искусство под строгим контролем организованных братств, приобретая все более высокую квалификацию и все большее могущество. В конце концов влияние их сделалось настолько сильным, что они даже стали доминировать над этническими группами, расселявшимися за пределами географической области, занятой толтеками.

После того, как некоторые из этих людей научились видеть — а на это ушли столетия экспериментов с растениями силы, — наиболее предприимчивые из них взялись за обучение видению других людей знания. И это стало началом их конца. С течением времени видящих становилось все больше и больше, но

все они были одержимы тем, что видели, ибо то, что они видели, наполняло их благоговением и страхом. В конце концов одержимость их приобрела такие масштабы, что они перестали быть людьми знания. Мастерство их в искусстве видения стало необыкновенным, доходило даже до того, что они были способны управлять всем, что было в тех странных мирах, которые они созерцали. Но это не имело никакой практической ценности. Видение подорвало силу этих людей и сделало их одержимыми увиденным.

— Однако среди видящих были и такие, которым удалось избежать этой участи, — продолжал дон Хуан. — Это были великие люди. Несмотря на свое видение, они оставались людьми знания. Некоторые из них находили способы положительного использования видения и учили этому других людей. Я убежден, что под их руководством жители целых городов уходили в другие миры, чтобы никогда сюда не вернуться.

Те же видящие, которые умели только видеть, были обречены. И когда на их землю пришли завоеватели, они оказались такими же беззащитными, как и все остальные.

— Завоеватели, — говорил дон Хуан, — покорили мир толтеков. Они присвоили себе все. Но они так никогда и не научились видеть.

— Но почему ты полагаешь, что они так никогда и не научились видеть?

— Потому что они копировали толтекскую практику вслепую, не обладая внутренним знанием, которым владели толтеки. До сих пор по всей Мексике встречается множество магов — последователей тех завоевателей. Они следуют по пути толтеков, но понятия не имеют ни о том, что сами делают, ни о том, о чем говорят, поскольку не являются видящими.

— Кто были эти завоеватели, дон Хуан?

— Индейцы других племен, — ответил он. — К тому времени, когда здесь появились испанцы, с момента исчезновения древних видящих уже прошли столетия. Но существовало новое поколение видящих, которое начало занимать свое место в новом цикле.

— Новое поколение видящих, — что ты имеешь в виду?

— После того, как мир первых толтеков был разрушен, те видящие, кому удалось выжить, ушли в подполье и принялись за серьезнейший пересмотр своих практических методов. И первое, что они сделали, — выделили сталкинг, сновидение и намерение в качестве ключевых техник, в то же время очень сильно ограничив применение растений силы. Это, кстати, может послужить нам намеком на то, что в действительности случилось с ними из-за растений силы.

Новый цикл только-только сформировался, когда пришли испанские захватчики. К счастью, новые видящие успели как следует подготовиться к такого рода опасности. Они уже стали непревзойденными мастерами практики искусства сталкинга.

Последовавшие за этим столетия порабощения обеспечили новым видящим идеальные условия для дальнейшего совершенствования мастерства. Это может показаться довольно странным, но именно исключительная суровость и жестокость тех времен дали им импульс к выработке новых принципов. А благодаря тому, что они никогда не афишировали свою деятельность, их оставили в покое, так что они получили возможность разобраться в своих находках. Я спросил:

— Во времена Конкисты видящих было очень много?

— Поначалу — да. Но к концу осталось горсточка. Остальных уничтожили.

— А как в наше время, дон Хуан?

— Немного. Видишь ли, они как бы растворены повсюду в общей массе людей.

— Ты знаешь кого-нибудь? — спросил я.

— На такой простой вопрос ответить очень трудно. Некоторых мы знаем достаточно хорошо. Но они на нас не слишком похожи, поскольку сосредоточились на других аспектах знания — таких как танец, целительство, колдовство, заговоры — а не на сталкинге, сновидении и намерении, как советуют новые видящие. Пути же тех, кто в точности похож на нас, никогда с нашими путями не пересекаются. Так устроили видящие, жившие во времена

Конкисты, для того, чтобы испанцы их не истребили. Каждый из тех видящих основал свою линию. Причем не все из них имели последователей, так что лишь немногие из линий сохранились.

— Но ты лично знаком с кем-нибудь, кто в точности похож на нас?

— С несколькими, — лаконично ответил он.

Тогда я попросил его дать мне как можно более полную информацию об этих людях. Меня это очень заинтересовало, поскольку появлялась возможность получить подтверждение со стороны. Я полагал, что очень важно заполучить имена и адреса.

Однако дон Хуан явно не собирался идти мне навстречу. Он сказал:

— Знаешь, новые видящие уже прошли через это. Они достаточно занимались поисками подтверждений. Добрая половина их на этом погорела — они запутались в подтверждениях и погибли, так и не сумев выбраться из этих дебрей. Так что теперь все мы — одинокие птицы. И давай оставим все как есть. Наша линия — единственная, о которой мы с тобой можем говорить. Но зато об этом ты и я можем говорить сколько угодно.

Потом дон Хуан объяснил, что все линии были основаны видящими в одно и то же время и по одному и тому же образцу. В конце шестнадцатого века каждый Нагваль намеренно изолировал себя и свою группу видящих, полностью исключив возможность каких бы то ни было явных контактов с видящими других групп. Следствием такого резкого разделения было образование отдельных изолированных линий, каждая из которых обладала своими специфическими чертами. Наша линия состояла из четырнадцати Нагвалей и ста двадцати шести видящих. Некоторые из этих Нагвалей имели в своих группах всего по семь видящих, некоторые по одиннадцать, а некоторые — по пятнадцать.

Дон Хуан рассказал мне, что его учителем — он говорил «бенефактором» — был нагваль Хулиан, а перед Хулианом был нагваль Элиас. Я спросил, известны ли ему имена всех четырнадцати Нагвалей, и он перечислил их по порядку, чтобы я смог запомнить. Еще дон Хуан сказал, что лично был знаком с пятнадцатью видящими, составлявшими партию его бенефактора, и что он

знал также учителя своего бенефактора — нагваля Элиаса — и одиннадцать видящих его команды.

По словам дона Хуана наша линия была особенной, поскольку в 1723 году претерпела резкое изменение. Его причиной явилось внешнее воздействие, которое очень сильно нас затронуло и жестко изменило общее направление развития линии. О том, что это было за событие, дон Хуан говорить не захотел. Он только отметил, что именно тот момент принято считать новым началом линии, поскольку восемь Нагвалей, возглавлявших ее после этого, были принципиально отличны от шести, бывших до них.

У дона Хуана в тот день были какие-то дела, поэтому я не видел его практически до полудня. Тем временем в городе появились трое из его учеников — Паблито, Нестор и Ла Горда. Они ездили по магазинам, покупая инструменты и материалы для столярной мастерской Паблито. Я присоединился к ним и помогал им, пока они не покончили с делом. Затем мы все вместе отправились в гостиницу.

Мы сидели и разговаривали у меня в номере, когда появился дон Хуан. Он сообщил, что после обеда мы уезжаем, но что прежде он намерен кое о чем переговорить со мной наедине. Он назначил всем встречу в ресторане и сказал, что до этого мы с ним вдвоем прогуляемся по центральной площади.

Паблито с Нестором встали и вышли, сославшись на дела и сказав, что присоединятся к нам в ресторане. Лицо Ла Горды выражало крайнее недовольство.

— О чем это вы там собираетесь разговаривать? — выпалила она, но тут же захихикала, поняв, что погорячилась.

Дон Хуан холодно взглянул на нее, но не произнес ни слова.

Несколько ободренная его молчанием, Ла Горда заметила, что мы могли бы взять ее с собой. Она заверила нас, что ни в малейшей степени не собирается нам мешать.

— Нисколько в этом ни сомневаюсь, — ответил дон Хуан, — однако, видишь ли, дело в том, что я намерен говорить именно с ним и действительно не хочу,

чтобы ты слышала хоть слово из нашей беседы.

Ла Горда пришла в ярость, и это было очевидно. Она вспыхнула, а когда мы с доном Хуаном выходили из номера, лицо ее мгновенно исказила гримаса напряжения и беспокойства. Рот ее был полуоткрыт, губы пересохли.

Настроение Ла Горды меня весьма обеспокоило. Возникло явственное ощущение дискомфорта. Я ничего не говорил по этому поводу, но от внимания дона Хуана мое состояние, похоже, не ускользнуло, и он неожиданно произнес:

— Знаешь, а ведь ты должен денно и нощно благодарить Ла Горду. Она помогает тебе разделаться с твоим чувством собственной важности. Ла Горда в твоей жизни исполняет роль мелкого тирана, однако до тебя это пока что не дошло.

Мы прогуливались по скверу на площади, пока вся моя нервозность не улетучилась. Затем сели на любимую скамейку дона Хуана.

— На самом деле древним видящим удивительно везло, — начал дон Хуан, — у них было предостаточно времени на то, чтобы узнать замечательные вещи. Уверяю тебя, они владели знанием о таких чудесах, которые сегодня невозможно себе даже вообразить.

— Но кто их всему этому научил? — спросил я.

— Никто. Они узнали все самостоятельно посредством видения, — ответил он. — Львиная доля всего, что известно нашей линии, была найдена ими. Древние видящие допускали ошибки. Новые видящие эти ошибки исправили. Но корни всего, что мы знаем и делаем, уходят далеко в глубины времен древних толтеков.

И он объяснил, что имеется в виду.

— Одна из наиболее простых и в то же время наиболее важных с точки зрения обучения находок древних видящих заключалась в том, что они обнаружили: человек обладает двумя типами осознания. Древние видящие назвали их правой и левой сторонами человеческого существа.

— Они также обнаружили, — продолжал дон Хуан, — что наилучшим способом передачи их знаний является обучение в состоянии, когда восприятие ученика сдвинуто влево, то есть когда ученик находится в состоянии повышенного осознания. Именно в этом состоянии происходит реальное обучение. Древним видящим отдавали в науку совсем маленьких детей, поэтому их ученики не знали иного образа жизни. Когда они вырастали, то, в свою очередь, брали в ученики маленьких детей. Можно только вообразить, на что же они вышли, столетиями непрерывно сосредотачиваясь на сдвигах влево-вправо!

Я заметил, что меня эти сдвиги приводят в глубокое замешательство. Дон Хуан сказал, что мое восприятие этих вещей очень похоже на его собственное. Его бенефактору — нагвалю Хулиану — удалось сформировать в его психике глубочайший раскол, сдвигая его восприятие туда и обратно — из одного типа осознания в другой. Настолько разительным был контраст между ясностью и свободой состояния повышенного осознания и рациональной мотивацией, защитными рефлексами, злостью и страхом, присущими нормальному состоянию осознания.

Древние видящие использовали такую полярность восприятия в своих узко специализированных целях: этим они заставляли учеников достигать глубокого сосредоточения, необходимого для освоения магических приемов. Однако новые видящие пользуются этим иначе, а именно — приводят своих учеников к глубокому убеждению в том, что человек обладает огромнейшим потенциалом нереализованных возможностей.

— Высшее достижение новых видящих, — объяснял далее дон Хуан, — заключается в их объяснении тайны осознания. Они оформили ее в виде ряда понятий и практических действий, которым ученик обучается, находясь в состоянии повышенного осознания.

Особая же ценность метода обучения, применяемого новыми видящими, заключается в невозможности запомнить что-либо из того, что происходит с человеком в состоянии повышенного осознания. Тем самым воздвигается почти непреодолимый барьер на пути воина, который должен вспомнить все, чему его учили, если намерен продолжить путь. Воин мучительно пытается вспомнить. На это уходят годы — долгие годы борьбы и железной дисциплины. Но к тому времени, когда это ему удается, понятия и приемы, которым его учили, уже настолько глубоко внедряются в его существо, что

обретают ту силу, которой должны обладать по замыслу новых видящих.

Глава 2. Мелкие тираны

Прошло несколько месяцев. За все это время дон Хуан ни разу не вернулся к теме овладения искусством осознания.

В тот день мы находились в доме, где жила команда нагваля.

— Пойдем-ка прогуляемся, — сказал дон Хуан, положив руку мне на плечо. — Или нет, лучше идем на площадь — там как раз полно народу, — сядем на скамейку и потолкуем.

Я был несколько удивлен, так как находился в доме уже пару дней, но он со мной практически не общался, разве что поздоровается, и все.

Когда мы выходили из дома, путь нам преградила Ла Горда. Она потребовала, чтобы мы взяли ее с собой. Было похоже, что на этот раз она не собирается мириться с отказом. Но дон Хуан очень жестко сказал ей, что у него со мной предполагается сугубо личный разговор.

— Ага, вы собрались говорить обо мне, — произнесла Ла Горда с выражением подозрительности и крайнего раздражения в голосе и жестах.

— Точно. Именно о тебе, — сухо подтвердил дон Хуан. И он прошел мимо Ла Горды, даже не взглянув в ее сторону.

Я последовал за ним, и в молчании мы дошли до городской площади. Когда мы сели на скамейку я спросил, почему мы будем вдруг говорить о Ла Горде.

Перед моими глазами все еще стояло ее лицо с выражением немой угрозы, когда мы покидали дом.

— Мы не собираемся обсуждать ее или кого бы то ни было другого, — ответил дон Хуан. — Просто ее чувство собственной важности практически безгранично, а мои слова были провокацией. И она сработала. Сейчас Ла Горда в бешенстве. Насколько я ее знаю, к этому моменту она уже достаточно себя накрутила и испытывает праведный гнев по поводу того, что ее так беспардонно отшили и выставили дурой. Я не удивлюсь, если она вскоре явится и набросится на нас прямо здесь, на этой скамейке.

— Ну хорошо, если мы не собираемся беседовать о Ла Горде, то чем тогда мы займемся? — спросил я.

— А мы продолжим разговор, начатый некогда в Оахаке, — ответил дон Хуан. — От тебя потребуется полное напряжение всех твоих сил и огромная устремленность в осуществлении сдвигов в одну и в другую сторону между уровнями осознания. Иначе объяснения осознания тебе не понять. Поэтому на время нашей беседы я требую от тебя полнейшей концентрации и настойчивости.

Почти жалобно я сообщил ему, что, отказываясь говорить со мной на протяжении последних двух дней, он ставил меня в неловкое положение, заставляя ощущать изрядное неудобство. Дон Хуан взглянул на меня, вскинув брови. По губам его пробежала усмешка, которая тут же исчезла. Я понял — он дает мне понять, что я ничем не лучше Ла Горды.

— Я провоцировал твое чувство собственной важности, — подмигнув, сообщил он. — Чувство собственной важности — главнейший и самый могущественный из наших врагов. Подумай вот о чем: нас уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны наших ближних, и это нас ослабляет. Наше чувство собственной важности заставляет нас почти все время чувствовать себя оскорбленными кем-то или на кого-то обиженными.

Новые видящие рекомендуют направить все возможные усилия на исключение чувства собственной важности из жизни воина. Я все время следовал и следую этим рекомендациям. И значительная часть моих действий в отношении тебя направлена на то, чтобы ты увидел — лишившись чувства собственной важности, мы становимся неуязвимыми.

Я внимательно слушал. Вдруг глаза дона Хуана заискрились, и я подумал, что он, похоже, вот-вот рассмеется. Явной причины на то вроде бы не было, но не успел я сообразить, в чем же дело, как внезапно был огорошен резкой, звонкой и весьма болезненной затрещиной слева.

Я вскочил со скамейки. Сзади стояла Ла Горда со все еще поднятой рукой. Лицо ее гневно пылало.

— А теперь — теперь можете говорить обо мне все, что хотите! По крайней мере, сейчас у вас есть повод! — заорала она. — Однако если вам есть, что сказать, — скажите мне это прямо в лицо!

Этот взрыв словно исчерпал все ее силы, потому что она опустилась на асфальт и заплакала. Дон Хуан застыл на месте с выражением невыразимого ликования на лице. Меня же сковала бешеная ярость. Бросив на меня свирепый взгляд, Ла Горда повернулась к дону Хуану и смиренно промямлила, что мы не вправе ее критиковать.

Дон Хуан хохотал. Он сложился пополам. Он почти рухнул на землю. Два-три раза он пытался что-то сказать мне, но в конце концов просто повернулся и двинулся прочь, то и дело сотрясаясь всем телом в приступах гомерического смеха.

Я ринулся было за ним, все еще охваченный негодованием по адресу Ла Горды — в тот момент я презирал ее, — как вдруг со мной произошло нечто необычайное. Я понял, что именно так забавляло дона Хуана. Мы с Ла Гордой были похожи до ужаса! Мы оба обладали совершенно монументальным чувством собственной важности. И мое удивление, и моя ярость по поводу пощечины в точности соответствовали гневу и подозрительности Ла Горды. Дон Хуан был абсолютно прав. Бремя чувства собственной важности в самом деле является жуткой обузой.

И я побежал вслед за доном Хуаном со слезами радости, которые текли по моим щекам. Я догнал его и рассказал о том, что осознал за миг до этого. Глаза его светились озорным блеском удовлетворения.

— Но что мне делать с Ла Гордой? — спросил я.

— Ничего, — ответил он. — Осознание — дело сугубо личное.

Он сменил тему, сообщив мне, что знаки говорят о том, что продолжить беседу мы должны у него дома — либо в большой комнате с удобными креслами, либо на заднем дворике, окруженном крытой галереей. Дон Хуан объяснил, что когда он кому-нибудь что-либо объясняет в одном из этих двух мест, никто другой туда не входит.

Мы вернулись в дом. Там дон Хуан рассказал всем о поступке Ла Горды. Все видящие принялись подтрунивать над Ла Гордой, делая это с явным удовлетворением, что поставило Ла Горду в крайне незавидное положение.

— Щепетильность и тактичность — не помощники в борьбе с чувством собственной важности, — пояснил дон Хуан в ответ на мое выражение озабоченности по поводу положения Ла Горды.

Потом он попросил всех покинуть комнату. Мы сели, и дон Хуан начал объяснять.

Он сказал, что видящих, как древних, так и новых, можно разделить на две категории. К первой относятся те, кто стремится практиковать самообладание и способен направить свою деятельность в русло достижения прагматических целей, несущих благо другим видящим и человеку вообще. Другая категория — это те, кому нет дела до самообладания и достижения прагматических целей. Среди видящих принято считать, что тем, кто составляет вторую категорию, не удалось справиться с проблемой чувства собственной важности.

— Чувство собственной важности, — пояснил дон Хуан, — не является чем-то простым и незамысловатым. С одной стороны, это сердцевина всего наилучшего, что в нас имеется. А с другой — сердцевина всей нашей внутренней гнили. И потому методика избавления от этого гнилостного аспекта чувства собственной значительности в каждом случае являет собою поистине стратегический шедевр. И во все века видящие с глубочайшим восхищением относились к тем, кому удалось это совершить.

Я пожаловался на то, что идея избавления от чувства собственной значительности, временами для меня довольно привлекательная, кажется мне все же чем-то непостижимым. Я сказал, что нахожу его указания относительно

избавления от чувства собственной важности весьма туманными и потому не могу им следовать.

На это дон Хуан ответил:

— Я говорил тебе не один раз: вставший на путь знания должен обладать огромным воображением. На этом пути, видишь ли, ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

Я ощущал некоторое неудобство, и это заставило меня вступить в спор. Я заявил, что его указания напоминают мне постулаты католической веры, и что после того, как мне всю жизнь долбили о греховности и грехе, я сделался невосприимчивым к подобного рода вещам.

— Для воина борьба с чувством собственной важности — не принцип, а чисто стратегический вопрос, — ответил дон Хуан. — Твоя ошибка заключается вот в чем: то, что я говорю, ты рассматриваешь с точки зрения нравственности.

— И я действительно считаю тебя человеком высоконравственным, дон Хуан.

— Ты просто заметил мою безупречность. И это все, — произнес он.

— Безупречность, равно как избавление от чувства собственной важности, — понятия слишком неопределенные, чтобы представлять для меня какую-то практическую ценность, — заметил я.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха, и я в вызывающем тоне потребовал от него объяснения безупречности.

— Безупречность есть не более чем адекватное использование энергии, — сказал он. — И все, что я говорю, к вопросам морали и нравственности не имеет ни малейшего отношения. Я обладаю энергией, и это делает меня неуязвимым. Чтобы понять, тебе необходимо самому накопить достаточное количество энергии.

Довольно долго мы молчали. Мне хотелось обдумать сказанное доном Хуаном. Неожиданно он снова заговорил:

— Воин проводит стратегическую инвентаризацию. Он составляет список всего, что делает. А затем решает, какие пункты этого перечня можно изменить, чтобы дать себе передышку в расходовании энергии.

Я возразил, что в такой перечень должно входить все, что только есть под солнцем. Дон Хуан терпеливо пояснил, что стратегической инвентаризации, о которой идет речь, подвергаются только те поведенческие структуры, которые не являются существенными с точки зрения выживания и благополучия.

Тут я буквально подскочил. Какая возможность! И я принялся говорить о том, что выживание и благополучие — категории, допускающие бесконечное количество толкований, и потому прийти к сколь-нибудь определенному соглашению относительно того, что считать существенным, а что — несущественным с точки зрения выживания и благополучия, попросту невозможно!

По мере того, как я говорил, я начал терять исходный импульс. В конце концов я умолк, так как осознал всю несерьезность своей аргументации.

Дон Хуан ответил, что в стратегическом инвентарном списке воина чувство собственной важности фигурирует в качестве самого энергоемкого фактора. Отсюда и усилия, которые воин прилагает для его искоренения.

— Одна из первейших забот воина — высвободить эту энергию для того, чтобы использовать ее при встрече с неизвестным, — продолжал дон Хуан. — Безупречность как раз и является тем, посредством чего осуществляется такое перераспределение энергии.

Наиболее эффективную стратегию, по словам дона Хуана, выработали видящие времен Конкисты — великие мастера искусства сталкинга. Эту стратегию составляют шесть взаимодействующих между собой элементов. Пять из них называются атрибутами образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка, чувство времени и воля. Все они относятся к миру воина, ведущего битву с чувством собственной важности. Шестой же элемент — наиболее, пожалуй, важный из всех — относится к внешнему миру и называется мелким тираном.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня, как бы спрашивая, все ли я понял.

— Я, знаешь ли, весьма озадачен, — произнес я. — Ты вот все говоришь, что Ла Горда — мелкий тиран моей жизни. Но что же все-таки такое этот мелкий тиран?

— Мучитель. Мелкий тиран — это мучитель, — объяснил дон Хуан. — Некто либо обладающий властью над жизнью и смертью воина, либо просто раздражающий его до безумия.

Дон Хуан говорил это с лучезарной улыбкой. Он сообщил мне, что новые видящие разработали собственную классификацию мелких тиранов, и, несмотря на то, что речь идет едва ли не о самых важных и серьезных вещах, классификация эта не лишена юмора. Дон Хуан заверил меня, что какую бы из классификаций, разработанных новыми видящими, мы не взяли, в ней всегда будет присутствовать оттенок ехидства, потому что смех — единственный способ противостоять пристрастию человеческого сознания к инвентарным спискам и громоздким классификационным перечням.

Сообразно своей практике новые видящие поставили во главу классификационного перечня тиранов то, что является истоком всего, — первичный источник энергии. Поскольку он является единственным и полноправным правителем всей вселенной, они назвали его просто тираном. Естественно, любые другие деспоты и диктаторы стоят неизмеримо ниже категории тирана. По сравнению с источником всего сущего самые могущественные и беспощадные тираны рода человеческого являются жалкими шутами и потому относятся к категории мелких тиранов — «пинчес тиранос».

Кроме того, существует два подкласса малых мелких тиранов. Первый подкласс составляют мелкие тираны, во власти которых всячески преследовать человека и даже довести его до нищеты, но которые не могут непосредственно лишить его жизни. Их называют мелкие тиранчики — «пинчес тиранитос». Второй подкласс состоит из мелких тиранов, которые просто бесконечно раздражают и надоедают. Их название — мелюзговые тиранчики — «репинчес тиранитос», или крошечные тиранишки — «пинчес тиранитос чикититос».

Мне эта его классификация показалась нелепой. Я был уверен, что испанская

терминология — плод его импровизации. Я спросил его, так ли это.

— А вот и нет! — словно забавляясь, ответил дон Хуан. — Новые видящие — большие мастера по части составления классификаций. И Хенаро, вне всякого сомнения, — один из величайших. Так что если ты внимательно за ним понаблюдаешь, ты в точности поймешь, как новые видящие относятся к своим классификациям.

Когда я спросил, не водит ли он попросту меня за нос, дон Хуан раскатисто захохотал.

— У меня и в мыслях этого не было! — наконец с улыбкой сказал он. — Хенаро — тот на такое способен, но я — нет, тем более, что мне известно твое отношение к классификациям. Просто новые видящие ужасно непочтительны.

Потом он добавил, что в подкласс мелких тиранчиков входят четыре их категории. Первая — те, что мучают посредством жестокости и насилия. Вторая — те, кто своей хитростью и нечестностью создают невыносимую обстановку неуверенности и постоянных опасений. Третья категория мелких тиранчиков нажимает на жалость — эти терроризируют посредством своего собственного страдания. Ну и последняя категория — те, которые просто приводят воина в бешенство.

— Ла Горда — это отдельный класс, — продолжал дон Хуан. — Активный мелюзговый тиранчик. Она смертельно тебя раздражает и к тому же приводит в бешенство. И даже дает затрещины! Всем этим она учит тебя отрешенности.

— Но это — ерунда! — воскликнул я.

— Ты пока что не свел воедино все составляющие стратегии новых видящих, — возразил он. — А когда ты это сделаешь, ты поймешь, насколько эффективным и толковым приемом является использование мелкого тирана. Более того, я бы даже сказал так: такая стратегия не только позволяет избавиться от чувства собственной важности, но также готовит воина к окончательному осознанию того факта, что на пути знания в зачет идет только безупречность.

Разрабатывая свою стратегию, новые видящие имели в виду смертельный

номер, в котором мелкий тиран подобен горному пику, атрибуты же образа жизни воина — альпинистам, которые должны встретиться на его вершине.

— Обычно в игре участвуют только четыре атрибута, — продолжал дон Хуан. — Пятый — воля — всегда находится в запасе на случай, так сказать, рукопашной схватки.

— А почему так?

— Потому что воля принадлежит к иной сфере бытия. Она относится к неизвестному. Остальные четыре относятся к сфере известного. И там же обитают мелкие тираны. По сути, в мелкого тирана человек превращается вследствие своего маниакального пристрастия к власти, к возможности быть правителем в сфере известного. Причем власть имеется в виду в самом широком смысле.

Далее дон Хуан объяснил мне, что заставить вступить во взаимодействие все пять составляющих способен только видящий, который, кроме того, является также истинным воином и мастерски владеет волей. Организация такого взаимодействия — сложнейший прием, абсолютно недоступный для обычного человека в его нормальном состоянии.

— Вообще-то, чтобы справиться с самым худшим из мелких тиранов, достаточно четырех составляющих, — продолжал дон Хуан. — Ну разумеется, если мелкого тирана удалось отыскать. Я уже говорил — мелкий тиран является внешним элементом и относится к тому, чем мы не можем управлять непосредственно. И в то же время этот элемент — самый важный. Мой бенефактор часто говорил, что воин, которому удалось случайно наткнуться на мелкого тирана, — просто счастливчик. Он имел в виду, что если мелкий тиран сам возник на твоем пути, тебе крупно повезло. Потому что в противном случае тебе придется покинуть насиженное место и отправиться на поиски своего мелкого тирана.

Затем дон Хуан рассказал мне, что одним из величайших достижений видящих времен Конкисты было открытие конструкции, которую он назвал «трехфазной прогрессией». Постигнув человеческую природу, видящие того времени смогли прийти к неоспоримому заключению: если видящий способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без

вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

— Обычный человек, — продолжал дон Хуан, — расположил бы эти три утверждения в обратном порядке. Тогда получится, что видящий, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за такой ошибки погибли многие великолепные видящие древности. Однако теперь мы в этом разобрались получше. И знаем — ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми типами, обладающими реальной властью и силой. Это — совершенный вызов, и только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

Я принялся бурно выражать свое несогласие. Я сказал дону Хуану, что, по моему мнению, тиран может только сделать свою жертву либо абсолютно беспомощной и жалкой, либо такой же злобной и жестокой, как он сам. Я сослался на множество работ по изучению воздействия физических и психологических пыток на психологию жертвы.

— Да, но ты сам только что сформулировал то, чем обусловлено принципиальное различие, — парировал дон Хуан. — Ты говоришь о жертве, а не о воине. Когда-то в отношении этого вопроса я испытывал такие же чувства, какие ты испытываешь сейчас. Потом я расскажу тебе, что заставило меня измениться, но сперва давай вернемся к временам Конкисты. Видящие тех времен даже мечтать не могли о лучших условиях. Испанцы были мелкими тиранами, в столкновении с которыми видящие испытывали свое мастерство в самом полном объеме, до предела. Натренировавшись же на завоевателях, они могли иметь дело с чем угодно. Видящим тех времен крупно повезло. Мелких тиранов тогда было полным-полно, и встречались они повсеместно.

Да, но те замечательные времена изобилия давно прошли, и теперь дело обстоит несколько иначе. Никогда после здесь не было мелких тиранов такого масштаба, поскольку неограниченной власть их была лишь тогда. А ведь мелкий тиран, обладающий неограниченными правами и возможностями, — это идеальный компонент для получения выдающегося видящего.

Так что в наше время видящим приходится идти на крайние меры, чтобы

отыскать нечто достойное внимания. И тем не менее в большинстве случаев им приходится удовлетворяться очень-очень крохотными тиранчиками.

— А ты? Тебе-то удалось найти мелкого тирана, дон Хуан?

— Мне повезло. Он сам нашел меня — великолепный мелкий тиран, прямо-таки королевский экземпляр. Правда, отношение мое ко всему этому было тогда похоже на твое нынешнее. Так что счастливчиком я себя отнюдь не ощущал.

И дон Хуан рассказал, как началось его испытание — за несколько недель до того, как он встретил своего бенефактора. В то время дону Хуану едва исполнилось двадцать. Он устроился чернорабочим на сахарную фабрику. Получение работы, на которой требовались сильные мускулы, не было для него проблемой, поскольку он всегда отличался завидной физической силой. Однажды, когда он был занят перетаскиванием тяжеленных мешков с сахаром, он заметил очень хорошо одетую женщину. На вид ей было лет за сорок. Дону Хуану она показалась очень властной. Проходя мимо, она взглянула на дона Хуана, потом что-то сказала управляющему и ушла. После этого тот подошел к дону Хуану и сказал, что за плату может помочь ему получить работу в доме владельца фабрики. Дон Хуан ответил, что у него нет денег. Управляющий с улыбкой сказал ему, что насчет этого беспокоиться не следует: скоро день зарплаты, и тогда у дона Хуана будет достаточная сумма, чтобы расплатиться. Потом управляющий похлопал его по спине, сказав, что получить работу в доме хозяина — большая честь.

В то время дон Хуан был обычным невежественным индейским парнем. Кроме заработка, достаточного для того, чтобы прокормиться, его, в общем-то, ничто не интересовало. Поэтому он не только поверил каждому слову, но и решил, что фортуна наконец-то повернулась к нему лицом. Он пообещал управляющему, что заплатит столько, сколько тот пожелает. Управляющий назвал сумму — очень большую — и сказал, что дон Хуан может выплачивать ее по частям.

Как только договоренность была достигнута, управляющий сразу же сам отвел дона Хуана в дом, находившийся на изрядном удалении от города. Там управляющий передал его другому управляющему — огромному, мрачному типу отвратительной наружности. Тот принялся задавать множество вопросов.

Особенно его интересовало, есть ли у дона Хуана семья. Когда же дон Хуан ответил, что у него нет никого, управляющий от удовлетворения даже расплылся в улыбке, обнажив гнилые зубы.

Он заверил дона Хуана, что зарплата будет высокой, и тот даже сможет накопить немного денег, поскольку тратить их будет некуда — ведь и жить, и питаться предстоит прямо в доме.

Смех, который за этим последовал, поверг дона Хуана в ужас. Он понял, что нужно немедленно бежать. Он рванулся было к воротам, но его новый управляющий с револьвером в руке преградил ему путь.

— Тебя взяли сюда, чтобы ты работал до изнеможения, — сказал он. — Заруби это себе на носу.

И он развернул дона Хуана на сто восемьдесят градусов, огрев его при этом дубинкой. Затем отвел к дому и велел выкорчевать два огромных пня, предварительно заметив, что работают здесь без выходных от зари и до заката, без перерывов. Еще он сказал, что пристрелит дона Хуана, если тот попытается бежать или пожалуется властям. Если же ему все-таки удастся ускользнуть и подать жалобу, то управляющий под присягой заявит, что дон Хуан пытался убить хозяина фабрики.

— Ты будешь вкалывать, пока не подохнешь, — сообщил он дону Хуану, — а после этого твое место займет другой индеец. Ведь сейчас ты здесь тоже вместо индейца, который умер.

По словам дона Хуана, дом напоминал крепость. Повсюду были вооруженные мужчины с мачетэ. Поэтому дон Хуан принялся за работу, стараясь не думать о том, что его ожидает. Вечером вернулся управляющий и пинками погнал дона Хуана на кухню: ему не понравился вызов в глазах дона Хуана. Он пригрозил перерезать ему жилы на руках в случае неповиновения.

На кухне какая-то старуха принесла еду. Но дон Хуан был так расстроен и напуган, что не мог есть. Старуха посоветовала ему есть как можно больше. Она сказала, что нужно быть сильным, так как работе не будет конца. И еще она сообщила дону Хуану, что человек, место которого он занял, умер всего за день до этого. Он слишком ослаб, чтобы работать, и упал со второго этажа.

Потом дон Хуан рассказал мне, что в хозяйском доме он проработал три недели. Тот тип изо дня в день постоянно бил его, заставлял выполнять самую опасную и тяжелую работу, которую только можно представить. И все время угрожал ножом, револьвером и дубинкой. Ежедневно он заставлял дона Хуана чистить стойла в конюшне, когда в них стояли нервные жеребцы. И каждый день на рассвете дон Хуан думал, что настал последний день его жизни на земле. И то, что ему удавалось выжить, означало лишь новый круг ада на следующий день.

Развязка наступила неожиданно, когда дон Хуан попросил ненадолго его отпустить. Он сказал, что ему нужно сходить в город, чтобы отдать долг управляющему с сахарной фабрики. Однако местный управляющий заявил, что ничего не получится, ведь дон Хуан не может оторваться от работы ни на минуту, поскольку он в долгах по самые уши за возможность работать в доме.

И тут дон Хуан понял, что пропал. До него дошло, в чем тут дело. Оба управляющих были в сговоре. Они брали простых индейцев с фабрики, заставляли их работать до смерти, а зарплату их делили между собой. Догадка эта настолько разозлила дона Хуана, что он с воплем ринулся в кухню и через нее выбежал из комнаты. Для управляющего и остальных работников это было полнейшей неожиданностью. Выбежав через парадную дверь, дон Хуан совсем было поверил, что ему удастся убежать, однако управляющий догнал его и выстрелил ему в грудь. Решив, что дон Хуан убит, он ушел.

Однако дону Хуану не суждено было умереть в тот день. Его бенефактор подобрал его и выходил.

— Когда я рассказал бенефактору всю эту историю, — продолжал дон Хуан, — тот не мог скрыть своего возбуждения. Он сказал: «Да ведь этот управляющий — настоящий подарок. Он слишком хорош, его нельзя упускать. Однажды тебе предстоит вернуться в тот дом».

— Он что-то нес о том, насколько мне повезло, — говорил дон Хуан, — ведь это уникальный шанс — один из миллиона — мелкий тиран, обладающий неограниченной властью. Я же думал, что старик спятил. Прошли годы, прежде чем я смог наконец в полной мере понять, о чем он тогда говорил.

— Это одна из самых жутких историй из всего, что мне доводилось слышать, — прокомментировал я его рассказ. — И что, ты действительно вернулся в тот дом?

— Ну конечно же! Через три года. Бенефактор был прав. Подобный мелкий тиран действительно может попасться в одном случае из миллиона. И его нельзя было упускать.

— Но как тебе удалось туда возвратиться?

— Мой бенефактор разработал стратегический план, в основу которого легли четыре атрибута образа жизни воина: контроль, дисциплина, выдержка и чувство времени.

И дон Хуан продолжил свой рассказ. Бенефактор объяснил ему, каким образом следует действовать, чтобы извлечь пользу из общения с людоедом типа того управляющего. Видящие считают, что на пути знания имеются четыре основных шага. Первый — решение начать учиться. Второй шаг ученик делает тогда, когда ему удалось изменить свое отношение к себе самому и к миру. Ученик становится воином — это и есть второй шаг. Воин уже обладает железной дисциплиной и способностью к полнейшему самоконтролю. Третий шаг может быть сделан только после обретения выдержки и чувства времени. Заключается же этот третий шаг в том, что воин становится человеком знания. И когда человек знания обучается видению, он становится видящим, сделав тем самым четвертый шаг.

Бенефактор сказал, что к тому моменту дон Хуан находился на пути знания уже достаточно долго, чтобы обрести первые два атрибута — контроль и дисциплину — в минимально необходимом объеме. Для меня дон Хуан подчеркнул, что и тот, и другой из этих двух атрибутов относятся к внутреннему состоянию. Воин ориентирован на себя, однако не эгоистически, а в смысле непрекращающегося и возможно более глубокого изучения своей сущности.

— Но я в то время совсем не владел двумя другими атрибутами, — продолжал дон Хуан. — Выдержка и чувство времени имеют отношение не только к внутреннему состоянию. Они относятся к сфере человека знания. И своей стратегией бенефактор раскрыл их передо мной.

— Означает ли это, что самостоятельно ты не смог бы справиться с мелким тираном? — спросил я.

— Я уверен, что смог бы сделать это и сам, но до сих пор сомневаюсь в том, что мне удалось бы решить задачу с такой точностью и получить при этом столько удовольствия. Мой же бенефактор, направляя поединок, попросту им наслаждался. Идея использования мелкого тирана состоит не только в том, что это необходимо для закалки духа воина, но также и в том, чтобы извлечь из этого максимум радости и удовольствия.

— Но как же можно наслаждаться монстром, подобным тому типу, которого ты описал?

— Во времена Конкисты видящим доводилось иметь дело с настоящими чудовищами. Этот им и в подметки не годился. И, судя по всему, видящие тех времен были вне себя от восторга. Они доказали: можно наслаждаться столкновением даже с наигнуснейшим и жесточайшим из тиранов. При условии, разумеется, что сам ты — воин.

И дон Хуан объяснил, в чем заключается основная ошибка обычного человека. Сталкиваясь с мелким тираном, обычный человек не имеет стратегии, на которую мог бы опереться. И самое слабое место обычного человека — слишком серьезное отношение к самому себе. Все свои действия и чувства, равно как действия и чувства мелкого тирана, обычный человек рассматривает как нечто предельно важное, нечто, имеющее решающее значение. Воин же не только обладает хорошо продуманной стратегией, но и свободен от чувства собственной важности. Его чувство собственной важности обуздано пониманием того факта, что реальность — всего лишь наша интерпретация мира. Знание это стало решающим преимуществом, которым обладали новые видящие по отношению к простым и грубоватым испанцам. Дон Хуан сказал, что был убежден — ему удастся справиться с управляющим уже хотя бы благодаря осознанию того факта, что мелкие тираны относятся к самим себе со смертельной серьезностью, воины же — нет. Сообразно стратегическому плану бенефактора, дон Хуан снова устроился на ту же самую сахарную фабрику. Никто не помнил о том, что он там уже когда-то работал: рабочие-пеоны приходили на фабрику и уходили с нее, не оставив следа.

Стратегия бенефактора предусматривала, что дон Хуан должен сделать все возможное, чтобы его заметили, когда придут за очередной жертвой. Получилось так, что пришла та же самая женщина и точно так же выбрала его, как и три года назад. На этот раз физически он был даже сильнее, чем прежде.

Все повторилось, однако теперь, в соответствии со стратегическим планом, дон Хуан должен был с самого начала отказаться платить управляющему. Тот никогда раньше отказа не встречал и потому был ошарашен. Он пригрозил, что уволит дона Хуана. Дон Хуан пригрозил в ответ, что немедленно отправится в дом и все расскажет той женщине. Дон Хуан знал, что женщина была женой хозяина фабрики и не знала о темных делах своих двух управляющих. Он сказал управляющему, что знает, где она живет, потому что работал в близлежащих полях на рубке сахарного тростника. Управляющий принялся торговаться, и дон Хуан потребовал, чтобы тот заплатил ему за согласие идти работать в дом. Управляющий сдался и дал ему несколько банкнот. Дон Хуан вполне отдавал себе отчет в том, что уступчивость управляющего — всего лишь уловка, цель которой — заманить его в дом.

— И опять он самолично отвел меня в дом, — рассказывал далее дон Хуан. — Это была старая гасиенда, принадлежавшая владельцам сахарной фабрики, людям богатым, которые то ли знали о том, что творится в доме, но не придавали этому значения, то ли им было настолько все равно, что они даже ничего не замечали.

Едва мы пришли, я тотчас же побежал в дом, отыскал хозяйку и, бухнувшись перед нею на колени, принялся целовать ей руки и рассыпаться в благодарностях. Оба управляющих были вне себя от злости.

Управляющий в доме действовал по той же схеме, что и прежде. Но я на этот раз был во всеоружии: я владел контролем, дисциплиной, выдержкой и чувством времени. Поэтому все получалось так, как планировал мой бенефактор. Благодаря контролю я мог выполнять самые идиотские требования этого типа. Ведь обычно в подобной ситуации мы тратим львиную долю своей энергии на переживания, обусловленные нашим чувством собственной важности. Любой человек, у которого есть хоть на йоту гордости, лопнуть готов, когда его заставляют чувствовать себя полнейшим ничтожеством.

Я с радостью выполнял все, что он требовал. Я был весел и силен. И мне было наплевать на гордость и страх. Я вел себя там как безупречный воин. Умение закалять свой дух в то время как тебя попирают и топчут — вот что называется контролем.

Затем дон Хуан объяснил, что, согласно стратегическому плану бенефактора, он не стал испытывать чувство жалости к себе, как делал раньше. Вместо этого он немедленно приступил к работе по выяснению сильных и слабых черт управляющего, а также особенностей его поведения.

Он обнаружил, что самыми сильными сторонами этого человека были его склонность к насилию и дерзость. Он выстрелил в дона Хуана среди бела дня на глазах у множества свидетелей. Огромной же слабостью управляющего было то, что ему нравилась его работа, и он ни в коем случае не пошел бы ни на что, грозившее ему увольнением. Поэтому ни при каких обстоятельствах он не стал бы убивать дона Хуана в пределах усадьбы днем. Еще одной слабостью этого человека была семья. У него были жена и дети. Они жили в лачуге недалеко от усадьбы.

— Способность собирать подобного рода информацию в то время как тебя постоянно колотят — вот что такое дисциплина, — объяснил дон Хуан. — Этот человек был законченным негодяем, без малейшего намека на милосердие. Новые видящие считают, что совершенный мелкий тиран не должен иметь ни одной черты характера, которая смягчала бы его тиранические свойства.

Потом дон Хуан рассказал мне, что два оставшихся атрибута образа жизни воина — выдержка и чувство времени (ими он тогда еще не обладал) — были задействованы бенефактором автоматически благодаря избранной им стратегической линии. Выдержка — это умение терпеливо ждать. Без порывов, без нетерпения — просто спокойно и радостно ждать того, что должно произойти.

— Ежедневно я унижался, — рассказывал дон Хуан, — временами мне приходилось даже плакать под кнутом управляющего. Но все же я был счастлив. Стратегия моего бенефактора была той силой, которая позволяла мне проживать день за днем не впадая в ненависть к этому типу. Я был воином. Я знал, что жду, и знал, чего я жду. В этом — великое наслаждение

воина.

Дон Хуан добавил, что, в соответствии со стратегическим планом бенефактора, он должен был систематически изводить управляющего, пользуясь как прикрытием кем-либо более могущественным, чем тот. Так видящие времен Конкисты использовали в качестве прикрытия католическую церковь. Обычный священник в те времена иногда оказывался могущественнее дворянина.

Дону Хуану прикрытием служила дама, взявшая его на работу. Каждый раз, когда он ее видел, он падал перед нею на колени и начинал твердить, что она — святая. Он попросил у нее ладанку с изображением ее святого покровителя, чтобы молить небо о ее здоровье и благополучии.

— И она дала ее мне, — продолжал дон Хуан, — что окончательно выбило управляющего из состояния равновесия. А когда по вечерам я убедил слуг молиться со мною, его едва не хватил удар. Я думаю, именно в тот момент он принял решение прикончить меня. Позволить мне продолжать в том же духе он не мог.

В качестве контрмеры я организовал всех слуг в доме на поочередное всенощное бдение. Хозяйка решила, что во мне есть задатки исключительно набожного человека.

Сам же я с этого дня перестал спать крепко и больше не ложился в свою кровать. Каждую ночь я забирался на крышу. Оттуда мне было видно, как дважды управляющий повсюду искал меня среди ночи. И глаза его при этом были глазами убийцы.

Каждый день он заставлял меня чистить стойла жеребцов в надежде, что в конце концов один из них зашибет меня насмерть. Но я соорудил щит из толстых досок, за которым прятался во время работы, отгораживая один из углов стойла. Тот тип об этом не знал, потому что не выносил лошадей, что было, кстати, еще одной его слабостью. Как оказалось впоследствии, именно это слабое место стало для него смертельным.

Дон Хуан объяснил, что чувство времени — это способность точно вычислить момент, в который все, что до этого сдерживалось, должно быть отпущено.

Контроль, дисциплина и выдержка подобны плотине, за которой все накапливается. Чувство времени — шлюз в этой плотине.

Управляющий знал лишь насилие, посредством которого он и терроризировал всех. Когда же он не мог его применить, он становился почти беспомощным. Дон Хуан знал, что управляющий не отважится убить его прямо перед домом, поэтому однажды он публично оскорбил управляющего в присутствии множества людей и на глазах у хозяйки. Дон Хуан назвал его трусом, который до смерти боится жены хозяина.

Это было частью стратегического плана, разработанного бенефактором: выждать и, воспользовавшись подходящим моментом, поменяться с мелким тираном ролями. Неожиданное всегда происходит именно так. Нижайший и покорнейший из рабов внезапно поднимает тирана на смех, издевается над ним, выставляет его идиотом в глазах тех, чье мнение для тирана имеет решающее значение. И затем ускользает, не давая тирану возможности отомстить.

— В следующее мгновение этот тип буквально сошел с ума от бешенства, — продолжал дон Хуан, — однако я уже покорно ползал на коленях перед хозяйкой.

Далее дон Хуан рассказал, что, когда хозяйка ушла в дом, управляющий с приятелями позвали его на задний двор, якобы для того, чтобы дать какую-то работу. Управляющий был очень бледен, он буквально побелел от злости. По его тону дон Хуан сразу же догадался, что тот собирается делать на самом деле. Дон Хуан сделал вид, что идет, но вместо того, чтобы отправиться на задний двор, неожиданно побежал к конюшне. Дон Хуан рассчитывал, что лошади поднимут неимоверный шум, и хозяева выйдут из дома посмотреть в чем дело. Он знал также, что управляющий не дерзнет его застрелить. Это произвело бы слишком много шума, а страх управляющего потерять работу был сильнее всех прочих побуждений. И еще дон Хуан был уверен — этот тип не войдет к лошадям, по крайней мере, пока окончательно не потеряет голову от ярости.

— Я заскочил в стойло к самому дикому из жеребцов, — продолжал свой рассказ дон Хуан, — а мелкий тиран, совершенно ослепленный бешенством, выхватил нож и прыгнул вслед за мной. Я мгновенно спрятался за своими

досками. Жеребцу достаточно было лишь раз его лягнуть, чтобы навсегда положить конец этой истории.

— Шесть месяцев я провел в том доме, и в течение всего этого времени я непрерывно отрабатывал четыре атрибута образа жизни воина. И благодаря им добился успеха. Я ни разу не пожалел себя и ни разу не раскис от бессилия. Я был радостен и спокоен. Мои контроль и дисциплина были совершенны как никогда прежде, и я на непосредственном опыте постиг, что безупречный воин может извлечь из выдержки и чувства времени. И я ни разу не пожелал смерти этого человека.

— Бенефактор объяснил мне кое-что весьма интересное. Выдержка означает сдерживание с помощью духа того, в неизбежном приходе чего воин полностью отдает себе отчет. Но это не значит, что воин ходит вокруг да около, строя козни с целью кому-то навредить или свести с кем-нибудь счеты. Выдержка есть нечто независимое. В случае, когда воин обладает в полной мере контролем, дисциплиной и чувством времени, выдержка гарантирует — то, что грядет, неизбежно найдет того, кто этого заслуживает.

— А случается ли так, что в схватке побеждает мелкий тиран? — спросил я.

— Разумеется. Было время — в начале испанского завоевания — когда воинов выбивали как мух. Ряды их тогда сильно сократились. Ведь мелкие тираны в те времена могли убить кого угодно просто от нечего делать, по прихоти. Под действием такого прессинга видящие достигали грандиозных состояний. Чтобы найти новые пути, выжившим тогда видящим приходилось в предельном напряжении то и дело превосходить самих себя.

— Новые видящие использовали мелких тиранов, — продолжал дон Хуан, пристально глядя на меня, — не только для того, чтобы избавиться от чувства собственной важности, но также и для того, чтобы осуществить сложнейший маневр по устранению себя из этого мира. В чем он заключается, ты постепенно поймешь по мере того, как мы будем изучать искусство осознания.

Я объяснил дону Хуану, что меня интересовало, может ли в наше время мелкий тиран из разряда тех, кого он назвал «крошечными тиранишками», одержать победу над воином.

— Сколько угодно, — ответил он. — Последствия, конечно, сегодня не столь серьезны, как в те далекие времена. Очевидно, что в наше время у воина всегда имеется шанс восстановить силы и начать сначала. Но есть и другая сторона этой проблемы. Поражение, нанесенное крошечным тиранишкой, не смертельно, но опустошительно. И в переносном смысле уровень смертности воинов почти такой же, как и прежде. Я хочу сказать вот что: воинов, поддавшихся мелочным тиранчикам, уничтожает чувство поражения и ощущение их собственной никчемности. И я рассматриваю это как высокий уровень смертности.

— Но как оценить — кто потерпел поражение, а кто — нет?

— Побежден любой, кто пополняет ряды мелких тиранов. Действовать в гневе, без контроля и дисциплины, не имея выдержки — вот что значит потерпеть поражение.

— Что происходит после того, как воин потерпел поражение?

— Он либо пересматривает свои позиции и производит перегруппировку сил, либо прекращает поход за знанием и, пополнив собою ряды мелких тиранов, остается там на всю жизнь.

Глава 3. Эманации Орла

На следующий день мы с доном Хуаном отправились пройтись по дороге, ведущей в Оахаку. Было два часа пополудни, и дорога была пустынна.

Мы неторопливо прогуливались, когда дон Хуан неожиданно заговорил. Он сказал, что разговор о мелких тиранах был не более чем введением к теме осознания. Я заметил, что этот разговор, тем не менее, заставил меня совершенно по-новому взглянуть на вещи. Дон Хуан попросил объяснить подробнее, что я имею в виду.

Я ответил, что это связано с нашим давним спором по поводу индейцев яки. Тогда, несколько лет назад, в ходе объяснения учения для правой стороны, он пытался рассказать мне о тех преимуществах, которое давало индейцам яки положение угнетенных. Я страстно спорил в тот раз, утверждая, что, живя в столь ужасающих условиях, они не могли иметь никаких преимуществ. Я говорил ему, что мне непонятно, как его — индейца яки — совсем не трогает столь вопиющая несправедливость.

Он внимательно слушал. Потом, когда я был уверен, что он собирается отстаивать свою точку зрения, он вдруг согласился. Он сказал что условия, в которых живут индейцы яки, действительно катастрофичны. Но тут же добавил, что бесполезно особо выделять условия жизни индейцев яки, поскольку человек вообще живет в ужасающих условиях.

— Так что не стоит жалеть бедненьких индейцев яки, — сказал он. — Пожалей тогда уж все человечество. А что касается индейцев яки, то им в известном смысле даже повезло. Их угнетают, и благодаря этому некоторые из них имеют возможность в конце концов оказаться победителями. А угнетатели — мелкие тираны, пожирающие их свободу — те не имеют, к дьяволу, ни единого шанса.

Я немедленно разразился потоком политических лозунгов. Я вообще не понял его точку зрения. Он еще раз попытался объяснить мне понятие мелкого тирана, но тогда эта идея как-то прошла мимо моего понимания. И только теперь все стало на свои места.

— Ничто еще не стало на свои места, — сказал дон Хуан, смеясь над тем, что я ему рассказал. — Ибо завтра, вернувшись в нормальное состояние осознания, ты даже и не вспомнишь о том, что сейчас осознал.

Я был глубоко подавлен. Я знал, что он прав.

— С тобой произойдет то, что в свое время произошло со мной, — продолжал дон Хуан. — Мой бенефактор — нагваль Хулиан — заставил меня осознать то, что ты осознал относительно мелких тиранов, когда я находился в состоянии повышенного осознания. И в итоге, когда в повседневной жизни отношение мое ко всему начало изменяться, я не отдавал себе отчета, почему это происходит.

Меня всю жизнь кто-нибудь угнетал, поэтому я был воистину зол на своих угнетателей. Можешь себе представить мое удивление, когда я вдруг обнаружил, что ищу компании мелких тиранов. Я думал, что потерял рассудок.

Мы подошли к месту, где сбоку от дороги были большие валуны, наполовину засыпанные давним оползнем. Дон Хуан направился к ним и опустился на плоский камень. Мне он сделал знак сесть напротив. Затем без дальнейших предисловий он приступил к объяснению искусства овладения осознанием.

Он объяснил, что существует ряд истин, касающихся осознания, открытых видящими — как древними, так и новыми. Для облегчения усвоения эти истины были сформулированы в определенной последовательности.

Овладение искусством осознания состоит в усвоении всей этой последовательности. Первая из истин заключается в том, что в мире нет отдельных объектов, которые существуют сами по себе, хотя мы, сообразно своему опыту, воспринимаем наш мир как мир предметов и явлений. На самом же деле мир отдельных объектов и явлений не существует. Есть лишь единая вселенная, образованная эманациями Орла.

Однако прежде чем рассказать мне об эманациях Орла, дон Хуан счел необходимым остановиться на понятиях известного, неизвестного и непознаваемого. Он сказал, что основная часть истин об осознании была открыта видящими древности. Однако последовательность, в которой они располагаются, разработали новые видящие. Ибо вне данной последовательности эти истины почти непостижимы.

Дон Хуан сказал, что древние видящие не пытались найти тот порядок, в котором должны располагаться истины об осознании. Это стало одной из их величайших ошибок, имевшей роковые последствия. Заключались эти последствия в том, что древние видящие решили: неизвестное и непознаваемое суть одно и то же. Исправить эту ошибку удалось только новым видящим. Они нашли границы и дали определения. Неизвестным они назвали то, что скрыто от человека неким подобием занавеса из ткани бытия, имеющей ужасающую фактуру, однако находящееся, тем не менее, в пределах досягаемости. В некоторый момент времени неизвестное становится известным. Непознаваемое же суть нечто неописуемое и не поддающееся ни

осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но тем не менее оно всегда где-то рядом, оно захватывает и восхищает нас своим великолепием, и в то же время грандиозность и безграничность его приводят нас в смертельный ужас.

— Но как новые видящие отличают одно от другого? — поинтересовался я.

— Есть правило, — сказал дон Хуан. — Очень простое правило. Перед лицом неизвестного человек отважен. Неизвестное обладает свойством давать нам надежду и ощущение счастья. Человек чувствует себя сильным, дерзким и бодрым. И даже беспокойство, при этом возникающее, действует благотворно. Новые видящие увидели: неизвестное раскрывает все лучшие стороны человеческой природы.

Но когда принимаемое за неизвестное оказывается непознаваемым, результаты бывают катастрофическими. Видящий чувствует, что истощен и вконец запутан. Им овладевает глубочайшая подавленность. Тело теряет тонус, ясность и уравновешенность улетучиваются. Ведь непознаваемое не дает энергии. Оно находится вне пределов досягаемости человеческого существа, в области, вторгаться в которую не следует ни бездумно, ни даже с величайшей осмотрительностью. Новые видящие поняли, что даже за намек на контакт с непознаваемым приходится платить поистине непомерную цену.

Дон Хуан объяснил, что новым видящим пришлось продираться сквозь почти непреодолимые дебри старой традиции. В начале нового цикла никто из них не знал, какие из превеликого множества традиционных магических практик были правильными, а какие — нет. Было вполне очевидно, что с древними видящими случилось что-то не то, но что именно — этого новые видящие не знали. Поэтому за отправную точку они взяли следующую установку: ошибочным было все, что делали их предшественники. Древние видящие были мастерами по части заблуждений и безосновательных догадок. Прежде всего они вообразили, что их мастерство в видении дает им гарантию безопасности. Они решили, что они неприкосновенны. И они думали так до тех пор, пока завоеватели не сокрушили их, предав большинство из них жуткой мучительной смерти. У древних видящих не было никакой защиты, кроме полной убежденности в своей неуязвимости.

Новые видящие не стали тратить время попусту на попытки разобраться, в

чем ошибка. Вместо этого они взялись за исследование неизвестного, чтобы определить, в чем различие между неизвестным и непознаваемым.

— Как они исследовали неизвестное, дон Хуан?

— Посредством контролируемого использования видения, — ответил он.

Я сказал, что спрашиваю о том, в чем заключается исследование неизвестного.

— Исследование неизвестного заключается в том, чтобы сделать его доступным нашему восприятию. Постоянная практика видения позволила новым видящим обнаружить, что неизвестное и известное в принципе составляют одно целое, поскольку и то и другое лежат в пределах возможного для человеческого восприятия. В некоторый момент видящий может покинуть сферу известного и войти в неизвестное.

То же, что находится за пределами потенциальных возможностей нашего восприятия, суть непознаваемое. И способность отличать его от неизвестного имеет критическое значение. Если видящий путает их, то, столкнувшись с непознаваемым, он оказывается в крайне незавидном положении.

Древние видящие — когда это с ними произошло, — решили, что что-то не так в их практике. На самом же деле они просто столкнулись с вещами, лежащими вне пределов человеческого постижения. Однако это им и в голову не приходило, что с их стороны оказалось чудовищной ошибкой, за которую они дорого заплатили.

— А после того, как различие между неизвестным и непознаваемым было осознано, — что произошло тогда? — поинтересовался я.

— Начался новый цикл, — ответил дон Хуан. — Это различие и есть то, что разделяет древний и новый циклы. Ведь именно его понимание и лежит в основе всех достижений новых видящих.

Далее дон Хуан рассказал о том, что видение явилось критическим элементом как в разрушении мира древних видящих, так и в формировании нового подхода. Именно посредством видения новые видящие открыли некоторые

неопровержимые факты, из которых последовал целый ряд выводов, совершивших революцию во взглядах видящих на природу человека и мира. Благодаря этим выводам появилась возможность для начала нового цикла, и были эти выводы именно теми истинами об осознании, которые излагал мне дон Хуан.

Он предложил прогуляться к центру города и побродить по площади. По пути речь зашла о технике и приборах для точных измерений. Дон Хуан заметил, что приборы являются всего лишь продолжениями наших органов чувств. Я же придерживался мнения, согласно которому некоторые приборы нельзя отнести к данной категории, поскольку они выполняют функции, на которые мы не способны по чисто физиологическим причинам.

— Наши органы чувств способны на все, — заверил меня дон Хуан.

— Хорошо, вот тебе пример: приборы, способные принимать радиосигналы, приходящие из открытого космоса, — заявил я. — А наши органы чувств этого делать не могут.

— А я на этот счет несколько иного мнения, — не согласился дон Хуан. — Я полагаю, что наши органы чувств способны воспринимать все, что нас окружает.

— Ладно, тогда как насчет ультразвука? — не унимался я. — У нас нет органических чувств для его восприятия.

— Видящие убеждены — мы имеем понятие лишь о крошечной частичке самих себя, — ответил он.

На некоторое время дон Хуан погрузился в размышление, словно пытаясь решить, что сказать дальше. Потом он с улыбкой заговорил:

— Как я уже сказал, первая из истин об осознании состоит в следующем: окружающий мир в действительности совсем иной, нежели мы его себе представляем. Мы полагаем, что имеем дело с миром объектов, однако он таковым не является.

Дон Хуан замолчал, как бы оценивая впечатление, которое произвели на меня

его слова. Я сказал, что согласен с ним, поскольку любой объект можно рассматривать как поле энергии. Дон Хуан заметил, что с моей стороны это лишь чисто интеллектуальное приближение к истине. Однако сформулировать нечто на основании голых рассуждений — вовсе не значит удостовериться в этом на практике. Его абсолютно не интересует мое согласие или несогласие. Ему нужно, чтобы я попытался постичь внутреннюю сущность этой истины.

— Ты не способен воочию убедиться в том, что все объекты этого мира — лишь поля энергии, — пояснил он. — Как и любой обычный человек. Если бы ты умел их видеть, ты был бы видящим, и в этом случае ты сам мог бы объяснить все, что касается осознания. Понимаешь, что я имею в виду?

Затем он сказал, что умозаключения, полученные на чисто интеллектуальной основе, мало что способны изменить в нашей жизни. Отсюда — масса примеров, когда люди, имея по какому-либо поводу совершенно четкие убеждения, действуют диаметрально противоположным образом, в качестве оправдания ссылаясь единственно на то, что человеку свойственно ошибаться.

— Итак, первая истина: мир таков, каким он выглядит, но в то же время он таковым не является, — продолжал дон Хуан. — Он не настолько плотен и реален, как мы привыкли считать, основываясь на своем восприятии, но в то же время он не является и миражом. Мир не иллюзорен, как иногда утверждают, он вполне реален. Но в то же время он и нереален. Обрати на это особое внимание. Тут недостаточно просто принять к сведению, тут необходимо понимание. Мы воспринимаем нечто. Это — точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

Имеется нечто, воздействующее на наши органы чувств. Это — та часть, которая реальна. Нереальная же часть суть то, что нам говорят об этом нечто наши органы чувств. Рассмотрим, к примеру, гору. Наши органы чувств говорят нам, что она — объект. Она имеет размер, цвет, форму. Мы даже подразделяем горы на вполне определенные категории. И здесь все верно, за исключением одной детали. Нам никогда не приходит в голову, что роль наших органов чувств весьма поверхностна. Способ, которым они воспринимают, обусловлен особым свойством нашего осознания. Именно это

свойство заставляет их работать так, а не иначе.

Я начал было снова соглашаться с ним, но вовсе не потому, что мне этого хотелось, поскольку я не совсем ясно понимал, что он имеет в виду. Это скорее была реакция на ситуацию. Я ощущал некую угрозу. Дон Хуан заставил меня замолчать.

— Термин «мир», — продолжал он, — я использую, чтобы обозначить все то, что нас окружает. У меня, разумеется, есть более удачный термин, но для тебя он будет совершенно непостижим. Видящие утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку наше осознание делает его таковым. В реальности же есть лишь эманации Орла — текучие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные.

Я собрался было спросить, что это такое — эманации Орла. Но дон Хуан жестом остановил меня. Он объяснил, что одним из наиболее драматических откровений, оставленных нам в наследство древними видящими, было их открытие причины бытия всех существ, обладающих способностью воспринимать. Все они существуют для того, чтобы накапливать осознание. Это открытие дон Хуан назвал колоссальным.

Полушутя он спросил, могу ли я лучше ответить на вопрос о смысле жизни, вечно не дающий человеку покоя. Я немедленно занял оборонительную позицию и принялся спорить. Я сказал, что сам по себе этот вопрос лишен смысла, поскольку логический ответ на него невозможен. И вообще, говоря об этом, мы неизбежно придем к обсуждению религиозных доктрин, и сам вопрос, таким образом, неизбежно сведется к вопросу о вере.

Но дон Хуан сказал:

— Древние видящие не только рассуждали о вере. Конечно, они были не столь практичны, как новые видящие, но их практичности все же хватало на то, чтобы знать, что именно они видели. Я же своим вопросом, который привел тебя в такое смущение, пытался подчеркнуть лишь одно: наше рациональное мышление в одиночку не способно справиться с ответом на вопрос о смысле нашего существования. Каждая попытка неизменно сводится к вопросу о вере. Древние видящие пошли по иному пути. И им удалось отыскать ответ, который не связан с одной только верой.

Дон Хуан сказал, что древние видящие смогли увидеть неописуемую силу, являющуюся источником бытия всех существ, хотя для этого им и приходилось подвергать себя невероятным опасностям. Эту силу древние видящие назвали Орлом, поскольку те немногие взгляды мельком, которые позволили им увидеть эту силу, создали у них впечатление, что она напоминает нечто похожее на бесконечно огромного черно-белого орла. Они увидели, что именно Орел наделяет осознанием. Он создает живые существа таким образом, чтобы они в процессе жизни могли обогащать осознание, полученное от него вместе с жизнью. И еще они увидели, что именно Орел пожирает обогащенное осознание, отбирая его у существ в момент их смерти.

— И потому, когда древние видящие утверждали, что смысл жизни состоит в накоплении и развитии осознания, — продолжал дон Хуан, — речь шла не о вере и не о логическом умозаключении. Они это увидели.

Они увидели, как осознание живых существ отлетает в момент смерти и, подобно светящимся клубкам ваты, поднимается прямо к клюву Орла и им поглощается. И потому для древних видящих был очевиден факт: смысл жизни всех существ — в обогащении осознания, которым питается Орел.

Дону Хуану потребовалось ненадолго отправиться куда-то по делам, поэтому он на время прервал свои объяснения. Нестор отвез его в Оахаку. Провожая их, я вспомнил, что в начале нашего с доном Хуаном знакомства я воспринимал его заявления насчет поездок по делам как своего рода эвфемизмы. Я думал, что стоит за этим нечто совсем другое. Но постепенно до меня дошло — его слова на самом деле соответствуют реальному положению вещей. У него действительно были какие-то дела в разных местах. Каждый раз перед такой поездкой дон Хуан надевал костюм-тройку — а их у него было довольно много — и становился похожим на кого угодно, но только не на знакомого мне старика-индейца. Как-то раз я даже высказался насчет совершенства этих его перевоплощений.

— Нагваль должен обладать гибкостью, достаточной для того, чтобы уметь становиться кем угодно, — объяснил мне тогда дон Хуан. — Быть Нагвалем, кроме всего прочего, значит не иметь слабых мест, которые необходимо защищать. Запомни это хорошенько — нам еще не раз предстоит к этому вернуться.

И мы возвращались к этому моменту снова и снова. И действительно создавалось впечатление, что у дона Хуана нет слабых мест, нуждающихся в защите. Но в этот раз, пока он был в Оахаке, у меня все же возникла тень сомнения. Неожиданно меня осенило: у Нагваля есть нечто, подлежащее защите. Это нечто — описание Орла. Мне казалось, что оно действительно требует защиты, причем защиты весьма пристрастной.

Я пытался заговаривать об этом с видящими из отряда дона Хуана, но они уклонялись от ответа, заявляя, что я нахожусь под карантином, поэтому подобного рода беседы со мной запрещены до тех пор, пока дон Хуан не закончит свое объяснение.

Поэтому едва дон Хуан вернулся и мы с ним присели, чтобы поговорить, я спросил его об этом.

— Истины, о которых я тебе рассказываю, вовсе не являются чем-то, что необходимо защищать, тем более — защищать с пристрастием, — ответил он. — И если ты полагаешь, что я пытаюсь их отстаивать, ты заблуждаешься. Эти истины были сформулированы и сведены воедино для того, чтобы облегчить воину путь к просветлению, а вовсе не затем, чтобы служить некими сентиментальными откровениями личной веры. И когда я говорил о том, что нагвалю нечего защищать, я, кроме всего прочего, имел в виду также и то, что нагваль лишен каких бы то ни было пристрастий и привязанностей.

Я сказал дону Хуану, что, похоже, не следую его учению, поскольку буквально одержим описанием Орла и его действий. Я снова и снова говорил о том, насколько устрашающее впечатление производит на меня эта идея.

— Это не идея, — поправил меня дон Хуан. — Это — факт. И факт, если хочешь знать, дьявольски жуткий. Видишь ли, новые видящие не занимались игрой в идеи.

— Хорошо, но тогда какого рода силой является Орел? — спросил я.

— Пожалуй, я не знаю, как ответить на этот вопрос. Для видящих Орел настолько же реален, насколько реальны для тебя гравитация и время. И настолько же абстрактен и непостижим.

— Минуточку, дон Хуан! Гравитация и время — понятия действительно абстрактные, но ведь они соответствуют реальным явлениям, поддающимся изучению. Есть целые области науки, им посвященные.

— Орел и его эманации точно так же поддаются изучению, — возразил дон Хуан. — И область, к которой относится знание новых видящих, как раз этому и посвящена.

Тогда я попросил объяснить, что такое эманации Орла.

Дон Хуан сказал, что эманации Орла — это неизменная вещь-в-себе, они пронизывают все сущее, как познаваемое, так и непознаваемое.

— Нет никакой возможности описать словами, что в действительности представляют собой эманации Орла, — пояснил он. — Видящий должен увидеть их сам.

— А ты их видел, дон Хуан?

— Разумеется, но тем не менее, я не сумею рассказать тебе, что это такое. Просто присутствие чего-то, как бы масса какого-то качества или состояния, давление, которое ослепляет. Можно лишь мельком взглянуть на них, впрочем, как и на самого Орла.

— То есть ты мог бы сказать, что Орел является источником эманаций? Так, дон Хуан?

— Орел, вне всякого сомнения, является источником своих эманаций. Это очевидно, и говорить тут не о чем.

— Нет, я имею в виду — в смысле визуального восприятия.

— Орел не имеет никакого отношения к визуальному восприятию. Видящий воспринимает Орла всем своим телом, всем своим существом. В каждом из нас присутствует нечто, способное заставить нас воспринимать всем телом. Видящие объясняют процесс видения Орла очень просто. Человек составлен эманациями Орла. Поэтому для восприятия Орла он должен обратиться к

самому себе, к своим собственным составляющим. Вот тут и возникают сложности, связанные с осознанием: оно запутывается. И в критический момент, когда эманации внутри и эманации вовне должны просто обнаружить взаимное соответствие, осознание вмешивается и принимается за построение интерпретаций. В результате возникает видение Орла и его эманаций. Но в действительности ни Орла, ни его эманаций не существует. Уяснить же истинную сущность того, что существует на самом деле, не в состоянии ни одно живое существо.

Я поинтересовался, почему источник эманаций назвали Орлом. Потому ли, что орлам вообще люди склонны приписывать важные свойства?

— Просто в данном случае нечто непознаваемое смутно напоминает образ из сферы известного. И в результате орлам стали приписывать свойства, которыми они никогда не обладали. Но подобные вещи происходят всегда, когда впечатлительные люди берутся за то, что требует абсолютной уравновешенности. Ведь среди видящих встречаются самые разные типы.

— То есть ты хочешь сказать, что существуют различные типы видящих?

— Нет. Я хочу сказать, что существует масса сентиментальных глупцов, которые становятся видящими. Ведь видящие — человеческие существа, не лишенные множества слабостей. Нет, не так. Человеческие существа, нелишенные множества слабостей, способны стать видящими. Это подобно тому, как иногда жалкие людишки становятся отличными учеными.

Такие видящие забывают о том удивительном чуде, каковым является мир. И когда жалкий человек становится видящим, сам факт его способности видеть полностью захватывает его. Он воображает себя гением, считая, что все остальное не имеет значения. Чтобы прорваться сквозь почти непреодолимую расхлябанность обычного человеческого состояния, видящий должен обладать абсолютной безупречностью. И сама по себе способность видеть имеет значение лишь постольку поскольку. Гораздо важнее другое — что именно видящий делает с тем, что он видит.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— А ты посмотри, что с нами сотворили некоторые из видящих. Ведь мы

накрепко приклеены к навязанному нам образу Орла, пожирающего нас в миг нашей смерти.

Потом он сказал, что в таком варианте описания налицо некоторая ущербность и что лично ему не нравится идея относительно чего-то нас пожирающего. С его точки зрения точнее было бы говорить о некой силе, притягивающей осознание существ подобно тому, как магнит притягивает опилки. В момент смерти под действием этой грандиозной силы происходит дезинтеграция всего нашего существа.

И вообще нелепо представлять такое явление в виде пожирающего нечто Орла, поскольку неописуемое таинственное действо превращается тем самым в тривиальное принятие пищи.

— Тогда я — очень-очень обычный человек, — заявил я. — Потому что описание пожирающего нас Орла произвело на меня потрясающее впечатление.

— Не спеши. Действительное впечатление можно будет оценить лишь тогда, когда ты сам все это увидишь, — сказал дон Хуан. — Но не следует упускать из виду: наши недостатки и недоработки никуда не исчезают. Они остаются с нами даже после того как мы становимся видящими. И ты, когда увидишь эту силу, возможно, примешь версию тех слабых видящих, которые назвали ее Орлом. По крайней мере, так в свое время поступил я. Но ты можешь и не согласиться с ними, попытавшись противостоять склонности описывать непостижимое с помощью тривиальных человеческих образов. Возможно, тебе удастся подобрать другое, новое название, и оно окажется более точным.

— Видящие, способные видеть эманации Орла, часто называют их «командами», — сказал дон Хуан. — Я, в общем-то, не возражаю против такого названия, но сам привык к названию «эманации». Это явилось следствием реакции на то предпочтение, которое мой бенефактор отдавал термину «команды». Я думаю, этот термин в большей степени соответствовал его сильному и жесткому характеру, чем моему. Мне хотелось чего-нибудь менее персонифицированного. По-моему, «команды» звучит как-то более по-человечески, хотя такой термин действительно соответствует сути явления, ибо это именно команды.

Дон Хуан сказал, что видеть эманации Орла — значит стремиться к катастрофе. Новые видящие очень скоро обнаружили, с какими огромнейшими трудностями это связано. И только после массы трагических неудач, постигших многих из них при исследовании неизвестного и попытках отделить его от непознаваемого, им удалось, наконец, понять что все в мире образовано эманациями Орла. Лишь малая часть этих эманаций находится в пределах досягаемости человеческого осознания. И лишь незначительная доля этой малой части доступна восприятию обычного человека в его повседневной жизни. Эта крохотная частичка эманаций Орла и есть известное. Та малая часть, которая в принципе доступна человеческому осознанию, — это неизвестное. Все же остальное — таинственное и неизмеримо огромное — это непознаваемое.

В продолжение разговора дон Хуан сообщил мне, что новые видящие, имея ориентацию прагматическую, мгновенно обнаружили, что эманации обладают силой тотального диктата. Все без исключения существа вынуждены задействовать эманации Орла, даже не отдавая себе отчета в том, что это такое. Организм любого существа устроен таким образом, что захватывает определенную полосу эманаций, причем каждый вид задействует при этом эманации свойственного ему определенного диапазона. Эманации же в свою очередь оказывают на организмы огромное давление. Это давление и является тем фактором, посредствам которого существо воспринимает соответствующую его диапазону картину мира.

— В нашем варианте — я говорю о человеческих существах — мы интерпретируем воспринимаемые нами эманации как объективную реальность, — продолжал дон Хуан. — Однако человек способен воспринимать настолько мизерную часть эманаций Орла, что просто нелепо и смешно придавать сколько-нибудь серьезное значение нашему восприятию. И в то же время мы воспринимаем нечто, что невозможно игнорировать. Для того, чтобы все это выяснить, новым видящим пришлось пройти суровый путь, полный смертельных опасностей.

Дон Хуан сидел на своем обычном месте в большой комнате. Раньше здесь не было мебели, и все садились на циновки, расстеленные прямо на полу. Но Кэрол — женщина-нагваль — достала очень удобные кресла для тех случаев, когда мы с ней по очереди читали дону Хуану стихи испаноязычных поэтов.

Едва я опустился в кресло, дон Хуан заговорил:

— Я хочу, чтобы ты четко отдавал себе отчет в том, чем именно мы сейчас занимаемся. Мы говорим об искусстве осознания. И те истины, о которых идет речь, суть принципы этого искусства.

Дон Хуан добавил, что в процессе изложения учения для правой стороны он демонстрировал эти принципы мне — находившемуся в обычном состоянии сознания — с помощью своего друга-видящего Хенаро. Причем Хенаро обходился с моим осознанием со всем юмором и непочтительностью, которые свойственны новым видящим.

— Вообще-то, именно Хенаро должен был бы рассказывать тебе об Орле, — сказал дон Хуан. — Но его версия слишком уж легкомысленна. Он считает, что видящие, назвавшие эту силу Орлом, либо были потрясающими тупицами, либо сыграли грандиозную шутку. Ведь орлы не только откладывают яйца, из них выходит также и еще кое-что...

Дон Хуан расхохотался, объяснив, что комментарии Хенаро по данному вопросу представляются ему настолько удачными, что удержаться от смеха нет никакой возможности. И еще он сказал, что, если бы первичное описание Орла пришлось делать новым видящим, оно безусловно было бы наполовину издевательским.

Я сказал, что на каком-то уровне воспринимаю Орла как поэтический образ, и в таком качестве он меня воодушевляет, однако на некотором уровне он приводит меня в ужас, поскольку воспринимается совершенно буквально.

— Страх — одна из величайших сил в жизни воина; своего рода шпоры, не дающие расслабится, — объяснил дон Хуан.

Затем он напомнил мне, что описание Орла — наследие видящих древности. Новые видящие не утруждали себя составлением описаний, проведением параллелей и поиском каких бы то ни было сравнений и соответствий. Они стремились добраться непосредственно до истока всего сущего и предпринимали попытку за попыткой, последовательно подвергая себя совершенно невообразимым опасностям. И они увидели эманации Орла. Но вносить какие-либо изменения в описание Орла не стали. Ибо новые видящие

чувствовали, что каждая попытка увидеть Орла требует слишком большого расхода энергии. Они считали, что видящие древности уже заплатили достаточно высокую цену за те мимолетные взгляды, которые им удалось бросить на Орла.

— Но каким образом древние видящие пришли к тому, что занялись составлением описания Орла? — поинтересовался я.

— Для обучения им нужен был некоторый минимальный набор основных понятий о непознаваемом, — ответил дон Хуан. — Они решили эту проблему, создав общее примерное описание силы, которая правит всем. Но они не описали эманации, поскольку последние вообще не поддаются описанию языком сравнений. Возможно, иногда у кого-нибудь из видящих возникает потребность как-то объяснить или описать отдельные эманации, но такие случаи всегда останутся делом сугубо личным. Короче, удачного варианта описания эманаций, подобного описанию Орла, не существует.

— Похоже, новые видящие весьма склонны к абстракциям, — прокомментировал я. — Совсем как современные философы.

— Ничего подобного. Новые видящие — народ жутко практичный, — возразил дон Хуан. — Смотри: они не стали даже пытаться состряпать какую-нибудь рациональную теорию.

Абстрактными мыслителями, как объяснил далее дон Хуан, были как раз древние видящие. Они соорудили воистину исполинские нагромождения абстрактных трактовок, вполне соответствовавших их собственному духу и духу того времени. И совсем так же, как современные философы, древние видящие совершенно не были в состоянии хоть как-то управлять каскадами ситуаций, в которые попадали сами. Новые же видящие занялись лишь практической стороной дела, научившись видеть поток эманаций, а также то, как человек и другие существа используют их для создания воспринимаемого ими мира.

— И как же их использует человек, дон Хуан?

— До идиотизма просто. Для видящего все люди — светящиеся существа. Светимость наша составлена эманациями Орла, заключенными в

яйцеобразный кокон. И та мизерная часть всех эманаций, которая находится внутри кокона, и есть то, что делает нас людьми. Воспринимать же — значит устанавливать соответствие между эманациями внутри нашего кокона и эманациями вне его.

Видящий, к примеру, может увидеть эманации внутри любого живого существа и сказать, с какими из внешних эманаций они могут прийти в соответствие.

Я спросил, похожи ли эманации на лучи света.

— Нет. Ни капельки. Так было бы чересчур просто. Они не похожи ни на что, их невозможно описать. И в то же время лично я сказал бы, что они напоминают светящиеся нити. Непостижимо же в них то, что эти нити обладают самоосознанием. Нормальный разум обычного человека справиться с этим не в состоянии. Я не сумею объяснить тебе, что имеется в виду под самоосознанием эманаций. Поскольку я сам не знаю того, о чем говорю. Все, что лично мне известно, — и лишь об этом я могу тебе рассказать, — это то, что нити эманаций осознают себя, они пульсируют собственной жизнью, и их такое множество, что числа теряют всякий смысл. И каждая из них — сама вечность.

Глава 4. Светимость осознания

Мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели за столом в доме дона Хенаро. Мы только что вернулись с окрестных гор, где собирали растения. Неожиданно дон Хуан сдвинул уровень моего осознания. Дон Хенаро, посмеиваясь, разглядывал меня. Он отметил, что две стороны моего осознания выглядят с его точки зрения довольно занятно. Вот наглядный пример: мое к нему отношение. Для правой стороны моего осознания он — уважаемый и внушающий страх маг дон Хенаро, человек, чьи непостижимые действия восхищают меня и в то же время наполняют совершенно диким ужасом. Для левой же стороны моего осознания — он просто Хенаро, а иногда — даже

Хенарито, безо всяких донов — мягкий и добрый видящий. И все, что он делает, так понятно и так соответствует тому, что делаю или пытаюсь сделать я сам.

Я согласился с ним, добавив, что человеком, одно только присутствие которого заставляет меня дрожать подобно осиновому листу, для левой стороны моего осознания является Сильвио Мануэль — самый таинственный из видящих команды дона Хуана. И еще я сказал, что сам дон Хуан, как истинный нагваль, для меня стоит вне каких бы то ни было условностей, и я одинаково восхищаюсь и уважаю его, независимо от того, в каком состоянии осознания нахожусь.

— Но и боишься тоже, а? — спросил Хенаро дрожащим голосом.

— И еще как боится, — фальцетом вставил дон Хуан. Все рассмеялись. Однако дон Хуан и Хенаро хохотали как-то очень уж самозабвенно. Я мгновенно заподозрил неладное. Было похоже на то, что они знают кое-что, о чем не договаривают.

Дон Хуан же видел меня насквозь. Он объяснил, что на промежуточной стадии, прежде чем окончательно перейти в состояние левостороннего осознания, человек становится способным на огромнейшую концентрацию, но в то же время подвержен любому влиянию. И в данный момент я попал под влияние подозрительности.

— Между прочим, Ла Горда все время находится в таком состоянии, — сказал дон Хуан. — Поэтому она — изумительный ученик и вместе с тем — просто потрясающая зануда. Она не может не цепляться за все, что встречается на ее пути. В том числе, конечно, и за вещи весьма полезные. Например — за высшую степень концентрации.

Далее дон Хуан объяснил, что новые видящие обнаружили: переходный период является тем временем, в течение которого процесс обучения становится наиболее эффективным, а само обучение — самым глубоким. Но это также тот период, когда воин должен постоянно находиться под присмотром учителя, получая все необходимые объяснения. Иначе у него возникнут проблемы с самооценкой. Если он вовремя не получит соответствующих объяснений, то, окончательно перейдя в состояние

левостороннего осознания, он станет великим магом, но никчемным видящим. Именно это произошло в свое время с древними толтеками.

В частности, жертвами соблазнов левостороннего осознания легко становятся женщины-воины. Они настолько подвижны, что могут сдвигаться влево практически без усилий. И зачастую это происходит слишком быстро, чтобы пойти на пользу.

Мы долго молчали. Хенаро заснул. А дон Хуан снова заговорил. Он сказал, что новым видящим пришлось разработать определенный набор терминов, без чего невозможно, было сформулировать объяснение второй истины, касающейся осознания. Бенефактор дона Хуана внес изменения, приспособив терминологию к своему подходу.

Дон Хуан сделал то же самое. Он счел, что не имеет значения, какой терминологией пользоваться, если истины проверяются с помощью видения.

Мне было любопытно, какие именно термины изменил дон Хуан, однако я не знал, как сформулировать вопрос. Дон Хуан, видимо, истолковал мою заминку как признак сомнения в его праве и способности изменять терминологию, и пояснил, что если за предлагаемым термином стоит только рациональный рассудок, то термин этот может соответствовать лишь рутинным соглашениям обычной жизни. Если же термин предложен видящим, он никогда не будет просто фигуральной словесной формулой, поскольку за ним стоит непосредственное видение внутренней сути вещей. В свою терминологию видящий вкладывает все, чего ему удалось достичь.

Я поинтересовался, почему он внес изменения в терминологию.

— Поиск новых, лучших способов объяснения — долг нагваля, — ответил дон Хуан. — Ведь время вносит свои изменения во все. Поэтому каждый новый нагваль должен вводить новые слова и новые понятия, чтобы описывать то, что видит.

— Ты имеешь в виду, что новые понятия нагваль черпает из мира обычной жизни? — спросил я.

— Нет. Я имею в виду, что нагваль по-новому говорит о видении. Тебе,

например, как новому нагвалю, предстоит говорить о том, что восприятие расширяется осознанием. Ты будешь говорить о том же самом, о чем говорил, скажем, мой бенефактор. Но совсем иначе, чем это делал он.

— Чем, по словам новых видящих, является восприятие, дон Хуан?

— Они говорят, что восприятие — это настройка. Восприятие имеет место при условии, когда эманации внутри кокона настроены на соответствующие им внешние эманации. Настройка — вот то, что позволяет любому живому существу культивировать его осознание. Это утверждение видящих основано на том, что они видят любое живое существо в его истинном облике — в виде пузыря белесого цвета.

Я спросил, как именно осуществляется настройка и в чем заключается соответствие внутренних эманаций внешним.

— Внешние и внутренние эманации, — ответил дон Хуан, — суть одни и те же потоки световых волокон. А живые существа — крохотные пузырьки, ими образованные, крохотные точечки света, прикрепленные к этим бесконечным струящимся нитям.

Потом дон Хуан объяснил, что светимость живых существ образована лишь ограниченным набором эманаций Орла — незначительной частью бесконечно разнообразного их множества. Эманации, образующие существо, заключены внутри его кокона. Когда видящий видит процесс восприятия, он наблюдает, как светимость эманаций Орла, находящихся вне кокона, заставляет внутренние эманации светиться ярче. Внешняя светимость как бы притягивает внутреннюю, захватывает и, скажем так, фиксирует ее. Фиксированная же таким образом светимость и есть, по сути, осознание данного конкретного существа.

Кроме того, видящий видит давление, оказываемое внешними эманациями на определенную часть эманаций внутренних. Силой давления определяется степень осознанности существа.

Я не совсем понял и попросил уточнить, каким образом внешние эманации оказывают давление на внутренние.

— Видишь ли, — сказал дон Хуан, — эманации Орла суть нечто большее, чем просто потоки световых волокон. Каждое из этих волокон является источником энергии неограниченной мощности. Поток энергии, понимаешь? Теперь представь себе: эманации вне кокона и эманации внутри него — одни и те же. Они образуют непрерывный поток энергии. Однако кокон как бы разделяет его, поверхность кокона изолирует внутреннюю часть волокон потока от внешней и тем самым формирует направленное давление.

— Я уже говорил тебе как-то о том, что древние видящие были непревзойденными мастерами по части управления осознанием. А теперь я могу добавить: суть их мастерства состояла в умении манипулировать структурой человеческого кокона. Я также говорил тебе ранее, что они раскрыли тайну осознания. Они увидели и поняли, что осознание есть определенного рода свечение в коконе живого существа. Они назвали это свечение «свечением осознания», что вполне соответствует сущности явления.

Потом дон Хуан объяснил, что древние видящие увидели осознание человека. Это — особая область светимости янтарного цвета, отличающаяся от остальных волокон кокона повышенной яркостью. Эта область занимает узкую вертикальную полосу, протянувшуюся по правой стороне поверхности кокона сверху донизу. Древние видящие овладели искусством смещать эту полосу светимости, заставляя ее расширяться, захватывая новые участки поверхности кокона, а также погружаться внутрь.

Умолкнув, дон Хуан взглянул на Хенаро. Тот по-прежнему спал сном праведника.

— Хенаро плевать хотел на объяснения, — сказал дон Хуан. — Действие — его стихия. Мой бенефактор постоянно загонял его в угол, ставя перед ним совершенно неразрешимые задачи. Поэтому Хенаро пришлось сразу же прочно закрепиться в левой стороне осознания. У него не было выбора, не было никакой возможности пробовать и размышлять.

— Так лучше, дон Хуан?

— Кому как. Для него подобный путь явился совершенным. Тебя и меня такой подход вряд ли устроит. Ведь мы оба так или иначе призваны иметь дело с

объяснениями. Хенаро и мой бенефактор больше похожи на древних видящих, чем на новых: со свечением осознания они могут делать все что захотят, поскольку обладают над ним совершенным контролем.

Дон Хуан поднялся с циновки, на которой мы сидели, и потянулся, выпрямив руки и ноги. Я настаивал на продолжении разговора. Он с улыбкой сказал, что мне нужно отдохнуть, поскольку высокая степень сосредоточения меня несколько утомила.

В дверь постучали. Я проснулся. Было темно. Какое-то мгновение я не мог сообразить, где я и что со мной происходит. Ощущение было таким, словно какая-то часть моего существа затерялась где-то очень-очень далеко. Эта часть вроде бы продолжала спать, хотя я уже полностью проснулся. Сквозь окно в дом проникал свет луны, поэтому мне было видно все, что происходит вокруг. Я увидел, как дон Хенаро поднялся и пошел к двери. Я понял, что нахожусь в его доме. Дон Хуан по-прежнему спал на циновке, расстеленной на полу. У меня было явственное ощущение, что все мы втроем заснули сразу же после того, как, смертельно устав, вернулись с прогулки по горам.

Дон Хенаро зажег керосиновую лампу. Я поплелся за ним в кухню. Кто-то принес ему кастрюлю жаркого и стопку лепешек.

Я спросил:

— Кто это принес? У тебя что, есть женщина, которая готовит?

В кухню вошел дон Хуан. Они оба смотрели на меня и улыбались. Эти улыбки почему-то наполняли меня ужасом. Я уже совсем было принялся орать от страха, когда дон Хуан ударил меня по спине. Войдя в состояние повышенного осознания, я понял, что за время сна или в момент пробуждения мое сознание вернулось в обычное состояние.

Чувство, охватившее меня, когда я вернулся в состояние повышенного осознания, было смесью облегчения, злости и потрясающе пронзительной печали. Я снова стал самим собой, и это явилось источником облегчения. Во всяком случае, с некоторых пор я начал относиться к подобным непостижимым состояниям сознания как к проявлениям моей истинной сущности. Единственная причина такого отношения была очень проста: находясь в этих

состояниях, я ощущал полноту и целостность своего существа. Я не чувствовал, что во мне чего-то не хватает. Злость и печаль были реакцией на бессилие, ибо именно в таких состояниях я более чем когда-либо осознавал ограниченность своих возможностей.

Я попросил дона Хуана объяснить, за счет чего происходит так, что в состоянии повышенного осознания я могу взглянуть назад и вспомнить все, отдавая себе отчет в каждом из действий, совершенных ранее в любом из состояний сознания. Я даже вспоминаю собственную неспособность вспомнить. Но едва лишь мое сознание возвращается в обычное нормальное состояние, как я тут же теряю нить и не могу вспомнить абсолютно ничего из того, что происходило, когда я был в состоянии повышенного осознания. Я не смог бы вспомнить, даже если бы от этого зависела моя жизнь.

— Стоп, не торопись! — прервал меня дон Хуан. — Пока что ты еще ничего даже не начинал вспоминать. Повышенное осознание — всего лишь промежуточное состояние. А вот за ним — превеликое множество того, о чем ты действительно не сможешь вспомнить. Даже под угрозой смерти.

Он был прав. Я понятия не имел, о чем идет речь, и принялся упрашивать его объяснить.

— Объяснения будут, — сказал он. — Однако не сразу. Медленно, но в конце концов мы к ним придем. Медленно — потому что я в точности похож на тебя. Мне нравится понимать. В этом смысле я — полная противоположность своему бенефактору. Он не был склонен объяснять. Для него существовало только действие. Он имел обыкновение просто сталкивать нас с неразрешимыми задачами, предоставляя возможность выпутываться самостоятельно. Некоторые из нас так и не смогли их решить и закончили в том же месте, где начали — масса действия и никакого реального знания.

— Та информация, о которой ты говоришь, спрятана где-то в глубине моего сознания? — спросил я.

— Нет. Это было бы чересчур просто, — ответил дон Хуан. — Одним лишь разделением человеческого существа на тело и сознание тут не обойдешься. Действия видящих намного сложнее. Ты забыл то, что делал или наблюдал, поскольку когда это происходило, ты видел. Вот в чем причина.

Я попросил его раскрыть смысл того, что он только что сказал. Дон Хуан принялся терпеливо объяснять. Когда происходило то, что я забыл, осознание мое было значительно усилено по сравнению с его обычным повседневным уровнем. Это значит, что для восприятия были задействованы новые, обычно не используемые части всего моего существа.

— И то, что ты забыл, спрятано именно в этих частях всего твоего существа, — сказал он. — Как раз в использовании этих зон и состоит видение.

— Я запутался еще больше, дон Хуан.

— Это не твоя вина. Видеть — значит обнажить внутреннюю сущность всего, созерцать неизвестное и бросить взгляд на непознаваемое. Поэтому видение — вещь весьма неутешительная. Обычно созерцание всей непостижимой сложности бытия приводит видящего в полную растерянность. Особенно же удручающе выглядит то, насколько ограниченность нашего обычного состояния сознания искажает и даже уродует истинную картину мира.

Тут дон Хуан в очередной раз напомнил мне, что мое сосредоточение должно быть абсолютно полным, поскольку понимание имеет критическое значение, и что превыше всего новые видящие ценят глубокое осознание, не окрашенное никакими эмоциями.

— Вот, к примеру, — продолжал он, — в тот день, когда ты понял насчет своего и Ла Горды чувства собственной важности, помнишь? На самом же деле ты ничего не понял. Это был всего лишь эмоциональный взрыв, и только. Я утверждаю это с такой уверенностью потому, что уже в следующий день ты вновь оседлал своего любимого конька — чувство собственной важности. Как будто до тебя вообще ничего не дошло.

С древними видящими произошло в точности то же самое. Они легко шли на поводу у эмоциональных реакций. Когда же дело доходило до понимания того, что они видели, они оказывались бессильны. Понимание требует трезвой уравновешенности, а не эмоциональности. Так что берегись того, кто готов рыдать от избытка чувств, когда ему кажется, что он осознал нечто важное. Его осознание — пустышка, ибо на самом деле он не понимает ровным счетом ничего.

— Путь знания таит в себе немыслимые опасности для того, кто пытается следовать по нему, не вооружившись трезвым пониманием, — продолжал дон Хуан. — Я выстраиваю теорию осознания, располагая истины в определенном порядке — так, чтобы они могли послужить тебе картой, в правильности которой тебе предстоит убедиться на собственном опыте с помощью видения. Но не зрения. Глаза здесь ни при чем.

Последовала долгая пауза. Он внимательно смотрел на меня, определенно ожидая вопроса.

— Все делают эту ошибку. Все думают, что видение связано с глазами, — произнес он. — Однако не следует удивляться тому, что, после стольких лет, ты так и не понял — видение не имеет отношение к функции глаз. Это — нормально, такой ошибки не избегает практически никто.

— Так что же такое видение? — спросил я.

Дон Хуан ответил, что видение — это настройка. Я напомнил ему: не так давно он утверждал, что настройкой является восприятие. Он объяснил, что настройка тех эманаций, которые используются в повседневной жизни, дает восприятие обычного мира, видение же обусловлено настройкой тех эманаций, которые обычно не задействованы. Таким образом, видение, будучи результатом нетривиальной настройки, вряд ли может быть истолковано только как особый тип функционирования зрительного анализатора. По словам дона Хуана, я видел бесчисленное множество раз, однако мне ни разу не пришло в голову абстрагироваться от собственно зрения. Меня все время вводил в заблуждение сам термин «видение», а также описание этого явления.

— Когда видящий видит, то нечто как бы объясняет ему все, что происходит по мере того, как в зону настройки попадают все новые и новые эманации, — продолжал дон Хуан. — Он слышит голос, говорящий ему на ухо что есть что. Если голоса нет, то происходящее с видящим не является видением.

После непродолжительной паузы дон Хуан снова заговорил о голосе видения. Он отметил, что полагать, будто видение есть слышание — тоже ошибка, поскольку в действительности видение — нечто неизмеримо большее. Однако

видящие выбрали звук в качестве критерия, позволяющего определить — имеет место новая настройка или нет.

Голос видения дон Хуан назвал вещью наиболее загадочной и необъяснимой.

— Лично я пришел к выводу, — говорил он, — что голос видения присущ только человеку. Только человек пользуется речью. Может быть, в этом дело. Древние видящие считали, что голос этот принадлежит некоторому сверхмогущественному существу, связанному с человечеством сокровенными и очень тесными узами. Они считали, что это существо — защитник человека. Для новых видящих голос видения — нечто совершенно непостижимое. Новые видящие говорят, что это свечение осознания и играет на эманациях Орла, как арфист играет на арфе.

Дать более подробные объяснения по данному вопросу дон Хуан наотрез отказался. Отказ свой он аргументировал тем, что по мере изложения им теории мне все станет ясно.

Пока дон Хуан говорил, сосредоточение мое было настолько полным, что я даже не заметил, как мы сели за стол. Я не помнил, кто что делал и только когда дон Хуан замолчал, заметил, что его тарелка жаркого уже почти пуста.

Хенаро смотрел на меня с лучезарной улыбкой. Моя тарелка стояла передо мной. И она тоже была пуста. И только остатки жаркого в ней говорили о том, что я, похоже, только что закончил есть.

Но я не помнил, как ел. Однако я не помнил и того, как подошел к столу и сел.

— Ну как жаркое? Понравилось? — спросил у меня Хенаро, глядя куда-то вдаль.

Я ответил, что понравилось. Мне не хотелось показывать, что у меня проблемы с памятью.

— А как по мне — слишком уж много перца, — сказал Хенаро. — А ты обычно не ешь острого, вот я и забеспокоился, как бы чего не вышло. Напрасно ты две порции умял. Похоже, степень твоего свинства чуточку возрастает, когда ты находишься в состоянии повышенного осознания, а?

Я признал, что он вероятно прав. Он налил мне большущую кружку воды и велел запить жаркое, чтобы не так пекло в горле. Я с жадностью влил в себя всю воду, после чего они оба взвыли от хохота.

И тут я вдруг осознал, что происходит. Это не была догадка, но какое-то буквально физическое ощущение. Нечто прямо перед моими глазами с чем-то совпало, и совпадение это словно ударило меня вспышкой желтоватого света. Я знал, что Хенаро шутит. Я не ел вовсе. Я был настолько погружен в объяснения дона Хуана, что забыл обо всем на свете. А из тарелки, стоявшей передо мной, ел Хенаро.

После ужина дон Хуан продолжил рассказ о свечении осознания. Хенаро сидел рядом со мной и слушал с таким видом, словно все это было для него полным откровением.

Дон Хуан сказал, что эманации, находящиеся вне коконов живых существ, называют большими эманациями. Давление, которое они оказывают на кокон, одинаково для всех живых существ. Но результаты этого давления различны, поскольку реакция коконов на него бесконечно разнообразна. Однако в определенных пределах можно говорить о некоторой однородности реакций.

— И теперь, — продолжал дон Хуан, — когда видящий видит, как давление больших эманаций обрушивается на вечно движущиеся текучие эманации внутри кокона и заставляет их остановиться, замереть, он знает: это момент фиксации светящегося существа осознанием.

— Само по себе выражение «большие эманации обрушиваются на эманации внутри кокона, заставляя их замереть» не означает ничего, кроме того что видящий видит нечто неописуемое, смысл чего он знает без тени сомнения. Это значит, что голос видения сообщил видящему; эманации внутри кокона замерли в полной неподвижности в результате совпадения с некоторыми из внешних эманаций.

Естественно, видящие считают, что осознание всегда приходит извне и что истинная тайна — не внутри нас. Итак, в соответствии с природой вещей, большие эманации фиксируют эманации внутри кокона. И фокус истинного осознания состоит в том, чтобы позволить фиксирующим эманациям слиться с

теми, которые находятся внутри нас. И если нам удается сделать так, чтобы это произошло, мы становимся такими, каковы мы в действительности — текучими, неизменно движущимися, вечными.

Дон Хуан замолчал. Его глаза ярко сияли. Казалось, они смотрят на меня откуда-то с огромной глубины. У меня было такое ощущение, что каждый из его глаз — отдельная, совершенно независимая точка света. Мгновение он боролся с невидимой силой, с огнем, возникшим изнутри, чтобы его поглотить. Потом все прошло, и он снова заговорил:

— Степень осознания каждого конкретного существа зависит от того, насколько оно способно позволить давлению больших эманаций вести его.

Последовала долгая-долгая пауза. Потом дон Хуан продолжил. Он объяснил, что видящие увидели: с момента зачатия осознание существа увеличивается и обогащается процессом жизни. И еще они увидели, что осознание, например, насекомого и осознание человека растут поразительно различными способами. Но с одинаковой неуклонностью.

— Осознание развивается начиная с момента зачатия или с момента рождения? — попросил уточнить я.

— Осознание начинает развиваться с момента зачатия, — подчеркнул дон Хуан. — Я всегда тебе говорил: сексуальная энергия имеет огромное значение, ею необходимо управлять и пользоваться с огромной осторожностью. Но ты каждый раз пропускал мои слова мимо ушей. Ты думал, что речь идет о нравственности. Я же всегда говорил об этом только с точки зрения экономии и перераспределения энергии.

Дон Хуан взглянул на Хенаро. Хенаро одобрительно кивнул. Дон Хуан сказал:

— Сейчас Хенаро поведает тебе, что говорил об экономии половой энергии наш бенефактор — нагваль Хулиан.

— А нагваль Хулиан, — начал Хенаро, — говорил, что заниматься сексом или не заниматься — вопрос наличия энергии. Сам он с сексом проблем не имел никогда: у него ее была прорва. Но мне он с первого же взгляда сказал, что мой член предназначен только для того, чтобы писять. Потому что у меня не

хватало энергии на секс. Бенефактор сказал, что мои родители были ужасно утомлены, когда делали меня, и им было скучно. Он назвал меня результатом исключительно тоскливого совокупления — «конда абуррида». Таким я и родился — скучным и утомленным. Нагваль Хулиан вообще не рекомендовал людям моего типа заниматься сексом. Тем самым мы можем сэкономить то небольшое количество энергии, которым обладаем.

То же самое он сказал Сильвио Мануэлю и Эмилито. Относительно остальных учеников он видел — у них достаточно энергии. Они не были зачаты в тоскливом совокуплении. Им он сказал, что они могут делать со своей половой энергией все, что хотят, но просил не забывать о самоконтроле и понимать: согласно установке, данной Орлом, роль секса — наделять новые существа светом осознания. Мы сказали, что нам все понятно.

И вот однажды, без каких бы то ни было предупреждений, с помощью своего бенефактора нагваля Элиаса, он приподнял занавес другого мира и, нисколько не колеблясь, затолкал нас всех туда, в тот мир. И все мы там едва не погибли. Кроме Сильвио Мануэля.

У нас не хватило энергии на то, чтобы выстоять в столкновении с другим миром. Никто из нас, за исключением Сильвио Мануэля, не последовал совету нагваля.

Я обратился к дону Хуану:

— Что такое занавес другого мира?

— То, что сказал Хенаро, — занавес. Но ты уходишь от темы. Ты всегда уклоняешься от темы. Мы говорим о команде Орла относительно секса. Это ведь его установка: половая энергия предназначена для создания жизни. Посредством этой энергии Орел наделяет новые существа осознанием. Поэтому, когда живые существа совокупляются, эманации внутри их коконов делают все возможное для того, чтобы наделить осознанием новое существо, которое они создают.

Во время полового акта эманации, заключенные в коконе каждого из партнеров, приходят в необычайное возбуждение, кульминацией которого становится слияние двух частей светимости осознания — по одной от каждого

партнера — которые отделяются от их коконов.

— Половой акт — всегда зарождение нового осознания. Даже когда оно в итоге не формируется, — продолжал дон Хуан. — Эманации внутри коконов человеческих существ понятия не имеют о сексе ради развлечения.

Приподнявшись со стула, Хенаро наклонился ко мне через стол и, покачивая для убедительности головой, тихо произнес:

— Нагваль изрек истину. Они в самом деле не имеют понятия. — Он подмигнул.

Дон Хуан, едва сдерживая смех, добавил, что люди обычно действуют не считаясь с тайной бытия и полагая, что такой возвышенный акт, как наделение жизнью и осознанием сводится к чисто физическому влечению, которым можно пользоваться по своему усмотрению. И в этом — их ошибка.

Хенаро принялся непристойно крутить тазом, изображая похоть. Дон Хуан сказал, что именно об этом идет речь. Хенаро выразил ему признательность за столь высокую оценку его единственного вклада в объяснение осознания.

После чего оба они разразились совершенно идиотским хохотом, сказав, что если бы я знал, с каким серьезным видом говорил об осознании их бенефактор, я непременно хохотал бы вместе с ними.

Я глубокомысленно поинтересовался, что все это значит для обычного человека в его повседневной жизни.

— Что именно? То, что делает Хенаро? — с напускной серьезностью спросил дон Хуан.

Их веселье всегда было заразительным. Успокаивались они довольно долго. Уровень их энергии был настолько высок, что рядом с ними я выглядел старым и дряхлым.

— Я не знаю, я правда не знаю, — ответил, наконец, дон Хуан. — Я только знаю, что это значит для воина. Воин знает: единственная энергия, которой мы реально обладаем, — это сексуальная энергия, которая наделяет жизнью.

Воин всегда помнит об этом и потому постоянно отдает себе отчет в степени своей ответственности.

И если воин намерен накопить достаточно энергии для того, чтобы научиться видеть, он должен стать скрягой в отношении к своей половой энергии. В этом и заключается урок, данный нам нагвалем Хулианом. Он толкнул нас в неизвестное и мы почти погибли там. И, поскольку каждый из нас хотел видеть, мы, разумеется, стали воздерживаться от растранжиривания своей светимости осознания.

Я уже не раз слышал от него подобные сентенции. И каждый раз принимался с ним спорить. Каждый раз я чувствовал, что должен возразить, приводил соображения против того, что считал пуританским отношением к сексу.

И в этот раз я тоже принялся возражать. Они оба хохотали до слез.

— Ну, хорошо, но что делать с естественной чувственностью человека? — поинтересовался я.

— Да ничего не делать, — ответил он. — С человеческой чувственностью все в порядке. Проблема не в ней, а в человеческом невежестве и нежелании людей считаться со своей собственной магической природой. Попусту растрачивать животворную силу половой энергии — ошибка. Но ошибка также — не знать, что, имея детей, человек истощает свою светимость осознания.

— Откуда видящие знают, что наличие детей истощает светимость осознания? — спросил я.

— Они видят, как светимость родителей уменьшается по мере роста светимости детей. На светящихся коконах родителей появляются большие темные пятна — как раз в тех местах, откуда была взята светимость. Где-то в среднем сечении кокона. Иногда эти пятна даже можно видеть как бы наложенными непосредственно на тело человека.

Я поинтересовался, можно ли сделать что-нибудь, чтобы люди стали более гармонично относится к светимости осознания.

— Нет, — ответил дон Хуан. — По крайней мере, видящие не могут сделать

ничего. Цель видящих — свобода. Они стремятся стать ни к чему не привязанными созерцателями, неспособными выносить суждения. Иначе им пришлось бы взять на себя ответственность за открытие нового, более гармоничного цикла бытия. А этого не может сделать никто. Новый цикл, если ему суждено начаться, должен прийти сам по себе.

Глава 5. Первое внимание

На следующий день мы позавтракали на рассвете. Затем дон Хуан сдвинул мой уровень осознания.

— Давай сегодня отправимся на первоначальную стоянку, — сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро.

— Можно, конечно… — сказал Хенаро и как-то сразу посерьезнел. Он взглянув на меня и добавил тихим голосом, как если бы не хотел, чтобы я его расслышал:

— Думаешь, он готов? Не будет ли это слишком…

Всего за несколько секунд мой страх и подозрительность выросли до неимоверных размеров. Сердце заколотилось, меня прошиб пот. Дон Хуан подошел ко мне и, почти не скрывая своего веселья, заверил, что Хенаро просто потешается надо мной, — мы только прогуляемся туда, где тысячелетия назад жили самые первые видящие.

Пока дон Хуан говорил, я мельком взглянул на Хенаро. Тот медленно качал головой из стороны в сторону. Движение было совсем незаметным. Хенаро словно давал мне понять, что дон Хуан говорит неправду. Я едва не обезумел, находясь на грани истерики, и очнулся только когда Хенаро захохотал.

Я был ошеломлен тем, с какой легкостью менялись мои эмоциональные

состояния — от практически неуправляемого взрыва до полного спада.

Втроем мы вышли из дома Хенаро. Было раннее утро. Вскоре мы углубились в выветренные холмы, расстилавшиеся вокруг дома. Там мы остановились и сели на огромном плоском камне посреди свежевспаханного и, судя по всему, засеянного склона.

— Вот оно — изначальное место, — сказал мне дон Хуан. — В процессе объяснения нам предстоит прийти сюда еще раз.

— Ночью здесь случаются очень странные вещи, — сообщил Хенаро. — Нагваль Хулиан, по сути, поймал здесь союзника. Вернее, союзник...

Дон Хуан довольно явственно шевельнул бровями. Не договорив, Хенаро умолк и улыбнулся мне:

— Рановато для страшных историй. Подождем до темноты.

Он встал и принялся красться на носках вокруг камня, выгнув назад спину.

- Что он говорил о том, как ваш бенефактор поймал здесь союзника? — обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил, глядя на ужимки Хенаро. Дон Хуан был от них в экстазе.

Через некоторое время он, наконец, проговорил, все еще не сводя глаз с Хенаро:

— Хенаро имел в виду довольно сложный метод использования осознания.

Хенаро тем временем полностью обошел вокруг камня и вернулся на свое место. Тяжело дыша, он сел на камень. Он почти задыхался.

Дон Хуан, похоже, был просто в восторге от того, что только что проделал Хенаро. У меня же в очередной раз возникло ощущение, что они надо мной потешаются, замышляя нечто, о чем я не имею ни малейшего понятия:

Вдруг дон Хуан вновь принялся рассказывать. Звук его голоса меня успокоил.

Он сказал, что в результате огромнейших усилий видящие пришли к следующему заключению: полностью развитое процессом жизни сознание взрослого человеческого существа называть осознанием некорректно, поскольку в результате определенных преобразований оно превращается в нечто гораздо более сложное, более мощное и более дееспособное. Это нечто видящие назвали вниманием.

— Откуда видящие узнали, что осознание человека растет и трансформируется? — спросил я.

Он ответил, что на каждом этапе развития человеческого существа некоторая полоса эманаций внутри кокона становится ярче. По мере накопления человеческим существом опыта эта полоса постепенно начинает излучать свет. В некоторых случаях свечение данной полосы эманаций становится настолько ярким, что она сливается с внешними эманациями. Наблюдая такое усиление свечения, видящие были вынуждены предположить: осознание — это как бы сырье, продуктом переработки и развития которого является внимание.

— Как видящие описывают внимание?

— Они говорят, что внимание суть упорядоченное и усиленное процессом жизни осознание, — ответил он.

Он добавил, что определения таят в себе определенную опасность: делая вещи более понятными, они их упрощают. В данном случае, давая определение вниманию, мы рискуем превратить чудесное магическое преобразование в нечто бытовое и невыразительное. Внимание — величайшее и, по сути, единственное достижение человека. Исходное осознание животного уровня трансформируется до состояния, охватывающего всю гамму человеческих проявлений. А видящие совершенствуют его еще больше — до тех пор, пока оно не охватит объем человеческих возможностей.

Я поинтересовался, существуют ли с точки зрения видящих какие-либо принципиальные различия между проявлениями и возможностями.

Дон Хуан объяснил, что под проявлениями понимается то, что мы способны выбирать как личности. Этим термином обозначается все, относящееся к

уровню обычной жизни, то есть — к диапазону известного. И благодаря этому проявления ограничены как количественно, так и качественно. Человеческие же возможности принадлежат сфере неизвестного. Они относятся не к тому, что мы можем выбрать, а к тому, чего мы способны достичь. Примером человеческого проявления может служить наш выбор, сообразно которому мы считаем человеческое тело материальным объектом, подобным множеству прочих материальных объектов. А пример одной из человеческих возможностей — достижение видящих, благодаря которому они воспринимают человека как яйцеобразное светящееся существо. Тело как материальный объект относится к сфере известного. Воспринимая тело как светящееся яйцо, мы имеем дело со сферой неизвестного. Человеческие возможности, таким образом, поистине неисчерпаемы.

— Видящие считают, что существуют три типа внимания, — продолжал дон Хуан. — Ты понимаешь, конечно, что речь идет только о человеческих существах, а не о живых существах вообще. Но это не просто типы внимания. Это, скорее, три уровня достижения, три уровня развития. Их называют первым, вторым и третьим вниманием. И каждое из них являет собою совершенно независимую самодостаточную область.

Первое внимание человека — это животное осознание, которое в процессе накопления жизненного опыта развилось в замысловатое многоплановое и исключительно хрупкое образование, функция которого — иметь дело со всем, что существует в нашем обычном мире повседневной жизни. Иначе говоря, все, о чем можно думать, относится к сфере функционирования первого внимания.

Первое внимание суть то, что мы являем собою в качестве обычных людей. И, по причине столь абсолютной власти над нашими жизнями, первое внимание оказывается наиболее важным приобретением обычного человека. В сущности, первое внимание, пожалуй, даже единственное, чем мы реально обладаем.

Учитывая действительную значимость первого внимания, видящие взялись за тщательное его исследование посредством видения. Находки, сделанные ими в этой области, сформировали все их мировоззрение, как и мировоззрение их последователей. Хотя последователи в большинстве своем не понимали, что именно видели те видящие на самом деле.

Проникновенным голосом дон Хуан сообщил мне, что выводы, сделанные новыми видящими на основании тщательных исследований, не имели практически ничего общего с рассудком и соображениями рационального порядка. Ведь исследовать первое внимание и формулировать соответствующие объяснения может только тот, кто его видит. Разумеется, это доступно только видящему. А вот изучать то, каким видящий видит первое внимание, довольно важно. Это дает первому вниманию ученика уникальную возможность — понять принципы и механизмы своего собственного функционирования.

— Так вот, видящий видит первое внимание как светимость осознания, развитую до состояния сверхинтенсивного излучения, — продолжал дон Хуан. — Но эта часть светимости зафиксирована, так сказать, на поверхности кокона. Это светимость, покрывающая зону известного.

А теперь поговорим о втором внимании, которое является более сложным и специфическим состоянием светимости осознания. Второе внимание относится к сфере неизвестного. Оно начинает работать, когда задействуются эманации внутри человеческого кокона, которые обычно не используются.

Я назвал второе внимание специфическим состоянием по следующей причине: чтобы задействовать эти неиспользованные эманации, необходима необычная, тщательно разработанная и спланированная тактика, требующая исключительной дисциплины и высшей степени сосредоточения.

Дон Хуан напомнил мне, как когда-то, обучая меня искусству сновидения, он уже рассказывал о сосредоточении, необходимом для осознания того, что видишь сон. Так вот, это сосредоточение — предшественник второго внимания. Форма, в которой пребывает сознание при таком сосредоточении, принципиально отличается от формы, необходимой для того, чтобы иметь дело с миром обычной жизни.

Еще дон Хуан сказал, что второе внимание также называют левосторонним осознанием и что это — огромнейшая область. Фактически эта область кажется беспредельной, настолько она огромна.

— И просто так я не полезу туда ни за что на свете, — продолжал дон Хуан. —

Это — трясина, настолько сложная и причудливая, что трезвые и уравновешенные видящие входят в нее только при строго определенных условиях.

Вся сложность состоит в том, что забраться во второе внимание просто, а противиться его зову практически невозможно.

Овладев осознанием, древние видящие использовали свое мастерство для того, чтобы расширить свое свечение осознания до непостижимых пределов. Заставляя вспыхивать эманации внутри своих коконов по одной полосе за раз, они стремились зажечь их все. И им это удалось, но, как это ни странно, умение зажигать полосы по одной стало тем фактором, из-за которого они увязли в трясине второго внимания.

Новые видящие исправили их ошибку. Они довели мастерство управления осознанием до его естественного завершения. Они научились одним ударом выводить свечение осознания за пределы кокона.

Третье внимание достигается, когда свечение осознания превращается в огонь изнутри — свечение, которое зажигает не по одной полосе за раз, а одновременно все эманации Орла внутри кокона человека.

Дон Хуан сказал, что испытывает благоговение перед непреклонным устремлением новых видящих к достижению третьего внимания в течение жизни, пока они обладают личностным самоосознанием.

Он не счел нужным останавливаться на тех редких случаях, когда люди и другие живые существа случайно входят в неизвестное и непознаваемое, не отдавая себе в этом отчета. Дон Хуан сказал, что каждый такой случай — это дар Орла. Впрочем, для новых видящих вход в третье внимание — тоже дар, но значение этого дара несколько иное. Он скорее является наградой за достижение.

И еще дон Хуан сказал, что в момент смерти все человеческие существа входят в непознаваемое, и некоторые из них достигают третьего внимания, но всегда лишь на непродолжительное время и только для того, чтобы очистить пищу для Орла.

— Высшее свершение человеческого существа, — закончил дон Хуан, — достичь этого уровня, сохранив жизненную силу и не сделавшись бестелесным осознанием, которое, подобно мерцающей искорке, взлетает прямо к клюву Орла, чтобы быть им поглощенным.

Пока дон Хуан рассказывал, я не замечал ничего вокруг. Теперь обнаружилось, что Хенаро исчез, видимо, встал и куда-то ушел, а сам я склонился к камню, и дон Хуан, сидя рядом на корточках, мягко толкает меня за плечи вниз. Поддавшись, я лег на камень и закрыл глаза. С запада дул нежный ветерок.

— Только не засни, — произнес дон Хуан. — Ты ни в коем случае никогда не должен спать на этом камне.

Я сел. Внимательно на меня глядя, дон Хуан добавил:

— Просто расслабься. Пусть внутренний диалог замрет.

С абсолютно полным сосредоточением я следил за его словами. Вдруг что-то словно ударило меня изнутри. Это был испуг. Сперва я даже не знал, в чем дело. Я решил, что испытываю очередной приступ неверия. Но потом, как молния, меня пронзило: да ведь уже вечер! По моим ощущениям мы разговаривали на камне не больше часа. А прошел целый день!

Я вскочил. Я полностью отдавал себе отчет в чудовищности несоответствия, но что именно со мною происходит, тем не менее, понять не мог. Я только испытывал странное ощущение — тело жаждет убежать прочь. Дон Хуан прыгнул, обхватив меня, и мы вместе с ним скатились на мягкую землю. Дон Хуан держал меня крепко, я чувствовал себя зажатым в стальных тисках. Мне и в голову никогда не приходило, что он настолько силен.

Меня всего трясло, как в припадке эпилепсии. Руки метались вокруг, описывая самые невероятные траектории. И в то же время существовала некая отрешенная часть меня, которая даже с некоторым интересом созерцала, как вибрирует, извивается и подпрыгивает тело.

Наконец, спазмы прошли, и дон Хуан меня отпустил. Он тяжело дышал от напряжения. Он сказал, что теперь нам будет лучше взобраться обратно на

камень и там посидеть, пока я окончательно не приду в себя.

Я не смог устоять перед соблазном задать свой обычный вопрос: что со мной произошло? Он объяснил, что, во время его рассказа я перешел определенную грань и неожиданно вошел очень глубоко в левостороннее осознание. Дон Хуан и Хенаро последовали туда за мной. А потом я точно так же внезапно оттуда вышел.

— Я как раз вовремя тебя поймал, — сообщил мне дон Хуан. — Иначе тебя вынесло бы прямехонько в твое нормальное состояние.

Я совершенно запутался. Он объяснил, что все мы втроем играли осознанием. В какой-то момент я, должно быть, испугался, и ускользнул от них.

— Хенаро — мастер осознания, — продолжал дон Хуан. — Сильвио Мануэль — мастер воли. В свое время их обоих безжалостно толкнули в неизвестное. Наш бенефактор поступил с ними точно так же, как с ним самим поступил его бенефактор. В некотором отношении Хенаро и Сильвио Мануэль очень похожи на древних видящих. Они знают, что они могут сделать, но их мало интересует то, как они это делают. Сегодня Хенаро воспользовался случаем, чтобы сдвинуть твою зону свечения осознания. В результате все мы вместе оказались в каких-то таинственных закоулках неизвестного.

Я умолял его рассказать, что происходило с нами в неизвестном.

Вдруг у самого своего уха я услышал:

— Ты должен сам это вспомнить.

Я был абсолютно уверен, что слышу голос видения, и потому совсем не испугался. Я даже не поддался побуждению оглянуться.

— Я — голос видения, и я говорю тебе, что ты — болван, — раздался тот же голос.

Затем послышался смешок.

Я обернулся. Позади меня сидел Хенаро. Я был настолько удивлен, что

хохотал, наверное, даже несколько истеричнее, чем они.

— Ну что ж, темнеет, — сказал мне Хенаро. — Как я тебе уже обещал сегодня, нам предстоит нечто! На этом самом месте.

Тут в разговор вмешался дон Хуан:

— А может быть, хватит на сегодня? А то ведь наш дурачок может помереть со страху.

— Не-е, он — в порядке, — возразил Хенаро, потрепав меня по плечу.

— Ты бы все-таки у него самого спросил, — настаивал дон Хуан. — Он ведь и вправду такой дурачок, что может помереть со страху. Он сам тебе об этом скажет.

— Что, действительно? — подняв брови, обратился ко мне Хенаро. — Ты на самом деле такой дурачок?

Я промолчал. И от этого они в буквальном смысле покатились со смеху. Хенаро даже скатился на землю. Дон Хуан легко спрыгнул с камня и помог ему подняться на ноги. После этого Хенаро сказал дону Хуану, имея в виду меня:

— Попался! Он ведь никогда не скажет, что он — дурачок. Он для этого чересчур важен. А потом произойдет нечто такое, отчего его будет трясти. Он даже в штаны может наложить со страху. А все потому, что не признался, что он — дурачок.

Наблюдая за тем, как они смеются, я пришел к убеждению, что так радостно хохотать способны только индейцы. Но тут же я пришел к убеждению, что они злобствуют, и это видно невооруженным глазом. Ведь издевались они над не-индейцем.

Дон Хуан мгновенно уловил мои чувства и сказал:

— Не позволяй своему чувству собственной важности разрастаться до неимоверных размеров. Ни с какой точки зрения ты не являешься чем-то особенным. Так же, как и любой из нас, независимо от того, индеец он или

нет. Нагваль Хулиан и его бенефактор добавили к своей жизни не один год удовольствия, потешаясь над нами.

Хенаро живо вскарабкался на камень и, подойдя ко мне, заявил:

— На твоем месте я бы не знал, куда себя деть от смущения. Я бы очень расстроился. Я бы даже разревелся! Да ты поплачь, поплачь! Пореви хорошенько, сразу полегчает.

К своему несказанному удивлению, я начал тихонько всхлипывать. А потом так разозлился, что взревел от ярости. И только после этого почувствовал облегчение.

Дон Хуан мягко похлопал меня по спине. Он сказал, что обычно гнев действует очень отрезвляюще. Иногда так действует страх, иногда — юмор. Но я, в силу своей насильственной натуры, реагирую только на гнев.

Он добавил, что внезапные сдвиги в светимости осознания очень нас ослабляют. Они пытались меня поддержать, заставить стать сильнее. И Хенаро в этом явно преуспел, когда ему удалось привести меня в ярость.

К тому времени уже наступили сумерки. Вдруг Хенаро указал на какое-то мелькание прямо в воздухе, на уровне глаз. В сумеречном свете это было похоже на большую бабочку, которая кружилась вокруг места, где мы сидели.

— Не иди на поводу у своей впечатлительности, — предостерег меня дон Хуан. — Не нужно ничего желать и ни к чему стремиться. Просто пусть Хенаро тебя ведет. И не отводи взгляда от этого пятна.

Мелькающая точка определенно была бабочкой. Я ясно различал все ее детали. Я следил за ее извилистым усталым полетом, пока не начал видеть каждую частичку пыльцы на ее крылышках.

Я был полностью поглощен созерцанием, когда что-то вдруг вывело меня из этого состояния. Прямо за спиной я ощутил мощный взрыв беззвучного шума, если так можно выразиться. Обернувшись, я заметил целую группу людей, стоявших в ряд на другом, несколько более высоком, чем тот, где мы сидели, конце камня. Я подумал, что это — люди, живущие по соседству. Видимо, они

заподозрили неладное, наблюдая, как мы целый день здесь болтаемся, и взобрались на камень, чтобы с нами разобраться. То, что их намерения по отношению к нам далеко не добрые, я узнал откуда-то в то же мгновение.

Дон Хуан и Хенаро соскользнули с камня, велев поторопиться и мне. Мы тотчас же двинулись прочь. Весь путь до дома Хенаро мы проделали, ни разу не оглянувшись, чтобы посмотреть, преследуют ли нас те люди. Ни Хенаро, ни дон Хуан не произнесли ни единого слова. Один раз дон Хуан даже свирепо шикнул на меня, приложив к губам палец. Когда мы подошли к дому Хенаро, дон Хуан втянул меня внутрь. А Хенаро, не останавливаясь, проследовал мимо дома и куда-то ушел.

Когда мы с доном Хуаном оказались в безопасности внутри дома и он зажег керосиновую лампу, я поинтересовался:

— Что это были за люди, дон Хуан?

— Это были не люди, — ответил он.

— Да ладно тебе, дон Хуан, не надо напускать мистический туман. Это были люди, я видел их своими глазами.

— Ну разумеется, ты видел их своими глазами, — парировал он. — Однако это ни о чем не говорит. Твои глаза тебя подвели. Это были не люди, и шли они за тобой. Хенаро пришлось их отвлечь.

— Так кто же это был, если не люди?

— О, а вот в этом скрыта тайна. Тайна осознания, которую невозможно раскрыть рациональным путем, просто о ней рассказав. Она относится к тем тайнам, которые можно лишь созерцать.

— Хорошо, тогда сделай так, чтобы я тоже стал свидетелем этой тайны, — не отставал я.

— Но ты уже им стал! Дважды за сегодняшний день. Просто сейчас ты этого не помнишь. Однако вспомнишь, когда зажжешь те эманации, которые светились, когда ты созерцал тайну осознания, о которой идет речь. А пока давай-ка

вернемся к разговору об осознании вообще.

Дон Хуан еще раз повторил, что осознание начинается с постоянного давления больших эманаций извне на эманации, заключенные внутри кокона. За счет этого давления останавливается движение эманаций внутри кокона, которое суть движение к смерти, ибо направлено на разрушение кокона. Такая остановка является первым действием осознания.

— Все живые существа стремятся к смерти. Это — истина, в которой видящий не может не отдавать себе отчета, — продолжал дон Хуан. — Осознание же останавливает смерть.

Новых видящих привел в глубокое замешательство тот факт, что осознание препятствует смерти и в то же время является ее причиной, будучи пищей Орла. Это невозможно объяснить, поскольку не может быть рационального способа понять бытие. Видящим не оставалось другого выхода, кроме как принять то, что их знание основано на взаимопротиворечащих предпосылках.

Я спросил:

— Но почему они разработали систему, содержащую внутренние противоречия?

— Ничего они не разрабатывали, — ответил он. — Видящие открыли непреложные истины, они увидели их такими, какие они есть. Вот и все.

— Вот например: видящий должен быть методичным, рациональным существом, образцом трезвой уравновешенности; и в то же время он должен всячески избегать этих качеств, чтобы быть абсолютно свободным и открытым по отношению к чудесным тайнам бытия.

Приведенный доном Хуаном пример несколько сбил меня с толку. Но не совсем. Я понял, что имелось в виду. Ведь он все время пытался развить во мне максимум рационализма. И только лишь для того, чтобы разрушить его до основания и потребовать полного отсутствия сколько-нибудь рационального подхода.

— Только предельная, высочайшая уравновешенность может стать мостом

между взаимоисключающими противоречиями, — сказал дон Хуан.

— Скажи, дон Хуан, а как по-твоему, искусство может быть таким мостом? — поинтересовался я.

— Мостом между противоречиями ты можешь назвать все что угодно — искусство, страсть, уравновешенность, любовь и даже доброту.

Потом дон Хуан рассказал, что в процессе изучения первого внимания новые видящие обнаружили: все органические существа, кроме человека, успокаивают возбужденные эманации внутри своих коконов. За счет этого внутренние эманации получают возможность настроиться на соответствующие им внешние. Чего не происходит в случае человеческих существ, поскольку первое внимание последних принимается за инвентаризацию эманаций Орла, имеющихся внутри кокона.

Я спросил:

- Что такое инвентаризация, дон Хуан?

— Человеческие существа отмечают те эманации, которые есть внутри их коконов, — ответил он. — Ни одно другое создание этим не занимается. В миг фиксации внутренних эманаций большими эманациями первое внимание начинает за собой наблюдать. И отмечать все, что с ним происходит. Во всяком случае, оно пытается это сделать доступными ему способами. Этот процесс видящие и называют составлением инвентарного списка.

Я не хочу сказать, что таков добровольный выбор человека, или что человек может отказаться от инвентаризации. Составление инвентарного списка — это команда, которую дает Орел. Не подчиниться ей нельзя, но вот то, как именно подчиниться — совсем другое дело. Тут уже можно выбирать.

Дон Хуан сказал, что, хотя ему не нравится называть эманации командами, они, по сути, являются таковыми — командами, ослушаться которых не дано никому. Однако в подчинении командам заключен способ неподчинения им.

— В случае с инвентаризацией первого внимания, — продолжал дон Хуан, — видящий не может не подчиниться. И он подчиняется. Однако как только

инвентарный перечень составлен, видящий выбрасывает его. Ведь Орел не заставляет нас делать из инвентарного перечня культ. Он дает лишь команду на составление этого перечня, не более.

Я задал вопрос:

— Каким образом видящий видит, что человек осуществляет инвентаризацию?

— Внутренние эманации человеческого кокона успокаиваются не для того, чтобы прийти в соответствие с внешними, — последовал ответ. — Это становится очевидным после того, как увидишь, что делают другие существа. Успокоившись, они практически сливаются с большими эманациями и текут вместе с ними. Вот, например, скарабей — жук-навозник. Свет его эманаций иногда распространяется, захватывая огромные пространства.

Человек же, успокоив эманации внутри своего кокона, начинает их со всех сторон обдумывать, анализировать и ими любоваться. Тем самым эманации замыкаются сами на себя.

Дон Хуан сказал, что, осуществляя инвентаризацию, люди доводят выполнение соответствующей команды до логического завершения. Все же остальное ими игнорируется. А когда человек достаточно глубоко увяз в инвентаризации, ситуация может развиваться по двум направлениям. В первом случае человек полностью игнорирует импульсы больших эманаций, во втором — использует их весьма специфически.

Игнорируя эти импульсы, человек после составления инвентарного перечня приходит к уникальному состоянию, которое называется рассудочностью. А использование всех импульсов специфическим образом — это самопоглощенность.

Для видящего человеческая рассудочность имеет вид необыкновенно однородного тусклого свечения, которое если и реагирует на постоянное давление больших эманаций, то делает это крайне слабо и крайне редко. Свечение рассудочности делает оболочку яйцеобразного кокона более плотной, но в то же время и более ломкой.

Дон Хуан отметил, что по идее человеческая рассудочность должна была бы

встречаться в изобилии, однако на самом деле это — чрезвычайно редкое явление. Подавляющее большинство человеческих существ склоняется к самопоглощенности.

Разумеется, осознание всех живых существ в известной степени замкнуто на себя. Иначе взаимодействие между ними было бы невозможным. Но такой глубочайшей степени самопоглощенности первого внимания, какая присутствует у человека, не достигает ни одно другое существо. В противоположность рассудочному человеку, напрочь игнорирующему импульсы больших эманаций, индивид самопоглощенный схватывает каждый импульс и преобразует его в усилие, взбалтывающее эманации внутри кокона.

Наблюдая все это, видящие пришли к одному весьма практическому выводу. Они увидели, что рассудочные люди должны жить дольше, чем самопоглощенные. Игнорируя импульсы больших эманаций, первые усиливают естественное возбуждение внутренних эманаций. А самопоглощенные индивиды, наоборот, сокращают свою жизнь, используя импульсы внешних эманаций для создания дополнительного возбуждения внутри.

Я поинтересовался:

— Что видит видящий, созерцая самопоглощенного человека?

— Прерывистые вспышки белого света, сопровождающиеся длинными периодами потускнения, — ответил дон Хуан.

Потом он замолчал. У меня больше не было вопросов. А может, я слишком устал, чтобы спрашивать о чем бы то ни было. Громкий удар, похожий на взрыв, заставил меня подскочить от неожиданности. Входная дверь распахнулась. Вошел Хенаро и, тяжело дыша, рухнул на циновку. Он весь был мокрым от пота.

— Я рассказывал о первом внимании, — сообщил ему дон Хуан.

— Первое внимание работает только с известным, — сказал Хенаро. — Когда имеешь дело с неизвестным, оно не стоит и ломаного гроша.

— Ну, это не совсем верно, — возразил дон Хуан. — Первое внимание очень

хорошо работает и с неизвестным. Оно блокирует неизвестное, оно отрицает его настолько яростно, что неизвестное для первого внимания попросту перестает существовать.

— Инвентаризация делает нас неуязвимыми. Вот почему она возникла и имеет первостепенное значение.

— О чем это вы? — обратился я к дону Хуану.

Тот не ответил. Он смотрел на Хенаро, словно ждал ответа.

— Но если я открою дверь? — спросил Хенаро. — Сможет ли первое внимание справиться с тем, что войдет?

— Твое и мое — не сможет, — сказал дон Хуан. — А его, — он указал на меня, — сможет. Давай попробуем.

— Но он же в состоянии повышенного осознания. Как насчет этого? — спросил Хенаро.

— Это ничего не меняет, — сказал дон Хуан.

Хенаро поднялся, подошел к входной двери и настежь распахнул ее, мгновенно отскочив в сторону. Порыв холодного ветра ворвался в дом. Дон Хуан подошел ко мне и встал рядом. Хенаро сделал то же самое. Они пристально меня разглядывали.

Я хотел закрыть дверь. Я чувствовал некоторое неудобство от холода. Но едва я двинулся к двери, как дон Хуан и Хенаро прыгнули вперед и загородили меня от нее.

— Ты что-нибудь замечаешь в комнате? — спросил Хенаро, обращаясь ко мне.

— Ничего, — совершенно искренне ответил я. Кроме холодного ветра, который врывался сквозь дверной проем, замечать было нечего.

— Странные существа вошли, когда я открыл дверь, — сказал он. — Неужели ты ничего не заметил?

По его голосу я понял, что на этот раз он не шутит.

Втроем, они — по бокам, я — посредине, мы вышли из дома. Дон Хуан прихватил с собой керосиновую лампу, а Хенаро запер дверь. Через дверцу для пассажира мы сели в машину, причем меня они втиснули первым. А потом мы отправились в соседний городок, где находился дом дона Хуана.

Глава 6. Неорганические существа

На следующий день я неоднократно просил дона Хуана объяснить, почему мы так внезапно покинули дом Хенаро. Но он наотрез отказался даже упоминать о том, что произошло. От Хенаро я тоже ничего не добился. В ответ на все мои вопросы он лишь подмигивал с дурацкой ухмылкой.

Во второй половине дня дон Хуан появился во внутреннем дворике своего дома. Я в это время находился там, беседуя с его учениками. Как по команде, все они поднялись и вышли.

Дон Хуан взял меня под руку, и мы двинулись вдоль галереи. Он молчал, и некоторое время мы просто прохаживались вокруг дворика, как будто гуляли по городской площади.

Дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Потом он обошел меня, рассматривая с головы до ног. Я знал, что он видит меня. Меня охватила странная усталость, какое-то чувство лени. Я не испытывал его до тех пор, пока глаза дона Хуана не пробежали вдоль моего тела. Неожиданно он заговорил:

— Ни я, ни Хенаро не хотели говорить о том, что случилось ночью, вот по какой причине: когда ты был в неизвестном, ты очень сильно испугался. Хенаро втолкнул тебя туда, и там с тобой что-то происходило.

— Что именно, дон Хуан?

— Объяснить тебе это сейчас по-прежнему сложно, если вообще возможно, — сказал он. — Для того, чтобы идти в неизвестное и отдавать себе отчет в том, что там происходит, тебе не хватает свободной энергии. Выстраивая истины об осознании в определенном порядке, видящие увидели, что первое внимание потребляет все свечение осознания, которым обладает человеческое существо. Свободной энергии при этом практически не остается. Вот в чем твоя нынешняя проблема. Рано или поздно каждому воину предстоит проникнуть в неизвестное. Поэтому новые видящие рекомендуют экономить энергию. Но откуда ее взять, если вся она задействована? Новые видящие говорят: свободную энергию можно добыть, искореняя привычки, которые не являются необходимостью.

Дон Хуан остановился и спросил, есть ли у меня вопросы. Я поинтересовался, что происходит со светимостью осознания при искоренении ненужных привычек.

Он ответил, что осознание в этом случае выходит из состояния замкнутости на самом себе, обретая свободу для концентрации на чем-нибудь другом.

— Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, — продолжал дон Хуан, — однако оно находится за пределами возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. А становится оно таковым потому, что обычный человек не обладает количеством свободной энергии, достаточным для того, чтобы отследить и ухватить эту часть самого себя.

Ты идешь по пути воина уже достаточно долго. И способен ухватить неизвестное. На это у тебя свободной энергии хватает. Но для того, чтобы понять неизвестное или хотя бы запомнить, ее у тебя явно недостаточно.

Затем дон Хуан объяснил, что там, на плоском камне, я погрузился в неизвестное на очень большую глубину. Но пошел на поводу у свойственной моему характеру склонности все преувеличивать и поддался чувству неописуемого страха. А это был наихудший из всех возможных вариантов поведения в данной ситуации. Когда же, совершенно ошалев, я выскочил из

левостороннего сознания, за мной, к сожалению, тянулся хвост из превеликого множества странных вещей.

Я сказал дону Хуану, что он увиливает, и что ему следует прямо сказать мне, какие именно странные вещи я оттуда выволок.

Дон Хуан снова взял меня под руку, и мы двинулись дальше. Он сказал:

— Рассказывая об осознании, я хочу, чтобы все с самого начала было расставлено по своим местам. Поэтому давай-ка немного поговорим о древних видящих. Как я уже отмечал, Хенаро очень похож на них.

И дон Хуан повел меня в большую комнату. Там мы сели, и он продолжил:

— Знания, накопленные за века древними видящими, приводили новых видящих в ужас. Это и понятно: ведь новые видящие понимали, что это знание ведет только к разрушению. И в то же время они были буквально очарованы им, в особенности — его практической стороной.

— Откуда новым видящим известны практики древних? — поинтересовался я.

— Новые видящие — прямые наследники древних толтеков. Изучая то, что те оставили им в наследство, они все больше узнают о древних практиках. Вряд ли кто-то из новых видящих ими пользуется, но как составная часть знания эти практики все равно существуют.

— Что это за практики, дон Хуан?

— Очень странные непонятные формулы и заклинания — многословные магические процедуры, посредством которых можно управлять некоторой исключительно таинственной силой. Таковой, по крайней мере, эта сила была для древних толтеков. Причем они старались всячески замаскировать ее, сделав еще более ужасающей, чем она есть на самом деле.

Я спросил:

— И что же это за таинственная сила?

— Это — сила, присутствующая во всем сущем, — ответил он. — Древние видящие никогда не предпринимали попыток раскрыть тайну силы, благодаря которой были созданы их секретные практики. Они просто принимали ее как нечто священное. Однако новые видящие занялись ею вплотную. Они назвали эту силу волей — волей эманаций Орла, или намерением.

Потом дон Хуан рассказал, что свое тайное знание древние толтеки поделили на пять разделов, каждый из которых объединял две категории: земля и области тьмы, огонь и вода, верх и низ, громкое и безмолвное, движущееся и покоящееся. Вполне возможно, что существовали тысячи разнообразных приемов, с течением времени становившихся все более и более сложными.

— Тайное знание земли, — продолжал дон Хуан, — касалось всего, что на ней находится. Это были определенные наборы движений, слов и снадобий, которые применялись для того, чтобы манипулировать людьми, животными, насекомыми, деревьями, мелкими растениями, камнями, почвой.

Практики, принадлежащие к категории тайного знания земли, сделали древних видящих совершенно жуткими существами. Тайное знание свое они применяли либо для покорения, либо для разрушения чего-нибудь из существующего на земле.

Дополнением тайного знания земли являлось тайное знание областей тьмы. В эту категорию входили самые опасные практики, имеющие дело с неорганическими формами жизни, то есть с существами, населяющими землю параллельно с органическими.

Древние видящие обнаружили, что органическая жизнь является не единственной формой жизни, присутствующей на земле. Это стало, вне всякого сомнения, одним из наиболее ценных открытий. В особенности для самих древних видящих.

Я не совсем понял то, что он сказал, и попросил разъяснить.

— Органические существа — не единственные создания, обладающие жизнью, — сказал дон Хуан и сделал паузу, как бы давая мне возможность осмыслить это утверждение.

Я принялся спорить. Я выдал длинную тираду по поводу определения жизни и того, что считать живым. Я долго говорил о функции воспроизводства, метаболизме, росте, то есть о процессах, отличающих живые организмы от неживых предметов.

— Ты отталкиваешься от органики, — сказал дон Хуан. — Но это — лишь один из примеров. Не стоит обобщать, опираясь только на одну категорию признаков.

— Но как же иначе? — спросил я.

— Для видящих быть живым — значит осознавать, — ответил он. — Для обычного человека осознавать — значит быть организмом. Видящие имеют несколько иную точку зрения. Для них осознавать — значит иметь некую форму, как бы оболочку, в которой заключены эманации, образующие осознание.

Эманации органических существ заключены в кокон. Однако имеются иные категории существ, оболочки которых не похожи на коконы. Однако внутри этих оболочек содержатся эманации, образующие осознание. Кроме того, такие существа обладают целым рядом свойственных жизни характеристик, отличных от репродуктивной функции и метаболизма.

— Каких характеристик, дон Хуан?

— Таких, как эмоциональная зависимость, печаль, радость, гнев и так далее, и тому подобное. Да, и я забыл самую прекрасную из них — любовь. Такую любовь, которую человек не может себе даже представить.

— Ты это серьезно, дон Хуан?

— Вполне, — невозмутимо ответил он и рассмеялся. — Если в качестве ключа воспользоваться тем, что видят видящие, жизнь предстанет воистину в необычном свете.

— Но если эти существа действительно живые, то почему они не дадут знать о себе людям? — спросил я.

— Они делают это. Все время. Они дают о себе знать не только видящим, но и обычным людям. Беда в том, что вся наличная энергия полностью потребляется первым вниманием. Инвентаризация не только поглощает ее без остатка, но также уплотняет кокон, делая его негибким. В такой ситуации взаимодействие невозможно.

И дон Хуан напомнил мне те случаи, когда я непосредственно сталкивался с неорганическими существами. За время моего ученичества их накопилось бесчисленное множество. Я возразил, что практически каждому из этих примеров я нашел объяснение. Я даже сформулировал гипотезу, согласно которой его учение вынуждало ученика принять примитивную интерпретацию мира, для чего и использовались галлюциногенные растения. Я сказал дону Хуану, что, никогда прямо не формулируя определение этой интерпретации как примитивной, в терминах антропологии я назвал ее «более подходящей для социума охотников и собирателей».

Дон Хуан хохотал, пока не начал задыхаться.

— Честное слово, я даже не знаю, когда ты хуже — в нормальном состоянии или в состоянии повышенного осознания, — произнес он наконец. — В нормальном состоянии ты не так подозрителен, но зато до тошноты рационален. Я думаю, больше всего ты мне нравишься, когда находишься глубоко в дебрях левой стороны. Несмотря даже на то, что ты жутко боишься всего, что там есть. Как, например, вчера.

Прежде, чем я смог что-либо сказать, дон Хуан заявил, что противопоставляет действия древних видящих достижениям новых, чтобы осветить разные стороны подхода и тем самым дать мне более полное представление о тех странных вещах, с которыми я столкнулся.

Затем он вернулся к практикам древних видящих. Еще одно великое открытие, сделанное ими, касалось следующего раздела их тайного знания — огня и воды. Они обнаружили, что пламя обладает весьма интересным свойством — оно может телесно переносить человека. Так же, как и вода.

Дон Хуан назвал это открытие блестящим. Я заявил, что, согласно фундаментальным законам физики, такое невозможно. Он попросил меня не делать никаких выводов, а сначала выслушать все до конца. И еще он

отметил, что мне надо бы следить за своим чрезмерным рационализмом, поскольку он постоянно действует на состояние повышенного осознания. Не в смысле всевозможных реакций на внешние воздействия, но в смысле постоянных уступок склонностям своего характера.

Затем дон Хуан рассказал, что древние толтеки определенно были видящими. Но они не понимали того, что видели. Они просто пользовались своими находками, не особенно заботясь о том, чтобы соотнести их с более общей картиной. В случае с категориями огня и воды они разделили огонь на тепло и пламя, а воду — на влажность и текучесть. Соотнеся тепло с влажностью, они назвали их малыми свойствами. А пламя и текучесть древние видящие считали высшими, магическими свойствами, используя их для телесного перехода в область неорганической жизни. И как в трясине безнадежно увязли где-то в промежутке между знанием этого типа жизни и своими практиками огня и воды.

Новые видящие согласны с тем, что открытие неорганических живых существ действительно является необычайно важным, однако совсем не в том смысле, в каком считали его важным древние видящие. Оказавшись один на один с другим типом жизни, древние видящие обрели иллюзорное ощущение собственной неуязвимости, ставшее для них роковым.

Я захотел, чтобы дон Хуан в подробностях описал мне практики огня и воды. Он сказал, что знание древних видящих было настолько же замысловатым, насколько бесполезным, поэтому он намерен ограничиться только его обзором.

Затем он коротко остановился на практиках верха и низа. Тайное знание верха касалось ветра, дождя, молнии в небе, грома, дневного света и солнца. Тайное знание низа касалось тумана, подземных вод, болот, ударов молнии, землетрясений, ночи, лунного света и луны.

К категориям тайного знания громкого и безмолвного относились манипуляции звуком и тишиной. Практики движущегося и покоящегося были связаны с мистическими аспектами движения и неподвижности.

Я спросил, не может ли дон Хуан привести пример какой-нибудь из упомянутых практик. Он сказал, что за годы нашего общения демонстрировал мне их десятки раз. Я настаивал, утверждая, что все, сделанное им до сих пор,

мне удавалось объяснить рационально.

Он не ответил. Казалось, он либо ужасно сердится на меня за мои вопросы, либо серьезно задумался, подыскивая подходящий пример. Через некоторое время он улыбнулся и сказал, что видит очень удачный пример.

— Прием, который я имею в виду, нужно практиковать в мелководном потоке, — сообщил он. — Недалеко от дома Хенаро есть как раз такой, как нужно.

— Что я должен сделать?

— Достань зеркало средних размеров.

Эта его просьба меня удивила. Я заметил, что древние толтеки вряд ли знали о зеркалах.

— Они не знали, — улыбнулся дон Хуан. — Это дополнение к технике, введенное моим бенефактором. Древнему видящему нужна была просто какая-нибудь отражающая поверхность.

Затем дон Хуан рассказал, что практический прием, о котором идет речь, заключается в погружении на дно мелководного потока какой-нибудь яркой поверхности. Это может быть поверхность любого плоского предмета, способная хотя бы в некоторой степени отражать изображения.

— Я хочу, чтобы ты вставил зеркало средних размеров в прочную раму из листового металла, — объяснил дон Хуан. — Рама должна быть водонепроницаемой. Поэтому тебе придется залить ее смолой. И ты должен изготовить ее собственными руками. Когда приготовишь зеркало, мы продолжим.

— А что будет, дон Хуан?

— Не будь таким нетерпеливым. Ты же просил привести пример практики древних толтеков. Я тоже как-то обратился к своему бенефактору с такой просьбой. Думаю, каждый просит об этом в определенный момент обучения. Мой бенефактор рассказывал, что он также когда-то просил привести пример. И его бенефактор — нагваль Элиас — привел ему такой пример. Он, в свою

очередь, привел пример мне. Теперь я собираюсь привести пример тебе.

Когда бенефактор показал мне в качестве примера одну из практик, я не знал, как это делается. Теперь я знаю. Когда-нибудь и ты узнаешь, как работает этот прием. Ты поймешь, что за всем этим стоит.

Я решил, что дон Хуан хочет, чтобы я вернулся в Лос-Анжелес и там соорудил раму. Я заметил, что не смогу вспомнить его задания, если не останусь в состоянии повышенного осознания.

— В твоем замечании — две неувязки, — сказал дон Хуан. — Первая: ты не можешь оставаться в состоянии повышенного осознания. Находясь в нем, ты не способен функционировать адекватно, если только я, или Хенаро, или кто-то другой из воинов команды нагваля не будет тебя ежеминутно опекать, как это делаю я в настоящее время. И вторая неувязка: Мексика-то ведь не Луна. И тут тоже есть магазины скобяных товаров. Так что мы вполне можем съездить в Оахаку и купить все необходимое.

На следующий день мы отправились в город и приобрели все, что требовалось для изготовления рамы. За мизерную плату я собственноручно собрал ее в слесарной мастерской. Даже не взглянув на нее, дон Хуан велел мне положить раму в багажник.

Вечером мы выехали и добрались до дома Хенаро на следующий день рано утром. Я поискал Хенаро. Его нигде не было. Казалось, дом пуст.

— Зачем Хенаро нужен этот дом? — поинтересовался я. — Ведь он живет у тебя, верно?

Дон Хуан не ответил. Как-то странно взглянув на меня, он пошел зажечь керосиновую лампу. Я остался один в темной комнате. Я чувствовал огромную усталость. Мне казалось, что это — результат долгой изнурительной поездки по горным дорогам. Захотелось прилечь. В темноте мне не было видно, куда Хенаро сложил циновки. Я споткнулся о них. Они лежали стопкой. И тут я вдруг обнаружил, что знаю, зачем Хенаро нужен этот дом. Хенаро опекал трех учеников-мужчин: Паблито, Нестора и Бениньо. В этом доме они жили, когда находились в состоянии нормального осознания.

Я почувствовал легкость: усталость как рукой сняло. Дон Хуан принес лампу. Я возбужденно рассказал ему о своем озарении. Но он сказал, что это не имеет значения, потому что скоро я все забуду.

Он попросил показать зеркало. Ему понравилось — конструкция была легкой и в то же время прочной. Он обратил внимание на то, что алюминиевую раму для зеркала размером восемнадцать на четырнадцать дюймов я прикрепил к металлическому листу, служившему основой, стальными винтами.

— Рама моего зеркала была деревянной, — сказал дон Хуан. — Эта выглядит лучше. Моя была неуклюжей и слишком непрочной.

— А теперь я расскажу, что нам предстоит сделать, — продолжил он, закончив осматривать зеркало. — Или, наверное, лучше было бы сказать: что нам предстоит попытаться сделать. Вдвоем с тобой мы должны будем положить зеркало на поверхность воды в ручье неподалеку от дома. Ручей достаточно широк и глубина в нем достаточно невелика — как раз то, что нам необходимо.

Идея состоит в следующем: позволить текучести воды давить на нас и унести нас прочь.

Прежде, чем я успел сделать по этому поводу замечание или задать вопрос, он напомнил мне, как в прошлом я уже использовал похожий ручей и добился поразительных успехов в работе с восприятием. Дон Хуан имел в виду пост-эффекты приема галлюциногенных растений. Я испытывал их несколько раз, лежа в воде оросительной канавы дома дона Хуана в Северной Мексике.

— Ты попридержи свои вопросы до того, как я объясню тебе, что видящие знали об осознании, — велел он. — Тогда все, что мы делаем, предстанет перед тобой в совершенно ином свете. Но сперва вернёмся к нашей задаче.

Мы подошли к ручью. Дон Хуан выбрал место с плоскими камнями и сказал, что глубина в этом месте вполне соответствует нашим целям.

— Что должно произойти? — спросил я, охваченный возбуждением.

— Не знаю. Я знаю только, что мы попытаемся сделать. Мы будем держать

зеркало очень осторожно, но очень крепко. И аккуратно положим его на поверхность воды. А потом позволим ему погрузиться под воду. После этого мы будем удерживать зеркало на дне. Я пощупал дно. Между камнями есть промежутки, в которые поместятся пальцы. Так что мы сможем держать зеркало как следует.

Дон Хуан велел мне сесть на корточки на плоском камне, торчавшем из воды посередине спокойного ручья, и держать зеркало обеими руками за одну сторону, взявшись почти у самых его углов. Сам он опустился на корточки напротив меня, держа зеркало точно так же, как я. Погрузив руки в воду почти по локоть, мы опустили зеркало на дно.

Дон Хуан приказал избавиться от мыслей и созерцать поверхность зеркала. Снова и снова он повторял, что весь фокус в том, чтобы не думать вообще. Слабое течение слегка искажало отражения наших лиц. После нескольких минут устойчивого созерцания зеркала мне показалось, что изображения наших лиц постепенно сделались яснее. А само зеркало увеличилось в размерах и занимало по меньшей мере примерно квадратный ярд. Течение как бы остановилось, а зеркало стало видно так четко, как будто оно лежало на самой поверхности воды. Еще более странное впечатление производила необычайная четкость наших отражений. Изображение моего лица было словно увеличенным, причем не в размерах, а по степени фокусировки. Я даже видел поры на коже лба.

Дон Хуан шепотом велел не сосредотачивать взгляд на его или моих глазах, а позволить ему свободно блуждать, не цепляясь ни за какие детали наших отражений.

— Смотри пристально, но не фиксируй взгляд! — снова и снова настойчиво шептал он.

Я сделал то, что он велел, не переставая думать о кажущейся противоречивости этого указания. И в этот момент что-то изнутри меня оказалось как бы пойманным в зеркале, и то, что выглядело противоречивым, обрело смысл.

«Оказывается, можно смотреть пристально, но не фиксировать взгляд!» — подумал я. И в миг, когда была сформулирована эта мысль, возле наших с

доном Хуаном голов появилась еще одна. Эта голова была в нижней части зеркала слева от меня.

Я задрожал всем телом. Дон Хуан шепнул мне, чтобы я успокоился и не выказывал ни страха, ни удивления. Потом он снова велел мне смотреть пристально, но без фиксации созерцая пришельца. Я не задохнулся и не выпустил из рук зеркало, но чего мне это стоило! Тело тряслось от макушки до пят. Дон Хуан снова зашептал, веля мне взять себя в руки. Он несколько раз слегка толкнул меня плечом.

Я медленно приходил в себя, обретая контроль над своим страхом. Я глядел на третью голову, и постепенно до меня дошло — голова не — человеческая. Это не была также и голова животного. И вообще это была не голова. Это была некая форма, лишенная внутренней подвижности. Когда мысль об этом пришла мне в голову, я вдруг мгновенно осознал, что думаю вовсе не я. Более того, осознание этого не было мыслью. На мгновение я пришел в неописуемое замешательство, а потом мне стало ясно нечто непостижимое. Мысли были голосом, звучавшим у меня в ушах!

— Я вижу! — заорал я по-английски, не издав при этом ни звука.

— Да, ты видишь, — произнес голос по-испански.

Я почувствовал, что охвачен силой, которая сильнее меня. Мне не было больно ни физически, ни духовно. Я знал без тени сомнения — ведь так сказал голос, — что мне не удастся нарушить хватку этой силы ни волевым, ни физическим усилием. Я знал, что умираю. Я автоматически поднял глаза, чтобы посмотреть на дона Хуана, и в миг, когда взгляды наши встретились, сила отпустила меня. Я был свободен. Дон Хуан улыбался мне так, словно знал в точности, через что мне пришлось пройти.

Я осознал, что стою. Дон Хуан держал зеркало за край, повернув его так, чтобы стекала вода.

В молчании мы вернулись в дом.

— Древние толтеки были буквально околдованы своими находками, — сказал дон Хуан.

— Я их прекрасно понимаю, — отозвался я.

— Я тоже, — согласился дон Хуан.

Охватившая меня сила была настолько мощной, что на несколько часов лишила меня способности разговаривать и даже мыслить. Я был словно заморожен полнейшим отсутствием возможности совершать волевые усилия. Я уже начал оттаивать, но очень медленно и понемногу.

— Без каких бы то ни было целенаправленных действий с нашей стороны, — продолжил дон Хуан, — данный прием древних толтеков разделился для тебя на две части. С помощью первой ты в достаточной степени познакомился с тем, что при этом происходит. А с помощью второй мы попробуем добиться того, к чему собственно стремились древние толтеки.

Я спросил:

— Но что происходило на самом деле, дон Хуан?

— Существует два варианта объяснения. Сначала я изложу тебе версию древних видящих. Они полагали, что отражающая поверхность, будучи погруженной в воду, увеличивает силу воды. Они имели обыкновение созерцать водные объекты. Отражающая поверхность служила им средством ускорения процесса. Древние видящие считали, что наши глаза являются ключом для входа в неизвестное. Созерцая воду, они позволяли глазам открыть путь.

Затем дон Хуан рассказал, что древние видящие заметили: влажность воды только увлажняет и пропитывает, а вот текучесть — перемещает. Тогда они предположили, что текучесть воды есть устремление к поиску иных уровней бытия, лежащих ниже того, в котором пребываем мы. Согласно их верованиям, вода дана нам не только затем, чтобы поддерживать жизнь, но также и в качестве связующего звена, тропы, ведущей к нижележащим уровням.

— А там много уровней бытия? — спросил я.

— Древние видящие насчитали семь, — ответил дон Хуан.

— А тебе эти уровни известны, дон Хуан?

— Я — видящий нового цикла и, следовательно, смотрю на все это несколько иначе, — сказал он. — Я просто стараюсь показать тебе, что делали древние видящие, и рассказать, во что они верили.

Мои взгляды отличаются от взглядов древних видящих. Но это вовсе не значит, что их практики были ущербными. Неправильными были интерпретации, однако истины, в которые верили древние видящие, имели для них вполне практическое значение. В случае, например, с практиками воды древние толтеки были убеждены, что текучесть воды способна телесно трансформировать человека нашего уровня на любой из семи нижележащих, а также переносить сущность человека в пределах нашего уровня в любом направлении вдоль потока воды. Соответственно, они пользовались текущей водой для перемещения в нашем уровне, а водами глубоких озер и водных источников для погружения в глубины.

Прием, который я тебе показываю, преследует двойственную цель. Во-первых, древние видящие применяли его, чтобы с помощью текучести воды перенестись на первый из нижележащих уровней. Во-вторых, он позволял толтекам лицом к лицу встретиться с живыми существами, на этом уровне обитающими. Помнишь ту форму, которая появилась в нашем зеркале? Похожую на голову? Это и было одно из этих существ. Оно приходило на нас взглянуть.

— Получается, они реально существуют! — воскликнул я.

— Ну разумеется, — подтвердил дон Хуан.

Он сказал, что древние видящие совершили роковую ошибку, настойчиво стараясь не отходить от своих магических процедур. Однако это не снимает ценности сделанных ими находок. Так, например, они обнаружили, что самый верный способ встретиться с одним из существ нижних уровней заключается в использовании водного объема. Причем величина этого объема значения не имеет — и океан, и небольшой пруд одинаково хороши и служат одной и той же цели. Дон Хуан выбрал мелкий ручей только потому, что не любил ходить мокрым. Тот же результат мы могли получить, воспользовавшись озером или

большой рекой.

— Представители иного типа жизни приходят на зов человека, чтобы выяснить, в чем дело, — продолжил дон Хуан. — Прием толтеков подобен стуку в дверь, за которой эти существа обитают. Древние видящие говорили, что светлая поверхность на дне служит и приманкой, и окном. Люди и существа нижнего уровня встречаются, подойдя к этому окну.

— Не это ли произошло со мной вчера? — поинтересовался я.

— Древний видящий сказал бы, что вчера ты был втянут силой воды и силой первого уровня. И, кроме того, попал под магнетическое влияние существа, глядевшего на тебя через окно.

— Но в ушах моих звучал голос, и он говорил, что я умираю, — сказал я.

— Голос был прав. Ты умирал, и ты наверняка умер бы, если бы меня не было рядом. В этом — опасность толтекских практик. Они исключительно эффективны, но в большинстве случаев смертельны.

Я сказал, что, хотя мне и стыдно в этом признаться, я был в ужасе. Я видел эту штуку в зеркале и я ощущал охватившую меня силу, и это явно было чересчур...

— Мне бы, конечно, не хотелось заставлять тебя тревожиться, однако пока еще с тобой ничего не произошло, — сказал дон Хуан. — И если дело пойдет так же, как было в моем случае, тебе следует приготовиться к самому жестокому шоку в твоей жизни. И лучше тебе перетрусить сейчас, чем умереть от испуга завтра.

В уме у меня крутилось Множество вопросов. Но выговорить хотя бы один из них я не сумел — настолько жуткий страх охватил меня. В горле стоял такой огромный ком, что я не мог сглотнуть слюну. Дон Хуан хохотал до тех пор, пока не закашлялся. Лицо его побагровело. Наконец, ко мне вернулся дар речи. Я начал задавать вопросы, ответами на которые были новые приступы смеха вперемешку с кашлем.

Наконец, дон Хуан произнес:

— Ты представить себе не можешь, насколько все это мне смешно. Я смеюсь вовсе не над тобой, а над ситуацией. В свое время бенефактор заставил меня через все это пройти. И, глядя на проявления твоих эмоций, я не могу не узнавать самого себя.

Я пожаловался на тошноту. Дон Хуан успокоил меня, сказав, что это — нормально. В данном случае испуг — вещь совершенно естественная. Пытаться же контролировать страх — неправильно и бессмысленно. Древние видящие пытались подавлять страх даже тогда, когда пугались до безумия. На этом они и попались. Они не желали отказываться ни от своих поисков, ни от удобных конструкций. Вместо этого они контролировали страх.

— А что мы будем делать с зеркалом дальше? — спросил я.

— Воспользуемся им, чтобы организовать твою встречу с тем существом, которое ты созерцал вчера. Лицом к лицу.

— Что же происходит при такой встрече?

— Просто одна форма жизни — человеческая — встречается с другой. В нашем случае древний видящий сказал бы, что ты встретился с существом первого уровня текучести воды.

Как объяснил далее дон Хуан, древние видящие полагали, что семь нижележащих уровней — это уровни текучести воды. Поэтому источники имели для них огромнейшее значение. Ведь толтеки думали, что в источнике имеет место обратная текучесть, направленная из глубины к поверхности, и существа нижележащих уровней — то есть иные формы жизни — пользуются ею, чтобы подниматься в наш план бытия, разглядывать нас и за нами наблюдать.

— И в этом смысле древние видящие не ошибались, — продолжал дон Хуан. — Более того, они попали прямо в точку. Существа, которых новые видящие называют союзниками, действительно появляются возле водных источников.

— А то создание в зеркале было союзником? — поинтересовался я.

— Разумеется. Но не таким, какой может быть использован. Традиция использования союзников — я уже рассказывал тебе о ней — берет начало непосредственно от древних видящих. С помощью союзников толтеки совершали чудеса, но все это оказывалось бессильным перед лицом реального врага — человека.

— Поскольку эти существа — союзники, они, должно быть, очень опасны, — предположил я.

— Настолько же, насколько опасны мы — люди. Не более и не менее.

— Они способны нас убивать?

— Непосредственно — нет. Но до смерти испугать — безусловно. Они могут пересекать границу самостоятельно. А могут просто подойти к окну. Как ты, наверное, уже понимаешь, древние толтеки тоже не останавливались перед окном, находя странные способы проникновения за него, вниз.

Вторая стадия практики была очень похожа на первую. Все шло по той же самой схеме, правда, на то, чтобы расслабиться и прекратить внутренний диалог, мне потребовалось примерно вдвое больше времени, чем в первый раз. Когда это было сделано, отражения наших с доном Хуаном лиц мгновенно прояснились. Примерно час я созерцал зеркало, блуждая взглядом от его отражения к своему и обратно. Я был готов к тому, что союзник может появиться в любой миг, но ничего не происходило. У меня уже болела шея и ныла спина, ноги онемели. Я хотел было опуститься на камень коленями, чтобы несколько уменьшить боль в пояснице. Но дон Хуан прошептал, что в миг, когда появится союзник, ощущение дискомфорта улетучится.

И он оказался абсолютно прав. Шок, который я испытал, увидев появившуюся у края зеркала округлую форму, моментально избавил меня от неудобств.

— Что делать дальше? — шепотом спросил я.

— Расслабься и ни на чем не фокусируй взгляд, — ответил дон Хуан. — Наблюдай за всем, что появляется в зеркале. Созерцай без фиксации.

Я подчинился. Я бегло взглядывал на все, что виднелось в зеркале.

В ушах раздавался специфический звон. Дон Хуан сказал, что, если я почувствую необычную силу, которая начнет меня охватывать, я должен вращать глазами по часовой стрелке, но ни в коем случае мне не следует поднимать глаза и смотреть на него.

Через мгновение я обнаружил, что отражение в зеркале состоит уже не только из наших с доном Хуаном голов и округлой формы. Поверхность зеркала потемнела и покрылась яркими пятнами фиолетового света. Они увеличивались. Там были также пятна сверкающей черноты. Потом все это превратилось в картинку, похожую на плоское изображение облачного неба в лунную ночь. Вдруг все детали изображения стали резкими, картина пришла в движение. Теперь это была трехмерная перспектива глубины, от которой захватывало дух.

Я осознал, что нет никакой возможности противостоять немыслимой притягательности этого зрелища. Оно начало всасывать меня.

Дон Хуан яростно зашептал, приказывая мне вращать глазами, чтобы не погибнуть. Я подчинился, и тут же почувствовал облегчение. Я снова различал наши отражения и союзника. Потом союзник исчез и снова появился на другом краю зеркала.

Дон Хуан приказал держать зеркало изо всех сил, сохранять спокойствие и не делать резких движений.

— Что сейчас будет? — прошептал я.

— Союзник попытается выйти, — был ответ.

Стоило ему это произнести, как я тут же почувствовал мощный рывок. Что-то дергало меня за руки. Рывок был из-под зеркала. Словно некая всасывающая сила создавала равномерное давление по всей поверхности рамы.

— Держи зеркало крепко, но смотри, не разбей, — велел дон Хуан.

Сопротивляйся всасывающей силе. Не позволяй союзнику затянуть зеркало слишком глубоко.

Сила, которая тянула нас вниз, была огромна. Я чувствовал, что пальцы мои либо вот-вот оторвутся, либо их размажет по камням. В какой-то момент мы оба потеряли равновесие, и нам пришлось сойти с камней прямо в воду. Ручей был очень мелким, но вокруг рамы зеркала творилось такое и сила ударов союзника была столь пугающей, что у меня возникло ощущение, будто мы боремся со стихией посреди огромной реки. Вода вокруг наших ног бешено бурлила. Однако изображения в зеркале оставались четкими и неискаженными.

— Смотри! — воскликнул дон Хуан. — Идет!

Биения сменились мощными толчками снизу. Что-то ухватилось за край зеркала. Не за внешний край — за него держались мы, — а изнутри стекла. Как будто поверхность стекла в самом деле была открытым окном, и что-то или кто-то пытался выкарабкаться сквозь него.

Мы отчаянно сражались. Мы толкали зеркало вниз, когда сила выжимала его наверх, мы тянули на себя, когда оно вжималось в дно. Согнувшись, мы топтались вокруг него, медленно удаляясь от исходной точки вниз по течению. Глубина увеличивалась, на дне появились скользкие камни.

— Теперь давай вытащим зеркало из воды и вытряхнем союзника, — предложил дон Хуан хриплым голосом.

Тем временем биения и громкий плеск не прекращались. Со стороны это выглядело так, словно мы голыми руками поймали огромную рыбину и она яростно бьется.

Тут мне пришло в голову, что зеркало, по сути, — это люк. А странная штуковина внутри пытается выбраться сквозь него наружу. Всем своим огромным весом она навалилась на край люка, отодвинув в сторону наши с доном Хуаном отражения. Она была весьма внушительных размеров, и наших отражений не стало видно вообще. Я различал только некую массу, пытавшуюся протиснуться сквозь люк наружу.

Зеркало теперь уже не лежало на дне. Мои пальцы не были прижаты к камням. Нашими усилиями с одной стороны и рывками союзника с другой

зеркало удерживалось примерно посредине между дном и поверхностью воды. Дон Хуан сказал, что сейчас он отпустит зеркало и быстро просунет под него вытянутые руки, и что я должен сделать то же самое и за его руки ухватиться. Тем самым мы увеличим рычаг и сможем приподнять зеркало на предплечьях. Когда дон Хуан отпустил зеркало, оно наклонилось в его сторону. Я быстро просунул под зеркало свои руки, чтобы там схватить руки дона Хуана, но под зеркалом не оказалось ничего. Я на секунду замешкался, и этого было достаточно, чтобы зеркало вырвалось у меня из рук.

— Держи его! Держи! — завопил дон Хуан.

Я поймал зеркало за миг до того, как оно опустилось на камни. Я поднял зеркало, вытащив его из воды, но сделал это недостаточно быстро. Вода была похожа на клей. Вместе с зеркалом я вытащил кусок какой-то резиноподобной массы. Эта масса просто выдернула зеркало у меня из рук и уволокла обратно в воду.

С чрезвычайной ловкостью дон Хуан поймал зеркало и за край без видимых усилий поднял его из воды.

Никогда в жизни я не испытывал подобных приступов меланхолии. Это была какая-то безосновательная печаль, мне казалось, она связана с памятью о глубинах, которые я видел сквозь зеркало. Бесконечная ностальгия по этим глубинам смешивалась в моей печали с абсолютным страхом перед холодом беспредельного одиночества, которым оттуда веяло и от которого в жилах застывала кровь.

Дон Хуан заметил, что для воина совершенно естественно испытывать печаль без каких бы то ни было явных причин. Видящие говорят, что светящееся яйцо как поле энергии начинает чувствовать окончательность своего предназначения, едва лишь нарушены границы известного. Одного краткого взгляда на вечность за пределами кокона достаточно для разрушения того чувства внутренней благоустроенности, которое дает нам инвентаризация. В результате возникает меланхолия, настолько сильная, что может даже привести к смерти.

Дон Хуан объяснил, что лучшим средством для избавления от меланхолии является смех. И он в шутливом тоне прокомментировал поведение моего

первого внимания, сказав, что оно изо всех сил старается восстановить привычный порядок вещей, нарушенный моим контактом с союзником. Поскольку восстановить порядок рациональными способами не удается никак, первое внимание сосредотачивает свою силу на чувстве печали.

Я сказал дону Хуану, что моя меланхолия вызвана вполне реальным фактом. Можно сколько угодно идти у нее на поводу, смеяться над ней, впадать в уныние, но все это не будет иметь ничего общего с тем чувством одиночества, которое возникает при воспоминании о немыслимых глубинах.

— Наконец-то! Кое-что начинает до тебя доходить, — отозвался он. — Ты прав. Нет более глубокого одиночества, чем одиночество вечности. И нет ничего более уютного и удобного для нас, чем быть человеческими существами. Вот тебе еще одно противоречие: как, оставаясь человеком, радостно и целеустремленно погрузиться в одиночество вечности? Когда тебе удастся решить эту головоломку, ты будешь готов к решающему путешествию.

И тут мне вдруг с полной определенностью стала ясна причина моей печали. Это было ощущение, которое приходило вновь и вновь, исчезая бесследно и не оставляя даже воспоминания о себе. Я понял, что так будет всегда — это будет уходить и я буду забывать об этом до тех пор, пока вновь не вспомню о ничтожности человека в сравнении с необъятностью той вещи-в-себе, отражение которой я видел в зеркале.

— Воистину, человеческие существа ничтожны, дон Хуан, — произнес я.

— Я совершенно точно знаю, о чем ты думаешь, — сказал он. — Совершенно верно, мы — ничтожны. Однако именно в этом и состоит наш решающий вызов. Мы — ничтожества — действительно способны встретиться лицом к лицу с одиночеством вечности.

Он резко сменил тему, прервав меня на полуслове и не дав задать следующий вопрос. Речь пошла о нашем поединке с союзником. Дон Хуан сказал, что, во-первых, борьба с союзником была нешуточной. Конечно, вопрос жизни и смерти в ней не решался, но и развлечением она тоже не была.

— Мой выбор пришелся на этот прием, — продолжал он, — потому что мой бенефактор показывал мне именно его. Когда я обратился к нему с просьбой

продемонстрировать какую-нибудь практику из арсенала древних видящих, он чуть не лопнул от смеха: моя просьба напомнила ему его собственный опыт. Ведь его бенефактор нагваль Элиас в свое время продемонстрировал ему ту же самую практику, причем сделал это весьма жестко.

Дон Хуан сказав что рама, которую изготовил он для своего зеркала, была деревянной. Поэтому следовало бы попросить меня соорудить свою тоже из дерева. Но ему хотелось посмотреть, что получится, если рама окажется прочнее, чем была его рама или рама, сделанная его бенефактором. И та, и другая сломались, и в обоих случаях союзнику удавалось выбраться наружу.

Дон Хуан рассказал, что во время его поединка с союзником тому удалось оторвать раму от зеркала. Они с бенефактором остались стоять с деревянными обломками в руках, а союзник уволок зеркало на дно и выбрался из него наружу.

Бенефактор дона Хуана знал, чего следует ожидать. Пока союзник остается отражением в зеркале, он не выглядит по-настоящему страшным, поскольку виден только как форма, некая неопределенная масса. Но стоит союзнику выбраться наружу, как с ним возникают сложности. Во-первых, вид у него действительно устрашающий, а во-вторых, он ужасно надоедлив. Дело в том, что союзникам, покинувшим свой уровень, очень трудно вернуться обратно. Кстати, так же обстоит дело с людьми. Вероятность того, что видящий, отправившись на тот уровень, где обитают союзники, никогда больше здесь не объявится, обычно очень велика.

— Союзник разбил мое зеркало, — рассказал дон Хуан. — И окна, сквозь которое он мог бы вернуться на свой уровень, не стало. Поэтому он увязался за мной. Перекатываясь по земле, он по-настоящему за мной погнался. Дико вопя от ужаса, я ринулся прочь. Я на четвереньках вскарабкался на скалы, как одержимый носился вверх-вниз по склонам холмов. Союзник не отставал, держась в нескольких дюймах позади меня.

Бенефактор дона Хуана бежал за ним, но, будучи уже очень старым, не мог долго выдерживать такой темп. Однако он догадался крикнуть дону Хуану, чтобы тот бегал взад-вперед а он тем временем будет принимать необходимые для избавления от союзника меры. Он кричал, что сейчас разведет костер, дон Хуан же должен бегать по кругу. И бенефактор взялся за дело. Дон Хуан,

сходя с ума от страха, носился вокруг холма, а бенефактор собирал хворост.

Дон Хуан признался, что, когда он бегал по кругу, в уме его шевельнулась мысль насчет того, что бенефактор попросту развлекается, наслаждаясь всей этой историей. Ведь дону Хуану было известно: его бенефактор — воин, способный извлечь удовольствие из любой немыслимой ситуации. Чем плоха та, в которой они оказались? Был момент, когда дон Хуан так разозлился на бенефактора, что союзник прекратил преследование. Дон Хуан даже остановился и прямо обвинил бенефактора в злобных намерениях. Тот ничего не ответил, но с выражением дикого ужаса на лице взглянул мимо дона Хуана на союзника, маячившего над ними. Дон Хуан тут же забыл о своем праведном гневе и опять принялся накручивать круги.

— Мой бенефактор был поистине дьявольским стариканом, — со смехом продолжал дон Хуан. — Он научился смеяться внутри. По лицу его ничего нельзя было заметить. Он мог притворяться, что плачет или злится, а на самом деле — смеялся. И в тот день, пока союзник продолжал гонять меня по кругу, бенефактор стоял и произносил речь, в которой опровергал выдвинутое мною обвинение. Он говорил долго, но я, пробегая мимо, слышал лишь обрывки фраз. Покончив с этой речью, бенефактор завел еще один длинный разговор о том, как много хвороста ему предстоит собрать, ведь союзник большой, а огонь по величине должен быть таким же, как сам союзник, иначе ничего не получится.

— Только благодаря безумному ужасу мог я продолжать свой бег. В конце концов бенефактор, должно быть, понял, что я вот-вот упаду и умру от переутомления. Тогда он развел костер, за пламенем которого спрятал меня от союзника.

Всю ночь они просидели у костра. Худшими были минуты, когда бенефактор уходил за хворостом, и дон Хуан оставался в одиночестве. Ему было так страшно, что он поклялся Господу оставить путь знания и сделаться фермером.

— Поутру, когда последние капли энергии покинули меня, союзнику удалось толкнуть меня в костер, и я получил сильные ожоги, — добавил дон Хуан.

— А что случилось с союзником? — спросил я.

— Бенефактор никогда мне об этом не рассказывал, — ответил он. — Но у меня такое чувство, что тот по-прежнему бесцельно слоняется где-то, пытаясь отыскать дорогу обратно.

— А как насчет твоей клятвы Господу?

— Бенефактор сказал, что по этому поводу я могу не волноваться. Обещание было хорошим, но я тогда еще не знал, что выслушивать подобные обещания некому, потому как Бога-то нет. Есть только эманации Орла, а им давать обещания невозможно.

— Ну, а если бы союзник тебя поймал, что тогда?

— Возможно, я бы умер от испуга, — ответил дон Хуан. — Если бы я знал, что происходит после того, как тебя поймает союзник, я позволил бы ему меня поймать. Ведь я тогда был безрассуден. Когда союзник тебя ловит, ты либо умираешь от разрыва сердца, либо вступаешь с ним в борьбу. В последнем случае, пометавшись немного в притворной свирепости, союзник быстро теряет всю свою энергию. Союзник ничего не может с нами сделать. Так же, впрочем, как и мы — с ним. Ведь нас разделяет пропасть.

Древние видящие считали, что в момент, когда энергия союзника истощается, он отдает свою силу человеку. Тоже мне, сила! У древних видящих союзники буквально из ушей лезли, но сила их не стоила ничего.

Дон Хуан объяснил, что и в этом случае новым видящим пришлось вносить ясность. Они обнаружили, что в зачет идет только одно — безупречность, то есть количество свободной энергии. Действительно известны случаи, когда союзники спасали видящих. Но дело здесь вовсе не в защитной силе союзников. Просто люди, благодаря своей безупречности, могли воспользоваться энергией, принадлежащей иным формам жизни.

Кроме того, новым видящим удалось внести ясность в самый важный момент из всего, что касается союзников. Они определили, чем отличаются пригодные для использования союзники от непригодных. Союзники, которых невозможно использовать, а таких — несметные множества, это те, чьи внутренние эманации не соответствуют никаким из внутренних эманаций человека. Их

эманации отличаются от наших настолько сильно, что делают этих союзников совершенно бесполезными. Но есть и другие союзники, отдельные внутренние эманации которых соответствуют некоторым из наших. Правда, встречаются такие союзники чрезвычайно редко.

— Как человек может использовать союзников этого типа? — спросил я.

— Пожалуй, слово «использовать» здесь не совсем подходит, — ответил дон Хуан. — Я бы сказал, что между человеком и союзником происходит честный обмен энергией.

— Каким образом?

— Энергия передается по совпадающим эманациям, — объяснил дон Хуан. — Ты, конечно, понимаешь, что эманации человека, соответствующие эманациям союзника, находятся в левосторонней части осознания, которую обычный человек никогда не использует. Поэтому в рациональном мире правостороннего осознания места союзникам не находится.

Дон Хуан сказал, что совпадающие эманации дают основу для контакта между человеком и союзником. По мере углубления знакомства связь становится более тесной. И обе формы жизни уже могут извлечь из этого пользу. Видящего обычно интересует эфирное качество союзника, которое делает последнего замечательным разведчиком и охранником. Союзника же интересует более мощное энергетическое поле человека, с помощью которого союзник иногда может материализоваться.

Опытные видящие манипулируют общими эманациями до тех пор, пока не добиваются полной фокусировки. И тогда происходит обмен. Древние видящие не понимали сути этого процесса и разработали сложные приемы созерцания, предназначенные для погружения в глубины; которые я видел в зеркале.

— В своих погружениях древние видящие пользовались одним весьма замысловатым приспособлением, — продолжал дон Хуан, — веревкой особого плетения, которой они обвязывались вокруг талии. Мягкий утолщенный конец веревки пропитывали каучуком и придавали ему такую форму, чтобы он плотно вставлялся в пупок наподобие пробки. При каждом погружении видящий прибегал к услугам одного или нескольких ассистентов, задачей

которых было держать веревку, пока видящий странствовал в своем созерцании. Естественно, непосредственное созерцание глубокого чистого пруда или озера — вещь намного более ошеломляющая и опасная, чем то, что мы делали с зеркалом.

— Они что, действительно погружались телесно? — спросил я.

— Человек способен на удивительнейшие действия, — заверил меня дон Хуан. — Особенно тот, который умеет управлять осознанием. И хотя древние видящие и избрали неверный путь, в своих путешествиях в глубины они встречали дивные чудеса. Такая вещь, как встреча с союзником, была для них делом совершенно обычным.

Конечно, теперь ты уже понимаешь, что глубины — выражение фигуральное. Никаких глубин в действительности не существует. Есть только управление осознанием. Однако этого древние видящие так и не поняли.

Я сообщил дону Хуану, что на основании его рассказа о встрече с союзником и моего собственного субъективного впечатления от ощущения силы бьющегося в воде союзника пришел к выводу, что союзники весьма агрессивны.

— Нет, на самом деле они не агрессивны, — сказал он. — И дело здесь не в том, что у них для агрессивности не хватает энергии, а скорее в том, что их энергия — несколько иного типа. Союзники больше похожи на электрический ток. А существа органические — на тепловые волны.

— Тогда почему же союзник так долго за тобой гонялся, дон Хуан?

— В этом нет никакой загадки. Союзников привлекают эманации. И больше всего им нравится животный страх. Когда существо его испытывает, выделяется энергия наиболее подходящего союзникам типа. Внутренние эманации союзников подпитываются энергией животного страха. Поскольку мой страх не ослабевал, союзник повсюду следовал за ним. Вернее, союзник поймался на мой страх и не мог оторваться.

Затем дон Хуан рассказал, что отношение союзников к животному страху было открыто древними видящими. Этот тип страха нравится союзникам больше всего на свете, и древние видящие доходили даже до таких крайностей: они

специально насмерть пугали людей, чтобы подкормить своих союзников. Древние видящие были убеждены в том, что союзники испытывают вполне человеческие чувства. Однако новые видящие увидели, что это не так. Союзников привлекает только энергия, высвобождаемая эмоциями. И не важно, будет ли это любовь, ненависть или печаль — все работает одинаково эффективно.

Дон Хуан добавил, что, почувствуй он любовь по отношению к тому союзнику, тот все равно последовал бы за ним. Правда, характер преследования был бы несколько иным. Я поинтересовался, прекратил бы союзник погоню, если бы дону Хуану удалось обрести контроль над своим страхом. Дон Хуан ответил, что в контроле над страхом заключался прием, которым пользовались древние видящие. Они настолько им овладели, что даже научились произвольно генерировать страх. Чтобы постоянно держать своих союзников на привязи, они ловили их на свой собственный страх и постоянно подпитывали, выдавая его порциями.

— Древние видящие были ужасными людьми, — продолжал дон Хуан. — Впрочем, прошедшее время здесь неуместно. Они ужасны и по сей день. Они одержимы властью, они жаждут владеть и повелевать всем и всеми.

— Даже сейчас, дон Хуан? — спросил я, пытаясь заставить его продолжить рассказ.

Но он сменил тему, сказав, что я упустил потрясающую возможность — быть напуганным сверх всякой меры. То, что я залил щели между рамой и поверхностью зеркала смолой, несомненно не позволило воде затечь под зеркало. И это сыграло решающую роль: союзнику не удалось разбить зеркало.

— Очень плохо, — сказал дон Хуан. — Может быть, он бы тебе даже понравился. Кстати, во второй раз приходил не тот, который был в первый. Второй идеально тебе подходил.

— А у тебя самого есть собственные союзники, дон Хуан?

— Ты ведь знаешь. У меня есть союзники моего бенефактора. Правда, я не могу сказать, что отношусь к ним так же, как относился он. Он был тихим, но

очень страстным человеком и с готовностью отдавал все, чем обладал, включая собственную энергию. Он любил своих союзников и без особых проблем позволял им пользоваться его энергией для того, чтобы материализоваться. Один из них даже мог принимать уродливую человекообразную форму.

Потом дон Хуан сказал, что, не испытывая особого пристрастия к союзникам, он никогда не давал мне по-настоящему почувствовать, что они из себя представляют. Зато ему самому бенефактор в полном объеме продемонстрировал их возможности за то время, пока лечил его рану. Началось все с мысли о том, что его благодетель — человек со странностями. Едва избежав когтей мелкого тирана, дон Хуан, как ему показалось, угодил в другую ловушку. Он решил несколько дней выждать, пока силы вернутся к нему, а затем сбежать, когда старика не будет дома. Но старик, видно, прочел его мысли, и в один прекрасный день в очень доверительном тоне шепотом сказал дону Хуану, что тот должен поправиться как можно скорее, чтобы они вдвоем смогли ускользнуть от страшного человека, который терроризировал старика. Затем, дрожа от страха и бессилия, старик распахнул дверь, и в комнату ввалился чудовищный человек с рыбьим лицом. Выглядело это так, словно он все время стоял за дверью и подслушивал. Наружности он был неописуемо жуткой — серо-зеленый, с одним-единственным огромным немигающим глазом, а размером — с дверной проем. Дон Хуан признался, что от удивления и ужаса напился в тот день до бесчувствия, а на то, чтобы окончательно избавиться от этого наваждения, ему потребовалось несколько лет.

— А как твои союзники, дон Хуан? Они тебе полезны?

— Трудно сказать. В каком-то смысле я даже люблю союзников, которых передал мне бенефактор. Они способны на невероятную привязанность. Но я не могу постичь их. Бенефактор отдал мне их в качестве компании на тот случай, если я вдруг одиноко затеряюсь где-то в этой безбрежности среди эманаций Орла.

Глава 7. Точка сборки

После моей схватки с союзником дон Хуан на несколько месяцев прервал объяснение искусства овладения осознанием. Однако наступил день, когда он снова к нему вернулся. Толчком к этому послужило одно весьма странное событие.

Дон Хуан находился в своем доме в Северной Мексике. Был вечер. Я только что приехал. Дон Хуан тут же перевел меня в состояние повышенного осознания. И я мгновенно вспомнил, что в Сонору дон Хуан возвращается каждый раз, когда ему требуется восстановить силы. Когда-то он объяснял мне, что на нагвале лежит громаднейшая ответственность, поэтому у каждого нагваля должно быть особое место в физическом мире — место уединения, где определенным образом концентрируются и сливаются потоки энергии. Для дона Хуана таким местом была Сонорская пустыня.

Войдя в состояние повышенного осознания, я заметил еще одного человека. Тот прятался в полумраке внутри дома. Я спросил дона Хуана, здесь ли Хенаро. Дон Хуан ответил, что он один, а тот, кого я заметил в доме — не человек, а один из его союзников, который сторожит дом.

Затем дон Хуан сделал довольно странное движение. Лицо его исказила гримаса то ли удивления, то ли испуга. И в тот же миг на пороге комнаты, в которой мы сидели, возникла жуткая человеческая фигура. Появление этого необычного человека напугало меня до такой степени, что у меня закружилась голова. И прежде, чем я успел оправиться от потрясения, человек бросился ко мне и с леденящей кровь свирепостью схватил за руки. Меня встряхнуло, словно по телу пробежал электрический разряд.

Я онемел от неодолимого ужаса. Дон Хуан улыбался. Я мычал и стонал, пытаясь выдавить из себя крик о помощи. Меня трясло все сильнее.

Странный человек еще больше сжал мои руки и попытался свалить меня на пол. Дон Хуан очень спокойно велел мне собраться и не бороться со страхом, а следовать в его потоке.

— Бойся, не приходя в ужас, — сказал он.

После этого дон Хуан подошел ко мне вплотную и, не вмешиваясь в борьбу, прошептал прямо мне в ухо, что я должен максимально сосредоточиться на серединной точке тела.

Когда-то, за несколько лет до этого, я по настоянию дона Хуана тщательно, с точностью до миллиметра, обмерил свое тело и абсолютно точно определил местоположение его серединной точки как по длине, так и по ширине. Каждый раз он говорил, что эта точка — истинный центр всей энергии каждого из нас.

Как только я сосредоточился на этой точке, человек меня отпустил. Тут до меня вдруг дошло, что это нечто, которое я принимал за человека, — не человек вовсе, а только человекообразная форма. В тот момент, когда я перестал видеть в этой форме человека, союзник превратился в бесформенный ком мутноватого света. Он двинулся прочь. Я последовал за ним. Какая-то мощная сила заставляла меня идти вслед за этим мутноватым светом.

Остановил меня дон Хуан. Он аккуратно вывел меня на крыльцо и там усадил на ящик, которым пользовался вместо табуретки.

Происшествие взволновало меня, но еще больше я был взволнован тем, насколько быстро и окончательно растаял сковывавший меня страх.

Я сообщил об этом дону Хуану. Дон Хуан сказал, что в столь неуловимом изменении состояния нет ничего странного. Страх не может существовать после того, как свечение осознания переходит в своем движении по кокону человека определенный порог.

И дон Хуан начал свой рассказ. Сначала он кратко напомнил мне истины, о которых рассказывал ранее. Не существует никакого мира материальных объектов, но лишь вселенная энергетических полей, которые видящие называют эманациями Орла. Человеческие существа образованы эманациями Орла и являются, по сути, светящимися пузырями энергии. Каждый из нас покрыт энергетической оболочкой, имеющей форму кокона. Внутри кокона заключена небольшая часть эманаций, составляющих вселенную. Осознание возникает вследствие постоянного давления эманаций, находящихся вне

кокона и именуемых большими, на эманации, находящиеся внутри кокона. Восприятие является следствием осознания и возникает, когда внутренние эманации настраиваются на соответствующие им большие.

— Следующая истина состоит в том, — продолжил дон Хуан, — что восприятие возможно благодаря точке сборки — особому образованию, функция которого заключается в подборе внутренних и внешних эманаций, подлежащих настройке. Конкретный вариант настройки, который мы воспринимаем как мир, является результатом того, в каком месте кокона находится точка сборки в данный момент.

Дон Хуан повторил это несколько раз, чтобы дать мне время разобраться. Потом он заметил, что для проработки истин об осознании мне требуется энергия.

— Я уже отмечал, — продолжил он, — что, имея дело с мелкими тиранами, видящий учится выполнять некоторый очень сложный маневр. Так вот, маневр этот заключается в перемещении точки сборки.

Сегодня ты смог воспринять союзника. Это значит, что тебе удалось сдвинуть точку сборки с ее обычного места. Другими словами, твое свечение осознания перешло определенный порог, и заодно стерло страх. И смогло это все произойти только потому, что у тебя оказалось достаточно свободной энергии.

Ночью, после возвращения с прогулки по окружавшим дом горам, во время которой дон Хуан работал с моим правосторонним осознанием, он снова перевел меня в состояние повышенного осознания и продолжил свой рассказ. Он сказал, что, прежде чем начать разговор о природе точки сборки, необходимо остановиться на первом внимании.

Занимаясь исследованием не замеченных древними нюансов функционирования первого внимания и пытаясь объяснить их другим, новые видящие разработали порядок, в котором следует располагать истины об осознании. Дон Хуан заверил меня, что далеко не каждый видящий склонен к объяснениям. Например, его бенефактор, нагваль Хулиан, вообще не уделял внимания такой мелочи, как объяснения. Но дону Хуану повезло — он был знаком с бенефактором своего бенефактора, нагвалем Элиасом. А тот считал объяснения довольно важной частью процесса обучения. В итоге к пониманию

и проработке истин об осознании дон Хуан пришел в результате синтеза обстоятельных объяснений нагваля Элиаса, обрывочных сведений, которые давал ему нагваль Хулиан, и собственного видения.

Затем дон Хуан объяснил, что сфокусировать воспринимаемый нами обычный мир первое внимание может лишь выделив и усилив определенные эманации, выбранные из узкой полосы эманаций, в которой находится человеческое осознание. Не задействованные при этом эманации никуда не исчезают. Они остаются в пределах нашей досягаемости, но как бы дремлют. Поэтому мы так ничего и не узнаем о них до конца жизни.

Выделенные и усиленные эманации видящие называют правосторонним или нормальным осознанием, тоналем, этим миром, известным, первым вниманием. Обычный человек называет это реальностью, рациональностью, здравым смыслом.

Выделенные эманации составляют значительную часть полосы человеческого осознания, но лишь малую толику всего спектра эманаций, присутствующих внутри кокона человека. Незадействованные эманации, относящиеся к человеческой полосе, — это что-то вроде преддверия к неизвестному. Собственно же неизвестное составлено множеством эманаций, которые к человеческой полосе не относятся и выделению никогда не подвергаются. Их видящие называют левосторонним осознанием, нагвалем, другим миром, неизвестным, вторым вниманием.

— Процесс выделения и усиления определенных эманаций был открыт древними видящими, — продолжал дон Хуан. — И они же стали его использовать. Они поняли, что нагваль — мужчина или женщина — обладая дополнительной силой, способен сдвигать выделяющий фактор с обычных эманаций на соседние сними. Это действие известно как удар нагваля.

Дон Хуан рассказал, что древние видящие применяли этот сдвиг на практике для того, чтобы держать в повиновении своих учеников. С помощью удара нагваля толтеки изменяли состояние осознания учеников, делая его исключительно ярким и впечатляющим. Осознание ученика при этом повышалось, но сам человек становился покорным до беспомощности. Находясь в таком состоянии, ученики осваивали порочные техники, превращавшие их в зловещих типов — точное подобие учителей.

Новые видящие тоже пользуются ударом нагваля. Но не для достижения низменных целей, а для того, чтобы вести учеников к познанию человеческих возможностей.

Дон Хуан объяснил, что удар нагваля следует наносить точно по точке сборки, положение которой у разных людей слегка различается. Кроме того, удар должен наноситься нагвалем-видящим. В этом смысле одинаково бесполезно обладать силой нагваля, но не видеть, и видеть, но не обладать силой нагваля. И в том, и в другом случае результатом будет самый обыкновенный удар. Простой видящий может колотить точно по нужному месту до бесконечности, но сдвинуть уровень осознания ему не удастся. А нагваль, который не видит, не сможет попасть туда, куда нужно.

Древние видящие также обнаружили, что точка сборки находится не в физическом теле, а в светящейся оболочке, в самом коконе. Нагваль определяет ее положение по особенно яркой светимости и не бьет по ней, а скорее ее толкает. От толчка в поверхности кокона образуется впадина. При этом ученик испытывает такое ощущение, словно ударом по правой лопатке у него из легких напрочь вышибли весь воздух.

— Впадины бывают разных типов, да? — поинтересовался я.

— Только двух, — ответил дон Хуан. — Это — вогнутость и щель. Вогнутость — временное образование, соответственно, она дает временный сдвиг уровня осознания. Трещина же — очень глубокое и устойчивое образование, изменяющее форму кокона и вызывающее устойчивый сдвиг.

Обычно отвердевший от самопоглощенности кокон вообще не поддается удару нагваля. Однако в некоторых случаях человеческий кокон очень податлив, и даже наименьшее усилие образует в нем чашеобразную впадину. Размер впадины может колебаться от крохотного уплощения поверхности до углубления, занимающего треть всего объема кокона. Может также образоваться и щель, которая пересекает весь кокон поперек или вдоль. Вид она имеет такой, словно кокон как бы свернулся внутрь себя.

Некоторые светящиеся оболочки после удара практически мгновенно приобретают исходную форму. На других впадина может сохраняться в

течение нескольких часов или даже дней. Но все равно они сами по себе возвращаются в исходное состояние. Есть и такие, на которых деформация фиксируется. Для приведения их в исходное состояние требуется еще один удар нагваля — по краю углубления. И лишь очень и очень немногие коконы никогда ни при каких обстоятельствах не приобретают снова форму светящегося яйца, каких бы ударов нагваля по ним не наносили. После первого удара они изменяют форму раз и навсегда.

Далее дон Хуан рассказал, что углубление на коконе действует на первое внимание, смещая свечение осознания. Впадина давит на эманации внутри светящейся оболочки. Видящий может видеть, как выделяющий фактор первого внимания сдвигается под действием силы этого давления. Эманации Орла внутри кокона смещаются, вследствие чего свечение осознания переходит на не задействованные прежде эманации, принадлежащие областям, в обычном состоянии первому вниманию недоступным.

Я спросил, видно ли свечение осознания только на поверхности кокона. Дон Хуан ответил не сразу. Казалось, он погрузился в размышление. Прежде, чем он дал ответ, прошло, наверное, минут десять. Он сказал, что обычно свечение сознательности видно на поверхности коконов живых существ. Однако после того, как человек развивает внимание, светимость его осознания приобретает глубину. Другими словами, свечение осознания как бы передается довольно большому количеству эманаций внутри кокона.

— Манипулируя осознанием, древние видящие знали, что делают, — продолжал дон Хуан. — Они отдавали себе отчет в том, что, создавая в поверхности кокона углубление, можно заставить свечение осознания, уже достигшее некоторых эманаций внутри кокона, распространиться на соседние эманации.

— Ты говоришь так, словно речь идет о физических телах, — сказал я. — Но как может образоваться впадина в чем-то, что является просто светимостью?

— Дело в том, что неким немыслимым образом одна светимость создает впадину в другой, — ответил он. — Ты не можешь отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но рассудок не способен рассматривать человека как энергию. Рассудок имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако никогда всерьез не задумывается над тем, что мы — нечто большее, чем

инструменты.

Мы — организмы, производящие энергию. Мы — пузыри энергии. Разве есть что-то противоестественное в том, что один пузырь энергии делает впадину в другом?

Свечение, образованное в осознании вогнутостью кокона, можно с полным правом назвать временно повышенным вниманием. Ведь эманации, которые оно выделяет и усиливает, расположены настолько близко к повседневно используемым эманациям, что само по себе внимание изменяется в минимальной степени. В то же время наблюдается значительное усиление способности понимать и сосредотачиваться, равно как, впрочем, и способности забывать. Я бы даже сказал, что способность забывать усиливается заметнее всех прочих. Видящие очень точно знали, как можно использовать такое изменение качества внимания. Они видели, что после удара нагваля резко увеличивается яркость только тех эманаций, которые расположены в непосредственной близости от задействованных в повседневной жизни. Более удаленные остаются нетронутыми. Это означает, что, находясь в состоянии повышенного осознания, человеческое существо способно действовать так же, как действует в повседневной жизни. Однако состояние это длится лишь до тех пор, пока на коконе сохраняется впадина. Стоит ей выправиться, как весь почерпнутый опыт мгновенно забывается. Отсюда — необходимость наличия нагваля, женщины или мужчины.

— Но почему получается так, что человек все забывает? — спросил я.

— Потому что эманации, дающие особую четкость восприятия и ясность сознания, остаются выделенными и усиленными только пока воин пребывает в состоянии повышенного осознания, — ответил дон Хуан. — А без их усиления любые ощущения, которые испытал воин, и любые картины, которые он созерцал, тают без следа.

Поэтому одна из задач, которую новые видящие ставят перед своими учениками — вспомнить. Для этого ученик должен самостоятельно добиться выделения и усиления соответствующих эманаций — тех, которые были задействованы в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан напомнил, как Хенаро неоднократно советовал мне научиться писать

не карандашом, а кончиком пальца, чтобы не скапливались груды заметок. Дон Хуан объяснил, что в действительности Хенаро имел в виду, что мне следует фиксировать все наши беседы и мои впечатления в памяти, пользуясь для этого не задействованными ранее эманациями. А потом когда-нибудь вспомнить, самостоятельно эти эманации усилив.

Затем дон Хуан рассказал мне, что состояние повышенного осознания видно не только как углубление свечения внутрь яйцеобразного человеческого кокона. Поверхностная светимость тоже усиливается. Хотя, конечно, с яркостью свечения, образованного полным осознанием, это усиление ни в какое сравнение не идет. В случае полного осознания вспыхивает сразу все светящееся яйцо целиком. Этот взрыв света обладает такой силой, что оболочка яйца рассеивается, и внутренние эманации распространяются. Они простираются за любые мыслимые пределы, охватывая обширные пространства.

— Но это происходит в каких-то особых случаях, да, дон Хуан?

— Конечно. Это может произойти только с видящим. Никакой другой человек, да и вообще никакое другое живое существо никогда так не вспыхнет. Зато видящий, целенаправленно достигший состояния абсолютной осознания — зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В момент достижения он сгорает в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и пожирает его. И тогда видящий, достигший полного осознания, сливается с большими эманациями и скрывается в вечности.

Мы провели в Соноре еще несколько дней, после чего я отвез дона Хуана в южную часть Мексики, где обычно жил он и воины его команды.

Следующий после нашего приезда день выдался жарким и душным. Я чувствовал лень и какое-то раздражение. Несколько послеполуденных часов были самым неприятным временем в этом городке — он весь словно замирал, разморенный зноем. Мы с доном Хуаном сидели в удобных креслах в большой комнате. Я сказал, что жизнь в мексиканской провинции не производит на меня благоприятного впечатления. Безмолвие этого городка казалось мне гнетущим и где-то даже зловещим. Единственным звуком, который я здесь слышал, были далекие вопли детей. Причем я никогда не мог определить — играют они или орут от боли.

— Находясь в этом городке, ты всегда пребываешь в состоянии повышенного осознания, — объяснил дон Хуан. — А это — совсем другое дело. Но в любом случае тебе необходимо привыкнуть к жизни в подобного типа городишке. Когда-нибудь тебе придется в таком поселиться.

— Но почему мне придется поселиться в подобном городке, дон Хуан?

— Я уже говорил: новые видящие стремятся к свободе. А свобода подразумевает множество весьма опустошающих вещей. И среди них — постоянный поиск перемен. Ты склонен жить так, как живешь. Ты стимулируешь рассудок, снова и снова просматривая свой инвентаризационный перечень и сравнивая его с перечнями своих друзей и знакомых. Эти манипуляции оставляют тебе крайне мало времени на исследование самого себя и своей судьбы. Но когда-нибудь тебе придется все это бросить. Точно так же, как, если бы всем, что тебе известно, был только лишь мертвый покой этого городка, тебе пришлось бы отправиться на поиски другой стороны медали.

— Так ты этим здесь занимаешься, дон Хуан?

— В нашем случае дело обстоит несколько иначе. Ведь мы уже находимся в конце пути. Мы более не ищем ничего. И то, что мы делаем здесь, есть нечто, постижимое лишь для воина. Ничем не занимаясь, мы просто переходим из одного дня в другой. Мы ждем. Я никогда не устану это повторять: мы знаем, что мы ждем, и мы знаем, чего мы ждем. Свобода — вот то, чего мы ждем!

— А теперь, когда ты все знаешь, — с ухмылкой добавил он, — давай-ка вернемся к разговору об осознании.

Обычно когда мы беседовали в большой комнате, нас никто не прерывал, и дон Хуан сам решал, когда закончить разговор. Но в этот раз в дверь вежливо постучали. Вошел Хенаро. Он сел в кресло. Я не виделся с ним с того самого дня, когда мы в спешке покинули его дом. На радостях я обнял его.

— Хенаро намерен кое о чем тебе рассказать, — сообщил дон Хуан. — Я уже говорил тебе, он — мастер осознания. А сейчас я могу тебе объяснить, что это значит. Хенаро умеет сдвигать точку сборки вглубь светящегося яйца после

того, как она была выбита со своего исходного места ударом нагваля.

— Он уже множество раз сдвигал твою точку сборки после того, как ты входил в состояние повышенного осознания. А в тот день — когда мы были на плоском камне — он заставил ее уйти чрезвычайно глубоко в левостороннюю часть светимости осознания. Настолько глубоко, что это было по-настоящему опасно.

Дон Хуан замолчал, как бы собираясь передать эстафету Хенаро. Кивком головы он дал ему сигнал начинать. Хенаро встал и подошел ко мне вплотную.

— Пламя — очень важная штука, — мягко произнес он, — Помнишь, когда-то я заставлял тебя смотреть на отражение солнца в куске кварца, когда мы сидели на том большом плоском камне?

Я вспомнил. В тот день, едва дон Хуан закончил говорить, Хенаро указал мне на преломленный свет, проходивший сквозь гладко отполированный кристалл кварца, который он вытащил из кармана и положил на плоскую поверхность камня. Все мое внимание было мгновенно приковано к сверканию кристалла. Затем я вдруг обнаружил, что лежу, распластавшись на камне, а дон Хуан стоит надо мною с выражением озабоченности на лице.

Я начал было рассказывать Хенаро о том, что вспомнил, но он меня перебил. Наклонившись к самому моему уху, он указал на два бензиновых фонаря, находившихся в комнате.

— Смотри на пламя, — велел он. — В нем нет тепла. Это — чистое пламя. Чистое пламя способно унести тебя в глубины неизвестного.

Пока он говорил, я начал ощущать странное давление. Это была физическая тяжесть. В ушах звенело. Глаза слезились до такой степени, что я едва различал очертания мебели в комнате. Казалось, что фокусировка зрения полностью нарушена. И, хотя глаза мои оставались открытыми, я не видел ничего, кроме яркого света бензиновых фонарей. Меня окружала тьма. Фосфоресцирующие полоски изумрудно-зеленого цвета слегка освещали темную, похожую на движущиеся облака массу пространства. Потом зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как перед этим пропало.

Я не мог понять, где я. Я парил подобно воздушному шару. Я был в полном одиночестве. Меня обуял дикий ужас, и рассудок мой тут же кинулся конструировать объяснение, которое в тот момент имело бы для меня смысл: с помощью света бензиновых ламп Хенаро меня загипнотизировал. Объяснение почти удовлетворило меня. Я спокойно парил, стараясь не волноваться. Я решил, что беспокойства можно избежать, сосредоточившись на стадиях, через которые я буду проходить в процессе пробуждения к нормальному состоянию.

Первое, что я заметил — я не был самими собой. Я не мог по-настоящему на что-либо смотреть, потому что смотреть было нечем. Я попытался обследовать собственное тело. И ничего не обнаружил. Я словно смотрел куда-то вниз, в бесконечное пространство. Но я осознавал. Я воспринимал величественные облака переливающегося лучистого света и массы черноты. И то, и другое пребывало в непрерывном движении. Я ясно видел как янтарная рябь накатывается на меня подобно гигантской медленной волне океанского прибоя. Я знал, что подобен бую, парящему в пространстве, и что эта волна захватит меня и унесет. Я принял ее как неизбежность. Но прежде, чем волна ударила меня, произошло нечто совершенно неожиданное. Подул ветер, который отнес меня в сторону с ее пути. Сила ветра несла меня с огромной скоростью. Я промчался сквозь исполинский тоннель яркого многоцветного света. Взор мой помутился, после чего я ощутил, что просыпаюсь от гипнотического сна, навеянного Хенаро. В следующее мгновение я обнаружил, что снова нахожусь в комнате вместе с доном Хуаном и Хенаро.

Я проспал почти весь следующий день. Вечером мы с доном Хуаном снова сели, чтобы поговорить. Хенаро и до этого находился возле меня, но комментировать вчерашнее наотрез отказывался.

— Вчера вечером Хенаро снова сдвинул твою точку сборки, — сказал дон Хуан. — Но, похоже, толчок оказался чересчур сильным.

Я воодушевленно принялся рассказывать дону Хуану содержание своих видений. Он слушал с улыбкой. Ему явно было неинтересно.

— Твоя точка сборки сдвинулась со своего исходного положения, — продолжил он. — Поэтому ты начал воспринимать эманации, которые обычному восприятию недоступны. Звучит, вроде бы, совсем невыразительно, верно? И

в то же время это — выдающееся достижение, к постижению которого стремятся новые видящие.

Он объяснил, что человеческие существа выбирают для восприятия все время одни и те же эманации по двум причинам. Первая и главная состоит в том, что нас научили — эти эманации доступны восприятию. Ну, а вторая такова: наши точки сборки отбирают и подготавливают к восприятию именно эти эманации.

— Каждое живое существо имеет точку сборки, которая отбирает эманации, подлежащие выделению и усилению, — продолжал дон Хуан. — Видящий может увидеть, одинаковой картиной мира пользуются существа или нет, увидев, какие эманации отобраны их точками сборки — одни и те же или различные.

— Одним из важнейших прорывов, осуществленных новыми видящими, было открытие того факта, что местоположение точки сборки на коконе не является постоянной характеристикой, но определяется привычкой. Этим объясняется то огромное значение, которое новые видящие придают новым непривычным действиям и практикам. Они отчаянно стараются выработать новые привычки, освоить новые способы действия.

— Удар Нагваля очень важен. Он сдвигает точку сборки с места. Он изменяет ее положение. Иногда он даже формирует на поверхности кокона устойчивую щель. Тогда точка сборки полностью смещается и качество осознания изменяется до неузнаваемости. Но гораздо важнее правильно понимать истины об осознании, ибо тогда становится ясно: точку сборки можно перемещать изнутри. К сожалению, человеческие существа всегда проигрывают из-за недостатка настойчивости. Они просто не знают своих возможностей.

— А как осуществляется сдвиг изнутри? — спросил я.

— Новые видящие утверждают, что технически это осуществляется посредством процесса осознавания, — ответил он. — Прежде всего, человек должен осознать тот факт, что воспринимаемый нами мир является результатом определенного положения точки сборки на коконе. После того, как понимание этого достигнуто, точка сборки может быть смещена волевым усилием в результате приобретения новых привычек.

Я не совсем понял, что имеется в ввиду под новыми привычками и попросил объяснить.

— Сообразно команде Орла, точка сборки человека располагается на коконе в пределах определенной области, — сказал дон Хуан. — Но точное ее местоположение определяется привычками, то есть постоянно повторяющимися действиями. Сперва мы узнаем, что она может находиться в каком-то конкретном месте, а затем сами приказываем ей там быть. Наша команда становится командой Орла, требующей, чтобы точка сборки находилась именно в данном месте. Обрати внимание: наша команда становится командой Орла. Древние видящие дорого заплатили за эту находку. И мы к ней еще вернемся.

— Древние видящие сосредоточили свои усилия исключительно на разработке тысяч сложнейших магических техник. Но они так никогда и не поняли, что все их замысловатые приемы, такие же причудливые, как и они сами, были не более чем средствами сдвинуть точку сборки с места и заставить ее перемещаться.

Я попросил объяснить подробнее.

— Я уже говорил когда-то: магия — это тупик, — сказал он. — Я имел в виду то, что магические практики лишены собственной ценности. Они имеют косвенное значение, поскольку их реальная функция — сдвигать точку сборки посредством выведения ее из-под контроля первого внимания.

— Новые видящие определили истинную роль магических приемов, и решили напрямую заняться процессом перемещения точки сборки, отказавшись от всей этой чепухи — ритуалов, заклинаний и прочего. Хотя в жизни каждого воина бывает время, когда ритуалы и заклинания действительно необходимы. Лично я посвятил тебя во все типы магических процедур. Но только для того, чтобы отвлечь твое первое внимание от самопоглощенности, сила которой намертво фиксировала твою точку сборки.

— Навязчивая вовлеченность первого внимания в самопоглощенность или рассудочность является очень мощной фиксирующей силой. Ритуальное поведение, повторяясь изо дня в день, заставляет первое внимание

высвободить часть энергии, занятой созерцанием инвентаризационного перечня. В результате жесткость фиксации точки сборки несколько уменьшается.

— Что происходит с человеком, чья точка сборки утратила жесткость? — спросил я.

— Если он — не воин, он думает, что теряет рассудок, — с улыбкой ответил он. — Тебе ведь тоже одно время казалось, что ты сходишь с ума. Если же человек этот — воин, он знает наверняка, что сошел с ума. И терпеливо ждет. Видишь ли, если человек здоров и находится в здравом уме, то значит его точка сборки неподвижно фиксирована. Когда она сдвигается, наступает сумасшествие в самом буквальном смысле.

— Воин, чья точка сборки сдвинулась, имеет возможность выбрать один вариант из двух: либо он признает, что болен, и начинает вести себя, как сумасшедший, эмоционально реагируя на странные миры, которые воспринимает в результате сдвига: либо он бесстрастно и отрешенно ждет, зная, что рано или поздно точка сборки обязательно вернется на место.

— А если не вернется? — поинтересовался я.

— Тогда все кончено. Такой человек пропал, — ответил дон Хуан. — Он или — неизлечимый душевнобольной, чья точка сборки никогда не сможет собрать обычный мир, или — непревзойденный видящий, отправившийся в путь к неизвестному.

— А в чем между ними разница?

— В энергии! В безупречности! Безупречные воины никогда не становятся душевнобольными. Они пребывают в состоянии постоянной отрешенности. Я не раз говорил тебе: безупречный видящий может увидеть устрашающие миры, а в следующее мгновение — как ни в чем не бывало шутить и смеяться с друзьями и незнакомыми людьми.

Тогда я сказал дону Хуану то, что говорил уже много раз. Разрушительные ощущения, которые я испытывал после приема галлюциногенных растений, не раз заставляли меня думать, что я серьезно болен. Полная потеря

координации во времени и пространстве, болезненные нарушения умственного сосредоточения, галлюцинации и видения странных мест и людей, которые воспринимались как совершенно реальные. Тогда я не мог избавиться от мысли, что теряю рассудок.

— По всем обычным понятиям ты его действительно терял, — пояснил дон Хуан. — Но с точки зрения видящих даже если ты его теряешь, ты теряешь не так уж много. Потому что рассудок по их представлениям — не более, чем самосозерцание инвентарного списка человека. Потеря самосозерцания без разрушения основ в действительности открывает возможность жить более полной и сильной жизнью, чем та, которой мы живем, пока самосозерцание инвентарного перечня довлеет над нами.

— Твое слабое место — склонность к эмоциональным реакциям. Они не дают тебе возможности понять, что необычность испытываемых тобой ощущений определяется глубиной, на которую погружается точка сборки внутрь человеческой полосы эманаций.

Я сказал, что не понимаю того, что он объясняет, поскольку образование, которое он называет человеческой полосой эманаций, пока что остается для меня непостижимым. Я представлял себе его как полосу на поверхности шара.

Дон Хуан объяснил, что меня вводит в заблуждение термин «полоса», и что он попытается проиллюстрировать мне, что имеется в виду. Форма светимости человека похожа на головку твердого сыра с вплавленным в нее диском из сыра более темного цвета. Дон Хуан взглянул на меня и усмехнулся. Ему было известно, что я не люблю сыр.

На небольшой доске он нарисовал схему. Он изобразил яйцеобразную форму и разделил ее вдоль на четыре части, сказав, что намерен сразу же стереть разделительные линии, поскольку нарисовал их только для того, чтобы показать мне, в каком месте кокона расположена полоса. Затем он нарисовал широкую полосу, расположенную между первой и второй частями, и стер разделительные линии. Он еще раз сказал, что полоса похожа на диск чеддера внутри головки твердого сыра.

— Теперь представь себе, что твердый сыр — прозрачен, и ты получишь точную копию человеческого кокона, — подвел он итог. — Диск чеддера

проходит насквозь через всю головку сыра — от передней поверхности до задней.

— Точка сборки расположена высоко, примерно на уровне в три четверти высоты кокона, на его поверхности. Когда нагваль надавливает на эту точку интенсивной светимости, она углубляется в диск чеддера. Состояние повышенной осознания наступает, когда яркое свечение точки сборки заставляет светиться эманации, дремлющие внутри диска чеддера. Когда видишь, как свечение точки сборки уходит внутрь диска, кажется, что точка сборки сдвигается влево по поверхности кокона.

Дон Хуан повторил свой пример три или четыре раза, но я все равно не понял, и ему пришлось продолжить объяснение. Он сказал, что впечатление, будто точка сборки движется влево, возникает вследствие прозрачности кокона, однако на самом деле она движется внутрь, к центру светящегося яйца, в толще человеческой полосы.

Я отметил, что он говорит так, словно для того, чтобы видеть движение точки сборки, видящие пользуются глазами.

— Человек не относится к непознаваемому, — объяснил он. — И светимость человека можно видеть почти так, как если бы использовались только глаза.

— Древние видящие видели движение точки сборки, но им никогда не приходило в голову, что это движение направлено вглубь. Идя на поводу у той картинки, которую видели, они ввели термин «сдвиг влево». Новые видящие оставили этот термин в употреблении, хотя им и известно, что он не совсем соответствует истинному положению вещей.

— За время нашего с тобой общения я сдвигал твою точку сборки бесчисленное количество раз. Кстати, и в данный момент она сдвинута. Поскольку это всегда — сдвиг вглубь, ты не утрачиваешь личностного самоосознания, хотя при этом и задействуются не используемые в обычном состоянии эманации.

— После того, как нагваль сталкивает точку сборки с ее места, она останавливается где-то в пределах человеческой полосы, причем не важно, где именно, поскольку в любом случае там лежит нетронутое пространство.

— Новые видящие разработали для проверки своих учеников превосходный тест. Ученик должен отследить путь, который его точка сборки проделала под воздействием удара нагваля. Когда ему это удается, говорят, что он обрел полноту или достиг целостности.

— Новые видящие утверждают, что по мере роста человека, сфокусировавшись на человеческой полосе эманаций и выбрав некоторые из них в качестве объектов усиления, свечение осознания попадает в замкнутый круг. Чем сильнее выделяются определенные эманации, тем более жесткой становится фиксация точки сборки. Это эквивалентно тому, что наша команда становится командой Орла. Само собой разумеется, к тому моменту, когда наше осознание развивается в первое внимание, команда эта становится предельно жесткой и однозначной. И разорвать порочный круг немыслимо трудно. И победа в этом случае — воистину величайшее достижение.

— Первое внимание воспринимает эманации блоками или пучками. Организация такого восприятия тоже является функцией точки сборки. Примером пучка эманаций, которые выделяются и усиливаются в виде единого блока, может служить человеческое тело в том виде, как мы его обычно воспринимаем. Остальные же части нашего существа — светящегося кокона — никогда не выделяются и не усиливаются. Они обречены на забвение. Ведь функция точки сборки — заставить нас не только воспринимать определенные пучки эманаций, но и игнорировать все прочие.

Я настоятельно потребовал подробнее остановиться на блочной организации восприятия. Дон Хуан объяснил, что точка сборки излучает свечение, которое группирует внутренние эманации в пучки, которые затем настраиваются на соответствующие им большие эманации, тоже собранные в пучки. Формирование пучков происходит даже тогда, когда видящий имеет дело с никогда не использовавшимися эманациями. Как только эманации выделены и усилены, вступают в действие законы блочного восприятия, свойственного первому вниманию.

— Одним из величайших моментов в развитии традиции новых видящих, — продолжал дон Хуан, — был момент, когда они обнаружили: неизвестное суть всего лишь эманации, которые игнорирует первое внимание. Их — множество, они составляют огромную область, однако, заметь, область, в которой

возможна организация блоков. А непознаваемое — это область воистину бесконечная, и организовать в ней какие-либо блоки наша точка сборки не в состоянии.

— Точка сборки подобна светящемуся магниту: перемещаясь в пределах человеческой полосы, она притягивает эманации и группирует их. Открытие, сделанное новыми видящими, было действительно великим, ведь неизвестное теперь предстало в совершенно новом свете. Новые видящие заметили, что некоторые из навязчивых видений древних толтеков — видений, постичь которые было практически невозможно — совпадали со смещением точки сборки в зону человеческой полосы, диаметрально противоположную тому месту, где точка сборки находится в нормальном состоянии. Это были видения темной стороны человека.

Я спросил:

— Почему ты называешь это темной стороной?

— Потому что она мрачна и связана с дурными предзнаменованиями. Это — не просто неизвестное, это — то, что совершенно ни к чему знать.

— А как насчет эманаций, которые находятся внутри кокона, однако лежат вне человеческой полосы? Их можно воспринять?

— Можно. Но то, как это происходит, описанию не поддается. Ведь они относятся не к человеческому неизвестному, как, скажем, незадействованные эманации человеческой полосы, а к почти неизмеримо огромной области неизвестного, где не просматривается ни одной человеческой черты. Эта область настолько ошеломляюще обширна, что описать ее вряд ли смог бы даже самый великий из видящих.

Тогда я в очередной раз выдвинул тезис, что тайна явно находится внутри нас.

— Тайна — вне нас, — сказал он. — Внутри — только эманации, которые стараются разрушить кокон. И этот факт сбивает нас с толку, независимо от того, воины мы или обычные люди. И только новые видящие могут в этом разобраться. Они стремятся видеть. И, перемещая точку сборки, приходят к

пониманию того, что тайна заключена в восприятии. Причем не столько в том, что именно мы воспринимаем, сколько в том, что заставляет нас воспринимать.

— Я уже говорил тебе: наши органы чувств способны воспринять все, что угодно. Так считают видящие. Они верят в это, ибо видят — то, что воспринимают органы чувств, определяется только положением точки сборки.

— И если точка сборки выстраивает эманации внутри кокона в положении, отличном от нормального, человеческие органы чувств начинают воспринимать мир самым непостижимым образом.

Глава 8. Положение точки сборки

В следующий раз дон Хуан возобновил рассказ об овладении осознанием, когда мы находились в его доме в Южной Мексике. Фактически дом принадлежал всем членам команды нагваля. Но официальным его владельцем считался Сильвио Мануэль. Поэтому все обычно говорили об этом доме как о доме Сильвио Мануэля, хотя я по какой-то непонятной причине привык называть его домом дона Хуана.

Дон Хуан, Хенаро и я вернулись в дом после поездки в горы. В тот день нам пришлось долго ехать по горной дороге, поэтому по возвращении мы сначала отдохнули, так что обед получился поздним. После обеда я спросил у дона Хуана, что это за любопытная уловка — называть дом домом Сильвио Мануэля. Дон Хуан заверил меня, что никакой уловки тут нет. Просто, называя его домом Сильвио Мануэля даже в мыслях наедине с самим собой, каждый из членов команды нагваля отрабатывает элемент искусства сталкинга. Любое другое отношение к дому было бы равносильно отрицанию связи с командой нагваля.

Я сказал, что он напрасно не сказал мне об этом раньше. Ведь мне вовсе не

хотелось своими привычками вносить диссонанс в сложившиеся отношения.

— Ты можешь по этому поводу не волноваться, — с улыбкой сказал дон Хуан. — Ты вправе называть этот дом как тебе заблагорассудится. Ты — нагваль, а нагваль обладает авторитетом. Женщина — нагваль, к примеру, называет его домом теней.

Потом наш разговор прервался, и я не видел дона Хуана до тех пор, пока через пару часов он не послал кого-то позвать меня во внутренний дворик.

Они с Хенаро прогуливались в дальнем конце галереи. Я видел, как движутся их руки. Было похоже, что они беседуют, подкрепляя слова интенсивной жестикуляцией.

Стоял ясный солнечный день. Косые лучи послеполуденного солнца падали прямо на цветочные горшки, свисавшие с карниза крыши. Тени от них ложились на северную и восточную стены внутреннего дворика. Резкий оранжево-желтый солнечный свет, массивные черные тени горшков и тонкие изящные кружева теней хрупких цветущих растений... Эта картина завораживала и ошеломляла. Кто-то, обладавший исключительным чувством гармонии и порядка, очень точно подобрал места для растений, чтобы получить столь потрясающий эффект.

Словно прочтя мои мысли, дон Хуан сообщил:

— Это сделала женщина-нагваль. Днем, когда солнце начинает опускаться, она созерцает тени.

Я представил себе, как она смотрит на послеполуденные тени. Этот образ мгновенно опустошил меня. Яркий оранжево-желтый свет этого часа, покой городка и привязанность, которую я питал к женщине-нагвалю, в один миг сплавились во мне, вызвав ощущение всего одиночества бесконечного пути воина.

Когда-то дон Хуан рассказывал мне о конечной цели этого пути. Он говорил, что новые видящие — воины абсолютной свободы и что единственное, чего они ищут — это окончательное освобождение, которое приходит, когда они достигают состояния полноты осознания. И теперь, глядя на причудливые

тени на стене, я вдруг с пронзительной ясностью осознал, что имела в виду женщина-нагваль, когда говорила, что только чтение стихов вслух приносит облегчение ее духу.

Я помнил, как за день до этого она что-то читала мне вслух, там же, во внутреннем дворике, но тогда я не совсем понял, чем вызвана настойчиво-отрешенная страсть, звучавшая в ее голосе. Она читала стихотворение Хуана Рамона Хименеса, вобравшее в себя, по ее ощущению, все бесконечное одиночество воина — человека, жизнь которого посвящена достижению абсолютной свободы:

Колокол и птица нарушали безмолвие

И больше никто...

Они словно вели беседу

С солнцем, что склонялось, к закату.

Безмолвие цвета золота

В неподвижном кристалле вечера.

Прохладные ветви деревьев

В потоке блуждающей чистоты.

И по ту сторону всего — прозрачность реки.

Скользя по жемчужинам, река вымывает их

И воды свои несет в Беспредельность.

Дон Хуан и Хенаро подошли ко мне, разглядывая меня с выражением неподдельного удивления.

— Послушай, дон Хуан, что же мы все-таки делаем в действительности? — спросил я. — Может быть, воины просто готовятся к смерти?

— Ни в коем случае, — ответил он, потрепав меня по плечу. — Воины готовятся к обретению полноты осознания. Абсолютное осознание достижимо только после того, как уничтожено чувство собственной важности. Лишь став ничем, воин становится всем.

Мы немного помолчали. Потом дон Хуан спросил, не мучит ли меня чувство жалости к самому себе. Я не смог ответить однозначно.

— Но ведь ты не жалеешь, что находишься здесь? — спросил дон Хуан с едва заметной улыбкой.

— Нет конечно, — заверил его Хенаро. Потом он вроде бы на минуту усомнился в справедливости своих слов. Он почесал в затылке и, приподняв брови, взглянул на меня. — А может, жалеешь? А?

— Нет, конечно, — на этот раз сказал дон Хуан, обращаясь к Хенаро. Потом он повторил все жесты Хенаро — почесал затылок, выгнул брови, взглянул на меня — и спросил. — А может, жалеешь? А?

— Да нет же! — воскликнул Хенаро, и оба они покатились со смеху. Когда они успокоились, дон Хуан объяснил, что чувство собственной важности является той силой, которая мотивирует любые приступы меланхолии. И добавил, что воин имеет право на состояния глубочайшей печали, но печаль эта дается ему лишь для того, чтобы заставить его смеяться.

— А сейчас Хенаро покажет тебе кое-что. Поверь, это намного занятнее, чем вся жалость к самому себе, на которую ты способен, — продолжил дон Хуан. — Это связано с положением точки сборки.

Хенаро тут же начал ходить вокруг по галерее, выгнув спину и поднимая колени к груди.

— Ходить таким образом его научил нагваль Хулиан, — шепотом объяснил дон Хуан. — Это называется походкой силы. Хенаро знает несколько типов походки силы. Следи за ним неотрывно.

Движения, которые совершал Хенаро, воистину обладали гипнотической

силой. Я обнаружил, что следую за его движениями, сначала — глазами, а потом — и ногами. Я копировал его походку. Обойдя дворик вокруг, мы остановились.

Пока мы шли, я заметил, что каждый шаг приносит мне ощущение все возрастающей ясности и прозрачности. Когда же мы остановились, я почувствовал, что все мое существо словно пробудилось. Я слышал каждый звук, я улавливал любое малейшее изменение освещенности, меня охватила навязчивая жажда действия. Я ощущал всплеск чрезвычайной агрессивности, мышечной силы и дерзости. И в то же мгновение я увидел расстилавшуюся передо мной обширную плоскую равнину. Прямо за моей спиной возвышался лес — огромная зеленая стена гигантских деревьев. В лесу царила тьма. Желтую равнину заливал яркий солнечный свет.

Я дышал глубоко и непривычно быстро, но чувствовал, что это — нормально. Однако именно ритм дыхания заставлял меня приплясывать на месте. Мне хотелось сорваться в галоп, вернее, этого хотелось моему телу, но в тот миг, когда я ринулся вперед, что-то остановило меня.

Рядом были дон Хуан и Хенаро. Мы с Хенаро шли по галерее. Хенаро был справа от меня. Он навалился на меня плечом. Я ощутил вес его тела. Он мягко толкал меня влево. Мы повернули под прямым углом и двинулись к восточной стене дворика. На мгновение у меня возникло странное ощущение: мне показалось, что сейчас мы пройдем сквозь стену. Я даже приготовился к столкновению с ней, но мы резко остановились, почти в нее упершись.

Я стоял лицом прямо к стене. Они оба тщательно меня осматривали. Я знал, что их интересует: они хотели удостовериться в том, что я сдвинул свою точку сборки. Я знал также, что сдвинул ее, поскольку настроение мое изменилось. Они тоже явно об этом знали. Аккуратно взяв под руки, они молча повели меня в другой конец галереи к темному узкому коридору, соединявшему внутренний дворик с остальными частями дома. Там мы остановились. Дон Хуан и Хенаро отошли от меня на несколько футов.

Они оставили меня стоять лицом в сторону дома, внутри которого царил густой полумрак. Я смотрел внутрь пустой темной комнаты. Я ощутил физическую усталость. Я чувствовал вялость и безразличие и в то же время — недюжинную духовную силу. И понял: что-то мною утрачено. В теле моем не

было силы, я едва держался на ногах. В конце концов ноги не выдержали, я опустился и сел, а потом улегся на бок. Я лежал там, охваченный всепоглощающими мыслями о Господе и добре.

Потом я вдруг оказался в церкви, перед главным алтарем. Золоченые барельефы сияли в свете тысяч свечей. Я увидел темные мужские и женские фигуры. На гигантских носилках они несли исполинское распятие. Отойдя с их пути, я вышел из храма. Я увидел множество людей, море свечей. Все они двигались по направлению ко мне. Я ощутил потрясающий подъем. Я ринулся к ним. Мною двигала бесконечная всеохватывающая любовь. Я жаждал быть с ними, молиться вместе с ними Господу, мне оставалось пробежать всего несколько футов, и я бы слился с массой людей. Но тут что-то смахнуло меня прочь.

В следующее мгновения я снова был с доном Хуаном и Хенаро. Втроем мы лениво брели по внутреннему дворику.

На следующий день во время обеда дон Хуан объяснил, что Хенаро с помощью походки силы сдвинул мою точку сборки. Удалось это ему потому, что я находился в состоянии внутреннего безмолвия. Дон Хуан напомнил мне, что ключевым моментом всего, что делают видящие, является остановка внутреннего диалога. Он говорил мне об этом множество раз с самого начала нашего общения. И он несколько раз повторил, что именно внутренний диалог фиксирует точку сборки в ее исходном положении.

— Стоит достичь безмолвия — и все становится возможным, — заявил он.

Я сказал ему, что вполне отдаю себе отчет в том, что мне в общем-то удалось прекратить внутренние разговоры с самим собой. Но я понятия не имел, каким образом это произошло. Если бы у меня спросили, за счет каких действий я этого добился, я бы затруднился ответить.

— Объяснение — сама простота, — сказал дон Хуан. — Это было изъявлением твоей воли. Тем самым ты сформировал новое намерение, новую команду. Ну, а потом твоя команда сделалась командой Орла.

— Это — самая необычайная из находок новых видящих. Наши команды могут становиться командами Орла. Внутренний диалог останавливается за счет того

же, за счет чего начинается: за счет действия воли. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою волю. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять волей. Это наша воля — разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому волю, выработать соответствующее намерение.

Несколько минут мы молчали. Потом я спросил, кого он имел в виду, говоря об учителях, которые научили нас вести внутренний диалог.

— Я говорил о том, что происходит с человеческим существом в младенчестве, — ответил дон Хуан. — В это время все, кто его окружает, учат его вести непрекращающийся диалог о нем. Постепенно диалог этот уходит внутрь и превращается в фактор, фиксирующий точку сборки в изначальном положении.

— По утверждению видящих, каждый ребенок окружен сотнями учителей, которые учат его, в каком точно месте следует зафиксировать точку сборки.

— Ведь поначалу точка сборки ребенка не фиксирована. Эманации внутри его кокона перемешаны и находятся в суматошном движении. Точка сборки при этом гуляет по всей человеческой полосе. Поэтому ребенок может с необычайной силой сфокусировать внимание на эманациях, которые в дальнейшем будут начисто изъяты из употребления и напрочь забыты. Но ребенок растет. Его окружают взрослые человеческие существа. Они имеют над ребенком значительную власть. Посредством усложнения внутреннего диалога, они делают фиксацию точки сборки ребенка все более и более жесткой. Внутренний диалог — это процесс, все время поддерживающий положение точки сборки. Ведь ее позиция — вещь произвольная и нуждающаяся в постоянном укреплении.

— Дело в том, что очень многие дети видят. Но большинство из тех, которые видят, считаются детьми с отклонениями от нормы. И окружающие прилагают все возможные усилия к тому, чтобы сделать фиксацию их точек сборки более жесткой.

— А можно ли помочь ребенку сохранить подвижность точки сборки? — спросил я.

— Только если он живет среди новых видящих, — сказал дон Хуан. — Иначе он попадет в ту же ловушку, что и древние толтеки, и запутается в закоулках безмолвной стороны человека. А это, поверь мне, намного хуже, чем угодить в тиски рассудочности.

Затем дон Хуан выразил восхищение человеческой способностью вносить упорядоченность в хаос эманаций Орла. Он сказал, что считает любого человека выдающимся мастером магии, искусство которого состоит в умении сохранять непоколебимую фиксацию точки сборки.

— Сила больших эманаций, — продолжал дон Хуан, — заставляет нашу точку сборки отбирать определенные эманации и соединять их в пучки для настройки и восприятия. Это — команда Орла. Однако то, какое значение мы придаем тому, что воспринимаем — это наша команда, наше магическое искусство.

— В свете того, что я тебе объяснил, чем-то исключительно сложным и в то же время до смешного простым оказывается то, что делал с тобой Хенаро вчера. Сложным — поскольку от всех потребовалась огромная дисциплина: внутренний диалог должен был быть прекращен, состояние повышенного осознания — достигнуто, точка сборки — уведена прочь со своего места. Однако подоплека всех этих сложнейших процедур проста. Новые видящие говорят: поскольку точное положение точки сборки является произвольной позицией, выбранной для нас нашими предками, ее можно сдвигать относительно легко; когда же точка сборки сдвинута, она изменяет настройку эманаций, формируя тем самым новое восприятие.

— Растения силы я давал тебе для того, чтобы заставить твою точку сборки двигаться. Они могут оказывать такое воздействие. Но точно так же могут действовать голод, усталость, болезнь и прочие подобные вещи. Обычный человек считает, что результаты сдвига проявляются только на ментальном плане, и в этом — его ошибка.

Как ты мог убедиться, дело обстоит совсем иначе.

Затем дон Хуан рассказал, что в прошлом моя точка сборки сдвигалась множество раз — так же, как она сдвинулась вчера — и что в большинстве случаев миры, которые она собирала, были настолько близки к обычному миру нашей повседневности, что фактически являлись мирами-призраками. И он подчеркнул, что видения такого типа новыми видящими автоматически отбрасываются.

— Подобного рода видения — продукт человеческой инвентаризации, — продолжал дон Хуан. — Они не имеют никакой ценности для воина, стремящегося к абсолютной свободе, поскольку формируются за счет поперечного сдвига точки сборки.

Дон Хуан замолчал и взглянул на меня. Я знал, что под «поперечным сдвигом» он понимает перемещение точки сборки не вглубь человеческой полосы, а поперек — от края к краю. Я спросил, правильно ли я понял.

— Именно это я имел в виду, — подтвердил он. — По обоим краям человеческой полосы находятся странные скопления мусора — невообразимые кучи человеческого хлама. Этакий склад зловещих патологий. Для древних видящих он имел огромную ценность, но не для нас.

— Угодить в него — проще простого. Вчера мы с Хенаро хотели ускоренными темпами привести тебе пример такого поперечного сдвига. Поэтому мы вели твою точку сборки. Но в принципе любой человек может попасть в этот хламник, просто остановив внутренний диалог. Если сдвиг минимален, результатом является то, что называют игрой воображения. Если же сдвиг существенен, возникает то, что известно как галлюцинации.

Я попросил объяснить, как осуществляется процесс ведения точки сборки. Он сказал, что при наличии внутреннего, безмолвия фактором, который захватывает точку сборки, является не столько вид походки силы, сколько ее звук. Ритм мягких шагов мгновенно притягивает силу настройки внутренних эманаций, которая высвободилась благодаря внутреннему безмолвию.

— Эта сила тут же цепляется за края полосы, — продолжал дон Хуан. — На правом краю мы обнаруживаем бесконечные видения физической активности, насилия, убийств, чувственных проявлений. На левом краю — духовность, религиозность, все, что связано с Богом. Мы с Хенаро провели твою точку

сборки от края до края, чтобы дать тебе представление обо всей куче человеческого хлама в целом.

Как бы для закрепления, дон Хуан еще раз напомнил мне о том, что одним из самых таинственных аспектов знания видящих являются невероятные эффекты внутреннего безмолвия. Когда оно установлено, путы, приковывающие точку сборки к определенному месту, начинают рваться, и она получает свободу движения.

Обычно она движется влево. Это направление — наиболее естественное направление сдвига. Однако некоторые видящие могут смещать точку сборки вниз от того места, где она обычно расположена. Новые видящие так и назвали такое перемещение точки сборки — «сдвиг вниз».

— Иногда видящим приходится страдать от случайных сдвигов вниз, — продолжал дон Хуан. — Точка сборки не остается в нижнем положении надолго. К счастью, поскольку внизу — место зверя. Так что сдвиг вниз идет вразрез с нашими интересами, хотя это и самое простое, чего можно добиться.

— В своем подходе древние видящие допустили множество ошибок. И одной из наиболее прискорбных стал сдвиг в неизмеримо огромную область, расположенную ниже исходной позиции точки сборки. Благодаря такой практике древние видящие стали мастерами по части принятия форм животных. В качестве точек отсчета они выбирали различных животных, называя их своим нагвалем. Толтеки верили, что, сдвигая точку сборки в определенные положения, они приобретают свойства избранных ими животных — их силу, мудрость, коварство, ловкость или свирепость.

— Даже в среде современных видящих встречается довольно много страшных примеров подобного рода практик. Относительная легкость, с которой точка сборки сдвигается в нижние позиции, делает их весьма заманчивыми, особенно для тех видящих, кто от природы склонен к сдвигу в этом направлении. Поэтому долг нагваля — проверять своих воинов.

Затем дон Хуан рассказал мне, что проверял меня на сдвиг вниз, когда я находился под воздействием растения силы. Он пел мою точку до тех пор, пока я не смог выделить воронью полосу эманаций, в результате чего превратился в ворону.

Тогда я задал дону Хуану вопрос, который задавал уже не один десяток раз. Я хотел знать, превращался я в ворону физически или только мыслил, как ворона, и испытывал свойственные вороне ощущения. Дон Хуан объяснил, что сдвиг точки сборки в нижележащие области всегда вызывает полную трансформацию. И добавил:

— Если в своем движении вниз точка сборки переходит некий критический порог, мир исчезает, перестает быть тем, чем он является для нас на человеческом уровне.

Дон Хуан признал, что моя трансформация тогда была ужасающей по всем параметрам. Реакция же моя на тот опыт показала ему, что я не склонен к сдвигам в этом направлении. Если бы дело обстояло иначе, мне пришлось бы приложить огромнейшие усилия и затратить массу энергии для преодоления стремления остаться внизу, где многие видящие чувствуют себя наиболее уютно.

Далее дон Хуан рассказал, что нечаянные сдвиги вниз периодически случаются с каждым видящим. Однако по мере того, как точка сборки смещается все дальше и дальше влево, сдвиги эти происходят все реже. Каждый раз, когда происходит такой непредвиденный сдвиг, сила видящего значительно уменьшается. Так что это — недостаток, на исправление которого требуются время и значительные усилия.

— Эти промашки делают видящих мрачными и ограниченными, — продолжал он, — а в определенных случаях — исключительно рациональными.

Я спросил:

— А как видящему избежать подобных сдвигов вниз?

— Все зависит от самого воина, — ответил он. — Некоторые от природы склонны идти на поводу у своих причуд — вот, например, ты. Обычно это тяжелый случай. Таким, как ты, я бы порекомендовал контролировать себя все время — двадцать четыре часа в сутки. Дисциплинированные мужчины и женщины в меньшей степени подвержены риску свалиться вниз. Им достаточно контролировать себя двадцать три часа в сутки.

Он лучисто взглянул на меня и засмеялся.

— Женщины-видящие чаще испытывают сдвиги вниз, чем мужчины, — продолжал дон Хуан. — Но зато им ничего не стоит выбраться оттуда. Мужчины же задерживаются там надолго, что очень опасно.

Он также сказал, что видящие-женщины обладают поразительной способностью удерживать свои точки сборки в любых местах нижней области. Мужчины так не могут. Мужчины уравновешены и целеустремленны, однако им не хватает талантливости. По этой причине в команде нагваля должно быть восемь женщин. Они дают импульс, необходимый для того, чтобы пересечь неизмеримые пространства неизвестного. Вместе с естественными способностями, а может, вследствие их, женщины обладают исключительно яростной силой. Поэтому они могут воспроизвести животную форму с яркостью, легкостью и непревзойденной дикостью.

— Когда тебе на ум приходят мысли о пугающих вещах, — продолжал дон Хуан, — о чем-то рыщущем во тьме, чему нет имени, ты, сам того не зная, думаешь о женщине-видящей, которая сдвинула свою точку сборки вниз и удерживает ее там — в каком-то месте этой безмерной области. Ибо именно там лежит зона истинного ужаса. И поэтому, если когда-нибудь тебе встретится женщина-видящая, избравшая ошибочный путь — беги от нее что есть духу без оглядки!

Я спросил, могут ли другие организмы сдвигать свой точки сборки.

— Их точки сборки могут сдвигаться, — ответил он, — однако в случае других организмов это действие не может быть преднамеренным.

— А точки сборки других организмов располагаются в определенных местах тоже в результате тренировки?

— Любой новорожденный организм так или иначе подвергается тренировке, — ответил дон Хуан. — Мы можем не понимать, каким именно образом их тренируют — в конце концов, мы не понимаем даже того, как тренируют нас самих — но видящие видят: новорожденные приучаются делать то же, что делают все особи их вида. В точности то же самое происходит и с детьми

людей. Сначала видящие видят, как их точки сборки перемещаются по самым разнообразным траекториям, а потом видят, что присутствие взрослых фиксирует точку сборки каждого ребенка в определенном месте. Это одинаково для всех организмов.

Дон Хуан, казалось, на мгновение задумался, а потом добавил, что существует, пожалуй, уникальный эффект, свойственный только точке сборки человека. Он указал на дерево за окном и сказал:

— Когда мы — серьезные взрослые человеческие существа, смотрим на дерево, наши точки сборки производят настройку бесчисленного количества эманаций, и в результате происходит чудо. Наши точки сборки заставляют нас воспринять блок эманаций, который мы называем деревом.

И он объяснил, что точка сборки человека не только обеспечивает настройку эманаций, необходимую для собственно восприятия, но также убирает определенные эманации из зоны настройки с целью получения большей четкости восприятия. Это похоже на снятие сливок — замысловатый, чисто человеческий прием, не имеющий параллелей.

Новые видящие обнаружили, что только человеческое существо способно составлять блоки из блоков эманаций. Говоря о снятии сливок, дон Хуан воспользовался испанским словом «деснате», которым обозначается собирание самых вкусных сливок с кипяченого молока после того, как оно остынет. Нечто подобное происходит в случае человеческого восприятия. Точка сборки отбирает некоторую часть уже отобранных для настройки эманаций и формирует из них более рафинированную конструкцию.

— Сливки, которые собирает человек, — продолжал дон Хуан, — более реальны, чем то, что воспринимают другие существа. Это — ловушка, в которую мы попадаем. То, что мы воспринимаем, выглядит таким реальным! И мы забываем — все это мы построили сами, скомандовав точке сборки занять то место, в котором она находится. Мы забываем — все это реально лишь постольку, поскольку мы дали команду: воспринимать как реальное! Мы обладаем властью снимать сливки с настройки, но не способны защитить самих себя от собственных команд. Это необходимо как следует усвоить. Давая свободу способности снимать сливки — а именно так мы и поступаем — мы совершаем ошибку. И платим за нее так же дорого, как древние видящие

платили за те ошибки, которые совершали они.

Глава 9. Сдвиг вниз

Дон Хуан и Хенаро отправились в путешествие по Северной Мексике. Такое путешествие они ежегодно предпринимали для того, чтобы собрать лекарственные растения в Сонорской пустыне. Один из видящих команды нагваля — Висенте Медрано, специалист по растениям — готовил из них лекарства.

Я присоединился к дону Хуану и Хенаро в Соноре, уже в самом конце путешествия — как раз вовремя для того, чтобы отвезти их домой, на юг.

За день до того, как мы отправились в путь, дон Хуан неожиданно продолжил рассказ об овладении осознанием. Мы как раз отдыхали в тени высоких кустов в предгорьях. Был вечер, уже почти совсем стемнело. У каждого из нас было по холщовому мешку, заполненному растениями. Едва мы положили мешки, как Хенаро тут же улегся на землю и заснул, положив под голову сложенную куртку.

Дон Хуан говорил тихо, как бы боясь разбудить Хенаро. Он сообщил мне, что уже рассказал о большинстве истин, касающихся осознания и что осталась только одна, о которой мы не говорили. Дон Хуан заверил меня, что эта последняя истина была самым выдающимся открытием древних видящих, хотя сами они так об этом и не узнали. Прошли века, прежде чем новые видящие установили, насколько огромно ее значение.

— Итак, человек имеет точку сборки, — продолжил дон Хуан, — и эта точка сборки определенным образом выстраивает эманации, подлежащие восприятию. Об этом мы с тобой говорили. Шла речь также и о том, что точка эта сдвигается из своего фиксированного положения. А теперь — последняя истина: преодолевая в своем перемещении определенный предел, точка

сборки способна собирать миры, совершенно отличные от того, который нам известен.

Все так же шепотом он сказал, что определенные местности не только способствуют подобного рода случайным перемещениям точки сборки, но также и определяют направление сдвига. Сонорская пустыня, к примеру, помогает точке сборки сдвигаться вниз от ее исходного положения — в позицию зверя.

— Поэтому, — продолжал он, — в Соноре так много настоящих магов. И в особенности — магов-женщин. С одной — Ла Каталиной — ты уже знаком. Когда-то я втянул вас с ней в поединок. Я хотел заставить твою точку сборки сдвинуться, и Ла Каталина своими магическими штучками вышибла ее из нормального положения.

И дон Хуан объяснил, что вся та жуть, которую я пережил, сражаясь с Ла Каталиной, была предварительно ими двумя спланирована.

— Как ты смотришь на то, чтобы пригласить ее сюда? — громко спросил Хенаро и сел.

Неожиданность вопроса и тон его голоса мгновенно привели меня в ужас.

Дон Хуан рассмеялся, взял меня за руки и слегка встряхнул. Он сказал, что причин для беспокойства нет. Ла Каталина приходится нам чем-то вроде двоюродной сестры или тетушки, ибо является частью нашего мира. Хотя и не вполне следует в русле нашего поиска. У нее гораздо больше общего с древними видящими. Хенаро улыбнулся и подмигнул мне:

— Я, конечно, понимаю — она тебя здорово возбуждает. Она сама мне призналась: с каждым вашим столкновением ты все сильнее ее пугался и все больше хотел.

Дон Хуан и Хенаро хохотали почти до истерики. Я вынужден был признать, что каким-то образом Ла Каталина, действительно, всегда производя на меня пугающее впечатление, тем не менее, привлекала меня как женщина. Наибольшее же впечатление на меня производила та потрясающая энергия, которая буквально сочилась сквозь все поры ее кожи.

— Да, — заметил дон Хуан, — она накопила такое количество энергии, что способна сдвигать твою точку сборки в глубины левой стороны даже когда ты не находишься в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина связана с нами очень тесно, поскольку принадлежала к команде нагваля Хулиана. Он объяснил, что обычно нагваль и все члены его команды покидают мир одновременно, однако в некоторых случаях они делают это постепенно, небольшими группами. Именно так обстояло дело с командой нагваля Хулиана. Несмотря на то, что сам он покинул мир почти сорок лет назад, Ла Каталина все еще была здесь.

Дон Хуан и раньше рассказывал мне о команде нагваля Хулиана. Теперь он еще раз напомнил, что она состояла из трех весьма непримечательных мужчин и восьми великолепных женщин. Дон Хуан всегда считал, что такая несообразность была причиной того, что членам команды нагваля Хулиана приходилось покидать мир по очереди.

Ла Каталина была прикреплена к одной из великолепных женщин-видящих из команды нагваля Хулиана, и от нее научилась необычайным способам сдвигать точку сборки в нижележащую область. Та видящая должна была покинуть мир одной из последних. Она прожила исключительно долгую жизнь. А поскольку и она, и Ла Каталина были родом из Соноры, то в ее пожилые годы обе они возвратились в пустыню и жили там вместе до тех пор, пока видящая не покинула мир. За те годы, которые они провели вместе. Ла Каталина стала ее самой преданной помощницей и ученицей — ученицей, которая жаждала освоить весьма экстравагантные методы смещения точки сборки, известные древним видящим.

Я спросил у дона Хуана, в значительной ли степени знания Ла Каталины отличаются от его собственных.

— Мы в точности одинаковы, — ответил он. — Она несколько больше похожа на Сильвио Мануэля или Хенаро. По сути она — их женский вариант. Но, разумеется, будучи женщиной, она неизмеримо более агрессивна и опасна, чем они оба.

Хенаро подтвердил это кивком головы.

— Неизмеримо более, — произнес он и снова подмигнул.

— Она связана с твоей командой? — спросил я у дона Хуана.

— Я же сказал: она приходится нам как бы двоюродной сестрой или теткой, — ответил он. — Я имею в виду то, что она относится к более старшему поколению видящих, хотя по годам она и моложе нас всех. Ла Каталина — последняя из той группы. И с нами она контактирует довольно редко. В общем-то, мы ей не очень нравимся. Мы слишком жесткие для нее. Она привыкла к обращению нагваля Хулиана. И поиску свободы она предпочитает фантастические приключения в неизвестном.

— А какая разница? — поинтересовался я.

— А вот в этом нам и предстоит не спеша и тщательно разобраться в ходе последней части моего рассказа об истинах, касающихся осознания, — ответил дон Хуан. — Сейчас тебе важно знать одно: в левосторонней части своего осознания ты ревностно хранишь странные тайны; в этом вы с Ла Каталиной похожи друг на друга.

— Я снова заявил, что дело не в том, что мне нравится сама Ла Каталина, а скорее в том, что меня восхищает ее огромная сила.

Дон Хуан и Хенаро расхохотались и потрепали меня по плечам, словно они знали что-то, о чем я не догадывался.

— Зато ты ей нравишься, потому что она знает, на кого ты похож, — сказал Хенаро и причмокнул губами. — Она очень хорошо знала нагваля Хулиана.

Они оба бросили на меня долгий взгляд от чего я почувствовал раздражение.

— На что ты намекаешь? — резко спросил я у Хенаро. Он ухмыльнулся и смешно повел бровями вверх — вниз. Но промолчал. Молчание прервал дон Хуан: — Есть некоторые странные моменты, в которых вы с нагвалем Хулианом очень похожи. Хенаро пытается вычислить, отдаешь ли ты себе в этом отчет.

Я спросил у них, каким это, интересно, образом, я могу отдавать себе отчет в чем-то настолько неопределенном.

— А вот Ла Каталина считает, что можешь. И отдаешь, — заявил Хенаро. — Она утверждает это, потому что знала нагваля Хулиана лучше, чем любой из нас.

Я заметил, что мне не верится в то, что она знала нагваля Хулиана, поскольку он ушел из мира почти сорок лет назад.

— Но и Ла Каталина не вчера родилась, — сказал Хенаро. — Она просто выглядит молодо, но это — часть ее знания. Ты видел ее только тогда, когда она выглядит молодой. Если бы ты встретил ее в образе старухи, ты бы испугался до умопомрачения.

— То, что делает Ла Каталина, может быть объяснено с точки зрения владения тремя искусствами, — вмешался дон Хуан, — искусством осознания, искусством сталкинга и искусством намерения.

— Но сегодня мы рассмотрим то, что она делает, только в свете последней истины об осознании, которая гласит: сдвинувшись с исходного места, точка сборки может собирать миры, отличные от нашего.

Дон Хуан знаком велел мне встать. Поднялся на ноги и Хенаро. Я автоматически схватил мешок с растениями. Хенаро с улыбкой остановил меня как раз перед тем, как я забросил мешок на плечо:

— Оставь мешок в покое. Нам предстоит прогуляться на холм и встретиться с Ла Каталиной.

— А где она?

— Там, наверху, — сказал Хенаро, указывая на вершину невысокого холма. — Если ты сведешь глаза и будешь смотреть туда внимательно, ты увидишь ее — очень темное пятно на фоне зеленой растительности.

Я напряг зрение, пытаясь высмотреть пятно, но ничего не заметил.

— Слушай, а почему бы тебе и правда туда не сходить? — предложил дон Хуан.

У меня закружилась голова и немного затошнило. Движением руки дон Хуан предложил мне отправиться наверх, но я не отваживался сдвинуться с места. В конце концов, Хенаро взял меня под руку и вдвоем с ним мы начали взбираться на холм. Когда мы добрались до вершины, я обнаружил, что дон Хуан идет вслед за нами. Все мы втроем достигли вершины одновременно.

Дон Хуан очень спокойно подошел к Хенаро. Он спросил, помнит ли тот, как нагваль Хулиан много раз был готов задушить их насмерть за то, что они шли на поводу у своего страха.

Хенаро повернулся ко мне и сообщил, что нагваль Хулиан был безжалостным учителем. Он и его учитель нагваль Элиас, который тогда еще находился в этом мире, имели обыкновение сдвигать точку сборки ученика за критическую черту, предоставляя его затем самому себе.

— Я как-то уже говорил тебе: нагваль Хулиан рекомендовал нам не растрачивать сексуальную энергию, — продолжал Хенаро. — Он имел в виду то, что энергия необходима для смещения точки сборки. Если у человека ее нет, то удар нагваля — это не удар свободы, а удар смерти.

— При недостатке энергии, — сказал дон Хуан, — разрушается сила настройки. Не обладая достаточной энергией, невозможно выдержать давление эманаций, выстроенных в порядке, который никогда не используется в обычных обстоятельствах.

Хенаро сказал, что в том, как учил нагваль Хулиан, всегда присутствовало вдохновение. Каждый раз он находил способ совместить обучение с развлечением для себя. Одним из его любимых приемов был неожиданный удар нагваля. Застав кого-либо из учеников врасплох, в нормальном состоянии осознания, он сдвигал его точку сборки. Одного-двух раз обычно оказывалось достаточно. После этого, если нагвалю Хулиану требовалась вся полнота внимания ученика, ему нужно было лишь пригрозить неожиданным ударом нагваля.

— Да, нагваль Хулиан был человеком воистину незабвенным, — сказал дон

Хуан. — У него был дар обращения с людьми. Он мог сделать какую-нибудь гадость, и в его исполнении она выглядела просто великолепно. Если бы так поступил кто-то другой, это было бы грубо и бессердечно.

— А вот нагваль Элиас таким даром не обладал. Зато он был воистину великим, великим учителем.

— Нагваль Элиас был очень похож на нагваля Хуана Матуса, — вставил Хенаро. — Они прекрасно находили общий язык. И нагваль Элиас научил его всему, ни разу не повысив голоса и не сыграв ни одной злой шутки.

— Нагваль же Хулиан был совсем другим, — продолжал Хенаро, по-дружески меня толкнув. — Я бы сказал, что в левосторонней части своего осознания он ревностно хранил странные тайны. Совсем, как ты. Ты согласен? — спросил он, обращаясь к дону Хуану.

Тот не ответил, но утвердительно покачал головой. Казалось, он старается сдержать смех.

— Он был игрив от природы, — произнес дон Хуан, и оба они расхохотались.

Они явно намекали на что-то. Я почувствовал угрозу. Как ни в чем не бывало дон Хуан сообщил мне, что они намекают на весьма эксцентричные магические приемы, которые освоил нагваль Хулиан за свою жизнь. А Хенаро добавил, что, кроме, нагваля Элиаса, у нагваля Хулиана был еще один совершенно уникальный учитель — учитель, который любил его безмерно и обучил неизвестным и архисложным способам сдвига точки сборки. В результате поведение нагваля Хулиана всегда было исключительно эксцентричным. Я спросил:

— Что это был за учитель, дон Хуан?

Дон Хуан и Хенаро переглянулись и по-детски захихикали.

— Вопрос серьезный, — ответил дон Хуан. — Я могу сказать лишь одно: это был учитель, изменивший направление нашей линии. Он обучил нас множеству вещей — хороших и плохих — но наихудшим из всего, чему он нас научил, были практики древних видящих. И некоторые из нас на этом

попались. В том числе — нагваль Хулиан и Ла Каталина. И мы можем лишь надеяться, что ты не последуешь за ними.

Я немедленно принялся возражать. Дон Хуан меня перебил, сказав, что я сам не знаю, против чего возражаю.

Пока дон Хуан говорил, я ужасно разозлился и на него, и на Хенаро. Ни с того, ни с сего я пришел в бешенство и принялся что было мочи на них орать. Несообразность моей собственной реакции испугала меня. Будто бы я был вовсе не я. Я замолчал и с мольбой о помощи во взгляде посмотрел на них.

Хенаро стоял, положив руки дону Хуану на плечи, словно нуждаясь в поддержке. Оба они сотрясались в приступе совершенно неуправляемого хохота.

Я вдруг пришел в состояние такой подавленности, что почти расплакался. Дон Хуан приблизился ко мне и, как бы подбадривая меня, положил руку на мое плечо. Он сказал, что Сонорская пустыня по причинам, для него непостижимым, способствует проявлению воинственности в человеке, да и в любом другом существе.

— Люди скажут, что причиной тому является излишняя сухость здешнего воздуха, — продолжал он. — Или излишняя жара. Видящий сказал бы, что здесь имеет место специфическое слияние эманаций Орла, способствующее, как я уже говорил, сдвигу точки сборки вниз.

— Но как бы там ни было, воин приходит в мир для того, чтобы учиться и в результате тренировки стать отрешенным наблюдателем, постичь тайну нашего бытия и насладиться торжеством знания нашей истинной природы. В этом — высшая цель новых видящих. И не каждому из воинов дано ее достичь. Мы считаем, что нагваль Хулиан до нее не добрался. Он попал в ловушку. И Ла Каталина — тоже.

Затем дон Хуан сказал, что несравненным нагвалем способен стать лишь тот, кто любит свободу и обладает величайшей отрешенностью. Путь воина являет собою противоположность образу жизни современного человека, и в этом — главная опасность этого пути. Современный человек покинул пределы неизвестного и таинственного, утвердившись в функциональном.

Повернувшись спиной к миру предчувствия и торжества достижения, он с головой погрузился в мир тоскливой повседневности.

— И шанс вернуться в мир тайны, — продолжал дон Хуан, — иногда становится слишком тяжелым испытанием для воина. И воин не выдерживает. Я бы сказал так: он попадает в ловушку захватывающих приключений в неизвестном. И забывает о поиске свободы, забывает о том, что должен быть отрешенным наблюдателем. Воин тонет в неизвестном. Воин становится жертвой любви к неизвестному.

— И вы полагаете, что я принадлежу к числу таких воинов, дон Хуан?

— Мы не полагаем, мы знаем наверняка, — ответил Хенаро. — И Ла Каталина знает об этом лучше, чем кто-либо другой.

— Откуда, интересно, она может об этом знать? — настаивал я.

— Да просто она — такая же, как ты, — ответил Хенаро, смешно выговаривая слова.

Я уже совсем было вступил в жаркий спор, когда дон Хуан перебил меня:

— Ты совершенно напрасно так напрягаешься. Ты таков, каков ты есть. Кому-то сражаться за свободу легче, кому-то — тяжелее. И ты принадлежишь ко второй категории.

— Чтобы стать отрешенным наблюдателем, необходимо прежде всего понять вот что: каким бы ни был наблюдаемый нами мир и чем бы мы сами в нем не являлись, все это — лишь результат фиксации в определенном месте сдвинутой туда точки сборки.

— Новые видящие говорят: когда нас учат разговаривать с самими собой, нас учат становиться скучными, чтобы зафиксировать точки сборки в каком-то одном месте.

Хенаро хлопнул в ладоши, издал пронзительный свист, имитируя свисток футбольного тренера и завопил:

— Так, смещаем точку сборки! Ну, ну! Давай, давай, смещай! Мы все еще смеялись, когда кусты справа от меня вдруг зашевелились. Дон Хуан и Хенаро немедленно сели на землю, подогнув под себя левую ногу. Согнутую в колене правую каждый из них поставил перед собой наподобие щита. Знаком дон Хуан приказал мне сделать то же самое. Приподняв брови, он изобразил на лице смирение.

— У магов — свои причуды, — шепотом сказал он. — При сдвиге точки сборки вниз зрение мага ухудшается. И если он заметит тебя стоящим, он непременно нападет.

— Однажды нагваль Хулиан два дня продержал меня в позе воина, — тоже шепотом сообщил Хенаро. — Мне даже мочиться пришлось, не вставая.

— И еще — какать, — добавил дон Хуан.

— Точно, — подтвердил Хенаро, а затем, как бы вспомнив что-то, шепотом поинтересовался, — Надеюсь, ты сегодня уже какал? Потому что, если у тебя в кишках что-то есть, ты наложишь в штаны, как только покажется Ла Каталина. Если, конечно, я не научу тебя, как их снимать. Чтобы покакать в позе воина, тебе придется снять штаны.

И он принялся показывать мне, как снимаются брюки в этой позе. Он подошел к этому процессу с исключительной серьезностью и ответственностью. Все мое внимание было полностью сосредоточено на его движениях. И только сняв штаны, я обнаружил, что дон Хуан буквально захлебывается от хохота. Я понял, что Хенаро в очередной раз надо мной подшутил, и собрался было подняться на ноги и надеть штаны. Однако дон Хуан остановил меня. Он так хохотал, что едва мог говорить. Он сказал, что в шутке Хенаро — только доля шутки и что Ла Каталина действительно находится за кустами.

Меня проняло: несмотря на смех, в тоне его звучала настойчивость. Я застыл на месте. А мгновение спустя я уже совершенно забыл о штанах — в такую панику меня вогнал раздавшийся в кустах шорох. Я взглянул на Хенаро. Он уже снова был в штанах. Пожав плечами, Хенаро прошептал:

— Прости. Я не успел показать тебе, как надевать их, не вставая.

У меня не было времени ни на то, чтобы разозлиться на них, ни на то, чтобы присоединиться к их веселью, потому что неожиданно кусты раздвинулись прямо передо мной, и из них вышло нечто чудовищное. Даже страх мой прошел — до того диковинным было это создание. Я не боялся, я был просто очарован. То, что я видел перед собой, было чем угодно, но только не человеческим существом. Оно даже отдаленно не напоминало человека. Это было больше похоже на рептилию. Или на громоздкое гротескное насекомое. Или на мохнатую, до предела омерзительной наружности птицу. Ее темное тело было покрыто грубой рыжеватой шерстью. Я не видел ног — только огромную уродливую голову. Вместо ноздрей по бокам плоского носа зияли две большущие дыры. У этой твари было что-то наподобие зубатого клюва. И глаза — настолько же прекрасные, насколько гротескной была вся эта штука. Глаза были подобны двум гипнотическим озерам непостижимой чистоты. В них светилось знание. Эти глаза не были человеческими, равно как и птичьими. Я вообще никогда не видел таких глаз.

Шелестя кустами, чудище прошло слева от меня. Когда я, следя за его движением, повернул голову, то заметил, что дон Хуан и Хенаро очарованы его присутствием в той же степени, что и я. Мне пришло в голову, что они, видимо, тоже никогда не видели ничего подобного:

В следующее мгновение создание полностью исчезло из виду. Но спустя миг послышалось рычание и его очертания снова замаячили перед нами.

Я был очарован и в то же время обеспокоен тем, что ни капельки не боюсь этого чудища. Было такое ощущение, что в панику перед этим впадал вовсе не я, а кто-то совсем другой.

В какой-то момент я почувствовал, что начинаю вставать. Ноги распрямились против моей воли, и я обнаружил, что стою, повернувшись к чудовищу лицом. Я смутно ощущал что снимаю куртку, рубашку, ботинки. Я разделся догола. Мышцы ног сократились с огромной силой. С непостижимой ловкостью я подпрыгнул, и в следующее мгновение мы с чудовищем уже неслись к массе растительности невыразимо зеленого цвета, маячившей в отдалении.

Сначала чудовище неслось впереди меня, извиваясь наподобие змеи. Но затем мне удалось его догнать. Когда мы поравнялись, я вдруг осознал нечто, что уже было мне известно — на самом деле чудовище было Ла Каталиной. Вдруг

рядом со мной оказалась Ла Каталина в человеческом облике. Мы скользили без малейшего усилия. Мы словно застыли неподвижно в позах стремительного движения, а пейзаж несся назад, создавая впечатление огромного ускорения.

Движение наше прекратилось так же внезапно, как началось. Мы были одни в совершенно ином мире. Там не было ни одной узнаваемой черты. Интенсивное сияние и жар шли от того, что казалось землей — землей, покрытой гигантскими камнями. По крайней мере, это было похоже на камни. Они имели цвет песчаника, но были невесомы; они напоминали куски губки. Я мог расшвыривать их, лишь слегка к ним прикасаясь.

Я настолько увлекся своей силой, что забыл обо всем остальном. Каким-то образом я определил, что куски этого вроде бы невесомого материала на самом деле мне сопротивляются. И то, что мне удавалось с легкостью их расшвыривать, было следствием моей немыслимой силы.

Я попытался хватать их руками, и понял, что тело мое изменилось. Ла Каталина смотрела на меня. Она снова была гротескным созданием. Таким же созданием был теперь и я сам. Я не видел себя, но знал наверняка, что мы абсолютно одинаковы.

Неописуемая радость охватила меня, бывшая как бы силой, пришедшей извне. Мы с Ла Каталиной скакали, кружились и играли до тех пор, пока у меня не осталось ни мыслей, ни чувств, ни каких бы то ни было следов человеческого самоосознания. Но в то же время я определенно осознавал. Мое самоосознание было неким смутным знанием, порождавшим уверенность в себе, безграничной верой, физической уверенностью в собственном существовании, причем не в смысле человеческого личностного самоощущения, но в смысле присутствия, бывшего всем сущим.

Затем как-то разом все вновь пришло в человеческий фокус. Ла Каталина держала меня за руку. Мы шли по пустыне среди сухих кустарников. Я немедленно ощутил болезненные прикосновения острых камней и комков глины к ступням моих босых ног.

Мы пришли на свободное от растительности место. Там были дон Хуан и Хенаро. Я сел на землю и оделся.

Мой опыт с Ла Каталиной несколько задержал наше возвращение в Южную Мексику. Каким-то неописуемым образом он выбил меня из колеи. Находясь в нормальном состоянии осознания, я как бы растворялся Я словно потерял точку отсчета. Я совсем пал духом и даже пожаловался дону Хуану на то, что мне не хочется больше жить.

Мы сидели под рамадой дома дона Хуана Машина моя была нагружена мешками, и мы были готовы отправиться в путь, но чувство отчаяния овладело мной, я заплакал. Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез. Чем большим было мое отчаяние, тем сильнее они веселились. Наконец, дон Хуан сдвинул меня в состояние повышенного осознания и объяснил, что их смех вовсе не был выражением злорадства с их стороны или проявлением какого-то странного чувства юмора. Они смеялись от переполнявшей их радости за меня, потому что видели, что мне удалось продвинуться далеко вперед по пути знания.

— Я скажу тебе, что говорил нам нагваль Хулиан, когда мы добирались до того места, где ты находишься сейчас, — сказал дон Хуан. — И ты поймешь, что ты — не один. То, что происходит с тобой, случается с каждым, кто накопил достаточно энергии и смог заглянуть в неизвестное.

Нагваль Хулиан говорил им, что они изгнаны из дома, в котором провели всю свою жизнь. Результатом накопления энергии явилось разрушение гнезда — такого уютного, но сковывающего и скучного — в мире обычной жизни. И подавленность их, по словам нагваля Хулиана, была не печалью потерявших старый дом, но печалью обреченных на поиски нового.

— Новый дом, — продолжал дон Хуан, — не столь уютен. Однако в нем гораздо больше простора.

— Ты заметил, что изгнан, и осознание этого обрело форму глубокой подавленности, потери желания жить. То же самое было и с нами. Поэтому, когда ты сказал что не хочешь жить, мы не могли удержаться от смеха.

— Что же будет со мной дальше? — спросил я.

— Как говорят в народе, тебе следует сменить седло, — ответил дон Хуан.

Оба они снова впали в эйфорию. Почему-то они истерически смеялись после каждого из своих замечаний.

— Все очень просто, — сказал дон Хуан. — Вследствие изменения уровня твоей энергии твоя точка сборки окажется на новом месте. А диалог воинов, который ты каждый раз с нами ведешь, зафиксирует и укрепит новую позицию.

Придав своему лицу выражение предельной серьезности, Хенаро раскатистым голосом спросил:

— Ходил ли ты сегодня по большой нужде?

Он кивнул головой, как бы понукая меня ответить.

— Да? Или нет? — не унимался он. — Давай-ка займемся этим, а заодно поговорим, как воин с воином.

Когда они отсмеялись, Хенаро сказал, что мне следует знать об одном недостатке нового состояния. Дело в том, что время от времени точка сборки возвращается в исходное положение. Он рассказал, что в его случае, нормальное положение точки сборки заставляло его воспринимать всех людей в угрожающем и часто даже ужасающем свете. К своему большому удивлению в один прекрасный день он обнаружил, что изменился. Он был гораздо бесстрашнее, чем раньше, и вполне успешно справлялся с ситуациями, которые прежде повергли бы его в хаос и страх.

— Я обнаружил, что занимаюсь любовью, — продолжал Хенаро, подмигнув мне. — А ведь обычно я до смерти боялся женщин. И тут в один прекрасный день я вдруг обнаруживаю себя в постели исключительно яростной женщины. Это было настолько на меня не похоже, что, когда я понял, что происходит, со мной чуть не сделался сердечный приступ. Удар вернул мою точку сборки в ее убогое исходное положение, и мне пришлось бежать из того дома. Дрожал я при этом, как перепуганный кролик.

— Так что следи внимательно, чтобы твоя точка сборки не съехала обратно, — добавил Хенаро, и они оба снова расхохотались.

Потом дон Хуан объяснил:

— Позиция точки сборки на человеческом коконе сохраняется за счет внутреннего диалога. Поэтому позиция эта в лучшем случае — не слишком прочная. Теперь понятно, почему многие мужчины и женщины так легко сходят с ума, в особенности те, чей внутренний диалог постоянно вертится вокруг одних и тех же вещей, в результате чего он тосклив и не обладает глубиной.

— Новые видящие говорят, что наибольшей гибкостью и устойчивостью обладают те человеческие существа, чей внутренний диалог более текуч и разнообразен.

— Позиция точки сборки воина неизмеримо более прочна, поскольку, начав сдвигаться в коконе, точка сборки создает в светимости углубление, в котором с этого момента и пребывает.

— Именно по этой причине нельзя сказать, что воин теряет рассудок. Если он что-то и теряет, то только свое углубление.

Последнее утверждение показалось дону Хуану и Хенаро настолько веселым, что они хохотали до упаду.

Я попросил дона Хуана объяснить, что происходило во время моего опыта с Ла Каталиной. И они снова буквально взвыли от хохота. Наконец, дон Хуан сказал:

— Женщины определенно эксцентричнее мужчин. Между ног у них есть одно дополнительное отверстие, поэтому они часто подвергаются воздействию странных и очень мощных сил, которые сквозь это отверстие ими овладевают. Лично я только так могу понять их причуды.

Он замолчал. Немного выждав, я спросил, что он имеет в виду.

— Ла Каталина появилась перед нами в виде гигантского червяка, — ответил он.

Выражение, с которым дон Хуан это произнес, и взрыв смеха, которым отреагировал на его фразу Хенаро, развеселили меня. Я хохотал почти до тошноты.

Дон Хуан сказал, что Ла Каталина обладает исключительным мастерством и в области зверя может делать все, что угодно. И ее беспрецедентное выступление было продиктовано влечением, которое она ко мне испытывала. Конечным результатом всего этого стало то, что ей удалось увести с собой мою точку сборки.

— А чем вы там занимались в образе червей? — спросил Хенаро и хлопнул меня по спине.

Казалось, дон Хуан вот-вот задохнется от смеха.

— Я же говорю — женщины эксцентричнее мужчин, — произнес он наконец.

— Я с тобой не согласен, — заявил Хенаро. — Нагваль Хулиан не имел дополнительного отверстия между ног. А странностей у него было не меньше, чем у Ла Каталины. Я думаю, этому фокусу с червяком она научилась у него. Он проделывал с ней подобные вещи.

Дон Хуан подпрыгивал, как ребенок, который старается не обмочить штанишки.

Когда ему удалось, наконец, успокоиться, он рассказал, что нагваль Хулиан мастерски владел искусством создавать и использовать самые причудливые ситуации. Еще он сказал, что Ла Каталина продемонстрировала мне великолепный пример сдвига вниз. Сначала она предоставила мне возможность увидеть ее в принятой ею форме необычного существа, а потом помогла сдвинуть мою точку сборки в положение, которое позволило ей принять эту чудовищную форму.

— Второй учитель нагваля Хулиана, — продолжал дон Хуан, — научил его, как добираться до определенных точек обширной нижележащей области. Никто из нас не мог следовать за ним в эти точки, но все члены его команды — могли. В особенности — Ла Каталина и та женщина-видящая, которая ее учила.

Затем дон Хуан сказал, что результатом сдвига вниз является не восприятие другого мира, а измененное восприятие нашего обычного мира. Он виден несколько в иной перспективе. Чтобы увидеть другой мир, необходимо воспринять другую большую полосу эманаций Орла.

На этом он закончил свои объяснения, сказав, что у нас нет времени на то, чтобы разбираться в вопросе о больших полосах эманаций. Нам пора было выезжать. Я хотел остаться еще ненадолго, чтобы продолжить разговор, но он сказал, что беседа на эту тему займет много времени, и мне нужны будут свежие силы для сохранения должной степени сосредоточенности.

Глава 10. Большие полосы эманаций

Через несколько дней дон Хуан продолжил объяснение. Мы находились в его доме в Южной Мексике. Он привел меня в большую комнату. Был ранний вечер. В комнате царил полумрак. Я хотел зажечь бензиновые лампы, но дон Хуан не позволил. Он сказал, что я должен позволить звуку его голоса сдвинуть мою точку сборки туда, где свечение ее захватит эманации полной концентрации и абсолютной памяти.

Затем он сообщил мне, что нам предстоит разговор о больших полосах эманаций. Он назвал их еще одним ключевым открытием древних видящих, которое те, вследствие ошибочности их подхода, предали забвению. И только новым видящим удалось его восстановить.

— Эманации Орла всегда собраны в пучки, — говорил дон Хуан. — Древние видящие назвали эти пучки большими полосами эманаций. На самом деле они не очень-то похожи на полосы, однако название это за ними так и закрепилось.

Например, существует неизмеримо огромный пучок, образующий органические существа. Эманации органической полосы обладают особым качеством. Я бы

сказал, что они — пушистые. Они прозрачны и светятся собственным светом, в них есть некая специфическая энергия. Они осознают и активно движутся. Вот почему все органические существа наполнены особенной сжигающей энергией. Другие эманации — темнее и не так пушисты. В некоторых вообще нет света и они непрозрачны по качеству.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что внутри коконов всех органических существ — одни и те же эманации? — спросил я.

— Нет. Этого я в виду не имею. На самом деле все не так просто, хотя все органические существа и относятся к одной и той же полосе. Представь себе широчайшую полосу светящихся волокон — бесконечных светящихся нитей. Органические существа — пузыри, возникающие вокруг отдельных групп этих волокон. Теперь представь, что в пределах этой полосы органической жизни некоторые пузыри формируются вокруг волокон, проходящих в середине полосы. Другие пузыри формируются ближе к краям. Полоса эта достаточно широка для того, чтобы совершенно свободно вместить в себя все виды органических существ. При таком размещении в тех пузырях, которые расположены по краям полосы, нет эманаций, проходящих вдоль ее середины. Эти эманации есть только в пузырях, расположенных в центре полосы. Однако в последних отсутствуют эманации, принадлежащие краям полосы.

— Как ты теперь понимаешь, эманации всех органических существ относятся к одной и той же полосе, однако видящие видят: в пределах этой полосы встречаются самые разнообразные существа.

— А много ли существует больших полос? — спросил я.

— Им нет числа, их столько, сколько может вместить в себя бесконечность, — ответил он. — Однако на земле, как обнаружили видящие, их насчитывается сорок восемь.

— Что это значит дон Хуан?

— Для видящего это значит, что на земле присутствует сорок восемь типов организации, сорок восемь блоков или структур. Одной из этих структур является органическая жизнь.

— Получается, есть сорок семь типов неорганической жизни?

— Нет, вовсе нет. Древние видящие насчитали семь полос, производящих неорганические пузыри осознания. Иначе говоря, существует сорок полос, формирующих пузыри, не обладающие осознанием. Эти полосы генерируют только организацию.

— Ты представь себе, что большие полосы — как деревья. Все они дают плоды, то есть на всех образуются некие резервуары, содержащие в себе эманации. Но съедобны плоды лишь восьми из деревьев. Эти плоды — пузыри осознания. Плоды семи из деревьев — сухие и неприятные на вкус, хотя в принципе их можно есть. И только на одном из деревьев произрастают по-настоящему сочные и питательные фрукты.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что в своей аналогии он принял точку зрения Орла, для которого органические пузыри осознания являются самыми лакомыми кусками.

— Чем обусловлено то, что именно эти восемь полос формируют осознание? — спросил я.

— Орел порождает осознание посредством своих эманаций, — ответил дон Хуан.

Его ответ заставил меня вступить в спор. Я сказал, что «Орел порождает осознание посредством своих эманаций» звучит так же, как «Бог порождает жизнь посредством своей любви». Типичное для человека религиозного утверждение; однако сказать так — значит ничего не сказать.

— В основе этих двух утверждений лежат две различные точки зрения, — сказал дон Хуан. — Хотя я думаю, что оба они — об одном. Разница — в том, что видящий видит, как Орел порождает осознание посредством своих эманаций, а человек религиозный не видит, как Бог порождает жизнь посредством своей любви.

И он рассказал, что Орел порождает осознание с помощью трех гигантских пучков эманаций, проходящих сквозь восемь больших полос. Пучки эти обладают особым свойством: они позволяют видящему воспринимать оттенки.

Один пучок производит ощущение бежевато-розового цвета, похожего на цвет света уличных фонарей.

Цвет второго пучка — персиковый. Он подобен цвету желтых неоновых ламп. Третий пучок — янтарного цвета, подобного цвету чистого меда.

— Таким образом, когда видящий видит, как Орел порождает осознание, он видит цвет, — продолжал дон Хуан. — Люди религиозные не видят Господней любви. А если бы видели, то знали бы — она либо розовая, либо персикового цвета, либо цвета янтаря.

— Человек, например, относится к янтарному пучку. Впрочем, к этому пучку относятся и другие существа.

Меня заинтересовало, какие еще существа относятся к тому же пучку, что и человек.

— Подобные детали тебе придется выяснять самостоятельно с помощью собственного видения, — сказал дон Хуан. — Если я тебе об этом расскажу, ты просто сделаешь это одним из пунктов очередного инвентарного списка, что вряд ли будет иметь смысл. Я скажу тебе лишь одно: это будет самое захватывающее занятие твоей жизни.

— А розовый и персиковый пучки встречаются в людях? — спросил я.

— Нет, никогда. Эти пучки принадлежат другим живым существам. Я был готов задать следующий вопрос, но он остановил меня резким движением руки. Потом он погрузился в размышление. Довольно долго мы сидели в молчании.

— Я уже говорил тебе, что светимость осознания человека имеет цвета, — наконец произнес он. — Но я не сказал тебе тогда, поскольку мы еще до этого не дошли, что речь идет не о цветах, а об оттенках янтарного цвета.

— В пределах янтарного пучка осознания присутствует бесконечное множество слабых оттенков, которые соответствуют различиям в качестве осознания. Самые распространенные из них — розовато-янтарный и зеленовато-янтарный. Довольно часто встречается голубовато-янтарный. А вот чистый янтарный цвет — огромная редкость.

— Чем определяется оттенок янтарного цвета в каждом конкретном случае?

— Видящие говорят, что оттенок определяется количеством сэкономленной и накопленной энергии. Несчетное множество воинов начинало с обычного розовато-янтарного, придя в итоге к чистейшему янтарному цвету. Хенаро и Сильвио Мануэль — пример таких превращений.

— Какие формы жизни относятся к розовому и к персиковому пучкам? — спросил я.

— Три пучка со всеми их оттенками перекрещиваются с восемью полосами, — ответил он. — В пределах органической полосы розовый пучок принадлежит преимущественно растениям, персиковый — насекомым, а янтарный — человеку и другим животным.

— Подобная ситуация наблюдается и в неорганических полосах. Три пучка осознания в пределах каждой из семи полос формируют каждый свои специфические типы существ.

Я попросил подробнее остановиться на том, какие существуют типы неорганических существ.

— И это тоже тебе предстоит увидеть самостоятельно, — сказал он. — Семь полос и то, что в них сформируется, человеческий рассудок постичь не в силах. Но все это доступно человеческому видению.

Я сказал, что его объяснение больших полос не вполне укладывается у меня в голове, поскольку то, как он их описал, порождает в моем воображении образы независимых пучков нитей или даже плоских полос, похожих на ленты конвейеров.

Дон Хуан объяснил, что большие полосы никогда не бывают плоскими, либо круглыми. Эманации в них собраны вместе некоторым совершенно неописуемым образом. И дон Хуан привел аналогию: пучок сена, подброшенный в воздух чьей-то рукой. Так что о каком-либо упорядоченном расположении в них эманаций говорить не приходится. И такие термины, как края и середина, в общем-то не соответствуют истинной картине. Однако они

необходимы для того, чтобы что-то понять.

Затем дон Хуан рассказал, что внутри оболочек неорганических существ, формируемых семью другими полосами осознания, отсутствует движение. Они выглядят как бесформенные сосуды, обладающие очень слабой светимостью. Их оболочки совершенно не похожи на коконы органических существ. Они не обладают упругостью, качеством наполненности, благодаря которому органические существа напоминают шары, буквально распираемые изнутри энергией.

И единственное сходство между неорганическими и органическими существами заключается в том, что и в тех и в других присутствуют либо розовые, либо персиковые, либо янтарные эманации, порождающие осознание.

— Благодаря этим эманациям, — продолжал дон Хуан, — существа восьми полос при определенных обстоятельствах могут вступать в исключительно интересное общение.

— Обычно инициаторами таких контактов выступают органические существа, обладающие более мощными полями энергии. Однако тонкие и очень сложные нюансы общения, которое за этим следует — удел существ неорганических. Как только барьер разрушен, неорганическое существо изменяется, становясь тем, что видящие называют союзником. Начиная с этого мгновения неорганическое становится предельно предупредительным в отношении тончайших движений мысли, изменений настроения, опасений и страхов своего видящего.

— Древних видящих такая преданность союзников попросту обворожила, — продолжал он. — Рассказывают, они могли заставить своих союзников делать все, что угодно. Это стало одной из причин уверенности толтеков в своей неуязвимости. Они остались в дураках благодаря своему же чувству собственной важности. Союзник обладает силой только в случае, когда видящий, который его видит, — образец безупречности. А древние таковыми отнюдь не являлись.

Я поинтересовался:

— А неорганических существ так же много, как и живых организмов?

Дон Хуан ответил, что среди неорганических существ нет такого разнообразия, каким отличаются органические, однако это компенсируется числом полос неорганического осознания. Кроме того, различия между неорганическими формами намного более существенны, чем различия между организмами. Ведь последние принадлежат одной-единственной полосе, в то время как неорганические существа формируются семью.

— Ну, и наконец, — продолжил дон Хуан, — неорганические существа живут неизмеримо дольше, чем организмы. По причинам, которых мы коснемся позже, именно этот факт подсказал древним видящим идею сосредоточить свое видение на союзниках.

Он сказал, что древние видящие пришли также к пониманию и того, что высокий уровень энергии, которым организмы обладают и благодаря которому достигают высокой степени развития, делает их такими лакомыми кусочками для Орла. Толтеки считали, что склонность к обжорству заставляет Орла производить как можно больше организмов.

Затем дон Хуан рассказал, что остальные сорок полос формируют не осознание, а неживые энергетические структуры. Древние видящие почему-то решили назвать их сосудами в отличие от коконов и резервуаров, под которыми понимаются поля энергетического осознания, обладающие независимой светимостью. Сосуды — жесткие емкости. Они содержат в себе эманации, но полями энергетического осознания не являются. Их светимость обусловлена только энергией заключенных внутри них эманаций.

— Тебе следует усвоить: все, что есть на земле, обязательно в чем-либо содержится, — говорил дон Хуан. — И все, доступное нашему восприятию, всегда составлено из частей коконов или сосудов, наполненных эманациями. Резервуары неорганических существ мы, как правило, не воспринимаем вообще.

Дон Хуан взглянул на меня, ожидая подтверждения того, что мне все ясно. Поняв, что ничего не дождется, он продолжил объяснение:

— Мир в целом образован сорока восемью полосами. Мир, который наша точка сборки предлагает нашему нормальному восприятию, составлен двумя

полосами. Одна из них — органическая полоса, вторая — полоса, обладающая структурой, но не имеющая осознания. Остальные сорок шесть больших полос не относятся к миру, который мы воспринимаем, находясь в нормальном своем состоянии.

Дон Хуан опять замолчал в ожидании вопросов. Их у меня не было.

— Существуют и другие законченные миры, которые могут быть собраны нашей точкой сборки, — продолжил он. — Древние видящие насчитали семь таких миров — по одному на каждую полосу осознания. От себя могу добавить: два из них, не считая обычного мира повседневной жизни, воспринимаются довольно легко. С остальными пятью дело обстоит несколько иначе.

На следующий раз, едва мы присели, чтобы поговорить, дон Хуан сразу же обратился к моему опыту с Ла Каталиной. Он сказал, что сдвиг точки сборки вниз от ее обычной позиции дает очень детальное, но весьма зауженное восприятие обычного, известного нам мира. Однако образ этот настолько детализирован, что нам кажется, будто это — совершенно другой мир. Гипнотический образ этого мира ужасно притягателен, особенно для тех видящих, чей дух жаждет приключений и в то же время склонен к некоторой праздности и лени.

— Эффект изменения перспективы весьма приятен, — продолжал дон Хуан. — Минимум усилий, а результат — просто поразительный. Если видящим движет стремление поскорее чего-нибудь добиться, лучшего маневра, чем сдвиг вниз, не придумаешь. Единственная проблема состоит в том, что в этих положениях точки сборки видящего может настичь смерть. Часто это происходит даже быстрее, чем в человеческом положении, и смерть оказывается гораздо более грубой и жестокой.

— Нагваль Хулиан считал, что нижние положения точки сборки очень хороши для игр и развлечений. Но не более. Истинные же смены воспринимаемых миров происходят, когда точка сборки уходит вглубь человеческой полосы, и достигает определенного критического порога, начиная с которого она может задействовать другую большую полосу.

— Как она это делает? — спросил я.

Дон Хуан пожал плечами:

— Все дело в энергии. Сила настройки цепляет другую полосу только в том случае, если видящий обладает достаточной энергией. Нормальный энергетический потенциал обычного человека позволяет его точке сборки использовать только одну большую полосу эманаций. И как следствие — мы воспринимаем тот мир, который нам известен. Если же мы обладаем избыточной энергией, мы способны приложить силу настройки к другим большим полосам и, следовательно, воспринять другие миры.

Затем дон Хуан резко сменил тему и заговорил о растениях:

— Это может показаться тебе несообразным, однако деревья человеку гораздо ближе, чем, скажем, муравьи. Я уже говорил тебе: между деревьями и людьми могут устанавливаться очень тесные взаимоотношения. Это происходит потому, что у них есть общие эманации.

— У деревьев большие коконы? — спросил я.

— Кокон исполинского дерева ненамного больше его самого. Но что интересно: есть крохотные растения, коконы которых по высоте примерно равны человеческим, а по ширине — в три раза больше. Эти растения — растения силы. У них больше всего общих с людьми эманаций. Не эманаций осознания, правда, а эманаций вообще.

— Есть еще один уникальный момент в том, что касается растений: их светимость имеет различные оттенки. В общем они светятся розоватым светом, поскольку их осознание — розовое. Ядовитые растения — желто-розовые, целебные — розовые с ярко-фиолетовым отливом. И только растения силы обладают бело — розовым свечением. У некоторых оно несколько темновато, а некоторые буквально сверкают.

— Но истинное различие между растениями и другими органическими существами заключается в расположении точки сборки. У растений она находится в нижней части кокона. А у всех остальных органических существ — в верхней.

— А у неорганических? Где у них находится точка сборки? — спросил я.

— У некоторых — в нижней части их резервуаров, — ответил дон Хуан. — Эти — совершенно чужды человеку, но сродни растениям. У других — где-либо в верхней части резервуара. Эти — ближе человеку и другим органическим существам.

— Древние толтеки были убеждены, что растения находятся в очень тесном общении с неорганическими существами. Они считали, что, чем ниже располагается точка сборки растения, тем ему легче преодолеть барьер восприятия. У очень больших деревьев и самых крохотных травок точки сборки расположены в самом низу. Поэтому огромное количество магических техник древних видящих — это средства подчинения осознания деревьев и трав. Толтеки использовали их в качестве проводников при погружении в то, что они называли глубинными уровнями областей тьмы.

— Ты, конечно, понимаешь, что они только думали, что погружаются в глубины. На самом же деле они смещали свои точки сборки, и те собирали иные воспринимаемые миры, используя семь других больших полос.

— Толтеки выжимали из своего осознания все, что могли. Они собирали миры, пользуясь даже теми пятью полосами, добраться до которых видящий может, лишь претерпев опаснейшие трансформации.

— Ну и как, удавалось им собрать те миры? — поинтересовался я.

— Удавалось, — ответил дон Хуан. — В своих заблуждениях они зашли так далеко, что уверовали — необходимо разрушить все барьеры восприятия, и игра стоит свеч, даже если для этого видящему придется самому превратиться в дерево.

Глава 11. Сталкинг, намерение и позиция сновидения

На следующий день, едва наступили сумерки, дон Хуан вошел в комнату, где мы разговаривали с Хенаро. Дон Хуан взял меня за руку и провел через весь дом во внутренний дворик. Было уже довольно темно. Мы двинулись вдоль по галерее, окружавшей дворик.

Дон Хуан сказал, что хочет еще раз предупредить меня: следуя по пути знания, можно с легкостью заблудиться в странных и мрачных дебрях. Поэтому видящие вступают в битву с могучими врагами, способными лишить их сил, разрушив цель и замутив ясность намерения. Врагов этих порождает сам путь воина, если по нему следуют, не избавившись от таких неотъемлемых свойств мира повседневности, как склонность к праздности, лености и стремлению ублажать чувство собственной важности.

Из-за праздности, лени и чувства собственной важности древние видящие допустили настолько серьезные и неисправимые ошибки, что новым видящим не оставалось ничего другого, как только с презрением отвергнуть свои собственные корни.

— Новых видящих интересовало главное, — продолжал дон Хуан, — практические методики сдвига точки сборки. А поскольку у них таковых не было, они для начала весьма заинтересовались исследованием светимости осознания с помощью видения. В результате им удалось разработать три метода, ставших краеугольными камнями всей их практики.

— Благодаря этим трем методам новые видящие совершили нечто необычайное. Ввиду его исключительной трудности это достижение можно назвать подвигом. Они научились целенаправленно сдвигать точку сборки с ее обычного места. Правда, древние видящие в свое время тоже этого добились, однако с помощью идиосинкразических манипуляций, которые иногда приводили к совершенно непредвиденным патологическим результатам.

— Новые видящие увидели в свечении осознания то, что позволило им выработать последовательность, в которой они разместили истины об осознании, открытые древними. Это известно как искусство овладения осознанием. Его новые видящие разделили на три группы практик — три метода. Первый из них — искусство сталкинга, второй — искусство овладения намерением и третий — искусство сновидения. С первых же дней нашего знакомства я обучал тебя всем трем методам.

— Согласно рекомендациям новых видящих, обучение искусству овладения осознанием должно быть двойственным. Обучение правосторонней части осознания преследует две цели: обучение образу жизни воина и нарушение фиксации точки сборки в ее исходной позиции. Учение для левой стороны дается ученику, когда он находится в состоянии повышенного осознания. Целей, которые оно преследует, — тоже две: сдвинуть точку сборки в максимально возможное для данного ученика количество позиций и последовательно изложить довольно большой объем сопутствующей информации.

Дон Хуан остановился и пристально на меня взглянул. А затем, после несколько напряженной паузы, повел речь о сталкинге. По его словам, начало этого искусства было весьма скромным и чуть ли не случайным. Просто новые видящие заметили, что, когда воин ведет себя непривычным для него образом, внутри его кокона начинают светиться не задействованные до этого эманации. А точка сборки при этом смещается — мягко, гармонично, почти незаметно.

Это наблюдение заставило новых видящих взяться за практику систематического контроля своего поведения. Назвали ее искусством сталкинга. Дон Хуан отметил, что, при всей своей спорности это название все же весьма адекватно, поскольку сталкинг заключается в особого рода поведении по отношению к людям. Можно сказать, что сталкинг — это практика внутренней, никак не проявляющейся в поведении скрытности.

Вооруженные этим методом новые видящие придали своему взаимодействию с известным уравновешенность. И это принесло плоды. Посредством продолжительной непрерывной практики сталкинга они заставляли свою точку сборки неуклонно перемещаться.

— Сталкинг — одно из двух величайших достижений новых видящих, — продолжал дон Хуан. — Они решили, что современный нагваль должен обучаться сталкингу, только находясь в состоянии повышенного осознания, когда точка сборки сдвинута уже достаточно глубоко влево. Дело в том, что принципы этого искусства нагваль должен изучать, будучи свободным от груза человеческого инвентарного перечня. Ведь так или иначе нагваль — лидер группы. Чтобы успешно вести своих воинов, он должен действовать

быстро, без предварительных раздумий.

— Другие воины могут обучаться сталкингу, находясь в нормальном состоянии, хотя все-таки желательно учить их этому, сдвинув в состояние повышенного осознания. Причем не столько ввиду ценности самого повышенного осознания, сколько из-за того, что это придает сталкингу таинственность, которой в нем в общем-то нет. Ведь сталкинг на самом деле — всего-навсего умение обращаться с людьми.

— Теперь тебе должно быть понятно, почему новые видящие так высоко ценят взаимодействие с мелкими тиранами. Мелкие тираны вынуждают их использовать принципы сталкинга и тем самым сдвигать точку сборки.

Я спросил:

— А древние видящие? Что они знали о сталкинге?

— Ничего. Сталкинг — достояние новых видящих, — с улыбкой ответил дон Хуан. — Древние были настолько погружены в созерцание своей силы, что даже не отдавали себе отчета в существовании других людей. До тех пор, пока те не стали выводить их на корню. Впрочем, все это тебе уже известно.

Далее дон Хуан рассказал, что искусство сталкинга и овладение намерением — два шедевра новых видящих, знаменующие собою приход видящих современных. Новые видящие старательно исследовали любую возможность добиться преимущества над угнетателями. Они знали, что предшественники их творили необычайные вещи, манипулируя таинственной силой, описать которую они не умели и потому называли просто силой. Новым видящим об этой силе было мало что известно. Поэтому им пришлось последовательно исследовать ее с помощью видения. Однако усилия их были достойно вознаграждены, когда им удалось, наконец, установить, что сила эта суть энергия взаимной настройки эманаций.

Начали новые видящие с того, что увидели — объем свечения осознания и его интенсивность увеличиваются по мере настройки эманаций внутри кокона на соответствие большим эманациям. Этим своим наблюдением они воспользовались точно так же, как сталкингом: оно стало для них своеобразным трамплином, оттолкнувшись от которого, они разработали

сложный комплекс приемов управления настройкой эманаций.

Сначала они говорили об этих приемах просто как об искусстве настройки. Но потом поняли, что дело здесь в чем-то большем, чем только настройка, а именно — в некой энергии, которая возникает при настройке. Энергию эту они назвали волей.

Воля стала вторым базовым элементом системы. Новые видящие понимают под ней некий слепой безличный никогда непрерывающийся поток энергии, который определяет наше поведение, заставляя действовать так, а не иначе. Именно воля обусловливает характер нашего восприятия мира обычной жизни и посредством силы этого восприятия косвенно определяет обычное положение точки сборки.

Исследуя процесс восприятия мира обычной жизни, новые видящие увидели, как работает воля. Они увидели, что для придания восприятию качества непрерывности происходит постоянное возобновление настройки. Чтобы составить живой мир, настройка все время должна быть свежей и яркой. Для постоянного поддержания этих ее качеств поток энергии, возникающий в процессе этой самой настройки, автоматически направляется на усиление отдельных избранных ее элементов.

Это наблюдение стало еще одним трамплином, оттолкнувшись от которого, новые видящие разработали третий базовый элемент системы. Его назвали намерением, понимая под этим целенаправленное управление волей — энергией соответствия.

— Сообразно плану нагваля Хулиана, — объяснил дон Хуан, — Сильвио Мануэль, Хенаро и Висенте занимались изучением этих трех аспектов знания видящих. Хенаро стал мастером управления осознанием, Висенте — мастером сталкинга, а Сильвио Мануэль — мастером намерения.

— Мы с тобой в настоящее время завершаем изучение осознания. Именно поэтому тебе помогает Хенаро.

Уже довольно долго дон Хуан беседовал с ученицами. Женщины слушали очень серьезно. Судя по выражению глубокой сосредоточенности на их лицах, я решил, что дон Хуан дает им подробнейшие инструкции, касающиеся

каких-то очень сложных практических приемов.

Меня на это собрание не пустили, но из кухни мне было видно, как они беседуют в большой комнате дома Хенаро. Наконец они закончили.

Все поднялись, но перед тем, как уйти, вместе с доном Хуаном зашли на кухню. Дон Хуан сел напротив меня, а женщины расположились вокруг. Все они были необычно дружелюбны и разговорчивы. Я узнал, что они намерены присоединиться к ученикам-мужчинам, которые куда-то ушли с Хенаро за несколько часов до этого. Тот собирался показать им всем свое тело сновидения.

Едва женщины вышли, дон Хуан совершенно неожиданно вновь принялся рассказывать. Он сказал, что с течением времени практики новых видящих приобретали все более и более законченные формы, и видящие обнаружили, что в большинстве жизненных ситуаций сдвиг точки сборки, обусловленный практикой сталкинга, весьма незначителен. Для достижения максимального эффекта, сталкинг необходимо практиковать в условиях, близких к идеальным. А для этого требуется по-настоящему могущественный мелкий тиран. Отыскивать же такие условия становилось все труднее и труднее. В конце концов найти подходящую ситуацию или ее спровоцировать стало невообразимо сложно.

Тогда новые видящие решили, что необходимо искать другие способы сдвига точки сборки. А для этого нужно было увидеть эманации Орла. Когда же новые видящие попытались это осуществить, они столкнулись с исключительно серьезной проблемой. Оказалось, что увидеть эманации Орла, не подвергаясь смертельному риску, нет никакой возможности. И в то же время увидеть их было жизненно необходимо. И тогда для защиты от смертельных ударов эманаций Орла они использовали в качестве щита такой прием древних толтеков, как сновидение. А сделав это, обнаружили, что сновидение само по себе является эффективнейшим способом сдвига точки сборки.

— Одно из самых строгих правил новых видящих гласит, — продолжал дон Хуан, — «воин должен обучаться сновидению, пребывая в нормальном состоянии осознания». Следуя этому правилу, я начал обучать тебя сновидению с первых же дней нашего общения.

Я спросил:

— Откуда взялось это правило и чем обусловлена его строгость?

— Дело в том, что сновидение — вещь исключительно опасная, а сновидящий весьма уязвим, — ответил дон Хуан. — Опасность сновидения — в его немыслимой силе, а уязвим сновидящий потому, что сновидение отдает его на произвол непостижимой силы настройки.

— Новые видящие обнаружили, что, будучи в нормальном состоянии осознания, мы обладаем множеством защитных механизмов, предохраняющих нас от разрушения силой незадействованных эманаций, подвергающихся настройке в процессе сновидения.

— Так же, как и сталкинг, сновидение началось с довольно незамысловатой находки. Древние видящие определили, что во сне точка сборки совершенно естественным образом несколько смещается влево. Спящий человек расслабляется, фиксация точки сборки нарушается и самые разные типы незадействованных эманаций начинают светиться.

— Толтеки сразу же заинтересовались этим открытием и начали работать с естественным сдвигом. В конце концов они научились его контролировать. Искусство контроля естественного сдвига они назвали искусством сновидения или искусством управления телом сновидения.

Знания древних видящих о сновидении были настолько обширны, что описать их вряд ли возможно. Однако новым видящим из всего этого пригодилась лишь весьма незначительная часть. Поэтому, когда пришло время восстанавливать традиции, новые видящие взяли на вооружение только самые главные принципы сновидения. Эти принципы они использовали для смещения точки сборки, а также для того, чтобы увидеть эманации Орла.

Под сновидением видящие — и древние, и новые — понимали практику контроля естественного сдвига, которому точка сборки подвергается во сне. Дон Хуан подчеркнул, что контроль естественного сдвига ни в коем случае не предполагает каких-либо попыток этим сдвигом управлять. Речь идет только о фиксации точки сборки в том положении, которого она достигла, естественным образом перемещаясь во сне. Это — сложнейший маневр, осуществление

которого потребовало от древних видящих чудовищных усилий и немыслимой степени концентрации.

Дон Хуан объяснил, — что сновидящий должен уметь добиваться очень тонкого равновесия. Ведь нельзя ни вмешиваться в сны, ни управлять ими посредством сознательного усилия сновидящего. И в то же время сдвиг точки сборки должен происходить в соответствии с его командами. Разрешить это противоречие рационально — невозможно. Зато можно практически.

На основании наблюдения сновидящих, древние видящие пришли к заключению: сны должны следовать по своему естественному руслу. Толтеки увидели — одни сны сдвигают точку сборки сновидящего довольно глубоко влево, другие — не так глубоко. Разумеется, они задались вопросом: а что первично? Содержание сна заставляет точку сборки смещаться, то, что человек видит во сне, определяется сдвигом точки сборки вследствие использования незадействованных эманаций?

Довольно скоро они определили: первичное значение имеет сдвиг точки сборки влево — им определяется характер сновидений. Чем сдвиг глубже, тем более фантастические и живые картины человек видит во сне. Отсюда неизбежно последовали попытки древних видящих управлять снами с целью добиться максимально возможной глубины сдвига точки сборки влево. Немного поэкспериментировав, толтеки обнаружили, что любая попытка сознательного или даже наполовину сознательного управления сном немедленно возвращает точку сборки в ее обычное положение. Поскольку же их интересовало обратное, они пришли к неизбежному выводу: вмешательство в сон является помехой естественному сдвигу точки сборки.

Это легло в основу совершенно поразительных знаний о сновидении, накопленных впоследствии древними видящими, — знаний, оказавших огромное влияние на все, чего новые видящие стремились достичь с помощью сновидения, однако в своем исходном виде практически бесполезных.

Дон Хуан объяснил, что, хотя я до сих пор и считал сновидение искусством управления снами, оно таковым на самом деле не являлось. Несмотря на то, что каждое из упражнений, которые он предлагал мне отрабатывать — например, находить во сне мои руки — целью своей имело, казалось бы, именно обучение управлению снами. В действительности цель всех этих

упражнений — фиксация точки сборки в том месте, куда она сдвинулась во время сна естественным образом. Это как раз тот момент, в котором сновидящий должен добиться тончайшего равновесия. Управлять можно только фиксацией точки сборки. Сновидящий подобен рыболову, вооруженному самозакидывающейся удочкой: единственное, что он может сделать, — это удерживать грузило там, где оно затонуло.

— Каким бы ни было место, в котором точка сборки оказывается во время сна, оно называется позицией сновидения, — продолжал дон Хуан. — Древние видящие достигли такого мастерства в сохранении позиции сновидения, что могли удерживать точку сборки в этом месте даже проснувшись.

Подобное состояние древние видящие назвали телом сновидения. Они добились столь исключительной степени контроля над ним, что могли формировать новое временное тело каждый раз, когда просыпались в новой позиции сновидения.

— Должен тебе сказать — сновидение обладает одним ужасным недостатком. Оно является достоянием древних видящих и запятнано их настроениями. Я вел тебя сквозь него с предельной осторожностью, но гарантий все же нет никаких.

— Гарантий чего, дон Хуан?

— Того, что ты не угодишь в какую-нибудь из потрясающих ловушек, которыми изобилует сновидение. Дело в том, что на самом деле нет никакой возможности как-то направить сдвиг точки сборки в сновидении. Ибо определяется он единственным фактором — внутренней силой или слабостью сновидящего. И здесь мы сталкиваемся с первой ловушкой.

Поначалу новые видящие вообще сомневались в том, что сновидение может быть взято ими на вооружение. Они полагали, что оно не только не развивает силу воина, но более того — ослабляет его, делает капризным и склонным к одержимости. Все древние видящие отличались этими качествами. Но ничего, что заменило бы сновидение, новым видящим найти не удалось. Тогда они разработали весьма сложную многоэлементную систему поведения, которая была призвана компенсировать отрицательное воздействие сновидения. Эта система получила название пути или тропы воина.

Эта система позволила новым видящим обрести внутреннюю силу, необходимую для того, чтобы направлять сдвиг точки сборки во сне. Причем сила эта не являлась только лишь убежденностью. Никто не обладал убежденностью, которая могла бы превзойти убежденность древних видящих. А ведь они были слабы, и сердцевина у них была напрочь гнилая. Внутренняя сила суть чувство равновесия, ощущение почти полного безразличия и легкости, но прежде всего — естественная и глубокая склонность к исследованию и пониманию. Такую совокупность черт характера новые видящие назвали уравновешенностью.

Новые видящие убеждены в том, что безупречный образ жизни сам по себе неизбежно порождает чувство уравновешенности, которое, в свою очередь, приводит к смещению точки сборки.

Я уже говорил: новые видящие верили в то, что точка сборки может быть сдвинута изнутри. Но на этом они не остановились. Они пришли к мнению, что безупречного воина вовсе не обязательно должен кто-либо вести. Только за счет экономии энергии он способен самостоятельно достичь всего, чего достигают видящие. Все, что ему требуется — это минимум везения. Просто он должен откуда-нибудь узнать о возможностях человека, открытых видящими.

Я сказал, что мы опять вернулись к исходной точке, с которой начинали, когда я был в нормальном состоянии осознания. Я был по-прежнему убежден в том, что безупречность или экономия энергии — расплывчатые понятия, интерпретировать которые каждый может так, как ему заблагорассудится.

Я собрался было сказать еще что-то в подтверждение своей точки зрения, но тут странное чувство охватило меня. Я физически ощутил, что как бы прорываюсь сквозь что-то. И затем я отбросил прочь все свои доводы. Без тени сомнения я знал — дон Хуан прав. Мне нужна только безупречность, энергия. А начинается все с какого-нибудь одного действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает несгибаемое намерение. А несгибаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И, как только оно достигнуто — путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий и так будет продолжаться до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

Когда я рассказал дону Хуану о том, что только что понял, тот удовлетворенно рассмеялся и сказал, что это — действительно посланный свыше пример той самой силы, о которой идет речь. И он объяснил, что моя точка сборки сдвинулась, а сила уравновешенности переместила ее в положение, давшее мне понимание. Будь движущей силой этого прихотливость и капризность, точка сборки сдвинулась бы туда, где находится непомерное чувство собственной важности, как случалось уже не один раз.

— Теперь поговорим о теле сновидения, — продолжил дон Хуан. — На его изучении и использовании древние видящие сосредоточили все свои усилия. И научились применять его как тело более практичное. Иными словами, они воссоздавали себя во все более и более странных образах.

Всем видящим известно: множество древних магов так и не возвратились, однажды проснувшись в полюбившейся им позиции сновидения. Вполне вероятно, что они погибли в своих немыслимых мира. А может, они живут по сей день в какой-то невероятной искаженной форме или каким-нибудь совершенно фантастическим образом.

Дон Хуан остановился, взглянул на меня и расхохотался:

— Ты умираешь от любопытства — хочешь узнать, что древние видящие делали с помощью тела сновидения. Ведь так?

И он кивнул, как бы подзадоривая меня задать вопрос.

— Хенаро — великий мастер осознания. Это — бесспорно. И он множество раз показывал тебе свое тело сновидения, когда ты был в состоянии нормального осознания. Этими демонстрациями он стремился сдвинуть твою точку сборки, причем не из состояния повышенного осознания, а из ее обычного положения.

Затем, словно раскрывая некий секрет, дон Хуан поведал мне, что Хенаро ждет нас на поле недалеко от дома, чтобы показать мне свое тело сновидения. Снова и снова дон Хуан твердил, что в настоящий момент я нахожусь в состоянии осознания, идеально подходящем для того, чтобы понять, чем на самом деле является тело сновидения. Затем он заставил меня встать, и через большую комнату мы направились к входной двери. Я готов был уже отворить

дверь, когда вдруг заметил, что на стопке циновок, которыми ученики пользовались вместо кроватей, кто-то лежит. Я решил, что, видимо, кто-то из учеников вернулся в дом, пока мы с доном Хуаном беседовали на кухне.

Я подошел к лежащему человеку и вдруг понял, что это — Хенаро. Он спокойно спал лежа на животе и мирно похрапывал.

— Разбуди его, — велел дон Хуан. — Нам пора идти. Должно быть, он устал чертовски.

Я слегка встряхнул Хенаро. Он медленно перевернулся, издав при этом звук, словно при пробуждении от очень глубокого сна. Он вытянул руки, а потом открыл глаза. Я невольно вскрикнул и отпрянул. Глаза Хенаро вовсе не были глазами человека. Это были две точки яркого янтарного света. Испуг мой был настолько силен, что закружилась голова. Похлопав по спине, дон Хуан привел меня в чувство.

Хенаро встал и улыбнулся. Черты лица его выглядели застывшими. Двигался он так, словно как следует выпил или нездоров. Пройдя мимо меня, он направился прямо к стене. Столкновение казалось неизбежным, я вздрогнул, но Хенаро прошел сквозь стену, словно ее вообще не существовало. Потом он снова появился в комнате, войдя сквозь кухонную дверь. А потом я с ужасом увидел, как он пошел по стенам, причем тело его при этом было параллельно полу, и по потолку — ногами вверх.

Пытаясь уследить за ним, я свалился на спину. Из этого положения я больше не видел Хенаро. Вместо него по потолку надо мной и по стенам двигалось световое пятно. Оно бродило по всей комнате, словно кто-то водил по потолку и стенам лучом гигантского фонарика. В конце концов луч света выключился. Пятно исчезло из виду, пройдя в очередной раз сквозь стену.

Дон Хуан отметил, что мой животный страх, как обычно, перешел все границы. Следовало, все-таки, как-то постараться его контролировать. Но в общем и целом я вел себя хорошо. Я видел тело сновидения Хенаро таким, каково оно в действительности — как световой сгусток.

Я спросил, откуда он знает, что мне это удалось. Он ответил, что видел, как моя точка сборки сначала сдвинулась в направлении своего нормального

положения — чтобы компенсировать испуг — а потом ушла влево, причем очень глубоко, в место, где нет сомнений.

— В этом положении точки сборки человек может видеть только одно — сгустки энергии, — продолжал он. — Но от позиции повышенного осознания до этого места в глубине левой стороны — рукой подать. Вот сдвинуть точку сборки в место, где нет сомнений, из ее нормального положения — это действительно достижение.

Он добавил, что встреча с телом сновидения Хенаро в поле недалеко от дома не отменяется. Нам еще предстоит это сделать, когда я буду в нормальном состоянии осознания.

Когда мы вернулись в дом Сильвио Мануэля, дон Хуан сказал, что мастерство, с которым Хенаро владеет своим телом сновидения — ничто в сравнении с тем, на что были способны древние видящие.

— Скоро сам увидишь, — пообещал он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, и рассмеялся.

С возрастающим чувством страха я принялся его расспрашивать, но это только вызвало новый приступ смеха. Наконец, он перестал смеяться и сообщил, что собирается рассказать мне о том, каким образом древние видящие пришли к формированию тела сновидения, и что они с ним делали.

— Древние видящие стремились получить совершенно точную копию тела, — продолжил он. — И это им почти удалось. Единственным, что им так и не удалось воспроизвести, были глаза. Вместо глаз у тела сновидения было просто свечение осознания. Когда раньше Хенаро показывал тебе свое тело осознания, ты об этом не догадывался.

Новых видящих воссоздание точной копии тела интересует мало. Фактически, копирование тела их не интересует вообще. Однако название «тело сновидения» они сохранили. Так они называют чувство, сгусток энергии, который сдвигом точки сборки может быть направлен в любое место этого мира или в любое место какого угодно из семи миров, доступных человеку.

Затем дон Хуан в общих чертах описал методику достижения тела сновидения.

Все начинается с исходного действия, которое, будучи повторяемым с непреклонностью, порождает несгибаемое намерение. Несгибаемое намерение приводит к внутреннему безмолвию, а то, в свою очередь, генерирует внутреннюю силу, необходимую для сдвига точки сборки в нужные позиции во время сна.

Эту последовательность дон Хуан назвал фундаментом. Когда работа над фундаментом завершена, наступает очередь контроля. Его развивают посредством систематического сохранения позиции сновидения. Для этого используется практика упорного удержания картины сна. Благодаря настойчивой практике появляется способность свободно сохранять новые позиции сновидения, пользуясь для этого новыми снами. И дело здесь не столько в том, что по мере практики более совершенным становится контроль, сколько в том, что каждая тренировка в контроле увеличивает внутреннюю силу. А чем больше внутренняя сила, тем в более подходящие для развития уравновешенности позиции сновидения сдвигается точка сборки. Другими словами, сны сами по себе становятся все более управляемыми и даже упорядоченными.

— Развитие сновидящих — косвенное, — продолжал дон Хуан. — Именно поэтому видящие считают, что сновидение мы можем практиковать самостоятельно. В сновидении используется естественный, органичный сдвиг точки сборки, поэтому мы не нуждаемся ни в чьей помощи. Однако мы нуждаемся в уравновешенности, причем очень сильно. Дать же ее нам либо помочь нам ее обрести не может никто, кроме нас самих. Без уравновешенности точка сборки перемещается хаотично, что соответствует хаосу, царящему в наших обычных снах. Таким образом, в конечном счете тело сновидения достигается безупречностью нашей обычной жизни. Когда достигнута уравновешенность и позиции сновидения становятся все более и более устойчивыми, можно сделать следующий шаг: пробудиться в любой из позиций сновидения. Звучит просто, однако в действительности речь идет о действии исключительно сложном — настолько сложном, что для его выполнения требуется задействовать не только уравновешенность, но также и все атрибуты пути воина, и в особенности — намерение.

Я спросил, как намерение помогает воину пробудиться в позиции сновидения. Он ответил, что намерение, будучи сложнейшим средством управления силой настройки, за счет уравновешенности сновидящего сохраняет настройку тех

эманаций, которые начали светиться вследствие сдвига точки сборки.

Дон Хуан сказал, что в искусстве сновидения есть еще одна грозная ловушка — сама сила тела сновидения. Например, телу сновидения очень легко периодически подолгу созерцать эманации Орла. Однако в итоге оно так же легко может оказаться полностью ими поглощенным. Видящие, созерцавшие эманации Орла без помощи тела сновидения, умирали. А те, кто созерцал их в теле сновидения, сгорали в огне изнутри. Новые видящие решили эту проблему с помощью группового видения: пока один созерцал, остальные находились рядом, готовые прервать его видение.

— Как осуществляется групповое видение? — спросил я.

— Посредством совместного сновидения, — объяснил он. — Как ты сам знаешь, несколько видящих могут одновременно возбудить одни и те же незадействованные эманации. В этом нет ничего нереального. Правда, каких-то специальных методов или известных алгоритмов, позволяющих это осуществить, нет. Это просто случается.

Он добавил, что при совместном сновидении что-то вдруг начинает нас вести, и мы вдруг обнаруживаем, что видим ту же картину, что и остальные сновидящие. А происходит вот что: наше человеческое состояние заставляет нас автоматически сфокусировать свечение осознания на тех эманациях, которые используют другие находящиеся рядом человеческие существа. Мы согласуем положение своей точки сборки с тем положением, которое она занимает у них. В правосторонней части своего осознания мы делаем это каждый день, когда воспринимаем наш обычный мир. В совместном сновидении мы делаем то же самое, но только в левосторонней части осознания.

Глава 12. Нагваль Хулиан

В доме царило странное оживление. Все видящие команды дона Хуана пребывали в возбужденном состоянии, граничившем с рассеянностью. Такого я здесь еще ни разу не видел. Их и без того высокий энергетический уровень, казалось, сделался выше. Мне стало несколько не по себе. Я спросил дона Хуана, в чем дело. Он пригласил меня пройти во внутренний дворик. Некоторое время мы прогуливались молча. Потом он сказал, что их время близится, и скоро они уйдут. И он должен постараться успеть закончить свои объяснения до этого.

— Откуда вы знаете, что близится время вашего ухода? — спросил я.

— Это — внутреннее знание, — ответил он. — Когда-нибудь оно придет и к тебе. Видишь ли, нагваль Хулиан заставлял мою точку сборки сдвигаться бесчисленное множество раз. Точно так же, как я заставлял твою. А затем он оставил мне задание: восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настроить, сдвигая мою точку сборки. Такое задание рано или поздно получает каждый нагваль. Во всяком случае, процесс восстановления настройки подсказывает путь к осуществлению такого специфического маневра, как воспламенение всех эманаций внутри кокона. Я почти достиг этого. Я приближаюсь к своему пику. А поскольку я — нагваль, то, как только все эманации внутри моего кокона воспламенятся, все мы исчезнем в одно мгновение.

Я ощутил, что должен был бы опечалиться и всплакнуть, однако что-то во мне возрадовалось известию о грядущем освобождении нагваля Хуана Матуса. Я подпрыгнул наместе и завопил от восторга. Я знал — когда-нибудь, достигнув иного состояния осознания, я буду плакать от печали. Но в тот день я был полон счастья и оптимизма.

Я поведал дону Хуану о своих чувствах. Он засмеялся и потрепал меня по спине.

— Вспомни мои слова, — сказал он, — об эмоциональном понимании. Не следует на него опираться. Пусть сначала сдвинется твоя точка сборки. Понимание придет позже — годы спустя.

Мы прошли в большую комнату и присели, чтобы побеседовать. Какое-то мгновение дон Хуан колебался. Он выглянул в окно. С того места, где стояло

мое кресло, был виден внутренний дворик. Было пасмурно. Время недавно перевалило за полдень. Собирался дождь. Мне нравились пасмурные дни. А дону Хуану — нет. Он немного поерзал в кресле, усаживаясь поудобнее.

Начал он свой рассказ с того, что объяснил, почему столь тяжело вспомнить все происходившее с человеком, в состоянии повышенного осознания. После нарушения фиксации в ее нормальном положении, точка сборки может сдвинуться в бесконечное множество самых разнообразных позиций. С другой стороны, в состоянии нормального осознания точка сборки всегда находится в одном и том же обычном месте, поэтому вспоминается все легко и связность воспоминаний не нарушается.

Дон Хуан сказал, что сочувствует мне. И я должен принять то, что вспомнить будет очень сложно. И следует отдавать себе отчет в том, что мне, возможно, так никогда и не удастся восстановить настройку всех тех эманаций, которые он помогал мне настраивать. И задание мое останется невыполненным. Такое вполне возможно.

— Подумай об этом, — с улыбкой произнес он. — Ведь может статься, ты никогда не сможешь вспомнить даже этой нашей с тобой беседы, хотя в данный момент все выглядит так естественно, обычно и основательно. Вот — истинная тайна осознания. Она переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы буквально насквозь пропитаны тьмой и чем-то еще — невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-иному — безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаясь втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость. Человеческая глупость — вот что следует изживать в себе. И делать это посредством понимания. И главное — никогда не следует извиняться ни за то, ни за другое. Ибо и глупость, и тайна суть вещи необходимые. Один из великих приемов, практикуемых сталкерами — противопоставление друг другу скрытой в каждом из нас тайны и нашей глупости.

Он объяснил, что практики, составляющие искусство сталкинга, вряд ли могут вызвать восхищение, более того, они, по сути, откровенно предосудительны. Зная это, новые видящие пришли к заключению, что обсуждение либо практика принципов сталкинга в нормальном состоянии осознания не совпадает ни с чьими интересами.

Я обратил внимание на явное противоречие: он говорил, что воин не может адекватно действовать в мире, находясь в состоянии повышенного осознания, и он же говорил, что сталкинг — всего-навсего умение особым образом обращаться с людьми.

— Говоря о том, что сталкингу не учат в нормальном состоянии осознания, я имел в виду обучение нагваля, — объяснил он, — сталкинг преследует двоякую цель. Во-первых — добиться максимально устойчивого и безопасного сдвига точки сборки, а это наилучшим образом достигается именно посредством сталкинга. А во-вторых — внедрить принципы сталкинга на очень глубокий уровень, позволяющий обойти ограничения человеческого инвентарного перечня, а также естественную реакцию отрицания либо осуждения того, что может показаться неприемлемым с точки зрения здравого смысла.

Я сказал дону Хуану, что весьма сомневаюсь в своей способности выносить суждения по поводу подобных вещей или отрицать их. Он рассмеялся и заметил, что вряд ли я стану исключением и отреагирую иначе, чем все остальные, когда услышу о деяниях великого мастера сталкинга, каковым являлся бенефактор дона Хуана нагваль Хулиан.

— Я вовсе не преувеличиваю, говоря, что нагваль Хулиан был самым выдающимся из всех известных мне мастеров сталкинга, — продолжал дон Хуан. — Ты уже слышал о его мастерстве сталкера от многих, но я еще ни разу тебе не рассказывал о том, что он сделал со мной.

Я хотел было сказать, что никогда ни от кого ничего не слышал о мастерстве нагваля Хулиан, но, прежде, чем я успел это сделать, меня охватило странное чувство неуверенности. Дон Хуан, казалось, мгновенно узнал, что я испытываю. Он удовлетворенно усмехнулся.

— Ты не можешь вспомнить, потому что воля пока что находится вне пределов твоей досягаемости, — объяснил он. — Тебе необходимо вести безупречную жизнь и накопить большое количество избыточной энергии. Тогда, возможно, тебе удастся высвободить эти воспоминания. Я же собираюсь рассказать тебе о том, как нагваль Хулиан поступил со мной, когда мы с ним встретились. Если ты осудишь его и найдешь его поведение предосудительным сейчас, когда находишься в состоянии повышенного осознания, можешь себе представить,

насколько отвратительным типом он бы тебе показался в твоем нормальном состоянии.

Я возразил, заявив, что он, вероятно, готовит какой-нибудь розыгрыш. Он заверил меня, что не собирается никого разыгрывать, а намерен только своим рассказом проиллюстрировать образ действия сталкеров, а также причины, побуждающие их вести себя так, а не иначе.

— Нагваль Хулиан был последним из сталкеров старого времени, — продолжал дон Хуан. — Он был сталкером не по необходимости, а по призванию.

Дон Хуан объяснил, что новые видящие увидели: человеческие существа делятся на две группы. Одну составляют те, кому есть дело до других, вторую — те, кому нет дела ни до кого. Разумеется, речь идет о крайних проявлениях, между которыми имеется бесконечное множество промежуточных состояний. Нагваль Хулиан принадлежал к категории тех, кому другие безразличны. Себя же дон Хуан отнес к противоположной категории.

— Но разве не ты рассказывал мне о великодушии нагваля Хулиана, о том, что он готов был снять с себя последнюю рубашку и отдать ее тебе? — спросил я.

— А он и был готов, — ответил дон Хуан. — Более того, он был не только великодушен, но и бесконечно очарователен и обаятелен. Он всегда глубоко и искренне интересовался делами всех, кто его окружал. Его всегда отличали доброта и открытость, все, что имел он был готов в любой момент отдать всякому, кто в этом нуждался или просто ему нравился. И его любили все, кто имел с ним дело, поскольку, будучи мастером сталкинга, он умел дать людям почувствовать его действительное к ним отношение: что он не даст и ломаного гроша ни за одного из них.

Я промолчал, но дон Хуан знал, что я ощущаю недоверие и даже некоторое раздражение по поводу того, что он рассказал. Он усмехнулся и покачал головой:

— Таков сталкинг. Видишь, рассказ о нагвале Хулиане еще даже не начался, а ты уже раздражен.

Я попытался объяснить свои ощущения. Он расхохотался.

— Нагвалю Хулиану было наплевать на всех без исключения, — продолжил он. — И именно поэтому он мог оказывать людям реальную помощь. И он ее оказывал, он отдавал им последнее, что у него было. Потому, что ему было на них наплевать.

— Уж не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что своим ближним помогают только те, кому на них в высшей степени начхать?

— Так говорят сталкеры, — ответил он с лучезарной улыбкой. — Нагваль Хулиан, например, был фантастической силы целителем. Он помог многим тысячам своих ближних, но никогда не говорил, что делает это. Все считали целителем одну из женщин-видящих его команды.

— А если бы его ближние не были ему безразличны, он потребовал бы признания. Те, кому есть дело до других, заботятся и о себе, и требуют признания везде, где можно.

Дон Хуан сказал, что принадлежа к категории тех, кому ближние не безразличны, сам он никогда никому не помогал. Он чувствовал неловкость от великодушия. Он даже представить себе не мог, что его могут любить так, как любили нагваля Хулиана. И уж наверняка ему показалось бы глупостью отдать кому-нибудь последнюю рубашку.

— Меня настолько сильно беспокоит судьба моих ближних, — продолжал дон Хуан, — что я и пальцем не пошевелю ни ради одного из них. Я просто не буду знать, что делать. И меня всегда будет грызть мысль, что своими подарками я навязываю им свою волю.

— Конечно, путь воина помог мне избавиться от связанных с этим проблем. Любой воин может с успехом обращаться с людьми таким же образом, как это делал нагваль Хулиан. Но для этого сперва нужно сдвинуть точку сборки в положение, в котором не имеет значения — нравится он людям, не нравится или им нет до него дела. Но это — совсем другое.

Дон Хуан сказал, что, познакомившись впервые с принципами сталкинга, он пришел в крайнее недоумения. Нагваль Элиас, который был очень похож на

дона Хуана, объяснил ему, что сталкеры, подобные нагвалю Хулиану — естественные лидеры среди людей. Они могут помочь людям в чем угодно.

— Нагваль Элиас говорил, что такой воин может помочь человеку исцелиться, — продолжал дон Хуан, — и может помочь ему заболеть. Может помочь найти счастье и может помочь найти горе. Я предложил нагвалю Элиасу вместо слов «помочь человеку» употреблять выражение «повлиять на человека». Он сказал, что такой воин не просто влияет на людей, но очень активно их подталкивает.

Дон Хуан усмехнулся и пристально на меня взглянул. В его глазах светились лукавые искорки.

— Странно, не правда ли? — сказал он. — Интересно как сталкеры толкуют то, что видят в людях, а?

И дон Хуан начал свой рассказ о нагвале Хулиане. Он сказал, что тот много лет провел в ожидании ученика-нагваля. На дона Хуана он наткнулся, когда однажды возвращался домой после короткого визита к знакомым, жившим в соседней деревне. Идя по дороге, он как раз размышлял об ученике-нагвале. Вдруг раздался громкий выстрел, и нагваль Хулиан увидел, как люди разбегаются во все стороны. Вместе со всеми он забежал в придорожные кусты и вышел оттуда только тогда, когда увидел группу людей, собравшихся на дороге вокруг раненого человека, который лежал на земле.

Раненым, разумеется, оказался дон Хуан, в которого выстрелил управляющий-тиран. Нагваль Хулиан мгновенно увидел, что дон Хуан — тот особый человек, чей кокон разделен на четыре части, а не на две, и понял, что ранен тот очень тяжело. Нельзя было терять ни минуты: желание нагваля Хулиана исполнилось, и он должен был действовать, пока никто не сообразил, что происходит. Он схватился за голову и запричитал:

— О-о-о! Они убили моего сына!

Обычно он путешествовал вместе с одной из женщин-видящих из своей команды, крепко сбитой индеанкой. На людях она, как правило, играла роль его злой и вредной жены. Нагваль Хулиан подал ей знак, и она тоже принялась с подвыванием рыдать о бедном их сыне, в беспамятстве

истекавшем кровью. Нагваль Хулиан попросил собравшихся зевак не вызывать полицию, а вместо этого помочь ему перенести сына домой, в городок, который находился на некотором расстоянии от того места. Он пообещал четырем сильным парням, что заплатит им, если они отнесут туда его сына.

Парни принесли дона Хуана в дом нагваля Хулиана. Нагваль расплатился с ними очень щедро. Те были настолько тронуты горем этих людей, плакавших всю дорогу до дома, что даже отказались принять деньги. Однако нагваль Хулиан настоял на своем, сказав, что, если они возьмут деньги, это принесет удачу его сыну.

В течение нескольких дней дон Хуан не знал, что и думать об этих добрых людях, которые взяли его в свой дом. Нагваль Хулиан разыгрывал перед ним почти выжившего из ума старика. Старик не был индейцем, но был женат на молодой раздражительной толстой индеанке, которая физически была настолько же сильна, насколько по характеру — сварлива. Дон Хуан подумал, что она, очевидно, — целитель, судя по тому, как умело она пользовала его рану, а также по огромному количеству лекарственных растений, сложенных в комнате, где он лежал.

Старик во всем подчинялся женщине. Она заставляла его ежедневно обрабатывать дона Хуана. Они постелили дону Хуану на толстой циновке, и старику приходилось туго каждый раз, когда он вынужден был опускаться на колени возле раненого. Дон Хуан с трудом сдерживал смех, наблюдая за тем, как немощный старец прикладывает все усилия, на какие способен, для того, чтобы согнуть ноги в коленях. Промывая рану, старик все время что-то бормотал, глядя прямо перед собой совершенно отсутствующим взглядом, руки его при этом дрожали, а все тело тряслось от макушки до пят.

Опустившись на колени, он уже не мог подняться самостоятельно. Хриплыми воплями он звал жену, едва сдерживая гнев. Та входила в комнату, и начиналась жуткая свара. Зачастую женщина уходила, так и оставив старика стоять на коленях, и ему приходилось подниматься самостоятельно.

Дон Хуан заверил меня, что никогда и ни к кому он не чувствовал такого сострадания, как к бедному старику. Много раз он пытался подняться и помочь тому, но едва мог шевелиться сам. Однажды старик потратил почти

полчаса на то, чтобы доползти до двери и там, цепляясь за нее, с трудом встать. При этом он не переставая кричал и ругался.

Он объяснил дону Хуану, что причинами его слабого здоровья являются преклонный возраст, плохо сросшиеся переломы и ревматизм. Подняв к небу глаза, старик признался дону Хуану, что чувствует себя самым несчастным человеком на земле: пришел к целительнице за помощью, а закончил тем, что женился на ней и превратился в раба.

— Я спросил старика, почему он не уходит от нее, — продолжал дон Хуан. — Глаза старика расширились от ужаса. Шикнув на меня, чтобы я замолчал, он поперхнулся собственной слюной, а затем, буквально окаменев, грохнулся во весь рост рядом с моей постелью, пытаясь заставить меня закрыть рот. С диким выражением глаз он не останавливаясь твердил: «Ты сам не знаешь, что говоришь, ты сам не знаешь что говоришь. Никто не в силах отсюда убежать.»

— И я ему поверил. Я был убежден, что он более несчастен и жалок, чем я когда-либо был в своей жизни. И с каждым днем я чувствовал себя в этом доме все более и более неловко. Кормили меня прекрасно, женщины постоянно не было дома — она ходила по больным — так что почти все время я проводил наедине со стариком. Мы много беседовали о моей жизни. Мне нравилось с ним разговаривать. Я сказал ему, что заплатить за его доброту не смогу, так как не располагаю деньгами, но что сделаю все возможное чтобы ему помочь. На это он ответил, что помочь ему невозможно, что он готов умереть, но если я действительно говорю искренне, то он хотел бы, чтобы после его смерти я женился на его жене. И тут я понял, что старик рехнулся. И еще я понял, что нужно бежать, и чем раньше, тем лучше.

Дон Хуан рассказал, что, когда достаточно окреп, чтобы ходить без посторонней помощи, бенефактор самым жутким образом продемонстрировал ему свои способности сталкера. Без какой-либо подготовки или предупреждения, он столкнул дона Хуана нос к носу с неорганическим существом. Почувствовав, что дон Хуан собирается сбежать, он воспользовался возможностью напугать его своим союзником, который мог становиться похожим на чудовищной наружности человека.

— Увидев этого союзника, я едва не сошел с ума, — продолжал дон Хуан. — Я

не мог поверить своим глазам, но чудовище стояло передо мной. А немощный старик стоял рядом и хныкал, моля чудовище о пощаде. Видишь ли, мой бенефактор был похож на древних видящих — он умел выдавать свой страх порциями, а союзник на это соответственно реагировал. Но я-то этого не знал. Я только видел собственными глазами, что к нам приближается совершенно ужасающее создание, готовое нас растерзать.

— В мгновение, когда союзник, шипя подобно змее, ринулся на нас, я рухнул без чувств. Когда я пришел в себя, старик сказал, что ему удалось с чудовищем договориться.

Он объяснил, что чудовищный человек согласился оставить их обоих в живых при условии, что дон Хуан станет ему служить. Предчувствуя недоброе, дон Хуан спросил, в чем будет заключаться служба. Старик ответил, что это будет практически рабство, но напомнил, что жизнь дона Хуана почти закончилась несколько дней назад, когда в него стреляли. И если бы они с женой его не подобрали и не остановили кровотечение, он бы непременно скончался. Так что торговаться все равно не имеет смысла, ибо торговать нечем и не на что. Чудовищному человеку все это было известно, поэтому он мог диктовать условия. Старик сказал дону Хуану, что раздумывать нечего — надо соглашаться. Чудовищный человек стоит за дверью и все слушает. И если дон Хуан откажется, он ворвется в комнату и прикончит их на месте. И этим все закончится.

У меня хватило выдержки еще на то, чтобы спросить у старика, который весь дрожал, как осиновый лист, каким образом чудовищный человек собирается нас убивать, — продолжал дон Хуан. — Старик ответил, что монстр планирует переломать все наши кости, начиная со ступней. При этом мы будем дико кричать и корчиться в невыразимых муках. А смерть наступит не ранее, чем через пять дней.

И я мгновенно согласился на любые условия. Со слезами на глазах он поздравил меня и сказал, что уговор, который он заключил с монстром, на самом деле не так уж плох. Мы должны были превратиться не столько в рабов, сколько в пленников чудовищного человека. Кормить нас будут как минимум дважды в день, и, сохранив себе жизнь, мы сможем заняться поисками пути к освобождению. Мы сможем строить планы, придумывать различные уловки и бороться за то, чтобы вырваться из этого ада.

Дон Хуан улыбнулся, а затем разразился хохотом. Он заранее знал, как я отнесусь к нагвалю Хулиану.

— Я же говорил тебе, что ты расстроишься, — сказал он.

— Я, правда, не понимаю, дон Хуан, — сказал я, — какой был смысл во всем этом крайне сложном маскараде?

— Все очень просто, — по-прежнему улыбаясь, ответил он. — Это — другой метод обучения, причем очень хороший. От учителя он требует громаднейшего воображения и не меньшей степени контроля. Мой метод обучения гораздо ближе к тому, что называешь обучением ты. Он требует огромного количества слов. Я — специалист наивысшего класса по части растолковывания. Нагваль Хулиан был мастером высшего класса по части сталкинга.

Дон Хуан сказал, что видящие используют два метода обучения, и что он знаком с обоими. Первый метод заключается в предварительном объяснении всего, что будет с человеком происходить. Лично дон Хуан отдает предпочтение именно этому методу, поскольку он является системой, которая предполагает свободу выбора и понимание. Метод его бенефактора, наоборот, был более принудительным и не давал возможности ни выбирать, ни понимать. Но его огромное преимущество — в том, что он заставляет воина непосредственно переживать концепции видящих без каких бы то ни было промежуточных объяснений.

Как объяснил далее дон Хуан, все, что проделывал с ним его бенефактор, было шедевром стратегии. Каждое свое слово и действие нагваль Хулиан тщательно подбирал таким образом, чтобы добиться вполне определенного эффекта. Он был необычайно искусен в создании наиболее подходящего контекста, в котором слова и действия не могли не оказать необходимого воздействия.

— В этом заключается метод сталкеров, — объяснил дон Хуан. — Он развивает не понимание, а полное осознание. Вот, например: мне потребовалось много времени — вся жизнь — на то, чтобы понять, что проделал нагваль Хулиан, когда столкнул меня нос к носу с союзником. Хотя осознал я все без каких бы то ни было объяснений в тот самый миг, когда это произошло. Хенаро, скажем,

вообще не понимает своих манипуляций — об этом речь у нас с тобой уже шла — но он осознает все, что делает, с предельной остротой и ясностью. Если точка сборки была сдвинута со своего обычного места методом подробного объяснения — как, например, происходит с тобой — то все время сохраняется необходимость во внешней помощи не только для осуществления реального перемещения точки сборки, но и для объяснения происходящего. Если же точка сборки была сдвинута с помощью метода сталкеров, как было со мной и с Хенаро, то необходимость сохраняется только в начальном каталитическом действии, которое выдернуло бы точку сборки из нормального положения.

Дон Хуан сказал, что, когда нагваль Хулиан столкнул его с чудовищного вида союзником, его точка сборки начала сдвигаться от страха. Испуг такой степени интенсивности в сочетании с еще не совсем восстановившимся после ранения здоровьем оказался идеальным средством для смещения точки сборки. Для компенсации вредного воздействия страха требовалось несколько смягчить ситуацию, но при этом не свести на нет результат. Объяснение свело бы эффект страха к минимуму, и результат был бы поставлен под сомнение. А нагваль Хулиан хотел быть уверенным в том, что сможет воспользоваться каталитическим эффектом испуга столько раз, сколько потребуется. И в то же время ему нужна была гарантия того, что он сможет смягчить разрушительное воздействие испуга. Потому он и устроил весь этот маскарад. Чем более подробными и драматическими были его рассказы, тем большим смягчающим эффектом они обладали. Он как бы оказался в одной лодке с доном Хуаном, и тому не было так страшно, как было бы, если бы он знал, что одинок.

— Благодаря своему драматическому таланту, — продолжал дон Хуан, — бенефактор умудрился сдвинуть мою точку сборки достаточно далеко для того, чтобы сразу же воспитать во мне два основных качества воина: непреклонное усилие и несгибаемое намерение. Я знал, что стать когда-нибудь свободным я смогу, только настойчиво и систематически работая в сотрудничестве с немощным старцем, нуждавшемся, как я полагал, в моей помощи не меньше, чем я нуждался в его. Я знал без тени сомнения, что больше всего на свете хочу именно этого.

В следующий раз мне удалось поговорить с доном Хуаном только через два дня. Было раннее утро, мы прогуливались с ним по главной площади Оахаки. Дети шли в школу, люди направлялись в церковь, кое-кто сидел на скамейках, а водители такси ожидали туристов возле городского отеля.

— Само собой разумеется, самым сложным делом на пути воина является сдвиг точки сборки, — сказал дон Хуан. — Когда она начала перемещаться, заканчивается собственно поиск воина. С этого момента характер пути изменяется, он становится поиском видящего.

Он еще раз повторил, что сдвиг точки сборки — главная и единственная задача пути воина. Древние видящие этого абсолютно не понимали. Они считали, что смещение точки сборки — своего рода стрелка, определявшая их положение на шкале достоинства. Им никогда даже в голову не приходило, что все воспринимаемое ими определяется именно этим смещением.

— Метод сталкеров, — продолжал дон Хуан, — когда его применяет такой мастер, как нагваль Хулиан, позволяет достичь просто потрясающих сдвигов точки сборки. Изменения, при этом возникающие, весьма устойчивы. Видишь ли, когда наставник-сталкер становится надеждой ученика и его опорой, он добивается полной готовности к сотрудничеству и полной вовлеченности своего подопечного в действие. Полная готовность к сотрудничеству и полная вовлеченность в действие — важнейшие результаты применения метода сталкеров, и нагваль Хулиан был непревзойденным мастером по части их достижения.

Дон Хуан сказал, что нет никакой возможности описать то удивление и замешательство, которое он испытывал, все больше и больше узнавая богатство и сложность личности нагваля Хулиана и его жизни. Имея дело с запуганным, хилым и вроде бы совершенно беспомощным стариком, дон Хуан чувствовал себя довольно уверенно. Но однажды, вскоре после того, как они заключили свой договор с чудовищным человеком, его уверенность была рассеяна в прах: нагваль Хулиан в очередной раз жестко продемонстрировал ему свое мастерство сталкера.

К тому времени дон Хуан был уже вполне здоров, но нагваль Хулиан по-прежнему спал с ним в одной комнате и продолжал за ним ухаживать. Как-то, проснувшись утром, нагваль Хулиан объявил, что их тюремщик на пару дней уехал, а это значит, что можно на время перестать притворяться стариком. Он признался дону Хуану, что делал это все время для того, чтобы одурачить чудовище.

Не давая дону Хуану опомниться, он с невероятной ловкостью вскочил со своей циновки, наклонился, засунул голову в ведро с водой и некоторое время ее там подержал. Когда он выпрямился, волосы его были черны как смоль, седина вся смылась, и перед доном Хуаном предстал человек лет тридцати пяти-сорока. Он играл мускулами, глубоко дышал и потягивался всем телом, словно очень долго просидел в тесной клетке.

— Когда я увидел нагваля Хулиана в образе молодого человека, я решил, что передо мною — сам дьявол, — продолжал дон Хуан. — Я закрыл глаза, решив, что конец мой близок. Нагваль Хулиан хохотал до слез.

Затем нагваль Хулиан привел дона Хуана в чувство, заставив его несколько раз сдвинуться из правой стороны осознания в левую и обратно.

— Два дня молодой человек буквально носился по дому, — продолжал дон Хуан. — Он рассказывал мне истории из своей жизни и шутил, заставляя меня то и дело кататься по полу от хохота. Но еще более поразительные изменения произошли с его женой. Она сделалась стройной и по-настоящему красивой. Мне казалось, что это — совершенно другая женщина. Я с восторгом говорил о том, насколько неузнаваемо она изменилась и какой красавицей выглядит теперь. Молодой человек сказал, что, когда их тюремщик уезжает, она действительно становится совсем другой женщиной.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что слова его дьявольского бенефактора были истинной правдой. Поскольку женщина и в самом деле была совсем другой видящей из команды нагваля.

Дон Хуан спросил у молодого человека, зачем они притворяются. Молодой человек взглянул на дона Хуана, глаза его наполнились слезами, и он сказал, что тайны мира воистину непостижимы. Он и его молодая жена попали в сети некой необъяснимой силы и вынуждены прибегать к притворству, чтобы защититься. А. поскольку тюремщик их все время подсматривает сквозь щели в двери, ему приходится сохранять образ немощного старца все время. Он просил дона Хуана простить его за вынужденный обман.

Дон Хуан поинтересовался, кем является этот страшный человек чудовищной наружности. Глубоко вздохнув, молодой человек ответил, что не имеет об этом ни малейшего понятия. Он сказал, что, хотя сам и является человеком

образованным — известным театральным актером из Мехико-Сити, найти какие-либо объяснения происходящему он не в силах. Он знает только то, что прибыл сюда для лечения туберкулеза, которым страдал уже много лет. Когда родственники привезли его к целительнице, он уже почти умирал. Она помогла ему поправиться, и он безумно влюбился в красивую молодую индеанку, а затем и женился на ней. Он собирался увезти ее в столицу, где они смогли бы разбогатеть благодаря ее искусству целителя.

Прежде, чем они отправились в Мехико, она предупредила его, что им придется изменить внешность, чтобы ускользнуть от одного мага. Как она объяснила, мать ее тоже была целительницей, и обучал ее как раз этот мастер магии. А потом он потребовал, чтобы ее дочь осталась с ним на всю жизнь. Молодой человек сказал, что не стал тогда расспрашивать жену о ее взаимоотношениях с магом. Ее освобождение было единственным его стремлением, поэтому он замаскировался под старика, а ее замаскировал под толстуху.

Но история их не окончилась счастливо. Их поймал жуткий человек и заточил в неволю. Они не отважились снять маскировку в присутствии того ужасающего чудовища, и при нем всегда делали вид, — что ненавидят друг друга. На самом же деле они друг в друге души не чают и живут исключительно ради тех немногих дней, когда он уезжает.

Дон Хуан рассказал, как молодой человек обнял его за плечи и сообщил, что единственное безопасное место в доме — комната, в которой спит дон Хуан. И он попросил дона Хуана выйти и постоять немного на страже, пока они с женой будут заниматься любовью.

— Весь дом сотрясался от их страсти, — рассказывал дон Хуан. — А я тем временем сидел снаружи чувствуя неловкость оттого, что все слышу, и в смертельном страхе ожидая, что чудовище с минуты на минуту возвратится чудовище. И, будь уверен, в конце концов я услышал его шаги у входной двери. Я принялся колотить в дверь комнаты. Они не отвечали. Я вошел. Молодая женщина спала там в обнаженном виде, молодого же человека нигде не было видно. Никогда в жизни я не видел такую красивую женщину обнаженной. И я все еще был очень слаб. И я слышал, как гремит чем-то за дверью чудовищный человек. Стеснение мое и страх были столь велики, что я упал в обморок.

Рассказ о нагвале Хулиане привел меня в состояние крайнего раздражения. Я заявил дону Хуану, что не понимаю, в чем ценность мастерства нагваля Хулиана в области сталкинга. Дон Хуан слушал, не перебивая. А я все нес и нес какую-то околесицу.

Когда мы, наконец, присели на скамейку, я чувствовал страшную усталость. И на вопрос дона Хуана, чем же все-таки меня так расстроил рассказ о методе нагваля Хулиана, я не смог ответить ни слова.

— Я не могу отделаться от ощущения, что он был просто злостным насмешником, — произнес я наконец.

— Злостный насмешник своими выходками ничему целенаправленно не учит, — возразил дон Хуан. — А нагваль Хулиан разыгрывал драмы — магические драмы, которые требовали сдвигов точки сборки.

— А мне он кажется матерым эгоистом, — настаивал я.

— Ты пытаешься выносить суждения, — сказал дон Хуан. — Потому он и кажется тебе таковым. Ты — моралист. Я и сам через все это прошел. И, ели ты испытываешь такие чувства, только услышав о делах нагваля Хулиана, то можешь себе представить, что испытывал я, живя в его доме годами. Сначала я осуждал его, потом боялся, и наконец — завидовал ему. И еще я любил его, но зависть моя превосходила мою любовь. Я завидовал его легкости, его таинственной способности по желанию становиться то молодым, то старым, я завидовал его потрясающему чутью и, прежде всего — его умению влиять на любого, с кем он имел дело. Я чуть на стену не лез от зависти, когда слышал, как он втягивает людей в интереснейшие беседы. У него всегда было что сказать. А у меня — не было. И я ощущал себя тупым и никому не нужным.

Откровения дона Хуана слегка привели меня в себя. Мне захотелось, чтобы он сменил тему, мне не нравился его рассказ о том, что он был таким же, как я. Ведь я привык думать о нем, как о ком-то несравненном. Он явно почувствовал, что со мной происходит, и рассмеялся, потрепав меня по спине.

— Я рассказываю тебе о своей зависти, — продолжил он, — для того, чтобы ты понял важнейшую вещь: все наше поведение и все наши ощущения

диктуются только позицией точки сборки. И моим большим недостатком в то время, о котором я тебе рассказываю, было непонимание этого принципа. Я не прошел закалку, я был неопытен. Я жил чувством собственной важности, как живешь сейчас ты, потому что в соответствующем ему месте располагалась моя точка сборки. Видишь ли, я не знал еще тогда, что точка сборки смещается приобретением новых привычек, что она сдвигается усилием воли. А когда мне удалось сместить точку сборки, я вдруг обнаружил: с несравненными воинами вроде моего бенефактора и его команды можно иметь дело, только не обладая чувством собственной важности. Только этим достигается беспристрастное к ним отношение. Понимание бывает двух видов. Первый — просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй — результат сдвига точки сборки. Этот вид понимания совмещается не с эмоциональными выбросами, но с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием. Нагваль Хулиан неустанно вел нас к такого рода смещению. Он добился от нас полной готовности к сотрудничеству и полной вовлеченности в те драмы, которые разыгрывал, и которые были ярче самой жизни. Например, разыграв драму молодого человека, его жены и их тюремщика, он полностью овладел моим нераздельным вниманием и сочувствием. Для меня вся эта история со стариком, который оказался молодым, выглядела очень убедительно. Я видел чудовище собственными глазами, а это значило, что он мог рассчитывать на мое безусловное полное участие.

Дон Хуан сказал, что нагваль Хулиан был магом и волшебником, способным управлять волей с виртуозностью, непостижимой с точки зрения обычного человека. В его драмах принимали участие волшебные персонажи, вызванные к жизни силой намерения. Таким персонажем было, например, неорганическое существо, способное принимать гротескную человеческую форму. Сила нагваля Хулиана была настолько безупречна, — продолжал дон Хуан, — что он мог заставить чью угодно точку сборки сдвинуться и настроить эманации, необходимые для восприятия любых задуманных нагвалем Хулианом элементов картины мира. Благодаря этому он мог, например, выглядеть слишком молодым и слишком старым для своего возраста, в зависимости от того, какие цели преследовал. И все, кто знал нагваля Хулиана, могли сказать о его возрасте лишь одно: неопределенный. В течение тридцати двух лет нашего с ним знакомства он то выглядел совсем молодым, как ты сейчас, то становился стариком, настолько немощным, что едва мог ходить.

Дон Хуан сказал, что под воздействием бенефактора его точка сборки начала смещаться — очень незаметно, однако основательно. Однажды, например, дон Хуан ни с того, ни с сего вдруг осознал, в нем присутствует страх. И страх этот, с одной стороны, не имеет для него никакого смысла, а с другой стороны — является самым главным, что у него есть.

— Я боялся, что, из-за своей глупости я не смогу достичь свободы и повторю жизненный путь своего отца, — объяснил дон Хуан. — Нет, не думай, в жизни моего отца не было ничего особенно плохого. Он жил и умер не лучше и не хуже, чем живет и умирает большинство людей. Важно другое: моя точка сборки сдвинулась, и в один прекрасный день я вдруг понял, что жизнь моего отца и его смерть ничего ровным счетом не дали. Ни ему, ни кому бы то ни было другому.

— Бенефактор говорил мне, что жизнь моих родителей нужна была только для того, чтобы родился я. Так же, как жизнь их родителей нужна была для того, чтобы родились они. Воин относится к жизни иначе. За счет сдвига точки сборки он отдает себе отчет в том, какой невероятно огромной ценой оплачена его жизнь. Этот сдвиг рождает в осознании воина почтение и трепет, которого никогда не испытывали его родители ни перед жизнью вообще, ни перед собственной жизнью в частности. Нагваль Хулиан не только добивался фантастических успехов в смещении точек сборки своих учеников, но также получал от этого неслыханное удовольствие. И, конечно, работая со мной, он развлекался постоянно. Позже, когда через несколько лет на горизонте начали появляться другие видящие моей будущей команды, я и сам каждый раз предвкушал занятные ситуации, которые он для каждого из них придумывал.

— Когда нагваль Хулиан покинул мир, восторг ушел вместе с ним, чтобы никогда не вернуться. Иногда нас развлекает Хенаро и даже временами приводит в восторг, но это — не то. Никто не может занять место нагваля Хулиана. Его драмы всегда превосходили все, что может встретиться в жизни. Уверяю тебя, мы все даже понятия не имели, что такое истинное наслаждение до тех пор, пока не увидели, что делает он сам, когда некоторые из его драм выходят ему боком.

И дон Хуан поднялся со своей любимой скамейки и сказал: — Если

когда-нибудь ты обнаружишь, что зашел в тупик и не можешь выполнить свою задачу, тебе должно хватить энергии хотя бы на то, чтобы сдвинуть свою точку сборки и найти вот эту скамейку. Ты придешь сюда и присядешь ненадолго, освободившись от мыслей и желаний. И тогда, где бы я ни был, я попытаюсь прийти сюда и взять тебя с собой. Обещаю тебе, что попытаюсь это сделать.

А затем он рассмеялся, словно обещал нечто практически невыполнимое и потому неправдоподобное.

— Мне следовало произнести эти слова вечером, когда солнце уже готово коснуться горизонта, — сказал он, все еще смеясь. — Но только не утром. Утро — время, полное оптимизма. И подобные слова теряют свое значение.

Глава 13. Толчок земли

— Давай-ка прогуляемся в сторону Оахаки, — предложил дон Хуан. — Там где-то у дороги нас должен ожидать Хенаро.

Его предложение застало меня врасплох. Весь день я ждал, что он продолжит свои объяснения. Выйдя из дома, мы долго неспешно шли по городу в сторону немощенной дороги и молчали. Неожиданно дон Хуан заговорил:

— Все время я рассказывал тебе о великих открытиях, сделанных видящими древности. Так вот, подобно тому, как они обнаружили, что органическая жизнь — не единственная присутствующая на земле форма жизни, они выяснили и то, что сама по себе земля тоже является живым существом.

Прежде, чем продолжить, он с улыбкой выждал немного, как бы предлагая мне высказаться по поводу его заявления. Я не нашел, что сказать. Тогда он продолжил:

— Древние видящие увидели, что у земли есть кокон. Они увидели — существует шар, внутри которого находится земля. Этот шар — светящийся кокон, заключающий в себе эманации Орла. Таким образом, земля — гигантское живое существо, подверженное действию всех тех же самых законов, действию которых подвержены и мы.

— Как только древние толтеки об этом узнали, они сразу же принялись за поиски путей практического применения нового знания. В результате возникла одна из самых развитых категорий их магических практик — практики земли. Толтеки считали землю первоначальным источником всего, что мы собою являем.

— И в этом они не ошибались. Земля — действительно первичный источник всего.

Больше он не сказал ничего до тех пор, пока, пройдя вдоль дороги примерно милю, мы не встретили Хенаро. Он ждал нас, сидя на придорожном камне.

Очень тепло Хенаро приветствовал меня и сказал, что нам предстоит взобраться на вершину одного из скалистых холмов, покрытых чахлой растительностью.

— Мы — все втроем — сядем, прислонившись спиной к камню, — объяснил дон Хуан, — и будем созерцать солнечный свет, отраженный от восточных гор. А когда солнце опустится — за горы на западе, земля, возможно, позволит тебе увидеть настройку.

Поднявшись на скалу, мы сели, прислонившись спинами к камню. Дон Хуан велел мне занять место между ним и Хенаро.

Я спросил у дона Хуана, что он собирается делать. Его загадочные фразы, перемежавшиеся длительным молчанием, производили весьма многозначительное впечатление. Я чувствовал себя весьма и весьма не в своей тарелке.

Дон Хуан не ответил. Он продолжал, словно я не произнес не слова:

— Тот факт, что восприятие суть настройка, был открыт древними видящими.

Очень досадно, что их заблуждения опять не дали им возможности понять, что они совершили.

Он указал на горный хребет к востоку от городка.

— На этих горах достаточно блеска, чтобы подтолкнуть твою точку сборки. Магический ключ, который открывает двери Земли, — это внутренняя тишина и любая сверкающая вещь.

— Что я должен делать?

— Просто отсеки внутренний диалог, — ответил дон Хуан.

Меня охватили чувства тревоги и сомнения, смогу ли я сделать это, но потом я просто расслабился. Я осмотрелся. Мы находились достаточно высоко. Вся длинная узкая долина лежала перед нами как на ладони. Солнце еще освещало косыми лучами подножия гор на востоке, по другую сторону долины. Выветренные склоны казались охряно-оранжевыми, а голубоватые пики вдали приобрели пурпурный оттенок.

— Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что уже делал это прежде? — шепотом спросил у меня дон Хуан.

Я ответил, что не отдаю себе отчета ни в чем.

— Мы уже сидели здесь не один раз, — настаивал он, — но это не важно. В счет идет только этот раз. Сегодня Хенаро поможет тебе найти ключ, которым отпирается все. Пока что ты не сможешь им воспользоваться. Но ты будешь знать, что он такое и где его искать. За то, чтобы это узнать, видящие платят непомерную цену. И сам ты все эти годы выплачивал свой долг.

Он объяснил, что ключом ко всему называет непосредственное знание того, что земля — живое существо, и, будучи таковым, способна дать воину мощнейший толчок. Этот толчок суть импульс, исходящий из осознания самой земли в тот момент, когда эманации внутри кокона воина настраиваются на соответствующие им эманации внутри кокона земли. Поскольку и земля, и человек являются живыми существами, их эманации совпадают, вернее, у

земли есть все эманации, присутствующие в человеке и все эманации, присутствующие во всех живых существах, как органических, так и неорганических. В момент, когда происходит взаимная настройка эманаций живого существа и земли, существо воспринимает свой мир. При этом настройка используется в ограниченной мере. Воин может использовать настройку как для того, чтобы воспринимать подобно всем другим существам, либо для того, чтобы получить толчок, позволяющий ему проникнуть в невообразимые миры.

— Я долго ждал от тебя вопроса — одного-единственного имеющего значение вопроса, который ты в принципе можешь сейчас задать, — продолжал дон Хуан. — Однако ты так его и не задал. Вместо этого ты зацепился за выяснение того, где же находится тайна бытия — вне нас или внутри. Впрочем, это уже не очень далеко от того, что я имею в виду.

— В действительности неизвестное не лежит внутри кокона человека — там, где находятся эманации, не задействованные осознанием — и в то же время, образно говоря, оно скрыто именно там. Это — момент, который остался тебе непонятен. Когда я рассказывал тебе о семи мирах, которые ты можешь собрать помимо известного мира обычной жизни, ты думал, что речь идет о вещах сугубо внутреннего характера. Все дело в твоей жесткой привязанности к убеждению, что все действия и явления, через которые ты проходишь под нашим руководством — только игра твоего и нашего воображения. Поэтому-то тебе никогда не приходила в голову мысль задать мне вопрос: а существует ли неизвестное вообще? Годами я множество раз, указывая рукой на окружающий мир, говорил тебе: там — неизвестное. Но ты никогда не улавливал связи.

Хенаро засмеялся, потом закашлялся, встал на ноги и произнес, обращаясь к дону Хуану:

— Он ее так и не уловил.

Я признался в том, что, если какая-то связь и существует, то я ее не вижу.

Дон Хуан снова и снова твердил, что та часть эманаций, которая заключена внутри человеческого кокона, находится там только для того, чтобы обеспечить осознание. Само же осознание суть соответствие некоторой части

внутренних эманации какой-то части эманаций внешних, то есть больших. Большими они называются, потому что они неизмеримо огромны, и сказать: непознаваемое находится вне кокона человека — то же самое, что сказать: непознаваемое — внутри кокона земли. Однако внутри ее кокона присутствует также и неизвестное. Неизвестное же внутри человеческого кокона суть эманации, не тронутые осознанием. Когда свечение осознания их затрагивает, он становятся активными и настраиваются на соответствующие им большие эманации. Как только это происходит, неизвестное делается объектом восприятия и превращается в известное.

— Я слишком туп, дон Хуан. Ты бы разбил свое объяснение на части. Может, по кусочкам тебе удалось бы получше его для меня разжевать.

— Сейчас Хенаро тебе все разжует, — пообещал дон Хуан.

Хенаро принялся ходить походкой силы, той самой, которую он использовал тогда на вспаханном поле возле своего дома, когда ходил вокруг большого плоского камня. В тот раз дон Хуан увлеченно следил за его движениями. На этот раз он прошептал мне на ухо, что следует постараться услышать движения Хенаро, обращая особое внимание на звук, который сопровождает подъем бедер, когда они при каждом шаге касаются грудной клетки.

Взгляд мой следовал за каждым движением Хенаро. Через несколько секунд я ощутил, что его ноги поймали какую-то часть меня. Движение его бедер не отпускало меня. Появилось такое ощущение, будто я иду вместе с ним. Я даже запыхался. Потом я осознал, что уже вовсе не сижу на прежнем месте, а действительно иду вслед за Хенаро.

Дона Хуана я не видел. Хенаро все тем же странным образом шел впереди меня. Мы шли уже много часов подряд. От усталости у меня разболелась голова и неожиданно меня стошнило. Хенаро остановился, потом подошел ко мне и встал рядом. Все вокруг нас было залито ярким сиянием, свет которого отражался в чертах лица Хенаро. Глаза его светились. Вдруг в ушах моих зазвучал голос:

— Не смотри на Хенаро! Взгляни вокруг!

Я подчинился. Я подумал, что попал в ад! Шок от того, что я увидел, был

настолько силен, что я вскричал, ужаснувшись. Но не издал при этом ни звука. То, что я видел вокруг, как нельзя лучше соответствовало картине ада, запечатленной в моем сознании католическим воспитанием. Я видел красноватый мир, жаркий и гнетущий, темный, испещренный пустотами, в мире этом не было неба и отсутствовал какой бы то ни было свет, кроме зловещих отражений красноватых огней, метавшихся вокруг с немыслимой быстротой.

Хенаро двинулся дальше, и что-то потянуло меня за ним. Сила, заставлявшая меня двигаться вслед за Хенаро, не давала также и взглянуть вокруг. Все мое осознание было намертво приклеено к движениям Хенаро.

Я увидел, как Хенаро рухнул на землю, словно окончательно обессилев. В миг, когда он всем телом коснулся земли и вытянулся, чтобы отдохнуть, что-то во мне обрело свободу, и я снова смог оглядеться. Дон Хуан с любопытством меня разглядывал. Я стоял прямо перед ним. Мы находились в том самом месте, где сидели с самого начала — на широком уступе невысокой скалистой горы. Хенаро сопел и отдувался, как, впрочем, и я. Весь я был покрыт потом. С волос капало. Одежда тоже вся промокла, как будто меня выкупали в речке.

— Господи, да что же это такое!? — воскликнул я с выражением абсолютной серьезности и крайней озабоченности.

Вопрос мой прозвучал настолько глупо, что дон Хуан и Хенаро засмеялись.

— Мы пытаемся сделать так, чтобы ты понял, что такое настройка, — ответил Хенаро.

До Хуан аккуратно помог мне сесть. Сам он опустился на землю рядом со мной и спросил:

— Ты помнишь, что происходило?

Я ответил, что помню. Он потребовал, чтобы я в точности описал все, что видел Требование это шло вразрез с тем, что он говорил раньше, а именно — с тем, что значение имеет только смещение точки сборки, но никак не содержание тех или иных конкретных видений.

Дон Хуан объяснил, что Хенаро уже не единожды пытался помочь мне подобным же образом, но в прошлые разы я не мог вспомнить ничего вообще. Сегодня Хенаро еще раз попытался увести мою точку сборки и заставить ее собрать мир в другой большой полосе эманаций.

Последовала долгая пауза. Я был оглушен и поражен, однако осознание мое было как никогда острым. Мне показалось, что я наконец-то понял, чем является настройка. Что-то внутри меня, задействованное мною неизвестно каким образом, наполняло меня уверенностью, что мне удалось постичь великую истину.

— Похоже, ты начинаешь ускоряться, — сказал мне дон Хуан. — Ладно, идем домой. Для одного дня достаточно.

— Ну что ты! — возразил Хенаро. — Он сильнее быка. Нужно его еще немного подтолкнуть.

— Нет! — отрезал дон Хуан. — Нужно беречь его силы. У него их не так уж много.

Хенаро настаивал на том, чтобы мы остались. Он взглянул на меня и подмигнул. А потом, указывая на цепь гор на востоке, сказал:

— Смотри — солнце прошло совсем немного. А ведь ты брел по аду много часов. Тебя это не впечатляет?

— Не пугай его без необходимости! — почти яростно запротестовал дон Хуан.

Тут-то я и увидел все их маневры. Голос видения сказал мне, что дон Хуан и Хенаро — два великолепных сталкера, которые со мной играют. Именно дон Хуан всегда толкал меня за пределы моих возможностей. Однако роль погоняющего он предоставлял играть Хенаро. И в тот день, в доме Хенаро, когда я достиг опасной стадии истерического страха, и Хенаро спрашивал у дона Хуана, стоит ли толкать меня дальше, а дон Хуан уверял меня, что Хенаро надо мной потешается, Хенаро действительно за меня волновался.

То, что я увидел, настолько потрясло меня, что я рассмеялся. И дон Хуан, и Хенаро взглянули на меня с удивлением. Потом дон Хуан, похоже, мгновенно

понял, что происходит у меня в уме. Он сказал об этом Хенаро, и оба они засмеялись, совсем как дети.

— Растешь! — сказал мне дон Хуан. — Все в свое время: ты не слишком глуп, но и не блистаешь. Совсем, как я. Правда, заблуждения твои от моих отличаются. В этом ты больше похож на нагваля Хулиана. За исключением того, что тот был просто великолепен.

Дон Хуан встал и потянулся, бросив на меня самый пронзительный и яростный взгляд, какой я видел в своей жизни. Я тоже поднялся.

— Никто не должен знать о том, что в действительности делает нагваль, — сказал он, обращаясь ко мне. — Нагваль приходит и уходит, не оставляя следов. Именно эта свобода делает его нагвалем.

Мгновенно сверкнув, глаза его подернулись дымкой мягкости, доброты и человечности, снова став глазами дона Хуана.

Я почти потерял равновесие, едва не падая в обморок. Хенаро подскочил ко мне и помог мне сесть. Оба они сели по бокам.

— Ты поймаешь толчок земли, — прошептал мне в одно ухо дон Хуан.

— Думай о глазах нагваля, — шепнул в другое Хенаро. — Толчок земли придет в тот самый миг, когда ты увидишь сверкание на вершине вон той горы, — сказал дон Хуан и указал на самый высокий пик восточного хребта.

— Ты больше никогда не увидишь глаза нагваля, — шепнул Хенаро.

— Отправляйся с толчком туда, куда он тебя унесет, — сказал дон Хуан.

— Если ты будешь думать о глазах нагваля, ты осознаешь, что медаль имеет две стороны, — прошептал Хенаро.

Я хотел подумать о том, что оба они говорили, но мысли мне не подчинялись. Что-то давило на меня. Я чувствовал, что сжимаюсь. Я ощутил приступ тошноты. Я видел, как вечерние тени быстро поднимаются по склонам гор на востоке. Я чувствовал, что словно бегу за тенями.

— Ну — вперед! — сказал Хенаро мне на ухо.

— Следи за большим пиком, смотри на сверкание, — сказал с другой стороны дон Хуан.

Там, куда указывал дон Хуан, на вершине самого высокого пика восточного хребта действительно появилась сверкающая точка. Я смотрел, как она отражает последние лучи заходящего солнца. Под ложечкой образовалась пустота, словно я несся вниз по американской горке.

Затем я скорее почувствовал, чем услышал гул далекого землетрясения. Он неожиданно охватил меня. Сейсмические волны были настолько огромны и производили такой грохот, что утратили для меня всякое значение. Сам же я был никчемным микробом, которого все это крутило и вертело.

Постепенно свистопляска замедлилась. Последовал еще один мощный толчок, после чего наступила остановка. Я попытался осмотреться. У меня не было точки опоры, и не было начала отсчета. Я словно рос из чего-то, подобно дереву. Надо мной был белый сияющий непостижимых размеров купол. Его существование вдохновило меня. Я полетел к нему, вернее, был выброшен, как снаряд. Я испытывал ощущение комфорта, ухоженности, безопасности. Чем ближе я поднимался к куполу, тем чувства эти становились более интенсивными. Наконец, они переполнили меня, и я утратил всякое самоощущение.

Следующим, что я помню, было ощущение парения. Я покачивался в воздухе, словно падающий лист. Я чувствовал, что бесконечно устал. Неведомая засасывающая сила куда-то тянула меня. Пройдя сквозь темную дыру, я оказался рядом с доном Хуаном и Хенаро.

На следующий день мы с доном Хуаном и Хенаро отправились в Оахаку. Вечером, когда дон Хуан и я прогуливались по главной площади, он неожиданно завел разговор о том, что мы проделали в предыдущий день. Дон Хуан поинтересовался, понял ли я, что он имел в виду, говоря о колоссальной находке древних видящих.

Я ответил, что понимаю, но облечь это понимание в слова не умею.

— А как ты думаешь, ради чего мы поднимались вчера на вершину той горы? Что ты должен был там найти? Самое главное?

— Настройку, — произнес голос у самого моего уха в то же мгновение, когда слово это сорвалось и с моих уст.

Я рефлекторно обернулся и нос к носу столкнулся с Хенаро, который шел за мной след в след. Быстрота, с которой я обернулся, была для него неожиданностью. Он усмехнулся, а затем обнял меня.

Мы присели на скамейку. Дон Хуан сказал, что сказать о том толчке, который я получил вчера от земли, ему в общем-то почти нечего. В подобных случаях воин всегда остается один на один с самим собой. Истинное же понимание приходит гораздо позже, спустя годы борьбы.

Я сказал дону Хуану, что сложности, связанные с пониманием, в моем случае значительно увеличиваются еще и из-за того, что они с Хенаро делают всю работу. Я же все время остаюсь лишь пассивным объектом, способным лишь реагировать на их действия. Ведь я никогда не знаю ни того, каким должно быть адекватное действие с моей стороны, ни даже того, с какого конца к нему подступиться.

— Все совершенно верно, — согласился дон Хуан. — Но ведь никто не сказал, что ты должен это знать. Ты останешься здесь, один, и тебе придется пересмотреть и реорганизовать в самом себе все, что мы сейчас с тобой проделываем. Перед такой задачей рано или поздно оказывается каждый нагваль. Нагваль Хулиан сделал то же самое со мной, но гораздо безжалостнее, чем мы поступаем с тобой. Он знал, что делает, поскольку был блестящим нагвалем. Ведь чтобы реорганизовать все, оставленное ему нагвалем Элиасом, самому ему потребовалось всего несколько лет. Он практически не тратил времени на многие вещи, которые у тебя или у меня заняли бы всю жизнь. Разница в том, что нагвалю Хулиану требовался лишь незначительный намек — а дальше за дело бралось его осознание, которое и открывало единственную имеющуюся дверь.

— Что ты имеешь в виду, говоря о единственной двери, дон Хуан?

— Я имею в виду, что, стоит точке сборки преодолеть некий критический порог, и результат оказывается одним и тем же для любого человека. Приемы, ее сдвигающие могут быть бесконечно разнообразными. Но результат всегда один и тот же: точка сборки собирает другие миры с помощью толчка земли.

— А толчок земли одинаков для всех?

— Совершенно верно. Проблема обычного человека — внутренний диалог. Толчок земли может быть использован только по достижении состояния абсолютного внутреннего безмолвия. Это — бесспорная истина, и ты в ней удостоверишься непременно, когда однажды самостоятельно попытаешься воспользоваться толчком земли.

— Но я бы не советовал тебе пытаться, — искренне сказал Хенаро. — На то, чтобы стать безупречным воином, уходят годы. Сейчас ты не готов к тому, чтобы выдержать толчок земли. Тебе необходимо сильно измениться к лучшему.

— Скорость этого толчка растворит в тебе все, чем ты являешься, — сказал дон Хуан. — Под ее воздействием мы превращаемся в ничто. Скорость и личностное самоосознание не могут сосуществовать. Вчера на вершине мы с Хенаро поддерживали тебя. Мы служили как бы якорями. Иначе ты бы не вернулся. Ты уподобился бы тем людям, которые намеренно ушли в неизвестное, воспользовавшись толчком земли. Они и по сей день рыщут где-то там, в этой непостижимой бесконечности.

Я хотел, чтобы дон Хуан подробнее остановился на этом, но он отказался, резко сменив тему.

— Есть одно, чего ты пока что не понял относительно земли как живого существа, — сказал он. — И Хенаро, этот ужасный Хенаро.

намерен подгонять тебя до тех пор, пока ты не поймешь.

Оба они рассмеялись. Хенаро игриво толкнул меня, подмигнул и произнес:

— Я воистину ужасен.

— Хенаро — надсмотрщик, — продолжал дон Хуан, — ужасный, злобный и безжалостный. Ему наплевать на твои страхи, и погоняет он тебя безо всякой пощады. Если бы не я...

И он с идеальной точностью изобразил доброго, заботливого старого джентльмена. Он даже вздохнул, потупив взгляд. А затем они оба разразились громоподобным хохотом.

Когда они утихомирились, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел бы показать мне то, чего я еще не понял: именно высшее осознание земли позволяет нам переходить в параллельные большие полосы эманаций.

— Мы — живые существа, — объяснил он, — и мы воспринимаем. А воспринимаем мы потому, что некоторые эманации внутри наших человеческих коконов настраиваются на соответствующие им внешние эманации. Таким образом, настройка — потайной ход, а толчок земли — ключ от его двери. Хенаро хочет показать тебе момент настройки. Смотри на него! Хенаро встал и поклонился, как фокусник в цирке.

Потом он показал, что ни в рукавах, ни в штанинах ничего не прячет. Он даже снял туфли и потряс их, показывая, что в них тоже нет ничего.

Дон Хуан самозабвенно хохотал. Хенаро поднял и опустил руки. Это движение мгновенно остановило меня. Я ощутил, что мы все втроем вдруг встали и пошли с площади, причем они шли по обе стороны от меня.

Продолжая идти, я обнаружил, что утратил периферийное зрение. Я не различал ни домов, ни улиц. Я не видел также ни гор, ни растительности. В какой-то момент я осознал, что потерял из виду дона Хуана и Хенаро. Вместо них рядом со мной покачивались два светящихся пучка чего-то.

Меня мгновенно охватила паника, с которой я тут же справился. Появилось хорошо знакомое, но в то же время весьма необычное ощущение, что я есть я, и в то же время, я не есть я. Я осознавал окружающее с помощью какой-то незнакомой и одновременно хорошо известной мне способности. Я воспринимал сразу весь мир. Я видел всем своим существом: все то, что в нормальном состоянии осознания я назвал бы своим телом, было способно воспринимать. Оно словно превратилось в один гигантский глаз, который

видел все. Первое, что я обнаружил сразу же после того, как увидел два сгустка света, был острый фиолетово-пурпурный мир, составленный чем-то похожим на цветные панели и навесы. Плоские, экраноподобные панели неправильных концентрических окружностей заполняли все вокруг.

Я ощутил огромное давление, сжимавшее меня со всех сторон, а затем услышал голос. Я видел. Голос объяснил, что давление обусловлено тем, что я двигаюсь. Я двигался вместе с доном Хуаном и Хенаро. Я ощутил слабый толчок, словно прорвался бумажный барьер. Я оказался в светящемся мире. Свет исходил отовсюду, но не слепил. Это было похоже на то, как светит солнце, готовое вот-вот пробиться сквозь толщу полупрозрачных облаков. Я смотрел вниз на источник света. Было очень красиво. Земли не было — только белые пушистые облака и свет. И мы шли по этим облакам.

Затем я снова оказался у чего-то в плену. Я двигался с той же скоростью, что и сгустки света по обе стороны от меня. Постепенно они утратили светимость, потом помутнели и, наконец, превратились в дона Хуана и Хенаро. Мы шли по пустынной боковой улочке прочь от главной площади. Потом мы вернулись на площадь.

— Только что Хенаро помог тебе настроить твои эманации на соответствие большим эманациям, принадлежащим другой полосе, — объяснил мне дон Хуан. — Настройка должна быть действием очень мягким и незаметным. Никаких полетов, никакого шума и суеты.

Он сказал, что уравновешенность, необходимая для того, чтобы точка сборки смогла собрать другие миры, не может быть достигнута экспромтом. Прежде, чем воину удастся безнаказанно сломать барьер восприятия, его уравновешенность должна созреть и сделаться самостоятельной силой.

Мы подходили к площади. Хенаро по-прежнему молчал. Он словно погрузился в размышление. Перед тем, как мы вышли на центральную площадь, дон Хуан сказал, что Хенаро хотел показать мне еще одну вещь: точка сборки — это все, и мир, который она собирает, настолько реален, что не оставляет места ни для чего кроме реальности.

— Хенаро заставит свою точку сборки собрать иной мир исключительно ради тебя, — продолжал дон Хуан. — И ты поймешь, что, как только он начнет

воспринимать другой мир, сила его восприятия не оставит места ни для чего другого.

Хенаро пошел впереди нас. Дон Хуан велел мне, следя за Хенаро, вращать глазами в направлении против часовой стрелки, чтобы не быть не втянуться вслед за ним. Я подчинился. Хенаро шел футах в пяти-шести перед нами. Вдруг его форма начала растворяться, и в считанные мгновения он исчез.

Мне пришли на память виденные когда-то научно-фантастические фильмы, и я подумал: не отдаем ли мы себе подсознательный отчет в своих возможностях?

— В настоящий момент Хенаро отделен от нас силой восприятия, — спокойно проговорил дон Хуан. — Когда точка сборки собирает какой-нибудь мир, этот мир завершен. Это и есть то чудо, на которое натолкнулись в свое время древние видящие. Но они так и не поняли, что это такое: осознание земли дает нам толчок, позволяющий осуществить настройку на соответствие эманациям других больших полос, и сила новой настройки заставляет этот мир растаять.

— Каждый раз, когда древние видящие достигали новой настройки, они думали, что погружаются в глубины или воспаряют в небесную высь. Они так и не узнали, что мир исчезает, как дым, развеянный дуновением ветра, когда новая полная настройка заставляет нас воспринимать другой завершенный мир.

Глава 14. Накатывающаяся сила

Дон Хуан собирался начать объяснять овладение осознанием, но передумал и встал. Мы сидели в большой комнате, соблюдая молчание.

— Я хочу, чтобы ты попытался увидеть эманации Орла, — сказал он. — Для

этого ты должен сдвинуть свою точку сборки, пока не увидишь кокон человека.

Мы вышли из парка, направились в центр города и сели на пустую скамейку в парке напротив церкви. День клонился к вечеру. Было солнечно и тепло, но ветрено. Вокруг мельтешило множество людей.

Он опять повторил, как если бы хотел, чтобы я обязательно это усвоил, что соответствие — уникальная сила, поскольку она либо помогает точке сборки двигаться, либо фиксирует ее в обычном положении. Тот аспект соответствия, сказал он, который удерживает точку сборки неподвижной, называется волей, а аспект, сдвигающий ее — намерением. Он наметил, что одна из самых захватывающих тайн — это то, что воля, безличная сила соответствия, превращается в намерение — личную силу, которая находится в распоряжении каждого индивидуума.

— Наиболее странной частью этой тайны, — сказал он, — является то, что превращение это очень легко осуществить, но гораздо труднее убедить себя в том, что это возможно. Именно здесь и находится наш предохранитель. Мы должны быть убеждены, однако никто из нас этого не хочет.

Он сказал, что я нахожусь в своем самом остром состоянии осознания, и что я могу своим намерением заставить точку сборки сдвинуться глубже влево, в позицию сновидения. Он сказал, что воины никогда не должны пытаться видеть без помощи сновидения. Я возразил, что никогда не отличался способностью засыпать на публике. Он уточнил свое заявление, сказав, что сдвинуть точку сборки с ее нормального положения и удержать ее в новом месте и значит спать; при некотором опыте видящие способны находиться в состоянии сна и в то же время вести себя так, как будто с ними ничего не происходит.

Помолчав секунду, он добавил, что для того, чтобы увидеть кокон человека, необходимо смотреть на людей сзади, когда они удаляются. Бесполезно смотреть на них лицом к лицу, поскольку передняя сторона яйцевидного кокона человека имеет защитный экран, который видящие называют фронтальной пластиной. Он представляет собой почти непроницаемый прочнейший щит, который всю нашу жизнь защищает нас от натиска некоторой силы, порождаемой самими эманациями.

Дон Хуан также сказал, что не следует удивляться, если я почувствую, что тело мое одеревенело, как будто его заморозили. Кроме того, большое значение будет иметь быстрота реакции, потому что я буду ощущать себя подобно человеку, смотрящему на улицу сквозь окно, и люди будут проходить мимо окна моего видения очень быстро. Затем дон Хуан велел мне расслабить все мышцы, выключить внутренний диалог, и отпустить точку сборки, позволив ей смещаться под воздействием внутреннего молчания. Он велел мне мягко, но уверенно похлопать себя по правой стороне туловища между тазом и ребрами.

Я сделал это трижды и глубоко уснул. Тело мое дремало, но я полностью осознавал все, что происходило вокруг. Я слышал, как дон Хуан ко мне обращается и мог следить за всеми его словами так, словно находился во вполне бодрствующем состоянии. И в то же время не мог пошевелить ни одной частью тела.

Дон Хуан сказал, что к окну моего видения приближается человек и что мне нужно попытаться этого человека увидеть. Я безуспешно попытался повернуть голову, а потом возникло нечто светящееся яйцеобразной формы. Оно было великолепно! Я был в восторге от этого зрелища, но оно исчезло прежде, чем я смог оправиться от удивления. Покачиваясь вверх-вниз оно уплыло.

Все произошло настолько неожиданно и быстро, что я расстроился и почувствовал, что нетерпение охватывает меня. Возникло ощущение, что я начинаю пробуждаться. Дон Хуан снова заговорил и велел мне расслабиться. Он сказал, что у меня нет ни права, ни времени проявлять нетерпение. Вдруг появилось и уплыло прочь еще одно светящееся яйцо. Оно казалось сделанным из белой флуоресцирующей косматой шерсти.

Дон Хуан сказал, что, если я захочу, то смогу глазами замедлить все, на чем будет сфокусирован взгляд. Потом предупредил, что идет еще один человек. В этот момент я осознал, что слышу два голоса. Тот, который я только что слышал, за минуту до этого увещевал меня проявит терпение. Это был голос дона Хуана. А тот голос, который учил меня использовать взгляд для замедления движения, был голосом видения.

В тот день я увидел десять светящихся существ в замедленном движении.

Голос видения вел меня. Благодаря ему я смог разглядеть в светимости осознания все то, о чем рассказывал мне ранее дон Хуан. На правой стороне яйцеобразных светящихся существ я увидел вертикальную полосу яркого янтарного свечения. Она занимала примерно одну десятую всего объема кокона. Голос объяснил, что это — человеческая полоса осознания. Потом голос обратил мое внимание на точку, сиявшую особенно ярко. Она располагалась на коконах высоко, почти на самой верхушке. Голос объяснил, что эта точка и есть точка сборки.

Каждое светящееся создание, когда я смотрел на него в профиль по отношению к человеческому телу внутри кокона, напоминало гигантский волчок, поставленный на ребро, или почти круглый горшок, накрытый крышкой и опрокинутый на бок. Та его часть, которая напоминала крышку, была фронтальной пластиной. Она занимала примерно одну пятую всей толщины кокона.

Я мог бы еще долго сидеть и разглядывать светящиеся существа, но дон Хуан сказал, что теперь пора попробовать созерцать людей спереди, лицом к лицу, не прекращая созерцание до тех пор, пока не удастся разрушить барьер и увидеть эманации.

Я последовал его указанию. И почти мгновенно увидел ярчайшую сеть живых волокон света, они непреодолимо приковывали к себе мое внимание. Зрелище было настолько ослепительным, что я тут же потерял равновесие и свалился на бок, прямо на бетонную дорожку. Лежа там, я увидел, как множатся всепобеждающие волокна света. Потом произошел взрыв и из прежних волокон вырвались мириады новых. Однако несмотря на то, что волокна захватывали все пространство и все в пространстве подчинялось их силе, они не нарушали моего обычного зрения. В церковь шли люди. Множество людей. Я больше не видел их. Несколько мужчин и женщин находились совсем рядом со скамейкой. Я хотел было сфокусировать глаза на этих людях, но вместо этого вдруг заметил, как начало разбухать одно из волокон. Оно превратилось в нечто, похожее на огненный шар около семи футов в диаметре. Шар покатился ко мне. Первым моим импульсом было — откатиться в сторону с его пути. Но прежде, чем я успел пошевелиться, шар накатился на меня. Я ощутил удар, словно кто-то несильно попал мне кулаком под ложечку. Мгновение спустя меня ударил еще один шар, на этот раз удар был гораздо ощутимее. А потом дон Хуан дал мне хорошую оплеуху. Я непроизвольно вскочил и тут же

светящиеся волокна и накатывающиеся на меня шары исчезли из моего поля зрения.

Дон Хуан сказал, что я успешно выдержал первую короткую встречу с эманациями Орла, однако пара толчков опрокидывателя опасно приоткрыла мой просвет. Он добавил, что шары, которые ударялись в меня, называются накатывающейся силой или опрокидывателем.

Мы находились в его доме. Я не помнил как и когда мы туда вернулись. Несколько часов я провел как бы в полусне. Дон Хуан с помощью других видящих своей группы все время поили меня водой. Кроме того, они периодически ненадолго окунали меня в ванну с ледяной водой.

— Те волокна, которые я видел, были эманациями Орла? — спросил я у дона Хуана.

— Да. Но ты по-настоящему не видел их, — ответил он. — Как только ты начал видеть, опрокидыватель тебя остановил. Если бы это продолжалось еще мгновения, он бы тебя взорвал.

— Что такое опрокидыватель?

— Опрокидыватель есть сила, исходящая из эманаций Орла, — ответил он. — Сила, которая, ни на мгновение не останавливаясь, накатывается на нас в течение всей нашей жизни. Когда ее видишь, она смертельна. Но в нашей обычной жизни мы ее не замечаем, поскольку обладаем защитными экранами. У нас есть всепоглощающие интересы, занимающие все наше осознание. Мы все время беспокоимся о своем положении, о том, чем владеем. Тем не менее, эти щиты не избавляют нас от ударов опрокидывателя. Они просто не дают нам увидеть его непосредственно, предохраняя тем самым от поражения страхом, возникающим при виде огненных шаров, которые непрестанно ударяют нас. Экраны — большая помощь для нас, но и большая помеха. Они успокаивают нас и в то же время обманывают, сообщая нам ложное ощущение защищенности.

Дон Хуан предупредил меня, что когда-нибудь в моей жизни неизбежно настанет миг, когда я, утратив щиты, буду открыт непрерывному воздействию опрокидывателя. Он сказал, что такую стадию непременно проходит любой

воин. Она называется потерей человеческой формы.

Я попросил его объяснить так, чтобы я раз и навсегда усвоил, что такое человеческая форма, и что значит ее утратить.

Дон Хуан ответил, что видящие называют человеческой формой неодолимую силу настройки эманаций, зажженных свечением осознания в том месте, где располагается точка сборки человека в нормальном состоянии. Это сила, благодаря которой мы являемся человеческими личностями. Таким образом, быть человеческой личностью — значит быть вынужденным подчиняться этой силе настройки, а следовательно, быть жестко привязанным в своих действиях к тому месту, откуда она исходит.

Благодаря практике воина его точка сборки в определенный момент начинает сдвигаться влево. Этот сдвиг устойчив, он приводит к необычному чувству отстраненности, или контроля или даже самоотрешенности. Смещение точки сборки влечет за собой перенастройку эманаций. Новая настройка становится началом целой серии еще более значительных сдвигов. Первоначальный же сдвиг видящие очень точно назвали потерей человеческой формы, поскольку он знаменует собой начало неумолимого движения точки сборки прочь от ее исходной позиции, в результате чего необратимо утрачивается наша привязанность к силе, делающей нас человеческими личностями.

Затем он попросил меня во всех подробностях описать то, что я запомнил об огненных шарах. Я сказал, что видел шары лишь мельком, и вряд ли смогу подробно их описать.

Дон Хуан отметил, что видение — просто иносказательное описание сдвига точки сборки. Поэтому, сдвинув ее еще немного левее, я смог бы добиться более четкого восприятия огненных шаров. Полученную в результате картину можно было бы интерпретировать как то, что мне удалось их запомнить.

Я попытался получить более четкую картину, но из этого ничего не вышло. Тогда я описал то, что помнил.

Он внимательно слушал, а потом попросил вспомнить, были это шары или огненные кольца. Я сказал, что не помню.

Дон Хуан объяснил, что значение этих огненных шаров для человеческих существ огромно, ибо они являются проявлением силы, имеющей самое непосредственное отношение ко всем деталям жизни и смерти. Саму эту силу видящие называют накатывающейся силой.

Я попросил разъяснить, что понимается под всеми деталями жизни и смерти.

— Накатывающаяся сила является средством, с помощью которого Орел раздает в пользование жизнь и осознание, — объяснил он. — Но эта же сила — то, с помощью чего он, так сказать, взимает плату. Накатывающаяся сила заставляет все живые существа умирать. То, что ты сегодня видел, древние видящие назвали опрокидывателем.

— Видящие описывают опрокидыватель как бесконечную последовательность радужных колец или огненных шаров, непрерывно накатывающихся на живые существа. Светящееся органическое существо грудью встречает накатывающуюся силу, пока не приходит день, когда оно уже не может с нею совладать. Тогда существо разрушается. Древние видящие были просто околдованы, когда увидели, как опрокидыватель сталкивает умирающее существо прямо к клюву Орла, и там оно поглощается. Именно поэтому древние назвали эту силу опрокидываетелем.

— Ты сказал, что зрелище это околдовывает. А тебе самому приходилось видеть, как сила опрокидывает человеческое существо?

— Конечно, приходилось, — ответил дон Хуан, а потом добавил, — Да ты и сам это видел совсем недавно. В Мехико Сити.

Виду полной несуразности его утверждения я вынужден был заявить, что на этот раз он ошибается. Он засмеялся и напомнил мне случай, когда мы с ним сидели на скамейке в парке Аламеда в Мехико Сити и видели, как умер человек. Дон Хуан сказал, что это событие запечатлелось не только в моей обычной памяти, но и в эманациях левой стороны.

По мере того, как дон Хуан говорил, я почувствовал, что во мне что-то постепенно проясняется. И я смог с необычной ясностью восстановить образ всей той сцены в парке. На траве лежал человек. Сдерживая зевак, над ним стояли трое полицейских. Я ясно помнил, как дон Хуан хлопнул меня по спине,

чтобы сдвинуть уровень осознания. И я увидел. Но видение мое не было совершенным; я не мог избавиться от восприятия обычного мира. Мне удалось добиться лишь того, что я видел волокна совершенно дивных цветов, наложенные на здания, на транспорт и на все, что было вокруг. Волокна были нисходящими нитями цветного света. Они обладали внутренней жизнью, сияли и излучали энергию.

Взглянув на умирающего, я увидел то, о чем говорил дон Хуан. На чем бы я ни фокусировал взгляд, я видел катающееся повсюду нечто, напоминающее огненные кольца или радужные шары перекати-поля. Кольца накатывались на людей, на дона Хуана, на меня. Я ощущал их удары в области солнечного сплетения, меня начало подташнивать.

Дон Хуан велел сосредоточиться на умирающем. Я увидел, как тот в какой-то момент свернулся, как сворачивается мокрица, когда до нее дотрагиваются. Ослепительно сияющие кольца отталкивали его прочь, словно устраняя со своего величественного, вечно неизменного пути.

Ощущение мне не понравилось. Огненные кольца не испугали меня. В них не было ничего устрашающего или зловещего. И я не чувствовал себя ни подавленным, ни мрачным. Кольца, скорее, вызывали у меня тошноту. Я чувствовал их у себя под ложечкой. Отвращение — вот что я тогда чувствовал.

Воспоминание снова пробудило во мне чувство общего дискомфорта, которое я ощущал в тот раз. Когда меня начало тошнить, дон Хуан расхохотался и смеялся до тех пор, пока не начал задыхаться.

— Однако ты склонен преувеличивать, — сказал он. — Накатывающаяся сила не настолько плохая вещь. Более того, она — прекрасная вещь. Новые видящие советуют открыться ей. Древние видящие тоже открывались ей, но из соображений, которые диктовались чувство собственной важности и одержимостью.

— А новые видящие подружились с ней. Они вполне освоились с этой силой, обращаясь с ней без малейшего чувства собственной важности. Последствия этого просто поразительны.

— Для того, чтобы открыться накатывающейся силе требуется только сдвинуть точку сборки. Если силу эту видеть намеренно, опасность минимальна. Зато исключительно опасна ситуация, когда точка сборки сдвигается случайно, например, вследствие физической усталости, эмоционального истощения, болезни или просто небольшого эмоционального либо физического кризиса, такого, как испуг или алкогольное опьянение.

— При непреднамеренном смещении точки сборки накатывающаяся сила раскалывает кокон. Я много раз говорил о просвете, который имеется у человека ниже пупка. Находится этот просвет не на самом теле, а в коконе на уровне чуть ниже пупка. Этот просвет, скорее, является впадиной, чем-то вроде естественной деформации гладкого во всех остальных частях кокона. Именно сюда нацелены удары опрокидывателя, именно здесь и трескается кокон.

— Если сдвиг точки сборки незначителен, кокон восстанавливается очень быстро. Человек при этом испытывает то, что когда-нибудь случалось с каждым: видит цветные пятна неправильных очертаний, которые остаются перед глазами, даже если их закрыть.

— Если же сдвиг значителен, заметно большей будет и трещина. Поэтому на самовосстановление кокону потребуется больше времени. Такое происходит с воином, использующим растения силы для целенаправленного сдвига точки сборки, а также с людьми, которые принимают наркотики и тем самым сдвигают точку сборки неосознанно. В этом случае человек чувствует онемение и холод. Ему сложно говорить и даже думать, ощущение такое, словно внутри все замерзло.

— При катастрофически значительных сдвигах точки сборки вследствие, например, травмы или смертельного заболевания накатывающаяся сила раскалывает кокон по всей его длине, кокон рушится и сворачивается, а человек умирает.

— Может ли такая трещина образоваться вследствие преднамеренного сдвига точки сборки? — спросил я.

— Иногда, — ответил дон Хуан. — Ведь в действительности мы — очень хрупкие создания. По мере того, как опрокидыватель снова и снова ударяет

нас, смерть входит сквозь наш просвет. Накатывающаяся сила и есть смерть. Как только она находит слабину в просвете светящегося существа, она автоматически раскалывает кокон, открывая просвет и разрушая существо.

— Просвет есть у любого живого существа? — спросил я.

— Конечно, — ответил он. — Тот, у кого не было бы просвета, никогда бы не умер. Однако по форме и размерам просветы бывают разные. Человеческий просвет — чашеобразное углублением размером с кулак, форма очень хрупкая и крайне уязвимая. Просветы других органических существ похожи на человеческий. Некоторые несколько устойчивее нашего, некоторые — еще слабее. Но действительно сильно отличаются от нашего только просветы неорганических существ. Они больше похожи на нить, тонкий волосок светимости. Соответственно, органические существа живут бесконечно дольше, чем мы.

— В том, как долго живут эти существа, есть что-то навязчиво привлекательное. И древние видящие пошли на поводу у этой привлекательности.

— Одна и та же сила может производить два диаметрально противоположных эффекта. Древние видящие стали пленниками накатывающейся силы, новые видящие за свои труды получили вознаграждение в виде дара свободы. Овладев намерением, новые видящие освоились с накатывающейся силой. В некоторый момент они раскрывают свои коконы, впуская силу внутрь. И, вместо того, чтобы свернуть кокон, как испуганную мокрицу, сила заполняет его изнутри. Конечным результатом становится полная и мгновенная дезинтеграция.

Я задал дону Хуану массу вопросов по поводу сохранения самоосознания светящегося существа, поглощенного внутренним огнем. Он не ответил. Он только усмехнулся, пожал плечами и продолжил свой рассказ:

— Одержимость древних видящих опрокидывателем не позволила им заметить вторую сторону этой силы. Новые видящие, тщательно следуя своему правилу полного отрицания традиции, ударились в другую крайность. Сначала они вообще не склонны были фокусировать свое видение на опрокидывателе, утверждая, что сперва необходимо понять силу больших эманаций в ее

дающем жизнь и развивающем осознание аспекте.

— Они поняли, что неизмеримо легче разрушить что-либо, чем построить и поддерживать. Опрокинуть жизнь и укатить ее прочь — ничто в сравнении с задачей порождения жизни и ее поддержания. Конечно, новые видящие тоже несколько заблуждались, но впоследствии им удалось исправить ошибку.

— В чем именно они заблуждались, дон Хуан? — спросил я.

— Выделять что-либо для изолированного видения — это ошибка. В самом начале новые видящие действовали в направлении, полностью противоположном направлению деятельности их предшественников. Они с той же полнотой сосредоточили внимание на другой стороне опрокидывателя. И с ними произошло нечто настолько же, если не более ужасное, чем то, что случилось с древними. Они умирали глупой смертью, совсем как обычные люди. Ведь у них не было ни таинственности и злобности древних видящих, ни стремления к свободе, отличающего видящих современных.

— Первые из новых видящих готовы были служить всем подряд. Видение свое они направили только на дающую жизнь сторону эманаций и потому любовь и доброта переполняли их. Но это не спасло их от ударов опрокидывателя. Они оказались такими же уязвимыми, как и древние видящие со всеми их гнусными фокусами.

— Современные новые видящие считают, что оказаться ни с чем после жизни, наполненной дисциплиной и тяжким трудом, ничуть не лучше, чем остаться беспомощным после бесцельно и бестолково прожитой жизни обычного человека. И то, и другое с точки зрения современных видящих — неприемлемо.

— После того, как новые видящие пересмотрели свою традицию, они поняли, что знание древних, касавшееся накатывающейся силы, было полным. В какой-то момент древние видящие пришли к заключению, что существует два аспекта накатывающейся силы. Опрокидывающий ее аспект соотносится исключительно с разрушением и смертью. Но есть еще кольцевой аспект — то, что поддерживает жизнь и осознание. Однако древние выбрали путь взаимодействия только с опрокидывающим аспектом.

— С помощью группового созерцания новым видящим удалось увидеть разделение двух аспектов накатывающейся силы. Они увидели, что это — две силы, которые слиты, но не являются одним и тем же. Кольцевая сила приходит к нам чуть-чуть раньше опрокидывающей, но они настолько близки, что кажутся одним.

— Кольцевой силу назвали потому, что она приходит в виде колец, нитеобразных радужных петель — очень тонких и деликатных. И точно так же, как опрокидывающая сила, сила кольцевая ударяет каждое живое существо непрерывно, однако совсем с другой целью. Цель ее ударов — дать силу, направить, заставить осознавать, то есть — дать жизнь.

— Новые видящие обнаружили, что равновесие двух сил в каждом живом существе — вещь очень тонкая. И если в какой-то момент индивид чувствует, что опрокидывающая сила бьет мощнее, чем кольцевая, значит, равновесие нарушено. В этом случае опрокидыватель будет бить и бить, все сильнее и настойчивее, пока не пробьет брешь в просвете живого существа и не заставит это существо умереть.

— Из того, что ты назвал огненными шарами, исходят радужные обручи, точно соответствующие по своим размерам живым существам, независимо от того, будут это люди, деревья, микробы или союзники.

— А что, эти обручи бывают разных размеров? — спросил я.

— Не нужно воспринимать все настолько буквально, — сказал дон Хуан. — Собственно говоря, никаких колец нет. Существует только кольцевая сила, которая вызывает у видящего, который сновидит ее, ощущение колец. И разных размеров тоже нет. Сила одна, она неделима и приходится впору всем живым существам — органическим и неорганическим.

— А почему древние видящие сосредоточили усилия только на опрокидывающем аспекте? — спросил я.

— Потому что были уверены в том, что от умения видеть этот аспект зависит их жизнь. Они были убеждены: видение даст им ответы на вечные вопросы. Они полагали, что, раскрыв тайну накатывающейся силы, станут неуязвимыми и бессмертными. Печально, но, как бы там ни было, они действительно

раскрыли тайну, однако это не сделало их ни неуязвимыми, ни, тем более, бессмертными.

— Новые видящие все изменили, осознав, что, пока у человека есть кокон, путь к бессмертию отрезан.

— Древние видящие, видимо, так и не осознали того, что человеческий кокон — это сосуд, и он не может выдерживать натиск накатывающейся силы вечно. И, несмотря на все накопленные ими знания, в конечном счете они оказались не в лучшем, а, пожалуй, в гораздо худшем положении, чем обычные люди.

— В каком смысле их положение было худшим, чем положение обычных людей? — спросил я.

— Колоссальные знания, которыми они обладали, заставили их считать, что выбор их непогрешим, — ответил дон Хуан. — Поэтому они решили жить во что бы то ни стало.

Дон Хуан взглянул на меня и улыбнулся. Было очевидно, что этой театральной паузой он хочет мне что-то сказать. Но что именно — я не улавливал.

— Они выбрали жизнь, — повторил он. — Подобно тому, как они решили стать деревьями, чтобы собирать миры в почти недостижимых больших полосах.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Я имею в виду то, что они воспользовались накатывающейся силой для того, чтобы сдвинуть свои точки сборки в невообразимые позиции сновидения, вместо того, чтобы позволить ей откатить их к клюву Орла ему на съедение.

Глава 15. Бросить вызов смерти

К дому Хенаро я подъехал около двух часов пополудни. Мы немного поговорили с доном Хуаном, а потом он сдвинул меня в состояние повышенного осознания.

— Ну вот, снова мы собрались втроем, совсем как в тот день, когда ходили на плоский камень, — сказал дон Хуан. — И сегодня ночью мы сходим в те места еще раз.

— Теперь ты обладаешь знаниями, достаточными для того, чтобы прийти к очень серьезным выводом относительно того места и его воздействия на осознание.

— А что в том месте особенного, дон Хуан?

— Сегодня тебе предстоит узнать некоторые жуткие и отвратительные факты, собранные древними видящими и касающиеся накатывающейся силы. Ты увидишь, о чем шла речь, когда я говорил, что древние видящие выбрали жизнь любой ценой.

Дон Хуан повернулся и толкнул Хенаро, который начинал уже клевать носом:

— Как по-твоему, древние видящие были ужасными людьми?

— Вне всякого сомнения, — очень четко проговорил Хенаро, а потом как бы поддавшись усталости, снова заметно клюнул носом.

Через мгновение он уже спал сном праведника, свесив голову на грудь. Он захрапел.

Я чуть громко не рассмеялся, но тут заметил, что Хенаро внимательно на меня смотрит. Он словно спал с открытыми глазами.

— Они были настолько ужасны, что умудрились бросить вызов самой смерти, — добавил Хенаро в паузе между двумя руладами храпа.

— Тебе не любопытно, каким образом эти отвратительные типы бросили вызов смерти? — спросил у меня дон Хуан.

Похоже было, что он хочет, чтобы я попросил его привести пример, подтверждающий их отвратительность. Он замолчал и взглянул не меня с выражением, которое я воспринял как ожидание.

— Ты ждешь, что я попрошу тебя привести пример, да? — спросил я.

— О-о! Это — великое мгновение! — сказал он, похлопав меня по спине и засмеявшись. — Мой бенефактор добился того, что в этот момент я уже ерзал на стуле: я попросил его привести пример, и он его привел. Теперь я собираюсь, в свою очередь, привести пример тебе. Независимо от того, попросишь ты меня об этом или нет.

Я до того испугался, что в животе у меня все сжалось, и сдавленным голосом спросил:

— Что ты собираешься делать?

Дону Хуану потребовалось довольно много времени на то, чтобы справиться с приступом хохота. Несколько раз он пытался заговорить, но каждая попытка неизменно вызывала взрыв кашляющего смеха.

— Как сказал Хенаро, древние видящие были людьми ужасными, — произнес он наконец, потирая глаза. — Они любой ценой старались избежать одного — смерти. Они не хотели умирать. Ты можешь сказать, что обычный человек тоже не хочет умирать. Однако по сравнению с обычными людьми древние видящие обладали одним существенным преимуществом: они обладали способностью к концентрации и дисциплиной, достаточными для того, чтобы генерировать намерение. И они вознамерились отвести от себя смерть.

Он замолчал и взглянул на меня, приподняв брови. Он сказал, что я, похоже, не в форме, поскольку не задаю своих обычных вопросов. Я заметил, что мне понятно: он подводит меня к вопросу относительно того, удалось ли древним видящим осуществить их намерение и избавиться от смерти. Но ведь он сам уже говорил мне, что знание опрокидывателя не спасло их от смерти.

— Они осуществили свое намерение. Им удалось отвести от себя смерть, — произнес дон Хуан, тщательно выговаривая каждое слово. — Но все же они

должны были умереть.

— Как им удалось намерением отвести от себя смерть? — спросил я.

— Они наблюдали за своими союзниками, — ответил он, — и, увидев, что те являются живыми существами, обладающими гораздо более высокой сопротивляемостью воздействию накатывающейся силы, перестроили себя по образу и подобию союзников.

— Древние видящие поняли, что чашеобразным просветом обладают только органические существа. Его размер, форма и хрупкость обеспечивают идеальные условия для того, чтобы удары опрокидывающей силы с легкостью раскалывали и разрушали светящуюся оболочку. Союзники, просвет которых является, по сути, тоненькой линией, подставляют ударам опрокидывателя настолько малую площадь, что оказываются практически бессмертными. Их коконы способны выдерживать натиск опрокидывающей силы неограниченно долго, так как линейная конфигурация просвета создает крайне неподходящие условия для успешного воздействия опрокидывателя.

— Древние видящие разработали чрезвычайно специфические приемы закрывания просвета. Ведь в принципе они были правы — линейный просвет значительно устойчивее просвета чашеобразного.

— Существуют ли эти приемы в настоящее время, дон Хуан? — спросил я.

— Приемы — не существуют, — ответил он. — А вот некоторые из видящих, которые их практиковали, существуют и поныне.

По какой-то непонятной причине слова его вызвали у меня приступ смертельного ужаса. Дыхание неуправляемо участилось.

— Они ведь живы до сих пор, верно, Хенаро? — спросил дон Хуан.

— Вне всякого сомнения, — пробормотал тот откуда-то из глубин своего сна.

Я спросил у дона Хуана, не знает ли он, почему я так испугался. Он ответил: — Ты помнишь тот случай, когда Хенаро открыл дверь, и мы спрашивали тебя, не видишь ли ты, какие странные существа вошли в эту комнату? Так вот, в

тот день твоя точка сборки сдвинулась очень глубоко влево и собрала пугающий мир. И я еще тогда тебе говорил: ты не помнишь, как отправился прямиком в тот далекий мир и перепугался там так, что чуть не уписался.

Дон Хуан повернулся к Хенаро. Тот мирно храпел, вытянув ноги. Дон Хуан спросил:

— Хенаро, правда ведь он чуть не уписался?

— Чуть не уписался вне всякого сомнения, — пробормотал Хенаро, и дон Хуан рассмеялся.

— Я хочу, чтобы ты знал: мы не виним тебя в том, что ты испугался, — продолжил дон Хуан. — Нам и самим некоторые действия древних видящих внушают отвращение. И я уверен, что к настоящему моменту ты уже понял; из произошедшего той ночью ты не помнишь того, что видел древних видящих, которые живы до сих пор.

Я хотел было возразить, что вовсе ничего такого я не понял, но не смог выговорить ни слова. И прежде, чем мне это удалось, я вынужден был несколько раз прочистить глотку. Я давился, а Хенаро встал и, мягко похлопывая меня по спине, сказал:

— У тебя в глотке застряла лягушка.

Я поблагодарил его высоким писклявым голосом.

— Нет, пожалуй там — цыпленок, — констатировал он, а затем снова сел и заснул.

Дон Хуан сказал, что новые видящие восстали против всех изощренных практик древних толтеков, объявив их не только бесполезными, но и вредными для всего нашего бытия. Они даже пошли еще дальше — запретили обучать новых воинов этим практикам. В течение многих поколений толтекские методы не применялись.

И только в начале восемнадцатого века нагваль Себастьян — представитель прямой линии нагвалей дона Хуана — вновь открыл существование этих

практик.

— Каким образом он их открыл? — спросил я.

— Он был великим сталкером и, благодаря своей безупречности, получил возможность познать чудеса.

И дон Хуан рассказал, что однажды, собираясь приступить к выполнению своих ежедневных обязанностей — а он был дьяконом в соборе того города, где жил — он встретил перед дверью собора индейца средних лет. Тот как бы в некотором замешательстве стоял перед дверью церкви.

Нагваль Себастьян подошел к этому человеку и спросил, не нуждается ли тот в помощи.

— Мне нужна энергия — немного энергии для того, чтобы закрыть свой просвет, — громко и четко проговорил человек. — Не поделишься ли ты со мной своей энергией?

Как гласит предание, нагваль Себастьян был совершенно огорошен. Он понятия не имел, о чем идет речь. Он сказал индейцу, что мог бы отвести его к приходскому священнику. Человек с нетерпением и яростью обвинил Себастьяна в том, что тот тянет время.

— Мне нужна твоя энергия потому, что ты — нагваль, — сказал он. — Идем, но тихо.

Нагваль Себастьян не устоял перед магнетической силой незнакомца и ушел за ним в горы. Когда через много дней он вернулся, то не только по-новому относился к древним видящим, но и в совершенстве знал их техники. Таинственный незнакомец оказался одним из последних выживших толтеков.

Нагваль Себастьян узнал о древних видящих массу дивных вещей. Он одним из первых на практике понял, насколько уродливым и ошибочным был их путь. Но об этом было известно только понаслышке.

— Однажды бенефактор и нагваль Элиас привели мне пример того, как заблуждались древние толтеки, — продолжал дон Хуан. — Фактически, они

продемонстрировали это нам с Хенаро, так что будет даже лучше, если мы продемонстрируем тебе этот пример вдвоем.

Я хотел поговорить, чтобы выиграть время: мне необходимо было успокоиться и все обдумать. Но прежде, чем я успел произнести хотя бы слово, дон Хуан и Хенаро практически вытащили меня из дома и повели в сторону выветренных холмов, где мы уже бывали раньше.

Остановились мы у подножия большого голого холма. Дон Хуан указал на далекие горы на юге и сказал, что между тем местом, где мы находимся, и похожей на разинутый рот естественной выемкой в одной из тех гор расположено по меньшей мере семь мест, в которых древние видящие сфокусировали силу своего осознания.

Дон Хуан сказал, что эти видящие не только обладали потрясающими знаниями и отвагой, но им также сопутствовал необычайный успех. Он добавил, что их бенефактор показывал ему и Хенаро место, где древние видящие, побуждаемые любовью к жизни, заживо погребли себя и намерением фактически отвели от себя накатывающуюся силу.

— В тех местах нет ничего, что привлекало бы взгляд, — продолжал дон Хуан. — Древние видящие старались не оставлять следов. Просто обыкновенный пейзаж. Чтобы найти эти места, необходимо видеть.

Дон Хуан сказал, что ему не хочется идти к тем из этих мест, которые расположены далеко, поэтому он покажет мне самое ближнее из них. Я потребовал, чтобы он объяснил, чего мы добиваемся. Он ответил, что мы собираемся увидеть погребенных толтеков, и что до тех пор, пока не стемнеет, нам следует укрыться в кустах. И он указал на какие-то заросли, которые находились от нас примерно в полумиле вверх по пологому склону.

Мы направились к этим кустам, сели там на землю и устроились поудобнее. И дон Хуан очень тихим голосом начал рассказ о том, что древние видящие погребали себя для того, чтобы подпитаться энергией земли. Промежутки времени, которые они проводили в погребенном состоянии, были разными — в зависимости от преследуемых целей. Чем более трудная задача стояла перед видящим, тем большим был период его самозахоронения.

Дон Хуан встал и жестом героя мелодрамы указал на место в нескольких метрах от нас:

— Здесь погребены два толтека. Они похоронили себя около двух тысяч лет тому назад, чтобы ускользнуть от смерти. Но они не бежали от нее, а бросили ей вызов.

Дон Хуан попросил Хенаро показать мне точное место, где лежат толтеки. Я оглянулся на Хенаро и обнаружил, что он сидит рядом и опять спит. Но, к моему величайшему изумлению, он тут же подпрыгнул, по-собачьи залаял и на четвереньках побежал к тому месту, на которое указывал дон Хуан. Там он обежал круг, в совершенстве имитируя повадки небольшой собачки.

Мне его представление показалось забавным. Дон Хуан от смеха едва не упал.

— Хенаро продемонстрировал тебе нечто исключительное, — сказал он после того, как Хенаро вернулся к нам и в очередной раз уснул. — Он показал тебе кое-что, касающееся точки сборки и сновидения. Сейчас он сновидит, но действовать может так, как действовал бы, находясь в полностью бодрствующем состоянии. Он слышит все, что ты говоришь и фактически способен даже на большее, чем в состоянии бодрствования.

Дон Хуан ненадолго замолчал, как бы прикидывая, что сказать дальше. Хенаро ритмично похрапывал.

Дон Хуан отметил, что, несмотря на очевидные для него недостатки в действиях древних видящих, он никогда не устанет восхищаться их достижениями. Он сказал, что им удалось в совершенстве постичь землю. Они не только открыли и научились использовать толчок земли, но также обнаружили, что, когда при самопогребении точка сборки настраивает обычно недоступные эманации. И эта настройка каким-то образом задействует странную и необъяснимую способность земли отклонять непрестанные удары накатывающейся силы. На основании этого открытия они разработали совершенно поразительные сложнейшие приемы самопогребения на чрезвычайно длительные периоды времени без какого-либо вреда для себя. Ведя битву со смертью, они научились продлевать периоды самозахоронения на тысячелетия.

День был пасмурным, и ночь спустилась быстро. Почти сразу все погрузилось во тьму. Дон Хуан встал и повел меня и спящего Хенаро к огромному плоскому овальному камню, на который я обратил внимание еще в самом начале, едва мы пришли на это место. Камень этот был очень похож на тот, к которому мы ходили в прошлый раз, но несколько превосходил его по размерам. Мне почему-то подумалось, что этот камень, несмотря на его громадность, положен кем-то сюда специально.

— Это — другое место, — сообщил мне дон Хуан. — Этот громадный камень сюда положили в качестве ловушки, чтобы привлекать людей. Скоро ты узнаешь, почему.

Я ощутил, как по телу моему пробежала дрожь. Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок. Я хотел сообщить дону Хуану о неадекватности моей реакции, но он продолжал говорить хриплым шепотом. Он сказал, что Хенаро сейчас сновидит и потому свою точку сборки в степени, достаточной для того, чтобы добраться до тех эманаций, которые заставят пробудиться все, что есть вокруг этого камня. Мне дон Хуан посоветовал сдвинуть свою точку сборки вслед за точкой сборки Хенаро. Он сказал, что мне это по силам. Нужно только генерировать в себе несгибаемое намерение сдвинуть ее, а затем позволить контексту ситуаций диктовать ей направление смещения.

Немного подумав, дон Хуан шепотом добавил, что беспокоиться по поводу технических аспектов ни к чему, ибо подавляющая часть необычных вещей, происходящих с видящими, впрочем, как и с обычными людьми, происходит сама собой, при вмешательстве только лишь намерения.

Еще немного помолчав, он сказал, что опасность для меня будет заключаться в неизбежной попытке погребенных видящих запугать меня насмерть. Он настаивал на том, чтобы я сохранял спокойствие и не поддавался страху, а просто следовал за Хенаро.

Я отчаянно боролся с тошнотой. Дон Хуан похлопал меня по спине и сказал, что у меня богатый опыт по части изображения из себя ни к чему не причастного прохожего. И он заверил меня, что я не пытаюсь сознательно помешать своей точке сборки сдвинуться. Это просто автоматическая реакция любого нормального человека.

— Случится нечто, что перепугает тебя до смерти, — шептал дон Хуан, — но ты не сдавайся. Если ты сдашься, ты умрешь, и эти древние стервятники попируют твоей энергией на славу.

— Уйдем отсюда, — взмолился я. — Мне, честное слово, плевать на любые примеры отвратительности древних видящих.

— Поздно, — произнес Хенаро, который, полностью проснувшись, стоял рядом со мной. — Даже если сейчас мы попытаемся отсюда ускользнуть, двое видящих и их союзники достанут тебя и сразят где-нибудь в другом месте. Они уже окружили нас. Сейчас на тебе сфокусировано не меньше шестнадцати осознаний.

Я хотел развернуться и бежать, куда глаза глядят, но дон Хуан схватил меня за локоть и указал в небо. Я заметил, как разительно изменилось освещение: тьма, бывшая черной как смоль, сменилась приятными предрассветными сумерками. Я быстро сориентировался по странам света. На востоке небо было определенно более светлым.

Вокруг головы моей возникло странное давление. В ушах зазвенело. Мне было холодно, и в то же время я чувствовал жар. Я никогда до этого не был так напуган, но не это досаждало мне больше всего, а навязчивое ощущение поражения и то, что я чувствовал себя трусом. Меня тошнило, и вообще мне было отвратительно не по себе.

Дон Хуан начал шептать мне в самое ухо. Он сказал, что нужно быть в полной готовности, поскольку все мы втроем в любой миг можем подвергнуться нападению древних видящих.

Быстро, словно что-то подгоняло его, Хенаро шепнул мне:

— Если хочешь, можешь за меня держаться.

Мгновение я колебался. Мне не хотелось показывать дону Хуану, что я до такой степени напуган.

— А вот и они! — громко прошептал дон Хуан. Мир мгновенно перевернулся для меня вверх ногами, когда я вдруг ощутил, как что-то схватило меня за

левую лодыжку. Смертный холод пронзил все мое тело. Я знал, что вступил в железный капкан, поставленный, должно быть, на медведя. Все это молнией пронеслось в моем уме прежде, чем я издал пронзительный крик — такой же дикий, как мой испуг.

Дон Хуан и Хенаро громко расхохотались. Они стояли по бокам от меня, не дальше, чем в трех футах. Но я был в таком ужасе, что до этого момента их не замечал.

Я услышал, как дон Хуан вполголоса приказал:

— Пой! Пой, иначе умрешь!

Я попытался высвободить ногу. И почувствовал пронзительную боль, словно в кожу мою впилось множество игл. Дон Хуан снова и снова требовал, чтобы я пел. Они с Хенаро затянули популярную песенку. Хенаро произносил слова, глядя на меня с расстояния не более двух дюймов. Они пели фальшиво и хрипло, полностью выбиваясь из дыхания и настолько выше нормального диапазона своих голосов, что я не выдержал и рассмеялся.

— Пой, иначе ты погибнешь, — сказал мне дон Хуан.

— Давайте устроим трио, — предложил Хенаро. — Споем болеро.

Я присоединился к их фальшивому дуэту. Получилось не менее фальшивое трио. Довольно долго, мы как пьяные, распевали на пределе своих голосов. Я чувствовал, что железная хватка на моей ноге понемногу начинает ослабевать, но взглянуть вниз не отваживался. В конце концов я решился. И обнаружил, что никакого капкана там нет. В меня впилось нечто темное, по форме напоминающее голову!

Только благодаря чудовищному усилию мне удалось не упасть в обморок. Меня тошнило. Автоматически я попытался было наклониться, чтобы вырвать, но кто-то с нечеловеческой силой схватил меня за локти и за шею, не давая пошевелиться. Меня вырвало, и все потекло вниз прямо по одежде.

Меня охватило такое отвращение, что я снова начал терять сознание. Дон Хуан плеснул на меня водой из тыквенной фляжки, которую всегда носил с

собой, когда мы ходили в горы. Холодная вода потекла под воротник. Это восстановило мое физическое равновесие, но на силе, которая держала меня за локти и за шею, это никак не отразилось.

— Похоже, ты в своем страхе зашел чересчур далеко, — громко сказал дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся, и у меня тут же возникло ощущение упорядоченности.

— Споем-ка еще раз, — добавил он. — Давайте споем что-нибудь содержательное — болеро меня что-то больше не привлекает.

Мысленно я поблагодарил его за уравновешенность и благородство. Когда же они запели песню «Ла Валентина», я был настолько растроган, что заплакал.

Говорят, что старость бросает меня

в объятия злой судьбы.

Но неважно, даже если там будет сам черт,

Умереть я сумею, ведь я знаю, как умирать.

Валентина, Валентина,

я в пыли пред тобой распростерт.

И если завтра мне смерть суждена,

почему не сегодня — раз и навсегда?

Все мое существо словно пронзил шок немыслимой переоценки ценностей. Никогда еще песня не имела для меня такого огромного значения. Услышав, как они распевают слова, которые я всегда считал сентиментальной дешевкой, я вдруг подумал, что постиг дух воина. Дон Хуан намертво вбил в меня формулу: воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть — всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть — худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть — наша судьба, и она неизбежна, мы — свободны. Тому, кто все

потерял, нечего бояться.

Я подошел к дону Хуану и Хенаро и обнял их, чтобы выразить бесконечную благодарность и восхищение.

А затем я осознал, что ничто не держит меня более. Не говоря ни слова, дон Хуан взял меня за руку, подвел к плоскому камню и усадил на него.

— Представление начинается! — весело воскликнул Хенаро, усаживаясь поудобнее. — За входной билет ты уже заплатил. Билет у тебя — на всю грудь.

Он взглянул на меня, и оба они расхохотались.

— Не садись ко мне слишком близко, — попросил Хенаро. — Не люблю блевотины. Но не стоит садиться и слишком далеко: фокусы древних видящих еще не исчерпаны.

Я придвинулся к ним настолько близко, насколько позволяли приличия. В течение какого-то мгновения я чувствовал обеспокоенность своим состоянием, но потом все мои неприятные ощущения сразу отошли на задний план: я заметил, что к нам приближаются какие-то люди. Я не мог рассмотреть их фигуры, но различал контуры группы людей, приближавшихся к нам в полумраке. У них не было ни фонариков, ни ламп, хотя в такой час они бы им не помешали. Деталь эта почему-то меня обеспокоила. Мне не хотелось на ней сосредотачиваться, поэтому я намеренно принялся размышлять в рациональном, ключе. Я прикинул, что своим громким пением мы, должно быть, привлекли их внимание, и они идут, чтобы выяснить, в чем дело. Дон Хуан похлопал меня по плечу. Движением подбородка он указал на мужчин, шедших впереди группы:

— Вон те четверо — древние видящие. Остальные — их союзники. Прежде, чем я успел заметить, что это, вероятнее всего — местные крестьяне, за спиной моей раздался свистящий звук. Ужасно встревожившись, я мгновенно оглянулся. Движение мое было таким быстрым, что предупреждение дона Хуана запоздало.

Я услышал, как он кричит:

— Не оглядывайся!

Но эти слова уже могли быть лишь фоновым звуком: они ничего для меня не значили. Оглянувшись, я увидел, что три чудовищно уродливых человека взобрались на камень за моей спиной. Они крались ко мне, разинув рты в кошмарных гримасах и вытянув руки, чтобы меня схватить.

Я хотел заорать во всю глотку, но вместо этого у меня вырвалось лишь сдавленное клокотание, словно что-то перехватило мне горло. Увернувшись от них, я автоматически скатился на землю.

Как только я встал, дон Хуан прыгнул ко мне, и в то же мгновение толпа, возглавляемая теми, на кого указывал дон Хуан, налетела на меня. Они были похожи на стервятников, они даже попискивали как летучие мыши или крысы. В ужасе я завопил. Теперь это мне удалось — крик получился дикий и пронзительный.

С ловкостью спортсмена в пике формы дон Хуан выхватил меня из их лап и утащил на камень. Суровым голосом он велел не оглядываться, как бы страшно не было. Он объяснил, что союзники не могут меня столкнуть, но испугать так, что я снова свалюсь на землю — вполне способны. А вот на земле союзники могут удержать кого угодно. Если бы мне пришлось упасть на землю в месте погребения древних видящих, я оказался бы в полной их власти. Они разорвали бы меня на части, пока союзники удерживали бы меня. Дон Хуан добавил, что не рассказал мне всего этого раньше, так как надеялся, что в силу обстоятельств я буду вынужден увидеть все это и понять самостоятельно. Его решение едва не стоило мне жизни.

Я ощущал присутствие уродливых людей совсем рядом за своей спиной, и это было невыносимо. Дон Хуан приказал мне сохранять спокойствие и сосредоточить внимание на четырех мужчинах, возглавлявших толпу из десяти-двенадцати человек. В мгновение, когда я сфокусировал на них взгляд, они все, как по команде ринулись к краю плоского камня. Остановившись там, они по-змеиному зашипели. Они ходили взад-вперед. Движения их казались согласованными. Все это выглядело настолько единообразным и упорядоченным, что производило впечатление какого-то механизма. Словно они следовали некой непрерывно повторявшейся схеме,

рассчитанной на то, чтобы меня загипнотизировать.

— Не пялься на них так, дорогой, — сказал Хенаро таким тоном, словно обращался к ребенку.

Я захохотал, и смех мой был настолько же истерическим, насколько и страх. Я хохотал так, что эхо гуляло по окрестным холмам.

Люди сразу же остановились. Казалось, они в замешательстве. Я различал, как головы их покачиваются вверх-вниз, словно они разговаривают, что-то обсуждая между собой. Потом один из них вскочил на камень.

— Берегись! Этот — видящий! — крикнул Хенаро.

— Что нам теперь делать?! — закричал я.

— Можем спеть еще, — будничным голосом произнес дон Хуан. Страх мой достиг апогея. Я принялся подпрыгивать на месте и рычать, как зверь. Человек спрыгнул на землю.

— Ну ладно, не обращай внимания на этих шутов, — сказал дон Хуан. — Давай лучше побеседуем как обычно.

Он сказал, что пришли мы сюда ради достижения мною просветления, а я не оправдываю их надежд. Мне следует перестроиться. Во-первых, следует осознать, что моя точка сборки сдвинулась и теперь заставляет светиться довольно мрачные эманации. Переносить же чувства, свойственные моему нормальному состоянию осознания, в мир, который я собрал, просто нелепо, поскольку страх может доминировать только среди эманаций обычной жизни.

Я сказал, что, если моя точка сборки сдвинулась как он говорит, то у меня для него есть новость. Мой страх стал бесконечно сильнее и опустошительнее, чем все, когда-либо испытанное мною в обычной жизни.

— Ошибаешься, — сказал дон Хуан. — Твое первое внимание — в недоумении и не желает отказываться от контроля, вот и все. У меня такое чувство, что ты можешь спокойно подойти к этим созданиям, и они ничего не смогут с тобой сделать.

Я твердил в ответ, что еще не дошел до той кондиции, в которой стал бы таким нелепым способом искушать судьбу.

Дон Хуан смеялся — смеялся надо мной. Он сказал, что рано или поздно мне придется избавиться от своего сумасшествия, и что перехватить инициативу и встретиться с этими видящими лицом к лицу — вещь гораздо менее нелепая, чем исходное согласие с самой идеей того, что я вообще их вижу. С его точки зрения сумасшествием было бы встретиться с людьми, погребенными две тысячи лет назад и все еще живыми, и не думать при этом, что это — предел нелепости.

Я очень ясно слышал все, что он говорил, но практически не обращал не его слова никакого внимания. Я был в ужасе от людей, которые окружали камень. Похоже было, что они готовятся к прыжку на нас. Фактически их интересовал именно я. Они были сосредоточены на мне. Моя правая рука начала вздрагивать, словно меня поразило какое-то нервно-мышечное заболевание. Тут я вдруг понял, что освещенность неба изменилась еще больше. Уже почти рассвело, но я только сейчас это заметил. А потом случилось нечто странное. Какой-то неконтролируемый порыв заставил меня вскочить и ринуться к группе людей.

В тот миг я ощущал два диаметрально противоположных чувства по отношению к одному и тому же. Жуткий ужас был меньшим из них. Преобладало же полное безразличие. Мне было абсолютно все равно.

Когда я добежал до них, я понял: дон Хуан был прав. На самом деле они не были людьми. Из них только четверо в какой-то степени напоминали людей, но людьми все-таки не являлись. Я видел перед собой некие странные создания с огромными желтыми глазами. Остальные же были просто формами, которыми управляли те четверо.

Я смотрел на этих четверых и меня охватила невыразимая печаль. Я попытался до них дотронуться, но не смог их отыскать. Они были развеяны чем-то, похожим на ветер.

Я оглянулся, ища дона Хуана и Хенаро. Их не было. Вокруг снова стояла непроглядная темень. Я звал их по именам. Несколько минут я слонялся во

тьме, пока неожиданно не подошел дон Хуан. Хенаро я не видел.

— Пойдем домой, — сказал дон Хуан. — Путь неблизкий. Дон Хуан отметил, что на месте погребения древних видящих я вел себя очень хорошо, особенно во второй части поединка с ними. Он сказал, что сдвиг точки сборки сопровождается изменением освещенности. Днем становится очень темно, ночью же тьма превращается в сумерки. Дон Хуан добавил также, что мне дважды удалось сдвинуть точку сборки самостоятельно с помощью одного лишь животного страха. Не понравилось ему только одно — я потакал своему животному страху. Особенно ни к чему это было после того, как я осознал, что воину нечего бояться.

— Откуда ты знаешь, что я это осознал? — спросил я.

— Ты был свободен. Стоит исчезнуть страху, как все, что связывало нас тут же растворяется, — объяснил он. — Союзник цеплялся за твою ногу только потому, что его привлекал твой дикий животный ужас.

Я сказал, что не смог воплотить в жизнь то, что понял и очень об этом сожалею.

— Это не должно тебя беспокоить, — засмеялся он. — Ты же знаешь: таких моментов понимания — хоть пруд пруди. Но в жизни воина они ничего не стоят, поскольку результаты их ликвидируются при каждом новом сдвиге точки сборки.

Просто мы с Хенаро хотели заставить тебя сдвинуться очень глубоко. И Хенаро в этот раз был нужен лишь для того, чтобы выманить древних видящих. Он уже как-то проделал нечто подобное, и ты сдвинулся так глубоко влево, что вспомнить тебе это удастся не скоро. В тот раз ты испугался не меньше, чем сегодня, но твое упрямое первое внимание не дало тебе тогда воспринять видящих и их союзников, которые следовали за тобой и вошли в эту комнату.

— Объясни мне, что произошло на месте погребения древних видящих?

— Союзники вышли, чтобы тебя увидеть, — ответил он. — Их энергетический уровень очень низок, поэтому они нуждаются в помощи людей. Те четверо видящих собрали вокруг себя двенадцать союзников.

— Сельская местность в Мексике, а также некоторые города опасны. То, что произошло с тобой, может случиться с любым мужчиной и любой женщиной. Наткнувшись на такой могильник, человек даже может увидеть видящих и их союзников. Если, конечно, он достаточно податлив для того, чтобы позволить своему страху сдвинуть точку сборки. Но одно можно сказать наверняка: человек может умереть от страха.

— Ты что, действительно веришь, что эти толтекские видящие до сих пор остаются живыми? — спросил я.

Он с недоверием покачал головой:

— Настало время слегка пододвинуть твою точку сборки. Я не могу с тобой беседовать, когда ты находишься в стадии полного идиота.

И он трижды шлепнул меня ладонью — прямо по правому выступу таза, по серединной точке спины чуть ниже лопаток и по верхней части правой грудной мышцы.

В ушах незамедлительно послышался звон. Из правой ноздри выбежала струйка крови. Внутри меня словно что-то откупорилось. Как будто вновь потек некий заблокированный поток энергии.

— Чего от нас хотели те видящие и их союзники? — спросил я.

— Да ничего, — ответил он. — Это мы от них чего-то хотели. Конечно, когда ты приходил, чтобы увидеть их в первый раз, они обратили внимание на твое поле энергии. Ну, а во второй раз, обнаружив, что ты вернулся, они решили ею поживиться.

— Эти видящие, как ты утверждаешь, — живые, — сказал я. — Но ты имеешь в виду, что они живые в том же смысле, в каком живыми являются союзники, так что ли?

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Они никак не могут быть живыми в том смысле, в каком живыми являемся мы с тобой. Это было бы уже слишком.

И он объяснил, что древние видящие были настолько озабочены проблемой смерти, что не пренебрегали даже самыми причудливыми возможностями. Те из них, кто взял за образец союзников, вне всякого сомнения жаждали обрести пристанище на небесах. И они нашли свое пристанище. Им стала фиксированная позиция точки сборки в одной из полос неорганического осознания. Там видящие почувствовали себя в относительной безопасности. Ведь от обычного мира их отделял практически непреодолимый барьер — барьер восприятия, сформированный смещением точки сборки.

— Когда видящие увидели, что ты умеешь сдвигать точку сборки, они побежали от тебя, как черт от ладана, — сказал он и рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что я собрал один из семи неорганических миров? — спросил я.

— В этот раз — нет, — ответил он. — Но ты сделал это в прошлый раз, когда видящие и их союзники за тобой погнались. В тот день ты проделал весь путь, отделяющий нас от их мира. Но проблема в том, что ты любишь действовать глупо и поэтому ничего не можешь вспомнить.

— Я уверен, что именно присутствие нагваля иногда заставляет людей действовать тупо. Пока нагваль Хулиан находился здесь, я был гораздо тупее, чем сейчас. И я уверен — когда меня здесь не станет, тебе удастся вспомнить все.

Дон Хуан объяснил, что считал необходимым показать мне тех, кто бросил вызов смерти. Поэтому они с Хенаро вызвали их на грань нашего мира. Сдвиг, который я осуществил вначале, был очень глубоким, но боковым, что позволило мне воспринять бросивших вызов смерти в человеческом образе. Но в конце концов мне удалось добиться правильного сдвига, и я увидел их самих и их союзников такими, каковы они в действительности есть.

Ранним утром следующего дня дон Хуан позвал меня в большую комнату дома Сильвио Мануэля, чтобы поговорить о событиях предшествовавшей ночи. Я чувствовал себя страшно уставшим, хотелось отдохнуть и поспать, но дон Хуан сказал, что время поджимает. Он начал говорить, как только мы вошли в комнату. Он сказал, что древние видящие научились использовать накатывающуюся силу и перемещаться с ее помощью. Вместо того, чтобы

поддаться натиску опрокидывателя и позволить ему расколоть их коконы, они катились вместе с ним, предоставляя ему возможность сдвигать их точки сборки до пределов человеческих возможностей.

Дон Хуан выразил искреннее восхищение таким достижением. Он признал, что толчка, подобного толчку опрокидывателя, точке сборки не может дать ничто.

Я спросил о различии между толчком земли и толчком опрокидывателя. Он объяснил, что толчок земли суть сила настройки исключительно янтарных эманаций. Такой толчок повышает осознание до немыслимой степени. С точки зрения новых видящих такая трансформация суть взрыв неограниченного осознания, которую они назвали полной свободой.

Он сказал, что толчок опрокидывателя, в отличие от толчка земли — сила смерти. Под воздействием опрокидывателя точка сборки перемещается в новые — непредсказуемые — позиции. Таким образом, древние видящие в своих странствиях всегда были одинокими путниками, хотя все предприятия их всегда были совместными. Если же случалось так, что в одном и том же путешествии принимали участие несколько видящих, то это означало только борьбу за главенство и считалось нежелательным поворотом событий.

Я признался дону Хуану, что, чем бы древние видящие ни занимались, занятия их производят на меня гораздо более жуткое впечатление, чем самые мрачные триллеры. Он раскатисто захохотал. Было похоже, что происходящее доставляет ему массу удовольствия.

— Тебе все же придется согласиться, как бы ни было противно, что эти черти обладали огромной смелостью, — продолжил он. — Мне и самому они никогда не нравились, как ты знаешь, но не восхищаться ими я, тем не менее, не могу. Их любовь к жизни для меня поистине непостижима.

Я спросил:

— Но разве это можно назвать любовью к жизни, дон Хуан? Это что-то тошнотворное.

— Но что, кроме любви к жизни, способно толкнуть человека на такие крайности? — ответил он вопросом на вопрос. — Они до такой степени были

влюблены в жизнь, что ни за что не желали с ней расставаться. Так я это вижу. Мой бенефактор видел чуть-чуть иначе. Он считал, что они боялись умереть, так как любили жизнь и видели чудеса, а вовсе не из-за того, что были мелкими алчными чудовищами. Нет. Они заблудились. Никто никогда не бросал им вызов, и они испортились, как маленькие избалованные дети. Но отвага их была безупречна, и таким же безупречным было их мужество.

— Вот ты, например, отправился бы в неизвестное, побуждаемый только алчностью? Да ни за что. Алчность работает только в мире обычной жизни. Но чтобы в леденящем душу одиночестве пуститься в странствие по немыслимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к авантюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью. Поэтому не говори, что тебе противно, ибо это — чушь. Это попросту неприлично!

В глазах дона Хуана мерцали искорки сдерживаемого смеха. Он ставил меня на место, но сам смеялся над этим.

Примерно на час дон Хуан оставил меня в комнате одного. Мне хотелось разобраться в мыслях и ощущениях. Но я не знал, как это сделать. Я знал наверное, что моя точка сборки находится в положении, в котором роль рассудка не является доминирующей. И в то же время интересовали меня вопросы вполне рассудочные. Дон Хуан сказал, что с точки зрения практики мы входим в состояние сна, как только сдвигается точка сборки. Меня интересовал, например, вопрос, выглядел ли я спящим для стороннего наблюдателя, как Хенаро выглядел для меня.

Как только вернулся дон Хуан, я спросил его об этом.

— Ты спишь самым натуральным образом, хотя и не ложился, — ответил он. — Если бы сейчас тебя увидел человек, находящийся в нормальном состоянии осознания, он решил бы, что ты слегка не в себе, а может быть даже — что ты пьян.

И он объяснил, что во время обычного сна точка сборки сдвигается вдоль одного из краев человеческой полосы. Такие сдвиги всегда сопряжены с дремотным состоянием. А в процессе практики точка сборки сдвигается вдоль среднего сечения человеческой полосы. Поэтому дремотного состояния не

возникает, хотя сновидящий по-настоящему спит.

— Как раз на этой развилке и разошлись новые и древние видящие в своем походе за силой, — продолжал он. — Древних видящих интересовала копия тела, физически более сильная, чем само тело. Поэтому они использовали сдвиг вдоль правого края человеческой полосы. Чем глубже они уходили в этом направлении, тем более причудливым становилось их тело сновидения. Вчера ты сам имел возможность увидеть чудовищный результат глубокого сдвига вдоль правого края.

— Новые видящие поступили совсем иначе. Они старались удержать точку сборки посередине человеческой полосы. При поверхностном сдвиге такого рода — например, при сдвиге в состояние повышенного осознания — сновидящий практически ничем не отличается от любого другого человека на улице, разве что немного в большей степени подвержен воздействию эмоций, таких как, скажем, сомнение и страх. Но стоит смещению точки сборки преодолеть определенный предел — и сновидящий, сдвиг точки сборки которого осуществляется в среднем сечении, превращается в сгусток света. Такой сгусток света и есть тело сновидения новых видящих.

Он сказал также, что такое безличное тело сновидения в большей степени способствует пониманию и исследованию, являющихся основой всего, что делают новые видящие. В значительной степени очеловеченное тело сновидения древних видящих заставляло их искать такие же личностные, очеловеченные ответы.

Неожиданно дон Хуан запнулся, как бы подыскивая слова.

— Есть еще один бросивший вызов смерти, — отрывисто произнес он. — Он совершенно непохож на тех четырех, которых ты видел. Его невозможно отличить от любого обычного человека с улицы. То, чего он достиг — уникально. Он научился открывать и закрывать свой просвет по собственному желанию.

Дон Хуан почти нервно перебирал пальцами.

— Этот бросивший вызов смерти — тот древний видящий, с которым в 1723 году познакомился нагваль Себастьян, — продолжал он. — День их встречи мы

считаем днем начала нашей линии, днем второго начала. Бросивший вызов смерти живет на земле уже сотни лет. Он вносил изменения в жизнь каждого из нагвалей, с которыми встречался. Некоторых из них изменения коснулись в большей степени, некоторых — в меньшей. А встречался он со всеми нагвалями нашей линии, жившими после 1723 года.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Я почувствовал странное неудобство. Я решил, что неловкость вызвана возникшей передо мной дилеммой: я очень сильно сомневался в правдивости этого предания, и в то же время по какой-то необъяснимой причине твердо верил, что все это — правда. Я сказал о своем затруднении дону Хуану.

— Вопрос рационального недоверия — не только твоя проблема, — заметил он. — Мой бенефактор тоже поначалу бился над этим вопросом. Конечно, потом он все вспомнил, но на это ему потребовалось довольно много времени. Когда я с ним познакомился, он уже восстановил все в памяти, поэтому стать свидетелем его сомнений мне не довелось. Я только слышал о них.

— Но вот что непостижимо: те, кто ни разу не видели того человека, с гораздо большей легкостью верили в то, что он — один из древних видящих. Мой бенефактор утверждал, что шок, который он испытал при встрече с таким существом слепил в одну кучу некоторое количество разнородных эманаций. Отсюда и колебания, поскольку на то, чтобы эманации разделились, потребовалось время. Твоя точка сборки будет смещаться. Когда-нибудь настанет миг — она осветит определенные эманации, и доказательства реального существования этого человека встанут перед тобой с ошеломляющей очевидностью.

Я снова почувствовал необходимость поговорить о моем ощущении раздвоения.

— Мы отклоняемся от темы, — сказал он. — Может показаться, что я пытаюсь убедить тебя в существовании этого человека. Я же хотел сказать только то, что этот древний видящий знает, как управлять накатывающейся силой. А веришь ты в то, что он существует или нет — не так уж важно. Однажды ты узнаешь, что ему действительно удалось закрыть просвет. Это станет для тебя очевидным фактом. Ту энергию, которую он заимствует у нагваля каждого поколения, он пользуется исключительно для того, чтобы закрыть просвет.

— Но как ему это удается? — спросил я.

— Выяснить это невозможно, — ответил он. — Я разговаривал об этом с двумя другими нагвалями, встречавшимися с ним лицом к лицу — нагвалем Хулианом и нагвалем Элиасом. Ни один из них не знал. Тот человек никогда не раскрывал секрет того, как он закрывает просвет. Причем через некоторое время просвет, видимо, начинает снова приоткрываться. Нагваль Себастьян рассказывал, что, когда он познакомился с этим древним видящим, тот был очень стар и слаб, он почти умирал. А когда с ним встретился мой бенефактор, тот уже скакал с живостью и энергией полного сил молодого человека.

Дон Хуан рассказал, что нагваль Себастьян прозвал этого безымянного человека «арендатором» поскольку они заключили с ним соглашение: тот получал энергию, так сказать, «жилье», платя за это услугами и знаниями.

— Кто-нибудь пострадал при этом обмене? — поинтересовался я.

— Ни одному из нагвалей обмен энергией с этим человеком вреда не причинил, — ответил дон Хуан. — Толтек обязался брать только немного свободной энергии в обмен на дары, на сверхъестественные способности. Нагваль Хулиан, например, получил от него походку силы. С ее помощью он мог задействовать или гасить определенные эманации в своем коконе, делаясь по своей воле то молодым, то старым.

Дон Хуан объяснил, что бросившие вызов смерти дошли до того, что перевели в пассивное состояние все эманации внутри своих коконов, кроме эманаций, соответствующих эманациям союзников. Таким образом они в некотором роде имитируют союзников.

— Каждый из тех бросивших вызов смерти, с которыми мы столкнулись возле плоского камня, — сказал дон Хуан, — смог очень точно сместить свою точку сборки в место, где она задействовала эманации, которые соответствуют эманациям союзников. Благодаря этому видящие могут с союзниками взаимодействовать. Однако вернуть точку сборки в обычное положение и взаимодействовать с людьми они не в состоянии. А «арендатор» может сдвигать свою точку сборки в положение, где она собирает обычный мир, так, словно ничего и не произошло.

Дон Хуан также сказал, что его бенефактор был убежден — и сам он с этим целиком и полностью согласен — в том, что для заимствования энергии старый маг сдвигает точку сборки нагваля в зону эманаций союзника внутри кокона нагваля. Резкая настройка ранее никогда не использовавшихся эманаций генерирует мощный выброс энергии, которым и пользуется маг.

Дон Хуан сказал, что энергия, заключенная в дремлющих внутри нас эманациях, — огромна, и ее там неизмеримое количество. Очень приблизительно оценить объем этой силы Можно, опираясь на тот факт, что вся энергия, которая обеспечивает восприятие нами обычного мира и все наше с ним взаимодействие, генерируется настройкой не более чем одной десятой всего объема эманаций, заключенных в коконе.

— В момент смерти вся энергия разом высвобождается, — продолжал дон Хуан. — В этот миг немыслимая сила переполняет все живое существо. Это — не накатывающаяся сила, расколовшая кокон, поскольку последняя никогда не проникает внутрь кокона, она только заставляет его разрушиться. Сила, которой наполняется живое существо, генерируется мгновенной настройкой сразу всех эманаций, сохранявших пассивность в течение целой жизни. И у этой гигантской силы нет выхода, она может только вырваться наружу через просвет.

— Старый маг научился стравливать эту энергию. Он настраивает пассивные эманации внутри кокона нагваля в очень узком участке их спектра, а затем стравливает выброс ограниченной, но, тем не менее, гигантской силы.

— Как он это делает? И как энергия нагваля попадает в его тело? — спросил я. — Что ты думаешь по этому поводу?

— Он надкалывает просвет нагваля, — ответил дон Хуан. — Сдвигает его точку сборки, пока просвет не приоткроется. Через это отверстие энергия свеженастроенных эманаций стравливается, и он втягивает ее сквозь свой просвет.

— Зачем он все это делает? — спросил я.

— Я думаю, что он попал в замкнутый круг и не может его разорвать, —

ответил дон Хуан. — Мы заключили с ним соглашение. Он делает все возможное, чтобы его выполнять. Мы — тоже. Мы не можем его осуждать, хотя и знаем, что его путь к свободе не ведет. И он об этом знает, но знает он также и то, что остановить все это он не в силах. Он попался в ловушку им же самим созданной ситуации. И единственное, что он в силах сделать — на сколько возможно продлить свое союзникоподобное существование.

Глава 16. Человеческая матрица

Сразу после завтрака мы с доном Хуаном сели поговорить. Начал он без предисловий и заявил, что мы приблизились к концу объяснения искусства овладения осознанием. Он сказал, что мы самым подробным образом обсудили все истины об осознании, открытые древними видящими, и подчеркнул, что теперь мне известен порядок, в котором новые видящие их расположили. В последней части своего объяснения он детально описал две силы, помогающие точке сборки сдвинуться — толчок земли и накатывающуюся силу. Кроме того, он объяснил мне три метода, разработанные новыми видящими — сталкинг, намерение и сновидение — а также рассказал, как практика этих методов воздействует на поведение точки сборки.

— Теперь, — продолжил он, — чтобы объяснение искусства овладения осознанием можно было считать законченным, тебе осталось проделать лишь одно: самостоятельно преодолеть барьер восприятия. Ты должен сам, без чьей-либо помощи, сдвинуть свою точку сборки добиться настройки в другой большой полосе эманаций.

— Если ты не сможешь этого совершить, то все, о чем мы говорили и что делали, окажется пустой болтовней, просто словами. А слова ничего не стоят.

Он объяснил, что, когда точка сборки уходит из своего обычного положения и достигает определенной глубины, она проходит некий барьер, который на мгновение лишает ее способности настраивать эманации. Мы ощущаем это как

мгновение пустоты восприятия. Древние видящие назвали это мгновение стеной тумана: в момент нарушения настройки эманаций появляется восприятие полосы тумана.

Дон Хуан сказал, что к решению задачи преодоления барьера восприятия можно подходить тремя способами. Можно рассматривать его как некий абстрактно преодолеваемый абстрактный барьер. Можно преодолевать его как бы прорывая всем телом некоторый экран из плотной бумаги. А можно увидеть его как стену тумана.

Разумеется, в течение моего ученичества дон Хуан много раз подводил меня к видению барьера восприятия. Поначалу мне нравился образ стены тумана. Дон Хуан предупредил меня, что древние видящие тоже предпочитали видеть барьер именно таким образом. Он объяснил, что так гораздо легче и удобнее, однако при этом существует опасность превращения вещей непостижимых в нечто мрачное и зловещее. Поэтому он советовал мне не вносить непостижимое в инвентарный список первого внимания, а оставить непостижимым.

Некоторое время мне по-прежнему было удобно видеть, барьер как стену тумана, однако потом я согласился с доном Хуаном, что лучше воспринимать переходный момент как некую непостижимую абстракцию. Но тогда мне так не удалось нарушить фиксацию осознания. Каждый раз, оказываясь в положении, близком к преодолению барьера, я видел стену тумана.

Как-то по случаю я пожаловался дону Хуану и Хенаро, что никак не могу справиться со стеной тумана, хотя и очень хочу увидеть барьер в каком-нибудь ином виде. Дон Хуан заметил тогда, что в этом нет ничего удивительного, ибо я мрачен и тосклив, и мы с ним в этом разительно отличаемся друг от друга. Он — весел и практичен и не творит себе кумира из человеческого инвентарного перечня. А я не желаю вышвырнуть в окошко свой инвентарный список и потому тяжел, зловещ и непрактичен. Столь резкая критика ошеломила меня, я пришел в состояние подавленности и печали. Дон Хуан и Хенаро хохотали до слез.

А Хенаро еще добавил, что я мстителен и склонен к полноте. Они хохотали так, что в конце концов я не устоял и к ним присоединился.

В тот раз дон Хуан рассказал мне о том, что тренировка в собирании других миров позволяет точке сборки накапливать опыт перемещений. Однако меня всегда интересовал вопрос: где взять силу первичного толчка, который выбил бы точку сборки из ее исходного положения. Когда раньше я спрашивал об этом у дона Хуана, он обычно отвечал, что все определяется универсальной силой настройки, поэтому намерение суть то, что заставляет перемещаться точку сборки.

Теперь я в очередной раз задал ему тот же вопрос. Он ответил:

— Сейчас ты уже сам в состоянии ответить на свой вопрос. Начальный импульс точке сборки сообщается за счет искусства владения осознанием. В конечном счете, от нас — человеческих существ — зависит не так уж много. Ведь мы, по сути, — всего лишь зафиксированная в определенной позиции точка сборки. Наш внутренний диалог — наш инвентарный перечень — наш враг и в то же время — наш Друг. Проведи инвентаризацию, а потом выбрось на мусорник составленный перечень. Новые видящие относятся к инвентаризации очень серьезно и составляют свои перечни с чрезвычайной тщательностью. Для того, чтобы затем над этими списками посмеяться. Если нет инвентарного перечня, точка сборки обретает свободу.

Дон Хуан напомнил мне о том, как много времени мы с ним в прошлом посвятили обсуждению одного из самых стойких пунктов человеческого инвентарного перечня — идее Бога.

— Этот пункт, — говорил он, — подобен прочнейшему клею, фиксирующему точку сборки в ее исходном положении. И если ты намерен собрать другой истинный мир, пользуясь другой большой полосой эманаций, тебе необходимо принять меры для полного высвобождения точки сборки.

— Весьма радикальный способ избавиться от клея — увидеть человеческую матрицу. И сегодня тебе предстоит проделать это самостоятельно.

— Что такое человеческая матрица, дон Хуан?

— С моей помощью ты видел ее множество раз, — ответил он. — Так что тебе известно, что это такое.

Я хотел сказать, что не знаю, о чем идет речь, но воздержался. Если он утверждал, что я ее видел, то, вероятнее всего, так оно и было, хотя я не имел об этом ни малейшего понятия.

Он знал, о чем я думаю. Он понимающе улыбнулся и медленно покачал головой.

— Человеческая матрица — это гигантский блок эманаций в большой полосе неорганической жизни, — сказал он. — Его называют человеческой матрицей, потому что он является структурой, встречающейся только внутри человеческого кокона.

— Человеческая матрица — та часть эманаций Орла, которую видящий может видеть непосредственно, не подвергаясь при этом никакой опасности.

Последовала долгая пауза, после которой он вновь заговорил:

— Преодоление барьера восприятия — последняя из задач овладения искусством осознания. Чтобы сдвинуть точку сборки в соответствующую позицию, тебе необходимо собрать большое количество энергии. Так что — вперед, вспоминай то, что ты не раз уже совершал!

Я безуспешно пытался вспомнить, что же такое человеческая матрица. Безнадежность этой затеи ужасно меня расстроила, а потом и разозлила. Я пришел в ярость, я был зол на себя, на дона Хуана, на все вообще.

На дона Хуана ярость моя не произвела никакого впечатления. Он спокойно объяснил, что точка сборки колеблется: подчиниться команде или нет. Отсюда и ярость, которая является вполне естественной реакцией.

— Прежде, чем ты сможешь практически применить принцип «твоя команда есть команда Орла», пройдет немало времени, — сказал он. — Ведь в этом принципе — сущность тайны намерения. А пока что сформируй команду не раздражаться даже в наихудшие из моментов сомнения. Твоя команда будет услышана и исполнена как команда Орла, хотя процесс этот и будет идти медленно.

— Между обычной позицией точки сборки и местом, где нет сомнений, — а оно

почти совпадает с местоположением барьера восприятия — имеется неизмеримо обширная область. В этой области воин подвержен склонности совершать самые разнообразные неверные действия. Поэтому ты должен быть настороже и не терять уверенности, потому что неизбежно наступит момент, когда тебя охватит чувство поражения.

— Новые видящие советуют поступать очень просто, столкнувшись в пути с чувствами нетерпения, отчаяния, гнева или печали. Они говорят, что нужно вращать глазами. В любом направлении. Лично я предпочитаю по часовой стрелке.

— Такое движение глаз моментально сдвигает точку сборки. И в тот же миг приходит облегчение. Этот способ может временно использоваться, пока не достигнуто совершенство во владении намерением.

Я пожаловался, что у нас было слишком мало времени на то, чтобы подробнее поговорить о намерении.

— Когда-нибудь все вернется, — заверил он меня. — Ты вспомнишь одно — оно потянет за собой другое. Одно ключевое слово — и все это вывалится из тебя, как из переполненного шкафа, дверца которого не выдержала.

И дон Хуан вернулся к разговору о человеческой матрице. Он сказал, что увидеть ее самостоятельно, без посторонней помощи, — исключительно важный шаг, поскольку прежде, чем человек достигнет свободы, ему необходимо избавиться от некоторых идей.

Видящий, который вступает в неизвестное с тем, чтобы увидеть непознаваемое, должен находиться в состоянии абсолютной безупречности.

Дон Хуан подмигнул и сказал, что находиться в состоянии абсолютной безупречности — значит быть свободным от рациональных допущений и рациональных страхов. И добавил, что мои рациональные допущения и страхи в данный момент не дают мне осуществить настройку эманаций, необходимых для того, чтобы вспомнить, как я видел человеческую матрицу. Дон Хуан потребовал, чтобы я расслабился и сдвинул точку сборки вращением глаз. Он снова и снова повторял, что очень важно вспомнить человеческую матрицу до того, как я в очередной раз ее увижу. И, поскольку у него нет времени, я не

имею возможности делать все со своей обычной медлительностью.

Я принялся вращать глазами в соответствии с его указанием. Практически немедленно я забыл обо всех своих неудобствах, а потом вдруг вспышкой молнии ум мой пронзило воспоминание. Я вспомнил, что действительно видел человеческую матрицу. Это произошло несколькими годами ранее. Событие было для меня весьма знаменательным еще и потому, что в тот день дон Хуан высказал самые святотатственные с точки зрения моего католического воспитания утверждения, какие мне когда-либо доводилось слышать.

Началось все с обычного разговора во время прогулки по предгорьям в Сонорской пустыне. Дон Хуан объяснял, что происходит со мной в процессе обучения. Мы остановились, чтобы отдохнуть и присели на какие-то большие валуны. Дон Хуан продолжал говорить о методике обучения. Это подтолкнуло меня в сотый раз поведать ему о том, что я при этом чувствую. Было вполне очевидно: рассказы о моем отношении к его методике дону Хуану уже давно надоели. Он сдвинул уровень своего осознания и сказал, что если я увижу человеческую матрицу, то, может быть, сразу пойму все, что он делает, и это сэкономит нам годы усердного труда.

И он подробно описал, что представляет собой человеческая матрица. Причем рассказывал он о ней не в терминах эманаций Орла, а как о некоторой энергетической структуре, которая служит для формирования качеств человеческого существа в аморфном сгустке биологического материала. По крайней мере, так я тогда понял. Особенно после того, как он наглядно продемонстрировал мне это с помощью механической аналогии. Он сказал, что это похоже на гигантский штамп, который без конца штампует человеческие существа, как будто некий гигантский конвейер доставляет к нему заготовки и уносит готовые экземпляры. Как бы изображая ладонями пуансон и матрицу этого гигантского штампа, дон Хуан крепко сжал их, а затем вновь разжал, чтобы выпустить свежеотштампованного индивида.

Он объяснил также, что каждому биологическому виду соответствует своя матрица, поэтому каждый индивид, принадлежащий к некоторому виду, обладает свойствами, для данного вида характерными.

И дон Хуан приступил к рассказу о человеческой матрице. Рассказ этот очень сильно выбил меня из колеи. Дон Хуан сказал, что у древних видящих и

мистиков нашего мира была одна общая черта — и тем, и другим удалось увидеть человеческую матрицу, но ни те, ни другие не поняли, что это такое. Веками мистики потчевали нас душещипательными отчетами о своем духовном опыте. Но отчеты эти, при всей их красоте, содержали в себе грубейшую и совершенно безнадежную ошибку — их составители верили во всемогущество человеческой матрицы. Они думали, что это и есть всесведущий творец. Примерно так же интерпретировали человеческую матрицу и древние видящие. Они считали, что это — добрый дух, защитник человека.

И только у новых видящих хватило уравновешенности на то, чтобы, увидев человеческую матрицу, трезво понять, что это такое. Они смогли осознать: человеческая матрица не есть творец, но просто структура, составленная всеми мыслимыми и немыслимыми атрибутами и характеристиками человека — всеми, какие только могут в принципе существовать. Матрица — наш Бог, поскольку все, что мы собой представляем, ею отштамповано, но вовсе не потому, что она творит нас из ничего по своему образу и подобию. И когда мы преклоняем колени перед человеческой матрицей, мы совершаем поступок, от которого весьма заметно несет высокомерием и антропоцентризмом.

Я ужасно разволновался, слушая объяснение дона Хуана. Я никогда не считал себя особо благочестивым католиком, однако его Богохульные интерпретации меня шокировали. Из вежливости я слушал, не прерывая, но в первой же подходящей паузе намеревался сменить тему. Но он продолжал безостановочно и безжалостно бить в одну и ту же точку. В конце концов я не выдержал и перебил его, заявив, что считаю существование Бога реальностью.

Он сказал, мое мнение — вопрос веры и как таковое является косвенным убеждением, а потому ровным счетом ничего не значит.

— Твоя, как, впрочем, и чья угодно, вера в существование Бога основана на том, что кто-то кому-то когда-то сказал, а не на твоем непосредственном видении, — продолжал он. — Но если бы ты даже мог видеть, ты все равно неизбежно допустил бы ту же ошибку, что и мистики. Каждый, кто видит человеческую матрицу, автоматически принимает ее за Бога.

Дон Хуан назвал мистический опыт случайным видением, одиночным попаданием, которое само по себе не имеет никакой ценности, поскольку

является результатом случайного сдвига точки сборки. Он заявил, что выносить верные суждения по данному вопросу могут только новые видящие, поскольку они искоренили случайное видение, заменив его способностью видеть человеческую матрицу в любой необходимый момент.

И они увидели, что то, что мы называем Богом, есть статический прототип человеческого образа, не имеющий никакой силы, поскольку человеческая матрица ни при каких обстоятельствах не может ни помочь нам в наших действиях, ни наказать нас за неправедные дела, ни воздать нам за дела праведные. Мы — отпечаток матрицы, продукт штамповки. То, что понимается под человеческой матрицей, в точности соответствует своему названию — это образец, форма для заливки, группирующая определенную связку волокнообразных элементов, которую мы именуем человеком.

Все, что он говорил, причиняло мне самые настоящие страдания, однако его, похоже, мало трогала глубина моих переживаний. Он продолжал методически меня доставать. Он сказал, что случайные видящие совершили непростительное преступление, заставив людей вкладывать невосполнимую энергию в сосредоточение на том, что никак не может никому помочь. Чем больше он говорил, тем сильнее я раздражался. Когда я дошел до такой стадии раздражения, что готов был начать на него кричать, он сдвинул меня в состояние еще более повышенного осознания, ударив по правой стороне туловища между тазом и ребрами. Этот удар отправил меня парить в радужном свете, в лучезарном источнике мира и дивной благодати. Этот свет был небом, оазисом в окружавшей меня черноте.

Субъективно я ощущал, что время остановилось. Я видел этот свет неизмеримо долго. Описать словами все великолепие того, что я созерцал, не было никакой возможности, но понять, что именно делает это столь прекрасным, я тоже не мог. Затем я подумал, что ощущение красоты порождается чувством гармонии, мира, покоя и столь долгожданной безопасности. Дышать было так легко, я вдыхал и выдыхал, пребывая в состоянии абсолютного покоя. Какое дивное изобилие! Без тени сомнения я знал — это есть Бог, источник всего сущего, и я встретился с Ним лицом к лицу. И я знал — Он любит меня. Бог суть любовь и всепрощение — это я тоже знал. Свет омывал меня, я был очищен и спасен. Я не был властен над собой, я рыдал. В основном о себе. Этот свет и — я. Боже, как недостоин и мерзок я!

Вдруг в ушах моих зазвучал голос дона Хуана. Он велел мне идти дальше, подняться над матрицей. Он говорил, что матрица — всего лишь ступень, передышка, которая дает временное пристанище, сообщая мир и безмятежность тому, кто отправляется в неизвестное. Но она бесплодна и статична. Она есть одновременно плоское отражение образа в зеркале и само зеркало. Плоское отражение суть образ человека.

Я страстно отверг сказанное доном Хуаном. Я восстал против его Богохульных и святотатственных речей. Мне хотелось послать его подальше, но я не мог преодолеть связывающую силу своего видения. Я был ею пойман. Дон Хуан, казалось, в точности знал все, что я думаю.

— Ты не можешь послать нагваля, — сказал он у меня в ушах. — Ибо нагваль дает тебе видение. Это — искусство нагваля, его сила. Нагваль — тот, кто ведет.

И тут я кое-что понял относительно этого голоса. Он не был голосом дона Хуана, хотя весьма на него походил. И, кроме того, голос был прав. Инициатором моего видения действительно был нагваль Хуан Матус. Именно его искусство и сила заставили меня увидеть Бога. Он сказал, что это — не Бог, а шаблон человека. И я знал, что он прав. Но я не мог с этим согласиться, причем не из упрямства или от злости, но просто потому, что мною всецело владело чувство преданности и любви к Божеству, бывшему передо мной.

Со всей страстностью, на какую я только был способен, всматривался в этот свет. Он как бы сконденсировался, обретая форму, и я увидел очертания человека. Сияющего человека, от которого исходило благословение, любовь, понимание, искренность и истина. Человека, воплощавшего в себе всю сумму добра.

Страсть, которая охватила меня, когда я увидел этого человека, превосходила все, когда-либо мною испытанное. Я рухнул на колени. Я жаждал поклоняться воплощенному Богу, но тут вмешался дон Хуан. Он ударил меня по верхней части грудной клетки слева, возле лопатки, и я тут же потерял Бога из виду.

Я остался, охваченный мучительным чувством — некой смесью сожаления, воодушевления, уверенности и сомнений. Дон Хуан меня высмеял. Он сказал, что я набожен и легкомысленен, что из меня мог бы получиться дивный

священник, а теперь к тому же и пророк — лидер религиозной конфессии, видевший Бога. И он язвительно посоветовал мне взяться за проповедничество и описывать всем то, что я видел.

А потом он с небрежным видом, но как бы заинтересованно произнес, наполовину в вопросительном, наполовину — в утвердительном тоне:

— А мужчина? Ты ведь не можешь забыть, что Бог — мужчина. Огромность чего-то неопределенного начала вырисовываться передо мной по мере того, как я обретал состояние полной ясности.

— Удобно-то как, а? — с улыбкой добавил в тот раз дон Хуан. — Бог — мужского пола. Облегчение какое!

Теперь же, рассказав дону Хуану обо всем, что я вспомнил, я задал ему вопрос по поводу одной вещи, которая поразила меня, показавшись исключительно странной. Чтобы увидеть человеческую матрицу, я должен был пройти через сдвиг точки сборки. Это очевидно. Воспоминание о том переживании было настолько ярким, что я ощутил бессмысленность всего. Ведь, вспоминая сейчас, я испытывал те же самые чувства. Ничто не изменилось. Я спросил у дона Хуана, как могло получиться, что, так полно все уяснив, я умудрился настолько основательно все позабыть. У меня складывалось впечатление, что все происходившее и происходящее не имеет никакого значения, и мне каждый раз приходится начинать с одного и того же места. И прошлые мои успехи ни на что не влияют.

— Это только эмоциональное впечатление, — объяснил он. — Просто заблуждение. Все, что ты делал несколько лет назад, прочно зафиксировано где-то в незадействованных эманациях. Например, тот день, когда я заставил тебя увидеть человеческую матрицу. Ведь я тогда и сам заблуждался. Я думал, стоит тебе ее увидеть — и ты тут же все поймешь. С моей стороны налицо было полное непонимание.

Дон Хуан сказал, что до него всегда все доходило очень медленно. По крайней мере, так считал он сам. Но проверить это он не мог, так как сравнивать было не с чем. Когда же появился я, и он выступил в совершенно новой для него роли учителя, он обнаружил, что ускорить процесс понимания в принципе невозможно. И одного лишь освобождения точки сборки тут явно

недостаточно. А он рассчитывал, что этого хватит. Вскоре, однако, он осознал следующее: во время сна любой человек претерпевает естественный сдвиг точки сборки, причем зачастую весьма и весьма значительный, поэтому в бодрствующем состоянии мы мастерски справляемся с индуцированными сдвигами, тут же их компенсируя. Благо, опыта пробуждения из состояния сна нам не занимать — нам ежедневно приходится восстанавливать равновесие, как ни в чем не бывало продолжая свою повседневную деятельность.

Дон Хуан отметил, что ценность заключений, к которым пришли новые видящие, не становится очевидной до тех пор, пока человек не начинает работать с точкой сборки кого-нибудь другого. Новые видящие утверждают, что в этом отношении имеют значение только усилия, направленные на фиксацию точки сборки в новой позиции. Они считают, что эта часть процесса обучения — единственное, о чем стоит говорить. И им известно, что осуществляется она медленно, понемножку, со скоростью улитки.

Затем дон Хуан сказал, что в начале моего обучения он пользовался растениями силы, поскольку так рекомендуют поступать новые видящие. Опираясь на опыт своего видения они знают, что растения силы очень сильно раскачивают точку сборки, «стряхивая» ее с обычного места. В принципе воздействие растений силы на положение точки сборки очень похоже на воздействие сна. Но растения силы индуцируют более глубокие и всепоглощающие сдвиги, чем сон. Дезориентирующее влияние такого сдвига используется затем учителем для закрепления в уме ученика понимания того факта, что восприятие мира никогда не может быть окончательным и однозначным.

Тут я вспомнил, что за все годы обучения видел человеческую матрицу еще пять раз. И с каждым последующим разом реакция моя на нее становилась все менее и менее бурной. Но справиться с тем фактом, что я вижу Бога мужского пола, мне не удавалось. В конце концов то, что я видел, перестало быть для меня Богом, и стало человеческой матрицей. Не потому, что об этом твердил дон Хуан, а потому, что Бог мужского пола стал нелепостью, не выдерживавшей никакой критики. И я понял тогда все, что говорил по поводу человеческой матрицы дон Хуан. Он ни в малейшей степени не Богохульствовал, и утверждения его не являлись святотатством, ведь они никак не были связаны с контекстом повседневности. Дон Хуан был прав, говоря, что преимущество новых видящих состоит в их способности видеть

человеческую матрицу по собственному желанию и сколь угодно часто. Но для меня гораздо большее значение имела их уравновешенность, которая позволила трезво подойти к исследованию того, что они видели.

Я поинтересовался, почему человеческая матрица в моем восприятии всегда оказывается структурой человека мужского пола. Дон Хуан объяснил. Дело в том, что, когда я видел человеческую матрицу, моя точка сборки еще не была прочно зафиксирована на новом месте и смещалась поперек человеческой полосы в сторону исходной позиции. Так же, как в случае с видением барьера восприятия в образе стены тумана. Этот поперечный сдвиг был обусловлен практически неизбежным желанием или потребностью представить непостижимое в каких-нибудь более-менее знакомых терминах: барьер — стена, матрица мужчины — непременно мужчина. Дон Хуан полагал, что, будь я женщиной, человеческая матрица, которую я видел, вероятнее всего, была бы структурой человеческого существа женского пола.

Затем дон Хуан встал и сказал, что пришло время вернуться и пройтись по городу, поскольку человеческую матрицу я должен увидеть, находясь среди людей. В молчании мы дошли до площади, но прежде, чем мы на нее вышли, я ощутил неудержимый всплеск энергии и ринулся вдоль по улице к окраине городка. Я вышел на мост. Человеческая матрица словно специально меня там дожидалась. Я увидел ее — дивный теплый янтарный свет.

Я упал на колени, но это не было продиктовано набожностью, а явилось физической реакцией на чувство благоговения. Зрелище человеческой матрицы было в этот раз еще более удивительным чем когда-либо прежде. Я почувствовал, как сильно я изменился с того времени, когда видел ее впервые. В этом чувстве не было ни высокомерия, ни самолюбования, просто все, что я видел и узнал за прошедшие годы, позволило мне гораздо лучше и глубже постичь возникшее перед моими глазами чудо.

Сначала человеческая матрица была наложена на мост. Потом я немного изменил фокусировку и увидел, что человеческая матрица простирается вверх и вниз в бесконечность, а мост — крохотный узор, полупрозрачный набросок, нарисованный на бесконечности. Такими же были и микроскопические фигурки прохожих, с нескрываемым любопытством меня разглядывавших. Но я был недосягаем для них, хотя именно в этот миг открытость и уязвимость мои достигли максимума. Человеческая матрица была бессильна защитить

меня или пощадить, но все равно я любил ее страстно, и страсть моя не знала границ.

Я подумал, что теперь понимаю слова дона Хуана, неоднократно от него слышанные: реальная привязанность не может основываться на взаимной выгоде. Я бы с радостью навек остался слугой человеческой матрицы, и не за то, что она мне что-то дает — ведь дать она ничего не может — а просто из-за чувства, которое я к ней испытывал.

Я ощутил, как что-то потянуло меня прочь. Прежде, чем исчезнуть, я закричал, что-то обещая человеческой матрице, но закончить не успел — мощная сила подхватила меня и сдула прочь. Я стоял на коленях посреди моста, а собравшиеся вокруг крестьяне надо мной смеялись.

Подошел дон Хуан, помог мне встать и отвел домой.

Человеческую матрицу можно видеть в двух различных образах, — начал он, — как только мы сели, — в образе человека и в образе света. Все зависит от сдвига точки сборки. При поперечном сдвиге ты видишь образ человека, при сдвиге в среднем сечении человеческой полосы матрица — это свет. Сегодня ты сдвинул точку сборки в среднем сечении. Только это имеет значение.

— Позиция, в которой человек видит человеческую матрицу, очень близка к позиции тела сновидения и барьера восприятия. Именно по этой причине новые видящие настаивают на необходимости увидеть и понять человеческую матрицу.

— А ты уверен в том, что понял, чем в действительности является человеческая матрица? — спросил он с улыбкой.

— Уверяю тебя, дон Хуан — я полностью отдаю себе отчет в том, что такое человеческая матрица, — сказал я.

— Но, подходя к мосту, я слышал, как ты кричал матрице какую-то чушь, — заметил он с язвительнейшей улыбкой.

Я сказал, что чувствовал себя бесполезным слугой, который поклоняется бесполезному господину, и все же искренняя привязанность заставила меня

пообещать неумирающую любовь.

Дон Хуан нашел это весьма занятным и смеялся до тех пор, пока совсем едва не задохнулся.

— Бесполезное обещание, данное бесполезным слугой бесполезному господину, — прокомментировал он и снова захлебнулся смехом.

Отстаивать свою позицию мне не хотелось. То, что я чувствовал по отношению к человеческой матрице, было с моей стороны даром, взамен за который я даже не думал что-либо получить. И бесполезность данного обещания не имела ровным счетом никакого значения.

Глава 17. Путешествие в теле сновидения

Дон Хуан сказал, что мы с ним едем в Оахаку в последний раз. С предельной ясностью он дал мне понять, что после этого мы никогда уже с ним там не встретимся.

— Может быть, чувства мои еще вернуться в эти места, но сам я, полностью — никогда, — сказал он.

Несколько часов мы с доном Хуаном бродили по городу, он разглядывал такие обыденные и тривиальные вещи, как блеклость стен, далекие очертания гор, узор трещин на асфальте, лица прохожих. Потом мы вышли на площадь и сели на его любимую скамейку. На ней никто не сидел, впрочем, как и всегда, когда дон Хуан этого хотел.

Во время этой длительной прогулки по городу я изо всех сил старался напустить на себя настроение печали и тоски, но у меня ничего не вышло. В предстоящем уходе дона Хуана было что-то праздничное. Он объяснил, что это — предчувствие неукротимой энергии абсолютной свободы.

— Свобода подобна заразной болезни, — сказал дон Хуан. — Она передается, а носитель ее — безупречный нагваль. Люди могут этого не оценить — ведь они не желают освобождения. Свобода страшит. Запомни это. Но не нас. Почти всю жизнь я готовился к этому моменту. То же будет и с тобой.

И он несколько раз повторил, что на той ступени, которой я достиг, никакие рациональные соображения не должны вмешиваться в мои действия. Он сказал, что тело сновидения и барьер восприятия суть позиции точки сборки. Знание этого имеет примерно такое же жизненно важное значение для видящих, какое для современного человека имеет умение читать и писать. И то, и другое достигается многолетней практикой.

— Очень важно для тебя прямо сейчас вспомнить тот раз, когда твоя точка сборки достигла определенной позиции, благодаря чему ты смог сформировать тело сновидения, — сказал дон Хуан как-то по особенному настоятельно.

Потом он улыбнулся и объяснил, что времени осталось очень и очень мало. Вспоминание моего главного путешествия в теле сновидения должно сдвинуть мою точку сборки в позицию преодоления барьера восприятия. Там может быть собран другой мир.

— Тело сновидения называют по-разному, — продолжил дон Хуан после длительной паузы. — Лично мне больше всего нравится название «другой». Этот термин принадлежит древним видящим, как и их настрой. Настрой их меня не трогает, а вот что касается термина — тут я вынужден признать — он мне нравится. Другой. Что-то таинственное и запретное. Как и от самих древних видящих, от него веет тьмой и тенями. Толтеки говорили, что другой всегда приходит, окутанный ветром.

В течение всех лет обучения дон Хуан и видящие его команды пытались заставить меня осознать, что человек может одновременно находиться в двух разных местах, что мы можем испытывать нечто вроде раздвоения восприятия.

По мере того, как дон Хуан говорил, я начал припоминать нечто столь основательно забытое, что сначала возникло впечатление, будто я только

лишь слышал об этом. Постепенно, шаг за шагом, я осознал, что вспоминаю свой собственный опыт.

Я находился в двух разных местах. Это произошло однажды ночью в горах Северной Мексики. Весь день мы с доном Хуаном собирали растения. Когда мы остановились на ночлег, я буквально валился с ног от усталости. Как вдруг с порывом ветра из темноты прямо передо мной возник дон Хенаро, чуть до смерти меня не перепугав.

Сперва я заподозрил неладное. Я решил, что дон Хенаро все время прятался в кустах, ожидая, пока стемнеет, чтобы столь пугающим образом появиться из ниоткуда. Но, глядя на то, как он скачет вокруг, я заметил, что этой ночью он какой-то уж очень странный: Было в нем что-то не то, вполне осязаемое и реальное, но мне оно никак не давалось.

Он шутил и плясал вокруг, производя действия, которые рассудок мой отказывался принимать. Дон Хуан хохотал как идиот по поводу моего крайнего замешательства. В подходящий с его точки зрения момент он сдвинул уровень моего осознания и в течение некоторого времени я видел дона Хуана и дона Хенаро как сгустки света. Хенаро не был тем доном Хенаро из плоти и крови, с которым я общался, находясь в состоянии нормального осознания. Передо мной было его тело сновидения. Я знал это наверное, так как видел его как светящийся шар, парящий в пространстве. Он не касался земли, как дон Хуан, а как бы готовился к полету, зависнув в воздухе на высоте полуметра от земли. Создавалось впечатление, что он вот-вот умчится прочь.

Я все более подробно вспоминал события той ночи. Вдруг я понял, что тогда произошло еще кое-что существенное — откуда-то автоматически возникло знание, что для того, чтобы добиться сдвига точки сборки, мне следует вращать глазами. Своим намерением я мог настроить эманации, позволяющие видеть Хенаро как сгусток света, а мог настроить другие и видеть его как нечто потустороннее, неизвестное, странное.

Глаза странного Хенаро зловеще светились, подобно глазам зверя, рыщущего во тьме. Но они все же оставались при этом глазами. Я не видел их как точки янтарного света.

В ту ночь дон Хуан сказал, что Хенаро собирается помочь моей точке сборки

сдвинуться очень глубоко, поэтому мне следует имитировать его движения и вообще повторять все, что он делает. Хенаро отставил зад, а потом с силой двинул тазом вперед. Жест, по моему мнению, получился весьма непристойный. Словно танцуя, Хенаро повторял его снова и снова.

Дон Хуан подтолкнул меня, побуждая следовать примеру Хенаро. Я подчинился, и вот уже мы вдвоем носились вокруг, выполняя этот гротескный жест. Через некоторое время у меня возникло ощущение, что тело мое выполняет его самостоятельно, без участия того, что кажется мне моим истинным «я». Постепенно разделение между моим телом и моим истинным «я» становилось все более и более ярко выраженным. В конце концов я обнаружил, что смотрю со стороны на дурацкую сцену, в которой два мужика делают друг перед другом похотливые жесты.

Я увлеченно наблюдал за происходящим и вдруг понял, что один из тех двоих — я. И тут же что-то потянуло меня, и я вновь оказался тем самим собой, который синхронно с Хенаро двигал взад-вперед тазом. Почти сразу же я заметил, что еще один человек стоит рядом с доном Хуаном и за нами наблюдает. Его обдувал ветер, я видел, как шевелятся волосы на его голове. Он был обнажен и казался смущенным. Ветер скапливался вокруг него, словно его защищая или наоборот, пытаясь унести его прочь.

То, что этот другой человек — тоже я, дошло до меня не сразу. Когда же это, наконец, произошло, я испытал самый сильный в своей жизни шок. Неуловимая физическая сила разделила меня, словно я состоял из волокон. Я снова смотрел на себя. Тот я, на которого я смотрел, скакал вместе с Хенаро и бросал изумленные взгляды на того я, который наблюдал. И в то же время я смотрел на голого человека, который был я и в изумлении разглядывал меня, занятого выполнением непристойных движений синхронно с Хенаро. Шок был настолько силен, что я сбился с ритма движений и упал.

Что было дальше, я не помнил. Потом дон Хуан помог мне подняться. Хенаро и другой я — голый — уже куда-то исчезли.

Я помнил также, что в ту ночь дон Хуан отказался обсуждать происшедшее. Он не объяснил ничего, только сказал, что Хенаро — большой мастер по части формирования своего дубля или другого, и что в состоянии нормального осознания я много раз подолгу имел дело с дублем Хенаро, ничего при этом не

замечая.

После того, как я рассказал дону Хуану обо всем, что вспомнил, он сказал:

— В ту ночь, как и сотни раз до того, Хенаро сдвинул твою точку сборки очень глубоко влево. Сделал он это с такой силой, что перетянул точку сборки в положение, где формируется тело сновидения. И ты увидел собственное тело сновидения, которое за тобой наблюдало. Всего этого Хенаро добился с помощью своего танца.

Я попросил объяснить, каким образом непристойное движение Хенаро могло произвести столь поразительный эффект.

— Ты стеснителен, — последовал ответ. — Хенаро воспользовался твоими отвращением и смущением, немедленно возникшими, как только тебя заставили делать непристойные жесты. Хенаро находился в своем теле сновидения и мог видеть эманации Орла. Пользуясь этим преимуществом, он с легкостью заставил твою точку сборки сдвинуться.

— Но то, что Хенаро заставил тебя сделать в ту ночь — ерунда. Он сдвигал твою точку сборки, заставляя ее формировать тело сновидения множество раз, однако я хочу, чтобы ты вспомнил не это.

— Мне нужно, чтобы ты настроил соответствующие эманации и вспомнил тот единственный раз, когда ты действительно проснулся в теле сновидения.

Словно что-то взорвалось внутри меня — таким мощным был прилив энергии, который я ощутил, едва лишь он произнес последние слова. Я знал, что он имел в виду, я почти вспомнил. Правда, восстановить в памяти все событие целиком мне не удавалось. Я отчетливо помнил только его фрагмент.

Как-то утром мы с доном Хуаном и доном Хенаро сидели на этой же самой скамейке. Я находился в нормальном состоянии осознания. Вдруг дон Хенаро совершенно неожиданно заявил, что собирается сделать так, что его тело покинет эту скамейку, не отрываясь от нее. Заявление это совершенно не касалось темы, которую мы в тот момент обсуждали. Я привык к упорядоченным объяснениям и действиям дона Хуана и потому повернулся к нему в ожидании подсказки. Но дон Хуан невозмутимо смотрел прямо перед

собой, словно ни меня, ни дона Хенаро не существовало вообще.

Дон Хенаро подтолкнул меня, привлекая внимание, а сразу вслед за этим я увидел нечто потрясшее меня до глубины души: на другой стороне площади стоял Хенаро. Я действительно видел его там. Он манил меня к себе. Но я также видел дона Хенаро — он сидел рядом на скамейке и смотрел прямо перед собой, так же, как дон Хуан.

Я хотел что-то сказать по поводу своего полнейшего недоумения, однако обнаружилось, что я онемел. Некая сила сковала меня и не позволяла говорить. Я снова взглянул на Хенаро, стоявшего на той стороне площади за сквером. Он по-прежнему находился там и призывно мне кивнул.

Эмоциональный срыв приближался с каждой секундой. Начало подташнивать, и зрение мое стало туннельным: я смотрел сквозь туннель, который вел прямо к Хенаро на ту сторону площади. А затем огромное любопытство, а может быть, огромный страх — в тот момент они казались одним и тем же чувством — потянул меня туда, где он стоял. Пролетев по воздуху, я оказался рядом с ним. Хенаро заставил меня обернуться и указал на троих, сидевших на скамейке в неподвижных позах, словно время для них остановилось.

Я ощутил ужасающее неудобство, внутренний зуд, словно все мои органы горели в огне, и снова оказался на скамейке. Однако Хенаро там не было. Он помахал мне на прощание с другой стороны площади и скрылся в толпе людей, спешивших на базар.

Дон Хуан очень оживился. Он неотрывно смотрел на меня. Он встал и начал вокруг меня расхаживать. Потом он снова сел и заговорил со мной, но сохранять при этом невозмутимость ему не удавалось.

Я понял, в чем дело. Я вошел в состояние повышенного осознания без помощи дона Хуана. Хенаро удалось заставить мою точку сборки самостоятельно сдвинуться.

Я невольно рассмеялся, увидев, с какой торжественностью дон Хуан засунул мой блокнот к себе в карман. Он сказал, что намерен воспользоваться моим состоянием повышенного осознания для того, чтобы продемонстрировать мне, что нет конца тайне, имя которой — человек, равно как и тайне, имя которой

— мир.

Я полностью сосредоточился на его словах. Однако дон Хуан сказал нечто совершенно мне непонятное. Я попросил повторить. Он заговорил очень тихо. Я решил, что он понизил голос, дабы не быть услышанным посторонними. Я внимательно вслушивался в его слова, но все равно не мог понять ни одного из них. Либо он говорил на каком-то непонятном мне языке, либо просто нес околесицу. Однако странным во всем этом было то, что нечто полностью приковало к себе мое внимание — то ли ритм его голоса, то ли мои отчаянные попытки понять. Я чувствовал, что ум мой не такой, как обычно, хотя в чем именно заключается различие, вычислить не мог. Я напряженно думал, пытаясь сообразить, что происходит.

Дон Хуан очень тихо говорил мне на ухо:

— Ты вошел в состояние повышенного осознания сам, без моей помощи. Это означает, что твоя точка сборки очень подвижна и податлива. И ты можешь заставить ее уйти еще глубже влево. Для этого ты должен расслабиться и впасть в полудремотное состояние прямо здесь, на этой скамейке. Тебе нечего бояться, потому что я рядом. Расслабься, отпусти точку сборки, пусть она смещается.

Я мгновенно ощутил тяжесть глубокого сна. В какой-то момент я осознал, что вижу сон. Там был дом, который я уже когда-то видел. Я приближался к нему, словно идя вдоль по улице. Там были и другие дома, но обратить на них внимание я не мог. Мое осознание было зафиксировано чем-то только на том доме, который я видел. Это был большой оштукатуренный современный дом. Перед домом была лужайка.

Когда я приблизился к дому, у меня возникло ощущение, что он хорошо мне знаком, потому что я видел его в снах не один раз. Посыпанная гравием дорожка вела к парадной двери. Дверь оказалась открытой, и я вошел. Я попал в темный холл. Справа была большая жилая комната с темно-красным диваном и креслами в углу.

Зрение мое явно имело туннельный характер: я мог видеть только то, что находилось прямо перед моими глазами.

Возле дивана стояла молодая женщина, похоже было, что она встала при моем появлении. Стройная и высокая, она была одета в отлично сшитый шикарный зеленый костюм. На вид ей было где-то под тридцать. У нее были каштановые волосы, горящие черные глаза, в которых, казалось, светилась улыбка, и прямой точеный нос изумительной формы. Кожа у нее была белая, но покрытая темным загаром. Красота этой женщины поразила меня. Похоже было, что она американка. Она кивнула мне с улыбкой и протянула руки ладонями вниз, как бы для того, чтобы помочь мне подняться.

Исключительно неуклюжим движением я ухватился за ее руки. Я испугался и хотел отпрянуть, но она держала меня — крепко, но в то же время так нежно. Она заговорила со мной по-испански с легким акцентом. Она просила меня расслабиться, сосредоточить внимание на ее лице и следить за движениями ее губ. Я хотел спросить ее, кто она, но не мог выговорить ни слова.

Затем в ушах моих зазвучал голос дона Хуана. Он сказал:

— Ага, вот ты где, — как будто он только что меня отыскал.

Я сидел рядом с ни на парковой скамейке. Но я также слышал и голос молодой женщины. Она сказала:

— Иди сюда, посиди со мной.

Я выполнил ее просьбу, и началось совершенно невероятное смещение точек зрения. Я по очереди находился то рядом с доном Хуаном, то рядом с нею. И его, и ее я видел совершенно отчетливо, совсем как наяву.

Дон Хуан спросил, нравится ли она мне, нахожу ли я ее привлекательной и успокаивает ли меня ее присутствие. Я не мог говорить, но каким-то образом мне удалось поведать ему свои ощущения. Она нравилась мне бесконечно. Без какой-либо очевидной связи или причины я подумал, что он, должно быть — образец доброты и ее участие в том, что дон Хуан проделывает со мной, совершенно необходимо.

Дон Хуан снова заговорил. Он сказал, что, если она действительно так мне нравится, я должен проснуться в ее доме. Меня приведет туда чувство тепла и привязанности к ней. Я ощутил прилив веселья и безрассудства.

Всепоглощающее возбуждение заструилось сквозь мое тело. Оно словно дезинтегрировало меня, но мне было все равно. И я радостно ринулся в черноту — черноту чернее черного, неописуемую словами — а затем обнаружил, что сижу на диване рядом с молодой женщиной в ее доме.

Когда первый приступ животной паники прошел, я почувствовал, что в каком-то смысле не являюсь полным. Чего-то во мне не хватало. Но угрозы я не чувствовал. В уме промелькнула мысль о том, что все это — сон, который я вижу, заснув на скамейке в сквере на главной площади Оахаки рядом с доном Хуаном, где я на самом деле нахожусь и где через некоторое время и проснусь.

Молодая женщина помогла мне подняться и отвела в ванную комнату. Ванна была наполнена водой. Тут я обнаружил, что на мне нет одежды — я был совершенно гол. Она осторожно помогла мне забраться в ванну и стояла рядом, поддерживая голову, пока я там плавал.

Через некоторое время она помогла мне выбраться из ванны. Я был слаб и чувствовал себя разбитым. Я лег на диван в жилой комнате. Женщина подошла ко мне. Она была совсем близко, мне было слышно, как бьется ее сердце, как кровь течет в ее теле. Глаза ее излучали нечто, бывшее не светом и не теплом, но чем-то странно промежуточным, сочетавшим в себе свойства того и другого. Я знал, что вижу жизненную силу, исходящую от ее тела сквозь глаза. Все ее тело было как топка — оно светилось.

Все мое существо пронзила странная дрожь, словно нервы мои были обнажены, и кто-то дергал за них. Ощущение было подобно агонии. Потом я то ли упал в обморок, то ли уснул.

Проснулся я оттого, что кто-то прикладывал смоченное водой полотенце к моему лицу, затылку и шее. Я лежал на кровати. Молодая женщина сидела в изголовье, рядом стоял столик, на нем — миска с водой. В ногах кровати стоял дон Хуан с моей одеждой, перекинутой через руку.

Я полностью проснулся и сел. Я был накрыт одеялом.

— Ну что, путешественник? — с улыбкой спросил дон Хуан. — Теперь ты уже собрался воедино?

Это было все, что я помнил. Рассказывая этот эпизод дону Хуану, я вспомнил еще один фрагмент. Дон Хуан смеялся надо мной и дразнил по поводу того, что обнаружил меня голым в постели незнакомой женщины. Меня это тогда жутко разозлило. Я оделся и в ярости ринулся прочь из дома.

Дон Хуан догнал меня на лужайке перед домом. Совершенно серьезно он заявил, что я снова стал отвратительно тупым самим собой, что своим смущением я собрал себя воедино, и это говорит ему, что моему чувству собственной важности по-прежнему нет предела. Однако вслед за этим он примирительным тоном добавил, что сейчас все это не имеет значения, поскольку мне удалось главное — сдвинуть точку сборки очень глубоко влево и перенестись благодаря этому на огромное расстояние. И это — поистине замечательно.

Он продолжал говорить о чудесах и тайнах, но мне было не до него — я попал под перекрестный огонь испуга и чувства собственной важности. Я почти дымился. Ведь я был уверен, что дон Хуан загипнотизировал меня там, на скамейке, а затем переправил в дом этой женщины, и что вдвоем они проделали со мной что-то ужасное.

И тут мою ярость как отрезало. На улице было нечто ужасающее, нечто повергшее меня в состояние сильнейшего шока. Гнев мой мгновенно испарился. Но прежде, чем я успел разобраться в своих мыслях, дон Хуан ударил меня по спине, и от всего, что произошло, не осталось и следа. Я оказался в состоянии своей обычной повседневной глупости. Разинув рот, я радостно внимал дону Хуану, беспокоясь о том, нравлюсь я ему или нет.

О втором фрагменте я тоже рассказал дону Хуану. И, рассказывая, понял, что он не только сдвигал меня в состояние повышенного осознания, но иногда и возвращал в нормальное состояние. Это позволяло ему справиться с моими эмоциональными вспышками.

— Забвение — вот единственное, что способно успокоить того, кто путешествует в неизвестном, — прокомментировал он. — Какое это облегчение — снова оказаться в обычном мире!

— В тот день ты совершил нечто грандиозное. Я мог тогда принять единственное трезвое решение: вообще не дать тебе на этом сосредоточиться.

И, как только ты по-настоящему запаниковал, я сдвинул тебя в нормальное состояние осознания. Я сдвинул твою точку сборки туда, где нет сомнений. Для воина существует две позиции точки сборки, в которых нет места сомнениям. В одной из них сомнений нет потому, что ты знаешь все. В другой — позиции нормального осознания — сомнений нет потому, что ты не знаешь ничего.

— Тогда тебе еще слишком рано было знать о том, что случилось на самом деле. Но сейчас, я думаю, время пришло. Глядя на ту улицу ты почти догадался, где находилось твое тело сновидения, и куда ты в результате попал. В тот день ты преодолел огромное расстояние.

Дон Хуан разглядывал меня. В глазах его я видел некую смесь ликования и печали. Я изо всех сил старался не утратить контроль над странным возбуждением, неожиданно меня охватившим. Я ощущал, что нечто невероятно важное для меня затеряно где-то в глубинах моей памяти или, как сформулировал бы дон Хуан, в некоторых незадействованных эманациях, которые однажды подвергались настройке.

Моя борьба за сохранение спокойствия оказалась ошибкой. Колени мои неожиданно задрожали, вдоль середины тела пробежал нервный спазм. Я что-то бубнил, будучи не в состоянии выдавить из себя вопрос. И только после того, как я с трудом сглотнул ком и несколько раз глубоко вздохнул, мне удалось восстановить спокойствие.

— Когда мы с тобой пришли сюда сегодня и сели на эту скамейку, я сказал, что рациональные соображения не должны вмешиваться в действия видящего, — жестко продолжил дон Хуан. — Я знал, что восстановить все, что было тобой проделано, ты сможешь только тогда, когда откажешься от своего рационализма. Но тебе придется сделать это на том уровне осознания, на котором ты находишься сейчас.

— Рациональность мышления — не более чем состояние настройки, всего лишь результат того, что точка сборки находится в определенном положении. Ты должен это понять, находясь именно в состоянии наибольшей уязвимости. А в данный момент ты как раз в таком состоянии и находишься. В состоянии, при котором не может быть сомнений, понимание подобных вещей лишено смысла, поскольку в том положении точки сборки понимание вещей подобного

рода — дело вполне обычное. Настолько же бесполезно их понимание и в состоянии нормального осознания, ибо там оно ограничивается лишь эмоциональными выбросами и сохраняется лишь покуда присутствует соответствующее эмоциональное состояние.

— Я сказал, что в тот день ты преодолел огромное расстояние, — очень спокойно произнес он. — Я говорю так, потому что знаю наверняка. Ведь я там был, помнишь?

Я весь вспотел от нервозности и беспокойства.

— Ты преодолел это расстояние потому, что проснулся в удаленной позиции сновидения — продолжал он. — Перетянув тебя через площадь с этой самой скамейки, Хенаро проложил путь, по которому твоя точка сборки смогла сдвинуться из позиции нормального осознания в позицию, где появляется тело сновидения. И в мгновение ока твое тело сновидения преодолело невероятное расстояние. Но важно не это. Собственно тайна заключена в самой позиции сновидения. Ее сила достаточна для того, чтобы перетягивать всего тебя из одного места в другое, в самые разные концы этого мира или за его пределы. Древние видящие широко этим пользовались. Они исчезали из этого мира, потому что просыпались в позиции сновидения, расположенной за пределами известного. Твоя позиция сновидения в тот день была в этом мире, однако далеко отсюда, от Оахаки.

— Но каким образом происходит такое путешествие? — спросил я.

— Это узнать невозможно, — ответил он. — Сильная эмоция, несгибаемое намерение или чрезвычайный интерес выполняют роль проводника, затем точка сборки прочно фиксируется в позиции сновидения и пребывает там достаточно долго для того, чтобы перетянуть туда все эманации, имеющиеся внутри кокона.

Дон Хуан сказал, что за все годы нашего с ним сотрудничества заставлял меня видеть неисчислимое множество раз, как из нормального состояния осознания, так и из состояния повышенного осознания. Я видел превеликое множество самых разных вещей, которые теперь начинают складываться для меня в более-менее связную картину. Связь эта не логическая и не рациональная, но тем не менее она довольно странным образом проясняет все, что я проделал,

все, что было проделано со мной и все, что я видел за годы, проведенные с доном Хуаном. И теперь мне осталось уяснить себе лишь одно. Я должен прийти к вплетенному в общую картину, но совершенно иррациональному осознанию следующего факта: все что мы научились воспринимать, неразрывно связано с позицией, в которой находится точка сборки. Стоит точке сборки уйти из определенного положения — и мир тут же прекращает быть таким, каким он был для нас.

Дон Хуан заявил, что если точка сборки смещается за среднюю линию кокона, весь известный нам мир в одно мгновение исчезает из виду, словно его стерли — ибо устойчивость и материальность, столь свойственные ему в нашем восприятии суть не более, чем сила настройки. Определенные эманации, привычно настроенные жесткой фиксацией точки сборки в одном и том же определенном месте — вот что такое наш мир.

— Устойчивость мира не есть мираж, — продолжал он. — Мираж есть фиксация точки сборки в определенном месте. Сдвигая точку сборки, видящий встречается не с иллюзией, но с другим миром. И этот другой мир столь же реален, сколь реален тот, который мы созерцаем сейчас. Однако новая фиксация точки сборки, породившая этот новый мир, — такая же иллюзия, как и прежняя ее фиксация.

— Вот, скажем, ты — сейчас ты находишься в состоянии повышенного осознания. И все, что ты способен в этом состоянии сделать — отнюдь не иллюзия, но вещи, такие же реальные, как мир, с которым ты встретишься завтра в своей обычной жизни. Однако мир, который ты видишь перед собой сейчас, завтра существовать не будет. Он существует лишь тогда, когда твоя точка сборки занимает вполне определенную позицию — ту, в которой она находится в настоящий момент.

— Задача, с которой встречается воин после того, как его тренировка окончена суть интеграция. Воинов, особенно мужчин-нагвалей, в процессе тренировки заставляют сдвигать точку сборки в максимально возможное количество позиций. В твоем случае это количество огромно, их не счесть. И все их тебе придется когда-нибудь интегрировать в единое связное целое.

— Например, сдвинув точку сборки в некоторое особое положение, ты вспомнишь, кем была та женщина, — добавил он со странной улыбкой. — Твоя

точка сборки бывала в этой позиции сотни раз. И включить ее в целостную картину тебе будет проще простого.

И тут я начал припоминать, словно память моя зависела от того, что он предложит вспомнить. Смутные образы, неясные ощущения: чувство безграничной привязанности, которое как бы привлекало меня, дивная сладость, разлитая в воздухе, словно кто-то подошел сзади и брызнул на меня духами... Я даже оглянулся. А потом вспомнил. Это была Кэрол — женщина-нагваль! Ведь я только позавчера с ней встречался. Как я мог о ней забыть?

Следующие мгновения невозможно было описать — мне показалось, что вихрь чувств всего моего психологического репертуара пронесся в моем уме. Я спрашивал себя: разве возможно, чтобы я тогда проснулся в ее доме в Туксоне, штат Аризона — за две тысячи миль от Оахаки? И неужели моменты повышенного осознания настолько изолированы Друг от друга, что один из них невозможно вспомнить, переживая другой?

Дон Хуан подошел ко мне и положил руку мне на плечо. Он сказал, что ему в точности известны мои чувства. Его бенефактор заставил его пройти через точно такие же переживания. И так же, как он сейчас пытается успокоить меня, его бенефактор пытался успокоить его самого — словами. Он отдал тогда должное попытке своего бенефактора, но усомнился — и сомневается до сих пор — в том, что возможно успокоить того, кто осознал путешествие в теле сновидения.

Теперь я больше не сомневался. Что-то во мне действительно преодолело расстояние между мексиканским городом Оахакой и американским Туксоном в штате Аризона. Я ощутил странное облегчение, словно сбросил, наконец, с себя груз некой вины.

За годы, проведенные с доном Хуаном, в памяти моей накопилось изрядное количество разрывов. Один из них был связан с нашим пребыванием в Туксоне в тот день. Я помню, что никак не мог вспомнить, когда и как попал в Туксон. Однако я не обратил на это внимания. Я решил, что пробел является результатом моей работы с доном Хуаном. Он всегда очень осторожно обращался с моими рациональными подозрениями и старался не провоцировать их, когда я находился в состоянии повышенного осознания.

Там же, где они были неизбежны, он коротко объяснял неувязки во времени и пространстве природой того, что мы делаем, и свойством этого рода практики нарушать память.

Я сказал дону Хуану, что в тот день оба мы оказались в одном и том же месте, и спросил, означает ли это, что два или несколько человек могут проснуться в одной и той же позиции сновидения.

— Ну конечно, — сказал он. — Именно таким образом древние толтекские маги пачками отправлялись в неизвестное. Узнать, каким образом кто-то за кем-то следует, нет никакой возможности. Это происходит и все. Это делает тело сновидения. Его заставляет присутствие другого сновидящего. В тот день ты потянул меня за собой. И я последовал, потому что хотел быть с тобой рядом.

У меня было столько вопросов к нему, но все они казались лишними.

— Как получилось, что я не мог вспомнить женщину-нагваля? — пробормотал я, и ужасная тревога и тоска охватили меня. Я пытался больше не чувствовать печали, но она вдруг пронзила меня, словно боль.

— А ты и не помнишь ее, — сказал он. — Ты вспоминаешь о ней только тогда, когда смещается твоя точка сборки. Она для тебя — как фантом. И ты для нее — тоже. Только один раз ты встречался с ней, находясь в нормальном состоянии осознания. А она в своем нормальном состоянии вообще ни разу тебя не видела. Ты для нее — такой же образ, как она — для тебя. С той лишь разницей, что ты можешь однажды проснуться и все интегрировать, а она — не может. У тебя есть для этого достаточно времени, у нее же его нет совсем. На пребывание здесь ей отведено совсем мало времени.

Мне захотелось восстать против столь чудовищной несправедливости. В уме я подготовил целый поток возражений, но так ничего и не сказал. Дон Хуан лучезарно улыбался. В глазах его светилось веселье и озорство. Я почувствовал — он ждет моих слов и знает, что я собираюсь сказать. И это ощущение меня остановило. Вернее, я ничего не сказал, потому что моя точка сборки опять сместилась. И я знал, что не стоит жалеть женщину-нагваля из-за того, что у нее нет времени, как и мне не стоит радоваться тому, что у меня оно есть.

Дон Хуан видел меня насквозь. Он потребовал, чтобы я закончил разбираться со своим пониманием и сформулировал причину, по которой не стоит ни чувствовать жалость, ни радоваться. На миг я ощутил, что знаю. Но потом утратил нить.

— Подъем, который ты испытываешь оттого, что время есть, равен подъему, который испытываешь оттого, что его нет, — сказал он. — Ибо это — равно.

— Печаль не есть сожаление, — сказал я. — А я чувствую такую глубочайшую печаль.

— Кому какое дело до твоей печали? — сказал он. — Думай о тайне, ибо только это имеет значение. Мы суть живые существа, и смерть — наш удел, а осознание свое мы обязаны сдать туда, откуда оно получено. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны, должно быть, нас ожидают! Какие тайны!

Глава 18. Преодоление барьера восприятия

Вечером, по-прежнему в Оахаке, мы с доном Хуаном неспешно прогуливались по площади. Подходя к его любимой скамейке, мы увидели, как люди, на ней сидевшие, поднялись и ушли. Мы поспешили к ней, чтобы успеть занять освободившееся место.

— Ну что ж, — произнес дон Хуан, когда мы сели, — вот мы и подошли к концу моего объяснения. Сегодня ты самостоятельно соберешь другой мир, и навсегда отметешь все сомнения. Ты должен безошибочно отдавать себе отчет в том, что тебе предстоит сделать. Сегодня, используя преимущества состояния повышенного осознания, ты должен заставить свою точку сборки перемещаться. И в одно мгновение ты настроишь эманации другого мира.

— А через несколько дней все мы — ты, Хенаро и я — встретимся на вершине

горы. И там ты должен будешь сделать то же самое, однако там у тебя не будет никаких преимуществ, ибо на вершине ты будешь находиться в нормальном состоянии осознания. И сделать это тебе необходимо будет в мгновение ока. Если не получится — ты умрешь смертью обычного человека, который сорвался с обрыва.

Он намекал на действие, которым должно было завершиться обучение правосторонней части моего осознания — прыжок с вершины в пропасть.

Дон Хуан заявил, что тренировка воина заканчивается, когда воину удается без посторонней помощи преодолеть барьер восприятия из состояния нормального осознания. Нагваль подводит воина к порогу, но успех зависит от самого воина. Нагваль просто испытывает его, постоянно предоставляя ему возможности самостоятельно за себя постоять.

— Единственная сила, которая способна временно устранить настройку — это настройка, — продолжал он. — Тебе нужно будет устранить настройку, диктующую восприятие обычного мира повседневности. Вознамерившись изменить позицию своей точки сборки и вознамерившись удержать ее в новой позиции достаточно долго, ты соберешь другой мир и тем самым ускользнешь из этого.

— Древние видящие, бросившие вызов смерти, по сей день избегают ее именно таким образом — намерением сдвинув свои точки сборки и зафиксировав их в позициях, переносящих видящих в какой-либо из семи других миров.

— Что произойдет, если мне удастся собрать другой мир? — спросил я.

— Ты отправишься туда, — был ответ. — Как отправился туда Хенаро с этого самого места в тот вечер, когда он показывал тебе тайну настройки. Помнишь?

— Но куда я попаду, дон Хуан?

— В другой мир, разумеется. Куда же еще?

— А окружающие люди, и дома, и горы, и все остальное?

— От всего этого тебя будет отделять тот самый барьер, который ты преодолеешь — барьер восприятия. И точно так же, как захоронившие себя видящие, ты уйдешь из этого мира. Тебя здесь не будет.

Услышав это утверждение, я ощутил, как внутри меня разворачивается настоящее сражение. Какая-то часть меня протестовала и кричала, что позиция дона Хуана не выдерживает никакой критики, другая же часть знала, что он безусловно прав.

Я спросил, что произойдет, если я сдвину свою точку сборки в Лос-Анжелесе — прямо на улице, среди людей и транспорта.

— Лос-Анжелес растает, как дым, — очень серьезно ответил он. — Но ты останешься.

— В этом и заключается тайна, которую я пытался тебе объяснить. Ты не раз испытывал это на себе, однако так и не понял. А сегодня — поймешь.

Он сказал, что пока еще я не сумею воспользоваться для сдвига точки сборки толчком земли. Пусковым моментом станет настоятельная потребность в осуществлении сдвига.

Дон Хуан взглянул на небо. Он вытянул вверх руки, словно слишком долго просидел неподвижно и теперь хотел сбросить физическую закрепощенность. Потом он приказал мне выключить внутренний диалог и погрузиться в безмолвие. Потом он встал и пошел прочь с площади, знаком велев мне следовать за ним. Мы вошли в пустынную боковую улочку. Я узнал ее — это была та самая улица, на которой Хенаро демонстрировал мне настройку. Едва я это вспомнил, как тут же обнаружил, что шагаю рядом с доном Хуаном по пустынной равнине с желтыми дюнами из чего-то похожего не серу. Место это к тому времени уже было мне хорошо знакомо.

Я вспомнил, что дон Хуан заставлял меня воспринимать этот мир много-много раз. И еще я вспомнил, что за пустынными дюнами есть еще один мир, сияющий дивным, ровным, чистым, белым светом.

Когда в этот раз мы с доном Хуаном вошли в белый мир, я ощутил, что свет, исходивший отовсюду, не прибавляет сил, но успокаивает настолько, что

производит впечатление священного.

Священный свет омывал меня, и тут вполне рациональная мысль пришла мне в голову. Я подумал, что мистики и святые, должно быть, совершали это путешествие точки сборки. В человеческой матрице они видели Бога, в серных дюнах — ад, а в дивном прозрачно-белом свете они видели райское сияние небес.

Рациональная мысль немедленно сгорела под натиском того, что я воспринимал. Мое осознание было привлечено огромным количеством фигур мужчин, женщин, детей всех возрастов и других непостижимых образов. Все это ослепительно сияло лучистой белизной.

Я увидел дона Хуана. Он шагал рядом. Он смотрел не на явившиеся нам образы, а на меня. В следующее мгновение я увидел его иначе — теперь это был шар светимости, качавшийся вверх-вниз в футе от меня. Неожиданно шар резко приблизился, и я увидел то, что было внутри.

Специально для меня дон Хуан принялся манипулировать своим свечением осознания. Оно неожиданно выхватило четыре или пять нитеподобных волокон на левой стороне его светимости и там зафиксировалось. Мое внимание было полностью сосредоточено на этих ярких волокнах. Что-то медленно втянуло меня в некоторое подобие трубы, и я увидел союзников — три темные, длинные, прямые фигуры, дрожащие подобно листьям на ветру. Я видел их на почти светящемся розовом фоне. В мгновение, когда я сфокусировал на них свой взгляд, они приблизились ко мне. Они не скользили и не летели, но подтягивались на каких-то волокнах белизны, исходивших из меня. Белизна не была ни светом, ни свечением, она походила на толстые линии, нарисованные меловым порошком. Они рассеялись быстро, но не достаточно: прежде, чем это произошло, союзники уже на меня насели.

Они теснили меня со всех сторон. Я почувствовал раздражение. Союзники немедленно, словно по внушению, от меня отодвинулись. Мне стало их жаль. И тут же они вернулись. Они подошли совсем близко и стали об меня тереться. И я увидел то, что уже видел в зеркале, погруженном в ручей. Союзники не обладали внутренней светимостью. В них не было также внутренней подвижности. В них не было жизни. Но тем не менее, было очевидно, что они живые. Странные гротескные фигуры, напоминавшие застегнутые на

«молнию» спальные мешки. Посередине каждого из них проходила тонкая линия, похожая на шов.

Они не были мне приятны. Я ощущал их полную чужеродность. Это порождало чувство неудобства, какое-то нетерпение. Я видел, что союзники движутся, словно подпрыгивая вверх-вниз, и внутри них что-то слабо-слабо светится. Интенсивность свечения становилась все большей, пока наконец, по крайней мере у одного, из них, свечение не стало достаточно ярким.

В мгновение, когда я это увидел, я обнаружил, что нахожусь в черном мире. Он не был темен как ночь, скорее просто все, что меня окружало, было черным, как смоль. Я взглянул на небо, но нигде не было видно света. Небо тоже было черным и буквально сплошь усеянным линиями и неправильными кольцами черноты разной плотности. Оно было похоже на черную древесину с рельефно выделенной фактурой.

Я посмотрел вниз, на землю. Она была пушистой. Казалось, она образована хлопьями агар-агара. Они не были матовыми, но они и не блестели. Это было нечто среднее. Такого я никогда в жизни не видел: черный агар-агар.

Затем я услышал голос видения. Он сказал, что моя точка сборки собрала целостный мир в другой большой полосе — черный мир.

Я старался впитывать каждое услышанное слово. Но для этого мне пришлось разделить сосредоточение. Голос замолчал, фокусировка зрения восстановилась. Мы с доном Хуаном стояли на улице в нескольких кварталах от площади.

Я мгновенно почувствовал, что времени на отдых у меня нет, и бессмысленно идти на поводу у желания впасть в состояние шока. Собравшись с силами, я спросил у дона Хуана, удалось ли мне выполнить то, что он задумывал.

— Ты выполнил все в точности так, как от тебя требовалось, — заверил он. — Давай вернемся на площадь, я хочу пройтись по ней еще раз — последний раз в этом мире.

Я не хотел думать об уходе дона Хуана, поэтому спросил его о черном мире. Мне смутно припоминалось, что когда-то я его уже видел.

— Это — мир, который собирается проще всего, — ответил он. — И из всего, что ты только что пережил, внимания заслуживает только он. Сборка черного мира — единственная полноценная настройка эманаций другой большой полосы, которой тебе когда-либо удавалось добиться. Все остальное — поперечный сдвиг в человеческой полосе, не выходящий за пределы одной и той же большой полосы — той, которой принадлежит и полоса человека. Стена тумана, желтые дюны, мир белых призраков — все это результаты поперечного смещения точки сборки, обусловленные настройкой, которую она осуществляет на своем пути к критической позиции.

Пока мы шли к площади, дон Хуан объяснил мне, что одним из странных свойств черного мира является отсутствие в нем эманаций, отвечающих за время в нашем мире. Вместо них там имеются другие эманации, дающие другой результат. Попав в черный мир, видящий может чувствовать, что прошла вечность, но в нашем мире за это время проходит лишь мгновение.

— Черный мир — ужасен, потому что тело в нем стареет, — убежденно добавил он.

Я попросил разъяснить. Он замедлил шаги и взглянул на меня. Он напомнил мне, как Хенаро, со свойственной ему прямотой уже пытался как-то обратить на это мое внимание, когда говорил, что мы брели по аду целую вечность, хотя и минуты не прошло в том мире, который мы знаем.

Дон Хуан заметил, что в молодости он был какое-то время одержим черным миром. И однажды в присутствии своего бенефактора поинтересовался, что будет, если он отправится в черный мир и некоторое время там побудет. Но его бенефактор не был склонен к объяснениям. Он просто отправил дона Хуана в черный мир, предоставив тому самостоятельно выяснять, что из этого получится.

— Сила нагваля Хулиана была столь огромна, что мне понадобилось несколько дней на то, чтобы оттуда выбраться, — продолжал дон Хуан.

— Ты имеешь в виду, что на возвращение точки сборки в нормальное положение у тебя ушло несколько дней? — переспросил я.

— Да, именно это я и имею в виду, — подтвердил он. И он рассказал, что за несколько дней блуждания в черном мире он постарел по крайней мере лет на десять, если не больше. Эманации внутри его кокона почувствовали напряжение нескольких лет одинокой борьбы.

С Сильвио Мануэлем все было совсем по-другому. Его нагваль Хулиан тоже швырнул в неизвестное, но Сильвио Мануэль собрал другой мир в одной из других больших полос. В том мире тоже не было времени, но он действовал на видящего совершенно противоположным образом. Сильвио Мануэль отсутствовал целых семь лет, хотя ему показалось, что он провел в том мире всего мгновение.

— Сборка других миров — вопрос не только практики, но также намерения, — продолжил дон Хуан. — И это не просто упражнение по выскакиванию из других миров, как на резинке. Видящий должен обладать отвагой. Преодолев барьер восприятия, ты вовсе не обязан возвращаться в то самое место этого мира, откуда уходил. Понимаешь?

Смысл его слов начинал медленно до меня доходить. У меня возникло почти непреодолимое желание посмеяться над столь абсурдной идеей, но идея вдруг стала превращаться в уверенность, однако прежде, чем я успел вспомнить что-то еще, дон Хуан заговорил, не дав мне до этого чего-то добраться.

Он сказал, что при сборке других миров воин подвергается опасности, которая заключается в их притягательности. Они притягательны не в меньшей степени, чем наш мир. После того, как точка сборки высвободилась из фиксированного положения, она может быть зафиксирована силой настройки в других положениях. Такова сила настройки. Поэтому воин рискует застрять в немыслимом одиночестве.

Рациональная часть меня отметила, что, пребывая в черном мире, я видел дона Хуана рядом с собой как шар светимости. Следовательно, есть возможность находиться в том мире не в одиночестве.

— Возможность есть, но только в том случае, если те, с кем ты намерен туда отправиться, сдвинут свои точки сборки одновременно с тобой, — сказал по этому поводу дон Хуан. — Я сдвинул свою, чтобы отравиться туда вместе с тобой, иначе ты оказался бы там один в обществе союзников.

Мы остановились. Дон Хуан сказал, что мне пора.

— Я хочу, чтобы ты миновал все поперечные сдвиги, — объяснил он, — и отправился прямо в следующий целостный мир — в черный мир. Через пару дней тебе предстоит проделать это самостоятельно. И тогда у тебя не будет времени на мелочи — если ты не сделаешь этого, ты умрешь.

И он объяснил, что преодоление барьера восприятия является кульминацией всего того, что делают видящие. С момента преодоления барьера человек и его судьба приобретают для воина совсем другое значение. Ввиду трансцендентального значения преодоления этого барьера, видящие используют акт его преодоления в качестве финального теста. Воин должен прыгнуть в пропасть с обрыва, находясь в состоянии нормального осознания. Если ему не удастся стереть мир повседневности и собрать другой мир до того, как он достигнет дна, он погибнет.

— Ты должен заставить этот мир исчезнуть, — продолжал дон Хуан, — но при этом в каком-то смысле остаться самим собой. Это и есть последний бастион осознания, на который рассчитывают новые видящие. Они знают, что, когда пламя осознания сожжет их, они сохранят самоосознание, в определенном смысле оставаясь самими собой.

Он улыбнулся и указал на улицу, которая была видна с того места, где мы стояли — ту самую улицу, где Хенаро показывал мне тайны настройки.

— Эта улица, как и любая другая, ведет в вечность, — сказал он. — Нужно только идти по ней в абсолютном безмолвии. Время! Теперь иди! Иди!

Он повернулся и зашагал от меня. Хенаро ждал его на углу. Хенаро помахал мне рукой и жестом велел идти. Дон Хуан удалялся, не оглядываясь. Хенаро пошел рядом с ним. Я двинулся было за ними. Но я знал, что поступаю неверно. И я пошел в обратную сторону по темной пустынной унылой улице. Я не поддался ни чувству поражения, ни ощущению беспомощности. Я шел, погрузившись в безмолвие. Точка сборки начала смещаться с бешеной скоростью. Я увидел троих союзников. Они словно широко улыбались своими линиями, протянувшимися поперек коконов. Мне было все равно, ничто не имело значения. И тогда сила, подобная ветру, унесла прочь этот мир.

Эпилог

Спустя пару дней вся команда Нагваля и все ученики собрались на плоской вершине горы, о которой говорил мне дон Хуан.

Дон Хуан сказал, что все со всеми уже попрощались и что мы находимся в состоянии осознания, не допускающем никаких сантиментов. Для нас существует только действие, ибо теперь мы — воины в состоянии тотальной войны.

Все, кроме дона Хуана, Хенаро, Паблито, Нестора и меня отошли немного в сторону от вершины, чтобы дать возможность Паблито, Нестору и мне остаться наедине с самими собой и вернуться в состояние нормального осознания.

Но перед тем, как мы сделали это, дон Хуан взял нас за руки и обошел вместе с нами плоскую вершину.

— Через минуту вам предстоит собственным намерением сдвинуть свои точки сборки, — сказал он. — И никто не поможет вам. Теперь вы одни. И вы должны помнить: намерение начинается с команды.

Древние видящие говорили: если уж воин собирается вести внутренний диалог, — это должен быть правильный диалог. Для древних видящих это означало, что диалог должен быть о магии и об усилении самопоглощенности. Для новых видящих это означает не диалог вообще, но отрешенное управление намерением посредством уравновешенных и трезвых команд.

Дон Хуан несколько раз повторил, что управление намерением начинается с команды, данной самому себе. Затем команда повторяется до тех пор, пока не становится командой Орла. И в тот миг, когда воин достигает внутреннего безмолвия, его точка сборки сдвигается.

— Сам факт возможности осуществления такого маневра, — сказал дон Хуан, — имеет чрезвычайно большое значение как для древних видящих, так и для новых, но по диаметрально противоположным причинам. Знание его позволяло древним видящим сдвигать свои точки сборки в невообразимые позиции сновидения в неизмеримом неизвестном. Для новых видящих знание этого факта означает отказ от того, чтобы стать пищей. Оно позволяет им ускользнуть от Орла, сдвинув точку сборки в позицию сновидения, называемую «абсолютной свободой».

— Древние видящие обнаружили возможность сдвинуть точку сборки на границу известного и удерживать ее там в состоянии сверхповышенного осознания. Из этой позиции они увидели, что можно медленно и неуклонно сдвигать точку сборки дальше — в другие позиции за границей известного. Такой сдвиг был великим достижением, исполненным отваги, но начисто лишенным уравновешенности, ибо они никогда не смогли, а может быть, не захотели вернуть точку сборки обратно.

Искатель приключений, поставленный перед выбором — умереть здесь, в обычном мире или умереть в одном из других неизведанных миров — неизбежно предпочтет второе. Новые видящие осознали, что выбор их предшественников заключался только в изменении места смерти. И они поняли тщетность всего этого: тщетность борьбы за власть над своими ближними, тщетность собирания других миров, и, прежде всего, — тщетность чувства собственной важности.

Одним из самых удачных решений, принятых новыми видящими, было решение никогда не допускать устойчивых смещений точки сборки в какие бы то ни было положения, отличные от позиции повышенного осознания. Из этой позиции им фактически удалось разрешить дилемму тщетности. Они обнаружили, что дело не в том, чтобы выбрать другой мир, в котором можно было бы умереть, а в том, чтобы выбрать полное осознание, полную свободу.

Дон Хуан отметил, что, избрав абсолютную свободу, новые видящие непреднамеренно продолжили традицию своих предшественников, бросивших вызов смерти. Однако их вызов стал квинтэссенцией вызова вообще, брошенного смерти.

Новые видящие обнаружили, что, если сначала сдвинуть точку сборки к границам неизвестного, а затем вернуть на границу известного, то потом, мгновенно высвобождаясь, она подобно молнии проносится поперек всего кокона человека, настраивая сразу все внутренние эманации.

— Новые видящие за счет силы настройки сгорают, — продолжал дон Хуан, — воли, которую они безупречной жизнью превратили в силу намерения. Намерение суть настройка всех янтарных эманаций осознания, поэтому правильно будет назвать полную свободу полным осознанием.

— Именно это все вы собираетесь сделать, дон Хуан? — спросил я.

— Вероятнее всего мы это сделаем, если у нас окажется достаточно энергии, — ответил он. — Свобода — дар Орла человеку. К сожалению, очень немногие из людей понимают, что для того, чтобы принять этот бесценный дар, нам необходимо лишь обладать достаточным количеством энергии.

А если это все, что нам необходимо, то мы должны всеми способами экономить и накапливать энергию.

Потом дон Хуан позволил нам вернуться в состояние нормального осознания. На закате Паблито, Нестор и я прыгнули в пропасть. Дон Хуан и все члены его отряда сгорели в огне изнутри. Они ушли в полное осознание, ибо обладали количеством энергии, достаточным для того, чтобы принять умопомрачительный дар свободы.

Паблито, Нестор и я не погибли на дне той пропасти, как не погибли там и другие ученики, прыгнувшие с вершины до нас. Ибо никто из нас не достиг дна. Под воздействием такого значительного и непостижимого поступка, как прыжок навстречу смерти, все мы сдвинули свои точки сборки и собрали другие миры.

Теперь мы знаем, что мы оставлены здесь для того, чтобы вспомнить состояние повышенного осознания и восстановить полноту своей сущности. Знаем мы также и то, что, чем больше мы будем вспоминать, тем более сильным будет становиться наше вдохновение и наше устремление, и тем более глубокие сомнения и возрастающее смятение будут охватывать нас.

Итак, мы оставлены испытывать танталовы муки, стремясь к ответам на самые главные вопросы о природе и судьбе человека, до тех пор, пока у нас не будет энергии, достаточной не только для того чтобы проверить все, чему учил нас дон Хуан, но и для того, чтобы самим принять дар Орла.

кн.8 (1987) «СИЛА БЕЗМОЛВИЯ»

Неназванный перевод под общей редакцией И.Л.Старых

Пролог

Мои книги — это точный рассказ о методе обучения, применяемом мексиканским индейцем-магом доном Хуаном Матусом для того, чтобы помочь мне понять мир магов. В этом смысле мои книги отражают непрерывный продолжающийся процесс, который становился для меня все яснее с течением времени. Необходимы многие годы практики, чтобы научить нас разумному

поведению в мире повседневной жизни. Наше обучение — в сфере простых рассуждений или формальных предметов — осуществляется весьма тщательным образом, поскольку получаемые нами знания очень сложны. Те же критерии применимы к миру магов; обучение магии, основанное на устных инструкциях и манипуляции осознанием, хотя и очень отличаются от нашего академического обучения, осуществляется не менее тщательно, потому что их знания, возможно, еще более сложны.

Carlos Cesar Arana CASTANEDA. (1925(?)-1998)

Введение

В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием было бы «нагвализм», но этот термин является слишком непонятным. Назвать это просто «знание» — означало бы не отразить его сути, а назвать его «колдовством» было бы просто унизительно. «Овладение намерением» — слишком абстрактно, а «поиски полной свободы» — слишком длинно и метафорично. В конце концов он, не сумев найти более подходящего названия, согласился называть его «магией»,[1 - В своей последней книге «Колесо времени» К. К. стал называть это знание сибирским термином «шаманизм». — См. «Колесо времени», «София», Киев, 1998. — Прим. ред.] хотя признавал, что и этот термин недостаточно точен. На протяжении многих лет нашего знакомства он уже давал мне несколько определений магии, но всегда подчеркивал при этом, что они меняются по мере накопления знания. Приближаясь к концу своего ученичества, я почувствовал, что теперь смогу понять более четкое определение, поэтому снова обратился к дону Хуану.

— С точки зрения среднего человека, — сказал дон Хуан, — магия — это чепуха или зловещая тайна, выходящая за пределы его понимания. И он прав — не потому, что это действительно так — просто среднему человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией.

Немного помолчав, он продолжал:

— Человеческие существа рождены с ограниченным количеством энергии, которая, начиная с момента рождения, непрерывно развертывается таким образом, что может быть использована модальностью времени наиболее выгодным образом.

— Что ты имеешь в виду, говоря о «модальности времени»? — спросил я.

— Модальность времени — это определенный узел энергетических полей, находящихся в зоне восприятия, — ответил он. — Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков изменяется. Определенному времени соответствует определенная форма, определенный узел из бесконечного количества энергетических полей. И овладение модальностью времени — этими несколькими избранными полями — отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не оставляя нам возможности использовать какие-нибудь другие энергетические поля.

Едва заметным движением бровей он предложил мне подумать над всем этим.

— Именно это я имею в виду, когда говорю, что среднему человеку недостает энергии для занятий магией, — продолжал он. — Если он использует лишь ту энергию, что имеется у него в наличии, он не может постичь миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, обычный человек для восприятия и понимания мира магов должен был бы использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже задействована.

Он остановился на минутку, как бы подыскивая нужные слова.

— Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее — умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия — это состояние сознания. Магия — это способность воспринимать нечто, недоступное

обычному восприятию.

Все, через что я тебя провел, — продолжал дон Хуан, — все, что я показывал тебе, — все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть. Незачем кому-то учить нас магии, потому что на самом деле нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам только нужен учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию; но все, что он делает при этом, — это позволяет убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может овладеть ею.

— И все, что ты делаешь, дон Хуан, — это просто убеждаешь меня?

— Именно так. Я пытаюсь убедить тебя, что ты можешь овладеть этой Силой. В свое время я прошел через то же самое. И меня так же нелегко было убедить, как тебя сейчас.

— Но что именно мы с ней делаем после того, как овладели ею, дон Хуан?

— Ничего. Как только мы овладеваем ею, она сама начнет приводить в действие энергетические поля, которые доступны нам, но не находятся в нашем распоряжении. Это, как я сказал, и есть магия. В этом случае мы начинаем видеть, то есть — воспринимать нечто иное, но не как воображаемое, а как реальное и конкретное. И тогда мы начинаем знать без каких бы то ни было слов. А вот что именно делает каждый из нас со своим возросшим восприятием, зависит от его темперамента.

На следующий раз он дал мне объяснение другого рода. Мы обсуждали совершенно постороннюю тему, и вдруг он резко сменил предмет беседы и начал рассказывать мне что-то смешное. Потом он засмеялся и очень мягко хлопнул меня по спине между лопатками, как если бы стеснялся своей вольности по отношению ко мне. Заметив мою нервозность, он усмехнулся.

— Ты пуглив, — сказал он, поддразнивая меня, и шлепнул по спине гораздо сильнее.

В ушах у меня зазвенело. На какой-то миг у меня перехватило дыхание. Мне

показалось, что он повредил мне легкие. Каждый вдох был для меня настоящей мукой. Но отдышавшись и откашлявшись, я почувствовал, что нос у меня открылся и я могу дышать глубоко и спокойно. Мне стало настолько хорошо, что я даже не разозлился на дона Хуана, удар которого был таким сильным и неожиданным.

Затем дон Хуан начал свое очень примечательное объяснение. Ясно и кратко он дал мне еще одно, более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние осознания! Мой ум был настолько ясным, что я был в состоянии понимать и усваивать все, что говорил дон Хуан. Он сказал, что во Вселенной существует неизмеримая, неописуемая сила, которую маги называют намерением, и абсолютно все, что существует во Вселенной, соединено с намерением связующим звеном. Маги — или воины, как он их называл, — пытаются понять и использовать это связующее звено. Особенно они заботятся об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. На этом уровне магия может бытьопределена как процесс очистки нашего связующего звена снамерением. Дон Хуан подчеркнул, что обучить этой «очистительной процедуре», равно как и понять ее, — невероятно сложно. Поэтому маги разделили свои инструкции на два класса. Первый — это инструкции для обычного состояния осознания, в котором процесс очистки осуществляется в замаскированном виде. Второй — это инструкции для состояний повышенного осознания, в одном из которых я как раз сейчас и нахожусь и в которых маги получают знания прямо от намерения, минуя отвлекающее вмешательство разговорного языка.

Дон Хуан объяснил, что благодаря использованию повышенного осознания за тысячи лет тяжкой борьбы маги обрели способность особого проникновения в суть намерения и что они передавали эти сокровища прямого знания от поколения к поколению до настоящего времени. Он сказал, что задачей магии является сделать это кажущееся непостижимым знание понятным с точки зрения осознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни магов. Он сказал, что такой руководитель называется «Нагваль» и что Нагваль — это мужчина или женщина с экстраординарной энергией; это учитель, обладающий трезвостью, стойкостью и стабильностью. Такого человека видящие видят как светящуюся сферу, имеющую четыре отделения, как если бы четыре светящихся шара

сжали вместе. Благодаря такой необычайной энергии Нагвали являются посредниками. Их энергия позволяет им получать мир, гармонию, знание и смех прямо из источника — из намерения, и передавать все это своим товарищам. Нагвали способны предоставлять то, что маги называют «минимальным шансом»: осознание человеком связи с намерением. Я сказал ему, что мой ум способен понять все, что он говорит мне, и что лишь один момент в его объяснениях до сих пор остался неясным: зачем нужны два вида обучения. Я мог легко понять все, что он говорил о своем мире, хотя он утверждал, что процесс понимания очень труден.

— Тебе может понадобиться целая жизнь, чтобы вспомнить те озарения, которые были у тебя сегодня, — сказал он, — потому что большинство из них есть безмолвное зна-

ние. Через несколько секунд ты все это забудешь. Это — одна из непостижимых загадок осознания.

Затем дон Хуан сместил уровень моего осознания, нанеся мне удар сбоку по левой стороне груди.

Внезапно я утратил необыкновенную ясность ума и даже не помнил, что имел ее только что...

* * *

Дон Хуан сам поставил мне задачу делать записи о предпосылках магии. Однажды, еще на ранней стадии моего ученичества, он как бы невзначай предложил мне написать книгу, чтобы как-то использовать те дневники, которые я вел постоянно. Их у меня накопились целые горы, и я никак не мог решить, что с ними делать.

Я возразил, что это предложение абсурдно, поскольку я не писатель.

— Конечно, ты не писатель, — ответил он, — поэтому тебе придется использовать магию. Во-первых, тебе необходимо визуализировать свой опыт, чтобы он живо предстал перед тобой, а затем ты должен увидеть текст в своих сновидениях. Таким образом, записи должны быть для тебя не

литературным упражнением, а скорее упражнением в магии.

Вот так и получилось, что в контексте обучения я писал о предпосылках магии одновременно с объяснениями дона Хуана.

В его схеме обучения, разработанной еще магами древности, было две категории инструкций. Одна называлась «обучение для правой стороны» и осуществлялась в обычном состоянии. Вторая — «обучение для левой стороны» — осуществлялась только в состоянии повышенного осознания.

Эти два вида обучения позволяли учителям ввести своих учеников в три области специального знания: овладение осознанием, искусство сталкинга и овладение намерением.

Эти три области специального знания являются тремя проблемами, с которыми маг сталкивается в своих поисках знания.

Искусство сталкинга — это проблема сердца; маги заходят в тупик, начиная осознавать две вещи. Первая заключается в том, что мир предстает перед нами нерушимо объективным и реальным в силу особенностей нашего осознания и восприятия, и вторая — если задействуются иные особенности восприятия, то представления о мире, которые казались такими объективными и реальными, — изменяются.

Овладение намерением — это проблема духа,[2 - В восьмой книге К. К. понятие «power» — «Сила» заменено понятием «spirit» — «дух».(Здесь и далее прим. перев.)] или парадокс абстрактного, — мысли и действия магов выходят за пределы нашего человеческого осознания.

Инструкции дона Хуана в отношении искусства сталкинга и овладения намерением взаимосвязаны с его инструкциями об овладении осознанием — краеугольным камнем его учения, состоящего из следующих основных предпосылок:

1. Вселенная является бесконечным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.

2. Эти энергетические поля, называемые «эманациями Орла», излучаются из

источника непостижимых размеров, метафорически называемого «Орлом».

3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют подобные гигантским светящимся яйцам замкнутые скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам.

4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара освещена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется «точкой, где собирается восприятие», или просто «точкой сборки».[3 - «Assemblage point» (англ.).]

6. Точка сборки может быть сдвинута со своего положения на поверхности светящегося шара в другие места на поверхности или внутри шара. Поскольку свечение точки сборки может озарить все энергетические поля, с которыми она приходит в контакт, она немедленно высвечивает новые энергетические поля, делая их восприимчивыми. Это восприятие известно как видение.

7. Когда точка сборки смещается, становится возможным восприятие совершенно иного мира — такого же объективного и реального, как и тот, который мы воспринимаем обычно. Маги отправляются в тот другой мир, чтобы получить силу, энергию, решение общих и частных проблем или для встречи лицом к лицу с невообразимым.

8. Намерение — это проникающая сила, которая дает нам возможность восприятия. Мы осознаем не благодаря восприятию, — скорее, мы воспринимаем в результате давления и вмешательства намерения.

9. Целью магов является достижение полного осознания для того, чтобы овладеть всеми возможностями, доступными человеку. Это состояние осознания предполагает даже совершенно иной способ ухода из жизни.

* * *

Частью обучения овладения осознанием является практическое знание. На этом практическом уровне дон Хуан обучал меня и других действиям, необходимым для сдвига точки сборки. Древние маги-видящие открыли две большие системы для достижения этого: сновидение как контроль и способ использования снов и сталкинг — контроль поведения.

Сдвиг точки сборки — это важное действие, которому должен научиться каждый маг. Некоторые из них, Нагвали, должны научиться выполнять его еще и для других. Они способны выводить точку сборки из ее обычного положения, нанося непосредственно по ней сильный удар. Этот удар, который ощущается как толчок по правой лопатке — хотя непосредственно тела никогда не касаются, — приводит к состоянию повышенного осознания.

Согласно традиции, дон Хуан излагал ученику наиболее важную и драматическую часть своего учения исключительно в таких его состояниях повышенного осознания. Эта часть содержала инструкции для «левой стороны». В связи с необычным качеством этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я ни с кем не обсуждал их до тех пор, пока мы с ним полностью не закончим обучение по схеме магов. Принять такое требование было нетрудно. В этих уникальных состояниях мои возможности к пониманию инструкций невероятно возрастали, но в то же время способность описывать или даже запоминать их исчезала совсем. Находясь в таких состояниях, я мог действовать четко и уверенно, но не был способен ничего о них вспомнить, когда возвращался к нормальному состоянию.

Мне потребовались годы, чтобы обрести возможность совершить критический перевод опыта своего повышенного осознания в область обычной памяти. Мой разум и здравый смысл задержали наступление этого момента, потому что они лицом к лицу столкнулись с абсурдной, непостижимой реальностью повышенного осознания и прямого знания. В течение ряда лет следствием этого было нарушение системы моих знаний, что вынуждало меня избегать данной темы, не думая о ней. Все, что я написал о своем ученичестве в магии до сих пор, является изложением того, как дон Хуан обучал меня овладению осознанием. Однако до сих пор я еще не описывал искусство сталкинга и овладение намерением.

Дон Хуан учил меня их принципам и применению с помощью двух своих сотрудников: мага по имени Висенте Медрано и еще одного мага, которого звали Сильвио Мануэль. К сожалению, практически все, чему я у них научился, до сих пор остается неясным для меня, скрытым в том, что дон Хуан называл «лабиринтами повышенного осознания». Вплоть до самого последнего времени совершенно невозможным для меня было писать или даже думать последовательно об искусстве сталкинга или овладении намерением. Моей ошибкой было то, что я рассматривал их как предметы, доступные для нормальной памяти или воспоминания. Таковыми они и являются, но в то же время это не так. Чтобы разрешить это противоречие, я не обсуждал эти темы прямо — это было практически невозможно, — но косвенно я уже касался их: я имею в виду заключительную часть учения дона Хуана — рассказ о магах прошлого.

Он рассказывал эти истории, чтобы пояснить смысл того, что он называл «абстрактными ядрами»[4 - «Abstract core» (англ.).] своих уроков. Однако я был не в состоянии уловить суть этих «абстрактных ядер», несмотря на его исчерпывающие объяснения. Теперь-то я знаю, что эти объяснения предназначались скорее для того, чтобы сделать мой ум более открытым, чем для действительно рационального понимания чего бы то ни было. Его манера говорить заставляла меня много лет подряд думать, что его объяснения касательно «абстрактных ядер» были сродни академическим рассуждениям; и все, что я был способен делать при таких обстоятельствах, — это принимать его объяснения как данность. Они стали частью моего молчаливого приятия его учения, но оценить их полностью я не мог, что существенно влияло на понимание этих историй.

Дон Хуан описал три серии, в каждой из которых было по шесть абстрактных ядер, расположенных по принципу возрастания трудности. В данной книге я рассматриваю первую серию, которая состоит из следующих принципов: 1. Проявления духа; 2. Толчок духа; 3. Уловки духа; 4. Нисхождение духа; 5. Требования намерения; 6. Управление намерением.

Глава 1. Проявления духа

Первое абстрактное ядро

Всякий раз, когда представлялся случай, дон Хуан рассказывал мне короткие истории о магах его партии и особенно о своем учителе, Нагвале Хулиане. Это были не истории в обычном смысле, а скорее описание поведения магов и особенностей их личности. Каждый из этих рассказов был рассчитан на то, чтобы пролить свет на какую-либо конкретную проблему моего ученичества.

Я слышал те же истории от других пятнадцати членов группы магов дона Хуана, но никто из них не мог дать мне ясное представление о людях, которых они описывали. Мне не удавалось убедить дона Хуана подробно описать этих магов, поэтому я почти примирился с тем, что мне никогда не узнать о них достаточно глубоко.

Однажды в полдень в горах Южной Мексики дон Хуан, очередной раз объясняя сложности овладения осознанием, вдруг сделал заявление, которое совершенно поставило меня в тупик.

— Мне кажется, настало время поговорить о магах нашего прошлого, — сказал он.

Дон Хуан объяснил, что мне необходимо начать делать выводы, основанные на систематическом взгляде на прошлое, выводы как о мире повседневной жизни, так и о мире магии.

— Маги имеют жизненно важную связь со своим прошлым, — сказал он. — Но я не имею в виду их личное прошлое. Для магов их прошлое заключается в делах, которые совершили другие маги, и сейчас мы собираемся заняться

анализом именно такого прошлого. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Маги в таком случае заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы получить точку отсчета.

— Но разве не это делает каждый из нас? Именно за ней мы и обращаемся к прошлому.

— Нет! — ответил он с ударением. — Средний человек соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или чтобы найти для себя модель. Только маги в своем прошлом действительно ищут точку отсчета.

— Может быть, дон Хуан, я лучше пойму все это, если ты расскажешь мне, что подразумевают маги под «точкой отсчета»?

— Для магов установить точку отсчета означает получить возможность изучения намерения, — ответил он. — Это и есть главная тема и цель нашей последней инструкции. И ничто не сможет помочь магу так хорошо увидеть намерение, как рассмотрение историй других магов, боровшихся за понимание этой же Силы.

Он объяснил, что, исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно просматривали основной абстрактный порядок своего учения.

— В магии имеется двадцать одно абстрактное ядро, — продолжал дон Хуан, — и существует множество основанных на этом магических историй о Нагвалях нашей линии, боровшихся за понимание духа. Настало время познакомить тебя с абстрактными ядрами и историями магов.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне эти истории, но он сменил тему и вернулся к объяснению овладения осознанием.

— Погоди, — запротестовал я, — как насчет магических историй? Разве ты не собирался их рассказывать?

— Конечно, собирался, — сказал он. — Однако это не те истории, которые

можно рассказывать как сказки. С их помощью ты должен обдумать свой путь, а затем оживить их.

Последовала долгая пауза. Я не решался настаивать, чтобы он рассказал мне эти истории, так как боялся совершить нечто такое, в чем сам потом стану раскаиваться. Но мое любопытство было сильнее здравого смысла.

— Ну начинай их, наконец, — проворчал я.

Дон Хуан, явно уловив ход моих мыслей, ехидно усмехнулся. Он встал и жестом велел мне следовать за собой. До сих пор мы сидели на сухих камнях на дне оврага. Был полдень, но небо было темным и облачным. Низкие, почти черные дождевые облака плыли над вершинами гор к востоку.

По сравнению с ними на юге небо казалось ясным из-за высоких облаков. Ранее прошел сильный дождь, но потом он как будто спрятался в укромное место, оставив после себя только изморось.

Было холодно, и я, казалось, должен был продрогнуть до костей. Но мне было тепло. Сжимая в руках кусочек скальной породы, который дал мне дон Хуан, я помнил, что это ощущение тепла при почти нулевой температуре хорошо мне знакомо, и все же оно снова и снова изумляло. Как только я начинал мерзнуть, дон Хуан давал мне подержать ветку или камень или клал пучок листьев мне под рубашку над грудью, и этого было достаточно, чтобы температура моего тела повысилась. Я пытался самостоятельно добиться такого же эффекта, но неудачно. Он объяснил, что меня согревают не эти манипуляции, а его внутреннее безмолвие и что ветки, камни или листья — это лишь способ поймать мое внимание и сохранить его в фокусе.

Мы быстро поднялись по крутому западному склону горы и достигли скального выступа на самой вершине, которая находилась у подножия еще более высокой горной цепи. С выступа я мог видеть, как туман надвигается на южный край раскинувшейся под нами долины. Низкие клочковатые облака, сползая с черно-зеленых горных вершин на западе, казалось, вплотную придвинулись к нам. После дождя под темным облачным небом долина и горы на востоке и на юге были покрыты мантией зеленовато-черной тишины.

— Это идеальное место для беседы, — сказал дон Хуан, садясь на каменный

пол укромной мелкой пещеры.

Пещерка идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть там бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно опирались о вогнутую поверхность каменной стены. Было так, словно пещеру намеренно вытесали, чтобы в ней уместились два человека нашей комплекции.

Я заметил еще одну странную особенность пещеры: когда я стоял на выступе, я мог видеть всю долину и линии гор к востоку и к югу, но когда я садился, то оказывался как бы затиснутым в скалах. При этом выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я уже собирался указать дону Хуану на этот странный эффект, однако он меня опередил.

— Эта пещера сделана людьми. Выступ имеет некоторый уклон, но на глаз этого определить нельзя.

— Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

— Маги древности. Возможно, тысячи лет назад. И одной из особенностей этой пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди никогда не наведываются сюда. Видимо, маги древности наделили ее враждебной энергией, которая заставляет все живые существа, попавшие в нее, испытывать сильный дискомфорт.

Странно, но я непонятным образом чувствовал себя здесь счастливым и защищенным. Чувство физического удовольствия буквально заставляло трепетать мое тело. У меня было приятное, совершенно восхитительное ощущение в районе желудка. Это ощущение напоминало легкую щекотку.

— Я не чувствую никакого неудобства, — заметил я.

— Я тоже, — согласился он. — Это означает только то, что мы с тобой не слишком далеки по характеру от тех магов прошлого.

Я боялся развивать эту тему, поэтому подождал, пока он заговорит снова.

— Первая магическая история, которую я хочу рассказать тебе, называется «Проявления духа», — начал дон Хуан. — Но пусть это название тебя не смущает. Проявления духа — это всего лишь первое абстрактное ядро, вокруг которого строится первая магическая история. Это первое абстрактное ядро само по себе является историей. В ней говорится, что давным-давно был человек, обычный человек без особых свойств. Как и всякий иной, он был проводником духа. И благодаря этому, как и любой другой, он был частью духа, частью абстрактного. Но он не знал этого. Повседневные дела так занимали его, что у него не было ни времени, ни желания серьезно подумать о таких вещах. Дух безуспешно пытался проявить свою связь с ним. С помощью внутреннего голоса дух рассказывал свои секреты, но человек не был способен понять эти откровения. Естественно, он слышал внутренний голос, но был уверен, что это его собственные чувства и мысли. Чтобы вытянуть человека из его дремотного состояния, дух дал ему три знака, три последовательных проявления. Дух физически пересек путь человека самым очевидным образом. Но человек, кроме себя самого, ничего вокруг не замечал.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня, как он делал, когда ждал моих замечаний или вопросов. Мне нечего было сказать. Я не понимал, к чему он ведет.

— Только что я рассказал тебе первое абстрактное ядро, — продолжал он. — Могу еще добавить, что по причине полного нежелания этого человека понимать дух вынужден был применить уловку, и уловка стала сущностью пути магов. Но это уже другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это абстрактное ядро как схему событий, или неоднократно повторяющуюся модель, которая проявлялась всякий раз, когда намерение указывало на что-то значительное. Таким образом, абстрактные ядра являются схемами полной цепи событий. Он заверил меня, что каждая деталь каждого абстрактного ядра при помощи не поддающихся пониманию средств вновь и вновь повторялась каждому Нагвалю-ученику. Далее он заверил меня, что он помог намерению вовлечь меня во все абстрактные ядра магии тем же способом, каким и его бене-фактор, Нагваль Хулиан, и все Нагвали до него вовлекали своих учеников. Процесс, в котором каждый Нагваль-уче-ник встречает абстрактные ядра, создает серии историй, сотканных вокруг этих ядер и включающих особенности личности и обстоятельств каждого ученика.

Дон Хуан сказал, что у меня, например, тоже есть своя история о проявлении духа, у него — своя, у его бенефактора была своя собственная, как и у Нагваля, предшествовавшего ему, и так далее, и тому подобное.

Ничего не поняв, я спросил, какова же моя история о проявлении духа.

— Если уж среди воинов и есть человек, знающий все свои истории, то это ты, — ответил он. — Ведь ты все эти годы записывал их. Но ты не заметил абстрактных ядер, ведь ты — практический человек. Ты все делаешь лишь с целью усиления собственной практичности. И хотя ты записывал свои истории бесчисленное количество раз, ты не понимал, что в них есть абстрактное ядро. Поэтому все, что я пытаюсь показать тебе и что нередко кажется тебе моей причудой, — это обучение магии нерадивого и порой просто глупого ученика. До тех пор пока ты будешь так смотреть на вещи, абстрактные ядра будут ускользать от тебя.

— Ты прости меня, дон Хуан, — сказал я, — но твои утверждения весьма противоречивы. Что ты имеешь в виду?

— Я пытаюсь познакомить тебя с магическими историями, — ответил он. — Я никогда не говорил с тобой на эту тему специально, потому что по традиции это остается скрытым. Это — последняя хитрость духа. Говорят, ч*го когда ученик начинает понимать абстрактные ядра, он как бы кладет последний камень, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело, и казалось, что надвигается дождь. Я забеспокоился, что когда пойдет дождь и если ветер будет дуть с востока, то мы промокнем в этой пещере. Я был уверен, что дон Хуан понимает это, но он, казалось, игнорировал это обстоятельство.

— Дождя не будет до завтрашнего утра, — сказал он.

То, что я услышал ответ на свои мысли, заставило меня непроизвольно подскочить, и я ударился головой о потолок. Раздался глухой стук, и это было даже хуже, чем то, что при этом я ушибся. Дон Хуан покатился со смеху. Тотчас ушибленное место заболело, и я стал массировать его.

— Твое общество доставляет мне столько же удовольствия, сколько мое, должно быть, в свое время доставляло моему бенефактору, — сказал он и снова засмеялся.

Несколько минут мы молчали. Тишина вдруг показалась мне зловещей. Мне почудилось, что я слышу шорох нависших облаков, спускающихся к нам с более высоких гор. Потом я понял, что это тихонько дует ветер. С моего места в пещере он казался похожим на шепот человеческих голосов.

— Я имел невероятно счастливую возможность быть учеником двух Нагвалей, — сказал дон Хуан и нарушил гипнотическое воздействие, оказываемое на меня в этот момент ветром. — Одним из них, разумеется, был мой бенефактор, Нагваль Хулиан, а другим был его бенефактор — Нагваль Элиас. Мой случай уникален.

— Почему уникален? — спросил я.

— Потому что из поколения в поколение Нагвали начинали собирать учеников лишь через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, — ответил он. — Исключением был мой бенефактор. Я стал учеником Нагваля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор покинул мир. Эти восемь лет были для меня как дар. Это была самая большая удача, какую только можно было вообразить, так как у меня была прекрасная возможность учиться у двух противоположных по характеру людей. Было так, как если бы тебя воспитывал сильный отец и еще более сильный дед, которые не сходятся во взглядах между собой. В этом споре всегда побеждал дед, поэтому я, собственно говоря, скорее продукт обучения Нагваля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но даже и по виду. Однако большая часть работы по превращению меня из жалкого существа в безупречного воина была проделана моим бенефактором, Нагвалем Хулианом.

— Опиши мне физический облик Нагваля Хулиана, — попросил я.

— Знаешь, мне до сего дня трудно представить его, — сказал дон Хуан. — Я понимаю, это прозвучит нелепо, но в зависимости от необходимости он мог быть молодым или старым, привлекательным или невзрачным, истощенным и ослабленным или сильным и мужественным, толстым или худым, или средней комплекции, среднего роста или коротышкой.

— Ты имеешь в виду, что он был артистом и играл разные роли с помощью ухищрений?

— Нет, никаких ухищрений он не использовал, и был он не просто актером. Он был, конечно, своего рода великим артистом, но дело совсем не в этом. Суть в том, что он наделен был даром трансформации и мог становиться диаметрально противоположными личностями. Актерский талант давал ему возможность изображать все мельчайшие детали поведения, что делало реальным каждый его образ. Можно сказать, что он так же непринужденно менял личность, как ты каждый раз непринужденно меняешь одежду.

Я нетерпеливо попросил дона Хуана рассказать мне о превращениях его бенефактора побольше. Он сказал, что некто научил Нагваля Хулиана подобным превращениям, но продолжать рассказ об этом далее — означало бы перейти на другие истории.

— Как выглядел Нагваль Хулиан, когда он ни в кого не превращался? — спросил я.

— Могу сказать только, что перед тем, как он стал Нагва-лем, он был очень худым и мускулистым, — сказал дон Хуан. — У него были черные волосы, густые и вьющиеся, длинный красивый нос, крепкие большие белые зубы, овальное лицо, мощный подбородок и лучистые темно-карие глаза. Ростом он был около пяти футов восьми дюймов. Он не был ни индейцем, ни даже смуглым мексиканцем, но не был и алглосаксом. Фактически он ни на кого не был похож, особенно в последние годы, когда цвет его кожи постоянно изменялся от очень темной до очень светлой, и опять до темной. Когда я встретил его впервые, он был смуглым стариком, затем со временем стал светлокожим молодым человеком, возможно, лишь на несколько лет старше меня. Мне же тогда было двадцать.

Но если изумляли перемены его внешности, — продолжал дон Хуан, — то изменения его настроения и поведения, сопровождавшие их, изумляли еще больше. Например, когда он был толстым молодым человеком, он был веселым и чувствительным. Когда он превращался в худого старика, он становился мелочным и мстительным. Будучи старым толстяком, он воплощался в слабоумного.

— Был ли он когда-нибудь самим собой? — спросил я.

— Да, был, но совсем по-другому, чем я сам, — ответил он. — Поскольку меня не интересуют превращения, я всегда один и тот же. Но он совсем не был похож на меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю силу. Он улыбнулся и, покачав головой из стороны в сторону, разразился утробным смехом.

— Что тебя так позабавило, дон Хуан? — спросил я.

— Дело в том, что ты все еще слишком скован и дотошен, чтобы в полной мере оценить природу превращений моего бенефактора и весь их размах, — сказал он. — Мне остается только надеяться, что, когда я тебе об этом рассказываю, тебя не охватывает патологический страх.

По какой-то причине я внезапно почувствовал себя очень неуютно и мне захотелось сменить тему разговора.

— Почему Нагваля называют «бенефактор», а не просто «учитель»? — спросил я.

— Называя Нагваля бенефактором, ученики выражают свое к нему уважение, — сказал дон Хуан. — Нагваль вызывает у своих учеников огромное чувство благодарности, ведь он формирует их и проводит сквозь невообразимые области.

Я заметил, что учить — это, по-моему, величайшее и самое актуальное действие, которое один человек может совершить для другого.

— Для тебя обучение — это разговоры о моделях поведения, — сказал он. — У мага обучение — это то, что делает Нагваль для своих учеников. Ради них он имеет дело с главной силой во Вселенной — намерением, Силой, которая изменяет, или перетасовывает вещи, или оставляет их такими, как они есть. Нагваль определяет, а затем направляет то влияние, которое эта Сила может оказать на его учеников. Если бы Нагваль не направлял намерение, они не

испытывали бы ни благоговейного страха, ни изумления. И вместо того, чтобы отправиться в магическое путешествие к открытию, его ученики всего лишь обучались бы ремеслу целителя, колдуна, шарлатана или кого-нибудь еще.

— Ты можешь объяснить мне «намерение»? — спросил я.

— Единственный способ узнать намерение — это узнать его непосредственно, через живую связь, которая существует между намерением и всеми чувствующими существами, — ответил он. — Маги называют намерение неописуемым, духом, абстрактным, нагвалем. Я предпочел бы назвать его на-гвалем, но тогда это название совпадало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовется Нагвалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии «дух», «намерение», «абстрактное».

Внезапно дон Хуан прервал разговор, предложив мне помолчать и подумать над тем, что он только что сказал. Тем временем сильно стемнело. Тишина была такой глубокой, что она возбуждала вместо того, чтобы успокаивать, и я не мог упорядочить мысли. Я пытался сфокусировать внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого думал о чем угодно ином, пока в конце концов не заснул.

Безупречность нагваля Элиаса

Не знаю, сколько времени я проспал в этой пещере. Голос дона Хуана заставил меня вздрогнуть, и я проснулся. Он говорил, что первая магическая история, касающаяся проявления духа, является рассказом о взаимоотношении между намерением и Нагвалем. О том, как дух завлекает Нагваля, будущего ученика, и о том, как Нагваль должен оценивать его уловки, решая, принять их или отвергнуть.

В пещере было очень темно, маленькое пространство ощущалось весьма ограниченным. В обычном состоянии его размеры вызвали бы у меня приступ

клаустрофобии, но сейчас пещера действовала успокаивающе, рассеивала чувство раздражения и досады. И еще, что-то в ее конфигурации поглощало эхо голоса дона Хуана.

Дон Хуан объяснил, что каждое действие, совершаемое магами, особенно Нагвалями, или направлено на усиление звена, связывающего их с намерением, или является реакцией, вызванной самим звеном. Поэтому маги, а особенно Нагвали, должны всегда быть бдительны к проявлениям духа. Такие проявления называются жестами духа или просто указаниями и знаками.

Он повторил историю, которую я уже слышал от него, — рассказ о том, как он встретился со своим бенефактором, Нагвалем Хулианом.

Два проходимца соблазнили дона Хуана пойти работать на отдаленную гасиенду. Один из них, надсмотрщик гасиенды, подчинил себе дона Хуана и фактически сделал его рабом.

Будучи в отчаянном положении и не имея другого выхода, дон Хуан бежал. Разъяренный надсмотрщик погнался за ним, догнал его на проселочной дороге, выстрелил дону Хуану в грудь и бросил его умирать. Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда мимо проходил Нагваль Хулиан. Используя свой дар целителя, он остановил кровотечение, забрал еще находившегося без сознания дона Хуана домой и вылечил его.

Нагваль Хулиан получил относительно дона Хуана такие указания духа, как, во-первых, маленький смерч, который поднял конус пыли на дороге в паре метров от лежащего дона Хуана. Вторым знаком была мысль, пришедшая Нагва-лю в голову за минуту перед тем, как он услышал выстрел из винтовки в нескольких ярдах от себя: «Настало время найти ученика-Нагваля». Несколькими секундами позже дух дал ему третий знак: когда он побежал, чтобы спрятаться, то столкнулся с убийцей и обратил его в бегство, таким образом помешав ему выстрелить в дона Хуана вторично. Неожиданное столкновение с кем-либо — грубая ошибка, которую ни маги, ни тем более Нагвали не могут допускать никогда.

Нагваль Хулиан немедленно оценил происшедшее. Когда он увидел дона Хуана, то понял причину такого проявления духа: это был «двойной» человек, идеальный кандидат в ученики-Нагвали.

Это вызвало у меня придирчивый рациональный интерес. Я захотел узнать, могут ли маги ошибочно интерпретировать знаки. Дон Хуан ответил, что, хотя мой вопрос звучит совершенно законно, он все же неуместен, как и большинство моих вопросов, потому что я задаю их, основываясь на своем опыте повседневной жизни. Поэтому они всегда касаются испытанных процедур, предписанных шагов и детализированных правил, но ничего общего не имеют с предпосылками магии. Он ответил, что недостатком моих рассуждений является то, что я никогда не связываю свой опыт с миром магов.

Я возразил, что лишь очень немногое из моего опыта в мире магов имеет непрерывность и поэтому я не могу воспользоваться этим опытом в своей повседневной жизни. Лишь очень немного раз — и то лишь тогда, когда я был в состоянии глубокого повышенного осознания — я вспоминал все. На обычно достигаемом мною уровне повышенного осознания единственным опытом, в котором имелась непрерывность между прошлым и настоящим, было мое знакомство с ним.

Он резко ответил, что я вполне способен понять объяснения магов, поскольку уже испытывал предпосылки магии в обычном состоянии осознания. Более мягким тоном он добавил, что повышенное осознание не открывает всего до тех пор, пока все здание магического знания не будет выстроено целиком.

Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков. Когда маг истолковывает знак, он знает его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из самых непостижимых следствий связующего звена с намерением. Маги имеют возможность получать знания непосредственно. Надежность этих знаний зависит от прочности и четкости их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют «интуиция», — это активизация нашей связи с намерением. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают все безошибочно и точно. Истолкование знаков — обычное для магов дело. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с намерением. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно.

Некоторое время мы молчали.

Внезапно он сказал:

— Я хочу рассказать тебе историю о Нагвале Элиасе и проявлении духа. Дух дает знать о себе магу на каждом повороте, и особенно сильно это касается Нагвалей. Но это еще не все. На самом деле дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только маги.

Дон Хуан рассказал, как однажды Нагваль Элиас ехал на своей лошади в город и решил сократить путь, направив лошадь через кукурузное поле. Внезапно его лошадь шарахнулась, испуганная низко и быстро промелькнувшим соколом. Сокол пролетел всего лишь в нескольких сантиметрах от соломенной шляпы Нагваля. Тот немедленно спешился и стал озираться вокруг. Между высокими кукурузными стеблями он увидел странного молодого человека. Этот человек был одет в дорогой темный костюм и поэтому казался здесь совершенно чужим. Нагвалю Элиасу был привычен вид крестьян или землевладельцев, но он никогда не видел элегантно одетого горожанина, с явным пренебрежением к своему дорогому костюму и обуви идущего по полям.

Нагваль стреножил лошадь и пошел в сторону молодого человека. В полете сокола, как и в одежде мужчины, он узнал явные проявления духа, пренебречь которыми было невозможно. Он подошел совсем близко к молодому человеку и тут увидел, что тот преследовал юную крестьяночку, которая бежала несколькими метрами впереди него, увертываясь и смеясь. Было совершенно ясно, что эти двое прыгающих по кукурузному полю людей никак не могли принадлежать друг другу.

Нагваль подумал, что мужчина мог быть сыном землевладельца, а женщина — служанкой в доме. Ему стало неловко наблюдать за ними, и он собирался повернуться и уйти, но тут через поле снова пронесся сокол, и на этот раз он коснулся головы молодого человека. Птица спугнула парочку, они остановились и посмотрели вверх, пытаясь угадать, когда сокол пролетит еще раз. Нагваль отметил, что мужчина красив и что глаза у него быстрые и беспокойные.

Потом парочке надоело наблюдать за соколом, и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял и мягко уложил на землю. Нагваль предполагал, что они займутся любовью, но вместо этого тот снял свою одежду и стал дефилировать перед женщиной в обнаженном виде.

Она не закрыла глаза от смущения, не вскрикнула от стыда или страха. Загипнотизированная чарами обнаженного мужчины, она только хихикала. А он прыгал вокруг нее, как сатир, делая непристойные жесты и смеясь. В конце концов явно побежденная этим зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия молодого человека.

Нагваль Элиас признавался дону Хуану, что указания духа в такой ситуации совершенно сбивали с толку. Было очевидно, что этот человек — сумасшедший. В противном случае, зная, как крестьяне оберегают своих женщин, он не мог бы решиться соблазнить юную крестьянку средь бела дня в нескольких метрах от дороги, да еще и обнаженным.

Дон Хуан рассмеялся и сказал мне, что в те дни снять одежду и вступить в сексуальные отношения средь бела дня в таком месте мог только сумасшедший или человек, отмеченный духом. Он добавил, что хотя это и не является чем-то необычным в наше время, но тогда — около ста лет назад люди были несравненно более сдержанными.

Все это с первого взгляда убедило нагваля Элиаса, что молодой человек был одновременно и сумасшедшим, и отмеченным духом. Он беспокоился, что, случись здесь крестьяне, они в бешенстве линчуют парня на месте. Но никого не было. Нагвалю казалось, что время как бы остановилось.

Когда молодой человек закончил заниматься любовью, он оделся, достал носовой платок и тщательно смахнул пыль со своей обуви. Все время давая девушке какие-то нелепые обещания, он направился своим путем. Нагваль Элиас последовал за ним.

Он следил за ним несколько дней и узнал, кто он такой. Его звали Хулиан, и был он актером.

Впоследствии Нагваль видел его на сцене достаточно часто и понял, что актер

явно отмечен харизматическим даром. Публика, особенно женщины, любила его, и он без стеснения использовал свой дар для соблазнения женщин. Следуя за ним, Нагваль не раз был свидетелем того, как актер использовал свою технику обольщения. Оставаясь наедине со своими обожательницами, он демонстрировал себя обнаженным и ждал, пока ошеломленная этим женщина не сдавалась сама. Его техника была чрезвычайно эффективной. Нагваль должен был признать, что актер преуспевал во всем, кроме одной весьма существенной вещи: он был смертельно болен. Нагваль видел черную тень смерти, которая повсюду следовала за ним.

Дон Хуан еще раз повторил мне то, что объяснял несколько лет назад: наша смерть — это темное пятно чуть позади левого плеча. Маги знают, когда человек близок к смерти, потому что могут видеть похожее на движущуюся тень темное пятно, такое же по форме и размеру, как человек, которому оно принадлежит.

Осознание неотвратимого присутствия смерти смутило Нагваля. Он удивлялся, как дух мог отметить столь безнадежно больную личность. Его учили, что обычно нужно предпочитать естественный порядок событий. Кроме того, Нагваль сомневался, что у него хватит сил и способностей исцелить этого юношу или оказать сопротивление черной тени его смерти. Он сомневался даже в том, сможет ли понять, зачем дух вовлек его в столь очевидно бессмысленную ситуацию.

Нагвалю ничего не оставалось, как следовать за актером и ждать возможности поглубже разобраться в происходящем.

Дон Хуан объяснил, что первой реакцией Нагваля при непосредственном столкновении с проявлениями духа является стремление видеть всех вовлеченных в ситуацию людей. Нагваль Элиас с момента встречи с этим человеком тщательно заботился о том, чтобы видеть его. Видел он также и крестьянку, которая также была частью явленного духом знака. Но увидеть что-нибудь такое, что, по его мнению, гарантировало бы проявление духа, ему не удавалось.

Однако в процессе наблюдения очередного соблазнения способность Нагваля видеть обрела новую глубину. На этот раз поклонницей актера была дочь богатого землевладельца, и с самого начала именно она полностью

контролировала ситуацию. Нагваль узнал об их свидании, подслушав, как она сама предлагала актеру встретиться на следующий день. Нагваль спрятался напротив ее дома и на рассвете увидел, как юная женщина вышла из дома и, вместо того чтобы отправиться к ранней мессе, пошла на встречу с актером. Актер ждал ее, и она уговорила его последовать за ней в открытое поле. Он явно колебался, но она высмеяла его и не позволила уклониться от свидания.

Пока Нагваль наблюдал, как они потихоньку уходили, у него появилась абсолютная уверенность в том, что в этот день непременно должно случиться нечто такое, чего никто из соучастников не ожидал. Он увидел, что черная тень актера выросла почти в два раза выше его самого. Заметив жесткий таинственный взгляд молодой женщины, Нагваль сделал вывод, что и она на интуитивном уровне чувствует черную тень смерти. Актер казался погруженным в себя. Он не смеялся, как обычно.

Они прошли некоторое расстояние. В какой-то момент они заметили, что Нагваль следует за ними, но он немедленно притворился работающим на земле местным крестьянином. Парочка успокоилась, и это позволило Нагвалю подойти поближе. Затем наступила минута, когда актер сбросил одежду и показал себя девушке. Однако вместо того, чтобы лишиться чувств и упасть в его объятия, как другие покоренные им девушки, она вдруг начала бить его. Она безжалостно пинала его ногами и наступала на босые пальцы его ног, заставив его кричать от боли.

Нагваль знал, что этот мужчина не станет бить молодую женщину или даже угрожать ей. Он не поднял на нее и пальца. Дралась только она одна. Он лишь пытался парировать ее удары и настойчиво, но без энтузиазма пытался соблазнить ее, показывая ей свои гениталии.

Нагваль был возмущен и восхищен одновременно. Он понимал, что актер был безнадежным распутником, но так же хорошо понимал, что в этом человеке было нечто уникальное, хотя и отвратительное. Все это мешало Нагвалю увидеть, что связующее звено этого человека с духом было необыкновенно четким.

В конце концов атака закончилась. Женщина перестала бить актера. Но вдруг, вместо того чтобы убежать, она сдалась, легла и сказала, что актер может делать с ней свое дело.

Нагваль заметил, что мужчина так выдохся, что почти терял сознание. Однако несмотря на совершенно изнуренное состояние, он решился и завершил соблазнение.

Нагваль засмеялся и подумал о бесполезности огромной жизненной силы и решительности актера, как вдруг женщина закричала, а актер начал задыхаться.

Нагваль увидел, как черная тень поразила актера. Это выглядело подобно кинжалу, попавшему острием точно в просвет.

В этом месте дон Хуан отвлекся, чтобы уточнить то, что он уже объяснил прежде: он описал просвет, щель в нашей светящейся оболочке на высоте пупка, куда непрерывно ударяется сила смерти. Теперь дон Хуан объяснил, что смерть толкает и здоровое существо: она делает это мягко, подобно легкому тычку кулаком. Но когда существо умирает, смерть бьет кинжалоподобным ударом.

Таким образом Нагваль Элиас знал без малейшего сомнения, что актер был так же хорош, как и мертв, и эта смерть автоматически завершает его собственный интерес к предначертаниям духа. Предначертаний больше не оставалось: смерть уравнивала все.

Он поднялся из своего укрытия и собирался уйти, но что-то заставило его помедлить — это было спокойствие молодой женщины. Она беспечно надевала какую-то снятую прежде одежду, нестройно насвистывая, как будто ничего не случилось.

И тогда Нагваль увидел, что тело мужчины, поддавшись смерти, сбросило защитный покров и обнаружило свою истинную природу. Это был двойной человек с огромными ресурсами, способный создавать экран для защиты или маскировки — прирожденный маг и идеальный кандидат в Нагвали-ученики, если бы только не был кандидатом для черной тени смерти.

Это зрелище было для Нагваля совершенной неожиданностью. Теперь предначертания духа стали полностью ясными, но он все еще не мог понять, как такой никуда не годный человек мог вписаться в магическую схему.

Тем временем женщина встала и пошла прочь, даже не взглянув на мужчину, чье тело корчилось в предсмертных судорогах.

Тогда Нагваль увидел ее свечение и осознал, что ее крайняя агрессивность была вызвана громадным потоком чрезмерной неконтролируемой энергии. Он убедился, что, если она не направит эту энергию на разумные цели, та возьмет верх над ней, и невозможно описать, сколько бед это ей принесет.

Когда Нагваль увидел, как беспечно она уходит, он понял, что дух дал ему еще одно проявление. Ему понадобилось все его спокойствие и хладнокровие. Предстояло действовать так, как если бы ему нечего было терять, и решительно вмешаться. В истинных традициях Нагвалей он решил бороться за невозможное, имея в свидетелях лишь дух.

Дон Хуан отметил, что в таких ситуациях проверяется, является ли Нагваль истинным или фальшивым. Нагваль принимает решение. Затем он уже не думает о последствиях, а просто действует — или нет. Обычный человек постоянно помнит о возможных последствиях, и это парализует его волю. Приняв свое решение, Нагваль Элиас спокойно направился к умирающему и вначале сделал то, что подсказывало ему тело, а не разум, — ударил по точке сборки мужчины и сместил его в состояние повышенного осознания. Он беспрестанно бил его снова и снова, пока наконец точка сборки не пришла в движение. Используя силу самой смерти, удары Нагваля заставили точку сборки переместиться в такое положение, где смерть уже не имела значения, — и тогда он перестал умирать.

К тому моменту, когда актер вновь стал дышать, Нагваль стал осознавать степень своей ответственности. Если человек сможет парировать силу своей смерти, ему необходимо будет оставаться в глубоком состоянии повышенного осознания, пока смерть не будет окончательно отражена. Прогрессирующее ухудшение его физического состояния означало, что его нельзя сдвинуть с места, иначе он немедленно умрет. Нагваль сделал единственно возможное в этих обстоятельствах: построил вокруг его тела хижину. Затем в течение трех месяцев он нянчился с полностью неподвижным человеком.

Тут меня охватили рациональные сомнения, и вместо того, чтобы продолжать слушать рассказ дона Хуана, я захотел узнать, как Нагваль Элиас смог

построить хижину на чужой земле. Я знал страсть сельских жителей к земле и сопутствующее ей чувство к своей земельной собственности.

Дон Хуан заметил, что и его в свое время это очень заинтересовало. И Нагваль Элиас объяснил, что возможным сделал это сам дух. Так бывает со всем, что предпринимает Нагваль, при условии, что он следует предначертаниям духа.

Первое, что сделал Нагваль Элиас, когда актер снова начал дышать, — это побежал следом за молодой женщиной. Она была важной частью проявления духа. Он настиг ее не очень далеко от места, где лежал еле живой актер. Вместо того чтобы говорить ей о бедственном положении мужчины и пытаться убедить ее помочь ему, он снова принял на себя полную ответственность за свои действия и прыгнул на нее, как лев, нанеся ей мощный удар по точке сборки. Эти двое, и она и актер, были способны устоять перед ударами жизни или смерти. Ее точка сборки сместилась, но, сдвинувшись с места, начала беспорядочно перемещаться.

Нагваль отнес девушку туда, где лежал молодой актер. Затем он потратил целый день, пытаясь спасти ее от потери рассудка, а мужчину — от потери жизни.

Когда он вполне удостоверился в некоторой степени контроля над событиями, то пришел к отцу девушки и сказал, что в его дочь попала молния, в результате чего она на время сошла с ума. Он привел отца к месту, где она лежала, и сказал, что неизвестный молодой человек принял полный заряд молнии на свое тело и спас девушку от неминуемой смерти, но сам пострадал до такой степени, что его нельзя сдвигать с места.

Благодарный отец помог Нагвалю построить хижину для человека, который спас его дочь. И за три месяца Нагваль совершил невозможное. Он исцелил молодого человека.

Когда пришло время уходить, чувство ответственности Нагваля и его долг потребовали предупредить молодую женщину о ее чрезмерной энергии и о вредных последствиях этого для ее жизни и благополучия. Он предложил ей присоединиться к миру магов, так как только это может стать защитой против ее саморазрушительной силы.

Женщина не ответила. И Нагваль вынужден был сказать ей то, что каждый Нагваль говорит своим будущим ученикам во все времена: маги говорят о магии как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель; маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы; они питают ее своей преданностью и безупречностью. Он рассказал ей, что маги знают: полет птицы свободы — это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться; и птица свободы может сделать только две вещи: взять магов с собой или оставить их позади.

Поговорить об этом и с молодым актером Нагваль Элиас не смог: тот все еще был очень болен. У молодого человека не было большого выбора. Нагваль только сказал ему, что если он хочет вылечиться, то должен безоговорочно следовать за ним. Актер принял условия немедленно.

В день, когда Нагваль Элиас и актер собирались отправиться домой, молодая женщина молча ждала на окраине города. Казалось, она просто вышла проводить их. Нагваль прошел, не глядя на нее, но актер, которого несли на носилках, сделал попытку попрощаться. Она засмеялась и, не говоря ни слова, присоединилась к партии Нагваля. У нее не было ни сомнений, ни проблем насчет того, что у нее не будет другого шанса, что птица свободы или уносит магов с собой, или оставляет их позади.

Дон Хуан заметил, что в этом не было ничего удивительного. Сила Нагваля была столь сокрушительной, что он был практически неотразим. Нагваль Элиас имел глубокое влияние на этих двух людей. На протяжении трех месяцев он ежедневно взаимодействовал с ними и приучал их к своей последовательности, беспристрастности, объективности. Они были очарованы его спокойствием и, превыше всего, его полной самоотдачей. Посредством своих действий и своего примера Нагваль Элиас дал им устойчивый взгляд на мир магов как на защищающий и поддерживающий, хотя и крайне требовательный. Это был мир, в котором допускалось очень немного ошибок.

Затем дон Хуан напомнил мне о том, что я слышал от него уже много раз, но о чем постоянно ухитрялся не думать. Он сказал, что я не должен забывать даже на мгновение, что птица свободы не особенно жалует нерешительность, и если она улетает, то не возвращается никогда.

Вызвавший озноб резонанс его голоса немедленно взорвал царившую лишь мгновение назад вокруг нас мирную темноту.

Но дон Хуан восстановил эту мирную темноту так же быстро, как и вызвал чувство тревоги. Он легонько ткнул меня кулаком в плечо.

— Та женщина была так могущественна, что могла заставить танцевать под свою дудку кого угодно, — сказал он. — Ее звали Талиа.

Глава 2. Толчок духа[5 - Knock — стук, удар, толчок, стучать, толкать и т. д. — переводится в зависимости от контекста как «толчок» или «стук», «толкать» или «стучать» (англ.).]

Абстрактное

Ранним утром мы вернулись в дом дона Хуана. Нам пришлось долго спускаться с горы, потому что я боялся оступиться в темноте и дон Хуан должен был то и дело останавливаться, чтобы восстановить сбитое от смеха надо мной дыхание.

Я смертельно устал, но уснуть не мог. Перед полуднем начался дождь. Звуки сильного ливня, барабанившего по черепичной крыше, вместо того чтобы заставить меня почувствовать сонливость, окончательно прогнали даже следы сна.

Я встал и вышел поискать дона Хуана. Он дремал, сидя в кресле. Когда я подошел, он полностью проснулся. Я поздоровался.

— Похоже, у тебя нет проблем с бессонницей, — отметил я.

— Когда ты испуган или расстроен, не пытайся уснуть лежа, — сказал он, не глядя на меня. — Спи сидя в мягком кресле, как это делаю я.

Однажды он посоветовал, чтобы я, если хочу дать своему телу здоровый отдых, подремывал, лежа на животе, повернув лицо влево и подняв ноги на спинку кровати. Чтобы не замерзнуть, по его совету нужно было положить мягкую подушку на плечи, но не на шею, а также надеть теплые носки или просто не снимать туфли.

Впервые услышав этот совет, я подумал, что он шутит, но позже понял, что это не так. Сон в таком положении помогал мне отдохнуть исключительно хорошо. Когда я поделился с ним удивительными результатами, он посоветовал, чтобы я всегда точно следовал его указаниям, не заботясь о том, верю я ему или нет.

Я сказал дону Хуану, что он мог бы еще прошлой ночью сказать мне о сне в сидячем положении. Я объяснил, что, кроме крайней усталости, причиной моей бессонницы была странная озабоченность по поводу того, что он рассказал мне в пещере магов.

— Ты это брось! — воскликнул он. — Ты видел и слышал бесконечно более беспокоящие вещи, не лишаясь при этом сна. Тебя беспокоит что-то другое.

Вначале я подумал, что он имеет в виду мою неискренность при рассказе о своей озабоченности. Я хотел было объясниться, но он продолжал говорить, пропустив мимо ушей мои слова.

— Ты безапелляционно заявил прошлой ночью, что в пещере ты чувствуешь себя хорошо. Но это явно не так. Прошлой ночью я не стал больше говорить о пещере, чтобы понаблюдать за твоей реакцией.

Дон Хуан объяснил, что пещера была сделана магами древности, чтобы служить катализатором. Ее форма была тщательно продумана так, чтобы

вместить двух людей как два энергетических поля. Согласно теории магов, природа скалы и способ, которым была высечена пещера, позволяли двум телам, двум светящимся шарам, переплетать свои энергии.

— Я специально взял тебя в эту пещеру, — продолжал он, — не потому, что мне нравится это место, — нет, оно мне не нравится, — но потому, что она создана как инструмент, чтобы толкнуть ученика глубоко в повышенное осознание. Маги древности не предавались размышлениям. Они склонялись к действию.

— Ты всегда говорил, что твой бенефактор был такого же типа, — сказал я.

— Я преувеличивал, — ответил он. — Это примерно так же, как когда я говорю тебе, что ты — дурак. Мой бенефактор был современным Нагвалем, занятым поисками свободы, но он всегда предпочитал действия вместо размышлений. Ты — современный Нагваль, занятый таким же поиском, но ты сильно тяготеешь к заблуждениям разума.

Его сравнение явно показалось ему чрезвычайно забавным: в пустой комнате зазвучало эхо его хохота.

Когда я попытался вновь заговорить о пещере, он сделал вид, что не слышит меня. По блеску его глаз и по тому, как он улыбался, я знал, что он притворяется.

— Прошлой ночью я намеренно сообщил тебе первое абстрактное ядро, — сказал он, — с надеждой, что ты получишь представление и о других ядрах. Ты пробыл со мной долгое время, так что знаешь меня очень хорошо. Каждую минуту нашего общения я пытался согласовать свои действия и мысли с моделями абстрактных ядер.

История Нагваля Элиаса — другое дело. Хотя она кажется рассказом о человеке, на самом деле она является рассказом о намерении, которое воздвигает перед нами здания и приглашает войти в них. Это способ понимания магами того, что происходит вокруг них.

Дон Хуан напомйил мне, что я всегда упорно старался найти основополагающий порядок во всем, что он говорил мне. Я подумал, что он

критикует меня за мою попытку превратить все, чему он учил меня, в проблему социальной науки. Я начал было оправдываться, что мои взгляды изменились под его влиянием. Он остановил меня и улыбнулся.

— Ты действительно не очень понятлив, — сказал он и вздохнул. — Я хотел бы, чтобы ты понял основополагающий порядок того, чему я учу тебя. Мои возражения направлены против твоего понимания природы этого порядка. Тебе кажется, что это какие-то тайные процедуры или скрытая последовательность. Для меня же это означает две вещи: здание, которое намерение возводит в мгновение ока и помещает перед нами, приглашая войти, и знаки, которые оно дает нам, чтобы, находясь там, мы не заблудились.

Ты мог бы заметить, что история Нагваля Элиаса — это более чем просто перечисление последовательных деталей, из которых состоит событие, — сказал он. — За всем этим стоит здание намерения. И рассказ был предназначен дать тебе представление о том, что являли собой Нагвали прошлого. Ты должен узнать, как они действовали с целью согласовать свои мысли и действия с величественными сооружениями, которые возводит намерение.

Последовало длительное молчание. Мне нечего было сказать. Чтобы не дать угаснуть беседе, я сказал первое, что пришло мне в голову. Я сказал, что по услышанным мною историям у меня сложилось благоприятное впечатление о Нагвале Элиасе. Мне он нравился, но что касается Нагваля

Хулиана, то по непонятным причинам все, что говорил о нем дон Хуан, ужасно меня беспокоило.

Одно упоминание об этом дискомфорте привело дона Хуана в восторг. Он вынужден был встать со стула, чтобы не задохнуться от смеха. Положив мне руки на плечи, он сказал, что мы обычно или любим, или ненавидим тех, кто является отражением нас самих.

И опять глупая застенчивость удержала меня от вопроса о том, что он имеет в виду. Дон Хуан снова засмеялся, явно понимая мое настроение. Наконец он заметил, что Нагваль Хулиан был похож на ребенка, чья собранность и выдержка всегда приходят извне. Если отбросить его практику как ученика

магии, то у него совсем не было никакой внутренней дисциплины.

Я почувствовал иррациональное желание защищаться, сказав дону Хуану, что моя дисциплина пришла как раз изнутри.

— Конечно, — сказал он покровительственно. — Не можешь же ты надеяться быть в точности похожим на него.

И он снова рассмеялся.

Иногда дон Хуан настолько выводил меня из себя, что я был готов заорать на него. Правда, такое настроение никогда не было продолжительным. И теперь оно рассеялось так быстро, что мною тут же овладела другая мысль. Я спросил дона Хуана, возможно ли, чтобы я входил в повышенное осознание, не сознавая этого? Или, может быть, я оставался там в течение нескольких дней?

— На этой стадии ты входишь в повышенное осознание целиком самостоятельно, — сказал он. — Повышенное осознание — тайна только для нашего разума. На практике оно очень просто. Мы сами усложняем это, как и многое другое, стараясь сделать понятной окружающую нас беспредельность.

Он заметил, что вместо бесполезного спора о своей персоне я должен думать о данном мне абстрактном ядре.

Я сказал ему, что думал об этом все утро и пришел к выводу, что метафорической темой истории были проявления духа. Только вот я не разобрался, где было то абстрактное ядро, о котором он говорил. Должно быть, это было нечто невыразимое.

— Я повторяю, — сказал он тоном школьного учителя, муштрующего своих учеников, — проявления духа — это название первого абстрактного ядра в магических историях. То, что маги считают абстрактным ядром, в данный момент явно ускользает от тебя. Эту ускользающую от тебя деталь маги называют зданием намерения, или безмолвным голосом духа, или скрытым порядком абстрактного.

Я сказал, что понимаю «скрытое» как нечто утаенное, как в «скрытом

мотиве». Он ответил, что в данном случае «скрытое» значит больше: оно означает знание без слов вне нашего непосредственного понимания и в особенности — моего. Он допустил, что знание, на которое он ссылается, недосягаемо для меня лишь на данный момент, но не выше моих предельных возможностей понимания.

— Если абстрактные ядра выше моего понимания, тогда какой смысл говорить о них? — спросил я.

— Правило гласит, что абстрактные ядра и магические истории должны быть рассказаны тебе именно на этом этапе, — сказал он. — Иоднажды скрытый порядок абстрактного, который есть знание без слов, или здание намерения, заложенное в эти истории, раскроют тебе сами эти истории.

Я все еще не понимал.

— Скрытый порядок абстрактного — это не просто порядок, в котором были преподнесены тебе абстрактные ядра, — объяснил он, — и не то, что в них есть общего, и даже не соединяющая их ткань. Это есть непосредственное знание без вмешательства языка.

Он молча рассматривал меня с головы до ног с явной целью видеть меня.

— Да, это пока для тебя не очевидно, — заявил он и жестом выразил свое нетерпение, как если бы я досаждал ему своей медлительностью. Я встревожился. Обычно дон Хуан не был склонен к демонстрации психологического неудовольствия.

— Это не имеет отношения к тебе или твоим действиям, — сказал он, когда я спросил о причине его неудовольствия и разочарования. — Это была мысль, которая пришла мне в голову, когда я видел тебя. В твоем светящемся существе есть такая черта, за которую дорого заплатили бы маги древности.

— Скажи мне, что это, — потребовал я.

— Я напомню тебе об этом как-нибудь в другой раз, — сказал он. — Давай продолжим об элементе, который стимулирует нас, — об абстрактном. Это элемент, без которого не может быть ни пути воина, ни даже самого воина в

поиске знания.

Он сказал, что испытываемые мною трудности не являются для него новостью. Через те же мучения в процессе понимания скрытого порядка абстрактного прошел и он сам. Если бы не помощь Нагваля Элиаса, он закончил бы тем же, что и его бенефактор, — только действия и очень мало понимания.

— Как выглядел Нагваль Элиас? — спросил я, чтобы сменить тему.

— Он совсем не был похож на своего ученика, — сказал дон Хуан. — Он был индеец, очень темный и массивный, с резкими чертами, орлиным носом, маленькими черными глазами, густыми черными волосами совершенно без седины. Он был ниже ростом, чем Нагваль Хулиан, с большими руками и ногами. Он был очень скромный и очень мудрый, но в нем не было огня. По сравнению с моим бенефактором он казался тусклым. Всегда весь в себе, обдумывающий тот или иной вопрос. Нагваль Хулиан имел обыкновение шутить, что его учитель давал мудрость тоннами. За спиной он обычно называл его «Нагваль Тоннаж».

Я не видел смысла в его шутках, — продолжал дон Хуан. — Для меня Нагваль Элиас был подобен дуновению свежего ветра. Он обычно объяснял мне все с невероятным терпением. Очень похоже на то, как я объясняю тебе, но, возможно, чуть больше чего-то еще. Я бы назвал это не состраданием, но скорее сочувствием. Воины не способны чувствовать сострадание, потому что они не испытывают жалости к самим себе. Без движущей силы самосожаления сострадание бессмысленно.

— Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что воин всегда сам по себе?

— В известном смысле, да. Для воина все начинается и заканчивается собой. Однако контакт с абстрактным приводит его к преодолению чувства собственной важности. Затем его «я» становится абстрактным и неличным.

Нагваль Элиас считал, что наши жизни и личности весьма похожи, — продолжал дон Хуан. — Из-за этого он чувствовал себя обязанным помогать мне. Я не замечаю такого сходства с тобой, поэтому, думаю, я отношусь к тебе во многом так же, как относился ко мне Нагваль Хулиан.

Дон Хуан сказал, что Нагваль Элиас взял его под свое крыло с того самого дня, как он появился в доме своего бе-нефактора. Нагваль Элиас стал объяснять ему все, что происходило во время его ученичества, даже если дон Хуан не мог понять его объяснений. Его стремление помогать дону Хуану было таким сильным, что он практически сделал его своим пленником. Таким образом он защищал его от резких и яростных атак Нагваля Хулиана.

— Вначале я имел обыкновение оставаться в доме Нагваля Элиаса все время, — продолжал дон Хуан. — И мне это нравилось. В доме своего бенефактора я постоянно был настороже, был бдительным, боясь того, что он может выкинуть со мной в следующий момент. Но в доме Нагваля Элиаса я чувствовал себя уверенно и легко.

Мой бенефактор оказывал на меня безжалостное давление, и я не мог понять, почему он так сильно меня угнетает. Я думал, что этот человек просто сумасшедший.

Дон Хуан сказал, что Нагваль Элиас был индейцем из штата Оахака и что его учитель, Нагваль по имени Розендо, был родом из тех же мест. Дон Хуан описал Нагваля Элиаса как очень консервативного человека, оберегающего свое одиночество. И тем не* менее он был знаменитым целителем и магом не только в Оахаке, но и во всей Южной Мексике. Несмотря на свою известность, он жил в полной изоляции на противоположном конце страны, в Северной Мексике.

Дон Хуан замолчал. Подняв брови, он вопрошающе уставился на меня. Но все, что я хотел от него, — это чтобы он продолжал свой рассказ.

— Каждый раз, когда я хочу, чтобы ты задал вопрос, ты его не задаешь, — сказал он. — Надеюсь, ты слышал мои слова? Нагваль Элиас был знаменитым магом, который ежедневно имел дело с людьми в Южной Мексике и в то же время жил отшельником на севере страны. Разве это не возбудило твое любопытство?

Я почувствовал себя ужасно глупо, так как во время его рассказа у меня мелькнула мысль, что этому человеку, должно быть, было очень нелегко совершать регулярные поездки туда и обратно.

Дон Хуан смеялся надо мной, но, поскольку он обратил мое внимание на этот вопрос, я спросил, как мог Нагваль Элиас быть в двух местах одновременно.

— Сновидение — вот реактивный самолет мага, — сказал он. — Нагваль Элиас был сновидящим, а мой бенефактор был сталкером. Он мог создавать и посылать то, что маги называют телом сновидения или другим, и находиться одновременно в двух разных местах. С помощью своего тела сновидения он мог выполнить свои обязанности мага, в то время как его настоящее «я» оставалось в уединении.

Я заметил, что со мной происходит что-то странное: я с легкостью принимал то, что Нагваль Элиас мог посылать свой осязаемый трехмерный образ, но хоть убей не понимал объяснений насчет абстрактных ядер.

Дон Хуан ответил, что я мог понять идею о двойной жизни Нагваля Элиаса, поскольку дух как раз производит последние корректировки в моей способности к осознанию. Я тут же начал бурно протестовать по поводу таинственности его заявления.

— Ну что же тут таинственного? — воскликнул он. — Это сообщение о факте. Ты мог бы сказать, что этот факт является недоступным в данный момент, но момент изменится.

Не дав мне возможности ответить, он снова начал говорить о Нагвале Элиасе. Он сказал, что у Нагваля Элиаса был пытливый ум и очень умелые руки. Во время своих путешествий в качестве сновидящего он видел множество предметов, которые потом копировал в дереве и железе. Дон Хуан уверял меня, что некоторые изделия отличались завораживающей, изысканной красотой.

— А что служило ему оригиналами? — спросил я.

— Не существует способа узнать это, — сказал дон Хуан. — Ты должен принять во внимание, что, поскольку Нагваль Элиас был индейцем, он пускался в своих сновидениях в странствия тем же способом, что и дикий зверь, рыскающий в поисках пищи. Зверь никогда не обнаружит своего присутствия, если кто-то есть поблизости. Он нападает лишь в случае, когда

ему никто не мешает. Нагваль Элиас как одинокий сновидящий посещал, так сказать, свалку бесконечности, когда поблизости никого не было, а затем копировал все, что видел, не зная при этом ни назначения этих вещей, ни источника их происхождения.

И снова я понимал его, не испытывая никаких трудностей. Смысл сказанного нисколько не казался мне абсурдом. Я уже собирался сказать ему об этом, но он остановил меня движением бровей и продолжил свой рассказ о Нагвале Элиасе.

— Посещать его было для меня огромным удовольствием, — сказал он, — но в то же время источником странного чувства вины. Обычно я смертельно скучал у него — не потому, что Нагваль Элиас был занудой — просто Нагваль Хулиан не имел себе равных и портил кого угодно на всю жизнь.

— Но мне казалось, что ты чувствовал себя в доме Нагваля Элиаса уверенно и легко, — сказал я.

— Да, это так, но это и было источником моей вины и моих воображаемых проблем. Как и ты, я любил мучить самого себя. Думаю, вначале я нашел покой в обществе На-гваля Элиаса, но позже, когда я лучше понял Нагваля Хулиана, пошел его путем.

Он рассказал мне, что перед домом Нагваля Элиаса была открытая веранда, где у него размещались кузница и столярная мастерская. Этот дом из необожженного кирпича под черепичной крышей представлял собой огромную комнату с земляным полом, где он жил с пятью женщинами-видящими, которые, по сути, были его женами. Кроме них, были еще четверо мужчин-магов, тоже видящих, которые жили в маленьких домиках вокруг дома Нагваля. Все они были индейцами из разных частей страны, переехавшими в Северную Мексику.

— Нагваль Элиас с большим уважением относился к сексуальной энергии, — сказал дон Хуан. — Он полагал, что, если она нам дана, мы должны использовать ее для сновидения и что сновидение утрачено человечеством из-за его способности нарушить шаткое умственное равновесие впечатлительных людей.

Я учил тебя сновидению так же, как он учил меня, — продолжал дон Хуан. — Он учил меня, что, когда мы спим, точка сборки смещается очень мягко и естественно. Умственное равновесие является не чем иным, как фиксацией точки сборки в привычном для нас месте. Во сне эта точка сдвигается, и поскольку сновидение используется для контроля этого естественного сдвига и в сновидении задействована наша сексуальная энергия, то, когда эту энергию растрачивают на секс вместо сновидения, результат подчас оказывается катастрофическим. В этом случае точка сборки у сновидящих сдвигается в неправильное положение и они лишаются рассудка.

— Что ты хочешь сказать этим, дон Хуан? — спросил я, чувствуя, что сновидение не является основной темой нашего разговора.

— Ты — сновидящий, — сказал он. — Если ты не будешь осторожен со своей сексуальной энергией, то можешь подвергнуть себя опасности неправильных сдвигов точки сборки. Минуту назад ты был озадачен своими реакциями. Это значит, что твоя точка сборки двигается не совсем правильно, поскольку твоя сексуальная энергия не сбалансирована.

Я сказал что-то глупое и неуместное о сексуальной жизни взрослых мужчин.

— Наша сексуальная энергия — вот что управляет сновидением, — повторил он. — Нагваль Элиас учил меня, — а я учил тебя, — что ты используешь свою сексуальную энергию или для занятий любовью, или для сновидения. Третьего не дано. Причина, по которой я заговорил об этом, заключается в том, что твои трудности в понимании нашей последней темы — абстрактного — связаны с серьезными проблемами со сдвигом точки сборки.

Так же было и со мной, — продолжал он. — Только когда моя сексуальная энергия освободилась от пут мира, все стало на свои места. Для сновидящих это является правилом. У сталкеров все наоборот. Мой бенефактор был, как ты бы выразился, распущенным в сексуальном отношении — и как обычный человек, и как Нагваль.

Дон Хуан был близок к тому, чтобы открыть мне деяния своего бенефактора, но потом, очевидно, передумал. Он тряхнул головой и сказал, что я слишком негибок для таких откровений. Я не настаивал.

Он сказал, что у Нагваля Элиаса был такой уровень внутреннего покоя, какой сновидящие приобретают лишь пройдя через невообразимые битвы с самими собой. И эту собранность он использовал для того чтобы полностью погрузиться в задачу отвечать на вопросы дона Хуана.

— Нагваль Элиас объяснял, что для меня препятствием в понимании духа было то же самое, что и для него, — продолжал дон Хуан. — Он полагал, что существует два разных вопроса. Первый — потребность в непрямом понимании того, что такое дух, второй — непосредственное понимание духа. Когда поймешь, что такое дух, второй вопрос разрешится сам собой, и наоборот. Если дух будет говорить с тобой при помощи безмолвной речи, ты немедленно и в точности узнаешь, что такое дух.

Он сказал, что Нагваль Элиас видел причину трудностей в нашем нежелании принять идею существования знания без слов, которые должны объяснить его.

— Но у меня не возникает трудностей в понимании этого, — сказал я.

— Принятие этого утверждения не такая уж легкая штука, какой, по твоим словам, она для тебя является, — сказал дон Хуан. — Нагваль Элиас обычно говорил мне, что все человечество отошло от абстрактного, хотя когда-то мы, должно быть, были очень близки к нему. Оно, безусловно, было той силой, которая поддерживала нас. Потом произошло нечто такое, что отвратило нас от абстрактного. Теперь мы не можем вернуться к нему назад. Обычно он говорил мне, что ученику требуются годы, чтобы получить возможность вернуться к абстрактному, то есть понять, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга.

Дон Хуан повторил, что сутью наших трудностей в возвращении назад к абстрактному является наш отказ принять возможность знания без слов или даже без мыслей.

Я уже было собрался возразить, что он говорит бессмыслицу, как внезапно с удивительной силой ощутил, что я что-то упустил и что его точка зрения представляет для меня чрезвычайную важность. Он действительно пытался сообщить мне нечто такое, что я или не мог уловить, или что вообще невозможно было до конца выразить словами.

— Знание и язык существуют раздельно, — повторил он мягко.

Я уже почти был готов сказать: «я знаю это», словно действительно знал, — напромолчал.

— Я уже говорил тебе, что не существует способа говорить о духе, — продолжал дон Хуан, — потому что дух можно только испытать. Маги пытаются объяснить это обстоятельство, когда говорят, что дух не является чем-то таким, что можно увидеть или почувствовать. Но существует нечто такое, что всегда неясно вырисовывается перед нами. Иногда оно приходит к некоторым из нас. Но в большинстве случаев оно кажется нейтральным.

Я молчал, и он продолжал объяснять. Он сказал, что дух во многих отношениях подобен дикому зверю. Он держится на расстоянии от нас до тех пор, пока что-то не выманит его. Именно тогда дух проявляется.

Я возразил, что если дух не является сущностью или присутствием и не имеет сути, то как кто-то может выманить его?

— Твоя проблема заключается в том, — сказал он, — что ты полагаешься только на свое собственное понимание абстрактного. Например, внутренняя сущность человека или фундаментальный принцип являются для тебя абстракцией. Иди, возможно, нечто менее смутное: характер, воля, мужество, достоинство, честность. Конечно, дух можно описать с помощью любого из этих понятий. Но вот что и есть самое непонятное — дух есть одновременно и все перечисленное, и ничто из них.

Он добавил, что то, что я считал абстракциями, — это или противоположность всех реальных вещей, которые я могу себе представить, или вещи, в моем понимании не имеющие конкретного существования.

— Тогда для мага абстрактное есть нечто, не имеющее параллели в условиях существования человека, — сказал он.

— Но это одно и то же, — закричал я. — Неужели ты не видишь, что мы говорим об одних и тех же вещах?

— Нет, — настаивал он. — Для мага дух есть абстрактное просто потому, что

он знает его без слов или даже мыслей. Он есть абстрактное, потому что маг не может себе даже представить, что такое дух. И тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, маг оперирует им. Он узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

Я безнадежно качнул головой, не в силах понять, в чем тут разница.

— Причиной твоего непонимания является то, что я употребил термин «абстрактное», чтобы описать дух, — сказал он. — Для тебя абстрактное — всего лишь слово, описывающее состояние интуиции. Примером является слово дух, которое не описывает разум или прагматический опыт и которое, конечно, служит тебе только для того, чтобы просто разбудить фантазию.

Я разозлился на дона Хуана. Я назвал его упрямым, и он начал смеяться надо мной. Он посоветовал мне подумать над утверждениями о том, что знать можно независимо от языка, не беспокоясь о понимании, и тогда, возможно, что-то прояснится.

— Подумай вот над чем, — сказал он. — Сама по себе встреча со мной не имела для тебя значения. В тот день, когда я тебя встретил, ты встретился с абстрактным. Но поскольку ты не мог говорить о нем, ты его не заметил. Маги встречают абстрактное, не думая о нем, не видя его и не чувствуя его присутствия.

Я промолчал, поскольку мне не доставляло удовольствия спорить с ним. Временами мне казалось, что он умышленно сбивает меня с толку. Но дон Хуан был чрезвычайно доволен собой.

Последнее обольщение нагваля Хулиана

В патио дома дона Хуана было так же прохладно и тихо, как под сводами монастыря. Там росло несколько больших фруктовых деревьев, посаженных

очень близко друг от друга, — видимо, затем, чтобы регулировать температуру и поглощать шум. Когда я впервые вошел в его дом, то, помнится, попытался критиковать нелогичность расположения деревьев. Будь моя воля, сказал я тогда, я отвел бы больше места для каждого из них. Но дон Хуан ответил, что эти деревья являются не его собственностью, но свободными и независимыми деревьями-воинами, которые присоединились к его партии воинов, и что мои замечания, верные относительно обычных деревьев, в данном случае неуместны.

Его ответ показался мне метафорическим. Тогда я еще не знал, что все, о чем говорит дон Хуан, имеет буквальный смысл.

Сейчас мы с доном Хуаном сидели в плетеных креслах и смотрели на фруктовые деревья. Они были увешаны плодами. Я заметил, что это не только красивое зрелище, но еще и очень интригующее, поскольку для фруктов был не сезон.

— Я могу рассказать тебе об этом интересную историю, — ответил он. — Как ты знаешь, эти деревья являются членами моего отряда. Сейчас они плодоносят, потому что здесь, под ними, все воины моего отряда говорили и выражали свои чувства по поводу определенного путешествия, которое нам вскоре предстоит. И деревья знают, что, когда мы отправимся в свое грядущее путешествие, они будут нас сопровождать.

Я с недоумением посмотрел на него.

— Я не могу оставить их, — объяснил он. — Они тоже воины. Они бросили свой жребий и выбрали отряд Нагваля. И они знают, как я к ним отношусь. У деревьев точка сборки расположена очень низко на их огромном светящемся шаре, и это позволяет им узнавать о чувствах, испытываемых нами при обсуждении грядущего путешествия.

Я продолжал молчать, так как боялся и не хотел подробно останавливаться на этом вопросе. Дон Хуан заговорил и рассеял мое настроение.

— Второе абстрактное ядро в историях магов называется «Толчок духа», — сказал он. — Первое ядро — «Проявления духа» — есть здание, которое намерение возводит перед магом, а затем приглашает его туда войти. Это

здание намерения маг видит. Толчок духа является таким же зданием, которое видит начинающий, которого приглашают — или скорее принуждают — войти.

Это второе абстрактное ядро может быть отдельной историей. В ней говорится, что после того, как дух проявился человеку, о котором мы с тобой говорили, и не получил никакого ответа, он подстроил ему ловушку. Это была окончательная уловка, и не потому, что человек этот был особенный, а потому, что непостижимая цепь событий духа сделала его пригодным в тот момент, когда дух толкнул дверь. Ясно, что все, открываемое духом этому человеку, не имело для него смысла. Действительно, все это шло вразрез со всем, что человек знал и чем он был. И человек, конечно же, самым недвусмысленным образом отказался иметь какое бы то ни было дело с духом. Он не собирался поддаваться на весь этот вздор. Он знал лучше. В результате все зашло в тупик.

— Могу сказать, что это идиотская история, — продолжал он. — И еще скажу, что она успокоит тех, кто испытывает неудобство из-за безмолвия абстрактного.

Он бросил на меня пристальный взгляд и улыбнулся.

— Ты любишь слова, — сказал он обвиняюще. — Сама идея безмолвного знания пугает тебя. Но истории, независимо от того, насколько они глупы, нравятся тебе и вселяют чувство безопасности.

Затем он напомнил мне, что только что я прослушал подробный рассказ о том, как дух в первый раз постучал в его дверь. Вначале я даже не сообразил, о чем он говорит.

— Это не просто мой бенефактор нашел меня, умирающего от пулевого ранения, — объяснил он. —Дух также нашел меня и постучался в тот день в мою дверь. Мой бенефактор понял, что его задачей было служить проводником для духа. Без вмешательства духа встреча с моим бенефакто-ром не значила бы ничего.

Он сказал, что Нагваль становится проводником только после того, как дух проявит свою склонность быть использованным посредством какого угодно способа: от едва уловимого намека до прямого приказа. Таким образом

Нагваль не может выбирать себе учеников по собственному желанию или расчету. Но если однажды склонность духа открывается посредством знаков, Нагваль без особых усилий способен удовлетворить его.

— После целой жизни практики, — продолжал он, — маги, а в особенности Нагвали, знают, получили ли они от духа приглашение войти в здание, открывающееся перед ними. Они уже научились подчинять намерению свои связующие звенья. Поэтому они всегда предупреждены, всегда знают, что припас для них дух.

Дон Хуан сказал, что прогресс на пути магов обычно является стремительным процессом, цель которого — привести в порядок это связующее звено. У обычного человека связующее звено с намерением практически мертво, и маги начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно.

Он подчеркнул, что для того, чтобы оживить это звено, магу необходима непоколебимая, неистовая целеустремленность — особое состояние ума, называемое несгибаемым намерением. Принять то, что Нагваль является единственным существом, способным наделить несгибаемым намерением, — это самое трудное в ученичестве магов.

Я возразил, что не заметил этой трудности.

— Ученик — это тот, кто стремится к очищению и оживлению своего связующего звена с духом, — объяснил он. — Когда звено оживлено, он уже не ученик, но до тех пор он, чтобы продолжать идти, нуждается в непоколебимой целеустремленности, которой, конечно, у него просто нет. Поэтому он позволяет Нагвалю придать ему целеустремленность, но, чтобы сделать это, он должен отказаться от своей индивидуальности. А это очень непросто.

Он напомнил мне то, что повторял неоднократно: добровольцев не принимают в мир магии, потому что у них уже есть собственные цели, которые делают невероятно трудным отказ от своей индивидуальности. Если мир магии требует представлений и действий, идущих вразрез с целью добровольца, то он просто отказывается изменяться.

— Оживление связующего звена ученика является самой ответственной и

самой интригующей деятельностью учителя, — продолжал дон Хуан, — и немалой морокой для него. Конечно, в зависимости от личности ученика предначертания духа или невероятно просты, или представляют собой сложнейший лабиринт.

Дон Хуан заверил меня, что, даже если я сам думаю иначе, мое ученичество на самом деле не было для него таким обременительным, каким для его бенефактора было его собственное. Он заметил, что у меня недостаточно самодисциплины, но это еще хорошо, потому что сам он в свое время не имел вообще никакой. А его бенефактор — и того меньше.

— Проявления духа бывают очень разными, — продолжал он. — В некоторых случаях они едва заметны; в моем же — они были приказами. Меня подстрелили. У меня была пробита грудь, и я истекал кровью. Моему бенефактору необходимо было действовать быстро и уверенно — так же как в свое время его бенефактору. Маги знают, что чем труднее был приказ, тем труднее впоследствии оказывается ученик.

Дон Хуан объяснил, что одним из наиболее замечательных следствий его связи с двумя Нагвалями было то, что он мог слышать одни и те же истории с двух противоположных точек зрения. Например, история о Нагвале Элиасе и проявлениях духа с позиций ученика была рассказом о тяжелом толчке духа в дверь его бенефактора.

— Все, что связано с моим бенефактором, было очень трудным, — сказал он и засмеялся. — Когда ему было двадцать четыре года, дух не то чтобы постучался к нему в дверь, он чуть ли не вышиб ее.

Он сказал, что история фактически началась на много лет раньше, когда его бенефактор еще был привлекательным юношей из хорошей семьи в Мехико. Он был богатой, образованной, обворожительной и харизматически сильной личностью. Женщины влюблялись в него с первого взгляда. Но уже тогда он был недисциплинированным, индульгирую-щим, ленивым во всем, что не приносило ему немедленного удовлетворения.

Дон Хуан сказал, что с таким характером и воспитанием, — а он был единственным сыном богатой вдовы, которая вместе со своими четырьмя сестрами души в нем не чаяла, — он и не мог быть иным. Он мог позволить

себе любую непристойность, какая только приходила ему в голову. Даже среди своих не менее распущенных приятелей он выглядел моральным уродом, живущим лишь для того, чтобы творить всякие мерзости.

В конце концов все эти излишества ослабили его физически, и он смертельно заболел туберкулезом — бичом того времени. Но эта болезнь не только не обуздала его, но еще больше усилила его похотливость. И поскольку самоконтроля у него не было ни на йоту, он ударился в полнейший разврат, из-за чего здоровье его ухудшалось до тех пор, пока не осталось никакой надежды.

Выражение «беда одна не приходит» в то время было весьма справедливо в отношении бенефактора дона Хуана. Здоровье его было подорвано, а его мать, которая была его единственной опорой и хоть как-то его сдерживала, умерла. Она оставила ему значительное наследство, благодаря которому он мог бы прожить безбедно всю свою жизнь, но, не имея никакой внутренней дисциплины, он спустил его за несколько месяцев до последнего цента. Без профессии, без какого-либо занятия ему оставалось только попрошайничать, чтобы как-то прожить.

Вскоре из-за отсутствия денег у него не осталось друзей, и даже женщины, любившие его когда-то, отвернулись от него.

Впервые в жизни он столкнулся с суровой реальностью. Принимая во внимание состояние его здоровья, это должно было стать его концом. Но он не падал духом. Он решил зарабатывать себе на жизнь.

Однако его привычки не изменились, что и вынудило его искать работу в единственном месте, где ему было хорошо, — в театре. Это было обусловлено тем, что он был прирожденным актером и к тому же большую часть своей сознательной жизни провел в обществе актрис. Он присоединился к театральной труппе в провинции, подальше от привычного круга своих друзей и знакомых, и стал очень неплохим актером — чахоточным героем религиозных и поучительных пьес.

Дон Хуан отметил странную иронию, всегда сопутствовавшую судьбе его бенефактора. В жизни он был последним негодяем, умирающим в результате своих беспутных похождений, а на сцене играл роли святых и мистиков. Он

даже играл Иисуса в пасхальной пьесе о Страстях Господних.

Его здоровья хватило лишь на одно театральное турне по северным штатам, а потом в городе Дуранго произошли два события: его жизнь подошла к концу и в его дверь постучался дух.

И смерть, и толчок духа случились в один и тот же момент — в кустарнике средь бела дня. Смерть настигла его во время соблазнения молодой женщины. Он уже давно был чрезвычайно слаб, а в тот день силы его истощились полностью. Жизнерадостная, сильная и увлеченная до безумия молодая женщина, пообещав любовные утехи, увлекла его в укромное место в миле от города. Там она сильно избила его. В конце концов женщина покорилась, но он был совершенно изможден и кашлял так сильно, что едва мог дышать.

Во время своего последнего взрыва страсти он почувствовал острейшую боль в плече. Его грудь словно рвали на части, и из-за приступа кашля он начал задыхаться. Однако страсть к наслаждениям и гордость заставляли его продолжать, пока смерть не пришла к нему в виде кровотечения. Вот тогда-то дух и вступил в свои права в лице пришедшего к нему на помощь индейца. Актер еще раньше заметил, что этот индеец повсюду следует за ними, но, поглощенный процедурой обольщения, не придавал этому значения.

Он видел девушку как во сне. Она не пришла в ужас и сохраняла самообладание. Спокойно и тщательно одевшись, она исчезла с быстротой кролика, преследуемого охотничьими псами.

А еще он видел индейца, бросившегося к нему и попытавшегося его усадить. Он слышал, как тот бормотал что-то идиотское, призывая дух, и произносил непонятные слова на непонятном языке. Затем индеец начал действовать очень быстро. Став позади него, он с силой ударил его по спине.

Умирающий вполне резонно заключил, что индеец пытался или удалить сгусток крови, или убить его.

По мере того как индеец повторял и повторял свои удары по его спине, умирающий все больше убеждался, что индеец был или любовником, или мужем женщины и хотел его убить. Но, заметив невероятно сияющие глаза этого индейца, он понял, что ошибся. Он понял, что индеец попросту

сумасшедший и не имеет никакого отношения к женщине. Из последних сил напрягая свой ум, он сосредоточил внимание на бормотании этого человека. Тот говорил, что сила человека безгранична, что смерть существует лишь потому, что мы намерены умереть с момента нашего рождения и что намеревание смерти можно остановить путем изменения позиции точки сборки.

Услышав все это, он понял, что индеец действительно сумасшедший. Ситуация была настолько театральной — умереть от руки безумного индейца, бормочущего что-то несусветное, что он решил оставаться актером в плохой пьесе до конца и пообещал себе умереть не от кровотечения и не от ударов, а от смеха. И он смеялся до тех пор, пока не умер.

Дон Хуан заметил, что его бенефактор, конечно, не мог принять индейца всерьез. Никто не принял бы всерьез такую личность, а тем более — будущий ученик, от которого и не ожидается, что он добровольно примет задачу магии.

Затем дон Хуан сказал, что он дал мне различные версии того, из чего состоит задача магии. Он сказал, что будет не слишком самонадеянным с его стороны раскрыть, что с точки зрения духа задача состоит в очищении нашего с ним связующего звена. Таким образом, представшее перед нами здание намерения является чистилищем, внутри которого мы

обнаруживаем не столько процедуры очистки связующего звена, сколько безмолвное знание, которое делает возможным очистительный процесс. Без этого безмолвного знания не смог бы протекать ни один процесс, и все, что мы имеем, было бы лишь неопределенным чувством потребности в чем-то неясном.

Он объяснил, что вызываемые магами в результате безмолвного знания события так просты и в то же время так абстрактны, что маги уже давно решили говорить о них, употребляя только символические термины. Примерами этого являются проявления и толчок духа.

Затем дон Хуан в качестве примера сообщил, что описание того, что происходит во время встречи Нагваля и будущего ученика с точки зрения магии, было бы совершенно непонятным. Бессмысленно объяснять, что Нагваль, используя опыт всей своей жизни, фокусирует нечто такое, чего мы

не можем представить, — свое второе внимание — повышенное осознание, развитое в результате магической практики, на своей невидимой связи с чем-то неопределимо абстрактным.

Он заметил, что каждый из нас отделен от безмолвного знания естественными, специфическими для каждой личности барьерами и что моим самым непреодолимым барьером является склонность маскировать свое самодовольство под маской независимости.

Я вызывающе потребовал, чтобы он привел конкретный пример, и напомнил, как однажды он предупреждал меня, что одной из хитростей ведения спора является общая критика, не подкрепленная конкретными примерами.

Дон Хуан взглянул на меня с лучезарной улыбкой.

— В прошлом я частенько давал тебе растения силы, — сказал он. — Сначала ты впадал в крайность, убеждая себя в том, что все увиденное тобой — просто галлюцинации. Потом ты начал считать все это специальными обучающими галлюцинациями. Помнишь, я высмеял тебя, когда ты упорно называл это поучительным галлюцинативным опытом.

Он сказал, что моя потребность в утверждении своей иллюзорной независимости поставила меня в положение, из которого я не мог воспринять его объяснения происходящего. А ведь эти объяснения касались именно того, что я и так уже знал без слов. Я знал, что он использовал растения силы, хотя их возможности и весьма ограничены, для того чтобы заставить меня войти в частичные или временные состояния

повышенного осознания посредством сдвига моей точки сборки с ее обычного положения.

— Ты использовал свой барьер независимости, чтобы преодолеть это препятствие, — продолжал он. — Тот же самый барьер продолжает работать и по сей день, поэтому ты все еще сохраняешь чувство неопределенного страдания; хотя и не столь выраженное. Сейчас вопрос вот в чем: как тебе удается строить свои заключения таким образом, чтобы даже твой нынешний опыт смог уложиться в твою схему самодовольства?

Я признался, что единственным способом поддержки моей независимости был полный отказ думать об этом опыте.

Дон Хуан так хохотал, что чуть не свалился со своего плетеного стула. Он встал и принялся расхаживать, чтобы восстановить дыхание. Затем он успокоился и снова сел, откинувшись на спинку и скрестив ноги.

Он сказал, что мы как обычные люди не знаем и никогда не узнаем, что есть нечто чрезвычайно реальное и функциональное — наше связующее звено с намерением, которое вызывает у нас наследственную озабоченность своей судьбой. Он утверждал, что на протяжении всей нашей активной жизни у нас никогда не появляется шанс пойти дальше простой озабоченности, потому что с незапамятных времен нас усыпляет колыбельная песня повседневных маленьких дел и забот. И лишь когда наша жизнь почти уже на исходе, наша наследственная озабоченность судьбой начинает принимать иной характер. Она пытается дать нам возможность видеть сквозь туман повседневных дел. К сожалению, такое пробуждение всегда приходит одновременно с потерей энергии, вызванной старением, когда у нас уже не остается сил, чтобы превратить свою озабоченность в практическое и позитивное открытие. В итоге остается лишь неопределенная щемящая боль: то ли стремление к чему-то неописуемому, то ли просто гнев, вызванный утратой.

— Я по многим причинам люблю стихи, — сказал он. — Одна из них в том, что они улавливают настроение воина и объясняют то, что вряд ли можно было бы объяснить иначе.

Он допускал, что поэты остро осознают наше связующее звено с духом, но делают это интуитивно, тогда как маги выбирают этот путь намеренно и прагматично.

— У поэтов нет знания о духе из первых рук, — продолжал он. — Вот почему их стихи не могут по-настоящему попасть в яблочко понимания подлинных жестов духа. Правда, иногда они попадают очень близко к цели.

Он взял одну из привезенных мною книг, лежавших рядом на стуле, — сборник стихов Хуана Района Хименеса. Открыв заложенную страницу, он вручил мне книгу и подал знак читать.

Я ли это хожу
по комнате сегодня ночью
или это бродяга,
забравшийся в мой сад
во тьме?
Было ли окно открыто?
Удастся ли мне уснуть?

Исчезла нежная зелень сада...
Небо было чистым и голубым...
А теперь облака
и поднялся ветер,
и сад угрюмый и темный.

Я думал, что волосы мои черны
и белеет моя одежда...
Но бела моя голова
и в черное я одет...
Разве это моя походка?
Этот голос, что звучит во мне,
разве так он звучал?
Я ли это, или я это тот бродяга,
забравшийся на исходе ночи
в мой сад?

Я смотрю вокруг...
Вот облака и поднялся ветер...
И сад угрюмый и темный...

Встаю и иду...
Может, я уже сплю?
На висках седина...
И все
то же и совершенно другое...

Я вновь перечитал стихотворение и уловил переданное поэтом чувство бессилия и замешательства. Я спросил дона Хуана, почувствовал ли он то же самое.

— Я думаю, поэт ощущает груз старости и тревогу, вызванную этим ощущением, — сказал дон Хуан. — Но это лишь одна сторона медали. Меня гораздо больше интересует другая ее сторона, заключающаяся в том, что поэт, не сдвигая точку сборки, интуитивно знает, что на карту поставлено

нечто необыкновенное. Интуитивно он знает с большой уверенностью, что есть какой-то внушающий благоговение своей простотой невыразимый фактор и что именно он определяет нашу судьбу.

Глава 3. Уловка духа

Очищение связующего звена с духом

Солнце еще не поднялось над восточными вершинами, но уже было жарко. Как только мы достигли первого пологого спуска в нескольких милях от окраины города, дон Хуан прервал прогулку и свернул в сторону от мощеного шоссе. Он опустился на землю у одной из громадных каменных глыб, которые когда-то во время прокладки дороги были вырваны динамитом из горного склона. Дон Хуан сделал мне знак сесть рядом. Здесь мы обычно останавливались побеседовать или отдохнуть на пути к близлежащим городам. Дон Хуан заметил, что наше путешествие будет долгим и что мы, вероятно, проведем в горах несколько дней.

— Поговорим теперь о третьем абстрактном ядре, — сказал дон Хуан. — Оно называется уловкой духа, или уловкой абстрактного, или выслеживанием

самого себя, или очищением связующего звена.

Я был удивлен таким обилием определений, но ничего не сказал. Я ждал, когда дон Хуан продолжит свои объяснения.

— И снова, как и в случае с первым и со вторым абстрактными ядрами, — продолжал он, — третье ядро может быть изложено в виде истории. История гласит, что, постучав однажды в дверь дома того человека, о котором мы с тобой говорили, и убедившись, что ответа не будет, дух прибегнул к единственному способу, который оставался в его распоряжении, — уловке. Ведь и предыдущие трудности дух преодолевал с помощью уловок. Было очевидно, что, если он хочет подействовать на этого человека, он должен чем-то склонить его на свою сторону. И тогда дух начал посвящать этого человека в тайны магии. Обучение магии стало тем, чем оно и является, — искусством уловок и хитростей.

История гласит, что дух склонил на свою сторону человека, заставив его перемещаться вперед и назад между различными уровнями осознания, чтобы показать ему, как сохранять энергию, необходимую для укрепления его связующего звена.

Дон Хуан сказал мне, что если мы свяжем эту историю с темой сегодняшнего нашего разговора, то будем иметь пример Нагваля, живого проводника духа, который повторяет структуру этого абстрактного ядра и прибегает в целях обучения к хитростям и уловкам.

Внезапно он поднялся и пошел по направлению к горному склону. Я последовал за ним, и мы бок о бок начали наш подъем. Когда мы достигли вершины высокой горы, было уже далеко за полдень. Даже на такой высоте было очень жарко. Весь день мы шли по почти незаметной тропе. Наконец мы достигли небольшого плато, которое в древности служило наблюдательным постом, доминирующим над севером и западом. Здесь мы сели, и дон Хуан возобновил наш разговор по поводу магических историй. Он сказал, что теперь я знаю историю о том, как намерение проявилось На-гвалю Элиасу, и историю о том, как дух постучался в дверь Нагваля Хулиана. Я знаю, как встретился с духом он, и, конечно же, не мог забыть, как встретился с ним я сам. Все эти истории, провозгласил он, имеют одну структуру; отличаются лишь действующие лица. Каждая история является абстрактной

трагикомедией с единственным абстрактным актером — намерением и двумя актерами-людьми — Нагвалем и его учеником. Абстрактное ядро является сценарием.

Мне показалось, что я наконец понял, что он имеет в виду, но мне не удалось даже себе полностью объяснить, что же именно я понял. Не мог я объяснить этого и дону Хуану. Когда же я попытался передать свои мысли в словах, то обнаружил, что несу нечто совершенно невразумительное.

Дон Хуан, казалось, понимал состояние моего ума. Он посоветовал мне расслабиться и слушать дальше. Он сказал, что его следующая история касается процедуры посвящения ученика в мир духа — процесса, который маги называют уловкой духа или очищением связующего звена с намерением.

— Я уже рассказывал тебе историю о том, как Нагваль Хулиан взял меня, раненного, в свой дом и лечил до тех пор, пока я не выздоровел, — продолжал дон Хуан. — Но я не говорил тебе, как он прочистил мое связующее звено, как он учил меня сталкингу — искусству выслеживать самого себя.

Первое, что делает Нагваль со своим будущим учеником, — это завлекает его хитростью. То есть он сообщает толчок его

связующему звену с духом. Есть два способа сделать это. Первый — посредством почти нормальных методов, как это делал я с тобой, а другой — путем применения настоящей магии, как это сделал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан снова рассказал мне историю о том, как его бенефактор убедил людей, собравшихся на дороге, что этот раненый юноша — его сын. Затем он заплатил некоторым из них, чтобы они перенесли дона Хуана, который все это время был без сознания и потерял много крови, в его дом. Через несколько дней дон Хуан пришел в себя и увидел доброго старика и его толстую жену, которые лечили его раны.

Старик сказал, что его зовут Белисарио и что его жена является целительницей, так что они обязательно вылечат его рану.

Дон Хуан сказал им, что у него нет денег, и тогда Белисарио предложил ему

как-нибудь решить вопрос об оплате, когда он выздоровеет.

Дон Хуан сказал, что он был очень смущен, и это было чем-то новым для него. Ведь в то время он был просто мускулистым, безрассудным индейцем, у которого не было ни ума, ни образования, но зато имелся в наличии ужасный характер. Он и понятия не имел о благодарности. Он полагал, что это были очень славные люди, но собирался дождаться, когда его рана заживет, и ночью бежать.

Когда он выздоровел и уже был готов к побегу, старый Белисарио отвел его в комнату и дрожащим голосом сообщил, что дом, где они находятся, принадлежит чудовищному человеку, который держит его с женой в своей власти. Он попросил дона Хуана помочь ему и его жене обрести свободу, избавиться от их тюремщика и мучителя. Прежде чем дон Хуан успел что-либо ответить, чудовищный человек с рыбьим лицом, в точности похожий на персонаж из страшной сказки, ворвался в комнату, словно подслушивал все это время за дверью. Он был зеленовато-серого цвета, величиной с дверь и с единственным немигающим глазом посреди лба. Он со змеиным шипением двинулся к дону Хуану, готовый разорвать его на части, и испугал его настолько, что тот упал в обморок.

— Способ, которым он дал толчок моему связующему звену с духом, был мастерским, — со смехом сказал дон Хуан. — Мой бенефактор перед появлением монстра, естественно, сместил меня в состояние повышенного осознания, потому что тот, кого я видел как чудовищного человека, на самом деле был вызываемым магами неорганическим существом — бесформенным энергетическим полем.

Дон Хуан сказал, что он знал массу случаев, когда его бе-нефактор с дьявольским коварством создавал смешные, сбивающие с толку ситуации для всех своих учеников, особенно для самого дона Хуана, серьезность и жесткость которого делали из него отличную мишень для поучительных шуток его бенефактора. Он добавил, что эти шутки, несомненно, чрезвычайно забавляли Нагваля Хулиана.

— Если ты думаешь, что я иногда насмехаюсь над тобой, — что, конечно, иногда случается, — то это не идет ни в какое сравнение с шутками моего бенефактора, — продолжал дон Хуан. — Этот дьявол выучился плакать, чтобы

скрывать свой смех. Ты даже не можешь себе представить, как он, бывало, плакал, кргда я только начал у него учиться.

Продолжая свой рассказ, дон Хуан заявил, что его жизнь никогда уже не была прежней после потрясения, вызванного видением этого чудовищного человека.

Его бенефактор позаботился об этом. Дон Хуан пояснил, что, когда Нагваль применяет уловку к своему будущему ученику, особенно ученику-Нагвалю, он должен получить его согласие. Это согласие бывает двух видов. Либо будущий ученик настолько дисциплинирован и подготовлен, что необходимо только его решение присоединиться к Нагвалю, как это сделала однажды молодая Талиа; или он не обладает достаточной дисциплиной, и в таком случае Нагвалю приходится тратить много времени и труда, чтобы убедить своего ученика.

Что касается дона Хуана, бывшего в то время просто диким молодым крестьянином без единой мысли в голове, то процесс его колебаний принимал подчас причудливые формы.

Вскоре после первого толчка его бенефактор дал ему второй, продемонстрировав дону Хуану свою способность перевоплощаться. Однажды он превратился в молодого человека. В то время дон Хуан не был способен представить себе это иначе, чем пример совершенного актерского мастерства.

— Но как ему удавалось совершать эти перевоплощения? — спросил я.

— Он был не только магом, но и артистом, — ответил дон Хуан. — При помощи своей магии он осуществлял эти превращения, сдвигая свою точку сборки в положение, соответствующее образу, к которому он стремился. В его исполнении искусство трансформации было доведено до совершенства.

— Я не вполне понимаю, о чем ты говоришь, — сказал я.

Дон Хуан сказал, что стержнем всего, чем человек является или что он делает, есть его восприятие и обусловлено оно положением точки сборки. Поэтому если точка сборки изменит свое положение, соответственно изменится и восприятие мира. Маг, который точно знает, куда поместить свою точку сборки, может становиться всем, чем пожелает.

— Контроль Нагваля Хулиана над своей точкой сборки был настолько совершенным, что он мог достигать тончайших трансформаций, — продолжал дон Хуан. — Например, когда маг становится вороной — это несомненно большое достижение. Но это влечет за собой сильный и дальний сдвиг точки сборки. Однако перемещение ее в положение, соответствующее толстому человеку или старику, требует незначительного сдвига, но зато тончайшего знания человеческой природы.

— Я предпочитаю избегать думать или говорить о таких вещах как о фактах, — сказал я.

Дон Хуан расхохотался, словно я сказал очень забавную вещь.

— Какой смысл был в перевоплощениях твоего бенефактора? — спросил я. — Или он просто развлекался подобным образом?

— Не будь идиотом. Воин никогда ничего не делает только для забавы, — заметил он. — Его перевоплощения были стратегическими. Они диктовались необходимостью, как и его перевоплощения из старика в юношу. Хотя это и было весьма забавно, но дело совсем в другом.

Я напомнил, что раньше уже слышал о том, как его бенефактор научился таким перевоплощениям. В тот раз он ответил мне, что у его бенефактора был учитель, но не сказал кто.

— Его обучил тот очень таинственный маг, который опекает нас, — кратко ответил дон Хуан.

— Что это за таинственный маг? — спросил я.

— Бросивший вызов смерти, — сказал он и посмотрел на меня в ожидании вопроса.

Для всех магов партии дона Хуана «бросивший вызов смерти» был очень живой фигурой. Они утверждали, что «бросивший вызов смерти» был магом древности, которому удалось дожить до сегодняшнего дня благодаря тому, что он манипулировал своей точкой сборки и заставлял ее сдвигаться в

определенных направлениях и в определенные участки своего общего энергетического поля. Такой маневр позволял ему сохранить осознание и жизненную силу.

Дон Хуан рассказал мне о соглашении, которое было заключено между «бросившим вызов смерти» и видящими его линии несколько столетий назад. Он оказывал им различные услуги в обмен на витальную энергию. В соответствии с этим соглашением они считали его своим опекуном и называли «арендатором».[6 - The tenant — владелец, обитатель, арендатор (англ.).] Дон Хуан объяснил, что маги древности были замечательными знатоками в умении перемещать точку сборки. Занимаясь этим, они открыли потрясающие вещи о восприятии, но они же убедились, насколько легко это может перейти в отклонение от правильного пути. Случай с «бросившим вызов смерти» был для дона Хуана классическим примером такого заблуждения.

При каждом удобном случае дон Хуан любил повторять, что если точка сборки сдвигалась'кем-либо, кто не только видел, но еще и имел достаточно энергии для того, чтобы привести ее в движение, то она могла скользить внутри светящегося кокона в то положение, куда ее направляют. Ее свечения было достаточно, чтобы воспламенить нитевидные энергетические поля при соприкосновении с ними. Результирующее восприятие мира оказывалось таким же полным, как обычное восприятие повседневной жизни, но отличным от него. Поэтому при перемещении точки сборки решающее значение имеет трезвость.[7 - Sobriety — трезвость, умеренность (англ.).]

Продолжая свою историю, дон Хуан сказал, что он довольно быстро оправился от первоначального замешательства и стал думать, что старик, который спас ему жизнь, на самом деле был молодым человеком, который лишь маскировался под старика. Но однажды молодой человек опять стал неотличим от старого Белисарио, которого встретил дон Хуан вначале. Он и женщина, которая, как думал дон Хуан, была его женой, упаковали дорожные сумки, и тут словно ниоткуда возникли двое улыбающихся мужчин с упряжкой мулов.

Дон Хуан смеялся, наслаждаясь этой историей. Он сказал, что, пока погонщики нагружали мулов, Белисарио отвел его в сторону и сообщил, что они с женой вновь вынуждены маскироваться. Он опять был в роли старого человека, а его прекрасная жена — в роли толстой сварливой индианки.

— Я был так молод и глуп, что верил только очевидному, — продолжал дон Хуан. — А несколько дней спустя я снова стал свидетелем его невероятного перевоплощения из немощного старика лет семидесяти или больше в молодого энергичного мужчину лет двадцати пяти и поэтому поверил его рассказу о том, что он лишь притворялся старым. Его жена тоже превратилась из сердитой толстой индианки в стройную молодую женщину. Женщина, конечно же, не превратилась тем же способом, что и мой бенефактор. Он просто подменил ее. Конечно, я мог бы все это заметить тогда же, но мудрость всегда приходит к нам болезненно и понемногу.

Дон Хуан сказал, что старик уверил его, что рана его уже зажила, хотя сам он еще чувствовал себя не вполне здоровым. Затем он обнял дона Хуана и искренним прерывающимся голосом прошептал: «Ты так понравился чудовищу, что оно освободило меня и мою жену из плена и берет тебя в качестве своего единственного слуги».

— Я бы посмеялся над ним, — сказал дон Хуан, — если бы тут же из комнаты чудовища не раздались глубокое звериное рычание и пугающий грохот.

Глаза дона Хуана сияли от удовольствия. Я хотел остаться серьезным, но тоже не смог сдержать смех.

Белисарио, понимая испуг дона Хуана, многословно извинился за неожиданный поворот судьбы, который освободил его и поработил дона Хуана. Он с отвращением щелкал языком и проклинал монстра. Со слезами на глазах он стал перечислять все обязанности, которые монстр возлагал на своего слугу. Когда же дон Хуан начал протестовать, он по секрету сообщил ему, что убежать отсюда нельзя, потому что чудовище обладает непревзойденными познаниями в колдовстве.

Дон Хуан спросил у Белисарио совета, нельзя ли предпринять хоть что-нибудь. И Белисарио пустился в пространные объяснения относительно плана действий, который был бы пригоден в том случае, если бы речь шла об обычном человеческом существе. В человеческой ситуации мы можем составлять планы и делать прогнозы, и если на нашей стороне будет удача да плюс еще изобретательность и знание ситуации, то мы можем добиться успеха. Но перед лицом неизвестного, каковым является ситуация дона Хуана,

единственный шанс на выживание — это молча согласиться и принять ее.

Белисарио чуть слышно прошептал дону Хуану, что для уверенности в том, что чудовище больше не будет преследовать его, он собирается уехать в штат Дуранго изучать магию. Он спросил дона Хуана, не хочет ли тот присоединиться к ним. И дон Хуан, совершенно перепуганный этим предложением, сказал, что не хочет иметь ничего общего с ведьмами и колдунами.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что даже воспоминание о том, как его бенефактор должен был наслаждаться этим розыгрышем, доставляет ему удовольствие.

Особенно когда он сам, вне себя от страха и возмущения, без раздумий отбросил любезное предложение заниматься магией, заявив: «Я индеец. Я с детства ненавижу и боюсь колдунов».

Белисарио обменялся со своей женой взглядами, и его тело затряслось. Дон Хуан понял, что он тихо плачет — очевидно, от боли, которую причинил ему его отказ. Его жена утешала его, пока он, казалось, не успокоился.

Когда Белисарио и его жена собирались уходить, он обернулся и дал дону Хуану еще один совет. Он сказал, что монстр ненавидит женщин, и поэтому дону Хуану следует позаботиться о том, чтобы заменить себя другим мужчиной, потому что пройдет несколько лет, пока чудовище позволит ему хотя бы выходить из дома. Монстр любит добиваться от своих рабов преданности или, по крайней мере, покорности.

Это было выше сил дона Хуана. Он пал духом, заплакал и сказал Белисарио, что никто не сможет сделать его рабом. Он всегда может покончить с собой. Старик был очень тронут отчаянием дона Хуана и признался ему, что у него была такая же мысль, но, увы, монстр оказался способным читать его мысли и мешал ему покончить с собой каждый раз, когда он пытался сделать это.

И Белисарио снова предложил дону Хуану ехать с ним в Дуранго учиться магии. Он сказал, что это было бы единственно возможным спасением. Дон Хуан ответил, что для него принять такое решение — это то же, что попасть из огня да в полымя.

Белисарио начал громко плакать и обнял дона Хуана. Он проклинал тот час, когда спас жизнь другого человека, и клялся, что он и не думал, что они поменяются местами. Он высморкался и, глядя на дона Хуана горящими глазами, сказал: «Маскировка — это единственная возможность выжить. Если ты не будешь вести себя должным образом, чудовище может похитить твою душу и превратить тебя в идиота, у которого будут твои черты — и ничего больше. Очень плохо, если я не успею научить тебя, как надо действовать». Затем он зарыдал еще сильнее.

Дон Хуан, задыхаясь от слез, просил его научить, как он может замаскировать себя. Белисарио раскрыл ему секрет, что у монстра ужасно плохое зрение, и рекомендовал дону Хуану поэкспериментировать с различными вариантами переодевания, которые подскажет ему фантазия. В конце концов, ведь у него впереди годы для того, чтобы испробовать различные варианты маскировки. Он обнял дона Хуана у двери, плача навзрыд. Его жена застенчиво коснулась дона Хуана руками. А затем они ушли.

— Никогда в своей жизни, ни до, ни после этого, я не испытывал такого ужаса и отчаяния, — сказал дон Хуан. — Чудовище со страшным шумом передвигало в доме какие-то вещи, как будто нетерпеливо ждало меня. Я сел около двери и завыл, как больная собака. Затем от невыносимого страха у меня началась рвота.

Несколько часов дон Хуан просидел, не в силах шевельнуться. Он не осмеливался ни уйти, ни войти внутрь. Не будет преувеличением сказать, что он был на волосок от смерти, когда вдруг увидел на другой стороне улицы Белисарио, размахивающего руками в неистовой попытке привлечь его внимание. То, что он увидел целителя снова, принесло дону Хуану мгновенное облегчение. Белисарио сидел на корточках у тротуара и наблюдал за домом. Он сделал знак дону Хуану оставаться на месте.

Через мучительно долгий промежуток времени Белисарио прополз несколько шагов на четвереньках по направлению к дону Хуану, затем снова сел на корточки и застыл в полной неподвижности. Переползая таким образом, он перемещался до тех пор, пока не оказался около дона Хуана. Это заняло у него несколько часов. Много людей прошло мимо, но ни один, судя по всему, не обратил внимания ни на отчаявшегося дона Хуана, ни на маневры старика.

Когда двое прохожих поравнялись с ним, Белисарио прошептал, что не чувствует себя вправе бросить дона Хуана, как привязанную к столбу собаку. Его жена пыталась возражать, но он вернулся, чтобы попытаться спасти его. В конце концов, ведь именно благодаря дону Хуану он обрел свободу.

Шепотом, но с повелительной интонацией он спросил дона Хуана, готов ли он и хочет ли сделать что-нибудь для своего спасения. И дон Хуан уверил его, что он согласен на все что угодно. С огромными предосторожностями Белиса-рио передал дону Хуану узел с одеждой. Затем он изложил свой план. Дон Хуан должен пойти в часть дома, расположенную как можно дальше от комнаты монстра, и не спеша переодеться, не пропустив ни единой детали, начиная от шляпы и заканчивая ботинками. Затем он должен развесить свою одежду на деревянной раме, искусно и быстро придав ей очертания человеческой фигуры, пока он будет еще внутри дома.

Следующим шагом было использовать единственную маскировку, которая сможет ввести в заблуждение чудовище: одежду из узла.

Дон Хуан бросился в дом и сделал все так, как сказал Бе-лисарио. Он соорудил подобие деревянного пугала из жердей, которые нашел за домом, снял свою одежду и развесил на нем. Но когда он развязывал мешок, то был удивлен как никогда в жизни: в мешке была женская одежда!

— Я растерялся и чувствовал себя идиотом, — продолжал дон Хуан, — и хотел было уже переодеться в свою прежнюю одежду, но в этот момент услышал нечеловеческое рычание этого монстра. Мне пришлось преодолеть свое предубеждение против женщин — ведь я всегда считал, что единственным их предназначением было заботиться о мужчинах. Надеть на себя женскую одежду было для меня равносильно превращению в женщину. Но мой страх перед этим чудовищем был так велик, что я зажмурил глаза и напялил на себя это проклятое платье.

Я посмотрел на дона Хуана, представляя его себе в женской одежде. Этот образ показался мне настолько нелепым, что я против своего желания покатился со смеху.

Дон Хуан сказал, что, когда старый Белисарио, ожидавший его на другой стороне улицы, увидел переодетого дона Хуана, он начал неудержимо рыдать.

Все еще в слезах, он повел дона Хуана к окраине города, где их уже ожидали его жена и два погонщика. Один из них дерзко спросил Белисарио, не украл ли он эту странную девушку, чтобы продать ее в публичный дом. Старик заплакал так сильно, что казалось, сейчас он лишится чувств. Молодые погонщики не знали что и делать, но его жена, вместо того чтобы посочувствовать, неудержимо расхохоталась. Тогда дон Хуан так и не понял почему.

С наступлением темноты они тронулись в путь. Они выбирали малолюдные тропинки и двигались все время на север. Белисарио помалкивал. Казалось, он был испуган и ждал неприятностей. Его жена все время сердилась на него и жаловалась, что они загубят свой последний шанс, если будут и дальше везти с собой дона Хуана. Белисарио приказал ей больше не упоминать об этом: погонщики могли догадаться, что дон Хуан — переодетый мужчина. Дон Хуан не знал, как вести себя, чтобы убедительно походить на женщину, и Белисарио предупредил его, чтобы он поступал как женщина, которая немного не в себе.

Через несколько дней страх дона Хуана почти совсем исчез. Фактически он стал таким самоуверенным, что не мог даже вспомнить, как сильно был испуган. Если бы не его одежда, он, наверное, предположил бы, что все происшедшее было дурным сном.

Однако на нем была женская одежда, и это обстоятельство сильно меняло дело. Жена Белисарио с искренней серьезностью обучала дона Хуана каждому аспекту женского поведения. Он помогал ей готовить, стирать белье, колол дрова. Белисарио побрил ему голову и наложил на нее сильно пахнувшую мазь, а погонщикам сказал, что у девушки были вши. Дон Хуан сказал, что, поскольку в то время он был безусым юношей, ему на самом деле не так уж трудно было выглядеть, как женщина. Но он испытывал отвращение к самому себе, ко всем этим людям и прежде всего — к своей судьбе. В конце концов носить женское платье и делать женскую работу стало для него невыносимым.

И однажды он решил, что с него достаточно. Погонщики были последней каплей. Они ожидали и требовали, чтобы эта странная девушка прислуживала им, так сказать, во всех отношениях. Дон Хуан сказал, что ему все время приходилось быть настороже, потому что они не давали ему прохода.

Я почувствовал, что должен задать один вопрос.

— Были ли погонщики заодно с бенефактором? — спросил я.

— Нет, — ответил он и раскатисто захохотал. — Они были всего-навсего двумя славными людьми, которые на время попали под его влияние. Он нанял их мулов для перевозки лечебных трав и сказал, что щедро заплатит им, если они помогут ему похитить молодую девушку.

Масштабы предприятия Нагваля Хулиана поражали воображение. Я представил себе дона Хуана, ограждающего себя от сексуальных притязаний погонщиков мулов, и скорчился от смеха.

Дон Хуан продолжал свое повествование. Он безапелляционно заявил старику, что дальше маскарад продолжать невозможно, потому что погонщики пристают к нему с сексуальными предложениями. Белисарио невозмутимо посоветовал ему быть снисходительным, потому что мужчины есть мужчины, и неудержимо заплакал, совершенно сбив с толку дона Хуана, который вдруг обнаружил себя яростно защищающим женщин.

Он так страстно отстаивал положение женщин, что даже сам испугался. Потом он сказал Белисарио, что оказался в еще худшем положен-ии, чем был бы, если бы остался рабом чудовища.

Смятение дона Хуана возросло, когда старик безутешно зарыдал и бессвязно забормотал, что жизнь прекрасна и что ничтожная цена, которую нужно заплатить за нее, всего лишь шутка по сравнению с тем, что чудовище похитит душу дона Хуана и даже не позволит ему убить себя. «Флиртуй с погонщиками, — посоветовал он дону Хуану умоляюще. — Они простые крестьяне. Они просто хотят поиграть, а ты оттолкни их, если они начнут тискать тебя. Разреши им прикасаться к твоей ноге. Почему это так тебя беспокоит?» И он опять зарыдал. Дон Хуан спросил его, почему он так плачет. «Потому что ты заслуживаешь лучшей участи, чем эта», — отвечал старик и трясся всем телом, судорожно рыдая.

Дон Хуан поблагодарил старика за доброе отношение и за все, что тот для него сделал. Он сказал Белисарио, что сейчас чувствует себя в безопасности и хочет уйти.

«Искусство сталкинга требует обучения мельчайшим деталям твоей маскировки, — сказал Белисарио, не обращая никакого внимания на только что сказанное. — И обучаться им следует так хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что ты маскируешься. Для этого тебе необходимо быть безжалостным, искусным,[8 - Cunning — хитрый, коварный, умелый, ловкий, прелестный, искусный (англ.).] терпеливым и мягким [Sweet — приятный, добрый, мягкий, милый, прелестный и т. д. (англ.).

Дон Хуан совершенно не понимал, о чем говорит Белисарио. Но он не стал вникать, а попросил дать ему какую-нибудь мужскую одежду. Белисарио отнесся к этому с пониманием. Он дал дону Хуану кое-какую старую одежду и немного денег. Он обещал дону Хуану, что тот всегда сможет найти здесь одежду для маскировки, если в этом будет нужда, и еще раз решительно посоветовал ему ехать с ним в Дуранго, чтобы обучаться магии и навсегда освободиться от чудовища.

Дон Хуан отказался и поблагодарил его. Тогда Белисарио попрощался с ним и несколько раз сильно хлопнул его по спине.

Дон Хуан переоделся и спросил Белисарио, в какую сторону ему идти. Тот ответил, что если дон Хуан направится на север, то рано или поздно достигнет ближайшего города. Но не исключено, сказал он, что пути их пересекутся снова, поскольку все они стремятся в одном и том же направлении — прочь от чудовища.

Дон Хуан, наконец-то освободившись, пустился в путь так быстро, как только мог. Он прошел четыре или пять миль, прежде чем увидел следы присутствия людей. Он знал, что город находится поблизости, и думал о том, что он, возможно, устроится там на работу, прежде чем решит, что ему делать дальше. Он присел отдохнуть, предчувствуя обычные трудности, которые ожидали странника, появляющегося в маленьком провинциальном городке, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение в кустах у дороги. Он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он так перепугался, что вскочил и бросился бежать в сторону города. В это время чудовище бросилось на него, пытаясь схватить его за горло. Оно промахнулось лишь на дюйм. Дон Хуан завопил, как никогда прежде, но сохранял достаточно самообладания, чтобы повернуться и побежать назад в том направлении, откуда он пришел.

Все время, пока дон Хуан бежал, спасая свою жизнь, чудовище преследовало его, с треском продираясь через кусты в нескольких шагах от него. Дон Хуан сказал, что это был самый страшный звук, который ему когда-либо доводилось слышать. Наконец он увидел упряжку мулов, медленно тащившихся вдалеке, и громко закричал, взывая о помощи.

Белисарио увидел дона Хуана и кинулся к нему с выражением нескрываемого ужаса на лице. Он швырнул ему узел с женской одеждой и закричал: «Беги как женщина, глупец!»

Дон Хуан признался, что понятия не имеет, как ему тогда хватило присутствия духа, чтобы побежать как женщина, но он сделал это. Чудовище перестало гнаться за ним. Белиса-рио приказал ему быстро переодеться, пока он держал монстра на расстоянии.

Дон Хуан присоединился к Белисарио и улыбающимся погонщикам, ни на кого не глядя. Они повернули обратно и выбрали другую дорогу. Затем Белисарио дал ему очередной урок. Он сообщил дону Хуану, что индейские женщины очень практичны и обращают внимание сразу на суть вещей, но они также иочень застенчивы, и, когда их окликают, обычно проявляют физические признаки испуга: у них бегают глаза, они сжимают губы и раздувают ноздри. К тому же они застывают на месте и застенчиво смеются.

Он заставил дона Хуана упражняться в искусстве женского поведения в каждом городе, через который они проезжали. И дон Хуан чистосердечно верил, что тот обучает его актерскому мастерству; но Белисарио утверждал, что обучает его искусству сталкинга. Он сказал дону Хуану, что сталкинг является искусством, применимым к чему бы то ни было, и выделил четыре ступени обучения ему: безжалостность, искусность, терпение и мягкость.

Я почувствовал потребность еще раз прервать его рассказ.

— Но разве сталкингу обучают не в состоянии глубокого повышенного осознания? — спросил я.

— Конечно, — ответил он, усмехнувшись. — Но тебе следовало бы понять, что для некоторых мужчин ношение женской одежды является вратами к

повышенному осознанию. Такие способы хотя и очень трудны для исполнения, фактически являются даже более эффективными, чем сдвиг точкисборки.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор ежедневно инструктировал его в отношении четырех настроений сталкинга и добивался, чтобы дон Хуан ясно понял, что безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость — коварством и мягкость — глупостью.

Он учил его, что эти четыре ступени необходимо практиковать и совершенствовать до тех пор, пока они не станут совершенно отточенными и незаметными. Он считал, что женщины являются природными сталкерами. Его убеждение в этом было так велико, что он утверждал: мужчина может по-настоящему изучить искусство сталкинга только в женском обличье.

— Мы с ним заходили на рынок в каждом городе, через который нам случалось проезжать, и там с кем-нибудь торговались, — продолжал дон Хуан. — Мой бенефактор стоял рядом, наблюдая за мной. «Будь безжалостным, но обаятельным, — повторял он. — Будь хитрым, но деликатным. Будь терпеливым, но активным. Будь мягким, но смертельно опасным. На это способна только женщина. Если бы так мог действовать мужчина, он был бы безупречен».

И как бы для того, чтобы гарантировать продолжение маскарада дона Хуана, время от времени появлялся чудовищный человек. Дон Хуан заметил, что он постоянно рыскает в окрестностях. Особенно часто он видел его, когда Белисарио делал ему энергичный массаж спины якобы для того, чтобы облегчить острую невралгическую боль в шее.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что таким образом его переводили в состояние повышенного осознания.

— Нам понадобился месяц, чтобы добраться до Дуран-го, — сказал дон Хуан. — За этот месяц я получил общее представление о четырех настроениях сталкинга. В сущности, это не так уж сильно изменило меня, но зато дало возможность получить представление о том, что значит быть женщиной.

Четыре настроения сталкинга

Дон Хуан сказал, что я должен оставаться на древнем наблюдательном посту и использовать толчок земли, чтобы сместить точку сборки и вспомнить другие состояния повышенного осознания, в которых он обучал меня сталкингу.

— На протяжении последних нескольких дней я много раз упоминал о четырех настроениях сталкинга, — сказал он. — Я говорил о безжалостности, ловкости, терпении и мягкости в надежде, что ты сможешь вспомнить о них все, чему я тебя учил. Было бы замечательно, если бы ты смог использовать эти четыре настроения для тотального вспоминания.[9 - Recollection — (здесь) «вспоминание» — в отличие от «remembering» — «воспоминание» (англ.).]

Он выдержал паузу, которая показалась мне слишком долгой. Затем он сделал заявление, которое, казалось, не должно было удивить меня — и тем не менее сильно удивило. Он сказал, что обучал меня четырем настроениям сталкинга в Северной Мексике с помощью Висенте Медрано и Сильвио Мануэля. Он не продолжал дальше, давая мне время осмыслить это. Я силился вспомнить, но потом махнул рукой и хотел было уже громогласно заявить, что не способен вспомнить того, что никогда не происходило.

Но пока я всячески отрицал все это, мне начали приходить в голову тревожные мысли. Я ведь знал, что дон Хуан сказал это не для того, чтобы досадить мне. Как уже бывало прежде, когда он просил меня вспомнить события, связанные с повышенным осознанием, мною овладевало чувство, что эти события не являлись продолжением ситуаций, через которые я проходил под его руководством. Эти события не были связаны между собой в линейной последовательности, подобно событиям моей повседневной жизни. Весьма возможно, что он был прав. По словам дона Хуана, у меня не было оснований быть уверенным в чем бы то ни было.

Я пытался выразихь свои сомнения, но он отказался слушать и велел вспоминать. К этому времени совсем стемнело. Стало ветрено, но я не чувствовал холода. Дон Хуан передал мне плоский камень, чтобы я положил

его себе на грудь. Мое осознание было обострено и восприимчиво ко всему вокруг. Я почувствовал внезапную тягу, которая не была ни внешней, ни внутренней, — скорее это было ощущение непрерывного тянущего усилия в определенной части меня. Внезапно с ослепительной ясностью я начал вспоминать встречу, которая произошла годы назад. Я вспомнил события и людей так ярко, что это испугало меня до озноба. Я рассказал все это дону Хуану, но он не проявил интереса и только призвал меня не поддаваться ментальному и физическому страху.

Мое вспоминание было таким реальным, как если бы я вновь пережил этот эпизод. Дон Хуан сохранял спокойствие. Он даже не смотрел в мою сторону. Я чувствовал оцепенение. Оно проходило медленно.

Я только мог повторить то же, что всегда говорил дону Хуану, когда вспоминал событие, не включенное в линейную последовательность.

— Как это может быть, дон Хуан? Как я мог забыть все это?

И он вновь подтвердил, что так же бывало и с ним.

— Механизм такого рода вспоминания не имеет ничего общего с обычной памятью, — сказал дон Хуан. — Он связан с перемещением точки сборки.

Он заявил, что хотя я обладаю полным знанием о том, что такое намерение, однако еще не могу распоряжаться этим знанием. Знать, что такое намерение, — означает, что обладающий этим знанием в любое время может объяснить свое знание или воспользоваться им. Нагваль в силу своего положения обязан распоряжаться своим знанием именно таким образом.

— Что ты вспомнил! — спросил он меня.

— Тот первый случай, когда ты рассказывал мне о четырех настроениях сталкинга, — сказал я.

Какой-то необъяснимый в понятиях моего обычного восприятия мира процесс освободил воспоминания, которых за минуту до того не существовало. И я вспомнил последовательность событий, которые произошли много лет назад.

Когда я уезжал из дома дона Хуана в Соноре, он попросил меня встретиться с ним на следующий день около полудня на границе США в Ногалесе, штат Аризона, на автобусной остановке Грейхаунд.

Я приехал на час раньше, но он уже стоял там. Я приветствовал его. Не отвечая, он поспешно оттолкнул меня в сторону и прошептал, чтобы я вытащил руки из карманов. Я был ошарашен. Не дав мне опомниться, он сказал, что у меня расстегнулась ширинка, постыдно демонстрируя мое сексуальное возбуждение.

Скорость, с которой я бросился застегиваться, была феноменальной. К тому времени, когда я понял, что это была всего лишь грубая шутка, мы уже были на улице. Дон Хуан смеялся, довольно ощутимо похлопывая меня по спине, словно он был в восторге от своей шутки. Внезапно я обнаружил себя в состоянии повышенного осознания.

Мы зашли в кафе и сели. Мой ум был настолько ясным, что мне хотелось смотреть на все, видеть суть вещей.

— Не растрачивай энергию, — велел дон Хуан строгим голосом. — Я привел тебя сюда, чтобы выяснить, сможешь ли ты есть, когда твоя точка сборки сдвинута. Не пытайся сделать больше, чем это.

Но вдруг за столик напротив меня сел какой-то человек, и все мое внимание оказалось прикованным к нему.

— Повращай глазами, — велел дон Хуан. — Не смотри на этого человека.

Но перестать смотреть на него было выше моих сил. Я почувствовал, что требования дона Хуана меня раздражают.

— Что ты видишь! — услышал я вопрос дона Хуана. Я видел светящийся кокон, являющий собой прозрачные крылья, которые были обернуты поверх собственно кокона. Крылья развернулись, затрепетали на мгновение, остановились, упали, на их месте появились новые крылья, и весь процесс повторился снова.

Дон Хуан развернул меня вместе со стулом лицом к стене.

— Это растрата, — сказал он после того, как я рассказал ему о том, что видел. — Ты исчерпал почти всю свою энергию. Сдерживай себя. Воину необходим фокус. На кой черт ему крылья на светящемся коконе?

Он сказал, что повышенное осознание похоже на трамплин. Из него можно совершать прыжок в бесконечность. Он подчеркивал снова и снова, что, когда точка сборки оказывается смещенной, она затем либо возвращается в положение, очень близкое к прежнему, либо продолжает двигаться в бесконечность.

— Люди не подозревают о странной силе, которую несут в себе, — продолжал он. — Вот сейчас, например, у тебя есть способ достичь бесконечности. Если ты будешь дальше так же бестолково вести себя, то можешь сдвинуть свою точку сборки в такое положение, откуда нет возврата.

Я понял опасность, о которой он говорил, или вернее, физически ощутил, что стою на краю пропасти, и еще один шаг — и я неминуемо свалюсь в нее.

— Твоя точка сборки сдвинулась в повышенное осознание, — продолжал он, — потому что я одолжил тебе свою энергию.

Мы молча ели простую пищу. Дон Хуан запретил мне пить чай или кофе.

— Когда ты пользуешься моей энергией, — сказал он, — ты не находишься в своем собственном времени. Ты находишься в моем. А я пью воду.

Когда мы вышли и направились к моей машине, меня слегка качало, и я едва не потерял равновесие. Это ощущение было похоже на то, когда впервые надеваешь очки и пытаешься в них ходить.

— Возьми себя в руки, — сказал дон Хуан улыбаясь. — Там, куда мы идем, тебе придется действовать исключительно точно.

Он сказал, чтобы я ехал через границу в соседний с Нога-лесом город в Мексике. Во время езды он все время давал мне указания: какую улицу выбирать, когда делать правый, а когда левый поворот и с какой скоростью ехать.

— Я знаю эту местность, — сказал я довольно раздраженно. — Скажи мне, где ты хочешь выйти, и я высажу тебя там. Как водитель такси.

— О'кей, — сказал он. — Высади меня, пожалуйста, на Хранимой-Небесами-авеню, 1573.

Я не знал такой улицы, если только она вообще существовала. Я подозревал, что он только что придумал это название, чтобы сбить меня с толку, и промолчал. Его улыбающиеся глаза насмешливо блестели.

— Самовлюбленность — настоящий тиран, — сказал он. — Мы должны трудиться не жалея сил, чтобы развенчать ее.

Он продолжал указывать мне дорогу и наконец попросил меня остановиться у одноэтажного светло-бежевого дома, причем по возможности подъехать поближе.

В этом доме было что-то, немедленно привлекшее мой взгляд: его окружал толстый слой гравия цвета охры. Массивная входная дверь, поднимающиеся окна и отделка дома тоже были цвета охры, как и гравий. Все видимые окна были закрыты венецианскими шторами. Судя по всему, это был обычный пригородный дом, принадлежащий представителю среднего класса.

Мы вышли из машины. Дон Хуан пошел вперед. Он не постучал и не открыл дверь ключом, но мне показалось, что, когда мы подошли к дому, дверь сама по себе бесшумно открылась, повернувшись на хорошо смазанных петлях.

Дон Хуан быстро вошел, не приглашая меня. Я сам последовал за ним. Мне было любопытно узнать, кто же открыл нам дверь изнутри, но там никого не было.

Интерьер дома был успокаивающим. Не было ни картин на ровных, абсолютно чистых стенах, ни люстры, ни книжных полок. Золотисто-желтый кирпичный пол составлял приятный контраст с белыми стенами. Мы находились в небольшом тесном холле, который переходил в просторную гостиную с высокими потолками и кирпичным камином. Половина комнаты была полностью пустой, но в другой части комнаты, ближе к камину, полукругом

расположилась дорогая мебель: две большие бежевые кушетки в центре, а по бокам два кресла, обтянутые тканью того же цвета. Посередине стоял тяжелый круглый дубовый кофейный стол. Судя по увиденному мною в этом доме, живущие здесь люди должны быть зажиточными, но бережливыми. Они, очевидно, любили посидеть у огня.

В креслах сидели двое мужчин лет пятидесяти-шестиде-сяти. Когда мы вошли, они поднялись из кресел. Один из них был индеец, другой — латиноамериканец. Дон Хуан представил вначале индейца, который находился ближе ко мне.

— Это Сильвио Мануэль, — сказал дон Хуан. — Он — самый могущественный и опасный маг моего отряда, да и к тому же самый таинственный.

Черты Сильвио Мануэля были как будто с фресок майя. У него был бледный, почти желтоватый цвет лица. Я подумал, что он похож на китайца. Глаза его были раскосыми, но без монгольских складок. Они были большие, черные и сияющие. Он был безбородый, с черными, как смоль, волосами, в которых кое-где проблескивала седина. У него были высокие скулы и полные губы. Ростом он был приблизительно пяти футов и семи дюймов. Он был худощавый, жилистый. Одет он был в желтую спортивную рубашку, коричневые брюки и тонкий пиджак бежевого цвета. Судя по одежде и манере держаться, он скорее был похож на мексиканца.

Я улыбнулся и протянул Сильвио Мануэлю руку. Но он не принял ее, а лишь небрежно кивнул.

— А это Висенте Медрано, — сказал дон Хуан, поворачиваясь к другому мужчине. — Он самый знающий и старейший среди моих товарищей. Он самый старший не по возрасту, а по тому, что он был самым первым учеником нашего бенефактора.

Висенте кивнул так же небрежно, как и Сильвио Мануэль, и так же не сказал ни слова.

Он был немного выше Сильвио Мануэля, но такой же худощавый. Кожа на его лице была белой и нежной, он носил тщательно подстриженные усы и бороду. Черты его лица были очень мягкими: прекрасной формы тонкий нос,

маленький рот с тонкими губами. Густые темные брови составляли контраст с седеющими шевелюрой и бородой. У него были карие сияющие глаза, смеющиеся, несмотря на хмурое выражение лица.

На нем был консервативный льняной зеленоватый костюм и спортивная рубашка с открытым воротом. Он был или мексиканец, или американец. Я подумал, что он, должно быть, и является хозяином дома.

В отличие от них, дон Хуан выглядел как индеец-пеон. Его соломенная шляпа, стоптанные башмаки, старые брюки цвета хаки и шотландская рубашка были такими, как у какого-нибудь садовника или чернорабочего.

При наблюдении за ними у меня появилось ощущение, что дон Хуан маскировался. У меня возник образ из военной тематики, как если бы дон Хуан был старшим офицером, который руководил тайной операцией, офицером, который, как ни старался, не мог скрыть властного выражения своих глаз.

А еще мне показалось, что все они были примерно одного возраста. Хотя дон Хуан казался гораздо старше остальных, но при этом был бесконечно более крепким.

— Я думаю, вы уже знаете, что Карл ос индульгируех больше, чем кто бы то ни было, — сказал дон Хуан с самым серьезным видом. — Он любит это даже больше, чем наш бе-нефактор. Я уверяю вас, что если и существует человек, который относится к индульгированию серьезно, — так это он.

Я засмеялся, но только я один. Эти двое мужчин наблюдали за мной со странным блеском в глазах.

— Безусловно, вы составите незабываемое трио, — сказал дон Хуан. — Самый старший и самый знающий, самый опасный и самый могущественный — и чемпион по индульгированию.

Они тут же засмеялись и внимательно изучали меня, пока я не почувствовал себя неловко. Тогда Висенте нарушил молчание.

— Не пойму, зачем ты притащил его в дом, — сказал он сухим резким тоном. — Он нам ни к чему. Отведи его на задний двор.

— И привяжи его там, — добавил Сильвио Мануэль. Дон Хуан повернулся ко мне.

— Пойдем, — сказал он мягким тоном и указал быстрым движением головы в сторону задней части дома. Мне стало совершенно ясно, что я не понравился этим двум людям. Я чувствовал себя сердитым и обиженным, но эти чувства в какой-то мере рассеивались состоянием повышенного осознания. Мы вышли на задний двор. Дон Хуан небрежно подобрал ременную веревку и обвязал ею мою шею с непостижимой быстротой. Его движения были такими стремительными и неожиданными, что, прежде чем я успел осознать происходящее, уже был привязан за шею, как собака, к одной из двух шлакоблочных колонн, поддерживающих тяжелый навес над террасой.

Дон Хуан покачал головой из стороны в сторону жестом неудовольствия или недоверия и отправился обратно в дом, и тогда я пронзительно завопил, чтобы он развязал меня.

Веревка была настолько затянута вокруг шеи, что это не давало мне возможности кричать так сильно, как мне хотелось.

Я никак не мог поверить, что такое могло случиться. Сдерживая раздражение, я пытался развязать узел на шее. Но он был настолько тугим, что казалось, ремешки склеились. Я едва не сорвал ногти, пытаясь освободиться.

В порыве неконтролируемого гнева я зарычал от бессилия, как зверь. Потом я схватил веревку, обмотал ее вокруг руки и, упершись ногой в столб, дернул. Но кожа ремня была слишком прочной для силы моих мускулов. Я был унижен и напуган. Страх отрезвил меня. Я понял, что был обманут фальшивой аурой рассудительности дона Хуана.

Я оценил ситуацию настолько объективно, насколько мог, и не увидел иного пути освободиться от веревки, как только перерезать ее. Начав неистово тереть веревку об острый край колонны, я думал, что, если успею разорвать ее прежде, чем любой из этих людей вернется сюда, у меня будет шанс добежать до машины и уехать, чтобы никогда больше не возвращаться.

Я пыхтел и обливался потом, перетирая веревку, до тех пор, пока не оказался

близок к цели. Тогда я уперся одной ногой в столб, снова обмотал веревку вокруг руки и отчаянно дернул. Она оборвалась, после чего я бросился обратно в дом.

Врываясь в открытую дверь, я споткнулся о порог. Дон Хуан, Висенте и Сильвио Мануэль стояли посреди комнаты, аплодируя.

— Какое драматическое возвращение, — сказал Висенте, помогая мне встать. — Ты одурачил меня. Я не думал, что ты способен на такие вспышки.

Дон Хуан подошел ко мне и развязал узел, освободив мою шею от обрывка веревки.

Я дрожал от страха, напряжения и гнева. Срывающимся голосом я спросил дона Хуана, зачем ему понадобилось мучить меня подобным образом. Все трое засмеялись, и смех этот ни в коем случае не был угрожающим.

— Мы хотели испытать тебя и выяснить, человеком какого типа ты являешься, — сказал дон Хуан.

Он подвел меня к кушетке и вежливо предложил сесть. Висенте и Сильвио Мануэль сидели в креслах, дон Хуан сел напротив меня на другую кушетку.

Я нервно посмеивался, но меня больше не тревожили ни мое положение, ни друзья дона Хуана. Все трое с искренним любопытством рассматривали меня. Висенте никак не мог перестать улыбаться, хотя изо всех сил старался казаться серьезным. Сильвио Мануэль смотрел на меня и ритмично покачивал головой. Его глаза были несфокусированы, но направлены в мою сторону.

— Мы привязали тебя, — продолжал дон Хуан, — потому что хотели узнать, являешься ли ты мягким, безжалостным, терпеливым или ловким. Выяснилось, что ты не обладаешь ни одним из этих качеств. Скорее всего, ты чудовищно потакаешь себе, как я и говорил. Если бы ты не индулыировал в своем гневе, ты бы, конечно, заметил, что устрашающий с виду узел, на который была завязана веревка, на самом деле был довольно безобидным. Развязать его было очень просто. Висенте придумал этот узел, чтобы дурачить своих друзей.

— Ты дергал веревку яростно. Ты в самом деле не мягкий, — сказал Сильвио Мануэль.

На мгновение наступила пауза, а потом они рассмеялись.

— Ты не был ни безжалостным, ни ловким, — продолжал дон Хуан. — А если бы был, ты мог бы легко развязать узел и убежать, прихватив с собой дорогую кожаную веревку. Не проявил ты и терпения. В противном случае ты бы хныкал и вопил до тех пор, пока бы не увидел, что в двух шагах от тебя на земле лежат ножницы, с помощью которых ты в два счета перерезал бы веревку, избавив себя от истерики и ненужных усилий.

Тебя не нужно учить, как быть необузданным и бестолковым. Ты уже такой. Но ты можешь научиться быть безжалостным, терпеливым, ловким и мягким.

Дон Хуан объяснил мне, что безжалостность, ловкость, терпение и мягкость составляют суть сталкинга. Они являются основой, которая со всеми своими ответвлениями должна быть изучена шаг за шагом во всех тонкостях.

Все это явно предназначалось для меня, но, говоря, он смотрел на Висенте и Сильвио Мануэля, которые слушали с большим вниманием и время от времени кивали головами в знак согласия.

Он еще раз подчеркнул, что обучение сталкингу является одной из самых сложных ступеней ученичества магов. И он настаивал, что, независимо от их конкретных действий по обучению меня сталкингу и от того, что я понимал их превратно, их действия были продиктованы безупречностью.

— Будь уверен, мы знаем, что делаем. Наш бенефактор,

Нагваль Хулиан, позаботился об этом, — сказал дон Хуан, и все трое так раскатисто захохотали, что я почувствовал себя крайне неуютно. Я не знал, что и подумать.

Дон Хуан повторил: очень важно помнить, что хотя со стороны поведение магов и может показаться враждебным, но на самом деле оно всего лишь всегда безупречно.

— Какое значение имеет эта разница, если ты являешься объектом издевательства? — спросил я.

— Злонамеренные действия совершаются людьми ради личной выгоды, — сказал он. — Другое дело — маги. Хотя их действия и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. То, что они получают удовольствие от своих действий, не может рассматриваться как выгода. Скорее это свойство их характера. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради духа.

Я задумался над этим. Действовать не ради выгоды было для меня чем-то совершенно непонятным. Я был воспитан так, чтобы чувствовать себя вправе ожидать какую-либо награду за все, что я делаю.

Дон Хуан, очевидно, истолковал мое молчание и замешательство как скептицизм. Он засмеялся и посмотрел на своих компаньонов.

— Возьми, к примеру, нас, — продолжал он. — Ты считаешь, что вносишь что-то в эту ситуацию, и в конечном счете хочешь извлечь из нее пользу. Если ты рассердишься на нас или если мы тебя разочаруем, ты вполне можешь прибегнуть к злонамеренным действиям, чтобы свести с нами счеты. В противоположность тебе у нас и в мыслях не было действовать ради личной выгоды. Наши действия продиктованы безупречностью — мы не можем разозлиться или разочароваться в тебе.

Дон Хуан улыбнулся и сказал мне, что с момента нашей встречи на автобусной станции все, что он сделал для меня, было продиктовано безупречностью. Он объявил, что ему нужно было убрать мою защиту, чтобы помочь мне войти в состояние повышенного осознания. Именно поэтому он и сказал мне, что мои брюки расстегнуты.

— Это был способ выбить тебя из колеи, — сказал он с усмешкой. — Мы — грубые индейцы, и потому все наши шутки несколько примитивны. Чем изощреннее воин, тем сложнее и тоньше его шутки. Но я считаю, что мы получили огромное удовольствие от нашей грубой шутки, когда привязали тебя за шею, как собаку.

Все трое усмехнулись, а потом тихонько рассмеялись, как если бы в доме был еще кто-то, кого они не хотели беспокоить.

Очень тихим голосом дон Хуан сказал, что, поскольку я нахожусь в состоянии повышенного осознания, я могу лучше понять то, что он намеревается рассказать мне о двух искусствах — сталкинге и намерении. Он назвал их вершиной достижения магов, как старых, так и новых, — именно тем, с чем они, как и тысячи лет назад, имеют дело сегодня. Он заявил, что сталкинг является началом и что прежде, чем воины могут что-нибудь предпринять на своем пути, им необходимо научиться выслеживать, затем они должны овладеть намерением, и только после этого они смогут сдвигать точку сборки по своей воле.

Я точно знал, о чем он говорит. Откуда-то я знал, что движение точки сборки может быть выполнено. Но слов, чтобы сказать им о моем знании, у меня не было. Несколько раз я пытался найти слова для такого объяснения. Они смеялись над моими неудачами и советовали мне пытаться снова.

— Как бы ты посмотрел на то, если бы за тебя все это произнес я? — спросил дон Хуан. — Пожалуй, я мог бы найти точные слова, которые ты никак не можешь вспомнить.

По его вопросительному взгляду я решил, что он серьезно спрашивает моего позволения. Ситуация показалась мне настолько нелепой, что я рассмеялся. Дон Хуан, проявляя завидное терпение, повторил свой вопрос, и я снова рассмеялся. Их удивление и озабоченность показали мне, что моя реакция была им непонятна. Дон Хуан поднялся и заметил, что я слишком устал и что мне пора возвращаться в мир повседневных дел.

— Ну пожалуйста, подожди, — взмолился я. — Со мной все в порядке. Просто мне показалось забавным, что тебе понадобилось спрашивать у меня разрешения.

— Я должен спросить твоего разрешения, — сказал дон Хуан, — потому что ты единственный, кто может позволить словам, заключенным внутри тебя, выйти наружу. Думаю, я все же переоценил твою способность к пониманию. Слова есть нечто исключительно могущественное и важное, и они являются магическим достоянием того, кому они принадлежат. У магов есть правило

большого пальца: они говорят, что чем глубже сдвигается точка сборки, тем сильнее ощущение, что обладаешь знанием и не имеешь слов для его

объяснения. Иногда точка сборки у обычных людей может по неизвестной причине прийти в движение, чего они и сами не осознают, разве что вдруг становятся косноязычными, смущенными и рассеянными.

Тут вмешался Висенте и предложил, чтобы я остался с ними еще на некоторое время. Дон Хуан согласился и повернулся лицом ко мне.

— Самым первым принципом сталкинга является то, что воин выслеживает самого себя, — сказал он. — Он выслеживает самого себя безжалостно, хитро, терпеливо и мягко.

Я хотел было засмеяться, но он опередил меня и очень кратко определил сталкинг как искусство использования неожиданного поведения с особой целью. Он сказал, что нормальное человеческое поведение в мире повседневной жизни является рутинным. Любое нестандартное поведение, разрушающее рутину, оказывает необычайное воздействие на все наше существо. Маг стремится именно к такому необычному эффекту, поскольку воздействие такого эффекта является кумулятивным.

Он объяснил, что древние видящие благодаря своему видению первыми заметили, что необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счете это вызывает сдвиг точки сборки.

— Но главной проблемой магов-видящих, — продолжал дон Хуан, — было изобретение системы поведения, не допускавшей мелочности и капризов, но сочетающей высокие моральные качества и чувство красоты, которое отличает видящих от простых колдунов.

Дон Хуан прервал свою речь, и все трое посмотрели на меня, как бы стараясь отыскать следы усталости в моих глазах или теле.

— Всякий, кто добьется успеха в сдвиге своей точки сборки в новое положение, является магом, — продолжал дон Хуан. — Находясь в этом новом положении, он может воздействовать на других людей дурно или хорошо.

Поэтому магом можно быть и на уровне уличного сапожника или булочника. Притязания магов-видящих должны идти дальше этой стадии. А чтобы достичь этого, необходимо сочетать нравственность и красоту.

Он сказал, что для магов сталкинг является основой, на которой зиждется все, что они делают.

— Некоторые маги критикуют слово «сталкинг», — продолжал он, — но это название было принято именно потому, что оно подразумевает скрытное поведение.

Его называют также «искусством уловки», однако и этот термин в равной мере неудачен. Мы сами, в силу своего невоинственного характера, называем его искусством контролируемой глупости. Ты можешь называть его как угодно. Мы же, однако, будем придерживаться термина «сталкинг», потому что легче сказать «сталкер», чем, как имел обыкновение говорить мой бенефактор, «тот, кто практикует контролируемую глупость».

При упоминании об их бенефакторе все трое засмеялись, как дети. Я понимал его превосходно. У меня не возникало ни вопросов, ни сомнений. Но при всем этом у меня было чувство, что я должен, как за якорь, держаться за каждое слово дона Хуана. В противном случае мои мысли обгоняли бы его. Я заметил, что мои глаза фиксировались на движении его губ, а уши — на звучании его слов. Но как только я это заметил, то не смог больше следить за его словами. Моя концентрация исчезла. Дон Хуан продолжал говорить, но я уже не слушал его. Меня захватила идея о непостижимой возможности постоянно жить в состоянии повышенного осознания. Я спрашивал себя, насколько велика была бы практическая ценность такого состояния. Позволило бы это лучше ориентироваться в ситуациях? Быть подвижнее, чем обычный человек, или, возможно, умнее?

Дон Хуан внезапно остановился и спросил меня, о чем я думаю.

— О, ты слишком практичен, — прокомментировал он мои откровения. — А я-то надеялся, что в состоянии повышенного осознания твой темперамент станет более артистичным, более мистическим.

Дон Хуан повернулся к Висенте и попросил его ответить на мой вопрос.

Висенте откашлялся и вытер ладони о свою одежду. Он производил впечатление человека, испытывающего страх перед аудиторией. Мне стало жаль его. Мои мысли путались. И когда я слушал его, запинающегося от волнения, в моем воображении возник образ — впечатление, которое всегда вызывала у меня отцовская робость, его страх перед людьми. Но прежде чем я успел представить себе этот образ, глаза Висенте вспыхнули каким-то странным внутренним светом. Его лицо приняло комически-серьезное выражение, и он обратился ко мне с речью в авторитетной и профессиональной манере.

— Отвечаю на твой вопрос, — сказал он. — Нет никакой практической ценности повышенного осознания, иначе весь род людской был бы там. Однако он от этого застрахован, потому что туда очень трудно попасть. И все же всегда имеется слабая возможность и для обычного человека войти в такое состояние. Но если ему это и удается, то результатом является замешательство, иногда необратимое.

Все трое разразились смехом.

— Маги говорят, что повышенное осознание является вратами намерения, — сказал дон Хуан, — и пользуются им соответственно. Подумай об этом.

Я разглядывал каждого из них в отдельности, открыв рот, и чувствовал, что если я держу его открытым, то это загадочным образом помогает пониманию. Я закрыл глаза, и ко мне пришел ответ. Я чувствовал его. Это не было мыслями. Но как я ни пытался, я не мог выразить словами свое понимание.

— Так, так, — сказал дон Хуан. — Ты получил еще один магический ответ исключительно изнутри самого себя, но у тебя все еще недостаточно энергии, чтобы осмыслить его и превратить в слова.

Ощущение, которое я испытывал, было больше чем невозможность выразить словами свое понимание. Это было похоже на переживание заново чего-то давно позабытого — не знать, что я чувствую, потому что я еще не умею говорить вообще и поэтому не знаю способа выразить свои чувства в словах.

— Мышление и попытка точно выразить свои мысли требуют невообразимого количества энергии, — сказал дон Хуан, разрушив мои ощущения.

Он вывел меня из такой глубочайшей погруженности в себя, что я забыл, с чего все началось. Я ошеломленно уставился на дона Хуана и признался, что не имею ни малейшего понятия о том, что они или я говорили или делали за минуту до этого. Я помнил инцидент с кожаным ремнем и то, что дон Хуан потом говорил мне, но чувство, владевшее мною несколько секунд назад, я вспомнить не мог.

— Ты идешь по ложному пути, — сказал дон Хуан. — Ты пытаешься вспомнить мысли так, как делаешь это обычно, но здесь иная ситуация. Секунду назад у тебя было всепоглощающее чувство, что ты знаешь нечто совершенно особое.

Подобное чувство нельзя восстановить, полагаясь на память. Ты должен вспомнить, благодаря намерению вернуть его.

Он обернулся к Сильвио Мануэлю, который сидел, развалившись в кресле и вытянув ноги под кофейным столиком. Сильвио Мануэль пристально посмотрел на меня. Его черные глаза были похожи на два кусочка блестящего обсидиана. Не пошевельнувшись, он издал пронзительный крик, похожий на птичий.

— Намерение. — завопил он. — Намерение. Намерение.

С каждым возгласом его голос становился все более и более нечеловеческим и пронзительным. Волосы у меня на затылке встали дыбом. По коже пробежали мурашки. Однако мой ум вместо того, чтобы сосредоточиться на страхе, который я, несомненно, испытывал, направился напрямую на вспоминание пережитого чувства. Но прежде чем я смог вспомнить его полностью, оно расширилось и превратилось в нечто иное. И тогда я понял не только то, почему повышенное осознание является вратами намерения, но также и то, что такое само намерение. Кроме того, я понял, что это знание не может быть выражено в словах и что оно доступно для всех. Его можно ощутить, использовать, но не выразить. В него можно войти путем изменения уровня осознания — поэтому повышенное осознание является входом. Но даже вход невозможно объяснить. Его можно только использовать.

В тот день ко мне без какой-либо подсказки пришел еще один проблеск знания: естественное знание намерения доступно каждому, но управление им

принадлежит лишь тем, кто исследовал его.

К этому моменту я уже страшно устал, что, несомненно, и послужило причиной влияния католического воспитания на мои последующие реакции. На какое-то мгновение я поверил, что намерение — это Бог.

Я сказал об этом дону Хуану, Висенте и Сильвио Мануэлю. Они засмеялись. Все тем же тоном профессионального оратора Висенте сказал, что намерение не может быть Богом, потому что оно является Силой, которую нельзя описать и тем более представить.

— Не будь таким самоуверенным, — жестко сказал дон Хуан. — Не пытайся спекулировать на основе своего первого и пока единственного опыта. Подожди, пока не овладеешь своим знанием, а потом и решай, что есть что.

* * *

Воспоминание о четырех настроениях сталкинга обессилило меня настолько, что в результате мною овладела глубочайшая апатия. В этот момент меня не смогла бы взволновать даже гибель, грозящая мне или дону Хуану. Мне было все равно, оставаться на древнем наблюдательном посту или в кромешной тьме возвращаться назад.

Дон Хуан безошибочно понял мое настроение. Он, как слепого, подвел меня за руку к массивной скале и помог сесть, прислонившись к ней спиной. Он посоветовал, чтобы при помощи естественного сна я вернулся в нормальное состояние осознания.

Глава 4. Нисхождение духа

Видение духа

Сразу после позднего завтрака еще за столом дон Хуан объявил, что нам предстоит провести ночь в пещере магов и что мы должны отправиться в путь. Он сказал, что для меня крайне необходимо посидеть там снова в полной темноте, чтобы дать возможность скальным образованиям и намерению магов сдвинуть мою точку сборки.

Я хотел было встать со стула, но он остановил меня и сказал, что есть еще кое-что, что он хотел бы объявить мне. Он потянулся, положил ноги на стул и откинулся назад в удобной расслабленной позе.

— Чем более детально я вижу тебя, тем больше замечаю, как вы похожи с моим бенефактором.

Для меня это звучало столь угрожающе, что я прервал его, сказав, что не могу представить, что за сходство он имеет в виду. Но если какое-то и было, что маловероятно, то я буду очень рад, если он расскажет мне о нем, давая тем самым возможность что-то исправить или изменить. Дон Хуан смеялся, пока по его щекам не потекли слезы.

— Одно из сходств состоит в том, что пока ты действуешь, ты действуешь очень хорошо, — сказал он, — но, когда ты думаешь, тебя всегда заносит. Мой бенефактор был точно таким же. Он думал не слишком хорошо.

Я чуть не бросился защищаться и хотел сказать, что не вижу ничего неправильного в том, как я думаю, но тут вдруг заметил озорной блеск в его глазах и запнулся на полуслове. Дона Хуана рассмешила такая перемена во мне, но в его смехе чувствовалось удивление. Он явно ожидал противоположной реакции.

— Я имел в виду, например, то, что у тебя только тогда есть проблема с пониманием духа, когда ты думаешь о нем, — начал он с улыбкой упрека. —

Но когда ты действуешь, дух легко открывается тебе. Мой бенефактор был таким же.

Прежде чем мы отправимся к пещере, я расскажу тебе историю о моем бенефакторе и о четвертом абстрактном ядре. Маги полагают, что любой из нас может уйти от духа вплоть до самого момента его нисхождения,[10 - Descent — спуск, падение, внезапное падение, обрушивание и т. д. (англ.).] но не после.

Дон Хуан специально остановился, чтобы подчеркнуть движением бровей значительность того, что он говорит.

— Четвертое абстрактное ядро — это полный удар нисхождения духа, — продолжал он. — Четвертое абстрактное ядро — это акт раскрытия. Дух раскрывается нам. Маги описывают это так, как если бы дух находился в засаде, а затем обрушивался на нас, как на свою добычу. Маги говорят, что нисхождение духа всегда незаметно. Оно случается, когда кажется, что вообще ничего не случилось.

Я начал сильно нервничать, почувствовав по тону дона Хуана, что он собирается в подходящий момент чем-то ошеломить меня.

Он спросил, помню ли я момент, когда дух обрушился на меня, закрепив устойчивость моего соединения с абстрактным.

Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит.

— Существует некий порог, однажды переступив который — отступить уже невозможно, — сказал он. — Обычно с момента толчка духа проходят годы, прежде чем ученик достигает этого порога. Однако иногда его достигают почти немедленно. Случай с моим бенефактором — пример этого.

Дон Хуан добавил, что каждому магу следует хорошо запомнить прохождение этого порога, чтобы это служило ему напоминанием о новых возможностях его восприятия. Он объяснил, что такого порога может достичь не только ученик магии и что единственное различие между обычным человеком и магом в этом случае заключается лишь в том, начем каждый из них акцентирует внимание. Маг видит особое значение прохождения порога и использует память об этом

как о точке отсчета. Обычный человек не пересекает порог и делает все возможное, чтобы забыть о нем.

Я не мог согласиться с его точкой зрения, что надо пересечь только один порог.

Дон Хуан с ужасом возвел очи к небесам и тряхнул головой в шутливом жесте отчаяния. Я продолжал настаивать на своем, не то чтобы не соглашаясь с ним, просто пытаясь уяснить все это для себя. Однако возникший было интерес быстро угас. Я вдруг почувствовал, будто мчусь через какой-то туннель.

— Маги говорят, что время четвертого абстрактного ядра приходит тогда, когда дух разрывает цепи нашей саморефлексии, — сказал он, — Разрыв наших цепей — это чудесно, но и очень нежелательно, потому что никто на самом деле не хочет быть свободным.

Ощущение, похожее на скольжение через туннель, владело мной еще мгновение, а затем все прояснилось. И тогда я начал смеяться. Странные проблески понимания, заключенные внутри меня, вырвались наружу в виде смеха.

Дон Хуан, казалось, читал мои мысли, как книгу.

— Что за странное чувство — понимать, что все, что мы думаем, все, что мы говорим, зависит от положения точки сборки, — заметил он.

И это было именно то, о чем я только что подумал и над чем смеялся.

— Я знаю, что твоя точка сборки в данный момент сместилась, — продолжал он, — и ты понял секрет наших цепей. Они держат нас в заточении и, приковывая к нашей такой удобной саморефлексии, защищают нас от яростной атаки неведомого.

Для меня наступило одно из тех необычных мгновений, когда представления о мире магов становятся кристально ясными.

— Как только наши цепи разорваны — мы больше не ограничены интересами повседневного мира, — продолжал он, — и хотя мы по-прежнему остаемся в

этом мире, но больше не принадлежим ему. Для того чтобы быть его частью, мы должны разделять интересы людей, чего без цепей мы делать уже не можем.

Дон Хуан рассказал, что Нагваль Элиас однажды объяснил ему, что обычных людей отличает то, что все мы разделяем владение неким метафорическим кинжалом: заботами нашей саморефлексии. Этим кинжалом мы рассекаем себя и истекаем кровью. И наши цепи саморефлексии дают нам чувство, что мы истекаем кровью вместе, что все мы имеем нечто чудесное — нашу человеческую природу. Но если вглядеться повнимательнее, то окажется, что мы истекаем кровью в одиночестве, что мы ничем не владеем совместно и все, что мы делаем, — это тешимся своими иллюзорными рефлексиями, являющимися нашим же творением.

— Маги больше не пребывают в мире обыденных дел, — продолжал дон Хуан, — поскольку уже не являются жертвами саморефлексии.

Затем дон Хуан начал рассказывать историю о своем бе-нефакторе и нисхождении духа. Он сказал, что эта история началась сразу после того, как дух постучался в дверь к молодому актеру.

Я перебил дона Хуана, спросив его, почему он постоянно употребляет термин «молодой человек» или «молодой актер», упоминая о Нагвале Хулиане.

— В то время, когда произошла эта история, он не был Нагвалем, — ответил дон Хуан, — он был просто молодым актером. В своем рассказе я не могу назвать его даже просто «Хулиан», потому что для меня он всегда был «Нагваль Хулиан». Перед именем Нагваля мы всегда добавляем слово «Нагваль» в знак уважения к его безупречной жизни.

Дон Хуан продолжал свою историю. Он сказал, что Нагваль Элиас остановил смерть молодого актера, переведя его в повышенное осознание, в результате чего после долгих часов борьбы тот снова пришел в сознание. Нагваль Элиас не назвал своего имени, а представился ему как профессиональный целитель, ставший случайным свидетелем разыгравшейся трагедии, в которой чуть не погибли двое. Он указал на распростертую на земле молодую женщину, Талию. Молодой человек был удивлен, увидев ее лежащей без сознания возле него, ведь он помнил ее убегающей. Слова старого целителя, что Бог,

несомненно, покарал Талию за ее грехи, поразив молнией и лишив разума, испугали его, но не настолько, чтобы он не заинтересовался некоторой странностью.

— Но откуда взяться молнии, если даже дождь не идет? — спросил молодой актер едва слышным голосом. Он был явно поражен, когда старый индеец ответил, что Господа не спрашивают о его путях.

И снова я прервал дона Хуана. Мне было любопытно узнать, в действительности ли молодая женщина потеряла рассудок. Он напомнил мне, что Нагваль Элиас нанес сокрушительный удар по ее точке сборки. Она не потеряла рассудка, но в результате удара вошла в состояние повышенного осознания и тут же вышла из него, что создало серьезную угрозу ее здоровью. С огромным трудом Нагваль Элиас помог ей стабилизировать ее точку сборки, и она уже постоянно находилась в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан заметил, что женщины вообще способны проделывать потрясающую вещь: они могут сохранять новое положение точки сборки постоянно. А Талиа была несравненна. Как только ее цепи разорвались, она сразу все поняла и приняла планы Нагваля.

Дон Хуан рассказал, что Нагваль Элиас, который был не только превосходным сновидящим, но и превосходным сталкером, видел, что молодой актер хотя и был испорченным и тщеславным, но черствым и бездушным он казался лишь на первый взгляд. Нагваль знал, что, если он напомнит ему о Боге, грехе и возмездии, религиозное чувство актера разрушит его цинизм. Услышав о наказании Божьем, актер помрачнел. Он начал говорить о раскаянии, но Нагваль прервал его, безжалостно подчеркнув, что, когда смерть так близка, чувство вины больше не имеет значения.

Молодой актер слушал очень внимательно, но, хотя ему и было ужасно плохо, он не верил, что стоит на пороге смерти. Он думал, что его слабость и обморок вызваны потерей крови.

Как бы читая мысли юноши, Нагваль Элиас объяснил ему, что оптимизм сейчас неуместен, поскольку кровотечение могло бы стать роковым, если бы не его вмешательство как целителя.

— Когда я ударил тебя по спине, я вставил пробку на пути покидающей тебя жизненной силы, — сказал Нагваль скептически настроенному молодому актеру. — Без этого неизбежный процесс твоего умирания продолжался бы. Если ты мне не веришь, я докажу тебе это, убрав пробку другим ударом.

Сказав это, Нагваль Элиас ударил молодого актера по правой стороне его грудной клетки. У того мгновенно начались рвота и удушье, изо рта его хлынула кровь, поскольку он безудержно кашлял. Следующий удар по спине остановил болезненную агонию и рвоту. Однако он так испугался, что потерял сознание.

— Я могу задержать на некоторое время твою смерть, — сказал Нагваль, когда актер пришел в сознание. — Как долго я смогу делать это, зависит от того, насколько охотно ты будешь выполнять мои указания.

Нагваль сказал, что первым его требованием к молодому актеру было сохранение полной неподвижности и молчания. Если он не хочет, чтобы «пробка» вышла, добавил Нагваль, он должен вести себя так, как если бы он полностью потерял способность двигаться и говорить. Одного резкого движения или произнесенного слова достаточно, чтобы снова вызвать умирание.

Молодой актер не привык выполнять чьи-либо требования и тем более следовать советам. Он пришел в ярость. Когда он попытался протестовать, снова вернулась страшная боль и конвульсии.

— Если прекратишь сопротивляться, я исцелю тебя, — сказал Нагваль. — Но если будешь вести себя как жалкий идиот — а ты и есть такой, — то ты умрешь.

Актер, гордый молодой человек, оцепенел от оскорбления. Никто и никогда не называл его жалким идиотом. Он хотел было разъяриться, но боль была такой жестокой, что он не смог отреагировать на оскорбление.

— Если ты хочешь, чтобы я облегчил твою боль, ты должен слушаться меня беспрекословно, — сказал Нагваль с ужасающей холодностью. — Ответь мне кивком. Но если тебе вздумается вести себя подобно слабоумному, каким ты и являешься, я немедленно уберу пробку и брошу тебя умирать.

Собрав последние силы, актер кивнул в знак согласия. Нагваль шлепнул его по спине, и его боль исчезла. Но вместе со жгучей болью исчезло еще кое-что: спала пелена с его разума. И тогда молодой актер узнал все, ничего при этом не понимая. Нагваль снова представился ему, сказав, что его зовут Элиас и что он — Нагваль, и актер знал, что все это значит.

Затем Нагваль Элиас обратил его внимание на лежавшую почти без сознания Талию. Он приложил губы к ее левому уху и прошептал слова, заставившие ее беспорядочно движущуюся точку сборки остановиться. Он успокоил ее страх, шепотом рассказывая ей истории о магах, которым пришлось испытать то же, что сейчас испытывала она. Когда она совершенно успокоилась, он представился ей как Нагваль Элиас, маг, а затем попытался проделать с ней наиболее трудную в магии вещь — смещение точки сборки за пределы известного нам мира.

Дон Хуан заметил, что опытные маги способны выходить за пределы известного нам мира, чего не могут делать те, у кого такого опыта нет. Нагваль Элиас всегда утверждал, что обычно он и не пытался совершать такие подвиги, но в тот день его побудило действовать нечто отличное от его воли и его знаний. И прием сработал. Талиа побывала за пределами известного нам мира и вернулась назад невредимой.

Затем у Нагваля Элиаса было еще одно озарение. Он сел между двумя распростертыми на земле молодыми людьми — обнаженный актер был прикрыт лишь курткой Нагваля Элиаса для верховой езды — и проанализировал сложившуюся ситуацию. Он сказал им, что они оба в силу обстоятельств попали в ловушку самого духа. Он, Нагваль, является активной частью этой ловушки, поскольку, встретившись с ними в данных обстоятельствах, он обязан был стать их временным покровителем и использовать свои познания в магии, чтобы помочь им. Его долгом как временного покровителя является предупредить их о том, что они близки к достижению единственного в своем роде порога и что им следует — как каждому в отдельности, так и вместе, — подойти к этому порогу, войдя в настроение отрешенности, но без безрассудства, настроение осторожности, но без индульги-рования. Он не хотел больше ничего говорить, боясь смутить их или повлиять на их выбор. Он чувствовал, что, если им предстоит пересечь этот порог, с его стороны потребуется лишь совсем небольшая помощь.

Затем Нагваль оставил их одних в этом уединенном месте и пошел в город, чтобы достать для них лекарственных трав, циновки и одеяла. Он сделал это для того, чтобы они достигли и пересекли этот порог в одиночестве.

В течение долгого времени молодые люди лежали рядом друг с другом, погруженные в свои мысли. Благодаря тому, что их точки сборки были смещены, они могли думать гораздо глубже, чем обычно, но это также означало, что они беспокоились, колебались и боялись настолько же сильней.

Поскольку Талиа могла говорить и была немного сильнее, она прервала их молчание и спросила молодого актера, не страшно ли ему. Он утвердительно кивнул. Она испытывала к нему огромное чувство сострадания, поэтому сняла шаль и накинула ему на плечи, а затем взяла его за руку.

Молодой человек не смел сказать, что он чувствует. Слишком велик и стоек был его страх, что боль вернется к нему, если он заговорит. Он хотел извиниться перед ней, сказать, что очень сожалеет о причиненной ей боли и что его близкая смерть не имеет никакого значения, поскольку он определенно знает, что не проживет и дня.

Талиа думала о том же. Она сказала, что очень сожалеет о том, что избила его до полусмерти. Она испытывала теперь умиротворение — чувство, которое было прежде неведомо ей, раздираемой своей огромной энергией. Она сказала ему, что ее смерть тоже очень близка и что она будет рада, если все закончится в этот день.

Молодой актер, услышав свои собственные мысли из уст Талии, задрожал. Прилив энергии заставил его сесть. Он не чувствовал боли и не кашлял. Он жадно вдыхал воздух, почти забыв о том, что было раньше. Он взял девушку за руку, и они начали беззвучно разговаривать.

Дон Хуан сказал, что это было мгновение, когда на них снизошел дух. Они видели. Они были глубоко верующими католиками, и то, что они видели, было видением небес, где все было живым и озаренным светом. Они увидели мир чудесных видений.

Когда вернулся Нагваль, он нашел их опустошенными, но невредимыми. Талиа

была без сознания, а молодой человек не потерял сознания лишь благодаря невероятным усилиям. Он все пытался прошептать что-то Нагвалю на ухо.

— Мы видели Небеса, — прошептал он, и слезы покатились по его щекам.

— Вы видели гораздо больше, — возразил Нагваль Элиас, — вы видели дух.

Дон Хуан сказал, что, поскольку обрушивание духа всегда скрыто, Талиа и молодой актер, естественно, не могли удержать свое видение. Они скоро забыли его, как забыл бы и любой другой на их месте. Уникальность их опыта состояла в том, что без всякой подготовки и без осознания происходящего они вместе сновидели и вместе видели дух. Легкость, с которой они достигли этого, была просто невероятной.

— Эти двое были действительно самыми замечательными существами, которых я когда-либо встречал, — добавил дон Хуан.

Естественно, мне захотелось узнать о них побольше. Но дон Хуан не стал потворствовать моему желанию. Он сказал, что все тогда происходившее касается его бенефактора и четвертого абстрактного ядра.

Казалось, он вспомнил нечто такое, о чем не рассказывал мне, и безудержно расхохотался. Затем он хлопнул меня по спине и сказал, что настало время посетить пещеру.

Когда мы достигли скального выступа, было почти темно. Дон Хуан поспешно сел в той же позе, что и в первый раз. Он сидел справа, касаясь меня плечом. Мне показалось, что он тут же погрузился в состояние глубокого расслабления, что побудило и меня к полной неподвижности и молчанию. Я не слышал даже его дыхания. Как только я закрыл глаза, он слегка подтолкнул меня локтем, предупреждая, чтобы я держал их открытыми.

Когда стало совсем темно, глаза мои стали болеть и чесаться от нестерпимой усталости. В конце концов я перестал сопротивляться и провалился в самый глубокий и беспробудный сон в своей жизни. И все же это был не совсем сон. Я мог чувствовать вокруг себя густую черноту. У меня было совершенно явственное ощущение, что я пробираюсь сквозь эту черноту. Внезапно она стала красноватой, потом оранжевой, затем ослепительно белой, как очень

резкий неоновый свет. Постепенно мое зрение сфокусировалось, и я увидел, что сижу в той же позе рядом с доном Хуаном, только уже не в пещере. Мы были на вершине горы и смотрели вниз на изумительно красивые равнины и горы вдали. Эта прекрасная прерия была омыта сиянием, которое струилось от самой земли, как лучи света. Куда бы я ни глянул, я видел знакомые очертания: скалы, холмы, реки, леса, каньоны, увеличенные и преображенные своими великолепными переливами, своим внутренним свечением. Свечение, которое было так приятно моим глазам, исходило также и из меня самого.

— Твоя точка сборки сдвинулась, — как бы сказал мне дон Хуан. Не было слышно ни звука, тем не менее я знал: только что он говорил со мной. Я попытался рационально объяснить самому себе, что я, без сомнения, услышал бы его, даже если бы он говорил в безвоздушном пространстве. Все это, наверное, потому, что происшедшее со мной как-то временно изменило мои уши.

— С твоими ушами все в порядке. Просто мы находимся в иной области осознания, — снова как бы сказал мне дон Хуан.

Я не мог говорить. Я был в оцепенении глубокого сна, которое не позволяло мне произносить слова, хотя моя алертность была как никогда высокой.

— Что происходит? — подумал я.

— Пещера заставила твою точку сборки двигаться, — подумал дон Хуан, и я услышал его мысли, как если бы они были моими собственными словами, произнесенными моим голосом.

Я ощутил приказ, который не был выражен даже мысленно. Что-то заставило меня снова посмотреть на прерию.

По мере того как я смотрел на это чудесное зрелище, из каждого предмета в этой прерии начали исходить нити света. Вначале это было похоже на взрыв бесконечного числа коротких световых волокон. Затем волокна превратились в длинные нитеподобные пряди света, связанные вместе вибрирующие лучи, уходящие в бесконечность. Я на самом деле не мог бы найти иной смысл того, что я видел, или описать это иначе, чем назвав нитями вибрирующего света. Нити не были перемешанными или спутанными. Хотя они исходили и

продолжали исходить во всех направлениях, каждая была сама по себе, хотя все они оставались неразрывно связанными вместе.

— Ты видишь эманации Орла и силу, которая одновременно и разъединяет, и связывает их воедино, — подумал дон Хуан.

В мгновение, когда я уловил его мысль, нити света, казалось, унесли всю мою энергию. Меня охватила усталость. Видение мое исчезло, и я погрузился в темноту.

Когда я снова пришел в себя, вокруг меня было что-то очень знакомое, хотя я и не мог сказать, что именно. Я решил, что вернулся в нормальное состояние осознания. Дон Хуан спал рядом со мной, наши плечи соприкасались.

Затем я понял, что мы находимся в такой кромешной тьме, что я не мог видеть даже своих собственных рук. Поразмыслив, я решил, что это, должно быть, туман окутал выступ и вход в пещеру. А может, это были низкие клочковатые облака, которые, подобно бесшумным лавинам, опускались каждую дождливую ночь с более высоких гор. Однако несмотря на полную темноту, я каким-то образом увидел, что дон Хуан открыл глаза сразу же после того, как я пришел в себя, хотя он и не смотрел на меня. Внезапно я понял, что вижу его не вследствие падения света на мою сетчатку. Скорее это было телесное ощущение.

Я был так поглощен наблюдением за доном Хуаном без помощи глаз, что не обратил внимания на то, что он заговорил со мной. В конце концов он перестал говорить и повернул ко мне лицо, словно желая посмотреть мне в глаза.

Он пару раз кашлянул, прочищая горло, и снова заговорил очень тихим голосом. Он сказал, что его бенефактор имел обыкновение приходить в эту пещеру как с ним, так и с другими учениками, но чаще с ним одним. В этой пещере его бенефактор видел ту же прерию, которую только что видели мы, и это видение побудило его описать дух как поток явлений.

Дон Хуан повторил, что его бенефактор не был хорошим мыслителем. Если бы он был им, то сразу понял бы, что то, что он видел и описал как «поток явлений», было намерением, Силой, которая пронизывает все. Дон Хуан

добавил, что если даже его бенефактор и начал понимать природу своего видения, он никогда не упоминал об этом. Но сам он считает, что его бенефактор этого никогда не узнал. Он считал, что видит поток явлений, и это было действительно так, но не в том смысле, который он имел в виду.

Дон Хуан говорил об этом так выразительно, что я хотел спросить, в чем же различие, но не смог произнести ни слова. Мое горло было как будто заморожено. Так мы сидели там в полной тишине и неподвижности несколько часов, однако я не чувствовал никакого неудобства. В мышцах не чувствовалось усталости, ноги не затекли, спина не болела.

Когда он снова заговорил, я даже не заметил перемены и с легкостью переключился на слушание его голоса. Это был мелодичный и ритмичный звук, как бы возникавший из окружавшей меня полной темноты.

Он сказал, что в этот самый момент я не нахожусь ни в нормальном, ни в повышенном состоянии осознания. Я как бы погружен в состояние временного затишья, во мрак или отсутствие всякого восприятия. Моя точка сборки сместилась с того места, откуда воспринимается повседневный мир, но продвинулась не настолько, чтобы достичь и полностью осветить новую связку энергетических полей. Собственно говоря, я застрял между двумя возможностями восприятия. Это промежуточное положение, это затишье восприятия было достигнуто благодаря влиянию пещеры, вызванному намерением магов, которые высекли ее в скале.

Дон Хуан попросил меня сконцентрировать все свое внимание на том, что он будет говорить дальше. Он сказал, что маги тысячи лет назад при помощи видения осознали, что Земля — это чувствующее существо и ее осознание может действовать на осознание людей. Они попытались найти способ использовать влияние Земли на человеческое сознание и обнаружили, что самым эффективным местом для этого являются некоторые пещеры. Дон Хуан сказал, что поиск таких пещер стал едва ли не единственным занятием этих магов и благодаря их усилиям обнаружена возможность использования пещер различной конфигурации в различных целях. Он добавил, что единственно важным для нас результатом этой работы стала именно эта пещера и ее свойство сдвигать точку сборки до достижения ею временного затишья восприятия.

Пока дон Хуан говорил, я не мог отделаться от неуютного чувства какого-то прояснения в моем уме. Что-то втягивало мое осознание в длинный узкий канал. Все поверхностные, случайные мысли и чувства моего нормального осознания были вытеснены.

Дон Хуан вполне осознавал, что со мной происходит. Я слышал, как он тихонько посмеивался от удовольствия. Он сказал, что сейчас нам будет гораздо легче разговаривать и в нашей беседе будет больше глубины.

В этот момент я вспомнил массу вещей, которые он объяснял мне раньше. Например, я знал, что сновижу. Я действительно крепко спал, однако полностью осознавал себя с помощью своего второго внимания, которое являлось альтернативным моему обычному вниманию. Моя уверенность в том, что я сплю, основывалась на телесных ощущениях и на чисто рациональных выводах, опирающихся на сделанные раньше заявления дона Хуана. Я только что видел эманации Орла, а дон Хуан говорил, что маги не могут смотреть на эманации Орла иным способом, чем в сновидении. Следовательно, я находился в сновидении.

Дон Хуан объяснил, что Вселенная состоит из энергетических полей, не поддающихся описанию или изучению. Он говорил, что они похожи на нити обычного света. Отличие же состоит в том, что даже свет кажется безжизненным по сравнению с эманациями Орла, которые распространяют вокруг себя осознание. Вплоть до этой ночи я никогда не был способен видеть их достаточно долго, и теперь я мог утверждать, что они действительно состояли из света, который был живым. Дон Хуан еще раньше говорил мне, что мое знание и контроль намерения недостаточны для того, чтобы противостоять напору такого видения. Он объяснял, что обычное восприятие имеет место тогда, когда намерение, являющееся чистой энергией, воспламеняет часть светящихся волокон внутри нашего кокона и одновременно озаряет длинные пучки таких же светящихся волокон, которые тянутся из нашего кокона в бесконечность.

Необычное же восприятие — видение — проявляется, когда силой намерения наполняется энергией и зажигается уже другой пучок энергетических полей. Еще он сказал, что, когда внутри светящегося кокона воспламеняется критическое количество энергетических полей, маг способен видеть сами энергетические поля.

В другой раз дон Хуан рассказал о рациональном мышлении древних магов. По его словам, благодаря своему видению они поняли, что осознание происходит тогда, когда энергетические поля внутри нашего светящегося кокона приходят в соответствие с такими же энергетическими полями снаружи. И они решили, что именно это соответствие и есть источник осознания.

Однако после тщательного рассмотрения стало очевидным: то, что они называли «приведением в соответствие эманациям Орла», не могло полностью объяснить того, что они видели. Они заметили, что энергией наполняется только небольшая часть всего количества светящихся пучков внутри кокона, тогда как остальные остаются неизменными. Видение наполнения энергией этих нескольких нитей привело к ложному открытию. Нити не нуждаются в приведении в соответствие, чтобы воспламеняться, потому что внутри нашего кокона они те же, что и снаружи. То, что наполняет их энергией, является на самом деле независимой силой. Они чувствовали, что не могут продолжать называть ее осознанием, как они это делали раньше, поскольку осознание — это свечение воспламененных энергетических полей. Поэтому сила, которая зажигает поля, была названа волей.

Дон Хуан сказал, что, когда их видение начало становиться все более точным и эффективным, они поняли, что воля — это сила, которая удерживает эманации Орла неразделенными и порождает не только наше сознание, но и все остальное во Вселенной. Они видели, что эта Сила обладает полным осознанием и что она берет начало от тех самых полей энергии, которые образуют Вселенную. Тогда они решили, что намерение — более подходящее название для нее, чем воля. Однако много веков спустя и это название было признано неудовлетворительным, поскольку оно не отражало ни огромной важности этой Силы, ни ее живой связи со всем во Вселенной.

Дон Хуан утверждал, что нашим огромным общим недостатком является то, что мы, проживая жизнь, совершенно игнорируем эту связь. Наши житейские дела, наши нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то еще.

Дон Хуан выразил свое убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего безмолвного

знания, нашего знания намерения. Следовательно, магия — это возвращение к началу, возвращение в рай.

Мы продолжали сидеть в пещере в полном молчании, вероятно, в течение нескольких часов, а может быть, и всего лишь нескольких мгновений. Внезапно дон Хуан начал говорить, и неожиданный звук его голоса ошеломил меня. Я не уловил смысла его слов. Я прочистил горло, чтобы попросить его повторить сказанное, и это действие полностью вывело меня из созерцательного состояния. Я быстро понял, что темнота вокруг больше не была непроницаемой. Теперь я мог говорить. Я почувствовал, что возвращаюсь в состояние обычного осознания.

Спокойным голосом дон Хуан сказал мне, что впервые в жизни я видел дух — Силу, которая поддерживает Вселенную. Он подчеркнул, что намерение не является чем-то таким, что можно использовать, чем можно распоряжаться или каким-то образом управлять. И тем не менее можно использовать его, распоряжаться и управлять им по своему желанию. Это противоречие, по его словам, и является сутью магии. Непонимание этого принесло многим поколениям магов невообразимые страдания и горе. Современные Нагвали, стремясь избежать непомерно высокой платы страданием, разработали особую систему поведения, называемую «путем воина», или безупречным образом действия, благодаря которой маги получают подготовку, развивая такие качества, как трезвость и внимательность.

Дон Хуан объяснил, что некогда, в далеком прошлом, маги проявляли интерес к общему связующему звену, посредством которого намерение связано со всем. Фокусируя второе внимание на этом звене, они обрели не только непосредственное знание, но и возможность его использования для совершения поразительных поступков. Однако они не приобрели трезвости ума, необходимой для полного управления всей этой силой.

И вот, размышляя над этим, маги решили фокусировать свое второе внимание на связующем звене только тех существ, которые наделены осознанием. Это включает весь ряд органических существ, а также еще один ряд, в который маги объединили так называемые неорганические существа, или союзников. Союзники, как свидетельствуют маги, являются существами, наделенными осознанием, но не жизнью в том смысле, в котором мы понимаем жизнь.

Но и это решение было неудачным, поскольку не прибавило им мудрости. Продолжая сужать круг поисков, маги сфокусировали свое внимание исключительно на звене, которое связывает с намерением только человеческие существа. Конечный результат ненамного превзошел прежний. Наконец маги произвели окончательное сужение и решили, что каждый маг должен иметь дело только со своей связью, но и это решение оказалось таким же неэффективным.

Дон Хуан сказал,'Что хотя различие между этими четырьмя областями интереса и значительно, но все же ни одна из них не давала удовлетворительных результатов. Поэтому в конце концов маги остановились на том, что их собственное связующее звено с намерением должно освободить их посредством зажигания огня изнутри.

Он заявил, что все современные маги должны постоянно бороться за достижение смолкания ума (внутренней тишины). Нагваль должен бороться особенно настойчиво, потому что он обладает большей силой, большей властью над энергетическими полями, которые определяют восприятие. Он в большей степени подготовлен и поэтому лучше знаком со сложностями безмолвного знания, которое является не чем иным, как непосредственным контактом с намерением.

Практикуемая таким образом магия становится попыткой восстановить наше знание намерения и снова обрести способность использовать его, не поддаваясь ему. И абстрактные ядра магических историй отражают оттенки постижения ступеней нашего осознания намерения.

Я понимал объяснения дона Хуана с совершенной ясностью. Но чем больше я понимал, чем яснее становились его утверждения, тем острее становилось мое чувство потери и подавленности. В какой-то момент я искренне решил покончить с собой прямо сейчас. Я чувствовал себя обреченным. Чуть не плача, я сказал дону Хуану, что ему не стоит продолжать объяснения, поскольку я знаю, что сейчас утрачу ясность мышления и что, когда я вернусь в состояние обычного осознания, я не буду помнить ничего из того, что только что видел или слышал. Мое мирское осознание навяжет мне свою укоренившуюся привычку повторяться и свою разумную, предсказуемую логику. Вот почему я чувствую себя обреченным. Я сказал ему, что ужасно обижен на свою судьбу.

Дон Хуан заметил, что даже в состоянии повышенного осознания я умудряюсь повторяться и время от времени навязываю ему надоедливое описание своих приступов ощущения бесполезности. Он сказал, что если мне суждено погибнуть, то это должно случиться в борьбе, а не в сожалениях или в чувстве жалости к себе. И не имеет значения, какой будет наша собственная судьба, пока мы лицом к лицу встречаем ее с предельной отрешенностью.

Его слова отозвались во мне чувством блаженства и счастья. Слезы текли по моим щекам, и я снова и снова повторял, что согласен с ним. Счастье было таким огромным, что я испугался, как бы моя нервная система не вышла из-под контроля. Я постарался напрячь все свои силы и прекратить это и вскоре почувствовал отрезвляющее действие своих умственных усилий. Но по мере того как я приходил в себя, ясность мышления начала рассеиваться. Я молча боролся, пытаясь стать и менее здравомыслящим, и менее нервным. Дон Хуан не проронил ни звука, предоставив меня самому себе.

К тому времени, как я восстановил равновесие, почти рассвело. Дон Хуан встал, вытянул руки над головой и напряг мышцы. Его суставы при этом похрустывали. Он помог мне встать и заметил, что прошедшая ночь дала мне большое просветление: я испытал, что представляет собой дух, и смог собрать в себе достаточно сил и совершить нечто такое, что внешне проявилось как успокоение нервозности, а на более глубоком уровне было очень успешным сдвигом моей точки сборки собственными усилиями. Затем он дал мне понять, что пора отправляться в обратный путь.

Скачок[11 - The somersault — сальто, кувырок, резкая перемена (англ.).] мысли

Мы добрались до своего дома около семи утра, как раз к завтраку. Я был голоден, но не устал. Мы покинули пещеру и на рассвете спустились вниз в долину. Дон Хуан вместо того, чтобы идти напрямик, выбрал окольный путь,

который проходил вдоль реки. Он объяснил, что нам нужно немного проветрить мозги, прежде чем идти домой.

Я ответил, что с его стороны было очень любезно сказать «нам», поскольку на самом деле это было нужно только мне. Но он возразил, что действует не по доброте душевной, а исходя из системы практики воина. Воин, сказал он, всегда настороже, чтобы не попасть в ловушку негибкого человеческого поведения. Воин всегда магичен и безжалостен, это скиталец с самыми утонченными вкусами и намерениями, чья задача — все больше оттачивать свои острые края, маскируя их при этом так, чтобы никто не мог заподозрить его в безжалостности.

После завтрака я хотел было немного поспать, но дон Хуан сказал, что мне нельзя терять времени. По его словам, я очень скоро должен был потерять ту небольшую ясность, которая у меня еще оставалась, и если я пойду спать, то совершенно утрачу ее.

— Не нужно быть гением, чтобы понять, что говорить о намерении трудно, — сказал он, быстро рассматривая меня при этом с головы до ног. — Но сказать так — значит не сказать ничего. Вот почему вместо этого маги предпочитают мистические истории. И они надеются, что однажды слушающий их поймет абстрактные ядра этих историй.

Я понимал, о чем он говорит, но по-прежнему не представлял себе, что такое абстрактное ядро или что оно должно значить для меня. Я пытался размышлять над этим, но мысли мне не повиновались. В уме быстро мелькали образы, не давая мне времени подумать о них. Я не мог замедлить их бег хотя бы до такой степени, чтобы можно было их распознать. В конце концов я рассердился и стукнул кулаком по столу.

Дон Хуан, хохоча, затрясся всем телом.

— Делай то, что ты делал прошлой ночью, — посоветовал он, подмигивая. — Замедлись.

Мое раздражение сделало меня очень агрессивным. Я тут же выдвинул какие-то бессмысленные доводы, затем осознал свою ошибку и извинился за несдержанность.

— Не извиняйся, — сказал он. — Должен отметить, что понимание, которое придет после, сейчас для тебя попросту невозможно. В данный момент абстрактные ядра магических историй ни о чем тебе не говорят. Позже — я имею в виду, спустя годы — они обретут для тебя совершенно ясный смысл.

Я попросил дона Хуана не оставлять меня в неведении и все же обсудить абстрактные ядра. Мне было совершенно непонятно, чего он хотел от меня в связи с этими ядрами. Я убеждал его, что мое теперешнее состояние повышенного осознания могло бы очень помочь мне понять его объяснения. Я умолял его поторопиться, поскольку не мог ручаться за продолжительность такого состояния. Я сказал ему, что скоро вернусь в свое обычное осознание и стану еще большим идиотом, чем я есть сейчас. Это было сказано полушутя. По его смеху я понял, что он так и воспринял мои слова, но сам я был глубоко впечатлен ими. Меня охватило чувство сильной печали.

Дон Хуан мягко взял меня за руку и подтолкнул к уютному глубокому креслу, а сам сел напротив. Он пристально посмотрел мне в глаза, и мгновение спустя я был уже не в состоянии выносить силу его взгляда.

— Маги постоянно выслеживают самих себя, — сказал он доверительно, как бы пытаясь успокоить меня звуком своего голоса.

Я хотел сказать, что моя нервозность уже прошла и что причиной ее было, наверное, недосыпание, но он не позволил мне и рта раскрыть.

Он заявил, что уже обучил меня всему, что надо знать о сталкинге, но я еще не могу извлечь этого знания из глубин повышенного осознания, где я его запрятал. Я сказал ему, что у меня постоянно присутствует какое-то навязчивое ощущение ускользающей тайны. Я чувствовал нечто, запертое внутри меня, нечто, заставляющее меня пинать двери, стучать по столу, нечто, что было источником моих фрустраций и делало меня раздражительным.

— Ощущение, о котором ты говоришь, испытывает каждое человеческое существо, — сказал он. — Это напоминание о существовании нашей связи с намерением. У магов такое чувство особенно пронзительно именно потому, что их цель заключается в повышении чувствительности связующего звена до

такой степени, чтобы они смогли управлять им посредством своей воли. Когда давление связующего звена становится чрезмерным, маги ослабляют его, выслеживая самих себя.

— Я все еще не очень-то понимаю, что ты подразумеваешь под сталкингом, — сказал я, — но мне кажется, что на каком-то определенном уровне я точно знаю, что ты имеешь в виду.

— В таком случае, я попытаюсь помочь тебе прояснить то, что ты знаешь, — сказал он. — Сталкинг — это процедура, очень простая. Сталкинг — это особое поведение, которое основано на определенных принципах. Это скрытое, незаметное, вводящее в заблуждение поведение, предназначенное для того, чтобы дать толчок. Когда выслеживаешь самого себя, то даешь самому себе толчок, действуя безжалостно и искусно.

Он объяснил, что когда сознание мага начинает увязать под тяжестью поступающих впечатлений, как это бывало со мной, то лучшим или, пожалуй, единственным средством против этого является использование идеи смерти, для того чтобы сообщить толчок сталкингу.

— Идея смерти является колоссально важной в жизни магов, — продолжал дон Хуан. — Я привел тебе неисчислимые аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о постоянно угрожающем нам неизбежном конце и является тем, что дает нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является индульгирова-ние на ощущении, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем избежать ее.

— Ты должен согласиться, дон Хуан, что, не думая о смерти, мы охраняем себя от переживаний по этому поводу.

— Да, именно с этой целью мы и не думаем о ней, — согласился дон Хуан. — Но эта цель не является стоящей даже для обычных людей, а уж для магов она попросту пародийна. Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости ума, ни красоты. Маги борются за достижение этого очень важного понимания, чтобы на возможно более глубоком уровне облегчить постижение следующей истины: у них нет ни малейшей уверенности, что их жизнь продлится дольше этого мгновения. Такое понимание дает магам мужество

быть терпеливыми и все же совершать действия, быть уступчивыми, не будучи глупыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Он улыбнулся и тряхнул головой.

— Да, — продолжал он, — мысль о смерти — это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она дает магу мужество быть искусным без самомнения, но самое главное — она дает ему мужество быть безжалостным без чувства собственной важности.

Он снова улыбнулся и слегка подтолкнул меня локтем. Я сказал ему, что мысль о собственной смерти ужасает меня и что я постоянно думаю о ней, но это все равно не дает мне мужества и не побуждает к действию. Я только становлюсь циничным и впадаю в глубокую меланхолию.

— Твоя проблема очень проста, — сказал он. — Тобой слишком легко овладевают чувства. Я уже говорил тебе, что маги выслеживают самих себя, чтобы побороть власть своих навязчивых идей. Имеется много способов сталкинга самого себя. Если ты не хочешь использовать идею смерти, используй для сталкинга самого себя стихи, которые ты мне читаешь.

— Извини, не понял.

— Я уже говорил тебе, что по многим причинам люблю поэзию, — сказал он. — С ее помощью я занимаюсь выслеживанием самого себя. Это сообщает мне толчок. Я слушаю, как ты читаешь, и останавливаю свой внутренний диалог, позволяя установиться внутренней тишине. Затем сочетание стихотворения и внутренней тишины сообщает мне толчок.

Он объяснил, что поэты неосознанно тяготеют к миру магии. Поскольку они не являются магами на пути к знанию, притяжение — это все, что у них есть.

— Посмотрим, сможешь ли ты ощутить то, о чем я тебе говорил, — сказал он, вручая мне книжку стихов Хосе Го-ростизы.

Я открыл ее на том месте, где была закладка, и он указал мне свое любимое стихотворение.

...Это беспрестанное неотвратимое умирание,
эта живая смерть, которая убивает
Тебя, о Боже, в Твоих совершенных творениях,
в розах, кристаллах, в неукротимых звездах,
и в сгорающем теле, что полыхает,
подобно костру, зажженному песней;
в мечте, красоте, поражающей глаз...

... и Ты, Ты Сам, возможно,
умер миллионы вечностей назад,
а мы и не знаем об этом.
Мы — Твои останки, частицы, зола,
не знаем о том, что Ты, подобно звезде,
прячущейся за своим светом,
доходящим до нас пустым
светом без звезды,
скрываешь Свою бесконечную
катастрофу.

— Слушая эти слова, — сказал дон Хуан, когда я закончил читать, — я чувствую, что этот человек видит суть вещей, и я могу видеть вместе с ним. Меня не интересует, о чем эти стихи. Меня волнует только чувство, которое поэт желает передать. Я проникаюсь этим его желанием, и вместе с ним — красотой. Воистину чудо, что он, подобно настоящему воину, щедро отдает свое чувство тем, кто его воспринимает, — своим читателям, ничего не требуя взамен, оставляя себе только свое стремление к чему-то. Этот толчок, это потрясение красотой и есть сталкинг.

Я был очень тронут. Объяснение дона Хуана задело какую-то невидимую струну моей души.

— Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что смерть является нашим единственным настоящим врагом? — спросил я, немного помолчав.

— Нет, — сказал он убежденно. — Смерть не является врагом, хотя и кажется им. Смерть не разрушает нас, хотя мы и думаем, что это так.

— Но если она не является нашим разрушителем, тогда что же она такое? —

спросил я.

— Маги говорят, что смерть является единственным стоящим противником, который у нас есть, — ответил он. — Смерть — это вызов для нас. Мы все рождены, чтобы принять этот вызов, — и обычные люди, и маги. Маги знают об этом, обычные люди — нет.

— Лично я думаю, дон Хуан, что жизньг а не смерть является вызовом.

— Жизнь — это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов, — сказал он. — Смерть является действующей силой, жизнь — это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников — сам человек и его смерть.

— Я предпочел бы думать, дон Хуан, что именно мы, человеческие существа, являемся теми, кто бросает вызов, — сказал я.

— Вовсе нет, — возразил дон Хуан. — Мы пассивны. Подумай об этом. Мы действуем только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неумолимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок или же пока мы не совершим невозможное и не победим смерть.

Маги побеждают смерть, и смерть признает поражение, позволяя магам стать свободными и навсегда избежать нового вызова.

— Значит ли это, что маги становятся бессмертными?

— Нет. Не значит, — ответил он. — Смерть перестает бросать им вызов, и это все.

— Но что это означает, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что мысль совершает скачок в непостижимое.

— Что такое «скачок мысли в непостижимое»? — спросил я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучали воинственные нотки. — Наша с тобой постоянная проблема в том, что мы никак не можем прийти к общему для нас обоих

смыслу некоторых определений.

— Сейчас ты неискренен — прервал меня дон Хуан. — Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Требуя рациональных объяснений скачка мысли в непостижимое, ты ломаешь комедию. Ты точно знаешь, что это такое.

— Нет, не знаю, — сказал я.

И вдруг я понял, что знаю, или, вернее, интуитивно постиг то, что он имел в виду. Какая-то часть меня смогла преодолеть мою рациональность, понять и объяснить скачок мысли в непостижимое за пределами уровня метафоры. Плохо было то, что эта часть меня не была достаточно сильной, чтобы выйти на поверхность по желанию.

Я попытался объяснить все это дону Хуану, а он смеялся и говорил, что мое осознание похоже на йо-йо.[12 - Yo-yo — игрушка — мячик или чертик на резинке (англ.).] Иногда оно поднимается вверх, и тогда я четко владею собой. Когда же оно опускается, то я становлюсь рациональным идиотом. Но чаще всего оно колеблется на бесполезной середине, где я — «ни рыба, ни птица».

— Скачок мысли в непостижимое, — объяснил он со вздохом покорности судьбе, — есть нисхождение духа. Это акт ломки барьеров нашего восприятия. Это момент, когда человеческое восприятие достигает предела. Чтобы определить пределы нашего восприятия, маги практикуют искусство засылания разведчиков, лазутчиков, первопроходцев. Вот еще одна причина моей любви к стихам. Я воспринимаю их как таких лазутчиков. Но, как я уже говорил тебе, поэты не знают так точно, как маги, чего могут достичь их первопроходцы.

Ранним вечером дон Хуан сказал, что нам предстоит обсудить много вещей, и спросил, не хочу ли я пойти на прогулку. Я был настроен как-то по-особому. Ранее я обнаружил в себе странное чувство отчужденности, которое пришло и ушло. Сначала я подумал, что мысли затуманивает физическое утомление, но мысли мои были кристально ясными. Поэтому я стал понимать, что эта странная отрешенность — результат моего перехода в повышенное осознание.

Мы вышли из дома и стали прогуливаться по городской площади. Я поспешил спросить дона Хуана о моей отрешенности, прежде чем он успел заговорить о

чем-нибудь другом. Он объяснил это переключением энергии.

Когда высвобождается энергия, которая обычно используется для удерживания точки сборки в фиксированном положении, она автоматически фокусируется на связующем звене. Он заверил меня, что нет никакой особой техники или приемов, при помощи которых маг заранее мог научиться перемещать энергию с одного места на другое. Скорее дело здесь в мгновенном смещении, которое происходит после достижения определенной степени опытности.

Я спросил его, что это за степень опытности.

— Чистое понимание, — ответил он. — Для того чтобы добиться такого мгновенного смещения энергии, требуется четкая связь с намерением, а для того чтобы установить эту четкую связь, необходимо только иметь намерение сделать это, используя чистое понимание.

Естественно, я попросил объяснить, что такое это чистое понимание. Он рассмеялся и присел на скамью.

— Я собираюсь рассказать тебе нечто существенное касательно магов и магических действий, — начал он. — Кое-что о скачке мысли в непостижимое.

Он сказал, что некоторые маги были рассказчиками историй. Эти истории были не только разведкой для определения пределов восприятия — это был их путь к совершенству, Силе, духу. На секунду он замолчал, очевидно, подыскивая подходящий пример, затем напомнил, что у индейцев яки существует свод исторических событий, который называется «памятные даты».

Я знал, что эти «памятные даты» были устными рассказами об их истории как народа, ведущего войну против захватчиков своей родины — сначала испанцев, потом мексиканцев. Дон Хуан, будучи индейцем яки, с чувством заявил, что эти памятные даты были перечнем их поражений и рассеяния.

— Итак, — обратился он ко мне, — что ты, как человек ученый, мог бы сказать об изложении магом-рассказчиком историй, основанных на памятных датах? Скажем, истории о Калисто Муни, концовку которой он изменяет, и вместо

того, чтобы расписывать, как Калисто Муни был схвачен и четвертован испанскими палачами — что соответствует действительности, — он изображает Калисто Муни победоносным повстанцем, которому сопутствует успех в освобождении своего народа?

Я знал историю Калисто Муни. Он был индейцем из племени яки, который, согласно «памятным датам», много лет плавал на пиратском корабле в Карибском море, чтобы изучить искусство военной стратегии. Затем он вернулся к себе на родину в Сонору и поднял восстание против испанцев, провозгласив войну за независимость, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

Дон Хуан попросил меня высказать свои соображения по поводу этой истории.

— Конечно, — начал я, — можно предположить, что изменение имевших место событий так, как ты это описал, является психологическим приемом, как-то продиктованным пристрастием мага-рассказчика. Возможно также, это было его личным, именно ему присущим способом смягчения разочарования.

Я добавил, что мог бы даже назвать такого мага-рассказчика патриотом, потому что для него было немыслимо смириться с горечью поражения.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха.

— Но дело не в одном-единственном маге-рассказчике, — сказал он. — Они все так поступают.

— Тогда это является социально оправданным приемом, призванным выразить желаемое представление всего общества об этом событии, — возразил я. — Общепринятым способом коллективного сбрасывания психологического стресса.

— Твои доводы разумны и убедительны, — сказал он, — но поскольку твой дух мертв, ты не способен увидеть изъян в своих рассуждениях.

Он посмотрел на меня, как бы подталкивая к пониманию того, что он говорит. Я не мог ничего сказать по этому поводу, а если бы и сказал, то это только отразило бы мое раздражение.

— Рассказчик-маг, который изменил окончание реального сюжета, — сказал он, — делал это по указанию и при содействии духа. Поскольку он может манипулировать своей неуловимой связью с намерением, он действительно может изменить события. Рассказчик-маг, демонстрируя свое намерение, снимает свою шляпу, бросает ее на землю и поворачивает на 360 градусов против часовой стрелки. При содействии духа это простое действие погружает его непосредственно в дух. Он позволил своей мысли совершить скачок внепостижимое.

Дон Хуан поднял руку над головой и быстро указал на небо над горизонтом.

— Поскольку его чистое понимание является лазутчиком, исследующим эту безбрежность вне нас, — продолжал он, — рассказчик-маг знает без тени сомнения, что где-то в этой бесконечности в данный момент обрушивается дух. Калисто Муни является победителем. Он освободил свой народ. Его цель превзошла его личность.

Перемещение точки сборки

Через пару дней мы с доном Хуаном отправились в горы. Где-то на полпути кпредгорьям мы сели отдохнуть. Днем раньше дон Хуан решил найти подходящее место для объяснения некоторых сложных аспектов искусства овладения осознанием. Обычно он продолжал идти к ближайшей горной гряде на западе. Однако на этот раз он избрал восточные вершины. Они были намного более высокими и находились дальше. Мне они казались более зловещими, темными и более массивными. Но я не мог сказать точно, было ли это личное впечатление или мне каким-то образом передалось восприятие гор доном Хуаном.

Я открыл свой рюкзак. Его собрали для меня женщины-видящие из группы дона Хуана, и я обнаружил, что они положили туда сыр. У меня возникло

легкое чувство досады, поскольку, хотя я и любил сыр, сейчас мне его совсем не хотелось. Но невозможно было отказаться от него, раз уж он там был.

Дон Хуан указал на это как на мою слабость и стал надо мной насмехаться. Вначале это привело меня в замешательство, но затем я решил, что если уж у меня нет сыра, — я не могу его и потерять. Дело в том, что неутомимые шутники из отряда дона Хуана всегда клали мне в рюкзак большой кусок сыра, который я, конечно же, всегда съедал.

— Прикончи его в один присест, — посоветовал мне дон Хуан с коварным блеском в глазах, — и тебе не нужно будет больше о нем беспокоиться.

Наверное, под влиянием его слов у меня возникло сильное желание проглотить сразу весь кусок. Дон Хуан смеялся так сильно, что я заподозрил его соучастие в направленных против меня происках членов его группы.

Уже более серьезным тоном он предложил заночевать здесь, в предгорьях, а затем через день-два добраться до самых высоких вершин. Я согласился.

Дон Хуан осторожно спросил меня, не вспомнил ли я еще что-нибудь относительно четырех настроений сталкин-га. Я признался, что пробовал делать это, но меня подводит моя память.

— Помнишь ли ты, что я говорил тебе о природе безжалостности? — спросил он. — Безжалостности как противоположности жалости к самому себе?

Я не мог вспомнить. Дон Хуан, казалось, обдумывал свои дальнейшие слова. Затем он остановился. Уголки его губ изогнулись в гримасе притворного бессилия. Он пожал плечами, встал и быстро пошел к находившемуся чуть поодаль небольшому плоскому участку на вершине холма.

— Все маги безжалостны, — сказал он, когда мы расположились на этой площадке, — но ты знаешь это. Мы обстоятельно обсудили эту тему.

После долгого молчания он сказал, что мы должны продолжить обсуждение абстрактных ядер магических историй. Но он предполагает говорить о них все меньше и меньше, потому что приближается время, когда мне придется открыть их самому и позволить им обнаружить свое значение.

— Как я уже говорил тебе, — сказал он, — четвертое абстрактное ядро магических историй называется нисхождением духа, или перемещением точки сборки благодаря намерению. История гласит, что для того, чтобы тайны магии открылись человеку, о котором мы говорим, духу необходимо обрушиться на него.

Дух выбирает момент, когда человек расслаблен, незащи-щен, и совершенно безжалостно обнаруживает свое присутствие, сдвигая точку сборки человека в определенное положение. Это место с тех пор называется магами «местом без жалости». Таким образом безжалостность стала первым принципом магии.

Первый принцип не следует смешивать с первым результатом магического ученичества, которым является перемещение между обычным и повышенным осознанием.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, — пожаловался я.

— Я хочу сказать, что, по всей видимости, сдвиг точки сборки является первым событием, которое реально происходит с учеником магии, — ответил он, — так что для ученика вполне естественно считать, что именно это и является первым принципом магии. Но это не так. Безжалостность — вот первый принцип магии. Но мы уже обсудили это раньше. Сейчас я только пытаюсь помочь тебе вспомнить.

Я мог бы честно сказать, что не имею понятия, о чем идет речь, но меня не покидало странное ощущение, что я знаю это. — Постарайся вызвать вспоминание того, как я впервые стал учить тебя безжалостности, — потребовал он. — Вспоминание связано с перемещением точки сборки.

Он подождал минуту, чтобы посмотреть, выполню ли я его инструкции. Поскольку было очевидно, что я ничего не могу вспомнить, он продолжал свои объяснения. Он сказал, что для осуществления такого таинственного акта, как сдвиг в повышенное осознание, необходимо присутствие духа.

Я заметил, что на этот раз либо его заявления слишком непонятны, либо я слишком туп, поскольку абсолютно не могу уследить за ходом его мысли. Он твердо ответил, что мое замешательство не имеет никакого значения и

по-настоящему важна только одна вещь — мое понимание того, что даже простой контакт с духом может вызвать движение точки сборки.

— Я уже говорил тебе, что Нагваль является проводником духа, — продолжал он, — поскольку он на протяжении всей жизни безупречно устанавливает свое связующее звено с намерением, и, поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить духу проявляться через него. Итак, первое, что испытывает ученик магии, — это сдвиг его уровня осознания, сдвиг, вызванный простым присутствием Нагваля. И я хочу, чтобы ты понял, что в действительности для сдвига точки сборки не существует какой-то особой процедуры. Ученика касается дух, и его точка сборки сдвигается, только и всего.

Я сказал ему, что это утверждение приводит меня в замешательство, поскольку противоречит с таким трудом добытой мною на собственном опыте истине: переход в повышенное осознание осуществляется при помощи искусного, хотя и необъяснимого приема дона Хуана, благодаря которому он манипулирует моим восприятием. На протяжении лет, в течение которых мы были связаны, он время от времени переводил меня в состояние повышенного осознания простым ударом по спине. Я сказал ему об этом противоречии. Он ответил, что шлепок по спине был скорее уловкой для отвлечения моего внимания и устранения сомнений из моего ума, чем настоящим приемом для манипулирования моим восприятием. Он назвал это простым трюком, соответствующим его сдержанному характеру. Ничуть не шутя, он добавил, что, на мое счастье, он человек простой и не склонен к диким выходкам, иначе вместо простых уловок мне пришлось бы пройти через устрашающие ритуалы, прежде чем он смог бы изгнать все сомнения из моего ума и позволить духу переместить мою точку сборки.

— Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами, — это изгнать из нашего ума сомнения, — сказал он. — Как только сомнения изгнаны — становится возможным все что угодно.

Он напомнил мне одно событие, свидетелем которого я стал несколько лет назад в Мехико, — событие, казавшееся мне непостижимым до тех пор, пока он не объяснил его, используя парадигму магии.

То, свидетелем чего я стал, было хирургической операцией, выполненной

одним знаменитым целителем, использовавшим психофизические приемы. Пациент был мой друг, целителем — женщина, которая его оперировала, войдя в чрезвычайно драматический транс.

Я мог наблюдать, как, используя кухонный нож, она вскрыла ему полость живота в области пупка, отделила его больную печень, промыла ее в ковше со спиртом, вложила обратно и закрыла бескровный разрез простым надавливанием рук.

В полутемной комнате находилось еще несколько человек, ставших свидетелями этой операции. Некоторые, подобно мне, казались заинтересованными наблюдателями. Остальные были помощниками целительницы.

После операции я немного поговорил с наблюдателями. Все они подтвердили, что видели то же, что и я. Когда позже я разговаривал с моим другом, который и был пациентом целительницы, — он сказал, что на протяжении операции он испытывал тупую постоянную боль в животе и ощущение жжения в правом боку.

Я передал все это дону Хуану и даже позволил себе циничное объяснение. Я сказал ему, что полумрак в комнате, по моему мнению, создавал все условия для проявления ловкости рук, с помощью которой можно было создать иллюзию извлечения внутренних органов из брюшной полости с последующей промывкой их в спирте. Эмоциональный шок, вызванный драматическим трансом целительницы, который я тоже считал не более чем трюком, помогал создавать атмосферу чуть ли не религиозного таинства.

Дон Хуан немедленно ответил, что это было циничное мнение, а не циничное объяснение, потому что я никак не объяснял тот факт, что мой друг действительно выздоровел. Затем дон Хуан предложил другую точку зрения, которая основывалась на знании магов. Он объяснил, что все происходящее было основано на том замечательном факте, что це-лительница обладала способностью сдвигать точку сборки строго определенного количества людей, присутствовавших на сеансе. Единственная хитрость, если только можно назвать это хитростью, заключалась в том, что число людей, находившихся в комнате, не могло превышать то, которым она могла управлять.

Ее драматический— транс и сопровождавший его театральный эффект, по его мнению, были или хорошо продуманным приемом, используемым целительницей для захвата внимания всех присутствующих, или неосознанным приемом, продиктованным самим духом. В любом случае они были самым подходящим средством для создания единства мысли, необходимого целительнице для изгнания сомнений из умов присутствующих и перевода их в повышенное осознание.

Когда она разрезала тело кухонным ножом и извлекала печень, это не было, как подчеркнул дон Хуан, ловкостью рук. Все это действительно происходило, но только в состоянии повышенного осознания, и находилось вне сферы повседневного здравого смысла.

Я спросил у дона Хуана, как целительница могла сместить точки сборки присутствовавших людей, не касаясь их. Он ответил, что сила целительницы, являющаяся природным даром или изумительным достижением, послужила проводником духа.

— Именно дух, — сказал он, — а не целительница, был тем, что сдвигало точку сборки. Тогда я объяснил тебе, хотя ты и не понял ни слова, — продолжал дон Хуан, — что искусство и сила целителя заключаются в том, чтобы устранить всякое сомнение из умов присутствующих на сеансе. Сделав это, она дала возможность духу переместить их точки сборки. Когда же эти точки смещаются, все становится возможным. Присутствующие попадают в ту область, где чудеса являются чем-то обычным.

Он многозначительно заявил, что та целительница безусловно была также и магом и что если я постараюсь вспомнить операцию, то пойму, что она была безжалостна по отношению ко всем присутствующим, особенно — к больному.

Я повторил ему все, что мог припомнить об операции. Расположение и цвет стен квартиры целительницы, то, как драматически изменялся тембр ее голоса, ставшего, когда она вошла в транс, дребезжащим, режущим ухо мужским голосом. Этот голос объявил, что дух воина древних доко-лумбовых времен овладел телом целительницы. Как только прозвучало это заявление, поведение целительницы драматически изменилось. Она стала одержимой. Она была очевидно и абсолютно спокойна и приступила к операции с полной уверенностью и твердостью.

— Я предпочитаю слово «безжалостность» словам «уверенность» и «твердость», — заявил дон Хуан, а затем продолжал: — Эта целительница должна была быть безжалостной, чтобы создать надлежащую обстановку для вмешательства духа.

Он утверждал, что такие труднообъяснимые случаи, как эта операция, на самом деле очень просты. Понимание их усложнено из-за нашей приверженности к думанию. Если мы не думаем, все становится на свои места.

— Но это настоящий абсурд, дон Хуан, — сказал я, искренне уверенный в своей правоте.

Я напомнил ему, что он требовал от своих учеников серьезных размышлений и даже критиковал своего собственного учителя за то, что тот не был хорошим мыслителем.

— Конечно, я настаиваю, чтобы каждый вокруг меня мыслил ясно, — сказал он. — И я объясняю каждому, кто захочет слушать, что единственный способ мыслить четко — это не думать вообще. Я был убежден, что тебе понятно это магическое противоречие.

Я решительно восстал против неясности этого утверждения. Он смеялся и подшучивал над тем, что я вынужден защищаться. Затем он снова объяснил, что для мага существует два способа думания. Первый — это обыденный способ, который управляется обычным положением его точки сборки. Это беспорядочное мышление, которое совершенно не отвечает его потребностям и порождает в его голове изрядный сумбур. Второй — точное мышление. Оно функционально, экономично и очень редко оставляет что-либо невыясненным. Дон Хуан заметил, что для преобладания этого способа мышления необходим сдвиг точки сборки, или обыденный способ мышления должен прекратиться, чтобы дать возможность переместиться точке сборки. Таково кажущееся противоречие, которое на самом деле не является противоречием вообще.

— Мне хотелось бы, чтобы ты вспомнил кое-что, сделанное тобой в прошлом, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты вспомнил особое движение своей точки сборки. Для этого ты должен перестать думать так, как думаешь обычно. Тогда возьмет верх второй способ мышления, который я называю ясным и

четким, и заставит тебя вспоминать.

— Но как я могу перестать думать? — спросил я, хотя отлично знал, что он скажет в ответ.

— При помощи намерения сдвинуть свою точку сборки, — сказал он. — А намерение привлекается глазами.

Я сказал дону Хуану, что мой разум колеблется между моментами колоссальной прозрачности, когда все кажется предельно ясным, — и погружениями в глубокую умственную усталость, когда я вообще не понимаю, о чем он говорит. Он попытался ободрить меня, объяснив, что такая нестабильность вызвана легкими флуктуациями моей точки сборки, которая до сих пор еще не стабилизировалась в положении, достигнутом ею несколько лет назад. Колебания эти вызваны остаточным чувством жалости. к самому себе.

— Что это за новое положение, дон Хуан? — спросил я.

— Несколько лет назад — и это как раз и есть то, что я хотел заставить тебя вспомнить, — твоя точка сборки достигла места без жалости, — ответил он.

— Прошу прощения?..

— Место без жалости — это положение безжалостности, — объяснил он. — Но ты знаешь все это. Однако пока ты не вспомнишь всего сам, давай скажем, что безжалостность, будучи особым положением точки сборки, проявляется у магов через глаза. Они становятся как бы покрытыми тонкой мерцающей пленкой. У магов лучистые глаза. Чем больше они светятся, тем более безжалостным является маг. Сейчас, например, у тебя глаза тусклые.

Он объяснил, что, когда точка сборки сдвигается к месту без жалости, глаза начинают излучать свет. Чем прочнее фиксируется точка сборки в этом новом положении, тем лучистее становятся глаза.

— Попытайся вспомнить то, что ты уже знаешь об этом, — настаивал он.

На мгновение он замолчал, а потом заговорил, не глядя на меня.

— Вспоминание не имеет ничего общего с воспоминанием, — продолжал он. — Воспоминание связано с обыденным способом мышления, тогда как вспоминание зависит от движения точки сборки. Ключом к движению точки сборки является перепросмотр[13 - Recapitulation (англ.).] собственной жизни, к которому прибегают маги. Маги начинают свой перепросмотр с думания, с воспоминаний о наиболее важных событиях своей жизни. От простого думания они затем переходят к реальному пребыванию в месте события. Когда это им удается, они с успехом сдвигают свою точку сборки именно в то положение, в котором она находилась, когда происходило это событие. Полное воспроизведение события с помощью сдвига точки сборки известно как вспоминание магов.

Он взглянул на меня, словно желая убедиться в том, что я слушаю.

— Наша точка сборки постоянно смещается, — объяснил он. — Но это незначительное смещение. Маги полагают, что для того, чтобы заставить свою точку сборки сместиться в нужное место, они должны использовать намерение. А поскольку невозможно узнать, что такое намерение, то маги притягивают его с помощью своих глаз.

— Право, все это для меня совершенно непостижимо, — сказал я.

Дон Хуан положил руку под голову и растянулся на земле. Я последовал его примеру. Долгое время мы не разговаривали. Ветер гнал по небу облака. От их движения у меня слегка закружилась голова. Затем головокружение внезапно сменилось знакомым ощущением страдания.

Каждый раз при встречах с доном Хуаном я испытывал, особенно в минуты отдыха и молчания, переполняющее чувство отчаяния, стремление к чему-то такому, чего я не мог выразить словами. Когда я был один или с другими людьми, такое чувство никогда не охватывало меня. Как объяснил дон Хуан, то, что я ощущал и истолковывал как стремление, было в действительности вызвано внезапным движением моей точки сборки.

Когда дон Хуан заговорил снова, звук его голоса заставил меня вздрогнуть. Я сел.

— Ты должен вспомнить, когда твои глаза впервые засияли, — сказал он. — Как раз тогда твоя точка сборки впервые достигла места без жалости. Безжалостность овладела тобой. Безжалостность делает глаза магов лучистыми, и это сияние притягивает намерение. Каждому положению, в которое сдвигается их точка сборки, соответствует особый блеск их глаз. Поскольку глаза обладают собственной памятью, маги способны вызвать вспоминание любого места, воспроизводя соответствующий каждому из этих мест блеск глаз.

Он объяснил, что маги придают так много значения лучистости своих глаз и своему взгляду потому, что глаза непосредственно связаны с намерением. Эта на первый взгляд противоречивая истина заключается в том, что глаза имеют лишь поверхностное отношение к миру повседневной жизни. В глубинном плане глаза связаны с абстрактным.

Я не мог представить себе, как глаза могут хранить информацию такого рода, и сказал ему об этом.

Дон Хуан ответил, что человеческие возможности настолько безграничный таинственны, что маги, вместо того чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

Я спросил его, влияет ли намерение на глаза обычных людей.

— Конечно! — воскликнул он. — И ты знаешь об этом, но только на таком глубинном уровне, что это уже безмолвное знание. У тебя нет достаточной энергии, чтобы объяс—» нить это даже самому себе. Обычный человек знает о своих глазах то же самое, но у него еще меньше энергии, чем у тебя. Единственное преимущество магов над обычным человеком заключается в том, что они накапливают свою энергию. Это обеспечивает более точное и четкое связующее звено с намерением и, естественно, означает также, что они могут вспоминать по своей воле, используя сияние своих глаз без сдвига точки сборки.

Дон Хуан прервал свою речь и стал пристально смотреть на меня. Я отчетливо чувствовал, что его глаза направляли, подталкивали, тащили нечто неопределенное внутри меня. Я. не мог оторваться от его взгляда. Его концентрация была такой интенсивной, что это и в самом деле вызывало во

мне чисто физическое ощущение, — казалось, что я находился в печке. И вот-совершенно неожиданно мой взгляд оказался обращенным внутрь. Это было похоже на пребывание в рассеянном мечтательном состоянии, но к этому примешивалось странное чувство интенсивного осознания самого себя и отсутствия мыслей. В полном сознании я смотрел внутрь, туда, где ничего не было.

Гигантским усилием воли я вывел себя из этого состояния и вскочил.

— Что ты делал со мной, дон Хуан?

— Иногда ты бываешь абсолютно несносен, — сказал он. — Непозволительная расточительность. Твоя точка сборки только что была в положении, наиболее благоприятном для вспоминания всего, что пожелаешь, а ты что сделал? Ты все испортил, спросив меня, что я с тобой сделал.

Немного помолчав, он улыбнулся, увидев, что я снова сел.

— Но занудство является твоим величайшим достоинством, — заметил он. — Так на что же мне жаловаться?

Мы оба громко расхохотались. Это была шутка в его духе.

Несколько лет назад я был очень тронут и смущен огромным желанием дона Хуана помочь мне. Я никак не мог понять, почему он проявил в отношении меня столько доброты. Было очевидно, что он не нуждается во мне ни в каком смысле. Он явно не был во мне заинтересован. На горьком жизненном опыте я понял, что ничто не делается просто так. Я терялся в догадках относительно того, зачем же все-таки я ему нужен, и это ужасно беспокоило меня.

Однажды я весьма цинично напрямик спросил дона Хуана, какая ему польза от нашего знакомства, добавив при этом, что теряюсь в догадках на этот счет.

— Ты все равно не поймешь, — ответил он.

Его ответ вызвал у меня раздражение. Я с вызовом сказал ему, что не считаю себя глупцом и он может хотя бы попытаться объяснить мне это.

— Хорошо, я скажу, но, даже если ты поймешь, тебе это вовсе не понравится, — сказал он с улыбкой, с которой всегда поддевал меня. — Как видишь, я стараюсь щадить твое самолюбие.

Я был задет и потребовал, чтобы он сказал, что имеет в виду.

— Ты уверен, что хочешь услышать правду? — спросил он, зная, что я никогда не скажу «нет», даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

— Конечно, хочу, даже если ты просто дразнишь меня, — ответил я.

Он стал смеяться, словно это была хорошая шутка, и чем больше он смеялся, тем сильнее становилось мое раздражение.

— Не вижу ничего смешного, — сказал я.

— Никогда не стоит докапываться до лежащей в основе правды, — сказал он. — Эта правда подобна краеугольному камню, глыбе, на которой покоится целая куча разных вещей. Если мы начинаем пристально рассматривать эту глыбу, результат может оказаться малоутешительным. Я предпочитаю этого не делать.

Он снова рассмеялся. Его глаза, светившиеся озорством, казалось, подталкивали меня к дальнейшим расспросам. И я снова стал настаивать на том, чтобы он мне все рассказал. Я старался говорить спокойно, но настойчиво.

— Хорошо, я скажу, если ты так хочешь, — проговорил он со вздохом человека, который уступает неразумной просьбе. — Во-первых, я хотел бы сказать, что все, что я делаю для тебя, — это не из корысти. Ты не должен платить за это. Как ты знаешь, я был безупречен в отношении тебя. Ты знаешь также, что эта моя безупречность не есть капиталовложение. Я не прошу тебя ухаживать за мной, когда я стану слабым и не смогу обходиться без посторонней помощи. Но в то же время я действительно получаю нечто бесценное от нашей с тобой связи — своего рода вознаграждение за безупречное обращение с этой глыбой, лежащей в основании. А получаю я за это именно то, что тебе, возможно, не понравится или будет трудно понять.

Он умолк и пристально посмотрел на меня с дьявольским блеском в глазах.

— Так расскажи об этом, дон Хуан, — воскликнул я; его тактика промедления все больше раздражала меня.

— Я хочу, чтобы ты имел в виду, что я говорю только потому, что ты настаиваешь на этом, — сказал он, продолжая улыбаться.

Он снова помолчал. К тому времени я совсем рассердился на него.

— Если ты судишь обо мне по тому, как я обращаюсь с тобой, — сказал он, — ты должен признать, что я был образцом терпения и постоянства. Но ты не знаешь, что для того, чтобы добиться этого, я должен был бороться за безупречность так, как никогда прежде. Для того чтобы общаться с тобой, я должен был ежедневно перебарывать себя и сдерживаться, что было для меня невероятно мучительным.

Дон Хуан был прав. Сказанное им не понравилось мне. Я пытался не подавать виду, изображая саркастическую гримасу.

— Я не так плох, дон Хуан, — сказал я. К моему удивлению, мой голос прозвучал весьма ненатурально.

— О да, конечно же, ты так плох, — сказал он серьезно. — Ты мелочен, мнителен, расточителен, назойлив, нетерпелив, тщеславен. Кроме того, ты угрюм, тяжеловесен и неблагодарен. Твоя способность к индульгированию безгранична, но хуже всего то, что у тебя слишком преувеличенное представление о себе, чтобы ты мог избавиться от всего этого. Я могу сказать также, что меня начинает тошнить от одного твоего присутствия.

Я хотел было рассердиться, начать протестовать, кричать, что он не имеет права так говорить обо мне, но не мог произнести ни слова. Я был потрясен. Я онемел.

Выражение моего лица после того, как я выслушал всю правду, было, наверное, таким нелепым, что вызвало у дона Хуана бурю смеха. Казалось, он сейчас задохнется.

— Я предупреждал, что тебе это не понравится или ты не поймешь, — сказал он. — Побудительные мотивы действий воинов очень просты, но тонкость, с которой они действуют, должна быть непревзойденной. Воин получает редчайшую возможность, истинный шанс быть безупречным вопреки обуревающим его чувствам. Ты дал мне такой уникальный шанс. Действуя свободно и безупречно, я омолаживаюсь и обновляю свое удивление миром. Это я у тебя в долгу.

Он смотрел на меня, и его глаза сияли, но без всякого лукавства.

Дон Хуан начал объяснять, что он делал.

— Я — Нагваль. Я сдвигаю точку сборки сиянием своих глаз, — сказал он как само собой разумеющееся. — Глаза Нагваля могут делать это. Это нетрудно. В конце концов, глаза всех живых существ могут сдвигать чью-то еще точку сборки, особенно если их глаза сфокусированы на намерении. Однако обычно глаза людей сфокусированы на окружающем мире, на поисках пищи... на поисках красоты...

Он слегка толкнул меня локтем.

— На поисках любви, — добавил он и расхохотался.

Дон Хуан постоянно дразнил меня по поводу моих «поисков любви». Он никогда не забывал наивный ответ, который я когда-то дал на его вопрос о том, чего я ищу в жизни. Он подводил меня к признанию, что у меня нет ясной цели. И когда я сказал, что ищу любовь, он взвыл от смеха.

— Хороший охотник гипнотизирует жертву глазами, — продолжал он. — Взглядом он реально сдвигает точку сборки жертвы, и все же его глаза направлены на мир только в поисках пиши.

Я спросил его, могут ли маги гипнотизировать людей своим пристальным взглядом. Он сказал, посмеиваясь, что меня на самом деле интересует, могу ли я гипнотизировать взглядом женщин, несмотря на тот факт, что мои глаза сфокусированы на мире в поисках любви. Уже серьезно он добавил, что предохранительным клапаном для магов является то, что к тому времени, как их глаза действительно сфокусируются на намерении, они больше не

заинтересованы в гипнотизировании кого бы то ни было.

— Но для того, чтобы маги могли использовать сияние своих глаз для перемещения своей собственной или чьей-либо еще точки сборки, — продолжал он, — им необходимо быть безжалостными. То есть им должно быть известно особое положение точки сборки, называемое местом без жалости. И особенно это касается Нагвалей.

Он сказал, что каждый Нагваль развивает тип безжалостности, специфический для него одного. В качестве примера он взял меня и сказал, что из-за моей нестабильной природной конфигурации я кажусь видящим светящейся сферой, состоящей не из четырех шаров, сжатых в один, — что является обычным для структуры Нагвалей, — но сферой, состоящей только из трех сжатых шаров. Такая конфигурация заставляет меня автоматически скрывать свою безжалостность под маской индульгирования и расхлябанности.

— Нагвали часто вводят в заблуждение, — продолжал дон Хуан. — Они всегда создают впечатление чего-то, чем на самом деле не являются. И они делают это с таким совер—» шенством, что все, включая тех, кто хорошо их знает, попадаются на их удочку.

— Я действительно не понимаю, как ты можешь говорить, что я притворяюсь, — возразил я.

— Ты выдаешь себя за слабого и индульгирующего человека, — сказал он. — Ты производишь впечатление великодушного человека, сострадающего другим. И все убеждены в твоей искренности. Они могут поклясться, что ты именно таков.

— Но я и правда такой!

Дон Хуан согнулся от хохота.

Характер нашей беседы приобретал очень неприятный для меня оттенок. Я хотел внести максимальную ясность. Я неистово доказывал, что был искренним во всех своих проявлениях, и требовал привести пример, подтверждающий противоположное. Он сказал, что я постоянно обращался с людьми с неуместным великодушием, создавая у них ложное впечатление о

себе как о непринужденном открытом человеке. Я тут же возразил, что открытость — это важная черта моего характера. Он засмеялся и заявил, что если бы это было правдой, то зачем мне тогда так необходимо, чтобы люди, с которыми я общаюсь, в конце концов осознавали, что я их обманываю, хотя я и не говорю им об этом ни слова. Доказательством этого служит то, что, когда они оказывались не в состоянии понять, что я лгу, и принимали мое поведение за чистую монету, я демонстрировал им ту самую холодную безжалостность, которую я пытался скрывать.

Его слова привели меня в отчаяние, я не мог согласиться с ним. Я продолжал молчать. Я не хотел показать, что уязвлен. Пока я раздумывал, как мне реагировать, он поднялся и пошел прочь. Я остановил его, схватив за рукав. Это непроизвольное движение испугало меня самого и рассмешило его. Он снова сел и с любопытством посмотрел на меня.

— Я не хотел показаться грубым, — сказал я, — но я должен узнать об этом больше. Все это огорчает меня.

— Заставь свою точку сборки двигаться, — приказал он. — Раньше мы уже обсуждали безжалостность. Вспомни о ней.

Он посмотрел на меня с искренней надеждой, хотя, должно быть, и видел, что я ничего не могу вспомнить. Поэтому он продолжал говорить о способах проявления безжалостности Нагвалей. Он сказал, что его собственный метод заключается в том, что он провоцирует людей на проявления агрессии и протеста, скрывающихся за мнимым пониманием и рассудительностью.

— Но как насчет всех тех объяснений, которые ты мне давал? — спросил я. — Разве они не являются следствием подлинной рассудительности и желания помочь мне?

— Нет, — ответил он. — Они есть следствие моей безжалостности.

Я с жаром возразил, что мое собственное желание понять было искренним. Он похлопал меня по плечу и объяснил, что мое желание понять действительно является искренним, но мое великодушие — нет. Он сказал, что Нагвали скрывают свою безжалостность автоматически, даже против своей воли.

Когда я слушал его объяснения, у меня возникло странное подспудное ощущение, что когда-то мы уже подробно обсуждали идею безжалостности.

— Я не являюсь рациональным человеком, — продолжал он, глядя мне в глаза, — но только кажусь таким, поскольку в совершенстве умею притворяться. То, что тебе кажется рассудительностью, на самом деле есть отсутствие жалости, потому что именно этим и является безжалостность — отсутствием всякой жалости. Ты же, скрывая отсутствие жалости под маской великодушия, кажешься непринужденным и открытым. Но на самом деле ты настолько же великодушен, как я рассудителен. Мы оба — притворщики. Мы довели до совершенства искусство сокрытия того, что мы не чувствуем жалости.

Он сказал, что полное отсутствие жалости у его бенефак-тора скрывалось за личиной беспечного шутника, неистребимым желанием которого было подшучивать над каждым, с кем он сталкивался.

— Маской моего бенефактора был счастливый невозмутимый человек, которого ничто в этом мире не заботит, — продолжал дон Хуан. — Но на самом деле, подобно всем На-гвалям, он был холоден, как арктический ветер.

— Но ведь ты же не холодный, дон Хуан, — сказал я искренне.

— Я совершенно холодный, — сказал он. — И то, что ты воспринимаешь это как душевное тепло, лишь доказывает эффективность моей маски.

Он продолжал объяснять, что маска Нагваля Элиаса выражалась в сводящей с ума дотошности и аккуратности, которая создавала ложное впечатление собранности и основательности.

Он начал описывать поведение Нагваля Элиаса. Говоря, он продолжал наблюдать за мной. И, наверное, из-за его пристального взгляда я не мог сосредоточиться на том, что он мне говорил. Я с огромным трудом заставлял себя собраться с мыслями. Еще минуту он наблюдал за мной, а затем продолжал свои объяснения относительно безжалостности, но я уже больше не нуждался в них. Я сказал ему, что я вспомнил то, что он хотел: момент, когда мои глаза впервые засияли. В самом начале своего ученичества я добился, причем совершенно самостоятельно, смещения уровня моего осознания. Моя

точка сборки достигла положения, называемого местом без жалости.

МЕСТО БЕЗ ЖАЛОСТИ

Дон Хуан говорил мне, что нет нужды разговаривать о деталях моего восприятия. Во всяком случае, сейчас, потому что разговор об этом — лишь вспомогательное средство для вспоминания. Если точка сборки однажды сдвинется, событие полностью восстановится в памяти. Он добавил, что лучшая помощь для полного вспоминания — прогулка. Поэтому мы встали и пошли не спеша в полном молчании по горной тропинке, пока я не вспомнил все.

* * *

В Северной Мексике, на окраине Гуаймаса — городка, расположенного на пути из Ногалеса, штат Аризона, мне вдруг стало ясно, что с доном Хуаном творится что-то неладное. Уже около часа он был необычайно молчалив и печален, но я не обращал на это внимания, пока его тело не начали сводить судороги. При этом его подбородок так бился о грудь, словно шейные мускулы не могли больше выдерживать тяжести головы.

— Тебя укачало в дороге, дон Хуан? — встревожившись, спросил я. Он не ответил. Он тяжело дышал. В течение первых нескольких часов нашей поездки с ним было все в порядке. Мы без конца говорили о самых разных вещах. Когда мы остановились в городе Санта-Ана, чтобы заправиться, он даже отжался несколько раз от крыши машины, разминая затекшую спину.

— Что с тобой, дон Хуан? — спросил я.

Я ощутил в животе спазмы беспокойства. Не поднимая свесившейся на грудь головы, он пробормотал, что хочет посетить один конкретный ресторан. И едва слышным дрожащим голосом сообщил, как туда добраться.

Я припарковал машину на соседней улице за квартал от ресторана. Когда я открыл дверцу машины со своей стороны, он схватил меня за руку железной хваткой. С превеликим трудом он с моей помощью выбрался из машины через водительское сиденье. Ступив на тротуар, он ухватился за мои плечи обеими

руками, чтобы выпрямиться. В зловещем молчании мы спустились по улице к ветхому строению, в котором находился ресторан.

Дон Хуан повис на моей руке всем телом. Его дыхание было таким учащенным и его била такая сильная дрожь, что я не на шутку забеспокоился. Я оступился и вынужден был схватиться за стену, чтобы не свалиться вместе с доном Хуаном на тротуар. От волнения я совсем потерял голову. Заглянув в его глаза, я увидел, что они совершенно тусклые и лишены своего обычного блеска.

Мы кое-как вошли в ресторан, и услужливый официант подскочил к нам, чтобы помочь дону Хуану, как если бы был предупрежден о том, что с ним происходит.

— Как вы себя чувствуете сегодня? — пронзительно завопил он на ухо дону Хуану.

Он буквально донес дона Хуана от двери к столику, усадил его, а затем исчез.

— Он тебя знает, дон Хуан? — спросил я, когда мы сели. Не глядя на меня, он пробормотал что-то невразумительное. Я встал и прошел на кухню в поисках этого официанта.

— Знаете ли вы старика, который пришел сюда со мной? — спросил я, когда наконец нашел его.

— Конечно, знаю, — сказал он с видом человека, у которого хватает терпения ответить только на один вопрос. — Это «старик, у которого бывают приступы».

После этого заявления все стало на свои места. Я знал теперь, что в дороге с ним случился небольшой приступ. Конечно, я никак не мог его предотвратить, но все же чувствовал себя беспомощным и обеспокоенным. Предчувствие того, что самое худшее, еще впереди, вызвало у меня неприятное чувство в животе.

Я вернулся к столу, молча сел. Внезапно появился все тот же официант с двумя мисками креветок и двумя тарелками супа из морской черепахи. Мне пришло в голову, что, наверное, в этом ресторане подают только креветок и

черепаховый суп или что дон Хуан всегда заказывает именно эти блюда, когда здесь бывает.

Официант так громко заговорил с доном Хуаном, что ' перекрыл шум, создаваемый находящимися в ресторане посетителями.

— Надеюсь, вам понравится наша еда! — завопил он. — Если я вам понадоблюсь, поднимите только руку, и я тут же окажусь рядом.

Дон Хуан кивнул в знак согласия, и официант ушел, сочувственно похлопав дона Хуана по спине.

Дон Хуан жадно ел, время от времени чему-то улыбаясь. Я был настолько встревожен, что одна лишь мысль о еде вызывала у меня отвращение. Но после определенного момента с ростом беспокойства у меня стало расти и чувство голода, Я попробовал пищу и нашел, что она невероятно вкусна.

Поев, я почувствовал себя немного лучше, хотя все оставалось по-прежнему и беспокойство мое не уменьшилось.

Когда дон Хуан наелся, он поднял руку над головой. В ту же минуту подскочил официант и вручил мне счет.

Я рассчитался с ним, и он помог дону Хуану встать. Поддерживая под руку, он вывел его из ресторана. Официант даже помог ему выйти на улицу и сердечно распрощался с ним.

С таким же трудом, как и в первый раз, мы дошли до машины. Дон Хуан всей тяжестью своего тела навалился на мою руку, едва дыша и останавливаясь через каждый шаг, чтобы перевести дух. Официант стоял в дверях, словно желая убедиться в том, что я способен поддержать дона Хуана.

Ему понадобилось минуты две-три, чтобы забраться в машину.

— Скажи, что я могу для тебя сделать, дон Хуан? — спросил я умоляюще.

— Разверни машину, — приказал он дрожащим, едва слышным голосом. — Я хочу поехать на другой конец города в лавку. Они там тоже меня знают. Они

мои друзья.

Я сказал, что не знаю, где находится лавка, о которой он говорит. Он что-то неразборчиво забормотал, выражая гнев, и топнул об пол машины обеими ногами. Губы его недовольно надулись, и немного слюны скатилось на его рубаху. Затем он, казалось, испытал мгновенное просветление. Я ужасно нервничал, глядя на его усилия привести в порядок свои мысли. В конце концов ему все-таки удалось рассказать мне, как добраться до лавки.

Я был до предела встревожен, боясь, что приступ дона Хуана имел последствия более серьезные, чем я думал. Мне захотелось избавиться от него, сплавить родственникам или друзьям, но я никого из них не знал. Я вообще не знал, что делать. Повернув в обратную сторону, я поехал к лавке, которая, по его словам, находилась на другом конце города.

Я подумывал, не вернуться ли мне в ресторан и не расспросить ли официанта о родственниках дона Хуана. Хотелось верить, что кто-нибудь в лавке знает его. Чем больше я думал о положении, в которое попал, тем больше жалости испытывал к самому себе. Дон Хуан закончился. Я испытывал ужасное чувство потери и обреченности. Я явно терял его, но мое чувство утраты скоро перешло в досаду оттого, что мне приходится возиться с ним в таком его немощном состоянии.

Я кружил по городу около часа, разыскивая эту лавку, и никак не мог найти ее. Дон Хуан признался, что он мог ошибиться и что лавка, возможно, находится в другом городе. К тому времени я совершенно выбился из сил и не представлял, что делать дальше.

В нормальном состоянии осознания я всегда испытывал странное чувство, что я знаю о доне Хуане больше, чем мой разум. Сейчас, под влиянием его умственного расстройства, я был уверен — хотя и не знал почему — что где-то в Мексике его друзья ожидают его, хотя где именно, я понятия не имел.

Я измучился не только физически. К моему состоянию примешивалось беспокойство и чувство вины. Меня терзала мысль о том, что я связан по рукам и ногам немощным стариком, который наверняка смертельно болен. И я чувствовал свою вину в том, что испытываю к нему неприязнь.

Я остановил машину на побережье. Понадобилось около десяти минут, чтобы вывести дона Хуана из машины. Мы направились в сторону океана, но, когда подошли поближе, дон Хуан отпрянул, как мул, и заявил, что дальше не пойдет. Он бормотал, что вода бухты Гуаймас пугает его.

Он повернул назад и повел меня на главную площадь — пыльную «плаза», где не было даже скамеек. Дон Хуан сел на обочину. Проехала машина для уборки улиц, вращая своими стальными щетками, которые совершенно не смачивались водой. Она подняла облако пыли, и я закашлялся.

Я был настолько расстроен возникшей ситуацией, что у меня мелькнула мысль оставить его сидящим здесь. Но я тут же устыдился этой мысли и похлопал дона Хуана по спине.

— Пожалуйста, постарайся вспомнить, куда я должен тебя отвезти, — сказал я мягко. — Ты хочешь, чтобы я тебя повез?

— Я хочу, чтобы ты пошел к черту! — ответил он хриплым, резким голосом.

Видя, как дон Хуан разговаривает со мной, я начал подо зревать, что с ним приключился не удар, а какая-то другая болезнь. Очевидно, она повлияла на его мозг, в результате чего он стал безумным и агрессивным. Внезапно он встал и пошел прочь от меня. Я обратил внимание на то, каким немощным он стал. Он постарел в течение нескольких часов. Исчезла его природная энергия. Теперь это был ужасно старый, слабый человек. Я бросился подать ему руку. Волна сильной жалости захлестнула меня. Это себя я видел старым, слабым, едва способным ходить, и это было нестерпимо. Слезы навернулись у меня на глаза, правда, не от жалости к дону Хуану, а от жалости к самому себе. Я сжал его руку и дал ему молчаливое обещание, что буду заботиться о нем, несмотря ни на что.

Я совсем ушел в жалость к самому себе, как вдруг ощутил сильную пощечину. Прежде чем я опомнился, дон Хуан ударил меня снова, но на этот раз по затылку. Он стоял передо мной, дрожа от ярости. Его рот был полуоткрыт и непроизвольно дергался.

— Кто ты? — заорал он каким-то неестественным голосом. Он обратился к куче зевак, которые немедленно начали собираться вокруг нас. — Я не знаю,

кто этот человек, — сказал он им. — Помогите мне. Я одинокий старый индеец. Он — иностранец и хочет убить меня. Они всегда поступают так с беспомощными старыми людьми: убивают их, чтобы развлечься.

Раздался ропот неодобрения. Многие молодые рослые люди смотрели на меня угрожающе.

— Что ты делаешь, дон Хуан? — громко спросил я его. Я хотел убедить толпу, что я был с ним.

— Я не знаю тебя, — закричал дон Хуан. — Оставь меня в покое! — Он повернулся к толпе и попросил присутствующих помочь ему. Он хотел, чтобы они задержали меня до прихода полиции. — Держите его! — требовал он. — Кто-нибудь позовите, пожалуйста, полицию! Они знают, что делать с этим человеком.

Я имел представление о мексиканской тюрьме. Никто не будет знать, где я. Мысль о том, что пройдут месяцы, пока кто-нибудь заметит мое отсутствие, заставила меня действовать с невероятным проворством. Я отшвырнул первого же молодого парня, приблизившегося ко мне, а затем бросился бежать, охваченный паникой. Я знал, что этим спасаю свою жизнь. Несколько молодых людей бросились за мной. Пока я мчался по направлению к главной улице, я сообразил, что в таком маленьком городке, как Гуаймас, патрульные полицейские передвигаются пешком. Никого из них не было поблизости. Боясь встречи с ними, я заскочил в первый же магазинчик, попавшийся на моем пути.

Я сделал вид, что старательно выбираю покупку. Молодые люди, преследовавшие меня, с шумом пробежали мимо. У меня быстро возник план: купить как можно больше вещей. Я рассчитывал, что люди в магазине примут меня за туриста. Затем я попрошу кого-нибудь помочь мне поднести пакеты к моей машине.

Некоторое время я выбирал то, что мне было нужно. В магазине я нанял юношу, чтобы он помог мне нести пакеты. Но когда я приблизился к своей машине, то увидел стоящего возле нее дона Хуана, вокруг которого по-прежнему толпился народ. Он разговаривал с полицейским, который что-то записывал.

Все было бесполезно. Мой план провалился. Путь к машине был отрезан. Я велел молодому человеку оставить пакеты на тротуаре, сказав ему, что скоро должен подъехать мой друг и доставить меня в отель. Он ушел, а я остался, прячась за грудой пакетов, которыми я прикрывал свое лицо, стараясь не попадаться на глаза дону Хуану и окружавшей его толпе.

Я видел, как полисмен изучал мою калифорнийскую лицензию. Теперь я был совершенно уверен в том, что погиб. Обвинение сумасшедшего старика было слишком серьезным. А тот факт, что я сбежал, только усилил мою вину в глазах полисмена. Кроме того, мне страшно не хотелось вступать в объяснения с полицейским, который наверняка проигнорирует правду, только бы арестовать иностранца.

Я стоял у входа в магазин около часа. Полисмен ушел, но толпа вокруг дона Хуана осталась, а он кричал и возбужденно размахивал руками. Я был слишком далеко, чтобы расслышать слова. Но я мог представить их смысл по его отрывистым, возбужденным выкрикам.

У меня возникла отчаянная необходимость в новом плане. Можно было поселиться в гостинице и пожить там пару дней, прежде чем рискнуть добраться до машины. Я хотел было вернуться в магазин и вызвать такси. Я никогда н! пользовался такси в Гуаймасе и даже не знал, существует ли оно здесь вообще. Но мой план тут же рухнул при мысли о том, что полиции уже все известно обо мне, и если они приняли всерьез слова дона Хуана, то обязательно проверят отели. Возможно, полисмен отошел от дона Хуана именно для этого.

Я сообразил, что есть еще одна возможность — добраться до автобусной станции и сесть на автобус, идущий в любой пограничный город. Или сесть хотя бы на какой-нибудь автобус, идущий из Гуаймаса в любом направлении. Однако и от этой идеи пришлось немедленно отказаться. Я был уверен, что дон Хуан сообщил полисмену мое имя, и тот наверняка уже предупредил автобусные компании.

Мой разум захлестнула слепая паника. Я сделал несколько коротких вздохов, чтобы успокоить нервы.

Тут я заметил, что толпа вокруг дона Хуана стала рассасываться. Вернулся полисмен со своим напарником, и оба они не спеша пошли в конец улицы. В этот момент я внезапно ощутил не поддающееся контролю возбуждение. Это было так, как если бы мое тело прервало связь с умом, начав функционировать самостоятельно. Я направился к своему автомобилю, прихватив с собой все пакеты. Не испытывая ни малейшего страха или заботы, я открыл багажник, положил в него все пакеты, затем отворил дверцу машины. Дон Хуан стоял рядом на тротуаре, уставившись на меня отсутствующим взглядом. Я посмотрел на него с совершенно не свойственной мне холодностью. Это не было ни ненавистью, ни гневом. Он даже не раздражал меня. То, что я чувствовал, вовсе не походило на смирение или терпимость. И это определенно не было добротой. Скорее, это было холодное безразличие, ужасающее отсутствие жалости. В этот момент меня меньше всего заботило происходившее с доном Хуаном или со мной.

Дон Хуан встряхнул верхней частью тела, как собака, выходящая из воды. И тут, словно все это было лишь дурным сном, он снова стал тем человеком, которого я знал. Он быстро вывернул свою куртку наружу подкладкой. Это была двусторонняя куртка, бежевая с одной стороны и черная с другой. Сейчас он был одет в черную куртку. Он достал из машины свою соломенную шляпу и тщательно причесал волосы. Затем вытащил воротник рубашки поверх воротника куртки, вмиг сделавшись моложе на много лет. Не говоря ни слова, он помог мне перенести в машину оставшиеся пакеты. Привлеченные шумом открывающихся и закрывающихся дверок автомобиля, двое полицейских бегом вернулись к нам, свистя в свои свистки. Дон Хуан проворно бросился им навстречу. Он внимательно выслушал их и заверил, что им не о чем беспокоиться. Он объяснил, что, должно быть, они встретились с его отцом, старым немощным индейцем, у которого не все в порядке с головой. Разговаривая с ними, он открывал и закрывал дверцы автомобиля, как бы проверяя замки. Еще он перенес пакеты из багажника на заднее сиденье. Его подвижность и юношеская сила совершенно не походили на движения старика, каким он был несколько минут назад. Я знал, что он ведет себя так в расчете на полисмена, который видел его раньше. На месте этого полисмена я бы ни на минуту не усомнился, что передо мной сын старого безумного индейца.

Дон Хуан указал название ресторана, где знают его отца, и затем бесстыдно дал им взятку.

От меня не требовалось объяснять что-либо полисменам. Что-то во мне делало меня твердым, холодным, знающим, молчаливым.

Не говоря ни слова, мы сели в машину. Полицейские так ни о чем меня и не спросили. Казалось, они настолько устали, что и не пытались сделать это. Мы уехали.

— Что это ты выкинул там, дон Хуан? — спросил я, и холодность моего тона удивила меня.

— Это был первый урок безжалостности, — сказал он. Он напомнил, что по пути в Гуаймас он предупредил меня о предстоящем уроке «безжалостности».

Я признался, что не обратил на это внимания, подумав, что мы просто беседуем, чтобы нарушить монотонность езды.

— Я никогда не беседую просто так, — сказал он строго. — Тебе давно уже пора знать об этом. Сегодня днем я намеренно создал соответствующую ситуацию, благодаря которой твоя точка сборки сдвинулась в такое место, где исчезает жалость. Это меето известно как место без жалости.

Перед каждым магом стоит задача, — продолжал он, — достичь места без жалости с минимальной помощью. На-гваль лишь создает нужную ситуацию, ученик же сам приводит свою точку сборки в движение. Сегодня ты сделал именно это. Я помогал тебе, возможно, немного переигрывая, сдвинул свою собственную точку сборки в такое положение, которое сделало меня немощным стариком, чьи действия невозможно предсказать. Я не просто притворился старым и немощным, я был старым.

Озорной блеск в его глазах свидетельствовал о том, что он наслаждается моментом.

— Не было особой нужды в том, что я делал, — продолжал он. — Я мог заставить свою точку сборки сдвинуться, не применяя столь жестокой тактики, но я ничего не смог с собой поделать. Зная, что такой возможности больше не будет, я хотел выяснить, смогу ли я хотя бы отчасти действовать так, как мой бенефактор. Поверь мне, я удивил себя самого не меньше, чем тебя.

Я почувствовал невероятное облегчение. У меня не было затруднений в восприятии того, что он говорил. Не возникло также никаких вопросов, поскольку я понимал все, не нуждаясь в объяснениях.

Затем он сказал нечто такое, что я уже знал, но не мог выразить словесно, поскольку не был способен найти подходящих для описания слов. Он сказал, что все, что делают маги, является следствием движения их точки сборки. И что такие сдвиги зависят от количества энергии, имеющейся в их распоряжении.

Я сказал дону Хуану, что знаю все это, и даже больше. На это он ответил, что внутри каждого человеческого существа есть гигантское темное озеро безмолвного знания, о существовании которого каждый из нас знает интуитивно. Он сказал, что мое интуитивное знание развито немного лучше, чем у среднего человека, поскольку я следую по пути воина. Еще он добавил, что маги являются единственными существами на Земле, кто сознательно выходит за пределы интуитивного уровня, подготавливая себя к осуществлению двух трансцендентальных задач: во-первых, понять, что существует точка сборки, во-вторых, заставить эту точку двигаться.

Он еще и еще раз подчеркнул, что самые изощренные знания, которыми владеют маги, являются потенциальным достоянием всех нас как воспринимающих существ — даже знание о том, что содержание восприятия зависит от положения точки сборки.

В этом месте его объяснений мне стало чрезвычайно трудно сосредоточиться на том, что он говорит, и не потому, что я отвлекся или устал, просто мой разум невольно начал играть в игру предугадывания его слов. Похоже, какая-то неведомая часть внутри меня безуспешно пыталась найти соответствующие слова для выражения мыслей. По мере того как дон Хуан говорил, я начал чувствовать, что могу предугадывать, какие именно мои безмолвные мысли он сейчас выскажет. Меня поражало понимание того, что его выбор слов был всегда точнее, чем мог бы быть мой собственный. Но предвидение его слов, к сожалению, уменьшало мою концентрацию.

Я резко свернул на обочину дороги. В этот момент у меня впервые в жизни возникло ясное понимание собственной раздвоенности. Внутри меня

существовали две совершенно обособленные части. Одна была чрезвычайно старой, спокойной и равнодушной. Она была тяжелой, темной и связанной со всем остальным. Это была та часть меня, которая ни о чем не беспокоилась, поскольку ко всему относилась одинаково. Она всем наслаждалась, ничего не ожидая. Другая часть была светлой, новой, легкой, подвижной. Она была нервной и быстрой. Она беспокоилась о себе, потому что была неустойчивой, и не наслаждалась ничем просто потому, что не имела способности связать себя с чем бы то ни было. Она была одинокой, поверхностной и уязвимой. Это была та часть меня, из которой я смотрел на мир.

Я сознательно осмотрелся из этой части. Повсюду я видел обширные фермерские поля; и эта ненадежная, легкая, беспокойная часть меня металась между гордостью индустриальной мощью человека и печалью при взгляде на величественную древнюю пустыню Сонора, превращенную в аккуратный пейзаж со вспаханными полями и окультуренными растениями.

Старой, темной и тяжелой части меня не было до этого никакого дела. И две части вступили в спор друг с другом. Воздушная часть меня хотела, чтобы тяжелая приняла на себя ответственность, а тяжелая желала, чтобы другая часть меня прекратила терзаться и наслаждалась.

— Почему ты остановился? — спросил дон Хуан.

Его голос вызвал реакцию, но было бы не совсем верно сказать, что то, что прореагировало, было мною. Звук его голоса, казалось, заставил затвердеть воздушную часть меня, после чего я стал таким, как всегда.

Я рассказал дону Хуану о понимании, которое возникло у меня относительно моей раздвоенности. Когда он начал объяснять ее с точки зрения положения точки сборки, я утратил свое отвердение. Мягкая часть снова приобрела это свое качество, как и в первый раз, когда я впервые заметил свою раздвоенность, и я снова начал понимать объяснения дона Хуана.

Он сказал, что когда точка сборки двигается и достигает места без жалости, позиция рационализма и здравого смысла становится шаткой. Ощущение, что я имею более старую, темную и безмолвную сторону, было точкой зрения, предшествующей разуму.

— Я точно знаю, о чем ты говоришь, — сказал я ему. — Я знаю многое, но не могу выразить словами свое знание. Я не знаю, с чего начать.

— Однажды я уже упоминал об этом, — сказал он. — То, что происходит с тобой, и то, что ты называешь раздвоенностью, является взглядом из нового положения твоей точки сборки. С этого положения ты можешь чувствовать более старую сторону человека, а то, что знает более старая часть человека, называется безмолвным знанием. Это и есть знание, которое ты еще не можешь выразить словами.

— Но почему? — спросил я.

— Чтобы выразить его, тебе необходимо иметь и использовать гораздо больше энергии, — ответил он. — Сейчас у тебя нет такой энергии. Безмолвное знание — это нечто такое, что есть у каждого из нас, — продолжал он. — Это нечто такое, что в совершенстве всем владеет и в совершенстве все знает. Но оно не может думать и поэтому не может и говорить о том, что знает. Маги полагают, что, когда человек начинает осознавать свое безмолвное знание и хочет осмыслить то, что он знает, — он утрачивает это знание. Безмолвное знание, которое ты не можешь выразить словами, является, конечно, намерением, духом, абстрактным. Ошибка человека заключается в том, что он стремится познать его непосредственно, так же как он познает мир повседневной жизни. Но чем больше он стремится к этому, тем более эфемерным оно становится.

— Не мог бы ты объяснить это более простыми словами, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что ради мира разума человек отказывается от безмолвного знания, — ответил он. — Чем крепче он держится за мир разума, тем более эфемерным оказывается намерение.

Я завел машину, и мы молча поехали дальше. Дон Хуан не пытался указывать мне направление или подсказывать, как управлять машиной, что он часто делал, чтобы задеть мое чувство собственной важности. Я не особенно задумывался над тем, куда еду. Однако что-то во мне знало, куда надо ехать. Я дал возможность проявиться именно этой своей части.

Поздним вечером мы прибыли к большому дому магов партии дона Хуана,

расположенному в сельской местности штата Синалоа на северо-западе Мексики. Путешествие, казалось, совсем не заняло времени. Я не помнил подробностей нашей поездки. Я знал лишь то, что по пути мы не разговаривали.

Дом казался пустым. Не было никаких признаков того, что в нем есть люди. Тем не менее я знал, что друзья дона Хуана находятся в этом доме. Хотя я никого не видел, но чувствовал их присутствие.

Дон Хуан зажег несколько керосиновых ламп, и мы с ним сели за массивный стол. Казалось, дон Хуан собирается поесть. Пока я раздумывал о том, что мне сказать или сделать, бесшумно вошла женщина и поставила на стол тарелку с едой. Я не ожидал ее появления, и, когда она вышла из темноты на свет, как бы материализовавшись из ничего, я невольно открыл рот от изумления.

— Не пугайся, это я, Кармела, — сказала она и исчезла снова, растворившись во тьме.

Я чуть было не завопил от ужаса. Дон Хуан так смеялся, что я подумал: все в доме слышат его. Я уже было решил, что они сейчас придут, но никто не появился.

Я попытался есть, но мне не хотелось. Тогда я начал думать о женщине. Я ее не знал. Возможно, я бы узнал ее, но мне никак не удавалось извлечь воспоминание о ней из тумана, обволакивавшего мои мысли. Я силился прояснить свой ум, но почувствовал, что на это потребуется слишком много энергии, и сдался.

Почти тотчас после того, как я перестал думать о ней, я начал испытывать странное цепенящее беспокойство. Сперва я подумал, что меня угнетали темнота, массивный дом и тишина в нем и за его пределами. Но затем моя угнетенность возросла до невероятных размеров, особенно после того, как я услышал слабый лай собаки вдали. В какой-то момент я подумал, что мое тело вот-вот разорвется на части. Дон Хуан немедленно вмешался. Он подскочил ко мне и хлопнул меня по спине так, что во мне что-то щелкнуло. Этот удар по спине принес мне немедленное облегчение.

Когда я успокоился, то понял, что вместе с беспокойством, которое чуть было

не поглотило меня, я утратил ясное ощущение знания обо всем на свете. Я больше не мог предвидеть, как дон Хуан выразит то, что я знал сам.

После этого дон Хуан приступил к своему самому необычному объяснению. Вначале он сказал, что источником беспокойства, которое овладело мной со скоростью степного пожара, было внезапное движение моей точки сборки, вызванное неожиданным появлением Кармелы, а также моей неизбежной попыткой сдвинуть свою точку сборки туда, где я был бы способен полностью узнать ее.

Он посоветовал мне свыкнуться с мыслью о том, что время от времени у меня будут возникать такого рода приступы тревоги, поскольку моя точка сборки все еще сохраняет подвижность.

— Любое движение точки сборки подобно умиранию, — сказал он. — Все в нас рассоединяется, а затем вновь присоединяется к источнику еще большей силы. Такое увеличение энергии воспринимается как убийственная тревога.

— Что мне делать, когда это случается? — спросил я.

— Ничего, — ответил он, — просто ждать. Вспышка энергии пройдет, опасно лишь не знать, что с тобой происходит. Когда ты знаешь, реальной опасности нет.

Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, из-за чего у него возникла уверенность в том, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном «я», которое стало диктовать человеку характер и диапазон его действий. По мере того как ощущение индивидуального «я» усиливалось, человек постепенно утрачивал естественную связь с безмолвным знанием. Современный человек, пожиная плоды этого процесса, в конечном счете обнаруживает, что безвозвратно утратил связь с источником всего сущего и что ему под силу лишь насильственные и циничные действия, порожденные отчаянием и ведущие к саморазрушению. Дон Хуан утверждал, что причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица безмолвного знания, которая у него

еще осталась, и дает человеку, во-первых, возможность интуитивно почувствовать свою связь с источником всего сущего, и во-вторых, понимание того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, завершенность.

Мне показалось, что в словах дона Хуана есть противоречие. Я помнил, как однажды он говорил мне, что битва является естественным состоянием для воина и что покой для него противоестествен.

— Правильно, — согласился он. — Но битва для воина не означает совершение поступков, которыми движет индивидуальная или коллективная глупость или бессмысленное насилие. Битва воина — это тотальная борьба против индивидуального «я», которое лишает человека его силы.

Затем дон Хуан сказал, что настало время продолжить беседы о безжалостности — самой главной предпосылке магии. Он сообщил об открытии магами того, что любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Еще он сказал, что, как полагают маги, именно позиция точки сборки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя.

Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешение в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности.

Дон Хуан описал чувство собственной важности как силу, порождаемую человеческим образом самого себя. Он повторил, что именно эта сила и удерживает точку сборки в ее нынешнем положении. По этой причине главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают маги, направлено на достижение этой цели.

Он объяснил, что маги разоблачили чувство собственной важности и

установили, что оно есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

— Это звучит неправдоподобно, но это на самом деле так, — сказал он. — Жалость к себе — это реальный враг и источник человеческого страдания. Без некоторого количе— v ства жалости к себе человек был бы не в состоянии быть таким важным для себя, каков он есть. Но когда включается чувство собственной важности, оно начинает набирать свою собственную силу, и именно эта, на первый взгляд независимая, природа чувства собственной важности придает ему мнимую ценность.

Это его объяснение, которое было бы непонятным для меня при обычных условиях, показалось мне вполне убедительным. Но поскольку мне все еще была присуща некоторая двойственность, оно показалось немного упрощенным. Казалось, дон Хуан преследует в своих мыслях и словах определенную цель. И этой целью был я в моем обычном состоянии осознания.

Продолжая свои объяснения, дон Хуан сказал, что маги абсолютно уверены в том, что, сдвигая точку сборки с ее обычного положения, мы достигаем состояния, которое можно называть только безжалостностью. Благодаря своим практическим действиям маги знают, что, как только их точка сборки сдвигается, — разрушается их чувство собственной важности. Лишившись привычного положения точки сборки, их образ себя больше не поддерживается. А без сильного сосредоточения на образе самих себя они теряют чувство жалости к себе, а с ним и чувство собственной важности. Таким образом, маги правы, говоря, что чувство собственной важности — это просто скрытая жалость к себе.

Затем он шаг за шагом начал анализировать то, что произошло со мной днем. По его словам, Нагваль в роли лидера и учителя должен действовать в такой же степени эффективно, как и безупречно. Поскольку у него нет возможности рационально обдумать свои действия, он всецело полагается на дух, который направляет эти действия. В качестве примера он привел сегодняшний случай, когда, по его словам, он не знал, как действовать, до тех пор, пока дух не подал ему знак ранним утром во время завтрака в Ногалесе. Он заставил меня вспомнить это событие и попросил рассказать ему все, что я смогу припомнить.

Я вспомнил, что во время завтрака дон Хуан смутил меня тем, что явно надо

мной потешался.

— Думай об официантке, — подталкивал меня дон Хуан.

— Я помню лишь, что она была ужасно грубой.

— Но что она делала? — настаивал он. — Что она делала, пока ждала нашего заказа?

Немного подумав, я вспомнил, что это была молодая суровая женщина, которая швырнула нам меню и продолжала стоять рядом, почти касаясь меня и ясно давая понять, чтобы я поторопился с заказом.

Нетерпеливо притопывая носком своей большой ступни, она подколола свои длинные черные волосы высоко на затылке. Перемена была разительной. Она стала выглядеть гораздо более привлекательной, более женственной. Меня буквально очаровала такая метаморфоза ее внешности. Из-за этого я даже простил ее дурные манеры.

— Это был знак, — сказал дон Хуан. — Суровость и превращение были указаниями духа.

Он сказал, что в тот день его первое действие в качестве Нагваля было направлено на то, чтобы поставить меня в известность о своих замыслах. В конце концов он очень прозрачно, хотя и не без подвоха, намекнул, что собирается дать мне урок безжалостности.

— Ну как, вспомнил? — спросил он. — Я разговаривал с официанткой и с пожилой дамой за соседним столиком.

Подталкиваемый его вопросами, я вспомнил, что дон Хуан буквально флиртовал со старой дамой и дурно воспитанной официанткой. Пока я ел, он без конца разговаривал с ними. Он рассказывал им идиотские смешные истории о взяточничестве и продажности правительства и анекдоты о крестьянах в городе. Затем он спросил официантку, не американка ли она. Она отрицала это и смеялась над его вопросом. Дон Хуан сказал, что это хорошо, потому что я — мексиканец, который ищет любовь. И я могу начать искать ее хоть сейчас, вот только доем этот отличный завтрак.

Женщины засмеялись. Я подумал, что они смеются, видя мое смущение. Дон Хуан сказал им, что, говоря серьезно, я приехал в Мексику, чтобы найти жену. Он спросил, не знают ли они какую-нибудь честную, скромную женщину, которая хотела бы выйти замуж и не была бы слишком требовательна к мужской красоте. Он сослался на себя как на мое доверенное лицо.

Женщины засмеялась еще громче, я же был очень раздосадован. Дон Хуан обернулся к официантке и спросил ее, не выйдет ли она за меня. Она ответила, что помолвлена. Мне показалось, что она приняла слова дона Хуана всерьез.

— Почему вы не позволите говорить ему самому? — спросила дона Хуана старая дама.

— Потому что он говорит, запинаясь, — ответил он. — Он ужасно заикается.

Официантка сказала, что я говорил совершенно нормаль-но, когда заказывал еду.

— О! Вы так наблюдательны, — сказал дон Хуан. — Он может говорить как все, только когда заказывает еду. Я повторяю ему снова и снова, что, если он хочет научиться разговаривать нормально, он должен быть безжалостен. Я привез его сюда, чтобы дать ему несколько уроков безжалостности.

— Бедняжка, — сказала старая дама.

— Да, но нам пора уходить, если мы хотим еще сегодня найти для него любовь, — вставая, сказал дон Хуан.

— Это вы серьезно насчет брачного дела? — спросила молодая официантка у дона Хуана.

— Будьте уверены, — ответил он. — Я собираюсь помочь ему найти то, в чем он нуждается, чтобы он мог пересечь границу и попасть в место без жалости.

Я подумал, что дон Хуан то ли брак, то ли США называет «местом без жалости». Я засмеялся над его метафорой и вдруг стал так ужасно заикаться,

что напугал женщин до полусмерти, а у дона Хуана вызвал совершенно истерический смех.

— Мне тогда было совершенно необходимо сообщить тебе цель моих дальнейших действий, — сказал дон Хуан, продолжая свои объяснения. — Я сделал это, но ты, как это и должно было случиться, полностью пропустил мои слова мимо ушей.

По его словам, с момента, когда дух проявит себя, каждый шаг будет легко доведен до своего логического завершения. Моя точка сборки достигла места без жалости, когда под влиянием превращения дона Хуана была вынуждена покинуть свое привычное положение саморефлексии.

— Находясь в положении саморефлексии, — продолжал дон Хуан, — точка сборки собирает мир ложного сострадания, который на поверку оказывается миром жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые каждому из нас удобно испытывать в данный момент. Для магов безжалостность — это не жестокость. Безжалостность — это противоположность жалости к самому себе и чувству собственной важности. Безжалостность — это трезвость.[14 - Sobriety — трезвость, собранность, уравновешенность и т. д. (англ.).]

Глава 5. Требования намерения

Разбить зеркало саморефлексии

Мы провели ночь на том месте, где я занимался вспоминанием происходившего со мной в Гуаймасе. Поскольку моя точка сборки была все еще податливой, дон Хуан ночью помогал мне достичь новых ее положений, которые затем уходили в глубь моего сознания и совершенно забывались.

На следующий день я был не в состоянии вспомнить ничего из случившегося и воспринятого. Тем не менее я остро ощущал, что приобрел какой-то странно важный опыт. Дон Хуан подтвердил, что моя точка сборки сместилась глубже, чем он ожидал. Однако он отказался хотя бы намекнуть на то, что же именно я сделал. Он лишь сказал по этому поводу, что рано или поздно я вспомню все.

В полдень мы продолжили подъем в горы. Мы шли молча, не останавливаясь почти до самого вечера. Во время неспешного подъема на пологий скальный уступ дон Хуан неожиданно заговорил. Я не понял ни слова. Он повторял это до тех пор, пока я не сообразил, что мы остановимся на широком плато, видимом с того места, где мы находились сейчас. Еще он сказал, что там за валунами и густым кустарником можно укрыться от ветра.

— Скажи, можешь ли ты определить место на этом плато, которое наилучшим образом подошло бы нам для ночевки? — спросил он.

Еще раньше, во время подъема, я приметил почти незаметный выступ. Он казался темным пятном на склоне горы. Я обнаружил его, быстро скользнув взглядом по этому месту. Теперь, когда дон Хуан спрашивал о моем мнении, мне удалось определить пятно еще более темное, почти черное, на южной стороне утеса. Этот казавшийся мрачным уступ и почти черное пятно на нем не вызывали ни малейшего чувства страха или беспокойства. Мне нравился уступ, а его черное пятно нравилось еще больше.

— То пятно очень темное, но оно мне нравится, — сказал я, когда мы достигли края скалы.

Дон Хуан согласился с тем, что на этом месте будет лучше всего провести ночь. Он сказал, что тут имеется особый уровень энергии и что ему тоже нравится эта приятная темнота.

Мы направились к скальным выступам. Дон Хуан определил нужное место по валунам, и мы сели, прислонившись к ним спиной.

Я сказал, что, с одной стороны, выбрать именно это место было просто моей удачной догадкой, но с другой — я не могу не учитывать тот факт, что воспринял его глазами.

— Я бы не сказал, что ты воспринял его исключительно глазами, — сказал дон Хуан. — Все было немного сложнее.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан? — спросил я.

— Я хотел сказать, что у тебя есть способности, о которых ты до сих пор не догадываешься, — ответил он. — Поскольку ты весьма беспечен, ты можешь думать обо всем, что ты замечаешь, как об обычном чувственном восприятии.

Он сказал, что если я сомневаюсь в этом, то могу вновь спуститься к подножию горы и убедиться в справедливости его слов. Он предупредил, что я не смогу заметить темный выступ, просто глядя на него.

Я всячески заверил его, что ни в коем случае не сомневаюсь, поскольку не собираюсь вновь спускаться с горы.

Однако он настаивал на спуске. Я думал, что он делает это, просто чтобы поддразнить меня. Меня это раздражало, ведь, по моему мнению, сейчас он должен быть серьезным. Он так смеялся, что даже закашлялся.

Он отметил, что все животные могут выделить в местах своего обитания территории с особыми уровнями энергии. Большинство животных боятся этих мест и избегают их. Исключением являются горный лев и койот, которые ложатся там и даже спят, не обращая внимания на последствия. Но только маги намеренно ищут такие места из-за их особой эффективности.

Я спросил его, что это за эффекты. Он сказал, что они проявляются в виде толчков укрепляющей энергии, и заметил, что такие места могут находить и люди, живущие в естественной среде, хотя они и не догадываются об их существовании и оказываемом ими действии.

— Как же они узнают, что нашли такие места? — спросил я.

— Они никогда не узнают, — ответил дон Хуан. — Маги, наблюдая за людьми, идущими по горным тропам, замечают, что, когда те устают, они располагаются на отдых именно в местах, которые имеют положительный уровень энергии. С другой стороны, проходя по территории с вредным потенциалом энергии, они становятся нервными и прибавляют шагу. Если спросить их об этом, они ответят, что хотят быстрее пройти данный участок, потому что чувствуют прилив энергии. Однако все наоборот — единственное место, придающее им энергию, есть то, где они чувствуют усталость.

Он сказал, что маги могут находить такие места, воспринимая всем своим телом небольшие всплески волн энергии там, где они находятся. Возросшая энергия магов, полученная за счет исчезновения чувства собственной важности, позволяет их чувствам расширить свой диапазон восприятия.

— Я постоянно стараюсь показать тебе, что единственно правильными действиями как для магов, так и для обычных людей являются те, что направлены на сопротивление вовлечению нас в наш образ себя, — продолжал дон Хуан. — Цель Нагваля в отношении его учеников — это разбить зеркало их саморефлексии.

Он добавил, что каждый ученик — это особый случай и что Нагваль предоставляет духу позаботиться о деталях.

— Каждый из нас в равной степени подвержен своей саморефлексии, — продолжал он. — Это проявляется в виде потребностей. Например, до того, как я стал на путь знания, моя жизнь была бесконечной чередой потребностей. И даже годы спустя после того, как Нагваль Хулиан взял меня под свое крыло, я все еще испытывал множество потребностей, может быть, даже в большей степени, чем раньше. Однако существуют и маги, и обычные люди, которые не нуждаются ни в чем. Они получают умиротворение, гармонию, смех, знание непосредственно от духа. Такие люди не нуждаются в посредниках. Другое дело — ты и я. Я — твой посредник, моим был Нагваль Хулиан. Посредники, кроме того, что предоставляют минимальный шанс — осознание намерения, — еще и помогают разбить зеркало саморефлексии. Единственной конкретной помощью, которую ты когда-либо получал от меня, является разрушение твоей саморефлексии. Если бы это было не так, ты попросту терял бы время. Это единственная реальная помощь, которую я тебе оказывал.

— Но ты научил меня, дон Хуан, большему, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь, — запротестовал я.

— Я учил тебя разным вещам только для того, чтобы завладеть твоим вниманием, — сказал он. — Хотя ты и уверен, что это обучение было важной частью моих инструкций, однако ты заблуждаешься. От инструкций немного пользы. Маги утверждают, что значение имеет лишь сдвиг точки сборки и что такой сдвиг, как тебе известно, зависит от возрастания энергии, а не от инструкций.

Затем он сделал странное заявление. Он сказал, что любое человеческое существо, соблюдающее особую, весьма простую последовательность действий, может научиться сдвигать свою точку сборки.

Я заметил, что он противоречит самому себе. Последовательность действий для меня и означала выполнение инструкций. Она заключалась в выполнении тех или иных процедур.

— В мире магов ты найдешь сплошные противоречия в терминах, — ответил он. — На практике же никаких противоречий нет. Та последовательность действий, о которой я говорю, приходит из способности осознавать ее. Для этого необходим Нагваль. Вот почему я сказал, что Нагваль только предоставляет минимальный шанс. Но этот минимальный шанс не является инструкцией такого, например, типа, как та, что нужна тебе, чтобы научиться управлять машиной. Минимальный шанс заключается в осознании духа.

Он объяснил, что та особая последовательность, которую он имел в виду, является осознанием чувства собственной важности как силы, фиксирующей точку сборки в одном положении. Когда чувство собственной важности уменьшается, то больше не расходуется энергия, которая обычно тратится на его поддержку. Накопленная таким образом энергия затем служит своего рода трамплином для отправления точки сборки в невообразимое путешествие автоматически и непреднамеренно.

Такой сдвиг точки сборки уже сам по себе означает отход от саморефлексии, а это, в свою очередь, обеспечивает четкое связующее звено с духом. Он добавил, что в конце концов именно саморефлексия когда-то и разъединила

человека с духом.

— Как я уже говорил тебе, — продолжал дон Хуан, — магия — это путешествие с целью возвращения. Мы, одержав победу, возвращаемся к духу, спускаясь при этом в ад. И из ада мы приносим трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

Я сказал ему, что упомянутая им последовательность кажется очень легкой и очень простой, когда он говорит о ней, но когда я пытаюсь воспользоваться ею на практике, то она оказывается прямой противоположностью простоте и легкости.

— Наши трудности на этом простом пути, — сказал он, — вызваны нежеланием большинства из нас принять факт, что на самом деле требуется так мало, чтобы идти по нему. Мы ожидаем инструкций, обучения, проводников, учителей, и, когда нам говорят, что никто из них нам не нужен, мы не верим этому. Мы становимся нервными, затем теряем веру и под коней сердимся и разочаровываемся. Реальная же помощь, которая нам действительно нужна, заключается не в методах, а в правильном указании. Если кто-нибудь дает нам возможность осознать, что необходимо освободиться от чувства собственной важности, — это и есть реальная помощь.

Маги говорят, что мы не нуждаемся ни в чьих убеждениях в том, что мир бесконечно сложнее, чем наши самые необузданные фантазии. Так почему же мы так зависимы? Почему мы так страстно желаем найти себе проводника, когда все можно сделать самому? Вот ведь вопрос, а?

Дон Хуан не сказал больше ничего. Очевидно, он хотел, чтобы я подумал над этим, но меня занимало другое. Мое

вспоминание подорвало определенные устои, которые я считал незыблемыми, и я отчаянно нуждался в том, чтобы он дал мне другие устои. Я нарушил затянувшееся молчание, выразив свою озабоченность. Я сказал ему, что уже смирился с тем, что вполне возможно забыть от начала до конца все происходящее со мной в состоянии повышенного осознания. До сего дня я хорошо помнил хотя бы все то, что я совершил под его руководством в состоянии обычного осознания. Однако завтрак с доном Хуаном в Ногалесе не существовал для меня до тех пор, пока я не вспомнил его. А это событие

должно было иметь место в обычном мире.

— Ты не принимаешь в расчет кое-что весьма важное, — сказал он. — Присутствия Нагваля достаточно, чтобы точка сборки сместилась. Я уже не раз шутил над твоей убежденностью в необходимости удара Нагваля. Производимый мною удар по спине между лопаток — это лишь способ отвлечь внимание. Он служит для того, чтобы устранить твои сомнения. Маги используют физический контакт, чтобы дать толчок телу. Такой толчок не дает ученику, которым манипулируют, ничего, кроме уверенности.

— Но кто же тогда сдвигает точку сборки, дон Хуан? — спросил я.

— Это делает дух, — ответил он тоном человека, готового потерять терпение.

Казалось, он сдержался и, улыбаясь, покачал головой из стороны в сторону, выражая этим жестом свое бессилие.

— Мне трудно принять это, — сказал я. — Мой ум руководствуется принципом причин и следствий.

Он разразился своим необъяснимым смехом — необъяснимым, конечно, с моей точки зрения. Наверное, я выглядел раздраженным. Он положил руку мне на плечо.

— Время от времени я смеюсь так потому, что ты сумасшедший, — сказал он. — Ответ на все, о чем ты меня спрашиваешь, находится прямо у тебя перед глазами. Однако ты не видишь его. Я думаю, сумасшествие — твой бич.

Его глаза были такими лучистыми, такими озорными, что я и сам рассмеялся.

— Я продолжаю настаивать на том, что в магии не существует процедур, — продолжал он. — Нет никаких методов и ступеней. Единственное, что имеет значение, — это сдвиг точки сборки. И ни одна процедура не может привести к этому. Это следствие, которое проявляется само по себе.

Он подтолкнул меня, как бы выпрямляя мне плечи, а

затем стал пристально смотреть мне в глаза. Мое внимание немедленно

сконцентрировалось на его словах.

— Посмотрим, как ты все это себе представляешь, — сказал он. — Только что я объяснил, что сдвиг точки сборки происходит сам по себе. Но я сказал также и то, что присутствие Нагваля вызывает сдвиг точки сборки его ученика и что способ, с помощью которого он маскирует свою безжалостность, или способствует, или препятствует этому сдвигу. Как бы ты разрешил это противоречие?

Я признался, что как раз собирался спросить его об этом противоречии, поскольку осознал его существование. Но я бы и думать не посмел о том, чтобы разрешить его. Я же не практикующий маг.

— Но кто же ты тогда? — спросил он.

— Я студент, изучающий антропологию, который старается разобраться, чем занимаются маги, — сказал я.

Такое заявление не совсем соответствовало истине, но не было и ложью. Дон Хуан смеялся безудержно.

— Слишком поздно ты спохватился, — сказал он. — Твоя точка сборки уже сместилась. Именно такой сдвиг и делает человека магом.

Он заявил, что кажущееся противоречие на самом деле является двумя сторонами одной медали. Нагваль вызывает сдвиг точки сборки тем, что помогает разрушить зеркало саморефлексии. Но это все, что может сделать Нагваль. Реальным сдвигом занимается дух, абстрактное. Нечто такое, что нельзя увидеть или почувствовать, чего, казалось бы, нет, но что существует реально. По этой причине маги утверждают, что точка сборки смещается сама собой. Но они также говорят, что ее сдвигает Нагваль. Нагваль, будучи проводником абстрактного, имеет возможность выражать его посредством своих действий.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана.

— Нагваль смещает точку сборки, и все же не он сам делает это, — сказал дон Хуан. — Возможно, тебе будет понятнее, если я скажу, что дух проявляется в

соответствии с безупречностью Нагваля. Дух может смещать точку сборки в результате простого присутствия безупречного Нагваля.

Он сказал, что ему хотелось бы прояснить все это, поскольку в случае неправильного понимания у Нагваля возрастает чувство собственной важности, которое в конечном счете приводит его к саморазрушению.

Переведя разговор на другую тему, он сказал, что, поскольку дух не имеет ощутимой сущности, маги имеют дело

скорее с особыми конкретными примерами и обстоятельствами, во время которых они могут разбить зеркало саморефлексии.

Дон Хуан заметил, что в связи с этим важно понять практическое значение различных способов, посредством которых Нагваль маскирует свою безжалостность. Он сказал, что, например, моя маска великодушия пригодна, чтобы иметь дело с людьми на поверхностном уровне, но бесполезна как способ разрушения их саморефлексии, поскольку вынуждает меня требовать от них почти невозможных решений. Я требую от них прыжка в мир магии без какой-либо подготовки.

— К такому решению, как этот прыжок, необходимо подготовиться, — продолжал он. — А для того чтобы подготовиться к нему, подойдет любая маскировка Нагвалем своей безжалостности, кроме маски великодушия.

Наверное потому, что мне отчаянно хотелось верить в реальность своего великодушия, его замечания относительно моего поведения вновь пробудили во мне огромное чувство вины. Он заверил меня, что незачем чего-то стыдиться и что единственным нежелательным последствием моего ложного великодушия является отсутствие положительного эффекта.

Хотя в этом отношении, по его словам-, я и походил во і многом на его бенефактора, моя маска великодушия слишком грубая и явная и не годится для меня как будущего учителя. С другой стороны, маска рассудительности, как у него самого, является очень эффективной для создания атмосферы, благоприятной для смещения точки сборки. Его ученики всецело верили в его псевдорассудительность. Фактически они были так воодушевлены ею, что дону Хуану легко удавалось оказывать на них нужное влияние и заставлять

напрягать все силы.

— Случившееся с тобой в Гуаймасе является примером того, как замаскированная безжалостность Нагваля разбивает зеркало саморефлексии, — продолжал он. — Моя маска сразила тебя. Ты, как и все вокруг меня, верил в мою рассудительность. И конечно, превыше всего ты ожидал, что я непрерывно сохраняю эту свою разумность.

Когда же я начал не просто изображать поведение дряхлого немощного старика, но стал таковым, ты изо всех сил старался восстановить мою непрерывность и свою саморефлексию. И ты сказал себе, что меня, наверное, хватил удар.

В конце концов, когда уже невозможно стало верить в непрерывность моей разумности, твое зеркало начало разрушаться. С этого момента смещение твоей точки сборки стало лишь делом времени. Единственное, что еще оставалось под вопросом, — достигнет ли она места без жалости.

По-видимому, дону Хуану показалось, что я скептически отнесся к его словам, поэтому он объяснил, что мир нашей саморефлексии, или нашего разума, очень хрупок и держится лишь на нескольких ключевых идеях, которые образуют его основополагающий порядок. Когда такие идеи рушатся, этот основополагающий порядок перестает действовать.

— Что это за ключевые идеи, дон Хуан? — спросил я.

— В данном случае, как и в примере с аудиторией цели-тельницы, о которой мы говорили, ключевой идеей является непрерывность, — ответил он.

— Что такое непрерывность? — спросил я.

— Это идея о том, что мы являемся затвердевшей глыбой, — сказал он. — В нашем сознании мир держится на том, что мы уверены в своей неизменности. Мы еще можем согласиться с тем, что наше поведение можно как-то изменить, что могут измениться наши реакции и мнения, но идея изменения внешности или идея возможности быть кем-то другим не является частью основополагающего порядка нашей саморефлексии. Как только маг прерывает этот порядок, мир разума останавливается.

Я хотел спросить у него, достаточно ли прекратить индивидуальную непрерывность, чтобы вызвать сдвиг точки сборки. Казалось, он предвидел мой вопрос. Он сказал, что такой перерыв является просто ослаблением сопротивления. Сдвигу точки сборки на самом деле помогает безжалостность Нагваля.

Затем он сравнил действия, совершенные тем вечером в Гуаймасе, с действиями целительницы, о которой мы говорили раньше. Он сказал, что эта целительница разбивала зеркало саморефлексии присутствовавших на ее сеансе людей с помощью серии действий, которые не имели эквивалентов в ее повседневной жизни — драматическая одержимость духом, изменение голоса, разрезание тела пациента так, чтобы были видны внутренности. Как только непрерывность идеи людей о самих себе была разорвана, их точки сборки готовы были сместиться.

Дон Хуан напомнил мне, что когда-то он познакомил меня с понятием остановки мира. Он сказал, что остановка мира является такой же необходимостью для мага, как для меня — чтение или письмо. Она заключается в том, что в ткань повседневного поведения привносится какой-то диссонирующий элемент с целью всколыхнуть обычно монотонное течение событий повседневной жизни — событий, разложенных нашим разумом по полочкам нашего сознания.

Диссонирующий элемент назывался «не-деланием», или противоположностью «деланию». Делание — это все, что является частью целого, в котором мы отдаем себе отчет. Неделание, в свою очередь, есть элемент, не принадлежащий к этому строго очерченному целому.

— Маги, будучи сталкерами, в совершенстве понимают человеческое поведение, — сказал он. — Они понимают, например, что человеческие существа являются плодом инвентаризационного списка. Знание этого или иного списка делает человека учеником или мастером в своей области.

Маги знают о том, что если инвентаризационный список среднего человека разрушается, такой человек или расширяет его, или же рушится его собственный мир саморефлексии. Обычно человек стремится включить в свой список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку

этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентаризационная опись — это разум. И маги принимают это во внимание, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Он объяснил, что в тот день он тщательно отобрал средства для разрушения моей непрерывности. Он постепенно преобразился в по-настоящему немощного старика, а затем, с целью усиления моей непрерывности, взял меня с собой в ресторан, где все знали его таким стариком.

Я прервал его. До меня дошло противоречие, которого я не замечал раньше. Тогда он говорил, что причиной его превращения было желание почувствовать, каково быть стариком. Это был благоприятный и неповторимый случай. Я понял это так, что никогда раньше он стариком не был. Однако в ресторане все знали дона Хуана как немощного старика, которого не раз хватал удар.

— Безжалостность Нагваля имеет много аспектов, — сказал он. — Это что-то вроде инструмента, который приспосабливают для различных целей. Безжалостность — это состояние бытия. Это определенный уровень намерения, которого достигает Нагваль. Нагваль использует его, чтобы вызвать смещение собственной точки сборки или точки сборки учеников, а также в целях сталкинга. В тот день я

вначале действовал как сталкер, притворившись стариком, а под конец я действительно превратился в немощного старика. Моя безжалостность, контролируемая глазами, вызвала сдвиг моей точки сборки. Хотя я и до этого не раз бывал в ресторане как больной старик, я действовал как сталкер, всего лишь разыгрывая роль старика. Но никогда раньше моя точка сборки не смещалась так далеко в область старости и помешательства.

Он добавил, что, поскольку он намеревался быть старым, его глаза потеряли блеск, что я и заметил немедленно. На моем лице отразилось беспокойство. То, что глаза его перестали излучать свет, было следствием использования их для намеренного перемещения в состояние старика. Как только точка сборки дона Хуана достигла необходимого положения, он смог перевоплотиться и во внешности, и в поведении, и в ощущениях.

Я попросил его рассказать подробнее об идее использования глаз для

манипуляции намерением; у меня было смутное чувство, что все это мне знакомо, но даже мысленно я не мог оформить свое знание в слова.

— Все, что можно сказать по этому поводу, сводится к тому, что намерением управляют глаза, — сказал он. — Я знаю, что это так и есть. Однако, как и ты, я не могу точно выразить свое знание. Маги разрешают это противоречие, принимая нечто совершенно очевидное: человеческие существа бесконечно более сложны и загадочны, чем наши самые необузданные фантазии.

Я настаивал на том, что он до сих пор не прояснил сути дела.

— Я могу сказать лишь одно — это делают глазами, — сказал он сухо. — Не знаю как, но глаза делают это. Они притягивают намерение чем-то неопределенным, чем-то, что содержится в их сиянии. Маги говорят, что намерение проходит через глаза, а не через разум.

Дон Хуан отказался прибавить к сказанному еще что-нибудь и вернулся к объяснению моего вспоминания. Он сказал, что раз его точка сборки достигла особого положения истинной старости, все мои сомнения должны были полностью исчезнуть. Но поскольку я очень гордился своей сверхрациональностью, я немедленно попытался объяснить его перевоплощение.

— Я неоднократно повторял, что слишком большая рациональность является помехой, — сказал он. — Человеческие существа обладают очень глубоким чувством магии. Мы сами являемся частью тайны. Рациональность есть лишь тонкий наружный слой. Если мы удалим этот слой, то под ним обнаружим мага. Однако некоторые из нас с большим трудом могут проникнуть под поверхностный слой — другие же делают это с легкостью. Ты и я очень похожи в этом отношении — оба мы должны были трудиться до кровавого пота, прежде чем избавимся от саморефлексии.

Я объяснил ему, что для меня держаться за свою рациональность — вопрос жизни и смерти. Важность этого для меня только выросла, когда я стал постигать мир магии.

Дон Хуан заметил, что тогда, в Гуаймасе, моя рациональность стала для него исключительным испытанием. С самого начала дон Хуан должен был пустить в

ход все известные ему средства, чтобы подорвать ее. С этой целью он начал сильно давить ладонями на мои плечи и почти пригнул меня к земле своей тяжестью. Этот грубый физический маневр послужил первым толчком для моего тела. В сочетании со страхом, вызванным разрушением непрерывности, такой прием пробил стену моей рациональности.

— Но только нарушить рациональность было недостаточно, — продолжал дон Хуан. — Мне былоизвестно, что для» того, чтобы твоя точка сборки достигла места без жалости, я должен был полностью прервать твою непрерывность. Все это произошло, когда я по-настоящему стал стариком и заставил тебя бегать по городу, а под конец разозлился и ударил тебя. Ты был шокирован, однако находился на пути к мгновенному возвращению в нормальное состояние, и тогда я нанес последний удар по твоему зеркалу саморефлексии. Я завопил, что ты убийца. Я не ожидал, что ты убежишь, забыв о твоей склонности к вспышкам ярости.

Он сказал, что, несмотря на то что я очень быстро пришел в себя, моя точка сборки достигла места без жалости. Это случилось в момент, когда я разозлился на дона Хуана за его маразматическое поведение. Или, возможно, все произошло наоборот: я разозлился потому, что моя точка сборки достигла места без жалости. Однако это неважно. Важно то, что моя точка сборки сместилась в нужное положение.

Как только она там оказалась, мое поведение заметно изменилось. Я стал холоден и расчетлив и больше не заботился о своей безопасности.

Я спросил у дона Хуана, видел ли он все это. Я не помнил, чтобы я рассказывал ему об этом. Он ответил, что узнать о моих чувствах помогло ему воспоминание о своем собственном когда-то пережитом опыте.

Затем он отметил, что моя точка сборки начала фиксироваться в новом положении тогда, когда он вновь стал самим собой. Но к тому времени моя уверенность в его обычной непрерывности была настолько поколеблена, что больше не служила связующей силой. С этого момента новое положение моей точки сборки позволило мне выстроить новый тип непрерывности, характеризующийся странной отрешенной твердостью — той твердостью, которая стала с тех пор нормой моего поведения.

— Непрерывность столь важна в нашей жизни, — продолжал он, — что если она нарушится, то тут же немедленно восстанавливается. Для магов, однако, при достижении точкой сборки места без жалости непрерывность никогда не становится прежней.

Поскольку по природе ты медлителен, ты до сих пор не заметил, что с того дня в Гуаймасе ты стал, помимо всего прочего, способен воспринимать любое нарушение непрерывности в ее истинном виде — после символической борьбы твоего разума, конечно.

Его глаза сияли и смеялись.

— Именно тогда ты и проявил свою замаскированную безжалостность, — продолжал он. — Тогда твоя маска, конечно же, не была столь совершенной, как сейчас, но то, что ты получил тогда, было зачатками твоей маски великодушия.

Я попытался протестовать. Мне не понравилась идея замаскированной безжалостности, в каком бы виде он не преподносил ее.

Он настоятельно посоветовал вспомнить тот момент, когда я обрел эту маску.

— Когда ты почувствовал, что тебя снова охватывает холодок ярости, — продолжал он, — ты должен был замаскировать ее. Ты не шутил с этим, как бывало делал со мной мой бенефактор. Ты не пытался судить о ней разумно, как когда-то это делал я. И ты не притворялся, что заинтересован ею, как Нагваль Элиас в свое время. Что же сделал ты? Ты спокойно пошел к своей машине и отдал половину свертков парню, помогавшему тебе их нести.

До сего момента я не помнил, чтобы кто-то помогал мне нести свертки. Я сказал дону Хуану, что видел огоньки, мелькавшие перед моими глазами, и думал, что видел их потому, что находился из-за холодной ярости почти на грани обморока.

— Ты не был на грани обморока, — ответил дон Хуан. — Ты был на грани самостоятельного вхождения в состояние сновидения и видения духа, так же как Талиа и мой бенефактор.

Я сказал дону Хуану, что отнюдь не великодушие заставило меня отдать свертки, а лишь холодная ярость. Я должен был сделать что-нибудь, чтобы успокоиться, и первое, что попалось мне под руку, были свертки.

— Но именно об этом я тебе и говорю. Твое великодушие не есть нечто подлинное, — сказал он и рассмеялся.

Билет в безупречность

Пока дон Хуан говорил о том, как разбить зеркало саморефлексии, совсем стемнело. Я сказал ему, что чудовищно устал, и предложил прервать наше путешествие и вернуться домой. Однако он настаивал на продолжении пути, заметив, что необходимо использовать каждую минуту наших с ним встреч, чтобы рассмотреть истории магов или вспоминать происходившие у меня сдвиги точки сборки.

Я был не в духе и пожаловался на то, что сильная усталость может породить во мне чувство неуверенности и неопределенности.

— Твоя неуверенность вполне понятна, — сказал дон Хуан как нечто само собой разумеющееся. — В конце концов, ты имеешь дело с новым видом непрерывности. Нужно время, чтобы привыкнуть к ней. Воины проводят годы в таком состоянии, когда они уже не обычные люди, но еще и не маги.

— Что с ними происходит? — спросил я. — Они выбирают что-то одно?

— Нет. У них нет выбора, — ответил он. — Все они в конце концов осознают, что стали магами. Трудность заключается в том, что зеркало саморефлексии чрезвычайно могущественно, и его можно одолеть только после беспощадной битвы.

Он замолчал и, казалось, ушел в свои мысли. Тело его напряглось, как это

бывало не раз, когда, по моим наблюдениям, он погружался в своего рода глубокую задумчивость, которую он сам характеризовал как сдвиг точки сборки, делающий возможным вспоминание.

— Я хочу рассказать тебе историю о билете мага в безупречность, — вдруг сказал он после почти получасового молчания. — Сейчас ты услышишь историю моей смерти.

И он стал описывать события, происходившие после его прибытия в Дуранго, когда он все еще был переодетой женщиной и около месяца скитался по Центральной Мексике. Он сказал, что старый Белисарио доставил его прямиком на гасиенду, чтобы спрятать от преследовавшего его чудовищного человека.

Сразу по прибытии дон Хуан — довольно смело, если принять во внимание его замкнутый нрав, — представился всем, кто жил в доме. Среди его обитателей было семь красивых женщин и странный необщительный мужчина, не проронивший ни слова. Дон Хуан восхитил прелестных женщин своим рассказом о чудовищном человеке. Больше всего им понравилась его маскировка, которую он до сих пор носил, а также связанная с ней история. Они без устали слушали рассказ о подробностях путешествия дона Хуана и наперебой советовали, как усовершенствовать знания, полученные им за время путешествия. Дона Хуана удивляли их непостижимые для него уравновешенность и уверенность.

Семеро женщин были утонченными особами, и ему было хорошо с ними. Он полюбил их и доверял им. Они обращались с доном Хуаном с уважением и учтивостью. Однако что-то в их глазах говорило ему о том, что под внешним очарованием таится ужасная холодность, невыносимая для него отчужденность.

Однажды дону Хуану пришла в голову мысль о том, что, поскольку эти женщины так раскованны и не обращают внимания на формальности, все они, должно быть, легкого поведения. Однако он быстро понял, что это не так.

Однажды он остался один и пошел бродить по округе. Его поразили размеры особняка и прилегавших земель. Никогда ничего подобного он не видел. Это был старый дом колониальных времен, обнесенный высокой стеной.

Внутренние балконы были уставлены цветочными горшками, а в патио росли громадные фруктовые деревья. Их тень вызывала ощущение тишины, уединения и умиротворения.

Комнаты в доме были просторными. На первом этаже вокруг внутренних двориков были открытые переходы. На верхнем этаже располагались загадочные спальни, куда дону Хуану входить не разрешалось.

Впоследствии он был немало удивлен возникшим у женщин глубоким интересом к его благополучию. Они делали для него все. Казалось, они ловили каждое его слово. Никогда раньше к нему не относились так хорошо. Но и такого одиночества он никогда раньше не ощущал. Дон Хуан постоянно находился в обществе красивых странных женщин и все же был так одинок, как никогда прежде. Он полагал, что это чувство одиночества проистекало от неумения предсказывать поведение женщин или понимать их истинные чувства. Он знал о них лишь то, что они ему сами о себе говорили.

Через несколько дней после прибытия дона Хуана женщина, казавшаяся лидером, принесла ему совершенно новую мужскую одежду и сказала, что больше не надо носить женское платье в качестве маскировки, поскольку чудовищный человек, кем бы он ни был, сейчас куда-то исчез. И еще ему позволили гулять там, где он захочет.

Дон Хуан попросил встречи с Белисарио, которого он не видел со дня своего прибытия. Женщина сказала, что Белисарио уехал. Перед отъездом он сказал, что дон Хуан может оставаться в доме сколько захочет, но только до тех пор, пока не минует опасность.

Дон Хуан признался, что ему грозит смертельная опасность. На гасиенде он часто видел чудовище, рыскающее по окрестным полям. Женщина не поверила ему и напрямик сказала, что он плохой актер и нечего притворяться, иначе его поставят на место. Она заявила дону Хуану, что их дом не для бездельников. Здесь все — серьезные люди, очень много работают и не могут позволить себе держать нахлебника.

Такие слова оскорбили дона Хуана. Он вылетел из дома и тут же наткнулся на чудовище, рыскавшее в декоративном кустарнике у стены. Его гнев сменился на страх. Он снова вбежал в дом и стал просить женщину, чтобы ему

позволили остаться. Он обещал бесплатно батрачить, лишь бы его не прогоняли.

Она согласилась, но дону Хуану предстояло принять два условия: не задавать вопросов и беспрекословно выполнять все, что прикажут. Она предупредила, что, если он нарушит эти условия, его пребывание в доме будет под вопросом.

— Я с трудом подчинился, — продолжал дон Хуан. — Мне не хотелось принимать ее условия, однако я знал, что чудовище бродит поблизости. В доме я был в безопасности. Я знал, что ужасный человек всегда останавливался у невидимой черты, окружавшей дом примерно в радиусе сто метров. Внутри ее я чувствовал себя в безопасности. Насколько я мог заметить, что-то удерживало чудовище на расстоянии, и это меня вполне устраивало. И еще я заметил, что, если рядом был кто-то из живших в этом доме людей, монстр не показывался.

Через несколько недель, ничего не изменивших в ситуации, вновь появился молодой человек, который, как считал дон Хуан, жил в доме чудовищного человека под видом старого Белисарио. Он сказал дону Хуану, что только что прибыл, что его зовут Хулиан и он — владелец гасиенды.

Дон Хуан, естественно, спросил, почему тот больше не маскируется. Молодой человек взглянул ему прямо в глаза и без колебаний заявил, что не знает ни о какой маскировке.

— Как ты смеешь находиться в моем доме и нести такую чепуху? — закричал он на дона Хуана. — За кого ты меня принимаешь?

— Но ведь ты — Белисарио, правда? — настаивал дон Хуан.

— Нет, — ответил молодой человек. — Белисарио — старик, а меня зовут Хулиан, и я молод. Разве ты не видишь?

Сбитый с толку, дон Хуан сказал, что он не вполне уверен, было ли это маскировкой, и только тут сообразил, насколько абсурдна его догадка. Если старик не был замаскированным юношей, то оставалось лишь перевоплощение, а это было еще большим абсурдом.

Дон Хуан в замешательстве спросил о чудовище. И молодой человек ответил, что не имеет понятия ни о каком чудовище. Он допускал, что дона Хуана что-то испугало, иначе бы старый Белисарио не предоставил ему убежища. Но какими бы ни были причины, заставлявшие дона Хуана прятаться, его это не интересовало.

Дона Хуана задел холодный тон, которым говорил с ним хозяин, и его манеры. Рискуя навлечь на себя его гнев, дон Хуан все же напомнил ему, что они уже однажды встречались, на что хозяин ответил, что, несмотря на то что они никогда не виделись, он все же считается с желанием Белисарио, которому многим обязан.

Еще молодой человек сказал, что не только является единственным владельцем дома, но и несет ответственность за каждого его обитателя, включая и дона Хуана, который, раз уж прячется здесь, тоже находится под его покровительством. Но если дон Хуан со всем этим не согласен, он вправе уйти и сам противостоять монстру, которого, правда, не видел никто, кроме него.

Прежде чем решиться на такие условия, дон Хуан счел разумным спросить, что означает быть под покровительством хозяина дома.

Молодой человек повел дона Хуана в ту часть особняка, где еще продолжалось строительство, и сказал, что она символизирует его собственную жизнь и поступки.

Строительство не завершено, оно ведется, и есть все основания полагать, что его не завершат никогда.

— Ты являешься одним из элементов этого незавершенного здания, — сказал он дону Хуану. — Скажем, ты — балка, которая будет поддерживать крышу. Но до тех пор, пока мы не положим ее на место, а затем не накроем крышей, неизвестно, выдержит ли она. Главный плотник говорит, что выдержит. Вот и я являюсь главным плотником.

Такое метафорическое сравнение ничего для дона Хуана не прояснило, и он ожидал, что ему прикажут заниматься какими-либо работами.

Молодой человек пепытался зайти с другой стороны.

— Я Нагваль, — пояснил он, — я несу освобождение. Я являюсь лидером людей, живущих в этом доме. Ты тоже находишься здесь и поэтому являешься его частью, хочешь ты этого или нет.

Дон Хуан ошеломленно смотрел на него, не в силах проговорить ни слова.

— Я — Нагваль Хулиан, — сказал его хозяин, улыбаясь. — Без моего вмешательства не существует пути к свободе.

Дон Хуан все еще не понимал. Однако он начал беспокоиться о своей безопасности ввиду явного безумия этого человека. Он был так поглощен своим внезапным открытием, что даже не поинтересовался значением слова «Нагваль». Он знал, что нагвалями называют колдунов, однако не был в состоянии постичь весь смысл слов Нагваля Хулиана. Возможно, он в глубине души все прекрасно понял, но сознание не принимало подобных вещей.

Какое-то время молодой человек пристально смотрел на него, а затем сказал, что в данный момент задачей дона Хуана будет помощь и услужение ему лично. За это платить не-будут, но предоставят отличную комнату и стол. Время от времени ему будут предлагать еще кое-какую мелкую работу, которая потребует особого внимания. Его обязанностью будет как работать самому, так и наблюдать, как это делают другие. За эти особые услуги ему выплатят небольшую сумму денег, которая будет находиться под контролем у одного из обитателей имения. Если когда-нибудь дон Хуан захочет покинуть дом, он сможет получить немного наличными в качестве пособия.

Молодой человек подчеркнул, что дон Хуан не должен считать себя пленником, но если он останется, то обязан будет работать. Еще более важной, чем работа, вещью были три требования. Он должен изучать все, чему его будут учить женщины. Его взаимоотношения с обитателями поместья должны быть образцовыми; это значило постоянный контроль за своим поведением и отношением к ним ежеминутно в течение всего дня. Обращаясь к молодому человеку, дон Хуан должен называть его Нагвалем. А если будет говорить о нем — Нагвалем Хулианом.

Дон Хуан подчинился с неохотой. И хотя он тотчас погрузился в привычную

грубость, работу свою он освоил довольно быстро. Он так и не понял требования изменить отношение к окружающим и манеру поведения. И хотя ему некого и не за что было упрекнуть, он искренне верил, что его обманывают и эксплуатируют.

Когда угрюмость дона Хуана достигла предела, он замкнулся в себе и почти перестал общаться с кем бы то ни было.

И тогда Нагваль Хулиан собрал всех обитателей особняка и объявил, что хоть он и нуждается в помощнике, однако будет ждать их решения. И если им не нравится угрюмость и необщительность его нового слуги, пусть скажут об этом. Если большинство не одобрит поведения дона Хуана, ему придется убираться восвояси и самому разбираться с ожидавшим его снаружи не то чудовищем, не то собственной выдумкой.

Затем Нагваль Хулиан вывел их на лужайку перед домом и потребовал, чтобы дон Хуан показал всем чудовищного человека. Дон Хуан показал в том направлении, где, по его мнению, тот находился, но никто ничего не заметил. Дон Хуан в отчаянии подбегал то к одному, то к другому из присутствующих, уверяя, что чудовище рядом, умоляя помочь ему, но все они оставались безучастными к его мольбам и называли его сумасшедшим.

Вот тогда Нагваль Хулиан и сказал, что необходимо сообща решить дальнейшую судьбу дона Хуана. Бывший среди них нелюдимый мужчина отказался от голосования. Он пожал плечами и пошел прочь. Все женщины высказались против дальнейшего пребывания дона Хуана в их доме. Они мотивировали это тем, что он слишком мрачен и имеет скверный характер. Однако в процессе жарких споров Нагваль Хулиан полностью изменил свое отношение к дону

Хуану и стал его защищать. Он говорил, что женщины несправедливы к бедному юноше и что тот, возможно, еще не совсем помешался и, может быть, даже видит своего монстра на самом деле. Еще он сказал, что, наверное, его угрюмость является порождением беспокойства и страха. В результате страсти накалились, и через минуту женщины уже вовсю кричали на самого Нагваля.

Дон Хуан хотя и слышал этот спор, мало интересовался им. Он понимал, что его хотят выгнать и что чудовищный человек наверняка захватит его и

превратит в раба. Чувствуя свое полное бессилие, он заплакал.

Его отчаяние и слезы как-то повлияли на рассерженных женщин. Их лидер предложила следующее: предоставить дону Хуану испытательный срок в три недели, в течение которых его характер и поведение будут ежедневно оцениваться всеми женщинами. Она предупредила дона Хуана, что, если за это время на него поступит хоть одна жалоба, — его вышвырнут вон.

Дон Хуан рассказал, как затем Нагваль Хулиан с отеческой заботой отвел его в сторону и вновь начал запугивать. Шепотом он сообщил, что знает не только о существовании монстра, но и о том, что он бродит по округе. Однако связанный каким-то условием, разглашать которое он не смеет, он не может говорить о монстре женщинам. Он настойчиво просил дона Хуана не быть мрачным и притвориться, будто его дурное настроение переменилось на противоположное.

— Делай вид, что ты доволен и счастлив, — сказал он дону Хуану. — Если ты не последуешь моему совету, женщины прогонят тебя. Одно лишь это может образумить тебя. Используй свой страх как реальную движущую силу. Это все, что у тебя есть.

Всякие колебания или задние мысли, имевшиеся у дона Хуана, немедленно улетучились при виде чудовища, которое нетерпеливо поджидало его у невидимой черты. Казалось, оно понимало, насколько шатким было его положение. Чудовище выглядело зверски голодным и, видимо, предвкушало скорый пир.

Нагваль Хулиан еще раз припугнул своего подопечного.

— На твоем месте, — сказал он, — я вел бы себя так, как хотят эти женщины. Я вел бы себя, как ангел. Это спасло бы меня от адского зверя.

— Значит, ты и вправду видел его? — спросил дон Хуан.

— Конечно, — ответил Нагваль. — И еще я знаю, что, если ты уйдешь или женщины выгонят тебя, чудовище схватит тебя и превратит в своего раба. Говорят, что такое чудовище способно причинить своей жертве невообразимые страдания.

Теперь дон Хуан знал, что его может спасти лишь примерное поведение. Страх стать добычей чудовищного человека был поистине мощным психологическим стимулом.

Дон Хуан рассказал, что в силу некоторых особенностей его характера он был груб лишь с женщинами и никогда не позволял себе вольностей в присутствии Нагваля Хулиана. По неизвестной причине дон Хуан понимал, что Нагваль не был тем человеком, на которого можно было бы сознательно или бессознательно повлиять.

Другой обитатель поместья, нелюдимый мужчина, не обращал никакого внимания на дона Хуана. После нескольких встреч у дона Хуана сложилось определенное впечатление о нем как о человеке, которого незачем принимать в расчет, человеке слабом, праздном и подчиненном этим красивым женщинам. Позднее, когда он лучше смог узнать характер Нагваля, он понял, что этот человек просто был в тени, заслоненный блеском других.

Со временем дон Хуан разобрался, кто был среди них лидером и имел власть. К своему удивлению и даже восхищению, он понял, что здесь ни один человек не стоит выше другого и не считается лучше. Некоторые выполняли такие функции, на которые другие были неспособны, однако это не было поводом для их возвышения. Просто все они были разными. Однако последнее слово в любом деле оставалось за Нагвалем Хулианом, и ему доставляло явное удовольствие выражать свою волю в виде поистине дьявольских шуток, которые он мог разыгрывать буквально с каждым.

Была среди них также одна загадочная женщина по имени Талиа, женщина-Нагваль. Никто не говорил дону Хуану о том, кто она такая или что это означает, однако вскоре ему стало ясно, что среди семи женщин Талиа играет особую роль. Они так много говорили о ней, что любопытство дона Хуана возросло до невероятных размеров. Он без конца задавал ей множество вопросов, и тогда женщина-лидер решила научить его читать и писать, чтобы дон Хуан мог полнее использовать свои дедуктивные способности. Она сказала, что лучше научиться записывать, чем полагаться на свою память. Таким образом он сможет накопить огромное количество сведений о Талии, сведений, которые ему следует

перечитывать и изучать до тех пор, пока не прояснится истина.

Предвидя в характере дона Хуана дух противоречия, Талиа заявила, что хотя это и кажется абсурдным, но познание того, кем она является на самом деле, есть наиболее трудная и почетная из всех задач.

— Это, — сказала она, — еще и забавно.

Более серьезным тоном она добавила, что дону Хуану совершенно необходимо изучить основы счетоводства, чтобы помогать Нагвалю в управлении поместьем.

Не откладывая в долгий ящик, она начала давать ежедневные уроки, и менее чем за год дон Хуан достиг немалых успехов, научившись читать, писать и вести бухгалтерские книги.

Все происходило настолько постепенно, что дон Хуан и не заметил, как изменился. Самая непостижимая перемена заключалась в том, что в его характере появилась такая, замечательная черта, как отрешенность. Будучи очень занятым, он сохранил впечатление, что в доме ничего не происходит, — просто потому, что был не в состоянии разобраться в обитателях поместья. Все они являлись зеркалами, не дававшими отражения.

— Этот дом служил мне убежищем в течение почти трех лет, — продолжал дон Хуан. — За это время со мной приключилось немало вещей, но я не считал их такими уж важными. Или, по крайней мере, предпочитал считать их неважными. Я был уверен в том, что все эти годы я лишь прятался, дрожа от страха, и работал, как мул.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что по настоянию Нагваля Хулиана он согласился изучать магию и таким образом смог освободиться от всепоглощающего страха, возникавшего при виде чудовища. Но при всем том, что Нагваль Хулиан многое рассказывал ему, он, казалось, склонен был скорее подшучивать над доном Хуаном. Поэтому дон Хуан искренне верил, что не учился ничему, хоть в какой-то степени относящемуся к магии, поскольку, очевидно, в доме никто и не занимался ею.

Однажды, однако, он поймал себя на том, что, сам того не желая,

целенаправленно идет в сторону той невидимой линии, которая не подпускала монстра ближе. Как и всегда, этот чудовищный человек наблюдал за домом, но на этот раз вместо того, чтобы ретироваться в дом в поисках убежища, дон Хуан продолжал идти. Невероятный прилив энергии заставил его двигаться вперед, не заботясь о своей безопасности.

Чувство полной отрешенности позволило ему встретиться с чудовищем, терроризировавшим его много лет, лицом к лицу. Он думал, что эта тварь сейчас бросится на него и схватит за горло, но такая мысль больше не приводила его в ужас. Секунду он смотрел на чудовищного человека с расстояния в несколько дюймов, а затем пересек линию. Но чудовище не напало на дона Хуана, чего он раньше больше всего боялся, — оно превратилось в пятно с неясными очертаниями, в едва различимое облачко белесого тумана.

Дон Хуан подошел к нему, и сгусток тумана как бы в страхе отступил назад. Дон Хуан преследовал его в поле до тех пор, пока не понял, что от чудовища не осталось и следа. Тогда он осознал, что монстра никогда и не существовало. Однако дон Хуан не мог объяснить, что же тогда так пугало его... Смутная догадка подсказала ему, что, хотя он и знал об истинной природе чудовища, что-то мешало ему думать об этом. Внезапно дон Хуан сообразил, что этот мошенник Нагваль Хулиан наверняка знал правду о происходящем, а такого рода трюки спускать не полагается.

Прежде чем пойти за объяснениями, дон Хуан впервые позволил себе прогуляться по поместью без чьего-либо сопровождения. До сих пор это было невозможно. Каждый раз, когда ему нужно было пересечь невидимую линию, с ним был кто-нибудь из обитателей поместья, что лишь сковывало его передвижения. Дважды или трижды дон Хуан пытался нарушить это правило, но скоро понял, что рискует попасть монстру в лапы.

Полный странной энергии, дон Хуан вошел в дом, но не для того, чтобы отпраздновать свою новую победу и мощь, а чтобы собрать всех обитателей поместья и потребовать у них объяснений их бесстыдной лжи. Он обвинил их в том, что его заставляли работать, как невольника, играя на чувстве страха перед несуществующим чудовищем. Женщины смеялись так, как будто он рассказал им очень смешной анекдот. Только Нагваль Хулиан, казалось, осознавал свою вину, особенно тогда, когда дон Хуан срывающимся от

негодования голосом говорил о трех годах непрерывного страха. Нагваль Хулиан опечалился и открыто зарыдал, когда дон Хуан потребовал извинений за то, что его так бесстыдно эксплуатировали.

— Но ведь мы говорили тебе, что чудовища не существует, — сказала одна из женщин.

Дон Хуан свирепо взглянул на Нагваля Хулиана, который стоял, кротко потупив глаза.

— Вот он знал, что чудовище существовало, — завопил дон Хуан, гневно показывая пальцем на Нагваля.

Но он тут же понял, что говорит вздор, поскольку вначале Нагваль Хулиан убеждал его в том, что монстра не существовало.

— Чудовища никогда не существовало, — уточнил дон Хуан, дрожа от ярости. — Это был один из его трюков.

Нагваль Хулиан, непрерывно рыдая, стал извиняться перед доном Хуаном, а женщины в это время покатывались со смеху. Дон Хуан еще никогда не видел, чтобы они так хохотали.

— С самого начала ты знал, что нет никакого чудовища, — набросился он на Нагваля Хулиана, который, стоя с низко опущенной головой и глазами, полными слез, признал свою вину.

— Я действительно обманывал тебя, — промямлил он, — никакого чудовища не было. То, что ты видел как монстра, было просто сгустком энергии. Твой страх придал ему вид ужасного чудовища.

— Ты сказал, что это чудовище собиралось сожрать меня. Как ты мог так бесстыдно лгать? — заорал на него дон Хуан»

Потом дон Хуан завопил, что больше не желает слушать эти глупости. Он потребовал, чтобы его право на уход было немедленно подтверждено.

— Можешь уходить, когда захочешь, — коротко сказал Нагваль Хулиан.

— Ты имеешь в виду, что я могу уйти хоть сейчас? — спросил дон Хуан.

— Ты этого хочешь? — спросил Нагваль.

— Конечно, я хочу покинуть это проклятое место и проклятую компанию лгунов, живущих здесь, — рявкнул дон Хуан.

Нагваль Хулиан распорядился, чтобы дону Хуану сполна заплатили за его службу, а затем с сияющими глазами пожелал ему удачи, процветания и мудрости.

Женщины не хотели прощаться с ним. Они смотрели на дона Хуана до тех пор, пока он не опустил голову под сиянием их глаз.

Дон Хуан положил деньги в карман и вышел, даже не оглянувшись, радуясь окончанию этого тяжелого испытания. Внешний мир, казалось, несет столько нового. Он так стремился к нему. Находясь в этом доме, он был оторван от повседневной жизни. Он был так молод, силен. В его кармане лежали деньги, его обуревала жажда жизни.

Он покинул обитателей дома, не поблагодарив их. Его гнев, сдерживаемый все это время страхом, вырвался наружу. Он уже почти любил их всех, и вот теперь он чувствовал, что его предали. Ему хотелось уйти как можно дальше от этих мест.

В городе дон Хуан столкнулся с первой не слишком приятной неожиданностью. Путешествия были очень трудными и очень дорогостоящими. Он понял, что если бы он захотел покинуть город, то не знал бы, куда направиться, и что ему придется присоединиться к каким-нибудь погонщикам мулов, которые согласятся взять его с собой. Через несколько дней он отправился в путь с одним имеющим очень хорошую репутацию погонщиком до порта Масатлан.

— Хотя мне в то время было только двадцать три года, — сказал дон Хуан, — мне казалось, что прожита целая жизнь. Единственное, что я тогда еще не испытал, был секс. Нагваль Хулиан говорил мне, что отсутствие близости с женщинами дало мне силу и стойкость и что у него оставалось слишком мало времени сделать для меня еще кое-что, прежде чем мир поймает меня в свои

ловушки.

— Что он имел в виду, дон Хуан? — спросил я.

— Он имел в виду мое полнейшее незнание того ада, в который я так рвался, — ответил дон Хуан, — и то, что у него оставалось совсем немного времени, чтобы создать мои баррикады, моих безмолвных защитников.

— Что такое «безмолвный защитник», дон Хуан?

— Это хранитель жизни, — ответил он. — Безмолвный защитник — это сгусток необъяснимой энергии, которая приходит к воину, когда больше уже не срабатывает ничто.

Мой бенефактор знал, как сложится моя дальнейшая жизнь, когда я больше не буду находиться под его влиянием. Поэтому он стремился показать мне как можно больше магических возможностей выбора. Такие возможности выбора магов должны были стать моими безмолвными защитниками.

— Возможности выбора магов?

— Положение точки сборки, — ответил он, — вернее, бесчисленное количество положений, которых может достигнуть точка сборки. В каждом случае мелкого или глубокого сдвига маг может укрепить свою новую непрерывность.

Дон Хуан повторил, что все испытанное им вместе с его бенефактором или под его руководством было следствием легкого или значительного сдвига его точки сборки. Бенефактор заставлял его испытывать бесчисленное количество возможностей выбора мага, намного больше, чем это обычно необходимо. Он знал, что судьба ведет дона Хуана к тому, чтобы объяснить, кто такие маги и что они делают.

— Эффект таких сдвигов точки сборки накапливается, — продолжал он, — независимо от того, понимаешь ты это или нет. В конечном счете это накопление стало работать на меня.

Очень скоро после начала совместной работы с Нагвалем моя точка сборки сдвинулась так глубоко, что я начал видеть. Я видел энергетическое поле как

монстра. Но точка сборки продолжала двигаться до тех пор, пока я не увидел чудовище тем, чем оно было на самом деле, — энергетическим полем. Я преуспел в искусстве видения — и сам не знал об этом. Я думал, что ничего не делаю и ничему не учусь. Я был невероятно глуп.

— Ты был слишком молод, дон Хуан, — сказал я. — Ты и не мог действовать по-другому.

Он засмеялся. Вначале он как будто хотел что-то ответить, но затем передумал. Пожав плечами, он продолжал свой рассказ.

Дон Хуан сказал, что, когда он добрался до Масатлана, он практически уже овладел профессией сезонного погонщика мулов. Ему предложили постоянно работать в качеству сопровождающего караван. Он был очень доволен этим предложением. Ему нравилось путешествовать между Ду-ранго и Масатланом. Однако оставались две вещи, не дававшие ему покоя: во-первых, у него до сих пор не было женщины, во-вторых, его одолевало сильное и необъяснимое желание идти на север. Почему, он и сам не знал. Ему просто казалось, что где-то на севере что-то ждет его. Это чувство настолько овладело им, что в конце концов он вынужден был отказаться от предложенной постоянной работы ради того, чтобы отправиться на север.

Его огромная сила и новая необъяснимая искусность дали ему возможность находить работу даже там, где, казалось, найти ее было вообще невозможно, и средства к существованию у него были на протяжении всего его пути на север до штата Синалоа. И там это путешествие закончилось. Он встретил молодую вдову, которая, как и он сам, была из индейского племени яки и покойному мужу которой он когда-то задолжал.

Он решил возместить свой долг, помогая вдове и ее детям, и сам не заметил, как принял на себя роль мужа и отца.

Его новые обязанности превратились для него в изрядную обузу. Он лишился возможности свободного передвижения и даже отказался от желания путешествовать дальше на север. Все это, однако, компенсировалось глубоким чувством привязанности к женщине и ее детям.

— В то время мною иногда овладевало огромное счастье быть отцом и мужем,

— сказал дон Хуан, — но именно в эти моменты я замечал, что все складывается как-то ужасно неправильно. Я понял, что утрачиваю чувство отрешенности, приобретенное за время пребывания в доме Нагваля Хулиана. Сейчас я стоял на одной ступени с людьми, которые меня окружали.

Дон Хуан сказал, что потребовалось около года жестокой «сошлифовки», чтобы он утратил все те новые черты характера, которые приобрел в доме Нагваля. Началось это с глубокого, но какого-то отчужденного чувства привязанности к женщине и ее детям. Такая отрешенная привязанность позволила ему играть роль мужа и отца весьма искусно и непринужденно. Но время шло, отрешенная привязанность сменилась отчаянной страстью, повлекшей за собой утрату эффективности.

Ушло его чувство отрешенности, которое было тем, что давало ему силу любить. Без такой отрешенности им овладели только земные желания, отчаяние, безнадежность — все то, что так характерно для мира повседневной жизни. Ушла также и его предприимчивость. За годы, проведенные в доме Нагваля, он приобрел динамизм, сослуживший ему хорошую службу, когда он решил стать самостоятельным.

Но более всего его теперь беспокоило то, что он потерял свою физическую энергию. Ничем особым не болея, он однажды оказался полностью парализованным. Боли он не чувствовал. Паники не было. Казалось, его тело поняло, что мир и покой, в которых он так нуждался, могут быть обретены лишь тогда, когда оно прекратит всякое движение.

Беспомощный, лежа в постели, он мог лишь только думать. Он вскоре понял свою ошибку. Она была в том, что у него не было абстрактной цели. Он понял, что люди в доме Нагваля были необычными, потому что их абстрактной целью был поиск свободы. Не понимая, что такое свобода, он все же понял, что это нечто противоположное его конкретным желаниям.

Отсутствие абстрактной цели сделало его таким слабым и неэффективным, что он теперь уже был неспособен спасти свою приемную семью от ужасной нищеты. Вместо этого теперь семья тащила его назад, к прозябанию, отчаянию и печали, которые сам он познал еще до встречи с Нагвалем.

Оглядываясь на свою жизнь, дон Хуан понял, что он не бедствовал и не имел

конкретных желаний лишь тогда, когда был с Нагвалем. Нищета стала его уделом, когда им вновь завладели все его конкретные желания.

Впервые с тех пор, как в него много лет назад стреляли и он был ранен, дон Хуан полностью осознал, что Нагваль Хулиан был действительно Нагвалем, лидером и его бенефак-тором. Он понял, что имел в виду его бенефактор, когда говорил, что нет свободы без вмешательства Нагваля. У него не оставалось никаких сомнений относительно того, что его бенефактор и все обитатели его дома были настоящими магами. Но дон Хуан с болезненной ясностью осознал, что он упустил свой шанс стать одним из них.

Когда бремя физической беспомощности стало невыносимым, паралич прошел так же загадочно, как и начался. Однажды он просто поднялся с постели и стал работать. Но счастья от этого не прибавилось. Он едва мог сводить концы с концами.

Прошел еще год. Дон Хуан ни в чем не преуспел, кроме одной вещи, удавшейся ему сверх всяких ожиданий: он сделал полный пересмотр своей жизни. Он пенял тогда, почему» любит и не может бросить этих детей и почему не может остаться с ними, а также почему не в состоянии поступить ни так, ни иначе.

Дон Хуан понял, что находится в совершенно безвыходном положении и что умереть как воин было единственным действием, достойным того, чему он научился в доме своего бенефактора. Теперь каждую ночь после целого дня непосильной и бессмысленной работы он терпеливо ждал, когда же наступит смерть.

Он был так уверен в своем конце, что его жена и ее дети из чувства солидарности ждали прихода смерти вместе с ним. Все четверо в полной неподвижности сидели много ночей подряд и в ожидании смерти пересматривали свою жизнь.

Дон Хуан склонил их к этому при помощи тех же слов, которые в свое время использовал его бенефактор.

— Не желай ее, — говорил тот. — Просто жди, когда она придет. Не пытайся представить себе, что такое смерть. Просто будь там, где ее поток может

захватить тебя.

Часы, проведенные в спокойствии, укрепляли их духовно, но истощенные тела говорили о проигранной битве.

Тем не менее однажды дон Хуан почувствовал, что счастье наконец улыбнулось ему. Он нашел себе временную работу в бригаде поденщиков, нанимавшихся на период жатвы убирать урожай. Но у духа были относительно него другие планы. Через пару дней после начала работы кто-то украл его шляпу. Купить себе новую он не мог, но шляпа была ему необходима, так как работать приходилось под палящим солнцем.

Чтобы как-то защититься от зноя, он прикрыл голову то ли какой-то тряпкой, то ли пучком соломы. Его товарищи стали смеяться над ним и язвить по этому поводу. Он не обращал на них внимания. По сравнению с жизнью трех человек, которые полностью зависели от него, его внешний вид не имел для него никакого значения. Но работавшие рядом люди не унимались. Они улюлюкали и смеялись до тех пор, пока их бригадир, боясь беспорядков, не поджег сооружение на голове дона Хуана.

Холодная ярость пересилила его трезвость и осторожность. Он знал, что реагировать так — глупо, но моральное право было на его стороне. Он издал пронзительный вопль и бросился на одного из обидчиков, поднял его на плечи, собираясь сломать ему хребет. Вдруг он подумал о голодных детях, о том, как они терпеливо сидели возле него ночи напролет в ожидании смерти. Он опустил мужчину на землю и пошел прочь.

Он присел на краю поля, где они работали, и все накопившееся в нем за долгое время отчаяние вырвалось наружу. Это была тихая ярость, но обращена она была не на тех, кто его оскорбил, а на самого себя. Он неистовствовал до тех пор, пока весь его гнев не прошел.

— Я сидел там на виду у этих людей и плакал, — продолжал дон Хуан. — Они смотрели на меня как на сумасшедшего. А я таким и был. Но я не обращал на них никакого внимания. Мне было не до того.

Их бригадир пожалел меня и подошел, чтобы как-то утешить. Он думал, что я плачу от жалости к себе. Ему и в голову не могло прийти, что я плачу о духе.

Дон Хуан сказал, что, когда его гнев прошел, к нему явился безмолвный защитник. Это было необъяснимым наплывом энергии, породившим в нем отчетливое ощущение приближающейся смерти. Он знал, что у него уже никогда не будет возможности увидеть свою приемную семью. Он громко попросил у них прошения за то, что не имел ни мужества, ни мудрости, необходимых для избавления их от ада на Земле.

Работники продолжали смеяться и издеваться над доном Хуаном. Он едва ли слышал их.

Слезы катились по его щекам, когда он обратился к духу и поблагодарил его за то, что он привел его на путь Нагваля и дал ему незаслуженную возможность стать свободным. Он слышал вопли ничего не понимавших людей. Они ругались и оскорбляли его. И они имели на это право — ведь он побывал в преддверии вечности и не осознал этого.

— Я понял, насколько прав оказался мой бенефактор, — сказал дон Хуан. — Моя глупость была тем чудовищем, которое уже пожрало меня. В тот момент, когда я подумал об этом, я уже знал, что все, что бы я ни сказал или ни сделал, было бессмысленным. Я упустил свой шанс и теперь стал посмешищем для людей. Духу теперь нет никакого дела до моего отчаяния. Нас слишком много — людей со своим ничтожно маленьким личным адом, порожденным нашей глупостью, чтобы дух обращал внимание на каждого.

Я опустился на колени и обратился на юго-восток. Я снова поблагодарил своего бенефактора и сказал духу, что мне стыдно. Так стыдно... И на последнем издыхании я простился с миром, который был бы прекрасен, если бы у меня хватило мудрости. Внезапно огромная волна нахлынула на меня. Вначале я ее почувствовал. Затем услышал, как она дви— > жется, и наконец увидел ее приближение с юго-востока напрямик через поля. Она захлестнула меня и накрыла своей темнотой. И свет моей жизни ушел. Мой ад кончился. Наконец я умер! Наконец я был свободен!

* * *

Рассказ дона Хуана ошеломил меня. Но он игнорировал все мои попытки

говорить об этом. Он сказал, что как-нибудь в другой раз и в другом месте мы еще обсудим эту историю. Затем дон Хуан потребовал, чтобы я занялся тем, для чего мы пришли сюда, — совершенствованием овладения осознанием.

Пару дней спустя, когда мы возвращались с гор, он неожиданно снова заговорил о своей истории. Мы как раз присели отдохнуть. Я никак не мог отдышаться, в то время как дыхание дона Хуана было совершенно ровным.

— Битва магов за свою уверенность — наиболее драматичная из всех битв, — сказал дон Хуан. — Она причиняет страдания и требует немало сил. Великое множество раз она стоила магам жизни.

Он объяснил, что для того, чтобы маг был полностью уверен в своих действиях или в своем положении в мире магов, а также чтобы он был свободен разумно использовать свою новую непрерывность, он должен вначале разрушить непрерывность своей старой жизни. Только потом его действия смогут приобрести необходимую уверенность, которая укрепит и уравновесит зыбкость и нестабильность его новой непрерывности.

— Видящие маги нового времени называют этот процесс нейтрализации «билетом в безупречность», или символической, но окончательной смертью, — сказал дон Хуан. — На этом поле в штате Синалоа я получил свой билет в безупречность. Там я умер. Зыбкость моей новой непрерывности стоила мне жизни.

— Скажи, дон Хуан, ты действительно умер тогда или только потерял сознание? — спросил я, стараясь не выглядеть циничным.

— На том поле я действительно умер, — ответил он. — Я понял, что мое осознание покинуло меня и движется к Орлу. Но поскольку я произвел перепросмотр всей моей жизни, Орел не поглотил мое осознание. Он отверг меня. Тело мое лежало бездыханным в поле, поэтому Орел не позволил мне обрести свободу в полной мере. Он как бы приказал мне возвращаться и начать все сначала. Я поднялся на вершину кромешной тьмы и спустился снова к свету Земли. И тут я обнаружил себя в неглубокой могиле на краю поля, засыпанной камнями и комьями земли.

Дон Хуан сказал, что теперь он уже знал, что ему делать. Выбравшись из

могилы, он поправил ее, как если бы тело до сих пор оставалось там, и пошел прочь. Он чувствовал себя сильным и уверенным. Он знал, что ему необходимо вернуться в дом бенефактора. Но прежде чем отправиться в обратный путь, он хотел повидаться со своей семьей и объяснить им, что он стал магом и не может оставаться с ними. Он хотел объяснить им, что его падение было следствием незнания того, что маги никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это — именно им придется выстроить такой мост, который связал бы их с магами.

— Я пошел домой, — продолжал дон Хуан, — но дом мой был пуст. Обескураженные соседи сказали мне, что рабочие пришли с поля и сообщили о моей смерти, после чего моя жена и дети покинули эти места.

— Как долго ты был мертв, дон Хуан?

— По-видимому, целый день.

На губах дона Хуана играла улыбка. Казалось, его глаза были сделаны из блестящего обсидиана. Он наблюдал за моей реакцией, ожидая комментариев.

— Что стало с твоей семьей, дон Хуан?

— Ну-ну… Вопрос чувствительного человека. А я-то думал, что ты собираешься спросить меня о моей смерти!

Я признался, что именно это я и собирался сделать, но знал, что он видит мой вопрос, который я как раз формулировал в уме. Поэтому я наперекор спросил совсем о другом. Я не собирался шутить, но он засмеялся.

— Моя семья исчезла в тот же день, — сказал дон Хуан. — Моя жена осталась в живых. Так оно и должно было быть при тех условиях, в которых мы жили. Поскольку я ожидал прихода смерти, она поняла, что я получил все, что хотел. Незачем было оставаться там, поэтому они ушли. Я потерял детей и успокаивал себя лишь одной мыслью: быть с ними — не моя судьба. Между прочим, маги имеют одну замечательную способность — они живут исключительно в сумерках чувств, которые наиболее точно можно описать словами «и все же…». Когда мир рушится вокруг них, маги признают, что

ситуация ужасна, и затем немедленно отступают в сумерки этого «и все же...». С величайшей целеустремленностью они — особенно старший мальчик — пересмотрели свою жизнь со мной. Только дух мог определить исход такой привязанности.

Дон Хуан напомнил, что он когда-то учил меня тому, что делают воины в таких ситуациях. Воин делает все от него зависящее, а затем без угрызений совести или сожалений расслабляется и позволяет духу решить исход.

— Каким было решение духа, дон Хуан? — спросил я. Он не ответил, посмотрев на меня долгим, внимательным

взглядом. Я знал, что он отчетливо понимает, почему я спрашиваю об этом. Я испытывал похожую привязанность и похожую потерю.

— Решение духа представляет собой еще одно абстрактное ядро, — сказал он. — Вокруг него и построены истории магов. Мы еще поговорим об этом особом решении, когда перейдем к обсуждению этого абстрактного ядра. А сейчас можешь задавать свой вопрос о моей смерти.

— Если все решили, что ты умер, то почему похоронили тебя в неглубокой могиле? — спросил я. — Почему они не вырыли настоящую могилу и не похоронили как следует?

— Это больше похоже на тебя, — сказал он, смеясь. — Я

сам задавал себе тот же вопрос и понял, что все эти рабочие с фермы были набожными людьми. Я был христианином, а христиан так не хоронят. Их не оставляют, как дохлых собак. Я думаю, они ожидали, что придет моя семья, заберет тело и похоронит надлежащим образом. Но моя семья не пришла никогда.

— Искал ли ты их, дон Хуан?

— Нет. Маги никогда никого не ищут, — ответил он. — А я был магом. Я поплатился жизнью за то, что не знал, что являюсь магом и что маги никогда ни с кем не сближаются. Начиная с того дня я принимаю лишь общество и заботу воинов, таких же мертвых, как и я.

Дон Хуан сказал, что он вернулся в дом своего бенефак-тора, где все сразу поняли то, что ему открылось, и обращались с ним так, словно он никогда их не покидал.

По этому поводу Нагваль Хулиан сказал, что, поскольку характер дона Хуана имел некоторые особенности, ему пришлось очень долго ждать смерти.

— Мой бенефактор объяснил мне тогда, что билетом мага к свободе является его смерть, — продолжал дон Хуан. — Еще он сказал, что сам он заплатил за этот билет к свободе, так же как все обитатели поместья, и что теперь мы все равны, будучи мертвыми.

— Я тоже мертв, дон Хуан? — спросил я.

— И ты тоже, — сказал он. — Однако большой трюк магов состоит в том, что они осознают, что мертвы. Их билет в безупречность должен быть обернут в осознание. Маги говорят, что в такой оболочке их билет сохраняется в первозданном виде. Вот уже шестьдесят лет я поддерживаю свой в этом первозданном состоянии.

Глава 6. Управление намерением

Третья точка

Дон Хуан часто брал с собой меня и других учеников в небольшие

путешествия по местности, расположенной западнее его дома. В этот раз мы вышли на рассвете и только под вечер решили возвращаться. Я старался держаться поближе к дону Хуану. Это всегда успокаивало меня, давало

возможность немного расслабиться, чего нельзя было сказать о соседстве его взбалмошных учеников, которые производили на меня прямо противоположное действие: я очень уставал от них.

Спустившись с гор, мы с доном Хуаном сделали привал перед тем, как выйти на равнину. Чувство глубокой печали было таким сильным и охватило меня так внезапно, что я не смог идти дальше. Я сел, затем, следуя совету дона Хуана, лег на живот на вершине большого круглого валуна.

Другие его ученики подняли меня на смех и пошли дальше своей дорогой. Я слышал их смех и выкрики, пока они не затихли вдали. Дон Хуан велел мне расслабиться и позволить своей точке сборки, которая так внезапно сдвинулась, перейти в новое положение.

— Не волнуйся, — посоветовал он. — Сейчас ты ощутишь нечто похожее на рывок или хлопок по спине, как если бы кто-нибудь коснулся тебя. После этого тебе сразу же станет лучше.

Неподвижно лежа на валуне и ожидая хлопка по спине, я так и не почувствовал его, поскольку мною внезапно овладело вспоминание такой глубины и силы, какой я никогда не испытывал прежде. Однако я был уверен, что ожидаемое ощущение приходило, поскольку от моей печали не осталось и следа.

Я быстро описал дону Хуану то, что вспомнил.

Он посоветовал полежать теперь на спине и сместить свою точку сборки назад точно в то место, где она была во время вспоминаемого мною события.

— Постарайся вспомнить каждую деталь, — предупредил он меня.

* * *

Это случилось много лет назад. Мы с доном Хуаном в то время находились в штате Чиуауа на севере Мексики, в высокогорной пустыне. Я часто отправлялся с ним туда, поскольку в этом районе росло много лекарственных трав, которые он собирал. С антропологической точки зрения местность тоже представляла для меня огромный интерес. Не так давно археологи нашли здесь следы большого доисторического поселения. Предположительно, это было торговое поселение, возникшее рядом с крупным трактом и ставшее центром торговли, связавшим американский Юго-Запад с югом Мексики и Центральной Америкой.

Я несколько раз побывал в этой высокогорной пустыне, все больше убеждаясь, что археологи правы в том, что это действительно был настоящий тракт. Конечно же, я прочитал дону Хуану лекцию о влиянии тракта на распределение зон цивилизации на Североамериканском континенте. Тогда я был очень заинтересован в том, чтобы объяснить магию, распространенную среди индейцев американского Юго-Запада, Мексики и Центральной Америки, как систему верований, распространявшуюся по торговым путям и служившую основой для создания на некотором абстрактном уровне своего рода доколумбова панидеализма.

Дон Хуан, естественно, неудержимо смеялся всякий раз, когда я излагал ему свои теории.

Событие, которое я вспомнил, началось примерно в полдень. Собрав два мешочка каких-то очень редких лекарственных трав, мы присели отдохнуть на вершине огромных валунов. Затем, прежде чем отправиться назад к моей машине, мы, по настоянию дона Хуана, заговорили об искусстве сталкинга. По его словам, это место великолепно подходило для объяснения тайн сталкинга, но понять их можно было лишь в состоянии повышенного осознания.

Я попросил, чтобы он, прежде чем что-то делать со мной, объяснил мне, что такое повышенное осознание.

Дон Хуан с невероятным терпением стал рассказывать о состоянии повышенного осознания в терминах движения точки сборки. По мере того как он говорил, я начал понимать ненужность своей просьбы. Я и сам знал все то, о чем он мог мне сообщить. Я заметил, что на самом деле не нуждаюсь ни в каких объяснениях. Он сказал, что объяснения не пропадают, поскольку они

запечатлеваются в сознании и рано или поздно могут быть использованы на нашем пути к достижению безмолвного знания.

Когда я попросил его рассказать о безмолвном знании более подробно, он тут же ответил, что безмолвное знание является генеральным положением точки сборки и что много веков назад такое положение было нормальным для человека, но по причинам, не поддающимся выяснению, точка сборки человека сместилась из этого положения и перешла в новое, называемое «разум».

Дон Хуан отметил, что всякое человеческое существо является представителем этой новой позиции. Точка сборки большинства из нас не находится в точности на месте локализации разума, но в непосредственной близости от него. То же самое можно сказать и о месте безмолвного знания: точка сборки не всякого человеческого существа находилась точно в этом положении.

Еще он добавил, что «место без жалости» — еще одно из положений точки сборки — является непосредственным предшественником безмолвного знания, а положение точки сборки, называемое «местом озабоченности»,[15 - Concern — беспокойство, тревога, важность, забота и т. д. (англ.).] — предшественником разума.

Эти загадочные замечания не показались мне трудными для понимания. Для меня они были само собой разумеющимися. Я понимал все сказанное, ожидая при этом, когда же он наконец ударит меня между лопатками, чтобы ввести в состояние повышенного осознания. Но удара так и не последовало, а я продолжал понимать сказанное им, даже не осознавая факта своего понимания. Ощущение легкости, того, что само собой разумеется, присущее моему нормаль-ному осознанию, не исчезло, поэтому у меня не возникало никакого недоумения по поводу такой способности к пониманию.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и затем порекомендовал мне лечь лицом вниз на круглом валуне, по-лягушачьи растопырив руки и ноги.

Я лежал так около десяти минут, полностью расслабившись, почти засыпая, пока не был выведен из этого состояния мягким, продолжительным, шипящим рычанием. Я вскинул голову, посмотрел, и волосы у меня встали дыбом.

Гигантский темный ягуар сидел на валуне едва ли не в десяти футах от меня, как раз над тем местом, где расположился дон Хуан. Ягуар, обнажив клыки, свирепо смотрел на меня. Казалось, он сейчас прыгнет.

— Не двигайся! — негромко приказал дон Хуан. — И не смотри ему в глаза. Уставься на его нос и не моргай. От этого взгляда зависит твоя жизнь.

Я сделал то, что он велел. Мы с ягуаром некоторое время смотрели друг на друга, пока дон Хуан не нарушил этого противостояния, набросив, как фрисби, свою шляпу на голову ягуару. Ягуар отпрыгнул, пытаясь от нее освободиться, и тут дон Хуан свистнул громко, протяжно и пронзительно. После этого он издал оглушительный визг и хлопнул пару раз в ладоши. Это прозвучало как приглушенные выстрелы.

Знаком дон Хуан велел мне спуститься с валуна и присоединиться к нему. Вдвоем мы вопили и хлопали в ладоши до тех пор, пока не решили, что прогнали ягуара прочь.

Мое тело тряслось, но это был не испуг. Я сказал дону Хуану, что самым страшным теперь мне кажется не рычание огромной кошки и не ее взгляд, но ощущение, что ягуар наблюдал за мной задолго до того, как я услышал его и поднял голову.

Дон Хуан ни слова не сказал о происшедшем. Он глубоко погрузился в свои мысли. Когда я попытался спросить его, не почувствовал ли он приближения ягуара раньше меня, он властным жестом велел мне молчать. Он производил впечатление человека, который не совсем здоров или даже растерян.

Помолчав еще немного, дон Хуан знаком показал, что необходимо продолжить путь. Он шел впереди. Мы очень быстро пробирались сквозь кустарник в направлении, ведущем от скал.

Через полчаса такого продвижения мы вышли на поляну посреди зарослей чапарраля и остановились, чтобы передохнуть. Мы не проронили ни слова, хотя мне очень хотелось узнать мнение дона Хуана обо всем этом.

— Почему мы идем в этом направлении? — спросил я. — Не лучше ли выбраться отсюда, и поскорее?

— Нет! — сказал он с ударением. — Не лучше. Этот зверь — самец. Он голоден и идет за нами.

— Но в таком случае тем более разумно поскорее выбраться отсюда, — настаивал я.

— Это не так легко сделать, — сказал он. — Ягуар не обременяет себя разумом. Он будет точно знать, что делать, чтобы заполучить нас. И с такой же уверенностью, с какой я сейчас говорю с тобой, он прочтет наши мысли.

— Ты хочешь сказать, что ягуар может читать мысли? — спросил я.

— Это не метафора, — ответил он. — Я имею в виду то, что говорю. Большие животные, вроде этого ягуара, обладают способностью читать мысли. Я не имею в виду догадки. Я хочу сказать, что они знают все напрямую.

— Что же нам делать? — спросил я, не на шутку встревожившись.

— Мы должны стать менее рациональными и попытаться выиграть битву, не позволяя ягуару читать наши мысли.

— Как же нам поможет уменьшение рациональности? — спросил я.

— Разум выбирает то, что выглядит наиболее здравым для ума, — сказал он. — Например, только что твой разум подсказал тебе, что нужно бежать изо всех сил по прямой линии. Но твой разум не учел одного обстоятельства. Нам придется пробежать около шести миль, прежде чем мы окажемся в безопасности в твоей машине. Ягуар обгонит нас с легкостью. Он спрячется впереди на пути нашего бегства и будет ждать в наиболее подходящем для прыжка месте. Гораздо лучшим, хотя и менее рациональным выбором является зигзаг.

— Откуда ты знаешь, что это лучше, дон Хуан? — спросил я.

— Я знаю это, потому что у меня очень четкая связь с духом, — ответил он. — Другими словами, моя точка сборки расположена в месте безмолвного знания. Откуда я могу ясно видеть, что ягуар голоден, но он не из тех, кто обычно

нападает на людей. К тому же он сбит с толку нашими действиями. Если мы начнем двигаться зигзагом, ягуар должен будет пытаться предусмотреть наши дальнейшие действия.

— Есть ли еще какой-то выбор кроме зигзага? — спросил я.

— Есть только рациональные варианты, — ответил он. — » Но у нас нет необходимых средств для рациональных вариантов. Например, мы можем вернуться в горы, но тогда нам нужны ружья. Мы должны следовать вариантам ягуара. Эти варианты диктуются безмолвным знанием. Мы должны делать то, что говорит нам безмолвное знание, какими бы неразумными ни казались нам его советы.

Он начал зигзагообразное движение. Я старался держаться поближе, однако был не слишком уверен, что такой бег спасет нас. Моей запоздалой реакцией была паника. Меня преследовала мысль о темном, неясно маячившем силуэте огромной кошки.

Пустынный чапарраль состоял из высоких и густых кустов, росших на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга. Редкие дожди в высокогорной пустыне не позволяли расти широколиственным растениям. По этой же причине отсутствовал густой подлесок. И все-таки зрительно чапарраль воспринимался как буйные и непроходимые заросли.

Дон Хуан двигался с необычайной легкостью, и поспевать за ним мне было совсем не просто. Он посоветовал, чтобы я следил за тем, чтобы ступать бесшумно, поскольку

звук ломающихся веток невольно выдает нас и потому смертельно опасен.

Я попытался идти след в след за доном Хуаном, чтобы не ломать сухие ветки. Петляя, мы прошли около сотни ярдов, прежде чем я заметил огромный темный силуэт ягуара не более чем в тридцати футах позади себя.

Я закричал во весь голос. Не останавливаясь, дон Хуан быстро обернулся и успел заметить огромную кошку. Он опять пронзительно засвистел и захлопал в ладоши, имитируя звук приглушенного выстрела.

Очень тихим голосом он сказал мне, что кошки не любят карабкаться вверх, поэтому сейчас мы как можно быстрее пересечем глубокий овраг в нескольких метрах справа от меня.

Он подал мне знак, и мы рванулись через кусты так быстро, как могли. Мы спустились по склону на дно оврага и стали поспешно карабкаться вверх по противоположной стороне. Оттуда нам очень ясно было видно дно и склоны оврага, а также местность вокруг нас. Дон Хуан прошептал, что ягуар идет по нашему запаху, поэтому, если повезет, мы увидим, как он бежит вниз на дно оврага по нашим следам.

Пристально глядя вниз, мы ожидали появления зверя. Но его не было видно. Я подумал, что ягуар ушел, когда услышал леденящее душу рычание огромной кошки в чапаррале позади нас. Я похолодел при мысли о том, что дон Хуан оказался прав. Чтобы попасть туда, где он сейчас находился, ягуар должен был знать наши мысли и, опередив нас, пересечь овраг.

Не проронив ни звука, дон Хуан с невероятной скоростью побежал вперед. Я устремился за ним, и мы зигзагом бежали еще некоторое время. Когда мы наконец остановились, чтобы передохнуть, я задыхался.

Страх перед идущим по пятам ягуаром не мешал мне восхищаться великолепной физической сноровкой дона Хуана. Он бежал, как юноша. Я стал быстро рассказывать ему, что он напомнил мне одного человека, запомнившегося мне с детства из-за глубокого впечатления, которое тот произвел на меня своим бегом. Дон Хуан подал мне знак молчать. Он внимательно прислушался, и я последовал его примеру.

Я услышал мягкий хруст в кустарнике прямо перед нами. Затем на мгновение темный силуэт ягуара показался на фоне чапарраля примерно в пятидесяти метрах от нас.

Дон Хуан пожал плечами и указал в сторону зверя.

— Похоже, мы не сможем отделаться от него, — сказал он тоном человека, смирившегося со своей судьбой. — Давай пойдем не спеша, как если бы мы совершали приятную прогулку по парку и ты рассказывал бы мне историю о своем детстве. Сейчас для этого самое подходящее время и место. Нас

преследует голодный ягуар, а ты делишься со мной своими воспоминаниями о прошлом — великолепное не-делание, когда за тобой по пятам идет ягуар.

Он громко рассмеялся, когда я сообщил ему, что потерял всякий интерес к рассказыванию историй.

— Ты хочешь наказать меня сейчас за то, что я не захотел слушать тебя раньше, да? — спросил он.

Я, конечно же, тут же стал защищаться. Я сказал, что его обвинения совершенно абсурдны, что я вообще не понимаю, о чем он говорит.

— Если маг свободен от чувства собственной важности, то он не придает значения тому, что потерял нить своего рассказа, — сказал дон Хуан с коварным блеском в глазах. — Поскольку у тебя не осталось чувства собственной важности, ты должен сейчас рассказывать свою историю. Поведай ее духу, ягуару и мне, как если бы ты вовсе не забывал, о чем идет речь.

Мне хотелось сказать ему, что я не расположен выполнять его просьбу, поскольку мой рассказ слишком глуп, а окружающая нас обстановка слишком необычна. О таких вещах следует рассказывать в более подходящем месте и в другое время, как он сам делал это обычно. Но прежде чем я собрался открыть рот, дон Хуан ответил мне.

— Мы оба, ягуар и я, умеем читать мысли, — сказал он с улыбкой. — Если я выбираю подходящее время и место для своих магических историй, то лишь потому, что использую их в целях обучения и хочу извлечь из них максимальную пользу.

Он подал мне знак идти дальше. Мы спокойно двинулись вперед, идя рядом. Я сказал, что восхищен его бегом и выносливостью и что в моем восхищении есть небольшая доля чувства собственной важности, поскольку я считал себя самого хорошим бегуном. Затем я рассказал ему один эпизод из своего детства, который припомнился мне, когда я увидел, как хорошо он бегает.

Я рассказал ему о том, как мальчишкой играл в футбол и как замечательно хорошо бегал в то время. Будучи проворным и быстрым, я чувствовал свою

безнаказанность в любых проделках, поскольку мог убежать от любой погони, особенно от старых полицейских, патрулировавших улицы моего города. Если я разбивал уличный фонарь или совершал что-нибудь в том же роде, мне достаточно было лишь вовремя сбежать, и я был в безопасности.

Но однажды случилось нечто для меня совершенно неожиданное. Старых полицейских заменили новыми, имевшими военную выучку. Расплата наступила в тот момент, когда я разбил витрину аптеки и побежал прочь, совершенно уверенный в своей безнаказанности. Молодой полицейский бросился за мной в погоню. Я бежал как никогда прежде, но это меня не спасло. Молодой офицер был первоклассным форвардом полицейской футбольной команды и оказался более выносливым и быстрым, чем десятилетний мальчишка. Он поймал меня и на протяжении всего обратного пути к разбитой витрине подгонял ногой, как футбольный мяч. Он очень артистично перечислял названия всех видов ударов, которые производил, как если бы это была тренировка на футбольном поле, где я выступал в роли мяча. Бил он совсем не больно, лишь беззлобно припугнул; при этом мое сильное унижение было ослаблено восхищением десятилетнего мальчишки его удалью и способностями футболиста.

Я сказал дону Хуану, что нередко испытывал то же самое и по отношению к нему. Вот и сейчас он смог обогнать меня, несмотря на разницу в возрасте и мои давние способности к бегу.

Еще я сказал, что многие годы видел себя первоклассным бегуном во снах, где молодой полицейский не мог догнать меня.

— Твоя история куда важнее, чем я ожидал, — прокомментирован дон Хуан. — Я-то думал, что это будет рассказ о том, как тебя нашлепала твоя мама.

То, с каким видом он говорил все это, делало его слова очень смешными. В них была явная издевка. Он добавил, что в некоторых случаях дух, а не наш разум решает, какие истории нам следует рассказывать. И сейчас все было именно так. Дух вызвал в моем уме эту историю, поскольку история эта, несомненно, поддерживала во мне стойкое чувство собственной важности. Он сказал, что уголек гнева и уничтожения тлел в моей душе годами и что ощущение подавленности и поражения все еще очень сильно.

— Эта твоя история и ее нынешний контекст могли бы стать настоящим праздником для какого-нибудь психолога, — продолжал он. — В твоем сознании я, должно быть, ассоциируюсь с тем молодым полицейским, который подорвал в тебе чувство твоей непобедимости.

Теперь, когда он отметил это, я согласился, что он точно сформулировал мое ощущение, хотя я не осознавал его, а тем более не пытался выразить в словах.

Дальше мы пошли молча. Меня настолько потрясла его аналогия, что я совершенно забыл о выслеживавшем нас ягуаре, как вдруг грозное рычание вернуло меня к нашей ситуации.

Дон Хуан велел мне раскачать одну из длинных, низко растущих веток кустарника и надломить ее. Нескольких веток было достаточно, чтобы получилась длинная метла. Он сделал то же самое. Убегая, мы использовали их, чтобы поднять облако пыли, поддевая и разбрасывая сухой песок.

— Это должно обеспокоить ягуара, — сказал он, когда мы остановились, чтобы перевести дыхание. — У нас осталось всего несколько часов дневного времени. Ночью ягуар непобедим, поэтому нам лучше бежать в сторону тех скал.

Он указал на скальные выступы примерно в полумиле к югу от нас.

— Нам следует двигаться на восток, — возразил я. — Те горы от нас слишком далеко на юг. Если мы направимся к ним, то никогда не доберемся до машины.

— Нет способа добраться сегодня до твоей машины, — сказал он спокойно. — Возможно, и завтра тоже. Кто сказал, что мы вообще когда-нибудь вернемся к ней?

Вначале я ощутил приступ страха, но затем мною вдруг овладело удивительное чувство покоя. Я сказал дону Хуану, что если смерть собирается захватить меня в этом пустынном чапаррале, то, надеюсь, это будет не слишком больно.

— Не беспокойся, — ответил он. — Смерть причиняет боль лишь тогда, когда

это случается в постели, из-за болезни. Борясь за свою жизнь, ты не чувствуешь боли. Если ты что-нибудь и почувствуешь — так это ликование.

Он сказал, что одним из самых драматических отличий магов от обычных людей является то, каким образом к ним приходит смерть. Только по отношению к магам-воинам она добра и нежна. Они могут быть смертельно ранены и все же не чувствовать боли. И еще невероятнее то, что смерть ждет мага так долго, сколько ему это нужно.

— Самое большое отличие обычного человека от мага состоит в том, что маг управляет своей смертью собственной

скоростью, — продолжал дон Хуан. — Что касается данного случая, то сейчас ягуар меня не съест. Скорее он съест тебя, потому что ты не обладаешь необходимой скоростью, чтобы удержать свою смерть.

Он начал разъяснять тонкости идеи о скорости и смерти. Он сказал, что в повседневном мире наше слово или наши решения можно очень легко изменить. Неизменна в нашем мире лишь смерть. С другой стороны, в мире магов обычную смерть можно отменить, но не слово магов. В мире магов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

Я сказал ему, что его утверждения, какими бы впечатляющими они ни были, не могут убедить меня в том, что можно отсрочить смерть. И он еще раз объяснил мне все то, о чем говорил до сих пор. Он сказал, что для видящего человеческие существа представляют собой продолговатое или сферическое скопление бесчисленных неподвижных, но вибрирующих полей энергии и что только маги в состоянии вызвать в этих сферах неподвижной светимости особое движение. В долю секунды они могут сместить свою точку сборки в любое место этого светящегося скопления. Это смещение и скорость, с которой оно происходит, приводят к моментальному сдвигу в область восприятия совершенно иного мира. Кроме того, они могут перемещать свою точку сборки без остановки вдоль всех полей светящейся энергии. Сила, порождаемая таким движением, столь велика, что мгновенно уничтожает всю их светящуюся массу.

Он сказал, что если бы в данный момент на нас обрушился камнепад, то он

сумел бы предотвратить обычный эффект смерти от несчастного случая. Используя скорость движения своей точки сборки, он заставил бы себя переместиться в другие миры или сгореть изнутри в доли секунды. Я же, с другой стороны, умер бы обычной смертью, раздавленный обломками скал, поскольку моей точке сборки не хватит скорости, чтобы вытащить меня.

Я заметил, что мне кажется, что маги просто изобрели альтернативный способ умирания, и это не значит, что они могут отменить смерть. Он ответил, что все, о чем он до сих пор говорил, можно назвать управлением магами своей смертью. Они умирают лишь тогда, когда должны умереть.

Хотя я и не сомневался в том, что он говорит правду, я продолжал задавать вопросы, как в какой-то игре. Но когда он говорил, в моем уме, как на экране, формировались смутные воспоминания и мысли о других воспринимаемых мирах.

Я сказал дону Хуану о своих странных мыслях. Он рассмеялся и посоветовал не забывать о ягуаре, который был настолько реален, насколько реальным может быть только подлинное проявление духа.

От мысли о том, как реален зверь, меня бросило в дрожь.

— Не лучше ли нам сменить направление вместо того, чтобы идти прямо к тем холмам? — спросил я. Мне показалось, что мы можем опять сбить ягуара с толку таким внезапным поворотом.

— Слишком поздно менять направление, — сказал дон Хуан. — Ягуар уже знает, что у нас нет другого пути, как только идти к холмам.

— Не может быть, дон Хуан! — воскликнул я.

— Почему? — спросил он.

Я сказал, что хотя и допускаю способность дикого зверя быть на прыжок впереди нас, но все же не могу согласиться с тем, что ягуар настолько умен, что предвидит все, что мы захотим предпринять.

— Твое заблуждение состоит в том, что о способностях ягуара ты думаешь как

о понимании иди предвидении, — сказал он. — Ягуар не думает. Он просто знает.

Дон Хуан сказал, что трюк с метлами и пылью направлен на то, чтобы создать у ягуара впечатление чего-то такого, что мы не можем использовать. Поднимая пыль, мы не обнаруживали при этом никакого определенного чувства, хотя от этого и зависела наша жизнь.

— Я и в самом деле не понимаю, что ты имеешь в виду, — пожаловался я. Начало сказываться постоянное напряжение. Концентрация всех моих сил была слишком длительной.

Дон Хуан пояснил, что чувства людей чем-то похожи на горячие или холодные потоки воздуха и легко воспринимаются зверем. Мы были отправителями, а ягуар — получателем. Какие бы чувства ни владели нами, они найдут свой путь к ягуару. Или, иначе говоря, ягуар узнает обо всех чувствах, которые для нас имеют свою историю использования. Но вот когда мы поднимаем пыль, мы делаем свое ощущение настолько необычным, что в восприятии зверя это порождает вакуум.

— Безмолвное знание подсказывает мне еще один прием: подбрасывание вверх комьев земли, — сказал дон Хуан.

Некоторое время он смотрел на меня, как бы ожидая моей реакции.

— Сейчас мы пойдем очень спокойно, — сказал он. — Приготовься подбрасывать землю ногами, как великан десяти футов ростом.

Очевидно, на моем липе появилось довольно глупое выражение. Дон Хуан затрясся от смеха.

— Поднимай ногами облака пыли, — приказал он мне. — Чувствуй себя огромным и тяжелым.

Я попытался — и немедленно ощутил свою громадность. Шутливым тоном я заметил, что сила его внушения невероятна. Я действительно почувствовал, что стал гигантским и свирепым. Он заверил меня, что ощущение размера ни в коем случае не является следствием его внушения, но результатом смещения

моей точки сборки.

Он сказал, что люди древности стали легендарными благодаря безмолвному знанию о той силе, которую можно получить, сдвигая точку сборки. Маги возродили эту древнюю силу, хотя и в более умеренном масштабе. При помощи сдвига точки сборки они могли манипулировать своими чувствами и изменять вещи. Я изменяю вещи, почувствовав себя большим и страшным. Чувства, направленные таким образом, называются намерением.

— Твоя точка сборки уже немного сдвинулась, — продолжал он. — Сейчас ты находишься в таком положении, что можешь или остановить это движение, или заставить свою точку сборки сдвинуться еще дальше.

Он сказал, что, вероятно, любой человек, живущий в обычных условиях, однажды или несколько раз получает возможность вырваться из оков обусловленности. При этом он подчеркнул, что имел в виду не социальные условия, но те условия, которые сковывают наше восприятие. Мгновенного чувства восторга было бы достаточно, чтобы сместить точку сборки и разбить наши цепи. То же касается и мгновения страха, гнева, плохого самочувствия или горя. Но чаше всего, получая шанс сместить нашу точку сборки, мы пугаемся. Обычно вступают в игру наши академические, религиозные, социальные устои. Они подсказывают, что безопаснее вернуться в толпу, в привычное стадо, вернуть нашу точку сборки в обычное положение «нормальной» жизни.

Еще он сказал, что все известные мне мистики и духовные учителя действовали по тому же принципу: их точка сборки смещалась благодаря дисциплине, аскетизму — или даже случайно — в определенное место, после чего они возвращались в нормальное состояние, сохраняя полученный опыт на всю жизнь.

— Ты можешь быть весьма благочестивым, хорошим парнем, — продолжал он, — и забыть при этом о начальном движении твоей точки сборки. Или сумеешь вытолкнуть себя за пределы своего разума. Ты, кстати, все еще находишься в этих пределах.

Я знал все, о чем он говорил, но при этом ощущал странные колебания, делавшие меня нерешительным.

Дон Хуан развивал свою мысль далее. Он сказал, что средний человек, не в силах накопить энергию, превышающую ту, что находится за пределами повседневной жизни, называет область восприятия необычной реальности магией, волшебством или происками дьявола, отшатываясь от нее и не утруждая себя дальнейшими исследованиями.

— Но ты уже не можешь так поступать, — продолжал дон Хуан. — Ты не религиозен и при этом слишком любопытен, чтобы так просто отказаться от приобретенного опыта. Единственное, что могло бы остановить тебя, — это трусость. Воспринимай все тем, чем оно является на самом деле: абстрактным, духом, нагвалем. Не существует ни колдовства, ни зла, ни дьявола. Все это — толбко восприятие.

Я понимал его. Но я не мог точно сказать, каких действий он от меня ожидает.

Я взглянул на дона Хуана, стараясь отыскать нужные слова. Казалось, я вошел в состояние, необыкновенно обострившее мои умственные способности, и я старался не пропустить ни единого слова.

— Стань огромным! — приказал он мне с улыбкой. — Выйди из разума!

И тут я точно понял, что он имел в виду. Я действительно знал, что могу сделать ощущение своей величины и свирепости настолько интенсивным, что и в самом деле стану гигантом, возвышающимся над кустарником и обозревающим все вокруг нас.

Я попытался высказать свои мысли, но быстро прекратил это. Я понял, что дон Хуан знает все, что я думаю, и, очевидно, гораздо, гораздо больше.

Вдруг со мной произошло нечто необычное. Всякие размышления прекратились. Я буквально ощутил, как темное покрывало опустилось на меня и поглотило все мысли. И я позволил уйти моей разумности с отрешенностью человека, которого ничего в мире не тревожит. Я был убежден, что если захочу сбросить темное покрывало, то все, что нужно будет для этого сделать, — просто представить, что разрываешь его.

Войдя в такое состояние, я почувствовал, что меня что-то гонит вперед, и я

начал двигаться. Нечто заставило мое тело перемещаться с одного места на другое. Я больше не чувствовал никакой усталости. Скорость и легкость, с которой я мог двигаться, приводили меня в восторг.

Мое состояние нельзя было назвать ни ходьбой, ни полетом. Скорее меня как бы переносили с невероятной скоростью. Движения тела только тогда становились резкими и неуклюжими, когда я пытался их осмыслить. Наслаждаясь ими и не размышляя, я погрузился в уникальное состояние такого физического счастья, какое до сих пор было мне совершенно незнакомо. Если у меня в жизни и были такие моменты, то они были столь кратковременны, что не оставили следов в моей памяти. Однако, испытав этот экстаз, я как бы начал смутно припоминать, что однажды когда-то уже пережил его, но затем все забыл.

Восторг от движения сквозь чапарраль был таким огромным, что все остальное просто не имело значения. Реальной была лишь эта огромная радость и последовавшее за ней прекращение движения, когда я вдруг обнаружил, что смотрю на чапарраль.

Но еще более невероятным было телесное ощущение, что я возвышаюсь над кустарником, возникшее у меня с того момента, как я начал двигаться.

Но вот я отчетливо увидел прямо перед собой ягуара. Он изо всех сил убегал прочь. Я почувствовал, как он старается не наступать на колючки кактусов. Несмотря на скорость, он ступал на землю очень осторожно.

Мне вдруг ужасно захотелось погнаться за ягуаром и напугать его до такой степени, чтобы он, забыв осторожность, покалечился колючками. Но тут мысль о том, как опасен может быть ягуар, если поранится, пронзила мой затихший ум. Эта мысль подействовала так, как если бы кто-то разбудил меня.

Когда я наконец понял, что мой мыслительный процесс восстановился, то обнаружил, что нахожусь у подножия невысоких скал. Оглядевшись, я в нескольких футах от себя увидел дона Хуана. Он выглядел измученным, был бледен и тяжело дышал.

— Что случилось, дон Хуан? — спросил я, прочистив свое пересохшее горло.

— Это ты расскажи мне, что случилось, — сказал он, задыхаясь.

Я рассказал ему о своих ощущениях. Вдруг я понял, что прекрасно вижу вершину горы, находившуюся непосредственно в поле моего зрения. Это были последние минуты дня, и это означало, что я бежал или шел более двух часов.

Я попросил дона Хуана объяснить такое несоответствие во времени. Он сказал, что моя точка сборки сместилась дальше места без жалости и достигла места безмолвного знания, однако мне все еще не хватает энергии, чтобы смещать ее самостоятельно. Сделать это самостоятельно я смог бы, только имея достаточно энергии для ее перемещения между безмолвным знанием и разумом по своей воле.

Еще он добавил, — что если маг обладает необходимой энергией — или даже если ее не совсем достаточно, но речь идет о жизни и смерти, — то он может перемещаться туда и обратно между разумом и безмолвным знанием.

Его заключение относительно меня сводилось к следующему: поскольку наше с ним положение было весьма серьезным, я дал возможность духу сместить свою точку сборки, в результате чего вошел в безмолвное знание. Диапазон моего восприятия естественно расширился, что вызвало ощущение высоты, парения над кустарником.

В то время в силу своего академического образования я был весьма озабочен подтверждением путем соглашения. Я задал ему один из обычных для меня вопросов:

— Если бы кто-нибудь с факультета антропологии УКЛА[16 - UCLA — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (англ.).] наблюдал за мной, увидел бы он меня в облике гиганта, несущегося сквозь чапарраль?

— Понятия не имею, — ответил дон Хуан. — Выяснить это можно, если сместить точку сборки во время твоего пребывания на факультете антропологии.

— Я пытался, — сказал я, — но ничего не вышло. Мне нужно, чтобы ты был поблизости, — только тогда может происходить что-то в этом роде.

— Значит, это не было для тебя вопросом жизни и смерти, — ответил он. — Если бы это было именно так, ты смог бы сместить свою точку сборки самостоятельно.

— Но другие люди смогли бы увидеть то, что вижу я при смещении моей точки сборки? — настаивал я.

— Нет, поскольку их точка сборки не находилась бы в том же положении, что и твоя, — ответил он.

— Но тогда, дон Хуан, может быть, и ягуар мне только привиделся? — спросил я. — Все это происходило только в моем сознании?

— Это не совсем так, — сказал он. — Эта огромная кошка реальна. Ты преодолел расстояние во много миль и даже не устал. Если ты не веришь, посмотри на свои туфли: они сплошь в колючках кактусов. Так что ты действительно двигался, возвышаясь над кустарником. Но в то же время ничего такого не происходило. Все зависит от положения точки сборки наблюдателя: находится ли она в месте разума или в месте безмолвного знания.

Во время его объяснений я понимал все, что он говорит, но по собственной воле не смог бы повторить ни одной фразы. Я даже не смог определить, что именно я знаю и почему это так важно для меня.

Рычание ягуара вернуло меня к реальности непосредственной угрозы. Я заметил темный силуэт ягуара, когда он взбирался на скалистый выступ в тридцати метрах справа от нас.

— Что будем делать, дон Хуан? — спросил я, зная, что он тоже заметил зверя.

— Продолжим взбираться на самый верх и будем искать там укрытие, — сказал он спокойно.

Затем он с таким видом, как будто ничто в мире его не беспокоило, добавил, что я потерял драгоценное время, ин-дульгируя в своем удовольствии от парения над кустарником. При этом вместо того, чтобы направиться к тем

скалам, на которые он указывал, я двигался в восточном направлении к гораздо более отдаленной и высокой горной гряде.

— Мы должны добраться до того откоса раньше ягуара, иначе нам не спастись, — сказал он, указывая на почти отвесный склон у самой вершины горы.

Я посмотрел вправо и увидел, что ягуар перепрыгивает с уступа на уступ. Он уже почти преодолел расстояние, необходимое ему, чтобы отрезать нас от цели.

— Идем же, дон Хуан! — завопил я, сильно нервничая. Дон Хуан улыбнулся. Казалось, ему доставляют удовольствие мой страх и нетерпение. Мы старались двигаться как можно быстрее и карабкались не останавливаясь. Я старался не обращать внимания на темную гибкую тень, видневшуюся время от времени чуть впереди нас и всегда справа.

Мы все трое одновременно достигли основания крутого откоса. Ягуар находился примерно в двадцати метрах справа. Он подпрыгнул и попытался взобраться по склону скалы, но не смог. Склон был слишком крут.

Дон Хуан закричал, что я не должен терять времени, разглядывая ягуара, ведь отказавшись от подъема, он сейчас же нападет на нас. Не успел дон Хуан договорить, как зверь прыгнул.

Времени для дальнейших предупреждений не оставалось. Я мгновенно вскарабкался по почти отвесной скале следом за доном Хуаном. Душераздирающий вой разочарованного зверя раздался как раз под моей правой пяткой. Страх оказался замечательной движущей силой: я взобрался по скользкому склону так, словно умел летать.

Я достиг вершины раньше дона Хуана, который еле сдерживал смех. Оказавшись в безопасности на вершине скалы, я смог подумать над происшедшим. Дон Хуан не хотел ничего обсуждать. Он заявил, что на этом этапе моего развития любое смещение точки сборки все еще остается для меня загадкой. Все, чего я, по его словам, хотел в начале своего ученичества, — это скорее сохранить свои достижения, чем по-настоящему разобраться в них, и что начиная с какого-то момента все это обретет для меня

определенный смысл.

Я возразил, что и теперь для меня все это имеет смысл, но он настаивал, что перед тем, как говорить, что знание обрело для меня смысл, я должен научиться объяснять его самому себе. Он подчеркнул, что для того, чтобы движение точки сборки имело смысл для меня, мне понадобится энергия для флуктуации от места разума до места безмолвного знания. Он на минуту остановился, окидывая взглядом все мое тело, улыбнулся и заговорил снова.

— Сегодня ты достиг места безмолвного знания, — заключил он.

Он объяснил, что сегодня моя точка сборки сместилась сама по себе, без его вмешательства. Я вызвал этот сдвиг с помощью намерения, манипулируя чувством своей огромности, в результате чего моя точка сборки достигла местабезмолвного знания.

Мне было очень любопытно слушать, как дон Хуан объяснял мой опыт. Он сказал, что говорить о впечатлении, вынесенном из места безмолвного знания, можно лишь в терминах «здесь и здесь». Он пояснил, что, когда я говорил ему о своих ощущениях парения над пустынным чапарралем, я должен был добавить об одновременном видении поверхности пустыни и верхушек кустарника. Другими словами, одновременно я находился там, где я был сам, и там, где был ягуар. Таким образом я и смог видеть, как осторожно он ступает, стараясь не поранить лапы колючками кактусов. Иными словами, вместо того, чтобы воспринимать все как обычно — здесь и там, я воспринимал «здесь и здесь».

Его объяснения испугали меня. Он был прав. Я не признался ни ему, ни даже самому себе в том, что находился в двух местах одновременно. Я не осмелился бы даже думать в таких терминах, если бы не его разъяснения.

Он повторил, что мне требуется больше опыта и энергии, чтобы все обрело смысл. Я был слишком неопытен и все еще нуждался в постоянном присмотре. К примеру, пока я парил над кустарником, ему пришлось быстро смещать свою точку сборки из места разума в место безмолвного знания и обратно, чтобы держать меня под контролем. Это очень его истощило.

— Скажи мне одну вещь, — обратился я к дону Хуану, желая проверить его

рассудительность. — Этот ягуар кажется более странным, чем ты хочешь признать, не так ли? Ягуары ведь не являются частью фауны этих мест. Пумы, но не ягуары. Как бы ты мог объяснить это?

Перед тем как ответить, он наморщил лоб. Вдруг он стал очень серьезным.

— Я думаю, что именно этот ягуар подтверждает твои антропологические теории, — провозгласил он торжественно. — Очевидно, ягуар следовал по тому самому знаменитому торговому пути, соединяющему Чиуауа с Центральной Америкой.

Дон Хуан так захохотал, что его смех эхом прокатился в горах. Это эхо встревожило меня не меньше, чем ягуар. Даже не само эхо, но факт, что я никогда не слышал эхо ночью. Оно всегда ассоциировалось у меня со светом дня.

* * *

Мне потребовалось несколько часов, чтобы вспомнить все обстоятельства своей встречи с ягуаром. Все это время дон Хуан не разговаривал со мной. Он прислонился к скале и дремал, сидя в таком положении. Спустя некоторое время я перестал обращать на него внимание и наконец уснул сам.

Проснулся я от боли в скуле. Я спал, прислонившись одной щекой к скале. Открыв глаза, я попытался соскользнуть с валуна, на котором лежал, но потерял равновесие и с шумом плюхнулся на ягодицы. Дон Хуан появился из-за кустов как раз вовремя, чтобы успеть посмеяться надо мной.

Начинало темнеть, и я вслух высказал свои опасения насчет того, успеем ли мы добраться до долины, прежде чем наступит ночь. Дон Хуан пожал плечами. Казалось, это его не заботило. Он сел рядом со мной.

Я спросил, хочет ли он услышать более подробный рассказ о том, что я вспомнил. Он жестом показал мне, что все в порядке, однако вопросов задавать не стал. Я подумал, что он предоставляет мне возможность самому начать говорить, поэтому стал рассказывать ему о трех вещах из моего вспоминания, которые показались мне наиболее важными. Во-первых, то, что

он говорил о безмолвном знании; во-вторых, я сместил свою точку сборки с помощью намерения, и еще — то, что я вошел в состояние повышенного осознания, не получив удар между лопаток.

— Сдвиг собственной точки сборки с помощью намерения — твое самое большое достижение, — сказал дон Хуан, — но достижение — это нечто личное. Оно необходимо, но не является чем-то важным. Оно не является той целью, к которой стремятся маги.

Я полагал, что знаю, чего он хочет. Я сказал ему, что не' совсем забыл происходившее со мной. В нормальном состоянии моего осознания остался горный лев — понятие о ягуаре не укладывалось в моей голове, — который преследовал нас в горах, да еще слова дона Хуана о том, что нападение гигантской кошки, возможно, каким-то образом обидело меня. Я стал уверять, что абсурдно говорить о чувстве обиды. На это он ответил, что я, должно быть, испытывал то же самое, когда меня донимали мои товарищи. В этом случае мне следует либо защищаться, либо уйти прочь, но только не чувствовать себя морально уязвленным.

— Это не та цель, о которой я сейчас говорю, — продолжал он с улыбкой. — Понятие об абстрактном, о духе — вот единственная цель, которая важна. Представление о личном «я» не имеет ни малейшей ценности. Ты все еще ставишь на первое место свои собственные чувства. Всякий раз, когда появлялась такая возможность, я заставлял тебя осознавать необходимость абстрагирования. Ты всегда полагал, что я имею в виду абстрактное мышление. Нет. Абстрагироваться — значит сделать себя доступным духу путем его осознания.

Он сказал, что одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией.

Именно глупость заставляет нас отвергать все, что не согласуется с нашими рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и ее способность сдвигаться.

— Человеку рациональному кажется немыслимым, что должна существовать невидимая точка, в которой собирается восприятие, — продолжал он. — Еще

более немыслимым кажется то, что эта точка находится не в мозгу, — это он еще мог бы себе смутно представить, если бы принял идею ее существования.

Дон Хуан добавил, что непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживаться образа себя — это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что магия — это не заклинания, не магические формулы, не фокус-покус, но свобода восприятия не только повседневного мира, но и любого другого, доступного человеческому существу.

— Вот где глупость обычного человека наиболее опасна, — продолжал он. — Он боится магии. Он дрожит при мысли о необходимости свободы. А ведь она рядом, можно коснуться пальцами. Она называется третьей точкой. И до нее можно дотянуться так же просто, как сместить точку сборки.

— Но ведь ты сам говорил мне, что сдвиг точки сборки настолько сложен, что является настоящим подвигом, — возразил я.

— Так оно и есть, — заверил он. — Вот еще одно магическое противоречие: это невероятно трудно, но все же является самой простой вещью в мире. Я уже говорил тебе, что сильное нервное возбуждение может сместить точку сборки. Голод или страх, любовь или ненависть сделают то же самое, что и мистицизм или несгибаемое намерение, которое и является для магов наиболее предпочтительным методом.

Я снова попросил его объяснить значение термина несгибаемое намерение. Он сказал, что это своего рода непоколебимая направленность ума; абсолютно четко очерченная цель, не нарушаемая никакими противоречивыми интересами или желаниями. Несгибаемое намерение также является силой, возникающей, когда точка сборки удерживается в необычном положении.

Затем дон Хуан указал на оче, нь важное различие, которое ускользало от меня все эти годы, — между движением и смещением точки сборки. Движение, по его словам, является глубоким изменением ее положения, настолько глубоким, что точка сборки может достичь даже других пучков энергии, находящихся в пределах светящейся массы наших энергетических полей. Каждая полоса энергии представляет собой совершенно иной для восприятия мир. С другой стороны, смещение — это незначительный сдвиг в пределах той

полосы энергетических полей, которая воспринимается нами как мир повседневной жизни.

Он продолжал, что маги рассматривают несгибаемое намерение как катализатор принятия решений, не подлежащих изменению, и, с другой стороны, их неизменные решения являются катализатором, приводящим точку сборки в движение к новым положениям. Эти новые положения, в свою очередь, порождают несгибаемое намерение.

Должно быть, я выглядел ошарашенным. Дон Хуан рассмеялся и сказал, что попытка понять до конца метафорические описания магов разумом так же бессмысленна, как попытка понять разумом безмолвное знание. Еще, добавил он, проблема заключается в том, что любая попытка прояснить объяснения магов с помощью слов только запутывает? суть дела.

И все же я настаивал на том, чтобы он попытался объяснить это любым доступным ему образом. Я утверждал, что все, что он может сказать, например, о третьей точке, лишь прояснит суть дела, так как мое нынешнее представление о ней все еще очень меня смущает.

— Мир повседневной жизни состоит из двух точек отсчета, — сказал он. — У нас, например, есть «здесь и там», «внутри и снаружи», «добро и зло», «верх и низ» и т. д. Итак, наше восприятие жизни по существу является двухмерным. Ничто из того, что мы воспринимаем или делаем, не имеет глубины.

Я запротестовал, говоря, что он смешивает уровни. Я сказал ему, что могу принять его определение восприятия как способности живых существ постигать своими органами чувств энергетические поля, избираемые их точкой сборки, — весьма необычное с точки зрения моего академического образования определение, но в данный момент оно казалось мне достаточно убедительным. Однако я не мог представить себе, что может означать «глубина» применительно к нашим действиям. Я считал, что он, вероятно, говорит об интерпретациях — обработке наших основных восприятий.

— Маги воспринимают свои действия с глубиной, — сказал он. — Их действия являются для них трехмерными. Они обладают третьей точкой отсчета.

— Как может существовать третья точка отсчета? — спросил я удивленно.

— Наши точки отсчета основаны преимущественно на нашем чувственном восприятии, — сказал он. — Наши органы чувств воспринимают и различают, что находится рядом с нами, а что нет. Используя это основное различие, мы и выводим остальное. Для того чтобы достичь третьей точки, мы должны воспринимать два места одновременно.

Мое вспоминание привело меня в странное настроение — как если бы то, что я пережил тогда, произошло несколько минут назад. И я вдруг осознал кое-что из полностью упущенного раньше. Под руководством дона Хуана я уже дважды пережил это двойственное восприятие, но теперь впервые мог сформулировать это таким образом.

Размышляя над тем, что я вспомнил, я понял к тому же, что мой чувственный опыт был более сложным, чем мне показалось вначале. В то время, когда я парил над кустарником, я осознал — без слов или даже мыслей, — что пребывание в двух местах одновременно, или пребывание «здесь и здесь», как называл это дон Хуан, переключило мое восприятие непосредственно и полностью на оба места сразу. Но я также осознал и то, что моему двойному восприятию недоставало полной ясности обычного восприятия.

Дон Хуан пояснил, что обычное восприятие имеет ось. «Здесь и там» являются примерами этой оси, и мы пристрастны к ясности «здесь». Он сказал, что в обычном восприятии только «здесь» воспринимается полностью, мгновенно и непосредственно. Его второй аспект, «там», не обладает непосредственностью. Он может быть объектом предположений, ожиданий, но не может восприниматься непосредственно всеми чувствами. Когда же мы воспринимаем два места одновременно, исчезает полная-ясность, но зато достигается непосредственное восприятие «там».

— Но тогда, дон Хуан, я был прав, описывая свое восприятие как важную составляющую часть моего опыта, — сказал я.

— Нет, не был, — ответил он. — То, что ты пережил, было для тебя живым, потому что открыло путь к безмолвному знанию, но действительно важной вещью был только ягуар. Этот ягуар был настоящим проявлением духа.

Эта большая кошка появилась незамеченной из ниоткуда, и она могла прикончить нас обоих. Это так же верно, как и то, что я с тобой говорю. Ягуар был выражением магии. Без него ты не получил бы ни душевного подъема, ни урока, ни понимания.

— Но это был реальный ягуар? — спросил я.

— Можешь не сомневаться — он был абсолютно реален! Затем два или три раза дон Хуан, казалось, порывался что-то добавить. Он колебался, как бы подбирая слова. Наконец он сказал, что пребывание в двух местах сразу было для мага признаком, отмечающим тот момент, когда точка сборки достигает места безмолвного знания. Расщепленное восприятие, достигнутое собственными усилиями, называется «свободным движением точки сборки».

Он заверил меня,»что каждый Нагваль последовательно делает все, что в его силах, чтобы стимулировать свободное движение точки сборки своего ученика. Это решительное усилие загадочно называется «достижением третьей точки».

— Наиболее трудным аспектом знания Нагваля, — продолжал дон Хуан, — и, конечно, наиболее важной частью его задачи является достижение этой третьей точки. Нагваль вырабатывает намерение такого свободного движения, а дух доставляет ему средства для осуществления этого. Я никогда не имел намерения ни к чему такому, пока не появился ты. Поэтому я никогда в полной мере не был способен оценить гигантские усилия моего бенефактора, когда он намеревался ради меня.

Сложности, которые возникают у Нагваля, который намерен осуществить это свободное движение точки сборки своих учеников, не сравнить с трудностями, с которыми сталкиваются ученики, пытаясь понять, что делает Нагваль. Посмотри на путь твоей собственной борьбы! То же самое происходило и со мной. В большинстве случаев я считал, что уловки духа были просто уловками Нагваля Хулиана. Позднее я понял, что обязан ему своей жизнью и благополучием, — продолжал дон Хуан. — Теперь я знаю, что обязан ему бесконечно большим. Поскольку я не имею возможности выразить это, я предпочитаю говорить, что он прибегнул к хитрости, чтобы привести меня к обладанию третьей точкой отсчета.

Третья точка отсчета — это свобода восприятия, это намерение; это акт выхода за наши ограничения и прикосновение к непостижимому.

Два односторонних моста[17 - The two one-way bridges (англ.).]

Мы с доном Хуаном сидели за столом на его кухне. Было раннее утро. Мы только что вернулись с гор, где провели ночь после моего вспоминания об опыте с ягуаром. Вспоминание о моем расщепленном восприятии привело меня в состояние эйфории, чем, как обычно, воспользовался дон Хуан, чтобы погрузить меня в более чувственные переживания, которые сейчас я был совершенно не способен воспринимать. Тем не менее моя эйфория не исчезла.

— Открытие возможности находиться в двух местах одновременно поражает наш ум, — сказал он. — Поскольку наш разум рационален, а рациональность — это наша саморефлексия, все, что находится за пределами саморефлексии, или привлекает, или пугает нас — в зависимости от того, какими людьми мы являемся.

Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся, как будто только что открыл во мне что-то новое для себя.

— Или это и пугает, и привлекает нас в равной степени, что, кажется, и происходит в случае с нами обоими.

Я сказал ему, что дело не в том, что меня пугало или привлекало мое переживание, но в том, что я был поражен непостижимой возможностью раздвоенного восприятия.

— Я не хочу сказать, что не верю в то, что был в двух местах одновременно, — сказал я. — Я не отрицаю свой опыт и все же думаю, что я был настолько напуган этим, что мой разум отказался воспринимать это как факт.

— Мы с тобой — люди такого типа, которые оказываются захваченными вещами, подобными этой, а затем забывают обо всем, что было, — заметил он и улыбнулся. — Мы с тобой очень похожи.

Я сказал ему, что среди его учеников я был единственным, кто научился не принимать всерьез его заявления о равенстве между нами. Я отметил, что наблюдал за его действиями и слышал, как он каждому из учеников говорил самым искренним тоном: «Мы с тобой такие дураки. Мы так похожи!» И я снова и снова ужасался, когда видел, что они ему верят.

— Ты не похож ни на кого из нас, дон Хуан, — сказал я. — Ты зеркало, которое не отражает наших образов. Ты уже за пределами нашей досягаемости.

— То, что ты замечаешь, — это результат борьбы длиной в жизнь. Тот, кого ты видишь, — маг, который в конце концов научился следовать предначертаниям духа, вот и все.

Я множеством способов описывал тебе различные ступени, через которые проходит воин на своем пути к знанию, — продолжал он. — С точки зрения своей связи с намерением воин проходит через четыре ступени. Первая — это когда его связующее звено с намерением является ненадежным и ржавым. Вторая — это когда он преуспевает в его очищении. Третья — когда он учится манипулировать им. И наконец, четвертая — когда он учится следовать предписаниям абстрактного.

Дон Хуан настаивал, что его достижение не сделало его внутренне другим. Это только дало ему большие возможности. Так что он не был неискренним, когда говорил мне и другим ученикам, что мы похожи.

— Я прекрасно понимаю, через что ты вынужден проходить сейчас, — продолжал он. — Когда я смеюсь над тобой — на самом деле я смеюсь над воспоминаниями о себе в твоем положении. Я слишком держался за мир повседневной жизни. Я держался за него зубами и ногтями. Все говорило о том, что я должен оставить его, но я не мог. И, подобно тебе, я безоговорочно доверял разуму, хотя не было" никакого смысла поступать так — я больше не являлся обычным человеком.

Мои проблемы тогда — это твои проблемы сегодня. Инерция повседневного

мира затягивала меня, и я продолжал действовать как обычный человек. Я отчаянно держался за свои непрочные рациональные структуры. Разве ты не делаешь то же самое?

— Я не держусь ни за какие структуры — это они держат меня, — сказал я, заставив его рассмеяться.

Я сказал, что прекрасно его понимаю, но дело не в этом, потому что я все равно не способен вести себя как маг, как бы ни пытался.

Он объяснил, что мои неудобства в мире магов происходят от недостаточного знакомства с ним. В этом мире я должен ко всему относиться по-новому, что бесконечно трудно, потому что он имеет мало общего с непрерывностью моей повседневной жизни.

Он описал специфическую проблему магов как раздвоенность. Во-первых, невозможно восстановить разрушенную однажды непрерывность. Во-вторых, невозможно использовать непрерывность, продиктованную новым положением их точки сборки. Эта новая непрерывность всегда слишком туманна, слишком зыбка и не придает магам той уверенности, которая позволила бы им действовать так, как если бы они были в мире повседневной жизни.

— И как маги решают эту проблему? — спросил я.

— Никто ничего не решает, — ответил он, — дух или решает это за нас, или нет. Если да, то маг обнаруживает себя действующим в магическом мире, сам не зная как. Вот почему я всегда настаивал, что безупречность — это единственное, что идет в счет. Маг живет безупречной жизнью — и это, кажется, привлекает решение. Почему? Никто не знает.

Дон Хуан минуту помолчал. И потом, как если бы я попросил его, вдруг прокомментировал мысль, которая как раз пришла мне в голову. Я в этот момент подумал, что безупречность всегда ассоциировалась у меня с религиозной моралью.

— Безупречность, как я уже говорил тебе много раз, это не мораль, — сказал он. — Она только напоминает мораль. Безупречность — это только наилучшее использование нашего уровня энергии. Естественно, это требует и

бережливости, и благоразумия, и простоты, и моральной чистоты; но прежде всего это подразумевает отсутствие саморефлексии. И хотя это напоминает выдержку из монастырского устава, но это не так.

Маги говорят, что для того, чтобы управлять духом — а под этим они подразумевают управление движением точки сборки, — необходима энергия. Единственная вещь, которая сберегает для нас энергию, — это наша безупречность.

Дон Хуан еще раз заметил, что вовсе не обязательно изучать магию, чтобы сдвигать точку сборки. Иногда вследствие драматических обстоятельств, таких, как война, лишения, стрессы, усталость, горе, беспомощность, точка сборки человека подвергается глубоким сдвигам.

— Если бы человек, который находится в подобных обстоятельствах, был способен воспринять идеологию магов, — сказал дон Хуан, — то он был бы способен без проблем довести до предела этот естественный сдвиг. И люди могли бы искать и находить необыкновенные вещи, а не делать то, что люди обычно делают в подобных обстоятельствах, — стремиться поскорее вернуться в обычное состояние.

Когда движение точки сборки доведено до предела, — продолжал он, — как обычный человек, так и ученик магии становятся магами, потому что благодаря предельному усилению этого движения непрерывность разрушается так, что восстановить ее уже нельзя.

— Как можно до предела усилить это движение? — спросил я.

— Благодаря устранению саморефлексии, — ответил он. — Движение точки сборки или разрушение непрерывности не является реальной трудностью. Реальной трудностью является накопление энергии. Если у кого-то есть энергия и если его точка сборки сдвинулась, он открывает для себя поистине непостижимые вещи.

Дон Хуан объяснил, что все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему маги говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди

сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, — идеям магов, — а не в социальных идеях, ставящих человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

Затем, без всякого вступления или перехода, дон Хуан начал рассказывать мне очередную магическую историю. Он сказал, что в течение целого года он был единственным молодым человеком в доме Нагваля Хулиана. Он был полностью поглощен собой и не обратил внимания, что в начале следующего года его бенефактор привел трех юношей и четырех молодых женщин, которые поселились в его доме. Насколько дону Хуану было известно, эти семеро прибывали по одному в течение двух или трех месяцев и были просто слугами и не более того. Один из молодых людей был даже приставлен к нему помощником.

Дон Хуан был убежден, что Нагваль завлек их и льстил им, чтобы заставить их работать на него бесплатно. И он мог бы пожалеть их, если бы не их слепое доверие к Нагвалю Хулиану и не их болезненная привязанность ко всем и вся в доме.

Ему казалось, что они были рождены рабами и что ему нечего было им сказать. Хотя он и был вынужден поддерживать с ними хорошие отношения и давать им советы, но делал это не потому, что хотел, а потому, что Нагваль требовал этого как части его работы. Когда они искали его советов, то его приводила в ужас острота и драматичность их жизненных сюжетов.

Он втайне поздравил себя с лучшей участью, чем у них. Он искренне считал, что был более ловким, чем все они, вместе взятые. Он гордился тем, что, в отличие от них, он мог насквозь видеть маневры Нагваля, хотя и не претендовал на то, чтобы понимать их. И он смеялся над их неуклюжими попытками быть полезными. Он считал их раболепными и говорил им в лицо, что их безжалостно эксплуатирует профессиональный тиран.

Но больше всего его бесило, что четыре молодые женщины до такой степени находились под влиянием Нагваля Хулиана, что готовы были делать все, чтобы понравиться ему. Дон Хуан находил утешение в работе или часами напролет читал книги, которые были в доме Нагваля. Чтение стало его

страстью. Когда он читал, все знали, что его нельзя беспокоить никому, кроме Нагваля, который явно получал удовольствие, донимая его. Он всегда хотел, чтобы дон Хуан подружился с молодыми людьми и женщинами. Он постоянно говорил, что все они, включая дона Хуана, были его учениками магии. Дон Хуан был убежден, что Нагваль Хулиан ничего не знал о магии, и посмеивался над ним, слушая его без всякой веры.

Нагваля Хулиана не волновало неверие дона Хуана. Он просто действовал так, как если бы дон Хуан верил ему, и собирал всех учеников вместе, чтобы давать им инструкции. Периодически он брал их с собой на продолжавшиеся всю ночь экскурсии в близлежащие горы. В большинстве случаев он оставлял их одних странствовать в этих суровых горах с доном Хуаном во главе.

Логическим обоснованием таких путешествий служило то, что в уединении, в дикой местности они смогут найти дух. Но этого никогда не случалось. По крайней мере до дона Хуана это совершенно не доходило. Однако Нагваль Хулиан так упорно настаивал на важности духа, что дон Хуан загорелся желанием узнать, что же это такое.

Во время одной из таких ночных экскурсий Нагваль Хулиан потребовал, чтобы дон Хуан искал дух, даже если он и не понимает, что это такое.

— Конечно же, он подразумевал единственную вещь, которую только и может иметь в виду Нагваль: движение точки сборки, — сказал дон Хуан. — Но он выразил это в такой форме, которая, как он полагал, будет иметь для меня смысл: искать дух.

Я подумал, что он говорит чепуху. К тому времени у меня уже сформировались свои собственные взгляды и убеждения, и я был уверен, что дух является тем, что известно как характер, воля, мужество, решительность. И я считал, что мне ничего не нужно искать. Все это у меня уже было.

Нагваль Хулиан настаивал, что дух невыразим, что его невозможно чувствовать, а тем более говорить о нем. Можно только выразить его с помощью признания его существования, говорил он. Моя реакция была такой же, как твоя: никто не может выразить то, чего не существует.

Дон Хуан сказал мне, что он был так рассержен на Нагва-ля Хулиана, что

Нагваль в конце концов пообещал ему в присутствии всех домочадцев, что он одним махом намерен не только продемонстрировать ему то, что дух существует, но и то, как идентифицировать его. Он пообещал также устроить большую вечеринку и даже пригласить соседей, чтобы отпраздновать урок дона Хуана.

Дон Хуан напомнил, что в те дни, еще до Мексиканской революции, Нагваль и семь женщин его группы вели себя как богатые владельцы большой гасиенды... Это ни у кого не вызывало сомнений, особенно относительно Нагваля Хулиана, богатого и щедрого землевладельца, который отказался от церковной карьеры, чтобы заботиться о семи своих незамужних сестрах.

Однажды в дождливый сезон Нагваль Хулиан заметил, что, как только дождь прекратится, он устроит вечеринку, которую обещал дону Хуану. И в воскресенье вечером он взял своих домочадцев на берег реки, которая сильно разлилась после долгих ливней. Нагваль Хулиан ехал верхом на лошади, в то время как дон Хуан почтительно следовал сзади, что было принято у них на тот случай, если бы они встретили кого-нибудь из соседей: насколько знали соседи, дон Хуан был личным слугой помещика.

Нагваль выбрал для пикника место на высокой площадке над рекой. Женщины приготовили еду и питье. Нагваль даже пригласил группу музыкантов из города. Это была большая вечеринка, в которой принимали участие рабочие с гасиенды, соседи и даже случайные прохожие, которые слонялись вокруг, привлеченные весельем.

Каждый ел и пил вволю. Нагваль танцевал со всеми женщинами, пел, читал стихи. Он рассказывал анекдоты и с помощью кое-кого из женщин инсценировал эти шутки, чем привел всех в полный восторг.

Выбрав подходящий момент, Нагваль Хулиан спросил, не желает ли кто-нибудь, особенно ученики, принять участие в уроке дона Хуана. Но все отказались: они хорошо знали жесткую тактику Нагваля. Тогда он спросил дона Хуана, уверен ли тот, что по-прежнему хочет узнать, что такое дух?

Дон Хуан не мог сказать «нет». Он просто не мог повернуть обратно. Он ответил, что готов, как всегда. Нагваль подвел его к краю бушующей реки и поставил на колени. Затем он начал читать длинное заклинание, в котором

взывал к силе ветра и гор и просил силу реки помочь дону Хуану.

Его многозначительное заклинание было выражено так непочтительно, что все засмеялись. Когда он закончил, он попросил дона Хуана встать перед ним с закрытыми глазами. Потом он взял ученика на руки как ребенка и швырнул его в бушующий поток, закричав: «Не ненавидь реку, ради Бога!»

Рассказ об этом инциденте вызвал у дона Хуана приступ хохота. Возможно, в других обстоятельствах я тоже нашел бы это забавным. Однако сейчас эта история ужаснула меня.

— Ты бы видел лица этих людей, — продолжал дон Хуан. — Я мельком отметил их испуг, когда летел по воздуху в реку. Никто не мог предвидеть, что этот дьявольский Нагваль способен сотворить такое.

Дон Хуан подумал, что пришел конец его жизни. Он почти не умел плавать и, погружаясь на дно реки, поносил себя на чем свет стоит за то, что позволил всему этому случиться. Он был до такой степени зол, что даже не успел испугаться. Он смог только подумать, что не намерен погибать в этой ужасной реке от рук этого ужасного человека.

Его ноги коснулись дна, и это привело его в чувство. Река была неглубокой, но разлившаяся вода сильно расширила ее. Течение было сильным и тащило его, пока он барахтался по-собачьи, пытаясь не позволить бурлящей воде захлестнуть его.

Течением его отнесло на значительное расстояние. И пока его несло и он пытался сделать все, чтобы не погибнуть, он вошел в странное состояние ума. Он понял свою ошибку. Он был очень раздражительным человеком, и постоянно сдерживаемое раздражение делало его злобным и агрессивным по отношению ко всем окружающим. Но он не мог ненавидеть реку, или драться с нею, или быть нетерпеливым с ней, или мучить ее — как это он делал с каждым в своей жизни.

Все, что он мог сделать с рекой, — это следовать ее течению. Дон Хуан утверждал, что простое понимание и вынужденное согласие с этим, так сказать, склонили чашу весов, и он испытал свободное движение точки сборки. Внезапно, совершенно не понимая, что происходит, дон Хуан, вместо

того чтобы барахтаться в бурлящей воде, ощутил себя бегущим вдоль берега. Он бежал так стремительно, что не было времени думать. Страшная сила увлекала его, и он мчался сквозь кусты и поваленные деревья, как если бы их здесь не было.

Довольно долго он бежал в этом отчаянном темпе, пока наконец не отважился бросить взгляд на красноватую пенящуюся воду. И он увидел там самого себя, которого грубо швыряло течением. Ничто в его опыте не подготовило его для восприятия такого момента. Он знал тогда, не прибегая к мыслительному процессу, что был в двух местах одновременно. И в одном из них, в стремнине реки, он был беспомощен.

Всю свою энергию он направил на то, чтобы попытаться спасти себя. Ни о чем не раздумывая, он стал вытаскивать самого себя из реки. Это потребовало от него всех сил, каж-> дый дюйм давался с трудом. У него было такое чувство, что он вытаскивает бревно. Он двигался так медленно, что казалось, прошла вечность, прежде чем он преодолел несколько метров.

Напряжение оказалось для него чрезмерным. И внезапно — он больше не бежал — он падал в глубокий колодец. Очутившись в воде, он вскрикнул от холода. И вот он снова был в реке, и его снова несло по течению. Он до того перепугался, обнаружив себя вновь в бушующей реке, что изо всех сил пожелал очутиться целым и невредимым на берегу. И немедленно оказался там, несясь с головокружительной скоростью параллельно реке, но в некотором отдалении от нее.

На бегу он смотрел на бурлящую воду и видел там себя, барахтающегося изо всех сил, чтобы удержаться на поверхности. Он хотел закричать, приказать самому себе плыть под углом, забирая к берегу, но у него не было голоса.

Его сострадание к той части себя было всепоглощающим. И это послужило как бы мостом между двумя Хуанами Ма-тусами. Он тут же вернулся в воду и поплыл под углом по направлению к берегу.

Невероятного ощущения раздвоенности между двумя местами оказалось достаточно, чтобы полностью избавиться от страха. Он больше не заботился о своей судьбе. Он свободно выбирал между плаванием в реке и бегом по берегу. Но в любом случае он последовательно двигался влево — либо

стремился прочь от реки, либо греб к берегу.

Он выбрался на левый берег реки милях в пяти ниже по течению. Ему пришлось ждать здесь, скрываясь в кустах, больше недели. Он ждал, пока спадет вода, чтобы перейти реку вброд, и еще ждал, пока снова придет в себя после пережитого потрясения.

Дон Хуан сказал, что с ним произошло следующее: сильная эмоция страха перед гибелью привела к сдвигу точки сборки непосредственно в место безмолвного знания. Поскольку он в свое время не обращал ни малейшего внимания на слова Нагваля Хулиана о точке сборки, он совершенно не понимал, что с ним происходит. Его пугала мысль, что он, возможно, больше никогда не станет нормальным человеком. Но когда он исследовал свое двойное восприятие, то обнаружил его практическую сторону и нашел, что она ему нравится. Он был двойным в течение нескольких дней. Он мог быть тем или иным по своему выбору. Или же он мог быть обоими одновременно. Когда он был обоими, вещи становились неопределенными и ни одна ипостась не была способна действовать, так что этот вариант он отверг. Но возможность быть тем или иным открывала перед ним непостижимые возможности.

Пока он восстанавливал силы в кустах, он установил, что одна из его ипостасей была более гибкой, чем другая, и могла преодолевать расстояния в мгновение ока и находить пишу или лучшее убежище. И вот однажды это существо вернулось в дом Нагваля Хулиана, чтобы посмотреть, оплакивают ли его там.

Он услышал, как молодые люди печалятся о нем, и это было для него приятным сюрпризом. Он стал жадно наблюдать за ними, поскольку ему страшно нравилось убеждаться, что они думают о нем. Но тут Нагваль Хулиан обнаружил его и положил всему этому конец.

Впервые он по-настоящему испугался Нагваля. Дон Хуан услышал, что Нагваль приказывает ему прекратить это безобразие. Он появился внезапно как черный колоколообраз-ный предмет огромной массы и силы. Он схватил дона Хуана. Дон Хуан не знал, каким образом Нагваль схватил его, однако это причинило ему боль в каком-то более глубоком смысле, чем физическая. Это была острая нервная боль, которую он ощутил в животе и в районе солнечного сплетения.

— Я тут же вновь оказался на берегу реки, — сказал дон Хуан смеясь. — Я поднялся, перешел вброд недавно обмелевшую реку и направился домой.

Помедлив, он спросил меня, что я думаю об этой истории. И я ответил, что она ужаснула меня.

— Ведь ты мог бы погибнуть в этой реке, — сказал я, чуть не крича. — Что за отвратительную шутку с тобой сыграли! Этот Нагваль Хулиан, должно быть, просто безумец!

— Подожди минутку, — запротестовал дон Хуан. — Нагваль Хулиан был коварным, но отнюдь не безумным. И он делал то, что должен был делать Нагваль и учитель. Это верно, что я мог погибнуть. Но все мы должны быть готовы к такому повороту событий. Тебя самого мог растерзать ягуар, или ты мог бы умереть от любой из тех вещей, которые я с тобой проделывал. Нагваль Хулиан был властным и уверенным — и прямо брался за дело. С ним не было никакого хождения вокруг до около, никаких лишних слов.

Я настаивал, что все это, может быть, и было ценным как урок, но мне методы Нагваля Хулиана по-прежнему кажутся странными и чрезмерными. Я уверял дона Хуана, что все, что я слышал о Нагвале Хулиане, до такой степени возмутительно, что у меня сложилось о нем самое негативное представление.

— Я думаю, ты боишься, что на днях я собираюсь бросить тебя в реку или заставить носить женское платье, — сказал он и рассмеялся. — Вот почему ты не одобряешь методы Нагваля Хулиана.

Я признался, что он прав, и он, смеясь, заверил меня, что у него нет намерения подражать методам Нагваля Хулиана, потому что у него они не сработают. Он, по его словам, является таким же безжалостным, но не столь практичным, как Нагваль Хулиан.

— В то время, — продолжал дон Хуан, — я не мог оценить его искусство, и, конечно же, мне совсем не нравилось то, что он сделал со мной. Но теперь, всякий раз, когда я думаю об этом, я восхищаюсь им все больше — каким великолепным и прямым путем он поместил меня в положение безмолвного знания.

Дон Хуан сказал, что чудовищность его переживания заставила его совершенно забыть о монстре. Он без сопровождения дошел до дверей дома Нагваля Хулиана, но затем передумал и отправился к Нагвалю Элиасу в поисках утешения и совета. И Нагваль Элиас объяснил ему глубокую подоплеку действий Нагваля Хулиана.

Нагваль Элиас с трудом сдерживал возбуждение, когда услышал историю дона Хуана. Он горячо объяснил дону Хуану, что его бенефактор был великолепным сталкером, действующим практически. Его бесконечные поиски всегда были направлены на прагматические цели и решения. Его поведение в тот день на реке было шедевром сталкинга. Он манипулировал всеми и всех поразил. Казалось, даже сама река была под его контролем.

Нагваль Элиас решительно настаивал, что в то время, как дона Хуана несло по течению и он боролся за свою жизнь, река помогла ему понять, что такое дух. И благодаря этому дон Хуан получил возможность войти прямо в безмолвноезнание.

Дон Хуан сказал, что, поскольку он был еще неоперившимся юнцом, он слушал Нагваля Элиаса, не понимая ни слова, но он был искренне восхищен и впечатлен глубиной Нагваля.

Во-первых, Нагваль Элиас объяснил дону Хуану, что для сталкеров чрезвычайно важны звучание и смысл слов. Слова используются ими как ключ ко всему, что скрыто. Поэтому сталкеры нуждаются в том, чтобы сформулировать цель, прежде чем пытаться достичь ее. Они сначала никогда не раскрывают свою истинную цель. Им необходима пелена из слов, чтобы тщательно скрыть главный удар.

Нагваль Элиас назвал это действие пробуждением намерения. Он объяснил дону Хуану, что Нагваль Хулиан пробудил намерение, эмоционально заявив перед лицом всех своих домочадцев, что собирается с ходу показать дону Хуану, что такое дух и как его определить. Это было совершенно бессмысленно, потому что Нагваль Хулиан знал, что нет способа идентифицировать дух. В действительности же он пытался сделать следующее: поместить дона Хуана в место безмолвного знания.

Сделав это заявление, скрывавшее его истинную цель, Нагваль Хулиан собрал так много людей, как только мог, делая их таким образом своими сознательными и бессознательными помощниками. Все они знали о провозглашенной им цели, но никто из них не знал, что у него на уме на самом деле.

Нагваль Элиас надеялся, что его объяснение сможет вытряхнуть дона Хуана из его невозможного состояния полной недисциплинированности и безразличия, но в этом он сильно заблуждался. И все же Нагваль терпеливо объяснил ему, что в то время, когда он боролся с течением, он достиг третьей точки.

Старый Нагваль объяснил, что положение безмолвного знания называется третьей точкой, поскольку, для того чтобы достичь его, нужно пройти вторую точку — место без жалости.

Он сказал, что точка сборки дона Хуана приобрела достаточную подвижность, чтобы он смог стать двойным, и это позволило ему пребывать в месте разума и в месте безмолвного знания или альтернативно, или одновременно.

Нагваль сказал дону Хуану, что это было потрясающее достижение. Он дажJ по-отечески обнял дона Хуана и не переставал говорить о том, как дон Хуан вопреки тому, что он ничего не знал — или, может быть, именно потому, что он ничего не знал, — смог переводить всю свою энергию из одного места в другое. Для Нагваля это означало, что точка сборки дона Хуана обладала максимально благоприятной естественной подвижностью.

Он сказал дону Хуану, что каждое человеческое существо обладает способностью к такой подвижности. Большинство из нас, однако, утрачивает ее, так как мы никогда ее не используем, за редким исключением — например, в борьбе за спасение собственной жизни.

Дон Хуан слушал, завороженный звуками голоса старого Нагваля. Когда он был внимателен, он мог уследить за всем, что говорил этот человек, чего никогда не наблюдалось при его общении с Нагвалем Хулианом.

Старый Нагваль продолжал объяснять, что человечество в целом находится в первой точке, точке разума, но что не у каждого человеческого существа точка сборки находится точно в положении разума. Те, кто пребывает точно в

этом месте, являются истинными лидерами человечества, хотя во все времена многие из этих гениев развития разума оставались человечеству неизвестными.

Нагваль сказал, что было другое время, когда человечество находилось в третьей точке, которая тогда, конечно, еще была первой точкой. Но потом человечество перешло в место разума.

Когда безмолвное знание было первой точкой, преобладало такое же положение вещей. Точка сборки не каждого человеческого существа была непосредственно в этой позиции. Вот почему истинные лидеры человечества всегда были теми редчайшими человеческими существами, чьим точкам сборки случалось находиться в точном положении либо разума, либо безмолвного знания. Остальное человечество, сказал дону Хуану старый Нагваль, было только публикой, аудиторией. В наши дни они являются поклонниками разума. В прошлом они были поклонниками безмолвного знания. Они были теми, кто восхищался и слагал оды героям в любом из положений.

Нагваль настаивал, что человечество провело большую часть своей истории в положении безмолвного знания и что этим объясняется наше великое и страстное желание достичь его вновь.

Дон Хуан спросил старого Нагваля, что именно делал с ним Нагваль Хулиан. Его вопрос прозвучал более зрело и более разумно, чем он имел в виду на самом деле. Нагваль Элиас ответил ему в терминах, в то время для дона Хуана абсолютно непонятных. Он сказал, что Нагваль Хулиан подготавливал дона Хуана, переманивая его точку сборки в положение разума, так как он мог быть скорее мыслителем, чем частью неразумной и эмоционально переменчивой публики, которая любит упорядоченные создания разума. В то же время Нагваль готовил дона Хуана к тому, чтобы он мог стать истинным абстрактным магом вместо того, чтобы быть только частицей тупой и невежественной аудитории поклонников неизвестного.

Нагваль Элиас заверил дона Хуана, что только те человеческие существа, которые являются образцами разума, могут легко сдвигать свою точку сборки и быть образцами безмолвного знания. Он сказал, что только те, кто пребывает точно в одном из этих положений, могут ясно видеть другое, и что

именно таким и был путь, приведший к эпохе разума. И положение разума было ясно видно именно из положения безмолвного знания.

Старый Нагваль сказал дону Хуану, что односторонний мост от безмолвного знания к разуму называется «озабоченностью». Это озабоченность, которую истинные люди безмолвного знания ощущали относительно источника всего, что они знали. А второй односторонний мост, от разума к безмолвному знанию, называется «чистым пониманием». Это понимание, которое говорит человеку разума, что разум — лишь один-единственный островок в бесконечном архипелаге.

Нагваль добавил, что человеческое существо, в распоряжении которого находятся оба этих моста, является магом, имеющим прямой контакт с духом, жизненной силой, которая делает возможными оба положения. Он указал дону Хуану, что все, что Нагваль Хулиан сделал в тот день на реке, было настоящим шоу, но не для человеческой аудитории, а для духа — Силы, которая за ним наблюдала. Он непринужденно скакал, резвился и развлекал всех, особенно Силу, к которой он и обращался.

Дон Хуан сказал, что Нагваль Элиас заверил его, что дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения — это действия истинной непринужденности, действия величественности, юмора. В качестве жестов духа маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному.

Намеревание внешности

Дон Хуан планировал еще одно путешествие в горы до моего отъезда домой, но мы так его и не совершили. Вместо этого он попросил отвезти его в город. Ему нужно было встретиться там с какими-то людьми.

По пути он говорил о чем угодно, только не о намерении. Это была желанная

передышка.

В полдень, когда он закончил свои дела, мы присели на его любимую скамейку на «плаза». Площадь была пустынной. Я чувствовал себя усталым и сонным. Но потом я и сам не заметил, как совершенно неожиданно для себя оживился. Мысли стали кристально ясными.

Дон Хуан моментально заметил эту перемену. Мое замешательство рассмешило его. Он прочел мои мысли, — а может, это были его мысли, и я прочел их.

— Если думать о жизни в терминах часов, а не лет, то она покажется невероятно длинной, — сказал он. — Даже если думать о ней в терминах дней — жизнь покажется бесконечной.

Это было именно то, о чем я как раз подумал.

Он сказал, что жизнь магов измеряется в часах и что маг может за один час прожить столько, что по интенсивности это вполне может сравниться с целой жизнью обычного человека. Такая интенсивность становится важным преимуществом, когда приводит к накапливанию информации за счет движения точки сборки.

Я потребовал более детальных объяснений. Довольно давно он рекомендовал мне, чтобы я — поскольку было неудобно делать заметки во время бесед — сохранял всю полученную мною информацию о мире магов не на бумаге и не в памяти, но при помощи сдвига моей точки сборки.

— Даже самый незначительный сдвиг точки сборки всего на мгновение создает совершенно изолированные островки восприятия, — сказал дон Хуан. — Информация может накапливаться в форме опыта полного осознания.

— Но как может информация накапливаться в чем-то столь неопределенном?

— Ум — это тоже что-то неопределенное, но ты все же доверяешь ему просто потому, что больше с ним знаком, — возразил он. — Движение точки сборки тебе знакомо гораздо меньше, хотя это почти то же самое.

— Я имею в виду — каким образом накапливается информация? — не отступал

я.

— Информация накапливается в самом опыте, — объяснил он. — Позже, когда маг сдвигает свою точку сборки именно в то место, где она была в то время, он полностью восстанавливает в памяти накопленный опыт. Это вспоминание магов является способом восстановления всей информации, накопленной при перемещении точки сборки.

Непосредственным результатом движения точки сборки, — продолжал он, — является интенсивность. Например, данный момент ты проживаешь интенсивнее, чем обычно, поэтому, собственно говоря, ты и накапливаешь информацию. Когда-нибудь ты восстановишь в памяти этот момент, сместив свою точку сборки в то же место, где она находится сейчас. Таким образом маги и накапливают информацию.

Я сказал дону Хуану, что интенсивное вспоминание, которое пришло ко мне несколько дней назад, не было результатом каких-либо сознательных умственных усилий.

— Как можно сознательно управлять вспоминанием! — спросил я.

— Интенсивность, являясь одним из аспектов намерения, естественным образом связана с сиянием глаз магов, — объяснил он. — Для того чтобы вспомнить изолированные островки восприятия, магам нужно лишь намеренно вызвать то особое сияние их глаз, которое ассоциируется с тем местом, в которое они хотят попасть. Но я уже объяснял тебе это.

Должно быть, вид у меня был довольно растерянный. Дон Хуан с серьезным выражением лица рассматривал меня. Дважды или трижды я открывал рот, чтобы задать ему вопрос, но никак не мог сформулировать свои мысли.

— Благодаря более высоким, чем у обычных людей, интенсивности и скорости, — сказал дон Хуан, — за несколько часов маг может прожить эквивалент обычной человеческой жизни. Его точка сборки, сдвигаясь в новые положения, вбирает больше энергии, чем обычно. Такой дополнительный поток энергии и называется интенсивностью.

Я необыкновенно ясно понимал то, о чем он говорил, и моя рациональность

пошатнулась под ударом огромного замешательства.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня и предупредил, чтобы я остерегался реакции, которая нередко причиняет магам страдание, — разрушительного желания последовательно и логично объяснять магический опыт.

— Магический опыт настолько необычен, — продолжал дон Хуан, — что маги считают его интеллектуальным упражнением и используют для выслеживания самих себя. И все-таки их козырной картой как сталкеров является то, что они очень остро осознают себя воспринимающими существами, и то, что восприятие имеет намного больше возможностей, чем это может представить себе наш разум.

Единственное, что я мог сказать в ответ, — это лишь выразить свое понимание невероятных возможностей человеческого осознания.

— Для того чтобы защитить себя от этой необъятности, — сказал дон Хуан, — маги вырабатывают в себе совершенное сочетание безжалостности, ловкости, терпения и мягкости. Эти четыре основы сталкинга неразрывно связаны друг с другом. Маги культивируют их, намереваясь овладеть ими. Эти основы, естественно, являются положениями точкисборки.

Он продолжал, что любое действие, совершаемое любым магом, неизбежно управляется этими четырьмя принципами. Иными словами, любое действие каждого мага имеет заранее обдуманный замысел и исполнение и синтезирует в себе четыре основы сталкинга.

— Маги используют эти четыре настроения сталкинга как руководство к действию, — продолжал он. — Они представляют собой четыре различных состояния ума, четыре различных вида интенсивности, которыми маги могут пользоваться для того, чтобы заставить свою точку сборки сдвигаться в определенное положение.

Казалось, им внезапно овладело раздражение. Я спросил, не надоели ли ему мои настойчивые расспросы.

— Я сейчас думаю о том, как наша рациональность заводит нас в тупик, — сказал он. — Мы склонны размышлять, задавать вопросы, выяснять. Но нет

никакой возможности делать это относительно магии. Магия является актом достижения места безмолвного знания. А безмолвное знание невозможно охватить умом. Его можно только пережить.

Он улыбнулся. Глаза его сияли, как два пятна света. Он сказал, что маги, пытаясь защититься от всепоглощающего воздействия безмолвного знания, развили искусство сталкинга. Сталкинг сдвигает точку сборки медленно, но постоянно, таким образом давая магу время и возможность поддерживать самого себя.

— В искусстве сталкинга, — продолжал дон Хуан, — есть особая техника, которую очень широко используют маги, — это контролируемая глупость. По мнению магов, контролируемая глупость — единственное средство, которое позволяет им иметь дело с самими собой в состоянии повышенного осознания и восприятия, а также — со всеми людьми и всем на свете в повседневной жизни.

Дон Хуан объяснил, что контролируемая глупость есть искусство контролируемой иллюзии или искусство создания видимости полной увлеченности в данный момент каким-либо действием, — притворство столь совершенное, что его невозможно отличить от реальности. Он сказал, что контролируемая глупость — это не прямой обман, но сложный артистический способ отстранения от всего и в то же время сохранения себя неотъемлемой частью всего.

— Контролируемая глупость — это искусство, — продолжал дон Хуан. — Своеобразное искусство, обучиться которому очень нелегко. Многие маги не желают изучать его, и не потому, что оно в основе своей порочно, но потому, что для его практики требуется слишком много усилий.

Дон Хуан признал, что сам он добросовестно практиковал контролируемую глупость, хотя это и не доставляло ему особого удовольствия — возможно потому, что его бенефак-тор был ее адептом. А может быть, потому, что особенности его характера — в сущности, по его словам, мелочного и неискреннего — не обеспечивали гибкости, необходимой для практики контролируемой глупости.

Я удивленно посмотрел на него. Он умолк и уставился на меня своими

озорными глазами.

— К тому времени, когда мы приходим к магии, наш характер уже сформировался, — сказал он и пожал плечами, изображая беспомощность. — Поэтому нам остается лишь практиковать контролируемую глупость и смеяться над собой.

В порыве чувства я начал уверять дона Хуана, что мне он ни в коем случае не кажется мелочным или неискренним.

— Но это главные черты моего характера, — настаивал он. Я отказывался согласиться с этим.

— Сталкеры, практикующие контролируемую глупость, полагают, что все многообразие человеческих личностей можно разделить на три категории, — сказал он, улыбаясь, как бывало всякий раз, когда он собирался сообщить мне что-то новое.

— Но это же абсурд, — возразил я. — Поведение человека слишком сложно, чтобы его можно было так просто свести всего лишь к трем категориям.

— Сталкеры говорят, что мы не настолько сложны, как мы порой о самих себе думаем, — ответил он. — Они говорят, что каждый из нас принадлежит к одной из трех групп.

Если бы я находился в обычном состоянии осознания, я > принял бы его слова за шутку. Но сейчас, когда мой ум был в высшей степени ясным, а мысли — острыми, я чувствовал, насколько он серьезен.

— Ты это серьезно? — спросил я как можно более вежливо.

— Совершенно серьезно, — ответил он и рассмеялся. Этот смех немного снял мое напряжение. Дальнейшие его объяснения касались классификационной системы сталкеров. По его словам, люди, относящиеся к первой группе, являются идеальными секретарями, помощниками, компаньонами. Их личность отличается большой подвижностью, но такая подвижность неплодотворна. Однако они внимательны, заботливы, в высшей степени привязаны к дому, в меру сообразительны, имеют чувство юмора и приятные манеры, милы,

деликатны. Иными словами, лучше людей и не сыщешь. Однако у них имеется один огромный недостаток — они не могут действовать самостоятельно. Им всегда требуется некто, кто бы руководил ими. Под чьим-то руководством — каким бы жестким и противоречивым ни было это управление — они изумительны, лишившись его — погибают.

Люди, относящиеся ко второй группе, наоборот — совершенно неприятны. Они мелочны, мстительны, завистливы, ревнивы, эгоистичны. Они говорят исключительно о самих себе и требуют, чтобы окружающие разделяли их взгляды. Они всегда захватывают инициативу, даже если это и не приносит им спокойствия. Им совершенно не по себе в любой ситуации, поэтому они никогда не расслабляются. Они ненадежны и никогда ничем не бывают довольны. И чем ненадежнее они, тем более опасными становятся. Их роковым недостатком является то, что ради лидерства они могут даже совершить убийство.

К третьей категории относятся люди, которые не приятны, но и не отвратительны. Они никому не подчиняются, равно как и не стараются произвести впечатление. Они, скорее всего, безразличны. У них сильно развито самомнение, исключительно на почве мечтательности и размышления о собственных желаниях. В чем они действительно могут преуспеть — так это в ожидании грядущих событий. Они ждут, когда их откроют и завоюют, и с необыкновенной легкостью питают иллюзии относительно того, что впереди их ждет множество свершений, которые они обещают претворить в жизнь. Но они не действуют, поскольку на самом деле не располагают необходимыми средствами.

Дон Хуан сказал, что себя он относит ко второй группе. После чего он предложил мне отнести себя самого к какой-нибудь из названных групп, чем невероятно меня смутил. Он смеялся так сильно, что почти катался по земле.

Затем он снова велел мне отнести себя к одной из групп, и тогда я нехотя предположил, что являюсь комбинацией всех трех.

— Не надо подсовывать мне эту комбинационную чепуху, — сказал он все еще смеясь. — Мы простые существа, и каждый из нас относится к одной из трех групп. Я полагаю, что ты относишься ко второй. Сталкеры называют ее представителей «пердунами».

Я было начал протестовать, что предложенная им классификация унизительна, но решил воздержаться от длинной тирады. Я лишь заметил, что если сказанное о трех типах личности истинно, то каждый из нас пожизненно привязан к определенному типу, не имея возможности ни измениться, ни освободиться.

Он признал, что дело именно так и обстоит. Несмотря на это, один шанс на освобождение все-таки остается. Давным-давно маги установили, что все мы можем относиться к

одной из этих групп лишь вследствие существования нашей саморефлексии.

— Наша беда в том, что мы принимаем себя всерьез, — сказал он. — К какой из трех групп относится наш образ себя, имеет значение лишь вследствие нашего чувства собственной важности. Если мы избавляемся от этого чувства, нам больше нет дела до того, к какой группе мы принадлежим.

— Я всегда буду оставаться пердуном, — продолжал он, трясясь от смеха, — и ты тоже. Но сейчас я — пердун, который не принимает себя всерьез, чего нельзя сказать о тебе.

Я был возмущен. Мне хотелось спорить, но для этого потребовалось бы слишком много энергии.

Эхо его смеха, прокатившееся по пустынной площади, показалось мне каким-то сверхъестественным.

Он сменил тему разговора и быстро перечислил основные ядра, о которых мы уже говорили: проявления духа, толчок духа, уловка духа, нисхождение духа, требования намерения, управление намерением. Он вновь назвал их все, как бы давая мне возможность твердо их запомнить. Затем он кратко повторил все, что говорил мне ранее относительно ядер. Похоже, он хотел намеренно вложить в меня все эти сведения, пользуясь интенсивностью момента.

Я заметил, что основные ядра все еще остаются для меня тайной. Я остро чувствовал свою неспособность понять их. Казалось, он вот-вот сменит тему нашего разговора, а я об этом все еще не имел никакого представления.

Я настаивал на дополнительных вопросах относительно абстрактных ядер. Казалось, он обдумывал сказанное мной, а потом спокойно кивнул головой.

— Эта тема была очень трудной и для меня, — сказал он. — Я, как и ты, задавал много вопросов. Но я, вероятно, был чуть-чуть эгоистичней, чем ты. И я очень злился. Вопросы я мог задавать только сварливым тоном. Да и ты задаешь их довольно воинственно. В конце концов, ты и я в равной степени несносны, но только по различным причинам.

Относительно основных ядер дон Хуан добавил, прежде чем сменить тему разговора, всего лишь одну вещь — что обнаруживают себя они невероятно медленно, — то неустойчиво проявляясь, то отступая.

— Я могу без конца повторять, что тот, чья точка сборки сдвинулась, — начал он, — может двигать ее дальше. Учитель нужен нам лишь по одной причине — он должен безжалостно побуждать нас к действию. В противном случае мы обязательно остано!имся, чтобы поздравить самих себя с тем, что продвинулись так далеко.

По его словам, мы оба являем собой пример отвратительной тенденции выходить из себя. К счастью, его бенефак-тор, будучи непревзойденным сталкером, совершенно не щадил его.

Дон Хуан рассказывал, как во время ночных путешествий по пустыне Нагваль Хулиан основательно просветил его относительно природы чувства собственной важности и движения точки сборки. По словам Нагваля Хулиана, чувство собственной важности — это чудовище о трех тысячах голов. Противостоять и победить его можно лишь в трех случаях. Во-первых, если отсечь все головы последовательно; во-вторых— достичь того загадочного состояния, которое называется местом без жалости, постепенно разрушающего чувство собственной важности; и в-третьих — если за мгновенное истребление трехтысячеголового чудовища заплатить своей собственной символической смертью.

Нагваль Хулиан советовал избрать третий путь. При этом он сказал дону Хуану, что тот может считать себя счастливым, если ему будет предоставлена возможность выбора, потому что обычно только дух определяет путь, по

которому должен следовать маг, и долг мага — следовать ему.

Дон Хуан сказал, что учил меня так же, как в свое время его учил бенефактор, — отсекать все три тысячи голов чувства собственной важности одну за другой, однако результаты оказались весьма различными. Тогда как я поддавался учению очень хорошо — он не поддавался ему вообще.

— Со мной был особый случай, — продолжал он. — С той самой минуты, как мой бенефактор увидел меня, лежащего на дороге с пробитой пулей грудью, он знал, что я — новый Нагваль. Он и вел себя соответственно, сдвинув мою точку сборки после того, как здоровье мое немного улучшилось. Вот почему я мог так легко видеть поле энергии в виде чудовищного человека. Однако этот прием вместо предполагаемой помощи стал помехой дальнейшему движению моей точки сборки. И в то время, когда точка сборки других учеников постепенно сдвигалась, моя оставалась неподвижной на уровне способности видеть монстра.

— Но почему твой бенефактор не объяснил тебе причину происходящего? — спросил я, озадаченный этими излишними сложностями.

— Мой бенефактор не верил в то, что можно получить знание даром, — сказал дон Хуан. — По его мнению, знание, сообщаемое таким образом, является не столь эффективным. Им невозможно воспользоваться в случае необходимости. С другой стороны, для знания, полученного на практике, всегда найдется способ словесного выражения.

Дон Хуан сказал, что его метод обучения отличается от метода обучения его бенефактора тем, что сам он верит в необходимость свободы выбора, чего тот совершенно не допускал.

— Не пытался ли Нагваль Элиас, учитель твоего бенефактора, рассказывать тебе о том, что происходило на самом деле? — настаивал я.

— Он попытался, — вздохнув, сказал дон Хуан, — но я был тогда просто невыносим. Я считал, что знаю все. И то, что говорили мне они оба, я попросту пропускал мимо ушей.

В поисках выхода из создавшегося положения Нагваль Хулиан решил

вынудить дона Хуана сместить свою точку сборки, но уже таким образом, чтобы тот сделал это самостоятельно.

Я прервал его, спросив, когда это произошло: до или после случая на реке. Рассказы дона Хуана, к сожалению, не следовали так нравившемуся мне хронологическому порядку.

— Это случилось через несколько месяцев, — ответил он. — Но не думаешь ли ты, что из-за того, что у меня тогда произошло расщепление восприятия, я действительно изменился, стал мудрее или уравновешеннее? Ничего подобного.

Можешь судить по себе. Я не только раз за разом прерывал твою непрерывность, но и раздробил ее на мелкие кусочки. Но посмотри на себя: ты все еще действуешь так, как если бы был невредим. И это — высшее достижение магии, намерения.

То же самое было и со мной. Полученный опыт лишь на какое-то время мог всколыхнуть меня, но затем я все забывал, и разорванные концы соединялись вновь так, словно ничего не произошло. Вот потому-то мой бенефактор и был уверен в том, что по-настоящему измениться мы можем лишь в том случае, если умрем.

Возвращаясь к своей истории, дон Хуан сказал, что Нагваль решил при помощи Тулио, самого нелюдимого обитателя поместья, нанести еще один сокрушительный удар по его психологической непрерывности.

По его словам, все ученики, в том числе и он сам, никогда не находились в полном согласии по поводу чего бы то ни было. В одном лишь их мнения совпадали: маленький, щуплый Тулио презирал их общество. Они ненавидели Тулио, так как он или избегал их, или относился к ним с таким пренебрежением, словно все они были кучей грязи. Они уверяли себя, что Тулио не разговаривает с ними потому, что ему нечего сказать, и что главной чертой его характера за этой высокомерной отчужденностью является неуверенность в себе.

Несмотря на такую репутацию среди учеников, Тулио имел большое влияние на обитателей поместья. Особенно — на Нагваля Хулиана, который души в нем

не чаял.

Однажды утром Нагваль Хулиан отослал всех учеников на целый день с каким-то поручением в город. Единственным, кто остался в доме кроме старых обитателей поместья, был дон Хуан.

Около полудня Нагваль Хулиан приступил к изучению своих бухгалтерских книг, чем он занимался ежедневно. В процессе работы он время от времени обращался к дону Хуану за помощью в своих подсчетах.

Дон Хуан начал просматривать счета и вскоре обнаружил, что для дальнейшей работы необходимо получить какую-то информацию от бывшего в курсе всех дел поместья Тулио, который забыл сделать какую-то запись. Нагваль Хулиан ужасно рассердился, узнав об оплошности Тулио, чему дон Хуан втайне обрадовался. Нагваль нетерпеливо приказал дону Хуану найти Тулио, который присматривал за работниками в поле, и немедленно привести его. Дон Хуан, предвкушая, как он досадит Тулио, пробежал по полю около полумили в сопровождении одного из батраков, который, как обычно, охранял его от монстра. Он нашел Тулио, наблюдавшего за работниками по своему обычаю с некоторого расстояния. Дон Хуан заметил, что Тулио с явным отвращением избегает людей и предпочитает наблюдать за ними издалека.

Грубым и подчеркнуто повелительным тоном дон Хуан потребовал, чтобы Тулио отправился с ним в дом, поскольку он нужен Нагвалю. Еле слышным голосом Тулио ответил, что сейчас он очень занят, но через час освободится и сможет прийти.

Однако дон Хуан настаивал, зная, что Тулио не собирается с ним спорить и просто забудет о нем, как только отвернется. Поэтому он был обескуражен, когда Тулио вдруг стал выкрикивать непристойности в его адрес. Это было настолько непохоже на Тулио, что батраки даже перестали работать, в недоумении поглядывая друг на друга. Дон Хуан был уверен, что они никогда не слышали, чтобы Тулио повышал голос, и тем более не слышали его грубой брани. Он сам был настолько удивлен, что стал нервно посмеиваться. Это буквально разъярило Тулио, который даже швырнул в дона Хуана камнем. Тот увернулся.

Дон Хуан со своим телохранителем немедленно бросились домой. У входной

двери они налетели на Тулио, тихо беседовавшего и смеявшегося над чем-то с кем-то из жен-шин. Тот отвернулся, сделав вид, что, как обычно, не замечает дона Хуана. Дон Хуан стал гневно отчитывать его за то, что тот уклоняется от немедленного выполнения приказа Нагваля. Тулио и женщины смотрели на дона Хуана как на идиота.

Однако с Тулио в этот день явно творилось что-то неладное. Вдруг он заорал, чтобы дон Хуан закрыл свой проклятый рот, занимался своей собственной проклятой работой и вообще убирался ко всем чертям. Он во всеуслышание обвинил дона Хуана в попытке выставить его в неприглядном свете перед Нагвалем Хулианом.

Женщины разинули рты от изумления, с неодобрением поглядывая на дона Хуана. Они стали успокаивать Тулио, а дон Хуан приказал ему идти в кабинет Нагваля разбираться в счетах. Тулио послал его к черту.

Дона Хуана трясло от гнева. Простая задача спросить Тулио о счетах обратилась в кошмар. Он пытался успокоиться. Женщины пристально рассматривали его, что опять привело его в ярость. Ничего не говоря, он поспешил в кабинет Нагваля. Тулио вновь заговорил с женщинами, продолжая тихо посмеиваться, как бы радуясь удачному розыгрышу.

Дон Хуан был страшно удивлен, когда, войдя в кабинет, застал там Тулио, сидевшего за столом Нагваля и поглощенного счетами. Дону Хуану невероятным усилием воли удалось сдержать свой гнев. Он улыбнулся Тулио. У него больше не было к нему претензий. Вдруг он понял, что Нагваль Хулиан использовал Тулио, чтобы испытать его и проверить, не выйдет ли он из себя. Однако в этом удовольствии он ему откажет.

Не отрываясь от своих подсчетов, Тулио сказал, что если дон Хуан ищет Нагваля, то может найти его в другом конце дома.

Дон Хуан побежал туда и действительно обнаружил Нагваля, медленно прогуливавшегося с Тулио по внутреннему дворику. Казалось, Нагваль был совершенно поглощен беседой с Тулио. Тулио мягко подтолкнул Нагваля и тихим голосом сообщил ему, что пришел помощник.

Нагваль бесстрастно объяснил дону Хуану все о счетах, над которыми они

работали. Объяснение было длинным и обстоятельным. Затем он сказал, что дону Хуану остается лишь принести бухгалтерскую книгу, чтобы они могли сделать запись и Тулио расписался бы в ней.

Дон Хуан не понимал, что происходит. Обстоятельное объяснение и бесстрастный тон Нагваля Хулиана говорили о будничности происходящего. Тулио нетерпеливо приказал дону Хуану поскорее принести книгу, так как он торопится. Его ждут в другом месте.

С этого момента дон Хуан начал чувствовать, что из него делают клоуна. Он знал, что Нагваль явно что-то задумал: его глаза странно блестели — это всегда было для дона Хуана признаком его очередной дьявольской шутки. Кроме того, Тулио за этот день произнес больше слов, чем за предыдущие два года пребывания дона Хуана в этом доме.

Не говоря ни слова, дон Хуан вернулся в кабинет. Как он и ожидал, Тулио уже был там. В ожидании дона Хуана он сидел на краю скамьи и нетерпеливо притопывал массивным каблуком ботинка. Вручив дону Хуану книгу счетов, за которой тот пришел, Тулио приказал ему убираться.

Несмотря на то что дон Хуан уже был готов к такому приему, он удивился. Он уставился на этого человека, который вдруг рассердился и стал браниться. Дон Хуан с трудом подавил приступ гнева, продолжая внушать себе, что это всего лишь испытание его характера. Перед ним живо предстала картина изгнания из дома как провалившего испытание.

Совершенно сбитый с толку, дон Хуан, однако, не утратил способности изумляться скорости, с которой Тулио успевал везде оказываться на прыжок раньше него.

Дон Хуан предвидел, конечно, что Тулио окажется рядом с Нагвалем, когда он принесет книгу счетов. И все же, увидев, что Тулио снова опередил его, он хотя и не удивился, но отнесся к его появлению недоверчиво. Ведь только что он промчался сквозь дом кратчайшим путем, и Тулио никак не мог бежать быстрее. К тому же в этом случае Тулио пришлось бы бежать рядом с доном Хуаном.

Нагваль Хулиан принял бухгалтерскую книгу из рук дона

Хуана с безразличным видом. Он что-то в ней записал, а Тулио расписался. Затем они снова заговорили о счетах, не обращая на дона Хуана никакого внимания, а тот стал пристально рассматривать Тулио. Дон Хуан пытался понять, что же за испытание они для него придумали. Наверное, думал он, проверяется его способность к выдержке. В конце концов, в этом доме она всегда была предметом недовольства.

Нагваль отпустил дона Хуана, сказав, что хочет обсудить дела наедине с Тулио. Дон Хуан тут же бросился искать женщин, желая узнать их мнение по поводу этих странных событий. Однако, сделав несколько шагов, он наткнулся на двух из них в сопровождении Тулио. Все трое оживленно беседовали. Дон Хуан заметил их раньше, чем они его, и бросился назад к Нагвалю. Тулио был на прежнем месте и разговаривал с Нагвалем.»

Невероятная мысль закралась в голову дона Хуана. Он бросился в кабинет — Тулио был там, погруженный в свои счета, и даже не поднял голову при появлении дона Хуана. Тот спросил, что все это значит. Тулио на этот раз был таким, как обычно, и не удостоил дона Хуана ни ответом, ни даже взглядом.

И тут его пронзила еще одна невероятная мысль. Он побежал в конюшню, оседлал двух лошадей и попросил человека, бывшего этим утром его телохранителем, сопровождать его снова. Они прискакали туда, где не так давно видели Тулио, и застали его на прежнем месте. Он не стал говорить с доном Хуаном, только пожал плечами и отвернулся, когда тот обратился к нему с вопросом.

Тогда дон Хуан и его телохранитель поскакали назад, в поместье. Дон Хуан быстро спешился и, оставив лошадей под присмотром этого человека, ворвался в дом. Тулио завтракал в обществе женщин. Он также беседовал с Нагвалем и работал над своими книгами.

У дона Хуана подкосились ноги. Его прошиб холодный пот страха. Он знал, что Нагваль испытывает его при помощи одной из своих ужасных шуток. Обдумав свое положение, он решил, что действовать можно в трех направлениях. Во-первых, сделать вид, что не происходит ничего из ряда вон выходящего, во-вторых, попытаться самому понять смысл испытания; и третьим вариантом — поскольку Нагваль всегда внушал ему, что он может объяснить все, что дон

Хуан захочет спросить, — было обратиться к нему самому за разъяснениями.

Дон Хуан решил спросить. Он пошел к Нагвалю и попросил его объяснить, что с ним происходит. На этот раз Нагваль был один и все еще работал над своими счетами. Он отложил их в сторону и улыбнулся дону Хуану. По его словам, не-делание, которому он обучал дона Хуана, могло бы стать средством для отсечения трех тысяч голов чувства собственной важности, но в отношении дона Хуана такие средства оказались совершенно неэффективными. Поэтому он применил второй метод разрушения чувства собственной важности, предполагавший введение дона Хуана в такое состояние, которое называется местом без жалости.

Дон Хуан был убежден, что Нагваль Хулиан совсем рехнулся. Слушая его рассказ о не-делании или о чудищах с тремя тысячами голов и местах без жалости, дон Хуан почти проникся жалостью к нему самому.

Нагваль Хулиан очень спокойно попросил дона Хуана сходить в сарай, находившийся под навесом во дворе, и привести Тулио.

Дон Хуан вздрогнул, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться. Действия Нагваля были слишком очевидны. Дон Хуан знал, что Нагваль хочет с помощью Тулио продолжить испытание.

Тут дон Хуан прервал свой рассказ и спросил меня, что я думаю о поведении Тулио. Я ответил, что, исходя из своих знаний о мире Нагваля, я считаю Тулио магом, который, весьма искусно сдвигая свою точку сборки, создавал у дона Хуана впечатление о своем пребывании сразу в четырех местах одновременно.

— Ну и как ты думаешь, что я обнаружил в сарае? — спросил дон Хуан, широко улыбаясь.

— Очевидно, там был Тулио или не было никого, — ответил я.

— Но если бы случилось одно из двух, то моя непрерывность не пострадала бы, — сказал дон Хуан.

Я попытался представить самое невероятное и сказал, что, возможно, в сарае было тело сновидения Тулио, напомнив при этом дону Хуану, что он и сам

делал нечто подобное со мной при помощи одного из членов его партии магов. Дон Хуан решительно отверг мое предположение.

— То, что я обнаружил, было шуткой, не укладывающейся в рамки реальности, и все же это не было чем-то странным, противоречащим законам мира, в котором мы живем. Как по-твоему, что это было?

Я сказал, что терпеть не могу, когда он говорит загадками. Принимая во внимание все те странные вещи, которые он когда-то проделывал со мной, я мог бы ожидать еще больших странностей, но, поскольку это было не по правилам, я отказался гадать.

— Когда я вошел в сарай, я полагал, что Тулио прячется где-то поблизости, — сказал дон Хуан. — Я был уверен, что следующим этапом испытания станет бешеная игра в прятки. Тулио собирался свести меня с ума, скрываясь в этом сарае.

Но ничего похожего на то, к чему я мысленно приготовился, не произошло. Я вошел в сарай и увидел там сразу четверых Тулио.

— Что значит «четверых Тулио»? — спросил я.

— В сарае было четверо мужчин, и все они были Тулио. Можешь представить себе мое изумление. Все они сидели в одинаковых позах со скрещенными ногами, плотно прижавшись друг к другу. Они ожидали меня. Я взглянул на них и с диким воплем выскочил из сарая.

Мой бенефактор повалил меня на землю у самой двери. И тогда, уже по-настоящему испуганный, я увидел, как четверо Тулио вышли из сарая и направились ко мне. Я вопил и вопил, пока все четверо щипали меня двоими твердыми пальцами, словно стая огромных птиц. Я вопил до тех пор, пока не почувствовал, как что-то во мне поднялось, и я вошел в состояние предельного безразличия.

Никогда раньше в своей жизни я не ощущал ничего более необычного. Сбросив с себя всех Тулио, я встал. Они продолжали щекотать меня. Не обращая на них внимания, я повернулся прямо к Нагвалю и попросил его объяснить мне, кто были эти четверо мужчин.

По словам Нагваля Хулиана, они были образцовыми сталкерами. Нагваль Элиас, их учитель, придумал для них имена. В качестве упражнения в контролируемой глупости он взял испанские числительные уно, дос, трес, куатро (один, два, три, четыре), прибавив к каждому из них имя Тулио, и получил следующие имена: Тулиуно, Тулиодо, Тулитре, Ту-ликуатро.

Нагваль Хулиан представил всех по очереди дону Хуану. Четверо мужчин стояли, выстроившись в ряд. Дон Хуан посмотрел каждому из них в лицо, поздоровался кивком головы, и те тоже кивнули ему. Нагваль сказал, что все четверо являются до такой степени талантливыми сталкерами — дон

Хуан имел возможность убедиться в этом, — что просто не существует слов для похвал. Они были такими великолепными сталкерами, что практически для всех существовали как один человек. И хотя люди виделись и общались с ними ежедневно — никто, кроме воинов партии Нагваля, не знал, что существуют четверо Тулио.

Дон Хуан с абсолютной ясностью понимал все, что говорил Нагваль Хулиан об этих мужчинах. Такая необычная ясность восприятия давала ему возможность понять, что он достиг места без жалости. И так же совершенно самостоятельно он понял, что место без жалости является положением точки сборки, где исчезает жалость к самому себе. Однако дон Хуан также знал, что его проницательность и мудрость были в высшей степени мимолетными. Его точка сборки неизбежно должна была вернуться в исходное положение.

Когда Нагваль Хулиан спросил дона Хуана, нет ли у него каких-либо вопросов, тот понял, что ему скорее следует уделить гораздо больше внимания объяснениям Нагваля, чем выдвигать свои собственные предположения.

Дон Хуан 1сотел знать, каким образом все четверо Тулио создавали впечатление, что существовал только один человек. Он был страшно заинтересован, поскольку понял, что на самом деле они не являются точной копией друг друга. Правда, они носили одинаковую одежду, были примерно одного и того же возраста, телосложения и роста. На этом их сходство заканчивалось. И все же, даже при ближайшем рассмотрении, он мог бы поклясться, что существует только один Тулио.

Нагваль Хулиан объяснил, что глаза человека привыкли фокусироваться на самых заметных деталях чего бы то ни было и что об этих деталях мы знаем заранее. Поэтому искусство сталкеров заключается в создании впечатления посредством выбранных ими деталей, которые, как они знают, обязательно привлекут внимание наблюдателя. Искусно усиливая определенные впечатления, сталкеры могут создать у наблюдателя абсолютную убежденность в том, что видят его глаза.

Нагваль Хулиан рассказал о том, как развлекло и рассмешило женщин его отряда прибытие в поместье дона Хуана, переодетого женщиной. Но бывший с ними мужчина, оказавшийся Тулитре, тут же создал у дона Хуана впечатление относительно Тулио. Он слегка повернул голову, чтобы скрыть свое лицо, презрительно пожал плечами, желая показать, что все это ему надоело, и пошел прочь. По дороге он тихонько смеялся, но так, чтобы этого никто не видел. Женщины постарались закрепить это первое впечатление соответствующим поведением, сделав вид, что их раздражает этот необщительный человек.

С этого момента каждый из четверых Тулио, оказываясь рядом с доном Хуаном, усиливал создавшееся впечатление и развивал его до тех пор, пока глаза дона Хуана не привыкали различать только то, что ему предлагалось.

Затем в разговор вступил Тулиуно. Он сказал, что им потребовалось около трех месяцев очень осторожных и последовательных действий с целью заставить дона Хуана не замечать ничего, кроме того, что он ожидал увидеть. Спустя три месяца слепота дона Хуана стала столь очевидной, что четверо Тулио пересдали соблюдать осторожность. В доме они вели себя как обычно. Они даже перестали носить одинаковую одежду, и все же дон Хуан не замечал разницы.

Когда в доме появились новые ученики, четверым Тулио пришлось начинать все сначала. На этот раз задача была потруднее, поскольку учеников было много и все они были наблюдательными.

Дон Хуан спросил у Тулиуно о внешности Тулио. В ответ Тулиуно сказал, что, как считает Нагваль Элиас, внешность является сущностью контролируемой глупости, поэтому сталкеры создают ее своим намерением, а не с помощью каких-либо ухищрений. Ухищрения придают внешности неестественность, и

глаз сразу замечает обман. Таким образом, внешность, вызванная намерением, — это просто упражнение для сталкеров.

Следующим заговорил Тулитре. Он сказал, что внешность испрашивается у духа. О внешности спрашивают, ее интенсивность призывают, ее никогда не создают рациональным путем. О внешности Тулио нужно было узнать у духа. И, чтобы ускорить это, Нагваль Элиас поместил всех четверых в крохотную уединенную комнатку-кладовку, где дух говорил с ними. Дух сказал, что прежде всего им необходимо намереваться достичь однородности.

Через четыре недели полной изоляции они обрели такую однородность. По словам Нагваля Элиаса, намерение слило их воедино, и они приобрели уверенность в том, что индивидуальные особенности каждого останутся незамеченными. Теперь им оставалось испросить именно такую внешность, которую будут воспринимать посторонние наблюдатели. Им пришлось немало потрудиться, чтобы усовершенствовать ее. Под руководством своего учителя они сконцентрировали внимание на каждой детали, которая могла бы сделать ее еще совершеннее.

Четверо Тулио продемонстрировали дону Хуану все наиболее характерные черты Тулио — преувеличенные жесты презрения и надменности; резкий поворот головы вправо, изображавший гнев; поворот всем корпусом таким образом, чтобы левым плечом закрыть часть лица; резкий взмах рукой над глазами, будто бы для того, чтобы откинуть волосы со лба, а также походка подвижного, но нетерпеливого человека, который слишком нервничает, чтобы решить, какой путь ему лучше выбрать.

По словам дона Хуана, все эти особенности поведения, а также десятки других, создали незабываемый характер Тулио. Фактически, он был настолько незабываем, что для того, чтобы воскресить его в памяти дона Хуана и других учеников, любрму из Тулио достаточно было всего лишь намекнуть на какую-либо деталь, и дон Хуан с другими учениками тут же дорисовывали остальное сами.

Дон Хуан сказал, что в результате столь последовательного поведения Тулио стал для него и других учеников в высшей степени отвратительным человеком. Однако если бы они поглубже заглянули в себя, то поняли бы, что Тулио сам навязал им такое представление о себе. На самом деле он был

легким, загадочным и производил, сознательно или бессознательно, впечатление, что он подобен тени.

Дон Хуан спросил у Тулиуно, как они призывали намерение. Тулиуно объяснил, что сталкеры призывают намерение громкими голосами. Обычно это происходило в маленькой, темной, уединенной комнате. На черный стол ставилась свеча, чтобы пламя находилось буквально в нескольких дюймах от глаз, затем медленно произносилось слово «намерение», ясно и вдумчиво. Оно произносилось столько раз, сколько, как чувствовал каждый, это было необходимо. Интенсивность звука поднималась и падала без какой-либо мысли на этот счет.

Тулиуно подчеркнул, что неотъемлемой частью вызова намерения была полная концентрация на том, чего намеревались. В данном случае, например, они концентрировались на своей однородности и на внешности Тулио. Однако после того, как намерение слило их воедино, им потребовалось еще около двух лет, чтобы убедиться в том, что их однородность и внешность Тулио кажется правдоподобной для глаз наблюдателей.

Я спросил дона Хуана, что он думает об их методе вызова намерения. Он сказал, что его бенефактор, как и Нагваль Элиас, были в большей степени приверженцами ритуальных действий, чем он сам, поэтому им нравилось использовать для этой цели свечи, темные комнаты и черные столы.

Я как бы невзначай заметил, что испытываю непреодолимую тягу к ритуальным обрядам. Ритуал казался мне главным действием, способствовавшим концентрации внимания. Дон Хуан воспринял мои слова очень серьезно. Он сказал, что видел мое тело как энергетическое поле, в котором имелось яркое пятно, находившееся справа в нижней части светящегося кокона. Насколько ему известно, такой особенностью обладали все маги древности и жадно искали ее у других. Наличие яркой светимости, как они полагали, свидетельствует об энергетичности и склонности к истощению. Темным магам тех времен доставляло удовольствие овладевать этой чернотой и связывать ее с темной стороной человеческого существа.

— Но тогда выходит, что злая сторона у человека все-таки есть, — сказал я торжествующе, — а лы всегда отрицал это. Ты всегда говорил, что зла не существует, что существует лишь Сила.

Я был сам удивлен своей вспышкой. Мгновенно дало знать о себе мое католическое воспитание: в моем воображении возник Властелин Тьмы, более величественный, чем сама жизнь.

Дон Хуан смеялся до тех пор, пока не закашлялся.

— У нас действительно есть темная сторона, — сказал он наконец. — Мы убиваем не задумываясь, так ведь? Мы сжигаем людей во имя Бога. Мы истребляем самих себя, мы уничтожаем жизнь на этой планете, мы губим Землю. Затем мы переодеваемся в рясы, и Бог разговаривает с каждым из нас. Что же он говорит нам? Он говорит: будьте хорошими мальчиками, а не то я накажу вас. Бог угрожает нам уже много столетий подряд. Однако это ничего не меняет. И не потому, что мы злы, а потому, что мы тупы. Да, у человека есть темная сторона, и ее называют глупостью.

Я не проронил ни слова, но внутренне я аплодировал дону Хуану, с восхищением отметив его искусство спорить. Уже в который раз он достойно парировал мои возражения.

Немного помолчав, дон Хуан объяснил, что по той же причине, по которой ритуальное действие заставляет обычных людей возводить огромные церкви, являющиеся памятниками чувству собственной важности, — ритуал также заставляет магов строить здания истощения и одержимости. Вот почему обязанностью каждого Нагваля является управление осознанием таким образом, чтобы оно устремилось непосредственно к абстрактному, свободе от долгов и залогов.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан, под «долгами и залогами»?

— Ритуал овладевает нашим вниманием легче, чем что бы то ни было, — сказал он. — Однако слишком дорого приходится платить за это. Этой высокой ценой является энергетическое истощение, а истощение может стать тягчайшими долгами и залогами нашего осознания.

Дон Хуан сказал, что осознание человека напоминает огромный заколдованный дом. Осознание повседневной жизни как бы пожизненно запечатано в одной из комнат этого дома. Мы входим в эту комнату через

магические ворота — рождение. Таким же образом мы выходим через другие магические ворота — смерть.

Однако маги смогли найти еще один выход и выбраться из этой запечатанной комнаты, оставшись в живых. Это явилось их величайшим достижением. Но вершиной их достижений было то, что, вырвавшись из этой запечатанной комнаты, они выбрали свободу. Они решили совсем поки-. нуть этот огромный дом вместо того, чтобы затеряться в его бесчисленных комнатах.

Истощение является антитезой приливу энергии, в котором осознание нуждается для обретения свободы. Истощение заставляет магов потерять путь, и тогда они начинают блуждать по запутанным и темным лабиринтам неизвестного.

Я спросил у дона Хуана, было ли истощение у четверки Тулио.

— Странность нельзя считать истощением, — ответил он. — Тулио были исполнителями, нанятыми самим духом.

— Какой смысл Нагвалю Элиасу было обучать четырех Тулио именно так, а не иначе? — спросил я.

Дон Хуан уставился на меня, а затем громко рассмеялся. В этот момент над площадью зажглись вечерние огни. Он встал со своей любимой скамейки и погладил ее ладонью, словно она и впрямь была его любимым животным.

— Свобода, — сказал он. — Он хотел, чтобы они были свободны от условностей восприятия. Поэтому он учил их быть артистами, мастерами своего дела. Сталкинг — это искусство. Поскольку маг не является ни покровителем искусства, ни его продавцом, единственно важной вещью для него является сам процесс исполнения.

Мы стояли у скамьи, глядя на прогуливавшуюся по площади вечернюю публику. Рассказ дона Хуана о четверых Тулио погрузил меня в какое-то ощущение предчувствия. Дон Хуан посоветовал мне возвращаться домой. Длительная автомобильная поездка в Лос-Анджелес, по его словам, даст возможность моей точке сборки окрепнуть после всех сдвигов, которым она подверглась за последние несколько дней.

— Общество Нагваля очень утомительно, — продолжал он. — Это вызывает странную усталость, оно даже может быть опасным.

Я начал уверять его, что совершенно не чувствую усталости и что общение с ним уж никак не может повредить мне. Фактически его общество действовало на меня как наркотик — я не мог жить без него. Эти слова могли показаться лестью, но на самом деле я действительно имел в виду то, что сказал.

Мы три или четыре раза прошлись по площади в абсолютном молчании.

— Езжай домой и подумай об основных ядрах магических историй, — сказал дон Хуан с ноткой завершенности в голосе. — Или, скорее, не стоит думать о них, но постарайся сдвинуть свою точку сборки в сторону безмолвного знания. Перемещение точки сборки — это все, но оно ничего не значит, если не является трезвым и контролируемым действием. Итак, закрой дверь саморефлексии. Будь безупречен, и у тебя будет достаточно энергии, чтобы достичь места безмолвного знания.

кн.9 (1993) «ИСКУССТВО СНОВИДЕНИЯ»

Перевод введения и гл. 1-3: А.Сидерский, гл. 4,5,8,10: А.Мищенко, гл. 6,7: Ю.Михалин, гл. 11-13: И.Старых

От автора

В течение последних двадцати лет я написал серию книг о своем обучении у дона Хуана Матуса — мага из мексиканского племени индейцев яки. В своих книгах я рассказывал о том как он обучал меня магии, но магии не в обычном понимании, — то есть не в смысле владения сверхъестественными силами либо использования колдовских манипуляций, ритуалов и заклинаний для получения волшебных эффектов. С точки зрения дона Хуана магия — это способ реализации некоторых теоретических и практических предпосылок, касающихся природы восприятия и его роли в формировании окружающей нас вселенной.

Следуя пожеланиям дона Хуана, я воздержался от употребления слова «шаманизм» в качестве названия того рода знания, которому он учил меня, поскольку шаманизм — категория скорее антропологическая. Во всех своих книгах я употреблял то слово, которым пользовался сам дон Хуан — «магия». Однако, несколько разобравшись в том, чему же меня учили, я пришел к заключению, что название «магия» вносит дополнительную неясность в этот и без того не слишком ясный феномен.

Работы по антропологии описывают шаманизм как систему верований, присущую некоторым туземным народам северной Азии, а также некоторым индейским племенам Северной Америки. Согласно шаманистским трактовкам, наш мир пронизан невидимым миром духовных сил предков. Силы эти бывают как добрыми, так и злыми. Тот, кто владеет шаманскими практиками, способен вызывать их и ими управлять, являясь промежуточным звеном между нашей обычной реальностью и сферой сверхъестественных сил.

Дон Хуан действительно был связующим звеном между реальностью мира повседневности и невидимым миром, который он называл не сферой

сверхъестественного, а сферой второго внимания. Его задача как учителя заключалась в том, чтобы сделать ее доступной моему восприятию. В предыдущей своей работе я описал методы обучения, которыми он для этого пользовался, а также те приемы магического искусства, которые он заставлял меня практиковать. Самым важным из них было особое искусство видеть сны — искусство контролируемого сновидения.

Дон Хуан утверждал, что мир, который мы считаем единственным и незыблемо абсолютным, является лишь одним из множества параллельно существующих миров, наподобие того, как располагаются слои в луковице. Он уверял, что все эти сферы иного бытия так же реальны, уникальны и абсолютны, как и наш мир. И мы обладаем способностью в определенной степени внедряться в них, хотя энергетически ограничены возможностью воспринимать только наш мир.

Дон Хуан объяснил мне, что одного желания недостаточно чтобы научиться воспринимать другие миры, — необходимо накопить энергию, достаточную для того, чтобы их «ухватить». Другие миры существуют постоянно и независимо от нашего осознания, но их недоступность нашему восприятию является целиком и полностью следствием нашей обусловленности. Другими словами, исключительно благодаря этой обусловленности мы вынуждены согласиться с тем, что мир нашей повседневности единственно возможный мир.

Дон Хуан считал, что наша энергетическая обусловленность вполне поправима. Он утверждал, что в древние времена маги разработали систему практических методов, призванных изменить энергетическую обусловленность способностей нашего восприятия. Этот набор практических методов получил название искусства сновидения.

Теперь, по истечении времени оглядываясь назад, я понимаю, что точнее всего дон Хуан охарактеризовал искусство сновидения назвав его «вратами в бесконечность». Тогда же я заявил, что эта метафора ни о чем мне не говорит.

— Хорошо, не будем пользоваться метафорами, — уступил он. — Так, искусство сновидения есть путь, посредством которого маги используют обычные сны.

— Как могут быть использованы обычные сны? — поинтересовался я.

— Слова, — сказал он. — Вечно они вводят нас в заблуждение. Когда мой учитель пытался объяснить мне, что такое искусство сновидения, он назвал его магическим способом желать миру спокойной ночи. Конечно, он просто старался подогнать свое описание под характер моей ментальности. Тоже самое делаю я в твоем случае.

По какому-то другому поводу дон Хуан сказал мне: — Сновидение должно быть испытано, иначе просто невозможно понять — что же это такое. Простое наблюдение снов не есть сновидение. Полет мысли, представление желаемого и любое действие по созданию картин в воображении — тоже не то.

Сновидение раскрывает перед нами возможность восприятия других миров. Мы можем описывать эти миры, но не способны описать то, что позволяет нам их воспринимать. И в то же время нам дано ощутить, каким образом сновидение открывает перед нами вход в иные сферы бытия. Я бы сказал, что сновидение — это ощущение, процесс, протекающий в теле, и осознание, возникающее в уме.

В ходе общего обучения дон Хуан подробнейшим образом объяснял мне принципы, теоретическое обоснование и практические приемы искусства сновидения. Инструкции его разделялись на две части. Первая из них касалась собственно методик практики сновидения, вторую составляли абстрактные объяснения этих методик. Метод обучения, которым пользовался дон Хуан, был своего рода игрой, построенной на взаимодействии моего чисто интеллектуального любопытства и моего желания удовлетворить это любопытство практически. Вначале дон Хуан заинтересовал меня изложением абстрактных принципов сновидения, а потом вводил в курс практической стороны, давая мне тем самым возможность удовлетворить свой интерес самым непосредственным образом.

Я уже описывал все это — настолько подробно, насколько мог. Описывал я также и ту особую магическую среду, в которую дон Хуан вводил меня, чтобы обучать своему искусству. Мое функционирование в этой среде представляло для меня особый интерес, поскольку оно полностью принадлежало к сфере второго внимания. Именно во втором внимании я взаимодействовал с десятью женщинами и пятью мужчинами — членами отряда дона Хуана, а также с его

учениками, среди которых было четверо молодых людей и четыре молодые женщины.

Дон Хуан набрал учеников сразу же после того, как я вошел в его мир. Мне он со всей определенностью дал понять, что они образуют традиционную магическую группу, воспроизводящую структуру его собственной партии магов, и что мне предстоит их возглавить. Однако в ходе работы со мной он понял, что я не совсем таков, каким он меня представлял изначально. Отличие он объяснил в терминах энергетической конфигурации, которую могут видеть только маги. Моя энергетическая сфера имела не четыре сектора, как сфера самого дона Хуана, а только три. Он ошибался, полагая, что сможет исправить этот дефект. Из-за такой энергетической конфигурации я совершенно не годился на роль лидера восьми набранных доном Хуаном учеников. Причем не годился настолько, что, не видя иного выхода, дон Хуан вынужден был набрать новую группу людей, в большей степени соответствовавших моей энергетической структуре.

Обо всех происходивших тогда событиях я уже писал, и достаточно подробно. Но я ни разу не упомянул о второй группе учеников. Дон Хуан строжайше запрещал мне делать это. Он утверждал, что они находятся всецело в моем поле. А согласно договору, заключенному между нами еще в самом начале, мне разрешалось писать только о том, что относилось к полю дона Хуана.

Вторая группа учеников, вернее учениц, бывшая исключительно компактной, состояла всего из трех членов: видящей Флоринды Грау, сталкера Тайши Абеляр и женщины-нагвая Кэрол Тиггс.

Мы взаимодействовали друг с другом исключительно во втором внимании. В мире повседневной жизни мы не имели друг о друге даже смутного представления. Что же касается отношений каждого из нас с доном Хуаном, то здесь все было совершенно ясно: он вкладывал одинаково огромные силы в обучение и тренировку каждого из нас. Тем не менее, ближе к концу, когда время дона Хуана было почти исчерпано, психологическое давление, вызванное его предстоящим уходом, начало разрушать бывшие до тех пор незыблемыми границы сферы второго внимания. В результате наше взаимодействие стало выплескиваться в мир повседневности. И мы впервые, как нам казалось, — встретились.

В состоянии обычного осознания ни один из нас не знал о нашем глубоком и напряженном взаимодействии в сфере второго внимания. Поскольку все мы в той или иной степени были людьми рационального склада ума, мы были более чем в шоке, выяснив, что уже встречались прежде. В интеллектуальном плане этот факт был и, конечно же, остается, непостижимым для нас, хотя мы знали с полной определенностью, что все это ни в коей мере не выходит за пределы нашего практического опыта. Таким образом, мы были оставлены здесь наедине с тревожным знанием о том, что наша психика суть вещь неизмеримо более сложная, чем твердит нам наш повседневный рассудок или результаты академических научных исследований.

Однажды, когда дон Хуан еще был с нами, мы все одновременно попросили его внести ясность и объяснить нам, что с нами происходит. Он сказал, что возможны два варианта объяснения. Первый позволяет несколько поддержать нашу пошатнувшуюся рассудочность. Согласно этому варианту второе внимание — это состояние осознания, так же однозначно относящееся к области иллюзий, как и парящие в небесах слоны. Поэтому все, что мы, как нам казалось, испытывали в этом состоянии, было не более чем результатом гипнотической суггестии. Второй вариант — то, как это понимается магами, — строится на рассмотрении энергетической конфигурации осознания.

Однако в ходе выполнения данных мне заданий по практике искусства сновидения, барьер второго внимания оставался для меня неизменным. Каждый раз, входя в состояние сновидения, я вступал и в сферу второго внимания. Но когда я просыпался, — это вовсе не обязательно означало, что я из нее вышел. Поэтому в течение многих лет мне удавалось вспомнить лишь крупицы опыта, обретенного мною в процессе сновидения. Основная же часть того, что я делал, была мне энергетически недоступна. На то, чтобы накопить количество энергии, достаточное для реорганизации содержимого моего ума и восстановление линейной последовательности событий, мне понадобилось пятнадцать лет — с 1973 по 1988 — непрерывной, напряженнейшей работы. В конце концов я вспомнил. Выстроенные в ряд события дополняли друг друга, и мне наконец удалось заполнить места в памяти, казавшиеся поначалу пробелами. Таким образом я восстановил внутренний порядок и полную последовательность уроков дона Хуана, касавшихся практики искусства сновидения. Прежде такое восстановление всей полноты этой последовательности было для меня принципиально неосуществимо вследствие того, что дон Хуан постоянно заставлял состояние моего осознания колебаться

между сферами повседневности и второго внимания.

Данная книга является результатом выполненной мною реорганизации осознания.

Теперь я подошел к заключительной части моей вводной статьи, а именно — к причинам, побудившим меня вновь взяться за перо и написать эту книгу. Обладая практически полной информацией, содержавшейся в учении дона Хуана об искусстве сновидения, мне бы хотелось в будущих своих работах коснуться нынешнего положения и интересов четырех его последних учеников — Флоринды Грау, Тайши Абеляр, Кэрол Тиггс и меня самого. Но прежде чем взяться за рассказ о результатах нашего обучения под руководством дона Хуана и того влияния, которое он на нас оказал, я считаю необходимым изложить в свете своих новых знаний те разделы учения дона Хуана об искусстве сновидения, доступа к которым я раннее не имел.

Решающий же аргумент в пользу написания данной работы был сформулирован женщиной-нагваль Кэрол Тиггс. Она считает, что рассказывая о мире, оставленном нам в наследство доном Хуаном, мы наилучшим образом выражаем свою благодарность ему и преданность как учеников.

1 глава. Маги древности (вместо введения)

Дон Хуан неоднократно повторял, что все, чему он меня учит, является плодом обработки определенными людьми того, что они видели и визуализировали. Людей этих он называл магами древности, ясно давая понять, что между ними и магами современности существуют принципиальные различия. К категории магов древности, дон Хуан относил людей, живших на территории Мексики за тысячи лет до Конкисты — испанского завоевания. На основании своих величайших достижений они создали магические структуры, отличавшиеся практичностью и конкретностью применения. Дон Хуан говорил, что эти люди были блестящими практиками, но вот мудрости им не хватало. В

противоположность древним, маги современности, по словам дона Хуана, отличаются трезвостью ума и способностью упрощать и совершенствовать магическую практику в тех случаях, когда это, по их мнению, необходимо.

Как объяснил мне дон Хуан, магические предпосылки, из которых развилось искусство сновидения, были разработаны древними магами на основе того, что они увидели естественным образом. Ключевое значение этих предпосылок с точки зрения объяснения и понимания сновидения заставляет меня рассмотреть их ещя раз. Поэтому, в силу необходимости, основная часть данной книги посвящена пересмотру и углублению понимания информации, уже излагавшейся мною в предыдущих моих работах.

В одном из наших разговоров дон Хуан заявил, что для оценки реального положения сновидящих и искусства сновидения, необходимо отдавать себе отчет в том, почему современные маги прилагают максимум усилий для перевода магии от конкретности к абстрактному.

— Что ты подразумеваешь под конкретностью, дон Хуан? — спросил я.

— Практическую часть магии, — ответил он. — Навязчивую фиксацию ума на практических методах и приемах, позволяющих влиять на других людей, что, впрочем, не всегда удается.

— А о чем ты говоришь, когда ведешь речь об «абстрактном»?

— О поиске свободы — не ограниченной привязанностями и наваждениями свободы восприятия во всям доступном человеческому существу диапазоне. Я говорю, что маги современности стремятся к абстрактному потому, что они стремятся к освобождению. Конкретные достижения их не интересуют. Ибо у них, в отличии от магов древности, нет никаких социальных функций. Ты никогда не встретишь современного мага в роли официального ясновидца или придворного чародея.

— То есть ты хочешь сказать, дон Хуан, что для современных магов прошлое не имеет никакого значения?

— Ну как же не имеет? Безусловно, имеет. У прошлого есть некий оттенок, который нам совсем не нравится. Лично для меня это — темнота и истощения

разума. Мне нравится беспредельность мысли. Однако, независимо от того, что мне нравится, а что — нет, я должен отдать должное магам древности. Ибо они первыми обнаружили все то, что мы знаем и используем сегодня. Дон Хуан объяснил, что важнейшим из достижений древних магов было обнаруженное ими умение воспринимать энергетическую сущность предметов, существ и явлений. Это глубинное прозрение имело столь существенное значение, что превратилось в основную предпосылку всего магического искусства. В наше время, подчиняя всю жизнь дисциплине и постоянно тренируясь, маги целенаправленно обретают способность воспринимать сущность вещей. Способность эту они называют видением.

— Какое значение для меня могла бы иметь возможность воспринимать энергетическую сущность вещей? — как-то спросил я дона Хуана.

— Это значит, что ты смог бы непосредственно воспринимать энергию, — ответил он. — Отбросив ту часть восприятия, которая связана с социальными интерпретациями, ты сможешь воспринимать внутреннюю сущность чего угодно. Все, что мы воспринимаем, есть энергия. Но, поскольку мы неспособны воспринимать ее непосредственно, без интерпретаций, мы обрабатываем результаты восприятия, подгоняя их под определянный шаблон. Этот шаблон и есть социально значимая часть восприятия, которую надлежит выделить и изолировать.

— Почему я должен ее изолировать?

— Затем, что она целенаправленно уменьшает объям потенциально возможного восприятия, заставляя нас быть уверенными в том, что реально существующее ограничено шаблоном, под который мы подгоняем свое восприятие. Я убежден, что для выживания человечества людям необходимо срочно изменить саму социальную основу своего восприятия.

— А какова социальная основа восприятия, дон Хуан?

— Физическая определенность, уверенность в том, что мир состоит из отдельных конкретных объектов. Я называю это социальной основой потому, что каждый человек прилагает серьезнейшие усилия, яростно пытаясь удержать свое восприятие мира в общепринятом русле.

— А как же тогда следует воспринимать мир?

— Все есть энергия. Вся Вселенная — это энергия. Должна измениться социальная основа нашего восприятия, само качество физической определенности должно стать иным. Нам следует обрести уверенность — именно физическую уверенность — в том, что не существует ничего, кроме энергии. Необходимо совершить усилие, достаточно мощное для того, чтобы изменить русло восприятия, заставив нас воспринимать энергию как энергию. Тогда обе возможности выбора будут в кончиках наших пальцев.

— Но возможно ли воспитать людей таким образом? — спросил я.

Дон Хуан ответил, что это возможно. Именно этим он и занимается со мной и другими учениками. Он обучал нас новому способу восприятия, для чего, во-первых, заставлял нас осознать, что мы обрабатываем результаты нашего восприятия, подгоняя их под определянный шаблон, и, во-вторых, усердно подталкивая нас к непосредственному восприятию энергии. Он заверил меня, что этот метод в значительной степени подобен тому, который используется для обучения нас восприятию мира повседневности.

Дон Хуан полагал, что западня социального шаблона, в которую поймано наше восприятие, теряет силу и прекращает работать, стоит только нам осознать природу принятого нами шаблона, унаследованного от предков без малейших попыток критически его исследовать.

— Неважно, положительно или отрицательно было значение восприятия Вселенной как мира конкретных твердых объектов, но нашим предкам этот режим восприятия был жизненно необходим, — сказал он. — В течение множества веков мы воспринимали мир именно таким, и теперь в результате вынуждены верить, что именно таковыми является, — миром, состоящим из обособленных конкретных предметов.

— Я не могу представить себе мир другим, дон Хуан, — пожаловался я. — Для меня он, вне всякого сомнения, — мир конкретных твердых объектов. Тем более, что доказать это ничего не стоит — достаточно один раз врезаться лбом в какой-нибудь из них.

— Но разумеется, мир вполне предметен. Мы против этого и не возражаем.

— О чем же тогда ты говоришь?

— О том, что в первую очередь мир является миром энергии, и лишь потом — миром объектов. Однако, если мы не начнем с предпосылки, гласящей, что мир — это энергия, мы никогда не обретем способности непосредственного восприятия энергии. Нас неизменно будет останавливать отмеченная только что тобою физическая очевидность «твердости» составляющих мир объектов.

Аргументы эти были для меня загадочными. В то время мой разум просто отказывался принимать к рассмотрению какие бы то ни было пути понимания мира, кроме традиционно привычного. Утверждение дона Хуана и установки, к которой он пытался развить, выглядели в моих глазах неким подобием диковинных теорем, которые я не мог ни принять ни отвергнуть.

— Наш способ восприятия — это способ, свойственный хищнику, — однажды сказал мне дон Хуан. — Очень эффективный метод оценки и классификации добычи по степени опасности. Но это — не единственный доступный способ воспринимать. Существует и другой тип восприятия, с которым я и пытаюсь тебя познакомить — восприятия сущности всего: непосредственное восприятие энергии.

Восприятие сути всего заставит нас совершенно по-новому понять, классифицировать и описать мир. И это новое описание будет гораздо более захватывающим, чем привычное нам нынешнее, а его язык — несравнимо изощряннее и богаче. Тот более изощренный и богатый язык, о котором шла речь, был языком магических истин, унаследованным доном Хуаном от его предшественников. Термины и понятия, присущие этому языку, не имеют под собой никакого рационального обоснования и никак не соотносятся с привычными фактами мира нашей повседневности, но являются самодостаточными истинами, совершенно очевидными для магов, способных непосредственно воспринимать энергию и видеть внутреннюю суть всего.

Самым значительным магическим действом для этих магов является непосредственное восприятие сущности вселенной. Дон Хуан считал, что наилучшим образом ее описали те маги древности, которые первыми ее увидели. Они говорили, что сущность вселенной напоминает светящиеся нити, протянувшиеся во всех мыслимых и немыслемых направлениях из

бесконечности в бесконечность — светящиеся волокна, обладающие собственным непостижимым для человеческого ума самосознанием.

После того, как древние видящие увидели сущность вселенной, они научились видеть энергетическую сущность всех человеческих существ. Дон Хуан говорил, что они описали человеческие существа как яркие образования, формой напоминавшей гигантские яйца. Эти образования назвали светящимися коконами.

— Когда маг видит человеческое существо, — продолжал дон Хуан, — он видит громадное светящееся образование, которое при перемещении оставляет глубокую борозду в энергетическом поле Земли. Оно как бы плывет, волоча за собой наподобии хвоста вспахивающий землю стержневидный корень.

Дон Хуан полагал, что наша энергетическая форма изменяется с течением времени. Он говорил, что любой видящий, в том числе и он сам, гораздо чаще видит людей не в форме яиц, а в форме шаров, а иногда — даже в форме чего-то прямоугольного, подобного надгробной плите. Но иногда, по неизвестным для магов причинам, им попадаются люди, чью форму они видят как яйцо. Дон Хуан предполагал, что люди, обладающие в наше время яйцеобразной формой, больше соответствуют по своей структуре людям древности.

В ходе изложения своего учения дон Хуан неоднократно повторял и разъяснял то, что он считал решающей находкой, сделанной магами древности. Он называл это критической характеристикой человеческого существа как светящегося шара, и описывал в виде круглого пятна особо интенсивной светимости размером с теннисный мячик, постоянно располагающегося внутри светящегося шара вровень с его поверхностью на расстоянии двух футов позади правой лопаточной кости тела человека.

Поскольку поначалу у меня были проблемы с визуализацией всего этого, дон Хуан объяснил, что светящийся шар гораздо больше человеческого тела, и что пятно интенсивной светимости является частью этого энергетического шара. Располагается это пятно на уровне лопаток на расстоянии вытянутой руки от спины человека. Дон Хуан сообщил мне, что, увидев, как работает это пятно, древние маги назвали его «точкой сборки».

— И как же работает точка сборки? — поинтересовался я

— Она обусловливает наше восприятие, — ответил дон Хуан. — Древние маги видели, что именно там, в этой точке собирается восприятие человеческих существ. Увидев, что подобным пятном светимости повышенной интенсивности обладает любое живое существо, древние маги пришли к заключению, что вообще любое восприятие, каким бы оно ни было, формируется как раз в этом месте.

— Что именно из того, что видели маги древности, привело их к заключению, что восприятие имеет место в точке сборки? — спросил я.

Он ответил, что, во-первых, они увидели, что непосредственно через точку сборки проходят лишь очень немногие из миллионов светящихся нитей вселенной. Это и неудивительно, ведь размер точки сборки относительно мал по сравнению с целым.

Во-вторых, они увидели, что точка сборки всегда окружена дополнительным сиянием сферической формы, немного больше нее по величине. Этим сиянием значительно усиливается свечение нитей, непосредственно проходящих через него.

И, наконец, они увидели еще две вещи. Первая — точки сборки человеческих существ могут изменять свое положение. И второе — при нахождении точки сборки в привычном положении восприятие и осознание человека производили впечатление нормальных, судя по поведению субъектов, за которыми проводились наблюдения. При смещении же точки сборки и окружающего ее сияния с привычного места, поведение наблюдаемых субъектов становилось странно необычным, что казалось доказательством наличия изменений в их осознании, равно как и некотрой трансформации их способа восприятия.

Вывод, который древние маги сделали на основании этих наблюдений, был следующим: чем больше сдвигается точка сборки из своего обычного положения, тем более странным становится поведение индивида, что, очевидно, следует из необычности осознания и восприятия.

— Обрати внимание, — предупредил меня дон Хуан, — когда я говорю о видении, то всегда пользуюсь фразами типа «похоже на то, что», «кажется». Дело в том, что результаты видения настолько уникальны и специфичны, что говорить о них можно только сопоставляя их с чем-то уже нам известным.

Он сказал, что наиболее подходящим примером сложности описания увиденного может служить то, как маги говорят о точке сборки и окружающем ее сиянии. Их описывают как зоны светимости повышенной яркости, хотя яркость тут не при чем, ведь видение осуществляется не при помощи глаз. Однако, чтобы как-то подчеркнуть отличие этих образований от всего остального, говорят, что точка сборки есть световое пятно, окруженное чем-то вроде гало, неким сиянием. Как подчеркнул дон Хуан, мы настолько скованы привычкой к приемущественно визуального «восприянию хищника», что вынуждены интерпретировать все в терминах нормального визуального восприятия, свойственного хищнику, который смотрит глазами.

Дон Хуан рассказал, что, после того, как древние маги увидели точку сборки с окружающим ее сиянием и составили представление о их вероятной функции, они приступили к разработке объяснения. Они предположили, что, фокусируя сферическое сияние на энергетических нитях вселенной, непосредственно сквозь это сияние проходящих, точка сборки человеческих существ автоматически без какого бы то ни было предварительно осознанного намерения собирает эти волокна, формируя из них устойчивую картину, воспринимаемого мира.

— Но каким образом волокна, о которых ты говоришь, могут быть собраны в устойчивую картину воспринимаемого мира? — спросил я.

— Этого не может знать никто, — ответил дон Хуан. — Маги видят движение энергии. Но видеть ее движение недостаточно, чтобы сказать, как и почему это происходит.

Дон Хуан утверждал, что, после того, как они увидели миллионы сознательных энергетических волокон, проходящих через точку сборки, древние маги сформулировали постулат, гласивший: проходя сквозь точку сборки, волокна собираются в пучок под действием окружающего точку сборки сияния. Увидев, насколько меркнет это сияние у людей, находящихся без сознания или при смерти, и как оно полностью исчезает у мертвецов, древние маги пришли к

убеждению, что это сияние и есть свечение осознания.

— Имеется ли точка сборки у трупа? — поинтересовался я. Дон Хуан ответил, что у мертвого существа бесследно исчезает, поскольку именно она вместе с окружающим ее сиянием является основным признаком жизни и наличия осознания. На основании своих наблюдений маги древности пришли к неизбежному выводу: осознание и восприятие неразрывно связаны друг с другом, с точкой сборки и окружающим ее сиянием.

— Не может быть так, что древние маги ошиблись, когда пытались разобраться в том что видели? — спросил я.

— Я не могу объяснить тебе, почему, но маг никоим образом не может ошибиться, интерпретируя то, что видит, — ответил дон Хуан тоном, недопускающим возражений. — Выводы, к которым древние маги пришли в свое время, могут оказаться неправильными сейчас, но лишь потому, что они давали неправильные интерпретации, будучи наивными и не имея подготовки, соответствующей нынешнему уровню понимания. Чтобы избежать подобных ошибок, маг, если он намерен заниматься интерпретациями, должен постоянно оттачивать свой ум.

Затем дон Хуан несколько смягчился и ответил, что, безусловно, гораздо менее опасно для мага оставаться на уровне простого описания увиденного, но побуждение обобщать, интерпретировать, делать выводы и объяснять — пусть хотя бы самому себе — чересчур сильно, чтобы ему можно было противиться. Воздействие смещения точки сборки на энергетическую конфигурацию существ стало еще одним объектом, который маги древних времен принялись изучать с помощью видения. Дон Хуан объяснил, что при смещении точки сборки в новое положение в этом месте формируется новый конгломерат светящихся энергетических волокон. Увидев это, маги древности пришли к выводу, согласно которому восприятие автоматически собирается там, где находится точка сборки, поскольку она всегда окружена свечением осознания. Однако вследствие того, что сборка осуществляется на новом месте и задействует новые волокна, собранный мир не может не отличатся от привычного нам повседневного мира.

Дон Хуан объяснил, что древние маги различали два типа смещений точки сборки. Первый тип — смещение в любое положение по поверхности

светящегося шара или внутрь него. Такое смещение получило название сдвига точки сборки. Второй тип — смещение точки сборки наружу, за пределы светящегося шара. Это было названо движением точки сборки. Маги древних времен обнаружили, что различием между сдвигом и движением определяется природа восприятия, формирующегося в результате смещения.

Поскольку сдвиг точки сборки является ее смещением в пределах светящегося шара, миры, воспринимаемые вследствие этого, какими бы странно причудливыми они не казались, принадлежат к человеческой сфере. Человеческая сфера составлена энергетическими волокнами, проходящими сквозь светящийся шар. В противоположность сдвигу, движение точки сборки является смещением ее в положение вниз светящегося шара, в результате чего задействуются волокна, относящиеся к сфере человека. Восприятие этих волокон вызывает к жизни немыслимые, непостижимые миры, в которых нет никаких следов чего бы то ни было, свойственного человеку.

В то время проблема получения подтверждений имела для моего разума огромное значение. Поэтому как-то по случаю я заявил:

— Ты меня прости, дон Хуан, однако все, связанное с точкой сборки, кажется мне настолько «притянутым за уши», настолько неприемлемым, что я просто не знаю, что мне делать с этим и что об этом думать.

— Сделать ты можешь только одно — увидеть точку сборки! — парировал он мою тираду. — Видеть не так уж сложно. Основная сложность состоит в том, чтобы пробить стену, которая сдерживает нас и не дает сдвинуться с места. Эта стена существует в уме каждого из нас. А чтобы ее разрушить, все что нам необходимо — это энергия. Как только мы накапливаем достаточное количество энергии, видение приходит само по себе. Просто случается так, что мы начинаем видеть. Весь фокус в том, чтобы выбраться из крепости удовлетворенности собой и ложного чувства безопасности.

— Дон Хуан, я вполне отдаю себе отчет в том, какой огромный объем знаний необходим для того, чтобы видеть. Это — не просто вопрос наличия энергии.

— Это есть вопрос наличия энергии. Самое сложное — убедить себя в том, что это возможно. А для этого необходимо верить нагвалю. Магия тем и чудесна, что каждый маг должен доказать все самому себе на собственном опыте. И я

рассказал тебе о принципах магического искусства отнюдь не с надеждой на то, что ты вся это запомнишь. Я рассчитываю на практическое применение тобой этих принципов.

Говоря о необходимости верить нагвалю, дон Хуан, несомненно, был прав. На начальных стадиях моей тринадцатилетней работы с ним мне труднее всего было принять его мир и его как личность. Ибо это предполагало безраздельную веру и безоговорочное принятие его как нагваля.

Роль дона Хуана в магическом мире в полной мере описывалась его статусом среди таких же магов, как он. Они звали его нагвалем. Мне в свое время объяснили, что этим понятием обозначается человек — мужчина или женщина — обладающий энергетической конфигурацией особого типа, которую видящий воспринимает как двойной светящийся шар. Видящие считают, что когда такой человек вступает в магический мир, его избыточная энергия превращается в мерило силы и способности к лидерству. Нагваль, таким образом, является естественным лидером, его призвание — возглавить группу магов.

Поначалу мысль о таком доверии к дону Хуану выводила меня из равновесия, будучи противоестественной. Когда я сообщил ему об этом, он успокоил меня, сказав, что для него проблема доверия к учителю стояла не менее остро. — Как-то я сказал своему учителю в точности тоже самое, что ты мне, — сказал дон Хуан. — Он ответил, что без веры в нагваля не может быть избавления от всего того, чем захламлена наша жизнь, и потому не может быть освобождения. Без сомнения, он был прав.

Я еще раз выразил свое принципиальное несогласие. Я рассказал ему, что меня воспитывали в гнетущей обстановке религиозного фанатизма, и что это очень плохо на мне отразилось. Его же утверждение, равно как и утверждение его учителя, напоминали мне о догматах смирения и покорности, которыми я был сыт по горло с детства.

— Твои слова о нагвале звучат как догмат символа веры, — сказал я ему.

— Ты можешь верить во что угодно, — возразил он. — Но факт остается фактом: нет игры без нагваля. Я это знаю и я это говорю, также, как и все нагвали до меня. Но как и я, они говорили это вовсе не из чувства

собственной важности. И когда говорится, что без нагваля не может быть пути, подразумевается лишь одно: нагваль — человек особый, потому что он лучше кого бы то ни было способен отражать абстрактное, дух. Но и только. Все мы связаны с духом напрямую, и лишь опосредованно — с человеком, который приносит нам послание духа.

Я научился безоговорочно доверять дону Хуану как нагвалю. Как он говорил, это принесло мне чувство огромного облегчения и способность принять все то, чему он меня учил.

При изложении своего учения дон Хуан уделял внимание всему, связанному с точкой сборки. Однажды я спросил у него, имеет ли точка сборки какое-либо отношение к физическому телу.

— К тому, что мы обычно воспринимаем в качестве человеческого тела, точка сборки отношения не имеет, — ответил он. — Точка сборки является частью светящегося яйца — нашей энергетической сущности.

— За счет чего она смещается? — спросил я.

— За счет воздействия потоков энергии. Их генерируют энергетические всплески внутри или вне нашей энергетической формы. Как правило, формирование потоков непредсказуемо и происходит по случайным законам. Однако маги не только предвидят характер и поведение энергетических потоков, но и подчиняют их своему намерению.

— А ты сам ощущаешь эти потоки?

— Их ощущает каждый маг. Их чувствует и любое человеческое существо, но обычные люди слишком заняты своими повседневными делами, чтобы обращать внимание на подобные ощущения.

— На что похоже ощущение энергетического потока?

— Легкий дискомфорт, мимолетная печаль, которая сменяется эйфорией. Поскольку ни печаль ни эйфория не имеют объяснимой причины, мы обычно не склонны относится к ним как к достоверному признаку того, что на нас накатывается неизвестное. Мы списываем это на счет необъяснимых и в

общем-то не очень здоровых колебаний настроения.

— Что происходит, когда точка сборки сдвигается за пределы энергетической формы? Она зависает снаружи? Или как-то прикрепляется к светящемуся шару?

— Она вытягивает контур светящегося шара вовне, не разрывая его энергетических границ.

Дон Хуан объяснил, что конечным результатом движения точки сборки является полное изменение энергетической формы человеческого существа. Вместо того, чтобы оставаться яйцом или шаром, она трансформируется в нечто, напоминающее по виду курительную трубку. Конец мундштука — это точка сборки, чашка — то, что осталось от светящегося шара. Если точка сборки продолжает движение, то в конце концов наступает момент, когда светящийся шар превращается в тонкую полоску энергии.

Далее дон Хуан объяснил, что трансформация энергетической формы — это достижение, на которое были способны только маги древности. Я поинтересовался, оставались ли эти люди по-прежнему людьми после того, как их энергетическая форма изменялась.

— Конечно же, они по-прежнему оставались людьми, — ответил дон Хуан. — Но я думаю, ты хотел бы знать, оставались ли они людьми здравого смысла, которым можно было бы доверять. На этот вопрос я бы ответил: нет, не совсем.

— Чем они отличались?

— Своими побуждениями. Нормальные человеческие цели, склонности и мотивы ровным счетом ничего для них не значили. Кроме того, их внешность тоже определянным образом изменялась.

— Ты имеешь в виду, что они переставали быть похожими на людей?

— Об этих магах очень сложно сказать что-либо наверное. Выглядели они, безусловно, как люди. На кого еще они могут быть похожи? Но в то же время они отличались от того обычного человеческого образа, который ты или я

себе представляем. Но если бы ты попросил меня описать, чем именно они отличались, я не смог бы этого сделать, и ходил бы кругами как собака, которая пытается ухватить себя за хвост.

— Тебе самому приходилось с кем-нибудь из них встречаться, дон Хуан?

— Да, с одним приходмилось.

— Как он выглядел?

— На первый взгляд — как обычный человек. Необычным было его поведение.

— Что именно было в нем необычным?

— Могу только сказать, что его поведение было совершенно невобразимым, но не в смысле манеры себя вести. Чтобы оценить это, нужно увидеть самому.

— И что, все те маги были похожи на того, которого ты встречал?

— Нет, конечно. Я не знаю, какими были другие. Разве что по магическим историям, передающимся из поколения в поколение. А в этих историях они предстают в очень причудливом виде.

— Чудовищном?

— Да нет. Говорят, что они были даже привлекательными, хотя иногда и страшноваты. Они больше были похожи на неких неведомых существ. Все мы — светящиеся шары, и это делает человечество однородным. А те маги не были более шарами, но стали полосами энергии. Они пытались сворачиваться в кольца, но это им не вполне удавалась.

— И что же с ними в конце концов случилось, дон Хуан? Они вымерли?

— В магических историях говорится, что поскольку им удалось растянуть свою энергетическую форму, продолжительность существования их сознания также растянулась. Так что они живы, и по сей день находятся в сознании. Даже ходят рассказы о том, как они периодически объявляются на земле среди людей.

— А сам ты что об этом думаешь, дон Хуан?

— Для меня это чересчур эксцентрично. Меня интересует свобода. Свобода раствориться в бесконечности, сохранив сознание. С моей точки зрения эти древние маги были существами экстравагантными, одержимыми и капризными. Они попались на удочку своих же собственных манипуляций.

Но ты не позволяй моему личному мнению сбить тебя с толку. Ибо нет ничего, равного достижениям магов древних времен. По крайней мере, они доказали, что потенциальные возможности человека более чем достойны серьезного отношения.

Еще одной темой объяснений дона Хуана была необходимость энергетической однородности, и внутренней связи для адекватности восприятия. Он утверждал, что человечество воспринимает известный нам мир в том виде, в котором мы его воспринимаем, только благодаря тому, что все мы обладаем одинаковыми характеристиками энергетической однородности и внутренней связи. Мы автоматически обретаем соответствующие энергетические характеристики в процессе воспитания и относимся к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. И мы не отдаем себе отчета в их жизненно важном значении до тех пор, пока не сталкиваемся с возможностью восприятия миров, отличных от того, который нам известен. Но когда это происходит, мы со всей очевидностью осознаем, что для адекватности и полноты восприятия новой реальности нам требуются новые характеристики энергетической однородности и внутренней связи.

Я спросил, что такое однородность и внутренняя связь. Он ответил, что под однородностью понимается однородность формы — все человеческие существа на земле обладают формой шара или яйца. А тот факт, что человеческая форма сохраняет компоновку шара или яйца, говорит о наличии у человеческого энергетического поля определенной внутренней связи. Примером формирования нового типа энергетической однородности и внутренней связи может служить трансформация энергетической формы древних магов. Новые характеристики однородности обусловили их превращение в полосу: все они как один сделались полосами. А новые характеристики внутренней связи позволяют им сохранять новую форму, оставаясь полосами. Сочетание же новых характеристик однородности и

внутренней связи на уровне энергетической полосы позволяют древним магам воспринимать новый непрерывный мир.

— Каким образом приобретаются соответствующие характеристики однородности и внутренней связи? — спросил я.

— Ключом является положение точки сборки, вернее, ее фиксация, — ответил дон Хуан.

В тот раз он не захотел вдаваться в детали. Поэтому я спросил, могут ли древние маги восстановить себя в форме яйца. Дон Хуан ответил, что был момент, когда они могли это сделать, но не захотели. А затем линейная внутренняя связь закрепилась и возвращение стало невозможным. Но дон Хуан полагал, что окончательная кристаллизация линейной структуры внутренней связи и невозможность возвращения были обусловлены их выбором, продиктованным жадностью. Дело в том, что объем восприятия и возможности этих магов был в астрономическое число раз более обширным чем объем восприятия любого обычного мага, не говоря уже об обычном человеке.

Дон Хуан объяснил, что для существа шарообразной формы сферой человеческого является весь объем в пределах границы шара, сквозь который проходят энергетические волокна. В нормальном состоянии мы воспринимаем не всю сферу человеческого, но, наверное, не более одной тысячной ее общего объема. С учетом этого факта, очевидным становится невероятный масштаб достижения древних магов, умудрившихся растянуть себя в полосу, захватывающую в тысячи раз больше волокон, чем шар, и при этом научившихся воспринимать все проходящие сквозь них волокна.

По настоянию дона Хуана я изо всех сил старался понять новую для меня модель энергетической конфигурации. Он втолковывал мне ее снова и снова, и наконец я кое-как справился с идеей энергетических волокон, существующих внутри и вне светящегося шара. Но как только я начинал представлять себе множество светящихся шаров, модель мгновенно разваливалась в моем уме. Я рассуждал так: те волокна, которые являются внешними для одного светящегося шара, частично окажутся внутренними для другого шара, смежного с первым. Получилось, что при достаточно большом количестве шаров внешних волокон вообще не может быть, ибо все они

окажутся внутри соприкасающихся других шаров.

— Понимание всего этого не является упражнением для разума, — сказал дон Хуан, внимательно выслушав мои доводы. — Вряд ли я смогу объяснить, что именно имеют в виду маги, говоря о волокнах внутри и вне человеческой формы. Когда видящий видит человеческую форму, он видит один-единственный шар энергии. Твое представление относительно множества шаров продиктовано привычкой воспринимать людей как толпу. Но в энергетической вселенной толп не существует. Там есть только отдельные индивидуумы, одинокие, окруженные безграничностью. Ты должен увидеть все это сам.

Я возразил, что с его стороны ни к чему говорить мне о самостоятельном видении, поскольку он знает, что я на это не способен. В ответ он предложил мне одолжить у него немного энергии и воспользоваться ею для того, чтобы увидеть.

— Как я могу сделать это — одолжить у тебя энергию?

— Очень просто. Я могу заставить тебя сдвинуть точку сборки в новое положение, более подходящее для непосредственного восприятия энергии.

Это был первый на моей памяти случай, когда он намеренно заговорил о том, что все время делал: вводил меня в некоторое непостижимое состояние осознания, которое он называл вторым вниманием, и которое бросало вызов всем моим понятием о мире и о самом себе. Итак, чтобы заставить мою точку сборки сдвинуться в более подходящее для непосредственного восприятия энергии положение, дон Хуан хлопнул меня по спине между лопаток с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я провалился в обморок, либо заснул. Вдруг я обнаружил, что смотрю или что мне снится, будто я смотрю на что-то в буквальном смысле неописуемое. Это нечто распространялась во все стороны бесконечно. Оно было образовано чем-то, что напоминало световые струны, но не было похоже ни на что, когда-либо мною виденное или даже воображаемое.

Когда я вновь обрел дыхание, а может быть — проснулся, дон Хуан, выжидательно посмотрев, спросил: — Что ты видел? Я совершенно искренне ответил: — Твой удар заставил меня увидеть звезды. Услышав это, дон Хуан

согнулся пополам от хохота. Потом он отметил, что я просто еще не готов справиться с восприятием необычных вещей.

— Я заставил твою точку сборки сдвинуться, — продолжал дон Хуан, — и в течение мгновения ты созерцал в сновидении энергетические волокна вселенной. Но тебе конечно не хватает то ли дисциплины, то ли энергии на реорганизацию характеристик однородности, и внутренней связи. Древние маги были непревзойденными мастерами такой реорганизации. Именно за счет этого им удавалось увидеть все, что только вообще способен увидеть человек.

— Что значит «реорганизовать характеристики однородности и внутренней связи»?

— Это значит — войти в состояние второго внимания, удерживая точку сборки в новом положении и не давая ей сдвинуться в исходное.

Затем дон Хуан остановился на традиционном определении второго внимания. Он сказал, что вторым вниманием древние маги назвали результат фиксации точки сборки в новом положении. Они рассматривали второе внимание как полноценную сферу действия, подобную обычному повседневному вниманию. Дон Хуан подчеркул, что маги действительно обладают двумя полноценными сферами деятельности. Одна из них — небольшая — называется первым вниманием, осознанием мира повседневности, или фиксацией точки сборки в привычном положении. Вторая сфера деятельности гораздо больше первой. Это — второе внимание, осознание иных миров, или фиксация точки сборки в огромном множестве всех возможных положений.

Применяя то, что он называл магическим маневром, дон Хуан помогал мне переживать совершенно невероятные состояния. Маневр заключался в том, что он либо слегка похлопывал, либо сильно ударял меня на уровне лопаток. Как он объяснял, удары смещали мою точку сборки. Для меня такие смещения означали переход осознания в беспокоящее состояние ни с чем не сравнимой ясности — состояние сверхсознания, продолжавшееся недолго, но позволявшее мне постигать все что угодно с минимальными усилиями и минимальной подготовкой. Восприятие мое в этом состоянии по большей части напоминало странные сны, необыкновенно интенсивные по сравнению с нормальным состоянием осознания.

Дон Хуан оправдывал неизбежность такого маневра тем, что основные понятия и базовые процедуры маг может изложить своему ученику только когда тот находится в нормальном состоянии сознания, но для того, чтобы ученик усвоил подробные абстрактные объяснения, маг вынужден переводить его в состояние второго внимания.

Обычно ученик совершенно не помнит объяснений, полученных им во втором внимании. Но они тем ни менее накапливаются где-то в его памяти и там хранятся в неизменном виде. Маги научились использовать это кажущееся странным свойство памяти, превратив процесс востановления сознательной памяти того, что происходило с ними во втором внимании, в одну из самых сложных и трудно выполнимых традиционных задач магии.

Это кажущееся странным свойство памяти, а также трудновыполнимость задачи вспоминания маги объясняют следующим образом. Каждый раз, когда человек входит во второе внимание, его точка сборки оказывается в новом положении, до этого ей незнакомом. Вспомнить — значит повторно сдвинуть точку сборки в то место, где она была во время пребывания человека во втором внимании. Дон Хуан заверил меня, что маги могут не только абсолютно полностью восстановить все содержимое памяти, но также оживить любое переживание, когда-либо испытанное ими во втором внимании. Для этого они намеренно сдвигают точку сборки в нужные положения. И еще дон Хуан говорил, что на выполнение задачи восстановления содержимого памяти у магов уходит вся жизнь. Когда я находился во втором внимании, дон Хуан давал мне подробнейшие объяснения относительно искусства магии. Он знал, что точность и корректность останутся со мной, вероятнее всего, в нетронутом виде, на всю мою жизнь.

По поводу вероятности их сохранения дон Хуан говорил: — Восприятие человека, находящегося во втором внимании, подобно восприятию ребенка. Поэтому то, что мы узнаем, остается с нами на всю жизнь. «Привычка — вторая натура» — как мы говорим о чем-то, усвоенном в раннем возрасте.

С позиций своего нынешнего знания я понимаю, что дон Хуан заставлял меня входить в состояние второго внимания так часто, как только мог, и на возможно более продолжительное время для того, чтобы подольше подержать мою точку сборки в возможно большем количестве разных положений и научить меня адекватному восприятию при сдвинутой точке сборки. Другими

словами, его целью было заставить меня реорганизовать свою однородность и внутреннюю связь.

Бесчисленное количество раз я воспринимал все также точно и ясно, как я воспринимал мир повседневности в обычном состоянии осознания. Проблемой для меня было возведение моста между моими действиями во втором внимании и моим обычным осознанием. Чтобы понять, что же такое есть второе внимание, мне понадобилось масса времени и сил. И не столько вследствие сложности и замысловатости второго внимания, которые сами по себе весьма усложняли ситуацию, сколько потому, что мне было до невозможности трудно вспомнить не только то, как я входил в состояние второго внимания, но даже то, что такое состояние вообще существует.

Еще одним прорывом, который по утверждению древних магов, имел фундаментальное значение и о котором дон Хуан рассказывал самым подробным образом, было сделанное древними магами открытие того, что точка сборки очень легко смещается во время сна. Это открытие повлекло за собой еще одно: сны обусловлены смещением точки сборки. Маги древних времен увидели — чем значительнее сдвиг, тем более необычные сны видит человек, и наоборот, чем более необычные сны видит человек, тем значительнее сдвиг точки сборки. Дон Хуан рассказал, что эти наблюдения привели к разработке древними магами весьма экстравагантных приемов смещения точки сборки, таких как употребление внутрь растений, вызывающих изменения состояния сознания, а также использование с этой целью состояний голода, крайней усталости и стрессовых ситуаций. Особое же внимание они уделили разработке практики управления снами. Тем самым, вероятно, даже не подозревая об этом, они создали метод, получивший в последствии название практики сновидения.

Однажды дон Хуан сформулировал наиболее адекватное с точки зрения магического искусства определение сновидений. Это произошло во время нашей с ним прогулки по главной площади в городе Оахака.

— Маги рассматривают сновидения как исключительно сложное искусство, — сказал дон Хуан, — искусство намеренного смещения точки сборки из ее привычного положения с целью расширения диапозона восприятия и углубления его интенсивности.

И он рассказал, что в основу своего искусства сновидения, древние маги-видящие положили пять особенностей энергетического потока человеческих существ. Во-первых, древние маги увидели, что те энергетические волокна, которые проходят непосредственно сквозь точку сборки, могут быть собраны в адекватное восприятие.

Во-вторых, они увидели, что если точка сборки смещается в новое положение, то, независимо от того, насколько мало ее смещение, сквозь нее начинают проходить новые, ранее незадействованные волокна, тем самым изменяется осознание, и новые, ранее незадействованные поля энергии собираются в устойчивое связное восприятие.

В-третьих, они увидели, что, когда человек видит обычные сны, точка сборки легко смещается в новые положения вдоль поверхности светящегося яйца и внутрь него.

В-четвертых, они увидели, что можно заставить точку сборки смещаться в положения, находящиеся вне светящегося яйца — в большой внешней вселенной.

И в-пятых, они увидели, что посредством соответствующей дисциплины во время обычного сна и созерцания обычных сновидений можно выработать и систематически практиковать целенаправленное смещение точки сборки.

2 глава. Первые врата сновидения

Прежде чем приступить к своему первому уроку по искусству сновидения, дон Хуан остановился на том, как, постепенно прогрессируя, развивается способность человека управлять вторым вниманием. Сначала человек просто испытывает любопытство, не особенно веря в то, что овладение вторым вниманием является для него реальной возможностью. Затем второе внимание превращается в нечто, порождающее ощущение, — теперь уже человек

начинает его чувствовать. И в конце концов оно развивается в новое состояние бытия, практическую реальность. Второе внимание становится выдающейся силой, нашим пропуском в удивительные миры, образы которых до этого не могли явиться нам даже в наших самых необузданных фантазиях.

Существует два способа изложения магического искусства. Первый — с помощью метафоричных описаний мира магических измерений. Второй — с помощью абстрактной терминологии, свойственной теории и практике магии. Я всегда предпочитал второй способ, хотя обычно рациональный ум человека Запада вряд ли сможет удовлетвориться любым из этих двух способов.

Дон Хуан объяснил мне что скрывалось за его метафорическим описанием развития способности управления вторым вниманием. Являясь результатом смещения точки сборки, второе внимание не может развиться естественным образом, само по себе. Оно формируется под действием намерения. Таким образом, сначала человек должен генерировать намерение развить второе внимание. При этом второе внимание остается не более чем идеей. Но в конце концов человек вырабатывает намерение сохранять второе внимание как устойчивое контролируемое смещение точки сборки.

— Итак, мы начнем с первого шага к овладению силой, — сказал дон Хуан, приступая к изложению искусства сновидения, — Я намерен обучить тебя практике настройки сновидения.

— Что такое настройка сновидения?

Настроить сновидение — значит обрести практическую способность точно управлять общим ходом развития ситуации в сновидении. Например, тебе снится, что ты — в учебном классе. В данном случае настройка сновидения будет заключаться в том, что ты не дашь ситуации, развивающейся во сне, переметнуться в другое место. Ты не перепрыгнешь из класса в горы. Другими словами, ты контролируешь вид класса и не позволяешь ему исчезнуть до тех пор, пока сам того не захочешь.

— Но разве такое возможно?

— Вполне. Этот тип контроля ничем не отличается от контроля, которым мы обладаем в любой ситуации нашей повседневной жизни. Маги привыкают к

этому и пользуются контролем сновидения, когда им это необходимо. Для того, чтобы выработать привычку контролировать сны, тебе необходимо начать с чего-нибудь очень простого. Сегодня ночью ты должен будешь смотреть во сне на свои руки.

Когда я находился в нормальном состоянии осознания, мы почти никогда не касались этой темы. Однако, вспоминая то, что происходило со мной, когда я находился во втором внимании, я обнаружил, что мы возвращались к теме настройки сновидения и обсуждали ее гораздо подробнее. Я, например, высказал дону Хуану все, что думал по поводу абсурдности данного мне задания. В ответ на это дон Хуан предложил мне относиться к заданию как к занятному приключению — своего рода забаве, — а не как к чему-то серьезному и утомительному.

— Всю свою серьезность ты можешь вкладывать в наши беседы о сновидении, — продолжал дон Хуан. — Объяснения всегда требуют глубокого осмысления. Ты можешь быть тяжелым и мрачным — это нормально. Но, созерцая сны, будь легче перышка. Безусловно, практика сновидения требует целостности и серьезного отношения, но качество серьезности здесь несколько иное — это серьезность беззаботного смеха, каким смеется человек, которому не о чем беспокоиться в этом мире. Только при выполнении этого условия искусство видеть сны превращает их в сновидения.

Дон Хуан уверял, что руки он выбрал произвольно. Объектом для фиксации взгляда во сне могли бы быть не руки, а что угодно другое, все равно прием бы работал. Смысл задачи заключается не в том, чтобы отыскать в увиденном сне определенный предмет, а в том, чтобы задействовать свое внимание сновидения.

Дон Хуан описал внимание сновидения как контроль, который человек обретает над сном, фиксируя точку сборки в любом новом положении, где она оказывается, вследствие ее смещения во сне. Более обобщенно он назвал внимание сновидения непостижимой гранью осознания, которая всегда существует сама по себе, ожидая момента, когда мы соблазним ее целью. Внимание сновидения — это скрытая потенциальная возможность, инструмент, который каждый из нас хранит в резерве. Однако возможности применить этот инструмент в повседневной жизни нам, как правило, так никогда и не предоставляется. Первые мои попытки взглянуть во сне на свои руки

окончились полным провалом. После нескольких месяцев безуспешных усилий я прекратил это занятие и в очередной раз пожаловался дону Хуану на абсурдность поставленной им передо мной задачи.

— Существует семь врат, — сказал мне в ответ дон Хуан. — Сновидящий должен открыть их — все семь, по очереди. Сейчас ты стоишь перед первыми вратами. И, если ты намерен овладеть искусством сновидения, тебе предстоит их открыть.

— Почему ты раньше ничего мне об этом не говорил?

— Было бессмысленно рассказывать тебе о вратах сновидения прежде, чем ты уткнешься лбом в первые из них. Теперь ты знаешь: они реально существуют и они являются препятствиями, которые необходимо преодолеть.

Дон Хуан объяснил, что в энергетическом потоке вселенной имеются входы и выходы, и что в конкретном случае сновидения входов — семь. Сновидящий воспринимает их как препятствия, которые и были названы магами семью вратами сновидения.

— Первые врата — это особый порог. Преодолевается он посредством осознания особого ощущения, возникающего перед тем, как человек проваливается в глубокий сон, — говорил дон Хуан. — Это ощущение сродни чувству приятной тяжести, которая не дает нам открыть глаза. Мы достигаем врат в то самое мгновение, когда осознаем, что засыпаем, паря во тьме и ощущении тяжести.

— Но как я могу осознать, что засыпаю? Существуют ли какие-либо специальные приемы?

— Нет. Никаких специальных приемов. Просто намерение осознать, что засыпаешь.

— Но откуда мне взять такое намерение?

— Намерение — это вещь, о которой очень сложно сказать что-нибудь вразумительное. Если я или кто бы то ни было попытается объяснить, что такое намерение, — его слова будут напоминать идиотический бред. Сейчас я

попробую сформулировать. Маг формирует намерение совершить то, что он намерен совершить, просто за счет того, что он намеревается это совершить.

— Но это же ничего не значащая бессмыслица, дон Хуан.

— А ты отнесись к ней повнимательнее. Ведь когда-нибудь тебе самому придется все это объяснять. Мое утверждение кажется тебе бессмысленным потому, что ты не рассматриваешь его в соответствующем контексте. Как любой рационально мыслящий человек, ты относишь понимание исключительно к сфере рассудочного здравого смысла, то есть — к сфере ума.

Но в моем утверждении речь идет о намерении. Поэтому с точки зрения мага понимание этой формулировки относится к сфере функций энергетического тела. Маги считают, что если у человека возникает намерение понять эту формулировку, его энергетическое тело понимает ее совсем иначе, чем это мог бы сделать его ум. Весь фокус в том, чтобы добраться до энергетического тела. А для этого нужна энергия.

— В каких терминах понимает такую формулировку энергетическое тело, дон Хуан?

— Как ощущение, чувство в теле, которое очень тяжело описать. Чтобы узнать, о чем я говорю, тебе необходимо самому это почувствовать.

Я хотел, чтобы он объяснил точнее, но дон Хуан хлопнул меня по спине, переведя тем самым во второе внимание. В то время эта его манипуляция еще оставалась для меня тайной. Я мог бы поклясться, что своим прикосновением он меня загипнотизировал. Я думал, что он мгновенно усыпил меня, и это во сне я вижу себя рядом с ним — мы идем по какой-то широкой обсаженной деревьями улице совершенно незнакомого города. Сон был настолько ярким, а мое осознание происходящего — настолько четким, что я немедленно попытался сориентироваться, читая вывески и рассматривая людей. Говорили вокруг определенно не по-английски и не по-испански, но город был западным. Люди на улицах были похожи на жителей Северной Европы. Я подумал, что, вероятно, это — литовцы, и принялся изучать надписи на домах и дорожные знаки.

Дон Хуан слегка подтолкнул меня и сказал:

— Брось, ты не определишь, где мы, поскольку это невозможно. Просто я одолжил тебе немного своей энергии, чтобы ты смог добрать до своего энергетического тела, и это позволило тебе перейти в другой мир. Однако ненадолго, так что постарайся мудро использовать это время.

Постарайся все рассмотреть, но не слишком открыто — так, чтобы никто тебя не заметил.

В молчании мы прошли один квартал. Это оказало на меня потрясающее воздействие. По мере того, как мы шли, внутри моего тела нарастало ощущение тревоги. Умом я испытывал любопытство, но тело мое было обеспокоено. С пронзительной ясностью я осознал, что нахожусь не в своем мире. Когда мы дошли до перекрестка и остановились, прежде чем перейти улицу, я обратил внимание на аккуратно подстриженные деревья с жесткими скрученными листьями. Вокруг ствола каждого дерева был широкий немощенный квадрат для полива. И ни на одном из этих квадратов я не увидел мусора или травы, столь обычных для городских клумб. Только угольно-черная рыхлая почва.

В тот миг, когда я, прежде чем ступить на мостовую и перейти улицу, взглянул на бордюр тротуара, я вдруг заметил, что на улицах нет машин. Тогда я сделал отчаянную попытку разглядеть людей, во множестве мельтешивших вокруг нас, рассчитывая увидеть что-нибудь, что хоть как-то объяснит мне природу охватившей меня тревоги. Как только я начинал смотреть на кого-либо, тот смотрел на меня в ответ. Мгновенно вокруг нас образовалось кольцо жестких голубых и карих глаз.

Словно молния, меня пронзила догадка: это вовсе не сон, это — реальность, не имеющая отношения к тому, что я привык считать реальным. Я повернулся к дону Хуану. Я почти понял, что странного было в этих людях, но тут необычный сухой ветер ударил мне в лицо, проникая внутрь и задувая в глаза, уши, рот, нос, затуманив мое зрение и заставив меня забыть то, что я собирался сказать дону Хуану. Мгновение спустя я был там, откуда начиналось это путешествие — в доме дона Хуана. Я лежал на соломенной циновке, свернувшись калачиком.

— Я одолжил тебе немного своей энергии, и ты достиг твоего энергетического

тела, — сообщил мне дон Хуан таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся.

Я слышал его слова, но сам я был нем. Необычный зуд в солнечном сплетении делал дыхание поверхностным и болезненным. Я знал, что был где-то на грани некоторого трансцендентального открытия о сновидении и людях, которых видел, но сосредоточиться на том, что я знал, мне не удавалось.

— Где мы были, дон Хуан? Это был сон? Или гипнотическое состояние?

Это был не сон, — ответил он. — Это было сновидение. Я помог тебе достичь второго внимания, чтобы ты понял — намерение — объект, относящийся не к сфере рассудка, но к сфере энергетического тела.

На нынешнем этапе ты не можешь постичь всей важности того, о чем идет речь. Не только потому, что не обладаешь достаточным количеством энергии, но и ввиду того, что тебе незнакомо намерение. Ты никогда раньше не намеревался что-либо совершить или добыть. Если бы ты знал, что это такое, твое энергетическое тело мгновенно постигло бы, что единственный путь формирования намерения заключается в том, чтобы сосредоточить свое намерение на том, что ты намереваешься совершить или получить. В этот раз я сосредоточил его за тебя на достижении твоего энергетического тела.

— Цель сновидения — формирование намерения добраться до энергетического тела? — вдруг спросил я, побуждаемый каким-то странным импульсом.

— Да, конечно, можно сказать и так, — согласился дон Хуан. — В данной конкретной ситуации, поскольку мы ведем речь о первых вратах сновидения, целью сновидения является формирование намерения заставить энергетическое тело осознать, что ты засыпаешь. Заставить нужно не себя, а свое энергетическое тело. Причем скорее не заставить, а просто позволить ему осознать, что ты засыпаешь. Ибо намерение — это желание, в котором отсутствует желание, действие, в котором отсутствует деяние. Намереваться — значит, хотеть, не желая, делать, не делая.

— Прими вызов намерения, — продолжал дон Хуан. — Молча, с полной определенностью и без единой мысли, убеди себя в том, что ты достиг своего энергетического тела, что ты — сновидящий. Сделав это, ты автоматически

научишься осознавать момент засыпания.

— Но как я могу убедить себя в том, что я — сновидящий, если мне доподлинно известно, что я таковым не являюсь?

— Когда ты слышишь о том, что должен себя в чем-то убедить, ты автоматически становишься более рациональным. Как можешь ты убедить себя в том, что ты — сновидящий, если тебе доподлинно известно, что ты таковым не являешься? Все дело в намерении. Ты убеждаешь себя в том, что ты — сновидящий, хотя никогда ранее сновидение не практиковал, и ты становишься в этом убежденным — и то, и другое суть одно и то же намерение.

— То есть мне следует сказать самому себе, что я — сновидящий, а затем приложить максимум усилий к тому, чтобы в это поверить? Ты это имеешь в виду?

— Нет. Намерение — это гораздо проще, и в то же время — бесконечно сложнее. Для его формирования требуются воображение, дисциплина и устремленность. В данном случае вознамериться означает обрести непреложное внутреннее знание того, что ты — сновидящий. Это должно быть знание, принадлежащее телу. Каждой его клеткой ты должен чувствовать, что ты сновидящий.

Затем дон Хуан шутливым тоном добавил, что не обладает достаточным количеством энергии для еще одного одолжения, поэтому мне придется добираться до моего энергетического тела самостоятельно, ибо другого выхода у меня нет. Формирование намерения достичь первых врат сновидения является одним из средств достижения второго внимания и энергетического тела. Такое открытие в свое время сделали маги древности.

Сообщив мне об этом, дон Хуан буквально вытолкал меня из своего дома, велев не показываться до тех пор, пока я с помощью намерения не доберусь до первых врат сновидения.

Я вернулся домой и в течение нескольких месяцев каждый вечер, укладываясь спать, отчаянно «намеревался» осознать миг засыпания и во сне увидеть собственные руки. Что же касается второй части задачи — убедить себя в том,

что я — сновидящий, достигший своего энергетического тела — то ее выполнение представлялось мне абсолютно невозможным.

Но как-то, когда я прилег отдохнуть днем, я увидел сон, в котором смотрел на свои руки. Этот случай оказался уникальным, сон больше не повторялся. Неделя проходила за неделей, но мне по-прежнему не удавалось ни осознать момент засыпания, ни найти во сне свои руки. Однако я начал замечать, что в моих снах присутствует некое смутное чувство. Словно я должен был что-то сделать, но никак не мог вспомнить, что именно.

Когда я рассказал дону Хуану о своих тщетных попытках прорваться сквозь первые врата сновидения, он дал мне некоторые указания:

— Когда сновидящему предлагают найти во сне определенный объект, это — уловка. Истинная же цель состоит в осознании момента засыпания. А это, как ни странно, достигается не посредством установки на осознание момента засыпания, но посредством установки на устойчивую фиксацию во сне какого-либо конкретного образа.

Дон Хуан рассказал, что сновидящий бросает короткие целенаправленные взгляды на все, что присутствует в сновидении. А тот объект, на котором устойчиво сфокусировано его внимание, является лишь своего рода точкой отсчета. С нее сновидящий переводит взгляд, чтобы посмотреть на другие объекты, присутствующие в содержимом сна, как можно чаще возвращаясь обратно — к точке отсчета.

Ценой неимоверных усилий мне действительно удалось найти во сне руки. Но руки эти не были моими. Они только казались моими, на самом же деле эти руки мне не принадлежали, они все время изменялись, временами приобретая поистине кошмарные формы. Тем временем все остальное содержимое моих снов было на диво устойчивым. Мне почти удавалось сохранять образ любого объекта, на котором я сосредоточивал внимание.

Так продолжалось несколько месяцев. Потом вдруг однажды качество моего сновидения как бы само собой резко изменилось. Я ничего специально для этого не делал. Просто каждый вечер я ложился спать, твердо намереваясь не упустить момент засыпания и отыскать во сне свои руки.

В тот раз мне снилось, что я приехал в свой родной город. Не то чтобы город, который мне снился, был в точности похож на мой родной, но каким-то образом у меня возникло убеждение, что это и есть то самое место, где я родился. Началось все как обычный, хотя и очень яркий, сон. Потом освещенность во сне изменилась. Образы сделались более четкими. Улица, по которой я шел, стала выглядеть заметно реальнее, чем за миг до этого. Заболели ноги. Я почувствовал, что предметы до абсурда по-настоящему тверды. Когда я, скажем, ударился о дверь, я не только ощутил боль в ушибленном колене, но и пришел в ярость от собственной неуклюжести.

Я совершенно реально бродил по городу до полного изнеможения. Я видел все так же четко, как видел бы, если бы по-настоящему приехал в этот город и как турист бродил по улицам. Не было никакой разницы между этой прогулкой по городу во сне и любой из реальных прогулок, которые мне доводилось предпринимать в городах, где я бывал впервые.

— Мне думается, ты зашел чересчур далеко, — сказал дон Хуан, выслушав мой отчет. — Ведь от тебя требовалось лишь осознать миг засыпания. Ты обрушил стену вместо того, чтобы только прихлопнуть сидевшего на ней комара.

— Ты имеешь в виду, что все это было неправильно?

— Нет. Но ты явно пытаешься сделать нечто, что уже когда-то тебе удавалось. Когда я заставил твою точку сборки сдвинуться, и мы с тобой оказались в том странном городе, ты не спал. Ты видел сон, но ты не спал. Это было сновидение. Я имею в виду, что твоя точка сборки сдвинулась в новое положение не за счет нормального сна. Я заставил ее сдвинуться.

И теперь ты определенно можешь достичь того же самого ее положения посредством сновидения, но сейчас я бы не советовал тебе это делать.

— Это опасно?

— И еще как! Сновидение требует исключительной трезвости. Нельзя допускать ни одного неверного движения. Сновидение есть процесс пробуждения, обретения контроля. Внимание сновидения нуждается в систематической тренировке, ибо оно есть дверь в сферу второго внимания.

— Какая разница между вниманием сновидения и вторым вниманием?

— Второе внимание подобно океану, а внимание сновидения — впадающей в него реке. Второе внимание — это состояние осознания полноценных миров, таких же полноценных, как наш. А внимание сновидения — это состояние осознания отдельных объектов, присутствующих в сновидении.

Дон Хуан особо подчеркнул, что внимание сновидения — ключ к любому движению в мире магов. Среди множества вещей, присутствующих в наших снах, имеются объекты, которые являются результатами энергетического вмешательства. Они внедрены в наши сны извне посторонними силами. В умении находить и отслеживать их и состоит искусство магии.

Дон Хуан настолько явно выделил эти несколько фраз, что я попросил его объяснить еще раз. Некоторое время он колебался, потом ответил.

— Сны — это если не дверь, то, определенно, лазейка в другие миры, — начал он. — Будучи таковыми, сны подобны улице с двусторонним движением. Через эту лазейку наше осознание пробирается в иные сферы бытия. А оттуда в наши сны пробираются лазутчики.

— Что такое лазутчики?

— Заряды энергии, которые вливаются в наши нормальные сны, смешиваясь с имеющимися там объектами. Всплески посторонней энергии — они поступают в наши сны, а мы интерпретируем их то ли как что-то известное нам, то ли — как неизвестное.

— Ты уж меня прости, дон Хуан, но как-то не доходит до меня твое объяснение.

— Не доходит, потому что ты настойчиво продолжаешь думать о снах известным тебе образом — как о том, что происходит с нами, когда мы спим. Я же настойчиво предлагаю тебе иную версию: сны — лазейка в иные сферы восприятия. Через нее просачиваются потоки неведомой энергии. И тогда мозг, или ум, или что-то еще — то, что эти потоки энергии воспринимает — трансформирует их, превращая в части содержимого сновидений.

Дон Хуан немного помолчал, очевидно, чтобы дать моему уму время справиться с тем, что рассказал.

— Маги осознают эти потоки посторонней энергии, — продолжил он. — Заметив их, маги стараются изолировать их от нормального хода сновидений.

— Почему маги изолируют их, дон Хуан?

— Потому что эти потоки приходят из иных реальностей. И если мы отследим их до самого их истока, они послужат нам проводниками в пространства, наполненные такими тайнами, что даже магов бьет дрожь при одном упоминании об этой возможности.

— Каким образом маги изолируют их от нормального течения своих сновидений?

— При помощи тренировки и контроля внимания сновидения. В какой-то момент внимание сновидения обнаруживает эти потоки энергии в ситуациях сновидения. Тогда весь сон тает, остается только чужеродная энергия.

Дальше обсуждать эту тему дон Хуан отказался. Он вернулся к тому, что так или иначе, но ему приходится рассматривать мой сон как первую настоящую попытку практики сновидения. А это означает, что мне удалось добраться до первых врат сновидения.

Как-то однажды дон Хуан вдруг неожиданно вернулся к прерванному разговору. Он сказал:

— Сейчас я еще раз расскажу тебе, что следует делать во сне, чтобы пройти сквозь первые врата сновидения. Сфокусируй взгляд на чем-нибудь, что ты выберешь в качестве точки отсчета. Затем переводи взгляд на другие объекты, мгновение смотри на них, сразу же возвращаясь к точке отсчета. Помни: если ты бросаешь лишь короткие взгляды, образы не сдвигаются.

— Что это значит — пройти сквозь первые врата сновидения?

— Мы достигаем первых врат, когда осознаем мгновение засыпания либо

когда видим фантастически реальный сон. После того, как мы их достигли, нам необходимо пройти сквозь них, обретя способность сохранять образ любого объекта, присутствующего в содержимом наших снов.

— Мне почти удается устойчиво созерцать объекты в моих снах, но они слишком быстро рассеиваются, — сказал я.

— Именно об этом я и говорю. Прием использования точки отсчета был разработан магами с целью компенсации такого качества сновидений, как мимолетность. Каждый раз, когда ты выделяешь точку отсчета и бросаешь на нее взгляд, ты испытываешь прилив энергии. Поэтому для начала не пытайся взглянуть на большое количество объектов. Четырех будет достаточно. Потом постепенно ты будешь расширять диапазон, пока не научишься разглядывать все, что захочешь. Но всегда, как только образы начинают сдвигаться и ты чувствуешь, что утрачиваешь контроль, немедленно возвращайся к точке отсчета и начинай сначала.

— Ты действительно веришь в то, что я в самом деле достиг первых врат сновидения, дон Хуан?

— Да. И это очень много значит. По мере того, как ты будешь продвигаться дальше, ты увидишь, насколько легко тебе будет даваться практика сновидения.

Я думал, что дон Хуан либо преувеличивает, либо хочет меня приободрить. Но он сказал, что говорит совершенно честно.

— Самым поразительным явлением из всего, что происходит со сновидящим, оказывается то, что по достижении первых врат сновидения, они достигают также и энергетического тела.

— Что такое энергетическое тело?

— Двойник физического тела. Призрачная форма, составленная чистой энергией.

— Но разве физическое тело не состоит из энергий?

— Состоит. Различие в том, что энергетическое тело — это только форма, не имеющая массы. Являясь чистой энергией, оно способно совершать действия, выходящие за пределы возможностей физического тела.

— Например, дон Хуан?

— Например, в мгновение ока перемещаться в любой конец вселенной. Сновидение есть искусство закалки энергетического тела, искусство придания ему гибкости и координации посредством постепенной тренировки.

Практикуя сновидение, мы уплотняем энергетическое тело, пока оно не становится воспринимающей единицей. Восприятие, которым обладает энергетическое тело, — независимо, хотя и подвержено влиянию со стороны нашего обычного повседневного восприятия. Энергетическое тело воспринимает в своей собственной отдельной сфере.

— Что это за сфера, дон Хуан?

Энергия. Энергетическое тело воспринимает энергию как собственно энергию. В процессе сновидения оно может обращаться с энергией тремя различными способами: воспринимать потоки энергии, использовать энергию в качестве толкателя, чтобы, подобно ракете, перелететь в какие-нибудь совершенно неожиданные пространства, или воспринимать так, как мы обычно воспринимаем мир.

— Что значит воспринимать потоки энергии? — Это значит видеть. Энергетическое тело видит энергию, непосредственно воспринимая ее то ли как свет, то ли как своего рода вибрирующий поток, то ли как неоднородность пространства. Или же оно прямо чувствует ее как встряску или некое ощущение, которое может быть даже болью.

— А тот другой способ, о котором ты говорил, дон Хуан? Использование энергии в качестве толкателя?

— Энергия — сфера существования и восприятия энергетического тела. Поэтому для него не составляет труда пользоваться существующими во вселенной энергетическими потоками для перемещения. Все, что для этого требуется — выделить эти потоки и идти с ними.

Дон Хуан замолчал в нерешительности, словно собирался что-то добавить, но не был уверен в том, что это стоит делать. Он улыбнулся и продолжил объяснение в тот самый момент, когда я начал было задавать следующий вопрос.

— Я уже говорил, что в своих сновидениях маги выделяют лазутчиков из иных сфер бытия, — сказал он. — Этим занимается энергетическое тело — оно и узнает чуждую энергию, и захватывает ее. Однако крайне нежелательно, чтобы сновидящий чрезмерно этим увлекался, поскольку ловля лазутчиков превращается в страсть, на поводу у которой он идет. Я не хотел тебе об этом рассказывать из-за той легкости, с какой человек может угодить во власть этой охотничьей страсти.

Затем дон Хуан быстро сменил тему разговора и тщательно описал мне целый блок практических приемов. Я обнаружил, что на каком-то уровне они были для меня непостижимы, однако на другом казались вполне логичными и понятными. Он еще раз повторил, что намеренно контролируемое достижение первых врат сновидения есть путь к энергетическому телу. Но сохранение этого достижения зависит только от количества энергии. Маги получают необходимую для этого энергию, разумно перераспределяя ту имеющуюся у них энергию, которая используется ими для восприятия нашего мира повседневности.

Когда я потребовал, чтобы дон Хуан выразился яснее, он добавил, что каждый человек обладает определенным количеством изначальной энергии. Это количество — вся энергия, которая у нас есть. И всю ее мы используем для того, чтобы воспринимать столь поглощающий нас обычный мир и справляться с возникающими в нем проблемами.

Несколько раз он с нажимом повторил, что больше нам взять энергию неоткуда, поскольку вся имеющаяся у нас энергия уже задействована, ни капли ее не остается на экстраординарное восприятие, каковым, в частности, является сновидение.

— И что же нам остается? — спросил я.

— Нам остается лишь одно — стать скрягами в отношении энергии, добывая ее

любыми доступными способами везде, где только возможно.

Затем дон Хуан рассказал о том, что у магов есть особый метод добычи энергии. Они разумно перераспределяют свою энергию, сокращая ее расход за счет устранения из своей жизни всего, что считают лишним. Этот метод получил название «пути мага». Как сформулировал дон Хуан, сущность пути мага заключается в определенном подходе к последовательному выбору способа поведения в отношении жизненных ситуаций, с которыми маг сталкивается в этом мире. То, что выбирает маг, всегда разумнее того, чему нас учили в этом мире родители, учителя, старшие друзья. Выбор мага призван исправить наш образ жизни, изменяя основу нашего отношения к самой жизни.

— О каком отношении ты говоришь? — спросил я.

— Существует два основных варианта отношения к жизни, — ответил он.

— Первый — покориться ей, либо приспосабливаясь к ее требованиям, либо с ними сражаясь. Второй — формирование своей жизненной ситуации сообразно своим собственным планам.

— И мы действительно можем формировать свою жизненную ситуацию, дон Хуан?

— Человек способен формировать свою жизненную ситуацию в соответствии со своими установками, — настаивал дон Хуан. — Сновидящие делают это. Это звучит дико? Вовсе нет, особенно если учесть, как мало мы о себе знаем.

Он сказал, что, будучи учителем, заинтересован в том, чтобы я как следует уяснил себе, что такое жизнь и что значит жить, то есть каково различие между феноменом жизни как следствием действия биологических сил, и процессом жизни как деятельностью, направленной на познание.

— Говоря о формировании жизненной ситуации, — продолжал дон Хуан, — маги имеют в виду формирование осознания процесса жизни. За счет формирования этого осознания мы можем обрести энергию, достаточную для формирования последствий каждого сделанного нами выбора и всего хода нашей жизни.

Заканчивая наш разговор о сновидении, дон Хуан посоветовал мне не просто подумать о том, что он мне рассказал, но постараться посредством многократного повторения воплотить его концепции в жизнь, выработав новый, более корректный и энергетически целесообразный образ жизни. Он утверждал, что все новое в нашей жизни, в частности, концепции магов, которым он меня обучал, должно повторяться до полного нашего изнеможения, и только тогда мы ему открываемся. Он также отметил, что именно за счет повторения наши предшественники по социуму приучают нас к принятому в этом мире образу восприятия.

По мере того, как я продолжал практиковать начальные шаги искусства сновидения, мне удалось добиться полноценного осознания момента засыпания. Кроме того, я научился останавливаться в сновидении, чтобы целенаправленно изучить любой объект, присутствующий в сюжете сна. То, что я испытывал, казалось мне по меньшей мере чудом.

Дон Хуан утверждал, что по мере того, как сны делаются все более подконтрольными нам, совершенствуется и наше умение контролировать внимание сновидения. Он был прав, говоря, что внимание сновидения вступает в действие, когда его призывают, когда перед ним ставят задачу. Происходит это не как процесс в обычном понимании. Занимающей какое-то время системы операций либо последовательности функциональных действий, приводящих к некоторому результату, при этом нет. Просто случается пробуждение. Нечто, до тех пор дремавшее, начинает действовать.

3 глава. Вторые врата сновидения

В ходе практики сновидения я обнаружил, что для обучения этому искусству учителю необходимо сформировать подход, основанный на дидактическом синтезе. В этом случае он сможет добиться выявления и усиления тех сторон учения, для которых это является необходимым. Чего добивался дон Хуан,

давая мне первое задание? По-сути, он хотел заставить меня упражнять внимание сновидения посредством фокусировки на объектах, присутствующих в сновидении. В качестве стрелки-указателя, выводящего на этот эффект, дон Хуан использовал идею осознания момента засыпания. Его заявление, будто изучение присутствующих во сне объектов есть единственный путь к осознанию момента засыпания, было не более чем уловкой.

Едва взявшись за практическую отработку искусства сновидения, я понял, что тренировка внимания сновидения является весьма существенной вещью. Однако с точки зрения ума тренировка осознания на уровне сновидения кажется чем-то невозможным. Дон Хуан объяснял, что основой такой тренировки является настойчивость. Рано или поздно, — говорил он, — под воздействием этой настойчивости защитные барьеры ума разрушаются, и на сцену выходит внимание сновидения.

По мере практики сосредоточения и удержания внимания сновидения на объектах сновидения, я начал чувствовать какую-то очень необычную уверенность в себе. Она была настолько странной, что я обратился к дону Хуану за разъяснением.

— Ощущение уверенности в себе дает тебе именно вхождение в сферу второго внимания, — пояснил он.

— Теперь от тебя требуется еще более трезвый подход. Будь очень осмотрителен, продвигайся медленно, но неуклонно, и ни в коем случае не разговаривай об этом. Просто действуй!

Я сообщил ему, что в своей практике я уже добился того, о чем он мне говорил. Действительно, когда я бросал на объекты сновидения короткие взгляды, их образы не рассеивались. Я сказал, что сложнее всего преодолеть изначальный барьер, не позволяющий вывести сновидение в сферу нашего сознательного внимания. Я спросил его мнения, потому что сам искренне полагал, что барьер этот — чисто психологического свойства, — результат нашей социальной обусловленности, вследствие которой мы не склонны придавать снам особого значения.

— Этот барьер — не только результат обусловленности, — ответил он.

— Это — первые врата сновидения. Теперь, когда ты их преодолел, тебе кажется странным, что раньше тебе не удавалось по своей воле останавливаться, обращая внимание на какой-либо объект сновидения. Но не спеши считать это достижением. Первые врата сновидения являются естественным препятствием и преодолеваются автоматически просто за счет увеличения уровня энергии.

Затем дон Хуан настоял на том, что мы станем говорить о сновидении только в тех случаях, когда я буду находиться во втором внимании или когда он сам сочтет нужным. Он просил меня во что бы то ни стало продолжать практику, обещая со своей стороны ни во что не вмешиваться. Постепенно осваиваясь с настройкой сновидения, я начал опять и опять испытывать ощущения, которые почему-то счел очень важными. Это было ощущение, словно я скатываюсь в канаву. Оно приходило точно в момент засыпания. Дон Хуан не вмешивался: он ни разу не сказал, что эти ощущения бессмысленны и позволил мне записывать все, что я считал нужным. Сегодня я отдаю себе отчет, насколько нелепо выглядел тогда в глазах дона Хуана. Если бы сегодня мне довелось обучать кого-нибудь практике сновидения, я, безусловно, немедленно пресек бы подобное поведение ученика. Дон Хуан же просто потешался надо мной и дразнил, называя скрытым эгоманьяком, который заявляет о том, что борется с чувством собственной важности, а сам потихоньку дотошно ведет сверхличный дневник с надписью «Мои Сны» на обложке.

При каждом удобном случае дон Хуан подчеркивал, что энергия, необходимая для освобождения внимания сновидения появляется вследствие перераспределения той энергии, которая уже есть в нашем распоряжении. Он был абсолютно прав. Высвобождение внимания сновидения является естественным следствием корректировки образа жизни. Поскольку нет никакого внешнего источника энергии, к которому мы могли бы подключиться, то для получения толчка нам остается лишь тем или иным способом перераспределять ту энергию, которой мы реально располагаем.

Дон Хуан настаивал, что именно путь мага является наилучшей «смазкой» для приведения в действие механизма перераспределения энергии, и в этом смысле наиболее важным, наиболее эффективным достижением на пути мага является потеря чувства собственной важности. Дон Хуан был убежден, что это абсолютно необходимо для достижения успеха в любом действии мага, и

настаивал, чтобы ученики уделяли особое внимание выполнению этого требования, утверждая, что чувство собственной важности является не только главнейшим и опаснейшим врагом мага, но и роковым барьером для всего человечества.

Дон Хуан считал, именно на удовлетворение чувства собственной важности уходит подавляющая часть нашей энергии. С особой очевидностью это проявляется в нашей постоянной обеспокоенности тем, как нас воспримут, как нам себя подать, какое впечатление мы производим. Нас всегда чрезвычайно сильно волнует, понравимся ли мы окружающим, признают ли нас и будут ли нами восхищаться. Если бы нам удалось хотя бы частично избавиться от чувства собственной важности, с нами произошли бы два необычайных события. Первое — высвободилась бы энергия, которой питается наша иллюзия собственного величия. Второе — появилась бы свободная энергия, достаточная для проникновения в сферу второго внимания, что позволило бы нам хотя бы мельком взглянуть на истинное величие вселенной.

Чтобы научиться устойчиво фокусировать внимание сновидения на интересовавших меня объектах, мне понадобилось два года. Зато я настолько освоился, что чувствовал себя так, словно всю жизнь только этим и занимался. Самым невероятным было то, что я не мог даже представить себе, что когда-то этого не умел.

Однако я помнил, насколько сложно мне было когда-то думать об этом даже как о потенциальной возможности. Однажды мне пришло в голову, что способность исследовать происходящее в сновидениях является нашей врожденной способностью, как, скажем, способность ходить. Человек от природы — двуногое существо, но какие усилия нам приходится прилагать, чтобы научиться ходить!

Новая способность рассматривать объекты снов «короткими взглядами» сопровождалась постоянными напоминаниями самому себе о том, чтобы это делать. Я, в общем, знал о своей склонности к брюзжанию, но во сне эта склонность усиливалась до такой степени, что в конце концов я начал злиться на самого себя и даже задался вопросом: не является ли это чьим-то посторонним влиянием? Временами я даже подумывал, что схожу с ума.

— Я без конца болтаю сам с собой во сне, напоминая себе о том, что нужно

рассматривать объекты, — пожаловался я дону Хуану.

В целом я старался придерживаться нашего соглашения обсуждать искусство сновидения только по его инициативе. Однако данный случай показался мне слишком серьезным.

— А это случайно не звучит так, будто говоришь не ты, а кто-то другой? — спросил дон Хуан.

— Подумать только — именно так! Это действительно звучит так, словно говорю не я.

— Тогда это — не ты. Но время для объяснения этого явления еще не пришло. Предположим, в этом мире мы не одни, что сновидящему доступны другие миры — полноценные целостные миры. Из этих полноценных целостных миров к нам являются энергетические сущности. В следующий раз, когда опять услышишь, как ты ворчишь на себя во сне, по-настоящему разозлись и в приказном тоне рявкни: «Прекратить!»

Я столкнулся с новым для себя вызовом: необходимостью вовремя вспомнить о том, что следует выкрикнуть эту команду. И наверное потому, что уж слишком меня все это раздражало, я смог-таки вспомнить и рявкнул во сне: «Прекратить!» Ворчание тут же прекратилось и больше никогда не повторялось.

— Это происходит с каждым сновидящим? — спросил я у дона Хуана, когда мы встретились в очередной раз.

— С некоторыми, — безразличным тоном ответил он. Я начал было пространно рассказывать о том, как все это было странно, но дон Хуан оборвал мою тираду, сказав: — Теперь ты готов приблизиться ко вторым вратам сновидения. Я тут же ухватился за возможность получить ответы на вопросы, теснившиеся в моем уме, поскольку задать их раньше не предоставлялось случая. Особенно меня интересовало то, что я пережил, когда он впервые заставил себя войти в состояние сновидения. Я сказал дону Хуану, что прекрасно помню все объекты, которые мне удалось созерцать в моих собственных снах, но что мне не приходилось испытывать ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего то наше сновидение по яркости и насыщенности

деталями.

— Чем больше я об этом думаю, — сказал я, — тем больше это меня интригует. Когда я разглядывал людей, бывших в том сновидении, меня охватил незабываемый страх. Было до такой степени жутко, что кровь буквально застыла в жилах. Что это было за чувство, дон Хуан?

— По-моему, твое энергетическое тело попалось на удочку неведомой энергии того места. Поэтому, поскольку ты впервые столкнулся с чужеродной энергией, то возникшее у тебя чувство испуга и протеста было вполне естественным.

— Ты склонен вести себя подобно магам древних времен, — продолжал он. — Как только тебе предоставляется случай, ты отпускаешь свою точку сборки. В тот раз она сдвинулась на довольно значительное расстояние. В результате ты, как в свое время древние маги, отправился куда-то далеко за пределы известного нам мира. Путешествие столь же реальное, как и опасное.

Я пропустил его замечание мимо ушей, не вникая в его значение, поскольку меня интересовало другое. Я спросил:

— Тот город, вероятно, находился на другой планете?

— Ты пытаешься объяснить сновидение, опираясь на то, что знаешь, или полагаешь, что знаешь, — ответил он. — Единственное, что я могу тебе сказать, — это то, что город, в котором ты побывал, не находится в нашем мире.

— А где же он тогла находится?

— Вне этого мира, разумеется. Послушай, ведь ты не такой уж тупица. Ты все заметил с самого начала. И делаешь вид, что не понимаешь, только потому, что не можешь себе представить, чтобы что-то не принадлежало к этому миру.

— Хорошо, а вне этого мира — это где, дон Хуан?

— Можешь мне поверить, это «вне этого мира» является самой замысловатой вещью во всем магическом искусстве. Ты, например, полагаешь, что я видел

тогда то же самое, что и ты. Ведь ты ни разу не спросил меня, что я видел. Но на самом деле ты, и только ты видел и тот город, и людей в нем. Я же ничего подобного не видел. Я видел энергию. Так что в данном конкретном случае лично для тебя одного «вне этого мира» означало «в том городе».

— Но тогда, дон Хуан, тот город не был реальностью. Он существовал только для меня и только в моем уме.

— Нет. Не в этом дело. Теперь ты пытаешься свести нечто поистине трансцендентное к вещам самым обыкновенным. Но это невозможно. Путешествие было реальностью. Ты видел город. Я видел энергию. Ни ты, ни я не были правы. И ни ты, ни я не ошибались.

— Твои слова относительно реальности подобных вещей приводят меня в полную растерянность. Ведь ты только что говорил о том, что то место было реальным. Но, если это так, то как у нас с тобой могли возникнуть два различных варианта его образа?

— Очень просто. Наши версии различны, потому что на тот момент мы с тобой обладали различными характеристиками однородности и внутренней связи. А ведь я уже тебе говорил о том, что эти характеристики и есть ключи к восприятию.

— Как ты думаешь, мне удастся еще раз побывать в том самом конкретном городе?

— Меня привел туда ты. Так что я не знаю. Вернее, знаю, но объяснить не могу. Вернее, могу, но не хочу. Тебе просто следует выждать и самостоятельно выяснить, в чем тут дело. Дон Хуан решительно прервал разговор на эту тему.

— Давай-ка вернемся к основной теме, — предложил он. — Вторые врата сновидения достигаются тогда, когда ты «просыпаешься» из одного сна в другом сне. Ты можешь иметь столько параллельных сновидений, сколько захочешь. Или столько, сколько сможешь. Главное — в одинаковой степени все их контролировать и «проснуться» в одном из них, а не в нашем мире известного.

Меня охватила паника.

— Уж не хотел ли ты сказать, что я никогда не проснусь в этом мире? — спросил я.

— Нет, этого я не говорил. Но раз уж ты затронул эту тему, я вынужден сказать тебе, что такое тоже возможно. Маги древности имели обыкновение так поступать. Они никогда не просыпались в этом мире известного. Так поступили и некоторые из магов моей линии. Конечно, это можно сделать, но я бы не советовал. Я хочу, чтобы по окончании практики сновидения ты проснулся самым обычным и естественным образом. Но вот во время практики тебе должно присниться, что ты проснулся в другом сне.

Невольно у меня вырвался тот же вопрос, который я задавал ему, когда он впервые рассказывал о настройке сновидения. Я услышал собственный голос, вопрошающий:

— Но разве такое возможно?

Дон Хуан явно заметил, что я не в себе, и со смехом ответил так же, как и в тот раз:

— Разумеется, это возможно. Все дело в самоконтроле, и он ничем принципиально не отличается от самоконтроля, которым мы пользуемся в повседневной жизни.

Я наконец справился со своим замешательством и приготовился задать следующий вопрос, но дон Хуан опередил меня, заговорив о гранях вторых врат сновидения. Его объяснения ввергли меня в еще более глубокое замешательство. — Существует одна проблема, связанная со вторыми вратами сновидения, — сказал он. — И она может быть очень и очень серьезной. Все зависит от особенностей характера. И если нам присуща тенденция идти на поводу у нашей склонности цепляться за вещи и привязываться к ситуациям, — у нас могут возникнуть серьезные затруднения.

— Каким образом, дон Хуан?

— А ты подумай. Ведь тебе уже приходилось, исследуя содержимое снов, испытывать необычный манящий интерес, странное удовольствие. Теперь

представь себе: ты переходишь от одного сновидения к другому, все разглядываешь, исследуешь каждую деталь. Нетрудно понять, что таким образом можно забраться в смертельные глубины, откуда нет выхода. Особенно если человеку свойственно индульгирование. *

— Неужели тело или мозг естественным образом не среагируют и не пресекут это?

— Пресекут, если это естественный, то есть нормальный сон. Но в нашем случае о нормальном сне речь не идет. Мы говорим о сновидении. А сновидящий, преодолевший первые врата сновидения, достиг осознания энергетического тела. И именно энергетическое тело проходит сквозь вторые врата сновидения, перескакивая из одного сна в другой.

— Что же из всего этого следует, дон Хуан?

— То, что после преодоления вторых врат сновидения тебе следует сформировать намерение обрести еще более жесткий и трезвый контроль над вниманием сновидения, потому что оно — единственный предохранительный клапан для сновидящего.

— Что такое предохранительный клапан?

* англ. indulge — см. примечание к 4 тому К. К. «Сказки о силе»,

стр. 14, (София, Киев, 1992)

— Тебе еще предстоит обнаружить, что истинной целью сновидения является совершенствование энергетического тела. А совершенное энергетическое тело обладает, кроме всего прочего, настолько четким контролем над вниманием сновидения, что может остановиться по знаку последнего там, где это необходимо. Это и есть тот предохранительный клапан, который имеется в распоряжении сновидящих. И не важно, насколько глубоко погрузился сновидящий и в какой степени он индульгирует в данный конкретный момент, внимание сновидения должно выбросить его на поверхность, как только в этом возникает необходимость.

Итак, я вновь взялся за практику сновидения, отправившись на поиск теперь

уже непонятно чего. На этот раз цель просматривалась гораздо менее ясно, чем прежде, а трудности еще более возросли. Точно так же, как и в случае с первым заданием, я никак не мог решить, что же мне делать. В сознание мое закралось довольно обескураживающее подозрение относительно того, что на этот раз вся моя практика вряд ли сможет чем-нибудь мне помочь. После бесчисленных неудач я возвратился к исходной точке, просто продолжив практику фиксации внимания сновидения на каждом из объектов, присутствовавших в моих снах. Я согласился с тем, что чего-то мне не хватает, и это, похоже, дало мне некий толчок. С возросшим мастерством я мог теперь удерживать образ любого объекта сновидения.

Год прошел без каких бы то ни было перемен. Потом вдруг, в один день что-то изменилось. Я видел сон. В нем я разглядывал окно, пытаясь выяснить, удастся ли мне рассмотреть расстилавшийся за стенами комнаты пейзаж. Вдруг какая-то похожая на ветер сила, которую я ощущал как звон в ушах, вытянула меня сквозь окно наружу. Причем за мгновение до этого мое внимание сновидения было привлечено какой-то странной конструкцией, маячившей в отдалении. Она была похожа на трактор. В следующее мгновение я осознал, что стою рядом с ним и внимательно его изучаю. Я совершенно четко осознавал, что это — сновидение. Я осмотрелся, чтобы выяснить, не вывалился ли я из окна, на которое смотрел. Судя по окружавшему меня пейзажу, я находился где-то на ферме в сельской местности. В пределах видимости не было никаких зданий. Я хотел было как следует это осмыслить, однако все мое внимание было привлечено огромным количеством сельскохозяйственной техники, находившейся вокруг. Похоже было, что вся техника брошена. Я разглядывал сенокосилки, тракторы, зерноуборочные комбайны, дисковые плуги, молотилки. Их было так много, что я забыл о сне, с которого все началось. Потом я решил сориентироваться, осмотрев тот пейзаж, который окружал меня в данный момент. На некотором расстоянии виднелось нечто, похожее на огромный рекламный щит, подобный тем, что во множестве расставлены вдоль всех дорог Америки. Вокруг него виднелись телеграфные столбы.

Стоило мне сосредоточить внимание на рекламном щите, как я в то же мгновение обнаружил, что стою рядом с ним. Стальная конструкция внушала страх. В ней была угроза. На самом щите было изображено здание. Я прочел текст — это была реклама мотеля. Со странной определенностью я был уверен, что нахожусь либо в Орегоне, либо в северной Калифорнии.

Я продолжал рассматривать пейзаж этого сна. Где-то очень далеко виднелись горы, а несколько ближе — зеленые округлые холмы. По холмам были разбросаны группы деревьев. Я решил, что это — калифорнийские дубы. Я захотел, чтобы зеленые холмы притянули меня к себе, но вместо этого был притянут далекими горами. Я был убежден, что это — Сьерра.

Там, в горах, меня покинула вся энергия, которой я обладал в сновидении. Но прежде чем это произошло, меня последовательно притягивали к себе все детали картины, на которые я обращал внимание. Сон перестал быть сном. Я воистину находился в горах Сьерры, по крайней мере об этом говорило мне мое восприятие.

Словно сквозь фотообъектив с электронным увеличителем, я вглядывался в расщелины, валуны, деревья, пещеры. По отвесным склонам я поднимался к вершинам гор, и все это продолжалось до тех пор, пока я полностью не обессилел, утратив способность сосредоточивать внимание сновидения на чем бы то ни было. Я почувствовал, что теряю контроль. В конце концов я обнаружил, что больше нет никакого пейзажа, но только лишь непроглядная тьма.

— Ну что же, ты добрался до вторых врат сновидения, — сообщил мне дон Хуан, когда я рассказал ему об этом сновидении. — Теперь тебе предстоит сквозь них пройти. Преодоление вторых врат сновидения — это очень серьезно. Для этого необходимо усилие, необходима строжайшая дисциплина.

Я не был уверен в том, что справился с поставленной задачей, поскольку в другом сне по-настоящему не просыпался. Я задал дону Хуану вопрос по поводу этой неувязки.

— Это моя ошибка, — ответил он. — Я говорил тебе, что необходимо проснуться в другом сне, но имелось в виду несколько иное: нужно последовательно и точно менять сны. Именно это ты и совершил.

— Подбираясь к первым вратам, ты потратил массу времени впустую, разглядывая исключительно собственные руки. На этот раз ты направился прямо к цели, не особо утруждая себя выполнением данной тебе инструкции проснуться в другом сновидении.

Затем дон Хуан сказал, что существует два корректных способа преодоления вторых врат сновидения.

Первый — проснуться в другом сне, то есть увидеть во сне, что видишь сон и во сне же увидеть, что проснулся.

Второй — использовать объекты сновидения для переключения на другой сон, как сделал это я.

Как обычно, дон Хуан в очередной раз предоставил мне возможность практиковаться без какого бы то ни было вмешательства с его стороны. Я же занялся отработкой обоих описанных им способов. Либо мне снилось, что у меня был сон, в котором мне снилось, что я проснулся, либо, как-будто глядя сквозь объектив электронного фотоувеличителя, я переходил от чего-нибудь, непосредственно доступного моему вниманию сновидения, к чему-либо не столь доступному. Иногда я применял второй способ в слегка измененном варианте: я вглядывался в какой-нибудь из объектов сновидения до тех пор, пока он не начинал изменять форму, втягивая меня тем самым сквозь звенящий вихрь в другой сон. Однако мне никогда не удавалось предугадать заранее, каким из трех способов я воспользуюсь в данном конкретном сновидении. Заканчивались же мои тренировки по отработке искусства сновидения либо тем, что я «выскакивал» из внимания сновидения и просыпался, либо тем, что я проваливался в темный, глубокий беспробудный сон.

Все шло гладко. Единственное, что меня беспокоило, — это все чаще повторявшееся ощущение некоторой помехи, что-то вроде приступов страха или дискомфорта. Я полагал, что это обусловлено либо моим отвратительным питанием, либо тем, что как раз в то время дон Хуан часто давал мне галлюциногенные растения, что тоже входило в программу моих занятий. Однако в конце концов приступы сделались настолько явными, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за советом.

— Ты прикоснулся к самой опасной грани магического знания, настоящему кошмару, истинному страху, — начал он. — Я обязан прямо сказать тебе об этом, не церемонясь с твоим любимым рационализмом. С этой гранью неизбежно сталкивается каждый маг. Боюсь, что если бы я тебя не

предупредил, то на этом этапе ты вполне мог бы сорваться и запаниковать, считая, что где-то допущена ошибка.

Дон Хуан очень серьезно объяснил мне, что жизнь и сознание как энергетические категории не являются исключительным свойством живых организмов. Маги увидели, что существует два типа сознательных существ, скитающихся по этой земле — органические существа и существа неорганические. Сравнивая их друг с другом, маги увидели, что и те и другие являются сгустками свечения, сквозь которые во всех мыслимых направлениях струятся миллионы энергетических волокон вселенной. Отличаются они друг от друга формой и яркостью. Неорганические существа имеют вытянутые формы, похожие на свечи, и светятся тусклым светом. Органические же существа более округлы и обладают гораздо более ярким свечением. Еще одно существенное различие между ними, которое увидели маги, состоит в том, что жизнь и сознание органических существ быстротечны, поскольку существа эти вынуждены жить в постоянной спешке. Неорганические существа живут неизмеримо дольше, потому что сознание их исполнено бесконечного покоя и глубины.

— Без особых сложностей маги могут взаимодействовать с неорганическими существами, — продолжал дон Хуан, — потому что последние обладают сознанием — главной характеристикой, необходимой для взаимодействия.

— Но они действительно существуют? — спросил я. — Так же реально, как ты и я?

— Конечно, существуют, — ответил он. — Можешь мне поверить, маги — создания исключительно разумные. Ни при каких условиях они не стали бы заигрывать с предрассудками, принимая их впоследствии за реальность.

— Почему ты говоришь, что эти существа — живые?

— С точки зрения мага обладать жизнью значит — обладать сознанием. То есть иметь точку сборки с окружающим ее свечением сознания. Именно это указывает магу на то, что существо, с которым он имеет дело, не важно — органическое оно или неорганическое, вполне обладает способностью к осознанию. Маги рассматривают наличие восприятия как необходимое условие жизни.

— Тогда неорганические существа также должны умирать. Это верно, дон Хуан?

— Естественно. Они утрачивают свое осознание точно так же, как и мы. Просто продолжительность существования их сознания поистине умопомрачительная.

— Неорганические существа сами являются магам?

— В их случае очень трудно сказать, что есть что. Скажем так: мы приманиваем их или, вернее, вынуждаем их с нами взаимодействовать.

Мгновение дон Хуан буквально сверлил меня взглядом.

— До тебя это совершенно не доходит, — уверенно заключил он.

— Я почти не в состоянии думать об этом с точки зрения здравого смысла, — сказал я.

— А я тебя предупреждал, что твоему рассудку предстоит серьезное испытание. В этом случае целесообразно оставить все как есть и предоставить событиям возможность идти своим чередом. Я имею в виду — позволить неорганическим существам прийти к тебе.

— Ты это серьезно, дон Хуан?

— Абсолютно серьезно. Сложность взаимодействия с неорганическими существами заключается в том, что их сознание действует чрезвычайно медленно по сравнению с нашим. И на то, чтобы они признали мага, уходят годы. Потому рекомендуется запастись терпением и ждать. Рано или поздно они покажутся. Но не так, как показались бы ты или я. Они дают о себе знать весьма специфическим способом.

— Как маги их приманивают? Существует какой-то ритуал?

— Ну, уж во всяком случае, маги не выходят на середину дороги и не взывают к ним оттуда дрожащим голосом, когда бьет полночь, если под ритуалом ты понимаешь что-то в этом роде.

— А что же они делают?

Они приманивают их посредством сновидения. Я же сказал, что это нечто большее, чем просто приманивание. Посредством практики сновидения маги вынуждают их к взаимодействию.

— Каким образом маги их вынуждают?

— Сновидение означает удерживание точки сборки там, куда она сдвинулась во сне. Образующийся вследствие этого энергетический потенциал привлекает внимание неорганических существ. Как наживка привлекает рыб. И они идут на эту наживку. Достигая и преодолевая первые и вторые врата сновидения, маги забрасывают наживку для неорганических существ и тем самым вынуждают их явиться.

Преодолев первые и вторые врата сновидения, ты довел до их сведения свое приглашение. Теперь жди, пока они подадут тебе знак.

— Каким может быть этот знак, дон Хуан?

— Вполне возможно, что кто-то из них явится тебе, хотя для этого еще слишком рано. По-моему, знаком будет просто некоторое постороннее вмешательство в твое сновидение. Я полагаю, что приступы страха, которые в последние дни ты испытываешь в сновидениях, обусловлены не нарушением пищеварения, но импульсами энергии, которые посылают тебе неорганические существа.

— И что мне теперь делать?

— Обмануть собственные ожидания.

Я не мог понять, что он имеет в виду. Дон Хуан подробно объяснил. Чего мы ожидаем, вступая во взаимодействие с людьми или другими органическими существами? Немедленной реакции на свой запрос. Однако неорганические существа отделены от нас самым труднопреодолимым барьером — другими скоростями движения энергии. Поэтому мгновенной реакции быть не может, и маг должен обмануть свои ожидания, продолжая действовать в режиме

запроса столько времени, сколько потребуется на то, чтобы его запрос был принят.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что запрос и практика искусства сновидения в данном случае одно и то же?

— Да. Но для того, чтобы получить совершенный результат, тебе следует добавить к своей практике намерение добраться до неорганических существ. Послать им чувство силы и уверенности, чувство могущества и отрешенности. И любой ценой избежать того, чтобы их достигло твое чувство страха или подавленности. Они достаточно мрачны сами по себе. Добавлять к их мрачности свою тебе по меньшей мере не обязательно.

— Мне не совсем ясно, дон Хуан, каким образом они являются сновидящим. Что это за особый способ, которым они дают о себе знать?

— Случается, что они материализуются в этом мире — прямо перед нами. Хотя большую часть времени они невидимы, а присутствие их проявляется в виде особого ощущения в теле человека, своего рода встряски или дрожи, которая пробивает человека до мозга костей.

— А в сновидении, дон Хуан?

— В сновидении все наоборот. Временами мы ощущаем их так, как ощущал ты — как приступы страха. В большинстве случаев они материализуются, возникая прямо перед нами. Поскольку поначалу у нас нет опыта обращения с ними, они могут внушить нам безмерный страх. И это по-настоящему опасно для нас. По каналу страха они способны проследовать за человеком в мир повседневности. Результаты этого могут быть поистине катастрофическими.

— В каком смысле, дон Хуан?

— В его жизни может прочно укорениться страх. Совладать с этим страхом способен только воистину великий одинокий воин. Неорганические существа могут быть истинными паразитами — хуже чумы. Нагоняя на человека страх, они вполне способны свести его с ума.

— А что делают с неорганическими существами маги?

— Сливаются с ними. Превращают их в своих союзников. Образуют сообщества. Иногда их контракты выливаются в необычайную дружбу. Я называю такие отношения сотрудничеством без границ. Главнейшую роль в них играет восприятие. Ведь мы — существа общественные и неизбежно ищем компании других сознаний.

Секрет успешного налаживания контактов с неорганическими существами заключается в том, что их не нужно бояться. Причем послание, которое человек им посылает, должно быть исполнено силы и отрешенности. В нем должно быть закодировано: «Я вас не боюсь. Приходите повидаться. Если явитесь — буду рад вас видеть. Если не захотите прийти — мне будет вас не хватать». Когда неорганические существа получают такое послание, их охватывает настолько неудержимое любопытство, что они непременно приходят.

— Но для чего им приходить ко мне, или с какой стати я должен стремиться к встрече с ними?

— Сновидящие ищут в своих сновидениях контактов с другими существами. Нравится нам это или нет — не имеет значения. Может быть, это тебя шокирует, но сновидящие автоматически стремятся отыскать группы существ, с которыми у них может установиться связь, своего рода узы. Сновидящие поистине жаждут их отыскать.

— Это кажется мне очень странным, дон Хуан. Зачем сновидящие это делают?

— Неорганические существа — нечто новое для нас. А для них новинкой становятся те из нас, кто переходит через границу их сферы бытия. Благодаря своему великолепному сознанию, неорганические существа обладают для сновидящего огромной притягательной силой и могут переносить его в неописуемые миры. Запомни это хорошенько, и никогда об этом не забывай.

— Этим пользовались маги древних времен — именно им обязан своим происхождением термин «союзники». Союзники этих магов научили их смещать точку сборки за пределы светящегося яйца — в нечеловеческую вселенную. Таким образом, когда маг использует их в качестве транспортного средства, они переносят его в миры, находящиеся за пределами сферы

человеческого.

Я слушал его, и меня одолевали странные страхи и дурные предчувствия. Дон Хуан мгновенно понял, в чем дело.

— Ты религиозен до предела, — рассмеялся он.

— И в настояший момент почувствовал на своем затылке дыхание дьявола. А ты подумай об этом иначе. Мы верим, что может быть воспринято то-то и то-то. А сновидение — это восприятие того, что выходит за пределы возможного.

Во время бодрствования меня беспокоила возможность реального существования неорганических существ. Но когда я спал, мое сознательное беспокойство особой силы не имело. Приступы физического страха продолжались, но за ними неизменно приходило странное спокойствие. Оно овладевало мной и позволяло мне продолжать, словно и не было никакого страха.

Тогда мне казалось, что каждый прорыв в моем сновидении случался внезапно, без предупреждения. Появление в моих снах неорганических сушеств не явилось исключением. Это случилось, когда мне снился цирк из моего детства. Окружающая обстановка напоминала пейзаж маленького городка в горах Аризоны. Я принялся рассматривать людей, испытывая никогда не покидавшую меня смутную надежду снова увидеть тех людей, которых я видел, когда дон Хуан впервые заставил меня войти в сферу второго внимания.

Наблюдая за ними, я ощутил всплеск нервозности — толчок под ложечкой, похожий на удар в солнечное сплетение. Толчок несколько меня отвлек, и я потерял из виду людей, цирк и городок в горах Аризоны. Вместо всего этого передо мной стояли две фигуры совершенно жуткой наружности. Они были тощие — не шире фута в плечах — и длинные — футов около семи. Они угрожающе нависали надо мной, как два гигантских земляных червя. Я знал, что это сон, но я также знал и то, что я вижу. О видении мы с доном Хуаном беседовали, когда я был как в нормальном состоянии, так и в состоянии второго внимания. И, хотя я не мог тогда испытать это на собственном опыте, мне казалось, что понял идею непосредственного восприятия энергии. И в том

сне, глядя на эти странные призраки, я понял, что вижу энергетическую сущность чего-то невероятного.

Я был очень спокоен. Я не двигался. Самым замечательным для меня было то, что они не рассеялись и не трансформировались во что-нибудь другое, оставаясь зримыми существами, по форме напоминавшими свечи. В них было нечто, заставлявшее меня удерживать восприятие их формы. Я знал это, поскольку что-то говорило мне, что, если я не буду двигаться, они тоже останутся на месте.

В определенный момент все закончилось. Я проснулся от испуга и немедленно попал в осаду множества страхов. Мною овладела глубокая обеспокоенность — нечто подобное физическому страданию, какая-то печаль, не имеющая под собой оснований.

С тех пор две странные фигуры являлись мне каждый раз, когда я практиковал сновидение. Со временем получилось так, словно вся моя сновидческая практика только затем и была нужна, чтобы я с ними встретился. Они никогда не пытались ни приблизиться ко мне, ни вступить в какое бы то ни было взаимодействие. Они просто недвижимо стояли передо мной все время, пока длился мой сон. Я не только ни разу не сделал усилия изменить свои сны, более того, — даже забыл, ради чего, собственно, практикую сновидение.

К тому времени, когда я, наконец, рассказал дону Хуану о том, что со мной происходит, я уже несколько месяцев созерцал только эти две фигуры.

— Ты застрял на очень опасном перекрестке, — сказал дон Хуан. — Будет неправильно, если ты их прогонишь. Однако позволить им остаться — тоже ошибка. В настоящее время их присутствие — помеха в твоей практике сновидения.

— Что же мне делать, дон Хуан?

— Встретиться с ними прямо сейчас, в нашем мире, и сказать им, чтобы они приходили позже, когда в твоем сновидении будет больше силы.

— Но как с ними встретиться?

— Это непросто, но возможно. Нужно только, чтобы кишка у тебя была не слишком тонка. Но она у тебя не тонка, будь спокоен.

И, не ожидая, пока я начну уверять его, что как раз кишка-то у меня и тонка, да к тому же весьма, он потащил меня куда-то в холмы. Жил он тогда на севере Мексики и предварительно позаботился о том, чтобы у меня сложилось впечатление о нем как об одиноком колдуне, всеми позабытом и выпавшем из потока человеческой жизни старце. Правда, меня слегка настораживала его внезапно проявляющаяся поистине безмерная интеллигентность. Поэтому я был склонен мириться с некоторыми его проявлениями, так как был наполовину уверен в том, что это просто его причуды.

Его любимым коньком была особая хитрость, которую маги отрабатывали на протяжении многих столетий. Он добивался того, чтобы в нормальном своем состоянии я понял все, что только был способен понять. В то же время, вводя меня в состояние второго внимания, он добивался того, что я либо понимал, либо по крайней мере увлеченно внимал всему, чему он меня учил. Таким образом он как бы разделял меня на две части. Пребывая в обычном состоянии, я не мог сообразить, почему или каким образом получается так, что я склонен принимать его эксцентричные выходки всерьез. Когда же я находился в состоянии второго внимания, все это имело для меня вполне определенный смысл.

Дон Хуан утверждал, что второе внимание в принципе доступно любому из нас, но, старательно цепляясь за спасительную соломинку своего рационализма, мы — одни более яростно, другие менее — отпихиваем от себя второе внимание, не подпуская его ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Идея дона Хуана состояла в том, что сновидение устраняет барьеры, которыми мы ограждаем себя от второго внимания, тем самым себя изолируя.

В тот день, когда он повел меня в холмы Сонoранской пустыни на встречу с неорганическими существами, я находился в обычном состоянии осознания. Однако откуда-то мне все же было известно, что предстоит совершить нечто, и это нечто определенно окажется чем-то невероятным.

В пустыне прошел небольшой дождик. Рыжая почва еще не просохла и прилипала к резиновым подошвам моих ботинок. Чтобы избавиться от

тяжелых комков, мне то и дело приходилось наступать на камни. Мы шли на восток, поднимаясь к холмам. Когда мы добрались до глубокой лощины между двумя холмами, дон Хуан остановился.

— Ну вот, это, пожалуй, идеальное место для того, чтобы вызвать твоих друзей, — сказал он.

— Моих друзей? Почему ты их так называешь?

— Они сами тебя выбрали. Когда они так поступают, это означает, что они ищут контакта. Я же говорил тебе, что между ними и магами образуются узы дружбы. Похоже, именно с такой ситуацией мы столкнулись в твоем случае. И от тебя даже не требуется функционировать в режиме запроса.

— А в чем, собственно, заключается такого рода дружба, дон Хуан?

— Во взаимном обмене энергией. Неорганические существа вкладывают в нее свой высокий уровень сознания, а маги — свое повышенное осознание и свою высокую энергию. Если результат оказывается положительным — происходит паритетный обмен. Но он может быть и отрицательным, тогда возникает взаимная зависимость.

Древние маги, как правило, любили своих союзников. Фактически, они любили своих союзников больше, чем своих ближних. И я усматриваю в этом огромную опасность.

— Ладно, что ты советуешь мне предпринять, дон Хуан?

— Вызывай их. Потом прикинешь их размеры и сам решишь, что делать дальше.

— Что делать, чтобы их вызвать?

— Воспроизведи в уме тот их облик, в котором они являлись тебе в сновидении, и зафиксируй его. Причина, по которой они старались, чтобы ты насытился их присутствием в сновидениях — в том, что они хотели оставить в твоем уме память об их формах. А сейчас пришло время этим воспользоваться.

Дон Хуан жестко приказал мне закрыть глаза и не открывать их. Затем подвел к каким-то камням и усадил на них. Они были твердыми, холодными и лежали под углом, так что трудно было удерживать равновесие.

— Сиди здесь и визуализируй их формы до тех пор, пока они не сделаются в точности такими, какими были во сне, — сказал дон Хуан мне на ухо. — Дашь мне знать, когда они будут в фокусе.

Очень быстро и почти без усилий мне удалось воспроизвести в уме образ их формы, такой же, как тот, что я видел во сне. То, что мне удалось это сделать, ничуть меня не удивило. Поразило меня совсем другое. Несмотря на то, что я отчаянно пытался подать дону Хуану знак, что уже представил их себе, мне не удавалось ни открыть глаза, ни выдавить из себя хотя бы слово. Я определенно не спал. И все слышал.

Я слышал, как дон Хуан произнес:

— Теперь можешь открыть глаза.

Я открыл их без труда. Я сидел, скрестив ноги, на каких-то камнях. Это были не те камни, на которые дон Хуан усадил меня вначале. Сам он находился где-то позади и чуть справа от меня. Я попытался обернуться, чтобы на него взглянуть, но он не позволил, задержав мою голову в прямом положении. А потом я увидел две темные фигуры, похожие на два тонких древесных ствола. Они были прямо передо мной.

Раскрыв от удивления рот, я уставился на них. Они были совсем не такими высокими, как во сне. Они сжались до половины своих исходных размеров. Вместо двух форм тусклой светимостй передо мной были две плотные, темные, почти черные, угрожающие палки.

— Встань и схвати одного из них, — велел мне дон Хуан, — и не отпускай, как бы тебя ни трясло.

Мне явно не хотелось проделывать что-либо в этом роде, но некое неведомое побуждение заставило меня встать против моей воли. В тот же миг я ясно осознал: закончится тем, что я выполню все, хотя сознательного намерения подчиняться приказу дона Хуана я не испытывал.

Я механически приблизился к двум фигурам. Сердце едва не выскакивало из грудной клетки. Я схватил того, который был справа. То, что я почувствовал, напоминало электрический разряд, который едва не заставил меня отпустить темную фигуру.

Тут до меня донесся голос дона Хуана, словно он кричал откуда-то издалека:

— Если ты бросишь его, тебе конец!

Я продолжал держать фигуру. Она изгибалась и тряслась, но не так, как массивное животное, а как нечто пушистое, легкое и словно наэлектризованное. Мы возились на песчаном дне лощины и катались по нему довольно долго. Один за другим меня пронизывали тошнотворные импульсы электрического тока. Я подумал, что это воспринимается столь мерзким из-за того, что отличается от той энергии, с которой мне приходилось иметь дело в мире повседневности. Когда «это» било меня током, я дергался, орал и рычал, как зверь. Не от боли, а от какой-то странной злости.

Наконец, оно замерло подо мной — неподвижное, почти твердое. Инертное. Я спросил у дона Хуана, не умерло ли оно, но голоса своего не услышал.

— Ни в коем случае, — со смехом сказал кто-то; этот кто-то не был доном Хуаном. — Просто ты исчерпал заряд его энергии. Но не вставай еще. Полежи немного. Я вопросительно взглянул на дона Хуана. Он изучал меня с огромным любопытством. Потом помог мне подняться. Темная фигура осталась лежать на земле. Я хотел спросить дона Хуана, все ли с этой фигурой в порядке. И снова не сумел выговорить ни слова. И тут я совершил нечто необычайное. Я согласился с тем, что все это — реально. До этого момента в уме оставалось что-то, оберегавшее мой рационализм, считая происходящее сном, навеянным манипуляциями дона Хуана.

Я подошел к распростертой на земле фигуре и попытался ее поднять. Это мне не удалось — ее невозможно было обхватить, поскольку она не имела массы. Я был сбит с толку. Тот же голос, не принадлежавший дону Хуану, велел мне лечь сверху на неорганическое существо. Я так и поступил, а когда поднялся на ноги, оно поднялось вместе со мной, словно прилипшая к моему телу тень. Потом оно мягко отделилось от меня и исчезло, оставив мне какое-то

исключительно приятное ощущение полноты.

На то, чтобы полностью восстановить контроль над собой, мне потребовалось более суток. Большую часть времени я проспал. Время от времени дон Хуан проверял мое состояние, задавая один и тот же вопрос:

— Энергия неорганического сушества была похожа на огонь или на воду?

Глотка моя была словно обожжена. Потому я не мог ответить ему, что импульсы энергии, которые я ощущал, напоминали струи наэлектризованной воды. Я не имею понятия о том, что такое струи наэлектризованной воды, поскольку никогда в жизни ничего подобного не ощущал. Я вообще не уверен, что такое явление можно воспроизвести или почувствовать. Но именно такой образ всплывал в моем уме каждый раз, когда дон Хуан задавал мне свой ключевой вопрос.

Когда я, наконец, понял, что полностью пришел в себя, дон Хуан спал. Зная, что вопрос его имеет очень большое значение, я разбудил его и все ему рассказал.

— Среди неорганических существ у тебя не будет друзей, которые бы тебе помогали. С ними у тебя может возникнуть только раздражающая связь по типу обременительной взаимозависимости, — заключил он. — Будь чрезвычайно осторожен. Водяные неорганические существа наиболее склонны к излишествам. Древние маги считали, что они сильнее любят, лучше притворяются и даже, возможно, обладают эмоциями. В противоположность неорганическим существам огненного свойства, которых древние маги считали серьезными, более сдержанными, но также и более напыщенными.

— А какое все это имеет значение для меня, дон Хуан?

— Слишком большое, чтобы говорить об этом сейчас. Советую тебе преодолеть все страхи, которые присутствуют в твоих снах и в твоей жизни. Тогда ты сможешь сохранить собственное единство. Неорганическое существо, которое ты лишил энергии, а затем снова зарядил, было вне себя от этого приключения. И явится, чтобы его повторить.

— Но почему ты меня не остановил, дон Хуан?

— Ты не дал мне времени это сделать. Кроме того, ты вообще даже не слышал, как я кричал, чтобы ты оставил его на земле.

— Нужно было подробно проинструктировать меня заранее, как ты обычно это делаешь, относительно всех возможных вариантов развития событий.

— Я не мог предвидеть всех возможных вариантов. Я вообще почти новичок в том, что касается неорганических существ. В свое время я отказался от этой части знания магов на том основании, что она слишком обременительна и зыбка. Я не хочу зависеть ни от каких сущностей, будь они органическими или неорганическими.

На этом наш разговор закончился. Очевидно, мне следовало бы обеспокоиться, поскольку реакция его на происшедшее определенно была отрицательной. Но я не беспокоился. Я почему-то был уверен, что все сделал правильно.

В дальнейшем неорганические существа в мою практику сновидения никогда не вмешивались.

— 85 -

С тех пор, как мы с доном Хуаном условились о том, чтобы обсуждать мою практику сновидения только тогда, когда он сочтет это необходимым, я редко начинал говорить о ней сам и никогда не задавал лишних вопросов. Поэтому я всегда с особой готовностью слушал его, когда он затрагивал эту тему. Его объяснения и рекомендации относительно сновидений неизбежно касались и других аспектов его учения.

Однажды, когда я был у него дома и мы разговаривали о каком-то отвлеченном предмете, дон Хуан без всякого предисловия сказал, что посредством установления контактов с неорганическими объектами в сновидении старые маги в совершенстве овладели искусством перемещения точки сборки — предметом весьма непростым и опасным.

Я сразу же воспользовался возможностью попросить дона Хуана приблизительно сказать, когда жили старые маги. И раньше при разных

обстоятельствах я задавал тот же вопрос, но никогда не получал на него удовлетворительного ответа. Но поскольку на сей раз он сам затронул эту тему, я был уверен, что он удовлетворит мое любопытство.

— Это довольно запутанный вопрос, — сказал он.

Он произнес эти слова таким тоном, что у меня возникла уверенность в его нежелании рассматривать этот вопрос. Я был очень удивлен, когда он продолжил.

— Он будет таким же испытанием для твоего здравого смысла, как и все связанное с неорганическими существами. Кстати, что ты сейчас о них думаешь?

— Я отложил в сторону свои мнения о них, — сказал я. — Теперь я не могу придерживаться ни одной конкретной точки зрения.

Мой ответ вызвал у него восхищение. Он засмеялся и заговорил о своем страхе и отвращении к неорганическим существам.

— Я никогда не испытывал к ним пристрастия, — сказал он. — Конечно, главной причиной этого был мой страх перед ними. В свое время я не смог от него отделаться, а затем он стал постоянным.

— Ты и сейчас их боишься, дон Хуан?

— Сейчас я ощущаю скорее отвращение, чем страх. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

— Существует ли какая-нибудь определенная причина для этого отвращения?

— Лучшая причина в мире — мы с ними воплощаем полные противоположности. Они любят властвовать, — я люблю свободу. Они стремятся купить, я же не продаю.

Я почувствовал необъяснимое волнение и резко заявил ему, что эта тема кажется настолько далекой от моих проблем, что я не воспринимаю ее всерьез.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, улыбаясь, а затем сказал:

— Лучшее, что можно делать с неорганическими существами, — это как раз то, что делаешь ты: отрицать их существование, но регулярно посещать их, придерживаясь мысли, что ты находишься во сне, где, по твоему мнению, все возможно. Таким образом ты как бы ничем не рискуешь. Я ощутил непонятное мне чувство вины, причину которой не мог объяснить. Я вынужден был спросить:

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Твои встречи с неорганическими существами, — сухо ответил он.

— Ты надо мной смеешься? Какие встречи?

— Я не хотел поднимать этот вопрос, но мне кажется, что пришло время сказать тебе кое-что о том ворчливом голосе, который ты слышишь в сновидении и который напоминает тебе о необходимости концентрации внимания на всем наблюдаемом тобой. Так вот, — это голос неорганического существа.

Я подумал, что дон Хуан совершенно непоследователен. Меня это настолько рассердило, что я даже громко возмутился в его адрес. В ответ он рассмеялся и попросил меня рассказать о необычных происшествиях, случающихся в моей практике сновидения. Эта просьба меня удивила. Я никогда никому не упоминал о том, что довольно часто выпадал из состояния сновидения, увлеченный каким-нибудь определенным предметом. При этом вместо того, чтобы изменить что-то во сне, как следовало поступить в этом случае, я обнаруживал, что изменял весь настрой сна и находил себя в совершенно незнакомом измерении. Я парил в нем под воздействием какой-то невидимой силы, которая все время кружила меня. Я всегда выходил из таких сновидений, продолжая кружиться, и долго поднимался и опускался, пока не просыпался полностью.

— Это были твои встречи лицом к лицу с друзьями из неорганического мира, — сказал дон Хуан.

Я не мог с ним спорить, но не хотел и соглашаться. Я продолжал молчать. Я забыл свой вопрос о магах прошлого, но дон Хуан снова поднял эту тему.

— Я думаю, что старые маги существовали около десяти тысяч лет назад, — сказал он, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией.

Я уверенно заявил, что эти данные неправильны, основывая свой ответ на последних результатах археологических исследований о миграции азиатских кочевых племен на американский континент. Все это происходило не десять тысяч лет назад, а намного позже.

— У тебя свои представления, у меня — свои, — сказал он. — Я знаю, что древние маги жили в течение четырех тысячелетий, с пятого по первое тысячелетие до нашей эры. Три тысячи лет тому назад они исчезли. С тех пор маги постоянно систематизируют и по-новому интерпретируют их наследие.

— Как ты можешь быть столь уверенным в этих сроках? — спросил я.

— А как ты можешь быть столь уверенным в своих? — возразил он.

Я сказал ему, что у археологов есть проверенные методы для датирования событий прошлого. Он вновь возразил, что маги пользуются своими проверенными методами.

— Я не хочу противоречить тебе и не пытаюсь тебя переспорить, — продолжал он, — но может случится так, что очень скоро ты сам сможешь спросить об этом у того, кто знает наверное.

— Никто не может знать это наверное, дон Хуан.

— Это еще одна из тех вещей, в которые невозможно поверить, но на самом деле существует тот, кто может все это подтвердить. Когда-нибудь ты встретишься с этим человеком.

— Ты, должно быть, шутишь дон Хуан. Кто может подтвердить, что произошло семь тысяч лет назад?

— Все очень просто. Это один из старых магов, о которых мы только что

говорили. Тот, с которым я встречался. Он и поведал мне все о старых магах. Я надеюсь, что ты запомнишь все, что я собираюсь рассказать тебе об этом удивительном человеке. Он является для нас источником информации и авторитетом во многих отношениях. Именно с ним тебе следует встретиться.

Я сказал дону Хуану, что я внимаю каждому произносимому им слову, хотя и не могу понять, как в действительности может происходить то, о чем он говорит. Он обвинял меня в том, что я над ним насмехаюсь и не верю ни одному его слову о старых магах. Я согласился, что в обычном состоянии сознания я не поверил бы в эти его непостижимые истории. Но я не смог поверить этому и во втором внимании, хотя в нем я должен был бы отнестись к ним совсем по-иному.

— Эта история становится непостижимой только в том случае, если ты начинаешь над этим размышлять, — отметил он. — Если же ты не полагаешься на свой здравый смысл, для понимания такого рассказа необходимо лишь нужное количество определенной энергии.

— Почему ты говоришь, дон Хуан, что я встречусь с одним из старых магов?

— Потому что так будет. Очень важно, чтобы вы однажды встретились. А сейчас позволь мне рассказать тебе еще одну необычную историю об одном из нагвалей моей линии — нагвале Себастьяне.

Дон Хуан рассказал мне, что нагваль Себастьян был сторожем при церкви в Южной Мексике примерно в начале восемнадцатого века. В своем рассказе дон Хуан обратил внимание на то, что современные маги и маги прошлого ищут и находят пристанище в таких общественных организациях как Христианская Церковь. По его мнению, благодаря своей высокой организованности маги легко становятся исполнительными служащими, и поэтому таких людей с готовностью принимают на ответственную работу в различные учреждения. Дон Хуан утверждал, что до тех пор, пока никто не знает об их сопричастности магии, отсутствие у магов идеологических симпатий помогает им зарекомендовать себя идеальными работниками.

Дон Хуан продолжал свой рассказ. Он сказал, что однажды, когда Себастьян выполнял свои обязанности церковного сторожа, в церковь вошел странный человек — старый индеец, выглядевший совсем больным. Ослабевшим

голосом он сказал Себастьяну, что ему нужна помощь. Нагваль решил, что индеец хочет увидеться с приходским священником, но мужчина обратился к нагвалю, и казалось, что ему с трудом дается каждое слово. Резко и прямо он сказал ему, что он знает, что Себастьян — не просто маг, но и нагваль.

Себастьян, крайне встревоженный таким поворотом событий, отвел индейца в сторону и потребовал извинений. Тот ответил, что он здесь не для того, чтобы извиняться, но пришел к нему за особого рода помощью. По словам индейца, ему было необходимо получить от нагваля энергию для поддержания своей жизни, которая, как он заверил Себастьяна, длилась тысячи лет, но именно в то время чуть было не угасла.

Себастьян был очень рациональным человеком, и, не желая верить в такую бессмыслицу, настоятельно посоветовал индейцу прекратить дурачиться. Старик рассердился и пригрозил Себастьяну выдать его вместе с учениками церковным властям, если он не согласится выполнить его просьбу.

Дон Хуан напомнил мне, что в те времена церковные власти часто жестоко расправлялись с языческими культами, сохранившимися среди индейцев Нового Света. Такую угрозу нельзя было не принять всерьез; и нагваль, и его последователи действительно оказались в смертельной опасности. Себастьян спросил индейца, как тот может получить от него энергию. Тот человек объяснил, что вследствие своей магической практики нагвали приобретают особую энергию, которую накапливают в своем теле, и что он может безболезненно для Себастьяна взять часть ее из энергетического центра, находящегося в области пупка. В свою очередь, Себастьян, оставшись невредимым, не только получит за это возможность продолжать свою магическую деятельность, но приобретет также дар силы.

Необходимость выполнить требование старого индейца не слишком привлекала нагваля, но тот не отступал, и Себастьяну пришлось в конце концов удовлетворить его просьбу.

Дон Хуан заверил меня, что старый индеец нисколько не преувеличивал своих притязаний. Оказалось, что он является одним из магов древности, одним из тех, кто известен как бросивший вызов смерти. По всей видимости, он прожил вплоть до того времени, используя только ему известные методы воздействия на свою точку сборки.

Дон Хуан сказал, что происшедшее тогда послужило основой для заключения соглашения, к которому присоединились все шесть нагвалей после Себастьяна. Бросивший вызов смерти сдержал свое слово; в обмен на энергию, взятую от всех этих людей, он вознаградил каждого даром силы. Себастьян вынужден был принять такой дар, и сделал это вопреки своей воле; он был поставлен в такое положение, где у него не было выбора. Однако все последующие нагвали после Себастьяна с готовностью и гордостью принимали этот дар.

Дон Хуан завершил свою историю, сказав, что позже бросивший вызов смерти стал известен как арендатор. * И на протяжении более чем двух столетий нагвали линии дона Хуана соблюдали условия этого соглашения, вступая в отношения обмена энергией, что привело к некоторым изменениям в некоторых деталях и конечной цели их учения.

Дон Хуан не потрудился объяснить, что же было дальше в этой истории, но у меня осталось странное ощущение ее подлинности, которое взволновало меня больше, чем я мог когда-либо вообразить.

— Как ему удалось прожить так долго? — спросил я.

— Этого никто не знает, — ответил дон Хуан. — Все, что мы знаем о нем с тех пор, — это то, что он сам нам рассказывал. Именно бросившего вызов смерти я и расспросил о старых магах, и он сказал мне, что наиболее плодотворный период их деятельности был три тысячи лет назад. (анг. «the tenant» — см. прим. к 8 т. К.К."Сила безмолвия» («София», Киев, 1993 г, стр. 65))

— Откуда ты знаешь, что он говорил правду? — спросил я.

Дон Хуан покачал головой как-то удивленно, почти с отвращением.

— После того, как столкнешься лицом к лицу с непостижимым, неизвестным тебе, где-то там, — сказал он, показывая вокруг себя, — перестаешь носиться с мелочной ложью. Мелочная ложь — это удел тех, кто никогда не заглянул в потустороннее, которое ожидает нас.

— Что ждет нас там, дон Хуан?

Кажущийся безобидным, его ответ привел меня в такой ужас, которого не вызвало бы во мне даже описание самой страшной вещи.

— Нечто абсолютно безличностное, — сказал он.

Он, должно быть, заметил, что страх разрывает меня на части, и изменил мой уровень осознания так, чтобы мой испуг прошел.

Несколько месяцев спустя в моих сновидениях произошла странная перемена. В своих снах я начал получать ответы на вопросы, которые я собирался задать дону Хуану. Но наиболее странным было то, что это стало происходить со мной и в часы бодрствования. Однажды, когда я сидел за столом на работе, я получил ответ на мысленный вопрос о реальности неорганических существ. Я видел неорганические существа в сновидении так много раз, что уже начал думать о них как о реальности. Я вспомнил, что даже прикасался к одному из них, находясь в необычном состоянии сознания в пустыне Сонoран. Периодически в своих снах я проскальзывал в миры, которые едва ли могли быть порождением моего воображения. Я хотел наилучшим образом кратко сформулировать этот вопрос для дона Хуана. Для себя я сформулировал его так: если согласиться с тем, что неорганические существа точно так же реальны, как и люди, то где они могут существовать в материальной структуре вселенной? Сформулировав для себя этот вопрос, я услышал странный смех. Такой же смех я слышал в тот день, когда столкнулся с неорганическим существом. Вполне человеческий голос сказал мне:

— Их мир существует в некотором особенном положении точки сборки, — сказал он. — Так же, как твой мир существует в обычном положении точки сборки.

Меньше всего на свете мне хотелось начинать разговор с бестелесным голосом, поэтому я вскочил на ноги и начал бегать по дому в поисках того, кто мог бы произнести эти слова. Я решил, что начинаю сходить с ума. Ко всем моим волнениям не хватало только этого.

Голос был столь ясным и внушительным, что не только озадачил, но и испугал меня. Я с трепетом ожидал дальнейших появлений этого голоса, но этого не происходило. При первой же представившейся возможности я обратился с

вопросом к дону Хуану.

Мои недоразумения не произвели на него никакого впечатления.

— Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, — сказал он. — Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос эмиссара в сновидении. Пройдя через первые и вторые врата сновидения, сновидящий достигает такого энергетического уровня, когда у него начинаются видения или когда он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а только один. Маги называют его голосом эмиссара в сновидении.

— Что такое «эмиссар в сновидении»?

— Чужая энергия, сконцентрированная в небольшой области пространства. Чужая энергия, претендующая на то, чтобы помогать сновидящим своими рассказами. Для эмиссара в сновидении характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

— Утверждение, что это чужая энергия, сосредоточенная в небольшой области пространства, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия — дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная, — какая?

— Она в точности такая, как я сказал, — чужая. Безличностная сила, которую мы воспринимаем как личность потому, что она разговаривает с нами. Некоторые маги поклоняются ей. Они даже могут видеть ее. Или, подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как полезный совет.

— Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

— Мы видим или слышим его, потому что мы удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение эмиссара. Остерегайся! Ты можешь увидеть и почувствовать его даже как обнаженную женщину.

Дон Хуан рассмеялся над своим собственным замечанием, но я был слишком

испуган, чтобы веселиться.

— Способна ли эта сила материализоваться? — спросил я.

— Конечно, — ответил он. — Все зависит от того, где находится точка сборки. Но в любом случае, если ты можешь оставаться достаточно непривязанным к нему, ничего плохого произойти не может. Эмиссар останется таким же, каким он был, — безликим голосом, который воздействует на нас вследствие того, что точка сборки находится в определенном месте.

— Его советы безопасны и благоразумны?

— Его слова нельзя считать советами. Он лишь говорит нам, что есть что, а мы сами уже делаем из этого выводы.

Затем я рассказал дону Хуану о том, что голос поведал мне.

— Это в точности соответствует тому, что я тебе только что говорил, — заметил дон Хуан. — Эмиссар не сказал тебе ничего нового. Его утверждения были правильными, но тебе только казалось, что он открывает для тебя что-то новое. Эмиссар просто повторял тебе то, что ты уже знаешь.

— Боюсь, что я не знаю всего того, что он говорил, дон Хуан.

— Да нет же, знаешь. Ты уже сейчас знаешь бесконечно больше о тайне вселенной, чем предполагает твой здравый смысл. Это наша человеческая слабость — знать о тайне вселенной больше, чем мы подозреваем.

Меня обрадовало то, что я сам, без всякой помощи со стороны дона Хуана, имел возможность убедиться в истинности этих слов. Мне хотелось узнать больше об эмиссаре. Я начал расспрашивать дона Хуана, слышал ли он когда-нибудь голос эмиссара.

Он перебил меня и, широко уяыбнувшись, сказал:

— Да, конечно. Эмиссар говорит и со мной. В юности я обычно видел его в обличии монаха в черной рясе. Этот болтливый монах каждый раз пугал меня до смерти. Позже, когда я научился преодолевать страх, он превратился в

бестелесный голос, который говорит мне обо всем и по сей день.

— О чем он говорит, дон Хуан?

— Обо всем, что составляет суть моего намерения, но все еще не продумано мной до конца. Например, подробности, касающиеся поведения моих учеников. Что они делают, когда меня нет поблизости. В частности, он говорит мне и о тебе. Эмиссар рассказывает мне обо всем, что ты делаешь.

После этого мне сразу же стало неинтересно разговаривать об этом дальше. Я отчаянно пытался придумать какой-нибудь вопрос на другую тему, в то время как дон Хуан хохотал во все горло.

— Является ли эмиссар в сновидении неорганическим существом? — спросил я.

— Лучше будет сказать, что эмиссар в сновидении — это сила, которая приходит к нам из мира неорганических существ. По этой причине сновидящие всегда сталкиваются с нею.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что каждый сновидящий слышит или видит эмиссара?

— Слышит эмиссара каждый, но лишь немногие видят или ощущают его.

— Ты можешь это как-нибудь объяснить?

— Нет. Кроме того, меня на самом деле не волнует эмиссар. Однажды мне пришлось сделать выбор, уделять ли внимание неорганическим существам и тем самым идти по следам старых магов — или отказаться от этого. Мой учитель, нагваль Хулиан, помог мне решиться на этот отказ. И я никогда не пожалел о своем решении.

— Как ты считаешь, мне тоже следует отказаться от неорганических существ, дон Хуан?

Он не ответил мне; вместо этого он объяснил, что мир неорганических существ всегда продолжает обучать нас. Вероятно, это так потому, что неорганические

существа обладают более глубоким сознанием, чем наше, и испытывают потребность опекать нас.

— Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться их учеником, — добавил он. — За это приходится платить слишком дорого.

— Как именно?

— Нашими жизнями, энергией, преданностью им. Другими словами, нашей свободой.

— А чему они учат?

— Всему, что характерно для их мира. Точно также мы бы учили их, если бы могли это делать, — тому, что имеет отношение к нашему миру. Их метод, однако, заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

— Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

— Если кто-то выяснит запросы твоего эго со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить все твои ужасные притязания, — как ты думаешь, каков будет результат?

У меня больше не было возражений. Мне показалось, что я отлично понял причины его неприятия неорганических существ.

— У магов прошлого возникли неприятности потому, что хотя они и достигли великолепных успехов в изучении магии, но при этом они руководствовались низменными эгоистическими побуждениями, — продолжал дон Хуан. — Неорганические существа стали их наставниками, и с помощью изощренных средств они обучили старых магов множеству чудес. Следуя примеру своих наставников, старые маги начали шаг за шагом овладевать их искусством, повторяя их действия, но не изменяя своей эгоистической ориентации.

— Существуют ли такие взаимоотношения с неорганическими существами в наше время?

— Я не могу дать тебе точный ответ. Скажу лишь, что не могу представить себя в подобных взаимоотношениях с ними. Такие пристрастия ограничивает нашу свободу, потому что поглощают нашу энергию. Для того, чтобы по-настоящему следовать примеру своих наставников, старые маги были вынуждены жить в мире неорганических существ. Для того, чтобы совершить столь продолжительное путешествие в их мир, требуется колоссальный объем энергии.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что маги древности могли существовать в тех мирах так, как мы существуем здесь?

— Не совсем так, но, несомненно, они как-то жили там: они сохраняли при этом свое самосознание, свою индивидуальность. Эмиссар в сновидении становился самым необходимым существом для этих магов. Если маг желает жить в мире неорганических существ, то лучшим гидом для него является эмиссар; он обо всем рассказывает, любит обучать и вести за собой.

— Ты бывал когда-нибудь в мире неорганических существ, дон Хуан?

— Бесчисленное количество раз. Так же, как и ты. Но сейчас нет смысла говорить об этом. Ты еще не овладел достаточно хорошо своим вниманием сновидения. Мы поговорим об этом мире как-нибудь в другой раз.

— Мне кажется, дон Хуан, что ты либо не одобряешь, либо не любишь эмиссара?

— Я и не одобряю, и не люблю его. Он проповедует другую систему ценностей — ту, которая соответствует духу старых магов. Кроме того, его поучения и рекомендации в нашем мире бессмысленны. И за эту бессмыслицу эмиссар требует от нас огромнейших затрат энергии. Когда-нибудь и ты согласишься со мной. Вот увидишь.

Дон Хуан произнес эти слова таким тоном, что я уловил в них скрытую убежденность в моем несогласии с ним в отношении эмиссара. Я уже был готов спросить его о своей догадке, как вдруг в своих ушах услышал голос эмиссара.

— Он действительно думает так, — сказал голос. — Я нравлюсь тебе, потому

что ты не находишь ничего плохого в том, чтобы исследовать все возможности. Ты хочешь знаний; знания — это сила. Ты ведь не хочешь осмотрительно прятаться за традиции и убеждения твоего обычного мира?

Эмиссар сказал обо всем этом по-английски с ясно различимым калифорнийским выговором. Затем он перешел на испанский. Я заметил незначительный аргентинский акцент. Я никогда раньше не слышал, чтобы эмиссар говорил так. Это восхитило меня. Эмиссар рассказал о совершенствовании в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и пристрастию ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затошнило от лицемерия эмиссара. Я сразу же сказал дону Хуану, что вынужден прекратить свою практику сновидения. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением. Но когда я повторил ему все, что слышал, он одобрил мое решение, хотя я и почувствовал, что он делает это только для того, чтобы успокоить меня.

Спустя несколько недель я пришел к выводу, что принял это решение сгоряча и необдуманно. Я вновь вернулся к практике сновидения. Я был уверен, что дон Хуан знает о том, что я возобновил занятия.

Во время одного из моих визитов к нему он довольно неожиданно заговорил о сновидении.

— Если ты не привык рассматривать сновидения в качестве подлинной сферы исследований, то отсюда не следует, что они не являются такой сферой, — начал он. — Сны анализируют в поисках смысла, их считают плохими предзнаменованиями, но никто не видит, что события, происходяшие в них, так же реальны, как и наш обыденный мир.

— Насколько я могу судить, только маги прошлого считали сновидение реальным, — продолжал дон Хуан, — но в конце концов они исказили его суть. Они стали ненасытными, накапливая новые знания, и когда дело дошло до выбора правильного пути, они свернули не в ту сторону. Они смешали все в

одну кучу, без разбора устанавливая точку сборки в тысячи возможных положений.

Дон Хуан выразил сожаление в связи с тем, что из всех великолепных вещей, которым научились старые маги, перемещая точку сборки в тысячи разных мест, остались только искусство сновидения и искусство сталкинга.

Он повторил снова, что искусство сновидения означает умение управлять смещением точки сборки. Затем он определил искусство сталкинга как умение фиксировать точку сборки в том месте, куда ее необходимо сместить.

— Фиксировать точку сборки на новом месте означает достигать состояния гармонии, — сказал он. — Сейчас ты как раз над этим и работаешь в своей практике сновидения.

— А я думал, что совершенствую энергетическое тело, — сказал я, сильно удивившись его словам.

— Ты работаешь над этим и еще многим другим, но прежде всего, ты овладеваешь умением достигать гармонии. Ты учишься этому в сновидении, когда тебе необходимо фиксировать точку сборки после ее перемещения. Внимание сновидения, энергетическое тело, второе внимание, отношения с неорганическими существами, эмиссар в сновидении — все это сопутствует обретению гармонии; другими словами, все это получается вследствие сдвига точки сборки в некоторые определенные положения в сновидении.

— Какие это положения, дон Хуан?

— Любые позиции, в которых точка сборки оказывается во время сновидения.

— А как мы фиксируем ее в этих точках?

— Продлевая присутствие объектов в сновидении или же преднамеренно изменяя эти объекты. Занимаясь практикой сновидения, ты фактически учишься достигать гармонии; другими словами, ты получаешь навыки сохранять энергию в той новой форме, которую она принимает вследствие фиксации точки сборки в определенном месте в каждом конкретном сновидении.

— Умею ли я сохранять энергию в новой форме?

— Еще не очень хорошо, и не потому что ты не можешь этого делать, а потому, что ты сдвигаешь точку сборки, а не плавно двигаешь ее. Последовательность сдвигов приводит к появлению незначительных, почти незаметных изменений в том, что ты видишь. Вся трудность при этом состоит в том, что изменений так много и они настолько малы, что способность непрерывно находится в состоянии гармонии свидетельствует о большом успехе.

— Как определить, находимся ли мы в состоянии гармонии?

— По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в сновидении, тем гармоничнее наше состояние.

Он сказал мне, что пришло время практически использовать то, чему я научился в сновидении. Не давая мне времени задать очередной вопрос, он приказал мне сконцентрировать внимание на листве растущего невдалеке мескитового дерева. И к тому же сделать это так, будто бы я нахожусь в сновидении.

— Ты хочешь, чтобы я просто смотрел на это дерево?

— Я не хочу, чтобы ты просто смотрел; я хочу, чтобы ты сделал нечто особенное с его листвой, — сказал он. — Помни, что если в сновидении ты можешь удерживать в поле зрения объект, ты тем самым фактически удерживаешь точку сборки в определенном положении. А сейчас пристально смотри на эти листья, будто ты в сновидении, но с одним хотя и небольшим, но очень существенным отличием: удерживай свое внимание сновидения на листьях мескитового дерева, находяшегося в обыденном мире.

Моя нервозность не давала мне возможности следовать ходу его мысли. Он терпеливо объяснил, что глядя на листву, я осуществлю незначительное перемещение точки сборки. Затем, собирая воедино свое внимание сновидения путем пристального всматривания в отдельные листики, я в действительности фиксирую точку сборки в этом едва смещенном положении. Тем самым гармоничность, достигнутая в этом состоянии, позволит мне

воспринимать в терминах второго внимания. Посмеиваясь, он добавил, что это на редкость просто.

Дон Хуан был прав. Мне потребовалось лишь остановить взгляд на отдельных листках дерева, удержать его там, и я мгновенно ощутил себя в вихре, подобном тем, в которые я попадал в сновидении. Листва мескитового дерева стала целой вселенной чувственных данных. Было похоже на то, что она поглотила меня, но я ощущал ее не только с помощью зрения; я прикасался к листкам и ясно осязал их. Я мог чувствовать их запах. Мое внимание сновидения было не просто визуальным, как в обычном сновидении, но объединяло все органы чувств.

То, что началось с пристального созерцания листвы мескитового дерева, теперь переросло в сновидение. Я был убежден, что воспринимаю дерево во сне, как это случалось со мной множество раз. Естественно, я поступил с этим деревом во сне точно так же, как всегда поступал в сновидении; я переходил от детали к детали, увлекаемый силой завихрения, которая уносила меня к той части дерева, куда я направлял свое внимание сновидения, охватываюшее все органы чувств.

В ходе этого видения* или сновидения я столкнулся с сомнениями, порожденными моей обычной рациональностью. Я начал спрашивать себя, не взобрался ли я и в самом деле, замечтавшись, на дерево и не ощущаю ли в действительности обычные листья, не зная о том, что окружен со всех сторон настоящей листвой. Или может быть, я уснул, убаюканный шелестом листьев на ветру, и вижу сон? Но, как всегда в сновидении, мне не хватило энергии для того, чтобы долго об этом размышлять. Мои мысли были мимолетны. Они длились мгновение, а затем сила непосредственного восприятия всецело заглушила их.

От какого-то движения вокруг меня все вздрогнуло, и я буквально вынырнул из облака листьев, будто дерево перестало оказывать на меня свое притягивающее воздействие. Я видел со своей высоты великолепную панораму вплоть до самого горизонта. Темные горы и зеленая растительность окружали меня. Еще один энергетический всплеск из глубины встряхнул меня. Я понял, что уже нахожусь совсем не там, где было мескитовое дерево. Исполинские деревья возвышались вокруг. Они были выше, чем пихты в штатах Орегон или Вашингтон. Я никогда не видел такого леса. Эта панорама

так резко контрастировала с безводной Сонoранской пустыней, что у меня не осталось сомнений, что я в сновидении.

Я удерживал этот необычный пейзаж, боясь отпустить его, зная, что это в действительности сон, который исчезнет, как только я выскользну из внимания сновидения. Но образы оставались даже тогда, когда мне показалось, что я вышел из внимания сновидения. Ужасная мысль пронеслась у меня в уме: а что, если это и не сон, и не обычный мир?

Испугавшись так, как может быть напугано только животное, я устремился опять в заросли листьев, из которых вынырнул. Под воздействием порыва вовнутрь я пошел сквозь листву дерева, огибая толстые ветки. Затем я вновь вынырнул из дерева и в один миг очутился рядом с доном Хуаном у двери его дома в пустыне Сонора.

Я сразу понял, что снова нахожусь в состоянии, в котором могу нормально мыслить, но не могу разговаривать — Дон Хуан сказал, чтобы я не волновался. Он сказал, что наш дар речи подвержен очень сильным влияниям, и что периоды немоты — довольно распространенное явление среди магов, которые отваживаются заглядывать за пределы обычного восприятия.

В глубине души я чувствовал, что дон Хуан проникся жалостью ко мне и решил меня приободрить. Но голос эмиссара который я ясно услышал в этот момент, произнес, что через несколько часов отдыха ко мне вернется не только дар речи, но и хорошее самочувствие.

Выспавшись, я по просьбе дона Хуана дал ему подробное описание всего увиденного и пережитого мной. Он предупредил меня, что понимание моих переживаний невозможно на основе рациональных представлений. И дело вовсе не в том, что мой интеллект в каком-то смысле неполноценен, а в том, что это было происшествие, которое разум не может постичь просто по своей природе.

Я, естественно, возразил, что нет ничего непостижимого для разума. Положение вещей может быть неясным, но рано или поздно мыслящий разум прольет свет на все. И я действительно верил в это.

Дон Хуан с большим терпением объяснил, что мыслящий разум — всего лишь

один из аспектов положения точки сборки; поэтому знание о том, что происходит в мире, здравомыслие, уверенность в себе — все эти предметы нашей гордости и предполагаемые мерила нашего здравомыслия — являются лишь следствием расположения точки сборки в ее обычном месте. Чем более жестко она там фиксирована, тем более мы самоуверенны, тем сильнее мы чувствуем, что знаем мир и способны предвидеть будущее.

Он добавил, что сновидение дает нам гибкость, необходимую для того, чтобы войти в другие миры, разрушая нашу убежденность в знании этого мира. Он назвал сновидения путешествием в невообразимые измерения, когда, после того, как мы постигаем все доступное человеческому восприятию, наша точка сборки выскальзывает за пределы человеческого и достигает непостижимого.

— Мы снова вернулись к самому важному аспекту мира магов, — продолжал он, — положению точки сборки. Оно является одновременно проклятием старых магов и источником постоянных неприятностей человечества.

— Почему ты так говоришь, дон Хуан?

— Потому что все человечество и маги древности пали жертвой положения точки сборки. Человечество не знает, что точка сборки существует, и поэтому принимает последствия ее обычного расположения как нечто окончательное и неоспоримое. Что же касается старых магов, то они пострадали потому, что хотя и знали все о точке сборки, но не смогли правильно воспользоваться ее возможностями.

Ты должен избежать этих двух ловушек, — продолжал он. — Было бы очень плохо, если бы ты уподобился человечеству в своем неведении относительно точки сборки. Но будет еще хуже, если ты станешь так же рационально, как старые маги, использовать точку сборки для достижения личных целей.

— Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь. Какое это имеет отношение к тому, что я пережил вчера?

— Вчера ты посетил другой мир. Но если ты спросишь меня, где он находится, и я скажу тебе, что он — в положении точки сборки, ты снова ничего не поймешь.

По словам дона Хуана, мне грозила одна из двух роковых возможностей. Первая состояла в том, что я последую по пути человечества и столкнусь с дилеммой, когда мой опыт скажет мне, что есть иные миры, а мой разум будет утверждать, что они не существуют и не могут существовать. Вторая — в том, что я уподоблюсь старым магам, сразу же согласившись с реальностью иных миров, и начну использовать положение точки сборки, порождающее эти миры, для корыстных целей. В результате возникнет проблема, связанная с уходом в иные уровни реальности в погоне за могуществом и богатством.

Мне нечего было сказать в ответ на его слова, но через некоторое время я понял, что я не должен непременно стать жертвой этих роковых возможностей, потому что в принципе я полностью согласен с точкой зрения самого дона Хуана, — хотя, естественно, я не мог тогда полностью представлять, с чем соглашаюсь. Согласие с ним скорее выражалось в каком-то давно забытом чувстве уверенности, которое я потерял и теперь начинал медленно обретать снова.

Возврат к моей практике сновидения устранил это беспокойство, но создал новое. Например, в связи с тем, что я каждый день слышал голос эмиссара, он перестал звучать для меня раздражающе или странно. Он стал обычным явлением. Я допустил так много ошибок под влиянием его слов, что почти понял, почему дон Хуан отказывался относиться к ним серьезно. Психоаналитику потребовался бы не один день, чтоб проинтерпретировать высказывания эмиссара в соответствии со всеми возможными перипетиями моих межличностных отношений. Дон Хуан придерживался по этому поводу непреклонного мнения: эмиссар — это безличностная, устойчивая сила из мира неорганических существ. Каждый сновидящий сталкивается с ней при более или менее схожих обстоятельствах, но если он решает воспользоваться его советами, то является безнадежным дураком.

Я со всей определенностью и был таковым. Я никоим образом не мог оставаться равнодушным, сталкиваясь с таким необычайным явлением: голос, ясно и последовательно излагающий мне на трех языках тайные сведения обо всем, на чем останавливалось мое внимание. Единственным, но не очень существенным его недостатком для меня было то, что он говорил не всегда вовремя. Эмиссар нередко рассказывал мне о людях и событиях, когда я уже полностью забывал о том, что они меня раньше интересовали.

Я спросил у дона Хуана об этом, и в ответ он сказал, что это как-то связано с жесткостью положения моей точки сборки. Он объяснил, что меня воспитывали пожилые люди, и поэтому я унаследовал многие стороны их мировоззрения. В частности, я подвержен опасной тенденции считать себя праведным. Он сказал, что когда он давал мне принимать галлюциногенные растения, то руководствовался прежде всего необходимостью расшатать мою точку сборки и сделать ее подвижной хотя бы в минимальной степени.

— Если ты не сделаешь ее чуточку подвижнее, — продолжал он, — ты либо станешь еще более высокого мнения о себе, либо превратишься в неуравновешенного мага. Я говорю это тебе не для того, чтобы очернить старых магов, а для того, чтобы оградить тебя от их ошибок. Рано или поздно твоя точка сборки станет более подвижной, но все же не настолько, чтобы ты не рисковал стать либо тщеславным, либо неуравновешенным.

— Как мне избежать всего этого, дон Хуан?

— Существует только один путь. Маги называют его глубинным пониманием. Я называю его романом между человеком и знанием. Для магов он является движущей силой в познании, исследовании, удивительных открытиях.

Дон Хуан сменил тему разговора и продолжил объяснение фиксации точки сборки. Он сказал, что при видении точки сборки у детей, которая постоянно перемещается как бы под воздействием небольших встряхиваний, легко переходя из одного положения в другое, — старые маги пришли к выводу, что обычное место точки сборки не присуще ей от природы, а вырабатывается как привычка. Видя также, что точка сборки фиксирована на одном месте только у взрослых, они заключили, что с каждым конкретным ее положением некоторым особым образом связан определенный тип восприятия. Вследствие длительной привычки этот тип восприятия становится системой интерпретации чувственных данных.

Дон Хуан указал, что поскольку мы вовлечены в эту систему, будучи воспитанными в соответствии с ней, мы продолжаем с самого рождения приспосабливаться к требованиям системы интерпретаций, — системы, которая вводит нас в жизнь. Поэтому старые маги были совершенно правы в том, что верили в возможность отказа от нее и непосредственного восприятия энергии, в результате чего человек становится магом.

Как бы удивляясь, дон Хуан отметил, что так называемое величайшее достижение нашего общественного воспитания состоит в том, чтобы замкнуть точку сборки в ее обычном положении. Ведь после того как она замирает в этом положении, наше восприятие может легко описывать и объяснять то, что мы ощущаем. Другими словами, с этого момента нас можно легко заставить воспринимать лишь то, что предполагает система, а не то, что мы ощущаем в действительности. Он заверил меня, что восприятие людей однотипно по всему миру, потому что точки сборки у всех представителей человечества фиксированы одинаково.

Он продолжил рассказывать, отметив, что маги сами убедились во всем этом, когда видели смещение точки сборки за определенную грань, приводившее к постижению новых вселенских волокон энергии. При этом то, что было окончательной реальностью на предыдущих этапах, утрачивало смысл. Непосредственной причиной этой бессмыслицы является восприятие органами чувств новых данных, приводящее к тому, что наша система интерпретации оказывается непригодной для объяснения того, что мы ощущаем.

— Восприятие без системы интерпретации, конечно же, хаотично, — продолжал дон Хуан. — Но удивительно, что когда мы считаем, что полностью утратили ориентиры, наша старая система оживает вновь. Она приходит нам на помощь и превращает наши бессистемные ощущения в тщательно упорядоченный новый мир. Это случилось с тобой, когда ты смотрел на листья мескитового дерева.

— Что на самом деле тогда случилось со мной, дон Хуан?

— В течение некоторого времени твое восприятие было хаотичным. Ты видел все сразу, и твоя система интерпретации мира не работала. Затем хаос упорядочился, и ты предстал перед новым миром.

— Мы снова, дон Хуан, вернулись туда, где были раньше. Существует ли тот мир, или он просто-напросто создан моим умом?

— Мы опять вернулись туда же, и ответ остался тем же. Он существует в том определенном положении твоей точки сборки. Для того, чтобы воспринимать его, тебе нужна была гармония с ним, то есть тебе следовало удерживать

точку сборки фиксированной в том положении, что ты и делал. В результате ты в течение некоторого времени ясно видел этот новый для тебя мир.

— Могли бы другие воспринимать тот же самый мир?

— Если бы у них было то же положение точки сборки и та же степень гармонии, — они бы могли. Маги прошлого называли эти действия по согласованию положения точки сборки и достижению гармонии с миром, лежащим за пределами обычного, сталкингом восприятия.

— Искусство сталкинга, — продолжал он, — как мы уже говорили, означает фиксацию точки сборки. Старые маги открыли посредством своей практики, что как бы ни было важно уметь перемещать точку сборки, еще важнее быть способным фиксировать ее в новом состоянии, каково бы оно ни было.

Он объяснил, что если точку сборки не удается зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать гармонично. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину несвязанных друг с другом образов. Вот потому маги прошлого уделяли сталкингу столько же внимания, сколько и сновидению. Одно искусство не может существовать без другого, особенно в отношении тех действий, которые совершали старые маги.

— Какие это были действия, дон Хуан?

— Старые маги называли их тонкостями второго внимания, или же великим приключением в неизвестном.

Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Старые маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических тел, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать гармонию неограниченно долгое время.

— Зачем все это было нужно, дон Хуан?

— Мы не можем сказать, к чему они стремились, но можем говорить о том, чего они достигли.

Он объяснил, что старые маги умели достигать такой совершенной гармонии, которая делала возможным восприятие всего и физическое превращение во все, что соответствовало конкретному положению их точек сборки. Они могли стать кем угодно или чем угодно из длинного списка, который, по его словам, представлял собой детальное описание восприятия мира различными сущностями, например, ягуаром, птицей, насекомым и так далее.

— Мне очень трудно поверить, что эти превращения возможны, — сказал я.

Он сказал, что точки сборки старых магов обладали великолепной подвижностью. Им нужно было лишь слегка сместить их в соответствии с малейшей особенностью ощущения в сновидении, и сразу же с помощью сталкинга восприятия они достигали нужной гармонии с окружающим миром, становясь животным, другим человеком, птицей или вообще чем угодно.

— А разве душевнобольные не делают то же самое? Разве они не создают сами собственную реальность? — спросил я.

— Нет, это не одно и то же. Сумасшедшие воображают себе реальность вообще без всякой заранее поставленной цели. Они рождают хаос из хаоса. Маги, в отличие от них, упорядочивают хаос. Их постоянная глобальная цель состоит в том, чтобы освобождать свое восприятие. Маги не выдумывают сами воспринимаемый ими мир. Они прямо ощущают энергию, а затем обнаруживают, что воспринимают некоторый неизвестный новый мир, что он так же реален, как реально все, что мы знаем.

Затем дон Хуан дал мне новое объяснение происшедшего со мной, когда я смотрел на мескитовое дерево. Он сказал, что я вначале ощушал энергию дерева. На субъективном уровне я верил, что сплю, потому что использовал для ощущения энергии технику сновидения. Он отметил, что использование этой техники в мире обыденной жизни было одним из наиболее эффективных средств, использовавшихся старыми магами. Это давало возможность ощущать энергию точно так же, как и во сне, а не всецело хаотично. Затем наступал момент, когда что-то изменяло восприятие, и маг находил себя стоящим лицом к лицу с новым миром — в точности как это случилось со мной.

Я сказал ему об одной мысли, которую я едва осмеливался произнести: панорама, увиденная мной, была и не сном, и не обычным миром.

— Да, она не была ни тем, ни другим, — сказал он. — Я напоминаю тебе это снова и снова, а ты думаешь, что я просто говорю одно и то же. Я знаю, как трудно уму допустить реальность существования безумных возможностей. Но новые миры существуют! Они охватывают друг друга, образуя в целом нечто похожее на луковицу. Тот мир, в котором мы живем, — это лишь один слой луковицы.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что цель твоего учения в том, чтобы подготовить меня к посещению этих миров?

— Нет. Я хочу сказать совсем другое. Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Такие путешествия были уделом бывших магов. Мы занимаемся сновидением, как и маги древности, но в то же время мы исходим из совершенно иных принципов. Старые маги предпочитали сдвиг* точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение движению** точки сборки. Старые маги искали неизвестное для людей. Мы ищем сверхчеловеческое неизвестное.

— Я еще не добрался до него, не правда ли?

— Нет. Ты только начинаешь. Вначале каждый должен пройти по стопам старых магов. Ведь в конце концов это они изобрели сновидение.

— Когда я, в таком случае, начну изучать сновидение новых магов?

— Тебе еще предстоит многое сделать. Возможно, на это уйдут годы. Кроме всего прочего, я должен быть с тобой очень осторожным. По характеру ты определенно похож на магов прошлого. Я предупреждал тебя об этом,

но ты всегда умудряешься пренебрегать моими советами. Иногда мне даже казалось, что какая-то чужая энергия выступает в качестве твоего советника, но сейчас я отбросил эту идею. Ты — искренний человек.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Ты нечаянно совершил два поступка, которые меня чертовски взволновали.

В первом же сновидении ты путешествовал в энергетическом теле за пределами этого мира. И прогуливался там! А затем ты посетил в энергетическом теле еще одно место за пределами этого мира, но об этом ты не помнишь в своем обычном состоянии сознания.

— Почему это беспокоит тебя, дон Хуан?

— Сновидение слишком легко для тебя. И в этом твое проклятие, если мы не уделим этому вопросу надлежащего внимания. Сновидение выводит к неизвестному для людей. Как я говорил тебе, современные маги стремятся постичь сверхчеловеческое неизвестное.

— Чем может быть этосверхчеловеческое неизвестное?

— Свободой от всего человеческого. Это — невообразимые миры, выходящие за пределы человеческих возможностей достижения, которые тем не менее каким-то образом доступны нам. Туда направляются современные маги. Их устремления лежат далеко вне интересов людей; за пределами этих интересов лежат всеобъемлющие миры, среди которых есть далеко не только сферы обитания птиц и животных, хотя и они неизвестны человеку. То, о чем я говорю, представляет собой миры, подобные нашему. Целые вселенные с бесконечными пространствами.

— Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

— Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие движения точки сборки, а не ее сдвига. Путешествия в такие миры могут совершить в сновидении только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих сновидение в наши дни, это сновидение является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение.

— Но зачем их достигать?

— Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. «Это опасно? — спрашиваешь ты. — На сколько процентов увеличится сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня?» На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может основываться на вкладах и доходах от них. Свобода — это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и даже большим, чем жизнь, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

— Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышнего бездельника как я, достичь этого всего?

— Поиск свободы — это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода улететь внезапно в бесконечность, которая где-то там. Это свобода умереть, исчезнуть навсегда. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая остается неугасимой в мире, озаряемом светом миллиардов великолепных звезд, остается неугасимой потому, что никогда не считает себя чем-то большим, чем есть на самом деле, — всего лишь свечой.

Верный своему согласию ждать, пока дон Хуан сам решит продолжить свои объяснения сновидения, я обращался к нему за советом только в случае крайней необходимости. Однако он, как правило, производил впечатление человека, который не просто не желает обсуждать сновидение, но еще и раздражен моим отношением к этому предмету. По моему мнению, подтверждением его недовольства мной было то, что всегда, когда мы начинали обсуждать мою практику сновидения, он преднамеренно преуменьшал важность достигнутого мной.

В то время самой важной чертой моей практики стали постоянные свидетельства в пользу существования живых неорганических существ. После того, как я встретился с ними в своих сновидениях, и особенно после столкновения с ними в пустынных окрестностях дома дона Хуана, у меня были веские основания считать их существование подлинным фактом. Но все эти случаи возымели на меня обратное действие. Я упрямо и яростно отрицал возможность их существования. Затем мое настроение изменилось и я решил провести объективное исследование вопроса, связанного с ними. Метод исследования предполагал, что я прежде всего буду вести регулярные записи того, что случается в моих занятиях сновидением, а затем использую эти

записи в качестве достаточного основания для вывода, подтвердилось ли на практике то, что я предполагал о неорганических существах. Фактически, я исписал сотни страниц скрупулезными, но бессмысленными описаниями, в то время как достаточные свидетельства в пользу их существования были получены мной почти в самом начале моих изысканий.

Нескольких занятий оказалось достаточно, чтобы выяснить, что как бы случайная рекомендация дона Хуана — прекратить рассуждать и предоставить неорганическим существам возможность приблизиться ко мне — была в действительности тем самым способом, который использовали маги прошлого для того, чтобы привлекать их. Предоставив мне возможность убедиться в этом на собственном опыте, дон Хуан просто-напросто следовал своему методу обучения магии. Он снова и снова повторял, что очень трудно заставить наше эго покинуть оборонительные рубежи. Этого возможно достичь только с помощью практики. Одной из сильнейших оборонительных линий эго является не что иное, как наша рациональность. И она не только является одним из самых стойких барьеров на пути к обладанию магическими умениями и теорией, но еще и наиболее опасным по своим проявлениями. Дон Хуан верил, что существование неорганических существ является фактом, способным сильно поколебать нашу рациональность.

В своей практике сновидения я придерживался установленного распорядка, от которого не отклонялся ни на один день. Вначале моей целью было наблюдение всех доступных объектов в моих снах, а затем — изменение снов. Я наблюдал день ото дня целые вселенные различных деталей предметов. Как-то раз я заметил, что мое внимание сновидения начало убывать, и мои занятия заканчивались либо тем, что я засыпал и видел обычные сны, в которых я вообще не был способен управлять вниманием, либо тем, что я просыпался и не мог больше заснуть вообще.

Однако время от времени в моих сновидениях появлялся поток чужеродной энергии, как определял его дон Хуан, называя его также лазутчиком. Его предостережение относительно лазутчиков помогло мне быть бдительным и правильно использовать свое внимание сновидения. Первый раз я столкнулся с чужеродной энергией, когда мне снилось, как я делал покупки в универмаге. Я переходил от прилавка к прилавку, разыскивая антикварные предметы. В конце концов я нашел то, что искал. Несоответствие между универмагом и поиском произведений древнего искусства было столь очевидным, что я

тихонько посмеивался, но как только я нашел одно такое произведение, я сразу же забыл об этой нелепости. Этот предмет представлял собой рукоятку трости. Продавец сказал мне, что она была изготовлена из иридия, который он назвал одним из самых твердых веществ в мире. Рукоятка была украшена резьбой с изображением головы и плеч обезьяны. Но мне показалось, что она сделана из нефрита. Продавец был очень возмущен, когда я намекнул, что это скорее всего нефрит, и, чтобы продемонстрировать свою правоту, он изо всей силы бросил предмет на цементный пол. Он не разбился, но стал подскакивать, как мяч, а затем уплыл прочь, вращаясь, как фрисби. Я последовал за ним. Он скрылся за деревьями. Я побежал, чтобы найти его и обнаружил его увязшим в земле. Он превратился в необычайно прекрасную надлежащей длины трость темно-зеленого цвета с переходом в черный.

Я захотел взять ее себе. Я ухватился за нее и начал с силой отрывать от земли, пока кто-нибудь не появился поблизости. Но как я ни старался, я не мог сдвинуть ее с места. Я боялся, что сломаю ее, если буду пытаться вырвать из земли, расшатывая из стороны в сторону. Поэтому я начал раскапывать землю вокруг нее голыми руками. По мере того, как я продолжал копать, она таяла на глазах, пока на ее месте не осталась только лужица зеленой воды. Я уставился взглядом в воду; внезапно мне показалось, что она взорвалась. Она превратилась в белый пузырь, который затем исчез. Мой сон продолжался дальше с новыми образами и деталями, которые ничем не выделялись, хотя и были совершенно отчетливы.

Когда я рассказал дону Хуану об этом сновидении, он сказал:

— Ты встретился с лазутчиком. Лазутчики часто встречаются и в обычных снах. Странно, но сны сновидящих характеризуются отсутствием лазутчиков. Когда они появляются, их легко обнаружить по сопутствующей им необычности и несоразмерности.

— О какой несоразмерности ты говоришь, дон Хуан?

— Их присутствие окружено нелепостями.

— Во сне многое нелепо.

— Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это

происходит именно так вследствие большого количества лазутчиков, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного.

— Ты знаешь, почему это так, дон Хуан?

— По-моему, все определяется балансом сил. Среднестатистический человек вынужден воздвигать необычайно прочные барьеры, чтобы защитить себя от натиска враждебных влияний. Например, такие барьеры как беспокойство о себе. Но чем крепче препятствие, тем мощнее нападение.

В отличие от них, сновидящие воздвигают меньше барьеров и поэтому привлекают меньше лазутчиков в свои сны. В снах сновидящих бессмысленные вещи отсутствуют, возможно, для того, чтобы сновидящие легко обнаруживали присутствие лазутчиков.

Дон Хуан посоветовал мне быть очень внимательным и замечать все доступные наблюдению детали моих снов. Он даже заставил меня повторить вслух эти свои слова.

— Ты сбиваешь меня с толку, — сказал я. — Ты то не хочешь ничего слышать о моем сновидении, то хочешь. Есть ли какая-то систематичность в твоих отказах и согласиях?

— Конечно же, за всем этим стоит некоторая система, — сказал он. — Быть может, ты когда-нибудь будешь поступать так же с другим сновидящим. Одни вопросы имеют ключевое значение, потому что связаны с духом. Другие — совершенно не имеют значения по причине нашего индульгирования.

Первый лазутчик, которого ты обнаружил, теперь будет присутствовать всегда в любой форме, даже в виде иридия. Кстати, что такое иридий?

— Точно не знаю, — искренне сказал я.

— Вот тебе и на! А что ты скажешь, если окажется, что это одно из самых прочных веществ в мире?

Глаза дона Хуана сияли от восторга, пока я нервно хихикал от абсурдности его

последней реплики, которая, как я узнал впоследствии, в действительности была истиной.

Начиная с этого времени я стал замечать присутствие несуразных предметов в своих сновидениях. Стоило мне допустить верность слов дона Хуана, определяющих суть чужеродной энергии во сне, и я вскоре полностью согласился с тем, что нелепые вещи в моих сновидениях являются на самом деле пришельцами из других миров. После того, как я обнаруживал их, мое внимание сновидения всегда полностью сосредоточивалось на них, чего не происходило ни в каких других условиях.

Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои сны, мое внимание в них вынуждено было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Препятствие, с которым сталкивалось мое внимание в этом случае, состояло в его неспособности полностью совершить такое преображение: в итоге я получал какой-то диковинный объект, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал, превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна.

Когда я попросил дона Хуана прокомментировать то, что происходит в моем сновидении, он сказал:

— В настоящее время лазутчики в твоих снах являются шпионами, присылаемыми из неорганического мира. Они очень недолговечны, что означает их неспособность долго оставаться во сне.

— Почему ты говоришь, что они — шпионы, дон Хуан?

— Они приходят в поисках возможности поглощать сознание других существ. У них есть собственное сознание и цель, хотя она недоступна постижению нашим разумом. По типу их сознания и замыслов их, вероятно, можно сравнить с деревьями. Внутренние устремления деревьев и неорганических существ непонятны нам, потому что они намного более медленны, чем наши.

— Почему ты так считаешь, дон Хуан?

— И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы,

чтобы пребывать неизменными. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа являются такими же почти неизменными сущностями, как и деревья?

— Именно так. То, что ты видишь в сновидении в виде светлых и темных полых трубочек, является их проекцией. То, что ты слышишь во сне как голос эмиссара, — тоже их порождение. Равно как и их лазутчики.

По какой-то непонятной мне глубинной причине я был подавлен этими словами. Внезапно меня охватило беспокойство. Я спросил дона Хуана, являются ли и деревья подобными проекциями.

— Являются, — сказал он. — Более того, эти проекции более враждебны к нам, чем их аналоги из неорганического мира. Сновидящий никогда не вступает в контакт с деревьями, если только он не находится в теплых приятельских отношениях с другими мирами, что является очень трудно достижимым состоянием. У нас нет друзей на этой Земле, ты ведь знаешь. — Он грустно улыбнулся и добавил. — Ни для кого не секрет, почему это так.

— Возможно, это не секрет для тебя, дон Хуан, но, со всей определенностью, это тайна для меня.

— Наши действия разрушительны. Мы настроили все живые существа против себя на этой Земле. Вот почему у нас нет друзей.

Я чувствовал себя так неловко, что хотел вовсе прекратить беседу. Внутреннее побуждение вынудило меня вернуться к обсуждению неорганических существ.

— Что, по твоему мнению, мне следует делать, чтобы последовать за лазутчиками? — спросил я.

— А зачем, собственно, тебе нужно следовать за ними?

— Я занимаюсь научными исследованиями неорганических существ.

— Ты подшучиваешь надо мной, не так ли? Я думал, что ты непоколебим в своем отрицании их существования.

Его издевательский голос и раскаты смеха ясно показали мне его отношение к моему научному исследованию.

— Я теперь придерживаюсь другого мнения, дон Хуан. Теперь я хочу изучить все эти сущности.

— Помни, что мир неорганических существ был сферой деятельности магов прошлого. Чтобы пробраться туда, они тщательно концентрировали свое внимание в сновидении на наблюдаемых объектах. Таким образом они были способны обнаруживать лазутчиков. И когда лазутчики оказывались в центре их внимания, они выкрикивали вслух намерение следовать за ними. Как только маги древности заявляли об этом своем намерении, они уходили, увлекаемые чужеродной энергией.

— Так ли все просто, дон Хуан?

Он не ответил. Он только засмеялся, глядя на меня, как бы приглашая меня сделать то, о чем он рассказал.

Работая дома, я устал искать истинный смысл слов дона Хуана. Я упрямо не желал следовать тому, что он мог бы назвать рабочим методом. После того, как я отбросил и идеи, и терпение, я однажды потерял бдительность. В тот раз я видел во сне рыбу, озадачившую меня тем, что она внезапно выскочила из озера, возле которого я прогуливался. Она забилась у моих ног, затем полетела, как птица, и села на ветку, по прежнему оставаясь рыбой. Картина была такой непривычной, что мое внимание сновидения оживилось. Я сразу же понял, что это лазутчик. Секундой позже, когда рыба-птица превратилась в точку света, я крикнул о своем намерении последовать за ней и отправился в иной мир точно так, как говорил об этом дон Хуан.

Я, как легкое насекомое, пролетел сквозь нечто, казавшееся темным тоннелем. Ощущение тоннеля внезапно прекратилось. Было так, как будто я был выдут из трубы и по инерции шлепнулся на огромную глыбу какого-то вещества; я почти касался ее. Я не видел ей конца во всех направлениях, доступных моему взору. Все это так сильно напоминало мне научно— фантастические фильмы,

что я был полностью уверен, что эта панорама возникла в моем спящем сознании. А почему бы и нет? Я считал, что происходящее со мной всего лишь сон.

Я решил рассмотреть все детали этого сна. То, что я мог видеть, представляло собой подобие исполинской губки. Оно было пористым и покрытым углублениями. Я не мог прикоснуться к нему, но оно выглядело твердым и волокнистым. Оно было темно-коричневого цвета. Затем у меня проскользнуло сомнение в том, что все это немое нагромождение мне просто снится. То, что я видел, не изменяло своих начертаний. Оно не двигалось. При пристальном всматривании у меня создалось впечатление чего-то реального, но полностью неподвижного; это все где-то находилось и так приковывало к себе мое внимание, что я не мог оторваться для осмотра других объектов, включая себя. Какая-то удивительная сила, с которой я никогда раньше не сталкивался в сновидении, парализовала меня.

Затем я явственно ощутил, что масса высвободила мое внимание; и теперь все мое сознание сосредоточилось на лазутчике, который привел меня сюда. Он выглядел как светлячок в темноте, кружась надо мной и вокруг меня. В этом мире лазутчик был пузырьком чистой энергии. Я мог видеть кипение его энергии. Казалось, он знает обо мне. Внезапно он приблизился ко мне, а затем притянул и оттолкнул меня. Я не чувствовал его прикосновения, но знал, что он касается меня. Это ощущение было изумительным и новым для меня; будто какая-то часть меня, не присутствующая там, была возбуждена этим прикосновением; волны энергии проходили по ней одна за другой.

Начиная с этого момента все в моем сне начало становиться все более реальным. Мне с трудом удавалось помнить, что я нахожусь в сновидении. К этому затруднению примешивалось чувство уверенности в том, что, касаясь меня, лазутчик осуществляет энергетический контакт со мной. В тот момент, когда казалось, что он притягивает или отпихивает меня, я знал, чего он от меня хочет.

Сначала он втолкнул меня в большое углубление в глыбе вещества, перед которой я находился. Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто ее неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру, напоминающую что-то похожее на увеличенное

изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели всевозможных очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие — вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже, будучи наклоненными более или менее покато.

Свет был очень тусклым, но все было отчетливо видно. Тоннели выглядели оживленными и сознательными; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что вижу их. Это были энергетические волокна. Как только я это постиг, голос эмиссара из сновидения зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего им сказанного.

— Говори тише, — завопил я нетерпеливо, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

— Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь жить в нем вечно. — Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: — Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое мое утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

— В этом для тебя есть бесчисленные преимущества, — продолжал голос эмиссара. — Ты можешь жить в любых тоннелях, какие пожелаешь. И в каждом ты сможешь узнать что-то новое. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам.

Не пользуясь никакими органами чувств, я ощутил, что лазутчик подталкивает меня сзади. Казалось, он хочет, чтобы я двигался вперед. Я направился в тоннель, находящийся рядом справа от меня. Как только я очутился в нем, я как-то осознал, что не иду по нему; я кружился в нем, летел. Я был пузырьком энергии, подобно самому лазутчику.

Голос эмиссара снова зазвучал в моих ушах:

— Да, ты — всего лишь пузырек энергии, — произнес он. И хотя я сам знал это, я почувствовал громадное облегчение.

— Ты паришь внутри одного из неорганических существ, — продолжал он.

— Лазутчик хочет, чтобы ты двигался в этом мире именно таким образом. Когда он прикоснулся к тебе, он изменил тебя навсегда. Теперь ты, по сути, один из нас. Если желаешь остаться здесь, просто вырази свое намерение.

Эмиссар прекратил говорить, и вид тоннеля снова предстал предо мной. Но когда он заговорил снова, что-то изменилось; я не терял из виду этого мира и все же мог одновременно слышать голос эмиссара.

— Древние маги научились всему, что они знали о сновидении, пребывая здесь среди нас, — сказал он.

Я собирался спросить, научились ли они этому всему просто живя внутри этих тоннелей, но прежде чем я произнес свой вопрос, эмиссар ответил мне.

— Да, они узнали все, просто пребывая подолгу внутри неорганических существ, — сказал он. — Чтобы жить внутри них, магам прошлого требовалось всего лишь сказать о том, что они желают этого. Точно так же, как для того, чтобы попасть сюда, тебе требовалось только громко и отчетливо выразить вслух свое намерение.

Лазутчик толкнул меня вновь, давая понять, что я могу продолжить движение. Я засомневался, и тогда он сделал что-то эквивалентное такому силовому воздействию, от которого я полетел по бесконечным тоннелям, как пуля. В конце концов я остановился, потому что остановился лазутчик. На какое-то мгновение мы зависли; затем мы провалились в вертикальный тоннель. Но я не почувствовал, что направление движения существенно изменилось. Что касается моих ощущений, то я по-прежнему чувствовал, что двигаюсь вдоль поверхности.

Мы меняли направление движения множество раз, но в каждом случае мои ощущения были похожими. Я начал было уже формулировать мысль о своей неспособности чувствовать, куда я двигаюсь, вверх или вниз, когда вдруг

зазвучал голос эмиссара.

— Мне кажется, что тебе будет приятнее медленно ползти, а не лететь, — сказал он. — Можешь также попробовать перемещаться, как паук или муха, прямо, вверх или вниз, или вверх ногами.

Внезапно я приземлился. Было похоже на то, что из неведомой пылинки я вдруг превратился во что-то тяжелое, тем самым ощутив почву под собой. Я не мог больше видеть стен тоннелей, но эмиссар был здесь же и в более удобном положении, перемещаясь рядом со мной.

— В этом мире тебе не обязательно все время быть связанным тяготением, — сказал он.

Конечно, я и сам мог это понять.

— Тебе здесь также не нужно и дышать, — продолжал его голос. — И только для своего удобства ты продолжаешь пользоваться зрением, по привычке делая это так же, как в твоем мире.

Казалось, что эмиссар решал, продолжать ли ему говорить дальше. Он прокашлялся в точности как человек, собирающийся начать говорить, и произнес:

— Зрение — главный источник информации; поэтому сновидящий всегда говорит о своих ощущениях во сне, пользуясь терминами зрения.

Лазутчик втолкнул меня в тоннель направо. Он был несколько темнее других. Вопреки моему здравому смыслу, он показался мне более уютным, чем другие, более мирным и более знакомым. Мой ум пронзила мысль о том, что я был подобен этому тоннелю, или он — мне.

— Вы уже встречались раньше, — произнес голос эмиссара.

— Что это значит? — сказал я.

Я понял его слова, но не знал, что он имеет в виду.

— Вы когда-то боролись друг с другом и поэтому сейчас каждый из вас содержит энергию другого.

Я подумал, что в голосе эмиссара слышится злая нотка или даже сарказм.

— Нет, это не сарказм, — сказал эмиссар. — Я рад, что у тебя есть среди нас сородичи.

— Что ты подразумеваешь под сородичами? — спросил я.

— Обмен энергией означает родство, — ответил он. — Энергия подобна крови.

Я потерял дар речи. Я ясно ощутил, как во мне шевельнулся страх.

— Страх — это нечто, несвойственное этому миру, — сказал эмиссар.

Из всего, что он сказал, только это было не совсем точным.

На этом мое сновидение закончилось. Я был так ошарашен яркостью увиденного, поразительной ясностью и последовательностью сказанного эмиссаром, что не мог дождаться момента, чтобы рассказать обо всем дону Хуану. Меня удивило и насторожило то, что он не захотел слушать меня. Он так ничего и не сказал, но я догадывался, что он считал все случившееся моим собственным индульгированием.

— Почему ты так ведешь себя со мной? — спросил я. — Ты чем-то недоволен?

— Нет, я всем доволен, — сказал он. — Дело в том, что я не могу говорить об этой стороне твоего сновидения. Это исключительно твое личное дело. Я сказал тебе, что неорганические существа реальны. Теперь ты сам обнаруживаешь, насколько они реальны. Но то, что ты извлечешь из этого открытия, — это уже твое дело, твое личное дело. Когда-нибудь ты поймешь, почему я оставался в стороне.

— Но неужели ты не можешь ничего сказать мне об этом сне? — настаивал я.

— Я могу сказать только, что это было не сновидение. Это было путешествие в неизведанное. Добавлю к тому же, что это было необходимое путешествие, —

но сугубо личное.

Затем он сменил тему разговора и принялся объяснять другие аспекты своего учения.

Начиная с этого дня, несмотря на мой страх и нежелание дона Хуана дать мне совет, я стал в своих сновидениях регулярно посещать тот губчатый мир. Я вскоре обнаружил, что чем больше возрастает моя способность замечать детали предметов в сновидении, тем искуснее я становлюсь в выявлении лазутчиков. Когда я узнавал лазутчиков по их чужеродной энергии, они еще некоторое время оставались в моем поле зрения. Если же я пытался превращать лазутчиков в отчасти знакомые мне объекты, они оставались даже дольше обычного, беспорядочно меняя форму. А когда я следовал за ними, громко провозглашая вслух свое намерение попасть в их мир, лазутчики полностью переводили мое внимание сновидения на мир, лежащий за пределами моего обычного воображения.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа всегда испытывают потребность обучать. Но он не упомянул при этом, что они обучают сновидению. Он сообщил, что эмиссар в сновидении, будучи обычным голосом, является идеальным мостиком между тем миром и нашим. Я обнаружил, что эмиссар представляет собой зачастую не просто голос наставника, но еще и голос умелого торгового агента. Он объяснял мне снова и снова, в нужном месте и в соответствующее время, преимущества своего мира. Кроме этого, он также преподал мне неоценимые уроки сновидения. Слушая его объяснения, я понял, почему маги прошлого отдавали предпочтение практическим занятиям.

— Чтобы в совершенстве овладеть сновидением, тебе прежде всего следует прекратить внутренний диалог, — сказал мне однажды эмиссар. — Для того, чтобы достичь успеха в прекращении диалога, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

Эмиссар сообщил, что металлические предметы, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект. Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой

из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление необычно действует на внутренний диалог, успокаивая его. Эмиссар отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно.

— Если ты засыпаешь в состоянии полного спокойствия, это гарантирует тебе идеальное вхождение в сновидение, — сказал однажды голос эмиссара, — это способствует также развитию внимания в сновидении.

— Сновидящий должен носить золотое кольцо, — сказал мне эмиссар в другой раз. — Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение эмиссара в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из сновидения или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

— Как работает этот мост? — спросил я, не понимая, что подразумевает аналогия с мостом, которой воспользовался эмиссар.

— Мост получается там, где палец соприкасается с кольцом, — сказал эмиссар. — Если сновидящий приходит в мой мир, имея па пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; в случае необходимости кольцо отдает ее в палец пришедшего, и эта энергия возвращает сновидящего обратно в его мир.

Давление, производимое кольцом на палец, хорошо служит также для гарантии того, что сновидящий вернется в свой мир. Благодаря этому давлению он постоянно ощущает знакомое прикосновение к пальцу.

В ходе одного из последующих занятий эмиссар сообщил, что наша кожа является органом, идеально подходящим для передачи энергетических волн обычного мира в мир неорганических существ, и наоборот. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы моя кожа была прохладной, чистой и не жирной. Он также порекомендовал сновидящим носить тугой пояс, повязку на голове или ожерелье, чтобы создать давление в точках кожи, служащих центрами обмена энергией. Эмиссар также объяснил, что в обычном состоянии кожа автоматически предотвращает выход энергии из тела, и что если мы хотим не

только сохранять энергию, но и переводить ее из одного мира в другой, мы должны громко выразить в сновидении соответствующее намерение.

Однажды эмиссар сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости и точности работы внимания сновидения нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за небом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. Эмиссар специально порекомендовал научиться прижимать в сновидении кончик языка к небу. Он сказал, что это более сложная задача, чем нахождение рук во сне. Но решив эту задачу, сновидящий достигает удивительных результатов в смысле контроля внимания сновидения.

Я получил целые горы инструкций по поводу всех возможных аспектов моих занятий. Эти инструкции я бы очень скоро забыл, если бы эмиссар не продолжал регулярно повторять их мне. Я спросил у дона Хуана, как мне быть с тем, что я забываю.

Его замечание было кратким, как я и ожидал.

— Сосредоточься только на том, что эмиссар говорит тебе о сновидении, — сказал он.

Все, о чем неустанно повторял голос эмиссара, я схватывал с неизменным интересом и рвением. Но, верный рекомендации дона Хуана, я следовал указаниям эмиссара только в отношении сновидения, лично проверяя практическую ценность его инструкций. Наиболее важной информацией для меня оказалось то, что он сказал о внимании сновидения, источником которого является небо. Мне потребовалось приложить много усилий, чтобы начать чувствовать в состоянии сновидения кончик языка, прижимающийся к небу. Как только я научился этому, мое внимание сновидения зажило своей собственной жизнью и стало, может быть, лучше, чем мое обычное внимание в нашем мире.

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, как глубоко маги прошлого были связаны с неорганическими существами. Объяснения и предостережения дона Хуана об опасности такой связи стали для меня более насущными, чем когда-либо раньше. Я пытался сделать все от меня зависящее, чтобы соответствовать его стандартам самооценки, не поддаваясь

их влиянию. Поэтому голос эмиссара и все, что он говорил, представляли для меня постоянный вызов. Мне следовало любыми средствами не поддаться искушению со стороны эмиссара, когда он обещал мне всевозможные знания. Мне приходилось противостоять ему в одиночку, поскольку дон Хуан по-прежнему отказывался выслушать меня.

— Ты должен хотя бы намекнуть о том, что мне делать, — настаивал я однажды, будучи достаточно прямолинейным, чтобы заговорить об этом.

— Я не могу, — сказал он с оттенком категоричности, — и не спрашивай меня снова. Ведь я сказал тебе, что в этом случае сновидящий должен все решать сам.

— Но ведь ты даже не подозреваешь, что я собираюсь спросить.

— О, я знаю. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты поступаешь правильно, когда торчишь в одном из тех тоннелей только затем, чтобы узнавать новое от эмиссара.

Я признал, что именно это и было моим затруднением. И если он не мог мне помочь решить его, то я хотел по крайней мере узнать, что означала возможность жить внутри тех тоннелей.

— Я сам прошел через всю эту суету, — продолжал дон Хуан, — и никто не мог помочь мне, потому что здесь все определяется исключительно личным непреклонным решением, решением, которое ты принимаешь, если высказываешь намерение остаться жить в том мире. Чтобы хитростью вынудить тебя заявить об этом намерении, неорганические существа потакают твоим самым тайным желаниям.

— Они ведут себя как дьяволы, дон Хуан.

— Ты можешь говорить все что угодно. Но это не то, о чем ты в действительности думаешь. Для тебя дьяволом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для сновидящих во всей этой враждебной вселенной.

— Действительно ли он является небесами для сновидящих, дон Хуан?

— Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить «Да будет так!»

Это был конец нашего обмена мнениями. Он не сказал того, что я желал услышать, но я не знал, что одно лишь стремление постичь секрет жизни в тоннеле уже почти означает выбор в пользу жизни там. Но я не был заинтересован в этом. Я сразу принял решение продолжать свою практику сновидения безо всяких дальнейших осложнений. Я тут же сказал об этом дону Хуану.

— Не говори этого, — посоветовал он мне. — Пойми только, что если ты решишь остаться там, это твое решение будет последним. Ты никогда не вернешься оттуда.

Сейчас уже невозможно объективно судить о том, что было со мной, когда я несчетное число раз сновидел тот мир. Я могу сказать, что он представлялся мне миром настолько реальным, насколько может быть таковым сновидение. Я также могу сказать, что он казался не менее настоящим, чем наш привычный обыденный мир. Посещая в сновидении тот мир, я осознал то, что дон Хуан говорил мне много раз: под влиянием занятий сновидением реальность сильно видоизменяется. Я столкнулся с двумя возможностями, с которыми, по словам дона Хуана, встречаются все сновидящие: либо мы осторожно перестраиваемся, либо мы сразу полностью отбрасываем нашу систему интерпретации чувственных данных.

По словам дона Хуана, изменение системы интерпретации означает намерение ее постепенно перестроить. Это значит, что человек целенаправленно и тщательно расширяет свои возможности. Живя в соответствии с учением магов, сновидящие освобождают и запасают энергию, необходимую для прекращения рациональных рассуждений, и тем самым содействуют предполагаемому изменению. Он объяснил, что если мы делаем выбор в пользу перенастройки нашей системы интерпретации мира, окружающая нас реальность становится подвижной и рамки того, что мы считаем реальным, расширяются, не подвергая нас опасности потерять ощущение целостности

мира. Поэтому сновидение фактически является дверью в другие аспекты того, чем на самом деле является реальность.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывания системы интерпретации, — масштабы того, что можно воспринимать без возможности объяснить, невероятно возрастают. Расширение сферы ощущений в этом случае так велико, что те несколько оставшихся средств интерпретации неспособны вместить всего разнообразия мира. При этом нас охватывает чувство потрясающей реальности того, что казалось нереальным, и полной нереальности того, что всегда казалось реальным, но в действительности не являлось таковым.

Для меня единственной приемлемой возможностью была реконструкция и расширение интерпретационной системы. Посещая в сновидении мир неорганических существ, я столкнулся с нарастающим чувством естественности этого мира для меня. Это началось с моего умения обнаруживать лазутчиков, продолжалось, когда я слушал объяснения эмиссара в сновидении, и закончилось моим путешествием по тоннелям. Я летал в них, не ощущая практически ничего, но в то же время осознавал пространство и время, хотя и не в смысле, доступном нашей рациональности в обычных условиях. Однако особенности тоннелей, связанные с количеством и качеством деталей в каждом из них, а также существенные различия в расстоянии между ними и в их параметрах были столь заметны для меня, что, посещая их, я чувствовал себя проводящим объективные исследования.

Перенастройка моей системы интерпретации больше всего сказалась в отношении моего знания о мире неорганических существ. В их мире, который был реален для меня, я чувствовал себя пузырьком энергии. Поэтому я мог со свистом носиться в тоннелях, как бы летая со скоростью света, или ползать по их стенам, как насекомое. Когда я летел, голос сообщал мне не бессистемную, но вполне последовательную информацию о деталях стен, на которых я останавливал свое внимание. Эти детали представляли собой изощренные выпуклости, напоминающие шрифт для слепых. Когда же я ползал по стенкам, я мог видеть те же самые их особенности с большей ясностью и слышать тот же голос, на этот раз объясняющий мне все более подробно.

Неизбежным последствием этого для меня было развитие у меня чувства двойственности моего положения. С одной стороны я знал, что сновижу: с

другой — я чувствовал, что совершаю такое же полезное путешествие, как и всякое другое, не менее реальное путешествие в нашем обычном мире. Эта неподдельная двойственность моего положения была следствием того, о чем говорил дон Хуан: существование неорганических существ является сильным ударом по нашему здравому смыслу.

Только после того, как я перестал постоянно рационализировать, я получил некоторое облегчение. Раньше я находился в затруднительном положении в связи с тем, что одновременно серьезно верил в возможность подтвердить существование неорганических существ и в то же время был убежден, что это — всего лишь сон. Затем в какой-то момент, когда напряжение, связанное с моим двойственным положением, чуть было не погубило меня, в моем отношении к проблеме безо всякого вмешательства сознания произошло резкое изменение.

Дон Хуан подтвердил, что мой энергетический уровень, постоянно возрастая, однажды достиг порогового значения, позволив мне больше не принимать во внимание мнения и предрассудки о природе человека, реальности и наших ощущений. С этого дня я восхищаюсь знаниями, независимо от их логичности и практической значимости, а также, что важнее всего, независимо от моих личных предпочтений.

Когда мое научное исследование неорганических существ утратило для меня интерес новизны, дон Хуан сам поднял вопрос о моих путешествиях в состоянии сновидения. Он сказал:

— Я не думаю, что ты осознаешь, как часто ты встречаешься с неорганическими существами.

Он был прав. Я никогда не затруднял себя размышлениями на эту тему. Я признался в том, что это весьма странная оплошность.

— Это не оплошность, — сказал он. — Этот мир по своей природе способствует распространению скрытности. Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой. Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкару.

Есть нечто, о чем эмиссар до сих пор не решился тебе сказать: неорганические

существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадаются в их сети. Они дают нам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней.

— Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

— Именно так. Когда-нибудь эмиссар покажет тебе людей или некоторых иных существ, которые увязли в их мире.

Мне следовало бы испугаться или испытать чувство отвращения. Сообщение дона Хуана глубоко задело меня, но моей реакцией было скорее нескрываемое любопытство. Я еле сдерживался от нетерпения.

— Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя, — продолжал дон Хуан. — Жизнь в их мире — добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание притягивает к себе все движущееся и достигает этого, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантасмагорические проекции.

Я попросил дона Хуана объяснить, что значит выражение «фантасмагорические проекции». Он сказал, что неорганические существа используют в качестве приманки глубинные чувства сновидящих и безжалостно играют на них. Они создают привидения, чтобы завлечь либо напугать сновидящих. Он напомнил мне, что я уже сражался с одним из таких призраков. Он объяснил, что неорганические существа — искусные иллюзионисты, которые любят проецировать себя, как слайды на экран.

— Бывшие маги пострадали вследствие того, что безрассудно доверяли этим проекциям, — продолжал он. — Маги прошлого верили, что их союзники могущественны. Они упустили из виду факт, что те представляют собой лишь разреженную энергию, проецируемую сквозь миры, как кинофильм вселенских масштабов.

— Ты противоречишь себе, дон Хуан. Ты сам говорил, что неорганические существа реальны. Сейчас ты говоришь, что это обычные картинки.

— Я тогда имел в виду, что в нашем мире неорганические существа подобны подвижным картинкам, спроецированным на экран: и я могу еще добавить, что они напоминают перемещающиеся образы, создаваемые разреженной энергией, освещающей границу раздела двух миров.

— А как на счет неорганических существ в их собственном мире? Там они тоже напоминают подвижные картинки?

— Ни в коем случае. Тот мир так же реален, как и наш. Маги прошлого описывали мир неорганических существ как пузырь с углублениями и порами, плавающий в некотором темном пространстве. Они изображали неорганические существа в виде пустотелых палочек, связанных вместе, как клетки наших тел. Маги, жившие когда-то, называли это громадное хитросплетение лабиринтом светотени.

— Правда, что каждый сновидящий видит тот мир точно таким же?

— Конечно. Каждый сновидящий видит его таким как он есть. Ты думаешь, что ты в этом смысле особенный?

Я признался, что какое-то свойство их мира постоянно дает мне ощущение, что я особенный. Это очень приятное и яркое ощущение собственной исключительности не было создано ни голосом эмиссара в сновидении, ни чем-либо другим, о чем я мог сознательно подумать.

— Это как раз то, что сразило магов прошлого, — сказал дон Хуан.

— Неорганические существа поступили с ними так же, как они сейчас поступают с тобой; они создали у магов ощущение того, что те — единственные в своем роде; к этому следует прибавить еще более пагубное чувство: иллюзию обладания силой. Сила и уникальность — несокрушимые развращающие факторы. Остерегайся!

— Как тебе самому удалось избежать этой опасности, дон Хуан?

— Я посетил этот мир несколько раз, после чего я ни разу туда не возвращался.

Дон Хуан объяснил, что по мнению магов, вселенная населена хищниками, и маги, как никто другой, должны принимать это во внимание во всех своих обычных магических действиях. Его идея состояла в том, что сознанию присуще свойство непрерывного роста, и единственная возможность для этого открывается в борьбе за жизнь и противостоянии смерти.

— Сознание магов, когда они практикуют сновидение, растет, — продолжал он. — И по мере его возрастания что-то внешнее по отношению к нему признает и замечает этот рост и стремится овладеть им. Неорганические существа стремятся к этому обладанию новым повышенным уровнем сознания. Сновидящие должны всегда быть на чеку. Они легко могут стать жертвой в тот момент, когда идут на риск, путешествуя по вселенной хищников.

— Что бы ты мне посоветовал в качестве самозащиты, дон Хуан?

— Будь бдительным каждую минуту! Не давай возможности никому и ничему принимать решения за тебя. Посещай мир неорганических существ только тогда, когда ты сам этого хочешь.

— Честно говоря, дон Хуан, я не знаю, как мне быть. После того как я встретился с лазутчиком, во мне появилась громадная тяга бывать там. И я ничего не могу с собой поделать.

— Перестань! Ты думаешь я так легко тебе поверю? Конечно же, ты можешь прекратить это. Ты просто не пытался, только и всего.

Я настойчиво утверждал, что не могу прекратить. Он не стал больше об этом говорить со мной, и я был благодарен ему за это.

Беспокоящее чувство вины стало терзать меня. По какой-то непонятной причине мысль о том, чтобы волевым усилием прекратить привязанность к лазутчикам, никогда не приходила мне в голову.

Как обычно, дон Хуан был прав. Я обнаружил, что могу изменять ход своего сновидения, намереваясь идти по намеченному пути. Ведь это я своим намерением позволял лазутчикам переводить себя в их мир. Вполне возможно, что если бы я сознательно сформулировал намерение сделать обратное, мое сновидение продолжалось бы в ином направлении.

С дальнейшей практикой моя способность управлять намерением при путешествии в мир неорганических существ чрезвычайно развилась. Возрастание способности управлять намерением положительно отразилось на контроле моего внимания сновидения. Этот дополнительный контроль прибавил мне уверенности в себе. Я чувствовал, что могу путешествовать безнаказанно, потому что мог прекратить путешествие в любой момент, когда этого захочу.

— Твоя уверенность меня очень пугает, — сказал дон Хуан, когда я по его просьбе сообщил ему о своих новых достижениях в контроле своего внимания сновидения.

— Почему она тебя пугает? — спросил я.

Я был абсолютно уверен в практической важности того, что открыл.

— Потому что это уверенность глупца, — сказал он. — Я собираюсь рассказать тебе одну уместную в данном случае историю о магах. Я не был свидетелем этих событий сам, но учитель моего учителя, нагваль Элиас, видел это все своими глазами.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас и любовь всей его жизни, женщина-маг по имени Амалия, в свои молодые годы однажды затерялись в мире неорганических существ.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан рассказывал о том, что у мага может быть любовь на всю жизнь. Его слова удивили меня. Я спросил его, в чем здесь дело.

— В этом нет противоречия. Я просто все это время воздерживался от рассказов о любви магов, — сказал он. — Ты был так пресыщен любовью в течение всей твоей жизни, что я хотел дать тебе передышку.

— Итак, слушай. Нагваль Элиас и любовь всей его жизни, ведьма Амалия, заблудились в мире неорганических существ, — продолжал дон Хуан. — Они были там не в сновидении, а вместе со своими физическими телами.

— Как это случилось, дон Хуан?

— Их учитель, нагваль Розендо, был очень близок по темпераменту и методам обучения к магам прошлого. Он собирался помочь Элиасу и Амалии в их занятиях, но вместо этого вытолкнул их за некоторую смертельно опасную грань. Нагваль Розендо не собирался переводить их туда. Он хотел только переместить своих двух учеников во второе внимание, но вместо этого в результате получил их исчезновение.

Дон Хуан сказал, что не собирается углубляться в детали этой длинной и запутанной истории. Он собирался только рассказать мне, как они затерялись в том мире. Он заявил, что просчет нагваля Розендо состоял в его предположении, что неорганические существа нисколечко не интересуются женщинами. Его точка зрения была правильной и основывалась на знании магов о том, что вселенная по своей природе соответствует преимущественно женскому началу, и что мужское начало, проистекающее из женского, имеется в незначительном количестве и поэтому является объектом зависти.

Дон Хуан отклонился от темы и объяснил, что, вероятно, неоправданное господство мужчин на нашей планете связано как-то с этой нехваткой мужского начала. Я хотел, чтобы он развил свою точку зрения дальше, но он продолжал рассказывать начатую историю. Он сказал, что нагваль Розендо планировал дать Элиасу и Амалии наставления только в отношении второго внимания. Для этой цели он употребил стандартный прием магов прошлого. Он, находясь в сновидении, воспользовался лазутчиком, приказывая ему перевести своих учеников во второе внимание с помощью сдвига их точек сборки в соответствующие положения.

Теоретически, сильный лазутчик мог переместить их точки сборки в нужное положение безо всякого труда. Но нагваль Розендо не принял в расчет хитрости неорганических существ. Лазутчик действительно изменил положение точек сборки учеников, но он поместил их точки в положение, откуда они могли быть легко перенесены в телесном облике в мир неорганических существ.

— Разве возможно перемещение в физическом теле? — спросил я.

— Возможно, — подтвердил он. — Мы представляем собой энергию, которая

принимает соответствующую форму и находится в нужном месте благодаря фиксации точки сборки в некотором определенном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение энергии изменяются соответственно. Для этого неорганическим существам нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу превращаемся в пулю, ботинок, шляпу или все что угодно.

— Это может случиться с каждым из нас, дон Хуан?

— Вполне. Особенно если вся суммарная полнота нашей энергии оказывается как раз подходящей. Очевидно, объединенная энергия Элиаса и Амалии была как раз тем, что неорганические существа не могли не заметить. Нельзя доверять этим существам. У них собственный ритм жизни, далекий от человеческого.

Я спросил у дона Хуана, что именно нагваль Розендо предпринял, чтобы забросить своих учеников в тот мир. Я знал, что с моей стороны глупо об этом спрашивать, потому что дон Хуан не обратит внимания на мой вопрос. К моему искреннему удивлению, он начал отвечать мне.

— Последовательность действий ужасно проста, — сказал он. — Он поместил своих учеников в небольшое закрытое место, во что-то типа стенного шкафа. Затем он вошел в сновидение, вызвал лазутчика из мира неорганических существ, выражая намерение встретиться с ним, а потом выразил намерение, предлагая лазутчику своих учеников.

— Естественно, что лазутчик принял этот дар и забрал их с собой в тот момент, когда они были беззащитными, занимаясь любовью в шкафу. Когда нагваль открыл шкаф, их там уже не было.

Дон Хуан объяснил, что традиция дарить своих учеников неорганическим существам была как раз тем, что частенько делали маги прошлого. Нагваль Розендо не собирался делать этого, но потерял бдительность вследствие своей необоснованной уверенности в том, что неорганические существа подвластны ему.

— Магические действия очень опасны, — продолжал дон Хуан. — Умоляю тебя, будь очень внимательным. Не попадай под влияние своей идиотской

самоуверенности.

— А что случилось потом с нагвалем Элиасом и Амалией? — спросил я.

— Нагвалю Розендо пришлось в телесном облике отправиться в тот мир и найти их, — ответил он.

— И он их нашел?

— Да, нашел, затратив огромные усилия. Однако он так и не смог полностью вернуть их оттуда. Поэтому эти двое молодых людей всегда оставались наполовину пленниками того мира.

— Ты знал их лично, дон Хуан?

— Конечно же, я знал их, и уверяю тебя, они были очень странными людьми.

4 глава. Фиксация точки сборки

С тех пор, как мы с доном Хуаном условились о том, чтобы обсуждать мою практику сновидения только тогда, когда он сочтет это необходимым, я редко начинал говорить о ней сам и никогда не задавал лишних вопросов. Поэтому я всегда с особой готовностью слушал его, когда он затрагивал эту тему. Его объяснения и рекомендации относительно сновидений неизбежно касались и других аспектов его учения.

Однажды, когда я был у него дома и мы разговаривали о каком-то отвлеченном предмете, дон Хуан без всякого предисловия сказал, что посредством установления контактов с неорганическими объектами в сновидении старые маги в совершенстве овладели искусством перемещения точки сборки - предметом весьма непростым и опасным.

Я сразу же воспользовался возможностью попросить дона Хуана приблизительно сказать, когда жили старые маги. И раньше при разных обстоятельствах я задавал тот же вопрос, но никогда не получал на него удовлетворительного ответа. Но поскольку на сей раз он сам затронул эту тему, я был уверен, что он удовлетворит мое любопытство.

- Это довольно запутанный вопрос, - сказал он.

Он произнес эти слова таким тоном, что у меня возникла уверенность в его нежелании рассматривать этот вопрос. Я был очень удивлен, когда он продолжил.

- Он будет таким же испытанием для твоего здравого смысла, как и все связанное с неорганическими существами. Кстати, что ты сейчас о них думаешь?

- Я отложил в сторону свои мнения о них, - сказал я. - Теперь я не могу придерживаться ни одной конкретной точки зрения.

Мой ответ вызвал у него восхищение. Он засмеялся и заговорил о своем страхе и отвращении к неорганическим существам.

- Я никогда не испытывал к ним пристрастия, - сказал он. - Конечно, главной причиной этого был мой страх перед ними. В свое время я не смог от него отделаться, а затем он стал постоянным.

- Ты и сейчас их боишься, дон Хуан?

- Сейчас я ощущаю скорее отвращение, чем страх. Я не хочу иметь с ними ничего общего.

- Существует ли какая-нибудь определенная причина для этого отвращения?

- Лучшая причина в мире - мы с ними воплощаем полные противоположности. Они любят властвовать, - я люблю свободу. Они стремятся купить, я же не продаю.

Я почувствовал необъяснимое волнение и резко заявил ему, что эта тема

кажется настолько далекой от моих проблем, что я не воспринимаю ее всерьез.

Некоторое время он пристально смотрел на меня, улыбаясь, а затем сказал:

- Лучшее, что можно делать с неорганическими существами, - это как раз то, что делаешь ты: отрицать их существование, но регулярно посещать их, придерживаясь мысли, что ты находишься во сне, где, по твоему мнению, все возможно. Таким образом ты как бы ничем не рискуешь.

Я ощутил непонятное мне чувство вины, причину которой не мог объяснить. Я вынужден был спросить:

- Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

- Твои встречи с неорганическими существами, - сухо ответил он.

- Ты надо мной смеешься? Какие встречи?

- Я не хотел поднимать этот вопрос, но мне кажется, что пришло время сказать тебе кое-что о том ворчливом голосе, который ты слышишь в сновидении, и который напоминает тебе о необходимости концентрации внимания на всем наблюдаемом тобой. Так вот, - это голос неорганического существа.

Я подумал, что дон Хуан совершенно непоследователен. Меня это настолько рассердило, что я даже громко возмутился в его адрес. В ответ он рассмеялся и попросил меня рассказать о необычных происшествиях, случающихся в моей практике сновидения. Эта просьба меня удивила. Я никогда никому не упоминал о том, что довольно часто выпадал из состояния сновидения, увлеченный каким-нибудь определенным предметом. При этом вместо того, чтобы изменить что-то во сне, как следовало поступить в этом случае, я обнаруживал, что изменял весь настрой сна и находил себя в совершенно незнакомом измерении. Я парил в нем под воздействием какой-то невидимой силы, которая все время кружила меня. Я всегда выходил из таких сновидений, продолжая кружиться, и долго поднимался и опускался, пока не просыпался полностью.

- Это были твои встречи лицом к лицу с друзьями из неорганического мира, - сказал дон Хуан.

Я не мог с ним спорить, но не хотел и соглашаться. Я продолжал молчать. Я забыл свой вопрос о магах прошлого, но дон Хуан снова поднял эту тему.

- Я думаю, что старые маги существовали около десяти тысяч лет назад, - сказал он, улыбаясь и наблюдая за моей реакцией.

Я уверенно заявил, что эти данные неправильны, основывая свой ответ на последних результатах археологических исследований о миграции азиатских кочевых племен на американский континент. Все это происходило не десять тысяч лет назад, а намного позже.

- У тебя свои представления, у меня - свои, - сказал он. - Я знаю, что древние маги жили в течение четырех тысячелетий, с пятого по первое тысячелетие до нашей эры. Три тысячи лет тому назад они исчезли. С тех пор маги постоянно систематизируют и по-новому интерпретируют их наследие.

- Как ты можешь быть столь уверенным в этих сроках? - спросил я.

- А как ты можешь быть столь уверенным в своих? - возразил он.

Я сказал ему, что у археологов есть проверенные методы для датирования событий прошлого. Он вновь возразил, что маги пользуются своими проверенными методами.

- Я не хочу противоречить тебе и не пытаюсь тебя переспорить, - продолжал он, - но может случится так, что очень скоро ты сам сможешь спросить об этом у того, кто знает наверное.

- Никто не может знать это наверное, дон Хуан.

- Это еще одна из тех вещей, в которые невозможно поверить, но на самом деле существует тот, кто может все это подтвердить. Когда-нибудь ты встретишься с этим человеком.

- Ты, должно быть, шутишь дон Хуан. Кто может подтвердить, что произошло

семь тысяч лет назад?

- Все очень просто. Это один из старых магов, о которых мы только что говорили. Тот, с которым я встречался. Он и поведал мне все о старых магах. Я надеюсь, что ты запомнишь все, что я собираюсь рассказать тебе об этом удивительном человеке. Он является для нас источником информации и авторитетом во многих отношениях. Именно с ним тебе следует встретиться.

Я сказал дону Хуану, что я внимаю каждому произносимому им слову, хотя и не могу понять, как в действительности может происходить то, о чем он говорит. Он обвинял меня в том, что я над ним насмехаюсь и не верю ни одному его слову о старых магах. Я согласился, что в обычном состоянии сознания я не поверил бы в эти его непостижимые истории. Но я - не смог поверить этому и во втором внимании, хотя в нем я должен был бы отнестись к ним совсем по-иному.

- Эта история становится непостижимой только в том случае, если ты начинаешь над этим размышлять, - отметил он. - Если же ты не полагаешься на свой здравый смысл, для понимания такого рассказа необходимо лишь нужное количество определенной энергии.

- Почему ты говоришь, дон Хуан, что я встречусь с одним из старых магов?

- Потому что так будет. Очень важно, чтобы вы однажды встретились. А сейчас позволь мне рассказать тебе еще одну необычную историю об одном из нагвалей моей линии - нагвале Себастьяне.

Дон Хуан рассказал мне, что нагваль Себастьян был сторожем при церкви в южной Мексике примерно в начале восемнадцатого века. В своем рассказе дон Хуан обратил внимание на то, что современные маги и маги прошлого ищут и находят пристанище в таких общественных организациях как Христианская Церковь. По его мнению, благодаря своей высокой организованности маги легко становятся исполнительными служащими, и поэтому таких людей с готовностью принимают на ответственную работу в различные учреждения. Дон Хуан утверждал, что до тех пор, пока никто не знает об их сопричастности магии, отсутствие у магов идеологических симпатий помогает им зарекомендовать себя идеальными работниками.

Дон Хуан продолжал свой рассказ. Он сказал, что однажды, когда Себастьян выполнял свои обязанности церковного сторожа, в церковь вошел странный человек - старый индеец, выглядевший совсем больным. Ослабевшим голосом он сказал Себастьяну, что ему нужна помощь. Нагваль решил, что индеец хочет увидеться с приходским священником, но мужчина обратился к нагвалю, и казалось, что ему с трудом дается каждое слово. Резко и прямо он сказал ему, что он знает, что Себастьян - не просто маг, но и нагваль.

Себастьян, крайне встревоженный таким поворотом событий, отвел индейца в сторону и потребовал извинений. Тот ответил, что он здесь не для того, чтобы извиняться, но пришел к нему за особого рода помощью. По словам индейца, ему было необходимо получить от нагваля энергию для поддержания своей жизни, которая, как он заверил Себастьяна, длилась тысячи лет, но именно в то время чуть было не угасла.

Себастьян был очень рациональным человеком, и, не желая верить в такую бессмыслицу, настоятельно посоветовал индейцу прекратить дурачиться. Старик рассердился и пригрозил Себастьяну выдать его вместе с учениками церковным властям, если он не согласится выполнить его просьбу.

Дон Хуан напомнил мне, что в те времена церковные власти часто жестоко расправлялись с языческими культами, сохранившимися среди индейцев Нового Света. Такую угрозу нельзя было не принять всерьез; и нагваль, и его последователи действительно оказались в смертельной опасности. Себастьян спросил индейца, как тот может получить от него энергию. Тот человек объяснил, что вследствие своей магической практики нагвали приобретают особую энергию, которую накапливают в своем теле, и что он может безболезненно для Себастьяна взять часть ее из энергетического центра, находящегося в области пупка. В свою очередь, Себастьян, оставшись невредимым, не только получит за это возможность продолжать свою магическую деятельность, но приобретет также дар силы.

Необходимость выполнить требование старого индейца не слишком привлекала нагваля, но тот не отступал, и Себастьяну пришлось в конце концов удовлетворить его просьбу.

Дон Хуан заверил меня, что старый индеец нисколько не преувеличивал своих притязаний. Оказалось, что он является одним из магов древности, одним из

тех, кто известен как бросивший вызов смерти. По всей видимости, он прожил вплоть до того времени, используя только ему известные методы воздействия на свою точку сборки.

Дон Хуан сказал, что происшедшее тогда послужило основой для заключения соглашения, к которому присоединились все шесть нагвалей после Себастьяна. Бросивший вызов смерти сдержал свое слово; в обмен на энергию, взятую от всех этих людей, он вознаградил каждого даром силы. Себастьян вынужден был принять такой дар, и сделал это вопреки своей воле; он был поставлен в такое положение, где у него не было выбора. Однако все последующие нагвали после Себастьяна с готовностью и гордостью принимали этот дар.

Дон Хуан завершил свою историю, сказав, что позже бросивший вызов смерти стал известен как арендатор. И на протяжении более чем двух столетий нагвали линии дона Хуана соблюдали условия этого соглашения, вступая в отношения обмена энергией, что привело к некоторым изменениям в некоторых деталях и конечной цели их учения.

Дон Хуан не потрудился объяснить, что же было дальше в этой истории, но у меня осталось странное ощущение ее подлинности, которое взволновало меня больше, чем я мог когда-либо вообразить.

- Как ему удалось прожить так долго? - спросил я.

- Этого никто не знает, - ответил дон Хуан. - Все, что мы знаем о нем с тех пор, - это то, что он сам нам рассказывал. Именно бросившего вызов смерти я и расспросил о старых магах, и он сказал мне, что наиболее плодотворный период их деятельности был три тысячи лет назад.

- Откуда ты знаешь, что он говорил правду? - спросил я.

Дон Хуан покачал головой как-то удивленно, почти с отвращением.

- После того, как столкнешься лицом к лицу с непостижимым, неизвестным тебе, где-то там, - сказал он, показывая вокруг себя, - перестаешь носиться с мелочной ложью. Мелочная ложь - это удел тех, кто никогда не заглянул в потустороннее, которое ожидает нас.

- Что ждет нас там, дон Хуан?

Кажущийся безобидным, его ответ привел меня в такой ужас, которого не вызвало бы во мне даже описание самой страшной вещи.

- Нечто абсолютно безличностное, - сказал он.

Он, должно быть, заметил, что страх разрывает меня на части, и изменил мой уровень осознания так, чтобы мой испуг прошел.

Несколько месяцев спустя в моих сновидениях произошла странная перемена. В своих снах я начал получать ответы на вопросы, которые я собирался задать дону Хуану. Но наиболее странным было то, что это стало происходить со мной и в часы бодрствования. Однажды, когда я сидел за столом на работе, я получил ответ на мысленный вопрос о реальности неорганических существ. Я видел неорганические существа в сновидении так много раз, что уже начал думать о них как о реальности. Я вспомнил, что даже прикасался к одному из них, находясь в необычном состоянии сознания в пустыне Сонoран. Периодически в своих снах я проскальзывал в миры, которые едва ли могли быть порождением моего воображения. Я хотел наилучшим образом кратко сформулировать этот вопрос для дона Хуана. Для себя я сформулировал его так: если согласиться с тем, что неорганические существа точно так же реальны, как и люди, то где они могут существовать в материальной структуре вселенной?

Сформулировав для себя этот вопрос, я услышал странный смех. Такой же смех я слышал в тот день, когда столкнулся с неорганическим существом. Вполне человеческий голос сказал мне:

- Их мир существует в некотором особенном положении точки сборки, - сказал он. - Так же, как твой мир существует в обычном положении точки сборки.

Меньше всего на свете мне хотелось начинать разговор с бестелесным голосом, поэтому я вскочил на ноги и начал бегать по дому в поисках того, кто мог бы произнести эти слова. Я решил, что начинаю сходить с ума. Ко всем моим волнениям не хватало только этого.

Голос был столь ясным и внушительным, что не только озадачил, но и испугал меня. Я с трепетом ожидал дальнейших появлений этого голоса, но этого не происходило. При первой же представившейся возможности я обратился с вопросом к дону Хуану.

Мои недоразумения не произвели на него никакого впечатления.

- Ты должен понять раз и навсегда, что такие вещи обычны в жизни мага, - сказал он. - Ты не сходишь с ума; ты просто слышишь голос эмиссара в сновидении. Пройдя через первые и вторые врата сновидения, сновидящий достигает такого энергетического уровня, когда у него начинаются видения или когда он слышит голоса. Фактически, это не много голосов, а только один. Маги называют его голосом эмиссара в сновидении.

- Что такое «эмиссар в сновидении»?

- Чужая энергия, сконцентрированная в небольшой области пространства. Чужая энергия, претендующая на то, чтобы помогать сновидящим своими рассказами. Для эмиссара в сновидении характерно, что он может сказать лишь то, что маги уже знают или должны знать, если считают себя магами.

- Утверждение, что это чужая энергия, сосредоточенная в небольшой области пространства, совершенно ничего мне не говорит, дон Хуан. Какого рода эта энергия - дружелюбная, враждебная, положительная, отрицательная, - какая?

- Она в точности такая, как я сказал, - чужая. Безличностная сила, которую мы воспринимаем как личность потому, что она разговаривает с нами. Некоторые маги поклоняются ей. Они даже могут видеть ее. Или подобно тебе, они попросту слышат ее как мужской или женский голос. Этот голос может объяснять им суть происходящего, и они чаще всего воспринимают сказанное им как полезный совет.

- Почему некоторые из нас воспринимают его как голос?

- Мы видим или слышим его, потому что мы удерживаем наши точки сборки в некотором новом положении; чем устойчивее это положение, тем стабильнее наше ощущение эмиссара. Остерегайся! Ты можешь увидеть и почувствовать его даже как обнаженную женщину.

Дон Хуан рассмеялся над своим собственным замечанием, но я был слишком испуган, чтобы веселится.

- Способна ли эта сила материализоваться? - спросил я.

- Конечно, - ответил он. - Все зависит от того, где находится точка сборки. Но в любом случае, если ты можешь оставаться достаточно непривязанным к нему, ничего плохого произойти не может. Эмиссар останется таким же, каким он был, - безликим голосом, который воздействует на нас вследствие того, что точка сборки находится в определенном месте.

- Его советы безопасны и благоразумны?

- Его слова нельзя считать советами. Он лишь говорит нам, что есть что, а мы сами уже делаем из этого выводы.

Затем я рассказал дону Хуану о том, что голос поведал мне.

- Это в точности соответствует тому, что я тебе только что говорил, - заметил дон Хуан. - Эмиссар не сказал тебе ничего нового. Его утверждения были правильными, но тебе только казалось, что он открывает для тебя что-то новое. Эмиссар просто повторял тебе то, что ты уже знаешь.

- Боюсь, что я не знаю всего того, что он говорил, дон Хуан.

- Да нет же, знаешь. Ты уже сейчас знаешь бесконечно больше о тайне вселенной, чем предполагает твой здравый смысл. Это наша человеческая слабость - знать о тайне вселенной больше, чем мы подозреваем.

Меня обрадовало то, что я сам, без всякой помощи со стороны дона Хуана, имел возможность убедится в истинности этих слов. Мне хотелось узнать больше об эмиссаре. Я начал расспрашивать дона Хуана, слышал ли он когда-нибудь голос эмиссара.

Он перебил меня и, широко улыбнувшись, сказал:

- Да, конечно. Эмиссар говорит и со мной. В юности я обычно видел его в

обличии монаха в черной рясе. Этот болтливый монах каждый раз пугал меня до смерти. Позже, когда я научился преодолевать страх, он превратился в бестелесный голос, который говорит мне обо всем и по сей день.

- О чем он говорит, дон Хуан?

- Обо всем, что составляет суть моего намерения, но все еще не продумано мной до конца. Например, подробности, касающиеся поведения моих учеников. Что они делают, когда меня нет поблизости. В частности, он говорит мне и о тебе. Эмиссар рассказывает мне обо всем, что ты делаешь.

После этого мне сразу же стало неинтересно разговаривать об этом дальше. Я отчаянно пытался придумать какой-нибудь вопрос на другую тему, в то время как дон Хуан хохотал во все горло.

- Является ли эмиссар в сновидении неорганическим существом? - спросил я.

- Лучше будет сказать, что эмиссар в сновидении - это сила, которая приходит к нам из мира неорганических существ. По этой причине сновидящие всегда сталкиваются с нею.

- Ты имеешь в виду, дон Хуан, что каждый сновидящий слышит или видит эмиссара?

- Слышит эмиссара каждый, но лишь немногие видят или ощущают его.

- Ты можешь это как-нибудь объяснить?

- Нет. Кроме того, меня на самом деле не волнует эмиссар. Однажды мне пришлось сделать выбор, уделять ли внимание неорганическим существам и тем самым идти по следам старых магов - или отказаться от этого. Мой учитель, нагваль Хулиан, помог мне решиться на этот отказ. И я никогда не пожалел о своем решении.

- Как ты считаешь, мне тоже следует отказаться от неорганических существ, дон Хуан?

Он не ответил мне; вместо этого он объяснил, что мир неорганических существ

всегда продолжает обучать нас. Вероятно, это так потому, что неорганические существа обладают более глубоким сознанием, чем наше, и испытывают потребность опекать нас.

- Я не вижу никакого смысла в том, чтобы становиться их учеником, - добавил он. - За это приходится платить слишком дорого.

- Как именно?

- Нашими жизнями, энергией, преданностью им. Другими словами, нашей свободой.

- А чему они учат?

- Всему, что характерно для их мира. Точно так же мы бы учили их, если бы могли это делать, - тому, что имеет отношение к нашему миру. Их метод, однако, заключается в том, чтобы рассматривать наше эго в качестве показателя того, в чем мы нуждаемся, и в соответствии с этим обучать нас. Крайне опасное занятие!

- Я не понимаю, почему это должно быть опасным.

- Если кто-то выяснит запросы твоего эго со всеми его страхами, жадностью, завистью и прочим, и станет обучать тебя тому, как удовлетворить все твои ужасные притязания, - как ты думаешь, каков будет результат?

У меня больше не было возражений. Мне показалось, что я отлично понял причины его неприятия неорганических существ.

- У магов прошлого возникли неприятности потому, что хотя они и достигли великолепных успехов в изучении магии, но при этом они руководствовались низменными эгоистическими побуждениями, - продолжал дон Хуан. - Неорганические существа стали их наставниками, и с помощью изощренных средств они обучили старых магов множеству чудес. Следуя примеру своих наставников, старые маги начали шаг за шагом овладевать их искусством, повторяя их действия, но не изменяя своей эгоистической ориентации.

- Существуют ли такие взаимоотношения с неорганическими существами в

наше время?

- Я не могу дать тебе точный ответ. Скажу лишь, что не могу представить себя в подобных взаимоотношениях с ними. Такие пристрастия ограничивают нашу свободу, потому что поглощают нашу энергию. Для того, чтобы по-настоящему следовать примеру своих наставников, старые маги были вынуждены жить в мире неорганических существ. Для того, чтобы совершить столь продолжительное путешествие в их мир, требуется колоссальный объем энергии.

- Ты хочешь сказать, дон Хуан, что маги древности могли существовать в тех мирах так, как мы существуем здесь?

- Не совсем так, но, несомненно, они как-то жили там: они сохраняли при этом свое самосознание, свою индивидуальность. Эмиссар в сновидении становился самым необходимым существом для этих магов. Если маг желает жить в мире неорганических существ, то лучшим гидом для него является эмиссар, он обо всем рассказывает, любит обучать и вести за собой.

- Ты бывал когда-нибудь в мире неорганических существ, дон Хуан?

- Бесчисленное количество раз. Так же, как и ты. Но сейчас нет смысла говорить об этом. Ты еще не овладел достаточно хорошо своим вниманием сновидения. Мы поговорим об этом мире как-нибудь в другой раз.

- Мне кажется, дон Хуан, что ты либо не одобряешь, либо не любишь эмиссара?

- Я и не одобряю, и не люблю его. Он проповедует другую систему ценностей - ту, которая соответствует духу старых магов. Кроме того, его поучения и рекомендации в нашем мире бессмысленны. И за эту бессмыслицу эмиссар требует от нас огромнейших затрат энергии. Когда-нибудь и ты согласишься со мной. Вот увидишь.

Дон Хуан произнес эти слова таким тоном, что я уловил в них скрытую убежденность в моем несогласии с ним в отношении эмиссара. Я уже был готов спросить его о своей догадке, как вдруг в своих ушах услышал голос эмиссара.

- Он действительно думает так, - сказал голос. - Я нравлюсь тебе, потому что ты не находишь ничего плохого в том, чтобы исследовать все возможности. Ты хочешь знаний; знания - это сила. Ты ведь не хочешь осмотрительно прятаться за традиции и убеждения твоего обычного мира?

Эмиссар сказал обо всем этом по-английски с ясно различимым калифорнийским выговором. Затем он перешел на испанский. Я заметил незначительный аргентинский акцент. Я никогда раньше не слышал, чтобы эмиссар говорил так. Это восхитило меня. Эмиссар рассказал о совершенствовании в познании; о том, сколь многого я уже достиг с тех пор, как появился на свет; о моей любви к приключениям и пристрастию ко всему новому, к открывающимся горизонтам. Голос обратился ко мне даже по-португальски, произнося слова с интонацией, характерной для пампасов Южной Америки.

Когда я услышал весь этот поток лести, изливающейся на меня, я не только испугался, но меня к тому же затошнило от лицемерия эмиссара. Я сразу же сказал дону Хуану, что вынужден прекратить свою практику сновидения. Он взглянул на меня с нескрываемым удивлением. Но когда я повторил ему все, что слышал, он одобрил мое решение, хотя я и почувствовал, что он делает это только для того, чтобы успокоить меня.

Спустя несколько недель я пришел к выводу, что принял это решение сгоряча и необдуманно. Я вновь вернулся к практике сновидения. Я был уверен, что дон Хуан знает о том, что я возобновил занятия.

Во время одного из моих визитов к нему он довольно неожиданно заговорил о сновидении.

- Если ты не привык рассматривать сновидения в качестве подлинной сферы исследований, то отсюда не следует, что они не являются такой сферой, - начал он. - Сны анализируют в поисках смысла, их считают плохими предзнаменованиями, но никто не видит, что события, происходящие в них, так же реальны, как и наш обыденный мир.

- Насколько я могу судить, только маги прошлого считали сновидение реальным, - продолжал дон Хуан, - но в конце концов они исказили его суть. Они стали ненасытными, накапливая новые знания, и когда дело дошло до

выбора правильного пути, они свернули не в ту сторону. Они смешали все в одну кучу, без разбора устанавливая точку сборки в тысячи возможных положений.

Дон Хуан выразил сожаление в связи с тем, что из всех великолепных вещей, которым научились старые маги, перемещая точку сборки в тысячи разных мест, остались только искусство сновидения и искусство сталкинга.

Он повторил снова, что искусство сновидения означает умение управлять смещением точки сборки. Затем он определил искусство сталкинга как умение фиксировать точку сборки в том месте, куда ее необходимо сместить.

- Фиксировать точку сборки на новом месте означает достигать состояния гармонии, - сказал он. - Сейчас ты как раз над этим и работаешь в своей практике сновидения.

- А я думал, что совершенствую энергетическое тело, - сказал я, сильно удивившись его словам.

- Ты работаешь над этим и еще многим другим, но прежде всего, ты овладеваешь умением достигать гармонии. Ты учишься этому в сновидении, когда тебе необходимо фиксировать точку сборки после ее перемещения. Внимание сновидения, энергетическое тело, второе внимание, отношения с неорганическими существами, эмиссар в сновидениях - все это сопутствует обретению гармонии; другими словами, все это получается вследствие сдвига точки сборки в некоторые определенные положения в сновидении.

- Какие это положения, дон Хуан?

- Любые позиции, в которых точка сборки оказывается во время сновидения.

- А как мы фиксируем ее в этих точках?

- Продлевая присутствие объектов в сновидении или же преднамеренно изменяя эти объекты. Занимаясь практикой сновидения, ты фактически учишься достигать гармонии; другими словами, ты получаешь навыки сохранять энергию в той новой форме, которую она принимает вследствие фиксации точки сборки в определенном месте в каждом конкретном

сновидении.

- Умею ли я сохранять энергию в новой форме?

- Еще не очень хорошо, и не потому что ты не можешь этого делать, а потому, что ты сдвигаешь точку сборки, а не плавно двигаешь ее. Последовательность сдвигов приводит к появлению незначительных, почти незаметных изменений в том, что ты видишь. Вся трудность при этом состоит в том, что изменений так много и они настолько малы, что способность непрерывно находится в состоянии гармонии свидетельствует о большом успехе.

- Как определить, находимся ли мы в состоянии гармонии?

- По ясности восприятия. Чем отчетливее то, что мы наблюдаем в сновидении, тем гармоничнее наше состояние.

Он сказал мне, что пришло время практически использовать то, чему я научился в сновидении. Не давая мне времени задать очередной вопрос, он приказал мне сконцентрировать внимание на листве растущего невдалеке мескитового дерева. И к тому же сделать это так, будто бы я нахожусь в сновидении

- Ты хочешь, чтобы я просто смотрел на это дерево?

- Я не хочу, чтобы ты просто смотрел; я хочу, чтобы ты сделал нечто особенное с его листвой, - сказал он. - Помни, что если в сновидении ты можешь удерживать в поле зрения объект, ты тем самым фактически удерживаешь точку сборки в определенном положении. А сейчас пристально смотри на эти листья, будто ты в сновидении, но с одним хотя и небольшим, но очень существенным отличием: удерживай свое внимание сновидения на листьях мескитового дерева, находящегося в обыденном мире.

Моя нервозность не давала мне возможности следовать ходу его мысли. Он терпеливо объяснил, что глядя на листву, я осуществлю незначительное перемещение точки сборки. Затем, собирая воедино свое внимание сновидения путем пристального всматривания в отдельные листики, я в действительности фиксирую точку сборки в этом едва смещенном положении. Тем самым гармоничность, достигнутая в этом состоянии, позволит мне

воспринимать в терминах второго внимания. Посмеиваясь, он добавил, что это на редкость просто.

Дон Хуан был прав. Мне потребовалось лишь остановить взгляд на отдельных листках дерева, удержать его там, и я мгновенно ощутил себя в вихре, подобном тем, в которые я попадал в сновидении. Листва мескитового дерева стала целой вселенной чувственных данных. Было похоже на то, что она поглотила меня, но я ощущал ее не только с помощью зрения; я прикасался к листкам и ясно осязал их. Я мог чувствовать их запах. Мое внимание сновидения было не просто визуальным, как в обычном сновидении, но объединяло все органы чувств.

То, что началось с пристального созерцания листвы мескитового дерева, теперь переросло в сновидение. Я был убежден, что воспринимаю дерево во сне, как это случалось со мной множество раз. Естественно, я поступил с этим деревом во сне точно так же, как всегда поступал в сновидений; я переходил от детали к детали, увлекаемый силой завихрения, которая уносила меня к той части дерева, куда я направлял свое внимание сновидения, охватывающее все органы чувств.

В ходе этого видения или сновидения я столкнулся с сомнениями, порожденными моей обычной рациональностью. Я начал спрашивать себя, не взобрался ли я и в самом деле, замечтавшись, на дерево и не ощущаю ли в действительности обычные листья, не зная о том, что окружен со всех сторон настоящей листвой. Или может быть, я уснул, убаюканный шелестом листьев на ветру, и вижу сон? Но, как всегда в сновидении, мне не хватило энергии для того, чтобы долго об этом размышлять. Мои мысли были мимолетны. Они длились мгновение, а затем сила непосредственного восприятия всецело заглушила их.

От какого-то движения вокруг меня все вздрогнуло, и я буквально вынырнул из облака листьев, будто дерево перестало оказывать на меня свое притягивающее воздействие. Я видел со своей высоты великолепную панораму вплоть до самого горизонта. Темные горы и зеленая растительность окружали меня. Еще один энергетический всплеск из глубины встряхнул меня. Я понял, что уже нахожусь совсем не там, где было мескитовое дерево. Исполинские деревья возвышались вокруг. Они были выше, чем пихты в штатах Орегон или Вашингтон. Я никогда не видел такого леса. Эта панорама

так резко контрастировала с безводной сонoранской пустыней, что у меня не осталось сомнений, что я в сновидении.

Я удерживал этот необычный пейзаж, боясь отпустить его, зная, что это в действительности сон, который исчезнет, как только я выскользну из внимания сновидения. Но образы оставались даже тогда, когда мне показалось, что я вышел из внимания сновидения. Ужасная мысль пронеслась у меня в уме: а что, если это и не сон, и не обычный мир?

Испугавшись так, как может быть напугано только животное, я устремился опять в заросли листьев, из которых вынырнул. Под воздействием порыва вовнутрь я пошел сквозь листву дерева, огибая толстые ветки. Затем я вновь вынырнул из дерева и в один миг очутился рядом с доном Хуаном у двери его дома в пустыне Сонoран.

Я сразу понял, что снова нахожусь в состоянии, в котором могу нормально мыслить, но не могу разговаривать. Дон Хуан сказал, чтобы я не волновался. Он сказал, что наш дар речи подвержен очень сильным влияниям, и что периоды немоты - довольно распространенное явление среди магов, которые отваживаются заглядывать за пределы обычного восприятия.

В глубине души я чувствовал, что дон Хуан проникся жалостью ко мне и решил меня приободрить. Но голос эмиссара, который я ясно услышал в этот момент, произнес, что через несколько часов отдыха ко мне вернется не только дар речи, но и хорошее самочувствие.

Выспавшись, я по просьбе дона Хуана дал ему подробное описание всего увиденного и пережитого мной. Он предупредил меня, что понимание моих переживаний невозможно на основе рациональных представлений. И дело вовсе не в том, что мой интеллект в каком-то смысле неполноценен, а в том, что это было происшествие, которое разум не может постичь просто по своей природе.

Я, естественно, возразил, что нет ничего непостижимого для разума. Положение вещей может быть неясным, но рано или поздно мыслящий разум прольет свет на все. И я действительно верил в это.

Дон Хуан с большим терпением объяснил, что мыслящий разум - всего лишь

один из аспектов положения точки сборки; поэтому знание о том, что происходит в мире, здравомыслие, уверенность в себе - все эти предметы нашей гордости и предполагаемые мерила нашего здравомыслия - являются лишь следствием расположения точки сборки в ее обычном месте. Чем более жестко она там фиксирована, тем более мы самоуверенны, тем сильнее мы чувствуем, что знаем мир и способны предвидеть будущее.

Он добавил, что сновидение дает нам гибкость, необходимую для того, чтобы войти в другие миры, разрушая нашу убежденность в знании этого мира. Он назвал сновидения путешествием в невообразимые измерения, когда, после того, как мы постигаем все доступное человеческому восприятию, наша точка сборки выскальзывает за пределы человеческого и достигает непостижимого.

- Мы снова вернулись к самому важному аспекту мира магов, - продолжал он, - положению точки сборки. Оно является одновременно проклятием старых магов и источником постоянных неприятностей человечества.

- Почему ты так говоришь, дон Хуан?

- Потому что все человечество и маги древности пали жертвой положения точки сборки. Человечество не знает, что точка сборки существует, и поэтому принимает последствия ее обычного расположения как нечто окончательное и неоспоримое. Что же касается старых магов, то они пострадали потому, что хотя и знали все о точке сборки, но не смогли правильно воспользоваться ее возможностями.

Ты должен избежать этих двух ловушек, - продолжал он. - Было бы очень плохо, если бы ты уподобился человечеству в своем неведении относительно точки сборки. Но будет еще хуже, если ты станешь так же рационально, как старые маги, использовать точку сборки для достижения личных целей.

- Я все еще не понимаю, о чем ты говоришь. Какое это имеет отношение к тому, что я пережил вчера?

- Вчера ты посетил другой мир. Но если ты спросишь меня, где он находится, и я скажу тебе, что он - в положении точки сборки, ты снова ничего не поймешь.

По словам дона Хуана, мне грозила одна из двух роковых возможностей. Первая состояла в том, что я последую по пути человечества и столкнусь с дилеммой, когда мой опыт скажет мне, что есть иные миры, а мой разум будет утверждать, что они не существуют и не могут существовать. Вторая - в том, что я уподоблюсь старым магам, сразу же согласившись с реальностью иных миров, и начну использовать положение точки сборки, порождающее эти миры, для корыстных целей. В результате возникнет проблема, связанная с уходом в иные уровни реальности в погоне за могуществом и богатством.

Мне нечего было сказать в ответ на его слова, но через некоторое время я понял, что я не должен непременно стать жертвой этих роковых возможностей, потому что в принципе я полностью согласен с точкой зрения самого дона Хуана, - хотя, естественно, я не мог тогда полностью представлять, с чем соглашаюсь. Согласие с ним скорее выражалось в каком-то давно забытом чувстве уверенности, которое я потерял и теперь начинал медленно обретать снова.

Возврат к моей практике сновидения устранил это беспокойство, но создал новое. Например, в связи с тем, что я каждый день слышал голос эмиссара, он перестал звучать для меня раздражающе или странно. Он стал обычным явлением. Я допустил так много ошибок под влиянием его слов, что почти понял, почему дон Хуан отказывался относится к ним серьезно. Психоаналитику потребовался бы не один день, чтоб проинтерпретировать высказывания эмиссара в соответствии со всеми возможными перипетиями моих межличностных отношений.

Дон Хуан придерживался по этому поводу непреклонного мнения: эмиссар - это безличностная, устойчивая сила из мира неорганических существ. Каждый сновидящий сталкивается с ней при более или менее схожих обстоятельствах, но если он решает воспользоваться его советами, то является безнадежным дураком.

Я со всей определенностью и был таковым. Я никоим образом не мог оставаться равнодушным, сталкиваясь с таким необычайным явлением: голос, ясно и последовательно излагающий мне на трех языках тайные сведения обо всем, на чем останавливалось мое внимание. Единственным, но не очень существенным его недостатком для меня было то, что он говорил не всегда вовремя. Эмиссар нередко рассказывал мне о людях и событиях, когда я уже

полностью забывал о том, что они меня раньше интересовали.

Я спросил у дона Хуана об этом, и в ответ он сказал, что это как-то связано с жесткостью положения моей точки сборки. Он объяснил, что меня воспитывали пожилые люди, и поэтому я унаследовал многие стороны их мировоззрения. В частности, я подвержен опасной тенденции считать себя праведным. Он сказал, что когда он давал мне принимать галлюциногенные растения, то руководствовался прежде всего необходимостью расшатать мою точку сборки и сделать ее подвижной хотя бы в минимальной степени.

- Если ты не сделаешь ее чуточку подвижнее, - продолжал он, - ты либо станешь еще более высокого мнения о себе, либо превратишься в неуравновешенного мага. Я говорю это тебе не для того, чтобы очернить старых магов, а для того, чтобы оградить тебя от их ошибок. Рано или поздно твоя точка сборки станет более подвижной, но все же не настолько, чтобы ты не рисковал стать либо тщеславным, либо неуравновешенным.

- Как мне избежать всего этого, дон Хуан?

- Существует только один путь. Маги называют его глубинным пониманием. Я называю его романом между человеком и знанием. Для магов он является движущей силой в познании, исследовании, удивительных открытиях.

Дон Хуан сменил тему разговора и продолжил объяснение фиксации точки сборки. Он сказал, что при видении, точки сборки у детей, которая постоянно перемещается как бы под воздействием небольших встряхиваний, легко переходя из одного положения в другое, - старые маги пришли к выводу, что обычное место точки сборки не присуще ей от природы, а вырабатывается как привычка. Видя также, что точка сборки фиксирована на одном месте только у взрослых, они заключили, что с каждым конкретным ее положением некоторым особым образом связан определенный тип восприятия. Вследствие длительной привычки этот тип восприятия становится системой интерпретации чувственных данных.

Дон Хуан указал, что поскольку мы вовлечены в эту систему, будучи воспитанными в соответствии с ней, мы продолжаем с самого рождения приспосабливаться к требованиям системы интерпретаций, - системы, которая вводит нас в жизнь. Поэтому старые маги были совершенно правы в том, что

верили в возможность отказа от нее и непосредственного восприятия энергии, в результате чего человек становится магом.

Как бы удивляясь, дон Хуан отметил, что так называемое величайшее достижение нашего общественного воспитания состоит в том, чтобы замкнуть точку сборки в ее обычном положении. Ведь после того как она замирает в этом положении, наше восприятие может легко описывать и объяснять то, что мы ощущаем. Другими словами, с этого момента нас можно легко заставить воспринимать лишь то, что предполагает система, а не то, что мы ощущаем в действительности. Он заверил меня, что восприятие людей однотипно по всему миру, потому что точки сборки у всех представителей человечества фиксированы одинаково.

Он продолжил рассказывать, отметив, что маги сами убедились во всем этом, когда видели смещение точки сборки за определенную грань, приводившее к постижению новых вселенских волокон энергии. При этом то, что было окончательной реальностью на предыдущих этапах, утрачивало смысл. Непосредственной причиной этой бессмыслицы является восприятие органами чувств новых данных, приводящее к тому, что наша система интерпретации оказывается непригодной для объяснения того, что мы ощущаем.

- Восприятие без системы интерпретации, конечно же, хаотично, - продолжал дон Хуан. - Но удивительно, что когда мы считаем, что полностью утратили ориентиры, наша старая система оживает вновь. Она приходит нам на помощь и превращает наши бессистемные ощущения в тщательно упорядоченный новый мир. Это случилось с тобой, когда ты смотрел на листья мескитового дерева.

- Что на самом деле тогда случилось со мной, дон Хуан?

- В течение некоторого времени твое восприятие было хаотичным. Ты видел все сразу, и твоя система интерпретации мира не работала. Затем хаос упорядочился, и ты предстал перед новым миром.

- Мы снова, дон Хуан, вернулись туда, где были раньше. Существует ли тот мир, или он просто-напросто создан моим умом?

- Мы опять вернулись туда же, и ответ остался тем же. Он существует в том

определенном положении твоей точки сборки. Для того, чтобы воспринимать его, тебе нужна была гармония с ним, то есть тебе следовало удерживать точку сборки фиксированной в том положении, что ты и делал. В результате ты в течение некоторого времени ясно видел этот новый для тебя мир.

- Могли бы другие воспринимать тот же самый мир?

- Если бы у них было то же положение точки сборки и та же степень гармонии, - они бы могли. Маги прошлого называли эти действия по согласованию положения точки сборки и достижению гармонии с миром, лежащим за пределами обычного, сталкингом восприятия.

- Искусство сталкинга, - продолжал он, - как мы уже говорили, означает фиксацию точки сборки. Старые маги открыли посредством своей практики, что как бы ни было важно уметь перемещать точку сборки, еще важнее быть способным фиксировать ее в новом состоянии, каково бы оно ни было.

Он объяснил, что если точку сборки не удается зафиксировать, нет никакой возможности воспринимать гармонично. В таком случае мы будем воспринимать калейдоскопическую картину несвязанных друг с другом образов. Вот потому маги прошлого уделяли сталкингу столько же внимания, сколько и сновидению. Одно искусство не может существовать без другого, особенно в отношении тех действий, которые совершали старые маги.

- Какие это были действия, дон Хуан?

- Старые маги называли их тонкостями второго внимания или же великим приключением в неизвестном.

Дон Хуан сказал, что эти действия основываются на смещении точки сборки. Старые маги не просто умели смещать точку сборки в тысячи различных положений на поверхности или внутри своих энергетических тел, но они еще и научились фиксировать свои точки сборки в этих положениях, и, таким образом, поддерживать гармонию неограниченно долгое время.

- Зачем все это было нужно, дон Хуан?

- Мы не можем сказать, к чему они стремились, но можем говорить о том, чего

они достигли.

Он объяснил, что старые маги умели достигать такой совершенной гармонии, которая делала возможным восприятие всего и физическое превращение во все, что соответствовало конкретному положению их точек сборки. Они могли стать кем угодно или чем угодно из длинного списка, который, по его словам, представлял собой детальное описание восприятия мира различными сущностями, например, ягуаром, птицей, насекомым и так далее.

- Мне очень трудно поверить, что эти превращения возможны, - сказал я.

Он сказал, что точки сборки старых магов обладали великолепной подвижностью. Им нужно было лишь слегка сместить их в соответствии с малейшей особенностью ощущения в сновидении, и сразу же с помощью сталкинга восприятия они достигали нужной гармонии с окружающим миром, становясь животным, другим человеком, птицей или вообще чем угодно.

- А разве душевнобольные не делают то же самое? Разве они не создают сами собственную реальность? - спросил я.

- Нет, это не одно и то же. Сумасшедшие воображают себе реальность вообще без всякой заранее поставленной цели. Они рождают хаос из хаоса. Маги, в отличие от них, упорядочивают хаос. Их постоянная глобальная цель состоит в том, чтобы освобождать свое восприятие. Маги не выдумывают сами воспринимаемый ими мир. Они прямо ощущают энергию, а затем обнаруживают, что воспринимают некоторый неизвестный новый мир, что он так же реален, как реально все, что мы знаем.

Затем дон Хуан дал мне новое объяснение происшедшего со мной, когда я смотрел на мескитовое дерево. Он сказал, что я вначале ощущал энергию дерева. На субъективном уровне я верил, что сплю, потому что использовал для ощущения энергии технику сновидения. Он отметил, что использование этой техники в мире обыденной жизни было одним из наиболее эффективных средств, использовавшихся старыми магами. Это давало возможность ощущать энергию точно так же, как и во сне, а не всецело хаотично. Затем наступал момент, когда что-то изменяло восприятие, и маг находил себя стоящим лицом к лицу с новым миром - в точности как это случилось со мной.

Я сказал ему об одной мысли, которую я едва осмеливался произнести: панорама, увиденная мной, была и не сном, и не обычным миром.

- Да, она не была ни тем, ни другим, - сказал он. - Я напоминаю тебе это снова и снова, а ты думаешь, что я просто говорю одно и то же. Я знаю, как трудно уму допустить реальность существования безумных возможностей. Но новые миры существуют! Они охватывают друг друга, образуя в целом нечто похожее на луковицу. Тот мир, в котором мы живем, - это лишь один слой луковицы.

- Ты хочешь сказать, дон Хуан, что цель твоего учения в том, чтобы подготовить меня к посещению этих миров?

- Нет. Я хочу сказать совсем другое. Мы отправляемся в другие миры только в качестве упражнения. Такие путешествия были уделом бывших магов. Мы занимаемся сновидением, как и маги древности, но в то же время мы исходим из совершенно иных принципов. Старые маги предпочитали сдвиг точки сборки, поэтому они всегда чувствовали себя в более или менее известном, предсказуемом положении. Мы же отдаем предпочтение движению точки сборки. Старые маги искали неизвестное для людей. Мы ищем сверхчеловеческое неизвестное.

- Я еще не добрался до него, не правда ли?

- Нет. Ты только начинаешь. Вначале каждый должен пройти по стопам старых магов. Ведь в конце концов это они изобрели сновидение.

- Когда я, в таком случае, начну изучать сновидение новых магов?

- Тебе еще предстоит многое сделать. Возможно, на это уйдут годы. Кроме всего прочего, я должен быть с тобой очень осторожным. По характеру ты определенно похож на магов прошлого. Я предупреждал тебя об этом, но ты всегда умудряешься пренебрегать моими советами. Иногда мне даже казалось, что какая-то чужая энергия выступает в качестве твоего советника, но сейчас я отбросил эту идею. Ты - искренний человек.

- Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

- Ты нечаянно совершил два поступка, которые меня чертовски взволновали. В первом же сновидении ты путешествовал в энергетическом теле за пределами этого мира. И прогуливался там! А затем ты посетил в энергетическом теле еще одно место за пределами этого мира, но об этом ты не помнишь в своем обычном состоянии сознания.

- Почему это беспокоит тебя, дон Хуан?

- Сновидение слишком легко для тебя. И в этом твое проклятие, если мы не уделим этому вопросу надлежащего внимания. Сновидение выводит к неизвестному для людей. Как я говорил тебе, современные маги стремятся постичь сверхчеловеческое неизвестное.

- Чем может быть это сверхчеловеческое неизвестное?

- Свободой от всего человеческого. Это - невообразимые миры, выходящие за пределы человеческих возможностей достижения, которые тем не менее каким-то образом доступны нам. Туда направляются современные маги. Их устремления лежат далеко вне интересов людей; за пределами этих интересов лежат всеобъемлющие миры, среди которых есть далеко не только сферы обитания птиц и животных, хотя и они неизвестны человеку. То, о чем я говорю, представляет собой миры, подобные нашему. Целые вселенные с бесконечными пространствами.

- Где находятся все эти миры, дон Хуан? В различных положениях точки сборки?

- Правильно. В различных положениях точки сборки, но эти положения доступны для магов вследствие движения точки сборки, а не ее сдвига. Путешествия в такие миры могут совершить в сновидении только сегодняшние маги. Маги древности были далеки от них, потому что такие путешествия требуют от магов великой непривязанности и полного отказа от чувства собственной важности в любом его проявлении. Старые маги не могли пожертвовать всем этим. Для магов, практикующих сновидение в наши дни, это сновидение является свободой достичь миров, не укладывающихся ни в какое воображение.

- Но зачем их достигать?

- Ты уже спрашивал меня сегодня об этом. Ты рассуждаешь, как настоящий купец. «Это опасно? - спрашиваешь ты. - На сколько процентов увеличиться сумма моего вклада? Будет ли так лучше для меня? « На эти вопросы невозможно ответить. Ум купца настроен на подсчет прибылей. Но свобода не может основываться на вкладах и доходах от них. Свобода - это приключение, которому нет конца, в котором мы рискуем жизнью и даже большим, чем жизнь, во имя нескольких мгновений чего-то превыше слов, мыслей и чувств.

- Я спрашивал, имея в виду другое, дон Хуан. Я хотел узнать, что может вынудить такого никудышного бездельника как я, достичь этого всего?

- Поиск свободы - это единственная побуждающая сила, которую я знаю. Это свобода улететь внезапно в бесконечность, которая где-то там. Это свобода умереть, исчезнуть навсегда. Это свобода быть подобным пламени свечи, которая остается неугасимой в мире, озаряемом светом миллиардов великолепных звезд, остается неугасимой потому, что никогда не считает себя чем-то большим, чем есть на самом деле, - всего лишь свечой.

5 глава. Мир неорганических существ

Верный своему согласию ждать, пока дон Хуан сам решит продолжить свои объяснения сновидения, я обращался к нему за советом только в случае крайней необходимости. Однако он, как правило, производил впечатление человека, который не просто не желает обсуждать сновидение, но еще и раздражен моим отношением к этому предмету. По моему мнению, подтверждением его недовольства мной было то, что всегда, когда мы начинали обсуждать мою практику сновидения, он преднамеренно преуменьшал важность достигнутого мной.

В то время самой важной чертой моей практики стали постоянные свидетельства в пользу существования живых неорганических существ. После

того, как я встретился с ними в своих сновидениях, и особенно после столкновения с ними в пустынных окрестностях дома дона Хуана, у меня были веские основания считать их существование подлинным фактом. Но все эти случаи возымели на меня обратное действие. Я упрямо и яростно отрицал возможность их существования.

Затем мое настроение изменилось и я решил провести объективное исследование вопроса, связанного с ними. Метод исследования предполагал, что я прежде всего буду вести регулярные записи того, что случается в моих занятиях сновидением, а затем использую эти записи в качестве достаточного основания для вывода, подтвердилось ли на практике то, что я предполагал о неорганических существах. Фактически, я исписал сотни страниц скрупулезными, но бессмысленными описаниями, в то время как достаточные свидетельства в пользу их существования были получены мной почти в самом начале моих изысканий.

Нескольких занятий оказалось достаточно, чтобы выяснить, что как бы случайная рекомендация дона Хуана - прекратить рассуждать и предоставить неорганическим существам возможность приблизиться ко мне - была в действительности тем самым способом, который использовали маги прошлого для того, чтобы привлекать их. Предоставив мне возможность убедиться в этом на собственном опыте, дон Хуан просто-напросто следовал своему методу обучения магии. Он снова и снова повторял, что очень трудно заставить наше эго покинуть оборонительные рубежи. Этого возможно достичь только с помощью практики. Одной из сильнейших оборонительных линий эго является не что иное, как наша рациональность. И она не только является одним из самых стойких барьеров на пути к обладанию магическими умениями и теорией, но еще и наиболее опасным по своим проявлениями. Дон Хуан верил, что существование неорганических существ является фактом, способным сильно поколебать нашу рациональность.

В своей практике сновидения я придерживался установленного распорядка, от которого не отклонялся ни на один день. Вначале моей целью было наблюдение всех доступных объектов в моих снах, а затем - изменение снов. Я наблюдал день ото дня целые вселенные различных деталей предметов. Как-то раз я заметил, что мое внимание сновидения начало убывать, и мои занятия заканчивались либо тем, что я засыпал и видел обычные сны, в которых я вообще не был способен управлять вниманием, либо тем, что я

просыпался и не мог больше заснуть вообще.

Однако время от времени в моих сновидениях появлялся поток чужеродной энергии, как определял его дон Хуан, называя его также лазутчиком. Его предостережение относительно лазутчиков помогло мне быть бдительным и правильно использовать свое внимание сновидения. Первый раз я столкнулся с чужеродной энергией, когда мне снилось, как я делал покупки в универмаге. Я переходил от прилавка к прилавку, разыскивая антикварные предметы. В конце концов я нашел то, что искал. Несоответствие между универмагом и поиском произведений древнего искусства было столь очевидным, что я тихонько посмеивался, но как только я нашел одно такое произведение, я сразу же забыл об этой нелепости. Этот предмет представлял собой рукоятку трости. Продавец сказал мне, что она была изготовлена из иридия, который он назвал одним из самых твердых веществ в мире. Рукоятка была украшена резьбой с изображением головы и плеч обезьяны. Но мне показалось, что она сделана из нефрита. Продавец был очень возмущен, когда я намекнул, что это скорее всего нефрит, и, чтобы продемонстрировать свою правоту, он изо всей силы бросил предмет на цементный пол. Он не разбился, но стал подскакивать, как мяч, а затем уплыл прочь, вращаясь, как фрисби. Я последовал за ним. Он скрылся за деревьями. Я побежал, чтобы найти его и обнаружил его увязшим в земле. Он превратился в необычайно прекрасную надлежащей длины трость темно-зеленого цвета с переходом в черный.

Я захотел взять ее себе. Я ухватился за нее и начал с силой отрывать от земли, пока кто-нибудь не появился поблизости. Но как я ни стараются, я не мог сдвинуть ее с места. Я боялся, что сломаю ее, если буду пытаться вырвать из земли, расшатывая из стороны в сторону. Поэтому я начал раскапывать землю вокруг нее голыми руками. По мере того, как я продолжал копать, она таяла на глазах, пока на ее месте не осталась только лужица зеленой воды. Я уставился взглядом в воду; внезапно мне показалось, что она взорвалась. Она превратилась в белый пузырь, который затем исчез. Мой сон продолжался дальше с новыми образами и деталями, которые ничем не выделялись, хотя и были совершенно отчетливы.

Когда я рассказал дону Хуану об этом сновидении, он сказал:

- Ты встретился с лазутчиком. Лазутчики часто встречаются и в обычных снах. Странно, но сны сновидящих характеризуются отсутствием лазутчиков. Когда

они появляются, их легко обнаружить по сопутствующей им необычности и несоразмерности.

- О какой несоразмерности ты говоришь, дон Хуан?

- Их присутствие окружено нелепостями.

- Во сне многое нелепо.

- Только в обычных снах вещи бессмысленны. Я бы сказал, что это происходит именно так вследствие большого количества лазутчиков, присутствующих в них. Их много потому, что обычные люди склонны сильнее ограждать себя от неизвестного.

- Ты знаешь, почему это так, дон Хуан?

- По-моему, все определяется балансом сил. Среднестатистический человек вынужден воздвигать необычайно прочные барьеры, чтобы защитить себя от натиска враждебных влияний. Например, такие барьеры, как беспокойство о себе. Но чем крепче препятствие, тем мощнее нападение.

В отличие от них, сновидящие воздвигают меньше барьеров и поэтому привлекают меньше лазутчиков в свои сны. В снах сновидящих бессмысленные вещи отсутствуют, возможно, для того, чтобы сновидящие легко обнаруживали присутствие лазутчиков.

Дон Хуан посоветовал мне быть очень внимательным и замечать все доступные наблюдению детали моих снов. Он даже заставил меня повторить вслух эти свои слова.

- Ты сбиваешь меня с толку, - сказал я. - Ты то не хочешь ничего слышать о моем сновидении, то хочешь. Есть ли какая-то систематичность в твоих отказах и согласиях?

- Конечно же, за всем этим стоит некоторая система, - сказал он. - Быть может, ты когда-нибудь будешь поступать так же с другим сновидящим. Одни вопросы имеют ключевое значение, потому что связаны с духом. Другие - совершенно не имеют значения по причине нашего индульгирования.

Первый лазутчик, которого ты обнаружил, теперь будет присутствовать всегда в любой форме, даже в виде иридия. Кстати, что такое иридий?

- Точно не знаю, - искренне сказал я.

- Вот тебе и на! А что ты скажешь, если окажется, что это одно из самых прочных веществ в мире?

Глаза дона Хуана сияли от восторга, пока я нервно хихикал от абсурдности его последней реплики, которая, как я узнал впоследствии, в действительности была истиной.

Начиная с этого времени я стал замечать присутствие несуразных предметов в своих сновидениях. Стоило мне допустить верность слов дона Хуана, определяющих суть чужеродной энергии во сне, и я вскоре полностью согласился с тем, что нелепые вещи в моих сновидениях являются на самом деле пришельцами из других миров. После того, как я обнаруживал их, мое внимание сновидения всегда полностью сосредоточивалось на них, чего не происходило ни в каких других условиях.

Еще я заметил, что каждый раз, когда чужеродная энергия проникала в мои сны, мое внимание в них вынуждено было усиленно работать, чтобы превратить ее в какой-нибудь знакомый объект. Препятствие, с которым сталкивалось мое внимание в этом случае, состояло в его неспособности полностью совершить такое преображение: в итоге я получал какой-то диковинный объект, почти мне незнакомый. Впоследствии чужеродная энергия довольно быстро исчезала; нестандартный предмет пропадал, превращаясь в пузырь света, который вскоре поглощался другими деталями моего сна.

Когда я попросил дона Хуана прокомментировать то, что происходит в моем сновидений, он сказал:

- В настоящее время лазутчики в твоих снах являются шпионами, присылаемыми из неорганического мира. Они очень недолговечны, что означает их неспособность долго оставаться во сне.

- Почему ты говоришь, что они - шпионы, дон Хуан?

- Они приходят в поисках возможности поглощать сознание других существ. У них есть собственное сознание и цель, хотя она недоступна постижению нашим разумом. По типу их сознания и замыслов их, вероятно, можно сравнить с деревьями. Внутренние устремления деревьев и неорганических существ непонятны нам, потому что они намного более медленны, чем наши.

- Почему ты так считаешь, дон Хуан?

- И деревья, и неорганические существа живут дольше, чем мы. Они созданы, чтобы пребывать неизменными. Они неподвижны, но в то же время они заставляют все двигаться вокруг себя.

- Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа являются такими же почти неизменными сущностями, как и деревья?

- Именно так. То, что ты видишь в сновидении в виде светлых и темных полых трубочек, является их проекцией. То, что ты слышишь во сне как голос эмиссара, - тоже их порождение. Равно как и их лазутчики.

По какой-то непонятной мне глубинной причине я был подавлен этими словами. Внезапно меня охватило беспокойство. Я спросил дона Хуана, являются ли и деревья подобными проекциями.

- Являются, - сказал он. - Более того, эти проекции более враждебны к нам, чем их аналоги из неорганического мира. Сновидящий никогда не вступает в контакт с деревьями, если только он не находится в теплых приятельских отношениях с другими мирами, что является очень трудно достижимым состоянием. У нас нет друзей на этой Земле, ты ведь знаешь. - Он грустно улыбнулся и добавил. - Ни для кого не секрет, почему это так.

- Возможно, это не секрет для тебя, дон Хуан, но, со всей определенностью, это тайна для меня.

- Наши действия разрушительны. Мы настроили все живые существа против себя на этой Земле. Вот почему у нас нет друзей.

Я чувствовал себя так неловко, что хотел вовсе прекратить беседу.

Внутреннее побуждение вынудило меня вернуться к обсуждению неорганических существ.

- Что, по твоему мнению, мне следует делать, чтобы последовать за лазутчиками? - спросил я.

- А зачем, собственно, тебе нужно следовать за ними?

- Я занимаюсь научными исследованиями неорганических существ.

- Ты подшучиваешь надо мной, не так ли? Я думал, что ты непоколебим в своем отрицании их существования.

Его издевательский голос и раскаты смеха ясно показали мне его отношение к моему научному исследованию.

- Я теперь придерживаюсь другого мнения, дон Хуан. Теперь я хочу изучить все эти сущности.

- Помни, что мир неорганических существ был сферой деятельности магов прошлого. Чтобы пробраться туда, они тщательно концентрировали свое внимание в сновидении на наблюдаемых объектах, таким образом они были способны обнаруживать лазутчиков. И когда лазутчики оказывались в центре их внимания, они выкрикивали вслух намерение следовать за ними. Как только маги древности заявляли об этом своем намерении, они уходили, увлекаемые чужеродной энергией.

- Так ли все просто, дон Хуан?

Он не ответил. Он только засмеялся, глядя на меня, как бы приглашая меня сделать то, о чем он рассказал.

Работая дома, я устал искать истинный смысл слов дона Хуана. Я упрямо не желал следовать тому, что он мог бы назвать рабочим методом. После того, как я отбросил и идеи, и терпение, я однажды потерял бдительность. В тот раз я видел во сне рыбу, озадачившую меня тем, что она внезапно выскочила из озера, возле которого я прогуливался. Она забилась у моих ног, затем полетела, как птица, и села на ветку, по прежнему оставаясь рыбой. Картина

была такой непривычной, что мое внимание сновидения оживилось. Я сразу же понял, что это лазутчик. Секундой позже, когда рыба-птица превратилась в точку света, я крикнул о своем намерении последовать за ней и отправился в иной мир точно так, как говорил об этом дон Хуан.

Я, как легкое насекомое, пролетел сквозь нечто, казавшееся темным тоннелем. Ощущение тоннеля внезапно прекратилось. Было так, как будто я был выдут из трубы и по инерции шлепнулся на огромную глыбу какого-то вещества; я почти касался ее. Я не видел ей конца во всех направлениях, доступных моему взору. Все это так сильно напоминало мне научно-фантастические фильмы, что я был полностью уверен, что эта панорама возникла в моем спящем сознании. А почему бы и нет? Я считал, что происходящее со мной всего лишь сон.

Я решил рассмотреть все детали этого сна. То, что я мог видеть, представляло собой подобие исполинской губки. Оно было пористым и покрытым углублениями. Я не мог прикоснуться к нему, но оно выглядело твердым и волокнистым. Оно было темно-коричневого цвета. Затем у меня проскользнуло сомнение в том, что все это немое нагромождение мне просто снится. То, что я видел, не изменяло своих очертаний. Оно не двигалось. При пристальном всматривании у меня создалось впечатление чего-то реального, но полностью неподвижного; это все где-то находилось и так приковывало к себе мое внимание, что я не мог оторваться для осмотра других объектов, включая себя. Какая-то удивительная сила, с которой я никогда раньше не сталкивался в сновидении, парализовала меня.

Затем я явственно ощутил, что масса высвободила мое внимание; и теперь все мое сознание сосредоточилось на лазутчике, который привел меня сюда. Он выглядел как светлячок в темноте, кружась надо мной и вокруг меня. В этом мире лазутчик был пузырьком чистой энергии. Я мог видеть кипение его энергии. Казалось, он знает обо мне. Внезапно он приблизился ко мне, а затем притянул и оттолкнул меня. Я не чувствовал его прикосновения, но знал, что он касается меня. Это ощущение было изумительным и новым для меня; будто какая-то часть меня, не присутствующая там, была возбуждена этим прикосновением; волны энергии проходили по ней одна за другой.

Начиная с этого момента все в моем сне начало становиться все более реальным. Мне с трудом удавалось помнить, что я нахожусь в сновидении. К

этому затруднению примешивалось чувство уверенности в том, что, касаясь меня, лазутчик осуществляет энергетический контакт со мной. В тот момент, когда казалось, что он притягивает или отпихивает меня, я знал, чего он от меня хочет.

Сначала он втолкнул меня в большое углубление в глыбе вещества, перед которой я находился. Как только я оказался там, я заметил, что внутренняя поверхность была так же равномерно пористой, как и внешняя, но выглядела не так грубо, будто ее неровности были отшлифованы. То, что я рассматривал снаружи, имело структуру, напоминающую что-то похожее на увеличенное изображение пчелиного улья. Во всех направлениях расходились бесчисленные тоннели всевозможных очертаний. Некоторые из них вели вверх, другие - вниз; были также идущие налево и направо; они образовывали всевозможные углы друг с другом, направляясь один выше, другой ниже, будучи наклоненными более или менее покато.

Свет был очень тусклым, но все было отчетливо видно. Тоннели выглядели оживленными и сознательными; они «кипели». Я пристально взглянул на них и с удивлением понял, что вижу их. Это были энергетические волокна. Как только я это постиг, голос эмиссара из сновидения зазвучал в моих ушах так громко, что я не мог разобрать ничего им сказанного.

- Говори тише, - завопил я нетерпеливо, замечая, что во время произнесения мною слов тоннели исчезают из виду, а я погружаюсь в вакуум, где могу только слышать.

Эмиссар понизил голос и сказал:

- Ты находишься внутри неорганического существа. Выбери себе любой из тоннелей, и ты сможешь жить в нем вечно. - Голос смолк на мгновение, а затем прибавил: - Разумеется, если ты хочешь этого.

Я не мог заставить себя вымолвить хоть несколько слов. Я боялся, что любое мое утверждение может быть понято в смысле, противоположном тому, который я в него вкладываю.

- В этом для тебя есть бесчисленные преимущества, - продолжал голос эмиссара. - Ты можешь жить в любых тоннелях, какие пожелаешь. И в каждом

ты сможешь узнать что-то новое. Маги прошлого жили там и научились многим удивительным вещам.

Не пользуясь никакими органами чувств, я ощутил, что лазутчик подталкивает меня сзади. Казалось, он хочет, чтобы я двигался вперед. Я направился в тоннель, находящийся рядом справа от меня. Как только я очутился в нем, я как-то осознал, что не иду по нему; я кружился в нем, летел. Я был пузырьком энергии, подобно самому лазутчику.

Голос эмиссара снова зазвучал в моих ушах:

- Да, ты - всего лишь пузырек энергии, - произнес он.

И хотя я сам знал это, я почувствовал громадное облегчение.

- Ты паришь внутри одного из неорганических существ, - продолжал он. - Лазутчик хочет, чтобы ты двигался в этом мире именно таким образом. Когда он прикоснулся к тебе, он изменил тебя навсегда. Теперь ты, по сути, один из нас. Если желаешь остаться здесь, просто вырази свое намерение.

Эмиссар прекратил говорить, и вид тоннеля снова предстал предо мной. Но когда он заговорил снова, что-то изменилось; я не терял из виду этого мира и все же мог одновременно слышать голос эмиссара.

- Древние маги научились всему, что они знали о сновидении, пребывая здесь среди нас, - сказал он.

Я собирался спросить, научились ли они этому всему просто живя внутри этих тоннелей, но прежде чем я произнес свой вопрос, эмиссар ответил мне.

- Да, они узнали все, просто пребывая подолгу внутри неорганических существ, - сказал он. - Чтобы жить внутри них, магам прошлого требовалось всего лишь сказать о том, что они желают этого. Точно так же, как для того, чтобы попасть сюда, тебе требовалось только громко и отчетливо выразить вслух свое намерение.

Лазутчик толкнул меня вновь, давая понять, что я могу продолжить движение. Я засомневался, и тогда он сделал что-то эквивалентное такому силовому

воздействию, от которого я полетел по бесконечным тоннелям, как пуля. В конце концов я остановился, потому что остановился лазутчик. На какое-то мгновение мы зависли; затем мы провалились в вертикальный тоннель. Но я не почувствовал, что направление движения существенно изменилось. Что касается моих ощущений, то я по-прежнему чувствовал, что двигаюсь вдоль поверхности.

Мы меняли направление движения множество раз, но в каждом случае мои ощущения были похожими. Я начал было уже формулировать мысль о своей неспособности чувствовать, куда я двигаюсь, вверх или вниз, когда вдруг зазвучал голос эмиссара.

- Мне кажется, что тебе будет приятнее медленно ползти, а не лететь, - сказал он. - Можешь также попробовать перемещаться, как паук или муха, прямо, вверх или вниз, или вверх ногами.

Внезапно я приземлился. Было похоже на то, что из невесомой пылинки я вдруг превратился во что-то тяжелое, тем самым ощутив почву под собой. Я не мог больше видеть стен тоннелей, но эмиссар был здесь же и в более удобном положении, перемещаясь рядом со мной.

- В этом мире тебе не обязательно все время быть связанным тяготением, - сказал он.

Конечно, я и сам мог это понять.

- Тебе здесь также не нужно и дышать, - продолжал его голос. - И только для своего удобства ты продолжаешь пользоваться зрением, по привычке делая это так же, как в твоем мире.

Казалось, что эмиссар решал, продолжать ли ему говорить дальше. Он прокашлялся в точности как человек, собирающийся начать говорить, и произнес:

- Зрение - главный источник информации; поэтому сновидящий всегда говорит о своих ощущениях во сне, пользуясь терминами зрения.

Лазутчик втолкнул меня в тоннель направо. Он был несколько темнее других.

Вопреки моему здравому смыслу, он показался мне более уютным, чем другие, более мирным и более знакомым. Мой ум пронзила мысль о том, что я был подобен этому тоннелю, или он - мне.

- Вы уже встречались раньше, - произнес голос эмиссара.

- Что это значит? - сказал я.

Я понял его слова, но не знал, что он имеет в виду.

- Вы когда-то боролись друг с другом и поэтому сейчас каждый из вас содержит энергию другого.

Я подумал, что в голосе эмиссара слышится злая нотка или даже сарказм.

- Нет, это не сарказм, - сказал эмиссар. - Я рад, что у тебя есть среди нас сородичи.

- Что ты подразумеваешь под сородичами? - спросил я.

- Обмен энергией означает родство, - ответил он. - Энергия подобна крови.

Я потерял дар речи. Я ясно ощутил, как во мне шевельнулся страх.

- Страх - это нечто, несвойственное этому миру, - сказал эмиссар.

Из всего, что он сказал, только это было не совсем точным.

На этом мое сновидение закончилось. Я был так ошарашен яркостью увиденного, поразительной ясностью и последовательностью сказанного эмиссаром, что не мог дождаться момента, чтобы рассказать обо всем дону Хуану. Меня удивило и насторожило то, что он не захотел слушать меня. Он так ничего и не сказал, но я догадывался, что он считал все случившееся моим собственным индульгированием.

- Почему ты так ведешь себя со мной? - спросил я. - Ты чем-то недоволен?

- Нет, я всем доволен, - сказал он. - Дело в том, что я не могу говорить об этой

стороне твоего сновидения. Это исключительно твое личное дело. Я сказал тебе, что неорганические существа реальны. Теперь ты сам обнаруживаешь, насколько они реальны. Но то, что ты извлечешь из этого открытия, - это уже твое дело, твое личное дело. Когда-нибудь ты поймешь, почему я оставался в стороне.

- Но неужели ты не можешь ничего сказать мне об этом сне? - настаивал я.

- Я могу сказать только, что это было не сновидение. Это было путешествие в неизведанное. Добавлю к тому же, что это было необходимое путешествие, - но сугубо личное.

Затем он сменил тему разговора и принялся объяснять другие аспекты своего учения.

Начиная с этого дня, несмотря на мой страх и нежелание дона Хуана дать мне совет, я стал в своих сновидениях регулярно посещать тот губчатый мир. Я вскоре обнаружил, что чем больше возрастает моя способность замечать детали предметов в сновидении, тем искуснее я становлюсь в выявлении лазутчиков. Когда я узнавал лазутчиков по их чужеродной энергии, они еще некоторое время оставались в моем поле зрения. Если же я пытался превращать лазутчиков в отчасти знакомые мне объекты, они оставались далее дольше обычного, беспорядочно меняя форму. А когда я следовал за ними, громко провозглашая вслух свое намерение попасть в их мир, лазутчики полностью переводили мое внимание сновидения на мир, лежащий за пределами моего обычного воображения.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа всегда испытывают потребность обучать. Но он не упомянул при этом, что они обучают сновидению. Он сообщил, что эмиссар в сновидении, будучи обычным голосом, является идеальным мостиком между тем миром и нашим. Я обнаружил, что эмиссар представляет собой зачастую не просто голос наставника, но еще и голос умелого торгового агента. Он объяснял мне снова и снова, в нужном месте и в соответствующее время, преимущества своего мира. Кроме этого, он также преподал мне неоценимые уроки сновидения. Слушая его объяснения, я понял, почему маги прошлого отдавали предпочтение практическим занятиям.

- Чтобы в совершенстве овладеть сновидением, тебе прежде всего следует прекратить внутренний диалог, - сказал мне однажды эмиссар. - Для того, чтобы достичь успеха в прекращении диалога, держи между пальцами несколько кристаллов кварца длиной два или три дюйма или несколько тонких отшлифованных речных камушков. Согни чуть-чуть пальцы и зажми кристаллы или гальку между ними.

Эмиссар сообщил, что металлические предметы, если они соответствуют размеру и ширине пальцев, оказывают тот же эффект. Метод состоит в том, чтобы удерживать как минимум по три тонких вещи между пальцами каждой из рук, сжимая их почти до боли в кистях. Это давление необычно действует на внутренний диалог, успокаивая его. Эмиссар отдавал предпочтение кристаллам кварца; он сказал, что результат в этом случае будет наиболее эффективным, хотя для этой практики подходит все что угодно.

- Если ты засыпаешь в состоянии полного спокойствия, это гарантирует тебе идеальное вхождение в сновидение, - сказал однажды голос эмиссара, - это способствует также развитию внимания в сновидении.

- Сновидящий, должен носить золотое кольцо, - сказал мне эмиссар в другой раз. - Лучше, чтобы оно было чуточку тесным для пальца.

Объяснение эмиссара в связи с этим сводилось к тому, что кольцо служит в качестве моста для возвращения обратно на поверхность обычного мира из сновидения или погружения из состояния нормального сознания в мир неорганических существ.

- Как работает этот мост? - спросил я, не понимая, что подразумевает аналогия с мостом, которой воспользовался эмиссар.

- Мост получается там, где палец соприкасается с кольцом, - сказал эмиссар. - Если сновидящий приходит в мой мир, имея на пальце кольцо, оно привлекает и сохраняет энергию моего мира; в случае необходимости кольцо отдает ее в палец пришедшего, и эта энергия возвращает сновидящего обратно в его мир.

Давление, производимое кольцом на палец, хорошо служит также для гарантии того, что сновидящий вернется в свой мир. Благодаря этому давлению он постоянно ощущает знакомое прикосновение к пальцу.

В ходе одного из последующих занятий эмиссар сообщил, что наша кожа является органом, идеально подходящим для передачи энергетических волн обычного мира в мир неорганических существ, и наоборот. Он посоветовал мне следить за тем, чтобы моя кожа была прохладной, чистой и не жирной. Он также порекомендовал сновидящим носить тугой пояс, повязку на голове или ожерелье, чтобы создать давление в точках кожи, служащих центрами обмена энергией. Эмиссар также объяснил, что в обычном состоянии кожа автоматически предотвращает выход энергии из тела, и что если мы хотим не только сохранять энергию, но и переводить ее из одного мира в другой, мы должны громко выразить в сновидении соответствующее намерение.

Однажды эмиссар сделал мне настоящий подарок. Он сказал, что для обеспечения живости, и точности работы внимания сновидения нам следует черпать его из области, которая находится у нас во рту непосредственно за нёбом. В этом месте у всех людей располагается огромный резервуар внимания. Эмиссар специально порекомендовал научиться прижимать в сновидении кончик языка к нёбу. Он сказал, что это более сложная задача, чем нахождение рук во сне. Но решив эту задачу, сновидящий достигает удивительных результатов в смысле контроля внимания сновидения.

Я получил целые горы инструкций по поводу всех возможных аспектов моих занятий. Эти инструкции я бы очень скоро забыл, если бы эмиссар не продолжал регулярно повторять их мне. Я спросил у дона Хуана, как мне быть с тем, что я забываю.

Его замечание было кратким, как я и ожидал.

- Сосредоточься только на том, что эмиссар говорит тебе о сновидении, - сказал он.

Все, о чем неустанно повторял голос эмиссара, ясхватывал с неизменным интересом и рвением. Но, верный рекомендации дона Хуана, я следовал указаниям эмиссара только в отношении сновидения, лично проверяя практическую ценность его инструкций. Наиболее важной информацией для меня оказалось то, что он сказал о внимании сновидения, источником которого является нёбо. Мне потребовалось приложить много усилий, чтобы начать чувствовать в состоянии сновидения кончик языка, прижимающийся к нёбу.

Как только я научился этому, мое внимание сновидения зажило своей собственной жизнью и стало, может быть, лучше, чем мое обычное внимание в нашем мире.

Мне потребовалось не так уж много времени, чтобы понять, как глубоко маги прошлого были связаны с неорганическими существами. Объяснения и предостережения дона Хуана об опасности такой связи стали для меня более насущными, чем когда-либо раньше. Я пытался сделать все от меня зависящее, чтобы соответствовать его стандартам самооценки, не поддаваясь их влиянию. Поэтому голос эмиссара и все, что он говорил, представляли для меня постоянный вызов. Мне следовало любыми средствами не поддаться искушению со стороны эмиссара, когда он обещал мне всевозможные знания. Мне приходилось противостоять ему в одиночку, поскольку дон Хуан по-прежнему отказывался выслушать меня.

- Ты должен хотя бы намекнуть о том, что мне делать, - настаивал я однажды, будучи достаточно прямолинейным, чтобы заговорить об этом.

- Я не могу, - сказал он с оттенком категоричности, - и не спрашивай меня снова. Ведь я сказал тебе, что в этом случае сновидящий должен все решать сам.

- Но ведь ты даже не подозреваешь, что я собираюсь спросить.

- О, я знаю. Ты хочешь, чтобы я сказал тебе, что ты поступаешь правильно, когда торчишь в одном из тех тоннелей только затем, чтобы узнавать новое от эмиссара.

Я признал, что именно это и было моим затруднением. И если он не мог мне помочь решить его, то я хотел по крайней мере узнать, что означала возможность жить внутри тех тоннелей.

- Я сам прошел через всю эту суету, - продолжал дон Хуан, - и никто не мог помочь мне, потому что здесь все определяется исключительно личным непреклонным решением, решением, которое ты принимаешь, если высказываешь намерение остаться жить в том мире. Чтобы хитростью вынудить тебя заявить об этом намерении, неорганические существа потакают твоим самым тайным желаниям.

- Они ведут себя как дьяволы, дон Хуан.

- Ты можешь говорить все что угодно. Но это не то, о чем ты в действительности думаешь. Для тебя дьяволом является соблазн сдаться, особенно когда они сулят тебе такие награды. По-моему, дьявольская природа мира неорганических существ проявляется в том, что он является единственным прибежищем для сновидящих во всей этой враждебной вселенной.

- Действительно ли он является небесами для сновидящих, дон Хуан?

- Определенно, для некоторых из них это так. Но не для меня. Мне не нужна поддержка и защита. Я знаю, кто я. Я одинок во враждебной вселенной, но я научился произносить «Да будет так!»

Это был конец нашего обмена мнениями. Он не сказал того, что я желал услышать, но я не знал, что одно лишь стремление постичь секрет жизни в тоннеле уже почти означает выбор в пользу жизни там. Но я не был заинтересован в этом. Я сразу принял решение продолжать свою практику сновидения безо всяких дальнейший осложнений. Я тут же сказал об этом дону Хуану.

- Не говори этого, - посоветовал он мне. - Пойми только, что если ты решишь остаться там, это твое решение будет последним. Ты никогда не вернешься оттуда.

Сейчас уже невозможно объективно судить о том, что было со мной, когда я несчетное число раз сновидел тот мир. Я могу сказать, что он представлялся мне миром настолько реальным, насколько может быть таковым сновидение. Я также могу сказать, что он казался не менее настоящим, чем наш привычный обыденный мир. Посещая в сновидении тот мир, я осознал то, что дон Хуан говорил мне много раз: под влиянием занятий сновидением реальность сильно видоизменяется. Я столкнулся с двумя возможностями, с которыми, по словам дона Хуана, встречаются все сновидящие: либо мы осторожно перестраиваемся, либо мы сразу полностью отбрасываем нашу систему интерпретации чувственных данных.

По словам дона Хуана, изменение системы интерпретации означает намерение ее постепенно перестроить. Это значит, что человек целенаправленно и тщательно расширяет свои возможности. Живя в соответствии с учением магов, сновидящие освобождают и запасают энергию, необходимую для прекращения рациональных рассуждений, и тем самым содействуют предполагаемому изменению. Он объяснил, что если мы делаем выбор в пользу перенастройки нашей системы интерпретации мира, окружающая нас реальность становится подвижной и рамки того, что мы считаем реальным, расширяются, не подвергая нас опасности потерять ощущение целостности мира. Поэтому сновидение фактически является дверью в другие аспекты того, чем на самом деле является реальность.

Если же мы выбираем второй путь, путь отбрасывания системы интерпретации, - масштабы того, что можно воспринимать без возможности объяснить, невероятно возрастают. Расширение сферы ощущений в этом случае так велико, что те несколько оставшихся средств интерпретации неспособны вместить всего разнообразия мира. При этом нас охватывает чувство потрясающей реальности того, что казалось нереальным, и полной нереальности того, что всегда казалось реальным, но в действительности не являлось таковым.

Для меня единственной приемлемой возможностью была реконструкция и расширение интерпретационной системы. Посещая в сновидении мир неорганических существ, я столкнулся с нарастающим чувством естественности этого мира для меня. Это началось с моего умения обнаруживать лазутчиков, продолжалось, когда я слушал объяснения эмиссара в сновидении, и закончилось моим путешествием по тоннелям. Я летал в них, не ощущая практически ничего, но в то же время осознавал пространство и время, хотя и не в смысле, доступном нашей рациональности в обычных условиях. Однако особенности тоннелей, связанные с количеством и качеством деталей в каждом из них, а также существенные различия в расстоянии между ними и в их параметрах были столь заметны для меня, что, посещая их, я чувствовал себя проводящим объективные исследования.

Перенастройка моей системы интерпретации больше всего сказалась в отношении моего знания о мире неорганических существ. В их мире, который был реален для меня, я чувствовал себя пузырьком энергии. Поэтому я мог со свистом носиться в тоннелях, как бы летая со скоростью света, или ползать по

их стенам, как насекомое. Когда я летел, голос сообщал мне не бессистемную, но вполне последовательную информацию о деталях стен, на которых я останавливал свое внимание. Эти детали представляли собой изощренные выпуклости, напоминающие шрифт для слепых. Когда же я ползал по стенкам, я мог видеть те же самые их особенности с большей ясностью и слышать тот же голос, на этот раз объясняющий мне все более подробно.

Неизбежным последствием этого для меня было развитие у меня чувства двойственности моего положения. С одной стороны я знал, что сновижу; с другой - я чувствовал, что совершаю такое же полезное путешествие, как и всякое другое, не менее реальное путешествие в нашем обычном мире. Эта неподдельная двойственность моего положения была следствием того, о чем говорил дон Хуан: существование неорганических существ является сильным ударом по нашему здравому смыслу.

Только после того, как я перестал постоянно рационализировать, я получил некоторое облегчение. Раньше я находился в затруднительном положении в связи с тем, что одновременно серьезно верил в возможность подтвердить существование неорганических существ и в то же время был убежден, что это - всего лишь сон. Затем в какой-то момент, когда напряжение, связанное с моим двойственным положением, чуть было не погубило меня, в моем отношении к проблеме безо всякого вмешательства сознания произошло резкое изменение.

Дон Хуан подтвердил, что мой энергетический уровень, постоянно возрастая, однажды достиг порогового значения, позволив мне больше не принимать во внимание мнения и предрассудки о природе человека, реальности и наших ощущений. С этого дня я восхищаюсь знаниями, независимо от их логичности и практической значимости, а также, что важнее всего, независимо от моих личных предпочтений.

Когда мое научное исследование неорганических существ утратило для меня интерес новизны, дон Хуан сам поднял вопрос о моих путешествиях в состоянии сновидения. Он сказал:

- Я не думаю, что ты осознаешь, как часто ты встречаешься с неорганическими существами.

Он был прав. Я никогда не затруднял себя размышлениями на эту тему. Я признался в том, что это весьма странная оплошность.

- Это не оплошность, - сказал он. - Этот мир по своей природе способствует распространению скрытности. Неорганические существа окутывают себя тайной, тьмой. Подумай об их мире: он остается неподвижным, постоянно притягивая нас к себе, как свет или огонь привлекает мошкару.

Есть нечто, о чем эмиссар до сих пор не решился тебе сказать: неорганические существа охотятся за нашим сознанием или сознанием любых других существ, которые попадаются в их сети. Они дают нам знания, но дорогой ценой, ценой наших жизней.

- Ты хочешь сказать, дон Хуан, что неорганические существа подобны рыбакам?

- Именно так. Когда-нибудь эмиссар покажет тебе людей или некоторых иных существ, которые увязли в их мире.

Мне следовало бы испугаться или испытать чувство отвращения. Сообщение дона Хуана глубоко задело меня, но моей реакцией было скорее нескрываемое любопытство. Я еле сдерживался от нетерпения.

- Неживые существа не могут никого заставить остаться у себя, - продолжал дон Хуан. - Жизнь в их мире - добровольное дело. Но они способны обратить в рабство каждого из нас, потворствуя нашим желаниям, балуя и развлекая нас. Опасайся осознания, которое неподвижно. Такое осознание притягивает к себе все движущееся и достигает этого, как я тебе уже говорил, создавая проекции, иногда самые фантасмагорические проекции.

Я попросил дона Хуана объяснить, что значит выражение «фантасмагорические проекции». Он сказал, что неорганические существа используют в качестве приманки глубинные чувства сновидящих и безжалостно играют на них. Они создают привидения, чтобы завлечь либо напугать сновидящих. Он напомнил мне, что я уже сражался с одним из таких призраков. Он объяснил, что неорганические существа - искусные иллюзионисты, которые любят проецировать себя, как слайды на экран.

- Бывшие маги пострадали вследствие того, что безрассудно доверяли этим проекциям, - продолжал он. - Маги прошлого верили, что их союзники могущественны. Они упустили из виду факт, что те представляют собой лишь разреженную энергию, проецируемую сквозь миры, как кинофильм вселенских масштабов.

- Ты противоречишь себе, дон Хуан. Ты сам говорил, что неорганические существа реальны. Сейчас ты говоришь, что это обычные картинки.

- Я тогда имел в виду, что в нашем мире неорганические существа подобны подвижным картинкам, спроецированным на экран; и я могу еще добавить, что они напоминают перемещающиеся образы, создаваемые разреженной энергией, освещающей границу раздела двух миров.

- А как на счет неорганических существ в их собственном мире? Там они тоже напоминают подвижные картинки?

- Ни в коем случае. Тот мир так же реален, как и наш. Маги прошлого описывали мир неорганических существ как пузырь с углублениями и порами, плавающий в некотором темном пространстве. Они изображали неорганические существа в виде пустотелых палочек, связанных вместе, как клетки наших тел. Маги, жившие когда-то, называли это громадное хитросплетение лабиринтом светотени.

- Правда, что каждый сновидящий видит тот мир точно таким же?

- Конечно. Каждый сновидящий видит его таким, как он есть. Ты думаешь, что ты в этом смысле особенный?

Я признался, что какое-то свойство их мира постоянно дает мне ощущение, что я особенный. Это очень приятное и яркое ощущение собственной исключительности не было создано ни голосом эмиссара в сновидении, ни чем-либо другим, о чем я мог сознательно подумать.

- Это как раз то, что сразило магов прошлого, - сказал дон Хуан. - Неорганические существа поступили с ними так же, как они сейчас поступают с тобой; они создали у магов ощущение того, что те - единственные в своем роде; к этому следует прибавить еще более пагубное чувство: иллюзию

обладания силой. Сила и уникальность - несокрушимые развращающие факторы. Остерегайся!

- Как тебе самому удалось избежать этой опасности, дон Хуан?

- Я посетил этот мир несколько раз, после чего я ни разу туда не возвращался.

Дон Хуан объяснил, что по мнению магов, вселенная населена хищниками, и маги, как никто другой, должны принимать это во внимание во всех своих обычных магических действиях. Его идея состояла в том, что сознанию присуще свойство непрерывного роста, и единственная возможность для этого открывается в борьбе за жизнь и противостоянии смерти.

- Сознание магов, когда они практикуют сновидение, растет, - продолжал он. - И по мере его возрастания что-то внешнее по отношению к нему признает и замечает этот рост и стремится овладеть им. Неорганические существа стремятся к этому обладанию новым повышенным уровнем сознания. Сновидящие должны всегда быть на чеку. Они легко могут стать жертвой в тот момент, когда идут на риск, путешествуя по вселенной хищников.

- Что бы ты мне посоветовал в качестве самозащиты, дон Хуан?

- Будь бдительным каждую минуту! Не давай возможности никому и ничему принимать решения за тебя. Посещай мир неорганических существ только тогда, когда ты сам этого хочешь.

- Честно говоря, дон Хуан, я не знаю, как мне быть. После того как я встретился с лазутчиком, во мне появилась громадная тяга бывать там. И я ничего не могу с собой поделать.

- Перестань! Ты думаешь я так легко тебе поверю? Конечно же, ты можешь прекратить это. Ты просто не пытался, только и всего.

Я настойчиво утверждал, что не могу прекратить. Он не стал больше об этом говорить со мной, и я был благодарен ему за это.

Беспокоящее чувство вины стало терзать меня. По какой-то непонятной

причине мысль о том, чтобы волевым усилием прекратить привязанность к лазутчикам, никогда не приходила мне в голову.

Как обычно, дон Хуан был прав. Я обнаружил, что могу изменять ход своего сновидения, намереваясь идти по намеченному пути. Ведь это я своим намерением позволял лазутчикам переводить себя в их мир. Вполне возможно, что если бы я сознательно сформулировал намерение сделать обратное, мое сновидение продолжалось бы в ином направлении.

С дальнейшей практикой моя способность управлять намерением при путешествии в мир неорганических существ чрезвычайно развилась. Возрастание способности управлять намерением положительно отразилось на контроле моего внимания сновидения. Этот дополнительный контроль прибавил мне уверенности в себе. Я чувствовал, что могу путешествовать безнаказанно, потому что мог прекратить путешествие в любой момент, когда этого захочу.

- Твоя уверенность меня очень пугает, - сказал дон Хуан, когда я по его просьбе сообщил ему о своих новых достижениях в контроле своего внимания сновидения.

- Почему она тебя пугает? - спросил я.

Я был абсолютно уверен в практической важности того, что открыл.

- Потому что это уверенность глупца, - сказал он. - Я собираюсь рассказать тебе одну уместную в данном случае историю о магах. Я не был свидетелем этих событий сам, но учитель моего учителя, нагваль Элиас, видел это все своими глазами.

Дон Хуан сказал, что нагваль Элиас и любовь всей его жизни, женщина-маг по имени Амалия, в свои молодые годы однажды затерялись в мире неорганических существ.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан рассказывал о том, что у мага может быть любовь на всю жизнь. Его слова удивили меня. Я спросил его, в чем здесь дело.

- В этом нет противоречия. Я просто все это время воздерживался от рассказов о любви магов, - сказал он. - Ты был так пресыщен любовью в течение всей твоей жизни, что я хотел дать тебе передышку.

- Итак, слушай. Нагваль Элиас и любовь всей его жизни, ведьма Амалия, заблудились в мире неорганических существ, - продолжал дон Хуан. - Они были там не в сновидении, а вместе со своими физическими телами.

- Как это случилось, дон Хуан?

- Их учитель, нагваль Розендо, был очень близок по темпераменту и методам обучения к магам прошлого. Он собирался помочь Элиасу и Амалии в их занятиях, но вместо этого вытолкнул их за некоторую смертельно опасную грань. Нагваль Розендо не собирался переводить их туда. Он хотел только переместить своих двух учеников во второе внимание, но вместо этого в результате получил их исчезновение.

Дон Хуан сказал, что не собирается углубляться в детали этой длинной и запутанной истории. Он собирался только рассказать мне, как они затерялись в том мире. Он заявил, что просчет нагваля Розендо состоял в его предположении, что неорганические существа нисколечко не интересуются женщинами. Его точка зрения была правильной и основывалась на знании магов о том, что вселенная по своей природе соответствует преимущественно женскому началу, и что мужское начало, проистекающее из женского, имеется в незначительном количестве и поэтому является объектом зависти.

Дон Хуан отклонился от темы и объяснил, что, вероятно, неоправданное господство мужчин на нашей планете связано как-то с этой нехваткой мужского начала. Я хотел, чтобы он развил свою точку зрения дальше, но он продолжал рассказывать начатую историю. Он сказал, что нагваль Розендо планировал дать Элиасу и Амалии наставления только в отношении второго внимания. Для этой цели он употребил стандартный прием магов прошлого. Он, находясь в сновидении, воспользовался лазутчиком, приказывая ему перевести своих учеников во второе внимание с помощью сдвига их точек сборки в соответствующие положения.

Теоретически, сильный лазутчик мог переместить их точки сборки в нужное положение безо всякого труда. Но нагваль Розендо не принял в расчет

хитрости неорганических существ. Лазутчик действительно изменил положение точек сборки учеников, но он поместил их точки в положение, откуда они могли быть легко перенесены в телесном облике в мир неорганических существ.

- Разве возможно перемещение в физическом теле? - спросил я.

- Возможно, - подтвердил он. - Мы представляем собой энергию, которая принимает соответствующую форму и находится в нужном месте благодаря фиксации точки сборки в некотором определенном месте. Если это ее положение изменяется, то и форма, и местонахождение энергии изменяются соответственно. Для этого неорганическим существам нужно лишь поместить нашу точку сборки в необходимое место, и мы сразу превращаемся в пулю, ботинок, шляпу или все что угодно.

- Это может случиться с каждым из нас, дон Хуан?

- Вполне. Особенно если вся суммарная полнота нашей энергии оказывается как раз подходящей. Очевидно, объединенная энергия Элиаса и Амалии была как раз тем, что неорганические существа не могли не заметить. Нельзя доверять этим существам. У них собственный ритм жизни, далекий от человеческого.

Я спросил у дона Хуана, что именно нагваль Розендо предпринял, чтобы забросить своих учеников в тот мир. Я знал, что с моей стороны глупо об этом спрашивать, потому что дон Хуан не обратит внимания на мой вопрос. К моему искреннему удивлению, он начал отвечать мне.

- Последовательность действий ужасно проста, - сказал он. - Он поместил своих учеников в небольшое закрытое место, во что-то типа стенного шкафа. Затем он вошел в сновидение, вызвал лазутчика из мира неорганических существ, выражая намерение встретиться с ним, а потом выразил намерение, предлагая лазутчику своих учеников.

- Естественно, что лазутчик принял этот дар и забрал их с собой в тот момент, когда они были беззащитными, занимаясь любовью в шкафу. Когда нагваль открыл шкаф, их там уже не было.

Дон Хуан объяснил, что традиция дарить своих учеников неорганическим существам была как раз тем, что частенько делали маги прошлого. Нагваль Розендо не собирался делать этого, но потерял бдительность вследствие своей необоснованной уверенности в том, что неорганические существа подвластны ему.

- Магические действия очень опасны, - продолжал дон Хуан. - Умоляю тебя, будь очень внимательным. Не попадай под влияние своей идиотской самоуверенности.

- А что случилось потом с нагвалем Элиасом и Амалией? - спросил я.

- Нагвалю Розендо пришлось в телесном облике отправиться в тот мир и найти их, - ответил он.

- И он их нашел?

- Да, нашел, затратив огромные усилия. Однако он так и не смог полностью вернуть их оттуда. Поэтому эти двое молодых людей всегда оставались наполовину пленниками того мира.

- Ты знал их лично, дон Хуан?

- Конечно же, я знал их, и уверяю тебя, они были очень странными людьми.

6 глава. Мир теней

Ты должен быть очень внимателен, поскольку легко можешь стать добычей неорганических существ, — совершенно неожиданно сказал мне дон Хуан, хотя только что мы говорили о чем-то совершенно не имеющем отношения к сновидению.

Его утверждение застало меня врасплох. Как всегда, я попытался защититься:

— Тебе не нужно меня предупреждать. Я очень осторожен, — уверял я его.

— Неорганические существа — любители интриг, — сказал он. — Я чувствую это и не могу успокоить себя тем, что они ставят ловушки только на начинающего сновидящего, и таким образом сновидящие, у которых уже нет желаний, всегда эффективно защищены.

Тон его голоса был так настойчив, что я сразу же принялся заверять его в том, что не собираюсь попадать ни в какую ловушку.

— Ты должен серьезно относиться к тому, что неорганические существа имеют в своем распоряжении изумительные средства, — продолжал он. — Их осознание великолепно. По сравнению с ними мы дети — дети с большим количеством энергии, которой они домогаются.

Я хотел сказать ему, что на абстрактном уровне я понимаю его мысль и его обеспокоенность, но в настоящее время и в конкретной ситуации я не вижу причин для беспокойства, поскольку вполне контролирую свою практику сновидения.

Прежде чем дон Хуан снова заговорил, прошло несколько минут тягостного молчания. Внезапно изменив тему разговора, он сказал, что хочет обратить мое внимание на очень важный аспект его наставлений в связи со сновидениями по вопросу, на который я до сих пор не обращал внимания.

— Ты уже понял, что врата сновидения представляют собой особые препятствия. — сказал он, — но ты не понял до сих пор одной вещи: что бы ни бралось в качестве упражнения для достижения и пересечения врат — это все не то, что помогает преодолеть эти врата на самом деле.

— Я этого вообще не понимаю, дон Хуан.

— Я не имею ввиду, что неверно утверждать, например, что вторые врата достигаются и пересекаются после того, как сновидящий научился просыпаться в другом сне, или когда сновидящий научился изменять сновидение, не просыпаясь в обычном мире.

— Почему это так, дон Хуан?

— Поскольку вторые врата сновидения достигаются и пересекаются, только когда сновидящий научится находить и использовать энергию иного типа — энергию лазутчиков.

— Почему же тогда вообще дается идея изменения сновидений?

— Пробуждение в другом сновидении или изменение сновидений является упражнением, которое завещали нам древние маги, чтобы тренировать способность сновидящего обнаруживать и использовать лазутчиков.

Дон Хуан утверждал, что использование лазутчика является высшим достижением и что когда сновидящий приобретет способность выполнять это, вторые врата распахиваются, и вселенная, которая существует за ними, становится для них доступной. Он подчеркивал, что эта вселенная существует здесь всегда, но мы не можем войти в нее, поскольку нам недостает энергии и отваги и что, по существу, вторые врата сновидения — это врата в мир неорганических существ, а сновидения — это ключ, открывающий эти врата.

— Может ли сновидящий обнаружить лазутчика непосредственно, не прибегая к упражнению изменения сновидений? — спросил я.

— Нет, ни в коем случае, — ответил он. — Это упражнение очень важно. Вопрос здесь только в том, является ли такое упражнение единственным в своем роде. Или сновидящий может использовать и другие упражнения?

Дон Хуан лукаво посмотрел на меня. Судя по его виду, он словно ждал, что я сам отвечу на этот вопрос.

— Очень трудно предложить упражнение настолько же полное, как то, которое завещали древние маги, — сказал я с неопровержимой уверенностью, сам не зная, откуда она могла возникнуть.

Дон Хуан согласился, что я абсолютно прав и сказал, что древние маги завещали нам множество прекрасных упражнений для того, чтобы пройти через врата сновидений в особые миры, существовавшие за каждыми из таких

врат. Он повторил, что сновидения являются изобретением древних магов, и практиковать их нужно по их собственным правилам. Он описал правило для вторых врат в терминах последовательности из трех шагов: первый — используя практику изменения сновидений, сновидящие открывают для себя лазутчиков: второй — следуя за ними, они попадают в другую подлинную вселенную; и третий — с помощью собственных действий сновидящие сами выясняют законы и правила, управляющие этой вселенной.

Дон Хуан сказал, что в своей работе с неорганическими существами я следовал этому правилу настолько хорошо, что он опасается разрушительных последствий. Он подумал, что неизбежной реакцией части неорганических существ может стать попытка удержать меня в их мире.

— Не думаешь ли ты, что это слишком сильное преувеличение, дон Хуан? — спросил я.

Мне не верилось, что описанная им ситуация может стать настолько мрачной.

— Я совсем не преувеличиваю, — ответил он сухим серьезным тоном.

— Ты увидишь сам. Неорганические существа никому не позволят пройти без настоящего сражения.

— Но что дает тебе основания считать, что я им нужен?

— Они уже показали тебе слишком многое. Неужели ты считаешь, что они идут на все это просто забавы ради?

Дон Хуан сам рассмеялся этому замечанию. Мне оно не показалось забавным. Непонятно откуда взявшийся страх заставил меня спросить его о том, считает ли он, что я должен на время прервать или даже вовсе прекратить свою практику сновидений.

— Ты должен продолжать свое сновидение до тех пор, пока не войдешь во вселенную за вторыми вратами, — ответил он. — Я имею ввиду, что только ты сам можешь либо принять, либо отвергнуть соблазны неорганических существ. Вот почему я остаюсь в стороне и могу разве что с трудом прокомментировать твои упражнения в сновидении.

Я признался ему, что нахожусь в полном недоумении и не могу понять, почему он настолько щедр в объяснении одних аспектов своего знания и настолько скареден в освещении других, особенно если это касается сновидения.

— Я вынужден учить тебя сновидению, — ответил он, — только потому, что это модель, которую предложили древние маги. Путь сновидения полон ловушек, и попадать в них или избегать их — это личное и индивидуальное дело каждого сновидящего. И я могу добавить, что это — моя последняя задача.

— Являются ли эти ловушки результатом возможности поддаться искушению лести или обещаниям силы? — спросил я.

— Не только искушению всем этим, но также и всему, что предлагают неорганические существа. До определенного момента для магов нет способа принять то, что они предлагают.

— И что это за момент, дон Хуан?

— Этот момент зависит от личности каждого из нас. Проблема для всех нас заключается в том, чтобы взять от этого мира только то, что действительно необходимо, — и ничего более. Знать, что же является необходимым — это искусность магов, но взять только то, что необходимо — это их высочайшее достижение. Непонимание этого простого правила и есть самый неизбежный путь попадания в ловушку.

— Что происходит если попадаешь в такую ловушку, дон Хуан?

— Если попадешь, то заплатишь определенную цену, и эта цена зависит от обстоятельств и глубины твоего падения. Но в действительности невозможно говорить о случайностях подобного рода, поскольку мы не сталкиваемся с проблемой наказания. Здесь ставятся на карту потоки энергии, создающие последствия более ужасные, чем смерть. Все, что встречается на пути мага, является вопросом жизни или смерти, но на пути сновидения это усиливается в сотни раз.

Я снова уверил дона Хуана, что всегда выполняю сновидение с величайшей

осторожностью, и что я в высшей степени дисциплинирован и сознателен.

— Я знаю, что это так, — ответил он. — Но я хочу, чтобы ты был еще более дисциплинированным и выполнял все, что связано со сновидением, чрезвычайно деликатно. Прежде всего, будь бдителен. Я не могу предвидеть, откуда произойдет нападение.

— Видишь ли ты как видящий нависшую надо мной опасность, дон Хуан?

— Я видел нависшую над тобой угрозу с того дня, когда ты гулял по таинственному городу. И в первый раз я помог тебе, когда окружил твое энергетическое тело.

— Но знаешь ли ты конкретно, что мне нужно делать и чего мне следует избегать?

— Нет, я не знаю этого. Я только знаю, что мир за вторыми вратами очень близок к твоему собственному, и твой собственный мир — чрезвычайно хитрый и бессердечный. Поэтому они не слишком отличаются.

Я продолжал расспрашивать его о том, что еще он может сказать мне обо всем этом. Но он утверждал, что как маг чувствует состояние общей опасности, однако не может сказать ничего конкретного.

— Мир неорганических существ всегда готов поразить — продолжал он.

— Но таков и твой мир. Вот почему ты должен войти в их сферу точно так, как если бы ты подвергся опасности в зоне военного конфликта.

— Означает ли это, дон Хуан, что сновидящие всегда должны бояться этого мира?

— Нет, я не говорил этого. Как только сновидящий проходит через вторые врата, или если он отказывается рассматривать их как жизненный выбор, — больше не возникает никаких проблем.

Дон Хуан настаивал, что только в этом случае сновидящие вольны продолжать. Я не уверен, что понял то, о чем он говорил; он пояснил, что мир

за вторыми вратами настолько мощный и агрессивный, что служит как бы естественным экраном или тестовой территорией, где сновидящие проверяют свою слабость. Если они выдерживают эти тесты, они могут перейти к следующим вратам; если нет — они навсегда остаются пойманными в этом мире.

Я буквально задыхался от тревоги, но несмотря на мои уговоры, он больше ничего не добавил. Вернувшись домой, я продолжал свои путешествия в мир неорганических существ, соблюдая величайшие предосторожности. Такая осторожность, видимо, еще больше увеличила мое ощущение наслаждения этими путешествиями. Я достиг точки, когда простого созерцания мира неорганических существ было достаточно для того, чтобы создать экзальтацию, которую невозможно описать. Я боялся, что рано или поздно мой восторг закончится, но этого не происходило. Иногда что-то неожиданно делало его еще более интенсивным.

Однажды лазутчик провел меня через бесчисленное количество туннелей, как если бы он что-то искал, или как если бы собирался вытащить мою энергию и исчерпать меня. К тому моменту, когда это наконец окончилось, я чувствовал себя так, словно пробежал марафон. Я ощутил себя словно на краю этого мира. Уже больше не было туннелей. Меня окружала только пустота. Затем что-то осветило пространство прямо передо мной. Свет шел от непрямого источника. Это был приглушенный рассеянный свет, окрашивающий все вокруг в серый или коричневый цвет. Когда я стал воспринимать этот свет, я начал смутно различать какие-то темные движущиеся формы. В конце концов мне показалось, что фокусирование моего внимания сновидения на этих движущихся фигурах делает их более вещественными. Я заметил, что их было три разновидности: некоторые из них были круглыми, подобными шарам; другие напоминали колокола; еще одни были похожи на гигантское волнообразное пламя свечи. Все они в своем основании были круглыми и одного размера. Я решил, что диаметр основания составлял от трех до четырех футов. Их там были сотни, даже тысячи.

Я знал, что у меня было странное сложное видение, хотя эти формы для меня были настолько реальны, что меня начало слегка тошнить. У меня возникло вызывающее тошноту ощущение пребывания над гнездом гигантских круглых коричневых и сероватых жуков. Я ощущал себя в безопасности, так как парил над ними. Однако я отбросил все эти соображения в тот момент, когда

осознал, что полным идиотизмом было бы ощущать себя в безопасности или чувствовать себя неловко, как если бы это была ситуация из реальной жизни. Но чем дольше я наблюдал то, как эти жукоподобные формы извиваются, тем сильнее меня стала беспокоить мысль, что они вот-вот коснутся меня.

— Мы — подвижные элементы нашего мира, — неожиданно произнес голос эмиссара. — Не бойся! Мы представляем собой энергию, и будь уверен, что мы не собираемся касаться тебя. Это было бы совершенно невозможно. Нас разделяют реальные границы.

После долгой паузы голос добавил:

— Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам. Спустись к нам. И вообще, чувствуй себя удобно. Ты не чувствовал себя неловко с лазутчиками, не чувствуй и со мной. Лазутчики и я подобны друг другу. Я имею форму колокола, а лазутчики подобны пламени свечи.

Это последнее утверждение определенно было намеком на разновидности моего энергетического тела. После того как я услышал это, моя тошнота и страх исчезли. Я спустился на их уровень, и шары, колокола и пламени окружили меня. Они подошли ко мне настолько близко, что если бы у меня было физическое тело, то коснулись бы меня. Вместо этого мы проходили друг через друга, как окруженные границами клубы воздуха.

В этот момент у меня возникло неимоверное ощущение. Хотя у моего энергетического тела, казалось, не было никаких особых реакций на происходящее, я ощутил и отметил очень необычное ощущение щекотки в какой-то неопределенной части себя; сквозь меня, как бы вовсе меня не затрагивая, проходили какие-то мягкие воздушные сущности. Это ощущение было неясным и быстротечным и у меня не было времени полностью осознать его. Вместо того, чтобы сфокусировать на этом свое внимание сновидения, я позволил себе полностью погрузиться в наблюдение больших пузырей энергии.

Мне казалось что между мной и теневыми сущностями было некоторое сходство — хотя бы в том, что касалось нашего размера на этом уровне. Возможно, это было так потому, что я судил о них по размерам моего энергетического тела, и эта соразмерность позволяла мне чувствовать себя с

ними почти уютно. Пытаясь потом проанализировать свои воспоминания, я пришел к выводу, что не запомнил их вообще. Они были безличны, холодны, бесстрастны и в этом чрезвычайно подобны мне самому. На мгновение я забеспокоился, как могло случиться так, что моя неприязнь к ним длилась не более минуты и резко сменилась полным приятием. Может быть, это было естественным следствием процесса сновидения или результатом особого энергетического влияния, оказываемого на меня этими сущностями.

— Они очень приятные, — сказал я эмиссару, и в тот самый момент меня охватила волна глубокого ощущения дружбы или даже влечения к ним.

Не успел я признаться в этом самому себе, как темные тени засеменили прочь подобно толстым морским свинкам, оставив меня в полутьме.

— Ты направил в их сторону слишком много чувства и вспугнул их, — сказал голос эмиссара. — Чувство слишком тяжело как для них, так и для меня.

Эмиссар как-то робко засмеялся.

Здесь мой сон прекратился. После пробуждения моей первой реакцией было собрать чемоданы и отправиться в Мексику для встречи с доном Хуаном. Однако неожиданное течение моей личной жизни сделало эту поездку невозможной, несмотря на мои неистовые приготовления к отъезду. Кроме того, тревога, которая возникла в результате такой задержки, прервала мою практику сновидения. Я не прилагал усилий для их прекращения; невольно я столько внимания уделил конкретно этому сновидению, что просто знал, что если я не смогу добраться до дона Хуана, то нет смысла продолжать эту практику.

Перерыв, который длился свыше полугода, только увеличил мою зачарованность волшебством случившегося тогда. Мне и в голову не приходило, что только мои собственные чувства заставили меня прекратить эту практику. Мне хотелось бы знать, будет ли достаточно просто желания ее возобновить. Но как только я сформулировал для себя мысль о возобновлении сновидений, как моя практика продолжилась, словно никогда не прерывалась. Лазутчик подобрал меня в том же месте, где мы расстались, и доставил прямо к тому видению, где я был во время моей последней встречи.

— Это мир теней, — сказал голос эмиссара, как только я прибыл. — Но хотя мы и тени, мы все-таки излучаем свет. Мы не только подвижны, мы еще и являемся светом в туннелях. Мы представляем собой еще одну из существующих здесь разновидностей неорганических существ. Здесь есть три их разновидности: одни подобны неподвижному туннелю, другие подобны подвижной тени. Мы — подвижные тени. Туннели дают нам свою энергию, а мы выполняем их распоряжения.

Эмиссар прекратил говорить. Я почувствовал, что самое время спросить о третьей разновидности неорганических существ. Я также почувствовал, что если я не спрошу, эмиссар сам этого мне не скажет.

— Каков третий вид неорганических существ? — спросил я.

Эмиссар кашлянул и хихикнул. Мне показалось, что это звучало так, как будто ему доставило немалое удовольствие то, что я наконец задал этот вопрос.

— О, это самая таинственная разновидность — сказал он. — Она открывается нашим посетителям только в том случае, если они решат остаться с нами.

— Почему? — спросил я.

— Для того, чтобы увидеть их, требуется большее количество энергии, — ответил эмиссар. — И предоставить эту энергию должны мы.

Я знал, что эмиссар говорил мне правду. Я также знал, что надо мной нависла угроза огромной опасности. Мной овладело беспредельное любопытство. Я захотел увидеть эту третью разновидность.

Эмиссар, видимо, осознавал мое настроение. — Ты бы хотел увидеть их? — спросил он неожиданно.

— Непременно, — ответил я.

— Все, что тебе нужно сделать — это громко сказать о том, что ты хочешь остаться с нами, — произнес он бесстрастно.

— Но если я скажу это, я должен буду остаться, ведь так? — спросил я.

— Естественно, — произнес эмиссар тоном предельной убежденности.

— В этом мире все, что ты произнесешь вслух, становится реальностью.

Я не смог удержаться, чтобы не подумать, что если бы эмиссар захотел хитростью заставить меня остаться, то для этого ему нужно было бы просто солгать. И я не смог бы отличить лжи от правды.

— Я не смогу тебе солгать, поскольку ложь не существует, — сказал эмиссар, вторгаясь в мои мысли. — Я могу говорить тебе только о том, что существует. В моем мире существует только намерение; ложь не содержит намерения, поэтому она не существует.

Я хотел возразить, что даже за ложью существует намерение, но еще до того, как я вслух выразил мое возражение, эмиссар сказал, что за ложью есть намерение, но то намерение не есть намерение.

Я не смог удержать мое внимание сновидения на возражении эмиссара. Оно направилось к теневым существам. Внезапно я заметил что они похожи на стадо странных доверчивых животных. Голос эмиссара предупредил меня о том, чтобы я держал свои эмоции под контролем, поскольку внезапные порывы чувств могут рассеять их, словно стаю птиц.

— Что же мне нужно делать? — спросил я.

— Спустись на нашу сторону и попытайся тянуть или толкать нас, — наставлял меня голос эмиссара. Чем быстрее ты научишься это делать, тем быстрее ты сможешь двигать вещи в твоем собственном мире, просто смотря на них.

Мой практичный ум мгновенно отреагировал на это. Я сразу очутился среди них, отчаянно пытаясь толкать или тащить их. В конце концов я совершенно исчерпал свою энергию. Затем у меня возникло ощущение, что я пытаюсь делать что-то подобное попытке поднять самого себя за волосы.

У меня возникло еще одно впечатление, — чем больше я напрягался, тем больше теней появлялось. Это было похоже на то, как если бы они появлялись

изо всех углов, чтобы наблюдать за мной или питаться мной. В тот момент, когда я это подумал, они, эти тени, мгновенно разбежались.

— Мы не питаемся тобой, — сказал эмиссар. — Мы все приходим, чтобы погреться в твоей энергии. Это очень напоминает то, что ты делаешь с солнечным светом в холодный день.

Эмиссар призвал меня открыться им, не концентрируясь на своих подозрениях. Я услышал этот голос и, по мере того, как я слышал то, что он говорит, я понимал, что я слышу, ощущаю, и думаю точно так же, как делаю это в своей повседневной жизни. Я стал медленно поворачиваться кругом. Соизмерив ясность своего восприятия, я пришел к выводу, что нахожусь в реальном мире.

Голос эмиссара продолжал звучать в моих ушах. Он говорил, что для меня единственным различием между восприятием моего мира и восприятием их мира является то, что восприятие их мира начиналось и заканчивалось в мгновение ока. Восприятие моего повседневного мира было иным, — поскольку мое осознание фиксировано на нем вместе с осознанием огромного числа существ, мне подобных, и все мы вместе удерживаем свой мой мир на месте с помощью своего намерения. Эмиссар добавил, что и для неорганических существ восприятие моего мира точно так же начинается и заканчивается в мгновение ока, но восприятие своего мира для них точно так же, как и моего — для меня, удерживается на месте громадным числом их намерений.

В это мгновение та сцена начала растворяться. Все это напоминало погружение в глубину, а пробуждение из этого мира было подобно выныриванию на поверхность.

На следующей сессии эмиссар начал свой диалог со мной, повторив, что между подвижными тенями и стабильными туннелями существует полностью скоординированные и согласованные взаимоотношения. Он закончил свое высказывание словами:

— Мы не можем существовать друг без друга.

— Я понимаю твое объяснение, — ответил я.

В его голосе появился оттенок недоверия, когда он возразил, что, возможно, я не в состоянии понять, что означает такая связь, которая является чем-то неизмеримо большим, чем зависимость. Я собрался попросить эмиссара объяснить, что он имеет в виду, но в следующее мгновение оказался внутри того, что я мог бы определить как саму ткань туннеля. Я увидел забавно соединенные, напоминающие железы выпуклости, которые излучали тусклый свет. У меня возникла мысль, что эти выпуклости производят на меня такое же впечатление, как выпуклый алфавит Брайля для слепых. Считая их шариками энергии от трех до четырех футов в диаметре, я начал удивляться действительным размерам этих туннелей.

— Размеры здесь не похожи на размеры в твоем мире, — сказал эмиссар.

— Энергия этого мира представляет собой другой тип энергии, ее особенности не совпадают с особенностями энергии твоего мира, хотя этот мир столь же реален.

Эмиссар принялся объяснять мне, что он уже рассказывал мне все это о теневых сущностях, когда описывал и объяснял выпуклости на стенах туннеля. Я ответил ему, что я слышал эти объяснения, но не обратил на них внимания, поскольку считал, что они непосредственно не относятся к сновидениям.

— Все здесь, в этом мире, непосредственно относится к сновидениям, — сказал эмиссар.

Я захотел поразмыслить о причине моего непонимания, но мой ум вдруг опустел. Мое внимание сновидения померкло. Мне стало трудно фокусировать его на мире вокруг себя. Я сконцентрировался на пробуждении. Но эмиссар снова стал говорить, и звук его голоса поддержал меня. Мое внимание сновидения значительно оживилось.

— Сновидение — это колесница, которая доставляет сновидящих в этот мир. — сказал эмиссар, — и каждый маг знает о сновидениях, поскольку этому научили его мы. Наш мир связан с вашим дверью, которая называется сновидением. Мы знаем, как проходить через эту дверь, но люди не знают. Они должны учиться этому.

Голос эмиссара начал объяснять мне то, о чем уже говорил раньше.

— Выпуклости стенок туннелей представляют собой теневые существа, — сказал он. — И я — один из них. Мы движемся внутри туннелей по их стенкам, заряжая себя энергией этих туннелей, которая и является нашей энергией.

Мой ум пронзила мысль: «Я действительно не мог и представить себе отношения того типа, свидетелем которых я стал».

— Если бы ты остался с нами, то непременно бы научился ощущать то, что означает быть так взаимосвязанными, как взаимосвязаны мы, — сказал эмиссар.

Казалось, эмиссар ждет моего ответа. У меня возникло ощущение, что он только и ждал, чтобы я сказал о своем решении остаться.

— Сколько теневых существ в каждом туннеле? — спросил я, пытаясь сменить тему, и сразу же пожалел об этом, потому что эмиссар начал подробно описывать мне количество и функции теневых существ в каждом туннеле. Он сказал, что в каждом туннеле имеется определенное число взаимозависимых сущностей, относящихся только к нему, каждая из которых выполняет конкретные функции, относящиеся к потребностям и желаниям родственных им туннелей.

Мне не хотелось, чтобы эмиссар стал вдаваться в подробности. Я осознал, что чем меньше я знаю о туннелях и теневых существах, тем лучше для меня. В тот миг, когда я сформулировал эту мысль, эмиссар остановился, и мое тело энергии резко дернулось, как будто потянули за кабель. В следующий момент я полностью проснулся в своей кровати.

С тех пор у меня больше не было страхов, которые могли бы прерывать мою практику сновидения. Мною стала овладевать другая идея — идея о том, что я обнаружил источник неповторимого удовольствия. Каждый день я едва дожидался того момента, когда начинал сновидение и лазутчик доставлял меня в мир теней. Дополнительная прелесть была еще и в том, что мои видения мира теней стали еще более похожими на жизнь, чем это было раньше. Если судить с точки зрения стандартов обычных мыслей, обычных

визуальных и слуховых ощущений, привычных реакций моего тела, то, пока продолжались мои переживания, все это было настолько же реально, как любая ситуация в обычном мире.

Никогда у меня не было таких переживаний, в которых единственным отличием между моими видениями и моим повседневным миром была скорость, с которой заканчивались мои видения. В один миг я оказывался в странном, но реальном мире; в следующее мгновение — в своей постели.

Страстно желая, чтобы дон Хуан дал свои комментарии и пояснения, я продолжал слоняться по Лос-Анжелесу. Чем больше я думал о своей ситуации, тем большей была моя тревога; я даже начал ощущать, что в мире неорганических существ на меня с колоссальной скоростью надвигалось нечто угрожающее.

По мере того, как росла моя тревога, мое тело оказывалось в состоянии глубочайшего страха, хотя ум мой экстатически созерцал мир теней. И что совсем плохо, голос эмиссара сновидений стал присутствовать в моем повседневном сознании. Однажды, во время моих университетских занятий, я услышал, как голос говорил, что любая попытка с моей стороны прекратить мои практики сновидений нанесла бы вред моим глобальным целям. Он утверждал, что воины не уклоняются от проблем, что у меня нет разумного основания прекращать свою практику. Я согласился с эмиссаром. У меня самого не было намерения ничего прекращать, и голос только подтверждал это мое ощущение.

В это время изменился не только эмиссар, но и новый лазутчик появился на сцене. Однажды, не успел я начать изучать особенности объектов моего сновидения, передо мной буквально выскочил лазутчик и агрессивно завладел моим вниманием сновидения. Примечательной особенностью этого лазутчика было то, что ему не пришлось проходить через энергетические метаморфозы; с самого начала он выглядел как пузырь энергии. В мгновение ока лазутчик перенес меня, не дожидаясь выражения моего намерения сделать это, в совершенно другую часть мира неорганических существ — в мир саблезубых тигров.

В моих ранних работах я уже описывал проблески этих видений. Я сказал «проблески», поскольку у меня не было достаточно энергии, чтобы передать

воспринятые мной миры способом, понятным для моего рационально мыслящего ума.

Мои ночные видения саблезубых тигров продолжались регулярно в течение длительного времени, до тех пор, пока этот агрессивный лазутчик вновь не дожидаясь моего согласия перенес меня в туннели.

Я услышал голос эмиссара. Он сразу обрушил на меня самую длинную и мучительную тираду из тех, что я слышал до сих пор. Он говорил мне о необыкновенных преимуществах мира неорганических существ. Он говорил о получении знания, которое перевернет мой ум, и о том, что это достигается только простым действием — согласием остаться в этих удивительных туннелях. Он говорил о неописуемой подвижности, о бесконечном времени для познания сути вещей и более всего о возможности быть объектом внимания космических слуг, которые будут исполнять мой малейший каприз.

— Сознательные существа из самых невероятно удаленных концов вселенной высказывают желание остаться с нами. Им нравится быть у нас, — сказал эмиссар, завершая свою беседу. — Фактически, до сих пор никто не пожелал уйти.

В этот момент у меня возникла мысль: служение мне полностью чуждо моему темпераменту. Я никогда не одобрял ни слуг, ни тех, кому они служат.

Лазутчик подхватил меня и понес по множеству туннелей. Мы остановились в туннеле, который каким-то образом казался больше остальных. Мое внимание сновидения было приковано к размеру и расположению туннеля, оно оставалось как бы приклеенным там, и я не мог оглянуться. Мое внимание сновидения было сконцентрировано на капле энергии, немного большей, чем теневые существа. Она была голубой, словно синева в центре пламени свечи. Я знал, что эта конфигурация энергии не была теневым существом и что ее не было здесь раньше.

Ощущая его, я забыл о себе. Лазутчик дал мне знак уходить, но что-то сделало меня невосприимчивым к его сигналам. Я, ощущая некоторую тревогу, все же остался там где был. Однако знаки лазутчика нарушили мою концентрацию, и я потерял из виду эту голубую форму.

Неожиданно колоссальная сила заставила меня вращаться вокруг своей оси и перенесла меня прямо к голубому свечению. По мере того, как я смотрел на него, оно обретало очертания человека — очень маленького, тонкого, хрупкого, почти прозрачного. Я отчаянно пытался определить, мужчина это или женщина, но как я ни старался, мне это не удалось.

Мои попытки спросить об этом эмиссара также не имели успеха. Он улетел внезапно, оставив меня подвешенным в этом туннеле лицом к лицу с незнакомым человеком. Я попытался поговорить с этим человеком, так, как я разговаривал с эмиссаром, но не получил ответа. Я ощутил волну разочарования от того, что не смог разрушить разделяющий нас барьер. Затем меня охватил страх остаться наедине с кем-то, кто мог оказаться врагом.

В присутствии незнакомца у меня возникло множество реакций. Я даже ощутил восторг от того, что я знал, что лазутчик показал мне, наконец, еще одно человеческое существо, которое было поймано в этом мире. Я только испытал огорчение от того, что мы не можем общаться, поскольку, видимо, этот незнакомец был одним из магов древности и принадлежал другой эпохе.

Чем больше становился мой восторг и любопытство, тем тяжелее я становился, вплоть до того момента, когда я стал очень тяжелым и не очутился вновь в своем теле в парке возле калифорнийского университета. Я стоял на траве прямо среди людей, играющих в гольф.

Одновременно со мной с той же самой скоростью передо мной так же начал материализоваться человек. Мы на момент взглянули друг другу в глаза. Это была девочка, возможно, шести или семи лет. Я подумал, что знаю ее. При виде ее мой восторг и любопытство настолько возросли, что повернули процесс вспять. Я потерял вес настолько быстро, что в следующий миг превратился в каплю энергии в мире неорганических существ. Лазутчик вернулся ко мне и вытолкнул меня прочь.

Я проснулся, содрогнувшись от страха. В процессе выплывания на поверхность повседневного мира что-то заставляло информацию ускользать. Мой ум неистово пытался собрать воедино все, что знал, или казалось, что знал. Я провел более сорока восьми часов в попытках ухватить скрытое ощущение или скрытое знание, прикоснуться к которому мне удалось.

Единственным достижением было ощущение силы — я предполагал, что оно пришло извне; это ощущение силы говорило мне о том, чтобы я больше не доверял тому, что происходит со мной в сновидениях. Спустя несколько дней смутная и таинственная уверенность начала овладевать мною. Эта уверенность возрастала постепенно до тех пор, пока не осталось никаких сомнений в ее подлинности: я был уверен в том, что голубая капля энергии была пленником в мире неорганических существ.

Более чем когда-либо я стал нуждаться в совете дона Хуана. Я знал, что это сведет на нет годы моей работы, но я не мог справиться с этим; я бросил все свои дела и выехал в Мексику.

— Чего ты на самом деле хочешь? — спросил меня дон Хуан, чтобы остановить мой истерический лепет.

Я не мог объяснить ему, чего я хотел, поскольку сам не знал этого.

— У тебя, должно быть, очень серьезные проблемы, если ты так примчался, — сказал дон Хуан задумчиво.

— Да, это так, несмотря на то, что я даже не могу сформулировать, что же в действительности представляет собой моя проблема, — сказал я.

Он попросил меня описать мою практику сновидения со всеми относящимися к ней деталями. Я рассказал ему о своем видении маленькой девочки и о том, как это отразилось на моем эмоциональном состоянии. Он неожиданно посоветовал мне проигнорировать это событие и рассматривать его как прямую попытку со стороны неорганических существ потворствовать моим фантазиям. Он заметил, что, если сновидение чрезмерно акцентировано, то оно становится тем, чем было для древних магов — источником неисчерпаемого индульгирования.

По некоторой необъяснимой причине я не хотел рассказывать дону Хуану о мире теневых существ. Но когда он отверг мое видение маленькой девочки, я был вынужден описать ему мои визиты в этот мир. Долгое время он молчал, словно был ошеломлен.

Когда он наконец заговорил, то сказал:

— Ты намного более одинок, чем я думал, поскольку я вообще не могу обсуждать твою практику сновидений. Ты находишься в ситуации древних магов. Все, что я могу сделать, — это снова повторить тебе, что ты должен упражняться, собрав всю свою осторожность.

— Почему ты говоришь, что я нахожусь в ситуации древних магов?

— Я повторяю тебе снова, что твое настроение опасно напоминает настроение древних магов. Они были очень способными существами; их ошибкой было то, что они чувствовали себя в мире неорганических существ, как рыба в воде. Ты с ними в одной лодке. Ты знаешь об этом мире то, что никто из нас не может даже вообразить. Лично я никогда не слыхал о мире теней, как и нагваль Хулиан или нагваль Элиас, несмотря на то, что он долго пробыл в мире неорганических существ.

— Что меняется, когда ты узнаешь о мире теней?

— Очень многое. Сновидящий принимается там только в случае, если неорганические существа уверены в том, что он собирается остаться в этом мире. Мы знаем об этом из рассказов древних магов.

— Я уверяю тебя, дон Хуан, что у меня не было никакого намерения остаться там. Ты говоришь так, словно я был почти готов попасть в ловушку обещаний силы или обещаний прислуживания. Меня не интересует ни то, ни другое.

— На этом уровне это не так просто. Ты пересек ту грань, до которой можно было просто взять и вернуться. Кроме того, ты имел несчастье быть избранным неорганическим существом воды. Помнишь, как они тебе досаждали когда-то? Они иждивенцы и собственники и, если уж кого-нибудь поймают на крючок, то никогда не выпустят.

— Но что это означает в моем случае, дон Хуан?

— Это означает действительно серьезную проблему. Конкретное неорганическое существо, которое направляет все это шоу, — это то, которое ты схватил в тот памятный день. С годами оно постепенно познакомилось с тобой. Оно знает тебя очень близко. Я искренне признался дону Хуану, что

сама идея о том, что некое неорганическое существо знает меня очень близко, вызывает у меня боль в желудке.

— Когда сновидящие осознают, что эти неорганические существа не нравятся им, — сказал он, — обычно это случается слишком поздно, поскольку к тому времени эти неорганические существа уже положили их себе в мешок.

В глубине души я почувствовал, что он говорит обо всем этом абстрактно, об опасностях, которые могут существовать теоретически, но не на практике. Я был тайно уверен в том, что никакой опасности просто не существует.

— Я не собираюсь позволять неорганическим существам подобраться ко мне каким бы то ни было образом, если это то, о чем ты думаешь, — сказал я.

— Я думаю, что они собираются провести тебя, — ответил он. — Подобно тому, как они провели нагваля Розендо. Они собираются схватить тебя — и ты не то что не заметишь ловушки, ты даже не заподозришь ее. Они искусны в подобных манипуляциях. Вот теперь они даже изобрели маленькую девочку.

— Но я думаю, что маленькая девочка несомненно существует, — настаивал я.

— Нет никакой маленькой девочки, — оборвал он меня. — Эта голубая капля энергии — просто иной лазутчик. Это исследователь, схваченный в мире неорганических существ. Я уже говорил тебе, что неорганические существа подобны рыбаку, они привлекают и хватают осознание.

Дон Хуан сказал, что он не сомневается в том, что эта голубая капля энергии из измерения, совершенно отличного от нашего, и представляет собой лазутчика, который был скручен и схвачен, подобно мухе в паутине.

Мне не понравилась эта аналогия. Она беспокоила меня, вызывая физический дискомфорт. Я упомянул об этом дону Хуану, но он сказал мне, что моя забота об этом лазутчике-пленнике почти доводит его до отчаяния.

— Почему это тревожит тебя? — спросил я.

— В том запутанном мире что-то назревает, — сказал он. — И я не могу сформулировать, что именно.

Пока я оставался в окружении дона Хуана и его компаньонов, я вообще не мог сновидеть в мире неорганических существ. Обычной моей практикой здесь было фокусировать свое внимание сновидения на предметах моего сна и менять сновидения. Чтобы отвлечь меня от моих забот, дон Хуан предложил мне пристально созерцать облака и удаленные горные вершины. В результате возникло непосредственное ощущение того, что я нахожусь на одном уровне с облаками и что я действительно попал на эти отдаленные вершины.

— Я очень рад, но вместе с тем мне очень тревожно, — сказал дон Хуан, комментируя мои усилия. Тебя научили чудесами, а ты даже не знаешь этого. И я не вижу, что ты вообще учился у меня.

— Ты говоришь о неорганических существах, да?

— Да, о неорганических существах. Я советую тебе не заниматься пристальным созерцанием чего-либо; пристальное всматривание является техникой древних магов для того, чтобы просто пристально созерцая цель своего пристрастия, в мгновение ока переносить свои тела энергий. Эта очень впечатляющая техника совершенно бесполезна для современных магов. Она не позволяет увеличить нашу трезвость или нашу способность искать свободу. Все, что она делает — это только возвращает и приковывает нас к конкретности, самому нежелательному состоянию.

Дон Хуан добавил, что если бы я не держал себя под контролем, со временем я бы слил второе внимание с вниманием моей повседневной жизни и тогда стал бы просто невыносимым. Он сказал, что существует опасная трещина между моей подвижностью во втором внимании и моей настойчиво культивируемой неподвижности в своем сознании в обычном мире. Он заметил, что трещина между ними была настолько велика, что в моем дневном состоянии я был почти идиотом, а во втором внимании — лунатиком.

Перед тем, как отправиться домой, я самовольно решил обсудить мои сновидения мира теней с Кэрол Тиггс, хотя дон Хуан советовал мне не обсуждать этого ни с кем. Мне больше всего хотелось поговорить именно с ней, она была самой интересной и самой понятной для меня личностью, поскольку представляла собой мою полную противоположность. Дон Хуан явно был раздосадован тем, что я рассказал ей о своих проблемах. Я чувствовал

себя хуже чем когда-либо. Мной овладела жалость к себе и я начал сетовать, что вечно поступаю не так, как надо.

— Ты еще ничего не сделал, — оборвал меня дон Хуан, — но этого достаточно.

Как он был прав! В моем следующем сновидении, которое произошло дома, разверзлась преисподняя. Я достиг мира теней, как я делал огромное количество раз: единственным отличием было присутствие голубой формы энергии. Она находилась среди других теневых существ. Я почувствовал, что, возможно, этот пузырь энергии был здесь и раньше, но я не замечал его. Как только я отметил это, мое внимание сновидения неотрывно привязалось к этому пузырю энергии. В считанные секунды я очутился рядом с ним. Как обычно, другие тени также подошли ко мне, но я не обратил на них никакого внимания.

Внезапно эта голубая круглая форма превратилась в маленькую девочку, которую я уже видел. Она вытянула свою тонкую нежную длинную шею в мою сторону и сказала едва слышным шепотом: «Помоги мне!». Либо она действительно это сказала, либо я вообразил, что она это сказала. Результат был тем же: я стоял, застыв, наэлектризованный искренним участием. Я ощутил холод. Но это ощущение шло не изнутри моей массы энергии. Я ощутил холод где-то в другой части меня. Впервые я полностью осознал, что то, что я переживаю, совсем не похоже на обычные ощущения, идущие от органов чувств. Я мог ощущать мир теней, испытывая все то, что обычно считал переживанием: я мог думать, оценивать, принимать решения, я обладал психологической непрерывностью: иными словами, я был самим собой. Отсутствовала только одна моя часть — ощущающая. У меня не было ощущений тела. Все впечатления поступали через зрение и слух. Мой разум затем столкнулся со странной проблемой: видение и слышание было не физической реальностью, а качествами возникающих видений.

— Ты на самом деле видишь и слышишь, — произнес, вторгаясь в мои мысли, голос эмиссара. — В этом и состоит прелесть этого места. Ты можешь ощущать все это через видение и слышание, не используя дыхание. Подумай об этом! Тебе не нужно дышать! Ты можешь попасть в любое место этого мира и не дышать.

Сквозь меня пробежала волнующая рябь эмоций, и снова это ощущение не

принадлежало миру теней. Она чувствовалась где-то в другом месте. Меня очень взволновало очевидное, хотя и смутное понимание того, что между мной, тем кто переживает, и источником энергии, источником чувственных ощущений, расположенных где-то в другом месте, есть тесная связь. Мне пришло в голову, что это другое место — мое физическое тело, которое спит на кровати.

Как только возникла эта мысль, теневые существа разбежались, и в моем поле зрения осталась только маленькая девочка. Я смотрел на нее и очень скоро убедился в том, что я знаю ее. Создавалось впечатление, что она шатается, словно близка к обмороку. Меня охватила бесконечная волна сочувствия.

Я попытался заговорить с ней, но не смог произнести ни звука. Мне стало ясно, что все мои диалоги с эмиссаром вызывались и осуществлялись за счет энергии эмиссара. Оставшись в одиночестве, я оказался беспомощным. Затем я попытался направить свои мысли на девочку. Это было бесполезно. Нас разделяла энергетическая преграда, и пробить ее я не мог. Эта маленькая девочка, по-видимому, поняла мое отчаяние и сама стала общаться со мной, пользуясь непосредственно мыслями. В сущности, она рассказала мне то же самое, что уже говорил дон Хуан: она была лазутчиком, которого поймали в паутину этого мира. Затем она добавила, что приняла форму маленькой девочки, поскольку эта форма была знакома и мне, и ей, и что она так же нуждалась в моей помощи, как и я — в ее. Она передала мне все это в одной энергетической группе чувств, которая достигла меня подобно словам. У меня не возникло трудностей с пониманием, хотя такое случилось со мной впервые.

Я не знал, что мне делать. Я попытался передать ощущение моего бессилия. Видимо, она мгновенно меня поняла. Она молча умоляла меня своим горящим взглядом. Ее улыбка словно давала мне понять, что именно мне она оставила возможность освободить ее от сковывавших ее пут. Когда я мысленно возразил, что у меня нет никакой возможности для этого, она произвела на меня впечатление истеричного ребенка в муках отчаяния.

Я неистово пытался поговорить с ней. Маленькая девочка действительно плакала, как может плакать только ребенок в ее возрасте, испытывая отчаяние и страх. Я не мог остановить ее слез. Я попытался погладить ее по голове, но безрезультатно. Моя масса энергии проходила через нее. У меня возникла мысль поднять ее и забрать с собой.

Я предпринял множество попыток сделать это, пока совсем не выбился из сил. Я остановился, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Я испугался, что мое внимание сновидений уменьшится, и тогда я потеряю ее из виду. Я понимал, что неорганические существа могут больше не захотеть снова доставить меня именно в эту область данного мира. Мне показалось, что это мой последний визит к ним — визит, который подводит итог. И тут я сделал нечто немыслимое. Перед тем, как мое внимание сновидения исчерпалось, я громко закричал о своем намерении слить свою энергию с энергией этого пленного лазутчика и освободить его.

7 глава. Голубой лазутчик

Мне приснился совершенно бессмысленный сон. Рядом со мной была Кэрол Тиггс. Она говорила со мной, хотя я не понимал о чем. Во сне также присутствовали дон Хуан и все члены его группы магов. Казалось, что они пытаются вытащить меня из туманного желтоватого мира.

После длительных попыток, во время которых я терял их из виду и находил вновь, им удавалось извлечь меня из этого места. Поскольку я не мог понять смысла всех этих стараний, я в конце концов пришял к выводу, что это не сновидения, а обычный бессвязный сон.

Я был потрясен, когда проснулся и обнаружил себя в постели в доме дона Хуана. Я не мог даже пошевельнуться. У меня совсем не было энергии. Я не знал, что и думать, хотя сразу же ощутил серьезность своего положения. У меня возникло странное ощущение, что я потерял всю свою энергию потому, что сильно устал в своем сновидении.

Соратники дона Хуана, видимо были очень взволнованы тем, что произошло со мной. Они продолжали по очереди входить в мою комнату. Каждый оставался до того момента, пока не появлялся кто-то другой. У меня создалось

впечатление, что они заходят по очереди, чтобы непрерывно присматривать за мной. Я был слишком слаб для того, чтобы просить их объяснить своя поведение.

В последующие дни я стал чувствовать себя лучше, и они наконец начали говорить со мной о моям сновидении. С начала я не понимал, что же им от меня нужно. Но потом, по их вопросам, я вдруг понял, что они были чрезвычайно обеспокоены моей ситуацией с теневыми существами. Каждый из них выглядел испуганно и говорил со мной почти об одном и том же. Они настаивали на том, что никогда не бывали в мире теней. Некоторые из них даже утверждали, что не знали о его существовании. Их утверждения и действия увеличили мое ощущение замешательства и страха.

Каждый из них задавал одни и те же вопросы: «Кто тебя доставил в тот мир?». Или «откуда у тебя вообще могла появиться мысль о том, что можно попасть туда?». Когда я сказал им, что туда меня туда доставил лазутчик, они не могли в это поверить. Очевидно, они предположили, что я бывал там, но по причине отсутствия собственного опыта в этом они не могли понять того, что я им говорил. Тем не менее они хотели знать все, что я мог рассказать им о теневых существах и их мире. Все они, исключая дона Хуана, сидели возле моей постели, жадно хватая каждое сказанное мной слово. Но всякий раз, когда я спрашивал их о моем положении, они, точно также как и теневые существа, уходили от ответа.

Еще одна непонятная реакция, которой я прежде никогда в них не замечал, — это то, что они тщательно избегали любого физического контакта со мной. Они держались на расстоянии, будто я был болен чумой. Их реакция настолько меня беспокоила, что я был вынужден спросить их. Они стали отрицать это. Они, кажется, обиделись и принялись настойчиво доказывать мне, что я неправ. Я от души смеялся над возникшей напряженной ситуацией. Всякий раз, когда они пытались обнять меня, их тела как бы цепенели.

Флоринда Грау, одна из ближайших к дону Хуану его сторонниц, была единственным из членов его группы, которая уделяла мне много физического внимания и пыталась объяснить то, что со мной происходит. Она рассказала мне, что я лишился энергии в мире неорганических существ, и сейчас ее восстанавливаю и что мой новый энергетический заряд слегка беспокоит большинство из них.

Каждый вечер Флоринда укладывала меня в постель, как если бы я был инвалидом. Она даже рассказывала мне детские сказки, от чего все остальные покатывались со смеху. Но несмотря на то, что она потешалась надо мной, я оценил ее заботу, которая казалась мне искренней.

Я уже писал о Флоринде раньше, в связи со своей встрече с ней. Она была самой прекрасной женщиной, которую я до сих пор не встречал. Как-то я сказал ей, что она могла бы быть прекрасной фотомоделью для журнала мод.

— Журнала 1910 года, — возразила она. Флоринда, хотя и была не молода, не выглядела старой. Она казалась молодой и волнующей. Когда я спросил дона Хуана о ее необычайной моложавости, он ответил, что магия поддерживает ее в высоком жизненном тонусе. Энергия магов, заметил он, проявляется в данном случае как молодость и энергия.

Удовлетворив свое первое любопытство о мире теней, компаньоны дона Хуана прекратили постоянно заходить в мою комнату и поддерживали общение со мной на уровне шаблонных вопросов о моем здоровье. Всякий раз, когда я пытался встать, тот, кто находился рядом со мной, нежно укладывал меня обратно в постель. Я не нуждался в их уходе, но, видимо, я нуждался в них самих; я все еще был слаб. Я смирился с этим. Но что действительно похоронным звоном сопровождало каждую мою мысль — никто из них не мог объяснить мне, что я делаю в Мексике, если я лег в постель в Лос-Анжелесе. Я неоднократно спрашивал их об этом. Каждый из них отвечал мне одно и то же:

— Спроси нагваля. Только он может тебе это объяснить.

Наконец Флоринда нарушила молчание.

— Тебя заманили в ловушку. Именно это-то с тобой и произошло, — сказала она.

— Где именно я угодил в ловушку? — конечно, в мире неорганических существ. Именно с этим миром ты годами имел дело. Разве не так?

— Конечно, Флоринда. Но ты можешь рассказать мне, какого рода была эта ловушка?

— Нет, не могу. Все, что я могу сказать тебе, так это то, что ты потерял там всю свою энергию. Но ты отлично сражался.

— А почему я болен, Флоринда?

— У тебя нет какой-то определенной болезни; ты энергетически поражен. Положение было критическим, но сейчас ты только энергетически поражен.

— Как это вся произошло?

— Ты вступил в смертельную схватку с неорганическими существами и проиграл.

— Но я не могу вспомнить никакой борьбы, Флоринда.

— Помнишь ты или нет, не имеет значения. Ты боролся и тебя победили. У тебя не было ни какого шанса победить этих искусных манипуляторов.

— Я сражался с неорганическими существами?

— Да. Ты вступил с ними в смертельную схватку. Я на самом деле не знаю, как ты пережил этот их смертельный удар.

Она отказалась рассказывать мне что-нибудь еще и намекнула, что скоро меня навестит нагваль.

На следующий день появился дон Хуан. Манера его поведения была веселой и обнадеживающей. Он шутя сообщил мне, что я должен буду заплатить ему за визит, потому что он явился ко мне с визитом как энергетический врач. Он изучил меня, пристально созерцая с головы до ног.

— Ты уже почти здоров, — заключил он.

— Что со мной произошло? — спросил я.

— Ты попал в поставленную на тебя неорганическими существами ловушку, — ответил он.

— Как я оказался здесь?

— Именно это, кстати, и является величайшей тайной, — ответил он, весело улыбаясь, очевидно, пытаясь легко отнестись к серьезному делу.

— Неорганические существа схватили тебя полностью. Сначала они забрали в свой мир твое энергетическое тело, когда ты следовал за одним из лазутчиков, а затем — и твое физическое тело.

Друзья дона Хуана видимо, были шокированы этим. Один из них спросил его, могут ли неорганические существа похитить любого. Дон Хуан ответил, что, конечно, могут. Он напомнил, что нагваля Элиаса тоже забирали в ту вселенную, хотя он определенно не хотел туда идти.

Все присутствующие согласно кивали. Дон Хуан продолжал говорить с ними, упоминая обо мне в третьем лице. Он сказал, что объединенное сознание группы неорганических существ сначала съело мое тело энергии, вызвав с моей стороны эмоциональный взрыв: необходимо было освободить голубого лазутчика. Затем объединенное сознание той же группы неорганических существ втянуло мою инертную физическую массу в свой мир. Дон Хуан добавил, что без энергетического тела человек представляет собой всего лишь кусок энергетической материи, которой могло бы легко управлять другое сознание.

— Неорганические существа склеиваются друг с другом, подобно клеткам тела, — продолжал дон Хуан. — Когда они сливают свое сознание воедино, они непобедимы. Им ничего не стоит выдернуть нас из нашей повседневности и забросить в свой мир. Особенно, если мы делаем себя доступными и заметными, как это сделал он. Было слышно только громкое дыхание присутствующих. Все соратники дона Хуана были по-настоящему напуганы и обеспокоены.

Я хотел было жаловаться и обвинять дона Хуана в том, что он не остановил меня, но тут же вспомнил как он неоднократно пытался предостеречь меня, не допустить всего этого, но вся было напрасно. Дон Хуан, определенно знал о том, что происходило в моем уме. Его улыбка свидетельствовала об этом.

— Причина, по которой ты заболел, — наконец обращаясь ко мне, сказал он, — заключается в том, что неорганические существа забрали всю твою энергию и дали тебе свободу. Этого было бы достаточно, чтобы убить любого. Но, как у нагваля, у тебя есть дополнительная энергия; поэтому ты с трудом, но все же выжил.

Я сказал дону Хуану, что помню мельчайшие подробности совершенно необычного сна, в котором я находился в мире желтого тумана. Он, Кэрол Тиггс и его друзья вытаскивали меня из него.

— Мир неорганических существ обычному глазу кажется миром желтого тумана, — сказал он. — Когда ты подумал, что у тебя был необычный сон, в это время ты действительно смотрел впервые своими физическими глазами на мир неорганических существ. И, насколько бы странным это тебе ни показалось, для нас это тоже было впервые. Мы знали о мире тумана только из рассказов магов, а не из собственного опыта.

Ничто из того, о чем он говорил мне, не имело для меня смысла. Дон Хуан уверил меня, что из-за недостатка моей энергии более полное объяснение для меня было бы невозможным. Я должен удовлетвориться тем, что он рассказал мне, и тем, насколько я понял это сейчас.

— Я вообще ничего не понял, — настаивал я.

— Тогда ты вообще ничего не потерял, — ответил он. — Когда ты окрепнешь, то сам ответишь на свои вопросы.

Я признался дону Хуану, что у меня бывают приступы жара. Неожиданно моя температура возрастает, и когда я ощущаю жар и пот, у меня возникают необычные, но тревожащие меня проблески понимания собственного положения.

Дон Хуан внимательно осмотрел все мое тело своим пронизывающим взглядом. Он говорил, что я нахожусь в состоянии энергетического шока. Меня временно поразила потеря энергии, и то, что кажется приступами жара, по-существу, представляет собой порывы энергии, во время которых я на мгновение восстанавливаю контроль над своим энергетическим телом и понимаю, что произошло со мной на самом деле.

— Напрягись и расскажи, что произошло с тобой в мире неорганических существ, — приказал он мне.

Я рассказал ему, что время от времени у меня появлялось ясное ощущение того, что он и его друзья входили в этот мир своими физическими телами и вырывали меня из объятий неорганических существ.

— Верно, — воскликнул он. — Ты все делаешь отлично. Сейчас преврати это ощущение в видение того, что произошло.

Как я ни пытался, мне этого сделать не удалось. Эта неудача заставила меня ощутить необычную усталость, которая, как казалось, высушивала внутренности моего тела. Прежде чем дон Хуан вышел из комнаты, я сказал ему о том, что меня одолевает беспокойство.

— Это ничего не значит, — ответил он безучастно. — Восстанови свою энергию и не беспокойся о пустяках.

Прошло больше дух недель прежде чем мне удалось постепенно восстановить свою энергию. Но я продолжал обо всем беспокоиться. В основном я беспокоился потому, что не мог себя понять, особенно о периодах какого-то холода во мне, которых я раньше не замечал, — определенная индифферентность, отчужденность, которую я считал результатом недостатка энергии, продолжалась до тех пор, пока я не восстановил ее.

Затем я осознал, что это стало новой чертой моего существа, чертой, которая постоянно выводила меня из себя. Я хотел привыкнуть к этим ощущениям, постоянно вызывая их, и я ждал минуты, когда они опять появятся в моем уме.

Еще одной новой особенностью моего существа стало охватывающее меня время от времени странное влечение. Меня влекло к кому-то, кого я не знал; это было настолько поглощающее и подавляющее ощущение, что когда оно возникало, я, чтобы как-то облегчить его, был вынужден непрерывно ходить по комнате. Это влечение оставалось до тех пор, пока я не стал пользоваться новым качеством в моей жизни: жестким контролем над самим собой, настолько новым и мощным, что это только добавляло масла в огонь моего беспокойства.

К концу четвертой недели все почувствовали что я совсем поправился. Внезапно они полностью прекратили свои посещения. Большую часть времени я проводил во сне, в одиночестве. Тот отдых и расслабление, которые я получал, были настолько полными, что моя энергия значительно увеличилась. Я даже стал заниматься зарядкой.

Однажды, около полудня, после легкого завтрака, я вернулся в свою комнату подремать. Перед тем, как я погрузился в глубокий сон, я долго ворочался в кровати, пытаясь найти новое положение. Вдруг странное давление в висках заставило меня открыть глаза. В ногах моей кровати стояла та самая девочка из мира неорганических существ. Она смотрела на меня своими холодными, как сталь, голубыми глазами.

Я подскочил на кровати и вскрикнул так громко, что до того, как я прекратил кричать, в комнату вбежали трое соратников дона Хуана. Они были ошеломлены. Они с ужасом наблюдали, как маленькая девочка подошла ко мне и остановилась у границ свечения моего физического тела. Казалось, что мы смотрели друг на друга целую вечность. Она что-то сказала мне, но я сразу не понял ничего, а в следующий момент мне все стало совершенно ясно. Она сказала, что для того, чтобы я мог понять, о чем она говорит, мне следует перенести свое сознание из моего физического тела в мое тело энергии.

В этот миг в комнату вошел дон Хуан. Маленькая девочка и дон Хуан посмотрели друг на друга не проронив ни слова, дон Хуан вышел из комнаты. Маленькая девочка выскользнула следом за ним.

Суматоху, которую вызвала эта сцена у соратников дона Хуана, невозможно описать. Они потеряли все свое самообладание. Очевидно, все они видели, как за нагвалем из комнаты вышла маленькая девочка.

Сам я, видимо, был на грани взрыва. Я почувствовал, что почти теряю сознание и вынужден был сесть. Я испытал присутствие этой маленькой девочки как удар в солнечное сплетение. Она была поразительно похожа на моего отца. Меня захлестнули волны сентиментальности. Я стал с болезненным интересом докапываться до смысла всего этого.

Когда дон Хуан вернулся в комнату, я немного овладел собой. Ожидание того,

что же он скажет о маленькой девочке, перехватило мне дыхание. Все были так же возбуждены, как и я. Они обратились к дону Хуану одновременно и весело рассмеялись, когда осознали это. Главное, что всех нас интересовало, — была возможность выяснить, было ли нечто общее в том, как воспринял каждый из нас внешний вид лазутчика. Все сошлись на том, что эта была девочка шести-семи лет, очень худая, с прекрасными по-детски угловатыми чертами. Все согласились, что у нее были синевато-стальные глаза, которые излучали невысказанные эмоции; ее глаза, как они утверждали, выражали благодарность и верность.

Я мог подтвердить любую деталь того, о чем они говорили. Ее глаза были настолько яркими и наполненными энергией, что в действительности вызвали у меня некоторое ощущение боли. Я ощутил тяжесть ее взгляда на своей груди. Серьезный вопрос, который задавали соратники дона Хуана и повторял я, касался смысла этого события. Все сошлись на том, что этот лазутчик был частью чужой энергии, которая просочилась сквозь грань, разделяющую второе внимание и внимание повседневного мира. Они утверждали, что хотя они не были в сновидении, все же все они видели чужую энергию, которая была спроецирована в фигуру ребенка; этот ребенок существовал.

Они утверждали, что могут быть сотни, даже тысячи случаев, когда чужая энергия проскальзывает незамеченной через естественные барьеры в наш обычный человеческий мир, но что в истории их традиции ни разу упоминалось о событиях подобной природы. Что их больше всего беспокоило, — так это то, что о подобном не упоминалось в магических историях.

— Неужели нечто подобное произошло в истории человечества впервые? — спросил дона Хуана один из них.

— Я думаю, что это происходит постоянно, — ответил он. — но это никогда не происходило так открыто, так явно.

— Чем это может обернуться для нас? — спросил кто-то из них дона Хуана.

Для нас — ничего, но для него — все, — сказал он и указал на меня.

Наступила напряженная тишина. Некоторое время дон Хуан шагал взад-вперед по комнате. Затем он остановился передо мной и уставился на

меня. По его виду можно было сказать, что он не может найти слов для выражения того, что он только что понял.

— Я даже не могу представить себе масштаба того, что ты сделал, — наконец сказал мне с недоумением в голосе дон Хуан. — Ты угодил в ловушку, но эта была не такая ловушка, о которой я тебя предупреждал. Твоя ловушка была такой, что мог попасться только ты, и она была еще более смертельно хитрой, чем я мог себе представить. Я опасался, что ты можешь стать жертвой лести и прислуживания тебе. Но я не мог учесть, что существа мира теней поставят ловушку, которая использует присущее тебе отвращение к любым ограничениям.

Как-то дон Хуан сравнивал свою и мою реакции на то, что больше всего стесняет нас в мире магов. Он говорил, и из его уст это прозвучало как жалоба, что хотя он желал этого и неоднократно пытался, но так никогда и не смог возбуждать в людях такое чувство любви, которое возбуждал в других его учитель нагваль Хулиан.

— Для меня важнее всего понять и признать, — чего я от тебя совсем не скрываю, — одно: я не обладаю от природы даром вызывать слепую и безоглядную любовь. Ну что ж!

— Присущей тебе основной особенностью характера такого рода является то, — продолжал он, — что ты не можешь вынести любого рода ограничения, и для того, чтобы их разрушить, ты готов отдать свою жизнь.

Я искренне возразил ему, что он преувеличивает. Мое понимание было еще не столь ясным.

— Не беспокойся, — сказал он смеясь, — магия — это действие. Когда наступит время, ты найдешь место своим склонностям точно также, как я научился актуализировать свои. Мои заключаются в том, что я принимаю свою судьбу, но не пассивно, как идиот, а активно, как воин. Твои — в том, чтобы вырваться из любых ограничений, не будучи при этом ни капризным, ни слишком прагматичным.

Дон Хуан пояснил, что когда я слил свою энергию с лазутчиком, я по истине перестал существовать. Моя физическая сторона была перенесена в мир

неорганических существ и, если бы не этот лазутчик, который провел дона Хуана и его соратников туда, где я находился, я бы умер или остался в этом мире потерянным навсегда.

— Почему же лазутчик провел вас туда, где я находился? — спросил я.

— Лазутчик — это живое существо из другого измерения, — сказал он. — Этой маленькой девочке, как она мне рассказала, была необходима энергия, чтобы разрушить барьер, который заточил ее в мире неорганических существ, и для этого ей пришлось воспользоваться твоей энергией. Теперь пришло время ей помогать тебе. Ее привело ко мне что-то вроде чувства благодарности. Когда я увидел ее, я мгновенно понял, что ты для нее сделал.

— Что ты сделал потом, дон Хуан?

— Я собрал всех, кого мог найти, особенно Кэрол Тиггс, и все мы бросились в мир неорганических существ.

— Почему именно Кэрол Тиггс?

— Во-первых, потому что у нее есть безграничная энергия, а, во-вторых, потому, что она должна была познакомиться с этим лазутчиком. Из этого опыта каждый из нас получил нечто неоценимое. Ты и Кэрол Тиггс получили лазутчика. Другие же использовали это как возможность собрать воедино наши физические тела, и соединив их с нашими энергетическими телами, стать на некоторое время целиком энергией.

— Как все вы смогли это сделать, дон Хуан?

— Мы синхронно сместили наши точки сборки. Все определило наше безупречное намерение спасти тебя. Этот лазутчик во мгновенье ока доставил нас туда, где ты лежал полумертвый и Кэрол вытащила тебя оттуда.

Его объяснение не имело для меня никакого смысла. Дон Хуан засмеялся, когда я пытался вся осознать.

— Как ты можешь понять это, если у тебя нет энергии даже для того, чтобы встать с кровати? — возразил он.

Я согласился с ним, что определянно я знаю бесконечно больше, чем могу допустить разумом, но что-то не в порядке с моей памятью.

— Недостаток энергии — вот что это за непорядок, — сказал он. — Когда у тебя достаточно энергии, твоя память работает прекрасно.

— Считаешь ли ты, что я смогу вспомнить все, если захочу, дон Хуан?

— Не совсем. Ты можешь захотеть все что угодно, но если твой уровень энергии не соответствует важности того, что ты знаешь, тогда ты можешь сказать своему знанию «до свидания» — оно никогда не станет для тебя доступным.

— Но, что же мне тогда делать, дон Хуан?

— Энергия стремиться накапливаться; если ты безупречно следуешь пути воина, наступит момент, когда твоя память раскроется.

Я признался ему, что пока слушал его рассказ, у меня возникло странное ощущение индульгирования на жалости к себе, но что ничего страшного со мной не произошло.

— Ты не только индульгировал, — ответил он. — Ты действительно был энергетически мертв в течение четырех недель. Сейчас ты просто ошеломлен. Именно твое возбуждение и нехватка энергии и прячут от тебя твое собственное знание. Ты, конечно же, намного больше нас знаешь об этом мире неорганических существ. Этот мир особенно интересовал древних магов. Все мы говорили тебе, что мы знали об этом мире только из рассказов древних магов. Я должен признаться, что тот факт, что ты сам стал героем одной из наших магических историй, является для меня более чем странным.

Я снова повторил, что я не могу поверить в то, что я смог сделать что-то, чего не может он. Но я не могу поверить в то, что он просто не разыгрывает меня.

— Я не льщу и не разыгрываю тебя, — сказал он с некоторым раздражением. — Я сообщаю тебе магический факт. То, что ты знаешь об этом мире больше, чем каждый из нас, не должно служить причиной для того, чтобы чувствовать

себя польщенным. В этом знании нет никакого преимущества; на самом деле, несмотря на то, что ты это знаешь, ты не смог уберечь себя. Мы спасли тебя, потому что смогли найти тебя. Но если бы не помощь этого лазутчика, не было бы смысла даже искать тебя. Ты бы настолько безнадежно затерялся в этом мире, что я содрогаюсь от одной мысли об этом.

Со своей точки зрения, я совсем не находил ничего странного в том, что и дон Хуан, и его соратники и ученики были действительно взволнованы. Единственной, кто остался спокойным была Кэрол Тиггс. Она словно полностью приняла свою роль. Я и она были одно целое.

— Ты действительно освободил лазутчика, — продолжал дон Хуан, — но отдал свою жизнь. Или, что еще хуже, ты отдал свою свободу. Неорганические существа позволили лазутчику уйти в обмен на тебя.

— Я едва могу поверить в это, дон Хуан. Понимаешь, это не потому, что я сомневаюсь в твоих словах, но ты описал такой хитрый маневр, что я просто ошеломлен.

— Ты не считай его хитрым и поймешь его суть. Неорганические существа всегда ищут осознание и энергии; если ты им в руки даешь и то и другое, что, по-твоему они станут делать? Посылать тебе воздушные поцелуи с другой стороны улицы?

Я знал, что дон Хуан прав. Однако я не смог удержать эту уверенность слишком долго; ясность начала ускользать от меня.

Соратники дона Хуана продолжали задавать ему много вопросов. Они хотели узнать, думал ли он о том, что делать с лазутчиком дальше.

— Да, думал. Это самая серьезная проблема, которую должен решить этот нагваль, — сказал он, указывая на меня. — Он и Кэрол Тиггс были единственными, кто мог освободить лазутчика. И лазутчик тоже знал об этом. Естественно, что я задал ему единственный возможный вопрос:

— Как я смог освободить его?

— Вместо того, чтобы сказать тебе, как, — я предложу тебе куда более точный

путь выяснить это, — произнес дон Хуан, широко улыбаясь. — Спроси эмиссара. Ты же знаешь, неорганические существа не лгут.

8 глава. Третьи врата сновидения

Ты достигаешь третьих врат сновидения, когда обнаруживаешь себя во сне смотрящим на другого спящего человека. И когда этот другой человек оказывается тобой, — сказал дон Хуан.

Мой энергетический уровень в это время был так высок, что я приступил к выполнению этого третьего задания сразу же, хотя дон Хуан не сообщил мне о нем никакой дополнительной информации.

Первым, что я обнаружил в своей практике сновидения, было то, что прилив энергии внезапно смещал фокус моего внимания в сновидении. Теперь мое внимание сосредоточивалось на том, чтобы я мог осознать себя во сне и увидеть себя спящим: путешествия в царство неорганических существ больше не были моей целью.

Вскоре после этого я обнаружил себя во сне смотрящим на себя спящего. Я сразу же сообщил об этом дону Хуану. Это случилось как раз тогда, когда я ночевал в его доме.

— Для каждых врат сновидения существует два этапа прохождения через них, — сказал он.

Первый, как ты уже знаешь, состоит в том, чтобы подойти к ним; второй — пересечь их. Если ты видишь во сне, что спишь, — ты подходишь к вратам. Второй этап состоит в том, чтобы после того, как ты увидел себя спящим, начать двигаться.

— У третьих врат сновидения, — продолжал он, — ты начинаешь

преднамеренно сливать в одно целое реальность сна и реальность обыденного мира. Это задача, которую маги называют завершением энергетического тела. Слияние двух реальностей должно быть настолько полным, что тебе нужно быть более внимательным, чем когда-либо. Исследуй все, что встречаешь у третьих врат очень тщательно и с интересом.

Я пожаловался, что его рекомендации слишком загадочны и кажутся мне бессмысленными.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь очень тщательно и с интересом, — спросил я.

— У третьих врат мы склонны терять себя в деталях, — ответил он. — Рассматривать вещи с большой тщательностью и интересом означает противостоять почти непреодолимому стремлению углубиться в детали. Эта задача, которую я назвал третьими вратами, состоит в том, чтобы увидеть энергетическое тело. Сновидящий начинает работать с энергетическим телом, выполняя задания первых и вторых врат. Когда он достигает третьих врат, его энергетическое тело готово к отделению, или, возможно, лучше будет сказать, что оно готово к тому, чтобы действовать. К несчастью, это также означает, что оно готово очароваться деталями.

— Что значит «очароваться деталями»?

— Энергетическое тело напоминает ребенка, который всю свою жизнь был взаперти. Когда он оказывается на свободе, он впитывает в себя все что находит. Я хочу сказать, что это может быть все что угодно. Каждая незначительная, мельчайшая деталь, полностью поглощает внимание энергетического тела.

За этими словами последовала неловкая тишина. Я не знал, что сказать. Я понял его прекрасно, но мне просто никогда не доводилось пережить на опыте ничего такого, что могло бы дать мне представление о его словах.

Наиболее упрямая деталь становится целым миром для энергетического тела, — объяснил дон Хуан. — Чтобы управлять энергетическим телом, сновидящие должны прилагать потрясающие усилия. Я знаю, что когда я советую тебе обращаться с вещами тщательно и с интересом, — это звучит нескладно. Но

это лучший способ описать то, что ты должен делать. У третьих врат сновидящие должны избегать непреодолимого стремления погружаться в любую деталь. Они достигают этого, постоянно проявляя такой интерес ко всему и такое настойчивое желание погрузиться во все, что ни одна конкретная вещь не может приковать их к себе.

Дон Хуан прибавил также, что рекомендации, которые, по его словам, абсурдны для ума, на самом деле предназначаются моему энергетическому телу. Он подчеркивал снова и снова, что это тело должно объединить все свои энергетические ресурсы, чтобы получить возможность действовать.

— Но разве мое энергетическое тело не действует все это время? — спросил я.

— Частично оно работает. Ведь будь это не так, ты бы не смог путешествовать в царство неорганических существ, — ответил он. — Теперь же все твое энергетическое тело должно сосредоточиться на выполнении задания третьих врат, и чтобы облегчить эту задачу для энергетического тела, ты должен сдерживать свою рациональность.

— Боюсь, что ты не за того меня принимаешь, — сказал я. — Во мне осталось очень мало рационального после всех тех событий, которые я пережил благодаря тебе.

— Не возражай. У третьих врат рациональность ответственна за то, что наши тела стремятся попасть под влияние поверхностных деталей. И чтобы преодолеть это стремление, у третьих врат мы нуждаемся в нерациональном и очень подвижном внимании и отказе от рационального.

Утверждение дона Хуана, что каждые врата — это препятствие, не могло не быть абсолютно истинным. Я работал над задачей третьих врат сновидения более напряженно, чем над двумя предыдущими вместе взятыми. Дон Хуан оказывал на меня огромное давление. Кроме того, в моей жизни изменилось кое-что еще: у меня появилось необычайное чувство страха. Всю свою жизнь я постоянно боялся той или иной вещи, иногда даже очень сильно, но я никогда не ощущал ничего, подобного тому страху, который сопровождал меня после моего столкновения с неорганическими существами. Однако вся гамма этих переживаний была непостижима для моей обычной памяти. Только в присутствии дона Хуана эти воспоминания были мне доступны.

Однажды, когда мы находились в национальном Музее антропологии и истории Мехико-сити, я спросил его об этой странной ситуации. Задать такой вопрос именно в этот момент меня побудила странным образом появившаяся способность вспомнить все, что случилось со мной в ходе моего общения с доном Хуаном. Эта способность так расковывала, вдохновляла и окрыляла меня, что я почти танцевал на ходу.

— Просто происходит то, что присутствие нагваля вызывает смещение точки сборки, — сказал он.

Затем он повел меня в один из выставочных залов музея и сказал, что мой вопрос очень кстати в связи с тем, что он собирался мне рассказать.

— Я намеревался объяснить тебе, что положение точки сборки дает возможность попасть в хранилище, где маги содержат свою информацию, — сказал он. — Я был в восторге, когда твое энергетическое тело почувствовало мое намерение, и ты спросил меня об этом. Энергетическое тело знает очень многое. Давай я покажу тебе, сколько всего оно знает.

Он приказал мне погрузиться в абсолютное молчание. Он напомнил мне, что я уже находился в особом состоянии восприятия, потому что моя точка сборки сместилась в его присутствии. Он заверил меня, что, погружаясь в абсолютное молчание, я дам возможность скульптурам в зале показать мне невообразимые вещи. Он прибавил, очевидно для того, чтобы смутить меня еще больше, что некоторые из археологических находок были способны своим присутствием вызывать смещение точки сборки. Если же я достигну состояния полной тишины, я буду действительно способен видеть сцены из жизни людей, которые создали эти вещи.

Затем он начал самую странную экскурсию по музею, которую я когда-либо совершал. Он ходил по залу и объяснял удивительные особенности каждого из больших экспонатов. Он утверждал, что каждый предмет в зале, найденный археологами, был записью, преднамеренно оставленной людьми древности, записью, которую дон Хуан, будучи магом, читал мне, словно книгу.

— Каждый экспонат здесь предназначен для того, чтобы смещать точку сборки, — продолжал он. — Останови свой пристальный взгляд на любом из

них, успокой свой ум и посмотри, может сдвинуться твоя точка сборки или нет.

— Как мне узнать, что она сместилась?

— Тогда ты сможешь видеть и ощущать то, что лежат за пределами обычного восприятия.

Всматриваясь в скульптуры, я видел и слышал вещи, которые я бы никогда не мог объяснить. В прошлом я, изучая эти экспонаты с точки зрения антропологии, всегда имел в виду описания ученых, специалистов в этой области. Их описания использования многих предметов, основанное на знании современного человека о мире, в первый раз поразили меня своей полной условностью, чтобы не сказать, глупостью. То, что дон Хуан сказал об этих предметах, и то, что я слышал и видел сам, рассматривая их, менее всего напоминало мне все то, что я когда-либо о них читал. Мое смущение было столь сильным, что я счел необходимым извиниться перед доном Хуаном за то, что считал своей внушаемостью. Но он не засмеялся и не стал меня вышучивать. Он терпеливо объяснил, что маги могли оставлять точные сведения о своих открытиях, связывая их с определенным положением точки сборки. Он настаивал потом, что когда речь идет о возможности добраться до сущности записанного, мы должны использовать нашу способность проникаться симпатией и давать простор фантазии, чтобы выйти за пределы обычной страниц в само переживание. Однако в мире магов нет записей на страницах, поэтому вся информация, которая может быть не прочитана, но пережита снова, хранится в положении точки сборки.

Чтобы проиллюстрировать свои слова, дон Хуан заговорил об учении магов о втором внимании. Он сказал, что это учение дается ученику, когда его точка сборки находится в некотором необычном состоянии. Таким образом положение точки сборки определяет сведения, полученные в ходе урока. Для того, чтобы еще раз пережить урок, ученик должен вернуть точку сборки в положение, в котором она была, когда он его получал. Дон Хуан заключил свою речь, повторив, что способность возвращать точку сборки во все те положения, которые она занимала во время уроков, является большим достижением.

Почти целый год дон Хуан ничего не спрашивал у меня о третьем задании по сновидению. Затем однажды, совершенно неожиданно для меня, он захотел,

чтобы я описал ему все тонкости моей практики сновидения.

Первое, о чем я упомянул, была навязчивая повторяемость. На протяжении месяцев мне снилось, что я пристально разглядываю себя, спящего на своей кровати. Особенно странной была регулярность этих снов: они случались каждые четыре дня, как по часам. На протяжение других трех дней мои сны были такими же, как раньше: я изучал всевозможные предметы, переходил из одного сна в другой, и иногда, увлекаемый губительным любопытством, я следовал за лазутчиками чужих энергий, хотя я и чувствовал себя в связи с этим очень виноватым. Я думал, что это подобно тайному пристрастию к наркотикам. Реальность того мира была для меня неотразимой.

Втайне я чувствовал, что у меня есть некоторые оправдания, и я могу не нести никакой ответственности за происходящее, потому что дон Хуан сам предложил мне спросить эмиссара в сновидении, что делать, чтобы освободить голубого лазутчика, пойманного среди нас. Он имел в виду, что мне следовало поставить этот вопрос в своей собственной практике. Я понял его утверждение так, что я должен спросить об этом у эмиссара во время пребывания в его мире. Вопрос, который я хотел задать эмиссару, состоял в том, не заманивают ли неорганические существа меня в ловушку. Эмиссар не только подтвердил, что все сказанное доном Хуаном истинно, но и объяснил мне, как Кэрол Тиггс и я должны поступить, чтобы освободить лазутчика.

— Повторяемости твоих снов следовало ожидать, — заметил дон Хуан, выслушав меня.

— Почему ты предвидел нечто подобное, дон Хуан?

— Потому что знаю твои отношения с неорганическими существами.

— Я с ними покончил раз и навсегда, дон Хуан, — соврал я в надежде, что он больше не будет развивать эту тему.

— Ты пытаешься убедить меня в этом, не так ли? Не нужно этого делать; я знаю, что происходит на самом деле. Поверь мне, стоит тебе один раз начать заигрывать с ними, и ты у них на крючке. Они всегда будут преследовать тебя. Или, что еще хуже, преследовать их всегда будешь ты сам.

Он уставился на меня, и мое чувство вины, должно быть, было таким очевидным, что это заставило его рассмеяться.

— Единственно возможное объяснение такой повторяемости состоит в том, что неорганические существа заманивают тебя снова, — сказал дон Хуан серьезным тоном. Я поспешил сменить тему и сказал ему, что еще одной особенностью моей практики сновидения, которую следует упомянуть, была моя реакция на видение себя, спящего глубоким сном. Это зрелище всегда до того пугало меня, что я оказывался не в состоянии сдвинуться с места, как приклеенный, пока сон не менялся, или же страх поражал меня так сильно, что я просыпался с громким криком. Я дошел до того, что боялся засыпать в те дни, когда знал, что должен увидеть этот сон.

— Ты все еще не готов для слияния реальности сновидения и реальности обыденного мира, — заключил он. — Ты должен перепросматривать свою жизнь дальше.

Но я уже сделал весь возможный перепросмотр, — запротестовал я.

— Я занимался этим несколько лет. Не осталось ничего, чего бы я не мог вспомнить из своей жизни.

— Должно быть, осталось еще много чего, — сказал он непреклонно, — иначе ты не просыпался бы с криком.

Мне не понравилась идея о том, чтобы продолжать перепросмотр снова. Я завершил его и верил, что сделал его так хорошо, что не должен был возвращаться к этому снова.

— Перепросмотр наших жизней никогда не должен заканчиваться, независимо от того, как бы хорошо он ни был осуществлен один раз, — сказал дон Хуан. — Причина, по которой обычные люди не могут управлять своей волей в сновидениях, состоит в том, что они никогда не совершали перепросмотр своей жизни, и их сны по этой причине переполнены очень интенсивными эмоциями, такими как воспоминания, надежды, страхи и так далее и тому подобное.

Мои же благодаря перепросмотру относительно свободны от тяжелых и

сковывающих эмоций. И если что-то преграждает им путь, как сейчас в твоем случае, значит, в них есть еще что-то не вполне прояснившееся.

— Перепросмотр — это такое кропотливое дело, дон Хуан. Может, вместо этого нам заняться чем-нибудь другим?

— Нет. Другие занятия не нужны. Перепросмотр и сновидение идут рука об руку. Перепросматривая наши жизни, мы становимся все более и более парящими.

Дон Хуан дал мне ясные и детальные указания о перепросмотре, состоявшие в том, чтобы еще раз проживать всю совокупность жизненного опыта, вспоминая всевозможные детали прошлых переживаний. Он видел в перепросмотре надежный способ для перемещения и переосмысления энергии.

— Перепросмотр высвобождает заключенную в нас энергию, без которой подлинное сновидение невозможно, — утверждал он.

Несколько лет назад дон Хуан велел мне составить список всех людей, которых я когда-либо встречал вплоть до настоящего времени. Он помог упорядочить этот список, используя разделение по сферам деятельности, таким как различные должности, которые я занимал, различные учебные курсы, которые я посещал. Затем он предложил мне пройти от первого человека в этом списке до последнего, не пропуская никого, переживая заново каждую встречу с ними.

Он объяснил, что при перепросмотре событие реконструируется фрагмент за фрагментом, начиная с припоминания внешних деталей, затем переходя к личности того, с кем я имел дело, и заканчивая обращением к себе, исследованием своих чувств.

Дон Хуан учил меня сочетать воспоминание с естественным ритмичным дыханием. Глубокий выдох следует делать в такт с медленным мягким движением головы справа налево; глубокий вдох делается при движении головы в обратную сторону — слева направо. Он называл этот процесс покачивания головой из стороны в сторону «обмахивание события веером». Ум исследует событие от начала до конца, в то время как тело «обмахивает» снова и снова все, на чем сосредоточивается ум. Дон Хуан сказал, что маги

прошлого, открывшие перепросмотр, рассматривали дыхание как магическое, жизненно важное действие и использовали его соответственно этому — как магическое средство. Выдох используется для выброса отрицательной энергии, оставшейся в них как результат события, перепросмотр которого осуществляется, а вдох — для возврата энергии, которую они потеряли в ходе взаимодействия.

Вследствие своего академического образования я рассматривал перепросмотр как процесс анализа своей жизни. Дон Хуан настаивал, что это нечто большее, чем интеллектуальный психоанализ. Он определил перепросмотр как уловку, используемую магом для вызова пусть незначительного, но зато постоянного сдвига точки сборки. Он сказал, что точка сборки под влиянием просмотра прошлых событий и переживаний движется туда-сюда между ее теперешним положением и положением, которое она занимала тогда, когда имел место интегрируемый опыт.

Дон Хуан сказал, что использование перепросмотра магами прошлого объясняется их убежденностью в том, что во вселенной существует неподдающаяся восприятию могущественная сила, наделяющая все существа осознанием и жизнью. Под воздействием той же силы существа погибают, тем самым возвращая ей заимствованное ранее осознание, усиленное и обогащенное их жизненными переживаниями. Дон Хуан сказал, объясняя точку зрения магов прошлого, — они верили, что поскольку эта сила заинтересована именно в наших переживаниях, то очень важно насытить ее копиями нашего жизненного опыта, получаемыми в ходе перепросмотра. Удовлетворившись тем, что она ищет, эта сила затем освобождает магов, давая им возможность развивать свои чувства и тем самым достигать самых удаленных частей времени и пространства.

Когда я вновь начал заниматься перепросмотром, то с большим удивлением обнаружил, что моя практика сновидения при этом автоматически приостановилась, вопреки моему желанию. Я спросил у дона Хуана, что это значит.

— Это просто. Сновидение требует задействования всей доступной энергии, — ответил он. — И поэтому, глубоко погружаясь в собственную жизнь, мы лишаемся возможности практиковать сновидение. Нам не хватает энергии.

— Но ведь я и раньше глубоко погружался в перепросмотр, — сказал я. — Тем не менее мои занятия никогда не прерывались.

— Дело в том, должно быть, что всякий раз, когда ты думал, что погружаешься, ты на самом деле был только эгоистически встревожен, — сказал он, смеясь. — Для мага быть погруженным означает, что задействованы все источники энергии. Сейчас же впервые случилось так, что ты начал использовать полностью все свои энергетические ресурсы. Раньше, даже занимаясь перепросмотром, ты не был поглощен этим до конца.

На этот раз дон Хуан предложил мне новую методику для перепросмотра. Мне предстояло разгадать нечто вроде головоломки, составляя второстепенные с виду события моей жизни так, чтобы из мелких разрозненных кусочков получилась цельная картина.

— Но у меня не получится, — запротестовал я.

— Нет, получится, — заверил он меня. — Путаница возникнет только тогда, если ты предоставишь своей мелочности подбирать события для перепросмотра. Предоставь решать это духу. Будь спокоен и начинай работать с тем, на что тебе указывает дух.

Результаты такого метода перепросмотра поразили меня во многих отношениях. Удивительным было то, как я, успокоив ум, следовал затем совершенно независимой от моей воли силе, которая внезапно погружала меня в чрезвычайно детальные воспоминания какого-то незначительного события из моей жизни. Но еще удивительнее, что в итоге я получил довольно-таки упорядоченную конфигурацию событий. То, что по моему мнению должно было быть хаотичным, оказалось чрезвычайно содержательным.

Я спросил дона Хуана, почему он ни разу не предложил мне этот метод прежде. Он ответил, что существует два основных уровня перепросмотра; первый из них характеризуется формальностью и жесткостью, второй — подвижностью внимания.

У меня не было даже отдаленного представления о том, насколько теперешний перепросмотр будет для меня отличаться от предыдущих опытов. Способность концентрироваться, выработанная благодаря практике сновидения, позволила

мне проникнуть в свою жизнь так глубоко, что никогда ранее я и представить не мог ничего подобного. Мне потребовалось больше года, чтобы просмотреть и пережить еще раз все, связанное с моей предыдущей жизнью. В итоге я вынужден был согласиться с доном Хуаном: в ранее недоступных глубинах моего ума были сокрыты залежи эмоций, заряженных отрицательной энергией.

В результате второго периода перепросмотра я обрел новое для меня, более спокойное отношение к жизни. И стоило только вернуться к практике сновидения, как в тот же день мне приснилось, что я видел себя спящим. Я повернулся и смело вышел из комнаты, с трудом спустившись по пролету лестницы на улицу.

Я был воодушевлен тем, что сделал, и поспешил сообщить об этом дону Хуану. К моему величайшему разочарованию, он сказал, что этот сон не относится к моей практике сновидения. Он утверждал, что я не вышел на улицу в своем энергетическом теле, потому что если бы это было так, то у меня не было бы ощущения того, как я спускался по лестнице.

— 0 каком ощущении ты говоришь, дон Хуан? — спросил я с неподдельным любопытством.

— Ты должен найти для себя какой-нибудь надежный признак, по которому ты мог бы узнавать, действительно ли ты видишь свое тело спящим на кровати, — сказал он вместо ответа на мой вопрос. — Помни, ты должен находиться в своей настоящей комнате и видеть свое настоящее тело. Если это не так, то ты просто видишь обычный сон. В этом ты можешь убедиться, наблюдая в нем детали, которых нет в обычной жизни, или изменяя его по своему усмотрению.

Я настаивал на том, чтобы он рассказал мне больше о том надежном признаке, который он упомянул, но он перебил меня.

Найди возможность подтвердить факт, состоящий в том, что ты смотришь на себя, — сказал он.

— Можешь ли ты подсказать мне, что могло бы быть таким надежным признаком? — настаивал я.

— Используй свои собственные представления. Мы подходим к концу нашего общения. Очень скоро ты останешься один.

Затем он сменил тему разговора, а я продолжал ясно ощущать чувство собственной неполноценности. Я был не в состоянии понять, что он имел в виду, когда говорил о надежном признаке, и не знал, что мне предстояло делать.

В следующий раз, когда я во сне увидел себя спящим, вместо того, чтобы покинуть комнату и спускаться по лестнице или проснуться с криком, я долгое время оставался неотрывно привязанным к тому месту, откуда я смотрел. Без волнения и отчаяния я наблюдал детали своего сна. Тут я заметил, что я спал в постели, одетый в белую футболку, которая была разорвана на плече. Я попытался подойти ближе и рассмотреть прореху, но движение было для меня невозможным. Фактически я представлял собой воплощенный вес. Не зная, что делать дальше, я сразу же сильно смутился. Я попытался изменить сон, но какая-то незнакомая сила продолжала удерживать меня всматривающимся в свое спящее тело.

Будучи полностью вовлеченным в свое смятение, я услышал, как эмиссар из сновидения сказал, что неспособность контролировать свои движения пугает меня потому, что мне придется и дальше заниматься перепросмотром. Голос эмиссара и то, что он сказал, совсем не удивили меня. Я никогда еще так живо и так ужасно не переживал свою неспособность двигаться. Однако я не сдался этому страху. Я исследовал его и понял, что это был не психологический страх, а физическое ощущение беспомощности, отчаяния и раздражения. Меня больше всего беспокоило то, что я был неспособен двинуться с места. Мое раздражение возрастало по мере того, как я убеждался, что нечто внутри грубо держало меня. Усилия, которые я прилагал, чтобы пошевелить руками или ногами, были такими громадными и решительными, что я вдруг действительно увидел, что одна из моих ног на кровати дернулась, как при ударе.

После этого мое сознание оказалось втянутым в мое вялое спящее тело, и я проснулся так внезапно, что прошло более получаса, прежде чем я успокоился. Мое сердце билось совершенно беспорядочно. Меня трясло, и отдельные мышцы ног неконтролируемо сокращались. Я ощущал такое сильное переохлаждение тела, что мне потребовались одеяла и грелки, чтобы

согреться.

Естественно, я незамедлительно отправился в Мексику, чтобы спросить у дона Хуана совета по поводу чувства паралича, и в связи с тем, что я в действительности был одет тогда в белую футболку, то есть я на самом деле видел себя спящим. Кроме этого, я очень боялся переохлаждения.

Он не был настроен обсуждать мое состояние. Все, что мне удалось выдавить из него, было одно едкое замечание.

— Ты все драматизируешь, — сказал он монотонно. — Хотя конечно же, ты видел себя спящим. Твое затруднение в том, что ты разнервничался, ведь до этого твое энергетическое тело никогда не было дельным при полном сознании. Если когда-нибудь ты снова будешь нервничать и мерзнуть, сиди себе и не дергайся. Это восстановит температуру твоего тела в один миг и без всякой суеты.

Я чувствовал себя слегка обиженным его грубостью. Однако совет оказался эффективным. В следующий раз, когда я испугался, я расслабился и вернулся в нормальное состояние через несколько минут, делая то, что он сказал. Поступая таким образом, я обнаружил, что если я не волнуюсь и контролирую свое раздражение, паника не охватывает меня. Контроль над собой не помог мне двигаться, но он определенно дал мне глубокое чувство спокойствия и безмятежности.

После нескольких месяцев тщетных попыток начать передвигаться, я обратился к дону Хуану снова, и даже не столько за советом, сколько потому, что я собирался признать свое поражение. Я столкнулся с непреодолимым препятствием и знал с неоспоримой ясностью, что потерпел неудачу.

— Сновидящий должен обладать хорошим воображением, — сказал дон Хуан с ехидной усмешкой. — А твое воображение никуда не годится. Я не советовал тебе использовать свое воображение для того, чтобы перемешать свое энергетическое тело, потому что хотел выяснить, сможешь ли ты справиться с этой задачей сам. Ты не смог, и твои друзья тоже не помогли тебе.

Раньше я всегда чувствовал побуждение злобно огрызаться, когда он обвинял меня в недостатке воображения. Я считал, что обладаю хорошей фантазией,

но общение с доном Хуаном как учителем заставило меня, к своему разочарованию, признать обратное. Поскольку я не собирался больше тратить энергию на бесполезное отстаивание своей точки зрения, я спросил его:

— 0 какой задаче ты говоришь, дон Хуан?

— Задача о том, как с одной стороны невозможно, а с другой — как это легко, — двигать энергетическое тело. Ты пытаешься делать это так, будто находишься в обыденном мире. Мы тратим так много времени и усилий, чтобы научиться ходить, что верим в необходимость так же постепенно обучать умению ходить наше энергетическое тело. Но нет причин, по которым это следовало бы делать так, кроме той, что такое передвижение — самое понятное для нашего ума. Я удивлялся простоте решения. Я мгновенно понял, что дон Хуан был прав. До этого я ошибался потому, что привязался к одному уровню понимания. Он сказал мне, что как только я достигну третьих врат сновидения, я должен буду двигаться в пространстве, и это движение я понимал как ходьбу. Я сказал ему, что понял его точку зрения.

Это не моя точка зрения, — сказал он отрывисто. — Это точка зрения магов. Маги утверждают, что у третьих ворот все энергетическое тело может двигаться так, как движется энергия: быстро и прямо. Твое энергетическое тело знает, как ему двигаться. Оно может двигаться так, как оно перемещается в мире неорганических существ.

— Отсюда мы переходим к следующему вопросу, — прибавил дон Хуан задумчиво. — Почему твои друзья среди неорганических существ не помогли тебе?

— Почему ты называешь их моими друзьями, дон Хуан?

— Они подобны распространенному типу друзей, которые фактически не заботятся о нас и не любят нас, но в то же время не предпринимают и ничего плохого. Эти друзья просто ждут, когда мы повернемся к ним спиной, чтобы они могли ударить нас оттуда.

Я понял его до конца и согласился на все сто процентов.

— Что заставляет меня идти к ним? Это губительное пристрастие? — спросил я

его скорее риторически.

У тебя нет никакого губительного пристрастия, — сказал он. — Все, что у тебя есть, — это неспособность понять, что ты находился на самом пороге смерти. Поскольку ты не ощущаешь физической боли, ты не можешь убедить себя, что ты был в смертельной опасности. Его слова были здравыми, за исключением того, что я в действительности все же верил в то, что мой глубокий непонятный страх преследует меня в жизни с тех пор, как я столкнулся с неорганическими существами. Дон Хуан слушал молча, пока я рассказывал ему о своем состоянии. Я не мог ни отбросить, ни объяснить себе мое стремление посещать мир неорганических существ, невзирая на все то, что я о нем знал.

— Мне свойственна склонность к безумию, — сказал я. — Ведь то, что я делаю, — бессмысленно.

В действительности это имеет смысл. Неорганические существа по-прежнему водят тебя за собой, как рыбу, попавшую на крючок, — сказал он. — Они время от времени подбрасывают тебе дешевую приманку, чтобы ты следовал за ними. Но они не обучают тебя тому, как двигаться в энергетическом теле.

— Почему ты думаешь, что не обучают?

— Потому что если твое энергетическое тело научится двигаться независимо от них, ты будешь далеко за пределами их досягаемости. Преждевременным было бы с их стороны считать, что ты свободен от них. Ты относительно свободен, но все же еще не полностью. Они продолжают управлять твоим осознанием.

Я почувствовал холодок у себя на спине. Он задел мое больное место.

— Скажи мне, что делать, дон Хуан, и я сделаю это, — сказал я.

— Будь безупречным. Я говорил тебе это уже двадцать раз. Быть безупречным — означает раз и навсегда выяснить для себя, чего ты хочешь в жизни, и тем самым поддержать свою решимость достигнуть этого. А потом делать все от тебя зависящее и даже больше для того, чтобы воплотить в жизнь свое стремление. Если ты не решился ни на что, ты просто-напросто в суматохе играешь с жизнью в рулетку.

Дон Хуан завершил наш разговор, призвав меня хорошенько обдумать то, что он сказал.

При первой же возможности я испытал указания дона Хуана относительно того, как двигаться в энергетическом теле. Когда я снова оказался в состоянии увидеть себя спящим, вместо того, чтобы подойти к телу, я просто переместился ближе к кровати. Мгновенно я оказался так близко, что едва не касался своего тела. Я видел свое лицо. Я даже видел все поры на своей коже. Я не могу сказать, что мне понравилось то, что я видел. Мое видение собственного тела было слишком подробным, чтобы представлять эстетический интерес. Затем что-то, напоминающее ветер, ворвалось в комнату и полностью перемешало предметы, устранив все из поля зрения.

В своих предыдущих снах я полностью утвердился во мнении, что энергетическое тело движется только скользя или паря. Я обсудил это с доном Хуаном. Он, казалось, был необычайно удовлетворен тем, чего я достиг, что очень удивило меня. Я привык к его прохладной реакции на все, чего я добивался в своей практике сновидения.

— Твое энергетическое тело привыкло двигаться только если что-нибудь тянет его, — сказал он. — Неорганические существа таскали твое тело туда-сюда, и до этого времени ты никогда не двигался сам, по своей воле. Кажется, ты не очень многого достиг, если движешься так, как это у тебя получается. Однако я хочу сказать тебе, что я серьезно рассматриваю возможность прекращения твоих занятий. Я уверен, что в течение некоторого времени ты не сможешь научиться самостоятельному перемещению.

— Ты рассматриваешь возможность прекращения моей практики сновидения потому, что я работаю слишком медленно?

— Ты не работаешь медленно. Маг никогда не перестает обучаться владеть своим энергетическим телом. Я собираюсь прекратить твою практику потому, что у меня мало времени. Есть другие задачи, более важные, чем сновидение, на решение которых ты должен использовать свою энергию.

— Теперь, когда я уже научился двигаться по своей воле в энергетическом теле, что еще я должен делать, дон Хуан?

Продолжай двигаться. Перемещение в энергетическом теле открыло для тебя новую область, новое поле для необычайных исследований. Он настаивал на том, чтобы я изобрел еще один способ убедиться в истинности своих снов; это требование не казалось теперь таким странным. Как тогда, когда он говорил об этом в первый раз.

— Как ты знаешь, следовать за лазутчиком — это на самом деле задача вторых врат сновидения, — объяснял он. — Это очень серьезное занятие, но не настолько серьезное, как развитие энергетическом тела и перемещение в нем. Поэтому ты должен научиться определять, что ты видишь себя спящим. Твои новые необычайные исследования всецело зависят от твоей способности на самом деле видеть себя спящим.

После длительных размышлений и сомнений я поверил в то, что придумал хороший способ. Идея этого надежного средства узнать, сплю я или нет, пришла ко мне, когда я вспомнил свою разорванную футболку. Я начал с предположения, что если я действительно вижу себя спящим, то я должен заметить, что на мне та же одежда, в которой я уснул, одежда, которую я решил полностью менять каждые четыре дня. Я был уверен, что у меня не возникнет трудностей с тем, чтобы помнить во сне, во что я был одет, когда ложился в постель; навыки, которые я приобрел в процессе своей практики, убеждали меня, что я способен сохранять в уме такие вещи и вспоминать их во сне.

Я приложил все усилия, чтобы следовать этому способу проверки, но результаты оказались не столь удачными, как я предполагал. Мне не хватало контроля над своим вниманием в сновидении и я не мог достаточно ясно помнить детали моей ночной одежды. И все же что-то другое несомненно работало; каким-то образом я всегда знал, был ли мой сон обычным сном, или нет. Уникальной особенностью этих снов, которые не были просто обычными снами, было то, что мое сознание наблюдало мое тело, которое спало на кровати. Примечательной чертой этих снов была моя комната. Она никогда не была похожа на мою комнату в обычном мире, но напоминала огромный пустой зал с кроватью в одном углу. Я, как правило, парил на некотором расстоянии сбоку от кровати, где лежало мое тело. В тот момент, когда я приближался к нему, сила, напоминавшая ветер, постоянно заставляла меня зависать над ним, как колибри. Иногда комната исчезала; пропадая по частям

до тех пор, пока не оставалось только мое тело и кровать. Иногда я переживал полную потерю способности прилагать волевые усилия. Тогда казалось, что мое внимание в сновидении работает независимо от меня. Оно либо оказывалось полностью поглощенным первой попавшейся вещью в комнате, либо было не в состоянии решить, что делать. В последнем случае я ощущал, что беспомощно плаваю, переходя вниманием от вещи к вещи.

Голос эмиссара в сновидении объяснил мне однажды, что все элементы снов, которые не являются обычными снами, на самом деле были энергетическими образованиями, отличными от известных нам в привычном мире. Голос эмиссара указал, например, что стены были жидкими. Затем он предложил мне проскочить сквозь одну из них.

Не раздумывая дважды, я нырнул в стену, как будто я ныряю в большое озеро. Мне не показалось, что стена напоминает воду, и то, что я чувствовал, не соответствовало также физическому ощущению, которое переживает тело, погружаясь в воду. Это скорее напоминало знание о том, что я ныряю, и видимость прохождения сквозь жидкую среду. Я входил головой вперед во что-то, что расступалось передо мной, как вода по мере того, как я продолжал двигаться вглубь.

Ощущение, что я ныряю головой вперед, было таким реальным, что я начал гадать, как глубоко или как далеко я могу нырнуть. С моей точки зрения, я проживал там целую вечность. Я видел облака и скалоподобные образования материи, разбросанные в толще водянистой субстанции. Там попадались сияющие геометрические объекты, напоминающие кристаллы, и шарики ярчайших оттенков всех цветов, которые я когда-либо видел. Были также зоны ослепительного света и области кромешной тьмы. Все проходило мимо меня, медленно или на большой скорости. Мне казалось, что я вижу космос. В тот момент, когда я подумал об этом, моя скорость возросла так сильно, что все слилось, и внезапно я обнаружил, что проснулся и лежу, упираясь носом в стену своей комнаты.

Какой-то скрытый страх вынудил меня проконсультироваться с доном Хуаном. Он слушал меня, цепляясь к каждому слову.

— Теперь ты должен сделать какой-то решительный маневр, — сказал он. — Эмиссар в сновидении не должен вмешиваться в твою практику. Или, лучше

сказать, что ты не должен ни при каких условиях позволять ему делать это.

— Как мне остановить его?

Сделай простой, но крутой маневр. Войдя в сновидение, громко заяви, что ты не желаешь больше иметь эмиссара в сновидении.

— Значит ли это, дон Хуан, что я никогда больше не увижу его снова?

— Конечно. Ты избавишься от него навсегда.

— Но целесообразно ли избавляться от него навсегда?

— Со всей определенностью говорю, что сейчас это целесообразно.

Этими словами дон Хуан вселил в меня очень болезненное сомнение. Я не хотел прекращать свои отношения с эмиссаром, но в то же время мне хотелось следовать совету дона Хуана. Он заметил мои колебания.

— Я знаю, что это очень сложная задача, — согласился он, — Но если ты не сделаешь этого, неорганические существа будут всегда держать тебя на поводу. Если хочешь избежать этого, — сделай то, что я сказал, и сделай это сразу же.

Когда в течение своего следующего занятия сновидением я приготовился выразить свое намерение, голос эмиссара прервал меня. Он сказал:

— Если ты воздержишься от своего требования, я обещаю тебе никогда не вмешиваться в твою практику сновидения и разговаривать с тобой только тогда, когда ты будешь обращаться ко мне с вопросами.

Я сразу же принял это предложение и искренне чувствовал, что это хороший договор. Я даже почувствовал облегчение от того, что все обернулось таким образом. Однако я боялся, что дону Хуану это не понравится.

— Это был хороший маневр, — заметил он и засмеялся. — Ты был искренним; ты действительно собирался выразить свое требование. Быть искренним — вот все, что от тебя требовалось. По существу, у тебя не было никакой

необходимости устранять эмиссара. От тебя требовалось только пожелать поставить его на место, чтобы он предложил удобный для тебя выход из сложившейся ситуации. Я уверен, что эмиссар не будет больше соваться не в свое дело.

Он был прав. Я продолжал свою практику сновидения без вмешательства со стороны эмиссара. Замечательным следствием этого было то, что я начал видеть сны, в которых комната, в которой я спал, была такой, как в обычном мире, с одним лишь отличием: во сне комната была всегда так перекошена, так искажена, что выглядела как огромное полотно кубиста; тупые и острые углы заменяли обычные прямые там, где пересекались стены, потолок и пол. В моей кривобокой комнате каждая реальная деталь интерьера превращалась в удивительно абсурдную и нелепую благодаря косым лучам острых и тупых углов; например, изощренный узор линий на паркете, выцветшие пятна на покрашенной стене или отпечатки грязных пальцев на краю двери.

В этих сновидениях я неизбежно терялся в водянистых вселенных, состоящих из предметов, искаженных кривизной. Во всей моей практике сновидения я постоянно погружался в детали предметов, потому что их изобилие в моей комнате было неописуемым, а их притяжение таким сильным, что я не мог устоять.

При первой же возможности я посетил дона Хуана, расспрашивая его о своем состоянии.

— Я не могу преодолеть своей комнаты, — сказал я ему после длительного описания своей практики сновидения.

— Откуда ты взял, что ты должен преодолевать ее? — спросил он, ухмыльнувшись.

— Я чувствую, что я должен выйти за пределы комнаты, дон Хуан.

— Но ты уже движешься за пределами комнаты. Возможно, тебе следует спросить себя, не запутался ли ты снова в интерпретациях. Что, по твоему мнению, означает движение в этом случае?

Я сказал ему, что сон о том, как я вышел из своей комнаты на улицу, не дает

мне покоя ни на миг, и я ощущаю сильную необходимость сделать это снова.

— Но ведь ты делаешь более значительные вещи, чем это, — запротестовал он. — Ты посещаешь невероятные миры. Чего еще ты хочешь?

Я пытался объяснить ему, что прямо-таки физически страдаю от побуждения вырваться из ловушки многочисленных деталей. Меня больше всего расстраивало мое неумение освободиться от того, что овладевало моим вниманием. Ощущение почти полной неспособности проявлять волю в сновидении было для меня результатом всех моих стараний.

Последовала продолжительная тишина. Я хотел больше услышать о ловушке погружения в детали. В конце концов он все же предупредил меня об опасности, связанной с этой ловушкой.

— У тебя неплохо получается, — сказал он в заключение. Ведь у сновидящих много времени уходит на то, чтобы усовершенствовать свое энергетическое тело. В случае с тобой под угрозой находится именно это — совершенствование твоего энергетического тела.

Дон Хуан объяснил причину, по которой мое энергетическое тело было вынуждено детально изучать подробности и оказывалось безнадежно запутанным в них. Это происходило из-за неопытности, несовершенства энергетического тела. Он сказал, что маг зачастую проводит целую жизнь, предоставляя возможность своему энергетическому телу впитать все доступное, и тем самым укрепляет его.

До тех пор, пока энергетическое тело не достигнет полного развития и зрелости, оно поглощено собой, — продолжал дон Хуан. — Оно не может освободиться от навязчивого стремления проникнуть во все. И если ты примешь это во внимание вместо того, чтобы воевать с ним, ты сможешь протянуть ему руку помощи.

— Как мне сделать это, дон Хуан?

— Управляя его поведением или, иными словами, пользуясь сталкингом.

Он объяснил, что все связанное с энергетическим телом, зависит от положения

точки сборки, а сновидение подразумевает не что иное, как ее смешение. Поэтому сталкинг означает способность заставить точку сборки находиться именно в том положении, где энергетическое тело может быть укреплено и доведено до совершенства.

Дон Хуан считал, что маги считают оптимальным такое положение точки сборки, при котором энергетическое тело может двигаться независимо. Следующий шаг состоит в сталкинге энергетического тела, то есть в фиксировании его в этом положении с целью сделать его совершенным. Он объяснил, что по сути этот процесс очень прост. Нужно использовать свое намерение для сталкинга энергетического тела.

Он замолчал, и мы выжидающе посмотрели друг на друга. Я ожидал, что он скажет больше, а он ожидал, что я подтвержу, что понял его слова. Но я не понимал.

— Дай возможность своему энергетическому телу достичь оптимального положения в сновидении, — объяснил он. — Затем используй намерение своего энергетического тела оставаться в том же положении, — это и будет твой сталкинг.

Он сделал паузу, глазами побуждая меня внимательно рассмотреть свое утверждение.

— Намерение — это тайна, но ты уже знаешь это, — сказал он. — При помощи намерения маг смещает свою точку сборки, фиксирует ее он также с помощью намерения. Намерение постигают, используя его.

У меня снова появились неизбежные в этой ситуации нелепые сомнения относительно своей способности быть магом. Но в то же время я был совершенно уверен, что каким-то образом мне удастся направить свое намерение на фиксацию точки сборки в нужном месте. В прошлом я совершал всевозможные удачные трюки с намерением, не имея понятия, как мне это удавалось. Сам дон Хуан удивлялся моей способности или моему везению, и я был уверен, что так случится и на этот раз. Но я грубо ошибался. Что бы я ни делал и как долго я ни ждал, мне никак не удавалось фиксировать точку сборки хоть где-нибудь, не говоря уже о нужном месте.

После месяцев упорных, но неудачных попыток я сдался.

— Знаешь, я на самом деле верил, что смогу сделать это, — сказал я дону Хуану сразу же, как только вошел в его дом. — Боюсь, я сейчас страдаю от своей самовлюбленности более, чем когда-либо.

— На самом деле это не так, — сказал он с улыбкой. — Случилось так, что ты снова запутался в своем обычном неправильном понимании терминов. Ты стремишься найти нужное место так, будто ищешь потерянные ключи от машины. Затем ты хочешь привязать к нему свою точку сборки так, как завязывают шнурки. Идеальное место для точки сборки, а также для ее фиксации — это метафоры. Реальность не имеет ничего общего со словами, которые ассоциируются у тебя с этими обозначениями.

Затем он попросил меня рассказать ему о том, что случилось со мной в последний раз, когда я практиковал сновидение. Я сразу же упомянул, что моя склонность быть поглощаемым деталями предметов существенно уменьшилась. Я сказал, что это, возможно, произошло потому, что я был вынужден постоянно перемещаться во сне. Таким образом, движение не давало мне возможности остановиться для того, чтобы погрузиться в предметы, которые я рассматривал. Когда же я останавливался, то мог наблюдать процесс своего поглощения деталями. Я пришел к выводу, что неодушевленная материя в действительности обладает парализующей силой, которую я видел как луч тусклого света, приковывающий мое внимание. Например, много раз было так, что небольшая царапина на стене или узор древесных волокон на паркетном полу в моей комнате излучал поток света, который завладевал мной. С того момента, как мое внимание в сновидении сосредоточивалось на этом свете, все сновидение начинало вращаться вокруг одной этой незначительной детали. Я видел, как ее размер увеличивался едва ли не до космических масштабов. Такое рассматривание обычно продолжалось, пока я не просыпался, оказавшись, как правило прижатым носом к стене или к деревянному полу. Мои наблюдения показывали, что, во-первых, я наблюдал детали из реального мира, и, во-вторых, казалось, что я созерцал их, находясь во сне.

Дон Хуан улыбнулся и сказал:

— Ты понял это все потому, что формирование твоего энергетического тела

закончилось тогда, когда ты начал двигаться сам. Я не говорил тебе об этом прямо, но намекал на это. Я хотел увидеть, сможешь ли ты обнаружить это сам, что ты, конечно же, и сделал.

Я не имел представления, что он имеет в виду. Дон Хуан сверлил меня взглядом, как обычно, критически изучая то одну, то другую часть моего тела.

— Что именно я обнаружил сам, дон Хуан? — вынужден был спросить я.

— Ты обнаружил, что формирование твоего энергетического тела закончилось, — ответил он.

— Я не обнаруживал ничего подобного, уверяю тебя.

— Нет, ты сделал это. Это началось раньше, когда ты не мог подыскать способа установить реальность своих снов, но затем что-то в тебе начало работать, показывая тебе, обычный это сон или нет. Это что-то и было твоим энергетическим телом. Сейчас ты отчаиваешься, что не можешь найти идеального места для фиксации своей точки сборки. Но я говорю тебе, что ты уже нашел его. Доказательством может служить тот факт, что, двигаясь везде, твое энергетическое тело прекращает попадать под влияние деталей.

Я был ошарашен. Я не мог даже задать ни одного из своих жалких вопросов.

— За этим последует то, что называют жемчужиной магов, — продолжал дон Хуан. — Ты будешь практиковать видение энергии в сновидении. Ты справился с заданием третьих ворот сновидения: научиться свободно перемещать энергетическое тело. Теперь ты будешь работать над настоящей задачей: видением энергии с помощью своего энергетического тела.

— Ты уже видел энергию раньше, — говорил он, — на самом деле, много раз. Но каждый раз до сих пор твое видение было случайным. Теперь ты будешь заниматься этим целенаправленно.

— Из повседневного опыта сновидящие знают, — продолжал он, — что если энергетическое тело сформировано, человек видит энергию каждый раз, когда он рассматривает какой-нибудь предмет реального мира. Если же он видит энергию предмета во сне, — он тем самым может узнать, что находится в

реальном мире, каким бы искаженным ни казался мир для его внимания в сновидении. Если же он не может видеть энергию предметов, — это обычный сон, а не реальный мир.

— Что такое реальный мир, дон Хуан?

— Это мир, порождающий энергию; он представляет собой противоположность призрачного мира иллюзии, где ничто не порождает энергию, как бывает в большинстве наших снов, заполненных вещами без энергетического потенциала. Затем дон Хуан дал мне еще одно определение: сновидение — это процесс, в котором сновидящий обнаруживает определенные свидетельства существования вещей, рождающих энергию. Должно быть, он заметил мое замешательство. Он засмеялся и дал мне еще одно, еще более витиеватое определение: сновидение — это процесс, с помощью которого мы намереваемся найти адекватное положение точки сборки, дающее нам возможность замечать в состоянии сновидения предметы, порождающие энергию.

Он объяснил, что энергетическое тело способно также увидеть энергию, существенно отличную от энергии нашего обычного мира. Так происходит в случае предметов, наблюдаемых в мире неорганических существ, где энергетическое тело замечает шипящую энергию. Он добавил, что в нашем мире ничто не шипит; здесь все мерцает.

— Начиная с этого времени, — сказал он, — задачей твоей практики сновидения будет определение того, принадлежат ли предметы, на которых сконцентрировано твое внимание в сновидении, к порождающим энергию, к обычным иллюзорным видениям или порождающим отрицательную энергию.

Дон Хуан сказал, что надеялся, что я сам предложу идею видения энергии как способа определить, наблюдаю ли я в обычном или в необычном сне свое настоящее тело. Он посмеялся над моими изощренными попытками определять это, надевая каждые четыре дня другую ночную одежду. Он сказал, что у меня с самого начала была под рукой вся информация, необходимая для того, чтобы справиться с задачей третьих врат сновидения и предложить правильный способ определения своего местонахождения. Но моя склонность находить все окольным путем вынудила меня искать сложные решения там, где все просто и непосредственно ясно для мага.

9 глава. Новая область исследования

Дон Хуан сказал мне, что для того, чтобы видеть в сновидении, я должен не только намереваться видеть, но и выражать мое намерение в словах громким голосом. По причине, которую он отказался объяснить, он настаивал на том, что мы должны высказывать свое намерение громко и отчетливо. Он признал, что существуют и другие пути достигнуть того же результата, но при этом заметил, что выразить свое намерение вслух — это простейший и самый прямой способ.

Я впервые выразил словами своя намерение видеть, когда посетил в сновидении рынок вблизи церкви. Там было такое обилие всевозможных вещей, что я никак не мог решить, на какую из них обратить своя внимание. Огромная, бросающаяся в глаза ваза в углу невольно определила мой выбор. Я пристально взглянул на нее, выражая вслух своя намерение видеть. Ваза оставалась в поле зрения еще один миг, а затем превратилась в нечто иное. В этом сновидении я рассмотрел множество всевозможных предметов. Каждый раз после того, как я выражал вслух свое намерение видеть, выбранный мною для созерцания предмет исчезал или превращался в еще что-нибудь. Такие вещи уже не раз происходили в моей практике сновидения и раньше. В конце концов мое внимание в этом сновидении истощилось, и я проснулся, чувствуя себя ужасно раздраженным, почти сердитым.

На протяжении нескольких месяцев я внимательно рассматривал в своих сновидениях сотни предметов, сознательно декларируя свое намерение видеть, — но ничего не происходило. Когда мне надоело ждать результата, я обратился с вопросом к дону Хуану.

— Прояви терпение. Ты обучаешься удивительным вещам, — заметил он. — Ты учишься намереваться видеть в сновидении. Придет время, когда тебе уже больше не нужно будет выражать вслух свое намерение; достаточно будет

лишь молча пожелать этого.

— Мне кажется, я должен понять смысл того, что я делаю, — сказал я. — Ведь когда я выкрикиваю свое намерение видеть, ничего не происходит. Что это значит?

— Это значит, что твои сны до сих пор были обычными снами; в них ты встречался с иллюзорными проекциями, образами, которые существуют только в твоем внимании сновидения.

Он хотел точно знать, что происходило с объектами, на которых я фиксировал взгляд. Я сказал, что они исчезали, изменяли очертания или даже порождали завихрения, которые в конце концов разрушали мое сновидение.

— Но я уже сталкивался раньше с чем-то подобным в своей практике сновидения, — сказал я. — Единственное заметное отличие теперь в том, что я учусь вопить во сне во весь голос.

Мои последние слова вызвали у дона Хуана настоящий припадок утробного смеха, который привел меня в замешательство. Я не мог понять, что такого смешного сказал и почему он так среагировал на это.

— Когда-нибудь ты оценишь, как это все забавно, — сказал он в ответ на мой молчаливый протест. — А пока не сдавайся и не падай духом. Продолжай свои попытки. Рано или поздно ты добьешься своего. Как всегда, он был прав. Через несколько месяцев я сорвал-таки банк. Мне приснился самый необычный сон. Начался он с появления лазутчика из мира неорганических существ. Лазутчики, также, как эмиссары из сновидений, в течение последнего времени как-то странно исчезли из моих снов. Я не скучал по ним и не анализировал причин их исчезновения. На самом деле мне это было уже совершенно не нужно, и я даже забыл спросить дона Хуана об их отсутствии.

В этом сне лазутчик был в начале огромным желтым топазом, который я нашел за задней стенкой выдвижного ящика стола. В тот момент, когда я выразил свое намерение видеть, топаз превратился в пузырек шипящей энергии. Я испугался, что буду вынужден последовать за ним, и по этому перевел взгляд с лазутчика на аквариум с тропическими рыбками. Я выразил намерение видеть и был сильно удивлен. Аквариум излучал слабое

зеленоватое сияние, а затем превратился в большой сюрреалистический портрет женщины в драгоценных украшениях. Портрет светился тем же самым зеленоватым свечением, которое излучал аквариум.

Пока я наблюдал это сияние, ход сна изменился. Я шел по улице города, который казался мне знакомым. Это мог быть Таксон. Я разглядывал витрину магазина женской одежды и громко заявил о своем намерении видеть. Сразу же засиял черный манекен, выставленный на видном месте. Затем я начал всматриваться в служащую магазина, которая как раз появилась в окне, собираясь переоформлять витрину. Она посмотрела на меня. Выразив вслух свое намерение, я увидел, как она сияет. Я был так изумлен, что боялся, как бы какая-то деталь ее восхитительного сияния не увлекла и не поглотила меня, но женщина вернулась в помещение до того, как все мое внимание успело сосредоточиться на ней. Конечно же, у меня возникло намерение последовать за ней; Однако, мое внимание в сновидении оказалось пойманным движущимся сиянием. Сияние было направлено в мою сторону откровенно враждебно. Оно было исполнено отвращения и злобы. Я отскочил назад. Сияние перестало на меня действовать; темнота поглотила меня, и я проснулся.

Образы были настолько яркими, что я не сомневался, что видел энергию. Это сновидение было одной из тех подобных сновидению ситуаций, о которых дон Хуан сказал, что в них происходит генерирование энергии. Мысль о том, что события сна могут происходить в нашей привычной реальности обыденного мира, заинтриговала меня не менее, чем образы из мира неорганических существ.

— На этот раз ты не только видел энергию, но и пересек опасную грань, — сказал дон Хуан, выслушав мой рассказ.

Он повторил, что задача третьих врат сновидения состоит в том, чтобы сделать возможным независимое движение энергетического тела. По его словам, в своем последнем эксперименте я случайно переступил в своих упражнениях за грань дозволенного, и вошел в другой мир.

— Твое энергетическое тело двигалось, — сказал он. — Оно путешествовало по себе. Ты пока не в состоянии контролировать такие путешествия, и по этому кто-то напал на тебя.

— Как ты думаешь, что это было, дон Хуан?

— Эта была вселенная хищников. Ты мог столкнуться с одной из тысяч не слишком приятных вещей, существующих там.

— Как ты думаешь, почему на меня напали?

— А почему нападали неорганические существа? Потому что ты подставлялся.

— Так просто, дон Хуан?

— Конечно. Представь, что какой-нибудь диковинный паук вдруг упал бы на стол, за которым ты пишешь. Испугавшись, ты, возможно, раздавил бы его, но вряд ли стал бы им восторгаться или его рассматривать. Растерявшись, я подыскивал слова, желая спросить его, где происходили события из моего сна и что за энергию я в нем видел. В тоже время я и сам чувствовал, что в такой постановке эти вопросы бессмысленны. Дон Хуан, казалось, прекрасно меня понимал.

— Ты хочешь знать, где было сконцентрировано твое внимание в сновидении, не так ли? — спросил он, широко улыбаясь.

Это как раз соответствовало тому, как я хотел бы сформулировать свой вопрос. Я считал, что в рассматриваемом сновидении я должен был видеть какой-то настоящий предмет. Точно так было тогда, когда я видел в сновидении мельчайшие детали пола, стен или двери в свою комнату, детали, существование которых в последствии было подтверждено мной, когда я бодрствовал.

Дон Хуан сказал, что в некоторых отдельных сновидениях, подобных этому, наше внимание фокусируется на обычном мире и постоянно перемещается от одного реального объекта к другому. Это движение возможно благодаря соответствующему этому сновидению положению точки сборки. Находясь в этом положении, точка сборки делает внимание таким подвижным, что оно может в один миг переметнуться на невероятные расстояния. Когда это происходит, возникает переживание такого быстрого, такого мимолетного типа, что оно напоминает обычный сон.

Дон Хуан объяснял, что в своем сновидении я видел настоящую вазу, а затем мое внимание переместилось на огромное расстояние, чтобы видеть сюрреалистическое изображение женщины с драгоценностями. Если не считать видения мною энергии, то все, что я наблюдал в этом сновидении в итоге было очень похоже на обычный сон, в котором рассматриваемые предметы быстро превращаются друг в друга.

— Я знаю, как это неприятно, — продолжал он, очевидно заметив мою растерянность. — По какой-то причине, относящейся к устройству нашего ума, видение энергии в сновидении чревато такими неожиданностями, которых человек не может и представить. Я отметил, что и раньше видел энергию в сновидении, но это никогда не воздействовало на меня так.

— Теперь формирование твоего энергетического тела завершено, и оно работает, — сказал он. — Поэтому твое видение энергии в сновидении означает, что ты путешествуешь по реальному миру, пока твоя тело погружено в сон. Вот в чем важность этих твоих приключений. Все это было реальным. Ты столкнулся с вещами, порождавшими энергию, которая чуть было не погубила тебя.

— Было ли это столь серьезно, дон Хуан?

— Клянусь! Существо, нападавшее на тебя, было создано из чистого сознания и было таким же смертельно опасным, каким может быть любое другое живое существо. Ты видел его энергию. Уверен, что теперь ты понял, что если мы не видим в сновидении, то нет никакой возможности отличить реальный энергообразующий мир от иллюзорного видения. Поэтому, даже несмотря на то, что ты победил неорганические существа и по-настоящему видел лазутчиков и тоннели, твое энергетическое тело не знало наверное были ли они реальными, то есть — генерирующими энергию. Ты был, возможно, уверен в этом на девяносто девять, но не на сто процентов.

Дон Хуан настаивал, чтобы я рассказывал ему о своих последних путешествиях. Но по какой-то необъяснимой причине я уклонялся от этой темы. То, что он сам говорил об этом, оказывало на меня мгновенное и странное воздействие. Я обнаружил, что неизменно сталкиваюсь лицом к лицу с глубоким, непонятным страхом; он был темным и навязчивым, неотступно

преследуя меня, заставляя меня ежиться.

— Очевидно, ты перешел в другую плоскость, — сказал дон Хуан, закончив реплику, которой я не уделил внимание.

— В какую плоскость, дон Хуан?

— Мир похож на луковицу своими многими уровнями. Тот мир, который мы знаем — это лишь один из многих. Иногда мы пересекаем границы и выходим в другие плоскости, другие миры, очень похожие на наш, но несовпадающие с ним. И ты случайно сам вошел в один такой мир.

— Как оказался возможным переход, о котором ты говоришь, дон Хуан?

— Это бессмысленный вопрос, потому что на него нельзя ответить. С точки зрения магов вселенная составлена из уровней, которые энергетическое тело может пересекать. Знаешь ли ты, где маги прошлого живут по сей день? На другом уровне, на другом слое луковицы.

— Для меня идея настоящего полезного путешествия, предпринимаемого в сновидении, кажется слишком сложной для понимания. С ней трудно согласиться, дон Хуан.

— Мы уже обсуждали этот вопрос до изнеможения. Я был убежден, что ты понял, что путешествие энергетического тела определяется исключительно положением точки сборки.

— Ты говорил мне это. Я пережевывал эту идею множество раз, но все же утверждение о том, что путешествие означает сдвиг точки сборки, ни о чем мне не говорит.

— Твои затруднения — в твоем скептицизме. Я был точно таким, как ты. Наш скептицизм не позволяет нам глубоко изменить понимание мира. И еще он вынуждает нас считать, что мы всегда правы.

Я прекрасно понимал то, о чем он говорит, но напомнил ему о том, что постоянно борюсь с этой своей чертой.

— Предлагаю тебе выполнять одно бессмысленное действие, которое поможет событиям принять другой оборот, — сказал он. — Постоянно повторяй про себя, что суть магии — в тайне точки сборки. Если ты достаточно долго будешь повторять про себя, какая-то незримая сила возьмет верх и вызовет в тебе нужные изменения. Дон Хуан никак не показал, что его слова являются шуткой. Я знал, что каждое сказанное им слово имеет какой-то важный смысл. Больше всего меня беспокоило его настойчивое требование, чтобы я постоянно повторял про себя эту формулу. Я поймал себя на мысли, что все это просто глупо.

— Измени свое скептическое отношение к этому, — перебил он мои сомнения.

— Повторяй эти слова самым добросовестным образом.

— Тайна точки сборки — это главное в магии, — продолжал он, не глядя на меня. — Или так — вся магия основана на манипулировании точкой сборки. Ты все это знаешь, но ты должен повторить это.

Слушая его замечания, мне на миг показалось, что я вот-вот умру. Невероятное чувство непритворного уныния обрушилось на мои плечи и заставило меня закричать от боли. Мой желудок и диафрагма, казалось, подтянулись вверх, заполняя мою грудную клетку. Это ощущение было таким интенсивным, что мой уровень осознания изменился и я вошел в свое обычное состояние. Все, о чем мы говорили, стало туманной мыслью о том, что могло случить, но не случилось в действительности, и о чем я знал благодаря своему тусклому мышлению в обычном состоянии осознания.

В следующий раз, когда мы с доном Хуаном говорили о сновидениях, мы обсуждали причины, по которым я не мог продолжать свою практику сновидения уже на протяжении нескольких месяцев. Дон Хуан предупредил меня, что для объяснения моего положения ему придется пойти окольным путем. Он прежде всего указал на то, что между мыслями и действиями людей древности с одной стороны, и современных людей — с другой, существует громадное различие. Затем он отметил, что люди былых времен обладали очень реалистичным восприятием и осознанием мира. Потому что их видение проистекало из их наблюдений окружающей вселенной. Современные люди, в отличие от них, обладают до абсурдности нереалистичным восприятием и осознанием, потому что их взгляды основываются на их наблюдении

общественных закономерностей и претворении их в жизнь.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил я.

— Потому что ты — современный человек, сталкивающийся с мировоззрением и наблюдениями людей древности, — ответил он. — И они тебе совершенно незнакомы. Теперь, больше чем когда-либо, тебе нужно быть собранным и настойчивым. Я пытаюсь построить прочный мост, по которому ты мог бы идти от взгляда людей древности до взглядов современного человека.

Он отметил, что я не знаком со всеми важными открытиями людей древности, кроме одного, которое дошло до наших дней. Речь шла об идее продажи своей души дьяволу в обмен на бессмертие. Он признался что эта идея звучит для него как эхо отношений между магами прошлого и неорганическими существами. Он напомнил мне, как эмиссар в сновидении пытался вынудить меня остаться в его мире, предлагая мне за это возможность сохранить индивидуальность и самосознание на почти бесконечное время.

— Как ты знаешь, уступка обольщению неорганических существ — это не просто идея; это — реальность, — продолжал дон Хуан. — А ты еще не понял до конца, чем чревата эта реальность. Сновидение тоже реально; это состояние порождения энергии. Когда ты слышишь мои слова, ты, конечно, понимаешь, что я имею ввиду, но ты еще не осознал всей важности этого.

Дон Хуан сказал, что моя рациональность знала, что именно сулит ей мое постижение ее враждебной сущности, и поэтому в нашем последнем разговоре она вынудила мое восприятие перейти на более низкий уровень. Я закончил тот разговор, очутившись в обычном состоянии сознания, так и не разобравшись в тонкостях своего сна. Моя рациональность продолжала защищаться, отрицательно сказываясь на моей практике сновидения.

— Уверяю тебя, что полностью осознаю, в каких ситуациях генерируется энергия, — сказал я.

— А я уверяю тебя, что не осознаешь, — возразил он. — Если бы это было не так, ты бы относился к сновидению с большим вниманием и ответственностью. Но так как ты уверен, что ты всего лишь спишь, — ты делаешь выбор вслепую. Твои ошибочные суждения говорят тебе, что независимо от

происшедшего сновидения сон когда-нибудь закончится и ты проснешься.

Он был прав. Несмотря на все то, что я наблюдал в ходе своей практики сновидения, я все еще придерживался так или иначе общепринятого мнения о том, что вся это сон.

— Я рассказывал тебе о взглядах людей прошлого и современных людей, — продолжал дон Хуан, — потому что твое представление является представлением современного человека, рассматривающего непонятные идеи так, будто они являются бессмысленной фантазией.

— Если бы не начал этот разговор, ты бы так и рассматривал сновидения как некую абстрактную идею. Конечно же, я уверен, что ты относишься к нему серьезно, но ты не полностью веришь в реальность сновидения.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, дон Хуан, но не понимаю, зачем.

— Я говорю все это потому, что ты сейчас впервые оказываешься в состоянии понять, что сновидение — это ситуации, в которых возможно порождение энергии. В первый раз ты можешь сейчас понять, что обычные сны — это медленно действующее средство, чтобы переместить точку сборки в положение, создающее условия для производства энергии, которую мы называем сновидением.

Он предупредил меня, что поскольку сновидящие соприкасаются и входят в реальные миры, где возможны любые неожиданности, они должны постоянно находиться в состоянии непрерывного внимания и крайней осторожности; любая неосторожность, связанная с риском, может оказаться для сновидящего более чем ужасной. Я начал в этот момент снова ощущать движение грудной клетки, точно такое же, как в тот день, когда мой уровень осознания самопроизвольно изменился. Дон Хуан сильно встряхнул меня за руку.

— Рассматривай сновидение как очень опасное занятие! — приказал он мне. — Начинай прямо с этого дня! Без всяких туманных оговорок.

Тон его голоса был таким настойчивым, что все то непонятное, что только что происходило со мной, тут же прекратилось.

— Что это со мной, дон Хуан? — спросил я.

— А с тобой то, что ты можешь смещать свою точку сборки быстро и легко, — сказал он. — Но эта легкость приводит к тому, что смещение оказывается неустойчивым. Научись контролировать эту свою способность. И не позволяй себе не малейшего отклонения.

Я бы легко мог начать спор, что я не знаю, о чем он говорит, но на этот раз мне показалось, что я понял. Я так же понял, что мне нужно только несколько секунд, чтобы сконцентрировать свою энергию и изменить свое отношение к его словам, что я и сделал.

На этом тогда наше общение и окончилось. Я уехал домой и в течение почти года добросовестно и регулярно повторял то, что дон Хуан просил меня произносить. Результат моих молитвоподобных взываний был невероятен. Я был твердо убежден, что оно имело такое же влияние на мое восприятие, какое физические упражнения оказывают на мышцы тела. Моя точка сборки стала более подвижной, а это означало, что видение энергии в сновидении стало главной целью моей практики. Мое умение видеть возрастало пропорционально моим усилиям. Настало время, когда я стал способен, не произнося ни слова, только намереваться видеть и сразу же достигать того же результата, что и в случае высказывании моего намерения вслух. Дон Хуан поздравил меня с этим достижением. Естественно, я счел, что он надо мной насмехается. Но он подтвердил, что действительно считает мои занятия успешными. Все же он попросил меня продолжать «выкрикивать намерение», по-крайней мере, тогда, когда я сомневался. Его требование не оказалось для меня неожиданным. И поэтому я вопил в своих снах во весь голос каждый раз, когда мне это казалось необходимым.

Я открыл, что энергия нашего мира мерцает, она поблескивает. Не только живые существа, но и все и вся вообще в нашем мире тускло светится своим тусклым внутренним светом. Дон Хуан объяснил, что энергия нашего мира образует слои мерцающих цветов. Верхний слой — белесый; следующий за ним — зеленовато-желтый, а следующий дальше — янтарный.

Я обнаружил все эти оттенки, или, лучше было сказать, что я видел их мерцание, когда предметы, встречаемые мной в состоянии сновидения, меняли свои очертания. Однако белое сияние было всегда самым доступным при

видении предмета, порождающего энергию.

— Неужели всего цветов только три? — спросил я дона Хуана.

— Их бесконечное число, — ответил он, — но для целей твоего начального состояния вполне достаточно этих трех. Позже ты сможешь получить их в любом наборе и выделить десятки оттенков, если захочешь этим заниматься.

— Белый слой имеет цвет, свойственный нынешнему положению точки сборки человечества, — продолжал дон Хуан. — Будем говорить, что это современный цвет. Многие считают, что все совершенное человеком в наши дни отмечено этим беловатым сиянием. В одно время положение точки сборки человечества привело к тому, что господствующая энергия в мире была зеленовато-желтая; а еще раньше янтарно-желтая. Цвет энергии магов — тоже янтарно-желтый, что означает их энергетическую связь с людьми, жившими в далеком прошлом.

— Думаешь ли ты, дон Хуан, что современный белый цвет энергии когда-нибудь изменится?

— Если человечество окажется способным эволюционировать. Великая задача магов состоит в том, чтобы распространить идею, согласно которой для эволюции человечества в начале необходимо освободить свое осознание от привязанности к общественным условностям. Как только осознание освобождается, намерение направляет его по новому пути развития.

— Ты думаешь, что магам удастся справится с этой задачей?

— Им уже удалось. Они сами — живой пример этому. А убедить других в важности и необходимости эволюционирования — это другое дело.

Другим типом энергии, который я обнаружил в нашем мире, была энергия лазутчиков. Это была отрицательная энергия, которую дон Хуан назвал шипящей. Я встречал десятки объектов в своих снах, которые, после того, как я видел их, превращались в шарики энергии, пенившиеся и, казалось, пузырящиеся в следствие каких-то внутренних тепловых процессов.

— Запомни, что не каждый лазутчик, которого ты встретишь, принадлежит

миру неорганических существ, — заметил дон Хуан. — Каждый лазутчик, которого до сих пор ты обнаруживал, за исключением голубого лазутчика, принадлежал этому миру. Но так получилось потому, что неорганические существа охотились за тобой. Они управляли происходящим с тобой. Теперь ты независим. Некоторые из лазутчиков, которых ты встретишь, не будут принадлежать миру неорганических существ, они будут из других, более отдаленных уровней восприятия.

— А эти лазутчики осознают тебя? — спросил я.

— Конечно же, — ответил он.

— Тогда почему же они не вступают с нами в контакт, когда мы бодрствуем?

— Они-то вступают, но беда в том, что наше сознание так сильно занято, что у нас нет времени замечать их. Однако во сне наше внимание с его привычной узкой избирательностью раскрывается и мы видим сны. Во сне мы можем общаться с существами из других миров.

— Можно ли как-нибудь узнать, приходят ли лазутчики из уровней, существующих помимо мира неорганических существ?

— Чем сильнее «шипит» их энергия, тем из более удаленных мест они приходят. Это звучит упрощенно, но ты должен дать возможность своему энергетическому телу сказать тебе, что есть что. Уверяю тебя, оно будет чувствовать тончайшее различие и делать безошибочные выводы при столкновении с враждебной энергией.

И снова он был прав. Мое энергетическое тело без труда различало два общих типа отрицательной энергии. Первый был присущ лазутчикам из мира неорганических существ. Их энергия слегка шипела. Шипение было беззвучным, но оно имело все видимые признаки выделения пузырьков газа из воды, которая начинает кипеть.

Энергия второго общего типа лазутчика создало у меня впечатление наличия более значительного могущества. Эти лазутчики, казалось, вот-вот воспламенятся. Они вибрировали изнутри так, будто бы были заполнены газом, находящимся под давлением.

Мои столкновения с враждебной энергией всегда были непродолжительными, потому что я всегда придерживался рекомендаций дона Хуана. Он сказал, что если при встрече с враждебной энергией не знаешь точно, что делать, или что ты можешь получить от нее, довольствуйся быстрым взглядом. Что-нибудь помимо такого взгляда также опасно и безумно, как игра с гремучей змеей.

— Почему это опасно, дон Хуан? — спросил я.

— Лазутчики всегда очень агрессивны и крайне дерзки, — сказал он. — Они вынуждены быть такими, чтобы добиваться цели в своих исследованиях. Сосредоточивать внимание на них равносильно подстреканию их к тому, чтобы они заинтересовались тобой. Стоит им сконцентрировать внимание на себе, и ты будешь вынужден вступить с ними в контакт, а это, конечно же, опасно. Ты, например, можешь оказаться в конце концов в мире, вернуться из которого ты будешь не в состоянии, потому что тебе не хватит энергетических ресурсов.

Дон Хуан объяснил, что существует много больше типов лазутчиков, чем те два, которые я перечислил. На моем теперешнем уровне энергии я могу встретится только с тремя из них. Он сказал, что тех двух, которых я описал, заметить легче всего. Их вид в наших снах так бросается в глаза, что, по его словам, они сразу же привлекают наше внимание в сновидении. Он представил третий тип лазутчика как самый опасный в смысле агрессивности и могущества потому что они имеют очень обманчивую наружность.

— Одна из самых странных вещей, которые обнаруживают сновидящие, и которую ты сам скоро обнаружишь, — продолжал дон Хуан, — это третий тип лазутчика. Пока ты встречал только представителей первых двух типов, но это потому, что ты не смотрел, куда следует.

— А куда следует смотреть, дон Хуан?

— Ты снова попался на удочку слов; на этот раз тебя поймала слово «объекты», которое ты воспринимаешь только в значении «вещи, предметы». Так вот, самые свирепые лазутчики прячутся в наших снах под масками людей. Меня ожидал большой сюрприз, когда я в своем сновидении сфокусировался на образе своей матери. После того, как я проявил свое

намерение видеть, она превратилась в зловещий пузырь клокочущей энергии. Дон Хуан сделал паузу, чтобы я прочувствовал его слова. Я чувствовал себя глупо в связи с тем, что меня встревожила возможность обнаружить в сновидении лазутчика, скрывающегося за образом моей матери.

— Противно то, что они обычно связаны с образами наших родителей и близких друзей, — продолжал он. — Возможно, именно поэтому мы зачастую чувствуем беспокойство, когда они нам снятся. — Его улыбка дала мне понять, что его веселит мое смятение. Среди сновидящих есть правило считать, что третий тип лазутчиков встречается им всегда, когда они чувствуют тревогу в связи с появлениями родственников или друзей в снах. Можно только посоветовать избегать этих образов в сновидении. Они — истинный яд.

— А где по отношению к другим лазутчикам находится голубой лазутчик? — спросил я.

— Голубая энергия не шипит, — ответил он. — Она подобна нашей; она мерцает, но скорее напоминает собой голубой цвет, а не белый. Голубая энергия не существует в естественном виде в нашем мире. А это подводит нас к тому, о чем мы еще никогда не разговаривали. Какого цвета были лазутчики, которых ты видел до сих пор?

До того момента, когда он спросил об этом, я никогда не думал на эту тему. Я сказал дону Хуану, что лазутчики, которых я видел, были либо розовыми, либо красноватыми. А он сказал, что смертельно опасные лазутчики третьего типа были ярко-оранжевыми.

Я обнаружил, что третий тип лазутчиков чрезвычайно страшен. Каждый раз, когда я встречался с одним из них, я находил их скрывающимися за образом моих родителей, чаще всего матери. Видение этого образа всегда напоминало мне о том пузыре энергии, который напал на меня в том моем сновидении, в котором я впервые целенаправленно видел. Каждый раз, когда я сталкивался с ним, враждебная разведывающая энергия, казалось, вот-вот буквально набросится на меня. Мое энергетическое тело обычно реагировало на нее ужасом ещя до того, как я видел ее. Во время нашего обсуждения сновидения я спросил у дона Хуана о нынешнем полном отсутствии неорганических существ в моей практике сновидения.

— Почему они больше не показываются? — спросил я.

— Они появляются только в начале, — объяснил он. — После того, как их лазутчики проводят нас в их мир, у неорганических существ нет больше необходимости появляться здесь. Если мы хотим видеть неорганические существа, лазутчик сопровождает нас туда. Ведь никто, я подчеркиваю — никто не может сам путешествовать в их мир.

— А почему это так, дон Хуан?

— Их мир плотно закрыт. Никто не может войти туда или выйти оттуда без их разрешения. Единственное, что ты можешь сделать сам, когда ты находишься в их мире, это, конечно, заявить о своем намерении остаться там. Произнести намерение вслух означает возбудить движение потоков энергии, которое уже нельзя повернуть вспять. В былые времена слова были фактором, действующим с невероятной силой. Теперь это не так. Но в мире неорганических существ они все еще не потерялись.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что ему не следует говорить ничего о мире неорганических существ, потому что я на самом деле знаю о нем больше, чем он и все его друзья, вместе взятые.

— Существует еще одна связанная с их миром тема, которую мы еще не обсуждали, — сказал он.

Он промолчал довольно долго, будто бы подыскивая подходящие слова.

— В конечном счете, — начал он, — моя антипатия к действию магов прошлого глубоко личная. Как нагваль я презираю то, что они делают. Они трусливо искали прибежища в мире неорганических существ. Они считали, что во вселенной, населенной хищниками, которые только и ждут, чтобы разорвать нас на куски, единственное спокойное пристанище для нас — это их мир.

— Почему они верили в это? — спросил я.

— Потому что это правда, — сказал он. — Поскольку неорганические существа не могут лгать, партия товаров, предлагаемых эмиссарами сновидения полностью соответствует рекламе. Их мир может дать нам укрытие и продлить

наше осознание почти навечно.

— Товар эмиссаров, будь он самым прекрасным, мне совсем не нравится, — сказал я.

— Значит ли это, что ты выберешь путь, где тебя могут разорвать на куски? — спросил я с ноткой недоумения в голосе.

Я заверил дона Хуана, что не хочу пребывать в мире неорганических существ, несмотря на все его преимущества. Мои слова, казалось, бесконечно обрадовали его.

— Теперь ты готов для того, чтобы услышать об одном очень важном свойстве этого мира. Это самые страшные сведения из тех которые я тебе могу сообщить, — сказал он и попытался улыбнуться. Но это у него получилось не очень удачно. Дон Хуан пристально посмотрел мне в глаза. Я думаю, что он искал в них проблеск согласия или понимания. Некоторое время он молчал.

— Энергия, необходимая для перемещения точки сборки мага, находится в мире неорганических существ, — сказал он, будто желая поскорее отделаться от этого.

Мое сердце чуть не остановилась. Я почувствовал головокружение и был вынужден топать ногами по земле, чтобы не потерять сознание.

— Это истина, — продолжал дон Хуан, — и наследие, доставшееся нам от магов прошлого. Сделав это открытие, они сковали наши возможности. По этой причине я не уважаю их. Я терпеть не могу черпать энергию из одного источника. Лично я отказываюсь это делать. И я пытался отвести тебя от него тоже, но безуспешно, потому что тебя притягивает к этому миру, будто магнитом. Я понял дона Хуана лучше, чем сам ожидал до этого. Путешествие в мир неорганических существ всегда значило для меня повышение уровня отрицательной энергии. Я считал так задолго до того, как дон Хуан сообщил мне об этом.

— Что мы можем с этим поделать? — спросил я.

— Мы не можем общаться с ними, — ответил он, — и в тоже время мы не

можем полностью избегать их. Моя решение состоит в том, чтобы брать у них энергию, но не поддаваться их влиянию. Это называется окончательным сталкингом. Этого достигают, проявляя несгибаемое намерение существовать свободно, несмотря на то, что ни один маг не знает, что такое в действительности свобода.

— Ты можешь мне объяснить, дон Хуан, почему маги вынуждены черпать энергию из мира неорганических существ.

— Другой жизненнонеобходимой энергии для магов не существует. Для того, чтобы перемещать точку сборки так, как это делают они, магам необходим колоссальный объям энергии.

Я напомнил ему о его собственных словах: для практики сновидения необходимо переупорядочение энергии.

— Это верно, — ответил он. — Чтобы начать такую практику, маги должны пересмотреть свои ценности и высвободить задействованную энергию. Но эта переоценка эффективна только постольку, поскольку она помогает собрать нужное количество энергии, чтобы приступить к сновидению. Умение проникать в другие миры, видеть энергию, формировать энергетическое тело и еще многое — это совсем другое дело. Для всех этих дел магам необходимо большое количество темной враждебной энергии.

— Но как они получают ее из мира неорганических существ?

— Просто погружаясь в этот мир. Все маги нашей линии должны делать это. Однако ни один из них не был настолько глуп, чтобы заниматься тем, чем занимаешься ты. И это потому, что никто из них не имеет твоих вредных наклонностей.

Дон Хуан отправил меня домой обдумать все то, что он открыл мне. У меня возникло очень много вопросов, но он не захотел выслушать ни один из них.

10 глава. Сталкинг сталкеров

Вернувшись домой, я не смог получить ответ ни на один из своих вопросов. Фактически, я даже не мог сформулировать их. Вероятно, это случилось потому, что граница второго внимания у меня стала размываться: это началось еще тогда, когда я встретил Флоринду Грау и Кэрол Тиггс в мире обыденной жизни. Больше всего мое настроение страдало от замешательства в связи с тем, что я совсем не знал их до этой нашей встречи, и в тоже время я чувствовал себя знакомым с ними так близко, что, казалось, отдал бы жизнь за них при малейшей необходимости. Я встретился с Тайшей Абеляр несколькими годами ранее. Тогда я еще только начинал привыкать к этому странному ощущению давней близости с незнакомым человеком при нашей первой встрече, не имея ни малейшего представления, почему это так. Появление еще двух таких же странных людей в моей жизни окончательно выбило меня из колеи. Я заболел от перенапряжения и усталости и был вынужден искать помощи у дона Хуана. Я отправился в город на юге Мексики, где он жил в это время со своими друзьями. Дон Хуан и его сотоварищи-маги просто лопались от смеха при одном лишь упоминании о моих проблемах. Дон Хуан объяснил мне, что в действительности они смеялись не надо мной, а над собой. Затруднения, с которыми я сталкивался в ходе своих исследований, напоминали им о тех проблемах, которые точно также когда-то смущали и их, когда разрушалась граница их второго внимания, как это происходило теперь со мной.

— Их осознание, подобно твоему, не было подготовлено для этого, — сказал он. — Каждый маг проходит через такую агонию, — продолжал дон Хуан. — Осознание — это бесконечная область исследований для мага и обычного человека. Для того, чтобы повысить уровень осознания, мы должны идти на любой риск, все средства хороши для этого. Однако знай, что осознание может быть повышено только у того, кто обладает спокойным умом.

Затем дон Хуан повторил еще раз, что его время пребывания в этом мире подходит к концу и что я должен мудро использовать свои возможности, чтобы охватить как можно больше неизученного материала, прежде чем он уйдет. Такие слова обычно повергали меня в состояние крайней депрессии. Но чем ближе было время его ухода, тем более уверенно я справлялся с этим

чувством. Я больше не падал духом, но все еще по-прежнему боялся.

После этого он не сказал больше ничего. На следующий день после его просьбы я поехал с ним на своей машине в Мехико-сити. Мы прибыли туда после полудня и направились прямо в гостиницу «Дель Прадо» в районе Пассео Аламедо. Он обычно останавливался здесь всякий раз, когда бывал в Мехико. В этот день у дона Хуана на четыре часа была назначена встреча с юристом. Поскольку у нас еще была уйма времени, мы отправились пообедать в знаменитый ресторан «Такуба» в центре деловой части города. Этот ресторан славился тем, что там можно было заказать самые изысканные блюда. Дон Хуан не был голоден. Он взял себе только две небольшие порции сладкого тамале*, в то время как я устроил себе пышное пиршество. Он посмеялся надо мной и молча выражал сочувствие по поводу моего здорового аппетита.

— Я собираюсь предложить тебе выполнить одно задание, — сказал он отрывистым тоном, когда мы закончили обедать. — Это последняя часть задачи третьих врат сновидения. Она представляет собой сталкинг сталкеров, самый загадочный прием магии. Использовать сталкинг сталкеров — означает преднамеренно черпать энергию из мира неорганических существ для того, чтобы совершать магические действия.

— Какие магические действия, дон Хуан?

— Путешествия, использующие осознание как средства передвижения, — объяснил он. — В мире повседневной жизни мы используем воду как часть окружающей среды, пригодную для перемещения по ней. Вообрази, что осознание тоже может быть средством, с помощью которого можно путешествовать. По средствам осознания к нам приходят лазутчики со всех концов вселенной; подобно им, маги, в свою очередь, по средствам осознания достигают самых удаленных концов вселенной.

Среди всего, о чем рассказывал мне дон Хуан в ходе наших бесед, были идеи, которые привлекали мое неподдельное внимание без всяких уловок с его стороны. Это была одна из таких идей.

— Идея о том, что осознание — часть окружающего физического мира, действительно революционна, — сказал я с благоговейным ужасом.

— Я не сказал, что осознание — составная часть физического мира, — поправил он меня. — Это часть энергетического мира.

Ты должен понимать это различие. Для видящего мага осознание выглядит как свечение. Они могут согласовывать свое энергетическое тело с этим свечением и перемещаться с его помощью.

— В чем различие между физической и энергетической составными частями? — спросил я.

— Различие между ними в том, что физическая часть — это часть общепринятой системы описания мира, в то время как об энергетической этого сказать нельзя. Но энергетические сущности, такие как сознание, тоже существуют в нашей вселенной. Мы как обычные люди замечаем только физический мир, потому что нас приучают к этому. Маги замечают еще и энергетический мир все по той же причине: их приучают к этому.

Дон Хуан объяснил, что использование осознания как энергетического элемента нашего окружающего мира, — это суть магии. С точки зрения практики магии последовательность действий мага очерчивается так. Первое: освобождение существующей в нас энергии в ходе безупречного следования пути мага. Второе: использование этой энергии для развития энергетического тела с помощью сновидения. И третье: применения осознания как части окружающего мира для вхождения энергетического тела в другие миры совместно со всеми нашими физическими проявлениями.

— Существуют два типа энергетических путешествий в иные миры, — продолжал он. — Первый — когда сознание независимо от желания мага подхватывает энергетическое тело и доставляет его куда-нибудь. Другой имеет место, когда маг сам в полной ясности ума решает воспользоваться средством осознания, чтобы осуществить путешествие. Ты уже знаком с первым типом передвижения. Чтобы овладеть вторым, требуется большая настойчивость.

После продолжительного молчания дон Хуан отметил, что в жизни магов существуют вещи, требующие умелого обращения, и что использование осознания как энергетического элемента, доступного энергетическому телу,

является наиболее важной, практичной и опасной из этих вещей. Мне нечего было сказать. Я внезапно почувствовал себя сидящим как на иголках и растерянно цепляющимся за его слова.

— Ты сам не обладаешь достаточным количеством энергии, чтобы выполнить эту последнюю часть задачи третьих врат сновидения, — продолжал он, — но вместе с Кэрол Тиггс вы определенно сможете сделать то, что я имею ввиду.

Он сделал паузу, специально подталкивая меня своим молчанием к тому, чтобы я спросил, что же он имеет ввиду. Я так и сделал. Но его смех только усилил мое мрачное настроение.

— Я хочу, чтобы вы вдвоем разрушили границы обычного мира и, воспользовавшись осознанием как энергетическим элементом вошли в другой, — сказал он. — Этот разрушение и выход равносильны сталкингу сталкеров. Использование осознания как части окружающего мира позволяет обойти стороной влияние неорганических существ, но подразумевает применение их энергии.

Он не хотел больше ничего сообщать мне, чтобы, как он сказал, не оказывать на меня влияния. Он верил, что чем меньше я знаю о том, что меня ожидает, тем лучше у меня получится. Я не соглашался, но он заверил меня, что на худой конец мое энергетическое тело вполне способно позаботится о себе.

Из ресторана мы отправились в контору юриста. Дон Хуан быстро разделался со своими делами, и через несколько минут мы уже катили в такси по пути в аэропорт. Дон Хуан сообщил мне, что Кэрол Тиггс прибывает рейсом из Лос-Анжелеса и что она приезжает в Мехико-Сити исключительно с целью выполнить совместно со мной эту последнюю часть задания по сновидению.

— Долина, в которой раскинулся город Мехико, — прекрасное место для магических подвигов, один из которых ты собираешься совершить, — посмеивался он.

— Ты мне все ещя не рассказал, что конкретно мне следует делать, — сказал я. Он не ответил мне. Он больше не разговаривал, но когда мы ожидали посадки самолета, он объяснил, что именно мне предстоит проделать. Я должен буду прийти в номер Кэрол в гостинице «Реджис», которая находилась

на той же улице, что и наша, напротив. Затем, войдя в состояние полного внутреннего спокойствия вместе с ней проскользнуть в сновидение, выразив намерение направиться в мир неорганических существ.

Я прервал его, чтобы напомнить, что всегда, прежде чем я мог произнести вслух свое намерение войти в их мир, мне приходилось поджидать лазутчика, который мог бы указать мне путь.

Дон Хуан захихикал и сказал.

— Ты еще никогда не сновидел с Кэрол Тиггс. Ты увидишь, как это здорово. Женщинам-магам не нужно никаких помощников. Они просто уходят в этот мир тогда, когда хотят этого; есть лазутчик, который постоянно ждет.

Я не мог заставить себя поверить, что женщина-маг способна сделать то, что он сказал. Мне казалось, что я обладаю некоторыми познаниями в обращении с миром неорганических существ. Когда я упомянул ему о том, что пронеслось у меня в уме, он ответил, что у меня нет вообще никакого опыта относительно того, что касается возможностей женщин-магов.

— Почему, как ты думаешь, мне понадобилась помощь Кэрол, чтобы вытянуть твое тело из их мира? — спросил он. — Ты думаешь, это потому, что она красива?

— А почему же тогда, дон Хуан?

— Потому что я не мог справиться с этим сам; а для нее это было сущей чепухой. В их мире она проявляет особую ловкость.

— Она исключение в этом смысле, дон Хуан?

— Женщины вообще от природы наделены способностями искусно взаимодействовать с их миром; женщины-маги, конечно же, превосходят в этом всех остальных. Кэрол Тиггс в этом отношении лучше всех, кого я знаю, потому что как нагваль она наделена великолепной энергией.

Я подумал, что поймал дона Хуана на серьезном противоречии. Он говорил мне раньше, что неорганические существа вообще не проявляют интереса к

женщинам. Теперь он утверждал обратное.

— Нет. Я не противоречу себе, — заметил он, когда я высказал ему свои мысли. — Я говорил тебе, что неорганические существа не преследуют женщин; они гоняются только за мужчинами. Но я говорил также, что неорганические существа воплощают женское начало, и что вся вселенная воплощает это начало во многих отношениях. Из этого делай свои собственные выводы.

Поскольку я никаким образом не мог сделать выводы, дон Хуан объяснил мне, что женщины-маги приходят в мир неорганических существ и уходят из него когда желают, потому что они, согласно нашей теории обладают повышенным осознанием и олицетворяют женское начало.

— Ты знаешь об этом наверное? — спросил я.

— Женщины из моей группы никогда не занимались этим, — признался он, — но не потому, что они не могли, а потому, что я отговаривал их. Женщины из твоей группы, с другой стороны, делали это также часто, как меняли юбки.

Я почувствовал зияющую пустоту в животе. Я действительно ничего не знал о женщинах из своей группы. Дон Хуан утешил меня словами о том, что обстоятельства моей жизни также сильно отличались от обстоятельств его жизни, как и моя роль нагваля от его роли. Он уверил меня, что я бы не стал разубеждать женщин из своей группы, даже если бы это вдруг пришло мне в голову.

Пока мы ехали в такси по дороге в гостиницу, где Кэрол собиралась остановится, она развлекала нас, подражая людям, которых мы знали. Я попытался быть серьезным и спросил ее о нашем предстоящем задании. Она пробормотала какие-то извинения по поводу того, что неспособна ответить мне с надлежащей серьезностью. Дон Хуан громко хохотал, когда она изобразила торжественное звучание моего голоса.

Устроив Кэрол в гостиницу, мы втроем блуждали по центральной части города, заглядывая в букинистические магазины. Мы легко поужинали в санборновском* ресторане в «доме под черепицей». Около десяти вечера мы вернулись в гостиницу «Реджис». Мы направились прямо к лифту. Мой страх

обострил мою способность воспринимать детали интерьера. Здание гостиницы было старым и внушительным. Мебель в холле, очевидно, была новой лет сто назад. И все же вокруг нас везде было что-то, напоминающее о бывшей помпезности, которая определенно была привлекательной. Теперь я без труда понимал, почему Кэрол так любила эту гостиницу.

Прежде чем мы вошли в лифт, мое беспокойство достигло таких масштабов, что я вынужден был обратиться к дону Хуану за последними инструкциями.

— Скажи мне еще раз, что мы должны сделать, — попросил я.

Дон Хуан усадил нас на огромные старинные грязные стулья в фойе и терпеливо объяснил нам, что, как только мы попадем в мир неорганических существ, мы должны выразить намерение передать управление сознанием нашим энергетическим телам. Он посоветовал нам с Кэрол высказать свое намерение совместно, хотя это было не столь важно. Действительно важным, по его словам, было только наше намерение полностью передать осознание обыденного мира на попечение энергетического тела.

— Как мы можем осуществить эту передачу осознания? — спросил я.

— Передача сознания — это дело только правильного выражения своего намерения и обладание необходимым энергетическим потенциалом, — сказал он. — Кэрол уже знает это все. Она уже делала это раньше. Она уже посещала в физическом теле мир неорганических существ, когда вытаскивала тебя от туда. Помнишь? Ее энергия справится с этим трюком. Это склонит чашу весов.

— Что значит «склонит чашу весов»? Я чувствую себя, как в преисподней, дон Хуан.

Дон Хуан объяснил, что выражение «склонить чашу весов» означает в магии добавить весь физический вес к энергетическому телу. Он сказал, что при использовании сознания в качестве средства перемещения в другой мир решающую роль играет не применение какого-то метода, а совокупность намерения и достаточного запаса энергии. Если объем энергии Кэрол прибавить к моему, получится одна целостная сущность, объединяющая нас обоих, достаточно мощная, чтобы поднять наши физические тела и соединить их с нашими энергетическими телами для осуществления перехода в другой

мир.

— Что конкретно мы должны делать для того, чтобы оказаться в этом другом мире? — спросила Кэрол.

Ее вопрос напугал меня чуть ли не до смерти; ведь я считал, что она в курсе всего происходящего.

— Весь ваш физический вес должен быть перенесен на энергетическое тело, — ответил дон Хуан, глядя ей в глаза. — Трудность этого маневра в том, чтобы обучить энергетическое тело вести себя соответствующим образом. Но вы оба уже сделали это. Плохое умение обращаться с энергетическим телом — единственная причина, по которой вы можете потерпеть неудачу, выполняя этот изящный прием окончательного сталкинга. Иногда обычный человек случайно умудряется сделать это и оказывается в другом мире. Но это обычно сразу же интерпретируют как сумасшествие или галлюцинации. Я бы отдал все что угодно, лишь бы дон Хуан продолжал рассказывать. Но несмотря на мой протест и рациональное стремление узнать больше, он посадил нас в лифт и мы поднялись на третий этаж, где находился номер Кэрол. Глубоко в душе я, однако, сознавал, что мое беспокойство было вызвано не тем, что я стремился больше узнать, — на самой глубине притаился мой страх. Почему-то этот магический прием пугал меня больше чем все то, что я выполнял по сей день.

Последними напутственными словами дона Хуана были:

— Забудьте о себе, и вы ничего не будете бояться, — его широкая улыбка и кивок были приглашением обдумать это утверждение.

Кэрол засмеялась и начала передразнивать голос дона Хуана, изображая, как он давал нам свои подробные указания. То, как она шепелявила, придавало особый шарм словами дона Хуана. Иногда я находил ее шепелявый голос восхитительным. Но чаще всего я не мог его выносить. К счастью, в эту ночь я едва ли способен был слышать как она шепелявит.

Мы вошли в ее комнату и уселись на край кровати. Моей последней сознательной мыслью была мысль о том, что эта кровать является реликвией начала века. Прежде чем я успел произнести хотя бы слово, я обнаружил себя

лежащим на каком-то диковинном ложе. Кэрол была рядом со мной. Мы привстали одновременно. Мы были раздеты и укрыты тонкими одеялами.

— Что все это значит? — спросила она дрожащим голосом.

— Ты не спишь? — ответил я неуместным вопросом.

— Конечно же, не сплю, — сказала она с ноткой нетерпеливости.

— Ты помнишь, где мы были? — спросил я.

Затем последовала продолжительная тишина.

Очевидно, она пыталась привести в порядок свои мысли.

— Я думаю, что я реальна, а ты нет, — сказала она в конце концов. — Я знаю, где я только что была. А ты хочешь обмануть меня.

Я думал о ней точно также. Она знала, где мы были, и собиралась проверить или разыграть меня. Дон Хуан говорил мне, что нас с ней одолевают демоны замкнутости и недоверия. И сейчас, очевидно, я имел хорошую возможность убедиться в этом.

— Я отказываюсь плясать под твою дудку, — сказала она, ядовито взглянув на меня. — Это я тебе говорю, кто бы ты ни был.

Она взяла одно из одеял, которыми были укрыты, и завернулась в него.

— Я собираюсь еще некоторое время полежать здесь, а потом отправиться туда, откуда я приехала, — сказала она, изображая решительность. — А вы с нагвалем играйте сами в эти свои игры.

— Прекрати болтать чепуху, — сказал я властно. — Мы в ином мире.

Она не обратила никакого внимания на мои слова и повернулась спиной ко мне, как недовольный разбалованный ребянок. Я не хотел тратить свое внимание сновидения на тщетные попытки доказать реальность происходящего. Я начал изучать окружающее. Помещение было освещено

только светом луны за окном, которое было как раз напротив нас. Мы были в небольшой комнате, на высокой кровати. Я заметил, что кровать была довольно примитивной. Четыре толстых столбика были врыты в землю, а сама основа кровати была решеткой из длинных палок, прикрепленных к этим столбикам. Сверху на ней лежал толстый, но довольно твердый матрац. Не было ни постели, ни подушек. Мешки из грубой ткани, заполненные чем-то непонятным, были свалены в кучи возле стен. Два мешка, положенные друг на друга, служили подставкой, чтобы взбираться на нее. Рассматривая стены в поисках выключателя, я обнаружил, что наша высокая кровать находилась в углу у стены. У нашего изголовья была стена; я находился на внешнем краю кровати, в то время как Кэрол лежала возле другой стены. Когда я сел на краю кровати, я заметил, что она была более чем на три фута поднята над поверхностью земли.

Вдруг Кэрол привстала и произнесла, ужасно шепелявя:

— Это отвратительно! Нагваль ведь не говорил мне, что я окажусь в таком положении.

— И я не знал, что все будет так, — сказал я. Я хотел сказать что-то еще или завязать разговор, но мое беспокойство достигло невероятных масштабов.

— А ты заткнись, — перебила она меня резким, исполненным злобы голосом. — Ты не существуешь. Ты — призрак. Исчезни! Исчезни!

Ея шепелявый голос показался мне забавным, и это отвлекло меня от моего неотступного страха. Я встряхнул ее за плечи. Она вскрикнула, но не столько от боли, сколько от удивления и раздражения.

— Я — не призрак, — сказал я. — Мы путешествуем, объединив нашу энергию.

Кэрол Тиггс славилась среди нас своей способностью быстро привыкать к любой ситуации. Уже через несколько мгновений она уверовала в реальность нашего положения и начала искать в полусне свою одежду. Я восхищался тем, что она не боится. Она увлеклась поисками, размышляя вслух о том, где она могла оставить свою одежду, если бы ложилась в постель в этой комнате.

— Ты видишь где-нибудь стул? — спросила она. Я туманно различал

нагромождения из трех мешков, которое могло бы служить в качестве стола или высокой скамьи. Она спрыгнула с кровати, подошла к ней и обнаружила там нашу одежду, аккуратно сложенную так, как она обычно это делала. Она подала мне мою; одежда была в самом деле моей, но не той, в которой я был тогда, когда находился в номере Кэрол в гостинице «Реджис».

— Это не моя одежда, — прошепелявила она. — А может быть, и моя. Как странно!

Мы оделись молча. Я хотел сказать ей, что вот-вот начну беспокоиться. Также хотел высказаться о том, как быстро мы переместились в этот мир, но, когда я начал одеваться, то обнаружил, что мои мысли о нашем путешествии стали очень туманными. Я едва ли мог помнить, где мы были до того, как проснулись в этой комнате. Было так, будто комната в гостинице приснилась мне. Я делал всевозможные попытки вспоминать, преодолевая туман, который начал окутывать меня. Мне удалось разогнать дымку в памяти, но это истощило всю мою энергию. Мои старания привели к тому, что я стал задыхаться и покрылся испариной.

— Что-то чуть-чуть было не одолело меня, — сказала Кэрол. Я взглянул на нее. У нее на теле, также как и у меня, выступил пот. — Оно тебя тоже едва не одолело. Что ты думаешь об этом?

— Все зависит от положения точки сборки, — сказал я с абсолютной уверенностью. Она согласилась со мной.

— Это неорганические существа одерживают верх над нами, — сказала она, дрожа. — Нагваль предупреждал, что это будет ужасно, но я никогда не могла подумать, что это будет так ужасно.

Я полностью согласился с ней; мы попали в отвратительную переделку, но я не мог понять, откуда взялся весь ужас нашей ситуации. Ни я, ни Кэрол не были уже новичками; мы наблюдали и участвовали во множестве экспериментов, среди которых были совершенно невыносимые. Но в этой нашей комнате, где мы находились в сновидении, было что-то невероятно страшное для меня.

— Мы в сновидении, не так ли? — спросила Кэрол. Я подтвердил это как нечто

несомненное, хотя я бы отдал все, чтобы здесь оказался дон Хуан, чтобы убедить в этом меня самого.

— Почему я так испугалась? — спросила она меня так, будто я мог ей это рационально объяснить.

Прежде, чем я смог подумать об этом, она сама ответила на свой вопрос. Она сказала, что в действительности ее испугала невозможность ощущать что-либо еще, кроме доступного органам чувств. Так бывает, когда точка сборки не может переместиться из положения, в котором она находится в этот момент. Она напомнила мне, что дон Хуан говорил нам о власти над нами обыденного мира в результате того, что точка сборки неподвижно пребывает в обычном месте. Именно эта неподвижность точки сборки делает наше ощущение мира настолько самодостаточным и тягостным, что мы не можем выйти за его пределы. Кэрол также напомнила мне еще об одной вещи, о которой ей говорил нагваль: если мы хотим преодолеть эту самодовлеющую силу, мы должны рассеять туман, то есть сместить точку сборки с помощью намерения изменить ее местоположение.

Раньше я никогда не понимал, что дон Хуан имел ввиду, произнося эти слова. Но я постиг смысл этого, поскольку должен был перевести свою точку сборки в другое положение, чтобы рассеять туман мира, в котором мы находились и который уже начал было поглощать меня.

Кэрол и я, не говоря друг другу ни слова больше, подошли к окну и выглянули. Мы были в сельской местности. Лунный свет озарял какие-то низкие темные очертания жилых сооружений. Судя по всему, мы были в подсобном помещении или кладовой большого сельского дома.

— Ты помнишь, как мы здесь ложились в кровать? — спросила Кэрол.

— Я почти помню это, — сказал я, имея ввиду именно это.

Я объяснил ей, как вынужден был прилагать усилия, чтобы сохранить в уме образ ее гостиничного номера.

— Мне пришлось делать тоже самое, — сказала она испуганным шепотом.

— Я знаю, что если мы, оказавшись здесь потеряем память, — нам конец.

Затем она спросила меня, хочу ли я выйти из этого сарая и посмотреть, что снаружи. Я отказался. Моя предчувствие чего-то плохого было таким сильным, что я был не в состоянии произнести ни слова. Я только покачал головой в ответ.

— Ты во многом прав, когда не хочешь выходить отсюда, — сказала она.

— Я предчувствую, что если мы выйдем из этой лачуги, мы никогда не вернемся назад.

Я хотел было открыть дверь и только выглянуть наружу, но она остановила меня.

— Не делай этого, — сказала она. — Ты можешь впустить сюда что-то снаружи.

В это время перед моим мысленным взором прошел образ ветхой клетки, в которой мы с Кэрол находились. Вся что угодно — например, открытая дверь, — могло нарушить неустойчивое равновесие этой клетки. В тот момент, когда я подумал об этом, у нас одновременно появилось одно и тоже стремление. Мы так быстро сняли с себя одежду, как будто от этого зависело наша жизнь; затем мы запрыгнули на высокую кровать, не пользуясь для этого двумя мешками, стоящими там в качестве лестницы. Но в следующе мгновение мы были вынуждены спрыгнуть обратно вниз.

Было очевидно, что мы с Кэрол одновременно поняли одно и тоже. Она подтвердила мою догадку, когда сказала:

— Если мы используем что-нибудь принадлежащее этому миру, мы только ослабляем себя. Когда я стою здесь раздетая, вдали от кровати и вдали от окна, я без затруднений вспоминаю о том, откуда пришла. Но если я лежу на кровати, надеваю на себя эту одежду или выглядываю в окно, я ощущаю на себе воздействие этого мира.

Мы долго стояли в центре комнаты, прижавшись друг к другу. Зловещее подозрение начало терзать мой ум.

— Как мы будем возвращаться в наш мир? — спросил я в надежде, что она знает.

— Возврат в наш мир произойдет сам по себе, если мы не затеряемся в местном тумане, — сказала она с чувством несокрушимой убежденности, которое всегда было ей свойственно.

И она была права. Через некоторое время мы с Кэрол проснулись одновременно в ее постели в номере гостиницы «Реджис». Было так очевидно, что мы снова находимся в нашем обычном мире, что мы не задавали вопросов и не сомневались в этом. Солнечный свет был ослепительным.

— Как мы вернулись оттуда? — спросила Кэрол. — Или, лучше сказать, когда мы вернулись?

Я не знал, что ответить или что подумать. Я не был способен размышлять и ничего не мог с собой поделать.

— Ты думаешь, мы только что вернулись? — настаивала Кэрол. — Или, возможно, мы проспали здесь всю ночь. Смотри! На мне ничего нет. Когда мы разделись?

— Мы разделись в том мире, — сказал я и сам удивился, услышав свой голос.

Мой ответ, казалось, озадачил Кэрол. Она непонимающе посмотрела на меня, а затем на своя обнаженное тело.

Мы неподвижно сидели долгое время. Нам обоим казалось, что мы совершенно неспособны сделать над собой усилие. Но затем внезапно нас одновременно посетила одна мысль. Мы мгновенно оделись, выскочили из комнаты, преодолели два пролета лестницы по пути к выходу, пересекли улицу и ворвались в гостиничный номер дона Хуана.

Нечленораздельно, задыхаясь и давая выход своим эмоциям, мы по очереди рассказывали ему о происшедшем.

Он подтвердил наши подозрения.

— То, что вы сделали, было едва ли несамой опасной вещью, которую можно себе вообразить, — сказал он.

Он обратился к Кэрол и сказал ей, что наши старания увенчались одновременно полной удачей и абсолютным поражением. Мы сумели передать сознание обыденного мира энергетическому телу, тем самым путешествуя со своим физическим телом, но нам не удалось избежать влияния неорганических существ. Он сказал, что сновидящие обычно переживают процесс перехода как последовательность медленных превращений, и что им приходится при этом несколько раз высказывать свое намерение воспользоваться осознанием как средством передвижения. В нашем случае обошлось без этих промежуточных шагов. Из-за вмешательства неорганических существ мы оба были с невероятной скоростью заброшены в некоторый враждебный мир.

— Ваше путешествие стало возможным не вследствие объединенной энергии, — продолжал он. — Что-то другое забросило вас в иной мир. Оно подобрало для вас соответствующую одежду.

— Ты хочешь сказать, нагваль, что и одежда, и кровать, и комната встретились на нашем пути только потому, что мы попали под влияние неорганических существ? — спросила Кэрол.

— Еще бы! — ответил он. — Как правило, сновидящие просто путешествуют. Но ваше путешествие оказалось не таким, вы оказались рядом со сценой, на которой состоялось представление, бывшее когда-то проклятием для магов прошлого. С ними происходило в точности то, что случилось теперь с вами. Неорганические существа завлекали их в миры, из которых маги не смогли вернуться. Мне следовало бы предвидеть это, но я даже не догадывался, что неорганические существа могут проявить свою сущность, устраивая вам такую ловушку.

— Ты хочешь сказать, что они хотели заставить нас навсегда остаться там? — спросила Кэрол.

— Если бы вышли из той лачуги, вы до сих пор безнадежно скитались бы в том мире, — сказал дон Хуан.

По его словам, вследствие того, что мы перенеслись в другой мир вместе с физическими телами, фиксация наших точек сборки на том положении, в которое ее установили неорганические существа, была такой прочной, что это создало нечто типа тумана, сделавшего недоступным память о мире, из которого мы пришли. Он прибавил, что обычным следствием такой неподвижности является невозможность возврата точки сборки в ее исходное положение, что и происходило с магами прошлого.

— Задумайтесь над этим, — призвал он нас. — Возможно, именно это происходит со всеми нами в этом нашем обыденном мире. Мы пребываем здесь, и фиксация нашей точки сборки так прочна, что мы забыли, откуда мы пришли и в чем состояла цель нашего прибытия туда.

Дон Хуан не хотел больше говорить о нашем путешествии. Я чувствовал, что он не хочет нагонять на нас лишний страх и беспокойство. Он пошел с нами позавтракать, хотя было уже далеко за полдень. Когда мы подходили к ресторану, находившемуся за несколько кварталов от гостиницы по авеню Франциско Мадеро, было уже шесть вечера. Мы с Кэрол проспали около восемнадцати часов, — если то, что с нами происходило, можно было назвать сном.

Только дон Хуан был голоден. Кэрол с оттенком раздражения отметила, что он ест, как свинья. Почти все, сидевшие за соседними столиками, оглянулись, когда услышали смех дона Хуана.

Ночь была теплой. Звязды переполняли небо. Мы сидели на скамейке в Пасео Аламедо. Дул мягкий ласковый ветерок.

— Есть один вопрос, не дающий мне покоя, — сказала Кэрол дону Хуану. — Мы ведь на самом деле занимались не тем, что использовали осознание как средство совершить путешествие, правда?

— Это правда, — сказал дон Хуан и глубоко вздохнул. — Задача состояла в том, чтобы увильнуть от неорганических существ и не попасть к ним во власть.

— А что нам делать теперь? — спросила она.

— Вам следует временно отложить занятия сталкингом сталкеров, пока вы не окрепнете, — сказал он. — А может быть и так, что вам никогда не удастся постичь это искусство. В конце концов, это не имеет значения: если не подходит одно, подойдет другое. Магия — это бесконечное дерзание.

Он объяснил нам снова, будто пытаясь запечатлеть свои слова в нашем уме, что для использования осознания как части окружающего мира сновидящие прежде всего должны путешествовать в мир неорганических существ. Затем им следует использовать эти путешествия как трамплин для накопления нужного количества этой действительно темной энергии. После чего им следует проявить намерение достичь других миров с помощью осознания.

— Неудача вашего путешествия объясняется тем, что у вас не было шансов использовать для перемещения осознание, — продолжал он. — Не успели вы оказаться в мире неорганических существ, как вас сразу же перебросило в иной мир.

— Что бы ты нам порекомендовал делать теперь? — спросила Кэрол.

Я бы посоветовал вам видеться как можно реже, — сказал он. — Я уверен, что неорганические существа не преминут опять поймать вас, особенно если вы будете объединять вашу энергию.

Поэтому, начиная с этого времени мы с Кэрол Тиггс преднамеренно держались подальше друг от друга. Возможность того, что мы снова нечаянно влипнем в похожее путешествие, была слишком реальной и опасной для нас. Дон Хуан поддерживал нашу решимость не встречаться, повторяя снова и снова, что наша объединенная энергия вполне может снова подтолкнуть неорганические существа к тому, чтобы завлечь нас в ловушку. Дон Хуан снова включил в мою практику сновидения видение энергии в сноподобных состояниях, которые порождают ее. Через некоторое время я научился видеть все, что появлялось передо мной. Продолжая заниматься дальше, я достиг совершенно удивительного состояния: я не мог разумно описать то, что я видел. Мои ощущения говорили мне, что я достиг таких уровней восприятия, для выражения которых у меня не было слов.

Дон Хуан объяснил, что мои непонятные и неописуемые видения

свидетельствуют об использовании осознания моим энергетическим телом. Однако, это было использование его не в качестве средства перемещения, для чего у меня не хватало энергии, но для восприятия энергетических полей неживой материи или живых существ.

11 глава. Арендатор

Практика сновидений в том виде, который был привычен для меня, закончилась. Когда я в следующий раз встретился с доном Хуаном, он поручил руководство надо мной двум членам своей партии: Флоринде и Зулейке. Они являлись его ближайшими соратниками. Их инструкции касались не только врат сновидения, но были посвящены и различным путям использования энергетического тела, но все это не имело для меня особой важности, так как наше общение было достаточно непродолжительным. У меня создалось впечатление, что они скорее были заинтересованы в том, чтобы проэкзаменовать меня, чем в обучении чему-либо.

— Не осталось больше ничего, чему я мог бы научить тебя о сновидениях, — сказал дон Хуан, отвечая на мой вопрос о положении дел.

— Мое время на этой земле закончилось. Но остается Флоринда. Она теперь единственная, кто будет направлять не только тебя, но и всех остальных моих учеников.

— Будем ли мы с ней продолжать мою практику сновидения?

— Этого не знаю ни я, ни она. Все зависит от духа. Реального игрока. Мы не играем сами по себе. Мы просто пешки в его руках. Следуя предначертаниям духа, я должен сказать тебе, что представляют из себя четвертые врата сновидения, хотя направлять тебя я больше не смогу.

— Я не понимаю, какой тогда смысл разжигать мой интерес?

— Дух не оставляет решать это ни тебе, ни мне. Я должен описать тебе четвертые врата сновидения, нравится мне это или нет.

Дон Хуан объяснил, что в четвертых вратах сновидения тело энергии путешествует в особые конкретные места, и что существуют три пути использования четвертых врат: первый — путешествовать в определенные места этого мира, второй — путешествовать в определенные места за пределами этого мира, и третий — путешествовать в те места, которые существуют только в намерении других. Он отметил, что последний путь наиболее трудный и опасный из всех и, более того, является склонностью древних магов.

И что же, по-твоему, мне делать с этим знанием? — спросил я.

— В данный момент — ничего. Просто отложи его, пока не понадобится.

— Ты хочешь сказать, что я смогу пересечь четвертые врата сновидения самостоятельно, без всякой помощи?

— Сможешь ты это сделать или нет — зависит от духа.

Он резко оборвал тему, и в результате у меня отнюдь не создалось впечатления, что я смогу достичь и пересечь четвертые врата самостоятельно.

Затем дон Хуан назначил мне последнюю встречу, для того, чтобы, как он сказал, устроить мне магические проводы: заключительный пункт в моей практике сновидения. Он сказал, что мы встретимся с ним в небольшом городке в Южной Мексике, где жил он и члены его партии магов. Я прибыл туда после полудня. Мы с доном Хуаном сидели в патио его дома на каких-то неудобных плетеных стульях, покрытых толстыми подушками. Дон Хуан посмеивался и подмигивал мне. Стулья были подарком одного из женских воинов его партии, и мы просто должны были сидеть так, словно нас ничто не беспокоит, особенно его. Стулья были куплены в Фениксе, штат Аризона, и с большими сложностями переправлены в Мексику.

Дон Хуан попросил прочесть ему стихотворение Дилана Томаса, которое, по его словам, в данный момент больше всего подходило к моему состоянию:

Я стремился уйти

От лжи, подобной шипенью змеи

И непрерывный плач старого ужаса

Становящийся день ото дня все

невыносимее

Стекает через холм в пучину моря...

Я стремился уйти, но я боюсь;

Немного жизни, еще нерастраченной,

может взорваться

В границах старой лжи, горящей на земле,

И, потрескивая в воздухе, оставить меня

полуослепшим.

Дон Хуан встал и сказал, что он собирается прогуляться по площади в центре города. Он предложил мне присоединиться к нему. Я тут же решил, что стихотворение как-то ухудшило его настроение, и ему необходимо развеять его.

Мы дошли до площади, не говоря друг другу ни слова. Несколько раз мы обошли ее, все еще продолжая молчать. Возле магазинов на улицах, обращенных в сторону восточной и северной сторон парка, околачивалось несколько прохожих. Все улицы, окружавшие парк, были вымощены кое-как. Они были застроены массивными, одноэтажными кирпичными домами с черепичными кровлями, белыми стенами и окрашенными в синий или коричневый цвет дверями. На боковой улочке в квартале от площади угрожающе вздымались над крышей единственной в городе гостиницы

высокие стены громадной колониальной церкви, похожей на марокканскую мечеть.

На южной стороне располагались два ресторана, которые существовали бок о бок, необъяснимым образом процветая в таком соседстве, хотя в них готовили практически одни и те же блюда и по одинаковым ценам.

Я наконец нарушил молчание, спросив дона Хуана, не находит ли он странным, что оба ресторана были практически одинаковыми.

— В этом городе возможно все, — ответил дон Хуан.

Что-то в его голосе вызвало у меня ощущение сильного дискомфорта.

— Почему ты так нервничаешь? — спросил он с серьезным выражением лица. — Ты знаешь что-нибудь, о чем не говоришь мне?

— Почему я нервничаю? Смешно. Я всегда нервничаю рядом с тобой, дон Хуан. Иногда сильнее, чем другие.

Казалось, он прилагал значительные усилия, чтобы не рассмеяться.

— Нагвали не самые дружественные существа на земле, — сказал он извиняющимся тоном. — Я научился этому весьма нелегким образом в борьбе со своим учителем, ужасающим нагвалем Хулианом. Казалось, от одного его присутствия для меня мерк дневной свет. Иногда он, бывало, фокусировался на мне, и мне тогда казалось, что моя жизнь висит на волоске.

— Ты, дон Хуан, несомненно оказываешь на меня такое же воздействие.

Он открыто рассмеялся.

— Нет, нет. Ты явно преувеличиваешь. Да по сравнению с ним я просто ангел.

— Может быть, по сравнению с ним ты и ангел, только вот у меня нет возможности сравнивать.

Он рассмеялся, а потом опять стал серьезным.

— Сам не знаю почему, но мне явно страшно, — объяснил я.

— Ты чувствуешь, что у тебя есть причина для страха? — спросил он и остановился, чтобы рассмотреть меня.

Тон его голоса и то, как он поднял брови, создавали впечатление, будто он подозревает, что я о чем-то умалчиваю. Очевидно было, что он искал случая разоблачить меня.

— Твоя настойчивость меня удивляет, — сказал я. — Мне кажется, что ты, а не я, и есть тот, кто что-то прячет в своем рукаве.

— Кое-что в моем рукаве имеется, — согласился он и усмехнулся. — Но не в этом дело. Дело в том, что в этом городе есть нечто, что ждет тебя. И ты не до конца знаешь, что это, или ты знаешь, что это, но не осмеливаешься сказать мне, или ты вовсе ничего об этом не знаешь.

— Что же меня здесь ждет?

Вместо ответа дон Хуан возобновил прогулку, и мы продолжали ходить вокруг площади в полном молчании. Мы несколько раз обошли площадь, выискивая, где бы сесть. Вскоре несколько молодых женщин встали со скамьи и ушли.

— Годами я рассказывал тебе о заблуждениях магов древней Мексики, — сказал дон Хуан, усевшись на скамью и жестом предлагая мне сесть рядом.

С горячностью человека, который рассказывает об этом впервые, он опять повторил мне то, о чем говорил много раз: что те маги, направляемые исключительно эгоистическими интересами, все свои усилия сосредоточили на совершенствовании методов, которые уводили все дальше и дальше от состояния трезвости и ментального равновесия, что они в конце концов были уничтожены, когда сложные конструкции их убеждений и методов стали настолько громоздкими, что они были просто не способны поддерживать их дальше.

Конечно, маги древности жили и множились в этих местах, — сказал он, наблюдая за моей реакцией. — Здесь, в этом городе. Этот город на самом деле

был построен на развалинах одного из их городов. Здесь, именно в этом месте маги древности и совершали все свои деяния.

— Ты это знаешь наверняка, дон Хуан?

— Очень скоро ты будешь знать это так же точно.

Мое возросшее беспокойство заставило меня делать то, чего я не выносил: начать фокусироваться на себе. Дон Хуан, видя мое раздражение, подлил масла в огонь.

— Очень скоро мы узнаем, кто тебе больше нравится: древние маги или современные.

— Что за удовольствие тебе пугать меня этими странными и зловещими разговорами, — запротестовал я.

Общение с доном Хуаном в течение тринадцати лет, помимо всего прочего, приучило меня рассматривать панику как фактор, обычно сопутствующий скорому возникновению какой-то очень важной ситуации.

Дон Хуан, казалось, колеблется. Я заметил, что он украдкой бросает взгляды на церковь. Он даже казался рассеянным. Когда я заговорил с ним, он, казалось, не услышал моих слов. Я повторил свой вопрос.

— Ты ждешь кого-нибудь?

— Да, сказал он. — Можешь не сомневаться, жду. Ты поймал меня на сканировании окружающего пространства моим энергетическим телом.

— И что ты почувствовал, дон Хуан?

— Мое энергетическое тело чувствует, что все на своих местах. Пьеса начинается вечером. Ты — главный герой. Я характерный актер с маленькой незначительной ролью. Мой выход — в первом акте.

— Что ты имеешь в виду?

Он не ответил мне, улыбнувшись с видом человека, который знает, но не говорит.

— Я готовлю почву, — сказал он, — так сказать, разогревая тебя, втолковывая идею о том, что современные маги извлекли серьезный урок. Они поняли, что только в случае, если они будут полностью отрешенными, они могут получить энергию и стать свободными. Это особый вид отрешенности, который рождается не из страха или праздности, но из уверенности.

Дон Хуан умолк и встал, вытянув руки перед собой в стороны, а затем за спину.

— Сделай то же самое, — посоветовал он мне. — Это снимает скованность, а тебе нужно быть очень собранным перед лицом того, что предстоит тебе вечером.

Он широко улыбнулся.

— Этим вечером к тебе придет или полная отрешенность или абсолютное индульгирование. Это тот выбор, который должен сделать каждый нагваль моей линии.

Он опять сел и сделал глубокий вдох. То, что он сказал, похоже, забрало всю его энергию.

— Я думаю, что способен понять отрешенность и индульгирование, — продолжал он, — потому что знал двух нагвалей: моего бенефактора, нагваля Хулиана, и его учителя, нагваля Элиаса. Я видел различие между ними. Нагваль Элиас был отрешенным до такой степени, что мог отказаться от дара силы. Нагваль Хулиан тоже был отрешенным, но не настолько, чтобы отказаться от такого дара.

— Судя по тому, что ты говоришь, — заметил я, — я мог бы сказать, что сегодня вечером ты готовишь меня к какому-то испытанию. Это правда?

— У меня нет власти подвергать тебя испытаниям какого бы то ни было рода, но у духа она есть.

Он сказал это с усмешкой, а затем добавил:

— Я просто его проводник.

— Что дух собирается сделать для меня, дон Хуан?

— Я могу только сказать, что сегодня вечером ты получишь урок в сновидении так, как это бывало обычно, но это будет урок не от меня. Кое-кто другой собирается быть твоим учителем и гидом этим вечером.

— И кто же это?

— Тот, кто может оказаться для тебя полной неожиданностью, — или не будет неожиданностью вовсе.

— Какого типа урок сновидения я получу?

— Это урок о четвертых вратах сновидения. И он состоит из двух частей. Первую я тебе вскоре объясню. Вторую часть объяснить тебе не сможет никто, потому что это нечто, касающееся только тебя лично. Все нагвали моей линии получали такой урок из двух частей. Но все они были разные: они всегда в точности соответствуют особенностям личности каждого нагваля.

— Твое объяснение совершенно не помогает мне, дон Хуан. Я только еще больше нервничаю.

Мы долго молчали. Я был испуган, не мог успокоиться и не знал, что сказать, чтобы это не выглядело жалко.

— Как ты уже знаешь, способность современных нагвалей непосредственно ощущать энергию — это дело личного достояния, — сказал дон Хуан. — Мы управляем точкой сборки посредством самодисциплины. Для древних магов перемещение точки сборки было следствием подчинения другим — их учителям, которые осуществляли эти перемещения темными способами и представляли их своим ученикам как дары силы.

— Что-то сделать для нас может только тот, кто обладает большей, чем у нас, энергией, — продолжал он. — Например, нагваль Хулиан мог превращать меня

по своему желанию в кого угодно: от дьявола до святого. Но он был безупречным нагвалем и позволял мне быть собой. Древние маги не были безупречными, и посредством непрерывных усилий достигали контроля над другими, создавая ситуации, полные ужаса и мрака, которые передавались от учителя к ученику.

Он поднялся и внимательно осмотрелся по сторонам.

— Как видишь, этот город невелик, — продолжал он, — но для воинов моей линии он имеет неповторимое очарование. Здесь находится источник того, что мы есть, и источник того, чем мы не хотим быть. Мое время заканчивается и я должен передать тебе определенные мысли, рассказать тебе определенные истории, привести тебя в контакт с определенными сущностями, так же, как это делал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан сказал, что, как мне это уже хорошо известно — все, чем он является и все, что он знает, — наследие его учителя, нагваля Хулиана. В свою очередь, тот унаследовал все от своего учителя, нагваля Элиаса. Нагваль Элиас — от нагваля Розендо; тот — от нагваля Лухана, нагваль Лухан. — от нагваля Сантистебана, нагваль Сантистебан — от нагваля Себастьяна.

Он повторил мне очень официальным тоном то, что объяснял уже не раз: что перед нагвалем Себастьяном было еще восемь нагвалей, но те были совсем другими. Они по-другому относились к магии, иначе понимали ее, хотя оставались при этом в русле все той же магической линии.

— Ты должен вспомнить теперь и повторить мне все, что я говорил тебе о нагвале Себастьяне, — потребовал он.

Его просьба показалась мне странной, но я повторил все то, о чем не раз слышал от него самого или членов его отряда о нагвале Себастьяне и мифологическом маге древности, бросившем вызов смерти, известного всем им как «арендатор».

— Ты знаешь, что «бросивший вызов смерти» каждое поколение делает нам дары силы, — сказал дон Хуан, — и именно особая природа этих даров силы стала тем фактором, который изменил само направление нашей линии.

Он объяснил, что арендатор, будучи магом старой школы, обучился у своих учителей всем сложностям перемещения своей точки сборки. Так как тысячи лет странной жизни и осознания — это время, достаточное для совершенствования чего угодно, — теперь он знает, как достичь и удержать сотни, если не тысячи, позиций точки сборки. Его дары одновременно являются как планом для перемещения точки сборки в особые места, так и руководством по удержанию ее в избранных позициях, достигая таким образом состояния соответствия.

Это был пик артистичности дона Хуана. Я никогда не видел его более драматичным. Если бы я не знал его столь хорошо, я бы поклялся, что, судя по интонациям его голоса, он охвачен глубоким страхом или беспокойством. Его жесты могли бы создать у меня впечатление, что он актер, с совершенством изображающий нервозность и озабоченность.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и, словно делая тайное признание, сообщил мне, что, к примеру, нагваль Лухан получил от арендатора в дар не менее пятидесяти позиций. Он ритмически покачивал головой, как бы молча призывая меня обратить внимание на то, что он только что сказал. Я молчал.

Пятьдесят позиций! — воскликнул он драматически. — Даже дара в виде одной или, самое большее, двух позиций точки сборки было бы более чем достаточно.

Он пожал плечами как бы в замешательстве.

— Мне рассказывали, что арендатор чрезвычайно любил нагваля Лухана, — продолжал он. Они были связаны такой тесной дружбой, что стали практически неразделимы. Мне говорили, что нагваль Лухан и арендатор часто заходили в церковь, особенно во время утренних богослужений.

Прямо здесь, в этом городе? — потрясенно спросил я.

— Именно здесь, — ответил он. — Возможно, более ста лет назад они садились именно на это место, разве что на другую скамью.

— Нагваль Лухан и арендатор в самом деле гуляли по этой площади? — снова спросил я, не в силах преодолеть свое изумление.

— Конечно! — воскликнул он. — Я взял тебя с собой сегодня вечером, потому что стихотворение, которое ты мне читал, натолкнуло меня на мысль, что пришло время для твоей встречи с арендатором.

Паника охватила меня как степной пожар. Я стал задыхаться.

— Мы обсудили странные достижения древних магов, — продолжал дон Хуан. — Но всегда тяжело воспринимать объяснения, не имея собственного знания. Я могу повторять тебе снова и снова до самого судного дня то, что является абсолютно ясным для меня, но остается недоступным для твоего понимания или веры, потому что у тебя нет практического знания об этом.

Он поднялся и оглядел меня с головы до ног.

Пойдем в церковь, — сказал он. — Арендатор любит церковь и ее окрестности. Я уверен, что сейчас самое время пойти туда.

За время нашего знакомства с доном Хуаном так страшно мне было всего несколько раз. Я оцепенел. Когда я все-таки встал, все мое тело дрожало. Живот стянуло в узел. Однако я молча пошел за ним в сторону церкви; колени дрожали и ноги буквально подгибались на каждом шагу. К тому времени, когда мы прошли квартал от площади и подошли к сложенным из известняка ступеням, ведущим в церковь, я был близок к обмороку. Для поддержки дон Хуан был вынужден обхватить меня за плечи.

— Арендатор здесь, — сказал он так просто, как будто сообщал о старом друге.

Я посмотрел в том направлении, куда он указал, и увидел группу из пяти женщин и трех мужчин в дальнем конце галереи. На первый брошенный мною быстрый и панический взгляд, в тех людях не было ничего необычного. Я даже не мог сказать, заходили они в церковь или выходили из нее. Однако я заметил, что они не составляют единой группы. Они оказались там вместе случайно.

К тому моменту, как мы с доном Хуаном подошли к маленькой двери, врезанной в массивные деревянные ворота церкви, три женщины вошли в

церковь. Трое мужчин и две другие женщины уходили. Я в замешательстве посмотрел на дона Хуана, ожидая указаний.

Движением подбородка он обратил мое внимание на чашу со святой водой.

Мы должны соблюдать обычаи и перекреститься, — прошептал он.

— Где арендатор? — тоже шепотом спросил я.

Дон Хуан погрузил кончики пальцев в воду и перекрестился. Повелительным жестом подбородка он заставил меня сделать то же самое.

— Был ли арендатор одним из троих мужчин, которые вышли? — прошептал я ему на ухо.

— Нет, — шепнул он в ответ. — Арендатор — одна из трех женщин, которые остались. Она там, сзади.

В этот момент женщина в заднем ряду повернула ко мне голову, улыбнулась и кивнула.

Одним прыжком я оказался у двери и выбежал наружу. Дон Хуан выбежал вслед за мной. Он догнал меня с невероятной ловкостью и схватил за руку.

— Куда это ты собрался? — спросил он.

Все его лицо и тело сотрясались от смеха.

Он крепко держал меня за руку, пока я жадно глотал воздух и самым настоящим образом задыхался. Приступы смеха накатывали на него, как океанские волны. Я рванулся в сторону и бросился в сторону площади. Он последовал за мной.

— Я никогда не подумал бы, что это до такой степени выведет тебя из себя, — сказал он, сотрясаясь от нового приступа смеха.

— Почему ты не говорил мне, что арендатор — женщина?

— Тот маг — это бросивший вызов смерти, — сказал он торжественно. — Для мага, столь опытного в перемещениях точки сборки, быть мужчиной или женщиной — дело выбора или удобства. Это та первая часть урока сновидения, о которой я тебе говорил, и бросивший вызов смерти и есть тот таинственный посетитель, который собирается провести тебя через него. От смеха он закашлялся и схватился за бока. Я оцепенел. Затем меня охватил приступ ярости. Это было не бешенство по отношению к дону Хуану, к себе или к кому-либо — мою грудь переполнила какая-то холодная подступившая к горлу ярость, готовая взорвать меня.

— Давай вернемся в церковь, — закричал я, не узнавая своего голоса.

— Сейчас, сейчас, — сказал он тихо. — Не спеши бросаться в огонь. Подумай. Взвесь. Определись. Успокойся, остынь. Никогда в жизни тебе еще не приходилось проходить такое испытание. Сейчас тебе нужно спокойствие.

— Я не могу сказать тебе, что делать, — продолжал он. — Как всякий нагваль, я поверну тебя лицом к твоей задаче, предварительно рассказав тебе косвенным образом кое-что имеющее отношение к предстоящему делу. Это еще один прием нагвалей: говорить обо всем, ничего не говоря или спрашивать, не спрашивая.

Я хотел побыстрее покончить с этим, но дон Хуан сказал, что небольшая пауза придаст мне уверенности в себе. У меня подгибались колени. Дон Хуан заботливо усадил меня на обочину и сел рядом со мной.

— Первая часть урока сновидения сводится к вопросу о том, что быть мужчиной или женщиной не означает окончательности этого состояния, а является результатом особого расположения точки сборки, — сказал он. — Это происходит в результате напряжения воли и тренировок. Поскольку эта тема была близка сердцам древних магов, — только они одни могут пролить свет на это.

Возможно потому, что мне ничего иного не оставалось делать, я стал возражать дону Хуану.

— Я не могу согласиться с этим и поверить тому, о чем ты говоришь, — сказал я, почувствовав, как жар приливает к лицу.

— Но ты видел женщину, — возразил дон Хуан. — Ты считаешь, что это только фокус?

— Я не знаю, как мне к этому отнестись.

— Это существо в церкви, — реальная женщина, — убедительно произнес он. — Почему это так тебя волнует? Тот факт, что она родилась мужчиной, лишь подтверждает силу колдовских деяний старых магов. Это не должно удивлять тебя. Ведь ты сам являешься ярким примером олицетворения всех принципов магии.

Мое нутро было готово разорваться от напряжения. Дон Хуан с упреком заметил, что я люблю спорить. С едва сдерживаемым нетерпением, но с особым пафосом я объяснял ему биологические основы различия мужского и женского организмов.

— Я все это понимаю, — сказал он. — И в этом ты прав. Но твоя ошибка в том, что ты пытаешься сделать свои оценки универсальными.

— То, о чем мы говорим, — это основополагающие принципы, — закричал я. — И они соответствуют человеку здесь или в любом другом месте во вселенной.

— Правильно. Правильно, — сказал он спокойным голосом. — Все, что ты говоришь, верно лишь тогда, когда твоя точка сборки остается в обычной позиции. Но в тот момент, когда она смещается в пределах определенных границ, и наш обычный мир больше не существует, — ни один из принципов, которые ты отстаиваешь, не имеет того значения, о котором ты говоришь.

Твоя ошибка заключается в том, что ты забываешь: бросивший вызов смерти переступает эти пределы тысячи и тысячи раз. Не надо быть гением, чтобы понять, что арендатор не связан больше теми силами, которыми пока еще связан ты.

Я объяснил ему, что мое недоверие, если это можно назвать недоверием, относится не к нему лично, но вызвано тем, что практическая сторона магии, о которой мы говорим, до сего времени выглядела для меня настолько отвлеченной, что я никогда не рассматривал ее как реальную возможность. Я

повторил, что на своем собственном опыте я действительно убедился, что именно в сновидении возможно все. Я напомнил, что сам же он и культивировал во мне подобную идею наряду с требованием остановки внутреннего диалога. Но то, что он рассказывал об арендаторе, не укладывалось в привычные рамки. Это было бы нормальным для тела сновидения, но не должно было иметь никакого отношения к действиям в обычном мире. Я дал ему понять, что подобная версия была для меня противоестественной и потому неприемлемой.

Откуда такая реакция непримиримости? — спросил он, улыбаясь.

Его вопрос застал меня врасплох. Я был в растерянности.

— Я думаю, что это претит моей сущности, — предположил я. И именно это я и имел в виду. Мысль о том, что женщина в церкви была мужчиной, вызывала во мне отвращение.

В моей голове вертелась мысль: возможно, арендатор — просто травести. Я серьезно спросил об этом дона Хуана. Он так рассмеялся, что, казалось, не сможет остановиться.

— Такая возможность слишком земная, — сказал он. — Может быть, твои прежние друзья могли делать такое. Твои теперешние друзья более изобретательны и менее склонны к мастурбации. Я повторяю — это существо в церкви — женщина. Это «она». И у нее есть все органы и атрибуты женщины.

Он ехидно улыбнулся. — Тебя всегда привлекали женщины, не так ли? Похоже, что эта ситуация — для тебя, как по заказу.

Его радость была столь по-детски откровенной, что заразила и меня. Мы рассмеялись вместе. Он — неудержимо, я — понимающе.

Затем я принял решение. Я встал и громко заявил, что у меня нет желания иметь дело с арендатором ни в каком состоянии. Я решил пренебречь всем этим и вернуться в дом дона Хуана, а затем — к себе домой.

Дон Хуан сказал, что он ничего не имеет против моего решения, и мы

направились назад к его дому. Мои мысли бешено скакали. Правильно ли я поступаю? Убегаю ли я от страха? Конечно, я сразу расценил свое решение как правильное и неизбежное. В конце концов, убеждал я себя, меня не интересуют приобретения, а дары арендатора напоминали приобретение собственности. Было много вопросов, которые я мог бы задать бросившему вызов смерти.

Мое сердце стало биться так сильно, что я почувствовал его пульсацию в желудке. Внезапно это биение сменилось голосом эмиссара. Он нарушил свое обещание не вмешиваться и сказал, что невероятная сила учащает биение моего сердца, чтобы заставить меня вернуться в церковь. Идти в дом дона Хуана означало — идти к смерти.

Я остановился и быстро сообщил дону Хуану слова эмиссара:

— Это правда?

— Боюсь, что да, — застенчиво согласился он.

— Почему ты сам не сказал мне, дон Хуан? Ты хотел, чтобы я умер, потому что считал меня трусом? — спросил я, приходя в ярость.

— Так ты не умрешь. Твоя телесная энергия имеет бесконечные ресурсы. И мне никогда не приходило в голову, что ты трус. Я уважаю твои решения, и меня совершенно не интересует, что движет их принятием.

Ты в конце пути, так же, как и я. Так будь настоящим нагвалем. Не стыдись самого себя. Я думаю, что если бы ты был трусом, ты бы умер от страха много лет назад. Но если ты боишься встретиться с бросившим вызов смерти, тебе лучше умереть, чем встретиться с ним. В этом нет стыда.

— Давай вернемся назад в церковь, — сказал я как можно спокойнее.

— Сейчас мы приближаемся к самому главному! — воскликнул дон Хуан. — Но сначала давай вернемся в парк, присядем на скамью и тщательно продумаем варианты твоих действий. Мы можем выиграть время; к тому же не стоит слишком спешить к тому, что находится рядом. Мы вернулись в парк, тут же нашли незанятую скамью и сели.

— Ты должен понять, что только ты сам можешь принять решение, встречаться или не встречаться с арендатором, принять или отвергнуть его дар силы, — сказал дон Хуан. — Но твое решение должно быть высказано женщине в церкви наедине; иначе оно не будет иметь силы.

Дон Хуан сказал, что дары арендатора необычайны, но плата за них огромна. И сам он не одобряет ни дары, ни цену.

Перед тем, как ты примешь настоящее решение, — продолжал дон Хуан, — ты должен знать все детали наших действий с этим магом.

— Лучше бы мне больше об этом не слышать, дон Хуан, — взмолился я.

— Ты обязан знать, — сказал он. — Как же иначе ты примешь решение?

— Не кажется ли тебе, что чем меньше я буду знать об арендаторе, тем будет лучше для меня? — Нет. Не дело прятать голову под крыло, чтобы не видеть опасности. Это момент правды. Все, что ты сделал и испытал в мире магов, привело тебя к нему. Я не хотел этого говорить, потому что знал, — тебе скажет об этом твоя телесная энергия; но нет пути избежать того, что предназначено. Даже через смерть. Ты понял? — Он потряс меня за плечо. — Ты понял? — повторил он.

Я понял так хорошо, что попросил его, если это возможно, помочь мне сменить уровень осознания, чтобы уменьшить мой страх и дискомфорт. Я чуть не подпрыгнул, когда он взорвался своим «нет».

— Ты должен встретить бросившего вызов смерти хладнокровно и как нечто давно ожидаемое, — продолжал он. — Ты можешь сделать это только по собственному убеждению.

Дон Хуан стал спокойно повторять мне все, что уже рассказал о бросившем вызов смерти. По мере того как он говорил, я понял, что мое замешательство отчасти является результатом его манеры использовать слова. Он переводил «бросивший вызов смерти» на испанский как «el desafiante de la muerte», и «арендатор» как «el inquilino», причем оба автоматически указывали на то, что речь идет о женщине. Но описывая взаимоотношения между арендатором

и нагвалями своей линии, дон Хуан продолжал путать мужской и женский род в испанском языке, вызывая у меня чувство замешательства.

Он сказал, что, как предполагается, арендатор будет расплачиваться за энергию, которую он забирает у нагвалей нашей линии, но чем бы он ни заплатил, — это будет связывать магов на поколения. После того, как со всех этих нагвалей взята плата энергией, женщина в церкви обучает их, как в точности расположить их точку сборки в определенных особых положениях, которые она выбирает сама. Другими словами, она связывает каждого из этих людей с даром силы, представляющим собой предварительно выбранную особую позицию точки сборки и всего, что ей сопутствует.

— Что ты имеешь в виду под «тем, что ей сопутствует», дон Хуан?

— Я имею в виду негативные результаты этих даров. Женщина в церкви индульгирует в высшей степени. В этой женщине нет сдержанности и умеренности. Например, она обучала нагваля Хулиана, как расположить свою точку сборки в таком положении, как у нее — женщины. Эти уроки для моего бенефактора, который был неисправимым сластолюбцем, стали чем-то вроде вина для пьяницы.

Но разве для каждого из нас не является правилом нести ответственность за то, что мы делаем?

— Да, конечно. Однако это совсем не так просто. И умышленно увеличивать эти сложности, как делает эта женщина, — значит только создавать ненужное давление.

— Почему ты думаешь, что женщина в церкви делает это умышленно?

— Так она поступала с каждым из нагвалей моей линии. Если мы посмотрим на себя честно и беспристрастно, нам придется согласиться с тем, что бросивший вызов смерти своими дарами превратил нас в линию очень индульгирующих и зависимых магов.

Меня начали раздражать постоянные несоответствия в его речи при использовании мужского и женского рода.

— Ты должен говорить об этом маге или как о мужчине, или как о женщине, но не как об обоих сразу, — резко сказал я. — Я не столь пластичен, и твое произвольное использование грамматического рода вызывает у меня нарастающее чувство дискомфорта.

— Мне самому не по себе, — признался он. — Но что поделать, если бросивший вызов смерти действительно является и тем и другим — и женщиной, и мужчиной. Я никогда не мог по-настоящему привыкнуть к этому. Я уверен, что и ты должен чувствовать себя так же, ведь ты уже видел его как мужчину.

Дон Хуан напомнил мне о том, как однажды, много лет назад, он взял меня на встречу с бросившим вызов смерти, и я увидел мужчину — странного индейца, не молодого и не старого, очень хрупкого телосложения. Больше всего мне запомнился его странный акцент и одна необычная метафора, которую он использовал, описывал вещи.

Он говорил: «mis ojos se pasearon» — «мои глаза идут вперед». Например, он говорил: «Мои глаза идут вперед на шлемы испанских завоевателей».

Воспоминание об этом было столь мимолетным, что мне всегда казалось, что встреча продолжалась лишь несколько минут. Но позднее дон Хуан сказал мне что я пробыл с бросившим вызов смерти целый день.

— Я предполагал, что тогда, много лет назад, ты сам назначил встречу с бросившим вызов смерти, — продолжал дон Хуан, — поэтому и пытался выведать у тебя, знаешь ли ты о том, что происходило.

— Ты был обо мне слишком высокого мнения, дон Хуан. От такого предположения рехнуться можно. Как тебе могла прийти в голову такая идея?

— Мне показалось, что бросившему вызов смерти ты понравился. А это значит, что уже тогда он мог наделить тебя даром силы, хотя ты этого и не помнишь. Либо он мог назначить тебе встречу, приняв облик женщины. Я даже подозревал, что она дала тебе точные инструкции.

Дон Хуан заметил, что бросивший вызов смерти, определенно являясь существом ритуальных привычек, неизменно встречал нагвалей нашей линии

сначала в облике мужчины, как это случилось с нагвалем Себастьяном, а впоследствии — в облике женщины.

— Почему ты называешь дары бросившего вызов смерти дарами силы? И в чем тут тайна? — спросил я. — Ведь ты и сам можешь перемешать свою точку сборки куда угодно, разве не так?

— Это дары силы, потому что они являются продуктом особого знания магов древности, — сказал он. — Это тайна, потому что никто на этой земле, кроме бросившего вызов смерти, не может явить нам пример таких знаний. Я, конечно, могу расположить свою точку сборки там, где хочу, внутри или за пределами энергетической формы человека. Но чего я не могу, и что подвластно лишь бросившему вызов смерти, — это знать, что нужно делать с моим энергетическим телом в каждом из этих положений с тем, чтобы достигнуть полного восприятия, полного единства.

Затем он объяснил, что современные маги не знают особенностей многих тысяч возможных позиций точки сборки.

— О каких особенностях ты говоришь? — спросил я.

— Особые способы обращения с энергетическим телом, направленные на достижение прочной фиксации отдельных позиций точки сборки, — ответил он.

Он привел в пример себя. Он сказал, что дар силы, полученный им от бросившего вызов смерти, заключался в знании позиции точки сборки вороны и способах манипуляции своим энергетическим телом для достижения полного восприятия себя вороной. Дон Хуан объяснил, что полное восприятие и полное отождествление — это то, чего старые маги добивались любой ценой, и что в случае с его собственным даром силы полное восприятие пришло к нему в результате постепенного процесса обучения, шаг за шагом, как учатся работать на очень сложной машине.

В дальнейшем дон Хуан объяснил, что большинство сдвигов точки сборки, осуществляемые современными магами, — это незначительные сдвиги в пределах тонкого пучка светящихся энергетических волокон внутри светящегося яйца; пучка, называемого «человеческой полосой», или просто

человеческим аспектом энергии вселенной. За пределами этого пучка, но все еще в пределах светящегося яйца, располагается сфера глубоких сдвигов. Когда точка сборки смещается в любое место этой сферы, восприятие для нас все еще возможно, но для абсолютного постижения требуется крайне детальные процедуры.

— Неорганические существа попросту надували вас с Кэрол Тиггс в вашем последнем путешествии, якобы помогая вам при попытке достигнуть абсолютного слияния, — сказал дон Хуан. — Они сместили ваши точки сборки в максимально отдаленное место, помогая вам воспринимать так, словно вы находитесь в своем повседневном мире. Это почти невозможная вещь. Для такого восприятия магу требуются или практические знания, или могущественные друзья.

Твои друзья в конце концов предали бы вас с Кэрол, и вам пришлось бы учиться практическим способам борьбы за выживание в этом мире. В результате вы оба до краев бы наполнились прагматизмом, уподобившись в этом наиболее знающим магам древности.

— Каждый глубокий сдвиг точки сборки требует особой проработки, — продолжал он, — которую современные маги могли бы изучить, если бы знали, как фиксировать точку сборки на довольно длительное время при любом таком сдвиге. Только маги древности обладали необходимыми для этого особыми знаниями.

Дон Хуан продолжал объяснять, что знание особых действий, необходимых для таких сдвигов, не были доступны восьми нагвалям нашей линии, предшествовавшим нагвалю Себастьяну. Затем арендатор продемонстрировал нагвалю Себастьяну возможность достигнуть полного восприятия в десяти новых позициях точки сборки.

Нагваль Сантистебан получил семь, нагваль Лухан — пятьдесят, нагваль Розендо — шесть, нагваль Элиас — четыре, нагваль Хулиан — шестнадцать. Сам он получил две. Всего это составило девяносто особых позиций точки сборки, известных его линии.

Он сказал, что на вопрос, считает ли он это преимуществом, он ответил бы «нет», потому что под тяжестью этих даров наша линия явно сместилась в

сторону настроения древних магов.

— Сейчас твоя очередь встретиться с арендатором, — продолжал он. — Возможно, что дары, которые он тебе даст, станут последней каплей, после чего наша линия окончательно погрузится во мрак, поглотивший магов древности.

— Это ужасно болезненно, — сказал я.

— Я тебе искренне сочувствую, — серьезно ответил он. — Знаю, что тебя не успокоит, если я скажу тебе, что это самое серьезное испытание для современного нагваля. Встреча с таким древним и таинственным существом как арендатор вызывает не столько страх, сколько отвращение. Так, по крайней мере, было со мной, и это факт.

— Почему я должен пойти на это, дон Хуан?

— Потому что, сам того не зная, ты уже принял вызов бросившего вызов смерти. За время твоего ученичества я подготовил тебя к этой встрече незаметно для тебя самого, точно так же, как это проделал со мной мой учитель. — Я прошел через такой же ужас, только, пожалуй, в чуть более грубой форме. — сказал он, посмеиваясь. — Нагваль Хулиан был мастер на жестокие шутки. Он сказал мне, что одна очень красивая и пылкая вдова влюблена в меня до безумия. Нагваль часто брал меня с собой в церковь, и я видел там женщину, подолгу смотревшую на меня. Она показалась мне красивой. Я был молодым невежей, и когда нагваль сказал, что она любит меня, я в это поверил. Меня ожидало сильное разочарование.

Я с трудом удержался от смеха при жесте дона Хуана, означавшем потерю им невинности. Затем меня поразила мысль о том, что положение, в котором он оказался, было совсем не смешным, — оно было просто страшным.

— Ты уверен, дон Хуан, что эта женщина была арендатором? — спросил я, все еще надеясь, что это ошибка или плохая шутка.

— Я совершенно уверен, — сказал он. — Кроме того, даже если бы тогда я и был таким тупым, чтобы забыть арендатора, мое видение не может меня подвести.

— Имеешь ли ты в виду, дон Хуан, что арендатор обладает иным типом энергии?

— Нет, не иным типом энергии, но, без сомнения, другими признаками энергии, что отличает его от нормального человека.

— Ты абсолютно уверен, что та женщина — арендатор? — настаивал я. почувствовав внезапный прилив отвращения и страха.

— Эта женщина была арендатор! — воскликнул дон Хуан тоном, не терпящим возражения.

Некоторое время мы сидели молча. Я ожидал следующего прилива неописуемой паники.

Я уже сказал тебе, что быть натуральным мужчиной или натуральной женщиной является вопросом положения точки сборки, — сказал дон Хуан. — Но, естественно, я имел в виду того, кто родился или мужчиной или женщиной. Для видящего самая яркая часть точки сборки обращена наружу, если это женщина, и вовнутрь, — если это мужчина. Точки сборки арендатора первоначально была обращена вовнутрь, но он менял ее положение, и вращая ее, превратил свою яйцеобразную энергетическую оболочку в подобие спиралевидной раковины.

12 глава. Женщина в церкви

Мы сидели в молчании. Мои вопросы иссякли, а дон Хуан, казалось, сказал мне все, что считал нужным сказать. Было никак не больше семи вечера, но площадь была против обыкновения пустынной. Вечер был теплым. По вечерам в этом городе люди обычно сновали по площади до десяти и даже одиннадцати часов.

Я воспользовался моментом затишья, чтобы осмыслить то, что со мной произошло. Мое время с доном Хуаном подходило к концу. Он и его партия были близки к осуществлению магической мечты — оставить этот мир и войти в непостижимые пространства. Основываясь на своих ограниченных достижениях в области сновидения, я верил, что их притязания были не иллюзорными, а напротив — исключительно трезвыми, хотя и противоречащими разуму. Они стремились постичь непознаваемое, и они сделали это.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что сновидящий, вызывая систематическое перемещение своей точки сборки, раскрепощает восприятие, расширяя диапазон и масштабы того, что может быть воспринято. Для магов его партии сновидение не только открывало врата в любые воспринимаемые миры, но и готовило их ко вхождению в эти миры в полном осознании. Сновидение для них было чем-то невыразимым, беспрецедентным, чем-то таким, на что можно было лишь намекнуть, как это сделал, например, дон Хуан, когда назвал его вратами к свету и темноте во вселенной.

Им осталось сделать только одно — свести меня с бросившим вызов смерти. Я сожалел о том, что дон Хуан не позволил мне записывать, чтобы я мог лучше подготовиться. Но он был нагвалем, который в деле любой важности полагался на экспромт или вдохновение, почти ни о чем не предупреждая заранее.

На мгновение я почувствовал себя хорошо, сидя с доном Хуаном в этом парке и ожидая дальнейшего развития событий. Но затем моя эмоциональная стабильность стала улетучиваться, и я в мановение ока оказался на грани темного отчаяния. Меня захватили мелочные соображения относительно своей безопасности, своих целей, своих надежд в этом мире, своих проблем и тревог. Однако поразмыслив, я вынужден был признать, что единственное истинное беспокойство, которое у меня оставалось — это беспокойство о моих трех соратниках по миру дона Хуана. Но даже это реально не волновало меня. Дон Хуан научил их быть такими воинами, которые всегда знали, что делают, и, что самое главное, он научил их всегда знать, что делать с тем, что они знают.

Имея все возможные земные причины, чтоб испытывать муки, беспокоившие

меня с давних пор, все, с чем я остался, было беспокойством за себя самого. И я без тени стыда предавался ему. Одно последнее индульгирование на дорожку: страх умереть от руки бросившего вызов смерти. Мне стало страшно до спазмов в желудке. Я пытался извиняться, но Дон Хуан рассмеялся.

— Ты не уникален в своем страхе, — сказал он. — Когда я встретил бросившего вызов смерти, я наложил в штаны. Поверь мне.

Я долго ожидал в молчании, это были тяжкие минуты.

— Ты готов? — спросил он.

Я сказал — да!

Вставая, он добавил: — Тогда идем, посмотрим, как ты сможешь выйти на линию огня.

Он направился назад в церковь. Все, что я могу вспомнить до сегодняшнего дня, — это то, как он тащил меня весь этот путь. Я не помню, как мы дошли до церкви, как вошли в нее. Дальше мне запомнилось, как я опустился на колени на длинную потертую деревянную скамью рядом с женщиной, которую заметил раньше. Она улыбалась мне. В отчаянии я оглянулся, пытаясь найти дона Хуана, но его нигде не было. Я бы заметался, как летучая мышь, вырвавшаяся из мрака, если бы женщина не удержала меня, схватив за руку.

— Ты что, боишься меня, маленькую? — спросила меня женщина по-английски.

Я стоял, словно приклеенный к тому месту, где преклонил колени. Ее голос — вот что мгновенно приковало мое внимание. Я не могу описать, что было в этом резком звуке, проникнувшем в самые потаенные уголки моей памяти. Мне показалось, что я знал этот голос всегда.

Я остался стоять неподвижно, загипнотизированный этим звуком. Она спросила меня по-английски еще о чем-то, но я не мог понять, о чем она говорила. Она опустилась на колени справа от меня.

— Я понимаю, что такое настоящий страх. Я живу с ним.

Я только собрался заговорить с ней, когда услышал голос эмиссара у своего уха.

— Это голос Хермелинды, твоей кормилицы, — сказал он.

Единственное, что я знал о Хермелинде, — это история, рассказанная мне о том, как она была насмерть сбита грузовиком. Этот женский голос, взывавший к таким глубинам памяти, потряс меня. Я испытал мгновенное мучительное волнение.

— Я — твоя кормилица! — негромко воскликнула женщина. — Как необыкновенно! Хочешь молочка? — Смех сотрясал ее тело.

Я приложил сверхусилие, чтобы остаться спокойным, хотя чувствовал, что земля уходит из под моих ног и в следующее мгновение я потеряю сознание.

— Не обращай внимания на мои шутки, — сказала женщина низким голосом. — По правде говоря, ты мне очень нравишься. Ты переполнен энергией. Похоже, мы с тобой поладим.

Прямо перед нами опустились на колени два старика. Один из них неожиданно обернулся, странно посмотрев на нас. Она не обратила на него никакого внимания, продолжая шептать мне на ухо.

Разреши мне держать тебя за руку, — попросила она.

Однако ее просьба звучала как приказ. Я подчинился и оставил свою руку в ее, не в силах ответить нет.

— Спасибо за твое доверие и веру в меня, — прошептала она.

Звук ее голоса вверг меня в безумие. Его резкость была так необычна, так абсолютно женственна. Ни при каких обстоятельствах не смог бы я спутать его с мужским голосом, пытающимся звучать по-женски. Это был резкий голос, но не хриплый или грубый. Он более походил на хруст гравия под босыми ступнями.

Я приложил неимоверное усилие, чтобы разорвать невидимую пелену энергии, которая, казалось, окутала меня. Кажется, это мне удалось. Я встал, собираясь уходить, и я бы сделал это, но женщина тоже поднялась и прошептала мне на ухо:

— Не убегай. Мне надо так много сказать тебе.

Я автоматически сел, остановленный любопытством. Странно, но мое волнение внезапно исчезло, — пропал и мой страх. У меня даже хватило смелости спросить:

— Ты действительно женщина?

Она тихо усмехнулась, словно молодая девушка. Затем она заговорила.

— Если ты опасаешься, что я превращусь в грозного мужчину, который в состоянии причинить тебе вред, то глубоко ошибаешься, — сказала она еще более гипнотическим, странным голосом. — Ты мой благодетель. Я твоя слуга, и я была слугой всем твоим предшественникам.

Сконцентрировав всю свою энергию, я высказал ей свои мысли.

— Пожалуйста, бери мою энергию, — сказал я. — Это мой дар тебе. Но я не хочу от тебя никакого дара силы. Я так решил.

— Я не могу взять твою энергию даром, — прошептала она. — Я плачу за то, что получаю. Это сделка. Глупо отдавать свою энергию даром.

— Я был глупцом всю мою жизнь. Поверь мне, — сказал я. — Я, конечно, могу позволить себе сделать тебе такой подарок. У меня нет с этим проблем. Тебе нужна энергия — бери ее. Но я не нуждаюсь в излишествах. У меня ничего нет, и мне это нравится.

— Возможно, — сказала она задумчиво.

Агрессивным тоном я спросил, что, собственно, «возможно» — возможно взять мою энергию, или возможно ее недоверие к тому, что у «меня ничего нет, и мне это нравится».

Она довольно ухмыльнулась и сказала, что она, возможно, возьмет мою энергию, раз я столь великодушно ее предлагаю, но она должна будет расплатиться. Она должна мне отплатить чем-то равноценным.

Слушая ее, я понял, что она говорит по-испански с очень сильным и странным акцентом. Никогда в своей жизни я не слышал, чтобы кто-либо так говорил. В каждом слове она добавляла лишнюю фонему в середине слога.

— У тебя очень необычный акцент, — сказал я. Откуда он?

Почти из загробного мира, — сказала она и вздохнула.

Между нами установился контакт. Я понял, почему она вздохнула. Она была ближе всего к вечности, в то время как я был чем-то временным. Это было моим преимуществом. Бросившая вызов смерти загнала себя в угол, а я был свободен.

Я внимательно рассматривал ее. Казалось, что ей где-то между тридцатью пятью и сорока годами. Это была смуглая женщина, настоящая индеанка, довольно крепкая, но не толстая. Я мог видеть гладкую кожу ее рук, молодые и упругие мускулы. В ней было около пяти футов и шести или семи дюймов роста. Она была одета в длинное платье и черную шаль. Она стояла на коленях, и я мог видеть ее гладкие пятки и часть ее сильных икр. Ее талия была тонкой. У нее были большие груди, которые она не могла или, возможно, не хотела скрывать под своей шалью. Ее блестящие черные волосы были заплетены в косы. Она не была красавицей, но не была и простушкой. Ее черты ни в коей мере не были выдающимися. Я ощущал, что ничто в ней не может привлечь внимания, кроме ее глаз, обычно опущенных, прикрытых веками. Ее глаза были прекрасны, ясны и спокойны. Кроме дона Хуана, я ни у кого не видел столь сияющих и живых глаз.

От ее глаз мне стало совершенно спокойно. Такие глаза не могут быть злыми. Я ощутил прилив доверия и оптимизма и почувствовал, что я как бы знаю ее всю жизнь. Но я так же хорошо осознавал и другое — свою эмоциональную нестабильность. Это всегда беспокоило меня в мире дона Хуана, заставляя постоянно быть в подвешенном состоянии. У меня были моменты абсолютного доверия, интуитивно сопровождаемые лишь ничтожными сомнениями и

недоверием. Эта ситуация не выглядела иначе. В мой подозрительный ум внезапно пришла мысль, предупреждающая меня: я попал под влияние женских чар.

— Вы начали изучать испанский недавно, не так ли? — сказал я, чтобы отделаться от своих мыслей, боясь, что она их прочтет.

— Только вчера, — отпарировала она и рассмеялась хрустальным смехом, показывая маленькие, невероятно белые зубы, сверкающие как жемчуг.

Люди повернулись и посмотрели на нас. Я опустил голову ниже, словно углубясь в молитву. Женщина придвинулась ко мне ближе.

— Есть ли здесь место, где мы могли бы поговорить? — спросил я.

— Мы разговариваем здесь, — ответила она. — Здесь я говорила со всеми нагвалями твоей линии. Если говорить шепотом, никто не услышит нашего разговора.

Я сгорал от нетерпения, желая спросить о ее возрасте. Но меня отрезвило одно мое воспоминание. Я вспомнил одного своего приятеля, который на протяжении многих лет устраивал всяческие западни, чтобы вынудить меня открыть свой возраст. Я ненавидел этот его мелочный интерес, а сейчас я сам был на грани такого же поведения. Я тотчас же отбросил эту мысль.

Я хотел ей сказать об этом, чтобы просто поддержать разговор. Казалось, что она знает, какие мысли приходят мне в голову. Она по-дружески сжала мне руку, словно затем, чтобы сказать, что наши мысли совпадают.

— Можешь ли ты вместо подарка дать мне какое-нибудь напутствие? — спросил я ее.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, — прошептала она. — Мы совершенно разные. Даже более разные, чем мне представлялось возможным.

Она поднялась и соскользнула со скамьи. Ловко преклонила колени, став

лицом к главному алтарю. Перекрестилась и дала знак следовать за ней к большому боковому алтарю слева от нас.

Мы стали на колени перед большим Распятием. До того, как я успел что-либо сказать, она произнесла:

— Я живу очень долгое время. Причиной моей долгой жизни является мое умение контролировать сдвиги и перемещение моей точки сборки. Вместе с тем я не остаюсь слишком подолгу здесь, в вашем мире. Я должна сохранять энергию, которую я получаю от нагвалей вашего рода.

— Прикована ли ты только к этому месту, находясь в этом мире?

— Нет. Я хожу везде, где хочу.

— Ты всегда женщина?

— Я была женщиной дольше, чем мужчиной. Мне это определенно больше нравится. Я почти забыла, как быть мужчиной. Я полностью женщина!

Она взяла мою руку и заставила прикоснуться к ее промежности. Мое сердце колотилось у меня в горле. Она действительно была женщиной.

— Я не могу просто взять твою энергию, — сказала она, меняя тему. — Мы должны заключить соглашение другого рода.

На меня накатила еще одна волна бесконечного благоразумия. Я хотел спросить ее, где она жила, когда бывала в этом мире. Оказалось, что у меня не было необходимости произносить свой вопрос вслух, чтобы получить ответ.

— Ты гораздо-гораздо моложе меня, — сказала она. Но и тебе уже теперь очень непросто сообщать людям, где ты живешь. И даже если ты приводишь их в дом, за который платишь и который является твоей собственностью, — он не является тем местом, где ты живешь.

— Есть так много вещей, о которых я хотел бы спросить тебя, но мне в голову приходят лишь бестолковые мысли, — сказал я.

— Тебе не нужно о чем-либо спрашивать меня, — продолжала она. — Ты уже знаешь все, что знаю я. Тебе требуется лишь толчок, чтобы вызвать свои знания. Я дам тебе такой толчок.

Мне не только приходили в голову бестолковые мысли, но и весь я находился в состоянии такой внушаемости, что не успела она закончить говорить, что я знаю то, что знает она, как я ощутил, что я действительно знаю все, и мне не нужно больше задавать какие-либо вопросы. Смеясь, я сказал ей о своей доверчивости.

— Ты не доверчив, — авторитетно заверила она меня. — Ты знаешь все, потому что сейчас ты полностью во втором внимании. Оглядись вокруг!

На какой-то миг я не мог сфокусировать свое зрение. Это было так, словно в мои глаза попала вода. Когда я присмотрелся, я понял, что произошло нечто зловещее. Церковь была другой, более темной, угрожающей, гнетущей. Я поднялся и ступил пару шагов к нефу. В глаза бросились скамьи; они были сделаны не из досок, а из тонких перекрученных бревен. Это были самодельные скамьи, установленные внутри величественного каменного строения. Другим стал также и свет в церкви. Он был желтоватым, и его тусклое свечение отбрасывало столь черные тени, каких мне не приходилось видеть никогда в жизни. Он исходил от свечей, горевших на многих алтарях. Я ощущал, как гармонично сочетается пламя свечей с массивными каменными стенами и росписями колониальной церкви.

Женщина смотрела на меня; сияние ее глаз было просто невероятным. Я знал, что я в сновидении, и она руководит моим сновидением. Но я не боялся ни ее, ни сновидения.

Я отошел от бокового алтаря и вновь посмотрел на неф церкви. Там на коленях стояли люди и молились. Их было много, необычно маленьких, темных и мускулистых. Я видел их склоненные перед главным алтарем головы. Один из них, стоявший ближе ко мне, смотрел на меня с явным неодобрением. Я с изумлением рассматривал людей и все вокруг. Странным образом я не слышал никакого шума. Люди двигались беззвучно.

— Я ничего не слышу, — сказал я женщине и мой голос отозвался гулким эхом, словно церковь была пустой раковиной. Люди рядом обернулись, посмотрели

на меня. Женщина потянула меня назад в темноту бокового алтаря.

— Ты будешь слышать, если перестанешь слушать своими ушами, — сказала она. — Слушай своим вниманием сновидения.

Оказалось, что мне требуются лишь ее нашептывания. Внезапно на меня нахлынул гул голосов толпы молящихся. Я был охвачен им мгновенно. Это был самый необыкновенный звук, который я когда-либо слышал. Пораженный, я хотел сообщить об этом женщине, но ее не было рядом со мной. Я поискал ее взглядом. Она почти дошла до дверей. Там она обернулась, чтобы подать мне знак следовать за ней. Я догнал ее в галерее. Улицы больше не были освещены. Единственным освещением был лунный свет. Фасад церкви также стал другим; он был недостроен. Повсюду лежали квадратные блоки известняка. Вокруг церкви не было больше никаких других строений. В лунном свете эта картина выглядела жутко.

— Куда мы идем? — спросил я ее.

— Никуда, — ответила она. — Мы просто вышли на простор и безлюдье. Здесь мы можем говорить вдоволь.

Она заставила меня сесть на полуобработанный кусок известняка.

— Во втором внимании есть неисчерпаемые сокровища, которые нужно только раскрыть, — начала она. — Самым важным является то, какую начальную позицию примет сновидящий. Именно в этом заключается секрет древних магов, которые были древними уже в мое время. Подумай об этом.

Она подсела ко мне так близко, что я чувствовал жар ее тела. Она положила руку на мои плечи и прижала меня к своей груди. От ее тела исходил особый аромат; он напоминал мне запах дерева и шалфея. Это происходило не потому, что она пользовалась духами; казалось, что все ее существо издает благоухание соснового леса. И жар ее тела тоже не был таким, как у меня или у кого-либо мне известного. Ее жар был ментоловопрохладным, сдержанным. Мне пришло в голову, что этот жар не ослабевает, но и не усиливается.

Она начала шептать мне в левое ухо. Она сказала, что дары, данные ею нагвалям моей линии, связаны с тем, что древние маги обычно называли

«сдвоенными позициями». Это, так сказать, начальная позиция, которой спящий располагает свое физическое тело для сновидений, отражается в позиции, в которой он располагает в сновидении свое энергетическое тело для того, чтобы зафиксировать свою точку сборки в любом избираемом им месте.

Две позиции составляют целое, — говорила она, — и магам древности пришлось потратить тысячи лет, чтобы найти наилучший способ взаимоотношений между любыми двумя позициями. У современных видящих, — продолжала она с усмешкой, — никогда не будет времени и условий, чтобы проделать всю эту работу, и мужчинам и женщинам из твоей линии на самом деле повезло в том, что у них есть я, сделавшая им такие подарки.

Ее смех зазвучал особенно хрустально.

Я не совсем понял ее объяснения сдвоенных позиций. Я без церемоний заявил ей, что не хочу испытывать все это сам, мне достаточно знать о таких вещах как о интеллектуальной возможности.

— Что именно ты хочешь знать? — спросила она мягко.

— Объясни мне, что ты имеешь в виду под сдвоенными позициями, или начальной позицией, которую должен принять сновидящий в своем сновидении.

Как ты укладываешься для сновидений? — спросила она.

— По-разному. У меня нет определенной позы. Дон Хуан никогда не акцентировал на этом моего внимания.

— Это сделаю я, — сказала она и встала.

Она изменила позицию. Сев справа от меня, она зашептала мне в другое ухо, что в соответствии с тем, что знает она, поза для сновидения имеет первостепенное значение. Она предложила проверить это на очень утонченных, но простых упражнениях.

— Начни сновидеть, расположившись на правом боку, чуть согнув ноги в коленях, — сказала она. — Правило заключается в том, чтобы сохранить эту

позицию и заснуть в ней. Затем в сновидении упражнение заключается в том, чтобы видеть во сне, что ты ложишься именно в этом положении и снова засыпаешь.

— Что это дает? — спросил я.

— Это делает точку сборки неподвижной, я имею в виду, — действительно неподвижной, — в каком бы положении она не была в момент второго засыпания.

— И что будет в результате этого упражнения?

— Полное восприятие. Я уверена, твои учителя уже говорили тебе, что мои подарки — это подарки полного восприятия.

— Да. Но я думаю, что мне не совсем ясно, что означает полное восприятие, — соврал я.

Она не обратила на мои слова никакого внимания и продолжала рассказывать мне о четырех вариантах упражнения, когда погружение в сон происходит на правом боку, на левом, на спине и на животе. Затем о том, что в сновидении упражнение выполняется, чтобы приснилось второе засыпание в том же положении, в котором начался сон. Она обещала мне необычайные результаты, которые, по ее словам, невозможно предсказать.

Она внезапно изменила тему и спросила меня:

— Какой ты подарок хочешь для себя лично?

— Мне не надо никакого подарка. Я уже говорил тебе это.

— Я настаиваю. Я должна предложить тебе подарок, и ты должен принять его. Таково наше соглашение.

— Наше соглашение состоит в том, что мы даем тебе энергию. Так бери ее у меня. Это мой подарок тебе.

Женщина, казалось, была ошеломлена. Я настаивал, говоря ей, что все будет

в порядке, если она возьмет мою энергию. Я даже сказал ей, что она мне необыкновенно нравится. Я не кривил душой. В женщине было нечто очень грустное и вместе с тем очень трогательное.

— Давай пойдем назад в церковь, — тихо произнесла она.

— Если ты действительно хочешь сделать мне подарок, — сказал я, — возьми меня на прогулку по этому городу при лунном свете.

Она кивнула в знак согласия.

— При условии, что ты не произнесешь ни слова, — сказала она.

— Почему? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Потому что мы видим сон, — сказала она. — Я возьму тебя глубоко в свое сновидение.

Она объяснила, что пока мы остаемся в церкви, у меня достаточно времени подумать и поговорить, но за пределами церкви ситуация совсем другая.

— Почему так? — дерзко спросил я.

Самым серьезным тоном, который не только сделал ее мрачнее, но и вселил в меня ужас, женщина сказала:

— Потому что за ее пределами ничего нет. Это сон. Ты находишься у четвертых врат сновидения, видя во сне мой сон.

Она сказала мне, что ее искусство заключается в способности направлять свое намерение, и все, что я вижу вокруг, происходит по ее воле. Она сказала шепотом, что церковь и город были результатом ее воображения; они существовали не существуя. Она добавила, глядя мне в глаза, что это одна из тайн намерения во втором внимании двойной позиции сновидения. Это может быть сделано, но не может быть объяснено и постигнуто.

Она сказала мне, что она происходит из линии магов, которые знали, как действовать во втором внимании, направляя свое намерение. Ее рассказ

повествовал о том, что маги из ее линии владели искусством направлять свои мысли в сновидении с целью воспроизвести завершенную и правдивую картину объекта, структуры, точки, фрагмента ситуации по своему выбору.

Она рассказывала, что маги ее линии обычно начинали с того, что пристально рассматривали простой объект и запоминали каждую его деталь. Они могли затем закрыть глаза и представить объект, корректировать это визуальное представление, сравнивая с самим объектом, до тех пор, пока не видели его с закрытыми глазами полностью завершенным.

Следующим пунктом в их развивающейся схеме было сновидение с объектом и создание в сновидении полной материализации объекта с точки зрения их собственного ощущения.

— Этот акт, — сказала женщина, — называется первым шагом к абсолютному восприятию.

От простых объектов эти маги переходили к более сложным конструкциям. Конечной целью для всех них являлось визуальное представление в сновидении всего мира, и воссоздания таким образом абсолютно вероятной реальности, в которой они могли бы существовать.

— Когда кто-либо из магов моей линии приобретал способность делать это, — продолжала женщина, — он запросто мог забирать кого-либо в свое намерение, в свое сновидение. Это именно то, что я сейчас проделала с тобой, и то, что я делала со всеми нагвалями твоей линии.

Женщина захихикала.

— Ты лучше поверь в это, — сказала она так, словно я не верил. — Целые народы исчезли в таких сновидениях. Вот почему я сказала тебе, что эта церковь и этот город являются одной из тайн намерения, сконцентрированного во втором внимании.

— Ты сказала, что целые народы исчезли таким образом. Как это было возможно? — спросил я.

— Они создали визуальный образ, а затем воссоздали такую ситуацию в

сновидении, — ответила она. — Ты никогда не создавал подобных визуальных образов чего-либо, поэтому тебе очень опасно входить в мое сновидение. Затем она предупредила меня, что пойти через четвертые врата и продвигаться по местам, которые существуют лишь в чьем-то воображении — весьма рискованно, так как каждый момент такого сна должен быть абсолютно личным моментом.

— Ты все еще хочешь идти? — спросила она.

Я сказал, что да. Потом она еще кое-что рассказала мне о сдвоенных позициях. Суть ее объяснения сводилась к тому, что, к примеру, я сновижу мой родной город, и мое сновидение началось, когда я лежал на правом боку и видел сон, что я заснул. Второе сновидение не должно быть обязательно сном о моем родном городе, но быть наиболее конкретным сном, какой только можно вообразить.

Она была уверена, что в своей практике сновидения я получал бесчисленное множество конкретных деталей, но заверяла меня, что каждая из них скорее всего была случайностью. Потому что единственным способом полностью контролировать сны является использование техники сдвоенных позиций.

И не спрашивай меня, почему, — добавила она. — Это просто происходит. Как и все остальное.

Она заставила меня встать и снова предостерегла меня, чтобы я не разговаривал и не отставал от нее. Она нежно взяла меня за руку так, словно я — ребенок, и повела к скоплению домов, казавшихся темными силуэтами. Мы шли по булыжной мостовой. Массивные речные камни были вбиты остриями в землю. Казалось, что рабочие нарочно оставили все неровности поверхности, и не пытаясь ее выровнять.

Дома представляли собою большие побеленные одноэтажные грязные строения с черепичными крышами. Внутри бесцельно бродили люди. Тени внутри домов вызывали у меня такое впечатление, словно любопытные, но напуганные соседи шушукаются за дверьми. Я видел также невысокие холмы вокруг города. В отличие от происходившего со мной в моих сновидениях, мои ментальные процессы оставались ясными. На мои мысли не влиял ход событий в сновидении. Мой разум подсказывал мне, что я находился в приснившейся

версии города, в котором жил дон Хуан, но в другое время. Мое любопытство разгорелось. Я находился вместе с бросившей вызов смерти в ее сновидении. Но был ли это сон? Сама она говорила, что это был сон. Я хотел видеть все, быть сверхбдительным. Я хотел проверить все, видя энергию. Я чувствовал себя смущенным, но женщина еще крепче сжала мне руку, так, словно подавала мне знак, что согласна со мной.

Все еще чувствуя себя до абсурда робко, я машинально громко заявил о своем намерении видеть. В практике моего сновидения я использовал фразу «я хочу видеть энергию». Иногда я должен был говорить ее вновь и вновь до тех пор, пока не получал результат. На сей раз, как только я по своему обыкновению начал повторять это в городе сновидения этой женщины, она начала смеяться. Ее смех был похож на смех дона Хуана: глубокий непринужденный смех.

— Что тебя так развеселило? — спросил я, несколько обескураженный ее смехом.

— Хуан Матус не любит древних магов вообще и меня в особенности, сказала женщина в перерыве между приступами смеха. — Все, что мы должны сделать для того, чтобы видеть в наших снах, — показать своим маленьким пальцем на то, что мы хотим увидеть. Заставить тебя кричать в моем сне — это его способ направить мне свое послание. Ты должен признать, что он действительно умен.

Она на мгновение остановилась, затем продолжила с оттенком откровения:

— Ты вопишь, как дурной осел во время случки.

Чувство юмора магов привело меня в крайнее замешательство. Она смеялась так, что, казалось, уже не в состоянии была продолжать прогулку. Я чувствовал себя в глупом положении. Когда она успокоилась и к ней вернулось самообладание, она вежливо сказала мне, что я могу указать на все, что я хочу видеть в ее сновидении, включая ее саму.

Я указал мизинцем левой руки на дом. В этом доме не было энергии. Этот дом был как любой другой фрагмент в обычном сне. Я указывал на все остальное вокруг меня, результат был тот же.

— Укажи на меня, — предложила она. — Ты должен получить подтверждение, что именно этим методом сновидящие достигают видения.

И она была абсолютно права. Это был способ. В тот момент, когда я указал своим пальцем на нее, она стала сгустком энергии. Могу добавить, очень своеобразным сгустком. Ее энергетическая форма точно соответствовала тому, какой описывал ее дон Хуан; она выглядела как огромная морская раковина, закручивающаяся вовнутрь вдоль раскола, идущего по всей ее длине.

Я единственное существо, генерирующее энергию в этом сне, — сказала она. — Так что самым правильным для тебя будет просто за всем наблюдать.

В этот момент я впервые был поражен глубиной шутки дона Хуана. Он ухитрился сделать так, чтобы я выучился кричать в своем сне для того, чтобы я сумел крикнуть в плену сновидения, принадлежавшего бросившей вызов смерти. Это показалось мне настолько смешным, что я буквально задохнулся в приступе смеха.

Давай продолжим нашу прогулку, — мягко произнесла женщина, когда я перестал смеяться.

Там были лишь две улицы, которые пересекались; в каждой — по три квартала домов. Мы прошлись по всей длине обеих улиц. И не раз, а четырежды. Я смотрел на все и своим слухом сновидения внимал каждому шуму. Шумов было мало, только где-то далеко лаяли собаки или шепотом разговаривали люди, когда мы проходили мимо.

Собачий лай вызвал во мне незнакомое и сильное чувство. Я должен был остановиться. Я облегченно вздохнул, прислонившись плечами к стене. Прикосновение к стене было шокирующим, не потому что стена была необычная, а потому, что то, к чему я прикоснулся, было настоящей твердой стеной, как любая другая стена, до которой я когда-либо дотрагивался. Я почувствовал это своей свободной рукой. Я провел пальцами по ее грубой поверхности. Это действительно была стена.

Ее ошеломляющая реальность немедленно заставила меня забыть об этом необычном ощущении, и ко мне вернулся интерес к продолжению наблюдения. В особенности я искал те черты, которые соотносились бы с городом моего

дня. Тем не менее, как я ни пытался, соответствий не находилось. В этом городе тоже была площадь, но она находилась перед церковью. На площадь выходила галерея.

В лунном свете холмы вокруг города были ясно видны и почти узнаваемы. Я пытался сориентироваться, наблюдая за Луной и звездами так, словно я находился в реальной повседневной жизни. Месяц был на ущербе, вероятно, был первый день после полнолуния. Он находился высоко над горизонтом. Должно быть, было между восемью и девятью часами вечера. Я видел Орион справа от Луны; две главные звезды — Бетельгейзе и Ригель — находились на одном уровне с Луной. Я определил начало декабря. Мое время было — май. В мае Орион нигде в это время суток не виден. Я смотрел на Луну очень долго. Ничего не изменилось. Это была Луна, насколько я мог судить. Несоответствие во времени очень меня взволновало.

Обследовав горизонт на юге, я подумал, что смогу различить колоколообразную вершину, которую было видно из внутреннего дворика дона Хуана. Затем я пытался определить, где может быть его дом. На мгновение мне показалось, что я нашел. Я так увлекся, что отпустил руку женщины. Тут же меня охватило невероятное волнение. Я знал, что должен возвращаться в церковь, потому что если я этого не сделаю, мне грозит смерть. Я повернулся и бросился к церкви. Женщина быстро схватила мою руку и последовала за мной. Пока мы быстрым шагом приближались к церкви, я понял, что в этом сновидении мы находились в той части города, которая была позади церкви. Если бы я принял это во внимание, возможно, я бы смог сориентироваться. Но у меня уже не хватало внимания сновидения. Я сосредоточил его остаток целиком на деталях архитектуры и орнамента задней части церкви. Я никогда не видел эту часть строения в мире обыденной жизни и подумал, что если я зафиксирую в своей памяти ее детали, то смогу сравнить их с деталями реальной церкви.

Этот план экспромтом возник в моей голове. Но что-то внутри меня презирало эти мои попытки все обосновать. На протяжении моего ученичества меня постоянно беспокоила потребность объективности, которая заставляла меня проверять и перепроверять все, что касалось мира дона Хуана. Это была не то чтобы возведенная в ранг закона необходимость, но скорее потребность использовать стремление к объективности как опору в моменты наиболее сильных противоречий в познании. Когда появлялось время, чтобы проверить

то, что я намечал, — я никогда не доводил этого до конца.

В церкви мы с женщиной опустились на колени перед небольшим алтарем на левой стороне, там, где мы были раньше. И в следующее мгновение я поднялся в хорошо освещенной церкви моего дня.

Женщина перекрестилась и встала. Я машинально проделал то же. Она взяла меня за руку и пошла к двери.

— Подожди, подожди, — сказал я, удивившись, что могу говорить.

Я не мог четко сформулировать свои мысли, но хотел задать ей непростой вопрос. Я хотел спросить, каким образом кто-либо может обладать энергией в такой степени, чтобы создать визуальный образ каждой детали целого города.

Улыбаясь, женщина ответила на мой невысказанный вопрос. Она сказала, что у нее очень хорошо получается воспроизведение визуального образа, потому что после того, как она занималась этим на протяжении всей своей обычной жизни, у нее было еще много-много жизней, чтобы совершенствоваться.

Она добавила, что город, в котором я побывал, и церковь, в которой мы говорили, были примерами ее недавних опытов в создании зрительных образов. Церковь была той самой церковью, где был пономарем Себастьян. Она поставила перед собой задачу запомнить мельчайшие детали каждого угла этой церкви и этого города — просто для тренировки, безо всякой на то жизненной необходимости.

Она завершила свою речь последней, самой беспокоящей мыслью:

— Поскольку ты кое-что знаешь об этом городе, — хотя ты никогда не пытался создать его мысленный образ, — сказала она, — сейчас ты помогаешь мне создать его. Держу пари, ты не поверишь мне, если я скажу, что этот город, на который ты смотришь сейчас, не существует в реальности, вне моего и твоего воображения.

Она пристально посмотрела на меня и рассмеялась над охватившей меня паникой, настолько сильной, что я едва смог осознать, о чем она говорит.

Мы все еще в сновидении? — спросил я изумленно.

— Да, — ответила она. Но этот сон более реален, чем другие, потому что мне помогаешь ты. Невозможно это объяснить, можно только констатировать, что это происходит. Как и все остальное.

Она широким жестом обвела город вокруг нас.

— Нет способа объяснить, как это происходит, но это происходит. Помни всегда то, что я сказала тебе: это тайна направленного намерения во втором внимании.

Она нежно привлекла меня к себе.

— Давай выйдем на площадь этого сна, — сказала она. — Но мне, наверное, следует немного переодеться, и ты почувствуешь себя свободнее. Я смотрел непонимающим взглядом, наблюдая, как она искусно меняет свой внешний вид. Она производила простые земные действия. Она сняла длинную юбку, под ней оказалась еще одна современного покроя. Затем она свернула в узел косу и сменила обувь, надев туфли на каблучках, которые носила с собой в маленьком узелке. Она перевернула двустороннюю черную шаль на бежевую сторону. Теперь она выглядела как типичная мексиканка из средних слоев, приехавшая в этот город.

Она взяла мою руку с женской уверенностью и направилась на площадь.

— Что случилось с твоим языком? — сказала она по-английски. — Его съела кошка?

Я был полностью поглощен немыслимой вероятностью того, что я все еще в сновидении. Более того, я начинал понимать, что если бы это было правдой, я рисковал никогда не проснуться.

Бесстрастным тоном, которого я за собой и не подозревал, я сказал:

— До этого момента я не замечал, что ты уже говорила со мной по-английски. Где ты выучила его?

— В том мире. Я говорю на многих языках.

Она остановилась и внимательно посмотрела на меня.

— У меня было много времени, чтобы выучить их. Поскольку мы собираемся проводить вместе много времени, я как-нибудь обучу тебя своему собственному языку.

Она усмехнулась, не обращая внимания на мой расстроенный вид.

Я застыл на месте.

Мы собираемся провести вместе много времени? — спросил я, выдавая свои чувства.

— Конечно, — ответила она веселым тоном. — Ты так великодушно собирался отдать мне даром свою энергию. Ты же сам сказал это, не так ли?

Я был сражен.

— В чем же дело? — спросила женщина, снова переходя на испанский.

— Не говори мне, что ты сожалеешь о своем обещании. Мы маги. Слишком поздно менять свое решение. Ты не боишься, правда?

Я был более чем напуган, но если бы я задался вопросом, что именно ужасало меня, то не нашел бы ответа. Я наверняка не боялся быть рядом с бросившей вызов смерти в другом сне, потерять свое осознание или даже жизнь. Боялся ли я дьявола? — спрашивал я себя. Но эта мысль не выдерживала критики. В результате всех этих лет жизни мага я без тени сомнения был уверен в том, что во вселенной существует только энергия; дьявол — это только результат человеческого воображения, находящегося во власти точки сборки в ее обычной позиции. Логически рассуждая, мне нечего было бояться. Я знал это, но знал также и то, что моей истинной слабостью был недостаток гибкости в моменты фиксации точки сборки в любой новой позиции. Контакт с бросившей вызов смерти в невероятной степени сместил мою точку сборки, и у меня не хватало смелости сохранять ее положение. Результатом этого явилось неопределенное, но потрясшее меня ощущение ужаса, что я не смогу

проснуться.

— Нет проблем, — сказал я. — Давай продолжим нашу прогулку во сне.

Она взяла меня под руку и мы молча вошли в парк. Это молчание не было вынужденным. Но мои мысли вертелись по кругу. Как странно, думал я: только мгновение назад я шел с доном Хуаном от парка к церкви в состоянии самого ужасающего естественного страха. Сейчас я иду назад из церкви в парк с объектом моего страха и мне еще более страшно, чем когда-либо, и страх этот еще сильнее и беспощаднее.

Чтобы отогнать от себя свое беспокойство, я начал оглядываться вокруг. Если бы это было сновидением, — во что мне так хотелось верить, — то была бы возможность доказать или опровергнуть это. Я указывал пальцем на все. Тщетно. Я даже прихватил пару человек, которых, как оказалось, я сильно напугал. Я ощущал их целиком. Они были столь же реальны, как все, что я считаю реальным, только не излучали энергию. Ничто в этом городе не излучало энергии. Все казалось реальным и нормальным, хотя это было сновидение.

Я обернулся к женщине, прижимавшейся к моей руке и спросил ее об этом.

— Мы спим, — сказала она своим резким голосом и засмеялась.

— Но как могут люди и вещи вокруг нас быть столь реальными, трехмерными?

Тайна направленного намерения во втором внимании! — воскликнула она с благоговением. — Эти люди там столь реальны, что у них даже есть мысли.

Это было последним ударом. Я не хотел больше ни о чем спрашивать. Я хотел предаться этому сновидению. Сильный удар по моей руке заставил меня на мгновение очнуться. Мы дошли до площади. Женщина остановилась и заставила меня сесть на скамью. Когда я садился, я не чувствовал под собой скамьи. Меня закружило. Я почувствовал, что поднимаюсь вверх. Промелькнул парк, словно я бросил на него взгляд сверху.

— Вот оно! — закричал я.

Мне казалось, что я умираю. Вращение подъема превратилось во вращение падения в темноту.

13 глава. Полет на крыльях намерения

Сделай усилие, нагваль, — заставлял меня женский голос. — Не проваливайся. Поверхность, поверхность. Используй технику своего сновидения. Мой разум начал работать. Я подумал, что это был голос англоязычного человека, и еще подумал, что если бы я использовал технику своего сновидения, мне необходимо было бы найти точку отсчета, чтобы сконцентрировать свою энергию.

— Открой глаза, — сказал голос. — Открывай их немедленно. Уцепись за любую вещь, которую ты сразу же увидишь.

Я сделал огромное усилие и открыл глаза. Я увидел деревья и голубое небо. Был день! Надо мной склонилось расплывчатое пятно лица. Но я не мог сфокусировать свой взгляд. Мне показалось, что на меня смотрела женщина из церкви.

— Используй мое лицо, — сказал голос.

Это был знакомый голос, но я не мог идентифицировать его. — пусть мое лицо будет для тебя отправной точкой, затем посмотри на все остальное, — продолжал голос. Мой слух и мое зрение были абсолютно ясными. Я всмотрелся в лицо женщины, затем в деревья в парке, в железную скамейку, в людей, которые проходили мимо, и снова в ее лицо.

Несмотря на то, что ее лицо все время менялось, я продолжал всматриваться в него. Я начал пробовать уменьшать до минимума контроль над собой. Но когда моя возможность воспринимать действительность улучшилась, я осознал, что на скамейке сидела женщина, держа мою голову у себя на коленях. И это была

не женщина в церкви, это была Кэрол Тиггс!

— Что ты здесь делаешь? — выдохнул я.

Мой испуг и удивление были такими сильными, что я попытался вскочить и убежать, но тело совершенно не подчинялось приказам мозга. Последовали жуткие минуты, когда я отчаянно, но бесполезно пытался встать. Мир вокруг меня был настолько ясным, что мне трудно было поверить, что я все еще в сновидении, тем не менее ослабленный контроль над способностью двигаться заставил меня заподозрить, что это действительно было сновидение. Кроме того, появление Кэрол было слишком неожиданным, оно никак не вытекало из логики предшествующих событий.

Я осторожно попытался заставить себя встать, как я это делал во сне сотни раз, но ничего не получилось. Сейчас от меня как никогда требовался объективный подход к происходящему. Одним глазом, насколько позволяло поле зрения, я начал тщательно осматривать все вокруг. Я повторил тоже самое другим глазом. Затем я сопоставил образы, увиденные каждым глазом, чтобы получить подтверждение, что я действительно нахожусь в реальности повседневной жизни.

Затем я стал изучать Кэрол. И в этот момент я заметил, что могу двигать руками. Парализована была только нижняя часть моего тела. Я дотронулся до лица и рук Кэрол; я обнял ее. Это было настоящее тело, и я поверил, что это действительно была Кэрол Тиггс. Моя облегчение было невероятным, потому что на мгновение у меня появилось жуткое подозрение, что это была бросившая вызов смерти маскирующаяся под образ Кэрол. Кэрол очень заботливо помогла мне сесть на скамейке. Я лежал на спине — одна половина на скамейке, другая — на земле. Затем я заметил, что что-то было не в порядке. На мне были поношенные голубые джинсы и старые коричневые кожаные ботинки на мне была также джинсовая курточка и рубашка из грубой ткани.

— Подожди минутку, — сказал я Кэрол. — Посмотри на меня! Разве это моя одежда? Разве это я?

Кэрол засмеялась и тряхнула меня за плечи. Она всегда так делала, чтобы показать свое дружеское расположение, и становилась при этом похожей на

мальчишку.

— Я смотрю на твою распрекрасную физиономию, — сказала она своим забавным сильным фальцетом. — О Господи, кто же это еще может быть?

— Какого черта я одет в эти Левисы и ботинки? — настаивал я. — У меня таких нет.

— Это моя одежда, — сказала она. — Я нашла тебя обнаженным!

— Где? Когда?

— Около церкви, примерно час назад. Я пришла сюда на площадь искать тебя. У меня была с собой эта одежда, как раз к месту.

Я сказал ей, что ужасно смущен тем, что разгуливал без одежды.

— Странно, но вокруг никого не было, — заверила она меня, но я почувствовал, что она сказала только чтобы подбодрить меня. Это подтверждала ее лукавая улыбка.

— Должно быть, всю прошлую ночь, а может быть и дольше, я общался с бросившей вызов смерти, — сказал я. — Какой сегодня день?

— Не волнуйся о датах, — сказала она, смеясь. — Когда ты сосредоточишься, ты сам посчитаешь дни.

— Не шути со мной, Кэрол Тиггс. Какой сегодня день? — Мой голос звучал грубо и, казалось, принадлежал кому-то другому.

— Сегодня день после большого праздника, — сказала она и дружески похлопала меня по плечу. — Мы все искали тебя со вчерашней ночи.

— Но что я здесь делаю?

— Я перенесла тебя через площадь в гостиницу. Я не могла нести тебя к дому нагваля; несколько минут назад ты выбежал из комнаты, и вот здесь мы снова встретились.

— Но почему ты не попросила помощи у нагваля?

— Потому что это касается только меня и тебя. Мы вдвоем должны разрешить эту проблему.

Это заставило меня закрыть рот. Она поставила меня на место. Я задал ей еще один вопрос.

— Что я сказал, когда ты нашла меня?

— Ты сказал, что ты так глубоко и так надолго погружался во второе внимание, что еще не пришел в себя. Все, что ты хотел, — это спать.

— Когда я потерял контроль над своими движениями?

— Только минуту назад. Ты обретешь его. Ты сам знаешь, что это совершенно нормально. Когда ты входишь во второе внимание и получаешь значительный заряд энергии, то теряешь контроль над речью или движениями.

— А когда ты перестала шепелявить, Кэрол? Я застал ее врасплох. Она уставилась на меня и рассмеялась.

— Я долго работала над этим, — заверила она меня. — Я понимала, что это может вызывать сильное раздражение, — слышать, как шепелявит взрослая женщина. Кроме того, ты это просто терпеть не мог.

Согласится с тем, что мне не нравилась ее шепелявая речь, было нетрудно. И дон Хуан, и я пытались вылечить ее, мы пришли к выводу, что она вовсе не была заинтересована в излечении. Ее шепелявость привлекала к ней внимание других, и дон Хуан считал, что ей это нравится и она не собирается от нее избавляться. Мне было очень странно и приятно слышать, что она не шепелявит. Это доказывало, что она способна радикально измениться. В этом ни дон Хуан, ни я никогда не были уверены.

— Что еще говорил нагваль, когда он послал тебя за мной? — спросил я.

— Он сказал, что у тебя была схватка с бросившим вызов смерти.

Доверительным тоном я поведал Кэрол, что бросившем вызов смерти была женщина. Она небрежно заметила, что знала об этом.

— Как ты можешь знать об этом? — закричал я. — Никто никогда не знал об этом, кроме она Хуана. Он сказал об этом тебе сам?

— Конечно, — ответила она, не обращая внимания на мой крик. — Ты упустил из виду, что я тоже встретила женщину в церкви. Я встретила ее еще до того, как с ней встретился ты. В церкви мы довольно долго и дружелюбно беседовали с ней.

Я поверил, что Кэрол говорила мне правду. Ее описание было очень похоже на то, как это сделал бы дон Хуан. Он, по всей вероятности, мог послать Кэрол как и разведчика, чтобы выяснить что и как.

— Когда ты видела бросившую вызов смерти? — спросил я.

— Пару недель назад, — ответила она многозначительным тоном. — Это не было для меня большим событием. У меня не было энергии, чтобы дать ей, а может, не было того достаточного количества энергии, которое этой женщине было необходимо.

— Тогда зачем ты виделась с ней? Неужели встреча с женщиной-нагвалем тоже является соглашением между бросившей вызов смерти и магами?

— Я виделась с ней, потому что нагваль сказал, что ты и я взаимозаменяемы, — и только по этой причине. Наши энергетические тела много раз сливались, разве ты не помнишь? Мы с этой женщиной разговаривали о том, с какой легкостью мы сливаемся. Я была с ней три или четыре часа, пока не пришел нагваль и не забрал меня.

— Ты все время была в церкви? — спросил я, потому что мне с трудом верилось, что они стояли там на коленях в течение трех или четырех часов, говоря только слиянии наших энергетических тел.

— Она взяла меня в другой аспект своей сущности, — заключила Кэрол после минутного раздумья. — Она позволила мне увидеть, как она избегает своих

захватчиков.

Затем Кэрол рассказала самую интригующую историю. Она сказала, что, судя по тому, что показала ей женщина в церкви, каждый древний маг неизбежно становился жертвой неорганических существ. Неорганические существа, захватив их, передавали им силу, чтобы они могли быть посредниками между нашим миром и их реальностью, которую люди называют адом.

Бросившей вызов смерти был, как и остальные, с неизбежностью захвачен в сети неорганических существ. Кэрол утверждала, что ему, по всей вероятности, пришлось провести тысячи лет в плену, пока не появилась возможность трансформировать себя в женщину. Он четко увидел, что покинуть этот мир можно только таким способом. Неорганические существа рассматривают женское начало как вечное. Они верят, что женское начало настолько гибкое и многообразное, что женские особи не попадают в ловушки и их трудно взять в плен. Трансформация мага была такой полной и такой детальной, что он был извергнут из реальности неорганических существ.

— Она говорила тебе, что неорганические существа все еще преследуют ее? — спросил я.

— Безусловно, они следят за ней, — заверила меня Кэрол. — Женщина сказала мне, что она должна охранять себя от преследователей каждую минуту своей жизни.

— Что они могут ей сделать?

— Я думаю, что они могут понять, что она была мужчиной и снова взять ее в плен. Мне кажется, что ее страх бесконечно превосходит любой страх, который мы способны вообразить.

Кэрол сказала мне, что женщина в церкви была в курсе моего столкновения с неорганическими существами, знала она также и о голубом лазутчике.

— Она знает о тебе и обо мне все, — продолжала Кэрол. — И не потому, что я ей что-то рассказала, а потому, что она — часть нашей жизни, нашего происхождения. Она говорила, что всегда следила за всеми нами, особенно за тобой и мной.

Кэрол привела мне примеры тех ситуаций из нашей совместной работы, о которых знала женщина в церкви. Пока она говорила, я стал ощущать безумную ностальгию по человеку, который был передо мной — по Кэрол Тиггс. Я отчаянно захотел обнять ее. Я потянулся к ней, но потерял равновесие и упал со скамейки.

Кэрол помогла мне встать с тротуара и тщательно осмотрела мои ноги, глаза, шею спину. Она сказала, что во мне еще чувствуются остатки энергетического заряда. Она положила мою голову себе на грудь и качала меня, как маленького ребенка.

Немного спустя я почувствовал себя лучше и даже стал понемногу обретать контроль над движениями.

— Как тебе нравится моя одежда? — неожиданно спросила Кэрол. — Одета ли я как надо? Я тебе нравлюсь?

Кэрол всегда одевалась исключительно хорошо. Что в ней действительно было, — вкус в одежде. И действительно, вся время, что я ее знаю, дон Хуан и все остальные постоянно шутили, что ее единственным достоинством было покупать красивую одежду и носить ее со вкусом и грацией.

Я нашел ее вопрос очень странным и спросил:

— Почему ты так волнуешься о своей внешности? Это никогда не волновало тебя раньше. Ты что, хочешь поразить кого-нибудь?

— Конечно, я хочу поразить тебя, — сказала она.

— Но сейчас не время, — запротестовал я. — Сейчас имеет значение не твоя внешность, а бросившая вызов смерти.

— Ты удивишься, насколько важна моя внешность, — засмеялась она. — Моя внешность — вопрос жизни и смерти для нас обоих.

— О чем ты говоришь? Все это напоминает то, как нагваль устраивал мне встречу с бросившей вызов смерти. Я чуть не свихнулся от загадочных

намеков.

— Оказались ли его загадочные намеки уместными? — спросила Кэрол очень серьезно.

— В известной степени — да, — согласился я.

— То же и моя внешность. Скажи мне, как ты меня находишь? Привлекательной, непривлекательной, средней, отвратительной?

Я подумал немного и сделал определенные выводы. Я находил, что она очень привлекательна. Мне это казалось очень странным. Я никогда сознательно не думал о ее внешности.

— Я нахожу, что ты чертовски хороша, — сказал я. — На самом деле, ты ошеломительно хороша.

— Тогда это, должно быть, правильно выбранная внешность, — вздохнула она.

Я старался понять, что она хотела этим сказать, но она заговорила снова.

— Как ты провел время с бросившей вызов смерти? — спросила она.

Я подробно рассказал ей о моей встрече, особенно о первом сновидении. Я сказал о своем впечатлении, что бросившая вызов смерти показала мне этот самый город, но в другом времени — в прошлом.

— Но это невозможно, — сказала она. — Во вселенной нет ни прошлого, ни будущего. Есть только мгновение.

— Я знаю, что это было прошлое, — сказал я. — Это была та же церковь, но другой город.

— Подумай немного, — настаивала она. — Во вселенной есть только энергия. А у энергии есть только здесь и сейчас, бесконечное и всегда присутствующее здесь-и-сейчас.

— Тогда что же случилось со мной, как ты думаешь, Кэрол?

— С помощью бросившей вызов смерти ты пересек четвертые врата сновидения, — сказала она. — Женщина в церкви взяла тебя в свой сон, в свое намерение. Она взяла то, как она видит этот город. Вероятно, она визуализировала его в прошлом, и эта визуализация осталась невредимой. Как и ее визуализация современного города.

После продолжительного молчания, когда я не мог произнести ни слова, она задала мне еще один вопрос:

— Что еще делала с тобой та женщина?

Я рассказал Кэрол второе сновидение. Сновидения о городе каков он есть сейчас.

— Ну вот, — сказала она. — Женщина взяла тебя не только в свое прошлое намерение, но и помогла тебе пройти через четвертые врата, заставляя твое энергетическое тело пропутешествовать в другое место, которое существует сегодня, но в ее намерении.

Кэрол сделала паузу и затем спросила меня, объяснила ли мне женщина в церкви, как намереваться во втором внимании.

Я помню, что она говорила об этом, но не объясняла, что значит на самом деле намерение ко второму вниманию. Кэрол обратилась к концепции, о которой никогда не упоминал дон Хуан.

— Откуда у тебя эти новые идеи? — спросил я, откровенно любуясь ей.

Уклончивым тоном Кэрол заверила меня, что многое об этих странных запутанных вещах объяснила ей женщина в церкви.

— Сейчас мы погружены во второе внимание, — продолжала она. — Женщина в церкви ввела нас в сновидение, тебя — здесь, а меня — в Таксоне. А затем мы снова заснули в нашем сне. Но ты не помнишь этой части, а я помню. Секрет сдвоенной позиции. Вспомни, что сказала тебе женщина; второй сон начинается во втором внимании — это единственный путь переступить в

четвертые врата сновидения.

После длинной паузы, во время которой я не смог сказать ни слова, она произнесла:

— Я думаю, что женщина в церкви в действительности сделала тебе подарок, хотя ты и не хотел его получать. Ее подарком было то, что она присоединила свою энергию к нашей, чтобы передвигаться туда и назад в здесь-и-сейчас энергии вселенной.

Это очень взволновало меня. Слова Кэрол были точными и мне нечего было возразить. Она дала определение чему-то, что я считал невозможным определить, хотя и не знал, что же именно она определила. Если бы я мог двигаться, я бы вскочил и обнял ее. Она улыбалась своей прекрасной улыбкой, в то время как я судорожно продолжал размышлять над смыслом ее слов. Я еще раз отметил, что дон Хуан никогда не говорил мне ничего подобного.

— Возможно он не знает, — сказала Кэрол примирительно, ни чуть не обижаясь на дона Хуана.

Я не стал с ней спорить. Какое-то время я оставался в неподвижности, глубоко погрузившись в свои мысли. Затем мысли и слова посыпались из меня, как при извержении вулкана. Люди шли по площади, кое-кто даже остановился посмотреть. Должно быть, мы представляли собой то еще зрелище: Кэрол Тиггс целовала и ласкала моя лицо, в то время как я еще и ещя разглагольствовал о ясности ее ума и о моей встрече с бросившей вызов смерти.

Когда я смог идти, она проводила меня через площадь в единственную в городе гостиницу. Она убедила меня, что у меня еще недостаточно энергии, чтобы идти в дом к дону Хуану, но что все там знают, где мы находимся.

— Как они могли узнать, где мы? — спросил я.

— Нагваль — старый хитрый маг, — ответила она, смеясь. — Это он сказал мне, что если я найду тебя энергетически ослабленным, то мне следует отвести тебя в гостиницу, а не рисковать, таща на буксире через весь город.

Ее слова и особенно ее улыбка заставили меня почувствовать такое облегчение, что дальше я продолжал идти в блаженном состоянии. Мы обошли угол и прошли полквартала вниз по улице ко входу в гостиницу, который был расположен как раз напротив церкви. Мы прошли через фойе, поднялись по цементным ступенькам на второй этаж прямо в номер. В столь неприветливых гостиничных номерах мне раньше бывать не приходилось. Кэрол сказала, что я уже был здесь; тем не менее у меня не было никаких воспоминаний ни о гостинице, ни о номере. Хотя я настолько устал, что просто не был способен думать об этом. Я просто упал на кровать вниз лицом. Единственное, чего я хотел, — это спать, хотя и был очень взвинчен. Было так много несвязанных концов, хотя внешне все выглядело достаточно упорядоченным. Вдруг я почувствовал внезапный прилив нервного возбуждения и сил.

— Я никогда не говорил тебе, что не принял подарок бросившей вызов смерти, — сказал я, повернувшись к Кэрол. — Откуда ты знаешь, что я не принял его?

— Но ты сказал мне об этом сам, — запротестовала она, садясь рядом со мной. — Ты так гордился этим. Это было первое, что ты сказал мне, когда я тебя нашла.

Как ни странно, это был единственный ответ, который не удовлетворил меня. То о чем она сообщила, не выглядело как мое утверждение.

— Я думаю, что ты неправильно меня поняла, — сказал я. — Я просто не хотел принимать ничего, что отклонило бы меня от моей цели.

— Ты хочешь сказать, что не чувствуешь гордости за свой отказ?

— Нет. Я ничего не чувствую. Я не способен больше что-либо чувствовать, кроме страха.

Я вытянул ноги и положил голову на подушку. Я почувствовал, что если бы я закрыл глаза или прекратил говорить, я бы тут же заснул. Я рассказал Кэрол, как я спорил с доном Хуаном в начале моего знакомства с ним, о его убедительных мотивах следовать по пути воина. Он говорил, что страх поддерживает его, чтобы идти прямо и что больше всего он боится утратить

нагваль, абстрактное, дух.

— По сравнению с утратой нагваля смерть — это ничто, — говорил он с искренней страстью в голосе. — Мой страх потерять нагваль — это единственная реальная вещь, которая у меня есть, потому что без этого я буду хуже, чем мертвец.

Я рассказал Кэрол, как я тут же возразил дону Хуану, гордо заявив, что поскольку мне неизвестен страх, то если бы мне пришлось выбирать такой путь, — силой, подвигающей меня на это, для меня была бы любовь.

Дон Хуан заявил, что когда приходит критический момент, то единственным стоящим состоянием для воина является страх. Втайне я возмущался узостью его взглядов.

— Колесо сделало полный оборот, — сказал я Кэрол. — Посмотри на меня сейчас. Я могу поклясться тебе, что единственное, что заставляет меня держаться, — это страх утратить нагваль.

Кэрол как-то странно взглянула на меня. Такого взгляда я у нее раньше не замечал.

— Я позволю тебе не согласиться, — сказала она мягко. — Страх ничего не значит по сравнению с любовью. Страх заставляет двигаться как попало, любовь заставляет двигаться разумно.

— Что ты говоришь, Кэрол Тиггс? Разве маги сейчас любят?

Она не ответила. Она легла рядом со мной и положила голову ко мне на плечо. Мы оставались там, в этой странной неприветливой комнате долгое время в полной тишине.

— Я чувствую, что чувствуешь ты, — вдруг сказала Кэрол. — Теперь постарайся почувствовать, что чувствую я. Ты можешь это. Но давай сделай это во тьме. Кэрол протянула вверх руку и щелкнула выключателем над кроватью. Одним движением я сел прямо. Толчок страха пронзил меня как удар электрическим током. Как только Кэрол выключила свет, в комнате наступила ночь. С огромным беспокойством я спросил ее об этом.

— Ты еще не в себе, — сказала она подбадривающе. — У тебя был грандиозных размеров припадок. Войдя так глубоко во второе внимание, ты как бы немного не в порядке. Конечно сейчас день, но твои глаза не могут еще привыкнуть к тусклому свету в номере.

Более или менее успокоившись, я снова ляг. Кэрол продолжала говорить, но я не слушал. Я чувствовал простыни. Это были настоящие простыни. Я пробежался руками по кровати. Это была кровать! Я наклонился и дотронулся пальцами до холодного пола. Я встал с кровати и проверил каждый уголок в номере и ванной. Все было обычно, естественно. Я сказал Кэрол, что когда она выключила свет, у меня появилась абсолютная уверенность, что я сплю.

— Сделай перерыв, — сказала она. — Прекрати этот бред, или иди в кровать и отдохни.

Я открыл занавеси на окне и посмотрел на улицу. Был день, но когда я закрыл их, в номере была ночь. Кэрол умоляла меня лечь в постель. Она боялась, что я убегу на улицу, как сделал это раньше. В этом она была права. Я вернулся в постель, не заметив, что ни одной секунды я не потратил на то, чтобы указать на что-нибудь мизинцем. Как будто бы это стерлось из моей памяти.

Темнота в номере этой гостиницы была необычной. Она навевала на меня чувство мира и гармонии. Она также принесла мне чувство глубокой грусти, тоски по человеческому теплу, по обществу. Я чувствовал себя более чем разбитым. Ничего подобного со мной никогда не было. Я лежал в постели, пытаясь вспомнить, была ли эта тоска чем-то таким, что я уже знал. Нет. Тоска, с которой я был знаком, была не по человеческому обществу; тогда это было чем-то абстрактным, скорее что-то вроде грусти о том, что я не сделал чего-то неопределенного.

Я распадаюсь на части, — сказал я Кэрол. — Я сейчас расплачусь по людям.

Я думал, что она посчитает мое заявление смешным. Я и представил его как шутку. Но она ничего не сказала. Казалось она согласилась со мной. Она вздохнула. Мое состояние было невероятно нестабильным, я полностью отдался эмоциям. Я повернулся к ней в темноте и прошептал что-то такое, что в обычное время было бы для меня совершенным вздором.

— Я обожаю тебя, — сказал я.

Такие разговоры среди магов дона Хуана были немыслимы. Кэрол Тиггс была женщиной-нагвалем. Между нами двумя не было необходимости проявлять любовь. На самом деле мы даже не знали, что чувствуем друг к другу. Дон Хуан учил нас, что у магов не было необходимости и времени для таких чувств.

Кэрол улыбнулась мне и обняла. И я настолько переполнился любовь к ней, что даже заплакал.

— Твоя энергетическое тело движется вперед на светящихся волокнах вселенной, — прошептала она мне на ухо. — Нас несет подарок намерения бросившего вызов смерти.

У меня было достаточно энергии, чтобы понять, о чем она говорит. Я даже спросил ее, понимает ли она сама, что все это значит. Она успокоила меня и прошептала на ухо:

— Я понимаю: подарок бросившего вызов смерти для тебя был крыльями намерения. И с ними ты и я сновидим себя в другом времени. Во времени, которое еще придет.

Я оттолкнул ее и сел. То, как она произносила такие сложные магические понятия, выбивало меня из колеи. Ей не было дано серьезно воспринимать схематическое мышление. Мы всегда шутили между собой, что она не обладала философским умом.

— Что с тобой? — спросил я. — Ты — новое открытие для меня — Кэрол — маг-философ. Ты говоришь как дон Хуан.

— Еще нет, — она рассмеялась. — Но это приближается. Оно катится, и когда наконец оно достанет меня, для меня самым легким в мире будет стать магом-философом. Ты увидишь. И никто не сможет объяснить этого, это просто произойдет.

В моем мозге зазвонил будильник. — Ты не Кэрол! — закричал я. — Ты

бросившая вызов смерти, замаскированная под Кэрол. Я знал это!

Ничуть не взволнованная моим обвинением, Кэрол засмеялась.

— Не неси чепухи, — сказала она. — Ты собираешься пропустить урок. Я знала, что рано или поздно ты отдашься своему индульгированию. Поверь мне, я Кэрол. Но мы делаем то, чем не занимались раньше: мы собираем намерения во втором внимании, как делали маги древности.

Она не вполне убедила меня, но у меня не было больше энергии, чтобы отстаивать свои доводы, потому что я начал погружаться во что-то вроде водоворота своего сновидения. Я едва слышал голос Кэрол, который шептал мне на ухо:

— Мы сновидим нас самих. Сновидь мне свое намерение! Намеревай меня в будущее! Сконцентрируй намерение меня в будущее!

С огромным усилием я сформулировал выплывшую из глубины мысль:

— Останься здесь со навсегда, — произнесенное мною звучало, как замедленная запись на пластинке. Она ответила что-то непонятное. Я хотел засмеяться, но меня закружил вихрь.

Когда я проснулся, в гостиничном номере никого не было. Я не представлял, как долго я спал. Я совершенно растерялся, не найдя Кэрол рядом с собой. Быстро одевшись я спустился в фойе поискать ее. Кроме того, я хотел развеять странную дремоту, которая еще владела мной. За столом управляющий сказал мне, что американка, которая сняла номер, ушла минуту назад. Я выбежал на улицу в надежде догнать ее, но ее нигде не было видно. Был полдень. На безоблачном небе светило солнце. Было жарко.

Я пошел в церковь. Мое удивление было искренним, но притупленным, когда я обнаружил, что видел эти архитектурные детали в сновидении. Без особого интереса я сам сыграл роль своего собственного адвоката дьявола и развеял сомнения. Возможно мы с доном Хуаном и осматривали заднюю часть церкви снаружи, но я не помнил этого. Я подумал, что это не имеет значения. Мои веские доказательства не имели для меня никакого значения — я слишком хотел спать.

Оттуда я медленно отправился к дому дона Хуана, продолжая искать Кэрол. Я был уверен, что найду ее там, что она меня ждет. Дон Хуан принял меня так, как-будто я вернулся из лап смерти. Он и его компаньоны были в сильном возбуждении, с любопытством меня осматривая.

— Где ты был? — требовательно спросил дон Хуан.

Я не мог понять причины всей этой суеты. Я сказал ему, что провел ночь с Кэрол в гостинице у площади, потому что у меня не было энергии вернуться из церкви к нему домой, — но ведь они и сами об этом знали.

— Мы ничего об этом не знали, — сказал он.

— Разве Кэрол не сказала вам, что была со мной? — спросил я с тупым подозрением, и если бы я не был таким уставшим, то меня бы охватила тревога.

Никто не ответил. Они смотрели друг на друга. Я повернулся к дону Хуану и сказал, что я думал, что это он послал Кэрол найти меня. Дон Хуан ходил взад-вперед по комнате, не говоря ни слова.

— Кэрол Тиггс вообще с нами не было, — сказал он. — А тебя не было девять дней.

Только моя усталость спасла меня от шока при подобном заявлении. Тон его голоса и уверенность, которую продемонстрировали другие, доказывали, что все это серьезно. Но я был настолько ошеломлен, что ничего не мог сказать.

Дон Хуан попросил меня рассказать им подробно, что произошло между мной и бросившей вызов смерти. Я был удивлен, что так много помнил и смог рассказать, несмотря на усталость. Напряжение было снято, когда я рассказал, как сильно смеялась женщина над моим бессмысленным криком в ее сновидении, о моем намерении видеть.

— Способ указывать мизинцем работает даже лучше, — сказал я дону Хуану без всякой попытки обвинения.

Дон Хуан спросил, была ли у женщины еще какая-нибудь реакция на мой бессмысленный крик, кроме смеха. Я не помнил ничего, кроме ее веселья и ее слов о том, как он ее не любит.

— Нельзя сказать, что я не любил ее, — запротестовал дон Хуан. — Я просто не люблю методы принуждения старых магов.

Обращаясь ко всем, я сказал, что лично мне очень нравится эта женщина, безмерно и без предубеждений. И что я люблю Кэрол Тиггс так, как не любил никого и никогда.

Казалось, они не одобрили того, что я говорил. Они смотрели друг на друга, как будто я вдруг сошел с ума. Я хотел говорить еще. Но дон Хуан, как мне показалось, чтобы я больше не наговорил глупостей, выставил меня из дома и отправил обратно в гостиницу. Он пошел вместе со мной.

В гостинице был тот же управляющий, с которым я говорил раньше. Он выслушал наши описания Кэрол Тиггс, но с абсолютной уверенностью отрицал, что когда-либо видел ее или меня раньше. Он даже позвал горничных; они подтвердили его слова.

— Что вся это может значить? — спросил дон Хуан вслух.

Казалось, что его вопрос был обращен к себе самому. Он тихонько вывел меня из гостиницы.

— Пойдем из этого запутанного места, — сказал он.

Когда мы вышли на улицу, он велел мне не оборачиваться и не смотреть на гостиницу или церковь через дорогу, а идти с опущенной головой. Я посмотрел на свои ботинки и понял, что на мне была уже не одежда Кэрол, а моя собственная. Но как бы я не старался, я не мог вспомнить, когда я переоделся. Я вычислил, что это, должно быть, было, когда я проснулся в гостинице. Очевидно, тогда я надел свою собственную одежду, хотя ничего не помнил об этом.

К тому времени мы дошли до площади. До того, как мы перешли ее, чтобы направиться домой к дону Хуану, я рассказал ему про свою одежду. Он

ритмично покачивал головой, внимательно слушая каждое слово. Он сел на скамейку и полным уверенности голосом сказал, что с этого момента я должен забыть, что было во втором внимании между женщиной в церкви и моим энергетическим телом. Мое общение с Кэрол Тиггс в гостинице было чем-то вроде айсберга.

— Невозможно представить, что ты был во втором внимании девять дней, — продолжал дон Хуан. — Девять дней — это секунда для бросившего вызов смерти, но вечность для нас.

Прежде чем я смог что-то возразить, или объяснить или сказать что-нибудь, он остановил меня.

— Если ты до сих пор не можешь вспомнить всего, чему я тебя обучал во втором внимании, — подумай, насколько труднее должно быть воспоминание того, чему учил тебя бросивший вызов смерти. Я только учил тебя менять уровни осознания; бросивший вызов смерти заставлял тебя менять вселенные.

Я чувствовал себя разбитым. Дон Хуан и два его компаньона заставляли меня сделать невероятное усилие, чтобы вспомнить, когда я переоделся. Я не смог. Моя голова была пуста: ни чувств, ни воспоминаний. Каким-то образом я не был полностью с ними.

Нервное напряжение дона Хуана и двух его компаньонов достигло максимума. Я никогда не видел его настолько обеспокоенным. Он всегда подшучивал как будто хотел чтобы я не воспринимал его слишком всерьез. Но это был не тот случай.

Я снова попытался собраться с мыслями, чтобы пролить свет на все это; и опять мне не удалось, но я не чувствовал поражения; меня охватила волна оптимизма. Я почувствовал, что все идет так, как и должно быть.

Дон Хуан утверждал, что он ничего не знал о моих сновидениях с женщиной в церкви. Сон в гостинице, в городе, сон с Кэрол Тиггс были для него лихими проделками сновидений старых магов, которые только засоряют воображение людей.

Дон Хуан развел руками и наконец улыбнулся, как обычно.

— Мы можем только сделать вывод, что женщина в церкви показала тебе, как это делать, — сказал он медленно, с расстановками.

— Для тебя это будет серьезной задачей — найти смысл в бессмысленном действии. Это было мастерское передвижение по шахматной доске, выполненное бросившим вызов смерти в образе женщины в церкви. Она использовала твое и Кэрол энергетические тела, чтобы подняться, освободиться от своих мертвых якорей. Она поймала тебя на твоем предложении отдать ей свою энергию.

То, что он говорил, не имело для меня никакого смысла, но это много значило для двух его компаньонов. Они пришли в сильное возбуждение. Обращаясь к ним, дон Хуан объяснял, что бросившая вызов смерти и женщина в церкви были разным проявлением одной и той же энергии; женщина в церкви была более сильной и сложной из двоих. Используя энергетическое тело Кэрол Тиггс и проделки старых магов, она создала Кэрол Тиггс в гостинице. Дон Хуан добавил, что Кэрол и женщина могли прийти во время встречи к некоему энергетическому соглашению. Казалось, что какая-то мысль вдруг осенила дона Хуана. Он неуверенно взглянул на своих двух компаньонов. Их глаза бегали, они смотрели друг на друга. Я уверен, что они не искали соглашения, они просто сразу что-то вместе поняли.

— Все наши размышления бесполезны, — сказал тихо дон Хуан ровным голосом. — Я уверен, что нет больше Кэрол Тиггс. Нет никакой женщины в церкви; обе слились и улетели на крыльях намерения, я уверен, — в будущее.

Причина, почему Кэрол Тиггс из гостиницы так волновалась о своей внешности, заключается в том, что она была женщиной из церкви, заставляя тебя думать, что она Кэрол Тиггс другого плана, более сильная. Разве ты не помнишь, что она говорила? — «Сновидь свое намерение на меня. Намеревай меня в будущее».

— Что это значит, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что бросивший вызов смерти видел свой путь во вне. Она поймала тебя на прогулке. Твоя судьба — ее судьба.

— Что ты имеешь ввиду, дон Хуан?

— Я имею ввиду, что если ты обретешь свободу, она тоже обретят ее.

— Как она сделает это?

— Через Кэрол Тиггс. Но не волнуйся о Кэрол.

Он сказал это до того, как я смог выразить свое понимание.

— Она способна и на тот маневр, и на многое другое.

Слишком много всего на меня свалилось. Я ощущал этот ужасный вес. В момент некоторого облегчения я спросил дона Хуана, что из всего этого выйдет.

Он не ответил. Он осмотрел меня с ног до головы. Затем он медленно сказал: — подарок бросившего вызов смерти состоит из безграничных возможностей сновидения. Одно из них было твоим сном о Кэрол Тиггс в другом времени, в другом мире; в мире более просторном, безграничном: в мире, где невозможное становится реальным. Дело в том, что ты не просто сможешь пользоваться этими возможностями, но и в один прекрасный день сможешь понять их. Мы встали и пошли к его дому. В моей голове безумным хороводом кружились мысли. Это были даже не мысли, а образы, смесь воспоминаний о женщине в церкви и Кэрол Тиггс, разговаривающей со мной в сонной темноте гостиничного номера. Пару раз я почти смог сконцентрировать эти образы в чувства моего теперешнего «я», как обычно, но сдался; для такого задания у меня не было энергии.

Перед тем, как мы вошли в дом, дон Хуан остановился и повернулся ко мне. Он снова тщательно осмотрел меня, как-будто искал какие-то знаки на моем теле. Затем я почувствовал себя обязанным направить его прямо к главному: я был уверен что он смертельно ошибается.

— В гостинице я был с настоящей Кэрол Тиггс, — сказал я. — В какой-то момент мне самому показалось, что это был бросивший вызов смерти, но после внимательного осмотра я отверг это подозрение. Это была Кэрол. Каким-то непонятным, странным образом она была в гостинице, как, впрочем,

и я сам.

— Конечно это была Кэрол, — согласился дон Хуан. — Но не та Кэрол, которую мы знаем. Это была Кэрол сновидения. Я говорил тебе — Кэрол, сделанная из чистого намерения. Ты помог женщине в церкви осуществить это сновидение. Ее мастерство заключалось в том, чтобы сделать этот сон в высшей степени реальным: искусство старых магов, самая опасная вещь. Я говорил тебе, что ты получишь в сновидении королевский урок, не так ли?

— Как ты думаешь, что случилось с Кэрол Тиггс? — спросил я.

— Кэрол Тиггс ушла, — ответил он. — Но однажды ты найдешь новую Кэрол Тиггс, ту, из сновидения в гостинице.

— Что ты имеешь ввиду, говоря что она ушла?

— Она ушла из мира, — ответил он.

Я ощутил чудовищный спазм в солнечном сплетении. Я просыпался. Мое осознание постепенно возвращалось ко мне, но у меня еще не было полного контроля над ним. Тем не менее, оно начало пробиваться сквозь пелену сновидения; это была смесь незнания того, что происходит, и телесного ощущения, что что-то несоизмеримое находится сразу за углом.

Должно быть, мое лицо выражало недоверие, потому дон Хуан добавил повелительным тоном:

— Это сновидение. Ты должен знать, что это последнее перемещение.

— Но куда же она ушла как ты думаешь, дон Хуан?

— Туда же, куда ушли древние маги. Я сказал тебе, что подарок бросившего вызов смерти заключался в безграничных возможностях сновидения. Ты не хотел ничего конкретного, поэтому женщина в церкви дала тебе абстрактный подарок: возможность летать на крыльях намерения.

кн.10 (1997) «АКТИВНАЯ СТОРОНА БЕСКОНЕЧНОСТИ»

Перевод С.Грабовецкого, Д.Ивахненко, А.Костенко, Д.Палец, К.Семенова

Эта книга посвящается двум ученым, благодаря которым я почувствовал желание, а затем и обрел способность заниматься полевыми антропологическими исследованиями, — профессорам Клементу Мейгану и Хэролду Гарфинкелю. Следуя их советам, я с головой окунулся в полевую ситуацию, из которой уже никогда не вынырнул. Если я нарушил дух м букву их наставлений, ну что ж... Я ничего не мог с собой поделать. Прежде чем я успел выдвинуть четкие «Общественно-научные» формулировки, меня поглотила огромная сила, которую шаманы называют Бесконечностью.

Предисловие: Синтаксис

Человек всмотрелся в свои уравнения и заявил, чти Вселенная имела начало. В начале был взрыв, — сказал он, — Назовем его «Большой Взрыв», так и родилась Вселенная. И она расширяется, — сказал человек. Он даже вычислил продолжительность ее жизни: десять миллиардов обращений Земли вокруг Солнца. И весь мир был счастлив; все решили, что его вычисления — это и есть наука. Никому не пришло в голову, что, предположив, что Вселенная имела начало, этот человек просто следовал синтаксису своего языка; синтаксису, который требует начал, вроде рождения, развитий, вроде созревания, и завершений, вроде смерти. Только так строятся высказывания. Вселенная когда-то началась, а теперь она стареет, — заверил нас тот человек. И она умрет, как умирает все, и как он сам умер, после того как подтвердил математически синтаксис своего родного языка.

Синтаксис иного типа

Действительно ли Вселенная имела начали? Верна ли теория Большого Взрыва?

Это — не вопросы (несмотря на вопросительный знак).

Является ли синтаксис, который требует начал, развитий и концов для построения высказываний, единственным существующим синтаксисом?

Вот это — настоящий вопрос.

Есть другие синтаксисы.

Есть такой, например, который требует, чтобы различные варианты интенсивности принимались как факт.

В этом синтаксисе ничто не начинается и ничто не кончается; рождение — это не четко выделенное событие, а лишь особый тип интенсивности, как и созревание, и смерть.

Человек этого синтаксиса, просматривая свои уравнения, обнаруживает, что он вычислил достаточно много вариантов интенсивности, чтобы авторитетно

заявить: «Вселенная никогда не начиналась и никогда не закончится, но она прошла, и проходит сейчас, и еще пройдет через бесконечные колебания интенсивности».

Этот человек вполне мог бы заключить, что сама Вселенная является колесницей интенсивности и на ней можно мчаться сквозь бесконечные перемены.

Он бы мог прийти к этому выводу, и ко многим другим, пожалуй, даже не осознавая, что он лишь подтверждает синтаксис своего родного языка.

Введение

Эта книга представляет собой своего рода коллекцию памятных событий моей жизни. Я начал собирать ее, следуя совету дона Хуана Матуса, шамана родом из индейского племени яки. Он был моим учителем и в течение тринадцати лет пытался сделать доступным для меня мир знания шаманов, которые жили в Мексике в древние времена. Дон Хуан предложил мне собирать коллекцию интересных случаев, и предложил как бы мимоходом, словно эта мысль только что пришла ему в голову. Но таков уж был его стиль обучения. Он предпочитал скрывать важность некоторых своих маневров, маскируя их под вполне безобидные мирские действия. Я думаю, что он защищал меня от жгучей боли окончательности, представляя все это как нормальные явления повседневной жизни.

Со временем дон Хуан открыл мне, что шаманы древней Мексики считали такое собирание памятных событий отличным способом активизации сгустков утерянной энергии, существующих в нашем «я». Он объяснил, что такие сгустки состоят из энергии, которая рождается в самом теле, а затем вытесняется, выталкивается со своего места обстоятельствами нашей

повседневной жизни и становится недоступной. Так что собирание памятных событий было для дона Хуана и шаманов его линии средством повторного задействования этой неиспользуемой энергии.

Необходимой предпосылкой такого собирания является акт добросовестного и искреннего сведения воедино всех связанных с событием эмоций и постижений. Ничто не должно быть упущено. Как сказал дон Хуан, шаманы его линии были убеждены, что собирание памятных событий помогает выполнить эмоциональную и энергетическую настройку, необходимую для сознательного путешествия в неведомое.

Дон Хуан описал конечную цель своего шаманского знания как подготовку к окончательному путешествию, тому путешествию, которое каждому человеку приходится предпринимать в конце своей жизни. Он сказал, что благодаря дисциплине и решимости шаманы были способны сохранять свое индивидуальное осознание и помнить о своей цели даже после смерти. Для них то, что современный человек называет «жизнь после смерти», было не туманным бестелесным состоянием, а очень конкретным миром, до краев наполненным практической деятельностью иного порядка, чем практическая деятельность повседневной жизни, но тоже весьма практической и функциональной. Дон Хуан считал, что собирание памятных событий своей жизни было для шаманов подготовкой к вхождению в тот конкретный мир, который они называли активной стороной бесконечности.

Однажды утром мы с доном Хуаном беседовали под его рамадой. Рамада — это что-то вроде веранды, хрупкое сооружение из бамбука с редким навесом из прутьев, который дает тень, но не защищает от дождя. Под навесом было несколько небольших крепких посылочных ящиков, которые служили сиденьями. Надписи на ящиках поблекли и скорее походили на узорные украшения, чем на адреса и названия почтовых организаций. На одном из таких ящиков я и сидел, прислонившись спиной к фасаду дома. Дон Хуан сидел на другом ящике, привалившись к подпорному шесту рамады. Я приехал на своей машине всего несколько минут назад. Целый день просидел за рулем — в такую жаркую, влажную погоду! Я потел, нервничал и ерзал.

Дон Хуан начал разговор, как только я удобно устроился на ящике. Широко улыбаясь, он заметил, что люди, страдающие избыточным весом, просто не знают, как надо бороться с ожирением. Что-то в изгибе его губ подсказало

мне, что это не просто шутка о тяготах дальних поездок на автомобиле. Камешек был явно в мой огород: под видом шутки дон Хуан самым что ни на есть открытым текстом заявил мне, что я растолстел.

Я так занервничал, что непроизвольно дернулся на своем ящике и сильно ударился спиной о тонкую стену дома. Этот удар потряс дом до самого фундамента. Дон Хуан вопросительно посмотрел на меня, но, вместо того чтобы спросить, все ли со мной в порядке, он заверил меня. что я не сломал его дом. Затем он стал пространно объяснять, что этот дом — лишь его временное обиталище, а вообще-то он живет в другом месте. Когда я спросил его, где же он на самом деле живет, он долго смотрел на меня. Его взгляд не был враждебным, но, как мне показалось, давал понять, что я совершил бестактность. Я не понял, в чем тут дело, и решил было повторить свой вопрос, но дон Хуан остановил меня.

— Здесь такие вопросы не задают, — сказал он жестко. — Спрашивай что хочешь о процедурах или идеях. Когда я буду готов сообщить тебе, где я живу (если вообще буду), я тебе скажу, не дожидаясь твоих вопросов.

Я почувствовал себя отвергнутым и невольно покраснел. Было очень обидно. Неудержимый хохот дона Хуана только подлил масла в огонь. Он не просто отказался ответить на мой вопрос; он меня оскорбил, а теперь еще и смеялся надо мной!

— Я живу здесь временно, — продолжал между тем дон Хуан, не обращая внимания на мое окончательно испорченное настроение, — потому что это магический центр. Фактически, я живу здесь ради тебя.

Заявление было обескураживающим. Я не мог этому поверить. Может, он так говорит просто для того, чтобы загладить обиду?

— Ты действительно живешь здесь ради меня? — спросил я наконец, не в силах сдержать любопытство.

— Да, — сказал он спокойно. — Я должен воспитывать тебя. Ты — такой же, как я. Сейчас я повторю тебе то, что уже говорил раньше: задача каждого нагваля в каждом поколении магов заключается в том, чтобы найти нового мужчину или женщину, которые, как и он сам, имели бы двойную

энергетическую структуру. Я увидел такую структуру у тебя на автобусной станции в Ногалесе. Когда я вижу твою энергию, я вижу два наложенных друг на друга светящихся шара — один сверху, а другой снизу. Это и есть то качество, которое связывает меня с тобой. Я не могу отвергнуть тебя, как и ты не можешь отвергнуть меня.

Его слова подействовали на меня самым странным образом. Если только что я злился, то теперь мне хотелось плакать.

Дон Хуан продолжил, сказав, что он хотел начать мое продвижение по пути воинов, как это называют маги, при поддержке силы того места, где он жил. Место это — центр очень сильных эмоций и реакций. Здесь тысячелетиями жили воины, пропитав саму землю своей озабоченностью битвой.

В то время дон Хуан жил в северомексиканском штате Сонора, примерно в ста милях к югу от города Гуаймаса, куда я всегда ездил, чтобы повстречаться с ним, когда этого требовала моя исследовательская работа.

— Неужели мне нужно вступать в битву, дон Хуан? — спросил я, не на шутку встревоженный его заявлением, что однажды и мне потребуется озабоченность битвой. Я уже научился принимать все, что он говорит, с предельной серьезностью.

— Можешь в этом не сомневаться, — ответил он с улыбкой. — Когда ты впитаешь в себя все, что можно впитать в этом месте, я смогу уйти.

У меня не было никаких оснований сомневаться в его словах, но я как-то не мог себе представить, чтобы дон Хуан куда-то ушел из этих мест. Он был неотъемлемой частью всего того, что его окружало. Но дом его и впрямь выглядел временным жилищем. Это была лачуга, типичная для земледельцев-яки: фактически, просто обмазанный глиной плетень с плоской соломенной крышей. В доме была одна большая комната — столовая, она же и спальня, — и пристройка-кухня без крыши.

— Очень трудно иметь дело с людьми, имеющими лишний вес, — сказал дон Хуан.

Мне это показалось не слишком уместным. Но дон Хуан просто вернулся к той

теме, с которой я его сбил, толкнув спиной стену его хижины.

— Минуту назад ты ударил мой дом, как стенобитный шар, — сказал он, медленно покачивая головой из стороны в сторону. — Какой удар! Удар, достойный такого упитанного человека.

Меня задело, что он говорит обо мне так, словно на мне можно уже поставить крест. Я немедленно занял оборонительную позицию. Дон Хуан, ухмыляясь, выслушал мои бессвязные объяснения о том, что для такой костной структуры у меня совершенно нормальный вес.

— Да конечно, конечно, — согласился он примирительно. — У тебя большие кости. Ты, наверное, с легкостью мог бы носить на себе еще тридцать фунтов веса, и никто, я тебя уверяю, не заметил бы этого. Я бы, например, не заметил.

Но его ехидная усмешка ясно давала понять, что он продолжает издеваться надо мной. Затем он спросил, как мое здоровье вообще, и я начал рассказывать о своем здоровье, отчаянно пытаясь предотвратить любые дальнейшие комментарии по поводу моего веса. Но дон Хуан сам сменил тему.

— А как поживают твои странности и причуды? — спросил он вдруг со смертельной серьезностью.

Чувствуя себя последним идиотом, я ответил, что они поживают хорошо. «Странностями и причудами» он именовал мой интерес к собирательству. В то время я как раз с новым пылом предавался своей старой страсти — коллекционированию всего, что только можно коллекционировать. Я собирал журналы, марки, пластинки, реликвии Второй мировой войны — штыки, каски, флаги и тому подобное.

— Насчет моих причуд, дон Хуан, могу тебе сказать только одно: я пытаюсь распродать свои коллекции, — сказал я с видом мученика, которого заставляют сделать что-то совершено невыносимое.

— Быть коллекционером — не такая уж плохая идея, — ответил дон Хуан с таким видом, словно действительно так считал. — Все дело в том, что именно коллекционировать. Ты собираешь всякий мусор, никому не нужные предметы,

которые порабощают тебя так же сильно, как и твоя любимая собака. Ты не можешь просто так взять и уехать по своим нуждам, если у тебя есть собака, за которой ты должен ухаживать, или коллекции, о которых ты будешь постоянно беспокоиться.

— Я на самом деле ищу покупателей, дон Хуан, честное слово, — запротестовал я.

— Нет-нет, не думай, что я тебя в чем-то обвиняю, — ответил он. — Наоборот, мне нравится твой дух коллекционера. Мне просто не нравятся твои коллекции, вот и все. Я бы предложил тебе коллекционировать кое-что действительно стоящее.

Дон Хуан сделал долгую паузу. Казалось, он то ли ищет нужные слова, то ли драматически разыгрывает хорошо скрываемое сомнение. Он взглянул на меня глубоким, пронзительным взглядом.

— Каждый воин действительно должен собирать особый альбом, — заговорил он наконец, — альбом, раскрывающий личность воина; альбом, который фиксирует обстоятельства его жизни.

— Почему ты называешь это коллекцией дон Хуан? — заспорил я. — И этот альбом, зачем он?

— Это именно коллекция, — отрезал дон Хуан. — И больше всего это похоже на альбом с фотографиями, сделанными с памяти, фотографиями вспоминания памятных событий.

— Эти «памятные события» памятны в каком-то особом смысле? — спросил я.

— Они памятны, потому что обладают особым значением в твоей жизни, — сказал дон Хуан. — Я предлагаю тебе собрать такой альбом, поместив в него полный отчет о различных событиях, которые имели особое значение в твоей жизни.

— Каждое событие в моей жизни имело для меня особое значение, дон Хуан! — заявил я убежденно и тут же почувствовал неловкость от того, как высокопарно это прозвучало.

— Не каждое, — ответил он, улыбаясь и явно наслаждаясь моей реакцией. — Далеко не все события в твоей жизни имели для тебя такое уж большое значение. Было несколько таких, которые, мне кажется, изменили кое-что для тебя, осветили твой путь. Обычно события, которые изменяют наш путь, являются одновременно и безличными, и глубоко личными.

— Я не стараюсь казаться сложнее, чем я есть, дон Хуан, но, поверь мне, все, что со мной происходило, соответствует этим параметрам, — сказал я, зная, что лгу.

Сразу же после того, как я сделал это заявление, мне захотелось извиниться, но дон Хуан просто не обратил на него никакого внимания.

— Не относись к этому альбому как к мешанине из банальных переживаний твоей жизни, — продолжал он как ни в чем не бывало.

Я глубоко вздохнул, закрыл глаза и попытаются успокоиться. Снова и снова я сталкивался с одной и той же неразрешимой проблемой: мне совершенно не нравились эти мои визиты к дону Хуану. В его присутствии я чувствовал себя в опасности. Он постоянно придирался ко мне и не оставлял мне никакой возможности показать мои сильные стороны. Мне надоело терять лицо каждый раз, как я открываю рот; мне надоело чувствовать себя дураком.

Но где-то внутри меня прозвучал и другой голос, донесшийся из самых глубин, далекий, почти неслышный. В пылу своего внутреннего диалога я услышал, как кто-то сказал, что мне уже слишком поздно поворачивать назад. Это был не мой голос и не мои мысли; кто-то неведомый говорил, что я зашел слишком далеко в мир дона Хуана и теперь нуждаюсь в доне Хуане больше, чем в воздухе.

— Говори что хочешь, — казалось, шептал мне этот голос, — но, не будь ты таким эгоистичным, ты бы так сильно не расстраивался.

— Это голос твоего другого сознания, — произнес дон Хуан, словно читая мои мысли.

Мое тело непроизвольно подпрыгнуло. Мой страх был так велик, что на глаза

навернулись слезы. Я, как на исповеди, рассказал дону Хуану о том, что меня беспокоило.

— Твой конфликт вполне естествен, — сказал он, — и поверь мне, я не стараюсь его обострить. Мне это не свойственно. Но я могу рассказать тебе несколько историй о том, как мой учитель, нагваль Хулиан, проделывал это со мной. Я ненавидел его всем своим существом. Я был очень молод, и я видел, как его обожали женщины. Они просто преклонялись перед ним, а когда я пытался просто поздороваться с ними, они набрасывались на меня, как львицы, готовые загрызть. Меня они смертельно ненавидели, а его — любили. Каково, по-твоему, было мне?

— И как ты справился с этим конфликтом, дон Хуан? — спросил я с неподдельным интересом.

— Ни с чем я не справлялся, — заявил он. — Этот конфликт был результатом сражения между двумя моими сознаниями. У каждого из нас, людей, есть два сознания. Одно полностью наше и похоже на тихий голос, который всегда несет в себе мир, порядок, смысл. Другое сознание — это нечто встроенное извне. Оно приносит нам конфликты, внутренние споры, сомнения, чувство безнадежности.

Я был так поглощен своими ментальными процессами, что совершенно не уловил сказанного доном Хуаном. Я мог бы воспроизвести его слова, но они не имели для меня никакого смысла. Дон Хуан спокойно, глядя мне прямо в глаза, повторил все то, что он только что сказал. И снова я не смог понять смысла его слов. Мое внимание не фокусировалось.

— Не пойму, в чем тут дело, дон Хуан, но я не могу сосредоточиться на том, что ты мне говоришь, — признался я.

— А я очень хорошо понимаю, почему ты не можешь, — сказал он, широко улыбаясь. — Поймешь и ты когда-нибудь, сразу же, как только разберешься: любишь ты меня или нет. В тот самый день, когда ты перестанешь быть центром мира — я-я. Ну а пока что давай отложим вопрос о наших двух сознаниях и вернемся к идее твоего альбома памятных событий. Я должен добавить, что составление такого альбома — это упражнение на дисциплину и беспристрастность. Можешь также считать его актом битвы.

Предсказание дона Хуана — о том, что конфликт моей любви и нелюбви к нему закончится, как только я откажусь от своего эгоцентризма, — для меня ничего не решало. Собственно, оно лишь еще больше расстроило и разозлило меня. И когда дон Хуан сказал об альбоме как об акте битвы, я набросился на него со всей яростью.

— Уже саму идею коллекции событий трудно понять, — заявил я протестующим тоном, — а то, что ты называешь ее «альбомом», который к тому же является «актом битвы», — для меня это уже слишком. Это слишком неясно. Эти метафоры настолько неясные, что теряют всякий смысл.

— Странно! По мне, так как раз наоборот, — спокойно ответил дон Хуан. — Для меня в том, что такой альбом является актом битвы, содержится бездна смысла. Я бы не хотел, чтобы мой альбом памятных событий был чем-нибудь другим, кроме акта битвы.

Я хотел продолжать спорить дальше, собираясь объяснить ему, что понимаю идею альбома памятных событий. Я возражал лишь против того, что дон Хуан так запутанно ее излагает. В то время я считал себя сторонником ясности и функциональности в использовании языка.

Дон Хуан воздержался от комментариев по поводу моего воинственного настроения. Он лишь покивал головой, как бы полностью соглашаясь со мной. И тут произошло что-то непонятное. Не то у меня совершенно иссякла энергия, не то, наоборот, гигантская волна энергии подхватила меня. Совершенно неожиданно, помимо воли я осознал бессмысленность этой перебранки и мне стало стыдно.

— Почему я так себя веду? — честно спросил я дона Хуана.

Моему смущению не было предела. Я был так потрясен только что пережитым, что у меня вдруг потекли слезы.

— Не беспокойся о глупых мелочах, — сказал дон Хуан успокаивающе. — Все мы такие, и мужчины, и женщины.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мы по природе мелочны и противоречивы?

— Нет, мы не мелочны и не противоречивы, — ответил он. — Наша мелочность и противоречивость — это, скорее, результат трансцендентального конфликта, под влиянием которого мы все находимся. Но только маги болезненно и безнадежно осознают его. Это конфликт двух сознаний.

Дон Хуан сверлил меня взглядом; его глаза были как два черных уголька.

— Ты все время говоришь мне об этих двух сознаниях, — сказал я, — но мой мозг не фиксирует то, что ты говоришь. Почему?

— В свое время ты поймешь, почему, — ответил он. — А пока что достаточно будет, если я еще раз повторю тебе то, что я говорил о двух сознаниях. Одно из них — наше истинное сознание, продукт всего нашего жизненного опыта; то сознание, которое редко говорит, потому что оно побеждено и подавлено до полного затемнения. Другое сознание, которое мы используем ежедневно во всем, что мы делаем, встроено в нас извне.

— По-моему, сама концепция сознания как «чужеродного устройства» настолько дикая, что мой ум отказывается принимать ее всерьез, — сказал я и почувствовал, что совершил настоящее открытие.

Дон Хуан не отреагировал на мои слова. Он продолжал объяснять свою идею двух сознаний.

— Чтобы разрешить конфликт двух сознаний, нужно намереваться сделать это, — сказал он. — Маги призывают намерение, произнося слово «намерение» вслух, громко и ясно. Намерение — это одна из сил, существующих во Вселенной. Когда маги призывают намерение, оно приходит к ним и прокладывает путь для достижения цели. Это значит, что маги всегда выполняют то, что они решают сделать.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что маги получают все, что хотят, даже если это нечто мелкое, обычное и произвольное? — спросил я.

— Нет, я не это имею в виду. Намерение, конечно, можно призывать для чего угодно, — ответил он, — но маги выяснили дорогой ценой, что намерение приходит к ним лишь для чего-то абстрактного. Это «предохранительный

клапан магов»; иначе они были бы просто невыносимы. В твоем случае призывать намерение, чтобы разрешить конфликт твоих двух сознаний или чтобы услышать голос твоего истинного сознания, — это отнюдь не мелкое, произвольное или обычное дело. Наоборот, это высокая и абстрактная задача, и она жизненно важна для тебя!

Дон Хуан сделал небольшую паузу и снова заговорил об альбоме.

— Мой собственный альбом, будучи актом битвы, требовал сверхсерьезного подхода к отбору материала, — сказал он. — И сейчас он представляет собой полное собрание незабываемых моментов моей жизни и всего того, что подводило меня к ним. Я сосредоточил в своем альбоме все, что было и будет иметь для меня значение. Я считаю, что альбом воина должен быть максимально конкретным и ошеломляюще точным.

Я пока не улавливал, чего хочет от меня дон Хуан, но слова его стал понимать очень хорошо. Он посоветовал, чтобы я сел в одиночестве и позволил мыслям и воспоминаниям свободно приходить ко мне. Мне нужно было попытаться позволить голосу из глубины говорить со мной и подсказать мне, что именно нужно выбрать. После этого я должен был уйти в дом и лечь на кровать. Мое ложе в доме дона Хуана было сделано из деревянных ящиков, а матрасом служило несколько дюжин пустых джутовых мешков. Хотя все мое тело болело с непривычки после сна на такой постели, на самом деле она была очень удобной.

Я решил следовать рекомендациям дона Хуана как можно более добросовестно и начал думать о прошлом, припоминая события, которые оставили след в моей жизни. Вскоре я понял, как глупо было заявлять, что все события моей жизни были в равной степени важными. Пытаясь заставить себя вспоминать, я обнаружил, что не знаю даже, с чего начать. Через мое сознание текли бесконечные несвязные мысли и воспоминания о разных случавшихся со мной событиях, но я никак не мог решить, насколько они для меня важны. Создавалось даже впечатление, что вообще все было не слишком важным. Похоже было на то, что я прошел сквозь жизнь, как труп, — ходячий и говорящий, но абсолютно ничего не чувствующий. К тому же мне было все труднее концентрироваться на предмете своих размышлений, а потому я вскоре оставил все это и заснул.

— Что-нибудь получилось? — спросил меня дон Хуан, когда я проснулся через несколько часов.

После сна и отдыха мне не стало легче. Я по-прежнему был раздражен и злобно огрызнулся:

— Ничего!

— Ты слышал этот голос из глубины?

— Кажется, да, — соврал я.

— И что он тебе сказал? — спросил он очень серьезным тоном.

— Я не могу думать об этом, дон Хуан, — выдавил я из себя.

— Ага, ты уже вернулся в свое обычное осознание, — заметил он и сильно похлопал меня по спине. — Твое повседневное сознание снова победило. Давай расслабим его, поговорив о твоей коллекции памятных событий. Я должен сказать тебе, что отбор событий для альбома — дело непростое. Вот почему я говорю, что этот альбом — акт битвы. Тебе придется десять раз переделать себя, чтобы узнать, что именно выбирать.

И тут, пусть только на секунду, я вдруг ясно понял, что у меня действительно два сознания; но эта мысль была очень тонкой и сразу же исчезла. Осталось лишь ощущение моей неспособности выполнить требования дона Хуана. Но вместо того чтобы снисходительно принять свою несостоятельность, я позволил ей испугать меня. Главным устремлением моей жизни в то время было всегда являться в хорошем свете. Потерпеть неудачу, проиграть — для меня это было нестерпимо. Не зная, как справиться с той задачей, которую ставил передо мной дон Хуан, я сделал то, что только и умел делать хорошо: разозлился.

— Мне надо еще многое обдумать относительно этого, дон Хуан, — сказал я. — Моему уму нужно дать какое-то время, чтобы он свыкся с этой идеей.

— Конечно, конечно, — успокоил меня дон Хуан. — Можешь ждать хоть всю жизнь, но все-таки поторопись.

В тот раз на эту тему больше ничего не было сказано. Вернувшись домой, я совершенно забыл обо всем этом. И вдруг однажды, сидя на какой-то лекции, я услышал внутренний властный приказ: искать памятные события в своей жизни. «Услышал» — не совсем подходящее слово; это скорее было похоже на удар тока или нервный спазм, который потряс все мое тело — от макушки до пят.

Я честно взялся за дело. Мне потребовалось несколько месяцев, чтобы переворошить все переживания моей жизни, которые, по моему мнению, были важными. Но, осмотрев свою коллекцию, я понял, что имел дело лишь с идеями, не имевшими абсолютно никакой реальной значимости. Вспомненные мною события были не более чем абстрактными точками во времени. У меня возникло чрезвычайно неприятное ощущение, что я пришел в мир только для того, чтобы действовать, не позволяя себе останавливаться и хоть что-то чувствовать.

Одним из забытых событий, которые я обязательно хотел вспомнить, был день моего зачисления в аспирантуру Калифорнийского Университета Лос-Анджелеса (UCLA). Но, как ни старался, я не мог вспомнить, что я делал в тот день. С ним не было связано ничего интересного, ничего особенного — вообще ничего, кроме моей идеи, что этот день должен быть памятным. Поступив в аспирантуру, я должен был радоваться и гордиться, но этого не было!

Другим экспонатом моей коллекции был тот день, когда я чуть не обвенчался с Кэй Кондор. Вообще-то у нее была другая фамилия, но она изменила ее на Кондор, потому что хотела стать актрисой. Ее козырной картой было внешнее сходство с Кэрол Ломбард. Тот день был памятным в моем сознании не столько из-за происходивших событий, сколько потому, что она была красива и хотела выйти за меня замуж. Она была на голову выше меня, что делало ее еще интереснее в моих глазах.

Меня волновала мысль о венчании в церкви с высокой женщиной. Я взял напрокат серый смокинг. Брюки были широковаты для моего роста. Не то чтобы висели колоколами, но были широковаты, и это очень меня беспокоило. Кроме брюк, меня раздражало то, что рукава розовой рубашки, которую я купил специально для этого случая, были на три дюйма длиннее, чем

следовало; мне пришлось воспользоваться резиновыми лентами, чтобы подтянуть их повыше. А так вообще все шло прекрасно — до того момента, когда гости и я узнали, что Кэй Кондор передумала и не собирается приходить на свадьбу.

Будучи очень порядочной молодой леди, она прислала мне через мотокурьера записку с извинениями. В записке написала, что, не приемля развода, она не может связать свою судьбу с человеком, который не разделяет ее взглядов на жизнь. Она напомнила мне, что я всегда хихикал, произнося фамилию — Кондор, а это было знаком полного неуважения к ее личности. Она обсудила эту проблему со своей матерью. Обе они очень любят меня, но не настолько, чтобы ввести в свою семью. Заканчивалась записка тем, что мы должны набраться смелости и мудрости и расстаться навсегда.

Состояние моего ума можно было охарактеризовать как «полное оцепенение». Пытаясь вспомнить тот день, я не мог понять, то ли я испытывал чудовищное унижение, оказавшись дурак дураком перед толпой людей в своем взятом напрокат сером смокинге и слишком широких брюках, то ли был сокрушен тем, что Кэй Кондор не выходит за меня замуж.

Это были единственные два события, которые я мог четко выделить. Примеры довольно жалкие, но, покопавшись, мне удалось найти в них философский смысл. Кажется, я был человеком, который проходит сквозь жизнь без единого подлинного чувства, подходя ко всему лишь с интеллектуальной меркой. Подражая стилю дона Хуана, я придумал себе такое определение: человек, который изо всех сил старается жить «как положено».

Я был уверен, например, что день моего поступления в аспирантуру УКЛА должен быть памятным днем. Поскольку памятным он не был, я постарался искусственно наделить его значимостью, которой на самом деле не ощущал. То же можно сказать и о том дне, когда я чуть не женился на Кэй Кондор. По идее, это должно было стать для меня опустошительным переживанием, но не стало. В момент вспоминания этого события я понял, что в нем ничего нет, и сразу же начал усердно воссоздавать то, что я должен был чувствовать.

Приехав к дому дона Хуана, я представил ему свои два примера памятных событий.

— Это все чепуха, — заявил дон Хуан. — Никуда не годится. Такие истории связаны исключительно с тобой как с личностью, которая думает, чувствует, плачет или вообще ничего не ощущает. Памятные же события из альбома мага — это события, которые могут выдержать испытание временем, потому что они не имеют ничего общего с человеком, хотя человек и находится в самой их гуще. Он всегда будет в гуще событий, всю свою жизнь, а возможно и потом, но не совсем лично.

Его слова привели меня в полное уныние. В то время я искренне считал дона Хуана вредным старикашкой, который получает особое удовольствие от того, что выставляет меня полным дураком. Он напоминал мне преподавателя скульптуры из художественной школы, которую я когда-то посещал. Этот мастер обязательно подвергал критике все, что делали ученики, и во всех их работах находил изъяны. Затем он требовал, чтобы работы были исправлены соответственно его указаниям. Ученики отходили и делали вид, что подправляют что-то в своих скульптурах. Я вспоминал, каким самодовольством сиял мастер, когда, осматривая якобы переделанные работы, он приговаривал: — Ну вот, теперь совсем другое дело!

— Не унывай, — сказал дон Хуан, прерывая мои воспоминания. — В свое время я тоже через это прошел. Многие годы я не просто не знал, что выбрать, но думал, что у меня просто нет переживаний, из которых можно выбирать. Мне казалось, что со мной вообще никогда ничего не происходило. Конечно же, все со мной происходило, но, пока я старался защищать идею самого себя, у меня не было ни времени, ни желания что-то замечать.

— Ты можешь конкретно сказать мне, дон Хуан, чем плохи мои истории? Я знаю, что они — ничто, но остальная моя жизнь точно такая же.

— Я повторю тебе еще раз, — сказал он. — Истории из альбома воина — не личные. Твоя история о том дне, когда тебя приняли в аспирантуру, — это не что иное, как предположение, что ты центр мира. Ты чувствуешь, ты не чувствуешь. Ты понимаешь, что я имею в виду? Вся эта история — это ты сам!

— Но может ли быть иначе, дон Хуан? — спросил я.

— В другой истории ты уже почти прикоснулся к тому, о чем я говорил, но снова превратил это в нечто в высшей степени личное. Я знаю, что ты мог бы

добавить еще больше деталей, но все эти детали были бы просто продолжением твоей личности.

— Я на самом деле не могу понять, о чем ты, дон Хуан, — возразил я. — Любая история, увиденная глазами очевидца, по определению должна быть личной.

— Да-да, конечно, — сказал он с улыбкой, как всегда, наслаждаясь моим смущением. — Но тогда это история не для альбома воина, а для какой-то другой цели. Памятные события, которые мы ищем, несут на себе темную печать безличностности. Они пропитаны ею. Я не знаю, как еще объяснить это.

В этот момент меня как будто озарило, и я понял, что он имел в виду под «темной печатью безличностности». Мне показалось, что он имел в виду нечто зловещее. Зловещее значение для меня имела тьма. Я тут же рассказал дону Хуану историю из моего детства.

Один из моих старших кузенов был интерном в медицинской школе. Однажды он привел меня в морг, убедив предварительно, что молодому человеку совершенно необходимо видеть мертвецов; это зрелище очень поучительно, ибо демонстрирует бренность жизни. Он снова и снова приставал ко мне, уговаривая сходить в морг. Чем больше он рассказывал о том, какими незначительными становимся мы после смерти, тем более возрастало мое любопытство. Мне еще никогда не приходилось видеть труп. В конце концов любопытство победило, и я пошел с ним.

Он показал мне разные трупы, и ему удалось испугать меня до бесчувствия. Мне показалось, что в трупах нет ничего поучительного или просветляющего. Но они действительно были самыми пугающими вещами, которые я когда-либо видел. Брат все время поглядывал на часы, словно кого-то ждал. Он явно хотел продержать меня в морге дольше, чем позволяли мои силы. Будучи по натуре честолюбивым, я был уверен, что он испытывает мою выдержку, мое мужество. Стиснув зубы, я поклялся себе терпеть до самого конца.

Но такой конец мне не снился и в кошмарном сне. На моих глазах один труп, накрытый простыней, вдруг пошевелился на мраморном столе, как будто собирался встать. Он издал мощный рыгающий звук, который прожег меня насквозь и останется в моей памяти до конца жизни. Позже двоюродный брат,

ученый-медик, объяснил мне, что это был труп человека, умершего от туберкулеза. У таких трупов все легкие изъедены бациллами, и остаются огромные дыры, заполненные воздухом. Когда температура воздуха изменяется, это иногда заставляет тело изгибаться, словно оно пытается встать, что и произошло в данном случае.

— Нет, это еще не то, — сказал дон Хуан, качая головой из стороны в сторону. — Это просто история о твоем страхе. Я бы и сам испугался до смерти, но такой испуг никому не освещает путь. Впрочем, мне было бы интересно узнать, что случилось с тобой дальше.

— Я заорал как резаный, — сказал я, — а мой брат назвал меня трусом и сопляком, который от страха чуть не обделался.

Я явно зацепил какой-то темный слой своей жизни. Следующий случай, который я вспомнил, был связан с шестнадцатилетним парнем из нашей школы, который страдал каким-то расстройством желез и имел гигантский рост. Но его сердце не успевало расти вместе с остальным телом, и однажды он умер от сердечного приступа. Из какого-то нездорового юношеского любопытства мы с одним товарищем пошли посмотреть, как его будут укладывать в гроб. Похоронных дел мастер, который, пожалуй, был еще более паталогичен, чем мы, впустил нас в свою каморку и продемонстрировал свой шедевр. Он уместил огромного парня, рост которого превышал семь футов и семь дюймов, в гроб для обычного человека, отпилив ему ноги! Мастер показал нам, как он пристроил ноги в гробу — мертвый юноша обнимал их руками, словно трофеи.

Ужас, который я тогда испытал, был по силе сравним с тем, что я испытал в детстве при посещении морга, но этот новый страх был не физической реакцией, а психологическим переворотом.

— Это уже ближе, — сказал дон Хуан, — но и эта история еще слишком личная. Она отвратительна. Меня от нестошнит, но в ней чувствуется большой потенциал.

Мы с доном Хуаном посмеялись над тем, какой ужас содержится в ситуациях повседневной жизни. К этому времени я уже окончательно погрузился в самые мрачные воспоминания и рассказал дону Хуану о моем лучшем друге Рое

Голдписсе. Вообще-то у него была польская фамилия, но друзья дали ему прозвище Голдписс, потому что, чего бы он ни коснулся, все превращалось в золото; он был прирожденным бизнесменом.

Но талант к бизнесу превратил его в сверхамбициозного человека. Он хотел стать первым богачом мира. Оказалось же, что конкуренция на этом поприще слишком жесткая. Голдписс жаловался, что, делая свой бизнес в одиночку, он не мог тягаться с лидером некоей исламской секты, которому каждый год жертвовали столько золота, сколько он сам весил. Перед взвешиванием этот лидер секты старался съесть и выпить столько, сколько позволял его желудок.

Итак, мой друг Рой немного опустил планку и решил стать самым богатым человеком в Соединенных Штатах. Но и на этом уровне конкуренция была просто бешеная. Он спустился еще ниже: уж в Калифорнии-то он сможет быть самым богатым человеком. Однако и тут он опоздал. И он отказался от мысли, что со своей сетью киосков, торгующих пиццей и мороженым, он сможет соперничать с уважаемыми семьями, которые владеют Калифорнией. Он настроился на то, чтобы быть первым воротилой в Вудланд-Хиллз, его родном пригороде Лос-Анджелеса. Но, к несчастью для него, на одной с ним улице жил мистер Марш, владевший фабриками по производству лучших в Америке матрасов, невообразимый богач. Разочарованию Роя не было пределов. Он так страдал, что в конце концов испортил себе здоровье. В один прекрасный день он умер от аневризмы мозга.

Его смерть стала причиной моего третьего визита в покойницкую. Жена Роя попросила меня, как его лучшего друга, позаботиться о том, чтобы труп был должным образом обряжен. Я отправился в погребальную контору, а там секретарь провел меня во внутреннее помещение. Когда я вошел, мастер как раз хлопотал вокруг своего высокого мраморного стола. Он с силой толкал двумя пальцами вверх уголки уже застывшего рта покойника. Когда наконец на мертвом лице Роя появилась гротескная улыбка, мастер повернулся ко мне и сказал подобострастно:

— Надеюсь, вы будете довольны, сэр.

Жена Роя — мы уже никогда не узнаем, любила она его или нет, — решила похоронить его со всей пышностью, какой он заслуживал. Она заказала очень дорогой гроб, похожий на телефонную будку; фасон она позаимствовала из

кинофильма. Роя должны были похоронить в сидячем положении, как будто он ведет деловые переговоры по телефону.

Я не остался на похороны. Уехал с очень тяжелым чувством, смесью бессилия и злости — такой злости, которую не изольешь ни на кого.

— Да, сегодня ты действительно мрачен как никогда, — заметил дон Хуан, смеясь, — но несмотря на это, — а может, и благодаря этому, — ты почти у цели. Уже подошел вплотную.

Я всегда удивлялся тому, как менялось мое настроение при каждой встрече с доном Хуаном. Приезжал я расстроенный, брюзжащий и мнительный. Но через некоторое время мое настроение чудесным образом менялось, я становился все более экспансивным, а затем вдруг успокаивался — таким спокойным я никогда не бывал в повседневной жизни. Мое новое настроение отражалось и в моей речи. Обычно я говорил как глубоко неудовлетворенный человек, еле сдерживающийся, чтобы не начать жаловаться вслух, но жалобным был уже сам голос.

— А ты можешь привести мне пример памятного события из своего альбома, дон Хуан? — спросил я в привычном тоне скрытой жалобы. — Если бы я знал, что тебе нужно, мне было бы легче. Пока что я просто блуждаю в потемках.

— Не объясняй слишком много. — сказал дон Хуан, сурово взглянув на меня. — Маги говорят, что в каждом объяснении скрывается извинение. Поэтому, когда ты объясняешь, почему ты не можешь делать то или другое, на самом деле ты извиняешься за свои недостатки, надеясь, что слушающие тебя будут добры и простят их.

Когда на меня нападают, мой любимый защитный маневр — демонстративно не слушать нападающих. У дона Хуана, однако, была отвратительная способность захватывать все мое внимание без остатка. Нападая на меня, он всегда умудрялся заставить меня слушать каждое его слово. Вот и сейчас пришлось выслушать все, что он сказал обо мне. Хотя его слова не доставили мне ни малейшего удовольствия, это была голая правда.

Я избегал его глаз. Как обычно, я чувствовал себя под угрозой, но на этот раз угроза была особенной. Она не беспокоила меня так, как беспокоила бы в

повседневной жизни или сразу после моего приезда в дом дона Хуана.

После долгого молчания дон Хуан снова заговорил.

— Я не буду приводить тебе пример памятного события из моего альбома, — сказал он. — Я сделаю лучше: назову тебе памятное событие из твоей собственной жизни; оно наверняка подойдет для твоей коллекции. Или, скажем так, на твоем месте я бы обязательно поместил его в свою коллекцию памятных событий.

Я подумал, что дон Хуан шутит, и глупо засмеялся.

— Тут не над чем смеяться, — отрезал он. — Я говорю серьезно. Когда-то ты рассказал мне историю, которая попадает в самую точку.

— Что это за история, дон Хуан?

— О фигурах перед зеркалом, — сказал он. — Расскажика мне ее еще раз. Но расскажи со всеми подробностями, какие сможешь вспомнить.

Я начал кратко пересказывать эту старую историю. Дон Хуан остановил меня и потребовал тщательного, подробного изложения с самого начала. Я попробовал еще раз, но мое исполнение не устраивало его.

— Давай прогуляемся, — предложил он. — Когда идешь, можно быть гораздо точнее, чем когда сидишь. Это весьма неглупая идея — прохаживаться туда-сюда, когда что-то рассказываешь.

Мы сидели, как и всегда днем, под его рамадой. У меня уже сложилась привычка сидеть на определенном месте, прислонившись спиной к стене. Дон Хуан сидел под рамадой каждый раз на другом месте.

Мы вышли на прогулку в худшее время дня: в полдень. Дон Хуан снабдил меня старой соломенной шляпой, как всегда, когда мы выходили на солнцепек. Долгое время мы шли в полном молчании. Я изо всех сил старался вспомнить все подробности своей истории. Было уже около трех часов, когда мы сели в тени кустов, и я наконец рассказал дону Хуану всю историю.

Когда я много лет назад изучал скульптуру в школе изящных искусств в Италии, у меня был друг-шотландец, который учился на искусствоведа. Самой характерной его чертой было потрясающее самомнение; он считал себя самым одаренным, сильным, неутомимым ученым и художником, ну просто деятелем эпохи Возрождения. Одаренным он действительно был, но творческая мощь как-то совершенно не вязалась с его костлявой, сухой, серьезной фигурой. Он был усердным почитателем английского философа Бертрана Расселла и мечтал применить принципы логического позитивизма в искусствоведении. Его воображаемая неутомимость была, пожалуй, его самой нелепой фантазией, ибо на самом деле он обожал тянуть резину; работа для него была каторгой.

Фактически, он был великим специалистом не по искусствоведению, а по проституткам из местных борделей, которых он знал множество. О своих похождениях он давал мне яркие и подробные отчеты — по его словам, чтобы держать меня в курсе чудесных событий, происходящих в мире его специальности. Поэтому я не удивился, когда однажды он ввалился в мою комнату крайне возбужденный, запыхавшийся и сказал мне, что с ним произошло нечто чрезвычайное и он хотел бы поделиться со мной.

— Слушай, старина, ты должен сам это увидеть! — заявил он возбужденно, с оксфордским акцентом, который у него всегда проявлялся при общении со мной. Он нервно зашагал по комнате. — Это трудно описать, но я знаю: это нечто такое, что ты сможешь оценить. Нечто такое, что ты запомнишь надолго. Я хочу преподнести тебе замечательный подарок на всю жизнь. Понимаешь?

Я понимал, что он был истеричным шотландцем. Я всегда посмеивался над ним и следил за его приключениями. И ни разу не пожалел об этом.

— Успокойся, успокойся, Эдди, — сказал я. — Что ты хочешь мне рассказать?

Он сообщил, что только что был в борделе и познакомился там с невероятной женщиной, умеющей делать невообразимую штуку, которую она называет «фигурами перед зеркалом». Он снова и снова убеждал меня, что я просто обязан пережить это невероятное событие на собственном опыте.

— Слушай, не думай о деньгах! — сказал он, зная, что денег у меня нет. — Все уже оплачено. Все, что от тебя требуется, — это пойти со мной. Мадам

Людмила покажет тебе свои фигуры перед зеркалом. Это просто ураган!

В припадке безудержного восторга Эдди залился смехом, обнажив свои плохие зубы, которые он обычно прятал, когда растягивал губы в улыбке.

— Слушай, это фантастично!

Мое любопытство разгоралось с каждой минутой. Я был готов принять участие в его новом развлечении. Вскоре Эдди уже вез меня в своей машине к окраине города. Он остановился перед пыльным, неухоженным, облупленным зданием. Когда-то, похоже, это был отель, а затем его переделали в многоквартирный дом. По всему фасаду тянулись ряды грязных балконов, уставленных цветочными горшками и обвешенных сохнущими коврами.

У подъезда стояли двое темных, подозрительного вида типов, обменявшихся с Эдди бурными приветствиями. У них были черные бегающие глаза и туфли с острыми носками — как мне показалось, чересчур тесные. Одеты они были в блестящие голубые костюмы, тоже слишком тесные для их мясистых тел. Один из этих людей открыл перед Эдди дверь. На меня они даже и не взглянули.

Мы поднялись на два пролета по обветшавшей лестнице, которая когда-то была роскошной. Эдди уверенно шел по пустому гостиничному коридору с дверьми на обе стороны. Все двери были окрашены в одинаковый темный оливково-зеленый цвет. На каждой двери был латунный номер, потемневший от времени и почти неразличимый на крашеном дереве.

Наконец Эдди остановился перед одной из дверей. Я запомнил номер: 112. Эдди несколько раз постучал. Дверь открылась, и круглая, низкорослая крашеная блондинка молча, жестом пригласила нас зайти. На ней был красный шелковый халат с какими-то разлетающимися перьями на рукавах и шлепанцы с меховыми помпонами. Когда мы вошли в маленькую прихожую и дверь была закрыта, женщина поздоровалась с Эдди по-английски, с сильным акцентом.

— Привет, Эдди. Привел друга, э?

Эдди пожал ей руку, а затем галантно поцеловал ее. Он держал себя так, словно был совершенно спокоен, но по некоторым его бессознательным

жестам я заметил, что он нервничает.

— Как дела сегодня, мадам Людмила? — спросил он, стараясь говорить как американец.

Я так и не понял, почему Эдди всегда изображал из себя американца в домах терпимости. Подозреваю, это из-за того, что американцев считают богачами, а Эдди стремился утвердиться в этой среде.

Он повернулся ко мне и произнес с нарочитым американским акцентом:

— Оставляю тебя в хороших руках, малыш.

Это прозвучало так высокопарно и странно для моего слуха, что я громко рассмеялся. Мадам Людмила на мой взрыв веселья никак не отреагировала. Эдди еще раз поцеловал руку мадам Людмиле и вышел. — Ховоришь английски, мой мальчик? — закричала мадам, словно подозревала во мне глухого. — Ты похож на ехиптянина, или нет, на турка.

Я заверил мадам Людмилу, что я ни то, ни другое и что я говорю по-английски. Тогда она спросила, нравятся ли мне фигуры перед зеркалом. Я не знал, что сказать, и лишь кивнул головой.

— Я даю тебе хорошее шоу, — пообещала она. — Фигуры перед зеркалом — это только начало. Когда ты станешь горячий и готовый, скажи мне остановиться.

Из маленькой прихожей мы прошли в темную комнату. Окна были плотно завешены. На стенах было несколько светильников с тусклыми лампочками. Лампочки имели форму трубок и торчали из стен под прямым углом. В комнате было много разных предметов: какие-то ящики от комода, старинные столики и стулья, письменный стол у стены, заваленный бумагой, карандашами, линейками и по меньшей мере дюжиной разных ножниц. Мадам Людмила заставила меня сесть на старый мягкий стул.

— Кровать в другой комнате, дорогой, — сказала она, указывая куда-то в другой конец комнаты. — А здесь моя антизала. Здесь я даю шоу, чтобы ты стал горячий и готовый.

Она сбросила с себя красный халат, стряхнула с ног тапочки и распахнула створки двух высоких трюмо, стоявших рядом у стены. Образовалась большая зеркальная поверхность.

— А теперь музыка, мой мальчик, — сказала мадам Людмила и завела допотопную виктролу, которая, однако, сияла как новенькая. Заиграла пластинка. Мелодия была какая-то разухабистая, напоминавшая цирковой марш.

— А теперь шоу, — и она начала кружиться под аккомпанемент цирковой музыки. Кожа у мадам Людмилы была очень плотная и чрезвычайно белая, хотя она была уже немолода. Должно быть, ей было под пятьдесят. Ее живот уже чуть обвис, как и объемистые груди. У нее был небольшой нос и ярко накрашенные красные губы. Она употребляла густую черную тушь для ресниц. В общем, это был хрестоматийный образец стареющей проститутки. Но было в ней и что-то детское, по-девичьи непосредственное, трогательное.

— А теперь — фигуры перед зеркалом, — объявила мадам Людмила. Музыка продолжала греметь.

— Нога, нога, нога, — говорила она, выбрасывая ноги вперед и вверх — сначала одну, потом другую, в такт музыке. Правую руку она положила на макушку, словно маленькая девочка, которая не уверена, что сможет выполнить сложное движение.

— Поворот, поворот, поворот, — пропела она, вращаясь как волчок.

— Зад, зад, зад, — сказала она, показывая мне свою голую заднюю часть, как это делают в канкане.

Эту последовательность она повторяла снова и снова, пока музыка не начала затихать. Пружина виктролы разматывалась. У меня появилось ощущение, что мадам Людмила уходит куда-то вдаль, становясь все меньше, по мере того, как музыка становится тише. Какое-то отчаяние и одиночество — я и не знал, что такие чувства живут во мне — вырвалось из самых глубин моего существа на поверхность и заставило меня вскочить и выбежать из комнаты. Как безумный. я скатился вниз по лестнице и вылетел из дома на улицу.

Эдди стоял у подъезда, беседуя с двумя мужчинами в блестящих голубых костюмах. Увидев, как я выбежал, он начал надрывно хохотать.

— Ну как, круто? — спросил он, по-прежнему стараясь говорить как американец. — «Фигуры перед зеркалом — это только начало». Какой класс! Какой класс! Рассказывая эту историю дону Хуану в первый раз, я упомянул о том, что на меня произвели очень глубокое впечатление цирковая мелодия и старая проститутка, неуклюже кружащаяся под эту музыку. И еще мне было очень неприятно осознать, насколько бездушен мой друг.

Когда я закончил рассказывать этот случай во второй раз — в этих сонoранских предгорьях, — я весь дрожал. На меня загадочным образом воздействовало нечто совершенно неопределенное.

— Эта история, — сказал дон Хуан, — должна войти в твой альбом памятных событий. Твой друг, сам того не подозревая, дал тебе. как он правильно заметил, нечто такое, что останется с тобой на всю жизнь.

— Для меня это просто грустная история, дон Хуан, но это и все, — заявил я.

— Она действительно грустна, как и другие твои истории, — ответил дон Хуан, — но она совсем другая, она может быть памятной для тебя, потому что она затрагивает каждого из нас, людей, а не только тебя, в отличие от других твоих сказок. Видишь ли, как и мадам Людмила, мы все — старые и молодые — делаем свои «фигуры перед зеркалом», в том или ином виде. Вспомни все, что ты знаешь о людях. Подумай о людях на этой Земле, и ты поймешь без тени сомнения, что не важно, кто они или что бы они ни думали о себе, чем бы ни занимались, результат их действий всегда один и тот же: бессмысленные фигуры перед зеркалом.

Часть первая: Трепет в воздухе

1. Путешествие силы

Когда я познакомился с доном Хуаном, я был очень прилежным студентом-антропологом и хотел начать свою антропологическую карьеру, опубликовав как можно больше материалов. Мне обязательно нужно было вскарабкаться вверх по академической лестнице, а для этого, по моим расчетам, не могло быть лучшего старта, чем собирание данных по использованию лекарственных растений индейцами югозапада США.

Сначала я попросил одного профессора антропологии, работавшего в этой области, чтобы он что-нибудь посоветовал мне по поводу моего проекта. Он был выдающимся этнологом и опубликовал в конце тридцатых и начале сороковых годов много работ об индейцах Калифорнии и Соноры (Мексика). Он терпеливо выслушал мой план. Идея заключалась в том, чтобы написать статью, озаглавить ее «Этноботанические данные» и опубликовать в одном журнале, посвященном исключительно антропологическим проблемам юго-запада Соединенных Штатов.

Я предполагал собрать лекарственные растения, привезти их образцы в Ботанический сад Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе, где точно определят их виды, а затем описать, как и для чего индейцы Юго-Запада употребляют их. Я уже представлял себе тысячи гербарных листов. В туманном будущем вырисовывалось даже издание небольшой энциклопедии по данной теме.

Профессор снисходительно улыбнулся:

— Не хотелось бы охлаждать ваш энтузиазм, — сказал он усталым голосом, — но я не могу не отозваться о вашем усердии в негативном смысле. Усердие в антропологии приветствуется, но оно должно быть направлено в нужное русло. Мы все еще переживаем золотой век антропологии. Я имел счастье

учиться у Альфреда Кр„бера и Роберта Лоуи, двух столпов общественных наук. Я не посрамил их доверия. Я по-прежнему считаю антропологию фундаментальной дисциплиной. Все остальные дисциплины должны ответвляться от антропологии. Вся область истории, например, должна называться «исторической антропологией», а область философии — «философской антропологией». Человек должен быть мерой всего. Поэтому антропология, наука о человеке, должна быть ядром любой другой дисциплины. Когда-нибудь так и будет.

Я смотрел на него в полном изумлении. Это был, насколько я его знал, тихий, добродушный, старый профессор, который недавно перенес инфаркт. Кажется, я затронул в нем больную струну.

— Не думаете ли вы, что вам следует уделять больше внимания теоретическим занятиям? — продолжал он между тем. — Вместо того чтобы заниматься полевой работой, не лучше ли было бы вам всерьез позаниматься лингвистикой? У нас на кафедре работает один из наиболее выдающихся лингвистов мира! На вашем месте я бы сидел у его ног и ловил бы каждое слово, исходящее из его уст.

Кроме того, у нас есть выдающийся авторитет в области сравнительного религиоведения. Есть самые компетентные антропологи, которые создали труды о системах родства в культурах всего мира — с точки зрения лингвистики и с точки зрения познания. Вам надо иметь солидную теоретическую подготовку. Думать, что вы можете заниматься полевой работой уже сейчас, — это непростительное легкомыслие. Погрузитесь в книги, молодой человек. Вот вам мой совет.

Я упрямо отправился со своим предложением к другому профессору, более молодое. Но и он мне не помог, а открыто высмеял меня. Он сказал, что статья, которую я задумал, — это комикс о Микки Маусе. Даже с натяжкой нельзя считать это антропологией.

— Сегодня антропологи, — сказал он «профессорским» тоном, — озабочены более злободневными проблемами. Представители медицинских и фармацевтических наук уже произвели бесчисленные исследования всех существующих лекарственных растений мира. Здесь уже обглоданы все кости. Предлагаемое вами собирание данных было бы уместно в начале

девятнадцатого века. Но с тех пор прошло почти двести лет. Знаете ли, существует такая вещь, как прогресс.

Затем он дал мне определение и истолкование прогресса и его совершенствования как двух философских категорий, которые, по его мнению, более всего применимы к антропологии.

— Антропология — это единственная наука, — продолжал он, — которая четко обосновывает концепцию совершенствования и прогресса. Слава богу, что в тумане цинизма нашего времени все еще светит луч надежды. Только антропология может продемонстрировать действительное развитие культуры и общественной организации. Только антропологи могут доказать человечеству без тени сомнения наличие прогресса в человеческом знании. Культура развивается, и только антропологи могут продемонстрировать образцы обществ, соответствующих определенным звеньям в цепи прогресса и совершенствования. Вот что такое антропология! Не какая-то там ваша жалкая полевая работа, которая и не полевая работа вовсе, а просто мастурбация.

Это был сокрушительный удар. Хватаясь за последнюю соломинку, я поехал в Аризону, чтобы поговорить с антропологами, которые проводили там настоящую полевую работу. К тому времени я уже был готов к тому, чтобы отказаться от своей идеи. Я понял, что пытались мне внушить эти два профессора. И я был с ними полностью согласен! Мое стремление заниматься полевой работой было, конечно, просто ребяческим. И все-таки как хорошо было бы размять ноги в поле! Нельзя же заниматься наукой только в библиотеке.

В Аризоне я встретился с очень опытным антропологом, который много писал об аризонских и сонорских индейцах яки. Он был крайне любезен. Не останавливал меня и не давал советов. Он только заметил, что индейские общины Юго-Запада живут очень замкнуто и что иностранцам, особенно латинского происхождения, эти индейцы не доверяют, а то и питают к ним откровенную вражду.

Его более молодой коллега был общительнее. Он сказал, что мне стоило бы сначала почитать книги о травах. Он был экспертом как раз в этой области и считал, что все, что можно знать о лекарственных растениях Юго-Запада, уже

обсуждено и разложено по полочкам в различных публикациях. Он даже заявил, что любой современный индейский травник черпает свои знания как раз из этих публикаций, а не из индейской традиции. Закончил он утверждением, что если до сих пор и сохранились какие-то традиционные целительские практики, то индейцы ни за что не передадут их чужаку.

— Займись лучше чем-то стоящим, — посоветовал он мне. — Обрати внимание на городскую антропологию. Много денег выделяется, например, на изучение алкоголизма среди индейцев в больших городах. И это то, чем любой антрополог может заниматься без особых трудностей. Пойди и напейся в баре с местными индейцами. Затем проведи статистический анализ всего того, что ты о них узнаешь. Преврати все в цифры. Городская антропология — это реальная наука.

Мне ничего не оставалось, как только прислушаться к советам опытных ученья. Я уже решил было лететь назад в Лос-Анджелес, но тут еще один мой друг-антрополог известил меня, что собирается проехаться по Аризоне и НьюМексико, посетить все места, где он проводил раньше работу, и восстановить отношения с людьми, которые были когда-то его антропологическими информаторами.

— Я буду рад, если ты поедешь со мной, — сказал он. — Работать я не собираюсь. Просто хочу повидаться с ними, выпить со всеми по рюмке, потрепаться. Я им накопил подарков — одеял, выпивки, курток, разной амуниции для ружей двадцать второго калибра. Загрузил машину всяким добром. Обычно, когда я хочу встретиться с ними, я езжу один, но при этом всегда рискую заснуть за рулем. Ты мог бы составить мне компанию, не давал бы мне пить лишнего, а если я все-таки переберу, мог бы и посидеть немного за рулем, а?

Я так упал духом, что отклонил его предложение.

— Мне очень жаль, Билл, — сказал я. — Эта поездка мне не поможет. Я больше не вижу смысла к этой идее полевой работы.

— Не сдавайся без борьбы, — сказал Билл отечески-заботливым тоном. — Ты должен весь выложиться в борьбе, а если не получится, тогда что ж, можно и отказаться, но не раньше. Поехали со мной, и ты увидишь, как тебе

понравится Юго-Запад.

Он положил руку мне на плечо. Я невольно отметил, как тяжела его рука. Билл всегда был высокий и сильный, но в последние годы в его теле появилась странная жесткость. Он утратил свое всегдашнее мальчишество. Его круглое лицо больше не лучилось молодостью, как раньше. Теперь это было озабоченное лицо. Я думал, что он беспокоится по поводу своего облысения, но иногда мне казалось, что тут кроется нечто большее.

Итак, он стал тяжелее. Не то чтобы он потолстел: его тело стало более тяжелым в каком-то необъяснимом смысле. Я замечал это по тому, как он стал ходить, садиться и вставать, Казалось, что Билл в любом действии каждой своей клеточкой упорно борется с гравитацией.

Кончилось тем. что, несмотря на свои расстроенные чувства, я отправился вместе с ним. Мы объехали все места в Аризоне и Нью-Мексико, где жили индейцы. Одним из результатов этого путешествия стало то, что я обнаружил в личности моего друга-антрополога два различных аспекта. Он объяснил мне, что как профессиональный ученый он почти не имел собственных мнений и всегда придерживался генеральной линии антропологической науки. Но как частному лицу полевая работа давала ему богатые и интересные переживания, о которых он никому не рассказывал. Эти переживания не втискивались в господствующие идеи антропологии, так как их невозможно было классифицировать.

Во время нашего путешествия он неизменно выпивал со своими экс-информаторами, после чего полностью расслаблялся. Тогда я садился за руль, а он сидел рядом и потягивал прямо из бутылки 30-летний «Баллантайн». В такие-то минуты Билл иногда был не прочь поговорить о своих неклассифицируемых переживаниях.

— Я никогда не верил в духов, — отрывисто произнес он однажды. — Никогда не интересовался привидениями и призраками, голосами в темноте и всяким таким. У меня было очень прагматичное, серьезное мировоззрение. Моим компасом всегда была наука. Но потом, когда я работал в поле, в меня стала проникать всякая чертовщина. Например, однажды ночью я отправился с несколькими индейцами на поиск видения. Они собирались по-настоящему инициировать меня посредством болезненной церемонии протыкания грудных

мышц. Они готовили в лесу парную. Я настраивал себя на то, чтобы вытерпеть боль. Чтобы придать себе силы, я пару раз хлебнул. И вдруг человек, который должен был «ходатайствовать» за меня перед выполняющими ритуал, закричал в ужасе, указывая на темную, зловещую фигуру, которая шла прямо к нам.

Когда эта фигура приблизилась ко мне, я увидел, что передо мной старый индеец, одетый самым диким образом. У него были шаманские регалии. Увидев этого старого шамана, человек, который меня опекал в ту ночь, упал от страха в обморок. Старик подошел ко мне вплотную и уперся мне пальцем в грудь. А палец был — одна кожа и кости. Старик бормотал мне что-то непонятное. К этому моменту все остальные уже увидели старика и молча бросились ко мне. Старик повернулся и взглянул на них, и все они застыли на месте. Он сверлил их взглядом пару секунд. Голос у него был просто незабываемый. Словно он говорил через трубу или у него было во рту какое-то другое приспособление, извлекавшее звуки из самого его нутра. Клянусь, я видел, что этот человек говорит внутри тела, а его рот просто транслирует слова, как какой-то механизм. Так вот, пронзил он их взглядом и пошел дальше, мимо меня, мимо них, и исчез, растворился в темноте.

Билл рассказал, что церемония инициации так и не состоялась. Все индейцы, в том числе и шаманы, ответственные за ритуал, так дрожали от страха, что чуть не выпрыгивали из ботинок. Немного придя в себя, они разбежались кто куда.

— Люди, которые были друзьями многие годы, — продолжал он, — больше никогда не разговаривали друг с другом. Они заявили, что видели привидение в образе невероятно старого шамана и что, если бы они разговаривали об этом друг с другом, это принесло бы им несчастье. Даже просто смотреть друг на друга было опасно. Большинство из них потом уехало из тех мест.

— Почему они считали, что разговаривать друг с другом или смотреть друг на друга — к несчастью? — спросил я Билла.

— Таковы их верования, — ответил он. — Привидения такого рода обращаются к каждому из присутствующих индивидуально. Для индейцев получить такое видение — это значит определить свою судьбу на всю жизнь.

— И что же привидение сказало им индивидуально? — спросил я.

— Вот этого я не знаю, — ответил Билл. — Они ведь и мне никогда ничего не говорили. Когда я спрашивал их, они все входили в состояние глубокого оцепенения. Ничего не видели, ничего не слышали. Уже через несколько лет после этого события тот человек, который потерял сознание, клялся мне, что обморок был притворный. Он просто до смерти боялся взглянуть в лицо тому старику. А то, что старик имел сказать каждому из них, все они понимали не на словесном, а на каком-то другом уровне.

То, что привидение сказало Биллу, насколько он понял, имело отношение к его здоровью и его будущему.

— То есть? — спросил я.

— Дела мои не очень хороши, — признался он. — Мое тело чувствует себя неважно.

— Но ты хоть знаешь, в чем тут дело?

— Ну да, — сказал он безразличным тоном, — врачи мне все объяснили. Но я не собираюсь беспокоиться и даже думать об этом.

Откровения Билла оставили во мне тяжелый осадок, С этой стороны я его совершенно не знал. Я всегда считал, что он — весельчак, рубаха-парень. Никогда бы не подумал, что у него есть уязвимые места. И такой Билл мне не нравился. Побыло уже слишком поздно отступать. Наше путешествие продолжалось.

В другой раз он доверительно сообщил мне, что шаманы Юго-Запада умеют превращаться в различных существ и что деление шаманов па «медведей», «горных львов» и т. п. следует понимать не в символическом или метафорическом смысле, а в самом что ни на есть буквальном.

— Не знаю, поверишь ли ты, — заявил он самым почтительным топом, по есть шаманы, которые на самом деле становятся медведями, горными львами или орлами. Я не преувеличиваю и ничего не придумываю, когда говорю, что однажды я сам видел превращение шамана, который называл себя «Речной

Человек», «Речной Шаман» или «Пришедший с Реки, Возвращающийся к Реке». С ним я был в горах в штате Нью-Мексико. Я возил его на машине; он мне доверял. Этот шаман искал свой исток — так он говорил. Один раз мы с ним шли по берегу реки, как вдруг он стал каким-то очень возбужденным. Он велел мне скорей убегать с берега к высоким скалам, спрятаться там, накрыть голову и плечи одеялом и выглядывать в щелочку, чтобы не пропустить то, что он сейчас будет делать.

— Что же он собирался делать? — спросил я, не в силах сдержать нетерпение.

— Я не знал, — сказал Билл. — Мне оставалось только догадываться. Я н представить, себе не мог, что он собирался делать. Он просто зашел в воду, во всей одежде. Когда вода дошла ему до икр — это была широкая, но мелкая горная речка, — шаман просто исчез, растворился. Но прежде чем войти в воду, он шепнул мне на ухо, что я должен пройти вниз по течению и подождать его. Он указал мне точное место, где ждать. Я нашел это место и увидел, как шалман вышел из воды. Хотя глупо говорить, что он «вышел из воды», Я видел, как шаман превратился в воду, а затем воссоздал себя из воды. Ты можешь в это поверить? Я не мог ничего сказать по поводу этой истории. Поверить в нее было невозможно, но и не верить я тоже не мог. Вилл был слишком серьезным человеком. Напрашивалось единственное разумное объяснение: в этом путешествии он пил с каждым днем все больше. В багажнике у Билла был ящик с двадцатью четырьмя бутылками шотландского виски — для него одного. Он пил как лошадь.

— Я всегда был неравнодушен к эзотерическим превращениям шаманов, — объявил он мне в другой день. — Не скажу, что я могу объяснить эти превращения или хотя бы верю в то, что они на самом деле происходят, но в качестве интеллектуального упражнения очень интересно подумать о том, что превращение в змей и горных львов не так трудно, как то, что делал водяной шаман. В такие моменты я задействую свой разум таким образом, что перестаю быть антропологом и начинаю реагировать на то, что чую нутром. А нутром я чую, что эти шаманы определенно делают что-то такое, что невозможно научно зафиксировать и вообще обсуждать, если ты в здравом уме. Например, есть облачные шаманы, которые превращаются в облака, в туман. Я никогда этого не видел, но я знавал одного облачного шамана. Я не видел, чтобы он исчезал или превращался в туман на моих глазах, как тот, другой шаман превратился в воду. Но однажды я погнался за облачным

шалманом, и он просто исчез — в таком месте, где спрятаться просто негде. Хотя я не видел, как он превратился в облако, но он исчез! Я не могу объяснить, куда он девался. Там, где он пропал, не было ни скал, ни растительности. Я был там через полуминуты после него, но шамана уже не было.

Я гнался за этим человеком, чтобы получить информацию, — продолжал Билл. — Но он не хотел уделить мне время. Он был очень дружелюбен, но и только.

Билл рассказал мне еще массу других историй — о соперничестве и политических группировках индейцев в разных резервациях, о кровной мести, вражде, дружбе и т. д. и т. п. — все это не интересовало меня ни в малейшей степени. А вот истории о превращениях шаманов и привидениях давали мне серьезную эмоциональную встряску. Они меня одновременно и привлекали, и пугали. Но почему они меня привлекают или пугают, я не мог понять, как ни пытался. Могу только сказать, что эти шаманские истории задевали меня на каком-то неизвестном, телесном уровне, я бы даже сказал, на уровне внутренностей.

Еще во время этой поездки я понял, что индейские сообщества Юго-Запада — это действительно сообщества закрытые. И я в конце концов согласился с тем, что мне действительно нужно было пройти основательную теоретическую подготовку, что разумнее было бы заняться полевой антропологической работой атакой сфере, с которой я знаком или в которой имеется некоторая конкуренция.

Когда наша поездка закончилась, Билл отвез меня на автобусную станцию в Ногалес, штат Аризона. Оттуда мне предстояло вернуться в Лос-Анджелес. Пока мы сидели в зале ожидания, Билл по-отечески поучал меня, напоминая, что неудачи в антропологической полевой работе неизбежны, но они являются признаками приближения к цели или моего созревания как ученого.

И вдруг он наклонился ко мне и движением подбородка указал на противоположный конец зала.

— Кажется, вон тот старик, который сидит на скамейке в углу, — это и есть тот человек, о котором я тебе рассказывал, — прошептал он мне на ухо. — Я не совсем уверен, потому что я видел его перед собой, лицом к лицу, только один

раз.

— Который человек? Что ты мне о нем рассказывал? — спросил я.

— Когда мы говорили о шаманах и шаманских превращениях, я рассказал тебе, как однажды я встретил облачного шамана.

— Да-да, я помню, — сказал я. — Это и есть облачный шаман?

— Нет, — сказал Билл, — но мне кажется, что это товарищ или учитель облачного шамана. Я их обоих видел вместе много раз — правда, издалека и много лет назад.

Я вспомнил, что Билл мельком упоминал, причем не в связи с облачным шаманом, о существовании некоего таинственного старика, бывшего шамана; этот старый мизантроп из индейцев юма одно время был ужасным колдуном. 06 отношениях этого старика с облачным шаманом мой друг никогда ничего не рассказывал, но, очевидно, это был настолько важный пункт для Билла, что он был уверен — я тоже об этом знаю.

Странное беспокойство неожиданно овладело мной и заставило вскочить со скамьи. Как будто влекомый чужой волей, я подошел к старику и сразу же начал длинную тираду о том, как я много знаю о лекарственных растениях и о шаманизме индейцев равнин и их сибирских предков. Мимоходом я упомянул, что наслышан о старике как о шамане. В заключение я заверил старика, что для него было бы крайне полезно побеседовать со мной обстоятельно.

— Во всяком случае, — сказал я нетерпеливо, — мы могли бы обменяться историями. Вы расскажете мне свои, а я вам — мои.

Все это время старик не поднимал на меня глаз. И тут вдруг поднял. «Я Хуан Матус», — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

Моя тирада ни в коем случае не должна была прекращаться, но по какой-то непонятной причине я вдруг почувствовал, что мне больше нечего сказать. Хотелось только назвать свое имя. Но старик поднял руку на уровень моих губ, как бы заставляя меня молчать.

В этот момент подъехал автобус. Старик проворчал, что это тот автобус, на котором он должен ехать; затем он дружелюбно пригласил меня заглянуть как-нибудь к нему, чтобы мы могли поговорить в непринужденной обстановке и обменяться историями. Говоря это, он иронично усмехнулся уголком рта. С невероятной для человека его возраста ловкостью — ему было, как я прикинул, за восемьдесят — он в несколько прыжков покрыл пятидесятиярдовое расстояние между скамьей, где он сидел, и дверью автобуса. Автобус словно остановился специально для того, чтобы подобрать этого старика, — как только он запрыгнул, дверь закрылась и машина тронулась.

Старик уехал, а я вернулся к скамейке, где сидел Билл. — Что он сказал, что он сказал? — спрашивал он возбужденно.

— Чтобы я заглянул к нему домой, — ответил я. — И даже сказал, что мы там сможем поговорить.

— Он пригласил тебя к себе домой? Что же ты ему такого сказал? — приставал Билл.

Я похвастался Биллу, что во мне погиб торговый агент, и рассказал, как я пообещал старику поделиться с ним своей богатой информацией о лекарственных растениях.

Билл явно не поверил ни одному моему слову. Он обвинил меня в том, что я что-то утаиваю от него.

— Я знаю, что за люди здесь живут, — заявил он воинственно, — а этот старик — особенно странный тип. Он не разговаривает ни с кем, в том числе и с индейцами. С какой бы стати ему разговаривать с тобой, чужаком? Был бы ты хоть умный!

Было очевидно, что мой друг рассердился на меня, хотя я и не мог понять за что. Я не смел попросить у него объяснений. У меня возникло впечатление, что он ревнует меня к этому старику. Возможно, я добился успеха там, где он в свое время потерпел поражение. Как бы то ни было, мой случайный успех ничего не значил для меня. Если не считать кратких замечаний Билла, я не имел ни малейшего понятия о том, как трудно было сойтись с этим стариком.

Да и ничего особо примечательного в нашем разговоре я в то время не обнаружил. И меня удивляло, что Билл так расстраивается по этому поводу.

— А ты знаешь, где он живет? — спросил я его.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил он сухо. — Местные люди говорили, что он не живет вообще нигде, просто появляется неожиданно то здесь, то там, но все это, конечно, чушь собачья. Наверное, живет в какой-нибудь развалюхе в мексиканском Ногалесе.

— Чем же он такой важный? — спросил я.

Задав этот вопрос, я смог набраться храбрости и добавить:

— По-моему, ты расстроен из-за того, что он разговаривают со мной. Почему?

Билл с безразличным видом признал, что он был раздосадован, потому что, по его сведениям, даже пытаться заговорить с этим человеком было бесполезно.

— Этот старик — редкий грубиян, — добавил Билл. — В лучшем случае, ты к нему обращаешься, а он на тебя только смотрит и слова не скажет. А в другой раз и взглядом не удостоит; просто не обращает на тебя внимания, словно ты пустое место. Я один-единственный раз попытался заговорить с ним, и он меня очень грубо оборвал. Знаешь, что он мне сказал? «На твоем месте я бы не тратил энергию на открывание рта. Береги ее. Она тебе нужна». Не был бы он такой старой галошей, я бы врезал ему по носу.

Я заметил, что называть этого человека «стариком» было бы не совсем корректно. На самом деле он не выглядел таким уж старым, хотя лет ему, безусловно, было много. Он невероятно подвижен и крепок. Про себя же я подумал, что Билл оказался бы в жалком положении, если бы вздумал врезать такому «старику» по носу. Старый индеец был силен. Можно даже сказать, он внушал страх.

Но этого я вслух не сказал. Билл продолжал разглагольствовать о том, как ненавистен ему этот гадкий старикашка и что бы он со старикашкой сделал, если бы тот не был таким тщедушным.

— Как ты думаешь, кто бы мог мне подсказать его адрес? — спросил я.

— Возможно, кое-кто в Юме, — ответил он, понемногу успокаиваясь. — Может быть, те люди, с которыми я тебя познакомил в начале нашей поездки. Ты ничего не потеряешь, если порасспросишь их. Можешь сказать, что это я тебя к ним направил.

Итак, мои планы изменились. Вместо того чтобы вернуться в Лос-Анджелес, я отправился в Юму, штат Аризона. Встретился с людьми, с которыми меня познакомил Билл. Они не знали, где живет тот старый индеец, но их отзывы о нем еще больше возбудили мое любопытство. Мне сказали, что он не из Юмы, а из мексиканского штата Сонора и что в молодости он был внушающим ужас магом, творил заклинания и налагал чары на людей, но, постарев, превратился в отшельника-аскета. Хотя он был индейцем яки, одно время его видели с группой мексиканцев, которые, судя по всему, хорошо разбирались в колдовстве. Все информаторы Билла утверждали, что уже много лет никто из той компании в окрестностях Юмы не появлялся. Один из информаторов добавил, что этот старик был сверстником его дедушки. Но дедушка был уже дряхл и прикован к постели, а маг с годами, казалось, лишь набирался сил. Этот же рассказчик порекомендовал мне обратиться к неким людям в Эрмосильо, столице Соноры, которые могли знать старика и рассказать мне о нем больше. Перспектива поездки еще и в Мексику меня не очень-то радовала. Сонора находилась слишком далеко от сферы моих интересов. Кроме того, я рассудил, что лучше все-таки и впрямь заняться городской антропологией, и вернулся в Лос-Анджелес. Перед отъездом в Калифорнию я, правда, прочесал окрестности Юмы, повсюду расспрашивая о старике. Но больше никто не знал о нем ничего.

В автобусе на пути в Лос-Анджелес мной владели смешанные ощущения. С одной стороны, я чувствовал себя полностью излечившимся от всяких помрачений, связанных с полевой работой и стариком-индейцем. С другой стороны, меня мучила странная ностальгия. Такого со мной раньше никогда не бывало. Новизна ощущения поразила меня до глубины души. Это была смесь беспокойства и тоски, как будто мне не хватало чего-то крайне важного. По мере того как я приближался к Лос-Анджелесу, все, что воздействовало на меня в Юме, постепенно начало уходить на задний план. Но от этого моя тоска лишь усиливалась.

2. Намерение бесконечности

Я хотел бы, чтобы ты не спеша обдумал каждую подробность того, что случилось между тобой и теми двумя людьми, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, которые на самом деле привели тебя ко мне, — сказал дон Хуан. — Потом расскажи мне все, что вспомнишь.

Его просьба оказалась для меня очень сложной, и все же мне даже понравилось вспоминать то, что рассказывали эти двое. Дон Хуан хотел услышать все подробности, и это заставило меня предельно напрягать свою память.

История, которую заставил меня вспомнить дон Хуан, началась в городке Гуаймас мексиканского штата Сонора. В Юме, штат Аризона, мне дали имена и адреса тех людей, которые, как мне сказали, могут пролить свет на загадку старика, встреченного на автобусной остановке. Но люди, которых я навестил, не только не знали никакого старого шамана, но и вообще сомневались, что такой человек существует. Впрочем, все они рассказывали множество жутких историй о шаманах из племени яки и воинственном духе всех представителей этого племени. Однако они намекнули, что, возможно, я смогу найти кое-кого, кто укажет мне верное направление, в Викаме — железнодорожном поселке между городами Гуаймас и Сьюдад-Обрегон.

— Можете ли вы порекомендовать конкретного человека? — спросил я.

— Лучше всего будет поговорить с инспектором государственного банка, — предположил один из моих собеседников. — В этом банке много инспекторов. Им известно все о местных индейцах, так как банк является государственным учреждением, скупающим их урожаи, а каждый индеец яки — фермер: он владеет участком земли и может считать его своей собственностью, пока обрабатывает его.

— Вы знакомы с каким-нибудь инспектором? — спросил я.

Все переглянулись и посмотрели на меня с извиняющимися улыбками. Они не знали ни одного инспектора, но настоятельно советовали мне найти любого из них и рассказать ему о своей проблеме.

Мои попытки познакомиться с инспекторами государственного банка на станции Викам обернулись полной неудачей. Я встретился с тремя из них, но, как только рассказывал, чего от них хочу, они начинали смотреть на меня с нескрываемой подозрительностью. Они немедленно решали, что я — шпион янки, подосланный для того, чтобы затеять какието неприятности. Хотя инспекторы не могли точно определить, какие именно, но высказывали самые дикие предположения — от политической пропаганды до промышленного шпионажа. Все вокруг без всяких на то оснований верили, что в недрах земель племени яки есть залежи меди н янки пытаются завладеть ими.

После провала всех моих попыток я вернулся в Гуаймас и остановился в гостинице неподалеку от одного знаменитого ресторана, куда ходил трижды в день. Кухня там была великолепной. Мне она так понравилась, что я остался в Гуаймас еще на неделю. Фактически, я чуть ли не жил в этом ресторане и благодаря этому хорошо познакомился с его владельцем, сеньором Рейесом.

Однажды во время обеда мистер Рейес подвел к моему столику какого-то человека, которого представил как Хорхе Кампоса, чистокровного индейца яки и предпринимателя; в молодости он жил в Аризоне, прекрасно говорил по-английски и был американцем больше, чем любой другой американец. Мистер Рейес восхвалял его как настоящий образец того, как упорный труд и настойчивость способны превратить человека в исключительную личность.

Мистер Рейес оставил нас наедине, а Хорхе Кампос присел за столик и немедленно перешел к делу. Он старался вести себя скромно и отрицал похвалы, только что прозвучавшие в его адрес, но было совершенно ясно, что на самом деле он чрезвычайно польщен словами мистера Рейеса. С первого взгляда у меня возникло четкое впечатление, что Хорхе Кампос относится к тем предпринимателям, каких можно встретить в баре или на оживленном углу главной улицы — они продают идеи или просто пытаются найти хитроумный способ избавить людей от их сбережений.

У мистера Кампоса была очень приятная внешность — около шести футов ростом, стройный, с импозантным брюшком, выдающим любителя крепких напитков. У него было очень смуглое лицо с легким налетом бледности. На нем были дорогие джинсы и лакированные ковбойские ботинки с острыми носками и угловатыми задниками, словно ему часто приходилось упираться в землю, чтобы остановить пойманного петлей лассо бычка.

Помимо этого, на нем была безупречно выглаженная серая рубашка из шотландки; из правого кармана выглядывал пластиковый чехол с целым набором ручек. Мне доводилось видеть такие карманные чехлы у конторских служащих, не желавших испачкать чернилами карманы своих рубашек. Наряд Кампоса довершали довольно дорогая на вид, отделанная бахромой красновато-коричневая замшевая куртка и высокая шляпа техасского ковбоя. Его круглое лицо было бесстрастным. Морщин на нем не было, хотя на вид Кампосу было уже за пятьдесят. По какой-то неясной причине я решил, что этот человек опасен.

— Очень приятно познакомиться с вами, мистер Кампос, — сказал я, протягивая ему руку.

— Давай покончим с формальностями, — ответил он, энергично пожимая мою руку. — Мне нравится держаться с молодыми людьми на равных, несмотря на разницу в возрасте. Зови меня просто Хорхе.

Он на мгновение умолк — без сомнения, для того, чтобы понаблюдать за моей реакцией. Я не знал, что ответить. Мне совершенно не хотелось шутить с ним, но в то же время я не мог воспринимать его всерьез.

— Любопытно, что привело тебя в Гуаймас? — непринужденно продолжал он. — На туриста ты не похож, да и глубоководная морская рыбалка вряд ли тебя привлекает.

— Я изучаю антропологию, — ответил я, — и пытаюсь сойтись с местными индейцами, чтобы провести полевые исследования.

— А я деловой человек, — откликнулся он. — Мой бизнес заключается в снабжении информацией, в посредничестве. У тебя есть потребность, у меня — товар. Но я беру плату за свои услуги и при этом гарантирую качество. Если

ты останешься недоволен, платить не придется.

— Если ваш бизнес заключается в продаже информации, — сказал я, — то я с удовольствием заплачу, какую бы цену вы ни назначили.

— Ага! — воскликнул он. — Тебе явно нужен проводник — кое-кто более образованный, чем обычный здешний индеец яки, кто познакомил бы тебя с окрестностями. Получил дотацию на исследования у правительства Соединенных Штатов или у какой-то крупной организации?

— Да, — солгал я. — Дотацию выделил Эзотерический Фонд Лос-Анджелеса.

Как только я произнес это, в его глазах промелькнул жадный блеск.

— Ага! — снова воскликнул он. — Это крупная организация?

— Довольно большая, — подтвердил я.

— Господи! Что, правда? — переспросил он, будто мои слова были тем объяснением, которое он желал услышать. — Могу ли я спросить, если, конечно, ты не против, — насколько велика эта дотация? Сколько они тебе дали?

— Несколько тысяч долларов для предварительных полевых изысканий, — опять соврал я, чтобы увидеть, как он отреагирует.

— Ага! Я люблю откровенных людей, — сказал он, смакуя каждое свое слово. — Я думаю, мы с тобой достигнем взаимопонимания. Я предлагаю тебе услуги в качестве проводника и готов послужить тем ключом, что отворит перед тобой множество тайных дверей племени яки. Как ты мог заметить по моему внешнему виду, я обладаю определенным вкусом и средствами.

— О да, у вас явно хороший вкус, — подтвердил я.

— Я имею в виду, — продолжал он, — что за небольшое вознаграждение, которое ты сочтешь вполне разумным, я приведу тебя к нужным людям — к людям, которым ты сможешь задать любые вопросы. За незначительную дополнительную плату я слово в слово переведу для тебя их ответы на

испанский или английский. Еще я говорю на французском и немецком, но что-то подсказывает мне, что эти языки тебя не интересуют.

— Вы правы. Вы совершенно правы, — сказал я. — Эти языки меня совершенно не интересуют. Сколько же вы хотите в качестве вознаграждения?

Он вынул из внутреннего кармана обтянутый кожей блокнот, помахал им перед моим носом, нацарапал в нем какие-то беглые пометки, снова махнул им, закрывая, и изящным и быстрым движением сунул в карман. Я был уверен, что он хотел продемонстрировать мне, насколько ловко и споро управляется с вычислениями.

— Так! Мое вознаграждение! Я возьму с тебя пятьдесят долларов в день, не считая транспортных расходов и питания. Это значит, что, когда будешь кушать ты, кушать буду и я. Что скажешь?

В этот момент он подался ко мне и почти шепотом сообщил, что нам следует перейти на английский, потому что он не хочет, чтобы окружающие узнали о характере нашей сделки. После этого он начал говорить со мной на каком-то языке, но это был вовсе не английский. Я совершенно растерялся и не знал, как мне реагировать. От вида человека, несущего какую-то тарабарщину с совершенно естественным выражением лица, я нервно задрожал. Но он вел себя совершенно спокойно, сопровождая слова оживленными жестами и указывая то на одно, то на другое, будто объяснял мне что-то. Мне показалось, что это не был какой-то из перечисленных им языков; возможно, он говорил на языке яки. Когда мимо нашего стола проходили люди, я кивал головой и произносил: «Да, да, конечно». Один раз я сказал: «Вы не могли бы повторить еще раз?» — это прозвучало так смешно, что я расхохотался до рези в животе. Он тоже от души рассмеялся, словно я рассказал невероятную шутку.

Должно быть, он заметил, что я совершенно сбит с толку, так как, прежде чем я успел сказать ему, что ничего не понимаю, он вновь перешел на испанский.

— Не хотелось бы утомлять тебя своими глупыми наблюдениями, — сказал он, — но, если я стану твоим проводником, — а мне кажется, я им стану, — нам придется проводить за разговорами долгие часы. Только что я проверял тебя, пытаясь определить, хороший ли ты собеседник. Раз мне суждено

продолжительное время быть рядом с тобой, пока ты ведешь машину, я хочу убедиться, что ты умеешь слушать и поддерживать беседу. Рад сообщить, что ты искусен и в том, и в другом.

Он поднялся, пожал мне руку и ушел. Словно по сигналу, к столику подошел владелец ресторана; он улыбался и покачивал головой из стороны в сторону, как медвежонок.

— Он замечательный парень, правда? — поинтересовался мистер Рейес.

Мне не хотелось добавлять что бы то ни было к этому заявлению, так что мистер Рейес по собственной воле поведал мне, что в данный момент Хорхе Кампос выступает в роли посредника в одной чрезвычайно деликатной и выгодной сделке. Он добавил, что некие горнодобывающие компании Соединенных Штатов заинтересованы в разработке залежей железа и меди в землях индейцев яки и на этом Хорхе Кампос собирается заработать около пяти миллионов долларов. Теперь я наверняка знал, что Хорхе Кампос — мошенник: в земле, которой владели индейцы яки, не было ни железа, ни меди. Будь там полезные ископаемые, частные предприятия давным-давно вытеснили бы индейцев с этой земли и поселили бы где-то в другом месте.

— Он действительно замечательный, — сказал я. — Самый удивительный человек из всех, кого я встречал. Как я могу снова найти его?

— Не беспокойтесь об этом, — заверил меня мистер Рейес. — Хорхе уже расспросил меня о вас. Он наблюдал за вами с того самого момента, когда вы здесь появились. Думаю, сегодня вечером или завтра он сам постучит в вашу дверь.

Мистер Рейес был прав. Пару часов спустя, когда я прилег вздремнуть после обеда, меня разбудили. Я собирался покинуть Гуаймас ранним вечером и за ночь добраться до Калифорнии. Разбудил меня Хорхе Кампос. Я объяснил ему, что уезжаю, но вернусь сюда примерно через месяц.

— Ага! Но ты должен остаться, ведь я согласился стать твоим проводником, — сказал он.

— Мне очень жаль, но с этим придется подождать. Сейчас у меня очень мало

времени, — ответил я.

Я знал, что Хорхе Кампос — плут, и все же решил рассказать ему, что у меня уже есть источник информации, пожелавший поработать на меня, и что я познакомился с ним в Аризоне. Я описал ему старика и сказал, что его зовут Хуан Матус, а другие люди говорили о нем как о шамане. Хорхе Кампос широко улыбнулся в ответ. Я спросил, знаком ли он с этим стариком.

— О да, я его знаю, — весело подтвердил он. — Можно даже сказать, что мы хорошие приятели. — Не дожидаясь приглашения, Хорхе Кампос вошел в комнату и присел за столик возле балкона.

— Он живет где-то рядом? — спросил я.

— Конечно, — уверенно сказал Хорхе.

— Вы можете проводить меня к нему?

— Почему бы и нет, — ответил он. — Мне понадобится пара дней, чтобы навести кое-какие справки — просто убедиться, что сейчас он здесь. Потом мы сможем навестить его.

Я понимал, что он лжет, и все же мне хотелось в это поверить. Я даже подумал, что мое первоначальное недоверие было совершенно необоснованным: в этот миг он, казалось, был вполне искренним.

— Однако, — продолжал он, — я запрошу с тебя плату за то, что приведу к этому человеку. Мой гонорар составит двести долларов.

Эта сумма превышала все, что было в моем распоряжении. Я вежливо отказался и заявил, что у меня нет таких денег.

— Мне не хотелось бы выглядеть торгашом, — сказал он, расплываясь в обаятельной улыбке, — но скажи тогда, сколько ты можешь себе позволить? Учти, что мне придется потратиться на взятки. Индейцы яки очень замкнуты, но определенные способы всегда существуют. Любые двери открываются одним золотым ключиком — деньгами.

Несмотря на все мои дурные предчувствия, я был убежден в том, что Хорхе Кампос вхож не только в мир индейцев яки, но и в дом того старика, что так меня заинтриговал. Мне не хотелось торговаться, н я испытал легкий стыд, предложив ему лежащие в моем кармане пятьдесят долларов.

— Я уже собирался уезжать, — сказал я, будто извиняясь, — так что с деньгами у меня туговато. Осталось только пятьдесят долларов.

Хорхе Кампос вытянул длинные ноги под столом, скрестил руки за головой и сдвинул шляпу на лоб.

— Я возьму эти пятьдесят долларов и твои часы, — без тени смущения заявил он. — Но за эту плату я отведу тебя только к младшему шаману. Не волнуйся! — предупредил он, словно я уже начал протестовать. — По этой лестнице следует подниматься осторожно — с нижней ступеньки до самого этого человека, который, смею тебя заверить, занимает чрезвычайно высокое положение.

— Когда же встретимся с этим младшим шаманом? — спросил я, протягивая ему деньги и часы.

— Прямо сейчас! — воскликнул он, выпрямился и нетерпеливо схватил часы и деньги. — Пойдем! Не будем терять ни минуты!

Мы уселись в машину, и он сообщил, что мы направляемся в город Потам — один из старинных центров племени яки на берегу реки Яки. Пока мы ехали, он рассказал, что познакомит меня с Лукасом Коронадо — человеком, известным своим колдовским искусством, шаманистскими трансами и великолепными масками, которые он делает для праздников яки на Великий Пост.

Затем разговор перешел на тему о старике, и слова Хорхе полностью противоречили всему, что говорили о нем другие. Хотя его описывали как отшельника и шамана в отставке, Хорхе Кампос изобразил старика самым выдающимся целителем и колдуном в этом районе — человеком, слава которого превратила его в совершенно недосягаемую личность. Хорхе сделал театральную паузу, а потом нанес свой последний удар: он сказал, что непринужденный разговор со стариком — тот вид беседы, к какому стремятся

все антропологи, — обойдется мне по меньшей мере в две тысячи долларов.

Я собирался было возмутиться таким резким скачком цены, но Хорхе опередил меня:

— За двести долларов я мог бы просто провести тебя к нему, — сказал он. — Но из них у меня осталось бы не больше тридцати долларов — все остальное ушло бы на взятки. Однако продолжительный разговор с ним стоит намного дороже. Подумай сам: у него куча телохранителей, людей, что его оберегают. Мне нужно уговорить их и дать что-то каждому.

— В конце концов, — закончил он, — я могу представить тебе полный отчет с квитанциями и всем прочим, что нужно для твоей налоговой декларации. Тогда ты поймешь, что мои комиссионные за организацию всего дела совершенно незначительны.

Я испытал прилив восхищения этим человеком. Он предусмотрел все, даже квитанции о налогах с дохода. Какое-то время он молчал, будто подсчитывал свою незначительную прибыль. Мне тоже нечего было сказать: я сам занялся занялся подсчетами, пытаясь придумать способ найти две тысячи долларов. Я даже подумал о том, чтобы действительно подать просьбу о дотации.

— Вы уверены, что старик захочет говорить со мной? — спросил я.

— Разумеется, — заверил Хорхе. — Он не только поговорит с тобой, но и покажет какое-нибудь колдовство, если, конечно, ты ему заплатишь. И вы сможете договориться о том, сколько ты будешь платить за дальнейшие уроки. — Хорхе Кампос опять ненадолго умолк, пристально глядя мне в глаза. — Так что, сможешь заплатить две тысячи? — спросил он таким нарочито равнодушным тоном, что я вновь мгновенно осознал, что он мошенник.

— О да, это вполне приемлемая сумма, — успокаивающе соврал я.

Он не мог скрыть своего ликования.

— Молодец! Молодец! — одобрительно воскликнул он. — Вот и договорились!

Я попытался задать ему еще несколько общих вопросов о старике, но он

бесцеремонно прервал меня:

— Спросишь у самого старика. Он будет в твоем полном распоряжении, — с улыбкой пообещал Хорхе.

Он принялся рассказывать мне о своей жизни в Соединенных Штатах и деловой карьере. Поскольку я уже отнес его к категории жуликов, не знающих ни единого английского слова, он вдруг перешел на английский, что привело меня в полное замешательство.

— Так вы говорите по-английски! — воскликнул я, даже не пытаясь скрыть свое изумление.

— Ну разумеется, мой мальчик, — ответил он с техасским акцентом, которому подражал на протяжении всего нашего разговора. — Я ведь говорил, что хотел испытать тебя, проверить, насколько ты находчивый. И следует признать, что ты весьма сообразителен.

Он великолепно говорил на английском и принялся развлекать меня всякими шутками и историями. Мне показалось, что мы добрались до Потама почти мгновенно. Мы подъехали к дому на окраине города и вышли из машины. Хорхе шел впереди, громко выкрикивая имя Лукаса Коронадо.

Откуда-то из глубины дома раздался голос:

— Сюда.

В задней комнате лачуги, прямо на расстеленной на полу козьей шкуре сидел человек. Держа в руках резец и деревянный молоток, он возился с куском дерева, зажав его голыми ступнями. Удерживая его на месте ногами, человек управлял им, словно огромным вращающимся колесом гончара. Ступни ловко вращали дерево, а руки тем временем обтачивали его резцом. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Он делал маску, выдалбливая в ней углубления искривленным резцом. Непринужденность, с какой он удерживал деревяшку ногами и поворачивал ее, была совершенно замечательной.

Человек был очень худым: вытянутое лицо с резкими чертами, высокие скулы и темная, почти медного цвета кожа. Кожа на лице и шее была так натянута,

что казалось, вот-вот лопнет. Он носил тонкие обвисшие усы, которые придавали его угловатому лицу зловещее выражение. У него был орлиный нос с очень тонкой переносицей и свирепые черные глаза. Совершенно черные брови выглядели так, будто были нарисованы карандашом, — как и блестящие черные волосы, зачесанные назад. Мне никогда еще не доводилось видеть такого неприятного лица. При взгляде на него в голову приходил образ итальянского отравителя эпохи Медичи. После внимательного изучения лица Лукаса Коронадо я решил, что самыми подходящими для него будут слова «свирепый» и «угрюмый».

Я заметил, что ноги у него были такими длинными, что, хотя он сидел на полу и сжимал ногами кусок дерева, колени доходили до самых плеч. Когда мы подошли ближе, он прервал работу и поднялся. Лукас был худым как вешалка и еще выше ростом, чем Хорхе Кампос. Он тут же надел свои гуарачес — как мне показалось, в знак уважения к нам.

— Входите, входите, — без улыбки сказал он. У меня возникло странное ощущение, что Лукас Коронадо вообще не умеет улыбаться. — Что стало причиной такого приятного визита? — спросил он у Хорхе Кампоса.

— Я привел этого молодого человека. Он хочет задать пару вопросов о твоем искусстве, — покровительственным тоном сообщил Хорхе Кампос. — Я поклялся, что ты ответишь на его вопросы совершенно правдиво.

— Ну конечно, конечно, — заверил Лукас Коронадо, окинув меня с ног до головы равнодушным взглядом.

Он перешел на другой язык — я решил, что это язык племени яки. Лукас и Хорхе погрузились в оживленный разговор, и говорили так довольно долго. При этом оба вели себя так, словно я вообще не существовал.

— Есть одна проблема, — наконец сказал мне Хорхе Кампос. — Лукас только что сообщил мне, что сейчас у него очень напряженное время, так как приближаются праздники. Поэтому сегодня он не сможет ответить на все твои вопросы, но обязательно сделает это в другой раз.

— Да, да, конечно, — подтвердил Лукас Коронадо на испанском. — В другой раз — обязательно. В другой раз.

— Нам придется уйти, — сказал Хорхе Кампос, — но я непременно приведу тебя к нему позже.

Когда мы уходили, я почувствовал желание высказать Лукасу Коронадо свое восхищение его изумительным мастерством одновременной работы руками и ногами. Он взглянул на меня так, будто я сумасшедший, а глаза его расширились от удивления.

— Ты что, никогда не видел, как делают маску? — процедил он сквозь сжатые зубы. — Ты откуда свалился? С Марса?

Я почувствовал себя идиотом и попытался объяснить, что для меня этот способ является совершенно новым. Мне показалось, что сейчас он ударит меня по голове. Хорхе Кампос на английском сказал мне, что своим замечанием я очень обидел Лукаса Коронадо. Он воспринял мою похвалу как скрытую попытку посмеяться над его бедностью. Для него мои слова стали ироничным указанием на то, каким нищим и беспомощным он стал.

— Все совсем наоборот! — заявил я. — Я считаю, что он великолепен.

— Не вздумай говорить ему что-то подобное, — резко возразил Хорхе Кампос. — Эти люди привыкли воспринимать и высказывать оскорбления в самой тонкой форме. Он считает очень странным, что ты пренебрежительно отзываешься о нем, хотя совсем его не знаешь, и к тому же смеешься над тем, что он не может позволить себе купить верстак для работы с деревом.

Я был совершенно растерян. Мне меньше всего хотелось портить отношения со своим единственным возможным выходом на старика. Судя по всему, Хорхе Кампос прекрасно понимал мою досаду.

— Купи у него какую-нибудь маску, — посоветовал он. Я ответил ему, что денег у меня едва хватит на то, чтобы заправить машину и купить еду, и что я собираюсь добраться до Лос-Анджелеса одним махом, без остановок.

— Тогда дай ему свою кожаную куртку, — как нечто само собой разумеющееся сказал Хорхе, хотя и произнес это доверительным, значительным тоном. — Иначе ты разозлишь его и тогда запомнишься ему только нанесенным

оскорблением. Не стоит говорить ему, что его маски хороши. Просто купи одну.

Когда я сказал Лукасу Коронадо, что хочу обменять свою кожаную куртку на одну из его масок, он удовлетворенно осклабился, взял куртку и тут же надел ее. Он пошел к дому, но, прежде чем войти, сделал какое-то странное круговое движение, опустился на колени перед чем-то вроде алтаря. Он двигал руками, словно вытягивал их, а потом потер ладонями края куртки.

Он вошел в дом, вынес оттуда обернутый газетами сверток и передал его мне. Я хотел задать ему несколько вопросов, но он извинился и сказал, что у него много работы, однако добавил, что если я захочу, то могу вернуться в другой раз.

На обратном пути в Гуаймас Хорхе Кампос попросил меня развернуть сверток. Он хотел убедиться, что Лукас Коронадо не обманул меня. Мне не хотелось проверять, что в свертке, — я был целиком занят мыслью о том, чтобы вернуться к Лукасу в одиночестве и поговорить с ним. Я пребывал в приподнятом настроении.

— Я должен увидеть, что он тебе дал, — настаивал Хорхе Кампос. — Пожалуйста, останови машину. Не существует таких причин или обстоятельств, что позволили бы мне подвергать своих клиентов опасности. Ты заплатил мне за определенные услуги. Этот человек — искусный шаман, и потому он очень опасен. Так как ты оскорбил его, он мог дать тебе заколдованный сверток. В этом случае нам придется быстро закопать его прямо здесь.

Я испытал прилив тошноты и остановил машину. С предельной осторожностью я вынул сверток, но Хорхе Кампос выхватил его из моих рук и развернул. В нем лежали три великолепные традиционные маски племени яки. Хорхе Кампос обыденным, ничуть не заинтересованным тоном заметил, что было бы вполне естественно, если бы я подарил ему одну из них. Я рассудил, что мне следует поддерживать с ним хорошие отношения, пока он не отвел меня к старику, и потому с готовностью вручил ему одну маску.

— Если ты позволишь мне выбрать, я бы предпочел вот эту, — показал он.

Я позволил. Маски ничего для меня не значили, ведь моя цель заключалась в

другом. Я бы отдал ему и две оставшиеся, но мне хотелось показать их своим друзьям-антропологам.

— В этих масках нет ничего необычного, — объявил Хорхе Кампос. — Такие можно купить в любой лавке в городе. Они продаются для туристов.

Я видел маски племени яки в городских магазинах. По сравнению с этими они были грубыми поделками. К тому же, Хорхе Кампос действительно выбрал самую лучшую.

Я оставил его в городе и направился в Лос-Анджелес. Прежде чем попрощаться, он напомнил мне, что я фактически уже должен ему две тысячи долларов, так как он собирается немедленно начать раздавать взятки и готовить мою встречу с той большой шишкой.

— Так что, ты точно сможешь привезти две тысячи в следующий раз, когда приедешь? — нагло спросил он.

Его вопрос поставил меня в ужасное положение. Я был уверен, что он потеряет интерес ко мне, как только я честно признаюсь ему, что сомневаюсь в этом. И я был убежден, что, несмотря на его очевидную жадность, он все же сможет стать моим проводником.

— Я изо всех сил постараюсь найти деньги, — уклончиво ответил я.

— Тебе нужно сделать кое-что большее, — резко, почти зло возразил он. — Я собираюсь тратить собственные деньги, устраиваю эту встречу и должен получить от тебя какиенибудь гарантии. Мне известно, что ты очень серьезный молодой человек. Сколько стоит твоя машина? Может быть, тебе уже выдали уведомление об увольнении?

Я сказал ему, сколько стоит моя машина, и отверг предположение об увольнении, но он удовлетворился лишь после того, как я дал ему слово, что в следующий раз привезу с собой всю сумму наличными.

Пять месяцев спустя я вернулся в Гуаймас, чтобы повидаться с Хорхе Кампосом. В то время две тысячи были значительной суммой, особенно для студента. Я решил, что, если он согласится на выплаты по частям, я с

удовольствием уплачу ему ту сумму, о какой мы договорились.

Я не смог найти Хорхе Кампоса. Я обращался к владельцу ресторана, но он был озадачен отсутствием Хорхе не меньше меня.

— Он просто исчез, — сказал мистер Рейсе. — Я думаю, вернулся в Аризону или в Техас, туда, где у него дела.

Я воспользовался этим случаем и в одиночестве отправился к Лукасу Коронадо. Но, подъехав к его дому около полудня, я не застал и его. Я обращался с вопросами о том, где он может быть, к его соседям, но те воинственно рассматривали меня и не удостоили даже словом. Я уехал, но вновь вернулся к его дому к вечеру, впрочем, без особых надежд. На самом деле я уже собирался домой, в Лос-Анджелес. К моему удивлению, Лукас Коронадо не только оказался дома, но и вел себя очень дружелюбно. Он откровенно одобрил то, что я приехал без «этой занозы в заднице» Хорхе Кампоса и пожаловался, что Хорхе Кампос, которого он называл изменником племени яки, получает удовольствие, когда использует своих соплеменников. Я вручил Лукасу Коронадо подарки, привезенные специально для него, и купил у него три маски, посох с изысканной резьбой и пару постукивающих краг, сделанных из коконов каких-то пустынных насекомых, — индейцы яки используют эти краги в своих традиционных танцах. Затем я пригласил его поужинать в Гуаймас.

Я виделся с ним ежедневно в течение тех пяти дней, что провел в этом районе, и он обеспечил меня нескончаемым потоком информации о племени яки, их истории и общественной организации, а также о значении и характере их праздников. Эти полевые исследования доставляли мне такое удовольствие, что мне даже не хотелось спрашивать, известно ли ему что-то о старом шамане. Преодолевая эту неохоту, я все же спросил Лукаса Коронадо, знаком ли он с тем стариком, который, по уверениям Хорхе Кампоса, был выдающимся шаманом. Казалось, мой вопрос поставил Лукаса в тупик. Он заверил меня, что, насколько ему известно, в этой части страны никогда не существовало подобного человека, а Хорхе Кампос — просто мошенник, пытавшийся выманить у меня деньги.

То, что Лукас Коронадо отрицает существование этого старика, стало для меня неожиданным и жестоким ударом. В этот миг я с полной очевидностью понял,

что полевые изыскания меня ничуть не заботят. Единственным, что меня волновало, были поиски этого старика. Я понял, что встреча со старым шаманом действительно была неким переломным моментом, никак не связанным с моими желаниями, стремлениями и даже соображениями как антрополога.

Теперь мне еще сильнее хотелось узнать, кем, черт возьми, был тот старик. Совершенно не владея собой, я начал громко вопить от досады и топать ногами по полу. Лукас Коронадо был совершенно изумлен моим поведением. Он удивленно уставился на меня, а затем рассмеялся. Я не имел никакого представления о том, над чем он смеется, и извинился за свою вспышку гнева и огорчения, хотя не мог объяснить ему причины своей подавленности. Судя по всему, Лукас Коронадо понял мое затруднительное положение.

— В этих местах такое случается, — сказал он.

Я не понимал, что он имеет в виду, но не хотел просить объяснений. Я был смертельно напуган той легкостью, с какой он отнесся к этому оскорблению. Характерной чертой индейцев яки является их обидчивость. Кажется, что они всегда так и выискивают обиду, которая оказалась настолько тонкой, что ее не заметили.

— В окрестных горах обитают магические существа, — продолжал он, — и они способны влиять на людей. Они заставляют людей сходить с ума. Под их влиянием люди начинают шуметь и нести всякую чушь, но, когда наконец утихают от истощения, никак не могут взять в толк, почему они вели себя так.

— Думаете, со мной произошло что-то подобное? — спросил я.

— Наверняка, — с полной убежденностью ответил он. — Я уже подозревал в тебе предрасположенность сходить с ума по пустячному поводу, но ты всегда был сдержан. Сегодня ты не был сдержан. Ты разъярился из-за чепухи.

— Это не чепуха, — возразил я. — До сих пор я не понимал этого, но основной побудительной причиной всех моих поисков был этот старик.

Лукас Коронадо помолчал, словно погрузился в глубокие раздумья, а затем принялся ходить взад-вперед.

— Может быть, вы знаете похожего старика не из этих мест? — спросил я.

Он не понял моего вопроса. Мне пришлось объяснить, что, возможно, тот старый индеец похож на Хорхе Кампоса — то есть это индеец яки, который не живет на землях своего племени. Лукас Коронадо объяснил, что фамилия Матус вполне обычна для этих мест, но он не знает ни одного Матуса по имени Хуан. Затем его будто осенило, и он заявил, что, раз этот человек стар, у него может быть и другое имя и что он мог представиться вымышленным, а не настоящим именем.

— Единственный известный мне старик — отец Игнасио Флореса, — продолжал он. — Он время от времени навещает сына, но приезжает из Мехико. Подумать только, он — отец Игнасио, но ведь он не такой старый. И все же он старый, потому что Игнасио старый. Хотя его отец выглядит моложе.

Он от всей души рассмеялся. Очевидно, он никогда раньше не задумывался о моложавом виде того старика. Лукас продолжал качать головой, словно не веря в свое открытие. Я, напротив, испытал новый прилив надежды.

— Это он! — завопил я, сам не понимая, почему так уверен в этом.

Лукас Коронадо не знал, где именно живет Игнасио Флорес, но оказался настолько любезен, что поехал вместе со мной в ближайший городок племени яки и все выяснил.

Игнасио Флорес оказался крупным и дородным мужчиной, возраст которого давно перевалил за шестьдесят. Лукас Коронадо предупредил меня, что в молодости этот здоровяк был солдатом и до сих пор сохранил повадки военного. У Игнасио Флореса были огромные усы — в сочетании с его свирепым взглядом он показался мне настоящим олицетворением жестокого вояки. Кожа у него была смуглая, а волосы, несмотря на возраст, — блестящими и черными. Сильный и резкий голос, казалось, был предназначен только для того, чтобы отдавать приказы. Я предположил, что он был кавалеристом — он ходил так, словно на ногах у него попрежнему болтались шпоры, и по какой-то странной, непостижимой причине я даже слышал звон шпор, наблюдая за его шагами.

Лукас Коронадо представил меня и сказал, что я приехал из Аризоны, чтобы повидаться с его отцом, с которым познакомился в Ногалесе. Казалось, Игнасио Флорес совсем не удивился.

— О да, — ответил он. — Мой отец много путешествует. — Без каких-либо дальнейших вступлений он сразу рассказал нам, где мы можем найти его отца. Сам он с нами не пошел — думаю, из вежливости. Он извинился и вошел в дом строевым шагом, словно участвовал в параде.

Я настроился отправиться к дому старика вместе с Лукасом Коронадо, но он вежливо отклонил мое предложение и попросил отвезти его домой.

— Я надеюсь, ты нашел того, кого искал, и считаю, что тебе следует пойти к нему одному, — сказал он.

Я был восхищен тем, насколько деликатны эти индейцы яки, хотя это не мешает им быть такими свирепыми. Мне рассказывали, что яки — дикари, не испытывающие ни малейших колебаний при необходимости убивать, однако, что касается моих личных наблюдений, их самыми примечательными чертами были вежливость и рассудительность.

Я подъехал к дому отца Игнасио Флореса и действительно нашел там того человека, которого искал.

— Интересно, почему Хорхе Кампос солгал, сказав, что знаком с тобой? — задумался я в конце своего рассказа.

— Он не лгал тебе, — ответил дон Хуан с уверенностью человека, который смотрит на поведение таких, как Хорхе Кампос, сквозь пальцы. — Он даже не пытался представить в ложном свете самого себя. Он рассматривал тебя как легкую добычу и хотел перехитрить. Впрочем, ему не удалось осуществить этот план, так как бесконечность оказалась сильнее. Тебе известно, что он исчез вскоре после того, как повстречался с тобой, и его никогда больше не видели?

— Во всей этой истории наиболее важной фигурой был для тебя именно Хорхе Кампос, — продолжал он. — В определенном отношении он является копией тебя самого. В том, что произошло между вами, ты можешь увидеть кальку

твоей собственной жизни.

— Почему? Я ведь не мошенник! — возразил я.

Он рассмеялся, будто знал нечто, неизвестное мне.

В следующее мгновение, насколько я помню, я оказался в разгаре внутреннего конфликта. С одной стороны я горячо и пространно принялся объяснять самому себе подлинные мотивы своих действий, представлений и ожиданий. С другой — какая-то странная мысль заставила меня с той же силой, с какой я оправдывал себя, ясно увидеть, что при определенном стечении обстоятельств я мог бы стать точно таким же, как Хорхе Кампос. Вначале я счел эту мысль недопустимой и направил всю свою энергию на то, чтобы опровергнуть ее, но где-то в глубине души мне совсем не хотелось оправдываться в том, что я могу быть похожим на Хорхе Кампоса — я знал, что это правда.

Когда я поделился своей проблемой с доном Хуаном, он так расхохотался, что несколько раз закашлялся.

— На твоем месте, — заметил он, все еще смеясь, — я бы прислушался к своему внутреннему голосу. Остается понять, что изменилось бы, окажись ты тактом же, как Хорхе Кампос, то есть мошенником? Он был дешевым мошенником, а ты более искусный. В этом вся разница между вами.

Так действует пересказ. Вот почему маги его используют. Он заставляет тебя понять в себе то, о существовании чего ты даже не подозревал.

Мне захотелось немедленно уйти, но дон Хуан ясно понимал, что я чувствую.

— Не слушай тот поверхностный голос, что заставляет тебя злиться, — требовательно сказал он. — Вслушайся в глубинный голос, который будет направлять тебя, начиная с этого момента, — тот голос, что смеется. Вслушайся в него! И смейся вместе с ним. Смейся! Смейся!

Его слова подействовали на меня, как гипнотическое внушение. Против своей воли, я начал смеяться. Мне никогда еще не было так весело. Я чувствовал себя свободным, сбросившим маску.

— Пересказывай самому себе историю Хорхе Кампоса — снова и снова, — сказал дон Хуан. — Ты найдешь в ней бесконечное изобилие информации. Каждая подробность — часть карты. Природа бесконечности заключается в том, чтобы помещать карты-проекции прямо перед нами, как только мы пересекаем определенный порог.

Затем он очень долго смотрел на меня: не просто скользил взглядом, а пристально созерцал меня. Наконец он произнес:

— Хорхе Кампос никак не мог избежать одного — необходимости свести тебя с тем другим человеком, Лукасом Коронадо, который значит для тебя не меньше, чем сам Хорхе Кампос, а, может быть, даже больше.

Пересказывая историю этих двоих, я осознал, что провел с Лукасом Коронадо гораздо больше времени, чем с Хорхе Кампосом, и все же наше общение было не таким насыщенным, так как перемежалось продолжительными периодами молчания. По своему характеру Лукас Коронадо был неразговорчивым человеком, и, по какой-то странной причине, когда он умолкал, ему удавалось увлекать меня за собой в то же состояние.

— Лукас Коронадо — обратная сторона твоей карты, — сказал дон Хуан. — Разве ты не находишь странным, что он скульптор, как и ты, что он — сверхчувствительный художник, который, как и ты в свое время, пытался найти покровителя своего искусства? Он искал покровителя так же страстно, как ты искал женщину — ту любительницу искусства, что могла бы способствовать твоему творчеству.

Я вступил в новую пугающую борьбу с самим собой. На этот раз в сражение вступили моя полная убежденность в том, что, хотя я никогда не рассказывал ему об этом периоде своей жизни, все именно так и было, — и то, что я не могу найти ни одного объяснения тому, откуда он узнал об этом. Мне опять захотелось немедленно уйти, но это побуждение вновь было подавлено исходящим из глубины голосом. Не пытаясь уговорить самого себя, я от всей души рассмеялся. Какой-то части меня, пребывающей на глубочайшем уровне, было совершенно все равно, откуда дон Хуан знает об этом. То, в какой деликатной и непринужденной форме он показал, что ему об этом известно, было совершенно очаровательным зрелищем и никак не влияло на злость и

желание уйти, исходившие из моей поверхностной части.

— Очень хорошо, — сказал дон Хуан, энергично похлопывая меня по плечу, — очень хорошо.

В этот миг он казался печальным, словно увидел нечто, недоступное взору обычного человека.

— Хорхе Кампос и Лукас Коронадо представляют собой два конца одной оси, — сказал он. — Эта ось — ты сам. Безжалостный и наглый торгаш, заботящийся только о себе, — с одной стороны, и сверхчувствительный, измученный, слабый и уязвимый художник — с другой. Это и могло бы стать картой твоей жизни, если бы не появление еще одной возможности: той, что открылась, когда ты пересек порог бесконечности. Ты искал меня — и ты нашел меня. Так ты пересек этот порог. Намерение бесконечности приказало мне найти кого-то вроде тебя. Я нашел тебя — и так я тоже пересек этот порог.

На этом наш разговор закончился. Дон Хуан погрузился в один из свойственных ему периодов полного безмолвия. Он заговорил только в конце дня, когда мы вернулись домой и присели под рамадой, наслаждаясь прохладой после долгой прогулки.

— В твоем пересказывании того, что произошло между тобой, Хорхе Кампосом и Лукасом Коронадо, я (надеюсь, ты тоже) обнаружил один очень тревожный момент, — начал дон Хуан. — Я считаю, что это — знак. Он указывает на окончание эпохи; это означает, что ничто уже не может оставаться прежним. Тебя привели ко мне весьма непрочные связи. Ни одна из них не могла существовать сама по себе. Именно это я извлек из твоего пересказа.

Я вспомнил, как однажды дон Хуан сообщил мне, что Лукас Коронадо смертельно болен. Его медленно пожирала какая-то неизлечимая болезнь.

— Через своего сына Игнасио я передал ему, что он должен сделать, чтобы выздороветь, — сказал тогда дон Хуан, — но он счел это чушью и даже не захотел выслушать Игнасио. И в этом виноват не Лукас. Весь род человеческий ничего не желает слушать. Люди слушают только то, что хотят услышать.

Я вспомнил, что тогда приставал к дону Хуану с просьбами рассказать, что можно передать Лукасу Коронадо, чтобы помочь ему ослабить физическую боль и душевные страдания. Дон Хуан не только изложил мне, что следует сказать Лукасу, но и продолжал утверждать, что он может легко выздороветь. И все же, когда я пришел к Лукасу Коронадо с советом дона Хуана, тот посмотрел на меня так, будто я сошел с ума. Затем он начал разыгрывать замечательный — но, будь я индейцем яки, совершенно оскорбительный — образ человека, который до смерти устал от всяких непрошеных и надоедливых советчиков. Я решил, что на такую утонченность способен только индеец яки.

— Это мне не поможет, — вызывающе заявил он в конце, раздраженный отсутствием у меня какой-либо чувствительности. — Да это и неважно. Все мы когда-нибудь умрем. Но неужели ты осмелился подумать, будто я потерял всякую надежду? Я собираюсь занять денег у государственного банка. Я возьму их в залог будущего урожая, и тогда мне хватит денег, чтобы купить кое-что, что непременно меня вылечит. Это называется «Ви-та-ми-нол».

— Что такое «Витаминол»? — спросил я.

— Его рекламировали по радио, — с детским простодушием сообщил он. — Это средство лечит все. Его рекомендуют тем, кому не каждый день доводится есть мясо, рыбу или птицу. Его рекомендуют таким, как я, у кого душа в теле едва держится.

В своем стремлении помочь Лукасу я тут же совершил крупнейшую ошибку, какую только можно допустить в обществе таких чрезмерно чувствительных созданий, как индейцы яки, — я предложил ему деньги на покупку «Витаминола». Признаком того, насколько глубоко я его ранил, стал его холодный пристальный взгляд. Моя тупость была непростительной. Лукас Коронадо очень мягко ответил, что сам в состоянии купить себе «Витаминол».

Я вернулся к дому дона Хуана. Мне хотелось плакать. Меня подвело мое же рвение.

— Не растрачивай энергию на беспокойство о подобных вещах, — спокойно посоветовал дон Хуан. — Лукас Коронадо замкнулся в порочном круге. И ты тоже. Все мы. У него есть «Витаминол», который, по его мнению, является

лекарством от всех болезней и решает все проблемы человека. Сейчас он не может купить его, но страстно надеется, что когда-нибудь сможет.

Дон Хуан уставился на меня своим пронзительным взглядом.

— Я ведь говорил тебе, что действия Лукаса Коронадо — карта твоей жизни, — сказал он. — Поверь мне, это так. Лукас Коронадо обратил твое внимание на «Витаминол» и сделал это так мощно и болезненно, что причинил тебе страдания и заставил разрыдаться.

Дон Хуан замолчал. Это была продолжительная и действенная пауза.

— И не говори мне, что не понимаешь, что я имею в виду, — добавил он. — Так или иначе, у каждого из нас есть свой «Витаминол».

3. Кем же на самом деле был дон Хуан?

Та часть моего отчета о встрече с доном Хуаном, которую он не захотел выслушивать, касалась моих чувств и впечатлений в тот судьбоносный день, когда я вошел в его дом; она связана с противоречивым столкновением между моими ожиданиями и реальной ситуацией, а также с ощущениями, возникшими у меня под влиянием самых экстравагантных идей, какие мне только доводилось слышать.

— Это скорее исповедь, чем описание событий, — сказал мне дон Хуан, когда я попытался рассказать ему об этом.

— Ты совершенно ошибаешься, дон Хуан, — начал я, но остановился.

Что-то такое в том, как он посмотрел на меня, заставило меня понять, что он прав. Что бы я ни собирался сказать, это стало бы лишь пустыми словами, болтовней. Однако то, что произошло во время нашей первой настоящей

встречи, имело для меня невероятную важность и являлось событием первостепенной значимости.

Во время первой встречи с доном Хуаном на автобусной остановке в Ногалесе, штат Аризона, со мной произошло нечто необычное, хотя моя озабоченность тем, как лучше преподнести себя, исказила восприятие этого события. Мне хотелось произвести впечатление на дона Хуана, и в попытках добиться этого я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы, так сказать, показать товар лицом. Осознание странных ощущений, о которых я говорю, начало проявляться лишь несколько месяцев спустя.

Однажды, без всяких на то оснований, без моего желания и какого-либо напряжения, я с необычайной ясностью вспомнил то, что полностью ускользнуло от моего внимания в момент знакомства с доном Хуаном. Когда дон Хуан воспрепятствовал моей попытке назвать свое имя, он посмотрел мне прямо в глаза, и этот взгляд вызвал у меня онемение. Я мог бы рассказать ему о себе бесконечно больше, я мог бы часами расхваливать свои знания и достоинства, по его взгляд словно отключил меня.

В свете этого нового понимания я опять и опять обдумывал все, что случилось со мной во время той встречи, и неизбежно приходил к выводу, что испытал временную остановку какого-то таинственного потока, поддерживающего мою жизнь, — потока, который никогда прежде не останавливался, по крайней мере так, как это заставил меня ощутить дон Хуан. Когда я пытался описать кому-либо из своих друзей свои физические ощущения в тот момент, все мое тело покрывалось странной испариной — как в тот раз, когда дон Хуан смотрел на меня этим особым взглядом. Тогда я не просто не мог вымолвить ни единого слова — у меня вообще не возникало никаких мыслей.

В течение определенного времени после этого я часто размышлял о физическом ощущении этой временной остановки, но не мог найти ей рационального объяснения. Сначала я убеждал себя в том, что дон Хуан, должно быть, загипнотизировал меня, но затем память подсказала мне, что он не отдавал никаких гипнотических приказов и не делал каких-либо жестов, которые могли бы поглотить все мое внимание. Фактически, он просто взглянул на меня. Этот взгляд был таким… насыщенным, что мне показалось, будто он смотрел на меня очень долго. Он овладел моим существом и вызвал некое смятение, проникшее на глубочайший физический уровень.

Когда, наконец, дон Хуан вновь оказался прямо передо мной, я прежде всего заметил, что он выглядит совсем не таким, каким я воображал его во время своих поисков. У меня сложился определенный образ того человека, которого я встретил на автобусной остановке, и я ежедневно оттачивал его, считая при этом, что вспоминаю о нем все больше подробностей. В моих мыслях он был старым, хотя очень сильным и подвижным человеком, и все же в нем была какая-то хрупкость. Мне казалось, что у него короткие седые волосы и очень смуглая кожа.

Стоявший передо мной сейчас человек был мускулистым и решительным. Он двигался с проворством, но без суеты. Шаг его был твердым и в то же время легким. В нем чувствовалась жизненная сила и воля. Составленный мной портрет совершенно расходился с реальностью. Волосы оказались довольно длинными и не такими седыми, как я воображал; кожа была не такой уж смуглой. Я мог бы поклясться, что черты его лица походят на птичьи, как это бывает в старости, однако в этом я тоже ошибся: его лицо было довольно полным, почти круглым. Самой же примечательной чертой стоящего передо мной человека были его темные глаза, сияющие особым, пляшущим огнем.

Кое-что в моей прежней оценке его внешности оказалось полностью упущено: у него было телосложение атлета: широкие плечи, плоский живот, ноги твердо стоят на земле. Не было ни слабости в коленях, ни дрожания рук, хотя я воображал, что при первой встрече мне удалось заметить легкий трепет головы и ладоней, словно он нервничал и пошатывался. Кроме того, я представлял, что его рост составляет пять футов шесть дюймов — это оказалось дюйма на три меньше реального.

Казалось, дон Хуан совсем не удивился, увидев меня. Я хотел рассказать ему, как трудно мне было его найти. Я надеялся, что он поблагодарит меня за эти титанические усилия, но он просто насмешливо улыбнулся.

— Важны не твои усилия, — сказал он. — Важно то, что ты нашел мой дом. Присаживайся, присаживайся. — Он указал на один из деревянных ящиков под рамадой и похлопал меня по спине, но это не было дружеским похлопыванием.

Я ощутил это как шлепок по спине, хотя на самом деле дон Хуан даже не притронулся ко мне. Этот кажущийся шлепок вызвал у меня странное

неустойчивое ощущение, проявившееся очень явно, но исчезнувшее, прежде чем я смог понять, что произошло. После этого меня охватило необычайное спокойствие. Я чувствовал себя очень непринужденно. Разум был кристально чист. У меня не было ни ожиданий, ни желаний. Привычная нервозность и потливость рук — спутники всей моей жизни, — внезапно исчезли.

— Теперь ты поймешь все, что я собираюсь сказать тебе, — сказал дон Хуан, глядя мне в глаза так, как делал это на автобусной остановке.

В обычном состоянии я счел бы такое заявление ничего не значащим, почти риторическим, но, когда он произнес эти слова, я был готов непрерывно и совершенно искренне заверять его, что действительно пойму все, что он скажет. Он вновь с невероятной энергией посмотрел мне в глаза.

— Я — Хуан Матус, — сказал он, усаживаясь лицом ко мне на другой ящик в нескольких футах от меня. — Это мое имя, и я произношу его, потому что с его помощью я устанавливаю тот мост, по которому ты сможешь перейти ко мне.

Прежде чем продолжить, он какое-то мгновение всматривался в меня.

— Я — маг, — сказал он. — Я отношусь к линии магов, существующей уже двадцать семь поколений. Я — нагваль своего поколения.

Он объяснил мне, что таких, как он, предводителей партии магов называют «нагвалями»; это общее понятие, применимое к любому магу, обладающему определенными особенностями энергетической структуры, отличающими его от других магов любого поколения. Это не означает ни превосходства, ни неполноценности — отличие сводится к способности нести ответственность.

— Только нагваль, — сказал он, — обладает энергетической способностью нести ответственность за судьбу своих групп. Каждая его группа знает и принимает это. Нагвалем может быть и мужчина, и женщина. Во времена тех магов, которые были основателями моей линии, нагвалями, как правило, были женщины. Их естественный прагматизм — результат того, что они женщины, — завел мою линию в ловушку практичности, из которой она едва выскользнула. Затем верх взяли мужчины, и они завели мою линию в ловушку слабоумия, из которой мы выбираемся сейчас.

— Со времен нагваля Лухана, который жил около двухсот лет назад, — продолжал он, — возникла объединенная связь усилий мужчин и женщин. Нагваль-мужчина приносит трезвость, а нагваль-женщина — новшества.

В этот момент я хотел спросить его, существует ли в его жизни нагваль-женщина, но глубина сосредоточенности помешала мне сформулировать этот вопрос. Дон Хуан сам выразил его словами.

— Есть ли в моей жизни нагваль-женщина? — спросил он. — Нет, ни одной. Я — одинокий маг, хотя у меня есть моя группа. В данный момент все они далеко отсюда.

В моем разуме с неудержимой силой всплыла одна мысль. В этот миг я вспомнил, как некоторые люди в Юме говорили, что видели дона Хуана с группой мексиканцев, которые выглядели весьма искушенными в магических действиях.

— Быть магом, — продолжал дон Хуан, — не означает заниматься колдовством, воздействовать на людей или насылать на них демонов. Это означает достижение того уровня осознания, который делает доступным непостижимое. Понятие «магия» не вполне точно отражает то, чем занимаются маги, — как, впрочем, и понятие «шаманизм». Действия магов связаны исключительно с миром абстрактного, безличного. Маги сражаются за достижение цели, не имеющей ничего общего с желаниями обычного человека. Маг стремится достичь бесконечности, и при этом быть в полном осознании.

Дон Хуан отметил, что задача магов заключается в том, чтобы столкнуться лицом к лицу с бесконечностью, и что они ежедневно погружаются в нее, как рыбак отправляется в море. Эта задача настолько трудна, что воины должны объявить свои имена, прежде чем рискнут проникнуть в бесконечность. Он напомнил мне, что в Ногалесе он объявлял свое имя перед каждой своей фразой. Так он утверждал свою индивидуальность перед лицом бесконечности.

Я понимал его слова с невероятной ясностью. Мне не нужно было просить у него разъяснений. Такая острота моего мышления должна была ошеломить меня, но этого не происходило. Я знал, что мой разум всегда был таким кристально чистым и просто разыгрывал тупицу ради кого-то другого.

— Хотя ты сам не догадывался об этом, — продолжил дон Хуан, — я отправил тебя в традиционный поиск. Ты — тот человек, которого я искал. Мои поиски закончились, когда я нашел тебя, а твои — теперь, когда ты нашел меня.

Дон Хуан объяснил мне, что, как нагваль своего поколения, он искал человека, обладающего особой энергетической структурой и способного обеспечить продолжение его линии. Он сказал, что в определенный момент каждый нагваль всех двадцати семи поколений приступал к самому серьезному испытанию для его нервов — к поискам преемника.

Глядя мне прямо в глаза, он заявил, что человеческие существа становятся магами благодаря способности непосредственно воспринимать текущую во Вселенной энергию и что когда маги смотрят так на человека, они видят светящийся шар, светящуюся фигуру в форме яйца. Он утверждал, что человеческие существа не просто способны непосредственно видеть текущую во Вселенной энергию — на самом деле они всегда видят ее, но умышленно не осознают это видение.

Вслед за этим он описал самое важное для магов отличие — разницу между общим состоянием сознания и особым состоянием преднамеренного осознавания чего-либо. Он сказал, что все люди обладают общим осознанием, которое позволяет им непосредственно видеть энергию, но маги являются единственными человеческими существами, способными по собственной воле осознавать это непосредственное видение энергии. Затем он определил осознание как энергию, а энергию — как непрерывный поток, светящиеся колебания, которые никогда не пребывают в покое и неизменно двигаются по собственной воле. Он утверждал, что при видении человеческого существа оно воспринимается как скопление энергетических полей, удерживаемых вместе самой загадочной силой во Вселенной — это связующая, склеивающая, вибрирующая сила, делающая энергетические поля единой структурой. Затем он объяснил, что нагваль является особым магом каждого поколения, которого другие маги видят не как один светящийся шар, а как две сливающиеся сферы светимости, расположенные одна над другой.

— Такое свойство удвоенности, — продолжал он, — позволяет нагвалю совершать действия, достаточно затруднительные для обычного мага. К примеру, нагваль является знатоком той силы, что делает нас единой

структурой. Нагваль способен на мгновение остановиться, на какую-то долю секунды полностью перенести свое внимание на эту силу и заставить другого человека онеметь. Я сделал это с тобой на автобусной остановке, потому что хотел, чтобы ты прорвал свою плотину «я, я, я, я, я...». Я хотел, чтобы ты нашел меня и прервал эту чушь.

— Маги моей линии придерживались того мнения, — продолжал дон Хуан, — что присутствия удвоенного существа, нагваля, вполне достаточно, чтобы прояснить для нас все. Однако странность заключается в том, что присутствие нагваля проясняет трудности весьма замаскированным образом. Со мной это случилось, когда я встретился с нагвалем Хулианом, своим учителем. Его присутствие долгие годы приводило меня в замешательство, потому что каждый раз, оказываясь рядом с ним, я мыслил совершенно ясно, но, как только он уходил, я становился таким же идиотом, как всегда.

— Я был удостоен одной редкостной привилегии, — сказал дон Хуан. — На самом деле, я имел дело с двумя нагвалями. По просьбе нагваля Элиаса, учителя нагваля Хулиана, я в течение шести лет жил рядом с ним. Можно сказать, что именно нагваль Элиас вырастил меня. Это была редкая привилегия. Я мог со стороны увидеть, чем в действительности является нагваль. Нагваль Элиас и нагваль Хулиан обладали совершенно различными характерами. Нагваль Элиас был более спокойным, погруженным во тьму своего безмолвия. Нагваль Хулиан был хвастливым любителем поговорить. Казалось, он живет лишь для того. чтобы покорять женщин. Женщин в его жизни было больше, чем можно себе представить. И все же оба нагваля были поразительно похожи друг на друга, так как у обоих не было ничего внутри. Они были пусты. Нагваль Элиас представлял собой набор удивительных, притягательных рассказов о неведомых местах. Нагваль Хулиан был набором историй, которые расшевелили бы любого и заставили бы его корчиться от смеха. Но когда бы я ни попытался выявить в них человека, реального человека — выявить его так, как я мог бы указать на человека в своем отце, во всех остальных, кого я знал, — я не мог обнаружить ничего. Вместо реального человека в них была только пачка историй о неизвестных людях. У обоих этих нагвалей были свои склонности, однако конечный результат всегда оказывался одним и тем же: пустота, — пустота, в которой отражался не мир, а бесконечность.

Дон Хуан принялся объяснять, что, начиная с того момента, когда человек

пересекает особый порог бесконечности — по собственной воле или непреднамеренно, как это случилось со мной, — все, что происходит с ним, уже не относится исключительно к его собственному миру, но связано с царством бесконечности.

— Встретившись в Аризоне, мы оба пересекли особый порог, — продолжил он. — Этот порог отмечался не одним из нас, а самой бесконечностью. Бесконечность — это все, что нас окружает. — Он произнес это и широко развел руки, словно охватывая все вокруг. — Маги моей линии называют это бесконечностью, духом, темным морем осознания и говорят, что это нечто, что существует где-то там и управляет нашими жизнями.

Я совершенно точно понимал все, что он говорил, но одновременно никак не мог взять в толк, что за чертовщину он несет. Я спросил, было ли пересечение порога случайным событием, вызванным непредсказуемыми обстоятельствами, волей случая. Он ответил, что и его, и мои шаги направлялись бесконечностью, а те обстоятельства, которые казались случайными, на самом деле подчинялись активной стороне бесконечности. Он назвал ее намерением.

— То, что свело нас вместе, — продолжал он, — было намерением бесконечности. Невозможно объяснить, что такое намерение бесконечности, и все же оно здесь, такое же осязаемое, как ты и я. Маги говорят, что это дрожание воздуха. Преимущество магов заключается в том, что им известно о существовании дрожания воздуха и они уступают ему без каких-либо колебаний. Для магов оно является чем-то не допускающим ни обдумывания, ни удивления, ни предположений. Они знают, что у них есть единственная возможность — слиться с намерением бесконечности. И они просто делают это.

Ничто не могло быть для меня более ясным, чем эти слова. Что касалось меня самого, то истинность его слов была совершенно не требующей доказательств, и мне просто в голову не приходило размышлять о том, как такие бессмысленные утверждения могут звучать настолько рационально. Я понимал, что все, сказанное доном Хуаном, — не просто банальные истины; я мог подтвердить это самим своим существом. Я знал все то, о чем он говорил. У меня возникло ощущение, что я уже переживал каждую подробность того, что он описывал.

На этом все закончилось. Казалось, что-то во мне обмякло. Именно в этот миг мне в голову пришла мысль о том, что я теряю рассудок. Я был ослеплен этими дикими заявлениями и потерял какое-либо чувство объективности. Из-за этого я в спешке покинул дом дона Хуана, до глубины души испуганный неким незримым врагом. Дон Хуан проводил меня до машины. Он прекрасно понимал, что со мной творится.

— Не волнуйся, — сказал он, опуская руку мне на плечо. — Ты не сходишь с ума. То, что ты чувствовал, — просто легкий толчок бесконечности.

Со временем я смог найти подтверждения того, что дон Хуан рассказывал о своих учителях. Сам дон Хуан Матус был именно таким, какими он описывал их обоих. Я могу позволить себе утверждать даже нечто большее: он был каким-то невероятным слиянием их обоих — чрезвычайно спокойным и погруженным в себя, но, с другой стороны, очень открытым и веселым. Самым точным из прозвучавших в тот день описаний того, что представляет собой нагваль, были его утверждения, что нагваль пуст и эта пустота отражает не мир, а бесконечность.

В отношении дона Хуана Матуса нельзя придумать более справедливых слов. Его пустота отражала бесконечность. Я никогда не видел его неистовым и не слышал от него каких-либо утверждений в отношении самого себя. В нем не было ни малейшей склонности обижаться или сожалеть о чем-либо. Его пустота была пустотой воина-странника, доведенной до такого уровня, что он ничто не считал само собой разумеющимся. Это был воин-странник, который ничто не недооценивает и не переоценивает. Это был спокойный, дисциплинированный боец, обладающий настолько идеальным изяществом, что ни один человек, как бы внимательно он ни приглядывался, не смог бы обнаружить тот шов, где сходились воедино все запутанные черты дона Хуана.

Часть вторая: Конец эпохи

4. Заботы повседневной жизни

Я приехал в Сонору, чтобы повидать дона Хуана. Я должен был обсудить с ним самое серьезное событие моей жизни. Добравшись до его дома, я едва поздоровался, уселся и приготовился излить свое беспокойство.

В оригинале — «моего дня», но это явная опечатка: см. дальше по тексту. — Прим. перев.

— Спокойней, спокойней, — сказал дон Хуан. — Не из-за чего так волноваться.

— Что со мной происходит, дон Хуан? — спросил я.

Вопрос был риторический, но дон Хуан ответил.

— Это действие бесконечности, — сказал он. — В тот день, когда ты встретил меня, что-то произошло с твоим способом восприятия. Твое ощущение нервозности — следствие подспудного осознания того, что твое время истекло. Ты уже знаешь это, но еще не осознаешь. Ты ощущаешь нехватку времени, и от этого ты нетерпелив. Я это знаю, ибо это происходило когда-то и со мной, и со всеми магами моей линии. В определенное время приходила к концу целая эпоха в моей жизни, и в их жизнях тоже. Теперь твоя очередь. Просто твое время истекло.

Затем он потребовал полного отчета обо всем, что со мной произошло. Он сказал, что это должен быть полный отчет, не упускающий ни малейших подробностей. Беглое описание его не устраивало. Он хотел, чтобы я огласил полный список того, что меня беспокоило.

— Давай поговорим об этом, как говорят в твоем мире, «официально», — сказал он. — Давай войдем в сферу формального разговора.

Дон Хуан объяснил, что шаманы древней Мексики выработали идею формального разговора в отличие от неформального, и оба вида разговора использовали как средство обучения и воспитания учеников. Формальные разговоры были периодическими обобщениями всего, чему шаманы обучали своих учеников, и всего, что они говорили им. Неформальные разговоры были ежедневными собеседованиями, в ходе которых подробно обсуждались конкретные вопросы без привязки к чему-то другому.

— Маги ничего не держат при себе, — продолжал дон Хуан. — Маневр магов заключается в том, чтобы таким образом делать себя пустыми. Это ведет их к сдаче крепости своего "я".

Я начал свой рассказ дону Хуану с объяснения того, что обстоятельства моей жизни никогда не позволяли мне заниматься интроспекцией, то есть вглядываться внутрь себя. Сколько себя помню, моя повседневная жизнь всегда была до краев полна прагматических проблем, которые требовали немедленного решения. Помню, мой любимый дядюшка рассказал мне, как ему было не по себе, когда он выяснил, что я никогда не получал подарков на Рождество или день рождения. Я стал жить в семье моего отца незадолго до того, как дядя завел этот разговор. Он посочувствовал мне и даже извинился за такую несправедливость по отношению ко мне, хотя он-то здесь был совершенно ни при чем.

«Это ужасно, мой мальчик, — сказал он, содрогаясь от избытка чувств. — Знай, что я буду на сто процентов на твоей стороне, когда наступит момент воздаяния за все обиды».

Он настаивал, чтобы я все простил тем людям, которые плохо обращаются со мной. У меня сложилось впечатление, что дядя хотел настроить меня против отца. Он затронул эту тему специально, чтобы я обвинил отца в бездушности и невнимательности. Но он не заметил, что я вовсе не чувствовал себя обиженным. Чтобы сделать то, чего он хотел от меня, я должен был быть интроспективным и чувствовать направленные на меня психологические шипы. Я пообещал дяде, что подумаю обо всем этом, но как-нибудь потом, потому что в тот самый момент моя подружка, ожидавшая меня в гостиной, подавала мне отчаянные знаки, чтобы я поторопился.

Мне так никогда и не пришлось подумать об этом, но дядя, должно быть, поговорил с отцом, потому что вскоре я получил от того подарок — аккуратный сверток, перевязанный лентами и с вложенной под ленту маленькой карточкой, на которой было написано одно слово: «Извини». Сгорая от любопытства, я снял обертку. В коробке была замечательная игрушка — заводной пароходик с трубой, который можно запускать в ванне во время купания. Отец совершенно упустил из виду, что мне исполнилось пятнадцать лет и я был уже во всех отношениях мужчиной.

Поскольку, даже став взрослым, я все еще был неспособен к серьезной интроспекции, однажды меня застигло врасплох странное болезненное эмоциональное возбуждение, которое со временем усиливалось. Я пытался не обращать на это чувство внимания, относя его к естественным телесным и умственным процессам, которые начинаются периодически, без какой-либо видимой причины — возможно, они имеют биохимическую природу. Лучше было об этом не думать. Но возбуждение усиливалось и заставляло меня предположить, что в моей жизни наступило время резких перемен. Что-то во мне требовало перестройки всего моего жизненного уклада. Это стремление к полной перестройке было мне уже знакомо. В прошлом ко мне уже приходило это чувство, по уже очень долгое время оно дремало где-то внутри.

Я был фанатиком антропологии, и эта преданность была так сильна, что отказ от карьеры антрополога никогда не входил в мои планы радикальных перемен. Вот и теперь мне не могло прийти в голову совсем бросить университет. Но я подумал, что хорошо было бы сменить университет и поехать куда-нибудь в другое место, подальше от Лос-Анджелеса.

Прежде чем решиться на перемены такого масштаба, я решил сделать, так сказать, пробную попытку. Я записался на все лето на университетские курсы в другом городе. Самым важным для меня был курс антропологии, который читал один выдающийся специалист по индейцам региона, в который входили Анды. Я считал, что если я сосредоточусь на теме, которая меня эмоционально привлекает, то смогу серьезнее заниматься полевой работой, когда придет время. Кроме того, я полагал, что мое знание Южной Америки поможет мне быть принятым в любом тамошнем индейском сообществе.

Записавшись на курсы, я одновременно получил работу. Мне предстояло быть ассистентом-исследователем при психиатре, старшем брате одного из моих

друзей. Он хотел провести анализ кассет с записями опросов молодых мужчин и женщин, у которых были проблемы, связанные с учебной перегрузкой, неудовлетворенными ожиданиями, непониманием в семье, любовными неудачами и т. п. По истечении пятилетнего срока хранения такие кассеты подлежат уничтожению, но перед этим каждой записи присваивается случайный номер, а затем психиатр и его ассистент, пользуясь таблицей случайных чисел, прослушивают отдельные записи и выбирают интересные фрагменты, которые можно анализировать.

В первый день занятий в новом университете профессор антропологии рассказывал о своих академических заслугах; он поразил студентов масштабом своих знаний и количеством публикаций. Это был высокий, стройный мужчина лет сорока пяти, с живыми голубыми глазами. Глаза поразили меня в его внешности больше всего: за толстыми стеклами очков они выглядели огромными. Когда профессор поворачивал голову, казалось, что его глаза вращаются во взаимно противоположных направлениях. Я знал, что такое невозможно. но этот оптический обман производил неприятное ощущение. Для антрополога профессор был очень хорошо одет. (В те времена антропологи славились своей невнимательностью к одежде. Профессоров археологии студенты, например, высмеивали как людей, с головой погрузившихся в радиоуглеродную датировку, но забывших о необходимости хотя бы иногда погружаться в ванну.)

Так или иначе, в этом профессоре интереснее всего была не его внешность, не его эрудиция, но его манера говорить. Он произносил каждое слово очень четко, а некоторые слова выделял, растягивая. Иногда, увлекаясь, он придавал своей речи совсем уж странные интонации. Некоторые фразы он произносил как англичанин, а другие — как проповедникривайвелист.

Он понравился мне с самого начала, несмотря на излишнюю помпезность. Его чувство собственной важности было так огромно, что воспринималось как должное уже через пять минут после начала лекции. Профессор обрушивал на нас шквалы информации, не забывая время от времени похвалить себя. Его власть над аудиторией была потрясающей. Студенты все поголовно обожали этого необыкновенного человека. Я решил, что перевод в университет в другом городе будет для меня абсолютно позитивным событием. Мне нравилось мое новое окружение.

На работе я так увлекся записями на пленках, что начал прослушивать не фрагменты, а целые кассеты. Поначалу мне безмерно нравилось то, что в каждой записанной беседе я как бы слышал свой собственный голос. Но проходили недели, я прослушивал все новые пленки, и постепенно мой восторг превратился в ужас. Каждая произнесенная фраза, в том числе и вопросы психоаналитика, была моей собственной! Все эти люди словно говорили из самых глубин моего существа. Отвращение, которое я испытал, было для меня чем-то новым. Я и не думал, что могу повторяться до бесконечности в каждом человеке, голос которого я слышал на пленке. Это был колоссальный удар по моему чувству собственной неповторимости и индивидуальности, развивавшемуся во мне с самого рождения.

И я начал довольно отвратительный процесс самовосстановления. Это была самая смешная бессознательная попытка интроспекции: я постарался выкарабкаться из неудобного положения, без конца разговаривая сам с собой. Я раскопал в своем сознании все мыслимые рациональные доводы, которые поддерживали мое чувство собственной уникальности, и стал перечислять их сам себе вслух. Началось нечто совершенно невообразимое для меня: я часто просыпался от того, что разговаривал сам с собою во сне. Эти монологи, насколько я мог заметить, тоже касались моей значимости и непохожести на других.

Затем последовал еще один сокрушительный удар. Среди ночи меня разбудил настойчивый стук в дверь. Стучали не робко и не вежливо — такой стук мои друзья называли «гестаповским». Дверь едва не срывалась с петель. Я выскочил из постели и открыл глазок. В дверь ломился мой босспсихиатр. То, что я был другом его младшего брата, весьма способствовало нашему сближению. Он без колебаний принял меня в свои друзья, и теперь стоял у моей двери. Я включил свет и открыл дверь.

— Заходи, пожалуйста, — сказал я. — Что случилось?

Было три часа ночи; по его мертвенной бледности и запавшим глазам я понял, что он глубоко расстроен. Он вошел и сел. Его краса и гордость, длинная черная грива волос, рассыпалась по лицу. Он и не подумал зачесать волосы назад, как всегда делал. Я очень любил своего начальника, он казался мне более взрослым вариантом моего лос-анджелесского друга — с такими же тяжелыми черными бровями, пронзительными карими глазами, квадратной

челюстью и толстыми губами. Его верхняя губа, когда он улыбался, каким-то необычным образом изгибалась и казалась двойной. Он любил поговорить о форме своего носа, которую определял как «дерзкую» и «энергичную». Он был, пожалуй, чрезмерно самоуверен и невероятно мнителен. Но он утверждал, что в его профессии эти качества являются козырными картами.

— Что случилось? — повторил он насмешливо, хотя его двойная верхняя губа подрагивала. — Можно сказать, что сегодня ночью со мной случилось все сразу!

Он сидел на стуле и выглядел совершенно растерянным. Казалось, ему не хватало слов. Он встают, подошел к кушетке и рухнул на нее.

— Мало того, что я несу ответственность за своих пациентов, — начал он, — а также за свой исследовательский грант, за жену и детей, так теперь еще одно чертово бремя прибавилось ко всему этому. И что меня бесит — так это то, что я сам виноват! Какой я дурак, что доверился этой глупой пизде!

— Я тебе вот что скажу, Карлос, — продолжил он, переведя дух, — нет ничего более ужасного, отвратительного и тошнотворного, чем женская бесчувственность. Я не женоненавистник, ты это знаешь! Но вот сейчас мне кажется, что каждая отдельная пизда — это всего лишь пизда! Двуличная и мерзкая!

Я не знал, что говорить. Моему боссу сейчас не требовалось ни согласия, ни возражений. Да я и не посмел бы возражать ему. Для этого я был слишком уставшим. Я хотел снова заснуть, но он продолжал говорить, словно от этого разговора зависела вся его жизнь.

— Ты ведь знаешь Терезу Мэннинг, а? — спросил он напористо, с обвинительной интонацией.

На миг мне показалось, что он подозревает меня в каких-то шашнях с его молодой красивой студенткой-секретаршей. Не давал мне ответить, он продолжал свой монолог.

— Тереза Мэннинг — сучка. Она стерва! Глупая, неотесанная женщина, которая в жизни только и знает, что бегать за каждым, кто хоть немного

известен и выделяется из толпы. Я-то думал, что она умная и чувствительная. Я думал, что в ней что-то есть: какое-то понимание, какое-то чувство, что-то сокровенное. Не знаю, у меня о ней сложилось именно такое мнение, а на самом деле она просто развратная девка, и, я мог бы добавить, неизлечимо тупая.

Я слушал его, и картина начала проясняться. Очевидно, психиатр только что пережил какое-то нехорошее приключение со своей секретаршей.

— С того самого дня, как она пришла работать со мной, — сказал он, — я знал, что привлекаю ее сексуально, но она ни разу не сказала об этом. Одни намеки и взгляды. А, черт! Сегодня днем мне, наконец, надоело ходить вокруг да около, и я перешел прямо к делу. Подхожу к ее столу и говорю: «Я знаю, чего ты хочешь, а ты знаешь, чего я хочу».

Он очень подробно рассказал, с каким напором он назначил ей свидание в его квартире в полдвенадцатого ночи и как он объяснил ей, что он не меняет свой распорядок дня ни для кого: до часу ночи работает, читает, пьет вино, а потом идет в спальню. Он снимал себе квартиру рядом с университетом, хотя в пригороде у него был дом, где он жил с женой и детьми.

— Я был уверен, что она придет и у нас получится что-то стоящее, — вздохнул он. Теперь у него был голос человека, который рассказывает об интимном. — Я даже дал ей ключ от моей квартиры, — сказал он скорбно.

— И она пришла очень пунктуально, ровно в 11: 30, — продолжил он. — Открыла дверь своим ключом и проскользнула в спальню, как тень. Это меня ужасно возбудило. Я знал, что с ней хлопот не будет. Она знала свою роль. Может, она там спала в постели. А может, смотрела телевизор. Я снова занялся работой, и мне было все равно, какого черта она там делает. Я знал, что она у меня в мешке.

— Но в тот момент, когда я вошел в спальню, — сказал он напряженным, как от сильного оскорбления, голосом, — Тереза набросилась на меня, как животное, и схватила меня за член. Я нес бутылку и два бокала, так она даже не дала мне поставить их куда-нибудь. У меня еще хватило соображения и ловкости поставить мои хрустальные бокалы прямо на пол так, чтобы они не разбились. Ну, а бутылка улетела через всю комнату, когда Тереза схватила

меня за яйца, как будто они сделаны из камня. Я чуть ее не ударил. Я буквально закричал от боли, а ей хоть бы что. Она только безумно хихикала — решила, что это я демонстрирую свою сексуальность. Так она и сказала, наверное чтобы подбодрить меня.

Тряся головой в еле сдерживаемом гневе, мой босс сказал, что эта женщина так безудержно хотела и была настолько эгоистична, что абсолютно не принимала во внимание психологию мужчины. Мужчине нужна минутка покоя, ему нужно чувствовать себя легко, ему нужна дружественная атмосфера. Но вместо того чтобы проявить ум и понимание, которых требовала ее роль, Тереза Мэннинг вытащила его половой орган из штанов с ловкостью женщины, проделывающей эту операцию в сотый раз.

— В результате всего этого дерьма, — сказал он, — моя чувственность в ужасе спряталась. Я был эмоционально кастрирован. Мое тело моментально почувствовало отвращение к этой женщине. Но моя похоть не дала мне сразу же вышвырнуть ее на улицу.

Он решил, чтобы не ударить в грязь лицом — а это было уже неминуемо, — совершить с ней оральный секс и заставить, ее все-таки получить оргазм, но его тело так упорно отвергало эту женщину, что он не смог сделать даже этого.

— Она уже казалась мне не красивой, — сказал он, — а вульгарной. Когда она одета, одежда скрывает ее выпирающие ляжки. Она выглядит нормально. Но в голом виде она просто комок выпирающего белого мяса! Ее изящество, когда она одета, — фальшивое. Его не существует.

Я и представить себе не мог, что наш психиатр может изливать из себя столько яда. Он трясся от гнева. Он отчаянно хотел выглядеть спокойным и курил одну сигарету за другой.

Он сказал, что оральный секс получился даже еще более отвратительным. Его чуть не стошнило, и вдруг развратная женщина пнула его в живот, столкнула его с его собственной постели на пол и обозвала импотентом и педиком.

Когда психиатр дошел до этого момента в своем рассказе, его глаза загорелись ненавистью. Губы дрожали. Он был бледен.

— Мне нужно воспользоваться твоей ванной, — сказал он. — Я хочу принять душ. Я весь провонял этим дерьмом.

Он чуть не плакал, и я бы отдал все на свете, чтобы оказаться где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. То ли из-за усталости, то ли из-за интонаций его голоса, то ли из-за идиотизма ситуации, мне вдруг показалось, что я слушаю не психиатра, а записанный на пленке голос одного из пациентов, жалующегося на мелкие неурядицы, которые превратились в гигантские проблемы из-за того, что о них слишком много говорили и думали. Моя пытка закончилась лишь около девяти часов утра. Мне пора было идти на занятия, а психиатру — на работу.

Итак, я пришел на лекции невыспавшийся, раздраженный и злой. Все казалось бессмысленным. И тут-то произошло событие, которое подвело черту под моей попыткой осуществить радикальные перемены в жизни. Моя воля тут была ни при чем; все было словно заранее запланировано и точно выполнено какой-то неизвестной умелой рукой.

Профессор антропологии читал лекцию об индейцах высоких плато Боливии и Перу, точнее — о племени аймара. Он выговаривал это слово как «эй-ме-ра», да еще и растягивал гласные с таким видом, словно это и есть самое что ни на есть правильное произношение. Он сказал, что приготовление алкогольного напитка из перебродившей кукурузы (который вообще-то называется чича, но профессор говорил «чаи-ча») было обязанностью жриц, которых индейцы аймара почитали как полубожеств. Он заявил — с таким видом, словно оглашал великую истину, — что эти женщины приготовляют кукурузную массу, готовую к брожению, пережевывая и сплевывая вареные зерна. Таким образом в кукурузу добавляется фермент, содержащийся в человеческой слюне. При упоминании человеческой слюны всех студентов передернуло.

Профессор, казалось, был доволен собой сверх всякой меры. Он заливисто смеялся, как избалованный ребенок. Продолжая рассказ, он поведал нам, что эти женщины — настоящие мастера по части «жевания чаичи». Он посмотрел на первые ряды аудитории, где в основном сидели молодые студентки, и нанес свой решающий удар.

— Мне оказали честь, п-р-р-ригласив, — сказал он с какой-то

псевдоиностранной интонацией, — переспать с одной из жевальщиц чаичи. Искусство жевания чаичи требует развития мощных мышц горла и щек. И эти женщины могут творить настоящие чудеса.

Он обвел взглядом притихшую аудиторию и сделал длинную паузу, прерывавшуюся лишь его хихиканьем.

— Я думаю, вы понимаете, что я имею в виду, — произнес он наконец и разразился истерическим хохотом.

От профессорского намека аудитория просто сошла с ума. Лекция прервалась по меньшей мере на пять минут — хохот, шквал вопросов, от ответов на которые профессор уклонился, и снова глупое хихиканье.

Кассеты, рассказ психиатра, а теперь еще и «жевальщицы чаичи» — с меня было довольно! В мгновение ока я рассчитался с работой, выписался из университета, вскочил в машину и уехал в Лос-Анджелес.

— Эти случаи с психиатром и профессором антропологии, — сказал я дону Хуану, — ввели меня в незнакомое эмоциональное состояние. Я могу назвать его только интроспекцией. Я непрерывно разговариваю сам с собой.

— Твое расстройство очень простое, — ответил дон Хуан, трясясь от смеха.

Он явно радовался тому состоянию, в котором я оказался, Этой радости я не разделял, поскольку не видел в ситуации ничего особенно веселого.

— Твой мир приходит к концу, — сказал он. — Для тебя это конец эпохи. Неужели ты думаешь, что мир, который ты знал всю свою жизнь, покинет тебя мирно, без эксцессов? Нет уж! Он еще напоследок поизвивается вокруг тебя и пару раз ударит тебя хвостом.

5. Позиция на которой я не мог больше оставаться

Лос-Анджелес всегда был для меня домом. Я выбрал этот город отнюдь не случайно и чувствовал себя в нем так, словно здесь родился. Возможно, то, что я жил тут, означало даже нечто большее. Моя эмоциональная привязанность к Лос-Анджелесу всегда была абсолютной. Моя любовь к нему всегда была столь полной, что мне не требовалось выражать ее вслух. Мне никогда не нужно было пересматривать это чувство или освежать его, никогда.

Моей лос-анджелесской семьей были мои друзья. Они были моим миром, а это значило, что я принимал их полностью, точно так же, как я принимал и город. Один мой друг как-то заявил, полушутя, что мы ненавидим друг друга от всего сердца. Конечно, они могут позволить себе такие чувства; ведь у каждого из них есть родители, жены или мужья, и потому их эмоции распределяются иным образом. У меня же в Лос-Анджелесе нет никого — только мои друзья.

По какой-то причине они избрали меня своим личным духовником. Каждый из них изливал мне свои проблемы и трудности. Мои друзья были столь близки мне, что я никогда не мог мириться с их бедами и несчастьями. Я был способен часами говорить с ними о таких вещах, которые привели бы меня в ужас, услышь я их у психиатра или на его аудиокассетах.

Более того, я никогда прежде не осознавал, насколько каждый из моих друзей поразительно схож с психиатром или профессором антропологии. Я не видел, насколько они внутренне напряжены. Каждый из них почти не расставался с сигаретой — точь-в-точь, как и мой психиатр. Я не замечал этого, так как постоянно дымил сам и пребывал в столь же напряженном состоянии, что и остальные. Их аффектированная речь также не резала мой слух, хотя, казалось, эту манеру говорить трудно было не заметить. Они всегда произносили слова с подчеркнуто-гнусавым западно-американским акцентом, и делали это сознательно. И точно так же я никогда не обращал внимания на их прозрачные намеки на их собственную бесчувственность во всех сферах, кроме чисто интеллектуальной.

Настоящий конфликт с самим собой у меня возник, когда я столкнулся с

дилеммой моего друга Пита. Он как-то пришел ко мне совершенно избитый. Его рот распух, а под подбитым левым глазом явственно проступал синяк. Прежде чем я успел спросить, что с ним произошло, он выпалил, что его жена. Патриция, отправилась на собрание брокеров по недвижимости, чтобы обсудить там вопросы, связанные с работой, и с ней там случилось нечто страшное. Судя по виду Пита, можно было предположить, что произошел несчастный случай и Патриция искалечена или даже убита.

— Как она, в порядке? — спросил я, волнуясь по-настоящему.

— Конечно, в порядке, — пролаял в ответ мой друг, — эта шлюха и сука! А со шлюхами и суками ничего не происходит, кроме того, что их трахают. И им это нравится!

Пит был взбешен. Он дрожал, казалось, он вот-вот забьется в конвульсиях. Его непокорные темные волосы торчали во все стороны. Обычно он аккуратно причесывал и приминал каждую вьющуюся прядь. Сейчас он выглядел диким, как тасманийский дьявол.

— Все шло нормально до сегодняшнего дня, — продолжал мой друг. — Это случилось сегодня утром, когда я вышел из душа, а она шлепнула меня полотенцем по голой заднице. Я сразу же понял, что она по уши в дерьме, что трахается с кем-то другим.

Меня смутила его логика. Я стал расспрашивать его подробнее, пытаясь выяснить, каким образом шлепок полотенцем мог явиться откровением в вопросах определенного рода.

— О, конечно, это не было бы откровением для кретина! — ответил он с нескрываемым ядом. — Но я знаю Патрицию! И еще в четверг, перед этим злополучным собранием. она не могла бы хлопнуть меня полотенцем. Чтобы ты знал, она никогда не способна была хлопнуть меня полотенцем за все годы нашего брака! Кто-то научил ее этим штучкам, когда они оба были голыми! Итак, я схватил ее за глотку и вытряс из нее правду: да, она трахается со своим шефом!

Пит рассказал, как отправился в офис, чтобы поговорить по душам с шефом своей жены, но его перехватили телохранители и вышвырнули обратно на

автостоянку. Он хотел разбить все окна в офисе и стал бросать камнями в телохранителей, но те пригрозили ему, что если он будет продолжать в том же духе, то отправится в тюрьму, или еще хуже — получит пулю в голову.

— Так это они так тебя отделали? — спросил я своего друга.

— Нет, — ответил тот мрачно. — Я отправился в магазин, торгующий запчастями от подержанных автомобилей и врезал первому продавцу, который подошел, чтобы помочь мне. Тот был поражен, но не рассердился. Он сказал: «Успокойтесь, сэр, успокойтесь. В этой комнате обычно заключаются сделки». Когда я снова дал ему в зубы, он возмутился. Он был здоровым парнем — врезал мне в челюсть и под глаз, и я отрубился. Когда я пришел в чувства, — продолжал Пит, — то увидел, что лежу на кушетке в их офисе. Я услышал сирену скорой. Понял, что это за мной. Выскочил оттуда и побежал к тебе.

Больше не в силах сдерживаться, он разрыдался. Он был совершенно больным. Он был не в себе. Я позвонил его жене, и не прошло и десяти минут, как та появилась у меня в квартире. Она встала возле него на колени и, склонив над ним лицо, стала клясться, что всегда любила только его и что все, что она сделала, было с ее стороны чистейшим идиотизмом, а их с Питом любовь — вопрос жизни и смерти. Все остальные для нее ничего не значили. Она даже не помнит их. Оба они излили свою душу в плаче и, безусловно, простили друг другу все. Патриция была в темных очках, чтобы скрыть синяк под правым глазом, куда попал Питов кулак. Пит был левшой. Оба совершенно не замечали моего присутствия. И когда они уходили, то даже не знали, что я находился там. Они просто ушли, тесно прижавшись друг к другу.

Казалось, что моя жизнь продолжала идти как обычно. Мои друзья вели себя со мной так же, как всегда. Мы как обычно ходили на вечеринки, посещали кинотеатры или просто валяли дурака, а иногда заглядывали в рестораны, предлагающие посетителю съесть «сколько угодно чего угодно по цене одного блюда». Однако, несмотря на всю эту кажущуюся нормальность существования, в мою жизнь, казалось, вторгся странный новый фактор. Поскольку я привык наблюдать за собой, мне вдруг показалось, что я стал исключительно узколобым. Я стал осуждать своих друзей точно так же, как осудил психиатра и профессора антропологии. И кто я такой, в конце-то концов, чтобы выступать в роли чьего-то судьи?

Я стал страдать от невероятного чувства вины. Судить своих друзей — это было что-то новенькое среди моих качеств. Но самым страшным для меня, пожалуй, было то, что я не только осуждал друзей, но и находил их проблемы и беды потрясающе банальными. Я был все тем же человеком. Они были теми же друзьями. Раньше я сотни раз выслушивал их жалобы и рассказы о различных происшествиях и не испытывал при этом ничего иного, кроме полного отождествления с их неприятностями. Ужас, который я испытал теперь, открыв в себе это новое свойство, потряс меня.

Трудно найти лучшее описание моего тогдашнего положения, чем слова поговорки: «Беда не приходит одна». Полный крах обычного образа моей жизни наступил, когда мой друг Родриго Каммингс пришел ко мне с просьбой проводить его до аэропорта Бербэнк, откуда он собирался вылететь в Нью-Йорк. Это был драматический и отчаянный шаг с его стороны. Он считал, что главное проклятие его жизни — застрять в Лос-Анджелесе навсегда. Остальные друзья обожали шутить по этому поводу. Не раз он пытался добраться до Нью-Йорка на машине, и каждый раз она ломалась по дороге. Однажды ему удалось добраться даже до СолтЛейк-Сити, и тут его машина заглохла. Нужно было менять мотор полностью. Он должен был выбросить его там. Обычно же его машины разваливались в пригородах Лос-Анджелеса.

— Что приключается с твоими машинами, Родриго? — как-то спросил я его, движимый искренним любопытством.

— Не знаю, — отвечал он слегка виноватым голосом. А затем, с интонациями, достойными профессора-антрополога, входящего в роль проповедника-ривайвелиста, он продолжал:

— Возможно, когда я выезжаю на дорогу, начинаю газовать на полную мощность, почувствовав себя свободным. Обычно я открываю все окна. Я хочу, чтобы ветер дул мне в лицо. Я чувствую, словно отправился на поиск чего-то нового.

Для меня не было секретом, что все его машины были полной рухлядью, не рассчитанной на скоростную езду, и он попросту сжигал их моторы.

Из Солт-Лейк-Сити Родриго возвратился в Лос-Анджелес на попутках. Конечно

же, он мог бы с тем же успехом добраться автостопом и до Нью-Йорка, но это никогда не приходило ему в голову. Думаю, что Родриго был сражен той же болезнью, что и я, — бессознательной страстью к Лос-Анджелесу. Но ни в коем случае не хотел в этом сознаться.

Как-то раз, когда его очередная машина была, казалось, в отличном состоянии и могла выдержать сколь угодно длительное путешествие, сам Родриго оказался не в состоянии покинуть Лос-Анджелес. Он доехал до Сан-Бернандино, где зашел в кинотеатр, чтобы посмотреть фильм «Десять заповедей». Этот фильм (по известным только Родриго причинам), вызвал в нем нестерпимую ностальгию по Лос-Анджелесу. Он пришел ко мне и плакал, говоря о том, как этот чертов город — Лос-Анджелес — окружил его стеной, через которую ему не перебраться. Его жена была крайне обрадована этим возвращением, но еще больше радовалась его подружка Мелисса, хотя она не могла не испытывать и огорчения при мысли о том, что ей придется возвращать словари, которые Родриго дал ей перед отъездом.

Его последняя попытка отправиться в Нью-Йорк на самолете казалась еще более драматичной, так как он занял денег у своих друзей, чтобы купить билет. Он сказал, что таким образом он должен обязательно добраться до НьюЙорка, так как не собирается возвращать долги.

Я поставил его чемоданы в багажник своей машины и повез его в аэропорт Бербэнк. Он сказал, что самолет улетает только в семь часов. До вечера было еще далеко, и у нас оставалась уйма времени. Так что мы пошли посмотреть фильм. К тому же он хотел бросить прощальный взгляд на Голливудский бульвар — центр, вокруг которого вращались наши жизни.

Итак, мы отправились в «Техниколор и Синерама» на просмотр эпической киноленты. Это был восхитительный фильм, и взгляд Родриго, казалось, не мог оторваться от экрана. Когда мы вышли из кинозала, уже темнело, и я отправился в аэропорт в самый час пик. Он потребовал, чтобы мы выехали на окружит трассу, а не ползли по фривею, который был страшно забит машинами. Когда мы наконец добрались до чертова аэропорта, самолет уже выруливал на взлетную полосу. Это было последней каплей. Покорный и раздавленный Родриго протянул свой билет кассиру, чтобы получить деньги обратно. Его имя и адрес были записаны, и Родриго взял чек, по которому должен был получить через шесть или двенадцать недель свои деньги, когда

те прибудут из Теннеси, где располагалось главное агентство авиалиний.

Мы подъехали к зданию, где находились наши квартиры. На сей раз Родриго не попрощался ни с кем, боясь позора. Итак, никто даже не заподозрил, что он только что предпринял очередную попытку покинуть город. Единственный просчет, который допустил мой друг, — была продажа машины. Он попросил отвезти его к родительскому дому, чтобы получить у отца деньги, затраченные на билет. Насколько я помнил, отец Родриго всегда вытягивал своего сына из любой беды. Его лозунг звучал так: «Не страшись ничего, Родриго-старший всегда рядом!» Когда он услышал о просьбе сына дать ему денег в долг, чтобы возвратить другие долги, лицо старого джентльмена приняло печальное выражение. В ту пору он сам переживал финансовые затруднения.

Положив руку на плечи сына он произнес:

— Я не могу помочь тебе в этот раз, мой мальчик. Тебе есть чего страшиться, так как Родриго-старшего больше нет рядом.

Я изо всех сил стремился войти в положение своего друга, пережить его драму так же остро, как всегда, но не мог. Я только фокусировался на заявлении отца. Оно казалось столь окончательным, что это встряхнуло меня.

Я жадно стал искать общества дона Хуана. Я оставил все лос-анджелесские дела недоделанными и отправился в Сонору. Я рассказал ему о странном настроении, которое посещает меня в обществе друзей. Всхлипывая от угрызений совести, я поведал ему, что начал судить их.

— Не изводи себя из-за ерунды, — спокойно сказал мне дон Хуан. — Ты уже, наверное, и сам догадался, что целая эпоха твоей жизни подходит к концу. Но эпоха никогда реально не закончится, пока не умрет король.

— Что ты подразумеваешь под этим, дон Хуан?

— Ты и есть король, и ты очень похож на своих друзей. И эта истина заставляет тебя дрожать как лист. Все, что тебе остается сделать, — это принять все так, как есть, — чего ты, конечно, сделать не можешь. Но ты еще можешь сделать другое — повторять самому себе: «Я не такой, я не такой». И

я обещаю тебе, что, продолжая говорить себе, что ты не такой, в один прекрасный момент ты осознаешь, что ты точно такой же.

6. Неизбежная встреча

Одна мысль не отпускала меня ни на минуту: я дол-жен был дать ответ на очень важное письмо и сделать это любой ценой. Но свершиться этому мешала смесь обычной моей лени и желания к удовольствиям. Мой друг-антрополог, благодаря которому я встретился с доном Хуаном, пару месяцев назад написал мне письмо. Он интересовался моими успехами в изучении антропологии и настойчиво приглашал меня к себе. Я сочинил три длинных письма. Перечитывая, я находил их столь банальными и подобострастными, что тут же рвал их. Я не мог выразить в них глубину своей благодарности, глубину своих добрых чувств к нему. Я объяснял себе отсрочку с ответом своим искренним намерением встретиться с ним и рассказать обо всем, что произошло в моей жизни в связи с доном Хуаном Матусом. Но я не спешил совершить свое неизбежное путешествие, так как толком не знал, чем я, собственно, занимаюсь с доном Хуаном. В один прекрасный день я хотел продемонстрировать моему другу настоящие результаты. Пока что я располагал только некоторыми смутными набросками возможностей, которые никак не могли сойти за плоды, собранные на антропологическом поле деятельности, — по крайней мере, не в глазах моего требовательного друга.

И вот на какой-то вечеринке я узнал, что он умер. Это известие спровоцировало во мне одну из тех опасных безмолвных депрессий, столь знакомых мне по прошлым временам. Я не мог выразить своих чувств, так как то, что я чувствовал, еще полностью не оформилось в моем сознании. Это было смесью подавленности, отчаяния и отвращения к самому себе за то, что я не ответил на его письмо, за то, что я не приехал увидеться с ним.

Вскоре после этого я отправился с визитом к дону Хуану. Подойдя к его дому, я уселся на один из ящиков на крыльце и попытался подыскать слова,

которые бы не звучали банально и могли выразить то отчаяние, которое я испытываю из-за смерти своего друга. Каким-то непостижимым образом дон Хуан знал о причинах моих душевных мук, которые и привели меня к нему.

— Да, — сухо сказал дон Хуан, — я знаю, что твой друг, антрополог, направивший тебя ко мне, скончался. По некоторой причине я знаю точное время его смерти. Я видел ее.

Его сухое заявление потрясло меня до глубины души.

— Я давно видел ее приближение. Я даже говорил тебе об этом, но ты пренебрег моими словами. Я уверен, что ты даже не помнишь их.

Я помнил каждое слово, произнесенное им, но в то время я не понимал значения этих слов. Дон Хуан заявил, что некое событие, тесно связанное с нашим знакомством (но не часть его), явилось причиной, по которой он видел моего друга-антрополога как человека, стоящего на пороге смерти.

— Я видел смерть как внешнюю силу, уже открывающую твоего друга, — сказал он мне. — У каждого из нас есть энергетическая щель, энергетическая трещина ниже пупка. Эта трещина, которую маги называют просвет, закрыта, когда человек находится в расцвете сил.

— И каково значение всего этого, дон Хуан? — спросил я механически.

— Значение смертельное, — ответил он. — Дух подал мне знак, что нечто подходит к концу. Я решил, что моя жизнь подходит к концу, и принял эту весть со всей благодарностью, на которую был способен. Только позже, гораздо позже до меня дошло, что это не моя жизнь подходит к концу, но вся моя линия.

Я не понимал, о чем он говорит. Как же я мог воспринять это всерьез? Насколько я мог судить, это не слишком отличалось от всего того, из чего тогда состояла моя жизнь, — от болтовни.

— Твой друг сам рассказывал тебе, и довольно многословно, о том, что умирает, — сказал дон Хуан. — И ты сознавал то, что он говорил, так же, как сознаешь то, что я говорил тебе, но в обоих случаях ты предпочел не

придавать этому значения.

Мне нечего было ответить. Я был раздавлен его словами. Мне хотелось вдавиться в ящик, на котором я сидел, исчезнуть, провалиться сквозь землю.

— Но не твоя вина, что ты не придал этому значения. Это все молодость, — продолжал он. — Тебе еще надлежит так много сделать, столько людей окружает тебя! Ты не алертен. Ты никогда не учился быть настороже.

Пытаясь защитить свою последнюю крепость — веру в собственную наблюдательность, я указал дону Хуану на то, что попадал в смертельно опасные ситуации, где требовалось проявить смекалку и бдительность. Беда была не в том, что мне недоставало внимания, а в том, что я был недостаточно ориентирован, чтобы составить верный список приоритетов. Вот почему все для меня было в равной степени как важным, так и не важным.

— Быть алертным — не значит быть наблюдательным, — сказал дон Хуан. — Для магов проявлять алертность означает постоянно осознавать ткань обыденного мира, которая кажется непригодной для взаимодействия в настоящий момент. Путешествуя со своим другом перед тем, как познакомиться со мной, ты обращал внимание только на явные детали. Ты не придал значения тому, как смерть поглощала его, и все же что-то в тебе знало об этом.

Я стал протестовать, утверждая, что все это неправда.

— Не пытайся спрятаться за банальностями, — сказал он осуждающе. — Встань. Если ты хоть мгновение сможешь быть со мной, прими ответственность за то, что ты знаешь. Не старайся затеряться в чужеродной ткани окружающего мира; чужеродной тому, что происходит сейчас. Не будь ты столь поглощен собственной персоной и своими проблемами, ты бы знал, что это его последнее путешествие. Ты бы заметил, что он закрывает свои счета, встречается с людьми. которые помогали ему, и прощается с ними.

— Твой друг-антрополог говорил однажды со мной, — продолжал дон Хуан. — Я помнил его настолько отчетливо, что ничуть не был удивлен, когда он привез тебя на эту автостанцию. Я не мог помочь ему при нашем разговоре. Он не был тем человеком, которого я искал. Но я желал ему добра от всей

своей магической пустоты, из всего своего магического безмолвия. Поэтому я знал, что во время своего последнего путешествия он говорит «прощай» всем тем, кто что-то значил в его жизни.

Я признавал, что дон Хуан полностью прав. Было множество деталей, которые я замечал, но которым не придавал тогда должного значения; взять хотя бы тот экстаз, в который приходил мой друг, любуясь окружающими нас видами. Он останавливал машину, чтобы часами наблюдать за горами или руслом реки, или пустыней. Я отмахивался от этого, как от идиотской сентиментальности мужчины средних лет, Я даже делал тонкие намеки на то, что он, пожалуй, слишком много выпил. Он отвечал мне, что в минуты отчаяния выпивка приносит человеку мгновения мира и покоя, мгновения достаточно долгие, чтобы тот успел насладиться чем-то неповторимым.

— Это было путешествие, предназначенное только для его глаз, — сказал дон Хуан. — Маги предпринимают подобные путешествия, в которых значение имеет только то, что могут впитать в себя их глаза. Твой друг освобождал себя от всего лишнего.

Я признался дону Хуану, что не обращал внимания на то, что он говорил о моем умирающем друге, так как на некоем неведомом мне самому уровне я знал, что это правда.

— Маги никогда не говорят впустую, — сказал он. — Я подбираю слова исключительно тщательно, когда говорю с тобой или с кем-либо еще. Разница между тобой и мною состоит в том, что у меня нет времени, и я должен поступать соответственно. Ты же, наоборот, уверен, что располагаешь всем временем этого мира, и тоже действуешь соответственно. Конечным результатом нашего поведения является то, что я взвешиваю все то, что собираюсь сказать, а ты нет.

Я признал его правоту, но тут же стал убеждать его, что все сказанное им ни в коей мере не облегчает моей печали и не рассеивает смятения. Затем я безотчетно высказался о каждом нюансе моих смешанных чувств. Я заявил, что не ищу совета. Я хочу получить магические предписания о том, как избавиться от душевных мук. Я был уверен в том, что действительно заинтересован в получении от него некоего естественного успокоительного, органического снотворного, и высказался по этому поводу. Дон Хуан покачал в

замешательстве головой.

— Ты хочешь слишком многого, — ответил он. — Следующее, что ты попросишь, — это будет некое магическое снадобье, способное удалить все, что раздражает тебя, без всяких усилий с твоей стороны, если не считать тех усилий, которые ты затратишь на то, чтобы проглотить эти пилюли. Чем хуже вкус, тем сильнее эффект, — вот девиз европейцев. Ты хочешь результатов: одна порция зелья — и ты исцелен.

— Маги смотрят на вещи по-иному, — продолжал дон Хуан. — Поскольку они не располагают свободным временем, то полностью отдают себя тому, с чем встречаются. Причина твоего смятения состоит в недостатке серьезности. Тебе не хватило серьезности, чтобы поблагодарить как следует твоего друга. Это случалось с каждым из нас. Мы никогда не выражаем того, что чувствуем. А когда хотим выразить, оказывается, что слишком поздно, так как момент упущен. Ты должен был поблагодарить его как следует еще в Аризоне. Он позаботился о том, чтобы прихватить тебя с собой, и понимал ты это или нет, но на автостоянке ты получил от него все, что мог. Но в тот момент, когда ты должен был поблагодарить его, ты злился — ты судил его, он был неприятен тебе. А затем ты откладывал встречу с ним. На самом деле ты откладывал выражение благодарности. Ты застрял на месте. Ты никогда не был бы способен возвратить ему долг.

Я осознал все величие его слов. Никогда я не мог увидеть свои поступки в подобном свете. По правде говоря, я никогда никого не благодарил. Дон Хуан загонял шип мне в сердце все глубже.

— Твой друг знал, что умирает, — продолжал он. — Он написал тебе свое последнее письмо, чтобы узнать о твоих успехах. Возможно, он этого не знал, как не знал и ты, но его последняя мысль была о тебе.

Тяжесть этих слов была слишком велика для моих плеч, и я опустился на землю. Я почувствовал, что должен лечь. Кружилась голова. Возможно, все дело было в окружающем меня пейзаже. Я сделал ужасную ошибку, прибыв к дону Хуану в предвечерний час. Предзакатное солнце казалось немыслимо золотым, и блики на голых скалах, которые возвышались на востоке от дома дона Хуана, были золотыми и пурпурными. На небе не было ни облачка. Казалось, что все вокруг застыло. Это было так, как будто весь мир пытался

спрятаться, но его присутствие было всеподавляющим. Покой Сонорской пустыни был подобен кинжалу. Меня пробрало до мозга костей. Я хотел убраться отсюда — сесть в машину и умчаться. Я хотел оказаться в городе, затеряться в шуме.

— Ты ощутил вкус бесконечности, — торжественно, словно приговор, произнес дон Хуан. — Я знаю это, так как и сам был на твоем месте. Ты хочешь удрать, чтобы погрузиться во что-то человеческое, теплое, противоречивое, глупое, кто его знает, какое еще?.. Ты хочешь забыть о смерти 1 друга. Но бесконечность не позволит тебе сделать это, — его голос вдруг стал бархатным. — Она ухватила тебя безжалостной рукой.

— Что я могу сделать сейчас, дон Хуан? — спросил я.

— Единственное, что тебе остается, — это сохранить живую память о своем друге. Хранить ее до конца своей жизни, а может быть и дольше. Маги выражают таким образом благодарность, которую уже не могут высказать вслух. Возможно, ты думаешь, что это глупо, но это лучшее, что могут сделать маги.

Безусловно, только моя собственная грусть заставила меня на минуту поверить в то, что неунывающий дон Хуан был столь же печальным, как и я. Я немедленно отбросил эту мысль. Такое было невозможно.

— Печаль для магов не является чем-то личным, — заявил дон Хуан, вновь вторгаясь в мои мысли. — Это не совсем печаль, это энергетическая волна, приходящая из глубин космоса. Она достигает матов, когда они восприимчивы, когда они, как радары, способны ловить радиосигналы.

Маги древности, которые дали нам полную формулу магии, верили, что во Вселенной существует печаль, подобная силе, свету, намерению, и что эта вечная сила воздействует на магов с особой остротой, так как у них уже нет защитных щитов. Они не могут укрыться за спинами своих друзей или уйти с головой в занятия. Они не могут прятаться за любовью или ненавистью, за счастьем или несчастьем. Они не могут укрыться ни за чем.

— Маги отличаются тем, — продолжают дон Хуан, — что печаль для них абстрактна. Она не приходит от тайных желаний или нехватки чего-то или от

чувства собственной важности. Это не исходит от меня, это исходит из бесконечности. Грусть, которую ты испытываешь из-за того, что не поблагодарил своего друга, пришла оттуда.

— Мой учитель, нагваль Хулиан, — продолжал он, — был невероятным актером. Собственно говоря, он профессионально играл в театре. У него была одна любимая история, которую он рассказывал на своих спектаклях. Когда он рассказывал ее, я, как правило, испытывал при этом приступы страшной боли. Он объяснял, что это история о воинах, которые, получив все, что хотели, испытывали укол вселенской грусти. Я всегда считал, что он рассказывает все это лично для меня.

Затем дон Хуан воспроизвел слова своего учителя, добавив, что эта история о человеке, страдающем от глубочайшей меланхолии. Этот человек ходил по ЛУЧШИМ врачам того времени, и ни один из них не смог помочь ему. Наконец он явился в приемную главного доктора — целителя души. Этот доктор предположил, что, возможно, его пациент сможет найти утешение, душевный покой и исцеление от меланхолии в любви. Человек возразил, что любовь никогда не составляла для него проблемы и что. он любил так, как, очевидно, не любил никто в мире. Тогда доктор преложил ему отправиться в путешествие, чтобы взглянуть на разные уголки мира. Печальный пациент ответил, что может сказать без преувеличения, что уже посетил все уголки мира. Врач порекомендовал завести хобби: заняться искусством, спортом и тому подобными вещами. На каждый совет пациент отвечал, как и прежде: он уже прошел через все это и не испытал облегчения. У врача возникло подозрение, что, возможно, тот страдает не чем иным, как патологической лживостью. Он не мог успеть испытать все то, о чем говорил. Но доктор был хорошим целителем, и его наконец-то осенило.

«Ах, — воскликнул он, — у меня есть прекрасный рецепт для вас, сэр. Вы должны посетить последнее выступление величайшего из комедиантов наших дней. Оно вам доставит такое удовольствие, что вы совершенно забудете о своей меланхолии. Вы должны явиться на представление Великого Гаррика!»

Дон Хуан сказал, что тот человек взглянул на доктора с самым печальным видом, который только можно вообразить, и произнес: «Доктор, если это ваш последний совет, я пропал. Я и есть Великий Гаррик».

7. Переломный момент

Дон Хуан определял внутреннее безмолвие как особое состояние изгнания мыслей, при котором человек может функционировать на ином уровне сознания, чем обычно. Он подчеркивал, что внутреннее безмолвие наступает при прекращении внутреннего диалога — вечного спутника мыслей, и потому является состоянием глубокой тишины.

— Маги древности, — говорил дон Хуан, — назвали это внутренним безмолвием, так как в этом состоянии восприятие не зависит от чувств. Во время внутреннего безмолвия вступает в силу иная способность человека, та способность, которая делает его магическим существом, способность, ограничиваемая не самим человеком, а неким чужеродным влиянием.

— А что это за чужеродное влияние, которое ограничивает наши магические способности? — спросил я.

— Это предмет нашей будущей беседы, — ответил дон Хуан, — а не тема настоящей дискуссии, хотя это на самом деле самый серьезный аспект магии шаманов древней Мексики.

— Внутреннее безмолвие, — продолжал он, — это основа всей магии. Иными словами, все, что мы делаем, ведет нас к этой основе. Она же, как и все остальное в магии, не раскрывает себя, пока нечто гигантское не встряхнет нас.

Дон Хуан рассказал, что маги древней Мексики изобретали всевозможные способы встряхнуть себя или других практикующих магов до основания, чтобы достичь тайного состояния внутреннего безмолвия. Они додумались до самых невообразимых действий, которые, казалось бы, совершенно не могли быть связаны с достижением внутреннего безмолвия, таких, скажем, как прыжки в водопад или ночи, проведенные на ветвях деревьев вниз головой. Однако это

были ключевые приемы достижения такого состояния.

Следуя логике магов древней Мексики, дон Хуан категорически заявлял, что внутреннее безмолвие возрастает и накапливается. В моем случае он пытался направить меня на создание ядра внутреннего безмолвия в самом себе, а затеям понемногу наращивать его при каждом удобном случае. Он объяснил, что маги древней Мексики обнаружили, что каждый человек имеет свой собственный порог внутреннего безмолвия с точки зрения времени. Иными словами, внутреннее безмолвие должно сохраняться в каждом из нас определенное время, прежде чем сработает.

— А что маги древности считали знаком того, что внутреннее безмолвие начало работать, дон Хуан? спросил я.

— Внутреннее безмолвие начинает работать с того момента, как ты начинаешь развивать его в себе, — ответил дон Хуан. — То, к чему стремились маги древности, было финалом, драматическим концом и результатом достижения этого индивидуального порога безмолвия. Некоторым особо одаренным магам необходимо всего лишь несколько минут безмолвия для достижения вожделенной цели. Иным же, менее талантливым, требуется гораздо больший период тишины, чтобы прийти к желанному результату. Желаемый результат — это то, что маги называли остановкой мира, — момент, когда все вокруг перестает быть тем, чем было всегда.

— Это момент, когда маг возвращается к подлинной природе человека, — продолжал дон Хуан. — Маги древности также называли это абсолютной свободой. Это момент. когда человек-раб становится свободным существом, способным на такие чудеса восприятия, которые бросают вызов нашему обычному воображению.

Дон Хуан уверил меня, что внутреннее безмолвие является тем путем, который ведет к истинному отказу от суждений; к тому мгновению, когда наши чувства прекращают интерпретировать чувственные данные, излучаемые всей Вселенной; к моменту, когда постижение перестает быть силой, которая приходит к определению природы мироздания через повторение и использование.

Магам необходим переломный момент для того, чтобы внутреннее безмолвие

заработало, — сказал дон Хуан. — Переломный момент подобен раствору, который каменщик кладет между рядами кирпичей. Лишь тогда отдельные кирпичи превращаются в структуру, когда раствор твердеет.

С самого начала нашего знакомства дон Хуан не переставал вбивать мне в голову мысль о значении внутреннего безмолвия... Я старался изо всех сил следовать его советам накапливать внутреннее безмолвие самым искренним образом каждое мгновение. У меня не было ни возможностей измерить свои приобретения, ни средств, чтобы судить о том, достиг я наконец или нет своего порога. Я просто упрямо нацелился на то, чтобы развивать в себе такое состояние. И не только затем, чтобы сделать приятное дону Хуану, но и потому, что считал это делом чести.

Однажды мы с доном Хуаном беседовали, лениво прохаживаясь по главной площади Эрмосильо. Было около полудня. По небу плыли тучи. Жара была сухой и действительно очень приятной. Повсюду сновали толпы людей. Площадь окружали ряды магазинов. Я не раз бывал в Эрмосильо, но никогда не обращал внимания на магазины. Я знал, что они там есть, но никогда не думают об этом сознательно. Я не смог бы нарисовать карту площади, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Сегодня же, прогуливаясь с доном Хуаном, я старался точно определить местонахождение магазинов. Я пытался найти что-то, способное послужить мне как мнемонический инструмент, нечто способное пробудить мои воспоминания в дальнейшем.

— Как я уже говорил тебе, — раздался голос дона Хуана, выбивший меня из колеи этих мыслей, — каждый маг, которого я знал, будь то мужчина или женщина, рано или поздно достигал переломного момента своей жизни.

— Ты подразумеваешь, что с ними случался психический срыв или что-то в этом роде? — спросил я.

— Нет, нет, — ответил он, смеясь. — Психические срывы — удел личностей, которые индульгируют на самих себе. Маги — не личности. В данный момент я подразумеваю под этим то, что непрерывность их жизней должна быть разбита во имя обретения внутреннего безмолвия, которое станет активной частью их структур.

— Это очень, очень важно, — продолжал дон Хуан, — чтобы ты сам

умышленно достиг этого переломного момента или создал его искусственным и разумным путем.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил я, заинтригованный его причудливой логикой.

— Твой переломный момент означает конец той жизни, которую ты знаешь. Ты выполнил все, о чем я говорил тебе, прилежно и точно. Если ты и талантлив, то сумел скрыть это. Возможно, это твой стиль. Ты не медлителен, но действуешь так, как медлительные люди. Ты очень уверен в себе, но ведешь себя, словно ты беззащитен. Ты не робок, но производишь впечатление, будто боишься людей. Все то, что ты делаешь, указывает только на одно — ты должен все это разбить. Безжалостно.

— Но каким образом, дон Хуан? Что ты имеешь в виду? — спросил я взволнованно.

— Я думаю, что все сводится к одному поступку, — ответил он. — Ты должен покинуть своих друзей. Ты должен распрощаться с ними по-хорошему. Ты не сможешь продолжать идти путем воина, неся за плечами свою личную историю. И если ты не покончишь с прежним образом жизни, то не сможешь следовать моим наставлениям.

— Минутку, минутку, минутку, дон Хуан, — сказал я. — Мне нужно прийти в себя. Ты требуешь от меня слишком многого. По правде говоря, я не уверен, что смогу все это сделать. Мои друзья — это моя семья. Моя точка отсчета.

— Точно, точно, — заметил он, — твоя точка отсчета. Именно поэтому с ними следует расстаться. У магов только одна точка отсчета — бесконечность.

— Но как я могу это сделать? — спросил я жалобно.

Его требование выводило меня из равновесия.

— Ты можешь просто уйти, — сказал он равнодушно. — Уйти любым возможным путем.

— Но куда я пойду? — спросил я.

— Я бы посоветовал тебе снять номер в одной из тех жалких гостиниц, которые тебе хорошо известны, — ответил он. — Чем безобразнее заведение — тем лучше. Если в комнате постелен ковер болотного цвета, на окнах висят шторы болотного цвета, а стены оклеены такими же обоями, тогда эта гостиница может сравниться с той, которую я показал тебе как-то в Лос-Анджелесе.

Я издал нервный смешок, вспоминая нашу поездку с доном Хуаном по промышленным районам Лос-Анджелеса, где можно было найти только склады и обветшалые гостиницы для проезжающих. Одна из гостиниц особо привлекла внимание дона Хуана благодаря помпезному названию — «Эдуард Седьмой». Мы остановились напротив, чтобы лучше рассмотреть ее.

— Вот эта гостиница, — произнес дон Хуан, указывая на здание, — представляется мне подлинным олицетворением жизни среднего человека на Земле. Если ты удачлив или безжалостен, то снимешь здесь комнату с окном, выходящим на улицу, чтобы наблюдать из окна за нескончаемым шествием человеческих бед. Если ты не столь удачлив или не столь безжалостен, то снимешь себе внутреннюю комнату, с окном, глядящим на глухую стену соседнего дома. Подумай о том, что это значит — провести всю жизнь, разрываясь между двумя такими видами. Завидуя виду на улицу, если живешь во внутренней комнате, и завидуя виду на стену, если поселился в наружной и устал смотреть на мир.

Метафора дона Хуана вызвала во мне бесконечное беспокойство, так как я принял ее близко к сердцу.

Сейчас же, столкнувшись с возможностью поселиться в гостинице, сравнимой с «Эдуардом Седьмым» я не знал что и сказать, куда отправиться.

— Что ты предлагаешь мне там делать, дон Хуан? — спросил я.

— Магу нужно такое место, чтобы умереть, — сказал он, глядя на меня и не мигая. — Ты никогда не был один в своей жизни. Сейчас пришло время сделать это. Ты будешь оставаться в этой комнате, пока не умрешь.

Подобный совет испугал меня, но и вызвал приступ смеха.

— Не могу сказать, что собираюсь так поступить, дон Хуан, — сказал я. — Но каков критерий того, что я мертв? Если ты действительно не хочешь моей физической смерти.

— Нет, — ответил тот. — Я не хочу, чтобы твое тело умерло физически. Я хочу, чтобы умерла твоя личность. Это две совершенно разные вещи. По существу, твоя личность имеет очень мало общего с твоим телом. Твоя личность — это твой разум, и поверь мне, что твой разум не является твоим.

— Что это за ерунда, дон Хуан, что мой ум не мой? — услышал я свой собственный голос, в котором появилась нервозная гнусавость.

— Я расскажу тебе как-нибудь об этом предмете, но не тогда, когда ты еще думаешь о своих друзьях.

— Критерий, по которому можно определить, что маг мертв, — продолжал дон Хуан, — определяется тем, что ему становится безразлично, находится он в обществе или один. Твоя личность умрет в тот день, когда ты перестанешь жаждать компании своих друзей и прикрываться своими друзьями как щитом. Что скажешь на это? Согласен сыграть?

— Я не способен на это, дон Хуан, — ответил я. — Бесполезно пытаться лгать тебе. Я не смогу покинуть своих друзей.

— Это совершенно нормально, — сказал он невозмутимо.

Казалось, что мое заявление совершенно не подействовало на него.

— Я не смогу больше продолжать наши беседы, но позволь мне сказать, что за время, которое мы провели вместе, ты научился многому. Ты научился тем вещам, которые сделают тебя очень сильным, — не важно, вернешься ты назад или уйдешь прочь.

Он похлопал меня по спине и попрощался со мной. Он развернулся и просто исчез среди людей, наполнявших площадь, словно растворился среди них. На какое-то мгновение у меня возникло странное чувство, что люди на площади были просто занавесом, который дон Хуан раздвинул и за которым скрылся.

Конец наступил, как наступает все в мире дона Хуана — быстро и непредсказуемо. Внезапно это достигло меня. Я стал корчиться от муки, даже не представляя, как это произошло.

Это должно было сокрушить меня. И все же я устоял. Я не знаю, каким образом пришло облегчение. Я дивился той легкости, с которой все подходило к концу. Дон Хуан был поистине элегантным существом. Не было ни упреков, ни злости. Я сел в свою машину и помчался прочь, счастливый, как жаворонок. Я ликовал. Как все необычайно быстро закончилось, думал я, как безболезненно.

Мое путешествие в Лос-Анджелес прошло без приключений. Оказавшись в привычной среде, я заметил, что обрел огромное количество энергии при последнем общении с доном Хуаном. Я действительно был очень счастлив, очень свободен, и я продолжал вести то, что считал нормальным существованием, но только с новым жаром. Все мои огорчения, связанные с друзьями, все мои открытия на их счет, все то, что я высказал по этому поводу дону Хуану, было забыто начисто. Казалось, что кто-то стер всю память из моего мозга. Я пару раз даже изумился той легкости, с которой забыл о том, что считал столь значительным, и забыл так основательно.

Все происходило так, как я этого ожидал. Возникло только одно несоответствие в аккуратной парадигме моей новой старой жизни: я четко помнил о том, как дон Хуан говорил мне, что мой уход из мира магов будет чисто академическим и что я скоро вернусь назад. Я помнил и записал каждое слово из нашей беседы. Согласно моей нормальной линейной памяти и логике, дон Хуан никогда не делал подобных заявлений. Как я мог помнить вещи, которые никогда не происходили? Я думал усиленно и безрезультатно. Мои псевдовоспоминания были достаточно странными, чтобы задумываться о них, но все же я решил, что в них нет смысла. Насколько я понимал, я покинул мир дона Хуана.

Следуя совету дона Хуана, относящегося к поведению с друзьями, которые в любом случае относились ко мне хорошо, я пришел к потрясающему выводу: благодарить и чтить своих друзей, пока для этого еще остается время. Однако в этом плане у меня вызывал сомнение Родриго Каммингс. По крайней мере, один случай с Родриго Каммингсом переворачивал всю мою парадигму нового отношения к друзьям вверх тормашками и приводил ее к полному крушению.

Мое отношение к Родриго радикально изменилось после того, как я бросил тягаться с ним. Я обнаружил, что для меня не составляло абсолютно никакого труда проецировать себя целиком на любые поступки Родриго. В действительности, я был абсолютно схож с ним, но осознал это только тогда, когда прекратил соревноваться с ним. Тогда правда предстала предо мной с одуряющей отчетливостью. Одним из главных желаний Родриго было закончить колледж. Каждый семестр он регистрировался в школе и брал такое количество курсов, какое только позволяли правила. Затем в течение семестра он бросал курсы один за другим. Иногда он сразу бросал занятия. Иной раз он цеплялся за один курс, чтобы довести дело до неизбежного горького конца.

Во время последнего семестра он ухватился за курс по социологии, так как любил этот предмет. Наступало время последнего экзамена. Он сказал мне, что у него еще есть три недели для зубрежки, чтобы прочесть учебник по этому курсу. Он считал, что три недели — срок более чем достаточный, чтобы прочесть шесть сотен страниц. Он считал себя своего рода скоростным читателем, способным запомнить огромный процент информации благодаря почти стопроцентной фотографической памяти.

Он считал, что у него еще уйма времени перед экзаменами, и потому попросил меня помочь ему переоборудовать свою машину, чтобы ему было проще обходиться с бумагой. Он хотел снять правую дверцу, чтобы выбрасывать бумажки правой рукой через это отверстие, а не так, как обычно, — левой рукой через люк в крыше. Я заметил ему, что он был левшой, на что тот резко возразил, что отличное владение обеими руками входит в огромный спектр его прочих способностей, чего никто из его друзей не удосужился заметить. В чем он был совершенно прав — я никогда не замечал этого. Когда я помог ему снять дверь, он решил еще сорвать с крыши внутреннюю обивку, которая страшно износилась. Он объявил, что техническое состояние его машины не оставляет желать лучшего и что скоро он отправится на ней в Мексику, в Тихуану (которую называл «TJ»), чтобы поставить там новую обивку за пару баксов.

— Мы должны будем извлечь максимальную пользу из этой поездки, — заявил он вдохновенно.

Он даже стал перечислять друзей, которых решил взять с собой.

— Ты обязательно отправишься в TJ, чтобы порыться среди старых книг. Ты ведь всегда был придурком. Остальные ребята завалят в бордель. Я знаю парочку таких местечек.

Нам потребовалась неделя для того, чтобы сорвать подкладку и обработать наждаком металлическую поверхность. У Родриго для подготовки осталось еще две недели, но и это показалось ему слишком длинным периодом. Тогда он уговорил меня помочь ему красить квартиру. Нам потребовалась неделя, чтобы покрасить стены и отциклевать дубовый пол. Он не хотел красить поверх обоев в одной из комнат и для этого одолжил специальный аппарат для отклейки обоев с использованием струи пара. Естественно, ни Родриго, ни я не знали, как обращаться с этой машиной, и мы здорово напортачили. Мы пришли к тому, что решили воспользоваться «Топпингом» — специальной смесью гипса и других материалов для очень ровной штукатурки стен.

После завершения всех этих дел у Родриго оставалось только два дня, чтобы затолкать в свою башку шестьсот страниц текста. Он отправился в марафон по круглосуточному чтению, поддерживая себя амфетамином. Родриго все же удалось отправиться в колледж в день экзаменов, сесть за парту и взять в руки экзаменационный листок.

Но вот чего ему не удалось сделать — так это не заснуть на экзамене. Его тело качнулось вперед, и голова упала на парту с оглушительным стуком. Пришлось на время прервать экзамен. Профессор социологии впал в истерику вместе со студентами, сидящими рядом. Тело Родриго было твердым и холодным, как лед. Весь класс заподозрил самое страшное. Решили, что он умер от сердечного приступа. Вызвали санитаров, которые вынесли Родриго. После беглого осмотра медики объявили, что он забылся глубоким сном, и отвезли его в больницу, где тот отсыпался, пока из организма не вышел весь амфетамин.

Моя проекция на Родриго Каммингса была настолько абсолютной, что даже пугала меня. Я был в точности похож на него. Я ничего не мог сделать с этим. Решившись на отчаянный поступок (который я считал самоубийственным нигилизмом), я снял комнату в обшарпанной голливудской гостинице.

Ковры были зелеными с ужасными пятнами от незатушенных сигарет. Безусловно, их не раз спасали от пожара. В комнате висели зеленые портьеры, а стены были болотно-зеленого цвета. Мигающая неоновая вывеска гостиницы светила в окно всю ночь.

Я закончил тем, что в точности последовал совету дона Хуана, но пришел к этому окольным путем. Я делал это не для того, чтобы выполнить его требования, у меня также не было намерения сгладить наши с ним разногласия. Я пробыл в этой гостинице несколько месяцев, пока моя личность, как и предполагал дон Хуан, не умерла, и мне действительно стало безразлично, нахожусь я в компании или остаюсь один.

Оставив гостиницу, я поселился один, выбрав жилище поближе к колледжу, и завел очень прибыльное дело с одной партнершей. Все, казалось, шло прекрасно, пока однажды меня не стукнуло, словно кулаком по голове, осознание того, что я собираюсь провести остаток своих дней, беспокоясь о бизнесе, или теряясь перед призрачным выбором карьеры академика или бизнесмена, или мучаясь из-за фобий и обманов моей партнерши. Настоящее отчаяние пронзило меня до глубины души. Впервые в своей жизни, несмотря на все, что я делал и видел раньше, я ощутил, что у меня нет никакого выхода. Я чувствовал себя совершенно потерянным. Я всерьез начал задумываться о самом практическом и безболезненном способе ухода из жизни.

Однажды утром я проснулся от громкого стука в дверь. Я был уверен, что это пришла хозяйка квартиры и что если я не встану и не открою дверь, то та войдет сама, воспользовавшись запасным ключом. Я распахнул дверь. Передо мной стоял дон Хуан. Я настолько изумился, что потерял дар речи. Я блеял и заикался, не в силах произнести ни слова. Мне хотелось поцеловать его руку, стать перед ним на колени.

Дон Хуан вошел и непринужденно уселся на край моей кровати.

— Я приехал в Лос-Анджелес, — сказал он, — специально, чтобы повидаться с тобой.

Я хотел пригласить его позавтракать, но дон Хуан ответил, что у него есть и другие дела и что на разговоры со мной у него остается не больше минуты. Я

торопливо рассказал ему о своей жизни в гостинице. Его присутствие настолько сбивало меня с толку, что я ни на секунду не задумался о том, чтобы спросить, как ему удалось обнаружить меня. Я только рассказывал дону Хуану о том, как сильно я жалел обо всем, что сказал ему в Эрмосильо.

— Тебе не за что извиняться, — поспешил тот успокоить меня. — Каждый из нас когда-то поступил именно так. Однажды я убежал от мира магов сам и чуть не умер, прежде чем осознал собственную глупость. Главная задача — достичь переломного момента любым путем. Именно это ты и сделал. Внутреннее безмолвие стало для тебя реальностью. Вот почему я стою перед тобой и говорю с тобой сейчас. Понимаешь ли ты, о чем идет речь?

Мне казалось, что я понял, что он имел в виду. Я думаю, что дон Хуан интуитивно узнал или прочел, как он читал многое прямо из воздуха, о том, что я стою на грани безумия, и пришел выручить меня.

— Ты не можешь терять времени, — сказал он. — Ты должен избавиться от своего предприятия в течение часа, так как час — это самое большее, что я могу позволить себе. Я не могу ждать дольше, и не потому, что не хочу ждать. Просто бесконечность безжалостно давит на меня. Скажем так, бесконечность дает тебе час, чтобы покончить со всем этим. Поскольку для бесконечности единственное предприятие, достойное воина, — это свобода. Любое иное предприятие — фальшивка. Можешь ли ты за час разделаться со всем этим?

Мне не нужно было убеждать его в том, что могу. Я знал, что должен сделать это. Дон Хуан сказал мне, что коль скоро я преуспею в том, чтобы отделаться от всего этого за час, он будет ждать меня на базаре в мексиканском городе. Озабоченный тем, как поскорее распорядиться своим делом, я прозевал эти слова. И когда он повторил их снова, я решил, что дон Хуан шутит.

— Как я смогу добраться до этого города, дон Хуан? Ты хочешь, чтобы я приехал на машине? Прилетел на самолете? — спросил я.

— Вначале закрой бизнес, — приказал он. — Затем придет и решение. Но помни, я буду ждать тебя не дольше часа.

Он вышел из квартиры, и я стал лихорадочно отделываться от всего, что имел. Конечно, на это ушло больше часа, но я ни разу не вспомнил об этом

сроке. Роспуск предприятия шел полным ходом, и меня несло по инерции. Только когда я покончил с делом, меня осенило, что я безнадежно промахнулся. Истинная дилемма предстала передо мной в полный рост. Я остался без своего дела и не имел никакой возможности добраться до дона Хуана.

Я побрел к кровати и стал искать единственного утешения, которое только мог вообразить: тишину и покой. Чтобы облегчить приход внутреннего безмолвия, я воспользовался приемом, которому научил меня дон Хуан: сел на край кровати, согнув ноги в коленях так, чтобы ступни соприкасались, а руки, охватив щиколотки, помогали им соединиться. Он когда-то дал мне толстый колышек, который я всегда держал под рукой, куда бы ни шел. Колышек был длиной в четырнадцать дюймов, и это позволяло мне, установив его между ног, поддерживать вес своей головы, упершись лбом в подушечку, приделанную к его концу. Каждый раз, заняв это положение, я моментально засыпал мертвым сном.

Очевидно, я и в этот раз заснул с обычной легкостью, так как мне приснился мексиканский город, в котором дон Хуан обещал ожидать меня. Меня всегда интриговал этот город. Базар открывался раз в неделю, и крестьяне, жившие неподалеку, привозили туда свои продукты на продажу. Но что больше всего меня завораживало в этом городе, — так это мощеная дорога, ведущая к нему. Она переваливала через крутой холм у самого въезда в город. Я не раз сидел на скамейке возле прилавка, за которым торговали сыром, и смотрел на холм. Я видел людей, приближающихся к городу, погоняющих везущих поклажу ослов. Но вначале я видел их головы. По мере их приближения я мог видеть, как по частям появлялись их туловища, пока они не поднимались на самую вершину и я мог рассмотреть их от макушки до пят. Мне всегда казалось, что они появляются из-под земли, — вырастают медленно или стремительно, в зависимости от скорости их приближения. В моем сне дон Хуан ожидал меня возле прилавка с сыром. Я подошел к нему.

— Ты сделал это из своего внутреннего безмолвия, — сказал он, похлопывая меня по спине. — Ты достиг своего переломного момента. На какое-то мгновение я потерял веру, но решил повременить, зная, что ты сделаешь это.

В этом сне мы отправились на прогулку, и я чувствовал себя счастливее, чем когда-либо. Сновидение было столь живым, что у меня не осталось сомнений в

том, что я смог решить проблему, даже если решение пришло в фантастическом сне.

Дон Хуан расхохотался, встряхивая головой. Он, безусловно, читал мои мысли.

— Ты сейчас находишься не в простом сне, — сказал он, — но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Ты когда-нибудь сам узнаешь о том, что во внутреннем безмолвии не бывает снов, так как сам решишь знать это.

8. Измерение постижения

Слова конец эпохи для дона Хуана были не просто метафорой. Скорее, это было точным описанием того процесса, через который проходят шаманы при разрушении известной им структуры мира, необходимом для того, чтобы начать по-иному понимать окружающий мир. Дон Хуан Матус, как учитель, начал с первых минут нашего знакомства объяснять мне постижимый мир шаманов древней Мексики. Термин постижение казался тогда мне исключительно спорным. Я понимал его как процесс, с помощью которого мы познаем окружающий мир. Определенные вещи попадают в сферу этого процесса и легко познаются нами. Иные вещи не попадают в эту сферу и потому считаются аномальными: то есть вещами, которые невозможно понять адекватно.

Дон Хуан настаивал с самого начала нашего знакомства па том, что мир магов древней Мексики отличается от нашего не какими-то внешними деталями, а глубокими расхождениями в способах постижения. Он придерживаются той мысли, что в нашем мире наш процесс постижения требует интерпретации чувственных данных. Он говорил, что Вселенная состоит из бесчисленных энергетических полей, которые существуют в ней в виде светящихся нитей. Эти светящиеся нити воздействуют на человека как на организм. Реакция организма — обратить эти энергетические поля в чувственные данные. Затем эти чувственные данные интерпретируются, и интерпретация становится

системой постижения. Мое понимание постижения заставило меня увериться в том, что это универсальный процесс, точно так же, как и язык является универсальным процессом. В каждом языке существует свой особый синтаксис, точно так же существует особая организация каждой из систем интерпретации мира.

Утверждение дона Хуана о том, что шаманы древней Мексики обладали совершенно особой системой постижения, казалось мне равносильным заявлению о том, что у них был особый способ общения, не имеющий ничего общего с языком. Я же отчаянно хотел от него услышать то, что их иная когнитивная система являлась эквивалентом языка, отличного от нашего. Но все же это был язык, а не что-либо иное. Конец эпохи в устах дона Хуана означает то, что структуры чужого постижения начинают вступать в силу. Структуры же моего нормального постижения (не важно, сколь приятны и лестны они были для меня) начинали растворяться. Торжественный момент в жизни человека!

Очевидно, моя академическая жизнь была моей самой взлелеянной структурой. Все, что представляло угрозу для нее, угрожало и самому нутру моего существа. Особенно опасными были завуалированные, незаметные атаки. Это случилось с профессором, на которого я целиком и полностью полагался, — с Профессором Лоркой.

Я записался на курс по «когнитивной психологии», который вел Профессор Лорка, так как его рекомендовали мне как самого блестящего специалиста в этой области. Профессор Лорка был довольно красив. Его светлые волосы были аккуратно зачесаны набок. Его лоб был гладким, без единой морщинки и, казалось, должен был принадлежать человеку, никогда ни о чем не беспокоившемуся в своей жизни. Его костюмы отличались необыкновенно хорошим покроем. Обычно он не носил галстука — черта, придававшая ему нечто мальчишеское. Он надевал галстук, только когда встречался с важными людьми.

Во время первого, хорошо запомнившегося занятия у Профессора Лорки я нервничал и находился в замешательстве, наблюдая за тем, как тот вышагивал вперед-назад несколько минут, показавшихся мне вечностью. Профессор Лорка беспрерывно двигал вверх и вниз своими стиснутыми губами, чем необычайно усугублял напряженную атмосферу, сгустившуюся в

закупоренной комнате, набитой людьми. Внезапно он прекратил шагать. Он остановился в центре комнаты, за несколько шагов от того места, где сидел я, и, постукивая по кафедре аккуратно свернутой газетой, начал говорить.

— Никогда не будет известно… — начал он.

Все сидящие в комнате озабоченно спешили записать его слова.

— Никогда не будет известно, — повторил он, — что чувствует жаба, сидящая на дне пруда и толкующая жабий мир, который ее окружает.

Его голос обладал огромной силой и убежденностью.

— Итак, что вы думаете по этому поводу?

Он помахал газетой у себя над головой.

Он начал читать перед классом газетную статью, в которой описывалась работа биолога. Ученого цитировали, когда тот описывал чувства лягушек, наблюдающих за роящимися над их головами насекомыми.

— Эта статья демонстрирует небрежность репортера, который, безусловно, исказил слова ученого, — заявил Профессор Лорка с авторитетом полного профессора. — Ученый, каким бы невежественным он ни был, никогда не позволит себе антропоморфизировать результаты исследования, если он, конечно, не совершеннейший кретин.

После этого вступления он прочитал блистательнейшую лекцию об индивидуальных особенностях нашей системы познавания, или когнитивной системы любого организма. Он обрушил на меня в своей вступительной лекции ливень идей и сделал их исключительно понятными и готовыми к применению. Самой свежей идеей для меня было то, что каждый субъект любого вида, обитающего в этом мире, интерпретирует окружающую действительность, пользуясь данными, полученными специализированными органами чувств. Он заявил, что человеческие существа не могут даже вообразить, что значит находиться в мире, где царствует эхолокация, в мире летучих мышей, где всякая постижимая точка отсчета не может быть даже осознана человеческим мозгом. Он разъяснил, что с этой точки зрения не

может существовать двух одинаковых когнитивных систем среди различных видов.

Когда я покинул аудиторию после полуторачасовой лекции, я чувствовал себя покоренным блистательным интеллектом Профессора Лорки. С этих пор я стал его горячим поклонником. Его лекции казались мне более чем стимулирующими и заставляющими мыслить. Это были единственные лекции, которые я всегда с нетерпением ждал. Вся его эксцентричность не значила для меня ровным счетом ничего в сравнении с его совершенством как преподавателя и мыслителя-новатора в сфере психологии.

Прежде чем посещать занятия Профессора Лорки, я проработал с Хуаном Матусом на протяжении двух лет. Мой неизменный стереотип поведения с ним заключался в том, что я обязательно рассказывал ему обо всем, что произошло со мной в обыденном мире. При первой возможности я открыл ему, что я испытываю к Профессору Лорке. Я превозносил Профессора Лорку до небес и даже открыто заявил дону Хуану, что считаю Профессора Лорку примером для подражания. Казалось, что мое искреннее восхищение впечатлило дона Хуана, однако он произнес странное предупреждение.

— Не восхищайся людьми издалека, — сказал он. — Это самый верный способ создания мифа. Подойди к своему профессору поближе, поговори с ним, узнай, что он за человек. Проверь его. Если поведение профессора — не что иное, как результат убежденности в том, что он является существом, собирающимся умереть, тогда все, что бы он ни делал (не важно, насколько странным бы это ни казалось), должно быть предумышленным и окончательным. Если же это окажется всего лишь словами, то твой профессор со всей его философией яйца выеденного не стоит.

Я был оскорблен до глубины души тем, что я счел нечуткостью дона Хуана. Я решил, что он слегка ревнует меня к Профессору Лорке. Сформулировав в уме эту мысль, я почувствовал облегчение; я понял все.

— Скажи мне, дон Хуан, — попытался я закончить нашу беседу в иной тональности, — что это за существо, собирающееся умереть? Я слышал, как ты говорил об этом множество раз, но ты так и не разъяснил мне свою мысль.

— Человеческие существа — это существа, собирающиеся умереть, — сказал

он. — Маги твердо придерживаются той точки зрения, что единственный способ ухватиться за ткань нашего мира н за то, что мы делаем в нем, — это полностью принять тот факт, что мы существа, которые находятся на пути к смерти. Без приятия этого обязательного условия наши жизни, поступки, да и сам мир, в котором мы живем, — все это будет безнадежным делом.

— Но разве простое приятие этого имеет столь большое значение? — сказал я тоном, в котором сквозил псевдопротест.

— Можешь поклясться в этом жизнью! — улыбнулся дон Хуан. — Однако фокус не в простом приятии этого условия. Мы должны воплотить это приятие и так прожить всю свою жизнь. Маги всех времен говорили, что мысль о смерти является самой отрезвляющей мыслью в мире. Извечная беда с нами, человеческими существами, состоит в том, что, даже не заявляя об этом, мы верим, что вошли в царство бессмертия. Вести себя так, словно мы вовсе не собираемся умирать, — ребячья дерзость. Но самым вредоносным является то, что приходит с этим чувством бессмертия, — кажущаяся способность поглотить всю непостижимую Вселенную своим разумом.

Невыносимое противостояние двух идей держало меня мертвой хваткой: мудрость дона Хуана и знание Профессора Лорки. Обе идеи были трудными для постижения, всеобъемлющими и привлекательными. Мне ничего не оставалось делать, как плыть по течению, куда бы оно ни несло меня.

Я последовал последнему совету дона Хуана сблизиться с Профессором Лоркой. Целый семестр я пытался подойти к нему, поговорить с ним. Я благоговейно являлся в его кабинет, когда он там должен был находиться, но у него никогда не было для меня времени. Но хотя я и не мог поговорить с ним, мое восхищение перед ним не уменьшалось. Я даже смирился с тем, что он, возможно, никогда не побеседует со мной. Но это не имело для меня никакого значения. Важно было только то, что я мог почерпнуть из его невероятных лекций.

Я отчитывался перед доном Хуаном о всех моих интеллектуальных находках. Я прочел множество материалов по постижению. Дон Хуан настаивал упорно, как никогда, на том, чтобы я вступил в контакт с виновником моей интеллектуальной революции.

— Необходимо, чтобы ты поговорил с ним, — произнес он с настойчивой ноткой в голосе. — Маги никогда не восхищаются людьми в вакууме. Они говорят с ними, они узнают их. Они создают точки отсчета. Они сравнивают. А ты делаешь это немного по-детски. Ты восхищаешься на расстоянии. Это очень напоминает то, то происходит с мужчиной, который боится женщин. В конечном счете его гонады преодолевают все остальное и заставляют мужчину поклоняться первой встречной особе женского пола, сказавшей ему «привет».

Я приложил двойное усилие, чтобы сблизиться с Профессором Лоркой, но тот казался неприступной крепостью. Когда я поделился с доном Хуаном своими трудностями, он объяснил мне, что маги рассматривают любой вид человеческих взаимодействий как поле боя, не важно, насколько те поверхностны или незначительны. На этом поле боя маги применяют свою лучшую магию, свои основные усилия. Он заверил меня, что для того, чтобы чувствовать себя свободно в подобной ситуации, необходимо встретиться с нашими противниками в открытую (а это никогда не было моей сильной стороной). Он выразил свое отвращение к робким душам, которые страшатся взаимодействия до такой степени, что, даже когда им приходится вступить в общение, они просто догадываются или вычисляют, что происходит, но так и не способны к активному постижению происходящего. Они вступают во взаимодействие, так и не став его частью.

— Всегда смотри на человека, который соревнуется с тобой в перетягивании каната, — продолжал он. — Не стоит просто тянуть канат на себя, взгляни ему в глаза. Тогда ты узнаешь, что он просто человек, как и ты сам. Не важно, что он говорит, не важно, что он делает, у него трясутся поджилки, точь-в-точь, как и у тебя. Такой взгляд делает противника беспомощным, хоть на мгновение. Тогда и дерни свой конец посильнее.

Однажды удача улыбнулась мне — я загнал Профессора Лорку в угол в холле рядом с его кабинетом.

— Профессор Лорка, — сказал я, — не найдется ли у вас свободной минутки, чтобы я мог побеседовать с вами?

— А кто ты, к черту, такой? — спросил он самым естественным тоном.

Так, словно я был его лучшим другом, которого профессор спросил о его самочувствии.

Профессор Лорка был груб, как бывает грубым любой из нас, но его слова не оказали на меня такого эффекта. Он улыбался мне своими плотно сжатыми губами, словно предлагал мне уйти или сказать что-нибудь стоящее.

— Я студент антропологии. Профессор Лорка, — отвечал я. — и та практическая деятельность, в которую я оказался вовлечен, позволяет мне изучать когнитивную систему магов.

Профессор Лорка смотрел на меня с подозрением и раздражением. Его глаза казались двумя синими точками, исполненными злобы. Он пригладил рукой волосы, словно те падали ему на лицо.

— Я работал с настоящим магом в Мексике, — продолжал я, стараясь добиться его ответа. — Он настоящий маг, уверяю вас. Мне потребовалось больше года для того, чтобы расположить его к себе. И тогда он снизошел к разговору со мной.

Лицо Профессора Лорки расслабилось; он раскрыл рот и, взмахнув деликатнейшим образом рукой перед своими глазами (словно раскатывал тесто для пиццы), заговорил со мной. Я не мог не заметить его золотых эмалевых запонок, которые идеально подходили к его зеленоватому пиджаку.

— И что же ты хочешь от меня? — спросил он.

— Я хочу, чтобы вы выслушали меня, — отвечал я. — Возможно, то, что я делаю, сможет заинтересовать вас.

Он пожал плечами с видом человека, неохотно покорившегося неизбежному, открыл дверь своего кабинета и пригласил меня войти. Я знал, что не могу терять времени. Я рассказал ему о своей практической работе и о том, что меня обучили процедурам, не имеющим ничего общего с тем, что можно обнаружить в антропологической литературе по шаманизму.

Несколько секунд он производил движения губами, не произнося ни слова. Когда он заговорил, то указал, что типичным недостатком всех антропологов

является то, что они никогда не уделяют достаточно времени для полного постижения всех нюансов когнитивной системы изучаемых ими людей. Он определил постижение как систему интерпретаций, которая, благодаря ее применению, дает возможность индивидам утилизировать с величайшим мастерством все нюансы значений, которые создают интересующую нас социальную среду.

Слова Профессора Лорки пролили свет на весь объем моих практических работ. Не освоив всех нюансов когнитивной системы шаманов древней Мексики, с моей стороны было бы несерьезно формулировать любую идею об этом мире. Если бы Профессор Лорка не сказал мне больше ни слова, того, что он только что изрек, хватило бы мне с лихвой. Но затем еще последовала очаровательная дискуссия о постижении.

— Ваша проблема, — начал Профессор Лорка, — состоит в том, что когнитивная система обыденного мира, с которым мы все знакомы практически с самого своего рождения, не является аналогичной когнитивной системе мира магов.

Это заявление вызвало во мне состояние эйфории. Я поблагодарил Профессора Лорку самым сердечным образом и заверил его, что в моем случае остается придерживаться только одного образа действий, а именно: следовать его идеям везде и во всем.

— То, что я сказал тебе, конечно, всего лишь общие сведения, — сказал он мне, провожая из своего кабинета. — Всякому читающему человеку известно то, о чем я говорил тебе.

Мы расстались почти друзьями. Мой рассказ о моем успешном сближении с Профессором Лоркой вызвал у дона Хуана несколько странную реакцию. Казалось, что с одной стороны дон Хуан пришел в приподнятое настроение, но с другой — он был заметно озабочен.

— У меня такое чувство, что твой профессор не тот, за кого себя выдает, — сказал он. — Это, конечно, с точки зрения магов. Пожалуй, с твоей стороны было бы мудрым покончить со всем этим сейчас, пока все это не зашло слишком далеко. Одно из высших искусств магии — знание того момента, когда нужно остановиться. Мне кажется, что ты уже получил от профессора

все, что он мог тебе дать.

Я немедленно стал горой на защиту Профессора Лорки. Дон Хуан успокоил меня. Он сказал мне, что вовсе не был намерен судить или критиковать кого-либо, но, насколько ему известно, лишь немногие знают, когда следует расстаться с кем-то, а тех, кто знают, как использовать свое знание, еще меньше.

Несмотря на предостережение дона Хуана, я не покончил с этим, наоборот, я стал преданным учеником Профессора Лорки, его последователем, почитателем. Казалось, что тот проникся искренним интересом к моей работе, хотя и приходил в полнейшее расстройство, столкнувшись с моей неспособностью и нежеланием формулировать отточенные концепции о когнитивной системе мира магов.

В один прекрасный день Профессор Лорка сформулировал концепцию об ученом-госте иного когнитивного мира. Он объявил, что желает продемонстрировать широту кругозора и, как ученый-социолог, поиграть с возможностями различных когнитивных систем. Он представил себе настоящее научное исследование, при котором протоколы будут собираться и анализироваться. Психологические тесты будут составлены и предложены известным мне шаманам, чтобы, скажем, измерять их способность фокусировать постижение на двух различных аспектах поведения.

Он думал, что тест начнется с простого эксперимента, во время которого шаманы будут пытаться понять и запомнить написанный текст, который они будут читать во время игры в покер. Тесты будут постепенно усложняться, чтобы измерить, скажем, их способность фокусировать постижение на сложных вещах, которые им говорят во время сна, и так далее. Профессор Лорка хотел, чтобы был проведен лингвистический анализ шаманской манеры произносить слова. Он хотел произвести замеры их реакций с точки зрения скорости и точности, а также иных особенностей, которые станут во главу угла по мере развития проекта.

Дон Хуан чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему о предложении Профессора Лорки произвести замеры шаманского постижения.

— Меня действительно покорил твой профессор, — сказал он. — Но ты не мог

говорить серьезно об этой идее «измерения нашего постижения». Чего мог добиться профессор, измерив наши реакции? Он пришел бы к выводу, что все мы форменные болваны, так как на деле мы такие и есть. Мы не можем быть ни более умными, ни более быстрыми, чем обычные люди. Однако не его вина в том, что он считает, что может проводить замеры постижения во всех мирах. Это твоя вина, так как ты не смог донести до ума своего профессора то, что когда маги говорят о мире постижения шаманов древней Мексики, то подразумевают вещи, которые не имеют аналогов в обыденной жизни.

К примеру, непосредственное восприятие потока энергии, проходящего сквозь Вселенную, — вот элемент постижения, согласно которому живут шаманы. Они видят, как течет энергия, и следуют за потоком. Если этот поток наталкивается на преграду, они уходят прочь и занимаются совершенно иными делами. Шаманы видят линии Вселенной. Их искусство, или их работа, состоит в том, чтобы избрать линию, которая заведет их способность к восприятию в безымянные области. Можно сказать, что шаманы мгновенно реагируют на эти линии Вселенной. Они видят человеческие существа как шары энергии, и они ищут в них их энергетические потоки. Конечно же, они мгновенно реагируют на это. Такова часть их постижения.

Я сказал дону Хуану, что не могу говорить об этом с Профессором Лоркой, так как не делал ничего из того, что он только что описал. Мое постижение осталось прежним.

— А! — воскликнул он. — Просто у тебя не было времени на то, чтобы воплотить элементы постижения шаманского мира.

Я покидал дом дона Хуана, совершенно запутавшись в мыслях. Какой-то голос внутри меня требовал, чтобы я завершил все свои изыскания с Профессором Лоркой. Я понял, насколько прав был дон Хуан, когда он однажды заявил, что все практические исследования, которыми занимаются ученые, ведут к созданию все более и более сложных машин. Это не те исследования, которые изменяют ход жизни человека изнутри. Они никак не связаны с тем, чтобы человек мог достичь просторов Вселенной самостоятельно. Созданные или только создаваемые ошеломительные аппараты имели культурологическое значение. Даже их создатели не наслаждались ими непосредственно. Единственной наградой для них были деньги.

Разъяснив все это, дон Хуан добился того, что мой разум стал работать в более критическом ключе. Я даже стал сомневаться в идеях Профессора Лорки — такого я никогда прежде себе не позволял. Тем временем Профессор Лорка не уставал изрекать потрясающие истины о постижении. Каждая новая декларация была все суровее и потому проникала все глубже в суть предмета.

К концу второго семестра моих занятий у Профессора Лорки я достиг мертвой точки. Я не видел никакой возможности примирить две линии мышления — дона Хуана и Профессора Лорки. Это были два параллельных пути. Я понимал побуждение Профессора Лорки провести качественную и количественную оценку постижения. Кибернетика в то время уже замаячила на горизонте, и практические аспекты изучения постижения становились реальностью. Но таков был мир дона Хуана — его невозможно было измерить лабораторными методами. Мне посчастливилось стать свидетелем этого мира, наблюдая за действиями дона Хуана. Но я еще не испытал этого на собственном опыте. Я чувствовал, что это и есть тот недостаток, который не позволяет мне связать два эти мира.

Я рассказал о своих соображениях дону Хуану во время одного из моих визитов. Тот возразил, что мое определение этого недостатка как фактора, не дающего возможность перебросить мост, является неточным. С его точки зрения, недочет выходил далеко за рамки индивидуальных возможностей человека.

— Очевидно, ты можешь припомнить, что является нашим величайшим недостатком как обычных человеческих существ? — спросил он.

Я не мог вспомнить ничего определенного. Он перечислял такое количество недостатков, мешающих нам как обычным человеческим существам, что мой ум работал на огромных оборотах без всякого толка, пытаясь найти ответ.

— Ты хочешь услышать что-то определенное, — сказал я. — А я ничего не могу придумать.

— Величайший недостаток, о котором я говорю, — сказал он, — это нечто такое, о чем ты должен помнить каждую секунду своего существования. Для меня это вопрос вопросов, и я буду повторять тебе об этом, пока не прожужжу все уши.

Прошло несколько мучительно долгих секунд, и я окончательно сдался.

— Мы — существа, направляющиеся к смерти, — сказал он. — Мы не бессмертны. Но мы ведем себя так, как если бы были таковыми. Это недостаток, унижающий нас как личности, и когда-нибудь он унизит нас как вид.

Дон Хуан заявил, что преимущество магов перед обычными человеческими существами заключается в том, что маги знают, что они существа, находящиеся на пути к смерти. И они не позволяют увлечь себя в сторону от этого знания. Он подчеркнул, что необходимо применить огромное усилие, чтобы обрести и поддерживать это знание с абсолютной ясностью.

— Почему же нам так трудно принять такую ясную мысль? — спросил я, смущенный осознанием нашей противоречивости.

— Собственно говоря, это не человеческий недостаток, — сказал он примирительно. — Как-нибудь я расскажу тебе о тех силах, которые заставляют человека вести себя как осел.

Больше мне нечего было сказать. Воцарилась зловещая тишина. Я даже не хотел узнать о тех силах, на которые намекнул дон Хуан.

— Для меня не составляет труда оценить твоего профессора на расстоянии, — продолжал дон Хуан. — Он бессмертный ученый. Он не собирается умереть никогда. И когда дело дойдет до похоронных хлопот, я уверен, что окажется, что он уже предпринял все необходимые шаги. У него есть участок на кладбище, где его закопают, и он приобрел надежный страховой полис, благодаря которому его семья не будет бедствовать после его смерти. Обзаведясь этими двумя документами, он считает, что может больше не думать о смерти. Он думает только о своей работе.

— Профессор Лорка силен в разговорах, так как он научился точно подбирать слова, — продолжал дон Хуан. — Но он не подготовился к тому, чтобы его воспринимали всерьез как человека, собирающегося умереть. Будучи бессмертным, он не знает, как это сделать. Не имеет никакого значения, насколько сложны машины, создаваемые учеными. Эти машины ничем не

смогут помочь при неизбежной встрече — встрече с бесконечностью.

Нагваль Хулиан рассказывал мне о победоносных полководцах древнего Рима. Когда они возвращались домой с победой, в их честь устраивались громадные парады. Демонстрируя захваченные сокровища и обращенных в рабов покоренных людей, триумфаторы въезжали в Рим на боевых колесницах. Рядом с победителем всегда ехал раб, чьей обязанностью было шептать на ухо хозяину, что все победы и слава преходящи.

— И если мы хоть в чем-то являемся победителями, — продолжал говорить дон Хуан, — нам не нужен человек, шепчущий на ухо о том, что все победы лишь временны. И все же у магов есть преимущество; некто постоянно шепчет им на ухо о том, что все бренно. И этот некто — смерть, непогрешимый советчик, который никогда не солжет нам.

9. Сказать «Спасибо»

Воины-путешественники не оставляют ни одного долга неоплаченным, — сказал дон Хуан.

— О чем ты говоришь, дон Хуан? — спросил я.

— Тебе пора рассчитаться с определенными обязательствами, которые ты принял на себя в течение своей жизни, — сказал он. — Помни, это не значит, что ты когда-нибудь полностью расплатишься, но ты должен сделать жест. Ты должен заплатить символически, чтобы расплатиться, чтобы ублажить бесконечность. Ты рассказал мне о двух твоих подругах, которые столько для тебя значили: Патриции Тернер и Сандре Фланеган. Тебе пора отправиться на их поиски и сделать каждой из них подарок, на который ты потратишь все, что имеешь. Тебе нужно сделать два подарка, которые оставят тебя без

гроша. Это жест.

— Я не знаю, где они, дон Хуан, — сказал я, почти протестуя.

— Найти их — испытание для тебя. В их поиске не останавливайся ни перед чем. То, что ты намереваешься сделать, очень просто, и все же почти невозможно. Ты хочешь пересечь порог личных обязательств и одним ударом стать свободным, чтобы идти дальше. Если ты не сможешь пересечь этот порог, то не будет никакого смысла в попытках продолжать что-то делать со мной.

— Но откуда у тебя взялась сама идея этого задания для меня? — спросил я. — Ты решил это сам, потому что считаешь, что это нужно?

— Я ничего не решал сам, — сказал он сухо. — Я получил это задание из самой бесконечности. Мне нелегко говорить все это тебе. Если ты думаешь, что мне ужасно нравятся твои трудности, то ты ошибаешься. Успех твоей миссии значит больше для меня, чем для тебя. Если ты потерпишь поражение, ты мало что потеряешь. Что? Твои визиты ко мне. Большое дело. Но я потеряю тебя, и для меня это значит потерять или непрерывность моей линии, или возможность того, что ты закроешь ее золотым ключом.

Дон Хуан перестал говорить. Он всегда знал, когда мой ум начинало лихорадить от мыслей.

— Я столько раз говорил тебе, что воины-путешественники — прагматики, — продолжал он. — Они не погружены в сентиментальность, ностальгию или меланхолию. Для воинов-путешественников есть только борьба, и борьба бесконечная. Если ты думаешь, что пришел сюда за покоем или что это затишье в твоей жизни, то ты ошибаешься. Это задание по выплате твоих долгов не вызвано ни одним из чувств, которые тебе известны. Оно вызвано чистейшей сентиментальностью; сентиментальностью воина-путешественника, который собирается нырнуть в бесконечность, и, перед тем как это сделать, он оборачивается, чтобы сказать «спасибо» тем, кто был к нему благосклонен.

— Ты должен отнестись к этому заданию со всей серьезностью, — продолжал он. — Это твоя последняя остановка, прежде чем бесконечность поглотит тебя.

На самом деле, если воин-путешественник не находится в прекрасном состоянии, бесконечность и близко к нему не подойдет. Поэтому не жалей себя; не жалей никаких усилий. Добивайся этого безжалостно, но мягко, до самого конца.

С теми двумя людьми, которых дон Хуан назвал моими подругами, так много значившими для меня, я познакомился в колледже. Я жил в помещении над гаражом дома, принадлежащего родителям Патриции Тернер. В обмен на проживание и питание я чистил бассейн, сгребал листья, выкидывал мусор и готовил завтрак для Патриции и для себя. К тому же я был домашним мастером на все руки и семейным шофером; я возил миссис Тернер за покупками, и я покупал ликер для мистера Тернера, который мне нужно было тайком проносить в дом, а потом в его кабинет.

Он руководил страховым агентством и был пьяницейодиночкой. Он пообещал своей семье, что больше никогда не притронется к бутылке, после нескольких серьезных семейных ссор из-за того, что он слишком много пил. Мне он сказал по секрету, что пьет теперь гораздо меньше, но иногда ему нужен глоточек. Его кабинет был, конечно, закрыт для всех, кроме меня. Считалось, что я захожу туда, чтобы сделать уборку, но на самом деле я прятал его бутылки в балку, которая вроде бы поддерживала арку на потолке кабинета, но на самом деле была полая. Мне нужно было тайком проносить туда бутылки, а пустые тайком выносить и по дешевке сбывать на рынке.

Основными предметами Патриции в колледже были драма и музыка, и она была великолепной певицей. Она мечтала петь в бродвейских мюзиклах. Не нужно и говорить, что я по уши влюбился в Патрицию Тернер. Она была очень стройной и спортивной; брюнетка, с угловатыми чертами лица, и на голову выше, чем я, — мое основное условие для того, чтобы сходить с ума по женщине.

По-видимому, я удовлетворял какую-то ее глубокую потребность, потребность кого-то воспитывать, особенно после того, как она поняла, что ее папочка безгранично мне доверяет. Она стала моей маленькой мамочкой. Я и рта не мог раскрыть без ее согласия. Она следила за мной как ястреб. Она даже писала курсовые работы за меня, читала учебники и делала их краткий обзор. И мне нравилось это, не потому, что я хотел, чтобы меня воспитывали; мне кажется, что эта потребность никогда не входила в мое сознание. Я

наслаждался тем, что она делала это. Я наслаждался ее обществом.

Она едва ли не каждый день водила меня в кино. У нее были пропуска во все большие кинотеатры Лос-Анджелеса, которые ее отец получил благодаря каким-то киномагнатам. Мистер Тернер никогда не использовал их сам; он считал ниже своего достоинства выставлять напоказ пропуска в кино. Билетеры всегда заставляли владельцев таких пропусков подписывать квитанции. Патриция без малейших колебаний подписывала что угодно, но иногда самые неприятные билетеры хотели, чтобы подписался мистер Тернер, а когда я отправлялся к мистеру Тернеру и делал это, им не хватало одной только подписи мистера Тернера. Они требовали водительские права. Один из них, развязный парень, отпустил шутку, которая рассмешила его, и меня тоже, но вызвала у Патриции приступ ярости.

— Мне кажется, вы мистер Терднер, — сказал он, с самой противной улыбкой, которую только можно вообразить, — а не мистер Тернер.

Я мог бы пропустить мимо ушей это замечание, но затем он нас глубоко унизил, отказавшись пропустить на фильм «Возвращение Геркулеса» со Стивом Ривзом в главной роли.

Обычно мы ходили повсюду с лучшей подругой Патриции, Сандрой Фланеган, которая жила в соседнем доме со своими родителями. Сандра была полной противоположностью Патриции. Она была такой же высокой, но ее лицо было округлым, с розовыми щеками и чувственным ртом; она была здоровее быка. Она ничуть не интересовалась пением. Она интересовалась только чувственными удовольствиями тела. Она могла есть и пить что угодно, и переваривать это, и к тому же — то, из-за чего я окончательно влюбился в нее, — отполировав свою тарелку, она ухитрялась делать то же самое и с моей, чего я никогда не мог сделать за всю свою жизнь как разборчивый едок. Она тоже была очень спортивной, но в грубом, здоровом смысле. Она могла ударить кулаком, как мужчина, и пнуть ногой, как мул.

Из внимания к Патриции я делал такую же работу по дому для родителей Сандры, как и для родителей Патриции: чистил бассейн, сгребал листья с газона, выносил мешки с мусором и сжигал бумаги и горючий мусор. Это было то время в Лос-Анджелесе, когда из-за частных мусоросжигателей увеличилось загрязнение воздуха.

Может быть, из-за того, что эти молодые женщины были рядом, или из-за их непринужденности, но в конце концов я без ума влюбился в них обеих.

Я обратился за советом к очень странному молодому человеку, который был моим другом: Николасу Ван Хутену. У него были две подружки, и он жил с ними обеими, казалось, в состоянии совершенного блаженства. Он начал с того, что дал мне, по его словам, самый простой совет: как вести себя в кино с двумя подружками. Он сказал, что каждый раз, когда он ходил в кино с двумя своими подружками, он всегда сосредоточивал все свое внимание на той, которая сидела слева. Вскоре две девушки шли в уборную, и когда они возвращались, он просил их поменяться местами. Анна садилась там, где сидела Бетти, и ни одна из них не была обижена. Он заверил меня, что это первый шаг в продолжительном процессе привыкания девушек к принятию ситуации трио как само собой разумеющейся; Николас был довольно старомодным и использовал избитое французское выражение: menage a trois (жизнь втроем).

Я последовал его совету и пошел в кино немых фильмов на Фэрфакс-авеню в Лос-Анджелесе с Патрицией и Сэнди. Я посадил Патрицию слева от себя, и одарил ее всем своим вниманием. Они пошли в уборную, и я попросил их поменяться местами, когда они вернулись. Потом я начал делать то, что посоветовал Николас Ван Хутен, но Патриция не собиралась мириться с такими шутками. Она встала и вышла из кино, оскорбленная, униженная и в дикой ярости. Я хотел побежать за ней и извиниться, но Сандра остановила меня.

— Пусть идет, — сказала она с ядовитой улыбкой. — Она уже большая девочка. У нее достаточно денег, чтобы взять такси и добраться до дома.

Я поддался ей и остался в кино, целуя Сандру довольно нервно и с чувством вины. Посреди страстного поцелуя я почувствовал, что кто-то тянет меня назад за волосы. Это была Патриция. Наш ряд сидений был незакреплен и наклонился назад. Спортивная Патриция успела выпрыгнуть перед тем, как наши сиденья с грохотом свалились на ряд сидений за нами. Я услышал испуганные крики двух зрителей, которые сидели в конце ряда возле прохода.

Подсказка Николаса Ван Хутена оказалась никуда не годной. Патриция, Сандра и я возвратились домой в полном молчании. Мы уладили наш конфликт под

кучу нелепых обещаний, слез, по полной программе. Результатом наших трехсторонних отношений было то, что в конце концов мы довели себя до предела. Мы не были готовы к такой задаче. Мы не знали, как решить проблемы привязанности, морали, долга и норм общества. Я не мог оставить ни одну из них ради второй, а они не могли оставить меня. Однажды, к пиковой точке огромной внутренней бури, из чистого отчаяния все мы трое сбежали в разных направлениях, чтобы больше никогда не встречаться.

Я чувствовал себя опустошенным. Что бы я ни делал, это не могло стереть их след в моей жизни. Я уехал из Лос-Анджелеса и занялся бесконечными делами, пытаясь утихомирить свою тоску. Ничуть не преувеличивая, я могу искренне сказать, что я попал в муки ада; мне казалось, что я никогда из них не выберусь. Если бы не влияние дона Хуана на меня и мою жизнь, я бы никогда не вынес моих личных демонов. Я сказал дону Хуану, что я знаю, что, даже если какие-то мои поступки неправильны, я не имею права вовлекать таких чудесных людей в такие подлые, глупые авантюры, к которым я совершенно не готов.

— Неправильным было то, — сказал дон Хуан, — что вы трое были законченными эгоманьяками. Ваша собственная важность почти уничтожила вас. Когда нет собственной важности, есть только чувства.

— Окажи мне услугу, — продолжал он, — и выполни простое и недвусмысленное упражнение, которое может значить для тебя все: удали из своей памяти об этих двух девушках все свои высказывания самому себе, например: «Она сказал мне это или то, и она закричала, и вторая закричала, и, БОЖЕ МОЙ!..», а останься на уровне своих чувств. Если бы ты не был настолько важным для себя, то что бы осталось как несократимый остаток?

— Моя чистая любовь к ним, — сказал я, почти задыхаясь.

— А она сейчас меньше, чем была тогда? — спросил дон Хуан.

— Нет, не меньше, дон Хуан, — сказал я честно, и почувствовал ту же боль страдания, которая преследовала меня годами.

— В этот раз обними их из своей тишины, — сказал он. — Не будь постной задницей. Обними их полностью в последний раз. Но намеревайся, чтобы это

был вообще последний раз. Намеревайся так из своей темноты. Если ты чегото стоишь, — продолжал он, — то, когда ты сделаешь им свой подарок, ты дважды подытожишь всю свою жизнь. Такие поступки и делают воинов парящими, почти воздушными.

Следуя указаниям дона Хуана, я отнесся к этой задаче со всем сердцем. Я понял, что если не выйду победителем, то проиграет не только дон Хуан. Я тоже что-то потеряю, и то, что я могу потерять, было настолько же важно для меня, как то, что дон Хуан описал как важное для себя. Я мог потерять свой шанс встретиться с бесконечностью и осознать ее.

Воспоминание о Патриции Тернер и Сандре Фланеган привело меня в ужасное настроение. Опустошающее чувство непоправимой потери, которое преследовало меня все эти годы, оставалось таким же ярким. Когда дон Хуан обострил это чувство, я знал точно, что есть определенные вещи, которые могут оставаться с нами — как сказал дон Хуан — на всю жизнь, и, возможно, еще дольше. Мне нужно было найти Патрицию Тернер и Сандру Фланеган. Последний совет дона Хуана был в том, что, если я их все же найду, мне нельзя с ними оставаться. У меня есть время только на то, чтобы поблагодарить, обнять каждую из них со всей моей любовью, без злых голосов обвинения, жалости к себе или эгоизма.

Я приступил к колоссальной задаче — выяснить, что с ними и где они. Я начал с поиска людей, которые знали их родителей. Их родители выехали из Лос-Анджелеса, и никто не мог подсказать мне, где их можно найти. Не было никого, с кем бы можно было поговорить. Я подумал о том, чтобы поместить объявление в газете. Но потом я подумал, что, наверное, они уехали из Калифорнии. В конце концов мне пришлось нанять частного детектива. С помощью своих связей с государственными архивами и всем прочим он нашел их за пару недель.

Они жили в Нью-Йорке, невдалеке друг от друга, и их дружба оставалась такой же крепкой, как и раньше. Я поехал в Нью-Йорк и сначала занялся Патрицией Тернер. Она не смогла добиться славы на Бродвее, к которой стремилась, но она участвовала в постановках. Я не хотел узнавать, кем она работает — исполнителем или руководителем. Я пришел к ней в ее офис. Она не сказала мне, кем она работает. Она была шокирована, увидев меня. Мы просто сидели вместе. взявшись за руки, и плакали. Я тоже не сказал ей, чем

я занимаюсь. Я сказал, что приехал встретиться с ней, потому что я хочу сделать ей подарок, выразив свою благодарность, и что я отправляюсь в путешествие, из которого не намерен возвращаться.

— Зачем такие зловещие слова? — спросила она, явно искренне встревожившись. — Что ты планируешь делать? Ты болен? Ты не выглядишь больным.

— Я сказал это метафорически, — заверил я ее. — Я возвращаюсь в Южную Америку и собираюсь искать там свою судьбу. Конкуренция жесткая, и обстоятельства очень суровые, вот и все. Чтобы достичь успеха, мне нужно будет отдать этому все, что у меня есть.

Она вроде бы успокоилась и обняла меня. Она выглядела так же, только гораздо больше, гораздо мощнее, гораздо взрослее, очень изящная. Я поцеловал ее руки, и ошеломляющая любовь охватила меня. Дон Хуан был прав. Когда исчезли упреки и обвинения, у меня остались только чувства.

— Я хочу сделать тебе подарок. Патриция Тернер, — сказал я. — Попроси меня о чем угодно, и если мне это по карману, я куплю это для тебя.

— Ты что, вдруг разбогател? — засмеялась она. — Что в тебе замечательно, так это то, что у тебя никогда ничего не было и не будет. Мы с Сандрой говорим о тебе, почти каждый день. Мы воображаем, что ты паркуешь машины, живешь за счет женщин, и так далее, и тому подобное. Извини, мы с трудом держимся на плаву, но мы все так же любим тебя.

Я настоял, чтобы она сказала мне, чего она хочет. Она начала одновременно плакать и смеяться.

— Ты мне купишь норковую шубу? — спросила она меня между всхлипываниями.

Я взъерошил ее волосы и сказал, что куплю.

— Если она тебе не понравится, отнесешь ее обратно в магазин и получишь деньги, — сказал я.

Она засмеялась и стукнула меня так, как раньше. Ей нужно было возвращаться к работе, и мы расстались, после того как я пообещал, что приду еще, чтобы встретиться с ней, но если не вернусь, прошу ее понять, что моя жизнь швыряет меня во все стороны, но я сохраню в себе память о ней на всю оставшуюся жизнь, и может быть, даже дольше.

Я действительно вернулся, но только чтобы увидеть издалека, как ей доставили норковую шубу. Я услышал, как она визжит от восторга. Эта часть моего задания была закончена. Я уехал, но я не стал воздушным, как говорил дон Хуан. Я раскрыл старую рану, и она начала кровоточить. Это был скорее не дождь снаружи, а тонкий туман, который, казалось, пронизывал меня до мозга костей.

Потом я поехал к Сандре Фланеган. Она жила в одном из пригородов Нью-Йорка, в который можно доехать на электричке. Я постучал к ней в дверь. Сандра открыла ее и посмотрела на меня, как на привидение. Она сильно побледнела. Она была еще красивей, чем раньше, возможно из-за того, что она поправилась и выглядела большой как дом.

— Как, ты, ты, ты! — сказала она, запинаясь, не в состоянии выговорить мое имя.

Она зарыдала, и некоторое время казалась возмущенной и укоряющей. Я не дал ей возможности продолжать это. Мое молчание было полным. В конце концов это подействовало на нее. Она впустила меня, и мы присели в ее комнате.

— Что ты здесь делаешь? — сказала она намного спокойнее. — Тебе нельзя здесь оставаться! Я замужем! У меня трое детей! И я очень счастлива в моем браке.

Быстро выстреливая свои слова, как пулемет, она рассказала мне, что ее муж очень надежный, без особого воображения, но хороший человек, что он не чувственный, и ей приходилось быть очень осторожной, потому что он очень легко уставал, когда они занимались любовью, и иногда он не мог идти на работу, и легко заболевал, но она смогла родить троих прекрасных детей, и после ее третьего ребенка ее муж, которого, кажется, звали Герберт, просто перестал это делать. Он больше не мог, но для нее это было неважно.

Я постарался успокоить ее, заверяя ее снова и снова, что я приехал к ней только на минутку, что не в моих намерениях менять ее жизнь или как-то ее беспокоить. Я рассказал ей, как тяжело было ее найти.

— Я пришел сюда, чтобы попрощаться с тобой, — сказал я, — и сказать тебе, что ты самая большая любовь в моей жизни. Я хочу сделать тебе символический подарок в знак моей признательности и вечной любви.

Она была глубоко растрогана. Она открыто улыбнулась так, как раньше. Из-за щели между зубами она была похожей на ребенка. Я сказал ей, что она прекрасна как никогда, и это было правдой для меня.

Она засмеялась и сказала, что она собирается сесть на строгую диету и что, если бы она знала, что я к ней приеду, она бы уже давно начала диету. Но она начнет сейчас, и в следующий раз я увижу ее такой же худой, как всегда. Она вспомнила об ужасе нашей жизни вместе и как сильно влюблена она была. Она даже думала о самоубийстве, хотя и была набожной католичкой, но нашла в своих детях нужное ей утешение, и все, что мы сделали, было проделками молодости, которые нельзя будет стереть, и их нужно просто забыть.

Когда я спросил ее, какой подарок я могу ей сделать как символ моей благодарности и любви к ней, она засмеялась и сказала точно то же, что и Патриция Тернер: что у меня нет даже ночного горшка, и не будет, потому что так я устроен. Я настоял, чтобы она что-то назвала.

— Ты можешь купить мне микроавтобус, в который поместятся все мои дети? — сказала она, смеясь. — Я хочу «Понтиак» или «Олдсмобиль», со всеми этими приспособлениями.

Она сказала это, зная в глубине сердца, что я никак не могу сделать ей такой подарок. Но я сделал.

На следующий день я повел машину торгового агента, следуя за ним, когда он доставил ей микроавтобус, и из припаркованной машины, где я прятался, я услышал ее удивление; но, в согласии с ее чувственной природой, ее удивление было нерадостным. Это была реакция тела, всхлипывания с болью, замешательство. Она заплакала, но я знал, что она плачет не потому, что

получила подарок. Это была тоска, которая отзывалась во мне. Я обвис на сиденье машины.

Когда я ехал на поезде в Нью-Йорк и летел в Лос-Анджелес, постоянно присутствовало ощущение, что моя жизнь уходит; она вытекала из меня, как песок из пригоршни. Я не чувствовал себя освобожденным или изменившимся, сказав «спасибо» и «до свидания». Совсем наоборот, я глубже, чем когда-либо, почувствовал груз этой странной любви. Мне хотелось рыдать. Снова и снова в моем уме прокручивались названия, которые мой друг Родриго Каммингс придумал для книг, которые так и не были никогда написаны… Он специализировался на придумывании названий. Его самым любимым было «Мы все умрем в Голливуде», еще одним — «Мы никогда не изменимся», а моим любимым, которое я купил за десять долларов, было «Из жизни и грехов Родриго Каммингса». Все эти названия проигрывались в моем уме. Я был Родриго Каммингсом, я застрял во времени и пространстве, и я любил больше жизни двух женщин, и это никогда не изменится. И, как и все мои друзья, я умру в Голливуде.

Я рассказал все это дону Хуану в моем отчете о том, что я считал моим ложным успехом. Он безжалостно отбросил все это. Он сказал, что мои чувства были всего лишь результатом индульгирования и жалости к себе, а чтобы сказать «до свидания» и «спасибо», действительно имея это в виду. и подтвердить это, магам нужно переделать себя.

— Сейчас же преодолей свою жалость к себе, — потребовал он. — Преодолей идею, что тебе причинили боль, — и что у тебя будет как несократимый остаток?

Моим несократимым остатком было чувство, что я сделал свой окончательный подарок им обеим. Не в духе возобновления чего-то или причинения кому-то вреда, а в истинном духе того, на что дон Хуан старался мне указать, — в духе воина-путешественника, чье единственное достоинство, как он сказал, в том, чтобы поддерживать память обо всем, что на него повлияло, чей единственный способ сказать «спасибо» и «до свидания» с помощью магического действия — хранить в своем безмолвии все, что любил.

Часть третья: За пределами синтаксиса

10. Проводник

Я был в доме дона Хуана в Соноре и крепко спал на своей кровати, когда дон Хуан разбудил меня. Я практически всю ночь оставался на ногах, обдумывая концепции, которые он мне объяснил.

— Ты достаточно отдохнул, — сказал он, твердо, почти грубо встряхивая меня за плечи. — Не индульгируй в своей усталости. Твоя усталость — это больше чем усталость, это желание, чтобы тебя не беспокоили. Что-то в тебе возмущается тем, что тебя беспокоят. Но тебе крайне важно раздражать эту твою часть, пока она не сломается. Давай пойдем прогуляемся.

Дон Хуан был прав. Какая-то моя часть чрезвычайно возмущалась, когда ее беспокоили. Я несколько дней хотел спать и не думать больше о магических концепциях дона Хуана. Совершенно против своей воли я поднялся и пошел за ним. Дон Хуан приготовил еду, которую я жадно съел, как будто несколько дней не ел, а потом мы вышли из дома и направились на восток, к горам. Я был настолько сонным, что не замечал, что сейчас раннее утро, пока не увидел солнца, которое взошло как раз над восточной горной цепью. Я хотел сказать дону Хуану, что я проспал всю ночь без движения, но он заставил меня замолчать. Он сказал, что мы идем в экспедицию в горы на поиски каких-то растений.

— Дон Хуан, что ты собираешься делать с растениями, которые соберешь? — спросил я его, как только мы отправились в путь.

— Они не для меня, — сказал он с улыбкой. — Они для моего друга, ботаника и аптекаря. Он делает из них настойки.

— Он что, яки, дон Хуан? Он живет здесь в Соноре? — спросил я.

— Нет, он не яки, и не живет здесь, в Соноре. Ты когданибудь с ним встретишься.

— Дон Хуан, он что, маг?

— Да, он маг, — сухо ответил он.

Я спросил его, можно ли взять несколько растений, чтобы определить их в Ботаническом саду Калифорнийского университета.

— Конечно, конечно! — сказал он.

В прошлом я обнаружил, что каждый раз, когда он говорит «конечно», он не собирается этого делать. Очевидно, он и не собирался давать мне образцы для определения. Мне стал очень любопытен его друг-маг, и я попросил больше рассказать о нем; может быть, описать его, сказать, где он живет и как дон Хуан с ним познакомился.

— Тпру, тпру, тпру! — сказал дон Хуан, как будто я был лошадью. — Хватит, хватит! Ты кто? Профессор Лорка? Ты хочешь изучить его когнитивную систему?

Мы углубились в бесплодные предгорья. Дон Хуан шел без остановок несколько часов. Я подумал, что заданием этого дня будет просто ходить. В конце концов он остановился и сел на затененной стороне предгорий.

— Тебе пора начать один из самых больших магических проектов, — сказал дон Хуан.

— О каком магическом проекте ты говоришь, дон Хуан? — спросил я.

— Он называется перепросмотром, — древние маги называли его пересказыванием событий своей жизни, и для них это началось как простая

техника, вспомогательное средство для вспоминания того, что они делали и говорили своим ученикам. Для их учеников эта техника имела ту же ценность: она позволяла им вспоминать, что их учителя сказали и сделали. Потребовались ужасные социальные потрясения, например несколько раз быть завоеванными и побежденными, прежде чем маги древности поняли, что их техника имеет куда более далеко идущие последствия.

— Дон Хуан, ты говоришь о завоевании испанцами? — спросил я.

— Нет, — сказал он. — Это было только завершающей нотой. Были и другие потрясения до этого, более разрушительные. Когда испанцы сюда добрались, магов древности уже не было. Их ученики, пережившие другие потрясения, были к тому времени очень осмотрительными. Они знали, как о себе позаботиться. Именно это новое поколение магов переименовало технику магов древности и назвало ее перепросмотром.

— Время необыкновенно дорого стоит, — продолжал он. — Вообще для магов время материально. Для меня вызов в том, что за очень сжатое время я должен впихнуть в тебя все, что известно о магии как абстрактном занятии, но, чтобы это сделать, мне нужно построить в тебе необходимое для этого пространство.

— Какое пространство? О чем ты говоришь, дон Хуан?

— Маги исходят из того, что, для того чтобы внести что-то, должно быть пространство, куда это вносить, — сказал он. — Если ты наполнен до краев предметами повседневной жизни, то нет места ни для чего нового. Это пространство нужно построить. Ты понимаешь, что я имею в виду? Маги древности считали, что перепросмотр своей жизни создает это пространство. Он действительно делает это и, конечно, еще очень многое.

— Маги выполняют перепросмотр очень формальным способом, — продолжал он. — Он состоит в составлении списка всех людей, которых они встречали, от настоящего времени до самого начала их жизни. Когда у них есть этот список, они берут первого человека в нем и вспоминают все, что могут, об этом человеке. И я имею в виду все, каждую деталь. Лучше перепросматривать от настоящего к прошлому, потому что воспоминания настоящего свежи, и таким образом заостряется способность вспоминать. Практикующие занимаются тем,

что вспоминают и дышат. Они медленно и осознанно вдыхают, помахивая головой как веером справа налево, едва заметным поворотом, и аналогично выдыхают.

Он сказал, что вдохи и выдохи должны быть естественными; если они слишком быстрые, можно войти в режим того, что он назвал утомляющим дыханием: дыханием, после которого нужно нормально дышать, чтобы успокоить мускулы.

— И что ты предлагаешь мне делать со всем этим, дон Хуан? — спросил я.

— Начни сегодня составлять свой список, — сказал он. — Раздели его по годам, по профессиям, составь его в любом порядке, но сделай его последовательным, начиная с самого недавнего человека, и закончи мамой и папой. А затем вспомни все о них. Хватит разговоров. По мере практики ты поймешь, что ты делаешь.

В мой следующий визит в дом дона Хуана я сказал ему, что я добросовестно занимался прохождением через события моей жизни и что мне очень трудно придерживаться такой жесткой формы и идти по списку людей по очереди. Как правило, мой перепросмотр швырял меня во все стороны. Я позволял событиям определять направление моего вспоминания. Я по своей воле стал придерживаться широких отрезков времени. Например, я начал с людей с факультета антропологии, но позволил своим воспоминаниям перенести меня куда угодно во времени, из настоящего до того дня, когда я начал учиться в Калифорнийском университете.

Я рассказал дону Хуану, что обнаружил странную вещь, которую совершенно забыл, — что мне и в голову не приходило подумать об УКЛА, пока однажды соседка моей подружки по колледжу не приехала в Лос-Анджелес и мы не встретили ее в аэропорту. Она собиралась изучать музыковедение в УКЛА. Ее самолет прибыл после обеда, и она попросила меня, чтобы я отвез ее в университет, чтобы взглянуть на то место, где она собирается провести следующие четыре года своей жизни. Я знал, где университет, потому что я столько раз проезжал мимо его ворот на бульваре Сансет по дороге на пляж. Но я никогда не был в университетском городке.

Это было во время каникул между семестрами. Несколько человек, которых мы

расспрашивали, направили нас на музыкальный факультет. Университет был безлюден, но я субъективно наблюдал настолько необыкновенные вещи, которых никогда прежде не видел. Это был праздник для моих глаз. Казалось, что здания живут какой-то собственной энергией. Предполагаемое беглое знакомство с музыкальным факультетом превратилось в огромное турне по всей территории университета. Я влюбился в Калифорнийский университет. Я сказал дону Хуану, что единственной вещью, омрачавшей мой восторг, было раздражение моей подруги из-за того, что я настоял на том, чтобы обойти всю огромную территорию университета.

— Какого черта ты здесь ищешь? — закричала она, возражая мне. — Как будто ты никогда в жизни не видел университетов! Когда увидел один, увидел их все. Мне кажется, ты просто стараешься впечатлить мою подружку своей чувствительностью!

Я не старался, и горячо сказал им, что искренне впечатлен красотой окружающей обстановки. Я чувствовал столько надежды в этих зданиях, столько обещаний, и все же я не мог выразить своего субъективного состояния.

— Я училась почти всю жизнь, — сказала моя подруга сквозь зубы, — и меня тошнит от этого, я устала. Никто здесь ни черта не найдет! Здесь только пустая болтовня, и они даже не готовят человека справляться со своими обязанностями в жизни.

Когда я сказал, что хотел бы здесь учиться, она еще больше разъярилась.

— Иди работать! — закричала она. — Пойди и справься с жизнью с восьми до пяти, и брось эту чушь! Это и есть жизнь: работа с восьми до пяти, сорок часов в неделю! Посмотришь, что это тебе даст! Взгляни на меня — теперь я суперобразована, но я не подхожу для работы.

Я знал только то, что никогда не видел настолько прекрасного места. Тогда я пообещал себе, что во что бы то ни стало пойду учиться в УКЛА. Мое желание имело прямое отношение ко мне самому, но все же оно было продиктовано не потребностью в саамом удовольствии. Оно было скорее из области благоговения.

Я сказал дону Хуану, что раздражение моей подружки настолько покоробило меня, что заставило взглянуть на нее по-другому, и, насколько я помню, это был первый раз, когда чьи-то слова вызвали во мне такую глубокую реакцию. Я увидел в моей подружке черты характера, которых раньше не замечал, черты, которые меня до смерти напугали.

— Наверное, я составил о ней ужасное мнение, — сказал я дону Хуану. — После нашего визита в университет мы отдалились друг от друга. Как будто Калифорнийский университет вошел между нами как клин. Я знаю, что глупо так думать.

— Это не глупо, — сказал дон Хуан. — Это совершенно обоснованная реакция. Я уверен, что, когда ты ходил по университетскому городку, ты встретился с намерением. Ты намеревался там быть, и тебе нужно было отбросить все, что мешало этому.

— Но не перебарщивай в этом, — продолжал он. — Прикосновение воинов-путешественников очень легкое, хотя и совершенствуется. Рука воина-путешественника из тяжелых железных тисков превращается в руку привидения, руку из осенних паутинок. Воины-путешественники не оставляют никаких отметок и следов. В этом — вызов для воинов-путешественников.

Слова дона Хуана погрузили меня в глубокое и мрачное состояние самообвинения, так как я из своего небольшого пересказа узнал, что у меня очень тяжелая хватка, я навязчив и деспотичен. Я сказал дону Хуану о своих размышлениях.

— Сила перепросмотра, — сказал дон Хуан, — в том, что он расшевеливает весь мусор жизни человека и выносит его на поверхность.

Затем дон Хуан описал тонкости осознания и восприятия, которые являются основой перепросмотра. Вначале он сказал, что сейчас познакомит меня с системой концепций, которые я ни в коем случае не должен считать теориями магов, потому что эта система выработана шаманами древней Мексики как результат непосредственного видения энергии, протекающей во Вселенной. Он предупредил меня, что познакомит меня с частями этой системы, не делая ни малейшей попытки классифицировать или ранжировать их по какому-то заранее установленному стандарту.

— Меня не интересуют классификации, — продолжал он. — Ты всю жизнь все классифицировал. Теперь тебе придется избегать классификаций. Недавно, когда я спросил тебя, что ты знаешь о тучах, ты рассказал мне названия всех туч и процент влажности, ожидаемый от каждой из них. Ты был настоящим метеорологом. Но когда я спросил, знаешь ли ты, что ты лично можешь сделать с этими тучами, ты не имел не малейшего представления, о чем я говорю.

— У классификаций есть свой собственный мир, — про должал он. — Когда начинаешь классифицировать что-то, классификация оживает и управляет тобой. Но так как классификации не были созданы как дающие энергию вещи, они всегда остаются мертвыми бревнами. Это не деревья; это просто бревна.

Он объяснил, что маги древней Мексики увидели, что вся Вселенная состоит из энергетических полей в форме светящихся нитей. В какую бы сторону они ни смотрели, они видели мириады этих нитей. Они также увидели, что эти энергетические поля структурируются в потоки светящихся волокон; потоки, которые являются постоянными, вечными силами Вселенной, и что эти маги назвали поток или струю нитей, относящуюся к перепросмотру, темным морем осознания, или Орлом.

Он сказал, что еще эти маги выяснили, что каждое живое существо во Вселенной прикреплено к темному морю осознания круглым световым пятном, которое было заметно, когда эти существа воспринимались как энергия. Дон Хуан сказал, что в этом световом пятне, которое маги древней Мексики назвали точкой сборки, собирается восприятие с помощью загадочного аспекта темного моря осознания.

Дон Хуан заявил, что в точке сборки человека сходятся и проходят через нее мириады энергетических полей со всей Вселенной в форме светящихся нитей. Эти энергетические поля преобразуются в сенсорные данные, а сенсорные данные затем интерпретируются и воспринимаются как известный нам мир. Кроме того, дон Хуан объяснил, что именно темное море осознания превращает светящиеся нити в воспринимаемую информацию. Маги видят это превращение и называют его свечением осознания — это сияние, которое распространяется как гало вокруг точки сборки. Тут он предупредил меня, что сейчас скажет то, что, по мнению магов, важнее всего для понимания

масштабов перепросмотра.

Необычным образом подчеркивая свои слова, он сказал, что то, что мы называем чувствами организмов, — не что иное, как разные степени осознания. Он настоял на том, что если мы согласны, что наши чувства — это темное море осознания, то нам нужно признать, что интерпретация, которую чувства создают из сенсорных данных, — тоже темное море осознания. Он подробно объяснил, что то, как мы встречаемся с окружающим миром, — результат человеческой системы интерпретаций, которой оснащен каждый человек. Он также сказал, что каждому живому организму нужно иметь систему интерпретаций, которая позволяет ему функционировать в окружающей обстановке.

— Маги, которые появились после апокалипсических потрясений, о которых я тебе рассказал, — продол-жал он, — увидели, что в момент смерти темное море осознания, так сказать, всасывает через точку сборки осознание живых существ. Они также увидели, что темное море осознания на мгновение, так сказать, колеблется, когда встречается с магами, которые выполнили пересказ своей жизни. Не зная об этом, некоторые сделали это настолько тщательно, что море осознания взяло их осознание в форме их жизненных переживаний, но не коснулось их жизненной силы. Маги обнаружили колоссальную истину о силах Вселенной: темному морю осознания нужны только наши жизненные переживания, а не наша жизненная сила.

Для меня было непостижимо, из чего исходит дон Хуан в своих разъяснениях. Или, наверное, точнее будет сказать, что я смутно и вместе с тем глубоко знал, насколько практично то, из чего он исходит в своих объяснениях.

— Маги считают, — продолжал дон Хуан, — что по мере того, как мы перепросматриваем свою жизнь, весь мусор, как я уже говорил, выходит на поверхность. Мы осознаем свои противоречия, свои повторения, но что-то в нас оказывает огромное сопротивление перепросмотру. Маги говорят, что дорога свободна только после колоссального потрясения; после появления на экране воспоминания о событии, которое сотрясает наши основы с ужасающей отчетливостью деталей. Это событие поистине тащит нас к тому самому моменту, когда мы его пережили. Маги называют это событие проводником, потому что после него каждое событие, к которому мы прикасаемся, переживается заново, а не просто вспоминается.

— Ходьба всегда погружает в воспоминания, — продолжал дон Хуан. — Маги древней Мексики считали, что мы храним все, что пережили, в виде ощущений с задней стороны ног. Они считали задние стороны ног складом личной истории человека. Так что давай сейчас пройдемся по холмам.

Мы ходили, пока не стало почти темно.

— Я думаю, что достаточно долго заставлял тебя ходить, — сказал дон Хуан, когда мы вернулись в дом, — чтобы ты был готов начать этот маневр магов по обнаружению проводника: события в твоей жизни, которое ты вспомнишь с такой отчетливостью, что оно послужит прожектором для освещения всего остального в твоем перепросмотре с такой же или сравнимой отчетливостью. Сделай то, что маги называют перепросмотром частей головоломки. Что-то приведет тебя к воспоминанию события, которое послужит тебе проводником.

Он оставил меня одного, дав одно последнее предупреждение.

— Попади точно в цель, — сказал он. — Сделай все, что в твоих силах.

Какое-то мгновение я был очень спокоен — наверное, из-за тишины вокруг меня. Затем я испытал вибрацию, нечто вроде толчка в груди. Мне было трудно дышать, но вдруг в моей груди раскрылось что-то, позволившее мне глубоко вдохнуть, и вся панорама забытого события из моего детства ворвалась в мою память, как будто ее держали взаперти и вдруг освободили.

Я был в кабинете моего дедушки, где у него стоял бильярдный стол, и мы с ним играли в бильярд. Мне было тогда почти девять лет. Мой дедушка был очень искусным игроком, и из-за своей увлеченности научил меня всем известным ему комбинациям, пока я не овладел ими настолько, что стал для него серьезным соперником. Мы проводили бесконечные часы, играя в бильярд. Я достиг такого мастерства, что однажды даже выиграл у него. С этого дня он больше не смог выигрывать. Много раз я специально проигрывал, просто из хорошего отношения к нему, но он знал это и страшно злился на меня. Однажды он так расстроился, что ударил меня кием по макушке.

К досаде и восторгу моего дедушки, к девяти годам я мог делать карамболь за

карамболем, не останавливаясь. Играя со мной, он настолько расстраивался и раздражался, что однажды бросил свой кий и сказал, чтобы я играл сам. Благодаря своей увлекающейся природе я смог соревноваться сам с собой и прорабатывать одну и ту же комбинацию снова и снова, пока не овладевал ею в совершенстве.

Однажды человек, прославившийся в городе своими подвигами в азартных играх, владелец бильярдного дома, пришел в гости к моему дедушке. Они разговаривали и играли в бильярд, когда я нечаянно вошел в комнату. Я хотел сразу же выйти, но мой дедушка схватил меня и втолкнул в комнату.

— Это мой внук, — сказал он этому человеку.

— Очень рад с тобой познакомиться, — сказал этот человек. Он сурово посмотрел на меня и протянул свою руку, которая была по размеру как голова обычного человека.

Я был в ужасе. Шумный взрыв смеха сообщил мне о том, что он знает о моем замешательстве. Он сказал мне, что его зовут Фалело Кирога, и я пробормотал свое имя.

Он был очень высок и необыкновенно хорошо одет. Он носил двубортный голубой в тонкую полоску костюм с красиво суженными книзу брюками. Наверное, ему тогда было больше пятидесяти, но он был подтянутым и поддерживал форму, кроме легкой выпуклости посередине. Он не был толстым; казалось, он культивирует внешний вид человека, который сыт и ни в чем не нуждается. Большинство людей в моем родном городе были изможденными. Они тяжело трудились, чтобы заработать себе на жизнь, и у них не было времени на радости жизни. Фалело Кирога выглядел их полной противоположностью. Все его манеры были манерами человека, у которого есть время только на радости жизни.

Он был приятным на вид. Его лицо было ласковым, хорошо выбритым, с добрыми голубыми глазами. У него была важность и самоуверенность доктора. Люди в моем городе говорили, что он умеет делать так, чтобы любой с ним чувствовал себя свободно, и что ему нужно было стать священником, юристом, врачом, но не профессиональным игроком. Еще они говорили, что на азартных играх он заработал больше, чем заработали своим трудом все врачи и юристы

в городе, вместе взятые.

У него были черные, аккуратно причесанные волосы. Было заметно, что они сильно редеют. Он пытался скрывать отступающую назад линию волос, зачесывая волосы на лоб. У него была квадратная челюсть и совершенно обворожительная улыбка. У него были большие белые зубы, о которых он хорошо заботился, кое-что новенькое в районе, где у всех были плохие зубы. Двумя другими замечательными чертами Фалело Кироги были для меня его огромные ноги н его черные лакированные туфли ручной работы. Я был восхищен тем, что его туфли совсем не скрипят, когда он ходит туда-сюда по комнате. Я привык слышать приближение моего дедушки по скрипу подметок.

— Мой внук прекрасно играет в бильярд, — небрежно сказал мой дедушка Фалело Кироге. — Почему бы мне не отдать ему кий, и пусть он сыграет с тобой, а я посмотрю.

— Этот ребенок играет в бильярд? — со смехом спросил моего дедушку этот большой человек.

— О, да, — заверил его мой дедушка. — Конечно, не так хорошо, как ты, Фалело. Почему бы тебе не испытать его? А чтобы это было для тебя интересно и чтобы ты не просто покровительствовал моему внуку, давай поставим на кон немного денег. Что ты скажешь, если мы поставим вот столько?

Он положил толстую пачку скомканных банкнот на стол и улыбнулся Фалело Кироге, покачивая головой из стороны в сторону, как бы бросая вызов этому большому человеку принять ставку.

— Боже, так много, а? — сказал Фалело Кирога, вопрошающе глядя на меня.

Потом он открыл свой бумажник и вынул несколько аккуратно сложенных банкнот. Это была для меня еще одна удивительная деталь. Мой дедушка привык держать деньги совершенно скомканными во всех своих карманах. Когда ему нужно было за что-то заплатить, ему приходилось распрямлять банкноты, чтобы их сосчитать.

Фалело Кирога не сказал этого, но я знал, что он чувствует себя как грабитель

с большой дороги. Он улыбнулся моему дедушке и, очевидно из уважения к нему, положил свои деньги на стол. Мой дедушка, играя роль арбитра, подготовил игру на определенное количество карамболей и подбросил монетку, кто начнет первым. Выпало Фалело Кироге.

— Ты играй в полную силу, не стесняйся, — подстрекал его мой дед. — Не испытывай никаких угрызений насчет того, чтобы уничтожить этого прохвоста и выиграть мои деньги!

Фалело Кирога, следуя совету моего дедушки, играл так хорошо, как мог, но в какой-то момент он на волосок пропустил один карамболь. Я взял кий. Я думал, что упаду в обморок, но видя ликование моего деда — он подпрыгивал вверх и вниз, — я успокоился, и кроме того, меня раздражало то, как Фалело Кирога чуть не лопнул от смеха, когда увидел, как я держу кий. Я не мог наклониться над столом, как обычно играют в бильярд, из-за своего роста. Но мой дедушка с кропотливым терпением и решимостью научил меня другому способу игры. Отведя руку далеко назад, я держал кий почти над плечами, сбоку.

— А что он делает, когда ему нужно достать до середины стола? — спросил Фалело Кирога, смеясь.

— Он опирается на край стола, — как не в чем не бывало сказал мой дед. — Ты знаешь, это разрешается.

Мой дедушка подошел ко мне и сквозь зубы прошептал, что, если я буду вежливым и проиграю, он сломает все кии об мою голову. Я знал, что он не собирается этого делать; он просто таким способом выражал свою уверенность во мне.

Я легко выиграл. Мой дедушка неописуемо радовался, и как ни странно, Фалело Кирога тоже. Он смеялся, обходя бильярдный стол, хлопая по его краям. Мой дедушка превозносил меня до небес. Он по секрету назвал Кироге мой лучший счет и пошутил, что я достиг успехов, потому что он нашел способ заинтересовать меня в тренировке: кофе с датскими пирожными.

— Не может быть, не может быть! — все время повторял Кирога. Он попрощался; мой дедушка взял поставленные деньги, и этот случай был

забыт.

Мой дед пообещал взять меня в ресторан и купить мне лучшие блюда в городе, но так и не сделал этого. Он был очень скупой; он был известным расточителем только с женщинами.

Через два дня двое огромных людей от Фалело Кироги подошли ко мне, когда я вышел из школы.

— Фалело Кирога хочет тебя видеть, — сказал один из них гортанным голосом. — Он хочет, чтобы ты пришел к нему и выпил с ним кофе с датскими пирожными.

Если бы он не сказал о кофе и датских пирожных, я бы, наверное, убежал от них. Я вспомнил тогда, что мой дедушка сказал Фалело Кироге, что я душу продам за кофе и датские пирожные. Я с радостью пошел с ними. Но я не мог идти так же быстро, как они, поэтому один из них, которого звали Гильермо Фалькон, поднял меня и усадил на свою огромную руку. Он засмеялся сквозь кривые зубы.

— Ты лучше наслаждайся поездкой, малыш, — сказал он. Его дыхание было ужасным. — Тебя когда-нибудь кто-то носил? Судя по тому, как ты дергаешься, никогда! — Он нелепо захихикал.

К счастью, дом Фалело Кироги был не особенно далеко от школы. Мистер Фалькон посадил меня на кресло в офисе. Фалело Кирога сидел там за огромным столом. Он встал и пожал мне руку. Он сразу же заказал мне кофе и восхитительные пирожные, а потом мы сели вдвоем, как друзья, болтая о птицеводческой ферме моего дедушки. Он спросил меня, хочу ли я еще пирожных, и я сказал, что не против. Он засмеялся и сам принес мне целый поднос невероятно вкусных пирожных из соседней комнаты.

После того как я по-настоящему объелся, он вежливо попросил меня подумать над тем, чтобы приходить в его бильярдную в ранние ночные часы, чтобы сыграть парочку дружественных игр с несколькими людьми по его выбору. Он между делом упомянул, что будут замешаны большие суммы денег. Он открыто выразил свое доверие моему мастерству и добавил, что он будет мне платить, за мое время и мои усилия, процент от выигранных денег. Потом он

сказал, что знает склад ума моей семьи; для них было бы предосудительно, если бы он давал мне деньги, даже если это плата. Так что он пообещал класть эти деньги в банк на специальный счет для меня, или, еще практичнее, он может рассчитываться за любые мои покупки в магазинах города или еду, которую я буду есть в любом ресторане города.

Я не верил ни одному слову из того, что он говорил. Я знал, что Фалело Кирога проходимец, рэкетир. Но мне понравилась идея играть в бильярд с незнакомыми мне людьми, и я заключил с ним сделку.

— А ты будешь угощать меня кофе и датскими пирожными, как сегодня? — сказал я.

— Конечно, мой мальчик, — ответил он. — Если ты будешь приходить играть для меня, я куплю тебе пекарню! Я заставлю пекаря печь их только для тебя. Поверь мне.

Я предупредил Фалело Кирогу, что единственное препятствие в том, что я не могу выходить из своего дома; у меня было слишком много тетушек, которые следили за мной, как ястребы, и, кроме того, моя спальня была на втором этаже.

— Нет проблем, — заверил меня Фалело Кирога. — Ты довольно маленький. Мистер Фалькон поймает тебя, если ты прыгнешь из окна в его руки. Он большой как дом! Я советую тебе сегодня рано лечь спать. Мистер Фалькон разбудит тебя, свистя и бросая камешки в твое окно. Но тебе нужно быть начеку! Он нетерпеливый человек.

Я пошел домой в необыкновенном возбуждении. Я не мог заснуть. Я совсем не спал, когда услышал, как мистер Фалькон свистит и кидает камешки в стекла окна. Я открыл окно. Мистер Фалькон был прямо подо мной, на улице.

— Прыгай мне на руки, малыш, — сказал он мне приглушенным голосом, который он пытался превратить в громкий шепот. — Если ты не будешь целиться в мои руки, я уроню тебя и ты убьешься. Помни это. Не заставляй меня бегать вокруг. Просто цельсь в мои руки. Прыгай! Прыгай!

Я прыгнул, и он поймал меня с такой легкостью, как будто ловил тюк шерсти.

Он поставил меня на землю и сказал, чтобы я бежал. Он сказал, что я — пробужденный от глубокого сна ребенок и что ему нужно заставить меня бежать, чтобы я полностью проснулся к тому времени, когда доберусь до бильярдной.

В эту ночь я играл с двумя мужчинами и выиграл обе партии. У меня было невообразимо вкусное кофе и пирожные. Лично я был на седьмом небе. Около семи часов утра я вернулся домой. Никто не заметил моего отсутствия. Пора было идти в школу. Для практических целей все было нормально, кроме того, что я так устал, что у меня весь день смыкались веки.

С этого дня Фалело Кирога два или три раза в неделю посылал за мной мистера Фалькона, и я выигрывал каждую партию, которую он предлагал мне играть. И, верный своему обещанию, он платил за все, что я покупал, особенно за еду в выбранном мной китайском ресторане, куда я ходил каждый день. Иногда я даже приглашал своих друзей, которых я смертельно пугал, выбегая из ресторана с криками, когда официант приносил счет. Они были поражены тем, что их никогда не забирали в полицию за то, что они едят и не платят за это.

Для меня самым трудным испытанием было то, что мне неожиданно пришлось столкнуться с надеждами и ожиданиями всех тех людей, которые держали на меня пари. Но испытание испытаний произошло тогда, когда знаменитый игрок из соседнего города бросил вызов Фалело Кироге и подкрепил свой вызов огромной ставкой. Ночь игры не предвещала ничего хорошего. Мой дедушка заболел и не мог заснуть. Вся семья волновалась. Кажется, никто не лег спать. Я сомневался в том, что мне представится возможность тайком выбраться из спальни, но свист мистера Фалькона и удары камешков по стеклу моего окна были такими настойчивыми, что я рискнул и прыгнул из окна на руки мистера Фалькона.

Казалось, все мужчины города собрались в бильярдной. Страдальческие лица молчаливо умоляли меня не проиграть. Некоторые из мужчин откровенно заверили меня, что они поставили на кон свои дома и все свое имущество. Один человек полушутя сказал, что он поставил на кон свою жену; если я не выиграю, то этой ночью он станет рогоносцем или убийцей. Он не уточнят, кого он собирается убить, свою жену, чтобы не стать рогоносцем, или меня за проигранную партию.

Фалело Кирога прохаживался взад-вперед. Он нанял массажиста, чтобы массировать меня. Он хотел, чтобы я был расслаблен. Массажист положил мне горячие полотенца на руки и запястья и холодные полотенца на лоб. Он надел мне на ноги туфли, удобнее и мягче которых я никогда не носил. У них были твердые военные каблуки и супинаторы. Фалело Кирога даже снабдил меня беретом, чтобы волосы не падали мне на лицо, и широкими брюками с поясом.

Половина народа вокруг бильярдного стола были незнакомыми людьми из другого города. Они глядели на меня. У меня появилось чувство, что они желают мне смерти.

Фалело Кирога подкинул монетку, чтобы решить, кто будет первым. Мой соперник был бразильско-китайского происхождения, молодой, круглолицый, очень нарядный и самоуверенный. Он начал первым и сделал поразительное количество карамболей. Я знал по цвету лица Фалело Кироги, что сейчас его хватит удар, как и других людей, которые поставили на меня все, что имели.

Я прекрасно играл в эту ночь, и когда я приблизился к количеству карамболей моего соперника, нервозность тех, кто поставил на меня, дошла до максимума. Фалело Кирога был самым истеричным из них. Он орал на всех и требовал, чтобы кто-то открыл окна, потому что из-за сигаретного дыма я не могу дышать. Он хотел, чтобы массажист размял мои руки и плечи. В конце концов мне пришлось их остановить, и в большой спешке я сделал восемь карамболей, которые были нужны мне для победы. Эйфория тех, кто поставил на меня, была неописуемой. Я не обращал внимания на все это, потому что было уже утро и им нужно было срочно отвести меня домой.

В тот день я был до предела измучен. Фалело Кирога очень любезно не посылал за мной никого целую неделю. Но однажды после обеда мистер Фалькон забрал меня после школы и отвел в бильярдную. Фалело Кирога был крайне серьезен. Он даже не предложил мне кофе или датские трубочки. Он выставил всех из своего кабинета и сразу приступил к делу. Он придвинул свой стул ближе ко мне.

— Я положил в банк много денег для тебя, — сказал он очень торжественно. — Я придерживаюсь своих обещаний тебе. Я даю тебе честное слово, что я всегда буду присматривать за тобой. Знай это! Ну, а если ты сделаешь то, что

я тебе сейчас скажу, ты заработаешь столько денег, что тебе не нужно будет работать и дня в своей жизни. Я хочу, чтобы ты проиграл свою следующую игру на один карамболь. Я знаю, что ты можешь это сделать. Но я хочу, чтобы ты ошибся только на волосок. Чем драматичнее, тем лучше.

Я был ошарашен. Все это было непостижимо для меня. Фалело Кирога повторил свое требование и, кроме того, объяснил, что он собирается анонимно поставить все, что имеет, против меня и что в этом суть нашей новой сделки.

— Мистер Фалькон охранял тебя много месяцев, — сказал он. — Должен только сказать тебе, что мистер Фалькон использует всю свою силу, чтобы защищать тебя, но он может сделать и прямо противоположное с той же силой.

Угроза Фалело Кироги была более чем очевидной. Наверное, он увидел в моем лице тот ужас, который я чувствовал, потому что он расслабился и засмеялся.

— Да ты не беспокойся об этом, — сказал он, успокаивая меня. — Ведь мы братья.

Впервые в своей жизни я попал в безвыходное положение. Я хотел изо всех сил убежать от Фалело Кироги из-за того страха, который он во мне вызвал. Но в то же время и с такой же силой я хотел остаться; я хотел свободно покупать в любом магазине все, что я хочу, и, самое главное, свободно обедать в любом ресторане по моему выбору, не платя за это. Но мне так и не пришлось выбирать что-то одно.

Неожиданно, по крайней мере для меня, мой дедушка решил переехать в другое место, очень далеко. Он как будто знал, что происходит, и отправил меня раньше всех остальных. Вряд ли он действительно знал, что происходит. По-видимому, отправить меня было одной из его обычных интуитивных реакций.

Возвращение дона Хуана выдернуло меня из вспоминания. Я потерял счет времени. Я должен был проголодаться, но совсем не хотел есть. Я был наполнен нервной энергией. Дон Хуан зажег керосиновую лампу и повесил ее на гвоздь на стене. Ее тусклый свет отбрасывал странные, танцующие по

комнате тени. Некоторое время мои глаза привыкали к полутьме. Потом я впал в состояние глубокой печали. Какое-то необычно отрешенное чувство, широко простирающаяся тоска, возникло из этой полутьмы или, может быть, из ощущения, что я пойман в ловушку. Я так устал, что хотел уйти, и в то же время и с той же силой я хотел остаться.

Голос дона Хуана дал мне чувство некоторого контроля. По-видимому, он знал причину и глубину моего смятения и говорил соответствующим голосом. Его жесткость помогла мне обрести контроль над тем, что легко могло стать истерической реакцией на усталость и умственное возбуждение.

— Пересказывание событий — магическая процедура, — сказал он. — Это не просто рассказывание историй. Это видение структуры, лежащей в основе событий. Вот почему пересказывание настолько важно и обширно.

По просьбе дона Хуана я рассказал ему событие, которое вспомнил.

— Как кстати, — сказал он и кашлянул от удовольствия. — Могу только заметить, что воины-путешественники катятся под действием ударов. Они идут туда, куда их ведет этот импульс. Сила воинов-путешественников в том, чтобы быть бдительными, получать максимальный эффект от минимального импульса. И прежде всего их сила состоит в невмешательстве. У событий есть своя сила и тяготение, а путешественники — это просто путешественники. Все вокруг них предназначено только для их глаз. Таким способом путешественники строят смысл каждой ситуации, даже не спрашивая, произошла она так или иначе.

— Сегодня ты вспомнил событие, которое подытоживает всю твою жизнь, — продолжал он. — Ты всегда встречаешься с такой же ситуацией, как та, в которой ты так и не принял решения. Тебе так и не пришлось выбирать, принять бесчестную сделку Фалело Кироги или отказаться от нее.

— Бесконечность всегда ставит нас в это ужасное положение, когда нужно выбирать, — говорил он. — Мы хотим бесконечности, но в то же время мы хотим сбежать от нее. Ты хочешь послать меня подальше, но в то же время тебе неудержимо хочется остаться. Тебе было бы бесконечно легче просто неудержимо хотеть остаться.

11. Игра энергии на горизонте

Отчетливость проводника дала новый импульс моему перепросмотру. Старое настроение сменилось новым. С этого момента я начал вспоминать события моей жизни с безумной ясностью. Словно внутри меня был построен барьер, из-за которого я жестко держался за убогие и нечетких воспоминания, и проводник разбил его вдребезги. До этого события моя память была для меня расплывчатым способом извлечения информации о тех вещах, которые произошли и которые я чаще всего хотел забыть. По существу, мне было совершенно неинтересно вспоминать что-либо из моей жизни. Поэтому я, по правде говоря, не видел ни малейшего смысла в этом бесполезном занятии перепросмотром, которое дон Хуан мне практически навязал. Для меня это было каторгой, которая сразу же меня утомляла и только подчеркивала мою неспособность концентрироваться.

Тем не менее я послушно составил списки людей и приступил к беспорядочным попыткам будто бы вспоминать свое общение с ними. Недостаток ясности при сосредоточении на них не останавливал меня. Я выполнял то, что считал своей обязанностью, независимо от того, что я на самом деле чувствовал. По мере практики ясность воспоминания улучшилась, как я думал, удивительно. Я мог, так сказать, спускаться в отдельные события с достаточной восприимчивостью, которая была пугающей и вместе с тем стоящей. Но после того, как дон Хуан познакомил меня с идеей привратника, сила моего воспоминания стала такой, которую я не мог даже назвать.

Следование по моему списку людей сделало перепросмотр очень формальным и трудновыполнимым, как этого и хотел дон Хуан. Но время от времени что-то во мне вырывалось на свободу, что-то, заставляющее меня сосредоточиваться на событиях, не относящихся к моему списку. Событиях, ясность которых была настолько безумной, что я был пойман и погружен в них, возможно, даже глубже, чем когда прожил эти события. Каждый раз, когда я таким способом перепросматривал, я делал это с оттенком отрешенности, благодаря которой я

видел те вещи, на которые я не обращал внимания, когда на самом деле мучился от них.

Первый случай, когда вспоминание события потрясло меня до основания, произошел после того, как я прочитал лекцию в колледже в Орегоне. Студенты, ответственные за организацию лекции, повезли меня и моего коллегу-антрополога в какой-то дом, чтобы переночевать там. Я собирался поехать в мотель, но они настояли на том, чтобы отвезти нас в дом ради нашего же удобства. Они сказали, что это за городом и нет никакого шума: самое тихое место в мире, без никаких телефонов, никакого вмешательства извне. Я, как дурак, которым я и был, согласился поехать с ними. Дон Хуан не только предупреждал меня, чтобы я всегда был одинокой птицей, он потребовал, чтобы я соблюдал эту его рекомендацию, что я в основном и делал, но были случаи, когда во мнибрало верх стадное существо.

Эти студенты-опекуны привезли нас в дом, довольно далеко от Портленда, дом профессора, который был в годичном отпуске. Они очень быстро включили освещение дома, который был расположен на холме с прожекторами со всех сторон. С включенными прожекторами, дом, наверное, было видно за пять миль.

После этого студенты-опекуны как можно быстрее уехали, и это меня удивило, потому что я думал, что они останутся поговорить. Дом был деревянным, в форме буквы А, небольшой, но очень хорошо построенный. В нем была огромная гостиная, а над ней — антресоли со спальней. Прямо вверху, в верхней точке треугольника, на странном вращающемся шарнире висело сделанное в натуральную величину распятие. Прожектора на стене были сфокусированы на распятии. Это было очень впечатляющее зрелище, особенно когда распятие вращайтесь, скрипя, как будто шарнир не был смазан.

Еще одним зрелищем была ванная комната. В ней были зеркальные плитки на потолке, стенах и полу, и она освещалась красноватым светом. Нельзя было войти в ванную, не увидев себя со всех мыслимых сторон. Мне понравились все эти особенности дома, который показался мне великолепным.

Но когда пришло время ложиться спать, я столкнулся с серьезной проблемой, потому что в доме была только одна узкая, жесткая, очень монашеская

кровать и мой друг-антрополог был близок к пневмонии, хрипя и выплевывая слизь каждый раз, когда он кашлял. Он сразу пошел к кровати и отключился. Я искал место для сна и не мог ничего найти. Этот дом был лишен удобств. Кроме того, было холодно. Студенты-опекуны включили освещение, но не включили отопление. Я искал обогреватель. Мои поиски ни к чему не привели, как и поиски выключателя прожекторов и, кстати, всех ламп в доме. На стенах были выключатели, но они, по-видимому, не действовали из-за какого-то главного выключателя. Освещение было включено, и я никак не мог его выключить.

Я смог найти только одно место для сна — тонкое покрывало, и нашел только одну вещь, чтобы прикрыться, — дубленую шкуру огромного французского пуделя. Очевидно, он был любимцем в доме и его шкуру сохранили; у него были блестящие глаза из черного мрамора и открытый рот со свисающим языком. Я положил голову шкуры пуделя по направлению к моим коленям. Однако мне пришлось, прикрыться дубленым задним местом, которое было на моей шее. Кроме того, сохраненная голова шкуры была твердым предметом между моими коленями и очень мешала! Если бы было темно, то было бы еще ничего. Я собрал несколько полотенец и использовал их как подушку. Я использовал сколько мог полотенец, чтобы как можно лучше покрыть шкуру французского пуделя. Я не мог спать всю ночь.

И вот тогда, когда я лежал там, молча проклиная себя за такую глупость и невыполнение рекомендации дона Хуана, v меня было первое за всю жизнь безумно отчетливое вспоминание. Событие, которое дон Хуан назвал привратником, я вспомнил с такой же ясностью, но я всегда был склонен не обращать особого внимания на то, что происходило со мной, когда я был с доном Хуаном, потому что в его присутствии все было возможно. Но в этот раз я был один.

За много лет до того, как я встретил дона Хуана, я работал, рисуя вывески на домах. Моего босса звали Луиджи Пальма. Однажды Луиджи получил контракт нарисовать вывеску на задней стене старого здания, рекламирующую продажу и прокат свадебных платьев и смокингов. Владелец магазина в здании хотел привлечь внимание возможных клиентов большой рекламой. Луиджи должен был рисовать жениха и невесту, а я — надписи. Мы забрались на плоскую крышу тринадцатиэтажного здания и установили подмости.

Я очень боялся, хотя у меня не было явных причин для страха. Я нарисовал десятки вывесок на высоких зданиях. Луиджи думал, что я начинаю бояться высоты, но мой страх скоро пройдет. Когда пришло время начинать работу, он опустил подмости с крыши на несколько футов и прыгнул на их плоские доски. Он пошел на одну сторону, а я стоял на другой, чтобы никак не мешать ему. Художником был он.

Луиджи принялся за работу. Когда он наносил краски, его движения были настолько размашистыми и возбужденными, что подмости качались взад-вперед. У меня закружилась голова. Я хотел вернуться обратно на плоскую крышу, под тем предлогом, что мне нужно больше красок и других принадлежностей для рисования. Я схватился за край стены., которая окаймляла плоскую крышу, и попытался подтянуться, но носки моих ног застряли в досках подмостей, и попытался притянуть мои ноги и подмости к стене; чем сильнее я тянул, тем дальше я отталкивал их от стены. Вместо того чтобы помочь мне освободить ноги, Луиджи сел и обвязался веревками, которыми подмости крепились к плоской крыше. Он перекрестился и посмотрел на меня н ужасе. Из сидячего положения он встал на колени и, тихо всхлипывая, стал читать «Отче наш».

Я не на жизнь, а на смерть держался за край стены; отчаянную силу стойко держаться давала мне уверенность в том, что, если я буду держать ситуацию под контролем, н смогу удерживать подмости, чтобы они не отходили еще дальше. Я не собирался отпускать руки и падать с тринадцатого этажа навстречу своей смерти. Луиджи, как неисправимый начальник до самого конца, закричал в потоке слез, что я должен молиться. Он поклялся, что мы оба упадем и разобьемся насмерть и что мы по крайней мере можем молиться за спасение наших душ. На мгновение я задумаются, практично ли молиться. Я предпочел звать на помощь. Наверное, люди в здании услышали мои вопли н посласти за пожарниками. Мне искренне казалось, что прошло только две или три секунды после того, как я начал орать, когда пожарники пришли на крышу, схватили Луиджи и меня и закрепили подмости.

На самом деле, я висел на стене здания по крайней мере двадцать минут. Когда пожарники в конце концов втянули меня на крышу, я утратил всякий контроль. Я срыгнул на твердый пол крыши, меня выворачивало наизнанку от страха и гнусного запаха расплавленной смолы. Был очень жаркий день; смола на щелях неровных кровельных листов плавилась от жары. Это

испытание было настолько ужасающим и тяжелым, что я не хотел его помнить, и в конце концов у меня началась галлюцинация, что пожарники внесли меня в теплую желтую комнату; они положили меня в чрезвычайно удобную кровать, и я спокойно заснул, в безопасности, надев свою пижаму, которую мне сняли с вешалки.

Мое второе вспоминание было еще одним взрывом ни с чем не сравнимой силы. У меня была приятная беседа с несколькими друзьями, когда без всяких видимых причин, которыми я мог бы это объяснить, я вдруг затаил дыхание под влиянием мысли, воспоминания, которое вначале было туманным, а затем стало всепоглощающим переживанием, Его сила была настолько большой, что мне пришлось извиниться и на минутку отойти в угол. Мои друзья, по-видимому, поняли мою реакцию; они разошлись без слов. Я вспоминал происшествие, которое случилось в последнем классе средней школы.

Мы с моим лучшим другом ходили в школу мимо большого особняка с черным кованым железным забором, по меньшей мере семи футов высотой и с заостренными зубцами по верху. За забором был широкий, хорошо ухоженный зеленый газон и огромная свирепая немецкая овчарка. Каждый день мы дразнили эту собаку и позволяли ей кидаться на нас. Она физически останавливалась перед забором из кованого железа, но казалось, что ее ярость доходит до нас. Для моего друга было удовольствием каждый день вступать с собакой в соревнование между сознанием и материей. Он становился за несколько дюймов от морды собаки, которая высовывалась между железными прутами по меньшей мере на шесть дюймов, и скалил зубы, точно так же, как собака.

— Сдавайся, сдавайся! — кричал мой друг каждый раз. — Подчинись! Подчинись! Я сильнее тебя!

Его ежедневные проявления силы сознания, которые длились по меньшей мере пять минут, никогда не влияли на собаку, разве что приводили ее в еще большую ярость. Мой друг уверял меня каждый день, в виде части своего ритуала, что собака либо подчинится ему, либо умрет перед нами от сердечного приступа, вызванного яростью. Его убежденность была настолько глубокой, что я считал, что однажды собака упадет замертво.

Как-то утром, когда мы подошли, собаки не было. Мы немного подождали, но

собака не показывалась; потом мы увидели ее на другой стороне широкого газона. Она, по-видимому, была там чем-то занята, так что мы начали медленно уходить. Уголком глаза я заметил, что собака на полной скорости несется к нам. Когда она была где-то на шесть или семь футов от забора, она сделала гигантский прыжок через него. Я был уверен, что она сейчас распорет себе живот об зубцы. Она чуть-чуть не задела их и упала на улицу, как мешок картошки.

Я тогда подумал, что она мертва; но она была только оглушена. Вдруг она поднялась и, вместо того чтобы гнаться за тем, кто приводил ее в ярость, побежала за мной. Я прыгнул на крышу машины, но машина была для собаки пустяком. Она прыгнула и оказалась почти на мне. Я слез вниз и забрался на первое дерево поблизости, тонкое маленькое дерево, которое еле выдерживало мой вес. Я был уверен, что оно сломается посередине, отправив меня прямо в пасть собаке, чтобы она загрызла меня до смерти.

На дереве я был почти вне ее досягаемости. Но собака снова прыгнула и щелкнула зубами, поймав меня за зад штанов и порвав их. Ее зубы даже зацепили мои ягодицы. Как только я оказался в безопасности на верхушке дерева, собака ушла. Она просто побежала по улице, возможно в поисках моего друга.

В школьном медпункте медсестра сказала, что мне нужно попросить у владельца собаки справку о прививке от бешенства.

— Тебе нужно выяснить это, — сказала она строго. — Может быть, ты уже заразился бешенством. Если владелец откажется показать тебе справку о прививке, ты вправе вызвать полицию.

Я поговорил со сторожем особняка, в котором жила собака. Он обвинил меня в том, что я выманил на улицу самую ценную собаку хозяина, животное с родословной.

— Ты гляди, парень! — сказал он зло. — Собака потерялась. Владелец отправит тебя в тюрьму, если ты еще будешь нас беспокоить.

— Но у меня может быть бешенство, — сказал я искренне испуганным тоном.

— Мне до одного места, хоть бубонная чума, — рявкнут он. — Убирайся!

— Я вызову полицию, — сказал я.

— Вызывай кого хочешь, — сказал он в ответ. — Если вызовешь полицию, мы натравим их на тебя. В этом доме у нас достаточно связей для этого!

Я поверил ему, и поэтому соврал медсестре, что собаку не смогли найти и у нее нет владельца.

— О Боже! — воскликнула она. — Тогда готовься к худшему. Может быть, мне придется послать тебя к доктору. — Она дала мне длинный список симптомов, за которыми я должен следить или ждать, пока они не проявятся. Он? сказала, что уколы от бешенства очень болезненные и их нужно делать подкожно в область живота.

— Я худшему врагу не пожелаю такого лечения, — сказала она, ввергая меня в страшный кошмар.

После этого началась моя первая настоящая депрессия Я просто лежал в своей кровати, чувствуя каждый из симптомов, перечисленных медсестрой. В конце концов я пошел в школьный медпункт и умолял медсестру сделать мне уколы от бешенства, как бы больно это ни было. Я закатил огромную сцену. Я впал в истерику, У меня не было никакого бешенства, но я полностью перестал владеть собой.

Я рассказал дону Хуану об этих двух моих вспоминаниях во всех деталях, ничего не пропуская. Он не делал никаких замечаний. Он кивал головой вверх и вниз.

— В обоих вспоминаниях, дон Хуан, — сказал я, сам чувствуя крайнюю необходимость слышать свой голос, — я впал в обычную истерику. Мое тело дрожало. Меня тошнило. Я не хочу говорить, что я как будто был в этих переживаниях, потому что это неправда. Я был в самих переживаниях оба раза. И когда я больше не мог их выносить, я прыгал в мою жизнь сейчас. Для меня это был прыжок в будущее. Я обладал способностью перемещения во времени. Мой прыжок в прошлое не был внезапным; событие разворачивалось постепенно, как разворачиваются воспоминания. А вот н конце я внезапно

прыгнул в будущее: свою жизнь сейчас.

— Что-то в тебе явно начало рушиться, — сказал дон Хуан в конце концов. — Оно рушилось все время, но очень быстро восстанавливалось каждый раз, когда его опоры выходили из строя. Я чувствую, что оно сейчас полностью рушится.

После еще одной долгой паузы дон Хуан объяснил, что маги древней Мексики считали, что, как он мне уже говорил, у нас есть два ума и только один из них действительно наш. Слова дона Хуана я всегда понимал так, что в уме есть две части и одна из них всегда молчит, потому что другая часть силой запрещает ей самовыражаться. Я воспринимал все, что говорил дон Хуан, как метафору для объяснения, возможно, заметного доминирования левого полушария мозга над правым, или чего-то в таком духе.

— В перепросмотре есть тайная возможность выбора, — сказал дон Хуан. — Точно так же, как я говорил тебе, что тайная возможность выбора есть в смерти, возможность, которую находят только маги. В случае смерти тайная возможность в том, что люди могут сохранить свою жизненную силу и отказаться только от своего осознания, результата своей жизни. В случае переприсмотра тайная возможность выбора, которую нашли только маги, в том, чтобы предпочесть развивать свой истинный ум.

— Тревожные воспоминания, которые ты воспроизвел в памяти, — продолжал он, — могли появиться только из твоего истинного ума. Другой ум, который у нас всех одинаков, — это, я сказал бы, дешевая модель: экономная мощность, подходящий для всех размер. Но эту тему мы обсудим позже. Сейчас мы рискуем приходом разрушительной силы. Силы, которая разрушит не тебя, — я имею в виду другое. Она разрушит то, что маги называют чужеродным устройством, которое есть в тебе и во всех остальных людях. Именно воздействие этой силы, которая нисходит на тебя, разрушая чужеродное устройство, вытаскивает магов из их синтаксиса.

Я внимательно слушал дона Хуана, но не сказал бы, что понял его слова. По какой-то странной причине, которая мне была настолько же неведома, как и причина моих ярких воспоминаний, я не мог задать ему ни одного вопроса.

— Я знаю, как тебе трудно, — вдруг сказал дон Хуан, — справиться с этой

гранью твоей жизни. Каждый известный мне маг прошел через это. Мужчины, проходя через это, страдают бесконечно больше, чем женщины. Я полагаю, что в этом положение женщины — быть более долговечной. Маги древней Мексики, действуя как группа, старались, как могли, смягчить удар этой разрушительной силы. В наши дни у нас нет возможностей действовать как группа, так что мы должны встречаться с этим в одиночестве. Мы должны напрячь все силы, чтобы в одиночестве встретить силу, которая вынесет нас из языка, потому что невозможно адекватно описать то, что происходит.

Дон Хуан был прав в том, что я не смогу подобрать объяснений или описать воздействие, оказанное на меня этими воспоминаниями. Дон Хуан сказал мне, что маги встречаются с неизвестным в самых повседневных происшествиях. Когда они сталкиваются с ним и не могут интерпретировать то, что воспринимают, им приходится полагаться на руководство внешнего источника. Дон Хуан назвал этот источник бесконечностью, или голосом духа, и сказал, что, если маги не пытаются быть рациональными в том, что нельзя объяснить рационально, дух безошибочно говорит им, что есть что.

Благодаря дону Хуану я принял идею, что бесконечность — это сила, которая обладает голосом и осознает себя. Тем самым он подготовил меня быть всегда готовым услышать этот голос и действовать эффективно, но без предубеждений, ни о чем не судя заранее. Я нетерпеливо ждал, когда голос духа объяснит мне смысл моих вспоминаний, но ничего не происходило.

Однажды я был в книжном магазине, когда одна девушка узнала меня и подошла поговорить со мной. Она была высокая и стройная, с неуверенным голосом маленькой девочки. Я старался вести себя так, чтобы она чувствовала себя свободнее, но вдруг ощутил мгновенное энергетическое изменение. Во мне включился сигнал тревоги, и, как уже бывало раньше, совершенно помимо моей воли, я вспомнил еще одно совершенно забытое событие из моей жизни. На меня нахлынуло воспоминание о доме дедушки. Это была настоящая лавина, сильная до ужаса, и мне опять пришлось отойти в угол. Мое тело тряслось, как будто я простудился.

Мне было, наверное, восемь лет. Мой дедушка разговаривал со мной. Сначала он сказал мне, что его наивысший долг — направить меня по правильному пути. У меня было два двоюродных брата моего возраста: Альфредо и Луис. Мой дедушка безжалостно потребовал от меня признать, что Альфредо очень

красив. В моем видении я услышал скрипучий, приглушенный голос деда.

— Альфредо не нужно никаких знакомств, — сказал он мне по этому поводу. — Ему нужно только присутствовать, и двери раскроются для него настежь, потому что все исповедуют культ красоты. Всем нравятся красивые люди. Они завидуют им, но явно стремятся быть с ними. Поверь мне. Я ведь тоже красив, правда?

Я искренне согласился с моим дедушкой. Он был действительно очень красивым мужчиной, тонкой кости, со смеющимися голубыми глазами и изящным точеным лицом с прекрасными скулами. Все в его лице казалось в полкой гармонии — его нос, его рот, его глаза, его острый подбородок. У него на ушах росли светлые волосы, из-за чего он был похож на эльфа. Он знал все о себе и максимально использовал свои качества. Женщины обожали его, во-первых, как он говорил, за его красоту, а во-вторых, потому что он не представлял для них никакой угрозы. Он, конечно, пользовался всеми преимуществами этого.

— Альфредо — победитель, — продолжал мой дедушка. — Ему никогда не придется приходить без приглашения, потому что он всегда будет первым в списке гостей. Ты когда-нибудь замечал, как люди останавливаются на улице, чтобы посмотреть на него, и как они хотят прикоснуться к нему? Он настолько прекрасен, что я боюсь, он окажется задницей, но это другая тема. Скажем, он будет самой приятной задницей, которую только можно встретить.

Мой дедушка противопоставил Альфредо моего двоюродного брата Луиса. Он сказал, что Луис простодушный, немного глупый, но у него золотое сердце. А затем он внес в эту картину меня.

— Если продолжить дальше наше объяснение, — продолжал он, — то тебе придется честно признать, что Альфреде красивый, а Луис добрый. Теперь возьмем тебя; ты не красив и не добр. Ты настоящий сукин сын. Никто не будет приглашать тебя в гости. Тебе придется привыкнуть к мысли, что если ты собираешься быть на вечеринке, то тебе придется приходить туда без приглашения. Двери никогда не будут для тебя открыты так, как они будут открыты для Альфредо за красоту и для Луиса за доброту, так что тебе придется влезать через окно.

Его анализ своих трех внуков был настолько точным, что я заплакал из-за неотвратимости того, что он сказал. Чем больше я плакал, тем счастливее он становился. Он закончил свои доводы абсолютно уничтожающей рекомендацией.

— Незачем расстраиваться, — сказал он, — потому что нет ничего более захватывающего, чем забираться через окно. Для этого нужно быть сообразительным и активным. Тебе нужно за всем следить и быть готовым к бесконечным оскорблениям.

— Если тебе приходится забираться через окно, — продолжал он, — то это потому, что ты явно не в списке гостей; следовательно, твое присутствие совершенно нежелательно и тебе придется лезть из кожи вон, чтобы остаться. Единственный известный мне способ — это захватить контроль над всеми. Кричи! Требуй! Советуй! Пусть они почувствуют, что ты главный! Как можно тебя выкинуть, если ты главный?

Воспоминание об этой сцене вызвало у меня глубокое потрясение. Я похоронил это происшествие так глубоко, что полностью забыл его. Запомнил я навсегда лишь его совет всегда быть главным, который он, наверное, повторял мне снова и снова много лет.

У меня не было ни малейшей возможности исследовать это событие или подумать над ним, потому что еще одно забытое воспоминание всплыло на поверхность с такой же силой. В нем я был вместе с девушкой, с которой был обручен. В то время мы оба копили деньги на свадьбу и собственный дом. Я услышал, как я требую, чтобы у нас был общий счет в банке; я не был согласен ни на какие другие варианты. Я почувствовал настоятельную потребность прочитать ей лекцию о бережливости. Я услышал, как советую ей, где она должна покупать себе одежду и какой должна быть максимально допустимая цена.

Затем я увидел, как я даю уроки вождения ее младшей сестре и как я по-настоящему взбесился, когда она сказала что собирается уехать из дома родителей. Заставляя ее отказаться от этого, я стал угрожать ей, что прекращу мои уроки Она заплакала, признавшись мне, что у нее роман с боссом. Я выпрыгнул из машины и стал колотить по дверце ногами

Но это было еще не все. Я услышал, как говорю отцу моей невесты, чтобы он не переезжал в Орегон, как он планировал. Я кричал во весь голос, что это глупый поступок. Я действительно считал, что мои доводы против этого неопровержимы. Я представил ему цифры сметы, в которой дотошно подсчитал его убытки. Когда он не стал обращать на меня никакого внимания, я хлопнул дверью и ушел, трясясь от ярости. Моя невеста сидела в гостиной и играла на гитаре. Я выхватил гитару у нее из рук и закричал, что, вместо того чтобы играть на гитаре, она обнимает ее, как будто это больше чем предмет.

Мое желание навязывать свою волю распространялось на все на свете. Я не делал ни для кого исключения; кто бы ни был рядом со мной, он был здесь для того, чтобы я владел им и лепил из него что хочу.

Мне уже не нужно было думать о значении моих ярких видений. Меня охватила какая-то абсолютная уверенность, как будто придя извне. Она сказала мне, что мое слабое место в том, что мне всегда нужно быть в директорском кресле. Моим глубоко укоренившимся убеждением было то, что мне не просто нужно быть главным, но к тому же еще и контролировать любую ситуацию. Мое воспитание укрепило это стремление, которое, наверное, было в самом начале эпизодическим, но в зрелом возрасте превратилось в глубокую необходимость.

Я без малейших сомнений осознавал, что в действие вступила бесконечность. Дон Хуан изобразил ее как сознательную силу, которая намеренно вмешивается в жизнь магов. И теперь она вмешивалась в мою жизнь. Я знал, что с помощью ярких воспоминаний этих забытых переживаний бесконечность указывает мне на силу и глубину моего стремления к контролю и таким образом готовит меня к чему-то трансцендентальному для меня самого. Я знал с пугающей уверенностью, что скоро что-то отнимет у меня любую возможность контролировать и что мне больше всего нужна трезвость, гибкость и отрешенность, чтобы встретиться с тем, приближение чего я предчувствовал.

Естественно, я рассказал все это дону Хуану, описав во всех подробностях свои домыслы и озарения о возможном значении моих воспоминаний.

Дон Хуан добродушно рассмеялся.

— Все это психологические преувеличения с твоей стороны. Ты принимаешь желаемое за действительное, — сказал он. — Ты, как обычно, ищешь объяснений с линейной причиной и следствием. Твои воспоминания становятся все более яркими, все более безумными для тебя, потому что, как я уже говорил, ты начал необратимый процесс. Всплывает твой истинный ум, просыпаясь от пожизненной летаргии.

— Бесконечность заявляет на тебя права, — продолжал он. — Какие бы средства она ни использовала, чтобы указать это тебе, у тебя не должно быть никаких других обоснований, никаких других причин, никаких других ценностей, кроме этой. Но ты должен приготовиться к нападениям бесконечности. Ты должен быть в состоянии постоянной собранности для удара огромной мощности. Это те здравомыслие и трезвость, с которыми маги встречают бесконечность.

Слова дона Хуана оставили у меня неприятный привкус во рту. Я действительно чувствовал приближающуюся ко мне атаку и боялся ее. Поскольку я всю жизнь прятался за какой-то чрезмерной активностью, я и теперь с головой погрузился в работу. Я читал лекции на занятиях, которые вели мои друзья в разных школах в Южной Калифорнии. Я много писал. Могу сказать без преувеличения, что я выкинул десятки рукописей в мусорное ведро, потому что они не соответствовали обязательным требованиям, которые дон Хуан описал мне как знак того, что что-то подходит для бесконечности.

Он сказал, что все мои действия должны быть актом магии. Актом, свободным от вторгающихся ожиданий, опасений неудачи, надежд на успех. Свободными от культа я. Все, что я делаю, должно было быть импровизацией; магическим делом, в котором я свободно открываюсь импульсам бесконечного.

Однажды вечером я сидел за письменным столом, готовясь к ежедневной работе над рукописями. На мгновение закружилась голова. Я подумал, что мне стало дурно, потому что я слишком быстро поднялся с коврика, на котором делал упражнения. Мое зрение затуманилось. Перед глазами поплыли желтые пятна. Я думал, что сейчас упаду в обморок. Приступ слабости становился все тяжелее. Передо мной было огромное красное пятно. Я начал глубоко дышать, пытаясь успокоить возбуждение, которое вызывало это зрительное искажение. Я стал необыкновенно спокоен, настолько, что заметил, что окружен

непроницаемой темнотой. В уме проскочила мысль, что я потерял сознание. Но я мог ощущать свой стул, стол; я мог чувствовать все вокруг себя из окружающей меня темноты.

Дон Хуан говорил, что маги его линии считают одним из самых желанных результатов внутреннего безмолвия определенную игру энергии, которой всегда предшествует сильная эмоция. Он считал, что мои вспоминания были способом предельно возбудить меня, чтобы я пережил эту игру. Такая игра проявляется в оттенках, которые проецируются на любые сцены в мире повседневной жизни, будь то гора, небо, стена или просто ладони. Он объяснил, что эта игра оттенков начинается с появления бледного сиреневого мазка на горизонте. Со временем этот сиреневый мазок начинает расширяться, пока не охватывает весь видимый горизонт, как надвигающиеся грозовые тучи.

Он заверил меня, что потом показывается красное пятно своеобразного ярко-гранатового цвета, как бы прорывающееся сквозь сиреневые облака. Он сказал, что по мере того, как маги становятся более дисциплинированными и опытными, гранатовое пятно расширяется и в конце концов взрывается в виде мыслей или видений или, в случае грамотного человека, в написанные слова; маги либо наблюдают видения, порожденные энергией, либо слышат мысли, произносимые как слова, либо читают написанные слова.

В этот вечер за моим столом я не видел никаких сиреневых мазков и никаких надвигающихся туч. Я был уверен, что у меня нет той дисциплины, которая требуется магам для такой игры энергии, но передо мной было огромное гранатово-красное пятно. Это огромное пятно без никаких вступлений взорвалось в виде разрозненных слов, которые я читал, как будто с листа бумаги, выдвигающегося из печатной машинки. Слова двигались передо мной с такой огромной скоростью, что было невозможно успеть хоть что-то понять. Затем я услышал голос, что-то описывающий мне. И опять же, скорость голоса не подходила для моих ушей. Слова были искажены, и было невозможно услышать хоть что-нибудь осмысленное.

Словно этого было недостаточно, я начал видеть живые сцены, похожие на сцены в снах после тяжелой еды. Они были гротескными, темными, зловещими. Я начал кружиться, и кружился, пока меня не затошнило. Все событие на этом закончилось. Я чувствовал воздействие того, что произошло

со мной, в каждой мышце своего тела. Я был истощен. Это бурное вмешательство разозлило и расстроило меня.

Я поспешил в дом дона Хуана, чтобы рассказать ему об этом случае. Я чувствовал, что мне как никогда нужна помощь.

— Ни в магах, ни в магии нет ни капли мягкости, — заметил дон Хуан, выслушав мой рассказ. — Бесконечность впервые напала на тебя таким способом. Это была молниеносная атака. Это было полное овладение твоими способностями. Что касается скорости твоих видений, тебе самому нужно будет научиться ее регулировать. Для некоторых магов это задача на всю жизнь. Но с этого момента энергия будет казаться тебе проецируемой на движущийся экран.

— Понимаешь ли ты то, что проецируется, — продолжал он, — это другой вопрос. Чтобы давать точную интерпретацию, тебе нужен опыт. Мой совет тебе: не смущаться и начать сейчас. Читай энергию на стене! Всплывает твой настоящий ум, и он не имеет никакого отношения к уму, который является чужеядным устройством. Пусть твой настоящий ум регулирует скорость. Будь безмолвен и не беспокойся, что бы ни происходило.

— Но, дон Хуан, возможно ли все это? Действительно можно читать энергию, как будто это текст? — спросил я, ошеломленный этой идеей.

— Конечно, это возможно! — сказал он в ответ. — В твоем случае это не только возможно, это уже происходит с тобой.

— Но зачем читать энергию, как будто это текст? — настаивал я, но это был риторический вопрос.

— Это притворство с твоей стороны, — сказал он. — Если ты читаешь текст, ты можешь повторить его дословно. Но если бы ты попробовал быть не читателем, бесконечности, а зрителем бесконечности, оказалось бы, что ты не можешь описать увиденное, и в итоге ты лепетал бы бессмыслицу, не умея передать словами то, что наблюдал. Точно так же, если бы ты попробовал услышать энергию. Это, конечно, твоя специфика. В любом случае, выбор делает бесконечность. Воин-путешественник просто молча соглашается с этим выбором.

— Но прежде всего, — добавил он после обдуманной паузы, — не теряйся из-за того, что не можешь описать это событие. Оно за пределами синтаксиса нашего языка.

12. Путешествия по темному морю осознания

Теперь мы можем поговорить о внутреннем безмолвии немного яснее, — сказал дон Хуан.

Его высказывание настолько не относилось к предыдущей теме разговора, что удивило меня. После полудня он несколько часов рассказывал мне о злоключениях, которые испытали индейцы яки после больших войн двадцатых годов, когда правительство Мексики депортировало их из родных мест в штате Сонора в северной Мексике для работы на плантациях сахарного тростника в центральной и южной Мексике. Дон Хуан рассказал мне несколько потрясающих, горьких историй о яки, о политических интригах и предательстве, о лишениях и человеческих страданиях.

У меня было чувство, что дон Хуан готовит меня к чемуто, потому что он знал, что меня хлебом не корми, только дай послушать такие рассказы. В то время у меня было обостренное чувство социальной справедливости и честной игры.

— Окружающие тебя обстоятельства могут позволить тебе приобрести больше энергии, — продолжал он. — Ты начал перепросмотр всей своей жизни; ты впервые посмотрел на своих друзей так, как будто они находятся на витрине; ты абсолютно самостоятельно, своими собственными усилиями пришел к своему переломно му моменту, ты прекратил свой бизнес; и главное, ты скопил достаточно внутреннего безмолвия. Благодаря всему этому ты смог совершить путешествие по темному морю осознания.

— Встреча со мной в том выбранном нами городе была таким путешествием, —

продолжал он. — Я знаю, что v тебя почти всплыл на поверхность решающий вопрос и что на мгновение ты задал его себе: действительно ли я приходил к тебе домой. Мой приход к тебе не был для тебя сном. Я был реален, ты согласен?

— Ты был так же реален, как и все остальное, — сказал я.

Я почти забыл об этих событиях, но я помнил, что мне показалось странным, как он мог найти мою квартиру. Я отбросил свое удивление, просто предположив, что он разузнал у кого-то мой новый адрес. Хотя, задумайся я об этом поглубже, я не смог бы назвать никого, кто знал бы тогда, где я живу.

— Давай проясним этот момент, — сказал он в ответ. — На моем языке, языке магов древней Мексики, я был таким реальным, каким только мог быть, и в таком виде я действительно пришел к тебе из моего внутреннего безмолвия, чтобы сообщить тебе о требовании бесконечности и предупредить тебя, что у тебя осталось мало времени. И ты, в свою очередь, из своего внутреннего молчания действительно отправился в этот выбранный нами город, чтобы сказать мне, что ты сумел выполнить требование бесконечности.

На твоем языке, языке обычного человека, я в обоих случаях был сном-фантазией. У тебя был сон-фантазия, что я приехал к тебе, не зная адреса, а затем у тебя был сон-фантазия, что ты приехал, чтобы встретиться со мной. Что касается меня как мага, то, что ты считаешь своим сном-фантазией о встрече со мной в том городе, было настолько же реально, как наш с тобой разговор сегодня.

Я признался дону Хуану, что я никак не мог приспособить эти события к образу мышления человека Запада. Я сказал, что думать о них в терминах снов-фантазий означает создавать ложную категорию, которая не выдерживает критики, и что единственным сколько-нибудь приемлемым объяснением является другой аспект его знаний: сновидение.

— Нет, это не сновидение, — подчеркнул он. — Это что-то более непосредственное и более загадочное. Кстати, у меня для тебя сегодня есть новое определение сновидения, более соответствующее твоему состоянию. Сновидение — это действие изменения точки прикрепления к темному морю осознания. Если так его рассматривать, это очень простое понятие и очень

простой маневр. Тебе нужно все, что у тебя есть, чтобы осознать это, но это вполне осуществимо и не окружено мистическим туманом.

— Название сновидение всегда выводило меня из себя, — продолжал он, — потому что оно ослабляет очень мощное действие. Из-за этого названия оно кажется чем-то случайным; оно в каком-то смысле становится фантазией, которым оно никак не является. Я пытался изменить это название, но оно слишком глубоко укоренилось. Может быть, когда-нибудь ты сможешь изменить его, хотя, как и со всем остальным в магии, боюсь, что, когда ты это действительно сделаешь, тебе будет уже до лампочки, как что бы то ни было называется.

Все то время, что я его знал, дон Хуан очень подробно объяснял, что сновидение — это искусство, открытое магами древней Мексики, с помощью которого обычные сны преобразуются в настоящие врата в иные миры восприятия. Он приближал всеми возможными способами приход того, что он называл вниманием сновидения, то есть способности уделять особый вид внимания или обращать особый вид осознания на элементы обычного сна.

Я старательно следовал всем его рекомендациям и достиг успеха в том, чтобы приказывать своему осознанию оставаться фиксированным на элементах сна. Дон Хуан советовал мне не стараться специально увидеть желаемый сон, а фиксировать свое внимание на составных частях любого обычного сна.

Затем дон Хуан энергетически показал мне то, что маги древней Мексики считали источником сновидения: сдвиг точки сборки. Он сказал, что точка сборки очень естественно смещается во время сна, но увидеть это смещение нелегко, потому что для этого требуется агрессивное настроение, которое было пристрастием магов древней Мексики. Эти маги, как сказал дон Хуан, открыли все основы своей магии с помощью этого настроения.

— Это очень хищническое настроение, — продолжал дон Хуан. — Совсем нетрудно войти в него, потому что человек по природе хищник. Ты можешь увидеть, агрессивно, любого в этой маленькой деревне или кого-то далеко отсюда, когда он спит; для этой цели подойдет любой. Тебе важно прийти к чувству полного безразличия. Ты ищешь что-то, и ты отправился на его поиски. Ты отправишься на поиски человека, находя, как хищный зверь из породы кошачьих, кого-то, на кого можно напасть.

Дон Хуан сказал мне, смеясь над моим огорчением, что трудный момент в этой технике — такое настроение и что мне нельзя быть пассивным во время видения, потому что это зрелище предназначено не для наблюдения, а для действия по отношению к нему. Возможно, повлияла сила внушения. но в тот день, когда он рассказал мне все это, я чувствовал себя поразительно агрессивно. Каждый мускул моего тела был переполнен энергией, и в моей практике сновидения я действительно отправился на поиски кого-то. Меня не интересовало, кем этот кто-то может быть. Мне нужен был кто-то спящий, и какая-то сила, о которой я знал, не совсем сознавая ее, направила меня к обнаружению этого кого-то.

Я так и не узнал, кто это был, но когда я видел этого человека, я чувствовал присутствие дона Хуана. Это было странное ощущение — знать, что кто-то рядом со мной, с помощью неопределенного чувства близости, которое возникало на каком-то уровне осознания, не знакомом ни по каким моим действиями прошлом. Я мог только сосредоточить свое внимание на неподвижном человеке. Я знал, что он мужчина, но не знал, откуда я это знаю. Я знал, что он спит, потому что шар энергии, которым обычно является человек, был немного сплющен; он был растянут горизонтально.

И тогда я увидел точку сборки не в таком положении, как обычно. Она была смещена направо и немного вниз от того места, где должна была быть. Я вычислил, что, если точка сборки обычно находится прямо за лопатками, в этом случае она переместилась в область ребер. Еще я заметил, что она была неустойчивой. Она беспорядочно колебалась, а затем вдруг вернулась в свое нормальное положение. У меня было отчетливое чувство, что, очевидно, мое присутствие и присутствие дона Хуана разбудило этого человека. Я сразу же после этого увидел массу неясных образов, а затем проснулся в том месте, откуда отправился.

И еще дон Хуан обычно говорил мне, что маги разделены на две группы: одна из групп — сновидящие; а другая — сталкеры. Сновидящие — это те, кто умеет с легкостью смещать точку сборки. Сталкеры — это те, кто способен удерживать точку сборки фиксированной в этом новом положении. Сновидящие и сталкеры дополняют друг друга и работают в парах, влияя друг на друга своими природными предрасположенностями.

Дон Хуан заверил меня, что смещение и закрепление точки сборки можно выполнять по своей воле с помощью железной дисциплины магов. Он говорят, что маги его линии считают, что есть по крайней мере шестьсот точек в светящемся коконе, которым мы являемся и при сознательном смещении точки сборки любая из них может дать нам целый мир. Это значит, что, если наша точка сборки смещена в любую из этих точек и остается фиксированной в ней, мы воспринимаем такой же реальный мир, как и мир повседневной жизни, но отличающийся от него.

Кроме того, дон Хуан объяснил, что искусство магии состоит в том, чтобы манипулировать точкой сборки и по своей воле заставлять ее менять положение на светящихся сферах, которыми являются люди. Результатом этой манипуляции является сдвиг точки контакта с темным морем осознания, из-за чего одновременно с этим другой пучок мириад энергетических полей в форме светящихся нитей сосредоточивается в точке сборки. В результате того, что в точке сборки собираются новые энергетические поля, приходит в действие осознание иного типа, чем то, которое необходимо для восприятия мира повседневной жизни. Оно превращает новые энергетические поля в сенсорные данные, которые интерпретируются и воспринимаются как другой мир, потому что энергетические поля, порождающие его, отличаются от привычных.

Он сказал, что точным определением магии как практики было бы сказать, что магия — это манипуляция точкой сборки с целью изменения ее фокальной точки контакта с темным морем осознания, тем самым давая возможность восприятия других миров.

Дон Хуан сказал, что искусство сталкеров выходит на сцену после того, как точка сборки смещена. Сохранение фиксации точки сборки в ее новом положении обеспечивает магам абсолютно полное восприятие того нового мира, в который они входят, точно так же, как мы воспринимаем мир повседневных дел. Для магов линии дона Хуана мир повседневной жизни — это всего лишь одна складка всего мира, состоящего по крайней мере из шестисот таких складок.

Дон Хуан вернулся к обсуждаемой теме: о моих путешествиях по темному морю осознания и сказал, что то, что я сделал исходя из своего внутреннего безмолвия, очень похоже на то, что делается в сновидевши. Но при путешествии по темному морю осознания нет никаких помех, вызванных сном,

и нет никакой необходимости контролировать свое внимание, как во время сна. Путешествие по темному морю осознания вызывает мгновенный отклик. В нем есть определенное всепоглощающее ощущение здесь и сейчас. Дон Хуан посетовал на то, что некоторые придурковатые маги назвали этот акт непосредственного достижения моря осознания «сновидением в бодрствовании», делая термин сновидение еще более нелепым.

— Когда ты думал, что у тебя сон-фантазия о путешествии в этот выбранный нами город, — продолжал он, — ты на самом деле переместил свою точку сборки прямо в определенное место темного моря осознания, которое позволяет совершить такое путешествие. Затем темное море сознания обеспечило тебя всем необходимым для продолжения этого путешествия. Никак невозможно по своей воле выбрать это место. Маги говорят, что его безошибочно выбирает внутреннее безмолвие. Просто, правда?

Он объяснил мне тонкости выбора. Он сказал, что для воинов-путешественников этот выбор, фактически, не действие по выбиранию чего-то, а скорее действие по изысканному безмолвному согласию с просьбами бесконечности.

— Выбирает бесконечность, — сказал он. — Искусство воина-путешественника в том, чтобы обладать способностью двигаться по малейшему намеку; искусство безмолвно соглашаться с каждой командой бесконечности. Для этого воину-путешественнику нужна отвага, сила и, прежде всего, трезвость. Все эти три качества, вместе взятые, дают в результате изысканность в действиях!

После минутной паузы я вернулся к теме, которая больше всего меня интриговала.

— Но, дон Хуан, трудно поверить, что я действительно отправился в этот город телом и душой, — сказал я.

— В это трудно поверить, но это можно проверить, — сказал он. — Вселенная безгранична, и возможности игры во всей Вселенной в целом действительно ни с чем не сравнимы. Так что не попадайся на аксиому «Верю только в то, что вижу», потому что это самая дурацкая позиция, какую только можно занять.

Доводы дона Хуана были кристально ясны. Они имели смысл, но я не знал, где они имели этот смысл, — явно не в моем повседневном мире повседневных дел. Тогда дон Хуан, вызвав во мне большую тревогу, заверил меня, что для магов есть только один способ справляться со всей этой информацией: испытать ее на собственном опыте, потому что ум не способен воспринять все это.

— Что ты предлагаешь мне делать, дон Хуан? — спросил я.

— Ты должен намеренно совершить путешествие по темному морю осознания, — ответил он, — но так и не узнаешь, как это делается. Скажем, это делает внутреннее безмолвие, следуя необъяснимыми путями, путями, которые невозможно понять, можно только практиковать.

Дон Хуан попросил меня сесть на кровати и принять позу, которая способствует внутреннему безмолвию. Я обычно мгновенно засыпал всякий раз, как принимал эту позу. Но когда я был с доном Хуаном, из-за его присутствия я не мог заснуть; вместо этого я входил в настоящее состояние полной тишины. В этот раз, после секундной тишины, я обнаружил, что иду. Дон Хуан во время ходьбы направлял меня за руку.

Мы уже не были в его доме; мы шли по городу индейцев яки, в котором я никогда до этого не был. Я знал о существовании этого города; я много раз был рядом с ним, но мне приходилось разворачиваться обратно из-за полнейшей враждебности людей, которые жили вокруг него. В этот город чужаку было почти невозможно войти. Единственными не-яки, которые имели свободный доступ в этот город, были инспектора из Федерального Банка, потому что банк покупал урожай у фермеров-яки. Бесконечные переговоры с фермерами-яки крутились вокруг получения от банка авансов наличными на основании близких к домыслам предположений о будущем урожае.

Я сразу же узнал город по описаниям людей, которые там побывали. Как будто для того, чтобы удивить меня еще больше, дон Хуан прошептал мне на ухо, что мы находимся в этом самом городе индейцев яки. Я хотел спросить его, как мы сюда попиши, но не смог произнести ни слова. Там было много индейцев, которые о чем-то спорили; по-видимому, многие выходили из себя от гнева. Я не понимал ни слова из того, что они говорили, но как только у меня родилась мысль, что я не понимаю, что-то прояснилось. Было очень

похоже на то, как если бы в сцене появилось больше света. Все стало очень рельефным и четким, и я понял, о чем говорят эти люди, хотя и не знал, как; я не говорил на их языке. Слова были явно понятны мне, не по отдельности, а группами, как будто мой ум мог воспринимать целые структуры мыслей.

Признаться, я получил невиданный шок — не столько из-за того, что понимал, о чем они говорят, но из-за содержания их разговоров. Эти люди были действительно воинственными. Это были совсем не люди Запада. Их слова были словами вражды, войны, стратегии. Они измеряли свою силу, свои ударные ресурсы и жалели о том, что у них не хватает сил осуществить свои удары. Я отметил в своем теле боль их бессилия. У них были только палки и камни против вооружения высокой технологии. Они печалились о том, что у них нет лидеров. Больше всего на свете они желали появления какого-то обладающего притягательной энергией лидера, который вдохнул бы в них силы.

Затем я услышал циничный голос; один из них высказал мысль, которая, по-видимому, подавила всех без исключения, включая меня, потому что я был как бы их неотъемлемой частью. Он сказал, что они побеждены безнадежно, потому что, если сейчас у кого-то из них появится притягательная сила для того, чтобы подняться и сплотить их, его предадут из-за чувства зависти, ревности и обиды.

Я хотел рассказать дону Хуану о том, что со мной происходило, но не мог сказать ни единого слова. Только дон Хуан мог говорить.

— Яки не уникальны в своей мелочности, — сказал он мне на ухо. — Это то состояние, в котором пойманы люди; состояние, которое даже не человеческое, а навязано извне.

Я почувствовал, как мой рот непроизвольно открывается и закрывается в отчаянной попытке задать вопрос, который я не мог даже сформулировать. Мой ум был пустым, лишенным мыслей. Мы с доном Хуаном были в кругу людей, но, кажется, никто из них нас не замечал. Я не заметил никаких движений, реакций или взглядов украдкой, которые бы показали, что они о нас знают.

В следующее мгновение я оказался в мексиканском городе, построенном

вокруг железнодорожной станции, который находился приблизительно в полутора милях на восток от того места, где жил дон Хуан. Мы с доном Хуаном находились посреди улицы рядом с государственным банком. Сразу после этого я увидел одно из самых странных зрелищ, которые мне вообще приходилось наблюдать в мире дона Хуана. Я видел энергию как потоки во Вселенной, но я не видел людей как сферические или продолговатые шары энергии. Одно мгновение люди вокруг меня были нормальными людьми повседневной жизни, а в следующее они стали некими странными существами. Шар энергии, которым является человек, был как бы прозрачным; это было подобно гало вокруг похожей на насекомое сердцевины. Эта сердцевина имела не форму примата. Не было никаких частей скелета, так что я не видел людей как бы рентгеновским зрением, проходящим до костей. В сердцевине были скорее геометрические формы, созданные, по-видимому, из жесткой вибрации материи. Эта сердцевина была похожа на буквы алфавита — прописное Т было, по-видимому, главной строительной опорой. Перед Т было подвешено толстое перевернутое L; греческая буква дельта, которая доходила почти до земли, была расположена ниже вертикальной черты Т и, очевидно, служила опорой всей этой структуры. Сверху на букве Т я увидел что-то вроде веревки диаметром около дюйма; она проходила через верхушку светящейся сферы, как будто то, что я видел, было на самом деле гигантской бусиной, подвешенной за верхнюю часть, как драгоценный камень.

Когда-то дон Хуан познакомил меня с метафорой, описывающей энергетическое единство нитей людей. Он сказал, что маги древней Мексики описали эти нити как занавес, сделанный из бусин, нанизанных на нить. Я понял это буквально, как будто нить проходит через многочисленные энергетические поля, которыми мы являемся, с головы до пяток. Прикрепляющая нить, которую я видел, делала круглую форму энергетических полей людей скорее похожей на брелок. Но я не видел, чтобы хоть какие-то существа были подвешены на одной нити. Все без исключения существа, которых я видел, были в форме геометрических фигур с какой-то нитью в верхней части сферического гало. Эти нити мне очень напомнили разрозненные, похожие на червей формы, которые некоторые из нас видят через полуприкрытые веки под солнечным светом.

Мы с доном Хуаном прошли по городу из одного конца в другой, и я увидел буквально десятки существ геометрической формы. Моя способность видеть их была крайне неустойчива. Я на мгновение видел их, а затем терял их из виду

и сталкивался с обычными людьми.

Вскоре я страшно устал и мог видеть только обычных людей. Дон Хуан сказал, что пора возвращаться домой, и опять что-то во мне потеряло мое обычное чувство непрерывности. Я оказался в доме дона Хуана, не имея ни малейшего понятия о том, как я пересек расстояние от города до дома. Я лежал в своей кровати и отчаянно пытался вспомнить, вернуть мое воспоминание, обыскать глубины самого себя в поисках ключа к тому, как я попал в город яки и в город возле железнодорожной станции. Я не верил, что это были сны-фантазии, потому что сцены были настолько детальными, что могли быть только реальностью, и все же они никак не могли быть реальностью.

— Ты теряешь свое время, — сказал дон Хуан, смеясь. — Я обещаю тебе, что ты никогда не узнаешь, как мы попали из дома в город яки, и из города индейцев-яки на железнодорожную станцию, и от станции — домой. Произошел разрыв в непрерывности времени. Вот что делает внутреннее безмолвие.

Он терпеливо объяснил мне, что прерывание потока непрерывности, благодаря которому мир для нас понятен, — это магия. Он заметил, что я в этот день пропутешествовал по темному морю осознания и что я видел людей такими, каковы они есть, занятыми человеческими делами. А затем я видел нить энергии, которая связывает определенные линии человеческих существ.

Дон Хуан повторял мне снова и снова, что я был свидетелем чего-то конкретного и необъяснимого — я понимал то, что говорят люди, не зная их языка, и я видел нить энергии, которая соединяет людей с некоторыми другими существами, — и что я выбрал эти аспекты с помощью намеревания этого. Он подчеркнул, что сделанное мной намеревание было не сознательным и не произвольным, что намеревался я на глубоком уровне и что намерение было продиктовано необходимостью. Мне нужно было познакомиться с некоторыми из возможностей путешествия по темному морю осознания, и мое внутреннее безмолвие направило намерение — извечную силу Вселенной — к удовлетворению этой потребности.

13. Неорганическое осознание

В определенный момент моего ученичества дон Хуан раскрыл мне всю сложность его жизненной ситуации. Он заявил, вызвав у меня досаду и уныние, что он живет в хибарке в штате Сонора в Мексике потому, что эта хибарка отображала мое состояние осознания. Я не очень-то поверил, что он действительно считает меня настолько ограниченным, точно так же не верил я ив то, что v пего есть другие места для жительства, как он утверждал.

Оказалось, что он был прав и в том, и в другом. Мое состояние осознания было очень ограниченным, а v него действительно были другие места, где он мог жить, бесконечно комфортабельнее, чем хибарка, в которой я впервые его нашел. И он был не одиноким магом, каковым я его считал, а лидером группы пятнадцати других воинов-путешественников: десяти женщин и пяти мужчин. Мое удивление было огромным, когда он привез меня в свой дом в центральной Мексике, где он жил со своими магическими компаньонами.

— Ты жил в Соноре только из-за меня, дон Хуан? — спросил я его, не в силах нести эту ответственность, которая наполняла меня чувством вины, раскаяния и ничтожности.

— Ну, на самом деле я там не жил, — сказал он, смеясь, — я только встречал тебя там.

— Но как... но как же так, дон Хуан, ты ведь никогда не знал, когда я приеду к тебе, — сказал я. — Я никак не мог предупреждать тебя об этом!

— Ну, если ты точно помнишь, — сказал он, — множество раз ты меня не находил. Тебе приходилось терпеливо сидеть и ждать меня, иногда несколько дней.

— Ты летал отсюда в Гуаймас, дон Хуан? — искренне спросил я.

Я думал, что быстрее всего было лететь на самолете.

— Нет, я не летал в Гуаймас, — сказал он с широкой улыбкой. — Я летал прямо к хибарке, в которой ты ждал.

Я знал, что он специально говорит мне то, что мой линейный ум не может ни понять, ни принять, — то, что бесконечно сбивало меня с толку. В те дни я был на таком уровне осознания, что постоянно задавал себе роковой вопрос: «А что, если все, что говорит дон Хуан, — правда?»

Я не хотел больше задавать ему никаких вопросов, потому что безнадежно заблудился, пытаясь навести мост между нашими двумя путями мышления и действия.

В новой обстановке дон Хуан начал старательно инструктировать меня по более сложной грани его знаний, грани, которая требовала всего моего внимания, грани, в которой просто воздерживаться от оценок было недостаточно. В этот раз мне пришлось погрузиться в глубины его знаний. Мне пришлось перестать быть объективным, и в то же время мне пришлось воздерживаться от субъективности.

Однажды я помогал дону Хуану заострить несколько бамбуковых кольев на заднем дворе его дома. Он попросил меня надеть какие-то рабочие перчатки, потому что щепки бамбука очень острые и легко вызывают инфекцию. Он научил меня, как использовать нож, чтобы зачищать бамбук. Я углубился в эту работу. Когда дон Хуан заговорил со мной, мне пришлось перестать работать, чтобы уделять ему все свое внимание. Он сказал мне, что я достаточно много сделал и что нам нужно зайти в дом.

Он попросил меня сесть в очень удобном кресле в его просторной, почти пустой гостиной. Он дал мне орехи, сушеные абрикосы и ломтики сыра, аккуратно разложенные на тарелке. Я возразил, что хочу закончить зачищать бамбук. Я не хотел есть. Но он не обращал на меня внимания. Он посоветовал мне есть понемногу, медленно и внимательно, потому что мне понадобится достаточное количество пищи, чтобы быть алертным и внимательным к тому, что он мне будет говорить.

— Ты уже знаешь, — начал он, — что во Вселенной существует извечная сила, которую маги древней Мексики назвали темным морем осознания. Когда они были на максимуме своих способностей восприятия, они увидели то, из-за чего

у них душа ушла в подштанники, если они носили подштанники. Они увидели, что темное море осознания отвечает не только за осознание организмов, но и за осознание сущностей, у которых нет организма.

— Что это такое, дон Хуан, что за существа без организма, обладающие осознанием? — спросил я удивленно, потому что он раньше никогда не упоминал ни о чем подобном.

— Древние шаманы обнаружили, что вся Вселенная состоит из двух сил-близнецов, — начал он, — сил, которые противоположны и дополняют друг друга. Наш мир неизбежно имеет двойника. Его противоположный и взаимодополняющий мир населен существами, которые обладают осознанием, но не имеют организмов. Поэтому древние шаманы назвали их неорганическими существами.

— А где находится этот мир, дон Хуан? — спросил я, бессознательно жуя кусочек сушеного абрикоса.

— Здесь, где мы с тобой сидим, — ответил он как ни в чем не бывало, но сразу же засмеялся над моей нервозностью. — Я сказал тебе, что это наш мир-близнец, так что он тесно связан с нами. Маги древней Мексики не думали так, как ты, в терминах пространства и времени. Они думали исключительно в терминах осознания. Два типа осознания сосуществуют вместе, никогда не сталкиваясь друг с другом, потому что каждый из типов совершенно отличается от другого. Древние шаманы встретились с этой проблемой сосуществования, не касаясь понятий времени и пространства. Они сделали вывод, что уровни осознания органических существ и неорганических существ настолько разные, что они могут сосуществовать с минимальным взаимным вмешательством.

— А мы можем воспринимать эти неорганические существа, дон Хуан? — спросил я.

— Конечно, можем, — ответил он. — Маги делают это по своей воле. Обычные люди тоже делают это, но они не понимают, что они это делают, потому что не сознают существования мира-двойника. Когда они думают о миредвойнике, они начинают заниматься разнообразной умственной мастурбацией, но им никогда не приходило в голову, что источник их фантазий находится в

подсознательном знании, которое есть у всех нас: мы не одни.

Слова дона Хуана захватили мое внимание. Вдруг я стал ненасытно голодным. Под ложечкой появилась какая-то пустота. Я мог только как можно внимательнее слушать и есть.

— Когда ты обращаешься с вещами в терминах времени и пространства, — продолжал он, — то трудность в том, что ты замечаешь только то, что оказалось в имеющемся у тебя пространстве и времени, которые очень ограничены. С другой стороны, у магов есть огромное поле, на котором они могут увидеть, не оказалось ли там что-то постороннее. Масса сущностей со всей Вселенной, сущностей, имеющих осознание, но не имеющих тела, оказываются в поле осознания нашего мира или в поле осознания мира-двойника, а обычный человек совершенно не замечает этого. Сущности, которые приземляются на наше поле осознания или поле осознания близнеца нашего мира, принадлежат другим мирам, которые существуют помимо нашего мира и его близнеца. Вселенная в целом переполнена мирами осознания, органическими и неорганическими.

Дон Хуан продолжил говорить, что эти маги знали, когда неорганическое сознание из других миров, кроме нашего мира-близнеца, приземляется на их поле осознания. Он сказал, что, как и любой человек на Земле, эти шаманы делали бесконечные классификации разных типов этой энергии, обладающей осознанием. Они называли их общим термином неорганические существа.

— А эти неорганические существа живы так, как живы мы? — спросил я.

— Если ты считаешь, что быть живым означает осознавать, то они действительно живы, — сказал он. — Я думаю, было бы точнее сказать, что если жизнь можно измерить по интенсивности, остроте, продолжительности этого осознания, то я могу искренне сказать, что они живее, чем мы с тобой.

— А эти неорганические существа умирают, дон Хуан? — спросил я.

Дон Хуан прокашлялся, прежде чем ответить.

— Если ты называешь смертью прекращение осознавания, — то да, они умирают. Их осознание заканчивается. Их смерть довольно похожа на смерть

человека — и в то же время непохожа, потому что в смерти человека есть скрытая возможность выбора. Это как пункт юридического документа, пункт, написанный крошечными буквами, которые еле видно. Нужно использовать лупу, чтобы прочитать его, и все же это самый важный пункт документа.

— Какая скрытая возможность, дон Хуан?

— Скрытая возможность выбора в смерти открыта только для магов. Насколько я знаю, только они прочитали эти мелкие буквы. Для них эта возможность уместна и практична. Для обычных людей смерть означает прекращение их осознания, конец их организмов. Для неорганических существ смерть означает то же самое: конец их осознания. В обоих случаях воздействие смерти — это втягивание в темное море осознания. Их отдельное осознание, несущее жизненный опыт, прорывает свои границы, и осознание как энергия выливается в темное море осознания.

— Дон Хуан, а что это за скрытая возможность выбора в смерти, которую находят только маги?

— Для мага смерть — это объединяющий фактор. Вместо того чтобы раздроблять организм, как это обычно происходит, смерть объединяет его.

— Как может смерть что-то объединить? — возразил я.

— Для мага смерть, — сказал он, — кладет конец преобладанию отдельных настроений в теле. Маги древности считали, что именно преобладание различных частей тела руководит настроениями и действиями всего тела; части, которые перестали нормально действовать, тянут остальные части тела к хаосу, — например, когда человек заболевает от того, что съел какую-то дрянь. В этом случае настроение живота влияет на все остальное. Смерть ликвидирует преобладание этих отдельных частей. Она объединяет их осознание в одну единицу.

— Ты имеешь в виду, что после смерти маги продолжают осознавать? — спросил я.

— Для магов смерть — это акт объединения, который задействует каждую частичку их энергии. Ты думаешь о смерти как о трупе перед собой: тело с

признаками разложения. Для магов, когда происходит объединение, нет никакого трупа. Нет никакого разложения. Их тела во всей полноте превращаются в энергию, энергию, обладающую осознанием, которое не раздроблено. Границы, установленные организмом, которые смерть разрушает, в случае магов продолжают действовать, хотя они уже не видны невооруженным глазом.

— Я знаю, что тебе не терпится спросить меня, — продолжал он с широкой улыбкой, — является ли то, что я описываю, душой, которая идет в ад или в рай. Нет, это не душа. Когда маги находят эту скрытую возможность выбора в смерти, с ними происходит вот что: они превращаются в неорганические существа, очень своеобразные, высокоскоростные неорганические существа, способные на колоссальные маневры восприятия. Тогда маги начинают то, что шаманы древней Мексики назвали их окончательным путешествием. Областью их действий становится бесконечность.

— Дон Хуан, ты имеешь в виду, что они становятся вечными?

— Моя трезвость как мага говорит мне, — сказал он, — что их осознание прекратится, так же как прекращается осознание неорганических существ, но я никогда не видел, чтобы это происходило. Маги древности считали, что осознание неорганического существа такого типа продолжается, пока жива Земля. Земля — это их матрица. Пока она существует, их осознание продолжается. Для меня это совершенно разумное утверждение.

Последовательность и упорядоченность объяснений дона Хуана показались мне превосходными. Мне было абсолютно нечего добавить. Он оставил у меня чувство тайны и неудовлетворенных невысказанных ожиданий.

Во время моего следующего визита к дону Хуану я начал свой разговор с того, что нетерпеливо задал ему вопрос, который уже давно меня преследовал.

— Дон Хуан, возможно ли, что привидения и призраки действительно существуют?

— Что бы ты ни называл призраком или привидением, — сказал он, — при внимательном изучении магом сводится к одному вопросу — возможно, что какие-то из этих призрачных привидений могут быть конгломератом

энергетических полей, обладающим осознанием, который мы превращаем в известные нам вещи. Если это так, то привидения обладают энергией. Маги называют их генерирующими энергию конфигурациями. Или, если они не излучают никакой энергии, в этом случае они являются фантасмагорическими созданиями, обычно созданными очень сильным человеком — сильным в смысле осознания.

— Меня глубоко заинтриговала одна история, — продолжал дон Хуан, — история, которую ты рассказал мне однажды о своей тетушке. Ты ее помнишь?

Я когда-то рассказал дону Хуану, что, когда мне было четырнадцать лет, я переехал жить в дом сестры моего отца. Она жила в гигантском доме, в котором было три внутренних дворика с жилыми помещениями между ними — спальнями, гостиными и т. д. Первый внутренний дворик был вымощен булыжником. Мне рассказали, что это был колониальный дом, к которому подъезжали кареты. Второй дворик был прекрасным садом с зигзагами кирпичных дорожек в мавританском стиле, заполненным фруктовыми деревьями. Третий внутренний дворик был занят цветочными горшками, подвешенными на выступах крыши, птицами в клетках, в центре его располагался фонтан в колониальном стиле, из которого била вода, и с большим участком, отгороженным проволочным заборчиком, специально для призовых бойцовых петухов — пристрастия моей тетушки.

Моя тетя отвела мне целые апартаменты прямо перед фруктовым садом. Я думал, что проведу там всю жизнь. Я мог есть сколько угодно фруктов. Кроме меня, никто из домашних не прикасался к фруктам с этих деревьев, и мне так и не сказали почему. В доме жила моя тетя, высокая круглолицая полная леди лет за пятьдесят, очень жизнерадостная, прекрасный рассказчик, со множеством чудачеств, которые она скрывала за напускной формальностью и внешним видом набожной католички. Был еще дворецкий, высокий, импозантный мужчина лет за сорок, который был старшим сержантом в армии и которого сманили со службы на лучше оплачиваемую должность дворецкого, телохранителя и мастера на все руки в доме тетушки. Его жена, красивая молодая женщина, была компаньонкой моей тети, кухаркой и наперсницей. У этой пары еще была дочь, пухленькая маленькая девочка, которая выглядела точно как моя тетя. Их сходство было настолько сильным, что моя тетя удочерила ее юридически.

Эти четверо были самыми тихими людьми, которых я встречал. Они жили очень спокойной жизнью, прерывавшейся только чудачествами моей тети, которая вдруг решала отправиться в путешествие или купить новых многообещающих бойцовых петухов и натаскать их и действительно устроить серьезные соревнования, в которых держались пари на огромные суммы. Она ухаживала за своими бойцовыми петухами с нежной заботой, иногда целыми днями. Она носила толстые кожаные перчатки и жесткие кожаные краги, чтобы боевые петухи не били ее шпорами.

Я провел два великолепных месяца, живя в доме моей тети. Она учила меня музыке в послеобеденное время и рассказывала мне бесконечные истории о предках моей семьи. Мое положение было для меня идеальным, потому что я часто уходил гулять с моими друзьями и мне не нужно было никому отчитываться, когда я возвращался. Иногда я по нескольку часов не засыпал, лежа на кровати. Я держал окно открытым, чтобы запах цветов апельсина наполнял мою комнату. Каждый раз, когда я лежал так без сна, я слышал, как кто-то шагает по коридору, который проходил по всей длине имения с северной стороны, объединяя все внутренние дворики дома. В нем были красивые арки и выложенный плиткой пол. Четыре лампочки минимального напряжения тускло освещали этот коридор, — лампочки, которые включались в шесть часов каждый вечер и выключались в шесть утра.

Я спросил мою тетю, ходит ли ее дворецкий по ночам и останавливается ли он около моего окна, потому что кто 61,1 это ни ходил, он всегда останавливался около моего окна, разворачивался и шел обратно к главному входу в дом.

— Не беспокойся из-за чепухи, дорогой, — сказала моя тетя с улыбкой. — Это, наверное, мой дворецкий делает обход. Большая важность! Ты что, испугался?

— Нет, яне испугался, — сказал я, — мне просто любопытно, потому что твой дворецкий каждую ночь подходит к моей комнате. Иногда его шаги будят меня.

Она отбросила мой вопрос как несущественный, сказав, что дворецкий был военным и что он привык делать обход как часовой. Я принял ее объяснение.

Однажды я сказал дворецкому, что его шаги слишком громкие и не мог бы он делать свой обход мимо моего окна чуть осторожнее, чтобы я мог спать.

— Не знаю, о чем ты говоришь! — сказал он хриплым голосом.

— Моя тетя сказала мне, что ты делаешь обход ночью, — сказал я.

— Я никогда такого не делаю! — сказал он. его глаза горели раздражением.

— А кто тогда ходит мимо моего окна?

— Никто не ходит мимо твоего окна. Тебе это кажется. Просто снова засыпай. Не надо лишней суматохи. Я говорю тебе это для твоей же пользы.

В те годы для меня не было ничего хуже, чем когда кто-то говорил, что он делает что-то для моей же пользы. В эту ночь, как только я услышал шаги, я вышел из своей спальни и встал за стеной, которая вела к входу в мои апартаменты. Когда я вычислил, что тот, кто идет, находится около второй лампочки, я просто высунул голову, чтобы выглянуть в коридор. Шаги вдруг прекратились, но никого не было видно. Тускло освещенный коридор был пуст. Если бы кто-то шел, у него не было бы времени спрятаться, потому что прятаться было некуда. Были только голые стены.

Я был в таком ужасе, что разбудил весь дом пронзительным криком. Моя тетя и дворецкий старались меня успокоить, говоря мне, что все это мне померещилось, но я был настолько возбужден, что в конце концов они оба робко признались, что что-то им неизвестное ходит по дому каждую ночь.

Дон Хуан сказал, что почти наверняка это моя тетя ходила ночью; то есть какой-то аспект ее осознания, над которым она не имела никакого волевого контроля. Он считал, что это явление следовало чувству игривости и тайны, которое она культивировала. Дон Хуан был уверен, что, вполне возможно, моя тетя на подсознательном уровне не только создавала все эти звуки, но была способна и на гораздо более сложные манипуляции осознанием. Еще дон Хуан сказал, что, если быть честным, нужно признать возможность, что эти шаги были продуктом неорганического осознания.

Дон Хуан сказал, что неорганические существа, населяющие наш сдвоенный мир, считаются магами его линии нашими родственниками. Эти шаманы считали, что бесполезно завязывать дружбу с членами семьи, потому что на

такую дружбу всегда накладываются непомерные требования. Он сказал, что неорганические существа этого типа, которые приходятся нам двоюродными братьями, беспрестанно общаются с нами, но их общение с нами находится не на уровне нашего осознания. Другими словами, мы все знаем о них подсознательно, а они все знают о нас сознательно.

— Энергия наших двоюродных братьев — обуза! — продолжал дон Хуан. — Они настолько же испорчены, как и мы. Органические и неорганические существа наших спаренных миров — это, скажем, дети двух сестер, которые живут по соседству. Они совершенно одинаковы, хотя и выглядят по-разному. Они не могут помочь нам, и мы не можем помочь им. Возможно, мы могли бы объединиться и создать потрясающую семейную корпорацию, но этого не произошло. Обе ветви семьи очень раздражительны и обижаются из-за пустяков, — обычные отношения между раздражительными двоюродными братьями. Маги древней Мексики считали, что загвоздка в том, что и люди, и неорганические существа из сдвоенных миров — порядочные эгоманьяки.

По словам дона Хуана, маги древней Мексики выделили еще один класс неорганических существ — лазутчиков, или исследователей, и имели под этим в виду неорганические существа, которые пришли из глубин Вселенной и которые обладают бесконечно более острым и быстрым осознанием, чем люди. Дон Хуан сказал, что маги древности много поколений совершенствовали свои классификационные схемы, и по их выводам определенные типы неорганических существ из категории лазутчиков, или исследователей, похожи на человека своей жизнерадостностью. Они могут создавать каналы связи или устанавливать симбиотические отношения с человеком. Маги древности называли такие неорганические существа союзниками.

Дон Хуан объяснил, что главной ошибкой этих шаманов по отношению к этому типу неорганических существ было придавать человеческие характеристики этой безличной энергии и считать, что они могут ее обуздать. Они считали эти блоки энергии своими помощниками и опирались на них, не понимая, что как чистая энергия эти существа не способны предпринимать какие бы то ни было усилия.

— Я рассказал тебе все, что нужно знать о неорганических существах, — вдруг сказал дон Хуан. — Единственный способ, которым ты можешь проверить это,

— непосредственный опыт.

Я не спросил, что он предлагает мне сделать. Из-за глубокого страха мое тело сотрясалось нервными спазмами, которые взрывались, как извержение вулкана, из моего солнечного сплетения и распространялись вниз до кончиков пальцев на ногах и вверх до верхней части туловища.

— Сегодня мы отправимся на поиски неорганических существ, — объявил он.

Дон Хуан велел мне сесть на моей кровати и снова принять положение, которое способствует внутреннему безмолвию. Я выполнил его приказ с необыкновенной легкостью. Обычно я бы делал это неохотно, возможно не выражая этого открыто, но обычно я все же чувствовал какой-то протест. У меня промелькнула смутная мысль, что к тому времени, когда я сел, я уже находился в состоянии внутреннего безмолвия. Мои мысли были уже нечеткими. Я почувствовал себя в окружающей меня непроницаемой темноте, которая вызвала у меня чувство, как будто я засыпаю. Мое тело было совершенно неподвижно, либо потому, что у меня не было намерения подавать ему какие-то команды двигаться, либо потому, что я просто не мог их сформулировать.

Через мгновение я обнаружил себя с доном Хуаном идущими по пустыне Сонора. Я узнал обстановку; я был здесь с ним столько раз, что запомнил каждую деталь. Был конец дня, и свет заходящего солнца вызвал у меня настроение отчаяния. Я автоматически шел, осознавая в своем теле ощущения, не сопровождаемые мыслями. Я не описывал себе свое состояние. Я хотел сказать это дону Хуану, но желание сообщить ему о моих телесных ощущениях мгновенно исчезло.

Дон Хуан очень медленно, низким, серьезным голосом сказал, что высохшее русло реки, по которому мы идем, прекрасно подходит для намеченного нами дела и что я должен сесть на небольшой валун, один, а сам он пошел и сел на другой валун, на расстоянии около пятидесяти футов. Я не спрашивал дона Хуана, как обычно, что мне нужно делать. Я знал, что мне нужно делать. Затем я услышал шорох шагов людей, идущих через кусты, изредка разбросанные вокруг. В этом районе не хватало влажности для обильного роста небольших растений. Росло лишь несколько крупных кусток на расстоянии около десяти-пятнадцати футов друг от друга.

Я увидел, что приближаются два человека. Они выглядели как местные жители, может быть, индейцы яки из одного из их близлежащих городов. Они подошли и встали около меня. Один из них беззаботно спросил, как у меня дела. Я хотел улыбнуться ему, засмеяться, но не мог. Мое лицо было крайне жестким. И все же я был полон энтузиазма. Я хотел подпрыгнуть вверх-вниз, но не мог. Я сказал ему, что у меня все хорошо. Потом я спросил его, кто они. Я сказал им, что я их не знаю, но все же я чувствовал необыкновенно близкое знакомство с ними. Один из них сказал как ни в чем не бывало, что они — мои союзники.

Я уставился на них, пытаясь запомнить их черты, но их черты менялись. Казалось, что они меняют форму в соответствии с настроением моего взгляда. Не было никаких мыслей. Все направлялось интуитивными ощущениями. Я смотрел на них так долго, что их черты полностью стерлись, и в конце концов передо мной оказались два сверкающих светящихся шара, которые вибрировали. У этих светящихся шаров не было границ. По-видимому, они сохраняли форму за счет внутренних связей. Иногда они становились плоскими и широкими. Потом они снова становились более вертикальными, высотой с человека.

Вдруг я почувствовал, что рука дона Хуана хватает меня за правую руку и оттягивает от валуна. Он сказал, что нам пора идти. В следующее мгновение я опять был в его доме, в центральной Мексике, озадаченный как никогда.

— Сегодня ты нашел неорганическое осознание, а затем ты увидел его, каким оно есть на самом деле, — сказал он. — Энергия — это несократимый остаток всего. Что касается нас, прямо видеть энергию — предел достижений для человека. Возможно, есть и другие вещи кроме этого, но они нам недоступны.

Дон Хуан говорил все это снова и снова, и каждый раз, когда он это говорил, его слова как бы делали меня все более и более твердым.

Я рассказал дону Хуану все, что наблюдал, все, что слышал. Дон Хуан объяснил мне, что я в этот день достиг успеха в преобразовании человекоподобной формы неорганических существ в их суть: безличную энергию, осознающую себя.

— Ты должен понять, — сказал он, — что именно наше познание, суть нашей системы интерпретаций сокращает наши ресурсы. Именно система интерпретаций говорит нам о параметрах наших возможностей, и так как мы всю жизнь использовали эту систему интерпретаций, мы никак не можем отважиться поступить вопреки ее авторитету.

— Энергия этих неорганических существ толкает нас, — продолжал дон Хуан, — и мы интерпретируем этот толчок, как можем, в зависимости от настроения. Для мага самая трезвая вещь, которую он может сделать, — это перевести эти сущности на абстрактный уровень. Чем меньше интерпретаций делают маги, тем им лучше.

— С этого момента, — продолжал он, — каждый раз, когда ты встречаешься со странным зрелищем или призраком, сохраняй самообладание и пристально и непреклонно смотри на него. Если это неорганическое существо, твоя интерпретация его опадет как сухие листья. Если ничего не происходит, это просто пустяковая ошибка твоего ума, который все равно не твой ум.

14. Чистый взгляд

Впервые в жизни я почувствовал себя в полном замешательстве относительно того, как вести себя в мире. Но мир вокруг меня не изменился. Изъян явно был во мне Влияние дона Хуана и вся связанная с его практиками деятельность, в которую он настолько глубоко меня вовлек нашептывали свое и вызывали во мне растущую неспособность иметь дело с себе подобными. Вникнув в суть своих затруднений, я понял, что моей ошибкой было стремления мерить всех и вся по мерке дона Хуана.

Дон Хуан был с моей точки зрения тем, кто проживая свою жизнь во всех смыслах этого слова профессионально то есть придавая значение каждому своему поступку, даже самому несущественному. Меня же окружали люди, уверенные в своем бессмертии, противоречившие себе на каждом шагу;

существа, которые никогда не могли бы отчитаться за свои действия. Это было нечестной игрой; карты были подтасованы не в пользу людей, с которыми я сталкивался. Я привык к неизменности линии поведения дона Хуана, к полному отсутствию у него чувства собственной важности, к глубочайшей проницательности его разума, а из знакомых мне людей мало кто даже сознавал, что существует: другой тип поведения, воспитывающий эти качества. Большинство из них знали лишь тип поведения, связанный с саморефлексией, которая делает человека слабым и извращенным.

В результате для моих академических занятий наступили тяжелые времена — я стал пренебрегать ими, отчаянно пытаясь найти рациональное оправдание своим усилиям на этом поприще. Единственное, что пришло мне на помощь и помогло найти в этом отношении опору — весьма, впрочем, шаткую, — был некогда данный доном Хуаном совет, что воины-путешественники должны любить знание в любой его форме.

Он определил понятие воины-путешественники, объяснив, что оно относится к магам, которые, будучи воинами, путешествовали по темному морю осознания. Он добавил, что люди есть путешественники по темному морю осознания, а этот мир — не что иное, как промежуточный пункт на их пути, но по независящим от них причинам, о которых он не счел нужным тогда говорить, они прервали свое путешествие. Он сказал, что люди были захвачены своего рода вихрем — круговым течением, которое давало им ощущение движения, в то время как они были, в сущности, неподвижны. Он считал, что единственными, кто смог противостоять захватившей людей таинственной силе, были маги, которые с помощью своего искусства освободились от ее власти и продолжили путешествие осознания.

Окончательному расстройству моей академической жизни способствовало и то, что я утратил всякий интерес к антропологическим вопросам, переставшим для меня чтолибо значить. Не то чтобы они были недостаточно привлекательны, скорее, дело было в том, что здесь приходилось по большей части манипулировать словами и понятиями, как в юридических документах, когда требуется получить некий результат для установления прецедента. Это оправдывают тем, что так устроено человеческое познание и усилия каждого индивидуума представляют собой кирпичик в стене этого здания. В качестве примера приводят правовую систему, по которой мы живем и значение которой для нас трудно переоценить. Однако мои тогдашние романтические

представления не позволяли мне выступать по отношению к антропологии в роли судьи. Я был целиком и полностью убежден, что антропология должна быть образцом всех человеческих устремлений, иначе говоря, мерилом человека.

Дон Хуан, совершеннейший прагматик, истинный воинпутешественник по непознанному, считал, что я чересчур щепетилен. Он говорил, что не имеет значения, что предложенные мне антропологические темы требуют манипулирования словами и понятиями; важно тренировать свою дисциплинированность.

— Совершенно безразлично, — сказал он мне однажды, — насколько ты хороший читатель и как много прекрасных книг ты можешь прочесть. Важно, что ты достаточно дисциплинирован, чтобы читать то, чего тебе читать не хочется. Трудности овладения искусством мага состоят в том, от чего ты отказываешься, а не в том, что приемлешь.

Я решил на время отвлечься от науки и поработать в оформительском отделе компании, изготовлявшей переводные картинки. Эта работа поглотила меня целиком. Я поставил себе задачу выполнять предлагаемые мне задания настолько качественно и быстро, насколько это было в моих силах. Подготовка виниловых листов с картинками к шелкотрафаретной печати была стандартной процедурой, не допускавшей никаких новшеств, и производительность работника определялась точностью и быстротой ее выполнения. Я стал трудоголиком и был чрезвычайно доволен собой.

С начальником оформительского отдела мы стали закадычными друзьями. Он фактически взял меня под свое крыло. Звали его Эрнест Липтон. Я безмерно восхищаются им и уважал его. Он был прекрасным художником и великолепным мастером своего дела. Недостатком его была мягкость — невероятная деликатность к окружающим, граничившая с покорностью.

К примеру, однажды мы выезжали с автостоянки возле ресторана, в котором обедали. Он очень вежливо подождал, пока выедет с места парковки автомобиль, стоявший перед ним. Его водитель, очевидно, не видел нас и стал на приличной скорости сдавать назад. Эрнест Липтон мог просто посигналить, чтобы обратить его внимание на то, куда он едет. Вместо этого он с идиотской улыбкой наблюдал, как этот малый врезался в его машину. Затем он

повернулся ко мне и стал извиняться.

— Ну, я, конечно, мог посигналить, но это так чертовски громко, что я постеснялся.

Парень, врезавшийся в машину Эрнеста, был в ярости, и его пришлось успокаивать.

— Не волнуйтесь, — сказал Эрнест, — ваша машина не пострадала. К тому же вы только разбили мне фары, а я все равно собирался их менять.

В другой раз мы оживленно беседовали в том же ресторане с приглашенными Эрнестом на ланч японцами — клиентами компании. Подошел официант и убрал несколько салатниц, расчищая на узком столе место для огромных горячих тарелок с главным блюдом. Одному из клиентовяпонцев понадобилось больше пространства. Он толкнул свою тарелку вперед; она толкнула тарелку Эрнеста. и та заскользила по столу. И снова Эрнест мог предупредить его, но не сделал этого. Он сидел, улыбаясь, до тех пор, пока тарелка не упала ему на колени.

В другой раз я пришел к нему домой, чтобы помочь ему установить над внутренним двориком несколько жердей, по которым он решил пустить виноградные лозы, чтобы те давали тень и плодоносили. Мы сколотили жерди в огромную решетку, после чего подняли один ее край и привинтили к поперечинам. Эрнест был высоким и очень сильным мужчиной и с помощью бруса поднял другой край, чтобы я вставил болты в уже засверленные в поперечинах отверстия. Но не успел я вставить болты, как в двери настойчиво постучали, и Эрнест попросил меня взглянуть, кто там, а он пока подержит решетку.

В дверях стояла его жена с покупками в руках. Она завела со мной длинную беседу, и я позабыл об Эрнесте. Я даже помог ей занести покупки. Раскладывая пучки сельдерея, я вспомнил, что мой друг все еще держит решетку, и, зная его, не усомнился в том, что он стоит где стоял, ожидая от остальных такой же деликатности, какой обладал он сам. Я отчаянно бросился на задний двор и увидел его лежащим на земле. Он упал от изнеможения, не в силах больше держать тяжелую деревянную решетку. Выглядел он как тряпичная кукла. Чтобы поднять решетку, нам пришлось позвонить его

друзьям и позвать их на помощь — у него уже не было на это сил. Ему пришлось лечь в постель — он был уверен, что заработал грыжу.

Классической же была история, произошедшая с Эрнестом Липтоном, когда он выбрался с друзьями на уик-энд в горы Сан-Бернандино. Они остановились в горах на ночевку. Пока все спали, Эрнест Липтон отправился в кусты и, будучи весьма деликатным человеком, отошел на некоторое расстояние от лагеря, чтобы никого не побеспокоить. Поскользнувшись в темноте, он покатился по горному склону. Потом он сказал друзьям, что сознавал тот факт, что катится к своей смерти, на дно долины. К своему счастью, он ухватился кончиками пальцев за выступ; он провисел так несколько часов, пытаясь в темноте найти какую-нибудь опору для ног, так как руки его были готовы разжаться, — он намеревался держаться до самой смерти. Вытянув ноги, насколько было возможно, он нащупал на скале небольшие выступы, благодаря которым смог удержаться. Он стоял неподвижно, подобно изготовляемым им переводным картинкам, до тех пор, пока не рассвело настолько, что он увидел, что находится всего на фут от земли.

— Эрнест, но ты же мог позвать па помощь! — удивились друзья.

— Ну, я не думал, что от этого будет какая-нибудь польза, — ответил он. — Кто мог услышать меня? Я был уверен, что скатился вниз по меньшей мере на милю. К тому же все спали.

И окончательно я был сражен, когда Эрнест Липтон, тративший ежедневно два часа на поездки из своего дома в магазин и обратно, решил купить экономичный автомобиль — «фольксваген-жук» — и начал измерять, сколько миль он проделывает на галлоне бензина. Я был чрезвычайно удивлен, когда однажды утром он заявил, что достиг результата в 125 миль на галлоне. Будучи в высшей степени точным человеком, он несколько смягчил свое утверждение, сказав, что по большей части ездил не в городе, а по шоссе, хотя н в часы пик, вследствие чего ему приходилось довольно часто разгоняться и тормозить. Неделю спустя он сказал, что достиг отметки в 250 миль на галлоне.

Так продолжалось до тех пор, пока он не достиг невероятной цифры: 645 миль на галлоне. Друзья говорили ему, что он должен внести это достижение в реестры фирмы «Фольксваген». Эрнест радовался как ребенок и, торжествуя,

вопрошал, как же ему в таком случае нужно будет поступить, достигнув тысячемильного рубежа. Друзья отвечали, что ему можно будет претендовать на звание чудотворца.

Эта идиллия продолжалась до тех пор, пока он не поймал одного из своих друзей на том, что тот в течение нескольких месяцев проделывал с ним простую шутку. Каждое утро он доливал в бензобак Эрнеста три-четыре стакана бензина, так что счетчик никогда не оказывался на нуле.

Эрнест Липтон был близок к тому, чтобы рассердиться. Его раздраженная реплика звучала так: «И что же, по-вашему, это смешно?»

Я уже несколько недель знал, что его друзья проделывают эту шутку, но не мог позволить себе вмешаться, полагая, что это не мое дело. Люди, подшучивавшие над Эрнестом, были его старыми друзьями, я же стал им совсем недавно Когда же я увидел, насколько он обижен и раздосадован и в то же время совершенно не способен рассердиться, я ощутил прилив чувства вины и беспокойства. Я вновь столкнулся со своим старым врагом: презирая Эрнеста Липтона, я в то же время безмерно любил его. Он был беспомощен.

Все дело было в том, что Эрнест Липтон был похож на моего отца. Толстые стекла его очков, спадающие пряди волос, седеющая щетина, которую он вряд ли когда брил. напоминали черты моего отца. У него был тот же прямой, заостренный нос и острый подбородок. Но больше всего. настолько, что это уже становилось небезопасным, делала Эрнеста Липтона похожим в моих глазах на отца его неспособность рассердиться и надавать шутникам по физиономии.

Я вспомнил, как отец без ума влюбился в сестру одного из своих лучших друзей. Однажды я увидел ее в курортном городке об руку с молодым человеком. С ней в роли дуэньи была ее мать. Девушка, казалось, сияла от счастья. Молодые люди смотрели друг на друга с восторгом. Насколько я мог судить, это было высшим проявлением юной любви. Увидевшись с отцом, я рассказал ему, смакуя подробности со всем злорадством десятилетнего мальчишки, о том, что у его пассии есть самый настоящий поклонник. Он был захвачен врасплох и не поверил мне.

— А ты сказал ей хоть что-нибудь? — дерзко спросил я его. — Знает ли она,

что ты в нее влюблен?

— Не будь дураком, несносный ты мальчишка! — огрызнулся он. — Мне нет нужды говорить женщине ничего подобного!

Он глядел на меня обиженно, как избалованный ребенок, губы его гневно дрожали.

— Она моя! Она должна знать, что она моя женщина, и я не должен ей ничего об этом говорить!

Он заявил это с уверенностью ребенка, которому все в жизни доставалось даром и ему не приходилось за это бороться.

Я же продолжал гнуть свое.

— Ну, — сказал я, — я думаю, что она хотела, чтобы кто-нибудь сказал ей об этом, и кое-кто тебя в этом обошел.

Я приготовился отскочить от него и убежать, так как думал, что он в ярости бросится на меня, но вместо этого он расплакался. Всхлипывая, он спросил меня, что коль скоро я уж такой способный, не соглашусь ли я шпионить за девушкой и рассказывать ему, как разворачиваются события.

Я всем своим существом запрезирал отца, и в то же время я любил его с ни с чем не сравнимой грустью. Я проклинал себя за то, что навлек на него такой позор.

Эрнест Липтон так сильно напомнил мне моего отца, что я бросил работу под предлогом, что мне нужно возвращаться в университет. Мне не хотелось усугублять и без того тяжелый груз, который я взвалил себе на плечи. Я так и не смог простить себе то, что причинил отцу такую боль, как и не смог простить ему его трусость.

Я вернулся в университет и взялся за титанический труд по возвращению к занятиям антропологией. Это возвращение весьма затруднялось тем, что если и существовал такой человек, с которым, благодаря его удивительному характеру, его дерзкой пытливости и стремлению расширять свои познания

без суеты и отстаивания недоказуемых положений, мне работалось легко и с удовольствием, то человек этот был не с нашего факультета: он был археологом. Именно его влиянием объясняется то, что я стал интересоваться в первую очередь полевой работой. Возможно, именно потому, что он отправлялся в поле затем, чтобы в буквальном смысле выкапывать сведения, его практичность была для меня кладезем рассудительности. Он и никто другой придал мне смелости в том, чтобы отдаться полевой работе, ведь терять мне было нечего.

— Утрать все — н ты достигнешь всего, — сказал он мне однажды.

Это был разумнейший совет из всех, которые мне когдалибо случалось слышать в ученом мире. Если бы я последовал совету дона Хуана и боролся со своей одержимостью саморефлексией, мне просто было бы нечего терять, в то время как достичь я мог бы всего. Но такая карта мне в то время как-то не выпадала.

Когда я рассказал дону Хуану о трудностях, с которыми я столкнулся в поисках подходящего профессора, я счел, что он был ко мне несправедлив. Он обозвал меня «мелким пшиком», и даже хуже того. Он сказал мне то, что я и сам уже знал: что не будь я столь возбужден, я смог бы успешно сотрудничать с кем угодно, будь то в науке или в бизнесе.

— Воины-путешественники не жалуются, — продолжал дон Хуан. — Они принимают любое испытание со стороны бесконечности. Испытание есть испытание. Оно безлично. Его нельзя принимать как проклятие или милость. Воин-путешественник или принимает вызов и выигрывает, или гибнет. Лучше победить — так побеждай!

Я ответил, что ему, или кому-то еще, легко так говорить, а вот выполнить это — совсем другое дело, что мои проблемы неразрешимы, поскольку происходят от неспособности окружающих меня людей быть последовательными.

— Дело не в окружающих тебя людях, — сказал он. — Они ничего не могут с собой поделать. Это твоя оплошность, так как ты можешь помочь себе, но вместо этого склонен судить их, будучи в высшей степени самоуверенным. Судить может любой дурак. Судя их, ты можешь лишь взять от них худшее. Мы, люди, все являемся пленниками, и именно эта несвобода заставляет нас

поступать столь жалким образом. Твоя задача в том, чтобы воспринимать людей такими, каковы они есть! Оставь людей в покое.

— Ты абсолютно неправ на этот раз, дон Хуан, — сказал я. — Поверь, мне совершенно ни к чему ни судить их, ни каким-либо образом обманывать себя с их помощью.

— Ты ведь понимаешь, что я имею в виду, — упорствовал он. — Если ты не осознаешь свое желание судить их, — продолжал он, — то ты еще хуже, чем я думал. Так бывает со всеми воинами-путешественниками, когда они только начинают путешествие, — они становятся дерзкими и отбиваются от рук.

Я согласился с доном Хуаном в том, что мое недовольство было в высшей степени мелочным. Я прекрасно знал об этом. Я сказал дону Хуану, что столкнулся с повседневностью, с той повседневностью, что обладает ужасным свойством сводить на нет всю мою решительность, и что я постеснялся рассказывать ему об эпизодах, которые произвели на меня тягостное впечатление.

— Давай-давай, — убеждал он меня. — Выкладывай! Не держи от меня никаких секретов. Я — как труба. Все, что бы ты ни сказал, уйдет в бесконечность.

— Все, что у меня есть, это мелочные жалобы, — сказал я. — Я в точности такой же, как те люди, которых я знаю. Ни один разговор с ними не обходится без откровенных или же скрытых жалоб.

Я рассказал дону Хуану о том, как в самых простых разговорах мои друзья умудряются ненавязчиво перейти к бесконечному потоку жалоб — как, например, в таком диалоге:

— Как дела, Джим?

— О, прекрасно, Кэл, просто великолепно.

За этим следует тягостное молчание. Я вынужден спросить:

— Что, Джим, что-нибудь не так?

— Да нет, все чудесно. У меня были некоторые нелады с Малом, но ты же знаешь Мэла — эгоист и ничтожество. Но ведь друзей следует принимать такими, каковы они есть, не так ли? Он, конечно, мог бы быть чуть более деликатным. Да какое там! Он — это он и есть. Как ни крути, он всегда перекладывает все на других. Он вел себя так, еще когда нам было по двенадцать лет, так что я действительно сам виноват. Какого черта я должен его терпеть?

— Да, Джим, ты прав, у Мэла действительно очень тяжелый характер!

— Ну, если уж на то пошло, Кэл, то ты ничем не лучше Мэла. На тебя никогда нельзя положиться.

И так далее.

Другой классический диалог звучал так:

— Как дела, Алекс? Как тебе семейная жизнь?

— О, замечательно. Прежде всего, теперь я регулярно питаюсь, ем домашнюю пищу, но вот беда — начал поправляться. Мне нечем заняться, как только смотреть телевизор. Раньше я проводил время с ребятами, но теперь не могу. Тереза мне не позволяет. Разумеется, я мог бы послать ее ко всем чертям, но мне не хочется ее обижать. У меня все есть, но я чувствую себя несчастным.

Перед тем как жениться, Алекс был самым жалким из нашей компании. Его любимой шуткой было каждый раз говорить пришедшим к нему друзьям: «Ну-ка, бегом ко мне в машину, я хочу представить вас своей сучке».

Он млел от удовольствия, наблюдая крушение наших надежд, когда мы видели, что у него в машине находится именно самка собаки. Он представлял свою «сучку» всем друзьям. Мы поистине были в шоке, когда он женился-таки на Терезе — бегунье на длинные дистанции. Они познакомились на марафоне, когда Алекс потерял сознание. Дело происходило в горах, и Тереза должна была привести его в чувство во что бы то ни стало, поэтому она помочилась ему в лицо. После этого Алекс был в ее власти. Она пометила свою территорию. Друзья Алекса называли его «плененным ее мочой». Они

считали, что она была настоящей сучкой, превратившей странноватого Алекса в жирного пса.

Мы с доном Хуаном немного посмеялись. Затем он посмотрел на меня с серьезным выражением лица.

— Таковы превратности обыденной жизни, — сказал дон Хуан. — Ты выигрываешь, проигрываешь и не знаешь, когда выиграешь, а когда проиграешь. Это цена, которую платит тот, кто живет под властью саморефлексии. Мне нечего сказать тебе, да и ты ничего не можешь сказать себе. Я лишь могу посоветовать тебе не чувствовать себя виноватым в том, что ты оказался такой задницей, а стремиться положить конец владычеству саморефлексии. Возвращайся в университет и больше не бросай его.

Мой интерес к продолжению занятий наукой в значительной степени угас. Я стал жить на автопилоте. Я чувствовал себя подавленным. Вместе с тем я заметил, что рассудок мой не был перегружен. Я ничего не рассчитывал, не ставил себе никаких целей и не лелеял никаких надежд. Мои мысли не были навязчивыми, чего нельзя было сказать о чувствах. Я пытался осмыслить это противоречие между спокойствием рассудка и запутанными чувствами. Именно в таком состоянии отсутствующего разума и переполненности чувствами я проходил однажды мимо Хэйнес-холла, где находился антропологический факультет, направляясь в кафетерий на ланч.

Вдруг я почувствовал странный толчок. Я решил, что близок к обмороку, и присел на кирпичную ступеньку. Я увидел перед глазами желтые пятна. Ощущение было такое, будто я вращаюсь. Я был уверен, что меня сейчас вырвет. В глазах поплыло, я не мог рассмотреть окружающие меня предметы. Ощущение физического дискомфорта было столь полным и сильным, что не оставляло места мыслям. Меня лишь охватили страх и беспокойство, смешанные с восторгом, и странное предчувствие того, что я нахожусь на пороге великого события. Это были ощущения, в которых мысли не принимали участия. В этот момент я уже не знал, сижу я или стою. Меня окружила тьма, такая непроглядная, какую только можно себе представить, и тогда я увидел энергию, ее течение во Вселенной.

Я увидел череду светящихся сфер, двигавшихся навстречу мне и от меня. Я увидел их одновременно, так, как дон Хуан всегда рассказывал мне об этом

видении. Я знал, что они были разными людьми, поскольку их размеры были различны. Я всмотрелся в детали их строения. Яркие и округлые, они состояли из нитей, которые, казалось, были склеены друг с другом. Среди нитей были как тонкие, так и толстые. У каждой из этих светящихся фигур было что-то вроде густой шевелюры. Они напоминали не то каких-то странных светящихся мохнатых животных, не то огромных круглых насекомых, покрытых светящейся шерстью.

Больше всего меня поразило то, что я вдруг осознал, что видел этих мохнатых насекомых всю свою жизнь. Каждый из тех случаев, когда дон Хуан тщательно делал так, что я видел их, казался мне в этот момент чем-то вроде движения кружным путем. Я припомнил все случаи, когда он помогал мне увидеть людей в виде светящихся сфер, и ни один из них не шел ни в какое сравнение с тем видением, которое стало доступным мне теперь. У меня не было ни тени сомнения в том, что я воспринимал энергию так, как она течет во Вселенной, всю свою жизнь, самостоятельно, без чьей-либо помощи.

Это осознание ошеломило меня. Я почувствовал себя в высшей степени уязвимым и непрочным. Мне захотелось отгородиться, найти какое-нибудь убежище. Все было так, как в том сне, который, наверное, большинство из нас когданибудь видели, когда человек оказывается голым и не знает, что ему делать. Я чувствовал себя больше чем голым; я был незащищенным, слабым и боялся вернуться в свое обычное состояние. Неуловимым образом я ощутил, что лежу, и приготовился к тому, чтобы прийти в себя. Я представил себе, что вот-вот обнаружу, что лежу на выложенной кирпичом аллее и бьюсь в судорогах, окруженный толпой наблюдающих за мной людей.

Ощущение того, что я лежу, становилось все более четким. Я почувствовал, что могу двигать глазами. Сквозь опущенные веки я мог видеть свет, но глаза открыть боялся. Странно, но я не слышал никого из тех людей, которые, как мне казалось, столпились вокруг меня. Я вообще не слышал никакого шума. Наконец я рискнул открыть глаза. Я лежал в своей постели, в своей служебной квартире на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд.

Обнаружив это, я буквально забился в истерике. Но по непонятной мне причине я практически мгновенно успокоился. Истерика сменилась ощущением телесного безразличия и даже удовлетворенности, чем-то вроде того, что чувствуешь после сытного обеда. Но я не мог успокоить свой ум. Осознание

того, что я непосредственно воспринимал энергию всю свою жизнь, невообразимо ошеломляло меня. Как же могло произойти, что это от меня ускользало? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия? Дон Хуан говорил, что каждый человек обладает способностью непосредственно видеть энергию. Но он не говорил, что каждый человек постоянно видит энергию, но не знает об этом.

Я спросил об этом у своего друга-психиатра. Он не смог как-либо прояснить мои затруднения и счел, что моя реакция была результатом усталости и перевозбуждения. Он дал мне успокоительного и посоветовал отдохнуть.

Я не рискнул никому рассказать о том, что очнулся в своей постели, не будучи в состоянии объяснить, как я туда попал. Тем более оправданным было мое желание поскорее встретиться с доном Хуаном. Я спешно полетел в Мехико, нанял автомобиль и поехал к нему.

— Ты проделывал это и раньше! — смеясь, сказал дон Хуан, когда я рассказал ему о своем умопомрачительном опыте. — С тобой произошли только две новые вещи. Вопервых, в этот раз ты воспринимал энергию целиком самостоятельно. Ты осуществил остановку мира и в результате понял, что всегда видел энергию так, как она течет во Вселенной. Как это делает каждый человек, не отдавая себе в этом отчета. Во-вторых, ты совершенно самостоятельно путешествовал из своего внутреннего безмолвия.

Ты и сам знаешь, мне нет нужды говорить тебе, что когда человек покидает внутреннее безмолвие, с ним может случиться все что угодно. В этот раз страх и уязвимость позволили тебе добраться до своей постели, которая находится не так уж далеко от университетского городка. Если ты перестанешь индульгировать в сво„м удивлении, то поймешь, что в том, что ты сделал, для путешествующего воина нет совершенно ничего необычного.

Но важнее всего в этом вовсе не то, что ты знаешь, что всегда воспринимал энергию непосредственно, и не твое путешествие из внутреннего безмолвия, а следующие два момента. Во-первых, ты испытал то, что маги древней Мексики называли чистым взглядом или потерей человеческой формы. При этом ограниченность человека исчезает, как если бы она была клочком тумана, стелющегося над головой, тумана, который постепенно рассеивается. Но ты ни в коем случае не должен считать это свершившимся фактом. Мир магов не

является неизменным, подобно привычному нам миру. где тебе говорят, что, однажды достигнув цели, ты навсегда останешься победителем. В мире магов достижение любой цели означает лишь то, что ты обрел наиболее эффективные средства для продолжения борьбы, которая, кстати говоря, никогда не закончится.

Второй момент заключается в том, что ты затронул самую головоломную для человеческой души проблему. Ты сам сформулировал ее, когда спрашивал себя: «Как же могло произойти, что от меня ускользнуло то, что я всю жизнь воспринимал энергию непосредственно? Что мешало мне открыть для себя эту грань моего бытия?»

15. Черные тени

Посидеть с доном Хуаном в полном молчании было для меня одним из самых замечательных переживаний из всего, что я знал. Мы удобно расположились в мягких креслах на задворках его дома в горах Центральной Мексики. Вечерело. Дул мягкий ветерок. Солнце опустилось за дом позади нас. Его угасающий свет создавал среди росших на заднем дворе больших деревьев причудливую игру зеленоватых теней. Деревья окружали дом дона Хуана, закрывая собою вид на город, где он жил. Это всегда порождало у меня ощущение того, что я нахожусь посреди дикой природы, отличной от безводной пустыни Соноры, но так или иначе дикой.

— Сегодня мы обсудим важнейший вопрос магии, — внезапно сказал дон Хуан, — и начнем с разговора об энергетическом теле.

Он рассказывал мне об энергетическом теле бессчетное количество раз, говоря, что оно представляет собой конгломерат энергетических полей, зеркальное отражение того конгломерата энергетических полей, которые составляют физическое тело, видимое как поток энергии во Вселенной. Он говорил, что оно меньше, компактнее и выглядит более плотным, чем

светящаяся сфера физического тела.

Дон Хуан объяснял, что тело и энергетическое тело — это два конгломерата энергетических полей, сжатых воедино некой необычной связующей силой. Он всячески подчеркивал, что сила, объединяющая эти сгустки энергетических полей, является, согласно открытиям магов древней Мексики, самой загадочной силой во Вселенной. Его собственное мнение заключалось в том, что она является самой сущностью всего космоса, суммой всего, что в нем есть.

Он утверждал, что физическое и энергетическое тела являются единственными взаимодополняющими энергетическими конфигурациями в сфере человеческого бытия. Таким образом, он не признавал никакого другого дуализма, кроме того, что имеет место между этими двумя. Противоречия между телом и разумом, духовным и физическим он полагал лишь игрой воображения, не имеющей под собой никакого энергетического основания.

Дон Хуан говорил, что с помощью дисциплины каждый может сблизить энергетическое тело с физическим. Их отдаленность, вообще говоря, является ненормальным положением вещей. Коль скоро энергетическое тело пребывает в каких-то рамках, которые для каждого из нас индивидуальны, то любой человек с помощью дисциплины может превратить его в точную копию своего физического тела, то есть в трехмерную, плотную структуру. Отсюда проистекает идея магов о другом, или двойнике. Кроме того, с помощью такого же процесса дисциплинирования любой человек способен превратить свое трехмерное, плотное физическое тело в точную копию своего энергетического тела — то есть в эфирный заряд энергии, невидимый человеческому глазу, как и любая энергия. Когда дон Хуан рассказал мне все это, первой моей реакцией было спросить, не говорит ли он о некоем фантастическом предположении. Он ответил, что в рассказах о магах нет ничего фантастического. Маги были практичными людьми, и все, о чем они говорили, было вполне здравым и реалистическим. По словам дона Хуану выходило, что кажущаяся невероятность того, что делали маги, объясняется тем, что они исходили из иной системы познания.

В день, когда мы сидели на задворках его дома в Центральной Мексике, дон Хуан сказал, что энергетическое тело имеет ключевое значение для всего происходящего в моей жизни. Он видел, что мое энергетическое тело вместо

того, чтобы, как это обычно бывает, отдаляться от меня, с огромной скоростью приближается ко мне. По его словам, это было энергетическим фактом.

— Что же означает то, что оно ко мне приближается, дон Хуан? — спросил я.

— Это значит, что некая сила собирается вышибить из тебя дух, — улыбаясь, ответил он. — Могучая власть собирается войти в твою жизнь, и это не твоя власть. Это власть энергетического тела.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что мною будет управлять некая внешняя сила?

— Существует множество внешних сил, управляющих тобой в этот самый миг, — ответил дон Хуан. — Власть, о которой я говорю, это нечто, невыразимое языком. Это одновременно и твоя власть, и не твоя. Ее нельзя классифицировать, но, несомненно, можно испытать. И прежде всего, ею, несомненно, можно управлять. Запомни: весьма полезно управлять ею, но, опять-таки, полезно не тебе, а твоему энергетическому телу. Но энергетическое тело — это ты, так что, пытаясь описать это, тут можно продолжать до бесконечности, подобно собаке, кусающей себя за хвост. Язык непригоден для этого. Все это выходит за пределы его возможностей.

Быстро стемнело, и листва деревьев, которая еще недавно становилась все более зеленой, казалась теперь густо-черной. Дон Хуан сказал, что если я пристально всмотрюсь в ее черноту, но не фокусируясь, а особым образом посмотрев уголками глаз, то увижу быструю тень, пересекающую поле моего зрения.

— Теперь подходящее время суток, чтобы сделать то, о чем я тебя прошу, — сказал он. — Для этого требуется на одно мгновение напрячь внимание. Не прекращай, пока не заметишь эту быструю черную тень.

Я увидел-таки некую странную черную тень, которая легла на листву деревьев. Это была то ли одна тень, двигавшаяся туда-сюда, то ли множество быстрых теней, двигавшихся то слева направо, то справа налево, то вертикально вверх. Они напоминали мне необыкновенных толстых черных рыб, как будто в воздухе летала гигантская рыба-меч. Зрелище захватило меня. В конце концов оно меня испугало. Стемнело настолько, что листва

перестала быть различима, но быстрые черные тени я все еще мог видеть.

— Что это, дон Хуан? — спросил я. — Я вижу быстрые черные тени, заполнившие все вокруг.

— А это Вселенная во всей ее красе, — ответил он, — несоизмеримая, нелинейная, невыразимая словами реальность синтаксиса. Маги древней Мексики были первыми, кто увидел эти быстрые тени, так что они всюду преследовали их. Они видели их так, как их видишь ты, и они видели их как потоки энергии во Вселенной. И они обнаружили нечто необычное.

Он замолчал и посмотрел на меня. Его паузы всегда были исключительно своевременны. Он всегда умолкал, когда у меня с языка был готов сорваться вопрос.

— Что же они обнаружили, дон Хуан? — спросил я.

— Они обнаружили, что у нас есть компаньон по жизни, — сказал он, чеканя слова. — У нас есть хищник, вышедший из глубин космоса и захвативший власть над нашими жизнями. Люди — его пленники. Этот хищник — наш господин и хозяин. Он сделал нас покорными и беспомощными. Если мы бунтуем, он подавляет наш бунт. Если мы пытаемся действовать независимо, он приказывает нам не делать этого.

Вокруг нас была непроглядная тьма, и это, казалось, обуздывало мою реакцию. Будь сейчас день, л смеялся бы от всего сердца, в темноте же я был совершенно подавлен.

— Вокруг нас черным-черно, — сказал дон Хуан, — но если ты взглянешь уголком глаза, то все равно увидишь, как быстрые тени носятся вокруг тебя.

Он был прав. Я все еще мог их видеть. Их пляска вызывала у меня головокружение. Дон Хуан включил свет, и это, казалось, обратило их в бегство.

— Ты благодаря лишь собственным усилиям достиг того, что шаманы древней Мексики называли «вопросом вопросов», — сказал он. — Я окольными путями подводил тебя к тому, что нечто держит нас в плену. Разумеется, мы

пленники! Для магов древней Мексики это было энергетическим фактом.

— Почему же этот хищник «захватил власть», как ты об этом говоришь, дон Хуан? — спросил я. — Этому должно быть логическое объяснение.

— Этому есть объяснение, — ответил дон Хуан, — и самое простое. Они взяли верх, потому что мы для них пища, и они безжалостно подавляют нас, поддерживая свое существование. Ну, вроде того, как мы разводим цыплят в курятнике, они разводят людей в «человечниках». Таким образом, они всегда имеют пищу.

Я почувствовал, что моя голова болтается из стороны в сторону. Я не мог выразить свое недовольство и огорчение, но дрожь моего тела выдавала их. Я трясся с головы до пят безо всяких стараний со своей стороны.

— Нет, нет, нет, — услышал я свой голос. — Это бессмыслица, дон Хуан. То, что ты говоришь, — это нечто ужасное. Это просто не может быть правдой, ни для магов, ни для обычных людей, ни для кого.

— Почему? — тихо спросил дон Хуан. — Почему? Потому, что это приводит тебя в бешенство?

— Да, это приводит меня в бешенство, — отрезал я. — Это ужасно!

— Ну, — сказал он, — ты еще не слышал всего. Подожди немного, посмотрим, каково тебе будет. Я собираюсь ошеломить тебя. Иначе говоря, я собираюсь подвергнуть твой рассудок массированной атаке, и ты не сможешь встать и уйти, потому что ты пойман. Не потому, что я держу тебя в плену, а потому, что нечто в твоей воле препятствует твоему уходу, в то время как другая часть тебя собирается прийти в настоящее неистовство. Так что возьми себя в руки!

Во мне было нечто, что, как я чувствовал, жаждало сурового ОБращения. Он был прав. Я не покинул бы его дом ни за что на свете. Но все же мне совсем не была по вкусу та чушь, которую он нес.

— Я хочу воззвать к твоему аналитическому уму, — сказал дон Хуан. — Задумайся на мгновение и скажи, как ты можешь объяснить противоречие

между образованностью инженера и глупостью его убеждений и противоречивостью его поведения. Маги верят, что нашу систему убеждений, наши представления о добре и зле, нравы нашего общества дали нам хищники. Именно они породили наши надежды, ожидания и мечты по поводу успехов и неудач. Им мы обязаны алчностью и трусостью. Именно хищники сделали нас самодовольными, косными и эгоцентричными.

— Но как же они сделали это, дон Хуан? — спросил я, несколько раздраженный его словами. — Они что, нашептали нам все это во сне?

— Нет конечно, что за глупости! — с улыбкой сказал дон Хуан. — Они действовали куда более эффективно и организованно. Чтобы держать нас в кротости и покорности, они прибегли к изумительному маневру — разумеется, изумительному с точки зрения воина-стратега. С точки же зрения того, против кого он направлен, этот маневр ужасен. Они дали нам свой разум! Ты слышишь?.Хищники дали нам свой разум, ставший нашим разумом. Разум хищника изощрен, противоречив, замкнут и переполнен страхом того, что в любую минуту может быть раскрыт.

— Я знаю, что несмотря на то, что ты никогда не голодал, — продолжал он, — ты беспокоишься о хлебе насущном. Это не что иное, как страх хищника, который боится, что его трюк в любое мгновение может быть раскрыт и еда может исчезнуть. Через посредство разума, который в конечном счете является их разумом, они вносят в жизнь человека то, что удобно хищникам. И таким образом они в какой-то мере обеспечивают свою безопасность и смягчают свои страхи.

— Не то чтобы я не мог принять все это за чистую монету, дон Хуан, — сказал я. — Все может быть, но в этом есть нечто настолько гнусное, что не может не вызывать во мне отвращения. Оно побуждает меня возражать. Если правда то, что они пожирают нас, то как они это делают?

Лицо дона Хуана озарилось широкой улыбкой. Он был доволен как ребенок. Он объяснил, что маги видят человеческих детей как причудливые светящиеся шары энергии, целиком покрытые сияющей оболочкой, чем-то вроде пластикового покрытия, плотно облегающего их энергетический кокон. Он сказал, что хищники поедают именно эту сверкающую оболочку осознания и что, когда человек достигает зрелости, от нее остается лишь узкая каемка от

земли до кончиков пальцев ног. Эта каемка позволяет людям продолжать жить, но не более того.

Будто сквозь сон до меня доносились слова дона Хуана Матуса о том, что, насколько ему известно, только люди обладают такой сверкающей оболочкой осознания вне светящегося кокона. Поэтому они становятся легкой добычей для осознания иного порядка, в частности — для мрачного осознания хищника.

Затем он сделал наиболее обескураживающее заявление из всех сделанных им до сих пор. Он сказал, что эта узкая каемка осознания является эпицентром саморефлексии, от которой человек совершенно неизлечим. Играя на нашей саморефлексии, являющейся единственным доступным нам видом осознания, хищники провоцируют вспышки осознания, после чего пожирают уже их, безжалостно и жадно. Они подбрасывают нам бессмысленные проблемы, стимулирующие эти вспышки осознания, и таким образом оставляют нас в живых, чтобы иметь возможность питаться энергетическими вспышками наших мнимых неурядиц.

Очевидно, в словах дона Хуана было что-то столь опустошительное, что в этот момент меня в буквальном смысле стошнило.

Выдержав паузу, достаточную для того чтобы прийти в себя, я спросил дона Хуана:

— Но почему же маги древней Мексики, да и все сегодняшние маги, хотя и видят хищников, никак с ними не борются?

— Ни ты, ни я не можем ничего с ними поделать, — сказал дон Хуан упавшим голосом. — Все, что мы можем сделать, это дисциплинировать себя настолько, чтобы они нас не трогали. Но как ты предложишь своим собратьям пройти через все связанные с этим трудности? Да они посмеются над тобой, а наиболее агрессивные всыплют тебе по первое число. И не потому, что они не поверят тебе. В глубинах каждого человека кроется наследственное, подспудное знание о существовании хищников.

Мой аналитический ум напоминал йо-йо, чертика на резинке. Он то покидал меня, то возвращался, то покидал опять и снова возвращался. Все, что

говорил дон Хуан, было нелепым, невероятным. И в то же время это было вполне разумным и таким простым. Это объясняло все противоречия, приходившие мне в голову. Но как можно было относиться ко всему этому серьезно? Дон Хуан толкал меня под лавину, которая грозила навсегда сбросить меня в пропасть.

Меня захлестнула очередная волна ощущения угрозы. Она не исходила от меня, а составляла со мной одно целое. Дон Хуан проделывал со мной нечто таинственным образом хорошее и в то же время пугающе плохое. Я ощущал это как попытку обрезать приклеенную ко мне тонкую пленку. Его немигающие глаза смотрели на меня, не отрываясь. Наконец он отвел их и заговорил, не глядя больше в мою сторону.

— Как только сомнения овладеют тобой до опасного предела, — сказал он, — сделай с этим что-нибудь осмысленное. Выключи свет. Проникни во тьму; рассмотри все, что сможешь увидеть.

Он встал, чтобы выключить свет. Я остановил его.

— Нет, нет, дон Хуан, — сказал я, — не выключай свет. Со мной все в порядке.

Меня обуяло совершенно необычное для меня чувство — страх темноты. Одна мысль о ней стискивала мне горло. Я определенно знал о чем-то подспудно, но я ни за что на свете не коснулся 61,1 этого знания и не извлек бы его наружу.

— Ты видел быстрые тени на фоне деревьев, — сказал дон Хуан, развернувшись в кресле. — Это прекрасно. Я хотел бы, чтобы ты увидел их в этой комнате. Ты ничего не видишь. Ты лишь улавливаешь мечущиеся картинки. Для этого у тебя хватит энергии.

Я страшился того, что дон Хуан может встать и выключить, свет, и он так и сделал. Две секунды спустя я расхохотался. Я не только уловил эти мечущиеся картинки, но и услышал, как они жужжат мне на ухо. Дон Хуан рассмеялся вместе со мной и включил свет.

— Что за темпераментный парень! — воскликнул он. — С одной стороны, ни во что не верящий, а с другой — совершеннейший прагматик. Тебе следовало бы

разобраться с этой твоей внутренней борьбой. Не то ты надуешься, как большая жаба, и лопнешь.

Дон Хуан продолжал уязвлять меня все глубже и глубже.

— Маги древней Мексики, — говорил он, — видели хищника. Они называли его летуном, потому что он носится в воздухе. Это не просто забавное зрелище. Это большая тень, мечущаяся в воздухе непроницаемо черная тень. Затем она плашмя опускается на землю. Маги древней Мексики сели в лужу насчет того, откуда она взялась на Земле. Они полагали, что человек должен быть целостным существом, обладать глубокой проницательностью, творить чудеса осознания, что сегодня звучит всего лишь как красивая легенда. Но все это, по-видимому, ушло, и мы имеем теперь трезвомыслящего человека.

Мне захотелось рассердиться, назвать его параноиком, но мое здравомыслие, всегда готовое взять на себя управление, вдруг куда-то исчезло. Что-то во мне мешало задать себе мри любимый вопрос: а что, если все это правда? В ту ночь, когда он говорил мне это, я нутром чуял, что все, что он говорит, — правда, и в то же время с такой же силой чувствовал, что все им сказанное — сама абсурдность.

— Что ты говоришь, дон Хуан? — еле смог спросить я.

Мне стиснуло гортань, и я с трудом мог дышать.

— Я говорю, что то, что выступает против нас, — не простой хищник. Он весьма ловок и изощрен. Он методично делает нас никчемными. Человек, которому предназначено быть магическим существом, уже не является таковым. Теперь он простой кусок мяса. Заурядный, косный и глупый, он не мечтает больше ни о чем, кроме куска мяса.

Слова дона Хуана вызывали странную телесную реакцию, напоминавшую тошноту. Меня словно бы вновь потянуло на рвоту. Но тошнота эта исходила из самых глубин моего естества, чуть ли не из мозга костей. Я скорчился в судороге. Дон Хуан решительно встряхнул меня за плечи. Я почувствовал, как моя голова болтается из стороны в сторону. Это сразу успокоило меня. Я более или менее обрел над собой контроль.

— Этот хищник, — сказал дон Хуан, — который, разумеется, является неорганическим существом, в отличие от других неорганических существ, невидим для нас целиком. Я думаю, что будучи детьми, мы все-таки видим его, но он кажется нам столь пугающим, что мы предпочитаем о нем не думать. Дети, конечно, могут сосредоточить на нем свое внимание, но окружающие убеждают их не делать этого.

— Все, что остается людям, — это дисциплина, — продолжал он. — Лишь дисциплина способна отпугнуть его. Но под дисциплиной я не подразумеваю суровый распорядок дня. Я не имею в виду, что нужно ежедневно вставать в полшестого и до посинения обливаться холодной водой. Маги понимают под дисциплиной способность спокойно противостоять неблагоприятным обстоятельствам, не входящим в наши расчеты. Для них дисциплина — это искусство, искусство неуклонно противостоять бесконечности, не потому, что ты силен и несгибаем, а потому, что исполнен благоговения.

— И каким же образом дисциплина магов может отпугнуть его? — спросил я.

— Маги говорят, что дисциплина делает сверкающую оболочку осознания невкусной для летуна, — сказал дон Хуан, внимательно всматриваясь в мое лицо, как будто стараясь разглядеть в нем какие-либо признаки недоверия. — В результате хищники оказываются сбиты с толку. Несъедобность сверкающей оболочки осознания, как мне кажется, оказывается выше их понимания. После этого им не остается ничего, как только оставить свое гнусное занятие.

— Когда же хищники на какое-то время перестают поедать нашу сверкающую оболочку осознания, — продолжал он, — она начинает расти. Говоря упрощенно, маги отпугивают хищников на время, достаточное для того, чтобы их сверкающая оболочка осознания выросла выше уровня пальцев ног. Когда это происходит, она возвращается к своему естественному размеру. Маги древней Мексики говорили, что сверкающая оболочка осознания подобна дереву. Если ее не подрезать, она вырастает до своих естественных размеров. Когда же осознание поднимается выше пальцев ног, все чудеса восприятия становятся чем-то само собой разумеющимся.

— Величайшим трюком этих древних магов, — продолжал дон Хуан, — было обременение разума летуна дисциплиной. Они обнаружили, что если нагрузить его внутренним безмолвием, то чужеродное устройство

улетучивается, благодаря чему тот, кто практикует это, полностью убеждается в инородности разума, которая, разумеется, возвращается, но уже не такая сильная, после чего устранение разума летуна становится привычным делом. Так происходит до тех пор, пока однажды он не улетучивается навсегда. О, это поистине печальный день! С этого дня тебе приходится полагаться лишь на свои приборы, стрелки которых оказываются практически на нуле. Никто не подскажет тебе, что делать. Чужеродного разума, диктующего столь привычные тебе глупости, больше нет.

— Мой учитель, нагваль Хулиан, предупреждал всех своих учеников, — продолжал дон Хуан, — что это самый тяжелый день в жизни мага, ведь тогда наш реальный разум, вся совокупность нашего опыта, тяготевшая над нами всю жизнь, становится робкой, неверной и зыбкой. Мне кажется, настоящее сражение начинается для мага именно в этот момент. Все, что было прежде, было лишь подготовкой.

Меня охватило неподдельное волнение. Я хотел узнать об этом больше, но что-то во мне настойчиво требовало, чтобы я остановился. Оно наводило на мысли о неприятных последствиях и расплате; это было что-то вроде Божьего гнева, обрушившегося на меня за то, что я вмешиваюсь в нечто, сокрытое самим Богом. Я сделал титаническое усилие, чтобы позволить своему любопытству взять верх.

— Ч-ч-что ты подразумеваешь под «нагрузкой разума летуна»? — услышал я свой голос.

— Дисциплина чрезвычайно нагружает чужеродный разум, — ответил он. — Таким образом, с помощью своей дисциплины маги подавляют чужеродное устройство.

Утверждения дона Хуана сбили меня с толкну. Я решил, что он либо явно ненормален, либо говорит нечто столь душераздирающее, что у меня внутри все похолодело. Вместе с тем я заметил, насколько быстро я вновь обрел способность отвергать все им сказанное. После мгновенного замешательства я рассмеялся, как будто дон Хуан рассказал мне анекдот. Я даже слышал свой голос, говоривший: «Дон Хуан, дон Хуан, ты неисправим!»

Дон Хуан, казалось, понимал все, что со мной происходит. Он качал головой и

возводил очи горе в шутливом жесте отчаяния.

— Я настолько неисправим, — сказал он, — что собираюсь нанести по разуму летуна, который ты в себе носишь, еще один удар. Я хочу открыть тебе одну из самых необычных тайн магии. Я расскажу тебе об открытии, на проверку которого магам потребовались тысячелетия.

Он взглянул на меня и ухмыльнулся.

— Разум летуна улетучивается навсегда, — сказал он, — когда магу удается подчинить себе вибрирующую силу, удерживающую нас в виде конгломерата энергетических полей. Если маг достаточно долго будет сдерживать это давление, разум летуна будет побежден. И это как раз то, что ты собираешься сделать — обуздать энергию, удерживающую тебя как целое.

Я отреагировал на это в высшей степени необъяснимым образом. Что-то во мне буквально вздрогнуло, как будто получив удар. Меня охватил необъяснимый страх, который я тут же связал со своим религиозным воспитанием.

Дон Хуан смерил меня взглядом.

— Ты испугался Божьего гнева, не так ли? — спросил он. — Успокойся. Это не твой страх; это страх летуна, ведь он знает, что ты поступишь в точности так, как я тебе говорю.

Его слова отнюдь не успокоили меня. Я почувствовал себя хуже. Судорога буквально корежила меня, и я ничего не мог с ней поделать.

— Не волнуйся, — мягко сказал дон Хуан. — Я точно знаю, что эти приступы пройдут очень быстро. Разум летуна не столь силен.

Как и предсказывал дон Хуан, через какое-то мгновение все закончилось. Сказать, в который уже раз, что я был сбит с толку, значило бы не сказать ничего. Со мной впервые, будь то в связи с доном Хуаном или нет, было так, что я буквально не мог понять, где верх, а где низ. Я хотел встать с кресла и пройтись, но был насмерть перепуган. Меня переполняли разумные суждения и одновременно детские страхи. Меня прошиб холодный пот, и я глубоко

задышал. Откуда-то всплыла душераздирающая картина: мечущиеся черные тени, заполонившие все вокруг меня.

Я закрыл глаза и опустил голову на подлокотник кресла.

— Не знаю, что и делать, дон Хуан, — сказал я. — Ты сегодня просто разбил меня наголову.

— Тебя терзает внутренняя борьба, — сказал дон Хуан. — В глубине души ты согласен, что не в силах спорить с тем, что неотъемлемая часть тебя, твоя сверкающая оболочка осознания, готова служить непостижимым источником питания столь же непостижимым существам. Другая же часть тебя всеми силами восстает против этого.

— Подход магов, — продолжал он, — коренным образом отличается тем, что они не чтут договоренности, в достижении которой не принимали участия. Никто никогда не спрашивал меня, согласен ли я с тем, что меня будут пожирать существа с иным осознанием. Родители просто ввели меня в этот мир в качестве пищи, такой же, как они сами, вот и все.

Дон Хуан встал с кресла и потянулся.

— Мы сидим здесь уже четыре часа. Пора в дом. Я собираюсь поесть. Не присоединишься ли ты ко мне?

Я отказался. В желудке у меня клокотало.

— Думаю, что тебе лучше было бы лечь спать, — сказал он. — Моя атака истощила тебя.

Меня не пришлось долго упрашивать. Я рухнул в кровать и уснул как мертвый.

Когда я спустя какое-то время вернулся домой, идея летунов стала одной из наиболее навязчивых в моей жизни. Я пришел к пониманию того, что дон Хуан был совершенно прав насчет них. Как я ни пытался, я не мог опровергнуть его логику. Чем больше я об этом думал и чем больше разговаривал с окружавшими меня людьми и наблюдал за ними, тем более крепло во мне

убеждение, что есть нечто, делающее нас неспособными ни на какую деятельность, ни на какую мысль, в центре которой не находилось бы наше «я». Меня, да и всех, кого я знал и с кем разговаривал, заботило только оно. Не будучи в состоянии как-либо объяснить такое единообразие, я уверился, что ход мыслей дона Хуана наилучшим образом соответствовал происходящему.

Я углубился в литературу о мифах и легендах. Это занятие породило во мне никогда прежде не испытанное ощущение: каждая из прочитанных мною книг была интерпретацией мифов и легенд. В каждой из них обнаруживалось присутствие одного и того же склада ума. Книги отличались стилистикой, но скрытая за словами тенденция была в точности одной и той же; при том даже, что темой этих книг были столь отвлеченные вещи, как мифы и легенды, авторы всегда ухитрялись вставить словечко о себе. Эта характерная для всех книг тенденция не объяснялась сходством их тематики; это было услужение самому себе. Прежде у меня никогда не было такого ощущения.

Я приписал свою реакцию влиянию дона Хуана. Передо мной неизбежно возникал вопрос: то ли это он так на меня повлиял, то ли действительно всеми нашими поступками управляет некий инородный разум. И вновь я невольно стал склоняться к тому, чтобы отвергнуть эту мысль, и болезненно заметался, то соглашаясь с ней, то опять отвергая. Что-то во мне знало, что все, о чем говорил дон Хуан, было энергетическим фактом, но в то же время что-то не менее значительное было убеждено, что все это чушь. Результатом этой моей внутренней борьбы стало дурное предчувствие — ощущение того, что на меня надвигается некая опасность.

Я предпринял обширное антропологическое исследование вопроса о летунах в других культурах, но нигде не нашел ничего подобного. Дон Хуан представлялся мне единственным источником информации по этому поводу. Когда я вновь встретился с ним, то тут же перевел беседу на летунов.

— Я изо всех сил пытался быть рассудительным в этом вопросе, — сказал я, — ноу меня ничего не вышло. Время от времени я чувствую, что полностью согласен с тобой насчет этих хищников.

— Сконцентрируй свое внимание на тех мечущихся тенях, что ты видел, — улыбаясь, сказал дон Хуан.

Я сказал дону Хуану, что эти мечущиеся тени собираются положить конец моей рациональной жизни. Я видел их повсюду. С тех пор как я покинул этот дом, я не мог уснуть в темноте. Свет совершенно не мешал мне спать, но, как только я щелкал выключателем, все вокруг меня начинало прыгать. Я никогда не видел устойчивых фигур и очертаний — одни лишь мечущиеся черные тени.

— Разум хищника еще не покинул тебя, — сказал дон Хуан. — Но он был серьезно уязвлен. Всеми своими силами он стремится восстановить с тобой прежние взаимоотношения. Но что-то в тебе разъединилось навсегда. Летун знает об этом. И настоящая опасность заключается в том, что разум летуна может взять верх, измотав тебя и заставив отступить, играя на противоречии между тем, что говорит он, и тем, что говорю я.

— Видишь ли, у разума летуна нет соперников, — продолжал дон Хуан. — Когда он утверждает что-либо, то соглашается с собственным утверждением и заставляет тебя поверить, что ты сделал что-то не так. Разум летуна скажет, что все, что говорит тебе Хуан Матус, — полная чепуха, затем тот же разум согласится со своим собственным утверждением: «Да, конечно, это чепуха», — скажешь ты. Вот так они пас и побеждают.

Мне захотелось, чтобы дон Хуан продолжил. Но он лишь сказал:

— Несмотря на то что атака завершилась еще в твой предыдущий приезд, ты только и можешь говорить, что о летунах. Настало время для маневра несколько иного рода.

Этой ночью мне не спалось. Неглубокий сон овладел мною лишь под утро, когда дон Хуан вытащил меня из постели и повел на прогулку в горы. Ландшафт той местности, где он жил, сильно отличался от пустыни Соноры, но он велел мне не увлекаться сравнениями, ведь после того, как пройдешь четверть мили, все места в мире становятся совершенно одинаковыми.

— Осмотр достопримечательностей — удел автомобилистов, — сказал он. — Они несутся с бешеной скоростью безо всяких усилий со своей стороны. Это занятие не для пешеходов. Так, когда ты едешь на автомобиле, ты можешь увидеть огромную гору, вид которой поразит тебя своим великолепием. Тот же

вид уже не поразит тебя точно так же, если ты будешь идти пешком; он поразит тебя совсем подругому, особенно если тебе придется на нее карабкаться или обходить ее.

Утро было очень жарким. Мы шли вдоль пересохшего русла реки. Единственное, что было общим у этой местности с Сонорой, были тучи насекомых. Комары и мухи напоминали пикирующие бомбардировщики, целившие мне в ноздри, уши и глаза. Дон Хуан посоветовал мне не обращать на их гул внимания.

— Не пытайся от них отмахнуться, — твердо произнес он. — Вознамерь их прочь. Установи вокруг себя энергетический барьер. Будь безмолвным, и этот барьер воздвигнется из твоего безмолвия. Никто не знает, как это получается. Это одна из тех вещей, которые древние маги называли энергетическими фактами. Останови свой внутренний диалог — вот все, что требуется.

— Я хочу предложить тебе одну необычную идею, — продолжал дон Хуан, шагая впереди меня.

Мне пришлось подналечь, чтобы приблизиться к нему настолько, чтобы не пропустить ничего из его слов.

— Должен подчеркнуть, что идея эта настолько необычна, что вызовет у тебя резкий отпор, — сказал он. — Заранее предупреждаю, что тебе будет нелегко принять ее. Но ее необычность не должна тебя отпугнуть. Ты ведь занимаешься общественными науками, так что обладаешь пытливым разумом, не так ли?

Дон Хуан откровенно насмехался надо мной. Я знал об этом, но это меня не беспокоило. Он шел настолько быстро, что мне приходилось лезть из кожи вон, чтобы поспевать за ним, и его сарказм отскакивал от меня и, вместо того чтобы злить, только смешил. Мое внимание было безраздельно сосредоточено на его словах, и насекомые перестали докучать мне, то ли потому, что я вознамерил вокруг себя энергетический барьер, то ли потому, что я был настолько поглощен тем, что говорил дон Хуан, что не обращал на их гул никакого внимания.

— Необычная идея, — проговорил он с расстановкой, оценивая производимый

его словами эффект, — состоит в том, что каждый человек на этой Земле обладает, по-видимому, одними и теми же реакциями, теми же мыслями, теми же чувствами. По всей вероятности, все люди более или менее одинаково откликаются на одинаковые раздражители. Язык, на котором они говорят, несколько вуалирует это, но, приоткрыв эту вуаль, мы обнаружим, что всех людей на Земле беспокоят одни и те же проблемы. Мне бы хотелось, чтобы ты заинтересовался этим, разумеется, как ученый и сказал, можешь ли ты найти формальное объяснение такому единообразию.

Дон Хуан собрал небольшую коллекцию растений. Некоторые из них было трудно рассмотреть; они скорее относились ко мхам или лишайникам. Я молча раскрыл перед ним его сумку. Набрав достаточно растений, он повернул к дому и зашагал так быстро, как только мог. Он сказал, что торопится разобрать их и развесить должным образом, прежде чем они засохнут.

Я глубоко задумался над задачей, которую он мне обрисовал. Начал я с того, что попытался извлечь из своей памяти какие-нибудь статьи по этому вопросу. Я решил, что возьмусь за такое исследование и прежде всего перечитаю все доступные мне работы по «национальному характеру». Тема пробудила во мне энтузиазм, и мне захотелось тут же отправиться домой, чтобы погрузиться в нее, но по дороге к своему дому дон Хуан присел на высокий выступ и обвел взглядом долину. Какое-то время он не произносил ни слова. Не похоже было, чтобы он запыхался, и я не мог понять, с чего бы вдруг ему вздумалось сделать эту остановку.

— Главная задача для тебя сегодня, — внезапно проговорил он тоном, не предвещавшим ничего хорошего, — это одна из наиболее таинственных в магии вещей, нечто недоступное для объяснений, невыразимое словами. Сегодня мы отправились на прогулку, мы беседовали, потому что тайны магии следует обходить в повседневной жизни молчанием. Они должны истекать из ничего и вновь возвращаться в ничто. В этом искусство воина-путешественника — проходить сквозь игольное ушко незамеченным. Так что хорошенько обопрись об эту скалу; я буду рядом на случай, если ты упадешь в обморок.

— Что ты собираешься делать, дон Хуан? — спросил я со столь явной тревогой, что заметил это и понизил голос.

— Я хочу, чтобы ты скрестил ноги и вошел во внутреннее безмолвие, — сказал он. — Предположим, ты решил выяснить, какие статьи ты можешь привести в доказательство или же в опровержение того, чем я просил тебя заняться в твоей научной среде. Войди во внутреннее безмолвие, но не засыпай. Это не путешествие по темному морю осознания. Это видение из внутреннего безмолвия.

Мне было довольно трудно войти во внутреннее безмолвие, не уснув. Желание уснуть было почти неодолимым. Все же я совладал с ним и обнаружил, что всматриваюсь в дно долины из окружающей меня непроглядной тьмы. И тут я увидел нечто, от чего меня пробрал холод до мозга костей. Я увидел огромную тень, футов, наверное, пятнадцати в поперечнике, которая металась в воздухе и с глухим стуком падала на землю. Стук этот я не услышал, а ощутил своим телом.

— Они действительно тяжелые, — проговорил дон Хуан мне на ухо.

Он держал меня за левую руку так крепко, как только мог.

Я увидел что-то, напоминавшее грязную тень, которая ерзала по земле, затем совершала очередной гигантский прыжок, футов, наверное, на пятьдесят, после чего опускалась на землю все с тем же зловещим глухим стуком. Я старался не ослабить своей сосредоточенности. Мною овладел страх, не поддающийся никакому рациональному описанию. Взгляд мой был прикован к прыгающей по дну долины тени. Затем я услышал в высшей степени своеобразное гудение — смесь хлопанья крыльев со свистом плохо настроенного радиоприемника. Последовавший же за этим стук был чем-то незабываемым. Он потряс нас с доном Хуаном до глубины души — гигантская грязно-черная тень приземлилась у наших ног.

— Не бойся, — властно проговорил дон Хуан. — Сохраняй свое внутреннее безмолвие, и она исчезнет.

Меня трясло с головы до пят. Я твердо знал, что, если не сохраню свое внутреннее безмолвие, грязная тень накроет меня подобно одеялу и задушит. Не рассеивая тьмы вокруг себя, я издал вопль во всю мощь своего голоса. Никогда я не чувствовал себя таким разозленным и в высшей степени расстроенным. Грязная тень совершила очередной прыжок, прямиком на дно

долины. Я продолжал вопить, дрыгая ногами. Мне хотелось отшвырнуть от себя все, что могло прийти и проглотить меня, чем бы оно ни было. Я был столь взвинчен, что потерял счет времени. Вероятно, я потерял сознание.

Придя в себя, я обнаружил, что лежу в своей постели в доме дона Хуана. На моем лбу лежало полотенце, смоченное ледяной водой. Меня лихорадило. Одна из женщин-магов из группы дона Хуана растерла мне спину, грудь и лоб спиртовым настоем, но это не принесло мне облегчения. Огонь, который жег меня, исходил изнутри. Его порождали гнев и бессилие.

Дон Хуан смеялся так, как будто на свете не было ничего смешнее того, что со мной произошло. Взрывам его смеха, казалось, не будет конца.

— Никогда бы не подумал, что ты примешь видение летуна так близко к сердцу, — сказал он.

Он взял меня за руку и повел на задний двор, где полностью одетым, в обуви, с часами на руке и прочим окунул в огромную лохань с водой.

— Часы, мои часы! — вскричал я.

Дон Хуан зашелся смехом.

— Тебе не следовало надевать часы, отправляясь ко мне, — сказал он. — Теперь им крышка!

Я снял часы и положил их на край лохани. Я знал, что они водонепроницаемы и с ними ничего не могло случиться. Купание очень помогло мне. Когда дон Хуан вытащил меня из ледяной воды, я уже немного овладел собой.

— Совершенно нелепое зрелище! — твердил я, не в силах сказать ничего более.

Хищник, которого описывал мне дон Хуан, отнюдь не был добродушным существом. Он был чрезвычайно тяжелым, огромным и равнодушным. Я ощутил его презрение к нам. Несомненно, он сокрушил нас много веков назад, сделав, как и говорил дон Хуан, слабыми, уязвимыми и покорными. Я снял с себя мокрую одежду, завернулся в пончо, присел на кровать и буквально

разревелся, но мне было жаль не себя. У меня были моя ярость, мое несгибаемое намерение, которые не позволят им пожирать меня. Я плакал о своих собратьях, особенно о своем отце. До этого мгновения я никогда не отдавал себе отчета в том, что до такой степени люблю его.

— Ему никогда не везло, — услышал я свой голос, вновь и вновь твердящий эту фразу, как будто повторяя чьи-то слова. Мой бедный отец, самое мягкое существо, которое я когда-либо знал, такой нежный, такой добрый и такой беспомощный.

Часть четвертая: Начало окончательного путешествия

16. Прыжок в бездну

На плато вела только одна тропа. Когда мы взобрались на него, я увидел, что оно не столь обширно, как представлялось снизу. Растительность на плато не отличалась от той, что была у его подножия: поникший зеленый древовидный кустарник.

Поначалу я не разглядел пропасти. Лишь когда дон Хуан подвел меня к ней, я увидел, что плато заканчивалось обрывом. Плато было круглым; с восточной и южной сторон склоны его были изъедены выветриванием, с севера же и запада оно казалось обрезанным ножом. Стоя на краю обрыва, я мог видеть дно ущелья, лежавшее примерно в шестистах футах подо мной. Оно было покрыто все тем же древовидным кустарником.

Я обошел плато и обнаружил, что оно не было в прямом смысле плато, а просто плоской вершиной внушительных размеров горы. Частокол более низких гор к северу и югу от вершины явственно указывал на то, что они были частью гигантского каньона, прорезанного миллионы лет назад не существующей более рекой. Гребни каньона были изъедены эрозией. Кое-где они были сглажены слоем почвы. Она не добралась лишь до того места, где я стоял.

— Это твердая порода, — сказал дон Хуан, будто прочитав мои мысли. Он указал подбородком в сторону дна ущелья. — Все, что упадет с этого гребня, разлетится там внизу на кусочки.

Это были первые слова, которыми мы обменялись с доном Хуаном в этот день, стоя на вершине. Перед тем как отправиться туда, он сказал мне, что его время на этой Земле подошло к концу. Он отправляется в свое окончательное путешествие. Его заявление потрясло меня. Я в буквальном смысле опустил руки и впал в то блаженное состояние фрагментированности, которое, вероятно, испытывает человек, когда сходит с ума. Лишь некая сердцевина меня сохраняла свою целостность — то, что было во мне от ребенка. Все прочее было смутным и неопределенным. Я столь долго был фрагментирован, что единственным выходом для меня было вновь разъединиться.

Наиболее же специфическое взаимодействие уровней моего осознания произошло позже. Дон Хуан, его сподвижник дон Хенаро, двое его учеников, Паблито и Нестор, и я взобрались на это плато. Паблито, Нестор и я пришли сюда затем, чтобы выполнить свое последнее задание в роли учеников — прыгнуть в пропасть. Это было в высшей степени таинственным делом, о котором дон Хуан рассказывал мне на самых разных уровнях моего осознания, но которое, тем не менее, до этого дня оставалось для меня загадкой.

Дон Хуан пошутил, что мне следовало бы достать свой блокнот и приняться описывать наше последнее совместное времяпрепровождение. Он легонько ткнул меня под ребра и, сдерживая смех, уверил, что именно так будет лучше всего, поскольку свой путь воина-путешественника я начал как раз с заметок.

Дон Хенаро сказал, что до нас на этой же плоской вершине горы стояли другие воины-путешественники, собираясь отправиться в путешествие в неизвестное. Дон Хуан повернулся ко мне и мягким голосом сказал, что скоро я

войду в бесконечность при помощи своей личной силы и что они с доном Хенаро здесь лишь затем, чтобы со мной попрощаться. Дон Хенаро вмешался опять и сказал, что я тоже здесь для того, чтоб попрощаться с ними.

— Когда ты войдешь в бесконечность, — сказал дон Хуан, — мы уже не сможем вернуть тебя обратно. От тебя потребуется решимость. Лишь ты сможешь решить, возвращаться или нет. Должен также предупредить тебя, что немногие из воинов-путешественников оставались в этой жизни после такой встречи с бесконечностью. Бесконечность невероятно привлекательна. Воин-путешественник обнаруживает, что возвращение в мир беспорядка, принуждения, шума и боли не слишком его прельщает. Ты должен знать, что твое решение остаться или вернуться — это не предмет разумного выбора, а предмет намеревания.

— Если ты решишь не возвращаться, — продолжал он, — то исчезнешь, как будто земля поглотила тебя. Но решившись на обратный путь, ты должен затянуть свой ремень и подождать, как подобает истинному воину-путешественнику, пока твое задание не подойдет к концу, будь это успех или неудача. Что-то стало неуловимо меняться. В моей памяти начали всплывать лица людей, ноя не был уверен, что когда-либо встречал их; в мозгу нарастало болезненное ощущение. Голос дона Хуана перестал быть слышен. Меня потянуло к этим людям, относительно которых я искренне сомневался, что когда-либо их знал. Я вдруг ощутил совершенно невыносимую привязанность к ним, кто бы они ни были. Чувства, которые я к ним испытывал, были неизъяснимы, и все же я не мог сказать, кто они. Я лишь ощущал их присутствие, как будто прожил прежде еще одну жизнь или же сочувствовал им во сне. Я почувствовал, что их очертания сместились; сначала они стали высокими, затем совсем маленькими. Сущность же их, та самая сущность, что порождала мою невыносимую к ним привязанность, осталась прежней.

Дон Хуан подошел ко мне сбоку и сказал:

— Мы договорились, что ты сохранишь осознание обычного мира. — Его голос был резким и властным. — Сегодня ты отправляешься выполнять конкретное задание, — продолжал он, — последнее звено длинной цепи; и ты должен подойти к нему в высшей степени рассудительно.

Я никогда не слышал, чтобы дон Хуан разговаривал со мной таким тоном. В этот момент он был совсем другим человеком, и все же совершенно привычным для меня. Я кротко подчинился ему и вернулся к осознанию мира повседневной жизни, однако не отдал себе в этом отчета. В тот день мне казалось, что я уступил дону Хуану из страха и почтения.

Затем дон Хуан обратился ко мне в привычном тоне. Его слова также были вполне привычными. Он сказал, что сущность воина-путешественника — это смирение и действенность, что он должен действовать, не ожидая ничего в награду, и противостоять всему, что встает на его пути.

К этому моменту уровень моего осознания вновь сдвинулся. Разум мой сосредоточился на мыслях о страдании. Я понял, что заключил с некими людьми договор умереть вместе с ними, хотя и не знал, кто они. Без тени сомнения я чувствовал, что было бы неправильно умереть в одиночку. Страдание мое стало невыносимым.

Дон Хуан обратился ко мне.

— Мы одни, — сказал он. — Таково наше положение. Но умереть одному не значит умереть в одиночестве.

Я сделал несколько больших глотков воздуха, чтобы снять напряжение. По мере того как я вздыхал полной грудью, рассудок мой прояснялся.

— Величайшая проблема для нас, мужчин, — это наша нестойкость. Когда наше осознание начинает расти, оно вырастает, подобно стволу, прямо из центра нашей светящейся сущности, снизу вверх. Этот ствол должен вырасти до значительной высоты, прежде чем мы сможем на него опереться. В этот период твоей жизни мага ты легко можешь утратить власть над своим новым осознанием. И тогда ты забудешь все, что делал и видел на пути воина-путешественника, потому что твой разум вернется к повседневному осознанию. Я уже объяснял тебе, что каждый маг-мужчина, находясь на новых уровнях осознания, должен использовать все то, что делал и видел на пути воина-путешественника. Проблема каждого мага-мужчины в том, что он легко все забывает, поскольку его осознание утрачивает свой новый уровень.

— Я прекрасно понимаю все, что ты говоришь, дон Хуан, — сказал я. —

Пожалуй, впервые я полностью осознал, почему все забываю и почему потом все вспоминаю. Я всегда был уверен, что мои сдвиги обусловлены болезненными личными обстоятельствами; теперь я знаю, отчего происходят эти изменения, но не могу выразить свое знание словами.

— Не беспокойся о словах, — сказал дон Хуан. — Ты найдешь их в свое время. Сегодня ты должен действовать на основании своего внутреннего безмолвия, того, что ты знаешь, не зная. Ты прекрасно знаешь, что ты должен делать, но это знание еще не вполне оформилось в твои мысли.

Все, чем я обладал на уровне конкретных мыслей, было смутным ощущением знания о чем-то, что не было частью моего рассудка. Вместе с тем, у меня было совершенно четкое ощущение того, что я сделал огромный шаг вниз; во мне, казалось, что-то упало. Я почти физически ощутил удар. Я знал, что в этот миг перешел на новый уровень осознания.

Затем дон Хуан сказал мне, что воин-путешественник обязательно должен попрощаться со всеми людьми, которые остаются у него за спиной. Он должен произнести слова прощания громко и четко, так, чтобы его голос и чувства навсегда запечатлелись в этих горах.

Я долго колебался, но не из-за застенчивости, а потому, что не знал, кого именно мне следует благодарить. Я полностью проникся концепцией магов, что воин-путешественник не может никому ничего быть должен.

Дон Хуан вбил в меня аксиому магов: «Воины-путешественники непринужденно, щедро и с необычайной легкостью воздают за любое оказанное им расположение, за любую услугу. Таким образом они снимают с себя ношу невыполненного долга».

Я воздал, или же все еще воздавал, всем, кто почтил меня своей заботой или участием. Я перепросмотрел всю свою жизнь настолько подробно, что не обошел вниманием даже мельчайшие ее эпизоды. Я был совершенно уверен тогда, что никому ничего не задолжал. Своими уверенностью и сомнениями я поделился с доном Хуаном.

Дон Хуан сказал, что я действительно тщательно перепросмотрел свою жизнь, но добавил, что я далек от того, чтобы быть свободным от долгов.

— А как насчет твоих призраков? — продолжал он. — Тех, с кем ты уже не можешь соприкоснуться?

Он знал, о чем говорит. Во время своего перепросмотра я пересказал ему каждый эпизод своей жизни. Из всего того, о чем я ему поведал, он выделил три случая в качестве образцов задолженности, которую я приобрел в весьма раннем возрасте, и добавил к этому мою задолженность перед человеком, благодаря которому я с ним встретился. Я горячо поблагодарил своего друга и почувствовал, что моя благодарность была каким-то образом принята. Три же первых случая остались на моей совести.

Один из них был связан с человеком, которого я знал, будучи совсем ребенком. Его звали Леандро Акоста. Он был заклятым врагом моего деда, его настоящей напастью. Дед постоянно обвинял этого человека в том, что тот крал цыплят из его курятника. Акоста не был бродягой, просто не имел определенных, постоянных занятий. Он был своего рода перекати-полем, хватался за разную работу, был подсобным рабочим, знахарем, охотником, поставщиком трав и насекомых для местных лекарей, а также всякого рода живности для чучельников и торговцев.

Люди считали, что он гребет деньги лопатой, но не может ни сберечь их, ни толково ими распорядиться. И друзья его, и недруги в один голос твердили, что он мог бы преуспевать на зависть всей округе, если бы занялся тем, в чем разбирался лучше всего, — сбором трав и охотой, но что он страдает странной душевной болезнью, делающей его беспокойным и неспособным остановиться на каком-нибудь занятии на сколь-нибудь продолжительное время.

Однажды, прогуливаясь на окраине фермы своего деда, я заметил, что за мной кто-то наблюдает из кустов на краю леса. Это был Акоста. Он сидел на корточках в самой гуще кустарника и, если бы не мои зоркие глаза восьмилетнего мальчишки, был бы совершенно незаметен.

Не удивительно, что дед думает, что он приходит воровать цыплят, подумал я. Я был уверен, что никто, кроме меня, не смог бы его разглядеть; благодаря своей неподвижности он был прекрасно замаскирован. Я скорее почувствовал различие между кустарником и его силуэтом, чем увидел его. Я приблизился к нему. То, что люди или яростно его ненавидели, или же горячо любили,

весьма меня интриговало.

— Что вы здесь делаете, сеньор Акоста? — бесстрашно спросил я.

— Я справляю большую нужду, одновременно разглядывая ферму твоего деда, — ответил он, — так что лучше отвали, пока я не встал, если не любишь нюхать дерьмо.

Я немного отошел. Мне было любопытно, действительно ли он занимался тем, о чем говорил. Я убедился, что он говорил правду. Он встал, и я решил, что он выйдет из кустов и направится в сторону владений моего деда, чтобы выйти на дорогу, но я ошибся. Он двинулся вглубь зарослей.

— Эй, сеньор Акоста! — закричал я. — Можно мне с вами?

Я заметил, что он остановился; кусты были столь густыми, что это вновь получилось у меня скорее благодаря чувству, чем зрению.

— Конечно, можно, если ты найдешь лазейку в кустарнике, — ответил он.

Это не составило мне труда. Давным-давно я отметил вход в кустарник большим камнем. Методом бесконечных проб и ошибок я обнаружил там узкий лаз, который через три-четыре ярда становился настоящей тропой, по которой я мог двигаться в полный рост.

Сеньор Акоста подошел ко мне и сказал:

— Браво, малыш, молодчина! Хорошо, идем со мной, если тебе так хочется.

Так началась наша дружба с Леандро Акостой. Каждый день мы совершали охотничьи вылазки. Из-за того, что я пропадал из дому неизвестно куда с рассвета до заката, близость наша стала столь очевидной, что в конце концов дед сурово отчитал меня.

— Тебе следовало бы быть более разборчивым в знакомствах, — сказал он, — если ты не хочешь закончить тем же, что и он. Я не потерплю, чтобы этот человек как-либо влиял на тебя. Ты легко можешь стать таким же беспутным непоседой. Обещаю тебе, что, если ты не положишь этому конец, я сделаю это

сам. Я пожалуюсь властям, что он ворует моих цыплят. Ты ведь прекрасно знаешь, что это его рук дело.

Я попытался убедить деда в полной абсурдности его обвинений. Акосте не было нужды воровать цыплят — ведь у него был его огромный лес, где он мог добыть все, что хотел. Но мои доводы еще больше разозлили деда. Я понял, что ему была втайне ненавистна свобода Акосты, и благодаря этому пониманию последний превратился для меня из милого охотника в высшее проявление чего-то запретного и в то же время желанного.

Я попытался сделать наши встречи с Акостой не столь частыми, но соблазн был слишком велик. Однажды Акоста и трое его друзей предложили мне сделать то, что ни разу ему не удавалось, — поймать живым и невредимым грифа. Он объяснил, что тело грифов нашей местности — огромных птиц, размах крыльев которых составлял пять-шесть футов, — содержит семь различных типов мяса, каждый из которых применяется для тех или иных лечебных целей. Он сказал, что желательно, чтобы тело грифа не было повреждено. Его нужно поймать не силой, а хитростью. Подстрелить-то его легко, но в этом случае мясо утратит свои лечебные свойства. Так что вся штука в том, чтобы поймать его живьем, а вот это не удавалось ему ни разу. Однако, сказал он, с моей помощью и с помощью трех его друзей он с этим справится. Он заверил меня, что это естественный вывод, к которому он пришел после того, как раз сто наблюдал за поведением грифов.

— Для этого нам понадобится дохлый осел, — с энтузиазмом провозгласил он, — осел у нас есть.

Он посмотрел на меня, ожидая вопроса о том, что же мы станем делать с дохлым ослом. Но так как вопрос не прозвучал, он продолжил:

— Мы удалим у него внутренности и вставим несколько палочек, чтобы туша сохраняла форму.

— У грифов всем заправляет вожак; он крупней и умней остальных, — продолжал он. — Никто не может сравниться с ним в остроте зрения. Это и делает его вожаком. Именно он обнаружит дохлого осла и подлетит к нему. Он сядет с подветренной стороны, чтобы обнюхать его и убедиться, что он действительно издох. Кишки и прочие внутренности, которые мы извлечем из

туши осла, мы сложим возле его задней части. Это будет похоже на следы трапезы дикого кота. Затем гриф не торопясь приблизится к ослу. Спешить ему некуда. Он станет прыгать вокруг туши и наконец опустится на ее круп и начнет ее раскачивать. Не воткни мы в землю четыре палочки, он мог бы ее перевернуть. На какое-то время он замрет, сидя на ослином крупе; это будет сигналом остальным грифам опуститься поблизости. И лишь когда рядом с вожаком окажутся три или четыре других грифа, он примется за дело.

— А какова же моя роль во всем этом, господин Акоста? — спросил я.

— Ты спрячешься внутри туши, — сказал он с невозмутимым видом. — Не бойся, я дам тебе пару специальных кожаных перчаток, и ты будешь сидеть там и ждать, пока гриф-вожак разорвет своим мощным клювом задний проход осла и просунет туда голову, чтобы начать есть. Тогда ты крепко схватишь его за шею обеими руками.

— Я и трое моих друзей спрячемся верхом в глубоком овраге, — продолжал он. — Я буду следить за всем в бинокль. Когда я увижу, что ты схватил грифа за шею, мы прискачем во весь опор, бросимся на птицу сверху и поймаем его.

— А осилите ли вы грифа, сеньор Акоста? — спросил я. Не то чтобы я сомневался в нем, просто хотел быть уверен.

— Конечно! — сказал он со всей возможной уверенностью. — Мы все наденем перчатки и кожаные гамаши. У грифов очень сильные когти. Они могут переломить голень, как хворостинку.

У меня не было выхода. Меня охватило сильнейшее возбуждение. Мое восхищение Леандро Акостой не знало в этот момент границ. В моих глазах он был настоящим охотником — находчивым, хитрым и знающим.

— Прекрасно, давайте так и сделаем! — сказал я.

— Вот это как раз тот парень, который мне нужен! — сказал Акоста. — Я верил в тебя!

Он приладил позади своего седла толстое одеяло, и один из его друзей легко поднял меня и посадил на лошадь.

— Держись за седло, — сказал Акоста, — и одновременно придерживай одеяло.

Мы поскакали плавным галопом. Спустя примерно час мы оказались на какой-то сухой и безлюдной равнине. Остановились мы под навесом, напоминавшим палатку продавца на рынке. Его плоский верх служил защитой от солнца. Под навесом лежал дохлый бурый осел. Не похоже было, что он умер от старости — выглядел он совсем молодым.

Ни Акоста, ни его друзья не сказали мне, убили ли они осла или нашли издохшим. Я ждал, что они прольют на это свет, но спрашивать не собирался. Совершая необходимые приготовления, Акоста объяснил, что навес нужен потому, что грифы всегда начеку, и хотя они кружат высоко и сами не видны, несомненно, они могут следить за всем происходящим.

— Эти твари способны только видеть, — сказал Акоста. — Их уши никуда не годятся, да и нюх у них не так хорош, как зрение. Мы должны заделать в туше каждую дырку. Я не хочу, чтобы ты выглядывал откуда-нибудь, потому что они увидят твой глаз и ни за что не приземлятся. Они не должны ничего видеть.

Они установили внутри ослиной туши несколько палочек крест-накрест, оставив достаточное пространство, чтобы я мог забраться внутрь. В какой-то момент я решился задать вопрос, мучивший меня все это время.

— Скажите, сеньор Акоста, ведь этот осел издох от болезни, не так ли? Как вы думаете, я не могу ею заразиться?

Акоста закатил глаза.

— Ну-ну, не говори глупостей. Ослиные болезни людям не передаются. Давай займемся делом и не будем забивать себе голову всякой ерундой. Будь я поменьше ростом, я сам влез бы в брюхо этого осла. Знаешь ли ты, что такое поймать вожака грифов?

Я поверил ему. Что-то в нем располагало меня к ни с чем не сравнимому доверию. Я не собирался праздновать труса и пропустить величайшее в своей

жизни приключение.

Страшней всего было в тот момент, когда Акоста запихнул меня внутрь ослиной туши. Затем они натянули шкуру на каркас и стали зашивать ее. Все же они оставили снизу, у земли, довольно большое отверстие, чтобы мне было чем дышать. Ужас обуял меня, когда шкура наконец сомкнулась надо мной, подобно захлопнувшейся крышке гроба. Я тяжело задышал, думая лишь о том, как здорово будет схватить грифа-вожака за шею.

Акоста дал мне последние наставления. Он сказал, что избавит меня от лишних волнений, дав знать свистом, похожим на птичий, когда гриф-вожак закружит поблизости и станет садиться. Затем я услышал, как они снимают навес; также до меня донесся удаляющийся стук копыт их лошадей. Хорошо, что они не оставили в шкуре ни одной дырочки, не то я обязательно выглянул бы. Искушение взглянуть на происходящее было почти неодолимым.

Прошло много времени; я сидел, ни о чем не думая. Вдруг я услышал свист Акосты и решил, что гриф кружит вокруг меня. Я совершенно в этом уверился, когда услышал хлопанье мощных крыльев, после чего ослиная туша вдруг закачалась так, будто на нее наехал грузовик, по крайней мере так мне показалось. Затем я почувствовал, что гриф сел на тушу и замер. Я мог ощущать его вес. Послышалось хлопанье других крыльев, и вдалеке раздался свист Акосты. Тогда я приготовился к неизбежному. Ослиная туша затряслась, и что-то стало разрывать шкуру.

Вдруг внутрь туши влезла огромная безобразная голова с красным гребнем и чудовищным клювом; широко раскрытый глаз пронзил меня своим взглядом. Я закричал от страха и схватился обеими руками за шею. Мне показалось, что гриф на миг оцепенел, поскольку никак не отреагировал, что дало мне возможность крепче обхватить его шею. Затем же последовала настоящая карусель. Гриф пришел в себя и потянул с такой силой, что чуть не размазал меня по ослиной шкуре. В следующее мгновение я оказался наполовину снаружи, изо всех сил держась за птичью шею.

Я услышал вдали стук копыт лошади Акосты. До меня внесся его крик:

— Отпусти его, отпусти, он собирается улететь вместе с тобой!

Гриф действительно собирался или улететь со мной, или же оторвать меня от себя когтями. Добраться до меня ему мешало то, что его голова была частично погружена вовнутрь туши. Его когти скользили по выпущенным ослиным кишкам и ни разу толком меня не коснулись. Также меня спасло то, что гриф изо всех сил старался освободить шею от моей хватки и не мог выставить когти достаточно вперед, чтобы по-настоящему нанести мне вред. В следующее мгновение Акоста рухнул на грифа, как раз в тот момент, когда кожаные перчатки слетели с моих рук.

Акоста был вне себя от радости.

— Получилось, получилось, малыш! — воскликнул он. — В следующий раз мы вобьем в землю палки подлиннее, чтобы гриф не смог их вырвать, и привяжем тебя ко всему сооружению.

Мы были дружны с Акостой довольно долгое время, пока я не помог ему поймать грифа. После этого же мой интерес к нему угас столь же таинственным образом, как и появился, и мне ни разу не представился случай поблагодарить его за все, чему он меня научил.

Дон Хуан сказал, что он научил меня охотничьему терпению в лучшее для таких уроков время, и прежде всего, научил находить в уединении то спокойствие, которое необходимо охотнику.

— Ты не должен путать одиночество и уединение, — сразу пояснил дон Хуан. — Одиночество для меня понятие психологическое, душевное, уединенность же — физическое. Первое отупляет, второе успокаивает.

За все это, сказал дон Хуан, я навсегда останусь в долгу перед сеньором Акостой, понимаю ли я долги так, как ее понимают воины-путешественники, или нет.

Вторым же человеком, перед которым я, по мнению дона Хуана, был в долгу, был десятилетний мальчик, с которым мы вместе росли. Его звали Армандо Велец. Подобно своему имени, он был чрезвычайно серьезным, чопорным, таким себе юным стариком. Я очень любил его за решительный и вместе с тем чрезвычайно дружелюбный характер. Он был из тех, кого не так-то просто было запугать. Драку он мог затеять в любой момент, но вовсе не был

забиякой.

Мы любили ходить с ним на рыбалку. Ловили мы обитавших под камнями очень маленьких рыбок, которых нужно было доставать оттуда руками. Мы раскладывали пойманных рыбок сушиться на солнце и поедали их сырыми, иногда занимаясь этим целый день.

Мне также нравилось, что он был очень изобретательным, умным и одинаково хорошо владел обеими руками. Левой рукой он мог бросить камень дальше, чем правой. Мы постоянно в чем-нибудь состязались, и, к моему величайшему огорчению, он всегда выигрывал. Он как бы извинялся передо мной за это, говоря:

— Если я поддамся и дам тебе выиграть, ты возненавидишь меня. Это оскорбит твое мужское достоинство. Так что старайся!

Из-за его чопорности мы называли его «Сеньор Велец», но по обычаю той части Южной Америки, откуда я родом, сокращали «сеньор» до «шо».

Однажды Шо Велец предложил мне нечто довольно необычное. Начал он, естественно, с подначки.

— Ставлю что угодно, — сказал он, — что я знаю такую вещь, на которую ты не отважишься.

— О чем это ты, Шо Велец?

— Ты не отважишься сплавиться по реке на плоту.

— С чего бы это? Я сплавлялся по ней в половодье. Через восемь дней меня прибило к острову, и мне сплавляли еду.

Это была правда. Моим еще одним лучшим другом был мальчик по прозвищу Сумасшедший Пастух. Как-то нас в половодье прибило к острову, с которого мы никак не могли выбраться. Жители нашего городка думали, что прибывающая вода зальет остров и мы оба утонем. Они сплавляли по реке корзины с едой в надежде, что их вынесет на остров, как оно и вышло. Благодаря этому мы дожили до того момента, когда вода спала настолько, что

они смогли подплыть к нам на плоту и перевезти нас на берег.

— Нет, я имею в виду другое, — сказал Шо Велец своим тоном эрудита. — Речь идет о том, чтобы сплавиться по подземной реке.

Он обратил мое внимание на то, что на большом участке своего течения наша река протекает под горой. Этот подземный участок всегда чрезвычайно привлекал меня. Местом, где река исчезала под землей, была зловещего вида пещера значительных размеров, всегда изобиловавшая летучими мышами и пропахшая аммиаком. Из-за сернистых испарений, жара и зловония местные дети считали ее входом в преисподнюю.

— Можешь ставить хоть свою чертову голову, Шо Велец, что я никогда в жизни и близко не подойду к этой реке! — вскричал я. — Проживи я хоть десять жизней! Надо быть совсем идиотом, чтобы сделать что-то подобное.

Серьезное лицо Шо Велеца сделалось еще более торжественным.

— О, — сказал он, — тогда мне придется сделать это одному. Мне показалось на минуту, что я смогу подбить тебя на это. Я был неправ. Признаю свою ошибку.

— Эй, Шо Велец, что с тобой? Какого черта ты полезешь в это пекло?

— Я должен, — сказал он своим хриплым мальчишеским голосом. — Видишь ли, мой отец такой же чокнутый, как и ты, за тем исключением, что он отец и муж. Шесть человек зависят от него. В противном случае он был бы сумасшедшим, как козел. Две моих сестры, два моих брата, моя мать и я зависим от него. Он для нас все.

Я не знал, кем был отец Шо Велеца. Я даже ни разу его не видел. Я не знал, чем он зарабатывает на жизнь. Шо Велец рассказал, что он был бизнесменом и все, чем он владел, так сказать, умещалось на столе.

— Мой отец построил плот и хочет плыть, — продолжал Шо Велец. — Он хочет предпринять эту экспедицию. Мать говорит, что он перебесится, но я в это не верю. Я видел в его глазах твой сумасшедший взгляд. На днях он отправится, и я уверен, что он погибнет. Так что я собираюсь взять его плот и сплавиться

по этой реке сам. Я знаю, что погибну, но мой отец останется жив.

Меня как будто пронзило электрическим током в шею, и я услышал свой голос, произносящий в таком возбуждении, какое только можно себе представить: «Я согласен, Шо Велец, я согласен! Да, да, это будет здорово! Я плыву с тобой!»

Шо Велец ухмыльнулся. Ухмылка эта показалась мне счастливой улыбкой по поводу того, что он будет не один, а не того, что ему удалось меня соблазнить. Это чувство он продемонстрировал последовавшей за этим фразой.

— Я уверен, что, если ты будешь со мной, я останусь жив.

Я не беспокоился о том, останется в живых Шо Велец или нет. Меня подгоняла его смелость. Я знал, что Шо Велеца хватит на то, чтобы осуществить задуманное. Они с Сумасшедшим Пастухом были единственными отчаянными мальчишками в городе. Они обладали тем качеством, которое я считал чем-то немыслимым и неповторимым, — отвагой. Никто другой в нашем городе не мог похвастаться ничем подобным. Я испытал их всех. По моему мнению, все они были вялыми, включая и человека, которого я любил всю свою жизнь, — моего деда. Уже в десятилетнем возрасте у меня не было ни тени сомнения на этот счет. Смелость Шо Велеца ошеломила меня. Мне захотелось быть с ним до конца.

Мы договорились встретиться на рассвете, что и проделали, и понесли легкий плот отца Шо Велеца за три или четыре мили от города, к пещере в зеленых холмах, где река уходила под землю. От запаха помета летучих мышей не было спасения. Мы взобрались на плот и оттолкнулись от берега. Плот был оборудован сигнальными фонарями, которые нам пришлось тут же включить. Под толщей горы было темным-темно, влажно и жарко. Река была достаточно глубокой для плота и довольно быстрой, так что грести нам не приходилось.

Сигнальные огни создавали причудливые тени. Шо Велец шепнул мне на ухо, что лучше вообще не смотреть вокруг, потому что обстановка была более чем пугающей. Он был прав; она была тошнотворной, угнетающей. Огни вспугивали летучих мышей, и они летали, беспорядочно хлопая вокруг нас крыльями. Когда же мы углубились в пещеру, исчезли даже они, остался лишь затхлый воздух, такой густой, что им было трудно дышать. Спустя какое-то

время — как мне показалось, через несколько часов — нас вынесло в что-то вроде озерца, довольно глубокого и почти неподвижного. Ситуация выглядела так, как будто русло было перегорожено.

— Мы застряли, — вновь прошептал мне на ухо Шо Велец. — Плот не пройдет здесь, и назад мы вернуться не можем.

Течение в реке было настолько быстрым, что нельзя было и думать о том, чтобы пуститься в обратный путь. Мы решили поискать выход наружу. Я увидел, что если встать на доски плота, то можно достать до потолка пещеры, что означало, что вода дальше доставала до самого ее потолка. У входа пещера была сводчатой, около пятидесяти футов высотой. Напрашивался единственно возможный вывод, что мы находились в верхней части озера, глубина которого составляла около пятидесяти футов.

Мы привязали плот к скале и нырнули, пытаясь уловить какое-нибудь движение воды. На поверхности было влажно и жарко, в нескольких же футах ниже было очень холодно. Мое тело ощутило перемену температуры, и я испытал страх, удивительный животный страх, какого никогда не испытывал. Я вынырнул. Шо Велец, должно быть, испытывал то же самое, потому что мы столкнулись с ним на поверхности.

— Думаю, что мы близки к смерти, — мрачно сказал он.

Я не разделял ни его мрачности, ни желания умереть и отчаянно искал выход. Глыбы, образовавшие затор, должны были быть принесены течением. Я обнаружил отверстие, достаточное для того, чтобы мое мальчишеское тело могло н него протиснуться. Заставив Шо Велеца нырнуть, я показал отверстие ему. Плот ни за что не смог бы в него пройти. Мы забрали с плота одежду, связали ее в тугой узел и, нырнув, вновь нащупали отверстие и протиснулись в него.

Мы оказались в крутом желобе, вроде тех водяных горок, что бывают в парках аттракционов. Лишайник и мох, покрывавшие его дно, позволили нам довольно долго скользить по нему без особого вреда. Затем мы попали в огромный сводчатый зал, где вода вновь текла и была по пояс глубиной. Мы увидели дневной свет у выхода из пещеры и побрели наружу. Глубина была недостаточной для того, чтобы плыть; сплавиться по-собачьи тоже было

нельзя из-за слабого течения. Не сказав ни слова, мы расстелили свою одежду и положили ее сушиться на солнце, после чего направили свои стопы в сторону города. Шо Велец был почти безутешен из-за потери отцовского плота.

— Мой отец погиб бы там, — признал он наконец. — Он ни за что бы не протиснулся в то отверстие, в которое про лезли мы. Он слишком велик для этого. Мой отец толстяк, — сказал он, — но, может, у него могло бы хватить сил на то, чтобы вернуться вброд.

Я усомнился в этом. Насколько я помнил, из-за большом крутизны русла течение было удивительно быстрым. Все же я согласился, что взрослый человек, подгоняемый отчаянием, смог бы в конце концов выбраться наружу с помощью веревок и титанических усилий.

Мы так и не разрешили вопрос, погиб бы отец Шо Велеца в пещере или нет, но меня это не беспокоило. Меня беспокоило то, что впервые в жизни я ощутил жгучую зависть. Шо Велец был единственным человеком, которому я когдалибо завидовал. У него было за что умереть, и он доказал мне, что способен на это; у меня не было ничего подобного, и я не доказал себе ровным счетом ничего.

В каком-то смысле, я отдал Шо Велецу первенство. Его торжество было полным. Я склонил перед ним голову. Ему теперь принадлежал город, люди, и он был, как мне казалось, лучшим среди них. Когда мы расставались в этот день, я произнес банальную и вместе с тем глубокую истину:

— Будь их королем, Шо Велец. Ты — лучший.

Я никогда больше с ним не разговаривал. Я осознанно прекратил нашу дружбу. Я почувствовал, что лишь таким образом могу показать, насколько глубокое впечатление он на меня произвел.

Дон Хуан считал, что я в неоплатном долгу перед Шо Велецом, что он был единственным, кто научил меня: чтобы человек понял, что ему есть для чего жить, у него должно быть то, за что стоит умереть.

— Если тебе не за что умирать, — как-то сказал мне дон Хуан, — как ты

можешь утверждать, что тебе есть для чего жить? Две эти вещи идут рука об руку, и смерть — главная в этой паре.

Третьим человеком, которому я, по мнению дона Хуана, был в высшей степени обязан, была моя бабка по матери. В своей слепой привязанности к деду, мужчине, я забыл о действительной опоре этого дома, своей весьма эксцентричной бабушке.

За много лет до того, как я попал в этот дом, она спасла от линчевания местного индейца. Его обвинили в колдовстве. Некие разгневанные молодые люди уже готовы были вздернуть его на ветке дерева, росшего на территории владений моей бабки. Она подоспела в разгар линчевания и остановила его. Все линчеватели были, по-моему, ее крестниками, так что не дерзнули ей возражать. Она опустила несчастного на землю и забрала в дом, чтобы выходить. Веревка успела оставить на его шее глубокий след.

Он поправился, но так и не оставил моей бабки. Он заявил, что его жизнь кончилась в день линчевания, новая же жизнь не принадлежит ему; она принадлежит ей. Будучи человеком слова, он посвятил свою жизнь служению моей бабке. Он был ее слугой, дворецким и советником. Мои тетки говорили, что именно он посоветовал бабке усыновить новорожденного сироту; они же жестоко негодовали по этому поводу.

Когда я появился в доме своих деда и бабки, ее приемному сыну было уже под сорок. Она отправила его учиться во Францию. Однажды утром возле дома совершенно неожиданно остановилось такси, из которого вышел в высшей степени элегантно одетый крепко сложенный мужчина. Водитель занес его чемоданы во внутренний дворик. Мужчина щедро расплатился с ним. С первого же взгляда я заметил, что внешность мужчины была весьма примечательной. У него были длинные вьющиеся волосы и длинные ресницы. Он был чрезвычайно привлекателен, вовсе не будучи красив. Лучшей его чертой была лучезарная, открытая улыбка, которую он тут же обратил ко мне.

— Могу ли я поинтересоваться вашим именем, молодой человек? — спросил он таким приятным, хорошо поставленным голосом, какой мне вряд ли доводилось когда-либо слышать. То, что он назвал меня «молодым человеком», мгновенно подкупило меня.

— Мое имя Карлос Арана, сударь, — ответил я. — Могу ли я в свою очередь поинтересоваться вашим?

Он изобразил на лице удивление, широко раскрыл глазе: и отскочил в сторону, как будто на него кто-то напал. Затем он шумно расхохотался. На его смех из внутреннего дворики вышла бабушка. Увидев его, она взвизгнула, как девчонка, и заключила его в нежнейшие объятия. Он приподнял ее, как будто она ничего не весила, и закружил. Я заметил, что он был очень высок. Крепость его телосложения скрывала его рост. У него в прямом смысле было тело профессионального борца. Будто заметив, что я его рассматриваю, он согнул бицепс.

— В свое время я немного занимался боксом, сударь, — сказал он, ничуть не заблуждаясь относительно моих мыслей.

Бабушка представила его мне, сказав, что это ее сын Антуан, ее дорогой мальчик. Она сказала, что он драматург, режиссер, писатель и поэт.

Его атлетическое сложение поднимало его в моих глазах. Я не понял сразу, что он был приемышем, однако заметил, что он не похож на остальных членов семьи. Те все напоминали ходячие трупы, в нем же жизнь бурлила через край. В этом мы были чрезвычайно похожи. Мне нравилось, что он ежедневно тренируется, используя мешок в качестве боксерской груши. Особенно мне нравилось, что он не только боксировал, но и пинал мешок ногами, совмещая одно с другим совершенно поразительным образом. Тело его было крепким, как камень.

Однажды Антуан поведал мне, что единственным его страстным желанием было стать выдающимся писателем.

— У меня есть все, — сказал он. — Жизнь была ко мне весьма благосклонна. У меня нет лишь того единственного, что я хочу иметь, — таланта. Музы не любят меня. Я высоко ценю то, что читаю, но не могу создать ничего такого, что мне самому хотелось бы читать. В этом источник моих мук; чтобы соблазнить муз, мне недостает то ли усидчивости, то ли обаяния, поэтому жизнь моя пуста настолько, насколько это вообще возможно.

Затем Антуан стал говорить, что единственным его подлинным достоянием

является его мать. Он назвал мою бабку своим оплотом, своей опорой, своим вторым «я». Наконец он произнес слова, которые в высшей степени взволновали меня.

— Не будь у меня моей матери, — сказал он, — я не жил бы.

Я понял тогда, насколько глубоко он был привязан к моей бабушке. Мне вдруг живо вспомнились все те леденящие душу истории об испорченном ребенке Антуане, которые рассказывали мне мои тетки. Бабушка действительно донельзя избаловала его. Однако им, казалось, было хорошо вместе. Я видел, как они сидели часами, она держала его голову на коленях, как будто он все еще был ребенком. Я не видел, чтобы моя бабушка общалась с кем-либо так долго.

Настал день, дней Антуан вдруг стал много писать. Он принялся за постановку пьесы в местном театре, пьесы, автором которой был он сам. Когда представление состоялось, оно имело шумный успех. Местные газеты печатали его стихи. Было похоже на то, что он попал в полосу вдохновения. Но спустя всего несколько месяцев этому пришел конец. Редактор местной газеты публично обвинил его в плагиате и опубликовал статью в подтверждение вины Антуана.

Моя бабушка, естественно, не хотела и слышать о недостойном поведении своего сына. Она объясняла происходящее проявлением глубокой зависти. Все жители этого города завидовали элегантности ее сына, его блеску. Они завидовали его темпераменту и уму. Бесспорно, он был воплощением элегантности и хороших манер. Но он определенно был плагиатором, в этом не было никакого сомнения.

Антуан никогда ни перед кем не объяснялся в своем поведении. Я слишком любил его, чтобы спрашивать об этом. У меня просто недоставало смелости. Мне кажется, у него были на то свои причины. Но что-то, казалось, прорвалось; с того момента мы жили, если можно так выразиться, галопом. День ото дня в доме происходили столь разительные перемены, что я уже привык чего-то ждать, то ли хорошего, то ли плохого. Однажды вечером моя бабушка внезапно вошла в комнату Антуана. В ее взгляде была такая суровость, какой я никогда за ней не замечал. Когда она говорила, губы ее дрожали.

— Случилось нечто ужасное, Антуан, — начала она.

Антуан остановил ее. Он попросил ее дать ему возможность объясниться. Она резко оборвала его.

— Нет, Антуан, нет, — сказала она твердо. — Это не связано с тобой. Это касается лишь меня. В это столь трудное для тебя время случилось нечто более важное. Антуан, сынок, мое время кончилось.

— Я хочу, чтобы ты понял, что это неизбежно, — продолжала она. — Я должна уйти, а ты должен остаться. Ты — итог всего, что я сделала в этой жизни. Хороший ли, плохой, Антуан, ты — вся моя суть. Дай этому возможность показать себя. Как бы то ни было, мы в конце концов будем вместе. А ты действуй, Антуан, действуй. Делай как знаешь, неважно что, делай, пока можешь.

Я увидел, как Антуана мучительно передернуло. Он весь сжался, все мышцы его тела, куда-то ушла вся его сила. Его проблемы были рекой, теперь же его, по-видимому, вынесло в океан.

— Обещай мне, что не умрешь, пока не придет твой срок! — прокричала она ему.

Антуан кивнул.

На следующий день бабушка по совету своего советника-мага продала все свои земли, бывшие весьма обширными, и передала деньги своему сыну Антуану. Последовавшим за этим утром я стал свидетелем сцены, удивительней которой я не наблюдал за все десять лет своей жизни: Антуан прощался со своей матерью. Сцена была нереальной, как кинофильм, нереальной в том смысле, что казалась придуманной, написанной неким писателем и поставленной неким режиссером.

В роли декораций выступал внутренний дворик дедовского дома. Главным героем был Антуан, его мать играла ведущую женскую роль. В этот день Антуан уезжал. Он направлялся в порт, где собирался успеть на итальянский лайнер и отправиться в увеселительный трансатлантический круиз в Европу.

Он был, как всегда, элегантен. У дома его ожидало такси, водитель которого беспокойно сигналил.

Я был свидетелем последнего лихорадочного вечера Антуана, когда он отчаянно пытался сочинить стихотворение, посвященное своей матери.

— Чепуха, — сказал он мне. — Все, что я пишу, — чепуха. Я ничто.

Я уверил его — хотя кто я был такой, чтобы уверять его в этом, — что все, что он пишет, великолепно. В какой-то момент меня понесло, и я перешел границы, которых никогда прежде не переходил.

— Перестань, Антуан, — закричал я. — Я куда большее ничтожество! У тебя есть мать, у меня же нет ничего. Все, что ты пишешь, прекрасно!

Очень вежливо он попросил меня покинуть его комнату. Я выставил его глупцом, советующимся с никчемным мальчишкой, и горько сожалел о взрыве своих чувств. Мне хотелось, чтобы он остался моим другом.

На Антуане было его элегантное пальто, наброшенное на правое плечо. Одет он был в красивейший зеленый костюм английского кашемира.

Тут заговорила моя бабушка.

— Тебе нужно торопиться, дорогой, — сказала она. — Время дорого. Тебе пора. Если ты не уедешь, эти люди убьют тебя ради денег.

Она имела в виду своих дочерей и их мужей, пришедших в ярость, обнаружив, что мать практически лишила их наследства, а этот отвратительный Антуан, их заклятый враг, собирается уехать со всем, что по праву им принадлежало.

— Прости, что я заставляю тебя пройти через все это, — извиняющимся тоном проговорила бабушка, — но, как тебе известно, время не считается с нашими желаниями.

Антуан заговорил своим чеканным, хорошо поставленным голосом. Больше чем когда-либо он был похож на актера.

— Одну минуту, мама, — сказал он. — Я хочу прочесть кое-что, написанное для тебя.

Это было благодарственное стихотворение. Закончив чтение, он умолк. Воздух, казалось, дрожал от переполненности чувствами.

— Это было прекрасно, Антуан, — вздохнула бабушка. — Ты выразил все, что хотел сказать. Все, что я хотела услышать.

На какое-то мгновение она приумолкла. Затем ее губы расплылись в тонкой улыбке.

— Это плагиат, Антуан? — спросила она. Улыбка, которой Антуан ответил матери, была столь же лучезарной.

— Разумеется, мама, — ответил он. — Разумеется.

Они обнялись, плача. Гудение рожка такси, казалось, стало еще более нетерпеливым. Антуан взглянул на меня, прячущегося под лестницей. Он легонько кивнул мне, как бы говоря: «До свидания. Будь внимателен». Затем он развернулся и, не взглянув более на мать, побежал к двери. Ему было тридцать семь, но выглядел он на все шестьдесят, казалось, он несет на своих плечах огромную тяжесть. Не дойдя до двери, он остановился, услышав голос матери, в последний раз напутствовавшей его.

— Не оглядывайся, Антуан, — сказала она. — Никогда не оглядывайся. Будь счастлив и действуй. Действуй! В этом все дело. Действуй!

Та сцена наполнила меня странной грустью, не ушедшей и по сей день, — в высшей степени неизъяснимой меланхолией, которую дон Хуан объяснил тем, что я в первый раз узнал тогда, что наше время когда-нибудь закончится.

На следующий день моя бабушка отправилась со своим советником, слугой и камердинером в путешествие к таинственному месту, называвшемуся Рондонией, где ее советник-маг собирался найти для нее лекарство. Бабушка была неизлечимо больна, а я даже не знал об этом. Она так и не вернулась, и дон Хуан объяснил, что продажа всего своего имущества и передача денег Антуану была величайшим магическим актом, предпринятым ее советником,

чтобы избавить ее от забот о членах своей семьи. Они были так разозлены на мать за ее поступок, что их не заботило, вернется она или нет. У меня было чувство, что они даже понимали, что больше не увидят ее.

Стоя на этой плоской горной вершине, я вспомнил три этих случая своей жизни так, как будто они произошли всего мгновение тому назад. Поблагодарив этих троих, я вернул их на эту вершину. Когда я закончил кричать, мое одиночество стало невыносимым. Я заплакал.

Дон Хуан терпеливо объяснил мне, что одиночество неприемлемо для воина. Он сказал, что воины-путешественники могут положиться на то, на что обращают всю свою любовь, всю свою заботу, — на эту чудесную Землю, нашу мать, являющуюся основой, эпицентром всего того, что мы собой представляем, и всех наших дел, той самой сущностью, к которой все мы возвращаемся, той самой, что позволяет воинам-путешественникам отправиться в свое окончательное путешествие.

Затем дон Хенаро стал совершать акт магического намерения в поддержку моего предприятия. Он выполнил серию удивительных движений, лежа на животе. Он превратился в светящуюся каплю, которая, казалось, плыла по земле, как по воде. Дон Хуан сказал, что таким образом дон Хенаро обнимает огромную Землю и что, несмотря на разницу в размерах. Земля ощутила его объятия. Действия дона Хенаро и объяснения дона Хуана способствовали тому, что на смену моему одиночеству пришла огромная радость.

— Я не могу смириться с мыслью о твоем уходе, дон Хуан, — услышал я свой голос.

Звук моего голоса и сказанные мной слова привели меня в замешательство. Еще большее огорчение я почувствовал, когда начал непроизвольно всхлипывать, побуждаемый жалостью к самому себе.

— Что со мной, дон Хуан? — пробормотал я. — Я никогда не знал такого состояния.

— С тобой происходит то, что твое осознание вновь достигло пальцев твоих ног, — ответил он, смеясь.

Я совершенно утратил контроль над собой и полностью отдался чувствам подавленности и отчаяния.

— Я хочу остаться один, — пронзительно вскрикнул я. — Что со мной происходит? Во что я превращаюсь?

— Пусть все идет своим чередом, — мягко сказал дон Хуан. — Чтобы покинуть этот мир и предстать перед неведомым, мне понадобится вся моя сила, все мое терпение, вся моя удача. Но прежде всего мне будет нужна вся стальная выдержка воина-путешественника. Чтобы остаться и продолжить путь, как подобает воину-путешественнику, тебе понадобится все то же, что и мне. Путь, в который мы отправляемся, нелегок, но остаться ничуть не легче.

Чувства захлестнули меня, и я поцеловал ему руку.

— Ну-ну-ну! — сказал он. — Ты еще башмаки мне почисть!

Охватившая меня мука из жалости к себе превратилась в чувство ни с чем не сравнимой утраты.

— Ты уходишь! — пробормотал я. — Боже мой! Навсегда уходишь!

В этот момент дон Хуан проделал со мной то, что постоянно проделывал, начиная с первого дня нашего знакомства. Он надул щеки, как будто задержав дыхание после глубокого вдоха, хлопнул меня по спине левой рукой и сказал:

— Встань на цыпочки! Поднимись!

В следующее мгновение я вновь обрел над собой полный контроль. Я понял, чего от меня ждут. Я больше не колебался и перестал беспокоиться о себе. Меня не заботило, что произойдет со мной после того, как дон Хуан покинет меня. Я знал, что его уход неизбежен. Он посмотрел на меня, и его глаза сказали мне все.

— Мы больше никогда не будем вместе, — мягко сказал он. — Тебе больше не нужна моя помощь, да я и не хочу тебе ее предлагать, поскольку ты достоин того, чтобы называться воином-путешественником, и ты плюнешь мне в глаза, если я предложу ее тебе. С определенного момента единственной отрадой для

воина-путешественника становится его уединенность. Точно так же я не хотел бы, чтобы ты пытался помочь мне. Раз уж я должен уйти, я ухожу. Не думай обо мне, ведь я не буду думать о тебе. Если ты настоящий воинпутешественник, будь безупречен! Заботься о своем мире. Почитай его, защищай его даже ценой собственной жизни!

Он двинулся прочь от меня. Этот момент был выше жалости к себе, слез, счастья. Он кивнул головой, то ли прощаясь, то ли давая знать, что понимает мои чувства.

— Забудь о себе, и ты не будешь бояться ничего, на каком бы уровне осознания ты ни оказался, — сказал он.

В порыве легкомыслия ему захотелось поддразнивать меня до самого конца. Он делал это в последний раз в этом мире. Он протянул ко мне ладони и растопырил пальцы, как ребенок. Затем он вновь сжал их.

— Чао! — сказал он.

Я знал, что выражать печаль и сожалеть о чем-либо было бессмысленно, но мне было нелегко стоять просто так, когда дону Хуану пришло время уходить. Мы оба были вовлечены в необратимый энергетический процесс, который никто из нас не в силах был остановить. С другой стороны, мне хотелось присоединиться к дону Хуану, идти с ним куда угодно. Мое сознание прочертила мысль, что, если я умру, он возьмет меня к себе.

Затем я увидел, как дон Хуан Матус, Нагваль, уводит за собой пятнадцать других видящих, своих компаньонов, своих подопечных, своих друзей, и они исчезают в дымке с северной стороны горы. Я видел, как каждый из них превращается в светящуюся сферу и они все вместе возносятся над горой и плывут над ней, подобно призрачным огням. Как и предсказывал дон Хуан, они сделали круг над горой, в последний раз охватив эту удивительную землю доступным лишь им взглядом. Затем они исчезли.

Я знал, что мне следует делать. Мое время кончилось. Со всех ног я бросился к обрыву и прыгнул в пропасть. На мгновение мое лицо обдало ветром, после чего милосердная тьма поглотила меня, подобно величавой подземной реке.

17. Возвращение

Я смутно ощутил громкий звук мотора; казалось, газовали на месте. Я подумал, что служители загоняют машину на стоянку, расположенную позади дома, где у меня была служебная квартира. Шум стал таким громким, что в конце концов заставил меня проснуться. Я выругал про себя парней, решивших припарковаться как раз под окнами моей спальни. Мне было жарко, я вспотел и чувствовал себя вымотанным. Я сел на краю кровати и, ощутив сильнейшую судорогу в икрах, — тут же их растер. Судорога была очень сильной, и я испугался, что у меня будут огромные синяки. Как автомат, я двинулся в ванную поискать какую-нибудь мазь. Я не мог идти, у меня кружилась голова. Я упал, чего со мной никогда прежде не случалось. Когда я немного пришел в себя, то почувствовал, что синяки на икрах совершенно перестали меня волновать. Я всегда был почти что ипохондриком. Необычная боль в икрах, вроде той, что я чувствовал сейчас, легко могла ввергнуть меня в душевное расстройство.

Я подошел к окну, чтобы закрыть его, хотя больше не слышал шума. Я увидел, что окно было заперто и снаружи было темно. Была ночь! В комнате было душно. Я отворил окна, не понимая, зачем закрыл их. Ночной воздух был прохладным и свежим. Автостоянка была пуста. Мне пришло в голову, что шум мог быть вызван автомобилем, газовавшим на аллее, отделявшей ее от моего дома. Я перестал ломать себе над этим голову и пошел досыпать. Я лег поперек кровати, свесив ноги на пол. Мне хотелось уснуть в таком положении, чтобы восстановить кровообращение в болевших икрах, но не был уверен, лучше опустить их или же приподнять, положив на подушку.

Когда я собрался устроиться поудобнее и снова уснуть, мое сознание пронзила мысль, заставившая меня непроизвольно вскочить. Я же прыгнул в пропасть в Мексике! Следующая мысль была похожа на развитие логической цепочки: коль скоро я сознательно прыгнул в пропасть, чтобы умереть, я должен быть теперь призраком. Как странно, подумал я, что мне довелось после смерти

вернуться в облике привидения в свою служебную квартиру на углу улицы Уилшир и бульвара Уэствуд в Лос-Анджелесе. Неудивительно, что мои ощущения были совсем другими. Но если я призрак, думал я, то почему ощущаю дуновение свежего воздуха и боль в икрах? Я потрогал простыни на своей кровати. Они показались мне совершенно реальными. То же было и с ее металлической сеткой. Я прошел в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Взглянув на меня, можно было легко решить, что я призрак. Выглядел я ужасно. Глаза мои запали, под ними проступали огромные черные круги. Я был то ли иссушен, то ли мертв. Инстинктивно я стал пить воду прямо из-под крана. Я вполне мог ее глотать. Я делал глоток за глотком, как будто не пил несколько дней. Я почувствовал, что глубоко дышу. Я был жив! Ей-богу, я был жив! У меня не осталось ни тени сомнения на этот счет, но это почему-то не улучшило моего настроения. Неожиданная мысль молнией вспыхнула в моем уме: я умер и вновь воскрес. Я отнесся к ней равнодушно — она ничего для меня не значила. Отчетливость этой мысли казалась полузнакомой. Это была псевдопамять, не имевшая ничего общего с ситуациями, в которых моя жизнь подвергалась опасности. Скорее, это было подспудное знание о чем-то таком, что никогда не происходило и не имело оснований приходить мне в голову.

У меня не было сомнений насчет того, что я прыгнул в пропасть в Мексике. Сейчас же я находился в своей квартире в Лос-Анджелесе, более чем за три тысячи миль от этого места, и ничего не помнил о своем возвращении. Действуя автоматически, я налил воды в ванну и уселся в нее. Теплоты воды я не почувствовал; я продрог до костей. Дон Хуан учил меня, что в кризисные моменты вроде этого нужно использовать в качестве очистительного фактора проточную воду. Вспомнив об этом, я забрался под душ. Больше часа я лил на себя теплую воду.

Мне захотелось спокойно и рассудительно разобраться в том, что со мной произошло, но мне это не удалось. Мысли, казалось, улетучились из моего сознания. Думать я не мог, но был переполнен ощущениями, непостижимым образом возникавшими в моем теле. Я мог лишь чувствовать их приливы и пропускать их сквозь себя. Единственное осознанное действие, на которое я оказался способен, — это одеться и выйти на улицу. Я отправился позавтракать — на это я был способен в любое время дня и ночи — в ресторан Шипа на улице Уилшир, расположенный через дом от меня.

Я так часто ходил от своего дома к Шипу, что мне на этом пути был знаком

каждый шаг. В этот раз тот же путь был для меня совершенно внове. Я не ощущал своих шагов. Как будто мои ноги были окутаны ватой, или же тротуар был застелен ковром. Я почти скользил. Внезапно я очутился у дверей ресторана, сделав, как мне показалось, всего два или три шага. Я знал, что смогу поглотить пищу, так как смог пить воду в квартире. Я также знал, что смогу разговаривать, поскольку, моясь под душем, прочистил горло и чертыхался все то время, пока на меня лилась вода. Я как обычно вошел в ресторан и сел у стойки. Ко мне подошла знакомая официантка.

— Ты неважно выглядишь сегодня, дорогой, — сказала она. — Ты часом не подхватил грипп?

— Нет, — ответил я, стараясь придать голосу бодрость. — Я слишком много работал. Я не спал круглые сутки, писал статью для студентов. Кстати, какой сегодня день? Она посмотрела на часы и сообщила мне дату, объяснив, что это специальные часы с календарем, подарок дочери. Она также сказала мне время — было четверть четвертого утра.

Я заказал бифштекс и яичницу, жареный картофель и хлеб с маслом. Когда официантка отправилась выполнять заказ, на меня нахлынула новая волна страха: а не привиделось ли мне, что я прыгнул в пропасть в Мексике в сумерках минувшего дня? Но пусть даже прыжок был галлюцинацией, как смог я вернуться в Лос-Анджелес из такой дали всего за десять часов? Я что, проспал эти десять часов? Или же в течение этого времени я летел, скользил, плыл — или чтонибудь еще — в Лос-Анджелес? О путешествии обычными средствами от места, где я прыгнул в пропасть, до Лос-Анджелеса не могло быть и речи, так как только на то, чтобы добраться оттуда до Мехико, ушло бы два дня.

Еще одна странная мысль посетила меня. Она обладала той же ясностью, что и подсознательная уверенность в том, что я умер и воскрес, и была столь же мне чуждой: моя целостность теперь необратимо утрачена. Я действительно умер, тем или иным образом, на дне этого ущелья. У меня не укладывалось в голове, что я жив и завтракаю у Шипа. Мне не под силу было мысленно вернуться в свое прошлое и проследить непрерывную последовательность событий так, как ее обычно прослеживает человек, вглядываясь в свое прошлое.

Единственное объяснение, пришедшее мне в голову, состояло в том, что я последовал указаниям дона Хуана; я сдвинул свою точку сборки в положение, предотвратившее мою смерть, и вернулся в Лос-Анджелес из своего внутреннего безмолвия. Ничего другого я придумать не смог. Впервые в жизни такой ход мыслей оказался для меня целиком приемлемым и совершенно удовлетворительным. Он ничего не объяснял, но определенно указывал на сознательную процедуру, испробованную мной прежде в менее критических обстоятельствах, и эта, казалось бы, нелепая мысль совершенно успокоила все мое существо.

В моем уме появилось несколько очень ясных мыслей. Они удивительным образом проясняли запутанные вопросы. Первая из них была связана с тем, что тревожило меня все это время. Дон Хуан сказал, что это вполне характерно для магов-мужчин — неспособность запомнить события, происшедшие в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан описывал состояние повышенного осознания как кратковременное смещение точки сборки, которое он всякий раз вызывал у меня, сильно ударяя меня по спине. Этим смещением он помогал мне охватить энергетические поля, обычно находившиеся на периферии моего осознания. Иными словами, энергетические поля, обычно находившиеся на краю моей точки сборки, на время этого смещения оказывались в ее центре. Такого рода смещение имело для меня два последствия — чрезвычайное обострение мыслей и восприятия и неспособность вспомнить, вернувшись к нормальному осознанию, что же происходило, пока я был в таком измененном состоянии.

Мои взаимоотношения с другими учениками дона Хуана являли собой пример обоих этих последствий. У меня были спутники, товарищи по окончательному путешествию. Я взаимодействовал с ними только в состоянии повышенного осознания. Четкость и границы нашего взаимодействия были потрясающи. Расплачиваться же за это приходилось тем, что в повседневной жизни от них оставались лишь болезненные псевдовоспоминания, приводившие меня в отчаяние и вызывавшие беспокойные ожидания неизвестно чего. Можно сказать, что в обычной жизни я жил в постоянном ожидании кого-то, кто должен был внезапно возникнуть передо мной, то ли появившись из административного здания, то ли наскочив на меня из-за угла. Куда бы я ни направлялся, мой взор поневоле рыскал повсюду в поисках несуществующих людей, которые, однако, существовали как никто другой.

Пока я сидел в то утро у Шипа, все, что происходило со мной в состоянии повышенного осознания за все годы, проведенные с доном Хуаном, вплоть до мельчайших деталей вновь превратилось в непрерывное воспоминание. Дон Хуан жаловался, что мужчина-маг, являющийся нагвалем, из-за размеров своей энергетической массы волей-неволей оказывается разделен на части. Он говорил, что каждый такой фрагмент занимал особую часть общего поля восприятия, и события, которые он переживал в каждом таком фрагменте, должны были однажды воссоединиться в цельную, осознанную картину всего, что происходило в течение его жизни.

Глядя мне в глаза, он сказал, что для этого объединения требуются годы, и ему известны случаи, когда нагвали так и не достигали полного сознательного охвата своей деятельности и жили разделенными.

То, что я пережил в это утро у Шипа, превосходило все, что могло привидеться мне в самых буйных фантазиях. Дон Хуан время от времени говорил мне, что мир магов не является неизменным, где каждое слово окончательно и бесповоротно, а представляет собой мир непрекращающихся колебаний, где ничто не должно приниматься как данность. Прыжок в пропасть настолько изменил мою познавательную способность, что я смог допускать возможности, казавшиеся прежде удивительными и неописуемыми.

Но все, что я мог сказать об объединении своих познающих фрагментов, было лишь приближением к реальности. В то роковое утро у Шипа я пережил нечто бесконечно более мощное, чем в день, когда впервые увидел течение энергии во Вселенной, в день, который закончился для меня тем, что я перенесся из университетского городка в свою постель без того, чтобы добираться домой так, как того требовала моя познавательная система, чтобы все событие представлялось реальным. У Шипа я воссоединил все фрагменты своей сущности. В каждом из них я действовал в высшей степени уверенно и последовательно и все же не имел ни малейшего представления о том, как мне это удавалось. Это была, по существу, гигантская головоломка, и установка на место каждого ее кусочка производила невыразимый эффект.

Я сидел у стойки ресторана Шипа, исходил потом, безрезультатно раздумывал и настойчиво задавал себе вопросы, на которые не существовало ответов. Как все это было возможно? Как я мог быть разделен таким образом? Кто мы на

самом деле? Вне сомнения, мы не те, кем большинство из нас себя считает. Я — по крайней мере, некая сердцевина меня — обладал воспоминаниями о событиях, никогда не происходивших. Я не мог даже плакать.

— Маг плачет, когда он фрагментирован, — как-то сказал мне дон Хуан. — В целостном состоянии его охватывает такая дрожь, что может даже убить его.

Меня охватила именно такая дрожь! Я сомневался, что когда-либо встречусь со своими спутниками. Мне казалось, что все они остались с доном Хуаном. Я был один. Мне хотелось думать об этом, оплакивать эту утрату, погрузиться в облегчающую душу печаль, как я всегда поступал. Но я не мог. Мне нечего было оплакивать, не о чем печалиться. Ничто не имело значения. Все мы были воинами-путешественниками, и всех нас поглотила бесконечность.

Все это время я внимательно прислушивался к тому, что дон Хуан говорил о воинах-путешественниках. Мне чрезвычайно нравилась эта метафора, и я соглашался с ней, по лишь на чисто эмоциональном уровне. Но я никогда не понимал, что он на самом деле подразумевает под ней, несмотря на то, что он множество раз объяснял мне ее смысл. В ту ночь, у стойки ресторана Шипа, я понял, о чем говорил дон Хуан. Я был воином-путешественником. Лишь энергетические факты были важны для меня. Все остальное было приправой к ним, не имевшей никакого значения.

Когда я сидел в эту ночь в ожидании заказа, в моем мозгу вспыхнула еще одна отчетливая мысль. Я ощутил, как на меня накатывается волна сопереживания, волна солидарности с предпосылками учения дона Хуана. Я наконец достиг его цели: я был заодно с ним так, как никогда прежде. Дело ни в коем случае не было в том, что я чуть ли не воевал с доном Хуаном и его представлениями, которые были революционными для меня, поскольку не удовлетворяли мое линейное мышление западного человека. Скорее, причиной было то, что последовательность, с которой дон Хуан излагал свое учение, всегда пугала меня до полусмерти. Его подготовленность представлялась мне догматизмом. Именно это впечатление заставляло меня искать объяснений и выполнять все так, как будто я был закосневшим верующим.

Да, я прыгнул в пропасть, сказал я себе, и не погиб, потому что, прежде чем достигнуть дна ущелья, я позволил темному морю осознания поглотить себя. Я подчинился ему без страха и сожаления. И это темное море снабдило меня

всем необходимым для того, чтобы не умереть, а очутиться в своей постели в Лос-Анджелесе. Еще два дня назад такое объяснение ничего бы не значило для меня. В три часа ночи в ресторане Шипа оно было для меня всем.

Я стукнул рукой по столу так, как будто был в комнате один. Люди смотрели на меня и понимающе улыбались. Я не обращал на них внимания. Мое сознание мучилось неразрешимой дилеммой: я был жив, несмотря на то что десять часов назад прыгнул в пропасть, чтобы погибнуть. Я знал, что такого рода дилемму ни за что не разрешить. Мое обычное сознание требовало линейного объяснения, линейные же объяснения были невозможны. Проблема была в нарушении непрерывности. Дон Хуан говорил, что это нарушение магическое. Я знал это теперь со всей возможной определенностью. Как прав был дон Хуан, когда говорил, что для того, чтобы остаться, мне понадобятся вся моя сила, все мое терпение и, прежде всего, стальная выдержка воина-путешественника.

Мне хотелось думать о доне Хуане, но я не смог. Кроме того, я совсем не беспокоился о доне Хуане. Казалось, между нами был гигантский барьер. Я был совершенно уверен в тот момент, что чуждая мне мысль, подбиравшаяся ко мне с самого момента моего пробуждения, была правильной: я был чем-то другим. Перемена произошла со мной в момент прыжка. В противном случае я наслаждался бы мыслями о доне Хуане, тосковал бы о нем. Я ощутил бы даже что-то вроде негодования из-за того, что он не взял меня с собой. Это было бы моим нормальным «я». Мысль эта крепла, пока не заполонила собой всю мою сущность. После этого от моего прежнего «я» не осталось и следа.

Мною овладело новое настроение. Я был один! Дон Хуан оставил меня внутри сна как своего агента. Я почувствовал, как мое тело начинает утрачивать свою жесткость; оно постепенно становилось гибким, и наконец я смог дышать глубоко и свободно. Я громко рассмеялся. Меня не заботило, что люди пялятся на меня, уже не улыбаясь. Я был один и ничего не мог с этим поделать!

Я физически ощутил, как вхожу в коридор, коридор, обладавший собственной силой. Этим коридором был дон Хуан, неслышный и необъятный. В этот раз я впервые почувствовал, что в доне Хуане не было ничего физического. Для сентиментальности и страстей не оставалось места. Я никоим образом не мог ощутить его отсутствия, так как он был здесь, он был обезличенным чувством, вовлекшим меня внутрь себя.

Коридор оказался для меня испытанием. Я почувствовал воодушевление, легкость. Да, я мог двигаться по нему, один или в компании, пожалуй, вечно. И это не было для меня ни обязанностью, ни развлечением. Это было чем-то большим, чем окончательное путешествие: неизбежный удел воина-путешественника, это было началом новой эры. Мне нужно было бы разрыдаться от осознания того, что я нашел этот коридор, но этого не произошло. Я стоял перед лицом вечности, находясь в ресторане Шипа! Как необычно! Я ощутил холодок в спине и услышал голос дона Хуана, который говорил, что Вселенная поистине непостижима.

В этот момент задняя дверь ресторана, ведущая к автостоянке, открылась, и вошел странный тип: мужчина, пожалуй, немного старше сорока, растрепанный и изнуренный, но с довольно приятными чертами. Я уже много лет подряд встречал его бродящим вокруг Лос-анджелесского университета среди толпящихся студентов. Кто-то сказал мне, что он находится на амбулаторном лечении в расположенном неподалеку Госпитале Ветеранов. Он казался слегка не в себе. Время от времени я видел его у Шипа, съежившимся всегда у одного и того же края стойки с чашкой кофе. Я также видел, как он ждет снаружи, заглядывая в окно, когда освободится его любимое место.

Войдя в ресторан, он сел на свое обычное место и взглянул на меня. Наши взгляды встретились. Вслед за этим он испустил ужасный вопль, от которого меня и всех присутствующих пробрало холодом до костей. Все смотрели на меня, широко раскрыв глаза, некоторые застыли с непережеванной пищей во рту. Очевидно, они подумали, что это кричал я. Я дал им повод так думать, стукнув по стойке и затем громко расхохотавшись. Мужчина вскочил со своего сиденья и бросился вон из ресторана, оборачиваясь в мою сторону и возбужденно жестикулируя над головой.

Поддавшись инстинктивному побуждению, я побежал за ним. Я хотел узнать у него, что такого он увидел во мне, что заставило его закричать. Я догнал его на автостоянке и попросил объяснить, почему он кричал. Он закрыл глаза и вновь закричал, еще громче. Он напоминал ребенка, напуганного ночным кошмаром, кричащего во всю мощь своих легких. Я оставил его и вернулся в ресторан.

— Что с тобой случилось, дорогой? — спросила официантка, озабоченно глядя

на меня. — Я подумала, не сбежал ли ты от меня.

— Я только вышел повидать друга, — сказал я.

Официантка посмотрела на меня, изобразив на лице досаду и удивление.

— Этот парень твой друг? — спросила она.

— Единственный в мире, — ответил я, и это была правда, если мне позволительно называть другом того, кто видит сквозь скрывающую вас личину и знает, откуда вы явились на самом деле.

кн.11 (1998) «КОЛЕСО ВРЕМЕНИ»

Перевод К.Семенова и И.Старых

Введение

Приведенный здесь набор избранных изречений был выбран из первых восьми книг о мире шаманов Древней Мексики. Эти важнейшие принципы извлекались непосредственно из тех пояснений, которые я, как антрополог, получал от своего учителя и наставника дона Хуана Матуса, индейца из племени яки и мексиканского шамана*. Он относил себя к линии шаманов, возникновение которой уходит в прошлое к тем шаманам, что жили в Мексике в давние времена.

* Понятия «шаман» и «шаманизм» К. К. стал впервые использовать в «Активной стороне бесконечности» вместо никогда не удовлетворяющего его определения знания дона Хуана понятием «магия». Сибирское слово «шаман» стало очень популярным на Западе в последние годы благодаря книгам Элиаде, Харнена, Минделла, Стивенсов и др. авторов. — Прим. ред.

Дон Хуан Матус ввел меня в этот мир — который, разумеется, был миром шаманов древности — самым действенным из доступных ему способов. Таким образом, ключевую позицию в моем обучении занимал сам дон Хуан. Он знал о существовании иной реальности — о мире, не являющемся ни иллюзией, ни плодом буйного воображения, поскольку для дона Хуана и его спутников-шаманов (их было пятнадцать) мир шаманов древности был настолько же реальным и прагматичным, насколько это вообще возможно.

Работа над данной книгой началась с очень простой попытки выбрать из традиции этих шаманов краткие концепции, афоризмы и мысли, которые могли бы стать интересным материалом для чтения и размышления. Однако в процессе работы произошло непредвиденное изменение этой цели: я осознал, что сами эти высказывания насыщены невероятной Силой. Они таили в себе скрытый ход мыслей, которого я прежде не замечал, и очерчивали то направление, в котором пояснения дона Хуана вели меня в течение тех тринадцати лет, когда я был его учеником.

Эти цитаты лучше любых общих теоретических рассуждений раскрывают непредсказуемый и несгибаемый образ действий, которому следовал дон Хуан, чтобы поддержать и ускорить мое погружение в его мир. Я не подвергаю сомнениям тот факт, что поскольку дон Хуан следовал такой линии действий, то она в точности совпадает с тем подходом, с помощью которого его собственный учитель ввел в мир шаманов самого дона Хуана.

Образ действий дона Хуана Матуса заключался в намеренных попытках ввести меня в то, что он называл иной системой познания. Под системой познания он понимал стандартное определение познания: «процессы, несущие ответственность за осознанность в повседневной жизни и включающие в себя память, личный опыт, восприятие и искусное использование какого-либо синтаксиса». Дон Хуан утверждал, что система познания шаманов Древней Мексики действительно отличалась от системы познания обычного человека.

В соответствии со всеми присущими мне, как человеку, изучающему общественные науки, логичностью и здравомыслием, мне пришлось отвергнуть его утверждение. Время от времени я настойчиво заявлял дону Хуану, что все его утверждения нелепы. Мне они казались, в лучшем случае, интеллектуальными заблуждениями.

Чтобы рассеять мое доверие к обычной системе познания, позволяющей нам постигать окружающий мир, потребовалось тринадцать лет тяжелого труда с его и моей стороны. Эта перемена вызвала у меня весьма странное состояние; состояние кажущегося недоверия к прежде безоговорочному согласию с познавательными процессами повседневного мира.

После тринадцати лет тяжелых столкновений я против своей воли осознал, что дон Хуан Матус действительно исходил из совершенно другой точки зрения. Это означает, что шаманы Древней Мексики на самом деле опирались на совершенно иную систему познания. Признание этого опустошило меня до глубины души. Я чувствовал себя предателем. Мне казалось, будто я высказываю самую ужасающую ересь.

Почувствовав, что ему удалось сломить мое яростное сопротивление, дон Хуан вогнал свою точку зрения в самые глубины моего существа, и в отношении мира шаманов мне пришлось безоговорочно признать, что шаманы-практики оценивали мир с такой точки зрения, которую невозможно было описать с помощью привычных нам концепций. К примеру, они воспринимали энергию так, как она течет во Вселенной, — энергию, свободную от ограничений влияния общества и синтаксиса; чистую, вибрирующую энергию. Они называли это актом видения.

Основная цель дона Хуана заключалась в том, чтобы помочь мне воспринять энергию так, как она течет во Вселенной. В мире шаманов такое восприятие

энергии является первым обязательным шагом к еще более захватывающей и свободной точке зрения иной системы познания. Чтобы добиться от меня реакции видения, дон Хуан воспользовался другими, чуждыми элементами познания. Один из важнейших таких элементов он называл перепросмотром; этот метод представляет собой систематическое тщательное изучение собственной жизни, фрагмент за фрагментом, которое проводится не с позиции оценивания или поиска ошибок, а с точки зрения попытки постичь свою жизнь и изменить ее ход. Дон Хуан утверждал, что, как только практикующий начнет взирать на свою жизнь в той отстраненной манере, какой требует перепросмотр, он уже не сможет вернуться к прежнему образу жизни.

Видеть энергию так, как она течет во Вселенной, означало, по словам дона Хуана, способность видеть человеческие существа в облике светящегося яйца, или светящегося шара энергии, и различать в этом светящемся шаре энергии определенные черты, свойственные всем людям в целом — например, точку повышенной яркости в достаточно ярком светящемся энергетическом коконе. Шаманы утверждали, что именно в этой точке повышенной яркости, которую они называли точкой сборки, и собирается восприятие. Логическое развитие этой мысли означает, что в этой точке повышенной яркости вырабатывается наша система познания мира. Каким бы странным это ни казалось, дон Хуан Матус был прав в том смысле, что именно так все и происходит.

Таким образом, процесс восприятия шаманов существенно отличался от восприятия обычного человека. Шаманы утверждали, что прямое восприятие энергии привело их к тому, что они называли энергетическими фактами. Под энергетическими фактами они понимали вызываемое непосредственным видением энергии зрелище, которое приводит к окончательным и несократимым выводам — эти выводы не подчиняются логическим соображениям или попыткам согласовать их с привычной нам системой интерпретации.

Дон Хуан говорил, что для шаманов его линии энергетическим фактом было то, что окружающий нас мир определяется процессами познания и эти процессы не являются неизменными — они не есть нечто непреложное. Эти процессы зависят от подготовки, они связаны с практичностью и пользой. Эта мысль получает свое развитие в другом энергетическом факте: процессы привычного нам познания представляют собой только следствия воспитания

— и ничего больше.

Дон Хуан Матус без тени сомнения знал, что его рассказы о системе познания шаманов Древней Мексики — именно то, что происходит в действительности. Помимо прочего, дон Хуан был нагвалем; для шаманов-практиков это понятие означает естественного лидера — человека, способного наблюдать энергетические факты без вреда для самого себя. Таким образом, он был наделен умением успешно проводить своих собратьев по таким путям мышления и восприятия, какие просто не поддаются описанию.

Принимая во внимание все факты системы познания, о которых рассказал мне дон Хуан, я пришел к выводу о том, что важнейшим элементом такого мира является идея намерения — сам дон Хуан придерживался того же мнения. Для шаманов Древней Мексики намерение представляло собой некую силу, которую они могли визуализировать, когда видели энергию так, как она течет во Вселенной. Они называли это всепроникающей силой, вовлеченной в любой аспект времени и пространства. Это та движущая сила, что кроется за всем сущим. Невообразимо важным открытием тех шаманов стало то, что это намерение — чистая абстракция — тесно связано с человеком. Человек всегда мог манипулировать намерением. Шаманы Древней Мексики осознали, что единственный способ повлиять на эту силу связан с безупречным поведением. Только самый дисциплинированный практик способен совершить этот подвиг.

Другим невероятно важным элементом этой странной системы познания шаманов было понимание и использование концепций времени и пространства. Для них время и пространство были совсем не теми явлениями, которые являются частью нашей жизни всего лишь потому, что они представляют собой неотъемлемую часть привычной нам системы познания. Стандартное определение времени для обычного человека звучит так: «непространственный континуум, в котором события происходят в несомненно необратимой последовательности и развиваются от прошлого — через настоящее — к будущему». Пространство определяется как «бесконечная протяженность трехмерного поля, в котором существуют звезды и галактики; Вселенная».

Для шалманов Древней Мексики время представляло нечто схожее с мыслью — это мысль, возникающая в мышлении чего-то такого, что непостижимо в своем величии. Логическим доказательством для них служило то, что сам

человек, будучи частью этой мысли, протекающей в мышлении неких непостижимых для его разума сил, удерживает в себе небольшой процент этой мысли — и при определенных обстоятельствах выдающейся дисциплины этот процент можно вернуть назад.

Пространство было для этих шаманов абстрактным миром деятельности. Они называли его бесконечностью и ссылались на него как на общий итог всех усилий живых существ. Для них пространство было чем-то более доступным, почти приземленным. Судя по всему, они извлекли из абстрактного определения пространства большую практическую пользу. Согласно тем версиям, о которых говорил дон Хуан, шаманы Древней Мексики, в отличие от нас, никогда не считали время и пространство туманными абстракциями. Для них и время, и пространство — несмотря на непостижимость их определений — были неотъемлемой частью человека.

У этих шаманов был еще один элемент познания под названием колесо времени. Они объясняли понятие колеса времени, рассказывая, что время похоже на туннель бесконечной длины и ширины — туннель с зеркальными бороздками. Каждая бороздка бесконечна; бесконечно и их число. Сила жизни принудительно заставила живые существа всматриваться в одну бороздку. Всматриваться только в одну бороздку означает оказаться пойманным в ее ловушку, жить этой бороздой.

Окончательная цель воина заключается в том, чтобы посредством акта глубокой дисциплины сфокусировать свое непоколебимое внимание на колесе времени и заставить его повернуться. Те воины, которые добились успеха в повороте колеса времени, могут увидеть любую бороздку и извлечь из нее все, что угодно. Свобода от зачаровывающей силы взгляда в одну бороздку означает, что воины могут смотреть в любом направлении и видеть, как время отступает от них или приближается.

С такой точки зрения, колесо времени оказывает непреодолимое влияние, простирающееся на всю протяженность жизни воина и за ее пределы — как в случае собранных в этой книге выражений. Они выглядят сплетенными в кольцо, живущее своей жизнью. Согласно объяснению в системе познания шаманов, это кольцо и является колесом времени.

Таким образом, под влиянием колеса времени цель этой книги стала отличной

от первоначального замысла. Сами изречения и только они стали господствующим фактором и вызвали у меня стремление оставаться как можно ближе к тому стилю, в каком они были даны мне — а давались они в духе умеренности и предельной прямоты.

Я безуспешно пытался сделать еще кое-что: распределить высказывания по ряду категорий, которые облегчили бы их чтение. Однако подобная классификация изречений оказалась неприемлемой. Я не нашел подходящего способа разделения чего-то настолько неопределенного и обширного, как целостный мир познания, на какие-либо произвольные смысловые категории.

Мне оставалось просто двигаться вслед за высказываниями и позволить им самим создать набросок очертаний мыслей и ощущений шаманов Древней Мексики в отношении жизни, смерти, Вселенной и энергии. Эти мысли связаны с тем, как шаманы понимали не только саму Вселенную, но и протекающие в нашем мире процессы жизни и сосуществования. Еще более важно то, что они указывают на возможность одновременного использования двух систем познания без какого-либо ущерба для личности.

Важнейшие понятия из «Учения дона Хуана»

* * *

Сила зависит лишь от того, какого рода знанием владеет человек. Какой смысл в знании вещей, которые бесполезны? Они не готовят нас к неожиданной встрече с неизвестным.

* * *

Ничто не дается даром в этом мире, и приобретение знания — труднейшая из всех задач, с какими человек может столкнуться.

* * *

Человек идет к знанию так же, как он идет на войну — полностью пробужденный, полный страха, благоговения и безусловной решимости. Любое отступление от этого правила — роковая ошибка, и тот, кто ее совершит, непременно доживет до дня, когда горько пожалеет об этом.

Только выполняющий эти четыре условия — быть полностью пробужденным, полным страха, благоговения и безусловной решимости — застрахован от ошибок, за которые придется платить; лишь при этих условиях он не будет действовать наугад. Если такой человек и терпит поражение, то он проигрывает только битву, а об этом не стоит слишком сожалеть.

* * *

Слишком сильное сосредоточение на себе порождает ужасную усталость. Человек в такой позиции глух и слеп ко всему остальному. Эта странная усталость мешает ему искать и видеть чудеса, которые во множестве находился вокруг него. Поэтому кроме проблем у него ничего не остается.

* * *

Любому, кто приступает к учению, приходится выкладываться настолько, насколько он способен, и границы обучения определяются собственными возможностями ученика. Именно поэтому разговоры на тему обучения лишены всякого смысла. Страхи перед знанием — дело обычное; все мы им подвержены, и тут ничего не поделаешь. Однако каким бы устрашающим ни было учение, еще страшней представить себе человека, у которого нет знания.

* * *

Сердиться на людей означает считать их поступки чем-то важным. Настоятельно необходимо избавляться от подобного ощущения. Поступки людей не могут быть настолько важными, чтобы отвести на задний план единственную жизненно важную альтернативу: наши неизменные встречи с бесконечностью.

* * *

Любой путь — лишь один из миллиона возможных путей. Поэтому воин всегда должен помнить, что путь — это только путь; если он чувствует, что это ему не по душе, он должен оставить его любой ценой. Любой путь — это всего лишь путь, и ничто не помешает воину оставить его, если сделать это велит ему его сердце. Его решение должно быть свободно от страха и честолюбия. На любой путь нужно смотреть прямо и без колебаний. Воин испытывает его столько раз, сколько находит нужным. Затем он задает себе, и только самому себе, один вопрос: имеет ли этот путь сердце?

Все пути одинаковы: они ведут в никуда. Есть ли у этого пути сердце? Если есть, то это хороший путь; если нет, то от него никакого толку. Оба пути ведут в никуда, но у одного есть сердце, а у другого — нет. Один путь делает путешествие по нему радостным: сколько ни странствуешь — ты и твой путь нераздельны. Другой путь заставит тебя проклинать свою жизнь. Один путь дает тебе силы, другой — уничтожает тебя.

* * *

Это мир счастья, где между вещами нет различия, потому что там некому спрашивать о различии. Но это не мир людей. Некоторые люди наивно верят, что они живут в двух мирах, что они могут выбирать между мирами, но это только их самонадеянность. Для нас существует лишь один-единственный мир. Мы — люди, и должны безропотно следовать миру людей.

* * *

У человека есть четыре врага: это страх, ясность, сила и старость. Страх, ясность и сила могут быть побеждены, но не старость. Это самый жестокий враг, которого нельзя победить, можно лишь оттянуть свое поражение.

Комментарии

В абстрактном характере высказываний из первой книги, «Учение дона Хуана», заключена сущность всего, что говорил дон Хуан в самом начале моего ученичества. По полному тексту книги видно, что дон Хуан очень много рассказывал о союзниках, растениях силы, Мескалито, «дымке», ветре, речных и горных духах, духе чаппараля и так далее. Позже, когда я спросил его, почему он уделял такое внимание этим явлениям, но не обращался к ним впоследствии, он невозмутимо признался, что в начале моего обучения погрузился во весь этот псевдошаманский вздор только ради меня.

Я был ошеломлен. Меня удивило то, как он может высказывать такие утверждения, представляющие собой откровенную неправду. Однако он действительно имел в виду именно то, что сказал, а я, без сомнений, был тем самым человеком, который мог засвидетельствовать достоверность его слов и расположения духа.

— Не относись к этому так серьезно, — смеясь, сказал он. — Занятия всей этой чепухой всегда развлекали меня, а с тобой было еще веселее, так как я знал, что делаю это для твоей же пользы.

— Для моей пользы, дон Хуан? Что за ерунда?

— Да, для твоей пользы. Я обманывал тебя, удерживая твое внимание теми предметами твоего мира, которые вызывали у тебя глубокий интерес, — и ты проглатывал все целиком: и наживку, и леску, и поплавок.

Все, что мне было нужно, — твое безраздельное внимание. Но как я мог

добиться его от такой недисциплинированной натуры? Ты сам вновь и вновь говорил мне, что приезжаешь потому, что считаешь мои рассказы об этом мире захватывающими. Однако ты не знал, как выразить, что испытываемый тобой интерес основан на том факте, что ты смутно согласен с каждым моим словом. Ты думал, что эта неясность, разумеется, и является шаманизмом, и тянулся к ней — потому и приезжал.

— Ты поступаешь так с каждым, дон Хуан?

— Не с каждым, так как ко мне приходит не каждый, и, прежде всего, меня самого интересует далеко не каждый. Меня интересовал и интересуешь ты, ты один. Мой учитель, нагваль Хулиан, обманул меня точно так же. Он воспользовался моими чувственностью и жадностью. Он обещал озолотить меня и свести меня со всеми прекрасными женщинами, которые его окружали. Он пообещал мне богатство, и я попался на удочку. Так с незапамятных времен обманывали всех шаманов моей линии. Шаманы моей линии — не учителя или гуру. Им плевать на широкое распространение своих знаний. Им нужны только преемники, а не какие-то люди, смутно заинтересованные в этих знаниях по неким интеллектуальным соображениям.

Дон Хуан был прав, когда говорил, что я полностью попался на его удочку. Я действительно полагал, что нашел шамана и превосходный источник антропологической информации. Именно в то время под покровительством и влиянием дона Хуана я исписывал целые дневники и собирал старинные карты, на которых были указаны местоположения городов индейцев яки на протяжении долгих столетий, начиная с иезуитских летописей конца XVIII века. Я отметил все эти города, выявил самые незначительные изменения и ломал голову над тем, почему эти города меняли свое положение и при каждом таком смещении образуемый ими узор становился несколько иным. Псевдоразмышления о разумности и обоснованных сомнениях раздавили меня. Я собрал тысячи листков сжатых записей и предположений, извлеченных из различных книг и летописей. Я был настоящим студентом факультета антропологии. Дон Хуан раздувал мое воображение всеми доступными средствами.

— На пути воинов нет добровольцев, — сказал мне дон Хуан, делая вид, что что-то объясняет. — Человека приходится выводить на путь воина против его воли.

— Дон Хуан, что мне делать с теми тысячами записей, которые я собрал в результате твоего обмана? — спросил я его в тот раз.

Его ответ стал для меня настоящим потрясением.

— Напиши о них книгу! — сказал он. — Я уверен, что если ты начнешь ее писать, то все равно никогда не воспользуешься своими записями. Они бесполезны — но кто я такой, чтобы говорить тебе об этом? Придумай сам. Однако не пытайся писать книгу так, как это делает писатель. Сделай это как воин, как воин-шаман.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Не знаю. Сам разбирайся.

Он был абсолютно прав. Я так и не воспользовался теми записями. Вместо этого я неожиданно для самого себя написал книгу о непостижимых возможностях существования иной системы познания.

Важнейшие понятия из «Отдельной реальности»

* * *

Воин знает, что он только человек. Его единственное сожаление заключается в том, что жизнь коротка и он не успеет прикоснуться ко всему, что ему нравится. Но и это для него не проблема; это просто сожаление.

* * *

Чувство собственной важности делает человека безнадежным: тяжелым, неуклюжим и пустым. Быть воином означает быть легким и текучим.

* * *

Когда видишь поля энергии, человеческие существа выглядят как световые волокна, похожие на белую паутину, очень тонкие. Они тянутся от головы к пупку, и человек похож на яйцо из текучих волокон; руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

* * *

Видящие видят, что любой человек постоянно находится в контакте со всем остальным миром. Правда, связь эта осуществляется не через руки, а с помощью пучка длинных волокон, исходящих из середины живота. Этими волокнами человек соединен со всем миром, благодаря им он сохраняет равновесие, они придают ему устойчивость.

* * *

Когда воин научится видеть, он увидит, что человек — это светящееся яйцо, будь он нищий или король. А что можно изменить в светящемся яйце? Что?

* * *

Воина никогда не беспокоит его страх. Вместо этого он думает о чудесах видения полей энергии! Все остальное — пустяки, пустые украшения.

* * *

Только дырявый горшок может пытаться стать человеком знания по своей воле. Трезвомыслящего человека нужно затягивать на путь хитростью.

Найдется масса людей, которые с радостью захотят учиться, но эти не в счет. Обычно они уже с трещиной. Как пересохшая бутыль из тыквы, которая с виду в порядке, но начинает течь в ту же минуту, как только в нее наливают воду и появляется давление. Через минуту ее нужно вновь наполнять водой.

* * *

Когда человек не имеет отношения к видению, вещи выглядят в основном одними и теми же в то время, когда он смотрит на мир. С другой стороны, когда он научится видеть, ничто не будет выглядеть тем же самым все то время, что он видит эту вещь, хотя она остается той же самой. С точки зрения видящего, человек выглядит как светящееся яйцо. Всякий раз, когда вы видите одного и того же человека, он выглядит как светящееся яйцо, хотя не то же самое светящееся яйцо.

* * *

Шаманы Древней Мексики назвали союзниками те необъяснимые силы, которые действовали под их руководством. Они назвали эти силы союзниками, поскольку считали, что могут использовать их так, как им захочется, — эти представления оказались почти смертельными для шаманов, так как те, кого они называли союзниками, представляют собой лишенные телесной оболочки существа, населяющие Вселенную. Современные шаманы называют их неорганическими существами.

Спрашивать, в чем заключается предназначение союзников, — все равно что задавать вопрос о смысле деятельности человека в этом мире. Мы существуем, вот и все. Подобно нам, союзники тоже существуют — и, возможно, они появились здесь задолго до нас.

* * *

Выть воином — это самый эффективный способ жить. Воин сомневается и размышляет до того, как принимает решение. Но когда оно принято, он действует, не отвлекаясь на сомнения, опасения и колебания. Впереди — еще

миллионы решений, каждое из которых ждет своего часа. Это — путь воина.

* * *

Когда воина начинают одолевать сомнения и страхи, он думает о своей смерти. Мысль о смерти — единственное, что способно закалить наш дух.

* * *

Смерть находится везде. Она может принять вид зажженных фар машины, которая въезжает на холм позади нас. Она может оставаться видимой некоторое время, а потом исчезнуть в темноте, как если бы она покинула нас на время, но она опять появляется на следующем холме, чтобы потом исчезнуть вновь.

Это огни на голове смерти. Она надевает их наподобие шляпы, прежде чем пуститься в галоп. Эти огни она зажгла, бросившись в погоню за нами. Смерть неуклонно преследует нас, и с каждой секундой она все ближе и ближе. Смерть никогда не останавливается. Просто иногда она гасит огни. Но это ничего не меняет...

* * *

Воин должен прежде всего знать, что его действия бесполезны, но он должен выполнять их, как если бы он не знал об этом. Это то, что шаманы называют контролируемой глупостью.

* * *

Глаза человека предназначены для выполнения двух функций: одна из них — видеть энергетические потоки Вселенной, а другая — «смотреть на вещи в этом мире». Ни одна из них не является лучше или важнее другой, но тренировать глаза только для смотрения — это постыдная и бессмысленная потеря.

* * *

Воин живет действием, а не думанием о действии или думанием о том, что он будет думать, когда закончит действовать.

* * *

Воин выбирает путь с сердцем и следует по этому пути. Когда он смотрит, он радуется и смеется; когда он видит, он знает. Он знает, что жизнь его закончится очень скоро; он знает, что он, как любой другой, не идет никуда; и он знает, что ничто не является более важным, чем что-то другое.

* * *

У воина нет ни чести, ни достоинства, ни семьи, ни имени, ни родины. Есть только жизнь, которую нужно прожить. В таких условиях контролируемая глупость — единственное, что может связывать его с ближними.

* * *

Ничто не имеет особого значения, поэтому воин просто выбирает какой-то поступок и совершает его. Но совершает так, словно это имеет значение. Его контролируемая глупость заставляет его говорить, что его действия очень важны, и поступать соответственно. В то же время он прекрасно понимает, что все это не имеет значения. Так что, прекращая действовать, воин возвращается в состояние покоя и равновесия. Хорошим было его действие или плохим, удалось ли его завершить — до этого ему нет никакого дела.

* * *

Воин может вообще не совершать никаких поступков. Тогда он ведет себя так, словно эта пассивность реально имеет для него значение. Он прав и в этом

случае, потому что и это тоже контролируемая глупость.

* * *

В жизни воина не может быть пустоты. Его жизнь заполнена до краев. Все заполнено до краев, и все равнозначно. Для него нет ни побед, ни поражений, ни пустоты. Все заполнено до краев и все равно, и его борьба стоит его усилий.

* * *

Обычный человек слишком озабочен тем, чтобы любить людей, и тем, чтобы его любили. Воин любит, и все. Он любит всех, кто ему нравится, и все, что ему по душе, но он использует свою контролируемую глупость, чтобы не беспокоиться об этом. Что полностью противоположно тому, чем занимается обычный человек. Любить людей или быть любимым ими — это еще далеко не все, что доступно человеку.

* * *

Воин принимает ответственность за все свои действия, даже за самые пустяковые. Обычный человек занят своими мыслями и никогда не принимает ответственности за то, что он делает.

* * *

Обычный человек является либо победителем, либо побежденным и, в соответствии с этим, становится преследователем или жертвой. Эти два состояния превалируют у всех, кто не видит. Видение рассеивает иллюзию победы, поражения или страдания.

* * *

Воин знает о своем ожидании и знает, чего он ждет. Когда он ждет, у него нет желаний, и поэтому, какую бы малость он ни получил, это всегда больше, чем он может взять. Если он хочет есть, то справится с этим, потому что не страдает от голода. Если он ранен, то справится с этим, потому что не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что человек — не воин, и сила голода или боли может разрушить его.

* * *

Самоограничение — самый худший и самый злостный вид индульгирования. Поступая подобным образом, мы заставляем себя верить, что совершаем нечто значительное, чуть ли не подвиг, а в действительности только еще больше углубляемся в самолюбование, давая пищу самолюбию и чувству собственной важности.

* * *

То, что воин называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Воля — это то, что заставляет воина побеждать, когда его рассудок говорит ему, что он повержен. Воля — это то, что делает его неуязвимым. Воля — это то, что позволяет шаману пройти сквозь стену, сквозь пространство, в бесконечность.

* * *

Когда человек выбирает путь воина, он становится полностью бодрствующим, в полной мере осознавая, что обычная жизнь навсегда оставлена позади. Средства обычного мира больше не являются для него щитами, и он должен выбрать новый способ жизни, если он хочет выжить.

* * *

К тому моменту, когда человек осознает устрашающую природу знания, он осознает и то, что смерть на этом пути — верный попутчик, незаменимый

партнер, который всегда рядом. Смерть является главным фактором, превращающим знание в энергию, в реальную силу. Прикосновением смерти завершается все, и все, чего она коснулась, становится Силой.

* * *

Только принятие идеи смерти может дать воину отрешенность, достаточную для того, чтобы принуждать себя к чему бы то ни было, равно как и для того, чтобы ни от чего не отказываться. Он знает, что смерть следует за ним по пятам и не даст ему времени ни за что зацепиться, поэтому он пробует все, ни к чему не привязываясь.

* * *

Мы — люди, и наша судьба, наше предназначение — учиться ради открытия все новых и новых непостижимых миров. Воин, научившийся видеть, узнает, что непознанным мирам нет числа и что все они — здесь, перед нами.

* * *

«Смерть — это вращение; смерть — это сияющее облачко над горизонтом; смерть — это мой разговор с тобой; смерть — это ты и твои записи в блокноте; смерть — это ничто. Ничто! Она здесь, хотя ее нет здесь вообще».

* * *

Дух воина не привязан ни к индульгированию, ни к жалобам, как не привязан он ни к победам, ни к поражениям. Единственная привязанность воина — битва, и каждая битва, которую он ведет, — его последняя битва на этой земле. Поэтому исход ее для него практически не имеет значения. В этой последней битве воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он ведет эту битву, он знает, что воля его безупречна. И поэтому он смеется и смеется.

* * *

Мы непрерывно разговариваем с собой о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир своим внутренним диалогом. Когда мы перестаем разговаривать с собой, мир становится таким, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы наделяем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним диалогом. И не только это. Мы также выбираем свои пути в соответствии с тем, что мы говорим себе. Так мы повторяем тот же самый выбор еще и еще, до тех пор, пока не умрем. Потому что мы продолжаем все тот же внутренний диалог. Воин осознает это и стремится прекратить свой внутренний диалог.

* * *

Мир — это все, что заключено здесь. Жизнь, смерть, люди и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен и непостижим. Мы никогда не сможем понять его. Мы никогда не разгадаем его тайну. Поэтому мы должны принимать его таким, как он есть, — чудесной загадкой.

* * *

Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важными, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости.

Комментарии

В высказываниях из «Отдельной реальности» начинает с примечательной ясностью проявляться то настроение, с каким шаманы Древней Мексики относились ко всем своим усилиям, связанным с намерением. Рассказывая о

древних шаманах, сам дон Хуан подчеркивал, что чрезвычайно интересным для современных практиков аспектом того мира было острое, как бритва, осознание, которое шаманы древности развили в отношении всеобщей силы под названием намерение. Они поясняли, что связь каждого из тех людей с этой силой была настолько чистой и четкой, что они могли в свое удовольствие влиять на все вокруг. Дон Хуан говорил, что намерение тех шаманов, доведенное до такой отточенной глубины, было единственной помощью, какая только существовала у современных практиков. Он выразил это обыденными словами, сказав, что если бы современные практики были честными перед самими собой, то заплатили бы любую цену за то, чтобы иметь возможность жить под зонтиком такого намерения.

Дон Хуан утверждал, что каждый, кто проявляет хотя бы легкий интерес к миру шаманов древности, незамедлительно втягивается в круг их острого, как бритва, намерения. Для дона Хуана их намерение было чем-то столь неизмеримым, что ни один из нас не способен с этим бороться. Кроме того, он рассудительно говорил, что с таким намерением не нужно бороться, так как это единственное, что следует принимать в расчет; оно было сущностью мира тех шаманов — мира, к которому современные практики стремятся больше, чем к чему-либо иному, что только можно вообразить.

Настроение высказываний из «Отдельной реальности» создано вовсе не моим собственным намерением. Это настроение проявилось независимо от моих целей и желаний. Можно сказать, что оно оказалось совершенно противоположным моим замыслам. Скрытый в тексте книги загадочный виток колеса времени внезапно пришел в движение и проявился в состоянии напряженности — того напряжения, которое определило направление моих усилий.

Если говорить о моих ощущениях в то время, когда я писал «Отдельную реальность», то я могу правдиво утверждать, что считал себя счастливчиком, погруженным в антропологическую полевую работу, так что мои чувства и мысли были настолько далеки от мира шаманов древности, насколько это вообще возможно. У дона Хуана было иное мнение. Будучи закаленным воином, он знал, что я едва ли смогу освободиться от магнетической тяги намерения, созданного теми шаманами. Я погружался в него независимо от своего желания и от того, верил в него или нет.

Такое положение дел вызвало у меня подсознательную тревогу. Это было не то беспокойство, какое можно было бы определить или выявить — его трудно было даже осознать. Оно пронизывало все мои поступки, не предоставляя мне никакой возможности осознанно поразмыслить о нем. Могу лишь сказать, что я был смертельно напуган, хотя не смог бы объяснить, чего именно боюсь.

Я много раз пытался проанализировать это ощущение страха, но мгновенно начинал испытывать утомление и усталость. Я сразу понимал, что мои вопросы к самому себе безосновательны и излишни, в результате чего прекращал попытки анализа. Я обратился к дону Хуану с вопросами о моем состоянии, желая получить от него совет и поддержку.

— Ты просто боишься, — сказал он. — Вот и все. Не пытайся определить загадочные причины своего страха. Загадочная причина находится прямо перед тобой, в пределах досягаемости — это намерение шаманов Древней Мексики. Ты имеешь дело с их миром, и этот мир время от времени показывает тебе свое лицо. Разумеется, тебе трудно выдержать такое зрелище. Впрочем, временами это трудно и для меня. Любому из нас тяжело его выдержать.

— Ты говоришь загадками, дон Хуан.

— Да, пока это кажется загадкой. Когда-нибудь ты все поймешь. Сейчас просто глупо пытаться говорить об этом или что-то объяснять. Все, что я попробую объяснить тебе, будет лишено смысла. В данный момент какие-нибудь непостижимые банальности показались бы тебе бесконечно более осмысленными.

Он был совершенно прав. Причиной всех моих страхов действительно была одна банальность, которой я стыдился тогда и стыжусь сейчас, — я боялся одержимости демонами. Этот страх возник у меня еще в детстве: все необъяснимое, разумеется, становилось чем-то злым и пагубным, что стремилось погубить меня.

Чем пикантнее становились пояснения дона Хуана, связанные с миром древних шаманов, тем острее становилось мое ощущение необходимости защитить себя. Это чувство невозможно было выразить словами. Это была не просто потребность защититься; скорее, это было желание уберечь достоверность и

неоспоримую ценность того мира, в котором живут человеческие существа. Единственным знакомым мне миром был мой мир. Если он подвергался опасности, у меня немедленно возникала реакция — она проявлялась в том особом страхе, который я никогда не смогу объяснить. Он был похож на тот страх, какой, должно быть, испытывает человек при попытке объять собственную беспредельность. Это не был страх смерти или увечья — нет, нечто неизмеримо более глубокое. Он был настолько глубок, что любой шаман-практик запутался бы при любой попытке осмыслить его.

— Ты окольным путем пришел прямо к понятию воина, — сказал дон Хуан.

В то время он уделял концепции воина бесконечное внимание. Он говорил, что воин, разумеется, представляет собой нечто большее, чем просто принцип. Это образ жизни; этот образ жизни является единственным средством, сдерживающим страх, и единственным каналом, с помощью которого практик может обеспечить свободное течение своей деятельности. Без концепции воина было бы невозможно преодолеть все камни преткновения на пути знания.

Дон Хуан определял воина прежде всего как бойца. Это особое настроение, которому способствует намерение шаманов древности, и любой человек способен перейти к этому настроению.

— Намерение тех шаманов, — говорил дон Хуан, — было таким отточенным, таким мощным, что уплотняло структуру воина, хотя сам практик мог об этом даже не подозревать.

Коротко говоря, для шаманов Древней Мексики воин был настолько согласованной с протекающей вокруг него битвой, настолько бдительной боевой единицей, что в его чистейшей форме воину не нужно было ничего лишнего для того, чтобы выжить. Не было необходимости делать воину какие-либо подарки, ободрять его словами или действиями или пытаться утешать и воодушевлять его — все это уже встроено в структуру самого воина. Поскольку эта структура определялась намерением шаманов Древней Мексики, они заранее позаботились о том, чтобы в нее вошло все, что только может понадобиться. Окончательным результатом стал боец, сражающийся в одиночестве и обеспеченный в рамках его безмолвных убеждений всеми побудительными силами, необходимыми для продвижения вперед без жалоб и

потребности в одобрении.

Лично мне концепция воина показалась захватывающей — и, одновременно, одной из самых пугающих, с какими я когда-либо сталкивался. Я считал, что, если приму этот принцип, то он обратит меня в слепое подчинение, не оставив ни времени, ни возможности осмотреться, возразить или выразить недовольство. Высказывание жалоб было привычкой всей моей жизни, и, честно говоря, я готов был бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить ее. Я считал высказывание недовольства признаком чувствительного, смелого и честного человека, не испытывающего колебаний при выражений своих убеждений, симпатий и антипатий. Если всему этому предстояло превратиться в боевую единицу, то я потерял бы больше, чем мог себе позволить.

Такими были мои невысказанные мысли. И все же я завидовал целеустремленности, спокойствию и безупречности воина. Одним из величайших средств, которыми воспользовались шаманы Древней Мексики для укрепления концепции воина, была идея отношения к смерти как к спутнику, наблюдающему за нашими поступками. Дон Хуан говорил, что, как только человек принимает этот принцип — пусть даже в самой мягкой форме, — возникает мост над пропастью, разделяющей наш мир повседневных занятий, и то, что находится впереди, но не имеет названия — то, что теряется в тумане и кажется несуществующим. Это нечто настолько неясно, что его нельзя использовать как точку отсчета, и все же оно есть, оно бесспорно существует.

Дон Хуан утверждал, что единственным существом на земле, способным пересечь этот мост, является воин: безмолвный в своей борьбе; неукротимый, так как ему нечего терять; работоспособный и действенный, так как ему предстоит обрести все.

Важнейшие понятия из «Путешесвия в Икстлан»

* * *

Люди, как правило, не отдают себе отчета в том, что в любой момент могут выбросить из своей жизни все что угодно. В любое время. Мгновенно.

* * *

Человек не должен беспокоиться о том, чтобы сделать фотографии или магнитофонные записи. Все это излишества спокойной жизни. Во всем, что мы делаем, по-настоящему необходимо лишь одно — «дух». Человек должен беспокоиться лишь о духе, который убывает.

* * *

Воин не нуждается в личной истории. В один прекрасный день он обнаруживает, что в ней нет никакой нужды, и просто избавляется от нее.

* * *

«Я собираюсь взять твоего отца в качестве примера, чтобы проиллюстрировать мою точку зрения на личную историю. Твой отец знает о тебе все. Поэтому ты для него — как раскрытая книга. Он знает, кто ты такой, что из себя представляешь и чего стоишь. И нет на земле силы, которая могла бы заставить его изменить свое отношение к тебе.

Естественно, такое интимное знание о тебе есть и у всех твоих друзей. У каждого, кто тебя знает, сформировался определенный образ твоей личности. И любым своим действием ты как бы подпитываешь и еще больше фиксируешь этот образ. Личная история постоянно нуждается в том, чтобы ее сохраняли и обновляли. Поэтому ты рассказываешь своим друзьям и родственникам обо всем, что делаешь. С другой стороны, для воина, у которого нет личной истории, нет необходимости в объяснениях, его действия

не могут никого рассердить или разочаровать, а самое главное — он не связан ничьими мыслями и ожиданиями».

* * *

Когда отсутствует какая бы то ни было определенность, мы все время алертны, мы постоянно готовы к прыжку. Гораздо интереснее не знать, за каким кустом прячется кролик, чем вести себя так, словно тебе все давным-давно известно.

* * *

Пока человек чувствует, что наиболее важное и значительное явление в мире — это его персона, он никогда не сможет по-настоящему ощутить окружающий мир. Точно зашоренная лошадь, он не видит в нем ничего, кроме самого себя.

* * *

Смерть — наш вечный попутчик. Она всегда находится слева от нас на расстоянии вытянутой руки, и смерть — единственный мудрый советчик, который всегда есть у воина. Каждый раз, когда воин чувствует, что все складывается из рук вон плохо и он на грани полного краха, он оборачивается налево и спрашивает у своей смерти, так ли это. И его смерть отвечает, что он ошибается и что кроме ее прикосновения нет ничего, что действительно имело бы значение. Его смерть говорит: «Но я же еще не коснулась тебя!»

* * *

Если воин что-то решил, он идет до конца, но при этом он непременно принимает на себя ответственность за то, что он делает. Что именно воин делает — значения не имеет, но он должен знать, зачем он это делает, и действовать без сомнений и сожалений.

* * *

В мире, где за каждым охотится смерть, нет времени на сожаления или сомнения. Время есть лишь на то, чтобы принимать решения, И не важно, в чем будут заключаться эти решения. Ничто не является более или менее серьезным и важным, чем что-то другое. В мире, где смерть — это охотник, нет больших или малых решений. Единственное решение заключается в том, что воин должен встретиться лицом к лицу со своей неотвратимой смертью.

* * *

Воин должен учиться быть доступным и недоступным на поворотах пути. Для воина бессмысленно непреднамеренно оказываться доступным в любое время, точно так же, как совершенно бессмысленно прятаться, когда все вокруг знают, что сейчас он прячется.

* * *

Для воина быть недоступным — значит прикасаться к окружающему его миру бережно. Съесть не пять перепелов, а одного. Не калечить растения лишь для того, чтобы сделать жаровню. Не подставляться без необходимости силе ветра. И, превыше всего, — ни в коем случае не истощать себя и других. Не пользоваться людьми, не выжимать из них все до последней капли, особенно из тех, кого любишь.

* * *

Беспокойство неизбежно делает человека доступным, он непроизвольно раскрывается. Тревога заставляет его в отчаянии цепляться за что попало, а зацепившись, он уже обязан истощить либо себя, либо то, за что зацепился. Охотник-воин, с другой стороны, знает, что в его ловушки еще не раз попадет дичь, поэтому он не беспокоится. Беспокоиться — это значит становиться доступным, неосознанно доступным.

* * *

Быть недоступным — вовсе не означает прятаться или скрываться. И не означает, что нельзя иметь дело с людьми. Охотник-воин недоступен потому, что не выжимает из своего мира все до последней капли. Он слегка касается его, оставаясь в нем ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов.

* * *

Быть воином-охотником — значит не просто ставить ловушки. Охотник добывает дичь не потому, что устанавливает ловушки, и не потому, что знает распорядки своей добычи, но потому, что сам не имеет никаких распорядков. И в этом — его единственное решающее преимущество. Охотник не уподобляется тем, на кого он охотится. Они скованы жесткими распорядками, путают след по строго определенной программе, и все причуды их легко предсказуемы. Охотник же свободен, текуч и непредсказуем.

* * *

Для обычного человека мир кажется странным своим свойством либо нагонять скуку, либо быть с ним не в ладах. Для воина мир странен, потому что он огромен, устрашающ, таинствен, непостижим. Воин должен с полной ответственностью отнестись к своему пребыванию здесь — в этом чудесном мире, сейчас — в это чудесное время.

* * *

Воин должен научиться отдавать себе отчет в каждом действии, сделать каждое действие осознанным. Ведь мы пришли сюда ненадолго, и времени, которое нам отпущено, слишком мало, действительно слишком мало для того, чтобы прикоснуться ко всем чудесам этого странного мира.

* * *

Поступки обладают силой. Особенно когда тот, кто их совершает, знает, что это — его последняя битва. В действии с полным осознанием того, что это действие может стать для тебя последней битвой на земле, есть особое всепоглощающее счастье.

* * *

Воин должен сосредоточить внимание на связующем звене между ним и его смертью, отбросив сожаление, печаль и тревогу. Сосредоточить внимание на том факте, что у него нет времени. И действовать соответственно этому знанию. Каждое из его действий становится его последней битвой на земле. Только в этом случае каждый его поступок будет обладать силой. А иначе все, что человек делает в своей жизни, так и останется действиями глупца.

* * *

«Смерть ожидает нас, и то, что мы делаем в этот самый миг, вполне может стать нашей последней битвой на этой земле. Я называю это битвой, потому что это — борьба. Подавляющее большинство людей переходит от действия к действию без борьбы и без мыслей. Воин-охотник же, наоборот, тщательно взвешивает каждый свой поступок. И поскольку он очень близко знаком со своей смертью, он действует рассудительно, так, словно каждое его действие — последняя битва. Только дурак может не заметить, насколько воин-охотник превосходит своих ближних — обычных людей. Воин-охотник с должным уважением относится к своей последней битве. И вполне естественно, что последний поступок должен быть самым лучшим. Это доставляет ему удовольствие. И притупляет страх».

* * *

Воин — это безупречный охотник, который охотится на силу; он не опьянен и не безумен, у него нет ни времени, ни желания добиваться чего-то обманом, лгать самому себе или совершать неверные действия — ставки слишком высоки. Ставками являются его безупречная и избавленная от излишеств

жизнь, которую он так долго укреплял и совершенствовал. Он не собирается отбрасывать это, совершая какие-нибудь глупые просчеты или ошибочно принимая одно за другое.

* * *

Человек, любой человек, заслуживает всего, что составляет человеческую судьбу, — радости, боли, печали и борьбы. Но природа поступков человека не имеет значения, если он действует как подобает воину.

Если дух его разрушен, ему нужно просто укрепить его — очистить и сделать совершенным. Укрепление духа— единственное, ради чего действительно стоит жить. Не действовать ради укрепления духа — значит стремиться к смерти, а стремиться к смерти — значит не стремиться ни к чему вообще, потому что к ней в лапы каждый из нас попадает независимо ни от чего. Стремление к совершенствованию духа воина — единственная задача, достойная нашего времени, достойная нас как человеческих существ.

* * *

Нет в мире ничего более трудного, чем принять настроение воина. Бесполезно пребывать в печали и ныть, чувствуя себя вправе этим заниматься, и верить, что кто-то другой что-то делает с нами. Никто ничего не делает ни с кем, и менее всех — с воином.

* * *

Воин — прежде всего охотник. Он учитывает все. Это называется контролем. Но, закончив свои расчеты, он действует. Он отпускает поводья рассчитанного действия, и оно совершается как бы само собой. Это — отрешенность. Воин никогда не уподобляется листу, отданному на волю ветра. Никто не может сбить его с пути. Намерение воина непоколебимо, его суждения — окончательны, и никому не под силу заставить его поступать вопреки самому себе. Воин настроен на выживание, и он выживает, выбирая наиболее оптимальный образ действия.

* * *

Воин — всего лишь человек, просто человек. Ему не под силу вмешаться в предначертания смерти. Но его безупречный дух, который обрел силу, пройдя сквозь невообразимые трудности, несомненно способен на время остановить смерть. И этого времени достаточно для того, чтобы воин в последний раз насладился воспоминанием о своей силе. Можно сказать, что это — сговор, в который смерть вступает с тем, чей дух безупречен.

* * *

Воспитание не имеет никакого значения. То, что определяет наш путь, называется личной силой. Личность человека — это суммарный объем его личной силы. И только этим суммарным объемом определяется то, как он живет и как умирает.

* * *

Личная сила — это чувство. Что-то вроде ощущения удачи или счастья. Можно назвать ее настроением. Воин — это охотник за силой. На нее необходимо охотиться и накапливать ее в течение целой жизни борьбы.

* * *

Воин действует, как если бы он знал, что он делает, даже когда на самом деле он не знает ничего. Обычный человек по-разному действует в отношении того, что считает правдой, и того, что считает ложью. Воин действует безупречно в обоих случаях.

* * *

Воин не испытывает угрызений совести за что-либо содеянное, так как

оценивать собственные поступки как низкие, отвратительные или дурные означает приписывать самому себе неоправданную значительность.

Весь смысл заключается в том, чему именно человек уделяет внимание. Мы либо делаем себя жалкими, либо делаем себя сильными — объем затрачиваемых усилий остается одним и тем же.

* * *

Люди говорят нам с момента нашего рождения, что мир такой-то и такой-то и все обстоит так-то и так-то. У нас нет выбора. Мы вынуждены принять, что мир именно таков, каким его нам описывают.

* * *

Искусство воина состоит в сохранении равновесия между ужасом быть человеком и чудом быть человеком.

Комментарии

К тому времени, когда я писал «Путешествие в Икстлан», вокруг меня воцарилась самая загадочная атмосфера. Дон Хуан Матус принял в отношении моего повседневного поведения определенные чрезвычайно прагматичные меры. Он очертил некоторые принципы деятельности и хотел, чтобы я неукоснительно следовал им. Он поставил передо мной три задачи, имеющие самое отдаленное отношение к моему миру обыденной жизни — или к какому-либо миру вообще. Он хотел, чтобы в обычной жизни я любыми доступными способами старался стирать свою личную историю. Затем он потребовал, чтобы я отбросил свои привычные действия, а в завершение сказал, что мне нужно расстаться с чувством собственной важности.

— Как мне добиться всего этого, дон Хуан? — спросил я его.

— Не представляю, — ответил он. — Никто из нас не имеет никакого представления о том, как сделать это прагматично и эффективно. И все же, начиная действовать, мы делаем это, даже не понимая, что именно нам помогло.

— Сейчас ты столкнулся с тем же затруднением, с каким в свое время встретился я сам, — продолжал он. — Уверяю тебя, что это затруднение вызвано полным отсутствием в нашей жизни представления о том, что заставляет нас меняться. Когда учитель поставил передо мной эту задачу, мне потребовалось для ее решения только одно: понимание того, что это можно сделать. Как только я понял это, у меня все получилось — сам не знаю, как именно. Я бы посоветовал тебе поступить точно так же.

Я принялся высказывать самые надуманные жалобы, ссылаясь на то, что занимаюсь изучением общественных наук и привык к обоснованным практическим указаниям, которые опираются на практические методы, а не на нечто туманное и основанное на магических приемах.

— Говори, что хочешь, — смеясь, ответил дон Хуан, — а когда твой поток жалоб иссякнет, забудь о сомнениях и делай то, о чем я тебя попросил.

Дон Хуан был прав. Все, что было необходимо мне — вернее, все, что было неявно необходимо какой-то загадочной части меня, — уловить саму идею. Тому «я», которого я знал всю свою жизнь, было нужно нечто намного большее, чем просто идея: ему требовалась подготовка, понукания и руководство. Однако успехи настолько заинтриговали меня, что выполнение задачи стирания привычных действий, потери чувства собственной важности и отказа от личной истории превратились в подлинное удовольствие.

— Ты стоишь прямо перед путем воинов, — походя сказал дон Хуан, поясняя мне эти таинственные успехи.

Он медленно и методично направлял мою осознанность ко все более сильной сосредоточенности на абстрактном уточнении той концепции воина, которую называл путем воинов. Он объяснил, что путь воинов представляет собой

совокупность идей, утвержденных шаманами Древней Мексики. Они выстроили эту структуру благодаря своей способности видеть энергию так, как она течет во Вселенной. Таким образом, путь воинов представлял собой наиболее гармоничное сочетание энергетических фактов — несократимых истин, определяемых исключительно направлением течения энергии во Вселенной. Дон Хуан категорически заявлял, что в пути воинов нет ничего такого, что можно было бы оспорить или изменить. Он являлся единственной в своем роде совершенной структурой, и любой, кто следовал по этому пути, овладевал энергетическими фактами, не допускающими ни возражений, ни рассуждений в отношении их действенности и значимости.

Дон Хуан сказал, что шаманы древности назвали эту структуру путем воинов, так как она охватывала все яркие возможности, с которыми воин может столкнуться на пути знания. В своих поисках таких возможностей эти шаманы были чрезвычайно внимательными и методичными. По словам дона Хуана, они действительно были способны включить в свои абстрактные построения все, что в человеческих силах.

Дон Хуан сравнил путь воинов с величественным сооружением, любой элемент которого является опорным; единственная функция каждого элемента заключается в том, чтобы поддержать душу воина в его роли инициированного шамана и сделать его движения легкими и исполненными значения. Он недвусмысленно заявил, что путь воинов был жизненно важным построением, без которого новообращенные шаманы затерялись бы в беспредельности Вселенной.

Дон Хуан назвал путь воинов венцом славы шаманов Древней Мексики. Он считал его их важнейшим вкладом, самой сутью их трезвости.

— Неужели путь воинов так невероятно важен, дон Хуан? — однажды спросил его я.

— «Невероятно важен» — это просто слова. Путь воинов — это все. Это воплощение умственного и физического здоровья. Я не могу объяснить этого иначе. То, что шаманы Древней Мексики создали такое построение, означает для меня, что они находились на вершине своего могущества, на пике счастья, в высшей точке радости.

На том уровне прагматического согласия или отрицания, на который, как мне казалось, я опустился в то время, точное и беспристрастное приятие пути воина было для меня совершенно невозможным. Чем больше дон Хуан рассказывал о пути воинов, тем сильнее становилось мое ощущение того, что в действительности он просто пытается окончательно вывести меня из равновесия.

Таким образом, руководство дона Хуана было скрытым. Оно проявлялось в колоссальной ясности, однако, хотя я сам того не осознавал, изречениями из «Путешествия в Икстлан» дон Хуан стремительно подталкивал меня вперед, разгонял до огромной скорости, стоял у меня над душой. Время от времени я считал, что либо уже оказался на грани настоящего согласия с существованием иной системы познания, либо был настолько равнодушен к происходящему, что не заботился о том, каким именно образом это происходит.

Разумеется, я в любой миг мог уйти от всего этого, но это было бы неразумно. То ли опека дона Хуана, то ли интенсивное применение концепции воина каким-то образом укрепили меня до такой степени, что я уже не испытывал прежнего страха. Я оказался в ловушке, но на самом деле это уже не имело никакого значения. Я понимал только то, что останусь рядом с доном Хуаном.

Важнейшие понятия из «Сказок о силе»

* * *

Уверенность в себе воина и самоуверенность обычного человека — это разные вещи. Обычный человек ищет признания в глазах окружающих, называя это уверенностью в себе. Воин ищет безупречности в собственных глазах и называет это смирением. Обычный человек цепляется за окружающих, а воин

рассчитывает только на себя. Разница между этими понятиями огромна. Самоуверенность означает, что ты знаешь что-то наверняка; смирение воина — это безупречность в поступках и чувствах. Обычный человек цепляется за подобного себе человека, воин цепляется за бесконечность.

* * *

Есть множество вещей, которые воин может делать в определенное время, из тех, которые несколько лет назад показались бы ему безумием. Сами по себе эти вещи не изменились, изменилось его представление о себе. Невозможное тогда стало вполне возможным сейчас.

* * *

Единственно возможный для воина курс — это действовать неуклонно, не оставляя места для отступления. Он достаточно знает о пути воина, чтобы поступать должным образом, но его старые привычки и повседневная рутина жизни могут препятствовать ему на его пути.

* * *

Если воин в чем-то добивается успеха, то этот успех должен приходить мягко, пусть даже с огромными усилиями, но без потрясений и навязчивых идей.

* * *

Именно внутренний диалог прижимает к земле людей в повседневной жизни. Мир для нас такой-то и такой-то или этакий и этакий лишь потому, что мы сами себе говорим о нем, что он такой-то и такой-то или этакий и этакий. Вход в мир шаманов открывается лишь после того, как воин научится останавливать свой внутренний диалог.

* * *

Ключом к шаманизму является изменение нашей идеи мира. Остановка внутреннего диалога — единственный путь к этому. Все остальное — просто разговоры. Все, что бы вы ни сделали, за исключением остановки внутреннего диалога, ничего не сможет изменить ни в вас самих, ни в вашей идее мира.

* * *

Главная помеха для воина — внутренний диалог: это ключ ко всему. Когда воин научится останавливать его, все становится возможным. Самые невероятные проекты становятся выполнимыми.

* * *

Воин берет свою судьбу, какой бы она ни была, и принимает ее в абсолютном смирении. Он в смирении принимает себя таким, каков он есть, но не как повод для сожаления, а как живой вызов.

* * *

Смирение воина и смирение нищего — невероятно разные вещи. Воин ни перед кем не опускает голову, но в то же время он никому не позволяет опускать голову перед ним. Нищий, напротив, падает на колени и шляпой метет пол перед тем, кого считает выше себя. Но тут же требует, чтобы те, кто ниже его, мели пол перед ним.

* * *

Утешение, небеса, страх — все это слова, которые создают настроения, которым человек учится, даже не спрашивая об их ценности. Так черные маги завладевают его преданностью.

* * *

Окружающие нас люди являются черными магами. И тот, кто с ними, тот тоже черный маг. Задумайтесь на секунду. Можете ли вы уклониться от тропы, которую для вас проложили ваши близкие? Нет. Ваши мысли и поступки навсегда зафиксированы в их терминологии. Это рабство. Воин, с другой стороны, свободен от всего этого. Свобода стоит дорого, но цена не невозможна. Поэтому бойтесь своих тюремщиков, своих учителей. Истратьте времени и сил, боясь свободы.

* * *

Слабая сторона слов в том, что они заставляют нас чувствовать себя осведомленными, но когда мы оборачиваемся, чтобы взглянуть на мир, они всегда предают нас, и мы опять смотрим на мир как обычно, без всякого просветления. Поэтому воин предпочитает действовать, а не говорить. В результате он получает новое описание мира, в котором разговоры не столь важны, а новые поступки имеют новые отражения.

* * *

Воин рассматривает себя как бы уже мертвым, поэтому ему нечего терять. Самое худшее с ним уже случилось, поэтому он ясен и спокоен. Если судить о нем по его поступкам, то никогда нельзя заподозрить, что он замечает все.

* * *

Знание — это наиболее пугающая вещь, особенно для воина. Но если воин однажды принимает пугающую природу знания, то он отбрасывает саму возможность ужасаться. Знание для воина является чем-то таким, что приходит сразу, поглощает его и проходит.

* * *

Знание приходит, летя, как крупицы золотой пыли, той самой пыльцы,

которая покрывает крылья бабочек. Так что для воина знание похоже на ливень, на пребывание под дождем из крупиц темно-золотой пыли.

* * *

Всегда, когда прекращается внутренний диалог, мир разрушается, и на поверхность выходят незнакомые грани нас самих, как если бы до этого они содержались под усиленной охраной наших слов.

* * *

Мир неизмерим. Как и мы, как и каждое существо, которое есть в этом мире.

* * *

Воины выигрывают свои битвы не потому, что они бьются головами о стены, а потому, что берут их. Воины прыгают через стены; они не разрушают их.

* * *

Воин должен культивировать чувство, что у него есть все необходимое для этого экстравагантного путешествия, которым является его жизнь. В случае воина все, что для этого нужно, — это быть живым. Жизнь — это маленькая прогулка, которую мы предпринимаем сейчас, жизнь сама по себе достаточна, сама себя объясняет и заполняет.

Понимая это, воин живет соответственно. Поэтому можно смело сказать, что опыт всех опытов — это быть живым.

* * *

Обычный человек считает, что индульгировать в сомнениях и колебаниях — это признак чувствительности и духовности. Правда состоит в том, что

обычный человек очень далек от того, чтобы быть чувствительным. Он обманывает себя не намеренно, но его маленький разум превращает себя в чудовище или святого, но на самом деле он слишком мал для такой большой формы, какую заполняет чудовище или святой.

* * *

Быть воином — это не значит просто желать им быть. Это, скорее, бесконечная битва, которая будет длиться до последнего момента. Никто не рождается воином, точно так же, как никто не рождается обычным человеком. Мы сами себя делаем тем или другим.

* * *

Воин умирает трудным способом. Его смерть должна бороться с ним. Воин не отдается смерти так просто.

x x x

Человеческие существа — это не объекты. Они — круглые, светящиеся существа, не объекты, а чистое осознание, не имеющее ни плотности, ни границ. Представление о плотном мире лишь облегчает наше путешествие на земле, это описание, созданное нами для удобства, но не более.

* * *

Наш разум заставляет нас забыть, что описание — это только описание, и, прежде чем осознать это, человеческие существа сами заключают себя в заколдованный круг, из которого они редко вырываются в течение отпущенного им времени жизни.

* * *

Люди — воспринимающие существа. Однако воспринимаемый ими мир

является иллюзией — иллюзией, созданной описанием, которое им внушали с момента, когда они появились на свет.

Мы, светящиеся существа, рождаемся с двумя кольцами силы, но для создания мира используем только одно из них. Это кольцо, которое замыкается на нас в первые годы жизни, есть разум и его компаньон, речь. Именно они, столковавшись между собой, и состряпали этот мир при помощи описания и его догматических и незыблемых правил, а теперь поддерживают его.

* * *

Секрет светящихся существ заключается в том, что у них есть кое-что такое, что почти никогда не используется, — воля. Уловка шаманов — это та же уловка обычного человека. У обоих есть описание мира. Обычный человек поддерживает свое при помощи разума, а шаман — при помощи воли. Оба описания имеют свои законы, и эти законы поддаются восприятию. Но описание шамана гласит, что воля более всеобъемлюща, чем разум.

Воин позволяет себе воспринимать и поддерживать оба описания — мира разума и мира воли. Это единственный способ использовать повседневный мир как вызов и как средство накопить достаточно личной силы для обретения целостности самого себя.

* * *

Только воин может выстоять на пути знания. Воин не жалуется и ни о чем не сожалеет. Его жизнь — бесконечный вызов, а вызовы не могут быть плохими или хорошими. Вызовы — это просто вызовы.

* * *

Основное различие между воином и обычным человеком заключается в том, что воин все принимает как вызов, тогда как обычный человек принимает все как благословение или проклятие.

* * *

Воин должен быть текучим и изменяться в гармонии с окружающим миром, будь это мир разума или мир воли. Реальная опасность для воина возникает тогда, когда выясняется, что мир — это ни то и ни другое. Считается, что единственный выход из этой критической ситуации — продолжать действовать так, как если бы ты верил. Секрет воина в том, что он верит, не веря. Разумеется, воин не может просто сказать, что он верит, и на этом успокоиться. Это было бы слишком легко. Простая вера устранила бы его от анализа ситуации. Во всех случаях, когда воин должен связать себя с верой, он делает это по собственному выбору. Воин не верит, воин должен верить.

* * *

Смерть — это необходимая добавка к «должен верить». Без осознания смерти все становится обычным, незначительным. Мир потому и является неизмеримой загадкой, что смерть постоянно выслеживает нас. Без осознания присутствия нашей смерти нет ни силы, ни тайны. Долг верить, что мир таинствен и непостижим, — это выражение самого глубокого предрасположения воина.

* * *

Сила всегда открывает воину кубический сантиметр шанса. Искусство воина состоит в том, чтобы быть непрерывно текучим, иначе он не успеет ухватиться за этот шанс.

* * *

Обычный человек привык осознавать только то, что считает важным для себя. Но настоящий воин должен осознавать все и всегда.

* * *

Целостность самого себя — очень таинственное дело. Нам нужна лишь малая часть ее для выполнения сложнейших жизненных задач. Но когда мы умираем, мы умираем целостными. Шаман задается вопросом: если мы умираем с целостностью самих себя, то почему бы тогда не жить с ней?

* * *

Для воина главнейшим правилом в жизни является выполнять свои решения столь тщательно, что ничто, случившееся в результате его действий, не может его удивить и уж тем более — истощить его силы.

* * *

Когда воин принимает решение, он должен быть готов к смерти. Если он готов умереть, то не будет никаких ловушек, никаких неприятных сюрпризов и никаких ненужных поступков. Все должно мягко укладываться на свое место, потому что он не ожидает ничего.

* * *

Воин, как учитель, прежде всего, должен обучить своего ученика одной возможности — способности действовать, не веря, не ожидая наград. Действовать только ради самого действия. Успех дела учителя зависит от того, насколько хорошо и насколько грамотно он ведет своего ученика именно в этом особом направлении.

* * *

В помощь стиранию личной истории воин, как учитель, должен обучить своего ученика трем техникам. Они заключаются в избавлении от чувства собственной важности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика. Без благоприятного эффекта этих техник стирание личной истории может вызвать в ученике неустойчивость,

ненужную и вредную двойственность относительно самого себя и своих поступков.

* * *

Нет никакого способа избавиться от жалости к самому себе, освободиться от нее с пользой. Она занимает определенное место и имеет определенный характер в жизни обычного человека — определенный фасад, который видно издалека. Поэтому каждый раз, когда предоставляется случай, жалость к самому себе становится активной. Такова ее история. Если человек меняет фасад жалости к самому себе, то он убирает и ее выдающееся положение. Фасады изменяют, изменяя использование элементов самого фасада. Жалость к себе полезна для того, кто ею пользуется, потому что он чувствует свою важность и считает, что заслуживает лучших условий, лучшего обращения. Она еще и потому имеет значение, что человек не хочет принимать ответственность за поступки, которые побуждают его жалеть самого себя.

* * *

Изменение фасадов жалости к себе означает только то, что воин переносит прежде важные составляющие на второй план. Жалость к самому себе по-прежнему остается чертой его характера, однако теперь она занимает место на заднем плане — подобно тому, как представления о надвигающейся смерти, о смирении воина или об ответственности за свои поступки когда-то тоже существовали на заднем плане и никак не использовались до тех пор, пока воин не стал воином.

* * *

Воин признает свою боль, но не индульгирует в ней. Поэтому настроение воина, который входит в неизвестность, — это не печаль. Напротив, он весел, потому что он чувствует смирение перед своей удачей, уверенность в том, что его дух неуязвим, и, превыше всего, полное осознание своей эффективности. Радость воина исходит из его признания своей судьбы и его правдивой оценки того, что лежит перед ним.

Комментарии

«Сказки о силе» отмечают мой полный провал. В то время, когда происходили описанные в этой книге события, я страдал от тяжелого эмоционального сдвига, переломного момента воина. Дон Хуан Матус покинул этот мир, оставив в нем четырех своих учеников. Дон Хуан использовал ко всем личный подход и поставил перед каждым свою задачу. Я считал эту задачу неким плацебо, не имеющим никакого значения в сравнении с тяжестью нашей потери.

Никакие надуманные задачи не могли смягчить горечь от ощущения того, что нам никогда уже не увидеть дона Хуана. Моей первой просьбой к дону Хуану, разумеется, стали слова о том, что я хотел бы отправиться вместе с ним.

— Ты еще не готов, — сказал он. — Будь реалистичен.

— Но я мог бы приготовиться в мановение ока, — заверил его я.

— Не сомневаюсь. Если ты и будешь готов, то только не для меня. Мне требуется совершенная действенность. Мне нужны безупречная воля, безупречная дисциплинированность. Этого у тебя еще нет. Они появятся, ты движешься к ним, но сейчас их у тебя еще нет.

— Но ведь ты смог бы забрать меня с собой, дон Хуан — даже если я еще не готов и не совершенен.

— Думаю, да, но я не стану этого делать. Это оказалось бы для тебя постыдным расточительством. Поверь мне, ты потерял бы все. Не настаивай. Назойливость не относится к миру воинов.

Этого заявления было достаточно, чтобы я прекратил свои просьбы. Однако

внутренне я с тоской желал уйти вместе с ним, выйти за пределы всего, что я знал и считал нормальным и реальным.

Когда наступил тот миг, когда дон Хуан окончательно покидал этот мир, он превратился в какую-то разноцветную газообразную светимость. Он стал чистой энергией, свободно текущей во Вселенной. В тот момент мое ощущение потери стало таким нестерпимым, что мне захотелось умереть. Я позабыл обо всем, что говорил дон Хуан, и без малейших колебаний решил броситься в пропасть. Я рассчитывал, что если сделаю это, то в миг смерти дон Хуан обязан будет взять меня с собой и спасти хотя бы те крохи осознания, что во мне остались.

Однако по каким-то причинам, необъяснимым как с точки зрения убеждений моей обычной системы познания, так и с позиции системы познания мира шаманов, я не погиб. Я остался один в мире повседневной жизни, а три мои когорты рассеялись по всему миру. Я стал незнакомцем для самого себя, и это сделало мое одиночество еще более горьким.

Я считал себя неким провокатором, каким-то шпионом, которого дон Хуан по неясным соображениям оставил здесь после себя. Высказывания из книги «Сказки о силе» показывают неведомое качество этого мира — не мира шаманов, а мира обыденной жизни, которая, по словам дона Хуана, так же загадочна и богата, как и все остальное. Чтобы насладиться чудесами мира повседневной жизни, нужно только одно: достаточная отрешенность. Однако еще больше отрешенности нам необходимы достаточные страсть и отрешенность.

— Чтобы этот мир, который кажется таким банальным, смог распахнуться и явить нам свои чудеса, воин должен любить его, — предупреждал меня дон Хуан.

Когда он произнес эти слова, мы находились в пустыне Соноры.

— Быть в этой дивной пустыне и смотреть на эти изрезанные пики ненастоящих гор, которые на самом деле созданы потоками лавы давно исчезнувших вулканов, — это очень тонкое ощущение, — говорил он. — Замечать, что некоторые из кусков обсидиана возникли при таких высоких температурах, что на них еще сохранились признаки их происхождения, — это

славное чувство. В них полно силы. Бесцельно бродить среди этих изрезанных вершин и находить те куски кварца, что способны ловить радиоволны, — вот что замечательно. Единственным недостатком этого величественного пейзажа является то, что переход к чудесам этого мира — к чудесам любого мира, — требует, чтобы человек был воином: молчаливым, собранным, отрешенным, закаленным под натиском непознанного. Ты еще недостаточно закален, и потому твой долг заключается в поиске полноты — только после этого ты можешь говорить о путешествии в Бесконечность.

Тридцать пять лет своей жизни я провел, добиваясь зрелости воина. В поисках этого ощущения закаленности под натиском непознанного я посетил места, не поддающиеся никаким описаниям. Я уходил туда незаметно и без приглашения, и точно так же возвращался назад. Воины действуют бесшумно и одиноко, и, когда воины уходят или возвращаются, они делают это так незаметно, что никто об этом не знает. Добиваться зрелости воина иным путем означало бы действовать напоказ, и потому это недопустимо.

Изречения из «Сказок о силе» стали для меня самым острым напоминанием о том, что намерение тех шаманов, которые жили в Мексике в древности, по-прежнему безупречно в своем проявлении. Колесо времени неуклонно движется вокруг меня, заставляя всматриваться в те бороздки, которые остаются логически связанными, хотя в их отношении любые слова бессильны.

— Достаточно сказать, — говорил однажды дон Хуан, — что беспредельность этого мира, будь то мир шаманов или обычных людей, настолько очевидна, что только заблуждение не позволяет нам этого заметить. Попытка объяснить заблуждающимся существам, что значит затеряться в бороздках колеса времени, — самое бессмысленное, что только может делать воин. Таким образом, он полностью убеждается, что эти путешествия представляют собой единственную принадлежность его состояния воина.

Важнейшие понятия из «Второго кольца силы»

* * *

Человек становится мужественным, когда ему нечего терять. Мы малодушны только тогда, когда есть еще что-то, за что мы можем цепляться.

* * *

У воина нет возможности отдавать что бы то ни было на волю случая. Воин реально влияет на результаты событий силой своего осознания и своего несгибаемого намерения.

* * *

Если воин хочет отдать долг за все то добро, которое для него сделали, и у него нет возможности сделать это по отношению к конкретному человеку, который когда-то помог ему, он может сделать свой вклад в человеческий дух. Это может быть очень немного, но, сколько бы он ни вложил, этого всегда будет более чем достаточно.

* * *

После описания мира в очень прекрасной и просвещенной манере ученый в пять часов уходит домой отдыхать от своих замечательных построений.

* * *

Человеческая форма представляет собой существующий во Вселенной и связанный исключительно с человеческими существами конгломерат энергетических полей. Шаманы назвали его человеческой формой, потому что за время жизни человека эти энергетические поля искажаются и

контролируются привычками и неверным использованием.

* * *

Воин знает, что измениться он не может. Но хотя ему это прекрасно известно, он все же пытается изменить себя. Это единственное преимущество, которое воин имеет перед обыкновенным человеком. Воин не испытывает разочарования, когда, пытаясь измениться, терпит неудачу.

* * *

Чтобы вспугнуть человеческую форму и стряхнуть ее, воины должны быть безупречны в своем стремлении измениться. После долгих лет безупречности наступит такой момент, когда человеческая форма уже не может выдержать ее и уходит. Это означает, что придет такой миг, когда энергетические поля, искажавшиеся в течение жизни под влиянием привычек, распрямляются. Несомненно, при таком распрямлении энергетических полей воин испытывает сильное потрясение и даже может погибнуть, однако безупречный воин непременно выживет.

* * *

Единственная свобода для воина состоит в том, что он должен быть безупречным. Безупречность является не только свободой, но и единственным способом вспугнуть человеческую форму.

* * *

Любой привычке для функционирования необходимы все ее составные части. Если некоторые части отсутствуют, привычка разрушается. Привычка нуждается во всех своих составных частях, чтобы оставаться живой.

* * *

Битва происходит именно здесь, на этой земле. Мы — человеческие существа. Кто знает, что ожидает нас и какого рода силу мы можем иметь?

* * *

Мир людей поднимается и опускается, и люди поднимаются и опускаются вместе со своим миром. Воинам незачем следовать за подъемами и спусками их ближних.

* * *

Ядром нашего существа является акт восприятия, а магической тайной нашего бытия — акт осознания. Восприятие и осознание является обособленной нерасчленимой функциональной единицей.

* * *

Мы делаем выбор только один раз. Мы выбираем быть воином или быть обычным человеком. Другого выбора просто не существует. Не на этой земле.

* * *

Путь воина приводит человека в новую жизнь, и эта новая жизнь должна быть полностью новой. Он не может вносить в эту новую жизнь свои уродливые старые пути.

* * *

Особое значение воины всегда придают первому событию из любой серии событий, так как оно является подлинным знаком. Воины рассматривают такое событие как программу или карту того, что должно произойти впоследствии.

* * *

Человеческим существам нравится, когда им говорят, что следует делать, однако еще больше им нравится сопротивляться и не делать того, о чем им говорили. Именно поэтому они прежде всего запутываются в ненависти к тому, кто им советует что-то делать.

* * *

Каждый имеет достаточно личной силы для чего угодно. В случае воина фокус состоит в том, чтобы отвернуть свою личную силу от своих слабостей и направить ее к своей цели воина.

* * *

Все могут видеть, хотя мы выбираем не помнить, что мы видим.

Комментарии

Прежде чем я написал «Второе кольцо силы», прошли годы. Дон Хуан давно ушел, и изречения из этой книги представляют собой воспоминания о том, что он когда-то говорил, — воспоминания, вызванные новыми обстоятельствами, новым этапом развития. В моей жизни возник еще один персонаж. Это был член когорты дона Хуана — Флоринда Матус. Все ученики дона Хуана понимали, что после ухода дона Хуана Флоринда по каким-то причинам осталась здесь, чтобы завершить последнюю часть нашей подготовки.

— Ты не достигнешь полноты, пока не научишься без уязвленности принимать распоряжения от женщины, — говорил дон Хуан. — Однако эта женщина не

должна быть случайной. Она должна быть особенной, она должна обладать силой и такой безжалостностью, которая не позволит тебе стать той шишкой, которой ты видишь себя в мечтах.

Конечно, я посмеялся над этими словами. Я подумал, что он просто шутит. Однако истина заключалась в том, что он совсем не шутил. Однажды вернулись Флоринда Доннер-Грау и Тайша Абеляр, и мы отправились в Мексику. В Гвадалахаре мы вошли в универсальный магазин и нашли там Флоринду Матус, самую замечательную женщину, какую мне только доводилось видеть: очень высокая, пять футов одиннадцать дюймов ростом, худая, угловатая, с прекрасным и очень молодым, несмотря на возраст, лицом.

— Ага! Вот вы где! — воскликнула она, увидев нас. — Три мушкетера! «Пеп-бойз»: Ини, Мини и Мо! А я вас повсюду ищу!

Без лишних разговоров она взяла руководство в свои руки. Флоринда Доннер-Грау, разумеется, была вне себя от радости. Тайша Абеляр вела себя, по обыкновению, очень сдержанно, а я был обижен, почти разъярен. Я понимал, что такая расстановка не сработает. Я был готов к стычке с этой женщиной с того самого мига, когда она раскрыла свой дерзкий рот и ляпнула всю эту чушь: «"Пеп-бойз»: Ини, Мини и Мо».

Однако неожиданные черты, которые были у меня в запасе, пришли мне на помощь и не позволили мне проявить гнев или раздражение, и я прекрасно сошелся с Флориндой — лучше, чем можно было мечтать. Он руководила нами железной рукой. Она стала непререкаемой царицей наших жизней. У нее были сила и отрешенность, позволившие ей на самом тонком уровне провести работу по нашей настройке. Она не позволяла нам впадать в жалость к себе или высказывать жалобы, когда что-то было нам не по нраву. Она была совсем не похожа на дона Хуана. Ей не хватало его трезвости, однако этот недостаток уравновешивался другим качеством: она была невероятно быстрой. Чтобы разобраться в любой ситуации и мгновенно начать делать то, чего от нее ожидали, ей было достаточно одного взгляда.

Одним из ее излюбленных трюков — я получал от него безграничное удовольствие — был сухой, официальный вопрос, обращенный к аудитории или к той группе людей, с которой она разговаривала: «Известно ли кому-то из присутствующих о давлении и вытеснении газов?» Она задавала этот

вопрос с совершенно серьезным лицом. После того как аудитория откликалась возгласами: «Нет! Не известно!», она говорила: «Значит, я могу рассказать то, что считаю нужным?» — и она действительно делала это, то есть «высказывала» все, что считала нужным. Временами она выкидывала такие возмутительные номера, что я катался по полу от смеха.

Другим ее классическим вопросом была фраза: «Известно ли кому-то хоть что-то о сетчатой оболочке у шимпанзе? Нет?» — после этого Флоринда принималась нести всякую чушь о сетчатке шимпанзе. Это был самый счастливый и насыщенный период в моей жизни. Я был ее поклонником и преданным сторонником.

Однажды у меня появился свищ на бедренной кости — результат давнего падения в лощину с колючими кактусами, когда в мое тело впилось около семидесяти пяти иголок. Одна из них то ли не была извлечена полностью, то ли оставила в ране грязь или осколок, что и привело годы спустя к возникновению свища.

— Пустяки, — сказал мой врач. — Это просто гнойник, и его нужно вскрыть. Очень простая операция. Чтобы вычистить его, мне понадобится всего пара минут.

Я посоветовался с Флориндой, и она сказала:

— Ты — нагваль. Ты либо выздоровеешь, либо умрешь. Никакой двусмысленности, никакой раздвоенности в поведении. Если ты, нагваль, идешь к врачу, чтобы он вскрыл тебе свищ, то, похоже, ты потерял свою силу. Нагваль умирает от свища? Какой позор!

Другие ученики дона Хуана, кроме Флоринды Доннер-Грау и Тайши Абеляр, не обращали на Флоринду никакого внимания. Она была для них пугающей фигурой. Она никогда не дала бы им той свободы, какую они считали своим правом. Она никогда не потакала их притворным играм в шаманизм и прерывала их деятельность всякий раз, когда они отклонялись от пути воинов.

Борьба между учениками описана в тексте «Второго кольца силы» более чем откровенно. Ученики дона Хуана были проигранной ставкой, переполненной

вспышками самовлюбленности, во время которых каждый тянул других в своем направлении и подчеркивал собственную значимость.

Все, что происходило в нашей жизни с того момента, случалось под глубоким влиянием Флоринды Матус, хотя она никогда не выходила на первый план. Она всегда оставалась фигурой в тени — мудрой, веселой и безжалостной. Мы с Флориндой Доннер-Грау полюбили ее так, как не любили больше никого; перед своим уходом она оставила Флоринде Доннер-Грау свое имя, драгоценности и деньги, изящество и находчивость. Я чувствовал, что вряд ли когда-нибудь напишу книгу о Флоринде Матус. Единственной, кто мог бы сделать это, является Флоринда Доннер-Грау — ее подлинная наследница, дочь среди дочерей. Я был как Флоринда Матус — только фигура на заднем плане, поставленная туда доном Хуаном, чтобы разрушить одиночество воина и порадоваться моему путешествию по земле.

Важнейшие понятия из «Дара Орла»

* * *

Искусство сновидения — это способность владеть своим обычным сном, переводя его в контролируемое состояние сознания при помощи особой формы внимания, которое называется вниманием сновидения, или вторым вниманием.

* * *

Искусство сталкинга — это совокупность приемов и установок, позволяющих находить наилучший выход из любой мыслимой ситуации.

* * *

Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых концентрировалась бы их сила, фокусироваться на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных вещах.

Каждый, кто хочет следовать пути воина, должен освободиться от страсти владеть и цепляться за вещи.

* * *

Видение является знанием на уровне тела. Ведущая роль зрения воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазами.

* * *

Потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает воину свободу помнить себя как конгломерат полей энергии, а это, в свою очередь, делает его еще более свободным.

* * *

Воин знает, что он ждет, и он знает, чего он ждет, и, пока он ждет, он насыщает свои глаза миром. Для воина окончательное выполнение его задачи является наслаждением, радостью бесконечности.

* * *

Ход жизни воина неизменен. Вызов в том, насколько далеко уйдет он по узкой дороге, насколько безупречным он будет в пределах этих нерушимых границ...

* * *

Действия людей не влияют на воина, потому что у него больше нет никаких ожиданий. Странный покой становится руководящей силой его жизни. Он воспринял одну из концепций жизни воина — отрешенность.

* * *

Сама по себе отрешенность еще не означает мудрости, тем не менее является преимуществом, позволяя воину мгновенно переоценивать ситуацию и пересматривать свою позицию. Чтобы пользоваться этим дополнительным преимуществом адекватно и правильно, необходимо, однако, чтобы воин непрестанно сражался на протяжении всей своей жизни.

* * *

Я уже отдан силе,
что правит моей судьбой.
Я ни за что не держусь,
поэтому мне нечего защищать.
У меня нет мыслей,
поэтому я увижу.
Я ничего не боюсь,
поэтому я буду помнить себя.
Отрешенный, с легкой душой,
я проскочу мимо Орла,
чтобы стать свободным.

* * *

Намного легче двигаться в условиях максимального стресса, чем быть безупречным в обычных обстоятельствах.

* * *

Человеческие существа разделены надвое. Правая сторона, которую называют

тональ, схватывает все, что может воспринимать интеллект. Левая сторона — нагваль — царство, черты которого неописуемы, мир, который невозможно заключить в слова. Левая часть до какой-то степени воспринимается (если это можно назвать восприятием) всем нашим телом, — отсюда его сопротивление концептуализации.

* * *

Все способности, возможности и достижения шаманизма, от самых простых до самых немыслимых, заключены в самом человеческом теле.

* * *

Сила, правящая судьбой всех живых существ, называется Орлом. Не потому, что это орел или что-то еще, имеющее нечто общее с орлом либо как-то к нему относящееся, а потому, что для видящего она выглядит как неизмеримый иссиня-черный Орел, стоящий прямо, как стоят орлы, высотой уходя в бесконечность.

* * *

Орел пожирает осознание всех существ, мгновение назад живших на земле, а сейчас мертвых. Они летят к клюву Орла, как бесконечный поток мотыльков, летящих на огонь, чтобы встретить своего хозяина и причину того, что они жили. Орел разрывает эти маленькие осколки пламени, раскладывая их, как скорняк шкурки, а затем съедает, потому что осознание является пищей Орла.

* * *

Орел — сила, правящая судьбой живых существ, — видит всех этих существ сразу и совершенно одинаково. Поэтому у человека нет никакого способа разжалобить Орла, просить у него милости или надеяться на снисхождение. Человеческая часть Орла слишком мала и незначительна, чтобы затронуть целое.

* * *

Хотя Орла и не волнуют обстоятельства жизни любого живого существа, каждому из них он сделал дар.

По-своему, своими собственными средствами, каждое из них, если пожелает, имеет власть сохранить силу осознания, силу не повиноваться зову смерти и тому, чтобы быть пожранным. Каждому живому существу была дарована сила, если оно того пожелает, искать проход к свободе и пройти через него. Для того видящего, который видит этот проход, и для тех существ, которые прошли сквозь него, совершенно очевидно, что Орел дал этот дар для того, чтобы увековечить осознание.

* * *

Проскочить к свободе не означает вечной жизни в том смысле, как обычно понимается вечность — как непрерывная бесконечная жизнь. Воин просто сохраняет осознание, обычно распадающееся в момент умирания. В момент перехода тело во всей его полноте озаряется знанием. Каждая клетка мгновенно осознает себя и целостность всего тела.

* * *

Дар Орла, свобода, — это не награда, не подарок, это шанс иметь шанс.

* * *

Воин никогда не бывает осажденным. Находиться в осаде означает, что имеешь какую-то личную собственность, которую могут подвергнуть осаде. У воина же ничего в мире нет, кроме его безупречности, а безупречности ничто угрожать не может. Однако в битве за собственную жизнь воин должен стратегически использовать все допустимые средства.

* * *

Первым принципом искусства сталкинга является то, что воин сам выбирает место для битвы. Воин никогда не вступает в битву, не зная окружающей обстановки.

* * *

Отбрасывать все лишнее — второй принцип искусства сталкинга. Воин ничего не усложняет. Он нацелен на то, чтобы быть простым.

* * *

Всю имеющуюся в его распоряжении сосредоточенность он применяет к решению вопроса о том, вступать или не вступать в битву, так как каждая битва является для него сражением за свою жизнь — это третий принцип искусства сталкинга. Воин должен быть готовым и испытывать желание провести свою последнюю схватку здесь и сейчас. Однако он не делает это беспорядочно.

* * *

Воин расслабляется, отходит от самого себя, ничего не боится. Только тогда силы, которые ведут человеческие существа, откроют воину дорогу и помогут ему. Только тогда. Это и есть четвертый принцип искусства сталкинга.

* * *

Встречаясь с неожиданным и непонятным и не зная, что с этим делать, воин на какое-то время отступает, позволяя своим мыслям бродить бесцельно. Воин занимается чем-то другим. Тут годится все что угодно. Это — пятый принцип искусства сталкинга.

* * *

Шестой принцип искусства сталкинга: воин сжимает время, даже мгновения идут в счет. В битве за собственную жизнь секунда — это вечность, которая может решить исход сражения. Воин нацелен на успех, поэтому он экономит время, не теряя ни мгновения.

* * *

Чтобы применять седьмой принцип искусства сталкинга, необходимо использовать все остальные принципы, — он сводит воедино предыдущие шесть: сталкер никогда не выдвигает себя на первое место. Он всегда выглядывает из-за сцены.

* * *

Применение этих принципов приводит к трем результатам. Первый — сталкер обучается никогда не принимать самого себя всерьез, уметь смеяться над собой. Если он не боится выглядеть дураком, он может одурачить кого угодно. Второй — сталкер приобретает бесконечное терпение. Он никогда не спешит и никогда не волнуется. Третий — сталкер бесконечно расширяет свои способности к импровизациям.

* * *

Сталкеры обращены лицом ко времени наступающему. Обычные люди смотрят на время, уходящее от нас. Только воины могут менять направление и поворачиваться лицом к надвигающемуся на нас времени.

* * *

У воинов только одна цель — их свобода. Умереть и быть съеденным Орлом — это не вызов. С другой стороны, проскочить мимо Орла и стать свободным —

исключительная доблесть.

* * *

Когда воины говорят о времени, они не имеют в виду что-то такое, что измеряется движением часовой стрелки. Время является сущностью внимания, из времени состоят эманации Орла, и, по существу, когда входишь в любой аспект «другого я», то знакомишься со временем.

* * *

Воин не может больше плакать, и единственным выражением боли является дрожь, приходящая откуда-то из самых глубин Вселенной, как если бы одна из эманаций Орла была болью, и, когда она достигает воина, дрожь воина бесконечна.

Комментарии

Изучение высказываний, извлеченных из «Дара Орла», вызвало у меня весьма примечательное ощущение. Я мгновенно ощутил проявившееся с невиданной силой жесткое кольцо намерения шаманов Древней Мексики. Тогда я без тени сомнений понял, что изречения из этой книги подчиняются их колесу времени. Более того, я осознал, что это относится ко всему, что я сделал в прошлом, включая создание книги «Дар Орла», и в не меньшей степени сказывается на том, что я делаю сейчас, в том числе и на создании этой книги.

Поскольку мне очень трудно описать это яснее, остается только одна возможность: принять этот факт с полным смирением. Шаманы Древней Мексики действительно разработали иную систему познания и, исходя из

элементов этой системы познания, все еще способны воздействовать на меня сегодня самым благотворным и воодушевляющим образом.

Благодаря усилиям Флоринды Матус, которая вовлекла меня в изучение наиболее изощренных вариантов стандартных шаманских техник, разработанных шаманами древности, — например, перепросмотра, — мне удалось, к примеру, увидеть полученный с помощью дона Хуана опыт с такой силой, какую я никогда не мог бы даже вообразить. Книга «Дар Орла» стала результатом такого нового видения дона Хуана Матуса.

Для дона Хуана Матуса перепросмотр означал повторное переживание и полный пересмотр событий жизни во всей их целостности. Он никогда не тратил время на мелкие подробности изощренных вариантов этой древней техники. Флоринда, напротив, отличалась придирчивой дотошностью. В течение долгих месяцев она готовила меня к переходу к тем аспектам перепросмотра, которые я вплоть до настоящего времени не в состоянии описать.

— То, что ты чувствуешь, — обширность воина, — поясняла она. — Есть техники. Их очень много. Однако важнее всего тот человек, который ими пользуется, и его стремление пройти с их помощью до самого конца.

Перепросмотр личности дона Хуана в понятиях Флоринды привел к возникновению новых взглядов на дона Хуана с самыми мучительными подробностями и пониманием. Это было нечто намного более сильное, чем беседы с самим доном Хуаном. Именно прагматизм Флоринды обеспечил мне изумительные прозрения в отношении тех практических возможностей, которые ни в малейшей степени не волновали нагваля Хуана Матуса. Будучи настоящей прагматичной женщиной, Флоринда не питала в отношении самой себя ни иллюзий, ни мании величия. Она говорила, что является тем пахарем, который не может позволить себе упустить ни единого поворота на пути.

— Воин должен двигаться очень медленно, — советовала она, — и извлекать прок из всего, что встречается на пути воинов. Одним из самых примечательных достоинств является способность с непоколебимой силой сосредоточивать свое внимание на переживаемых событиях — этой способностью обладаем все мы как воины. Воины могут сосредоточивать это внимание даже на тех людях, с которыми никогда не встречались. Конечный

результат такой глубокой сосредоточенности всегда оказывается одним и тем же: воину становится доступной вся полнота стилей поведения, от давно забытых до совершенно новых. Попробуй сам.

Я последовал ее совету и, разумеется, сосредоточился на доне Хуане. Я вспомнил все, что происходило в каждый миг. Я вспомнил такие подробности, каких вообще не должен был помнить. Благодаря трудам Флоринды я смог восстановить огромный пласт своего общения с доном Хуаном, а также чрезвычайно важные детали, которых прежде совершенно не замечал.

Дух изречений из «Дара Орла» стал для меня таким потрясением, благодаря им мне открылось то глубокое внимание, какое дон Хуан уделял предметам этого мира на пути воинов, являющемся воплощением максимума человеческих возможностей. Эта движущая сила пережила его самого и не потеряла ни капли своей энергии. У меня возникло искреннее ощущение, что дон Хуан никуда не уходил, и я дошел до того, что действительно слышал, как он ходит по дому. Я обратился с вопросом об этом к Флоринде.

— О, это пустяки, — сказала она. — Это означает только то, что пустота нагваля Хуана Матуса дотягивается и прикасается к тебе независимо от того, где сейчас находится его осознанность.

Ее ответ еще больше озадачил и заинтриговал меня, одновременно повергнув в еще большее уныние. Хотя Флоринда была самым близким человеком для нагваля Хуана Матуса, она выглядела совершенно не похожей на него. Единственной их общей чертой являлась пустота. Они уже не были людьми. Дон Хуан вообще не существовал как личность: вместо личности существовал набор историй, каждая из которых уместно подходила к обсуждаемой в данный момент ситуации, — набор поучительных историй и шуток, несущих на себе приметы его трезвости и умеренности.

Флоринда была такой же — одна история следовала за другой, однако ее истории были связаны с людьми. Они были похожи на высшую форму сплетен, или на слухи, поднявшиеся благодаря ее обезличенности до непостижимых высот эффективности и занимательности.

— Мне хотелось бы, чтобы ты изучил одного человека, невероятно похожего на тебя самого, — сказала она мне однажды. — Я хочу, чтобы ты

перепросмотрел этого человека так, как будто знал его всю свою жизнь. Этот человек занимал выдающееся место в образовании нашей линии. Его звали Элиас — нагваль Элиас. Я называю его «нагваль, потерявший рай».

Это история о том, что нагваль Элиас был воспитан иезуитом, который научил его читать, писать и играть на клавесине. Он выучил его латинскому языку. Нагваль Элиас мог читать священное писание на латинском так же бегло, как ученый человек. Богословие являлось его предназначением, однако он был индейцем, а в те времена ни одного индейца не пустили бы за кафедру церкви. Он был слишком пугающим, слишком темнокожим — настоящим индейцем. Священники относились к высшим слоям общества, они были потомками испанцев: белыми, голубоглазыми, приятными на вид и представительными. В сравнении с ними нагваль Элиас выглядел настоящим медведем, но он долго боролся за право стать священником, так как наставник разжигал его стремление обещанием того, что Господь позаботится о том, чтобы Элиаса посвятили в сан.

Он стал дьячком в церковном приходе своего наставника, и однажды в церковь вошла настоящая ведьма. Ее звали Амалия. Поговаривали, что она — та еще штучка. Так или иначе, все закончилось тем, что она соблазнила несчастного дьячка, который влюбился в Амалию так сильно и безнадежно, что в конце концов оказался в хижине нагваля. Со временем он стал нагвалем Элиасом — образованным, начитанным человеком, с которым следовало считаться. Казалось, звание нагваля создано именно для него. Оно обеспечивало ему ту анонимность и действенность, какую он не смог бы достичь в повседневном мире.

Он был сновидящим — и таким искусным, что в бестелесном состоянии посетил самые малоизвестные области Вселенной. Временами он даже приносил с собой предметы, приглянувшиеся ему своими очертаниями; это были совершенно непостижимые вещи. Он называл их «вымыслами». У него была целая коллекция таких предметов.

— Я хочу, чтобы ты сосредоточил свое внимание перепросмотра на этих «выдумках», — потребовала Флоринда. — Я хочу, чтобы в результате ты смог почувствовать их запах и осязать их руками, пусть даже ты никогда не видел их и знаешь только то, что я сейчас рассказала. Добиться такой сосредоточенности означает установить некую точку отсчета, подобно тому,

как при решении алгебраического уравнения результат вычисляется с помощью какой-то третьей переменной. Ты сможешь с бесконечной ясностью увидеть нагваля Хуана Матуса, используя в качестве опорной точки кого-то третьего.

Книга «Дар Орла» представляет собой глубокий обзор того, чем занимался со мной дон Хуан, пока он оставался в этом мире. Тот взгляд на дона Хуана, которого я добился благодаря своим новым умениям в перепросмотре — и использованию нагваля Элиаса в качестве опорной точки, — оказался бесконечно интенсивнее, чем любые мои представления о нем, когда он еще жил здесь. Полученным в результате перепросмотра взглядам недостает живого тепла, однако они обладают точностью и ясностью неодушевленных предметов при пристальном наблюдении.

Важнейшие понятия из «Огня изнутри»

* * *

Без печали и тоски полнота недостижима. Без них не может быть завершенности, ибо без них не может быть ни доброты, ни уравновешенности. А мудрость без доброты и знание без уравновешенности бесполезны.

* * *

Чувство собственной важности — главнейший и самый могущественный из врагов человека. Его уязвляют и обижают действия либо посягательства со стороны ближних, и это делает его слабым. Чувство собственной важности заставляет человека всю его жизнь чувствовать себя кем-то или чем-то оскорбленным.

* * *

Тот, кто встал на путь знания, должен обладать огромным воображением. На пути знания ничто не бывает таким ясным, как нам бы того хотелось.

* * *

Если видящий способен добиться своего, имея дело с мелким тираном, то он определенно сможет без вреда для себя встретиться с неизвестным и даже выстоять в столкновении с непознаваемым.

* * *

Может показаться естественным, что воин, способный остаться самим собой в столкновении с неизвестным, гарантированно может справляться с мелкими тиранами. Но в действительности это не так. Именно из-за этой ошибки погибли многие великолепные видящие древности. Ничто так не закаляет дух воина, как необходимость иметь дело с невыносимыми людьми, обладающими реальной властью и силой. Это — совершенный вызов. Только в таких условиях воин обретает уравновешенность и ясность, без которых невозможно выдержать натиск непознаваемого.

* * *

«Неизвестное» — это то, что скрыто от человека неким подобием завесы из имеющей ужасающую фактуру ткани бытия. Однако оно находится в пределах досягаемости. В определенный момент времени неизвестное становится известным. «Непознаваемое» же — нечто, не поддающееся ни осмыслению, ни осознанию. Непознаваемое никогда не перейдет в разряд известного, но тем не менее, оно всегда где-то рядом. Оно захватывает и восхищает своим великолепием, и в то же время его грандиозность и безграничность повергает в смертельный ужас.

* * *

Мы воспринимаем. Это — точно установленный факт. Но то, что именно мы воспринимаем, не относится к числу фактов, столь же однозначно установленных. Ибо мы обучаемся тому, что и как воспринимать.

* * *

Воины утверждают, что мир объектов существует лишь постольку, поскольку таким его делает наше осознание. В реальности же есть лишь эманации Орла — текучие, вечно меняющиеся, и в то же время неизменные, вечные.

* * *

Глубочайший изъян незакаленных воинов заключается в том, то они стремятся забыть о чудесности того, что они видят. Их потрясает сам факт того, что они видят, и они начинают верить, что все дело в их собственной гениальности. Чтобы одолеть почти непобедимую вялость человеческого состояния, закаленный воин должен быть безукоризненным. То, что воины делают с тем, что видят, намного важнее самого видения.

* * *

Страх — одна из величайших сил в жизни воинов, потому что он заставляет их учиться.

* * *

Все живые существа стремятся к смерти. Это — истина, в которой воин не может не отдавать себе отчета. Осознание же останавливает смерть.

* * *

Неизвестное неизменно присутствует здесь и сейчас, однако оно находится за пределами возможностей нашего нормального осознания. Для обычного человека неизвестное является как бы ненужной, лишней частью его осознания. Таковым оно становится потому, что обычный человек не обладает количеством свободной энергии, достаточным, чтобы отследить и уловить эту часть самого себя.

* * *

Величайшим недостатком человеческих существ является невозможность отрешиться от рассудочной инвентаризации. Но разум не способен рассматривать человека как энергию. Разум имеет дело с инструментами, создающими энергию. Однако он никогда всерьез не задумывается над тем, что мы — нечто большее, чем инструменты. Мы — организмы, производящие энергию. Мы — пузыри энергии.

* * *

Воины, целенаправленно достигшие состояния абсолютного осознания, — зрелище, в высшей степени достойное созерцания. В этот момент они сгорают в огне, возникающем изнутри. Да, изнутри приходит огонь и поглощает их. И тогда воины, достигшие полного осознания, сливаются с большими эманациями Орла и скрываются в вечности.

* * *

Стоит достичь внутреннего безмолвия — и все становится возможным. Внутренний диалог останавливается за счет того же, за счет чего начинается: за счет действия воли. Ведь начать внутренний разговор с самими собой мы вынуждены под давлением тех, кто нас учит. Когда они учат нас, они задействуют свою волю без сомнений и колебаний. И мы задействуем свою в процессе обучения. Просто ни они, ни мы не отдаем себе в этом отчета. Обучаясь говорить с самими собой, мы обучаемся управлять волей. Это наша воля — разговаривать с самими собой. И, чтобы прекратить внутренние

разговоры, нам следует воспользоваться тем же самым способом: приложить к этому волю без сомнений и колебаний.

* * *

Безупречность начинается с какого-нибудь простого действия, которое должно быть целенаправленным, точным и осуществляемым с непреклонностью. Повторяя такое действие достаточно долго, человек обретает несгибаемое намерение. А несгибаемое намерение может быть приложено к чему угодно. И как только оно достигнуто — путь свободен. Каждый шаг повлечет за собой следующий, и так будет до тех пор, пока весь потенциал воина не будет полностью реализован.

* * *

Истинная тайна осознания переполняет нас. Эта тайна сочится сквозь все наши поры, мы буквально насквозь пропитаны тьмой и чем-то еще — невыразимым и необъяснимым. И относиться к самим себе по-иному — безумие. Поэтому не следует стараться закрывать глаза на тайну внутри себя, пытаясь втиснуть ее в рамки здравого смысла или чувствуя к себе жалость.

* * *

Понимание бывает двух видов. Первый — просто болтовня, вспышки эмоций и ничего более. Второй — результат сдвига точки сборки. Этот вид понимания совмещается не с эмоциональными выбросами, но с действием. Эмоциональное осознание приходит годы спустя, когда воин закрепил новую позицию точки сборки многократным ее использованием.

* * *

Воин всегда живет бок о бок со смертью. Воин знает, что смерть — всегда рядом, и из этого знания черпает мужество для встречи с чем угодно. Смерть — худшее из всего, что может с нами случиться. Но поскольку смерть — наша

судьба и она неизбежна, мы — свободны. Тому, кто все потерял, нечего бояться.

* * *

Воин не отправляется в неизвестное, побуждаемый алчностью. Алчность работает только в мире обычной жизни. Но чтобы в леденящем душу одиночестве пуститься в странствие по немыслимым пространствам иных миров, требуется нечто повнушительнее алчности. Любовь. Нужна любовь к жизни, к авантюре, к тайне. Нужно обладать неиссякаемой любознательностью и огромной смелостью.

* * *

Воин думает только о тайне осознания, ибо только это имеет значение. Мы — живые существа, и смерть — наш удел, а осознание свое мы обязаны сдать туда, откуда оно получено. Но если нам удастся хоть чуть-чуть все это изменить, то какие тайны, должно быть, нас ожидают! Какие тайны!

Комментарии

Книга «Огонь изнутри» стала еще одним окончательным следствием влияния Флоринды Матус на мою жизнь. На этот раз она предложила мне сосредоточиться на учителе дона Хуана, нагвале Хулиане. И сама Флоринда, и моя внимательная сосредоточенность на этом человеке открыли мне, что нагваль Хулиан Осорио был довольно неплохим актером, и не просто актером, а достаточно распущенным человеком, озабоченным исключительно совращением женщин — самых разных женщин, с которыми он общался во время своих театральных представлений. Он был таким беспутным, что в конце концов подорвал себе здоровье и заболел туберкулезом.

Однажды его учитель, нагваль Элиас, нашел его на каком-то открытом поле на окраине города Дуранго, когда он соблазнял дочь одного богатого землевладельца. От старания у актера началось кровотечение, которое вскоре стало таким сильным, что он оказался на грани смерти. Флоринда сказала, что нагваль Элиас видел, что он никак не может помочь актеру. Вылечить его было просто невозможно, и единственное, что мог сделать Элиас как нагваль, — остановить кровотечение. После этого он счел необходимым сделать актеру одно предложение.

— В пять утра я ухожу в горы, — сказал он. — Встретимся у выхода из города. Приходи. Если ты не придешь, то умрешь намного раньше, чем тебе кажется. Единственное спасение для тебя — пойти со мной. Я никогда не смогу вылечить тебя, но могу изменить направление твоего неуклонного движения к той бездне, что отмечает завершение жизни. Я уведу тебя очень далеко от этой бездны — либо налево, либо направо от нее. Ты будешь жить, пока не свалишься в нее. Ты никогда не выздоровеешь, но жить будешь.

Нагваль Элиас не питал особых надежд в отношении этого актера — ленивого, неопрятного, индульгирующего и, возможно, даже трусливого. Поэтому он был удивлен, когда на следующий день, в пять утра, увидел, что актер дожидается его на краю города. Он взял его с собой в горы, и со временем этот актер стал нагвалем Хулианом — туберкулезником, который так и не выздоровел, но, судя по всему, прожил целых 107 лет, прохаживаясь вдоль самого края пропасти.

— Разумеется, для тебя важнее всего наблюдать за тем, как нагваль Хулиан идет вдоль края бездны, — сказала мне однажды Флоринда. — Нагваль Хуан Матус никогда этим не интересовался. Для него все это было просто излишним. Но ты не так талантлив, как нагваль Хуан Матус. Для тебя как для воина не может быть ничего лишнего. Ты должен добиться того, чтобы мысли, чувства и представления шаманов Древней Мексики беспрепятственно достигали тебя.

Флоринда была права. У меня не было способностей нагваля Хуана Матуса. Как она и утверждала, ничто не могло оказаться для меня излишним. Я нуждался во всех вспомогательных приспособлениях, в любых тонкостях. Я не мог позволить себе упустить какую-либо точку зрения или идею шаманов

Древней Мексики, какими бы далекими они мне ни казались.

Наблюдение за прогулкой нагваля Хулиана по краю бездны означало, что моя способность сосредоточивать свое вспоминание могла быть расширена до тех ощущений, которые испытывал сам нагваль Хулиан в отношении своей самой необычной борьбы за то, чтобы остаться в живых. Я был до мозга костей поражен пониманием того, что борьба этого человека была ежесекундным сражением между его ужасающими привычками к индульгированию и необычайной чувственностью, с одной стороны, и твердым желанием выжить — с другой. Его сражения были не единичными; это была непрестанная, дисциплинированная борьба за сохранение равновесия. Путь по краю бездны означал битву воина, доведенную до того уровня, когда значение имеет каждое мгновение. Один-единственный миг слабости мог привести к падению нагваля Хулиана в эту бездну.

Впрочем, такое напряжение слабело, если он удерживал свой взгляд, свое внимание, свою озабоченность сосредоточенными на том, что Флоринда назвала «краем бездны». Что бы он ни видел там, оно не могло выглядеть настолько же безнадежным, как то, что происходило, когда им начинали овладевать застарелые привычки. Когда я наблюдал за нагвалем Хулианом в такие мгновения, мне казалось, что я перепросматриваю совершенно иного человека — человека более спокойного, отрешенного и собранного.

Важнейшие понятия из «Силы безмолвия»

* * *

Нельзя сказать, что с течением времени воин обучается шаманизму, — скорее, с течением времени он учится сохранять энергию. Эта энергия дает ему возможность использовать энергетические поля, которые не участвуют в

восприятии известного нам повседневного мира. Шаманизм — это состояние осознанности, умение использовать те энергетические поля, которые не вовлечены в восприятие знакомого нам мира повседневной жизни.

* * *

Во Вселенной существует неизмеримая, неописуемая сила, которую шаманы называют намерением, и абсолютно все, что существует во Вселенной, соединено с намерением связующим звеном. Воины пытаются понять и использовать связующее звено. Особенно они заботятся об очищении его от парализующего влияния каждодневных забот обычной жизни. Шаманизм на этом уровне может быть определен как процесс очистки нашего связующего звена с намерением.

* * *

Шаманы имеют жизненно важную связь со своим прошлым, но не с их личным прошлым. Для шаманов их прошлое заключается в делах, которые совершили другие шаманы. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но он делает это из личных соображений. Шаманы в таком случае заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы установить точку отсчета, что для них означает очистить свое связующее звено с намерением.

* * *

Обычный человек тоже исследует прошлое. Но он соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени. Делает он это для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем. Или для того, чтобы найти для себя модель.

* * *

Дух проявляет себя воину на каждом повороте. Но это еще не вся истина. На

самом деле дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но на взаимодействие с ним настроены только воины.

* * *

Воины говорят о шаманизме как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель, воины живут под крылом этой птицы, которую они называю птицей мудрости, птицей свободы, они питают ее своей преданностью и безупречностью. Воины знают; полет птицы свободы — это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться, и птица свободы может сделать только две вещи; взять воина с собой или оставить его позади.

* * *

Для воина дух есть абстрактное просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть абстрактное, потому что воин не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, он оперирует им. Воин узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

* * *

У обычного человека связующее звено с намерением практически мертво, и воины начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным из-за своей неспособности действовать самостоятельно. Для того чтобы оживить это звено, воину необходима непоколебимая, неистовая целеустремленность — особое состояние ума, называемое несгибаемым намерением.

* * *

Сила человека безгранична, и смерть существует лишь потому, что мы

намерены умереть с момента нашего рождения. Намеревание смерти можно остановить при помощи изменения позиции точки сборки.

* * *

Искусство сталкинга требует обучения мельчайшим деталям маскировки. И обучиться им следует так хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что вы маскируетесь. Для этого необходимо быть безжалостным, искусным, терпеливым и мягким. Но безжалостность не должна быть жестокостью, ловкость — коварством, терпение — равнодушием и мягкость — глупостью.

* * *

Хотя действия воинов и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради духа.

* * *

Древние видящие благодаря своему видению первыми заметили, что любое необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и разумно направлять такое поведение, то в конечном счете, это заставляет точку сборки сдвигаться.

* * *

Безмолвное знание — это не что иное, как прямой контакт с намерением.

* * *

Шаманизм — это путешествие с целью возвращения. Воин, одержав победу,

возвращается к духу, спускаясь при этом в ад. И из ада он приносит трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

* * *

Воины, будучи сталкерами, в совершенстве понимают человеческое поведение. Они понимают, например, что человеческие существа являются плодом инвентарного списка. Знание того или иного особого инвентарного списка делает человека или подмастерьем, или экспертом в своей области.

* * *

Воины знают о том, что, если инвентарный список среднего человека начинает разрушаться, такой человек расширяет его, или же его собственный мир саморефлексии рушится. Обычно человек стремится включить в свой инвентарный список новые темы, если они не противоречат основополагающему порядку этой описи. Однако если темы противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентарный список — это разум. И воины учитывают это, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

* * *

Воины никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это — именно им придется выстроить такой мост, который связал бы их с воинами.

* * *

Чтобы таинства шаманизма стали доступными какому-либо человеку, на такого заинтересованного человека должен обрушиться дух. Самим своим присутствием дух перемещает точку сборки человека в определенное положение. Именно это положение известно шаманам как место без жалости.

* * *

Не существует реальной процедуры, чтобы заставить точку сборки переместиться в место без жалости. Дух касается человека, и его точка сборки сдвигается. Это единственная возможность.

* * *

Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами, — это изгнать из нашего ума сомнения. Как только сомнения изгнаны, — становится возможным все что угодно.

* * *

Человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что воины, вместо того чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

* * *

Все, что делают воины, является следствием движения их точки сборки. И такие сдвиги зависят лишь от количества энергии, имеющейся в их распоряжении.

* * *

Любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Шаманы полагают, что именно позиция точки сборки является причиной убийственной эгоистичности современного человека, совершенно поглощенного своим образом себя. Потеряв надежду когда-нибудь вернуться к источнику всего, человек искал утешения в своей личности. Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым образ себя. Итак, с

уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения в той или иной степени приводит человека к избавлению от саморефлексии и сопутствующего ей чувства собственной важности.

* * *

Главной задачей на пути воина является уничтожение чувства собственной важности. Все, что делают воины, направлено на достижение этой цели.

* * *

Шаманы разоблачили чувство собственной важности и установили, что оно есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

* * *

В мире повседневной жизни человек может очень легко изменить слово или решение. Единственная неотменяемая вещь в обычном мире — это смерть. С другой стороны, в мире шаманов можно отменить обычную смерть, но не слово воинов. В мире шаманов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

* * *

Одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией. Именно глупость заставляет обычного человека отвергать все, что не согласуется с его рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и факт, что ее можно сдвигать.

* * *

Непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживаться образа себя — это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что шаманизм — это не заклинания, не магические формулы, не фокус-покус, но свобода восприятия не только повседневного мира, но и любого другого, доступного человеческому существу. Вот где глупость обычного человека наиболее опасна. Он дрожит при мысли о необходимости свободы. А ведь она рядом, она в кончиках его пальцев.

* * *

Все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему воины говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас более чем когда бы то ни было нуждаются в обучении новым идеям, которые касались бы их внутреннего мира, — идеям шаманов, а не социальным идеям, — идеям, ставящим человека перед лицом неизвестного, перед лицом его личной смерти. Сейчас более чем когда бы то ни было мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

* * *

Дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения — это действия истинной непринужденности, действия величественности, юмора. В качестве жестов духа маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному.

Комментарии

* * *

Моя последняя книга о доне Хуане получила название «Сила безмолвия» — его выбрал мой редактор; я сам назвал бы ее «Внутреннее безмолвие». В то время, когда я работал над этой книгой, взгляды шаманов Древней Мексики стали для меня совершенно абстрактными. Флоринда изо всех сил пыталась воспрепятствовать моему погружению в абстрактное. Она старалась перенести мое внимание к другим аспектам техник древних шаманов или просто отвлечь меня потрясениями, вызванными ее скандальным поведением. Однако ничто не смогло отвратить меня от этой тяги, которая казалась непреодолимой.

* * *

«Сила безмолвия» представляет собой интеллектуальный обзор мышления шаманов Древней Мексики в его наиболее абстрактной форме. Когда я в одиночестве трудился над этой книгой, меня заразили настрой этих людей и их стремление к большим познаниям, проявляющееся в некоем рациональном методе. Флоринда пояснила, что в конце концов эти шаманы стали чрезвычайно хладнокровными и отстраненными. Для них уже не существовало ничего теплого. Они были целиком погружены в свой поиск, и такая человеческая холодность была попыткой согласовать себя с холодом бесконечности. Они успешно изменили свое человеческое зрение, чтобы оно начало соответствовать прохладным глазам непознанного.

* * *

Я ощутил это на собственном опыте и отчаянно пытался изменить ход событий. До сих пор мне это не удалось. Мои мысли становились все больше похожими на мысли тех людей ко времени завершения их поиска. Это не означает, что я потерял способность смеяться. Совсем наоборот — вся моя жизнь превратилась в бесконечную радость, но одновременно стала и бесконечным, беспощадным поиском. Скоро Бесконечность поглотит меня, и я хочу подготовиться к этому. Мне не хочется, чтобы бесконечность растворила

меня и обратила в ничто, так как у меня по-прежнему остались человеческие желания, теплые привязанности и любовь, какими бы туманными они ни были. Больше всего на свете мне хочется стать похожим на тех людей. Я никогда не знал их. Единственными шаманами, с которыми я был знаком, были дон Хуан и его когорта, но то, как они выражали себя, было невероятно далеким от той холодности, какую я интуитивно ощущаю в тех незнакомых мне людях.

* * *

Благодаря тому влиянию, которое оказала на мою жизнь Флоринда, я добился блестящих успехов в искусстве сосредоточивать свое непоколебимое внимание на настрое тех людей, которых никогда не знал. Я сосредоточивал внимание своего перепросмотра на настрое этих шаманов и оказался в его ловушке без какой-либо надежды когда-нибудь высвободиться из этих объятий. Флоринда не верила в то, что мое состояние уже стало необратимым. Она подшучивала надо мной и открыто смеялась над этим.

* * *

Твое состояние только кажется неизменным, — говорила она, — но это не так. Наступит такой момент, когда ты сменишь место действия. Возможно, ты отбросишь все мысли о шаманах Древней Мексики. Не исключено, что ты отбросишь мысли и взгляды в отношении даже тех шаманов, рядом с которыми ты трудился, — например, в отношении нагваля Хуана Матуса. Ты можешь отказать ему в существовании. Посмотрим. У воина нет никаких ограничений. Его ощущение импровизации является таким острым, что он может создавать мысленные концепции из ничего, однако это не просто пустые построения, но скорее нечто действенное, прагматичное. Посмотрим. Это не значит, что ты просто забудешь об этом, просто однажды, перед тем, как ты нырнешь в бездну — если наберешься дерзости пройти по ее краю, если будешь достаточно смел, чтобы не отклониться на пути, — ты придешь к присущим воинам выводам об упорядоченности и уравновешенности, бесконечно более достойным тебя, чем навязчивые идеи о шаманах Древней Мексики. Слова Флоринды стали чем-то вроде прелестного и вселяющего надежду пророчества. Возможно, она была права. И разумеется, она была права, когда утверждаема, что возможности воина неисчерпаемы. Вот только

для того, чтобы я перешел к иначе упорядоченному взгляду на мир и на самого себя, к более подходящей для моего характера точке зрения, мне придется пройти по краю бездны — а я сомневаюсь в том, что у меня хватит дерзости и силы на такой подвиг.

Впрочем, кто знает?

notes

1

В своей последней книге «Колесо времени» К. К. стал называть это знание сибирским термином «шаманизм». — См. «Колесо времени», «София», Киев, 1998. — Прим. ред.

2

В восьмой книге К. К. понятие «power» — «Сила» заменено понятием «spirit» — «дух».(Здесь и далее прим. перев.)

3

«Assemblage point» (англ.).

4

«Abstract core» (англ.).

5

Knock — стук, удар, толчок, стучать, толкать и т. д. — переводится в зависимости от контекста как «толчок» или «стук», «толкать» или «стучать» (англ.).

6

The tenant — владелец, обитатель, арендатор (англ.).

7

Sobriety — трезвость, умеренность (англ.).

8

Cunning — хитрый, коварный, умелый, ловкий, прелестный, искусный (англ.).

9

Recollection — (здесь) «вспоминание» — в отличие от «remembering» — «воспоминание» (англ.).

10

Descent — спуск, падение, внезапное падение, обрушивание и т. д. (англ.).

11

The somersault — сальто, кувырок, резкая перемена (англ.).

12

Yo-yo — игрушка — мячик или чертик на резинке (англ.).

13

Recapitulation (англ.).

14

Sobriety — трезвость, собранность, уравновешенность и т. д. (англ.).

15

Concern — беспокойство, тревога, важность, забота и т. д. (англ.).

16

UCLA — Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (англ.).

17

The two one-way bridges (англ.).